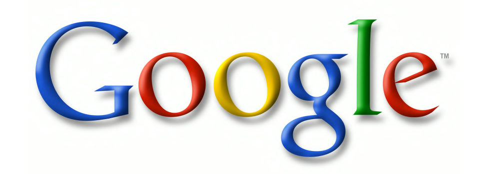
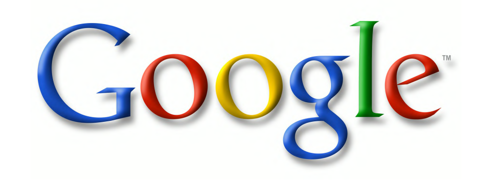




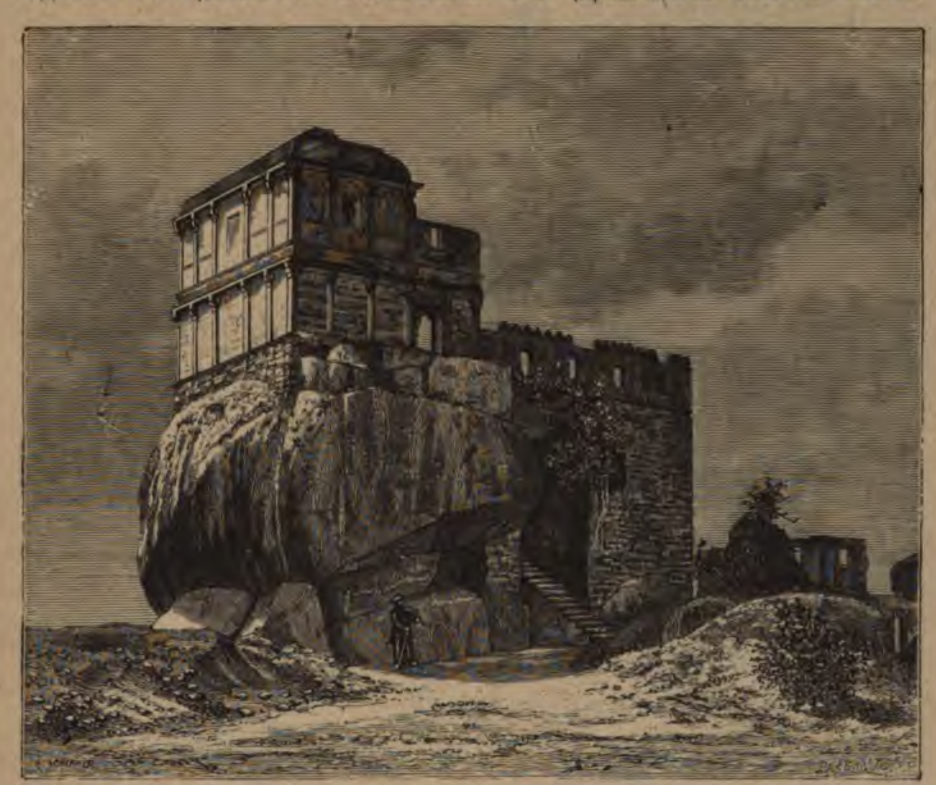
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.



КНИГА ПЯТАЯ

Томъ 8 и 9.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА" И К°.

Большая Подъяческая, № 39

1899.

Рисунки дозволены цензурою.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяческая, № 39.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ VIII.

Индія и Индо-Китай.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова**,

дѣйствительнаго члена императорскаго географическаго общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.

Оглавленіе пятой книги.

Томъ VIII.

ИНДІЯ И ИНДО-КИТАЙ.

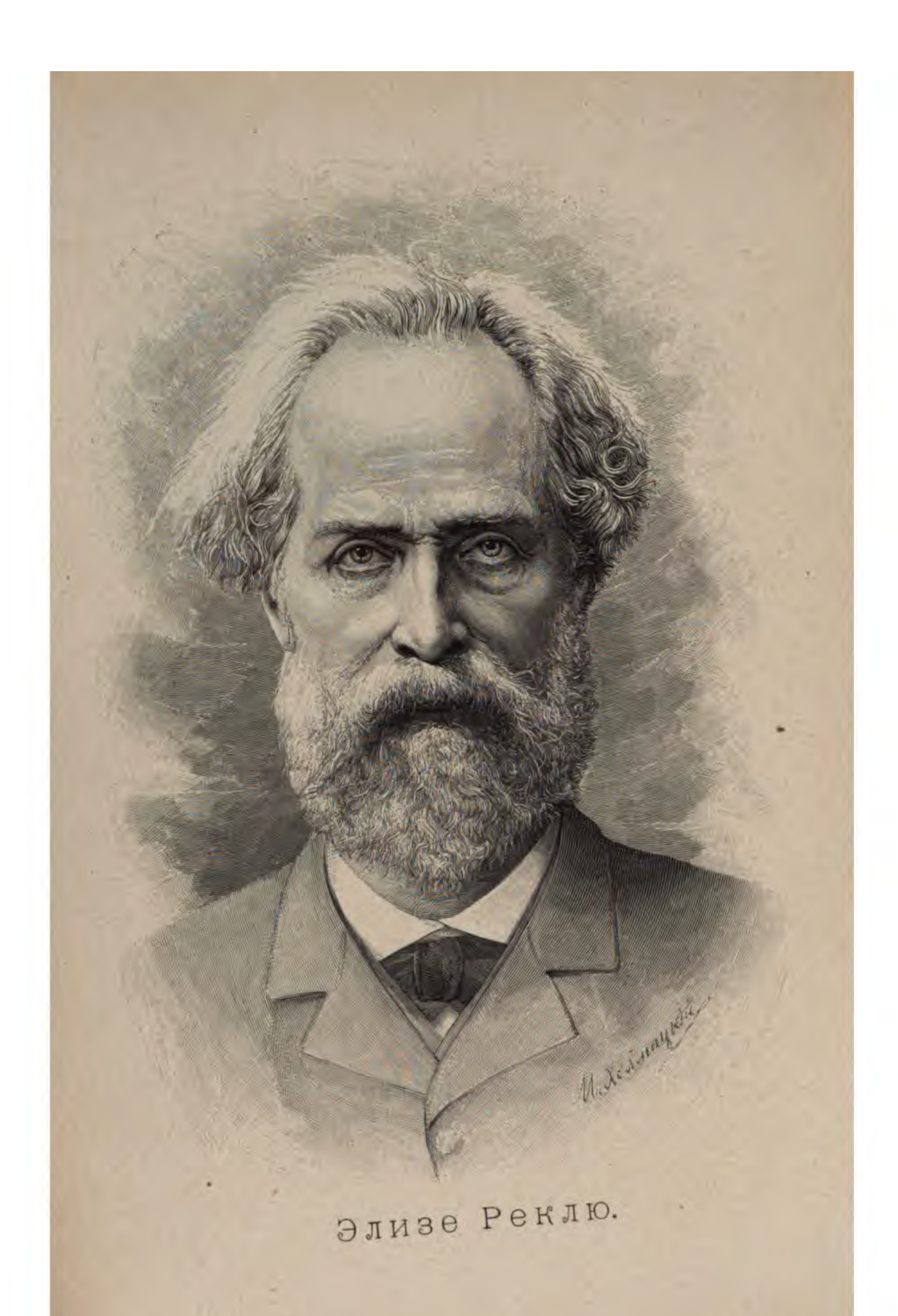
ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

Томъ IX.

ПЕРЕДНЯЯ АЗІЯ: АФГАНИСТАНЪ, БЕЛУДЖИСТАНЪ, ПЕРСІЯ, АЗІАТСКАЯ ТУРЦІЯ И АРАВІЯ.



Элизе Реклю.

ИНДІЯ И ИНДО-КИТАЙ.

Глава I

Общій взглядъ.

«Индія» — одно изъ тѣхъ географическихъ именъ, которыя имѣли много различныхъ значеній въ теченіе вѣковъ. Сначала оно примѣнялось только къ той области, по которой протекаетъ, по выходѣ изъ горныхъ ущелій, рѣка Синду, извѣстная у западныхъ народовъ подъ названіемъ Инда, а потомъ его распространили послѣдовательно на всѣ восточныя страны, которыя посѣтили или о которыхъ слышали древніе. Къ бассейну Синда прибавился, какъ часть Индіи, бассейнъ Ганга; полуостровъ Декана, затѣмъ восточныя земли, лежащія по ту сторону Ганга, тоже получили это общее наименованіе. Острова, разсѣянные на юго-востокѣ азіатскаго континента, также были причислены къ индійской области, равно какъ всѣ отдаленные архипелаги Малезіи, гдѣ арабы опередили европейцевъ въ своихъ торговыхъ экспедиціяхъ. У средневѣковыхъ писателей Индія заключала въ себѣ также Аравію и Эѳіопію; въ ихъ воображеніи она обнимала всѣ «земли Солнца», то-есть страны Востока и Юга, рѣзко отличающіяся своими произведеніями и климатомъ отъ областей умѣреннаго пояса [1]). Наконецъ, когда Христофоръ Колумбъ поплылъ на западъ, чтобы отыскать крайнюю Азію съ другой стороны нашей планеты, острова и другіе континентальные берега, открытые испанцами въ Новомъ Свѣтѣ, были, естественно, названы великимъ мореплавателемъ именемъ тѣхъ земель, къ которымъ, какъ онъ полагалъ, пристали его корабли. Новая «Индія», то-есть Антильскіе острова и сосѣдняя Твердая земля (Costa ferma), сохранила названіе, данное ей Колумбомъ; по крайней мѣрѣ, для отличія отъ восточной, или Остъ-Индіи, ее называютъ западной, или Вестъ-Индіей, тогда какъ, по прискорбной географической сбивчивости понятій, первобытныя племена Америки все еще обозначаются именемъ «индѣйцевъ», принадлежащимъ съ гораздо бо̀льшимъ правомъ жителямъ полуострова по сю сторону Ганга. Географическое выраженіе «Индія» получило, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую точность. но если это имя примѣняется въ тѣсномъ значеніи къ двумъ восточнымъ полуостровамъ Южной Азіи, то оно обнимаетъ также, въ болѣе общемъ смыслѣ, архипелаги, простирающіеся на юго-востокъ по направленію къ Австраліи, между Японскимъ моремъ и Индійскимъ океаномъ [1]). Исключая тѣ случаи, гдѣ окажется нужнымъ изложить общія соображенія, относящіяся къ сравнительной географіи, настоящій томъ будетъ трактовать только о континентальной Индіи и объ островахъ, непосредственно къ ней принадлежащихъ.

Во многихъ отношеніяхъ Восточная Индія представляетъ страну, гдѣ картины природы имѣютъ наиболѣе грандіозный характеръ. На сѣ-

[1]) Chr. Lassen, „Indische Alterthumskunde“.

[1]) Carl Ritter „Asien“; Alfred R. Wallace „The Malay Archipelago.

верѣ равнинъ Инда и Ганга высятся громады горъ самыхъ высокихъ на нашей планетѣ, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ мы не увидимъ, чтобы продолжался на болѣе обширныхъ пространствахъ контрастъ блистающихъ своими снѣжными вершинами величественныхъ пиковъ съ однообразнымъ моремъ зелени, подъ которымъ исчезаютъ нижнія выпуклости рельефа почвы. По ту сторону сѣвернаго ската Гималайскаго хребта тянутся одна за другой безводныя, лишенныя растительности, пустыни на массивѣ тибетскихъ плоскогорій, прерываемыя тамъ и сямъ глубокими впадинами или долинами, гдѣ текутъ ручьи, гдѣ пріютились деревья и люди; на полуденномъ склонѣ, напротивъ, земля понижается уступами до равнинъ, обильно орошаемыхъ и необыкновенно богатыхъ органическою жизнью. Внутри гористой области открываются, въ видѣ обширныхъ цирковъ, роскошныя долины, какъ, напримѣръ, Кашмирская,— долины, въ которыхъ народное воображеніе видѣло земной рай, гдѣ жило человѣчество во времена своего золотаго вѣка, и которыя, дѣйствительно, представляютъ благословенныя мѣстности, почти неимѣющія равныхъ себѣ по здоровости климата, плодородію почвы, прелести и великолѣпію пейзажей, отражающихся въ зеркальной поверхности озеръ и текущихъ водъ, наконецъ, по блеску неба, которое развернулось исполинскимъ куполомъ надъ амфитеатромъ снѣговыхъ горъ. На другой оконечности Восточной Индіи, въ архипелагахъ, принадлежащихъ къ Азіи, могущество творческихъ силъ обнаруживается явленіями инаго рода. Тамъ большія горы не проникаютъ въ высшія пространства атмосферы, гдѣ влажность падаетъ всегда въ состояніи снѣжныхъ кристалловъ, но онѣ поднимаются надъ очагами вѣчно кипящей лавы, которые продолжаются на тысячи верстъ; ни въ какой другой странѣ вулканическіе конусы, окруженные поясами зелени, не слѣдуютъ одинъ за другимъ съ такою правильностью на разсѣлинахъ почвы. Тамъ твердыя лавы, на которыхъ не можетъ произрастать ни одно растеніе, широкія площади грязи, пропасти, откуда съ шумомъ вырывается паръ, безмолвные цирки, или котловины, наполненныя негоднымъ для дыханія воздухомъ, составляютъ рѣзкій контрастъ съ лѣсами самой могучей растительности, гдѣ деревья переплетаются стволами и вѣтвями, переполненными растительнымъ сокомъ, который превращается въ камедь, въ ароматическія вещества, въ яды. Было время, когда вулканическія явленія, подобныя наблюдаемымъ нынѣ на Зондскихъ островахъ или даже превосходившія ихъ по силѣ дѣйствія, происходили также и въ собственной Индіи. Груды лавы, разсѣянныя во множествѣ на плоскихъ возвышенностяхъ Декана, свидѣтельствуютъ о чрезвычайно сильной дѣятельности, которую нѣкогда проявляли подземные вулканическіе очаги полуострова; но въ настоящее время почва континентальной Индіи находится въ состояніи покоя и обнаруживаетъ лишь вѣковыя колебанія, подобныя тѣмъ, какія испытываютъ всѣ берега материковъ. Въ равнинахъ Конкана, къ востоку отъ Бомбея, еще видны кое-гдѣ эруптивныя жерла [1]); но на деканскихъ земляхъ теперь существуетъ только одна кратерообразная котловина, та, которую наполняетъ на половину озеро Лунаръ, и гдѣ не замѣтно никакихъ слѣдовъ изверженія лавы. Единственный, бывшій въ недавнее время, вулканическій взрывъ, если онъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, произошелъ въ морѣ, верстахъ въ пятнадцати отъ береговъ Пондишери. На полуостровѣ по ту сторону Ганга, правда, найдены конусы изъ лавы съ правильнымъ кратеромъ, какъ, напримѣръ, Паппа-лунгъ, къ юго-востоку отъ Пазана, недалеко отъ р. Иравадди; но эти вулканы погасли еще во время міоценовой эпохи. Единственныя изверженія, о которыхъ разсказываетъ исторія, — это изверженія многочисленныхъ грязевыхъ вулкановъ, находящихся на островахъ Рамри, Чедуба и на сосѣднемъ материкѣ, отъ Джиттатонга до устьевъ Иравадди [2]). Нѣкоторые островки, лежащіе къ востоку отъ Андаманскихъ и которые могутъ быть разсматриваемы какъ гребень подводной горной цѣпи, параллельной этой группѣ, Барренъ-Айлендъ и Наркандамъ, извергаютъ по временамъ пепелъ и лаву.

Подъ небомъ Индіи атмосферныя явленія отличаются бо́льшею силой и буйностью, чѣмъ гдѣ-либо. Отъ холодныхъ плоскогорій Тибета до знойныхъ береговъ полуострововъ и отъ береговъ Индійскаго океана до береговъ Китайскаго моря, разности температуры, степени влажности воздуха, атмосфернаго давленія, напряженности электричества бываютъ иногда столь значительны, что правильная перемѣна вѣтровъ недостаточна для возстановленія равновѣсія; разражаются ураганы, не менѣе сильные, чѣмъ ураганы Антильскихъ и Маскаренскихъ острововъ, но болѣе страшные по производимымъ ими опустошеніямъ, такъ какъ они проходятъ надъ мѣстностями, болѣе богатыми и болѣе населенными; часто путь индійскаго урагана былъ отмѣченъ разрушеніемъ городовъ, гдѣ цѣлыя населенія были погребены подъ развалинами зданій. Хотя омываемый океаномъ, западный полуостровъ Индіи имѣетъ, однако, свои пустыни, но на скаты его горъ льются наиболѣе обильные дожди, какіе только были гдѣ-либо измѣрены до сихъ поръ: въ иномъ округѣ Индустана выпадаетъ дождя,

[1]) Clark, „Records of the Geological Survey of India", vol. XIII, part 1, 1880.

[2]) Buist, „Volcanoes in India", Journal of the Geographical Society in Bombay", vol. X; R. Mallet, „Records of the Geological Survey of India", vol. XI, 1878.

среднимъ числомъ, въ двадцать разъ болѣе, чѣмъ на равной поверхности Франціи, имѣющей, сравнительно, сырой климатъ. Рѣки заключаютъ въ своихъ руслахъ жидкую массу, соразмѣрную обилію выпадающей дождевой воды; несмотря на относительно небольшую длину и узкій бассейнъ, индійскіе потоки, какъ, напримѣръ, Брахмапутра, могутъ быть поставлены на-ряду съ самыми могучими рѣками земнаго шара, и огромнымъ количествомъ своихъ наносовъ они способствуютъ быстрому измѣненію очертанія береговъ: хотя они изливаются въ океанъ съ приливами, такъ что отливъ дважды въ сутки прочищаетъ ихъ устья, тѣмъ не менѣе, однако, большая часть главныхъ рѣкъ Индіи и Индо-Китая выдвинула свои дельты на большія разстоянія въ море. Даже по рельефу морскаго дна и по явленіямъ, происходящимъ въ глубинахъ моря, Индія отличается отъ другихъ областей земли. Южныя моря, воды Антильскихъ и Багамскихъ острововъ имѣютъ свои коралловыя кольца, но никакой архипелагъ Мадрепоровыхъ острововъ не можетъ сравняться съ «десятью тысячами острововъ» Малдивскаго архипелага, замѣчательнаго необыкновенною правильностью своихъ кольцеобразныхъ рифовъ, состоящихъ изъ другихъ «атолловъ», которые, въ свою очередь, подраздѣляются на подводные камни точно такой же формы, едва выступающіе надъ поверхностью моря своими обломанными скалами.

Часть человѣчества, живущая въ Восточной Индіи и особенно въ собственно такъ-называемомъ Индустанѣ, есть одна изъ тѣхъ, которыя, по важности своей исторической роли, начиная съ первыхъ временъ цивилизаціи, могутъ оспаривать первое мѣсто у народовъ запада. Уже самая численность обезпечиваетъ ей видное мѣсто между группами націй, такъ какъ болѣе одной пятой человѣческаго рода, слишкомъ 300 милліоновъ людей, скучено на двухъ полуостровахъ, отъ устьевъ Инда до Сингапурскаго пролива; слѣдовательно, обитатели этихъ странъ въ четыре или въ пять разъ болѣе сближены другъ съ другомъ, чѣмъ жители остальной земли, и въ нѣкоторыхъ, особенно счастливыхъ въ этомъ отношеніи областяхъ, каковы, напримѣръ, равнины Ауда и Бенгаліи, земля населена такимъ большимъ числомъ людей, какого не встрѣтишь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, за исключеніемъ большихъ городовъ. Правда, значеніе и дѣла націй измѣряются не густотой ихъ населенности; но именно между общими предками нынѣшнихъ индусовъ и ихъ сосѣдей на сѣверномъ склонѣ Гинду-куша историки отыскали, между первыми воспитателями цивилизованнаго человѣчества, тѣхъ, которые всего болѣе приближаются къ западнымъ народамъ по языку и генію и которые оставили намъ въ наиболѣе чистомъ состояніи начатки нашей первобытной образованности.

Еще въ прошломъ столѣтіи ученые, задавшіеся цѣлью отыскать начало и происхожденіе европейской культуры, обращали взоры преимущественно къ Греціи и Малой Азіи; они выпытывали также у древняго Египта и у Халдеи ихъ историческія тайны; но открытіе сокровищъ, которыми нынѣшній міръ обязанъ отдѣленнымъ отъ него длиннымъ рядомъ вѣковъ первобытнымъ человѣческимъ обществамъ Верхняго Пенджаба, принадлежитъ искателямъ недавнихъ и современныхъ намъ поколѣній. На разстояніи болѣе чѣмъ 3.000 лѣтъ почтенныя слова ведъ, произнесенныя ришіями, или «мудрецами», представляются людямъ нашихъ дней какъ бы пѣснями ихъ дѣтства: имъ кажется, какъ будто они слышали ихъ въ колыбели, повторяли ихъ въ сновидѣніи, въ грезахъ,— до такой степени они вызываютъ въ ихъ умѣ знакомыя впечатлѣнія; они какъ будто узнаютъ глубоко запечатлѣнную память ихъ собственнаго прошлаго въ исторіи этого общества отдаленныхъ временъ. Культъ ведическихъ племенъ, поселившихся на берегахъ «Семи рѣкъ», тотъ же самый, который ребенокъ воспроизводитъ инстинктивно, трепеща передъ грозой, взывая, словно къ божеству, къ солнцу и дождю, олицетворяя всѣ предметы природы, деревья, ручьи и облака. Простые миѳы этой первобытной религіи арійскихъ пахарей переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ культа въ культъ, и послѣ тысячи измѣненій, которымъ они подвергались вслѣдствіе примѣси различныхъ элементовъ, ихъ можно различить и теперь еще; даже имена древнихъ боговъ незабыты. Иная сказка, которую гдѣ-нибудь въ Тюрингіи, въ Абруццахъ или въ Лимузенѣ старая поселянка разсказываетъ въ длинные зимніе вечера, походитъ, какъ двѣ капли воды, на разсказы, которые можно услышать по вечерамъ въ хижинахъ Декана или Раджпутаны; отъ устья Меконга до мысовъ Финистерре Европы, тотъ или другой суевѣрный обрядъ всегда соблюдается крестьяниномъ въ важныхъ обстоятельствахъ его жизни, хотя первоначальный смыслъ этого обряда ему совершенно неизвѣстенъ.

И въ то время, какъ этотъ общій капиталъ, общій запасъ знаній сохранялся въ народномъ умѣ, отъ одного до другаго конца Стараго Свѣта, успѣхи, достигнутые въ высшихъ сферахъ мысли, у родственныхъ націй, раздѣленныхъ «индійскимъ Кавказомъ», шли путемъ соотвѣтственной эволюціи. Индусскіе философы затрогивали великія проблемы жизни съ такою же смѣлостью и такою же широтою взглядовъ, какъ это дѣлали позднѣе метафизики Греціи и западныхъ странъ; въ то же время рапсоды воспѣвали дѣянія героевъ, и мало-по-малу образовались дивныя эпопеи, отдаленный отголосокъ которыхъ мы

*

находимъ въ Иліадѣ; басни и сказки обратили въ пословицу «мудрость Индіи»; появилась драма, смѣшанная въ началѣ съ гимнами храмовъ, и вскорѣ стала развиваться съ полною свободой, чтобы достигнуть такой силы чувства и выраженія, которая никогда не была превзойдена. Да и самый языкъ, на которомъ были написаны эти чудныя творенія, не связанъ ли онъ самымъ близкимъ родствомъ съ «арійскими» языками, которые постепенно получили преобладаніе въ Европѣ, и которыми въ Новомъ Свѣтѣ и въ Австраліи говоритъ теперь болѣе ста милліоновъ человѣкъ? Между флексивными языками есть ли болѣе богатые, болѣе гибкіе, болѣе звучные, чѣмъ этотъ прекрасный санскритъ, гдѣ филологи, страстно изучающіе его, отыскиваютъ съ радостью корни и первобытныя формы ихъ собственныхъ европейскихъ языковъ? Черезъ рѣчь, то-есть черезъ живую, воплотившуюся въ словѣ мысль, многіе народы дошли до познанія своего истиннаго родства. Индія—родная сестра Европы; съ тѣхъ поръ какъ она была, такъ сказать, вновь открыта научной критикой, она доставила западнымъ изслѣдователямъ болѣе, чѣмъ всякая другая страна, элементы, которые позволили имъ признать и классифицировать три новыя науки: сравнительную филологію, сравнительную миѳологію и сравнительную юриспруденцію [1]). Не индусамъ ли также мы обязаны десятичной системой счисленія и употребленіемъ нуля? [2]). Исключая изобрѣтеніе финикійскаго письма, отъ котораго ведутъ свое происхожденіе какъ индійскіе алфавиты, такъ греческая и латинская азбуки, есть ли хоть одно открытіе, которое содѣйствовало бы болѣе, чѣмъ этотъ способъ нумераціи, успѣхамъ, достигнутымъ человѣчествомъ въ познаніи планеты и эксплоатаціи ея сокровищъ [3])?

Тѣмъ не менѣе, однако, «арійскій» міръ, который начинается на полуденномъ склонѣ Гинду-куша бассейномъ Инда, всегда оставался совершенно самобытнымъ, отличнымъ отъ родственныхъ націй запада. Индія совершенно отдѣлена, если не на сѣверо-востокѣ, со стороны Китая, то, по крайней мѣрѣ, на западѣ и на сѣверо-западѣ со стороны Персіи, безводными пространствами, дикими, необработанными плоскогорьями, высокими, покрытыми снѣгомъ горами. Эти географическія границы начертаны природой такъ рѣзко и опредѣленно, что онѣ не могли не сдѣлаться въ то же время и этнологическими границами, несмотря на экспедиціи завоевателей и временныя присоединенія земель: съ той и другой стороны различные родственные по языку народы слѣдовали въ своемъ историческомъ развитіи каждый своимъ отдѣльнымъ путемъ. Однако, пороги горныхъ цѣпей, черезъ которые арійскіе предки обоихъ склоновъ поддерживали взаимныя сношенія, не настолько высоки и не настолько завалены снѣгами, чтобы могло когда-либо прерываться сообщеніе между Восточной Индіей и Передней Азіей. Арміи и караваны знали дорогу черезъ Баміанскій перевалъ и другіе горные проходы Гинду-куша и умѣли спускаться къ равнинамъ Индіи историческимъ путемъ, проложеннымъ по берегамъ рѣки Кабулъ. Если народы Европы прерывали въ разныя времена сношенія, прямыя или косвенныя, съ Индустаномъ, то причиной тому были завоевательныя войны и нашествія, воздвигавшія преграду между двумя оконечностями арійскаго міра.

Въ своей совокупности, земли, извѣстныя подъ именемъ Восточной Индіи, не представляютъ географическаго цѣлаго, столь же опредѣленно ограниченнаго, какъ европейскій континентъ, и вслѣдствіе того, исторія не имѣетъ тамъ того же характера единства. Правда, Индія по сю сторону Ганга, разсматриваемая отдѣльно, есть одна изъ тѣхъ странъ, которыя отличаются наибольшею геометрическою точностью въ своихъ внѣшнихъ очертаніяхъ. Море и горы ограничиваютъ ее въ видѣ площади многоугольника, почти правильной; но Индія по ту сторону Ганга далеко не имѣетъ столь же опредѣленныхъ контуровъ на своихъ континентальныхъ границахъ. Напротивъ, горныя цѣпи и рѣчныя долины расположены тамъ такимъ образомъ, что отъ Барманіи [1]), Лаоса и Аннама до провинцій Срединной имперіи вездѣ находится поясъ постепеннаго перехода; какъ показываетъ самое имя «Индо-Китай», предложенное впервые Мальтъ-Бреномъ [2]) и общепринятое со временъ знаменитаго французскаго географа для юго-восточнаго полуострова Азіи, эта земля принадлежитъ какъ географически, такъ исторически, къ двумъ сосѣднимъ мірамъ. Что касается острововъ и архипелаговъ, то самая разбросанность ихъ среди морей дѣлаетъ изъ нихъ столько же отдѣльныхъ областей, особыхъ мірковъ, и нѣкоторые изъ этихъ острововъ рѣдко посѣщаются—или по причинѣ рифовъ, которыми они защищены, какъ неприступною стѣной, или по причинѣ вулканическихъ изверженій, которыя ихъ опустошаютъ, или, наконецъ, по причинѣ непроходимыхъ лѣсовъ, покрывающихъ ихъ поверхность. Даже на материкѣ многія мѣстности

---

[1]) H. Sumner Maine, „Effects of the observation of India on modern European thought"; Angelo de Gubernatis, „Memoria intorno a'viaggiatori Italiani nelle Indie Orientali".

[2]) Chézy et I. L. Burnouf, „Vajnadattabada"; Reinaud, „Mémoire sur l'Inde"; E. E. Thomas, „Ancient Indian Numerals".

[3]) Fr. Kopp, „Bilder und Schriften der Vorzeit"; Albrecht Weber, Indische Skizzen".

[1]) У Реклю и во многихъ другихъ французскихъ сочиненіяхъ одинаково пишется Бирманія и Барманія; мы здѣсь будемъ держаться оригинала Реклю, хотя на русскихъ картахъ пишется Бирманія. Ред.

[2]) „Géographie universelle", tome V.

Индіи усѣяны стоячими водами и покрыты джунглями, которые заставляютъ путешественниковъ дѣлать большіе обходы.

Раздѣленная такимъ образомъ на рѣзко обособленныя части, Восточная Индія не можетъ, понятно, сравниться съ Европой по объему историческаго движенія. Въ Индіи никогда не возникало имперіи, подобной, по размѣрамъ, колоссальному римскому міру, который обнималъ почти весь бассейнъ Средиземнаго моря и былъ ограниченъ на сѣверѣ только волнами Атлантическаго океана и обширными лѣсами Германіи, на югѣ только пустынями Африки. Хотя громадный «римскій міръ» распался, и Европа раздѣлена теперь на множество государствъ, иногда враждующихъ между собою, однако, націи почти всего европейскаго континента морально и интеллектуально достаточно близки другъ къ другу, чтобы считать себя происходящими отъ одной и той же расы, говорить языками одинаковаго происхожденія, черпать въ одномъ и томъ же источникѣ миѳовъ и идей, быть причастными общей цивилизаціи, мѣстныя уклоненія и различія которой уменьшаются съ каждымъ днемъ. Въ Индіи, напротивъ, расовыя отличія остались до настоящей минуты рѣзко выраженными; даже въ собственно такъ-называемомъ Индустанѣ существуетъ не менѣе пяти отдѣльныхъ расъ, вполнѣ разграниченныхъ одна отъ другой какъ наружнымъ видомъ, такъ нравами и языкомъ. Раса, имѣющая преобладающее вліяніе — раса «арійцевъ», чистые представители которой живутъ въ верхнемъ бассейнѣ Ганга, въ виду священныхъ горъ Джамнотри и Ганготри, заключаетъ въ себѣ, вѣроятно, не болѣе десяти милліоновъ индивидуумовъ, если принимать въ разсчетъ только тѣхъ ея представителей, которые носятъ имя брамановъ; но, несмотря на учрежденіе кастъ, которое, впрочемъ, возникло въ позднѣйшее время, послѣ эпохи нашествій, и дѣйствіе котораго буддизмъ пріостановилъ на нѣсколько вѣковъ, арійцы-побѣдители разнообразно смѣшались съ коренными жителями страны. Подвергаясь сами индійскому вліянію, они въ то же время аріанизировали постепенно туземныхъ народцевъ полуострова; въ сѣверныхъ и среднихъ областяхъ Индіи и на островѣ Цейлонѣ насчитываютъ не менѣе 170 милліоновъ жителей, говорящихъ индійскими нарѣчіями. Южная Индія составляетъ, въ своей совокупности, другую глоссологическую область, именно область дравидскихъ идіомовъ. Въ центральныхъ провинціяхъ народности еще полудикія, каковы колы, санталы, мундахи, гонды и разныя другія племена, которыя происходятъ, вѣроятно, отъ древнѣйшихъ владѣтелей полуострова, оттѣсненныхъ мало-по-малу къ гористымъ и лѣсистымъ мѣстностямъ внутренней Индіи, говорятъ діалектами третьяго семейства, которое вообще называютъ коларійскимъ, по имени одного изъ главныхъ народовъ этой группы первобытнаго населенія. Другое племя, хази или хазіа, живущее въ гористой области, между бассейномъ Брахмапутры и бассейномъ Иравадди, составляетъ само по себѣ четвертое семейство, совершенно отличное по языку отъ всѣхъ сосѣднихъ семействъ. Наконецъ, идіомы бодъ, или тибето-барманскіе, господствующіе на Гималайскихъ горахъ и въ Западномъ Индо-Китаѣ, нарѣчія тай, или сіамской группы мой, или аннамской труппы, и многочисленные говоры, извѣстные подъ общимъ именемъ малайскаго языка, представляютъ столько же ясно различающихся между собою дѣленій, свидѣтельствующихъ о чрезвычайномъ разнообразіи происхожденій. Кюстъ насчитываетъ въ Восточной Индіи не менѣе 243 различныхъ языковъ, представляющихъ всевозможные переходы отъ моносиллабическихъ (односложныхъ) говоровъ Индо-Китая до богатыхъ флексивныхъ нарѣчій Индустана, происшедшихъ отъ санскритскаго языка [1]).

Область религій, которыя получили начало въ сѣверныхъ равнинахъ Индіи, распространилась, благодаря пропагандѣ, гораздо далѣе, чѣмъ область арійскихъ языковъ, и эти культы всюду принесли съ собою соотвѣтственную цивилизацію. Что бы ни говорили, браманизмъ, смѣнившій древнія ведическія обрядности, стремился, какъ и всѣ другія религіи, покорить себѣ міръ; онъ распространилъ свои завоеванія даже на островъ Яву и на сосѣдніе съ нимъ острова Бали и Ломбокъ, гдѣ до сихъ поръ еще можно найти его вліяніе въ нарѣчіи, преданіяхъ, нравахъ, искусствахъ, политическихъ учрежденіяхъ. Всѣ языки Восточной Индіи сохранили, по крайней мѣрѣ, слѣды миѳовъ и эпопей, которымъ ихъ научили индусскіе миссіонеры; даже у языческихъ народцевъ на Малайскихъ островахъ и въ лѣсахъ Индо-Китая можно встрѣтить религіозныя церемоніи, напоминающія нѣкоторыми чертами обряды, которые нѣкогда практиковались въ странѣ индійскаго Семирѣчья. Но пропаганда учениковъ Будды была несравненно болѣе дѣятельна, чѣмъ пропаганда браманскихъ религій. Съ рвеніемъ, которое никогда и никѣмъ не было превзойдено, глашатаи «великаго ученія» пошли на поиски всѣхъ народовъ, варварскихъ и цивилизованныхъ, чтобы проповѣдывать имъ благую вѣсть о равенствѣ, самоотверженіи, справедливости и братской любви. Они перешли даже за границы Восточной Индіи и, перебравшись черезъ Гинду-кушъ, Памиръ, Гималаи, пытались осуществить грандіозный планъ нравственнаго завоеванія всѣхъ странъ, которыя простираются за этими горами до Тихаго океана.

---

[1]) Robert Cust, „Les Religions et les Langues de l'Inde".

Ихъ вѣра покорила себѣ населенія Тибета, Монголіи, Китая, Японіи, и вліяніе ея проявилось, въ формѣ шаманства, даже на берегахъ полярныхъ водъ, у чукчей, тунгусовъ и самоѣдовъ; еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія, до великихъ китайскихъ революцій и до изумительнаго размноженія бѣлой расы въ Европѣ и въ Новомъ Свѣтѣ, религія Будды имѣла гораздо болѣе значительное число послѣдователей, чѣмъ католическій культъ и различныя секты, прикрывающіяся именемъ Іисуса Христа. Но въ то время, какъ буддизмъ распространялся такимъ образомъ за предѣлами своего отечества, принося съ собою индусскія идеи и, во многихъ странахъ, знаніе его священнаго языка, пали, и «божественнаго» письма, нагари, онъ терялъ мало-по-малу свое владычество въ самомъ Индустанѣ и даже былъ тамъ и самъ грубо оттѣсненъ въ верхнія долины горъ; кастовый духъ, представляемый различными культами браманскаго происхожденія, опять взялъ верхъ. Впослѣдствіи явилась третья религія, религія ислама, принесенная изъ Западной Азіи путемъ пропаганды и оружія, и замѣчательно, что новая вѣра получила наиболѣе важное значеніе именно въ священной странѣ «Семи рѣкъ», превратившейся теперь въ Пенджабъ, или «Пятирѣчье»: такъ, однѣ религіи смѣняются другими на одной и той же почвѣ, подобно тому, какъ въ одномъ и томъ же лѣсу древесныя породы мѣняются изъ вѣка въ вѣкъ въ извѣстномъ порядкѣ, по закону естественнаго кругооборота. Слѣдуя съ арабскими кораблями по большимъ торговымъ путямъ, магометанство распространилось также въ архипелагахъ юго-восточной Азіи, гдѣ оно образовало новый слой на основѣ различныхъ мѣстныхъ религій. Что касается христіанства, то оно стало господствующей религіей только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно было навязано силой, какъ, напримѣръ, недавно въ Калькуттѣ и на островѣ Цейлонѣ; но во всѣхъ этихъ округахъ католицизмъ скоро утратилъ свое кажущееся преобладаніе надъ національными культами, переставъ быть государственною религіей.

Начиная съ отдаленной эпохи арійскихъ переселеній, народы Индіи всегда играли пассивную роль въ исторіи войнъ и завоеваній. Съ нравственной точки зрѣнія, экспансивная сила индусскаго генія была весьма значительна, какъ это доказываютъ торжество буддизма во всей Восточной Азіи и глубокое вліяніе, которое идеи, традиціи и миѳы индійскаго происхожденія оказывали на философовъ и теологовъ Передней Азіи, Египта и Греціи, въ теченіе періода, подготовившаго воспествіе христіанства. Но, съ матеріальной точки зрѣнія, индусскіе народы, еще не достигшіе до созданія и утвержденія своего собственнаго политическаго единства, не могли помышлять о вторженіи въ сосѣднія страны. Да и какая земля могла бы казаться имъ заманчивой въ сравненіи съ ихъ родиной, столь богатой произведеніями всякаго рода, такой прекрасной, съ ея обильными текучими водами, лѣсами и горами? Сопредѣльныя земли, на сѣверо-востокѣ — холмы, населенные разбойничьими племенами, на сѣверѣ—нездоровые лѣса и снѣговыя горы, на западѣ—дикія ущелья и угрюмая пустыня, были для нихъ страшными пространствами, куда отваживались проникать только купцы, ходившіе караванами. За исключеніемъ таинственныхъ цыганъ, которыхъ считаютъ потомками джатовъ, или банджари, прогнанныхъ съ береговъ Синда арабами, въ восьмомъ и девятомъ столѣтіяхъ, но которые соединились съ другими изгнанниками или выходцами изъ Индіи—можетъ быть, съ тою кастой странствующихъ котельниковъ, которые ввели бронзу въ западныхъ странахъ—въ историческія времена не было ни одного примѣра массовой эмиграціи индусскихъ населеній; никакой завоевательный походъ не имѣлъ исходной точки въ равнинахъ Индустана, чтобы направиться за горы въ Западную Азію. Хотя Индія съ трехъ сторонъ окружена моремъ, и общее протяженіе ея береговъ составляетъ около 6.000 километровъ, однако, индусы никогда не были великими мореплавателями, и выселеніе изъ отечества было даже воспрещено двумъ высшимъ кастамъ. Правда, индусы банигъ-яна, или баніаны, по большей части выходцы изъ Гудзерата и съ сосѣдняго морскаго берега, встрѣчаются во всѣхъ портовыхъ городахъ Аравійскаго моря; но во всѣ времена, начиная съ эпохи Гирама и Соломона до путешествія Васко-де-Гамы, наибольшая часть внѣшней торговли полуострова производилась чрезъ посредство арабовъ.

Но сколько честолюбивыхъ государей, сколько полководцевъ, жаждавшихъ славы и возвышенія, пытались завоевать эту Индію, самое имя которой сдѣлалось синонимомъ безконечныхъ и неисчерпаемыхъ богатствъ! Оттуда привозились драгоцѣнныя ткани, оружіе съ богатыми украшеніями изъ накладной работы, рѣзныя издѣлія изъ слоновой кости, жемчугъ, алмазы и золото; западные народы приписывали этой странѣ чудесъ всѣ сокровища сказочныхъ царствъ. Уже Семирамида посылала свои арміи до Синда; Киръ самъ ходилъ съ войскомъ къ границамъ Индіи, и легенда говоритъ, что на возвратномъ пути всѣ, сопровождавшіе персидскаго завоевателя, погибли въ пустыняхъ Гедрозіи, то-есть Южнаго Белуджистана. Дарій, сынъ Гистаспа, возобновилъ планы Кира; около начала пятаго столѣтія старой эры, первая исторически достовѣрная экспедиція персовъ, подготовленная, какъ разсказываетъ Геродотъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ географическою рекогносцировкой, произведенной Скилаксомъ Каріандскимъ, была

предпринята въ области, расположенныя по теченію Синда, какъ о томъ свидѣтельствуютъ древнія персидскія надписи [1]). Побѣдитель персовъ, Александръ Македонскій, не хотѣлъ страны, которыя природа долго скрывала». Онъ перешелъ Индъ и, слѣдуя на юго-востокъ, въ направленіи, параллельномъ первымъ отрогамъ Гималайскаго хребта и, безъ сомнѣнія,

Бандерпунчъ или Джамнотри.

остаться позади ихъ подвиговъ; онъ рѣшился даже превзойти ихъ, «открывая націямъ извѣстнаго міра, — говоритъ Квинтъ-Курцій, — мало отличномъ отъ той «царской дороги», удвоенной теперь желѣзнымъ путемъ, которая во всѣ времена была главнымъ трактомъ отъ хребтовъ и переваловъ Гинду-куша къ равнинамъ Ганга, форсировалъ переходъ черезъ

[1]) Lassen; Oppert; Vivien de Saint-Martin.

рѣку Гидаспъ, или Джиламъ, вѣроятно, верстахъ въ тридцати ниже того мѣста, гдѣ въ наши дни стоитъ городъ того же имени [1]). Видъ мѣстъ вполнѣ подтверждаетъ описанія древнихъ авторовъ: такъ, напримѣръ, тамъ отыскали боковую долину, по которой Александръ Великій пробирался ночью, чтобы напасть неожиданно на войска царя Пора, и гора, господствующая съ сѣверной стороны надъ всей страной, до сихъ поръ носитъ еще имя «горы Солнца», или Бальнатъ-ка-тила, какъ въ то время, когда Поръ вопрошалъ тамъ оракула. За Джиламомъ македонскій герой переправился послѣдовательно черезъ двѣ другія рѣки Пятирѣчья, Ацезинъ (Чинабъ) и Гидраотъ (Рави); но его армія, уставшая покорять міръ, заставила его остановиться на берегу рѣки Гифазисъ, гдѣ онъ воздвигъ двѣнадцать жертвенниковъ своей собственной славѣ: высоты, расположенныя на сѣверѣ, въ землѣ Манди, и теперь еще извѣстны въ краѣ подъ названіемъ Сикандаръ-ка-даръ, или «Александровыхъ горъ» [2]). Тамъ долгое время находились границы извѣстнаго міра, какъ это указываетъ таблица Пейтингера: «далѣе уже нѣтъ ничего, кромѣ рѣки Океана, которая окружаетъ весь материкъ, то-есть весь свѣтъ» [3]). Вернувшись тѣмъ же путемъ къ мѣсту своей побѣды, на берега Джилама, гдѣ онъ велѣлъ построить, съ одной стороны, городъ Никею, а съ другой—городъ Буцефалъ, Александръ Великій спустился затѣмъ внизъ по теченію Гидаспа до Инда, потомъ по этой рѣкѣ до моря, изслѣдуя рѣчные рукава, устья и гавани и основывая города на удобныхъ для этого мѣстахъ, съ цѣлью установить постоянныя сообщенія между Востокомъ и Западомъ [4]). Такъ было положено начало научному изслѣдованію Индіи. Съ этой эпохи дороги на полуостровъ не были забыты западными народами, и до временъ Юстиніана купцы изъ Рима, Византіи и Александріи ѣздили прямымъ путемъ въ Индію, по слѣдамъ македонскаго царя. Одинъ посолъ Селевка-Никатора, Мегасѳенъ, проникъ гораздо далѣе внутрь Индустана, такъ какъ онъ посѣтилъ городъ Палиботру, въ нижней равнинѣ Ганга. Царь Сандрокоттъ, принимавшій его при своемъ дворѣ, былъ, безъ сомнѣнія, не кто иной, какъ знаменитый Шандрагупта индусскихъ лѣтописей; это первая историческая личность, о которой упоминаютъ въ одно и то же время повѣтствованія греческихъ историковъ и разсказы индійскихъ писателей.

Послѣ похода Александра Македонскаго первое большое нашествіе было вторженіе мусульманъ. Съ начала восьмаго столѣтія арабы приходили въ долину Инда, и въ теченіе слѣдовавшихъ затѣмъ восьмисотъ лѣтъ, до основанія могущественнаго магометанскаго царства, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ имперіи «Великаго Могола (Монгола)», сѣверо-западная граница Индустана оставалась почти всегда открытою чужеземнымъ завоевателемъ. Но султанъ Баберъ, покоритель Сѣверной Индіи, еще не переходилъ черезъ перевалы, ведущіе изъ Туркестана въ бассейнъ Синда, какъ уже европейскіе мореплаватели, обогнувъ мысъ Доброй Надежды, отняли у горныхъ тропинокъ Гинду-куша большую часть ихъ исторической важности для торговли и для войны; совершивъ плаваніе кругомъ Стараго Свѣта, португальскіе корабли, такъ сказать, заставили Европу сдѣлать поворотъ фронта; вмѣсто того, чтобы смотрѣть на Востокъ черезъ Египетъ и Персію, она должна была повернуться лицомъ къ югу, чтобы вступить въ сношеніе съ Индіей. Теперь Лиссабонъ занялъ мѣсто Венеціи и сдѣлался раздавателемъ сокровищъ, привозимыхъ съ полуострова Ганга: равновѣсіе міра вдругъ измѣнилось. Съ этого времени морскія державы Европы были ближе къ Индіи, чѣмъ государства центральной Азіи, если не по разстоянію, то, по крайней мѣрѣ, по времени путешествія, и, слѣдовательно, располагали выгодами, превосходящими тѣ преимущества, какими пользовались прежніе завоеватели. Португальцы не довольствовались мѣновой торговлей съ малабарскими городами: они скоро сами водворились на полуостровѣ, но немного времени спустя явились уже соперники, чтобы оспаривать у нихъ и чтобы увеличить завоеванную территорію. Голландцы, англичане, датчане, французы приходили последовательно основывать свои торговыя конторы на индійской почвѣ, и одно время можно было даже надѣяться, что Дюпле пріобрѣтетъ для Франціи Деканскую имперію; но, оставленные безъ поддержки метрополіей, маленькіе французскіе отряды были уничтожены войсками англійской остъ-индской компаніи, и эта послѣдняя, захвативъ въ свои руки всѣ главныя торговыя мѣста и всѣ стратегическіе пункты, сдѣлалась самодержавной властительницей страны. Въ началѣ текущаго столѣтія, въ 1803 году, англичане овладѣли столицей Великаго Могола и низвели преемника султана Акбара на степень простаго пенсіонера «компаніи»; затѣмъ, послѣдовательно, они подчинили своей власти всѣхъ раджей полуострова или даже просто присоединили ихъ владѣнія къ Англоиндійской имперіи. Теперь индійская императрица управляетъ непосредственно или косвенно 300 милліонами подданныхъ въ Индустанѣ; она владѣетъ также самою богатою частью Барманіи и повелѣваетъ почти всѣми царьками

[1]) Burnes, „Voyage à Boukhara"; Cunningham, „Ancient Geography of India"; Carl Ritter, „Asien".

[2]) Morcroft; Vigne; Vivien de Saint-Martin, „Etude sur la géographie grecque et latine de l'Inde", 2-e mémoire.

[3]) Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

[4]) Carl Ritter, „Asien"; Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

Малакскаго полуострова; на самой оконечности этого полуострова, въ томъ мѣстѣ, гдѣ необходимо должны проходить всѣ корабли, огибающіе юго-востокъ азіатскаго континента, она открыла всемірной торговлѣ большой рынокъ—Сингапуръ. Съ своей стороны, Франція взяла въ Кохинхинѣ и въ Камбоджѣ область болѣе значительную, чѣмъ были въ прошломъ столѣтіи ея владѣнія въ Индустанѣ. Наконецъ, китайцы, не присоединивъ непосредственно къ «Цвѣтущему царству» ни малѣйшаго мыска, ни малѣйшаго островка индійскихъ земель, извлекаютъ изъ этихъ странъ больше выгодъ, чѣмъ многія изъ европейскихъ державъ: по промышленности, торговлѣ, колонизаціи. они должны быть считаемы истинными завоевателями; можно сказать, что Сіамъ, въ экономическомъ отношеніи, принадлежитъ имъ больше, чѣмъ самимъ сіамцамъ. На всемъ пространствѣ Восточной Индіи дѣйствительно независимыми народами можно считать только населенія Непала и Бутана, да племена полуцивилизованныя или дикія, живущія въ гималайскихъ долинахъ, въ индо-китайскихъ лѣсахъ и на нѣкоторыхъ Малайскихъ островахъ.

Если исключить нѣкоторыя области на тибетской границѣ, каковы Бутанъ и Верхній Ассамъ, полуостровъ Индустана уже хорошо извѣстенъ съ точки зрѣнія географическаго рельефа, и карты нѣкоторыхъ изъ его провинцій въ отношеніи точности не уступаютъ картамъ западно-европейскихъ странъ; что же касается Индіи по ту сторону Ганга, то тамъ правильныя изслѣдованія производились только въ англійскихъ и французскихъ владѣніяхъ, да вдоль морскаго прибережья. Замѣчательный контрастъ существуетъ въ этомъ отношеніи между берегами Индо-Китая и внутренними землями. Въ то время, когда тысячи судовъ проходятъ каждый годъ въ Малакскомъ проливѣ, большая часть областей Лаоса и Сѣверной Барманіи остаются до сихъ поръ внѣ маршрутовъ европейскихъ путешественниковъ, и даже долины большихъ рѣкъ еще не вездѣ обслѣдованы. Но это состояніе невѣдѣнія относительно странъ, столь любопытныхъ, которыя отдѣляютъ Бенгальскій заливъ отъ верхней долины Янтсекіанга, не можетъ быть продолжительнымъ. Побуждаемые интересами торговли, народы стараются вездѣ сближаться другъ съ другомъ прямыми путями, оставляя прежніе длинные объѣзды вокругъ полуострововъ. Подобно тому, какъ, отправляясь изъ Марсели въ Бомбей, путешественники предпочитаютъ кратчайшій путь черезъ Суэзскій перешеекъ продолжительному плаванію вокругъ Африки, и какъ они современемъ будутъ слѣдовать изъ Европы въ Азію по той или другой изъ желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ черезъ Константинополь и долину Евфрата или черезъ Кавказъ и Хайберъ, такъ точно Кальтутта, рано или поздно, соединится съ городами Восточнаго Китая различными сухопутными дорогами, и именно черезъ мѣстности, почти совершенно неизвѣстныя въ наши дни, будетъ проложенъ одинъ изъ главныхъ и наиболѣе посѣщаемыхъ путей нашей планеты. Индія и Китай, двѣ самыя многолюдныя страны въ свѣтѣ, заключающія вмѣстѣ цѣлую половину земнаго населенія, не имѣютъ еще дороги, которая соединяла бы ихъ непосредственно,—фактъ, какъ нельзя лучше подтверждающій ту истину, что человѣкъ едва только начинаетъ вступать во владѣніе и пользованіе земнымъ шаромъ, котораго онъ величаетъ себя хозяиномъ и господиномъ.

Глава II

Индустанъ.

I. Общій видъ страны.

Имя Индустанъ—персидскаго происхожденія; оно означаетъ «Земля индусовъ», и есть, въ нѣсколько измѣненной формѣ, то же самое, что и древнее названіе «Индія», примѣняемое къ полуострову Ганга уже со временъ, предшествовавшихъ исторіи. Откуда произошло это слово, которое во времена великихъ географическихъ открытій, ознаменовавшихъ пятнадцатое и шестнадцатое столѣтія, было употребляемо для всѣхъ странъ тропическаго пояса и которымъ до сихъ поръ еще обозначаютъ Антильскіе острова и прибрежныя земли Караибскаго моря, точно такъ же, какъ полуострова и острова юго-восточной Азіи? По толкованію большинства комментаторовъ, это имя есть не что иное, какъ названіе рѣки Синду, передѣланное западными народами въ Инду, Индосъ, Индусъ или Индъ [1]): весь полуостровъ,

[1]) Большія трудности, какія представляла географическая номенклатура Индустана, отнынѣ устранены окончательнымъ принятіемъ способа транскрипціи, который предложилъ Гунтеръ, по методѣ Станислава Жюльена, и

какъ они полагаютъ, былъ названъ по имени главнаго потока, который орошалъ поля первобытныхъ арійцевъ. Но эта этимологія показалась ужь слишкомъ простой, что̀ и помѣшало ей сдѣлаться общепринятой. Уже буддійскій пилигримъ Гіуэнъ-Тсангъ производилъ имя страны отъ словъ инъ-ту, означающихъ «луну», на томъ основаніи, что жрецы просвѣщали свое отечество, отражая, какъ мѣсяцъ, свѣтъ солнца. Другіе видятъ въ названіи Индіи имя бога Индры, рука котораго также управляетъ движеніемъ луны на небесахъ, такъ что, слѣдовательно, Индустанъ есть по преимуществу «подлунный міръ». Полуостровъ Ганга носитъ также разныя поэтическія наименованія: это Сударсана или «Вьюнокъ», Бхарата-варша, «Плодородная страна», «Цвѣтокъ лотоса», или, наконецъ Джамбу-двипа, «Ямболовый островъ», названный такъ въ честь одного красиваго индійскаго дерева изъ семейства миртовыхъ— ямболы или евгеніи (Eugenia jambolana); на одной изъ горъ Гималайскаго хребта стоитъ одно изъ этихъ деревъ, «святое, безсмертное, достающее небесъ, обремененное плодами, которые падаютъ на землю съ оглушительнымъ шумомъ и выпускаютъ изъ себя цѣлыя рѣки сока» [1]). Что касается названій Аріа-варта, Аріа-бхуми, Аріа-деса, «земля, область или край арійцевъ», данныхъ странѣ расой завоевателей, то они могли примѣняться только къ мѣстностямъ, занятымъ арійцами, то-есть къ бассейну «Семирѣчья» и къ равнинамъ, простирающимся на востокъ до Джамны. Исторія ведійскихъ арійцевъ останавливается на той эпохѣ, когда эти выходцы съ сѣверо-запада пришли на берега Ганга [2]). Но ихъ преемники, привилегированные члены высшей касты, безъ сомнѣнія, имѣли притязаніе на всю обитаемую ими страну, считая ее какъ бы своимъ частнымъ владѣніемъ: Гіуэнъ-Тсангъ, между другими именами нынѣшней Индіи, упоминаетъ также названіе «царства поломеновъ», то-есть брамановъ.

Естественныя границы Индустана такъ ясно очерчены, что единство полуострова, даже принадлежащаго различнымъ расамъ и раздѣленнаго на многія враждебныя другъ другу государства, было сознаваемо во всѣ времена; какъ нѣкогда Италія, Индія всегда имѣла значеніе «географическаго выраженія». На протяженіи около 12.000 километровъ [1]) море и горы совершенно опоясываютъ страну, громадную территорію, поверхность которой заключаетъ не менѣе 3.750.000 квадр. километровъ, то-есть, въ двѣнадцать слишкомъ разъ превышаетъ площадь Британскихъ острововъ, или составляетъ болѣе трети Европы, и которая простирается отъ экваторіальныхъ областей до 12 слишкомъ градусовъ внутрь умѣреннаго пояса. Пространство Индустана, включая сюда французскія и португальскія владѣнія, а также Непалъ, Бутанъ, маленькія независимыя государства въ Гималайскихъ горахъ и Сингпо, но безъ Манипура, Джиттатонга и англійской Барманіи, исчисляется въ 3.753.358 кв. километровъ. Пространство Индустана, съ островомъ Цейлономъ, островами Малдивскими, Лакедивскими и островками Чагосъ, опредѣляютъ въ 3.826.034 квадратныхъ километра. Правда, браминскіе ученые и европейскіе географы, увлеченные маніей условныхъ дѣленій, хотѣли-было принять теченіе Инда за сѣверо-западный предѣлъ Индустана; но не измѣнчивое ложе рѣкъ, а горы съ ихъ климатическими поясами, съ ихъ населеніями, ведущими образъ жизни, совершенно отличный отъ образа жизни обитателей равнинъ, составляютъ истинныя границы между странами. Туземцы бассейна Инда никогда не ошибались на этотъ счетъ; во всѣ времена они понимали контрастъ, существующій между «теплою областью», гдѣ находятся ихъ города, и «холодною областью» плоскогорій и возвышенныхъ долинъ, населенныхъ теперь афганцами, и на горы, извѣстныя въ наши дни подъ именами Сефидъ-кухъ, Сулейманъ-дагъ, Хиртаръ, они всегда смотрѣли и смотрятъ какъ на естественную границу своего отечества. Если брамины, ревниво оберегающіе чистоту своей вѣры, запретили поклонникамъ Брамы переходить за Индъ, то этотъ запретъ, явившійся въ относительно недавнее время, былъ вызванъ магометанскими нашествіями, которыя имѣли слѣдствіемъ перемѣну религій въ сѣверо-западной части Индіи. Тогда какъ браманскія общины встрѣчаются еще въ довольно большомъ числѣ во всѣхъ частяхъ Пятирѣчья, лежащихъ къ востоку отъ Инда, онѣ очень рѣдки на западѣ отъ этой рѣки.

который теперь принятъ лондонскимъ географическимъ обществомъ, различными учеными обществами и большинствомъ журналовъ и картъ Индіи, мѣстными администраціями и правительствомъ. Правда, точное воспроизведеніе индусскихъ звуковъ европейскими буквами невозможно, такъ какъ санскритъ имѣетъ 50 знаковъ, но новая метода имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то драгоцѣнное преимущество, что она передаетъ приблизительно имена, оставляя буквамъ нормальный звукъ, который онѣ имѣютъ почти во всѣхъ европейскихъ языкахъ и особенно въ самихъ діалектахъ Индустана. Такимъ образомъ, исчезнетъ мало-по-малу странная путаница, которую представляли географическія карты и документы, гдѣ иной городъ носилъ до одиннадцати различныхъ именъ, болѣе или менѣе оправдываемыхъ произношеніемъ туземцевъ въ различныхъ нарѣчіяхъ страны. Въ этомъ томѣ мы будемъ неизмѣнно придерживаться способа транскрипціи, введеннаго Гунтеромъ.

[1]) „Maha Bharata, Rhishma Parva", „stances 272 à 277, traduction d'Hippolyte Fauche".

[2]) Chr. Lassen; Vivien de Saint-Martin; Cunningham; Marius Fontanes, „L'Inde védique".

[1]) Метръ, десятимилліонная часть четверти парижскаго меридіана, равенъ 1,4 аршина, или 3,281 фута. Километръ, или 1.000 метровъ, равенъ 0,937 версты.

Съ самаго начала историческихъ временъ индусы знали истинную форму обитаемаго ими полуострова; когда геометры экспедиціи Александра Македонскаго прибыли на берега Инда, свѣдѣнія, которыя имъ дали и которыя были подтверждены впослѣдствіи посланникамъ сирійскихъ царей, позволили имъ составить карту, совершенно точную въ ея общихъ контурахъ. По Эратосѳену, который утилизировалъ собранныя греческими изслѣдователями данныя, Индія имѣетъ форму неравносторонняго четыреугольника, и длина, которую онъ даетъ различнымъ сторонамъ, приблизительно совпадаетъ съ истинными размѣрами. Но хотя окружность полуострова далеко не отличается геометрическою правильностью, однако, прекрасное равновѣсіе страны, симметрически расположенной между двумя морями, которыя омываютъ ее на востокѣ и на западѣ, и у подножія величественныхъ горъ, которыя господствуютъ надъ нею на сѣверѣ, естественно должно было увлечь индусскихъ ученыхъ къ преувеличеніямъ относительно ритма внѣшнихъ очертаній ихъ отечества. Разбирая описаніе земли, составленное индійскимъ мудрецомъ Санджаей [1]), ученые комментаторы пришли къ тому заключенію, что Индустанъ представлялся ему въ видѣ равносторонняго треугольника, совершенно правильнаго, раздѣленнаго на четыре второстепенныхъ треугольника, равныхъ между собою [2]), но въ томъ же самомъ разсказѣ Санджая сравниваетъ такъ же поэтично, хотя и менѣе вѣрно, «кругъ Джамбу-двипы» (Ямболоваго острова) съ военнымъ дискомъ, потомъ съ четырелепестнымъ лотосомъ. Это послѣднее сравненіе страны съ «священнымъ цвѣткомъ» было, повидимому, самое обыкновенное, общепринятое, и о немъ упоминаютъ буддійскіе пилигримы, приходившіе изъ Китая. Астрономы шестаго столѣтія христіанской эры опять берутъ, для сравненія, фигуру лотоса, чтобы раздѣлить Индію на девять частей, соотвѣтствующихъ центру цвѣтка и восьми лепесткамъ, имя которыхъ, впрочемъ, нѣсколько разъ мѣнялось. Даже весь свѣтъ былъ сравниваемъ съ огромнымъ цвѣткомъ, состоящимъ то изъ четырехъ, то изъ семи или девяти лепестковъ, соотвѣтствующихъ такому же числу двипъ, «острововъ» или полуострововъ, расположенныхъ концентрическими кругами вокругъ Меру, «золотой горы», которая служила мѣстопребываніемъ боговъ. Каждый изъ этихъ круговъ земель былъ окруженъ отдѣльнымъ океаномъ, образованнымъ колеей колесницы Пріявата [3]).

Послѣ Александра Великаго и Селевкидовъ, истинная форма Индустана была забыта греками, ученые комментаторы, овладѣвъ старинными документами, мало-по-малу исказили ихъ, придавая имъ смыслъ, совершенно отличный отъ того, который они имѣли на самомъ дѣлѣ. Въ географіи Птоломея Индія по сю сторону Ганга уже утратила форму полуострова; очень расширенная по направленію отъ востока къ западу, она, напротивъ, съуживается по направленію отъ сѣвера къ югу, и нѣкоторые изъ ея мысовъ получаютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ мысъ Коморинъ; несмотря на составленную сѣть широтъ и долготъ, форма Индіи была такъ искажена александрійскимъ географомъ, какъ она не была искажена даже мистической фигурой цвѣтка лотоса. Градусы, означенные на картахъ, послужили только къ тому, чтобы увѣковѣчить ошибочное представленіе, которое и продолжало господствовать до той эпохи, когда японскіе мореплаватели могли обслѣдовать истинное положеніе индійскихъ береговъ. Со времени знаменитаго путешествія Васко-де-Гамы истинная форма полуострова Ганга постепенно возстановилась для географовъ, и французскій географъ д'Анвиль могъ резюмировать всѣ наблюденія своихъ предшественниковъ въ своей превосходной картѣ, которая вышла въ свѣтъ въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія; но первыя топографическія съемки явились только въ 1763 году, вмѣстѣ съ изслѣдованіями Реннеля, «отца индійской географіи», относительно равнинъ по нижнему теченію Ганга. Около сорока лѣтъ спустя, въ 1802 году, Лемтонъ началъ отъ Мадраса, какъ исходнаго пункта, работы по тріангуляціонной съемкѣ, которая въ 1882 году еще не была вполнѣ окончена. Правда, что это трудъ громадный, и препятствія и лишенія всякаго рода, которыя приходится одолѣвать и переносить его исполнителямъ, лихорадки, постоянно свирѣпствующія въ джунгляхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ, дѣлаютъ его болѣе опаснымъ для человѣческой жизни, чѣмъ даже поле сраженія; смертность всегда была менѣе сильна среди индійскихъ солдатъ въ походѣ и на войнѣ, нежели среди географовъ топографической бригады [1]). Въ настоящее время геодезическія операціи продолжаются по ту сторону Соломоновой горы (Сулейманъ-дагъ), въ Афганистанѣ и Белуджистанѣ, на сѣверѣ онѣ проникаютъ въ долины и на гребни Гималайскихъ горъ, въ ожиданіи того времени, когда можно будетъ продолжать черезъ Тибетъ измѣреніе «большой дуги» меридіана, которая начинается на мысѣ Коморинъ и должна со временемъ окончиться на сибирскихъ мысахъ, въ Ледовитомъ океанѣ; на востокѣ сѣть треугольниковъ проникаетъ изъ Ассама въ Верхнюю Барманію и соединяется

[1]) „Maha Bharata, Bhishma Parva", „stances 1 à 494".

[2]) „Colebrocke; Wilford; Cunningham", The ancient Geography of India".

[3]) Muir, „Original Sanscrit Texts on the Religion and Institutions of India", vol 1.

[1]) Clements Markham, „A memoir on the Indian Surveys".

съ Банкокомъ черезъ бассейны рѣкъ Иравадди и Салуэнъ. Окончательная карта, состоящая изъ 177 листовъ, которая должна резюмировать результаты изслѣдованія Индіи, а также западныхъ береговъ Индо-Китая и полуострова Маллаки, уже составлена на двѣ трети, и тысячи спеціальныхъ картъ и плановъ раскрываютъ передъ нами всѣ географическія детали страны.

Въ совокупности своего рельефа, Индія по сю сторону Ганга состоитъ изъ двухъ областей треугольной формы, имѣющихъ общее основаніе и рѣзко отличающихся одна отъ другой; эти двѣ области—Южная Индія и сѣверная индо-гангесская равнина, которыя Карлъ Риттеръ, въ своихъ мемуарахъ по географіи, сравнивалъ съ Апеннинскимъ полуостровомъ и съ равнинами по теченію По, окаймлеными полукруговымъ валомъ Альпійскихъ горъ. Дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ конфигурація земель на азіатскомъ континентѣ напоминаетъ контуры Европы. Каждая изъ этихъ двухъ частей свѣта разрѣзана на югѣ на три полуострова, имѣющіе общее сходство по нѣкоторымъ своимъ чертамъ Индія — это азіатская Италія [1]). Но пока истинная причина этихъ отдаленныхъ аналогій между континентальными формами Европы и Азіи намъ не извѣстна, достаточно указать на нихъ, не пытаясь искать въ этомъ фактѣ, какъ это часто дѣлали, какое-то мистическое соотвѣтствіе между различными частями земнаго шара.

Южный треугольникъ Индіи, берега котораго тянутся отъ устья р. Нарбады до устья р. Маханадди, представляетъ возвышенность, область горныхъ цѣпей и плоскогорій: это та половина Индустана, которой слѣдовало бы оставить спеціально названіе «Полуострова». Центральная часть этой территоріи, Деканъ, прежде Декшинъ или Дакшина-пата, то-есть, «Югъ» или «земля, лежащая по правую руку» (когда смотришь на востокъ), представляетъ страну различной высоты, среднее возвышеніе которой надъ уровнемъ моря отъ 300 до 1.000 метровъ и которая въ цѣломъ имѣетъ покатость по направленію отъ запада къ востоку. Деканъ состоитъ, почти на всемъ своемъ протяженіи, изъ плоскогорья образованнаго изъ гнейса и переходныхъ формацій, которое нѣкогда составляло почти островную группу, въ ту эпоху, когда Сѣверная Индія была частью покрыта водами океана. Но эти первые или основные пласты Декана покрыты, на пространствѣ слишкомъ 500.000 квадр. километровъ,—то-есть на пространствѣ, равномъ площади всей Франціи,—застывшими потоками базальтовыхъ траповъ большой толщины, имѣющими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мощность въ нѣсколько сотъ и даже болѣе тысячи метровъ; тамъ и сямъ на плато изъ лавъ перерѣзанные оврагами крутые утесы, возвышающіеся въ видѣ холмовъ, указываютъ конечный откосъ потоковъ лавы, вышедшихъ въ жидкомъ состояніи изъ вулканическихъ кратеровъ, давно уже изгладившихся и не оставившихъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Эти вулканическія изліянія происходили въ теченіе мѣловаго періода и даже въ первыя времена эоценовыхъ вѣковъ; но съ той эпохи почва Декана пребываетъ въ состояніи покоя, и періодическое чередованіе дождей, вѣтровъ, жаровъ и холодовъ, исполняя свою работу обнаженія формацій, разрушило во многихъ мѣстахъ обшивку лавъ, которая нѣкогда занимала гораздо болѣе значительное протяженіе, чѣмъ въ наши дни. Кромѣ того, поверхность траповъ разложилась подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей и преобразовалась въ слой латерита, горной породы, которая, можетъ быть, внѣ Индустана и Индо-Китая не встрѣчается нигдѣ, кромѣ мыса Доброй Надежды: это желѣзистая глина, образующая слой толщиной отъ 10 до 60 метровъ и продолжающаяся въ видѣ безконечныхъ равнинъ, сѣрыхъ или красноватыхъ, покрытыхъ скудною растительностью: глина эта испещрена, словно лентами, полосами ржаваго цвѣта, которыя часто придаютъ ей видъ яшмы; въ другихъ мѣстахъ она походитъ на лаву. Дождевая вода тотчасъ же исчезаетъ въ скважинахъ этой горной породы, и поверхностная земля, впрочемъ очень тонкая, остается всегда сухой и жадно впитываетъ влагу. Цѣлые, довольно толстые слои этой формаціи, смѣшанные съ обломками всякаго рода, съ гравіемъ и пескомъ, были увлекаемы съ плоскогорій и переносимы вѣтрами и дождями въ нижнія долины и равнины; даже на берегу моря можно встрѣтить эти латериты, передвигаемые и округляемые волнами. Они принадлежатъ, по большей части, недавней эпохѣ, и, вѣроятно, эта горная порода образуется еще и въ наши дни [1]).

Треугольное плоскогорье Декана съ трехъ сторонъ ограничено краевыми горными цѣпями. Самая правильная изъ нихъ—это цѣпь западныхъ Гатскихъ горъ, называемая также горами Сагіадри, особенно около сѣверной ея оконечности. Прерываемыя тамъ и сямъ брешами и даже широкими порогами, Гатскія горы образуютъ въ цѣломъ рядъ параллельныхъ кряжей, идущихъ по направленію отъ запада къ востоку и соединяющихся своимъ западнымъ краемъ. Съ морскаго прибрежья онѣ представляются въ видѣ непрерывнаго выступа, крутые скаты котораго тянутся параллельно берегу на пространствѣ около 1.300 киломе-

[1]) Carl Ritter, „Asien".

[1]) Medlicott and Blanford „Manual of the Geology of India".

тровъ, отъ береговъ р. Тапти до мыса Коморинъ. Только узкая полоса ровныхъ земель, занятыхъ тамъ и сямъ короткими потоками, раздѣляетъ горы и море; это область «нагорныхъ береговъ», или конкановъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высокіе мысы съ обрывистыми стѣнами, выдвигаясь изъ массы плоскогорья, купаютъ свои утесы въ пѣнистыхъ водахъ Аравійскаго моря. Изъ портовъ или бухточекъ прибрежья ясно видны вдали вырѣзки синеватыхъ горъ, черезъ которыя путешественники могутъ перебраться на противоположный склонъ; зеленѣющія террасы, по которымъ взбираются крутыми извилинами и зигзагами обыкновенныя и желѣзныя дороги, кажутся издали какъ бы ступенями монументальной «лѣстницы»; отсюда и названіе ghat, данное этимъ горамъ. Надъ горными проходами высятся валы изъ лавы, оканчивающіеся кругообразными выступами,— естественныя крѣпости, которыя государи Декана обставили башнями и превратили въ неприступныя твердыни.

Среднее возвышеніе западныхъ Гатскихъ горъ всего только около 1.000 метровъ; во многихъ частяхъ своего протяженія онѣ не достигаютъ даже половины этой высоты, но нѣкоторыя вершины превышаютъ 1.400 метровъ, а въ 350 километрахъ отъ конечнаго выступа краевая цѣпь, соединенная съ другими отрогами, поднимается на значительную высоту и образуетъ массивъ изъ гнейса и порфира, получившій, подобно многимъ другимъ собраніямъ горныхъ вершинъ, имя Ниль-гири, или «Голубыхъ горъ». Къ югу отъ этой группы, высшая точка которой лежитъ на 2.650 метровъ слишкомъ надъ уровнемъ океана, стѣна Гатскихъ горъ вдругъ прерывается широкою брешью, долиной Паль-гатъ, которая, повидимому, нѣкогда была морскимъ проливомъ и надъ которой господствуетъ, съ южной стороны, самый высокій массивъ Индіи въ собственномъ смыслѣ, называемый Анамалахъ, или «Слоновой горой». Анамуди, или «Чело слоновъ», высочайшая вершина этой гористой области, почти островной, превышаетъ метровъ на тридцать Додабетту, главную вершину Голубыхъ горъ (Ниль-гири); только въ половинѣ истекающаго столѣтія, именно въ 1851 году, англичанинъ Микель (Michael), посланный на поиски тековыхъ лѣсовъ, такъ сказать, впервые открылъ эту прекрасную горную страну, эту «дравидійскую Швейцарію»; до того времени только издали видѣли ея гнейсовыя и порфировыя вершины, обрисовывающіяся на болѣе свѣтломъ фонѣ неба, такъ какъ подступъ къ ней прегражденъ поясомъ болотистыхъ лѣсовъ, часто посѣщаемыхъ лихорадкой. Слоновыя горы развѣтвляются на юго-востокъ, по направленію къ острову Цейлону, выдѣляя изъ себя цѣпь Пальни, высота которой еще превышаетъ два километра, и затѣмъ продолжаются на югъ менѣе возвышенной грядой, названной, по имени главнаго ея продукта, «Кардамоновыми горами». Эта цѣпь оканчивается пологимъ скатомъ на Камари, или Коморинѣ, «мысѣ Дѣвы», куда и до сихъ поръ еще, какъ во времена первыхъ греческихъ мореплавателей, приходятъ купаться, въ честь богини Дурги, въ смѣшанныхъ водахъ двухъ морей. Вся полуденная часть Индіи, къ югу отъ пролома Паль-гатъ и долины Кавери, можетъ быть разсматриваема какъ независимый массивъ: природа какъ будто пытается образовать тамъ другой островъ Цейлонъ по рельефу и контурамъ, да и самый Цейлонъ, на половину соединенный съ континентомъ подводными скалами «Моста Рамы», принадлежитъ геологически къ цѣпи Гатскихъ горъ.

Краевая цѣпь восточныхъ Гатскихъ горъ начинается лишь на сѣверѣ отъ пониженія гребня или долины, гдѣ бѣгутъ извилистой линіей воды рѣки Кавери. Такъ же, какъ и западная цѣпь, восточныя Гатскія горы тянутся въ направленіи, параллельномъ сосѣднему морскому берегу; но, расположенныя на низкомъ склонѣ плоскогорья, который имѣетъ общую покатость по направленію отъ запада къ востоку, онѣ, въ среднемъ, менѣе высоки и раздѣлены на множество отрывковъ широкими долинами и ущельями рѣкъ. Можно сказать, что восточные Гаты, среднее возвышеніе которыхъ всего только около 500 метровъ, состоятъ изъ отдѣльныхъ массивовъ и отроговъ, составляющихъ просто внѣшніе края или борты Декана. На югѣ первый изъ этихъ массивовъ—горная масса Шиварай, господствующая надъ низменными равнинами Пондишери; на сѣверѣ рядъ горныхъ цѣпей оканчивается въ Ориссѣ группой, называемой Ниль-гири, или «Голубыми горами», какъ и группа полуденной Индіи, но только вдвое менѣе высокой. Выступы, господствующіе надъ плоскогорьемъ, соединяются разнообразно съ горами морскаго прибрежья и образуютъ тамъ и сямъ цѣлые лабиринты долинъ, которые до недавняго времени считались недоступными.

Сѣверная граница возвышенностей Декана обозначена не одной только краевою цѣпью: двѣ внѣшнія гряды горъ и многія группы вершинъ, подобныя выдвинутымъ веркамъ крѣпости, составляютъ этотъ раздѣльный поясъ между плоскогорьями юга и равнинами сѣвера Индіи. Собственно краевою цѣпью слѣдуетъ считать ту, которая тянется съ запада на востокъ, къ югу отъ долины рѣки Тапти: ея высшая точка, около географическаго центра полуострова, находится въ массивѣ Магадео, или «Великаго Бога». Другая, параллельная цѣпь идетъ между рѣками Тапти и Нарбадой: это гряда Сатпура, которой западная часть, совершенно вулканическаго происхожденія, сливается на востокѣ своими хребтами изъ метаморфическихъ породъ съ изрѣзаннымъ оврагами плоскогорьемъ цент-

ральныхъ провинцій; продолжаясь по направленію къ пригангскимъ равнинамъ, эта цѣпь оканчивается базальтовыми холмами Раджмагаль, покрытыми, какъ и часть Декана, пластомъ латерита, и священными горами Параснатъ. Этотъ естественный рубежъ Деканскаго плоскогорья составляетъ въ то же время и этнографическую границу: на сѣверѣ останавливаются населенія арійскихъ языковъ, тогда какъ на югѣ отъ гористаго пояса, окаймленнаго полосой нездоровыхъ и мало обитаемыхъ джунглей, вездѣ живутъ дравидійскія народности [1])

При внимательномъ изученіи карты Индустана не трудно убѣдиться, что краевая цѣпь полуостровнаго плоскогорья продолжалась нѣкогда на востокъ къ горамъ Гарро и другимъ массивамъ, ограничивающимъ съ восточной стороны долину Брахмапутры: очевидно, двѣ большія рѣки, Гангъ и Брахмапутра, проложили себѣ путь черезъ какую-нибудь разсѣлину древней цѣпи и мало-по-малу размыли ее, унеся обломки въ Бенгальскій заливъ; проломъ, раздѣляющій теперь два отрывка горной массы, имѣетъ не менѣе 200 километровъ ширины. При томъ, горная цѣпь южнаго Ассама, которая, тянется съ запада на востокъ и сѣверо-востокъ, также находится въ геологической связи съ этими горами и напоминаетъ своимъ образованіемъ передовыя цѣпи, которыя въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ ограничиваютъ невысокія плато, расположенныя при основаніи снѣговыхъ горъ. Такъ же, какъ и эти высоты, Ассамскія горы состоятъ въ большой части изъ третичнаго песчаника и раковистаго известняка, залегающихъ на болѣе древнихъ формаціяхъ [2]). Средняя ихъ высота отъ 1.200 до 1.500 метровъ, а высшій пикъ, Шиллонгъ, подымается на 1.962 метра надъ уровнемъ моря. Различныя части этого горнаго вала, который на востокѣ примыкаетъ къ хребтамъ барманской границы, носятъ различныя названія, по имени живущихъ тамъ племенъ: это горы Гарро, Хази, Джайнтіа, Качаръ, Нага. Англичане часто называютъ ихъ общимъ именемъ Ассамскихъ холмовъ (Assam hills).

На сѣверѣ отъ рѣки Нарбады, которую иногда принимаютъ за раздѣльную линію между двумя половинами Индіи, другія цѣпи, означаемыя болѣе спеціально подъ именемъ горъ Виндіа,— именемъ, которое вообще приписывалось древними поэтами также всей совокупности горной перегородки Индустана,— направляются отъ западныхъ береговъ полуострова къ равнинамъ по теченію рѣки Джамны; но онѣ не образуютъ въ цѣломъ географической границы: ни одна изъ ихъ вершинъ не возвышается болѣе чѣмъ на 150 метровъ надъ уровнемъ окружающихъ земель. На западной оконечности горъ Виндіа, одинъ передовой массивъ, извѣстный подъ именемъ Раджпутскихъ горъ, выдѣляетъ изъ себя въ сѣверо-восточномъ направленіи скалистую цѣпь Аравалли, тогда какъ одна вершина, почти уединенная, гора Абу, увѣнчанная нѣкоторыми изъ самыхъ знаменитыхъ святилищъ Индустана, поднимается надъ пустынными равнинами, продолжающимися далеко по направленію къ Инду. Почти всѣ горныя породы средней части Индіи принадлежатъ къ очень древнимъ формаціямъ, и эти-то породы заключаютъ въ себѣ важнѣйшіе каменноугольные пласты, равно какъ богатѣйшія рудныя мѣсторожденія. Въ группѣ горъ Чалчиръ, между Ориссой и центральными провинціями, геологи наблюдали глины глетчернаго происхожденія и скалы, испещренныя полосами или бороздами и отшлифованныя; это еще одинъ лишній примѣръ, прибавленный къ многимъ другимъ фактамъ того же рода, свидѣтельствующимъ о существованіи ледяного періода въ странахъ тропическаго пояса, лежащихъ на незначительномъ возвышеніи надъ уровнемъ моря. Точно также сходство, которое представляетъ ископаемая флора каменноугольныхъ пластовъ Южной Индіи и Австраліи, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что эти земли, теперь удаленныя одна отъ другой почти на 9.000 километровъ, составляли въ давнія времена часть одного и того же материка [3]).

Большая треугольная равнина сѣвера Индіи, образуемая двумя нижними бассейнами Инда и Ганга и промежуточными пространствами, занимаетъ въ ширину протяженіе около 2.400 километровъ, равное разстоянію отъ Парижа до Москвы: это страна, которой персы дали спеціально имя Индустана,—названіе, которое теперь примѣняется къ цѣлому полуострову. Эта область, хотя менѣе обширная, нежели область плоскогорій и горныхъ цѣпей Южной Индіи, и хотя занятая частью, между горами Аравалли и рѣкою Индомъ, безплодными, совершенно необитаемыми пространствами, есть, однако, самая многолюдная изъ двухъ половинъ Индіи; 160 милліоновъ жителей скучены въ орошаемыхъ мѣстностяхъ равнины, тогда какъ Деканъ и географически принадлежащіе къ нему округи населены только сотней милліоновъ людей. Вслѣдствіе контраста, который представляютъ эти двѣ области, исторія населеній должна была слѣдовать съ той и другой стороны совершенно различнымъ теченіямъ. Сѣверный бассейнъ, нивеллируемый и оплодотворяемый рѣками, которыя черезъ него протекаютъ, естественно сдѣлался большимъ притягательнымъ фокусомъ для окружающихъ

[1]) George Campbell „Mittheilungen von Petermann", 1868 г., № 1.

[2]) Medlicott; Godwin Austen, „Journal of the Geographical Society of London", 1873 г.

[3]) Henry Blanford, „Quarterly Journal of the Geological Society", nov. 1. 1875.

націй. Земледѣльцы сгруппировались въ этихъ плодоносныхъ мѣстностяхъ; тамъ возникли многочисленные города и рынки, центры торговаго движенія, промышленность быстро развилась, цивилизація совершила свои чудеса. Но тамъ же, въ этой области, послѣдовательныя нашествія чужеземцевъ вызывали самыя сильныя столкновенія народностей, и потому тамъ всего чаще перемѣнялись или обновлялись расы. Обширный бассейнъ, окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе возвышенными областями, индо-гангская равнина была, такъ сказать, заранѣе выставлена, подобно Сѣверной Италіи, вторженіямъ всѣхъ своихъ сосѣдей. На западѣ афганцы и даже завоеватели, приходившіе изъ-за Гинду-куша, находили широко раскрытыя двери, чтобы спускаться съ горъ къ этимъ богатымъ плодороднымъ равнинамъ

Видъ съ горы Абу.

и этимъ пышнымъ городамъ, которые наполняются сокровищами въ теченіе самаго короткаго періода мира; на сѣверѣ воинственные народцы горныхъ цѣпей были отдѣлены отъ земледѣльцевъ равнины только узкимъ поясомъ болотистыхъ пространствъ; также и на востокѣ дикія племена горъ, откуда вытекаетъ Брахмапутра, видѣли передъ собою дороги, удобныя для ихъ разбойничьихъ экспедицій. Въ теченіе вѣковъ чужеземные набѣги возобновлялись безпрестанно то на одномъ, то на другомъ пунктѣ, и иногда эти вооруженныя посѣщенія принимали характеръ настоящихъ переселеній. Такимъ образомъ, въ продолженіе историческаго періода масса населенія не переставала измѣняться и обновляться въ равнинахъ Инда и Ганга. Древнія расы, языки былыхъ временъ не встрѣчаются болѣе въ этихъ краяхъ, которые такъ часто были опустошаемы огнемъ и мечемъ, тогда какъ плоскогорья и лѣсныя долины полуденной Индіи могли сохранить въ ихъ первобытной чистотѣ многія племена, имѣющія до сихъ поръ ту же физическую внѣшность, тотъ же языкъ, тѣ же нравы и обычаи, какъ двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ; но эти народцы должны были роиться, когда ихъ ульи переполнялись, и въ какую же сторону должны были направляться преимущественно ихъ эмигранты, воинственные или мирные, если не къ прекраснымъ городамъ равнины, которые манили ихъ своими золотыми, ярко блестѣвшими куполами? Въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ на полуостровѣ Индіи контрастъ, подобный тому, какой представляетъ Франція, впрочемъ, въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Обѣ эти страны имѣютъ на сѣверѣ свой фокусъ притяженія, на югѣ свой центръ разсѣянія. Но выходцы съ плоскогорій и горъ не только спускались къ сѣвернымъ равнинамъ; они направлялись также по самой окружности полуострова, вдоль береговъ Карамандельскаго и Малабарскаго. Отъ внутреннихъ, болѣе возвышенныхъ областей народонаселеніе постепенно увеличивается численно по направленію къ морскому прибрежью, гдѣ слѣдуютъ одни за другими непрерывнымъ рядомъ города и деревни, утопающіе въ зелени. Совершенно естественно также, что въ Южной Индіи военныя кампаніи, передвиженія народовъ, образованія государствъ, словомъ, все историческое движеніе, происходили, главнымъ образомъ, на той покатости, которая наклонена къ Бенгальскому заливу, такъ какъ въ этомъ направленіи тянутся болѣе пологіе склоны горъ, открываются широкія долины и текутъ большія рѣки; западный склонъ Декана круче, чѣмъ восточный.

Гималай, который иногда разсматриваютъ какъ часть Индустана, есть въ дѣйствительности особый міръ, индійскій—по своему основанію, по растительности, по климату и по вытекающимъ изъ него рѣкамъ, тибетскій—по громадной выпуклости земнаго рельефа, которой онъ составляетъ полуденный край. Но этотъ хребетъ есть въ то же время продолженіе горба Азіи. Названіе «кровля міра», которое обыкновенно примѣняютъ къ одному Памиру, принадлежитъ въ дѣйствительности всѣмъ плоскогорьямъ и всѣмъ горнымъ цѣпямъ, которыя занимаютъ центръ континента, отъ Гинду-куша до Сечуанскихъ Альпъ и отъ Тянь-шаня до Ассамскихъ горъ. Эти раздѣльные хребты, имѣющіе общее протяженіе въ нѣсколько тысячъ километровъ, составляютъ, такъ сказать, особый континентъ, поставленный на материкъ нижней Азіи. Главныя территоріальныя дѣленія этой части свѣта, естественно, тѣ, которыя очерчены этими могучими горными массами. На сѣверозападѣ, бассейнъ Аму-Дарьи начинаетъ собою обширную низменность русской Азіи; на сѣверовостокѣ, таримскія пустыни продолжаются невысокими плоскогорьями Монголіи и равнинами Китая; на сѣверо-западѣ, Гинду-кушъ прикрываетъ Афганистанъ и Персію, тогда какъ на югѣ и на юго-западѣ открываются глубокіе бассейны Инда и Ганга.

Изъ всѣхъ этихъ частей развѣтвленнаго горба Азіи самая возвышенная, если не по всей совокупности своей массы, то, по-крайней мѣрѣ, по высшимъ выступамъ своего гребня, есть, вѣроятно, Гималай; но съ полною увѣренностью мы еще не можемъ этого сказать, такъ какъ высшія точки Тибетскаго плоскогорія и Западнаго Сечуана и даже отчасти высшія точки загималайской цѣпи ожидаютъ еще изслѣдователя, который измѣрилъ бы ихъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія англичане, видя высокія, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ вершины Гималая, поднимающіяся надъ равнинами Ганга, не знали еще относительной важности этихъ горъ въ планетномъ рельефѣ; со времени изслѣдованій Бугера и Кондамина въ экваторіальныхъ Андахъ стали смотрѣть на Чимборасо какъ на гиганта между горами земнаго шара, хотя эта гора не имѣетъ права на первенство даже въ предѣлахъ южно-американскаго континента. Однако, Вильямъ Джонсъ, въ 1784 году, составляя мемуаръ, который былъ изданъ въ свѣтъ только двадцать лѣтъ спустя, высказалъ мнѣніе, что Гималайскія горы—«самыя высокія на всей землѣ». Въ 1805 году, Крауфордъ, первый, измѣрилъ высоту нѣкоторыхъ изъ колоссовъ, господствующихъ надъ долинами Непала, и указалъ на нихъ географамъ какъ на горы, далеко превосходящія, по высотѣ, южно-американскія Анды; но между его соотечественниками нашлись люди, оспаривавшіе справедливость его выводовъ, и такъ какъ его путевой журналъ затерялся, то вопросъ былъ окончательно рѣшенъ лишь сорокъ лѣтъ спустя, въ 1845 году, когда производилась, подъ управленіемъ Эндрью Уога,

топографическая съемка западнаго Гималая и горъ Сиккима [1]). Уогъ первый обслѣдовалъ и измѣрилъ, на общей границѣ Тибета и Непала, ту «Лучезарную» гору, Гауризанкаръ, вершина которой поднимается выше всѣхъ другихъ до нынѣ измѣренныхъ выступовъ рельефа земнаго шара надъ поверхностью морей, именно почти на 9 километровъ, то-есть достигаетъ высоты, въ два раза превосходящей высоту Монъ-Розы. Замѣчательно, что тоже на глубинѣ около 9 километровъ была открыта, кораблемъ «Tuscarora», въ Тихомъ океанѣ, противъ восточныхъ береговъ Японіи, величайшая, извѣстная до сихъ поръ морская бездна; общая разность неровностей земнаго рельефа, между высшей точкой Азіи и самой глубокой впадиной ея морей, составляетъ около 17 съ половиной километровъ (вотъ точныя цифры: высота Гауризанкара 8.840 метр., глубина пучины, открытой кораблемъ «Тускарора», 8.573 метр., разстояніе между этими двумя точками, по вертикальной линіи, 17.413 метровъ). Это неровности вполнѣ ощутительныя относительно размѣровъ нашей планеты; выступъ рельефа, образуемый Гауризанкаромъ, представляетъ около 720-й части земнаго радіуса.

Среди санскритскихъ и тибетскихъ названій, которыя носятъ различныя вершины Гималайскихъ горъ, англійское имя Эверестъ, которое Уогъ далъ, въ память своего предшественника, «Лучезарной» горѣ, кажется страннымъ и даже шокирующимъ; но не справедливо ли, чтобы дѣятельное и плодотворное участіе, принятое европейской наукой въ дѣлѣ изслѣдованія Индіи, было замѣтно хоть сколько-нибудь въ географической номенклатурѣ, и чтобы какое-либо опредѣленное наименованіе, хотя бы и чужеземное, замѣнило тѣ буквы и цифры, которыя инженеры-топографы, незнавшіе туземныхъ названій, должны были употреблять на первыхъ порахъ? Хотя индусы, безъ сомнѣнія, знали большіе массивы, которые высятся на южномъ краю Тибетскаго плоскогорья; хотя они воспѣвали ихъ въ своихъ поэмахъ, прославляли въ своихъ молитвахъ; хотя они перечислили тысячи безплотныхъ духовъ, которые кружатся надъ ихъ вершинами въ блескѣ утреннихъ лучей солнца, тѣмъ не менѣе, они, кажется, не имѣли точнаго понятія объ истинной формѣ Гималая; всецѣло погруженные въ обожаніе, они не могли, конечно, профанировать своего культа строгими наблюденіями. Трудно отождествить различныя горы, имена которыхъ встрѣчаются у древнихъ авторовъ, и совершенно невозможно согласить ихъ описанія съ истиннымъ рельефомъ страны, такъ какъ они старались вездѣ отыскать симметрію формъ, которой не существуетъ въ дѣйствительной архитектурѣ горныхъ цѣпей и въ расхожденіи долинъ. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что главными массивами Гималая они считали не тѣ, которымъ новѣйшіе изслѣдователи придаютъ первенствующее значеніе. Подобно тому, какъ путешественники центральной Европы, слѣдуя по теченію большихъ рѣкъ, Рейна, Роны, Тессина, были, такъ сказать, направляемы въ своемъ движеніи къ центральной группѣ Сенъ-Готарда, и, естественно, принимали его за хребетъ или горбъ нашего континента, такъ точно индійскіе пилигримы, поднимаясь по теченію своихъ рѣкъ, Синду, Сетледжа, Джамны, Ганга, и видя передъ собой неприступныя горы, возвышающіяся между истоками этихъ священныхъ водъ, вообразили, что тамъ возсѣдаютъ безсмертные боги, созерцающіе бездны міра; тамъ высятся Меру, «золотая гора», и Сринговатъ, «окованный всѣми металлами», Кайласъ, «сложенный изъ драгоцѣнныхъ камней», Нила, «сдѣланный изъ лазурика [1]). Легенды, относящіяся къ этой таинственной странѣ, росли и множились изъ вѣка въ вѣкъ, такъ что, наконецъ, всякая дѣйствительность исчезла подъ густой тканью, сплетенной изъ басенъ. Такъ, въ седьмомъ столѣтіи, когда китайскій пилигримъ Гіуэнъ-Тсангъ странствовалъ по Индустану, гора Анеута или Сумилу, то-есть гора, «образованная изъ четырехъ драгоцѣнныхъ вещей», была представляема какъ опирающаяся на золотое колесо и омываемая водами обширнаго моря. Съ ея склоновъ низвергается «безсмертный океанъ», раздѣленный на четыре священныя рѣки, которыя кружатся въ концентрическихъ долинахъ, чтобы оставаться подольше вблизи матери-горы: это остатки бороздъ, проведенныхъ сохой боговъ [2]).

Подъ вліяніемъ естественнаго чувства благоговѣнія ко всему, что не имѣетъ себѣ равнаго, люди, созерцающіе Гималайскія горы, заранѣе расположены приходить въ восторгъ при видѣ несравненной красоты ярко блистающихъ на солнцѣ исполинскихъ снѣговыхъ вершинъ, за которыми разстилаются угрюмыя плоскогорья Тибета. Но если бы даже онѣ уступали по высотѣ Андамъ или Кавказу, горныя цѣпи, образующія хребетъ Азіи, представляли бы, тѣмъ не менѣе, одну изъ самыхъ поразительныхъ картинъ земнаго шара по многочисленности и величественной формѣ вершинъ, которыя ясно видны съ равнинъ Индустана, подернутыя синеватой дымкой и являющіяся въ мягкихъ очертаніяхъ, такъ что издали ихъ можно скорѣе принять за переливы свѣта, чѣмъ за громады изъ скалъ. Почти всѣ прославленныя мѣста, куда отправляются путешественники, чтобы

[1]) Clements Markham, „A memoir on the Indian Surveys“.

[1]) „Maha-Bhishma, Bhishma-Parva“, trad. Hipp. Fauche

[2]) Wilford, „Asiatic Researches“; Stanislas Julien, „Histoire de la vie de Hiouenthsang“.

наслаждаться общимъ видомъ на значительную часть цѣпи, сами уже очень высоки; они находятся на трети или даже на половинѣ высоты вершинъ, ограниченныхъ лазурью отдаленнаго небосклона; но у подножія этихъ обсерваторій открываются глубокія долины. Отъ лѣсовъ субтропическаго пояса, которые видпѣются далеко внизу, какъ бы на днѣ пропасти, взоръ можетъ постепенно подниматься къ склонамъ, одѣтымъ растительностью умѣренныхъ поясовъ, затѣмъ къ альпійскимъ пастбищамъ и къ снѣгамъ, которымъ Гималай обязанъ своими многочисленными именами, какъ-то: Гимаватъ, Гимадри, Гимачала, Гимодайя (Acmodus, Imaus). Въ необозримомъ амфитеатрѣ горъ, который развертывается отъ одной до другой стороны горизонта, пики и куполы, высотой съ европейскій Монъ-Бланъ, имѣютъ еще, въ теченіе извѣстной части года, сѣрый цвѣтъ отъ каменныхъ обломковъ или зеленый отъ дерноваго ковра; но уже на небольшомъ разстояніи выше снѣгъ покрываетъ склоны круглый годъ. На громадномъ цоколѣ зеленѣющихъ или каменистыхъ Альпъ высятся другія Альпы, вѣчно бѣлыя, исключая тѣхъ промежутковъ времени, когда солнце позлащаетъ ихъ своими лучами, или когда тѣнь набрасываетъ на нихъ синеватый покровъ, и, господствуя надъ всѣмъ этимъ скопленіемъ снѣжныхъ пирамидъ, высоко поднимаются конечныя верхушки, куда еще не ступала нога человѣка, и которыя кажутся тѣмъ болѣе высокими, что напередъ знаешь ихъ недоступность. Съ вершины этихъ пиковъ, если когда-нибудь удастся взобраться туда, совершившій это смѣлое восхожденіе можетъ созерцать одновременно плоскогорія Тибета и равнины Индіи, долину, которую вырылъ себѣ Цангбо, и равнины, по которымъ протекаютъ извилистой линіей Гангъ и Джумна.

Раздѣльная граница между Гималаемъ, Каракорумомъ и Гинду-кушемъ, которые вмѣстѣ образуютъ «Каменный поясъ земли»,—чисто условная. Въ самомъ дѣлѣ, обширная область, около 600.000 квадр. километровъ, которую ограничиваютъ плоскогорья Памира и Тибета, равнины Ярканда и Пенджаба, на всемъ своемъ протяженіи уставлена высокими горными цѣпями; за исключеніемъ нѣсколькихъ озерныхъ бассейновъ, частью еще наполненныхъ водой, частью уже пустыхъ, и глубокихъ ущелій, гдѣ текутъ рѣки, все это пространство есть не что иное, какъ лабиринтъ массивовъ и отроговъ, которые разнообразно соединяются съ главными хребтами, расположенными на окраинахъ; здѣсь три орографическія системы, такъ сказать, переплетаются и проникаютъ одна другую, будучи связаны либо геологической природой горныхъ породъ, либо формой рельефа или среднимъ направленіемъ грядъ. Однако, можно сказать вообще, что Гималайскія горы останавливаются на южной сторонѣ Гильгитской долины [1]; онѣ переходятъ за Индъ, и ущелье, чрезъ которое эта рѣка вырывается изъ нагорныхъ долинъ, находится почти на томъ же меридіанѣ, какъ и горный узелъ, гдѣ цѣпь Гинду-куша развѣтвляется, чтобы образовать хребты Каракорума и Куэнь-луня. Тогда какъ къ западу отъ Инда нормальное направленіе горныхъ осей идетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, гребни горъ, лежащихъ къ востоку отъ этой рѣки, тянутся въ направленіи перпендикулярномъ къ предыдущему, то-есть съ сѣверо-запада на юго-востокъ, параллельно верхнимъ долинамъ Инда и его притоковъ. Что касается восточныхъ границъ гималайской системы, то вопросъ о нихъ еще не рѣшенъ. Большинство писателей, принимая гипотезу Реннеля о тождествѣ рѣкъ Цангбо и Брахмапутры, продолжаютъ Гималай до пролома, черезъ который, будто бы, эта рѣка уходитъ по направленію къ Индустану; но это не болѣе какъ предположеніе, прибавленное къ другимъ предположеніямъ того же рода, такъ какъ изслѣдователи еще не посѣтили этихъ странъ, и до сихъ поръ мы еще не знаемъ ничего положительнаго относительно хода рѣкъ, которыя черезъ нихъ протекаютъ, и направленія горныхъ цѣпей, которыя надъ ними господствуютъ. Достовѣрно только то, что въ Восточномъ Бутанѣ хребты, пройденные путешественникомъ Найнъ-Сингомъ, принадлежатъ къ системѣ Гималая и что въ 500 километрахъ далѣе къ востоку, на берегахъ Лутце-кіанга, или Салуэна, горы, направляющіяся съ сѣвера на югъ, составляютъ часть уже другой орографической системы. Географическія изслѣдованія или даже завоеванія, которыя, безъ сомнѣнія, не заставятъ долго ждать себя въ этихъ невѣдомыхъ пространствахъ, объяснятъ намъ, какимъ образомъ хребты Гималая и хребты Восточнаго Тибета соединяются промежуточными массивами.

Разсматриваемая въ цѣломъ, цѣпь горъ, окаймляющая съ внѣшней стороны Тибетское плоскогорье, тянется «въ формѣ палаша» на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ Индустана, обращая свою выпуклость къ равнинамъ. Общая длина ея навѣрно превышаетъ 2.200 километровъ, а средняя ширина, отъ предгорій равнины Ганга до глубокой долины Тибета, въ которой протекаетъ рѣка Цангбо, никакъ не менѣе 250 километровъ. Слѣдовательно, пространство, покрываемое этими горами, гораздо больше площади всей Франціи; распредѣленная однообразно по всей поверхности материковъ, масса Гималайскихъ горъ, считая среднюю ея высоту только въ 4.000 метровъ, образовала бы слой толщиной въ 18-ть слишкомъ метровъ. Но въ этомъ исчисленіи еще не взята въ разсчетъ собственно краевая цѣпь высокаго плоскогорья

[1]) Frelawney Saunders, „Sheffield meeting of the British Association“, 1879.

Хачи. Эта цѣпь, какъ извѣстно, продолжаетъ собою, слѣдуя параллельно Гималаю, гряду горъ Каракорумъ, и подъ разными именами тянется на сѣверъ отъ истоковъ Сетледжа и долины Цангбо, затѣмъ, на югѣ отъ озера Тенгри-норъ, сливается съ массивомъ Нинджинъ-тангъ-ла: это тотъ самый хребетъ, который многіе географы, со временъ Клапрота, означаютъ подъ именемъ Гангъ-дисъ-ри. Одна изъ горъ, наиболѣе прославленныхъ въ индійской миѳологіи, пирамида Кайласа, снѣжный вѣнецъ которой отражается въ водахъ озера Мансарауръ, есть одна изъ вершинъ этой цѣпи Гангъ-дисъ-ри и, слѣдовательно, находится уже внѣ предѣловъ гималайской системы, начертанныхъ географами; а между тѣмъ, въ поэтической и религіозной исторіи Индія это самая священная гора, и имя ея смѣшивается съ именемъ неба.

Гималай, безъ Гангъ-дисъ-ри, состоитъ изъ двухъ параллельныхъ цѣпей, собственно Гималая, т. е. южной гряды, которая поднимается непосредственно надъ равнинами Инда, и Загималайскаго хребта, который ограниченъ на сѣверѣ пониженіемъ или широкой долиной, гдѣ течетъ рѣка Цангбо. Изъ этихъ двухъ цѣпей, послѣдняя, т. е. Загималайская, должна быть разсматриваема какъ линія водораздѣла, хотя ея главныя вершины, или лангуръ, не достигаютъ, можетъ быть, высоты вершинъ южнаго Гималая. На пространствѣ около 800 километровъ Загималайскія горы тянутся непрерывно, не оставляя между собою ни одной бреши, черезъ которую могли бы уходить воды средняго пониженія, находящагося между двумя цѣпями. Напротивъ, южная гряда, та, надъ которой господствуютъ колоссы Чумалари, Кинчинджинга, Гауризанкаръ, Давалагири, перерѣзана глубокими долинами и ущельями, дающими проходъ многочисленнымъ притокамъ Ганга: рѣкамъ Косси, Гандакъ, Карнали, Кали, и верхнимъ притокамъ, Алакнанда и Багиратиганга. Такимъ образомъ, эта цѣпь разрѣзана на многочисленные отрывки или массивы, изъ которыхъ иные имѣютъ видъ совершенно отдѣльныхъ группъ и которые не тянутся по прямой линіи съ правильностью обыкновенныхъ гребней [1]). Непосредственно на западѣ отъ истоковъ Ганга открывается проломъ, болѣе глубокій, чѣмъ предыдущіе, проходящій не только черезъ Гималай, но также и черезъ сѣверную параллельную цѣпь; горный валъ перерѣзанъ по всей ширинѣ теченіемъ Сетледжа, который въ началѣ слѣдуетъ общему направленію гималайской оси, съ юго-востока на сѣверо-западъ, а затѣмъ черезъ рядъ узкихъ поперечныхъ долинъ выходитъ изъ горъ, чтобы идти къ юго-западу на соединеніе съ Индомъ. Далѣе, за этимъ притокомъ,—Чинабъ, менѣе могучій, чѣмъ Сетледжъ, беретъ начало между двумя параллельными цѣпями, такъ что ему нужно перейти только черезъ южную гряду Гималайскихъ горъ; то же самое нужно сказать о Джиламѣ, который зарождается въ Кашмирскомъ бассейнѣ; но Индъ получаетъ свои первыя воды на самомъ плоскогорьѣ Тибета, на сѣверѣ отъ всей гималайской системы. Какъ и Сетледжъ, онъ течетъ сначала въ сѣверо-западномъ направленіи, чтобы отыскать себѣ выходъ; однако, нигдѣ не встрѣчаетъ бреши до того мѣста, гдѣ онъ приближается къ полуденнымъ контрфорсамъ Гинду-куша. Шайокъ, или «женскій Индъ», который соединяется съ «мужскимъ Индомъ» на большомъ разстояніи выше пролома, принадлежитъ уже, по своимъ сѣвернымъ притокамъ, къ области Каракорума, къ цѣпи «Черныхъ обваловъ».

Такимъ образомъ размытыя водами бреши разрѣзали весь западный скатъ Тибета на отдѣльныя гряды, вообще оріентированныя въ ту же сторону, какъ Гималайскія и Загималайскія горы; но эти хребты такъ многочисленны, и ихъ развѣтвленія до такой степени переплетаются между собой, что трудно опредѣлить вездѣ съ достовѣрностью ихъ нормальное направленіе. Гималай въ собственномъ смыслѣ продолжается по ту сторону Седледжа горами, которыя ограничены на сѣверѣ обвалами и песчаными откосами долины рѣки Спити; затѣмъ, далѣе, онъ образуетъ хребетъ южнаго Лагула и хребетъ Панджаль, который господствуетъ на югѣ надъ Кашмирской равниной. Это та цѣпь, которую Куннингамъ называетъ, взятую въ цѣломъ, среднимъ Гималаемъ, и которую сопровождаетъ на югѣ, въ одной части ея протяженія, гряда Даоладаръ, или «Бѣлыхъ горъ». Что касается Загималайской цѣпи, то она продолжается хребтомъ Бара-лача, или Занскаръ, затѣмъ, по сю сторону ущелій Инда, опять поднимается, чтобы образовать величественную пирамиду Нанга-Парбатъ, или Діармиръ, сѣверо-западную границу Индустана. Въ западной части системы первенство относительно высоты вершинъ принадлежитъ Загималайскимъ горамъ. На сѣверѣ отъ этой цѣпи другой хребетъ, который можно бы назвать «Лехскими горами», по имени города, лежащаго при южной его подошвѣ, тянется въ видѣ длиннаго, почти островнаго выступа, ограниченнаго съ одной стороны Индомъ, съ другой — Шайокомъ, Панконгомъ и притокомъ этого солоноватаго озера. Наконецъ, и самый Каракорумъ, котораго цѣпи и отроги были отдѣлены отъ однообразной массы плоскогорья и, такъ сказать, изсѣчены размывающимъ дѣйствіемъ водъ, походитъ на параллельныя гряды Гималая формой и оріентировкой своего рельефа; только его пики гораздо выше вершинъ западнаго Гималая; снѣга и льды, отъ кото-

---

[1]) Herbert; Strachey; Medlicott, „Memoirs of the Geological Survey of India“, 1865.

рыхъ онъ получилъ имя Мустагъ, или «Снѣговыхъ горъ», покрываютъ гораздо болѣе обширную поверхность, и переходъ черезъ него труднѣе. Одна изъ горъ Каракорума, Дапсангъ, уступаетъ по высотѣ только Гауризанкару, она превосходитъ даже Кинчинджингу; среднимъ числомъ, извѣстные пороги, чрезъ которые путешественники проникаютъ изъ долины Инда въ долину Кара-каша, или Яркандъ-дарьи, поднимаются не менѣе какъ на 5.700 метровъ надъ уровнемъ океана, тогда какъ проходы Гималайскаго и Загималайскаго хребтовъ открываются на высотѣ 5.425 метровъ, то-есть на высотѣ, превосходящей на 600 метровъ высоту европейскаго Монъ-Блана [1]). Какъ водораздѣльный хребетъ покатости между бассейнами Инда и Тарима, Каракорумъ тѣмъ самымъ сдѣлался истинной границей Индустана. Вся область горъ и овраговъ, продолжающая на сѣверо-западѣ угрюмыя плоскогорья Большаго Тибета, и часть которой иногда означается именами «Малаго», «Абрикосоваго», «Кашмирскаго» Тибета, вошла въ кругъ притяженія индійской исторіи и находится подъ британскимъ владычествомъ чрезъ посредство кашмирскаго раджи; Индустанъ, какъ группа политическихъ государствъ, подвластныхъ Англіи, сдѣлался такимъ образомъ сопредѣльнымъ китайскому Туркестану черезъ пороги Каракорума. Но на востокѣ отъ кашмирскихъ провинцій граница англійской Индіи, Непала и Бутана, обозначена въ большей части ея протяженія не сплошной цѣпью Загималайскихъ горъ, но отрывочными массивами Гималая въ собственномъ смыслѣ.

Бреши, черезъ которыя уходятъ рѣки, слишкомъ загромождены скалами, слишкомъ изрѣзаны пропастями, чтобы дороги могли слѣдовать вдоль ихъ теченія, и потому къ цоколю, поддерживающему двѣ Гималайскія цѣпи, нужно подниматься почти единственно черезъ проходы, открывающіеся между снѣговыми вершинами; самые низкіе пороги между противоположными склонами находятся то на Гималайскихъ, то на Загималайскихъ горахъ или даже въ промежуточномъ пространствѣ. Эти перевалы, менѣе возвышенные сравнительно съ проходами Каракорума, представляютъ путешественникамъ еще и ту выгоду, что они лежатъ подъ болѣе южной широтой (отъ 6 до 8 градусовъ ближе къ экватору); но, тѣмъ не менѣе, большая часть ихъ совершенно непроходимы въ періодъ юго-западнаго муссона, когда вѣтеръ поднимаетъ снѣжные вихри. Разница климатовъ между плоскогорьями и нижними равнинами такъ велика, что жители тѣхъ и другихъ странъ были бы менѣе раздѣлены другъ съ другомъ, если бы между ними проходилъ широкій рукавъ океана. Земледѣльцы Индіи никогда не имѣли причины опасаться набѣговъ со стороны бодовъ, или тибетцевъ, обитателей возвышенностей; имъ приходилось защищаться только отъ воинственныхъ народцевъ, живущихъ на склонахъ горъ и въ долинахъ, до высоты 2.000 или 3.000 метровъ; выше простирается почти необитаемый поясъ камней, дерна и снѣга. Одни только путешественники, привыкшіе уже, либо по образу жизни, либо благодаря частымъ восхожденіямъ, дышать воздухомъ высокихъ горъ, могутъ отваживаться на переходъ черезъ Гималайскія вершины; разрѣженность воздуха дѣлаетъ тамъ малѣйшій физическій трудъ крайне тягостнымъ; путешественники изъ туземцевъ разсказываютъ, будто бы при восхожденіи на высокія горы человѣкъ отравляется испареніями биса или сорана, подъ которымъ они понимаютъ то цвѣтокъ, — преимущественно одинъ видъ аконита [1]),—то особенный горный воздухъ. Въ 1855 году, Адольфъ и Робертъ Шлагинтвейты, первые между европейскими путешественниками, перешли черезъ перевалъ Иби-Гаминъ, высота котораго равняется возвышенію, какое имѣлъ бы Пюи-де-Домъ, поставленный на Монъ-Бланъ. Впослѣдствіи Джонстонъ взобрался еще гораздо выше: вершина, на которую онъ совершилъ восхожденіе, имѣетъ не менѣе 6.900 метровъ. До настоящаго времени ни одинъ путешественникъ, если не считать тѣхъ, которые поднимались на аэростатахъ въ воздушныя пространства, не достигалъ болѣе значительныхъ высотъ.

Система Гималайскихъ горъ, повидимому, не можетъ быть признана столь же древней, какъ Куэнь-лунь, въ исторіи земли. Насколько можно судить по тѣмъ наблюденіямъ, которыя были сдѣланы рѣдкими путешественниками относительно части Куэнь-луня, сосѣдней съ Хотаномъ, средній хребетъ азіатскаго континента есть въ то же время первоначальный выступъ его рельефа; этотъ хребетъ состоитъ изъ древнихъ формацій, тогда какъ всѣ горныя цѣпи, слѣдующія одна за другой по направленію съ сѣвера на югъ отъ этой первой гряды, представляютъ складки земной коры, образовавшіяся въ болѣе близкую къ намъ эпоху. Граниты въ собственномъ смыслѣ рѣдки въ Гималайскихъ горахъ [2]). Кристаллическія горныя породы, составляющія центральную массу, суть, по большей части, гнейсы и метаморфическіе сланцы; нѣкоторыя области Гималая въ міоценовую эпоху, по всей вѣроятности, мало возвышались надъ уровнемъ моря и пользовались климатомъ столь же умѣреннымъ, какъ и центральная Европа: въ Тибетѣ нашли ископаемые остатки бегемота на высотѣ слиш-

[1]) Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien".

[1]) Wallich; Hamilton, „An account of Nepal".
[2]) Hermann von Schlagintweit, Risen in Indien und Hochasien", Bd. II.

комъ 4.850 метровъ [1]). Впрочемъ, различные изслѣдователи открыли въ пластахъ этой цѣпи окаменѣлости, принадлежащія къ цѣлому ряду геологическихъ образованій, начиная съ

Размытыя рѣкою Спити скалы.

силурійской эпохи [2]); тамъ и сямъ нѣкоторыя плутоническія формаціи пробились на свѣтъ божій черезъ налегавшіе на нихъ верхніе пласты, но нигдѣ не найдено слѣдовъ существованія вулканическихъ кратеровъ. Каковъ бы ни былъ возрастъ этихъ двухъ цѣпей, Гималайской и Загималайской, слои, которые отложились на полуденныхъ склонахъ горъ, обращенныхъ къ равнинамъ Индустана, несомнѣнно принадлежатъ къ послѣднимъ періодамъ третичныхъ вѣковъ. Расположенныя въ видѣ цѣ-

[1]) Alfred R. Wallace, „Proceedings of the Geographical Society of London", sept. 19, 1877.

[2]) Theobald; Lyddeker; Stoliczka; Godwin Austen.

пей, параллельныхъ главной оси горба Азіи, предгорья, извѣстныя у геологовъ подъ именемъ Подгималая или Нижняго Гималая, состоятъ почти всѣ изъ массивныхъ песчаниковъ, соединенныхъ разнообразно съ конгломератами и съ глинами. Отъ береговъ Брахмапутры до береговъ Инда, эти цѣпи слѣдуютъ одна за другой въ правильномъ порядкѣ по направленію къ западу, затѣмъ къ сѣверо-западу, прерываемыя только, въ разныхъ пунктахъ своего протяженія, такъ называемыми «воротами», которыя тамъ открыли себѣ горные потоки, чтобы найти выходъ изъ продольныхъ долинъ, проточенныхъ водами у основанія верхнихъ горъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ масса воды, которая льется съ верхнихъ ледниковъ и образуетъ блуждающія рѣчки, попеременно то соединяющія, то раздѣляющія свои каменистыя русла, была достаточна, чтобы смыть на обширныхъ пространствахъ холмы передовой цѣпи.

Самая знаменитая и самая правильная изъ этихъ цѣпей Нижняго Гималая—хребетъ Сиваликъ, который тянется, отъ юго-востока къ сѣверо-западу, на пространствѣ слишкомъ 300 километровъ, между воротами Ганга, у Гардвара, и воротами Біаса, одной изъ «пяти рѣкъ» Пенджаба. Рѣки Джумна и Сетледжъ разрѣзываютъ эту цѣпь на отрывки, неравные по размѣрамъ, но похожіе одинъ на другой свойствомъ горныхъ породъ и формой крутыхъ скатовъ и овраговъ. Такъ называемые дуны, подобные доарамъ Бутана и мари Сиккима, то-есть продольныя долины, отдѣленныя отъ равнинъ Индіи цѣпью Сиваликъ, средняя высота которой около тысячи метровъ, были нѣкогда озерами. Опорожненныя мало-по-малу вытекающими изъ нихъ рѣками, нѣкоторыя изъ этихъ долинъ имѣютъ слишкомъ узкое дно и слишкомъ загромождены джунглями, чтобы представлять живописныя картины; но другія, напротивъ, превратились въ очаровательныя мѣстности, напоминающія англичанамъ ландшафты ихъ родины богатствомъ зелени, живописной красотой лѣсковъ, разсѣянныхъ по берегамъ ручьевъ и на бывшихъ островныхъ пригоркахъ, граціознымъ контуромъ холмовъ, увѣнчанныхъ селеніями. Въ былыя времена воды замкнутыхъ озеръ часто выбрасывали на свои берега тѣла большихъ млекопитающихъ, кости которыхъ теперь находятъ въ слояхъ песчаника цѣпи Сиваликъ, или Сивалай. Между этими животными, изъ которыхъ иныя были открыты въ первый разъ въ этой области Индіи, самое замѣчательное—исполинскій сиватерій, которому дано такое названіе, какъ и самымъ холмамъ, по имени Сивы, бога, безпрестанно разрушающаго и преобразующаго землю новыми твореніями.

Въ цѣломъ, Гималайскія горы отличаются нѣкоторымъ однообразіемъ внѣшняго вида. Онѣ болѣе поражаютъ своей массой, громадой, чѣмъ ласкаютъ взоръ разнообразіемъ своихъ пейзажей. Одни только путешественники, проникающіе далеко вглубь «Области вѣчныхъ снѣговъ» и съ невѣроятнымъ трудомъ взбирающіеся на какую-нибудь вершину, равную по высотѣ колоссамъ европейскихъ Альпъ, могутъ составить себѣ понятіе о ясномъ, спокойномъ величіи этихъ исполинскихъ горъ, которыя жителямъ равнинъ представляются не болѣе, какъ металлическими пластинками, блистающими вдали на горизонтѣ подъ лучами солнца. Среди необозримыхъ пустынь на высотахъ, превышающихъ на цѣлыя сотни, даже на тысячи метровъ самые возвышенные пункты, гдѣ встрѣчаются человѣческія жилища, видны еще вершины, высоко поднимающіяся изъ-за ряда другихъ, болѣе низкихъ горъ и господствующія надъ безпредѣльнымъ пространствомъ, наполненнымъ облаками, льдами и скалами; нигдѣ морены и ледники, снѣжныя и фирновыя поля, обвалы, зубчатые гребни и остроконечныя верхушки пирамидъ, пики, нагроможденные одинъ на другой, не являются въ болѣе грандіозномъ видѣ. Какъ справедливо говорятъ Веды, это—«третій міръ», совершенно отличный отъ двухъ другихъ міровъ, то-есть, нижнихъ долинъ и равнины. Но между областью снѣговъ и областью лѣсовъ почти вездѣ видишь голыя сѣрыя скалы, лежащія одна на другой неровными уступами; снѣжныя лавины, горные потоки вездѣ сглаживаютъ и шлифуютъ поверхность скалы, позволяя только въ рѣдкихъ мѣстахъ расти дерну, подобному травѣ, покрывающей верхніе склоны Альпъ. Цѣлыя горы, отъ подошвы до вершины, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ въ вертикальномъ направленіи, представляютъ правильный скатъ, едва исцарапанный тамъ и сямъ: словно видишь передъ собой тусклую, испещренную полосами грань какого-то колоссальнаго кристалла. Такъ, гора Ракипошъ, одна изъ западныхъ вершинъ Мустага, поднимается въ видѣ громадной каменной стѣны почти въ 6 километровъ высотой, надъ ущельями, гдѣ соединяются рѣки Гильгитъ и Гунза.

Въ верхнихъ слояхъ Гамалайскихъ горъ, выше 5.000 метровъ (16.405 футовъ), наибольшая часть влажности, осаждающейся изъ облаковъ, состоитъ изъ снѣжныхъ хлопьевъ, и всѣ вершины главнаго гребня постоянно покрыты снѣгомъ и льдомъ. Но ниже, юго-западный муссонъ приноситъ обыкновенно только проливные дожди; даже на высотѣ 4.330 метровъ рѣдко бываетъ, чтобы падалъ снѣгъ на Сиккимскихъ горахъ во время лѣтнихъ мѣсяцевъ. Только на высотѣ 2.000 метровъ (6.560 футовъ) можно видѣть, въ серединѣ зимы, снѣжные кристаллы, смѣшанные съ дождевыми каплями; въ Катманду, главномъ городѣ Непала, лежащемъ на высотѣ 1.327 метровъ, «снѣгъ выпадаетъ такъ, что никто объ этомъ и не знаетъ», то-есть съ

восходомъ солнца тотчасъ же растаиваетъ легкій бѣловатый слой, покрывающій траву и листья [1]). Нижній предѣлъ снѣговъ спускается ниже на склонахъ восточнаго Гималая, нежели на скатахъ западныхъ горъ, несмотря на то, что эти послѣднія лежатъ гораздо сѣвернѣе. Причина тому—несравненно большее обиліе влажности, которое получаютъ части цѣпи, сосѣднія съ Бенгальскимъ заливомъ. Значительная часть этихъ паровъ падаетъ изъ атмосферы въ видѣ снѣга, который не успѣваетъ растаять совершенно въ теченіе года; новые снѣжные слои прибавляются къ старымъ и превращаются постепенно въ фирны. Тогда какъ въ среднемъ Гималаѣ, на горахъ Кумаона, высота нижняго предѣла вѣчныхъ снѣговъ не превышаетъ 4.800 метровъ [2]),—что уже равно высотѣ Монъ-Блана,—тотъ же самый предѣлъ въ Кашмирскихъ горахъ лежитъ, по меньшей мѣрѣ, на высотѣ 5.650 метровъ; въ октябрѣ мѣсяцѣ братья Жераръ нашли только свѣжій снѣгъ на высотѣ 5.910 метровъ, на одной изъ горъ тибетской границы, Поргіалѣ; даже на высотѣ 6.150 метровъ, на одной сосѣдней вершинѣ, почва была голая, безъ снѣжнаго покрова. Само собою разумѣется, что всего меньше снѣга на склонахъ, обращенныхъ къ сѣверу; влажные вѣтры, задерживаемые на противоположной покатости, приносятъ имъ лишь рѣдкіе хлопья, увлекаемые вихремъ бурь. Нѣкоторыя промежуточныя второстепенныя цѣпи, менѣе высокія, чѣмъ внѣшніе горные валы, совершенно лишены снѣговъ.

Ледники Гималайской цѣпи по протяженію уступаютъ только ледникамъ горъ Гренландіи и другихъ полярныхъ странъ. Наиболѣе благопріятныя условія для образованія и развитія значительныхъ глетчеровъ встрѣчаются въ циркахъ или котловинахъ и долинахъ Западнаго Гималая, то-есть именно въ тѣхъ горахъ, гдѣ нижній предѣлъ постояннаго снѣга находится на наибольшей высотѣ надъ морскимъ уровнемъ. Причина тому—быстрое таяніе снѣговъ въ Гималайскихъ странахъ, ближайшихъ къ экватору; снѣжные слои тамъ, правда, толще и относительно обширнѣе, но они прямо превращаются въ жидкіе потоки, не переходя черезъ промежуточныя формы обширныхъ фирновыхъ полей и длинныхъ ледниковъ. Кромѣ того, сѣверо-западныя цѣпи, съ ихъ многочисленными промежуточными долинами, имѣющими незначительный скатъ, долинами, гдѣ скопленія снѣга постоянно остаются подъ защитой отъ солнечныхъ лучей, гораздо лучше расположены, чѣмъ крутые склоны Восточнаго Гималая, чтобы удерживать въ своихъ углубленіяхъ медленные потоки ледниковъ. Цѣпь Занскаръ, или Бара-Лача, которая направляется на сѣверо-западъ къ Кашмиру между притоками Инда и притоками Чинаба, наверху кругомъ обложена, словно бахрамой, ледниками, изъ которыхъ очень многіе имѣютъ около 25 верстъ въ длину и, слѣдовательно, превосходятъ, по протяженію, Алечскій глетчеръ, самый значительный въ Европѣ. Но и эти исполинскія ледяныя рѣки, въ свою очередь, далеко уступаютъ по величинѣ громаднымъ кристаллическимъ потокамъ Балтистана, которые спускаются со склоновъ Каракорума въ нагорныя долины, впадающія въ долины рѣкъ Шайока и Инда. Ледники, или гансе, Сайчаръ, Балторо, Біафо, Чого имѣютъ каждый около 50 верстъ въ длину, считая отъ начальной котловины, гдѣ скопляется снѣгъ, до фронтальной морены, и каждый изъ нихъ принимаетъ въ себя десятки второстепенныхъ глетчеровъ, имѣющихъ, по меньшей мѣрѣ, такіе же размѣры, какъ самыя обширныя ледяныя поля швейцарскихъ Альпъ; если бы идти по верхней линіи фирновъ и ледниковъ, то, вѣроятно, можно бы не покидать области сплошнаго льда на пространствѣ 150 километровъ. Всѣ явленія, наблюдаемыя на замерзшихъ рѣкахъ центральной Европы, замѣчаются и на Гималайскихъ горахъ, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. И тамъ тоже наблюдатели могутъ изучать трещины продольныя и поперечныя, выступы ледяной массы, иногда принимающіе видъ различныхъ фигуръ, колодцы, или такъ называемыя мельницы, морены срединныя, боковыя и фронтальныя или конечныя. Точно такъ же, какъ на Альпахъ, многія рѣки, вытекающія изъ гималайскихъ ледниковъ, низвергаются на вольный воздухъ черезъ ворота съ дугообразнымъ сводомъ, которыя придаютъ ихъ выходу на свѣтъ Божій нѣчто героическое и тріумфальное; въ виду этой шумящей рѣки, которая вырывается изъ-подъ темной аркады и высокихъ хрустальныхъ стѣнъ, изборожденныхъ трещинами, указывающими на давленіе движущейся ледяной массы, легко понимаешь чувство обожанія, которое испытываютъ пилигримы, падающіе на колѣни передъ этими грандіозными картинами природы. Что всего болѣе отличаетъ ледники Гималая и Каракорума отъ ледниковъ европейскихъ Альпъ,—это необычайное обиліе каменныхъ обломковъ, которое несутъ первые, по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ, такое обиліе, что нижнее теченіе ледяной рѣки покрыто почти сплошнымъ слоемъ камней; груды обломковъ, скрывающія ледъ, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ глубокія трещины разверзли свои пропасти, сами, въ свою очередь, покрыты землей, гдѣ растетъ трава, цвѣтутъ многочисленныя растенія; поле ледника превратилось въ садъ [3]). Ледникъ Балторо, одна вѣтвь кото-

[1]) Hermann von Schlagintweit, цитированное сочиненіе.

[2]) Strachey; Al. et J. Gerard; Al. Conningham; Fr. Drew.

[3]) Andrew Wilson, „The Abode of Snow“.

раго беретъ начало въ фирнахъ Дапсанга, въ нижней своей части сплошь покрытъ обломками, такъ что поверхность его представляетъ цѣлое море камней, образуемое соединенiемъ пятнадцати моренъ изъ скалъ, различно окрашенныхъ, сѣрыхъ, коричневыхъ, желтыхъ, красныхъ, синеватыхъ, которыя тянутся въ видѣ параллельныхъ линiй на потокѣ ледяной рѣки [1]).

Нижнiя долины Гималайскихъ горъ сохранили еще слѣды ледниковъ, гораздо болѣе значительныхъ, чѣмъ нынѣшнiе. Тамъ и сямъ встрѣчаются боковыя морены на террасахъ, возвышающихся надъ рѣчнымъ ложемъ на нѣсколько сотъ метровъ; фронтальныя морены—менѣе многочисленныя, потому что онѣ были, по большей части, смыты горными ручьями—тоже сохранились во многихъ долинахъ на высотѣ не болѣе 1.500 метровъ надъ уровнемъ моря. Ледяныя рѣки, спускающiяся съ Каракорума, разливались до Кашмирскаго бассейна, оканчиваясь на разстоянiи 200 слишкомъ километровъ отъ фирновыхъ полей, гдѣ онѣ получали свое начало [2]); такъ, глетчеръ Нубра, данникъ льдовъ Шайока, или женскаго Инда, имѣлъ не менѣе 1.300 или 1.400 метровъ толщины, при слiянiи двухъ долинъ, теперь усѣянныхъ живописными деревеньками [3]). Точно также въ южной части Гималайскаго хребта долина Кангра, по которой течетъ рѣка Бiасъ, покрыта эрратическими камнями, глетчернаго происхожденiя, до высоты всего только 600 метровъ; центральный ледяной потокъ этой долины, питаемый другими второстепенными ледниками, спускавшимися съ кристаллической цѣпи Бѣлыхъ горъ, или Даола-даръ, простирался въ длину болѣе, чѣмъ на 190 километровъ, т. е. около 175 верстъ [4]). Но слѣды древняго ледяного перiода исчезаютъ въ Гималайскихъ горахъ скорѣе, чѣмъ во всѣхъ почти другихъ гористыхъ странахъ земнаго шара, по причинѣ быстраго хода процесса размыванiя и вывѣтриванiя въ долинахъ, несущихъ свои воды въ Индъ и Гангъ. Кремнистые слои высокихъ вершинъ и среднихъ склоновъ, песчаники Подгималайскихъ горъ очень рыхлы, разсыпчаты и легко уступаютъ дѣйствiю воды; растрескавшiеся гнейсы также раскалываются быстро подъ чередующимся дѣйствiемъ морозовъ, оттепелей, солнечной теплоты и дождей; что касается каменныхъ обломковъ, накопленныхъ нѣкогда глетчерными ручьями, то они подхватываются снова каждымъ наводненiемъ и переносятся далѣе все ближе и ближе къ выходу долинъ. Русла, которыя рѣки Гималайской цѣпи вырыли себѣ въ кучахъ мелкаго камня или даже въ живой скалѣ, достигаютъ во многихъ мѣстахъ глубины 900 метровъ ниже древнихъ береговъ, и малѣйшiе притоки должны были постепенно проточить гору на толщинахъ пятисотъ и шестисотъ метровъ, чтобы соединиться съ главнымъ потокомъ. Сетледжъ въ своемъ верхнемъ теченiи по плоскогорьямъ Тибета и ниже въ землѣ Ладакъ, Индъ и различные его гималайскiе притоки, Гангъ выше Гардвара, представляютъ замѣчательные примѣры этихъ глубокихъ промоинъ въ видѣ узкихъ пропастей, спускающихся почти на тысячу метровъ ниже плоскости ихъ прежняго ложа, остатки котораго и теперь еще виднѣются тамъ и сямъ на боковыхъ террасахъ [1]). Мало странъ на свѣтѣ, гдѣ бы было такъ необходимо и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ легко устраивать на рѣкахъ висячiе мосты, ибо многiя разсѣлины, хотя глубину ихъ нужно считать сотнями метровъ, имѣютъ очень незначительную ширину, такую, что, стоя на одномъ берегу, можно добросить камнемъ до другаго. Въ индiйскихъ долинахъ Гималайскаго хребта нѣкоторые снаряды для переправы, подобные употребляемымъ въ Восточномъ Тибетѣ, состоятъ изъ простыхъ чука, то-есть веревокъ, по которымъ скользитъ кольцо, переносящее путешественника съ одного берега на другой; но большая часть висячихъ мостовъ, или джула, сплетены изъ свитыхъ изъ древесной коры или изъ лiанъ канатовъ, качаемыхъ вѣтромъ, но достаточно крѣпкихъ для того, чтобы путешественники, не подверженные головокруженiю, могли безбоязненно пускаться по такому мосту и даже для того, чтобы переправлять козъ и овецъ; эти джулы служатъ, среднимъ числомъ, въ продолженiе трехъ лѣтъ. Образовавшiеся вслѣдствiе размыванiя откосы, часто вновь проточенные дождевыми потоками или засыпанные обвалами, слѣдуютъ одинъ за другимъ вдоль рѣкъ, въ видѣ сѣрыхъ или красноватыхъ конусовъ, которые въ сумерки или издали похожи на ряды гигантскихъ палатокъ.

Въ песчаниковыхъ скалахъ Подгималайскихъ горъ работа размыванiя проявляется не столько образованiемъ откосовъ, сколько образованiемъ вертикальныхъ стѣнъ; цѣлыя плоскости или грани склона отдѣляются и обваливаются разомъ, придавая утесамъ видъ цитаделей, построенныхъ рукой человѣка, съ правильными башнями, оградами, террасами. Ни кубическiя массы «саксонской» Швейцарiи, ни прямоугольныя каменныя глыбы нѣкоторыхъ частей Новой Мексики и Колорадо не имѣютъ большей симметрiи въ своихъ формахъ,

[1]) Montgomerie, „Mittheilungen von Petermann“, II, 1863.

[2]) Hooker, „Himalayen Journals“; Godwin Austen, „Journal of the Geographical Society“, 1867; Theobald „Memoirs of the Geographical Survey of India“.

[3]) Frederic Drew, „Jummoo and Kashmir Territries“.

[4]) Theobald, „Records of the Geological Survey of India“, vol. VII, 1874.

[1]) Drew; Andrew, Wilson, цитированныя сочиненiя; Robert von Schlagintweit, „Ueber Erosionsformen der indischen Flüsse“.

чѣмъ многія скалы Подгималайской цѣпи. Нѣкоторыя изъ этихъ высотъ, съ гладкими, точно обрѣзанными стѣнами, представляютъ поверхность не менѣе ровную, чѣмъ поверхность бѣлыхъ безплодныхъ холмовъ (causses) въ Южной Франціи. Другія каменныя массы, поверхность которыхъ заключаетъ нѣсколько сотенъ или даже тысячъ квадратныхъ километровъ, состоятъ изъ лежащихъ одинъ на другомъ пластовъ, постепенно съуживающихся кверху, и представляютъ со всѣхъ сторонъ видъ пирамиды съ громадными ступенями.

Большіе обвалы, слѣды которыхъ видны повсюду въ Гималайскихъ горахъ, также принадлежатъ къ текущему геологическому періоду. Современная исторія Инда, Чинаба, Сетледжа даетъ замѣчательные примѣры этого явленія. Часто случается, что эти три рѣки, задержанныя въ своемъ верхнемъ теченіи паденіемъ ледяныхъ массъ и камней, превращаются въ озера, тогда какъ ниже этой временной плотины русла ихъ мало-по-малу высыхаютъ; но послѣ нѣсколькихъ дней или даже недѣль остановки, задержанныя озера, наконецъ, переходятъ черезъ запруду, и вскорѣ массы обломковъ и грязи, смѣшанныя съ водами наводненія, страшнымъ потокомъ низвергаются на ниже лежащія земли, опустошая прибрежныя мѣстности, снося дома, вырывая съ корнемъ деревья[1]). Когда эти запруды отъ обваловъ образуются въ верхнихъ долинахъ, ручьи и рѣчки, ниже впадающія въ главную долину, продолжаютъ питать рѣку, и прибрежные жители болѣе низменныхъ мѣстностей узнаютъ о событіи только по незначительному пониженію уровня воды въ рѣкѣ; но иногда случается, что паденіе снѣжныхъ массъ и скалъ произошло въ ущельяхъ, близкихъ къ равнинѣ, и тогда рѣка вдругъ изсякаетъ совершенно. Изслѣдователь Годуинъ Аустенъ и его спутники, неожиданно застигнутые порывомъ такой запруды, образовавшейся вслѣдствіе обвала, едва успѣли убѣжать съ мѣста катастрофы, извѣщенные объ опасности громомъ обрушившихся и ударяющихся одна о другую скалъ. Лавина или, какъ ее называютъ туземцы, *шва* камней, грязи и воды устремляется въ долины въ видѣ высокой, прямой стѣны, съ которой летятъ въ ту и другую сторону камни, точно бомбы съ вала движущейся крѣпости: отрывки разбившихся скалъ отлетаютъ очень далеко, тогда какъ на высокихъ берегахъ самыя большія каменныя глыбы кружатся, затѣмъ низвергаются въ черный потокъ[2]).

Эти явленія размыванія имѣли то слѣдствіе, что они сообщили потокамъ и рѣкамъ Гималайской цѣпи нормальную кривую и уничтожили водопады и озера, которые нѣкогда прерывали ихъ теченіе. Въ этомъ отношеніи индійскія горы составляютъ рѣзкій контрастъ съ европейскими Альпами: первыя, если можно такъ выразиться, утратили свою молодость, такъ какъ первоначальныя черты ихъ долинъ давно уже изгладились. Выступы скалъ, задерживавшіе воды въ озерныхъ бассейнахъ, и съ которыхъ потоки лились каскадами, были постепенно разрушены дѣйствіемъ воды; въ то время, какъ озера опоражнивались, катаракты понижались. Въ настоящее время Гималайская цѣпь сохранила лишь небольшое число этихъ льющихся водяныхъ столбовъ, которые придаютъ столько прелести горнымъ странамъ, и большая часть тамошнихъ водопадовъ не что иное, какъ временные каскады, простыя струи воды, образующіяся изъ тающаго подъ лучами лѣтняго солнца снѣга и обращающіяся въ паръ въ воздухѣ, гдѣ они клубятся. Единственныя большія озера Гималая находятся на сѣверѣ цѣпи, въ пониженіи, отдѣляющемъ эту цѣпь отъ Загималайскихъ горъ и на западѣ, въ многочисленныхъ параллельныхъ долинахъ Ладака и Кашмира. Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ этихъ западныхъ областяхъ многія озера уменьшились въ протяженіи, не по причинѣ постепеннаго углубленія ихъ истока, но вслѣдствіе постепеннаго осушенія страны. Нѣкоторыя изъ озеръ этой части Гималайскаго хребта утратили всякое истеченіе и, сдѣлавшись замкнутыми бассейнами, мало-по-малу превратились въ резервуары соленой воды. Обширныя равнины, нѣкогда покрытыя прѣсной водой, теперь имѣютъ лишь кое-гдѣ маленькія «горькія озера», окруженныя солянымъ налетомъ, сливающимся иногда съ площадью снѣговъ.

Поясы растительности на склонахъ Гималайскихъ горъ, естественно, соотвѣтствуютъ поясамъ температуры. Черезъ каждые 200 метровъ (656 футовъ), въ вертикальномъ направленіи, степень тепла уменьшается на одинъ градусъ, и въ то же время измѣняются всѣ климатическія условія; тропическія или полутропическія растенія, которыя мы находимъ у подошвы горъ, замѣняются выше растеніями умѣреннаго пояса, затѣмъ растеніями арктическаго пояса. Но кромѣ этихъ главныхъ дѣленій климатическихъ и ботаническихъ, сходныхъ съ дѣленіями этого рода, наблюдаемыми на скатахъ всѣхъ другихъ горныхъ цѣпей, въ Гималайскихъ горахъ существуютъ еще, у основанія и на первыхъ возвышеніяхъ этой системы, другіе поясы, рѣзко разграниченные между собой свойствомъ почвы и произведеніями и обязанные своими контрастами не различію высоты, но расположенію поверхностныхъ слоевъ и истеченію водъ. Поясы эти, хорошо

---

[1]) A. Cunningham, „Ladak"; Shaw, „High Tartary, Yarkand and Kashgar"; Drew, „Jummoo and Kashmir Territories"; Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India".

[2]) Godwin Austen, „Journal of the Geographical Society of London", 1864.

извѣстные во всѣ времена туземнымъ жителямъ, которые гоняютъ свои стада коровъ и буйволовъ въ нижнія долины Гималайской цѣпи, слѣдуютъ одинъ за другимъ параллельно оси горъ, отъ нижнихъ равнинъ до первыхъ кручъ. Крайняя южная зона—это полоса земли, называемая *терай*, *тарай*, *тари*, или *моронгъ*, то-есть «сырая страна», болотистая область, покрытая джунглями, камышами и купами деревьевъ, которыя задерживаютъ дуновеніе вѣтровъ, вслѣдствіе чего тамъ постоянно стоитъ туманъ изъ міазмовъ, поддерживаемый испареніемъ влажной почвы; если вѣрить туземцамъ, нѣкоторыя части терая заключаютъ атмосферу до того удушливую, что дикіе звѣри и птицы не могутъ дышать тамошнимъ воздухомъ. Однако, къ сѣверо-западу полоса земли, составляющая продолженіе терая, суживается мало-по-малу, и въ Пенджабѣ это уже не болѣе, какъ песчаное пространство, гдѣ вода быстро исчезаетъ въ почвѣ, и которое на извѣстныхъ разстояніяхъ изрѣзано многочисленными оврагами и рытвинами; высокія травы, среди которыхъ прячется антилопа, замѣняютъ тамъ чащи джунглей и камышей, покрывающія собственно терай. Второй параллельный поясъ, который тянется между болотами и основаніемъ песчаниковыхъ скалъ Подгималая, рѣзко отличается отъ терая сухостью почвы: это такъ-называемый *бхаверъ*, *бхабхаръ* или *джхари*, лѣсная область, почти сплошь покрытая шореями (shorea robusta), красивыми развѣсистыми деревьями, обвитыми ліанами, которыя соединяютъ ихъ между собою и съ растеніями подлѣсья. Продольныя долины, *дунъ*, *мари* или *доаръ*, продолжающіяся параллельно двумъ предыдущимъ поясамъ, тераю и бхаверу, отъ которыхъ ихъ отдѣляетъ выступъ песчаниковыхъ скалъ (гряда Сиваликъ или Сивалай), первое, едва обозначившееся ребро громаднаго скелета Гималайскихъ горъ, тоже принадлежатъ къ нездоровымъ мѣстностямъ въ большей части своего протяженія. Путешественники не безъ опасности проѣзжаютъ, во всю скачь своихъ верховыхъ животныхъ, три, слѣдующія одна за другою, полосы терая, бхавера и дуновъ, чтобы пробраться изъ прибрежныхъ равнинъ Ганга въ область горъ, выше вредныхъ тумановъ, которые стелются по нижнимъ склонамъ до средней высоты 1.200 метровъ (около 3.940 футовъ); указываютъ многочисленные примѣры англичанъ, которые сдѣлались жертвою злокачественной лихорадки, схваченной во время быстраго переѣзда черезъ поясъ терай. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ контрастъ терая и области культуръ такъ же рѣзокъ, какъ противоположность земли и моря вдоль отвѣснаго берега[1]).

Нездоровость этихъ низменныхъ областей объясняется легко. Воды, задерживаемыя въ дунахъ выступами опоясывающихъ ихъ песчаниковыхъ предгорій, скопляются тамъ въ видѣ стоячихъ площадей; ниже, бхаверъ, который состоитъ изъ гравіевой почвы, очень сухъ, напротивъ, благодаря рыхлости грунта, но крупный песокъ тамъ залегаетъ на слоѣ непропускающей воду глины, и пары, поднимающіеся съ земли послѣ паденія дождей, остаются запертыми подъ густыми вѣтвями деревьевъ; наконецъ, въ полосѣ терая, водяная скатерть, которая скользила по глинистому слою подъ гравіемъ бхавера, снова появляется на поверхности и разливается въ видѣ болотъ среди джунглей. Въ этомъ низменномъ поясѣ спускающіяся съ Гималая рѣки, которыя передъ тѣмъ прошли черезъ область бхавера по глубокимъ и вполнѣ опредѣленнымъ русламъ, широко разливаются въ тераѣ, передвигая съ мѣста на мѣсто мелкіе камни и пески, перенося стволы деревьевъ и обломки всякаго рода; всѣ эти препятствія образуютъ тамъ и сямъ естественныя плотины, выше которыхъ рѣчная вода разливается направо и налѣво въ видѣ болотъ, постоянныхъ или временныхъ. Средство улучшить это положеніе дѣлъ, то-есть ассенизировать край, то же самое, какое примѣняется съ успѣхомъ въ болотистыхъ мѣстностяхъ Европы; оно состоитъ въ урегулированіи стока водъ, въ расчисткѣ и обработкѣ почвы. Уже многія семьи переселенцевъ, доставляемыхъ сопредѣльнымъ населеніемъ, которому, впрочемъ, *ауаль*, или маларія (болотная лихорадка) менѣе опасна, нежели европейскимъ путешественникамъ, начали тамъ и сямъ расчищать подъ пашни наиболѣе здоровыя лѣсныя прогалины въ полосахъ терая и бхавера. Съ другой стороны, пастухи на зиму спускаются съ горъ со своими семьями и стадами, чтобы, по мѣстному выраженію, «кормиться солнцемъ», и вслѣдъ затѣмъ на мѣстахъ ихъ стоянки появляются пашни и селенія. Такимъ образомъ, эти распаханныя прогалины, число которыхъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ, прибавляются къ относительно здоровымъ пространствамъ, прерывающимъ во многихъ мѣстахъ, преимущественно на югѣ Сиккима, опасные поясы терая и бхавера. Дорога, ведущая съ береговъ Ганга въ Дарджилингъ, давно уже потеряла свои ужасы. Напротивъ, было время, когда населеніе равнины нарочно давало разростаться полосѣ терая на счетъ своихъ культурныхъ земель, чтобы расширить такимъ образомъ «мархію», которая отдѣляла ихъ отъ ихъ враговъ, разбойничьихъ горныхъ народовъ.

Въ сѣверо-западномъ углу Индіи, вся верхняя область Пятирѣчья (Пенджаба), между передовыми горами Гималайскаго хребта и Сулейманъ-дагомъ, занята невысокими плоскогорьями и небольшими отрогами, замѣчатель-

[1]) Hooker, „Himalayan Journals“.

ными геометрическою правильностью ихъ линіи протяженія. Тогда какъ Панджалъ, послѣдняя Гималайская цѣпь, огибаемая на западѣ рѣкою Джиламъ при выходѣ ея изъ Кашмирской долины, слѣдуетъ нормальному направленію всей системы, т.-е. отъ юго-востока къ сѣверо-западу, отроги области Хазара и верхняго Пенджаба расположены, по большей части, перпендикулярно къ оси Гималая, по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ. Высшая точка этой Заджиламской области, гора Марри, есть еще одна изъ большихъ вершинъ внѣшняго Гималая, такъ какъ она достигаетъ высоты 2.272 метровъ; но къ югу отъ этого межеваго столба, поставленнаго между двумя различными областями, плоскогорья имѣютъ среднюю высоту, постепенно уменьшающуюся, отъ 500 до 300 метровъ, и гребни холмовъ поднимаются надъ ними почти на такую же высоту. Слишкомъ мало возвышенные, чтобы поражать народное воображеніе, эти каменные выступы земнаго рельефа не имѣютъ точныхъ географическихъ наименованій. Они называются по имени живущихъ на нихъ племенъ, близъ лежащихъ городовъ или деревень, горныхъ проходовъ, служащихъ перевалами для путешественниковъ, крѣпостей, господствующихъ на той или другой возвышенности, или по какой-нибудь мѣстной особенности [1]). Наиболѣе извѣстныя названія примѣняются къ цѣлымъ областямъ: таково наименованіе Потваръ, даваемое всему гористому плоскогорью Раваль-Пинди.

На поверхности нашей планеты нѣтъ каменныхъ массъ, которыя были бы болѣе изгрызены стихіями, чѣмъ хребты Потвара и другихъ горныхъ цѣпей страны по сю и по ту сторону Инда; многіе изъ нихъ оканчиваются на верхушкѣ острыми клинками, дотого тонкими и мѣстами дотого разорванными, что можно подумать, что это искусственная ажурная рѣзьба на камнѣ.

Всѣ легко раскалывающіяся и вывѣтривающіяся части скалы, были унесены дождевыми водами: остался только скелетъ горы; такъ какъ поверхностные обломки всѣ снесены водой, то геологъ можетъ съ перваго взгляда опредѣлить свойство горныхъ породъ, составлявшихъ первоначальное ядро; но нѣкоторые гребни отличаются такою изумительною правильностью формъ, что тамъ легко смѣшать произведенія природы съ дѣломъ рукъ человѣческихъ: иная гора показана на картѣ генеральнаго штаба съ крѣпкимъ замкомъ на вершинѣ, хотя въ дѣйствительности стѣны и бастіоны этой твердыни суть не что иное, какъ продуктъ разрушительной силы атмосферныхъ дѣятелей [2]). Въ этомъ отношеніи одна изъ самыхъ замѣчательныхъ горныхъ цѣпей та, которая ограничиваетъ съ южной стороны эти изрытыя оврагами плоскогорья Пятирѣчья и которая получила отъ англичанъ названіе Salt-range, или «Соляной цѣпи». Она тянется съ востока на западъ между Джиламомъ и Индомъ, теченіе котораго она съуживаетъ въ Калабагскомъ дефилеѣ, затѣмъ продолжается за Индомъ подъ разными именами: Чичали, Шингаръ, Кафиръкотъ, Шейкъ-будинъ. Она была нѣкогда южной границей азіатскаго континента, и ея крутые склоны, подточенные при основаніи водами моря, и теперь еще представляютъ тамъ и сямъ видъ высокихъ береговыхъ утесовъ. Соляная цѣпь—одна изъ самыхъ любопытныхъ возвышенностей Индіи по образованію ея пластовъ, такъ какъ тамъ можно изучать горныя породы, принадлежащія всѣмъ геологическимъ вѣкамъ; силурійскіе слои представлены въ этой горной массѣ такъже, какъ каменноугольная формація, тріасъ, юра, мѣлъ; наконецъ, пласты третичной эпохи прикрываютъ другія геологическія образованія, и между этими пластами особенно часто встрѣчаются залежи нуммулитовыхъ, или раковистыхъ известняковъ; даже діориты показываются кое-гдѣ поверхъ осадочныхъ слоевъ. Разнообразіе рудныхъ мѣсторожденій въ этой цѣпи не менѣе велико, чѣмъ разнообразіе горныхъ породъ; до сихъ поръ тамъ открыты, въ различныхъ количествахъ, золото, мѣдь, свинецъ, желѣзо, а также сѣра, квасцы, селитра, нефть, каменный уголь, и во многихъ мѣстахъ изъ земли бьютъ горячія минеральные ключи. Гипсъ находится тамъ въ изобиліи, а соли такъ много, что англичане совершенно справедливо дали этимъ горамъ названіе Соляной цѣпи [1]). Слои каменной соли, бѣлые, сѣрые, красноватые, и различные по степени чистоты, какъ и по цвѣту, имѣютъ до 30 метровъ (100 футовъ) мощности, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ солекопы могутъ разработывать скалу самородной соли толщиною въ 150 слишкомъ метровъ (70 саженъ). Въ одной части Пенджабской цѣпи есть соляные пласты, представляющіе, по измѣреніямъ Уинна, массу въ 28 куб. километровъ,—количество, достаточное для удовлетворенія потребности всѣхъ людей въ теченіе тысячъ лѣтъ.

Точно также на продолженіи цѣпи къ западу отъ Инда холмы въ большей части состоятъ изъ каменной соли, и мѣстами тамъ встрѣчаются огромныя глыбы въ 40 метровъ (130 футовъ) высоты, сплошь образованныя изъ соляныхъ кристалловъ. Просачиваніе воды сквозь горныя породы, дѣйствіе дождей на внѣшнія стѣны соли и давленіе верхнихъ пластовъ имѣли слѣдствіемъ сгибы, разрывы и перемѣщенія ниже лежащихъ слоевъ и произвели провалы и опрокидыванія, которые часто сбиваютъ съ толку геологовъ. Между достопримѣчатель-

[1]) Medlicott and Blanford, „A Manual of the Geology of India".

[2]) Wynne, „Memoirs of the Geological Survey of India", vol. XI, 1875.

[1]) Benj. Lyman; Medlicott and Blanford; Wynne etc.

ностями этой интересной горной цѣпи встрѣчаются также большіе гранитные валуны, которые носятъ на себѣ явные слѣды дѣйствія ледниковъ. Одинъ валунъ изъ краснаго гранита, мѣсторожденіе котораго на Гималаѣ до сихъ поръ еще не могли открыть, былъ найденъ Теобальдомъ въ Соляной цѣпи и доставленъ въ калькутскій музей; шлифованныя полосы и борозды на его поверхности не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его происхожденія. Вся поверхность плоскогорья, простирающагося на сѣверъ отъ Соляныхъ горъ, покрыта гравіемъ и пескомъ, среди которыхъ разсѣяны во множествѣ эрратическіе камни; кромѣ того, валуны встрѣчаются также въ большомъ числѣ на берегахъ всѣхъ рѣкъ, особенно на берегахъ Согана и Инда до Аттока и даже ниже. Въ теченіе новѣйшаго геологическаго періода произошли значительныя перемѣны въ гидрографіи страны; весьма вѣроятно, что почти вся она была покрыта озеромъ.

На западѣ отъ Инда, разныя горныя цѣпи, составляющія географическую границу Индустана, суть, какъ и Гималай, краевые хребты плоскогорья, а не отдѣльныя, независимыя горы, за исключеніемъ, однако, грядъ, которыя продолжаютъ на востокѣ цѣпь Сафидъ-кохъ, или «Бѣлыхъ горъ», и которыя раздѣляютъ, перпендикулярно къ теченію Инда, два бассейна, нѣкогда озерные, Пешавера и Банну. Главная цѣпь за Индомъ, носящая турецкое имя Сулейманъ-дагъ (Соломонова гора), или Кохъ-и-Сурхъ, то-есть «Красная цѣпь», прилегаетъ на западѣ къ возвышенностямъ страны племени вазири; она перерѣзана, черезъ извѣстные промежутки, брешами, откуда вытекаютъ во время дождей воды горныхъ рѣчекъ, получающихъ начало на скатахъ одной параллельной цѣпи, которую можно было бы назвать западнымъ Сулейманъ-дагомъ или Джадрамомъ, по имени племенъ, живущихъ въ ея долинахъ. Изъ всѣхъ потоковъ, проходящихъ черезъ восточный Сулейманъ, только одинъ Курамъ достигаетъ Инда, не теряясь совершенно по дорогѣ въ пескахъ; другіе ручьи и рѣчки, направляющіеся къ главной рѣкѣ, откуда бы они ни вытекали, изсякаютъ у подошвы горы, въ своихъ каменистыхъ ложахъ, которыя перемѣщаются и перепутываются при каждомъ новомъ наводненіи. На сѣверѣ хребетъ Соломоновыхъ горъ примыкаетъ къ высокому массиву Сафидъ-кохъ (Бѣлыя горы), который отдѣленъ отъ предгорій Гинду-куша глубокой долиной рѣки Кабулъ; на востокѣ Сулейманъ-дагъ тоже соединяется, посредствомъ боковыхъ отроговъ, съ массивами высотъ, принадлежащихъ къ продолженію Соляной цѣпи; но на югѣ отъ рѣки Курамъ, Соломоновы горы отдѣляются отъ другихъ возвышенностей и образуютъ правильный хребетъ, который тянется по направленію съ сѣвера на югъ. Если смотрѣть съ равнины Инда, эти горы представляютъ величественный видъ: высшая вершина ихъ, гора Биргулъ (3.560 метровъ), находится въ землѣ вазирисовъ; самая знаменитая вершина, извѣстная подъ именемъ, столь часто встрѣчающимся въ магометанскихъ странахъ, Тахтъ-и-Сулейманъ, или «Соломоновъ тронъ», немного ниже предъидущей; она достигаетъ 3.343 метровъ. Всѣ скалы ея крутыхъ склоновъ состоятъ изъ голаго камня, лишеннаго всякой растительности: бѣлыя днемъ, онѣ кажутся прозрачными въ вечернемъ воздухѣ.

Постепенно понижаясь къ югу, цѣпь Соломоновыхъ горъ исчезаетъ въ при-индской равнинѣ, пройдя пространство длиною около 600 километровъ, и Индъ, который незадолго передъ тѣмъ принялъ въ себя воды «Пятирѣчья», огибаетъ на югѣ послѣдніе утесы хребта, послѣ чего ударяется объ основаніе другой краевой цѣпи, ограничивающей на востокѣ плоскую возвышенность Белуджистана, населенную племенемъ брагуи. Эта цѣпь, означенная на большей части картъ подъ именемъ Гала, которое примѣняется только къ одному перевалу, и вообще называемая туземцами Хиртаръ, тянется, какъ и Сулейманъ-дагъ, по направленію меридіана; она составлена изъ нѣсколькихъ параллельныхъ хребтовъ, состоящихъ, главнымъ образомъ, подобно грядамъ Синда, изъ нуммулитоваго известняка. Даже на восточной сторонѣ Инда нѣкоторые каменистые выступы рельефа, окруженные либо наносами рѣки, либо песками пустыни, принадлежатъ къ той же формаціи и могутъ быть разсматриваемы какъ часть той же самой орографической системы. Менѣе высокій, чѣмъ Сулейманъ-дагъ, хребетъ Хиртаръ достигаетъ только 2.100 метровъ своей высшей точкой; большинство же его остроконечныхъ вершинъ едва превышаетъ 1.800 метровъ. Въ южной своей части онъ постепенно понижается и представляетъ не болѣе, какъ рядъ холмовъ высотой около 600 метровъ, затѣмъ простое повышеніе почвы надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Однако, этотъ выступъ рельефа страны сохраняется до мыса Монзъ, географической и политической границы Индустана, и даже продолжается въ морѣ скалистымъ островомъ Чурна. Подобно Сулейманъ-дагу, хребетъ Хиртаръ перерѣзанъ рѣкой, которая беретъ свое начало на западѣ, на плоскогорьяхъ, и изливается въ Индъ: это Гаджъ, долина которой представляетъ удобный проходъ для путешественниковъ, отправляющихся съ равнинъ Инда на возвышенности Белуджистана [1]). Прежде думали, что горныя цѣпи, окаймляющія съ западной стороны долину Инда, противопоставляли почти непреодолимое препят-

[1]) Medlicott and Blafford, „A Manual of the Geology of India“.

ствіе проходу каравановъ и войскъ, и что только небольшое число ущелій между горами могли быть переходимы Перевалы Хайберскій и Пайварскій на сѣверѣ Сулейманъ-дага, Гумульскій и Сангарскій по серединѣ, Боланскій на югѣ, были, какъ тогда полагали, единственные проломы этого горнаго вала. Изслѣдованія, сдѣланныя недавно англійскими геометрами, доказали, что краевыя цѣпи, напротивъ, перерѣзаны большимъ числомъ удобныхъ для перехода брешей: Маркгамъ насчитываетъ тамъ болѣе пятидесяти проходовъ [1]. Не трудности

Лѣсъ въ Сиккимѣ.

[1]) „Proceedings of the Geographical Society of London", jan. 1879.

перехода, а затрудненія относительно продовольствія ограничивали во всѣ времена нѣсколькими наиболѣе удобными горными дорогами сообщенія между двумя сопредѣльными странами. Каменистыя поля, пески, безводныя, лишенныя всякой растительности, пространства гораздо болѣе, чѣмъ трудныя для подъема крутизны скалъ, составляютъ съ этой стороны истинную оборонительную границу.

Проточныя воды распредѣлены весьма неравномѣрно въ Индустанѣ, что зависитъ отъ хода вѣтровъ, направленія и обилія дождей. Разсматривая индійскую гидрографію въ цѣломъ, находимъ, что покатость Бенгальскаго залива орошается количествомъ воды, гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ покатость Аравійскаго моря; даже можно сказать съ полной увѣренностью, что сѣверная оконечность этого залива получаетъ болѣе половины водъ полуострова. Приходя съ противоположныхъ сторонъ, одна съ запада, другая съ востока, двѣ большія рѣки, Гангъ и Брахмапутра, соединяютъ въ своихъ долинахъ всѣ второстепенныя рѣки и рѣчки, получающія начало въ Гималайскихъ горахъ, на протяженіи болѣе 2.000 километровъ, и изливаютъ ихъ въ море сотнями блуждающихъ каналовъ, которые образовались между холмами Раджамагалъ и горами Гарро. Черезъ эту брешь утекаетъ жидкая масса, по малой мѣрѣ вчетверо большая той, которую вся Франція даетъ Средиземному морю и Атлантическому океану. Область общей дельты переплетающихся безчисленныхъ рукавовъ этихъ двухъ рѣкъ, кажется, какъ будто принадлежитъ двумъ стихіямъ, землѣ и морю: берега, острова едва выступаютъ изъ-подъ воды, а илистыя или песчаныя мели поднимаются почти до самой поверхности водъ; деревья корнями принадлежатъ въ водяному царству, тогда какъ слой грязи, скопившійся вокругъ стволовъ, указываетъ уже на близкіе захваты материка. Въ другомъ углу Индустана, главная рѣка, названіе которой сдѣлалось именемъ всей Индіи, соотвѣтствуетъ симметрически Гангу и Брахмапутрѣ; она питается снѣгами Западнаго Гималая, смѣшанными со снѣгами Гинду-куша, Каракорума, Загималайской цѣпи и даже Тибетскаго плоскогорья; площадь ея бассейна навѣрно превышаетъ милліонъ квадр. километровъ; но, протекая черезъ страны съ климатомъ гораздо болѣе сухимъ, нежели Бенгалія и Ассамъ, она катитъ количество воды несравненно меньшее, чѣмъ двѣ восточныя рѣки, и даже значительная часть ея области истеченія состоитъ изъ безводныхъ песчаныхъ пустынь; тѣмъ не менѣе, однако, она служитъ воднымъ путемъ, которымъ пользуются суда, и образуетъ, вмѣстѣ съ Гангомъ и моремъ, линію судоходства, доставившую Индустану имя «Полуострова», которымъ эта страна часто обозначается. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Индъ, который обыкновенно сравниваютъ съ Гангомъ, какъ двухъ близнецовъ, представляетъ поразительный контрастъ со своимъ братомъ. Тогда какъ послѣдній, то-есть Гангъ, течетъ преимущественно съ запада на востокъ, слѣдуя вдоль южныхъ предгорій Гималая, первый течетъ, главнымъ образомъ, съ сѣвера на югъ, по выходѣ изъ области горъ. Индъ такъ же, какъ и его главный притокъ, Сетледжъ, беретъ свое начало на задней, обращенной къ материку, сторонѣ собственно Гималайской цѣпи, въ тибетскихъ областяхъ; наконецъ, въ своемъ нижнемъ теченіи онъ не получаетъ болѣе притоковъ: онъ уже, такъ сказать, окончательно сформировался, отличаясь въ этомъ отношеніи отъ Ганга, который соединяется въ низовьяхъ съ могучей Брахмапутрой. Вообще нужно сказать, что черты сходства, которыя индусскіе поэты, а по ихъ слѣдамъ и многіе современные географы, хотѣли установить между двумя священными рѣками Индіи, какъ будто между ними существуетъ нѣчто въ родѣ мистическаго родства, по большей части не что иное, какъ игра воображенія.

Рѣки, протекающія въ полуостровной Индіи, на югѣ отъ перегородки изъ горъ и холмовъ, образуемой цѣпью Виндія, представляютъ также, отъ одной до другой покатости, замѣчательный контрастъ. Съ одной стороны, двѣ рѣки-близнецы, Нарбада и Тапти, зарождающіяся недалеко отъ географическаго центра Индустана, текутъ параллельно одна другой и изливаются въ одинъ и тотъ же заливъ Аравійскаго моря; хотя устья у нихъ отдѣльныя, однако, онѣ какъ будто принадлежатъ къ одной и той же гидрографической системѣ. Но эти двѣ рѣки—единственныя на всемъ западномъ берегу имѣющія нѣкоторую важность; вездѣ въ другихъ мѣстахъ скатъ Гатскихъ горъ слишкомъ узокъ, чтобы на немъ могъ образоваться значительный бассейнъ. Всѣ большія рѣки системы Гатской цѣпи, какъ восточной, такъ и западной, Маганадди, Годавери, Кришна, двѣ рѣки Панаръ, Кавери, спускаются къ Бенгальскому заливу, раскладывая свои наносы въ формѣ широкихъ дельтъ передъ своими устьями. Мало найдется рѣкъ, которыя представляли бы болѣе правильное, болѣе ритмическое чередованіе между періодами мелководья и полноводья: всѣ колебанія уровня этихъ индійскихъ рѣкъ регулируются движеніями атмосферы; прежде чѣмъ появиться на поверхности земли, эти потоки образуются уже въ воздушныхъ пространствахъ: они прежде всего составляютъ метеорологическое явленіе. Ни въ какой другой странѣ земнаго шара земледѣльцы не заботятся такъ много о сбереженіи своихъ рѣкъ, чтобы не зависѣть отъ перемѣны времени года; это вопросъ жизни или смерти для многочисленнаго сельскаго населенія, скученнаго густыми массами въ прибреж-

ныхъ мѣстностяхъ. Тогда какъ въ Сѣверной Индіи незначительное паденіе рѣкъ сдѣлало необходимымъ, для орошенія земель, прорытіе длинныхъ каналовъ, развѣтвляющихся до безконечности въ равнинахъ, неровный характеръ почвы на плоскогорьяхъ Декана и на покатости Коромандельскаго берега заставилъ жителей прибѣгать къ устройству запасныхъ резервуаровъ; они возстановили, такъ сказать, первобытное состояніе страны, какимъ оно было въ то время, когда рѣки, не успѣвъ еще урегулировать свое русло, текли уступами, спускаясь изъ одного озернаго бассейна въ другой порогами или водопадами; такимъ образомъ, человѣческая индустрія воспроизвела въ полуденной Индіи виды мѣстности, напоминающіе, по крайней мѣрѣ рельефомъ, ландшафы Скандинавіи. Нѣкоторыя изъ этихъ 35.000 озеръ, реставрированныхъ земледѣльцами Декана и Коромандельскаго берега, имѣютъ площадь, измѣряемую сотнями квадратныхъ километровъ; это самые обширные озерные бассейны, какіе встрѣчаются въ Индустанѣ, внѣ области Гималайскихъ горъ. Вòды резервуаровъ, сберегаемыя для сухаго времени года, удерживаются при помощи плотинъ, называемыхъ anicuts англо-индійцами; излишекъ воды, выливающійся черезъ порогъ калингалъ (calingalas), служитъ для наполненія лежащаго ниже втораго пруда, и такимъ образомъ, отъ уступа къ уступу, рядъ бассейновъ обозначаетъ линію ирригаціонныхъ каналовъ, отъ начальной до конечной ихъ точки, какъ узлы на нервной сѣткѣ. Во время большихъ дождей часто случается, что аникуты, или плотины, плохо поддерживаемыя въ періодъ угнетенія, войны или народнаго обѣднѣнія, уступаютъ на какомъ-нибудь пунктѣ напору воды; тогда резервуаръ разомъ опоражнивается: воды, смѣшанныя съ камнями, съ грязью, съ обломками всякаго рода, захваченными на ихъ берегахъ, устремляются въ слѣдующій, ниже лежащій прудъ; послѣдній тоже не выдерживаетъ напора, стѣны его разрываются, и жидкая масса, переходя съ уступа на уступъ и на пути постоянно увеличиваясь въ объемѣ, изливается на низменности въ видѣ страшныхъ наводненій.

Въ Индустанѣ можно наблюдать весь рядъ земныхъ температуръ, слѣдующихъ одна за другой съ юга на сѣверъ, отъ береговъ Цейлона, лежащаго въ сосѣдствѣ съ экваторомъ, до вѣчныхъ снѣговъ Каракорума, покрывающихъ, на разстояніи около 3.500 километровъ (3.290 верстъ) отъ равноденственной линіи, горы, поднимающіяся отъ 6.000 до 8.600 метровъ (отъ 20.000 до 28.200 футовъ) надъ уровнемъ океана. Тогда какъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Полуострова воздухъ, которымъ дышешь, кажется раскаленнымъ, есть другія мѣстности, гдѣ человѣкъ не можетъ жить, или куда онъ не могъ бы даже взобраться, по причинѣ холода и разрѣженности атмосферы. Однако, если разсматривать горный валъ, возвышающійся надъ равнинами Инда и Ганга, какъ составляющій часть особой географической области, то оказывается, что поясы средней температуры слѣдуютъ одинъ за другимъ довольно правильно, отъ Цейлона и мыса Комориnъ до первыхъ Гималайскихъ долинъ. Въ своей совокупности полуостровъ по сю сторону Ганга, не будучи знойнымъ, какъ нѣкоторыя области центральной Африки, есть, тѣмъ не менѣе, одна изъ самыхъ жаркихъ странъ земнаго шара: экваторъ наибольшей средней теплоты проходитъ непосредственно на югѣ отъ Полуострова, и даже изотермическая линія 24 градусовъ изгибается въ сѣверныхъ равнинахъ такъ, что идетъ вдоль первыхъ возвышенностей Гималайской цѣпи. Разность средней годовой температуры отъ одного до другаго конца Индіи, на пространствѣ болѣе 3.000 километровъ (2.811 верстъ) по ширинѣ, составляетъ всего только 5 градусовъ стоградуснаго термометра, если, не принимая въ разсчетъ различія высоты мѣстъ, приведемъ всѣ станціи къ уровню моря. Въ разныя времена года разности среднихъ температуръ въ обратную сторону болѣе значительны, около 8 градусовъ во время жаровъ и 10 градусовъ въ періодъ прохлады; но это небольшія уклоненія сравнительно съ обширнымъ протяженіемъ страны. Болѣе 250 метеорологическихъ станцій, учрежденныхъ во всѣхъ частяхъ Полуострова, даютъ возможность изучать всѣ колебанія климата Индіи и изображать ихъ графически съ такою точностью, какой еще не достигли во многихъ странахъ Западной Европы.

Наибольшая равномѣрность температуры поддерживается естественно въ областяхъ полуденной Индіи, благодаря сосѣдству экватора и умѣряющему вліянію морскихъ водъ и вѣтровъ (бризъ). Такъ, въ Коломбо, на островѣ Цейлонѣ, измѣненіе температуры отъ одного мѣсяца до другаго не превышаетъ двухъ градусовъ, колеблясь между 26° и 28° Ц.; на Малабарскомъ берегу, между Мангаломъ и Кочиномъ, варіація термометра не достигаетъ даже 4 градусовъ; но по мѣрѣ удаленія отъ моря, неравенства температуры по временамъ года становятся все значительнѣе: въ теплый сезонъ, именно съ марта по май, жары гораздо сильнѣе на плоскогорьяхъ Декана, нежели на берегахъ Малабарскомъ и Коромандельскомъ; однако, воздухъ тамъ въ то же время суше, и ощущеніе удушливости, которое испытываешь на этихъ возвышенностяхъ, менѣе тягостно; на морскомъ же берегу кажется, что дышешь стоя противъ устья огромной пылающей печи, особенно, когда прекращается морская бриза и начинаетъ дуть «земной вѣтеръ», то-есть вѣтеръ съ материка. Само собою разумѣется,

разность температуры между различными временами года увеличивается съ юга на сѣверъ, пропорціонально возрастанію географической широты, и горная цѣпь Сатпуры, составляющая какъ бы перегородку Индустана, можетъ быть также разсматриваема, съ метеорологической точки зрѣнія, какъ второстепенная граница между Сѣверной Индіей и Деканомъ. Такъ, въ Пенджабѣ, въ городѣ Дера-Измаилъ-ханъ, который находится далеко внутри материка и почти въ 1.000 километрахъ (937 верстъ) къ сѣверу отъ тропической линіи, разность между температурой самаго холоднаго мѣсяца, января (9°), и температурой самаго теплаго, іюля (35°,4), составляетъ около 26 градусовъ. Это область Индіи, гдѣ жара лѣтомъ самая сильная; въ это время года термическій экваторъ изгибается къ сѣверу такъ, что проходитъ надъ Пятирѣчьемъ; температура тамъ бываетъ тогда такъ же высока, какъ въ самыхъ жаркихъ странахъ земнаго шара, не исключая даже Сахары [1]). Что касается крайностей тепла и холода, которыя случалось наблюдать въ разныя эпохи, то онѣ представляютъ въ Пенджабѣ общую разность немного болѣе 50 градусовъ между точкой замерзанія и исключительными жарами, доходившими до 50 и 52 градусовъ стоградуснаго термометра. Въ Мадрасѣ, имѣющемъ климатъ экваторіальный и морской, длинный рядъ термометрическихъ наблюденій, производившихся начиная съ первыхъ временъ занятія страны англичанами, показываетъ въ разностяхъ температуръ амплитуду вдвое меньшую, именно—между 17 градусами Цельзія, крайностью холода, или низшей температурой, и 42°,5, крайн остью тепла, или высшей температурой.

Среднія и крайнія температуры нѣкоторыхъ городовъ Индустана, по направленію съ сѣвера на югъ:

Станціи.	Широта.	Средняя температура.	Самый теплый мѣсяцъ (іюль)	Самый холодный мѣсяцъ (январь).	Разность.
Пешаверъ	34° 1'45"	22°,7	33°,2	11°,3	21°,9
Дера-Измаилъ-ханъ	31°39'36"	24°,6	35°,3	9°,4	25°,9
Лагоръ	31°31'10"	23°,9	33°,4	11°,3	22°,1
Амбалла	30°21'24"	23°,5	32°,8	12°,5	20°,3
Дели	28°38'54"	23°,2	32°,8	12°,8	20°,0
Агра	27°10'12"	25°,6	34°,9	14°,2	20°,7
Лакнау (Лукноу)	26°51'12"	24°,3	32°,5	15°,6	16°,9
Аджмиръ	26°27'12"	26°,4	34°,6	16°,5	18°,1
Патна	25°37'12"	25°,3	36°,6	16°,0	20°,6
Аллахабадъ	25°26'	27°,2	36°,4	17°,9	18°,5
Бенаресъ	25°18'24"	26°,6	35°,2	16°,7	18°,5
Дакка	23°42'42"	25°,8	29°,5	18°,7	10°,8
Джабальпуръ	23° 9'42"	24°,6	32°,9	16°,0	16°,9
Калькутта	22°33'	25°,7	29°,6	18°,7	10°,9
Чжиттатонгъ	22°20'30"	24°,4	28°,3	17°,6	10°,7
Барода	22°16'	26°,9	34°,8	20°,7	14°,1
Нагпуръ	22°10'	27°,6	35°,7	21°,9	13°,8
Ахмаднагаръ	19° 6'	25°,6	30°,8	21°,2	9°,6
Бомбей	18°53'30"	26°,8	29°,8	23°,6	6°,2
Махабалешваръ	17°54'24"	19°,2	23°,6	17°,3	6°,3
Визагапатамъ	17°41'	28°,3	34°,1	22°,4	11°,7
Беллари	15° 8'54"	26°,8	30°,8	23°,1	7°,7
Бангалоръ	12°57'36"	23°,4	27°,0	20°,6	6°,4
Аркотъ	12°54'18"	27°,5	31°,1	22°,8	8°,3
Мангалоръ	12°51'42"	27°,2	30°,1	25°,5	4°,6
Пондишери	11°56'	29°,2	30°,6	26°,7	3°,9
Кананоръ	11°51'12"	27°,1	29°,4	25°,7	3°,7
Утакамундъ	11°23'42"	13°,3	16°,0	10°,8	5°,2
Каликутъ	11°15'12"	27°,4	29°,7	25°,9	3°,8
Карикалъ	11° 5'	28°,0	31°,5	24°,8	6°,7
Коимбатуръ	11° 1'	24°,8	27°,6	22°,6	5°,0
Трихинополи	10°49'48"	29°,3	32°,6	25°,3	7°,3
Кочинъ	9°58'6"	26°,9	29°,3	25°,1	4°,2
Мадрасъ	9°55'18"	27°,8	30°,9	24°,4	6°,5
Канди	7°17'	22°,7	23°,7	21°,4	2°,3
Коломбо	6°56'	26°,8	28°,0	25°,6	2°,4
Пойнтъ-де-Галь	6° 2'30"	27°,1	28°,1	26°,1	2°,0

Арійцы, поселившіеся въ равнинахъ сѣвера Индіи, раздѣлили годъ на шесть временъ: это «шесть юношей» древней миѳологіи, которые вертятъ колесо года, увлекая непрерывно кругъ всего живущаго и всѣхъ міровъ [1]). Но это дѣленіе года, которое, подъ вліяніемъ пѣсенъ и священныхъ поэмъ, было принято въ Индустанѣ и даже на холодныхъ плоскогорьяхъ Тибета [2]), не можетъ быть одинаково примѣнено ко всѣмъ областямъ Полуострова,

[1]) Магабгарата, Ади-Парва.

[1]) Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien".

[2]) „Hermann von Schlagintweit", цитированное сочиненіе.

въ особенности потому, что сезоны не смѣняются такимъ образомъ, чтобы представлять на югѣ, какъ и на сѣверѣ, одинъ и тотъ же характеръ и одинаковую продолжительность. Весна, или васанта, которая соотвѣтствуетъ мѣсяцамъ марту и апрѣлю, есть пора любви и наслажденія, воспѣтая поэтами: воздухъ ясенъ, небо чисто, безоблачно, вѣтерокъ, дующій съ полудня, тихо шелеститъ листьями деревьевъ и приноситъ въ хижины опьяняющее благоуханіе цвѣтовъ манговой пальмы; тяжелыя полевыя работы кончены; настало время для свадебъ и праздниковъ въ честь боговъ. Но вскорѣ приходитъ гришма, «время пота», въ сопровожденіи облаковъ пыли, поднимающейся съ дорогъ и полей, въ сопровожденіи частыхъ пожаровъ, вспыхивающихъ среди изсохшей травы и бамбуковъ: это знойные мѣсяцы май и іюнь. Въ воздухѣ тихо, но уже собирается гроза; черныя тучи мало-по-малу скопляются на горизонтѣ; вотъ, наконецъ, блеснула молнія и ударилъ громъ, возвѣщая о появленіи муссона, который начинается съ наступленіемъ варши, періода дождей: рѣки широко разливаются и орошаютъ прибрежныя равнины; природа обновляется, посѣянное зерно проростаетъ на запаханныхъ поляхъ. За этими двумя мѣсяцами, іюлемъ и августомъ, слѣдуетъ четвертый сезонъ, шарадъ, осень, продолжающаяся два мѣсяца, сентябрь и октябрь, во время которой вызрѣваютъ плоды, подъ вліяніемъ тепла, еще влажнаго отъ дождей предыдущаго періода. Гиманта, или зима, соотвѣтствующая двумъ послѣднимъ мѣсяцамъ европейскаго года, отличается холодными ночами и утренниками, но великолѣпными, ясными днями, во время которыхъ производится жатва на поляхъ, и земледѣльцы молотятъ и собираютъ свое зерно. Затѣмъ идетъ саси или сисира, послѣднее время года, періодъ росы и тумановъ, который оканчивается февралемъ мѣсяцемъ западныхъ народовъ. Послѣ того циклъ года снова начинается въ томъ же порядкѣ [1]).

Въ дѣйствительности рѣзко разграниченныя дѣленія климата для всего Индустана сводятся къ тремъ временамъ года—теплому, дождливому и холодному. Великій годовой кризисъ, метеорологическая драма, о которой повѣствуютъ древнія поэмы и которая получила капитальную важность въ миѳологіи индусовъ, это—наступленіе дождливаго муссона; какъ показываетъ буквальный смыслъ его арабскаго названія моссимъ, муссонъ есть «сезонъ» по преимуществу, важнѣйшее время года. Большія жары, сопровождающія шествіе солнца, которое мечетъ вертикально свои лучи надъ Индустаномъ, расширяютъ атмосферу страны и заставляютъ ее подниматься столбами въ верхнія области; вся Индія превращается въ громадную пылающую печь съ сильною тягой; стоящія надъ океаномъ воздушныя массы, насыщенныя водяными парами, приходятъ въ движеніе и устремляются къ Полуострову. На берегахъ Малабарскомъ, Конканскомъ и Бомбейскомъ воздушный токъ дождливаго муссона идетъ съ юго-запада и движется прямо въ противоположномъ направленіи съ сѣверо-восточными пассатными вѣтрами. Можно подумать, что онъ обязанъ своимъ присхожденіемъ противо-пассатамъ, или обратнымъ пассатамъ, спускающимся изъ верхнихъ областей атмосферы, чтобы дуть на поверхности земли; вѣроятно, однако, что его слѣдуетъ считать, по крайней мѣрѣ отчасти, продолженіемъ пассатныхъ вѣтровъ южнаго полушарія, привлекаемыхъ на сѣверъ сильно нагрѣваемою поверхностью Индіи и постепенно отклоняемыхъ къ сѣверо-востоку вращеніемъ земнаго шара на оси. Наблюденія, сдѣланныя въ разныхъ метеорологическихъ станціяхъ Полуострова, равно какъ на бортѣ кораблей [1]), доказываютъ, что воздушныя волны южнаго муссона обязаны своимъ происхожденіемъ также мѣстному отливу атмосферы надъ Индійскимъ океаномъ: часто бываетъ, что поясъ штилей и неправильныхъ вѣтровъ, занимающій экваторіальныя моря, совершенно раздѣляетъ поясъ юго-восточнаго пассата и поясъ южнаго муссона. Что касается направленія этого послѣдняго вѣтра, то нельзя сказать, чтобы оно было однообразное, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, на всѣхъ берегахъ Индіи; часто онъ движется прямо съ юга на сѣверъ. Въ долинѣ Инда, въ долинѣ Иравадди, на берегахъ Сандербанда и Ориссы, на сѣверной сторонѣ Бенгальскаго залива воздушный потокъ направляется перпендикулярно къ притягивающимъ его морскимъ берегамъ: иногда онъ приходитъ съ юго-востока [2]). Тогда какъ пассатные вѣтры представляютъ явленіе космическаго порядка, зависящее отъ движенія планеты и ея положенія относительно солнца, муссоны происходятъ отъ неравномѣрнаго распредѣленія материковъ на поверхности земнаго шара; пусть земли и моря распредѣлятся какъ-нибудь иначе, и этого будетъ достаточно, чтобы измѣнилась вся географія муссоновъ.

Несмотря, однако, на свой отчасти мѣстный или областной характеръ, муссонъ есть, безспорно, одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій нашей земли по своей силѣ и по величественности своего наступленія. Съ Матерана, близъ Бомбея, съ Магабалешвара или съ какого-нибудь другаго мыса западной Гатской цѣпи, откуда видны разомъ море, берега и ущелья

[1]) Benjamin Heine, „Tracts, Historical and Statistical on India".

[1]) Brault, „Cartes de la Direction et de l'Intensité probable des vents dans la mer des Indes".

[2]) Mühry, „Zeitschrift für Meteorologie von Carl Jelinek", 1867, № 21.

горъ, можно обнять взоромъ во всей его совокупности грандіозное зрѣлище, представляемое появленіемъ этого метеора. Съ 6 по 18 іюня, смотря по годамъ, скопляются первыя грозовыя облака, предвѣстники муссона. На одной сторонѣ небосклона мѣднокрасные пары скучиваются въ видѣ башенъ, группируются въ формѣ «слоновъ», по мѣстному выраженію [1]), затѣмъ медленно придвигаются къ землѣ; туча сгущается, растетъ и, наконецъ, покрываетъ половину неба, тогда какъ другая половина не имѣетъ ни одного пятнышка на своей великолѣпной лазури. Съ одной стороны мракъ окутываетъ скоро горы и долины, тогда какъ вдали очертаніе береговъ обрисовывается съ поразительною ясностью, и море, рѣки, похожія на серебряныя ленты, поля и деревни, разсѣянные тамъ и сямъ города кажутся сверкающими какимъ-то сверхъестественнымъ блескомъ. Вотъ, наконецъ, послышались первые громовые удары; тучи ударяются о крутые склоны Гатскихъ горъ, и буря разражается, молніи слѣдуютъ безъ перерыва одна за другою, громъ гремитъ безпрестанно и перекатывается въ пространствѣ, дождь льетъ потоками. Затѣмъ въ толщѣ тучъ образуется разрывъ, свѣтъ возвращается мало-по-малу, природа снова озаряется подъ лучами заходящаго солнца, и отъ всѣхъ этихъ массъ, обрушившихся съ неба, не осталось ничего, кромѣ легкаго тумана, поднимающагося вверхъ по долинамъ, или повисшаго въ видѣ бахромы на верхушкахъ деревьевъ. Такова обыкновенно первая гроза муссона, предшествующая правильнымъ дождямъ; но бываетъ и такъ, что появленіе дождевыхъ тучъ не сопровождается громомъ; темнота вдругъ охватываетъ пространство, и начинается ливень. Иногда облака дефилируютъ въ продолженіе одного или двухъ дней вдоль мысовъ, точно военные корабли, проходящіе въ открытомъ морѣ мимо крѣпости; огибая мысъ, каждое облако посылаетъ изъ себя молнію и громъ; можно подумать, что небо ведетъ войну съ горами [2]).

Правильность явленія муссоновъ, продолжающагося съ іюня по сентябрь, конечно, имѣла, такъ сказать, регулирующее вліяніе на работы и заботы живущихъ внутри материка племенъ, точно такъ же, какъ она долгое время опредѣляла движенія торговли вдоль береговъ Полуострова. Пока не были введены пароходы на Индійскомъ океанѣ, времена года служили точными регуляторами для прихода и отхода судовъ на берегахъ Малабарскомъ и Коромандельскомъ. Задолго до Неарха арабы, привозившіе богатства Индіи въ порты Краснаго моря, познакомились съ ходомъ правильныхъ вѣтровъ, мѣняющихся отъ одного берега до другаго; это явленіе періодической перемѣны направленія воздушныхъ теченій должно было поразить мореходовъ съ самыхъ первыхъ временъ мореплаванія; оно дало имъ смѣлость распускать свои паруса при попутныхъ вѣтрахъ въ полной увѣренности, что будущій муссонъ позволитъ имъ благополучно вернуться въ отечество. Но какъ ни велико было вліяніе муссона на торговыя сношенія Азіи, оно, однако, представляется второстепеннымъ въ сравненіи съ его важностью для орошенія почвы, безъ котораго не было бы ни культуры, ни заселенія страны. Лѣтній муссонъ приноситъ проливные дожди съ грозой. Сѣверо-восточный пассатъ, который спускается съ плоскихъ возвышенностей Тибета, послѣ того какъ онъ прошелъ черезъ пустыни центральной Азіи, не даетъ никакой влажности; рѣдкіе зимніе дожди, падающіе на равнины Сѣверной Индіи въ теченіе періода, когда господствуетъ этотъ вѣтеръ, происходятъ отъ мѣстныхъ круговращеній воздуха и отъ облаковъ, которыя приносятъ съ Бенгальскаго залива противо-пассаты, или верхніе пассаты, дующіе въ пространствѣ надъ нижними воздушными потоками. Лѣтніе дожди, приносимые муссономъ, питаютъ рѣки Индустана, вызываютъ къ жизни пышную растительность въ лѣсахъ и на поляхъ, поддерживаютъ земледѣліе; давая хлѣбъ населенію, они тѣмъ самымъ были главнымъ дѣятелемъ и двигателемъ цивилизаціи на Полуостровѣ. Это безпрестанно повторяютъ первыя пѣсни Риши, взывающія къ Индрѣ, который разсѣкаетъ тучу, чтобы освободить небесныя стада и пролить на своихъ обожателей богатство и изобиліе. «Дождь посылаютъ намъ боги—говоритъ Магабгарата;—онъ даетъ намъ растенія, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе людей» [1]).

Количество дождей, приносимыхъ лѣтнимъ муссономъ, неодинаково по годамъ: въ одинъ годъ бываетъ больше, въ другой меньше, и при томъ оно сильно разнится въ разныхъ областяхъ Индустана. На западныхъ склонахъ Гатскихъ горъ выпадаетъ такая масса дождевой воды, что въ продолженіе года она образовала бы слой толщиною въ нѣсколько метровъ, или, среднимъ числомъ, около $3^1/_4$ саженъ (въ Петербургѣ годовое количество дождевой воды составило бы слой только въ 10 вершковъ). Гонимыя вѣтромъ на крутизны и въ узкія долины этихъ горъ, составляющихъ внѣшній край Декана, облака превращаются въ потоки, которые быстро спускаются къ морю, совершая такимъ образомъ въ нѣсколько дней полный кругооборотъ воды, происходящій между океаномъ, атмосферой и материкомъ; но въ своемъ короткомъ переходѣ воды западной покатости Индіи вызываютъ къ жизни на своихъ бере-

[1]) Thévenot, „Voyage au Levant“.
[2]) „Times“, january 9, 1880.

[1]) Магабгарата, Ади-Парва, двустишія 1720, 1721.

гахъ густую, пышную растительность и обновляютъ кормилицу-землю прибрежныхъ мѣстностей, принося ей обломки обрушившихся лавъ. Эти-то проливные дожди, извергаемые муссономъ на западный бокъ Гатской цѣпи, и придали этимъ горамъ такой разорванный видъ; они разрѣзали ихъ на башни и остроконечныя пирамиды, размыли въ толщѣ ихъ ущелья и глубокія пропасти. Но далѣе, за выступами, вѣнчающими валъ Гатскаго хребта, облака, приносимыя муссономъ, являются уже облегченными отъ большей части своей влажности, и сильные дожди выпадаютъ только на самыхъ высокихъ вершинахъ холмовъ, которые поднимаются тамъ и сямъ надъ общимъ уровнемъ возвышенностей Декана. Тогда какъ среднее годовое выпаденіе дождей превышаетъ 7 метровъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западнаго ската Гатскихъ горъ, оно составляетъ только 4 метра въ Меркарѣ, на холмистомъ плато Кургъ; далѣе на востокъ оно еще меньше. Даже на одной и той же горѣ разница весьма значительна между противоположными склонами; такъ, напримѣръ, на горѣ Чамбрѣ, принадлежащей къ цѣпи Гатскихъ горъ и возвышающейся на западѣ отъ цѣпи Нильгири, западные скаты получаютъ въ продолженіе года, среднимъ числомъ, 472 сантиметра дождевой воды, почти на цѣлый метръ больше, нежели восточные. И не только пропорція падающей изъ воздуха воды уменьшается отъ запада къ востоку въ области Гатскихъ горъ,—она убываетъ также, начиная отъ Бомбея, по направленію съ сѣвера на югъ, что̀ происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ постепеннаго съуженія полуостровнаго тѣла и уменьшенія, вслѣдствіе того, собирательной силы, обнаруживаемой нагрѣтою атмосферою въ отношеніи прилегающихъ воздушныхъ массъ. Такъ, въ низменныхъ равнинахъ Траванкорскихъ среднее годовое паденіе дождей не менѣе 2 метровъ (2,8 аршина), а на мысѣ Коморинѣ, на южной оконечности Полуострова, оно не превышаетъ одного метра (1,4 аршина) [1]. Замѣчательно, что количество дождевой воды, совершенно достаточное въ болѣе умѣренныхъ странахъ, чтобы поддерживать богатую лѣсную растительность, не довольно велико въ полуденной Индіи, чтобы питать большія деревья. Подобно тому, какъ въ Россіи и въ Сѣверной Америкѣ большее или меньшее количество дождевой воды производитъ контрастъ лѣсовъ и луговъ, такъ точно въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Кавери густой лѣсъ чередуется, соотвѣтственно выпаденію дождей, съ бамбуковыми порослями: гдѣ средній годовой слой дождевой воды достигаетъ толщины отъ 3 до 3,75 метровъ, тамъ развивается во всей силѣ и пышности непроницаемый тропическій лѣсъ; напротивъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ паденіе дождей варьируетъ отъ полутора до двухъ съ половиною метровъ, скаты холмовъ представляютъ лишь чащу бамбуковъ, усѣянную небольшими деревцами [1].

На сѣверѣ Индустана обиліе дождей уменьшается въ обратномъ порядкѣ, т. е. по направленію отъ востока къ западу. У подошвы Сулейманъ-дага и въ пустыняхъ, простирающихся на востокъ отъ Инда до основанія горы Абу, ливни рѣдки, и выпаденіе ихъ не имѣетъ правильнаго характера: сплошной сезонъ дождей замѣняютъ тамъ періоды засухи, чередующіеся съ грозами. Даже въ Пятирѣчьи, у подошвы предгорій Гималайской цѣпи, земледѣльцы часто обращаютъ взоры къ небу въ ожиданіи желаннаго дождя, и горячія молитвы, которыя древніе арійцы возносили богамъ-громовержцамъ, доказываютъ, что въ ту эпоху, когда они населяли эту страну, облака были, какъ и въ наши дни, слишкомъ скупы на свою плодотворную влагу [2]). Но на востокѣ муссонъ Индійскаго моря, правильно отклоняемый къ сѣверо-востоку, изливаетъ на землю свою тяжелую ношу дождей, паденіе которыхъ совпадаетъ какъ разъ съ таяніемъ снѣговъ, ручьи и рѣки растутъ и разливаются одновременно отъ притока водъ, приносимыхъ вѣтромъ, и отъ притока водъ, посылаемыхъ горами. Какъ ни значительны, за цѣлый годъ, атмосферные осадки, въ видѣ снѣга и дождя, на склонахъ Гималайскихъ горъ, особенно въ Сиккимѣ, количество, ихъ, однако, гораздо меньше, нежели выпаденіе атмосферной воды на сѣверо-востокѣ Индустана, въ глухой горной котловинѣ, куда низвергается, какъ въ пропасть, лѣтній муссонъ. Тогда какъ въ Калькуттѣ, въ низменныхъ равнинахъ Ганга, дождевыя облака изливаютъ на землю только 2 метра (2,8 арш.) воды въ средній годъ, они приносятъ жидкую массу, почти вдесятеро большую, на горы Гарро и Хази, образующія выступъ или мысъ надъ мѣстностями по теченію Брахмапутры. Станція Черапонджи, въ одной долинѣ горъ Хази, занимаетъ первое мѣсто въ свѣтѣ по количеству атмосферныхъ осадковъ, которые представляютъ тамъ годовой слой дождевой воды наиболѣе значительный, какой до сихъ поръ случалось наблюдать метеорологамъ: въ среднемъ выводѣ, толщина этого слоя равняется 16 метрамъ (почти $7^1/_2$ саженъ); въ 1861 году она достигла даже 20,44 метровъ (болѣе $9^1/_2$ саженъ), такъ что въ тѣхъ странахъ иногда выпадаетъ больше дождевой воды въ двѣнадцать мѣсяцевъ, чѣмъ, напримѣръ, въ Шампани въ продолженіе пятидесяти лѣтъ. При томъ, еще весьма вѣроятно, что эта огромная масса падающей изъ атмосферы воды бываетъ иногда превзой-

---

[1]) Clements R. Markham, „Journal of the Geographical Society of London“, vol. XXXI, 1866.

[1]) Bidie, тотъ же сборникъ, томъ XXXIX, 1869 г.
[2]) Oldham, „Calcutta Review“, july 1874.

дена въ нѣкоторыхъ воронкахъ или котловинахъ долинъ, лучше расположенныхъ для принятія облаковъ и превращенія ихъ въ дожди, льющіе ручьями. По словамъ Гукера, одинъ только ливень, который можно было сравнить съ обрушеніемъ морскаго смерча, покрылъ землю жидкимъ слоемъ толщиною въ 760 миллиметровъ, т. е. такимъ слоемъ, какой во Франціи выпадаетъ въ продолженіе цѣлаго года. Такъ же, какъ и западный склонъ Гатской цѣпи, горы Ассама, принимающія ударъ проливныхъ дождей, изрѣзаны глубокими оврагами и загромождены обвалами: нигдѣ во всемъ свѣтѣ скалы не носятъ на себѣ болѣе явныхъ знаковъ постоянной работы разрушенія, производимой атмосферными дѣятелями и преимущественно дождями.

Малѣйшая неправильность въ годовыхъ колебаніяхъ климата, зависящая отъ перемѣны атмосфернаго давленія, хода вѣтровъ и облаковъ, имѣетъ чрезвычайно важныя послѣдствія въ Индустанѣ. Когда дождей нѣтъ или они недостаточны и, вмѣсто обильнаго поливанія почвы, только слегка спрыскиваютъ ее, когда рѣки пересохли и каналы изсякли, голодъ неизбѣженъ, и милліонамъ людей грозитъ смерть отъ истощенія вслѣдствіе недостатка пищи. Всего чаще нужно опасаться неурожаетъ и голодовокъ въ Синдѣ и Пенджабѣ, въ равнинахъ Гангскаго бассейна и на восточныхъ берегахъ Полуострова, т. е. въ областяхъ, гдѣ среднее годовое количество дождевой воды отъ 1 до $1^1/_2$ метра; эти страны должны были бы подвергаться періодически обезлюдненію, если бы не ирригаціонные каналы, позволяющіе восполнять недостатокъ дождей; искусственныя орошенія считаются безполезными только въ тѣхъ мѣстностяхъ Индіи, гдѣ количество атмосферныхъ осадковъ достигаетъ 2 метровъ (2,8 аршина) въ годъ. Метеорологи полагаютъ, что существуетъ постоянное соотношеніе между учащеніемъ пятенъ на солнцѣ и колебаніями дождей; по ихъ наблюденіямъ, циклъ этихъ двухъ порядковъ явленій одинъ и тотъ же, именно: онъ обнимаетъ одиннадцатилѣтній періодъ, такъ что, слѣдовательно, зная напередъ время наступленія опасности, можно было бы предотвратить ее, по крайней мѣрѣ отчасти; но полная утилизація текучихъ водъ, берущихъ начало по большей части въ областяхъ, гдѣ дожди выпадаютъ въ обиліи, есть единственное средство обезпечить успѣхъ урожаевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и существованіе сельскаго населенія въ Синдѣ и во всѣхъ мѣстностяхъ восточной покатости Индіи.

Менѣе опасные въ дѣйствительности, нежели недостатокъ дождей, циклоны внушаютъ, однако, больше страха, потому что ихъ дѣло разрушенія совершается внезапно, быстро, и сцены гибели, раздирающія душу катастрофы, оставляемыя ими на своемъ пути, выказываются сразу во всемъ ихъ ужасѣ. При томъ же, если отъ неурожая и голода гибнутъ иногда милліоны индусовъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то и циклоны нерѣдко потопляютъ болѣе сотни тысячъ людей въ нѣсколько часовъ, и эпидеміи, мѣстныя голодовки тоже являются неизбѣжными слѣдствіями этихъ страшныхъ метеоровъ. Въ моряхъ Индіи, къ сѣверу отъ экватора, большинство циклоновъ развертываютъ свою спираль на сѣверѣ отъ Андаманскихъ острововъ, между берегами Ориссы и берегами Арракана; но они потрясаютъ воды также у Коромандельскаго берега и, по другую сторону Полуострова, въ Аравійскомъ морѣ. Эти ураганы происходятъ либо въ началѣ, либо, еще чаще, въ концѣ періода лѣтняго муссона. Обыкновенно, нарушенію равновѣсія атмосферы предшествуетъ затишье, сопровождаемое барометрическимъ давленіемъ, почти одинаковымъ на значительномъ пространствѣ. Нагрѣтые водяные пары, поднимающіеся въ этихъ моряхъ, не находя въ верхнихъ слояхъ атмосферы выхода, который позволялъ бы имъ разливаться вправо и влѣво, снова сгущаются, скрытая теплота освобождается, и холодный воздухъ устремляется со всѣхъ сторонъ къ этому очагу высокой температуры; такимъ образомъ, отъ столкновенія воздушныхъ массъ и рождается вихрь. Самыя ужасныя катастрофы, естественно, разражаются на низменныхъ берегахъ, гдѣ внезапные приливы, поднимающіеся всего только на нѣсколько метровъ выше средняго уровня морскихъ водъ, достаточны для того, чтобы опустошить равнины и поля, простирающіяся на необозримое пространство внутрь твердой земли.

Всего больше разрушили циклоны человѣческихъ поселеній, всего больше потопили народу при устьяхъ рѣкъ Кистны, Годавери, Маганадди, Ганга и Брахмапутры. Самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ ураганов, о которыхъ повѣствуютъ лѣтописи земнаго шара, былъ ураганъ, разразившійся въ 1876 году надъ восточною областью Сандербанда, по обоимъ берегамъ рѣки Мегны; онъ извѣстенъ подъ названіемъ «Бакерканджскаго циклона», даннымъ ему по имени округа, который онъ опустошилъ. Въ ночь съ 31 октября на 1 ноября, около полуночи, три слѣдовавшія одна за другой волны, отъ 3 до 6 метровъ общей высоты, подступили къ берегамъ устья, и въ нѣсколько часовъ три большіе острова, сосѣдніе островки и около 60.000 гектаровъ (54.900 десятинъ) суши были покрыты водами, болѣе полумилліона людей были въ то же время внезапно застигнуты потопомъ. Несчастные, которые искали спасенія на крышахъ своихъ хижинъ, были унесены волной вмѣстѣ съ хижинами. Только тѣ, которые успѣли взобраться на деревья, растущія небольшими рощами вокругъ селеній, и спаслись отъ неминуемой смерти, да и эти счаст-

ливцы могли спуститься изъ своего убѣжища лишь на другой день подъ вечеръ. Почти всѣ деревья были смыты до основанія, весь домашній скотъ погибъ, и первоначальныя, на-скоро водненія, осталась только треть, въ иныхъ мѣстахъ даже только четверть жителей; затѣмъ гніеніе огромной массы труповъ породило холеру, и остальное, уцѣлѣвшее отъ потопа, на-

Махабадехваръ.

собранныя статистическія свѣдѣнія о размѣрахъ катастрофы исчисляли цифру человѣческихъ жертвъ слишкомъ въ 200.000 душъ.

Почти вездѣ, гдѣ прошла страшная волна на- селеніе было еще истреблено болѣе, чѣмъ на десятую часть развившеюся эпидеміей. До сихъ поръ еще только на незначительной части низменныхъ береговъ Сандербанда приступлено къ сооруженію оградительныхъ валовъ, кото-

рые могли бы помѣшать повторенію подобныхъ ужасающихъ бѣдствій.

Съ своими различными климатами, отъ горъ Ассама, гдѣ дожди льютъ потоками, до безводныхъ пустынь Синда, Индустанъ представляетъ въ своей флорѣ значительное разнообразіе растеній, но онъ не составляетъ особенной, совершенно самостоятельной области въ отношеніи растительности. Не будучи центромъ разсѣянія растительныхъ формъ, какъ Южная Африка, Малезія, Австралія, онъ есть, напротивъ, общая почва, гдѣ соприкасаются и смѣшиваются флоры сопредѣльныхъ странъ; за исключеніемъ нѣсколькихъ видовъ, которые индивидуализировались подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, но роды которыхъ встрѣчаются также и въ другихъ странахъ, растенія, которыя мы находимъ въ Индіи, принадлежатъ къ растительнымъ областямъ или флорамъ Персіи, бассейна Средиземнаго моря, Египта, Малезіи, Китая, центральной Азіи [1]). Въ совокупности индійской растительности, эти различные элементы, комбинируясь между собою, образуютъ четыре отдѣльныя области, соотвѣтствующія различію климатовъ: область Гималайскихъ склоновъ, бассейнъ Инда, почти не получающій дождей, Ассамъ, гдѣ атмосферная влага выпадаетъ въ чрезмѣрномъ обиліи, и наконецъ полуостровная Индія въ собственномъ смыслѣ, область безъ крайностей въ отношеніи засухи и дождей.

Гималайская флора, особенно въ Кашмирскихъ горахъ, заключаетъ въ себѣ наибольшую пропорцію европейскихъ видовъ: во многихъ долинахъ путешественникъ, пріѣхавшій съ дальняго Запада, изъ Европы, можетъ подумать, что находится все еще на родинѣ, видя окружающія его травы и деревья. Заключенныя нѣкогда въ одной и той же области, затѣмъ постепенно удаленныя другъ отъ друга перемѣнами климата, растенія Европы и растенія Гималайскихъ горъ сохранили, несмотря на раздѣляющее ихъ теперь огромное разстояніе, свою первоначальную физіономію и свое родство. Сосна, ель, можжевельникъ, тисъ и другія хвойныя деревья, которыя составляютъ большіе лѣса Гималаевъ до высоты 3.600 метровъ, очень похожи на сродные виды европейской флоры; великолѣпный деодаръ, «дерево боговъ», который растетъ на Кашмирскихъ и Кумаонскихъ горахъ и который теперь введенъ въ паркахъ и въ лѣсахъ Западной Европы, есть кедръ, мало отличающійся отъ кедровъ Ливана и атлантическихъ береговъ, особенно когда онъ достигъ полнаго роста. Въ восточной части Гималайскаго хребта представленные роды, какъ-то: магнолія, аукуба, абелія, принадлежатъ преимущественно къ синическому (китайскому) поясу, и чайное деревцо, растущее въ дикомъ состояніи въ лѣсахъ Ассама, есть не что иное, какъ разновидность китайскаго растенія.

Сѣверо-западная область Индустана, не получающая достаточнаго количества атмосферной влаги, естественно менѣе богата растительными видами, и существующіе тамъ представители растительнаго царства составляютъ часть флоры, которую мы находимъ по другую сторону Сулейманъ-дага, въ Персіи, въ Аравіи, въ Египтѣ. Болѣе девяти десятыхъ растительности Синда встрѣчаются въ туземной флорѣ Африки; джунгли, прилегающіе къ пустынѣ, состоятъ почти исключительно изъ тѣхъ же колючихъ кустарниковъ, какіе мы находимъ на пескахъ Передней Азіи, и евфратскій тополь (populus euphratica), растущій по берегамъ оросительныхъ каналовъ, есть то же самое дерево, что и знаменитыя плакучія или «вавилонскія ивы», на которыхъ евреи, во время плѣненія, вѣшали свои арфы. Растеніе «арійское» по преимуществу, асклепія (asclepias acida), или саркостема (sarcostema viminalis), которая производила «божественный» *гомъ*, *гома* или *сома*, столько же персидское, сколько индійское, и мудрецы Зендавесты прославляли его съ такимъ же восторгомъ, какъ и риши Ведъ; но опьяняющій сокъ гома давно уже пересталъ быть священнымъ напиткомъ, питьемъ жизни и безсмертія; теперь ужь не ходятъ собирать это растеніе при лунномъ свѣтѣ, чтобы выдавливать изъ него сокъ подъ священнымъ камнемъ и примѣшивать его къ очищенному коровьему маслу и къ чистой мукѣ [1]); ни одинъ поклонникъ не взываетъ уже къ нему, какъ къ божеству. Культъ сомы уступилъ мѣсто культу вина, возливаемаго въ честь новыхъ боговъ.

Флора областей Индустана, имѣющихъ влажный климатъ, рѣзко отличается отъ флоры Синда своей силой и блескомъ. Возвышенная равнина Ассама, поясъ болотистыхъ пространствъ, которыя тянутся вдоль основанія Гималайской цѣпи, долины горъ Хази, нижняя Бенгалія, прибрежье Конкана и Малабарскаго берега, островъ Цейлонъ и другія обильно орошаемыя земли Индіи хотя заключаютъ не совершенно одинакіе виды, но общая физіономія ихъ растительности точно такая же: природа въ этихъ странахъ представляетъ съ такимъ же богатствомъ растительныя формы, которыя мы встрѣчаемъ на Полуостровѣ по ту сторону Ганга и на островахъ Сондскаго архипелага. Это поясъ, который производитъ, по крайней мѣрѣ въ самыхъ теплыхъ своихъ частяхъ, перечное и коричное дерево, кардамонъ, камедистыя деревья, и откуда европейцы получили нѣкоторыя изъ своихъ драгоцѣннѣй-

[1]) Dyer, „Encyclopaedia Britannica“.

[1]) Ball, „Jungle Life in India“.

шихъ пріобрѣтеній въ растительномъ мірѣ,— хлопокъ, индиго, сахаръ и многочисленныя лекарственныя растенія; лѣса его доставляютъ салъ и текъ, наиболѣе цѣнимые сорты дерева, употребляемаго для построекъ. Различныя породы пальмъ, прямыхъ и твердыхъ, «словно дротики, пущенные съ неба», которыя удовлетворятъ всѣ потребности населенія, давая ему пищу, питье, одежду, мебель и всякую утварь, необходимую для домашняго обихода, растутъ преимущественно вдоль морскихъ береговъ; внутри материка, особенно въ долинахъ притоковъ Ганга, широколиственная мхова (bassa latifolia) осыпаетъ землю миріадами своихъ цвѣтковъ, которые служатъ пищей людямъ и животнымъ и которые нерѣдко, въ періоды неурожая и безхлѣбицы, спасали отъ голодной смерти цѣлыя населенія [1]). Тамъ растутъ также различныя разновидности священнаго дерева, смоковницы, которая можетъ укрыть подъ своей тѣнью цѣлыя толпы народа, собравшіяся на праздникъ, на рынокъ или на религіозныя церемоніи; каждое отдѣльное дерево смоковницы разростается въ цѣлый лѣсъ, такъ какъ отростки ея вѣтвей пускаютъ корни въ землю вокругъ первоначальнаго ствола и обвиваются иногда вокругъ сосѣднихъ пальмъ или другихъ деревьевъ. Постепеннымъ переходомъ типъ тропической флоры перемѣшивается съ типомъ, который представляетъ болѣе умѣренная растительность внутреннихъ областей полуострова и растительность склоновъ горъ, характеризуемая деревьями медленнаго роста, но съ крѣпкимъ или душистымъ волокномъ, какъ желѣзнякъ (желѣзное дерево) или сандалъ. Бамбукъ (индійскій тростникъ) покрываетъ почву густыми порослями тамъ, гдѣ годовое количество дождей недостаточно для развитія лѣсныхъ деревъ, и замѣняетъ всѣ эти деревья въ домашнемъ обиходѣ жителей. Индусы удивляются, какъ могутъ существовать цивилизованные народы въ тѣхъ обездоленныхъ странахъ, гдѣ не растетъ бамбукъ [2]).

Но распашка новыхъ земель, искусственное орошеніе, всѣ заботы, посвящаемыя человѣкомъ воздѣлыванію почвы, измѣняютъ съ каждымъ годомъ естественныя границы поясовъ растительности. Земледѣльцы даже успѣли собирать жатвы зерноваго хлѣба на высотахъ, почти достигающихъ линіи вѣчнаго снѣга. Такъ, въ странѣ Ладакъ сѣютъ ячмень, въ нѣкоторыхъ защищенныхъ отъ вѣтра мѣстахъ, на высотѣ слишкомъ 4.500 метровъ (болѣе 4 верстъ) надъ уровнемъ океана; на высотѣ 4.000 и 4.200 метровъ находятся деревни, населеніе которыхъ всецѣло зависитъ отъ успѣшнаго сбора этого хлѣба [3]). Почти всѣ группы человѣческихъ жилищъ въ верхней долинѣ рѣки Сетледжа до высоты 3.400, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до высоты 4.000 метровъ ($3^3/_4$ версты) окружены ивами и абрикосовыми деревьями, къ которымъ тамъ и сямъ присоединяются можжевельникъ высокій (juniperus excelsa), священное дерево буддистовъ [1]). Въ Гималаяхъ верхній предѣлъ обработанныхъ полей и дикорастущихъ растеній возвышается постепенно отъ внѣшнихъ скатовъ, спускающихся въ равнину, къ склонамъ, господствующимъ надъ долинами въ сердцѣ горъ. Иное дерево, которое останавливается на высотѣ 2.000 метровъ (6.562 фута) къ югу отъ Дарджилинга, поднимается до высоты 2.200, затѣмъ до высоты 2.500 метровъ на сѣверѣ отъ этого города, въ жаркой и влажной теплицѣ, которую образуетъ долина Сиккима, окруженная со всѣхъ сторонъ высокими горами [2]).

Подобно флорѣ, и животное царство Индустана не отличается отъ фауны сопредѣльныхъ странъ; оно сходствуетъ, смотря по границамъ, съ одной стороны, съ областью Тибета и Китая, съ другой—съ областью Передней Азіи, Индо-Китая и Малезіи [3]).

Южный склонъ Гималайскихъ горъ, естественно, населенъ тѣми же видами животныхъ, какъ долины Загималайской цѣпи и плоскогорья Тибета; границу распространенія для каждаго животнаго, въ направленіи нижнихъ долинъ, составляютъ тѣ препятствія, какія противополагаютъ ему климатическія условія, на различныхъ высотахъ. Такъ, вся богатая фауна Тибета, яки, дикіе и домашніе, антилопы, газели, серны, кабарги, косули, овцы, ослы, джигетаи, медвѣди, волки, бѣлые, черные и красные, шакалы, лисицы, дикія собаки, встрѣчаются либо въ снѣжныхъ областяхъ, либо въ лѣсахъ Гималайскихъ склоновъ; но эта фауна не переходитъ за предѣлы сухой области: тамъ, гдѣ начинаются лѣса, питаемые влажнымъ воздухохъ Сиккима, останавливаются горные звѣри [4]). У подошвы большихъ горъ лѣсная полоса области терая составляетъ, вмѣстѣ съ лѣсными чащами Ассама и гористой страны, отдѣляющей Бенгалію отъ Бирманіи, главное убѣжище дикихъ животныхъ Индіи; даже нѣкоторые виды, истребленные въ остальной части Полуострова, встрѣчаются только въ этомъ поясѣ; таковъ, напримѣръ, маленькій кабанъ (porculia salviania), который вѣситъ не болѣе 5 килограммовъ (12 фунтовъ) и ростомъ бываетъ не выше 25 сантиметровъ.

Слонъ—одно изъ животныхъ, которыя могли сохраниться въ большомъ числѣ въ области

---

[1]) Rig Veda; Windischmann, „Somacultus der Arier".
[2]) Yule, „The book of ser Marco Polo"
[3]) Frederic Drew, „Jumoo and Kashmir".

[1]) Stoliczka, „Mittheilungen von Petermann" 1870, № 1.
[2]) Forbes Royle, „Botany and Natural History of the Himalaya mountains"; Hooker, „Himalayan Journals".
[3]) Blanford, „Quarterly Journal of the Geographical Society", nov. 1875.
[4]) Гукеръ, цитированное сочиненіе.

терая и въ горахъ Ассама, защищаемыя лѣсными чащами и болотами. Онъ былъ выгнанъ почти изъ всѣхъ другихъ областей Индустана; въ другихъ мѣстахъ, кромѣ сейчасъ указанныхъ, его находятъ только въ землѣ Кондъ, въ дѣвственныхъ лѣсахъ Курга, Майсура, Траванкора и на островѣ Цейлонѣ. Индійскій слонъ не живетъ въ равнинахъ, какъ африканскій; его убѣжища находятся обыкновенно въ холмистыхъ мѣстностяхъ, и даже въ гористыхъ областяхъ онъ предпочитаетъ крутые гребни [1]); быть можетъ, это—недавняя перемѣна въ условіяхъ существованія, вынужденная сосѣдствомъ людей. Въ Сиккимѣ онъ бродитъ по лѣсамъ до высоты 1.200 метровъ; однажды даже охотники поймали одного слона на высотѣ болѣе 3.000 метровъ, затѣмъ, приручивъ его, отвели въ Лассу черезъ перевалы Гималайскихъ и Загималайскихъ горъ [2]). Слонъ, вѣроятно, скоро исчезъ бы изъ лѣсовъ Индіи, если бы охота на него не была строго ограничена и если бы ловля въ ямы, прикрытыя вѣтвями деревьевъ, не была безусловно воспрещена. Остъ-индское правительство оставило за собою право собственности на всѣхъ слоновъ Полуострова, какъ *макна*, т. е. неимѣющихъ бивней, такъ и *ганда*, т. е. вооруженныхъ длинными клыками. Хотя выбранные въ число домашнихъ животныхъ Ганезы, бога мудрости, бѣдные слоны, однако, такъ неблагоразумны, что даютъ охотникамъ загонять себя въ загороди, окруженныя крѣпкимъ частоколомъ, которыя должны служить имъ тюрьмой. Тамъ ихъ мало-по-малу укрощаютъ голодомъ, затѣмъ приручаютъ при помощи товарищей, уже обращенныхъ въ домашнее состояніе. Такимъ способомъ излавливаютъ каждый годъ нѣсколько сотъ слоновъ, которые почти всѣ употребляются на работы при постройкѣ дорогъ или на перевозку лѣса въ кораблестроительныхъ верфяхъ или пушечныхъ лафетовъ въ арсеналахъ. Князья и знатныя особы въ Индіи тоже не могли бы справлять празднествъ, ни выѣзжать на охоту безъ того, чтобы въ кортежѣ ихъ не находилось нѣсколькихъ слоновъ, покрытыхъ богато убранными чапраками и несущихъ на спинѣ гауды, или балдахины, украшенные драгоцѣнными металлами, шелкомъ и бархатомъ.

Носорогъ, другой представитель древней фауны, тоже сталъ рѣдкимъ въ Индустанѣ, хотя тамъ существуютъ еще четыре разновидности его, съ однимъ или двумя рогами. Это животное водится, главнымъ образомъ, въ лѣсахъ Джиттатонга, къ востоку отъ устья Мегны, и въ болотистыхъ земляхъ Сандербанда, гдѣ онъ любитъ валяться въ грязи. Въ лѣсахъ и джунгляхъ центральной Индіи, Ассама и пограничныхъ съ Бирманіей мѣстностяхъ рыскаютъ также страшные звѣри изъ отряда жвачныхъ, какъ-то: гаялъ, гауръ (bos gaurus), обыкновенно называемые охотниками «бизономъ», и дикій буйволъ. Охота на этихъ животныхъ не менѣе опасна, чѣмъ охота на тигра или на слона. Особенно опасенъ буйволъ; онъ одинъ только изъ всѣхъ дикихъ животныхъ Индустана, за исключеніемъ тигра, привыкшаго къ человѣческому мясу, яростно бросается на человѣка, преимущественно на европейца; даже прирученные буйволы выказываютъ сильное отвращеніе къ бѣлокожимъ чужеземцамъ. Что касается кабана, то онъ рѣдко нападаетъ на человѣка, но это самое ненавистное для земледѣльцевъ животное, по причинѣ вреда, какой онъ наноситъ полямъ; въ немъ видятъ врага по преимуществу, и во многихъ областяхъ Индіи тигра считаютъ въ нѣкоторомъ родѣ покровителемъ земледѣлія, потому что онъ избавляетъ крестьянина отъ дикихъ свиней и другихъ опустошителей посѣвовъ.

Тигръ, прозванный «королевскимъ» за его страшную силу и свирѣпость, — кровожадный звѣрь, который лучше всѣхъ другихъ хищниковъ сохранилъ свое господство во всѣхъ частяхъ Индіи, какъ въ равнинахъ, такъ и въ долинахъ горъ, до довольно большой высоты на склонахъ Гималаевъ. Онъ нападаетъ преимущественно на газелей, антилопъ, косуль, кабановъ и на всѣхъ мелкихъ лѣсныхъ животныхъ; когда онъ находитъ эту дичь въ достаточномъ количествѣ, онъ рѣдко дѣлаетъ нападенія на домашній скотъ. Но когда лѣса начинаютъ пустѣть, когда ихъ населеніе перевелось, или когда сами тигры, сдѣлавшись старыми или немощными, не въ состояніи больше гоняться за оленемъ или газелью, они принимаются за стада землепашцевъ и за самихъ поселянъ; разъ отвѣдавъ человѣческаго мяса, они ужь не ищутъ другаго. Какъ въ отдаленные доисторическіе вѣка, борьба между хищными звѣрями и человѣкомъ продолжается до сихъ поръ, и во многихъ округахъ Индіи еще недавно побѣда принадлежала кошачьему роду. Одна только тигрица въ землѣ Чанда, въ центральныхъ провинціяхъ, пожрала 132 человѣка въ 1867 и 1868 годахъ [1]). Про другаго такого же «людоѣда» разсказываютъ, что его годовой паекъ состоялъ изъ 80 человѣкъ; жители тѣхъ мѣстъ видѣли въ немъ нѣчто въ родѣ бога, соединившаго въ своихъ членахъ силу всѣхъ своихъ жертвъ. Сосѣдства такихъ тигровъ достаточно, чтобы прекратилось всякое сообщеніе по большимъ дорогамъ, пролегающимъ черезъ мѣстности, гдѣ они обитаютъ; одинъ изъ этихъ страшныхъ хищниковъ наводилъ такой ужасъ на все окрестное населеніе, что тринадцать деревень были покинуты жителями, и пространство земли въ 650 квадр. километровъ оставалось

[1]) Hunter, „Gazetteer of India".
[2]) Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien", vol. II.

[1]) Grant, „Central Provinces".

заброшеннымъ безъ всякой обработки. Леопардъ, извѣстный обыкновенно подъ именемъ «пантеры», еще болѣе страшенъ охотнику, чѣмъ самый тигръ; онъ храбрѣе, проворнѣе, ловче, что вознаграждаетъ, и даже съ излишкомъ, его сравнительно меньшую силу мускуловъ. Когда онъ отвѣдалъ человѣческой крови, онъ становится истиннымъ бичемъ края; ему безпрестанно нужны новыя человѣческія жертвы, такъ какъ онъ ограничивается тѣмъ, что высасываетъ изъ нихъ кровь [1]). Другой видъ леопарда, *чита*, родина котораго—Деканъ, сдѣлался союзникомъ человѣка, какъ соколъ; онъ сопровождаетъ охотника въ погоню за газелью и преслѣдуетъ эту дичь съ такою быстротой, что глазъ едва успѣваетъ слѣдить за нимъ.

Кромѣ сейчасъ названныхъ, въ джунгляхъ Индустана рыскаютъ еще многіе другіе виды кошачьяго семейства, но самый большой изъ всѣхъ, тотъ, котораго народное воображеніе возвеличило какъ болѣе могущественнаго, чѣмъ самый тигръ, левъ, съ начала нынѣшняго столѣтія совершенно исчезъ въ континентальной области Индіи; еще въ 1810 году охотились на этого звѣря въ Пятирѣчьи; въ настоящее же время единственные представители индійскаго льва, отличающагося отъ африканскаго отсутствіемъ гривы, живутъ въ скалахъ Гиръ, около южной оконечности полуострова Катіаваръ; туземцы называютъ его «верблюдо-тигромъ». Близъ этой же области, въ сосѣдствѣ Ранна, нашелъ себѣ убѣжище дикій оселъ; нильгау, или антилопа пестрая (portax pictus), которую, впрочемъ, встрѣчаютъ и въ другихъ частяхъ Индустана, до Гималайскихъ горъ, тоже старается избѣгать охотниковъ, бродя по окраинамъ этого пустыннаго края. Что касается волковъ, то они удержались во всѣхъ открытыхъ мѣстностяхъ Полуострова, и хотя ихъ меньше боятся, однако они дѣлаютъ больше опустошеній, чѣмъ тигры; нѣкоторыя дикія племена почитаютъ ихъ какъ боговъ и ждутъ себѣ величайшихъ бѣдъ, когда кровь этихъ животныхъ была пролита на ихъ территоріи какими-нибудь чужими охотниками. Гіены тоже очень опасны для стадъ, а въ голодное время и для дѣтей поселянъ. Шакалы, очень обыкновенные, по ночамъ оглашаютъ воздухъ своими завываніями; они такіе же ловкіе, всюду пробирающіеся бродяги и хищники, какъ европейская лисица, и эти качества доставили имъ мѣсто въ индійскихъ басняхъ, гдѣ они играютъ роль хитрыхъ совѣтниковъ и составителей заговоровъ. Дикія собаки, или *доле*, тоже часто встрѣчаются въ лѣсныхъ областяхъ; онѣ рыскаютъ цѣлыми стаями, не подавая голоса, и не боятся нападать даже на тигра; какова бы ни была преслѣдуемая дичь, она никогда не уйдетъ отъ нихъ; погоня можетъ продолжаться по цѣлымъ днямъ, но въ концѣ-концовъ собаки настигаютъ свою добычу и разрываютъ ее. Летяги (pteromys), или «летучія лисицы», какъ ихъ называютъ англичане, бѣлки, у которыхъ кожа на бокахъ широко растянутая, образуетъ какъ бы парашютъ, висятъ массами на вѣтвяхъ деревьевъ. Что касается обезьянъ, то виды ихъ очень многочисленны, и въ нѣкоторыхъ округахъ онѣ сдѣлались настоящими хозяевами страны, благодаря благоговѣнію, которое туземцы питаютъ къ семейству бога Ганумана; онѣ проникаютъ въ дома, накладываютъ руку на все, что имъ понравится. Чтобы сохранить провизію отъ этихъ непрошеныхъ гостей, жители принуждены прикрывать ее вѣтками колючаго терновника.

Статистическіе сборники, издаваемые въ разныхъ провинціяхъ Полуострова, даютъ списокъ, всегда, впрочемъ, неполный, убитыхъ въ теченіе года крупныхъ хищниковъ и людей, пожранныхъ звѣрями. Благодаря преміямъ, предлагаемымъ правительствомъ, и легкому способу отравленія, который даетъ стрихнинъ, число лютыхъ звѣрей, отъ которыхъ избавляются индусы, увеличивается, тогда какъ число человѣческихъ жертвъ уменьшается. Такъ, въ шестилѣтіе съ 1870 по 1875 годъ въ Бенгаліи было убито плотоядныхъ животныхъ 18.196, въ томъ числѣ 7.278 тигровъ, 5.668 леопардовъ, 1.671 бабръ (felis onça), 1.388 волковъ; людей, растерзанныхъ звѣрями за тотъ же періодъ времени, насчитывали 13.416, изъ нихъ 4.218 было пожрано тиграми, 4.287 волками, и т. д. Гораздо труднѣе защититься отъ змѣй, которыя проползаютъ въ щели хижинъ и обвиваются вокругъ вѣтвей деревьевъ. Ни въ какой другой странѣ земнаго шара ядовитыя змѣи не опасны такъ, какъ въ Индіи. Каждый годъ оффиціальная статистика сообщаетъ о тысячахъ смертныхъ случаевъ, происшедшихъ отъ ужаленія этими животными: по Фэйреру [1]), ежегодное число жертвъ нужно считать слишкомъ въ 20 000. Въ 1877 г. людей, умершихъ отъ укушенія змѣй, насчитывали 16.777; число убитыхъ змѣй, за которыхъ выданы назначенныя преміи, въ этомъ году простиралось до 127.295. Въ 1880 году общее число человѣческихъ жертвъ, погибшихъ отъ змѣй и большихъ плотоядныхъ, опредѣляли въ 21.990. Въ 1894 г. погибло отъ дикихъ звѣрей и змѣй: людей—24.421, рогатаго скота—97.371 головъ; было убито: 13.447 дикихъ звѣрей и 102.210 змѣй; выдано премій—115.079 рупій. Зоологъ Гунтеръ насчитываетъ во всей Индіи 79 видовъ ядовитыхъ змѣй, изъ которыхъ, впрочемъ, болѣе половины принадлежатъ къ соленоводнымъ животнымъ; виды, живущіе въ морѣ или въ прибрежныхъ лагунахъ, имѣютъ железки, содержащія ядъ, тогда какъ прѣсно-

[1]) Forsyth, „The Highlands of Central India".

[1]) „Thanatophidia of India".

водныя змѣи безвредны [1]). Между пресмыкающимися съ ядовитыми зубами есть такія, какъ, напримѣръ, кобра, дабойя, офіофагъ (змѣеѣдъ), укушеніе которыхъ почти неминуемо смертельно. Кобра, или «очковая змѣя» (naga tripudians) которой португальскіе завоеватели дали названіе «cobra di capello», оттого, что у нея на шеѣ кожа вытянута въ складки, образующія родъ капюшона,—самый опасный изъ всѣхъ этихъ гадовъ; въ то же время это одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ; по словамъ медика Никольсона, въ Бангалорскомъ округѣ этихъ змѣй найдешь, по меньшей мѣрѣ, до 400 штукъ на каждомъ квадратномъ километрѣ. Кобра—змѣя, которую преимущественно приручаютъ заклинатели змѣй, иногда даже не вырвавъ у нея ядовитыхъ зубовъ или давъ имъ вновь вырости. Страшный змѣй мѣрно раскачивается изъ стороны въ сторону подъ звуки музыкальныхъ инструментовъ, обвивается вокругъ рукъ и туловища своего господина, дѣлаетъ видъ, какъ будто жалитъ его, ласкаясь; но часто бываетъ, что эти милыя ласки, эти граціозныя игрушки оканчиваются смертью заклинателя. Кобра—священное животное; это представитель бога разрушенія, и, какъ таковой, онъ имѣетъ право на почитаніе со стороны людей. Когда благочестивый индійскій браминъ открываетъ этого гада въ щели своего жилища, онъ не только не потревожитъ его, напротивъ, онъ приноситъ ему молока, преклоняется передъ нимъ, почитаетъ его, какъ домашнее божество; если, по несчастью, кобра заплатитъ неблагодарностью за оказываемый ей почетъ и ужалитъ ребенка, то отецъ семейства ограничивается тѣмъ, что относитъ смертоносное пресмыкающееся куда-нибудь въ поле и извиняется, удаляясь отъ него. Если какой-нибудь нечестивецъ убьетъ священнаго змѣя, то браминъ покупаетъ его смертные останки и сжигаетъ ихъ съ религіозными церемоніями. Такъ продолжается до сихъ поръ древній культъ змѣй, который предшествовалъ въ Индіи браминскимъ религіямъ, и который мы находимъ подъ разными формами во многихъ другихъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта [2]). Змѣй, выползающій изъ трещинъ скалы, долженъ былъ казаться первобытному человѣку выходящимъ изъ мрака, какъ представитель подземнаго міра и адскихъ силъ. Это драконъ легендъ, изрыгающій огонь и дымъ чудовище, схватывающее злыхъ и ввергающее ихъ въ горящія бездны преисподней; въ то же время это—священное животное, которое носитъ драгоцѣнный камень, спрятанный въ складкахъ его чела [3]), обладатель тайнъ, сокрытыхъ въ глубинахъ невѣдомаго подземнаго міра. Искусство магіи и заключается, главнымъ образомъ, въ умѣніи исторгнуть у него эти тайны, чтобы открыть драгоцѣнныя руды въ нѣдрахъ земли, узнать цѣлебныя травы и коренья, излечивающіе болѣзни, или даже угадать средство сдѣлаться сильнымъ и богатымъ. Въ индійской миѳологіи мы встрѣчаемъ много божествъ, которыя взяли змѣю за аттрибутъ своего могущества, дабы тѣмъ засвидѣтельствовать о своемъ глубокомъ знаніи сокровенныхъ тайнъ міра. Діадема, которую носитъ Сива, составлена изъ семи головъ кобры, соединенныхъ между собою и вытягивающихся впередъ, какъ бы грозящихъ своими жалами поклонникамъ бога. Индусы поклоняются также богу Вишну, охраняемому тысячеглавымъ змѣемъ. Почти во всѣхъ индійскихъ пагодахъ можно встрѣтить это символическое изображеніе, первоначальный смыслъ котораго постепенно утратился и которое, наконецъ, сдѣлалось простымъ украшеніемъ. Дождевые и солнечные зонтики, которые въ началѣ употреблялись только знатными людьми, имѣютъ форму, напоминающую форму змѣй бога Сивы.

Фауна Индустана заключаетъ также нѣсколько страшныхъ звѣрей изъ отряда ящерицъ, каковы два вида крокодила и гангскій гавіалъ; но число этихъ пресмыкающихся быстро уменьшается съ тѣхъ поръ, какъ фабриканты стали утилизировать ихъ кожу и жиръ, и какъ начали употреблять, для истребленія ихъ, средства, предоставляемыя современною индустріей въ распоряженіе охотниковъ. Въ этой неустанной работѣ человѣка по приспособленію природы къ его потребностямъ или прихотямъ, ему легче уничтожать или порабощать большихъ животныхъ, чѣмъ бороться съ несмѣтными массами вредныхъ насѣкомыхъ или мелкихъ грызуновъ. Тогда какъ онъ истребляетъ льва, воюетъ съ тигромъ, порабощаетъ слона, населяетъ Гималайскіе лѣса дичью, привезенною изъ Англіи, и наполняетъ сѣверными рыбами садки или пруды въ горахъ Нильгири, онъ остается столь же безсильнымъ, какъ были его предки, противъ стай саранчи, полчищъ крысъ, муравьевъ и всѣхъ тѣхъ тучъ непримѣтныхъ и неуловимыхъ враговъ, которые нападаютъ на посѣвы, уничтожая ихъ въ плодѣ или въ цвѣту. Въ борьбѣ съ этими противниками ему нужно разсчитывать на помощь другихъ маленькихъ или микроскопическихъ животныхъ, которыя кишатъ или исчезаютъ, смотря по колебаніямъ климата и перемѣнамъ погоды. По крайней мѣрѣ, онъ имѣетъ въ безконечномъ мірѣ птицъ вѣрныхъ союзниковъ, избавляющихъ его отъ всякихъ органическихъ остатковъ, которые, разлагаясь, могли бы породить чуму въ городахъ. Между различными видами коршуновъ особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи два, gyps indicus и gyps ben-

[1]) „On the Reptiles of British India“.
[2]) Fergusson, „Tree and Serpent Worship“.
[3]) Плиній, „Естественная исторія“; Troyer, „Radjatarangini, Histoire des rois de Kachmir“; Fritsche, „Hitopadesa, Eine indische Fabelsammlung“.

galensis, которые по справедливости заслужили себѣ спеціальное прозвище «чистильщиковъ»; ихъ называютъ «философами» или «адъютантами» за ихъ важную осанку. Въ Калькуттѣ вы увидите безчисленное множество этихъ большихъ пернатыхъ, съ длиннымъ клювомъ, съ плѣшивой головой, фіолетовымъ зобомъ, черными крыльями, меланхолически сидящихъ на стѣнахъ. Большія денежныя пени защищаютъ этихъ общественныхъ благодѣтелей отъ всякаго нападенія. Домашняя птица у индусовъ та же самая, что и у европейцевъ, и сверхъ того, во многихъ провинціяхъ Индіи, между прочимъ, въ Синдѣ, еще сохранился обычай, давно уже исчезнувшій въ Европѣ, дрессировать сокола для охоты. Птица, которую жители центральной Индіи воспитываютъ съ наибольшею любовью,—это видъ скворца (acridotheres tristis), который дѣлается очень ручнымъ и котораго пріучаютъ выговаривать разныя слова, между прочимъ, имя бога Кришны; но пѣвчія птицы гораздо болѣе рѣдки въ индійскихъ лѣсахъ, чѣмъ въ лѣсахъ Запада. Воробей послѣдовалъ за англичаниномъ въ долины Гималайскихъ горъ.

Вишну, охраняемый змѣемъ. -Изваяніе въ джайнскомъ храмѣ, въ Садри (Удайпуръ).

За исключеніемъ нѣскольких племенъ неизвѣстнаго происхожденія, принимаемыхъ за первобытныхъ коренныхъ жителей страны, по незнанію ихъ дѣйствительной генеалогіи, расы Индіи, какъ извѣстно, состоятъ въ родственной связи съ сопредѣльными этнологическими областями. Такъ же, какъ виды растительнаго и животнаго царствъ, индійскіе народы принадлежатъ къ центрамъ образованія болѣе обширнымъ, чѣмъ полуостровъ, на которомъ они встрѣчаются и перемѣшиваются въ наши дни. Арійцы, имѣющіе сознаніе своей общей циви-

лизаціи, признаютъ другъ друга братьями по языку и мысли по обѣ стороны индійскаго Кавказа; на западѣ, постепенные переходы расы, языковъ и преданій соединяютъ магометанскія населенія Ирана и Индіи; точно также на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, родство легко узнается, отъ народца къ народцу, между долинами полуденной покатости и долинами, спускающимися къ восточной Азіи. Наконецъ, и сами дравидійцы, хотя оттѣсненные теперь съ индійскихъ равнинъ къ южнымъ плоскогорьямъ, кажется, пришли съ сѣверо-запада, и, какъ полагаютъ, въ Белуджистанѣ сохранились слѣды ихъ прохода, такъ какъ нарѣчію брагуи приписывается дравидійское происхожденіе, и древній мидійскій языкъ былъ признанъ принадлежащимъ къ той же группѣ глоссологическихъ семействъ. Найденныя въ Бегистанѣ треязычныя надписи, разсказывающія исторію персидскаго царя Дарія Гистаспа, доставили переводчикамъ неоспоримыя свидѣтельства древняго родства дравидійскихъ идіомовъ съ языками «скиѳскими», представляемыми въ наши дни, главнымъ образомъ, финскими діалектами [1]).

Впрочемъ, древность переселеній и перемѣны, которыя совершаются въ словарѣ и строеніи языковъ, тѣмъ быстрѣе, чѣмъ народы менѣе цивилизованы и болѣе подвижны, объясняютъ тѣ значительныя различія, которыя произошли въ племенахъ и націяхъ съ тѣхъ поръ, какъ они перестали быть въ непосредственныхъ сношеніяхъ между собою Къ доказательствамъ, извлеченнымъ изъ самой исторіи, прибавились безчисленныя находки археологовъ, свидѣтельствующія о древности пребыванія человѣка на Индійскомъ полуостровѣ. Такъ же, какъ Европа, Индія имѣетъ свои дольмены и менгиры, свои камни, выдолбленные въ видѣ чашки, свои кучи обдѣланныхъ кремней; изслѣдователи отыскали тамъ весь рядъ доисторическихъ вѣковъ, протекшихъ въ эпохи каменнаго періода [2]). Даже именно здѣсь, въ Индустанѣ, найдены древнѣйшіе слѣды пребыванія человѣка на землѣ: къ востоку отъ Гоа геологи открыли, на половину зарытый подъ слоемъ базальта и латерита, цѣлый лѣсъ пальмъ и хвойныхъ деревьевъ, превратившихся въ кремнеземъ, и нѣкоторыя изъ этихъ окаменѣлыхъ стволовъ еще носятъ на себѣ явные знаки топора, которымъ они были срублены [3]). Изъ этого видно, что дровосѣки уже занимались своимъ промысломъ въ ту эпоху, когда потоки лавы выливались еще изъ кратеровъ Декана, такъ давно уже закрывшихся и неузнаваемыхъ; по всей вѣроятности, существованіе этихъ обитателей Западной Индіи восходитъ къ эоценовымъ вѣкамъ, быть можетъ, даже къ концу мѣловаго періода. Слѣдовательно, населенія страны имѣли достаточно времени для того, чтобы разнообразно смѣшиваться и сливаться между собою, образуя и преобразовывая первоначальныя группы.

Однако, устойчивость расъ гораздо больше въ Индустанѣ, нежели на европейскомъ континентѣ, что отчасти объясняется относительно массивными контурами Гангскаго полуострова, если сравнивать его съ совокупностью островъ и полуострововъ, которая составляетъ сѣверо-западную область Стараго Свѣта; впрочемъ, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, земледѣльческія населенія должны быть тѣмъ менѣе осѣдлыми, чѣмъ легче имъ перемѣнять климатъ и чѣмъ сама окружающая природа подвижнѣе и разнообразнѣе. Во многихъ отношеніяхъ индусы представляютъ элементъ почти неподвижный въ сравненіи съ европейцами; въ теченіе того же самаго двадцати-трехъ вѣковаго періода, въ который большинство варварскихъ племенъ Запада поднялось на высшую ступень цивилизаціи, какая когда-либо была достигаема, жители Индіи, кажется, оставались почти на той же точкѣ развитія, почти нисколько не подвинулись впередъ. Суммарныя описанія народа, оставленныя первыми трактовавшими о тѣхъ краяхъ иностранными писателями, и теперь еще примѣняются къ жителямъ Полуострова; даже институтъ кастъ, отмѣненный было, по крайней мѣрѣ отчасти, буддизмомъ, снова появился, подобно тому, какъ истинный цвѣтъ ткани опять показывается, когда смоешь поверхностную краску. Благодаря этому замѣчательному постоянству, типы различныхъ племенъ, націй и расъ, находящихся во взаимномъ соприкосновеніи въ провинціяхъ Индустана, отличаются большею опредѣленностью, чѣмъ типы западныхъ народовъ, безпрестанно смѣшивающихся между собою.

Такимъ образомъ, каждой особой области Индіи принадлежатъ населенія, еще отличныя отъ другихъ, дикія или цивилизованныя, которыя нужно описывать каждое отдѣльно. Въ слѣдующихъ главахъ мы попытаемся принимать во вниманіе, насколько возможно, группировку жителей одинаковаго происхожденія, изучая вмѣстѣ съ тѣмъ самую страну сообразно ея естественнымъ дѣленіямъ, грубо измѣненнымъ тамъ и сямъ завоеваніями и административными дѣленіями.

---

[1]) Rask; Max Müller; Vinson; Caldwell, „Grammar of the Dravidian languages“.

[2]) Foote, „Proceedings of the Geological Society“, june 17. 1868; Balle, „Jungle Life in Indilsic

[3]) Marchesetti, „Bollettino delle scienze naturali“, № 2, годъ II.

II. Западный Гималай.

Нагорныя долины „Пятирѣчья“. Кашмиръ, восточный Дардистанъ, Газара, Чамба, Кангра, государства въ верховьяхъ Сетледжа.

Въ своей совокупности, эта гористая земля есть нейтральное пространство, не принадлежащее географически ни къ Тибету, ни къ Индіи, ни къ Туркестану. Господствующіе надъ нею горные хребты составляютъ продолженіе тибетскихъ возвышенностей, а промежуточныя долины служатъ продолженіемъ пониженій плоскогорья; если теченіе водъ происходитъ по направленію къ равнинамъ Синда и къ Аравійскому морю, то глубокія ущелья, по дну которыхъ бѣгутъ горные потоки, крутизны и перевалы, которые нужно пройти, чтобы отправиться въ верхніе бассейны, совершенно раздѣляютъ двѣ области—область равнины и область горъ, точно такъ же, какъ и эта послѣдняя отдѣлена отъ области льдовъ; по выраженію древнихъ индійскихъ поэтовъ, «три міра» лежатъ одинъ надъ другимъ въ этой странѣ. Почти всѣ населенія Кашмира и сопредѣльныхъ долинъ тоже рѣзко отличаются по происхожденію отъ жителей равнинъ Пенджаба. Въ первые историческіе вѣка страна арійцевъ оканчивалась съ этой стороны у подошвы горъ, и часто Кашмиръ испытывалъ политическія судьбы, отличныя отъ судебъ «Пятирѣчья». Еще въ 1819 году онъ находился подъ владычествомъ афганцевъ; магараджа Сринагарскій сталъ признавать надъ собою верховную власть Великобританіи лишь съ 1846 года. Впрочемъ, политическіе предѣлы его владѣній совпадаютъ довольно точно съ естественными границами; на сѣверѣ, гребни Каракорума и его снѣговыя бреши, столь трудныя для перехода, отдѣляютъ Кашмиръ отъ китайскаго Туркестана, тогда какъ на югѣ послѣдніе параллельные выступы Гималайскихъ горъ указываютъ границы королевства съ этой стороны; только узкая полоса земли, шириной отъ 5 до 30 километровъ, захватываетъ область равнинъ: это поясъ, который называютъ персидскимъ именемъ Даманъ-и-Кохъ, что значитъ «Подгорье». Такимъ образомъ, каждая изъ естественныхъ областей страны получила общее наименованіе: цѣпь предгорій, какъ въ Чамбѣ и Спити, такъ и въ Кашмирѣ, называется Канти, или «окраина»; за этою цѣпью, всѣ внутреннія холмистыя или гористыя земли носятъ названіе Пагаръ, т. е. «Горы» [1].

[1]) Frederic Drew, „The Jummoo and Kashmir territories“.

Пространство и народонаселеніе Западнаго Гималая:

	Пространство. Квадр. килом.	Населеніе. Душъ.	На 1 кв. километ. жителей.
Кашмиръ (1891 г.). .	209.500	2.543.952	12,0
Дардистанъ, независимый	35.700	400.000(?)	10,6
Газара	7.342	367.200	50
Чамба	8.329	130.000	15
Кангра	23.488	763.030	32
Государства на верхнемъ Сетледжѣ	20.623	729 700	35
Всего	301.772	4.914.752	

Наибольшая часть этой обширной части верхняго бассейна Пяти-Рѣкъ состоитъ изъ необитаемыхъ пространствъ. Понятно, что такъ и должно быть въ странѣ, представляющей въ цѣломъ наклонную плоскость, верхній край которой возвышается на 6.000 метровъ (почти 20.000 футовъ, или болѣе пяти съ половиной верстъ) надъ уровнемъ моря. Среднюю высоту всей этой области нужно считать слишкомъ въ 4.000 метровъ ($3^3/_4$ версты); очень немногія изъ альпійскихъ горъ Европы превосходятъ эту высоту своими вершинами. Вся сѣверо-восточная часть страны образуетъ даже обширное плоскогорье, высотой около 5.000 метровъ (16.405 футовъ), которое можно разсматривать какъ принадлежащее еще географически къ Тибету, ибо горы поднимаются тамъ лишь въ видѣ относительно небольшихъ выступовъ надъ уровнемъ плоскихъ возвышенностей, и эти послѣднія представляютъ на значительныхъ пространствахъ совершенно ровную поверхность. Въ этой области континентальнаго хребта, какъ показали изслѣдованія Адольфа Шлагинтвейта и Могамеда Амина, Джонсона, Геварда, Шау, Кэйли, Столички, Дру, Лидеккера и другихъ англійскихъ путешественниковъ, встрѣчаются обширныя равнины, не имѣющія даже ската, необходимаго для того, чтобы ихъ воды, образующіяся отъ таянія снѣга, могли течь либо на югъ къ Шайоку, либо на сѣверъ къ Кара-кашу. Къ такимъ совершенно горизонтальнымъ пространствамъ, безъ исключенія, принадлежатъ равнины Лингцитанга, называемая также Чангченмо, и плато, которому англійскій изслѣдователь Дру далъ названіе «Куэньлюньскихъ равнинъ» (Kuenlun Plains), отъ горнаго вала, образующаго сѣверный край этого плоскогорья; всѣ вмѣстѣ эти горизонтальныя пространства занимаютъ площадь, по меньшей мѣрѣ, въ 18.000 квадратныхъ километровъ.

Эти промежуточныя плоскогорья между Каракорумомъ и Куэнь-лунемъ составляютъ западное продолженіе тибетскаго Хачи. Невысокій хребетъ, состоящій изъ богатыхъ окаменѣлостями горныхъ породъ, Локзунгъ, который раздѣляетъ эти плато на двѣ совершенно отличныя

одна отъ другой равнины, вытянулъ линію своихъ вершинъ въ направленіи отъ востока къ западу, потомъ въ сѣверо-западномъ. Немногіе путешественники, проходившіе черезъ эту область, даютъ описаніе ея, совершенно сходное съ описаніемъ плоскогорій восточнаго Бодъ-юла (Тибета), которое мы находимъ у Найнъ-Синга, Гюка, Пржевальскаго. Въ серединѣ лѣта, единственнаго времени года, когда путешественники отваживались вступать въ эту «страну смерти», снѣгъ, правда, почти вездѣ растаялъ, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ его скопилось такъ много, что образовались фирновыя поля или даже кристаллическія массы безъ движенія, похожія издали на кучи или площади соли. Земля, бѣлая или сѣроватая, простирается на необозримое пространство, не представляя препятствій шествію каравана, но рѣдкость воздуха, нестерпимая жара во время дня, сильный вѣтеръ, притекающій каждый день послѣ полудня къ плоскогорью, затѣмъ быстрое охлажденіе вечеровъ подъ вліяніемъ лучеиспусканія земной поверхности, дѣлаютъ всякое усиліе чрезвычайно тягостнымъ. Миражи, которые безпрестанно возобновляются въ дрожащемъ воздухѣ, показывая всюду фантастическія озера, страшно утомляютъ путниковъ, заставляя ихъ дѣлать безполезные переходы. Животныя каравана, пони, яки, вьючные бараны и овцы, должны нести не только кладь и всѣ необходимыя принадлежности для устройства становища, но также и собственный кормъ, потому что на этихъ безплодныхъ плато почти или совсѣмъ нѣтъ растительности; только кое-гдѣ, на разстояніи 15 или 20 километровъ отъ одного мѣста до другаго, встрѣчаются пучки эвроціи (eurotia) или полоски лишаевъ, которые годны только для разведенія костра, а мѣста пастьбы для скота раздѣлены промежутками въ сотню верстъ. Однако, кое-какія животные, яки, дикіе ослы, антилопы, бродятъ еще въ этихъ пустыняхъ, хотя и въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ можно было бы предполагать, судя по многочисленнымъ слѣдамъ ихъ копытъ, такъ какъ эти слѣды сохраняются на землѣ по цѣлымъ годамъ[1]).

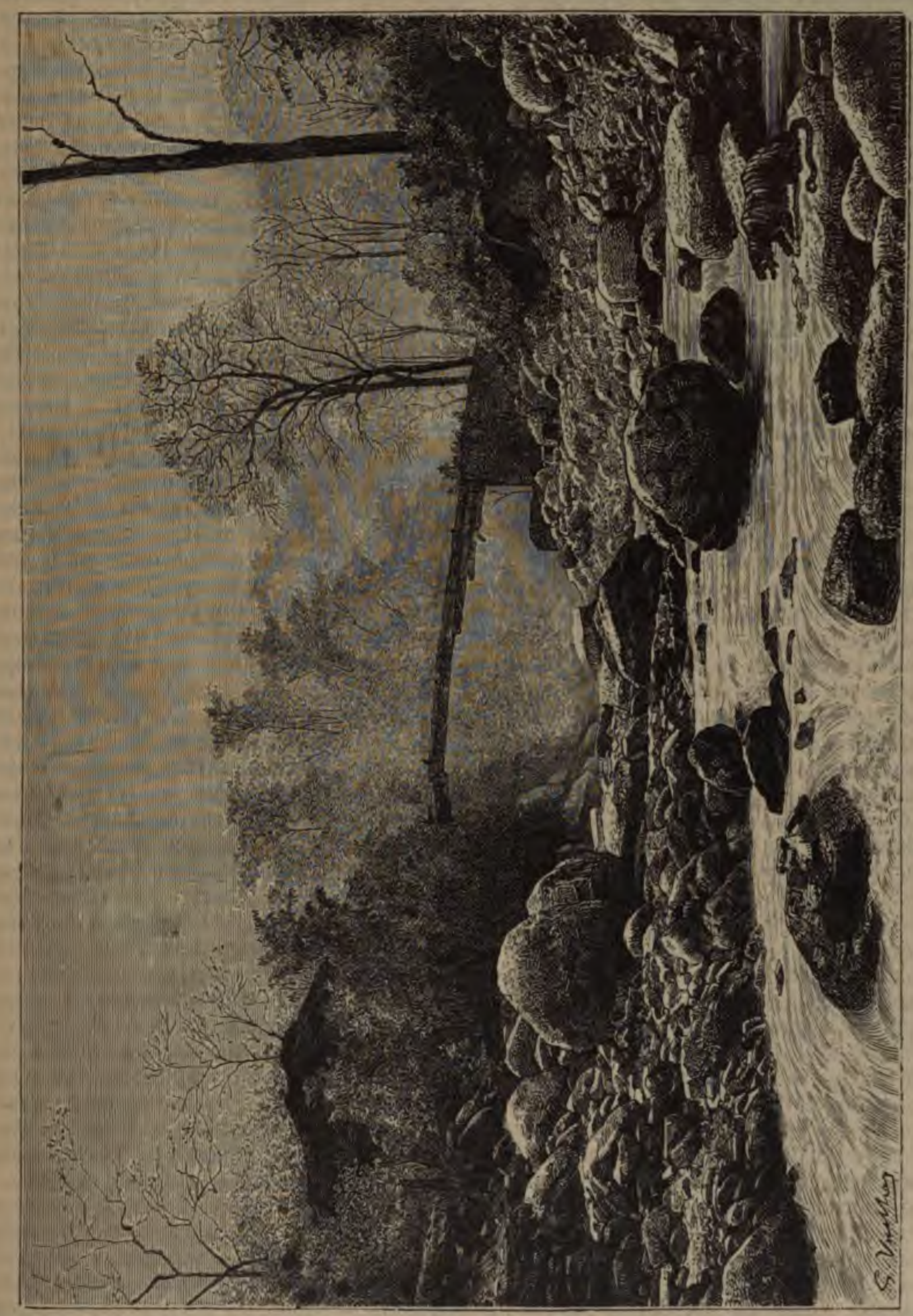
Не подлежитъ сомнѣнію, что плоская возвышенность Линцгитанъ и «Куэньлуньскія равнины» были нѣкогда покрыты водами. Почва тамъ, очевидно, состоитъ изъ аллювіальной (наносной) земли, и въ ней можно различить тонкія пластинки растительнаго происхожденія, которыя отлагались на днѣ вмѣстѣ съ иломъ. Промоины, образовавшіяся на краяхъ плоскогорья, позволяютъ догадываться, какъ совершилось постепенное засыпаніе озерныхъ бассейновъ. Нѣкогда они должны были составлять двойное море, ибо песчаные берега видны даже на порогѣ горъ Локцунгъ, между двухъ равнинъ; затѣмъ водная площадь раздѣлилась и два обширныя озера мало-по-малу высохли; отъ нихъ осталось только нѣсколько лужъ, частью постоянныхъ, частью временныхъ, окруженныхъ соляными налетами и оставляющихъ послѣ себя дно изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, которая затвердѣваетъ въ «сухарь» отъ дѣйствія вѣтра и солнца. Англійскій изслѣдователь Дру полагаетъ, что истеченіе озеръ происходило на сѣверъ черезъ рѣку Кара-кашъ, на югъ черезъ рѣку Чанченмо. Смотря по высотѣ запрудъ, образуемыхъ снѣжными лавинами и ледниками, вòды могли даже выливаться то съ одной стороны, то съ другой, или даже съ двухъ сторонъ разомъ. На этомъ обширномъ хребтѣ линія раздѣла между двумя покатостями Азіи могла быть измѣняема паденіемъ скалы или обваломъ песчанаго откоса. Можно съ полною увѣренностью сказать, что въ этомъ мѣстѣ своего протяженія Каракорумъ и и Куэньлунь не имѣютъ ничего похожаго на горную цѣпь. Тибетское названіе этой возвышенности то же самое, какъ и названіе другихъ горъ Бодъ-юла—Нинджни-тангле, что значитъ «Степной хребетъ Большой Пустыни»[1]).

Рупшу, составляющій юго-восточный уголъ Кашмирскаго королевства, на границахъ Тибета, походитъ нѣкоторыми чертами своего рельефа на сѣверо-восточныя плоскогорья. Менѣе возвышенный, такъ какъ средняя высота лощинъ около 4.500 метровъ, онъ пересѣченъ болѣе многочисленными гребнями, изъ которыхъ одни параллельны, другіе перпендикулярны или косвенны къ оси Гималая, и которые вездѣ поднимаютъ свои вершины въ видѣ неправильныхъ массивовъ. Тѣмъ не менѣе, Рупшу можетъ быть разсматриваемъ какъ родъ плоскогорья; это цоколь, поддерживающій горныя цѣпи разной высоты и разрѣзанный на краяхъ верхнимъ Индомъ, его притокомъ Занскаромъ и притоками Сетледжа: тамъ находится водораздѣлъ между Индомъ и главной рѣкой Пенджаба. Такъ же, какъ равнины Линцгитанъ и Куэньлуньскія, Рупшу былъ нѣкогда покрытъ въ большой части своего протяженія озерами, отъ которыхъ до сихъ поръ осталось еще нѣсколько бассейновъ, гдѣ вода стала соленой или, по крайней мѣрѣ, солоноватой. Таковы два озера, называемыя одно «Прѣсноводнымъ», другое «Солянымъ», которыя занимаютъ углубленіе на сѣверо-западѣ возвышенности Рупшу, и обширный резервуаръ Тсо-Морири, наполняющій на югѣ впадину плоскогорья. Въ 100 метрахъ (328 фут.) надъ Солянымъ озеромъ ясно видны старые берега, которые омывались водами этого бассейна, бывшаго въ то время притокомъ Зан-

[1]) Frederic Drew, „The Jummoo and Kashmir territories"; Henderson, „From Lahore to Yarkand, etc".

[1]) Shaw; Verchère; Emil von Schlagintweit.

скара. Точно также Тсо-Морири, лежащій выше, по меньшей мѣрѣ, на 16 метровъ, изливался прежде черезъ рѣку Пару въ Сетледжъ; запруда, задерживающая теперь его воды, есть



Мостъ на притокѣ Ранджитъ.

не что иное, какъ дельта изъ мелкихъ камней, нанесенныхъ рѣкой Пирсой, которая иногда впадаетъ въ озеро, иногда течетъ прямо въ Пару или посылаетъ ей свои воды подземнымъ потокомъ, пробирающимся черезъ слой гравія [1]); озеро, удерживаемое этою плотиной изъ каменныхъ обломковъ, имѣетъ всего только 75 метровъ глубины въ наиболѣе впалой части своего бассейна; близъ западнаго берега лежитъ островокъ, надъ которымъ кружатся стаи чаекъ. Другія углубленія этого плоскогорья

[1]) Frederic Drew, „The Jummoo and Kashmir territories".

тоже заняты озерами или соляными болотами; повсюду, отъ Куэньлуня до Гималая, равно какъ въ Тибетской области, гдѣ находится озеро Панконгъ, можно замѣтить слѣдствія перемѣны климата, сдѣлавшагося болѣе сухимъ въ теченіе настоящаго періода; вездѣ воды понизились, обмелѣли, и соляныя вещества, хлористый натрій,соли магнезіи, углекислый натръ, сконцентрировались на днѣ бассейновъ; въ этой странѣ существуютъ также залежи сѣры и буры, разработываемыя для кашмирскаго магараджи[1]). Когда Куннингамъ посѣтилъ Ганле, въ 1847 году, довольно большое прѣсноводное озеро занимало часть равнины; семнадцать лѣтъ спустя, въ 1864 году, эта водная площадь совершенно исчезла.

За исключеніемъ верхней долины Шайока, по которой поднимается тропа, ведущая на перевалъ черезъ Каракорумъ, наиболѣе посѣщаемый купцами между Кашмирскимъ государствомъ и китайскимъ Туркестаномъ, вся сѣверная область бассейна Инда загромождена ледниками, почти непроходимыми. На протяженіи, по крайней мѣрѣ, 300 километровъ съ юго-востока на сѣверо-западъ, насколько можно судить по результату частныхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, Каракорумъ, или Мустагъ, какъ его иначе называютъ въ Кашмирѣ, поднимается въ видѣ сплошнаго вала, заваленнаго льдами, которые спускаются на 40 и до 50 километровъ къ югу отъ гребня; въ первое время, когда началось изслѣдованіе страны, Тюилье (Thuillier) и другимъ офицерамъ остъ-индскаго топографическаго бюро удалось только издали и посредствомъ многочисленныхъ визированій обслѣдовать и измѣрить большинство снѣговыхъ гигантовъ этой цѣпи. Самыя высокія вершины ея были уже съ давнихъ поръ указываемы туземцами: это триглавый Машербрумъ, Гушербрумъ и двурогій пикъ, окруженный съ западной стороны пропастями глубиной въ 1.000 слишкомъ метровъ; послѣдній долгое время означался на картахъ просто буквой и цифрой въ видѣ показателя степени. Эта гора, K^2, извѣстная теперь подъ именемъ Дапсанга, поднимается до высоты 8.660 метр. (28.415 фут.); она занимаетъ, слѣдовательно, второе мѣсто между высочайшими вершинами земнаго шара. Туземцы изъ племени балти иногда переходили черезъ Мустагъ на западѣ отъ этого пика, обходя трещины ледника Балторо; но этимъ проходомъ можно пользоваться только въ продолженіе короткаго лѣтняго періода, да и тогда путешествіе сопряжено съ большими опасностями: люди идутъ гуськомъ, привязанные одинъ къ другому веревкой, а маленькихъ яркандскихъ лошадокъ, которыя сопровождаютъ своихъ господъ, нужно переносить черезъ трещины. Ни одинъ европеецъ не переходилъ черезъ этотъ опасный перевалъ Мустага, а туземцы, какъ кажется, пользовались имъ въ послѣдній разъ въ 1863 году. Остановленные туманомъ, одинъ изъ братьевъ Шлагинтвейтъ, затѣмъ Годуинъ Аустенъ тщетно пытались достигнуть этого порога [1]).

Ледники, спускающіеся съ вершинъ Каракорума на его южные склоны и занимающіе цѣлую половину бывшаго государства Балтистанъ, суть, какъ извѣстно, самые обширные въ Азіи и во всемъ свѣтѣ, кромѣ полярныхъ странъ. Замѣчательно, что горная цѣпь Лехъ, поднимающаяся въ видѣ островнаго массива между глубокими долинами Инда и Шайока, едва окаймлена нѣсколькими маленькими глетчерами, тогда какъ съ одной стороны горы Каракорума, съ другой—Занскарскій хребетъ изливаютъ въ свои долины такія огромныя ледяныя рѣки. Хотя средняя высота ея вершинъ слишкомъ 5.000 метровъ, а мѣстами даже около 6.000 метровъ (около 20.000 фут.). цѣпь Лехъ—впрочемъ, очень узкая—немного ниже Занскарскаго хребта; оттого дождливые вѣтры, поднимающіеся съ моря и съ равнинъ, проходятъ надъ ней, омывая своими парами лишь самыя высокія ея вершины; часть дождей, не упавшая на Занскарскія горы, остается для высокаго вала Каракорума, о который ударяется облачное теченіе. Эта противоположность относительно выпадающаго въ продолженіе года количества атмосферныхъ осадковъ, т. е. дождя и снѣга, и слѣдовательно относительно обилія льдовъ, между двумя сосѣдними цѣпями, цѣпью Лехъ и цѣпью верхняго Балтистана, имѣетъ также результатомъ большое различіе въ видѣ растительности. Въ горахъ Лехъ почти всѣ долины безплодны и каменисты; встрѣчающіяся тамъ и сямъ площади зелени, обязанныя своимъ происхожденіемъ человѣческой индустріи, окружены со всѣхъ сторонъ голыми скалами и песками, непріятно поражающими зрѣніе рѣзкостью контраста [2]). На скатахъ горъ растетъ лишь мелкій кустарникъ да кое-гдѣ пучки травы; на верхушкахъ только кое-какія ароматическія растенія и мелкіе злаки прерываютъ своими сѣроватыми цвѣтами болѣе свѣтлый фонъ скалъ. Въ долинахъ Каракорума, напротивъ, густо поросшіе луга, украшенные весной разнообразнѣйшими цвѣтками, разстилаются до основанія моренъ, и даже выше, на боковыхъ скатахъ; кипарисы, ивы и березы растутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ледяными массами, и такъ же, какъ въ швейцарскихъ Альпахъ, здѣсь можно встрѣтить воздѣланныя земли у самой подошвы глетчеровъ [3]).

[1]) Ferd. Stoliczka, „Memoirs of the Geological Survey of India", V, 1866.

[1]) „Journal of the Geographical Society of London"; Frederic Drew, цитированное сочиненіе.

[2]) Shaw, „Visits to High Tartary".

[3]) Lydekker, „Records of the Geological Survey of India", vol. XIV. part. I, 1881.

Нижній предѣлъ льдовъ въ нагорномъ Балтистанѣ, по измѣреніямъ различныхъ наблюдателей, лежитъ на высотѣ около 3.000 метр. (9.845 футовъ). Ледникъ Біафо спускается, близъ деревни Асколи, до уровня немного меньшаго этой высоты; верхняя граница пояса деревьевъ поднимается, по крайней мѣрѣ, метровъ на 500 выше его нижняго конца. По причинѣ большаго протяженія этихъ ледниковъ, изъ которыхъ одинъ, Балторо, имѣетъ не менѣе 56 километровъ длины между пріемной котловиной, гдѣ скопляется снѣгъ, и фронтальной мореной, ихъ среднее паденіе незначительно: оно не превышаетъ 2 градусовъ на ледникѣ Аранду, какъ это констатировалъ англійскій изслѣдователь Дру, при восхожденіи на этотъ ледникъ, въ разстояніи около 25 километровъ кверху отъ конечной ледяной арки, изъ-подъ которой вытекаетъ рѣка Баша. Во многихъ мѣстахъ воды, задерживаемыя между льдами и сосѣдними скалами, образовали озера; но, подобно швейцарскому озеру Мериль, на краю Алечскаго глетчера, эти бассейны иногда вдругъ опоражниваются, когда движеніе и таяніе нижнихъ ледяныхъ массъ открываетъ напору воды глубокія трещины и галлереи. Такъ же, какъ европейскіе глетчеры, ледники Каракорума представляютъ явленія попеременнаго движенія поступательнаго и отступательнаго (т. е. сверху внизъ и обратно). Такъ, морены ледника Аранду постепенно надвигаются на горныя пастбища, поднимая поросшую травой землю, словно сошникъ исполинскаго плуга; точно также морены Пальмы, между двумя ледяными потоками Біафо и Балторо, находятся въ періодѣ возростанія или прогрессированія, тогда какъ морены Тапсы, къ западу отъ Біафо, покинуты въ долинѣ отступающими льдами. Но каковы бы ни были нынѣшнія перемѣны въ движеніи передней части или фронта ледниковъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ предшествующую эпоху эти замерзшія рѣки спускались гораздо ниже въ долины; всѣ путешественники разсказываютъ о старыхъ моренахъ въ видѣ вала или запруды, о шлифованныхъ и исцарапанныхъ боковыхъ граняхъ скалъ, объ изборожденныхъ на днѣ лощинахъ, которыя они находили гораздо ниже пояса, до котораго спускаются льды въ настоящее время. Обильные теплые ключи бьютъ изъ земли въ большомъ числѣ въ возвышенныхъ долинахъ Балтистана, по близости кристаллическихъ рѣкъ, или даже открываются широкія дымящіяся воронки посреди пространствъ, покрытыхъ льдомъ или фирномъ.

Западная часть Мустага, которая сливается съ массивомъ, гдѣ раздѣляются Гинду-кушъ и Куэньлунь, принадлежитъ къ наименѣе извѣстнымъ областямъ Азіи. Населенная племенами, живущими въ войнѣ со своими болѣе цивилизованными сосѣдями, обитателями нижнихъ долинъ, эта страна не могла еще быть изслѣдованною, и изданныя до сихъ поръ карты ея составлены лишь на основаніи болѣе или менѣе неопредѣленныхъ описаній туземцевъ и профилей горъ, снятыхъ съ дальняго разстоянія англійскими путешественниками. Но достовѣрно извѣстно, что эта область тоже очень богата ледяными потоками, въ особенности около истоковъ рѣкъ Гунзы и Нагара, которыя сообщили свои имена двумъ маленькимъ государствамъ, лежащимъ по ихъ теченію. Эти двѣ рѣки, притоки Инда черезъ Гильгитъ, обходятъ на сѣверѣ западный Балтистанъ и такимъ образомъ отдѣляютъ его отъ горъ, составляющихъ краевую цѣпь Большаго Памира; но рѣка Гильгитъ течетъ въ долинѣ, составляющей непосредственное продолженіе, въ сѣверо-западномъ направленіи, долины, по дну которой проходитъ Индъ: отъ Кайласа до Гинду-куша, на протяженіи по прямой линіи около 1.100 километровъ (1.030 верстъ), Индъ и Гильгитъ, идущіе на встрѣчу другъ другу, указываютъ своимъ теченіемъ на существованіе впадины, быть можетъ, линіи излома, параллельной выступамъ Каракорума и Гималайскихъ цѣпей. Ниже сліянія Индъ дѣлаетъ крутой поворотъ и протекаетъ, переходя изъ ущелья въ ущелье, черезъ область горъ, надъ которой господствуетъ колоссъ, извѣстный у индусовъ подъ именемъ Нанга-Парбатъ, а у туземныхъ жителей подъ именемъ Діярмира.

Въ Кашмирѣ горная цѣпь Занскаръ или Бара-лача (Бара-лаце), получившая это послѣднее названіе отъ бреши, глубоко врѣзывающейся въ гребень, почти соперничаетъ съ горами Балтистана въ отношеніи обилія снѣговъ и льдовъ. Несмотря на нѣкоторыя неправильности своего хода и расположенія, эта цѣпь можетъ быть разсматриваема какъ продолженіе Загималайскаго хребта, западную границу котораго составляетъ Ральдангъ-Кайласъ, одна изъ тѣхъ горъ изъ чистаго золота и изумруда, которыя, по индійской миѳологіи, служатъ колоннами, поддерживающими небесный сводъ. Но у подошвы этой горы открываются глубокія разрѣзы или ущелья Сетледжа и его притока Пары, изъ которыхъ одинъ спускается съ Тибетскаго плоскогорья, а другой съ возвышенностей Рупшу. Ущелья, которыми эти рѣки вырываются изъ верхнихъ, горныхъ областей, чтобы спуститься въ равнины, представляютъ страшное зрѣлище. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Сетледжъ, болѣе извѣстный въ краѣ подъ его тибетскимъ именемъ Сангпо—тѣмъ же, которое носитъ главная рѣка Восточнаго Тибета—соединяется съ рѣкой Спити, выходящей изъ тѣснинъ, надъ которыми господствуетъ высокая скала Данкаръ, путешественникъ можетъ лишь съ большимъ трудомъ разглядѣть сліяніе водъ съ высоты какого-нибудь выступа склоновъ; со всѣхъ почти пунктовъ тропинки, извивающейся по

краю высокихъ террасъ, видишь одно пустое пространство между чрезвычайно крутыми, мѣстами даже совершенно вертикальными стѣнами утесовъ; знаешь только, что гдѣ-то далеко внизу, на днѣ пропасти, скользятъ два потока, на глубинѣ 350 метровъ ниже краевъ разрѣза, постепенно проточеннаго въ сланцевыхъ массахъ горъ [1].

Тотчасъ же на западъ отъ страшныхъ ущелій Сетледжа гребень горъ, профиль котораго тянется въ сѣверо-западномъ направленіи, поднимаетъ свои горделивыя вершины на высоту болѣе 6.000 метровъ (около 20.000 футовъ), и изъ каждой его бреши изливаются массы снѣга и льда; но только по ту сторону горнаго прохода Бара-лаченскаго, близъ котораго берутъ начало Чандра и Бага, два верхніе притока рѣки Чандра-Бага или Чинабъ, Занскарская цѣпь является во всемъ своемъ дикомъ величіи, драпируясь съ каждой стороны въ свое ледяное одѣяніе. Горы этой цѣпи, состоящія изъ гнейсовъ, порфировъ, сланцевъ и кварцевыхъ конгломератовъ, не имѣютъ себѣ соперниковъ во всемъ Гималаѣ по яркости красокъ, горделивости линій, причудливой и величавой архиктектурѣ цѣлаго; разнообразіе формъ тамъ безконечно: куполы, остроконечные шпицы или иглы, башни, зубцы, обелиски иппирамиды слѣдуютъ непрерывнымъ рядомъ въ кажущемся безпорядкѣ, и каждый уступъ, каждый выступъ имѣетъ свой спеціальный оттѣнокъ зеленаго, пурпурнаго, желтаго или какого-нибуль другаго цвѣта, блистающій на солнцѣ или прерывающій однообразіе тѣней. Но между путешественниками мало находится охотниковъ предпринимать продолжительныя и крайне утомительныя экспедиціи въ тѣ края вѣчнаго холода, чтобы насладиться созерцаніемъ этихъ грандіозныхъ картинъ природы. Два ручья, текущіе въ противоположномъ направленіи у сѣвернаго основаніи этихъ горъ и образующіе своимъ сліяніемъ рѣку Занскаръ, притокъ верхняго Инда, орошаютъ поля и пастбища, лежащія, среднимъ числомъ, на высотѣ 4.000 метровъ (13.125 футовъ) надъ уровнемъ моря; поселки, хижины которыхъ прикрыты сверху хворостомъ, защищающимъ срубъ отъ дѣйствія сухости воздуха, едва отличаются отъ окружающей почвы. Все населеніе этой области состоитъ изъ какихъ-нибудь двухъ или трехъ тысячъ жителей, разсѣянныхъ на пространствѣ болѣе 200 километровъ (около 185 верстъ) въ длину; удаленный отъ естественныхъ торговыхъ путей, Занскаръ могъ бы заселиться лишь въ томъ случаѣ, если бы мѣсторожденія мѣдной руды, отъ которыхъ страна и получила свое названіе [2]) и которыя даютъ иногда горнымъ потокамъ огромныя глыбы, катящіяся среди мелкихъ камешковъ [1]), были серьезно разработываемы кашмирцами. На другой сторонѣ цѣпи, гора Спити, или, вѣрнѣе, Пити по произношенію туземцевъ, не менѣе высока, чѣмъ Занскаръ. Средняя высота мѣстоположенія селеній на этой горѣ около 3.900 метровъ, и на всемъ окружающемъ ихъ пространствѣ, взоръ почти нигдѣ не встрѣчаетъ деревьевъ; туземцы показывали Вильсону, какъ нѣчто чудесное, единственное абрикосовое дерево, растущее въ ихъ долинѣ. Ущелья, которыми ручей выходитъ изъ горъ, совершенно неприступны, и потому попасть въ долину можно не иначе, какъ черезъ хребты съ страшно крутыми скатами; Бабехскій перевалъ сообщается на югѣ съ долиной Сетледжа, но имъ нельзя пользоваться въ періодъ юго-западнаго муссона, по причинѣ сильныхъ грозъ, разражающихся тамъ въ эту пору года; Манирунгскій проходъ, лежащій на гораздо большей высотѣ, часто бываетъ заваленъ снѣгомъ. Но на западѣ отъ Спити область Дарша менѣе, чѣмъ смежныя страны, заслуживаетъ санскритскаго имени Лагулъ, или «Дикое мѣсто», подъ которымъ она вообще извѣстна; самая верхняя часть ея лежитъ на высотѣ отъ 3.000 до 3.300 метровъ, но затѣмъ мѣстность постепенно понижается къ сѣверо-западу, и всѣ селенія этой области окружены деревьями и пашнями.

Разрѣзанная на своей восточной оконечности широкими долинами и развѣтвляясь на боковые отроги, съ одной стороны къ Инду, съ другой — къ Кашмирской равнинѣ, Занскарская цѣпь снова поднимается, чтобы образовать массивъ, надъ которымъ господствуютъ двѣ равныя горы Нунъ и Кунъ, увѣнчанныя правильными пирамидками. Съ этого массива тоже спускаются многочисленные ледники, на югѣ — въ долину Вардванскую, на сѣверѣ — въ долины рѣкъ Суру и Драсъ; но къ сѣверо-западу гребень все болѣе и болѣе понижается, представляя многочисленные пороги путешественникамъ, которые отправляются изъ Кашмирской равнины въ верхнюю долину Инда; горный проходъ, посвященный богу Сивѣ, называемый кашмирцами Зоджи-балъ, а тибетцами Зоджи-ла, т. е. перевалъ Зоджи или Драсъ, которымъ вдругъ поднимаешься съ равнинъ юга въ холодныя земли сѣвера, имѣетъ всего только 3.444 м. высоты; за исключеніемъ размытыхъ водой разрѣзовъ, чрезъ которые проходятъ горные потоки, какъ, напримѣръ, верхній Сетледжъ, это наименѣе высокая брешь во всей Загималайской цѣпи: одинъ сосѣдній ледникъ, называемый Мечигой, спускается до линіи 3.300 метровъ, гораздо ниже верхняго пояса пашень [2]). Эта область горъ едва-ли не превосходитъ всѣ другія ча-

[1]) Andrew Wilson, The Abode of Snow".
[2]) Al. Cunningham, „Ladak".

[1]) „Memoirs of the Geology of India".
[2]) Frederic Drew, цитированное сочиненіе.

сти Гималайской цѣпи по обилію выпадающихъ снѣговъ. Снѣжные хлопья падали тамъ почти безпрерывно съ октября 1877 года до мая 1878 года, и на перевалѣ Зоджи находили еще въ августѣ мѣсяцѣ много мѣстъ, гдѣ слой

Спити.

снѣга имѣлъ не менѣе 45 метровъ (21 саженъ) толщины [1]).

[1]) Lyddeker, „Report on the Meteorogical Department of India", 1877—1878.

Главный хребетъ, средняя высота котораго отъ 4.500 до 5.000 метровъ (отъ 14.660 до 16.405 футовъ), тянется по сѣверной сторонѣ долины рѣки Киншанъ-ганга, или Кришна-ганга (рѣка Кришны), главнаго притока Джилама, и выдѣляетъ изъ себя на сѣверъ многочисленныя отрасли, изъ которыхъ одна служитъ краевою цѣпью широкому плоскогорью Деосай; эта нагорная равнина образуетъ бассейнъ, вы-

сотой отъ 3.600 до 4.000 метровъ, наполненный мелкими камнями и крупнымъ пескомъ, которые нѣкогда были отложены ледниковыми потоками, спускавшимися съ окружающихъ горъ; въ настоящее время почти всѣ эти горы уже не достигаютъ своими вершинами границы постоянныхъ снѣговъ. Нѣсколько озеръ разсѣяно въ углубленіяхъ поверхности Деосая, и рѣка Шигаръ, притокъ Инда черезъ Суру, вырывается изъ области горъ на юго-восточномъ углу плато, смывая и унося въ своихъ водахъ гальки, къ которымъ примѣшиваются золотыя блестки. Легко переходимый въ лѣтнюю пору, Деосай, т. е. «Чортово плоскогорье», очень опасенъ зимой, по причинѣ снѣжныхъ булановъ; растительности на этой возвышенной равнинѣ нѣтъ никакой, кромѣ короткой травы, растущей въ углубленіяхъ ея поверхности, въ лощинахъ и оврагахъ; человѣческаго жилья тоже нигдѣ не встрѣтишь; даже животныя тамъ рѣдки, исключая сурковъ, похожихъ на тарбагановъ центральной Азіи и южной Сибири. Эти маленькіе звѣрки сидятъ на-сторожѣ у отверстій своихъ норокъ и быстро, со свистомъ, прячутся внутрь жилища при приближеніи путешественниковъ, но какъ только тѣ пройдутъ мимо, тотчасъ же появляются снова на своемъ наблюдательномъ посту и съ любопытствомъ разглядываютъ незнакомцевъ.

Глубокія долины рѣки Астора, или Газоры, и ея притоковъ отдѣляютъ плоскогорье Деосай отъ массива Нанга-Парбатъ, составляющаго какъ бы угольный межевой столбъ Индійской имперіи. Эта гора, одинъ изъ колоссовъ азіатскаго континента, кажется тѣмъ болѣе высокой, что вся западная часть Загималайскаго хребта, за горами Нунъ и Кунъ, не достигаетъ границы постоянныхъ снѣговъ. «Голая гора» — таковъ буквальный смыслъ гиндскихъ словъ Нанга-Парбатъ—или Діармиръ, возвышается на 2.000 метровъ (6.562 фута) надъ окружающими горами, а съ двухъ сторонъ, восточной и южной, склоны ея, дотого крутые, что на нихъ не можетъ задерживаться снѣгъ, развѣ только кое-гдѣ въ углубленіяхъ между скалъ, поднимаются почти вертикальною стѣной надъ ледниками. Почти со всѣхъ горныхъ вершинъ Кашмира колоссъ Нанга-Парбатъ является взорамъ наблюдателя какъ царь пространства; онъ хорошо виденъ также и съ равнины черезъ всѣ промежуточные хребты и отроги; изъ Рамнагара, въ Пятирѣчіи, съ разстоянія 330 километровъ (около 310 верстъ) по прямой линіи, Куннингамъ могъ еще различить его на горизонтѣ, въ воздухѣ, очищенномъ отъ пыли водяными парами. Одинъ изъ ледниковъ, изливаемыхъ на сѣверъ снѣжными полями исполина Нанга-Парбатъ, спускается въ долину Астора, близъ деревни Таршингъ, до черты 2.865 метровъ; изъ всѣхъ ледяныхъ потоковъ Гималайской системы эта кристаллическая рѣка, вѣроятно, наиболѣе приближается къ уровню равнинъ [1]. Таршинскій ледникъ, питаемый съ той и другой стороны второстепенными глетчерами, а также грудами ледяныхъ обломковъ, сваливающихся, въ видѣ лавинъ, съ выше лежащихъ скалъ, встрѣчаетъ, у своей нижней оконечности, основаніе горы, въ которую и упирается вся его масса. Въ 1850 году эта исполинская ледяная рѣка, находившаяся въ то время на гораздо большей высотѣ, чѣмъ въ наши дни, удерживала въ верхней своей части озеро, имѣвшее слишкомъ 2 километра (около 2 верстъ) въ длину и 90 метровъ (42 сажени) наибольшей глубины. Туземцы, понимая грозящую имъ опасность, поставили караульныхъ у ледника; какъ только показались признаки разрыва ледяной плотины, задерживавшей озеро, всѣ жители убѣжали на сосѣднія высоты, но дома были снесены, поля опустошены хлынувшимъ потокомъ, и вся топографія Асторской долины совершенно измѣнилась послѣ этого потопа. Поверхность льдовъ, настолько плотная до обвала, что по ней можно было даже ѣздить на лошадяхъ, покрылась широкими трещинами и сдѣлалась совершенно непроходимою; но давленіе сверху снова сжимаетъ разошедшіяся части ледяной массы, и рано или поздно образованіе новаго озера, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ имѣть слѣдствіемъ новый потопъ. Когда подготовляется подобная катастрофа, верхніе прибрежные жители увѣдомляютъ нижнихъ о грозящей бѣдѣ посредствомъ посланій, написанныхъ на древесной корѣ [2].

Съ боковъ того же колосса Нанга-Парбатъ въ 1841 году обвалилась цѣлая грань или стѣна горы и совершенно остановила теченіе Инда. Годуинъ Аустенъ, Шау и нѣкоторые другіе путешественники полагали, что эта задержка рѣки происходитъ, вѣроятно, отъ запруды, образованной ледникомъ Шайока, но такое препятствіе не помѣшало бы Инду, Гильгиту и столькимъ другимъ притокамъ наполнять русло низовья, гдѣ въ то время вода текла маленькимъ ручейкомъ, который прибрежные жители переходили въ бродъ [3]. Какъ вскорѣ послѣ того доказали Монтгомери и Бичеръ [4], подобное явленіе пересыханія большой рѣки не могло произойти ни отъ чего другаго, какъ только отъ образованія громаднаго завала ниже всѣхъ большихъ верхнихъ притоковъ, т. е. на югѣ отъ рѣки Гильгитъ, и дѣйствительно, тамъ именно, въ мѣстности Гаторъ-Пиръ, близъ деревни Горъ, туземцы показывали путешественнику Дру остатки огромной хаотической груды камней. Когда чудовищный потокъ воды,

---

[1]) Frederic Drew, цитированное сочиненіе.
[2]) Henderson, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“. III, 1859.
[3]) A. Cunningham, „Ladak“.
[4]) „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, III, 1859.

мелкаго камня и грязи, объемъ котораго Кунингамъ исчисляетъ въ 600 слишкомъ милліоновъ кубич. метровъ, хлынулъ изъ верхнихъ ущелій, небольшая армія сейховъ стояла лагеремъ на берегахъ почти высохшаго ложа Инда, въ сосѣдней съ Аттокомъ части равнины Чачъ. Болѣе пятисотъ человѣкъ были унесены громадною волной потопа, достигавшей 10 метровъ (14 аршинъ) высоты: всѣ селенія, расположенныя на высокихъ берегахъ Инда, были смыты до основанія; теченіе рѣки Кабула было отброшено назадъ верстъ на тридцать вверхъ отъ устья, и вся равнина покрылась слоемъ грязи, толщиною болѣе фута.

Горы Чамба и горы Южнаго Кашмира, заключенныя между двумя долинами Сетледжа и Инда и отдѣленныя отъ высокихъ цѣпей внутренней части страны пониженіями, гдѣ текутъ рѣки Чинабъ и Джиламъ, представляютъ не болѣе, какъ второстепенные хребты въ сравненіи съ горами Занскарскими и съ колоссомъ Нанга-Парбатъ. Первые выступы, которые служатъ естественными границами страны, надъ равниной Пятирѣчья, поднимающіеся всего только на 330 до 360 метровъ, представляютъ не болѣе, какъ высокіе холмы, составляющіе продолженіе гряды Сивалика; дикія и каменистыя, перерѣзанныя узкими долинами и оврагами, размытыми горными потоками, во многихъ мѣстахъ лишенныя всякой растительности и вообще нигдѣ не имѣющія никакихъ деревьевъ, кромѣ акаціи и ююбы, перемѣшанныхъ съ колючимъ кустарникомъ,—эти непривѣтливыя высоты очень затруднительны для перехода вездѣ, гдѣ нѣтъ еще хорошихъ дорогъ новѣйшей постройки, и современные путешественники повторяютъ тѣ же жалобы, какія высказывалъ Берньe, сопровождавшій императора Ауренгзеба во время его путешествія. Ряды уступовъ или отвѣсныя стѣны образуютъ со стороны дуновъ крутые склоны этихъ внѣшнихъ цѣпей, тогда какъ на сѣверѣ скаты горъ относительно пологи и правильны, т. е. постепенно понижаются; покрывающая ихъ растительность принадлежитъ уже умѣренному поясу, и во время зимы всѣ вершины убѣлены снѣгомъ; тамъ мы вступаемъ въ новый поясъ, и путешественникамъ, пріѣхавшимъ изъ Европы, кажется, что они опять очутились въ своемъ отечествѣ; особенно лѣса склоновъ, обращенныхъ на сѣверъ, напоминаютъ растительность западнаго міра [1]) Эти горы, составляющія западное продолженіе Гималая въ собственномъ смыслѣ и разрѣзанныя долинами рѣкъ Сетледжа, Рави, Чинаба, Джилама на неравные отрывки, вздымаютъ свои остроконечныя вершины до средней высоты отъ 3.000 до 4.500 метровъ (отъ 9.840 до 14.660 футовъ); онѣ достигаютъ, слѣдовательно, почти такой же высоты, какъ европейскія Альпы. Панджалъ, т. е. «гора», ограничивающая на югѣ Кашмирскій озерный бассейнъ, составляетъ часть этой цѣпи; она перерѣзана большимъ числомъ проходовъ, которымъ обыкновенно даютъ названіе Пиръ, по имени «святыхъ» пустынниковъ, которые поселились у самаго порога переваловъ, чтобы одѣлять благословеніями приходящихъ путниковъ въ обмѣнъ за кое-какіе подарки и остатки отъ жертвоприношеній, совершаемыхъ въ этомъ мѣстѣ въ честь горнаго духа [1]).

Поперечный хребетъ соединяетъ цѣпь Панджалъ съ горами Вардвана, а черезъ нихъ и съ системой Занскара. На западѣ и на сѣверо-западѣ, горы Каджнагскія и горы, которыя огибаетъ долина рѣки Киншанъ-ганга, дополняютъ амфитеатръ снѣговыхъ вершинъ и горныхъ склоновъ, темныхъ отъ хвойнаго лѣса или зеленыхъ отъ лиственныхъ деревьевъ, пастбищъ, луговъ и полей, которые окружаютъ этотъ земной рай, называемый Кашмиромъ; по мнѣнію геолога Вершера, это по большей части потухшіе вулканы. Только на сѣверной сторонѣ громаднаго овала нѣкоторыя горы достигаютъ границы вѣчныхъ снѣговъ. Самая замѣчательная изъ этихъ горъ—Гарамукъ, откуда можно созерцать одновременно высоко поднимающіяся надъ горизонтомъ снѣговъ двѣ пирамиды колоссовъ Нанга-Парбатъ и Дапсангъ, и далеко внизу, въ подернутой легкимъ паромъ равнинѣ, гладкія, какъ скатерть, окрестности Сринагара, съ ихъ зеленѣющими рощицами, съ ихъ рѣками, извивающимися серебристою лентой, съ ихъ озерами, отражающими небо въ своей зеркальной поверхности. Далѣе, горы прерываются долиной рѣки Киншанъ-ганга, затѣмъ долиной Кунгара, потомъ ущельями Инда; но вся страна, за исключеніемъ этихъ разрѣзовъ, уставлена высокими горами, поднимающимися слишкомъ на 4.000 или 5.000 метровъ (13.120 или 16.400 футовъ) надъ уровнемъ моря. На западѣ отъ Инда эти горы тянутся параллельно этой рѣкѣ и ея притоку Сватъ и оканчиваются массивомъ Магабанъ, который, если смотрѣть на него съ равнины, кажется почти уединеннымъ.

Высота главныхъ горъ и проходовъ Западнаго Гималая, а также высота мѣстоположенія нѣкоторыхъ городовъ: Раки-Пошъ — 7.787 метр.; Дапсангъ (Мустагъ) — 8.660 метр.; Гушарбрумъ—7.840 метр.; проходъ Санги—6.696 м.; Каракорумскій проходъ—5.654 метр.; Гильгитъ, городъ—1.515 метр.; Нанга-Парбатъ—8.116 метр.; Каджнагъ—4.342 метр.; Каргиль, городъ—2.710 метр.; Гангъ-ла—5.273 метр.; Гарамукъ — 4.855 метр.; Магабанъ — 2.275 метр.; Зоджи, проходъ—3.444 метр.; Лехъ,

[1]) Medlicott, „Memoirs of the Geological Survey of India", vol. III. 1865.

[1]) Vigne, „Travels in Kashmir, Ladak, Iskardo".

городъ—3.452 метр.; Сринагаръ, городъ—1.595 метр.; Нунъ-Кунъ—7.146 метр.; Аттокъ, городъ — 271 метр.; Пиръ-Панджалъ, проходъ—3.436 метр.; Банигалъ, проходъ—2.806 метр.; Саджумъ—6.102 метр.; Раваль-Пинди—529 метр.; Ратанъ-Пиръ—2.500 метр.; Брама-Сукулъ — 4.714 метр.; Джамму — 400 метр.; Чамба—1.003 метр.; Бара-лача—4.944 метр.; Ганле, городъ—4.351 метр.; Гіа—7.603 метр.; Лео-Поргіалъ—6.774 метр.

Кашмирская равнина, какъ извѣстно,—одна изъ прекраснѣйшихъ странъ на землѣ; поэты индійскіе и персидскіе воспѣли ее, какъ восхитительное мѣсто, какъ земной рай, и самое имя Кашмира, хорошо извѣстное во всемъ цивилизованномъ мірѣ Запада черезъ литературное преданіе, сдѣлалось синонимомъ страны чудесъ и красотъ природы. Современные путешественники, располагающіе всѣми элементами сравненія, которые имъ даетъ изслѣдованіе, почти полное, поверхности нашей планеты, подтверждаютъ то, что говорили поэты объ этой чудной странѣ, и при томъ, хотя бы даже Кашмирская долина имѣла многочисленныхъ соперниковъ, равныхъ ей по великолѣпію горизонтовъ, люди, обладающіе чувствомъ природы, знаютъ, что нѣтъ страны въ мірѣ, красота которой, вѣрно понятая, не превосходила бы всѣхъ ея описаній, сдѣланныхъ туристами и поэтами, всѣхъ ея картинъ, нарисованныхъ художниками. Впечатлѣніе, испытываемое при видѣ этой роскошной равнины, тѣмъ сильнѣе и глубже, чѣмъ больше контрастъ съ окружающими странами. Исключая тотъ случай, когда проникаешь въ Кашмиръ черезъ живописныя тѣснины, куда низвергается рѣка Джиламъ, въ эту райскую долину можно войти не иначе, какъ трудными, утомительными дорогами, либо переходя черезъ дикія кручи Панджала, либо спускаясь съ сѣверныхъ горъ и плоскогорій, заваленныхъ снѣгами, льдами и каменьями, разметаемыми страшнымъ вѣтромъ, который иногда превращается въ бураны. Послѣ цѣлыхъ недѣль или даже мѣсяцевъ подобнаго странствованія по дикимъ ущельямъ и переваламъ безъ дорогъ, послѣ тяжелаго испытанія непрерывныхъ трудовъ и безпокойствъ, послѣ всевозможныхъ лишеній и страданій, которыя приходится терпѣть въ становищахъ отъ холода, а подчасъ и отъ голода, вдругъ вступаешь въ этотъ благодатный уголокъ земли, гдѣ, наконецъ, можно будетъ насладиться давно желаннымъ отдыхомъ. Путешественникъ избавляется тамъ даже отъ ходьбы. Достигнувъ береговъ Бегата,—подъ этимъ именемъ извѣстенъ у кашмирцевъ Джиламъ, Витаста арійцевъ, Гидаспъ грековъ,—остается только, чтобы попасть въ городъ Сринагаръ, предоставить себя на волю теченія рѣки. Тогда-то, во время этого плаванія, роскошная Кашмирская долина и показывается во всей своей красѣ. Джиламъ разливается тамъ и сямъ въ видѣ широкаго озера: сквозь шпалеры растущихъ по берегамъ лиственныхъ деревьевъ, платановъ, вязовъ съ широко раскинутыми вѣтвями, высокихъ, стройныхъ тополей, виднѣются поля и разсѣянныя деревеньки, осѣненныя орѣшиной и другими фруктовыми деревьями; каждая извилина рѣки перемѣняетъ точку зрѣнія, и всегда вдали на горизонтѣ обрисовывается профиль громады высокихъ горъ и ихъ контрфорсовъ, съ безконечнымъ разнообразіемъ ихъ лѣсовъ и снѣговъ. Города, дворцы, сады повсюду напоминаютъ о пребываніи человѣка, а развалины языческихъ храмовъ или крѣпкихъ замковъ, стоящія на островныхъ пригоркахъ и холмахъ, прибавляютъ къ картинѣ настоящаго перспективу протекшихъ вѣковъ.

Климатъ Кашмира—единственный въ Индіи и походитъ на климатъ Западной Европы, только съ меньшимъ непостоянствомъ. Весна здѣсь наступаетъ быстро, но такъ же, какъ на берегахъ сѣверной части Атлантическаго океана, она сопровождается рѣзкими возвратами внезапныхъ ливней и вѣтра. Самое благодатное время года—это лѣто, продолжающееся съ мая по сентябрь. Даже когда юго-западный муссонъ разражается надъ равнинами Индіи и надъ Гималайскими горами, небо остается чистымъ надъ Кашмиромъ; вдали на горизонтѣ видны дождевыя облака, окутывающія верхушки горъ, но на равнину ливни падаютъ только вслѣдствіе отраженія вѣтровъ, или иногда, послѣ очень жаркаго дня, въ видѣ внезапныхъ грозъ. Лѣтняя температура здѣсь, вообще говоря, выше, чѣмъ въ атлантической Франціи, и въ сосѣдствѣ озеръ и болотъ тучи москитовъ часто увеличиваютъ тягостное чувство, нѣкоторое изнеможеніе, обыкновенно испытываемое иностранцами отъ теплой сырости воздуха. Но большинство европейскихъ резидентовъ, число которыхъ ограничено дипломатическою конвенціей (напримѣръ, на 1882 годъ число это было опредѣлено въ 350), удаляются на лѣто въ какую-нибудь долину окружающихъ горъ, поселяясь среди усѣянныхъ цвѣтами луговъ, гдѣ извиваются прозрачные ручьи. Снѣгъ, граница котораго къ концу осени постепенно понижается на склонахъ горъ, покрываетъ равнину бѣлою пеленой не ранѣе декабря, и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ поперемѣнно таетъ и снова появляется; въ эту пору года надъ полями Кашмира часто стелется густой туманъ; когда смотришь съ высоты холмовъ, образующихъ окружность амфитеатра, носящійся надъ долиной туманъ кажется волнующимся моремъ, словно поверхность обширнаго озера, которое нѣкогда покрывало всю страну. Обычная тишина воздуха составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій кашмирскаго климата; отсюда и происходитъ это удивительное спокойствіе водъ, въ которыхъ, какъ въ

зеркалѣ, отражается почти всегда съ совершенною отчетливостью картина деревьевъ, горъ и неба [1]).

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что эта равнина дѣйствительно была въ геологическія времена резервуаромъ, простирающимся верстъ на 100 въ длину и верстъ на 60 въ ширину, главная ось котораго шла съ юго-востока, въ томъ же направленіи, какъ и Гималайская система. Впрочемъ, преданія кашмирцевъ и легенды, которыя они разсказываютъ объ исчезновеніи этого древняго озера, не имѣютъ никакого подтвержденія въ исторіи и объясняются совершенно естественно самою очевидностью геологическаго факта. Жители равнины, подобно всѣмъ другимъ народамъ земнаго шара, увлеклись въ этихъ преданіяхъ и легендахъ до того, что указываютъ точную эпоху и связываютъ съ именемъ одного героя событіе, которое въ дѣйствительности есть результатъ медленной работы вѣковъ. Почва Кашмира состоитъ изъ аллювіальныхъ земель, смѣшанныхъ съ вулканическимъ пепломъ, продуктомъ изверженія кратеровъ, давно уже потухшихъ, которые господствуютъ надъ одною частью этого громаднаго амфитеатра [2]). На всей окружности равнины виднѣются геологическіе свидѣтели уровня первобытныхъ береговъ: это такъ называемыя *каревы*, террасы, въ 75 до 100 метровъ (около 47 саженъ) средней высоты надъ поверхностью бассейна, опирающіяся, съ одной стороны, на гору, изборожденныя со стороны равнины рытвинами и промоинами, проточенными временными потоками или постоянными ручьями. Барамульское ущелье, черезъ которое вырываются воды Джилама, представляетъ на своихъ скатахъ подобныя же террасы, т. е. крутые берега древней рѣки, ложе которой было тогда гораздо выше. Въ настоящее время озеро опорожнено: болотистые рвы, сообщающіеся съ рѣкой; маленькое озеро Сринагарское, представляющее попеременно то притокъ Джилама, то резервуаръ для его водъ въ періоды разлива; бассейнъ Манасъ-балъ, защищенный одиноко стоящимъ холмомъ, у подошвы котораго воды вырыли себѣ впадину въ 14 метровъ глубины; и обширная водная площадь Валара, неопредѣленные берега которой, на югѣ и на востокѣ, продолжаются камышами, скрывающими миріады плавающей птицы,— вотъ единственные остатки древняго Кашмирскаго моря. На западѣ и на сѣверѣ, бассейнъ Валаръ, глубина котораго не превышаетъ 3 или 4 метровъ, омываетъ основаніе горъ и принимаетъ видъ альпійскаго озера, въ родѣ Лемана. Рѣка Джиламъ, несущая въ своихъ водахъ аллювіальную грязь, съ каждымъ годомъ продолжаетъ свои болотистые берега все далѣе и далѣе внутрь озера; безъ всякаго сомнѣнія, верхній потокъ, воздвигающій справа и слѣва плотины своихъ новыхъ береговъ, рано или поздно достигнетъ выходнаго русла, черезъ которое уходитъ истокъ, направляющійся сначала къ Барамульскому ущелью, затѣмъ спускающійся съ порога на порогъ къ равнинамъ Пятирѣчья, лежащимъ на 1.200 метровъ ниже и на разстояніи болѣе 300 километровъ, слѣдуя по теченію рѣки. Мало найдется долинъ болѣе живописныхъ, чѣмъ эти ворота Кашмира, съ ихъ отвѣсными скалами, большими деревьями, крутыми поворотами и шумящими водами.

Населеніе Западнаго Гималая распредѣляется сообразно покатости почвы и теченію рѣкъ. Тогда какъ сѣверо-восточные и сѣверные округа, по причинѣ слишкомъ высокаго положенія ихъ надъ уровнемъ моря, почти совершенно необитаемы, а если гдѣ и обитаемы, то все населеніе ихъ состоитъ изъ рѣдкихъ кочевниковъ, среднія области, гдѣ снѣгъ лежитъ лишь въ продолженіе нѣкоторой части года, имѣютъ уже нѣсколько городовъ и значительныхъ мѣстечекъ въ низинахъ; но жители группируются въ большомъ числѣ только въ Кашмирской равнинѣ и въ широкихъ долинахъ, открывающихся на югъ къ Пятирѣчью.

Вся восточная область, принадлежащая географически еще къ Тибету по высотѣ своихъ плоскогорій и долинъ, принадлежитъ къ нему также по происхожденію своихъ жителей, по языку, которымъ они говорятъ, и по религіи, которую они исповѣдуютъ. Одинъ изъ этихъ народцевъ, дотого малочисленный, что въ другихъ странахъ о немъ даже не стоило бы и упоминать, извѣстенъ только своею изолированностью на громадной территоріи. Это племя хампа или чампа, живущее на плоской возвышенности Рупшу. Все населеніе этой области, раскинувшейся на пространствѣ около 10.000 квадр. километровъ (8.880 квадр. верстъ), состоитъ всего изъ 500 душъ кочевниковъ, которые мѣняютъ пастбища четыре раза въ годъ, сообразно перемѣнѣ временъ года, при чемъ зиму проводятъ въ долинѣ верхняго Инда; главное ихъ становище—деревня Дора, близъ тибетской границы, лежащей на высотѣ 4.200 метровъ надъ уровнемъ моря. Эти номады, промышляющіе перевозкой товаровъ между Тибетомъ и Ладакомъ, отличаются, какъ и ихъ соплеменники, обитающіе на Тибетскомъ плоскогорьѣ, веселымъ, ровнымъ характеромъ, хорошимъ расположеніемъ духа, равнодушіемъ и терпѣливостью въ трудахъ и лишеніяхъ, въ нуждѣ и голодѣ; въ мѣстахъ, лежащихъ ниже 3.300 метровъ (10.800 футовъ), они уже чувствуютъ себя не такъ легко, какъ въ своей родной стихіи: низкая тяжелая атмосфера душитъ ихъ. Маленькая община буддійскихъ монаховъ живетъ въ монастырѣ Ганле, построен-

[1]) Drew; Andrew Wilson, etc.

[2]) Verchère, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", III, 1866.

номъ на высотѣ 4.595 метровъ, на крутомъ гребнѣ горъ, который господствуетъ надъ болотистою равниной того же имени; послѣ золотопромывальнаго завода Токъ-ялунъ, въ Тибетѣ, это, вѣроятно, самый возвышенный пунктъ Азіи, обитаемый постояннымъ образомъ.

Ладакцы, живущіе въ странѣ Лехъ, на Шайокѣ, верхнемъ Индѣ и Занскарѣ, прибрежные жители по рѣкѣ Сетледжъ, въ Кунаварѣ, обитатели области Спити и большинство жителей Лагула суть, подобно племени хампа или чампа, чистые боды, или тибетцы. Какъ и ихъ соплеменники въ Бодъ-юлѣ (Тибетѣ), ладакцы почти всѣ малорослы и коренасты, съ широкими лицами, выдающимися скулами, скошенными глазами; они тоже отличаются добродушіемъ, веселостью, трудолюбіемъ, гостепріимствомъ. Такъ же, какъ и прочіе тибетцы, они даютъ господствовать надъ собою ламамъ и строятъ для нихъ монастыри, кумирни и *мани*, украшенныя священною надписью; однако, кажется, въ послѣднее время пополненіе рядовъ духовенства стало затруднительнѣе, и многіе монастыри опустѣли. Незначительное протяженіе земель задерживаетъ въ Ладакѣ, какъ и въ верхнемъ, или нагорномъ Тибетѣ, возрастаніе народонаселенія, и поліандрическіе (многомужніе) браки очень распространены: одна жена служитъ хозяйкой и помощницей въ работѣ сразу нѣсколькимъ братьямъ, сдѣлавшимся наслѣдниками еще при жизни своихъ родителей. Въ самой низкой части страны есть много метисовъ тибетскихъ и другихъ расъ, и до 1871 года они были невольниками правительства; благодаря ходатайству геолога Дру, они были освобождены, и теперь ничѣмъ не отличаются отъ остальнаго населенія. Единственные люди, которыхъ общественное мнѣніе оставляетъ еще въ состояніи парій и съ которыми брачные союзы воспрещены,—это музыканты и кузнецы; особенно послѣдніе въ большомъ презрѣніи, между тѣмъ какъ во многихъ другихъ странахъ они, напротивъ, составляютъ одну изъ высшихъ кастъ. Безъ сомнѣнія, причину этого презрѣнія ладаковъ къ людямъ, обработывающимъ желѣзо, нужно искать въ старинной расовой враждѣ.

Впрочемъ, вліяніе индусовъ на тибетцевъ Ладака обнаруживается уже во многихъ отношеніяхъ; такъ, напримѣръ, послѣдніе теперь уже не выставляютъ своихъ покойниковъ на скалахъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, но сожигаютъ ихъ тѣла, продержавъ трупъ нѣсколько дней подлѣ себя [1]). Что касается ладакскаго языка, то хотя онъ и принялъ въ себя нѣкоторое число словъ санскритскаго происхожденія, но такъ мало отличается отъ тибетскаго, что туземцы обѣихъ странъ не встрѣчаютъ ни малѣйшаго затрудненія при бесѣдѣ другъ съ другомъ; даже нищіе племени халиба, приходящіе изъ провинціи Хамъ, съ восточной окраины собственнаго Тибета, безъ труда объясняются съ ладакцами. Жители области Спити тоже говорятъ чистымъ тибетскимъ языкомъ, но въ провинціи Лагулъ различные идіомы борются изъ-за преобладанія съ этимъ языкомъ; въ нѣкоторыхъ долинахъ общеупотребительный діалектъ—бунанъ, приближающійся къ тибетскому нарѣчію, которымъ говорятъ въ верхней долинѣ Сетледжа, но имѣющій свою собственную грамматику; въ другихъ мѣстахъ говорятъ нарѣчіемъ манчатъ, т. е. тибетскимъ языкомъ съ примѣсью идіома гинди и словъ неизвѣстнаго происхожденія; наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ господствуетъ тинанъ, образовавшійся, подобно «франкскому языку», изъ смѣшенія различныхъ элементовъ [1]). Въ Лагулѣ ламайской вѣрѣ уже грозитъ сильная опасность со стороны браманскихъ культовъ; большинство ламъ—жрецы только по имени; въ 1878 г. только семеро изъ нихъ, на тысячу слишкомъ, занимались религіозными дѣлами. Чтобы умилостивить боговъ, туземцы обращаются одинаково какъ къ браминамъ, такъ и къ ламамъ; въ то же время они молятся деревьямъ и змѣямъ и совершаютъ спеціальные обряды, чтобы призвать на помощь себѣ демоновъ [2]). Христіанство—тоже одинъ изъ культовъ, исповѣдуемыхъ въ Лагулѣ съ того времени, какъ въ Кайланѣ, въ одной изъ нагорныхъ долинъ Занскара, поселилась миссія моравскихъ братьевъ (гернгутеровъ) изъ Германіи. Народное образованіе въ Кашмирѣ болѣе распространено между тибетцами, чѣмъ между другими жителями края; большинство тибетцевъ грамотны; они легко чертятъ грубыя карты и служатъ отличными проводниками для англійскихъ топографовъ; одна монахиня лагульскаго монастыря научилась даже, по словамъ Гаркура, вычислять время наступленія солнечныхъ и лунныхъ затменій.

Племя балти, или балти-па, живущее къ западу отъ Тибета по рѣкамъ Шайоку, Инду и его притоку Суру, по мнѣнію большинства путешественниковъ, посѣтившихъ мѣста его поселенія, имѣетъ то же происхожденіе, что и ладакцы: балты, или балтистанцы, также говорятъ тибетскимъ діалектомъ, мало отличающимся отъ другихъ, и—что еще важнѣе съ точки зрѣнія расовыхъ признаковъ,—они имѣютъ вообще такую же форму тѣла и лица, какъ и жители Ладака, именно: выдавшіяся скулы и скошенныя вѣки. Главныя отличія, замѣчаемыя между балтистанцами и ихъ сосѣдями, ладакскими тибетцами, происходятъ, вѣроятно, отъ болѣе теплаго климата, въ которомъ они живутъ, и отъ обращенія ихъ въ магометанство, бывшаго причиной глубокихъ измѣненій въ обра-

[1]) Frederic Drew, цитированное сочиненіе.

[1]) Wilson, „Abode of Snow“; Harcourt, „Journal of the Geographical Society of London“, vol. XLI, 1871.

[2]) Harcourt, цитированное сочиненіе.

зѣ жизни. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что было также смѣшеніе расъ и что арійскій элементъ сильно представленъ у балтистанцевъ; Уйфальви даже встрѣчалъ тамъ туземцевъ, принадлежащихъ, какъ онъ полагаетъ, къ арійской расѣ, менѣе смѣшанной, чѣмъ сопредѣльныя племена, дарду или дардистанцы [1]). Какъ бы то ни было, у балтистанцевъ носъ менѣе приплюснутый, чѣмъ у жителей Ладака, и борода гуще обросла волосами; они выше ростомъ и менѣе коренасты. Смѣшеніе крови разныхъ расъ проявляется также и въ характерѣ балтовъ: у нихъ нѣтъ трогательной кротости, добродушія и неизмѣнной веселости тибетцевъ; они менѣе великодушны и болѣе ловки, болѣе изворотливы, хотя, впрочемъ, далеко не обладаютъ такимъ сильно развитымъ духомъ торговли, какъ кашмирцы, и даже въ своемъ собственномъ отечествѣ даютъ себя эксплоатировать эмигрантамъ этой націи. Они очень любятъ сильныя тѣлесныя упражненія, и въ ихъ странѣ, также какъ въ Дардистанѣ, предаются со страстью игрѣ поло (недавно введенной и въ Англіи), въ которой всадники, вооруженные лаптами, перебрасываютъ другъ другу мячикъ. Магараджа кашмирскій набираетъ большое число своихъ солдатъ въ Балтистанѣ, и одинъ изъ его полковъ состоитъ исключительно изъ уроженцевъ этого края, одѣтыхъ по-шотландски. Обращенные въ магометанскую вѣру миссіонерами изъ Хорассана, балтистанцы принадлежатъ къ шіитской сектѣ ислама, но къ нимъ закрались также многіе обычаи и обряды индусовъ; такъ, напримѣръ, у нихъ существуютъ рѣзко разграниченныя касты — каста духовныхъ, или муллъ, каста земледѣльцевъ и каста ремесленниковъ [2]). Многомужіе у нихъ не въ обычаѣ, но, какъ и всѣ другіе магометане, они приняли множенство, и женщина, пользующаяся такой свободой въ Ладакѣ, порабощена и ходитъ подъ покрываломъ въ Балтистанѣ. Узкія долины недостаточны для прокормленія скученнаго въ нихъ населенія, живущаго въ большой нуждѣ; вслѣдствіе этого, каждый годъ большое число балтовъ принуждены покидать родину и искать заработковъ на чужбинѣ, въ китайскомъ Туркестанѣ, въ Сринагарской равнинѣ, даже въ Пенджабѣ, и особенно въ Симлѣ и ея окрестностяхъ, вездѣ, гдѣ англичане нуждаются въ каменщикахъ, землекопахъ, чернорабочихъ. Балты отправляются въ отхожій промыселъ цѣлыми партіями, неся грузы сушеныхъ абрикосовъ, которые и распродаютъ по дорогѣ; затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда на чужбинѣ, когда заработаютъ маленькую деньгу, они возвращаются на родину съ новою ношей товаровъ, большею частью мѣдной посуды, которая очень цѣнится въ Балтистанѣ.

[1]) „Bulletin de la Société d'Anthropologie", 1881; Bulletin de la Société de la Géographie", 1882.
[2]) Biddulph, цитированное сочиненіе.

Внизъ отъ Балтистана лежитъ страна племени дарду, или дардистанцевъ, которые живутъ въ долинѣ Инда, на всемъ протяженіи кривой, которую эта рѣка описываетъ вокругъ массива Нанга-Парбатъ; они населяютъ на сѣверо-западѣ бассейнъ Гильгита и по ту сторону отроговъ Гинду-куша, на покатости рѣки Кабулъ, области Мастуджъ и Читраль; кромѣ того, они занимаютъ, разсѣянные колоніями, верхнюю долину рѣки Киншанъ-ганга и нѣкоторыя части береговъ Инда и область Драсъ въ предѣлахъ Балтистана; даже въ окрестностяхъ Леха многія деревни населены дардами, происходящими изъ Гильгита, по ихъ собственному преданію. Путешественники и антропологи единогласно причисляютъ къ такъ называемымъ «арійскимъ» народностямъ различныя племена Дардистана, каковы бы ни были ихъ политическое устройство, ихъ нравы и религіозная секта, къ которой они принадлежатъ; но кажется маловѣроятнымъ, чтобы всѣ народцы этой страны состояли между собою въ близкомъ племенномъ родствѣ, какъ это допускалъ Лейтнеръ, первый изслѣдователь Гильгитской долилины [1]); ибо между ними есть такіе, которые значительно разнятся внѣшнимъ видомъ, и ихъ языки, хотя «арійскаго» происхожденія, тѣмъ не менѣе весьма различны [2]). Однако, дардистанцы, извѣстные у ихъ сосѣдей тибетскаго происхожденія подъ именемъ Брокъ-па, т. е. «жители возвышенностей», или «горцы», составляютъ совершенно опредѣленную этнографическую группу. Они по большей части средняго роста, сильны, хорошо сложены; лобъ у нихъ прямой, носъ орлиный, черты лица грубоваты, но представляютъ европейскій овалъ. Дарды не уступаютъ балтамъ ни смышленостью, ни мужествомъ и, сверхъ того, отличаются большою любовью къ независимости.

Раздѣленіе народа на касты сохранилось еще въ полной силѣ въ Дардистанѣ и, такъ же, какъ въ собственной Индіи, первоначальное происхожденіе этого порядка нужно, конечно, искать въ томъ фактѣ, что обыкновенно народы-завоеватели образовывали новый слой населенія, возвышавшійся надъ завоеванными народами. Самая почетная каста — это каста роновъ, уважаемая наравнѣ съ царствующими фамиліями въ различныхъ государствахъ Дардистана, гдѣ они имѣютъ пребываніе преимущественно въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Гильгитъ, или Гилитъ; туземные государи, или раджи, обыкновенно выбираютъ своихъ министровъ изъ среды этой касты. За ронами слѣдуютъ, по степени важности и почета, шины, которые составляютъ большинство въ прибрежныхъ государствахъ Инда, лежащихъ къ западу отъ массива Нанга-Парбатъ, и въ одной части верхняго теченія Гильгита, но которые

[1]) „The Languages and Races of Dardistan".
[2]) Biddulph, цитированное сочиненіе.

вездѣ въ другихъ мѣстахъ малочисленны; тѣмъ не менѣе, отъ нихъ вся страна получила названіе Шинкари, т. е. «земли шиновъ»; по всей вѣроятности, это тѣ же самые шины, о которыхъ упоминаютъ законы Ману и Магабгарата [1]), и которыхъ старинные европейскіе комментаторы этихъ памятниковъ смѣшивали съ китайцами (по созвучію ихъ имени со словомъ China, Китай). Нѣкогда они обитали ниже въ долинѣ Инда, но затѣмъ были мало-по-малу оттѣснены къ области снѣговъ; нѣкоторыя территоріи, лежащія внизъ отъ округовъ, населенныхъ въ настоящее время шинами и не имѣющихъ другихъ жителей, кромѣ племенъ афганской расы, все еще считаются составляющими часть страны Шинкари. Гордые своимъ происхожденіемъ, шины никогда не унижаются до ремесла носильщика и смотрятъ на земледѣліе и охоту, какъ на единственныя достойныя ихъ занятія; говорятъ, они до крайности скупы: почти всякій изъ нихъ имѣетъ свое потаенное мѣстечко въ горахъ, куда и относитъ украдкой цѣнныя вещи, монеты, мѣдные сосуды, женскія украшенія. Хотя магометане, они никогда не ѣдятъ ни говядины, ни мяса птицъ, не пьютъ коровьяго молока, не употребляютъ коровьяго масла и даже ни за что не прикоснутся къ сосуду, содержащему молоко или масло; это воздержаніе есть, быть можетъ, остатокъ браманскихъ обычаевъ; но, вмѣсто того, чтобы уважать корову, какъ это дѣлаютъ индусы, они питаютъ къ ней нѣчто въ родѣ ужаса, чувство, подобное тому, какое испытываетъ магометанинъ въ отношеніи поросенка; по ихъ вѣрованію, если кто-нибудь положитъ коровью кожу въ источникъ, то непремѣнно разразится буря. До новорожденныхъ телятъ они дотрогиваются не иначе, какъ палкой, а многіе даже отдаютъ корову и ея сосуна на все время кормленія молокомъ своимъ сосѣдямъ низшей касты. Эти послѣдніе, яшкуны или ешкуны, называющіе сами себя буришами, буришасками, уришками, образуютъ огромное большинство дардовъ; они составляютъ почти все населеніе Гунзы, Нагара, Ясина и превосходятъ численностью всѣ другія касты въ земляхъ Гильгитъ, Дарель и Асторъ; главная масса земледѣльческаго населенія состоитъ изъ яшкуновъ. Въ то время, какъ шины могутъ жениться на яшкунскихъ дѣвушкахъ, яшкуны не имѣютъ права искать себѣ женъ въ высшей кастѣ [2]); оттого у нихъ семьи наименѣе смѣшаны. Четвертая каста, такъ называемые кремины, соотвѣтствуетъ индускимъ судрамъ; между ними встрѣчаются гончары, мельники, ремесленники всякаго рода, впрочемъ, вообще немногочисленные въ этой дикой странѣ; они, вѣроятно, происходятъ отъ туземцевъ, всего легче покорившихся господству завоевателей. Что касается касты думовъ, которая встрѣчается подъ разными наименованіями во всѣхъ владѣніяхъ Кашмирскаго магараджи, то они до сихъ поръ еще остаются, передъ другими жителями, на положеніи побѣжденныхъ. Кузнецы и живодеры принадлежатъ къ этой кастѣ; но, какъ музыканты, они увеселяютъ всѣ празднества: это мѣстные цыганы.

За исключеніемъ ладакскихъ дардовъ, сдѣлавшихся буддистами, какъ и ихъ сосѣди, всѣ народцы, носящіе это имя, принадлежатъ къ исламу; но въ то время, какъ одни исповѣдуютъ суннитство, другіе придерживаются шіитскаго толка или являются послѣдователями секты моллай, т. е. «божественныхъ»; кромѣ того, остатки древняго идолопоклонства сохранились еще въ очень многихъ селеніяхъ, особенно въ полуденной области Дардистана, близъ афганской границы. Чиласы, живущіе на западныхъ склонахъ массива Нанга-Парбатъ, говорятъ, въ качествѣ новообращенныхъ, наибольшіе фанатики изъ магометанъ этой страны; ревностные сунниты, они отрубаютъ головы попавшимся въ ихъ руки шіитамъ; они не довольствуются обращеніемъ въ рабство своихъ плѣнниковъ изъ иновѣрцевъ, какъ это дѣлаетъ большинство другихъ независимыхъ племенъ Дардистана. Что касается раджей Ясина и Гунзы, въ верхнемъ бассейнѣ Гильгита, то они не только порабощаютъ своихъ военноплѣнныхъ, но еще ведутъ торгъ людьми и, за неимѣніемъ чужеземцевъ, продаютъ своихъ подданныхъ или обмѣниваютъ ихъ на собакъ [1]); бадахшанскіе торговцы уводятъ плѣнниковъ за Гинду-кушъ, въ земли по Аму-Дарьѣ; по словамъ Биддульфа, можно безъ преувеличенія сказать, что изъ числа жителей, достигшихъ 40-лѣтняго возраста, почти половина служила, въ качествѣ невольниковъ, въ продолженіе значительной части своего существованія. Эти войны предпринимаемыя спеціально съ цѣлью захвата людей въ плѣнъ, и большія экспедиціи кашмирскихъ армій, иногда побѣдоносныя иногда отражаемыя, имѣли слѣдствіемъ обезлюдненіе страны. Въ области Гильгитъ, населеніе которой нынѣ (1891 г.) около 17.000 душъ, въ прежнее время число жителей было, вѣроятно, въ шесть или семь разъ болѣе значительнымъ, судя по распаханнымъ террасамъ, нынѣ заброшеннымъ, которыя видны повсюду на склонахъ горъ [2]). Многочисленныя надписи (еще не разобранныя), вырѣзанныя на скалахъ съ обѣихъ сторонъ долины, свидѣтельствуютъ о древней цивилизаціи гильгитской земли, а выше, въ области Ясинъ, встрѣчаются сложенные кругами камни, въ родѣ тѣхъ, какіе находятъ въ Бретани. Между гималайскими странами

[1]) Vivien de Saint-Martin; Rawlinson; Yule.
[2]) Leitner, цитированное сочиненіе.

[1]) Becher, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", III, 59.
[2]) Biddulph, цитированное сочиненіе.

мало такихъ, которыя имѣли бы болѣе благодатный климатъ и были бы отъ природы болѣе плодоносны, чѣмъ долина рѣки Гильгитъ. Прибрежныя равнины, средняя высота которыхъ

Женщины тибетскаго Ладака.

не превышаетъ 1.500 метровъ, даютъ всѣ произведенія умѣреннаго пояса, и, кромѣ того, тамъ воздѣлываютъ кукурузу, хлопчатникъ фиговое, гранатовое, шелковичное дерево. Гильгитскія шелковыя ткани, чистыя, или съ примѣсью шерсти или бумаги, отличаются большою прочностью.

Съ 1847 года, эпохи, въ которую англійскіе офицеры Юнгъ и Вансъ-Эгню перешли черезъ Индъ у Бунджи (иначе Бованджи), Гильгитская

долина стала извѣстна европейцамъ; Лейтнеръ, Дру, Биддульфъ прошли ее въ разныхъ направленіяхъ или даже жили тамъ нѣкоторое время. Другой путешественникъ, Гейвардъ, былъ убитъ тамъ, въ 1870 году, близъ деревушки Даркотъ, и тѣло его, выкупленное его соотечественниками, похоронено подъ группой деревьевъ, за стѣнами Гильгита. Въ настоящее время кашмирскія крѣпостцы, похожія на средневѣковыя феодальныя сооруженія Запада, съ ихъ зубчатыми стѣнами, четыреугольными башнями и башенками, командуютъ деревнями Бунджи, Сай, Гильгитъ, Шеръ, ихъ полями и фруктовыми садами; но живущія далѣе, за этими укрѣпленіями, дардскія племена платятъ лишь незначительную дань магараджѣ, или даже совершенно независимы въ политическомъ отношеніи. На сѣверѣ, нагарское племя, живущее на полночной сторонѣ массива Раки-Пошъ, не съумѣло заставить уважать себя и находится въ зависимости отъ своихъ болѣе воинственныхъ сосѣдей; заключенное между жителями Гильгита, на югѣ, и жителями Гунзы, на сѣверѣ, оно не дерзаетъ защищаться и платитъ обоимъ сосѣдямъ дань, состоящую изъ золотаго песку и абрикосовъ. Напротивъ гунзы, занимающіе долины Гинду-куша, до границъ Сириколя, въ китайскомъ Туркестанѣ, славятся своею храбростью, но въ то же время наводятъ страхъ своими разбойничьими привычками; они грабятъ караваны, которые не платятъ имъ транзитной пошлины, и часто дѣлаютъ набѣги на сопредѣльныя территоріи. На сѣверо-западъ отъ Пуніала, данника кашмирскаго магараджи, Ясинъ, защищенный своими почти непроходимыми ущельями и дикими горами, почти во всѣ времена сохранялъ самостоятельное политическое существованіе, но подъ тяжелымъ деспотизмомъ раджи. Въ этой области Гималая двѣ державы, оспаривающія другъ у друга господство надъ мусульманскою Азіей, Англійская Индія и Россія, наиболѣе приближаются своими вассальными владѣніями. Цѣпь горъ да нѣсколько узкихъ долинъ составляютъ въ этомъ мѣстѣ раздѣльный поясъ между двумя имперіями.

Дардскія племена, живущія на неизслѣдованныхъ еще берегахъ Инда, между сліяніемъ этой рѣки съ ея притокомъ Асторомъ и землей Газарой, какъ кажется, всего лучше сохранили старые нравы и преданія, хотя многія изъ нихъ бѣжали сюда изъ афганскихъ долинъ. Территорія ихъ получила названіе Ягестана, т. е. «непокорной» страны, за то, что никогда не подчинялась ничьей власти [1]). Племена или роды чиласи, коми, гербанди, сазини, паласи, на восточной сторонѣ рѣки, гудари, дарели, тангири, кандіа, сео, путтунъ, на западной сторонѣ, и многія другія составляютъ столько же маленькихъ республикъ; одна изъ такихъ вольныхъ общинъ состоитъ всего изъ семи дворовъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Биддульфомъ, англійскимъ резидентомъ въ Гильгитѣ, общее число способныхъ къ работѣ жителей мужскаго пола во всемъ Ягестанѣ простирается до 63.600 человѣкъ, такъ что все населеніе можно считать, по меньшей мѣрѣ, въ 300.000 душъ. Мужчины каждаго селенія, старые и молодые, созываемые барабаннымъ боемъ, собираются на мірской сходъ, или *сига*, и обсуждаютъ всѣ общія дѣла; громкій свистокъ возвѣщаетъ конецъ собранія, и толпа расходится по домамъ, оставляя джуштеровъ, или выборныхъ, опредѣлить подробности исполненія принятыхъ рѣшеній схода; граждане, не явившіеся на собраніе, должны платить штрафъ. Если хоть одинъ изъ присутствующихъ протестуетъ противъ общаго рѣшенія, обсуждаемый вопросъ откладывается до другаго раза; сколько-нибудь важныя рѣшенія должны быть постановляемы единогласно. Когда рѣчь идетъ о дѣлахъ, касающихся всей вольной общины, совѣщательное собраніе состоитъ изъ выборныхъ отъ деревень; но эти джуштеры обязаны докладывать о принятомъ рѣшеніи мірскимъ сходамъ въ важныхъ обстоятельствахъ. Въ случаѣ нашествія чужеземцевъ, общины соединяются противъ врага. Такъ какъ главное богатство горцевъ состоитъ въ стадахъ овецъ, то они часто бываютъ вынуждены водить свой скотъ на пастбища, принадлежащія другимъ племенамъ, а именно въ землю Ясинъ, и должны платить за это дань, состоящую изъ соли, табаку, золотаго песку или животныхъ; но эта плата за право пользованія не влечетъ за собою никакой зависимости. Такъ, Тангиръ, состоящій въ частыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Ясиномъ, хвалится тѣмъ, что онъ служитъ мѣстомъ убѣжища для всѣхъ царьковъ этой страны, лишившихся власти вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ, но самъ онъ всегда отражалъ съ успѣхомъ набѣги, предпринятые на его территорію, и тангирцы не позволяютъ своимъ дѣвушкамъ вступать въ бракъ съ ясинцами, по причинѣ рабства, господствующаго въ землѣ послѣднихъ. Въ нагорныхъ долинахъ Свата, извѣстныхъ болѣе спеціально подъ именемъ Когистана, которое иногда даютъ и всей «Непокорной» землѣ въ совокупности, главные кланы, торвалики и бушкары, также принадлежатъ къ племени дарду, но они не сохранили своей политической независимости, какъ ихъ единоплеменники, обитающіе въ дикихъ прибрежныхъ долинахъ Инда. Магометане шіитскаго или суннитскаго толка, дарды, какъ покоренные, такъ и непокорные, имѣютъ еще много обычаевъ, несогласныхъ съ шаріатомъ. Такъ, женщины ходятъ съ открытымъ лицомъ и пользуются большой свободой. Точно также муллы, на обязанности которыхъ лежитъ и отправленіе правосудія, должны сообразоваться, при разбира-

[1]) Biddulph, цитированное сочиненіе.

тельствѣ дѣлъ, съ національными преданіями. Убійства, составляющія, впрочемъ, очень рѣдкое явленіе, не наказуются общиной; право возмездія предоставляется родственникамъ жертвы, которые должны сами пролить кровь за кровь. У большинства племенъ мужчины и женщины держатся совершенно особнякомъ другъ отъ друга съ мая по сентябрь; это сезонъ военныхъ экспедицій, и по общераспространенному понятію у воинственныхъ народовъ, до эллиновъ и албанцевъ включительно, побѣда всегда принадлежитъ наиболѣе цѣломудреннымъ [1]).

Различныя племена имѣютъ каждое свой особенный діалектъ или областное нарѣчіе, связанное съ кашмирскимъ языкомъ говорами населеній западнаго Джилама; одинъ только языкъ, буришки, которымъ говорятъ въ Гунзѣ, Нагарѣ, Ясинѣ—«туранскаго» происхожденія, но Биддульфъ не думаетъ, чтобы его можно было причислить къ тюркскимъ идіомамъ. У всѣхъ дардовъ пушту афганцевъ сдѣлался цивилизованнымъ языкомъ. На югѣ Путтуна, самой цвѣтущей республики Ягестана, пушту есть единственный языкъ, который тамъ употребляютъ; населеніе всей земли Бонеиръ такъ же, какъ и населеніе нижней долины Свата, чисто афганское, а потому и языкъ мало отличается отъ того, которымъ говорятъ въ Кабулистанѣ. Нельзя того же сказать о лѣвомъ берегѣ Инда. Жители этой области ущелій, выше «Воротъ», или Дербента извѣстны подъ именемъ гимча, или «метисовъ», и чистокровные афганцы отказываются вступать въ бракъ съ ихъ дочерьми или брать ихъ союзниками въ своихъ военныхъ экспедиціяхъ. Одна колонія на правомъ берегу, называемая Палоса или Паруса, состоитъ изъ непримиримыхъ враговъ Англіи, вагабитовъ, пришедшихъ изъ Индіи и содержимыхъ на счетъ ихъ единовѣрцевъ. Въ числѣ около пятисотъ человѣкъ, они упражняются въ искусствѣ владѣть оружіемъ, строятъ укрѣпленія, посылаютъ своихъ лазутчиковъ и пророковъ во всѣ части мусульманской Азіи [2]). Такимъ образомъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ англійской границы, внѣшніе враги, предпринявшіе нападеніе на Индію, нашли бы союзниковъ въ «Непокорной» землѣ. Недавно духовный глава суннитскихъ клановъ Свата, носящій титулъ ахунда, пріобрѣлъ-было почти неоспоримый авторитетъ надъ своими единовѣрцами въ Афганистанѣ и въ областяхъ по теченію Инда; къ нему являлись посольства изъ всѣхъ частей Индіи и даже изъ Константинополя.

Верхняя долина Гидаспа, или Джилама, имѣетъ, какъ и другіе рѣчные бассейны этой области Гималайскихъ горъ, свое особенное населеніе. Кашмирцы, которые дали свое имя всему царству, но которые теперь сами повинуются иноплеменнымъ властителямъ, населяютъ озерную равнину, черезъ которую протекаетъ Гидаспъ выше Барамульскаго ущелья, и встрѣчаются лишь немногочисленными колоніями за предѣлами этой узкой области. Съ физической точки зрѣнія, кашмирцы, или кашури, какъ они сами себя называютъ, едва-ли не самые красивые изъ индусовъ: средняго роста, хорошо сложенные, статные, ловкіе и сильные, они въ то же время имѣютъ, вообще говоря, черты лица правильныя, лобъ высокій, носъ слегка орлиный, губы тонкія, глаза каріе и кроткіе. Что бы ни говорилъ Жакмонъ, кашмирскія женщины, заслуживающія репутацію красавицъ, которою онѣ пользуются во всей Индіи, очень многочисленны; онѣ отличаются въ особенности благородствомъ и чистотой чертъ лица, сохраняющимися даже въ старости. Понятливость, умъ, остроуміе, вкусъ кашмирцевъ извѣстны во всей Индіи; но какъ бѣдный, угнетенный народъ, живущій въ равнинѣ, куда завоеватели могутъ безпрепятственно спускаться со всѣхъ окружающихъ горъ, они не имѣютъ, для защиты своей независимости, инаго оружія, кромѣ оружія слабыхъ—хитрости и лести: они пресмыкаются передъ своими господами, которые едва оставляютъ имъ изъ всего сбора плодовъ земныхъ ничтожную долю, необходимую для поддержанія существованія.

Индусы по расѣ, кашмирцы говорятъ языкомъ «арійскаго» происхожденія, словарь котораго на двѣ трети состоитъ изъ словъ персидскаго и санскритскаго происхожденія; тѣмъ не менѣе, иностранцы съ трудомъ выучиваются этому языку; непосредственную связь онъ имѣетъ лишь съ идіомами, которыми говорятъ на юго-востокѣ, въ верхней долинѣ Чинаба; только черезъ ихъ посредство можно признать родственныя черты между сринагарскимъ нарѣчіемъ и пенджабскими говорами [1]). Впрочемъ, кашмирцы усвоиваютъ съ величайшею легкостью діалекты своихъ повелителей; почти всѣ они говорятъ языкомъ догри, или индостанскимъ, многіе знаютъ персидскій, который на Востокѣ играетъ такую же роль, какъ французскій на Западѣ, и со временъ Великаго Могола сдѣлался оффиціальнымъ языкомъ кашмирскаго двора. Одна только каста этой страны сохранила, вмѣстѣ съ своею религіей, воспоминаніе о своемъ происхожденіи: это каста брамановъ, которыхъ обыкновенно называютъ «пандитами», какъ будто они заслуживаютъ этого наименованія, присвоеннаго ученымъ собственной Индіи; по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ публичные писаря или писцы въ правительственныхъ учрежденіяхъ; другіе занимаются торговлей, но земледѣльца или чернорабочаго

[1]) Frederic Drew; Biddulph, цитированныя сочиненія.

[2]) Biddulph, цитированное сочиненіе.

[1]) Frederic Drew, цитированное сочиненіе.

между ними нѣтъ ни одного. Несмотря на обращеніе огромнаго большинства народа въ магометанскую вѣру, кастовый порядокъ сохранился для различныхъ профессій; но здѣсь онъ далеко не такъ строго соблюдается, какъ въ браманской Индіи, что происходитъ, можетъ быть, оттого, что арійская иммиграція имѣла мѣсто ранѣе строгаго раздѣленія классовъ у народовъ Индустана [1]). Одна только каста считается совершенно нечистою—каста баталовъ; если бы баталъ дерзнулъ призвать имя Аллаха, то на это посмотрѣли бы какъ на богохульство. Баталы, вѣроятно, такъ же, какъ думы въ Дардистанѣ, суть потомки побѣжденныхъ аборигеновъ. Говоръ этихъ ткачей шалей тоже представляетъ, по Лейтнеру, значительный запасъ словъ, происходящихъ отъ идіома, предшествовавшаго другимъ языкамъ Сѣверо-западнаго Индустана [2]).

На западѣ и юго-западѣ Кашмирской равнины гористая область, по которой протекаетъ рѣка Гидаспъ, или Джиламъ, соединенная съ Киншанъ-гангой, населена преимущественно чибалами, т. е. раджпутскими эмигрантами, принявшими магометанство. Религія и различныя перемѣны, бывшія ея слѣдствіемъ, даютъ основаніе отличать чибаловъ отъ ихъ восточныхъ сосѣдей догровъ, браманскаго культа, живущихъ у подошвы горъ на обоихъ берегахъ Чинаба, въ странѣ, которая по ихъ имени называется Дугаръ. Идіомы этихъ двухъ племенъ, чибали и догра, принадлежащіе тотъ и другой къ семьѣ индусскихъ языковъ, немного разнятся между собою, но сливаются, отъ округа къ округу, постепенными переходами. Несмотря на равенство, провозглашаемое исламомъ, чибалы сохранили даже касты, происхожденіе которыхъ нужно искать либо въ племенной враждѣ, либо въ различіи профессій. Масса земледѣльцевъ до сихъ поръ состоитъ изъ порабощенныхъ джатовъ, потомковъ прежнихъ обладателей страны, тогда какъ другія племена, переселившіяся въ край послѣ завоеванія его, все еще считаются какъ бы имѣющими нѣкоторое преимущество, привилегированными. Господствующій классъ, раджпуты, гордящіеся своими воинственными привычками, гнушаются, по большей части, всякаго ручнаго труда, ремесла или торговли; они предпочитаютъ служить либо въ качествѣ солдатъ, либо въ качествѣ чиновниковъ, и вообще они внушаютъ къ себѣ страхъ своимъ буйствомъ или ненависть своимъ чванствомъ. Впрочемъ, они во многихъ отношеніяхъ перемѣнились со времени своего переселенія въ край изъ Раджпутаны, и давно уже ихъ не обвиняютъ болѣе въ практикованіи обычая дѣтоубійства, именно умерщвленія новорожденныхъ дѣвочекъ. Что касается раджпутовъ-магометанъ, то они мало ревнуютъ о вѣрѣ; въ прежнее время нерѣдко бывали случаи, что они женились на индускахъ, позволяя имъ приносить съ собою своихъ домашнихъ идоловъ; нѣкоторыя святыя мѣста, куда ходятъ на богомолье, посѣщаются одинаково какъ индусами, такъ и мусульманами. Еще недавно исламъ, говорятъ, мало-по-малу распространялся между населеніями Даманъ-и-Коха; теперь, кажется, происходитъ скорѣе обратное явленіе: браманскія вліянія опять получаютъ перевѣсъ [1]).

На востокѣ и юго-востокѣ отъ Кашмирской равнины, различныя долины, имѣющія скатъ къ Чинабу, и берега этой рѣки тоже населены племенами, у которыхъ разнородные этническіе элементы расположились одинъ надъ другимъ въ видѣ кастовыхъ наслоеній; эти племена извѣстны у ихъ сосѣдей подъ общимъ именемъ пагари, или «горцевъ». Чертами лица и craномъ пагари походятъ на пенджабскихъ индусовъ, но образъ жизни, который они ведутъ, сдѣлалъ ихъ болѣе сильными и болѣе выносливыми; нарѣчія, которыми они говорятъ, — впрочемъ, непонятныя доrрамъ и другимъ жителямъ сосѣдней равнины,—указываютъ на переходъ между кашмирскимъ и пенджабскими языками. Въ каждой долинѣ свой особенный говоръ, такъ что «горцы», живущіе на разстояніи какихъ-нибудь 30 километровъ, уже не понимаютъ другъ друга.

Кромѣ осѣдлыхъ народцевъ, живущихъ земледѣліемъ и садоводствомъ, въ Пагарѣ, или «Горной» области, есть также племена, которыя регулярно мѣняютъ свое мѣстопребываніе, смотря по времени года. Таковы гадды, пастухи, держащіе стада овецъ и козъ; ихъ постоянныя селенія находятся въ горахъ, но лѣтомъ они спускаются со своими стадами на внѣшніе холмы, къ границамъ равнины. Гуджары, напротивъ, живущіе въ низменныхъ мѣстностяхъ, гоняютъ свои стада буйволовъ къ горнымъ пажитямъ на нѣсколько мѣсяцевъ лучшаго времени года. Дровосѣки, которые рубятъ бревна деодара (гималайскаго кедра) въ лѣсахъ и сплавляютъ ихъ по теченію Чинаба, тоже ведутъ кочевую жизнь, спускаясь періодически изъ верхнихъ холодныхъ областей въ равнины Пятирѣчья. Нѣкоторыя группы «горцевъ» принадлежатъ къ исламу; на сѣверо-востокѣ небольшое число семействъ остались буддистами, какъ ихъ сосѣди, жители Лагула; но огромное большинство племенъ придерживается индусскихъ культовъ, сохранивъ, однако, многіе обряды древнихъ религій. Въ Пагарѣ, на верхнемъ Чинабѣ, до сихъ поръ еще воздвигаются храмы *нагъ-деватамъ*, «богамъ-змѣямъ», почитаемымъ наравнѣ съ другими божествами индійскаго пантеона. Въ Драгарскихъ горахъ,

[1]) Hunter, „Annals of Rural Bengal“.

[2]) „Anjuman-i-Punjab“, jan. 4, 1882; „Allen's Indian Mail“, febr. 27.

[1]) Frederic Drew, цитированное сочиненіе.

возвышающихся на западѣ отъ Чинаба, желѣзоплавильщики никогда не пробуютъ плавильную печь безъ того, чтобы не воздвигнуть предварительно на какомъ-нибудь сосѣднемъ при-

Джиламскій мостъ въ Сринагарѣ.

горкѣ жертвенникъ богу Драгару, для сожиганія въ честь его очищеннаго коровьяго масла; они оставляютъ на жертвенникѣ ложки, употребляемыя при жертвоприношеніи, и окружаютъ его желѣзными трезубцами и камнями причудливыхъ формъ [1]).

Въ Ладакѣ нѣтъ городовъ, за исключеніемъ Леха или Ле, столицы бывшаго королевства, присоединеннаго теперь къ Индійской импе-

[1]) Frederic Drew, цитированное сочиненіе.

ріи, подъ «медіатизированнымъ» управленіемъ кашмирскаго магараджи. Лехъ лежитъ на высотѣ 3.500 метровъ, не на самомъ берегу Инда, а въ 3 или 4 километрахъ къ сѣверу отъ рѣки, при выходѣ долины, откуда выступаетъ откосъ изъ обвалившихся обломковъ, широко раскинувшійся и покрытый пашнями. Дворецъ или замокъ, служащій въ то же время цитаделью, возвышаетъ надъ городомъ, на послѣднемъ контрфорсѣ горъ, свои высокія стѣны, опирающіяся на вогнутый цоколь, по правиламъ тибетской архитектуры. Старые кварталы, съ узкими, извилистыми улицами, лѣпятся у подножія замка, тогда какъ базаръ новѣйшей постройки занимаетъ нижнюю часть города въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается сринагарская дорога; кругомъ города, по скатамъ откоса, тянутся сады, поля, засѣянныя хлѣбами, и нѣсколько рощицъ ивъ и тополей. Лехъ важенъ какъ средоточіе торговли Кашмира съ китайскими территоріями Тибета и Тянь-Шань-Нанлу; здѣсь составляется многочисленный ежегодный караванъ, который отвозитъ въ Лассу шелковыя ткани, шали, шафранъ, англійскій мануфактурный товаръ и беретъ въ обмѣнъ китайскій чай, шерстяныя издѣлія и бирюзу. Внѣшняя торговля Ладака въ 1873 году, по свѣдѣніямъ, собраннымъ путешественникомъ Дру, простиралась до 2.380.000 франковъ по привозу и до 2.060.000 франковъ по вывозу, всего на сумму 4.440.000 франковъ. Весной, во время отхода каравана, и въ началѣ зимы, при возвращеніи его, яркандцы, кашмирцы, носильщики всевозможныхъ національностей собираются сюда въ большомъ числѣ, располагаясь станомъ вокругъ города. Загороди луговъ тянутся непрерывнымъ рядомъ во всѣхъ благопріятныхъ мѣстахъ вдоль тропъ, по которымъ слѣдуютъ купцы. Тамъ и сямъ остатки крѣпостей, гдѣ прежде агенты ладакскаго раджи собирали транзитныя пошлины, господствуютъ надъ проходами, черезъ которые должны слѣдовать караваны. Такъ, ниже Леха, фортъ Халси командуетъ деревяннымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ ущелье Инда, который въ этомъ мѣстѣ имѣетъ только 30 метровъ (14 саженъ) ширины. Въ 30 километрахъ къ югу отъ Леха, въ одной долинѣ, среди горъ, находится самый большой въ томъ краю монастырь, гдѣ живутъ около восьмисотъ ламъ и монахинь; вездѣ встрѣчаются буддійскіе памятники и во многихъ мѣстахъ на стѣнахъ скалъ изсѣчены гигантскія фигуры Шакіа-Муни [1]).

На сѣверо-западѣ отъ Леха, Скарду (Искардо), столица Балтистана, которую жители сосѣднихъ странъ знаютъ подъ именемъ Балора или Палора [2]), не заслуживаетъ даже названія города; это просто группа маленькихъ селеній, расположенная на высотѣ (средней) 2.267 метровъ, въ каменистой равнинѣ, перерѣзанной ирригаціонными каналами, которые проведены изъ Инда и окаймлены по сторонамъ фруктовыми садами. Двѣ скалы, высотою около 300 метровъ, отшлифованныя древними ледяными потоками, высятся одна противъ другой по обѣ стороны рѣки, и на одной изъ нихъ расположены недавно возведенныя укрѣпленія, на другой видны развалины старой цитадели. Почти всѣ дома здѣсь съ плоскими крышами и имѣютъ на террасѣ маленькое строеніе изъ глины, смѣшанной съ соломой, которое служитъ лѣтнимъ жилищемъ; на этихъ крышахъ сушатся на солнцѣ абрикосы,—плоды, составляющіе богатство страны, и отъ которыхъ она даже получила названіе Сури-Бутанъ [1]), т. е. «абрикосовый Тибетъ». Въ торговомъ отношеніи мѣстоположеніе Скарду одно изъ самыхъ счастливыхъ, и въ менѣе холодномъ климатѣ оно обезпечивало бы городу значительную важность. Двѣ долины Инда и Шайока (по-туземному Цу-фо, или «мужская рѣка», и Цу-мо, или «женская рѣка») соединяются выше этой страны, тогда какъ прямо противъ Скарду открывается плодоносная Шигарская долина, украшенная текущими водами, тѣнистыми платановыми рощами и видомъ ледниковъ. Черезъ Скарду проходятъ многочисленные купеческіе караваны; въ городѣ живетъ много ткачей, переселившихся изъ Кашмира, которые занимаются тканьемъ матерій изъ дорогой шерсти, называемой *пашмъ* и привозимой сюда съ тибетскихъ плоскогорій. Золотоискатели находятъ также въ окрестностяхъ самородки золота, преимущественно въ пескѣ ледниковыхъ ручьевъ; у туземцевъ есть повѣрье, что золото образовалось отъ тренія ледяныхъ массъ о камни [2]). На юго-востокѣ отъ Скарду, въ долинахъ притоковъ Инда, по которымъ идетъ дорога изъ Сринагара въ Лехъ, живописныя группы деревень, Каргиль и Драсъ, тоже имѣютъ нѣкоторую важность, какъ торговые пункты и мѣста роздыха для каравановъ. Тропа, спускающаяся съ нагорнаго Балтистана въ «золотоносный лугъ» и въ Сринагарскую долину, есть та самая, которая ведетъ черезъ проходъ Зоджи, гдѣ возсѣдаетъ Сива на своемъ тронѣ изъ вѣчныхъ снѣговъ.

Городъ Исламабадъ, «Жилище ислама», былъ извѣстенъ у кашмирцевъ подъ именемъ Анатънагъ или Анангъ-нагъ, т. е. «Озеро змѣи бога Вишну», имя, напоминающее древній культъ змѣи. Это—главный городъ Восточнаго Кашмира. Суда, плывущія вверхъ по Гидаспу, останавливаются въ небольшомъ разстояніи ниже Исламабада, тамъ, гдѣ начинаются расходя-

[1]) Bellew, „Kashmir and Kashgar“; A. Cunningham, „Ladak“.

[2]) Biddulph, „Tribes of the Hindoo-Koosh“.

[1]) Vigne „Travels in Kashmir, Ladak, Iskardo“.

[2]) Biddulph, цитированное сочиненіе

щіяся на подобіе вѣера нагорныя долины, по дну которыхъ бѣгутъ шумящіе потоки, со всѣхъ сторонъ, выше города, вытекаютъ изъ трещинъ известняка обильные источники, осѣненные платанами, отражающіе въ своихъ водахъ храмы или загородные домики и павильоны; одинъ изъ этихъ источниковъ, Вернагъ, образуетъ маленькое озеро, воспѣтое поэтами; другой вытекаетъ изъ «грота Безсмертія». Будучи естественною исходною точкою для купцовъ, отправляющихся въ бассейнъ верхняго Чинаба, Исламабадъ имѣетъ нѣкоторую важность какъ торговый и промышленный городъ, особенно по производству шафрана, которое достигло довольно значительныхъ размѣровъ. На одной изъ переднихъ террасъ, которыя доминировали надъ древнимъ Кашмирскимъ озеромъ, видны издалека развалины Мартандской пагоды, посвященной солнцу и сооруженной, какъ гласитъ легенда, сыновьями Панду, героями эпопеи Магабгараты; постройка этого зданія, окруженнаго изящной колоннадой, украшеннаго фризами и барельефами, относится, очевидно, къ той эпохѣ, когда индусскіе зодчіе стали подражать греческому искусству, которое Селевкиды принесли съ собою въ страну [1]); это прекраснѣйшій архитектурный па-

Горный проходъ Зоджи.

[1]) A. Cunningham; Vigne; Burgess; Fergusson; Lejean etc.

мятникъ Кашмира, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ на всемъ Востокѣ, и уединенное положеніе, которое онъ занимаетъ на выступѣ террасы, высоко надъ Кашмирской равниной, въ виду снѣговыхъ горъ Панджала, придаетъ ему въ глазахъ путешественниковъ еще болѣе величественный видъ; ключъ, бьющій изъ храма, не имѣетъ другаго имени, кромѣ какъ «Баванъ», или источникъ: это родникъ божественной воды по преимуществу. Спускаясь по теченію Джилама, черезъ Биджбагару, бывшій главный городъ долины, встрѣчаемъ остатки храмовъ той же эпохи, у деревни Авантипуръ и въ Падрантанѣ, тамъ, гдѣ стоялъ старый Сринагаръ; въ Кашмирѣ насчитываютъ болѣе 70 религіозныхъ зданій, построенныхъ въ томъ же греко-бактрійскомъ стилѣ, какъ и Мартандскій храмъ.

Нынѣшняя столица Кашмирской равнины, «Градъ Солнца», унаслѣдовавшая имя разрушеннаго города, построена на обоихъ берегахъ Джилама (довольно быстраго въ этой части своего теченія), соединенныхъ семью деревянными мостами, у которыхъ каждый устой состоитъ изъ стержня камней, удерживаемыхъ положенными одно на другое бревнами. Многочисленные каналы извиваются среди города, и одинъ изъ нихъ «Яблоновый каналъ», запертый шлюзами, сообщается съ озеромъ, или «даль», которое развѣтвляется на восточной сторонѣ Сринагара на бухты и проливы, имѣющіе, среднимъ числомъ, отъ 2 до 3 метровъ глубины. Вереницы барокъ и лодокъ, напоминающихъ гондолы, снуютъ по всѣмъ направленіямъ среди «индійской Венеціи», и на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой большія лѣстницы, или гаты, купаютъ свои ступени въ водахъ рѣки. Хотя окруженный водой, городъ, однако, весь лежитъ выше уровня наводненій. Высокіе каменные кубы, о которые разбивается сила выступившихъ изъ береговъ водъ, составляютъ цоколи, на которыхъ поставлены дома, кирпичные и деревянные, обрамленные снаружи стѣнками изъ тонкихъ бревенъ или жердей, которыя дрожатъ во время землетрясеній, довольно частыхъ въ этой странѣ, но противостоятъ имъ лучше, чѣмъ всякая другая постройка [1]). Каждый домъ стоитъ особнякомъ и расположенъ безъ правильнаго плана, либо въ сосѣдствѣ съ другими строеніями, либо посреди большихъ деревьевъ. Подобно тому, какъ было прежде въ городахъ Грузіи, въ Сринагарѣ на большей части домовъ кровли покрыты дерномъ, который весной бываетъ усѣянъ цвѣтами; съ вершины холма Гари (Гари-Парбатъ), господствующаго надъ городомъ съ восточной стороны, Сринагаръ похожъ на громадный висячій садъ, раскинувшійся на необозримое пространство. Сринагаръ, самый многолюдный городъ гималайскихъ областей, богатъ храмами и дворцами. Въ настоящее время этотъ «Городъ Солнца» служитъ лѣтнею резиденціею кашмирскаго магараджи; но онъ часто бывалъ и столицей государства, со времени его основанія въ началѣ шестаго столѣтія христіанской эры. Одинъ изъ «Великихъ Моголовъ», Іегангиръ, построилъ тамъ, для своего лѣтняго пребыванія, дворцы, которые и теперь еще, благодаря обилію текучихъ водъ, фонтановъ и густой тѣни, даваемой развѣсистыми чинарами, по справедливости считаются однимъ изъ чудесъ «Долины розъ». На юго-востокѣ, между нынѣшнимъ Сринагаромъ и Падрантаномъ, старой столицей, высится «Тронъ Соломона» (Тахтъ-и-Сулейманъ), на вершинѣ котораго видны остатки древнѣйшаго храма Кашмира, построеннаго, какъ говорятъ живущіе въ этой долинѣ браманы, въ теченіе третьяго столѣтія до Рождества Христова. Съ этой трапповой горы картина Кашмирской равнины, съ ея сверкающими водами, ея широкими аллеями, обсаженными большими, тѣнистыми деревьями, ея дворцами и храмами, представляется во всей красѣ и великолѣпіи.

Сринагаръ—промышленный городъ. Окрестныя поля утилизируются до послѣдняго комка земли, а огородники придумали даже устраивать на озерѣ пловучіе сады и огороды, длинные плоты изъ корней водяныхъ растеній, связанныхъ пучками и покрытыхъ землей, на которой разводятъ, главнымъ образомъ, дыни и огурцы [1]); средняя цѣна этихъ пловучихъ камышевыхъ цыновокъ, пригвожденныхъ къ дну озера съ помощью свай, отъ 2 до 3 франковъ за площадку въ 10 метровъ (14 аршинъ) длины, при 2 или 3 метрахъ ширины. Корни ненуфара (кувшинчики) и сѣмена водяного каштана (trapa bispinosa), размолотые въ муку, служатъ хлѣбомъ для большей части народонаселенія. И теперь еще главную мануфактурную промышленность Сринагара составляетъ выдѣлка шалей, которыя ткутъ изъ козьяго пуха (пишма, пашмина или пашмъ), привозимаго изъ Ладака, Тибета и китайскаго Туркестана. Тысячи нѣсчастныхъ, поденная плата которыхъ не превышаетъ, среднимъ числомъ, 15 сантимовъ, трудятся въ грязныхъ мастерскихъ надъ тканьемъ тѣхъ узкихъ полосокъ шерсти, изъ которыхъ выдѣлываются великолѣпныя кашмирскія шали, такъ высоко цѣнимыя въ Европѣ и особенно во Франціи; еще недавно четыре пятыхъ этихъ индійскихъ тканей продавались въ Парижѣ, но конкурренція нѣкоторыхъ мануфактурныхъ городовъ Пятирѣчья, съ которою теперь приходится бороться сринагарцамъ, и въ особенности измѣнчивость моды на Западѣ, сильно повредили кашмирской промышленности, и въ послѣднее время городъ

[1]) Frederic Drew, цитированное сочиненіе.

[1]) Bernier; Vigne; Hügel; Lejean; Wilson etc.

много потерялъ въ этомъ отношеніи. Въ періодъ съ 1860 до 1870 года ежегодная цѣнность шалей, выдѣлываемыхъ въ Сринагарѣ, простиралась до 3.250.000 франк., и изъ этого количества вывозилось въ Европу на сумму 2.250.000 франк. Въ Сринагарѣ есть, кромѣ того, шелкопрядильни, фабрики филиграновъ (плетеная золотая и серебряная работа), мастерскія разрисованныхъ издѣлій изъ папье-маше и много другихъ промышленныхъ заведеній, гдѣ занимаются фабрикаціей предметовъ, требующихъ ловкости въ ручной работѣ и вкуса въ выборѣ красокъ и оттѣнковъ. Торговля Сринагара, хотя пришедшая въ упадокъ сравнительно съ прежнимъ временемъ, все еще значительна; но, невзирая на законы и ихъ запреты, одну изъ «статей» экспорта до сихъ поръ составляютъ дѣвочки, увозимыя контрабанднымъ путемъ съ самой нѣжной юности въ большіе города Сѣвернаго Индустана. На западѣ равнины два города служатъ мѣстами роздыха купцамъ, отправляющимся изъ Сринагара въ Пенджабъ: Сопуръ, «Золотой городъ», гдѣ оканчивается каналъ, огибающій на югѣ болотистые берега озера Валаръ, и Барамула, лежащій у входа въ ущелья, которыми Гидаспъ уходитъ изъ горъ; надъ этимъ послѣднимъ городомъ еще видны развалины буддійской ступы.

Въ гористой области южнаго Кашмира и Газары, гдѣ поселились народности индусскаго происхожденія, находятся многіе города, важные по своему положенію на историческихъ дорогахъ, но между этими городами мало такихъ, которые имѣли бы значительное число жителей. Музафарабадъ, крѣпость котораго господствуетъ надъ сліяніемъ Джилама и Кишанъ-ганги, расположенъ у выхода главной дороги Кашмира изъ Барамульскихъ ущелій и имѣетъ удобное сообщеніе съ Аттокомъ и Пешаверомъ. Мари, на англійской территоріи Газара, и у горы, отъ которой онъ получилъ свое имя, есть одинъ изъ тѣхъ лѣтнихъ, или «санитарныхъ» городовъ, которые англичане построили на предгорьяхъ Гималаевъ; его дома, отели, казармы разсѣяны на желѣзняковомъ хребтѣ, поднимающемся до 2.200 метровъ средней высоты. Абботтабадъ, далѣе на западѣ, недалеко отъ границы, важенъ только какъ военная станція; расположенные въ немъ полки должны наблюдать за «непокорными» племенами Ягестана, живущими на западѣ въ долинахъ притоковъ Инда. Военный постъ находился прежде южнѣе, въ Гарипурѣ, городѣ, лежащемъ уже въ равнинѣ, внѣ области Гималайскихъ горъ; неподалеку оттуда стоитъ Торбела, при выходѣ изъ тѣснинъ Инда. Самое дикое мѣсто ущелья сохранило турецкое имя Дербендъ, или «Ворота».

Панчъ или Пончъ (Punch), лежащій на высотѣ 1.000 метровъ (3.280 футовъ), въ прекрасной равнинѣ, при сліяніи двухъ горныхъ потоковъ, воды которыхъ бѣгутъ на югъ къ Гидаспу, есть на юго-западѣ наиболѣе выдвинутый, ближайшій къ границѣ городъ Кашмирскаго государства; онъ ведетъ торговлю съ Сринагаромъ черезъ перевалы Пиръ-Панджалъ и Ратанъ-Пиръ. Мирпуръ, въ области невысокихъ холмовъ, лежитъ въ сосѣдствѣ съ важной станціей Джиламъ, на пенджабской желѣзной дорогѣ; его негоціанты монополизировали отпускную торговлю хлѣбомъ, производимымъ этою областью. Бимбаръ былъ исходнымъ пунктомъ Великихъ Моголовъ на кашмирской дорогѣ, и каждый этапъ этого пути сохранилъ дворецъ, гдѣ государи отдыхали во время проѣзда; и теперь еще магараджи Кашмира оставили за собою исключительное право пользованія этой дорогой, и европейцы не могутъ ѣздить по ней; имъ предоставлены четыре другіе пути. Изъ всѣхъ мѣстъ роздыха на старой императорской дорогѣ самое многолюдное—городъ Раджаори, переименованный нынѣшними государями въ Рампуръ. Въ этой странѣ, которая такъ часто мѣняла властителей, нѣтъ почти ни одного холма, на вершинѣ котораго не стоялъ бы какой-нибудь крѣпкій замокъ, напоминающій феодальныя твердыни Запада. Большинство этихъ крѣпостей имѣетъ еще гарнизонъ, состоящій теперь изъ догровъ, въ одно и то же время жандармовъ и таможенныхъ стражниковъ, которые ходятъ патрулемъ по тропинкамъ окрестныхъ горъ.

Городъ Ахнуръ имѣетъ стратегическое значеніе, какъ стражъ Чинаба, и его крѣпость, защищающая входъ этой рѣки въ равнины Пенджаба, есть одно изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ сильныхъ укрѣпленій этой страны. У подножія ея зубчатыхъ бастіоновъ быстрая рѣка несетъ весной множество бревенъ гималайскаго кедра и сосны, сбрасываемыхъ лѣсорубами въ водопады верхняго теченія. Въ сезонъ сплавки почти всѣ жители Ріасси, Ахнура и сосѣднихъ деревень, выше и ниже по рѣкѣ, только тѣмъ и занимаются, что ходятъ на рѣку ловить сплавляемый лѣсъ и связывать его въ плоты. Здѣшній дебардеръ не нуждается въ лодкѣ или паромѣ; опираясь на сарну (надутый воздухомъ мѣхъ изъ козьей кожи или бурдюкъ, котораго заднія лапы связаны въ формѣ ушка, куда можно просовывать ноги), онъ скользитъ по водѣ, ударяя по ней руками, и, подталкиваемый теченіемъ, снуетъ безпрестанно взадъ и впередъ, таская на буксирѣ стволы деревьевъ.

Джамму, оффиціальная столица владѣній «великаго короля» (магараджи) кашмирскаго, не можетъ сравниться съ Сринагаромъ ни по красотѣ мѣстоположенія и пріятности климата, ни по промышленной дѣятельности, ни по числу жителей; онъ даже не занимаетъ въ государствѣ центральнаго положенія, приличествующаго резиденціямъ правительства. Джамму находится

на крайней южной границѣ подвластной ему территоріи. Продавая Кашмиръ Гулабъ-Сингу за 18.750.005 франк., остъ-индская компанія была рада удержать своего союзника въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ англійскими укрѣпленными лагерями Пятирѣчья; магараджа пользуется царскою властью въ своей землѣ, но онъ постоянно видитъ на южной сторонѣ горизонта столбы пыли, поднимаемой марширующими британскими полками. Расположенный на послѣдней грядѣ холмовъ, на самомъ рубежѣ равнины, Джамму построенъ въ 60 или 80 метрахъ отъ горнаго потока Тави, извивающагося къ востоку отъ города по каменистому полю; съ сѣверной стороны онъ ограниченъ горнымъ циркомъ, надъ которымъ господствуютъ три остроконечныя вершины Трекотты, «трезубца бога Сивы» [1]); лѣсъ акацій и густыхъ джунглей, въ которыхъ водится много дичи, защищенной отъ браковьеровъ строгими законами, окружаетъ холмъ Джамму и окаймляетъ берега рѣчки Тави. Благодаря своимъ высокимъ дворцамъ и храмамъ съ позолоченными крышами, городъ виденъ съ далекаго разстоянія, но путешественники рѣдко заглядываютъ туда. Джамму лежитъ въ сторонѣ отъ торговыхъ путей, и жизнь въ немъ, подъ сѣнію пышныхъ дворцовъ, мѣстопребыванія утопающихъ въ роскоши раджей, очень дорога. Кромѣ того, городъ не имѣетъ другой воды для питья и варки, кромѣ воды изъ цистернъ; впрочемъ, каналъ, отведенный изъ Чинаба, долженъ въ близкомъ будущемъ приносить ему въ изобиліи чистую воду этой рѣки. Теперь Джамму соединенъ съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ Индіи.

Изъ другихъ городовъ юго-восточной части королевства ни одинъ не имѣетъ сколько-нибудь важнаго значенія по численности населенія. Рамнагаръ, на верховьяхъ Тави,—бывшая столица, нѣкогда цвѣтущій городъ, нынѣ пришедшій въ упадокъ; Басоли, на правомъ берегу рѣки Рави, при выходѣ ея долины изъ горъ,—тоже развѣнчанный городъ, и рыжія обезьяны, обитательницы сосѣдняго священнаго лѣса, смѣло прыгаютъ и рѣзвятся на самыхъ колоннадахъ опустошеннаго дворца раджей. Только одно мѣсто въ томъ краю кишитъ, разъ въ годъ, пришлымъ народомъ: это, на сѣверѣ отъ города Джамму, святыня Пармандаль, куда вѣрующіе стекаются толпами смывать свои грѣхи въ водахъ, которыя бьютъ ключемъ у основанія песчаниковыхъ скалъ. Часто вода, слишкомъ низкая, не выступаетъ на поверхность, и тогда странники должны рыть землю, чтобы увидѣть, какъ просачивается спасительная влага, почитаемая почти столь же святою, какъ и вода въ Гардварѣ, у «воротъ» Ганга. Въ области горъ, черезъ которую протекаетъ на сѣверо-востокъ верхній Чинабъ, самый оживленный городъ—Бхадарвахъ или Брадаваръ, «Твердыня Будды», дома котораго, построенные изъ гималайскаго кедра, живописно расположены среди фруктовыхъ деревьевъ и чинаровъ, на берегу рѣки. Брадаваръ лежитъ на высотѣ около 1.650 метровъ; офицеры изъ племени гурка, служащіе въ англійскихъ полкахъ, пріѣзжаютъ туда съ семействами подышать воздухомъ, такимъ же чистымъ, какъ воздухъ ихъ долинъ въ Непалѣ. Киштваръ, или, какъ его называютъ кашмирцы, Картаваръ, лежащій на такой же высотѣ, какъ Бхадарвахъ, въ цвѣтущей равнинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ амфитеатромъ высокихъ, покрытыхъ лѣсами и снѣгомъ, горъ, считается главнымъ городомъ долины Чинаба, который описываетъ въ этомъ мѣстѣ одинъ изъ самыхъ крутыхъ своихъ поворотовъ; но въ дѣйствительности эта деревня обязана своимъ важнымъ значеніемъ лишь соединенію тропъ, которыя спускаются сюда изъ Лагула, изъ Вардванской долины и изъ Кашмирской равнины. Изъ Киштвара видна на юго-западѣ, по другую сторону ущелья въ 400 метровъ (187 саженъ) глубины, разсѣлина скалы, откуда низвергается потокъ послѣдовательными прыжками съ общей высоты 760 метровъ (почти 355 саженъ); это—самый высокій водопадъ, извѣстный въ Гималайскихъ горахъ. Изъ города, съ разстоянія 3 километровъ, слышенъ ревъ падающей воды, и по утрамъ, когда взойдетъ солнце, видны брызги, блистающіе всѣми цвѣтами радуги; это, говорятъ горцы, «поясы волшебницъ, купающихся въ струяхъ потока».

Главные города Кашмирскаго королевства и Газары, съ приблизительной цифрой населенія:

Сринагаръ (1891 г.)—118.960 жит.; Джамму—20.000 жит.; Мирпуръ — 10.000 жит.; Мэри - 9.400 жит.; Исламабадъ—5.650 жит.; Барамула—4.500 жит.; Бхадарвахъ—3.000 ж.; Лехъ (Ле)—4.000 жит.

Государство Чамба, которое обнимаетъ область горъ, лежащихъ къ востоку отъ округовъ Джамму и Киштваръ, въ верхней долинѣ рѣки Рави и въ части долины Чинаба, или Чандра-Баги, не отличается отъ страны пагари, или горцевъ, по происхожденію своихъ жителей: населеніе его также состоитъ изъ индусовъ раджпутовъ, земледѣльцевъ такаровъ, пастуховъ-кочевниковъ гуджаровъ и гадди; число прокаженныхъ, относительно, весьма значительно въ землѣ Чамба. Со времени заключенія трактата 1846 года, территорія эта тоже составляла часть владѣній магараджи Кашмирскаго, но вскорѣ послѣ того она была взята у него обратно остъ-индской компаніей и передана другому государю, имѣющему лишь тѣнь власти. Главный городъ этого маленькаго государства носитъ то же названіе, какъ и вся страна; онъ построенъ на берегахъ рѣки Рави, на

[1]) Goblet d'Alviella, „Inde et Himalaya".

высотѣ 924 метровъ, и жары въ немъ бываютъ почти такія же сильныя, какъ и въ сосѣдней равнинѣ; но англійское правительство основало короля Индіи, маркиза Дальгузи). Съ этой обсерваторіи, лежащей на высотѣ 2.243 метровъ, взорамъ открывается великолѣпная панорама,

Дорога изъ Тибета долиною Сетледжа.

на юго-западѣ, на одномъ изъ выступовъ послѣдней Гималайской цѣпи, дачный городъ для своихъ чиновниковъ и военныхъ, названный Дальгузи (по имени бывшаго вице- обнимающая прекрасную долину рѣки Рави, горы Кангра, съ темными, поросшими сосновымъ лѣсомъ склонами и бѣлѣющими отъ снѣга вершинами, и равнину, сѣрую или зеленѣю-

щую, смотря по времени года, простирающуюся далеко по направленію къ Амрицару и Лагору. На юго-востокѣ, на одномъ изъ отроговъ Даола-Дара, или «Бѣлой Горы», расположены загородные дома Дармсалы, разсѣянные, на высотѣ отъ 1.350 до 1.950 метровъ по скатамъ горы. Этотъ лѣтній городъ, основанный на мѣстѣ древней браманской святыни,—откуда и самое имя его Дармсала, — сдѣлался главнымъ пунктомъ всего Кангрскаго округа и многочисленныхъ чайныхъ плантацій, которыми покрыты всѣ обращенные на полдень склоны горъ. Изъ этихъ двухъ городовъ, Дальгузи и Дармсала, служащихъ въ одно и то же время дачными мѣстопребываніями и военными наблюдательными постами, англичане господствуютъ надъ двумя важнѣйшими индусскими городами долины Біаса: на западѣ — надъ пришедшимъ въ упадокъ городомъ Нурпуръ («Городъ Свѣта»), нѣкогда населеннымъ кашмирскими ткачами [1]), и на югѣ — надъ городомъ Кангрой (въ древности—Нагаркотъ), храмъ котораго, дважды разграбленный мусульманами, все еще один изъ богатѣйшихъ храмовъ Индіи. Нѣкоторыя изъ окрестныхъ скалъ увѣнчаны крѣпостями грандіознаго вида, которыя считались неприступными до недавнихъ преобразованій и усовершенствованій въ искусствѣ осадной войны. Расположенный у входа въ долину Кангра, городъ Патанкотъ соединенъ желѣзной дорогой съ городомъ Амрицаромъ.

Верхняя долина Біаса образуетъ округъ Кулу, состоящій подъ непосредственнымъ управленіемъ англичанъ, тогда какъ область невысокихъ горъ и внѣшнихъ холмовъ, передъ входомъ рѣки въ область Кангра, занята медіатизированными государствами Манди и Сукетъ и другими маленькими княжествами, раджи которыхъ пользуются фиктивною независимостью. Имя Кулу, сокращенное изъ Кулу-Питъ, значитъ «Конецъ Свѣта» [2]), хотя за нимъ находятся еще болѣе возвышенныя страны, Лагулъ, Спити, и хотя далѣе, за этими областями, тянутся необитаемыя пространства Хачи. Но уже Кулу должно казаться индусамъ равнины землей, не имѣющей выхода, концомъ міра. На сѣверѣ, цѣпь горъ Ротангъ, составляющая продолженіе собственно Гималайскаго хребта, поднимается своими вершинами до высоты 5.500 метровъ; на западѣ, горы Бара-Бангахалъ, съ которыхъ спускается нѣсколько ледниковъ въ верхнюю долину Рави, достигаютъ такой же высоты и соединяются съ цѣпью Даоло-Даръ, вершины которой превышаютъ еще 3.300 метровъ. Другія горы ограничиваютъ страну съ восточной стороны, и многочисленные отроги дѣлятъ ее на цѣлую сѣть узкихъ долинъ, трудно доступныхъ, но представляющихъ грандіознѣйшіе виды: только двадцать пятая часть страны могла быть приспособлена для цѣлей земледѣлія; въ среднемъ, высота воздѣланныхъ полей не менѣе 1.500 метровъ, а нѣкоторыя селенія лежатъ выше 3.300 метровъ, т. е. на высотѣ Маладетты. А между тѣмъ черезъ Кулу проходитъ одинъ изъ главныхъ торговыхъ путей, проложенныхъ черезъ возвышенности Азіи. Дорога изъ Амрицара въ Яркандъ, поднимающаяся по долинѣ Біаса, переходитъ Ротангскій перевалъ на высотѣ 4.114 метровъ (почти 4 версты), затѣмъ пересѣкаетъ землю Лагулъ среди горныхъ обваловъ и льдовъ, чтобы достигнуть одного изъ притоковъ верхняго Инда, рѣки Занскаръ, черезъ горный проходъ Бара-Лача. Въ 1863 году, горцы, въ числѣ семидесяти двухъ человѣкъ, застигнутые страшнымъ бураномъ на Ротангскомъ перевалѣ, были погребены въ снѣгахъ.

Жители Кулу принадлежатъ, какъ и обитатели сосѣднихъ областей, къ различнымъ расамъ, которыя послѣдовательно поселились въ этой странѣ. Кулусы, судя по тѣмъ субъектамъ, которыхъ случалось наблюдать путешественникамъ, вообще малорослы, очень длинноголовы, съ гладкими скулами, но съ выдающимися скуловыми выпуклинами: это индусы раджпуты и пагари (горцы), но между ними встрѣчаются также индивидуумы очень смуглаго типа, вѣроятно, остатокъ болѣе древнихъ племенъ. Господствующія нарѣчія края—пагари, а у самаго образованнаго класса—индустани; кромѣ того, въ языкѣ кулусовъ есть нѣкоторое количество тибетскихъ словъ, которыя либо составляютъ наслѣдіе первобытнаго населенія страны, либо занесены торговцами, странствующими изъ долины въ долину. Старинные нравы и обычаи всего лучше сохранились въ Сіораджѣ, полуденной области Кулу, мало посѣщаемой чужеземцами; поліандрическій бракъ существуетъ тамъ до сихъ поръ, какъ и въ Тибетѣ; нѣсколько мужчинъ, обыкновенно родные братья, не желающіе дѣлить отцовское наслѣдство, вступаютъ въ супружество съ одной женщиной, и всѣ ихъ сбереженія идутъ на покупку ей перстней, браслетовъ, ожерельевъ, серегъ и драгоцѣнныхъ украшеній изъ золота и серебра; между этими украшеніями нерѣдко можно встрѣтить издѣлія замѣчательно искусной работы [1]). Художественныя произведенія искусства встрѣчаются еще въ большомъ числѣ, кромѣ дворцовъ и храмовъ, въ домахъ поселянъ области Кулу и другихъ долинъ западнаго Гималая. У многихъ хозяекъ на берегахъ Біаса, Чинаба, Гидаспа котлами и кувшинами для воды служатъ мѣдныя вазы съ великолѣпными украшеніями и покрытыя персидскими надписями—

[1]) Vigne, „Travels in Kashmir, Ladak, Iskardo“.

[2]) Harcourt, „Journal of the Geographical Society of London“, 1871.

[1]) Calvert, „Kulu, The Silver Country and Vaziri rupi“.

произведенія искусства, насчитывающія отъ двухсотъ до трехсотъ лѣтъ существованія и отличающіяся такою тонкою, изящною работою, что въ настоящее время ничего подобнаго не можетъ быть сдѣлано въ странѣ [1]).

Оффиціально религія жителей Кулу примыкаетъ къ браманскимъ культамъ, но въ странѣ не встрѣтишь ни одного храма индусскаго основанія, который, по времени постройки, предшествовалъ бы восемнадцатому столѣтію. Древнія святилища всѣ напоминаютъ формой буддійскіе храмы Тибета, и въ преддверіяхъ большинства ихъ и теперь еще можно увидѣть длинные шесты съ хоругвями, въ родѣ тѣхъ, какія развѣваются на святыхъ мѣстахъ бодской страны. Культъ змѣи тоже не совсѣмъ еще исчезъ. Въ дѣйствительности, каждая деревня сохранила свое мѣстное божество, украшенное какимъ-нибудь индусскимъ именемъ, принесеннымъ раджпутами; обитатели земли Кулу обожаютъ еще «бога-чорта» подъ видомъ кресла [2]). Горячіе ключи, довольно многочисленные въ томъ краю, тоже составляютъ предметъ благоговѣйнаго почитанія, и туземцы ходятъ, въ качествѣ пилигримовъ, купаться въ ихъ священныхъ водахъ. Теперь новыя перемѣны вносятся въ жизнь кулусовъ подъ вліяніемъ другихъ этническихъ элементовъ. Англійскіе спекулянты уже проникли въ нижнюю долину, чтобы завести тамъ, какъ въ Кангрѣ, плантаціи чайнаго дерева, и кое-гдѣ видны уже дома англо-индусской конструкціи, рядомъ съ туземными хижинами, построенными изъ чередующихся слоевъ дерева и камня и съ крышами въ видѣ навѣса.

Прежній главный городъ земли Кулу, который еще носитъ имя Нагаръ, или «Городъ»,— простая деревня. Нынѣшняя столица страны, Султанпуръ, лежащая ниже Нагара, но все еще на высотѣ болѣе 1.200 метровъ, на правомъ берегу Біаса и при устьѣ другаго ручья, хотя она немного побольше старой, тоже представляетъ незначительное мѣстечко, съ тѣсно скученными домами, заключенными въ узкой оградѣ городскихъ стѣнъ. Муловая дорога, недавно проложенная, поднимается изъ Султанпура на западъ и проходитъ черезъ «Бѣлую Гору» на перевалѣ Бабба (3.150 метровъ), затѣмъ спускается въ вассальное государство Манди, значительно сокращая путь, такъ какъ иначе нужно бы было дѣлать длинный обходъ долиной Біаса. Главный городъ этого заключеннаго между другими владѣніями княжества, также носящій имя Манди, или «Рынокъ», больше и имѣетъ болѣе новый видъ, чѣмъ Султанпуръ; въ немъ есть даже висячій мостъ на Біасѣ и колесныя дороги, правильно проложенныя. Въ сосѣдствѣ находятся желѣзные рудники, а также соляныя копи, открытыя въ скалахъ Подгималая. Цѣпь, ограничивающая на западѣ долины Манди и Сукета, отдѣляя ихъ отъ области невысокихъ холмовъ, есть знаменитый хребетъ, извѣстный подъ именемъ Сикандаръ-ка-дхаръ, или «Горы Александра»; на этихъ горахъ видны какія-то развалины, въ которыхъ Винь, какъ онъ полагаетъ, отыскалъ слѣды алтарей, воздвигнутыхъ Александромъ Македонскимъ своей славѣ, когда онъ предпринялъ обратный путь на западъ. Неподалеку отъ этихъ холмовъ, на берегахъ Біаса, изъ разсѣлины скалъ выходитъ пламя, и пары, вылетающіе густыми клубами, образуютъ маленькое озеро минеральной воды. Около пятидесяти тысячъ пилигримовъ стекаются сюда ежегодно, чтобы очиститься въ священной водѣ Джаваламуки, или «Огня-бога» [1]).

На востокъ отъ Кулу и Спити, бассейнъ Сетледжа, между тибетскою территоріей и низменною равниной, занятъ многочисленными маленькими государствами, впрочемъ, лишенными всякой политической самостоятельности. Самое важное изъ этихъ государствъ—Башахръ (Буссагиръ), простирающійся по обоимъ скатамъ рѣки, отъ тѣснинъ внѣшняго Гималая до границъ Китая; раджпутскій раджа, который имъ управляетъ, подъ надзоромъ англійскаго резидента, насчитываетъ въ своей генеалогіи 120 предшественниковъ. Все его царство заключается въ узкомъ оврагѣ, къ которому сходятся другія разсѣлины, между прочимъ, лощины Спити, и нѣсколько широкихъ тѣнистыхъ долинъ, какъ, напримѣръ, долина рѣки Баспы. Въ этомъ узкомъ, длинномъ корридорѣ, который тянется на 200 километровъ, не считая извилинъ, можно наблюдать всевозможные климаты; тогда какъ послѣднія населенныя мѣста, сосѣднія съ Тибетомъ, окружены тощимъ кустарникомъ, не боящимся холода, Чини, около середины долины, на высотѣ 2.700 метровъ, имѣетъ виноградники, производящіе отличный виноградъ, изъ котораго выдѣлываютъ вина, очень богатыя содержаніемъ алкоголя; наконецъ, около 1.500 метровъ высоты растетъ уже фиговое дерево, баніанъ, появляются многіе виды растеній, свойственные тропической флорѣ. Но во всѣхъ этажахъ этой долины дыханіе затруднительно; воздухъ недостаточно обновляется вѣтрами; лѣтомъ жара, усиливаемая отраженіемъ лучей солнца отъ голыхъ скалъ, рѣшительно невыносима. Истребленіе лѣсовъ на склонахъ горъ имѣло слѣдствіемъ ухудшеніе мѣстнаго климата: перемѣны температуръ, крайности тепла и холода сдѣлались болѣе рѣзкими, и боковыя террасы, на которыхъ находятся деревни и

[1]) De-Ujfalvy, „Bulletin de la Société de Géographie", 1881; „Nature", 6 мая 1882.

[2]) Calvert, цитированный мемуаръ.

[1]) Carl von Hügel, „Kashmir und das Reich der Seik".

пашни или сады, не представляютъ уже такого же сопротивленія ливнямъ; онѣ быстро размываются дождевыми потоками, покрываются рытвинами, растительная земля уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается, понятно, и населеніе.

Что касается жителей, нарѣчій, культовъ, то и въ этомъ отношеніи замѣчаются, сверху внизъ долины, переходы, подобные тѣмъ, какіе представляетъ климатъ. Въ верхней области живутъ населенія тибетскаго происхожденія, говорящія тибетскимъ языкомъ и исповѣдующія буддійскую религію; въ нижнюю часть, напротивъ, проникли индусы, идіомъ которыхъ происходитъ отъ «арійскаго» корня, и которые по вѣроисповѣданію тоже походятъ на обитателей береговъ Ганга. Можно сказать, что долина Сетледжа есть не что иное, какъ поперечная разсѣлина, идущая отъ Индустана къ Тибету, и британское правительство занимается теперь обращеніемъ этой трещины въ торговый трактъ. Раджи долины должны были отказаться отъ права взиманія транзитныхъ пошлинъ съ провозимыхъ товаровъ, и отъ англійской станціи Симла, находящейся на раздѣльномъ хребтѣ между бассейномъ Сетледжа и бассейномъ Джамны, проводится большая дорога, которая извилистой линіей огибаетъ бока горъ на половинѣ высоты, чтобы подняться постепенно до самыхъ границъ Тибета; уже въ 1876 году этотъ новый путь, гдѣ путешественники находятъ, на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, хорошо содержимыя гостиницы, былъ построенъ на протяженіи 252 километровъ [1]). Рано или поздно онъ достигнетъ Лассы, столицы Тибета. Безъ всякаго сомнѣнія, современемъ отъ этой дороги будетъ проведена также вѣтвь верхъ по долинѣ Пары, на сѣверъ отъ Лео-Поргіала, поднимающаяся къ плоскогорью Рупшу, по направленію къ верхнему Инду, Панконгу и Каракоруму; это—будущая дорога центральной Азіи. Почти никакихъ препятствій не представляется на этомъ естественномъ пути, который всегда избираютъ перелетныя птицы, отправляясь съ равнинъ Индустана въ китайскій Туркестанъ [2]). Тѣмъ не менѣе, единственныя вьючныя животныя, употребляемыя нынѣ въ верхней долинѣ Сетледжа,—овцы, которыя, послѣ стрижки ихъ на рампурскомъ рынкѣ, возвращаются въ Тибетъ нагруженными хлѣбомъ [3]).

Въ верхней долинѣ Сетледжа нѣтъ ни одного города, есть только деревни или поселки. То же самое нужно сказать о долинѣ его притока Спити. Главный пунктъ этой гималайской провинціи, Данкаръ, или, вѣрнѣе, Дранхаръ, «Холодный фортъ», вполнѣ заслуживаетъ свое названіе: это орлиное гнѣздо, свитое на вершинѣ скалы, на высотѣ 300 метровъ надъ рѣчкой Спити, на высотѣ 3.894 метровъ надъ уровнемъ моря. Но въ нижней части долины Сетледжа, Рампуръ, «городъ Рамы», который, ради его титула столицы государства, можно, пожалуй, причислить къ городамъ, имѣетъ довольно важное значеніе, какъ очень оживленный и посѣщаемый пріѣзжими купцами рынокъ, особенно для покупки шерсти, привозимой изъ Тибета. Биласпуръ, столица другаго туземнаго княжества, лежащій уже у входа въ равнину, на 500 метровъ ниже Рампура и на высотѣ 446 метровъ надъ уровнемъ океана,—тоже торговый городъ. Въ 1762 году Сетледжъ, задержанный обваломъ скалъ въ ущельяхъ, находящихся къ сѣверу отъ Симлы, совершенно пересталъ течь. Выше этой запруды образовалось озеро, глубиной до 120 метровъ (56 саженъ), воды котораго текли обратно почти до самаго Рампура. Послѣ сорокадневнаго перерыва, рѣка вдругъ опять появилась въ видѣ чудовищной волны, вздымавшейся слишкомъ на 30 метровъ (14 саженъ); она смыла до основанія городъ Биласпуръ и ниже, въ Пенджабѣ, измѣнила весь гидрографическій порядокъ равнины.

Главные города Западнаго Гималая, отъ рѣки Рави до Сетледжа: Нурпуръ—7.150 жит.; Кангра—6.350 жит.; Чамба—5.000 жит.; Биласпуръ—4.900 жит.; Дармсала—2.860 жит.; Дальгузи—2.000 жит.

III. Центральный Гималай.

Покатость Джамны и Ганга, Симла, Гарваль, Кумаонъ, Непалъ.

На востокъ отъ Инда и Сетледжа, которые перерѣзываютъ насквозь Гималайскую систему и тѣмъ самымъ позволили раджпускимъ завоевателямъ, такъ сказать, зайти въ тылъ горамъ, чтобы овладѣть Западнымъ Тибетомъ, верхнія долины Джамны и различныхъ гангъ, соединяющихся въ теченіи Ганга, даютъ доступъ только до Загималайскаго хребта. Въ самомъ дѣлѣ, эта именно раздѣльная линія служила политической границей индусскимъ государствамъ, затѣмъ общей наслѣдницѣ всѣхъ этихъ государствъ, Индо-британской имперіи. Даже далѣе на востокѣ, южный скатъ Загималайскаго хребта не весь принадлежитъ индійскому государству Непалъ; Китайская имперія, представляемая гарнизонами, частью тибетскими, распространила съ этой стороны свое господство до горъ собственнаго Гималая, и такимъ образомъ владѣетъ истоками и верховьями многихъ рѣкъ, спускающихся, черезъ Коси, къ Гангу и Бенгальскому заливу. Тѣмъ не менѣе, однако, естественная, область гангесской покатости Гималая имѣетъ довольно точныя границы въ политическомъ отношеніи; около трехъ

[1]) Andrew Wilson„, The Abode of Snow".
[2]) Hunter, „Gazetteer of India".
[3]) Stoliczka, „Mittheilungen von Petermann", 1870 № 1.

четвертей этой полосы земли составляетъ даже отдѣльное государство, Непалъ, связанное съ Англо-индійскою имперіей только дипломатической фикціей. Наибольшая часть этой Гималайской покатости необитаема; на сѣверѣ—снѣга и ледники, на югѣ—болотистые лѣса области терай задерживаютъ распространеніе поселеній, и отъ одного пояса до другаго поперечные отроги и хребты, параллельные Гималаю, образуютъ цѣлый лабиринтъ скалъ и высокихъ склоновъ, гдѣ невозможна никакая культура. Сравнительно съ незначительнымъ протяженіемъ земель, которыя человѣкъ можетъ утилизировать вдоль рѣкъ и на первыхъ террасахъ горъ, этотъ край населенъ довольно густо, по крайней мѣрѣ въ англійскихъ округахъ, ибо относительно Непала не существуетъ никакой статистики, и хотя различные писатели опредѣляютъ населеніе этой страны отъ двухъ до пяти милліоновъ душъ, но это исчисленіе совершенно гадательное, сдѣланное безъ всякихъ точныхъ данныхъ.

Пространство и населеніе индійсгой покатости центральнаго Гималая

	Пространство, квадр. килом	Населеніе. душъ	На 1 квадр. килом. Жителей.
Округъ Симла	47	34.000	721
Гарваль, вассальн. государство (1891г.)	10.826	199.840	19
Кумаонъ и Гарваль, подвластные англичанамъ (1891 г.)...	29.784	950.530	32
Непалъ..........	154.000	3.000.000 (?)	19

Городъ Симла, окруженный десятками двумя маленькихъ индусскихъ княжествъ, сохранившихъ еще кое-какія формы независимости, и границы которыхъ болѣе перепутаны, чѣмъ границы бывшихъ государствъ «Германскаго Союза», занимаетъ отдѣльную область между западными и центральными провинціями Гималая. Основанъ онъ недавно, но выгоды его мѣстоположенія и капризъ одного вице-короля Индіи сдѣлали изъ него лѣтнюю столицу для всей имперіи: какъ только наступаетъ сезонъ жаровъ, дороги, ведущія изъ равнины къ Симлѣ, покрываются обозами и экипажами, перевозящими въ «дачный городъ» высшихъ калькуттскихъ сановниковъ, за которыми слѣдуетъ большинство ихъ чиновниковъ; нѣкоторыя изъ главныхъ государственныхъ учрежденій ежегодно переселяются изъ одной столицы въ другую. Естественно, что англичане, столь удаленные отъ своего отечества, должны были искать въ Индустанѣ мѣстъ, напоминающихъ ихъ родной климатъ; имъ нужны были, на передовыхъ выступахъ Гималая, мѣстности, гдѣ они могли бы возстановлять крѣпость и гибкость мускуловъ, утраченную въ знойныхъ равнинахъ Инда и Ганга. Вслѣдствіе этого, цѣлый кордонъ новыхъ городовъ, составляющихъ нѣчто въ родѣ индійской Англіи, вытянулся на гималайскихъ предгорьяхъ, на высотѣ, среднимъ числомъ, около 2.000 метровъ; нигдѣ овладѣніе землей, сдѣланное западными завоевателями, не совершается болѣе разительнымъ образомъ, какъ въ этихъ городахъ, столь мало похожихъ внѣшнимъ видомъ на города, которыхъ зубчатыя стѣны и блистающіе на солнцѣ храмы виднѣются далеко въ равнинѣ. Самый большой изъ всѣхъ этихъ англійскихъ городовъ, Симла, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый важный по своему географическому положенію: это не только мѣсто дачной жизни, городъ отдохновенія и увеселеній, какъ можно бы подумать, присутствуя на его балахъ и гуляньяхъ или на его дарбарахъ, гдѣ представляются раджи десятками. Возвышаясь на горномъ хребтѣ между Сетледжемъ и однимъ изъ притоковъ Джамны, онъ стоитъ какъ разъ въ вершинѣ треугольника, образуемаго двумя бассейнами Инда и Ганга; онъ наблюдаетъ за единственнымъ относительно легкимъ входомъ изъ Тибета и Китайской имперіи; наконецъ, онъ расположенъ между двумя большими государствами, Кашмиромъ и Непаломъ, и посредствомъ многочисленныхъ военныхъ лагерей, разсѣянныхъ на холмахъ и въ сосѣдней равнинѣ, держитъ въ повиновеніи населенія, нѣкогда столь воинственныя, сейховъ и раджпутовъ.

Первый англійскій домъ появился въ 1819 году на гребнѣ Симла, открытомъ, такъ сказать, за два года передъ тѣмъ братьями Жераръ, но этотъ новый поселокъ получилъ свое настоящее имя только въ 1826 году; когда Жакмонъ посѣтилъ его въ 1831 году, тамъ насчитывалось не болѣе шестидесяти домовъ. Только въ 1864 году Симла возвысился на степень второй столицы Индустана. Построенный на вершинѣ и по скатамъ холма въ формѣ полумѣсяца, развертывающагося съ запада на востокъ, онъ раскинулъ свои отели, дворцы, виллы и дачи на пространствѣ около 10 километровъ, и оканчивается на восточной сторонѣ округленною горою Джако, покрытою богатою растительностью, деодарами, дубами и рододендронами; городъ сдѣлался уже такъ обширенъ и многолюденъ, что мѣстные источники оказываются недостаточными для снабженія его водой, и до сихъ поръ еще не провели изъ какого-нибудь гималайскаго потока отводнаго канала, который наполнилъ бы городскіе резервуары. Къ югу отъ этой лѣтней столицы, защищенной съ западной стороны батареями Джатока, множество другихъ «санаторій», или дачныхъ городовъ, лѣпятся одинъ надъ другимъ по скатамъ или пріютились на вершинахъ холмовъ. Субату, Касаоли, Дагшай, Калка—преимущественно военные посты, обороняющіе издали симленскую позицію; но вся гористая область, надъ которой на востокѣ господствуетъ пирамидальная вершина Чаура, обросшая густымъ лѣсомъ,

образуетъ почти уединенный массивъ между Сиваликомъ и Гималаемъ; съ каждой верхушки передъ взорами путешественника развертывается грандіозная панорама обширныхъ лѣсовъ и снѣговъ, отъ Гарваля до величественныхъ горъ, гдѣ зарождаются первыя воды рѣки Джамны.

Эта область истоковъ есть одна изъ священныхъ мѣстностей индусской миѳологіи; тамъ высятся, извѣстныя теперь подъ другими именами, многія изъ горъ, прославленныхъ древними поэтами. Группа Джамнотри, откуда вытекаютъ верхніе потоки священной рѣки, не достигаетъ, однако, высоты вершинъ главнаго гребня; Бандерпунчъ и Саргаройнъ, двѣ самыя высокія вершины этого массива, не превышаютъ 6.250 метровъ, и съ боковъ ихъ не спускается ни одного ледника. Впрочемъ, Джамна, о которой легенда разсказываетъ, какъ о зарождающейся въ непосредственномъ сосѣдствѣ Ганга, получаетъ свое начало не на скатѣ главнаго хребта, Загималая; она принадлежитъ скорѣе къ неправильной грядѣ горъ Гималая въ собственномъ смыслѣ. Если бы имена рѣкамъ давали по обилію ихъ водъ, то не верхняя Джамна должна была бы сохранить названіе нижней рѣки; главная рѣка—это Тонса, которая зарождается на сѣверномъ скатѣ массива Джамнотри, или Бандерпунчъ, и которая, описавъ обширный полукругъ въ западномъ направленіи, соединяется съ Джамной близъ входа ея въ равнины. Если, однако, эта послѣдняя, а не Тонса, сохранила священное имя, то она, вѣроятно, обязана этимъ тому обстоятельству, что въ небольшомъ разстояніи отъ ея истоковъ, на высотѣ 2.984 метровъ, изъ земли бьютъ горячіе ключи, мѣсто собранія пилигримовъ; точно также въ европейскихъ Альпахъ одинъ теплый источникъ далъ свое имя большому потоку, выходящему изъ Ронскаго ледника. Въ маленькомъ озерѣ, образовавшемся изъ горячихъ ключей Джамны, богъ-обезьяна Гануманъ, какъ гласитъ легенда, однажды потушилъ свой загорѣвшійся хвостъ; съ того времени вода такъ и осталась горячею; таково происхожденіе имени горы Бандерпунчъ, которое буквально значитъ «Обезьяній хвостъ». Термальные источники Джамнотри—самые горячіе на всемъ Гималаѣ: температура ихъ 89 градусовъ стоградуснаго термометра, менѣе чѣмъ на 2 градуса ниже точки кипѣнія на этой высотѣ [1]).

Населеніе Гарваля состоитъ почти исключительно изъ индусовъ; если и встрѣчаются еще кое-какіе тибетскіе элементы между хасіями, т. е. раджпутами края, утратившими свою касту вслѣдствіе смѣшенія расъ, то эти черты все болѣе и болѣе сглаживаются, такъ какъ часть населенія безпрестанно обновляется приходомъ пилигримовъ и переселенцевъ съ юга. Въ былыя времена феодальные владѣтели оспаривали другъ у друга обладаніе долинами. На каждомъ выступѣ горъ видны еще старинные крѣпкіе замки, или гары, отъ которыхъ страна и получила свое настоящее имя. При феодальномъ порядкѣ Гарваль не могъ процвѣтать; но жители сдѣлались еще гораздо болѣе несчастными въ началѣ текущаго столѣтія, со времени завоеванія края гуркасами изъ Непала. Истребляемые войной и продаваемые въ рабство, хасіи уменьшались въ числѣ; теперь населеніе опять возрастаетъ, и земледѣліе захватываетъ все большее и большее количество непочатыхъ земель; изъ году въ годъ пустующія горныя пажити и джунгли равнинъ и полосы терая уменьшаются въ протяженіи. Но до сихъ поръ нѣтъ еще ни одного индусскаго города въ верхней долинѣ Джамны. И здѣсь также всѣ городскія поселенія—британскаго происхожденія; это въ одно и то же время лѣтніе города, санаторіи, и мѣста стоянки войска, военные лагери, откуда англичане могутъ удобно надзирать за окрестными населеніями, пользуясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, чистымъ горнымъ воздухомъ и наслаждаясь великолѣпіемъ горизонтовъ

Одинъ изъ этихъ городовъ, Чакрата, построенъ на высотѣ 2.190 метровъ, на узкомъ плато, господствующемъ надъ полукругомъ долинъ, который образуютъ Тонса и Джамна выше ихъ сліянія. Другой лѣтній городъ, важнѣйшій послѣ Симлы во всемъ центральномъ Гималаѣ, Массури, протянувшійся въ длину на 6 километровъ, расположенъ почти на такой же высотѣ, какъ Чакрата, на совершенно правильномъ хребтѣ, у подошвы котораго разстилается равнина Дера, или Дерадунъ. Немного восточнѣе, на повышеніи хребта, расположены казармы и госпитали военнаго поста Ландуръ, составляющаго съ Массури одинъ городской округъ. На сѣверѣ, предгорья мѣшаютъ видѣть большую цѣпь тибетской границы, но дунъ (продольная долина) Дера, самая широкая, самая правильная во всей Индіи, и однообразный горный валъ цѣпи Сиваликъ, типъ другихъ цѣпей Подгималая (нижняго Гималая), представляютъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ картинъ: съ одной стороны, на западѣ, видишь ворота Джамны, съ другой, на югѣ—ворота Ганга; обѣ бреши, размытыя теченіемъ рѣкъ, показываются разомъ. Между санитарными станціями этихъ горъ городъ Массури представляетъ большія преимущества по равномѣрности температуры и незначительной разницѣ ея между лѣтомъ и зимой, между днемъ и ночью; но въ періодъ дождей онъ выставленъ всей ярости муссона и испытываетъ во всей силѣ приносимыя имъ непогоды; одинъ нѣмецкій путешественникъ Гюгель, разсказываетъ, что во время пребыванія его въ тѣхъ мѣстахъ, въ 1835 году, однажды дождь шелъ 85 дней

[1]) Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien".

подъ-рядъ [1]). Оттого многіе изъ англійскихъ резидентовъ предпочли поселиться внизу, въ долинѣ Дера, болѣе жаркой, правда, но зато гораздо лучше защищенной отъ вѣтровъ и дождей. Хорошенькій городокъ Дера, или Дехра, лежащій всего только на высотѣ 700 метровъ,— не англійскаго основанія; онъ возникъ въ семнадцатомъ столѣтіи, вокругъ храма, построеннаго однимъ сейхскимъ проповѣдникомъ, который приписывалъ себѣ способность умирать и воскресать по произволу. Храмъ этотъ существуетъ до сихъ поръ; высокій порталъ и эмальированный куполъ составляютъ главную красу этого замѣчательнѣйшаго зданія долины. Англійскій кварталъ, расположенный за чертой индусскаго города, обставленъ по бокамъ казармами, какъ всѣ другія мѣстопребыванія, выбранныя европейцами. Здѣсь же, въ Дерѣ, Остъ-индское тригонометрическое бюро установило свою главную квартиру, важнѣйшій центръ для изученія географіи Индустана и Гималайскихъ горъ.

Городъ Дера, хотя лежащій уже на покатости истеченія Ганга, находится въ очень близкомъ разстояніи отъ водораздѣльнаго хребта или порога долины дунъ, и воды, поворачивая мало-по-малу свои русла, такъ чтобы течь параллельно цѣпи Сиваликъ, спускаются между лѣсистыхъ холмовъ, съ одной стороны—къ Гангу, съ другой—къ Джамнѣ. Прекрасная долина съ двойнымъ скатомъ, совершенно отдѣленная отъ остальнаго Индустана цѣпью Сиваликъ и сообщающаяся съ равнинами лишь двумя «воротами» рѣкъ и брешами горъ, не могла не получить важнаго значенія въ индусской миѳологіи; эпопеи сдѣлали ее мѣстомъ убѣжища сыновей Панду; туда же Рама ходилъ на покаяніе; безчисленныя легенды связываютъ съ каждою горкой, съ каждымъ источникомъ, съ каждымъ лѣскомъ этой долины какое-нибудь воспоминаніе о богѣ змѣй, о Сивѣ, Индрѣ или другихъ божествахъ. Здѣсь же находится одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Индіи, свидѣтельствующій о святости этого края: это—большой эрратическій камень (кварцъ), лежащій на террасѣ, господствующей надъ правымъ берегомъ Джамны, недалеко отъ сліянія ея съ Тонсой. Эта знаменитая скала, извѣстная подъ названіемъ «камня Калси» (по имени одной сосѣдней деревни), носитъ на себѣ изображеніе слона и скрижали буддійскаго закона, начертанныя по повелѣнію императора Асоки, за 2150 лѣтъ до нашей эпохи. Очевидно, мѣсто, гдѣ Джамна, усиливаемая Тонсой, проникаетъ въ долину дунъ, считалось тогда рубежемъ Индіи. Брешь, гораздо болѣе доступная, черезъ которую Джамна окончательно вступаетъ въ равнину, пройдя передъ тѣмъ дуну и принявъ въ себя вытекающія изъ нея воды, кажется, далеко не имѣла такой важности, какъ священное мѣсто. Тамъ до сихъ поръ видны еще, на берегу рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ развѣтвляется вокругъ лѣсистыхъ островов, остатки Бадшахъ-Магала, загороднаго охотничьяго дворца Великаго Могола. Въ наши дни, какъ и во времена Акбара и Джехангира, сосѣднія горы служатъ убѣжищемъ слонамъ, тиграмъ, леопардамъ и другимъ животнымъ дикой фауны.

Сдѣлавшись однимъ изъ центровъ британскаго вліянія въ Индустанѣ, долина Дера-дунъ снова пріобрѣла, съ точки зрѣнія земледѣлія, ту важность, которую она утратила-было при господствѣ гуркасовъ; каналы, перерѣзывавшіе во всѣхъ направленіяхъ долину, были возстановлены или замѣнены другими, джунгли расчищены во второй разъ, и подъ сѣнью манговыхъ рощъ, вокругъ которыхъ тѣмъ временемъ успѣли уже разростись большіе пустынные лѣса, опять появились хижины. Въ краѣ были введены нѣкоторыя новыя культуры, между прочимъ, разведеніе чайнаго дерева, и переселенцы изъ всѣхъ сосѣднихъ провинцій, даже изъ Афганистана, стекаются на эти плантаціи. Съ 1815 года, эпохи изгнанія гуркасовъ, число жителей утроилось, и новые элементы прибавились къ прежнему населенію, браманскому и раджпутскому. Тамъ и сямъ встрѣчаются еще кое-какіе остатки племенъ мера и думъ, которыя, какъ полагаютъ, и были аборигенами страны. Мера боязливо держатся особнякомъ въ глуши лѣсовъ близъ Ганга, тогда какъ думъ, чернокожіе, съ курчавыми волосами [1]), были распространены во всѣхъ частяхъ долины, гдѣ они работали, какъ невольники. Изъ ненависти къ своимъ бывшимъ угнетателямъ, индусамъ, нѣкоторые изъ нихъ перешли въ магометанскую или въ христіанскую вѣру.

Верхній бассейнъ Ганга, болѣе обширный, чѣмъ бассейнъ Джамны, начинается на тибетской границѣ, на южномъ склонѣ Загималайской цѣпи; сѣверная вѣтвь, Бхагирати-ганга, получаетъ даже изъ Бодъ-юла (Тибета), черезъ страшныя Ниланскія ущелья, свой самый значительный притокъ, Джаневи. Потокъ, который считаютъ истинною Гангой, или Гангомъ, хотя онъ катитъ не наибольшее количество воды, вытекаетъ на высотѣ 4.206 метровъ изъ-подъ передней арки ледника, оканчивающагося потрескавшимися стѣнами, высотой около 100 метровъ (47 саженъ); это и есть тотъ «ротъ Коровы», о которомъ говорятъ легенды, но котораго, быть можетъ, ни одинъ изъ его обожателей не видѣлъ до тѣхъ поръ, пока Годгсонъ, въ 1817 году, и другіе европейскіе путешественники, взбираясь надъ пропастями, по глубокимъ снѣгамъ и обваламъ, не взошли на самый ледникъ истока священной рѣки; тамъ-

[1]) Carl von Hügel, „Kashmir und das Reich dar Seik".

[1]) Hunter, „Imperial Gazetteer of India".

то и находится первая ступень тропа Сивы, ибо пять большихъ горъ, которыя ограничиваютъ горизонтъ на сѣверо-востокѣ и на востокѣ, превознесены, въ индусской миѳологіи, надъ всѣми вершинами, какъ спеціальный престолъ Махадео, или «Великаго Бога». Съ этихъ горъ, называемыхъ Кайласъ или Рудру-Гималахъ, изъ которыхъ одна достигаетъ высоты 6.725 метровъ, спускаются снѣга въ громадный циркъ, высовывая въ каждую долину ледяной языкъ и груды обломковъ. На югѣ горы еще выше. Гора Кидарнатъ, или Махапантъ, вершина которой тоже посвящена богу Сивѣ, достигаетъ высоты 6.959 метровъ. Другая вершина, Тарласагаръ, или гора Моира, уединенная въ своемъ величіи, не уступаетъ по высотѣ предъидущимъ, и многія другія вершины этой цѣпи, огибаемой на западѣ рѣкой Бхагирати-ганга, превышаютъ 6.000 метровъ (почти 20.000 футовъ); три послѣднія вершины, окутанныя бѣлоснѣжнымъ покровомъ, получили названіе Триканта, или «Триглавая гора». Робертъ фонъ-Шлагинтвейтъ тщетно пытался перейти цѣпь Кидарнатъ, на югѣ отъ Ганготри; ледяное море, по которому онъ пустился, оказалось до такой степени изрѣзаннымъ широкими и глубокими трещинами, что не было никакой возможности продолжать путь.

Святое мѣсто Ганготри, въ верхней долинѣ рѣки Бхагирати-ганга, есть самый высокій пунктъ, гдѣ браманы, поклонники богини, могли поселиться, и хотя никакое пилигримство не считается болѣе достохвальнымъ и богоугоднымъ, однако, сюда всего рѣже ходятъ на богомолье; трудности и безпокойства путешествія останавливаютъ главную массу пилигримовъ на берегахъ священной рѣки, у менѣе возвышенныхъ святынь. Въ прежнее время вѣрующіе, отправлявшіеся въ эти святыя мѣста, несли знамя Ямы, «ведущее къ смерти», и называли сами себя анивартива, т. е. «людьми, которымъ не суждено вернуться» [1]). Въ послѣдней части дороги приходится пробираться дикими узкими проходами между горъ и влѣзать на вертикальныя стѣны при помощи шаткихъ лѣстницъ, сдѣланныхъ изъ кольевъ, вбитыхъ въ скалу надъ бѣгущимъ внизу потокомъ. Одна изъ этихъ лѣстницъ виситъ на перпердикулярной стѣнѣ утесовъ, при сліяніи двухъ рѣкъ Бхагирати и Джаневи, которыя обѣ текутъ въ страшныхъ ущельяхъ. Пилигримы, отправляющіеся къ святынѣ Ганготри, должны совершить свои первыя омовенія въ соединенныхъ водахъ этихъ двухъ горныхъ потоковъ; они получаютъ тутъ изъ рукъ брамана освященный хлѣбъ и бросаютъ въ струю теченія пучекъ травы, вѣроятно, символизирующій ихъ грѣхъ [2]). Ниже по теченію, каждый этапъ, каждый источникъ, каждый выступъ горы тоже представляетъ священное мѣсто, гдѣ вѣрующіе совершаютъ свои пріуготовительные обряды и церемоніи, прежде чѣмъ придти къ главному святилищу, къ храму на истокахъ Ганга.

Рѣка Алакнанда, хотя менѣе священная, нежели Бхагирати-ганга, въ мнѣніи индусовъ есть, однако, главная вѣтвь Ганга; она почти вдвое шире [1]), и горы, посылающія ей первыя ея воды, превосходятъ высотою горы Ганготри. Гора Иби-Гаминъ, съ снѣжныхъ боковъ которой льются направо и налѣво потоки, образующіе рѣку Алакнанда, вздымаетъ свой верхній куполъ на высоту 7.781 метра; изъ всѣхъ горъ Загималайской цѣпи это самая высокая, какая до сихъ поръ была измѣрена; ея тибетское имя, которое буквально значитъ «Великая мать снѣговъ», показываетъ, что жители Бодъ-юла не знаютъ ей равныхъ въ этой части страны. Индусскіе брамины посвятили ее одному изъ своихъ божествъ, какъ и всѣ другіе пики той мѣстности, и вообще даютъ ей имя Нанда-Парбатъ, «Гора богини Нанды», тогда какъ на большей части англійскихъ картъ она носитъ названіе Каметъ. На западной сторонѣ этой вершины, перевалъ Иби-Гаминъ, который братья Шлагинтвейты, Адольфъ и Робертъ, перешли въ 1856 году,—самая высокая изъ гималайскихъ брешей, переходимыхъ пастухами; высота его 6.236 метровъ. Даже наиболѣе посѣщаемые пороги этой области водораздѣла, на западѣ—перевалъ Мана, или Чирбиттіа-ла, на востокѣ—перевалъ Ниги, или Чинду, превосходятъ, каждый, на нѣсколько сотъ метровъ, высоту Монъ-Блана. Ботіи, племя тибетскаго происхожденія, хотя считающіе себя индусами и говорящіе обоими языками, индусскимъ и тибетскимъ,—единственные посредники между двумя скатами: лѣтомъ ихъ всегда встрѣтишь цѣлыми партіями на тропинкахъ переваловъ, гдѣ они гонятъ передъ собою навьюченныхъ барановъ. Общее число ботіевъ опредѣляютъ, приблизительно, въ 3.000 душъ.

Самый знаменитый и наиболѣе посѣщаемый храмъ во всей области горъ Гарваля и Кумаона—Бадринатская пагода, обогащаемая приношеніями пилигримовъ, которые каждый годъ являются туда десятками тысячъ. Черезъ каждыя двѣнадцать лѣтъ, когда планета Юпитеръ вступаетъ въ знакъ Водолея, къ этой святынѣ стекается отъ сорока до пятидесяти тысячъ правовѣрныхъ индусовъ, и окружающія ее пастбища, надъ которыми высится на западѣ величественная пирамида горы Бадринатъ, превращаются временно въ обширное ярмарочное поле. Игосиматъ или Джгосиматъ, Вишнупраягъ, на Алакнандѣ, и Кидарнатъ, на

---

[1]) Troyer, „Radjatarangini. Исторія Кашмирскихъ магараджей".

[2]) James Baillie Fraser, „Tour of the Himalah-Mountains"; Hodgson, „Survey", 1817; Carl Ritter, „Asien".

[1]) R. Strachey, „Journal of the Geographical Society of London", 1851.

притокѣ этой рѣки, — тоже святыя мѣста, куда приходитъ масса богомольцевъ, и гдѣ живутъ припѣваючи общины брамановъ, но гражданскаго населенія, сгруппированнаго

Симла.

въ значительныя городскія поселенія, въ краѣ почти нѣтъ. Единственный городъ, достойный этого званія, Сринагаръ, или «Городъ Солнца», носящій то же имя, какъ и столица Кашмира, находится недалеко отъ выхода долины рѣки Алакнанды; онъ не имѣетъ титула административнаго центра Гарвали, каковой титулъ присвоенъ деревнѣ Паори, лежащей на югѣ въ мѣстности съ болѣе свѣжимъ воздухомъ.

Мѣсто сліянія Бхагирати и Алакнанды, гдѣ двѣ соединившіяся рѣки принимаютъ общее имя Ганга, не могло, конечно, не сдѣлаться священнымъ въ глазахъ индусовъ, которые называютъ его «божественнымъ Сліяніемъ» или

Деопрейагъ, и воздвигнутый въ этомъ мѣстѣ храмъ привлекаетъ много богомольцевъ. Однако, самая знаменитая, наиболѣе посѣщаемая пилигримами, группа святынь находится ниже по теченію; это городъ Гардваръ, или Гаридвара, т. е. «ворота Вишну», иначе называемый также «Гара-двара», или «ворота Сивы», ибо сектаторы каждаго культа приписываютъ своему богу главную честь открытія «воротъ Ганга». Вѣроятно, впрочемъ, что храмы стояли уже въ ущельи гораздо ранѣе той эпохи, когда жители стали поклоняться Сивѣ и Вишну; многія изваянія, открытыя между развалинами Майапура, города, существовавшаго на этомъ мѣстѣ до Гардвара, и который былъ посѣщенъ буддійскимъ пилигримомъ Гіуенъ - Цангомъ, очевидно, относятся къ временамъ, предшествовавшимъ появленію нынѣшнихъ формъ индусскихъ религій. Въ этомъ мѣстѣ своего теченія «божественная Ганга» является уже вполнѣ сформированной рѣкой. По выходѣ изъ области горъ, въ небольшомъ разстояніи ниже слiянія, она прошла черезъ область дуновъ и приняла въ себя съ той и другой стороны ручьи, посылаемые ей боковыми долинами; чтобы войти въ равнину Индустана, ей остается только проникнуть въ брешь горъ, которая, впрочемъ, имѣетъ нѣсколько верстъ въ ширину, и гдѣ рѣка можетъ дѣлиться на извилистые рукава вокругъ лѣсистыхъ острововъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ долина расширяется въ формѣ воронки со стороны равнины, городъ раскинулъ свои храмы вдоль праваго берега Ганга, напротивъ другаго священнаго зданія, вѣнчающаго холмъ противоположнаго берега. На югъ тянется красивый кварталъ Кункуль, принадлежащій богатымъ негоціантамъ изъ всѣхъ частей Индіи. Обезьяны во множествѣ прыгаютъ и рѣзвятся на деревьяхъ садовъ.

Посѣщенія пилигримовъ начинаются въ половинѣ марта и продолжаются почти цѣлый мѣсяцъ. Первые англійскіе путешественники, Гардвикъ, Реперъ и другіе, исчисляли постоянно смѣняющуюся толпу въ храмахъ Гардвара въ два слишкомъ милліона человѣкъ, - число, которое Джонсонъ, въ 1827 году, находилъ еще ниже дѣйствительности; въ 1867 году лагерь пилигримовъ занималъ пространство въ 57 кв. километровъ. Это объясняется тѣмъ, что масса собирающагося здѣсь народа состоитъ не только изъ правовѣрныхъ, которые приходятъ за тѣмъ, чтобы поцѣловать слѣдъ ноги бога Вишну, выкупаться въ священномъ прудѣ или въ водахъ Ганга,—она заключаетъ въ себѣ также купцовъ всѣхъ расъ и кастъ, съѣзжающихся сюда торговать вокругъ храмовъ. Если только прежнія исчисленія не были лишены всякаго серьезнаго основанія, число пилигримовъ, какъ приходящихъ на богомолье, такъ и являющихся ради торговли, сильно убавилось противъ прежняго времени, хотя народонаселеніе Индіи постоянно возрастало. Устройство хорошихъ дорогъ и рельсовыхъ путей сосредоточило движеніе торговаго обмѣна въ большихъ городахъ, и религіозный жаръ ослабѣлъ; теперь рѣдко случается, чтобы число посѣтителей превышало 70.000; только въ праздникъ Водолея, повторяющійся черезъ двѣнадцать лѣтъ, число это бываетъ значительно больше. Вмѣшательство англійской полиціи, принимающей мѣры къ изолированію больныхъ во время эпидеміи, къ болѣе правильному размѣщенію лагерей пилигримовъ, къ поддержанію порядка среди многочисленной толпы у входовъ въ храмы, тоже не могло не повліять на уменьшеніе прилива правовѣрныхъ. Въ 1819 году напоръ массы народа, устремившейся къ мѣсту купанья, былъ такъ великъ, что 430 человѣкъ потонули въ священныхъ водахъ, затоптанные другими купающимися. Иногда возгоралась ожесточенныя побоища между соперничающими сектами; въ 1760 году восемнадцать тысячъ труповъ покрывали землю вокругъ святилищъ. Но, утративъ отчасти свою прежнюю важность, какъ духовный центръ, Гардваръ пріобрѣлъ первостепенное значеніе въ экономической жизни Индустана, въ поднятіи его земледѣльческой производительности: у этого города начинается большой ирригаціонный каналъ Доаба, отведенный, несмотря на оппозицію браманов, изъ священныхъ водъ Ганга.

Другая ганга беретъ начало въ горахъ Кумаона, лежащихъ на югъ отъ Алакнанды: это Рамъ-ганга, которая течетъ на протяженіи 660 километровъ и затѣмъ соединяется съ Гангомъ въ равнинѣ. Столица Кумаона, Альмора, лежитъ въ бассейнѣ этой рѣки, на горномъ хребтѣ, съ котораго открывается обширный видъ. Старинная крѣпость, часто выдерживавшая осады и переходившая изъ рукъ въ руки во время мѣстныхъ войнъ. Альмора сдѣлалась, благодаря высотѣ своего мѣстоположенія (1.650 метровъ) и свѣжести горнаго воздуха, однимъ изъ городовъ, которымъ англичане отдаютъ предпочтеніе за ихъ здоровый климатъ. Какъ санаторій, съ Альморой соперничаетъ новый городъ Ранихетъ, лежащій на 165 метровъ выше, на плоскогорьѣ, которое представляетъ строителямъ все, чего недостаетъ почти во всѣхъ другихъ городахъ Гималая: воду въ изобиліи, ровную почву и превосходные строительные матеріалы, камень и дерево. Предлагали замѣнить Симлу, какъ центръ расквартированія выздоравливающихъ солдатъ, Ранихетомъ, гдѣ воздухъ здоровѣе; многія основанныя здѣсь въ послѣднее время военныя учрежденія уже придаютъ этому городу значеніе крѣпости, надзирающей за границей Непала. Но большинство досужихъ людей, посѣщающихъ страну во время лѣтнихъ жаровъ, слѣдуютъ за аллахабадскимъ губернаторомъ, который избралъ дачной резиденціей болѣе возвышенный городъ,

Найни-таль (1.945 метровъ), получившій это названіе отъ озера, посвященнаго богинѣ Найни, той же самой, что и Парватти, индійская Венера. Въ 1815 году въ этомъ мѣстѣ стоялъ только одинъ храмъ, окруженный нѣсколькими лачугами; теперь тутъ выросъ прелестный городъ, развертывающій свои извилистыя улицы въ узкой равнинѣ, которая продолжаетъ озеро на сѣверо-западѣ; красивыя зданія возвышаются на всѣхъ мысахъ, и виллы и дачи разсѣяны въ обширномъ амфитеатрѣ зелени до самыхъ вершинъ горъ. Окружающая природа нигдѣ не представляетъ грандіознаго зрѣлища: самые высокіе изъ окрестныхъ гребней не превосходятъ 2.500 метровъ, но мало найдется на Гималаѣ мѣстоположеній, которыя бы болѣе походили на природу умѣренной Европы, что и составляетъ главную прелесть этого мѣста въ глазахъ англійскихъ резидентовъ Индіи. На юго-востокъ отъ Найни-таля многіе бассейны горы тоже наполнены маленькими озерами, или талями, и вытекающіе изъ этихъ озеръ ручьи всѣ впадаютъ въ рѣку Гола, близъ входа ея въ великую индійскую равнину. Но между этими прѣсноводными резервуарами нѣтъ ни одного значительнаго. Площадь главнаго изъ нихъ, Найни-таля, меньше двадцати десятинъ, а наибольшая глубина его не достигаетъ 30 метровъ (14 саженъ); Бимъ-таль, или «озеро Сивы», самое обширное послѣ Найни-таля, имѣетъ 1.200 метровъ въ длину, но оно уже озера Найни. Самое существованіе этихъ маленькихъ резервуаровъ есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій этой области Гималая, и геологи часто спорили между собою относительно способа ихъ образованія. Обвалы часты въ этой части Кумаона: въ 1880 году масса камней и глины, размытая глубокими источниками, отдѣлилась отъ восточныхъ холмовъ и засыпала часть города Найни-таль, при чемъ болѣе 180 человѣкъ были погребены подъ грудами обвалившейся земли.

Рѣка Кали, иначе Сарджу, Сарда или Гогра, одинъ изъ самыхъ обильныхъ потоковъ центральнаго Гималая, была взята, въ 1816 году, англичанами за границу ихъ имперіи съ Непаломъ. Такъ же, какъ Алакнанда, эта рѣка гангесской системы получаетъ свои первыя воды съ горъ Загималайской цѣпи, на тибетской границѣ, и каждый изъ ея верхнихъ притоковъ питается ледникомъ. «Богиня Нанда», или Нанда-деви, наиболѣе чтимая изъ всѣхъ мѣстныхъ божествъ Кумаона, властвуетъ надъ этою областью льдовъ и скалъ. Когда ботіямъ случается переходить черезъ опасный перевалъ въ виду этой царицы снѣговъ, которую они еще недавно считали—«высочайшей горой во всемъ свѣтѣ» [1]), они каждый разъ приносятъ ей въ жертву козъ, при чемъ строго наблюдаютъ, чтобы ни одинъ невѣрный не осквернилъ церемоніи жертвоприношенія своимъ нечестивымъ взоромъ; въ подобномъ случаѣ Адольфъ Шлагинтвейтъ долженъ былъ спрятаться за скалу [1]). Вершина Нанда-деви поднимается на 7.823 метра, и ближайшій къ границѣ горный проходъ, Кіунгаръ, имѣетъ не менѣе 5.280 метровъ высоты, т. е. на 470 метровъ болѣе, чѣмъ Монъ-Бланъ. Этимъ переваломъ очень часто пользуются, несмотря на трудность восхожденія по дикой долинѣ рѣки Гори-ганга и черезъ трещины Миламскаго ледника. Деревня того же имени (Миламъ), лежащая на высотѣ 3.429 метровъ, близъ конечной морены ледяного потока, бываетъ переполнена путешественниками во время короткаго періода торговаго движенія. Но съ октября мѣсяца она совершенно покидается жителями, такъ же, какъ Мартоли и другія селенія, лежащія ниже; все населеніе удаляется тогда въ нижнія долины. Знаменитый пандитъ Найнъ-сингъ, тотъ самый, который такъ много сдѣлалъ для изслѣдованія Загималайской цѣпи и плоскогорій Тибета, можно даже сказать, сдѣлалъ больше, чѣмъ всякій другой изъ новѣйшихъ путешественниковъ, былъ долгое время школьнымъ учителемъ въ Миламѣ.

Главные города засетледжскихъ государствъ, Гарваля и Кумаона, съ цифрой ихъ населенія, не считая временныхъ резидентовъ:

Симла (1891 г.) — 13.840 жит. (лѣтомъ—30.000 жит.); Массури и Ландуръ—8.000 жит.; Дера—7.320 жит.; Альмора—6.250 жит.; Найни-таль—6.000 жит.; Чакрата—1.250 жит.

Непалъ одна изъ «невѣдомыхъ земель» Индустана. Хотя король этой страны призналъ верховную власть британскаго правительства, какъ «сюзеренной державы», и хотя англійскій резидентъ имѣетъ право пребывать въ столицѣ края, подъ охраною сипаевъ, однако, доступъ въ предѣлы Непала строго воспрещенъ обыкновеннымъ путешественникамъ, равно какъ инженерамъ-топографамъ; если нѣкоторые изслѣдователи, именно одинъ изъ братьевъ Шлагинтвейтъ, Германъ, могли посѣтить непальскую столицу Катманду и осмотрѣть ея окрестности, то это удалось лишь послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ. Измѣренія колоссовъ Гималая, возвышающихся въ центрѣ Непала, пришлось по необходимости производить съ равнинъ Индіи, при помощи визированій, дѣлаемыхъ черезъ предгорья, и чтобы получить точные маршруты внутреннихъ областей, нужно было посылать индусскихъ пандитовъ, странствовавшихъ съ разными переодѣваніями, подъ видомъ купцовъ или монаховъ. Что касается исторіи языковъ и населеній Не-

[1]) Reg. Heber, „Journey through the upper provinces of India".

[1]) Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien"; Strachey, „Journal of the Geographical Society", 1851.

пала, то они могли быть лучше изучены, благодаря изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ англійскихъ резидентовъ, дипломатовъ или медиковъ, подолгу проживавшихъ въ Катманду.

Существованіе Непала, какъ особаго, отдѣльнаго отъ остальной Индіи государства, объясняется географическимъ положеніемъ этой страны. Нигдѣ нельзя лучше констатировать того факта, что такъ называемыя «естественныя дѣленія», проводимыя единственно по рѣчнымъ бассейнамъ, оказываются иногда чисто условными. Многія большія рѣки гангесской системы, Карнали, Гандакъ, Коси, перерѣзываютъ Непалъ съ сѣвера на югъ, отдѣленныя одна отъ другой высокими горами: даже самыя высокія вершины земнаго шара поднимаются между рѣками Ботія-Коси и Арунъ, впадающими въ одинъ и тотъ же притокъ Ганга, и, однако же, не предѣлы этихъ рѣчныхъ бассейновъ служатъ рубежами Непалу. Это царство, обширный прямоугольникъ, который тянется съ запада на востокъ на пространствѣ 700 слишкомъ километровъ, и котораго средняя ширина всего только около 125 километровъ, провело свои границы поперегъ долинъ этихъ рѣкъ. Тогда какъ верхняя часть рѣкъ принадлежитъ Китайской имперіи, нижнее теченіе ихъ находится въ Британской Индіи. На сѣверѣ, естественную границу Непала составляютъ обширныя пустынныя плоскогорья между Гималаемъ и Загималаемъ; на югѣ, болотистый лѣсъ пояса терай образуетъ барьеръ, этнологическій и политическій, между областью долинъ и областью равнины. Населеніе каждой долины Непала, заключенной между снѣгами горъ и болотами терая, стремится образовать отдѣльное политическое тѣло; завоеваніе сгруппировало ихъ въ одно государство, но не могло перейти за границы, начертанныя, такъ сказать, кривыми уровня. Разсматриваемый въ цѣломъ, Непалъ состоитъ изъ поясовъ растительности, расположенныхъ одинъ надъ другимъ по склонамъ центральнаго Гималая; климатъ, а не скатъ истеченія водъ обусловливаетъ его географическое единство. Войны, иноземныя нашествія, трактаты неоднократно и разнообразно видоизмѣняли политическія границы; таможни тибетской границы должны были много разъ выдвигать или отодвигать свои посты; точно также, отряды непальскихъ солдатъ могли, въ силу договоровъ съ Англіей, возводить новую бамбуковую изгородь и ставить каменные межевые столбы дальше отъ основанія горъ; но, несмотря на всѣ эти измѣненія окружности, географическій контрастъ съ его слѣдствіями въ жизни народовъ существуетъ по-прежнему. Въ началѣ настоящаго столѣтія прямоугольникъ Непала продолжался даже гораздо далѣе на западъ; онъ занялъ бы всю область гималайскихъ отлогостей, если бы слишкомъ большое протяженіе территоріи въ длину и проистекающая отъ того трудность сообщеній не уменьшали силу сцѣпленія всѣхъ частей цѣлаго. Такъ точно Италія, «единая» по формѣ своей территоріи и по языку своихъ народовъ, оставалась долгое время раздробленною на множество отрывковъ; въ подобныхъ же условіяхъ находится, напримѣръ, Чили, въ Южной Америкѣ, которое навѣрно распалось бы на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, если бы море не сближало его береговъ.

Извѣстно, что Непалъ есть страна, гдѣ выступы земной коры представляютъ наибольшій рельефъ, наибольшую выпуклость; между самыми низкими точками и самыми высокими вершинами этой области вертикальное разстояніе превышаетъ 8 километровъ; на снѣговыхъ куполахъ горныхъ колоссовъ воздухъ не имѣетъ даже половины тяжести атмосферы, омывающей нижнія поля и равнины. Подобно Западному Гималаю, непальскія горы отдѣлены отъ равнины первою грядой высотъ, состоящихъ изъ третичныхъ горныхъ породъ, какъ и Сивалика, котораго онѣ составляютъ продолженіе. Эта подгималайская цѣпь, перерѣзанная въ разныхъ точкахъ своего протяженія горными потоками, носитъ названіе Черріагати. На сѣверѣ, по другую сторону продольнаго пониженія, образуемаго дунами или мари, высятся переднія горы Гималая въ собственномъ смыслѣ, поднимаясь постепенно отъ хребта къ хребту до самыхъ верхнихъ массивовъ.

Въ Западномъ Непалѣ высится, почти уединенно, надъ глубокою долиной одной изъ «семи» рѣкъ Гандакъ, массивъ Нараяны, или «Сына Человѣческаго», т. е. Вишну; надъ этою группой господствуетъ вершина Давала-гири (Даоло-гири), или «Бѣлая гора», которую долгое время, почти въ продолженіе полустолѣтія, считали высочайшимъ пикомъ земнаго шара; на востокѣ, горы Моршіади, Бараторъ, Ясса соперничаютъ высотою и величественнымъ видомъ съ непальскимъ Монъ-Бланомъ. Массивъ Госаинтанъ, или Киронгъ, самыя горделивыя вершины котораго—Деорали и Даябангъ, на 1.000 метровъ ниже Давалагири, но его чтутъ больше, безъ сомнѣнія, потому что онъ находится ближе къ цивилизованнымъ населеніямъ. Изъ разсѣлинъ его скалъ бьютъ три священныхъ каскада, образующіе озеро Нильхіатъ, т. е. озеро «бога съ синею шеей»; это резервуаръ, откуда вытекаетъ рѣка Трисуль-ганга, получившая это названіе отъ трезубца Сивы, который извелъ ее изъ скалы [1]). Отнынѣ первое мѣсто по высотѣ принадлежитъ Гауризанкару, иначе Чингопамари, величественной горѣ Восточнаго Непала, посвященной божественной четѣ: Сивѣ, богу Силы, и Парватти, богинѣ Красоты. Кинчинджинга, окруженная пятью обширными снѣговыми полями, отъ которыхъ

---

[1]) Oldfield, „Sketches from Nipal".

она и получила свое имя, означающее «Пять блистающихъ ледниковъ», тоже принадлежитъ Непалу; она возвышается между этимъ государствомъ и Сиккимомъ, у сѣверной оконечности поперечной цѣпи Сингалила. Многіе другіе пики страны, не считая предгорій главныхъ вершинъ, переходятъ въ высоту за 7.000 метровъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Загималайская цѣпь, которая образуетъ водораздѣльный хребетъ между бассейномъ Цангбо и бассейномъ Ганга, но которая находится на китайской территоріи въ большей части своего протяженія, увѣнчана пиками, соперничающими съ колоссами Гималая, или почти неуступающими имъ высотою. Пандитъ, который обошелъ вокругъ всего массива Гауризанкаръ, въ 1871 г., но не могъ, однако, разглядѣть этой горы, скрывавшейся отъ него за другими вершинами, говоритъ, что все время видѣлъ на сѣверѣ очень высокія вершины, которыя показались ему нисколько не ниже колоссовъ Гималая въ собственномъ смыслѣ. Изъ всѣхъ горъ этой области та, которая показалась ему самою высокою, принадлежитъ Загималайской цѣпи; она господствуетъ надъ обширнымъ пространствомъ, на сѣверо-востокѣ большой равнины, называемой Дингри-Майданъ, или «Площадь Дингри» (Тингри) [1].

Понятно, что при такихъ крайне рѣзкихъ различіяхъ рельефа страны сообщенія между долинами и плоскогорьемъ, равно какъ изъ одной долины въ другую, должны быть весьма затруднительны. Большинство рѣкъ, спускающихся изъ Тибета, проходитъ черезъ переднюю стѣну Гималая ущельями дотого глубокими и съ боками до такой степени крутыми, что путешественникамъ невозможно пускаться въ эти страшныя тѣснины. Продолжать путь въ тѣхъ мѣстахъ можно не иначе, какъ взбираясь на сосѣдніе отроги черезъ цѣлый рядъ переваловъ, возвышающихся слишкомъ на 4.000 метровъ. Есть даже въ этой цѣпи совершенно неприступныя бреши, которыя нужно обходить съ правой или лѣвой стороны, дѣлая крюкъ верстъ въ 50. Въ другихъ мѣстахъ тропинки проложены въ самыхъ ущельяхъ, но такъ проложены, что воспользоваться ими не отваживается ни одинъ путешественникъ, кромѣ горцевъ. Ниже Чоксама, гдѣ черезъ могучую рѣку Ботія-Коси перекинутъ мостикъ меньше десяти саженъ длиною, тропинка состоитъ изъ 775 каменныхъ ступенекъ, шириною отъ 15 до 45 сантиметровъ, положенныхъ на желѣзные бруски, вбитые въ скалу; потокъ реветъ на глубинѣ 450 метровъ (210 саженъ) подъ этою лѣстницей, висящею въ пустотѣ. Рѣдко бываетъ, чтобы овцы или козы отваживались послѣдовать за человѣкомъ по этимъ опаснымъ ступенямъ.

Изъ проломовъ, которыми торговцы могутъ пользоваться, чтобы попасть съ одного склона на другой, только немногіе открыты торговлѣ строгими агентами тибетскаго таможеннаго вѣдомства, тѣмъ болѣе подозрительными, что проходъ черезъ границу какого-нибудь лазутчика или миссіонера былъ бы вмѣненъ имъ въ уголовное преступленіе. На западной оконечности королевства перевалъ Ніало, или Такла-харъ—одинъ изъ самыхъ важныхъ, потому что черезъ него можно добраться до береговъ озера Мансарауръ и водораздѣльнаго порога между рѣками Сетледжъ и Цангбо; тамъ находится та область, священная по преимуществу, гдѣ, по сказанію легенды, таинственные звѣри, скрывавшіеся въ пещерахъ Кайласа, изрыгали четыре рѣки Индіи; по крайней мѣрѣ Сетледжъ, Цангбо, Карнали, всѣ три берутъ начало вокругъ массива Гурла-Мандгата, а Индъ вытекаетъ въ небольшомъ разстояніи на сѣверъ отъ Кайласа. Перевалъ Поту, откуда путешественники, поднявшись по долинѣ рѣки Кали-Гандакъ до самаго истока, направляются къ Тадамскому монастырю и этапу,—тоже одинъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ горныхъ проходовъ Непала. Далѣе на востокъ перевалъ Нола, высота котораго около 5.000 метровъ, представляетъ болѣе трудный проходъ. Лучшая дорога, царская, такъ сказать,—это та, которая поднимается изъ Катманду къ сѣверу долиной р. Трисуль, самой восточной въ бассейнѣ Гандакъ, и пройдя черезъ Джонка-джонгъ, вступаетъ на востокѣ въ пониженіе, занятое частью большимъ тибетскимъ озеромъ Пальгу; но до сихъ поръ еще ни одному изъ пандитовъ, которые были посылаемы на развѣдки остъ-индскими офицерами-геодезистами, не удалось пробраться на эту дорогу, наименѣе трудную изъ всѣхъ тамошнихъ путей сообщенія; она предоставлена въ исключительное пользованіе важныхъ особъ, за которыми, когда они отправляются въ путь, слѣдуютъ навьюченныя лошади. Въ 1792 году китайцы спустились черезъ эту брешь внутрь Непала. Обыкновенные купцы проходятъ переваломъ Тунгъ-ла, (иначе Кути или Ниламъ-джонгъ), къ которому они поднимаются по страшнымъ ущельямъ рѣки Ботія-Коси. Наконецъ, въ восточной части Непала тоже есть нѣсколько переваловъ, какъ-то: Гатіа, Типта-ла, Нила-ла, Тинки-ла, Данго-ла, которые позволяютъ переходить черезъ различные хребты, отдѣляющіе покатость Ганга отъ покатости Цангбо.

Высота главныхъ горъ и наиболѣе посѣщаемыхъ горныхъ проходовъ центральнаго Гималая:

Симла, городъ—2.160 метр.; Джамнотри—6.250 метр.; Кидарнатъ — 6.950 метр.; Кайласъ—6.700 метр.; Иби-Гаминъ—7.780 метр.; Бадринатъ — 7.074 метр.; Масури, городъ — 2.267 метр.; Нанда-деви—7.823 метр.; Гурла-

[1] Montgomerie, „Journal of the Geographical Society of London“, vol. XLV, 1875.

Мандгата — 7.686 метр.; перевалъ Ніало— 4 500 метр.; Апи — 6.907 метр.; Альмора— 1.650 метр.; Найни-таль—1.945 метр.; Джумла, городъ—2.444 метр.; Поту-ла—4.599 метр.; Но-ла – 5.000 метр.; Давалагири—8.180 метр.; Моршіади – 7.557 метр.; Тунгъ-ла—4.526 метр.; Дайябангъ — 7.247 метр.; Чамлангъ — 6.771 метр.; Катманду, городъ—1.327 метр.; Кинчинджинга — 8.483 метр.; Гауризанкаръ (Эверестъ)—8.845 метр.

Изъ всѣхъ проточныхъ водъ, пересѣкающихъ Непалъ, потокъ Арунъ (Аранъ), главная вѣтвь рѣки Саптъ-Косики, или «Семь Коси», имѣетъ самый значительный бассейнъ и принимаетъ въ себя наибольшее число ледниковыхъ ручьевъ. Онъ образовался изъ двухъ порядочныхъ рѣкъ, которыя берутъ свое начало въ пониженіи между Гималаемъ и Загималаемъ и текутъ на встрѣчу одна другой. На пространствѣ, по меньшей мѣрѣ, 200 километровъ, продольная долина, раздѣляющая два главные хребта гималайской системы, служитъ русломъ этимъ текучимъ водамъ, извѣстнымъ подъ именемъ Дингри-чу и Тинки-джонгъ. Главная рѣка, соединяющая ихъ въ своемъ теченіи и получающая воды отъ таянія снѣга на двухъ главныхъ колоссахъ, Гауризанкарѣ и Кинчинджингѣ, низвергается въ глубокія ущелья, на 6.000 метровъ (около пяти съ половиною верстъ) ниже горныхъ громадъ, которыя высятся надъ нею справа и слѣва; затѣмъ, прежде чѣмъ выйти изъ предѣловъ Непала, смѣшиваетъ свои воды съ водами рѣкъ Коси и Тамру, или Тамбуръ. Нѣкогда эти горные потоки изливались въ большое озеро, параллельное Гималаю и цѣпи предгорій, но выходившій изъ этого бассейна истокъ давно уже вырылъ себѣ русло и размылъ на широкихъ пространствахъ скалы изъ песчаника и конгломератовъ, задерживавшія его теченіе. По всей вѣроятности, это исчезновеніе озера Семи Коси (Саптъ-Косики) случилось задолго до исторической эпохи, хотя индусскія легенды разсказываютъ о его высыханіи. Также точно рѣки Саптъ-Гандаки, или «Семь Гандакъ», наполняли обширный резервуаръ, прежде чѣмъ пробить внѣшнюю цѣпь горъ. При видѣ этого бассейна и многочисленныхъ другихъ таровъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ долинахъ рѣкъ Непала, невозможно не признать сразу ихъ озернаго происхожденія. Но почти всѣ резервуары были опорожнены напоромъ водъ; за исключеніемъ озеръ Пакра, находящихся въ бассейнѣ Света-Гандакъ, остались лишь пруды, да кое-гдѣ въ сосѣдствѣ пояса терай болотистыя пространства [1]). До выхода изъ области горъ паденіе потоковъ очень сильно, вслѣдствіе чего въ этой части теченія судоходство совершенно неудобно. Прибрежные жители пользуются ими только для орошенія полей и садовъ и для сплава лѣса.

[1]) H. von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien;“ Oldfield, „Sketches from Nipal“.

Населеніе Непала распредѣлено неравномѣрно, полосами; очень рѣдкое въ возвышенныхъ долинахъ, сосѣднихъ съ границей, постепенно возрастающее по направленію съ сѣвера на югъ, оно вдругъ уменьшается при приближеніи къ поясу терай. Стѣсненные въ своей гористой странѣ, жители, располагая малымъ количествомъ удобныхъ для культуры земель, не ограничиваются обработкой ровныхъ пространствъ, представляемыхъ бывшими ложами высохшихъ озерныхъ бассейновъ, или таровъ, и пологихъ покатостей, окаймляющихъ долины,—они умѣютъ также строить искусственныя террасы на слишкомъ наклонныхъ скатахъ; подобно тому, какъ горы на рѣкѣ Ардешъ (во Франціи), предгорья ломбардскихъ Альпъ и холмы по берегамъ Рейна, крутые склоны средняго Непала преобразованы въ рядъ уступовъ, въ гигантскія лѣстницы, каждая ступень которыхъ представляетъ поле, засѣянное хлѣбными злаками. На пологихъ косогорахъ и на ровной почвѣ долинъ фруктовыя деревья растутъ густыми чащами, окружая селенія своею зеленью и наполняя воздухъ благоуханіемъ. Выше, лѣса, состоящіе, главнымъ образомъ, изъ хвойныхъ деревъ, занимаютъ всю среднюю область горъ. Англичане легко могли бы найти въ Непалѣ сотни мѣстоположеній, благопріятныхъ для постройки лѣтнихъ городовъ, въ родѣ тѣхъ, какіе они основали въ Гарвалѣ и Кумаонѣ; однако, непальскія санаторіи имѣли бы то неудобство, что онѣ были бы отдѣлены отъ равнинъ Ганга чрезвычайно опасною въ санитарномъ отношеніи областью терая, гдѣ лихорадки сильно истребляютъ населеніе, и гдѣ тысячи людей поражены зобомъ. Жители горныхъ мѣстностей тоже страдаютъ этою болѣзнью. Причину ея Гукеръ приписываетъ общераспространенной въ краѣ привычкѣ поддерживать ношу при помощи ремней, повязанныхъ на лбу, и такимъ образомъ переносящихъ усиліе на мускулы шеи. Вьючныя овцы и козы, у которыхъ вьюки тоже частью поддерживаются ремнемъ, обвязаннымъ вокругъ шеи, также имѣютъ зобъ [1]).

Разнообразіе расъ еще весьма велико въ Непалѣ, благодаря тому обстоятельству, что семьи, живущія въ долинахъ, сохраняются въ первоначальной чистотѣ отъ всякой примѣси иноплеменной крови, развѣ только во времена воинственныхъ набѣговъ; нигдѣ, исключая приморскихъ портовъ, не увидишь такъ много представителей различныхъ народностей, какъ въ городахъ Непала. На западѣ Гандака преобладающею расой являются индійскіе «арійцы». Такъ же, какъ въ Кумаонѣ, раджпутскіе завоева-

[1]) Hooker, „Journal of the Asiatic Society“, may 1846.

тели овладѣли страной,—около одиннадцатаго столѣтія, говорятъ преданія,—а по ихъ слѣдамъ пришли переселенцы съ юга, преимущественно браманы, бѣжавшіе отъ мусульманскаго фанатизма и постепенно видоизмѣнявшіе первоначальное населеніе; они не дали покорить себя магометанамъ, такъ что непальцы — единственные жители Индіи, государство которыхъ не было основано поборниками ислама. Обитатели Западнаго Непала носятъ индусскія имена и говорятъ нарѣчіями, происходящими отъ общаго санскритскаго корня; въ то же время они причисляютъ себя къ двумъ высшимъ кастамъ—браманамъ и кшатріямъ. Въ дѣйствительности, раса въ этой странѣ очень смѣшанная, и у многихъ изъ непальскихъ раджпутовъ черты лица чисто тибетскія; вѣрнѣе было бы помѣстить ихъ между ботіями, въ касту побѣжденныхъ, чѣмъ признать въ нихъ представителей побѣдившей расы; но они тѣмъ упорнѣе претендуютъ на чистокровность своей расы, что, въ противномъ случаѣ, несмѣшанныя индусскія касты могли бы сторониться отъ нихъ, какъ отъ недостойныхъ. Тогда какъ въ собственной Индіи дѣти принимаютъ касту матери, въ Непалѣ они принадлежатъ къ сословію отца; этимъ и объясняется существованіе такого многочисленнаго населенія брамановъ и кшатріевъ въ долинахъ Карнали и семи рѣкъ Гандакъ [1]).

Языкъ, которымъ говоритъ огромное большинство парбаттіевъ, или «горцевъ», жителей Западнаго Непала, называется, по имени ихъ, парбаттія; его называютъ также хасъ, по имени воинственнаго племени, которое его употребляетъ. Даже на востокѣ отъ рѣки Кали до рѣки Трисули (Трисуль-ганга), онъ такъ же распространенъ, какъ діалекты тибетскаго происхожденія; сдѣлавшись идіомомъ властителей страны, онъ, благодаря господствующей роли говорящихъ имъ, пріобрѣлъ исключительное вліяніе. Это, впрочемъ, языкъ ясный, сильный, краткій, вполнѣ приличествующій воинственному народу, но имѣющій очень бѣдную литературу. Совершенно «арійскій» по грамматическому строю, парбаттія заключаетъ въ себѣ еще пятую часть словъ, принадлежащихъ нарѣчіямъ аборигеновъ; въ отношеніи языка, какъ и въ отношеніи расы, тибетскіе элементы индіанизировались [2]).

Хасы, — которыхъ чаще называютъ гурками, или гуркасами, но совершенно ошибочно, ибо имя это примѣняется къ жителямъ всякой расы, которые населяютъ округъ, лежащій вокругъ города Гурка [3]) —не допускаютъ никакихъ сомнѣній относительно ихъ индусскаго происхожденія и принадлежности къ кастѣ кшатріевъ; но есть другія военныя племена, которыя, называя себя индусами, гораздо лучше сохранили свои преданія и нравы: это—магары, или магіары, и гурунги, живущіе на сѣверѣ отъ Гурки, въ различныхъ долинахъ, орошаемыхъ притоками рѣки Трисуль-ганга. Со своими господами они говорятъ нарѣчіемъ хасъ, но между собою всегда употребляютъ собственный языкъ тибетскаго корня; точно также, если они и соблюдаютъ нѣкоторыя браманскія обрядности, то дѣлаютъ это совсѣмъ не по усердію. Вмѣстѣ съ хасами изъ Гурки, магары, гурунги и лимбу изъ восточныхъ округовъ составляютъ почти всю вооруженную силу Непала; но этого недостаточно для ихъ военныхъ инстинктовъ: подобно швейцарцамъ былыхъ временъ, они уходятъ въ чужіе края служить въ качествѣ наемниковъ. Эти непальцы, извѣстные подъ общимъ именемъ «гуркасовъ», очень многочисленны въ индо-британской арміи, гдѣ ихъ очень цѣнятъ за ихъ храбрость, выносливость, ловкость и быстроту. Истые воины, они питаютъ глубочайшее презрѣніе къ сборищу мадхезіевъ, т. е. жителей равнины, и съ радостью перебили бы мятежниковъ. Легко пріучаемые къ дисциплинѣ, они, быть можетъ, были бы не менѣе опасны противъ ихъ собственнаго отечества, если бы когда-нибудь вспыхнула война между Англо-индійскою имперіею и Непаломъ.

Лимбу, киранти, яха, живущіе, въ числѣ около 250.000 душъ, въ долинахъ Восточнаго Непала, на границахъ Сиккима, представляютъ, можетъ быть, коларійскія племена въ Гималайскихъ горахъ, ибо по наружному виду, нравамъ, обычаямъ, кое-какимъ слѣдамъ религіозныхъ вѣрованій и нѣкоторымъ особенностямъ языка они близко подходятъ къ племени коль, живущему въ Чота-Нагпурѣ и Ориссѣ [1]). Другія племена центральной и восточной полосы государства сохранили еще чисто тибетскій типъ по чертамъ лица, нравамъ, нарѣчіямъ, религіи. Почти всѣ жители этой части страны имѣютъ гораздо болѣе бѣлый цвѣтъ кожи, чѣмъ индусы; голова и лицо у нихъ шире; глаза сближены и немного скошены, носъ сдавленный при основаніи, широкій на концѣ, съ большими круглыми ноздрями; они малорослы, но сильны и коренасты. Въ нихъ нѣтъ той живости ума и характера, которою отличается индусъ, но нѣтъ также и его хитрости; вообще нравъ у нихъ кроткій и веселый. Они дѣлятся не на касты, какъ переселенцы съ равнины, а на племена, которыя, будучи сходны между собою нравами и образомъ жизни, пастушескимъ или земледѣльческимъ, отличаются одно отъ другаго нарѣчіями, мѣстными обычаями, преданіями и никогда не смѣшиваются черезъ браки. Гогдсонъ насчитываетъ въ Непалѣ не менѣе двѣнадцати тибетскихъ діалектовъ или

[1]) Hermann v. Schlagintweit, цитированное сочиненіе.
[2]) Brian H. Hogdson, „Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet“.
[3]) Oldfield, „Sketches from Nipal“.

[1]) Hogdson; Dalton, „Ethnology of Bengal“.

говоровъ, изъ которыхъ каждый употребляется только однимъ племенемъ, совершенно ясно отличающимся отъ другихъ племенъ. Ремесленниковъ между этими восточными непальцами очень мало: ремесленныя корпораціи представлены группами илотовъ, которые наружнымъ видомъ нисколько не отличаются отъ своихъ господъ, но къ которымъ послѣдніе относятся съ глубокимъ презрѣніемъ: гончары, корзинщики, плотники, каменщики, кузнецы, ювелиры, портные, стиральщики бѣлья, цирульники, музыканты—всѣ эти ремесленники, необходимые общинѣ, живутъ, тѣмъ не менѣе, внѣ ея, что, повидимому, указываетъ на первоначальное различіе расы. Рабство въ собственномъ смыслѣ тоже существуетъ въ Непалѣ: отецъ можетъ продать своихъ дѣтей въ неволю и такимъ образомъ лишить ихъ національности и сословныхъ правъ и преимуществъ.

Между непальскими племенами тибетскаго происхожденія самое цивилизованное — невары, живущіе въ равнинѣ Катманду, на берегахъ Багмати, между бассейнами рѣкъ Трисульганга и Коси. Ихъ языкъ, невари, есть единственный въ Непалѣ тибетскій діалектъ, имѣющій собственную письменность и литературу, въ которой, впрочемъ, замѣтно очень сильное вліяніе санскритскихъ образцовъ. Это племя гораздо лучше, чѣмъ хасы и гурки, представляетъ національный элементъ между двумя противоположными силами, дѣйствующими одновременно на страну. Съ одной стороны, индійскіе нравы и политика, съ другой—тибетскіе равно стремятся овладѣть Непаломъ. На югѣ и на западѣ индусы взяли верхъ; на сѣверѣ же и на востокѣ Китайская имперія получила перевѣсъ надъ Индіей, и гималайскія племена Непала соединяются съ племенами Бодъюла нечувствительными переходами. Но невары, занимающіе центральную часть страны и на территоріи которыхъ находится столица государства, сохранили нѣкоторую оригинальность, не позволяющую смѣшивать ихъ ни съ индусами, ни съ тибетцами. Говорятъ, у нихъ сохранились даже кое-какіе остатки древняго матріархата; по словамъ Кильпатрика [1]), неварскія женщины имѣютъ право брать себѣ сколько угодно мужей и прогонять ихъ подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ. Начиная со втораго столѣтія христіанской эры, многіе ревностные буддисты, спасаясь отъ преслѣдованія брамановъ, приходили искать убѣжища у неваровъ и, взамѣнъ оказаннаго имъ гостепріимства, приносили этимъ послѣднимъ свои книги и вообще знаніе искусствъ и наукъ Индустана; нѣкоторыя драгоцѣнныя сочиненія той эпохи, которыя были извѣстны только по имени, отысканы Гогдсономъ въ книгохранилищахъ Непала. Благодаря этимъ наставникамъ, пришедшимъ изъ Индіи, цивилизація неваровъ развивалась мало-по-малу; но они не забывали своего роднаго языка и ограничивались введеніемъ въ него «арійскихъ» терминовъ, соотвѣтствовавшихъ новымъ для нихъ понятіямъ и предметамъ. Подобно тому, и религія, преподанная имъ этими выходцами, видоизмѣнилась мало-по-малу. Около двухъ третей неваровъ еще буддисты, по крайней мѣрѣ по имени; но въ то время, какъ сосѣднія племена, на сѣверѣ и на востокѣ, имѣютъ ламъ, какъ тибетцы, и придерживаются шаманства, у непальцевъ въ собственномъ смыслѣ нѣтъ никакихъ монастырей, и ихъ обрядности приближаются къ обрядностямъ индусскихъ культовъ; въ ихъ храмы вошли браманскіе боги и символы. Древніе монастыри существуютъ, но они давно уже обращены на пользу ремесленныхъ корпорацій. Невары-буддисты приняли даже кастовый порядокъ; ихъ жрецы, званіе которыхъ сдѣлалось наслѣдственнымъ, принадлежатъ къ сословію банровъ, соотвѣтствующему кастѣ брамановъ; у нихъ есть также касты купцовъ и ремесленниковъ; но, исповѣдуя религію существенно миролюбивую, они не имѣютъ касты кшатріевъ, или воиновъ. Когда возникаетъ между буддистами какой-либо споръ, относящійся къ кастамъ, они обращаются за разрѣшеніемъ къ раджъ-гуру, великому жрецу брамановъ, какъ къ своему духовному главѣ; они не состоятъ ни въ какой зависимости отъ тибетскаго далай-ламы. Буддизмъ вымираетъ въ Непалѣ, и «лѣтъ черезъ сто,— говоритъ Ольдфильдъ,—онъ, вѣроятно, исчезнетъ изъ долины Катманду, какъ исчезъ изъ Индустана». Архитектура двухъ тысячъ храмовъ или святилищъ, воздвигнутыхъ въ этой долинѣ, свидѣтельствуетъ о борьбѣ между вліяніями сѣвера и юга, и смѣшеніе двухъ стилей совершилось тамъ съ нѣкоторою оригинальностью: первоначальныя украшенія, изваянныя или вырѣзанныя индусскими художниками, очень напоминаютъ орнаменты, которые мы видимъ въ пагодахъ на берегахъ Ганга, но употребленіе дерева въ постройкѣ, выступъ верхнихъ ярусовъ, надставка крышъ—все это несомнѣнныя черты китайской архитектуры.

Если есть въ Непалѣ племена, сдѣлавшія успѣхи въ цивилизаціи, то есть и другія, которыя, бывъ оттѣснены въ лѣса и въ возвышенныя долины иноземными нашествіями, снова впали въ дикое состояніе. По словамъ Гогдсона, чепанги и кусунда, живущіе въ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ на западъ отъ Катманду, принадлежатъ къ числу этихъ племенъ, нѣкогда стоявшихъ на извѣстной степени образованности, но низведенныхъ завоеваніемъ опять въ состояніе варварства. По крайней мѣрѣ они сохранили свою независимость; они не обработываютъ землю въ пользу господина, не служатъ въ войскахъ, не платятъ

[1]) „An account of the Kingdom of Nepaul“.

никакихъ податей. Чепанги, маджи, кумбары питаются дикими ягодами и добычей охоты, но ихъ раздутый животъ и сухопарое тѣло свидѣтельствуютъ о недостаточности и грубости ихъ пищи; жилищемъ имъ служатъ шалаши, сплетенные изъ древесныхъ вѣтвей. Нѣкоторые другіе народцы, менѣе дикіе, тоже живутъ особнякомъ, совершенно въ сторонѣ отъ другихъ непальцевъ, благодаря поясу болотъ, который защищаетъ ихъ отъ захватовъ со стороны ихъ сосѣдей; это обитатели жаркихъ низменныхъ долинъ и терая. Эта область, по климату смертоносная для всѣхъ другихъ индусовъ или тибетцевъ, нисколько не опасна для этихъ туземцевъ; оттого имъ часто даютъ прозвище ауліа (лихорадочные), потому что они не боятся ауаля, или маларіи (болотной лихорадки). Уже въ теченіе несчетнаго числа поколѣній они живутъ на этихъ сырыхъ, болотистыхъ земляхъ, гдѣ они сѣютъ хлѣбъ въ лѣсныхъ прогалинахъ и занимаются разными другими промыслами, между прочимъ, охотой на слона; но это огромное животное становится рѣдкимъ [1]); еще недавно дворъ непальскаго короля требовалъ ихъ по пятисотъ головъ ежегодно, но теперь этотъ налогъ, или ясакъ уже не можетъ быть уплачиваемъ въ такомъ количествѣ.

Прежде племена нижняго Непала говорили разными нарѣчіями; въ настоящее время они употребляютъ одинъ общій языкъ, именно хасъ, и называютъ себя индусами, хотя и не придерживаются браманскихъ обрядностей. У денваровъ обязанности жреца въ каждомъ семействѣ исполняють зятья и сыновья сестры. Во многихъ отношеніяхъ эти народцы непальскаго терая, кажется, составляютъ этнологическій переходъ между коларійскими народностями центральной Индіи и гималайскими тибетцами [1]). Въ ближайшемъ къ англійскимъ владѣніямъ поясѣ терая преобладающими колоніями являются поселенія племенъ тару и мечъ; представители послѣдняго сами себя называютъ бодо или боро и, безъ сомнѣнія, стоятъ въ близкой родственной связи съ націей бодовъ или качаровъ-кочевниковъ, разсѣянныхъ по всей сѣверо-восточной Индіи до границъ Барманіи [2]). Они быстро индіанизируются вездѣ,

Катманду.—Двери Ганумана во дворцѣ раджи.

[1]) Oldfield, цитированное сочиненіе.

[1]) Brian H. Hogdson, цитированное сочиненіе.
[2]) Dalton, „Ethnology of Bengal“.

гдѣ находятся въ соприкосновенiи съ индусами, и придерживаются культа Сивы, примѣшивая, однако, къ нему свои собственныя суевѣрiя. Они продаютъ своихъ дочерей въ замужество своимъ сосѣдямъ и этимъ способомъ обогащаются, такъ какъ женщины изъ племени мечъ слывутъ красавицами.

Катманду, главный городъ долины, давшей свое имя всему Непалу, и столица королевства, лежитъ на высотѣ 1.327 метровъ надъ уровнемъ моря, при слiянiи двухъ рѣкъ, Вишнумати и Багмати, соединенныя воды которыхъ спускаются прямо на югъ къ равнинамъ Индустана. Очень неправильно расположенный вдоль высокихъ обрывистыхъ береговъ, этотъ городъ имѣетъ форму «меча Божiя», какъ говорятъ туземцы. Извилистыя улицы въ иныхъ мѣстахъ загромождены грудами обломковъ и мусора, и большая часть домовъ, построенныхъ изъ краснаго кирпича, кажутся настоящими вертепами; многiе вытянулись въ два или три этажа, но настоящей лѣстницы у нихъ нѣтъ, а есть только приставныя лѣсенки, сообщающiяся посредствомъ траповъ, или опускныхъ дверей. Королевскiй дворецъ состоитъ изъ группы разбросанныхъ въ безпорядкѣ низенькихъ зданiй, съ портиками, испещренными причудливыми изваянiями. Вездѣ бросаются въ глаза пагоды, высоко вздымающiя свои куполы, башенки, колокольни, пирамиды или кровли, покрытыя блестящею черепицей или позолоченною бронзой и увѣшанныя на углахъ, какъ китайскiя кумирни, колокольчиками, звонящими при малѣйшемъ дуновенiи вѣтра. Когда смотришь издали, многiе кварталы кажутся одною обширною пагодой; повсюду открываются маленькiя святилища, забрызганныя кровью приносимыхъ въ жертву животныхъ, пѣтуховъ или утокъ, козъ или буйволовъ; тамъ и сямъ стоятъ монолиты, поддерживающiе статуи государей или боговъ, защищаемыхъ бронзовымъ змѣемъ съ угрожающею головой. Верстахъ въ пяти къ востоку отъ города находится Баднатъ, самый обширный буддiйскiй храмъ Непала,—громадный куполъ въ формѣ ступы, увѣнчанный башней, на которой нарисована фигура бога, и пирамидой со ступеньками, оканчивающейся чѣмъ-то въ родѣ папской тiары. Это—пагода тибетскихъ ламъ, которые посѣщаютъ Непалъ каждый годъ зимой; они заботливо поддерживаютъ и ремонтируютъ эту кумирню.

Красивый овалъ равнины, длиною около двадцати верстъ съ сѣвера на югъ, окруженный со всѣхъ сторонъ горами, которыя возвышаются отъ 300 до 2.000 метровъ надъ уровнемъ бывшаго озернаго дна, усѣянъ городами, деревнями и храмами, утопающими въ зелени. Вилла англiйскаго резидента, расположенная на горкѣ, къ сѣверу отъ Катманду, занимаетъ одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстоположенiй этого очаровательнаго края [1]); особенно сѣверные склоны холмовъ и горъ покрыты великолѣпными лѣсами. Чтобы созерцать ласкающее взоръ море зелени и живописную картину города, увѣнчаннаго златоглавыми пагодами, всходятъ также на Дареру, пустую внутри колонну, возвышающуюся на 75 метровъ. Рынки непальской столицы принадлежатъ къ лучшимъ въ Азiи по богатству и разнообразiю цвѣтовъ, фруктовъ и овощей, приносимыхъ окрестными поселянами. По исчисленiю Керкпатрика, населенiе всей долины Катманду въ началѣ XIX столѣтiя простиралось до 180.000 душъ; Ольдфильдъ полагаетъ, что теперь оно превышаетъ четверть миллiона.

Въ 3 километрахъ къ юго-востоку отъ Катманду, городъ Патнъ или Патанъ,—т. е., какъ и Патна на Гангѣ, «городъ» по преимуществу,—и въ 13 километрахъ къ востоку, городъ Батгаунъ или Батгонгъ еще богаче столицы храмами эпохъ, слѣдовавшихъ за введенiемъ индусскихъ религiй; но большинство этихъ зданiй сильно повреждено временемъ, и на многихъ изъ нихъ къ скульптурнымъ украшенiямъ прибавились естественные орнаменты изъ пучковъ травы и кустовъ, пробивающихся изъ трещинъ памятника. Въ восьмомъ столѣтiи нашей эры, въ эпоху основанiя Катманду, Патанъ былъ уже значительнымъ городомъ; онъ и теперь еще второй городъ въ государствѣ и главное средоточiе неваровъ буддистовъ, которые находятся тамъ въ наибольшемъ числѣ. Катманду, какъ резиденцiя раджи, есть, естественно, сборное мѣсто для гурковъ и другихъ туземцевъ воинственной расы; однако, большинство и тутъ состоитъ изъ неваровъ; браманы живутъ преимущественно въ Батгаунѣ. На западѣ долины, на небольшомъ холмѣ, возвышающемся метровъ на сто надъ окружающими полями, находится другой городъ, теперь почти разрушенный, — Киртипуръ; онъ былъ слишкомъ сто лѣтъ оплотомъ нацiональной независимости неваровъ, и гуркамъ удалось овладѣть имъ только посредствомъ измѣны. Чтобы отомстить за долгое сопротивленiе осажденныхъ, гурки отрѣзали носы и уши всѣмъ жителямъ, пощадивъ лишь грудныхъ дѣтей, и Киртипуръ долгое время былъ извѣстенъ подъ именемъ Наскатпуръ, или «города отрѣзанныхъ носовъ [2]).

На сѣверо-западъ отъ Катманду, городъ Наякотъ или Наокотъ построенъ въ кратерообразной котловинѣ, открывающейся на вершинѣ горы, господствующей надъ слiянiемъ рѣки Трисуль-ганга и ея маленькаго притока. Этотъ городъ прежде былъ зимнею резиденцiей непальскихъ раджей, но теперь дворецъ поки-

[1]) Wright, „History of Nepaul"; Oldfield, „Sketches from Nipal".

[2]) Oldfield, цитированное сочиненiе.

нутъ, и Наякотъ утратилъ свою торговую важность; однако, и теперь еще ежегодно бываетъ ярмарка у подошвы горы, среди садовъ, славящихся своими превосходными произве-

Истокъ Ганга.

деніями, особенно рисомъ, сахаромъ, ананасами, мангами; апельсины изъ Наякота и западныхъ округовъ, лежащихъ вокругъ г. Гурка, считаются безподобными. Сады Наякота расположены на высотѣ 700 метровъ. До этой высоты спускались китайцы и тибетцы въ 1792 году, во время ихъ побѣдоноснаго похода противъ гурковъ.

Во всей западной части королевства, ограниченной рѣкой Трисуль-ганга и распадавшейся нѣкогда на сорокъ шесть маленькихъ феодальныхъ княжествъ, Байси-раджъ, или «двадцать два царства», и Чаубисіа-раджъ, или «двадцать четыре царства», нѣтъ боль-

шихъ городовъ; главныя аггломераціи жителей — это бурги, окруженные стѣнами, какъ Джамла или Джумла, столица Байси-раджъ, или торговыя мѣстечки, какъ Ломантангъ (Мастангъ, по Ольдфильду), на тропѣ, поднимающейся къ проходу Поту-ла, или, наконецъ, святыя мѣста, часто посѣщаемыя пилигримами, какъ Муктинатъ. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, лежащемъ на высотѣ 3.439 метровъ, на скатѣ высокихъ снѣговыхъ горъ, бьютъ изъ земли горячіе сѣрные ключи, иногда, по разсказамъ туземцевъ, сопровождаемые пламенемъ [1]). Главный торговый городъ на тибетскихъ границахъ—Кипронгъ, лежащій къ сѣверу отъ Катманду, на высотѣ 2.775 метровъ, въ долинѣ, надъ которой господствуетъ, съ восточной стороны, массивъ Госаинтанъ; тамъ еще сѣютъ пшеницу и ячмень, но рисъ привозится туда изъ нижнихъ равнинъ.

Торговля Непала сильно стѣснена таможенными строгостями. Пошлины съ товаровъ взимаются не только на границахъ, но также во многихъ внутреннихъ станціяхъ; какъ государство военное, угрожаемое двумя сосѣдними, болѣе могущественными имперіями, Непалъ можетъ защищаться лишь таможенными тарифами да паспортами, но, несмотря на свое нерасположеніе къ иностраннымъ коммерсантамъ, онъ принужденъ пускать ихъ въ свои предѣлы. Тибетцы приходятъ покупать опіумъ, чтобы ввозить его контрабанднымъ путемъ; сотни индусовъ являются на ярмарки въ Катманду, и англійскіе товары, которые все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе между непальцами и дѣлаются для нихъ необходимою потребностью, должны быть оплачиваемы мѣстными продуктами, каковы дерево и смола катешю, или кашу, строевой лѣсъ, желѣзо и мѣдь, шерсть, лошади (маленькія неприхотливыя и неутомимыя животныя), соль и золотой песокъ, разныя руды, бирюза, бура, привозимыя съ тибетскихъ плоскогорій. Мало того, Непалъ, представляемый десятками пятью крупныхъ торговцевъ, можетъ даже посылать англо-индійцамъ произведенія своей мануфактурной промышленности, именно одѣяла и бумагу, выдѣлываемую изъ волоконъ растенія daphne cannabina и по прочности неуступающую пергаменту. Несмотря на все свое желаніе держаться особнякомъ, правительство Непала не можетъ помѣшать націи вступать въ сношенія со своими сосѣдями въ Индіи,—сношенія, которыя дѣлаются все болѣе и болѣе частыми; оно должно содержать пути сообщенія, уже существующіе, и даже открывать новые; наконецъ, оно даже устроило почты на дорогахъ страны, поручивъ завѣдываніе этимъ дѣломъ браманамъ; но дорога, ведущая изъ Катманду въ Сигаули, станцію желѣзнаго пути, идущаго вдоль границы, все еще не болѣе, какъ простая тропа, пересѣкающая широкій поясъ терая и пролегающая черезъ два горные прохода, Сизагари и Чандрагири, которые поднимаются до 1.960 и 2.190 метровъ высоты [1]). Непальцы эмигрируютъ въ большомъ числѣ въ равнины Индустана, особенно въ Бенаресъ, и, возвращаясь въ свое отечество, приносятъ съ собою новые идеи и нравы, которые все болѣе и болѣе преобразовываютъ Непалъ въ индійскую страну. Даже большинство богатыхъ землевладѣльцевъ терая имѣетъ постоянное пребываніе на англо-индійской территоріи.

Что касается политической независимости Непала, то ей не угрожаетъ никакой опасности. Совсѣмъ напротивъ: катмандусское правительство всегда встрѣчаетъ величайшую любезность и предупредительность со стороны вице-короля Индіи, который исполняетъ всѣ его желанія и даже соглашается держать подъ стражей непальскихъ государственныхъ преступниковъ въ своей крѣпости Чанаръ, на Гангѣ. Это объясняется тѣмъ, что раджа Непальскій располагаетъ стотысячною арміей, славящейся своею храбростью и значительная часть которой вооружена по-европейски и снабжена превосходнымъ боевымъ матеріаломъ. Драгоцѣнный союзникъ, Непалъ былъ бы очень опаснымъ врагомъ.

Населеніе нѣкоторыхъ городовъ Непала (по Ольдфильду):

Катманду—70.000 душъ; Патанъ—60.000 душъ; Батгаунъ—50.000 душъ; Гурка—10.000 душъ; Киртипуръ—5.000 душъ.

IV. Восточный Гималай.

Верхнія долины притоковъ Брахмапутры, Сикkимъ и Бутанъ.

Восточная часть Гималая, хотя ближайшая къ Калькуттѣ и самая доступная посредствомъ судоходныхъ путей, доходящихъ до подошвы горныхъ цѣпей, остается наименѣе извѣстною; много долинъ, населенныхъ дикими народцами, не были еще изслѣдованы научнымъ образомъ, и не знаютъ даже, какія рѣки по нимъ протекаютъ; только нѣкоторыя вершины горъ, видимыя съ равнинъ, съ разстоянія отъ 100 до 150 километровъ, были измѣрены и служатъ первою опорною точкой для точныхъ начертаній будущихъ картъ. Безъ сомнѣнія, первая причина того полнаго невѣдѣнія, въ которомъ мы находимся еще относительно этихъ восточныхъ областей гималайской системы, состоитъ въ чрезмѣрномъ изобиліи дождей, приносимыхъ южнымъ муссономъ. Эти тропическіе лив-

[1]) Montgomerie, „Journal of the Geographical Society of London", 1875.

[1]) Eastwick, „Handbook of the Bengal Presidency".

ни превращаютъ въ большія рѣки потоки, которые въ другомъ климатѣ оставались бы простыми ручейками; растительность, питаемая изобильною влажностью, покрываетъ всю страну густыми чащами деревьевъ, обвитыхъ ліанами, гдѣ человѣкъ можетъ пробираться лишь съ величайшимъ трудомъ; просачиваніе водъ въ почву причиняетъ частые обвалы, и въ малѣйшихъ углубленіяхъ земли скопляются болота. Силы природы слишкомъ могущественны въ этой области, чтобы цивилизованный человѣкъ могъ пытаться подчинить ихъ своей волѣ. Только дикіе народцы, легко прилаживающіеся ко всѣмъ условіямъ окружающей среды, незнакомые съ потребностями, какія развиты у цивилизованныхъ населеній равнины, одни могутъ жить въ этихъ странахъ, и въ прежнее время страхъ, внушаемый этими дикарями, удерживалъ путешественниковъ отъ посѣщенія ихъ долинъ.

Однако, часть гималайской покатости, спускающаяся къ Брахмапутрѣ, присоединена къ непосредственнымъ владѣніямъ Индійской имперіи, и англичане даже распространили предѣлы своей медіатизированной провинціи Сиккимъ до Загималайскаго хребта; верхній бассейнъ рѣки Арунъ, самой важной въ Непалѣ, обозначенъ на многихъ картахъ какъ принадлежащій Англіи, хотя, будучи совершенно безлюднымъ, ненаселеннымъ, онъ въ дѣйствительности не составляетъ ничьего владѣнія. Британскіе посты, военные и торговые, расположены тамъ и сямъ между двумя туземными государствами, Непаломъ и Бутаномъ. На востокѣ, англичане, не завоевывая Бутана, по крайней мѣрѣ присоединили къ своей имперіи восемнадцать доаровъ, которые зависятъ отъ него естественно, т. е. восемнадцать «воротъ» Гималаевъ,—единственныя мѣстности страны, произведенія которыхъ имѣютъ цѣнность и гдѣ жители сгруппировались въ значительномъ числѣ; впрочемъ, чтобы обезпечить спокойствіе своей границы, англійское правительство назначило бутанскому раджѣ ежегодную субсидію, регулярная выдача которой зависитъ отъ благоразумія пенсіонера. На восточной своей оконечности Бутанъ ограниченъ землей Товангъ, торговою дорогой, которую Тибетъ захватилъ въ свои руки, благодаря вліянію ламъ, которые играютъ тамъ въ одно и то же время роль жрецовъ, политическихъ властителей и купцовъ; но и здѣсь англичане овладѣли «горными воротами» (доаръ), сосѣдними съ равниной, и двѣ имперіи, Индія и Китай, сдѣлались сопредѣльными. Далѣе на востокъ начинается неизслѣдованная область дикихъ племенъ, которымъ ассамскіе плантаторы, поднимающіеся все выше и выше въ долинахъ, вынуждены платить, чрезъ свое правительство, извѣстную субсидію, во избѣжаніе ихъ разбойничьихъ набѣговъ. Общее число жителей, населяющихъ Гималайскую покатость, заключенную между Кинчинджингой и восточными горами, можно опредѣлить лишь приблизительно; вѣроятно, оно простирается до 600.000 душъ.

	Пространство, кв. километр.	Населеніе (1891 г.) жителей.	На 1 кв. километръ жителей.
Округъ Дарджилингъ	3.015	223.314	74
Сиккимъ	4.014	30.500	7
Бутанъ	34.000	200.000	6
Земля Товангъ	3.850	15.000	(?) 4
Земли вост. племенъ	45.000	100.000	(?) 2
Всего	89.879	588.314 ж.	(?) 6,5

Рѣка Тиста, или Трисрота, т. е. «Три истока», верхній бассейнъ которой извѣстенъ подъ именемъ Сиккима, могла бы быть разсматриваема до извѣстной степени какъ главная вѣтвь всей гангесской системы, такъ какъ она спускается прямо на югъ къ Бенгальскому заливу, слѣдуя по линіи наиболѣе быстраго истеченія. Напротивъ, Гангъ и Брахмапутра, идущіе на встрѣчу другъ другу, текутъ параллельно основанію Гималаевъ, и только вступая въ равнину, уже выровненную водами блуждающей Тисты, эти двѣ большія рѣки Индіи принимаютъ южное направленіе. Въ період современной исторіи Тиста соединялась то съ однимъ, то съ другимъ изъ этихъ двухъ большихъ потоковъ; мало извѣстно примѣровъ рѣкъ, которыя бы такъ часто мѣняли русло. И теперь еще одинъ рукавъ Тисты соединяется съ Мага-надди, притокомъ Ганга, сохранившимъ до сихъ поръ имя «Великой рѣки», которое онъ получилъ за обиліе своихъ водъ. Точно также, по преданію, сообщаемому Фергюсономъ, рѣка Коси, которая въ настоящее время составляетъ одинъ изъ притоковъ Ганга, нѣкогда текла на юго-востокъ и впадала въ Брахмапутру. Въ этой обширной аллювіальной равнинѣ рѣки, такъ сказать, совершаютъ качанія на подобіе маятника, пересѣкая своими новыми излучинами слѣды прежнихъ извилинъ.

Бассейнъ верхней Тисты совершенно ограниченъ амфитеатромъ высокихъ горъ. На востокѣ высится исполинская масса Кинчинджинги, состоящая изъ пластовъ гнейса, легко узнаваемыхъ издали по ихъ покрытымъ снѣгомъ карнизамъ [1]). Опираясь на свои снѣговые контрфорсы, она продолжается на югъ Куброй и другими вершинами, отдѣленными глубокимъ разрѣзомъ отъ цѣпи Сингалила, или «Буковой горы», составляющей естественную границу между Сиккимомъ и Непаломъ. Жители этихъ двухъ странъ могутъ сообщаться между собою не иначе, какъ черезъ горные проходы, имѣющіе, по меньшей мѣрѣ, 2.600 метровъ высоты. На сѣверо-востокъ отъ Кинчинджинги (Ламбутсинга, по Жюлю Реми) продолжается соб-

[1]) Sherwill, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1853, № VII.

ственно Гималайскій хребетъ, на которомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ колоссы Чоміомо, Кинчинджау, Донкіахъ, заключающіе между своими вершинами наполненныя снѣгомъ котловины и небольшіе озерные бассейны, гдѣ берутъ свое начало самые возвышенные истоки Тисты. Менѣе высокій, чѣмъ Кинчинджинга, Донкіахъ, однако, шире и важнѣе, какъ горный узелъ въ совокупности системы; онъ соединяется посредствомъ поперечнаго отрога съ Загималайскимъ хребтомъ, тогда какъ на востокѣ очень высокія горы соединяютъ его съ Чималари, остроконечная пирамида котораго еще превосходитъ его высотой; наконецъ, на югъ отъ Донкіаха тянется хребетъ болѣе высокій, чѣмъ цѣпь Сингалила, и поднимающійся на цоколѣ, усѣянномъ небольшими озерами; хребетъ этотъ, надъ которымъ господствуютъ крутыя горы, Гнаріамъ, Чола, Гипмочи, отдѣляетъ Сиккимъ отъ длинной полосы территоріи, которою Тибетъ владѣетъ въ этомъ мѣстѣ на полуденной покатости. Предгорья, постепенно понижающіяся къ равнинѣ, но которыхъ послѣднія вершины возвышаются еще на 1.800 и 2.000 метровъ, ограничиваютъ съ южной стороны длинный прямоугольникъ, образуемый верхнимъ бассейномъ Тисты, и эта рѣка не можетъ найти себѣ инаго выхода, какъ черезъ узкую поперечную долину, называемую Сивокъ-гола. Внутри обширной ограды горъ, обнимающей Сиккимъ и англійскій округъ Дарджилингъ, второстепенные кряжи, отдѣляющіеся отъ главныхъ хребтовъ и развѣтвляющіеся, въ свою очередь, на отроги, перерѣзанные во всѣхъ направленіяхъ промоинами, образуютъ запутанный лабиринтъ, гдѣ лишь съ трудомъ можно распознать первоначальное расположеніе выступовъ рельефа, оріентированныхъ съ востока на западъ, параллельно гималайской оси.

Чрезвычайная сырость климата, частые дожди и туманы не позволяютъ путешественникамъ пускаться далеко отъ Дарджилинга на высокіе склоны Кинчинджинги и Кинчинджау. Очень рѣдко выдаются такіе дни, когда можно видѣть ясно обрисовывающуюся на чистомъ небѣ профиль всѣхъ большихъ вершинъ. Во время лѣтняго муссона дожди почти не прерываются, и даже зимой, когда сѣверо-восточные пассатные вѣтры господствуютъ въ воздушномъ пространствѣ и спускаются вдоль гребней, нижнее влажное теченіе, идущее изъ Бенгальскаго залива, направляется обратно къ долинамъ Сиккима. Послѣ проливныхъ дождей, туманъ поднимается надъ лѣсами, словно дымъ, и ползетъ по склонамъ горъ; часто слои паровъ, застилающіе все небо, имѣютъ нѣсколько верстъ въ толщину, и пейзажи, которые кажутся освѣщенными скорѣе луннымъ свѣтомъ, чѣмъ лучами солнца, принимаютъ фантастическій видъ: вы видите не горы, а призраки горъ, тѣмъ болѣе высокіе, что пары воздуха отдаляютъ ихъ еще больше. Въ этой влажной атмосферѣ, при температурѣ почти всегда одинаковой, вѣтры дуютъ рѣдко и не сильно, даже на высокихъ верхушкахъ горъ; только когда облачныя завѣсы разрываются и горы показываются на ясномъ небѣ, мѣстные фокусы теплоты притягиваютъ окружающій воздухъ, и тогда снизу виденъ снѣгъ, поднимающійся въ видѣ пучковъ на вершинахъ горъ.

Край съ такимъ сырымъ климатомъ, каковъ Сиккимъ, понятно, принадлежитъ къ числу странъ, наименѣе привлекающихъ населеніе. Даже ходить тамъ трудно, по причинѣ глинистаго свойства почвы, которая отъ дождя превращается въ вязкую грязь, и въ періодъ дождей, исключая самыхъ сильныхъ ливней, путешественники, проходящіе черезъ лѣса, на высотѣ отъ 1.200 до 2.500 метровъ [1]), не могутъ избѣгнуть укушеній безчисленныхъ піявокъ, похожихъ на маленькія волокна, которыя падаютъ со всѣхъ листьевъ. Узкія долины Тисты и ея притоковъ, въ которыя низвергаются воды проливныхъ дождей, составляютъ настоящія воронки, гдѣ невозможно устраивать какія-либо человѣческія жилища, въ виду постоянно угрожающей опасности внезапныхъ наводненій; самыя удобныя мѣстоположенія для постройки деревень—это высокіе выступы горъ, откуда вода быстро утекаетъ во всѣхъ направленіяхъ. Необычайное богатство и обиліе растительности, которая развивается съ неимовѣрной быстротой во влажной атмосферѣ, при постоянныхъ дождяхъ и туманахъ тоже составляетъ большое препятствіе работамъ человѣка и даже заглушаетъ часто его культурныя растенія, которыя, къ тому же, по большей части нуждаются въ продолжительныхъ промежуткахъ хорошей погоды. Тропическая флора, развивающаяся подъ вліяніемъ южныхъ вѣтровъ, поднимается на горахъ Сиккима выше, чѣмъ въ какой-либо другой части земнаго шара, лежащей подъ той же широтой: тамъ увидишь еще пальмы и бананы на высотѣ 2.100 метровъ (около двухъ верстъ), на скатахъ, обращенныхъ на полдень. Въ лѣсахъ Дарджилинга растенія жаркаго пояса перемѣшиваются съ растеніями умѣреннаго; орѣховое дерево растетъ рядомъ съ пальмами; рододендроны составляютъ яркій контрастъ съ древовидными папоротниками; чужеядныя орхидеи прицѣпляются къ вѣтвямъ дуба. Особенно папоротники представлены многочисленными видами въ этомъ тропическомъ поясѣ горъ; Гукеръ насчиталъ ихъ около тридцати видовъ на одной только горѣ Сенчаль, на юго-востокъ отъ Дарджилинга. Эти растенія овладѣваютъ всѣми прогалинами лѣса или оспариваютъ ихъ у пучковъ страшной «исполинской крапивы»; едва

---

[1]) Sherwill, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1853, № VI.

только дерево повалится, какъ на его стволѣ тотчасъ же поднимаются граціозныя стрѣлки папоротника. Надъ полосой, гдѣ смѣшиваются два пояса, простирается большой лѣсъ лиственныхъ деревьевъ, между которыми преобладаютъ дубъ, магнолія, каштанъ, орѣховое дерево; но въ этой области лѣса́ едва-ли могутъ давать какіе-либо съѣдобные плоды, за исключеніемъ орѣха; яблоко едва вызрѣваетъ; груша и персикъ только завязываются. Слишкомъ обильные дожди обиваютъ здѣсь всѣ плоды. Фосфоресценція лѣсовъ—очень обыкновенное явленіе въ этой влажной области: въ дождливое время года лѣса постоянно озарены блѣднымъ сіяніемъ [1]).

Сосны занимаютъ почти исключительно склоны, лежащіе выше пояса, который соотвѣтствуетъ умѣреннымъ странамъ Европы; но не эти деревья поднимаются всего выше: ивы видны еще на высотѣ европейскаго Монъ-Блана. Рододендронъ, одно изъ древовидныхъ растеній, которое всего чаще встрѣчаешь въ Сиккимѣ и которое нигдѣ не является въ болѣе красивыхъ разновидностяхъ, окаймляетъ своими чащами почти всѣ горные потоки, но онъ не приближается настолько, какъ ива, къ границѣ вѣчныхъ снѣговъ. Даже на высокихъ горныхъ проходахъ, черезъ которые производится сообщеніе между Сиккимомъ и Тибетомъ, путешественникъ находитъ густые газоны изъ явнобрачныхъ растеній, замѣняющихъ мхи и лишаи европейскихъ горъ; Гукеръ собралъ такихъ растеній 200 слишкомъ видовъ на перевалѣ Кангра-лама (4.791 метръ), къ западу отъ Кинчинджау; на высотѣ 5.500 метровъ, на Бомсто, онъ нашелъ ихъ еще восемнадцать видовъ, и—странная вещь—эти растенія, нечувствительныя къ холоду, не защищены шерстистымъ пушкомъ, какъ растенія европейскихъ Альпъ [2]). За водораздѣльными гребнями начинаются солончаковыя пустыни нагорья; тогда какъ на полуденной покатости лѣса простираются непосредственно подъ снѣжной линіей, на сѣверѣ видны только голыя скалы, синія или красноватыя, зловѣщаго вида. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ области болѣе пустынной и непривѣтливой; однако, жвачныя животныя водятся здѣсь массами, привлекаемыя солончаковыми степями.

Населеніе Сиккима почти совершенно тибетское. Племя лепча, самое многочисленное въ краѣ, но мало по-малу исчезающее, какъ чистая раса [3]), ничѣмъ не отличается отъ своихъ соплеменниковъ бодовъ, обитающихъ на высокихъ плоскогорьяхъ, кромѣ того только, что у жителей Сиккима, подъ вліяніемъ дождливаго климата, кожа необыкновенно гладкая и лоснящаяся; ихъ мускулы, хотя очень сильные, почти не выдаются изъ-подъ верхней кожицы [1]). Въ сравненіи съ индусами, всегда сдержанными, недовѣрчивыми и вѣжливыми, веселые лепчи, довѣрчивые, откровенные, непринужденные въ разговорѣ, кажутся англичанамъ самыми пріятными товарищами въ дорогѣ; флейта—ихъ любимый инструментъ, и игра ихъ отличается большою мягкостью и прелестью; въ ихъ нарѣчіяхъ, рѣзко отличающихся въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ языковъ Индіи, нѣтъ ни одного ругательнаго выраженія [2]). Діалекты различныхъ племенъ Сиккима разнятся между собою, но всѣ они принадлежатъ къ тибетскому корню; точно также нравы и религіи здѣсь тѣ же самые, какъ у тибетцевъ, жителей долины Цангбо. Священная формула «омъ мани падми гумъ» раздается во всѣхъ селеніяхъ Сиккима, какъ и на другомъ склонѣ Гималаевъ, и вездѣ вырѣзана на камняхъ, по краямъ тропинокъ. Около двадцати ламайскихъ монастырей разсѣяны въ лучшихъ мѣстностяхъ страны, и молодые люди, бѣгущіе отъ притѣсненія раджей, поступаютъ въ монахи, чтобы пользоваться спокойною жизнью, не имѣя надобности платить подати и налоги и отправлять натуральныя повинности: около 800 человѣкъ живутъ въ этихъ обителяхъ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ монастырей Сиккима—Пеміонгчи, расположенный на высотѣ 2.100 метровъ, на вершинѣ террасы, откуда зритель видитъ у себя надъ головой колоссальную массу Кинчинджинги, а подъ ногами долину рѣки Большой Ранджитъ, притока Тисты; прежде тутъ находился главный городъ Сиккима [3]). Нынѣшняя резиденція раджи, Тамлунгъ, лежитъ въ восточной части страны, на высотѣ 1.636 метровъ, на горномъ склонѣ, у основанія котораго протекаетъ одинъ изъ притоковъ Тисты. Въ періодъ дождей эта столица частью пустѣетъ, такъ какъ раджа на это время уѣзжаетъ, съ главными сановниками, на китайскую территорію, въ тибетскую долину Чумби, защищенную отъ проливныхъ дождей цѣпью горъ.

Дарджилингъ, главный городъ округа, который англичане отдѣлили себѣ изъ бывшаго государства Сиккимъ, съ обязательствомъ уплачивать ежегодную ренту въ размѣрѣ 7.500 франковъ, получилъ исключительную важность какъ временная столица Калькуттской провинціи. Основанный въ 1835 году, вскорѣ послѣ уступки этой территоріи остъ-индской компаніи, городъ, котораго тибетское имя озна-

[1]) Hooker, „Himalayan Journals".
[2]) Hooker, цитиров. сочиненіе; „Mittheilungen von Petermann", 1861, № 2.
[3]) „Bengal Goverment Selections, Bengal Census", 1872.

[1]) Hooker, цитированное сочиненіе; Herman v. Schlagintweit, цитированное сочиненіе.
[2]) Hooker; Campbell; Sherwill, „The Indian Alps, by a Lady Pioneer".
[3]) Jules Rémy, „Pélerinage d'un curieux au monastère bouddhique de Pemmiantsi".

чаетъ «Святое Мѣсто», расположенъ на узкомъ хребтѣ горы въ видѣ полумѣсяца, на высотѣ отъ 2.000 до 2.250 метровъ откуда видно, на 1.800 метровъ, ниже, подъ лѣсистыми скатами, ущелье, черезъ которое убѣгаютъ воды Большаго Ранджита. Дарджилингъ, какъ и всѣ другіе «санитарные» города въ Гималаяхъ, окруженъ съ боковъ казармами и батареями, но общій его видъ производитъ впечатлѣніе многочисленной группы дворцовъ, виллъ и дачъ. Въ сравненіи съ Симлой и другими англійскими городами Западнаго Гималая, онъ представляетъ большія невыгоды, по причинѣ его слишкомъ сыраго климата; но въ утренніе часы, пока еще тучи не заволокли неба, чтобы пролить на землю обычный каждодневный дождь, отсюда можно часто любоваться чудною панорамою Гималайскихъ горъ, отъ неясно обрисовывающейся на дальнемъ горизонтѣ остроконечной верхушки Гауризанкара до колоссальныхъ массивовъ Донкіаха и Чамалари; въ центрѣ, Кинчинджинга, гордо вздымающая къ небу свои двѣ по виду равныя главы, кажется средоточіемъ, куда сходятся всѣ хребты; верхушка этого исполина всегда, при ясной погодѣ, точно кратеръ вулкана, увѣнчана полосой облаковъ, которая изгибается къ востоку отъ дуновенія верхняго обратнаго пассата [1]). На югѣ виднѣется лѣсистая вершина Сенчаля, обрисовывающая свой профиль на фонѣ подернутыхъ дымкой равнинъ Ганга.

Центръ англійскаго владычества въ Гималаяхъ, занимающій, къ тому же, замѣчательно выгодное географическое положеніе, при вершинѣ угла, образуемаго водораздѣломъ между притоками Ганга и притоками Брахмапутры, Дарджилингъ, естественно, долженъ былъ сдѣлаться очень дѣятельнымъ рынкомъ, какъ посредникъ между индусами и тибетцами. Сиккимъ отправляетъ по своимъ горнымъ потокамъ много строеваго лѣса въ Дарджилингскій округъ; Тибетъ посылаетъ въ самый городъ шерсть и рога, а Непалъ доставляетъ преимущественно домашнихъ животныхъ, въ обмѣнъ на товары англійскаго происхожденія. Въ 1877 году отпускъ изъ Дарджилинга въ Сиккимъ простирался до 354.100 франк., а привозъ изъ Сиккима въ Дарджилингъ до 2.006.625 франк., слѣдовательно, общая сумма торговаго движенія равнялась 2.360.725 франк. Но тибетскія границы такъ хорошо охраняются, что Сиккимъ не можетъ продать въ Лассу ни малѣйшей части ежегоднаго сбора чая, который производится съ 1856 года на плантаціяхъ въ окрестностяхъ Дарджилинга (въ 1875 году во всемъ Дарджилингскомъ округѣ насчитывали 121 чайную плантацію; ежегодный сборъ чая опредѣляется въ 2.000.000 килограм. листьевъ). Въ этомъ округѣ разведено также хинное дерево; въ 1875 году въ первый разъ снимали съ деревьевъ кору и приготовляли изъ нея хининъ. Плантаторы дѣлали также попытки разведенія въ сосѣднихъ лѣсахъ ипекакуаны, кардамона, а опытный садъ доставляетъ имъ другія тропическія растенія Новаго Свѣта; кромѣ того, каменноугольныя копи и залежи желѣзной и мѣдной руды составляютъ для англійскаго города рессурсы въ запасѣ, и безъ всякаго сомнѣнія, современемъ успѣхи мѣстной промышленности позволятъ ему эксплоатировать эти рессурсы. И теперь уже Дарджилингъ имѣетъ передъ всѣми другими гималайскими станціями то важное преимущество, что онъ находится въ прямомъ сообщеніи съ сѣтью индійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Обыкновенный желѣзный путь приводитъ путешественниковъ въ Пункабарри, у подошвы горъ, а оттуда рельсовая линія, съ сильными рампами въ 4 и даже 5 сантиметровъ на метръ подъема, и съ крутыми поворотами въ 21 до 22 метровъ, поднимается съ гребня на гребень до высоты 2.225 метровъ, на вершину, гдѣ раскинулся новый городъ. Далѣе, многочисленныя грунтовыя дороги, проходящія черезъ чайныя и хинныя плантаціи, извиваются по бокамъ горъ и оканчиваются въ селеніяхъ Сиккима. Въ Дарджилингѣ похороненъ венгерскій путешественникъ Чома Керешъ, который такъ много сдѣлалъ для изученія тибетскаго языка.

Дарджилингъ имѣетъ, какъ и Симла, свою «большую дорогу въ Тибетъ». Эта дорога спускается на востокъ, въ долину Тисты, переходитъ черезъ эту рѣку по прекрасному висячему мосту и поднимается по гребнямъ въ сѣверо-восточномъ направленіи къ Джайлапскому горному проходу, на сѣверѣ отъ Гипмочи. Эта брешь, представляющая сравнительно легкій подъемъ, такъ какъ она имѣетъ всего только 3.960 метровъ высоты, даетъ доступъ въ тибетскую долину Чумби; но послѣдняя, какъ и Сиккимъ, принадлежитъ къ индійскому склону Гималаевъ, и вѣроятно, китайцы еще не скоро рѣшатся продолжить англійскую дорогу на свою территорію черезъ гребни Гималайской и Загималайской цѣпей. Впрочемъ, тамъ именно и открывается одинъ изъ удобнѣйшихъ путей между противоположными склонами, тотъ путь, которымъ слѣдовали, въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго, англійскіе посланники при тибетскомъ дворѣ, Богль, Торнеръ и Маннингъ.

Лишенный теперь своихъ восемнадцати доаровъ, или воротъ, открывающихся на равнины Бенгаліи и Ассама, Бутанъ, или, вѣрнѣе, Бутъ-антъ, т. е. «оконечность земли Бутъ или Ботъ» [1]), заключаетъ въ себѣ только узкія гор-

[1]) „The Indian Alps, by a Lady Pioneer"; — Kuntze, „Aus allen Welttheilen" 1881.

[1]) Latham, „Descriptive Ethnology"; Dalton, „Ethnology of Bengal".

ныя долины, отдѣленныя одна отъ другой высокими кряжами, черезъ которые ведутъ труднопроходимыя тропинки. Самая западная долина, именно долина рѣки Турсы, ограниченная на сѣверѣ тибетскою территоріею Чумби, почти совершенно отдѣлена отъ остальнаго Бутана и принадлежитъ ему политически только благодаря любезности англичанъ. Первая долина вполнѣ бутанская—это долина рѣки Чинъ-чу, которая беретъ начало на бокахъ Чамалари; въ этой долинѣ находится и главный городъ страны. Санкосъ, горный потокъ, параллельный рѣкѣ Чинъ-чу, тоже питается снѣгами Гималаевъ, и одна изъ горъ, которыя господствуютъ надъ этою частью хребта, еще неизслѣдованная, развѣ только измѣрительными инструментами инженеровъ-топографовъ, по высотѣ превосходитъ даже колоссальную пирамиду Чамалари. Но на востокѣ исполинская стѣна Гималаевъ пробита, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, размытою водами долиною, по которой протекаетъ рѣка Манасъ, получающая начало въ широкомъ пониженіи горной массы, которое раздѣляетъ двѣ главныя цѣпи гималайской системы.

Бутанцы (бутіа) принадлежатъ къ той же расѣ, какъ и тибетцы, и самое имя ихъ происходитъ отъ того же корня, какъ названіе народа бодъ (тибетцевъ), жителей нагорья, и племени ботіа, обитателей полуденнаго склона, въ Непалѣ и Кумаонѣ; имъ даютъ также общее наименованіе ло. Они вообще малорослы, но крѣпкаго тѣлосложенія и могли бы считаться одною изъ лучшихъ расъ Индіи, если бы пропорція зобатыхъ не была такъ велика между ними. Едва-ли найдется также народъ болѣе угнетенный, чѣмъ эти бутіа; они не имѣютъ никакой собственности, и участь ихъ зависитъ отъ прихоти господъ или монаховъ, которые ими управляютъ. Англійскіе посланники, посѣтившіе ихъ край, описываютъ положеніе бутанцевъ въ высшей степени жалкимъ и бѣдственнымъ; земля, которую они обработываютъ, не принадлежитъ имъ, и государство наслѣдуетъ всякое пріобрѣтенное ими имущество; они сохраняютъ изъ полученнаго ими сбора плодовъ земныхъ только долю, строго необходимую для того, чтобы пріобрѣсти нѣсколько листьевъ бетеля и не умереть съ голоду; остальное забирается губернаторами, которые не получаютъ никакого содержанія, но которымъ присвоено право удерживать въ свою пользу часть собраннаго налога. Чтобы пользоваться мирно и безбоязненно плодомъ своихъ трудовъ, тысячи бутанцевъ эмигрируютъ каждый годъ въ провинціи Индійской имперіи и преимущественно въ британскій Сиккимъ, гдѣ ихъ считаютъ вообще далеко уступающими лепчамъ въ отношеніи веселости характера, откровенности и трудолюбія.

Неудивительно, что при такомъ порядкѣ страна обѣднѣла. Торговля, составляющая монополію правительства, осталась маловажною или даже уменьшилась, хотя Бутанъ обладаетъ большими естественными богатствами и имѣетъ отличную породу лошадей, хорошенькихъ и необыкновенно выносливыхъ пони. Торговля этой страны съ англійской Индіей въ 1895—96 г.г. выразилась, по цѣнности, слѣдующими цифрами: ввозъ—17.560, вывозъ 17.406 десятковъ рупій. Бутанцы, когда они не имѣютъ причины бояться, что у нихъ отнимутъ плодъ ихъ работы, трудолюбивы; они старательно воздѣлываютъ террасы, расположенныя уступами одна надъ другой по бокамъ холмовъ, ткутъ прочныя матеріи, фабрикуютъ очень красивыя желѣзныя и мѣдныя издѣлія, превращаютъ кору растенія diah или da| hne papyrifera въ писчую бумагу и даже въ родъ атласа, дѣлаютъ рѣзныя украшенія изъ дерева, нелишенныя вкуса, строятъ просторные и удобные шалаши, довольно похожіе на шале швейцарскихъ Альпъ. Во многихъ городахъ есть богатыя пагоды китайской архитектуры. Цѣпной мостъ, который англійскій посланникъ Торнеръ видѣлъ въ Чукѣ, на рѣкѣ Чинъ-Чу, показался ему чудомъ строительнаго искусства, и прошло много лѣтъ прежде чѣмъ Европа могла похвастать подобнымъ сооруженіемъ; бутанцы и сами приписываютъ этотъ памятникъ рукѣ бога [1]).

Правительство страны организовано по образцу тибетскаго, съ тою разницею, что китайскіе министры, истинные носители власти въ Бодъ-юлѣ, не появлялись въ Бутанѣ. Духовный государь, нѣчто въ родѣ великаго ламы, носитъ названіе чойгіалъ, по санскритски дармараджа, т. е. «царь закона». Когда этотъ будда умираетъ, совѣтъ министровъ (ленехенъ) ищетъ, въ продолженіе года или двухъ, ребенка, въ котораго богъ изволилъ воплотиться, и находитъ его обыкновенно въ семействѣ одного изъ высшихъ сановниковъ государства. Рядомъ съ духовнымъ государемъ царствуетъ другой раджа, по имени дебъ, который тоже назначается совѣтомъ министровъ, или, лучше сказать, партіей, располагающей въ то время властью; въ принципѣ, правленіе деба не должно бы продолжаться болѣе трехъ лѣтъ, но онъ всегда можетъ удержаться на тронѣ, если пользуется расположеніемъ вельможъ. Главными губернаторами, или пенло, считаются губернаторы Западнаго Бутана и Восточнаго Бутана, изъ которыхъ первый имѣетъ мѣстопребываніе въ городѣ Паро, а послѣдній—въ городѣ Тонгсо [2]).

Столица Бутана, Тасисудонъ (Тасичосонгъ), лежитъ въ циркѣ горъ, на берегу рѣки Чинъ-Чу. Зимняя резиденція свѣтскаго раджи,

[1]) Samuel Turner, „Account of an Embassy to the Court of the Teshoo-Lama“.

[2]) Ashley Eden; Ware Edgar; Boileau Pemberton, „Official Records“.

Панаха или Пунаха, находится на востокѣ, въ другой долинѣ, уже очень низкой (530 метровъ), хотя и въ сердцѣ горъ. Дворецъ раджи окруженъ манговыми и апельсинными деревьями; можно бы подумать, что находишься гдѣ-нибудь среди равнинъ Бенгаліи, если бы на сѣверѣ не поднимались исполинской стѣной крутые склоны снѣговыхъ горъ. Паро, главный городъ Западнаго Бутана, расположенъ въ другой долинѣ, на западъ отъ Тасисудона. Что касается главнаго мѣста восточной провинціи, Тонгсо, то это не болѣе, какъ деревушка, которая сообщается съ территоріями Ассама черезъ горный проходъ Руду (3.668 метровъ), часто заваленный снѣгомъ.

Власть «царя закона» не распространяется на востокъ за бассейнъ Манаса, и даже нѣкоторые восточные притоки этой рѣки не принадлежатъ къ его юрисдикціи. Между государствомъ, оффиціально признающимъ его власть, и независимыми племенами Восточнаго Гималая расположены владѣнія ламъ-раджей, или «жрецовъ-царьковъ», которые называютъ себя вассалами далай-ламы, но которые въ дѣйствительности совершенно независимые владѣтельные князья, благодаря ихъ отдаленности отъ Лассы и трудности сообщеній черезъ гималайскіе гребни; они даже ведутъ иногда войны между собою и, смотря по исходу борьбы на полѣ битвы, измѣняютъ границы своихъ владѣній, не считая нужнымъ увѣдомлять объ этой перемѣнѣ своего сюзерена [1]). Несмотря на эти распри маленькихъ владѣтельныхъ князьковъ, земля Ханпо-Ботъ, т. е. «монастырскихъ» ботовъ, имѣетъ довольно важное значеніе какъ торговый пунктъ между Тибетомъ и Ассамомъ. Такъ какъ весь восточный поясъ Гималаевъ, населенный дикими племенами, недоступенъ для каравановъ, то послѣдніе принуждены слѣдовать по окраинѣ этой территоріи, черезъ городъ Товангъ. На сѣверъ отъ этого торговаго мѣста, лежащаго на высотѣ 3.133 метровъ, почти вся страна зависитъ отъ тибетскаго монастыря Чона-джонгъ, тогда какъ на югѣ долины принадлежатъ товангскимъ ламамъ, до самой англійской границы; прежде даже часть округовъ, присоединенныхъ теперь къ Индійской имперіи, была подъ властью монаховъ. По приказанію Кето, или правительствующаго совѣта монастыря, тибетскіе караваны должны останавливаться въ Чона-джонгѣ, откуда жители этого края переносятъ товары въ Ассамъ, платя пошлины монастырю. Эта тибетская дорога, идущая мимо большихъ озеръ, пролегаетъ черезъ горные проходы, достигающіе отъ 4.000 до 5.000 метровъ (отъ 13.125 до 16.405 футовъ) высоты [2]).

[1]) Herman von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien".

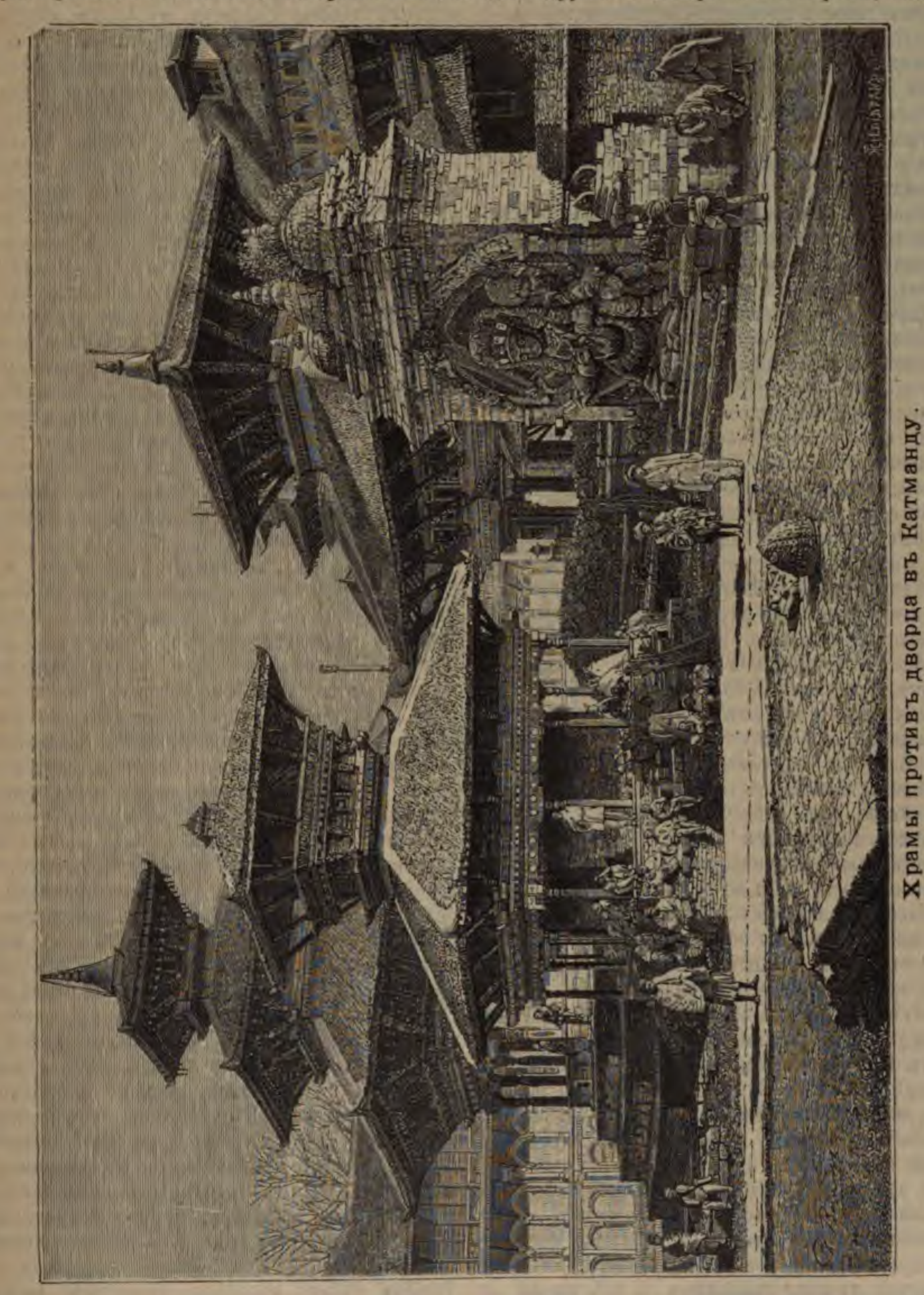
[2]) Nain Singh, „Journal of the Geographical Society of London", 1877.

Военный постъ Девангири, завоеванный англичанами, лежитъ на высотѣ 450 метровъ, на послѣднемъ контрфорсѣ горы Тасгонгъ (4.200 метровъ) и наблюдаетъ въ одно и то же время за населеніемъ Восточнаго Бутана и за «монастыркими» ботами; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ имѣетъ и торговое значеніе, такъ какъ въ немъ ежегодно бываетъ ярмарка, одна изъ самыхъ большихъ въ Ассамѣ. На другой оконечности Бутана старинная крѣпость Букса, построенная на платформѣ или площади скалъ, выровненной руками человѣка, играетъ такую же наблюдательную роль по отношенію къ западнымъ бутанцамъ. Часто поднимался вопросъ о томъ, чтобы направить движеніе европейской колонизаціи въ прилегающія къ этимъ укрѣпленнымъ пунктамъ Гималаевъ мѣстности, на склоны доаровъ, посредствомъ дароваго отвода переселенцамъ земель и освобожденія ихъ отъ податей и земельныхъ налоговъ; но до настоящей минуты эти предпріятія такъ и остаются въ состояніи проектовъ. Въ области терая, окаймляющей эти доары, или «ворота», обширныя территоріи принадлежали нѣкогда различнымъ владѣльцамъ, смотря по времени года: съ іюля по ноябрь они были занимаемы ассамитами и племенемъ мечъ; въ остальное же время года онѣ становились собственностью бутанцевъ.

На востокъ отъ маленькихъ государствъ съ часто мѣняющимися границами, управляемыхъ настоятелями буддійскихъ монастырей, территорія раздѣлена, какъ извѣстно, между различными племенами, которыя до сихъ поръ еще не пускаютъ къ себѣ ни китайца, ни индуса, ни англичанина, но которыя, изъ опасенія потерять субсидію, платимую имъ британскимъ правительствомъ, не дѣлаютъ болѣе разбойничьихъ набѣговъ на прибрежныя мѣстности Брахмапутры. Ахинцы (аха), занимающіе, въ числѣ около милліона душъ, западную часть этой территоріи, сами себя называютъ хруссо; они теперь уже не заслуживаютъ тѣхъ прозвищъ, которыя прежде давали ихъ племенамъ: харази-хоа, или «ѣдоки тысячи очаговъ», и каппачоръ, или «похитители хлопка». Одинъ изъ ихъ клановъ даже принялъ уступленныя ассамскимъ правительствомъ земли, лежащія въ равнинѣ, и теперь индусскія обрядности мало-по-малу вытѣсняютъ у этихъ поселенцевъ обычаи фетишизма. Еще недавно ахинцы не умѣли даже обработывать землю и не знали никакого промысла, кромѣ скотоводства; однако, они, какъ и большая часть дикарей Индіи, не любятъ молока и никогда не пьютъ его [1]). По Гессельмейеру, языкъ ихъ походитъ на языкъ племени шанъ и жителей Манипура; эту послѣднюю страну онъ и считаетъ ихъ перво-

[1]) Dalton, „Ethnology of Bengal".

начальной родиной. На сѣверъ отъ ахинцевъ долины заняты народомъ миджи, о которомъ почти ничего неизвѣстно [1]). На востокѣ живутъ различныя племена, которымъ жители т. е. «люди». Прежде это были самые страшные изъ грабителей, но затѣмъ они распались на множество народцевъ, которые не съумѣли дать дружнаго отпора плантаторамъ, поддер-



Храмы противъ дворца въ Катманду.

равнины даютъ общее наименованіе дапла или дафла, но которыя сами себя называютъ бангни, живаемымъ англійскими солдатами. Въ 1872 году число начальниковъ племенъ, независимыхъ одинъ отъ другаго, которымъ правительство платило выкупъ въ вознагражденіе за отказъ отъ права дѣлать разбойничьи набѣги, прости-

[1]) Hesselmeyer, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1868 ч. II, № IV.

ралось до 258; правда, что каждый изъ нихъ получалъ не болѣе одного фунта стерлинговъ въ годъ. Такъ же, какъ и ахинцы, даплы доставляютъ теперь ассамскимъ плантаторамъ значительное и постоянно возрастающее число работниковъ и мало-по-малу проникаются идеями своихъ сосѣдей индусскаго происхожденія. Подобно своимъ сосѣдямъ, жителямъ Тибета, они допускаютъ у себя всѣ формы брачнаго союза, какъ многомужіе, обычное между бѣдными, такъ и многоженство, практикуемое обыкновенно богатыми [1]).

Падамцы или пагдамы, называемые ассамитами общимъ именемъ аборъ или абаръ, т. е. «дикари», населяютъ, вмѣстѣ съ мирами, долины, въ которыхъ протекаютъ рѣки Дихонгъ и Дибонгъ, въ Восточныхъ Гималаяхъ. Принадлежа къ той же этнографической группѣ тибетскаго происхожденія, какъ даплійцы и ахинцы, и говоря нарѣчіями, сходными съ діалектами этихъ племенъ, они лучше сохранили свою независимость, но и они также получаютъ отъ своихъ могущественныхъ сосѣдей ежегодные подарки, залогъ ихъ покорности. Въ 1853 году, когда миссіонеръ Крикъ проникъ въ ихъ страну, они впустили его не прежде, какъ покрывъ его листьями,—вѣроятно, для того чтобы преобразить его въ лѣснаго человѣка,—и заставивъ его пройти подъ аркадой, унизанной луками и стрѣлами. Въ ихъ сосѣдствѣ живутъ миры или мирійцы, т. е. «посредники»—имя, вполнѣ соотвѣтствующее ихъ промыслу, такъ какъ они и въ самомъ дѣлѣ занимаются посредничествомъ въ мѣновой торговлѣ между жителями равнины и горцами. Падамцы называютъ себя старшими братьями мирійцевъ и вообще считаютъ себя спеціально привилегированными между племенами. И дѣйствительно, они счастливѣе, благодаря своей независимости. Они не признаютъ надъ собою никакихъ политическихъ господъ. Всѣ мужчины по праву члены общиннаго собранія, которое сходится каждый вечеръ и обсуждаетъ всѣ вопросы, интересующіе большую семью; совѣтъ выборныхъ долженъ только обнародовать рѣшенія, принятыя совокупностью гражданъ. Но добровольная дисциплина образцовая. Послѣ совѣта, молодые парни обходятъ деревню, выкрикивая дневной порядокъ на завтра, и всѣ подчиняются этому рѣшенію, что бы ни было опредѣлено—идти ли на охоту или рыбную ловлю, работать на поляхъ или справлять какой-нибудь праздникъ. Въ важныхъ обстоятельствахъ избираютъ делегатовъ, которые собираются въ деревнѣ Боръ-Аборъ, по имени которой иногда называютъ и все племя; но результатъ ихъ совѣщанія получаетъ силу только по утвержденіи его общинами. Селенія отличаются замѣчательною чистотою и опрятностью; общественный домъ, гдѣ ночуютъ холостые парни и который служитъ рукодѣльней въ ненастные дни, содержится въ величайшемъ порядкѣ, дороги обсажены по бокамъ фруктовыми деревьями; мосты изъ индійскаго тростника сдѣланы очень красиво и прочно; превосходно воздѣланные сады и поля могли бы служить образцами ассамскимъ плантаторамъ. У аборовъ есть жрецы, но это званіе не наслѣдственно; ихъ выбираютъ среди стариковъ, предсказанія которыхъ всего чаще оправдывались событіемъ и которые успѣшно исцѣляли больныхъ, «принуждали демоновъ возвращать недужнымъ душу, уже взятую ими». Падамцы татуируются, при чемъ крестъ служитъ главнымъ украшеніемъ, которымъ они отмѣчаютъ себѣ лобъ и носъ. Женщины имѣютъ тотъ же знакъ на губахъ и икрахъ: онѣ украшаютъ себя также ожерельями, браслетами и тяжелыми желѣзными серьгами, которыя, вытянувъ мочку уха, ложатся на плечахъ. Украшенія эти привозятся изъ Тибета, также, какъ латы мужчинъ и ихъ металлическіе шлемы, украшенные птичьимъ клювомъ или на-крестъ расположенными клыками кабана [1]).

Наименѣе изслѣдованная область горъ, гдѣ берутъ начало воды Дибонга и Брамакунда, населена народомъ мишми, который Дальтонъ считаетъ единоплеменниками китайскихъ міаоце и одно племя которыхъ удивительно походитъ чертами лица, формой тѣла, развитіемъ икръ на японцевъ-простолюдиновъ во всей средней части главнаго острова [2]). Тѣ мишми, съ которыми ассамскіе англичане имѣютъ сношенія, очень ловкіе коммерсанты: они приносятъ на рынки равнины мускусъ, аконитъ (волчій корень, или царь-зелье), разныя лекарственныя снадобья и даже прочныя матеріи, которыя они ткутъ изъ волоконъ крапивы. У большинства мишми цвѣтъ кожи желтоватый и лицо плоское; однако, многіе изъ нихъ имѣютъ черты лица почти арійскія, что сами они объясняютъ какъ слѣдствіе смѣшенія съ индусскими пилигримами, приходящими каждый годъ въ Брамакундъ; одѣты они въ какой-то мѣшокъ, ниспадающій до колѣнъ. Религія мишміевъ есть не что иное, какъ искусство колдованья и заклинаній; ихъ жрецы, какъ шаманы тунгусовъ, умѣютъ изгонять чертей и исцѣлять недуги своими кривляньями, изступленными плясками, битьемъ въ бубны. Мишми придерживаются многоженства, и гордость начальниковъ племени состоитъ въ томъ, чтобы пріобрѣсти себѣ какъ можно больше женъ, цѣна которымъ сильно разнится—отъ одной свиньи до двадцати быковъ. Послѣ женъ, главное богатство мишми составляетъ скотъ; особенно

---

[1]) „Robinson", тотъ же сборникъ 1851 г., № II; Dalton, „Ethnology of Bengal".

[1]) Krick, „Relation d'un voyage au Thibet".
[2]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

цѣнятъ они одинъ видъ быка, называемый митунъ (bos frontalis), который живетъ почти въ дикомъ состояніи, но который всегда тотчасъ же прибѣгаетъ на голосъ хозяина, когда тотъ предложитъ ему полизать соли. Огромные дома, изъ которыхъ каждый вмѣщаетъ въ себѣ сотню и больше обитателей, украшены внутри рогами митуна и трофеями животныхъ, убитыхъ на охотѣ. Слово «голова» употребляется у мишми для всѣхъ вещей, составляющихъ предметъ мѣны [1]). Причину этого не слѣдуетъ ли искать въ охотѣ на людей, которою они нѣкогда занимались?

Но изъ многочисленныхъ народцевъ племени мишми пока извѣстны только тѣ, которые живутъ въ сосѣдствѣ равнинъ. Остальныхъ же, обитающихъ внутри горной области, знаютъ лишь по имени, и если вѣрить разсказамъ купцовъ, пройдетъ еще много лѣтъ, прежде чѣмъ дороги проникнутъ въ территорію этихъ дикарей. Къ одному изъ этихъ горскихъ народцевъ, живущему по берегамъ рѣки Дихонгъ, можно, говорятъ, пробраться не иначе, какъ дорогой, проложенной по карнизу скалъ, которая въ одномъ мѣстѣ прерывается гладкою отвѣсною стѣною съ пробитыми въ ней дырами для рукъ и ногъ путешественниковъ [2]). Выяснить географію этихъ странъ будетъ тѣмъ труднѣе, что селенія тамъ не имѣютъ собственныхъ названій, а обозначаются по именамъ начальниковъ клановъ [3]).

V. Магометанская Индія.

Пенджабъ, Деpадіатъ, Багавальпуръ, Западная Раджпутана, Синдъ и Качъ, Пятирѣчье, Индъ и пустыня.

Вся страна четыреугольной формы, заключенная между кашмирскимъ Гималаемъ, краемъ афганскаго и белуджистанскаго плоскогорій, моремъ и горами Раджпутаны, представляетъ естественную область, совершенно отличную отъ остальной Индіи. Нѣкогда морской заливъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ найденные въ разныхъ мѣстахъ ископаемые остатки морскихъ животныхъ, Пенджабъ и Синдъ орошаются теперь рѣками, вытекающими изъ однѣхъ и тѣхъ же снѣговыхъ горъ и соединяющимися въ одинъ рѣчной бассейнъ. На востокъ отъ нижняго Инда вся территорія, въ настоящее время почти безводная, которая простирается до горы Абу и до цѣпи Аравали, тоже была орошаема этими рѣками, и теперь еще видны слѣды старыхъ руслъ, маленькія извилистыя озера или болота, окаймленныя дюнами. Рѣка Луни, спускающаяся къ заливу Качскому (Раннъ), параллельно Инду, прежде была связана съ сѣтью гималайскихъ потоковъ. Въ этой странѣ большихъ лѣтнихъ жаровъ всѣ посѣвы и культуры, а слѣдовательно и человѣческія поселенія, зависятъ отъ распредѣленія водъ. Когда какая-нибудь рѣка высохнетъ или перемѣнитъ русло, населеніе прилегающихъ къ ней мѣстностей должно неизбѣжно выселиться или погибнуть гораздо вѣрнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы страна подверглась нашествію цѣлой арміи кравожадныхъ истребителей. Такимъ-то образомъ почти всѣ жители сѣверо-западнаго Индустана принуждены были сгруппироваться въ территоріи Пятирѣчья и вдоль западнаго берега Инда, до самаго моря; только малочисленныя колоніи поселились на восточной сторонѣ рѣки, вдоль каналовъ и въ сырыхъ низменныхъ мѣстахъ. По большей мѣрѣ только половина этого края населена, и хотя нѣкоторыя части Пенджаба усѣяны городами, но общая плотность народонаселенія гораздо меньше въ этой странѣ, разсматриваемой въ цѣломъ, нежели въ остальной Индіи. Бассейнъ Инда отдѣленъ отъ Полуострова безводною пустыней: эти двѣ области связаны между собою въ торговомъ и политическомъ отношеніи лишь поясомъ воздѣланныхъ земель, идущимъ вдоль основанія Гималайскаго хребта, между бассейномъ Ганга и Пятирѣчьемъ. Легко понять, какъ велика, съ стратегической точки зрѣнія, важность этой полосы земли, соединяющей съ Англо-индійской имперіей область почти внѣшнюю рѣчнаго бассейна, имя котораго, однако, сдѣлалось именемъ всей Индіи. По самому своему положенію, сѣверо-западныя провинціи, по которымъ протекаетъ Синдъ, были наиболѣе уязвимою частью Индустана, и ихъ политическія судьбы часто измѣнялись. Брешь, образуемая долиной Кофена, или рѣки Кабулъ, часто позволяла завоевателямъ проникать въ Индію. Черезъ этотъ проломъ пришли и сами арійцы, оттѣсненные мало-по-малу къ востоку притокомъ новыхъ переселеній. Съ западныхъ плоскогорій спустились древне-персидскіе завоеватели, затѣмъ греки Александра Македонскаго, далѣе арабы, турки подъ предводительствомъ Великаго-Могола, афганцы, и въ эту же сторону постоянно обращаютъ взоры нынѣшнія населенія Индіи, задавая себѣ вопросъ: не собираются ли и русскіе, въ свою очередь, спуститься къ нимъ?

Пространство и населеніе бассейновъ Инда и Луни и острововъ Качскаго залива:

	Площадь въ кв. километр.	Населеніе въ 1872 г. душъ.	Число жит. на 1 кв. к.
Пенджабъ (безъ Дели	257.347	15.695.075	61
Вассальныя государства равнины (Сиргиндъ, Капуртала, Багавальпуръ)	61.309	2.952.100	48

[1]) Cooper, „New routes for Commerce“.
[2]) Dalton, „Ethnology of Bengal“.
[3]) Cooper, „New routes for Commerce“.

7

	Площадь въ кв. километр.	Населеніе въ 1872 г. душъ.	Число жит. на 1 кв. к.
Западная Раджпутана (Марваръ и Биканиръ)	199.285	6.885.000	36
Синдъ, Хайрпуръ и Качъ	160.356	2.810.070	18
Всего	678.297	28.342.245	40
Вѣроятная цифра народонаселенія въ 1882 г.		30.000.000	44

Имя Пенджабъ—по-санскритски Пандшанада,—или «Пять Рѣкъ», смѣнившее прежнее названіе Сапта Синдхава, или «Семь Рѣкъ», доказываетъ, что гидрографія сѣверо-западной равнины Индустана измѣнилась уже во времена историческія. Нѣкоторыя рѣки высохли, «пропали», по народному выраженію; обширныя пространства земли, нѣкогда густо населенныя, превратились въ безлюдныя пустыни; песчаныя дюны, гонимыя вѣтромъ, поглотили многіе города, зданія которыхъ теперь откапываютъ подъ землей. Климатъ сдѣлался, вѣроятно, суше, и, слѣдовательно, почва безплоднѣе. Правда, что уже и въ ту эпоху, когда первые арійцы поселились въ мѣстностяхъ, орошаемыхъ «семью» рѣками, имъ часто приходилось терпѣть отъ продолжительныхъ засухъ, и они то и дѣло взывали къ Индрѣ, умоляя его «пролить дождь для жертвоприносителя»; но пустынное пространство, или «царство смерти», было тогда менѣе обширно, и области, оплодотворяемыя текучими водами, занимали болѣе значительную площадь. Постепенное высыханіе озеръ Гималайскаго хребта, большинство которыхъ превратилось въ соляныя водныя поверхности, свидѣтельствуетъ о совершившемся измѣненіи климата, которое, естественно, должно было проявиться также и въ равнинахъ; въ то время, какъ умалялось количество выпадающаго снѣга на вершинахъ горъ, уменьшались и дожди въ низменныхъ мѣстностяхъ.

Гидрографія Пенджаба должна была измѣняться также вслѣдствіе блужданія горныхъ потоковъ, которые, по выходѣ изъ гималайскихъ «воротъ», должны искать себѣ покатости на почвѣ почти ровной; плоскій песчаный или покрытый мелкимъ булыжникомъ берегъ, уступающій на томъ или другомъ пунктѣ напору воды, стволъ дерева, уносимый теченіемъ, достаточны для того, чтобы русло потока перемѣстилось, рѣчка или рѣка принимаетъ новое направленіе и иногда къ другому бассейну. Водораздѣльная равнина, высотой около 250 метровъ, отдѣляющая теченіе Сетледжа отъ теченія Джамны, съ виду совершенно горизонтальна, и дѣйствительно, подъемъ ея такъ малъ, что промежуточный порогъ, находящійся въ 144 километрахъ къ западу отъ Джамны, всего только на 20 метровъ (28 аршинъ) возвышается надъ среднимъ стояніемъ водъ этой рѣки. Большинство рѣкъ, спускающихся съ передней цѣпи Гималая, текутъ совершенно въ уровень одна съ другою и съ равниной, вслѣдствіе чего онѣ соединяются между собою каналами, естественными и искусственными, образуя цѣлую сѣть потоковъ въ мѣсяцы наводненія; рукава ихъ развѣтвляются на подобіе вѣтвей опахала, образуя среди плантацій и лѣсовъ равнины родъ дельты, которая теряется не въ Океанѣ, а въ пустынѣ; какъ на примѣръ этого явленія развѣтвленій на рукава, можно указать на Голанадди, рѣку, гдѣ течетъ излишекъ водъ Кумаонскихъ озеръ. Есть основаніе думать, что Джамна, нынѣ главный притокъ Ганга, направлялась нѣкогда къ Инду, принося плодородіе странамъ Западной Раджпутаны, въ наши дни пустыннымъ. Съ другой стороны, рѣка Сарасвати, которая теперь теряется въ пескахъ между Джамной и Сетледжемъ, упоминается въ Магабгаратѣ какъ одинъ изъ притоковъ Ганга [1]).

Незначительный временный потокъ, который въ настоящее время остается отъ Сарасвати или Сарсути, повидимому, совсѣмъ не заслуживалъ тѣхъ пѣснопѣній, которыя слагали въ честь его древніе арійскіе поэты. Вытекая изъ предгорій Гималая, онъ приноситъ въ равнину, на порогъ, отдѣляющій Джамну отъ Сетледжа, лишь дождевыя воды, обильныя только послѣ ливней; въ обыкновенное же время эта рѣчка, отводимая справа и слѣва въ оросительныя канавы, скоро изсякаетъ; даже нужно задерживать ее запрудами, чтобы приходящіе пилигримы могли смывать свои грѣхи въ ея священныхъ водахъ [2]); на мѣстѣ сліянія «Семи Сарасвати», о которомъ говоритъ Магабгарата, теперь остался только прудъ, наполненный грязной водой; Сарасвати не можетъ болѣе соединяться съ параллельною ей рѣкою Гаггаръ, съ которою она текла прежде, либо въ Индъ [3]), либо прямо въ море, къ Качскому заливу. Исчезновеніе Сарасвати должно было совершиться въ эпоху уже очень отдаленную отъ насъ, такъ какъ древнія индійскія поэмы упоминаютъ объ этомъ событіи и тысячи мѣстныхъ легендъ связаны съ преданіемъ о бѣгствѣ богини. Ниже послѣднихъ лужъ, гдѣ вода Сарасвати показывается еще въ пескахъ, видна мѣстами та широкая ложбина, въ которой нѣкогда извивалось ея теченіе, ложбина, окаймленная по сторонамъ давно покинутыми селеніями и обрушившимися плотинами; инженеры-топографы прослѣдили и обслѣдовали эту ложбину до самаго Багавальпура, верстъ на триста далѣе мѣстечка Батнеръ, крайняго южнаго пункта, до котораго она теперь достигаетъ въ періодъ

[1]) Ади-Парва, двустишіе 6455.

[2]) Login, „Quarterly Journal of the Geographical Society“ may 1, 1872.

[3]) Vivien de Saint-Martin, „Géographie du Véda“.

разлива. Безъ сомнѣнія, арійцы, обитавшіе на берегахъ Сарасвати, придавали особенную, исключительную важность этой рѣкѣ, которая долгое время служила имъ границей; но какъ бы ни было велико ихъ желаніе прославлять священный потокъ, они не могли бы описывать его такъ, какъ они описывали, если бы онъ не былъ дѣйствительной рѣкой. Самое имя, которое они ему дали, «Многоводная рѣка», стало впослѣдствіи примѣняться къ морю. Ригъ-Веда изображаетъ рѣку Сарасвати, какъ «прекраснѣйшую, достойную любви и наиболѣе почитаемую изъ семи сестеръ»; она (т. е. Сарасвати) «быстрѣе колесницы» и «защищаетъ своихъ, какъ желѣзная стѣна» [1]; это огромный потокъ, пробивающій горы и превосходящій всѣ другія рѣки своими шумящими волнами [2]. Невозможно, конечно, объяснить контрастъ между нынѣшнею, лѣниво текущею рѣчкою и тогдашнимъ стремительнымъ потокомъ прорытіемъ каналовъ, уносящихъ воды Сарасвати на прибрежныя равнины, такъ какъ и другія рѣки въ такой же мѣрѣ доставляютъ необходимую воду для орошенія полей и плантацій. Точно также нельзя объяснять обмелѣніе Сарасвати измѣненіемъ климата или обезлѣсеньемъ горъ, такъ какъ тѣ же причины одинаково дѣйствовали во всемъ бассейнѣ Инда. Слѣдовало бы допустить, что нынѣшняя Сарасвати не та рѣка, о которой говорятъ древне-индійскіе поэты,— предположеніе, которое не согласовалось бы съ общею географіею страны, какъ ее изображаетъ Веда; или нужно было бы видѣть въ исчезновеніи могучей рѣки слѣдствіе одного изъ тѣхъ перемѣщеній, которыя такъ часто происходили у «воротъ» Гималая. Подобно тому, какъ Тиста, вмѣсто того, чтобы течь къ Брахмапутрѣ, спускалась прежде къ Гангу, такъ и Сетледжъ, или одинъ изъ его рукавовъ, не впадалъ непосредственно въ Индъ и не соединялся съ Біасомъ; протекая южнѣе, онъ принималъ въ себя рѣки Гаггаръ и Сарасвати. Это онъ, вѣроятно, и наполнялъ ту широкую безводную ложбину, которая теперь видна въ пустынѣ, и такимъ образомъ составлялъ продолженіе «священной» рѣки [3]. Фергюсонъ, напротивъ, полагаетъ, что древняя Сарасвати была не что иное, какъ одинъ изъ рукавовъ Джамны [4].

Какъ бы то ни было, вся страна Пятирѣчья изборождена по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ рѣчными ложами, изъ которыхъ одни наполнены водой, другія опорожнены, вполнѣ или отчасти, и къ которымъ примѣшиваются тамъ и сямъ искусственные каналы, превращенные разливами въ живые потоки. Иная рѣка принадлежала послѣдовательно къ двумъ различнымъ бассейнамъ; другая, бывъ сначала главною вѣтвью, снизошла впослѣдствіи на степень простаго притока. Оттого-то преданія и историческія свидѣтельства, противорѣчащія одно другому относительно многихъ пунктовъ, не позволяютъ установить съ полной достовѣрностью тожество всѣхъ чертъ этой гидрографической сѣти, безпрестанно видоизмѣнявшейся въ теченіе вѣковъ; единственныя неизмѣнныя, неподвижныя точки—это бреши, открывающіяся между массивами холмовъ верхняго Пенджаба. Благодаря этимъ дефилеямъ, «Пять Рѣкъ», несмотря на всѣ перемѣщенія ихъ нижняго русла, не удалились отъ своихъ верхнихъ долинъ со времени похода Александра Македонскаго. Комментаторы нисколько не сомнѣваются относительно синонимія древнихъ и новыхъ именъ этихъ рѣкъ, «свято чтимыхъ матерей», которыя сходятъ съ неба и которымъ земля обязана своимъ плодородіемъ. Вотъ эти имена.

Рѣки Пенджаба, съ запада на востокъ:

Имена санскритскія.	Греческія.	Нынѣшнія.
Витаста.	Гидаспесъ, Бидаспесъ.	Джиламъ, Бегатъ, Бедаста.
Асикни, Чандра-Бага.	Акесинесъ.	Чинабъ, Чандра-Бага.
Парушни, Иравати, „Обильная“.	Гидраотесъ.	Рави, Рава, Равати.
Випаса.	Гифазисъ, Гипазисъ, Бипазисъ.	Біасъ, Бейахъ.
Сатадру, Сутудри (сто рукавовъ).	Зададросъ.	Сетледжъ, Гарра, Газа и пр.

Изъ всѣхъ этихъ рѣкъ самая значительная, какъ по длинѣ теченія, такъ и по обилію водъ,— Сатледжъ, или Сетледжъ, зарождающійся близъ Тибетскаго Кайласа, въ сосѣдствѣ истоковъ Инда, Ганга и Цангбо. Соединяясь въ наши дни съ Біасомъ, уже въ верхней области Пенджаба, онъ течетъ прямо на юго-западъ и сливается съ большимъ потокомъ Тримабъ, или «Трехъ Рѣкъ», образуемымъ рѣками Чинабъ, Джиламъ и Рави. Эти соединенныя пять рѣкъ, за которыми различные писатели удерживаютъ имена Сетледжъ или Чинабъ, тогда какъ другіе употребляютъ названіе Панджнадъ, впадаютъ въ Индъ, объемъ котораго онѣ удвоиваютъ, и который продолжаетъ ихъ въ юго-западномъ направленіи. Мѣсто сліянія лежитъ только на 79 метровъ выше уровня Аравійскаго моря.

Стокъ, или расходъ (объемъ протекающей въ секунду воды) рѣкъ Пенджаба въ сезонъ мелководья, при выходѣ изъ горъ, по Бекеру, Коннингаму, Нэпиру и др. (въ кубическихъ метрахъ):

[1] „Rig Veda“, trad. Langlois, tome III.
[2] Langlois; Vivien de Sint-Martin; Zimmer, „Altindisches Leben“.
[3] Oldham, „Notes on the lost Rivers of the Indain Desert“.
[4] Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India“.

Сетледжъ—89; Чинабъ—131; Біасъ—86; Джиламъ—112; Рави—75; стокъ Пенджаба или Пяти Рѣкъ, принимая въ разсчетъ испареніе—335; стокъ Инда во время мелководья, при сліяніи—420; стокъ двухъ соединенныхъ рѣкъ, въ мелководье—756; стокъ средній Инда, при сліяніи—4.498.

Въ періодъ половодья Сетледжъ и другія рѣки имѣютъ очень внушительный видъ; онѣ разливаются на версту, мѣстами на нѣсколько верстъ въ ширину и настолько глубоки, что по нимъ могутъ ходить большія суда; пароходы поднимаются тогда по Сетледжу до Фирозпура, ниже устья Біаса. Въ это время, т. е. въ сезонъ наводненій, рѣки Пенджаба вполнѣ заслуживаютъ сравненія индійскихъ поэтовъ, которые показываютъ намъ кортежъ Инда какъ блестящую свиту царя, окруженнаго военачальниками на быстрыхъ коняхъ [1]). Но въ періодъ засухи тѣ же самыя рѣки являются въ видѣ узкихъ и мелководныхъ потоковъ, извивающихся между острововъ и песчаныхъ мелей; воды въ нихъ въ это время такъ мало, что даже сплавлять лѣсъ не всегда возможно. Часто прибрежные жители переходятъ ихъ въ бродъ, не имѣя надобности опираться на носимые съ собою и употребляемые для переправы мѣшки изъ буйволовой кожи, которые издали походятъ на самихъ животныхъ, такъ что караваны путниковъ, нагруженныхъ этими курьезными челноками, представляютъ странное зрѣлище. Изъ года въ годъ кровопусканія, дѣлаемыя пенджабскимъ рѣкамъ, чтобы отнять у нихъ излишекъ водъ разлива въ пользу требующихъ орошенія полей, умаляютъ стокъ, и соотвѣтственно тому безплодныя пространства доабовъ, т. е. земель «между двумя рѣками», постоянно уменьшаются въ размѣрахъ. Выходя изъ горъ, рѣка Рави катитъ вдвое больше воды, чѣмъ у Лагора, втрое больше, чѣмъ у Мультана; безъ сомнѣнія, ни одна изъ этихъ пяти рѣкъ не достигала бы моря отдѣльно; каждая терялась бы въ пескахъ, какъ Сарасвати, если бы не доходила до Инда [2]).

Къ югу отъ этихъ еще мало извѣстныхъ ущелій, которыми онъ пробирается, обогнувъ массивъ Нанга-Парбатъ, Индъ, или Або-Синдъ, т. е. «Отецъ Рѣкъ», вступаетъ въ Пенджабъ какъ бы черезъ тріумфальныя ворота,—отсюда турецкое имя «Дербендъ», данное этому проходу, надъ которымъ съ запада господствуютъ Магабанскія горы. Эти ворота, черезъ порогъ которыхъ путешественники не отваживались переходить, считались прежде «истоками Инда», хотя рѣка въ этомъ мѣстѣ находится въ 1.300 километрахъ отъ своего истиннаго начала и совершила уже около половины своего пути до моря. По выходѣ изъ горъ, Индъ разливается сначала въ широкомъ руслѣ, среди обширной равнины, бывшей нѣкогда озеромъ, и соединяется съ рѣкой Кабулъ, по виду такой же могучей, какъ онъ самъ, и гораздо болѣе важной съ исторической точки зрѣнія, такъ какъ по этой рѣкѣ направляется главный путь Индіи, которымъ слѣдовали во всѣ времена переселенія народовъ, торговое движеніе и арміи завоевателей. На небольшомъ разстояніи внизъ отъ сліянія двухъ потоковъ, Индъ ударяется о скалы, отъ которыхъ городъ, защищающій переходъ черезъ рѣку, получилъ имя Аттокъ, или «Остановка»; существовавшій въ этомъ мѣстѣ пловучій мостъ замѣненъ теперь желѣзнодорожнымъ путеводомъ о четырехъ пролетахъ. Затѣмъ рѣка снова должна пробираться длиннымъ рядомъ ущелій между крутыхъ каменныхъ стѣнъ; на пространствѣ около 160 километровъ горы и холмы заставляли путешественниковъ сворачивать или на сѣверъ, или на югъ, чтобы переправиться черезъ Индъ. При такихъ условіяхъ Аттокская позиція не могла не сдѣлаться обязательнымъ мѣстомъ перехода въ исторіи міра; крѣпости, слѣдовавшія одна за другою въ этомъ мѣстѣ, наблюдаютъ за путемъ, спускающимся съ Гинду-куша къ Гангу. Прежде Индъ часто называли Аттокомъ или Нилабомъ, по имени форта, стоящаго ниже Аттока, при одной тѣснинѣ рѣки. Чтобы лучше защитить свою границу со стороны Афганистана и имѣть возможность, въ случаѣ надобности, двинуть параллельно двѣ арміи въ направленіи Кабула, англичане построили къ югу отъ Аттока вторую желѣзнодорожную линію, которая подойдетъ къ рѣкѣ Кушалъ-Гара и впослѣдствіи будетъ продолжена къ Когату и полуденному склону хребта Сефидъ-Кохъ.

По выходѣ изъ ущелья Калабахскаго (Карабахскаго), или «Чернаго Сада», Индъ окончательно покидаетъ область горъ и, снова очутившись на свободѣ, змѣится длинными извилинами по равнинѣ, окаймленной боковыми потоками или рукавами и ложными рѣками, указывающими прежнія русла главной рѣки. Получая только одинъ постоянный притокъ съ западной стороны, Курамъ, онъ постепенно уменьшается отъ испаренія до Митанкота, гдѣ принимаетъ въ себя Панджнадъ, образовавшійся изъ сліянія «Пяти Рѣкъ». Въ этой области, гдѣ сталкиваются теченія двухъ большихъ рѣкъ, капризы выступившей изъ береговъ рѣки опаснѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Самый Митанкотъ былъ разрушенъ въ 1863 году разливомъ Инда, вслѣдствіе чего принуждены были перенести городъ верстъ за восемь отъ нынѣшняго берега, на возвышенное мѣсто, защищенное отъ наводненій. Оградительные валы, воздвигаемые инженерами съ той и другой стороны для защиты береговъ, оставляютъ рѣчнымъ водамъ среднюю ширину въ 8 километровъ,

[1]) „Rig Veda", X, 75; Vivien de Saint-Martin, „Géographie grecque et latine de l'Inde".

[2]) Adolph von Schlagintweit, „Mittheilungen von Petermann", 1857, № 7.

еще недостаточную въ дождливое время года. Но уровень разливовъ постоянно уменьшается по направленію къ низовью; тогда какъ въ Аттокскомъ дефиле вода въ рѣкѣ поднимается на 16 метровъ (около 7½ саженъ) выше зимняго стоянія, въ проходѣ Рори повышеніе уровня составляетъ только 5 метровъ (7 аршинъ).

Въ этомъ мѣстѣ, т. е у Рори, рѣка съуживается, чтобы пройти маленькую цѣпь известковыхъ холмовъ, которая немного нарушаетъ горизонтальность равнины. Береговой утесъ, на которомъ расположенъ городъ Рори, поднимается на 13 метровъ надъ среднимъ уровнемъ воды, и лежащій на серединѣ рѣки скалистый островокъ Баккаръ (Буккуръ), на которомъ высятся стѣны крѣпкаго за́мка, прерываетъ теченіе; этотъ естественный устой, такъ сказать, напередъ указывалъ мѣсто для постройки моста черезъ рѣку, который дѣйствительно и сооруженъ тутъ. Основываясь на геологическомъ изслѣдованіи почвы, а также на словахъ преданія, —не опирающагося, впрочемъ, на какія-либо историческія свидѣтельства,—можно заключить съ большою вѣроятностью, что Индъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ встрѣчаетъ известковую цѣпь Рори, поворачивалъ прежде на югъ и направлялся прямо къ Качскому Ранну, соединяясь съ рѣкой, которая, какъ полагаютъ, составляла нѣкогда продолженіе Сетледжа и Сарасвати черезъ каналъ Гакра, или Вагиндъ, нынѣ высохшій. Ложбина древняго рѣчнаго русла извѣстна обыкновенно подъ именемъ «Восточной» Нарры, или просто Нарры (рѣка), и въ сезонъ дождей она дѣйствительно даетъ проходъ временной рѣкѣ, разливающейся мѣстами въ озера и болота. Обыкновенно на картахъ Восточная Нарра представлена какъ простой истокъ Инда, какъ верхняя вѣтвь его дельты; но въ наши дни очень рѣдко такъ бываетъ. Въ настоящее время сообщеніе между Индомъ и ложбиной Нарры установляется при помощи шлюзованнаго канала. Только при исключительно высокихъ разливахъ воды главной рѣки переливаются черезъ береговыя плотины въ восточную пустыню и теряются въ равнинахъ Патъ или даже въ солончаковыхъ пространствахъ Ранна. Но если бассейнъ Нарры теперь почти независимъ отъ Инда, то онъ несомнѣнно не былъ такимъ еще въ недавнюю историческую эпоху. До сихъ поръ еще видно широкое русло, извѣстное подъ именемъ Райнъ, которое несло воды главной рѣки въ Нарру, и о которомъ преданіе говоритъ какъ о главномъ руслѣ Инда. Другіе каналы, широкіе и глубокіе, вырытые ниже въ пустынѣ, свидѣтельствуютъ о безпрестанныхъ блужданіяхъ рѣки, искавшей наиболѣе удобнаго пути къ морю. По словамъ Борнса, одинъ рукавъ Инда, носившій названіе Пурана, или «Древній», протека еще въ 1672 году на разстояніи около 200 километровъ къ востоку отъ нынѣшняго устья. Всѣ признаки, обнаруженные изученіемъ страны, указываютъ на тотъ фактъ, что великая индійская рѣка постоянно подвигалась все далѣе и далѣе отъ востока къ западу или въ силу качательнаго движенія почвы въ этомъ направленіи, или вслѣдствіе вращенія земнаго шара, заставляющаго рѣки сѣвернаго полушарія уклоняться вправо отъ нормальнаго направленія. Это постепенное перемѣщеніе Инда къ западу имѣетъ то слѣдствіе, что сосѣднія, лежащія на востокъ отъ него, мѣстности все болѣе и болѣе изсушаются, и многіе прѣсноводные потоки, отдѣляясь отъ главной рѣки, превращаются въ соляныя озера. Работы по регулированію водъ, производимыя англійскими инженерами, имѣли подобныя же слѣдствія. Въ одной части своего теченія Восточная Нарра задѣваетъ песчаные берега пустыни Таръ, и еще очень недавно развѣтвлялась между дюнами многочисленными параллельными бухтами, напоминавшими своею формой длинные, соединяющіеся съ рѣкой, каналы, которые раздѣляютъ бугры на Каспійскомъ прибрежьи. Эти заливы, имѣвшіе одинаковое направленіе къ сѣверо-востоку, сообразно расположенію дюнъ, превращались въ озера въ сухое время года, когда Нарра переставала питать ихъ; многіе изъ нихъ становились тогда резервуарами соленой воды, такъ что дикія животныя обѣгали ихъ; другіе же, остававшіеся прѣсноводными бассейнами, дѣлались сборнымъ мѣстомъ газелей и всякой водяной птицы. Чтобы употребить до послѣдней капли, для орошенія, драгоцѣнную воду рѣки, инженеры запрудили входъ въ бухты, вслѣдствіе чего эти послѣднія, по большей части, высохли и превратились въ пласты соли. Такимъ образомъ, первоначальный видъ этой странной бахромы изъ озеръ совершенно измѣнился.

Дельта Инда начинается въ 150 километрахъ отъ моря и образуетъ треугольникъ величиною въ 8.000 квадр. километровъ, основаніе котораго тянется на пространствѣ 200 километровъ вдоль берега Аравійскаго моря. Однако, бо́льшая часть сплетенія развѣтвляющихся лимановъ, разрѣзывающаго морское побережье между главнымъ рукавомъ и портомъ Карачи, не точно обозначается именемъ «устьевъ Инда», и должна быть разсматриваема какъ совершенно независимая отъ рѣки сѣть водъ. Правда, эти мнимые рукава получаютъ, особенно въ періодъ разливовъ, кое-какіе маленькіе истоки дельты, но почти всѣ они имѣютъ соленую воду и проникаютъ внутрь материка подъ напоромъ вѣтра и морскаго прилива [1]): это океаническіе лиманы, въ родѣ тѣхъ, какіе

[1]) Tremenheere, „Journal of the Geographical Society of London“, 1867.

встрѣчаются въ очень многихъ мѣстахъ на берегахъ Гвинеи. Однако, весьма вѣроятно, что эти заливчики, не имѣющіе сообщенія съ рѣкой, были въ разныя времена вѣтвями Инда; доказательствомъ служатъ многочисленныя излучины, засыпанныя тамъ и сямъ пескомъ, которыя развѣтвляются и взаимно пересѣкаются между рѣкой и моремъ; повсюду почва состоитъ изъ рѣчныхъ наносовъ, переработанныхъ теченіями; даже тамъ, гдѣ бывшіе рукава не оставили послѣ себя лужъ, которыя свидѣтельствовали бы о ихъ проходѣ, рощицы тамарисковъ и мимозъ и, вблизи моря, извилистыя шпалеры изъ корнепусковъ указываютъ издали берега прежнихъ руслъ, теперь засыпанныхъ. Въ теченіе этого столѣтія главное устье уже много разъ перемѣняло мѣсто; въ 1800 году главнымъ русломъ былъ рукавъ Багаръ, который извивался въ западномъ направленіи, и отъ котораго теперь остались только кое-какіе слѣды. Его смѣнилъ рукавъ Сата, или Ваніани; въ 1819 году одинъ изъ южныхъ рукавовъ, Кедевари, сдѣлался главнымъ входомъ для плывущихъ съ моря судовъ; затѣмъ настала очередь Какайвари, протока, который открылся къ югу отъ предыдущаго, бывъ передъ тѣмъ простымъ заливчикомъ или временнымъ потокомъ. Въ 1867 году этотъ каналъ тоже, въ свою очередь, обмелѣлъ и былъ занесенъ иломъ и пескомъ. Въ настоящее время истиннымъ русломъ рѣки сдѣлался рукавъ Гаджанро, вѣтвь дельты, гдѣ еще около половины нынѣшняго столѣтія могли пробираться только маленькіе челноки. Подтачиваніе и размываніе высокихъ береговъ происходитъ, во время разливовъ, такъ быстро, что иногда въ продолженіе одной минуты слышенъ нѣсколько разъ шумъ отъ слѣдующихъ одинъ за другимъ обваломъ берега, словно громъ пушечной пальбы, раздающійся на полѣ сраженія.

Число устьевъ Инда невозможно опредѣлить съ точностью, такъ какъ оно мѣняется отъ каждаго періода засухи до слѣдующаго періода половодья, и такъ какъ многіе изъ временныхъ боковыхъ потоковъ развѣтвляются на измѣнчивые рукава; въ среднемъ число вѣтвей, судоходныхъ для барокъ, варьируетъ отъ двухъ до десяти въ теченіе года. Торговые города, стоящіе на томъ или другомъ изъ временныхъ рукавовъ, по необходимости должны были переноситься на другое мѣсто, сообразно блужданіяхъ рѣки, если не хотѣли обречь себя на неминуемый упадокъ. Такъ, Шахъ-Бундаръ, или «Царскій портъ», нѣкогда мѣстопребываніе военныхъ флотовъ, остался далеко внутри материка, къ востоку отъ нынѣшняго теченія Инда; точно также городъ Гора-Бари, или Виккаръ, на рукавѣ Гаджанро, въ 1848 году былъ покинутъ рѣкой, которая удалилась отъ него; Кети выстроился ниже, на берегу новаго русла, но вскорѣ послѣ того жители принуждены были перенести свой городъ немного дальше. Въ свою очередь, и этотъ второй Кети утратилъ свою важность съ тѣхъ поръ, какъ постройка желѣзной дороги къ порту Карачи, на сѣверѣ дельты, позволила движенію товарныхъ грузовъ миновать измѣнчивое теченіе рѣки; вообще, какъ только торговля не удерживаетъ ихъ, жители поспѣшно бѣгутъ съ этихъ низменныхъ земель, болѣе опасныхъ, чѣмъ Понтинскія болота [1]). Въ часы отлива, бары, заграждающіе входъ во всѣхъ устьяхъ Инда, оставляютъ судамъ весьма незначительную глубину, измѣняющуюся отъ одного до двухъ метровъ; средняя высота большаго прилива, во время новолунія и полнолунія, около 3 метровъ.

Столь мало доступный большимъ судамъ, Индъ есть, тѣмъ не менѣе, по обилію своихъ водъ, одна изъ значительныхъ рѣкъ Азіи; однако, и въ этомъ отношеніи его много превосходятъ другія южно-азіатскія большія рѣки, Янтсекіангъ, Меконгъ, Иравадди, Брахмапутра, Гангъ; говорятъ, онъ уступаетъ даже Шатъ-эль-Арабу, но, вообще говоря, въ немъ больше воды, чѣмъ въ Гоанъ-го, или Желтой рѣкѣ (Индъ катитъ въ секунду времени: въ періодъ половодья—17.500 куб. метровъ; въ періодъ мелководья—1.156 куб. метр.; среднимъ числомъ—5.550 куб. метр.). Это одна изъ самыхъ мутныхъ рѣкъ въ свѣтѣ; вода ея содержитъ каменныхъ обломковъ и землистыхъ частицъ, илу и песку въ пропорціи (средней) отъ 2 до 3 тысячныхъ, и вычислено, что эти осадки могли бы образовать въ теченіе года островъ пространствомъ въ 166 квадр. километровъ и въ одинъ метръ глубины [2]). При каждой новой съемкѣ приходится наносить на морскія карты островки и песчаныя мели недавняго образованія. Тѣмъ не менѣе, однако, дельта Инда мало выступаетъ за нормальную линію берега, что, безъ сомнѣнія, должно быть приписано дѣйствію береговаго морскаго теченія. Подойдя къ материку, приливная волна, гонимая юго-западнымъ муссономъ, принуждена изгибаться и идти вдоль побережья, направляясь на сѣверъ, въ Карачи. Это теченіе захватываетъ приносимыя Индомъ землистыя частицы и разбрасываетъ ихъ вдоль морскаго берега, какъ о томъ свидѣтельствуетъ составъ слюдянаго песку на пляжахъ, совершенно одинаковый съ пескомъ, который рѣка отлагаетъ на своихъ берегахъ. Наносы, не увлекаемые далеко береговымъ теченіемъ, большею частью теряются на югѣ въ глубокой подводной долинѣ, открывающейся непосредственно на югъ отъ рѣчныхъ устьевъ, и дна которой лотъ не достаетъ даже на глубинѣ 400 метровъ. Эта пучина, извѣстная у англійскихъ моряковъ

[1]) Richard Burton, „Sind revisited".
[2]) Tremenheere, цитированный мемуаръ.

подъ именемъ swatch, составляетъ совершенный географическій pendant подводной впадины того же имени, вырытой по другую сторону Полуострова, противъ дельты Ганга [1]).

Мужскіе и женскіе типы бутанцевъ.

Восточная часть низменности, простирающейся до горъ Аравали, занята въ большей части пустыней; пустынныя пространства начинаются уже въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ пояса городовъ и воздѣланныхъ земель, идущаго вдоль основанія Гималайскихъ предгорій. Замедляемыя въ своемъ теченіи горизонтальностью почвы, истощаемыя ирригаціонными каналами, рѣки, вытекающія изъ горъ, проходятъ довольно короткій путь; подвигаясь впередъ, онѣ постепенно уменьшаются, затѣмъ дробятся на лужи, а еще далѣе не

[1]) Tremenheere, цитированный мемуаръ.

имѣютъ даже столько воды, чтобы увлажнять песокъ. Дожди удлиняютъ ихъ теченіе на нѣсколько миль къ югу; засухи заставляютъ ихъ снова отступать къ сѣверу. Однако, эти рѣки продолжаютъ сочиться въ нижнихъ слояхъ почвы на нѣкоторое разстояніе внизъ отъ того мѣста, гдѣ онѣ дѣлаются невидимыми на поверхности земли, и колодцы, копаемые на линіи ихъ подземнаго теченія, даютъ воду на глубинѣ 30, затѣмъ 60, даже 100 метровъ; въ Джайсальмирѣ воду находятъ только на глубинѣ 170 метровъ (около 80 саженъ). Далѣе вода совершенно изсякаетъ; до самаго Индійскаго океана, на пространствѣ около 500 километровъ, не существуетъ болѣе ни одного потока, видимаго или скрытаго, за исключеніемъ бывшихъ истоковъ Инда и Луни, или «Соляной рѣки», спускающейся съ горъ Раджпутаны; здѣсь мы уже вступаемъ въ страшную пустыню, извѣстную подъ именемъ Индійской, или Таръ.

Эта область вовсе не однообразная равнина, какъ ее часто представляютъ. Это страна дюнъ, обширное песчаное море, волны котораго, подобныя волнамъ Атлантическаго океана, вздымаемымъ пассатными вѣтрами, слѣдуютъ одна за другою въ видѣ непрерывнаго ряда повышеній и пониженій почвы. Борнсъ говоритъ, что около Джайсальмира эти горки тянутся по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку [1]); на картахъ-же, составленныхъ инженерами-топографами англійскаго правительства, общая оріентировка песчаныхъ холмовъ показана съ юго-запада на сѣверо-востокъ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ страны съ юга на сѣверъ; но вездѣ холмы сохраняютъ въ своемъ направленіи почти геометрическую правильность. Всѣ эти дюны обращены крутымъ скатомъ на юго-востокъ или на востокъ, а пологимъ на сѣверо-западъ или западъ. Какъ объяснить происхожденіе этихъ песчаныхъ горокъ? Если предположить, что онѣ были нанесены вѣтромъ, то нужно было бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, допустить, что воздушный токъ, вздымавшій песокъ и образовавшій изъ него гряды пустыни Таръ, двигался отъ сѣверо-запада, т. е. какъ разъ подъ прямымъ угломъ къ атмосфернымъ теченіямъ, господствующимъ тамъ въ наши дни, сѣверо-восточному пассату и юго-западному муссону; но нельзя думать, чтобы общее направленіе воздушныхъ токовъ могло различествовать до такой степени отъ нынѣшнихъ движеній атмосферы, такъ какъ эти движенія происходятъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе вращенія нашей планеты на своей оси. Быть можетъ, вѣрнѣе было бы видѣть во всѣхъ этихъ песчаныхъ холмахъ не дюны, нанесенныя и прямолинейно расположенныя вѣтромъ, а бугры, образовавшіеся вслѣдствіе дрожанія почвы, столь часто колеблющейся въ области Инда; это было бы явленіе, аналогичное тѣмъ фигурамъ, которыя смычекъ физиковъ производитъ на вибрирующихъ пластинкахъ, и которыя извѣстны подъ именемъ хладніевыхъ. При томъ же, правильныя горки пустыни Таръ не подвижны, какъ обыкновенныя дюны, развѣ стада потопчутъ ихъ поверхность или люди срѣжутъ растущій на нихъ кустарникъ и травы; тогда вѣтеръ подхватываетъ верхнія песчинки, кружитъ ихъ въ воздухѣ и переноситъ на другіе холмы. Самыя высокія изъ этихъ грядъ поднимаются надъ окружающими равнинами на 130 метровъ (около 60 саженъ), превышая почти на цѣлую треть самые возвышенные песчаные холмы французскихъ ландъ; но средняя высота индійскихъ песчаныхъ горокъ всего только около 50 метровъ (23 сажени), а во многихъ частяхъ Тара она еще менѣе значительна. Вокругъ пояса дюнъ разстилается равнина, извѣстная подъ именемъ Патъ,—обширная степь, желтая или красная, испещренная тамъ и сямъ бѣлыми пятнами и полосами соляныхъ эффлоресценцій.

Хотя Таръ обыкновенно называется, въ разговорной рѣчи и въ документахъ всякаго рода, «пустыней», онъ, однако, не совсѣмъ необитаемъ; переселенцы, приходящіе изъ сосѣднихъ, переполненныхъ народомъ, мѣстностей, стараются извлечь изъ его неплодородной почвы хоть какой-нибудь скудный урожай. Въ среднемъ выводѣ, дожди не превышаютъ 15 сантиметровъ въ этой части Индіи; къ тому же, они очень неправильны, и иногда проходятъ годы безъ того, чтобы южный вѣтеръ принесъ хоть одинъ ливень. Въ такія эпохи бездождія флора Тара походитъ на флору Аравіи; кое-какіе колючіе кустарники и растенія почти безъ листьевъ, но съ длинными разстилающимися корнями, составляютъ почти всю растительность; рѣдкія стада едва находятъ себѣ скудный кормъ въ лощинахъ и оврагахъ, гдѣ всего долѣе сохраняется сырость. За исключеніемъ билей, коренныхъ обитателей края, и немногочисленныхъ потомковъ индусовъ, которые нѣкогда удалились въ пустыню Таръ, чтобы не быть обращенными въ магометанскую вѣру, всѣ жители переселяются въ болѣе гостепріимныя области Инда или горъ Аравали; никто не рискуетъ, изъ опасенія получить солнечный ударъ, оставаться въ этой странѣ раскаленныхъ песковъ. Но какъ только дожди освѣжатъ почву, тотчасъ же является множество временныхъ колонистовъ: пастухи изъ сосѣднихъ областей приходятъ пасти свой скотъ на отличной травѣ, быстро выростающей изъ песка и покрывающей роскошнымъ ковромъ дно долинъ и даже скаты дюнъ; растительность такъ дѣятельна, что можно даже накосить сѣна про запасъ, на время безкормицы.—Скотоводство, разведеніе крупна-

[1]) A. Burnes, „Journal of the Geographical Society of London", 1834.

го рогатаго скота, овецъ, верблюдовъ,—получило большую важность въ этой области, повидимому, совершенно безплодной и ни къ чему непригодной. Одна бѣда: стадамъ наносятъ страшный вредъ волки, которые рыскаютъ здѣсь стаями и отличаются необыкновенною хитростью и ловкостью, такъ что очень рѣдко удается напасть на нихъ врасплохъ. Единственное средство избавиться отъ этихъ опасныхъ хищниковъ—это преслѣдовать ихъ въ самую знойную пору года, подъ вертикальными лучами полуденнаго солнца. Тогда песокъ до такой степени раскаленъ, что животныя, такъ сказать, «обжигаютъ себѣ лапы»; они не могутъ бѣжать, и охотники изъ племени биль, у которыхъ ноги, для защиты отъ жгучаго песку, обвернуты въ свѣжія овечьи шкуры, легко настигаютъ свои жертвы [1]).

Весьма вѣроятно, что въ близкомъ будущемъ часть Тара, этой области, столь слабо населенной въ сравненіи съ ея протяженіемъ, сдѣлается земледѣльческою страной, составляющей продолженіе хлѣбныхъ полей сѣвернаго Пенджаба. Если дождь не выпадаетъ здѣсь въ количествѣ, достаточномъ для питанія растеній, то большія рѣки, Сетледжъ, Чинабъ, Индъ, катятъ въ море обильный потокъ, который могъ бы быть щедро утилизированъ для орошенія земель. Первая изъ этихъ рѣкъ, Сетледжъ, во всякое время года несетъ, по меньшей мѣрѣ, 150 куб. метровъ воды въ секунду, и эту воду легко было бы задержать при выходѣ изъ горъ; въ сезонъ же разливовъ онъ иногда изливаетъ въ Индъ до 6.000 куб. метровъ въ секунду,—огромная масса, которую слѣдовало бы направить посредствомъ отводнаго канала къ центру степи Таръ, гдѣ параллельныя гряды дюнъ представляютъ исключительныя удобства для устройства обширныхъ водохранилищъ. Не только Сетледжъ, но также и Джамна могла бы посылать въ пустыню излишекъ своихъ водъ въ періодъ разлива; покатость почвы позволяетъ возстановить каналъ, вырытый въ 1351 г. между Верхней Джамной и старымъ русломъ Сарасвати. Эти канализаціонныя работы частью уже возобновлены: устроена запруда, задерживающая Сетледжъ у Рупара, т. е. при выходѣ изъ «воротъ» Гималая, и заставляющая часть его теченія изливаться въ каналъ, который развѣтвляется на югѣ въ мѣстностяхъ, еще недавно безводныхъ; подобныя же работы производятся и ниже по рѣкѣ, въ Фирозпурѣ. Такъ возстановляется, подъ другой формой, теченіе «блистательной» Сарасвати, нѣкогда наиболѣе прославляемой изъ всѣхъ рѣкъ; старыя аллювіальныя (наносныя) земли, извѣстныя подъ именемъ *бангаръ*, гдѣ повсюду видны слѣды культуръ и другихъ человѣческихъ работъ, начинаютъ снова покрываться тамъ и сямъ селеніями и нивами. Однако, это вторичное завоеваніе почвы для заселенія и культуры пока еще окончено только въ земляхъ, называемыхъ *хадуръ*, образовавшихся изъ наносовъ прибрежныхъ долинъ Пенджаба и Инда. Въ одномъ только Багавальпурѣ канализаціонная сѣть заключаетъ слишкомъ 7.000 километровъ оросительныхъ канавокъ: въ пять лѣтъ, съ 1867 по 1871 годъ, размѣры земледѣльческой производительности болѣе чѣмъ удвоились, и новые города выросли среди вновь завоеванныхъ пространствъ. Одинъ изъ этихъ городовъ, построенный, въ 1868 году, на берегу большаго канала Фордвахъ, носитъ смѣшанное, полу-индійское, полу-англійское, имя Минчинабадъ, данное ему въ честь англичанина, мистера Минчинъ, подъ управленіемъ котораго была предпринята реставрація оросительныхъ каналовъ [1]). Послѣ каждаго сбора хлѣба, болѣе десяти тысячъ рабочихъ, приходящихъ преимущественно изъ раджпутскихъ государствъ, прилегающихъ къ пустынѣ Таръ, бываютъ заняты расчисткой ирригаціонныхъ канавъ, на половину заволакиваемыхъ наносною грязью.

Область, простирающаяся на югъ отъ страны дюнъ, представляетъ не менѣе странное явленіе, чѣмъ песчаная степь Таръ; это—обширное пространство, которое ни земля, ни море, и которое въ одно и то же время похоже и на пустыню, и на болото. Называется оно Качскій Раннъ (т. е. «Пустыня»), по имени гористаго, имѣющаго форму полумѣсяца, острова, который ограничиваетъ его на югѣ. Открытый со стороны моря узкимъ проливомъ, Раннъ продолжается на западъ на пространствѣ около 240 километровъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ имѣетъ до 100 километровъ протяженія отъ одного берега до другаго. Къ западу отъ острова Качъ, другой проливъ сообщаетъ Сѣверный Раннъ съ пространствомъ того же рода, которое на югѣ соединяется съ низменными берегами Качскаго залива. Въ цѣломъ, Раннъ—это не что иное, какъ солончаковая равнина, совершенно однообразная и вполнѣ горизонтальная на видъ; самыя возвышенныя пространства, находящіяся около центра бассейна, поднимаются выше общаго уровня не болѣе, какъ на 30 или 60 сантиметровъ. Зимой и въ сухое время года почва Ранна, тамъ и сямъ испещренная бѣлыми полосами солянаго налета, представляетъ гладкую, какъ зеркало, поверхность, твердую и звенящую подъ ногами; дожди, не находя ската истеченія ни въ какомъ направленіи, образуютъ временныя лужи, которыя вѣтеръ гонитъ передъ собою, окаймленныя поясомъ бѣлой пѣны. Никакой

[1]) Bartle Frere, „Journal of the Geographical Society of London“, 1870.

[1]) Barns, „Journal of the Geographical Society of London“, 1872.

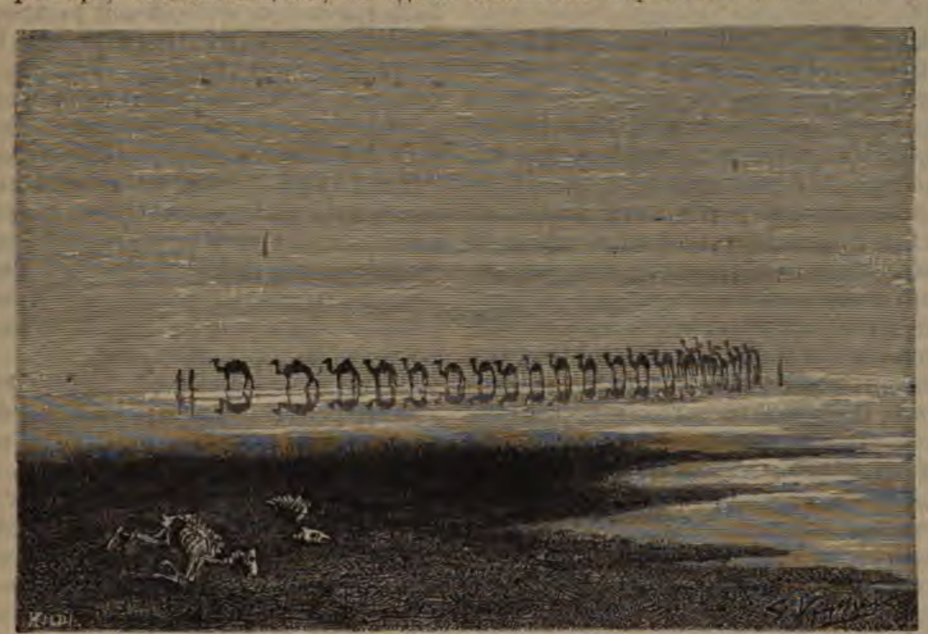
растительности не видно нигдѣ во всемъ громадномъ кругѣ горизонта, развѣ только на югѣ Ранна, на землѣ, называемой Банни, которая почти всегда выдается изъ-подъ воды и на которой растутъ тамъ и сямъ купы акацій, дающія скудную тѣнь стадамъ и пастухамъ. Нѣкоторыя низменныя островныя пространства и окружность скалистыхъ острововъ, изъ которыхъ одинъ—самый возвышенный во всемъ Качскомъ архипелагѣ (438 метровъ), также покрываются густой травой въ періодъ дождливаго муссона. Животныя обѣгаютъ эту безводную и лишенную всякой растительности равнину; только дикіе ослы, той же породы, какъ и куланы туркестанскихъ степей, бродятъ днемъ въ этихъ пустыняхъ, чтобы имѣть передъ собою открытое поле для бѣгства: по ночамъ они ходятъ пастись въ джунгли и болота морскаго прибрежья. Раннъ—область миража по преимуществу; малѣйшій предметъ, оставленный на землѣ, камень, остовъ верблюда, виденъ, благодаря зеркальности воздуха, на разстояніи многихъ верстъ, не въ дѣйствительной своей формѣ, но съ фантастическими контурами; часто онъ высится въ видѣ башни или разлагается на плавающіе въ воздухѣ образы, которые кажутся привязанными къ землѣ только нитью, колеблемой вѣтромъ. Селенія отдаленныхъ полуострововъ или острововъ показываются надъ горизонтомъ, примыкая въ воздушномъ пространствѣ къ перевернутымъ дворцамъ и храмамъ. По словамъ легенды, цѣлый городъ, населенный праведниками, носится въ воздухѣ надъ Ранномъ, но не могъ еще подняться до неба, и этотъ-то воздушный городъ и производитъ явленіе миража.

Съ наступленіемъ дождливаго времени года видъ Ранна совершенно измѣняется: тогда воды моря, гонимыя юго-западнымъ вѣтромъ, проникаютъ внутрь земель черезъ двое воротъ, которыя имъ открыты на сѣверѣ и на югѣ острова Качъ, и окружаютъ этотъ островъ со всѣхъ сторонъ, также какъ и острововидные отрывки горныхъ породъ юрской формаціи, лежащіе на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ. Обширная равнина, гдѣ еще недавно не видно было ни одной капли воды, покрывается на всемъ своемъ протяженіи водяною скатертью, около метра толщиною, и даже немного болѣе глубокою на краяхъ, такъ какъ поверхность Ранна слегка выпукла въ серединѣ. Въ это время года обширный лиманъ получаетъ также прѣсныя воды, приносимыя ему рѣками Банасъ, Луни, Наррой и восточными рукавами дельты Инда. Тѣмъ не менѣе, сообщенія не прерываются и въ періодъ дождей между противоположными берегами; совершенная горизонтальность почвы позволяетъ караванамъ во всякое время года смѣло пускаться черезъ Раннъ, бывающій попеременно то озеромъ, то пустыней. Однако, очень рѣдко случается, чтобы путешествіе черезъ эту область совершалось днемъ: съ одной стороны, страшная жара, усиливаемая отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ водяной равнины или отъ гладкой, какъ зеркало, поверхности земли, съ другой—обманы миража, могли бы, въ концѣ концовъ, довести до безумія и людей, и животныхъ; ослѣпленные проводники не сумѣли бы даже различить мѣсто солнца въ безмѣрно раскинувшемся, объятомъ пламенемъ пространствѣ; скоро караванъ сталъ бы, незамѣтно для себя, кружиться на одномъ и томъ же мѣстѣ, и гибель всѣхъ людей и животныхъ стала бы неизбѣжною. Оттого-то переходы черезъ Раннъ всегда дѣлаются ночью: направляя свой путь по звѣздамъ, путешественники, которымъ нужно перейти черезъ равнину на востокѣ отъ западнаго пролива, разсчитываютъ свой ходъ такимъ образомъ, чтобы можно было сдѣлать привалъ на одномъ изъ промежуточныхъ острововъ. Вѣроятно, что въ близкомъ будущемъ прямая желѣзная дорога изъ Бомбея въ Гайдерабадъ пройдетъ черезъ восточную часть Ранна.

Какъ объяснить происхожденіе этой солончаковой равнины? Очевидно, что она была нѣкогда затоплена моремъ; это можно предполагать уже на основаніи селености почвы, но есть и прямыя доказательства, именно остатки морскихъ судовъ, извлеченные изъ ила въ разныхъ мѣстахъ близъ прибрежныхъ деревень; даже на восточной окраинѣ Ранна, около Нагаръ-Паркара, показываютъ старинные порты. Если вѣрить смутному преданію, отступленіе моря имѣло мѣсто въ началѣ четвертаго столѣтія. Но какимъ образомъ выступленіе этого пространства изъ-подъ воды могло совершиться съ такою удивительною правильностью? Обыкновенныя аллювіальныя земли, образовавшіяся изъ наносовъ морскихъ или рѣчныхъ, никогда не представляютъ такой почти геометрической горизонтальности на пространствѣ десятковъ тысячъ квадратныхъ верстъ. Не слѣдуетъ ли видѣть въ этой равнинѣ, единственной въ мірѣ по особенности своего геологическаго образованія, продуктъ осѣданія почвы? Эта область Индіи есть, какъ извѣстно, одна изъ тѣхъ, которыя всего чаще испытываютъ колебанія вслѣдствіе внутреннихъ сотрясеній. Въ 1819 году землетрясеніе, которое было ощущаемо на пространствѣ, по меньшей мѣрѣ, 250.000 квадр. километровъ, увеличило, говорятъ, на значительное протяженіе площадь Ранна; это землетрясеніе сопровождалось проваломъ рисовыхъ полей около Лахпата, составлявшихъ предметъ спора между мѣстными правительствами Синда и Кача; башня Синдри, которую занималъ гарнизонъ таможенной стражи, была вдругъ окружена озеромъ, простиравшимся во всѣ стороны не менѣе, какъ на 25 километровъ, тогда какъ на сѣверѣ одинъ

старый рукавъ Инда, съ которымъ нѣкогда соединялась Восточная Нарра, былъ загороженъ поперечною дюной, имѣющей около 50 километровъ въ длину, нѣсколько километровъ въ ширину и отъ 3 до 6 метровъ въ вышину. Мѣстные жители дали этому песчаному валу имя Аллахъ-бундъ, или «Божья запруда», чтобы отличить его отъ плотинъ, воздвигнутыхъ рукой человѣка поперегъ боковыхъ рукавовъ Инда [1]). «Божья плотина», черезъ которую со времени землетрясенія 1819 года проложилъ себѣ дорогу потокъ, постепенно размывшій песчаную запруду, совершенно походитъ на дюны пустыни Таръ и также представляетъ выступъ рельефа, оканчивающійся, съ одной стороны, крутымъ откосомъ, а съ другой — длиннымъ, пологимъ скатомъ; разорванная дѣйствіемъ подземныхъ силъ, поверхность почвы сохранила цѣлый свой слой на одномъ фасѣ дюны [2]). Вѣроятно, оба явленія, образованіе большой совершенно горизонтальной равнины и образованіе параллельныхъ бугровъ, или дюнъ пустыни Таръ, должны быть приписаны одной и той же причинѣ—вибраціи или сотрясенію почвы. Смотря по напряженности и направленію подземныхъ ударовъ, иная часть почвы выравнивается, тогда какъ другая переламывается и принимаетъ видъ бугорчатой поверхности.

По преданію, многочисленныя землетрясенія, потрясавшія область Инда, ниспровергли многіе города и обезлюдили край. Къ числу этихъ разрушенныхъ городовъ принадлежитъ, между прочимъ, Бальмиръ, на южной окраинѣ пустыни Таръ; но самый знаменитый изъ нихъ— это Браманабадъ, который стоялъ въ 80 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ нынѣшняго города Гайдерабада, на старомъ руслѣ Инда, къ западу отъ ложбины, въ которую теперь изливается Восточная Нарра, въ дождливое время года. Вслѣдствіе роковаго подземнаго удара, рѣка, омывавшая стѣны города, передвинулась на другое мѣсто, и развалины были покинуты среди пустыни; это обстоятельство и было причиной того, что Браманабадъ не отстроился и не заселился вновь, хотя нѣкоторыя изъ его зданій остались почти невредимыми. Эта старая столица имѣла не менѣе 7 километровъ въ окружности, и обширныя предмѣстья соединяли ее съ двумя другими городами, изъ которыхъ одинъ былъ резиденціей короля, а другой резиденціей великаго визиря. Раскопки, производившіяся въ развалинахъ разрушенныхъ городовъ, доказали, что жители ихъ были искусные мастера по части выдѣлки глиняной посуды, живописи на стеклѣ, рѣзьбы изъ слоновой кости, шлифовки драгоцѣнныхъ камней [1]). Коннингамъ видитъ въ Браманабадѣ или, вѣрнѣе, Браманѣ древній городъ брамановъ, которымъ Александръ Македонскій овладѣлъ во время спуска по теченію Инда [2]); по мнѣнію Рейно, истинное имя го-рода, Бахмана,—персидскаго происхожденія [3]). Постигшее Браманабадъ бѣдствіе, отъ котораго погибли его жители, «въ наказанніе за преступленія



Видъ болотистой степи Раннъ-Качъ.

[1]) Burnes; Mac. Murdo; Lyell, „Principles of Geology".
[2]) Bartle Frere, „Journal of the Geographical Society of London", 1870.

[1]) Bellasis, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", V.
[2]) „The Ancient Geography of India".
[3]) „Fragments asiatiques".

нихъ царя», повидимому, имѣло мѣсто въ одиннадцатомъ столѣтія. Различныя преданія говорятъ также о вулканическихъ изверженіяхъ, происходившихъ нѣкогда въ той странѣ, но геологическое изслѣдованіе мѣстности не подтвердило этихъ разсказовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что на островѣ Качъ траппы и другія горныя породы огненнаго происхожденія, блистающія на солнцѣ самыми яркими цвѣтами, пробились наружу черезъ мѣловые и юрскіе пласты въ предшествовавшіе геологическіе вѣка. Многіе геологи ошибочно приняли за вулканъ холмъ Денодуръ, возвышающійся на 327 метровъ въ западной части этого острова [1]).

Большинство жителей, населяющихъ Пятирѣчье и области по нижнему теченію Инда, принадлежатъ къ магометанской вѣрѣ, но нельзя сказать, чтобы всѣ мусульмане этой страны были представителями завоевательныхъ расъ, спустившихся съ плоскогорій Афганистана, съ цѣлью отнять землю у ея прежнихъ владѣльцевъ. Такъ, область, лежащая вдоль основанія Гималая, имѣетъ въ составѣ своего населенія, между прочимъ, авановъ и гаккаровъ, въ которыхъ хотѣли видѣть потомковъ явана, или іонійцевъ и грековъ, и которые, во всякомъ случаѣ, населяли страну уже задолго до мусульманскихъ нашествій. Во всѣхъ частяхъ Пенджаба, исключая округовъ, лежащихъ по ту сторону Инда, и на холмистыхъ плоскогорьяхъ Потвара, коренное населеніе состоитъ изъ джатовъ, которые приняли исламъ вездѣ, гдѣ господствуютъ магометане, но въ другихъ мѣстахъ остались индусами по обрядностямъ культа, или примыкаютъ къ сейхамъ, смотря по преобладанію того или другаго мѣстнаго элемента. Джаты, очевидно, представляютъ этнографическіе элементы весьма различнаго происхожденія, — это, можетъ быть, потомки аборигеновъ, предшествовавшихъ вторженію арійцевъ, но они въ сильной степени смѣшались съ другими племенами и нисколько не походятъ на тѣхъ дасіу, чернокожихъ и толстогубыхъ людей, съ которыми воевали прибрежные жители «Семирѣчья» и которыхъ они, въ концѣ концовъ, обратили въ рабство. Племенная вражда постепенно ослабѣла въ теченіе вѣковъ; только и до сихъ поръ джаты причисляются браманами, всѣ огуломъ, къ кастѣ судра. Въ числѣ свыше двадцати милліоновъ, они представляютъ большое разнообразіе, отъ плоскихъ возвышенностей Белуджистана до береговъ Аравійскаго моря; одни изъ нихъ почти черные, другіе имѣютъ желтоватую кожу и едва отличаются цвѣтомъ лица отъ раджпутовъ и брамановъ. Есть между ними такіе, на которыхъ смотрятъ какъ на дикарей или варваровъ: таковы, напримѣръ, пастухи, живущіе въ пустыняхъ Тара; другіе, напротивъ, имѣютъ живой умъ и осмысленныя черты лица. Въ Белуджистанѣ имя джатъ принимается въ смыслѣ «воръ»; въ Синдѣ оно синонимъ слова банджари и примѣняется къ народностямъ, которыя походятъ на европейскихъ цыганъ [1]); на берегахъ средняго Инда оно означаетъ «землевладѣльца»; на границахъ Раджпутаны его употребляютъ въ значеніи «метиса», помѣси, происшедшей отъ раджпута и судра [2]). Однако, взятое въ цѣломъ, джатское населеніе, кажется, представляетъ ясно однѣ и тѣ же этническія черты и можетъ быть причислено къ арійской расѣ; вѣроятно, оно спустилось въ Индію черезъ Белуджистанъ. Воздержные въ образѣ жизни, дѣятельные, изобрѣтательные, очень храбрые, несмотря на завоеваніе и гнетъ, которому ихъ подвергали послѣдовательно столько чужеземныхъ господъ, джаты, взятые въ массѣ, составляютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ этнографическихъ элементовъ Полуострова [3]); это изъ ихъ среды вышли тѣ неустрашимые воины сейхи, которые съ такимъ упорствомъ и ожесточеніемъ оспаривали у англичанъ обладаніе Сѣверо-западнымъ Индустаномъ.

Сейхи, т. е. «ученики», бывшіе въ началѣ просто группой послѣдователей новой религіозной секты, образовали изъ себя съ теченіемъ времени особый народъ. Религія ихъ возникла въ Пенджабѣ, въ концѣ пятнадцатаго столѣтія; было вполнѣ естественно, что въ этой странѣ, гдѣ магометане и послѣдователи индусскихъ культовъ живутъ вездѣ бокъ-о-бокъ, явился новаторъ, попытавшійся примирить и согласить двѣ религіи. Нанакъ, основатель новой секты и составитель первыхъ главъ Гранта, или «Книги» по преимуществу, которую сейхи чтутъ какъ свое евангеліе, не проповѣдывалъ почти никакихъ догматовъ, кромѣ вѣры въ единаго Бога, и отвергалъ большую часть обрядовъ, свойственныхъ различнымъ вѣроисповѣданіямъ; но для того, чтобы соединить мусульманъ, индусовъ и джатовъ, недостаточно было показать имъ основное единство ихъ религій, нужно было, кромѣ того, сблизить ихъ другъ съ другомъ, уничтоживъ всякія расовыя и кастовыя различія. Самъ индусъ и кшатріа, Нанакъ провозгласилъ равенство людей. Однако, не желая быть зачисленными въ толпу людей, не имѣющихъ предковъ, «ученики» новой вѣры должны были возвести себя въ благородное

---

[1]) Wynne, „Memoirs of the Geological Survey of India“, 1872.

[1]) Richard Burton, „Sind Revisited“.

[2]) Peter Minas, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, 1868, № III.

[3]) Tolbort, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, 1871, № I; Campbell, „Ethnology of India“; Louis Rousselet, „Tableau des races de l'Inde centrale“ („Revue d'Anthropologie“).

званіе, чтобы остаться свободными, и всѣ они теперь считаютъ себя кшатріями; это имя или титулъ они сами себѣ дали, чтобы установить свое равенство. Впрочемъ, они сумѣли завоевать его себѣ своею храбростью во всѣхъ междоусобныхъ войнахъ, опустошавшихъ Пятирѣчье, и къ концу семнадцатаго столѣтія новая секта сдѣлалась могущественною. Закаленные борьбой, избавленные отъ ложныхъ единовѣрцевъ преслѣдованіемъ, гордые своимъ общимъ участіемъ въ управленіи обществомъ, сейхи оправдали пророчество своего основателя, который, сравнивая ихъ съ воробьями, обѣщалъ имъ въ то же время побѣду надъ орломъ [1]). Воины по преимуществу, всѣ сейхи должны были постоянно носить на тѣлѣ какую-нибудь стальную вещь, кольчугу или кинжалъ. Большею частью очень красивые собою, покрытые блестящимъ оружіемъ, съ густыми и длинными, ниспадающими на плечи, волосами, къ которымъ никогда не прикасались ножницы, сейхи издали бросались въ глаза на полѣ сраженія, и, по естественной игрѣ словъ, они вскорѣ стали извѣстны подъ именемъ синговъ, или «львовъ». Образовавъ изъ себя федеральную республику, они избирали своего главу, и этотъ послѣдній долженъ былъ во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ совѣтоваться съ *хальсой*, «національнымъ собраніемъ», состоявшимъ изъ мудрецовъ и главныхъ предводителей. Несмотря на раздоры сектъ и внутреннія распри, воинственная нація сейховъ достигла того, что сдѣлалась господствующею державой во всей области, простирающейся отъ Ганга до Инда, и англичане, сильные превосходствомъ своего вооруженія, могли сломить могущество «львовъ» лишь послѣ продолжительныхъ кампаній и правильныхъ сраженій. Нынѣ сейхи, не составляющіе даже десятой части населенія бассейна Инда, перестали быть націей. Теперь это не болѣе, какъ религіозная секта, сгруппировавшая большинство своихъ общинъ вокругъ священнаго города Амрицара; но они и доселѣ связаны между собою традиціями и продолжаютъ оказывать на всѣхъ своихъ сосѣдей большое вліяніе, политическое и религіозное; даже браманы читаютъ съ глубокимъ уваженіемъ «Книгу учениковъ»; нѣкоторые англичане, въ томъ числѣ знаменитый путешественникъ Бэртонъ, были посвящены въ таинства культа, проповѣданнаго пророкомъ Нанакомъ [2]). Земледѣльческія населенія, принадлежащія къ религіи сейховъ,—самыя замѣчательныя во всей Индіи, какъ по необыкновенному трудолюбію въ мирное время, такъ по храбрости во время войны; солдаты-сейхи считаются лучшими въ остъ-индской арміи; не уступая гуркасамъ мужествомъ, они превосходятъ ихъ дисциплиной и благородствомъ характера. Очень отважные по природѣ, они охотно слѣдовали за англичанами въ Китай и въ Абиссинію и просились идти за ними въ Египетъ или въ Малую Азію. Что касается ихъ любви къ образованію, то она такъ велика, что ихъ главное ученое общество, въ Лагорѣ, ходатайствовало передъ правительствомъ о томъ, чтобы всѣмъ сейхскимъ дѣтямъ были обезпечены выгоды посѣщенія школъ. Ни одинъ изъ другихъ этнографическихъ элементовъ сѣверо-западной Индіи не представляетъ столь значительной пропорціи грамотныхъ.

Индусы въ собственномъ смыслѣ, браманы или вайсіи, сравнительно малочисленны въ бассейнѣ Инда, хотя послѣдователи религій арійскаго происхожденія составляютъ тамъ, по меньшей мѣрѣ, треть общаго числа жителей и хотя господствующіе языки, пенджабскій (панджаби)—на сѣверѣ, синдскій (синди)—въ центрѣ, гудзератскій (гудзерати)—на югѣ, марварскій (марвари)—на юго-востокѣ,—всѣ санскритскаго происхожденія. Живя преимущественно въ городахъ, гдѣ они занимаютъ самыя доходныя мѣста и предаются торговлѣ и промышленности, индусы снова пріобрѣли превосходство надъ мусульманами, своими бывшими угнетателями; въ ихъ рукахъ сосредоточены капиталы, и эти магаджаны, или «крупные буржуа», какъ ихъ обыкновенно называютъ, ссужаютъ деньги окрестнымъ земледѣльцамъ-магометанамъ не иначе, какъ подъ высокіе, лихвенные проценты. Баніахи, или баньяны этихъ областей слывутъ самыми ловкими коммерсантами во всей Индіи, и многіе изъ нихъ безъ боязни покидаютъ родину, чтобы продавать въ чужихъ краяхъ по мелочи товары всякаго рода. Во всѣхъ городахъ Средней Азіи можно встрѣтить этихъ индусскихъ купцовъ изъ Пятирѣчья, извѣстныхъ вообще подъ именемъ мультанцевъ (мультани), по центральному рынку Пенджаба и Синда; это разносчики новостей и слуховъ о войнѣ, которые распространяются съ такою изумительною быстротой по всему азіатскому Востоку, отъ береговъ Оксуса до береговъ Ганга; сами того не вѣдая и не желая, они составляютъ, такъ сказать, авангардъ русскихъ на границѣ Индіи и возвѣщаютъ о ихъ могуществѣ. Въ центральной Индіи, въ Бенгаліи и даже на границахъ Барманіи и Китая, баніахи, купцы, мелкіе закладчики или банкиры,—почти все марварцы или индусы изъ раджпутской земли Марваръ; они захватили въ свои руки монополію денежныхъ операцій, какъ въ другихъ странахъ армяне и евреи. Индусы Западной Индіи—по большей части обожатели Вишну, но красный знакъ, который они носятъ на лбу, въ доказательство своей вѣры, часто бываетъ начертанъ горизонтально, какъ у поклонниковъ Сивы. Окруженные мусульманами и сейхами, удаленные отъ браманскихъ центровъ, они не отличаются строгимъ соблюденіемъ

[1]) Malcolm, „Sketch of the Sikhs“.
[2]) „Sind Revisited“, I, p. 290.

правилъ и обрядностей своего культа и не мало скандализируютъ, недостаткомъ благочестія, сипаевъ изъ Восточнаго Индустана, приходящихъ для исполненія гарнизонной службы въ ихъ городахъ. Употребленіе крѣпкихъ напитковъ сильно распространено у западныхъ индусовъ, и еще болѣе—употребленіе *б·нга*, или индійской конопли, зелья болѣе губительнаго, чѣмъ опіумъ. Въ большей части пенджабскихъ селеній есть отдѣльная кучка лачугъ, населенная чурами, людьми низшей касты, которые физически нисколько не отличаются отъ своихъ сосѣдей, но которыхъ почему-то считаютъ нечистыми, даже мусульмане; должность ночнаго сторожа составляетъ наслѣдственную профессію этихъ чуровъ [1]).

На востокѣ, племя биль изъ Раджпутаны подвинулось далеко въ оазисы пустыни, тогда какъ на западѣ, афганцы, балучи, или белуджистанцы, персіяне, бухарцы, турки и арабы въ разныя эпохи, со времени геджры, проникали въ страну то какъ завоеватели, то какъ колонисты или авантюристы, и болѣе или менѣе смѣшались съ кореннымъ населеніемъ. Эти пришельцы составляютъ главную массу мусульманъ на берегахъ Инда и во всей западной области Пятирѣчья, тогда какъ на востокѣ большинство правовѣрныхъ, собирающихся въ мечетяхъ, состоитъ изъ индусовъ, обращенныхъ въ исламъ. Впрочемъ, между двумя большими классами магометанъ Индіи не существуетъ рѣзкаго раздѣленія; благодаря провозглашенному исламомъ уничтоженію кастъ, ревностнымъ мусульманамъ легко приписывать себѣ какое угодно происхожденіе. Сотни тысячъ правовѣрныхъ въ Пенджабѣ причисляютъ себя къ потомству пророка и вслѣдствіе того принимаютъ титулъ *саида*, или шаха; такъ, между прочимъ, даудпотры, или «сыны Давидовы», нынѣ царствующіе въ Багавальпурѣ, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые производятъ свой родъ отъ самого Магомета. Другіе претендуютъ на титулъ монголовъ, и кажется, что эти, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно имѣютъ нѣкоторое право на особенное имя, такъ какъ они строго держатся особнякомъ отъ остальнаго населенія и занимаются спеціальными промыслами; гордясь тѣмъ, что между ихъ предками есть товарищи по оружію Тимуридовъ, они никогда не смѣшиваютъ свою кровь съ иноплеменниками, и у многихъ изъ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, рѣзко бросаются въ глаза тѣ типическія черты (широкое и плоское лицо), которыя характеризуютъ монголовъ, обитателей нагорья Гоби. Имъ обыкновенно даютъ титулъ *бега* или *мирзы*. Что касается мусульманъ афганской расы, соединяемыхъ въ одну группу подъ общимъ именемъ патанъ или рогилла, то они очень многочисленны въ округахъ, лежащихъ по ту сторону Инда, гдѣ ихъ родоначальники всѣ безъ исключенія причисляютъ себя къ сонму хановъ. Наконецъ, всѣ другіе магометане не-индусы, къ какой бы расѣ они ни принадлежали—къ персидской, турецкой или белуджистанской, величаютъ себя *шейхами*, хотя званіе это сдѣлалось до такой степени банальнымъ, что его уже не считаютъ титуломъ, и оно не составляетъ ни малѣйшаго отличія: всѣ богатые, при первомъ удобномъ случаѣ, мѣняютъ его на какое-нибудь болѣе высокое достоинство. Это выразилось даже въ одной пенджабской пословицѣ, которая говоритъ иронически: «вчера былъ мужикомъ, сегодня шейхомъ сталъ; а завтра онъ уже саидъ, если хлѣбъ подорожалъ» [1]).

Въ Пенджабѣ преобладаетъ система мелкаго земледѣлія, но во многихъ мѣстахъ старинное коллективное или общинное землевладѣніе сохранилось до сихъ поръ; всѣ земледѣльцы разсматриваются какъ простые арендаторы общины и платятъ ей ежегодную ренту; кромѣ того, они связаны круговою порукой передъ казной, и налогъ вносится за все сельское общество. Случается также, что общинники отчуждаютъ часть своихъ земель, сдавая ихъ въ арендное пользованіе постороннимъ лицамъ; въ этомъ случаѣ они дѣлятъ между собою полученныя арендныя деньги пропорціонально своимъ правамъ на общую собственность; они имѣютъ также право выкупать землю на условіяхъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ крестьяне изъ другихъ деревень. У афганскихъ племенъ округа Дера-Измаилъ-ханъ черезъ каждыя шесть лѣтъ приступаютъ къ новому передѣлу земли. Даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ завоеватели завладѣли землей, нѣкоторые уцѣлѣвшіе обычаи старины свидѣтельствуютъ о существовавшемъ прежде общинномъ землевладѣніи, и деревня до сихъ поръ сохранила свое республиканское устройство. Необходимость искусственнаго орошенія воздѣлываемыхъ земель, естественно, должна была соединять жителей одного и того же округа для прорытія и содержанія сообща ирригаціонныхъ каналовъ; почти вездѣ единство общины имѣетъ матеріальною причиной бытія существованіе общаго канала, пруда или источника [2]). Нужны были большія потрясенія, произведенныя завоеваніями и междоусобными войнами, чтобы разрушить земледѣльческую общину и раздѣлить интересы участвовавшихъ въ ней лицъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ оросительные каналы и фонтаны принадлежатъ другимъ владѣльцамъ, а не самимъ собственникамъ орошаемыхъ полей, и со времени вмѣшательства государства въ видахъ прорытія большихъ каналовъ прибрежныя общины попали, въ отношеніи орошенія своихъ

[1]) Campbell, „Ethnology of India".

[1]) Elliot, „Races of the North-Western provinces of India".

[2]) „Punjab Administration Report for 1872—1875".

земель, въ зависимость отъ концессіонеровъ ирригаціонныхъ работъ. Тѣмъ не менѣе, однако, пенджабскіе земледѣльцы, взятые въ массѣ, могутъ считаться наиболѣе независимыми между *райотами* Индустана, и эта относительная свобода есть, конечно, одна изъ причинъ, дающихъ сѣвернымъ джатамъ ихъ отвагу и гордость. Въ Синдѣ, напротивъ, балучское господство и ростовщическія ссуды индусскихъ купцовъ довели земледѣльческое населеніе до настоящаго рабства, слѣдствіемъ чего было нравственное приниженіе какъ для джатовъ, такъ и для другихъ этническихъ элементовъ страны.

Мостъ черезъ Индъ у Кушалгара

Между переселенцами, пришедшими съ плоскихъ возвышенностей запада, есть такіе, которые сохранили свой характеръ, какъ особыя племена или классы; таковы сваты, момунды, юзуфзаи, которые живутъ на сѣверъ отъ Пеша-

вера, въ равнинѣ и на сосѣднихъ горахъ. Это—афганцы, соплеменники тѣхъ, которые, перейдя Индъ и проникнувъ въ бассейнъ Ганга, основали у подошвы Гималайскихъ горъ маленькія воинственныя государства, извѣстныя подъ общимъ именемъ Рохильхандъ, или «страны горцевъ». Юзуфзаи, или юзуфсаи—одно изъ афганскихъ племенъ, которое всего чаще сравнивали съ древними іудеями, и многіе миссіонеры признали правдоподобнымъ мусульманское преданіе, которое видитъ въ этихъ афганцахъ потомковъ плѣнниковъ, уведенныхъ изъ Іудеи въ Вавилонъ. И дѣйствительно, ихъ нравы и религіозные обычаи совершенно тѣ же, какіе были у жителей Палестины во времена судей; хотя отдѣленные отъ той эпохи промежуткомъ почти въ три тысячи лѣтъ, они переживаютъ теперь тотъ же самый періодъ цивилизаціи. Недавніе кочевники, нынѣ осѣдлые земледѣльцы, но по-прежнему проникнутые воинственнымъ духомъ, сгорающіе отъ нетерпѣнія при разсказѣ о битвахъ и военныхъ подвигахъ ихъ племени, юзуфзаи дѣлятся на большое число клановъ, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на второстепенныя группы, часто враждующія между собою. Родовая месть переходитъ у нихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ; чтобы покончить свои споры, враждующіе иногда избираютъ какой-нибудь національный праздникъ и вызываютъ другъ друга на публичное единоборство, которое, однако, нерѣдко переходитъ въ общую свалку и порождаетъ новыя наслѣдственныя распри. Магометане суннитскаго толка, они отличаются рѣзкимъ фанатизмомъ и регулярно отдаютъ десятину своимъ многочисленнымъ мулламъ; эти послѣдніе, составляющіе отдѣльное колѣно, какъ сыны Левіины у евреевъ, освобождены отъ платежа податей, и города ихъ, почитаемые священными, служатъ мѣстомъ убѣжища для преступниковъ. Но какъ бы ни было велико сходство нравовъ между древними іудеями и юзуфзаями, послѣдніе несомнѣнно чистые афганцы, и языкъ ихъ, называемый пушту, мало разнится отъ того, которымъ говорятъ жители нагорья. Они дали нѣкоторое количество своихъ словъ нарѣчію урду, преобладающему въ равнинахъ Сѣверной Индіи.

Другія афганскія племена, извѣстныя подъ общимъ именемъ афридіевъ, занимаютъ массивъ горъ, ограничивающій на югѣ Пешаверскую равнину, и раздѣляются на *хейли*, т. е. кланы, часто ведущіе войны между собою. Далѣе на югѣ, долины Сулейманъ-дага населены марваттіями, земледѣльческими и пастушескими народцами, которые имѣютъ гораздо болѣе кроткій нравъ, чѣмъ афридіи, и отличаются прямодушіемъ, простотой обычаевъ, уваженіемъ къ женщинѣ. Напротивъ, баннучи, или жители области Банну, съ давнихъ поръ порабощенные мелкими начальниками племени, подвергающими ихъ принудительной, своего рода каторжной работѣ, не имѣютъ и тѣни той гордости и прямоты характера, какими отличаются горцы окрестныхъ мѣстностей: малорослые, изнуренные, болѣзненные, они составляютъ сбродъ людей различнаго происхожденія, сходныхъ между собою въ томъ, что всѣ они въ равной степени пріобрѣли нравы и привычки невольника. Въ этомъ отношеніи они составляютъ прямую противоположность съ вольными вазиріями, племена которыхъ бродятъ въ горахъ къ западу отъ Дура-Хази-ханъ. Всегда вооруженные, какъ и патаны, ихъ сосѣди, вазиріи съ гордостью вспоминаютъ, что ихъ предки часто воевали въ Индіи, покорили Дели, командовали надъ царями и браманами. И теперь еще они охотно идутъ въ военную службу; по первому сигналу вазиріи собираются, вооруженные, вокругъ своего вождя, призывающаго ихъ на какую-нибудь военную экспедицію [1]).

На сѣверо-западѣ Индустана, городъ Пешаверъ имѣетъ важное стратегическое значеніе, какъ главная сторожевая крѣпость. Построенный среди равнины, по которой протекаетъ рѣка Кабулъ, или Ландеръ до своего соединенія съ Индомъ, и которая перерѣзана во всѣхъ направленіяхъ оросительными каналами, этотъ городъ, такъ сказать, составляетъ, на оконечности громадной Индійской имперіи и на большой дорогѣ торговли и завоеваній, мостовое укрѣпленіе, тетъ-де-понъ, всей страны, лежащей за нимъ, по другую сторону Инда. Аттокъ—охранитель перехода черезъ Индъ, Пешаверъ—укрѣпленный пунктъ, откуда англичане наблюдаютъ за воинственными горскими народцами. Впрочемъ, самъ Пешаверъ—это просто городъ, выстроенный изъ кирпича и битой глины и защищенный отъ воровъ глиняными стѣнами; но на сѣверѣ отъ него стоитъ внушительный фортъ Балагиссаръ, и англійскіе кантонементы (постоянныя мѣста расположенія войскъ) занимаютъ скаты возвышенности, откуда открывается обширный видъ, обнимающій всю равнину и простирающійся вдаль къ проходамъ афганскихъ горъ. Другіе защищенные военные посты дополняютъ систему обороны обширнаго укрѣпленнаго лагеря, который британское правительство должно было установить на этомъ слабомъ пунктѣ своихъ границъ, къ которымъ уже протягивается колоссальная тѣнь Россіи: на сѣверѣ, фортъ Абазай охраняетъ входъ въ ущелья рѣки Сватъ, и другія укрѣпленія разставлены черезъ извѣстные промежутки у подошвы горъ; на сѣверо-западѣ, главная долина, именно долина рѣки Кабулъ, оберегается, въ мѣстѣ бифуркаціи орошающихъ равнину каналовъ, фортомъ Мишни; на западѣ и юго-западѣ, форты Джамрудъ и Бара защищаютъ Пешаверскіе канто-

---

[1]) Raverty; Rowney, „The wild Tribes of India“.

нементы, тогда какъ на югѣ, фортъ Мэксонъ обороняетъ сосѣднія мѣстности отъ набѣговъ афганцевъ афридіевъ. На югъ отъ этого форта проходитъ дорога, соединяющая два англо-индійскіе города, Пешаверъ и Когатъ, черезъ горные хребты, которые продолжаютъ на востокѣ ось Сефидъ-Коха, или «Бѣлой Горы», называемой афганцами Спингаръ. Афридіи много разъ запирали дорогу или отказывались содержать ее, какъ ихъ обязываютъ къ тому договоры, и англичане должны были вновь завоевывать себѣ свободу сообщеній продолжительными и трудными кампаніями противъ неуловимыхъ враговъ, скрывающихся позади скалъ. Впрочемъ, политическія границы все еще остаются неопредѣленными въ этой странѣ. Населяющія ее республиканскія и воинственныя племена не признаютъ верховной власти афганскаго эмира, а съ другой стороны, великобританское правительство перестало требовать установленія «научной границы», недавно проведенной на картѣ Азіи черезъ горные проходы Латабандъ и Шутаръ-Гарданъ, къ востоку отъ Кабула, и вдоль водораздѣльнаго хребта, параллельнаго Сулейманъ-дагу. Однако, Англія все-таки можетъ считаться верховною владѣтельницей или сюзереномъ страны, лежащей внѣ предѣловъ, обозначенныхъ ея укрѣпленіями, потому что начальники окружающихъ племенъ состоятъ у нея на жалованьи. Эти начальники получаютъ субсидію, какъ дань, но, взамѣнъ того, они обязуются поддерживать дороги и горныя тропы, и постепенно превращаются въ вассаловъ индійской императрицы.

Древняя страна Гандара, въ которой Пешаверъ теперь главный городъ, сохранила очень мало памятниковъ своего прошлаго; завоеватели, послѣдовательно проходившіе этимъ историческимъ путемъ Кабульской долины, разрушили зданія, воздвигнутыя ихъ предшественниками. Отъ древней столицы, Пушкалавати (по-гречески Пенхелаотисъ), остались только кучи мусора, лежащія при сліяніи рѣкъ Кабулъ и Сватъ, тамъ, гдѣ нынѣ находятся Чарсудда и Прангъ, два изъ Хаштъ-Нагаръ, или «Восьми городовъ». Огиндъ, на Индѣ,—какъ полагаютъ, древняя Эмболима,—былъ частью смытъ подтачивавшимъ его теченіемъ и доставляетъ искателямъ древностей только медали и разные предметы изъ бронзы, погребенные подъ обвалами береговъ [1]. Что касается знаменитаго Аорноса, утеса, которымъ не могъ овладѣть Геркулесъ, и который былъ, наконецъ, завоеванъ Александромъ Великимъ, то до сихъ поръ не удалось еще опредѣлить несомнѣннымъ образомъ его мѣстоположеніе; описанія греческихъ авторовъ, запутанныя многочисленными преувеличеніями, не даютъ достаточно надежной путеводной нити комментаторамъ въ ихъ поискахъ. Главные памятники буддійской эпохи исчезли такъ же, какъ и монументы временъ арійскихъ и эллинскихъ; высокая буддійская ступа, которую китайскіе путешественники видѣли въ Пешаверѣ, и куполъ которой, по ихъ словамъ, поднимался на 120 метровъ (56 саженъ), не существуетъ болѣе; но «писанные камни» видны еще въ долинахъ горъ къ сѣверу отъ равнины, и на Хайберской дорогѣ еще кое-гдѣ уцѣлѣли ступы, высящіяся на выступахъ горы, какъ наглядное свидѣтельство вѣры государей, поставившихъ свое царство подъ покровительство «Великаго ученія». Въ землѣ юзуфзаевъ остатки древнихъ памятниковъ, особенно фрагменты греко-бактрійской архитектуры, тоже очень многочисленны; мегалиты неизвѣстнаго происхожденія, расположенные въ видѣ круга, какъ камни въ Стонгенджѣ, стоятъ тамъ у входа въ ущелья горъ, и теперь еще можно видѣть близъ этой границы одинъ изъ каменныхъ столбовъ, на которыхъ императоръ Асока велѣлъ вырѣзать свои указы [1].

Къ юго-востоку отъ переправы черезъ Индъ по Аттокскому мосту, на историческомъ пути отъ Гинду-куша къ Гангу, этапами, мѣстами роздыха служатъ значительнѣйшіе города Пятирѣчья. Раваль-Пинди, на верхнемъ Соганѣ—городъ новаго происхожденія, но англійскій военный городъ, простирающійся къ югу отъ него, занимаетъ мѣстоположеніе древняго Гаджипура; а на сѣверо-западѣ оттуда находилась могущественная столица Такшасила (Таксила), важнѣйшій изъ городовъ, которые видѣлъ Александръ Македонскій во время своего похода въ Индію. Коннингамъ открылъ мѣсто расположенія этого города близъ мѣстечка Шахъ-Дери; развалины собственно города раскинуты на пространствѣ 15 квадр. километровъ, и вездѣ вокругъ городскихъ стѣнъ видны остатки обширныхъ предмѣстій. Храмы, монастыри и пятьдесятъ слишкомъ ступъ, изъ которыхъ иныя принадлежатъ къ самымъ большимъ памятникамъ этого рода, встрѣчающимся въ Индіи, напоминаютъ о временахъ религіознаго рвенія буддистовъ, о той эпохѣ, когда Такшасила сдѣлалась резиденціей императора Асоки, благочестиваго соорудителя прекраснѣйшихъ зданій, посвященныхъ Буддѣ. Другая знаменитая ступа, Маникіальская, которую открылъ Эльфинстонъ, на востокъ отъ долины рѣки Соганъ, возвышалась не въ городѣ, а среди группы буддійскихъ храмовъ и монастырей: пепелъ и обуглившіяся балки, находимыя въ кучахъ мусора, подтверждаютъ преданіе, по словамъ котораго, Маникіала была истреблена пожаромъ.

[1]) A. Cunningham, „Ancient Geography of India".

[1]) Raverty, „Transactions of the Bombay Geological Society", vol. X. 1852; Loewenthal, „Journal of the Asiatic Society", 1863, № 1; Arthur Phayre, тотъ же сборникъ, 1871, № 1.

Джиламъ, стоящій на правомъ берегу рѣки того же имени, не можетъ считаться однимъ изъ важныхъ городовъ Пенджаба, но въ сосѣдствѣ, какъ и на всемъ протяженіи историческаго пути, видны развалины древнихъ городовъ. Города, которые Александръ Великій основалъ на обоихъ берегахъ Гидаспа или Джилама, въ ознаменованіе своей побѣды надъ царемъ Поромъ, не оставили послѣ себя слѣдовъ, подлинность которыхъ была бы доказана несомнѣннымъ образомъ; греко-бактрійскія монеты, находимыя въ развалинахъ близъ Джалальпура, ничѣмъ не отличаются отъ монетъ, которыя были извлечены на поверхность земли при раскопкахъ, предпринятыхъ въ различныхъ частяхъ сѣверо-западной Индіи; но нѣкоторые ученые хотѣли видѣть потомковъ спутниковъ македонца въ племени авановъ, которое занимаетъ часть этого округа и распространено на западъ до самаго Раваль-Пинди; имя этихъ индусовъ-магометанъ, которые имѣютъ другую претензію, претензію на происхожденіе отъ самого пророка, разсматривается какъ однозначущее съ названіемъ яванъ или явана, подъ которымъ были извѣстны греки, но которое было присвоено также завоевателямъ другихъ расъ, такъ какъ Орисса и центральныя провинціи тоже подпали подъ власть авановъ, которые проникли даже въ дравидійскія земли на югѣ Индустана [1]). Въ настоящее время самый многолюдный и самый важный по торговлѣ городъ этой страны — Пиндъ-Дадатъ-ханъ, стоящій на правомъ берегу Джилама, у подошвы южныхъ скатовъ Соляной цѣпи; это главная верфь для постройки судовъ, плавающихъ по Гидаспу, а напротивъ, на другомъ берегу рѣки, въ Міани, находится обширный складъ соли, которая привозится по желѣзной дорогѣ изъ хеурскихъ соляныхъ копей или ломокъ, означаемыхъ во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ подъ именемъ копей Майо, въ честь лорда Майо, бывшаго вице-короля Индіи. Въ 1872 году на этихъ ломкахъ было добыто соли на сумму около 7.400.000 франковъ. Правительство присвоило себѣ въ исключительную собственность соляныя ломки, и работы производятся тамъ подъ управленіемъ его инженеровъ; занятые на ломкахъ рабочіе принадлежатъ къ одной изъ самыхъ жалкихъ и убогихъ кастъ, въ которой зобатые и немощные составляютъ значительную пропорцію.

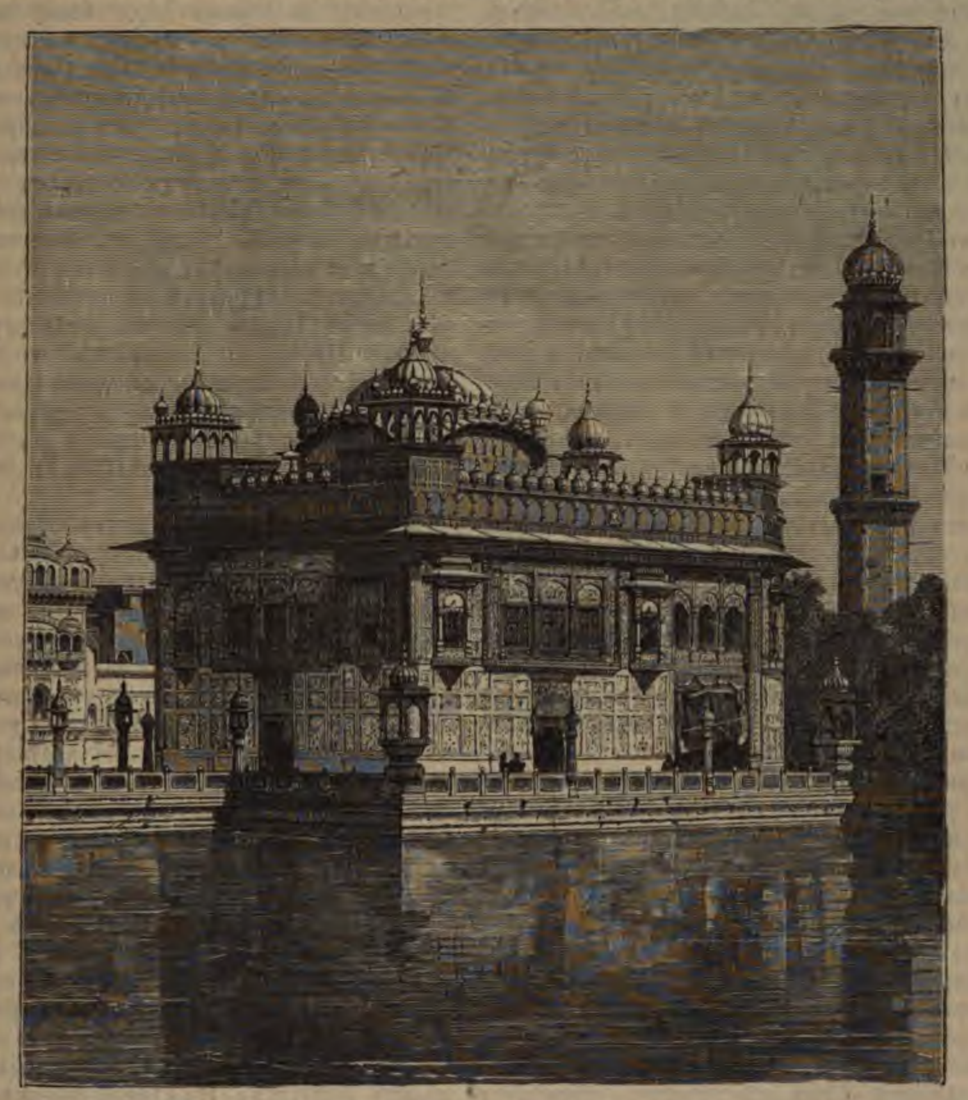
На берегахъ Чинаба, текущаго параллельно Гидаспу, города, стоящіе на большой дорогѣ, получили болѣе или менѣе важное значеніе, смотря по тому, приближалась или удалялась рѣка, блуждающая въ сосѣднихъ равнинахъ на большомъ пространствѣ. Гуджератъ, лежащій нынѣ въ 7 километрахъ къ югу отъ рѣчнаго русла,—городъ преимущественно промышленный, славящійся въ особенности своими прелестными филиграновыми золотыми и стальными издѣліями, которыя принадлежатъ къ числу наиболѣе цѣнимыхъ произведеній индусскаго искусства. Вазирабадъ, на лѣвомъ берегу Чинаба, у оконечности желѣзнодорожнаго моста, который имѣетъ не менѣе 2.800 метровъ въ длину и покоится на 64 столбахъ, вбитыхъ въ песокъ на глубину болѣе чѣмъ 20 метровъ (около 10 саженъ),—въ большой части городъ новый. Построенный по правильному плану итальянцемъ Авитабиле, однимъ изъ иностранныхъ генераловъ, связавшихъ свою судьбу съ судьбой сейхскаго раджи Ранджитъ-Синга, онъ сдѣлался главною верфью и центромъ судоходства по Чинабу. Недавно здѣсь стояли на кантониръ-квартирахъ войска, имѣвшія назначеніемъ защищать въ этомъ мѣстѣ переходъ черезъ рѣку, но теперь эти войска переведены на востокъ, въ окрестности города Сіалькота, гдѣ имъ легче наблюдать за границей и за столицей Кашмирскихъ государствъ. Сіалькотъ, одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ края, обязанъ своимъ нынѣшнимъ значеніемъ не одной только этой стратегической роли; онъ имѣетъ двѣ хлопчатобумажныя мануфактуры и большое число писчебумажныхъ фабрикъ; кромѣ того, ярмарки его привлекаютъ тысячи иногородныхъ посѣтителей, въ одно и то же время пилигримовъ и коммерсантовъ. Упоминаемый уже въ древнихъ индусскихъ поэмахъ, Сіалькотъ былъ столицей страны за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени. Таки, бывшій впослѣдствіи главнымъ городомъ всего верхняго Пенджаба, въ ту эпоху, когда китайскіе пилигримы посѣтили Индустанъ, находился на югѣ, въ мѣстности, теперь почти пустынной, которая сдѣлалась безплодною вслѣдствіе перемѣщенія теченія рѣки Рави и осушки проведенныхъ изъ нея оросительныхъ каналовъ. Развалины древняго города, впервые обслѣдованныя Коннингамомъ, находятся близъ деревни Асаруръ, на сѣверо-востокъ отъ небольшаго холма Сангалъ (Сангола, Сакала), гдѣ армія Александра Македонскаго одержала одну изъ своихъ побѣдъ. Въ наши дни главный городъ доаба, или «междурѣчья», ограниченнаго рѣками Рави и Чинабомъ, — Гуджранвала, одна изъ станцій пенджабской желѣзной дороги. Окрестная страна представляетъ голую, пыльную равнину, безъ малѣйшаго признака деревьевъ; нигдѣ мѣстность не заслуживаетъ болѣе справедливо эпитета «отвратительной», даннаго султаномъ Баберомъ этимъ равнинамъ Индустана, которыя онъ самъ такъ часто опустошалъ. Въ прошломъ столѣтіи нѣсколько шаекъ бродягъ составляли единственное населеніе Гуджранвальскаго округа, гдѣ теперь насчитывается слишкомъ полмилліона жителей [1]).

---

[1]) W. Hunter „Orissa"; Rajendralala Mitra, „Antiquities of Orissa".

[1]) Hunter, „England's Work in India".

Лагоръ, также очень старинный городъ, упоминаемый древними писателями подъ именемъ Логавара, наслѣдовалъ городу Таки, какъ столица Пятирѣчья. Въ теченіе трехъ столѣтій онъ былъ центромъ сопротивленія противъ магометанскаго нашествія, затѣмъ газневидскіе государи избрали его своей резиденціей. Во время монгольскаго владычества онъ тоже часто бывалъ мѣстомъ пребыванія императоровъ; затѣмъ, когда основалось эфемерное государство сейховъ, «львы» (синги) построили тутъ свой дворецъ; теперь англичане сдѣлали этотъ городъ средоточіемъ своего управленія во всемъ сѣверо-западномъ Индуставѣ. Въ эпоху господства Великихъ Моголовъ Лагоръ былъ гораздо обширнѣе, и предмѣстья его продолжались далеко за черту городскихъ стѣнъ. Послѣ періода упадка онъ снова вступилъ въ эру быстраго возрастанія. Новый англійскій городъ выстроился на югѣ отъ стараго индусскаго, вдоль высокаго берега, у подошвы котораго прежде протекала рѣка Рави, теперь перешедшая на западную сторону, и кварталы его приближаются на востокѣ посредствомъ прекрасныхъ бульваровъ къ штабамъ войскъ, расположеннымъ въ Міанъ-Мирѣ; такимъ образомъ городъ протянулся въ длину верстъ на двѣнадцать, между могилой Джехангиръ, находящейся въ Шахъ-Дара, на сѣверной сторонѣ Лагора, и послѣдними казармами Міанъ-Мира. Важное значеніе главнаго города Пятирѣчья отнынѣ упрочено и обезпечено гораздо болѣе его выгоднымъ торговымъ положеніемъ, чѣмъ его привилегіями, какъ административнаго центра. Въ Лагорѣ желѣзная дорога, идущая изъ Карачи, отдѣляетъ отъ себя вѣтвь къ магистральной линіи изъ Пешавера въ Калькутту.



Амрицаръ. Золотой храмъ и озеро Безсмертія

Прекраснѣйшіе памятники Лагора относятся, по времени сооруженія, къ эпохѣ Великихъ

*

Моголовъ, и хотя многіе изъ нихъ были обнажены отъ украшавшаго ихъ убора изъ мрамора и эмальированнаго фаянса; хотя другіе, частью разрушенные, повысили окружающую почву своими развалинами,— но и то, что̀ уцѣлѣло, поражаетъ своею чудною красотою и изяществомъ. Открывающіеся взорамъ между группами стройныхъ пальмъ, среди роскошныхъ садовъ, гдѣ фонтаны брызжутъ жемчужной струей, дворцы и мечети, съ ихъ широкими перистилями, съ ихъ окнами, оканчивающимися наверху дугообразнымъ просвѣтомъ, съ ихъ висячими верандами, угловыми павильонами съ колонками, ихъ минаретами, словно вырѣзанными изъ слоновой кости, ихъ куполами изъ разноцвѣтнаго мрамора, кажутся какими-то волшебными за̀мками. Въ этихъ зданіяхъ искусство Индіи сочеталось съ искусствомъ Персіи, подобно тому, какъ языкъ урду соединилъ въ одно гармоническое цѣлое санскритскую основу съ персидскими узорами. Въ сравненіи съ великолѣпными монументами индусскаго города, памятники англійскаго представляются очень невзрачными въ архитектурномъ отношеніи, но между послѣдними есть, по крайней мѣрѣ, такіе, которые утилизируются для цѣлей просвѣщенія и умственнаго подъема страны; таковы лагорскія коллегіи или лицеи, изъ которыхъ одинъ носитъ титулъ университета; таковъ музей, гдѣ находится драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ существующихъ на Полуостровѣ собраніе произведеній искусства греко-бактрійскихъ, буддійскихъ, индусскихъ. Благодаря духу иниціативы, которымъ обладаютъ въ высокой степени его жители, сейхи, Лагоръ сдѣлался центромъ науки и литературы во всемъ сѣверномъ Индустанѣ.

Одинъ сосѣдній городъ оспариваетъ у Лагора роль метрополіи сейховъ,—это Амрицаръ (Амритсаръ), расположенный верстахъ въ пятидесяти къ востоку, въ небольшой впадинѣ почвы или котловинѣ, которую перерѣзываетъ оросительный каналъ, отведенный изъ рѣки Рави. Прежде на этомъ мѣстѣ стоялъ древній городъ Чакъ, но онъ давно уже исчезъ, когда одинъ апостолъ сейховъ построилъ святилище, которое получило отъ пруда, омывающаго его мраморныя стѣны и перила его набережныхъ, имя Амритъ-Сара, что̀ значитъ «озеро Безсмертія». Пилигримы сотнями тысячъ приходятъ каждый годъ молиться съ колѣнопреклоненіями на мосту, соединяющемъ Золотой храмъ съ твердою землей, и подъ изящнымъ сводомъ, увѣнчаннымъ широкимъ куполомъ изъ позолоченной мѣди. Долгое время Амрицаръ былъ общимъ достояніемъ всей конфедераціи сейхскаго народа, и каждый изъ клановъ имѣлъ въ немъ свой особый кварталъ; но со времени сооруженія цитадели Говиндъгаръ, которая командуетъ надъ Золотымъ храмомъ, пилигримы могутъ уже являться не иначе, какъ въ качествѣ подданныхъ ея индійскаго величества. Стеченіе огромнаго числа правовѣрныхъ, приходящихъ со всѣхъ концовъ страны, придало амрицарскимъ ярмаркамъ важное коммерческое значеніе. Этотъ городъ служитъ складомъ товаровъ, отправляемыхъ изъ Бомбея и изъ Калькутты въ Кашмиръ и на рынки Средней Азіи. Кашмирскіе переселенцы принесли съ собою въ Амрицаръ искусство выдѣлки шалей, золотой парчи и позументовъ; въ хорошіе годы свыше четырехъ тысячъ станковъ работали въ мастерскихъ этого города. Во время большихъ праздниковъ всѣ улицы обтянуты шалями и дорогими матеріями. Къ сѣверо-востоку отъ Амрицара стоитъ другой торговый и промышленный городъ, Батала, гдѣ едва встрѣтишь нѣсколько сейховъ, столь многочисленныхъ въ другихъ сосѣднихъ городахъ. Гораздо далѣе, на берегахъ Сетледжа и въ небольшомъ разстояніи отъ ущелья, изъ котораго онъ выходитъ, находится другой священный городъ сейховъ, Анандпуръ, или «Городъ Мира», надъ которымъ господствуетъ гора въ формѣ чалмы, называемая Нина-Деви. «Грантъ», священная книга сейховъ, хранится, какъ святыня, въ одномъ изъ храмовъ Картарпура, мѣстечка, сосѣдняго съ Джалландаромъ.

Къ востоку отъ Лагора, поясъ воздѣланныхъ и заселенныхъ земель все болѣе и болѣе съуживается между основаніемъ Гималайскихъ горъ и южными равнинами, усѣянными рѣдкими оазисами; тамъ начинается страна, которой дали, съ военной точки зрѣнія, названіе «Бельгіи Индустана». Древнія эпопеи разсказываютъ объ истребительныхъ войнахъ, въ которыхъ нѣкогда здѣсь встрѣчались на полѣ сраженія куруиды и сыны Панду, да и послѣ миѳическихъ временъ, въ историческую эпоху, на этой же территоріи, служившей естественнымъ путемъ для націй и армій, происходили всѣ почти большія битвы, гдѣ рѣшалась судьба народовъ сѣверной части Полуострова. Оттого англичане не преминули установить въ этой области непрерывную цѣпь укрѣпленныхъ лагерей, чтобы обезпечить свои сообщенія. Къ югу отъ Амрицара, на правомъ берегу Сетледжа, городъ Фирозпуръ сдѣлался обширнымъ арсеналомъ Индустана. На сѣверо-востокѣ, на магистральной желѣзнодорожной линіи, Джалландаръ, собраніе городовъ, сгруппированныхъ въ одной и той же оградѣ, также составляетъ одинъ изъ опорныхъ пунктовъ англійскаго военнаго могущества, и его кантонементы занимаютъ бо̀льшее пространство, чѣмъ всѣ индусскіе города края. Далѣе, городъ Лудіанахъ, стерегущій, съ восточнаго высокаго берега, переходъ черезъ рѣку Сетледжъ, на которой построенъ мостъ-путеводъ, длиной въ 1.900 метровъ, самъ, въ свою очередь, находится подъ выстрѣлами сильной цитадели, и его

рынки снабжаютъ продовольствіемъ всѣ гарнизоны Пенджаба. Затѣмъ слѣдуетъ Амбала, на рѣкѣ Хаггаръ, лагерь котораго, болѣе многолюдный, чѣмъ самый городъ, занимаетъ пространство въ 2.900 гектаровъ (около 2.000 десятинъ). Цѣлая дивизія охраняетъ эту центральную позицію, которая имѣетъ вдвойнѣ важное значеніе, какъ промежуточная крѣпость между Лагоромъ и Дели и какъ стражъ Симлы, лѣтней столицы Индустана, пока еще не соединенной съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ равнины. Исходный пунктъ для путешественниковъ, которые каждый годъ отправляются толпами въ отели, виллы и дачи гималайской лѣтней резиденціи, Амбала есть въ то же время для сѣверныхъ равнинъ Индустана главный рынокъ по торговлѣ привозимыми изъ Англіи товарами, которыми онъ снабжается въ наиболѣе обильномъ количествѣ. Построенный близъ окраины пустынь, на почвѣ, гдѣ рѣки текутъ уже съ трудомъ, Амбала терпѣлъ большой недостатокъ въ водѣ, да и та вода, какая имѣлась въ его распоряженіи, часто бывала испорченная, вредная для здоровья; чтобы устранить эту причину болѣзней, недавно выкопали подлѣ самаго города артезіанскій колодезь, глубиной въ 139 метровъ (почти 65 саженъ).

Англійскія военныя станціи Восточнаго Пенджаба далеко превзошли численностью населенія старые индусскіе города этой страны, даже столицы маленькихъ государствъ, которымъ британское правительство оставило тѣнь независимости, каковы, напримѣръ, Капуртала и Путіала. Сархиндъ, бывшій нѣкогда главнымъ городомъ царства Сатадру или Сатледжъ (Сетледжъ), оставилъ послѣ себя лишь груды развалинъ, тогда какъ вся окружающая мѣстность до сихъ поръ еще вообще обозначается его именемъ. Простая игра словъ, примѣры которой такъ часто встрѣчаются въ географической номенклатурѣ, придала этому названію Сархиндъ смыслъ «границы Индустана», какъ бы желая указать приблизительную раздѣльную черту между мусульманскими землями сѣверо-запада Индіи и областями чисто индусскими [1]); но по воспоминаніямъ ни одна страна Полуострова не можетъ уже назваться индійскою: это по преимуществу святая земля арійцевъ, и преданіе древнихъ временъ въ ней еще не утратилось. Пилигримы еще толпами устремляются въ Танесаръ, въ Пихойю, ко всѣмъ святымъ мѣстамъ, находящимся на берегахъ измѣнчиваго теченія Сарасвати, иногда до 300.000 богомольцевъ приходятъ погрузиться поочередно въ танесарскія мутныя воды; тысячи вдовъ бродятъ по улицамъ и площадямъ Пихойи, и оплакивая понесенную утрату, рвутъ на себѣ волосы съ отчаянія. Городъ Сирса, построенный близъ развалинъ Сарсути, находится далеко на югѣ, у самыхъ границъ пустыни; но въ періоды разлива рѣка, давшая этому городу свое имя, приноситъ еще ему нѣсколько капель своей священной воды.

«Пять Долинъ» Пенджаба расположены въ формѣ раскрытаго вѣера; очень удаленныя одна отъ другой въ области индійскаго «Піемонта», или Даманъ-и-Коха, онѣ постепенно сближаются къ Митанкотской косѣ. Тогда какъ въ сѣверной области, повсюду орошаемой пятью рѣками, большіе города расположились вдоль историческаго пути, у переходовъ черезъ рѣки и въ промежуточныхъ доабахъ (междурѣчьяхъ), южный уголокъ Пенджаба, гораздо болѣе узкій, менѣе обильно орошаемый, болѣе подверженный засухамъ и пыльнымъ вихрямъ, имѣетъ всего только одинъ торговый центръ. Это—городъ Мультанъ, древняя столица народа Малли, покореннаго Александромъ Македонскимъ; происхожденіе его восходитъ въ миѳическимъ временамъ, и легенда приписываетъ его основаніе отцу солнечныхъ боговъ и титановъ; въ царствованіе Ауренгзеба середина Мультанской цитадели была еще занята храмомъ Солнца, который былъ разрушенъ по приказанію этого фанатическаго императора, воздвигнувшаго на его мѣстѣ мусульманскую мечеть. Прежде Мультанъ стоялъ на двухъ островахъ, окруженныхъ водами Рави, но эта рѣка давно уже перемѣнила теченіе и теперь соединяется съ Чинабомъ, верстахъ въ 60 къ сѣверу отъ города; только во время наводненій маленькій потокъ или рукавъ, выдѣляющійся изъ Рави, проходитъ въ старое рѣчное русло. Въ настоящее время ближайшая къ Мультану рѣка—Чинабъ, протекающій въ 7 километрахъ на западъ отъ города; въ этомъ мѣстѣ находится пристань и судостроительная верфь Шеръ-Шахъ.

Багавальпуръ, столица одного изъ обширнѣйшихъ медіатизированныхъ государствъ Сѣверной Индіи, есть одинъ изъ городовъ, которые извлекли наибольшую пользу изъ общаго спокойствія страны, со времени установленія британскаго господства. Синдская желѣзная дорога дѣлаетъ большой крюкъ къ востоку, чтобы пройти черезъ этотъ городъ, котораго она достигаетъ великолѣпнымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ Сетледжъ. Оросительные каналы, отведенные изъ этой рѣки, перерѣзываютъ во всѣхъ направленіяхъ окрестныя мѣстности, и новые города выросли среди богато обработанныхъ земель, которыя еще недавно были безплодными пустынями. Мануфактурная промышленность также способствуетъ процвѣтанію Багавальпура; фабрикація шелковыхъ матерій, введенная переселившимися изъ Бенареса ремесленниками, питаетъ отпускную торговлю страны, направляющуюся къ Афганистану и государствамъ Средней Азіи.

Нѣсколько важныхъ городовъ возникли так-

[1]) A. Cunningham, „Ancient Geography of India".

же въ Дераджатѣ, на берегахъ или въ сосѣдствѣ Инда, въ Даманъ-и-Кохѣ, или «Піемонтѣ» (Подгорьи), который тянется вдоль афганской границы. Городъ Калабахъ, или «Черный Садъ», расположилъ свои дома амфитеатромъ на скалѣ изъ каменной соли, при выходѣ ущелья, которымъ рѣка проходитъ Соляную цѣпь; террасы каждаго ряда домовъ служатъ улицей выше стоящимъ домамъ, а надъ всѣми этими ступенями, расположенными въ родѣ ярусовъ цирка, высится соляной утесъ, съ вершины котораго чиновники фиска зорко слѣдятъ, чтобы обыватели не царапали полъ своихъ жилищъ или даже, по мѣсткой поговоркѣ, не позволяли бы своему домашнему скоту «лизать камни тропинки». Разработка соляныхъ ломокъ производится только по другую сторону Инда, близъ деревни Мари; впрочемъ, эксплоатація ихъ незначительна, благодаря тому обстоятельству, что потребленіе соли ограничено ревнивой монополіей; добываютъ также квасцы и желѣзную руду изъ окрестныхъ холмовъ. На западѣ, въ циркѣ горъ Банну, Дулипнагаръ, оффиціально называемый англо-персидскимъ именемъ Эдуардсабадъ,—самъ по себѣ маленькій городокъ; но онъ имѣетъ весьма важное торговое и военное значеніе, потому что въ немъ сходятся многія изъ дорогъ, спускающихся съ афганскихъ плоскогорій. Почти на всѣхъ выступахъ окрестныхъ горъ виднѣются остатки древнихъ памятниковъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ, начиная съ буддійскихъ вѣковъ; всѣмъ имъ даютъ безразлично одно и то же названіе Кафиръ-Котъ, т. е. «Крѣпость невѣрныхъ». На вершинѣ горы Шейкъ-будинъ (1.375 метровъ высоты) теперь стоятъ казармы, куда посылаютъ выздоравливающихъ солдатъ для возстановленія здоровья; но на этомъ пикѣ жара лѣтомъ еще слишкомъ сильна, чтобы можно было тамъ основать санитарный городъ.

Дера-Измаилъ-ханъ, новый городъ, наслѣдовавшій прежнему городу того же имени, который былъ разрушенъ наводненіемъ Инда въ 1823 году, тоже преставляетъ сильную военную позицію и командуетъ выходомъ Гомульскаго ущелья, огибающаго на сѣверѣ массивъ Тахтъ-и-Сулейманъ (Соломоновы горы); два раза въ годъ въ этомъ городѣ составляются большіе караваны повиндаховъ, или «скороходовъ», отправляющіеся отсюда совершать свой обычный обходъ Афганистана: около 12.000 людей и 35.000 верблюдовъ проходятъ каждый годъ Гомульскимъ ущельемъ. Цѣнность торговаго обмѣна черезъ этотъ проходъ въ теченіе фискальнаго 1869—1870 года простиралась до 8.250.000 франковъ. Другой городъ, основанный балучами или белуджистанцами, Дера-Гази-ханъ, торговый аванпостъ Мультана на Индѣ,—тоже очень оживленный торговый пунктъ; онъ наслѣдовалъ, какъ рынокъ южнаго Дераджата, городу Митанкотъ, который опустошительными наводненіями Инда вынужденъ былъ перейти на другое мѣсто, и съ тѣхъ поръ купцы покинули его. Большая ярмарка, на которую съѣзжаются и сходятся какъ индусы, такъ и мусульмане, бываетъ также около знаменитаго храма Сакки-Сарваръ, который во все остальное время года окруженъ безлюдными пустынями; племя, состоящее изъ 1.600 слишкомъ душъ, которое охраняетъ это святилище, дѣлитъ между собою приношенія пилигримовъ [1]). Въ этой области переходъ черезъ Соломоновы горы очень затруднителенъ, по причинѣ большаго протяженія дорогъ, которыя извиваются въ ущельяхъ, по песчаному или каменному дну высохшихъ горныхъ потоковъ, между рядами скалъ параллельныхъ предгорій, однообразно покрытыхъ маленькими пальмами, акаціями, а выше хвойными деревьями.

Торговый центръ всей области Инда, заключающейся между мысомъ Пяти Рѣкъ и бифуркаціей дельты, есть городъ Шикарпуръ, построенный среди садовъ, въ хорошо орошаемой равнинѣ, которая нѣкогда была морскимъ заливомъ и которая продолжается на сѣверъ песчаными пространствами. Важное значеніе этого города обусловливается его выгоднымъ положеніемъ при дорогѣ, которая проходитъ на югъ отъ Сулейманъ-дага и ведетъ къ плоскогорьямъ Белуджистана или черезъ Боланскій, или черезъ Гарнайскій проходъ. Шикарпурскіе купцы еще предпріимчивѣе мультанскихъ, и городъ ихъ служитъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ и продуктовъ, отправляемыхъ изъ всѣхъ частей Индустана и даже изъ Англіи; въ самомъ Шикарпурѣ фабрикуются, тоже для отпускной торговли, ковры и бумажныя ткани. Въ 1880 году, когда англійское правительство, посылая свои арміи въ Афганистанъ, повидимому, рѣшилось исправить съ западной стороны свои границы Индійской имперіи, Шикарпуръ былъ выбранъ какъ исходный пунктъ желѣзной дороги, которая должна современемъ соединить Индію съ берегами Средиземнаго моря чрезъ Кандагаръ и долину Евфрата. Принялись за дѣло съ такимъ рвеніемъ, что, казалось, можно было съ полною увѣренностью предсказать быстрое окончаніе проектированнаго великаго пути: первый участокъ, длиною въ 215 километровъ, былъ вполнѣ оконченъ въ продолженіе 101 дня [2]), и уже работали надъ сооруженіемъ подъема на плоскогорье, какъ вдругъ перемѣна направленія въ политикѣ заставила отказаться отъ исполненія этого предпріятія. Рельсовый путь, начинающійся въ городѣ Саккарѣ, сообщается

[1]) Raverty, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, 1855, № IV.

[2]) Richard Temple, „Proceedings of the Geographical Society of London“, sept. 1880.

съ лежащимъ на противоположномъ берегу Инда городомъ Рори, наслѣдникомъ древняго Арора, посредствомъ паровыхъ паромовъ, которые въ скоромъ времени будутъ замѣнены мостомъ-путеводомъ; на сѣверѣ онъ поднимается до Сиби, бывшей столицы Севестана, откуда одна вѣтвь его идетъ до форта Кветта, въ Белуджистанѣ; эта желѣзная дорога избавляетъ путешественниковъ отъ утомительнаго перехода черезъ пустыню Качи-Гандава. Оффиціально, наибольшая часть территоріи, простирающейся у подошвы горъ, считается зависящею, въ политическомъ отношеніи, отъ Белуджистана; но въ дѣйствительности англійское господство тамъ полное. Войска, расположенныя въ штабахъ Жакобабада, близъ номинальной границы, наблюдаютъ за всей равниной.

Багавальпурскій раджа и его дворъ.

Гайдерабадъ, въ древности Неранкотъ, командуетъ съ высоты своего холма надъ аллювіальною областью, гдѣ начинается дельта Инда. Вѣтвь этой рѣки, называемая Пулели, отдѣляется отъ главнаго ствола почти въ 20 километрахъ выше Гайдерабада и впадаетъ въ Лахпадскій лиманъ, при входѣ въ Раннъ; но, кажется, въ предшествовавшую эпоху, когда главное теченіе Инда проходило на востокѣ въ руслѣ Пураны, или «Старой Рѣки», бифуркація происходила у подошвы Неранкотскаго холма. По мнѣнію Коннингама и другихъ комментаторовъ древней географіи Индіи, нынѣшній Гайдерабадъ занимаетъ мѣстоположеніе древней Паталы, бывшей главнымъ городомъ страны во времена похода Александра Македонскаго; она пріобрѣла такую громкую славу, какъ гавань священной рѣки, что имя ея сдѣлалось синонимомъ «Вратъ Спасенія»; это въ честь ея, по словамъ ученаго Іешке, буддійскій храмъ въ Лассѣ получилъ наименованіе Потала, едва разнящееся отъ Патала. Въ настоящее время Гайдерабадъ имѣетъ важность лишь въ стратегическомъ отношеніи; но въ немъ существуютъ также нѣкоторыя отрасли мануфактурной промышленности, и произведенія, которыя онъ посылаетъ на европейскія выставки, оружіе, шелковыя матеріи, вышитыя золотомъ и серебромъ ткани, эмальированныя галантерейныя издѣлія, принадлежатъ къ наиболѣе цѣнимымъ предметамъ этого рода. Гайдерабадъ удаленъ отъ нынѣшняго русла Инда почти на 6 километровъ, и пристанью его на этой рѣкѣ служитъ деревня Гиду-Бандаръ, которая сообщается посредствомъ пароваго парома съ городомъ Котри, стоящимъ на правомъ берегу главной рѣки; высокія береговыя плотины защищаютъ этотъ послѣдній городъ отъ наводненій Инда и внезапныхъ разливовъ его притока, Барана. Благодаря желѣзной дорогѣ, соединяющей Карачи съ Котри, приморскій портъ съ рѣчною гаванью, эта послѣдняя долгое время пользовалась весьма значительнымъ торговымъ движеніемъ; но продолженіе рельсоваго пути, связаннаго теперь съ общею сѣтью желѣзныхъ дорогъ, сильно уменьшило важность Котри, который пересталъ быть мѣстомъ обязательной перегрузки товаровъ. Сравнительно, городъ Татта, стоящій ниже, близъ развѣтвленія наиболѣе посѣщаемыхъ судами проходовъ Инда, потерялъ еще гораздо больше, чѣмъ Котри. Около конца семнадцатаго столѣтія чума такъ свирѣпствовала тамъ, что отъ нея умерло, говорятъ, восемьдесятъ тысячъ человѣкъ. Однако, въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, когда Надиръ-Шахъ овладѣлъ Таттой, называемой также Нагаромъ, или «Городомъ» по преимуществу, населеніе его, по свидѣтельству современниковъ, заключало 60.000 торговцевъ, 40.000 ткачей, 20.000 другихъ рабочихъ. Въ настоящее же время число жителей этого нѣкогда многолюднаго города, значительный процентъ которыхъ ежегодно погибаетъ отъ лихорадки, не превышаетъ 8.000 душъ.

Подобно Марсели, Венеціи, Александріи, Одессѣ, Барселонѣ и другимъ торговымъ городамъ, находящимся внѣ рѣчнаго бассейна, для котораго они служатъ рынками сбыта, Карачи, портъ котораго теперь сдѣлался истиннымъ торговымъ входомъ Инда, лежитъ внѣ области низовья, проходимой блуждающими рукавами рѣки и соединяется съ Индомъ лишь каналомъ, недавно прорытымъ. Судоходство по этимъ внутреннимъ водамъ очень затруднительно, и это обстоятельство заставило англичанъ построить одну изъ ихъ первыхъ желѣзныхъ дорогъ между Карачи и вершиною дельты, чтобы имѣть возможность отправлять людей и товары сухимъ путемъ. Суда гребныя, парусныя или паровыя, которыя употребляются на нижнемъ Индѣ, имѣютъ не болѣе четырехъ или пяти футовъ водоуглубленія. Съ 1835 года, эпохи введенія пароходства на Индѣ, движеніе товаровъ и пассажировъ увеличилось, но въ гораздо меньшей пропорціи, чѣмъ ожидали; въ Индіи, какъ и въ Западной Европѣ, относительная дешевизна водяныхъ путей сообщенія не могла выдержать конкуренціи быстрыхъ путей желѣзныхъ. Въ 1874 году по Инду ходило 14 пароходовъ. Цѣнность товаровъ, перевезенныхъ въ томъ году по рѣкѣ на пароходахъ и баркахъ, простиралась до 42.800.000 франк. Рыболовство на Индѣ все еще весьма значительно, особенно въ области дельты, и доставляетъ преимущественно одну породу, *палу*,— мало отличающуюся отъ *ильзы*, живущей въ Гангѣ,— которая составляетъ главную пищу всѣхъ прибрежныхъ жителей; рыбаки ловятъ ее или сѣтями, поддерживаемыми пустыми глиняными шарами, или направляя, во время разливовъ, воды рѣки въ бассейны, гдѣ рыба собирается въ такомъ множествѣ, что иногда удается поймать въ короткое время многіе десятки тысячъ штукъ. Сосѣднія моря доставляютъ особую породу сельдей, а также акулъ, плавники которыхъ, считающіеся большимъ лакомствомъ у китайскихъ гастрономовъ, отправляются отсюда въ Бомбей для рынковъ шанхайскаго и гонконгскаго. Каста рыбаковъ отличается отъ другихъ классовъ населенія Синда своей смышленостью и отвагой [1]).

Портовый городъ Карачи претендуетъ на титулъ синдскаго «Бомбея». Еще въ началѣ прошлаго столѣтія онъ былъ простой деревней, и кое-какая торговая дѣятельность появилась въ немъ лишь послѣ обмелѣнія гавани Шахъ-Бандара, на Индѣ, но песчаныя мели, заграждающія проходъ, и малая глубина фарватера затрудняли входъ въ портъ, который былъ до-

[1]) Carless, „Journal of the Geographical Society of London“, 1838.

ступенъ только мелкимъ индусскимъ судамъ. Нужно было потратить милліоны, чтобы устроить передовой портъ къ востоку отъ мыса Манора, защищающаго бухту отъ вѣтровъ открытаго моря, соединить островки съ материкомъ дамбами и желѣзными дорогами, засыпать промежуточныя болота и прорыть фарватеры. Благодаря всѣмъ этимъ работамъ, суда имѣющія до 7 метровъ водоуглубленія, могутъ входить въ гавань, пользуясь приливомъ; даже въ часы отлива все еще остается болѣе 6 метровъ воды въ проходѣ. Тѣмъ не менѣе, портъ Карачи—одинъ изъ тѣхъ, которые могутъ быть поддерживаемы только цѣной постоянныхъ усилій, такъ какъ илъ и песокъ, приносимый Индомъ, увлекается вдоль сѣверо-западнаго берега моря береговымъ теченіемъ, происходящимъ отъ дѣйствія южнаго муссона [1]). Прежде, когда страна еще не принадлежала Англіи, Карачи велъ преимущественно торговлю живымъ товаромъ, невольниками, абиссинскими или негритянскими, привозимыми на маскатскихъ судахъ. Въ настоящее время, подъ англійскимъ владычествомъ, важнѣйшіе предметы торговли—хлѣбъ и хлопокъ; оттого лучшими годами для процвѣтанія Синдскаго порта былъ періодъ междоусобной войны въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Внѣшняя торговля Карачи:

Въ 1844 г. (первый годъ англійскаго господства)—3.054.000 франк.; въ 1864 г. (во время американской войны)—164.192.000 франк.; въ 1874 г. (годъ нормальный) — 87.692.000 франк.

Въ 1894 г. цѣнность вывоза составляла 6.823.781, цѣнность ввоза — 4.266.591 рупію; въ приходѣ въ этомъ году было 127 пароходовъ въ 180.398 тоннъ.

Карачи—одна изъ пристаней Индіи, куда всего чаще заходятъ французскіе корабли. Это городъ англійской постройки, и если имѣетъ восточный видъ, то обязанъ этимъ только ослѣпительному свѣту, отражающемуся отъ стѣнъ, тропическимъ деревьямъ бульваровъ и общественнаго сада да костюмамъ и физіономіямъ индусовъ, балуджей и афганцевъ, толпящихся на набережныхъ и у входа въ караван-сараи. Лѣтній городъ англичанъ, Клифтовъ, находится на восточной сторонѣ бухты, на полуостровѣ, перерѣзанномъ утесами, о которые ударяются волны моря. Верстахъ въ десяти на сѣверъ, горячіе ключи Пиръ-Манго, о которыхъ жрецы говорятъ, что это подземная струя рѣки Рави, бьютъ изъ земли между группами финиковыхъ пальмъ, у основанія известковаго пригорка, гдѣ находится обширный кратеръ, образовавшійся вслѣдствіе провала почвы [2]), и наполняютъ священный прудъ, кишащій крокодилами, которыхъ, какъ священныхъ животныхъ, набожно кормятъ факиры. Германъ фонъ-Шлагинтвейтъ разсказываетъ, что крокодилы, совершенно прирученные, приходили на зовъ своихъ сторожей, и даже иногда ему случалось видѣть, какъ живописцы садились верхомъ на страшныхъ животныхъ и рисовали у нихъ на черепѣ разные іероглифическіе образы и благочестивыя изреченія [1]); но англійскіе офицеры, не заботящіеся о народномъ культѣ, преслѣдуютъ этихъ огромныхъ ящерицъ камнями и ружейными выстрѣлами [2]). Далѣе, за высотами, господствующими надъ Пиръ-Минго, простираются пустынныя плоскогорья, гдѣ видны какія-то развалины. До самаго Белуджистана различныя мѣстности носятъ индусскія названія, которыя свидѣтельствуютъ о проходѣ буддійскихъ миссіонеровъ въ странѣ [3]). Въ разныхъ мѣстахъ на западной границѣ высятся ступы, но нигдѣ нѣтъ такихъ высокихъ, какъ въ Хайберскомъ проходѣ.

Къ востоку отъ аллювіальныхъ земель Инда три раджпутскія государства, лежащія въ равнинѣ, Биканеръ, Джайсалмиръ и Марваръ, заключаютъ въ себѣ обширныя пространства безъ городскихъ поселеній, и даже въ большей части ихъ протяженія совсѣмъ нѣтъ деревень; на цѣлыхъ сотняхъ квадратныхъ верстъ не увидишь ничего, кромѣ песчаныхъ бугровъ, раздѣленныхъ узкими оврагами, солончаковъ да мелкаго кустарника, и пустыня постепенно дѣлаетъ захваты на обработанныхъ земляхъ. Въ этой бѣдной странѣ, гдѣ неурожаи и голодовки повторяются все чаще и чаще, жители часто питаются хлѣбомъ изъ древесной коры, корнями растеній, дикими сѣменами [4]). Марваръ вполнѣ заслуживаетъ этого названія, которое означаетъ «Область Смерти», а въ двухъ другихъ государствахъ населеніе еще болѣе бѣдствуетъ; въ большей части селеній нѣтъ другихъ домовъ, кромѣ шалашей, сплетенныхъ изъ вѣтвей кустарника и формой напоминающихъ пчелиные ульи [5]).

Однако, Биканеръ, столица государства, граничащаго съ Пенджабомъ и Багавальпуромъ,—значительный городъ, и когда смотришь на него издали, его стѣны и храмы, высящіеся на вершинѣ холма, представляютъ очень внушительное зрѣлище, такъ что величественностью своего вида онъ не уступитъ самымъ пышнымъ городамъ Индіи. Жители его славятся во всей Раджпутанѣ своимъ искусствомъ въ разныхъ мастерствахъ: они дѣлаютъ рѣзныя изъ дерева и камня украшенія для домовъ,

---

[1]) Taylor, „The Harbours of India“.

[2]) Buist, „Transactions of the Geographical Society of Bombay“, vol. X, 1852.

[1]) „Reisen in Indien und Hochasien“.

[2]) R. Burton, „Sind Revisited“.

[3]) A. Cunningham, „Ancient Geography of India“.

[4]) Georg King, „Proceedings of the Asiatic Society of Bengal“, apr. 1869.

[5]) Alexan. Burnes, „Journal of the Geographical Society“, 1834.

фабрикуютъ ковры и покрывала, вытачиваютъ разныя вещи изъ слоновой кости, приготовляютъ отличныя печенья и пирожное. Джайсалмиръ, построенный изъ желтаго камня, издали похожаго на битую глину,—тоже живописный городъ, надъ домами котораго высоко поднимаются дворцы съ башенками и храмы джайновъ. Джодпуръ, столица Марвара, походитъ на Биканеръ своимъ положеніемъ на вершинѣ холма и смѣлымъ профилемъ своихъ зданій; крѣпость, командующая надъ городомъ и заключающая дворецъ магараджи, стоитъ на песчаниковой скалѣ, возвышающейся на 240 метровъ надъ уровнемъ равнины. На востокѣ, многочисленныя рѣки и рѣчки, берущія начало на западныхъ склонахъ горъ Аравали и соединяющіяся съ рѣкой Луни или теряющіяся въ пустынѣ, орошаютъ Годваръ, или «Садъ» Восточнаго Марвара, и прокармливаютъ значительное населеніе. Въ этой области возникли многіе города, Нагаръ, Мерта, Палли, Соджатъ, Джаллоръ. До постройки желѣзной дороги, соединяющей Ахмедабадъ съ Дели черезъ плоскую возвышенность Раджпутаны, городъ Палли былъ главнымъ торговымъ мѣстомъ марварцевъ между Гудзератомъ и бассейномъ Ганга. Онъ имѣетъ видъ обширнаго ярмарочнаго поля; улицы въ немъ широкія, какъ въ русскомъ степномъ городѣ, и передъ каждымъ домомъ ткачи работаютъ на своихъ станкахъ подъ открытымъ небомъ [1]). Верблюды, продаваемые въ Палли, славятся своею ловкостью и выносливостью; по словамъ Бортона, въЦиндѣ и въ пустынѣ Таръ существуетъ до пятнадцати разновидностей этихъ животныхъ. Марварскіе быки тоже славятся во всей Индіи; во время безкормицы, ихъ гоняютъ, сотнями тысячъ головъ, пастись на плоскія возвышенности Раджпутаны и Мальвы.

Маленькое медіатизированное государство Качъ, котораго главный островъ и второстепенные островки протянулись въ формѣ полумѣсяца на югѣ Большаго Ранна, получаетъ больше воды, чѣмъ раджпутскія государства равнины, и, благодаря своей обильной растительности и удобствамъ сообщенія, можетъ прокармливать гораздо болѣе значительное населеніе на равномъ пространствѣ. Буджъ, столица этого княжества, все еще носящая имя бога, которому она была посвящена, очень богата древними постройками, представляющими большой интересъ для археологовъ; но по степени важности, она уступаетъ городу Мандви или Мандави, стоящему на южномъ берегу, при входѣ въ Качскій заливъ: это самый оживленный портъ на всемъ прибрежьи между Карачи и Бомбеемъ (движеніе судоходства въ Мандави въ 1877 году: 1.069 груженныхъ судовъ въ приходѣ, 2.191 въ отходѣ). Его моряки, индусы и магометане, владѣютъ слишкомъ двумя стами судовъ, общая вмѣстимость которыхъ свыше 10.000 тоннъ, и которыми они умѣютъ управлять съ необыкновенною смѣлостью, плавая между подводными камнями и мелями, которыми усѣянъ заливъ; только суда, имѣющія менѣе 3 метровъ водоуглубленія, могутъ пройти баръ при высокомъ приливѣ. Мандави ведетъ непосредственную торговлю съ Занзибаромъ, откуда онъ ввозитъ слоновую кость и кожи носороговъ; въ прежнее время пираты брали тамъ также невольниковъ. Здѣшнія суда, почти всѣ безъ палубы, отправляются въ началѣ декабря и возвращаются съ юго-западнымъ муссономъ; но часто они находятъ море очень бурнымъ, входя въ Качскій заливъ, и принуждены укрываться въ бухточкахъ противоположнаго берега, на прибрежьи полуострова Каттіаваръ.

Главные города бассейна «Пятирѣчья», Синда, раджпутскихъ государствъ Тара и Кача:

Пенджабъ: Амрицаръ (1891 г.)—136.766 жит.; Лагоръ — 176.854 жит.; Пешаверъ—84.191 жит.; Мультанъ—74.562 жит.; Джаллandaръ—66.202 жит.; Амбала—79.270 жит.; Лудіана—46.334 жит.; Батала—28.725 жит.; Сіалкотъ—55.087 жит.; Дера-Измаилъ-ханъ—21.573 жит.; Фирозпуръ — 50.437 жит.; Дера-Гази-ханъ—23.899 жит.

Синдъ: Карачи — 105.199 жит.; Гайдерабадъ—58.048 жит.; Шикапуръ—42.000 жит.

Раджпутскія государства: Джодпуръ—61.849 жит.; Палли—50.000 жит.; Нагаръ—40.000 жит.; Биканеръ—56.252 жит.; Мерта—20.000 жит.; Джайсалмиръ—11.000 жит.; Соджатъ—20.000 жит.; Джаллоръ—15.000 жит.

Качъ: Мандави (Мандви) — 38.155 жит.; Буджъ—25.420 жит.

VI.

Полуостровъ Каттіаваръ и покатость заливовъ Качскаго и Камбейскаго, англійскіе и туземные округа Гудзерата, на сѣверъ отъ рѣки Маги.

Полуостровъ Каттіаваръ формою походитъ на островъ Качъ, и хотя онъ не былъ еще вполнѣ изслѣдованъ геологами, но и то, что они видѣли, достаточно показываетъ, что расположеніе горныхъ породъ представляетъ въ этихъ двухъ странахъ нѣкоторую аналогію. Океаническій берегъ Каттіавара и Кача имѣетъ одинаковое направленіе, отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, перпендикулярно къ движенію муссона, и у обоихъ прибрежье почти прямолинейное, едва изрѣзанное маленькими углубленіями или заливчиками, образуемыми устьями внутреннихъ рѣкъ и рѣчекъ. Каттіаваръ, такъ же, какъ и Качъ, развертываетъ въ видѣ полумѣсяца свой южный берегъ, окаймленный

[1]) A. Giardon, „Mon voyage aux Indes orientales“.

одинаково и на островѣ, и на полуостровѣ новѣйшими известковыми породами и полосой траппа. Если Каттіаваръ еще соединенъ съ материкомъ узкимъ перешейкомъ въ родѣ цвѣточной ножки, тогда какъ Качъ отдѣленъ отъ твердой земли морскими водами въ періодъ юго-западнаго муссона, то, во всякомъ случаѣ, порогъ, заключающійся между Ранномъ и Камбейскимъ заливомъ, очень не высокъ, никакъ не больше 15 метровъ; около середины перешейка простирается, на протяженіи 36 километровъ, озеро или, вѣрнѣе сказать, болото солоноватой воды, Наль, очевидно, составляющее остатокъ бывшаго пролива; почва въ окрестностяхъ этого длиннаго болота усѣяна раковинами тѣхъ же видовъ, которые водятся въ сосѣднихъ моряхъ [1]). Дважды въ сутки приливъ, проникающій въ Камбейскій заливъ, покрываетъ плоскіе берега слоемъ воды высотой отъ 8 до 10 метровъ; будь приливная волна двойной или тройной высоты противъ нынѣшней, и полуостровъ Каттіаваръ опять сдѣлался бы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ нѣкогда, т. е. островнымъ массивомъ. Такъ же, какъ во Франціи, въ заливѣ Сенъ-Мишель и проливѣ Нуармутье, здѣсь проложены, по песчаному, затопляемому приливомъ грунту, между городами противоположныхъ береговъ дороги, которыми пользуются во время отлива: какъ только приливная вода удалилась, пѣшеходы и всадники отправляются въ путь, чтобы совершить переходъ до возвращенія водъ моря; но это путешествіе не всегда безопасно, такъ какъ рѣчки сочатся предательскими потоками въ глубинахъ песковъ. Противъ острова Перима, замѣчательнаго обиліемъ ископаемыхъ третичной эпохи, образовалась среди залива яма въ 110 метровъ глубиною.

Каттіаваръ, болѣе обширный, чѣмъ Качъ, въ то же время и болѣе возвышенъ надъ уровнемъ моря. Горная цѣпь Гиръ, которая тянется вдоль южнаго берега, имѣетъ вершины, поднимающіяся выше 500 метровъ, тогда какъ около центра полуострова возвышается гранитный массивъ Уджаянта или Ревати, болѣе извѣстный теперь подъ именемъ Гирнара; самая высокая изъ его вершинъ достигаетъ 1.067 метровъ. Другія гряды холмовъ, различной высоты, отъ 300 до 500 метровъ, занимаютъ западную часть Каттіавара, но страна понижается постепенно на сѣверъ и сѣверо-востокъ, къ берегамъ Ранна и равнинамъ континентальнаго Гудзерата. Эти послѣднія представляютъ, впрочемъ, лишь узкій проходъ между низменною областью сѣверо-западнаго Индустана и западнымъ склономъ Гатскихъ горъ; заключенныя между заливами моря и плоскогорьемъ Раджпутаны, онѣ орошаются только короткими рѣками, спускающимися съ горы Абу и съ высотъ Мальвы; изъ этихъ рѣкъ двѣ самыя значительныя, Маги и Сабарматти, открываютъ въ Камбейскій заливъ свои устья, расширяемыя водами прилива; двѣ другія рѣки, съ перемежающимся теченіемъ, смотря по времени года, спускаются къ Качскому Ранну: одна изъ нихъ носитъ имя Сарасвати, какъ и священная рѣка Гималайскихъ воротъ. Съ этой стороны переходъ совершается постепенно отъ плодородныхъ равнинъ Гудзерата къ безплоднымъ пространствамъ Тара; обиліе или скудость водъ дѣлаетъ то, что поясъ пустыни выдвигается или отступаетъ. Народонаселеніе распредѣлилось въ Гудзератѣ очень неравномѣрно. Въ равнинахъ, наклоненныхъ на югъ, въ сторону дождливаго муссона, населеніе скучено въ наибольшихъ количествахъ, тогда какъ на сѣверѣ, по краямъ Ранна и въ долинахъ притоковъ, города и мѣстечки очень рѣдки. Это объясняется тѣмъ, что горы полуострова Каттіаваръ не пропускаютъ въ эту часть страны обильныхъ дождей.

Пространство и населеніе Каттіавара и Гудзерата:

	Пространство.	Населеніе въ 1872 г.	На 1 кв. километръ.
Каттіаваръ (съ Діу)	51.830 кв. к.	2.326.425 ж.	45 ж.
Гудзератъ континентальный, къ сѣверу отъ р. Маги, съ округомъ Кайра	36.039 „ „	2.103.500 „	58 „
Всего...	87.869 кв. к.	4.429.925 ж.	50 ж.

Расположенный въ сторонѣ отъ пути, которымъ слѣдовали караваны и арміи завоевателей, Каттіаваръ, естественно, долженъ былъ сдѣлаться убѣжищемъ для всѣхъ племенъ, оттѣсненныхъ съ равнинъ Гудзерата. Съ другой стороны, этотъ полуостровъ, выдвинутый далеко за черту континента, привлекалъ къ себѣ торговлю, и на всей его окружности поселились колонисты иностраннаго происхожденія, которые различнымъ образомъ смѣшались съ туземцами. Въ числѣ этихъ чужеземныхъ и иноплеменныхъ пришельцевъ были, между прочимъ, арабы, даже африканцы, и съ 1535 года, какъ извѣстно, португальцы овладѣли островомъ Діу, на южной выпуклости Каттіаварскаго берега. Эти различныя расы, оспаривающія другъ у друга гористую территорію полуострова, не могли соединяться въ одну политическую группу; еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія край распадался на 216 отдѣльныхъ государствъ [1]). Подъ англійскимъ господствомъ число это убавилось путемъ постепеннаго вымиранія владѣтельныхъ родовъ; теперь насчи-

[1]) Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India".

[1]) Thornton, „Gazetteer of India".

тываютъ только 188 самостоятельныхъ княжествъ, которыя всѣ отличаются между собою политическимъ и административнымъ устройствомъ. Между этими княжествами есть даже такія, которыя не платятъ никакой дани Англіи, но и они, тѣмъ не менѣе, подчинены ея верховной власти и юрисдикціи.

Въ древности полуостровъ носилъ имя Сураштра, которое и теперь еще даютъ ему браманы и различныя туземныя племена. Названіе Каттіаваръ онъ получилъ отъ одного народца завоевателей, пришедшаго съ сѣвера черезъ островъ Качъ въ промежутокъ съ тринадцатаго по пятнадцатое столѣтіе,—эпоха, въ которую катты сдѣлались уже самою могущественною державою края. Откуда пришли эти воинственные завоеватели? Были ли то арійскіе кшатріи или соплеменники афганцевъ? Сами они называли себя уроженцами береговъ Инда и отличались отъ туземцевъ болѣе высокимъ ростомъ, болѣе тонкими чертами лица, менѣе смуглымъ цвѣтомъ кожи. Они смѣшались разнообразно съ джареджами и другими племенами раджпутовъ которые надѣлили себя ленами въ большей части государствъ Гудзерата; но коренное населеніе до сихъ поръ сохранилось въ краѣ и занимается обработкой земли, либо въ качествѣ мелкимъ собственниковъ, либо въ качествѣ батраковъ. На востокѣ, континентальный Гудзератъ, къ сѣверу отъ рѣки Маги, занятъ преимущественно коліями, которые походятъ на биліевъ, живущихъ на плоскогорьяхъ, но которые причисляютъ себя къ высшей кастѣ, потому что они цивилизованнѣе и нравами ближе приближаются къ индусамъ. Коліи дѣлятся на множество клановъ, по роду занятій или ремесла; одни изъ нихъ—землевладѣльцы, другіе—дровосѣки, занимающіеся рубкой бамбука, иные—пастухи или водоносы. Общее имя племени, къ которому принадлежатъ всѣ эти люди труда и которое доставляетъ много носильщиковъ бомбейскимъ коммерсантамъ, примѣняется теперь, въ формѣ *кули* (coolie по-англійски), безразлично ко всѣмъ эмигрантамъ индусскимъ и даже китайскимъ, перевозимымъ въ разныя части свѣта. Въ прежнее время одинъ кланъ гудзератскихъ раджпутовъ, чаруны, считался пользующимся особенной милостью бога Сивы. Чаруны слыли людьми священными, и за всякую нанесенную чаруну обиду карающая судьба должна сторицей воздать обидчику; оттого обиженные, не задумываясь, лишали себя жизни, чтобы накликать злой рокъ на голову своихъ враговъ и ихъ родныхъ; въ округахъ, посѣщаемыхъ разбойниками, чаруны обыкновенно предлагали путешественникамъ свои услуги въ качествѣ проводниковъ, и, благодаря ихъ присутствію, путешествіе всегда совершалось благополучно; но этотъ промыселъ прекратился съ тѣхъ поръ, какъ междоусобныя войны и разбойничество перестали царствовать въ странѣ. Обычай дѣтоубійства, нѣкогда общераспространенный въ кланахъ джареджей, сдѣлался очень рѣдкимъ, и теперь онъ считается уже преступленіемъ.

Убѣжище многихъ народцевъ, прогнанныхъ съ континента, полуостровъ Каттіаваръ былъ также пріютомъ для преслѣдуемыхъ религій; новые культы, занесенные изъ Индіи, могли водвориться тамъ лишь послѣ продолжительной борьбы съ старыми вѣрованіями и обрядностями. Буддизмъ, оставившій послѣ себя въ краѣ нѣкоторые изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ эпохи своего господства, продолжался на Каттіаварѣ сектами джайновъ, которые примѣшали такъ много воспоминаній о Буддѣ къ своимъ браманскимъ вѣрованіямъ и обрядамъ. Въ этомъ полуостровномъ Гудзератѣ находятся группы самыхъ обширныхъ и самыхъ знаменитыхъ храмовъ сараваковъ или джайновъ; цѣлые города посвящены исключительно богамъ. Одинъ изъ этихъ городовъ, который можетъ быть разсматриваемъ какъ типъ всѣхъ другихъ городовъ того же рода, вѣнчаетъ двойную вершину горы Сатрунджая, на юго-востокѣ полуострова, недалеко отъ Камбейскаго залива; столица маленькаго государства, Палитана, раскинулась у подошвы священной горы и соединена съ святилищами рядомъ лѣстницъ, прерывающихся черезъ извѣстные промежутки. Главныя капища окружены каменными стѣнами; другія стоятъ среди безмолвныхъ улицъ. Нѣсколько жрецовъ живетъ въ оградѣ священнаго города, чтобы поддерживать чистоту въ зданіяхъ и кормить голубей, горлицъ, попугаевъ, павлиновъ, бѣлокъ, питающихся подаяніемъ вѣрующихъ. Но послѣдніе не могутъ имѣть пребываніе въ городѣ храмовъ; имъ воспрещено тамъ ѣсть и спать; по исполненіи требуемыхъ религіозныхъ обрядовъ, они должны спускаться въ нижній городъ, Палитану. Между всѣми индусскими сектами джайны отличаются своимъ усердіемъ по сооруженію пагодъ, которыя они строятъ не столько для того, чтобы молиться въ нихъ, сколько для того, чтобы посвятить ихъ памяти своихъ тиртамкаровъ, т. е. тѣхъ, которые «перешли» пропасть, раздѣляющую кажущуюся жизнь отъ абсолютнаго существованія. На горѣ Сатрунджая насчитываютъ сотни этихъ зданій, относящихся ко всѣмъ эпохамъ, начиная съ одиннадцатаго столѣтія, и составляющихъ великолѣпный архитектурный музей; новыя постройки прибавляются каждый годъ къ старымъ и почти нисколько не уступаютъ имъ въ отношеніи изящества и чистоты стиля. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка корпораціи старались наперерывъ другъ передъ другомъ украшать соборы Западной Европы, джайны полагаютъ свою славу въ благолѣпіи храмовъ; цѣлыя поколѣнія трудятся надъ изваяніями преддверій, надъ рѣзьбой

камня алтарей [1]). Пропорціально своей численности, джайны, которые, впрочемъ, насчитываютъ въ своей средѣ большое число купцовъ и банкировъ, имѣютъ гораздо больше религіозныхъ зданій, чѣмъ послѣдователи другихъ индусскихъ культовъ, составляющіе массу населенія въ Гудзератѣ. Мусульмане живутъ значительными группами только въ городахъ, а парсы встрѣчаются лишь отдѣльными семьями. Общеупотребительный въ краѣ языкъ—гудзерати, одинъ изъ литературныхъ діалектовъ, происшедшихъ отъ санскрита и не смѣшанныхъ съ персидскимъ, какъ индустани.

Ущелье Латабандъ. Долина тьмы и смерти.

Гудзератъ или Гуджератъ—одна изъ богатѣйшихъ странъ Индіи, благодаря шестидесяти портамъ, которыми усѣяны его берега, и его

[1]) Burgess, „Visit to Satrunjaya hill"; Ferguson, „History of Indian and Eastern Architecture".

черноземy, или *регару*, который утилизируютъ, главнымъ образомъ, для культуры хлопчатника; мало индійскихъ провинцій, гдѣ бы деньги, привозимыя изъ Европы въ уплату за мѣстныя произведенія, накоплялись въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ Каттіаварѣ. Лошади, овцы, хлѣбъ постоянно вывозятся съ полуострова въ Бомбей и на материкъ. Но иногда полевыя крысы особой породы, бураго цвѣта, появляются въ такомъ несмѣтномъ множествѣ, что всѣ посѣвы дѣлаются жертвой этого страшнаго бича. Въ 1815 году, который былъ прозванъ «крысьимъ», голодъ истребилъ не менѣе десятой части населенія. Въ эти роковые годы крысы словно родятся изъ земли: тщетно пытаются задержать ихъ опустошительное шествіе широкими рвами, наполненными водой, или пылающими кострами, ихъ все-таки остается неисчислимое множество, достаточное для того, чтобы пожрать хлѣбъ на корню, а груды гніющихъ труповъ заражаютъ воздухъ и распространяютъ чуму по всей окрестной мѣстности.

Хотя полуостровъ Каттіаваръ оффиціально дѣлится на множество государствъ, англичане, тѣмъ не менѣе, избрали одинъ изъ городовъ, какъ столицу страны: это Раджкотъ, стоящій въ центральной части полуострова, на покатости Качскаго залива; они расположили тамъ кантонирѣ-квартиры своихъ войскъ и основали коллегію или лицей, въ которомъ всѣ малолѣтніе гудзератскіе принцы должны получать воспитаніе подъ руководствомъ европейскихъ преподавателей и офицеровъ. Но многіе другіе города Каттіавара имѣютъ, въ торговомъ отношеніи, гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ административный центръ края. Наванагаръ (Джамнагаръ), близъ берега Качскаго залива,—очень промышленный городъ; особенно развита въ немъ красильная промышленность; но чтобы сдѣлаться первокласснымъ рынкомъ, ему недостаетъ якорной стоянки; большой торговый портъ, доступный для судовъ, глубоко сидящихъ въ водѣ, всего удобнѣе было бы устроить далѣе на западѣ, подъ защитой мысковъ и конечныхъ острововъ Каттіавара, или въ Пошетрѣ, или въ Серайѣ. Гавани западнаго берега, Порбандаръ, Мангроль или Мангальпуръ, Вераваль, очень малы и не защищены отъ вѣтровъ, дующихъ съ открытаго моря; тѣмъ не менѣе они уже многіе вѣка ведутъ значительную торговлю, и храмы, украшающіе эти городки, свидѣтельствуютъ о богатствѣ тамошняго купечества. Мангроль справедливо гордится своей мечетью, великолѣпнѣйшею во всемъ Каттіаварѣ; а по другую сторону заливчика, гдѣ стоитъ Вераваль, городъ новый, виднѣются полуразрушенные дворцы, храмы, мавзолеи Сомната или Део-Паттана, древней столицы, посвященной Сивѣ и завоеванной Махмудомъ Газневидомъ въ первой половинѣ одиннадцатаго столѣтія; этотъ завоеватель взялъ оттуда и перенесъ въ Газни знаменитыя ворота, которыя, по увѣренію англичанъ, были отвоеваны ими и отправлены обратно въ Индію, въ 1842 году; но сомнительно, чтобы этотъ трофей былъ подлинный. Въ Сомнатѣ или Део-Паттанѣ, какъ гласитъ легенда, было предано сожженію тѣло Кришны, и до сихъ поръ еще показываютъ мѣсто, при сліяніи трехъ ручьевъ, гдѣ былъ воздвигнутъ погребальный костеръ. Городъ Джунагаръ, стоящій верстахъ въ тридцати отъ морскаго берега, тоже славится своими храмами, изъ которыхъ иные высѣчены въ скалѣ. Массивъ Гирваръ, господствующій надъ Джунагаромъ съ восточной стороны, пріютилъ на одной террасѣ, сосѣдней съ вершиной, цѣлый городъ джайнскихъ храмовъ, которые славой и великолѣпіемъ уступаютъ развѣ только пагодамъ Палитаны; одинъ изъ пиковъ Гирнара, Калика, населенъ исключительно факирами, посвятившими себя Кали, богинѣ крови, и почти одичавшими; они питаются всякою падалью, и народная молва обвиняетъ ихъ даже въ людоѣдствѣ; говорятъ, что они часто пожирали путниковъ. Впрочемъ, скалы горы Гирнаръ иногда посѣщаются людьми, обреченными на смерть своими собственными родителями: несчастные приходятъ сюда, чтобы броситься съ высоты утесовъ изъ розоваго гранита и тѣмъ исполнить материнскій обѣтъ [1]). Гирнаръ пріобрѣлъ громкую славу въ исторіи эпиграфіи. Одна скала при основаніи горы носитъ на себѣ, уже болѣе двадцати одного столѣтія, знаменитую надпись султана Асоки, которою этотъ государь посвятилъ свое царство буддійской вѣрѣ; другая надпись, тоже восходящая слишкомъ за 2.000 лѣтъ до нашего времени, передаетъ потомству память о побѣдѣ, одержанной надъ однимъ царемъ Декана; третья, начертанная шестью вѣками позднѣе предыдущей, сообщаетъ объ общественныхъ сооруженіяхъ, предпринятыхъ въ странѣ. Но эти драгоцѣнные памятники старины были частью разрушены инженерами, производившими работы по исправленію дороги [2]).

Діу, португальскій городъ, прославленный военными подвигами Жуана де-Кастро, представляетъ теперь только тѣнь того, чѣмъ онъ былъ во времена своего процвѣтанія. Онъ занимаетъ, однако, счастливое торговое положеніе на небольшомъ островѣ, лежащемъ у южной оконечности полуострова, между Аравійскимъ моремъ и входомъ въ Камбейскій заливъ; суда, имѣющія до 5 метровъ водоуглубленія, могутъ легко входить въ его гавань. Но территорія Діу, окруженная со всѣхъ сторонъ чужими владѣ-

[1]) Burton, „Sind Revisited“.

[2]) Burgess and Fergusson, „Cave-temples of Western India“.

ніями, не можетъ питать своими произведеніями значительную торговлю. Жители занимаются исключительно рыбной ловлей или каботажемъ; нѣкоторые изъ нихъ эмигрируютъ въ португальскія колоніи на Мозамбикскомъ берегу Африки, съ надеждой вернуться на родину, когда наживутъ состояніе. Несмотря на свой упадокъ, Діу имѣетъ видъ большаго города, съ его высокою крѣпостью, стоящею на горѣ, у подошвы которой пріютились два города—европейскій, Праса, и языческій кварталъ. Португальцамъ принадлежитъ еще деревня Гогола, находящаяся на сосѣдней землѣ. Португальское владѣніе Діу, обнимающее 30 квадратныхъ километровъ, имѣло въ 1881 году, 12.636 жител.

Въ востоку отъ Діу, маленькій портъ Джаффарабатъ, принадлежащій князю абиссинскаго происхожденія, ведетъ довольно дѣятельную торговлю; но торговое движеніе направилось преимущественно на западный берегъ Камбейскаго залива. Тамъ открывается судамъ небольшаго водоуглубленія хорошо защищенный портъ Баунагаръ. Новый городъ, расположенный вокругъ бухты, есть столица одного изъ значительнѣйшихъ государствъ Каттіавара и отличается предпріимчивостью своихъ жителей, равно какъ отвагой своихъ моряковъ, извѣстныхъ, какъ всѣ вообще индусскіе матросы, подъ именемъ *ласкаровъ*. Вывозъ хлопка изъ Баунагара въ 1876 году простирался на сумму 32.845.000 франк. Преемники торговой дѣятельности одного сосѣдняго города, Гога или Гого, рейдъ котораго защищенъ островкомъ Перимъ, обитатели Баунагара соединили свой городъ, не дожидаясь приглашенія къ тому со стороны англичанъ, съ городомъ Дораджи, стоящимъ въ центрѣ полуострова, съ Вадваномъ и сѣтью желѣзныхъ дорогъ Индіи; они завели даже собственныя бумагопрядильни, чтобы непосредственно утилизировать растительное волокно. На сѣверѣ, городъ Долера, который далъ свое имя одному сорту хлопка, очень хорошо извѣстному европейскимъ промышленникамъ, тоже пришелъ въ упадокъ, равно какъ и древній городъ Камбей, или Хамбатъ, по имени котораго называется самый заливъ, и о которомъ упоминаетъ уже Марко Поло. Опасный баръ и сильное волненіе, происходящее вслѣдствіе борьбы прилива съ рѣчнымъ теченіемъ, не позволяютъ болѣе судамъ пускаться по мелямъ, которыми усѣяны оконечность залива и входъ въ двѣ рѣки: Маги и Сабарматти. Уцѣлѣвшія еще величественныя руины свидѣтельствуютъ о былой важности Камбея. Въ настоящее время главная его промышленность—обдѣлка сердоликовъ и агатовъ, добываемыхъ на западныхъ выступахъ цѣпи горъ Виндія. Плодородныя земли, простирающіяся на сѣверъ, между двумя рѣками, производятъ отличный табакъ, который способствуетъ обогащенію городовъ Кайра, Наріадъ, Кападванджъ.

Ахмедабадъ, метрополія Гудзерата и самый многолюдный городъ западнаго побережья Индіи послѣ Бомбея, вступилъ, со времени утвержденія англійскаго господства, въ періодъ процвѣтанія; однако, прежде онъ былъ гораздо обширнѣе и могущественнѣе, чѣмъ въ наши дни. Основанный или, вѣрнѣе сказать, вновь отстроенный въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, Ахмедабадъ имѣлъ, говорятъ, до 900.000 жителей; въ ту эпоху въ Европѣ не было ни одного города, равнаго ему по величинѣ. Войны опустошили его, но онъ занимаетъ такое счастливое географическое положеніе, среди богатой равнины, на большомъ историческомъ пути и при раздвоеніи делійской дороги, идущей черезъ Раджпутану, что промышленная и торговая дѣятельность не могла не возродиться въ этомъ мѣстѣ съ возстановленіемъ мира въ странѣ. Въ 1819 году нѣкоторые изъ памятниковъ Ахмедабада были разрушены землетрясеніемъ, но этотъ городъ, тѣмъ не менѣе, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Индіи по многочисленности украшающихъ его замѣчательныхъ зданій, храмовъ, дворцовъ, мавзолеевъ, тріумфальныхъ арокъ и пр. Это даже единственный городъ во всемъ свѣтѣ по особенному стилю его архитектуры, происшедшей изъ смѣшенія магометанскаго искусства съ джайнскимъ. Въ этой борьбѣ архитектурныхъ вліяній индусскіе зодчіе одержали верхъ даже относительно постройки мечетей; общее расположеніе послѣднихъ чисто индусское, колонны и корабли (среднее пространство храма) походятъ на соотвѣтственныя части религіозныхъ зданій джайновъ, и нигдѣ отверстія, окна и двери, не обрамлены болѣе тонкою рѣзьбой изъ камня; тѣмъ не менѣе, цѣлое представляетъ нѣкоторую полноту, составляющую, какъ извѣстно, отличительную черту магометанскаго генія; архитекторы не потерялись въ безконечныхъ деталяхъ и избавили свои храмы отъ символизма безобразныхъ индусскихъ боговъ, съ ихъ сотнею рукъ и съ ихъ звѣриными головами. Большинство мечетей окружено деревьями и стоитъ на террасахъ съ уступами; выходя изъ темныхъ улицъ, вдругъ замѣчаешь сквозь пышную зелень изваянные порталы, минареты, куполы, обрисовывающіеся на голубомъ небѣ [1]). Когда обозрѣваешь городъ съ высоты валовъ, настолько широкихъ, что ихъ превратили въ общественныя гульбища или бульвары, эти памятники индо-мусульманскаго зодчества, обставленные купами деревьевъ, представляютъ прелестнѣйшія картины. Англійскій военный городъ, построенный на сѣверѣ, въ 5 километрахъ за оградой Ахмедабада, далеко не равняется, по живописности, городу индусовъ, съ его дворцами, храмами, кирпичными или деревянными домами съ рѣз-

[1]) Hope and Fergusson, „Architecture of Ahmedabad"; L. Rousselet, „L'Inde des Radjahs".

ными балконами, но и онъ имѣетъ красивый видъ, который ему придаютъ обширные сады и широкія аллеи, обсаженныя большими деревьями.

По мѣстной поговоркѣ, «благоденствіе Ахмедабада держится на трехъ ниткахъ»: бумажной, шелковой и золотой. Много разъ уже эти нити чуть-было не порвались; однако, тканье и вышиванье матерій все еще составляютъ главную промышленность, которая даетъ занятіе наибольшей части городскаго населенія. Ахмедабадъ ввозитъ шолкъ-сырецъ изъ Бенгаліи, изъ Китая, изъ центральной Азіи и продаетъ производимыя имъ ткани въ Бомбей и въ южную Индію; недавно устроенныя паровыя фабрики являются теперь страшными конкуррентами туземныхъ ткачей. Ахмедабадскія гончарныя издѣлія считаются лучшими во всей прибрежной области, а писчая бумага даже превосходитъ качествомъ привозимую изъ Англіи. Бывшая резиденція государей, Ахмедабадъ пріобрѣлъ также пальму первенства въ фабрикаціи всѣхъ предметовъ роскоши, драгоцѣнныхъ украшеній, эмальированныхъ и лаковыхъ издѣлій, металловъ съ рѣзьбой. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, сходящимся въ Ахмедабадѣ, какъ въ центральной станціи, столица Гудзерата, можно сказать, съ каждымъ днемъ получаетъ все болѣе и болѣе важное значеніе, какъ складочное мѣсто товаровъ, и ея негоціанты, ведущіе дѣла самостоятельно, независимо отъ коммерсантовъ Бомбея, состоятъ въ прямыхъ сношеніяхъ со всѣми главными рынками всемірной торговли. Съ проведеніемъ рельсоваго пути, соединившаго гудзератскую метрополію съ берегами Ранна черезъ Вирамгамъ, Патри и Харагору, и который долженъ современемъ продолжиться черезъ Качскій Раннъ, Ахмедабадъ сдѣлался также однимъ изъ главныхъ складовъ соли. Харагорскіе солепромышленники не собираютъ соляной налетъ, оставляемый водами на глинѣ Ранна, но эксплоатируютъ бассейны глубокой воды, въ которыхъ соль постепенно концентрируется.

Многочисленные города, между которыми самый многолюдный—древній Долька, окружаютъ Ахмедабадъ, тогда какъ на сѣверѣ, по направленію къ равнинамъ Тара, городскія поселенія встрѣчаются все рѣже и рѣже, по мѣрѣ увеличенія сухости климата. На берегахъ одной изъ многочисленныхъ рѣкъ Сарасвати, главный городъ, Патанъ, есть одинъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ джайны достигли наибольшей важности въ численномъ отношеніи: они составляютъ тамъ около восьмой части всего городскаго населенія и имѣютъ болѣе сотни храмовъ, а также священныя библіотеки, книги которыхъ, писанныя на листьяхъ пальмы, ревниво охраняются жрецами. На западѣ, городъ Раданпуръ занимаетъ оазисъ, близъ того мѣста, гдѣ рѣка Банасъ пропадаетъ, испаряясь до послѣдней капли на глинахъ Ранна. Наконецъ, на сѣверной оконечности Гудзерата, городъ Паланпуръ, стоящій въ сосѣдствѣ лѣсистыхъ склоновъ горы Абу, есть исходный пунктъ желѣзнодорожной линіи, поднимающейся на плоскогорья Раджпутаны. Недалеко оттуда, въ Дизѣ, расположены кантонементы англійскаго войска, наблюдающаго за пограничными племенами.

Главные города Каттіавара и Сѣвернаго Гудзерата:

Каттіаваръ: Баунагаръ (1891 г.)—57.653 жит.; Наванагаръ—34.700 жит.; Джунагаръ—20.025 жит.; Вадванъ—17.400 жит.; Дораджи—15.560 жит.; Мангроль—15.340 жит.; Порбандаръ—14.560 жит.; Діу (1881 г.)—10.636 жит.; Долера — 12.460 жит.; Раджкотъ, главный городъ—11.980 жит.

Гудзератъ: Ахмедабадъ (1891 г.)—148.412 жит., Камбей—31.390 жит.; Патанъ—33.000 жит.; Наріадъ—24.550 жит.; Долька—20.850 жит.; Вирамгамъ—19.660 жит.; Паланпуръ—17.190 жит.; Раданпуръ—13.990 жит.

VII.

Горы Аравали, Виндіа, южные притоки Ганга; Раджпутана, государства Мальвы. Гваліоръ, Бундельхандъ и Бхагельхандъ.

Наибольшая часть треугольнаго пространства, заключающагося между краевою цѣпью горъ Аравали, теченіемъ Джамны и длинною впадиной, куда изливаются, съ одной стороны, рѣка Нарбада, съ другой—рѣка Сона, состоитъ изъ политическихъ государствъ, пользующихся еще номинальною независимостью. Эти государства Медіа-деса, или «Средней земли», лежащія въ сторонѣ отъ историческихъ путей Индіи, долго оставались безъ ближайшихъ сношеній съ европейскими завоевателями Полуострова. Владѣтельные князья или раджи этого края, защищенные многочисленными естественными препятствіями, опирались на солидныя крѣпости, и ихъ войска были самыя храбрыя, наилучше организованныя во всемъ Индустанѣ; это были войска, одушевленныя воспоминаніемъ объ одержанныхъ побѣдахъ, гордившіяся пріобрѣтенною въ бояхъ славой, это была сила, восторжествовать надъ которою англійскимъ ветеранамъ стоило наибольшаго труда. Понятно, что при такихъ условіяхъ остъ-индская компанія, затѣмъ индо-британское правительство не могли приступить къ присоединенію этихъ странъ способами столь же простыми и скорыми, какъ тѣ, которые были употреблены для овладѣнія областями равнины. По виду автономія была сохранена, но на дѣлѣ власть находится въ рукахъ англійскихъ резидентовъ, управляющихъ именемъ

раджей, между которыми есть много малолѣтнихъ или женщинъ, и весь край былъ раздѣленъ на такъ называемыя «агентства», административная организація которыхъ соотвѣтствуетъ устройству будущихъ провинцій. При томъ же, мало найдется индусскихъ территорій, гдѣ бы разрозненность побѣжденныхъ лучше обезпечивала господство побѣдителей. Раджпутана и восточныя области нагорья, обозначаемыя англичанами подъ именемъ «Агентства центральной Индіи», распадаются на восемьдесятъ слишкомъ государствъ, которыя, въ свою очередь, дробятся на множество черезполосныхъ владѣній; только въ самое недавнее время англійское правительство позволило раджамъ дать больше связи своимъ владѣніямъ, обмѣнивая дальніе удѣлы на земли, болѣе близкія къ ихъ столицамъ. Оставляя князьямъ раджпутскимъ или маратскимъ обладаніе ихъ тронами, равно какъ значительную часть ихъ доходовъ, британскіе властители позаботились присвоить себѣ въ каждомъ княжествѣ полосу территоріи, пересѣкающую непрерывной линіей всю область плоскогорій, отъ гангесской равнины до долины рѣки Нарбады; теперь двѣ желѣзнодорожныя линіи, изъ которыхъ одна почти на всемъ своемъ протяженіи находится въ предѣлахъ англо-индійскихъ провинцій, соединяютъ непосредственно Бомбей съ городами при Джамнѣ и при Гангѣ, проходя черезъ возвышенности Раджпутаны и Мальвы. Такимъ образомъ, соединеніе, политическое и торговое, государствъ нагорья съ Англо-индійскою имперіей совершилось окончательно; однако, населенія этихъ странъ сохранили свою оригинальную физіономію, свою самобытность между обитателями Индіи. Такъ же, какъ самый край, столь ясно и опредѣленно ограниченный съ географической точки зрѣнія, эти населенія имѣютъ совершенно особенный характеръ. Въ общей исторіи индійскаго Полуострова ихъ вліяніе всегда было значительно, хотя по численности они далеко уступаютъ толпамъ, скученнымъ въ равнинахъ; занимая площадь, равную четыремъ пятымъ Франціи, возвышенности Мальвы имѣютъ вдвое меньшее населеніе; онѣ кажутся почти безлюдными въ сравненіи съ густо населенными равнинами Ауда и Бенгаліи.

Восточная Раджпутана, плоскогорье Мальва и горы Каймуръ.

	Пространство въ кв. килом.	Число жител. (1881 г.).	Жит. на 1 кв. килом.
Восточная Раджпутана	196.830	6.870.000	35
Агентство центральной Индіи	193.850	9.201.000	47
Аджміръ	6.892	453.000	65
Отдѣлъ Джанси	13.123	1.000.000	75
Округъ Сагаръ и Дамохъ	17.622	800.000	45
Всего	428.317	18.324.000	42

Съ западной стороны крайнюю границу нагорья составляетъ почти уединенный, на подобіе острова, массивъ горы Абу, господствующій своими гранитными скалами надъ низменными равнинами Гудзерата и Марвара; даже на западѣ глубокая долина рѣки Банасъ отдѣляетъ эту гору отъ цѣпи Аравали. Верхняя часть массива довольно обширна и образуетъ нагорную равнину, перерѣзанную живописными холмами и очаровательными долинами; благодаря дождевымъ облакамъ, задерживаемымъ во время ихъ прохода верхними склонами горы, могла развиться богатая растительность на этихъ высокихъ верхушкахъ хребта, представляющихъ родъ оазиса, окруженнаго долинами и голыми, безплодными крутизнами. Обширное озеро, Нахиталь, усѣянное лѣсистыми островами и называемое туземцами «озеромъ Драгоцѣннаго Камня», занимаетъ одну изъ впадинъ плато; въ прежнее время смертная казнь грозила профану, который сталъ бы стрѣлять въ птицъ, летающихъ стаями надъ этимъ бассейномъ. Красота пейзажей, величавое уединеніе массива сдѣлали гору Абу однимъ изъ святыхъ мѣстъ Индіи, и ея древнее названіе Аръ-Будда напоминаетъ мудреца или, лучше сказать, бога, которому тамъ поклонялись [1]). Деревня на горѣ Абу, благодаря чистотѣ ея воздуха, сдѣлалась англійской столицей всей страны Раджпутаны.

Краевая цѣпь Аравали, или «Горы Силы», начинаясь въ сосѣдствѣ массива Абу, тянется въ сѣверо-восточномъ направленіи на пространствѣ слишкомъ 500 километровъ; еще въ равнинахъ, орошаемыхъ рѣкой Джамной, есть нѣсколько возвышенностей или отроговъ, составляющихъ продолженіе этого скалистаго хребта. Западный склонъ горъ Аравали возвышается на 500 и до 1.000 метровъ надъ равнинами Марвара, тогда какъ противоположный скатъ поднимается едва на 250 метровъ, среднимъ числомъ, надъ уровнемъ плоскогорья, а во многихъ мѣстахъ даже сливается съ его поверхностью. Впрочемъ, и самый характеръ горной цѣпи теряется тамъ и сямъ; хребты едва обозначены или образуютъ цѣлый лабиринтъ параллельныхъ скалъ, между которыми невозможно распознать главный гребень, указывающій ось всей системы. Состоящія почти во всей своей массѣ изъ древнѣйшихъ формацій, гнейса, сіенита, шифера, горы Аравали почти вездѣ лишены растительности; даже мелкаго кустарника не увидишь на ихъ склонахъ; издали эти горы кажутся покрытыми снѣгомъ, и по вечерамъ онѣ ярко блистаютъ подъ лучами заходящаго солнца; слои кварца, слегка окрашеннаго въ розовой цвѣтъ, производятъ такой же эффектъ освѣщенія, какъ ледники на Альпахъ [2]). Нѣкоторыя изъ промежуточныхъ до-

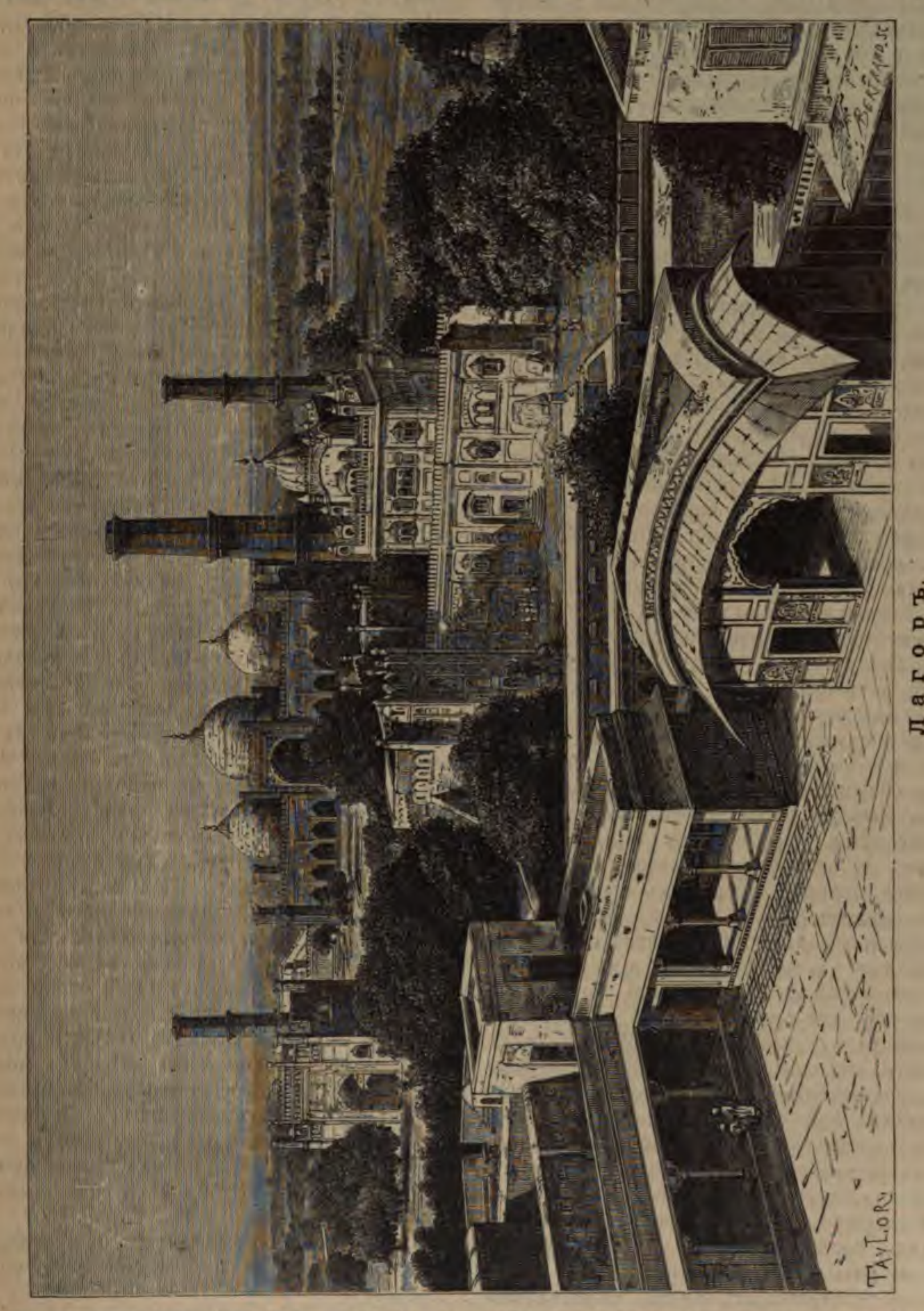
[1]) Карлъ Риттеръ. „Землевѣдѣніе Азіи“
[2]) Tod „Annals of Rajasthan“.

линъ, обращенныя къ дождливымъ вѣтрамъ, представляютъ очаровательные оазисы зелени, тогда какъ другія впадины и углубленія почвы наполнены пескомъ или соленою водой. Такъ, озеро Самбхаръ, названное по имени богини, статуя которой стоитъ на островкѣ, занимаетъ дно котловины на сѣверѣ цѣпи Аравали, состоящей въ этомъ мѣстѣ изъ горныхъ породъ пермской формаціи, богатыхъ солью. По словамъ путешественниковъ, посѣтившихъ край въ первые годы настоящаго столѣтія, озеро это простиралось въ то время на 60 километровъ въ длину и на 16 въ ширину, въ періодъ дождей; въ наши дни оно гораздо меньше, площадь его имѣетъ не болѣе половины своего прежняго протяженія, когда оно достигаетъ самаго высокаго уровня, а глубина его едва превышаетъ одинъ метръ. Послѣ дождей, въ августѣ или въ сентябрѣ, поверхность озера, вода котораго имѣетъ въ это время плотность, равную плотности морской воды, постепенно понижается, и къ іюню мѣсяцу въ бассейнѣ остается только слой ила да толстая соляная кора, разнообразно окрашенная водорослями въ голубой, красный или бѣлый цвѣтъ. Работники, мужчины и женщины, изъ касты баррaровъ, выламываютъ кружки этой нечистой соли, которые вывозятся отсюда даже въ отдаленныя мѣста, въ Раджпутану, въ Пенджабъ, въ провинціи центральной Индіи; согласно традиціоннымъ обычаямъ, каждый округъ запасается особенною разновидностью самбарской соли. Эксплоатація этого солянаго озера производится въ пользу раджпутскихъ государей, но подъ высшимъ надзоромъ англійскаго правительства, которое иногда даже запрещало добываніе здѣсь соли, въ интересахъ своей монополіи. На плато, которое простирается на востокъ отъ цѣпи Аравали, неровная почва въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усѣяна прѣсноводными озерами, но это—искусственные бассейны, истокъ которыхъ регулируется шлюзами. Таково, недалеко отъ города Удайпура, озеро Дебаръ, имѣющее не менѣе 50 километровъ въ окружности; весь нижній берегъ этого огромнаго резервуара, одного изъ самыхъ обширныхъ на земномъ шарѣ, состоитъ изъ каменной плотины, сдерживающей напоръ водъ.

Плоскогорье Мальва, гдѣ берутъ начало Чамбалъ и другіе притоки Ганга, наклонено къ сѣверо-востоку пологимъ скатомъ, тогда какъ на юго-западѣ краевыя цѣпи, извѣстныя подъ разными мѣстными названіями, господствуютъ крутыми склонами надъ равнинами Гудзерата. Эти краевыя цѣпи соединяютъ горы Аравали съ собственно такъ называемымъ хребтомъ Виндіа, который тянется по сѣверной сторонѣ долины рѣки Нарбады, или Нербудды, затѣмъ вдоль долины рѣки Соны. Одна древняя легенда разсказываетъ, что эти горы дѣлали тщетныя усилія сравняться съ Гималаемъ; дѣйствительно, по высотѣ цѣпь Виндіа далеко уступаетъ исполинскимъ горнымъ громадамъ, высящимся на сѣверѣ Индустана, но, тѣмъ не менѣе, она имѣетъ капитальную важность, какъ поперечная перегородка Индіи и какъ граница между расами. Палеозойскія формаціи горъ Виндіа, песчаники, сланцы, мраморы, принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ геологическихъ образованій Полуострова и примыкаютъ съ восточной стороны къ гнейсовымъ массивамъ Бундельханда, предшествующимъ, по времени происхожденія, всѣмъ другимъ каменнымъ породамъ Индіи. Отъ границъ Гудзерата до предѣловъ Бенгаліи, на пространствѣ 1.000 километровъ (около 940 верстъ), тянется длинный рядъ высотъ, въ видѣ цѣпей или въ видѣ массивовъ. Подъ именемъ Каймурскихъ горъ, онѣ занимаютъ полуостровную территорію, ограниченную долинами Ганга и Соны, и оканчиваются на востокѣ длиннымъ плоскогорьемъ, изрѣзаннымъ небольшими долинами въ формѣ чашъ, наполненныхъ растительною землей, гдѣ собираютъ самые обильные урожаи хлѣба. На кристаллическихъ выступахъ Бундельханда во многихъ мѣстахъ высятся башни изъ песчаника, которыя, въ свою очередь, увѣнчаны короной изъ лавы, и большинство этихъ уединенныхъ каменныхъ глыбъ послужило основаніемъ крѣпкимъ зáмкамъ, гдѣ феодальные владѣльцы страны часто упорствовали противъ могущественнѣйшихъ государей. Горы Виндіа содержатъ многочисленныя мѣсторожденія глинъ и металловъ, но пока изъ нихъ добываютъ только строевой камень, преимущественно песчаникъ, красный или бѣлый; въ Бундельхандѣ искатели алмазовъ промываютъ крупный песокъ, приносимый ручьями, бѣгущими съ холмовъ Панна.

Общій скатъ треугольнаго плоскогорья, заключающагося между цѣпью Аравали и хребтомъ Виндіа,—на сѣверо-востокъ; въ этомъ направленіи текутъ всѣ рѣки, получающія начало на этой возвышенности; южная закраина горъ пропускаетъ къ Нарбадѣ лишь незначительные потоки, по мѣстному *наллахъ*, пересыхающіе на цѣлые полгода. Главный потокъ плоскогорья Мальва, Чамбалъ, беретъ начало на высотѣ 615 метровъ, вблизи порога, съ котораго видна открывающаяся внизу долина Нарбады, и вскорѣ усиленный многочисленными притоками, извивается въ верхней области плато, затѣмъ спускается рядомъ водопадовъ въ Мокиндурскія ущелья. Послѣ соединенія съ Банасомъ, Чамбалъ становится широкою рѣкой, черезъ которую не могутъ переходить даже слоны и которая во время разливовъ катитъ больше воды, чѣмъ Джамна; общая длина его теченія не менѣе 920 километровъ. Другая значительная рѣка, Синдъ, впадаетъ въ Джамну непосредственно вслѣдъ за Чамбаломъ; мѣсто, гдѣ происходитъ это тройное сліяніе,

или Тривени, есть одно изъ наиболѣе чтимыхъ святыхъ мѣстъ Индіи. Ниже, рѣчки Бетва, Кенъ, Тонсъ тоже спускаются съ плоскихъ возвышенностей къ Джамнѣ и Гангу, но ни одинъ изъ этихъ притоковъ не имѣетъ важности для судоходства; воды ихъ утилизируются только для орошенія прибрежныхъ мѣстностей.



Лагоръ.

Этническія группы, образующія племена или касты, очень многочисленны въ Раджпутанѣ и въ другихъ областяхъ плоскогорья и краевыхъ холмовъ; въ этой гористой странѣ, разрѣзанной на множество отдѣльныхъ долинъ, разнообразіе населеній соотвѣтствуетъ неровностямъ почвы. Здѣсь до сихъ поръ уцѣлѣли даже такія племена, которыя почти не смѣшались съ завоевателями, индусскими или мусульманскими, и которыхъ можно назвать коренными

жителями или аборигенами, такъ какъ никакой историческій документъ, никакое преданіе не говоритъ о ихъ пришествіи въ край. Такъ, билійцы или билла разсказываютъ, что въ старину они владѣли плодородными долинами и равнинами, окружающими ихъ горныя крѣпости, и что они были мало-по-малу оттѣснены въ самыя дикія мѣстности ихъ родины; самое имя ихъ, будто бы, имѣетъ тотъ же смыслъ, что слово «изгнанникъ»; но принадлежатъ ли они къ дравидійцамъ, какъ населенія Южной Индіи [1]), или къ коларійцамъ, какъ большая часть племенъ нагорья? Мнѣнія этнологовъ Индіи расходятся по этому вопросу. Различныя, сохранившіяся до сихъ поръ, древнія церемоніи напоминаютъ еще о быломъ преобладаніи билей; такъ, напримѣръ, при совершеніи обряда коронованія раджпутскихъ князей, или раджей, одинъ биліецъ, какъ представитель прежнихъ властителей, дѣлаетъ знакъ на челѣ коронующагося государя собственною кровью, которую онъ извлекаетъ у себя изъ большаго пальца на рукѣ и большаго пальца на ногѣ; этимъ обрядомъ онъ помазываетъ его на царство, какъ туземецъ, и передаетъ ему право владѣнія страной. Большинство бильскихъ племенъ, лишенныя земли, которая ихъ нѣкогда кормила, утратившія свою древнюю цивилизацію, долгое время не имѣли другихъ средствъ къ существованію, кромѣ разбойничества. Эти «воры Великаго Бога», какъ они сами себя величали, устраивали свои притоны на укрѣпленныхъ высотахъ, откуда неожиданно спускались и нападали врасплохъ на индусскія деревни или на купеческіе караваны; когда являлись большіе отряды войска, чтобы наказать ихъ за грабежи, билійцы умѣли укрыться отъ преслѣдованія, перебѣгая съ горы на гору; мелкимъ же экспедиціямъ, которыя предпринимались противъ нихъ подъ предводительствомъ раджпутскихъ феодаловъ, они оказывали мужественное сопротивленіе; хитростью и храбростью имъ удалось сохраниться въ видѣ племенъ почти независимыхъ. Часть горъ Аравали, Багуръ, или горная страна, граничащая на юго-западѣ съ плоскогорьемъ Мальва, земля Кандешъ, лежащая къ югу отъ рѣки Нарбады, наконецъ, почти всѣ высокія долины горъ Виндіа заняты еще бильскими племенами, которыя пользуются самоуправленіемъ, но которымъ отнынѣ воспрещено англичанами грабить сосѣднія территоріи; теперь эти дикари могутъ удовлетворять свои воинственные инстинкты не иначе, какъ поступая, въ качествѣ наемниковъ, въ ряды англійской арміи.

Число несмѣшанныхъ билей опредѣляютъ въ милліонъ слишкомъ. Они вообще средняго роста, гораздо менѣе стройны и красивы, чѣмъ индусы, но сильнѣе и проворнѣе ихъ. Цвѣтъ кожи у нихъ почти черный, носъ очень плоскій, глаза узкіе, но не скошенные, скулы мало выдающіяся; волоса, которые они обыкновенно повязываютъ простою веревочкой, длинные и гладкіе, но борода рѣдкая, растущая маленькими пучками вокругъ подбородка. Гнушаясь одеждой цивилизованныхъ, они носятъ обыкновенно одинъ передникъ, вмѣсто всякаго костюма, и оружіе, которое они употребляютъ, все еще обычное оружіе дикихъ—стрѣла, дротикъ, рогатина или охотничье копье. Билійцы обрабатываютъ землю, но любимыя ихъ занятія—рыбная ловля и охота; они рыскаютъ по горамъ въ погонѣ за дичью съ такою же горячностью, какую вносили прежде въ свою охоту на людей; они очень искусно умѣютъ подражать крикамъ звѣрей и птицъ, и посредствомъ этихъ звукоподражаній переговариваются между собою, не возбуждая вниманія путешественниковъ. Раздѣленія на касты у нихъ не существуетъ, но они признаютъ власть вождей или начальниковъ, назначаемыхъ стариками племени. Ихъ религіозныя вѣрованія и обрядности восходятъ, по большей части, къ эпохѣ, предшествующей арійскимъ вторженіямъ: они приносятъ животныхъ въ жертву священнымъ деревьямъ, окропляютъ кровью жертвенники изъ грубо отесаннаго камня, воздвигаемые по краямъ горныхъ тропинокъ, обмазываютъ ихъ красною охрой, другимъ символомъ жизни; изъ признательности къ желѣзу, которое дало имъ оружіе и земледѣльческія орудія, они вѣшаютъ на вѣтвяхъ деревьевъ острія копій и лемехи сохъ, и приносятъ имъ дары. Наконецъ, между богами браманскаго пантеона наибольшимъ почитаніемъ у нихъ пользуются богъ - обезьяна Гануманъ, словно они видятъ въ немъ представителя древнихъ, лишенныхъ своей земли и обездоленныхъ расъ [1]). Недавно нѣкоторыя бильскія племена, взбунтовались противъ англійскихъ офицеровъ, которые разъѣзжали по ихъ территоріи безъ разрѣшенія. Въ силу мирнаго трактата, заключеннаго послѣ битвы, англичане обязались не производить переписи населенія, не мѣрять земель, отмѣнить половину податей, не учреждать никакихъ полицейскихъ постовъ, воспретить магометанамъ входъ въ нѣкоторыя священныя селенія билей. Одна изъ статей этого договора гласитъ, что англичане не потребуютъ ни отъ какой бильской женщины, чтобы она дала свѣсить себя на вѣсахъ [2]).

Били разнообразно смѣшались съ окружающими населеніями и потому образуютъ раз-

---

[1]) Dalton, „Ethnology of Bengal".

[1]) Malcolm, „Memoir of Central India"; Malleson, „Native States of India"; Graham, „Historical Sketch of the Bheel tribes"; Tad, „Annals of Rajasthan"; L. Rousselet, „L'Inde des Rajahs"; „Bulletin de la Société d'Anthropologie", 1874.

[2]) „Weekly Times", june 1881.

личныя группы, приближающіяся болѣе или менѣе къ цивилизованнымъ обитателямъ равнины: въ то время какъ одни остались чистыми, или «бѣлыми», другіе сдѣлались «черными», т. е. нечистыми. Майры или мугри, населяющіе сѣверныя долины горъ Аравали, въ числѣ трехсотъ или четырехсотъ тысячъ душъ, обыкновенно разсматриваются какъ особая народность, и самый край, гдѣ они живутъ, извѣстенъ, по ихъ имени, подъ названіемъ Майрвары; но большинство ихъ представляетъ тотъ же типъ, что и били, и ихъ старинные обычаи, мало-по-малу покинутые для обычаевъ индусовъ, были такіе же, какъ и у ихъ южныхъ сосѣдей. Въ прежнее время ихъ обыкновенно называли, какъ и всѣхъ другихъ дикарей гористыхъ областей, уничижительнымъ прозвищемъ *палита*, или «люди *палей*», т.-е. укрѣпленныхъ огороженныхъ поселеній, среди которыхъ ихъ жилища были раскиданы на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ одно отъ другаго; также точно въ Европѣ названія «païens», «manants, «rustres» (мужичьё, деревенщина) были первоначально даваемы обитателямъ глухихъ мѣстъ, захолустій. Подчиненные непосредственно англичанамъ уже болѣе полустолѣтія, майры принадлежатъ теперь къ числу тѣхъ населеній Индіи, которыя преобразовались всего быстрѣе. Почти всѣ они покинули свои *пали* и переселились въ долины; въ благопріятныхъ мѣстахъ ими были устроены запасные резервуары воды для орошенія земель; хорошія дороги развѣтвляются по всей странѣ Майрвара. Майры называютъ себя индусами и исполняютъ правила и обрядности браманской вѣры, но безъ особеннаго усердія; даже тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ высшей кастѣ, ѣдятъ мясо и употребляютъ спиртные напитки. Мины, тоже бывшіе *палиты*, еще болѣе, чѣмъ майры, удалились отъ древняго типа аборигеновъ. Разсѣянные въ Джайпурскомъ королевствѣ, между горами Аравали и Джамной, преимущественно въ долинѣ Банаса, они смѣшались съ джатскими земледѣльцами, говорятъ ихъ индусскимъ нарѣчіемъ и придерживаются ихъ обычаевъ. Перепись 1891 года насчитала миновъ 669.785 душъ, именно: 536.419—въ Раджпутанѣ, 118.338—въ Средней Индіи, остальные—въ центральныхъ провинціяхъ и въ Аджмирѣ.

Раджпуты, которые дали свое имя одной изъ странъ нагорья, равно какъ низменнымъ областямъ, лежащимъ къ западу отъ горъ Аравали, суть, вѣроятно, переселенцы, пришедшіе въ край послѣ первыхъ арійцевъ; хотя сами себя они величаютъ кшатріями и считаютъ себя потомками этой воинственной касты; хотя они указываютъ на одинъ изъ священныхъ индусскихъ городовъ, Аджодію, находящійся въ равнинахъ Ганга, какъ на мѣсто своего происхожденія, однако, между ними и кшатріями въ собственномъ смыслѣ существуетъ лишь косвенная связь. Оттѣсненные съ береговъ Ганга къ плоскимъ возвышенностямъ, они овладѣли нагорьемъ Мальва не ранѣе, какъ въ періодъ времени съ десятаго по двѣнадцатое столѣтіе христіанской эры. Всѣ вожди дружинъ стали называться раджпутами, «сынами одного отца»; но тотъ изъ нихъ, который производитъ свой родъ отъ коровы или змѣи, несомнѣнно принадлежитъ къ племени биль, гондъ или какому-либо другому изъ племенъ кореннаго населенія. Ихъ храбрость и успѣхъ, повсюду сопровождавшій ихъ оружіе, скоро облагородили ихъ и превратили въ «сугубо-благородныхъ» въ глазахъ арійскихъ обитателей страны; въ большей части государствъ «царскіе сыны»—таковъ буквальный смыслъ слова «раджпуты»—имѣютъ преимущество передъ браманами, если не по праву, то на дѣлѣ. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что они соединялись черезъ браки съ старинными индусскими родами. Въ Индустанѣ нѣтъ ни одной княжеской фамиліи, которая не состояла бы въ родствѣ съ раджпутами, и во многихъ областяхъ Полуострова, особенно въ долинахъ Гималайскихъ горъ, царствующія фамиліи титулуютъ себя кшатріями-раджпутами. Но хотя раджпуты распространены во всѣхъ частяхъ Индіи, они, однако, нигдѣ не сгруппированы въ числѣ настолько значительномъ, чтобы образовать большинство населенія; наибольшую численную важность раджпутскій элементъ имѣетъ въ Меварѣ и въ сѣверныхъ государствахъ Раджпутаны.

Со временъ нашествія, «тридцать шесть» *кула* или царскихъ родовъ, происшедшихъ отъ Солнца и Луны, сохранили свое дѣленіе на колѣна, или *сача*, и на кланы (*готра*) и подкланы (*камна*), которые всѣ различаются особенными преданіями. На сѣверѣ и на сѣверо-западѣ господствуютъ раторы, люди, происшедшіе отъ *рата*, т. е. «спиннаго хребта» Индры; это—самые многочисленные: «пятьдесятъ тысячъ мечей»—таково прозвище, которымъ часто обозначаютъ ихъ поколѣніе. На западѣ, въ оазисахъ пустыни Таръ, группируются батты; качвалы царствуютъ въ сѣверо-восточной части Раджпутаны; чауханы присвоили себѣ восточныя государства, а бунделы, порода очень смѣшанная съ туземными населеніями, основали княжества Бундельханда. Страна Меваръ, на югѣ, составляетъ владѣніе сасодіевъ, которые между всѣми раджпутами претендуютъ на наибольшую чистоту расы и выдаютъ себя за прямыхъ потомковъ Рамы, героя арійскихъ эпопей. Удайпурскій рана, или «великій царь», почитается всѣми индусами, какъ представитель древней солнечной расы; хотя въ отношеніи могущества и богатства онъ далеко уступаетъ другимъ туземнымъ государямъ Индіи, но это не мѣшаетъ ему быть «Солнцемъ» между царями: онъ одинъ только между раджами есть

въ то же время жрецъ, и когда онъ вступаетъ въ храмъ боговъ, покровительствующихъ странѣ, онъ самъ совершаетъ обрядъ жертвоприношенія [1]). Бракъ второстепенныхъ государей съ его дочерьми составлялъ прежде единственную политическую связь между различными королевскими домами, и никогда «великій царь» не унижался до того, чтобы уступить принцессу царской крови властвовавшимъ въ Дели мусульманскимъ императорамъ, въ обмѣнъ на титулы, сокровища или провинціи. Онъ предсѣдательствуетъ въ собраніяхъ государей, и всѣ раджпуты видятъ въ немъ непогрѣшимаго судію въ вопросахъ, касающихся этикета, ранговъ, оскорбленія чести, вопросахъ, которые волнуютъ «Царскихъ сыновъ» гораздо сильнѣе, чѣмъ вопросы, относящіеся къ ученію или правиламъ и обрядностямъ вѣры. Обращенные въ браманскіе культы, раджпуты вообще не высказываютъ религіознаго жара въ поклоненіи индусскимъ богамъ, но они еще чтутъ божество, которое нѣкогда привело ихъ къ покоренію Индіи; божество это—мечъ. Солдаты прежде всего, они заботятся только о томъ, чтобы держать въ повиновеніи порабощенныя расы; какъ потомки завоевателей, они всѣ благородные, и между ними бѣдные умѣютъ поддерживать нѣкоторое равенство въ своихъ отношеніяхъ съ богатыми. Впрочемъ, красавцы по большей части, высокіе и стройные, гордо носящіе голову, украшенную густыми шелковистыми и вьющимися волосами, которые составляютъ яркій контрастъ съ матовой бѣлизной кожи, раджпуты дѣйствительно имѣютъ видъ властителей среди представителей другихъ расъ; на войнѣ они сражаются не иначе, какъ верхомъ на конѣ, предшествуемые знаменами и барабанами. Раджпутскія женщины, очень кокетливыя, любятъ украшать себя разными драгоцѣнностями.

Воинственныя племена раджпутовъ, гордящіяся своею царскою кровью, сохранили до сихъ поръ многіе обычаи, напоминающіе феодальные вѣка Западной Европы. Въ большей части государствъ нагорья земля раздѣлена на лены, и владѣльцы этихъ помѣстій, свободно распоряжаясь продуктомъ урожая, обязаны въ отношеніи своего сюзерена только изъявленіемъ подданническаго долга или приношеніемъ кое-какихъ «плодовъ въ знакъ почтенія» въ мирное время и несеніемъ личной службы въ военное время. Въ большіе праздники, вассалы, неся гербы феодальнаго владѣльца, съ традиціонными эмблемами, павлиномъ, львомъ или какимъ-нибудь другимъ животнымъ, толпятся вокругъ своего господина; подлѣ него фигурируетъ домашній поэтъ, воспѣвающій славу предковъ, битвы съ врагами, любовныя дѣла, богатство своихъ господъ; этотъ же трубадуръ исполняетъ функціи астролога, вопрошая созвѣздія, бросая жребій, и обязанности герольда, относя вызовы на бой или дружественныя посланія. Проникнутые рыцарскими чувствами, раджпуты, конечно, не уступали паладинамъ Запада въ геройской преданности дамамъ своихъ мыслей: «мужчинамъ надлежитъ совершать великія дѣла, женщинамъ—вдохновлять ихъ», думали они, подобно рыцарямъ любовныхъ судовъ (cours d'amour). Они тоже, какъ и европейскіе рыцари, бравировали смертью, чтобы получить какой-нибудь цвѣтокъ, какую-нибудь бахрому отъ дамскаго шарфа; преслѣдуемой или обиженной дамѣ стоило только переслать избранному ею защитнику перстень или какой-либо другой символическій предметъ, чтобы тотчасъ же возгорѣлась ожесточенная война между племенами; и теперь еще бракъ никогда не заключается безъ того, чтобы невѣста не послала жениху кокосовый орѣхъ, эмблему своего выбора, и не надѣла ему на шею гирлянду цвѣтовъ; сдѣлавшись женой, она получаетъ титулъ «божественной», и мужъ ничего не предпринимаетъ, не посовѣтовавшись съ нею. Взаимныя обязанности супруговъ состоятъ въ томъ, чтобы сохранять вѣрность другъ другу до самой смерти; однако, начальники племени не сжигали себя на могилахъ своихъ супругъ, какъ это дѣлали жены на кострѣ умершаго мужа. Исторія Раджпутаны есть не что иное, какъ длинный рядъ войнъ, веденныхъ изъ-за индійскихъ Еленъ; послѣдняя большая война, происходившая въ Раджпутанѣ передъ англійскимъ завоеваніемъ, кончилась отравленіемъ принцессы, которую оспаривали другъ у друга главные ленные владѣтели страны [1]).

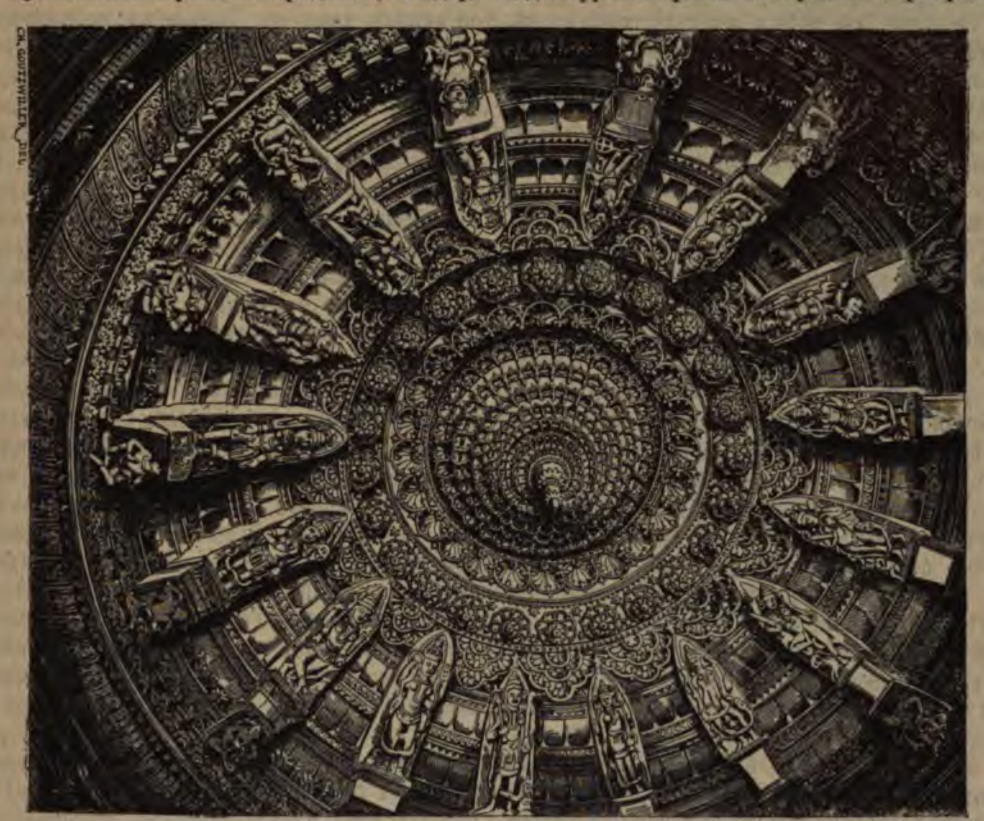
Бракъ всегда долженъ былъ начинаться похищеніемъ невѣсты. Строго придерживаясь экзогамическаго (внѣ-племеннаго) брака, раджпуты не могли вступать въ супружество съ членами своего собственнаго клана: они всегда брали, да и теперь еще берутъ себѣ женъ изъ другаго племени, или силой, или притворнымъ умыканіемъ. Но, въ своей безумной расовой гордости, раджпуты ни за что не хотѣли подвергаться такому страшному позору, чтобы видѣть своихъ дочерей замужемъ за людьми, стоящими ниже ихъ по благородству происхожденія; съ другой стороны, они считали своимъ священнѣйшимъ долгомъ, при совершеніи брака, выставить на-показъ такую пышность, что на справленіе свадьбы уходило все ихъ состояніе, и чтобы избѣгнуть этой двойной опасности, они не придумали другаго средства, кромѣ дѣтоубійства. Чудовищный обычай умерщвленія дѣтей женскаго пола былъ общераспространеннымъ, пока англичане не сдѣлались, чрезъ своихъ резидентовъ, истинными господами страны. По свидѣтельству отчета, опу-

[1]) Tod, цитированное сочиненіе.

[1]) Tod, „Annals of Rajasthan".

бликованнаго въ 1818 году однимъ бомбейскимъ литературнымъ обществомъ, въ восьми тысячахъ семействъ одного раджпутскаго округа оставалось еще въ живыхъ всего только около шестидесяти дѣвочекъ и дѣвушекъ. Таково было заблужденіе ума, порожденное этимъ ужаснымъ обычаемъ, что иные родители, давъ своимъ дочерямъ дожить до возраста возмужалости, убивали ихъ тогда, дабы избавить ихъ и себя отъ возможнаго безчестія, какимъ они считали неравный бракъ. Одно только племя раджпутовъ, обитателей пустыни, соданы, принявшіе магометанскую вѣру, оставалось вѣрнымъ гуманнымъ правамъ предковъ, воздерживаясь отъ умерщвленія дочерей. Оттого соданы съ незапамятныхъ временъ пользовались своего рода монополіей, снабжая супругами благородныхъ феодаловъ Кача и Раджпутаны. Такъ какъ соданскія дѣвушки во всей странѣ славятся красотой, граціей и умомъ, то начальники племенъ, даже очень дальнихъ, считаютъ за честь идти искать себѣ жену въ томъ краю, и даже нерѣдки случаи, когда они предлагаютъ очень дорогое вѣно за свою невѣсту, иногда до 25.000 франк. Тогда какъ въ другихъ частяхъ Индіи отцы хвастаются только сыновьями, соданы, напротивъ, тѣмъ больше гордятся, чѣмъ больше у нихъ дочерей [1]).

Совершенный почти недостатокъ женщинъ въ раджпутскихъ племенахъ плоскогорья, естественно, имѣлъ слѣдствіемъ возникновеніе большаго числа смѣшанныхъ племенъ, раджпутскихъ по отцамъ, бильскихъ, майрскихъ или минасскихъ по матерямъ. У этихъ «полу-кровныхъ» племенъ нравы и учрежденія были тѣ же самые, какъ и у чистокровныхъ раджпутовъ, и дѣтоубійство, даже человѣческія жертвоприношенія практиковались еще тамъ недавно. До 1833 года существовалъ и исполнялся обычай закалывать одного метиса, происшедшаго отъ раджпута и биля, каждый разъ, когда Удайпурскій рана собирался переправиться черезъ рѣку: кровь жертвы, смѣшиваясь съ водами, должна была умилостивить злыхъ боговъ и отвратить ихъ гнѣвъ отъ главы «великаго царя» [1]). Между племенами нѣкоторыя номинально исповѣдуютъ мусульманскую вѣру, но жизнь ихъ регулируется не столько правилами ислама, сколько стародавними обычаями. Опіумъ, культура котораго составляетъ одну изъ главныхъ отраслей земледѣлія на плоской возвышенности Мальва, есть бичъ всего населенія, всѣхъ расъ и народностей страны. «Приняли ли вы опіумъ?»—таковъ первый вопросъ, съ которымъ здѣсь обращаются другъ къ другу знакомые при встрѣчѣ [2]).



Плафонъ джайнскаго храма.

[1]) Bartle Frere, „Journal of the Geographical Society of London“, 1870.

[1]) Malleson, „Native States of India“.
[2]) Tod, цитированное сочиненіе.

Кромѣ раджпутовъ и аборигеновъ, всѣ индусскія расы имѣютъ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, своихъ представителей въ краѣ. Брамановъ тамъ очень много, и одна изъ ихъ фамилій завѣдуетъ архивами раджпутскаго дворянства. Крупная торговля сосредоточена въ рукахъ сараваковъ и джайновъ. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, джаты или гуджары обрабатываютъ почву; на востокѣ, классъ земледѣльцевъ тоже состоитъ изъ индусскихъ переселенцевъ различныхъ кастъ; на югѣ, кумбіи, судіи и куліи или коли, пришедшіе изъ гудзерадскихъ низменностей, колонизовали край. Каста грассіевъ, которая прежде присвоивала себѣ право брать выкупъ со всѣхъ путешественниковъ, представлена въ Мальвѣ, какъ и въ Гудзератѣ, нѣсколькими племенами; но тамъ живутъ также и чаруны, потомки тѣхъ неприкосновенныхъ проводниковъ и охранителей, которые ручались за безопасность жизни и имущества всѣхъ ввѣренныхъ имъ лицъ. До постройки большихъ дорогъ и рельсовыхъ путей вся торговля Раджпутаны и Мальвы производилась черезъ посредство банджаровъ, кочевниковъ, въ которыхъ многіе англійскіе этнологи видятъ соплеменниковъ европейскихъ цыганъ. Банджары, которые между всѣми индусами отличаются красотой, силой и ловкостью, соединены въ племена или, вѣрнѣе сказать, въ караваны, не имѣющіе другаго отечества, кромѣ большихъ дорогъ. Нѣкоторыя банджарскія племена, какъ, напримѣръ, племя гохаръ или ламбади, съ незапамятныхъ временъ занимаются исключительно перевозкой предметовъ продовольствія. Въ качествѣ раздавателей хлѣба, они имѣютъ почти священный характеръ и пользуются полною неприкосновенностью; въ недалекомъ прошломъ, когда еще междоусобныя войны опустошали страну нагорья, они могли проходить черезъ мѣста расположенія воюющихъ армій безъ всякой опасности для своихъ каравановъ. Обозы ихъ состоятъ иногда изъ нѣсколькихъ тысячъ воловъ, впереди которыхъ идетъ быкъ-вожакъ, покрытый попонами и увѣшанный разными украшеніями, почитаемый въ нѣкоторомъ родѣ богомъ каравана; къ его ногамъ приносятъ больныхъ, чтобы возвратить имъ здоровье, къ нему же приходятъ женихъ съ невѣстой, чтобы освятить свой брачный союзъ. Въ прежнее время банджарамъ достаточно было привязать къ рогамъ воловъ списокъ перевозимыхъ караваномъ товаровъ, чтобы входить въ города, не подвергаясь никакимъ осмотрамъ со стороны таможенныхъ чиновъ,—такъ хорошо всѣмъ была извѣстна честность этихъ кочевыхъ купцовъ [1]).

Въ этихъ туземныхъ государствахъ, гдѣ до сихъ поръ еще удержались внѣшнія формы феодальнаго порядка, города сохранили воинственную физіономію, какую имѣли также средневѣковые города Западной Европы. Всѣ они—столицы раджей или ихъ вассаловъ, сгруппировавшія свои дома на скатахъ холма, вокругъ гребня или какого нибудь уединеннаго утеса, на которомъ высятся зубчатыя стѣны и башни крѣпости. Живописныя строенія пріютившагося на горѣ укрѣпленнаго замка сами по себѣ имѣютъ болѣе внушительный видъ, болѣе бросаются въ глаза, чѣмъ весь остальной городъ, представляющій безпорядочный хаосъ лачугъ, изъ массы которыхъ тамъ и сямъ поднимаются куполы храмовъ. Впрочемъ, во многихъ городахъ князья, живущіе отнынѣ въ мирѣ со своими сосѣдями, спустились изъ своего кремля, чтобы построить себѣ дворецъ на склонахъ холма или даже въ равнинѣ, среди зелени парковъ, на берегу священныхъ прудовъ. Предмѣстья, такъ же, какъ и главная часть города, выстроились вокругъ резиденціи начальника, и даже въ окрестностяхъ, среди полей, *чатти* или маленькіе куполы, поддерживаемые колоннами, напоминаютъ прохожимъ славу раджпутскихъ князей: это надгробные памятники, воздвигнутые надъ прахомъ царей и вельможъ, тѣла которыхъ раньше сжигались вмѣстѣ съ ихъ женами и невольниками. Въ цѣломъ, раджпутская архитектура представляетъ самобытный характеръ: дворцы Раджпутаны вовсе не простыя копіи зданій Пенджаба, Дели или Гудзерата; напротивъ, они имѣютъ свой собственный, оригинальный стиль, соединяющій простоту главныхъ линій съ изяществомъ и тщательною отдѣлкою деталей. Одну изъ отличительныхъ чертъ этого зодчества составляетъ навѣсъ въ формѣ полумѣсяца, окружающій верхнюю часть оконъ или окаймляющій основаніе куполовъ.

Городъ на горѣ Абу, лѣтняя столица англичанъ, на территоріи, уступленной сирохскимъ раджей, есть одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе прославились блескомъ и великолѣпіемъ своихъ архитектурныхъ памятниковъ. Храмы Девальра, находящіеся почти въ 2 километрахъ на сѣверъ отъ англійской резиденціи, принадлежатъ къ числу богатѣйшихъ святилищъ джайновъ; особенно двѣ изъ этихъ пагодъ, построенныя изъ бѣлаго мрамора, въ періодъ времени съ одиннадцатаго по тринадцатое столѣтіе, представляютъ чудо орнаментаціи, и едва-ли гдѣ-нибудь можно встрѣтить болѣе изящную, болѣе тонкую отдѣлку и рѣзьбу камня [1]). Нѣкогда въ сосѣдней равнинѣ, прилегающей съ юго-запада къ горѣ Абу, стоялъ одинъ изъ главныхъ городовъ Индіи, Чандравати, но теперь видны только груды развалинъ

[1]) Roerts, „De Dehli à Bombay“; Tod, „Annals of Rajasthan“; L. Rousselet, „Tableau des races de l'Inde centrale“.

[1]) Fergusson, „History of Indian and Eastern Architecture“.

и мусора на мѣстѣ древнихъ храмовъ и дворцовъ. Сирохи, главный городъ раджпутскаго государства того же имени, славящійся своими оружейными заводами, занимаетъ одинъ отрогъ на сѣверѣ горы Абу, а въ сосѣдствѣ пустыни, званппстъ англичанъ, городъ Эринпуръ, названный такъ сынами «Зеленаго Эрина»[1]) (ирландцами), наблюдаетъ за границами Марвара. На одномъ изъ самыхъ высокихъ гребней горъ Аравали, на высотѣ 1.022 метровъ, крѣпость Кумульмиръ представляетъ собою цѣлый міръ бастіоновъ, башенъ, храмовъ, дворцовъ, увѣнчанный Бадульмагалемъ, или «Дворцомъ въ облакахъ». Нынѣшняя столица Мевара, Удайпуръ, находится на востокѣ, близъ истоковъ рѣки Банасъ; раджпутанская желѣзная дорога оставляетъ этотъ городъ въ сторонѣ, чтобы обогнуть гору Абу

«Городъ Утренней Зари»—таково буквальное значеніе имени Удіапура (Удайпуръ)—есть одинъ изъ новыхъ городовъ Индіи, ибо основаніе его относится къ послѣдней половинѣ шестнадцатаго столѣтія; но дворецъ его—самое обширное, самое красивое и пышное зданіе этого рода на всемъ Полуостровѣ; онъ построенъ изъ гранита и мрамора и частью поддерживается рядами аркадъ; его террасы, павильоны и сады отражаются въ зеркальной поверхности озера, искусственнаго бассейна, наполняемаго рѣкой Банасъ, и воды котораго служатъ для орошенія окружающихъ садовъ. Недалеко отъ Удайпура находится Агаръ, городъ мертвыхъ, построенный на мѣстѣ, гдѣ стояла одна древняя столица. Въ этомъ некрополѣ покоится прахъ царей-Солнцъ, потомковъ Рамы, подъ мраморными куполами, между колоннами и балюстрадами, украшенными рѣзьбой и разными изваяніями; эти маленькіе храмы прикрываютъ въ одно и то же время погребальные костры и гробницы царскихъ женъ. На сѣверо-востокѣ Мевара встрѣчаемъ другой городъ руинъ, расположенный тоже на берегу рѣки Банасъ, какъ и Удайпуръ: это волшебный Читторъ, «Зонтъ Земли», который долгое время былъ резиденціей государей Сусудіа. По свидѣтельству Томаса Ро, бывшаго посломъ Англіи при дворѣ Великаго Могола въ началѣ семнадцатаго столѣтія, этотъ городъ заключалъ въ своей чертѣ сто тысячъ каменныхъ домовъ. Древняя крѣпость расположена на вершинѣ узкаго холма, имѣющаго около 5 километровъ длины и отъ 90 и 110 метровъ высоты надъ сосѣдними равнинами. Пространство, заключающееся въ этой зубчатой оградѣ, съ большими круглыми башнями по бокамъ, поросло теперь терніями и колючими деревьями, но среди этого джунгля стоитъ еще болѣе трехсотъ зданій, хорошо сохранившихся, храмовъ и дворцовъ, колоннъ и гробницъ, блескомъ своей архитектуры составляющихъ яркій контрастъ съ убогими хижинами нынѣшнихъ обитателей, построенными изъ глины, смѣшанной съ соломою; груды развалинъ, убранныя гирляндами терновыхъ кустовъ, сплошь покрываютъ почву; колонны и статуи лежатъ на берегу прудовъ, изъ которыхъ въ былыя времена били фонтаны и которые теперь на половину засыпаны обломками. Читторъ, «построенный самимъ Индрой», представляетъ цѣлый лабиринтъ памятниковъ, замѣчательныхъ какъ красотой и симметріей пропорцій, такъ и необыкновенной тонкостью, изяществомъ отдѣлки деталей; но архитектурное чудо этого покинутаго города, Хиратъ-Хумбъ, или «Башня Побѣды», воздвигнутая царемъ Хумбу въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, по формѣ, есть, безспорно, единственный во всемъ свѣтѣ памятникъ этого рода: никакая другая тріумфальная башня не могла служить образцомъ ея зодчему; это—колоссальная квадратная призма въ 37 метровъ (17 саженъ) вышины, при 10 метрахъ (14 аршинъ) въ каждой сторонѣ основанія, раздѣленная на девять этажей съ колоннами, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго рѣзными кордонами и увѣнчанныхъ короною въ родѣ папской тіары; камень этого памятника, вырѣзанный рельефно, украсился тысячами статуй [1]).

Городъ Тулаити, расположенный у подножія Читторской скалы, смѣнилъ собою древнюю столицу, но онъ не имѣетъ теперь сколько-нибудь важнаго значенія. Торговая дѣятельность края, сосредоточенная нѣкогда въ городѣ Бильвара, лежащемъ къ сѣверу отъ Читтора, перешла на югъ, въ англійскій военный городъ Нимачъ, центральное мѣсто расположенія войскъ въ землѣ раджпутовъ, между долиной Банаса и долиной Чамбала. На сѣверѣ, въ области горъ Аравали, первенствующая роль въ ряду городскихъ поселеній принадлежитъ тоже англійскому городу, древнему Аджмиру (Аджамида), который сдѣлался столицей британскихъ владѣній въ странѣ Майрвара и мѣстомъ соединенія трехъ желѣзныхъ дорогъ, проникающихъ съ разныхъ сторонъ въ Раджпутану. Это городъ базаровъ, такъ же, какъ сосѣдній съ нимъ Назирабадъ, и нѣкоторые изъ великолѣпныхъ палаццо, построенныхъ въ новѣйшее время богатыми купцами джайнами, въ стилѣ цвѣтущаго періода раджпутскаго искусства, принадлежатъ къ числу самыхъ пышныхъ дворцовъ Индіи. Древнихъ памятниковъ въ Аджмирѣ мало, но тѣ, которые существуютъ, достойны сравниться съ Читторскими храмами и дворцами, и сверхъ того, большую красу придаютъ Аджмиру окружающіе городъ живописные холмы, озеро, окаймленное террасами и павильонами, рощи и поля розъ, роскошный «Садъ Великолѣпія», среди

[1]) Glardon, „Mon voyage aux Indes orientales“.

[1]) Tod, „Annals of Rajasthan“; L. Rousselet, „L'Inde des Rajahs“.

котораго монгольскіе императоры воздвигли свой замокъ, сдѣлавшійся теперь резиденціей британскаго губернатора. Лѣтній городъ сгруппировалъ свои виллы и дачи вокругъ крѣпости Тарагаръ, господствующей надъ городомъ съ вершины горы, возвышающейся на 400 метровъ. Въ окрестностяхъ Аджмира, въ 15 километрахъ отъ него къ западу, на границахъ пустыни, находится другое чудо Индустана—священное озеро Пошкуръ, бассейнъ овальной формы, окруженный холмами и дюнами: это—одно изъ наиболѣе посѣщаемыхъ пилигримами святыхъ мѣстъ Полуострова. Брамины, живущіе по-царски въ пошкурскихъ дворцахъ, обогатились сокровищами, приносимыми изъ всѣхъ частей Индіи усердными богомольцами; раджпутскіе князья, когда они еще не были разорены войнами и не были вынуждены соблюдать экономію въ своемъ бюджетѣ подъ гнетомъ ревниваго надзора англійскаго правительства, соперничали другъ съ другомъ въ щедрости по отношенію къ этимъ охранителямъ святаго мѣста. Озеро окружено храмами, павильонами, башенками, галлереями, нависшими надъ скатертью водъ, мраморными лѣстницами, спускающимися въ самую воду; сохранились даже остатки какихъ-то древнихъ построекъ, находящихся ниже нынѣшняго уровня священнаго озера. Аджмиръ—умственный и литературный центръ Раджастана, и англійское правительство основало тамъ два лицея, принадлежащіе теперь къ числу важнѣйшихъ казенныхъ учебныхъ заведеній Индіи, изъ которыхъ «Mayo-college» (названный такъ въ честь лорда Майо, бывшаго вице-короля)—одна изъ тѣхъ аристократическихъ школъ, куда принимаются только сыновья раджей, пріучаемые тамъ къ тщеславному повиновенію ихъ европейскими наставниками.

Джайпуръ не былъ выбранъ англичанами административнымъ центромъ Раджпутаны и есть лишь столица маленькаго медіатизированнаго государства, но, тѣмъ не менѣе, онъ самый многолюдный городъ всего плоскогорья и съ гордостью называетъ себя «Парижемъ Индіи», самымъ красивымъ и наилучше содержимымъ городомъ во всей странѣ между Индомъ и Гангомъ [1]). Основанный въ 1729 году, онъ не имѣетъ такого живописнаго вида, какъ другія столицы Раджастана; онъ построенъ въ равнинѣ, повидимому, бывшей нѣкогда озеромъ, и показываетъ лишь тамъ и сямъ верхушки башенъ и храмовъ, выглядывающія изъ-за зубчатыхъ стѣнъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Внутри онъ раздѣленъ на правильные островки широкими улицами, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ; всѣ дома въ немъ—изъ гранита или мрамора. Если самый городъ построенъ по монументальному плану, то ни одно изъ его зданій не отличается оригинальнымъ стилемъ или великолѣпіемъ: обширный дворецъ представляетъ кучу построекъ безъ вкуса, но расположенныхъ среди великолѣпныхъ садовъ; главная достопримѣчательность города — обсерваторія, основанная Джай-сингомъ, строителемъ города. Замѣчательныя зданія находятся въ древней столицѣ, Амберѣ, лежащей въ семи километрахъ къ сѣверо-востоку, на восточномъ склонѣ «Черныхъ горъ», или Кали-хо, и соединенной съ новымъ городомъ (Джайпуромъ) линіей укрѣпленій. Эта столица была нѣкогда «Всеобщею Матерью», «Царицей Горъ». Предоставленный теперь въ пользованіе факирамъ и обезьянамъ, его единственнымъ обитателямъ, древній Амберъ имѣетъ тѣмъ болѣе красивый видъ, что его позолоченные куполы и разноцвѣтные павильоны наполовину прикрыты зеленью; въ пазахъ между мраморными плитами укрѣпились корни деревьевъ, ліаны обвиваются вокругъ колоннъ, вода фонтановъ струится извилистыми ручейками черезъ залы дворцовъ, между стѣнъ, украшенныхъ рѣзьбой изъ слоновой кости и драгоцѣннаго дерева. Нигдѣ природа не возвышаетъ болѣе живописно красу и прелесть этой пышной архитектуры, которая сдѣлала Раджастанъ одною изъ обѣтованныхъ земель художника. Сѣверные города, находящіеся въ сосѣдствѣ съ равнинами рѣки Джамны, Альваръ (Ульвуръ), Дигъ, Бартпуръ или Баратпуръ, столица легендарнаго царя Бараты, тоже заключаютъ въ своихъ стѣнахъ великолѣпные дворцы, изъ которыхъ иные представляютъ руины, другіе еще стоятъ въ цѣлости. Бартпурская крѣпость долго сопротивлялась англичанамъ и была взята только въ 1826 году, когда противъ нея выставили двадцати-пятитысячную армію.

На востокѣ Раджпутаны, бассейнъ рѣки Чамбалъ почти такъ же богатъ монументальными строеніями, еще обитаемыми или предоставленными дикимъ звѣрямъ. Одинъ изъ покинутыхъ городовъ, Манду,— единственный въ своемъ родѣ по обширности занимаемаго пространства и красотѣ мѣстоположенія. Расположенный на южномъ выступѣ горъ Виндіа, который соединенъ съ массивомъ узкимъ кряжемъ и поднимается на 500 метровъ надъ глубокою долиной, гдѣ извивается рѣка Нарбада или Нербудда, Манду имѣетъ не менѣе 60 километровъ въ окружности; онъ занимаетъ пространство въ два раза большее, чѣмъ Парижъ, но во всей этой громадной оградѣ теперь находится только одна маленькая деревня, затерянная среди лѣсовъ; нѣсколько дикихъ билей да нищихъ монаховъ—единственные человѣческіе обитатели бывшей столицы плоскогорья Мальвы, и тигры, леопарды, медвѣди устроили себѣ логовища подъ чащей густой растительности, среди развалинъ былаго величія; плато, на которомъ

[1]) Drew Gay, „From the Pall-Mall to the Penjaub“.

была раскинута эта метрополія, превратилось въ огромный паркъ для охоты. Однако, тамъ уцѣлѣли еще многія очень красивыя зданія, дворцы и мечети, и особенно баоли, т. е. мно-

Развалины ступы въ Хайберскомъ проходѣ.

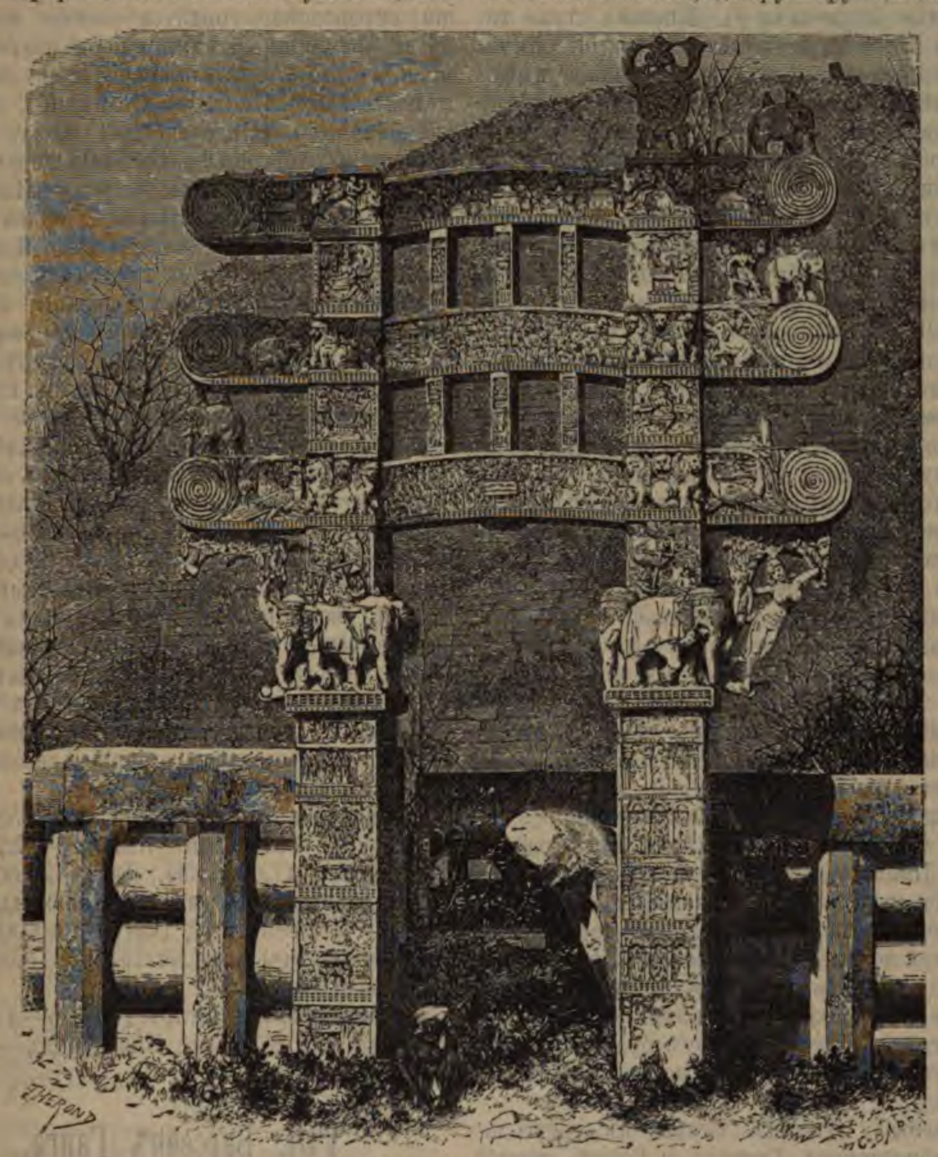
гоэтажныя галереи съ колоннами, спускающіяся въ глубины скалы до текущей воды. Свою первенствующую роль, какъ главный городъ Мальвы, Манду утратилъ въ первой половинѣ шестнадцатаго столѣтія. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, Джехангиръ, монгольскій государь, большой любитель красивыхъ мѣстоположеній, перенесъ на нѣкоторое время свою резиденцію на плато Манду; но послѣ прохода маратскихъ опустошителей городъ былъ окончательно покинутъ; мраморы его употребляются теперь на выдѣлку извести для построекъ Дара, маленькой столицы княжества, находящейся сѣвернѣе Манду, на одномъ изъ притоковъ Чамбала.

Индоръ, основанный въ недавнее время,—теперь самый цвѣтущій городъ во всемъ бассейнѣ верхняго теченія Чамбала. Главный городъ одного изъ самыхъ могущественныхъ медіатизированныхъ княжествъ плоскогорья Мальва, Индоръ сдѣлался центромъ отпускной торговли опіумомъ (въ 1878 году онъ поставилъ англійскому правительству этого продукта на сумму свыше 26 милліоновъ франковъ). Въ этомъ городѣ находится одинъ изъ тѣхъ колледжей (лицеевъ) для раджъ, гдѣ сыновья туземныхъ государей пріучаются къ своей роли англійскихъ ленниковъ. Мао, одинъ изъ важнѣйшихъ военныхъ постовъ Индіи, наблюдаетъ на югѣ за Индорскою крѣпостью и соединенъ желѣзною дорогою съ главными мѣстами расположенія войскъ въ Раджпутанѣ, съ Нимачемъ и Назирабадомъ. Эта желѣзная дорога, построенная преимущественно какъ стратегическая линія, оставляетъ въ сторонѣ важнѣйшій городъ страны, одинъ изъ «семи священныхъ городовъ Полуострова», знаменитый Уджейнъ, гдѣ царствовалъ славнѣйшій изъ государей, извѣстныхъ подъ именемъ Викрамадитіа, тотъ самый, годъ рожденія котораго принимается за начало индусскаго лѣтосчисленія. Черезъ этотъ же городъ индійскіе географы проводили свой первый меридіанъ, чтобы направить его на югъ къ Ланкѣ или Цейлону, на сѣверъ къ горѣ Меру [1]). Джай-Сингъ основалъ въ Уджейнѣ обсерваторію съ тою цѣлью, чтобы производимыя тамъ вычисленія можно было сравнить съ вычисленіями, полученными на обсерваторіяхъ Джайпура, Дели, Бенареса. Руины стараго города Уджейнъ, затерянныя среди садовъ, виднѣются на сѣверѣ отъ нынѣшней городской ограды; впрочемъ, въ новомъ городѣ показываютъ, близъ дворца, ворота, составлявшія, какъ говорятъ, часть зáмка царей Викрамадитіа. На среднемъ Чамбалѣ, недалеко отъ *чаоли*, или знаменитаго «водоворота», образуемаго этою рѣкой, нѣкогда стоялъ большой храмъ Баролли, отъ котораго теперь остались только нѣкоторыя отдѣльныя части, но между этими фрагментами есть великолѣпнѣйшія произведенія архитектурнаго искусства,—между прочимъ, колонны, стержень которыхъ сдѣланъ изъ четырехъ статуй женщинъ [2]). На западѣ, городъ Бунди, резиденція одного раджпутскаго государя, расположенъ у подножія горы, на которомъ высится цѣлая группа дворцовъ, соперничающихъ красотой съ дворцами Удайпура.

Самымъ значительнымъ медіатизированнымъ государствомъ этой области Индіи считается то, которымъ управляетъ династія Синдіевъ, потомковъ маратскихъ «туфленосцевъ», сдѣлавшихся завоевателями Сѣверной Раджпутаны. Столица его, городъ Гваліоръ, находится въ небольшомъ разстояніи отъ равнинъ Джайны, между долинами Чамбала и Синда. Надъ городомъ или, вѣрнѣе сказать, двумя отдѣльными городами, сѣвернымъ и южнымъ, высится песчаниковая скала, длиною около 2.500 метровъ, при 300 метрахъ ширины, поднимающаяся надъ сосѣдними равнинами на 100 слишкомъ метровъ въ самомъ высокомъ мѣстѣ: въ нѣкоторыхъ частяхъ этой каменной горы стѣны вертикальныя или даже нависшія. Изъ всѣхъ уединенныхъ громадныхъ глыбъ камня, которыми усѣяна эта страна, и изъ которыхъ каждая носитъ на своей вершинѣ крѣпость, ни одна не была лучше приспособлена къ основанію обширной твердыни, и всякаго рода крѣпостныя сооруженія, нагроможденныя на этой исполинской скалѣ, показываютъ, что жители края умѣли оцѣнить стратегическую важность этой позиціи; они, очевидно, тоже были поражены красотой этихъ бѣлыхъ стѣнъ, составляющихъ яркій контрастъ съ зеленѣющими полями и домами равнины; колоссальныя фигуры боговъ, изсѣченныя рельефно въ камнѣ, свидѣтельствуютъ о ихъ благоговѣніи къ этому священному мѣсту. Начиная съ восьмаго столѣтія христіанской эры, фортъ, построенный на Гваліорской скалѣ, былъ во всѣ времена однимъ изъ тѣхъ стратегическихъ пунктовъ, которые обладатели Индіи оспаривали другъ у друга съ наибольшимъ ожесточеніемъ, и въ это послѣднее время англичане прибавили къ нему еще новыя укрѣпленія. Великолѣпный дворецъ, построенный въ цвѣтущій періодъ индусскаго искусства, т. е. въ концѣ пятнадцатаго и въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, вѣнчаетъ часть скалы и примыкаетъ къ другимъ постройкамъ, которыя составляютъ, со своими башнями, угловыми павильонами, куполами, террасами съ колоннами, фасадами, украшенными рѣзьбой и изваяніями, ансамбль зданій самый живописный во всей Индіи. Многочисленные храмы джайновъ, вишнуитовъ (поклонниковъ Вишну), сиваитовъ (поклонниковъ Сивы), принадлежащіе къ различнымъ эпохамъ, тоже составляютъ часть обширнаго архитектурнаго музея, собраннаго въ Гваліорѣ, и даже во внутренности скалы находится около сотни изсѣченныхъ въ камнѣ святилищъ,—иныя въ формѣ простой ниши, другія въ видѣ длинной галереи,—заключающихъ много любопытныхъ джайнскихъ изваяній, изъ которыхъ одно имѣетъ не менѣе 17 метровъ въ вышину. Англійскій военный городъ Мораръ, стоящій въ равнинѣ, верстахъ въ 6 къ востоку отъ Гваліорской скалы, наблюдаетъ за столицей Синдіи. На юго-востокѣ англичане тоже поставили свои гарнизоны въ окрестностяхъ городовъ Дхатія и Джанси. Оба эти города расположены у подошвы высокихъ скалъ, на вершинѣ которыхъ стоятъ старин-

[1]) Reinaud, „Mémoire géographique, historique et scientifique sur l'Inde", 1849.
[2]) Tod, „Annals of Rajahstan".

ныя крѣпости. Въ десяти километрахъ къ сѣверо-востоку отъ города Дхатія, на холмѣ, окруженномъ отдѣльно лежащими каменными глыбами, стоятъ восемьдесятъ джайнскихъ храмовъ Сунагара, или «Золотаго за́мка», относящіеся къ различнымъ эпохамъ, начиная съ тринадцатаго столѣтія, и различающіеся между собою архитектурнымъ стилемъ: линія горизонта прерывается сотнями куполовъ, шатрій, шпицевъ, колоколенокъ, плоскихъ луковицеобразныхъ главъ, напоминающихъ главы русскихъ церквей [1]).



Портикъ ступы Санчи.

Памятники отдаленныхъ вѣковъ, болѣе древніе, чѣмъ храмы и дворцы Гваліора, привлекаютъ путешественниковъ въ верхнюю долину рѣки Бетвы. Тамъ находятся остатки буддійской архитектуры, самые полные и самые интересные, какіе только существуютъ въ Индіи, и нѣкоторые изъ нихъ даже превосходятъ, по изяществу и совершенству скульптурныхъ работъ, все, что́ сдѣлали въ другія эпохи художники Полуострова. Между двумя городами, Бопаломъ и Бильсой, изъ которыхъ послѣдній славится своимъ табаководствомъ, простирается почти необитаемая область, гдѣ группируются отдѣльными массивами около шестидесяти буддійскихъ ступъ, такъ сказать, вновь открытыхъ, въ 1822 г., англійскими путешественниками. Эти высокія искусственныя горки, которымъ вообще даютъ названіе Bhilsa topes, не были, конечно, самые большіе изъ кургановъ, воздвигнутыхъ буддистами, ибо исторія упоминаетъ о многихъ подобныхъ насыпяхъ, размѣры которыхъ были гораздо значительнѣе; но грандіозные из-

[1]) L. Rousselet, „L'Inde des Rajahs".

мятники, находившіеся въ равнинахъ или на большихъ дорогахъ, по которымъ проходили завоеватели, не могли избѣгнуть разрушенія; камни и кирпичи этихъ ступъ послужили матеріаломъ для сооруженія индусскихъ храмовъ или мусульманьскихъ мечетей, тогда какъ бильсенскіе курганы, лежащіе въ сторонѣ отъ историческихъ путей, среди дикаго населенія, оставались нетронутыми въ теченіе вѣковъ, защищенные джунглями [1]). Главная ступа та, которая извѣстна подъ именемъ ступы Санчи: это огромный куполъ въ формѣ полушара, имѣющій болѣе 100 метровъ (около 47 саженъ) въ окружности основанія и перерѣзанный тамъ и сямъ трещинами, въ которыхъ деревца и кустарники укрѣпили свои корни; кордонъ, опоясывающій этотъ куполъ, позволялъ нѣкогда вѣрующимъ обходить торжественною процессіей вокругъ всего зданія и украшать его цвѣтами. Колонны, богато украшенныя изваяніями, обрушились на внѣшнія террасы, но удѣлѣла еще большая часть каменной балюстрады, составлявшей священную ограду. Двѣ изъ входныхъ дверей стоятъ еще на мѣстѣ, и одна изъ нихъ, почти вполнѣ сохранившаяся, развертываетъ чудный рядъ своихъ изваяній, представляющихъ слоновъ, львовъ, химеръ, боговъ и божественныя эмблемы, и особенно драгоцѣнные историческіе документы, церемоніи религіозныя и гражданскія, сцены мѣстныхъ нравовъ, словомъ, всю народную жизнь буддійскаго Индустана за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ до нашего времени. Эти входныя двери ступы Санчи, очевидно, составляющія подражаніе древнимъ порталамъ, построеннымъ изъ четырегранно отесанныхъ бревенъ, встрѣчаются, подъ едва измѣненною формой, въ Китаѣ и преимущественно въ Ниппонѣ: это *торіи*, подобныя тѣмъ, которыя находятся при входѣ въ храмы Найци; не зная о существованіи бильсенскихъ памятниковъ, можно было бы впасть въ ошибку и приписать японскимъ торіямъ мѣстное или полинезійское происхожденіе. Между многочисленными древностями Бильсенскаго края есть также памятники, относящіеся къ другимъ религіямъ, кромѣ буддійской: таковы искусственно изсѣченные въ скалѣ гроты Удгири.

Къ востоку отъ рѣки Бетвы, въ треугольникѣ, образуемомъ Гангомъ и Соной, многіе другіе главные города англійскихъ округовъ или столицы маленькихъ туземныхъ государствъ имѣютъ важное значеніе по своимъ произведеніямъ или по торговлѣ, или обладаютъ нѣкоторыми изъ тѣхъ прекрасныхъ зданій, которыя во всякой другой странѣ, менѣе богатой великолѣпными памятниками строительнаго искусства, могли бы составить красу и славу любаго города. Сагаръ, одно изъ главныхъ мѣстъ расположенія войска въ центральныхъ провинціяхъ, замѣчателенъ своими храмами и двадцатью башнями своей крѣпости, отражающимися въ водахъ озера. Чатарпуръ сгруппировалъ свои дома, свои бумажныя фабрики и ножевые заводы вокругъ руинъ стариннаго дворца. Каджраха, теперь въ упадкѣ, но нѣкогда одинъ изъ могущественнѣйшихъ городовъ Индіи, справедливо гордится своими восемнадцатью древними храмами, вполнѣ сохранившимися, которые составляютъ чудо скульптурнаго искусства [1]). Наогонъ (Nowgong), военный кантонементъ Бундельханда, занялъ видное мѣсто между торговыми городами; Ревахъ обладаетъ залежами каменнаго угля; Паннахъ и многіе другіе города страны эксплоатируютъ слои алмазоносныхъ мелкихъ камней, залегающіе по большей части на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ подъ поверхностью почвы; цѣнность алмазовъ, посылаемыхъ ежегодно разработывателями этихъ копей аллахабадскимъ и бенаресскимъ ювелирамъ, простирается до 1.500.000 франковъ [2]). На западѣ отъ города Реваха, близъ желѣзной дороги изъ Аллахабада въ Джабальпуръ, Коннингамъ и Бегларъ открыли, въ 1872 году, остатки буддійской ступы Бхарахутъ, балюстрада которой покрыта фигурами, изображающими черты изъ жизни Будды и сцены изъ быта туземцевъ; почти каждый камень имѣетъ свою надпись. Между памятниками древней Индіи нѣтъ ни одного, который давалъ бы болѣе богатый матеріалъ для возстановленія исторіи первыхъ вѣковъ буддизма [3]).

Главные города плоской возвышенности, заключающейся между горами Аравали, Гангомъ, Нарбадой и Соной:

Раджпутана. Джайпуръ (1891 г.)—158.905 ж.; Бхартпуръ—68.033 жит.; Альваръ—52.398 ж.; Удайпуръ — 47.000 жит.; Дигъ—20.000 жит.

Государства Мальвы и Бундельханда. Гваліоръ — 104.083 жит.; Дхатія — 40.000 жит.; Джанси—54.000 жит.; Бильвара—15.000 жит.; Ревахъ—10.000 жит.

Англійскіе города. Сагаръ (1891 г.)—44.674 ж.; Аджмиръ—67.877 жит.; Назирабадъ — 20.100 жителей.

VIII. Бассейнъ Ганга.

Дели, Сѣверо-западныя провинціи, безъ Кумаона и Гарваля; Рампуръ, Аудъ, Бехаръ, Нижняя Бенгалія по сю сторону Брахмапутры.

Продолговатая равнина, которая тянется вдоль подошвы Гималайскихъ горъ, отъ воротъ

[1]) Fergusson, „History of Indian and Eastern Architecture".

[1]) L. Rousselet, „L'Inde des Rajahs".
[2]) Ball, „The Diamonds, Coal and Gold of India".
[3]) „Reports of the Surveys in India for 1872-1873".

Джамны и Ганга до аллювіальныхъ земель Сандербана, обнимаетъ пространство почти столь же значительное, какъ площадь Франціи, но несравненно гуще населенное. Въ этой равнинѣ скучено около ста милліоновъ жителей; если бы земля была вездѣ равномѣрно населена въ такой же пропорціи, то совокупность континентальныхъ областей могла бы прокормить болѣе 25 милліардовъ людей. А между тѣмъ, эта страна еще далеко не вся покрыта воздѣланными участками. Между рѣками и рѣчками такъ называемые *усары*, обширныя пространства земли, лежащія ниже уровня разливовъ и лишенныя орошенія, представляютъ тѣ же пустыни, покрывающіяся *рехомъ*, солянымъ налетомъ, похожимъ издали на снѣгъ; въ сосѣдствѣ великой индійской рѣки, равнины, покинутыя перемѣстившимся теченіемъ, усѣяны болотами, куда земледѣлецъ не рѣшается проникнуть; наконецъ, въ низменной области рѣчныхъ устьевъ значительная часть почвы состоитъ изъ полузатопленныхъ земель, недостаточно крѣпкихъ даже для того, чтобы сдержать хижины человѣка. Совокупность страны еще не приспособлена къ нуждамъ и потребностямъ ея обитателей. и не разъ уже въ теченіе новаго періода исторіи недостатокъ оросительныхъ каналовъ имѣлъ слѣдствіемъ страшныя голодовки. Но зато рядъ хорошихъ урожаевъ ведетъ къ быстрому увеличенію народонаселенія: бывало, что число жителей въ Бенгальскомъ президентствѣ (генералъ-губернаторствѣ) возрастало почти на милліонъ душъ ежегодно.

Равнины Ганга и Джамны:

	Пространство кв. килом.	Населеніе душъ.	Среднее число жителей на 1 кв. килом.
Дели	14.490	1.916.420	160
Аудъ	62.137	11.222.210	180
Сѣверо-западныя провинціи	181.041	30.037.600	165
Рампуръ	2.447	507.010	208
Бехаръ	109.855	19.736.100	180
Бенгалія, безъ Сингбума и округовъ по теченію Брахмапутры	191.189	26.681.950	140
	561.159	90.101.290	161
Приблизительная цифра населенія въ 1882 г.		100.000.000	178

Гангъ—или, точнѣе, Ганга—есть «Рѣка» по преимуществу. У Гардварскихъ воротъ, гдѣ его воды вступаютъ въ равнину, на высотѣ 311 метровъ, Гангъ является уже значительною рѣкой, образующеюся изъ слiянія Алакнанды и Бхагирати, двухъ священныхъ потоковъ, берущихъ свое начало въ гималайскомъ массивѣ, между вершинами котораго первое мѣсто занимаетъ гора Моира, или Тарласагаръ, превосходящая другія вершины своимъ величественнымъ видомъ, хотя и уступающая имъ размѣрами ледянаго покрова. Небольшія суда могутъ подниматься по рѣкѣ до самыхъ воротъ Гималая, несмотря на то, что болѣе пяти шестыхъ средняго количества протекающей воды изливается въ судоходный и оросительный каналъ, развѣтвляющійся на множество ирригаціонныхъ канавъ и канавокъ въ области доаба, или междурѣчья. Этотъ отведенный изъ Ганга каналъ, который опять соединяется съ тою же рѣкой у Канпура (Cawnpore), оросивъ на своемъ пути пространство слишкомъ въ 18.000 квадр. километровъ, есть, безспорно, самое большое и самое важное изъ всѣхъ существующихъ сооруженій этого рода; его главный стволъ имѣетъ 499 километровъ длины по прямой линіи, и средній объемъ протекающей въ его руслѣ жидкой массы, у первыхъ шлюзныхъ воротъ, составляетъ 230 кубическихъ метровъ въ секунду, слѣдовательно, почти въ четыре раза превосходитъ количество воды, несомое Муццой, ирригаціоннымъ каналомъ долины рѣки По, который оплодотворяетъ въ Европѣ наибольшее протяженіе земель. Для одного только главнаго канала Ганга, не считая его развѣтвленій, нужно было перемѣстить столько же земли, сколько и для Суэзскаго канала, именно болѣе 70 милліоновъ кубич. метровъ. Въ городѣ Рурки, недалеко отъ Гардвара, находятся большія мастерскія, главный шлюзъ, бассейны и колледжъ или институтъ инженеровъ, подъ руководствомъ которыхъ производились работы этого грандіознаго сооруженія [1]).

По соединеніи съ водами канала, затѣмъ съ Джамной, Гангъ ударяется, близъ Чанара, о послѣднія кручи песчаниковыхъ холмовъ цѣпи Виндіа; но онъ тотчасъ же поворачиваетъ отъ нихъ на востокъ и слѣдуетъ въ этомъ направленіи до бреши, которую его теченіе, соединенное съ теченіемъ Брахмапутры, пробило себѣ между горами Раджмагалъ и горами Гарро. Послѣднія скалы рѣчнаго ложа, гранитныя глыбы, около которыхъ кружатся стаи птицъ, виднѣются выше этой извилины, близъ Кольгонга [2]). Выше этого широкаго отверстія, открывающагося между двумя горными цѣпями, Гангъ получаетъ всѣ свои большіе притоки,—съ одной стороны тѣ, которые ему посылаютъ Гималайскія горы, Гогру или Сарджу, Гандакъ, Багмати, Коси, съ другой—Сону, которая спускается съ массива Амаркантакъ, въ цѣпи холмовъ Виндіа, долиной или низменностью, составляющей на сѣверозападѣ продолженіе низменности, гдѣ проходитъ рѣка Нарбада. Притокъ южной покатости совершенно отличается порядкомъ измѣненій объема и уровня жидкой массы отъ рѣкъ противоположнаго склона. Тогда какъ эти послѣд-

[1]) Cautley, „Reports on the Ganges works".
[2]) Ball, „Jungle Life in India".

нія всегда имѣютъ значительное количество воды, происходящей или отъ таянія снѣговъ, или отъ дождей, Сона бываетъ иногда, въ сухое время года, почти совершенно безъ воды; но послѣ ливней ея теченіе нерѣдко бываетъ такъ же сильно и многоводно, какъ и теченіе Ганга: масса протекающей воды въ этой рѣкѣ колеблется, смотря по времени года, отъ 49.000 до 17 кубич. метровъ въ секунду [1]). Во время мелководья простой ручеекъ медленно пробирается черезъ пески; рѣчное ложе, раздвигающееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нѣсколько верстъ въ ширину, занято дюнами, которыя передвигаются съ мѣста на мѣсто, гонимыя вѣтромъ, и чрезвычайно затрудняютъ путешественникамъ переходъ черезъ Сону; обозъ фуръ употребляетъ, среднимъ числомъ, три часа, чтобы перебраться черезъ рѣчные пески. Построенный черезъ эту рѣку желѣзнодорожный мостъ, длиною въ 1.279 метровъ, состоитъ изъ 28 пролетовъ, быки которыхъ вбиты на 10 метровъ (14 аршинъ) глубины въ дно ложа; употреблено было цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ на сооруженіе этого моста, одного изъ монументальныхъ произведеній современной индустріи. Сона слишкомъ неравномѣрна въ своемъ ходѣ, слишкомъ внезапна въ своихъ разливахъ, чтобы можно было пользоваться ею, какъ водянымъ путемъ сообщенія; она служитъ только для сплава бамбука; милліоны бамбуковыхъ стволовъ посылаются каждый годъ этимъ путемъ изъ области плоскогорій въ города Бегаліи. Но если Сона безполезна для перевозки товаровъ, то нельзя сказать того же относительно искусственнаго орошенія, и нигдѣ не было болѣе необходимо регулировать рѣчной стокъ, задерживая воды разлива, какъ запасъ для сухаго времени года. Огромная поперечная плотина, или *аникутъ*, длиною около 3.800 метровъ (три съ половиною версты), задерживаетъ воды рѣки, при выходѣ ея изъ области холмовъ, близъ деревни Дери и отбрасываетъ значительную часть воды въ два главные канала, которые идутъ вдоль каждаго берега, затѣмъ развѣтвляются далеко по сосѣднимъ равнинамъ; самый широкій изъ этихъ каналовъ, западный, получаетъ, среднимъ числомъ, 127 куб. метровъ воды въ секунду.

Весьма вѣроятно, что въ теченіе двадцати двухъ вѣковъ произошли большія перемѣны въ гидрографіи страны. Мегасѳенъ, посланникъ Селевка Никатора, описывая Палиботру, говоритъ, что этотъ городъ стоитъ при сліяніи Ганга и Эраннобоаса. Но всѣ историки согласны между собою относительно того, что древняя Палиботра,—Паталипутра средневѣковаго буддійскаго пилигрима Гіуэнъ-Цана,—есть нынѣшній городъ Патна, а со времени Равеншау [2]) большинство археологовъ признаетъ Эраннобоасъ, «третью рѣку Индіи по обилію водъ», не въ могучемъ Гандакѣ, который впадаетъ въ Гангъ противъ Патны, но въ Гираніабахѣ, «Желтой» или «Золотоносной» рѣкѣ,—названіе Соны, которымъ она обязана пескамъ или золотымъ блесткамъ своего ложа. Но эта рѣка въ наше время уже не соединяется съ Гангомъ подъ стѣнами Патны; вслѣдствіе постояннаго размыванія береговъ по направленію къ верховью, мысъ, образуемый сліяніемъ этихъ двухъ рѣкъ, непрерывно передвигался все далѣе къ западу; въ пятидесяти-пятилѣтній промежутокъ времени, съ 1780 по 1835 годъ, отдѣляющій путешествіе Реннеля отъ путешествія Фергюсона, этотъ мысъ перемѣстился почти на 5 километровъ; теперь онъ находится въ 16 километрахъ выше города Патны. Бывшіе рукава, измѣнчивыя бухточки, представляющіе непрерывное русло только въ сезонъ дождей, позволяютъ распознать еще слѣды потока, соединявшагося съ водами Ганга ниже этого города.

Не менѣе важныя перемѣны совершились во времена историческаго періода въ теченіи самого Ганга. Каждая изъ нынѣшнихъ его извилинъ пересѣкаетъ направленіе, которое первыя географическія карты давали прежнимъ его изгибамъ; блуждая въ своей широкой равнинѣ, Гангъ постоянно перемѣщаетъ свое теченіе, подтачивая и увеличивая попеременно то одинъ, то другой берегъ. Такъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія эта рѣка, обходившая на востокѣ массивъ Раджмагальскихъ холмовъ, проходила на большомъ разстояніи отъ ихъ скалъ, извиваясь далеко по гладкимъ равнинамъ. Въ 1788 году она подступила къ этимъ холмамъ, и не только подточила ихъ основаніе, но даже проложила себѣ дорогу черезъ каменистую массу, и островки и подводныя скалы, еще недавно находившіеся у праваго берега, очутились около лѣваго берега. Десять лѣтъ спустя, всякіе слѣды этихъ рифовъ исчезли, но на мѣстѣ, гдѣ прежде проходило главное теченіе, образовался островъ, длиною въ 13 километровъ и шириною слишкомъ въ 3 километра, поднимавшійся надъ уровнемъ воды даже во время самыхъ высокихъ разливовъ [1]). Этимъ перемѣщеніемъ теченія Ганга и постояннымъ подтачиваніемъ и размываніемъ холмовъ въ сосѣдствѣ Раджмагала, бывшей столицы Бенгаліи, и объясняется упадокъ городовъ Пандуаха и Гаура (иначе называемаго Лакнаути или Джанатабадомъ), покинутыхъ удалившеюся рѣкой во внутренности земель. Въ началѣ настоящаго столѣтія не было уже ни одного пункта въ чертѣ городской ограды Гаура, который не отстоялъ бы, по меньшей мѣрѣ, на 7 километровъ отъ берега Ганга, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могу-

[1]) Hunter, „Imperial Gazetteer of India".
[2]) „Journal of the Asiatic Society of Bengal".

[1]) Colebrooke, „Transactions of the Asiatic Society", vol. VII, 1803.

чая рѣка протекала уже на разстояніи 20 километровъ отъ развалинъ этого обширнаго города. Деревни, смѣнившія Гауръ, могутъ сообщаться съ Гангомъ уже не иначе, какъ черезъ его притокъ, рѣчку Маганадди, или черезъ ручей, дѣлающійся судоходнымъ въ дождливое время года [1]); джунгли и болота занимаютъ теперь большую часть пространства, около 50 квадр. километровъ, гдѣ еще видны слѣды могущественнаго города; кое-какіе отрывки стѣнъ, кое-гдѣ порталы мечетей—вотъ все, что осталось отъ зданій; ураганы и, быть можетъ, всего болѣе каменщики, воздвигавшіе города Мальдахъ и Муршидабадъ, разрушили строенія Гаура. Подобныя же перемѣны въ мѣстной географіи произошли во всей аллювіальной области Ганга и его притоковъ: вездѣ рѣчныя русла странствовали по равнинамъ, увлекая за собою толпу прибрежныхъ жителей и заставляя ихъ безпрестанно перестраивать и переносить съ мѣста на мѣсто свои города.

Бифуркація верхнихъ вѣтвей дельты находилась нѣкогда у Гаура; у подножія этого втораго Мемфиса раздѣлялись рукава индійскаго Нила [2]). Но совокупность всей дельты постепенно перемѣстилась къ югу; по мѣрѣ того, какъ отлагавшіеся рѣчные наносы выдвигались все далѣе въ море, и теченіе Ганга удлинялось вмѣстѣ съ приращеніемъ дельты въ этомъ направленіи, земли выше лежащихъ аллювіальныхъ равнинъ укрѣплялись, и рѣка удерживалась тамъ въ руслѣ болѣе опредѣленномъ, не разливаясь въ ту и другую сторону въ видѣ боковыхъ вѣтвей или рукавовъ. Въ настоящее время вершина или голова дельты находится уже въ 28 километрахъ къ югу отъ руинъ Гаура, въ 350 километрахъ отъ моря по прямой линіи, въ 480 километрахъ, если считать всѣ извилины теченія; пространство, охватываемое крайними развѣтвленіями Ганга и Брахмапутры, составляетъ свыше 80.000 квадр. километровъ. Главный рукавъ, мѣняющій имя Ганга на болѣе поэтическое названіе Падма или Падда, «Цвѣтокъ Лотоса», извивается въ юго-западномъ направленіи, идя на встрѣчу Джамунѣ, которая есть истинная Брахмапутра; второстепенный же рукавъ Ганга сохраняетъ имя Бхагирати, какъ священный истокъ Ганга, и, дѣйствительно, въ этомъ руслѣ, теперь съузившемся, проходитъ наиболѣе чтимый индусами потокъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Бхагирати, нынѣ запертая даже для барокъ впродолженіи большей части года и, вѣроятно, близкая къ тому, чтобы обратиться въ «мертвый рукавъ», была прежде истиннымъ Гангомъ; разрывъ глинистыхъ земель, тамъ и сямъ смѣшанныхъ съ *кункурами*, или известковыми сростками, которыя ограничивали теченіе великой рѣки, позволилъ Падмѣ изливаться къ востоку, чтобы идти на соединеніе съ Брахмапутрой, нѣкогда обособленной отъ Ганга; таковъ, вѣроятно, смыслъ легенды о духѣ, который, будто бы, поглотилъ въ этомъ мѣстѣ воды священной рѣки [1]). Продолжая спускаться къ югу, извиваясь излучинами, которыя образуютъ почти полные овалы, Бхагирати соединяется съ притоками Джеллинги и Чурни (Мата-бханга), посылаемыми ей главнымъ рукавомъ Ганга, и принимаетъ тогда другое имя, Хугли, которое носитъ уже до самаго моря. На востокѣ, вся область, простирающаяся до Брахмапутры, перерѣзана рѣками и рѣчками, смѣшивающими одна съ другою свои воды, теряющими и снова принимающими свои названія; каждое наводненіе видоизмѣняетъ географію и номенклатуру этой территоріи. На западѣ также видны слѣды старыхъ руслъ Ганга: лиманъ Рупнараяны еще донынѣ обозначается прибрежными жителями какъ устье священной рѣки.

Самый Хугли сильно измѣнился съ той эпохи, когда европейскіе коммерсанты впервые основали торговыя конторы на его берегахъ, и многіе города, нѣкогда важныя гавани, состоявшія въ прямыхъ сношеніяхъ съ портами Атлантическаго океана, видятъ теперь только барки, бросающія якорь передъ ихъ опустѣлыми набережными. Но если англичане допустили до обмелѣнія фарватеры Сатгаона, Хугли, Чинсураха, Чандернагора, Серампура, факторій, которыя принадлежали или еще принадлежатъ другимъ державамъ, а не Великобританіи, то они тѣмъ энергичнѣе сосредоточили всѣ свои заботы на той части Хугли, которая составляетъ входъ въ ихъ большой портъ — Калькутту; тутъ они не отступали ни передъ какими расходами, чтобы поддержать и углубить проходы фарватера, укрѣпить высокіе берега, воспрепятствовать перемѣщенію песчаныхъ мелей, обозначить вѣхами или бакенами опасныя мѣста, и благодаря, такъ сказать, дисциплинѣ, которой они сумѣли подчинить приливы и отливы моря, имъ дѣйствительно удалось превратить въ дорогу, относительно удобную, водяной путь, бывшій прежде однимъ изъ самыхъ опасныхъ рѣчныхъ путей. Проникающій въ устье морской приливъ, волна котораго, поднимающаяся на 2 метра (почти сажень) надъ уровнемъ рѣки, катится вверхъ по теченію съ быстротою 8 метровъ въ секунду, составляетъ еще не малую опасность для мелкихъ судовъ, но корабли, имѣющіе около 8 метровъ водоуглубленія, безопасно плаваютъ теперь съ пассажирами и товарами передъ лиманами Дамуды и Рупнараяны, пески которыхъ въ былое время поглощали такое множество

[1]) Rennel, trad. „Boucheseiche". vol. II, p. 14—15; Carl Ritter, „Asien", Band IV, Theil VI.

[2]) Carl Ritter, „Asien". Band IV, 6-ter Theil.

[1]) Walter S. Scherwill, „Report upon the Bhagiruthee River", 1857; Fergusson, „Proceeding of the Geological Society", april 1863.

судовъ. Какъ только судно коснется мели, теченіе, кружащееся въ этомъ мѣстѣ на подобіе водоворота, вздымаетъ со дна песокъ вокругъ киля, который постепенно вязнетъ все глубже и глубже, какъ бы всасываемый иломъ, иногда случалось, что въ какіе-нибудь полчаса времени трехмачтовыя суда погружались такимъ образомъ по самыя реи.

Если Хугли сдѣлался Гангомъ, съ точки зрѣнія торговыхъ сношеній, если даже исторически онъ долженъ быть разсматриваемъ какъ продолженіе священной рѣки, то истиннымъ устьемъ Ганга, по массѣ водъ, слѣдуетъ признать рукавъ Мегну, который уноситъ также воды Брахмапутры и который течетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, въ томъ же направленіи, какъ и Падма. Мегна, которая, впрочемъ, и сама развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ вокругъ острововъ своего лимана, раздвинувшагося на сотню километровъ въ ширину, могъ бы съ бо̀льшимъ правомъ, чѣмъ всѣ другіе потоки дельты, сообщить свое имя общей гидрографической системѣ Ганга и Брахмапутры. Черезъ этотъ каналъ катятся могучія, стремительныя воды двухъ соединеныхъ большихъ рѣкъ, смывая попадающіеся на пути острова, образуя въ другомъ мѣстѣ новыя земли на своей поверхности, пробивая себѣ протоки къ морю, засыпая иломъ и пескомъ старые проходы. Черезъ Мегну же воды моря проникаютъ наидалѣе внутрь материка; тогда какъ въ рукавѣ Хугли приливная волна останавливается передъ городомъ того же имени, она распространяется черезъ Мегну и Падму далеко за дельту, поднимаясь до города Раджмагала и даже до впаденія притока Гогры; въ устьѣ разность уровня между приливомъ и отливомъ составляетъ около 4 метровъ. Явленіе борьбы морскаго прилива съ рѣчнымъ теченіемъ (извѣстное у индусовъ подъ названіемъ *бора*), очень внушительное въ Хугли, еще гораздо болѣе величественно въ Мегнѣ; иногда, говорятъ, громадная волна, высотою въ 6 метровъ (почти 3 сажени), катится вверхъ по рѣкѣ со скоростью 25 километровъ въ часъ. Ударъ этой быстро несущейся огромной водяной стѣны о берегъ слышенъ на разстояніи многихъ верстъ кругомъ; вѣроятно, этому страшному треску и должна быть приписана мѣстная легенда о «Барисальской пушкѣ», пальба которой, будто бы, доносится вечернимъ вѣтромъ до прибрежныхъ жителей Мегны: громъ канонады, слышимый со стороны этого города (Барисаля), есть не что иное, какъ шумъ волнъ, низвергающихся на берега. Рѣдко случается, чтобы во время муссона суда отваживались пускаться ночью на воды лимана.

Большія морскія животныя, какъ, напримѣръ, сапуны (дельфины), поднимаются далеко по Мегнѣ, за сотни верстъ отъ океана. Но Гангъ, такъ же, какъ Индъ и Брахмапутра, имѣетъ уже одинъ собственный видъ, которому приписываютъ океаническое происхожденіе: это прѣсноводный дельфинъ, называемый *платаниста*; онъ играетъ около плывущихъ судовъ на всемъ теченіи рѣки вплоть до Гардварскихъ воротъ. Какимъ образомъ это китообразное животное могло постепенно приспособиться къ прѣснымъ водамъ, въ которыхъ оно родится и живетъ въ наши дни? Какъ перешло оно черезъ порогъ, раздѣляющій нынѣ бассейнъ Ганга и бассейнъ Инда? Это важные вопросы естественной исторіи, которые ученые пытаются объяснить гипотезами о существованіи древняго залива Аравійскаго моря, который врѣзывался въ материкъ на сѣверо-востокъ, по направленію къ Гималайскимъ горамъ, и который, будто бы, превратился постепенно въ лиманы, затѣмъ въ рѣчныя равнины. Впрочемъ, какъ извѣстно, порогъ, раздѣляющій два бассейна Инда и Ганга, находится на незначительной высотѣ, всего только на высотѣ 281 метра, и часто рѣки, спускающіяся съ горъ къ этому водораздѣльному горбу, мѣняли свое теченіе, направляя свои воды то въ одинъ, то въ другой рѣчной бассейнъ [1]). Другое замѣчательное явленіе гангесской фауны это изолированіе породы крокодила, называемой crocodilus bombifrons, которая встрѣчается только въ *дунахъ* выше воротъ Гималая, тогда какъ другая порода, гавіалъ, живетъ въ низовьяхъ рѣки [2]).

Средняя масса воды въ Гангѣ, безъ сомнѣнія, уменьшилась съ половины настоящаго столѣтія, такъ какъ ирригаціонные каналы, проведенные по прибрежнымъ мѣстностямъ, возвращаютъ ему лишь незначительную часть заимствуемыхъ ими водъ; но какъ ни велика убыль теченія, зависящая отъ искусственнаго орошенія, Гангъ, тѣмъ не менѣе, есть одна изъ многоводныхъ рѣкъ земнаго шара, хотя онъ далеко уступаетъ, по обилію жидкой массы, такимъ могучимъ потокамъ, какъ рѣка Амазонокъ или Конго: въ періодъ наибольшей высоты разлива онъ катитъ, у подошвы Раджмагальскихъ холмовъ, слишкомъ 50.000 кубич. метровъ воды въ секунду [3]). Правда, что во время самыхъ сильныхъ засухъ дебитъ его, говорятъ, сокращался иногда до 607 кубич. метровъ [4]): эта поразительная разность между максимумомъ и минимумомъ объясняется періодическимъ измѣненіемъ направленія муссоновъ; среднее количество несомой воды исчисляется въ 12.000 до 15.000 кубич. метровъ въ секунду, что̀ представляетъ никакъ не бо-

---

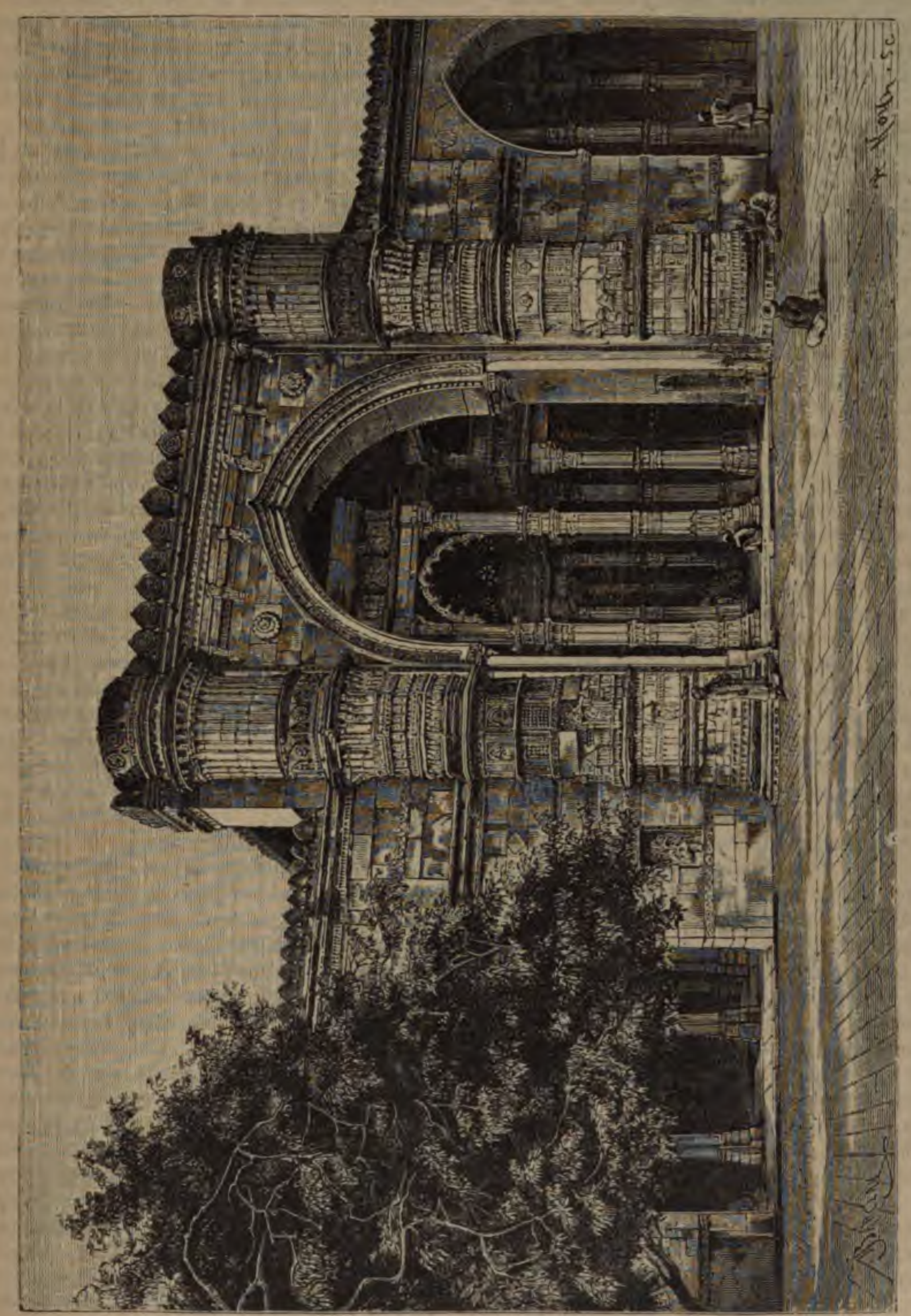
[1]) Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India".

[2]) Falconer, „Proceedings of the Geological Society", march 22, 1865.

[3]) Jackson, „Hydraulic Manual and Statistics".

[4]) Prinsep, „Observations on the Ganges as a navigableriver".

лѣе половины атмосферныхъ осадковъ, падающихъ въ области бассейна впродолженіи года. Во время наводненій рѣка почти вездѣ выходитъ изъ береговъ и разливается далеко по



Ахмедабадъ. Портикъ главной мечети.

равнинамъ на большое разстояніе отъ главнаго русла. Вмѣсто того, чтобы насиловать природу, прибрежные жители Ганга предпочли приспособить условія своего существованія къ ея законамъ и явленіямъ: за исключеніемъ большихъ городовъ и ихъ ближайшихъ окрестностей, они нигдѣ не оцѣпили своей рѣки дорого стоющими береговыми плотинами, которыя нужно повышать съ каждымъ десятилѣтіемъ, по мѣрѣ того, какъ поднимается дно ложа, засариваемое отлагающимися наносами, и которыя часто приходится ремонтировать, укрѣплять контръ-плотинами или даже совершенно передѣлывать и возводить за-ново, ког-

да исключительные по высотѣ разливы ниспровергнуть всѣ эти оградительныя сооруженія. Незащищаемые стѣной плотинъ, какъ прибрежные обитатели Желтой рѣки, По, Луары, Миссисипи, бенгальскіе земледѣльцы не могутъ, понятно, запахивать свои поля въ виду отдаленнаго урожая; они завели у себя два рода посѣвовъ: одни—для періода мелководья, другіе—для времени, непосредственно слѣдующаго за періодомъ наводненія, когда почва еще покрыта влажнымъ плодотворнымъ иломъ. Взамѣнъ того, они не знаютъ громадной опасности внезапнаго прорыва плотинъ, имъ не угрожаютъ страшныя катастрофы потопа, земля ихъ избавляется отъ бѣлыхъ муравьевъ, которые опустошаютъ ее и безпрестанно обновляютъ ея плодородіе. Что касается городовъ и селеній, для которыхъ невозможно было воспользоваться естественными пригорками или возвышенностями, то для нихъ построили искусственныя террасы, поднимающіяся выше уровня разливовъ, который у Бенареса достигаетъ 13 или 14 метровъ и затѣмъ постепенно уменьшается внизъ по рѣкѣ; такимъ образомъ группы жилищъ временно превращаются въ островки. Къ сожалѣнію, эти земляныя работы производятся безъ разумнаго плана; чтобы имѣть матеріалъ для воздвигаемой насыпи, роютъ землю тутъ же на мѣстѣ и такимъ образомъ выкапываютъ огромныя ямы, которыя наполняются водой и гдѣ гніютъ всякаго рода органическіе остатки, распространяя далеко зловоніе; проходятъ длинные годы, прежде чѣмъ аллювіальная грязь заполнитъ до верха эти вредныя для здоровья лужи.

Твердыя вещества, разнаго рода каменные обломки и землистыя частицы, илъ и песокъ, которыя содержатъ въ себѣ воды Ганга,—въ пропорціи тѣмъ болѣе значительной, чѣмъ быстрѣе теченіе,—не всѣ уносятся въ открытое море; большая часть этихъ наносовъ отлагается на низменныхъ берегахъ и на *чарахъ*, или «teys» Сандербана. Поэтому, совершенно естественно, что тамъ то и дѣло образуются новые острова въ морѣ и появляются несуществовавшія прежде песчаныя мели у береговъ; морскія карты приходится передѣлывать при каждомъ новомъ изслѣдованіи поморья, и направленія, которыми слѣдуютъ лоцманы при проводѣ судовъ, безпрестанно измѣняются. На востокѣ, при устьяхъ Мегны, поясъ земель быстро увеличивается на счетъ водной площади Джиттагонгскаго залива; но на западѣ, гдѣ, впрочемъ, линія береговъ гораздо болѣе выдвинута за черту первоначальнаго прибрежья, не замѣтно, чтобы въ новыя времена дельта получила приращеніе. Во время ураогановъ море разрушаетъ часть вновь образовавшихся земель и уноситъ далеко ихъ обломки; кромѣ того, общее движеніе почвы, какъ кажется, понижаетъ мало-по-малу плоскость средней дельты; такъ же, какъ низменныя земли Амазонки, По и многихъ другихъ большихъ рѣкъ, равнины, прилегающія къ низовью Ганга, находятся въ области осѣданія. Ни въ какой части гангесской дельты до сихъ поръ не открыли подъ поверхностнымъ слоемъ рѣчныхъ наносовъ ни малѣйшаго слѣда морскихъ образованій, которыя непремѣнно должны бы были находиться тамъ, если бы море занимало въ недавнюю эпоху пространства, гдѣ въ наши дни простираются равнины Нижней Бенгаліи. Въ Калькуттѣ, при буреніи почвы, доведенномъ до глубины 147 метровъ, были извлечены на свѣтъ божій единственно растительные остатки твердой земли, торфъ, рѣчныя раковины, пласты, отложенные прѣсными водами; буровой снарядъ прошелъ даже черезъ слой кристаллическаго гравія, который, вѣроятно, былъ принесенъ или съ Раджмагальскихъ холмовъ, или съ массивовъ высотъ, которыя существовали тогда въ области дельты, но впослѣдствіи исчезли, подточенныя и размытыя водами [1]. Изъ этого слѣдуетъ, что въ теченіе современнаго геологическаго періода дельта Ганга всегда была выступающею надъ поверхностью воды землей; самыя новыя морскія формаціи, найденныя на сѣверѣ, у основанія горъ Гарро, принадлежатъ вѣкамъ третичной эпохи. Но почва Калькутты, хотя лежащая выше уровня водъ съ такого давняго времени, не переставала понижаться, такъ какъ древніе слои растительности слѣдуютъ тамъ одинъ за другимъ въ глубинахъ земли гораздо ниже нынѣшняго уровня моря. Это явленіе осѣданія почвы,—тѣмъ болѣе замѣчательное, что съ обѣихъ сторонъ Бенгальскаго залива, на западѣ—на берегахъ Ориссы, на востокѣ—на Арраканскомъ побережьи, констатировано вертикальное движеніе суши въ обратномъ направленіи,—продолжается, вѣроятно, и далѣе на югъ отъ дельты, къ центральной впадинѣ залива. Быть можетъ, громадная воронка, извѣстная у англійскихъ моряковъ подъ названіемъ «бездонной пучины» (swatch of no ground), есть центръ провала въ этой осѣдающей области. Это—морская пропасть, открывающаяся въ 130 километрахъ къ юго-востоку отъ устья Хугли, но въ непосредственной близости къ мелямъ, залегающимъ у входа въ Матлаху и въ сосѣдніе лиманы. Окружающія ее воды залива имѣютъ всего только отъ 40 до 75 метровъ глубины, тогда какъ во внутренности впадины бросаютъ лотъ на 400, даже на 500 метровъ, не находя дна: это словно неизмѣримый кратеръ громаднаго вулкана. Подводные берега «бездонной пучины» до такой степени обрывисты, что моряки всегда могутъ, по наклону ложа, опредѣлить съ точностью мѣсто, гдѣ они находятся въ

[1] Mac. Clelland, „Topography of Bengal“; „Calcutta Review“, 1876.

данную минуту. По мнѣнію Фергюсона [1]), существованіе этой воронки должно быть приписано единственно круговращательному движенію воды, происходящему отъ столкновенія прилива и зыби, которые встрѣчаются въ сѣверной оконечности залива.

Южная область дельты представляетъ неопредѣленную землю, нѣчто среднее между сушей и моремъ; она принадлежитъ къ материку—по растительности, покрывающей ее, къ океану—по обилію воды, которая проникаетъ на нее во всѣхъ направленіяхъ и даже заливаетъ ее всю сплошь во время періодически повторяющихся большихъ приливовъ (совпадающихъ съ новолуніемъ и полнолуніемъ) и во время бурь. Совокупность этой страны извѣстна подъ общимъ именемъ Сандербанъ (Сундербанъ, Сундербандъ), которое этимологи объясняютъ на разные лады: по ихъ толкованію, это слово значитъ то же, что Сиидурбанъ или «Красный лѣсъ», Судербанъ или «Величественный лѣсъ», Шандабанда или «Земля солепромышленниковъ», Сундербандъ или «Хорошая плотина», или, наконецъ, «Лѣсъ сундрій»,—мѣстное названіе дерева (heritiera littoralis), самаго обыкновеннаго въ этихъ полузатопленныхъ мѣстностяхъ; полагаютъ, что Калькуттская рѣка, Хугли, тоже обязана своимъ наименованіемъ одному сандарбандскому растенію, которое называется *хугля* (typha elephantica) [2]). Пространство этой нейтральной области между землей и моремъ составляетъ около 20.000 квадр. километровъ; съ запада на востокъ Сандербанъ протянулся слишкомъ на 200 километровъ. Необъятный лабиринтъ, перерѣзанный между островами и островками четырнадцатью большими рѣками и сотнями второстепенныхъ рукавовъ и потоковъ, развѣтвляющихся до безконечности, доступенъ только лодочнику, скользящему среди камышей или подъ сводами густой листвы, въ своей баркѣ, построенной изъ краснаго дерева сундри. Многочисленные острова Сандербана, хорошо защищенные песчаными дюнами, которыя образуются отъ дѣйствія вѣтровъ муссона, покрыты густыми лѣсами, составляющими исключительную собственность казны, которая заботливо поддерживаетъ въ нихъ правильное лѣсное хозяйство; на другихъ островахъ вся растительность состоитъ изъ низкорослыхъ пальмъ (phoenix paludosa) или изъ маленькаго кустарника, служащаго убѣжищемъ дикимъ звѣрямъ. Находимыя тамъ и сямъ развалины доказываютъ, что Сандербанъ не былъ необитаемою пустыней до прибытія европейцевъ въ страну, и что тамъ существовали даже большіе города; первые португальскіе писатели всѣ единогласно говорятъ, что земли Сандербана были густо населены въ ихъ время [1]); но граница между областью воздѣланныхъ пространствъ и необитаемымъ поясомъ прибрежья, кажется, сохранилась почти безъ перемѣны въ теченіе вѣковъ. Въ послѣднія сто лѣтъ завоеванія земледѣльцевъ въ области этихъ дѣвственныхъ, нетронутыхъ земель довольно значительны, особенно въ сосѣдствѣ Мегны, гдѣ почва, вообще говоря, возвышеннѣе; въ 1872 году поверхность территоріи, пріобрѣтенной для земледѣлія, въ области Сандербана простиралась до 280.000 гектаровъ, но большая часть этихъ вновь распаханныхъ полей подвержены наводненіямъ, и потому принуждены были окружить ихъ плотинами. Часто морскіе приливы превращаютъ всю область воздѣланныхъ земель въ безчисленные островки, имѣющіе форму многоугольниковъ. Въ этихъ-то измѣнчивыхъ лиманахъ Сандербана, гдѣ встрѣчаются двѣ жидкія стихіи, соленая вода моря и прѣсная вода рѣкъ, съ ихъ различными флорами и фаунами, и въ болотистыхъ низинахъ сосѣднихъ равнинъ, называемыхъ *биль, джиль* или *джулла*, и зарождается «бенгальская лихорадка», или «лихорадка джунглей», одна изъ самыхъ страшныхъ болѣзней Индіи, пристающая безразлично къ людямъ всякой расы, какъ къ туземцамъ, такъ и къ иностранцамъ. Въ Калькуттѣ эта лихорадка всего чаще выбираетъ себѣ жертвы между тѣмъ людомъ, который живетъ частью на рѣкѣ: между лодочниками, матросами, носильщиками, таможенными досмотрщиками; охотники, отправляющіеся въ джунгли, люди, работающіе въ низменныхъ плантаціяхъ, тоже подвергаются большой опасности схватить лихорадку. Преимущественно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда вода въ болотахъ начинаетъ убывать и оставляетъ обнаженными тинистые берега, случаи заболѣванія лихорадкой особенно опасны [2]). Холера—тоже одна изъ эндемическихъ болѣзней Нижней Бенгаліи, и оттуда-то она и распространилась, въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, по остальному Индустану и во всемъ свѣтѣ; вѣроятно, она существуетъ съ незапамятныхъ временъ на берегахъ нижняго Ганга, хотя на этотъ грозный бичъ, во время его внезапнаго появленія въ Западной Европѣ, смотрѣли какъ на новую болѣзнь. Чрезмѣрная сырость страны и гніеніе органическихъ веществъ, смѣшанныхъ съ водой, которая встрѣчается вездѣ уже на глубинѣ нѣсколькихъ сантиметровъ отъ поверхности, - вотъ причина, порождающая эту страшную эндемію Бенгаліи.

Извѣстно, что тысячи и даже милліоны труповъ, которые въ прежнее время теченіе Ган-

---

[1]) „Quarterly Journal of the Geological Society". aug. 1863.

[2]) De Grandpré, „Voyage dans l'Inde et au Bengale"; Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien".

[1]) J. Long, „Proceedings of the Asiatic Society", 1868.

[2]) Viguier, „Progrès médical", 12 mai 1877.

га выбрасывало на свои берега, много способствовали нездоровости атмосферы и распространяли заразу. Съ тѣхъ поръ, какъ англичане сдѣлались хозяевами страны, и ихъ полиція стала вмѣшиваться въ вопросы общественной гигіены и народнаго здравія, Гангъ уже не уноситъ въ своихъ волнахъ тѣла всѣхъ поклонниковъ, которые обитали на его берегахъ; но какъ часто и теперь еще благочестіе и сыновняя любовь ухитряются обходить предписанія санитарнаго устава, обезпечивая умершимъ самое священное мѣсто вѣчнаго покоя! Какъ часто еще можно видѣть ночью маленькія свѣтящіяся точки, подобныя блуждающимъ огонькамъ или свѣтлякамъ, медленно движущіяся по теченію священной рѣки! Этотъ мелькающій вдали огонекъ освѣщаетъ доску, на которой положенъ трупъ; родные и друзья покойника толпятся на берегу, слѣдя тоскливымъ взоромъ за послѣднимъ земнымъ странствіемъ оплакиваемаго человѣка до тѣхъ поръ, пока судно, песчаная мель, поворотъ рѣки или просто даль скрываютъ изъ глазъ блестящую точку, которую взоръ такъ долго оспаривалъ у царствующаго кругомъ мрака. Индусы видятъ болѣе чѣмъ богиню въ рѣкѣ, которая орошаетъ ихъ поля и даетъ имъ урожаи, которая поитъ и кормитъ ихъ: они видятъ въ ней мать. По сказанію легенды, она согласилась сойти на землю только для того, чтобы омыть и очистить смертные остатки предковъ царя Бхагирати; но истокъ ея остался на небесахъ, и въ ея чистыхъ водахъ весело плещутся безсмертные небожители. Когда потокъ ея излился съ неба, богъ, могучій богатырь Сива, головой и плечами которому служатъ вершины и скалы Гималая, одинъ могъ сдерживать на себѣ тяжесть великой рѣки, «ниспадающей съ его чела, какъ жемчужное ожерелье, нить котораго порвалась въ небесной выси» [1]).

Нѣтъ мѣста на берегахъ Ганга, которое не было бы священнымъ, и самое имя рѣки, произнесенное съ благоговѣніемъ, будь то за сотни верстъ отъ ея теченія, достаточно, чтобы смыть грѣхи, содѣянные впродолженіи одного или даже нѣсколькихъ предшествующихъ существованій. Пилигримы наполняютъ божественною влагой маленькіе пузырьки, которые затѣмъ укладываютъ въ двѣ корзины, украшенныя павлиньими перьями и соединенныя бамбуковою тростью; нагруженные этою ношей, на манеръ овернскихъ носильщиковъ, они странствуютъ по всей Индіи, продавая по дорогой цѣнѣ священную воду [2]). Такимъ образомъ, богатые индусы могутъ пользоваться неоцѣнимою привилегіей очищать себя святою водой; кромѣ того, во всѣхъ частяхъ Полуострова народное суевѣріе указываетъ, какъ на подземные рукава Ганга, на ключи, бьющіе изъ скалы. Но полная святость можетъ быть пріобрѣтена лишь паломничествомъ на берега «матери Ганги», въ особенности такъ называемой *прадакшиной*, которая состоитъ въ хожденіи, впродолженіи шести лѣтъ, по берегу Ганга, отъ истока къ устью и отъ устья къ истоку. На этомъ длинномъ пути мѣстами священными по преимуществу, естественно, считаются тѣ, которыя указаны сліяніями рѣкъ, уединенно высящимися скалами, крутыми поворотами теченія, ущельями и тѣснинами; тутъ омовеніе въ священныхъ водахъ имѣетъ всю свою очистительную силу. Пилигримы останавливаются въ этихъ мѣстахъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, купцы открываютъ торговлю, и города выстраиваются вокругъ храмовъ.

Послѣ Янтсекіанга, священный Гангъ, по своему экономическому значенію, есть, безспорно, самая важная рѣка во всемъ свѣтѣ. Почва, которую обработываютъ сто милліоновъ жителей ея бассейна,—одна изъ самыхъ плодородныхъ и производитъ въ изобиліи сельско-хозяйственные продукты всякаго рода; города ихъ—богатые и промышленные; суда толпятся тысячами у подходовъ къ рынкамъ. До недавняго времени могучая рѣка и каналы ея дельты были единственными торговыми путями въ Бенгаліи, и хотя желѣзныя дороги отняли теперь у Ганга значительную долю его торговли, тѣмъ не менѣе, эта рѣка и до сихъ поръ остается одною изъ самыхъ оживленныхъ и наиболѣе посѣщаемыхъ судами въ цѣломъ мірѣ. Одинъ только городъ Калькутта получаетъ ежегодно съ внутреннихъ пристаней на сумму свыше 400 милліоновъ франковъ различныхъ произведеній и товаровъ, привозимыхъ на судахъ; иной прибрежный городокъ видитъ ежедневно по нѣсколько сотъ судовъ, проходящихъ передъ его набережными; годовое движеніе грузовъ въ портахъ гангесской дельты нужно исчислять милліонами тоннъ. Безъ сомнѣнія, Гангъ не можетъ сравниться съ Гудсономъ, съ Миссисипи, съ Темзой по размѣрамъ пароходства, но нигдѣ, развѣ только на рѣкахъ Китая, не увидишь такого несмѣтнаго множества мелкихъ парусныхъ и гребныхъ судовъ.

На западъ отъ нижняго Ганга самая важная рѣка — Дамуда, очень опасная для прибрежныхъ жителей, по причинѣ ея частыхъ наводненій, но тѣмъ болѣе почитаемая дикими населеніями окружающихъ холмовъ. Въ одинъ изъ своихъ разливовъ, въ 1757 году, Дамуда, открывъ себѣ новое русло къ югу, направилась прямо къ лиману Ганга; старое русло, которое соединяло ее съ Хугли, въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ рукавъ сохранилъ свой рѣчной характеръ, совершенно покинуто съ 1762 года [1]).

[1]) „Рамайяна", пѣснь I.
[2]) G. Roberts, „De Delhi à Bombay".

[1]) Fergusson, „Proceedings of the Geological Society", april 1868.

Въ области верховьевъ Дамуды и ея притоковъ возвышаются единственные массивы высотъ Бенгаліи въ собственномъ смыслѣ, которые продолжаютъ, подъ разными именами, систему горъ Виндія, но отличаются отъ нихъ геологическими формаціями. Песчаники, которыми оканчиваются на востокѣ плоскогорья Багалканда, замѣнены здѣсь метаморфическими и каменноугольными горными породами; только нѣсколько уединенныхъ группъ или даже простыхъ каменныхъ глыбъ свидѣтельствуютъ о древнемъ протяженіи грядъ цѣпи Виндія. Выше большаго изгиба Ганга, Раджмагальскія горы состоятъ изъ базальтовыхъ трапповъ, происхожденія гораздо болѣе новаго, чѣмъ лавы Деканскаго нагорья; и въ одномъ мѣстѣ, въ тридцати пяти километрахъ къ юго-востоку отъ Кольгонга, показываютъ маленькіе трахитовые и порфировые конусы, которые, вѣроятно, были ядромъ древнихъ огнедышащихъ горъ [1]). Несмотря на очень близкое разстояніе отъ самыхъ многолюдныхъ областей Индіи, холмы, лежащіе къ западу отъ линіи желѣзной дороги изъ Бардвана въ Патну, принадлежатъ къ наименѣе извѣстнымъ мѣстностямъ Полуострова и къ такимъ мѣстностямъ, гдѣ города и мѣстечки чрезвычайно рѣдки. Лютые звѣри, тигры и дикіе слоны, сдѣлали нѣкоторые округа этой области почти необитаемыми; въ прогалинахъ джунглей, окружающихъ гору Параснатъ, поселяне отправляются на полевыя работы не иначе, какъ многочисленными партіями и съ барабаннымъ боемъ, чтобы не подвергнуться нападенію свирѣпыхъ обитателей лѣсной чащи [2]). Однако, туземцы этихъ гористыхъ мѣстностей способствуютъ своею долей труда приращенію богатствъ Бенгальскаго края; такъ, они приготовляютъ *кашу* или *катеху*, смолистый сокъ изъ индійской акаціи (acacia catechu), собираютъ бѣлый растительный воскъ и снимаютъ на вѣтвяхъ нѣкоторыхъ деревьевъ красную камедь, выдѣляемую лаковымъ червецомъ (coccus lacca).

Почти всѣ населенія, живущія въ равнинахъ Ганга и находящіяся между собою, благодаря легкости сообщенія по рѣчному пути, въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ, могутъ быть причислены, взятыя въ цѣломъ, къ цивилизованному человѣчеству, каково бы, впрочемъ, ни было различіе ихъ происхожденій — арійскаго, дравидійскаго, коларійскаго, индокитайскаго. Однако, еще существуетъ въ гангесскомъ бассейнѣ нѣкоторое число племенъ и кастъ, частью порабощенныхъ, частью относительно независимыхъ, которыя сохранили свои отличительныя расовыя черты, не принимая внѣшнихъ признаковъ цивилизаціи, индусской или магометанской. Между этими народцами есть такіе, которыхъ можно назвать дикарями или варварами; оттѣсненные чужеземными нашествіями, которыя, въ теченіе вѣковъ, слѣдовали одно за другимъ въ области равнинъ, эти племена удалились или въ болотистые лѣса, которые тянутся длинною полосой вдоль подошвы Гималая, или въ массивы холмовъ, которые Гангъ огибаетъ въ своемъ нижнемъ теченіи. Нѣкоторыя другія племена, подобныя европейскимъ цыганамъ, избѣгаютъ опасности своею бродячею жизнью, т. е. непрерывнымъ бѣгствомъ. Наты, канджары, бадіахи, базигары, какъ называютъ этихъ цыганъ гангесской Индіи, устраиваютъ себѣ временныя селенія, состоящія изъ группъ деревянныхъ шалашей, покрытыхъ рогожами и древесною листвой; края дороги служатъ пастбищемъ ихъ животнымъ; сами они питаются разною дрянью, даже падалью, когда ихъ тысяча ремеслъ — фокусниковъ, престидижитаторовъ, показывателей медвѣдей и обезьянъ, лошадиныхъ барышниковъ, гадальщиковъ — оказываются недостаточными для доставленія имъ обилія благъ земныхъ. Подобно своимъ европейскимъ братьямъ, они всегда умѣютъ обезпечить свою безопасность, благоразумно держась въ сторонѣ отъ всякаго движенія политическаго или религіознаго. Туземные государи не имѣютъ подданныхъ болѣе вѣрныхъ, чѣмъ эти бродячіе инородцы, религія которыхъ всегда та же самая, что и господствующая вѣра страны: магометане по большей части, потому что властителями края были мусульмане до недавняго времени, они, кажется, не имѣютъ въ дѣйствительности другой религіи, кромѣ погони за общимъ благоденствіемъ племени.

Въ Аудѣ и далѣе къ востоку, вдоль границъ Непала, племена бхаръ, тару, приписывающія себѣ раджпутское происхожденіе, и другіе народцы живутъ разбросанными группами, которыя не имѣютъ никакого сообщенія съ цивилизованными обитателями равнины и которыя защищены своими болотами отъ всякаго нападенія. Но нѣкоторыя другія племена, которыя не могли убѣжать отъ завоевателей, были обращены ими въ тяжелое состояніе рабовъ, или поставлены внѣ всякой касты, какъ отверженные паріи. Такъ, напримѣръ, коріи и чамары, которымъ позволяютъ въ городахъ заниматься нѣкоторыми родами промышленности, ткацкимъ и кожевеннымъ ремесломъ, остались крѣпостными въ деревняхъ; они, по-прежнему, обрабатываютъ почву для своихъ господъ, брамановъ или раджпутовъ, хотя законы оффиціально провозгласили ихъ свободу. На основаніи этихъ законовъ, они, конечно, имѣли бы право прибѣгнуть къ защитѣ судовъ; но какая имъ отъ этого была бы польза? Презираемые всѣми, они не могли бы уйти изъ логовищъ, которыя они

[1]) Ball, „Jungle Life in India“; Medlicott and Blanford „A Manual of the Geology of India“.

[2]) „Records of the Government of Bengal“, XXXVIII, 1861; Ball, „Jungle Life in India“.

занимаютъ, рядомъ съ свиными хлѣвами, въ отдѣльномъ кварталѣ деревни, безъ того, чтобы ихъ не прогнали отовсюду, какъ нечистыхъ животныхъ. Другой народецъ, пасіи, тоже, какъ полагаютъ, происходящій отъ прежнихъ властителей края, занимаетъ болѣе высокое мѣсто между жителями Ауда; это племя на половину объиндіанилось, и оно-то доставляетъ правительству наибольшій контингентъ лицъ, употребляемыхъ для службы въ качествѣ чиновъ сельской полиціи. Въ Аудѣ одинъ милліонъ людей причисляется къ первобытному, коренному населенію края.

Эти первобытные обитатели или аборигены еще болѣе многочисленны въ провинціяхъ Бенгаліи; тамъ ихъ насчитываютъ болѣе трехъ милліоновъ, не включая въ это число лицъ, принадлежащихъ къ низшимъ кастамъ, которыя представляютъ собою древнія расы страны, разнообразно смѣшавшіяся съ индусскими завоевателями. Благодаря массивамъ холмовъ, окруженныхъ джунглями и лѣсами, которые возвышаются на югъ отъ Соны и Ганга, многія племена нашли себѣ безопасное убѣжище и удержались до нашихъ дней, если не свободныя, то, по крайней мѣрѣ, уважаемыя своими сосѣдями. Такъ, малеры или пахаріи, называемые англичанами Hillmen (жители холмовъ), которые населяютъ, въ числѣ около 400.000 душъ, возвышенныя долины Раджмагальскихъ горъ и окружающихъ массивовъ, въ южномъ направленіи до Монгира, пользовались еще политическою независимостью въ половинѣ настоящаго столѣтія, и англичане посылали противъ нихъ въ разное время нѣсколько военныхъ экспедицій, которыя, однако, не имѣли успѣха и должны были ограничиться обходомъ джунглей да выжиганіемъ деревень. Но чего не могла сдѣлать сила, то было достигнуто хитростью. Начальники колѣнъ пахаріа, осыпанные подарками, сдѣлались пенсіонерами англійскаго правительства, и отнынѣ территорія ихъ отграничена точнымъ образомъ: каменные межевые столбы, поставленные у выхода долинъ, указываютъ границы этого племени, и туземцы, которые спускаются со своихъ горъ, являются уже не въ качествѣ враговъ, а въ качествѣ мирныхъ торговыхъ людей. Впрочемъ, пахаріи далеко не дикари. Они очень тщательно строютъ свои хижины изъ бамбуковыхъ стволовъ и убираютъ ихъ внутри рѣзною мебелью, украшаютъ подходы къ нимъ; ихъ сады и поля содержатся въ большомъ порядкѣ и обыкновенно даютъ хорошій сборъ плодовъ, достаточный не только для собственнаго пропитанія, но и для поддержанія маленькой отпускной торговли; хотя и торговые люди, пахаріи, однако, отличаются безукоризненною честностью: «лучше умереть, чѣмъ обмануть»—гласитъ одна изъ ихъ пословицъ. Такъ же, какъ большинство племенъ Ассама и Индо-Китая, пахаріи имѣютъ въ своихъ деревняхъ родъ общественнаго дома, гдѣ всѣ молодые люди живутъ вмѣстѣ. Передъ жилищами и возлѣ священныхъ деревьевъ посажены высокіе бамбуки, чтобы удалять злыхъ духовъ, которые летаютъ по ночамъ, пользуясь отсутствіемъ Солнца, великаго бога вселенной. Большинство антропологовъ видитъ въ пахаріяхъ дравидійцевъ, родственныхъ дравидійцамъ южной Индіи; во всякомъ случаѣ, они родственны имъ, по крайней мѣрѣ, по языку, который имѣетъ близкую связь съ южными нарѣчіями [1]. Утверждаютъ, но безъ доказательствъ, что пахаріи быстро уменьшаются въ числѣ, и что они исчезаютъ мало-по-малу [2]; но ошибки народной переписи, происходящія, главнымъ образомъ, отъ перемѣны имени колѣнъ и ихъ клановъ, слишкомъ часты, чтобы можно было допустить, какъ несомнѣнный фактъ, вырожденіе племени.

Санталы или сонталы, въ числѣ, быть можетъ, двухъ милліоновъ душъ, живутъ тоже въ Бенгаліи и Бехарѣ и населяютъ преимущественно долины и первые скаты равнинъ у подошвы горъ, занятыхъ племенемъ пахаріа; отсюда и произошло названіе Даманъ-и-Кохъ, или «Подгорье», которое даютъ части ихъ территоріи, прилегающей къ Раджмагальскимъ холмамъ. Санталы по природѣ довольно склонны къ кочевому образу жизни; хотя земледѣльцы, они, однако, любятъ мѣнять мѣсто жительства; какъ только обработываемая ими почва начинаетъ оскудѣвать, они отправляются искать въ джунглѣ другихъ, еще нетронутыхъ сохой, земель, и поселяются на новомъ мѣстѣ. Во многихъ округахъ, особенно въ области Даманъ-и-Кохъ, гдѣ въ 1790 году было всего только 3.000 представителей этого племени, а пятьдесятъ лѣтъ спустя ихъ уже насчитывалось слишкомъ 200.000 душъ, наибольшая часть почвы уже распахана и занята подъ плантаціи, вслѣдствіе чего санталы поневолѣ сдѣлались осѣдлыми, но чтобы быть въ то же время рабами, прикрѣпленными къ землѣ; ни одному населенію Индіи не приходилось больше страдать отъ порядка землевладѣнія, введеннаго въ краѣ монгольскими завоевателями и англичанами. Обремененные податями и налогами, собираемыми въ пользу большихъ ленниковъ, притѣсняемые на всевозможные лады агентами фиска и другими посредниками, разоряемые безбожными ростовщиками, санталы, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, живущіе въ сосѣдствѣ съ индусскими селеніями, скоро очутились въ положеніи полнаго рабства; даже для прокормленія себя съ семьями, для покупки хлѣба, имъ нужно было обращаться къ ростовщику, закладывать впередъ, подъ 33 процента въ годъ, продуктъ своего собственнаго труда и

[1]) Dalton, „Ethnology of Bengal“; H. Bickerstaffe Rowney, „The wild Tribes of India“.

[2]) Caldwell, „Dravidian Languages“.

труда своихъ дѣтей. Тщетно обращались они къ англійскимъ судамъ съ просьбою возвратить имъ владѣніе ихъ землей и ихъ свободой; ихъ

Внутренній видъ Джайнскаго храма.

жалобы не были выслушаны. Тогда они рѣшились спуститься массой къ Калькуттѣ, чтобы идти просить правосудія у вице-короля. 30-го іюня 1855 года восточные сантали, тѣ, которымъ приходилось всего больше страдать отъ ростовщиковъ и непомѣрныхъ налоговъ, выступили въ походъ, съ женами и дѣтьми, предшествуемые своими герольдами, бившими въ барабаны; одинъ только авангардъ поднявшихся племенъ состоялъ изъ тридцати тысячъ человѣкъ. Военная процессія, предшествуемая

толпой индусскихъ бѣглецовъ, спустилась довольно далеко въ равнину, грабя на пути плантаціи ростовщиковъ и предавая пламени ихъ дома́. Правительство поспѣшно собрало войска́ и послало ихъ противъ петиціонеровъ. Это была не война, а гнусная рѣзня, о которой ни одинъ англійскій офицеръ не могъ разсказывать безъ стыда [1]). Санталы, торжественно заявляя, что они не питаютъ никакой вражды къ англичанамъ, а только къ закабалившимъ ихъ ростовщикамъ, приняли, тѣмъ не менѣе, битву; но что могли подѣлать ихъ стрѣлы противъ мѣткаго огнестрѣльнаго оружія сипаевъ? Все время, пока раздавался бой ихъ барабана, они давали убивать себя, не прося пощады; во многихъ деревняхъ не оставалось больше ни одного человѣка на ногахъ, когда туда проникли войска компаніи. Послѣ чудовищнаго побоища, англичане надумались, наконецъ, разобрать жалобы санталовъ и дать имъ нѣкоторое удовлетвореніе. Земли были возвращены тѣмъ, которые ихъ воздѣлывали, нѣкоторые договоры, заключенные съ ростовщиками, были разорваны, и рабство или крѣпостное состояніе, которое до того времени было терпимо англійскими судьями, торжественно отмѣнено, но чтобы быть потомъ, слишкомъ часто, возстановляемымъ подъ другою формой. Желѣзная дорога, проникая въ страну санталовъ, гдѣ народонаселеніе достигло чрезмѣрной густоты, вслѣдствіе постояннаго перевѣса числа рожденій надъ числомъ умирающихъ, призывала работниковъ десятками тысячъ; чайные плантаторы Ассама подряжали рабочихъ для своихъ плантацій; даже съ острововъ Св. Маврикія и Соединенія крупные землевладѣльцы дѣлали желающимъ наняться къ нимъ самыя заманчивыя обѣщанія, которыя почти всегда должны были, въ концѣ концовъ, привести навербованныхъ такимъ образомъ рабочихъ къ состоянію настоящаго невольничества. Очень склонные въ перемѣнѣ мѣста, санталы охотно эмигрируютъ; тысячи мужчинъ ежегодно спускаются въ равнину, чтобы наниматься въ работники, впродолженіи одного сезона или впродолженіи цѣлыхъ годовъ; другіе соглашаются даже покинуть отечество и отправиться на заработки въ чужіе края, но очень немногіе изъ нихъ возвращаются въ свою родную деревушку.

Національный типъ этого племени—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ между типами народностей, населяющихъ Индію. Санталы не имѣютъ такой тонкости чертъ, какъ бенгальцы, но они превосходятъ ихъ силой и, сверхъ того, отличаются красотой, которую обыкновенно придаютъ человѣку прямодушіе и мужество; вообще, лицо у нихъ широкое, скулы выдающіяся, губы немного толстыя, лобъ плоскій, голова круглая; наружность ихъ свидѣтельствуетъ о тѣлесной силѣ и здоровьѣ. Живые, проворные, всегда веселые, очень добродушные, они, къ сожалѣнію, привыкли относиться недовѣрчиво къ иностранцамъ или иноплеменникамъ, и прибытіе индуса въ ихъ край пугаетъ ихъ «больше, чѣмъ присутствіе леопарда или тигра»; однако, они всегда хорошо принимаютъ путешественника, и передъ каждымъ домомъ находится почетное сидѣнье, называемое «скамьей странника», куда прохожіе, каковы бы ни были ихъ раса, цвѣтъ кожи, религія, приглашаются присѣсть и воспользоваться семейнымъ гостепріимствомъ. Не имѣя ремесленниковъ своей расы, они принуждены были пригласить къ себѣ кузнецовъ, ткачей и другихъ мастеровъ чужаго племени, но они обращаются съ этими переселенцами какъ съ людьми своихъ собственныхъ колѣнъ и клановъ, допускаютъ ихъ, посредствомъ брака, въ свои семейства, и мало-по-малу эти пришельцы индусы пріобрѣтаютъ полную натурализацію. Изъ двѣнадцати племенъ или колѣнъ санталовъ семь сохранились почти въ первобытной чистотѣ, безъ всякихъ кастовыхъ предразсудковъ; но народцы, живущіе въ сосѣдствѣ равнинъ, уже на половину индіанизировались и мало-по-малу, усвоивая себѣ нравы и обычаи бенгальцевъ, утрачиваютъ свое достоинство свободной націи, чтобы снизойти на степень полукастъ, образовавшихся изъ помѣсей, которыя находятся въ презрѣніи у чистокровныхъ индусовъ. Языкъ, которымъ говорятъ санталы, принадлежитъ къ коларійской группѣ, которая отличается своими агглютинативными формами. Изъ всѣхъ идіомовъ этого семейства, сантальскій—самый развитый; онъ, повидимому, заимствовалъ много корней у санскрита, но, взамѣнъ того, и самъ далъ ему много своихъ, и полагаютъ даже, что именно изъ сантальскаго діалекта «божественное письмо» взяло нѣкоторыя изъ своихъ согласныхъ буквъ [1]). Однако, сантальское нарѣчіе не имѣетъ литературы, ни даже собственной, вполнѣ ему принадлежащей, азбуки; нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, написанныхъ миссіонерами, да переводы Библіи составляютъ до сихъ поръ все литературное достояніе этихъ туземцевъ; въ школахъ они учатся языку своихъ ненавистныхъ угнетателей, бенгальцевъ.

Семейный союзъ очень крѣпко организованъ у санталовъ. Браки не рѣшаются заранѣе родителями, какъ у индусовъ; молодые люди свободно дѣлаютъ свой выборъ, но всегда въ другомъ кланѣ, а не въ своемъ; вмѣшательство отца имѣетъ мѣсто только для формы, чтобы исполнить правила, установленныя обычаемъ относительно вступленія чужой женщины въ

[1]) Hunter, „Annals of Rural Bengal".

[1]) P. W. Ellis, „Preface to Campbell's Telugu Grammar"; Hunter, „Annals of Rural Bengal".

ду племени. Многоженство не запрещено, рѣдко случается, чтобы санталъ воспользо-ся этимъ правомъ; національные нравы поз-яютъ ему это лишь въ томъ случаѣ, если вая супруга безплодна. Разводы у нихъ дки. Уваженіе, которое санталы оказыва-ь женщинамъ, обнаруживается особенно ихъ вычкой къ щегольству и опрятности; муж-ы любятъ наряжаться и украшаютъ себя тами, перьями, кисточками изъ какой-ни-ь матеріи или изъ конскаго волоса; они ѣшиваютъ своихъ женъ и дочерей разными аллическими украшеніями, самые бѣдные—лѣзными, тѣ, кто посостоятельнѣе, кто ѣлъ сдѣлать кое-какія сбереженія, — мѣд-ми или даже серебряными. Домá, стоящіе ѣльно одинъ отъ другаго по обѣ стороны ти семействъ» и раскрашенные чередующи-я полосами краснаго, чернаго и бѣлаго цвѣ-ъ, содержатся очень опрятно; скотный дворъ птичникъ всегда помѣщаются въ сторонѣ. ждая семья имѣетъ свой особенный культъ, яды котораго совершаются сообща, подъ равленіемъ главы семейства; на смертномъ ѣ отецъ открываетъ старшему сыну имя его бога и тайныя слова, которыми онъ взы-ъ къ нему, затѣмъ, умирая, онъ самъ пере-итъ въ сонмъ божествъ со всѣми предками ь рода. Послѣдній и священнѣйшій долгъ, орый старшій сынъ или ближайшій род-енникъ обязанъ отдать усопшему, состоитъ томъ, чтобы, по преданіи тѣла сожженію, ести три куска черепа на берегъ Дамуды, щенной рѣки, и погрузить эти смертные анки въ святую воду, дабы они присоеди-ись тамъ къ костямъ предковъ. Когда сан-а пожретъ лютый звѣрь, то ближайшій род-енникъ погибшаго, лишая себя пищи и сна, итъ по слѣдамъ животнаго до тѣхъ поръ, а ему не удастся отыскать какой-нибудь атокъ жертвы, который онъ тотчасъ же и осить въ воды святой рѣки.

Племенной патріотизмъ такъ же сильно раз-ъ у санталовъ, какъ и семейный духъ. Всту-ніе молодаго человѣка въ кланъ обставлено іальными церемоніями, и старики объяс-отъ ему его обязанности въ отношеніи об-ны. Проступки противъ чести, преступленія екутъ за собою исключеніе изъ клана, т. е. жданскую смерть; въ обыкновенныхъ слу-яхъ виновный можетъ выкупить свое право жданства, но въ случаяхъ важныхъ ему не ается ничего болѣе, какъ взять свой лукъ стрѣлы и бѣжать въ джунгль, откуда онъ е никогда не возвращается. Временное ли-ніе правъ и исключеніе изъ общины—вотъ единственныя средства управленія для тальскихъ племенъ; англійскіе администра-ы поняли, что вся ихъ полиція, проникая эти племена, повела только къ внесенію аницы въ понятіе о правѣ у туземцевъ и къ ослабленію вліянія «отцовъ» и представителей, которыхъ санталы сами избирали изъ своей среды. Миссіонеры, католическіе и протестантскіе разныхъ сектъ, поселившіеся въ сантальской землѣ, имѣли въ своихъ попыткахъ обращенія въ христіанство больше успѣха, чѣмъ ихъ собраты въ индусской странѣ, но главная масса націи по-прежнему остается очень привязанною къ своему древнему культу. Нѣсколько разъ въ году поселяне собираются подъ тѣнью шореи (shorea robusta), національнаго дерева по преимуществу, чтобы плясать хороводомъ и пѣть гимны въ честь своихъ предковъ, которые, по ихъ вѣрованію, смотрятъ на эти поминки съ высоты вѣтвей; они приносятъ имъ въ жертву пѣтуховъ, козъ или также красные цвѣты или плоды, которые своимъ цвѣтомъ даютъ предкамъ иллюзію крови. Такія же жертвы они приносятъ солнцу и «Великой Горѣ», божеству, которое часто смѣшивается съ Сивой, богомъ снѣговыхъ горъ, и культъ котораго, быть можетъ, указываетъ на древнее пребываніе націи въ какой-нибудь возвышенной долинѣ Гималая. Санталы чтутъ также слона, какъ покровителя ихъ племенъ, и матери любятъ класть своихъ дѣтей у ногъ этого великана животнаго царства, прося его благословить ихъ [1]). Племена коль и хондъ обыкновенно величаютъ слона «бабушкой».

Ораоны или дангары, т. е. «горцы», другое туземное племя округовъ Чота-Нагпоръ, по расѣ и языку принадлежатъ къ дравидійской семьѣ, какъ и пахаріи, и говорятъ о себѣ, что пришли вмѣстѣ съ ними изъ Западной Индіи; сами себя они называютъ хуруками. Между ними-то набираются, главнымъ образомъ, рабочіе, употребляемые въ публичныхъ работахъ Бенгаліи, и кули, нанимаемые плантаторами отдаленныхъ колоній. Ораоны, общее число которыхъ опредѣляютъ, приблизительно, въ 600.000 душъ и которые дѣлятся на множество клановъ, имѣющихъ каждый свой особенный *тотемъ*, или символическое животное, называютъ себя «трудовымъ племенемъ», и имъ доставляетъ удовольствіе дать доказательство своей силы и смѣтливости въ работахъ, которыя имъ поручаютъ; очень простодушные, они забавляются всякою бездѣлицей, весело пляшутъ и смѣются до упаду, чтобы отдохнуть отъ трудовъ: возвращаясь съ поля, всѣ съ вѣнками на головѣ, они держатъ другъ друга за талію и покачиваются съ боку на бокъ, распѣвая пѣсни, чтобы идти мѣрнымъ шагомъ [2]). По большей части дангары составляютъ рѣзкій контрастъ съ индусами своею некрасивою наружностью: цвѣтъ кожи у нихъ черный, нижняя челюсть выдалась впередъ, губа толстая, лобъ низкій и узкій, волоса длинные и слегка кур-

[1]) Hunter, „Annals of Rural Bengal".
[2]) W. Luther; Dalton, „Ethnology of Bengal".

чавые, часто напомаженные коровьимъ каломъ, и вдобавокъ самый родъ ихъ занятій обрекаетъ ихъ на нечистоплотность; тѣмъ не менѣе, однако, они очень любятъ украшенія и татуируютъ себѣ различныя части тѣла. Почти вездѣ жилищемъ служатъ имъ простыя землянки; главное зданіе деревни—думъ-харіа, или «мальчишникъ», въ которомъ молодые парни упражняются во всѣхъ играхъ, требующихъ силы или ловкости. Многіе обычаи ораоновъ приближаютъ ихъ къ санталамъ; подобно этимъ послѣднимъ, они поклоняются солнцу, духамъ, предкамъ, предаютъ, въ жертву имъ, закланію мелкихъ животныхъ и приносятъ имъ разные дары; такъ же, какъ и сантали, они позволяютъ своимъ дѣтямъ вступать въ бракъ по собственному выбору, но только не съ односельчанами, и предоставляютъ женщинѣ большую долю вліянія. Когда двѣ молодыя дѣвушки заключаютъ между собою вѣчный сестринскій союзъ, онѣ обмѣниваются ожерельями, въ присутствіи свидѣтелей, и до конца своихъ дней называютъ одна другую не иначе, какъ «мой цвѣтокъ» или «моя улыбка» [1]).

Нѣкоторыя другія племена обитаютъ на плоскогорьяхъ, лежащихъ къ западу отъ дельты Ганга; таковы мунданы, которые близко подходятъ къ орисскому племени коль, и карвары, родичи санталовъ, бродящіе въ лѣсахъ, на югѣ отъ рѣки Соны, и частью живущіе дикими плодами и корнями, которые они оспариваютъ у обезьянъ: но большинство первобытныхъ народцевъ (аборигеновъ) на-половину объиндіанилось или даже отличается отъ индусовъ только болѣе низкимъ соціальнымъ положеніемъ, которое имъ присвоено въ іерархіи кастъ [2]). Чандалы, самая презрѣнная индусская каста, заключающая въ своихъ рядахъ слишкомъ полтора милліона лицъ, очевидно, происходитъ отъ тѣхъ древнихъ владѣтелей страны, которыхъ арійскіе завоеватели называли съ презрѣніемъ дасіасами,—именемъ, которое теперь сдѣлалось, въ немного измѣненной формѣ, однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ въ Бенгаліи фамильныхъ названій [3]). Раджбанси или пали, которые говорятъ нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ бенгальскому языку, мальда, кочъ и другія касты земледѣльцевъ, еще болѣе многочисленныя въ бассейнѣ Брахмапутры, чѣмъ въ бассейнѣ Ганга, тоже принадлежатъ къ туземной расѣ и, вѣроятно, имѣютъ родственную связь съ барманскою группой; точно также хлѣбопашцы буя, рыбаки багди, носильщики паланкиновъ бари, кожевники мучи суть представители древнихъ коренныхъ населеній или аборигеновъ. Имъ приписываютъ многіе религіозные обычаи, чуждые арійцамъ, и между прочимъ, тѣ человѣческія жертвоприношенія, вывести которыя стоило такого труда англійской полиціи. Кровавый культъ Сивы и Кали требовалъ отборныхъ жертвъ, и до 1866 года въ честь ихъ были приносимы въ жертву молодые люди, въ Джессорѣ, въ Даккѣ и въ лѣсахъ области Чота-Нагпоръ. На берегахъ рѣкъ преданіе еще указываетъ мѣста, гдѣ жрецы проливали человѣческую кровь [1]). Теперь, кажется, уже не бываетъ такихъ ужасовъ въ Бенгаліи, но сколько еще сохранилось религіозныхъ обрядовъ не-арійскаго происхожденія, которымъ браманы еще обязаны подчиняться, или заклиная злыхъ духовъ, скрывающихся въ лѣсахъ, или принося пригоршни земли въ даръ полевымъ божествамъ! Подъ новыми названіями продолжаютъ существовать все тѣ же старые культы и вѣрованія.

Индусскій элементъ, чисто арійскаго происхожденія, какъ кажется, всего сильнѣе представленъ, по численности, въ Аудской провинціи. Браманы, люди свободныхъ профессій, промышленники или земледѣльцы, составляютъ тамъ, по меньшей мѣрѣ, восьмую часть населенія; раджпуты и представители воинственныхъ кастъ, присвоивающіе себѣ названіе кшатріевъ, владѣютъ тамъ большею частью большихъ помѣстій, гдѣ они чествуютъ своихъ гостей англичанъ съ пышностью по истинѣ царскою; каясты, «умные, хитрые и фальшивые, какъ византійцы восточной Римской имперіи» [2]), сдѣлались, «писателями» по преимуществу, и дѣйствуя за-одно съ вайсіями, овладѣли всею торговлей; землепашцы агиръ или гопа, потомки пастуховъ, хвастаются своимъ знатнымъ происхожденіемъ, утверждая, что они принадлежатъ къ той же самой породѣ, какъ и богъ Кришна; курми, первые хлѣбопашцы, поселившіеся въ странѣ, и мурао, составляющіе, вмѣстѣ съ агирами, массу націи, тоже выдаютъ себя за индусовъ несмѣшанной расы. Тѣ изъ арійцевъ, которые спустились въ низменныя равнины Ганга въ эпоху первоначальныхъ народныхъ переселеній, равнымъ образомъ претендуютъ на чистоту крови; такъ же, какъ колонисты всякой расы, они приписываютъ себѣ болѣе высокую родовитость, чѣмъ какая принадлежитъ имъ въ дѣйствительности; они величаютъ себя «сугубо благородными», подобно тому, какъ потомки первыхъ англійскихъ эмигрантовъ въ Виргиніи всѣ принимаютъ самопожалованный рангъ «кавалеровъ», или какъ остъ-индскіе англичане всѣ безъ исключенія украшаютъ свою фамилію титуломъ «эсквайра». Но какъ нобльмены Великобританіи не признаютъ за «дворянами» Австраліи и Канады

[1]) Dalton, цитированное сочиненіе; H. Bickerstaffe Rowney, „The wild Tribes of India“.

[2]) Ball, „Jungle Life in India“; „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, XXXVI

[3]) Hunter, цитированное сочиненіе.

[1]) Walter S. Sherwill, „Report upon the Bhaugirathee River“.

[2]) Elliot, „Castes of the North-West Provinces“.

равенства ранга, такъ точно и аудскіе браманы, особенно кануджеи, или браманы Каноджа, древней индусской столицы [1]), считаютъ бенгальскихъ брамановъ гораздо ниже себя по общественному положенію и даже по религіознымъ привилегіямъ. До сихъ поръ еще кануджеи упорно отказываются ѣсть съ ними за однимъ столомъ, и любой воръ изъ уроженцевъ Аллахабада или Бенареса стоически перенесетъ въ своей тюрьмѣ наказаніе кнутомъ скорѣе, чѣмъ согласится проглотить хоть одно зерно риса, приготовленнаго калькутскимъ браманомъ. Еще недавно чистокровный аріецъ изъ Ауда, будь то даже простой земледѣлецъ, не могъ вступить въ законный бракъ съ бенгальскою браманкой, какъ бы ни былъ богатъ ея отецъ; прижитыя отъ нея дѣти считались бы незаконнорожденными [2]). Къ этимъ именно странамъ, гдѣ преобладаютъ браманы, индусы по преимуществу, въ верхнихъ равнинахъ Джамны и Ганга, завоеватели Великіе Моголы примѣнили спеціальнымъ образомъ названіе Индустана, распространенное впослѣдствіи на всѣ безъ исключенія земли, гдѣ говорятъ индусскими нарѣчіями и исповѣдуютъ индусскія религіи, т. е. на весь Полуостровъ по сю сторону Ганга [3]).

Магометане, столь многочисленные въ сѣверо-западной области Индустана, составляютъ меньшинство населенія въ бассейнѣ Ганга, хотя они были нѣкогда политическими господами на этой покатости Индіи, и хотя они часто пользовались своею властью, чтобы обращать въ исламъ своихъ подданныхъ, отдавая приказы объ обрѣзаніи ихъ массами. Въ верхнихъ прigангскихъ равнинахъ мусульмане составляютъ лишь седьмую, а въ Аудѣ, странѣ индусской по преимуществу, лишь десятую часть общаго числа жителей; немного болѣе многочисленные въ Бехарѣ, они почти совсѣмъ не встрѣчаются въ области Чота-Нагпоръ, гдѣ преобладаютъ туземные элементы, жившіе тамъ еще до прихода арійцевъ; но въ собственной Бенгаліи они снова пріобрѣтаютъ значительную численную важность. Въ этомъ отношеніи всеобщая перепись 1872 года была своего рода неожиданнымъ откровеніемъ. Англійскіе правители съ удивленіемъ узнали, что въ одной только Бенгальской провинціи ихъ мусульманскіе подданные превосходятъ числомъ подданныхъ константинопольскаго султана въ Европѣ и Азіи. Около трети жителей Бенгаліи принадлежатъ къ исламу. Правда, что магометане этой части Индіи далеко не походятъ на мусульманъ Аравіи; во многихъ округахъ они даже не знаютъ самыхъ простыхъ формулъ своей религіи, и, раздѣленные на касты, подобно индусамъ, совершая тѣ же самыя церемоніи въ святилищахъ, они отличаются отъ своихъ сосѣдей единственно соблюденіемъ обряда обрѣзанія. Но въ это послѣднее время большое движеніе религіознаго пробужденія установило болѣе крѣпкую связь между мусульманскими жителями Бенгаліи. Странствующіе проповѣдники, приходящіе, по большей части, изъ сѣверныхъ провинцій, отвлекли своихъ единовѣрцевъ отъ индусскихъ капищъ и преподали имъ существенные догматы и правила своей религіи. Духъ солидарности магометанъ Бенгаліи съ магометанами остальной Индіи и другихъ частей свѣта усилился; они знаютъ теперь, чего не знали еще недавно, какъ велика важность ихъ религіозной и политической роли между народами земнаго шара, и хотя раздѣленные тоже на касты, они, однако, представляютъ тѣло относительно объединенное, сплоченное, въ сравненіи съ раздробленностью индусскаго общества, распадающагося на тысячу ничѣмъ не связанныхъ между собою фракцій. При томъ же различіе занятій можетъ только поддерживать и даже увеличивать контрастъ между послѣдователями отдѣльныхъ религій. Такъ, въ Бехарѣ и въ Аудѣ мусульмане принадлежатъ, по большей части, къ высшимъ классамъ общества; въ Бенгаліи они соединены преимущественно въ общины земледѣльцевъ, тогда какъ служащіе и ремесленники почти всѣ индусы. Во многихъ округахъ даже существуютъ неоспоримыя расовыя различія. Такъ, въ Рохильхандѣ, на югѣ отъ Кумаона и Непала, рохильцы, или рогильцы, прежніе властители края, суть чистые афганы, и большинство другихъ магометанъ страны, саиды, шейхи, «монголы», патаны, тоже иноземнаго происхожденія, по крайней мѣрѣ, по своимъ представителямъ мужскаго пола, потомкамъ соратниковъ султановъ Махмуда, Бабера и Акбара.

Магометанскому же вліянію обязанъ своимъ происхожденіемъ и языкъ, которымъ говоритъ большинство жителей въ бассейнѣ Ганга. Языкъ этотъ, извѣстный подъ именемъ индустани, получилъ свое первое начало въ военномъ станѣ Великаго Могола, въ Делійской ордѣ или *урду*: отсюда и названіе урду, «ордынская рѣчь», которымъ онъ обыкновенно обозначается; но изъ простаго лагернаго нарѣчія, изъ грубаго *сабира*, какъ говоръ франко-арабовъ, индустани вскорѣ сдѣлался настоящимъ, вполнѣ развитымъ языкомъ, и благодаря своему неистощимому запасу словъ арабскихъ и персидскихъ, легкости, съ которою онъ ассимилируетъ себѣ новыя слова, гармоніи своихъ созвучій, гибкости своей фразеологіи, которая позволяетъ ему имѣть всякую желаемую пространность или краткость, онъ мало-по-малу вытѣснилъ многіе индусскіе діалекты, нисшедшіе теперь на степень областныхъ нарѣчій; имъ даже говоритъ большее число людей, чѣмъ бенгальскимъ діалектомъ (бенгали), употре-

[1]) Campbell, „Ethnology of India“.
[2]) Hunter, „Annals of Rural Bengal“.
[3]) Rennel, „Memoir a map of Hindoostan“.

бляемымъ сорока-пятью милліонами индусовъ; какъ языкъ образованный, онъ имѣетъ перевѣсъ надъ всѣми родственными идіомами, каковы панджаби, синди, гуджарати, марати, непали. Онъ унаслѣдовалъ то вліяніе, какимъ нѣкогда пользовался языкъ пали въ цивилизаціи Востока. Впрочемъ, несмотря на сильную примѣсь арабскихъ и персидскихъ терминовъ, число которыхъ простирается, въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, до трехъ пятыхъ всего запаса словъ, урду остается, тѣмъ не менѣе, индусскимъ діалектомъ по своему грамматическому строю, по окончаніямъ словъ и по конструкціи предложеній. Точно также нарѣчіе бенгали сохраняетъ свой характеръ индійскаго языка въ судопроизводствѣ, гдѣ оно смѣшано на одну треть съ иностранными терминами, по большей части англійскими. Индустани, хотя онъ произошелъ отъ нарѣчія инди или гинди, вообще употребляетъ персидскіе письменные знаки, точно это языкъ не національнаго, а иностраннаго происхожденія; но онъ можетъ быть воспроизведенъ «божественными буквами» такъ же легко, какъ и словесныя произведенія другихъ языковъ Индустана, происшедшихъ отъ санскрита [1]).

Уже болѣе столѣтія англичане управляютъ непосредственно нижними областями гангскаго бассейна. Съ 1769 года были назначены въ каждой провинціи спеціальные агенты для наблюденія за исправнымъ поступленіемъ налоговъ и для измѣненія, по мѣрѣ надобности, ихъ раскладки. Съ той эпохи въ мѣстной администраціи были произведены большія перемѣны. Старинныя общинныя учрежденія, мало отличавшіяся отъ великорусскаго міра, почти совершенно перестали существовать, по крайней мѣрѣ въ Бенгальской равнинѣ, подъ господствомъ новаго порядка землевладѣнія, введеннаго англичанами. Въ прежнее время каждая деревня составляла одно «братство», владѣвшее сообща лѣсами, пастбищами и выгонами и распредѣлявшее пахатныя земли между всѣми своими членами, давая каждому участокъ, который онъ долженъ былъ обрабатывать въ теченіе года, для производства риса или другихъ хлѣбовъ, индиго, овощей или плодовъ. Несмотря на политическія перемѣны и на обращенія изъ одной вѣры въ другую, совершавшіяся добровольно или по принужденію, маленькая сельская республика сохраняла общинное владѣніе землей и удерживала за собою характеръ моральнаго или юридическаго лица въ отношеніи къ государству; она сама собирала причитающійся съ нея налогъ, за исправный взносъ котораго отвѣтствовала круговой порукой всѣхъ своихъ членовъ, она отправляла всѣ обязанности мѣстной полиціи, творила судъ между членами общины, видоизмѣняла по произволу свою внутреннюю организацію. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда деревня бывала разрушена, она продолжала существовать виртуально, какъ правоспособный союзъ; члены «братства», укрывавшіяся въ лѣсахъ, оставались, тѣмъ не менѣе, соединенными между собою, и часто, послѣ двадцати или тридцати лѣтъ такой жизни въ изгнаніи, они, пользуясь совершившимся въ краѣ политическимъ переворотомъ, возвращались на родное пепелище, чтобы вновь отстроить свое селеніе на томъ же самомъ мѣстѣ и снова приняться, безъ всякаго спора съ чьей-либо стороны, за обработку полей, которыя преданіе признавало ихъ неотъемлемой собственностью [1]). Смѣнивъ прежнихъ властителей страны, какъ верховный владѣлецъ земли, англійское правительство почти вездѣ измѣнило феодальную зависимость земель въ пользу генеральныхъ откупщиковъ, а въ 1798 году оно даже совершенно отказалось отъ владѣнія землей въ пользу концессіонеровъ, принявшихъ на себя обязательство вносить въ казну опредѣленную сумму поземельнаго налога. Нѣкоторыя государственныя имущества были проданы или уступлены частнымъ лицамъ въ полную собственность; большая часть имѣній была передана *заминдарамъ*, *талукдарамъ*, или арендаторамъ, за извѣстную ежегодную ренту; въ бывшемъ Аудскомъ королевствѣ вся страна раздѣлена такимъ образомъ между 256 индивидуумами. Заминдары, въ свою очередь, сдали землю второстепеннымъ арендаторамъ или отдаютъ ее въ оброчное содержаніе агентамъ, которые сами не земледѣльцы въ настоящемъ смыслѣ слова, а обрабатываютъ почву руками райевъ; такимъ образомъ цѣлый рядъ посредниковъ захватываетъ въ свою пользу львиную долю земледѣльческаго продукта; даже въ томъ благопріятномъ случаѣ, когда будущій трудъ крестьянина не принадлежитъ заранѣе владѣльцу земли, даже когда необходимый ему для прокормленія себя съ семьей запасъ риса не былъ пріобрѣтенъ заимообразно у ростовщиковъ, подъ обычный годовой процентъ пятьдесятъ за сто [2]), и тогда онъ долженъ платить тройной или четверной налогъ подъ-арендаторамъ заминдаровъ. Въ большой части округовъ райи не обезпечены даже относительно права пребыванія на обрабатываемой ими землѣ. Правда, что, въ силу преданія, постоянное жительство въ одномъ мѣстѣ впродолженіи двѣнадцати, двадцати или тридцати лѣтъ, смотря по провинціи, гарантируетъ крестьянина отъ произвольнаго изгнанія; но до истеченія этого періода времени онъ находится въ полной власти землевладѣльца [3]), да и послѣ

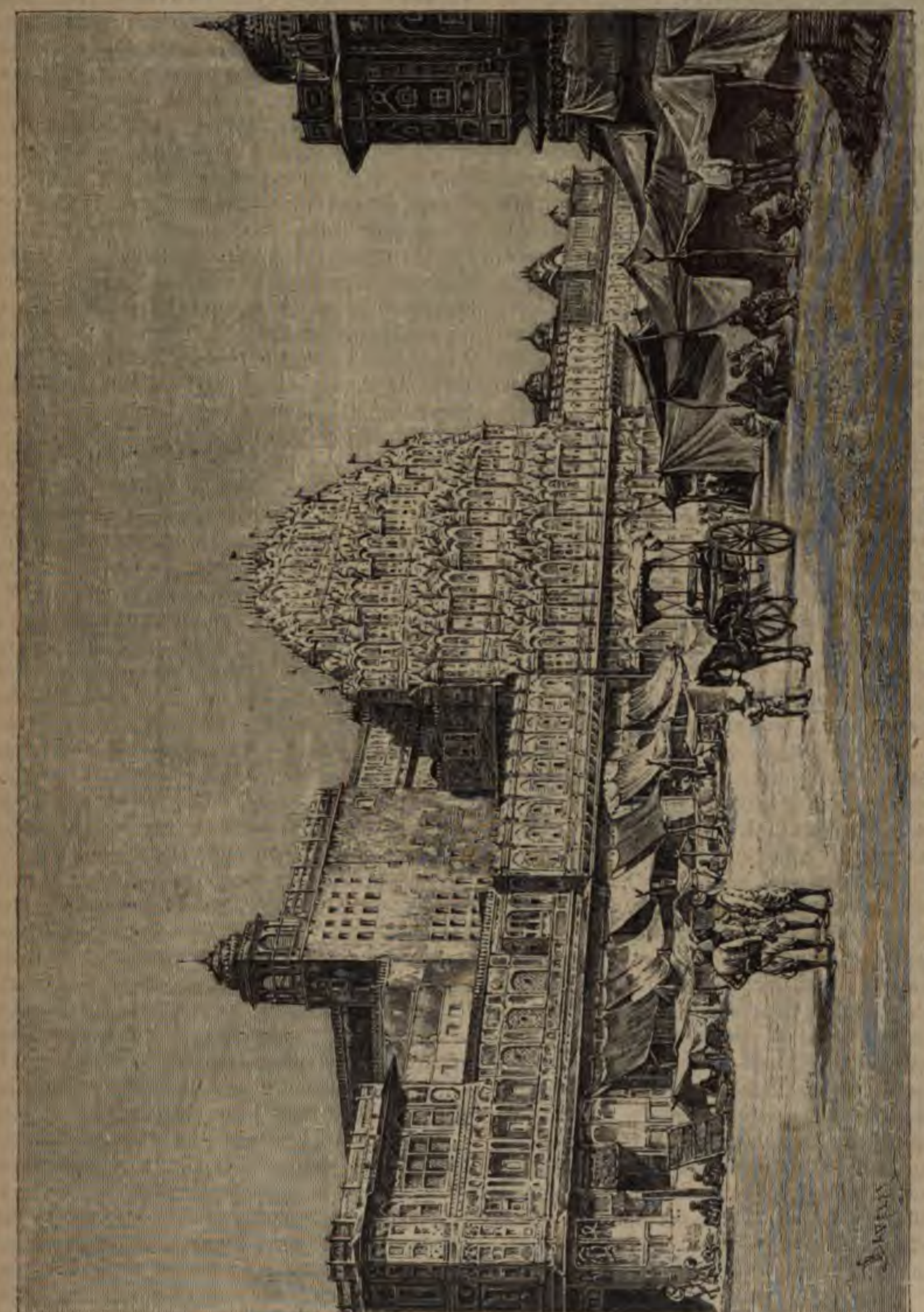
[1]) Pajendrallala Mitra, „Indo-Aryans“.

[1]) Long, „Village communities in India and Russia“.

[2]) Hunter, „Imperial Gazetter of India“

[3]) Richard Temple, „India“.

того нищета, иногда даже недостатокъ необходимаго продовольствія или голодъ заставляетъ его подчиниться всякимъ условіямъ, какія заблагоразсудится господину предписать ему.



Видъ главной улицы въ городѣ Джейпурѣ.

Въ провинціяхъ верхняго Ганга, которыми англійское правительство владѣетъ еще не такъ давно, какъ Бенгаліей, большое число земледѣльческихъ общинъ еще сохранило свое старинное устройство и образуетъ бхайячара, или «братства», но и тамъ купцы и банкиры, джайны или баньясы, овладѣли цѣлыми деревнями, населеніе которыхъ они эксплоатируютъ въ свою пользу. Особенно въ Бехарѣ положеніе крестьянина самое плачевное, и тяжелое бремя неоплатныхъ долговъ отдало его въ полную кабалу ростовщикамъ. Въ восточныхъ и сѣверныхъ округахъ Бенгаліи сельскій людъ менѣе терпитъ нужды и горя, и нѣкоторые изъ кресть-

янъ, особенно между мусульманами, живутъ даже въ довольствѣ; но и тамъ старинное общинное устройство исчезло, оставивъ послѣ себя только кое-какія пустыя формальности: *панчаяты*, или «совѣты пяти», собираются еще кое-гдѣ, но ихъ совѣщанія не имѣютъ никакой силы противъ рѣшенія коронныхъ судовъ или воли землевладѣльцевъ. Однако, большая часть деревень назначаетъ еще своего полуоффиціальнаго совѣтника который обыкновенно избирается въ качествѣ третейскаго судьи въ спорахъ, возникающихъ между членами сельскаго общества. Такъ велика, вопреки политическимъ переворотамъ, живучесть обычаевъ, основанныхъ на правосознаніи народа, что жители сельскихъ общинъ признаютъ вообще, въ качествѣ *мундула*, или наслѣдственнаго «начальника деревни», человѣка низшей касты, представляющаго въ своемъ лицѣ древнихъ владѣтелей земли въ эпоху, предшествовавшую арійскому нашествію; во время мѣстныхъ праздниковъ они украшаютъ его гирляндами и подносятъ ему въ даръ сандальное дерево. Въ Калькуттской области изъ 6.000 «сельскихъ старшинъ» только 15 принадлежатъ къ высшимъ кастамъ, 1.300—изъ среднихъ кастъ, а большинство, 3.600,—изъ низшихъ кастъ [1]). Двѣ тысячи лѣтъ господства не дали еще арійцу правъ окончательной натурализаціи.

Двѣ половины Гангской равнины, столицы которыхъ — Дели и Калькутта, рѣзко отличаются одна отъ другой распредѣленіемъ жителей; съ одной стороны, большія городскія поселенія очень многочисленны, съ другой—населеніе, внѣ главнаго города, почти исключительно сельское. Провинціи Доаба (междурѣчья, ограниченнаго Гангомъ и Джамной), гдѣ слѣдовали одна за другою столицы имперіи, привлекавшія къ себѣ торговлю и промышленность, покрылись сѣтью городовъ, гдѣ поселялись иммигранты изъ Персіи, изъ Афганистана, изъ Бухары, группируя вокругъ себя милліонами ремесленниковъ страны. Бенгалія, напротивъ, осталась страной существенно земледѣльческою, хотя ея столица есть въ то же время столица всей Англо-индійской имперіи. Калькутта—единственный большой городъ провинціи; большинство бенгальцевъ живетъ въ маленькихъ деревняхъ, окруженныхъ группами деревьевъ. Хотя этотъ край одинъ изъ многолюднѣйшихъ во всемъ свѣтѣ, путешественникъ, проѣзжающій черезъ него, могъ бы принять его за необитаемую страну,—такъ скромно спрятались хижины подъ густою листвою деревьевъ.

Оффиціальная граница Пенджаба и провинцій, называемыхъ «Сѣверо - Западными»,—хотя занимающихъ центральную часть индустской равнины,—рѣка Джамна извивается среди полей индійской «Бельгіи», гдѣ всего чаще рѣшалась, въ кровопролитныхъ битвахъ, судьба династій, царствовавшихъ на сѣверѣ Индіи. Карналъ, городъ, существовавшій уже въ легендарныя времена, когда происходили великія войны, о которыхъ разсказываетъ поэма Магабгарата, упоминается въ исторіи всѣхъ военныхъ походовъ, начиная съ магометанскихъ нашествій; точно также городъ Панипатъ, стоящій къ югу отъ Карнала и расположенный, какъ и этотъ послѣдній, на старомъ высокомъ берегу, покинутомъ Джамной, которая теперь течетъ восточнѣе, прославился въ лѣтописяхъ Индіи пятью рѣшительными побѣдами, которыя одержали тамъ «монголы» Тимура, Бабера и Акбара въ 1398, въ 1526 и въ 1556 годахъ, персы Надиръ-шаха въ 1739 году и афганцы Ахмедъ-шаха въ 1761 году. Здѣсь именно, въ Панипатѣ, рѣшалась между воюющими арміями участь города Дели, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьба всей Сѣверной Индіи. Большая столбовая дорога Индустана проходитъ черезъ Панипатъ и Карналъ; желѣзная дорога прошла восточнѣе, по срединѣ Доаба, вслѣдствіе чего и стратегическіе пункты перемѣстились въ томъ же направленіи. Города Сахаранпуръ, Деобандъ «святой», Музаффарнагаръ, Миратъ слѣдуютъ одинъ за другимъ съ сѣвера на югъ, на этомъ желѣзномъ пути. Миратъ, славившійся уже во времена буддійскаго царя Асоки, который воздвигъ тамъ одинъ изъ своихъ столбовъ съ надписями, перенесенный теперь въ Дели, въ настоящее время есть одинъ изъ главныхъ кантонементовъ англо-индійской арміи: здѣсь, какъ извѣстно, вспыхнуло въ 1857 году страшное возмущеніе сипаевъ; однако англійскія войска могли держаться во все продолженіе войны. Въ 55 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Мирата, на высокомъ берегу, господствовавшемъ нѣкогда надъ старымъ русломъ Ганга, виднѣются кое-какія развалины и кучи мусора: это все, что осталось отъ древняго «города слоновъ», Гастинапура, города, который такъ долго оспаривали другъ у друга Куруиды и сыновья Панду. Уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, какъ воды Ганга, подтачивая и размывая берегъ, ниспровергли стѣны этой Трои Индустана.

Дели (Дехли, Дихли, Дили), который тоже былъ одною изъ столицъ Индіи, и на которомъ въ наше время англійское правительство остановило свой выборъ, чтобы воздвигнуть тамъ императорскій тронъ королевы Великобританіи, былъ много разъ разрушаемъ, какъ и «городъ слоновъ», только не наводненіями или размывами береговъ, а рукою людей и дѣйствіемъ времени. Нынѣшній городъ, оффиціальное названіе котораго—Шахджаханабадъ, по имени его основателя, появился въ относительно недавнюю эпоху, именно въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія, но вокругъ его стѣнъ, до

[1]) Hunter, „Imperial Gazetter of India"; „Official Reports".

двадцативерстнаго разстоянія во всѣ стороны, видны руины, принадлежащія многочисленнымъ прежнимъ Дели; пространство, на которомъ раскинуты древніе памятники или груды развалинъ и кучи мусора, исчисляется въ 116 квадр километровъ. Изъ всѣхъ этихъ городовъ самый древній—Индраспата, основаніе котораго индійская эпопея приписываетъ Юдиштирѣ; мѣстоположеніе его еще обозначено стѣнами Индурпута, находящимися въ 4 километрахъ къ югу отъ нынѣшней городской ограды: тридцать четыре столѣтія протекло съ той поры, когда сынъ Панду завоевалъ этотъ край у наговъ, туземныхъ поклонниковъ священнаго змѣя. Уже въ теченіе девятнадцати столѣтій слѣдовавшіе въ этомъ мѣстѣ одинъ за другимъ города носятъ имя Дели. По сказанію легенды, желѣзный столбъ Раджа-дхавы, уединенная металлическая колонна, обозначающая середину одного изъ древнихъ городовъ, покоится на головѣ короля змѣй: одинъ невѣрующій государь, желая удостовѣриться въ подлинности этого чуда, велѣлъ выкопать столбъ, основаніе котораго оказалось окрашеннымъ кровью.

Современный Дели, построенный въ формѣ полукруга, діаметръ котораго идетъ вдоль высокаго западнаго берега Джамны и который обращенъ къ юго-западу внѣшнею дугой своихъ стѣнъ, занимаетъ пространство около 7 квадратныхъ километровъ; нѣсколько параллельныхъ выступовъ или рядовъ скалъ, прилегающихъ къ сѣверо-западной части городской ограды и послѣдняя гряда которыхъ исчезаетъ на сѣверѣ подъ аллювіальными землями берега Джамны, объясняютъ удивительное счастье и живучесть Дели. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ находится вершина треугольника возвышенностей, ограниченнаго, съ одной стороны, равнинами Ганга, съ другой—пустыней Таръ и полями, орошаемыми Индомъ; плоскогорья всей системы горъ Виндіа, хотя перерѣзанныя на югѣ многочисленными долинами, оканчиваются совершенно только на Делійскомъ кряжѣ или гребнѣ (ridge или crest, по-англійски); здѣсь прекращаются всѣ препятствія, которыя неровности почвы противополагаютъ движенію каравановъ и армій. Дели занимаетъ, слѣдовательно, какъ разъ то мѣсто Индіи, гдѣ расходятся главные историческіе пути Полуострова, къ нижнему бассейну Ганга, къ горнымъ проходамъ Гинду-куша, къ устьямъ Инда и къ Камбейскому заливу. До постройки большихъ дорогъ, Дели былъ важнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ всего Сѣвернаго Индустана, и потому естественно, что столицы должны были возрождаться тамъ послѣ каждой катастрофы или періода упадка вслѣдствіе перенесенія резиденціи въ другой городъ; въ наши дни онъ сдѣлался главнымъ складочнымъ мѣстомъ торговли и центральною станціей желѣзныхъ путей между тремя крайними пунктами,—Калькуттой, Пешаверомъ и Бомбеемъ. Даже мѣстная гидрографія свидѣтельствуетъ о роли Дели какъ посредника между востокомъ и западомъ Индіи. Выше города, Джамна дѣлится на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна направляется на юго-западъ, какъ бы для того, чтобы идти на соединеніе съ Индомъ; она наполняетъ болотистую котловину, или *джиль*, называемую Наджафгаръ, которая, въ свою очередь, послѣ дождей, изливаетъ обратно въ Джамну излишекъ своихъ водъ.

Въ нынѣшней своей чертѣ Дели дѣлится на два города. Сѣверную часть, гдѣ находится станція желѣзной дороги, проходящей передъ вступленіемъ въ Дели, по прекрасному желѣзному мосту черезъ пески, островки и узкое теченіе Джамны, занимаетъ англійскій городъ, отдѣленный отъ города туземцевъ обширными садами и широкими алеями или бульварами. Бывшій дворецъ Великаго Могола Шахъ-Джахана, вообще извѣстный подъ названіемъ «форта», тоже уединенъ отъ остальнаго города площадями, обсаженными тѣнистыми деревьями. Преобразованный теперь въ казармы, дворецъ этотъ много потерялъ своей прежней красы; тѣмъ не менѣе громадный параллелограммъ, покрывающій не менѣе 47 гектаровъ (слишкомъ 43 десятины), вдоль нагорнаго берега Джамны, заключаетъ въ себѣ еще нѣкоторыя изъ замѣчательнѣйшихъ зданій Индіи; входная зала, длиной 114 метровъ (болѣе 53 саженъ)—одна изъ самыхъ величественныхъ палатъ во всемъ свѣтѣ, а обширная аудіенцъ-зала, павильоны которой господствуютъ надъ теченіемъ рѣки и ея лѣсистыми островами, представляетъ чудо изящества и граціи, вполнѣ оправдывающее своими прелестными арабесками и провивками надпись, которая тянется вокругъ потолка: «Если есть небо на землѣ, то вотъ оно, вотъ оно!» Главная мечеть стоящая въ туземномъ городѣ, на скалистой возвышенности, тоже принадлежитъ къ числу архитектурныхъ произведеній, составляющихъ славу и гордость Индустана; въ сравненіи съ этимъ величественнымъ зданіемъ, вздымающимъ высоко надъ городомъ свои узорчатые порталы, свои стройные минареты, свои три купола изъ бѣлаго мрамора, массивныя сооруженія англичанъ, колледжъ, музей, госпитали, казармы, церкви, кажутся безобразными постройками варваровъ.

Но самые замѣчательные памятники зодчества находятся въ окрестностяхъ нынѣшняго города, среди развалинъ прежнихъ Дели; тамъ сохранились еще многіе храмы, пагоды и мечети, мавзолеи, колонны, укрѣпленія, принадлежащія ко всѣмъ эпохамъ индусскаго искусства, начиная съ періода, восходящаго за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ до нашего времени. Ферозабадскій дворецъ, заключающій, между прочимъ, знаменитый столбъ императора Асоки, далѣе Индурдутскія руины, гробница Гумаюна,

обсерваторія, воздвигнутая джейтурскимъ раджей въ 1728 г.—всѣ эти памятники слѣдуютъ одинъ за другимъ въ равнинѣ на югъ отъ города, и аллеи зданій оканчиваются, въ 15 километрахъ отъ стѣнъ нынѣшняго Дели, группой мечетей и колоннадъ Кутаба. Надъ этими строеніями господствуетъ колоссальная «башня Побѣды», воздвигнутая въ тринадцатомъ столѣтіи; это пучекъ колоннъ, раздѣленный на пять этажей круговыми галлереями, поясами изваяній и надписей въ рельефѣ. Башня постепенно съуживается отъ основанія къ вершинѣ, и потому высота ея, равная 72 метрамъ (около 34 саженъ), кажется больше настоящей отъ дѣйствія перспективы. Съ купола, частью поврежденнаго землетрясеніемъ 1803 года, взоръ обнимаетъ все протяженіе ограниченной на западѣ цѣпью холмовъ, исторической равнины, гдѣ возникало столько могущественныхъ городовъ.

Легко понять гордость, которую испытываютъ патріоты Индіи при видѣ живыхъ свидѣтельствъ славы ихъ предковъ. Въ 1857 году, когда англичане, прогнанные взбунтовавшимися сипаями, принуждены были брать обратно городъ приступомъ, затѣмъ обложить осадой гробницу Гумаюна, чтобы овладѣть особой «Великаго Могола», они изгнали всѣхъ жителей Дели, индусовъ и мусульманъ, которые такимъ образомъ должны были все время, пока продолжалось дѣйствіе военнаго закона, оставаться внѣ городской черты. Снова водворившись въ городѣ по усмиреніи возстанія, они тамъ теперь еще болѣе многочисленны, чѣмъ были до войны, и это имъ преимущественно принадлежатъ, въ улицѣ Чандни-чокъ, блестящіе магазины золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, кожанаго товара, златотканныхъ матерій, рѣзной мебели, — произведеній, составляющихъ спеціальныя промышленности Дели, но, къ сожалѣнію уже много утратившихъ своей прежней оригинальности, вслѣдствіе подражанія европейскимъ образцамъ. На юго-западѣ, при желѣзной дорогѣ изъ Раджпутаны, стоитъ многолюдный городъ Ревара, передовой товаро-складочный пунктъ Дели по снабженію произведеніями промышленности всѣхъ маленькихъ государствъ нагорья.

На юго-востокѣ, въ доабѣ, или междурѣчьи, черезъ которое проходятъ большая столбовая дорога, рельсовый путь и каналъ, проведенный изъ Ганга, разсѣяны въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи многолюдные города: Буландшаръ или Баранъ, Сикандарабадъ, Хурджа, торговый городъ, съ пышнымъ джайнскимъ храмомъ, построеннымъ его богатымъ купечествомъ, Коилъ и Алигаръ; вблизи послѣдняго стоитъ крѣпость, которую французъ Перронъ сдѣлалъ оплотомъ маратскаго могущества и которая долгое время задерживала успѣхи англійскаго оружія въ началѣ настоящаго столѣтія. Городъ Гатрасъ, лежащій южнѣе, есть главный складочный пунктъ торговли между Дели и Каунпоромъ. Онъ соединенъ желѣзною дорогою съ многолюднымъ городомъ Муттра (Маттра), построеннымъ, какъ и Дели, на западномъ нагорномъ берегу Джамны. Это одинъ изъ священныхъ городовъ Индустана, и усердіе пилигримовъ, стекающихся сюда толпами, поддерживаетъ массы празднаго люда, живущаго около храмовъ; жители Муттры не имѣютъ почти никакихъ промысловъ, кромѣ эксплоатаціи каменоломень и тески камней для постройки религіозныхъ зданій, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ. Муттра, древняя Матура, одна изъ столицъ «Лунной» династіи, была уже однимъ изъ средоточій буддійской религіи, и Птоломей, упоминающій о ней подъ именемъ Модуры, называетъ ее «городомъ боговъ»; въ грудахъ развалинъ, возвышающихся тамъ и сямъ на югѣ, отыскали многочисленныя изваянія буддійскаго періода, свидѣтельствующія о греко-бактрійскомъ вліяніи, которое выразилось въ расположеніи группъ и въ складкахъ драпировокъ [1]). Послѣ изгнанія буддистовъ, храмы получили другое названіе, архитектурный стиль зданій измѣнился, легенды были пріурочены къ другимъ личностямъ, но городъ, тѣмъ не менѣе, остался однимъ изъ святыхъ мѣстъ Индіи; въ сосѣдствѣ его родился Кришна, покровитель пастуховъ, котораго впослѣдствіи индусы стали боготворить, какъ своего Христа; каждая мѣстность въ окрестностяхъ имѣетъ свою исторію, относящуюся къ какой-либо чертѣ изъ жизни этого бога. Почти всѣ памятники города и страны были сооружены въ честь Кришны, и хотя мусульманскіе государи велѣли ихъ разрушить въ первый разъ, но они были вновь выстроены еще въ большемъ числѣ и съ бо̀льшимъ великолѣпіемъ, чѣмъ прежніе. Въ семи километрахъ къ сѣверу, городъ Бриндабанъ, древняя Вриндавана, указываетъ мѣсто, гдѣ Кришна овладѣлъ змѣинымъ царемъ, обвившимся вокругъ дерева, и ввергнулъ его въ волны Джамны; отраженная струя ударяющихся о нагорный берегъ водъ рѣки, образующая родъ водоворота, происходитъ, по вѣрованію индусовъ, отъ размаховъ хвоста этого чудовища [2]). Одинъ изъ Бриндабанскихъ храмовъ, недавно построенный банкирами джайнами, стоилъ слишкомъ шесть милліоновъ франковъ; другая пагода, сооруженіе которой относится къ концу шестнадцатаго столѣтія, представляетъ одинъ изъ рѣдкихъ памятниковъ Полуострова, такъ какъ въ этомъ храмѣ можно видѣть соединеніе индусскихъ колоннъ, персидскихъ аркадъ и стрѣльчатаго свода. Всѣ окрестныя поля вокругъ Муттры и Бриндабана преданы общественнымъ благочестіемъ на рас-

[1]) Cunningham; Goblet d'Alviella, „Inde et Himalaya".
[2]) Al. Cunningham, „Ancient Geography of India".

хищеніе животнымъ: обезьяны, бѣлки, павлины, попугаи, дикія птицы являются здѣсь безцеремонными гостями, отъ которыхъ мѣстные жители должны почтительно защищать свои запасы.

Агра или Акбарабадъ, лежащій въ 50 километрахъ къ юго-востоку отъ Муттры, на берегу одной извилины Джамны, не принадлежитъ къ числу древнихъ городовъ Индіи: онъ существуетъ не болѣе трехъ столѣтій; но выбранный, какъ резиденція, султаномъ Баберомъ и сдѣлавшійся, при султанѣ Акбарѣ, столицей имперіи Великихъ Моголовъ, онъ привлекъ скоро толпу жителей, и несмотря на бѣдствія, постигшія его со времени періода блеска и процвѣтанія, онъ и до сихъ поръ еще остается, послѣ Дели, первымъ городомъ въ верхнемъ бассейнѣ Ганга. Кое-какіе слѣды древняго города, предшествовавшаго эпохѣ Бабера, видны еще на восточномъ берегу Джамны, и нынѣшняя городская ограда окружена обширными необитаемыми пространствами, гдѣ кучи развалинъ и отрывки стѣнъ свидѣтельствуютъ о прежней важности Агры. Нынѣшній городъ, на половину меньшій, чѣмъ во времена Акбара, но примыкающій на югѣ къ военному городу «кантонементовъ», гдѣ расположено англійское войско, сохранилъ, по крайней мѣрѣ, большую часть прекрасныхъ зданій, которыя даютъ ему право называться перломъ Индустана. Крѣпость расположенная на берегу рѣки, окружена высокими стѣнами (около 10 саженъ въ вышину) изъ краснаго песчаника, надъ которыми господствуютъ башни съ украшеніями изъ бѣлаго мрамора; въ своей каменной оградѣ, имѣющей въ окружности 2.400 метровъ, она заключаетъ еще, кромѣ дворца, изъ котораго англичане сдѣлали казармы, многія зданія, сохранившія первоначальную чистоту стиля, блескъ мраморовъ, изящество арабесокъ и другихъ орнаментовъ. Противъ входа въ крѣпость стоитъ, на высокой террасѣ, величественная Джамма-Масджитъ, или «Главная Мечеть», состоящая изъ трехъ корпусовъ, тогда какъ внутри крѣпостной ограды другой храмъ, «Жемчужная Мечеть», завершаетъ собою рядъ дворцовъ; этотъ храмъ, построенный цѣликомъ изъ бѣлаго мрамора, отличающійся въ одно и то же время величавой простотой пропорцій и законченностью формъ, совершенствомъ отдѣлки до мельчайшихъ деталей, представляетъ, по размѣрамъ, зданіе средней величины, но онъ, тѣмъ не менѣе, есть одинъ изъ самыхъ величественныхъ памятниковъ религіознаго зодчества Индіи по торжественной гармоніи его внутреннихъ пространствъ и по недосягаемой высотѣ его сводовъ. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Агры нѣкоторыя императорскія могилы тоже принадлежатъ къ числу грандіозныхъ памятниковъ Индіи: на сѣверѣ близъ Секундры, гробница Акбара, окруженная минаретами, кіосками, широкими аллеями высокихъ деревьевъ, сама по себѣ составляетъ обширный дворецъ, построенный изъ краснаго песчаника, какъ почти всѣ зданія этой эпохи, и великолѣпно украшенный мраморными изваяніями, отличающимися удивительною нѣжностью линій и тонкостью работы; но главное чудо бывшей столицы «Великихъ Моголовъ», одинъ изъ перловъ искусства во всемъ свѣтѣ,—это дивный храмъ Таджъ-Магалъ, красующійся на берегу Джамны, къ юго-востоку отъ города, мавзолей, который Шахъ-Джаханъ воздвигъ на могилѣ своей супруги Арджаманъ-Бену, болѣе извѣстной подъ именемъ Мумтазъ, или «Чествуемая». Какъ при словѣ Пароенонъ нашему воображенію представляется идеальный типъ древне-греческаго храма, съ его перистилемъ, съ его фризами, метопами и богами, изваянными на фронтонѣ, такъ точно имя Таджъ-Магала вызываетъ въ нашемъ умѣ идею совершеннѣйшаго памятника персидскаго искусства, съ его высокими стрѣльчатыми порталами, обрамленными прямоугольникомъ изъ арабесокъ, съ его колоссальнымъ узорчатымъ куполомъ, его стройными, изящными минаретами съ галлереями и колоколенками. Весь построенный изъ розоваго песчаника и бѣлаго мрамора, Таджъ-Магалъ блистаетъ тѣмъ поразительнѣе, что цвѣта его составляютъ яркій контрастъ съ темнозеленою листвой окружающихъ кипарисовъ; онъ кажется лучезарнымъ, сіяющимъ какимъ-то сверхъестественнымъ блескомъ. Съ гармоніей линій этотъ чудный храмъ соединяетъ богатство отдѣлки; поверхность его вышита прелестными узорами изъ инкрустированныхъ мраморовъ, кордоновъ и провивокъ изъ драгоцѣнныхъ камней; впрочемъ, большая часть этихъ цѣнныхъ предметовъ исчезла, такъ же, какъ и рѣзныя серебряныя двери, похищенныя маратскими завоевателями. Недавно сильный разливъ Джамны грозилъ снести пышное зданіе: нужно было со всевозможною поспѣшностью укрѣплять крутой берегъ рѣки, на который опирается терраса памятника. Главныя спеціальности ремесленниковъ этого города и теперь тѣ же самыя, которымъ они научились во время постройки Таджъ-Магала—инкрустація мраморовъ, шлифовка и обдѣлка драгоцѣнныхъ камней, рѣзьба мозаикъ: одинъ бордосскій мастеръ, по имени Остенъ, былъ тотъ великій художникъ, неизвѣстный въ своемъ отечествѣ, который образовалъ школу акбарабадскихъ мозаистовъ; туземцы дали ему прозвище Надиръ-эль - Азуръ, или «Чудо вѣка».

Въ 35 километрахъ къ западу находится другой городъ, который нѣкогда соперничалъ съ Агрой и даже былъ, въ царствованіе султана Акбара, нѣсколько лѣтъ столицей имперіи Великихъ Моголовъ: это Фатехпуръ, «го-

*

родъ Побѣды», расположенный на оконечности одного кряжа изъ краснаго песчаника, который доставляетъ матеріалъ для постройки зданій. Остатки этого города или, вѣрнѣе, двѣ деревни, Фатехпуръ и Сикри, затеряны среди его ограды, обширнаго круга, имѣющаго 8 километровъ въ окружности, но большая часть памятниковъ, воздвигнутыхъ Акбаромъ и Джехангиромъ,существуютъ еще почти совершенно сохранившимися въ своемъ первоначальномъ видѣ. Императорскій дворецъ, гробница Селима, пустынника, святость котораго и доставила Фатехпуру милости Акбара, Панджъ-Магалъ, родъ пирамиды, образуемой пятью поставленными одна на другую колоннадами, порталъ слоновъ, минаретъ антилопъ, дворецъ султанши, гдѣ изслѣдователи старины признаютъ зданіе, служившее резиденціей одной изъ супругъ Акбара, португальки Маріи,—всѣ эти зданія сохранили еще до самыхъ тонкихъ деталей всѣ свои скульптурныя украшенія и ажурную рѣзьбу изъ мрамора.

Ниже Агры, по берегу Джамны, слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько многолюдныхъ городовъ, Этавахъ, Кальпи, Хамирпуръ, Раджапуръ, и въ сосѣдствѣ рѣчной долины, на границахъ плоскогорья Бундельхандъ, тоже есть старинные города, нѣкогда имѣвшіе важное значеніе, какъ столицы государства, каковы Джалаонъ и Банда; но политическія перемѣны и въ особенности переворотъ, произведенный въ торговыхъ сношеніяхъ постройкою желѣзныхъ дорогъ, перемѣстили торговое движеніе съ береговъ Джамны на берега Ганга. Городъ Банда, который нѣкогда былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ хлопка во всемъ Бундельхандѣ, теперь въ упадкѣ, торговля его перешла къ портовому городу Раджапуръ, который, въ свою очередь, замѣненъ въ настоящее время, какъ экспедиціонный рынокъ, станціями желѣзной дороги, идущей изъ Аллахабада въ Каунпоръ.

Плодоносныя равнины Рохильханда, простирающіяся на югъ отъ горныхъ цѣпей Кумаона, между Гангомъ и его притокомъ Гогрой, усѣяны городами, которые всѣ окружены манговыми лѣсами и бамбуковыми рощами и всѣ имѣютъ старинныя крѣпости, первоначальное сооруженіе которыхъ приписываютъ бхарамъ, древнимъ обладателямъ края, и которыя впослѣдствіи были вновь отстроены афганцами или патанъ-рогиллами т. е. «горцами». Самый многолюдный изъ этихъ городовъ, Барели (Bareilly),—городъ относительно новый, такъ какъ онъ былъ основанъ около половины шестнадцатаго столѣтія. Въ началѣ простой военный постъ, онъ и до сихъ поръ сохранилъ свой существенно стратегическій характеръ, и его крѣпость, его «кантонементы» и казармы—единственныя достопримѣчательности, которыя Барели можетъ противопоставить дворцамъ и храмамъ городовъ на Джамнѣ. Другіе большіе города Рохильханда, Наджибабадъ, Нагина, Биджноръ, Амброга, Морадабадъ, Самбгалъ, Чандауси, Будаонъ, Сагасванъ, Пилибхитъ, почти всѣ походятъ на Барели однообразіемъ своей постройки; это просто городскія поселенія, быстро разросшіяся, благодаря развитію и расширенію земледѣльческой промышленности въ этой части гангскаго бассейна. Особенно сахарныя плантаціи придали большую торговую важность городамъ Морадабадъ и Чандауси; Наджибабадъ, лежащій въ сосѣдствѣ горъ, ведетъ отпускную торговлю строевымъ лѣсомъ. Среди всѣхъ этихъ англо-индійскихъ городовъ, городъ Рампуръ, столица одного туземнаго, независимаго по имени, государства, сохраняетъ еще нѣкоторую оригинальность; ремесленники его занимаются тканьемъ шалей и шелковыхъ матерій (камка), очень цѣнимыхъ въ Индіи.

Шахджаханпуръ, главная станція и самый многолюдный городъ между Барели и Лакнау, не только торговый, и промышленный центръ, какъ другіе города Рохильханда, но и одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые чрезвычайно быстро выросли и достигли цвѣтущаго состоянія; онъ обогатился, главнымъ образомъ, на счетъ своего сосѣда, Фаррухабада, стоящаго на берегу Ганга и пользовавшагося недавно монополіей отправки товаровъ по рѣкѣ, но утратившаго это преимущество, когда водяной путь былъ оставленъ, и движеніе грузовъ направилось къ желѣзной дорогѣ. Фаррухабадъ можетъ быть разсматриваемъ какъ одинъ городъ съ англійскимъ военнымъ городомъ Фатехгаръ, къ которому принадлежитъ фортъ, командующій переходомъ черезъ Гангъ, и гдѣ находится казенный лафетный заводъ и фабрики лагерныхъ палатокъ. Къ западу отъ Фаррухабада, Майнпури, на дорогѣ изъ Агры,—тоже важный городъ; но Канoджъ, нѣкогда славнѣйшій городъ страны, который даже былъ около шестисотъ лѣтъ, до конца третьяго вѣка до Р. Х., столицей самаго могущественнаго арійскаго царства въ Индіи, теперь пришелъ въ упадокъ. Въ 1016 году нашей эры, когда Махмудъ Газневидъ обложилъ осадой его стѣны, Канoджъ, по выраженію современныхъ лѣтописей, «поднималъ свою голову до небесъ» и не имѣлъ равнаго себѣ по силѣ и крѣпости. И дѣйствительно, цитадель, заключающая въ своей оградѣ весь нынѣшній городъ, кажется, была одною изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей Индустана, но она потеряла всю свою важность съ тѣхъ поръ, какъ Гангъ перемѣстилъ свое теченіе на семь километровъ къ западу, оставивъ Канoджъ на берегу незначительной рѣчки, Калинадди, называемой также Чота-ганга, или «Малымъ Гангомъ» [1]). Перемѣщеніе рѣки, слѣдо-

[1]) A. Cunningham, „Geography of Ancient India".

вавшее за опустошительнымъ проходомъ завоевателей, не позволило Каноджу вновь подняться; наибольшая часть пространства, заключеннаго въ чертѣ остатковъ древнихъ городскихъ стѣнъ, представляетъ необитаемую пустыню или усѣяно лишь деревьями; тамъ и сямъ стоятъ еще развалины пагодъ и мечетей, и одинъ изъ этихъ храмовъ до сихъ поръ извѣстенъ у индусовъ подъ названіемъ «кухни Сивы». Согласно ихъ преданію, всѣ брамины гангской дельты произошли отъ семействъ, жившихъ въ Канođжѣ въ девятомъ столѣтіи [1]).

Каунпоръ, или Канпоръ (Кантипуръ, по-англійски Cawnpore), одинъ изъ самыхъ новыхъ городовъ Индіи, далеко превзошелъ по важности древній городъ Канođжъ. Простой военный постъ въ 1778 году, онъ выросъ мало-по-малу и пріобрѣлъ большое значеніе, какъ стратегическій центръ и какъ торговый пунктъ; въ настоящее время это одинъ изъ первыхъ городовъ Индіи по размѣрамъ своей торговой дѣятельности. Возмущеніе сипаевъ въ 1857 году вспыхнуло не въ Каунпорѣ, но тамъ происходили самыя кровопролитныя битвы и самыя ужасныя избіенія. Вождь мятежниковъ, котораго англійская полиція все еще разыскиваетъ, Нана-Дунду-Пантъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Нана-Саиба, приказалъ въ этомъ городѣ перебить англійскихъ солдатъ, сдавшихся на капитуляцію, затѣмъ велѣлъ бросить въ колодезь женщинъ и дѣтей гарнизона. Прогнанные изъ Каунпора, инсургенты взяли его обратно у англичанъ, но послѣ того опять должны были покинуть его, оставивъ изъ своихъ рядовъ тысячи въ рукахъ мстителей, которые пролили кровь за кровь, воздали обидой за обиду. Воспоминаніе объ этомъ страшномъ годѣ до сихъ поръ еще раздѣляетъ побѣдителей отъ побѣжденныхъ: ни одному туземцу не дозволяется проникнуть во внутренность памятника, впрочемъ, не отличающагося красотой архитектуры, который скрываетъ отверстіе роковаго колодца. Англійскій городъ Каунпоръ, расположенный вдоль праваго берега рѣки и соединенный съ противоположнымъ берегомъ рѣшетчатымъ мостомъ, по которому проходитъ желѣзная дорога изъ Лукнау, совершенно отдѣленъ отъ индусскаго города садами, парками, полями для маневровъ войскъ. Рядомъ съ англійскимъ городомъ расположено фабричное предмѣстье, гдѣ есть даже бумагопрядильни, снабженныя всѣми новѣйшими механическими приспособленіями, какія существуютъ на манчестерскихъ мануфактурахъ.

Лукнау, или Лакнао (Лахнао, по-англійски Lucknow), столица бывшаго Аудскаго царства, превращеннаго въ англійскую провинцію съ 1856 года, принадлежитъ, какъ и Каунпоръ, къ числу новыхъ городовъ Индіи; въ этомъ мѣстѣ существовала лишь деревня раджпутскаго основанія, построенная на горкѣ, посвященной Сеснагу, «тысячеглавому змѣю, на которомъ стоитъ свѣтъ». Нынѣшній городъ появился не далѣе, какъ въ шестнадцатомъ столѣтіи. Во время Акбара Лукнау былъ уже однимъ изъ лучшихъ городовъ имперіи, но исключительную важность онъ получилъ только въ прошломъ столѣтіи, какъ резиденція независимыхъ государей; теперь это — пятый городъ Индіи по числу жителей, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ индусы считаютъ его метрополіей: во всемъ, что касается модъ, музыки, театра, тонкостей языка, взоры ихъ обращаются къ Лукнау. Однако, это значеніе его, какъ законодателя въ дѣлѣ хорошаго вкуса, значительно уменьшилось со времени событій, слѣдовавшихъ за возмущеніемъ сипаевъ въ 1857 году. Тогда англійскому гарнизону пришлось выдержать первую осаду во дворѣ резиденціи, затѣмъ, послѣ освобожденія отъ этой осады пришедшимъ на помощь войскомъ, онъ долженъ былъ запереться въ одномъ укрѣпленномъ саду, въ окрестностяхъ города; Лукнау, защищаемый 30.000 сипаевъ и 50.000 волонтеровъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи 100 пушекъ, былъ взятъ обратно у инсургентовъ только послѣ убійственной осады и избіенія тысячъ индусовъ, которыхъ громили картечью въ упоръ. Хотя туземное населеніе Лукнау, индусское и мусульманское, вообще довольно враждебно относится къ европейцамъ, однако, мало найдется городовъ, гдѣ бы они поселились въ такомъ большомъ числѣ; перепись 1872 года насчитала 4.222 резидента бѣлой расы, не включая сюда эвразійцевъ.

Издали Лукнау представляетъ чудное зрѣлище: можно подумать, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ города болѣе великолѣпнаго. Выглядывающіе сквозь деревья, которыя осѣняютъ своими кронами теченіе рѣки Гумти, золотые куполы, минареты и колоколенки мечетей и мавзолеевъ, кажется, обѣщаютъ вторую Агру; но вблизи очарованіе пропадаетъ, и сразу видишь, какъ обманчива вся эта бьющая на эффектъ пышная архитектура. Большая часть дворцовъ вульгарныя копіи съ индусскихъ памятниковъ, украшенныя вычурными орнаментами, принадлежащими ко всевозможнымъ стилямъ и окрашенными въ самые рѣзкіе цвѣта; коринѳскія капители поддерживаютъ персидскія аркады, а итальянскія виллы увѣнчаны готическими куполами, въ родѣ тіары; плохія англійскія имитаціи греческихъ и римскихъ памятниковъ были, въ свою очередь, скопированы лукнаускими строителями. И на эти-то жалкія, лишенныя вкуса, постройки уходили, въ теченіе слишкомъ полустолѣтія, почти всѣ рессурсы государственной казны, ради ихъ-то десять милліоновъ жителей должны были терпѣть жесто-

[1]) Campbell, „Ethnology of India"; Hunter, „Imperial Gazetteer of India".

кій порядокъ постояннаго угнетенія! Впрочемъ, между старинными зданіями Лукнау есть нѣсколько замѣчательныхъ, имѣющихъ нѣкоторый архитектурный характеръ. Имамбара, или «Святое Мѣсто», преобразованное теперь въ арсеналъ и утратившее почти всѣ свои скульптурныя украшенія, представляетъ величественный дворецъ, отличающійся изяществомъ и простотой стиля, и оканчивается массивными воротами грандіознаго вида. Дворецъ резиденціи, сдѣлавшійся стратегическимъ центромъ города и исходною точкой широкихъ аллей, расходящихся радіусами во всѣ стороны, чтобы облегчить движеніе войскъ между «кантовеменстами» или штабами и городомъ—тоже одно изъ лучшихъ зданій въ Лукнау; наконецъ, торговая часть города заключаетъ много красивыхъ домовъ, съ узорчатыми рѣзными балконами и покрытыхъ снаружи штукатуркой, болѣе блестящей, чѣмъ мраморъ. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ Лукнау—это Мартеновскій коллежъ (collège de la Martinière), названный такъ по имени французскаго генерала Клодъ-Мартена, построившаго его въ смѣшанномъ стилѣ, итальянскомъ, индусскомъ и персидскомъ, который былъ принятъ его повелителемъ, раджей Аудскимъ, для постройки своихъ собственныхъ дворцовъ. Три города, Лукнау, Калькутту и Ліонъ, свою родину, Мартенъ назначилъ своими наслѣдниками, и въ каждомъ изъ этихъ городовъ существуетъ коллежъ его имени, увѣковѣчивающій память этого выслужившагося изъ рядовыхъ офицера.

Какъ всѣ богатства Ауда уходили, словно въ бездонную пропасть, въ дворцы Лукнау, такъ и городское населеніе страны почти все сосредоточилось въ столицѣ. За исключеніемъ Лукнау, въ этихъ богатыхъ равнинахъ, справедливо прозванныхъ «Садомъ Индіи», очень мало городовъ, да и тѣ, какіе существуютъ, имѣютъ чисто мѣстную важность, какъ рынки и складочные пункты товаровъ. Два центра административныхъ дѣленій, Ситапуръ на сѣверѣ и Райнъ-Барели на югѣ,—незначительныя мѣстечки; но Барайчъ, посвященный богу Брамѣ, Хайрабадъ и древній Шахабадъ—болѣе многолюдные города. Важнѣйшій, послѣ Лукнау, городъ бывшаго королевства, Файзабадъ, построенъ на мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ городъ Аудъ, имя котораго перешло на всю страну. Древній городъ Аджодіа, «основанный Ману, прародителемъ людей» и бывшій нѣкогда столицей царства Косала и резиденціей «Солнечнаго» царя Дасараты, отца Рамы, не имѣетъ уже никакихъ слѣдовъ тѣхъ памятниковъ, великолѣпіе которыхъ воспѣваетъ Рамайяна; онъ не сохранилъ никакихъ остатковъ своихъ древнихъ буддійскихъ монастырей, а его джайнскіе храмы—всѣ недавняго происхожденія. Магометанскія мечети, основанныя въ эпоху завоеванія страны, лежатъ уже въ развалинахъ, но онѣ указываютъ взорамъ индусовъ всѣ священнѣйшія мѣста, тѣ мѣста, гдѣ родился Рама, гдѣ онъ совершилъ одно изъ своихъ великихъ жертвоприношеній, гдѣ онъ скончался. Говорятъ, что ярмарка въ Аджодіи привлекаетъ полмилліона посѣтителей. Новый городъ, сохранившій древнее имя Аджодіа, гораздо менѣе населенъ, чѣмъ его сосѣдъ, Файзабадъ, стоящій западнѣе и такъ же, какъ Аджодіа, на правомъ берегу рѣки Гогры. Эти два города пользуются большимъ просторомъ на огромномъ пространствѣ въ 248 квадр. километровъ, на которомъ, какъ утверждаютъ, была раскинута древняя Аджодіа. Нынѣшняя важность Файзабада обусловливается преимущественно его этапнымъ положеніемъ между Бенаресомъ и Лукнау.

Аллахабадъ, или «Божій городъ», который индусы называютъ Прайягъ, по причинѣ «слиянія» двухъ священныхъ рѣкъ, Ганга и Джамны, соединяющихся передъ его храмами, не самый большой городъ въ провинціяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ «сѣверо - западныхъ»; тѣмъ не менѣе, англичане избрали его главнымъ городомъ этого обширнаго отдѣла своей имперіи, — предпочтеніе, которымъ онъ обязанъ своей первостепенной важности въ стратегическомъ и торговомъ отношеніи, какъ мѣсто, откуда расходятся большія дороги, идущія къ Ауду и Непалу, къ Дели и Пенджабу, къ центральнымъ провинціямъ и берегамъ Аравійскаго моря; здѣсь раздѣляется главный желѣзный путь Сѣверной Индіи, чтобы образовать двѣ вѣтви, пешаверскую и бомбейскую. Торговый городъ и административный центръ, Аллахабадъ утратилъ памятники зодчества, составлявшіе нѣкогда его красу и славу. Крѣпость, расположенная на самой стрѣлкѣ, образуемой сліяніемъ двухъ рѣкъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ находились строенія, относящіяся къ легендарнымъ временамъ, не сохранила ни одной изъ башенъ, воздвигнутыхъ султаномъ Акбаромъ, и походитъ, со своими гласисами и покрытыми дерномъ откосами валовъ, на всѣ современныя укрѣпленія; но она заключаетъ еще въ своихъ стѣнахъ прекрасный дворецъ, превращенный теперь въ арсеналъ, и кое-гдѣ остатки предшествовавшихъ построекъ. Столбъ, стоящій въ саду, замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ вырѣзанъ знаменитый указъ буддійскаго императора Асоки, обнародованный за два съ половиною вѣка до начала нашего лѣтосчисленія, и за этою древнею надписью слѣдуютъ двѣ другія, прославляющія: одна—побѣды, одержанныя четыре столѣтія спустя Самудрагуптой, а другая—восшествіе на престолъ Великаго Могола Джехангира. Близъ этого столба находится входъ въ храмъ, который рѣчные наносы и развалины превратили въ катакомбы; здѣсь-то, говорятъ индусы, рѣка Сарасвати оканчи-

ваетъ свое таинственное теченіе, чтобы соединиться съ двумя другими священными потоками, Гангомъ и Джамной; сырость, ползующая по стѣнамъ подземелья, есть, по ихъ вѣрованію, не что иное, какъ вода Сарасвати, спускающейся въ нѣдра земли у Танесара. Въ одномъ углу двора подземнаго храма видны остатки ствола баніана, «нетлѣннаго» дерева, на вѣткахъ котораго обиталъ злой духъ, пожиравшій людей; пилигримы приходили сюда сотнями добровольно предавать себя смерти, чтобы насытить алчный аппетитъ чудовища; груды человѣческихъ костей покрывали всю почву [1]).

Гора Мойра.

Во времена Акбара, когда Гангъ подточилъ свой нагорный берегъ до самаго основанія свя-

---

[1]) Hiouen-Thsang, „Mémoires sur les contrées occidentales“, traduits par Stanislas Julien.

щеннаго дерева, добровольные мученики бросались прямо съ его вѣтвей въ воды рѣки [1]). Въ настоящее время Аллахабадъ, хотя все еще принадлежащій къ числу священныхъ городовъ Индустана, конечно, потерялъ уже прежній престижъ въ глазахъ индусовъ, безъ сомнѣнія, потому, что грозныя жерла пушекъ выглядываютъ изъ амбразуръ крѣпости надъ берегами Ганга и Джамны; на ярмарку, открывающуюся въ Аллахабадѣ въ началѣ года, пилигримы и торговые люди стекаются въ меньшемъ числѣ, чѣмъ на годовые рынки Аджодіи. Однако, и здѣсь иногда собирается на ярмарку до 250.000 человѣкъ, располагающихся въ палаткахъ на равнинѣ, которая тянется вдоль праваго берега Ганга, вверхъ отъ слiянія его съ Джамной; обыкновенно, въ періодъ полнолунія большинство иногородныхъ посѣтителей погружается въ воды рѣки, подъ наблюденіемъ спеціальнаго класса брамановъ; путешественнику по Индіи мало встрѣтится зрѣлищъ, болѣе любопытныхъ, чѣмъ оригинальный видъ этой несмѣтной толпы людей, безпрестанно мѣняющіяся группы которой бороздятъ тысячами струй величественный потокъ священнаго Ганга.

Какъ всѣ административные центры Англоиндійской имперіи, Аллахабадъ дѣлится на два города: городъ казармъ, виллъ, парковъ и садовъ, гдѣ поселились властители страны, и индусскіе кварталы, совершенно отдѣленные отъ той части города, гдѣ обитаетъ каста чужеземныхъ завоевателей. Въ англійскомъ Аллахабадѣ обращаетъ на себя вниманіе центральный колледжъ, недавно основанное высшее учебное заведеніе для всѣхъ «сѣверо-западныхъ» провинцій Индіи. Индусскій городъ представляетъ лабиринтъ узкихъ и кривыхъ улицъ, извивающихся между рядами низенькихъ домовъ, скученныхъ на берегу Джамны; однако, и здѣсь есть нѣсколько красивыхъ новыхъ кварталовъ, построенныхъ богатымъ купечествомъ. Черезъ Джамну перекинутъ, выше города, желѣзный мостъ, около версты длиною; берега же Ганга все еще соединены только пловучими мостами. Со времени проведенія желѣзной дороги въ Пригангской равнинѣ пароходы прекратили свои рейсы между Аллахабадомъ и Калькуттой.

Ниже слiянія Ганга съ Джамной, первый большой городъ, который омываютъ воды главной рѣки,—Мирзапуръ; расположенный на южномъ высокомъ берегу, онъ имѣетъ величественный видъ съ его прекрасными лѣстницами, спускающимися до самой рѣки, съ его храмами, увѣнчанными куполами и башенками, съ его дворцами, богато украшенными скульптурой и рѣзьбой. Мирзапуръ все еще принадлежитъ къ числу значительныхъ торговыхъ городовъ, хотя онъ много потерялъ въ этомъ отношеніи со времени постройки желѣзной дороги. До этой эпохи онъ былъ первымъ рынкомъ Индіи по торговлѣ хлѣбомъ и хлопкомъ; теперь же, сдѣлавшись простою промежуточною станціею желѣзнаго пути, онъ замѣненъ, какъ складочное мѣсто товаровъ, Аллахабадомъ, Кауннпоромъ, Дели. Однако, промышленность въ немъ такъ же дѣятельна, какъ и прежде; ремесленники его фабрикуютъ мѣдныя издѣлія, ковры, различныя ткани, лакированныя вещи; здѣсь переработывается воскъ лаковаго червеца (coccus lacca), присылаемый сюда съ Раджмагальскихъ горъ и изъ области Чота-Нагпоръ черезъ Байдіанатскую станцію. Дома въ Мирзапурѣ, какъ и въ Бенаресѣ, построены изъ превосходнаго камня, песчаника, который доставляютъ Чанарскія каменоломни, находящіяся ниже на берегу Ганга. Въ этомъ же мѣстѣ (въ Чанарѣ), прославившемся въ индусской миѳологіи, высится скала, основаніе которой омывается водами священной рѣки и на которой пилигримы созерцаютъ отпечатокъ, оставленный ногой бога. На этомъ мысѣ, составляющемъ послѣдній выступъ плоскогорья Виндіа, стоитъ знаменитая крѣпость, изъ которой англичане сдѣлали бастилію для государственныхъ узниковъ.

Бенаресъ, или Каси, античный Варанаси, есть метрополія браманскихъ религій, священнѣйшій между священными городами, тотъ городъ, который достаточно увидѣть, чтобы быть облегченнымъ отъ тяжкаго бремени грѣховъ или преступленій; «иногда святые праведники спускаются съ неба на землю, чтобы довершить свое очищеніе, и въ такомъ случаѣ они обыкновенно избираютъ Каси мѣстомъ своего пребыванія» [1]). Съ самыхъ первыхъ временъ арійской исторіи въ странѣ, Бенаресъ появляется уже какъ городъ святынь. Шакіа-Муни приходилъ туда проповѣдывать свое ученіе, и въ теченіе восьмисотъ лѣтъ этотъ городъ былъ по преимуществу священнымъ мѣстомъ буддистовъ. Затѣмъ, браманы отстроили тамъ свои пагоды, которыя впослѣдствіи были разрушены магометанами, воздвигнувшими на мѣстѣ ихъ свои мечети. Въ настоящее время болѣе тысячи семисотъ храмовъ, мечетей и другихъ меньшихъ святилищъ разсѣяны во всѣхъ частяхъ города, не считая жертвенниковъ и усыпальницъ, святыхъ образовъ и статуй па площадяхъ и улицахъ. Кромѣ того, здѣсь есть много христіанскихъ церквей и часовень или капеллъ различнаго наименованія, построенныхъ миссіонерами, и благодаря религіозному индифферентизму нынѣшнихъ владѣтелей Индіи, даже буддійскій храмъ, куда ходятъ молиться бенарesскіе непальцы, могъ быть воз-

[1]) Elliot, „Muhammadan Historians of India“; A. Cunningham, „Ancient History of India“.

[1]) Troyer, „Radjatarangini. Histoire des rois de Kachmir“.

двигнутъ въ священномъ градѣ брамановъ; поднимающіяся одна надъ другою кровли этой кумирни, построенныя почти въ чисто китайскомъ стилѣ, составляютъ рѣзкій контрастъ съ узорчатыми пирамидальными главами индусскихъ пагодъ, съ минаретами и куполами мусульманскихъ мечетей. На всемъ Полуостровѣ нѣтъ городовъ, гдѣ религіозная архитектура была бы представлена бо́льшимъ количествомъ памятниковъ различныхъ эпохъ; руины буддійскихъ ступъ, которыя видны еще въ Сарнатѣ, въ 6 километрахъ къ сѣверу отъ города, восходятъ, можетъ быть, за двадцать четыре столѣтія до нашего времени. Одинъ изъ этихъ шарообразныхъ куполовъ. Дамекъ или Дарма, т. е. «Законъ», представляетъ каменную массу въ 34 метра (около 16 саженъ) высоты, окруженную плинтусомъ, богато украшеннымъ изваяніями; онъ находится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ божественный Будда началъ «вращать колесо закона» [1]).

Со временъ буддійской эпохи Бенаресъ постепенно перемѣстился къ югу. Онъ находился тогда на сѣверной сторонѣ небольшой рѣчки Барна, отъ которой и произошло его названіе, и Сарнатскія развалины обозначаютъ его первоначальное мѣстоположеніе; затѣмъ онъ занималъ. южнѣе, ту мѣстность, гдѣ въ наши дни расположены казармы англійскаго военнаго города, а теперь его дома́ скучены на лѣвомъ берегу Ганга. Внутренность города представляетъ лабиринтъ узкихъ и кривыхъ улицъ, загроможденныхъ людьми и животными, верблюдами, ослами, лошадьми, священными быками; даже обезьяны примѣшиваются къ уличной толпѣ около нѣкоторыхъ пагодъ; галлереи, аркады, узорчатые рѣзные балконы, грубыя фрески, деревья, прицѣпившіяся къ стѣнамъ, цвѣты на окнахъ и на террасахъ придаютъ каждому дому особенную физіономію. Когда смотришь съ рѣки, которая движется широкимъ потокомъ у основанія Бенареса, изгибаясь въ видѣ красивой дуги или полумѣсяца, длиною въ 5 километровъ, этотъ единственный въ свѣтѣ городъ развертываетъ передъ взорами великолѣпную панораму своихъ дворцовъ, своихъ безчисленныхъ храмовъ, съ башнями и куполами разнообразнѣйшей формы и величины, изъ которыхъ одни еще крѣпкіе, другіе уже потрескались и наклонились. Гаты, или ступени, спускающіяся къ рѣкѣ съ крутаго берега (возвышающагося на 30 метровъ или 14 саженъ), усѣяны пилигримами и факирами, которые предаются душеспасительному умерщвленію плоти или обливаются священною водою Ганга; у подножія одной изъ лѣстницъ лежатъ покойники, завернутые въ бѣлые саваны и колеблемые теченіемъ; тутъ же по близости приготовляется костеръ, на которомъ тѣла ихъ будутъ преданы сожженію. Многочисленныя барки, пароходы снуютъ взадъ и впередъ по широкой рѣкѣ; въ дни большихъ праздниковъ поверхность водъ имѣетъ не менѣе оживленный видъ, чѣмъ кишащій народомъ берегъ, а вечеромъ, когда обширный полукругъ дворцовъ блеститъ тысячами огней, городъ представляетъ волшебное зрѣлище. Послѣ возмущенія 1857 года, фортъ, возведенный на берегу Ганга, безобразилъ своею неуклюжею массою красивую линію великолѣпныхъ памятниковъ; теперь онъ заброшенъ. Обсерваторія, воздвигнутая Джайсингомъ въ концѣ семнадцатаго столѣтія, господствуетъ надъ массой храмовъ и домовъ своими балконами и террасами.

Городъ паразитовъ, живущихъ на счетъ пилигримовъ, которые стекаются сюда со всѣхъ концовъ Индустана, Бенаресъ есть одно изъ наименѣе промышленныхъ городскихъ поселеній на берегахъ Ганга. Хотя, по количеству населенія, онъ все еще занимаетъ первое мѣсто между городами провинцій, называемыхъ «сѣверо-западными», однако, число его жителей сильно убавилось съ половины настоящаго столѣтія, и, вѣроятно, въ близкомъ будущемъ онъ утратитъ первенство въ этомъ отношеніи и останется позади нѣкоторыхъ другихъ центровъ населенія; уменьшеніе религіозной ревности, замѣчаемое нынѣ, какъ общее явленіе, у индусовъ, не можетъ не повести къ обѣднѣнію священнаго города. Впрочемъ, въ Бенаресѣ существуютъ нѣкоторыя отрасли промышленности, производящія преимущественно предметы роскоши, какъ-то: штофныя матеріи и шали, филиграновыя издѣлія и драгоцѣнныя украшенія. Бенарескіе купцы ввозятъ значительныя количества хлопчатобумажныхъ тканей, за которыя они платятъ сахаромъ, индиго, селитрой. Какъ точка бифуркаціи желѣзныхъ путей Ауда и Доаба (междурѣчья), Бенаресъ есть необходимое складочное мѣсто товаровъ. Желѣзная дорога проходитъ на востокѣ отъ города, по первому постоянному мосту, какой до сихъ поръ устроенъ черезъ Гангъ выше дельты; это путеводъ о семи пролетахъ, имѣющій въ цѣломъ около 800 метровъ длины. На другой оконечности стоитъ за́мокъ Рамнагаръ, резиденція наваба, которому правительство сохранило титулъ бенаресскаго магараджи. «Ни одинъ англичанинъ,—говоритъ Давидсонъ,—не можетъ смотрѣть безъ стыда на стѣны этого за́мка», напоминающаго о хищеніяхъ и клятвопреступленіяхъ извѣстнаго генералъ-губернатора Уарренъ-Гастингса [1]).

Ниже впаденія притока Гумти и длиннаго изгиба, образуемаго теченіемъ Ганга, городъ Газипуръ, стоящій, какъ и Бенаресъ, на лѣ-

[1]) Hiouen-Thsang, „Voyages des pèlerins bouddhistes“; A. Cunningham, „Ancient Geography of India“.

[1]) „Travels in Upper India“.

вомъ берегу священной рѣки, пріобрѣлъ довольно важное значеніе, какъ складочный торговый пунктъ, и правительство имѣетъ тамъ обширные заводы для приготовленія опіума; кромѣ того, этотъ городъ славится какъ центръ производства розовой эссенціи; онъ отправляетъ въ Калькутту табакъ, а также селитру и углекислую соду, собираемыя на мѣстахъ съ сухимъ грунтомъ, лежащихъ выше уровня наводненій Ганга. Баксаръ, слѣдующій за Газипуромъ ниже по берегу рѣки,—тоже торговый городъ, но гораздо менѣе оживленный, чѣмъ Чапра, который находится на лѣвомъ берегу Ганга, при сліяніи его съ Гогрой; немного ниже впадаетъ и другой притокъ, рѣка Сона. Такимъ образомъ, городъ Чапра занимаетъ очень выгодное положеніе въ точкѣ соединенія трехъ значительныхъ рѣчныхъ долинъ, но онъ построенъ на низкомъ мѣстѣ, часто затопляемомъ во время разливовъ, и при томъ судоходный фарватеръ передвинулся, оставивъ пристань позади себя на разстояніи почти двухъ километровъ. Кромѣ того, желѣзная дорога отвлекла торговое движеніе, пройдя по другой сторонѣ долины Ганга черезъ городъ Аррахъ, унаслѣдовавшій важное значеніе, которымъ еще недавно пользовался городъ Сассерамъ, лежащій южнѣе, въ области холмовъ. Находящіеся къ сѣверу отъ Ганга города Джаонпуръ, Азамгаръ и Горакпуръ отправляютъ свои произведенія въ Газипуръ или въ Чапру. Знаменитая Капилаваста, мѣсто рожденія Будды, находилась, вѣроятно, въ окрестностяхъ Горакпура, на берегахъ рѣки Гогры.

Между Бенаресомъ и Калькуттой самый многолюдный и самый важный по торговлѣ городъ—Патна, т. е. «Городъ» по преимуществу; магометане называютъ его Азимабадомъ. Въ буддійскія времена, слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, онъ носилъ названіе Паталипутра, которое въ описаніи, оставленномъ грекомъ Мегасѳеномъ, измѣнилось въ Палиботра; онъ былъ тогда «главнымъ городомъ Индіи». Вмѣстѣ съ своими предмѣстьями, Патна и теперь еще одинъ изъ самыхъ обширныхъ городовъ Азіи; его дома, верфи, складочные магазины тянутся вдоль праваго берега Ганга на пространствѣ слишкомъ 20 километровъ. На западѣ первую группу этого громаднаго городскаго поселенія составляетъ крѣпость или военный городъ Динапуръ, съ его кантонементами, парками, полями для маневровъ; затѣмъ слѣдуетъ административный центръ провинціи, Банкипуръ, гдѣ живутъ почти исключительно только европейцы и ихъ прислуга; наконецъ, далѣе, на востокѣ, простирается индусскій городъ, середину котораго занимаетъ городская ограда Патны въ собственномъ смыслѣ. Гораздо болѣе, чѣмъ Чапра, Патна можетъ быть разсматриваема какъ точка соединенія естественныхъ путей этой области: къ тремъ большимъ рѣкамъ, Гангу, Гогрѣ и Сонѣ, которыя соединяются выше Патны, прибавляется еще, напротивъ города, четвертая, Гандакъ, притокъ Ганга, спускающійся изъ богатѣйшихъ долинъ Непала. Сверхъ того, Патна соединена теперь двумя желѣзными дорогами съ Калькуттой и служитъ центральною станціею для сѣти второстепенныхъ линій, связанныхъ съ главною желѣзнодорожною артеріеюСѣвернаго Индустана.

Несмотря на древность своихъ историческихъ воспоминаній, современная Патна не заключаетъ въ себѣ почти никакихъ остатковъ старины; главная ея архитектурная достопримѣчательность—громадный хлѣбный амбаръ, которымъ англичане никогда не пользовались, развѣ только для того, чтобы слушать, какъ отдается въ немъ чудное эхо. Въ самомъ городѣ только и есть замѣчательнаго, что его обширные складочные магазины, наполненные опіумомъ, хлѣбомъ, растительными маслами и другими продуктами и товарами; но въ окрестностяхъ встрѣчаются зданія и руины, которыя принадлежатъ къ числу интереснѣйшихъ памятниковъ религіозной Индіи. На югѣ отъ Патны нѣкогда находилась область, по преимуществу священная для буддистовъ; но браманы съумѣли ловко обратить въ свою пользу античную святость храмовъ и монастырей соперничающаго культа; какъ гласитъ мѣстная легенда, земля прикрываетъ въ этомъ мѣстѣ одного проклятаго богами генія, преступленіе котораго состояло въ томъ, что онъ слишкомъ любилъ людей и слишкомъ легко спасалъ ихъ отъ мукъ ада Геній этотъ не кто иной, какъ побѣжденный буддизмъ: для того, чтобы онъ согласился не колебать землю, боги-побѣдители обѣщали ему спасеніе для всѣхъ пилигримовъ, которые будутъ приходить молиться въ храмахъ, построенныхъ на его тѣлѣ [1]). Желѣзная дорога, проходящая черезъ промышленный городъ Джаханабадъ, соединяетъ Патну съ священнымъ городомъ Гайя, названнымъ такъ по имени миѳическаго генія, запертаго въ нѣдрахъ земли. Сорокъ пять священныхъ станцій, передъ каждою изъ которыхъ богомольцы должны оставлять приношенія, окружаютъ этотъ городъ на нѣкоторомъ разстояніи; нужно не менѣе тринадцати дней пути, чтобы исполнить всѣ церемоніи очищенія. Изъ всѣхъ этихъ станцій самой важной, той станціей, гдѣ приношенія имѣютъ наибольшую спасительную силу, гдѣ они особенно богоугодны, считается станція Будъ-Гайя или Бодъ-Гайя, находящаяся въ десяти километрахъ къ югу отъ города, на рѣкѣ Лиладжанъ, или «Незапятнанной»; въ этомъ мѣстѣ Шакіа-Муни провелъ пять лѣтъ, погруженный въ самосозерцаніе, въ тѣни смоковницы изъ породы баніановъ, отъ которой и теперь еще показываютъ стволъ, на половину

[1]) Radjendralala Mitra, „Buddha Gaya“.

изгрызенный временемъ; названіе этого дерева, боди друмъ, т. е. «Древо мудрости», будто бы, сдѣлалось, слегка измѣненное, наименованіемъ всей совокупности священныхъ памятниковъ, но нѣкоторые этимологи производятъ его отъ прозвища, которое имѣлъ «Мудрецъ», или Будда. Храмъ, который стараніями посланниковъ барманскаго короля былъ дважды ремонтированъ, въ 1805 и въ 1877 годахъ, покоится на фундаментахъ зданія, построеннаго слишкомъ 2.400 лѣтъ тому назадъ, и сохранилъ еще любопытныя изваянія, относящіяся къ эпохѣ императора Асоки, которыя воспроизводятъ не арійскіе типы, а фигуры похожія на представителей племени коль [1]). Неподалеку отъ храма видны также развалины дворца, въ которомъ жили Асока и его преемники на магадскомъ тронѣ.

Гайя, впрочемъ, не исключительно городъ жрецовъ; онъ въ то же время и торговый центръ: самая многолюдная часть его, обогатившаяся отъ торговли сахаромъ, получила, отъ населяющихъ ее купцовъ, прозвище Сахибганджъ, т. е. «Господскій рынокъ». Точно также, на юго-востокѣ отъ Патны, городъ Бехаръ, по которому называется и вся провинція и имя котораго, происшедшее отъ Вихара, имѣетъ одинъ только смыслъ—«Монастырь», пріобрѣлъ важное значеніе гораздо болѣе по своей торговлѣ и промышленности, чѣмъ по приливу пилигримовъ. Что касается городовъ провинціи Бехаръ, находящихся къ сѣверу отъ Ганга, въ области Тиргутъ, то они ничѣмъ не прославились въ религіозной исторіи Индіи, такъ какъ эта страна долгое время оставалась во власти дикихъ народцевъ; но въ наши дни это одна изъ тѣхъ областей, которыя даютъ наибольшее количество хлѣба, опіума и другихъ земледѣльческихъ произведеній; тиргутскій табакъ и индиго принадлежатъ къ наиболѣе цѣнимымъ продуктамъ этого рода. Городскія поселенія Беттія, Музаффарпуръ, Дабанга, самые значительные центры населенія въ краѣ, отправляютъ свои произведенія въ Калькутту, но не по измѣнчивымъ рѣкамъ и рѣчкамъ, орошающимъ ихъ поля, а по сѣти желѣзныхъ дорогъ, постройка которыхъ была предпринята во время голоднаго 1874 года, съ цѣлью дать заработокъ умиравшимъ съ голода поселянамъ. Эти рельсовые пути, по которымъ постоянно происходитъ большое товарное движеніе, оканчиваются на берегу Ганга, напротивъ города Баръ, одной изъ важныхъ станцій желѣзной дороги изъ Калькутты въ Пешаверъ. Городъ Хаджипуръ, тоже значительный торговый пунктъ, можетъ быть разсматриваемъ какъ пригородъ Патны, съ которою его соединяетъ устье рѣки Гандакъ. Воздѣланныя земли Сѣвернаго Бехара постепенно распространяются все далѣе и далѣе въ предѣлы болотистаго пояса терай, на югѣ отъ границы Непала, за которою наблюдаетъ, на дорогѣ въ Катманду, крѣпость Сигаули.

Монгиръ, одна изъ самыхъ оживленныхъ пристаней на берегахъ Ганга, есть въ то же время одинъ изъ живописныхъ городовъ Бенгаліи, благодаря скалистому пригорку, на которомъ стоитъ старинный фортъ, заключающій теперь европейскій городъ: у подножія этого замка или кремля группируются дома индусскаго города; окружающія равнины принадлежатъ къ мѣстностямъ, которыя наиболѣе представляютъ видъ лѣса или парка, благодаря дереву мхова или bassa latifolia, цвѣты котораго питаютъ людей и животныхъ. Около полумилліона этихъ деревьевъ растутъ въ округѣ, давая каждый годъ сборъ цвѣтовъ, простирающійся до 100.000 тоннъ [болѣе 6 милліоновъ пудовъ] [1]). Багальпуръ, городъ еще болѣе многолюдный и торговый, чѣмъ Монгиръ, расположенъ вдоль праваго берега главной рѣки, на пространствѣ слишкомъ 3 километровъ; окрестная страна—одна изъ самыхъ любопытныхъ мѣстностей Индіи по многочисленности существующихъ въ ней храмовъ, сооруженныхъ джайнами. Холмъ Мандаръ (Мандаръ-гири), который высится уединенно верстахъ въ пятидесяти къ югу отъ Багальпура, носилъ нѣкогда 540 храмовъ на своемъ гранитномъ плато, господствующемъ надъ окружающими равнинами на 200 слишкомъ метровъ; изображеніе змѣя, изсѣченное въ скалѣ рельефно, обвивается вокругъ всей горы. Отъ древнихъ зданій страны сохранились только агаты и другіе твердые камни, разсѣянные по землѣ.

Ниже богатаго Багальпура, по теченію рѣки, древній городъ Кольгонгъ, или Кохальгаонъ, еще недавно имѣвшій весьма важное значеніе, какъ мѣсто отправки товаровъ въ Калькутту, снизошелъ теперь на степень незначительнаго мѣстечка: удалившись отъ этого города, Гангъ тѣмъ самымъ осудилъ большое число его жителей на изгнаніе; большинство ихъ поселилось ниже по рѣкѣ, въ новомъ городѣ Сахибганджѣ, одномъ изъ тѣхъ многочисленныхъ «господскихъ рынковъ», которые появились со времени англійскаго завоеванія. По Гонтеру, торговое движеніе въ Сахибганджѣ въ фискальномъ 1876—1877 году выразилось слѣдующими цифрами: 43.020 судовъ, грузъ которыхъ состоялъ изъ 100.000 тоннъ риса, 40.000 тоннъ соли и т. д.; общая цѣнность товаровъ простиралась до 11.250.000 франковъ. Къ сѣверо-западу отъ Сахибганджа, на противоположномъ берегу рѣки, усѣянной въ этомъ мѣстѣ островами и песчаными мелями, находится станція Карагола,

[1]) Dalton, „Ethnology of Bengal"; „Radjendralala Mitra, „Bouddha Gaya".

[1]) Lockwood, „Journal of the Linnaean Society", vol. XVII, 1880.

которая тоже привлекаетъ много торговаго люда во время ярмаковъ; эти ярмарки происходятъ на обширной равнинѣ изъ аллювіальныхъ земель, гдѣ не разъ появлялась холера, производившая большія опустошенія среди скученной массы народа. Первый городъ, который мы встрѣчаемъ на югѣ отъ большаго изгиба Ганга, обходящаго вокругъ холмовъ Пахаріа,—Раджмагалъ, тоже одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые населялись и пустѣли, сообразно перемѣщеніямъ рѣки. Почти во все продолженіе семнадцатаго столѣтія, Раджмагалъ, стоявшій тогда при главномъ теченіи Ганга, былъ важнѣйшимъ городомъ области дельты; въ половинѣ настоящаго столѣтія онъ былъ еще многолюднымъ и торговымъ центромъ населенія; но въ 1863 году рѣка отодвинулась къ востоку, и «Садъ Царей» (буквальное значеніе слова Раджмагалъ) обратился въ кучку лачугъ, раскиданныхъ вокругъ руинъ. Въ 1880 году теченіе рѣки опять вступило въ Раджмагальское русло, а вмѣстѣ съ тѣмъ вернулись торговля и цвѣтущее состояніе города. На востокѣ, городъ Мальда, расположенный при сліяніи Мага-надди и одного рукава или побочнаго потока Ганга, и нѣкогда имѣвшій нѣкоторую важность, какъ торговая контора французовъ и голландцевъ, тоже пришелъ въ упадокъ; въ настоящее время онъ славится только своими превосходными плодами манговаго дерева, но уже не фабрикуетъ прочныхъ бумажныхъ матерій, извѣстныхъ подъ названіемъ *мальди*. Далѣе на югѣ, англійская торговая контора, основанная въ 1686 году, сдѣлалась однимъ изъ второстепенныхъ городовъ Бенгаліи, подъ именемъ Инглишъ-Базаръ (англійскій базаръ) или Ангразабадъ. Въ этой измѣнчивой странѣ, гдѣ нерѣдко и самая почва пропадаетъ по капризу потоковъ, города имѣютъ болѣе скоропреходящую судьбу, чѣмъ на твердыхъ земляхъ внутренности материка. Такъ, въ этой области видны еще знаменитыя развалины Гаура и остатки Пандуаха, города, который былъ резиденціей афганскихъ монарховъ около конца четырнадцатаго столѣтія; его зданія, всѣ изъ камня, хорошо сохранились и очень любопытны, какъ образчики афганской архитектуры въ Бенгаліи. Что касается города Тонданъ или Тангра, который слѣдовалъ, какъ столица государства, за Гауромъ и Пандуахомъ, то мѣстоположеніе его еще не найдено [1]) На сѣверѣ, въ аллювіальныхъ равнинахъ, по которымъ протекаютъ горныя рѣчки и ручьи, спускающіеся изъ Непала и Сиккима, города тоже блуждаютъ по волѣ измѣнчивыхъ водъ. Такъ, Пурнія, одинъ изъ важнѣйшихъ рынковъ для торговли джутомъ, былъ покинутъ европейскими негоціантами съ тѣхъ поръ, какъ рѣка Кали-Коси, перемѣнивъ русло, оставила вдоль города поясъ вонючихъ болотъ.

Ниже бифуракціи Ганга встрѣчаемъ еще нѣсколько городовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ аллювіальной равнинѣ Падмы, большаго рукава главной рѣки, который соединяется съ Мегной. Рампуръ-Баолеахъ—очень оживленный и посѣщаемый большимъ числомъ судовъ портъ, отпускающій преимущественно шелкъ, рисъ, джутъ, и ввозящій сахаръ, соль и различныя ткани (въ фискальномъ 1876—1877 году торговое движеніе этого города простиралось, по цѣнности товаровъ, до 13 525.000 фр.); тогда какъ Пабна, главный городъ округа, почти покинутъ торговлей, вслѣдствіе того, что рѣчное русло перемѣстилось къ югу. Между этими двумя городами, Рампуромъ и Пабной, паровой паромъ соединяетъ двѣ половины желѣзной дороги, идущей изъ Калькутты въ Дарджилингъ. Но торговая жизнь, понятно, устремилась, главнымъ образомъ, на малый рукавъ Ганга, который англичане выбрали мѣстомъ для основанія столицы своей Индійской имперіи. Впрочемъ, на томъ же западномъ рукавѣ могучей рѣки, около вершины дельты, и прежніе государи Бенгаліи установили свою резиденцію въ восемнадцатомъ столѣтіи. Муршидабадъ, на который упалъ ихъ выборъ, скоро сдѣлался однимъ изъ величайшихъ городовъ въ свѣтѣ. Когда англійскій генералъ Кляйвъ проникъ въ эту столицу, въ 1759 году, послѣ того, какъ армія его одержала надъ войсками наваба рѣшительную побѣду при Пласси, резиденція бенгальскихъ владыкъ показалась ему «такою же обширною, такою же многолюдною и такою же богатою, какъ Лондонъ, съ тою разницею, что крупные собственники Муршидабада живутъ въ гораздо большемъ изобиліи и роскоши, чѣмъ лорды и негоціанты англійской метрополіи». «Если бы жителя,—прибавляетъ онъ,— захотѣли истребить европейцевъ, то имъ достаточно было бы для этого камней и палокъ». Городъ имѣлъ тогда слишкомъ 50 километровъ въ окружности. Даже и послѣ того, какъ англичане сдѣлались неоспоримыми властителями Бенгаліи, Муршидабадъ по-прежнему сохранилъ свой оффиціальный рангъ столицы; только въ 1772 году онъ былъ лишенъ нѣкоторыхъ изъ своихъ привилегій главнаго города государства, а въ 1790 году у него былъ отнятъ, наконецъ, и самый титулъ столицы. Съ этой эпохи важность его, такъ же, какъ и численность населенія, быстро уменьшились. Послѣдовательныя переписи городскаго населенія Муршидабада въ девятнадцатомъ столѣтіи дали слѣдующія цифры: въ 1815 г.—165.000; въ 1829 г.—146.186; въ 1837—124.804; въ 1872 г.—46.140; въ 1891 г.—35.576 жит. Навабъ, которому англійское правительство назначило годовое содержаніе (liste civile) въ размѣрѣ 4 милліоновъ франковъ, все еще имѣетъ свою

[1]) Hunter, „Imperial Gazetteer of India“.

оффиціальную резиденцію въ Муршидабадѣ и владѣетъ тамъ пышными дворцами, изъ которыхъ одинъ, построенный недавно въ итальянскомъ стилѣ, заключаетъ рѣзной тронъ изъ слоновой кости, - образцовое произведеніе мѣстнаго искусства; другой дворецъ въ большей части построенъ изъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ памятниковъ Гаура. Одинъ изъ муршидабадскихъ лицеевъ (колледжей) принимаетъ исключительно молодыхъ людей, принадлежащихъ къ фамиліи наваба. Почти затерянный среди деревьевъ и густыхъ чащей бамбука, Муршидабадъ имѣетъ видъ обыкновенныхъ городскихъ поселеній только въ фабричномъ кварталѣ (шелкопрядильныя мануфактуры), да въ той части, которая расположена по берегу Ганга; но торговое движеніе сосредоточивается преимущественно на сѣверѣ городскаго округа, въ двухъ пригородныхъ мѣстечкахъ Джіаганджъ и Азимганджъ, лежащихъ одно противъ другаго по обѣ стороны рѣки Бхагирати. Въ коммерческомъ мірѣ Муршидабадъ извѣстенъ только своими банковыми операціями.

Если Муршидабадъ пришелъ въ упадокъ, то многіе другіе города страны совсѣмъ прекратили свое существованіе. Такъ, древній буддійскій городъ Бадригатъ, на западномъ берегу Бхагирати, оставилъ послѣ себя только развалины, а мѣсто, гдѣ стоялъ Казимбазаръ, теперь указываютъ только мазанки да нѣсколько дворцовъ богатыхъ туземцевъ. Этотъ послѣдній городъ, находившійся въ пяти километрахъ къ югу отъ Муршидабада, былъ въ семнадцатомъ столѣтіи важнѣйшимъ торговымъ центромъ Бенгаліи; самая рѣка была извѣстна подъ именемъ этого порта, и вся дельта Ганга называлась «Казимбазарскимъ островомъ». Въ 1813 году торговля уже большею часть перемѣстилась и направилась къ новому городу Барампуру (Брамапуръ), гдѣ англичане основали свои военные кантонементы, какъ вдругъ отступленіе русла Бхагирати оставило Казимбазаръ среди болотъ; отливъ населенія принялъ размѣры настоящаго бѣгства, и остъ-индская компанія, владѣвшая въ этомъ мѣстѣ весьма важною прядильною мануфактурою, вынуждена была бросить это обширное промышленное заведеніе. Мѣстоположеніе бывшей европейской колоніи теперь указываютъ только многочисленные могильные камни христіанскаго кладбища. На югѣ отъ Барампура, знаменитое поле сраженія при Плясси или Паласи испытало противоположную участь: вмѣсто того, чтобы быть покинутымъ внутри земель, вдали отъ рѣки, оно было цѣликомъ унесено размывами рѣчныхъ водъ.

Надія, одна изъ столицъ, которыя предшествовали Муршидабаду, была въ одиннадцатомъ столѣтіи резиденціей послѣдняго изъ государей индусской расы, царствовавшихъ надъ Бенгаліей. Она не исчезла, какъ многіе другіе города этой области, гдѣ почва безпрестанно перемѣщается водами; но рѣка, такъ сказать, играла съ нею; основанная на правомъ берегу Бхагирати, она теперь находится на лѣвомъ берегу той же рѣки. Кришнагаръ, лежащій километрахъ въ десяти къ востоку, на берегу Джеллинги, много превзошелъ Надію по важности; то же нужно сказать о двухъ очень значительныхъ торговыхъ городахъ Каль и Сантипуръ, находящихся ниже, на извилинахъ Бхагирати, которая уже приняла въ этомъ мѣстѣ названіе Хугли. Города этой области Бенгаліи нѣкогда славились своими учебными заведеніями, а Кришнагаръ и нынѣ славится своимъ институтомъ санскритскаго языка и литературы. Отъ другаго древняго города, знаменитаго своими школами, Трибени, не осталось ничего, кромѣ гата, или священной лѣстницы, по которой спускаются пилигримы, чтобы купаться въ водахъ рѣки. Трибени, т. е. «Три Рѣки», названный такъ отъ сліянія двухъ потоковъ съ Гангомъ, не перемѣнилъ имени съ глубокой древности, восходящей слишкомъ за восемнадцать столѣтій до нашего времени; Плиній и Птоломей упоминаютъ о немъ, какъ объ одномъ изъ большихъ торговыхъ городовъ Индіи.

Въ Трибени мы уже вступаемъ въ городской округъ Калькутты. Древній портъ Сатгаонъ или Саптаграмъ, т. е. «Семь Деревень», былъ долгое время главнымъ торговымъ городомъ гангской дельты, но когда фарватеръ обмелѣлъ, мѣсто якорной стоянки судовъ должно было передвинуться, и португальцы, которые въ то время прибыли въ страну, основали городъ Хугли: это было въ 1547 году. Церковь и Бандельскій монастырь, которые еще видны на сѣверной сторонѣ города,—самыя старыя христіанскія зданія, какія только существуютъ въ Сѣверной Индіи. Португальцы оставались около столѣтія въ своей колоніи, но въ 1629 году императоръ Джахангиръ обложилъ осадой Хугли и взялъ городъ приступомъ; почти весь португальскій флотъ былъ захваченъ непріятелемъ, и плѣнные были перебиты или насильно обращены въ магометанскую вѣру. Въ 1642 году явились, въ свою очередь, англичане, и такъ же, какъ португальцы, скоро вступили въ вооруженную борьбу съ своими хозяевами; побѣда осталась за пришельцами, и Хугли сдѣлался однимъ изъ ихъ опорныхъ пунктовъ для дальнѣйшихъ завоеваній. Городъ Чинсурахъ, лежащій къ югу отъ Хугли и составляющій съ нимъ одно цѣлое въ отношеніи городскаго общественнаго управленія, былъ голландскою колоніею; только въ 1826 году онъ окончательно уступленъ Англіи. Построенный въ этомъ городѣ постоянный

мостъ, длиною въ 400 метровъ, соединяетъ двѣ желѣзнодорожныя линіи, идущія по обоимъ берегамъ Хугли.

Французская контора Чандернагоръ,—Чонданъ-нагаръ, «Городъ Сандальнаго дерева», или Чандра-нагаръ, «Городъ Луны»,—напоминаетъ времена, когда Дюпле старался завоевать для Франціи Индійскую имперію. Занятый французами въ 1673 году, затѣмъ купленный у Великаго Могола въ 1688 году, Чандернагоръ сдѣлался, въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія, значительнымъ городомъ, и купеческія суда сотнями стояли на якорѣ передъ его набережными; въ 1757 году измѣна Террано предала его англичанамъ [1]). Разоренный войнами, кордономъ таможень, которыми онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, и обмелѣніемъ рѣки, которая теперь имѣетъ только три метра глубины на фарватерѣ, Чандернагоръ остался, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ Бенгаліи; его обветшалые храмы и дворцы окружены обширнымъ садомъ, который образуютъ группы пальмъ, густые ряды индійскихъ смоковницъ и другія большія тропическія деревья. Фарашъ-дунга, или «Французская община», занимаетъ, со всею своею территоріею, пространство 940 гектаровъ, и торговля ея совершенно ничтожна; французскіе коммерческіе корабли останавливаются въ Калькуттѣ.

Торговля Франціи рѣкой Хугли въ 1878 году: Привозъ въ Калькутту—7.006.000 франк. Вывозъ изъ Калькутты—50.681.000 франк.

Всѣ торговыя націи Европы хотѣли имѣть свои конторы на главной рѣкѣ Бенгаліи и получать свою долю драгоцѣнныхъ произведеній страны. Ниже Чандернагора и на томъ же западномъ берегу Хугли датчане пріобрѣли городъ Серампуръ, который они окрестили полудатскимъ, полуиндусскимъ именемъ Фредериксиагаръ. Проданный Англіи въ 1845 году, Серампуръ составляетъ теперь пригородъ Калькутты, и многочисленные негоціанты основали въ немъ свое обычное мѣстопребываніе. Этотъ городъ долгое время былъ средоточіемъ протестантскихъ миссій въ Индустанѣ, и его семинарія религіозныхъ пропагандистовъ есть значительное учебное заведеніе, библіотека котораго заключаетъ въ себѣ рѣдкія рукописи. Напротивъ Серампура, на лѣвомъ берегу Хугли, виднѣется прекрасный паркъ Бараккпура, одной изъ резиденцій вице-короля Индіи. Это смѣшанное, полуевропейское, полуиндусское названіе Баракпуръ (барачный городъ) указываетъ на сосѣдство военныхъ кантонементовъ, которые замѣнили старую крѣпость Сіамнагаръ, построенную однимъ бардванскимъ раджей. Въ 1824 году одинъ полкъ сипаевъ, стоявшій лагеремъ въ Баракпурѣ, отказался идти на войну противъ Барманіи и за это ослушаніе былъ истребленъ.

Калькутта, столица Англо-индійской имперіи и, послѣ Бомбея, многолюднѣйшій городъ Южной Азіи, появилась въ относительно недавнее время. Правда, въ этомъ мѣстѣ существовала маленькая деревня, Каликота, упоминаемая въ 1596 году въ окладныхъ реестрахъ, составленныхъ по приказанію султана Акбара, но только около столѣтія позднѣе англійскіе купцы, жившіе въ Хугли, покинули эту контору, чтобы поселиться на лѣвомъ берегу рѣки, въ мѣстности, безопасной отъ набѣговъ мараттовъ. Они построили свои магазины и жилища на томъ мѣстѣ, гдѣ находились три деревушки, Сутанати, Каликота и Говиндпуръ, и имя центральнаго селенія, напоминающее культъ Кали, кровожадной богини, въ концѣ концовъ одержало верхъ и сдѣлалось названіемъ всей колоніи. Моряки и иностранцы передѣлали это наименованіе въ Голгоѳу, намекая тѣмъ на ужасающую смертность новаго города, который былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ болотами, и грунтъ котораго находился во многихъ мѣстахъ ниже уровня рѣчныхъ наводненій. Въ наши дни различные кварталы ассенированы сѣтью сточныхъ трубъ, прекрасными парками и чистыми водами, текущими въ изобиліи; въ 1871 году смертность въ Калькуттѣ была меньше, чѣмъ во многихъ большихъ городахъ Западной Европы, каковы, напримѣръ, Неаполь и Флоренція; тѣмъ не менѣе, поясъ болотистыхъ земель и рисовыхъ плантацій, часто затопляемыхъ, и теперь еще окружаетъ городъ съ восточной и южной стороны: обширное болото Даппаманпурское, называемое англо-индійцами «Солянымъ озеромъ», простирается на востокѣ отъ Калькутты на пространствѣ около 80 квадр. километровъ и наполняется городскими нечистотами, отвозимыми туда по особой желѣзной дорогѣ, устроенной спеціально для этой цѣли. Съ 1871 года смертность снова возрасла, при томъ до такой степени, что стала перевѣшивать среднюю цифру рожденій, и городское населеніе съ этого года постоянно уменьшалось, хотя число жителей вообще въ прибрежныхъ равнинахъ возрасло въ изумительныхъ размѣрахъ.

Смертность въ Калькуттѣ: въ 1871—23,9; въ 1873 г.—25,8; въ 1877 г.—31,9 на 1000.

Обладаніе подвижною, измѣнчивою почвой, на которой водворились купцы остъ-индской компаніи, досталось имъ не безъ борьбы. Въ 1756 году навабъ Бенгаліи, Сараджъ-удъ-Даула, обложилъ осадой цитадель и овладѣлъ ею; европейскіе плѣнные, въ числѣ 146 человѣкъ, были заперты въ тѣсную комнату, знаменитую «Черную Яму» (Black Hole), какъ ее называютъ англійскіе лѣтописцы, и на другой день, когда темница была отперта, въ живыхъ оказались

[1]) „Journal of the Asiatic Society of Bengal", II, 1867.

только 33 человѣка; остальные, по недостатку воздуха и пространства, задохлись или были раздавлены. Въ слѣдующемъ году военный флотъ, пришедшій изъ Мадраса, отмстилъ за это злодѣяніе. Генералы Кляйвъ и Вильсонъ взяли обратно Калькутту, одержали рѣшительную побѣду при Плесси, назначили новаго наваба и предписали ему условія мира, въ силу которыхъ англичане получили право верховной власти надъ калькуттскою землей. Съ этой эпохи и начинается существованіе нынѣшняго города. На югъ отъ стараго форта, Кляйвъ воздвигъ цитадель съ звѣздчатыми бастіонами, получившую названіе «фортъ Вильямъ», которая имѣетъ не менѣе 3 километровъ въ окружности и заключаетъ въ себѣ цѣлый городъ и сады; на сторонахъ, которыя ограничиваютъ на сѣверѣ и на востокѣ *майданъ*, обширную эспланаду, гдѣ маневрируютъ войска и гдѣ прогуливается столичный бомондъ, высятся тѣ пышныя стро-

Бенгальскій пейзажъ.

енія съ колоннадами и съ фронтонами, за которыя Калькутта получила названіе «города дворцовъ». Правда, что эти дворцы обращаютъ на себя вниманіе только богатствомъ матеріаловъ, изъ которыхъ они построены, да правильностью своихъ архитектурныхъ линій; это англійскія подражанія греческаго стиля; несмотря на разность климатовъ и народовъ, Калькутта и Петербургъ походятъ другъ на друга холодною правильностью и банальнымъ, казарменнымъ видомъ и расположеніемъ своихъ зданій. Еще недавно въ этой пышной столицѣ Индіи городъ дворцовъ составлялъ въ высшей степени печальный контрастъ съ «грязнымъ городомъ»: сѣверные и восточные кварталы, населенные туземцами, представляли непроходимый лабиринтъ переулковъ и закоулковъ, обставленныхъ по сторонамъ грязными лачугами индусовъ; широкія улицы, проведенныя теперь черезъ этотъ черный городъ, даютъ доступъ воздуху и свѣту; съ своей стороны, и англійскій городъ содержитъ уже не мало улицъ, постройки которыхъ, болѣе простыя, чѣмъ богатыя зданія эспланады, отличаются въ то же время и лучшимъ вкусомъ въ архитектурномъ отношеніи. На западѣ, на правомъ берегу рѣки, основался другой городъ, подъ именемъ Хаурахъ, населенный по преимуществу моряками, промышленниками, ремесленниками всякаго рода. Пловучій мостъ, разводимый на два часа въ день для прохода судовъ, соединяетъ эти два города. Вдоль береговъ Хугли, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, устроены священныя лѣстницы, или гаты, спускающіяся своими нижними ступенями въ самую воду и постоянно унизанныя индусами и индусками всякаго возраста, которые молчаливо предаются омовеніямъ, образуя живописную картину своими подвижными, безпрестанно мѣняющимися группами. На сѣверной сторонѣ пловучаго моста Нимтолахская лѣстница спеціально посвящена сожиганію умершихъ: трупъ покойника кладутъ на костеръ, брызгаютъ на глаза нѣсколько капель священной воды, затѣмъ накладываютъ кучки полѣньевъ на тѣло, и вскорѣ отъ него остается только пепелъ да обугленныя кости [1]).

Выборъ Калькутты въ столицы британскихъ владѣній въ Азіи ясно свидѣтельствуетъ о чужеземномъ происхожденіи ея основателей. Относительно Полуострова по сю сторону Ганга или передней Индіи она занимаетъ положеніе, совершенно внѣшнее, такъ какъ находится на окраинѣ его: она, очевидно, есть лишь сборное мѣсто для торговыхъ судовъ, приходящихъ за грузами произведеній страны; это резиденція купцовъ, а не средоточіе обширной политической имперіи, каковымъ было мѣстопребываніе Великихъ Моголовъ. Даже въ Бенгаліи Калькутта далеко не имѣетъ того географическаго положенія, какое приличествуетъ естественной столицѣ, выростающей, такъ сказать, изъ земли, благодаря сосредоточенію мѣстныхъ энергій. При естественномъ ходѣ вещей, индійскій Мемфисъ долженъ былъ возникнуть самъ собою при началѣ раздѣленія Ганга на рукава, и дѣйствительно, тамъ именно, близъ этой бифуркаціи, безпрестанно мѣняющей мѣсто, возникали, подъ владычествомъ азіатскихъ династій, индусскихъ и магометанскихъ, слѣдовавшіе одинъ за другимъ главные города Бенгаліи: Надія, Гауръ, Пандуахъ, Казимбазаръ, Муршидабадъ. Калькутта—это въ сущности не что иное, какъ торговая контора или факторія, господство которой было навязано всей странѣ силами, пришедшими изъ чужихъ дальнихъ краевъ, и которая могла измѣнить въ свою пользу естественное направленіе главныхъ путей сообщенія только при помощи значительныхъ искусственныхъ сооруженій. Оттого-то часто предлагали перенести столицу въ другое мѣсто: Дели, Агра, Аллахабадъ, Джабальпуръ были рекомендованы какъ будущія столицы Индіи, ради ихъ центральнаго положенія на Полуостровѣ; имя Бомбея тоже было упоминаемо въ этихъ проектахъ, въ виду тѣхъ исключительныхъ выгодъ, какія представляетъ этотъ городъ относительно удобства сношеній съ Европой; указывали даже Назикъ, на сѣверо-западномъ углу Декана, какъ занимающій привилегированное положеніе въ отношеніи здоровости климата, близости Бомбейскаго порта и легкости сосредоточенія всѣхъ большихъ дорогъ Индустана. Но Калькутта имѣетъ на своей сторонѣ, если не права, даваемыя временемъ, то, по крайней мѣрѣ, громадные рессурсы, которые ей доставили ея капиталы. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ и линіямъ судоходства, нынѣшняя столица государства имѣетъ легкое и удобное сообщеніе со всѣми провинціями Индустана; кромѣ того, нужно принять въ соображеніе то обстоятельство, что завоеванія и мирныя территоріальныя присоединенія, сдѣланныя на Полуостровѣ по ту сторону Ганга, придали городу на Хугли положеніе центральное относительно всей совокупности Англо-азіатской имперіи; онъ занимаетъ середину между Цейлономъ и Сингапуромъ, между Аденомъ и Гонконгомъ. При томъ, можно сказать, что со времени основанія лѣтнихъ городовъ на Гималайскихъ предгорьяхъ, столица Индіи стала вести кочевой образъ жизни. Лѣтомъ, Калькутта перестаетъ быть мѣстопребываніемъ правительства: административнымъ центромъ имперіи становится Симла, тогда какъ Дарджилингъ дѣлается временно главнымъ городомъ Бенгальскаго президентства. Такимъ образомъ, главныя управленія Индіи эмигрируютъ періодически, сооб-

[1]) E. Cotteau, „Promenade dans l'Inde et à Ceylon".

разно перемѣнѣ временъ года,—явленіе, безпримѣрное въ исторіи большихъ государствъ.

Въ періодъ своего слишкомъ столѣтняго господства надъ богатою Индійской имперіей, Калькутта не только украсилась пышными памятниками зодчества, каковы вице-королевскій дворецъ, зданія высшихъ правительственныхъ учрежденій, городская дума, судебная палата, главный почтамтъ, монетный дворъ, клубы, каѳедральные соборы, построенные въ греческомъ или готическомъ стилѣ, болѣе или менѣе индіанизированномъ, — она основала также много важныхъ научныхъ учрежденій. Мало найдется во всемъ свѣтѣ ученыхъ обществъ, которыя оказали бы больше услугъ наукѣ, чѣмъ азіатское общество Бенгаліи, и издаваемыя имъ записки, рядъ которыхъ начался около ста лѣтъ тому назадъ, въ 1788 году, составляютъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ источниковъ для изученія Востока; его богатая библіотека обладаетъ многими единственными въ своемъ родѣ документами. Индійскій музей, въ Калькуттѣ, заключаетъ въ себѣ полную коллекцію горныхъ породъ и ископаемыхъ Индустана, и, между прочимъ, любопытные остатки фауны третичной эпохи, собранные въ пластахъ горъ Сиваликъ. Между калькуттскими парками особенно замѣчателенъ зоологическій садъ, менѣе богатый, однако, чѣмъ такой же садъ аудскаго раджи, имѣніе котораго занимаетъ пространство болѣе двухъ километровъ вдоль лѣваго берега, ниже города. Противъ дворца низложеннаго раджи раскинулся обширный ботаническій садъ, занимающій площадь въ 109 гектаровъ; несмотря на опустошенія, произведенныя циклонами, тамъ еще сохранились нѣкоторыя чудеса растительнаго міра, между прочимъ, сенегальскій баобабъ, окружность котораго превышаетъ 14 метровъ (7 саженъ). Этотъ садъ, разведенный въ 1786 году, получилъ, подъ управленіемъ Госкера, первостепенную важность; это, вѣроятно, важнѣйшее учрежденіе подобнаго рода, давшее свѣту наибольшее число полезныхъ и орнаментальныхъ или декоративныхъ растеній: гербарій его, безъ сомнѣнія, самый полный во всей Азіи.

Какъ промышленный городъ, Калькутта стоитъ ниже Бомбея; она имѣетъ почти только тѣ мастерскія и фабричныя заведенія, какія необходимы всякому большому городу. Однако, пригородъ Хаурахъ, на западномъ берегу рѣки, представляетъ уже въ одномъ изъ своихъ кварталовъ видъ европейскаго мануфактурнаго города высокими трубами своихъ фабрикъ и заводовъ; здѣсь переработываются въ нити и ткани волокна джута (по-индусски *патъ*, *кошта*), или corchoris indica, и фабрикуются тѣ грубые мѣшки, которыми пользуются моряки для нагрузки хлѣбныхъ растеній и другихъ продуктовъ. Въ Калькуттѣ существуютъ также и бумагопрядильныя мануфактуры. Въ 1894 году въ этомъ городѣ насчитывали 26 джутопрядилень, съ 9.417 ткацкихъ станковъ и 189.080 веретенъ, при 67.930 рабочихъ, 8 бумагопрядиленъ, съ 324.038 веретенъ, 3 большія писчебумажныя фабрики, 2 сахарныхъ завода, нѣсколько индиговыхъ фабрикъ и 170 мелкихъ промышленныхъ заведеній. Правительство тоже имѣетъ большія промышленныя заведенія въ самой Калькуттѣ и въ окрестностяхъ; важнѣйшее изъ нихъ—пушечно-литейный заводъ въ Козипурѣ, находящійся выше города по рѣкѣ. Что касается роли города на Хугли въ отношеніи распредѣленія богатствъ, то онъ несомнѣнно имѣетъ первостепенное значеніе. Калькутта—одинъ изъ главнѣйшихъ портовыхъ городовъ Азіи и всего свѣта: годовая цѣнность его торговыхъ оборотовъ простирается до двухъ съ половиною милліардовъ франковъ, а движеніе судоходства достигаетъ, по количеству грузовъ, почти двухъ милліоновъ тоннъ, не считая безпрестаннаго прихода и отхода мелкихъ пароходовъ и туземныхъ барокъ, плавающихъ въ дельтѣ Ганга. Вотъ точныя цифры торговыхъ оборотовъ. Обороты внѣшней торговли 1894 г. составляли около 700 милліоновъ рупій:

Движеніе порта по внѣшней торговлѣ въ 1893 году: пришло 271 паровое судно въ 548.982 тонны и 146 парусныхъ судовъ въ 242.083 т.; отошло — 325 пароходовъ въ 681.365 т. и 180 парусныхъ судовъ въ 295.603 тонны.

Объ изумительной дѣятельности судоходства на тысячѣ каналовъ Бенгаліи можно судить по тому факту, что городокъ Хульна, стоящій въ центрѣ этой сѣти водныхъ путей, видитъ каждый годъ болѣе ста тысячъ судовъ, останавливающихся у его набережныхъ. Извѣстно, что не такъ давно калькуттскіе негоціанты, опасаясь обмелѣнія рѣки Хугли, хотѣли было дополнить свой портъ прибавкой другаго торговаго города на лиманѣ рукава Матлахъ, имѣющемъ отъ 8 до 50 метровъ глубины и безопасномъ отъ боры (борьбы приливной волны съ рѣчнымъ теченіемъ); но ни одинъ иностранный корабль не пошелъ къ этой новой гавани, окрещенной именемъ порта Каннинга. Недалеко оттуда находятся рудники Тарда, которые были посѣщены португальскими мореплавателями еще до основанія Калькутты [1]). На сѣверо-востокѣ лежитъ Джессоръ или Касба, маленькій городокъ, но административный центръ округа, въ которомъ насчитывается свыше двухъ милліоновъ жителей.

Ниже Калькутты, вплоть до самаго моря, удаленнаго отъ столицы на 128 километровъ, нѣтъ болѣе городовъ; встрѣчаются только деревни, на половину скрытыя въ густой зе-

[1]) J. Long, „Proceedings of the Asiatic Society“, dec 1868.

лени, да форты, сигнальныя башни, маяки и бакены. Однако, на западъ отъ метрополіи простирается густо населенный бассейнъ притока Хугли, рѣки Дамудахъ или Дамодаръ, которая беретъ начало въ холмахъ области Чота-Нагпоръ и соединяется въ лиманѣ съ другимъ потокомъ, рѣкой Рупнараянъ. Въ этомъ бассейнѣ есть еще нѣсколько важныхъ городовъ; Бардванъ, резиденція одного магараджи, получающаго теперь пенсію отъ англійскаго правительства,—самый значительный изъ нихъ, но въ Индустанѣ мало найдется городовъ, которымъ приходилось бы больше страдать отъ болотной лихорадки (маларіи); постоянный перевѣсъ смертныхъ случаевъ надъ числомъ рожденій уменьшилъ населеніе Бардвана болѣе чѣмъ на треть съ 1863 года, а нѣкоторыя деревни, болѣе другихъ подвергающіяся губительному дѣйствію міазмовъ, поднимающихся съ прибрежныхъ болотъ рѣки Дэмодара, были совершенно обезлюднены. Сосѣдній городъ, Бишнапуръ, на который старинныя хроники указываютъ, въ одиннадцатомъ столѣтіи, какъ на «славнѣйшій городъ во всемъ свѣтѣ», представляетъ теперь почти только развалины въ чертѣ громаднаго пространства, которое онъ нѣкогда занималъ. Другіе города страны, Чандракона, Банкура, имѣютъ нѣкоторые мѣстные роды промышленности, преимущественно производство шелковыхъ матерій и металлическихъ издѣлій. Мѣсто, къ которому, главнымъ образомъ, устремляются англійскіе капиталы, - это Ранигамджскій каменноугольный бассейнъ, обширный горнозаводскій округъ, который заключаетъ въ своихъ богатыхъ залежахъ по меньшей мѣрѣ, 14 милліардовъ тоннъ угля и который одинъ доставляетъ двѣ трети всего добываемаго въ Индіи годоваго количества минеральнаго топлива. Разработка тамошнихъ копей началась съ 1777 года, но по качеству ранигамджскій каменный уголь далеко уступаетъ англійскому. Самымъ дѣятельнымъ годомъ эксплоатаціи былъ 1868, когда количество добытаго въ копяхъ Ранигамджа угля достигло 564.930 тоннъ; въ 1879 году добыча составляла только 523.100 тоннъ. Уголь изъ копей Кархарбари, въ горахъ области Чота-Нагпоръ, недалеко отъ горы Параснатъ, доставляемый по спеціальной, нарочно для этой цѣли построенной вѣтви желѣзной дороги, считается лучшимъ въ Индіи, и въ сосѣдствѣ, на линіи, простирающейся на западъ черезъ Хазарибагъ и Паламао, вплоть до Дальтонганджа (Дальтоновъ рынокъ), въ долинѣ рѣки Соны, слѣдуютъ одинъ за другимъ другіе каменноугольные бассейны, которые способствуютъ въ извѣстной степени поддержанію и развитію промышленной дѣятельности страны, доставляя топливо и желѣзо ея чугуноплавильнымъ и желѣзодѣлательнымъ заводамъ и локомотивамъ желѣзныхъ дорогъ Бенгаліи. Замѣчательно, что въ бенгальскихъ каменноугольныхъ копяхъ никогда не образуется такъ называемый рудничный газъ [1]), такъ что тамошнимъ рудокопамъ нѣтъ надобности принимать противъ взрывовъ ни одной изъ тѣхъ предосторожностей, которыя необходимы въ Европѣ. Это тоже одна изъ выгодъ географическаго положенія Калькутты, что она находится по близости отъ единственныхъ каменноугольныхъ бассейновъ Полуострова, имѣющихъ дѣйствительную экономическую цѣнность.

Несмотря на очень нездоровый климатъ низменныхъ болотистыхъ мѣстностей страны, народонаселеніе въ округѣ Чота-Нагпоръ возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ округахъ Бенгаліи. Хазарибагъ, славящійся своимъ чистымъ, здоровымъ воздухомъ, постоянно разростается и пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе важное значеніе, какъ мѣсто дачной жизни для англійскихъ негоціантовъ Калькутты. Тамъ и сямъ, въ особенности на скатахъ горы Параснатъ, увѣнчанной джайнскими святилищами, джунгли уже уступили мѣсто чайнымъ плантаціямъ; но проектъ основать лѣтній городъ на вершинѣ горы почему-то оставленъ. На сѣверѣ, въ равнинѣ, по которой проходитъ желѣзная дорога, непосредственно соединяющая Калькутту съ Патной, находятся храмы, еще болѣе усердно посѣщаемые пилигримами, чѣмъ пагоды на горѣ Параснатъ: это святилища Деогара, или «Божьяго Зàмка», посвященныя богу Сивѣ. Въ прошломъ столѣтіи эти храмы были отдаваемы остъ-индскою компаніей на откупъ жрецамъ, и каждый приходившій на поклоненіе святымъ мѣстамъ богомолецъ долженъ былъ платить извѣстный налогъ въ пользу англійской казны [2]).

Къ западу отъ Калькутты, единственный большой городъ страны—промышленный Миднапуръ, стоящій на рѣкѣ Касаи и сообщающійся съ рукавомъ Хугли посредствомъ судоходнаго канала, проведеннаго черезъ низменныя равнины. Городъ Тамлукъ, на правомъ берегу Рупнарайяна, въ томъ мѣстѣ, гдѣ морской приливъ превращаетъ эту рѣку въ широкій лиманъ, который, по мнѣнію Фергюссона, былъ нѣкогда лиманомъ Хугли, есть древній Тамралапти, столица государства и очень оживленный портъ въ эпоху буддійскаго господства. Китайскій путешественникъ Гіуэнъ-Цангъ, посѣтившій страну въ седьмомъ столѣтіи послѣ Р. Х., говоритъ о немъ какъ о большомъ городѣ, богатомъ прекрасными памятниками зодчества. Но впослѣдствіи рѣка засорилась иломъ, обмелѣла, и суда перестали посѣщать Тамлукъ; теперь это не болѣе какъ большое мѣстечко, котораго дома и храмы мало-по-малу погружаются все глубже въ нетвердую почву.

[1]) V. Ball, „Jungle Life in India".
[2]) Hunter, „Annals of Rural Bengal".

Города Гангскаго бассейна, съ населеніемъ свыше 20.000 душъ:

Пенджабъ: Дели—192.579 жит.; Карналъ — 27.025 жит.; Панипатъ—27.547 жит.; Ревари—25.230 жит.

«Сѣверо-западныя» провинціи: Бенаресъ—219.457 жит.; Агра—168 662 жит.; Аллахабадъ—175.246 жит.; Каунпоръ—188.712 жит.; Барели—121.039 жит.; Миратъ—119.390 жит.; Фаррухабадъ и Фатехгаръ—78.032 жит.; Шахджаханпуръ—78.522 жит.; Мирзапуръ—84.130 жит.; Морадабадъ—72.921 жит.; Муттра (Матра)—61.195 жит.; Коилъ (Алигаръ)—61.485 жит.; Горахпуръ—63.620 жит.; Самбхалъ 46.975 жит.; Сахаранпуръ—63.194 жит.; Амроа—34.900 жит.; Будаонъ—33.680 жит.; Этава—34.721 жит.; Пилибхидъ—33.799 жит.; Банда—28.974 жит.; Гатрасъ—23.600 жит.; Джаупуръ—23.325 жит.; Деобандъ — 21.700 жит.; Майнпури—21.175 жит.

Государство Рампуръ: Рампуръ—76.733 жит.

Аудъ: Лукнау (Лукноу)—273.028 жит.; Файзабадъ—78.921 жит.

Бенгалія: Калькутта, съ пригородами — 810.786 жит.; Гаурахъ—116.606 жит.; Патна—165.192 жит.; Багальпуръ—69.106 жит.; Гайя—80.383 жит.; Дарбханга—73.561 жит.; Чапра—57.352 жит.; Муршидабадъ—35.576 жит.; Арра—43.000 жит.; Музаффарпуръ—38.225 жит.; Хугли и Чинсура—33.060 жит.; Бардванъ—34.477 жит.; Миднапуръ - 31.500 жит.; Сантипуръ — 30.437 жит.; Хульна — 27.350 жит.; Бархампуръ—30.000 жит.; Кришнагаръ—26.750 жит.; Серампуръ—35.952 жит.; Хаджипуръ—22.300 жит.; Рампуръ Баолеахъ—22.300 жит.; Чандракона—21.300 жит.; Сасарамъ—21.025 жит.; Джаханабадъ—21.020 жит.

Французскія владѣнія: Чандернагоръ (1895 г.)—24.000 жит.

IX.

Горы Ассама и бассейнъ Брахмапутры.

Эта сѣверо-восточная часть Индіи представляетъ переходную страну: занимая положеніе на границѣ нѣсколькихъ географическихъ областей, она принадлежитъ также и по составу своего народонаселенія къ различнымъ историческимъ эпохамъ. Въ то время, какъ равнины, заключающіяся въ Бенгальской провинціи, составляютъ уже многіе вѣка часть индусскаго міра, горныя цѣпи, образующія раздѣльный массивъ между бассейномъ Брахмапутры и бассейномъ Иравадди, между Индіей и Индо-Китаемъ, населены племенами, стоящими на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи; на полуденной покатости Гималайскихъ горъ и возвышенностей, которыми они продолжаются на востокъ, въ предѣлы Китайской имперіи, простираются даже еще неизслѣдованныя пространства, которыхъ первобытныя племена или аборигены примыкаютъ одни къ тибетскому корню, другія къ индо-китайскимъ расамъ. Въ сравненіи съ большинствомъ другихъ провинцій Индіи, Ассамъ слабо населенъ, не только въ высокихъ, нагорныхъ долинахъ, но даже и въ низменной области. Кажется, что въ предшествующую эпоху, прежде чѣмъ дикари и бармапскія войска опустошили этотъ край, населеніе было гораздо многочисленнѣе на берегахъ Брахмапутры; повсюду встрѣчаются въ джунглѣ остатки строеній, горки, бывшія, повидимому, могильными курганами, бамбуковыя рощицы, сады изъ фруктовыхъ деревьевъ, снова одичавшихъ. Въ наши дни страна опять заселяется путемъ колонизаціи; бенгальцы, ораонцы, санталы, призываемые на чайныя плантаціи, селятся въ плодоносной равнинѣ и въ возвышенныхъ долинахъ окрестныхъ горъ; но бенгальскіе округи Дакка, Типперахъ, Ноахали, лежащіе на восточномъ берегу Брахмапутры, заключаютъ въ шесть и семь разъ больше жителей, пропорціонально пространству.

Бассейнъ Брахмапутры до границъ Ассама:

	Пространство.	Народонаселеніе.
Ассамъ	126.915 кв. кил.	5.476.813 жит.
Дакка въ Бенгаліи	38.848 „ „	9.844.127 „
Типпера и Ноахали	10.908 „ „	2.257.865 „
Типперахскіе холмы	10.582 „ „	137.442 „

Горы Гарро, или «Холмы» (Hills), какъ ихъ называютъ калькуттскіе англичане, возвышаются непосредственно на востокѣ отъ большаго изгиба, который образуетъ Брахмапутра при своемъ вступленіи въ Бенгальскую равнину, подобно тому, какъ по другую сторону аллювіальнаго пространства, образующаго Междурѣчье, Гангъ огибаетъ Раджмагальскіе холмы; пробивая цѣпь высотъ, которая нѣкогда простиралась отъ Гатскихъ горъ Западнаго Декана до горъ Индо-Китая, воды, спускающіяся съ Гималая, расположили свои теченія съ замѣчательной симметріей. Горы Гарро, поднимающіяся постепенно по направленію съ запада на востокъ, состоятъ изъ параллельныхъ хребтовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго глубокими долинами, покрытыми лѣсами или джунглями. На югѣ, первый изъ этихъ хребтовъ увѣнчанъ горой Тура, съ вершины которой, возвышающейся на 1.370 метровъ, открывается одна изъ обширнѣйшихъ панорамъ, какія можно видѣть въ Индіи: необозримое пространство равнинъ сливается въ безконечной дали съ кривизной земнаго горизонта, тогда какъ за Дарджилингомъ показываются, въ ясную погоду, неопредѣленныя очертанія горныхъ массъ Сиккима; блестая тамъ и сямъ серебристыми полосами между зеленью лѣсовъ, появляются воды рѣки Амавари, какъ называютъ туземные жители горъ Гарро Брахмапутру; на

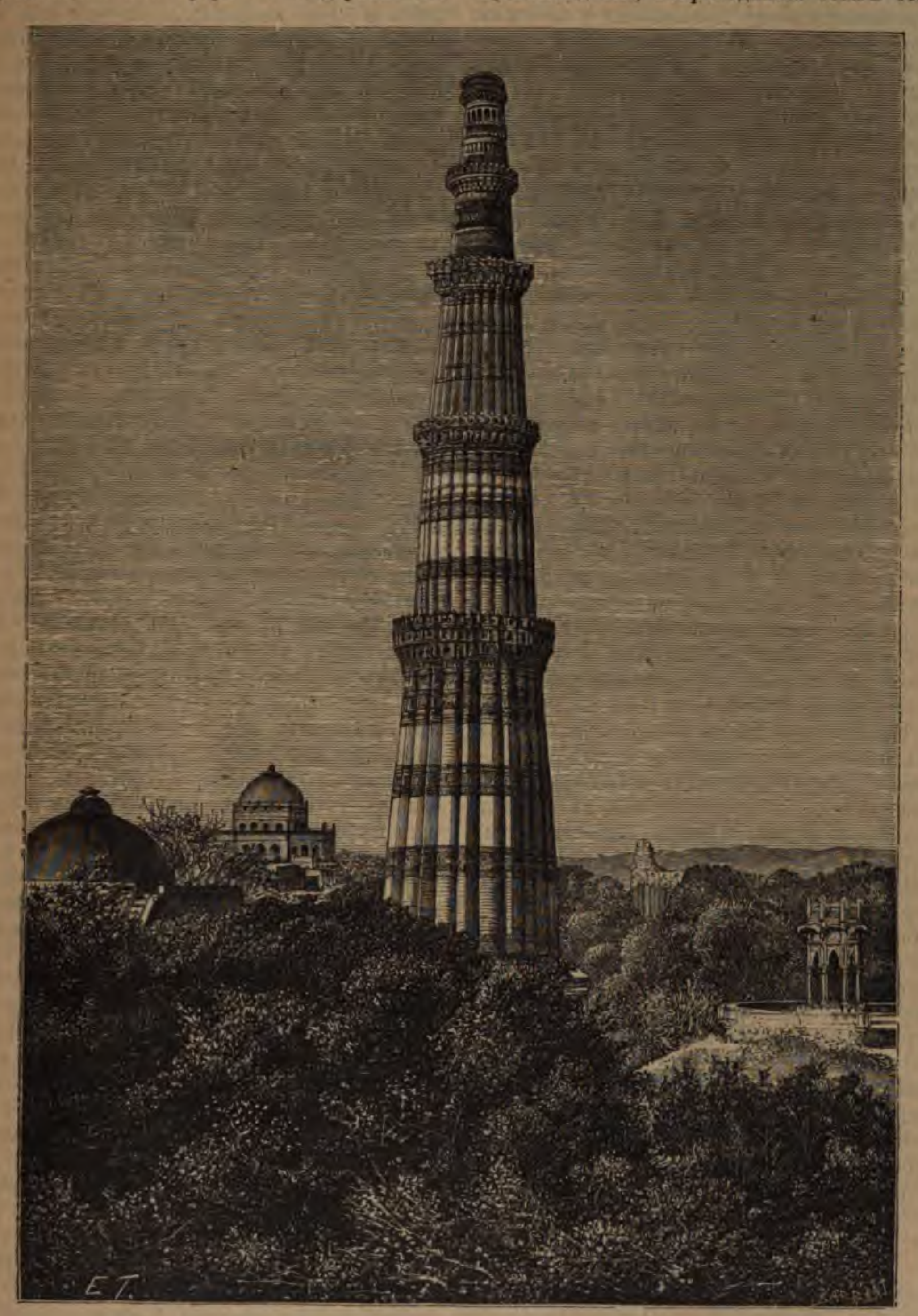
пространствѣ болѣе 160 километровъ можно различить излучины рѣки. Около центра массива, но ближе къ полуденному скату, поднимается высокая вершина, которой индусы дали имя Кайласъ, то же самое, какое носитъ одна изъ священныхъ горъ Гималая. Горы Гарро, орошаемыя необычайно обильными дождями, принадлежатъ къ числу возвышенностей, покрытыхъ очень густою растительностью, перепутанною съ безчисленными ліанами и чужеядными растеніями; драгоцѣнный салъ и другія строевыя деревья составляютъ обыкновенныя породы въ этихъ лѣсахъ, которыми завладѣло правительство и которые, безъ сомнѣнія, сдѣлаются современемъ однимъ изъ самыхъ производительныхъ и доходныхъ государственныхъ имуществъ, когда въ нихъ введется правильное лѣсное хозяйство и когда черезъ нихъ будутъ проведены во всѣхъ направленіяхъ дороги, необходимыя для эксплоатаціи. Государство присвоило себѣ также монополію охоты на слоновъ въ горахъ Гарро; правильно производимыя облавы могли бы давать ему каждый годъ около двухсотъ головъ этихъ животныхъ. Къ числу большихъ четвероногихъ, которыя бродятъ въ лѣсахъ этой части Ассама, принадлежитъ также носорогъ: это вообще очень смирное животное, и въ нѣкоторыхъ округахъ его приручаютъ и держатъ стадами, какъ мелкій домашній скотъ.

Горы Гарро, составляющія простой выступъ или мысъ на западной оконечности обширной горной системы, которая продолжается слишкомъ на 1.000 километровъ, до высотъ Юннана, примыкаютъ своими хребтами къ болѣе возвышеннымъ землямъ, извѣстнымъ послѣдовательно, въ направленіи отъ запада къ востоку, подъ названіемъ горъ Хасіа (Хаси) и горъ Джайнтіа. Геологическое строеніе какъ горъ Гарро, такъ и цѣпей Хасіа и Джайнтіа, совершенно одинаково, но наружный видъ двухъ склоновъ во многомъ разнится. Съ той и другой стороны сѣверная часть горъ состоитъ изъ кристаллическихъ и метаморфическихъ каменныхъ породъ, наклоненныхъ довольно пологимъ скатомъ къ равнинѣ Брахмапутры, тогда какъ южный край образованъ изъ пластовъ третичнаго происхожденія, преимущественно изъ мѣловыхъ и песчаниковыхъ формацій, круто обрывающихся надъ долиной, бывшимъ морскимъ заливомъ, въ которомъ теперь извиваются притоки Мегны. Тогда какъ горы Гарро разрѣзаны водами на множество параллельныхъ долинъ, горы Хасіа имѣютъ въ цѣломъ форму плоскогорій, поднимающихся, среднимъ числомъ, отъ 1.200 до 1.500 метровъ надъ уровнемъ моря, и на этихъ нагорныхъ равнинахъ находятся горбы, изъ которыхъ иные достигаютъ почти 2.000 метровъ высоты; по словамъ братьевъ Шлагинтвейтъ, самая возвышенная вершина—гора Мопатъ, поднимающаяся на 2.840 метровъ, но карта, составленная, подъ руководствомъ Тюилье, опытными офицерами-геодезистами, указываетъ на вершину Шиллонга, какъ на высшій куполъ горъ Хасіа, и приписываетъ ему только 1.962 метра высоты. Нѣкоторыя изъ южныхъ отлогостей, ограничивающихъ плоскогорья области Хаси, обрѣзаны до такой степени круто, что для того, чтобы подняться до уровня верхней площадки, нужно влѣзать на почти отвѣсныя стѣны или при помощи лѣстницъ, приставленныхъ къ скалѣ, или по деревяннымъ ступенькамъ, вбитымъ горизонтально въ камень; привычные мѣстные жители, нагруженные тяжелой ношей, а иной разъ даже и въ пьяномъ состояніи, всходятъ и сходятъ безъ малѣйшаго головокруженія по этимъ опаснымъ лѣстницамъ [1]. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ известняки горъ Хасіа залегаютъ на песчаникахъ, они изрыты подземными гротами и галлереями, которыхъ промежуточные столбы и своды обрушились тамъ и сямъ подъ давленіемъ налегающихъ массъ, вслѣдствіе чего образовались груды развалинъ, имѣющія видъ громадныхъ укрѣпленыхъ замковъ. Откосы изъ обвалившихся обломковъ представляютъ неисчерпаемыя каменоломни обжигальщикамъ извести, живущимъ въ равнинѣ.

Изсѣченія и промоины, сдѣланныя проливными, падающими въ видѣ настоящихъ потоковъ, дождями на южномъ склонѣ плоскогорій, принадлежатъ къ самымъ причудливымъ образованіямъ этого рода, какія только случалось наблюдать; въ нѣкоторыхъ частяхъ остались только простыя стѣны изъ скалъ между плато и почти уединенными отрывками его окружности. Въ другихъ мѣстахъ работа размыванія и, такъ сказать, изваянія горной массы продолжается изъ года въ годъ; послѣ каждаго дождливаго времени года образуются новые овраги и рытвины. Извѣстно, что ни въ одной странѣ земнаго шара не бываетъ ливней, которые превосходили бы обиліемъ дожди, падающіе въ Чера-Понджи, или «Деревнѣ Ручьевъ», въ горахъ Хасіа. И не только количество изливающейся изъ атмосферы дождевой воды безпримѣрно велико въ этой части Ассама, но и самая продолжительность дождливаго сезона здѣсь гораздо больше, нежели въ другихъ областяхъ Индіи; этотъ періодъ начинается въ мартѣ и оканчивается только около половины ноября, такъ что въ сосѣдствѣ рѣкъ равнины впродолженіи цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ остаются подъ водой. Въ этихъ затопленныхъ прибрежныхъ мѣстностяхъ атмосфера почти всегда тяжелая, сырая, насыщенная вредными болотными испареніями или міазмами. Даже въ сухое и холодное время года, съ ноября

[1] Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien".

по февраль, густой туманъ поднимается около полуночи съ низменныхъ пространствъ, и впродолженіи всего утра его нездоровая мас-



Башня Кутабъ въ окрестностяхъ Дели.

са тяготѣетъ надъ равнинами. Всякое сообщеніе прерывается между сосѣдними деревнями во время періода проливныхъ дождей; такова главная причина крайней раздробленности и разъединенности многихъ группъ между населеніями, родственными по языку и племенному происхожденію; непроходимыя топи и болота, образующіяся вслѣдствіе выступленія изъ береговъ рѣчекъ и ручьевъ, раздѣляютъ этихъ жителей болѣе, чѣмъ это дѣлали бы морскіе проливы и заливы. Кромѣ естественныхъ пу-

тей, представляемыхъ текучими водами, существуютъ тамъ и сямъ нѣсколько высокихъ шоссейныхъ дорогъ, построенныхъ въ предшествовавшую эпоху цивилизаціи и заботливо поддерживаемыхъ англичанами. Внѣ этихъ путей сообщенія было бы безусловно невозможно ни проѣхать, ни пройти, если бы человѣкъ не располагалъ услугами слона. Лѣса низменныхъ равнинъ и долинъ въ этомъ краѣ еще гуще, чѣмъ лѣса въ землѣ Гарро, но плоскогорья почти всѣ обезлѣсены, такъ какъ на нихъ поселились племена Хасіа и Джайнтіа, которыя срубаютъ деревья во время короткаго періода засухи и предаютъ ихъ пламени, чтобы освободить отъ нихъ почву. Флора горъ Хасіа — самая богатая въ Индіи и даже, вѣроятно, во всей Азіи: однѣхъ орхидей тамъ насчитываютъ до 250 различныхъ видовъ. Это изумительное богатство растительнаго царства происходитъ отъ чрезвычайнаго разнообразія почвъ на тѣсномъ пространствѣ: болота и торфяники, обвалы и осыпи, скалы, голые и лѣсистые горные скаты плоскогорья,—всѣ эти различные роды мѣстности имѣютъ каждый свою особенную растительность, которыя, взаимно смѣшиваясь и переплетаясь, производятъ необычайное богатство и разнообразіе флоры [1]); въ равнинѣ одно дерево бангіани или индійской смоковницы, размножаясь выдѣленіемъ воздушныхъ корней, образующихъ новые стволы съ новыми воздушными корнями, постепенно разростается въ цѣлый лѣсъ; по склонамъ горъ растетъ гигантскій гарджанъ, прямое и твердое дерево, распростирающее свои вѣтви на высотѣ 60 метровъ (28 саженъ) надъ поверхностью почвы; туземцы вырубаютъ дыру въ стволѣ этого колосса и разводятъ въ ней огонь, отъ дѣйствія котораго изъ дерева сочится душистое масло.

Большія военныя дороги, которыя инженерамъ удалось проложить только послѣ вооруженной борьбы съ туземцами, соединяютъ, черезъ горы Хасіа, верхнюю долину Брахмапутры съ долинами рѣкъ Сурмахъ и Баракъ, и эти искусственные пути, лучше, чѣмъ естественныя бреши плоскогорья, образуютъ раздѣльныя линіи между различными группами высотъ. Но на востокѣ отъ горъ Джайнтіа глубокое пониженіе рельефа почвы прерываетъ почти совершенно эту горную систему. Далѣе она снова появляется въ видѣ горъ Нага, научное изслѣдованіе которыхъ началось только въ 1872 году, подъ руководствомъ геолога Годуинъ-Остена. Область этихъ горъ, составляющихъ непосредственное продолженіе той же орографической системы на сѣверо-востокѣ, постепенно понижается, и черезъ извѣстные промежутки рѣки, спускающіяся къ Брахмапутрѣ, прорѣзываютъ ее своими широкими и глубокими долинами, гдѣ Годуинъ-Остенъ открылъ слѣды древнихъ ледниковъ [1]). Самыя высокія вершины этихъ хребтовъ не достигаютъ и 1.000 метровъ; но на югѣ они примыкаютъ къ другимъ горнымъ цѣпямъ, гораздо болѣе высокимъ, которыя образуютъ водораздѣльную возвышенность между бассейномъ Мегны и бассейномъ Иравадди. Одна изъ этихъ цѣпей, Барель, имѣетъ 2.000 метровъ средней высоты, и даже одинъ изъ ея куполовъ, часто покрытый снѣгомъ, поднимается на 3.700 метровъ надъ уровнемъ моря; Годуинъ-Остенъ обозначилъ пока просто одной буквой эту высочайшую точку границы между Индіей и Индо-Китаемъ. Пучекъ гребней понижается мало-помалу по направленію къ сѣверо-востоку, и горы Паткой представляютъ многочисленные проломы, высотой отъ 600 до 1.000 метровъ, позволяющіе удобно проходить съ верховья Брахмапутры на верховье Иравадди; главныя препятствія происходятъ отъ густоты лѣсовъ и большаго протяженія болотъ.

На сѣверъ отъ Дихинга, одного изъ большихъ восточныхъ притоковъ Брахмапутры, начинается «невѣдомая земля». Извѣстно, однако, что она очень гориста и что ея пики поднимаются на значительную высоту. Одна вершина (къ сѣверу отъ рѣки Дихинга), Дупа-Бумъ, имѣетъ не менѣе 4.175 метровъ, и рѣдкіе путешественники, которые проѣзжали черезъ эту страну, пытаясь проникнуть въ Восточный Тибетъ, всѣ согласно описываютъ ее какъ одну изъ самыхъ трудныхъ для прохода мѣстностей, по причинѣ крутизны горныхъ склоновъ, отсутствія дорогъ и сплетенія вьющихся растеній, которыя вездѣ опутываютъ непроницаемою сѣтью и связываютъ одно съ другимъ деревья лѣсовъ. Селеніе Симе, крайній пунктъ, до котораго доходили путешественники въ этомъ направленіи, находится уже въ сердцѣ горныхъ цѣпей, принадлежащихъ къ орографической системѣ Восточнаго Тибета; только узкія долины, гдѣ проходятъ верхніе притоки Брахмапутры, раздѣляютъ въ этой области различные массивы, продолжающіе на востокѣ систему Гималайскихъ горъ. Въ этомъ селеніи Симе были умерщвлены, въ 1854 году, два миссіонера, Крикъ и Боури, отважившіеся проникнуть въ этотъ дикій край.

Въ глазахъ индусовъ, главная вѣтвь верхней Брахмапутры не самая обильная рѣка изъ всѣхъ верхнихъ притоковъ. По ихъ мнѣнію, «Сынъ Брамы» (буквальное значеніе слова Брахмапутра), имѣющій у различныхъ туземныхъ народовъ разныя названія: Сіангъ — у племени аборъ, Талу-ка—у племени сингпо, Гаранія— у ассамцевъ, жителей равнины, Амавари — у племени гарро, Бурхамъ-путеръ — у бенгаль-

[1]) Hooker, „Himalayan Journals“.

[1]) „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, aug. 1875; „Ocean Highways“, may 1873.

цевъ, беретъ свое начало изъ Брамакунда, или «озера Брамы», которое образуетъ рѣка Лохитъ, кружась у подножія каменнаго утеса, откуда льется водопадъ; нѣкоторые индусскіе пилигримы приходятъ туда совершать свои религіозныя церемоніи и охранять «священный истокъ», населенный большими рыбами, которыхъ туземцы почитаютъ какъ святыхъ факировъ, перемѣнившихъ земное жилище своихъ душъ [1]). Туземцы племени мишми всѣ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что рѣка Лохитъ, или «Красная», вытекаетъ изъ одной снѣговой горы Тибета, въ нѣсколькихъ дняхъ пути на сѣверъ отъ ихъ земли, и что эту рѣку можно переходить въ бродъ въ небольшомъ разстояніи вверхъ отъ китайскаго мѣстечка Румахъ; она очень маловодна въ сравненіи съ рѣками, которыя соединяются съ нею въ равнинѣ Садія, и отъ слиянія которыхъ и образуется истинная Брахмапутра. Дихонгъ, наиболѣе обильная изъ этихъ рѣкъ, приходитъ съ сѣверо-запада; въ періодъ мелководья она несетъ не менѣе 1.550 кубич. метровъ воды въ секунду, а во время одного большаго наводненія количество протекающей жидкой массы составляло, по высчисленію Вудторпа, отъ 10.000 до 12.000 кубич. метровъ. Извѣстно, что Дихонгъ есть та рѣка, въ которой, со временъ Реннеля, большинство англійскихъ географовъ признаетъ тибетскую рѣку Цангбо, обслѣдованную до разстоянія около 155 километровъ къ сѣверу отъ самаго верхняго пункта, какой до сихъ поръ былъ посѣщенъ на Дихонгѣ. Другая рѣка, Дибонгъ, которая соединяется съ предъидущею въ нѣсколькихъ километрахъ выше слиянія Лохита, тоже была указываема нѣкоторыми географами какъ вѣроятное продолженіе Цангбо; равнымъ образомъ и Субансири, соединяющійся съ Брахмапутрой гораздо ниже равнины Садія, гдѣ сходятся названныя рѣки, былъ упоминаемъ нѣкоторыми изслѣдователями какъ потокъ, продолжающій главную тибетскую рѣку. Однако, теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что ни Дибонгъ, ни Субансири не могутъ быть признаны священною рѣкой, получающей начало на сѣверной покатости Загималайскихъ горъ: ни тотъ, ни другой не катятъ въ своихъ руслахъ массы воды, равной массѣ, которую несетъ Цангбо, какъ показало измѣреніе его стока, произведенное близъ города Четанга, на юго-востокѣ отъ Лассы. Очевидно, что въ климатѣ, гдѣ дожди выпадаютъ въ такомъ большомъ изобиліи, рѣки могутъ только увеличиваться въ объемѣ отъ верховья къ низовью. Одни только Дихонгъ и Иравадди, между большими рѣками полуденнаго ската горъ, имѣютъ дебитъ, превосходящій массу воды, катимую тибетскимъ Цангбо; слѣдовательно, отнынѣ спорный вопросъ долженъ быть ограниченъ только между этими двумя потоками. Занумерованные чурбаны и бревна, которые индусскіе изслѣдователи Цангбо пускали внизъ по теченію этой рѣки, тщетно ожидаются уже многіе годы прибрежными жителями низовья.

Въ мѣстѣ слиянія на равнинѣ Садія, Брахмапутра является уже, даже въ сухое время года, болѣе значительною рѣкой, чѣмъ Рона или Рейнъ. Тамъ, гдѣ ея воды соединяются въ одномъ руслѣ, она имѣетъ обыкновенно больше километра въ ширину, но мѣстами теченіе ея развѣтвляется на множество рукавовъ, представляющихъ отъ берега до берега общую ширину около 40 километровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ равнины, пространство, заключающееся между ложными притоками или рукавами, оставляемыми блуждающею рѣкой съ той и другой стороны, имѣетъ не менѣе сотни километровъ въ ширину. Могучесть Брахмапутры, повидимому, служитъ доказательствомъ впаденія тибетскаго Цангбо въ великую индусскую рѣку, но при этомъ нужно принимать въ соображеніе гораздо болѣе изобиліе дождевыхъ водъ, нежели длину теченія. Бассейнъ же Брахмапутры есть несомнѣнно одинъ изъ тѣхъ, которые получаютъ наибольшее количество дождевыхъ водъ. Правда, часть его долины защищена отъ проливныхъ дождей горами Гарро и Хасіа, которыя получаютъ такія огромныя массы дождевой воды на своемъ южномъ склонѣ; но эти горы имѣютъ всего только около тысячи метровъ средней высоты, и дождливые вѣтры, проходящіе надъ ними, необходимо должны оставлять свою ношу водяныхъ паровъ на высокихъ горахъ, составляющихъ на востокѣ продолженіе Гималайской цѣпи. До сихъ поръ еще ни одинъ наблюдатель не измѣрялъ количества дождей, выпадающихъ въ этой области, но самая форма земнаго рельефа и направленіе вѣтровъ достаточно доказываютъ ихъ силу и обиліе.

Одинъ изъ притоковъ Брахмапутры, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ потоковъ, имя которыхъ начинается словомъ *ди*,—синонимъ рѣки на языкѣ племени бодо,—Дихингъ, представляетъ рѣдкое явленіе: теченіе его развѣтвляется на два рукава въ гористой мѣстности. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ эта бифуркація Дихинга, уровень его долины находится на 324 метра выше уровня Брахмапутры. Тогда какъ главная вѣтвь, Бори-Дихингъ, или «Старый Дихингъ», направляется на юго-западъ, чтобы идти на соединеніе съ великою рѣкой въ ея аллювіальной равнинѣ, второстепенный рукавъ, Нохъ-Дихингъ, или «Новый Дихингъ», течетъ на сѣверо-востокъ, къ Лохиту, выше мѣстечка Садія; разстояніе между двумя слияніями не менѣе 110 километровъ по прямой линіи [1]). Что касается другихъ притоковъ

[1]) Cooper, „New routes for Commerce".

[1]) Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien".

Брахмапутры, то они тоже изливаются въ главную рѣку нѣсколькими устьями, но эти устья открываются въ наносныхъ земляхъ и мѣняютъ мѣсто съ каждымъ новымъ наводненіемъ. Вообще измѣнчивостью своего русла, блуждающаго по равнинѣ, всѣ эти большіе притоки, посылаемые Гималаемъ Брахмапутрѣ,—Дихонгъ и Дибонгъ, Субансири, Манасъ, Гадахаръ, Дхарла, Тиста,—походятъ на потокъ, въ которомъ теряются ихъ воды. Но самая замѣчательныя перемѣна теченія — это та, которая произошла съ самою Брахмапутрой въ концѣ прошлаго столѣтія. Обогнувъ на западѣ горы Гарро, рѣка прежде тотчасъ-же поворачивала на юго-востокъ и принимала непосредственно въ свое русло всѣ рѣки областей Сайльгетъ и Качаръ; въ настоящее же время она течетъ въ южномъ направленіи, подъ именемъ Джамуны, и соединяется съ гангскимъ рукавомъ Падмой, огибая плато изъ древнихъ рѣчныхъ наносовъ, извѣстное подъ именемъ Мадупурскаго «джунгля», которое возвышается отъ 20 до 30 метровъ надъ уровнемъ рѣки [1]). Только незначительный потокъ, отдѣляющійся отъ Брахмапутры, занимаетъ теперь старое русло; островное пространство, заключенное между двумя рукавами рѣки, обнимаетъ около 15.000 квадр. километровъ. Мегна, которая получаетъ наибольшую часть соединенныхъ водъ Ганга и Брахмапутры, и сама, въ своемъ верхнемъ теченіи, есть не что иное, какъ истокъ болотъ южнаго Ассама, соединяющійся съ старою Брахмапутрой и съ извилистыми рѣками области дельты. На югѣ отъ сліянія, Мегна является въ одно и то же время рѣкой и лиманомъ, по которому поднимается борющаяся съ рѣчнымъ теченіемъ приливная волна; усѣянная островами и песчаными мелями, которые она безпрестанно созидаетъ и разрушаетъ, эта огромная рѣка походитъ скорѣе на морской заливъ, чѣмъ на рѣчное устье. Среднее количество протекающей въ ней воды еще не было измѣрено, но оно не должно быть меньше 30.000 кубич. метровъ въ секунду, слѣдовательно, слишкомъ въ три раза превосходитъ расходъ Дуная, въ пятнадцать или восемнадцать разъ расходъ Роны. Если бы мы не привыкли разсматривать Гангъ и Брахмапутру, какъ двѣ различныя рѣки, то Мегна, общее русло этихъ двухъ могучихъ потоковъ, заняла бы первое мѣсто между главными водными артеріями Азіи; она превосходитъ даже Янъ-цзыцзянъ, и во всемъ свѣтѣ уступаетъ, по массѣ воды, только рѣкѣ Амазонокъ, Конго и Паранѣ. Изъ двухъ образующихъ ее рѣкъ, Брахмапутра несомнѣнно катитъ наиболѣе значительную массу воды; въ Гаохати, который находится на 50 метрахъ средней высоты, въ разстояніи 800 километровъ отъ моря, разрѣзъ рѣки, измѣренный Германомъ фонъ-Шлагинтвейтомъ, во время періода мелководья, имѣетъ 1.509 метровъ ширины; въ этомъ мѣстѣ зимній дебитъ составляетъ около 9.010 кубич. метровъ въ секунду, а стокъ въ сезонъ разлива, лѣтомъ, въ три или четыре раза больше; среднее количество протекающей въ секунду воды не можетъ быть менѣе 15.000 кубич. метровъ, а рѣка еще принимаетъ въ себя, ниже этого мѣста, большіе притоки, какъ-то: Манасъ, Тисту, Баракъ. Масса приносимыхъ Брахмапутрой твердыхъ, землистыхъ частицъ, по меньшей мѣрѣ, въ два раза превосходитъ наносы Ганга, а между тѣмъ, выступъ земель новаго образованія гораздо меньше въ восточной части дельты, нежели въ гангскихъ Сандербанахъ. Фергюссовъ полагаетъ, что эта противоположность произошла вслѣдствіе пониженія почвы въ бассейнѣ Барака. По его мнѣнію, вся эта страна представляла въ относительно недавнюю эпоху родъ внутренняго моря, которое и было засыпано наносами Брахмапутры; вмѣсто того, чтобы спускаться въ море, увлекаемыя рѣчнымъ теченіемъ землистыя частицы осаждались въ этомъ озерномъ резервуарѣ [1]).

Въ горахъ, раздѣляющихъ Ассамъ на двѣ совершенно обособленныя части — область верхней Брахмапутры и бассейнъ рѣки Баракъ, большинство населенія пребываетъ еще въ дикомъ состояніи. На востокѣ, около границъ Барманіи, многочисленныя не-цивилизованныя племена все еще остаются независимыми отъ Англіи, и даже въ западной области, окруженной съ трехъ сторонъ равнинами, британское господство стало признаваться только съ очень недавняго времени. Еще не далѣе, какъ въ 1871 году туземцы племени гарро возстали противъ англійской полиціи, потворствовавшей беззаконіямъ, совершаемымъ скупщиками земли, и цѣлые два года скорѣе давали выжигать свои селенія и посѣвы, чѣмъ покориться; только когда англійскіе офицеры-топографы, подъ защитой нѣсколькихъ ротъ егерей, обошли весь край и отмѣтили на картѣ всѣ лѣсныя и горныя трущобы, служившія убѣжищемъ инсургентамъ, туземцы, не будучи въ состояніи впредь обманывать бдительность дисциплинированныхъ сипаевъ, увидѣли себя вынужденными снова платить подати и допустить агентовъ фиска въ свои селенія.

Весьма вѣроятно, что племя гарро нѣкогда населяло сосѣднія равнины и что оно было постепенно оттѣснено во внутренность горъ бенгальцами, къ которымъ эти инородцы и до сихъ поръ питаютъ сильную ненависть; впрочемъ, нѣкоторые кланы, на окружности горъ,

[1]) Fergusson, „Quarterly Journal of the Geological Society", 1863.

[1]) „Quarterly Journal of the Geological Society", 1863; Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India".

уже болѣе или менѣе объиндіанились; переходъ отъ расы къ расѣ совершается постепенно отъ равнинъ Брахмапутры къ лѣсамъ горной страны. Гарронцы чистаго происхожденія — обыкновенно средняго роста, сильны и ловки; цвѣтъ кожи у нихъ почти черный, лицо широкое, носъ плоскій и вздернутый, глаза слегка скошенные, лобъ прямой, скулы выдающіяся, губы толстыя; вообще они напоминаютъ типъ, называемый монгольскимъ. Борода у нихъ рѣдкая, да и ту они тщательно выщипываютъ, чтобы подбородокъ былъ совершенно гладкій, но волосъ на головѣ никогда не стригутъ. Большинство туземцевъ этого племени ходятъ почти нагишомъ; нѣкоторые носятъ одежду, привозимую изъ равнины и состоящую единственно изъ передника и покрывала, къ которымъ иногда прибавляется родъ плаща, изъ широкаго куска древесной коры, которая предварительно была вымочена въ водѣ для того, чтобы осталось одно только волокно. Мужчины и женщины, какъ большая часть дикарей, очень любятъ всякія украшенія, ожерелья, серьги, браслеты, но діадему, составленную изъ мѣдныхъ бляхъ, имѣетъ право носить лишь человѣкъ, убившій врага. Англичане, хотя имъ пришлось вести продолжительную борьбу съ этими туземцами, даютъ о гарронцахъ самый лестный отзывъ, изображая ихъ обходительными, добрыми, гостепріимными, правдивыми, людьми прямыми, безъ всякой хитрости и лукавства; ихъ нравственныя качества составляютъ самый счастливый контрастъ съ двуличнымъ характеромъ бенгальцевъ, льстивыхъ и вѣроломныхъ. Гарронцы — хорошіе земледѣльцы, несмотря на то, что единственное ихъ земледѣльческое орудіе—простой ножъ, которымъ они рѣжутъ траву и вѣтви деревьевъ и дѣлаютъ ямы въ землѣ. Первый предметъ, который бросается въ глаза иностранцу, когда онъ приближается къ гарронскому селенію, — это сторожевая будка, построенная на вершинѣ помоста, господствующаго надъ другими хижинами; изъ этой воздушной сторожки гарронецъ присматриваетъ за полями хлопчатника, хлѣбныхъ растеній, сладкихъ пататъ. Послѣ двухъ или трехъ лѣтъ обработки и сбора плодовъ, земля оставляется въ залежи и отдыхаетъ въ теченіе семи или восьми лѣтъ. Вообще жители непосѣдливы и часто по самому ничтожному поводу переселяются въ другое мѣсто. Впродолженіи жизни одного поколѣнія имъ случается основать послѣдовательно до восьми или десяти поселковъ; повсюду встрѣчаешь въ лѣсахъ остатки хижинъ, которыми, послѣ ухода населенія, овладѣли трава и кустарникъ.

Какого происхожденія эти племена, такъ легко мѣняющія мѣсто жительства? Языкъ, которымъ они говорятъ и котораго имѣется нѣсколько словарей, составленныхъ разными изслѣдователями, указываетъ на родство ихъ съ племенемъ мечъ, живущимъ въ области терая, и съ другими народцами тибетскаго корня. Сами они себя называютъ единоплеменниками англичанъ, но это мнимое родство, конечно, имѣетъ для нихъ лишь тотъ смыслъ, что даетъ имъ основаніе предъявлять свое право на независимость. По нравамъ и обычаямъ, гарронцы, хотя почти уединенные, являются представителями многочисленныхъ народцевъ, принадлежащихъ къ одному и тому же періоду культуры въ южномъ Китаѣ, въ Индо-Китаѣ и въ Деканѣ; они могутъ быть разсматриваемы какъ представители типа древнѣйшаго общества, сохраняющагося въ своемъ первобытномъ видѣ, вопреки всѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ, которыя осаждаютъ его; ни у какого другаго народа не сохранились лучше учрежденія матріархата. Кланы до сихъ поръ удержали свое названіе *магари*, или «материнство», и женщина считается главою семейства. Молодая дѣвушка первая дѣлаетъ предложеніе молодому человѣку, всегда выбираемому въ чужой «материнской общинѣ», или магари, и сама сватаетъ его за себя у его матери; когда парень первый позволитъ себѣ заговорить о сватовствѣ, магари, къ которой онъ принадлежитъ, приговаривается къ большому штрафу. У большинства племенъ, пребывающихъ еще въ полудикомъ состояніи, свадебной церемоніи предшествуетъ подобіе умыканія молодой дѣвушки; у племени гарро, наоборотъ, друзья невѣсты совершаютъ похищеніе будущаго супруга и силой уводятъ его въ «материнство», членомъ котораго онъ дѣлается съ этого времени. Однако, когда дѣло идетъ о бракѣ наслѣдницъ, имъ не предоставляютъ свободнаго выбора; и въ этомъ случаѣ два заинтересованныя «материнства» ищутъ подподходящаго мужа и заключаютъ брачный договоръ. Сынъ не наслѣдуетъ отцовскаго имущества: все имущество переходитъ къ сыну сестры, но этотъ племянникъ наслѣдуетъ въ то же время и вдовѣ, и долженъ вступить съ нею въ бракъ, хотя бы даже она была матерью его собственной жены; у другихъ племенъ Индіи тоже встрѣчаются слѣды этого первобытнаго обычая.

Женщины все еще имѣютъ голосъ на собраніяхъ «материнствъ», но уже не управляютъ больше общинами. Начальникъ или глава, *ласкаръ*, который, впрочемъ пользуется своей властью единственно въ силу довѣрія, оказываемаго ему материнствомъ или группой материнствъ, которую онъ представляетъ, всегда мужчина и имѣетъ пребываніе въ деревенскомъ «дворцѣ», большомъ домѣ, который, по индо-китайскому обычаю, предоставляется для жительства всѣмъ холостымъ членамъ общины. Въ начальники вообще выбирается самый богатый изъ жителей; между этими ласкарами есть такіе, которые владѣютъ десятками пятью или шестью невольниковъ, потомковъ

порабощенной расы, къ которой принадлежатъ, можетъ быть, двѣ трети всего населенія, но которая, впрочемъ, почти ассимилировалась съ другими гарронцами; они только не имѣютъ права вступать черезъ бракъ въ члены благороднаго класса, хотя они физически сильнѣе и красивѣе своихъ господъ [1]). Между свободными людьми не существуетъ никакихъ кастъ. Вліяніе, оказываемое жителями равнины, не было достаточно сильно, чтобы заставить этихъ горцевъ принять индусскіе обычаи и учрежденія. Гарронцы не считаютъ за преступленіе употреблять въ пищу коровье мясо: за исключеніемъ молока, вкусъ котораго имъ противенъ, они не брезгаютъ никакою снѣдью, ѣдятъ даже крысъ, лягушекъ, змѣй; откормленныя на убой собаки составляютъ одно изъ любимыхъ ихъ блюдъ. Ихъ религіозныя церемоніи, совершаемыя подъ руководствомъ тѣхъ членовъ общины, которые помнятъ молитвы, приближаются къ обрядамъ индусскаго сиваизма, съ тою разницею, что горцы не имѣютъ идоловъ въ своихъ святилищахъ; они почитаютъ, какъ представителей духовъ, пушистыя кисти изъ хлопчатой бумаги или шелка, которыя они привязываютъ къ бамбукамъ и которыя колышатся, качаемыя вѣтромъ. Покойниковъ они сжигаютъ и пепломъ ихъ наполняютъ особые бамбуковые сосуды въ родѣ клѣтки, украшенные разными затѣйливыми фигурами. Въ прежнее время, когда гарронцы хотѣли почтить память усопшаго, они посылали воиновъ въ равнину съ порученіемъ изловить тамъ нѣсколькихъ бенгальцевъ, которыхъ и приносили торжественно въ жертву передъ похороннымъ костромъ, обмазывая столбы кровью закланныхъ жертвъ. Еще въ 1866 году одна изъ этихъ кровавыхъ церемоній была совершена въ горахъ Гарро [2]).

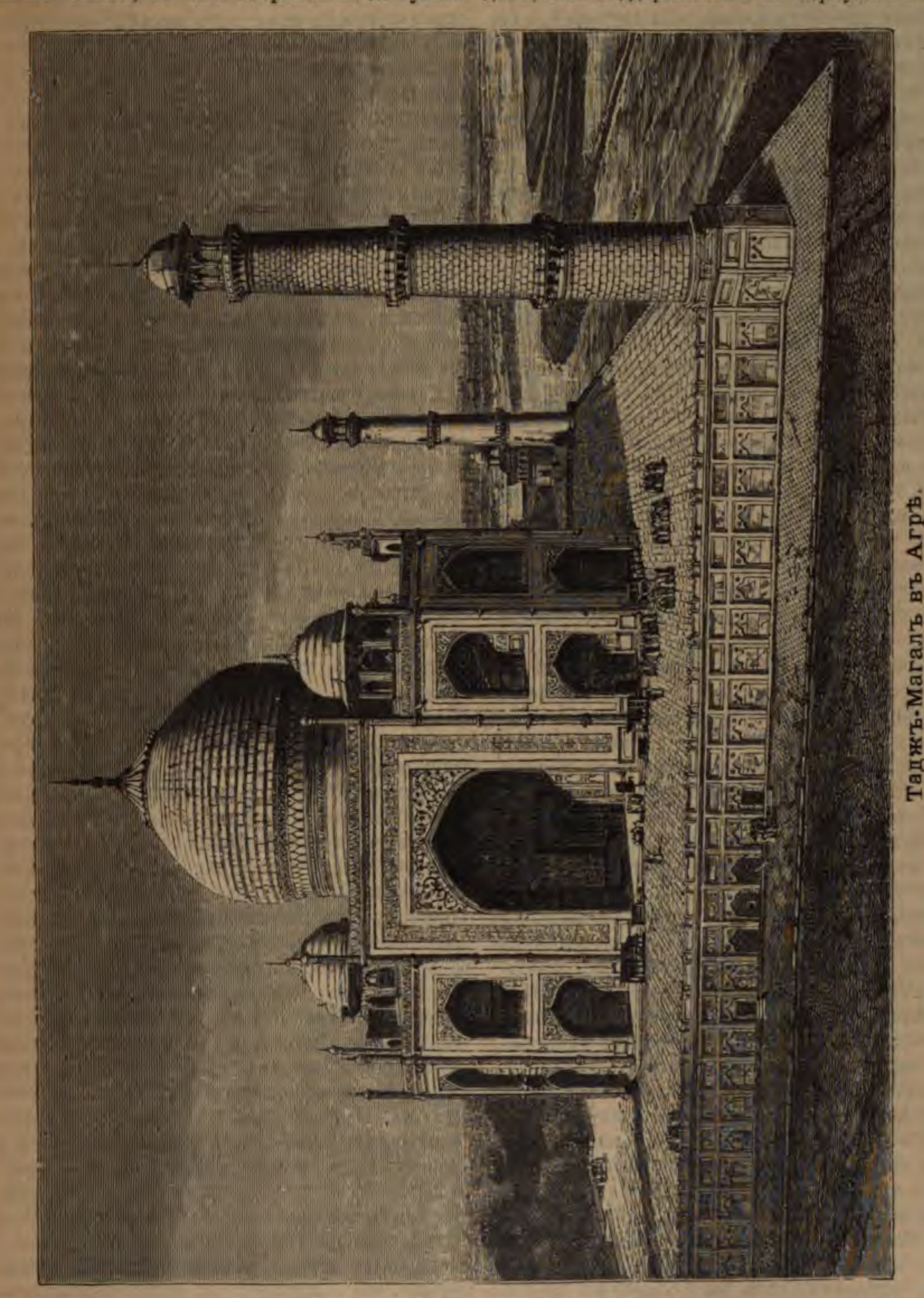
Хасіи или чосіи, восточные сосѣди гарронцевъ и незначительнаго племени мигамъ, сами себя называютъ хій. Подчиненные англійскому владычеству уже болѣе полустолѣтія тому назадъ и находясь въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ жителями равнинъ, прилегающихъ съ сѣвера и съ юга къ ихъ горамъ, хасіи стоятъ уже на болѣе высокой степени культуры, и многіе изъ ихъ клановъ частью индіанизировались. Во времена своей независимости, прежде чѣмъ измѣна одного изъ ихъ князей предала ихъ во власть Англіи, они составляли конфедерацію, или союзъ маленькихъ республикъ, изъ которыхъ каждая заключала въ себѣ извѣстное число деревень, управляемыхъ мѣстной аристократіей. Этотъ политическій порядокъ частью удержался до сихъ поръ, несмотря на постоянно увеличивающееся вмѣшательство въ ихъ самоуправленіе англійскихъ администраторовъ. Хасіи и джайнтіи или сайнтенги, которые живутъ на востокѣ въ томъ же горномъ массивѣ, отличаются отъ всѣхъ другихъ обитателей Индіи по сю сторону Ганга монасиллабическимъ языкомъ, но представляющимъ уже нѣкоторые признаки перехода къ агглютинативной формѣ. Такъ же, какъ діалектъ басковъ, нарѣчіе хасіа, которое, впрочемъ, не имѣетъ никакой письменной литературы, составляетъ совершенно особенную глоссологическую энклаву, или область, заключенную среди другихъ, чуждыхъ ему говоровъ; до сихъ поръ ученые не знаютъ еще, къ какой семьѣ языковъ причислить сто тысячъ горцевъ, говорящихъ этимъ idioмомъ. Что касается физическаго вида, то хасіи и джайнтіи мало разнятся отъ гарронцевъ и другихъ народцевъ, принадлежащихъ къ тибетскому корню, только они сильнѣе и отличаются необыкновенной толщиной икръ; въ этомъ отношеніи немногіе европейцы могли бы сравниться съ ними. Женщины хасіа легко носятъ на себѣ путешественниковъ въ плетеной корзинѣ, расположенной въ формѣ стула. По словамъ Гукера, у нѣкоторыхъ племенъ хасіевъ сохранился еще обычай татуированія, и почти всѣ они жуютъ листья, окрашивающіе зубы въ красный цвѣтъ. «Бѣлые зубы только у собакъ да у бенгальцевъ», обыкновенно говорятъ они въ оправданіе своей привычки. Добродушные и честные, эти горцы вносятъ во всѣ свои работы и игры необыкновенную веселость; ихъ почти всегда слышишь поющими, и—почти единственный примѣръ между азіатцами [1])—они насвистываютъ аріи съ изумительной точностью. Очень храбрые, они въ то же время очень строго и добросовѣстно соблюдаютъ правила международнаго права, какъ они его понимаютъ. Хотя англичане сражались съ ними огнестрѣльнымъ оружіемъ, они никогда не отвѣчали имъ отравленными стрѣлами,—оружіе, которое они употребляютъ только противъ дикихъ звѣрей [2]). Что касается брака и свадебныхъ обрядовъ, то они почти такіе же, какъ у гарронцевъ и также свидѣтельствуютъ о большой живучести матріархальныхъ учрежденій. Равнымъ образомъ у племенъ хасіа сохранились нѣкоторые остатки поліандріи (многомужія). Разводъ у нихъ дѣло очень обыкновенное: достаточно женѣ бросить въ воздухъ пять раковинъ каури, чтобы расторженіе брачнаго союза стало совершившимся фактомъ, послѣ чего мужъ возвращается въ свой материнскій кланъ, но дѣти остаются съ матерью; вообще они знаютъ только мать, не вѣдая даже имени отца. Въ могилѣ мужъ разлучается съ супругой; его прахъ хоронится на кладбищѣ его племени, тогда какъ прахъ дѣтей кладется подлѣ

---

[1]) Buchanan Hamilton; Dalton, „Ethnology of Bengal".
[2]) Hermann von Schagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien".

[1]) H. Yule, „Journal of the Asiatic Society". 1844.
[2]) Pewney, „The wild Tribes of India".

материнской урны. Всѣ умершіе сжигаются на кострѣ; но такъ какъ сжиганіе мертвыхъ тѣлъ очень затруднительно во время дождливаго сезона, то ихъ сохраняютъ до сухаго времени года, покрывая трупъ медомъ [1]). Вѣкъ дольменовъ еще продолжается въ землѣ хасіевъ; подходы всѣхъ селеній загромождены могильными камнями, изъ которыхъ одни положены плашмя на столбахъ, другіе стоятъ, какъ сложенные въ кучи камни западныхъ народовъ, или поддерживаютъ на верхушкѣ широкій кругъ. По краямъ дорогъ встрѣчаются большія каменныя глыбы причудливой формы. положенныя въ память какихъ-нибудь замѣчательныхъ событій [1]).



Таджъ-Магалъ въ Агрѣ.

[1]) Hooker, „Himalayan Journals".

[1]) Dalton; Yule; George Campbell, etc.

Къ востоку отъ горцевъ хасіа и джайнтіа живутъ племена наговъ, т. е. «нагихъ», населяющія долины и плоскія возвышенности; но это имя, имѣющее, можетъ быть, связь съ названіемъ древнихъ наговъ, или «змѣевъ», о которыхъ говорятъ арійскія традиціи, есть общее наименованіе, примѣняемое къ народцамъ, весьма различнымъ по языку, племенному родству, нравамъ, узорамъ татуировки. На сѣверо-востокѣ они смѣшиваются съ браманскими сингпо; на югѣ они соединяются съ куками черезъ различные промежуточные народцы. Одно изъ ихъ племенъ или колѣнъ, по ихъ вѣрованію, родилось изъ тростниковъ; другое вылупилось изъ яйца; третье выросло изъ воды; наконецъ, есть одно, которое произошло изъ ничего, силою своей собственной добродѣтели[1]). Наги по преимуществу—это тѣ, которые величаютъ себя именемъ ангами, или «непобѣжденныхъ». Они въ самомъ дѣлѣ остались независимыми до нашихъ дней, и англичанамъ часто приходилось вести съ ними войну. Начальника или главы у нихъ нѣтъ никакого. «Вотъ нашъ господинъ!» говорятъ они, вонзая дротикъ въ землю. Эти горцы не мѣняютъ такъ легко мѣста жительства, какъ гарронцы; напротивъ, они живутъ на вершинѣ холмовъ, въ постоянныхъ селеніяхъ, представляющихъ родъ крѣпостей, защищенныхъ рвами, рогатками, колючими деревьями; дороги, ведущія къ деревнямъ, до такой степени узки, что два человѣка не могутъ идти по нимъ рядомъ, а въ военное время ихъ загромождаютъ всякаго рода препятствіями. Еще недавно молодой туземецъ изъ племени нага не могъ татуировать себѣ лицо до тѣхъ поръ, пока ему не удалось срубить человѣческую голову, или хитростью, или въ бою, и поднести этотъ трофей въ подарокъ своей нареченной; какъ пираты съ острова Борнео, они отправлялись охотиться на человѣка. Эти кровожадные люди имѣютъ, тѣмъ не менѣе, многія хорошія качества: они уважаютъ данное слово, охотно жертвуютъ собою для спасенія общины, благоговѣйно поддерживаютъ загороди кладбищъ, гдѣ находится прахъ ихъ умершихъ предковъ. Они воздѣлываютъ землю съ большою смышленостью и цѣнятся какъ хорошіе работники въ чайныхъ плантаціяхъ, которыя мало-помалу поднимаются все выше и выше по склонамъ горъ, такъ что, безъ сомнѣнія, кончится тѣмъ, что эти плантаціи завоюютъ всю территорію народа нага гораздо вѣрнѣе, чѣмъ военныя экспедиціи англійскихъ сипаевъ. Общее число туземцевъ, принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ нага, въ Ассамѣ, въ 1891 г.: 101.568 душъ.

Южные сосѣди народа нага, куки, занимаютъ область горъ, продолжающуюся даже въ предѣлахъ Типпераха и въ округѣ Джиттагонгъ. Сами они не знаютъ себя подъ этимъ генерическимъ именемъ, которое жителями равнины употребляется въ оскорбительномъ смыслѣ; между ними нѣтъ никакой національной связи, и потому у нихъ существуютъ только наименованія для отдѣльныхъ колѣнъ и клановъ или родовъ разсѣянныхъ въ прогалинахъ лѣсовъ[1]). Они имѣютъ по большей части видъ родства: туземцевъ этого племени легко отличить по ихъ малому росту, по мускулистымъ членамъ тѣла, по цвѣту кожи почти черному, по плоскому лицу; нѣкоторые изъ нихъ, говорятъ, имѣютъ очень короткія ноги и непропорціанально длинныя руки. Лангути (холщевый передникъ) для обоихъ половъ, шарфъ для женщинъ, тюрбанъ для мужчинъ, — таковъ, вмѣстѣ съ разными металлическими украшеніями, весь костюмъ кукіевъ. Одинъ народецъ, лункта, или «голые», ходитъ почти безъ всякой одежды: злая мачиха, какъ гласитъ преданіе, обобрала у нихъ все платье, чтобы отдать его болѣе любимымъ сыновьямъ[2]). Въ многочисленныхъ колѣнахъ и кланахъ кукіевъ, изъ которыхъ одни находятся въ сношеніяхъ съ барманами, другіе съ бенгальцами, иные, наконецъ, живутъ совершенно особнякомъ, уединенно, можно встрѣтить всѣ степени дикаго и полуцивилизованаго состоянія общества. Въ то время, какъ нѣкоторые дикари этой расы, говорятъ, добываютъ огонь еще посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева и употребляютъ вмѣсто соли бамбуковую золу для приправы въ пищу, другіе народцы, какъ, напримѣръ, типперахи, претендуютъ на титулъ индусовъ и соблюдаютъ религіозные обряды браманскаго происхожденія. Изъ всѣхъ племенъ куки самое могущественное и наиболѣе опасное для англичанъ—племя лушаи, живущее на югѣ страны Манипуръ, въ горахъ, отдѣляющихъ землю Типперахъ отъ Барманіи. Много разъ бенгальское правительство вынуждено было посылать военныя экспедиціи противъ этихъ разбойничьихъ клановъ, которые обладаютъ замѣчательнымъ талантомъ въ устройствѣ оборонительныхъ укрѣпленій и сражаются съ рѣдкою неустрашимостью, смѣло идя на смерть, когда имъ случится встрѣтиться лицомъ къ лицу съ врагомъ. Нѣтъ страны, гдѣ вендетта практиковалась бы съ большею строгостью, чѣмъ у лушаевъ. Они мстятъ даже животнымъ и деревьямъ. Если тигръ пожретъ человѣка, родственникъ жертвы преслѣдуетъ звѣря до тѣхъ поръ, пока не убьетъ его и не напьется его крови; если дерево упало на туземца, нужно срубить его и изуродовать, нужно разлить по землѣ его сокъ. Лушаи не выказываютъ особой любви къ украшеніямъ, но зато они чрезвычайно заботятся о своей шевелюрѣ.

[1]) Ad. Bastian, „Die Völker der östlichen Asien“.

[1]) Woodthorpe, „The Lushaï Expedition“.
[2]) Mac Rae, „Asiatick Researches“, vol. VII, 1803.

Гористыя области на границѣ Ассама населены другими народцами индо-китайской расы, каковы хамти, сингпо или какіенъ, но эти племена представлены на покатости Брахмапутры лишь малочисленными кланами; наибольшая часть ихъ территоріи находится въ бассейнѣ Иравадди. Однако, горы не единственныя мѣстности Ассама, гдѣ живутъ племена, держащіяся особнякомъ отъ индусовъ. Лѣсистыя и болотистыя области тоже принадлежатъ еще первобытнымъ населеніямъ. Такъ, микиры, въ количествѣ свыше 40.000 душъ, сгруппированные, по большей части, въ большихъ домахъ, служащихъ общимъ жилищемъ нѣсколькимъ семьямъ, обитаютъ въ прогалинахъ лѣсовъ, которые тянутся длиннымъ поясомъ между горными хребтами Хасіа и теченіемъ Брахмапутры; эти туземцы составляютъ народъ мирныхъ тружениковъ, живущихъ въ совершенной дружбѣ и согласіи между собою. Другая нація, гораздо болѣе значительная и состоящая, вѣроятно, болѣе чѣмъ изъ 200.000 душъ, нація бодо, разсѣяна своими многочисленными кланами во всѣхъ частяхъ Ассама, какъ въ бассейнѣ Барака, такъ и въ бассейнѣ Брахмапутры; нѣкоторыя изъ ея семействъ встрѣчаются даже въ Верхней Бенгаліи и въ Непальской области терая; наконецъ, племя дималъ, въ числѣ около 15.000 душъ, населяетъ, рядомъ съ народомъ бодо, салевые лѣса, которые тянутся вдоль основанія западныхъ горъ Бутана.

Многочисленная нація бодо, область которой образуетъ обширный полукругъ около горъ Ассама, вообще извѣстна подъ названіемъ качари, и это, вѣроятно, по ея имени названъ Качарскій округъ, лежащій на границѣ Барманіи и земли Манипуръ. Бодо называютъ себя рангца, т. е. «небесными»; область, гдѣ они сгруппировались въ наибольшемъ числѣ, носитъ названіе Камрупъ: это полуостровная страна, заключающаяся между рѣками Брахмапутрой и Манасомъ. Занимая столь обширную территорію и находясь въ торговыхъ сношеніяхъ съ самыми разнородными населеніями, бодо, естественно, должны были измѣниться, приспособляясь къ различнымъ средамъ. Многіе изъ народцевъ этой расы усвоили нѣкоторые обычаи своихъ сосѣдей индусовъ и принимаютъ названіе сороніа, т. е. «очищенныхъ», потому что они воздерживаются отъ употребленія запрещенной мясной пищи и исполняютъ, подъ руководствомъ своихъ жрецовъ *гуру*, предписанныя браманскою религіей омовенія. Другія племена, живущія въ Восточномъ Ассамѣ, въ сосѣдствѣ съ буддійскимъ населеніемъ, имѣютъ ламъ, вмѣсто гуру, въ качествѣ духовныхъ наставниковъ [1]). Но независимо отъ своихъ религіозныхъ вѣрованій, бодо, будь то сиваиты, буддисты или язычники, сохранили до сихъ поръ съ замѣчательною вѣрностью свои первоначальные нравы, и почти вездѣ они рѣзко отличаются отъ народностей другаго происхожденія, съ которыми находятся въ соприкосновеніи. Типъ ихъ нисколько не походитъ на типъ арійцевъ: выдающіяся скулы придаютъ ихъ лицу ромбическую форму; носъ у нихъ приплюснутый, съ широкими ноздрями, глаза маленькіе, губы толстыя, и на верхней губѣ пробиваются усы въ видѣ легкаго пушка: совокупностью чертъ лица и оливково-смуглымъ цвѣтомъ кожи они походятъ на дравидійцевъ южной Индіи. Точно также ихъ языкъ, флексивный и совершенно отличный отъ идіомовъ санскритскаго происхожденія, представляетъ, по Годгсону, тѣ же самые характеристическіе признаки, какъ и дравидійскіе идіомы; вокабулы арійскаго происхожденія въ немъ очень малочисленны, причину чего, безъ сомнѣнія, нужно искать въ томъ обстоятельствѣ, что они всегда старались держаться особнякомъ отъ властителей страны. Но термины, заимствованные ими изъ арійскихъ нарѣчій, доказываютъ, что до своего знакомства съ арійцами они не имѣли никакого понятія о земледѣліи въ собственномъ смыслѣ, не имѣли ни лошадей, ни сохи, не употребляли никакихъ денежныхъ знаковъ и не умѣли выражать точнымъ образовъ отвлеченныя понятія.

Какъ земледѣльцы, бодо такіе же кочевники, какъ и гарро. Они рѣдко обработываютъ одинъ и тотъ же участокъ земли болѣе двухъ лѣтъ сряду и рѣдко остаются болѣе шести лѣтъ на жительствѣ въ одной и той же деревнѣ. Если они возвращаются въ тотъ же самый край, оставивъ земли, которыя они тамъ прежде воздѣлывали, на нѣсколько лѣтъ въ залежи, то они никогда не строютъ своихъ хижинъ на мѣстахъ прежняго поселенія, изъ боязни преслѣдованія со стороны духовъ. Они никогда не стараются о томъ, чтобы сдѣлаться собственниками земли, которую пашутъ; они вездѣ являются въ качествѣ простыхъ арендаторовъ и платятъ аренду или деньгами, или произведеніями почвы, но эта плата рѣдко достигаетъ значительныхъ размѣровъ, потому что люди другихъ расъ не могли бы обработывать, безъ опасности для здоровья, сырыя земли, которыя бодо берутъ въ аренду. Несмотря на нездоровый климатъ своего мѣстопребыванія, они вообще сильнѣе и проворнѣе, чѣмъ ихъ сосѣди, живущіе на осушенныхъ земляхъ. Бодо отличаются также и нравственными качествами. Очень сдержанные съ чужеземцами, они показываютъ себя такими, каковы на самомъ дѣлѣ, со всякимъ, кто сумѣетъ пріобрѣсти ихъ довѣріе; по единогласному свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, они кротки и скромны, но

[1]) Hodgson, „The Aborigines of India"; Dalton, „Ethnology of Bengal".

и этотъ наплывъ желтолицыхъ сыновъ Срединнаго царства, естественно, повлекъ бы за собою пониженіе заработной платы на плантаціяхъ [1]). Правительство крупныхъ земельныхъ собственниковъ или ландлордовъ, верховная держава, господствующая надъ Индіей, разрѣзала Ассамъ на обширные лены, въ родѣ тѣхъ, какіе существуютъ въ Ирландіи и въ верхней Шотландіи. Округъ Гоальпара заключаетъ въ себѣ всего только восемнадцать большихъ имѣній, платящихъ поземельный налогъ, который не представляетъ даже пятидесятой доли ихъ дохода [2]).

По мнѣнію большинства ботаниковъ, Ассамъ слѣдуетъ считать первоначальною родиною чайнаго дерева. Выше долины Брахмапутры это дерево встрѣчается повсюду въ дикомъ состояніи, достигая вышины отъ 4 до 6 метровъ, а въ горахъ Нага ростъ его доходитъ даже до 20 слишкомъ метровъ [болѣе 9 саженъ] [3]). Уже въ 1823 году, когда еще Ассамская провинція не принадлежала Великобританіи, одинъ англійскій купецъ, Робертъ Брюсъ, открылъ это туземное растеніе; но послѣ того прошло цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ былъ разведенъ первый «чайный садъ», близъ Лахимпура, въ аллювіальныхъ земляхъ Субансири. Правительство, которому принадлежалъ этотъ садъ, выписало китайскихъ земледѣльцевъ изъ провинціи Фокянь, и съ 1838 года лондонскіе чайные торговцы стали получать по дюжинѣ ящиковъ ассамскаго чая. Нѣсколько лѣтъ спустя, частная промышленность выхлопотала себѣ у правительства право пользованія обширными землями для культуры драгоцѣннаго деревца, и съ этого времени началась эра спекуляцій; мало найдется предпріятій, которыя давали бы поводъ къ болѣе запутаннымъ и рискованнымъ финансовымъ махинаціямъ, чѣмъ чайныя плантаціи Ассама. Несмотря на разореніе большаго числа плантатаровъ, производство чая не переставало возрастать изъ года въ годъ, и количество чая, вывозимое изъ этой провинціи Англо-индійской имперіи, равняется шестой части количества, которое отправляется изъ Китая во всѣ страны земнаго шара.

Отпускъ чая изъ Ассама: въ 1851 году—128.240 килограмм.; въ 1871 г.—5.404.100; въ 1881 г.—17.184.000 килограмм.

Общая площадь чайныхъ плантацій превышаетъ нынѣ 90.000 гектаровъ (въ 1890 г.—92.415 гектар.), а ежегодный вывозъ чая составляетъ свыше 3 милліоновъ фунт. стер. Изъ трехъ разновидностей чайнаго дерева, китайской, ассамской и ихъ помѣси, плантаторы предпочитаютъ послѣднюю, какъ болѣе безъискусственную и крѣпкую, болѣе богатую листвой, чѣмъ китайская, и въ то же время болѣе высокую ростомъ, чѣмъ туземное деревцо [1]).

Ассамъ, который въ торговомъ отношеніи можно назвать непроходимымъ закоулкомъ, такъ какъ сбытъ его произведеній возможенъ пока въ одномъ только направленіи—къ Калькуттѣ, не имѣетъ еще большихъ городскихъ поселеній. Городъ Садія, занимающій счастливое географическое положеніе, въ точкѣ соединенія трехъ могучихъ притоковъ Брахмапутры—Дихонга, Дибонга и Лохита, и нѣкогда бывшій столицей завоевателей агомцевъ, есть не болѣе, какъ мѣстный рынокъ для окрестныхъ горцевъ; пока дороги изъ Китая и Тибета не будутъ открыты черезъ земли туземныхъ народцевъ аборъ, мишми, хамти, до тѣхъ поръ Садія не можетъ воспользоваться неоцѣненными выгодами своего торговаго положенія. Въ настоящее время Дибругаръ, самая верхняя пристань, гдѣ обыкновенно останавливаются пароходы въ періодъ разлива рѣки, и Сибсагаръ, лежащій въ аллювіальной равнинѣ, въ 18 километрахъ отъ Брахмапутры, имѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ Садія. Главный административный центръ округа, Сибсагаръ смѣнилъ собою древніе многолюдные города, бывшіе столицами царства Агомъ; заросшія мелкимъ кустарникомъ, развалины Гаргаона, на юго-востокѣ отъ Сибсагара, и развалины Рангпура, на югѣ, раскинуты на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ километровъ. Среди лѣсной чащи видны остатки сиваитскихъ храмовъ Динаджпура, съ ихъ изваянными камнями, представляющими творческую силу божества. Эти груды развалинъ, эти старинныя крѣпости, эти остатки дворцовъ и храмовъ свидѣтельствуютъ о богатствѣ и цивилизаціи древнихъ ассамцевъ и составляютъ поражающій контрастъ съ нѣсколькими группами хижинъ, которымъ въ настоящее время даютъ названіе городовъ. Не много найдется мѣстностей въ Индіи, которыя подвергались бы большимъ опустошеніямъ, чѣмъ равнины, орошаемыя Брахмапутрой.

Тезпуръ—важная пристань, какъ и Дибругаръ; но самый дѣятельный городъ во всей области верхней Брахмапутры—Гаохати, стоящій на лѣвомъ берегу рѣки; это бывшая столица индусскаго царства Камрупъ; со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ руинами, прикрытыми мелкимъ кустарникомъ или водяными растеніями. Въ Гаохати мы уже вступаемъ въ область святыхъ мѣстъ, привлекающихъ массы пилигримовъ; уже въ ближайшихъ окрестностяхъ этого города, на западѣ, находится священная гора (поднимающаяся слишкомъ на 200 метровъ надъ уровнемъ рѣки), съ храмомъ на вершинѣ, который посѣщается большимъ

[1]) Cooper, „New Routes for Commerce“.
[2]) Hunter, „Imperial Gazetteer of India“.
[3]) Burrel, „Geographical Magazine“, 1878.

[1]) Cooper, цитированное сочиненіе.

числомъ богомольцевъ; въ прежнее время при этомъ храмѣ для служенія состояло 5.000 молодыхъ дѣвушекъ, и теперь еще число ихъ доходитъ до нѣсколькихъ сотъ. Другое святилище, находящееся на скалистомъ островѣ посреди рѣки, также посѣщается тысячами пилигримовъ, а на правомъ берегу Брахмапутры, храмъ Хаджу, посвященный Буддѣ или Магамуни, привлекаетъ въ одно и то же время буддистовъ Бутана и правовѣрныхъ индусовъ различныхъ культовъ; въ этомъ храмѣ сливаются двѣ главныя религіи Индіи. Святилище Хаджу указываетъ мѣстоположеніе древняго города Азу, который заключалъ въ себѣ гробницы ассамскихъ царей, съ ихъ золотыми и серебряными идолами, а также толпой ихъ женъ и офицеровъ, которые сами себя отравляли, чтобы слѣдовать за ними на тотъ свѣтъ, и всякаго рода животныхъ, убитыхъ на ихъ могилѣ [1]). Еще недавно Гаохати былъ столицей Ассама, но его нездоровый климатъ скоро прогналъ англійскія власти, которыя перенесли свою резиденцію на плато Шиллонгъ, въ горахъ Хасіа. Новая столица, которая въ то же время служитъ лѣтнимъ городомъ, или «санаторіей», для пребывающихъ въ Ассамѣ англичанъ, была основана въ 1874 году и вскорѣ послѣ того соединена съ Гаохати прекрасною шоссейною дорогой (длиной около 108 километровъ), одною изъ лучшихъ въ Индіи; военные кантонементы были расположены въ сосѣдствѣ новой резиденціи, и колоніи туземцевъ, гарро, хасіа, джайнтіа, сгруппировались вокругъ англійскихъ домовъ. Этотъ новый городъ, Шиллонгъ, лежащій на высотѣ 1.493 метровъ, на плато, имѣющихъ скатъ, съ одной стороны,—къ верхней Брахмапутрѣ, съ другой—къ бассейну рѣки Бакаръ, занимаетъ очень выгодное положеніе въ административномъ отношеніи, такъ какъ онъ находится въ географическомъ центрѣ провинціи, которой онъ—главный городъ. На западѣ, на горѣ Тура, выстроилась другая «санаторія».

Ниже Гаохати, города Гоальпара и Дхубри, слѣдующіе одинъ за другимъ на берегахъ Брахмапутры, обязаны своимъ важнымъ значеніемъ преимущественно складамъ строеваго лѣса и земледѣльческихъ продуктовъ; желѣзная дорога соединяетъ Дхубри съ городами при Гангѣ. Простирающіяся за границами Ассама равнины, по которымъ протекаетъ блуждающая рѣка Дхарла, принадлежатъ въ большей части къ медіатизированному государству Кочъ-Бехаръ, столица котораго, носящая то же имя, представляетъ кучку хижинъ, раскинувшихся вокругъ кирпичнаго дворца раджи. На югѣ, въ предѣлахъ Бенгаліи, Рангпуръ, или «Городъ Счастья», значительнѣе предыдущаго; онъ превосходитъ по важности города Динаджпуръ и Богра, находящіеся тоже въ треугольномъ пространствѣ, ограниченномъ Гангомъ и Брахмапутрой выше ихъ сліянія; но въ отношеніи торговаго движенія онъ далеко уступаетъ Сираджганджу, главному порту Джамуны или Брахмапутры. Этотъ городъ существуетъ менѣе ста лѣтъ, и въ этотъ короткій періодъ онъ уже долженъ былъ вновь отстроиться, въ 8 километрахъ отъ своего перваго мѣстоположенія, послѣ того, какъ сильный разливъ рѣки смылъ всѣ его дома и улицы. Впродолженіи всего дня происходитъ непрерывное движеніе фургоновъ между городомъ и дебаркадерами, гдѣ складываются огромными кучами кипы джута и табаку, маслянистыя сѣмена, мѣшки соли, риса и другихъ продуктовъ. Большинство купечества, въ пользу котораго производятся всѣ эти операціи, состоитъ изъ джайновъ, уроженцевъ Раджпутаны, извѣстныхъ въ краѣ подъ именемъ марварцевъ; до самыхъ крайнихъ предѣловъ Ассама, почти вся торговля страны находится въ рукахъ людей этой касты. Торговые обороты Сираджганджа въ теченіе фискальнаго 1876—1877 года простирались, по цѣнности, до 113.200.000 франковъ; на пристани его число судовъ въ приходѣ и отходѣ было 49.644.

Гоаланда, другая рѣчная пристань, расположенная на песчаной косѣ западнаго берега Ганга, при сліяніи его съ Брахмапутрой, соперничаетъ съ Сираджганджемъ по важности торговой дѣятельности; но построенный на не твердой почвѣ, постоянно угрожаемый наводненіемъ изъ двухъ могучихъ рѣкъ, которыя здѣсь соединяются въ одинъ потокъ, этотъ торговый центръ переходитъ съ мѣста на мѣсто, смотря по времени года: зимой и весной временная желѣзная дорога продолжается на 3 километра отъ постоянной станціи; въ лѣтніе мѣсяцы рельсы снимаются, и широко разливающійся потокъ, покрывающій свои берега на далекое пространство, ударяется объ оградительныя насыпи или плотины, между которыми заключены склады и магазины Гоаланды. Торговое движеніе этого города въ теченіе фискальнаго 1876—1877 г. простиралось до 80.000.000 франковъ. Болѣе пятидесяти тысячъ судовъ, не считая рыболовныхъ, пристаютъ ежегодно къ моламъ гоаландскаго порта. На берегу устроены большіе заводы для соленія рыбы.

Бассейнъ рѣки Мегны, которая получаетъ свои воды съ горныхъ цѣпей Манипура и съ высотъ, продолжающихся отъ горъ Гарро до горъ Паткой, не имѣетъ ни одного рынка, который могъ бы сравниться съ Сираджганджемъ и съ Гоаландой по размѣрамъ торговаго движенія. Сильчаръ, военная станція, находящаяся въ сосѣдствѣ съ барманской границей, есть въ то же время мѣсто довольно оживленнаго ярмарочнаго торга. Сайльгетъ, дома котораго разсѣяны среди деревьевъ, на берегахъ Сур-

[1]) Tavernier, „Les Six Voyages qu'il a faits en Turquie, en Perse et aux Indes".

мы,—тоже промышленный и торговый городъ, самый многолюдный въ провинціи Ассамъ: но, окруженный болотами, онъ имѣетъ очень нездоровый климатъ, и потому европейскіе резиденты часто отправляются искать болѣе чистаго воздуха въ Чера-Понджи и въ сосновые лѣса, окружающіе Шиллонгъ. Сайльгетъ, расположенный на возвышеніи, которое въ періодъ дождливаго муссона бываетъ окружено со всѣхъ сторонъ водами, есть мѣсто отправленія извести, которую каменоломни въ горахъ Хасіа доставляютъ калькуттскимъ строителямъ въ неограниченныхъ количествахъ. Что касается каменноугольныхъ залежей въ Чера-Понджи, то протяженіе ихъ не на столько значительно, чтобы ихъ можно было разработывать съ выгодой, хотя онѣ даютъ топливо, едва уступающее, по качеству, хорошимъ сортамъ англійскаго угля. Апельсины изъ Чера-Понджи и Сайльгета очень цѣнятся на калькуттскомъ рынкѣ: они слывутъ лучшими во всей Индіи.

Многіе важные города разсѣяны по берегамъ измѣнчивыхъ каналовъ въ низменной области, заключающейся между Мегной и Джамуной: Джамальпуръ стоитъ на теченіи старой Брахмапутры, теперь почти покинутомъ; Майменсинхъ или Назирабадъ—главный административный пунктъ округа, откуда вывозится джутъ, лучшій во всей Бенгаліи; Кисориганджъ привлекаетъ на свои ярмарки иногородныхъ купцовъ десятками тысячъ,—марварцевъ, бенгальцевъ и барманцевъ. Но торговля и населеніе сосредоточились, главнымъ образомъ, въ южной области края, въ той мѣстности, гдѣ сходятся могучія рѣки. Въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ сліянія Мегны и Падмы, т. е. соединенныхъ Ганга и Брахмапутры, находился г. Бикрампуръ, столица одного индусскаго царства, и тамъ еще показываютъ мѣсто, гдѣ государь сжегъ себя, вмѣстѣ со своими женами, при приближеніи магометанъ; многочисленныя школы, посвященныя изученію санскритскаго языка и древнихъ писателей, существуютъ до сихъ поръ въ Бикрампурѣ, свидѣтельствуя о важномъ значеніи, которое прежде имѣлъ этотъ городъ, превратившійся теперь въ простую деревню. Въ сосѣдствѣ другое мѣстечко, Фиринги-Базаръ, или «Рынокъ франковъ», напоминаетъ первое поселеніе португальцевъ въ странѣ, въ 1663 году. Столица, слѣдовавшая за Бикрампуромъ, Сонаргаонъ, близъ которой нѣкогда, говорятъ, существовалъ городъ Бенгалла, давшій свое имя Бенгаліи [1]), теперь представляетъ кучку лачугъ, затерянную среди пальмоваго лѣса; но Дакка, возвысившійся на степень царской резиденціи въ семнадцатомъ столѣтіи, до сихъ поръ еще большой городъ, хотя уже пришедшій въ сильный упадокъ; онъ занималъ прежде пространство около 30 километровъ съ сѣвера на югъ, и въ джунглѣ еще видны тамъ и сямъ руины его дворцовъ. Въ 1880 году онъ имѣлъ еще около двухсотъ тысячъ жителей, а въ 1891 г. уже только около 82.000, и даже въ центральной части города можно встрѣтить полуразвалившіеся дворцы и храмы. Въ семнадцатомъ столѣтіи Дакка была замѣнена, какъ главный городъ Бенгаліи, Муршидабадомъ, но она и послѣ того сохранила свое важное промышленное значеніе. Англичане, французы, голландцы имѣли тамъ конторы для покупки произведеній мѣстной промышленности — прекрасныхъ шелковыхъ матерій, вышитыхъ золотомъ и серебромъ, и въ особенности легкой кисеи, которою надо было «обвернуться семь разъ, чтобы покрыться». Введеніе манчестерскихъ бумажныхъ тканей разорило мануфактуры Дакки, но зато городъ пріобрѣлъ большую важность какъ мѣсто покупки и вывоза земледѣльческихъ произведеній. Въ двухъ его портахъ Нарайнганджѣ и Мадапганджѣ, находящихся въ 14 километрахъ южнѣе, на глубокомъ притокѣ Мегны, происходитъ огромное торговое движеніе. Торговля Дакки въ фискальномъ 1876—1877 г. простиралась, по цѣнности, до 29.575.000 франковъ. Въ числѣ жителей этого города и теперь еще есть армяне, греки, португальцы и другіе «феринги» (франки), болѣе или менѣе смѣшанной крови, которые происходятъ отъ торговыхъ людей, поселившихся здѣсь въ прошломъ столѣтіи.

Къ востоку отъ рѣки Мегны, два самые многолюдные города области Типперахъ, Браманбаріа и Кумиллахъ, имѣютъ важное значеніе только по торговлѣ мѣстными произведеніями. Ноахали или Судхарамъ, главный городъ округа, находится теперь въ 16 километрахъ отъ моря, хотя онъ былъ основанъ на самомъ берегу моря и близъ устьевъ Мегны, наносы которой постоянно выдвигаются все далѣе въ Бенгальскій заливъ, увеличивая полосу суши у береговъ; на *чарахъ*, или новообразовавшихся аллювіальныхъ островкахъ, добываютъ соль. Кумиллахъ—одна изъ будущихъ станцій желѣзной дороги изъ Калькутты въ Барманію. Агарталла, главный городъ подвластныхъ англичанамъ племенъ области Типперахъ, есть не болѣе, какъ деревня, гдѣ нѣсколько сотенъ жителей сгруппировались вокругъ казармъ гарнизона.

Важнѣйшіе города бассейна Брахмапутры:

Ассамъ: Сайльгетъ—16.850 жит.; Гаохати—11.500 жит.; Гоальпара—6.050 жит.; Сибсагаръ—5.275 жит.; Шиллонгъ—5.000 жит.

Кочъ-Бехаръ: Кочъ-Бехаръ—11.490 жит.

Бенгалія: Дакка — 82.321 жит.; Сираджганджъ — 18.875 жит.; Рангпуръ — 14.850 жит.; Джамальпуръ — 14.300 жит.; Динаджпуръ—13.050 жит.; Кумиллахъ—12.950 жит.; Браманбаріа—12.350 жит.; Маникганджъ—11.550 жит.; Нарайнганджъ—10.900 жит.; Майменсинхъ или Назирабадъ—10.050 жит.

[1]) Rennell, „Hindustan", II.

X.

Бассейны рѣкъ Субарнареха, Байтарани, Брамани и Мага-Надди, Орисса, Чатисгаръ, туземныя государства области Чота-Нагпоръ.

Эта часть Индіи имѣетъ небольшое протяженіе въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ бассейна Ганга, и населеніе ея относительно малочисленно, но она составляетъ особую естественную область, отличающуюся отъ другихъ областей какъ историческими судьбами своихъ жителей, такъ водоскатомъ, порядкомъ теченія рѣкъ, физическими явленіями. Однако, ея внутреннія гористыя земли, покрытыя лѣсами и джунглями, не представляютъ никакой опредѣленной границы; поселившіеся тамъ дикіе народцы простираютъ свои владѣнія на сѣверъ—въ Бенгалію, на западъ—въ бассейны рѣкъ Нарбады и Тапти, на югъ—на покатость рѣки Годавери.

Пространство и народонаселеніе четырехъ рѣчныхъ бассейновъ: Орисса и платящія дань государства — 61.902 кв. килом., 4.318.000 жит., 69 ж. на 1 кв. килом. Сингбумъ, государства области Чота-Нагпоръ — 51.596 кв. килом., 821.000 жит., 16 ж. на 1 кв. килом. Чатисгаръ — 67.234 кв. килом., 3.239.875 жит., 48 на 1 кв. килом. Государства, платящія дань—33.816 кв. килом., 825.600 жит., 24 ж. на 1 кв. килом. Всего—214.548 кв. килом., 9.204.475 жит., 43 ж. на 1 килом.

Возвышенности центральной части полуострова Индустана, изъ которыхъ иныя покрыты лавой, тянутся въ видѣ обширнаго цирка вокругъ равнинъ, гдѣ рѣка Мага-Надди принимаетъ въ себя Сео, Гасду и другіе большіе притоки. Горы Майкалъ, образующія самый возвышенный краевой хребетъ этого амфитеатра холмовъ, имѣютъ около 600 метровъ средней высоты. Разрѣзанная водами на многочисленные массивы и господствующая во многихъ мѣстахъ надъ обширными бассейнами, которые нѣкогда были озерами, орографическая система этой страны продолжается на сѣверо-востокъ отъ Майкала и мѣстами увѣнчана остроконечными или куполообразными вершинами, имѣющими болѣе 1.000 метровъ высоты: гора Перта, на границахъ округовъ Чота-Нагпоръ и Чатисгаръ, поднимается на 1.099 метровъ надъ уровнемъ моря. Довольно ровный въ большей части своего протяженія, циркъ верхней Мага-Надди усѣянъ, однако, многочисленными группами островвидныхъ холмовъ или даже уединенныхъ остроконечныхъ горъ, на вершинѣ которыхъ виднѣются живописныя развалины укрѣпленныхъ замковъ. Около середины своего теченія рѣка, уже судоходная, которая передъ тѣмъ извивалась по ровнымъ мѣстностямъ, ударяется о горные валы, состоящіе изъ древнихъ породъ, и гребни которыхъ тянутся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, параллельно морскому прибрежью Ориссы. Ложе рѣки загромождено каменными глыбами, вокругъ которыхъ теченіе бѣжитъ опасными стремнинами. Мѣняя направленіе ниже первыхъ ущелій, Мага-Надди течетъ къ югу въ трещинѣ горъ, которая продолжается на юго-западъ долиной ея притока Тель. Затѣмъ Мага-Надди встрѣчаетъ на своемъ пути другія узкія, поперечныя долины, которыя позволяютъ ей снова принять прежнее направленіе къ востоку, послѣ чего ей остается только пройти черезъ внѣшнюю цѣпь восточныхъ Гатскихъ горъ длиннымъ ущельемъ, которое тянется около 64 километровъ; это—такъ называемый Бармульскій «проходъ», надъ которымъ по обѣ стороны господствуютъ лѣсистые склоны и перерѣзанныя оврагами крутизны. На сѣверѣ, цѣпи холмовъ разрѣзаны на отрывки незначительной длины рѣками Брамани, Байтарани и ихъ притоками; хотя эти холмы примыкаютъ къ возвышенностямъ внутренней части страны, они являются, по большей части, въ формѣ уединенныхъ мысовъ или выступовъ, далеко выдвинутыхъ въ равнины. Одна изъ этихъ группъ высотъ, извѣстная подъ именемъ Талчирскихъ горъ, замѣчательна тѣмъ, что въ ней находятъ залежи каменнаго угля, ископаемыя которыхъ едва разнятся отъ ископаемыхъ австралійскихъ каменноугольныхъ залежей. Другой массивъ круто обрывается надъ Баласорскими равнинами, оканчиваясь высокимъ пикомъ, справедливо прозваннымъ Магасани, или «Престоломъ Облаковъ»: это самая возвышенная изъ вершинъ этой области; она достигаетъ 1.165 метровъ. Къ югу отъ этой господствующей горы, гдѣ часто предлагали основать «санаторію», небольшая гряда холмовъ, извѣстная подъ названіемъ Ниль-Гири, или «Голубыхъ горъ», поднимается въ видѣ вала надъ аллювіальною равниной Ориссы.

Субарнареха, или «Золотая лента», зарождающаяся на высотахъ округа Чота-Нагпоръ, составляетъ отдѣльный рѣчной бассейнъ, тогда какъ рѣки Байтарани, Брамани и Мага-Надди соединяются одною и тою же дельтою при выходѣ изъ области горъ. Изъ этихъ трехъ рѣкъ Байтарани—самая короткая и наименѣе обильная; однако, осадки твердыхъ частицъ, отлагающіеся въ ея устьѣ, наидалѣе выдвигаются въ море, у мыса Пальмирасъ, очень опаснаго для судовъ; Брамани и вѣтви нижней Мага-Надди приносятъ ей свои землистыя частицы и такимъ образомъ позволяютъ ей увеличивать свою дельту. На югѣ, главные рукава Мага-Надди тоже способствуютъ своими наносами постоянному приращенію поверхности материка. Совокупность всѣхъ аллювіальныхъ земель Ориссы, отложенныхъ рѣками внѣ древняго

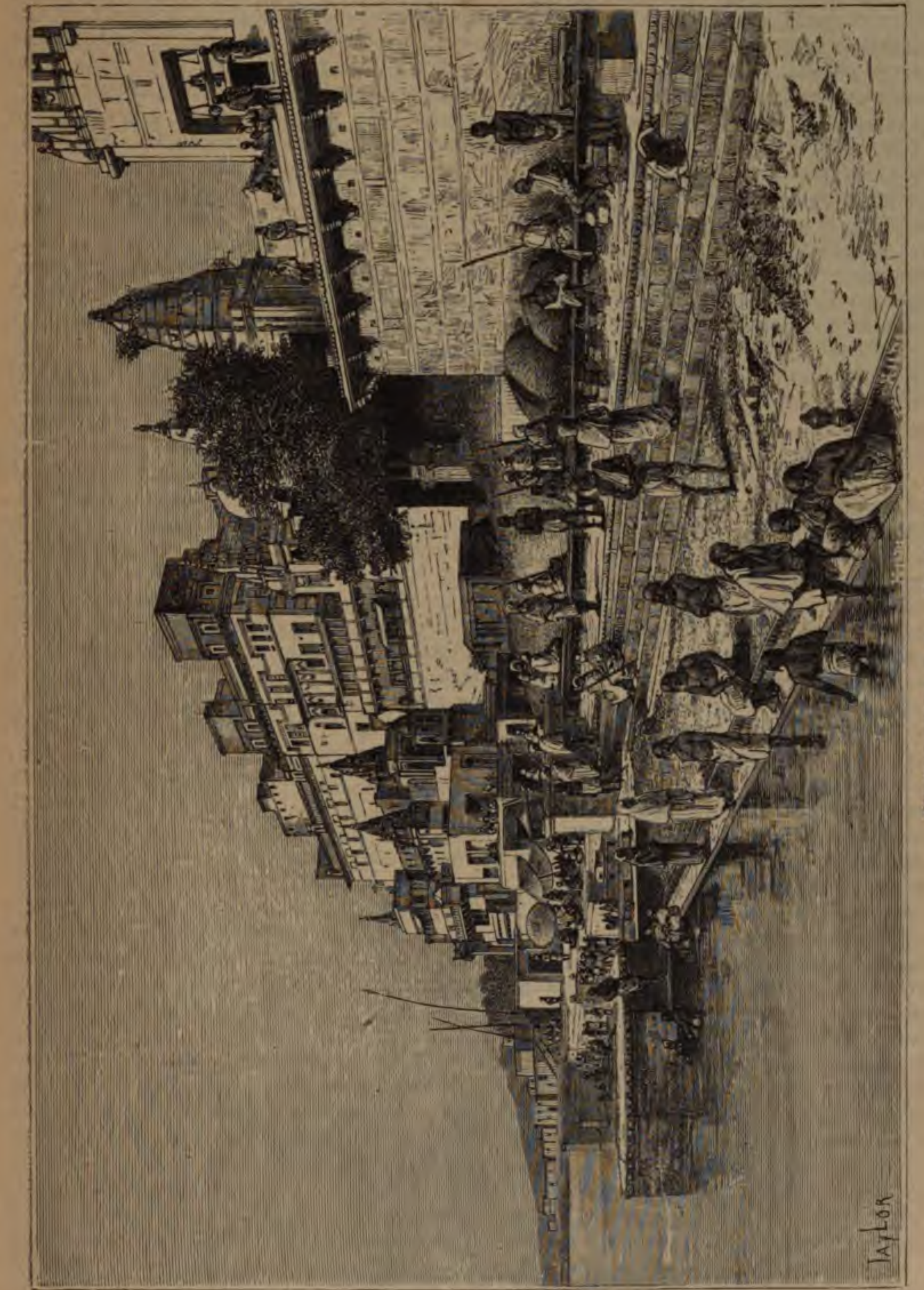
каменистаго побережья, развертываетъ линію своихъ береговъ на протяженіи 325 километровъ; площадь этой страны новаго образованія превышаетъ 13.000 квадр километровъ. Принимая во вниманіе глубину пластовъ аллювія, нужно заключить, что прибрежныя равнины Ориссы представляютъ собою большую часть обломковъ, унесенныхъ съ плоскогорій центральной Индіи; кромѣ того, значительная пропорція твердыхъ осадковъ образовала подводную дельту противъ рѣчныхъ устьевъ и отложилась на днѣ открытаго моря. Морскіе приливы (амплитуда ихъ отъ 2 до 4 метровъ), волна которыхъ ударяется о берегъ въ направленіи съ юго-востока на сѣверо-западъ и которые закривляютъ къ сѣверу всѣ устья рѣкъ [1]), уносятъ съ отливомъ большое количество твердыхъ частицъ, содержащихся въ водахъ Мага-Надди и другихъ рѣкъ; постояннымъ удареніемъ волнъ и теченій море тоже переработываетъ рѣчные наносы и придаетъ имъ почти геометрическую правильность контуровъ. Равнодѣйствующая борющихся силъ производитъ въ результатѣ безпрерывное приращеніе земель. Однако, вся область, обнимаемая береговыми кордонами дельты, еще не вполнѣ завоевана сушей: нѣкоторыя озера и болота, остатки бухтъ и лимановъ, до сихъ поръ сохранились внутри линіи береговъ. Самое большое изъ этихъ озеръ—Шилка, залегающее на южной сторонѣ дельты, въ томъ мѣстѣ, которое получаетъ наименьшее количество рѣчныхъ наносовъ въ сезонъ разливовъ; оно представляетъ обширную водную площадь пространствомъ около 900 квадр. километровъ въ сухое время года и до 1.170 въ періодъ дождей, но глубина его весьма незначительна (едва достигаетъ 2 метровъ), и оно усѣяно островками и песчаными мелями. Смотря по большему или меньшему количеству наносовъ, измѣняющемуся отъ одного до другаго времени года, озеро это является то прѣсноводнымъ резервуаромъ, то бассейномъ соленой воды. Воздѣланныя земли, опирающіяся на береговой поясъ, быстро растутъ въ протяженіи, внѣшняя плотина укрѣпляется и расширяется. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія она имѣла только одинъ километръ въ ширину; въ наши дни она уже втрое шире. Сто лѣтъ тому назадъ, протокъ представлялъ судамъ входъ шириною въ 1.700 метровъ, по которому проходили даже большія барки, глубоко сидящія въ водѣ; но съ 1825 года сообщенія поддерживаются уже только черезъ искусственный каналъ, который часто на половину заносится иломъ, такъ что инженерамъ нерѣдко приходится расчищать и, такъ сказать, вновь открывать его. Воды прилива, проникающія черезъ протокъ, разливаются по необозримой поверхности озернаго бассейна, никогда не повышая уровень его до высоты внѣшней жидкой массы: тогда какъ разность между высотой прилива и отлива на берегу моря доходитъ до полутора метровъ, въ озерѣ Шилка она едва достигаетъ трети этой величины; но когда муссонъ препятствуетъ выходу отлива, и когда выступившія изъ береговъ воды Мага-Надди и другихъ рѣкъ устремляются въ озерный резервуаръ, находящіяся на берегахъ послѣдняго пахатныя земли затопляются; среднимъ числомъ, несчастные крестьяне прибрежья разсчитываютъ лишь на одинъ урожайный годъ изъ каждыхъ четырехъ лѣтъ. Соль, собираемая у протока, на пескахъ Парикуда, утилизируется для службы храмовъ; орисскіе индусы никогда не употребляютъ соли какого-либо другаго происхожденія, которая не выкристаллизовалась отъ дѣйствія солнечной теплоты на берегу моря [1]). Нѣсколько плоскодонныхъ судовъ, сколоченныхъ въ формѣ гроба, скользятъ по водамъ озера, перевозя пилигримовъ изъ Сиркара въ Джагганатскій храмъ.

Вѣроятно, нѣтъ рѣки на земномъ шарѣ, которая совершала бы столь значительную геологическую работу, какъ Мага-Надди, относительно поверхности ея водоската и средняго объема ея жидкой массы. Правда, теченіе этой индійской рѣки имѣетъ 836 километровъ длины, а бассейнъ ея обнимаетъ территорію, превосходящую 100.000 квадр. километровъ, слѣдовательно, составляющую около пятой части пространства Франціи; но въ сравненіи съ Гангомъ, съ Янъ-цзы-цзяномъ и другими могучими рѣками Азіи, Мага-Надди, или «Великая рѣка», обыкновенно является потокомъ средней величины. Впродолженіи наибольшей части года она представляетъ лишь легкую водную скатерть, медленно скользящую въ чрезмѣрно широкомъ руслѣ; бываетъ такъ, что истеченіе ея умаляется до 31 кубич. метра въ секунду: это дебитъ маленькой рѣчки, въ родѣ, напримѣръ, французской Соммы, треть той массы воды, какую катитъ Шаранта. Но во время большихъ разливовъ Мага-Надди становится огромной рѣкой, больше Роны, больше даже Нила или Миссисипи; при выходѣ изъ своего ущелья въ Гатскихъ горахъ, гдѣ въ періодъ наводненія вода поднимается на 20 метровъ (безъ малаго 10 саженъ) выше низкаго зимняго уровня, она иной разъ несетъ жидкую массу, представляющую слишкомъ 50.000 куб. метровъ въ секунду, т. е. на цѣлую треть превосходящую тотъ объемъ воды, какой катитъ «отецъ водъ» Миссисипи во время наибольшей высоты своихъ разливовъ. Но это еще не все: рѣки Брамани и Байтарани изливаются въ ту же дельту, какъ и Мага-Надди, принося, во время своихъ періодическихъ потоповъ,

[1]) Hunter, „Orissa".

[1]) Botton, „Report of professional tours"; W. W. Hunter, „Orissa".

первая 11.300, вторая 5.650 кубическихъ метровъ воды въ секунду; орисскія рѣки катятъ тогда массу воды, почти въ два раза превосходящую ту массу, которую несетъ выступившій изъ береговъ Миссисипи. Блуждающія русла, проложенныя потоками въ дельтѣ, имѣютъ разрѣзъ, недостаточный для того, чтобы вмѣщать въ себѣ огромную массу воды, которую они получаютъ, вслѣдствіе чего наводненія становятся неизбѣжными [1]).



Набережная въ Бенаресѣ

Рѣки Ориссы, и въ особенности Мага-Надди, могутъ быть уподоблены, въ отношеніи ихъ гидрографическаго режима, оврагамъ, вcovering-

[1]) Harris, „Records of the Governement of Bengal", 1860.

тымъ водой на бокахъ горъ. Въ верховьи открывается эрозивный циркъ, или котловина, гдѣ скопляются воды и землистые осадки, и которая нѣкогда была внутреннимъ моремъ; ниже слѣдуетъ узкій корридоръ, куда низвергается жидкая масса, содержащая илъ, песокъ и каменные обломки, затѣмъ у выхода изъ ущелья начинается откосъ изверженія, простирающій далеко въ море правильную кривую своего основанія. Какъ на всѣхъ откосахъ этого рода, частные потоки дельты отбрасываютъ за черту своихъ береговъ илъ и песокъ, которымъ они наполнены, возвышая, такимъ образомъ, постепенно свои русла надъ уровнемъ окружающей почвы. Во время наводненій вода переливается направо и налѣво въ низменныя части дельты, гдѣ она разливается въ видѣ лужъ и болотъ, не будучи въ состояніи вернуться въ рѣчное русло, если только потокъ не перемѣнитъ мѣста и не направится самъ въ низменность, чтобы мало-по-малу повышать ея поверхность. Такимъ-то образомъ и регулируется, въ теченіе вѣковъ, отлогость почвы. Дѣйствіе естественныхъ силъ, еще не подчиненныхъ волѣ человѣка, проявляется во всей полнотѣ въ аллювіальныхъ земляхъ Ориссы; рѣки тамъ свободно извиваются по равнинѣ, раздѣляясь на рукава, которые далѣе опять соединяются, чтобы затѣмъ снова разлучиться, и разнообразно переплетаются съ остатками прежнихъ теченій; во всемъ свѣтѣ нѣтъ рѣчной дельты, гдѣ бы гидрографическое сплетеніе представляло болѣе красивый ансамбль развѣтвляющихся кривыхъ.

Жители Ориссы должны опасаться не только наводненій, происходящихъ отъ разлива рѣкъ,—имъ постоянно угрожаютъ также наводненія со стороны моря, воды котораго иногда, когда ихъ гонитъ страшная сила циклоновъ, вторгаются въ прибрежныя равнины, и въ этихъ случаяхъ, послѣ наводненія, рисовыя поля покрываются слоемъ соли. Засухи тоже составляютъ одинъ изъ бичей мѣстнаго земледѣлія. Если ужъ Мага-Надди иногда обращается въ маленькіе ручейки, пробирающіеся по каменистому ложу, то другія рѣки совершенно пересыхаютъ; остаются только тамъ и сямъ лужи, напоминающія о проходѣ огромныхъ потоковъ, которые за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ наполняли до краевъ рѣчное русло. Такимъ образомъ, крестьяне дельты всегда находятся между двухъ опасностей. Когда годовые дожди были недостаточно обильны, посѣвы выгораютъ прежде, чѣмъ растеніе достигнетъ созрѣванія. Если, напротивъ, муссонъ приноситъ слишкомъ большое количество дождевой воды, то всѣ поля бываютъ затоплены. Рѣки, увеличенныя въ объемѣ дождями и задерживаемыя при устьяхъ вѣтромъ, дующимъ съ моря, переливаются черезъ боковые валики своихъ береговъ, соединяются съ озерами, и вся область прибрежья покрывается водой. Жители деревень, наиболѣе подверженныхъ наводненіямъ, съ такою увѣренностью ждутъ этой привычной имъ бѣды, что, изъ предосторожности, обыкновенно привязываютъ лодки и барки къ своимъ домамъ, чтобы быть во всякое время готовыми къ бѣгству; но куда бѣжать, когда буря вздымаетъ громадныя волны на поверхности выступившихъ изъ береговъ водъ, и когда земля едва виднѣется на отдаленномъ горизонтѣ, тамъ, гдѣ высится синѣющая линія горъ? Нужно оставаться на крышѣ своего жилища, потрясаемой бушующими волнами, или устроить становище на бамбуковомъ плоту, или, наконецъ, вскарабкаться на священныя смоковницы, кишащія змѣями, которыя обвиваются вокругъ вѣтвей. Безчисленные трупы, надъ которыми кружатся зловѣщіе вороны, плаваютъ группами среди необозримой равнины водъ. Когда, послѣ наводненія, продолжающагося нѣсколько недѣль, высокіе берега выступятъ, наконецъ, изъ-подъ воды и оставшіяся тамъ и сямъ вонючія лужи испаряются на солнцѣ, наполняя воздухъ міазмами, несчастные поселяне, которыхъ пощадило стихійное бѣдствіе, не имѣютъ больше ни посѣвовъ, ни скота, и массами падаютъ жертвою лихорадки и голода. Въ 1866 году, цѣлая четверть населенія сдѣлалась жертвою голода, причиненнаго засухой, какъ вдругъ вслѣдъ затѣмъ наводненіе покрыло пространство въ 275.000 гектаровъ и потопило селенія, въ которыхъ было сосредоточено свыше 1.200.000 жителей. За первымъ голодомъ слѣдовалъ второй [1]).

Англичане, располагая обширными денежными средствами, которыя имъ доставляетъ сборъ налоговъ и податей, и силами, которыми современная наука вооружаетъ инженеровъ, не могли, конечно, не предпринять гидравлическихъ работъ, имѣющихъ цѣлью устранить это печальное положеніе вещей. Первыя ихъ сооруженія, оградительныя береговыя насыпи, болѣе опасны, чѣмъ полезны, потому что онѣ имѣютъ результатомъ постепенное возвышеніе рѣчнаго ложа, вслѣдствіе накопленія осадковъ; но этимъ не ограничилось вмѣшательство нынѣшнихъ владѣтелей страны. Въ головѣ дельты, тамъ, гдѣ рѣка дѣлится на двѣ вѣтви, правую, Каджури, и лѣвую, собственно такъ называемую Мага-Надди, которая, въ свою очередь, подраздѣляется на два рукава, выдѣляя изъ себя на сѣверъ Бирупу,—были построены три шлюзованныя плотины поперегъ теченій, чтобы задерживать часть водъ разлива и держать ихъ въ запасѣ на случай засухи. Верхній каналъ, проведенный на сѣверо-востокѣ вдоль основанія холмовъ, доходитъ до рѣки Брамани и рано или поздно соединится съ Миднапурскимъ каналомъ, открывая такимъ образомъ

[1]) W. W. Hunter, „Orissa".

линію судоходства между Каттакомъ и Калькуттой; другіе второстепенные каналы, пользуясь средней покатостью дельты, составляющей около 28 сантиметровъ на километръ, расходятся лучеобразно по всѣмъ направленіямъ, разнося питательную влагу по прибрежнымъ равнинамъ. Около 320.000 гектаровъ, т. е. почти четверть всего пространства области, могли бы быть уже правильно орошаемы при помощи проведенной до сихъ поръ ирригаціонной системы; но привычки индусскихъ земледѣльцевъ измѣняются медленно, и на большей части своей сѣти каналы пока не приносятъ иной пользы, кромѣ того, что регулируютъ въ извѣстной мѣрѣ излишекъ водъ разлива. Тѣмъ не менѣе, опасность наводненій далеко еще не устранена; очевидно, что при выходѣ долинъ, изливающихся въ верхній циркъ Мага-Надди, а не въ самыхъ равнинахъ дельты, нужно предупредить возможность катастрофъ посредствомъ резервуаровъ, расположенныхъ уступами одинъ надъ другимъ, и оросительныхъ каналовъ.

Населеніе бассейна Мага-Надди и другихъ рѣкъ Ориссы—индусское въ огромномъ большинствѣ; однако, въ области горъ живутъ еще первобытные обитатели края или аборигены. Туземцы коль или коларійцы южной части округовъ Чота-Нагпоръ и Чатисгаръ и Орисскихъ высотъ разсматриваются даже какъ представители цѣлой совокупности племенъ, и хотя сродство языковъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ сродства расъ, названіе коларійской группы было дано многочисленнымъ нарѣчіямъ Индіи по сю сторону Ганга, не принадлежащимъ ни къ арійскому, ни къ дравидійскому корню. Судя по физическому виду населеній и по происхожденію идіомовъ, можно заключить, что коларійцы сохранились среди иноплеменныхъ завоевателей какъ бы въ видѣ этнографическихъ островковъ и архипелаговъ; ихъ можно встрѣтить въ Гималаяхъ, въ горахъ Ассама, въ Индо Китаѣ, но особенно много ихъ въ бассейнѣ рѣки Мага-Надди, гдѣ они представляютъ наибольшее разнообразіе племенъ, стоящихъ на всевозможныхъ ступеняхъ цивилизаціи.

Джуаны или паттуасы, называемые также джангали, или «обитателями джунглей», живутъ въ числѣ около 3.000 душъ въ гористой области, заключающейся между верхнею Брамани и Байтарани; это, вѣроятно, наименѣе цивилизованные изъ коларійцевъ. Они называютъ себя «первыми изъ людей» и даже показываютъ мѣсто, гдѣ родились ихъ прародители: это два истока рѣки Байтарани, открывающіеся, «словно двѣ ноздри коровы», на бокахъ утеса. Джуаны не поднялись по лѣстницѣ цивилизаціи даже до искусства дѣлать глиняные сосуды и ткать холстъ, — искусства, которое знаютъ почти всѣ дикіе народы; большое количество каменныхъ орудій, найденное въ краѣ при раскопкахъ, указываетъ на то, что эти туземцы еще очень недавно находились въ неолитовомъ (новокаменномъ) вѣкѣ; оружіемъ у нихъ служатъ лукъ и стрѣлы, и въ особенности праща. Они очень малорослы (средній ростъ мужчинъ — 1.520 метр., средній ростъ женщинъ—1.423 метр.), и нѣкоторые антропологи смотрятъ на нихъ какъ на представителей расы негритосовъ [1]) и соплеменниковъ минкоповъ, жителей Андаманскаго архипелага; однако, англійскій геологъ Баль, который впродолженіи пятнадцати лѣтъ странствовалъ по области Чота-Нагпоръ и два раза посѣтилъ Андаманскіе острова, совершенно отрицаетъ это сходство [2]). Сами джуаны называютъ себя «индусами». Съ давнихъ поръ уже мужчины носятъ одежду, но еще въ 1866 году женщины, хотя увѣшанныя ожерельями и другими украшеніями, не имѣли другаго костюма, кромѣ букета изъ листьевъ, привязаннаго ниткой вокругъ ногъ [3]).

Племена харріа и бирхоръ, живущія въ области Сингбхумъ, гораздо болѣе многочисленны, чѣмъ джуаны, и нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, почти объиндіанившіяся, сливаются съ жителями равнинъ; но между ними есть и такіе народцы, которые до сихъ поръ остаются на послѣдней степени дикаго состоянія и живутъ въ лѣсахъ, какъ дикіе звѣри, питаясь корнями, ягодами, животными всякаго рода. Еще въ недавнюю эпоху они убивали своихъ стариковъ и поѣдали ихъ мясо; приведенные къ Дальтону, нѣкоторые изъ нихъ отрицали существованіе этого обычая, но съ такими недомолвками, что онъ остался убѣжденнымъ въ справедливости обвиненія [4]). Другіе коларійцы, племени корва или кауръ, населяющіе самыя гористыя области края, на водораздѣльной возвышенности между бассейнами трехъ рѣкъ: Соны, Мага-Надди и Брамани, не менѣе дики, чѣмъ харріа, и не безъ удовольствія слушаютъ разсказъ легенды, которая даетъ имъ за прародителей какихъ-то страшилищъ, получившихъ дыханіе жизни отъ злаго духа, приходившаго на поля; впрочемъ, ихъ жрецы, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполняютъ обязанность деревенскихъ брадобрѣевъ, утверждаютъ, что ихъ племя происходитъ отъ курундовъ, прославленныхъ войнами, о которыхъ повѣствуетъ поэма Магабгарата. Сосѣди ихъ буйя называютъ себя «Сынами Вѣтра», наравнѣ съ богомъ-обезьяной Ганумановъ. Всѣ эти народцы, обитатели лѣсовъ и горъ, были тѣ самые,

[1]) Rousselet, „L'Inde des Radjahs"; De Quatrefages, „Etudes sur Todas; Crania ethnica".
[2]) „Jungle Li.e in India".
[3]) Dalton, „Ethnology of Bengal"; „Journal of the Ethnological Society", 1867, № 4.
[4]) „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1865, I.

о которыхъ упоминаютъ древнія индусскія легенды подъ именемъ саура или савара [1]).

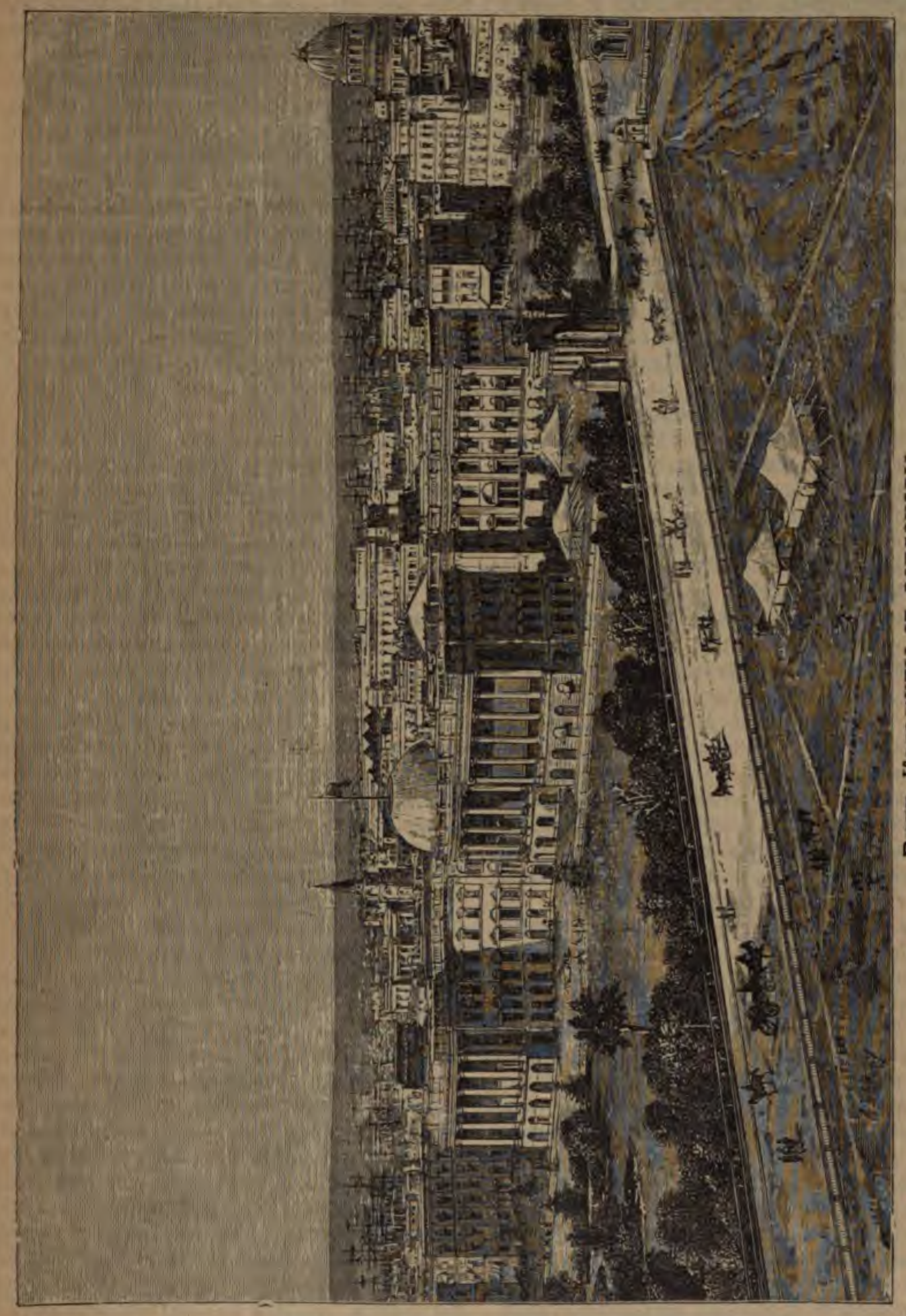
Согласно преданію, тѣ изъ коларійцевъ, которые въ настоящее время населяютъ южную часть Чота-Нагпора, происходятъ отъ націи, которая обитала нѣкогда въ Бегарѣ, области гангскаго бассейна, носившей въ старину имя Коларія; въ ту эпоху, когда Шакіа-Муни проповѣдывалъ свое ученіе, населеніе Гайя состояло, вѣроятно, изъ коларійцевъ, потому что изваянія въ храмахъ воспроизводятъ типъ этого племени, а не типъ арійцевъ [2]). Вытѣсненный изъ долины Ганга, народъ коль удалился въ долины юга и на плоскогорья, составляющія продолженіе системы горъ Виндіа. Безъ сомнѣнія, большинство туземцевъ этого племени, слившихся съ индусскими населеніями, раздѣляются теперь уже не на колѣна или кланы, а на касты, вмѣстѣ съ судрами смѣшаннаго происхожденія; однако, число тѣхъ, которые сохранили свои національные обычаи, преданія и языкъ и которые живутъ еще особнякомъ отъ индусовъ, весьма значительно; ихъ насчитываютъ до милліона душъ. Одна только группа племенъ, называемыхъ мунда или мундари, къ которой принадлежатъ народцы агаріаховъ, или кочующихъ кузнецовъ [3]), состоитъ болѣе чѣмъ изъ 400.000 человѣкъ. Суммарныя народныя переписи насчитываютъ 300.000 душъ племени бумиджъ или мури и 150.000 душъ племени го или ларка. Это главныя коларійскія націи, если только не считать принадлежащими къ тому же этнографическому корню туземцевъ коли, живущихъ въ Гудзератѣ, на западномъ берегу Индіи. Всѣ коларійцы имѣютъ ясное сознаніе давности пребыванія ихъ племени въ странѣ и смотрятъ на окружающихъ народовъ какъ на пришельцевъ. Согласно ихъ легендамъ, они — нагбханси, т. е. «рожденные отъ змѣя», истиннаго владѣльца земли и горъ; недалеко отъ Самбальпура туземцы прежде приносили каждый годъ козленка въ жертву огромному змѣю-фетишу, котораго они считали столь же древнимъ, какъ міръ, и который, по ихъ вѣрованію, долженъ былъ погибнуть только вмѣстѣ съ этимъ міромъ. Самое названіе бумиджъ есть синонимъ «Сыновъ почвы», а слово го означаетъ «людей» по преимуществу.

Во всякомъ случаѣ, эти послѣдніе, т. е. туземцы го, могутъ быть приняты за типъ другихъ коларійскихъ племенъ, и земля, которую они населяютъ, въ области Сингбхумъ, получила спеціально названіе Колантъ или Колеханъ. Они, по большей части, выше ростомъ и сильнѣе, нежели ихъ единоплеменники; хотя лицо у нихъ широкое и черты плоскія, они, тѣмъ не менѣе, имѣютъ пріятную физіономію; татуируются у нихъ только однѣ женщины, да и то простыми параллельными линіями, начертанными на лбу и на вискахъ, обозначающими своими размѣрами и взаимнымъ разстояніемъ кланъ и племя, изъ котораго происходитъ женщина или дѣвушка. Цвѣтъ кожи у нихъ различный, отъ чернаго до красноватаго смотря по мѣсту жительства и роду пищи; но коларійцы рѣдко смѣшиваются съ людьми чужой расы; брачные союзы у нихъ всегда заключаются внѣ собственнаго клана, въ другомъ подраздѣленіи того же колѣна. Они живутъ самостоятельными республиками и сами исправно приносятъ слѣдующія съ нихъ подати въ главный городъ округа, не позволяя сборщику входить въ ихъ лѣса [1]). Единственные иноплеменники, которыхъ они терпятъ въ своихъ общинахъ,—это ткачи, гончары и другіе ремесленники арійской расы, потомки бывшихъ военноплѣнныхъ; послѣ хлѣбопашества, въ которомъ они отличаются своимъ трудолюбіемъ и искусствомъ, коларійцы оставили за собою только одинъ родъ промышленности—обработку желѣза. Они очень привязаны къ родной землѣ, къ своей отчинѣ, и чтобы защитить ее противъ захватовъ со стороны индусовъ, они не разъ посылали своимъ сосѣдямъ стрѣлу, въ знакъ объявленія войны, и въ назначенный день спускались съ горъ, чтобы разгромить селенія своихъ враговъ. Какъ санталы и ораонцы, какъ многіе монгольскіе народцы, какъ индѣйцы Сѣверной Америки, коларійцы принимаютъ для своихъ различныхъ клановъ, какъ отличительный символическій знакъ, изображенія разныхъ животныхъ; каждый имѣетъ свой особенный *тотемъ*. Они почитаютъ тѣни или души предковъ, заклинаютъ разными приношеніями зложелательство свирѣпыхъ животныхъ, въ особенности тигра [2]), поклоняются солнцу, какъ «отцу людей», рѣкамъ, горамъ и всѣмъ силамъ природы; около каждой деревушки находится еще священная рощица, остатокъ прежняго дѣвственнаго лѣса, и считается великимъ преступленіемъ занести топоръ на одно изъ этихъ деревъ, служащихъ обиталищемъ боговъ. Иногда они приносятъ въ жертву солнцу животныхъ, но жертвенникъ, посвященный этому божеству, не долженъ быть сдѣланъ рукой человѣка: у народа харріа кровь жертвъ проливается обыкновенно надъ муравейникомъ. У коларійцевъ не существуетъ никакихъ учрежденій или обычаевъ, которые напоминали бы главенство матери (матріархатъ); въ этомъ отношеніи они совершенно отличаются отъ гарро и другихъ туземцевъ Ассама. У нихъ наслѣдство переходитъ непосредственно

[1]) W. W. Hunter, „Orissa".
[2]) Wilford, „Asiatic Researches", vol. IX; Dalton, „Ethnology of Bengal".
[3]) V. Ball, „Jungle Life in India".

[1]) Tickell, „Journal of the Asiatic Society of Calcutta", 1840; Stohr, „Mittheilungen von Petermann", 1861, № 6.
[2]) Delplace, „Annales de la Propagation de la Foi", mai, 1875.

отъ отца къ сыновьямъ, и эти послѣдніе дѣлятъ его между собою равными долями, съ исключеніемъ сестеръ, которыя составляютъ ихъ собственность, наравнѣ съ домашнимъ



Видъ Калькуты съ эспланады.

скотомъ; въ ихъ же пользу поступаетъ и калымъ, или сумма, платимая женихомъ въ видѣ выкупа за невѣсту. Коларійская дѣвушка не можетъ сама себѣ выбирать мужа, какъ молодая гарронка; она должна долго ждать сватовства, такъ какъ семья ея обыкновенно назначаетъ за нее высокую цѣну. Браки, вообще, гораздо болѣе поздніе у горцевъ области Чота-Нагпоръ, чѣмъ во всякой другой части Индіи, рѣдко бываютъ несчастливы. Брачный союзъ, слѣдующій черезъ три дня послѣ бѣгства супруги и фиктивнаго похищенія ея, дѣлаетъ жену равною мужу, и послѣдній всегда совѣтуется съ нею во всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Что

касается похоронныхъ обрядовъ, то они походятъ на тѣ же обряды у народа хасіа. Коларійцы сжигаютъ вмѣстѣ съ тѣломъ покойника всѣ вещи, которыя ему нравились при жизни, и прикрываютъ прахъ его долменами и сложенными въ кучу камнями; многія деревни узнаешь издали по этимъ мегалитамъ. Харріа поступаютъ въ этомъ случаѣ иначе: такъ же, какъ и санталы, они ввѣряютъ любимый прахъ теченію рѣки; священными водами у санталовъ почитаются воды Дамуды, у харріа — воды Брамани.

Вообще говоря, понятливые, смышленые, желающіе нравиться,—даже слишкомъ желающіе, потому что оскорбленіе, неуваженіе или невниманіе часто такъ сильно дѣйствуетъ на нихъ, что обиженный самъ себя лишаетъ жизни [1]),—коларійцы, можетъ быть, самые податливые изъ всѣхъ туземцевъ Индіи въ отношеніи принятія религіи англичанъ. Въ то время, какъ у различныхъ народцевъ этой страны протестантскія церкви состоятъ только изъ нѣсколькихъ голодныхъ туземцевъ, кромѣ самихъ миссіонеровъ и ихъ семействъ, христіанскія общины коларійской земли заключаютъ въ себѣ тысячи новообращенныхъ членовъ; озлобленіе противъ индусовъ помогаетъ во многихъ мѣстахъ перемѣнѣ религіи. Англійское вліяніе проявилось другимъ образомъ на племена хондовъ или хандовъ, которые живутъ разбросанно отдѣльными семьями въ области восточныхъ Гатскихъ горъ, и преимущественно на югѣ отъ рѣки Мага-Нади, въ южной Ориссѣ, въ Калаханди, въ Бастарѣ и въ нѣкоторыхъ округахъ Мадрасской провинціи. Эти хонды сохранили свою религію, но они уже отказались отъ чудовищнаго обычая человѣческихъ жертвоприношеній, и дѣтоубійство, нѣкогда очень обыкновенное у нихъ, теперь считается уже преступленіемъ.

Дравидійцы по языку [2]), хонды, которые, впрочемъ, довольно многочисленны, такъ какъ ихъ насчитываютъ до 75.000 душъ въ одной только Ориссѣ, да столько же въ области Калаханди, принадлежатъ къ смѣшанной расѣ. Замѣчательно, что, живя рядомъ съ народами, такъ строго соблюдающими разграниченіе клановъ или кастъ, они нисколько не заботятся о сохраненіи чистоты своей крови; тысячи индусовъ низшихъ кастъ живутъ среди нихъ; кромѣ того, безчеловѣчный обычай умерщвленія дѣвочекъ, которымъ хонды такъ печально отличались отъ всѣхъ окружающихъ народцевъ, заставлялъ ихъ добывать себѣ женъ на сторонѣ, у своихъ сосѣдей коларійцевъ, у индусовъ равнины и у гондовъ, жителей центральныхъ провинцій; въ нѣкоторыхъ хондскихъ селеніяхъ мы напрасно стали бы искать маленькую дѣвочку: каждая дѣвочка тотчасъ же послѣ ея рожденія была положена въ новый глиняный сосудъ и зарыта въ землю въ мѣстѣ, указанномъ астрологомъ, какъ такомъ, откуда могъ повѣять злой рокъ. Но если хонды охотно роднились посредствомъ браковъ съ своими сосѣдями, то они очень крѣпко держатся за свою землю, которая принадлежитъ имъ, какъ они выражаются, «съ самаго начала», и до сихъ поръ большинство изъ нихъ оказывало упорное сопротивленіе всякимъ попыткамъ заминдаровъ, которые желали бы присоединить эти хондскія земли къ своимъ имѣніямъ; они даже сумѣли уклоняться отъ платежа налога англичанамъ. Чтобы лучше бороться за сохраненіе своихъ правъ, хонды образовали изъ себя общій союзъ или федерацію и собираются иногда въ народныя собранія, происходящія подъ предсѣдательствомъ ихъ начальниковъ или *аббайе*, которымъ они оказываютъ большое почтеніе.

Равнымъ образомъ, изъ любви къ почвѣ, которая ихъ кормитъ, племена хондовъ, поклоняющіяся Тари, богинѣ земли, приносили ей человѣческія жертвы. Чрезъ посредство купцовъ смѣшанной расы, они покупали въ сосѣднихъ странахъ дѣтей, предназначенныхъ къ роли *меріа*, т. е. обреченныхъ на закланіе, а иногда даже, во время голода, между самими хондами находились родители, продававшіе своихъ сыновей или дочерей для кровавой церемоніи. Этихъ меріевъ, называемыхъ *токи* на языкѣ хондовъ, должно было покупать непремѣнно цѣной серебра, для того, чтобы принесеніе ихъ въ жертву было угодно богинѣ; часто они были почитаемы соглашающимися на свое закланіе, и жрецъ аргументировалъ съ ними, чтобы убѣдить ихъ принять смерть добровольно; но обыкновенно этихъ несчастныхъ приводили, съ помощью опіума, въ состояніе опьяненія для того, чтобы можно было убивать ихъ безъ сопротивленія. «Мы купили тебя,— говорилъ жрецъ, обращаясь къ меріи,—никакой грѣхъ не тяготѣетъ на насъ!» Послѣ этого обращенія, онъ взывалъ къ богинѣ, моля ее наполнить житницы, дать рости и плодиться домашнему скоту, свиньямъ и птицѣ, прогнать тигровъ и змѣй, затѣмъ онъ поражалъ жертву, и толпа бросалась на нее, чтобы разорвать ее на куски; въ нѣкоторыхъ деревняхъ жертву сжигали на медленномъ огнѣ для того, чтобы она пролила много слезъ и чтобы дожди были обильны въ году. Каждый глава семейства получалъ кусокъ освященнаго человѣческаго мяса, которымъ онъ натиралъ порогъ своей житницы и который онъ затѣмъ зарывалъ въ землю въ своемъ саду, или втыкалъ на колъ, вбитый въ дно сосѣдняго ручья; пепелъ костей и внутренностей жертвы развѣвался по полямъ или смѣшивался съ зерномъ, предназначеннымъ для посѣва. Одно только подобное жер-

---

[1]) Dalton, „Ethnology of Bengal".
[2]) Dalton, цитированное сочиненіе.

твоприношеніе, совершенное по повелѣнію Бастарскаго раджи, состояло изъ 28 человѣческихъ жертвъ, и по этому случаю была даже организована правильная почтовая служба, для того, чтобы каждое сосѣднее племя получило свою долю мяса и пепла. Въ 1835 году, какъ только Макферсонъ и другіе офицеры обнаружили существованіе этого чудовищнаго обычая, негодующіе англичане потребовали уничтоженія его на будущее время, и даже были посылаемы вооруженныя экспедиціи въ горы, чтобы наказать упорствующихъ; въ 1859 и 1860 годахъ было освобождено около 550 меріа, обреченныхъ на закланіе. Тѣмъ не менѣе, хонды уступили лишь подъ условіемъ, чтобы имъ было позволено вину за прекращеніе человѣческихъ жертвоприношеній торжественно сложить на иностранцевъ. Разрѣшеніе имъ было дано; но что рѣшило ихъ окончательное обращеніе, такъ это превосходный урожай, слѣдовавшій за освобожденіемъ меріа; богиня Тари показала тѣмъ, что она удовлетворена; куркума, или «индійскій шафранъ», одно изъ главныхъ произведеній края, принялъ прекраснѣйшую окраску безъ того, чтобы необходимо было увлажнять его человѣческою кровью. Кажется, что съ 1860 года уже не было ни одного человѣческаго жертвоприношенія въ странѣ; сами хонды дивятся, какъ могли они прежде вѣрить въ необходимость этихъ кровавыхъ религіозныхъ обрядовъ [1]). Тѣмъ не менѣе, однако, дикій звѣрь не умеръ и можетъ еще проснуться. Во время возстанія, вспыхнувшаго лѣтомъ 1882 года, хонды области Калаханди, послѣ того, какъ они соединились въ одну общую конфедерацію, принеся клятву во взаимной вѣрности на тигровой шкурѣ, перебили сотни индусскихъ земледѣльцевъ, изъ касты культовъ, которые постепенно захватывали земли на ихъ территоріи, и говорятъ, что для того, чтобы призвать своихъ соотечественниковъ на священную брань, они послали каждому клану кусокъ мяса жертвъ.

Индусское населеніе, занимающее равнины дельты, равно какъ долины въ окружности горныхъ хребтовъ, примыкаетъ къ бенгальцамъ нечувствительными переходами и говоритъ языкомъ санскритскаго происхожденія, называемымъ урія, который употребляютъ также въ полуденной Бенгаліи и въ сопредѣльныхъ округахъ Мадраса и центральныхъ провинцій; вообще, группу нарѣчія урія составляютъ отъ восьми до десяти милліоновъ человѣкъ. Индусы, говорящіе этимъ идіомомъ, принадлежатъ ко всякимъ кастамъ, изъ которыхъ иныя, между прочимъ, касты пановъ, занимающихся мелочной торговлей, и телинговъ, промышляющихъ рыболовствомъ и поселившихся вокругъ озера Шилка,—очевидно, смѣшанной расы, дравидійской и коларійской. Во многихъ отношеніяхъ мы находимся, въ области Орисса, на общей границѣ двухъ міровъ—арійскаго и дравидійскаго, и, можетъ быть, это именно обстоятельство и было причиной того, что Орисса пріобрѣла особенную святость въ глазахъ двухъ названныхъ расъ, между которыми тамъ часто происходила вооруженная борьба и которыя воздвигли тамъ много памятниковъ въ воспоминаніе своихъ битвъ. Между индусскими кастами есть такія, которыя въ теченіе настоящаго столѣтія снова поднялись изъ униженія и сбросили съ себя угнетавшій ихъ позоръ. Чамары, жители округа Чатисгаръ, на долю которыхъ было оставлено только ремесло живодеровъ и землекоповъ, сгруппировались въ одинъ прекрасный день вокругъ одного пророка, который провозглашалъ отмѣну всякихъ кастъ и равенство всѣхъ людей. Когда они не стали болѣе признавать высшихъ между другими индусами, и на нихъ перестали смотрѣть какъ на низшихъ. Народный обычай измѣнилъ даже самое имя чамаровъ: ихъ называютъ теперь сатнами, по восклицанію *«сатъ намъ, сатъ намъ!»*, которое они испускаютъ утромъ и вечеромъ, падая ницъ передъ восходящимъ или заходящимъ солнцемъ. Этихъ индусовъ, которые сумѣли снова завоевать себѣ почетное мѣсто среди своихъ соотечественниковъ и которые составляютъ одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ классовъ индійскаго общества, насчитываютъ около 300.000 душъ [1]).

Населенные въ большей части своего протяженія дикими народцами и еще не перерѣзанные желѣзною дорогой, которая соединяла бы ихъ съ Калькуттой или Бомбеемъ, верхніе бассейны рѣкъ Субарнанеха, Байтарами, Брамани, Мага-Надди не имѣютъ многолюдныхъ городовъ, но развалины древнихъ городскихъ поселеній и груды шлаковъ около мѣсторожденій золота и мѣди [2]) доказываютъ, что этотъ край нѣкогда принадлежалъ цивилизованному народу. Призматическая песчаниковая скала, называемая Рамгаръ, или «Замкомъ Рама», которая, словно гигантская крѣпость, поднимается высоко надъ лѣсомъ дерева саль, близъ истоковъ рѣки Субарнахера, сохранила еще на своей вершинѣ, на высотѣ 800 метровъ, остатки города, двойная ограда котораго представляетъ замѣчательнѣйшія детали, сдѣланныя въ индусскомъ стилѣ, съ примѣсью арабскаго; естественные гроты Рамгара покрыты изваяніями и надписями. Чайбаса, главный городъ округа Сингбхумъ, или «Земля Господъ», получившаго это названіе отъ раджпутскихъ князей, самъ по себѣ маленькій городокъ, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Байтарани, но онъ

[1]) Macpherson, „Journal of the Royal Asiatic Society“; Campell; Mac Neill; Dalton; Hunter; Monier Williams, etc.

[1]) Hunter, „Imperial Gazetteer of India“.
[2]) Stohr, „Mittheilungen von Petermann“, 1861, № 6.

очень любопытенъ своими рынками, куда дикари различныхъ расъ стекаются тысячами.

Въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Мага-Надди самый замѣчательный городъ — Райпуръ, лежащій на высотѣ менѣе 300 метровъ, почти въ центрѣ равнины, нѣкогда озерной, которая превратилась въ плодоносный округъ Чатисгаръ, т. е. «Тридцати шести за́мковъ». Благодаря своему выгодному положенію, городъ этотъ является очень дѣятельнымъ рынкомъ. Донгаргаонъ, еще недавно бывшій маленькой деревушкой, затерянной среди джунглей, сдѣлался главнымъ сборнымъ мѣстомъ для хлѣботорговцевъ; во время ярмарокъ здѣсь собирается болѣе ста тысячъ иногороднихъ посѣтителей, съ 40.000 воловъ и 13.000 телѣгъ. Самбальпуръ, въ ущельяхъ, черезъ которыя протекаетъ Мага-Надди, занимаетъ выгодное положеніе, находясь на берегу этой судоходной рѣки, которая, смотря по времени года, измѣняется въ ширинѣ отъ 40 до 1.600 метровъ. Городъ этотъ прославился своими алмазными пріисками, которые были посѣщены уже въ 1766 году европейцемъ Моттомъ; мѣсто, гдѣ находятъ алмазы въ наибольшемъ количествѣ, лежитъ близъ впаденія рѣчки Ибъ (Гебе) въ Мага-Надди. Въ періодъ мелководья около пяти тысячъ джхаровъ, или «промывальщиковъ», собираются на берегу Мага-Надди, чтобы запрудить рукавъ этой рѣки, проходящій по Гира-кунду, или «Алмазному фонтану», и искать драгоцѣнные камни, смѣшанные съ галькой рѣчного ложа. Европейцы нѣсколько разъ выхлопатывали себѣ у правительства монополію этой промышленности, но выгоды, получаемыя отъ эксплоатаціи алмазныхъ пріисковъ, оказывались недостаточными для покрытія издержекъ производства[1]). Нѣкоторые геологи отождествили Самбальпуръ съ древнимъ городомъ Сумальпуръ, но, по всей вѣроятности, этотъ алмазный рынокъ находился сѣвернѣе, на рѣкѣ Гоэль, верхнемъ притокѣ Брамани. Ниже по теченію Мага-Надди, Сонпуръ и Бодъ, столицы медіатизированныхъ государствъ, представляютъ лишь незначительныя мѣстечки.

Каттакъ, т. е. «Крѣпость», столица провинціи Ориссы, занимаетъ треугольную вершину дельты, между Мага-Надди въ собственномъ смыслѣ и другою вѣтвью, рѣкой Каджури; это было бы великолѣпное географическое положеніе, если бы теченіе «Великой рѣки» не было такъ опасно, и если бы судоходство могло правильнымъ образомъ пользоваться измѣнчивыми рукавами дельты. Каттакъ долженъ былъ окружить себя высокими оградительными плотинами, которыя превращаютъ его въ островъ во время разливовъ; эти гидравлическія сооруженія и запруды рѣки составляютъ самыя замѣчательныя строенія города; что касается крѣпостцы, отъ которой онъ получилъ свое названіе, то теперь это не болѣе какъ горка развалинъ. Но окрестныя горы сохранили еще драгоцѣнные памятники эпохъ буддійской, магометанской и браманской, изображенія, изсѣченныя въ скалѣ, и гроты, преобразованные въ храмы. Всѣ религіозные перевороты Индіи оставили по себѣ слѣды на священной почвѣ Ориссы, и при томъ жители всегда выбирали самыя живописныя мѣстоположенія, чтобы украшать ихъ колоннадами и произведеніями скульптуры. Самая любопытная группа храмовъ находится километрахъ въ тридцати къ югу отъ Каттака, близъ Буванешвара, мѣстечка, бывшаго нѣкогда столицей государства. Большая часть архитектурныхъ остатковъ, которые находятся въ окружающихъ гротахъ,— буддійскаго происхожденія. Одна надпись на скалахъ принадлежитъ къ тѣмъ многочисленнымъ надписямъ, которыя были вырѣзаны, по повелѣнію императора Асоки, въ разныхъ мѣстахъ Индіи; другая, болѣе древняя, разсказываетъ исторію одного магадскаго царя, жившаго за двадцать два вѣка до нашего времени[1]). Нѣкоторыя изваянія въ храмахъ воспроизводятъ человѣческія формы съ такою вѣрностью и изяществомъ отдѣлки, что многіе археологи приписывали эти скульптурныя произведенія грекобактрійскимъ художникамъ.

Какъ «святая земля» индусовъ, страна Орисса дѣлится на четыре области, которыя, впрочемъ, всѣ одинаково служатъ «преддверіемъ неба», и обитатели которыхъ должны неминуемо попасть, послѣ своей смерти, въ жилище блаженныхъ духовъ. Какъ только пилигримъ, идущій съ сѣвера, переступилъ за «теплую Байтарани», этотъ «Стиксъ индусовъ», онъ уже вступаетъ въ совершенно новый міръ: жрецъ шепчетъ ему на ухо, что онъ, паломникъ, сподобился проникнуть въ царство грознаго Сивы и Парвати. На юго-востокѣ, около устьевъ Мага-Надди, лежитъ область «Солнца», теперь мало посѣщаемая богомольцами, хотя святилища до сихъ поръ стоятъ еще тамъ вдоль пустынныхъ береговъ рѣки. Берега озера Шилка, которые нѣкогда, по сказанію легенды, были окружены 7.000 храмами, тоже посвящены богу Сивѣ. Но область святая между святыми, та область, «славы которой самъ Сива не можетъ себѣ представить»,—это территорія Пури, заключенная между двумя плоскими болотистыми берегами океанскаго прибрежья, въ сторонѣ отъ дороги, по которой слѣдовали завоеватели. Тамъ царствуетъ Вишну уже пятнадцать столѣтій, тамъ стоитъ знаменитый Джагганатскій храмъ, посѣщаемый иногда тремя стами тысячъ пилигримовъ въ годъ. Трижды блаженъ тотъ, на долю кого выпало счастье умереть въ виду «Вратъ Рая» и башни, на

[1]) V. Ball, „The Diamonds, Coal and Gold of India".

[1]) Rajendralala Mitra, „Antiquities of Orissa".

верхушкѣ которой водружены знамя и колесо Вишну! Такъ могущественна сила, присущая этой священной пагодѣ, что она уничтожаетъ даже всякое кастовое различіе. Предъ лицомъ

Индійскіе банановые лѣса.

бога браманъ и живодеръ равны: «Правовѣрный, который мнѣ угоденъ, — говоритъ Вишну,—это не ученый, посвященный въ тайну четырехъ священныхъ письменъ, а смиренный вѣрующій; это ему нужно давать, отъ него нужно принимать. Почитайте его, какъ вы почитаете меня самого». Во дворѣ храма странники, смѣшанные безъ различія сословій или расъ, братски дѣлятъ между собою *мага-прасадъ*, священную пищу. Правда, что во избѣжаніе необходимости признавать, хотя бы и временно, за равныхъ себѣ презираемыхъ телинговъ, стра-

жи святилища воспрещаютъ имъ входъ въ храмъ [1]). Они охотно допускаютъ людей низшей касты, приходящихъ издалека и которыхъ они больше не увидятъ, но держатъ на почтительномъ разстоянiи тѣ презрѣнныя существа, съ которыми имъ приходится встрѣчаться каждый день.

Священное зданiе, окруженное широкою четыреугольною оградою, каждая сторона которой имѣетъ болѣе 200 метровъ длины, расположено на Ниль-Гири, или «Голубой горѣ», небольшомъ пригоркѣ, образовавшемся, вѣроятно, изъ обломковъ буддiйскаго храма. Сооруженiе его восходитъ къ концу двѣнадцатаго столѣтiя; магометанскiе завоеватели, разрушившiе большую часть индусскихъ святилищъ въ Ориссѣ, пощадили Джагганатскiй храмъ, который, благодаря отдачѣ на откупъ сбора приношенiй и подаянiй, доставлялъ имъ значительные доходы. Въ самомъ дѣлѣ, религiя и до сихъ поръ составляетъ главный, почти единственный промыселъ территорiи Пури, обитатели которой, въ числѣ около двадцати тысячъ душъ, живутъ прямо или косвенно эксплоатацiею правовѣрныхъ. Жрецы и служители при Джагганатской святынѣ, общее число которыхъ доходитъ до 6.000, раздѣляются на 36 порядковъ и 97 классовъ, и состоятъ подъ главнымъ начальствомъ раджи, который имѣетъ наслѣдственную должность подметальщика храма. Они посылаютъ странствующихъ приказчиковъ во всѣ провинцiи зазывать пилигримовъ, которымъ они обѣщаютъ вѣчное спасенiе, взамѣнъ добровольныхъ приношенiй, пожертвованныхъ въ пользу бога и его служителей, и собираютъ такимъ образомъ каждый годъ около миллiона франковъ; къ этому сбору нужно еще прибавить доходы съ земель, уступленныхъ храму англiйскимъ правительствомъ; знаменитый алмазъ Кохъ-и-нуръ («Гора Свѣта»), принадлежащiй теперь королевѣ-императрицѣ Викторiи, былъ завѣщанъ Джагганатскому храму Лагорскимъ раджей, Ранджитъ-Сингомъ, но придворный ювелиръ отказался выдать его служителямъ святилища [2]). Статуя бога Вишну, такъ же, какъ статуи его брата и сестры, надъ которыми поднимается самая высокая башня храма, представляютъ грубыя фигуры, едва отесанные чурбаны; но это не мѣшаетъ имъ быть самыми священными, наиболѣе чтимыми изображенiями во всей Индiи. Каждый годъ, въ iюнѣ или въ iюлѣ мѣсяцѣ, 4.200 служителей храма впрягаются въ колесницу бога Вишну, подвижную деревянную пагоду, около 14 метровъ вышиной, покоющуюся на восьми парахъ колесъ, и тащатъ ее въ «Храмъ Сада», расположенный на краю плоскаго песчанаго берега, почти въ 2 километрахъ отъ Джагганата. Эта древняя буддiйская церемонiя напоминаетъ, безъ сомнѣнiя, годовщину рожденiя основателя буддизма Шакiа-Муни [1]); такимъ образомъ здѣсь слились двѣ религiи подъ именемъ Вишну. Путешествiе громадной махины, вязнущей въ пескѣ, продолжается нѣсколько дней. Вошло въ пословицу, что иные фанатическiе пилигримы бросаются подъ колеса чудовищной колесницы, чтобы имѣть счастье умереть въ состоянiи святости; но этотъ родъ самоубiйства всегда былъ исключительнымъ фактомъ, какимъ бываетъ въ Европѣ добровольная смерть подъ колесами локомотивовъ; когда случится подобное несчастiе, движенiе колесницы тотчасъ же прiостанавливается, и жрецы приступаютъ къ очистительнымъ церемонiямъ. Точно также обычай, называемый *чирвиръ*, состоявшiй въ томъ, что нѣкоторые вѣрующiе, ради спасенiя души, привѣшивались на острые крюки, зацѣпляемые за мясо спины, такъ что тѣло ихъ, при движенiи колесницы, качалось изъ стороны въ сторону, совершенно вышелъ изъ употребленiя уже при жизни прошлаго поколѣнiя, и вѣроятно, онъ всегда былъ запрещаемъ охранителями пурiйской святыни, такъ какъ Джагганатъ есть «богъ любви», и видъ крови внушаетъ ему ужасъ. Въ наши дни религiозная ревность ослабѣваетъ, число пилигримовъ постоянно уменьшается, и девять десятыхъ ихъ состоятъ изъ женщинъ [2]); только женщины сохранили древнюю вѣру. Джагганатскiй храмъ служитъ гнѣздомъ и разсадникомъ заразы, какъ и Мекская кааба; но въ послѣднее время, благодаря уменьшенiю наплыва пилигримовъ и принятiю мѣръ къ улучшенiю общественной гигiены, уменьшилась опасность эпидемiй, которыя прежде каждый годъ зарождались и свирѣпствовали между толпами отовсюду стекаю-

Джагганатскiй священный чурбанъ

[1]) W. W. Hunter, „Orissa".
[2]) A. Keane, рукописныя замѣтки.

[1]) Rajendralala Mitra, „Antiquities of Orissa".
[2]) W. W. Hunter, „Orissa".

щихся богомольцевъ, по большей части грязныхъ и получающихъ дурную или недостаточную пищу. Еще не такъ давно часто случалось, что улицы Пури были загромождены валявшимися мертвыми тѣлами, которыя служили пищей голоднымъ собакамъ, да и въ наши дни еще дорога, по которой слѣдуютъ паломники, отмѣчена вереницами труповъ. Въ видахъ охраненія городскихъ поселеній отъ заразы, правительство начертало опредѣленный маршрутъ, которымъ воспрещается заходить въ лежащіе на пути города партіямъ индусовъ, возвращающимся изъ Джагганата.

Въ 32 километрахъ къ востоку отъ Пури, недалеко отъ морскаго берега, видны руины Канаракскаго храма, посвященнаго солнцу; европейцы дали ему прозвище «Черной Пагоды». Хотя сильно поломанныя искателями сокровищъ и любителями античныхъ рѣдкостей, испещренныя именами путешественниковъ, изваянія Канаракской пагоды, тѣмъ не менѣе, принадлежатъ къ числу прекраснѣйшихъ скульптурныхъ произведеній, какія сохранились отъ лучшихъ эпохъ искусства, да и самое зданіе, сооруженное, какъ полагаютъ, въ концѣ девятаго столѣтія, справедливо считается перломъ индусскаго зодчества. Джаджпуръ или Яджпуръ, «Городъ жертвоприношенія», стоящій на правомъ берегу рѣки Байтарани,—тоже одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ Ориссы по своимъ памятникамъ, посвященнымъ, большею частью, Сивѣ и Парвати, и по своей уединенной колоннѣ, подобной столбу, воздвигнутому передъ Джагганатскимъ храмомъ. Джаджпуръ былъ до Каттака главнымъ городомъ Ориссы.

Важнѣйшіе города Ориссы и округа Чатисгаръ:

Каттакъ (1891 г.) — 47.186 жит.; Пури — 28.794 жит.; Райпуръ—20.300 ж.; Баласоръ—18.250 жит.; Самбальпуръ — 11.700 жит.; Джаджпуръ (Яджпуръ)—10.750 жит.

Измѣнчивыя песчаныя мели, разсѣяныя вдоль берега, и бары, заграждающіе входъ въ устья Мага-Надди, долго не позволяли европейскимъ кораблямъ приближаться къ прибрежью; только туземныя суда отваживались переходить черезъ образуемые барами пороги при высокомъ приливѣ, чтобы идти къ пристанямъ внутреннихъ рынковъ за грузами риса и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Въ 1860 году нѣкоторые французскіе негоціанты, живущіе въ Калькуттѣ, рѣшились ввести свои корабли въ «Великую рѣку» черезъ устье Фольсъ-Пойнтъ, и вскорѣ послѣ того, во время голода, постигшаго край, сюда стали выгружать съѣстные припасы, посылавшіеся изъ индійской столицы. Теперь, хорошо изслѣдованный, снабженный буями, бакенами и фонарями или маяками, Фольсъ-Пойнтъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе доступныхъ портовъ восточнаго берега; защищенныя отъ южнаго муссона песчаною косой, суда, изъ которыхъ большое число носятъ французскій флагъ, безопасно стоятъ на якорѣ въ рейдѣ, гдѣ обыкновенно бываетъ отъ 7 до 8 метровъ глубины, затѣмъ, въ періоды прилива, сообщаются съ внутренними городами посредствомъ лихтеровъ и пароходовъ; но нужно опасаться, что судамъ въ скоромъ времени придется искать себѣ другаго пристанища, потому что захваты ила у береговъ бухты превышаютъ, среднимъ числомъ, 36 метровъ въ годъ [1]). Движеніе судоходства въ портѣ Фольсъ-Пойнтъ въ 1875 году: 110 судовъ съ общею грузовмѣстимостью 118.375 тоннъ; цѣнность торговыхъ оборотовъ 6.530.000 франковъ. Какъ складочное мѣсто произведеній Ориссы, портъ Фольсъ-Пойнтъ имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ всѣ другія гавани этого берега и даже чѣмъ Баласоръ, нѣкогда очень оживленный портъ до основанія Калькутты и мѣстопребываніе датской торговой конторы до 1846 года. Неподалеку оттуда, въ Субарнарехѣ, городѣ, теперь уже исчезнувшемъ, который находился при устьѣ рѣки того же имени, англичане основали свою первую контору на почвѣ Индіи, въ 1634 году; въ томъ же мѣстѣ ранѣе находилась португальская контора Пильпинъ [2]).

XI.

Гондвана или центральныя провинціи; верхніе бассейны рѣкъ Соны, Нарбады, Тапти и Годавери.

Еще въ половинѣ настоящаго столѣтія эта область была въ большей части своего протяженія «невѣдомою страною». Внѣ городовъ и вдали отъ главныхъ дорогъ простирались опасныя пространства, по которымъ рыскали разбойники пиндари или въ которыхъ жили дикія племена гондовъ. Нѣкоторые округи, опустошенные мараттами, обратились въ совершенныя пустыни, и бывшія поля и селенія заросли чащами джунгля. Въ настоящее время центральныя провинціи, за исключеніемъ юго-восточной части, граничащей съ туземнымъ государствомъ Бастаръ, принадлежатъ къ числу наилучше изслѣдованныхъ областей Полуострова. Желѣзная дорога, важнѣйшая въ Индіи, проходитъ черезъ Гондвану, чтобы соединить Бомбей съ Калькуттой черезъ Аллахабадъ и Бенаресъ; другой рельсовой путь, который проникаетъ въ южную часть края, скоро доставитъ болѣе прямое сообщеніе между двумя столицами. Вообще, эта страна, еще одна изъ наименѣе населенныхъ частей Индіи сравнительно

[1]) Taylor, „Abstract of Reports of the Surveys in India for 1876—1877".

[2]) W. W. Hunter, „Statistical Account of Bengal".

съ ея протяженіемъ, теперь быстро возрастаетъ по числу своихъ жителей.

Центральныя провинціи, безъ Чатисгара, округовъ Сагаръ и Дамохъ:

Пространство.	Населеніе въ 1872 г.	На 1 кв. кил.
153.118 кв. кил. . .	5.042.900 жит.	33 жит.
Вѣроятное населеніе въ 1882 году . . .	6.500.000 „	42 „

Гондвана, или «Земля гондовъ», естественныя границы которой, вообще говоря, совпадаютъ съ административнымъ дѣленіемъ, обозначаемымъ англичанами подъ именемъ центральныхъ провинцій, составляетъ хребетъ или горбъ Полуострова по расположенію своихъ покатостей. Три большія рѣки, Тапти, Годавери и Мага-Надди, берутъ начало на югѣ отъ главной поперечной борозды, которую образуютъ долины рѣкъ Нарбады и Соны, отъ Камбейскаго залива до равнины Ганга; воды стекаютъ во всѣхъ направленіяхъ вокругъ горныхъ массивовъ. Однако, горныя цѣпи Гондваны далеко не такъ высоки, какъ полагали прежде, когда дикое населеніе края и отсутствіе дорогъ не позволяли ближе ознакомиться съ этими возвышенностями. Горы Сатпура, составляющія главную цѣпь страны, имѣютъ не болѣе 650 метровъ средней высоты. Несмотря на то, эти горы играли нѣкогда значительную историческую роль, потому что они высятся, какъ вторая ограда естественной крѣпости, на югѣ отъ горныхъ цѣпей системы Виндіа и глубокой долины Нарбады, представляющей собою какъ бы оборонительный ровъ; сами они, въ свою очередь, опираются на югѣ на третій рядъ высотъ, тѣхъ высотъ, которыя образуютъ по другую сторону рѣки Тапти краевую цѣпь Деканскаго плоскогорья. Такимъ образомъ восходящій потокъ индусскихъ населеній разбивался объ эту тройную линію естественныхъ преградъ, которая тянется на пространствѣ слишкомъ 1.000 километровъ отъ востока къ западу, раскинувшись въ ширину на 500 километровъ, съ сѣвера на югъ. Нужны были длинные вѣка торговыхъ сношеній и войнъ, прежде чѣмъ культура могла постепенно подняться вдоль долинъ и черезъ бреши гребней до высотъ нагорныхъ равнинъ. Эта медленная работа завоеванія еще не кончена и по настоящее время.

Названіе Сатпура, или «Семерная цѣпь горъ», дано географами всей орографической системѣ центральныхъ провинцій; индусы примѣняютъ его только къ западной части горъ, заключенныхъ между двумя, почти параллельными, долинами, которыя орошаютъ рѣки Нарбада и Тапти въ своемъ среднемъ теченіи. Что касается туземцевъ, то они не имѣютъ общаго наименованія для этихъ массивовъ; они ограничиваются тѣмъ, что обозначаютъ каждую уединенную группу, каждую отдѣльную вершину именемъ ближайшей деревни, деревьевъ, растущихъ на склонахъ, или божества, царствующаго надъ страной. Впрочемъ, эти высоты не слѣдуютъ одна за другою въ видѣ непрерывной цѣпи; онѣ стоятъ на трапповомъ плоскогорьѣ, имѣющемъ около 600 метровъ средней высоты, и по большей части образуютъ на громадномъ цоколѣ, который имъ служитъ фундаментомъ, уединенныя каменныя массы или второстепенныя плато, также состоящія изъ вулканическихъ горныхъ породъ и имѣющія форму обширныхъ столовъ, съ круто обрывающимися боковыми гранями. Многія изъ этихъ столовыхъ горъ изрыты наверху впадинами, гдѣ скопляются дождевыя воды, такъ что эти углубленія почвы представляютъ естественныя цистерны или водохранилища, которыми и пользовались феодальные господа для снабженія водой своихъ крѣпкихъ замковъ, высящихся на вершинѣ неприступныхъ скалъ [1]).

На востокѣ отъ массивовъ Сатпура въ собственномъ смыслѣ, широкія равнины, образовавшіяся дѣйствіемъ размыванія, уединяютъ центральную группу горъ, надъ которою господствуютъ самыя высокія вершины этой орографической системы: одна изъ нихъ, гора Дапгаръ (Деогаръ, т. е. «Божья крѣпость»), достигаетъ высоты 1.375 метровъ. Этотъ центральный массивъ за его высоту и, вѣроятно, еще болѣе за смѣлость и разнообразіе его чертъ былъ посвященъ богу Сивѣ это Магадео, или гора «Великаго Бога». Граниты, метаморфическія горныя породы, известняки, песчаники, застывшіе потоки базальта, эруптивныя массы,—всѣ эти формаціи различаются цвѣтомъ, профилемъ, видомъ откосовъ и долинъ, а также и характеромъ растительности. Правильная линія верхнихъ плато прерывается тамъ и сямъ гранитными вершинами, которыя узнаешь издалека по ихъ остроконечнымъ зубчатымъ скаламъ; но изъ всѣхъ этихъ скалъ самыя причудливыя и въ то же время самыя величественныя—это вертикальныя стѣны Магадео, когда на нихъ смотришь изъ долинъ, открывающихся на южной сторонѣ горы «Великаго Бога». Съ берега ручьевъ, извивающихся среди луговъ, видишь высоко поднимающіяся надъ густыми кронами деревъ красноватыя стѣны горы, исполосованныя трещинами, изъ которыхъ пробиваются кое-гдѣ пучки травы, и оканчивающіяся на вершинѣ башнями и башенками четыреугольной формы; съ нѣкоторыхъ мѣстъ вся группа Магадео представляется зданіемъ колоссальныхъ размѣровъ, воздвигнутымъ рукою человѣка. Громадныя ущелья разверзаются въ толщѣ горной массы, и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ стѣны до того крутыя, что никакой смѣльчакъ не отважится спуститься на дно пропасти; по вѣрованію туземцевъ, это трещины, которыя Сива сдѣлалъ своимъ трезубцемъ въ массѣ горы, чтобы низвергнуть туда змѣевъ,

[1]) Forsyth, „The Highlands of Central India“.

прежнихъ владѣтелей земли. Рѣчки, вступая въ эти разсѣлины, огибаютъ горы и отдѣляютъ ихъ одну отъ другой; многіе потоки, зарождающіеся на южной отлогости группы Магадео, поворачиваютъ къ сѣверу, чтобы идти на соединеніе съ рѣкой Нарбадой [1]). По причинѣ сходства въ фаунѣ и флорѣ, плоскогорью Пачмари, къ которому принадлежатъ Деогаръ и Магадео, дали названіе «сѣвернаго Ниль-Гири» (Голубыя горы [2]).

Гористыя области, слѣдующія за областью горы «Великаго Бога» по оси системы, отдѣлены отъ этой группы верхней долиной Нарбады. Эти области, подобно западной части Сатпура, представляютъ характеръ расположенныхъ уступами плато, и также, какъ и этотъ массивъ, покрыты во многихъ мѣстахъ пластами траппа. По направленію съ запада на востокъ, дорога поднимается на плоскогорье Мандла какъ бы рядомъ ступеней, до краевой цѣпи Майкала, которая господствуетъ на сѣверо-западѣ надъ большою Чатисгарскою равниною. Хребетъ Майкалъ имѣетъ не болѣе 600 метровъ средней высоты; но одна изъ его вершинъ, гора Лафа, переходитъ за 1.060 метровъ. На востокѣ, угловой межевой столбъ всей системы составляетъ вершина, соперничающая, по высотѣ, съ Лафой,—гора Амаркантакъ, гдѣ получаетъ начало священная Нарбада и откуда вытекаютъ въ то же время воды, спускающіяся къ Сонѣ и Мага-Надди. Большая часть этой гористой области, нѣкогда избѣгаемой человѣкомъ, была покрыта лѣсами саля или шореи (shorea robusta), дерева, которое занимаетъ узкую полосу земли у основанія Подгималайскихъ горъ, параллельно чащамъ пояса терая. Саль принадлежитъ къ числу завладѣвающихъ древесныхъ породъ: его сѣмена, падающія въ изобиліи при первыхъ дождяхъ, немедленно проростаютъ и овладѣваютъ растительной землей, въ ущербъ другимъ растеніямъ. Область этой породы, внѣ Подгималайскихъ горъ, обнимаетъ холмы Раджмагала и Чота-Нагпора, восточныя Гатскія горы до рѣки Годавери, и горы Майкалъ, повсюду, гдѣ эти высоты не покрыты траппомъ. Присутствіе этой горной породы, которая обыкновенно покрыта тонкимъ слоемъ растительной земли, проводитъ распространенію шореи непереходимую границу; но гдѣ оканчивается область этого дерева, тамъ начинается область тека (tectonia grandis), породы еще болѣе цѣнимой, какъ строевой лѣсъ. Только одинъ островокъ песчаниковыхъ скалъ въ группѣ Магадео заключаетъ салевый лѣсъ; это дерево нѣкогда распространилось черезъ аллювіальную долину рѣки Нарбады, теперь уже безлѣсную. Распредѣленіе животныхъ видовъ въ общихъ чертахъ соотвѣтствуетъ распредѣленію лѣсовъ. Такъ, дикій буйволъ (bubalus Arni), болотный олень (rucervus Duvaucellii), джунглевый пѣтухъ (gallus ferrugineus) не переходятъ на западѣ за предѣлы области саля, но ихъ опять можно встрѣтить въ долинѣ группы Магадео, гдѣ это дерево снова появляется уединенно [1]).

Салевые и тековые лѣса почти всѣ исчезли изъ легко доступныхъ мѣстностей Гондваны. Уже туземцы истребили ихъ порядочное количество своимъ варварскимъ способомъ земледѣлія, который состоитъ въ слѣдующемъ: въ началѣ сухаго времени года они срубаютъ деревья по опушкѣ лѣсовъ, чтобы предать ихъ огню до наступленія дождливаго сезона. Тогда они сѣютъ зерно среди пепла, возлагая надежду на природу, которая выроститъ посѣвъ и дастъ урожай; тамъ, гдѣ почва поката, они даже не дадутъ себѣ труда разбросать сѣмена, а довольствуются тѣмъ, что складываютъ ихъ кучками на самомъ высокомъ краю лѣсной прогалины, ожидая, чтобы дожди распредѣлили зерно по расчищенной поверхности. Такъ велика производительная сила почвы, удобренной золой отъ выжженнаго лѣса, что урожай перваго года обыкновенно бываетъ очень обиленъ; на второй годъ онъ уже гораздо скуднѣе, и для новой жатвы кочующій земледѣлецъ отправляется выжигать другой уголъ лѣса. Покинутыя прогалины заростаютъ бамбукомъ, густой чащей мелкаго кустарника и колючими деревцами, среди которыхъ ни одно большое дерево не можетъ расти. Такимъ образомъ, несмотря на незначительное протяженіе распаханныхъ земель, лѣса почти всѣ выпустошены, и во многихъ округахъ, вслѣдствіе истребленія лѣсной растительности, мѣстность приняла совершенно другой видъ; при этомъ всего больше пострадали самые цѣнные лѣса; саль истреблялся ради его смолы, текъ вырубался, чтобы быть превращеннымъ въ уголь или проданнымъ, какъ строевое дерево. Систематическое истребленіе лѣсовъ началось тогда, когда въ край проникли желѣзнодорожные предприниматели; узнавъ, что правительство предполагаетъ обратить лѣса въ государственное имущество, эти иностранцы принялись опустошать ихъ въ свою пользу, и скоро, въ этой странѣ, гдѣ растительность такъ могуча, строители желѣзнаго пути принуждены были нужный имъ лѣсной матеріалъ выписывать изъ Англіи и изъ Норвегіи. Тропическаго лѣса, такого, какой мы въ правѣ были бы ожидать увидѣть въ этой широтѣ, теперь совсѣмъ нѣтъ; если бы изрѣдка не встрѣчались тамъ и сямъ одиноко стоящія пальмы или какое-нибудь другое характеристическое дерево жаркаго пояса, можно было бы подумать, что находишься въ умѣренномъ поясѣ Европы. Въ сухое время года исчезаетъ

[1]) Oldham, „Memoirs of the Geological Survey of India", 1869.

[2]) V. Ball, „Jungle Life in India".

[1]) Forsyth, „The Highlands of Central India".

вся листва деревъ, исключая только листьевъ шореи; ни одного цвѣтка не видно на вѣтвяхъ: природа имѣетъ печальный и утомительно однообразный видъ. Въ обработанныхъ мѣстностяхъ одно только большое дерево всегда уважается жителями: это мхова, съ вкусными вѣнчиками цвѣтовъ.

Рѣка Нарбада, принимаемая часто за естественную границу между Сѣверной Индіей и Деканомъ, спускается изъ своихъ верхнихъ бассейновъ, бывшихъ нѣкогда озерными, рядомъ дефилеевъ, затѣмъ, по выходѣ изъ верхнихъ ущелій, принимаетъ почти прямолинейное направленіе къ западо-юго-западу, которое и сохраняетъ во всемъ своемъ дальнѣйшемъ теченіи до самаго впаденія въ Камбейскій заливъ. Естественная граница между верхней Нарбадой и ея среднимъ теченіемъ обозначена «Мраморнымъ» ущельемъ, представляющимъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстоположеній въ центральной Индіи. Рѣка разомъ низвергается въ эту узкую тѣснину, образуя каскадъ въ 9 метровъ высоты, извѣстный подъ именемъ «Пѣнящагося Водопада». На протяженіи километровъ трехъ мраморныя стѣны ущелья, изваянныя въ видѣ колоссальныхъ колоннъ, расколотыя на неравные слои, высятся на 30 метровъ по обѣ стороны съуженнаго русла, имѣющаго всего только около 20 метровъ ширины, на днѣ котораго несется потокъ, стремительный и глубокій. Испещренныя тамъ и сямъ вкрапленными въ мраморъ черноватыми вулканическими породами, который своимъ контрастомъ дѣлаютъ еще болѣе яркою бѣлизну мраморныхъ утесовъ, двѣ ослѣпительныя бѣлоснѣжныя стѣны рѣзко отдѣляютъ голубую полосу неба отъ голубой полосы водъ; ни одного деревца, ни одной травинки не растетъ въ углубленіяхъ скалы; камень повсюду совершенно голый; только рои дикихъ пчелъ понавѣшали свои восковые соты на выступахъ стѣнъ. Кругообразный храмъ Бера-Гатъ, окруженный колоннадами, составленными изъ статуй, изображающихъ женщинъ,—образцовое произведеніе индусскаго искусства,—господствуетъ надъ самою узкою частью «Мраморнаго ущелья». Эти «Мраморныя скалы» знамениты также и въ миѳологіи индусскаго народа: легіоны обезьянъ, слѣдовавшіе за богомъ-обезьяной Гануманомъ, перескочили черезъ эту мраморную пропасть, а небесный слонъ, на которомъ ѣхалъ Индра, оставилъ на камнѣ слѣдъ своей ноги. Оттого воды Нарбады почитаются особенно священными въ этомъ мѣстѣ, и набожные люди приходятъ издалека, чтобы бросить трупы своихъ родныхъ въ священный потокъ: часто можно видѣть, какъ крокодилы оспариваютъ другъ у друга эту отвратительную добычу [1]). Между рѣками Индіи Нарбада или Рева—наиболѣе чтимая послѣ Ганга, и даже, согласно одному древнему пророчеству, она должна остаться священною во вѣки вѣковъ, тогда какъ Гангъ уже въ концѣ настоящаго столѣтія потеряетъ свою чудодѣйственную силу. Камешки, взятые изъ ложа Нарбады, тоже почитаются священными, и поклонники Сивы носятъ ихъ, какъ амулеты. Никакая клятва не можетъ превзойти въ силѣ клятву, которую произноситъ индусъ, стоя въ теченіи этой рѣки, съ гирляндой изъ красныхъ цвѣтовъ вокругъ шеи и нѣсколькими каплями божественной воды въ правой рукѣ. Такъ же, какъ на берегахъ Ганга, и на берегахъ Нарбады можно встрѣтить пилигримовъ, которые дали обѣтъ подняться вверхъ по долинѣ вдоль одного берега, отъ самаго устья до храма, стоящаго при истокѣ, на горѣ Амаркантакъ, и оттуда опять спуститься внизъ по теченію до лимана, слѣдуя по другому берегу; это полное паломничество или *прадакшина*, странствіе, въ которомъ нужно пройти около 2.600 километровъ, продолжается обыкновенно два года, по причинѣ многочисленныхъ остановокъ у святынь, встрѣчающихся по дорогѣ. Благочестіе еще гораздо больше, чѣмъ торговыя экспедиціи или завоевательные походы, открыли мало-помалу центральныя области Полуострова индусскому вліянію; пилигримы, приходившіе въ землю гондовъ, пользовались защитой и покровительствомъ со стороны туземнаго населенія, тогда какъ пріѣзжихъ купцовъ обыкновенно грабили, а силѣ завоевателей противополагали тоже силу.

Ниже Мраморнаго ущелья рѣка вступаетъ въ аллювіальную равнину, бывшее озеро, засыпанное иломъ и обломками, обширный бассейнъ, за которымъ слѣдуютъ другіе подобные же бассейны; на пространствѣ около 400 километровъ, по направленію отъ востока къ западу, залегаетъ широкая плодоносная долина, между плоскогорьями Мальва и горными цѣпями Магадео; благодаря земледѣльческой культурѣ, группировкѣ городскихъ населеній, постройкѣ путей сообщенія, въ центральной части дравидійской страны основалась своего рода внутренняя Индія, и черезъ боковыя долины продолжается постепенно, шагъ за шагомъ, дальнѣйшее присоединеніе этого края къ цивилизованному міру. Но озерныя равнины, по которымъ протекаетъ Нарбада, не открываются прямо на приморскую равнину, облегающую берега Камбейскаго залива; онѣ отдѣлены отъ послѣдней рядомъ ущелій, гдѣ рѣка низвергается стремнинами и каскадами. Нарбада слишкомъ изрѣзана водопадами и въ особенности слишкомъ неравномѣрна въ отношеніи массы катимой воды, чтобы ею можно было пользоваться для цѣлей судоходства. Ея бассейнъ, длинный и узкій, можетъ быть сравненъ съ рвомъ, проведеннымъ отъ западнаго морскаго берега до середины Полуострова; круто

[1]) Forsyth, цитированное сочиненіе.

обрѣзанный сѣверный откосъ этого рва не имѣетъ никакихъ изсѣченій въ видѣ боковыхъ долинъ. Съ этой стороны Нарбада не получаетъ ни одного сколько-нибудь значительнаго притока; всѣ впадающіе въ нее потоки спускаются съ полуденнаго ската, но и эти притоки имѣютъ небольшую длину, и при томъ подвержены тѣмъ же климатическимъ вліяніямъ, какъ и центральная долина. Отъ этого происходитъ то, что когда дождевыя облака, гонимыя муссономъ, проникаютъ въ долину Нарбады, всѣ части рѣчнаго бассейна получаютъ равномѣрно свою долю выпадающихъ дождей. Тогда какъ у большинства другихъ большихъ рѣкъ сама собою, естественнымъ порядкомъ, устанавливается система компенсаціи(или уравниванія количества воды) между притоками, которыхъ разливы и періоды мелководья имѣютъ мѣсто въ разныя

Развалины храма Ахомъ въ Динаджпурѣ.

времена года, здѣсь, напротивъ, наводненіе происходитъ одновременно или черезъ небольшіе промежутки времени въ главной рѣкѣ и во всѣхъ впадающихъ въ нее притокахъ. Масса водъ, катимая Нарбадой, при вступленіи ея въ Конканскую равнину, достигаетъ, говорятъ, 70.600 кубич. метровъ [1]), слѣдовательно, въ два раза превосходитъ дебитъ Миссисипи во время его большаго разлива; но трудно повѣрить, чтобы эти вычисленія англійскихъ инженеровъ не были преувеличены. Зимой Нарбада, которая соединяется съ моремъ устьемъ шириною въ 20 километровъ, представляетъ лишь незначительный потокъ, медленно извивающійся въ пескахъ.

Рѣка Тапти, первый истокъ которой находится на западномъ скатѣ горной группы Магадео, извивается сначала въ неглубокомъ пониженіи плоскогорья, затѣмъ низвергается въ базальтовое ущелье, отъ котораго расходятся въ ту и другую сторону второстепенныя разсѣлины. Вся страна раздѣлена, такимъ образомъ, на трапповые массивы, усѣянные пригорками различной высоты, которые, вывѣтриваясь, обнаруживаютъ на поверхности безчисленные блестящіе узелки бѣлыхъ агатовъ. Эти плоскогорья покрыты лѣсами ладоннаго дерева или салея (boswellia thurifera), въ перемежку съ мелкимъ кустарникомъ и низкой травой, по которымъ зимою пастухи и земледѣльцы пускаютъ огонь; во время этихъ лѣсныхъ пожаровъ, если смотрѣть ночью съ высоты вершинъ, весь горизонтъ кругомъ является объятымъ пламенемъ и все небо освѣщено заревомъ, а днемъ надъ равнинами виситъ тяжелая, удушливая атмосфера, наполненная дымомъ и пепломъ. Какъ и Нарбада, Тапти, тотчасъ по выходѣ изъ верхнихъ ущелій, проникаетъ въ широкую долину, которая нѣкогда была озернымъ бассейномъ, и которую она постепенно засыпала своими наносами; рѣка Пурна, главный ея притокъ, который она принимаетъ въ себя въ этой части своего теченія, тоже проходитъ передъ тѣмъ другой озерной бассейнъ, черезъ который поддерживались во всѣ времена сообщенія между западнымъ берегомъ Полуострова и верхнимъ бассейномъ Годавери. Ниже аллювіальныхъ равнинъ рѣка Тапти походитъ еще на Нарбаду тѣмъ, что она, подобно послѣдней, протекаетъ узкими дефилеями до своего вступленія въ область морскаго прибрежья. Наконецъ, Тапти можетъ быть сравнена съ параллельною ей большою рѣкою также и сильными колебаніями ея годоваго дебита. Тогда какъ до наступленія дождливаго сезона количество воды, которое Тапти несетъ въ море, колеблется между 5 и 6 кубич. метр. въ секунду, оно достигаетъ громадной массы 25.400 куб. метровъ во время большихъ разливовъ: это потокъ почти втрое больше Дуная, въ пять разъ больше Волги. Наводненія Тапти принимаютъ страшные размѣры; эта рѣка—грозный врагъ, отъ котораго Суратъ и другіе прибрежные города должны защищаться двойными и тройными рядами оградительныхъ береговыхъ плотинъ.

На югѣ отъ трапповыхъ плоскогорій, около, на которомъ стоятъ песчаниковые массивы горы «Великаго Бога», простирается обширная холмистая Нагпурская равнина, имѣющая отъ 250 до 300 метровъ средней высоты, равнина, по которой протекаютъ рѣки Вардха, Вайнъ-Ганга и другіе притоки Пранхиты, главной вѣтви Годавери, и которую отроги, отдѣлившіеся отъ системы Сатпурскихъ горъ, раздѣляютъ на второстепенные бассейны. Эта область, одна изъ самыхъ плодородныхъ на Полуостровѣ, заключаетъ въ себѣ значительныя пространства «чернозема», утилизируемыя преимущественно для воздѣлыванія хлопчатника. Подобно древнимъ озернымъ бассейнамъ Нарбады и Тапти, равнины верхней Годавери, также служившія нѣкогда резервуарами озерамъ, сдѣлались центрами притяженія для цивилизованныхъ населеній окружности Индіи; съ этой стороны, такъ же, какъ и въ окружающихъ областяхъ, варварскія племена плоскихъ возвышенностей были постепенно покорены или присоединены.

Однако, многочисленные народцы этой области сохранили еще первобытные нравы, обычаи и языки. Разнообразіе расъ, населяющихъ центральныя провинціи, подало поводъ сравнить этотъ край съ лѣсной чащей, въ которой нашла себѣ убѣжище дичь изъ окрестныхъ равнинъ. Главная масса населенія, около трехъ четвертей, состоитъ изъ индусовъ, говорящихъ арійскими нарѣчіями и считающихъ себя совершенно отличными по крови отъ дикарей внутренности страны; тѣмъ не менѣе, нѣкоторые округи заслуживаютъ еще названіе Гондваны, или «Земли гондовъ», происходящее, вѣроятно, какъ и наименованіе хондовъ, отъ телугскаго слова *конда*, которое означаетъ «горы». Въ тѣхъ частяхъ равнины, гдѣ гонды, или кой, находятся въ соприкосновеніи съ индусами, они отчасти усвоили себѣ нравы и языкъ послѣднихъ; нѣкоторыя племена, пережившія уже переходный періодъ, совсѣмъ перестали говорить своимъ старымъ дравидійскимъ идіомомъ и даже не понимаютъ его. Тѣ изъ гондовъ, которые сохранились еще въ видѣ отдѣльной расы, довольно многочисленны, чтобы образовать самую значительную этническую группу между не-цивилизованными туземцами. Общее число жителей Британской Индіи, говорящихъ нарѣчіемъ гонди, перепись 1891 г. показываетъ въ 1.380.000, но они утратили всякую политическую связь: раздѣленные на

[1]) Hunter, „Imperial Gazetteer of India".

многія группы областями чисто индусскими, они не могли бы оказать никакого сопротивленія завоевателямъ. Съ прошлаго столѣтія, подъ господствомъ маратовъ, они потеряли свою независимость, но еще помнятъ свою былую славу. Нѣкоторые потомки царскихъ фамилій еще получаютъ пенсію отъ англійскаго правительства.

Не подлежитъ сомнѣнію, что гонды нѣкогда были цивилизованнымъ народомъ. Уже первыя священныя книги говорятъ объ ихъ городахъ; исторія послѣднихъ вѣковъ показываетъ ихъ соперниками индусовъ въ мирныхъ искусствахъ. Въ лѣсахъ и джунгляхъ встрѣчается множество остатковъ храмовъ и дворцовъ; слѣды большихъ дорогъ, плотинъ, оросительныхъ каналовъ свидѣтельствуютъ о прежней культурѣ. Преслѣдованія, бѣдность и бѣгство въ лѣса естественно должны были измѣнить и самые нравы народа; бывъ нѣкогда цивилизованными, гонды снова сдѣлались дикарями, смѣшиваясь съ дикими племенами, обитателями джунглей. Тѣ изъ гондовъ, которыхъ называютъ ассуль, т. е. «чистокровными», построили свои селенія въ самыхъ глухихъ, наиболѣе удаленныхъ отъ дорогъ, мѣстностяхъ, среди лѣсовъ; они старательно избѣгаютъ иностранцевъ, и очень многіе англичане изъѣздили Гондвану во всѣхъ направленіяхъ, не видя нигдѣ чистыхъ потомковъ народа, который прежде владѣлъ этимъ краемъ; одно изъ гондскихъ племенъ даже соглашается платить налоги подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы никогда не видѣть сборщика: подъѣхавъ къ деревнѣ, сборщикъ податей бьетъ въ барабанъ и затѣмъ удаляется; по возвращеніи черезъ нѣкоторое время, онъ находитъ требуемую сумму, положенную на камнѣ близъ входа въ селеніе [1]). Однако, когда этимъ ассулямъ, или чистымъ гондамъ, случится неизбѣжно встрѣтиться съ нынѣшними властителями страны, они смѣло смотрятъ имъ въ лицо, съ мужественною гордостью, и никогда не унижаются до того, чтобы льстить и лгать передъ завоевателями, какъ это дѣлаетъ большинство индусовъ; вообще они отличаются мужествомъ, прямодушіемъ, правдивостью. Малорослые и коренастые, они почти всѣ имѣютъ одинаковыя черты: плоскій носъ, толстыя губы, широкое лицо, вокругъ котораго ниспадаютъ черные волосы густыми прядами. Мужчины не носятъ украшеній, кромѣ серьги (кольца) въ одномъ ухѣ; но женщины надѣваютъ на себя ожерелья, браслеты, перстни, разныя драгоцѣнныя вещи и татуируютъ себѣ лицо и бедра. Между гондами, какъ и у орисскихъ хондовъ, существуютъ еще племена, не употребляющія никакой одежды, кромѣ букета изъ листьевъ,—примитивный костюмъ, какъ говорятъ, составляющій недавнее нововведеніе [1]); есть также племена, которыя ограничиваются тѣмъ, что обмазываютъ себѣ тѣло золой и грязью; когда на ихъ горахъ задуетъ сильный вѣтеръ, они зажигаютъ большіе костры, чтобы защитить себя отъ холода, но гнушаются прикрывать свою наготу какимъ-нибудь одѣяніемъ [2]). Въ Сатпурѣ они имѣютъ привычку стоять на одной ногѣ передъ своими гостями, въ знакъ уваженія [3]). У нѣкоторыхъ изъ этихъ народцевъ не существуетъ даже земледѣлія; когда не удастся наловить дичи, эти несчастные питаются корнями, ягодами, дикимъ медомъ, пресмыкающимися и разными звѣрками; нерѣдко случалось видѣть, какъ они оспаривали падаль у коршуновъ. Нѣкоторыя изъ ихъ племенъ обвиняли въ томъ, будто они убиваютъ стариковъ и ѣдятъ ихъ мясо на публичныхъ пиршествахъ. Несомнѣнно то, что они дѣлали своимъ богамъ человѣческія жертвоприношенія; но теперь эти жертвы замѣнены куклами и соломенными чучелами.

Боговъ у гонда безконечное множество. Все ему божество: солнце, гора, скала, дерево, ручей, вѣтеръ, который проносится, шумъ, который онъ слышитъ, духъ предка или злой геній, спрятавшійся, какъ онъ думаетъ, въ древесной листвѣ. Въ особенности онъ боготворитъ существа, которыя внушаютъ ему страхъ: богъ-тигръ, смѣшиваемый съ Вишну, есть изъ всѣхъ высшихъ силъ та, къ которой онъ съ наибольшимъ жаромъ возноситъ свои мольбы. Но его религія все болѣе и болѣе приближается къ браманскимъ вѣрованіямъ и обрядностямъ, и между индусскими богами онъ чтитъ въ особенности героевъ Пандуидовъ, Биму и Арджуну, отъ которыхъ онъ даже производитъ свой родъ [4]). Эмигрантъ-гондъ, который спускается съ родныхъ горъ въ равнину, чтобы идти въ города искать себѣ заработка въ качествѣ рабочаго на заводахъ, принимаетъ участіе въ религіозныхъ церемоніяхъ индусовъ, такъ же, какъ выучивается говорить ихъ языкомъ. Торговцы, называемые бринджари, ходятъ, въ сопровожденіи своихъ вьючныхъ животныхъ, изъ мѣстечка въ мѣстечко, чтобы обмѣнивать на мѣстныя произведенія разныя украшенія и ткани англійской или индійской мануфактуры, и разсказываютъ въ то же время новости внѣшняго міра. Новыя деревни, которыя теперь основываются, не имѣютъ уже общаго дома для холостой молодежи; вообще, нравы и обычаи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе индіанизируются. Въ одномъ только гонды

[1]) Dalton, „Ethnology of Bengal“.

[1]) Hislop, „Essay on Gonds“; R. Temple, „India as it is“.

[2]) Glasfurd, „Selections from Records for the Government of India“, № XXXIX.

[3]) Sterndale, „Seonnee, or Camp Life on the Satpura Range“.

[4]) Cain, „On the Kois or Gonds of Central India“.

остались вѣрны старинѣ—они сохранили привычку жениться въ гораздо болѣе позднемъ возрастѣ, чѣмъ индусы, и покупать себѣ женъ продолжительнымъ служеніемъ въ домѣ отца невѣсты; церемонія брака всегда начинается фиктивнымъ похищеніемъ молодой дѣвушки [1]).

Дикія племена, не принадлежащія къ семьѣ гондовъ, разсѣяны въ разныхъ частяхъ Гондваны. Курку, населяющіе, въ числѣ около 40.000 душъ, преимущественно нѣкоторыя долины группы Магадео, суть въ дѣйствительности коли, едва отличающіеся отъ коліевъ областей Чота-Нагпоръ и Ориссы, хотя они сами не знаютъ объ этомъ родствѣ. Байганы, которыхъ обыкновенно причисляютъ къ коларійцамъ, но которыхъ Форситъ признаетъ особою народностью, относительно немногочисленны; ихъ насчитываютъ около двадцати тысячъ душъ во всей Гондванѣ. Главнѣйшія ихъ племена обитаютъ въ горахъ Майкалъ; но очень склонные къ кочевому образу жизни, они живутъ, кромѣ того, маленькими группами въ различныхъ частяхъ страны. Въ физическомъ отношеніи байганы почти не отличаются отъ гондовъ; они только чернѣе, сильнѣе, неустрашимѣе послѣднихъ. Діалектъ, которымъ они говорятъ,—чисто индусскій; однако, они нисколько не претендуютъ на родственную связь съ господствующей расой: они называютъ себя первобытными, коренными жителями страны, и одно изъ ихъ племенъ даже носитъ названіе бхумія, что значитъ «Дѣти почвы». Проникнутые сознаніемъ собственнаго достоинства, которое даетъ имъ древность ихъ расы, они отличаются совершенною честностью и строгимъ соблюденіемъ своихъ обычаевъ; они сами управляютъ своими общественными дѣлами, безъ всякаго вмѣшательства со стороны англійской полиціи, которая никогда не заглядываетъ въ ихъ селенія. Изъ всѣхъ обитателей центральныхъ провинцій одни байганы употребляютъ для охоты на крупную дичь стрѣлы, отравленныя сокомъ аконита, при чемъ они всегда покупаютъ у иноплеменныхъ купцовъ этотъ ядъ, получаемый, вѣроятно, изъ страны народа мишми, изъ долинъ Восточнаго Гималая; такъ продолжаются внизу, подъ оффиціальнымъ и цивилизованнымъ обществомъ, непосредственныя торговыя сношенія между дикими населеніями. Гонды охотно признаютъ превосходство байгановъ и къ нимъ обращаются за жрецами и чародѣями. Байганскій шаманъ имѣетъ общеніе съ духами и умѣетъ изгонять ихъ изъ мѣстности, которую они повадились посѣщать; онъ низводитъ дождь съ неба, ассенизируетъ страну, заклинаетъ тигровъ и дѣлаетъ ихъ безвредными. Когда тигръ растерзаетъ человѣка, что случается довольно часто въ Восточной Гондванѣ, преимущественно на дорогѣ изъ Джабальпура въ Чатисгаръ, поселяне призываютъ знахаря-байгана, который наряжается «человѣко-тигромъ»; дѣлая прыжки, какъ страшный представитель кошачьяго рода, онъ бросается на добычу, ломаетъ ей кости, пьетъ ея кровь; суевѣрные дикари приписываютъ ему власть переводить въ себя душу тигра, отнимать у хищника аппетитъ къ человѣческому мясу и давать ему взамѣнъ аппетитъ къ какой-нибудь другой дичи. Англійскіе путешественники, которымъ случалось присутствовать при этихъ пантомимахъ или видѣть, какъ байганскіе шаманы приходили въ изступленіе и корчились въ конвульсіяхъ, либо для того, чтобы сдѣлать заклинаніе надъ тиграми или злыми духами, либо для того, чтобы достигнуть лицезрѣнія божества, говорятъ объ этихъ зрѣлищахъ съ ужасомъ.

Кромѣ дравидійскихъ гондовъ и коларійцевъ различныхъ племенъ, въ Гондванѣ встрѣчаются еще другіе этническіе элементы, которые трудно поддаются классификаціи. Такъ, неизвѣстно въ точности, что такое голи или гаули, жители горъ Сатпура, являющіеся теперь скромнымъ пастушескимъ народцемъ. Слѣдуетъ ли видѣть въ нихъ потомковъ тѣхъ гаули, династіи которыхъ долгое время царствовали надъ страной и отъ которыхъ остались еще древніе крѣпкіе зáмки, стоящіе тамъ и сямъ на вершинѣ холмовъ? И что такое были нагбханси, или «сыны змѣй», отъ которыхъ почти всѣ княжескія фамиліи производятъ свой родъ и которые оставили свое имя Нагпуру, самому значительному городу страны? Тѣ изъ нихъ, которые присвоиваютъ себѣ это имя въ Центральныхъ провинціяхъ, совершенно походятъ на индусовъ по наружности, но нѣкоторыя семьи нагбханси, живущія въ Джаджпурскихъ горахъ, на сѣверѣ Ориссы, отличаются необыкновенно плоскимъ лицомъ; носъ у нихъ представляетъ едва замѣтный выступъ; онъ весь расплывается въ ширину, съ широко раскрытыми ноздрями, почти надъ щеками [1]). По своимъ преданіямъ и вѣрованіямъ, нагбханси, повидимому, принадлежатъ къ другой расѣ, чѣмъ гонды; эти послѣдніе, хотя и боготворятъ всѣ силы природы, не оказываютъ никакого особеннаго почитанія змѣю; увидя это пресмыкающееся, «они помышляютъ о томъ, какъ бы полакомиться его мясомъ, а не о томъ, чтобы воздавать ему божеское поклоненіе» [2]).

Джабальпуръ, главный городъ долинъ верхней Нарбады, сдѣлался съ половины текущаго столѣтія однимъ изъ важныхъ городовъ Индіи. Благодаря своему центральному положенію, на желѣзной дорогѣ изъ Бомбея въ Калькутту,

---

[1]) Dalton, „Ethnology of Bengal“; Forsyth, „The Highlands of Central India“.

[1]) Dalton, „Ethnology of Bengal“.
[2]) Grant, „Gazetteer of Central Provinces“.

въ точкѣ соединенія желѣзнодорожной сѣти двухъ компаній и при пересѣченіи дороги изъ Раджпутаны въ бассейнъ Мага-Надди, городъ этотъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ произведеній Гондваны и товаровъ англійской фабрикаціи. Озера, естественныя и искусственныя, прозрачныя воды Нарбады въ ея мраморномъ ущельѣ, живописные холмы, лѣски и рощи, чащи бамбуковъ — всѣ эти красоты природы сдѣлали Джабальпуръ однимъ изъ любимыхъ городовъ англичанъ, и даже разъ предлагали избрать его столицей Англо-индійской имперіи. Въ Джабальпурѣ есть нѣсколько фабричныхъ заведеній и знаменитое ремесленное училище, гдѣ арестанты «туги» и воры, окруженные своими семействами, научились ткать ковры, плести канаты, выдѣлывать парусину для палатокъ; ручей отдѣляетъ Джабальпуръ отъ военнаго города, гдѣ расположены англійские «кантонементы». На сѣверо-западѣ, древній городъ Гарха, бывшій столицей одного гондскаго царства, раскинулся у основанія гранитныхъ утесовъ; на уединенной каменной глыбѣ еще высится крѣпкій за́мокъ Мада́нъ-Магалъ, построенный въ двѣнадцатомъ столѣтіи.

Маганъ Махалъ въ Джабальпурѣ.

По выходѣ изъ «Мраморныхъ Скалъ», Нарбада, извиваясь въ своихъ аллювіальныхъ равнинахъ, орошаетъ зѣмли Нарсингпура, «града Нарсинга», или Вишну «бога-льва», затѣмъ зѣмли Гошангабада и Сеони. На юго-востокѣ, на одномъ изъ плоскогорій группы «Великаго Бога», возвышающемся на 1.061 метръ надъ уровнемъ моря, находится санитарный городъ и военная станція, основанные въ 1870 году, близъ знаменитыхъ святынь Пачмари, или «Пяти Гротовъ»; но англичане, имѣющіе постоянное жительство въ Центральныхъ провинціяхъ, еще не довольно многочисленны для того, чтобы этотъ городъ могъ сравниться по значенію съ подобными же станціями, построенными въ Гималайскихъ горахъ. Плоскогорье Пачмари простирается на пространствѣ слишкомъ 30 квадратныхъ километровъ.

Въ верхней части долины рѣки Тапти, принадлежащей къ Центральнымъ провинціямъ, существуетъ только одинъ сколько-нибудь значительный городъ, Бургампуръ, да и тотъ, впрочемъ, въ сильномъ упадкѣ. Нѣкогда онъ былъ столицей Декана и тогда занималъ обширное пространство, слишкомъ 12 квадр. километр. Когда Тавернье посѣтилъ его, въ 1658 году, онъ уже не былъ княжеской резиденціей, и большинство его домовъ представляли изъ себя полуразвалившіяся, крытыя соломой лачуги; тѣмъ не менѣе, онъ все еще былъ «большимъ городомъ», и его бумажныя матеріи вывозились въ Персію, «въ Московію, въ Польшу, въ Великій Каиръ и другія мѣста»; еще въ половинѣ истекающаго столѣтія бареры, каста странствующихъ торговцевъ тканями, умирая, про-

сили, чтобы ихъ тѣла были похоронены на кладбищѣ этого города [1]). Въ настоящее время Бурхампуръ даже пересталъ быть административнымъ центромъ округа, и желѣзная дорога оставляетъ его въ сторонѣ, проходя въ 3 километрахъ отъ него, у подошвы скалы, возвышающейся на 250 метровъ, на вершинѣ которой стоитъ цитадель Асиргаръ, еще занятая гарнизономъ. Торговая и промышленная дѣятельность перемѣстилась изъ Бурхампура въ городъ Хандва, построенный на сѣверѣ, на плоскогорьяхъ, отдѣляющихъ долину Нарбады отъ долины Тапти. Порогъ, черезъ который проходитъ желѣзная дорога, между двумя бассейнами, лежитъ всего только на высотѣ 378 метровъ.

Самый большой городъ Центральныхъ провинцій, Нагпуръ, т. е. «Змѣиный городъ», лежитъ на южной сторонѣ горъ, въ равнинѣ, по которой текутъ верхніе притоки Годавери. Онъ соединенъ съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ вѣтвью, отдѣляющеюся отъ Бомбейско-калькуттской линіи, и естественно долженъ сдѣлаться со временемъ центральной станціей между двумя главными портами Восточной и Западной Индіи. Нагпуръ, важный торговый городъ, сохранилъ еще нѣкоторыя изъ отраслей промышленности, которыми онъ нѣкогда славился, и его бумажныя ткани до сихъ поръ не безъ успѣха конкуррируютъ съ фабрикантами этого рода, привозимыми изъ Великобританіи. Хотя въ городѣ есть нѣсколько прекрасныхъ памятниковъ строительнаго искусства, есть сады, большіе пруды, въ зеркальныя воды которыхъ глядятся стоящіе на берегахъ храмы, англичане, однако, основали свою резиденцію внѣ Нагпура, у подошвы холма Ситабальди; тамъ находится мѣстопребываніе провинціальной администраціи. Камти, лежащій всего только въ 14 километрахъ отъ Нагпура, къ сѣверо-востоку отъ него, служитъ мѣстомъ квартированія войска; въ то же время это большой продовольственный рынокъ; его широкія аллеи тянутся на пространствѣ семи километровъ по берегу рѣки Канганъ, до самыхъ кантонементовъ. Лѣтомъ, во время сильныхъ жаровъ, англичане изъ Нагпура и Камти отправляются на дачи въ города, находящіеся въ горахъ, особенно въ Чиндвару. Деогаръ, т. е. «Божій Зàмокъ», древняя столица Гондваны, стоялъ нѣкогда на одной изъ скалъ, господствующихъ надъ Нагпурской равниной; отъ него уцѣлѣли еще прекрасные полуразрушенные храмы, пруды и парки. Въ этой равнинѣ разсѣяны многочисленные озера, остатки прежнихъ, болѣе обширныхъ бассейновъ. Въ настоящее время занимаются образованіемъ искусственнаго озера при помощи запруды, которая будетъ задерживать воды рѣки Канганъ. Этотъ резервуаръ, площадью въ 75 квадр. километровъ, можетъ вмѣщать массу воды, достаточную для орошенія 180.000 гектаровъ.

Очень плодородныя и относительно хорошо воздѣланныя, равнины, орошаемыя верхними притоками Годавери, усѣяны торговыми городами. Городъ Сеони—главный складочный пунктъ между Нагпуромъ и Джабальпуромъ; на сѣверѣ отъ столицы, Рамтекъ, т. е. «Городъ Рамы», экспортируетъ листья бетеля, или панъ, лучшіе въ Индіи, а въ сосѣдствѣ съ этимъ городомъ, берега озера Амбала привлекаютъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ до сотни тысячъ пилигримовъ и купцовъ. На востокѣ и на юго-востокѣ, города Бандара, Паони, Умреръ славятся своими бумагопрядильными и ткацкими фабриками, а на юго-западѣ, городъ Хингангатъ занялъ мѣсто между важнѣйшими рынками Полуострова по вывозу хлопчатобумажнаго волокна; онъ посылаетъ также большое количество коровьяго масла, которое теперь отправляютъ прямо въ Бомбей по желѣзной дорогѣ (прежде, до постройки рельсоваго пути, его перевозили на рысистыхъ волахъ); вся эта торговля находится въ рукахъ англійскихъ негоціантовъ и посредниковъ марвари. Тогда какъ Хингангатъ возрастаетъ въ населеніи, древній городъ Чанда, лежащій на югѣ, ниже сліянія двухъ большихъ рѣкъ, Варды и Пайна, значительно уменьшился по числу жителей; его живописная зубчатая ограда, тянущаяся на пространствѣ 9 километровъ, заключаетъ въ себѣ деревни, обработанныя поля и земли подъ паромъ. Въ окрестностяхъ Вароры находятся каменноугольныя залежи, доставляющія лучшее минеральное топливо въ Центральныхъ провинціяхъ:

Важнѣйшіе города Центральныхъ провинцій:

Нагпуръ (1891 г.)—117.014 жит.; Джабальпуръ—(1891 г.)84.480; Камти(1891 г.)—43.159; Бурхампуръ, въ 1877 г.—29.300; Чанда, въ 1878 г.—18.700; Хандва—15.000; Бандара—12.750; Нарсингпуръ —12.100; Гошангабадъ въ 1872 г.—11.600; Умреръ, въ 1872 г.—11.400; Сеони (бассейнъ Годавери)—9.550; Хингангатъ, въ 1878 г.—9.400; Паони—8.975; Чиндвара, въ 1878 г.—8.650; Сеони (бассейнъ Нарбады)—7.8л0; Рамтекъ—7.050 жит.

XII.

Западная покатость плоскогорій и Гатскихъ горъ, Барода, Кандешь, Конканъ.

Естественная область, относительно небольшаго протяженія, орошаемая рѣками Нарбада и Тапти въ нижнемъ ихъ теченіи и ограниченная на востокѣ краевою цѣпью Гатскихъ горъ, до того пролома, гдѣ проходитъ рѣка Гангавали, есть одна изъ наилучше разграничен-

[1]) Vigne, „Travels in Kashmir, Ladak, Iskardo“.

ныхъ странъ Индіи. На востокѣ поднимается стѣна Гатскихъ горъ, правда, не очень высокая и легко доступная по уступамъ, отъ которыхъ она и получила свое названіе (гатъ—лѣстница), но проводящая своимъ хребтомъ совершено опредѣленный рубежъ между двумя климатами, двумя флорами, двумя родами почвы и мѣстности, двумя способами земледѣльческой культуры, двумя цивилизаціями. Только на сѣверѣ, населенія Конкана, вырываясь на просторъ изъ своего узкаго морскаго прибрежья, видятъ открывающіяся передъ ними довольно широкія равнины, по которымъ извиваются двѣ параллельныя большія рѣки, вытекающія изъ центральнаго плоскогорья. Часто эти потоки, наводняя всю низменную область, тоже становятся естественными границами; но въ обыкновенное время ихъ долины, какъ и долины ихъ притоковъ, даютъ легкій доступъ къ внутреннимъ возвышенностямъ; тамъ, именно въ углу, образуемомъ Камбейскимъ заливомъ, начинается историческій путь, соединяющій западный берегъ Индіи съ бассейномъ Ганга и Джамны; тамъ долженъ былъ, до постройки современныхъ искусственныхъ путей сообщенія, производиться обмѣнъ произведеній сѣверныхъ равнинъ на товары, привозимые иностранцами. Эти воды индійскаго берега опасны, и несмотря на то, корабли знали дорогу туда съ незапамятныхъ временъ. Стѣсненные въ своихъ узкихъ равнинахъ морскаго прибрежья, у подножія уступовъ или террасъ, поднимающихся къ безплодному Декану, прибрежные жители естественно должны были обращать взоры къ Аравійскому морю и вступить въ торговыя сношенія съ противоположными берегами. Сокровища, добывавшіяся посредствомъ торговли или морскаго разбойничества, скоплялись въ приморскихъ городахъ Конкана; но, имѣя вокругъ себя слишкомъ маленькую, узкую территорію, города эти не сдѣлались столицами имперіи: они подпадали подъ власть чуждыхъ завоевателей гораздо чаще, нежели сами давали властителей сосѣднимъ странамъ. Впрочемъ, большая длина области «Береговъ», или Конкана, естественно должна была прерывать его единство. Еще и въ наши дни сохранились, подъ верховною властью Англіи, десятки маленькихъ туземныхъ княжествъ на этой части индійскаго берега. Кромѣ этихъ мелкихъ туземныхъ государствъ и округовъ, непосредственно подвластныхъ британскому правительству, довольно значительная территорія принадлежитъ еще португальцамъ, которые первые изъ европейцевъ высадились на полуостровъ Индіи.

Пространство и населеніе покатости Гатскихъ горъ въ Бомбейскомъ президентствѣ:

		Пространство въ кв. килом.	Населеніе въ 1872 г.	Килом. населеніе
Англійскія владѣнія. 51.200 кв. кил.; 3.994.175 жит	Конканъ ...	37.000	3.259.775	88
	Кандешъ ..	14 200	734.400	52
Туземныя государства. 37.493 кв. кил.; 3.071.360 жит.	Барода	20.720	2.100.000	101
	Другія медіатизированныя государ.	16.773	971.360	58
Португальскія владѣнія. 3 653 кв. кил.; 495.533 ж. (81 г.)	Гоа	3.270	445.449	138
	Даманъ ...	383	50.084	149

Большинство европейскихъ путешественниковъ, видящихъ Индію въ первый разъ, пристаютъ къ ея берегамъ у западнаго склона Гатскихъ горъ. На всемъ Полуостровѣ нѣтъ болѣе красивой мѣстности; сойдя съ корабля, путешественникъ вступаетъ въ чудную, волшебную страну. Горы, подернутыя синеватою дымкой, ограничиваютъ горизонтъ своимъ гребнемъ, линія котораго тамъ и сямъ прерывается брешами; внизу, подъ голыми каменными кручами горъ и длинными зеленѣющими откосами, разстилается береговая равнина, еще ярче зеленѣющая, которую мысы дѣлятъ на неравныя бухты; города, на половину закрытые деревьями, вздымаютъ надъ массой зелени верхушки своихъ башенъ, а у самаго берега, всегда окаймленнаго бѣлою полосой пѣны, группы стройныхъ пальмъ наклоняютъ свои вѣерообразныя кроны надъ хижинами туземцевъ. Море усѣяно разнообразными судами, то приближающимися вереницей къ портамъ, то отплывающими въ разныя стороны безпредѣльнаго воднаго пространства.

Ущелья рѣки Тапти совершенно отдѣляютъ горы Сатпура отъ Гатской цѣпи, хотя съ берега моря эти горные хребты кажутся составляющими одинъ непрерывный валъ. Гряда Сатпурскихъ горъ постепенно понижается отъ хребта къ хребту и оканчивается, на востокѣ отъ Баруча, небольшими горками, которыя искатели агатовъ и сердоликовъ разрыли во всѣхъ направленіяхъ. На югѣ отъ рѣки Тапти, Гаты въ собственномъ смыслѣ, или Сагіадри, начинаются холмами, около 600 метровъ высоты, расположенными въ видѣ параллельныхъ грядъ, оріентированныхъ отъ запада къ востоку, но соединяющихся своими западными оконечностями, чтобы образовать со стороны морскаго прибрежья правильный рядъ крутыхъ склоновъ. Эта высокая внѣшняя стѣна Гатскихъ горъ принимаетъ въ началѣ, отъ Тапти до Бомбейскаго Конкана, направленіе съ сѣверо-

востока на юго-западъ, затѣмъ на югѣ она тянется параллельно морскому берегу. Очевидно, эти двѣ линіи, хребетъ Гатскихъ горъ и черта нынѣшняго побережья, произошли отъ одного и того же движенія земной поверхности и должны быть разсматриваемы какъ геологическія явленія одного и того же порядка. Крутые трапповые склоны, которыми оканчиваются, со стороны моря, Гатскія горы, суть не что иное, какъ древніе береговые утесы, о которые ударялась морская волна до общаго поднятія страны, имѣвшаго мѣсто, вѣроятно, въ третичную эпоху. Одинъ видъ прѣсноводныхъ моллюсковъ, изъ рода *cremnoconchus*, населяющій ручьи въ собственно Гатскихъ горахъ, представляетъ такое близкое сродство съ индусскими формами морскаго рода *littorina*, что зоологи приписываютъ ему то же самое происхожденіе; по всей вѣроятности, онъ происходитъ отъ видовъ, населявшихъ основаніе утесовъ горъ Сагіадри, когда утесы эти еще омывались водами моря [1].

Пласты Гатскихъ горъ, по крайней мѣрѣ, между Суратомъ и Гоа, состоятъ единственно изъ залегающихъ одинъ на другомъ застывшихъ потоковъ лавы; равнины, разстилающіяся у ихъ подошвы, тоже были нѣкогда покрыты слоемъ лавы, толщина котораго доходила до 1.000 и даже 1.200 метровъ, но который съ теченіемъ времени былъ постепенно смытъ водами рѣкъ и океана, а также дѣйствіемъ дождей. Геологи долго искали безъ успѣха какіе-нибудь слѣды тѣхъ могучихъ кратеровъ, изъ которыхъ нѣкогда выливались столь значительныя массы лавы, представлявшія объемъ гораздо больше объема такой громадной цѣпи горъ, какъ Пиренеи; наконецъ, въ нижней области, всѣ верхніе слои которой давно уже смыты водами, распознали бывшія жерла изверженія. Къ востоку отъ Бомбея, въ центрѣ амфитеатра скалъ, который образуютъ Гатскія горы, какъ половину огромнаго кратера, возвышаются многочисленные круглые пригорки, представляющіе впадину на вершинѣ и по большей части поросшіе деревьями: это и есть тѣ вулканическія отверстія, изъ которыхъ когда-то вылетали столбы пепла или камней. Трапповыя стѣны, устоявшія противъ разрушительнаго дѣйствія непогодъ, перерѣзываютъ равнины по прямой линіи и взаимно пересѣкаются во всѣхъ направленіяхъ между горками потухшихъ вулкановъ; онѣ обозначаютъ трещины, чрезъ которыя выливалось расплавленное вещество [2].

Гаты, или проломы, прерывающіе горную цѣпь черезъ извѣстные промежутки, понятно, получили исключительную важность, какъ мѣста прохода дорогъ, посредствомъ которыхъ жители морскаго прибрежья поддерживаютъ сношенія съ обитателями нагорья. Черезъ Таль-гатъ или Касара-гатъ, находящійся къ сѣверо-востоку отъ Каліана, проходитъ большая дорога и рельсовый путь изъ Бомбея въ Калькутту; порогъ, на который желѣзная дорога взбирается рампами въ 27 миллиметровъ на 1 метръ, лежитъ всего только на высотѣ 583 метровъ. Другой проходъ, Боръ-гатъ, который прежде обыкновенно называли «ключемъ къ Декану», еще ниже предъидущаго; онъ имѣетъ всего только 548 метровъ высоты, но желѣзная дорога, восходящая по его крутымъ скатамъ, чтобы соединить Бомбей съ Мадрасомъ, должна взбираться болѣе крутыми подъемами и даже образовать площадки возврата, чтобы достигнуть вершины перевала. Когда локомотивы не ходили еще через Альпы, Скалистыя горы, Анды, желѣзная дорога, проведенная черезъ Боръ-гатъ, считалась однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній современной индустріи. На югѣ отъ этой горной бреши, черезъ другіе гаты проложены еще только тропы или колесныя дороги; но эти проходы очень многочисленны; на приморской покатости Гатскихъ горъ нѣтъ ни одного города, ни одной деревни, которые не сообщались бы со станціями нагорья. Всѣ эти ворота ревниво охраняются *гарами*, или крѣпостцами, черныя стѣны которыхъ высятся на черныхъ скалахъ. Нѣкоторые изъ этихъ крѣпкихъ замковъ окружены пропастями, и люди гарнизона могли проникать туда не иначе, какъ по лѣстницамъ, высѣченнымъ въ живой скалѣ, или по скрытымъ галереямъ.

На югѣ Конкана, Гатскія горы, господствующія надъ равнинами туземнаго государства Савантвари и португальскими владѣніями Гоа, всего болѣе походятъ на крутой скалистый берегъ моря, выдвинутый тамъ и сямъ, въ видѣ мысовъ, и перерѣзанный многочисленными узкими долинами или оврагами. Во многихъ мѣстахъ обращенный къ морю край плоскогорья изрѣзанъ тысячами изсѣченій, напоминающихъ фьорды норвежскаго берега; поднимаясь изъ равнинъ прибрежья, сначала вступаешь въ лабиринтъ овраговъ, затѣмъ послѣ послѣдняго крутаго подъема между двумя стѣнами дефилея, вдругъ очутишься на ровной, однообразной поверхности Деканскаго плоскогорья, гдѣ только тамъ и сямъ возвышаются маленькія горки и незначительные холмы. Но на югѣ отъ Кельгата, между Гоа и Дарваромъ, траппъ исчезаетъ, смѣняемый гнейсами, слюдяными сланцами и другими метаморфическими породами. Горы принимаютъ совершенно другой видъ; крутояръ не имѣетъ уже столь отчетливыхъ граней, и гребень его не составляетъ уже точной линіи водораздѣла между покатостью Бенгальскаго залива и покатостью Аравійскаго моря; съ той и другой стороны горной оси

---

[1]) Medlicott and Blanford, „A Manual of the Geology of India“.

[2]) Clark, „Quarterly Journal of the Geological Society“, tome XXV.

переходъ совершается незамѣтно, безъ внезапнаго контраста между формаціями, растительностью и земледѣльческими культурами; даже можно сказать, что система Гатскихъ горъ

Храмъ Вишну въ видѣ колесницы.

совершенно прерывается долинами рѣкъ Каоли и Гангавали, которыя берутъ начало на восточной сторонѣ Гатовъ и, перерѣзавъ цѣпь этихъ горъ, спускаются къ западному берегу.

Между Тапти и Каоли, рѣки Конкана, запертыя въ узкомъ пространствѣ, заключающемся между крутымъ спускомъ Гатскихъ горъ и моремъ, т. е. въ полосѣ прибрежья шириной около пятидесяти километровъ по прямой линіи, не могутъ имѣть значительнаго, по длинѣ, теченія, и большинство ихъ спускаются съ горъ прямо къ морскому берегу, не получая другихъ

притоковъ, кромѣ простыхъ ручьевъ. Однако, обиліе дождей, выпадающихъ, на западной отлогости Гатскихъ горъ, въ количествѣ отъ 4 до 7 метровъ, даетъ во время дождливаго сезона значительную важность этимъ горнымъ потокамъ, и многіе изъ нихъ катятъ тогда такую массу воды, что ихъ можно сравнить съ большими рѣками Европы. Почти всѣ они изливаются въ море широкими заливообразными устьями, или лиманами, въ нѣсколько километровъ ширины; въ періодъ муссона волны моря проникаютъ внутрь материка черезъ эти устья, и отливъ уноситъ далеко въ море твердыя частицы, увлекаемыя рѣчнымъ теченіемъ. Съ этой стороны Полуострова не могутъ образоваться дельты, постепенно выдвигающіяся въ область водъ, какъ дельты восточнаго берега, въ устьяхъ Мага-Надди, Годавери, Кистны, Каверн; даже Нарбада и Тапти, которыя, однако, несутъ въ море такую огромную массу воды во время сезона дождей, не имѣютъ дельтъ. Вычислено, что количество твердыхъ частицъ, ила, песку и т. п., увлекаемое теченіемъ Нарбады и другихъ большихъ рѣкъ въ Камбейскій заливъ въ періодъ дождливаго муссона, было бы достаточно, чтобы засыпать всю эту бухту впродолженіи около десяти столѣтій, если бы эти рѣчные наносы не подхватывались морскими теченіями, которыя разносятъ и отлагаютъ ихъ по дну океана и у береговъ Малабара, Лакедивскихъ и Малдивскихъ острововъ; много-много что одна сотая доля рѣчныхъ наносовъ остается на меляхъ Камбейскаго залива [1]). Если бы дно Аравійскаго моря поднялось вдругъ метровъ на двадцать, мы увидѣли бы на мѣстѣ этого залива дельту, развѣтвляющую свои рукава, какъ вѣтви опахала: образующіеся во время прилива фарватеры, отдѣленные одинъ отъ другаго мелями, извѣстными подъ именемъ Малакскихъ, превратились бы въ лиманы, неглубокія мѣста морскаго дна— въ равнины; но географическія черты не измѣнились бы: нигдѣ не существуетъ болѣе правильной подводной дельты. Равнины, окаймляющія Нарбаду и Тапти въ области морскаго прибрежья, и которыя теперь находятся во многихъ мѣстахъ на уровнѣ, далеко превышающемъ уровень самыхъ высокихъ разливовъ, вѣроятно, суть не что иное, какъ пространства бывшаго морскаго дна, выступившія изъ-подъ воды вслѣдствіе общаго поднятія страны. Движенія почвы подняли береговые утесы собственно Гатскихъ горъ, или Сагіадры, гораздо выше уровня морскихъ волнъ, которыя нѣкогда ударялись объ ихъ основаніе. Во многихъ мѣстахъ морскаго берега слѣды поднятія почвы очевидны: бывшіе плоскіе песчаные берега, покрытые морскими раковинами, принадлежащими къ нынѣ существующимъ видамъ, встрѣчаются на нѣкоторомъ разстояніи во внутренности материка; въ другихъ мѣстахъ находятъ морскія глины, содержащія корни деревьевъ, называемыхъ корнепусками, источенные фоладами [1]). Но періодъ поднятія прекратился, уступивъ мѣсто противоположному движенію, или, можетъ быть, происходили мѣстныя осѣданія, потому что на многихъ пунктахъ прибрежья были наблюдаемы факты, доказывающіе неопровержимымъ образомъ пониженіе уровня почвы. Такъ, городъ Бомбей, самъ построенный на островѣ, поднятомъ и соединенномъ съ другими островами посредствомъ выступившихъ изъ-подъ воды пороговъ, прилегаетъ на востокѣ къ бывшему морскому берегу, теперь покрытому слоемъ воды въ 4 метра толщины, гдѣ находятся еще на мѣстѣ корни погрузившагося въ море лѣса [2]).

Населеніе Конкана и всей западной покатости хребта Сагіадри, или собственно Гатскихъ горъ, слишкомъ давно уже находится въ сношеніяхъ съ остальнымъ міромъ, чтобы аборигены, или первобытные жители, могли сохраниться въ странѣ до нашего времени. Нынѣшніе обитатели края, индусы, магометане, парсы, иностранцы, группируются не въ племена или кланы, но въ касты или въ классы, и идіомы, которыми они говорятъ, всѣ имѣютъ богатую литературу. На сѣверѣ преобладающіе діалекты—гудзератскій, маратскій, съ его различными мѣстными говорами, конканскій и гоадезскій. Эти два языка, происходящіе отъ санскритскаго корня и употребляющіе одно и то же «божественное письмо», *нагари*, были усвоены населеніями иноземнаго происхожденія, которыя теперь живутъ въ краѣ. На югѣ отъ португальской колоніи Гоа, господствующій языкъ принадлежитъ къ другой глоссологической области: это канарійскій, или каннадскій діалектъ, дравидійскаго происхожденія, съ особеннымъ письмомъ, которое походитъ на письменные знаки нарѣчія телугу. Границы этого діалекта и арійскихъ языковъ обозначаютъ этнологическій рубежъ между южной Индіей и остальнымъ Полуостровомъ.

Изъ всѣхъ иноземныхъ расъ, поселившихся въ городахъ Кокана, раса парсовъ заняла самое высокое мѣсто въ соціальной лѣстницѣ, наряду съ англійскими властителями страны; какъ показываетъ самое ихъ названіе, они персидскаго происхожденія и ведутъ свой родъ отъ послѣдователей Зороастра, которые, чтобы избѣгнуть лютой смерти во время магометанскаго нашествія, принуждены были удалиться изъ своего отечества. Сначала парсы поселились

---

[1]) W. Sowerby, „Transactions of the Bombay Geographical Society“, vol. XIX. 1871.

[1]) Buist, „Transactions of the Bombay Geographical Society“, X, 1852.

[2]) „Records of the Geological Survey of India“, II; Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India“.

на островѣ Ормузъ, гдѣ они занялись преимущественно торговлей, подготовляя такимъ образомъ, до прибытія португальцевъ, то цвѣтущее состояніе, котораго достигъ впослѣдствіи этотъ складочный пунктъ морей Индіи. Но имъ пришлось покинуть и это убѣжище и искать себѣ пріюта на полуостровѣ Каттіаваръ, гдѣ они мало-по-малу распространились въ торговыхъ городахъ морскаго прибрежья. Несмотря на всѣ преслѣдованія, они обогатились, благодаря связывающему ихъ духу солидарности, и теперь парсы, живущіе въ Бомбеѣ и въ другихъ портахъ морскаго берега, безъ сомнѣнія, превосходятъ числомъ тѣхъ несчастныхъ бѣглецовъ, которымъ удалось спастись отъ мусульманскаго меча; въ то время, какъ общины парсовъ, живущихъ въ отдалённыхъ округахъ Ирана, состоятъ едва изъ четырехъ или пяти тысячъ душъ, онѣ заключаютъ теперь, по мѐньшей мѣрѣ 80.000 лицъ въ Англо-индійской имперіи, включая сюда и торговыя колоніи, основанныя подъ британскимъ флагомъ во всѣхъ портахъ крайняго Востока. Въ 1872 году парсовъ насчитывалось:

въ Бомбейскомъ президентствѣ—66.498 д.; въ государствѣ Барода—7.238 д.; въ государствѣ Бенгаліи—1.123 д.; въ Дамаонѣ—170 душъ.

Пропорціонально своему числу, парсы сосредоточили въ своихъ рукахъ долю капиталовъ, далеко превышающую долю всѣхъ другихъ національностей, представленныхъ въ Индіи. Нѣкоторые изъ ихъ банкировъ принадлежатъ къ самымъ могущественнымъ финансовымъ тузамъ во всемъ свѣтѣ и заправляютъ большею частью крупныхъ предпріятій въ Бомбеѣ; даже въ Лондонѣ можно встрѣтить великолѣпныя зданія, обязанныя своимъ происхожденіемъ щедрости парсовъ-милліонеровъ. Забывъ основательно свой древній языкъ, зендскій, и не понимая даже смысла своихъ молитвъ, парсы, говорящіе теперь единственно гудзератскимъ и англійскимъ діалектами, сохранили и отъ своей религіи только одни символы и формулы. Они поклоняются солнцу и огню, и подобно памирскимъ галчамъ, заботливо соблюдаютъ правило, чтобы никогда не гасить пламя посредствомъ задуванія, считая свое дыханіе нечистымъ; большинство ихъ сохранило свой старинный костюмъ, даже высокую, загнутую на бокъ, шапку, покрытую клеенкой; но нѣкоторыя церемоніи, какъ, напримѣръ, омовенія въ коровьей мочѣ, уже вышли изъ употребленія. Мало-по-малу, культъ парсовъ или парсизмъ преобразовывается въ неопредѣленный деизмъ и въ кодексъ нравственности, который главными добродѣтелями признаетъ благотворительность и правдивость; между парсами, англійскими унитаріями и индусскими сектаторами брамасамаджа нѣтъ никакой существенной разницы въ религіозномъ отношеніи, кромѣ разницы формъ. Что всего яснѣе отличаетъ первыхъ, т. е. парсовъ-огнепоклонниковъ, въ глазахъ толпы—это ихъ погребальные обряды. Въ Бомбеѣ, такъ же, какъ въ Карачи и во всѣхъ городахъ, гдѣ находятся ихъ общины, существуютъ *дахмы*, обыкновенно называемыя «башнями молчанія»: это погребальницы, на верхушку которыхъ кладутъ покойниковъ, выставляя ихъ такимъ образомъ на съѣденіе коршунамъ; разлагающееся человѣческое мясо, по вѣрованію парсовъ, не должно осквернять ни земли, ни воды, ни особенно огня, стихіи по преимуществу священной. Смертные останки человѣка, пожираемые хищными птицами, тотчасъ же вступаютъ опять въ вѣчный круговоротъ жизни.

Потомки смѣшанныхъ португальцевъ, поселившихся въ портовыхъ городахъ Конкана въ эпоху завоеванія, далеко не занимаютъ такого счастливаго положенія между народностями морскаго берега, какъ парсы. Однако, и между ними есть такіе, которые образованіемъ или богатствомъ открыли себѣ двери въ европейское общество; большинство этихъ метисовъ, канцелярскіе чиновники, писцы, переводчики, служатъ посредниками европейцамъ и туземцамъ. Негры-невольники, которыхъ португальцы привозили въ свои колоніи изъ Африки, тоже оставили послѣ себя потомство, которое разнообразно смѣшалось съ дѣтьми другихъ чернокожихъ, пришедшихъ, какъ морскіе разбойники, съ Сомальскаго берега. Очень многія семейства приписываютъ себѣ также абиссинское происхожденіе. По преданію, одинъ эѳіопскій купецъ получилъ, въ 1489 году, позволеніе выгрузить триста ящиковъ на берегъ острова Джанджира, находящагося въ 75 километрахъ къ югу отъ Бомбея. Каждый изъ этихъ ящиковъ содержалъ въ себѣ солдата. Эти триста человѣкъ овладѣли островомъ и укрѣпленіемъ на сосѣднемъ берегу материка и вскорѣ образовали республику пиратовъ. Сдѣлавшись могущественными, джанджирскіе абиссинцы стали союзниками королей и императоровъ; при императорѣ Ауренгзебѣ имъ было поручено принять подъ свое покровительство портъ Суратъ и магометанскихъ пилигримовъ, предпринимающихъ паломничество въ Мекку: княжескія фамиліи острова Джанджира и Джаффа рабада, въ Каттіаварѣ, производятъ свой родъ отъ этихъ смѣлыхъ завоевателей пятнадцатаго столѣтія. Сами они называютъ себя хабши, но обыкновенно ихъ смѣшиваютъ, подъ именемъ сиди, или «господъ», съ туземцами африканскаго происхожденія.

Другіе магометане этого края, почти всѣ сунниты, заключаютъ, въ своихъ рядахъ, кромѣ индусовъ, нѣкогда обращенныхъ въ исламъ добровольно или попринужденію, афганцевъ, персіянъ, турокъ арабовъ. Купцы этой религіи соединены въ отдѣльныя корпораціи, называемыя борахъ,

ходжахъ, мемонъ, и ведутъ торговлю преимущественно съ портами Персидскаго залива, Краснаго моря и восточнаго берега Африки. Индусскіе негоціанты, или баніахъ, часто называемые заграницей баньянами, торгуютъ съ тѣми же странами; ихъ можно встрѣтить во всѣхъ портахъ африканскаго прибрежья, особенно въ Занзибарѣ. Въ самомъ Бомбеѣ они дѣлятся на два класса, смотря по происхожденію: одни—баніахи въ собственномъ смыслѣ, уроженцы Гудзерата; другіе—тѣ марвары изъ Раджпутаны, которые монополизировали движеніе торговаго обмѣна во многихъ мѣстностяхъ Индіи.

Городъ Барода, самый многолюдный во всемъ южномъ Гудзератѣ, расположенъ на обоихъ берегахъ рѣчки Висвамитри, маленькаго южнаго притока рѣки Маги; онъ окруженъ обширными предмѣстьями, которыя увеличиваютъ, по крайней мѣрѣ, вдвое его протяженіе. Столица туземнаго государства, если не вполнѣ независимаго, то, по крайней мѣрѣ, освобожденнаго отъ платежа дани, Барода—городъ дворцовъ, резиденція одного изъ богатѣйшихъ туземныхъ государей Индіи, который, все еще давая себѣ титулъ своихъ маратскихъ предковъ, гайкваръ, или «охранитель скота» [1], щеголяетъ своими алмазами, драгоцѣнными тканями, своею блестящею свитой, своими празднествами и царскими охотами. Барода—одинъ изъ рѣдкихъ городовъ Индіи, гдѣ еще даются, для увеселенія двора, бои слоновъ и носороговъ. Хотя главный городъ «самодержавнаго» государства, имѣющаго свою регулярную армію и свою артиллерію, пушки и батареи, Барода, тѣмъ не менѣе, состоитъ подъ надзоромъ англійскихъ кантонементовъ, которыми командуетъ британскій резидентъ. Окрестности этой столицы густо населены: въ 24 километрахъ на юго-востокъ, городъ Дабхой, древній Дхарбхавати, еще окруженъ валомъ въ три километра въ окружности и около 15 метровъ высотой, внутри котораго находятся галлереи съ колоннами, служившія прежде казармами. На юго-западѣ, городъ Джамбусаръ производилъ прежде значительную морскую торговлю черезъ лиманъ Танкарія, впадающій въ Камбейскій заливъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги эта каботажная торговля почти прекратилась, но Джамбусаръ все еще имѣетъ важное значеніе, какъ промышленный городъ и складочное мѣсто хлопка.

Баручъ, или Брочъ, какъ его называютъ англичане,—древній городъ, о которомъ упоминаютъ уже греческіе географы подъ именемъ Баригаза [2]. Построенный на пригоркѣ, около двадцати метровъ высотой, и по скатамъ этого холма, Баручъ господствуетъ своими живописными зданіями надъ правымъ берегомъ Нарбады, черезъ которую проходитъ желѣзнодорожный мостъ, имѣющій 1.256 метровъ въ длину и состоящій изъ 67 пролетовъ. Городъ часто былъ разрушаемъ, но послѣ каждаго разгрома опять отстраивался на томъ же мѣстѣ, занимающемъ такое счастливое положеніе на большомъ историческомъ пути морскаго прибрежья и выше уровня наводненій. Нѣкогда этотъ городъ имѣлъ весьма важное промышленное значеніе по своимъ фабрикамъ, производившимъ «лучшія на свѣтѣ матеріи», какъ говорили португальскіе завоеватели; оттого англичане и голландцы основали въ немъ свои конторы, чтобы пользоваться выгодами отпускной торговли, которая производилась изъ Баруча ко всѣмъ берегамъ Индійскаго океана, отъ Момбаза до Суматры. Но введеніе однородныхъ фабрикатовъ европейскаго производства подорвало мѣстную промышленность, и населеніе уменьшилось въ числѣ; въ послѣднее время оно снова увеличилось, благодаря культурѣ хлопка, который собирается въ значительныхъ количествахъ въ сосѣдней равнинѣ и отправляется по желѣзной дорогѣ въ Бомбей. Археологи полагаютъ, что «мурринскія вазы», упоминаемыя Пиніемъ, были агатовыя чаши, привозившіяся въ Римъ изъ Баригазы [1]; Тевено тоже говоритъ о важности торговли этими сосудами въ эпоху посѣщенія имъ края. Главные пріиски агата и яшмы находятся въ Раттампурѣ, километрахъ въ двадцати къ востоку отъ Баруча; но въ настоящее время экономическая цѣнность ихъ, должно быть, не очень значительна, если судить по арендной платѣ, которая составляетъ всего только 7.000 франковъ въ годъ. Рудокопы разработываютъ желѣзистые пласты агата, дѣлая въ нихъ норы, «какъ кролики въ садкѣ», но во время муссона они принуждены прекращать свои работы, и подкопанные пласты обваливаются [2]. Морская торговля Баруча ограничивается теперь простымъ каботажемъ съ ближайшими портами: большое судоходство совершенно прекратилось.

Обороты морской торговли Баруча въ среднемъ выводѣ:

Въ періодъ съ 1837 по 1847 гг.—28.750.000 франк.; въ 1874 г.—9.820.000 франк.

Замѣчательнѣйшая рѣдкость природы, въ окрестностяхъ Баруча, существуетъ теперь уже въ состояніи развалинъ: это индійская смоковница на одномъ изъ острововъ рѣки Нарбады, выросшая, какъ гласитъ легенда, изъ зубочистки, которую обронилъ одинъ мудрецъ во времена глубокой древности. Въ 1780 году это гигантское дерево, составлявшее предметъ удивленія для всѣхъ путешественниковъ, образо-

[1] L. Rousselet, „L'Inde des Rajahs".
[2] Carl Ritter, „Asien"; Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

[1] Birdwood, „The industrial arts of India".
[2] Copeland, „Transactions of the Literary Society of Bombay", vol. I.

) одно цѣлый лѣсъ, состоящій изъ 350 боль-
ъ стволовъ и изъ 3.000 второстепенныхъ
ловъ; пространство, покрываемое вѣтвями
грального ствола, охватывало окружность
500 метровъ.

уратъ, или Сюратъ занимаетъ, на южномъ
эгу рѣки Тапти, положеніе, аналогичное съ
женіемъ Баруча на берегу Нарбады. Про-
ившись горазно позднѣе, такъ какъ о немъ
вые заговорили только въ эпоху магоме-
кихъ нашествій, онъ получилъ впослѣдствіи
остепенную важность въ торговомъ отно-
іи; въ концѣ семнадцатаго столѣтія онъ
ь самымъ дѣятельнымъ рынкомъ Индіи и
томъ посадки на корабль для мусульман-
къ пилигримовъ, отправлявшихся на по-
еніе Каабѣ. Суратъ былъ, такъ сказать,
рью Мекки». Вслѣдъ за португальскими
горами, въ городѣ появились другія европей-
поселенія, факторіи англичанъ, францу-
, голландцевъ; въ періодъ муссона наплывъ
оваго люда былъ такъ великъ, что опоз-
іе не находили себѣ помѣщенія [1]). Къ кон-
семнадцатаго столѣтія Суратъ былъ са-
ъ многолюднымъ городомъ Полуострова;
ю его жителей опредѣляли въ 800.000 душъ;
бмелѣніе порта отъ заноса иломъ, конку-
ція Бомбея, сдѣлавшагося столицей англій-
къ владѣній въ Индіи, войны, наводненія,
шой пожаръ, истребившій слишкомъ 9.000
въ,— всѣ эти неблагопріятныя обстоятель-
привели городъ къ упадку; въ половинѣ
тнадцатаго столѣтія онъ насчитывалъ уже
ко 80.000 жителей въ своихъ стѣнахъ.
эрь онъ опять поднимается постепенно, и
центральной группы домовъ, окружающей
кій замокъ, или кремль, отдѣляются новые
талы, разростающіеся, съ одной стороны,
аправленію къ городу Рандеръ, съ другой—
аправленію къ англійскимъ кантонемен-
ь. Старинная мѣстная промышленность,
ѣлка дорогихъ тканей, вышитыхъ шелкомъ,
томъ и серебромъ, снова достигла значи-
ьнаго развитія, а примѣненіе пара облегчило
ваніе прядильныхъ мануфактуръ и другихъ
рикъ для переработки хлопчатобумажнаго
кна; здѣсь-то преимущественно фабрикуют-
ередники, или лангути, отправляемые въ
ское королевство [2]). По торговлѣ серебромъ
ціанты-парсы, очень многочисленные въ
атѣ, и индусы-баніахи, или баньяны, нахо-
я въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ
овыми домами всего свѣта; но такъ же, какъ
аручъ, Суратъ лишился своей морской тор-
и, и его портъ Сували представляетъ те-
простую деревню, передъ которою оста-
иваются только маленькія каботажныя су-
поднимающія, среднимъ числомъ, не болѣе
18 тоннъ груза. Въ 1801 году обороты мор-
ской торговли Сурата простирались до
26.080.000 франк., а въ 1874 г. цѣнность ихъ
составляла уже только 6.840.000 франк. Фран-
ція имѣетъ еще въ Суратѣ небольшую факто-
рію, гдѣ она пользуется всѣми правами верхов-
ной власти.

На югѣ, на дорогѣ въ Бомбей, слѣдуютъ одинъ за другимъ городъ Носари, населенный въ большей части трудолюбивыми парсами, и Бульсаръ, фабричный городъ, имѣющій маленькій каботажный портъ. Далѣе встрѣчаемъ, къ западу отъ желѣзной дороги, португальскій городъ Даманъ, раздѣленный на двѣ части устьемъ рѣки Даманъ-Ганга; суда вмѣстимостью до 300 тоннъ могутъ переходить черезъ баръ во время прилива и бросать якорь передъ набережными города. Въ прежнее время даманскія верфи поставляли судохозяевамъ отличныя суда, построенныя изъ тековаго дерева; но эта промышленность давно уже прекратилась, такъ же, какъ и торговля опіумомъ, монополизированная англійскимъ правительствомъ. Взамѣнъ того, несостоятельные должники и банкроты изъ Бомбея обыкновенно отправляются искать себѣ убѣжища въ португальскомъ городѣ. Совокупность территоріи Даманъ заключаетъ въ двухъ черезполосныхъ владѣніяхъ около сорока деревень. Что касается города Бассаинъ, который принадлежалъ Португаліи съ 1534 года, за двадцать четыре года до пріобрѣтенія Дамана, то онъ былъ отнятъ у нея два столѣтія спустя мараттами; отъ этого «города благородныхъ», который былъ расположенъ на островномъ мысу, остались только кое-какія развалины дворцовъ, церквей, монастырей, валовъ, и гробница Альбукерка.

Бомбей, торговый преемникъ всѣхъ магометанскихъ и португальскихъ городовъ Гудзерата и Конкана, находится не на материкѣ; онъ занимаетъ южную оконечность маленькаго архипелага, прикрывающаго съ западной стороны широкую бухту, гдѣ стоятъ на якорѣ корабли въ безопасности отъ страшнаго муссона; потому, казалось бы, естественнѣе всего производить имя этого города отъ словъ «Хорошая бухта» (по-французски Bonne baie, по-португальски Bôa bahia); однако, португальцы дали ему сначала названіе Монбаймъ или Бомбаймъ, которое примѣнялось также ко всей сосѣдней мѣстности, и въ которомъ заключается имя богини Мумба, покровительницы страны [1]). Узкій островъ, имѣющій въ длину немного болѣе 16 километровъ, на которомъ построенъ Бомбей, теперь самый многолюдный городъ во всей Южной Азіи и первый, послѣ Лондона, въ англійскихъ владѣніяхъ, часто мѣнялъ свою форму. Онъ состоитъ изъ базальтовыхъ скалъ, расположенныхъ двумя параллельными гряда-

---

[1]) Thévenot, „Voyage aux Indes orientales".
[2]) „Journal officiel", 28 fevrier 1881.

[1]) Yule, „The book of Marco Polo".

ми по направленію съ сѣвера на югъ и соединенныхъ песчаными насыпями, ограничивающими глинистую равнину. Прежде, морскіе приливы, пройдя внѣшніе плоскіе берега, проникали часто между базальтовыми грядами и раздѣляли ихъ на второстепенные островки; случалось даже, что рѣка Гоперъ, текущая на сѣверѣ на островѣ Сальсетта, катила во время разливовъ массу воды довольно значительную, чтобы моментально наполнить проливъ своими твердыми наносами и броситься въ южную бухту острова. Въ наши дни, при помощи искусственныхъ сооруженій, берега урегулированы и получили окончательную форму, которая, впрочемъ, не отличается такимъ изяществомъ очертаній, какъ естественные контуры. Земляныя насыпи, покрытыя домами или верфями, заняли мѣсто прежнихъ мелей, и шоссированныя дамбы соединили Бомбей съ Сальсеттой, а Сальсетту съ материкомъ; такимъ образомъ, островъ превратился въ полуостровъ.

Исторія Бомбея начинается со времени уступки острова Англіи въ 1661 году. Король португальскій Іоаннъ IV подарилъ его Карлу II, королю англійскому, какъ приданое за своею дочерью Екатериной, а Карлъ II уступилъ это территоріальное пріобрѣтеніе остъ-индской компаніи, подъ условіемъ уплаты номинальной ренты въ размѣрѣ 250 франковъ въ годъ. Въ видахъ скорѣйшаго заселенія острова, онъ былъ объявленъ мѣстомъ убѣжища, и бѣглецы тотчасъ же стали стекаться со всѣхъ сторонъ; спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ прибытія англичанъ, Бомбей, говорятъ, имѣлъ уже до 60.000 жителей. Однако, новый городъ не могъ получить первостепенной важности, пока сосѣдніе острова принадлежали Португаліи и дорога вдоль морскаго прибрежья оставалась подъ господствомъ могущественныхъ туземныхъ властителей. Онъ сдѣлался для европейцевъ истиннымъ порогомъ Индіи только послѣ паденія маратской династіи и присоединенія ея земель къ владѣніямъ остъ-индской компаніи. Уже въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія большая дорога поднималась длинными изгибами къ проходу Боръ-Гатъ, открывая такимъ образомъ бомбейскимъ купцамъ торговлю внутреннихъ плоскогорій; въ 1838 году была установлена правильная почтовая служба для пересылки корреспонденціи между Лондономъ и Бомбеемъ черезъ Суэзскій перешеекъ; затѣмъ линіи пароходства соединили главный портъ Конкана съ Англіей, а съ 1853 года открылся, изъ Бомбея въ Тану, первый построенный въ Индіи участокъ рельсоваго пути, начало желѣзнодорожной сѣти, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сближаетъ свои звенья, развѣтвляясь по всему Полуострову. Наконецъ, со времени прорытія Суэзскаго канала Бомбей находится въ прямомъ сообщеніи съ Европой; линіи паровыхъ пакетботовъ, подводный электрическій телеграфъ—вотъ тѣ нити, которыя связываютъ Великобританію съ Англо-индійской имперіей.

Періодъ сѣверо-американской междоусобной войны, съ 1860 по 1865 годъ, былъ для Бомбея эпохой баснословнаго процвѣтанія. Купцы стекались туда массами, чтобы пріобрѣсти себѣ долю изъ несмѣтныхъ богатствъ, прилившихъ въ бомбейскіе банки; вся окружающая страна превратилась въ необозримое поле хлопчатника, по дорогамъ тянулись безконечные обозы, подвозившіе земледѣльческіе продукты къ порту, набережныя не могли вмѣщать груды товаровъ. Новые кварталы выростали точно грибы; никакая спекуляція не казалась слишкомъ смѣлою. Городъ готовился уже соперничать съ столицей метрополіи, какъ вдругъ возстановленіе мира въ Америкѣ положило конецъ быстрому процвѣтанію его торговли; это было для бомбейскихъ коммерсантовъ моментомъ внезапнаго разстройства, и дѣла сразу пріостановились. Но послѣ катастрофы, послѣ слѣдовавшаго за нею періода застоя и упадка духа предпріимчивости, городъ снова сталъ возрастать, продолжать свои набережныя, устраивать новые доки, ассенизировать окружающія болота, застраивать виллами окрестные холмы. Въ настоящее время занимаются въ особенности возвышеніемъ грунта равнины, называемой Flats, которая простирается на сѣверо-западной сторонѣ Бомбея, и преобразованіемъ одной ея части въ фабричный городъ, тогда какъ остальное пространство будетъ превращено въ бульвары и сады и сдѣлается однимъ изъ лучшихъ публичныхъ гульбищъ Индіи. И дѣйствительно, давно пора уничтожить всѣ гнѣзда вредныхъ міазмовъ и разсадники заразы, которые существуютъ еще въ непосредственномъ сосѣдствѣ Бомбея, и по милости которыхъ этотъ городъ такъ долго пользовался вполнѣ заслуженной репутаціей очень нездороваго мѣста. По свидѣтельству путешественника Фрайера, смертность похищала, въ семнадцатомъ столѣтіи, пять-шестыхъ европейцевъ, поселившихся въ этой мѣстности: «два муссона составляютъ здѣсь жизнь человѣка!» — такова была мало успокоительная поговорка, которую повторяли новоприбывшимъ. Эндемическая болѣзнь, отъ которой погибало большинство иностранцевъ, была извѣстна подъ именами «китайской смерти» (mort de Chine), или «собачьей смерти» (mort de chien), невольная игра словъ, напоминающая конканское названіе *морд ѕчи*, означающее холеру [1]). Въ наши дни Бомбей, одинъ изъ самыхъ здоровыхъ городовъ Индіи, далеко превосходящій въ этомъ отношеніи Калькутту, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между городами, гдѣ ведется правильная статистика смертности. Несмотря на свое положеніе на

[1]) Hunter, „Imperial Gazetter of India".

маленькомъ островѣ, онъ снабжается въ изобиліи чистой водой, благодаря Гоперу, главной рѣкѣ острова Сальсетта, которую перехватили всю цѣликомъ, образовавъ искусственное озеро Вехаръ, площадь котораго равняется 560 гектарамъ; стокъ этого озера, регулируемый шлюзами, проходитъ черезъ проливъ по земляной насыпи. Вода проведена въ *бюли*, многоэтажные резервуары, которыхъ галлереи съ колоннами сообщаются одна съ другою посредствомъ монументальныхъ лѣстницъ.

Съ восточной стороны острова, изъ внутренней гавани, Бомбей представляетъ великолѣпное зрѣлище. Миновавъ подводныя скалы и длинный полуостровъ Колаба, затѣмъ обогнувъ цитатель, построенную на мѣстѣ старой крѣпости, но заключающую въ своихъ стѣнахъ только присутственныя мѣста да купеческія конторы, днемъ наполненныя торговымъ людомъ, а ночью совершенно опустѣлыя, корабль бросаетъ якорь передъ новымъ городомъ. На югѣ, кварталы англійской постройки представляютъ, на обширномъ протяженіи эспланады, рядъ богатыхъ фасадовъ, менѣе претенціозныхъ, чѣмъ калькуттскіе дворцы, но болѣе импонирующихъ своими размѣрами. Однако, всѣ эти высокія британскія зданія, неискусныя подражанія «веніціанско-готическаго» и «ломбардскаго» стилей, совсѣмъ не гармонируютъ съ окружающею растительностью и далеко уступаютъ въ изяществѣ и живописности индусскимъ домамъ, съ ихъ столбами изъ рѣзнаго дерева, ярко раскрашенными балконами, крышами въ формѣ навѣса; пагоды, увѣчанныя высокими тіарами съ разноцвѣтными боками, поднимаются надъ группами кокосовыхъ пальмъ; нѣтъ ни одного строенія, которое не отличалось бы какими-нибудь особенностями формъ и красокъ. Большія улицы загромождены экипажами всякаго рода: тутъ увидишь и массивные омнибусы, лошади которыхъ имѣютъ на головѣ, для защиты отъ солнца, шапку изъ древесной сердцевины, и щегольскія коляски, быстро увлекаемыя арабскими и маратскими конями, и кареты, запряженныя быками-рысаками, у которыхъ горбъ трясется на загривкѣ, и тяжелыя телѣги, громыхающія своими толстыми колесами. Священныя коровы разгуливаютъ на свободѣ, подбирая отброски овощей вокругъ рынковъ. Всѣ расы Стараго Свѣта имѣютъ своихъ представителей въ пестрой толпѣ, толкущейся и снующей на улицахъ и площадяхъ Бомбея: индусы, матросы всевозможныхъ національностей, негры, европейцы, метисы, одни черные, какъ уголь, другіе бронзовые, желтые или бѣлые, иные величаво драпированные, другіе съ обнаженнымъ торсомъ, или совсѣмъ голые, прикрытые только передникомъ. Нѣкоторыя изъ подгородныхъ деревень словно затеряны среди лѣсовъ; таково, напримѣръ, село Магимъ, на сѣверо-восточной сторонѣ острова, гдѣ тропическая растительность является еще во всей своей силѣ и красѣ, какъ во времена, предшествовавшія европейской колонизаціи. На юго-западѣ тянется длинный базальтовый полуостровъ Малабаръ-Гилль, гдѣ дороги извиваются подъ шатромъ пальмовыхъ и манговыхъ деревьевъ, между загородными виллами, и постоянно въ виду круга морскаго прибоя. Между полуостровомъ Малабаръ-Гилль и собственно городомъ развертывается длинный плоскій берегъ бухты Бакбай, гдѣ по ночамъ блеститъ свѣтъ отъ печей для сожиганія труповъ.

Какъ торговый центръ, Бомбей мало имѣетъ соперниковъ въ Азіи; обороты его внѣшней торговли превышаютъ, по цѣнности, милліардъ франковъ каждый годъ. Манчестеръ теперь ежегодно спрашиваетъ у Конкана хлопка-сырца только на сумму около 250 милліоновъ франковъ, т. е. треть того количества, какое онъ покупалъ во время американской междоусобной войны. Такимъ образомъ, Бомбей утратилъ свою первенствующую роль, какъ экспедиціонный портъ по вывозу хлопка, но зато онъ пріобрѣлъ большую важность по торговлѣ хлѣбомъ; въ настоящее время онъ соперничаетъ съ черноморскими портами по снабженію хлѣбными продуктами населеній Западной Европы; такъ, напримѣръ, въ 1881 году онъ отправилъ за границу 467.000 тоннъ хлѣба. Бомбей въ то же время—одинъ изъ складочныхъ пунктовъ для опіума, посылаемаго въ Китай, и отпускная торговля этимъ продуктомъ составляетъ почти исключительную монополію одного изъ его торговыхъ домовъ. Предметы вывоза оплачиваются, главнымъ образомъ, хлопчатобумажными издѣліями, но значительная часть покупокъ должна быть оплачиваема Англіей драгоцѣннымъ металломъ въ видѣ монеты и слитковъ, которые затѣмъ распредѣляются по всѣмъ странамъ Индіи.

Внѣшняя торговля Бомбея въ 1891 г.:

Вывозъ—39.618.840 фунт. стерл.; привозъ—45.752.601 фунт. стерл.

Движеніе судоходства въ бомбейскомъ портѣ, по размѣрамъ, уступаетъ движенію портовъ Лондона, Ливерпуля, Антверпена, Марсели, но нѣсколько превосходитъ движеніе калькуттскаго порта (въ 1891 г. было въ приходѣ: 643 парохода въ 1.167.194 тонны и 327 парусныхъ судовъ въ 46.511 тоннъ). Внутренняя торговля города питается отчасти мѣстною промышленностью. Многочисленные рабочіе занимаются фабрикаціей различныхъ мѣдныхъ издѣлій, приготовленіемъ и окраской тканей. Центръ отпускной торговли хлопкомъ, Бомбей стремится даже соперничать съ Манчестеромъ въ отношеніи производства ситцевъ и другихъ набивныхъ бумажныхъ тканей: уже въ 1877 году имъ было употреблено для переработки свыше 30.000 тоннъ хлопчатобумажнаго волокна въ собственныхъ бумагопрядильняхъ, число

которыхъ теперь доходитъ до тридцати и которыя всѣ вмѣстѣ имѣютъ около милліона веретенъ и до 8.000 ткацкихъ станковъ, а между тѣмъ только въ 1863 году была основана первая мануфактура этого рода, открывшая собою эру промышленной конкурренціи Индіи съ Великобританіей [1]). Бомбей имѣетъ также нѣкоторую важность какъ мѣсто земледѣльческаго производства, благодаря своимъ рисовымъ плантаціямъ, своимъ садамъ и рощамъ кокосовыхъ пальмъ. Фабрикація пальмоваго вина и другихъ напитковъ того же происхожденія занимаетъ большое число рабочихъ рукъ.

Заключая въ своемъ населеніи менѣе европейцевъ, чѣмъ Калькутта и даже чѣмъ Мадрасъ, Бомбей, почти всецѣло поглощенный интересами своей торговой дѣятельности, не такъ богатъ, какъ столица Индіи, научными учрежденіями. Географическое общество, основанное въ 1841 году, прекратило свое существованіе, но Азіатское общество, возникшее ранѣе географическаго, продолжаетъ рядъ своихъ драгоцѣнныхъ изданій. Въ Бомбеѣ находится главная метеорологическая обсерваторія Полуострова, поставленная въ исключительно благопріятныя условія для изученія явленій муссона. Такъ же, какъ и Калькутта, городъ Конкана имѣетъ общественные парки и мѣста гулянья, но самый любопытный его зоологическій садъ—это скотскій госпиталь или богадѣльня, гдѣ на средства, доставляемыя благотворительностью вѣрующихъ, содержатся старыя или больныя животныя, быки и коровы, обезьяны, собаки и кошки, птицы и даже змѣи.

Какъ всѣ города англійской Индіи, Бомбей дополняется второстепенными городами или пригородами, которые служатъ его населенію мѣстами дачной жизни. Самый оживленный изъ этихъ лѣтнихъ городовъ, или санаторій,—Матеранъ, расположенный на высотѣ 749 метровъ, на холмѣ, совершенно отдѣленномъ отъ цѣпи Гатскихъ горъ размытою водами долиной, по дну которой бѣжитъ рѣка Уласъ. Выступы и склоны этого уединеннаго массива, въ лѣсахъ котораго, еще въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, бродили только рѣдкіе дикари, теперь усѣяны многочисленными виллами и дачами бомбейскихъ жителей. Менѣе чѣмъ въ четыре часа путешественники, отправляющіеся изъ Бомбея, могутъ достигнуть вершины Матеранскаго холма; выѣхавъ по дневной жарѣ, они любуются съ горы закатомъ солнца, которое медленно опускается надъ водяною равниной порта, освѣщая огненными линіями контуръ береговъ и профиль башенъ. Городъ Тана, центръ управленія округомъ того же имени и главный городъ острова Сальсетта или Шасти, служитъ мѣстомъ пребыванія для многочисленныхъ купцовъ и чиновниковъ; расположенный на восточномъ берегу острова, почти насупротивъ устья рѣки Уласъ, онъ сообщается съ портомъ посредствомъ пароходовъ и желѣзной дороги. По сосѣдству, въ Кангери, въ одномъ известковомъ холмѣ есть пещеры, гдѣ изсѣчены храмы, происхожденіе которыхъ восходитъ къ первымъ временамъ общепринятой эры и которые нѣкогда пользовались величайшею славой у буддистовъ; находящіяся тамъ же позднѣйшія святилища не имѣютъ уже никакихъ слѣдовъ культа Будды и украшены браманскими символами. Въ джунгляхъ Сальсетты Жакмонъ былъ отравленъ міазмами болотъ; несчастный путешественникъ успѣлъ только велѣть перевезти себя въ Бомбей, по прибытіи куда тотчасъ же и умеръ. Въ окрестностяхъ города Тана существуютъ теплые ключи, бьющіе изъ каменистаго ложа одного ручья.

Другіе священные гроты, болѣе знаменитые и, по причинѣ близости къ Бомбею, болѣе посѣщаемые, чѣмъ религіозныя пещеры Кангери, находятся въ Гарапури, или «Городѣ Вертеповъ», на островкѣ Элефанта, или Дева-деви, «Островѣ боговъ», лежащемъ посреди рейда, къ востоку отъ Бомбея; названіе это дано островку отъ сильно попорченной временемъ группы изваяній, которая представляла слона, аттакованнаго тигромъ. Въ толщѣ холма открываются четыре грота, осѣненные надъ преддверіемъ мелкимъ кустарникомъ, перемѣшаннымъ съ вьющимися растеніями; у оконечности главнаго святилища высится колоссальная фигура Сивы подъ его тремя символическими формами творца, хранителя и разрушителя, изображенія котораго находятся также и въ другихъ подземныхъ храмахъ. Бомбейскіе индусы, особенно баніахи (купцы), приходятъ еще въ нѣкоторые праздники отправлять тамъ обрядности своего культа. Происхожденіе священныхъ пещеръ островка Элефанты относится, вѣроятно, къ десятому, быть можетъ, даже къ восьмому или девятому столѣтію нашего лѣтосчисленія [1]), и ихъ чудовищныя изваянія, очень интересныя въ научномъ отношеніи, съ теогонической точки зрѣнія, имѣютъ по большей части безобразный, отталкивающій видъ; по контрасту ярко освѣщенной наружной природы и торжественнаго мрака подземныхъ храмовъ съ ихъ колоннами, гнущимися подъ тяжестью скалы, производитъ глубокое впечатлѣніе. Одинъ изъ этихъ храмовъ совершенно обрушился. Подземныя капища сгруппированы въ большемъ числѣ въ окрестностяхъ Бомбея, у подошвы Гатскихъ горъ и на сосѣднемъ плоскогорьѣ, чѣмъ во всякой другой области Полуострова; внѣ сѣверо-западнаго угла Гатскихъ горъ памятники этого рода, буддійскіе или браманскіе, встрѣчаются все рѣже и рѣже въ восточномъ направленіи.

[1]) „Fortnightly Review“, June 1876.

[1]) Fergusson, „Rock-cut Temples of India“; Burgess, „The Rock Temples of Elephanta“.

Древняя столица Конкана, Каліанъ, пользовавшаяся большою славой уже за много вѣковъ до того времени, когда стало извѣстно имя Бомбея, представляетъ теперь незначительный 7.858.800 франковъ); но этотъ городъ въ послѣднее время снова получилъ нѣкоторую важность, какъ мѣсто раздѣленія двухъ главныхъ желѣзныхъ путей Индіи, которые направляются

Дефиле между мраморными горами.

торговый портъ, и только мелкія суда поднимаются по извилистому теченію рѣки Уласъ до ея набережныхъ (обороты внѣшней торговли каліанскаго порта впродолженіи фискальнаго 1873—1874 года составляли, по цѣнности, одинъ къ Калькуттѣ, другой къ Мадрасу. Окрестныя мѣстности усѣяны развалинами древнихъ памятниковъ; одна изъ самыхъ замѣчательныхъ—это руина Амбернатскаго храма, отъ котораго уцѣлѣли только порталъ и нижняя

*

часть зданія, отличающіеся необыкновеннымъ изяществомъ и отчетливостью скульптурной работы; тысячи фигурокъ, словно живыя, лѣпятся на кордонахъ и колонкахъ камня [1]).

Къ югу отъ Бомбея, населеніе, состоящее въ большей части изъ рыбаковъ, къ которымъ примѣшиваются потомки пиратовъ, сгруппировалось преимущественно на берегу моря; города и деревни раскинули свои дома вдоль морскаго берега, подъ группами кокосовыхъ пальмъ. Алибагъ, бывшій притонъ корсаровъ, хорошо извѣстенъ мореходамъ по причинѣ сосѣдняго островка Колаба, гдѣ въ былое время кораблекрушители занимались своимъ промысломъ. Говорятъ, что Алибагъ построенъ изъ дерева разбившихся судовъ. Джанджира или Джезире, какъ называютъ его арабы, былъ «островъ» по преимуществу для приморскаго населенія, нѣкогда могущественнаго, которое признавало власть абиссинскихъ государей; евреи, или «Бени-Израэль» (сыны Израиля), поселившіеся здѣсь съ незапамятныхъ временъ, тоже составляютъ маленькую особенную группу въ этой области Конкана. Маленькое туземное государство, насчитывающее всего около 70.000 жителей, которому островъ Джанджира далъ свое имя и столица котораго—сосѣдній городъ Раджпури, тоже носитъ названіе Габсанъ, т. е. «Абиссиніи». Въ рукахъ англичанъ рейдъ и портъ Джанджира могли бы сдѣлаться одною изъ лучшихъ пристаней на опасномъ берегу Конкана; суда, не имѣя надобности проходить черезъ баръ, находятъ тамъ болѣе 6 метровъ глубины при низкомъ стояніи воды. Портъ Банкотъ, на широкомъ лиманѣ рѣки Савитри, и портъ Ратнагири, на берегу зыбкой бухты, по размѣрамъ своихъ торговыхъ оборотовъ, превосходятъ алибагскій портъ: годовое движеніе торговаго обмѣна въ первомъ изъ нихъ простирается, среднимъ числомъ, до 2.700.000, а во второмъ до 7.700.000 франковъ; кромѣ того, Ратнагири производитъ очень дѣятельную рыбную ловлю, и сотни барокъ бросаютъ свои сѣти тотчасъ же за чертой морскаго прибоя. Ратнагири, городъ эмигрантовъ, нанимаетъ тысячи кулієвъ для острововъ св. Маврикія и Соединенія, и вербуетъ носильщиковъ для Бомбея, а также сипаевъ для арміи. Портовые города Визіадругъ и Деогаръ тоже ведутъ небольшую торговлю; но изъ всѣхъ портовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ между Бомбеемъ и Гоа, самый оживленный и наиболѣе посѣщаемый—портъ Вингорла, который нѣкогда тоже былъ притономъ морскихъ разбойниковъ. Годовое движеніе торговаго обмѣна въ Вингорлѣ простирается до 17.500.000 франковъ.

Въ давнія времена на одномъ болотистомъ островѣ рѣки Джуари существовалъ индійскій городъ, по имени Гоа; но мы напрасно стали бы искать подъ джунглями, покрывающими островъ, остатки его дворцовъ и храмовъ; а между тѣмъ, онъ былъ богатымъ и могущественнымъ, и древнія надписи говорятъ о славѣ царствовавшихъ въ немъ династій. Въ 1479 году магометанскіе завоеватели перевели древній городъ на другое мѣсто, на южномъ берегу лимана Мандави; этотъ новый Гоа и есть тотъ городъ, которымъ овладѣла маленькая армія португальцевъ, подъ предводительствомъ Албукерка, въ 1510 году, и который вскорѣ послѣ того сдѣлался «царицей Востока и гордостью сыновъ Лузуса» (лузитанцевъ, т. е. португальцевъ) [1]). Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія богатства его купцовъ доставили ему прозвище *Goa dourada*, т. е. «Золотой Гоа»; между индійскими португальцами про него сложилась поговорка: «Кто видѣлъ Гоа, тому незачѣмъ ѣхать въ Лиссабонъ!» Но слѣдовавшія затѣмъ нападенія голландцевъ, нашествія магометанъ, потомъ набѣги мараттовъ и въ особенности рвеніе къ обращенію язычниковъ, одушевлявшее католическихъ патеровъ, имѣли результатомъ постепенное обѣднѣніе и обезлюденіе города; уже Васко-де-Гама, во время своего втораго путешествія, прибылъ въ Индію въ сопровожденіи восьми францисканскихъ монаховъ, восьми капеллановъ и одного главнаго капеллана, которые должны были проповѣдывать христіанскую вѣру и, въ случаѣ надобности, обращать туземцевъ мечомъ. «Лучшіе изъ язычниковъ бѣжали въ другіе края, и остались только подонки туземнаго населенія», говоритъ одинъ современный путешественникъ [2]). Затѣмъ небрежно содержимый фарватеръ рѣки обмелѣлъ, занесенный иломъ, заброшенныя поля покрылись дикою растительностью, выступавшія изъ береговъ воды застаивались въ видѣ гніющихъ болотъ, и порожденная ихъ испареніями малярія окончательно разогнала жителей. Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія Гоа былъ уже мертвый городъ; теперь на мѣстѣ его разросся лѣсъ кокосовыхъ пальмъ, среди котораго разсѣяны многочисленныя руины, башни и куполы около тридцати религіозныхъ зданій. Дворецъ инквизиціи, гдѣ нѣкогда царили истинныя власти, представляетъ теперь лишь кучу мусора; но каѳедральный соборъ, первенствующая церковь Индіи, существуетъ еще, такъ же, какъ древняя мечеть, преобразованная въ монастырь св. Франциска. Въ богатой церкви Іисуса Христа находится пышная гробница, изъ яшмы, мрамора и серебра, заключающая смертные останки Франциска де-Ксаверіо, апостола Индіи. Тѣло святаго было оффиціально объявлено «вице-коро-

[1]) Fergusson and Burgess; L. Rousselet, „L'Inde des Rajahs".

[1]) Камоэнсъ, поэма „Лузіада", пѣснь вторая.

[2]) Vasconcellos-Abreu, „Glottologia arica", гдѣ приведено письмо путешественника Сарсетти, писанное въ 1584 году.

лемъ Индіи и генералъ-лейтенантомъ»; дѣйствительный губернаторъ считался лишь уполномоченнымъ или замѣстителемъ св. Франциска, получающимъ отъ него свою власть; еще въ началѣ девятнадцатаго столѣтія новоназначенный губернаторъ, прежде чѣмъ вступить въ управленіе ввѣреннымъ ему краемъ, отправлялся съ большою торжественностью въ церковь Іисуса просить о передачѣ ему правъ королевскаго намѣстника [1]). Около сотни лицъ живутъ теперь среди руинъ для отправленія службы въ церквахъ, тогда какъ во времена своего процвѣтанія Velha Cidade, или «Старый городъ», насчитывалъ въ своихъ стѣнахъ не менѣе 200.000 жителей.

«Новый городъ» Гоа, *Nova Cidade*, болѣе извѣстный подъ индусскимъ именемъ Панджима, былъ избранъ резиденціей вице-короля португальской Индіи еще въ 1756 году, но оффиціальный титулъ столицы онъ получилъ только въ 1842 году. Расположенный на южномъ берегу широкаго лимана рѣки, въ 8 километрахъ къ западу отъ стараго города, онъ доступенъ даже судамъ большаго водоуглубленія, но только въ періодъ съ сентября до мая; когда же юго-западный муссонъ развертываетъ въ лиманѣ свою безконечную армію волнъ, входъ въ портъ становится очень опаснымъ; южная бухта, защищенная мысомъ Мармаганъ, была бы удобнѣе для устройства порта, потому что суда могутъ тамъ становиться на якорь во всякое время года совершенно безопасно. Несмотря на опасности, которымъ подвергаются суда при проходѣ черезъ баръ, Панджимъ ведетъ довольно значительную торговлю, отправляя кокосовое масло, копру, различные фрукты, дерево, соль (движеніе судоходства въ этомъ портѣ въ 1874 году: 3.159 судовъ, общая грузовмѣстимость которыхъ равнялась 217.750 тоннъ); но эта торговля должна перемѣститься въ близкомъ будущемъ, когда рельсовый путь соединитъ сѣть желѣзныхъ дорогъ Декана съ портомъ Мармаганъ, который, вѣроятно, сдѣлается новымъ главнымъ городомъ колоніи. Хотя и столица, Панджимъ, однако, не самый многолюдный городъ этой области португальскихъ владѣній; онъ уступаетъ въ этомъ отношеніи Мармагану, лежащему въ южной части территоріи, среди равнинъ, заключающихся между океаномъ и лиманомъ рѣки Рачоль. На сѣверѣ отъ Панджима, въ территоріи Бардесъ, есть другой важный городъ, называемый Мапуса или Мопуса.

Населеніе португальскихъ владѣній въ Индіи въ 1881 г. состояло изъ 514.169 душъ. Внѣ Индіи мало найдется территорій, гдѣ бы жители были скучены въ большемъ числѣ. Въ городахъ значительная часть резидентовъ выдаетъ себя за людей европейскаго происхожденія, но, за исключеніемъ семействъ, недавно пріѣхавшихъ изъ Португаліи, всѣ здѣшніе обитатели смѣшанной крови. Такъ называемые «бѣлые» колоніи Гоа—въ дѣйствительности метисы (помѣсь), съ низкимъ лбомъ, съ маленькими, вѣчно безпокойными глазами, съ толстыми губами; грудь у нихъ узкая, ноги сухопарыя. Не велико число европейскихъ дѣтей, которыхъ родители посылаютъ въ метрополію, какъ это дѣлаютъ англичане; большинство ихъ остается въ Индіи, гдѣ они составляютъ особенное населеніе, извѣстное подъ именемъ *topas*, т. е. «людей въ шляпахъ», которое отличается какъ отъ туземцевъ, такъ и отъ новоприбывшихъ европейцевъ [1]); многіе изъ нихъ поступаютъ на службу, въ качествѣ писцовъ или комми, въ канцеляріи и торговые дома большихъ англійскихъ городовъ.

Двѣ трети индусскаго населенія въ португальской колоніи состоитъ изъ католиковъ, приближающихся къ христіанамъ-метисамъ нечувствительными переходами въ отношеніи расы и нравовъ. Португальскія владѣнія - единственная часть Полуострова, гдѣ жители въ большинствѣ причисляютъ себя къ христіанамъ. Причина тому—непосредственное вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла вѣры во времена господства вице-королей и инквизиціи; въ началѣ восемнадцатаго столѣтія около 30.000 бѣлаго и монашествующаго духовенства, европейцевъ, метисовъ и туземцевъ, группировалось въ монастыряхъ и вокругъ церквей. Въ наши дни, религіозная свобода полная, и многія тысячи магометанъ, наиболѣе уважаемыхъ изъ резидентовъ края, живутъ въ Панджимѣ и въ другихъ городахъ португальской территоріи.

Портъ Карваръ, лежащій къ югу отъ португальской границы, есть одинъ изъ тѣхъ, которые представляютъ лучшее, наиболѣе безопасное пристанище судамъ во время муссона, и можно предсказать съ большою вѣроятностью, что ему скорѣе всего удастся привлечь къ себѣ часть исполинскаго торговаго потока, направляющагося къ Бомбею: желѣзная дорога, которая должна со временемъ соединить его съ Мадрасомъ черезъ одинъ изъ проходовъ Гатскихъ горъ, еще не начата постройкой. Между другими портовыми городами Сѣверной Канары только одинъ, Кумпта, соперничаетъ размѣрами своей торговой дѣятельности съ Карваромъ; остальные, Анкола, Гангавали, Гонаваръ (Гоноръ), представляютъ лишь маленькія гавани, гдѣ только изрѣдка показываются каботажныя суда. Въ окрестностяхъ этого города одинъ горный потокъ низвергается съ утеса Гатскихъ горъ въ видѣ водянаго столба высотою около 280 метровъ; въ періодъ юго-западнаго муссона, приносящаго такое обиліе

[1]) Perrin, „Voyage en Indostan".

[1]) R. Burton, „Goa and the Blue Mountains".

часть зданія, отличающіеся необыкновеннымъ изяществомъ и отчетливостью скульптурной работы; тысячи фигурокъ, словно живыя, лѣпятся на кордонахъ и колонкахъ камня [1]).

Къ югу отъ Бомбея, населеніе, состоящее въ большей части изъ рыбаковъ, къ которымъ примѣшиваются потомки пиратовъ, сгруппировалось преимущественно на берегу моря; города и деревни раскинули свои дома вдоль морскаго берега, подъ группами кокосовыхъ пальмъ. Алибагъ, бывшій притонъ корсаровъ, хорошо извѣстенъ мореходамъ по причинѣ сосѣдняго островка Колаба, гдѣ въ былое время кораблекрушители занимались своимъ промысломъ. Говорятъ, что Алибагъ построенъ изъ дерева разбившихся судовъ. Джанджира или Джезире, какъ называютъ его арабы, былъ «островъ» по преимуществу для приморскаго населенія, нѣкогда могущественнаго, которое признавало власть абиссинскихъ государей; евреи, или «Бени-Израэль» (сыны Израиля), поселившіеся здѣсь съ незапамятныхъ временъ, тоже составляютъ маленькую особенную группу въ этой области Конкана. Маленькое туземное государство, насчитывающее всего около 70.000 жителей, которому островъ Джанджира далъ свое имя и столица котораго—сосѣдній городъ Раджпури, тоже носитъ названіе Габсанъ, т. е. «Абиссиніи». Въ рукахъ англичанъ рейдъ и портъ Джанджира могли бы сдѣлаться одною изъ лучшихъ пристаней на опасномъ берегу Конкана; суда, не имѣя надобности проходить черезъ баръ, находятъ тамъ болѣе 6 метровъ глубины при низкомъ стояніи воды. Портъ Банкотъ, на широкомъ лиманѣ рѣки Савитри, и портъ Ратнагири, на берегу зыбкой бухты, по размѣрамъ своихъ торговыхъ оборотовъ, превосходятъ алибагскій портъ: годовое движеніе торговаго обмѣна въ первомъ изъ нихъ простирается, среднимъ числомъ, до 2.700.000, а во второмъ до 7.700.000 франковъ; кромѣ того, Ратнагири производитъ очень дѣятельную рыбную ловлю, и сотни барокъ бросаютъ свои сѣти тотчасъ же за чертой морскаго прибоя. Ратнагири, городъ эмигрантовъ, нанимаетъ тысячи куліевъ для острововъ св. Маврикія и Соединенія, и вербуетъ носильщиковъ для Бомбея, а также сипаевъ для арміи. Портовые города Визіадругъ и Деогаръ тоже ведутъ небольшую торговлю; но изъ всѣхъ портовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ между Бомбеемъ и Гоа, самый оживленный и наиболѣе посѣщаемый—портъ Вингорла, который нѣкогда тоже былъ притономъ морскихъ разбойниковъ. Годовое движеніе торговаго обмѣна въ Вингорлѣ простирается до 17.500.000 франковъ.

Въ давнія времена на одномъ болотистомъ островѣ рѣки Джуари существовалъ индійскій городъ, по имени Гоа; но мы напрасно стали бы искать подъ джунглями, покрывающими островъ, остатки его дворцовъ и храмовъ; а между тѣмъ, онъ былъ богатымъ и могущественнымъ, и древнія надписи говорятъ о славѣ царствовавшихъ въ немъ династій. Въ 1479 году магометанскіе завоеватели перевели древній городъ на другое мѣсто, на южномъ берегу лимана Мандави; этотъ новый Гоа и есть тотъ городъ, которымъ овладѣла маленькая армія португальцевъ, подъ предводительствомъ Альбукерка, въ 1510 году, и который вскорѣ послѣ того сдѣлался «царицей Востока и гордостью сыновъ Лузуса» (лузитанцевъ, т. е. португальцевъ) [1]). Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія богатства его купцовъ доставили ему прозвище *Goa dourada*, т. е. «Золотой Гоа»; между индійскими португальцами про него сложилась поговорка: «Кто видѣлъ Гоа, тому незачѣмъ ѣхать въ Лиссабонъ!» Но слѣдовавшія затѣмъ нападенія голландцевъ, нашествія магометанъ, потомъ набѣги мараттовъ и въ особенности рвеніе къ обращенію язычниковъ, одушевлявшее католическихъ патеровъ, имѣли результатомъ постепенное обѣднѣніе и обезлюденіе города; уже Васко-де-Гама, во время своего втораго путешествія, прибылъ въ Индію въ сопровожденіи восьми францисканскихъ монаховъ, восьми капеллановъ и одного главнаго капеллана, которые должны были проповѣдывать христіанскую вѣру и, въ случаѣ надобности, обращать туземцевъ мечомъ. «Лучшіе изъ язычниковъ бѣжали въ другіе края, и остались только подонки туземнаго населенія», говоритъ одинъ современный путешественникъ [2]). Затѣмъ небрежно содержимый фарватеръ рѣки обмелѣлъ, занесенный иломъ, заброшенныя поля покрылись дикою растительностью, выступавшія изъ береговъ воды застаивались въ видѣ гніющихъ болотъ, и порожденная ихъ испареніями малярія окончательно разогнала жителей. Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія Гоа былъ уже мертвый городъ; теперь на мѣстѣ его разросся лѣсъ кокосовыхъ пальмъ, среди котораго разсѣяны многочисленныя руины, башни и куполы около тридцати религіозныхъ зданій. Дворецъ инквизиціи, гдѣ нѣкогда царили истинныя власти, представляетъ теперь лишь кучу мусора; но каѳедральный соборъ, первенствующая церковь Индіи, существуетъ еще, такъ же, какъ древняя мечеть, преобразованная въ монастырь св. Франциска. Въ богатой церкви Іисуса Христа находится пышная гробница, изъ яшмы, мрамора и серебра, заключающая смертные останки Франциска де-Ксаверіо, апостола Индіи. Тѣло святаго было оффиціально объявлено «вице-коро-

[1]) Fergusson and Burgess; L. Rousselet, „L'Inde des Rajahs".

[1]) Камоэнсъ, поэма „Лузіада", пѣснь вторая.

[2]) Vasconcellos-Abreu, „Glottologia arica", гдѣ приведено письмо путешественника Сарсетти, писанное въ 1584 году.

лемъ Индіи и генералъ-лейтенантомъ»; дѣйствительный губернаторъ считался лишь уполномоченнымъ или замѣстителемъ св. Франциска, получающимъ отъ него свою власть; еще въ началѣ девятнадцатаго столѣтія новоназначенный губернаторъ, прежде чѣмъ вступить въ управленіе ввѣреннымъ ему краемъ, отправлялся съ большою торжественностью въ церковь Іисуса просить о передачѣ ему правъ королевскаго намѣстника [1]). Около сотни лицъ живутъ теперь среди руинъ для отправленія службы въ церквахъ, тогда какъ во времена своего процвѣтанія Veiha Cidade, или «Старый городъ», насчитывалъ въ своихъ стѣнахъ не менѣе 200.000 жителей.

«Новый городъ» Гоа, *Nova Cidade*, болѣе извѣстный подъ индусскимъ именемъ Панджима, былъ избранъ резиденціей вице-короля португальской Индіи еще въ 1756 году, но оффиціальный титулъ столицы онъ получилъ только въ 1842 году. Расположенный на южномъ берегу широкаго лимана рѣки, въ 8 километрахъ къ западу отъ стараго города, онъ доступенъ даже судамъ большаго водоуглубленія, но только въ періодъ съ сентября до мая; когда же юго-западный муссонъ развертываетъ въ лиманѣ свою безконечную армію волнъ, входъ въ портъ становится очень опаснымъ; южная бухта, защищенная мысомъ Мармаганъ, была бы удобнѣе для устройства порта, потому что суда могутъ тамъ становиться на якорь во всякое время года совершенно безопасно. Несмотря на опасности, которымъ подвергаются суда при проходѣ черезъ баръ, Панджимъ ведетъ довольно значительную торговлю, отправляя кокосовое масло, копру, различные фрукты, дерево, соль (движеніе судоходства въ этомъ портѣ въ 1874 году: 3.159 судовъ, общая грузовмѣстимость которыхъ равнялась 217.750 тоннъ); но эта торговля должна перемѣститься въ близкомъ будущемъ, когда рельсовый путь соединитъ сѣть желѣзныхъ дорогъ Декана съ портомъ Мармаганъ, который, вѣроятно, сдѣлается новымъ главнымъ городомъ колоніи. Хотя и столица, Панджимъ, однако, не самый многолюдный городъ этой области португальскихъ владѣній; онъ уступаетъ въ этомъ отношеніи Мармагану, лежащему въ южной части территоріи, среди равнинъ, заключающихся между океаномъ и лиманомъ рѣки Рачоль. На сѣверѣ отъ Панджима, въ территоріи Бардесъ, есть другой важный городъ, называемый Мапуса или Мопуса.

Населеніе португальскихъ владѣній въ Индіи въ 1881 г. состояло изъ 514.169 душъ. Внѣ Индіи мало найдется территорій, гдѣ бы жители были скучены въ большемъ числѣ. Въ городахъ значительная часть резидентовъ выдаетъ себя за людей европейскаго происхожденія, но, за исключеніемъ семействъ, недавно пріѣхавшихъ изъ Португаліи, всѣ здѣшніе обитатели смѣшанной крови. Такъ называемые «бѣлые» колоніи Гоа—въ дѣйствительности метисы (помѣсь), съ низкимъ лбомъ, съ маленькими, вѣчно безпокойными глазами, съ толстыми губами; грудь у нихъ узкая, ноги сухопарыя. Не велико число европейскихъ дѣтей, которыхъ родители посылаютъ въ метрополію, какъ это дѣлаютъ англичане; большинство ихъ остается въ Индіи, гдѣ они составляютъ особенное населеніе, извѣстное подъ именемъ *topas*, т. е. «людей въ шляпахъ», которое отличается какъ отъ туземцевъ, такъ и отъ вновь прибывшихъ европейцевъ [1]); многіе изъ нихъ поступаютъ на службу, въ качествѣ писцовъ или комми, въ канцеляріи и торговые дома большихъ англійскихъ городовъ.

Двѣ трети индусскаго населенія въ португальской колоніи состоитъ изъ католиковъ, приближающихся къ христіанамъ-метисамъ нечувствительными переходами въ отношеніи расы и нравовъ. Португальскія владѣнія - единственная часть Полуострова, гдѣ жители въ большинствѣ причисляютъ себя къ христіанамъ. Причина тому—непосредственное вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла вѣры во времена господства вице-королей и инквизиціи; въ началѣ восемнадцатаго столѣтія около 30.000 бѣлаго и монашествующаго духовенства, европейцевъ, метисовъ и туземцевъ, группировалось въ монастыряхъ и вокругъ церквей. Въ наши дни, религіозная свобода полная, и многія тысячи магометанъ, наиболѣе уважаемыхъ изъ резидентовъ края, живутъ въ Панджимѣ и въ другихъ городахъ португальской территоріи.

Портъ Карваръ, лежащій къ югу отъ португальской границы, есть одинъ изъ тѣхъ, которые представляютъ лучшее, наиболѣе безопасное пристанище судамъ во время муссона, и можно предсказать съ большою вѣроятностью, что ему скорѣе всего удастся привлечь къ себѣ часть исполинскаго торговаго потока, направляющагося къ Бомбею: желѣзная дорога, которая должна со временемъ соединить его съ Мадрасомъ черезъ одинъ изъ проходовъ Гатскихъ горъ, еще не начата постройкой. Между другими портовыми городами Сѣверной Канары только одинъ, Кумпта, соперничаетъ размѣрами своей торговой дѣятельности съ Карваромъ; остальные, Анкола, Гангавали, Гонаваръ (Гоноръ), представляютъ лишь маленькія гавани, гдѣ только изрѣдка показываются каботажныя суда. Въ окрестностяхъ этого города одинъ горный потокъ низвергается съ утеса Гатскихъ горъ въ видѣ водяного столба высотою около 280 метровъ; въ періодъ юго-западнаго муссона, приносящаго такое обиліе

[1]) Perrin, „Voyage en Indostan“.

[1]) R. Burton, „Goa and the Blue Mountains“.

дождевой воды, этотъ водопадъ, называемый Герузаппе или Гайрсоппа, составляетъ одно изъ самыхъ грандіозныхъ зрѣлищъ индійскаго полуострова.

Важнѣйшіе города на Бомбейскомъ берегу:

Гудзератъ. Барода (1891 г.)—116.420 жит.; Суратъ—109.230 жит.; Баручъ—40.168 жит.; Джамбусаръ—14.925 жит.; Дабхой — 14.900 жит.; Нозари—14.700 жит.; Бульсаръ—11 300 жит.

Конканъ и Канара. Бомбей (1891 г.)—821.765 жит.; Вингорла—15.000 жит.; Тана—14.300 жит.; Карваръ—13.250 жит.; Каліанъ—12.800 жит.; Кумпта—10.950 жит.; Ратнагири—10.600 жит.

Португальскія владѣнія. Даманъ—33.350 жит.; Марганъ—20.000 жит.; Панджимъ (Гоа)—8.000 жит.; Мапуса (Мопуса)—12.100 жит.

XIII.

Бассейны рѣкъ Годавери и Кистна, Деканъ.

Деканъ есть естественная область полуостровной Индіи, гдѣ англичане оставили сравнительно наибольшее количество территорій туземнымъ властителямъ; но они позаботились разрѣзать ихъ земли на черезполосныя владѣнія, не имѣющія никакого сообщенія съ моремъ, и занять всѣ стратегическія позиціи. Уже во многихъ областяхъ британское правительство наложило секвестръ на цѣлыя провинціи этихъ якобы «независимыхъ» государстъ, не дѣлая для этого ничего, кромѣ передвиженія нѣкоторыхъ гарнизоновъ; такъ, напримѣръ, область Бераръ, подъ именемъ «округовъ, причисленныхъ къ Гайдерабаду», была отдѣлена отъ владѣній низама и поставлена подъ непосредственное управленіе англійскаго комиссара. Въ своей совокупности два бассейна Годавери и Кистны имѣютъ, сравнительно съ остальной Индіей, довольно рѣдкое населеніе. Напротивъ, области морскаго прибрежья, присвоенныя Англіей, очень густо населены; рѣчныя долины тоже заключаютъ многочисленное населеніе въ нижнихъ своихъ частяхъ до значительнаго разстоянія внутрь материка; но на плоскогорьяхъ, вдали отъ большихъ дорогъ, жилища разбросаны рѣдкими группами. Они снова становятся болѣе скученными только вдоль краевой цѣпи Западныхъ Гатовъ, гдѣ, благодаря легкости торговыхъ сношеній съ сосѣднимъ морскимъ берегомъ и богатству ближайшихъ къ горамъ долинъ, изобилующихъ текущими водами, возникли многочисленные города.

Пространство и населеніе бассейновъ Годавери и Кистны.

	Пространство. кв. килом.	Населеніе въ 1872 г. жит.	Километр. населенность.
Гайдарабадъ	233.100	9.000.000 (?)	39 жит.
Бераръ	45.870	2.226.500	48 „
Бастаръ	33.829	170.000 (?)	5 „
Округи Бомбейск. презид.	109.881	6.937.420	63 „
Округи Мадрасск. презид.	153.513	9 352.270	61 „
Всего	576.193	27.686.190 (?)	48 „
Вѣроятное населеніе 1882 г.		26.000.000 (?)	45 „

Область Декана, взятая въ цѣломъ, представляетъ наклонную плоскость, постепенно понижающуюся отъ запада къ востоку и изливающую свои воды въ Бенгальскій заливъ: это одна изъ самыхъ однообразныхъ по виду странъ Индіи, хотя она была театромъ сильныхъ вулканическихъ потрясеній и на цѣлой половинѣ своего протяженія сплошь покрыта лавой. Вся сѣверо-западная часть, ограниченная на юго-востокѣ неправильной линіей, простирающейся отъ португальской территоріи Гоа до бассейна рѣки Нагпуръ, одѣта базальтовыми траппами, составляющими продолженіе слоевъ того же происхожденія, которые развѣтвляются длинными окаменѣлыми потоками въ центральныхъ провинціяхъ и на плоской возвышенности Мальва. На огромномъ непрерывномъ пространствѣ, обнимающемъ болѣе 300.000 квадр. километровъ, эти огненныя горныя породы залегаютъ на другихъ геологическихъ формаціяхъ; отъ Бомбея до Нагпура желѣзнодорожная линія, длиною около 835 километровъ, на всемъ своемъ протяженіи проходитъ по мѣстностямъ, почва которыхъ состоитъ единственно изъ траппа или пепла, выброшенныхъ древними вулканами. Деканъ тянется въ видѣ длинныхъ, слегка волнистыхъ равнинъ, раздѣленныхъ холмами, которые оканчиваются на вершинѣ столообразными горками, замѣчательно правильной формы и обставленными по бокамъ террасами, которыя черезъ извѣстные промежутки перерѣзаны оврагами; террасы эти состоятъ изъ базальтовыхъ массъ, болѣе крѣпкихъ и лучше сопротивляющихся, чѣмъ нижній траппъ, которыя не поддались разрушительному дѣйствію воды и воздуха. Тамъ и сямъ среди равнины сохранились скалы въ формѣ стѣнъ: воды, размывшія и унесшія всѣ сосѣднія вещества, не могли ничего подѣлать съ этими валами изъ твердой лавы, которые до сихъ поръ стоятъ, какъ свидѣтели древнихъ изверженій подземнаго очага. Эти базальтовыя стѣны находятся преимущественно на сѣверо-западномъ углу Декана, въ сосѣдствѣ городовъ Пуны и Назика и на отлогостяхъ Бомбейской цѣпи Гатовъ; слои вулканическаго пепла, происходящаго, безъ сомнѣнія, изъ кратеровъ, открытыхъ Кларкомъ въ Конканской равнинѣ, тоже встрѣчаются тамъ чаще и достигаютъ большей толщины, чѣмъ въ другихъ

частяхъ вулканической области. Въ этой мѣстности былъ, безъ сомнѣнія, главный центръ вулканической дѣятельности; оттуда вылились потоки лавы въ полкилометра толщиной, которые покрываютъ цѣлую половину плоскогорья, спускаясь пологимъ скатомъ къ Бенгальскому морю; но до сихъ поръ на этой высокой равнинѣ не нашли ни одного эруптивнаго жерла; правильная круглая впадина, которую наполняетъ озеро Лонаръ или Лунаръ, есть, повидимому, результатъ лопнувшаго вулканическаго пузыря. Незначительность паденія или ската, представляемаго этими застывшими потоками, можно объяснить только чрезвычайно жидкимъ состояніемъ лавы при выходѣ изъ верхняго отверстія кратеровъ. Нѣкоторые геологи думали, что кажущаяся горизонтальность траповъ происходитъ оттого, что они вылились изъ нѣдръ земли подъ давленіемъ морскихъ водъ; но это мнѣніе не можетъ быть принято въ виду того, что океанійскія ископаемыя до сихъ поръ были найдены только въ одномъ слоѣ туфа, на берегу плоскогорья изъ лавы, которое господствуетъ надъ устьями рѣки Годавери; вездѣ въ другихъ мѣстахъ органическіе остатки, растительные и животные, которые собраны въ этихъ формаціяхъ, принадлежали къ земнымъ или прѣсноводнымъ видамъ [1]). Это въ тѣ времена, когда образовался мѣлъ, затѣмъ въ эоценовомъ періодѣ, вылилась черезъ трещины почвы эта громадная масса расплавленнаго вещества, такая масса, что для того, чтобы пролить ее, нужно было бы по меньшей мѣрѣ столѣтіе такой исполинской рѣкѣ, какъ Амазонка.

Извѣстно, что поверхность лавъ Декана, подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей, разложилась на слои латерита, и что эта формація, увлекаемая водами, распространилась далеко за предѣлы вулканическихъ потоковъ, въ область гнейсовъ южной Индіи. Эти пространства сѣрой или красноватой земли, въ которыхъ вода мгновенно исчезаетъ, словно въ рѣшетѣ, вообще мало плодородны, и растительность представляетъ тамъ богатство, могущее сравниться съ растительностью Конкана или Бенгаліи, только въ лощинахъ, гдѣ скопился черноземъ, образовавшійся изъ перегноя. Вдали отъ рѣкъ, плоскогорье почти не имѣетъ лѣсовъ, и большинство деревянистыхъ растеній, деревья и кустарники, теряютъ листву съ наступленіемъ холоднаго времени года. Зимой эта часть Индіи принимаетъ сѣрый или желтоватый колоритъ, какъ поля умѣренной Европы; въ началѣ жаркаго сезона, до наступленія дождей, вся мѣстность кажется выжженною; тогда достаточно одной искры, чтобы воспламенить высокую сухую траву быстро разливающимся пожаромъ и покрыть горы огненнымъ моремъ.

[1]) Medlicott and Blanford, „A Manual of the Geology of India“.

Тѣмъ труднѣе завоевать эти возвышенныя равнины для земледѣльческой культуры, что рѣки текутъ по большей части въ глубоко врѣзывающихся въ почву руслахъ, вслѣдствіе чего очень дорого стоитъ поднимать воду для орошенія полей и садовъ; при томъ эти рѣки пересыхаютъ или обращаются въ незначительные мелководные потоки въ періодъ сѣверо-восточнаго муссона, т. е. какъ разъ въ то время, когда онѣ были бы всего болѣе необходимы. Но въ западной области, тамъ, гдѣ дожди выпадаютъ въ изобиліи и гдѣ горные потоки не успѣли еще вырыть себѣ глубокихъ ущелій, простираются плодоносныя пространства, извѣстныя въ бассейнѣ верхней Кистны подъ названіемъ Карната, или «Черной Земли» [1]).

Годавери — самая большая рѣка Декана; длину ея теченія исчисляютъ въ 1.445 километровъ, а ея бассейнъ занимаетъ огромную площадь, въ 300.000 квадр. километровъ, — пространство, равное двумъ третямъ Франціи. Она беретъ начало въ сѣверо-западномъ углу нагорья, близъ деревни Тримбакъ, всего только въ 80 километрахъ отъ Аравійскаго моря. Простое подземное развѣтвленіе Ганга, по вѣрованію благочестивыхъ индусовъ, которые приходятъ купаться въ ея водахъ, почитаемыхъ тоже священными, Годавери, называемая также Пурра-ганга и Вридда-ганга, наполняетъ сначала глубокій резервуаръ, затѣмъ, усилившись принятіемъ въ себя ручьевъ, спускающихся съ Гатскихъ горъ, течетъ къ востоку и юго-востоку, параллельно долинѣ рѣки Тапти, но въ противоположномъ направленіи. Пройдя болѣе половины своего пути, она соединяется съ Пранхитой, которая приноситъ ей жидкую массу, болѣе значительную, чѣмъ ея собственная; какъ во многихъ другихъ рѣчныхъ бассейнахъ, эти соединенныя воды принимаютъ имя не главнаго, а меньшаго притока, и причина этого, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, заключается въ исторической важности долины, названіе которой одержало верхъ. Если Пранхита болѣе обильный потокъ, благодаря Пайнъ-гангѣ, Вардѣ, Вайнъ-гангѣ и другимъ рѣкамъ Нагпурскаго бассейна, то Годавери, «Кормилица коровъ», указываетъ дорогу, по которой слѣдовали индусскіе переселенцы послѣ того, какъ они проникли на плоскогорье черезъ горные проходы, открывающіеся на югѣ отъ рѣки Тапти. Эта часть Декана есть первая мѣстность, гдѣ поселились арійцы; быть можетъ даже, они прибыли туда раньше, чѣмъ познакомились съ Гангомъ [2]).

Ниже сліянія съ Пранхитой, Годавери вступаетъ въ гористую область, которую она про-

[1]) Burnouf, „Nouveau journal asiatique“, II; Lassen, „Indische Alterthumskunde“.
[2]) Campbell, „Grammar of the Teloogoo language“; Lassen, цитированное сочиненіе.

ходитъ рядомъ узкихъ поперечныхъ долинъ, чередующихся съ равнинами. Въ этой части своего теченія она принимаетъ въ себя многоводную рѣку Индравати, прославившуюся своимъ каскадомъ (около 30 метровъ высоты), который принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ водопадовъ Полуострова, затѣмъ притоки Таль и Сабари, и пробиваетъ послѣднюю цѣпь Восточныхъ Гатовъ дефилеемъ, имѣющимъ всего только 250 метровъ ширины въ самомъ узкомъ мѣстѣ; но зато вода имѣетъ въ этомъ мѣстѣ 37 метровъ глубины, а во время большихъ разливовъ она поднимается на 30 метровъ выше своего средняго уровня. Въ 1848 году рѣка, говорятъ, достигла бреши холмовъ на высотѣ 60 метровъ (28 саженъ) и переливалась въ чужой бассейнъ, въ бассейнъ рѣки Яракальва. По выходѣ изъ горныхъ тѣснинъ, Годавери разливается широко въ ложѣ, усѣянномъ островами, затѣмъ, ниже Раджамагендри, дѣлится на два рукава, которые красиво изгибаются одинъ къ сѣверу, другой къ югу, охватывая равнины дельты и нѣсколько холмовъ, бывшихъ островковъ, которые нѣкогда были окружены водами моря; одинъ истокъ или рукавъ, отъ котораго теперь остались только слѣды, текъ прежде къ сѣверу отъ холмовъ Раджамагендри и впадалъ въ море на сѣверѣ отъ Самалькотты [1]).

Южный рукавъ, до сихъ поръ еще называемый именемъ, принадлежащимъ Буддѣ, Гаутами, почитается самою священною изъ рѣчныхъ вѣтвей; черезъ каждыя двѣнадцать лѣтъ тамъ справляется съ большою пышностью Пушъ-карамъ, привлекающій безчисленное множество пилигримовъ со всѣхъ концовъ Индіи. Такъ же, какъ Манга-Надди, Кистна, Кавери и всѣ другія большія рѣки восточнаго берега, Годавери отложила свои наносы твердыхъ веществъ въ видѣ обширнаго полукруга, далеко выступающаго за нормальную линію береговъ; захваты твердой земли въ области океана, при устьяхъ этой рѣки, простираются на пространствѣ, по меньшей мѣрѣ, 4.000 квадр. километровъ; на сѣверной оконечности дельты въ собственномъ смыслѣ, блуждающія рѣки, болота, гряды дюнъ, дороги обозначаютъ прежнія прибрежья, которыя послѣдовательно образовались, загибаясь все болѣе и болѣе къ нарастающему выступу земель. Правда, что, распространяясь такимъ образомъ все далѣе въ область морскихъ водъ, новыя земли, наносимыя рѣкой Годавери, замкнули многочисленныя равнины, еще не совершенно обсохшія; обширныя болота, куда проникаетъ морская волна во время бурь, окаймляютъ прибрежный поясъ дельты. Даже большое озеро Коларъ (Колеру, Клугу), между Годавери и Кистной, есть, вѣроятно, бывшій морской заливъ, отдѣленный отъ океана наносами сосѣднихъ рѣкъ; это скорѣе болото, чѣмъ озеро; въ сухое время года больше половины бассейна представляетъ сплошную топь; въ періодъ дождей, это—водная площадь, пространствомъ около 250 квадр. километровъ; многочисленные острова, или *ланка*, укрѣпленные съ большими издержками трудомъ земледѣльцевъ, поднимаются выше уровня разливовъ и мало-по-малу увеличиваются новыми землями; однако, почва Колара когда-то провалилась, если правда, что видны остатки поглощенныхъ деревень въ самыхъ впалыхъ частяхъ озернаго бассейна. Съ незапамятныхъ временъ прибрежные жители имѣли привычку, каждый годъ въ эпоху разлива, открывать выходной каналъ, чтобы отбросить въ море излишекъ прѣсныхъ водъ, затѣмъ снова выводили плотину, чтобы воспрепятствовать проникновенію соленой воды. Теперь уровень озера регулируется шлюзомъ. Воздѣланныя пространства по берегамъ Колара орошаются каналами, отведенными изъ Годавери [1]).

Подчиненная тѣмъ же климатическимъ условіямъ, какъ Мага-Надди, Годавери тоже представляетъ въ своемъ стокѣ огромныя уклоненія, смотря по времени года; въ періодъ разлива она катитъ громадную массу воды, доходящую до 40.000 кубическихъ метровъ въ секунду, но въ сухое время года количество протекающей воды уменьшается до 60 куб. метровъ. Прибрежнымъ равнинамъ Годавери, такъ же, какъ и мѣстностямъ по рѣкѣ Мага-Надди, угрожаютъ то наводненія, то засуха; однако, эти бѣдствія случаются здѣсь рѣже, по причинѣ меньшаго протяженія и болѣе крутой покатости дельты; истеченіе водъ и ирригація здѣсь сравнительно легче. Сдѣланы большія искусственныя сооруженія для урегулированія теченія и уравненія, по возможности, массы воды, катимой въ разныя времена года; въ низменныхъ мѣстностяхъ на обоихъ берегахъ построены боковыя земляныя насыпи или валы; у вершины дельты, въ мѣстѣ бифуркаціи, близъ деревни Даолешварамъ, поперечная плотина имѣющая болѣе 4.000 метровъ длины, 4 метра высоты и 40 метровъ ширины при основаніи, поднимаетъ уровень водъ, чтобы распредѣлить жидкую массу по обширной сѣти каналовъ, общая длина которой составляетъ 850 километровъ и которая почти вся можетъ служить для цѣлей судоходства; годовое движеніе, происходящее въ самой дельтѣ и по линіи водяныхъ путей, соединяющихъ ее съ Кистной, превышаетъ 50.000 судовъ [2]). Выше запруды, Годавери судоходна, по крайней мѣрѣ, впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ полноводья; но обыкновенно она служитъ только для сплава

[1]) King, „Memoirs of the Geological Survey of India", vol. XII, part. 3.

[1]) W. W. Hunter, „Orissa".
[2]) Morris, „The Godavery district"

бревенъ. Канализаціонныя работы, предпринятыя съ цѣлью установить постоянное сообщеніе черезъ рѣки Годавери, Пранхиту и Варду до Хингангата, главнаго рынка центральныхъ провинцій по торговлѣ хлопкомъ, должны были быть оставлены; вывозъ этого продукта производится теперь по желѣзной дорогѣ: вмѣсто того, чтобы отправлять въ Коконаду, портъ на нижней Годавери, хлопокъ посылается въ Бомбей.

На сѣверѣ отъ устьевъ Годавери встрѣчаются только незначительные горные потоки, получающіе начало на склонѣ восточныхъ Гатскихъ горъ; но километрахъ въ ста къ югу течетъ другая большая рѣка, почти равная ей и образующая дельту, кривая которой слѣдуетъ

Желѣзная дорога близъ Кандала.

непосредственно за дугой Годавери. Кистна, или Кришна, пересѣкаетъ, такъ же, какъ Годавери и Кавери, всю ширину Полуострова; она беретъ свое начало близъ Магабалешвара; небольшаго восхожденія достаточно, чтобы подняться отъ истока на высокій мысъ, откуда видно, въ разстояніи 64 километровъ, Аравійское море. Хотя менѣе чтимая, нежели другія рѣки Декана, Кистна тоже считается священнымъ потокомъ, несущимъ божественную влагу, и ея истокъ, прикрываемый храмомъ въ честь Магадео (Великаго бога), льется изъ грифа, изваяннаго въ формѣ коровьей морды. Въ первой части своего теченія Кистна спускается на юго-востокъ, слѣдуя вдоль цѣпи Гатскихъ горъ, затѣмъ принимаетъ среднее восточное направленіе, убѣгая крутыми поворотами по дну узкихъ долинъ; теченіе ея прерывается въ разныхъ мѣстахъ порогами, и при входѣ ея въ Гайдерабадскую территорію, катаракты, общее паденіе которыхъ 124 метра, слѣдуютъ одинъ за другимъ на пространствѣ 5 километровъ; но тамъ рѣка еще не сформировалась; она еще очень бѣдна водой впродолженіи части года, и ея каскады представляютъ простыя струи, скользящія по стѣнамъ гранитныхъ скалъ. Ниже водопадовъ, Кистна соединяется съ Бимой, или «Грозной», питаемой источниками, вытекающими изъ сѣверной части Гатскихъ горъ, затѣмъ съ Тунга-Бадрой, образующейся изъ слiянія двухъ рѣкъ этого имени, «Высокой» и «Счастливой», которыя берутъ свое начало въ лѣсахъ Канары и Майсура. Ниже впаденія этихъ рѣкъ, Кистна не получаетъ ни одного сколько-нибудь значительнаго притока; она пробиваетъ цѣпь Восточныхъ Гатовъ, затѣмъ вступаетъ въ равнины прибрежья, которое она постоянно увеличиваетъ своими наносами на счетъ моря. Ея дельта, менѣе широкая, чѣмъ дельта Годавери, выдвинулась далѣе въ область водъ, отклоняемая къ югу длиннымъ откосомъ изверженія, который образовали наносы сѣверной рѣки.

Кистна почти не приноситъ никакой пользы для судоходства; единственныя лодки, которыя встрѣтишь въ наибольшей части ея теченія,— это бамбуковые плоты, покрытые кожами. Протекая въ руслѣ, очень глубоко врѣзанномъ въ почву, она почти совершенно потеряна и для орошенія прибрежныхъ мѣстностей; но резервуары верхней Бимы служатъ для снабженія водой города Пуны, а въ долинѣ соединенныхъ рѣкъ Тунга-Барда прорыты каналы. При началѣ или вершинѣ дельты устроена запруда, подобная поперечнымъ плотинамъ на рѣкахъ Мага-Надди и Годавери, которая задерживаетъ массу водъ, для того, чтобы регулировать стокъ и распредѣлить ее по оросительнымъ каналамъ; общая длина ирригаціонной сѣти превышаетъ 400 километровъ и оплодотворяетъ слишкомъ 90.000 гектаровъ (82.350 десятинъ) земли.

Длина теченія Кистны—1.280 километровъ, площадь ея бассейна—240.000 квад. километ., дебитъ во время полноводья—33.620 кубич. метр. въ секунду, во время мелководья — 32 куб. метр. въ секунду.

Вершина дельты — единственная область бассейна Кистны, гдѣ потокъ утилизируется систематически для меліоративныхъ цѣлей; но какъ ни мало полезна эта рѣка для своихъ прибрежныхъ жителей въ ея верхнемъ и среднемъ теченіи, она, однако, имѣла весьма важное историческое значеніе, какъ путь, по которому происходило передвиженіе населеній съ запада на востокъ Полуострова. Въ южной Индіи на Кистну смотрятъ какъ на срединную границу между двумя главными дѣленіями страны; въ сосѣдствѣ Гатскихъ горъ она раздѣляетъ два пояса языковъ—арійскій и дравидійскій. Различныя перемѣны въ привычкахъ и нравахъ указываютъ на первоначальный контрастъ между населеніями, живущими къ сѣверу и къ югу отъ этой рѣки На сѣверѣ крестьянскія избы обыкновенно крыты соломой; на югѣ онѣ оканчиваются террасами изъ битой глины [1]).

На однообразной плоскости Деканскаго нагорья, гдѣ нѣтъ обширныхъ лѣсовъ, болотъ и горныхъ массивовъ, которые могли бы давать убѣжище дикимъ населеніямъ, почти всѣ жители, каково бы ни было различіе ихъ происхожденія, принадлежатъ къ цивилизованнымъ расамъ Индіи. Нѣкоторыя племена биль и кочующіе пастухи дангаръ, говорящіе особеннымъ нарѣчіемъ [2]), живутъ на сѣверо западѣ Декана, въ горахъ, господствующихъ надъ Аурангабадскою равниной; въ лѣсахъ Восточныхъ Гатовъ бродятъ хонды, въ земляхъ Джайпуръ и Бастаръ, къ сѣверу отъ Годавери.

Индусы-маратты, которые занимаютъ всю сѣверо-западную область Декана и границы которыхъ на югѣ и на востокѣ почти совпадаютъ съ границами застывшихъ потоковъ лавы,—единственные арійцы, поселившіеся цѣлой націей на плоскогорьяхъ южной Индіи. Ихъ иммиграція восходитъ, вѣроятно, къ очень отдаленной эпохѣ, судя по тому, что, разсматриваемые отдѣльно по кастамъ, они много разнятся отъ сѣверныхъ индусовъ. Маратскіе браманы, обыкновенно отличающіеся очень свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, имѣютъ, по большей части, носъ слегка орлиный [3]), и между ними много встрѣчается индивидуумовъ съ сѣрыми глазами. Пришедшіе, вѣроятно, съ сѣверо-запада, маратты оттѣснили бильскіе народцы въ окрестныя горы, затѣмъ посте-

---

[1]) W. Hamilton, „Description of Hindostan"; Ch. Lassen, „Indische Alterthumskunde".

[2]) Mountstuart Grant Duff, „Notes of an Indian Journey".

[3]) Campbell, „Ethnology of India"; „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1866, № 2.

пенно подвигались все далѣе и далѣе къ югу, слѣдуя вдоль восточной стороны Гатскихъ горъ въ области истоковъ Годавери и Кистны. Нѣкогда очень презираемые мусульманскими властителями страны, которые называли ихъ «горными крысами», маратты не играли никакой роли въ исторіи до половины семнадцатаго столѣтія; но въ эту эпоху они сдѣлались довольно сильными, чтобы уравновѣшивать владычество магометанъ, и подъ предводительствомъ неукротимаго Сиваджи, успѣли основать могущественнѣйшее государство на Полуостровѣ. Попеременно земледѣльцы и воины, они собирались бандами, верхомъ на маленькихъ лошадкахъ, рѣзвыхъ, неустрашимыхъ, легко дрессируемыхъ, сохраняющихъ всегда хорошее тѣло, благодаря коровьему маслу, которое примѣшивали имъ въ кормъ [1]); въ одинъ день маратты появлялись за сотню верстъ отъ мѣста сбора; они внезапно опустошали непріятельскую провинцію, грабя города, уводя плѣнниковъ, затѣмъ такъ же быстро разсыпались по своимъ крѣпкимъ зáмкамъ или деревнямъ, защищенные страхомъ, который наводило одно ихъ имя; рядомъ съ крутыми скалами, которыя служили имъ притономъ, на окраинѣ Гатскихъ горъ, плодоносный поясъ Конкана доставлялъ имъ въ изобиліи съѣстные припасы. Они проникали даже въ долину Ганга; въ 1742 году они разгромили Муршидабадъ, главный городъ дельты этой рѣки, и до сихъ поръ еще показываютъ остатки «Мараттскаго рва», выкопаннаго вокругъ Калькутты для того, чтобы задерживать набѣги этихъ страшныхъ разбойниковъ [2]). Сдѣлавшись преобладающею державой, со времени упадка имперіи Великихъ Моголовъ, мараттское государство не сумѣло соединить туземные элементы въ сплоченное національное тѣло. Внутренніе раздоры, жестокость и алчность ихъ правительства скоро повлекли за собою ихъ гибель; не будучи въ состояніи оказывать сопротивленіе англичанамъ въ правильной битвѣ, они потеряли послѣдовательно, одну за другою, провинціи своей обширной имперіи, и теперь мараттскіе князья, которые еще царствуютъ въ Раджпутанѣ, Гудзератѣ, Деканѣ, обязаны своимъ скипетромъ единственно великодушію побѣдителя. Послѣдній потомокъ браманскихъ министровъ, овладѣвшихъ мараттскимъ королевскимъ достоинствомъ, былъ простымъ пенсіонеромъ британскаго правительства, и попытка пріемнаго сына этого пешвы, Нана-Сахиба, возстановить туземное царство путемъ избіенія или изгнанія заморскихъ завоевателей, какъ извѣстно, не увѣнчалась успѣхомъ. Маратты, въ числѣ около десяти милліоновъ душъ, составляютъ теперь не болѣе, какъ этнографическую группу, безъ дѣйствительной политической автономіи, и разсѣянную въ различныхъ административныхъ областяхъ и округахъ. Ихъ языкъ, санскритскаго происхожденія, дѣлится на нѣсколько нарѣчій, какъ-то: кандеси въ Кандешѣ, дашкини въ Деканѣ, гоадеси въ Гоа, конкани на Конканскомъ берегу; ихъ словесность, употребляющая священное письмо нагари, есть одна изъ наименѣе богатыхъ между литературами арійскихъ идіомовъ. Внѣ мараттской территоріи, вся область Декана принадлежитъ дравидійскимъ народностямъ, которыя говорятъ діалектами канари, телугу и тамиль [1]).

[1]) Perrin, „Voyage dans l'Indostan".

[2]) R. Temple, „Proceedings of the Geographical Society of London". aug. 1882.

Первый городъ на Сиркарскомъ берегу, къ югу отъ Ориссы, находится недалеко отъ озера Шилка, съ которымъ онъ сообщается посредствомъ каналовъ, часто заносимыхъ иломъ, по которымъ тянутся длинными вереницами пилигримскія суда изъ Джагганата. Ганджамъ, т. е. «Житница» или «Складочное мѣсто», былъ до 1815 года очень оживленнымъ рѣчнымъ портомъ; онъ сохранилъ еще кое-какую морскую торговлю вокругъ своихъ опустѣлыхъ дворцовъ, но населеніе, прогнанное маларіей, ушло въ большей части и направилось къ новой столицѣ края, къ городу Бархампуру, построенному на скалѣ, въ 10 километрахъ отъ моря, и пользующемуся болѣе здоровымъ воздухомъ. На югѣ, между постоянно волнующимся моремъ и дикою горою Магендра-гири, увѣнчанной сиваитскими храмами, открываются сиркарскіе «Ѳермопилы», горный проходъ, который многіе завоеватели должны были форсировать, чтобы спуститься къ Годавери или подняться въ Бенгаліи. Тамъ находится общая граница двухъ семей языковъ, арійской и дравидійской: на сѣверѣ говорятъ нарѣчіемъ урія, на югѣ нарѣчіемъ телугу. Гора Магендрагири, возвышающаяся на 1.490 метровъ надъ уровнемъ моря, представляетъ большія удобства для основанія санаторіи, или лѣтняго мѣстопребыванія; но въ сосѣднихъ городахъ число англійскихъ резидентовъ еще не велико, и потому они не могли бы дать достаточнаго контингента жителей для заселенія этого горнаго города. Калингапатамъ, при устьѣ рѣки Вамсадхара, сохранилъ имя древняго царства Калинга, существовавшаго въ буддійскую эпоху; подъ владычествомъ магометанъ, Калингапатамъ тоже былъ большой и цвѣтущій городъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ остатки многочисленныхъ зданій; теперь онъ, послѣ періода упадка, снова поднимается, благодаря безопасности своей гавани, лучшей якорной стоянки на всемъ этомъ берегу протяженіемъ около 600 километровъ; оттуда отправляются рисъ, сахаръ и другія произведенія, привози-

[1]) Caldwell, „Comparative Grammar of the Dravidian languages".

мыя изъ Парлакимеди и другихъ внутреннихъ городовъ. Чикаколе, или Срикакуламъ, въ 25 километрахъ къ юго-востоку отъ Калингапатама, стоитъ не у самаго моря, а въ разстояніи семи километровъ отъ морскаго берега, на рѣкѣ Нагула; это промышленный городъ, ремесленники котораго выдѣлываютъ необычайно тонкую кисею.

Самый большой городъ Сиркарскаго побережья — Визагапатамъ (Визахапатнамъ), городъ Визахи, индусскаго «Марса», храмъ котораго былъ разрушенъ волнами моря; но вѣрующіе все еще приходятъ купаться на грудахъ камней, предполагаемыхъ развалинахъ этого святилища [1]). Мѣсто якорной стоянки защищено съ южной стороны мысомъ, извѣстнымъ у моряковъ подъ названіемъ «Дельфинова Носа», и благодаря этому прикрытію, суда, вмѣстимостью до 300 тоннъ, могутъ приходить сюда за грузами риса, сахара, табака, доставляемыхъ изъ сосѣднихъ мѣстностей, гдѣ съ каждымъ годомъ увеличивается площадь земель, занятыхъ подъ культуру этихъ растеній. Въ теченіе фискальнаго 1876—1877 года движеніе судоходства въ визагапатамскомъ портѣ выразилось цифрою 834 судовъ, общая грузовмѣстимость которыхъ равнялась 747.000 тоннъ. Новое предмѣстье Вальтеръ, гдѣ имѣютъ пребываніе европейцы, продолжаетъ Визагапатамъ на сѣверо-востокъ, вдоль морскаго берега; воздухъ тамъ гораздо здоровѣе, чѣмъ въ самомъ городѣ, въ окрестностяхъ котораго, съ западной стороны, простирается болото, еще не вполнѣ ассенированное. Визагапатамъ славится въ Индіи и въ Англіи своими рѣзными издѣліями изъ слоновой кости, шкатулками, покрытыми накладнымъ серебромъ, и другими предметами роскоши. Въ 28 километрахъ къ сѣверо-востоку находится городъ Бимлипатамъ, который можно разсматривать какъ торговый пригородъ Визагапатама; еще недавно это была простая рыбацкая деревня, но моряки нашли тамъ бóльшія удобства для причаливанія и стоянки судовъ, чѣмъ въ большей части гаваней этого берега, и съ тѣхъ поръ торговое движеніе сдѣлалось тамъ болѣе важнымъ, чѣмъ въ Визагапатамѣ, если не по числу судовъ, то, по крайней мѣрѣ, по цѣнности грузовъ (движеніе судоходства въ Бимлипатамскомъ портѣ въ теченіе фискальнаго 1875 — 1876 года: 218.020 тоннъ; цѣнность торговыхъ оборотовъ: 9.617.275 франковъ). Торговля Бимлипатама производится преимущественно съ Франціей; онъ отправляетъ, главнымъ образомъ, сахаръ, индиго, маслянистыя сѣмена. Эта область Сиркарскаго прибрежья принадлежала французамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, и имена внутреннихъ городовъ, Визіанаграма и Боббили, напоминаютъ военныя экспедиціи Бюсси: въ краѣ до сихъ поръ еще поютъ баллады на взятіе города Боббили, которымъ овладѣлъ Бюсси, какъ союзникъ визіанаграмскаго раджи. Гарнизонъ, послѣ умерщвленія женщинъ и дѣтей, находившихся въ крѣпости, тщетно пытался пробиться сквозь ряды французовъ и былъ весь перебитъ, отказавшись просить пощады у побѣдителя. Только четыре человѣка избѣгли смерти: спрятавшись въ чащѣ джунгля, они выждали удобную минуту, чтобы пробраться въ палатку раджи, котораго и закололи ударами кинжала, положивъ такимъ образомъ конецъ наслѣдственному спору между двумя царскими фамиліями.

Въ бассейнѣ собственно Годавери нѣтъ городовъ, равныхъ по важности Нагпуру, цвѣтущему городу, гдѣ сосредоточилось главное движеніе центральныхъ провинцій Индіи. Назикъ, лежащій въ сѣверо-западномъ углу Деканскаго плоскогорья, на обоихъ берегахъ нарождающейся Годавери и недалеко отъ спуска изъ ущелья Тальгатъ къ равнинамъ Конкана, появился уже въ отдаленныя времена, благодаря горному проходу, порогомъ котораго онъ командуетъ, но онъ, кажется, никогда не былъ многолюднымъ городомъ; безплодность окружающихъ мѣстностей, возвышающихся, среднимъ числомъ, отъ 400 до 700 метровъ надъ уровнемъ области прибрежья, и близость гористыхъ странъ, населенныхъ дикими племенами, не позволили странѣ заселиться, какъ заселились низменности Гудзерата. Впрочемъ, Назикъ принимаетъ очень оживленный видъ въ сезонъ паломничества, когда вѣрующіе приходятъ тысячами купаться въ священныхъ водахъ Годавери или посѣтить гроты Панду, съ ихъ древними буддійскими монастырями. Городъ имѣетъ кое-какую промышленность, именно фабрикацію писчей бумаги и производство мѣдныхъ сосудовъ. Многія сосѣднія станціи на желѣзной дорогѣ служатъ постоянными рынками для продажи и отправки хлопка и хлѣба въ зернѣ, которые привозятся на телѣгахъ и вьючныхъ волахъ изъ Берара и царства Гайдарабадскаго. Деолали, простая деревня, находится въ сосѣдствѣ съ кантониръ-квартирами, куда немедленно перевозятъ всѣхъ европейскихъ солдатъ, по высадкѣ ихъ въ Бомбейскомъ портѣ, для того, чтобы они провели въ здоровой мѣстности первые мѣсяцы своего пребыванія въ Индіи, пока не привыкнутъ къ новому климату.

Аурангабадъ, на небольшомъ сѣверномъ притокѣ Годавери, не можетъ похвастаться такою древностью, какъ Назикъ, такъ какъ основаніе его относится къ первымъ годамъ семнадцатаго столѣтія; но онъ многолюднѣе и имѣетъ нѣсколько замѣчательныхъ памятниковъ зодчества: таковы нѣкоторыя мечети, за-

[1]) Carmichael, „Manual of the district of Vizagapatam".

пасный водоемъ и въ особенности мавзолей супруги Ауренгзеба, украшенія котораго, сдѣланныя изъ мрамора, отличаются удивительнымъ изяществомъ и тонкостью работы. Въ трехъ километрахъ къ сѣверо-востоку, въ центрѣ полукруга холмовъ, имѣющихъ около 150 метровъ высоты, открываются пять буддійскихъ гротовъ, которыхъ изваянія, барельефы, колонны представляли бы неоцѣнимый кладъ для археологовъ, если бы въ сосѣдствѣ не находились другія подземныя святилища, гораздо болѣе богатыя памятниками античнаго искусства. Даулатабадъ, въ 13 километрахъ къ сѣверо-западу, расположенъ у подошвы горы, на которой, господствуя надъ городомъ, высится цитадель грознаго вида; эта крѣпость въ 1338 году поднялась на степень столицы одного магометанскаго царства, и Могамедъ-шахъ-Туглакъ пытался даже, хотя и безуспѣшно, перевести туда населеніе Дели. На дорогѣ въ Эллору находится могила императора Ауренгзеба, простой мраморный памятникъ.

Подземные храмы Эллоры (Эллуру, Веруль), изсѣченные на западномъ фасѣ туфоваго плоскогорья, которое оканчивается круто обрывающимся утесомъ, тамъ и сямъ перерѣзаннымъ оврагами и рытвинами и обставленнымъ съ боковъ откосами обваловъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ съ сѣвера на югъ на протяженіи около 3.600 метровъ. Чтобы исполнить подобныя сооруженія, нужно было собирать цѣлыя арміи работниковъ, не менѣе многочисленныя, чѣмъ тѣ, которыя построили египетскія пирамиды. Рядъ этихъ пещерныхъ пагодъ такъ обширенъ, что для полнаго осмотра его потребовалось бы нѣсколько дней; въ 1877 году, въ нѣкоторыхъ храмахъ нашли берлоги кабановъ, пантеръ [1]). Большинство посѣтителей ограничивается общимъ обзоромъ фасадовъ изсѣченной скалы и заходитъ внутрь только въ наиболѣе прославленные гроты. Южныя пещеры, самыя древнія, были вырыты буддистами. Въ центрѣ расположены подземныя капища брамановъ, затѣмъ идутъ, на сѣверѣ, святилища джайновъ, болѣе новаго происхожденія; такимъ образомъ, отъ тридцати до сорока большихъ пещерныхъ храмовъ слѣдуютъ непрерывнымъ рядомъ одинъ за другимъ, не считая искусственныхъ гротовъ меньшихъ размѣровъ. Всего бѣднѣе украшеніями пещерныя кумирни буддистовъ, которымъ ихъ религія внушала отреченіе отъ міра. Напротивъ, браманы хотѣли придать своимъ подземнымъ галлереямъ блескъ пагодъ, построенныхъ въ городахъ, на господствующихъ позиціяхъ. Одинъ изъ ихъ памятниковъ, храмъ Кайласъ, далеко превосходитъ всѣ эллорскія святилища красотой пропорцій, оригинальностью и единствомъ стиля, богатствомъ скульптурныхъ украшеній. Это архитектурное чудо не простой кораблеобразный храмъ, изсѣченный въ скалѣ; окружавшій его камень былъ обрѣзанъ снаружи до открытаго воздуха, такъ что зданіе совершенно выдѣлилось, оставаясь все-таки заключеннымъ какъ бы въ колодцѣ, образуемомъ вертикальными стѣнами. Кайласъ — дравидійскій храмъ, находящійся наидалѣе на сѣверѣ изъ всѣхъ религіозныхъ памятниковъ Индіи. Этотъ громадный монолитъ, имѣющій 75 метровъ въ длину, 45 въ ширину и 30 въ высоту, поддерживается рядами колоссальныхъ фигуръ слоновъ, львовъ и символическихъ животныхъ, сгруппированныхъ въ разнообразныхъ положеніяхъ. Всѣ колонны обширной залы изваяны различными манерами; боковыя преддверія украшены узорчатыми рѣзными балконами, а надъ главнымъ порталомъ возвышаются павильоны; богъ Сива, въ своей троичной формѣ *(тримурти)*, царитъ въ храмѣ, но Вишну и другіе браманскіе боги тоже представлены въ лицахъ; цѣлый міръ фигуръ волнуется на стѣнахъ святилища. На сводахъ видны еще кое-какіе остатки фресокъ [1]).

Горы Аджанта, или Индгіадри, ограничивающія на сѣверѣ Деканское плоскогорье, отдѣляя его отъ долины рѣки Тапти, заключаютъ въ себѣ другіе священные гроты, почти столь же знаменитые, какъ и подземные храмы Эллоры, но гораздо рѣже посѣщаемые, по причинѣ ихъ отдаленности отъ большихъ городовъ, а также и по причинѣ серьезной опасности, которой подвергаются посѣтители со стороны роевъ дикихъ пчелъ, гнѣздящихся въ углубленіяхъ скалы. Подземныя галлереи, вырытыя въ траппѣ, открываются на вогнутой сторонѣ почти вертикальной стѣны, у подошвы которой течетъ ручей Вагара; насупротивъ, высятся другія кручи: мы находимся въ оврагѣ, оканчивающемся выступомъ скалъ, съ высоты котораго рѣка спускается рядомъ каскадовъ, изъ которыхъ послѣдній, седьмой, имѣетъ 30 метровъ паденія. Большинство священныхъ гротовъ были *вихара*, или монастыри, имѣвшіе изваянія только у входныхъ дверей и оконъ и содержавшіе во внутренности храма одну только статую Будды, поставленную на алтарѣ; кельи—это простыя ниши, изсѣченныя въ скалѣ вокругъ залы. Храмы, или шайтіа, болѣе богаты украшеніями; но что придаетъ величайшій интересъ и особенную цѣну религіознымъ памятникамъ Аджантскихъ горъ, такъ это произведенія живописи, остатки которыхъ еще видны на стѣнахъ и сводахъ святилищъ; принадлежа къ различнымъ эпохамъ, отъ втораго столѣтія стараго лѣтосчисленія (т. е. до Р. Х.) до седьмаго вѣка новой, христіанской эры, фрески эти свидѣтельствуютъ о нѣкоторыхъ

[1]) Eastwick, „Handbook for Madras“.

[1]) Fergusson and Burgess, „Cave Temples in Western India“.

анатомическихъ познаніяхъ и о вѣрномъ чувствѣ соразмѣрности; онѣ изображаютъ не только религіозные и символическіе сюжеты, но также сцены изъ общественной и домашней жизни, охоты, битвы, процессіи, свадебныя и похоронныя церемоніи, представляютъ работниковъ и ремесленниковъ за ихъ различными работами, женщинъ, занимающихся своимъ хозяйствомъ; словомъ, вся внутренняя жизнь, весь соціальный бытъ буддійской Индіи, какою она была за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени, развертывается передъ глазами зрителя; судя по этимъ картинамъ, индусы обладали тогда лишь очень малымъ числомъ разнаго рода оружія, оборонительнаго и наступательнаго. Аджантскіе гроты, представляющіе обширный музей, заключаютъ въ себѣ всю исторію буддійскаго искусства, съ того времени, когда монахи удалялись въ глубину пещеръ, едва расширенныхъ желѣзомъ, до тѣхъ вѣковъ, когда, уже болѣе чѣмъ на половину браманизированные, они обращались ко всѣмъ рессурсамъ живописи и скульптуры для украшенія своихъ храмовъ [1]). Въ 40 километрахъ къ югу, на дорогѣ въ Джальну, главный городъ Гайдарабадскаго царства, состоящій подъ наблюденіемъ квартирующаго тамъ англійскаго войска, находится знаменитое поле сраженія при Асай (Assaye), гдѣ было сокрушено, въ 1803 году, могущество маратской конфедераціи.

Ниже Назика, Годавери, текущая въ глубокой, размытой водами долинѣ, имѣетъ мало городовъ на своихъ берегахъ или на сосѣднихъ холмахъ, и всѣ существующіе тамъ города, Така, Пайтанъ, Патри, Нандаръ, Нирмаль, Джаунуръ, имѣютъ незначительное населеніе; но въ бассейнѣ этой рѣки, на холмѣ, господствующемъ надъ долиной Манджеры, стоитъ старинный городъ Бидаръ, бывшій, до половины шестнадцатаго столѣтія, столицей одной магометанской династіи и еще защищенный каменными стѣнами и цитаделью съ 72 бастіонами. Сохранившіяся донынѣ прекрасныя зданія свидѣтельствуютъ о быломъ богатствѣ Бидара, и его ремесленники, унаслѣдовавшіе отъ предковъ одну спеціальную промышленность, нѣкогда очень дѣятельную, еще обладаютъ секретомъ приготовленія такъ называемаго «бидарскаго металла»,—сплава изъ мѣди, свинца, олова и цинка, — который употребляютъ на драгоцѣнныя украшенія, увеличивая ихъ достоинство прибавкой золота или серебра.

Сиронча, расположенный на холмѣ, господствующемъ надъ сліяніемъ двухъ большихъ рѣкъ, Пранхиты и Годавери, походитъ скорѣе на деревню, чѣмъ на городъ, несмотря на свое счастливое мѣстоположеніе. На югѣ, Варунгулъ, бывшая столица талинганской династіи, еще до сихъ поръ окруженъ двойною оградой каменныхъ стѣнъ и рвомъ, имѣющимъ слишкомъ 9 километровъ въ окружности; немногочисленные поселяне, нынѣшніе обитатели города, живутъ словно затерянные среди этой обширной древней крѣпости [1]). Точно также, въ долинѣ притока Индравати, городъ Джагдальпуръ, или «Новый Бастаръ», столица бѣдной земли Бастаръ, горы которой, вѣроятно, будутъ современемъ усѣяны «лѣтними городами», или санаторіями, представляетъ теперь лишь скопленіе полуразвалившихся глиняныхъ хижинъ. Джайпуръ, другая столица туземнаго государства, имѣетъ болѣе важное значеніе; но, за исключеніемъ дворца раджи и десятковъ пяти пагодъ, всѣ остальныя строенія ея тоже состоятъ изъ жалкихъ лачугъ. Чтобы увидѣть настоящіе города, нужно спуститься въ область дельты. Раджамагендри, бывшая столица туземнаго царства, расположенная на лѣвомъ берегу главной рѣки, выше бифуркаціи,—самый красивый и одинъ изъ наиболѣе промышленныхъ между этими городами. Его дома, живописно окруженные пальмами и другими тропическими деревьями, тянутся непрерывнымъ рядомъ вдоль береговъ Годавери, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ; реставрированная крѣпостца, занятая сипаями, господствуетъ надъ городомъ и надъ рѣкой, которая въ этомъ мѣстѣ раздвинулась на три километра въ ширину; паровой паромъ перевозитъ пассажировъ съ одного берега на другой. Раджамагендри въ былое время пользовался большой славой за произведенія его кисейныхъ фабрикъ; теперь его мануфактуры выдѣлываютъ скатерти и разныя другія ткани того же рода; въ сосѣдствѣ недавно основанъ обширный сахарный заводъ. Кромѣ того, служба на шлюзахъ, при запрудѣ у Даоэшварама, въ семи километрахъ ниже по теченію, даетъ занятіе многимъ сотнямъ рабочаго люда.

Порты дельты Годавери, съ которыми Раджамагендри сообщается посредствомъ судоходныхъ каналовъ, всѣ неудобны и опасны. Коканада, самый оживленный изъ этихъ портовъ, лежащій на сѣверной сторонѣ сѣвернаго рукава Годавери, составляетъ одинъ городъ съ старинною голландскою факторіею Джаганадпуръ; онъ экспортируетъ хлопокъ, рисъ, сахаръ, маслянистыя сѣмена, а табаки его считаются лучшими во всей Индіи. Движеніе судоходства, въ Коканадскомъ портѣ въ теченіе 1874—1875 года: 500.000 тоннъ грузовъ; цѣнность торговыхъ оборотовъ: 25.382.500 франковъ. Южнѣе, Коринга, которая сообщается съ Годавери посредствомъ болотистаго рукава, была нѣкогда, какъ и голландскій городъ, важнѣйшимъ торговымъ

[1]) Burgess and Fergusson, „Cave Temples of India"; A. Grandidier, „Tour du Monde", 1869, deuxième semestre.

[1]) King, „Memoirs of the Geological Survey of India", vol, XVIII, part. 3.

городомъ всего этого прибрежья; въ Барманіи и въ другихъ областяхъ Индо-Китая жителей изъ племени телугу и теперь еще обыкновенно называютъ корингами, по имени города, откуда прежде выходили эти эмигранты; корингскіе мореходы, плавающіе на мелкихъ судахъ, поднимающихъ небольшой грузъ, до сихъ поръ ведутъ торговлю съ Барманіей. Вдоль рукава, соединяющагося съ Годавери, расположены кораблестроительныя верфи, между городомъ Коринга и французской конторой Янаонъ, единственнымъ остаткомъ завоеваній, совершенныхъ французами Дюпле и Бюсси въ области Сиркарскаго побережья. Эта энклава Янаонъ, занимающая на берегу сѣверной Годавери пространство въ 1.429 гектаровъ, населенное нѣсколькими тысячами индусовъ, не имѣетъ почти никакой торговли, будучи отдѣлена отъ моря низкими и измѣнчивыми водами, по которымъ суда не отваживаются плавать. На южной вѣтви Годавери находится другой, пришедшій въ упадокъ, городъ, теперь бѣдная рыбачья деревня: это Мадаполамъ, имя котораго до сихъ поръ еще дается, въ торговлѣ, одной бумажной ткани (родъ крѣпкаго и глянцовитаго коленкора). Въ 1789 году, вся эта мѣстность была затоплена тремя послѣдовательными громадными валами, которые гналъ страшный циклонъ, и жители дельты потонули десятками тысячъ. Корабль «Le Lévrier» былъ перенесенъ волнами за милю отъ Коринги внутрь материка [1]).

Важнѣйшіе города Сѣвернаго Сиркара и бассейна Годавери:

Англійскія владѣнія: Визагапатамъ—32.200 жителей; Визіанаграмъ — 22.600; Назикъ—21.850; Бархампуръ—21.650; Раджамагендри—19.700; Коканада—17.850; Парла-Кимеди—15.950; Чикаколе—15.600; Боббили—14.150 жителей.

Туземныя государства: Аурангабадъ—20.500 жителей; Бидаръ — 40.000(?); Джальна — 15.000(?); Джайпуръ — 9.250; Джагдальпуръ (Бастаръ)—3.000(?) жителей.

Французскія владѣнія: Янаонъ—5.000 жителей.

Городскія поселенія болѣе многочисленны въ бассейнѣ Кистны, нежели въ бассейнѣ Годавери. Пуна, мараттскій городъ, господствующій надъ областью истоковъ рѣки Бимы, есть одинъ изъ большихъ городовъ Индіи, особенно въ лѣтній сезонъ, съ іюля до ноября, когда онъ дѣлается временной столицей Бомбейскаго президентства, а нѣкоторыя изъ правительственныхъ учрежденій провинціи имѣютъ тамъ свои канцеляріи постоянно. Прежде чѣмъ сдѣлаться главнымъ городомъ англійскаго округа, Пуна былъ резиденціей мараттскихъ владыкъ (пешва), и, какъ таковой, центромъ промышленности во всей сѣверной области нагорья; его ремесленники обработываютъ шелкъ, хлопокъ, металлы, слоновую кость, и теперь еще его мастерскія поставляютъ бомбейскимъ купцамъ различные предметы роскоши, но англійская конкурренція окончательно лишила индусскій городъ прежней его промышленной монополіи. Тѣмъ не менѣе, Пуна быстро растетъ, какъ пунктъ соединенія торговыхъ дорогъ и мѣсто отправки земледѣльческихъ произведеній и другихъ товаровъ; большое число мараттскихъ негоціантовъ, считая еще этотъ городъ своей столицей, поселяются въ немъ на постоянное жительство послѣ того, какъ наживутъ состояніе. Построенный на правомъ берегу рѣки Муты, на высотѣ 563 метровъ, Пуна находится подъ наблюденіемъ англійскаго военнаго города, который расположенъ къ сѣверу отъ туземнаго города, но и самъ въ большей части населенъ индусами; европейскія виллы и публичные сады и парки занимаютъ почти все пространство, отдѣляющее Пуну отъ Кирки, другаго значительнаго городскаго поселенія, въ сосѣдствѣ котораго тоже расположены англійскіе кантонементы. Еще недавно равнина, гдѣ построены эти два города, была почти безъ деревьевъ; теперь она осѣнена, особенно по берегу рѣкъ и рѣчекъ, плантаціями аравійской акаціи (acacia arabica), или *бабуля*. Пуна и Кирки въ изобиліи снабжены водой съ тѣхъ поръ, какъ Мута остановлена выше этихъ городовъ запрудой, которая задерживаетъ теченіе въ резервуарѣ, пространствомъ въ 14 кв. километровъ, и регулируетъ стокъ впродолженіи всего года. Отъ мараттской эпохи Пуна сохранилъ любопытные раскрашенные дома, храмы, и на холмѣ Парвати, возвышающемся на западной сторонѣ города, дворецъ прежнихъ властителей (пешва), окруженный рощами «Алмазнаго сада». Къ сѣверу отъ этого города находится священное мѣсто, гдѣ соединяются двѣ рѣки—Мута и Мула; до декрета лорда Бентинка, изданнаго въ 1829 году, здѣсь вдовы добровольно сожигали себя на трупѣ мужа; въ наши дни пламя погребальныхъ костровъ пожираетъ лишь мертвыя тѣла.

Близъ желѣзной дороги изъ Пуны въ Бомбей и недалеко отъ подъема въ проходъ Боръгатъ находятся священные гроты Карли, гораздо чаще посѣщаемые вѣрующими, чѣмъ Эллорскія и Аджантскія пещеры, благодаря легкости доступа, вслѣдствіе удобства сообщеній. Главный храмъ, или шайтіа, самое полное и самое красивое подземное святилище, какое существуетъ въ Индіи, открывается на половинѣ высоты на боку холма: храму предшествуетъ грандіозная паперть, пропускающая свѣтъ во внутренность святилища черезъ широкое отверстіе или дверь со сводомъ; узорчатые рѣзные балконы и барельефы украшаютъ

[1]) L. de Grandpré, „Voyage dans l'Inde et au Bengale".

стѣны этого преддверія, а три огромныхъ слона, изсѣченныхъ въ живой скалѣ, какъ бы поддерживаютъ на своей спинѣ всю тяжесть горы. Эта пагода, отличающаяся простотой и величавостью своихъ размѣровъ, очень походитъ на христіанскую церковь: сводъ, скрѣпленный балками изъ тековаго дерева, теряется во мракѣ; справа и слѣва пятнадцать восьмиугольныхъ колоннъ отдѣляютъ среднее пространство храма отъ нижнихъ сторонъ, и капители этихъ колоннъ увѣнчаны изваяніями, представляющими слоновъ, лошадей, людей въ различныхъ позахъ; въ глубинѣ подземелья находится сводообразная ниша, гдѣ алтарь замѣненъ дагобой, увѣнчанной священными орнаментами. Надпись на паперти приписываетъ сооруженіе этого подземнаго храма одному царю, жившему почти за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени.

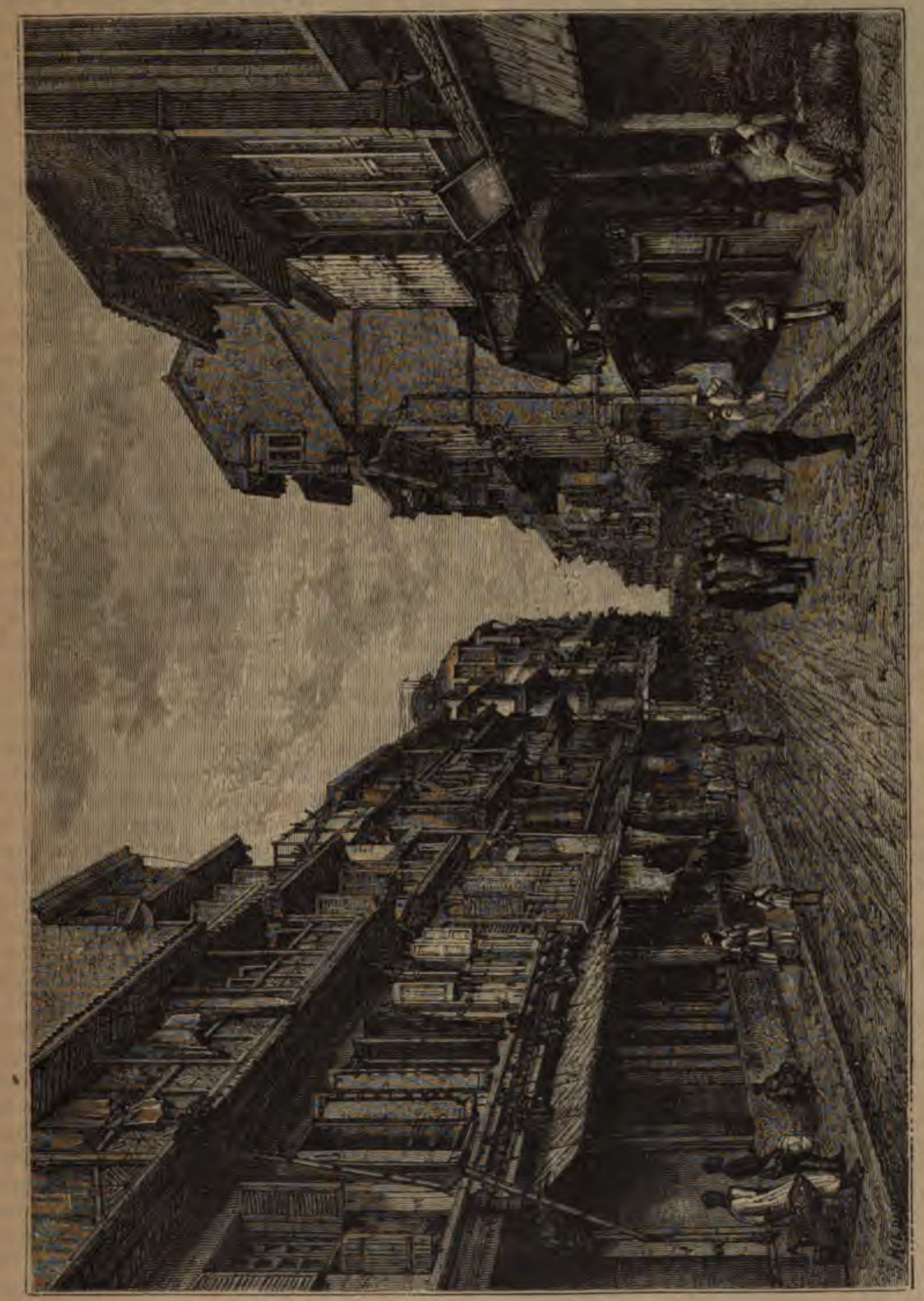
На сѣверѣ отъ Пуны, городъ Джунаръ расположенъ недалеко отъ крутаго обрыва Гатскаго хребта, у подошвы величественной горы, на верху которой стоитъ старинная крѣпость, гдѣ родился знаменитый Сиваджи, основатель мараттской державы; этотъ городъ тоже имѣетъ памятники древности, относящіеся, вѣроятно, къ буддійской эпохѣ: это лѣстницы съ колоннадами, спускающіяся къ глубокимъ источникамъ. Ахмеднагаръ, городъ мусульманскаго происхожденія, построенный на мѣстѣ древняго Бингара, замѣчателенъ своею крѣпостью, построенною въ теченіе пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій, и своими мечетями, которыя теперь превращены въ жилые дома европейскими резидентами. Шолапуръ, главная станція между Пуной и Гайдарабадомъ, не имѣетъ замѣчательныхъ строеній, но зато онъ сдѣлался важнѣйшимъ промышленнымъ городомъ плоскогорья, благодаря обширному ткацкому производству, дающему занятіе пяти тысячамъ рабочихъ. Онъ ведетъ большую торговлю, такъ же, какъ и городъ Пандгарпуръ, на рѣкѣ Бима, одно изъ святыхъ мѣстъ, наиболѣе посѣщаемыхъ пилигримами и торговымъ людомъ, собирающимся на происходящія здѣсь обширныя ярмарки; вслѣдствіе стеченія массы народа, Пандгарпуръ въ прежнее время былъ гнѣздомъ и разсадникомъ холеры, откуда зараза распространялась по всей странѣ. Кальбаргахъ, стоящій, какъ и Шолапуръ, при желѣзной дорогѣ изъ Бомбея въ Мадрасъ, но къ сѣверу отъ долины рѣки Бимы, есть между городами магометанскаго основанія одинъ изъ самыхъ богатыхъ архитектурными достопримѣчательностями. Какъ бывшая столица Декана, Кальбаргахъ заключаетъ въ себѣ гробницы многихъ царей четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій, а также старинныя мечети, изъ которыхъ одна есть единственный въ Индіи мусульманскій храмъ, гдѣ передняя ограда совершенно крытая, для того, чтобы вѣрующіе находились подъ кровомъ. Крѣпость, возвышающаяся въ 2 километрахъ отъ города на крутой скалѣ, представляетъ теперь обширную груду развалинъ, среди которыхъ пріютилось нѣсколько хижинъ, и гдѣ пантеры тоже находятъ себѣ логовище [1])

Сатара, метрополія возвышенныхъ долинъ Кистны, занимаетъ положеніе, сходное съ положеніемъ Пуны, близъ окраины Гатскихъ горъ. Она тоже была однимъ изъ укрѣпленныхъ мѣстъ мараттской конфедераціи, и даже своимъ именемъ Сатара, означающимъ «Семнадцать», обязана семнадцати бастіонамъ, которые ее защищали. Подъ англійскимъ господствомъ этотъ городъ получилъ важное торговое значеніе, благодаря своему положенію при большихъ дорогахъ, соединяющихъ его съ Бомбеемъ и съ другими городами Декана; но онъ еще не связанъ съ сѣтью желѣзныхъ путей; многочисленные параллельные отроги, которые смыкаются оконечностями и образуютъ краевую цѣпь Гатскихъ горъ, препятствовали постройкѣ рельсоваго пути, соединяющаго, по направленію съ сѣвера на югъ, города Западнаго Декана. Въ Сатарскомъ округѣ находится, на высотѣ 1.437 метровъ надъ уровнемъ моря, Магабалешваръ, самый многолюдный «лѣтній городъ» во всей области Гатскихъ горъ. Весной сюда переселяются на дачу большинство высшихъ чиновниковъ изъ Бомбея; но какъ только наступаетъ муссонъ, приносящій цѣлые потоки дождя на склоны горъ, толпа временныхъ жителей поспѣшно удаляется въ Пуну. Въ сухое время года Магабалешваръ представляетъ пріятное мѣстопребываніе: публичные сады и бульвары пересѣкаются на самомъ краю плоскогорья, откуда гуляющіе видятъ у себя подъ ногами равнины Конкана и, въ отдаленіи, серебристую поверхность моря. Магабалешваръ былъ основанъ, какъ санаторій, въ 1828 году, бомбейскимъ губернаторомъ Малькольмомъ, по имени котораго одна изъ деревень этой лѣтней станціи называется Малькольмпетъ. Въ небольшомъ разстояніи къ востоку находится, среди густой зелени, священное мѣсто, гдѣ бьетъ изъ земли ключъ, составляющій истокъ Кистны. Надъ этимъ священнымъ источникомъ возвышаются храмъ Магадео (Великаго Бога), посѣщаемый многочисленными пилигримами, и другое, болѣе величественное капище, посвященное Ганесѣ, или Гангути, богу Мудрости. Городъ Вай, построенный близъ истока Кистны, есть главное сборное мѣсто вѣрующихъ. На сѣверѣ и на западѣ, на скалахъ, отдѣленныхъ отъ гребня Гатскихъ горъ, стоятъ крѣпкіе замки, прославившіеся какъ цитадели мараттовъ.—Радж-

[1]) Eastwick, „Handbook for Madras".

гаръ, Торна, Партабгаръ и Райгаръ, мѣстопребываніе Сиваджи [1]).

Кольгапуръ, другой маратскій городъ, лежащій на одномъ изъ притоковъ Кистны, недалеко отъ бреши Гатскихъ горъ, черезъ которую проходитъ дорога, спускающаяся къ порту Ратнагири, не состоитъ подъ непосредственнымъ управленіемъ англичанъ; это столица вассальнаго царства, вокругъ котораго группируются одиннадцать княжествъ, или менѣе важныхъ леновъ. Въ этой области Декана нѣтъ ни одной цѣпи холмовъ, ни одного уединеннаго пригорка, гдѣ не стоялъ бы крѣпкій замокъ, изъ которыхъ иные не менѣе грозны, чѣмъ крѣпости Раджпутаны. Въ 15 километрахъ къ сѣверо-западу, одинъ изъ этихъ ста-


Улица въ туземной части Бомбея

[1]) Richard Temple. „Proceedings of the Geographical Society of London", aug. 1872.

ринныхъ замковъ или, вѣрнѣе сказать, обширный укрѣпленный лагерь, окруженный каменными стѣнами и пропастями, занимаетъ вершину плоскогорья: это крѣпость Пуналла. Укрѣпленный городъ Визальгаръ еще живописнѣе расположенъ на утесѣ внѣшняго края Гатскихъ горъ. Въ этомъ мѣстѣ, совершенно отдѣленный отрывокъ горъ высится въ видѣ островообразнаго массива; между этимъ уединеннымъ массивомъ и нагорьемъ остался трехугольный мысъ изъ лавы, соединенный съ Деканомъ простой стѣной, вдоль которой съ той и другой стороны идутъ глубокія пропасти; эта стѣна и есть единственная дорога, дающая доступъ къ городу, дома котораго скучены въ оградѣ, построенной на окружности мыса. Маленькій владѣтельный князекъ, царствовавшій въ Визальгарѣ, покинулъ свое орлиное гнѣздо и переселился въ городъ Малькапуръ, на плоскогорьѣ [1]).

Городъ Бельгаомъ, лежащій къ югу отъ чрезполосныхъ владѣній Кольгапуръ, на одномъ маленькомъ подпритокѣ Кистны, получилъ въ эти послѣдніе годы большую важность по причинѣ расположеннаго въ немъ сильнаго гарнизона, который изъ этого центральнаго пункта наблюдаетъ за различными туземными государствами и за португальскими владѣніями Гоа. Эти бельгаомскіе кантонементы, между прочимъ, всего болѣе способствовали развитію торговли порта Вингорла, на Конканскомъ берегу. Эта область Декана усѣяна городами болѣе многочисленными, чѣмъ сколько ихъ встрѣтишь, на одинаковомъ пространствѣ, въ большей части другихъ мѣстностей нагорья; поля, засѣянныя хлѣбомъ, и плантаціи хлопчатника покрываютъ обширныя пространства чернозема, преимущественно въ юго-востоку отъ Бельгаома, вокругъ городовъ Дарвара и Губли. Первый изъ этихъ городовъ, Дарваръ, замѣчателенъ только какъ административный центръ округа; въ промышленномъ же и торговомъ отношеніи гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ Губли, состоящій изъ двухъ городскихъ поселеній, раздѣленныхъ ручьемъ, который спускается къ западному морскому берегу черезъ рѣку Гангавали. Въ этомъ мѣстѣ порогъ, образующій водораздѣльную возвышенность между двумя покатостями Полуострова, представляетъ совершенно правильную равнину, и ни одинъ городъ не занимаетъ болѣе выгоднаго положенія, какъ сборное мѣсто для торговаго обмѣна. Губли еще не связанъ съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ Индіи, но на картахъ онъ является какъ одинъ изъ главныхъ центровъ будущихъ пересѣченій рельсовыхъ путей. Городъ Гудукъ, на востокѣ,—тоже значительный рынокъ, привлекающій большое число покупателей хлопка.

[1]) Eastwick, „Handbook for Madras".

Къ востоку отъ долинъ и равнинъ Западнаго Декана, гдѣ вода течетъ въ количествѣ, достаточномъ для орошенія полей, почва становится все менѣе и менѣе плодородною, деревни и нивы встрѣчаются все рѣже и рѣже; во многихъ мѣстахъ нагорья путешественникъ видитъ лишь безплодныя пространства красноватой земли, усѣянныя камнями; группы жилищъ, обведенныя стѣнами изъ битой глины, которыя защищали поселянъ отъ набѣговъ разбойниковъ, не отличаются отъ окружающихъ пустынь. Неурожаи съ ихъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ, голодомъ, часто постигали этотъ край и одинъ изъ такихъ неурожаевъ, продолжавшійся цѣлыя десять лѣтъ сряду, съ 1396 по 1406 годъ, превратилъ страну почти въ безлюдную пустыню. Безхлѣбица 1876 и 1877 г. г., хотя и не столь ужасная по своимъ размѣрамъ, какъ сейчасъ упомянутое бѣдствіе, произвела, однако, сильное опустошеніе среди мѣстнаго населенія; въ округѣ Каладжи пятая часть жителей погибла голодною смертью, а оставшіеся въ живыхъ впали въ крайнюю нищету, сдѣлались самыми бѣдными между крестьянами Индіи. Покинутыя жителями деревни скоро превращаются въ простыя кучи глины, но мѣстами видны еще остатки городовъ, памятники которыхъ свидѣтельствуютъ о прежнемъ процвѣтаніи. Такъ, Биджапуръ, еще окруженный могучими стѣнами изъ лавы, сохранилъ на своемъ холмѣ безчисленные мечети, дворцы, мавзолеи, поражающіе необыкновеннымъ изяществомъ стиля: одинъ изъ его куполовъ, самый обширный на всемъ Полуостровѣ, мало имѣетъ равныхъ даже въ Европѣ. Около двухсотъ лѣтъ тому назадъ, Аурензебъ овладѣлъ Биджапуромъ, и съ того времени этотъ городъ, не уступавшій великолѣпіемъ Агрѣ и Дели, мало-по-малу сдѣлался «городомъ мертвыхъ»; впрочемъ, онъ еще заключаетъ въ своей оградѣ нѣсколько деревень, пруды, базаръ. Къ югу отъ округа Каладжи находится другой, пришедшій въ упадокъ, городъ, Гампи или Биджанагаръ (Виджаянагаръ), индусская столица, стоявшая на южномъ берегу рѣки Тунга-Бхадра, гдѣ теперь существуетъ лишь нѣсколько деревушекъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ 24 квадр. километровъ, покрытомъ развалинами гранитныхъ храмовъ и дворцовъ; повсюду видны только груды мусора, столбы, стоящіе или поваленные на землю, порталы или изваянія. Нѣкоторыя пагоды пощажены временемъ, равно какъ различныя части городской ограды циклопическаго вида, но никто не думаетъ вновь строить дома на мѣстѣ исчезнувшаго города, хотя окружающія земли плодородны, и рѣка приноситъ въ изобиліи воду, необходимую для орошенія полей. Итальянскій путешественникъ Николо ди-Конти, посѣтившій Биджанагаръ въ пятнадцатомъ столѣтіи, даетъ ему шестьдесятъ миль въ окруж-

ности. «Биджанагарскій государь, превосходившій могуществомъ всѣхъ другихъ царей Индіи,—говоритъ этотъ путешественникъ,—имѣлъ сто-тысячное войско и двѣнадцать тысячъ женъ, изъ которыхъ четыре тысячи завѣдывали его кухней, другія четыре тысячи должны были сопровождать его на коняхъ, въ видѣ почетной свиты, а остальныя четыре тысячи были носимы за нимъ въ паланкинахъ. Когда онъ умиралъ, двѣ тысячи избранныхъ женъ добровольно предавали себя самосожженію на его могилѣ» [1]). Въ краѣ находятъ большія количества венеціанскихъ золотыхъ монетъ, свидѣтельствующія о важности, какую имѣла нѣкогда торговля Венеціи съ южной Индіей, неизвѣстной остальной Европѣ [2]). Въ настоящее время Биджанагаръ имѣетъ значеніе только какъ святое мѣсто, куда приходятъ пилигримы. Населеніе Гампи постепенно ушло изъ него, направляясь на юго-западъ къ Госпету, или «Новому Городу», конечной станціи желѣзной дороги, и на востокъ къ Баллари (Беллари, Валагари), торговому городу, надъ которымъ господствуютъ два яруса укрѣпленій и который соединенъ вѣтвью рельсоваго пути съ мадрасскою сѣтью. Англичане сдѣлали изъ него первоклассную военную станцію.

Ниже Биджанагара, рѣка Тунга-Бхарда служитъ границей между англійскою провинціей Мадрасъ и Гайдарабадскимъ царствомъ, и вплоть до своего сліянія съ Кистной она не имѣетъ на своихъ берегахъ ни одного города, кромѣ Карнула, остающагося почти безъ всякаго сообщенія съ остальнымъ краемъ; во время голода 1877 года подвозъ продовольствія въ этотъ городъ былъ весьма недостаточенъ, вслѣдствіе чего смертность тамъ увеличилась слишкомъ въ три раза противъ обыкновенной цифры. Торговое движеніе направилось къ станціямъ поперечной желѣзнодорожной линіи изъ Бомбея въ Мадрасъ, къ Гутти, Адони, Райджуру. Между этими двумя городами рельсовый путь проходитъ черезъ рѣку Тунга-Бхарда по мосту о 53 пролетахъ, имѣющему общей длины 1.130 метровъ. Алмазные пріиски въ окрестностяхъ Карнула разрабатываются теперь лишь въ немногихъ мѣстахъ, близъ Банаганпили и Рамалькоты. Эти копи были часто посѣщаемы со времени путешествія Тавернье; въ то время тамъ находили камни цѣнностью до шестнадцати тысячъ экю, и цѣлыя колоніи гранильщиковъ поселились тогда въ сосѣдствѣ пріисковъ. Въ наши дни эти пріиски приносятъ уже скудные доходы навабамъ или набобамъ края, хотя плата рабочимъ не превышаетъ пятнадцати сантимовъ и порціи риса въ день [3]).

[1]) Angelo de Gubernatis, „Storia dei Viaggiatori italiani nelle Indie Orientali".
[2]) Textor de Ravisi, „Congrès des Orientalistes". Lyon, 1878.
[3]) King, „Memoirs of the Geological Survey of India"; V. Ball, „Diamonds, Coal and Gold of India".

Резиденція низама, Гайдарабадъ, расположенная на рѣкѣ Мути, одномъ изъ сѣверныхъ притоковъ Кистны, соединена съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ Индіи. Этотъ городъ, столица самаго большаго медіатизированнаго царства, существованіе котораго еще терпимо англичанами, есть самый многолюдный центръ населенія внѣ ихъ непосредственныхъ владѣній; число жителей въ городѣ и его предмѣстьяхъ, которыя тянутся на нѣсколько километровъ, превышаетъ 400.000; дома города съ предмѣстьями покрываютъ пространство слишкомъ въ 27 квадр. километровъ. Ограда съ пятью воротами отдѣляетъ городъ отъ его предмѣстій, но и сама равнина, по крайней мѣрѣ, большая часть ея, окружена хаотически расположенными гранитными скалами, образующими естественный оплотъ, который часто защищалъ Гайдарабадъ отъ нападеній мараттовъ; тамъ и сямъ каменныя глыбы нагромождены одна на другую кучами причудливой формы, какъ будто какіе-то гиганты забавлялись тутъ дѣтскими играми; между этими грудами гранита, безплодная почва покрыта чащей джунгля: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменистый поясъ имѣетъ не менѣе 30 километровъ въ ширину и составляетъ пустынную «мархію», или украину, гдѣ непріятели не находили для себя никакихъ рессурсовъ при вторженіи въ страну. Эта естественная ограда изъ гранитныхъ скалъ облегчила устройство озерныхъ резервуаровъ въ Гайдарабадской равнинѣ; одинъ изъ этихъ бассейновъ, тотъ, который снабжаетъ городъ водой, имѣетъ площадь около 4.000 гектаровъ.

Дворецъ низама представляетъ собраніе низенькихъ построекъ, въ которыхъ живутъ около 7.000 человѣкъ прислуги и солдатъ; эти послѣдніе—по большей части афганцы и арабы, потомки воиновъ, сопровождавшихъ своихъ мусульманскихъ повелителей; отрядъ амазонокъ занимаетъ почетное мѣсто между войсками гвардіи низама. Главная достопримѣчательность дворца—это его террасы, откуда можно обозрѣвать весь городъ, съ его садами и многочисленными мечетями, между которыми замѣчательны «Мекская» мечеть, — прозванная такъ по причинѣ предполагаемаго сходства ея съ святилищемъ арабскаго города, — и Чаръ-Минаръ, или «Четыре Минарета», возвышающіеся на аркадахъ, при пересѣченіи двухъ главныхъ улицъ. Великолѣпный дворецъ англійскаго резидента, защищенный бастіонами, расположенъ за городомъ, посреди роскошнаго парка; кромѣ того, британскій представитель имѣетъ въ Боларамѣ, въ 16 километрахъ къ сѣверу отъ Гайдарабада, зáмокъ, не менѣе хорошо защищеный отъ всякаго нападенія. Между двумя дворцами тянутся обширные Сикандарабадскіе кантонементы, самый сильный военный постъ англичанъ въ Индіи; они покрываютъ пространство въ 50 квадр. километровъ,

*

заключающее въ своей чертѣ одинъ торговый городъ и нѣсколько деревень. Въ самой сильной позиціи кантонементовъ построенъ укрѣпленный окопами лагерь, расположенный такимъ образомъ, что можетъ служитъ безопаснымъ мѣстомъ убѣжища проживающимъ въ резиденціи европейцамъ, и снабженный водой и запасомъ продовольствія, достаточнымъ для годовой осады. Вообще, англичане позаботились о томъ, чтобы ихъ авторитетъ не могъ пострадать отъ сосѣдства туземнаго властителя.

Древняя столица царства, Голконда, находится на западъ отъ Сикандарабадскихъ кантонементовъ и на сѣверо-западъ отъ Гайдарабада; отъ нея остались только развалины да постройки крѣпости. Голконда расположена среди хаоса гранитныхъ скалъ, «грудъ обломковъ,—говоритъ легенда,—которыя побросалъ великій Зодчій вселенной, когда онъ кончилъ строить горы» [1]). Между всѣми этими скалами огромная глыба гранита, высотой въ 80 метровъ, на которой высятся черныя стѣны цитадели и которую окружаютъ мавзолеи, имѣетъ видъ некрополя; мертвая тишина воцарилась на мѣстѣ пышнаго города, имя котораго еще вызываетъ въ умѣ представленіе о баснословныхъ, неистощимыхъ богатствахъ. До сихъ поръ еще говорятъ объ «алмазахъ Голконды», въ воспоминаніе тѣхъ драгоцѣнныхъ камней, которые государи Декана въ былое время накапливали въ своей сокровищницѣ. Бадахшанскіе лазурики, туркестанскіе рубины, тибетскіе сапфиры (синіе яхонты), самбальпурскіе и карнульскіе алмазы, цейлонскіе жемчуги блистали тогда на одеждахъ и оружіи магометанскихъ владыкъ, гробницы которыхъ окружаютъ теперь Голкондскую скалу. Эти надгробные памятники, реставрированные по приказанію низама, походятъ одинъ на другой, если не размѣрами, матеріаломъ и богатствомъ украшеній, то, по крайней мѣрѣ, общей формой. Всѣ они занимаютъ центръ террасы, на которую ведетъ рядъ ступеней, и всѣ состоятъ изъ четырехугольной гранитной массы, окруженной мавританскими аркадами и уставленной по угламъ минаретами; посреди зданія высится квадратная башня, тоже съ колоннадами и шпицами, украшенная блестящими штукатурками, разноцвѣтными фаянсами и надписями, сдѣланными бѣлыми буквами по голубому полю. На юго-востокѣ отъ Гайдарабада стоитъ, между другими гробницами, надгробный памятникъ одному французу, генералу Раймону.

Переходя цѣпь горъ, отдѣляющую царство низама отъ приморской покатости, рѣка Кистна проникаетъ въ страну, которая была священною уже въ глубокой древности, за нѣсколько столѣтій до того времени, когда Гайдарабадъ сдѣлался «Меккой» мусульманъ Индіи. На правомъ берегу этой рѣки, близъ Дарнакоты, находятся многочисленные пригорки Амравати, остатки строеній, группировавшихся вокругъ буддійской ступы, богато украшенной произведеніями скульптуры, изъ которыхъ самыя замѣчательныя, очевидно, принадлежащія рѣзцу греко-бактрійскихъ ваятелей, перевезены въ Лондонъ; кругъ столбовъ, имѣющій 180 метровъ въ окружности, который окаймлялъ главную ступу, былъ украшенъ слишкомъ 12.000 статуй; камень, изрѣзанный какъ узоры вышивки, представляетъ всѣ символы буддійской вѣры: священное дерево, колесо, змѣю, коня. Когда китайскій пилигримъ Гіуэнъ-Цангъ объѣзжалъ буддійскій міръ въ половинѣ седьмаго столѣтія христіанской эры, Амраватская дагоба и сосѣдніе храмы были еще во всей своей красѣ и великолѣпіи. Въ окрестностяхъ Дарнакоты видны многочисленные могильные круги, составленные изъ грубыхъ, неотесанныхъ камней и похожіе на мегалитовый кругъ, найденный около Стонгенджа, въ Англіи [1]).

Верстахъ въ тридцати ниже по теченію, на лѣвомъ берегу рѣки, гнейсовые холмы, господствующіе надъ маленькимъ городкомъ Безвада, изрыты пещерами, которыя буддисты обратили въ святилища; горы, возвышающіяся напротивъ этого городка, тоже заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ подземный храмъ, гдѣ Вишну смѣнилъ или, лучше сказать, продолжаетъ собою Будду. Безвада, расположенный при выходѣ Кистны изъ горныхъ ущелій, служитъ мѣстомъ переправы черезъ рѣку для большей части путешественниковъ и складочнымъ пунктомъ для ихъ товаровъ; тамъ же построена запруда, задерживающая воды рѣки и заставляющая ихъ течь въ каналы, оросительные и судоходные, которые перерѣзываютъ область дельты. Гунтуръ, въ 28 километрахъ къ югу отъ рѣки, есть второе складочное мѣсто товаровъ, и кромѣ того, обязанъ нѣкоторою важностью тому обстоятельству, что правительство выбрало его главнымъ городомъ округа Кистны. Но оба порта морскаго прибрежья, Низампатамъ на южной и Мазулипатамъ на сѣверной сторонѣ устья Кистны, засоренные рѣчными наносами, обмелѣли и сдѣлались неудобными для большихъ судовъ; только маленькія каботажныя суда туземцевъ приходятъ туда за грузами. Впрочемъ, Мазулипатамъ и теперь еще многолюдный городъ; въ былое время, какъ голландская контора, онъ велъ большую торговлю; французы владѣютъ тамъ факторіей, или «ложей» (loge), занимающей пространство земли въ формѣ квадрата, сторона котораго равна 300 метрамъ; въ факторіи производится кое-какой торговый обмѣнъ, но цѣнность его незначительна.

---

[1]) Eastwick, „Handbook for Madras“.

[1]) „Mackenzie papers“; James Fergusson, „Description of the Amravati Tope“.

Нынѣшній городъ находится внутри материка, въ пяти километрахъ отъ мѣста якорной стоянки, называемой обыкновенно Машли-Бандаръ, «Рыбною Гаванью», или просто Бандаръ. Въ 1866 году ураганъ, гнавшій передъ собою волны моря, пронесся надъ Мазулипатамомъ и разрушилъ его почти до основанія; говорятъ, около 30.000 человѣкъ погибло во время этой страшной катастрофы.

Важнѣйшіе города въ бассейнѣ Кистны:

Англійскія владѣнія. Пуна (1891 г.)—161.390 жителей; Шолапуръ—61.915; Баллари (Беллари)—59.470; Губли — 52.595; Ахмеднагаръ — 37.490; Кирки — 31.550; Дарваръ—32.841; Бельгаомъ—40.737; Карнулъ—25.580; Сатара—24.500; Гунтуръ—18.050; Пандгарпуръ—16.275; Биджапуръ—17.000; Госпетъ—10.500 жителей.

Туземныя государства. Гайдарабадъ—415.040 жителей; Кольгапуръ -- 39.620; Сикандарабадъ—32.000 жителей.

XIV. Южная Индія.

Мадрасъ, Майсуръ, Кургъ, Кочинъ, Траванкоръ.

Оконечность Полуострова, на югъ отъ рѣки Кистны, есть область, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ быть разсматриваема какъ представитель исторической Индіи. Походъ Александра Македонскаго показалъ западнымъ народамъ только берега Инда и равнины Пятирѣчья, переходный поясъ между Ираномъ и Индустаномъ по континентальному климату, виду мѣстности и произведеніямъ почвы; но онъ не познакомилъ съ Индіей, прославляемой арабскими купцами, съ тою чудною страною, откуда привозили пряности, драгоцѣнные камни, благовонное дерево, великолѣпныя ткани, покупаемыя на вѣсъ золота. Открытіе этого легендарнаго края, имя котораго резюмировало все, что есть на землѣ богатаго и прекраснаго, совершилось черезъ море; путешествія первыхъ мореплавателей приводили ихъ чаще къ берегамъ Малабара, нежели къ берегамъ Конкана, потому что на югѣ Полуострова они могли получать драгоцѣннѣйшія произведенія, перецъ, корицу, сандальное дерево. «Край, откуда привозится перецъ», сдѣлался, въ понятіяхъ европейцевъ, Индіей по преимуществу; это та страна, которую намъ рисуютъ такими яркими красками волшебныя сказки «Тысячи одной ночи»; южная Индія — это не только область, гдѣ чужеземные купцы находили для себя наиболѣе цѣнные грузы товаровъ, это также та часть Полуострова, которая представляетъ самые живописные виды самыя грандіозныя картины природы, гдѣ особенно поразителенъ контрастъ между низкими берегами моря, окаймленными рядомъ домовъ, разсѣянныхъ подъ кокосовыми пальмами, и высокими громадами горъ, выдѣляющихъ свои голубыя массы на лучезарной лазури небеснаго свода. Южныя государства Индіи являли иностраннымъ морякамъ любопытное зрѣлище народовъ, нравовъ и обрядовъ, совершенно отличныхъ отъ ихъ собственныхъ. Новый міръ, въ который эти европейцы были перенесены изъ своего отечества, представлялъ имъ болѣе предметовъ, возбуждавшихъ удивленіе, чѣмъ Сѣверный Индустанъ. Жители, принадлежащіе къ особому корню, не имѣющіе родственной связи по расѣ или языку съ иранцами, какъ сѣверные индусы, являются, однако, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ индусами по преимуществу, именно въ отношеніи религіи и учрежденія кастъ; нужно идти на югъ Индіи, чтобы понять многія страницы древнихъ книгъ, смыслъ которыхъ утраченъ уже въ сѣверныхъ провинціяхъ. Постепенное вытѣсненіе первыми арійцами, затѣмъ греко-бактрійцами, арабами, афганцами, татарами, персами населеній сѣвера имѣло слѣдствіемъ сосредоточеніе въ южныхъ областяхъ оригинальности расъ, типовъ и нравовъ: это на югѣ, такъ сказать, сохранилась донынѣ античная Индія, Индія старыхъ расъ и отдаленныхъ традицій.

Но, съ другой стороны, благодаря морскимъ путешествіямъ, въ этой именно части Полуострова возникло наибольшее число иностранныхъ колоній. Уже съ первыхъ вѣковъ общепринятой эры христіане начали селиться на Малабарскомъ берегу; когда Васко-де-Гама объѣхалъ вокругъ Африки, онъ высадился на томъ же берегу, и тамъ совершены были первыя завоеванія, положившія начало обширной колоніальной имперіи, которую португальцы основали въ Индіи; тамъ же, въ южной Индіи, вокругъ городовъ Мадраса, Пондишери, Серингапатама, Майсура, происходила великая борьба французовъ и англичанъ. Поддержанные до конца метрополіей, послѣдніе одержали верхъ въ этой борьбѣ, и съ конца прошлаго столѣтія сдѣлались безспорными обладателями всѣхъ странъ, простирающихся къ югу отъ Кистны. Правда, англо-индійское правительство оставило существовать нѣкоторыя туземныя государства, управляемыя косвенно его министрами-резидентами и удерживаемыя въ повиновеніи гарнизонами укрѣпленныхъ лагерей и крѣпостей. Но эти государства представляютъ окруженныя со всѣхъ сторонъ непосредственными британскими владѣніями территоріи, неимѣющія сообщенія съ моремъ, исключая двухъ туземныхъ царствъ Кочинскаго и Траванкорскаго, составляющихъ вмѣстѣ узкую береговую полосу между Кардамонными горами и озерами, или лагунами, морскаго прибрежья.

Пространство и населеніе Южной Индіи,

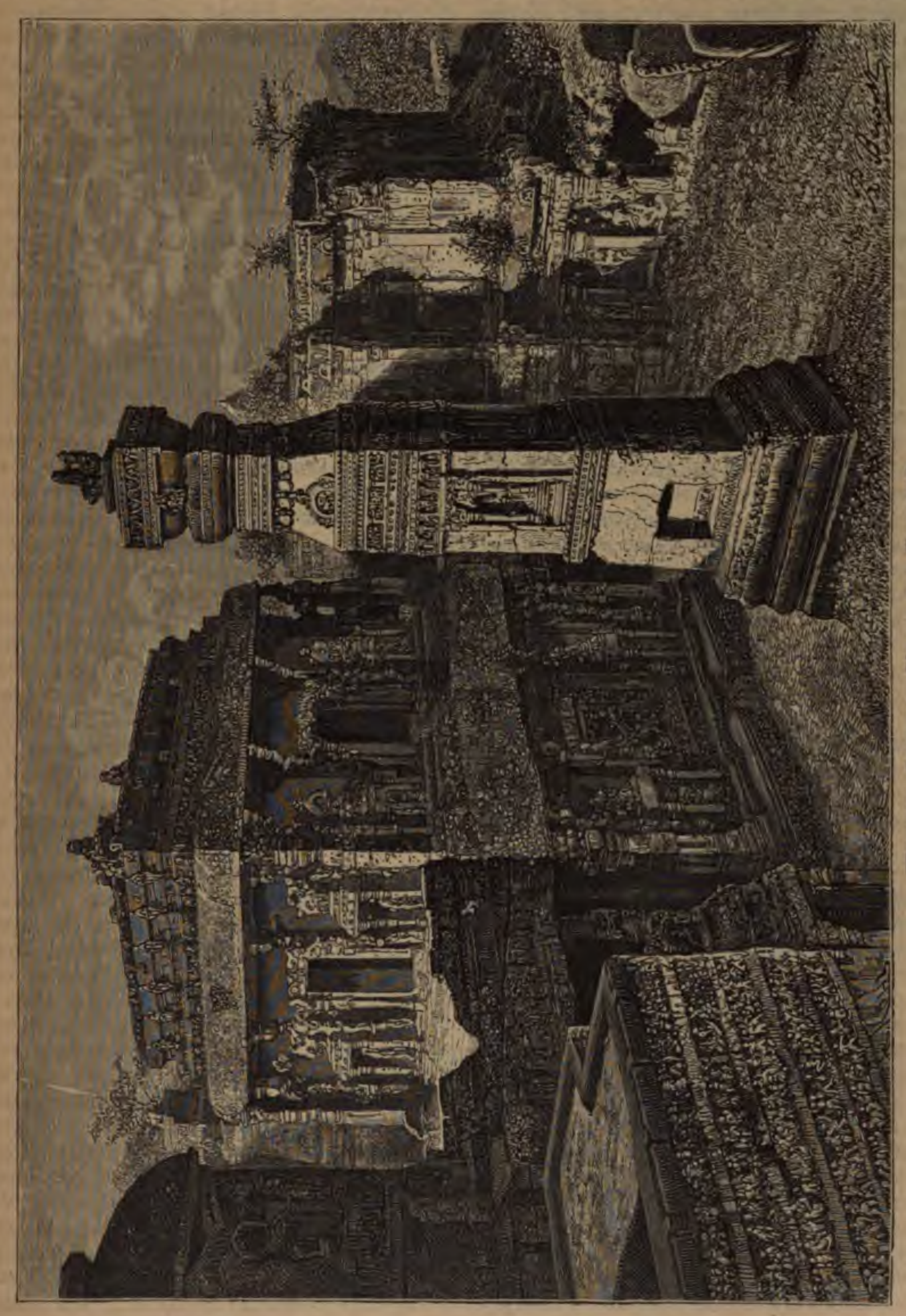
безъ сѣвернаго Сиркара и округовъ Баллари и Карнулъ:

	Пространство. кв. килом.	Населеніе въ 1872 г. жит.	Километр. населеніе. жит.
Мадрасское президенство	203.093	22.329.931	110
Майсуръ	70.126	5.055.512	88
Кургъ	5.180	168.312	82
Кочинъ	3.525	598.353	170
Траванкоръ	17.430	2.311.379	132
Пудукота	3.574	316.695	88
Всего	303.926	30.778.182	102
Вѣроятное населеніе въ 1882 г.		29.600.000	97

Разсматриваемая въ цѣломъ, треугольная масса южной Индіи образуетъ плоскость, гораздо болѣе наклонную къ востоку, нежели плоскость Деканскаго плоскогорья. Такъ какъ основаніе этой массы менѣе широко и горы болѣе высоки, то средніе скаты сравнительно круче и климатическіе поясы болѣе сближены. Отъ этого произошелъ большой контрастъ между равниной и горною областью въ отношеніи флоры, фауны, земледѣльческой культуры и населеній. Тогда какъ въ сѣверной части Гатскихъ горъ и въ Деканѣ давно уже исчезли дѣвственные лѣса, въ южныхъ областяхъ они покрывали еще обширныя пространства, и въ прогалинахъ, которыя этими лѣсами отдѣлены отъ воздѣланныхъ равнинъ, еще живутъ многія племена, не имѣющія сношеній съ цивилизованными обитателями нижнихъ мѣстностей. До прибытія англичанъ различіе климатовъ, слѣдующихъ поясами одинъ за другимъ на склонахъ горъ, препятствовало сообщеніямъ между морскимъ прибрежьемъ и горною страной; напротивъ, съ того времени, какъ чужеземцы, пришедшіе изъ Сѣверной Европы, сдѣлались господами края, замѣчается какъ разъ обратное явленіе. Зная, что въ возвышенныхъ долинахъ, на плоскогорьяхъ, вздымающихся слишкомъ на 2.000 метровъ надъ уровнемъ моря, климатъ умѣренный, напоминающій климатъ ихъ родины, англичане основали колоніи и лѣтніе города, или санаторіи, высоко надъ нездоровыми областями равнины. Нигдѣ, исключая развѣ предгорій Сиккима и Западнаго Гималая, завоеватели не водворились болѣе прочнымъ образомъ, чѣмъ на Голубыхъ горахъ (Нильгири) южной Индіи; въ этой твердынѣ горъ, окруженной дравидійскими населеніями, можно подумать, что находишься не въ Индіи, а гдѣ-нибудь въ Англіи: такъ все напоминаетъ здѣсь дальній Альбіонъ—климатъ, природа и люди.

На югъ отъ широкаго отверстія Гатскихъ горъ, черезъ которое рѣка Гангавали и ея притоки спускаются нечувствительно съ плоскогорій Декана, краевой хребетъ снова появляется и тянется параллельно морскому берегу, на разстояніи отъ него, среднимъ числомъ, около 60 километровъ; нѣкоторыя гранитныя вершины поднимаются слишкомъ на 1.000 и 1.500 метровъ; одна изъ нихъ, гора Тадіандамоль, въ маленькомъ государствѣ Кургъ, достигаетъ даже 1.746 метровъ высоты. У западнаго основанія крутыхъ склоновъ этой краевой цѣпи простирается латеритовое плато, полого спускающееся къ морю и мѣстами перерѣзанное глубокими оврагами, по дну которыхъ бѣгутъ временные горные потоки, вырывшіе почву до голаго камня. Тамъ и сямъ высятся уединенныя остроконечныя вершины, гнейсовыя или гранитныя,—однѣ совершенно голыя, лишенныя всякой растительности, другія поросшія мелкимъ кустарникомъ. Но собственно Гатскія горы почти сплошь покрыты лѣсами. Кургъ, имя котораго означаетъ «Крутыя горы», еще недавно представлялъ, почти на всемъ своемъ протяженіи, одинъ сплошной большой лѣсъ, продолжавшійся на востокъ длинной полосой лѣсной поросли, которая составляетъ естественную границу государства Майсуръ, земли «Демона съ буйволовою головою». Въ нѣкоторыхъ округахъ склоны горъ покрыты однообразно деревьями съ постоянною листвой, въ другихъ мѣстахъ увидишь только чащи бамбуковъ, переплетающихся стеблями. Другія области Гатскихъ горъ представляютъ, напротивъ, очень большое разнообразіе древесныхъ породъ, между которыми особенно замѣчательны: пунъ или красоцвѣтъ (calophyllum), прямой стволъ котораго, достигающій 25 или 30 метровъ (до 14 саженъ) въ вышину, употребляется на постройку судовъ, текъ, составляющій собственность правительства, деревья черное, желѣзное, хлѣбное, дикое манговое дерево, бѣлый кедръ и многіе другіе тропическіе виды; безчисленныя ліаны протягиваютъ съ дерева на дерево свою переплетающуюся сѣть листьевъ и цвѣтковъ. Не подчиненные еще правильному лѣсному хозяйству, эти обширные лѣса эксплоатируются безъ всякой системы кочевниками, которые приходятъ собирать кардамонъ, чернильные орѣшки, дикій аррорутъ, корицу, кашў (смолистый сокъ акаціи катеху), камедь и медъ. Лѣса сандальнаго дерева, по большей части, тянутся вдоль восточнаго склона Гатскихъ горъ, въ Майсурскомъ царствѣ. Когда англичане сдѣлались сюзеренами страны, эти лѣса составляли уже монополію правительства, такъ что побѣдители просто замѣнили собою побѣжденныхъ, какъ собственники государственныхъ имуществъ. Дорогіе сорты дерева отправляются въ Мангалоръ и особенно въ Бомбей, гдѣ они употребляются на фабрикацію мелкихъ вещей, извѣстныхъ въ торговлѣ подъ названіемъ «бомбейскихъ издѣлій» (Bombay work). Дѣвственные лѣса Кургскихъ и Майсурскихъ Гатовъ служатъ еще убѣжищемъ тиграмъ и пантерамъ; но эти хищные звѣри, не находя болѣе дичи, которая нѣкогда водилась во множествѣ въ этихъ лѣсахъ, приближа-

лись къ селеніямъ, чтобы промышлять на счетъ домашнихъ животныхъ, и стали теперь гораздо опаснѣе, чѣмъ были прежде. Слоны еще недавно были очень многочисленны въ этомъ



Храмъ богини Кали въ Эллорѣ.

краѣ, такъ что въ 1874 году партія трапперовъ въ одинъ день изловила 55 штукъ этихъ великановъ животнаго царства. Теперь эта истребительная охота запрещена; крестьяне могутъ только защищать свои поля, окапывая ихъ рвами.

Массивъ Ниль-Гири, или «Голубыхъ горъ», стоитъ почти уединенно; только одинъ изъ его западныхъ пиковъ, Іелламалахъ, соединяется съ цѣпью Брама-Гири, въ землѣ Кургъ, кряжемъ, идущимъ по направленію отъ юго-востока къ сѣверо-западу. Со всѣхъ другихъ

сторонъ группа горныхъ вершинъ поднимаетъ свои крутые бока очень высоко надъ плоскогорьями или равнинами; прежде массивъ былъ окруженъ поясомъ болотистыхъ лѣсовъ, подобнымъ полосѣ терай, окаймляющей Подгималайскія горы; кромѣ того, двѣ рѣки, Мойаръ на сѣверѣ, Бавани на югѣ, огибаютъ цѣпь Ниль-Гири и соединяются у подошвы ихъ восточнаго выступа послѣ чего онѣ впадаютъ въ Кавери. Плоскогорья Вайнадъ, прославившіяся своими золотыми пріисками, и Майсурскія возвышенности, составляющія на сѣверѣ какъ бы внѣшнюю террасу цѣпи Ниль-Гири, частью отдѣлены отъ нея долиной Мойаръ. Въ цѣломъ, обширная трапеція Голубыхъ горъ возвышается слишкомъ на 1.000 метровъ надъ сѣверными возвышенностями и на 2.000 метровъ надъ южными равнинами; самый высокій ихъ пикъ, Додабетта,—что значитъ на канарійскомъ нарѣчіи «Большая гора»,—и пять другихъ вершинъ или *беттъ*, переходятъ въ вышину за 2.500 метровъ. Пройдя внѣшній поясъ лѣсовъ и поднявшись по крутымъ склонамъ предгорій, достигаешь края неровнаго, холмистаго плоскогорья, гдѣ пространства почти ровныя чередуются съ холмами, представляющими волнообразную поверхность; въ глубинѣ небольшихъ долинъ, перерѣзывающихъ нагорную равнину, разсѣяны живописные лѣски, тогда какъ на высотахъ разстилаются зеленымъ ковромъ луговыя пространства и тамъ и сямъ залегаютъ торфяныя болота [1]). Горные скаты довольно легки для подъема, чтó дало возможность провести по нимъ дороги во всѣхъ направленіяхъ, и гуляющіе безъ труда восходятъ на вершины, чтобы любоваться оттуда разстилающимся у нихъ подъ ногами обширнымъ горизонтомъ равнинъ, часто полускрытымъ облаками пыли и составляющимъ яркій контрастъ съ переднимъ планомъ картины, занятымъ зеленѣющими лугами, лѣсами и шумящими каскадами [2]). Уже три колесныя дороги поднимаются отъ окружности Голубыхъ горъ къ станціямъ плоскогорья, но желѣзный путь, идущій изъ Мадраса, останавливается у основанія юго-восточнаго склона.

Плоскогорье Ниль-Гири въ первый разъ было изслѣдовано въ 1814 году Макъ-Магономъ и Кизомъ, но ихъ оффиціальный отчетъ пропалъ безполезно, какъ многія другія бумаги, въ архивахъ отъ-индской компаніи. Настоящее открытіе, то, которое обнаружило англичанамъ, жителямъ морскаго прибрежья, существованіе въ ихъ близкомъ сосѣдствѣ нагорья, пользующагося умѣреннымъ климатомъ Европы, было сдѣлано пять лѣтъ спустя Уишемъ и Киндерслеемъ, двумя чиновниками, пустившимися въ погоню за однимъ контрабандистомъ. Первый домъ санитарной станціи появился на Голубыхъ горахъ въ 1821 году, черезъ два года послѣ основанія Симлы; такимъ образомъ, эти двѣ колоніи, получившія столь важное значеніе, какъ мѣста для поправленія здоровья непривычныхъ къ индійскому климату европейцевъ, возникли почти одновременно. Натуралистъ Лешено-де-ла-Туръ (Leschenault de la Tour), изслѣдуя Ниль-Гири вокругъ единственнаго существовавшаго тогда дома, собралъ тамъ 200 видовъ растеній европейскаго типа, совершенно отличныхъ отъ тропическихъ формъ, свойственныхъ нижней равнинѣ [1]); дубъ—одно изъ самыхъ обыкновенныхъ деревъ въ лѣсахъ Голубыхъ горъ. Съ тѣхъ поръ, какъ англичане покрыли это плоскогорье городами, деревнями, виллами и дачами, край еще болѣе принялъ европейскую физіономію отъ разведенія въ паркахъ и садахъ большей части древесныхъ породъ, свойственныхъ Англіи; во многихъ мѣстахъ иллюзія полная: на холмахъ Мальвернъ встрѣчаешь того же англичанина, со всею его обстановкою, какъ и въ горахъ Девоншира; домъ его покрытъ тѣми же ползучими ліанами; садъ его представляетъ тѣ же цвѣты, и вокругъ его жилища насажены деревья того же вида; европейскія породы птицъ, выпущенныя въ лѣса Ниль-Гири, размножились тамъ, и маленькія озера плоскогорья, гдѣ прежде водилась только одна порода рыбъ, получили колоніи карповъ, линей и форелей. На вершинѣ Додабетты, гдѣ находится метеорологическая станція, средняя годовая температура 11,8 градусовъ стоградуснаго термометра, т. е. такая же, какъ на берегахъ Луары, и различныя другія станціи, смотря по высотѣ ихъ положенія, соотвѣтствуютъ, по средней температурѣ, Гаскони, Провансу, Тосканѣ, Сициліи. Но Голубыя горы, лежащія въ тропическомъ поясѣ, не имѣютъ, какъ страны умѣреннаго пояса, большихъ годовыхъ колебаній температуры и рѣзкихъ переходовъ отъ тепла къ холоду; на вершинѣ горы Додабетты разность температуры между теплымъ и холоднымъ временемъ года не достигаетъ даже 3 градусовъ Цельзія. На этихъ высотахъ царствуетъ вѣчная весна. Главныя перемѣны погоды—сухость и влажность; съ конца октября до начала мая небо почти всегда безоблачно, но въ періодъ дождей туманы часто стелются по плоскогорью; положеніе мѣста относительно сторонъ горизонта составляетъ, послѣ высоты, главный элементъ здѣшняго климата [2]). Во время юго-западнаго муссона увеличенные дождями ручьи превращаются въ настоящія рѣки, а струйки малень-

[1]) Bruce Foote, „Memoirs of the Geological Survey of India", XII, 1876.

[2]) Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien"; Mount Stuart Grant Duff, „Notes of an Indian Journey".

[1]) „Mémoires du Museum d' histoire naturelle", 1822; Carl Ritter, „Asien".

[2]) H. von Schlagintweit, цитированное сочиненіе; Clements Markham, „Travels in Peru and India".

кихъ каскадовъ замѣняются могучими водопадами, временными Ніагарами, которыя выгрызаютъ края плоскогорья. Одинъ изъ самыхъ красивыхъ каскадовъ въ Ниль-Гири, ревущихъ между сіенитовыми стѣнами,—это водопадъ рѣки Пайкары, находящійся въ 12 километрахъ къ сѣверо-западу отъ Утакамунда.

На югъ отъ Голубыхъ горъ, цѣпь Гатовъ совершенно прерывается. Брешь Паль-Гатъ, которая прежде была покрыта тековыми лѣсами, открывается между двумя покатостями, Малабарскою и Коромандельскою, представляя такимъ образомъ дождевымъ вѣтрамъ юго-západнаго муссона широкую дорогу къ равнинамъ Коимбатура и къ бассейну рѣки Кавери; въ періодъ обратнаго муссона, суда, плывущія вдоль западнаго берега, почти всегда находятъ волненіе на морѣ, проходя мимо бреши, въ которую тогда низвергается атмосферный потокъ. Рѣка Понани, притокъ Аравійскаго моря, беретъ начало на восточной сторонѣ горъ, тогда какъ рѣчки и ручьи, спускающіеся къ Кавери, начинаются гораздо далѣе на западѣ: истоки переплетаются на этомъ, едва обозначенномъ, водораздѣльномъ порогѣ Паль-Гата, высота котораго не достигаетъ даже 250 метровъ. Понятно, какое важное значеніе должно было имѣть это мѣсто легкаго прохода между двумя морскими прибрежьями; прежде тутъ стояло укрѣпленіе, запиравшее входъ въ этотъ проломъ между горъ, которое часто подвергалось нападенію и часто доставалось въ руки непріятеля; теперь оно замѣнено желѣзнодорожною станціей, одной изъ самыхъ важныхъ въ южной сѣти Полуострова; съ 1862 года проведенъ рельсовый путь черезъ порогъ между двумя покатостями.

Горы, возвышающіяся къ югу отъ прохода Паль-Гатъ, соотвѣтствуютъ плоскогорью Ниль-Гири, образуя вмѣстѣ съ нимъ какъ бы два столба громаднаго портала. Какъ и Ниль-Гири, хребетъ Анамалахъ (Анамалей), или «Горы Слоновъ», состоитъ изъ гнейса съ прожилками кварца и порфира; какъ и Ниль-Гири, онъ обращенъ къ проходу Паль-Гатъ крутыми, обрывистыми склонами, господствующими надъ болотистымъ, порождающимъ лихорадки, поясомъ терай, и точно также оканчивается гористымъ плато, гдѣ лѣса вдругъ прекращаются, уступая мѣсто лугамъ, поросшимъ густою травой. Флора этихъ двухъ массивовъ мало разнится; впрочемъ, флора «Слоновыхъ горъ», наиболѣе богатая, можетъ быть разсматриваема какъ составляющая переходъ между видами Ниль-Гири и растительностью острова Цейлона; тамъ не нашли розы и земляники, которыя, однако, очень обыкновенны въ Голубыхъ горахъ [1]). Фауна хребта Анамалахъ, менѣе преслѣдуемая звѣроловами, заключаетъ еще многіе виды, уже исчезнувшіе на сѣверномъ массивѣ; дикіе быки (bos gaurus) бродятъ въ лѣсахъ стадами; слоны еще настолько многочисленны, что на нихъ охотятся единственно ради ихъ бивней. Въ цѣломъ, Анамалахъ, можетъ быть, менѣе высокъ, чѣмъ Ниль-Гири; однако, главная его вершина, Анамуди, выше (2.693 метра) Додабетты; десять вершинъ достигаютъ высоты 2.200 метровъ. «Открытый» черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ Ниль-Гири, массивъ Анамалахъ не такъ легко доступенъ, и основанныя тамъ англичанами санитарныя станціи представляютъ еще незначительныя деревушки; причина тому—болѣе отдаленное положеніе его отъ Мадраса и политическія условія: въ то время, какъ плоскогорье Ниль-Гири находится во всемъ своемъ составѣ на британской территоріи, Слоновыя горы поднимаютъ свои самые высокіе пики въ туземныхъ государствахъ Кочинъ и Траванкоръ. Но, нѣтъ сомнѣнія, и эти горы скоро будутъ заселены колонистами и временными жителями.

Массивъ Анамалахъ менѣе уединенъ, чѣмъ Голубыя горы: на западѣ, онъ дѣлится на параллельные хребты или отроги, которые постепенно понижаются къ Малабарскому берегу и отъ которыхъ этотъ край и получилъ свое названіе *Маліа-Варъ*, означающее «Многочисленныя горы» [1]); на югѣ, онъ продолжается цѣпью, которую можно разсматривать какъ принадлежащую къ системѣ Гатскихъ горъ, хотя она и отдѣлена отъ этой системы Коимбатурскимъ проходомъ; на востокѣ, онъ примыкаетъ къ другому массиву—къ массиву Пальни, который тянется верстъ на сотню до низменныхъ равнинъ Мадуры. Горы Пальни, или Вара-Гири, т. е. «Кабаньи горы», немногимъ ниже массива Анамалахъ въ ихъ западной части, а одна изъ вершинъ, Пернальмали, переходитъ за 2.400 метровъ; на востокъ онѣ быстро понижаются и оканчиваются незначительною цѣпью холмовъ, покрытыхъ лѣсами. Южная сторона этихъ горъ самая крутая; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она имѣетъ видъ настоящей стѣны изъ гнейса, поднимающейся къ небу. Травяныя плато высокихъ горъ Пальни не отличаются такимъ плодородіемъ, какъ плоскогорье Ниль-Гири, гдѣ горная порода, вывѣтриваясь и распадаясь, смѣшивается съ растительными остатками и образуетъ очень плодородную почву; на Кабаньихъ горахъ подпочва вообще состоитъ изъ плотной, не пропускающей воду, глины, на которой скопляется влажность и гдѣ корни растеній превращаются въ слой торфа [2]). Однако, мѣстами есть отличныя земли въ пониженіяхъ плоскогорья и въ

[1]) H. Cleghorn, „The Forest and the Gardens of South India“.

[1]) Jon. Duncan, „Asiatic Researches“, 1799; Burton, „Goa and the Blue Mountains“.

[2]) Clements Markham, „Travels in Peru and India“.

нижнихъ небольшихъ долинахъ, и маленькія европейскія колоніи, основанныя на этомъ массивѣ, вполнѣ оправдываютъ данное ему названіе Пальни, которое значитъ «Фруктовыя горы»; тамошніе сады и огороды походятъ на лучшія заведенія этого рода, существующія въ Европѣ, по разнообразію овощей и по богатству плодовыхъ деревъ.

Къ югу отъ плоскогорій Анамалахъ и Пальни, горы, дополняющія конечный массивъ Индіи, похожій формою и размѣрами на островъ Цейлонъ, постепенно понижаются. Кардамонныя горы не достигаютъ даже 1.000 метровъ средней высоты; однако, ихъ гребни составляютъ барьеръ, который можно перейти только въ немногихъ мѣстахъ черезъ бреши. Самая высокая вершина, Агастіа, гдѣ раджей траванкорскимъ была основана обсерваторія (впрочемъ, вскорѣ покинутая) [1]), посвящена миѳическому лицу, въ одно и то же время человѣку и богу, о которомъ преданіе говоритъ, что онъ обратилъ населеніе страны въ браманскій культъ. Эти крайнія горы Индіи, покрытыя лѣсами, гдѣ водятся во множествѣ дикія животныя, считаются опасными по причинѣ ихъ міазмовъ; еще недавно туда ходили только нѣкоторые туземцы для охоты и для сбора плодовъ, смолы и древесной коры; но теперь и въ эту пустынную горную страну постепенно проникаютъ дороги, и не такъ давно раджа траванкорскій, подражая своимъ покровителямъ, англичанамъ, основалъ на Кардамонныхъ горахъ санитарную деревню, Муттукулиньянъ, лежащую на высотѣ 1.200 метровъ надъ уровнемъ моря. На востокѣ, отрогъ Али-Гири, отдѣляющійся отъ южной цѣпи, далеко выдвинулся въ равнины Мадуры; кромѣ того, множество уединенныхъ холмовъ и пригорковъ, бывшихъ нѣкогда островами, возвышаются среди равнины, «словно стоги сѣна, разсѣянные на поверхности луга».

Эти горки—послѣднія возвышенія Восточныхъ Гатовъ, представляемыхъ, на сѣверѣ отъ рѣки Кавери, массивомъ Шиварай или Сива-Раджъ, т. е. «Царственный Сива», одинъ пикъ котораго поднимается на 1.648 метровъ, и большимъ числомъ другихъ группъ высотъ, отроговъ и холмовъ. Такимъ образомъ, къ юго-восточной области Майсурскаго плоскогорья примыкаетъ цѣлый лабиринтъ горъ; но, продолжаясь къ сѣверу, система Восточныхъ Гатовъ тянется правильно, въ видѣ краевой цѣпи, главныя вершины которой достигаютъ высоты отъ 1.000 до 1.500 метровъ. Въ треугольномъ пространствѣ, ограниченномъ Восточными и Западными Гатами, Голубыми горами и массивомъ Шиварай, южная часть Деканскаго нагорья, т. е. плато Майсуръ, имѣющее среднeй высоты отъ 600 до 900 метровъ, усѣяно отдѣльно стоящими скалами, которыя извѣстны въ краѣ подъ общимъ именемъ *другъ*, или «Неприступныхъ». Нѣкоторыя изъ этихъ каменныхъ массъ, возвышающіяся на триста и до пятисотъ метровъ надъ поверхностью неровнаго, холмистаго плоскогорья, походятъ на башни, и взобраться на нихъ можно не иначе, какъ по ступенькамъ, изсѣченнымъ въ камнѣ; между ними есть такія, которыя покрыты зеленью на верхушкѣ и на которыя дожди приносятъ достаточно влаги для образованія маленькихъ озеръ или бьющихъ изъ земли ключей; скалы эти какъ бы предназначены самою природой сдѣлаться крѣпостями, и изъ за обладанія ими владѣтельные князья страны всего чаще вели между собою войны. Западная часть плато, опирающаяся на Гатскія горы, имѣетъ чисто сельскій характеръ, съ ея живописными долинами и холмами, зеленѣющими лѣсами и журчащими ручьями; уединенныя хижины разсѣяны по всѣмъ склонамъ надъ рисовыми полями, въ листвѣ банановъ и арекъ (индійское орѣховое дерево). Города и деревни рѣдки въ этомъ краѣ.

За исключеніемъ Понани, которая беретъ начало на восточной отлогости массива Анамалахъ, рѣки Малабара имѣютъ незначительное протяженіе и не могутъ соединиться съ другими потоками до впаденія въ море; въ сухое время года ихъ русла совершенно пересыхаютъ, но въ періодъ муссона и дождей онѣ катятъ значительную массу воды, размывая берега, опустошая поля, разрушая селенія; мало найдется въ Индіи областей, гдѣ несчастія, причиняемыя наводненіями, случались бы чаще. На западѣ отъ Майсурскихъ и Кургскихъ Гатовъ большинство этихъ рѣкъ течетъ прямо въ Аравійское море; но далѣе къ югу онѣ изливаются въ береговыя лагуны, извѣстныя у англичанъ подъ именемъ *back-waters*. Во многихъ мѣстахъ эти пруды слѣдуютъ одинъ за другимъ по два и по три, или даже въ большемъ числѣ, параллельно морскому берегу; въ цѣломъ, все приморье кажется состоящимъ изъ плоскихъ береговъ, отложенныхъ послѣдовательно моремъ и отдѣленныхъ одинъ отъ другаго ложбинами, гдѣ прѣсная вода постепенно замѣняетъ соленую. Наблюденія, сдѣланныя на Малабарскомъ берегу, не были продолжаемы достаточно систематически, чтобы можно было сказать положительно, не способствовало ли постепенное поднятіе береговъ моря образованію этихъ параллельныхъ прибрежныхъ кордоновъ; но несомнѣнно то, что новые берега всегда отлагаются съ наружной стороны протоковъ, черезъ которые излишнія воды лагунъ изливаются въ море въ періодъ муссона; рѣчные наносы и морскіе пески, поднимаемые со дна зыбью, располагаются въ формѣ стрѣлокъ, которыя морское теченіе, слѣдующее

[1]) Clements Markham, „The Geographical Magazine“, dec. 1, 1874.

параллельно берегу, съ сѣвера къ югу, вытягиваетъ въ одномъ и томъ же направленіи.

Уровень приморскихъ лагунъ измѣняется съ временами года, и нѣкоторыя изъ нихъ попеременно наполняются при наводненіяхъ и снова опоражниваются въ періодъ засухи. Въ иныхъ мѣстахъ лагуны совершенно отдѣлены отъ моря при помощи искусственной земляной насыпи, и дно ихъ распахано и засѣяно рисомъ; но когда наступаютъ дожди муссона, этимъ озернымъ рисовымъ полямъ грозитъ опасность быть затопленными; тогда все мѣстное земледѣльческое населеніе принимается за работу, чтобы укрѣплять плотины и вычерпывать, при помощи норій, воду изъ наполняющихся каналовъ. Иногда, однако, всѣ эти работы оказываются безполезными: напоръ моря или береговыхъ потоковъ прорываетъ оградительныя плотины, и эти маленькіе «польдеры» Малабара снова дѣлаются достояніемъ водной стихіи. Вдоль всего приморья одна линія береговыхъ озеръ или прудовъ заботливо поддерживается, какъ судоходный путь; почти вся торговля Кочина и Траванкора производится не моремъ, а подъ защитою отъ его бурныхъ волнъ, по этой мирной дорогѣ лагунъ. Даже во время большой засухи суда совершаютъ правильные рейсы между городами Кранганоръ, Кочинъ и Алеппи, на протяженіи 166 километровъ; обыкновенно же линія судоходства продолжается гораздо далѣе, съ одной стороны къ Мангалору, съ другой—къ Тривандраму; у Квилона, гдѣ скалистый мысъ прерываетъ цѣпь лагунъ, недавно прорыли каналъ, чтобы избавить суда отъ обхода вокругъ этого мыса. Сухопутныя дороги почти безполезны; за нѣсколько мелкихъ монетъ, туземные путешественники перевозятся за двѣсти и триста верстъ, вмѣстѣ съ ихъ багажемъ и товарами.

Закругляясь къ востоку красивою дугою, Малабарскій берегъ вдругъ оканчивается мысомъ Камари или Канджамуръ, который извѣстенъ европейцамъ болѣе подъ именемъ мыса Коморинъ; за этимъ мысомъ, первая бухта, затѣмъ вторая, болѣе глубоко вдающаяся въ материкъ, обозначаютъ начало Коромандельскаго берега, вѣроятно, получившаго это названіе отъ древней дравидійской династіи, царствовавшей въ Чора. Горы въ собственномъ смыслѣ не продолжаются, какъ одинъ сплошной хребетъ, до самаго мыса. Въ 36 километрахъ отъ Камари или Коморина главная цѣпь оканчивается пикомъ Мундра-Гири, откуда горный хребетъ постепенно понижается, образуя рядъ террасъ. Далѣе, послѣднія возвышенія холмовъ исчезаютъ подъ моремъ лѣсовъ; только большіе гранитные камни, разсѣянные по почвѣ, обнаруживаютъ внутренній остовъ. Между послѣдними холмами и мысомъ, древняя каменная стѣна, мѣстами прерываемая скалами и джунглями, продолжаетъ естественный валъ Кардамоновыхъ горъ и заграждаетъ ихъ южную брешь, черезъ которую должна въ скоромъ времени пройти желѣзная дорога. Но, несмотря на этотъ искусственный барьеръ, измѣненіе физическихъ условій проявляется, отъ одного берега до другаго, нечувствительными переходами. Не встрѣчая никакой преграды, юго-западный муссонъ дуетъ свободно на полуденныя равнины Коромандельскаго берега и проливаетъ на него количество дождей, достаточное для образованія и питанія постоянной рѣки, называемой Тамрапарни [1]); съ другой стороны, сѣверо-восточный муссонъ задѣваетъ, на западѣ отъ мыса Коморинъ, южную часть Траванкорской земли; отъ этого происходитъ смѣшеніе климатовъ и соотвѣтственныхъ флоръ. Въ этой области разнообразіе растительныхъ видовъ чрезвычайно велико; впродолженіи короткаго путешествія батаникъ Лешено-де-ла-Туръ собралъ болѣе 40 полезныхъ растеній, которыя онъ затѣмъ съ успѣхомъ ввелъ на островѣ Соединенія. Даже по виду мѣстности и географическимъ чертамъ прибрежья, оба склона представляютъ большое сходство; съ той и другой стороны мыса Коморинъ водныя площади, разсѣянныя въ приморскихъ равнинахъ, являются уже не въ видѣ удлиненныхъ лагунъ, отдѣленныхъ отъ моря поясомъ береговъ, но въ видѣ прудовъ неправильной формы, удерживаемыхъ запрудами и служащихъ для орошенія рисовыхъ полей. Однако, часть Мадурскаго приморья, такъ называемый «Рыболовный берегъ», представляетъ собой настоящую пустыню, покрытую подвижными дюнами: вывѣтривающійся песчаникъ поверхности обращается въ песокъ, который переносится вѣтромъ по равнинамъ и которымъ уже засыпаны многія селенія. Среди этихъ песковъ растутъ вѣерныя пальмы, доставляющія тысячамъ людей дерево для постройки хижинъ, плоды и сокъ для пищи и приготовленія пальмоваго вина.

Во всей Индіи нѣтъ области, гдѣ эти прибрежные пруды были бы болѣе многочисленны, чѣмъ въ мѣстностяхъ, наклоненныхъ къ Коромандельскому берегу; въ Мадурѣ ихъ насчитываютъ 5.700, а въ Майсурѣ слишкомъ 37.000. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поверхность, занятая резервуарами, равняется площади орошаемыхъ земель; путешественникъ заблудился бы тамъ, какъ въ лабиринтѣ, если бы дороги не заимствовали у прудовъ ихъ плотинъ, задерживающихъ вóды бассейна. Въ окрестностяхъ Мадраса самое большое искусственное озеро, Чумбрумъ-Банкумъ, удерживается запрудой, имѣющей 6 километровъ въ длину; другое подобное же озеро,

[1]) Clements Markham, „The Geographical Magazine", dec. 1874.

питаемое водами сѣверной вѣтви рѣки Кавери, опирается на западѣ о плотину, общее протяженіе которой $17^1/_2$ километровъ. Большинство этихъ прудовъ существуетъ съ незапамятныхъ временъ. Несмотря на вòйны и голода̀, они всегда заботливо поддерживались мѣстными жителями и были располагаемы, по бòльшей части, такимъ образомъ, чтобы вòды ихъ не могли разливаться въ видѣ болотъ; это резервуары съ вертикальными или очень крутыми закраинами, на которыхъ вьются по косогору тропинки для пѣшеходовъ и вьючныхъ животныхъ. Однако, наводненія, обвалы, растрескиваніе почвы придали съ теченіемъ времени этимъ бассейнамъ форму, гармонирующую съ чертами окружающей природы; при видѣ ихъ бухточекъ и мысковъ, можно подумать, что находишься на берегу настоящихъ озеръ.

Эти резервуары тѣмъ болѣе необходимы для орошенія страны, что рѣки, спускающіяся съ Западныхъ Гатскихъ горъ и съ Майсурскаго плоскогорья, представляютъ большія неправильности въ измѣненіяхъ уровня и количества жидкой массы. Такъ, Пеннаръ, иначе Пинакини или Поніаръ, т. е. «Золотая рѣка», берущая начало въ сырой области Майсуръ, пройдя въ своемъ теченіи около 570 километровъ, не имѣетъ болѣе ни капли воды въ сухое время года. Правда, что въ верхнихъ частяхъ бассейна ея теченіе черезъ извѣстные промежутки задерживается запрудами и отводится въ искусственныя водохранилища; болѣе пяти-шестыхъ ея нормальна̀го стока употребляется, такимъ образомъ, на орошеніе прибрежныхъ мѣстностей; но случается иногда, во время проливныхъ дождей, что одинъ изъ верхнихъ прудовъ выступаетъ изъ береговъ или прорываетъ свою запруду, и его вòды, неся массу обломковъ, устремляются въ нижележащіе резервуары, которые, въ свою очередь, переполняются и льются черезъ край или ломаютъ плотины; цѣлый потопъ низвергается тогда съ уступа на уступъ въ нижнія равнины, которыя онъ превращаетъ на цѣлые мѣсяцы во внутреннее море. Какъ почти всѣ другія рѣки восточнаго берега Полуострова, Пеннаръ дѣлится на нѣсколько рукавовъ выше своего устья и выдвигается въ море полукругомъ аллювіальныхъ земель. Большая запруда соединяетъ вòды у Неллора и отбрасываетъ ихъ на югъ въ сѣть ирригаціонныхъ канавъ, которая орошаетъ пространство земли въ 25.000 гектаровъ (23.000 десятинъ). Кромѣ того, часть водъ Пеннара отведена въ ирригаціонный каналъ у «воротъ» Восточныхъ Гатскихъ горъ и направлена на сѣверо-востокъ къ Кистнѣ.

Къ югу отъ Пеннара, называемаго также Вата-Пеннаръ, или «сѣверный Пеннаръ», другія, менѣе полноводныя рѣки, какъ-то: Паларъ, Южный Пеннаръ или Тенъ-Пеннаръ, Велларъ (Веллауръ), или «Бѣлая рѣка», представляютъ подобныя же неправильности въ порядкѣ своего теченія и въ измѣненіяхъ количества воды. Паларъ, или «Молочная рѣка», которая беретъ свое начало тоже на Майсурскомъ плоскогорьѣ, бываетъ попеременно то могучимъ потокомъ, то совершенно пересохшимъ песчанымъ русломъ. Во время одного изъ своихъ разливовъ, о которомъ прибрежные жители сохранили воспоминаніе, хотя и не могутъ съ точностью сказать годъ событія, эта рѣка вдругъ измѣнила свое теченіе въ области дельты, и теперь только маленькій ручеекъ струится въ первоначальномъ руслѣ, подъ именемъ «Стараго Палара», или Кортелліаръ; по соединеніи съ нѣсколькими другими ручьями, онъ впадаетъ въ одну береговую лагуну, на сѣверѣ отъ Мадраса. Новый Паларъ, который получаетъ почти всю жидкую массу рѣчнаго бассейна, изливается въ море въ 90 километрахъ къ югу отъ прежняго устья.

Кавери, уже извѣстная подъ этимъ именемъ древнему географу Птоломею, есть самая многоводная изъ всѣхъ рѣкъ южной Индіи, и бассейнъ ея имѣетъ наибòльшее протяженіе. Она беретъ начало на той же отлогости Гатскихъ горъ, въ землѣ Кургъ, и проходитъ всю южную часть Майсурскаго плоскогорья, съ котораго низвергается каскадами, извѣстными подъ названіемъ Сивасамудрамъ, или «Моря Сивы»; въ этомъ мѣстѣ рѣка дѣлится на два рукава, окружающіе своими водопадами и порогами островъ, длиною въ 15 километровъ, усѣянный большими гнейсовыми камнями и осѣненный большими деревьями. Въ сухое время года Кавери обращается въ нѣсколько ручейковъ, скользящихъ по стѣнамъ скалъ, но въ періодъ дождей, который, впрочемъ, самый благопріятный сезонъ для здоровья путешественниковъ, водопады ея принадлежатъ къ красивѣйшимъ въ свѣтѣ; тогда на сѣверной сторонѣ острова можно любоваться грандіознымъ зрѣлищемъ, которое представляетъ рѣка въ своемъ паденіи: громадная водяная скатерть, шириною около 400 метровъ, содержащая жидкую массу, по мѐньшей мѣрѣ равную массѣ Гаронны или Луары въ меженное время, низвергается въ видѣ столба съ высоты ста метровъ (почти 50 саженъ) въ узкій корридоръ между скалъ, со дна котораго брызги разбивающейся воды поднимаются облаками пара или тумана [1]). Ниже этихъ катарактовъ, Кавери, стѣсненная между боковыми отрогами массивовъ Нильгири и Шиварай, выходитъ изъ области горъ рядомъ узкихъ поперечныхъ долинъ съ рѣзкими контурами; затѣмъ, усиленная рѣками, спускающимися съ Голубыхъ горъ и съ Пальгатскаго порога, она извивается въ равнинѣ, прежде чѣмъ раздѣлиться на безчисленныя

[1]) Salt; Valentia; Lushington; Jervis; Carl Ritter, „Asien“.

вѣтви своей дельты, изъ которыхъ иныя не что иное, какъ бывшіе каналы искусственнаго происхожденія. Такъ же, какъ Паларъ, Кавери перемѣстила свое главное теченіе; рукавъ, сохранившій имя рѣки, продолжаетъ течь въ восточномъ направленіи, къ Карикалу; но потокъ, уносящій главную массу водъ, Колерунъ или Колидамъ, направляется къ сѣверо-востоку, оставляя въ сторонѣ всѣ второстепенные рукава, развѣтвляющіеся на пространствѣ, берегъ котораго имѣетъ не менѣе 175 километровъ протяженія. Дельта рѣки Кавери одна изъ самыхъ обширныхъ въ Индіи, и выступъ, который она образуетъ за нормальною линіей морскаго берега, уступаетъ, по протяженію, только выступамъ дельтъ Ганга и Мага-Надди; однако, она состоитъ не изъ рѣчныхъ наносовъ новаго образованія; слои ила, поднимающіеся отъ 6 до 9 метровъ надъ уровнемъ самыхъ высокихъ разливовъ, покрываютъ поверхность дельты, пересѣкаемую рукавами Кавери, которые вырыли тамъ себѣ глубокія русла, и Буккингамскимъ каналомъ, однимъ изъ наиболѣе утилизируемыхъ въ Индіи; онъ соединяетъ Кистну съ южными рукавами Кавери (движеніе судоходства по этому каналу въ 1878 году: 268.900 тоннъ грузовъ и 140.000 пассажировъ). Весьма вѣроятно, что вся эта область была поднята на нѣсколько метровъ: бывшіе острова, окаймленные деревьями, нѣкогда прибитыми волной къ берегамъ и теперь уже находимыми въ окаменѣломъ состояніи, возвышаются надъ равниной, представляющей слегка волнистую поверхность. На востокѣ дельта примыкаетъ къ острововиднымъ скаламъ, похожимъ на тѣ утесы, которые образуютъ стрѣлку Рамесварамъ; въ этомъ мѣстѣ материкъ выдвигаетъ косу по направленію къ сѣвернымъ островамъ, лежащимъ на сѣверъ отъ Цейлона. Вмѣсто того, чтобы распространяться все далѣе въ море путемъ отложенія новыхъ наносовъ, земли старой дельты, такъ же, какъ и земли при устьяхъ рѣкъ, текущихъ сѣвернѣе, на Коромандельскомъ берегу, постепенно размываются волнами океана. Вслѣдствіе вторженія моря, приморская полоса материка утратила выпуклую кривизну своихъ береговъ и протянулась прямою линіей, сначала съ сѣвера на югъ къ мысу Калимеру, затѣмъ, сдѣлавъ крутой поворотъ,—съ востока на западъ. Подъ защитой этого мыса, вода, скопляющаяся отъ дѣйствія юго-западнаго муссона въ глубинѣ Манаарскаго залива, отлагаетъ мелкій илъ, чѣмъ и вознаграждается работа разрушенія сѣверныхъ береговъ. Даже въ самую бурную погоду суда могутъ совершенно безопасно стоять на якорѣ въ этихъ спокойныхъ водахъ залива [1]).

Главная плотина, задерживающая воды рѣки Кавери и заставляющая ихъ изливаться въ каналы дельты, этого «сада южной Индіи», построена еще въ древности, по малой мѣрѣ за полторы тысячи лѣтъ до нашего времени, и до сихъ поръ еще такъ хорошо сохранилась, что ее могли брать за образецъ для подобнаго рода сооруженій, воздвигнутыхъ ниже, поперегъ Колеруна. Жидкая масса, ударяющаяся о запруды въ періодъ большихъ дождей, превышаетъ иногда 13.300 кубич. метровъ въ секунду, тогда какъ средній стокъ не достигаетъ даже 500 кубич. метровъ; оросительные каналы развѣтвляются на пространствѣ 334.000 гектаровъ. За приносимыя ею благодѣянія, Кавери почитается у туземнаго населенія какъ одна изъ самыхъ священныхъ рѣкъ, почти какъ равная Гангу; благочестивые люди называютъ ее не иначе, какъ Дакшини Ганга, т. е. «южнымъ Гангомъ»; согласно одной мѣстной легендѣ, она даже чище, чѣмъ гималайская рѣка, и послѣдняя приходитъ каждый годъ подземными каналами обновлять свою силу въ священныхъ водахъ Кавери; оттого пилигримы стекаются массами купаться въ источникахъ, при сліяніяхъ, подъ каскадами глубоко чтимой рѣки.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ приморья, куда земледѣльцы не могли провести ирригаціонные каналы, безплодные пески, дюны, странствующія по волѣ вѣтра, составляютъ рѣзкій контрастъ съ богатыми воздѣланными землями орошаемыхъ мѣстностей; это маленькія пустыни, показывающія, во что обратился бы весь край, если бы водяныя артеріи не разносили по его поверхности животворной влаги. Но, за исключеніемъ этихъ песчаныхъ пространствъ, весь Коромандельскій берегъ получаетъ достаточное орошеніе, и мореплаватели узнаютъ его издалека по сплошному лѣсу кокосовыхъ пальмъ, который тянется зеленымъ поясомъ вдоль берега. Только часть приморья, заключающаяся между рѣками Паларъ и Сѣверный Пеннаръ, состоитъ, на протяженіи около 60 километровъ, изъ длинной песчаной косы, отдѣляющей отъ моря большую лагуну Пуликатъ; внѣшній берегъ и островки, разсѣянные въ этой лагунѣ, не имѣютъ другой растительности, кромѣ джунглей, куда жители Мадраса ходятъ рубить себѣ лѣсъ для топлива; даже на берегу твердой земли, къ западу отъ озера Пуликатъ, почва покрыта солянымъ налетомъ на большомъ протяженіи; тамъ и сямъ виднѣются селенія, окруженныя тамариндами и маленькими оазисами обработанной земли.

На Коромандельскомъ берегу были наблюдаемы нѣкоторые признаки медленнаго поднятія почвы; что касается подводнаго вулканическаго изверженія, которое, будто бы, происходило въ концѣ прошлаго столѣтія, километрахъ въ пятнадцати отъ Пондишери, то о немъ разсказываетъ только одинъ путешественникъ, ви-

[1]) „Memoirs of the Geologic Survey“, IV, 1865.

дѣвшій его мелькомъ съ корабля на ходу: но этого единственнагѳ свидѣтельства, конечно, недостаточно, чтобы признать сообщаемый фактъ за достовѣрный. Однако, видъ морской поверхности даетъ поводъ думать, что вдоль береговъ Коромандельскаго, Малабарскаго и Цейлонскаго происходятъ значительныя движенія почвы въ вертикальномъ направленіи, причина которыхъ еще неизвѣстна. Во многихъ мѣстахъ моря видны площади грязной воды, даже надъ большими глубинами; волны открытаго моря разбиваются на окраинахъ этихъ мутныхъ пространствъ желтаго или краснаго цвѣта, поверхность которыхъ всегда остается гладкою или колеблется въ видѣ длинныхъ, одна за другою слѣдующихъ волнъ; корабли часто укрываются туда, какъ въ портъ. Многое множество рыбы находитъ тамъ себѣ подходящую пищу, и различныя рыбьи породы приходятъ туда метать икру [1]). Едва-ли есть область моря, которая болѣе заслуживала бы научнаго изслѣдованія, чѣмъ эти грязные островки, висящіе среди чистой воды. Вѣроятно, эти мутныя пространства кишатъ миріадами микроскопическихъ животныхъ, присутствіе которыхъ и превращаетъ море въ грязный прудъ [2]).

Вся южная Индія принадлежитъ дравидійскимъ націямъ, названнымъ такъ по имени южныхъ племенъ, означенныхъ неопредѣленно древними санскритскими писателями. Это наименованіе, принятое новѣйшими этнологами, примѣняется теперь ко всѣмъ населеніямъ юга и центра, которыя говорятъ языками одного и того же происхожденія, совершенно отличными отъ арійскихъ идіомовъ сѣвера и отъ коларійскихъ діалектовъ области горъ Виндіа. По общему мнѣнію индіанистовъ, дравидійцы или дравирійцы, не были первоначальными жителями (аборигенами) Полуострова; хотя они поселились въ краѣ за тысячи лѣтъ до нашего времени, однако, нарѣчія, которыми они говорятъ, указываютъ на племенное родство ихъ съ белуджистанскимъ народомъ брагуи [3]); полагаютъ, что они проникли въ Индію черезъ сѣверо-западную границу; затѣмъ, оттѣсняемые постепенно другими иноземными завоевателями, арійцами, они, вѣроятно, покинули сѣверныя области, чтобы сосредоточиться въ южныхъ странахъ. Въ первыя времена ихъ исторіи, какъ она раскрывается изъ словаря ихъ языка, чуждаго всякихъ санскритскихъ формъ рѣчи, дравидійцы были уже культурнымъ народомъ, прежде чѣмъ подпасть подъ непосредственное вліяніе арійскихъ цивилизаторовъ. Они знали многія ремесла и искусства, прядильное, ткацкое, красильное, гончарное, имѣли барки и даже палубныя суда, употребляли въ дѣло различные металлы, за исключеніемъ олова, цинка и свинца; они строили «укрѣпленные дома» и храмы, но не умѣли еще украшать ихъ изваяніями; они знали искусство письма и чертили письменные знаки на листьяхъ пальмъ пальмиры и зонтичной [1]); во время ихъ праздествъ, поэты декламировали пѣсни, и толпа съ энтузіазмомъ слушала разсказы о національныхъ войнахъ. Эпопея Рамайяны разсказываетъ о нашествіи на дравидскія страны арійцевъ, и мѣстныя легенды говорятъ объ одномъ цивилизаторѣ, пришедшемъ съ сѣвера, о мудромъ Агастіѣ, предъ которымъ горы Виндіа «пали ницъ», чтобы дать ему дорогу; правовѣрные индусы вѣрятъ, что онъ еще живъ, и указываютъ, какъ его мѣстопребываніе на землѣ,—гору, которая носитъ его имя въ цѣпи Кардамоновыхъ горъ, къ западу отъ Тинневелли, а какъ его обитель на небѣ—блестящую звѣзду въ созвѣздіи Канопуса. Каково бы ни было значеніе преданій объ этой легендарной личности, во всякомъ случаѣ, дѣло индіанизаціи, приписываемое Агастіи, было уже далеко подвинуто впередъ, когда греческіе мореплаватели въ первый разъ посѣтили берега южной Индіи, ибо въ ту эпоху бо́льшая часть городовъ носила имена арійскаго происхожденія.

Между различными дравидскими діалектами, которыми говорятъ въ Южной Индіи и на сѣверѣ отъ рѣки Кистны, четыре—телугу, тамиль, малаяламъ и канарійскій—возвысились на степень литературныхъ языковъ. Телугу, какъ мы знаемъ, есть господствующая рѣчь на морскомъ берегу, отъ ущелья Магендра-Гири до озера Пуликатъ, и во всей восточной области Майсура; этимъ нарѣчіемъ въ Индіи говорятъ около пятнадцати милліоновъ человѣкъ, и кромѣ того, это языкъ колонистовъ, живущихъ на югѣ, около оконечности Полуострова, и многочисленныхъ эмигрантовъ въ Барманіи. Тѣ же дравидійцы языка телугу дали свое имя калинга или клингъ всѣмъ индусамъ, переселившимся въ Пинангъ, въ Сингапуръ, на острова Юго-восточной Азіи; переселенцы изъ Индіи, принесшіе цивилизацію своей страны на острова Яву и Суматру, пришли, вѣроятно, съ телугскаго берега [2]). Названіе Gentous, данное вначалѣ миссіонерами всѣмъ язычникамъ («gentils») Полуострова, впослѣдствіи стали примѣнять къ жителямъ языка телугу. Первоначальную ихъ литературу составляютъ стихотворенія, пословицы, сказки; санскритскія эпопеи переводились на нарѣчіе телугу, начиная

---

[1]) Robertson, „Proceedings of the Royal Society of Edinburgh", 1872—1873; Medlicott and Blanford, „A Manual of the Geology of India"; Emerson Tennent, „Ceylon".

[2]) „Nature, Weekly Journal of Sciences", 1881.

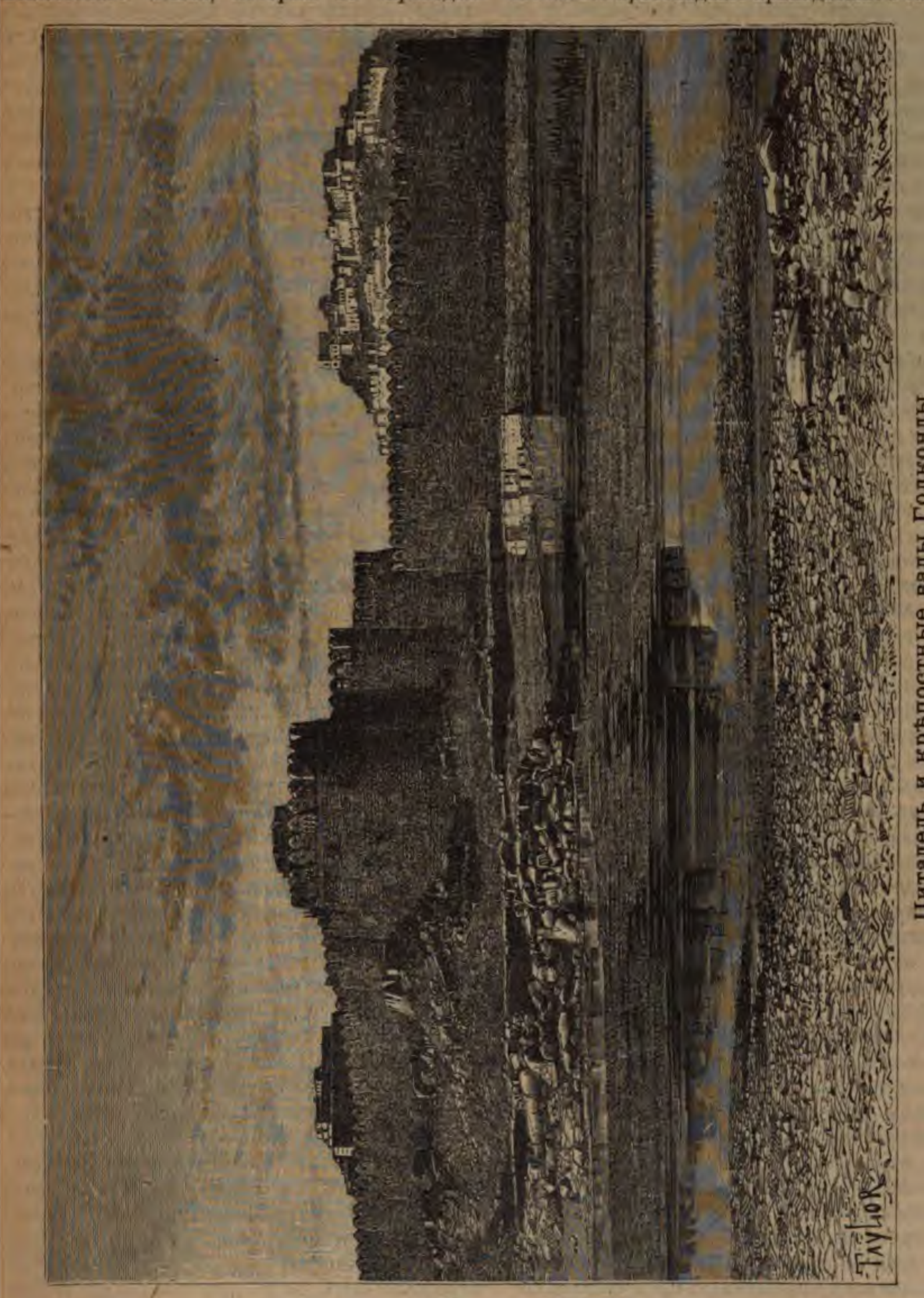
[3]) Lassen, „Indische Alterthumskunde"; Caldwell, „Dravidian Languages".

[1]) Julien Vinson, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris".

[2]) Caldwell, „Comparative Grammar of the Dravidian languages".

съ двѣнадцатаго столѣтія, и вскорѣ послѣ того наступилъ золотой вѣкъ этого богатаго и гармоническаго языка, который по справедливости называютъ «итальянскимъ діалектомъ Индіи».

Тамиль, или тамуль, еще недавно занималъ лишь второе мѣсто между дравидскими языками по числу употребляющихъ его; но съ 1877 года, со времени большаго голода, который свирѣпствовалъ преимущественно въ сѣверныхъ округахъ Мадрасской провинціи, численное преобладаніе принадлежитъ тамилю, употребляемому теперь на всей восточной покатости Индіи между озеромъ Пуликатъ и Тривандрамомъ, и кромѣ того, въ сѣверной половинѣ острова Цейлона, область его распространенія обнимаетъ уже слишкомъ пятнадцать милліоновъ человѣкъ и быстро увеличивается



Цитадель и крѣпостные валы Голконды.

на счетъ телугу во всѣхъ городахъ, черезъ которые проходятъ желѣзныя дороги и гдѣ находятся въ большомъ числѣ европейцы, окруженные своею тамильскою прислугой [1]); въ Майсурѣ барманы вишнуиты (послѣдователи культа Вишну) всѣ говорятъ тамильскимъ нарѣчіемъ, тогда какъ мульсумане употребляютъ индустанское (индустани). Тамиль, безспорно, занимаетъ первое мѣсто между дравидскими языками по изумительному богатству его словаря и оборотовъ рѣчи, по древности классическихъ произведеній его словесности; есть тамильскія книги, имѣющія за собою, по меньшей мѣрѣ, девятивѣковое существованіе; новыя сочиненія на этомъ нарѣчіи, издаваемыя въ Мадрасѣ, насчитываются тысячами. Поэмы, между которыми называютъ также поэму итальянскаго миссіонера Бески (Beschi), очень многочисленны; но онѣ отличаются не столько силою мысли, сколько утонченностью, изысканностью и вычурностью стиля; такъ, всѣ стихотворенія должны непремѣнно начинаться словомъ, выбраннымъ изъ спеціальнаго списка словъ хорошаго предзнаменованія [2]). Тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ новыхъ идей, тамильская литература перестаетъ подражать древнимъ авторамъ, и ея произведенія, примѣняясь къ явленіямъ современной жизни, принимаютъ болѣе точный и болѣе трезвый языкъ. Въ парижскомъ училищѣ живыхъ восточныхъ языковъ съ 1881 г. существуетъ каѳедра тамильскаго діалекта и словесности.

Отличаясь духомъ предпріимчивости, тамильцы составляютъ одинъ изъ главныхъ элементовъ возрожденія въ Индіи. На ихъ территоріи находятся такіе центры, какъ Мадрасъ, третій городъ Англо-индійской имперіи, и Пондишери, столица французскихъ владѣній; охотно уходя на чужбину искать счастья, они составляютъ главную массу населенія во всѣхъ военныхъ кантонементахъ къ югу отъ Бомбея; кули, эмигрирующіе на островъ св. Маврикія и въ другія заморскія колоніи, тоже, по большей части, уроженцы тамильской земли; точно также индусы Пуло-Пинанга и Сингапура, хотя они и носятъ имя клингъ, т. е. калинга или телугу, тѣмъ не менѣе, суть чистокровные тамильцы. Что касается дравидійцевъ языка малаяламъ или малаялимъ (малеолумъ), живущихъ, въ числѣ свыше пяти милліоновъ душъ, на Малабарскомъ берегу, между Мангаломъ и Тривандрамомъ, то они гораздо упорнѣе, чѣмъ тамильцы, противятся вліянію современныхъ идей и держатся особнякомъ, обращая взоры къ своему прошлому и предоставляя своимъ соплеменникамъ торговыя позиціи и новые роды промышленности. Изъ всѣхъ дравидскихъ языковъ, этотъ діалектъ всего болѣе усвоилъ санскритскихъ словъ и реченій; въ настоящее время онъ подвергается преимущественно вліянію тамиля. Канарійское или канарское нарѣчіе, по туземному каннада или карнатака,—также одинъ изъ главныхъ дравидскихъ языковъ, имъ говорятъ около девяти милліоновъ человѣкъ на югѣ отъ Гоа и рѣки Кистны до массива Ниль-Гири; но, по странному смѣшенію, это названіе Карнатака, которое, вѣроятно, значитъ «Черная земля» и которое въ самомъ дѣлѣ примѣняется къ пространствамъ черноватой почвы или чернозема, гдѣ воздѣлывается черный хлопчатникъ, употребляется европейцами, въ формѣ «Карнатика», для обозначенія тамильскихъ земель Коромандельской покатости.

Нарѣчіе тулу, тулува или тулуву, т. е. языкъ «смиренныхъ», употребляемый на Мангалорскомъ берегу, также причисляется къ дравидскимъ литературнымъ идіомамъ, хотя письменность его не имѣетъ другихъ сочиненій, кромѣ транскрипцій санскрита, изображенныхъ малаяламскими знаками, и маленькихъ религіозныхъ трактатовъ, написанныхъ канарскими буквами; но тѣ изъ 300.000 тулусовъ, которые учатся грамотѣ, изучаютъ также какой-нибудь болѣе цивилизованный языкъ, какъ, напримѣръ, канарскій или малаяламъ. Кургскій идіомъ, или кудагу, тоже не имѣетъ оригинальной литературы, но онъ составляетъ особенный языкъ, такъ же, какъ говоръ племени тода и другихъ народцевъ горъ Ниль-Гири; пѣсни поселянъ Курга отличаются веселостью, живостью, увлекательностью, тогда какъ пѣсни другихъ населеній южной Индіи имѣютъ медленный и заунывный характеръ [1]). Дравидскіе діалекты вполнѣ обособились: телугу, тамиль, малаяламъ, канарскій настолько разнятся между собой, что жители отдѣльныхъ областей не понимаютъ другъ друга. Считая дравидійцевъ Центральныхъ провинцій и Бенгаліи, но не принимая въ разсчетъ нѣкоторыхъ народностей пригангскихъ равнинъ и гималайскаго пояса терай, имѣющихъ, какъ кажется, то же происхожденіе [2]), можно считать въ пятьдесятъ милліоновъ общее число людей, принадлежащихъ къ семьѣ дравидскаго языка. Внѣ Индіи дравидская семья всего болѣе имѣетъ сходства съ идіомами, обозначаемыми Кальдвелемъ подъ именемъ «скиѳскихъ», т. е. съ монгольскимъ, манчжурскимъ, тунгузскимъ и особенно съ финской группой остяковъ; всѣ діалекты, на которые дѣлится эта семья, уже перестали быть чисто приставочными и сдѣлались флексивными языками. Такимъ образомъ, вслѣдствіе послѣдовательныхъ завоеваній и народныхъ переселеній, двѣ половины

[1]) Gribble, „Manual to the district of Cuddapah, Madras“.
[2]) Julien Vinson, „Le Tasse dans la poésie tamoul“, „Revue de Linguistique“, tome VIII.

[1]) Gover, „Folksongs of Southern India“.
[2]) Hodgson, „Koch, Dhimal and Bodo Tribes“; Dalton, „Ethnology of Bengal“.

одной и той же этнологической области постепенно отодвинулись къ двумъ оконечностямъ континента.

Однако, изъ сходства языковъ нельзя еще заключить о племенномъ родствѣ всѣхъ дравидійцевъ съ населеніями сѣвера Азіи. Правда, такъ называемый «монгольскій» типъ встрѣчается у многихъ народцевъ центральной и Южной Индіи, но между ними есть также такіе, черты которыхъ мало разнятся отъ типическихъ чертъ негровъ, австралійцевъ, малайцевъ, семитовъ, египтянъ [1]). Весьма вѣроятно, что населенія различнаго происхожденія слѣдовали одно за другимъ въ южной Индіи, какъ слои аллювіальной формаціи, отлагающейся на морскомъ берегу [2]); но въ настоящее время невозможно отыскать первоначальные элементы во всемъ этомъ смѣшеніи расъ; профессіи, климаты, образъ жизни и особенно наслѣдственное вліяніе кастъ, даже когда первою причиной ихъ возникновенія было лишь различіе ремеслъ, порождаютъ главные контрасты между различными этническими элементами. Цвѣтъ кожи, который измѣняется отъ чернаго до блѣдно-желтаго и пепельно-сѣраго, не составляетъ расоваго признака, ибо онъ значительно разнится въ одномъ и томъ же семействѣ, смотря по индивидуальнымъ занятіямъ его членовъ; замѣчено вообще, что кожа имѣетъ болѣе или менѣе темную окраску пропорціонально сухости климата; дравидійцы Малабара, живущіе почти всегда въ тѣни большихъ деревьевъ, въ странѣ, часто орошаемой обильными дождями, имѣютъ цвѣтъ лица гораздо болѣе свѣтлый чѣмъ ихъ единоплеменники на Коромандельскомъ берегу, обитающіе въ равнинахъ менѣе лѣсистыхъ, подъ небомъ менѣе дождливымъ. Въ одномъ и томъ же племени, какъ, напримѣръ, въ племени шанаровъ, которые почти всѣ плантаторы пальмъ, жители Малабара имѣютъ цвѣтъ лица брамановъ, тогда какъ обитатели Коромանделя почти такъ же черны, какъ негры. Въ цѣломъ, главная масса дравидскаго населенія, по типу, нисколько не отличается отъ арійцевъ, а между тѣмъ, невозможно приписать иммиграціи обратителей, пришедшихъ съ сѣвера, численную важность, достаточную для того, чтобы они могли сообщить типическія черты своей расы сорока милліонамъ людей. Когда въ тамильской или телугской области входишь въ судъ, засѣдающій подъ предсѣдательствомъ англійскаго представителя магистратуры, невольно поражаешься сходствомъ головъ; разница только та, что дравидская физіономія выражаетъ больше кротости и хитрости, а европейская больше силы и гордости [3]).

Изъ всѣхъ дравидійцевъ наибольшее вниманіе обращали на себя, со времени «открытія» Голубыхъ горъ (Ниль-Гири), тодасы или тудасы, маленькій народецъ канарскаго нарѣчія, численность котораго не достигала, въ 1871 году, даже 700 душъ, но который могъ, благодаря своему уединенію въ горахъ, сохранить свои оригинальные нравы въ первоначальной чистотѣ. Ихъ архаическая цивилизація, занесенная съ восточныхъ равнинъ Канары, какъ гласитъ преданіе, восемь вѣковъ тому назадъ, была не единственная причина того особеннаго усердія, съ которымъ принялись изучать этихъ горцевъ. Нѣкоторые энтузіасты изъ ученыхъ и въ особенности досужіе туристы, посѣщавшіе Голубыя горы, хотѣли видѣть въ тодасахъ нашихъ единоплеменниковъ, индо-европейцевъ, кельтовъ или пеласговъ; говорили о ихъ красивомъ профилѣ, напоминающемъ, будто бы, греческій или римскій [1]); но нужно замѣтить, что чертами лица они нисколько не отличаются отъ милліоновъ другихъ дравидійцевъ, и цвѣтъ кожи у нихъ гораздо темнѣе, чѣмъ у большинства жителей Малабара. Впрочемъ, они рослы (по изслѣдованіямъ Маршаля, средній ростъ мужчинъ 1.727, а женщинъ 1.529 метровъ) и хорошо сложены, хотя не обладаютъ такою атлетическою силой, какую имъ приписывали первые путешественники [2]). Нрава они кроткаго, привѣтливаго, миролюбиваго, не очень трудолюбивы, безъ честолюбія, но мужественны, и держатъ себя съ замѣчательнымъ достоинствомъ: когда они проходятъ мимо, драпированные въ свою тогу, такъ и кажется, что видишь передъ собою сенаторовъ античнаго Рима. Имя тода, которое они съ гордостью даютъ своему племени, значитъ «люди», но сосѣдями ихъ оно понимается въ смыслѣ «пастуховъ», и дѣйствительно, родъ занятій ихъ существенно пастушескій. Они не охотятся и не имѣютъ другаго оружія, кромѣ желѣзнаго топора, употребляемаго ими для рубки лѣса; земли они не пашутъ; почва и ея естественныя произведенія принадлежатъ всѣмъ; понятіе о собственности у нихъ существуетъ только въ отношеніи хижинъ, движимаго имущества, скота. Народъ пастушескій, тодасы не знаютъ другаго труда, почти не имѣютъ другой религіи, кромѣ ухода за своими стадами; молоко, ихъ главная пища, составляетъ какъ бы предметъ культа. Главные доильщики, избираемые изъ класса *пейковъ*, или «сыновъ божіихъ»—настоящіе жрецы, давшіе обѣтъ цѣломудрія; они носятъ особенную одежду, живутъ отдѣльно, и одни только, вмѣстѣ съ кандидатами, приготовляющимися къ духовному званію, имѣютъ право собирать молоко и дѣлать изъ него масло. Впереди стада всегда идетъ священная корова, славная своею генеалогіей, побрякивая привя-

[1]) Logan, „Journal of the Eastern Archipelago".
[2]) De Quatrefages, „Journal des Savants", dec. 1873.
[3]) Caldwell, „Grammar of the Dravidian Languages".

[1]) Campbell, „Ethnology of India".
[2]) Leschenault; Hamilton; Young; Harkness; Carl Ritter, „Asien".

заннымъ на шеѣ звонкомъ, драгоцѣннымъ предметомъ, которому приписываютъ небесное происхожденіе. Очистившись для утреннихъ трудовъ, жрецъ кланяется передъ чтимымъ животнымъ и благословляетъ стадо своимъ бѣлымъ посохомъ. Всѣ обрядности этого народца имѣютъ тотъ же пастушескій характеръ. Послѣ смерти тодаса, заставляютъ дефилировать передъ его трупомъ весь деревенскій скотъ, какъ бы для того, чтобы показать ему въ послѣдній разъ животныхъ, составлявшихъ радость его жизни; затѣмъ убиваютъ одну или двухъ коровъ, чтобы дать усопшему самую пріятную компанію въ великомъ странствіи на тотъ свѣтъ. Одна скала Голубыхъ горъ, Макарти, которая высится крутыми, почти отвѣсными стѣнами надъ западною равниной и на вершинѣ которой обитаетъ отшельникъ, «стражъ дверей на небо», почитается какъ точка соприкосновенія между здѣшнимъ и загробнымъ міромъ; это мысъ, откуда улетаютъ души при закатѣ дневнаго свѣтила, чтобы переселиться на облачные острова, плавающіе въ небесной лазури. Очень религіозные, тодасы шлютъ благоговѣйное привѣтствіе тому далекому міру, гдѣ живутъ ихъ предки; они поклоняются также солнцу и лунѣ, читая молитву, просящую о ниспосланіи милости ихъ семьямъ и стадамъ [1]). Еще не такъ давно у тодасовъ практиковался обычай дѣтоубійства, и нравы поліандріи (многомужія), существовавшіе у нихъ, какъ и у многихъ другихъ горскихъ племенъ, можетъ быть, и теперь еще не совсѣмъ исчезли; по крайней мѣрѣ, число мужчинъ на цѣлую четверть превышаетъ число женщинъ.

Другіе народцы, живущіе въ горахъ Ниль-Гири, тоже принадлежатъ къ дравидской группѣ, по крайней мѣрѣ по языку. Бадагары, или «жители сѣвера», которыхъ англичане обыкновенно называютъ боргерами, суть иммигранты, переселившіеся изъ Майсура въ шестнадцатомъ столѣтіи, вслѣдствіе преслѣдованій и голодовокъ. Исчисляемые въ количествѣ около 20.000 душъ (по переписи 1871 года), эти горцы являются, послѣ европейцевъ, главными владѣтелями «Голубыхъ горъ», хотя они платятъ маленькую дань тодасамъ, въ видѣ вознагражденія за право поселенія на ихъ землѣ. Земледѣльцы по роду занятій, сиваиты по вѣроисповѣданію, раздѣленные на множество кастъ, бадагары ничѣмъ не отличаются отъ цивилизованныхъ населеній равнины и соблюдаютъ тѣ же обычаи и церемоніи. Котахи, или гохатары, т. е. «убиватели коровъ», тоже платятъ дань тодасамъ, признаваемымъ первоначальными собственниками почвы: это горные ремесленники и промышленники, музыканты и плясуны, увеселяющіе своимъ искусствомъ праздиства другихъ племенъ, но всѣми презираемые за ихъ нечистоплотность и крайнюю неразборчивость на счетъ пищи. Курумбы, т. е. «дурные люди» или «добровольцы» еще въ большемъ презрѣніи у своихъ сосѣдей, хотя бадагары выбираютъ себѣ между ними чародѣевъ, безъ сомнѣнія, потому, что эти жители лѣсовъ лучше посвящены въ тайны природы; по словамъ Вальгоуза [1]), они составляли въ пятнадцатомъ столѣтіи могущественную конфедерацію; это бѣглецы, утратившіе свою старую цивилизацію. Что касается ирула (эрилигару), или «людей мрака», которые живутъ въ области терая, у основанія Ниль-Гири, то на нихъ смотрятъ скорѣе какъ на нечистыхъ скотовъ, чѣмъ какъ на людей; по разсказамъ ихъ сосѣдей, они, будто бы, живутъ въ однихъ логовищахъ съ тиграми, и матери даже довѣряютъ своихъ дѣтей этимъ дикимъ звѣрямъ [2]). Гохатары, корумбы, ирулы, общее число которыхъ около 3.000 душъ, всѣ говорятъ, также какъ и племя солига, живущее на восточныхъ холмахъ, дравидскими діалектами цивилизованныхъ населеній, съ которыми они находятся въ соприкосновеніи, но въ нихъ видятъ, справедливо или нѣтъ, представителей аборигеновъ, которые воздвигли мегалиты, или «дома Пандуидовъ», разсѣянные во множествѣ на массивѣ Ниль-Гири и въ горахъ Курга и Майсура. Какъ бы то ни было, эти памятники, заключающіе въ себѣ угли, обугленныя кости, даже оружіе, сосуды, украшенія, приписываются дравидійцами предшествовавшей расѣ, истребленной ихъ предками; въ этихъ же первобытныхъ жителяхъ края они видятъ строителей оборонительныхъ стѣнъ, или *каддинаъ*, которыя пересѣкаютъ страну во всѣхъ направленіяхъ. Это валы вышиной отъ 5 до 6 метровъ и всегда сопровождаемые рвомъ въ 3 метра ширины и глубины; во многихъ мѣстахъ стѣна двойная, тройная или даже четверная, и большія деревья, растущія въ безпорядкѣ на откосахъ, придаютъ всѣмъ этимъ возвышеніямъ и пониженіямъ почвы необыкновенно живописный видъ. Въ одномъ только Кургѣ опредѣляютъ въ 180 километровъ длину этихъ странныхъ оплотовъ, воздвигнутыхъ народомъ, самое имя котораго давно исчезло изъ памяти людей [3]).

Внѣ области горъ, нѣкоторыя племена, презираемыя своими сосѣдями, какъ презираются «люди мрака» тодасами и бадагарами, походятъ на ируловъ нравами, такъ что, слѣдовательно, и ихъ можно было бы съ такимъ же правомъ считать потомками первобытныхъ обитателей страны. Одно изъ этихъ племенъ, корагары, составляющіе послѣднюю касту рабовъ въ Мангалорскомъ округѣ, прежде были подчи-

[1]) Metz, „The Tribes inhabiting the Neilgherry Hills"; Marshall, „A Phrenologist among the Todas"; Ele Reclu, „Les Monticules des Nilgherries".

[1]) „Journal of the Anthropological Institute", april 1875.

[2]) Rowney, „Wild Tribes of India".

[3]) „Ausland", 1873, № 22.

нены правилу не употреблять никакой одежды, кромѣ листьевъ. Со времени водворенія англійскаго господства, мужчины перестали носить передникъ изъ листвы, тогда какъ женщины, вѣрныя хранительницы обычаевъ и обрядовъ старины, до сихъ поръ продолжаютъ наряжаться въ переплетенныя вѣтки; но онѣ уже не понимаютъ первоначальнаго значенія обычая, такъ какъ носятъ вѣтки поверхъ другаго платья и отбрасываютъ ихъ назадъ на манеръ шлейфа. Корагары еще осуждены жить подъ кровомъ изъ древесныхъ вѣтвей; имъ воспрещается употреблять землю для постройки хижинъ. Что дѣлаетъ очень вѣроятною древность ихъ пребыванія въ странѣ — это могущество волшебства, которое имъ приписываютъ. Также, какъ курумбовъ, ихъ считаютъ посвященными въ тайны природы и имѣющими власть надъ духами; оттого къ нимъ всегда и обращаются, когда нужно отвратить заклинаніемъ злой рокъ. Они ѣдятъ мясо аллигаторовъ, но чувствуютъ неодолимое отвращеніе ко всякимъ четвероногимъ животнымъ и простираютъ это отвращеніе такъ далеко, что имъ очень непріятно видѣть даже мебель на четырехъ ножкахъ [1]).

Массивъ горъ Анамалахъ, который походитъ во многихъ отношеніяхъ на Ниль-Гири, тоже населенъ многочисленными дикими или мало цивилизованными народцами. Кадеры, напоминающіе тодасовъ различными обычаями, называютъ себя, какъ и тѣ, «господами горъ», и сочли бы за безчестіе воздѣлывать почву, но они больше звѣроловы, чѣмъ пастухи; другія племена признаютъ за ними нѣкотораго рода превосходство, не считая, однако, себя обязанными повиноваться имъ или платить дань. Кадеры малорослы, и шевелюра ихъ слегка курчава; по мнѣнію нѣкоторыхъ антропологовъ, это племя, по происхожденію, близко подходитъ къ негритосамъ Малайскаго архипелага или къ туземцамъ Австраліи [2]). Во время вступленія въ бракъ молодые люди подпиливаютъ и заостряютъ себѣ четыре передніе зуба — обычай, который встрѣчается въ разныхъ странахъ свѣта, и особенно въ центральной Африкѣ. Мальсары и мадавары, жители горъ Анамалахъ, составляютъ касту земледѣльцевъ [3]) Что касается паліяровъ, то, по образу жизни, они пастухи и торговцы, и находятъ себѣ въ горныхъ областяхъ убѣжище отъ презрѣнія и дурнаго обращенія, которому они подвергаются въ равнинѣ со стороны высшихъ кастъ. Паліяры имѣютъ дикій видъ: они носятъ огромную гриву, ниспадающую до бедеръ, и рѣдко даютъ себѣ трудъ собирать ее въ одинъ пучекъ на головѣ, въ формѣ шиньона [1]). Паліяры и мальсары одинаково искусны въ восхожденіи на скалы и въ лазаньи на деревья; подобно «индѣйцамъ» Новой Мексики, они взбираются на отвѣсныя стѣны горъ, при помощи веревокъ съ узлами, длиною отъ 15 до 25 метровъ: они употребляютъ для этой цѣли цѣпи, сплетенныя изъ тростника [2]).

[1]) Walhouse, „Journal of the Anthropological Institute“, apr. 1875.

[2]) Huxley; Emil Schlagintweit, „Indien in Wort und Bild“.

[3]) Cleghorn, „Forest and Gardens of Southern India“.

На Малабарскомъ берегу господствующее населеніе составляетъ аристократическая, нѣкогда воинственная, каста наировъ (найаровъ) или «властителей», подраздѣляющаяся на одиннадцать классовъ, которая, постепенно цивилизуясь подъ арійскимъ вліяніемъ и живя въ согласіи съ браманами, болѣе ревниво, чѣмъ другія дравидскія націи, хранила и до сихъ поръ хранитъ нѣкоторые изъ своихъ національныхъ обычаевъ. Нигдѣ, кромѣ развѣ у ассамскихъ гарроновъ, не сохранились такъ хорошо древнія формы матріархата (материнства или женскаго главенства), *мурру - мукатаюмъ;* до половины прошлаго столѣтія Траванкорское государство управлялось принцессами, при чемъ престолъ переходилъ отъ матери къ дочери. Первый бракъ, церемонія, установленная нѣкогда по внушенію брамановъ, заключается согласно индусскимъ обрядностямъ; супругъ вручаетъ супругѣ символическую ленту *тали;* но этотъ союзъ есть лишь оффиціальный, и вскорѣ мужъ отсылается, вознагражденный за оказанное имъ одолженіе какимъ-нибудь подаркомъ, который ему дѣлаетъ семейство жены. Молодая женщина, повѣнчанная только для формы, снова получаетъ свободу; ей достаточно носить на шеѣ своей тали, чтобы была соблюдена требуемая закономъ формальность Съ этихъ поръ она можетъ по своей волѣ выбрать всякаго, кто ей понравится, но общественное мнѣніе не простило бы ей сожительства съ мужемъ; всего благосклоннѣе смотрятъ на союзы, заключаемые съ браманами, такъ какъ они облагораживаютъ породу. Впрочемъ, избранный любовникъ не пользуется никакими правами въ домѣ; авторитетъ, по-прежнему, принадлежитъ женѣ; она командуетъ даже надъ своими братьями. Въ каждомъ семействѣ власть представлена матерью и старшею дочерью; дяди по матери и братья только исполняютъ волю гинекея. Отцы, на которыхъ всегда смотрятъ какъ на чужихъ, приняты въ среду семейства, но не составляютъ его полноправныхъ членовъ. Дѣти гораздо болѣе привязаны къ своему дядѣ по матери, чѣмъ къ родному отцу, хотя бы даже они были имъ воспитаны, чего обыкновенно не бываетъ; дядя «кормитъ ихъ», оставляетъ имъ въ наслѣдство свое движимое имущество, и, взамѣнъ того, племянники должны отдавать ему всю

[1]) Douglas Hamilton, „Reports on the Annamullay Mountains“, Graul, „Reise nach Ostindien“.

[2]) Cleghorn, цитированное сочиненіе.

*

свою родственную привязанность. Что касается земли, то она передается, какъ родовая собственность, женщинами; мать завѣщаетъ ее старшей дочери, и всѣ братья обработываютъ ее для всей общины, взятой въ совокупности [1]); тѣ, у которыхъ нѣтъ сестры и, слѣдовательно, нѣтъ законной наслѣдницы, должны хлопотать о томъ, чтобы сдѣлаться пріемными братьями дочери чужой семьи [2]). Впрочемъ, наирскія женщины, вообще говоря, красивы, умны, очень образованы, и вліяніе ихъ на цѣлое общество громадно [3]). Самое большое несчастіе, какое только можетъ постигнуть семейство,—это необходимость продать родовое «материнское наслѣдіе», вслѣдствіе какого-нибудь бѣдствія, повлекшаго за собою разореніе; но семейная группа энергически борется противъ злаго рока, и потому рѣдко прибѣгаютъ къ подобной крайности. Намбури, малабарскіе браманы, благопріятствующіе матріархальнымъ нравамъ туземцевъ, въ большомъ презрѣніи у своихъ сѣверныхъ собратовъ, которые гнушаются ихъ и считаютъ за людей недостойной касты. Они, вѣроятно, не арійскаго происхожденія и мало-по-малу уменьшаются въ числѣ, вымираютъ, такъ какъ одинъ только старшій сынъ имѣетъ право основать свою семью въ формѣ законнаго брака; но они сохранили свое могущество, и ихъ правила, называемыя въ насмѣшку «шестьюдесятью четырьмя беззаконіями», составляютъ и теперь еще законъ для населеній страны. «Защищай коровъ и брамановъ!» —таково было единственное наставленіе, которое фехтовальный учитель дѣлалъ молодому наиру, вручая ему мечъ [4]). Каковы бы ни были ихъ недостатки, намбури имѣютъ, по крайней мѣрѣ, одну добродѣтель — это совершенную правдивость: они всегда отвѣчаютъ медленно, подумавши, на дѣлаемые имъ вопросы, опасаясь, что скажутъ правду не во всей точности [5]).

На большинство иммигрантовъ, поселившихся въ большомъ числѣ на Малабарскомъ берегу, наиры смотрятъ какъ на существа, стоящія гораздо ниже ихъ и потому не имѣющія права даже приближаться къ нимъ. Эти гордецы «высокомѣрные наиры», о которыхъ говоритъ Камоэнсъ, причисляются, однако, браманами лишь къ кастѣ судрасовъ, вмѣстѣ съ другими расами края, и считаются единоплеменниками земледѣльцевъ веллаларъ, живущихъ на Коромандельскомъ берегу; но они такъ энергично стоятъ за свои привилегіи, что никто не осмѣливается оказывать имъ сопротивленіе: при выѣздахъ имъ обыкновенно предшествуютъ егеря, крича: «прочь съ дороги!» и заставляя толпу посторониться; случалось даже, что англичане, пройдя по дорогѣ, которую наиры присвоили себѣ въ исключительное пользованіе, тѣмъ самымъ подавали поводъ къ серьезнымъ дипломатическимъ компликаціямъ. Во времена португальскаго господства вопросъ о первенствѣ или мѣстничествѣ между наиромъ и португальцемъ разбирался путемъ поединка, и жребій оружія рѣшалъ въ пользу чужеземцевъ [1]). Тиры или таяры, имя которыхъ означаетъ «островитяне» и которымъ приписываютъ цейлонское происхожденіе, обязаны сторониться, по крайней мѣрѣ, на тридцать шесть шаговъ, чтобы не осквернить господъ своею тѣнью или своимъ отдаленнымъ запахомъ. Тѣмъ не менѣе, таяры не составляютъ униженной, презираемой касты, какъ паріи; они бѣлѣе и стройнѣе наировъ; дѣятельные и смышленые, они завоевали себѣ, несмотря на высокомѣріе надменныхъ властителей, довольно высокое соціальное положеніе, и дѣти ихъ массами наполняютъ казенныя учебныя заведенія [2]). Тиры, такъ же, какъ столяры, литейщики, кузнецы, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера и вся толпа земледѣльцевъ или поліяровъ, называемыхъ «джунглевыми наирами», сохранили обычай многомужства: нѣсколько родныхъ братьевъ или мужчинъ одного племени имѣютъ одну общую жену, и наслѣдство переходитъ нераздѣльно ко всѣмъ дѣтямъ общины [3]). Въ землѣ Мадура, гдѣ поліандрическая организація семьи сохранилась у очень многихъ племенъ, мужья должны быть въ четномъ числѣ: 2, 4, 6, 8 или 10. Въ Траванкорѣ дѣти распредѣляются по порядку рожденія между мужьями [4]).

Моплахи, самая энергическая и самая предпріимчивая группа населенія на Малабарскомъ берегу,—тоже чужеземнаго происхожденія, по крайней мѣрѣ съ отцовской стороны; это помѣсь, происшедшая отъ арабовъ взявшихъ себѣ женъ, большею частью, между тирами и низшими кастами. Говорятъ, что въ девятомъ столѣтіи экипажъ одного потерпѣвшаго крушеніе корабля поселился въ землѣ Кочинъ и что за этими первыми колонистами вскорѣ послѣдовали другіе; какъ бы то ни было, арабскіе торговые люди насчитывались десятками тысячъ на Малабарскомъ берегу, когда португальцы высадились въ эту страну. Такъ какъ обычай и религіозныя предписанія южныхъ брамановъ воспрещаютъ индусамъ вести заморскую торговлю, то чужеземные пришельцы были очень радушно приняты,

[1]) Burton, „History of Sindh“; Bachofen, „Antiquarische Briefe“; Elie Reclus, „Revue Internationale des sciences biologiques“.

[2]) W. W. Hunter, „Imperial Gazetteer of India“.

[3]) Cl. Markham, „Travels in Peru and India“.

[4]) W. W. Hunter, „Orissa“; Mateer, „Land of Charity“; Cl. Markham, „Travels in Peru and India“; Graul, „Reise nach Ostindien“.

[5]) Fr. Day, „The Land of the Permauls“.

[1]) Thévenot, „Voyages aux Indes orientales“.

[2]) Mateer, „Land of Charity“.

[3]) Jonathan Duncan, „Malabar Historical Remarks“, „Asiatic Researches“.

[4]) Nelson, „Madura Country“.

какъ посредники торговаго обмѣна, и ихъ колонія постоянно увеличивалась притокомъ новообращенныхъ, которыхъ увлекала страсть къ приключеніямъ и исканье счастья на чужбинѣ. Въ настоящее время общее число моплаховъ, къ которымъ нужно прибавить лаббаевъ восточнаго берега, простирается, по меньшей мѣрѣ, до 800.000 душъ. Сильные, хорошо сложенные, стройные, они составляютъ одну изъ самыхъ красивыхъ расъ Индіи, а въ отношеніи отваги, стойкости и упорства, трудолюбія и предпріимчивости почти не имѣютъ равныхъ себѣ. Города Малабара, главнымъ образомъ, имъ обязаны своимъ торговымъ процвѣтаніемъ. Хорошо зная цѣну себѣ, моплахи не такіе люди, чтобы дать господствовать надъ собою наирамъ, съ которыми они часто приходятъ въ столкновеніе. Тѣ изъ нихъ, которые занимаются земледѣліемъ, не всегда безропотно принимаютъ тяжелыя условія, налагаемыя на нихъ владѣльцами земли, и когда считаютъ, что настала пора требовать возстановленія своего права, смѣло завязываютъ борьбу, заранѣе обрекая себя на смерть. Разъ рѣшеніе принято, моплахъ, котораго друзья и знакомые съ этого момента называютъ уже мученикомъ, справляетъ прощальный пиръ, разводится со своими женами и проводитъ свои послѣдніе дни въ молитвѣ. Готовый пожертвовать собственною жизнью, онъ не признаетъ болѣе никакихъ законовъ: врывается въ индусскіе храмы, разбиваетъ тамъ статуи боговъ и бросается на всякаго наира, который ему встрѣтится; онъ никому не даетъ пощады, какъ и самъ не проситъ ея; справиться съ нимъ нѣтъ никакой возможности, остается одно средство— убить его. Иногда, если цѣлая община считаетъ нарушенными свои права какою-нибудь несправедливостью, всѣ молодые люди связываютъ себя взаимною клятвой пожертвовать жизнью для отмщенія обидчикамъ, и тогда нужно выставить противъ нихъ цѣлые батальоны. Мѣстная полиція, даже туземное войско не могутъ устоять противъ этихъ отчаянныхъ удальцовъ; правительство принуждено призывать, для усмиренія ихъ, европейскіе полки. Кромѣ того, всѣ жители округа, гдѣ опасаются аграрныхъ преступленій, объявляются несущими круговую отвѣтственность [1]). Если бы другія народности Индіи обладали такою же энергіей, какъ эти магометане, то европейцамъ никогда не удалось бы сдѣлаться властителями страны.

Христіане, называемые иногда назарени моплахъ, или «назарейскими моплахами», тоже составляютъ одинъ изъ значительныхъ элементовъ населенія южной Индіи; въ этой области сгруппировалось около двухъ третей всѣхъ христіанъ Индіи по сю сторону Ганга. По преданію, «бѣлые евреи», или сирійцы, высадились на Малабарскій берегъ еще въ первомъ столѣтіи общепринятаго лѣтосчисленія, достигнувъ Индіи черезъ Іеменъ и островъ Сокотору, и нѣсколько лѣтъ спустя вслѣдъ за ними явились іудеи въ собственномъ смыслѣ, юди-моплахъ, потомки которыхъ, смѣшанные съ другими племенами, встрѣчаются до сихъ поръ въ городѣ Кочинѣ и его окрестностяхъ. Другая легенда, португальскаго происхожденія, приписываетъ начало христіанскихъ общинъ въ Южной Индіи проповѣди апостола Ѳомы, корабль котораго, будто-бы, присталъ близъ Кранганора; еще недавно показывали въ Квилонѣ колонну, якобы воздвигнутую апостоломъ, и его предполагаемая могила находится на югъ отъ Мадраса. Какова бы ни была степень достовѣрности этихъ легендъ, несомнѣнно то, что «назареи», которыхъ нашли капелланы Васко-де-Гамы, не имѣли никакого понятія ни о римской церкви, ни о папѣ; такъ какъ они исповѣдывали ученія несторіанъ, то ихъ тотчасъ же причислили къ еретикамъ и настоятельно потребовали, чтобы они оставили заблужденія и обратились на путь истинный. Въ португальскихъ владѣніяхъ, инквизиція, въ концѣ концовъ, силой вернула ихъ въ лоно церкви; но въ туземныхъ государствахъ огромное большинство назареянъ сохранило или снова приняло свое особенное церковное устройство и обрядности, впрочемъ, нѣсколько различающіяся въ различныхъ общинахъ. Завися въ духовномъ отношеніи отъ вавилонскаго патріарха, имѣющаго пребываніе въ городѣ Моссулѣ, они до сихъ поръ еще употребляютъ древне-сирійскій языкъ въ качествѣ церковнаго языка, но самые ученые изъ ихъ священнослужителей едва умѣютъ разбирать по складамъ слова книгъ священнаго писанія. Разсказываютъ, что въ одной изъ назарейскихъ деревень вѣрующіе выписывали совершонные въ теченіе года крупные грѣхи на листкахъ бумаги, которые затѣмъ свертывались и забивались въ жерло бамбуковой пушки; выстрѣлъ разсѣевалъ по воздуху всѣ годовыя прегрѣшенія племени [1]). Въ былое время сирійскіе христіане составляли благородный классъ, и къ нимъ, какъ къ своимъ естественнымъ покровителямъ и заступникамъ, прибѣгали во всѣхъ своихъ нуждахъ ювелиры, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, плотники; они одни, вмѣстѣ съ браманами и евреями, имѣли право путешествовать верхомъ на слонахъ. Теперь они имѣютъ прозелитовъ во всѣхъ классахъ общества, преимущественно среди низшихъ кастъ; но общность вѣры далеко не изгладила первоначальныя соціальныя различія.

Огромное большинство жителей Южной

[1]) Fr. Day, „The Land of the Permauls".

[1]) Fr. Day, „The Land of the Permauls".

Индіи принадлежитъ къ индусскимъ религіямъ, и даже именно въ этой области, на Майсурскомъ плоскогорьѣ, секта лингаитовъ, одна изъ тѣхъ, которыя всего болѣе освободились отъ браманскихъ суевѣрій, представлена наибольшимъ числомъ членовъ. Лингаиты, изъ среды которыхъ выходятъ преимущественно купцы и промышленники Дравидіи, уничтожили у себя даже касты, если не въ общественной жизни, то, по крайней мѣрѣ, въ религіозныхъ церемоніяхъ, и не боятся ѣсть вмѣстѣ, каково бы ни было ихъ происхожденіе и состояніе. Но слѣды первобытныхъ религій встрѣчаются вездѣ у живущихъ въ глуши народцевъ Майсура, Мадуры, Коромандельскаго берега. Главный культъ — это культъ «десяти чертей», «семи призраковъ» и множества всякихъ духовъ, добрыхъ или злыхъ, брамановъ или парій; чтутъ даже англійскихъ геніевъ. Повсюду увидишь, у входа въ деревни, маленькія пирамиды изъ глины, воздвигнутыя въ честь духовъ, населяющихъ воздушныя пространства: этимъ духамъ приносятъ въ даръ преимущественно цвѣты, плоды и зерна, иногда также пѣтуховъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ангелы-хранители сзываются вечеромъ барабаннымъ боемъ, дабы они не уклонялись отъ исполненія своей обязанности — защищать дома противъ ночныхъ демоновъ [1]).

Нѣкоторыя кровавыя обрядности, сохранившіяся до сихъ поръ, напоминаютъ существовавшія нѣкогда человѣческія жертвоприношенія; такъ, у племени ваклига, въ Майсурѣ, близъ Нандидруга, матери, прежде чѣмъ приступить къ важной церемоніи надѣванія въ первый разъ серегъ своей старшей дочери, должны обрубить себѣ, при помощи кузнеца, два первые сустава мизинца и безъимяннаго пальца. Калланы, или коллеры (Kollеries), еще недавно имѣли чудовищный обычай убивать одного изъ своихъ дѣтей передъ дверью врага, когда они хотѣли накликать напасть на его домъ; чтобы отвратить отъ себя грозящую бѣду, проклятый долженъ былъ, въ свою очередь, умертвить собственнаго сына [2]). Наяди (янади), живущіе на островѣ Сригарикота, къ востоку отъ озера Пуликатъ, и на Малабарскомъ берегу, едва-ли не самое жалкое, самое обездоленное племя изъ всѣхъ индусовъ: еще недавно они хранили какой-нибудь гвоздь или отломанный кончикъ ножа, какъ величайшую драгоцѣнность, и добывали огонь посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева [3]); даже если кто-нибудь бросалъ имъ на дорогу, въ грязь, мелкую монету, то они имѣли право поднять ее только послѣ прохода благодѣтеля [4]). Они были въ большемъ презрѣніи у высшихъ кастъ, чѣмъ даже пулайеры или пуліи, имя которыхъ происходитъ отъ слова *пулу*, «грязь». До 1865 года пуліямъ было запрещено прикрывать себѣ бюстъ какимъ-нибудь одѣяніемъ; они не могли говорить о себѣ иначе, какъ называя себя «вашъ рабъ», а о своихъ дѣтяхъ иначе, какъ давая имъ прозвища «обезьянъ» или «телятъ».

Недавно каликутскіе наяди, одно изъ этихъ несчастныхъ племенъ, жившихъ среди лѣсовъ, въ шалахахъ (ажупахъ) изъ листьевъ, сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ ставки въ карточной игрѣ между миссіонерами христіанскими и магометанскими; послѣдніе одержали верхъ въ этой борьбѣ, и теперь наяди причисляются моплахами къ своимъ единовѣрцамъ, какъ вступившіе въ лоно ислама. Племена льва (ирава), въ Траванкорѣ, и биллава, въ Кочинѣ, также какъ шанаръ (санаръ, саненъ), въ Мадурѣ,— вѣроятно, одинаковаго происхожденія съ тирами, жителями Малабарскаго берега,—лучше приняли христіанскихъ проповѣдниковъ; изъ полумилліона шанаровъ около одной пятой называютъ себя протестантами или католиками. Они живутъ почти исключительно продуктами, доставляемыми ихъ вѣерными пальмами, или «пальмирами»; отъ 10 до 60 такихъ деревъ достаточно для прокормленія цѣлаго семейства, но для этого «лазальщику», какъ обыкновенно называютъ шанарскаго плантатора, нужно каждый день взбираться на всѣ свои пальмы; этотъ трудъ представляетъ въ сложности, считая, среднимъ числомъ, ростъ дерева въ 15 метровъ, ежедневное восхожденіе на высоту 750 метровъ [1]), а въ апрѣлѣ и маѣ, когда драгоцѣнный напитокъ течетъ въ наибольшемъ обиліи, приходится даже по три раза въ день влѣзать до кроны каждой пальмы [2]).

Мангалоръ, или «Счастливый городъ», называемый туземцами Кандіаломъ, — главный городъ Южной Канары и одинъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ портовъ этого негостепріимнаго берега; по словамъ Ибнъ-Батуты, тамъ поселились, въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія, около четырехъ тысячъ арабскихъ купцовъ. На половину скрытый за группами кокосовыхъ пальмъ, какъ всѣ города Малабара, онъ построенъ на берегахъ лагуны, куда изливаются двѣ рѣки, Натравати и Гурпуръ. Суда большаго водоуглубленія не могутъ перейти черезъ баръ, но небольшія суда, *дони* арабовъ и туземныя *паттаморы*, являются во множествѣ въ часы прилива, чтобы войти въ спокойный бассейнъ лагуны. Мангалоръ, бывшій нѣкогда морскимъ арсеналомъ Гейдаръ-Али, получилъ въ послѣднее время исключительную

[1]) Joseph Mullens, „Missions in South India"; Graul, „Reise nach Ostindien".
[2]) Nelson, „Madura Country".
[3]) „Memoirs of the Geological Survey of India".
[4]) Mateer, „The Land of Charity"; Fr Day, „The Land of the Permauls"; Boswell, „Nellore Manual".

[1]) J. Schrott, „Journal of the Ethnological Society", vol. VII.
[2]) Bertrand, „Annales de la Propagation de la Foi", mai 1841.

важность по обширному вывозу кофе, производимаго областью Кургъ; кофейные плантаторы сдѣлали его однимъ изъ главныхъ торговыхъ центровъ, но гавань его причисляется къ «неисправимымъ». Движеніе судоходства въ Мангалорскомъ портѣ въ 1875 году: 7.200 судовъ, общая ихъ грузовмѣстимость 528.000 тоннъ; цѣнность торговыхъ оборотовъ въ томъ же году 19.462.500 франк. Мангалоръ—одинъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ христіанъ изъ туземцевъ, католиковъ и протестантовъ, насчитывается относительно наибольшее число; тамъ находится, съ 1834 года, мѣстопребываніе базельской миссіи, которая основала многочисленныя мастерскія, гдѣ она даетъ работу своимъ прозелитамъ; нѣкоторые изъ ея миссіонеровъ издали въ свѣтъ многіе драгоцѣнные документы, относящіеся къ народцамъ и языкамъ сосѣднихъ странъ.

Пайкарскій водопадъ въ Нильгирійскихъ горахъ.

Каннанорь, или Каннурь, лежащій на морскомъ берегу, въ 25 километрахъ къ югу отъ мыса, хорошо извѣстнаго мореплавателямъ, горы Дали или Делли, есть другой городъ Малабара, прославившійся въ исторіи религіи и торговли; въ концѣ пятнадцатаго столѣтія португальцы основали тамъ миссію и торговую контору. Будучи портомъ, ближайшимъ къ Майсуру и къ плантаціямъ Южнаго Курга, Каннанорь имѣетъ, однако, ту невыгоду, что сообщается съ внутренней страной лишь посредствомъ дорогъ съ очень крутыми подъемами, и при томъ, такъ же, какъ Мангалоръ, доступенъ только судамъ незначительной грузовмѣстимости; королева или *биби*, избравшая своею резиденціей Каннанорь, наслѣдница династіи государынь, не имѣетъ владѣній на континентѣ, но англійское правительство оставило ей половину архипелага Лакедивскихъ островоѣъ. На югѣ, Телличери, болѣе многолюдный городъ, также отправляетъ за границу кофе, перецъ, кардамонъ, сандальное дерево. Цѣнность торговыхъ оборотовъ Каннанора въ 1876 году равнялась 8.387.300 франк., а въ Телличери она простиралась до 22.257.300 франк. Городъ Маге, находящійся въ семи километрахъ южнѣе, составляетъ торговый пригородъ Телличери; это бывшій Майги, которымъ овладѣлъ, въ 1726 году, французъ Маге-де-ла Бурдонне и которому онъ далъ свое родовое имя [1]). Это французское владѣніе, пространство котораго не превышаетъ 600 гектаровъ, было три раза отнимаемо англичанами, которые возвратили его только послѣ разрушенія городскихъ стѣнъ и укрѣпленій. Кромѣ того, Франціи принадлежитъ еще въ городѣ Каликутъ маленькая факторія, занимающая клочекъ земли въ 2 гектара.

Каликутъ или Каликотта (т. е. «Крѣпость Пѣтуха»)—самый большой городъ на Малабарскомъ берегу, хотя при въѣздѣ въ него путешественникъ замѣчаетъ только шпалеры кокосовыхъ пальмъ да три или четыре хижины вокругъ маяка. Въ пятнадцатомъ столѣтіи, когда европейцы въ первый разъ появились передъ этимъ городомъ, онъ былъ столицей наирской конфедераціи и резидензіей тамутири (сумури), или «заморина», т. е. «властителя моря». Въ 1486 году, первый португальскій эмиссаръ, Ковильянъ, пріѣхавшій черезъ Египетъ, сдѣлался гостемъ царя, а двѣнадцать лѣтъ спустя, въ 1498 году, Васко-де-Гама бросилъ якорь передъ Каликутомъ: совершилось событіе самое важное въ исторіи Индіи со времени похода Александра Македонскаго. Городу Каликуту пришлось жестоко пострадать отъ этихъ чужеземцевъ, которыхъ онъ принялъ, какъ гостей. Въ 1501, 1502 и 1510 годахъ Кабраль, Гама, Альбукеркъ бомбардировали его, топили его корабли, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, и впослѣдствіи европейцы всякой національности, французы, англичане, датчане, выжигали его, грабили и опустошали. Майсурскіе раджи тоже много разъ предавали его разграбленію. Въ концѣ прошлаго столѣтія, когда имъ овладѣли англичане, онъ только-что передъ тѣмъ былъ разрушенъ султаномъ Типпо-Саибомъ: это было уже незначительное мѣстечко, но съ той эпохи онъ снова заселяется и обогащается. Однако, почти вся его торговля производится черезъ посредство Бейпура, лежащаго въ 10 километрахъ южнѣе, но соединяющагося съ городомъ предмѣстьями и садами; въ Бейпурѣ находится портъ, отдѣленный отъ открытаго моря баромъ, имѣющимъ 4 метра воды во время отлива; нѣсколько семействъ моряковъ, живущихъ на этомъ берегу, носятъ, по словамъ Бастіана, названіе Чини-бечеганъ, что значитъ «Сыны китайцевъ» [1]). Суда, изъ которыхъ иныя поднимаютъ до 300 тоннъ груза, приходятъ туда за золотой рудой изъ Вайнада, за кофе изъ плантацій въ Голубыхъ горахъ, за тековымъ деревомъ, приносимымъ теченіемъ Панна-Пойя, или «Золотой рѣки», и за всѣми мѣстными произведеніями, привозимыми со станцій Мадрасской желѣзной дороги; но Бейпуръ уже не отправляетъ за границу тѣхъ бумажныхъ тканей, «каликотъ», или калинкоръ (каленкоръ), которыя получили свое названіе отъ резиденціи заморина. Въ настоящее время Бейпуръ есть, на югѣ отъ Бомбея, единственный городъ западнаго берега, имѣющій желѣзнодорожное сообщеніе съ восточнымъ берегомъ, которое устроено благодаря широкому проходу между массивами Ниль-Гири и Анамалахъ. Этотъ рельсовый путь будетъ продолженъ изъ Бейпура въ Каликутъ, и рано или поздно замѣнитъ колесную дорогу, соединяющую гавани приморья. Въ 8 километрахъ къ востоку отъ Бейпура находится старое кладбище, Чатапурамба, или «Поле смерти», усѣянное долменами, извѣстными въ краѣ подъ именемъ «зонтичныхъ камней».

Древній Кодунгалуръ, который европейцы называютъ Кранганоромъ, былъ нѣкогда соперникомъ Каликута. Тамъ царствовала династія наирскихъ пермаулей, тамъ же находились главныя общины сирійскихъ христіанъ и іудеевъ. Португальцы основали тамъ цитадель, которая впослѣдствіи была у нихъ отнята голландцами. Цвѣтущее состояніе, которымъ пользовался въ прежнее время Кранганоръ, объясняется его счастливымъ географическимъ положеніемъ; при этомъ городѣ прежде открывался единственный протокъ обширныхъ береговыхъ озеръ или лагунъ, которыя продолжаются на югъ до Квилонскаго мыса; тамъ находились, такъ сказать, торговыя ворота

[1]) Malleson, „Histoire des Français dans l'Inde".

[1]) „Reise durch Cambodja nach Cochinchina".

. Впослѣдствіи другіе протоки дали возть другимъ городамъ пріобрѣсти такую еще большую важность. Такъ, Кочинъ Кочибандаръ), или «Малый Портъ», нный на береговомъ поясѣ, въ томъ гдѣ образовался самый широкій входъ ны, имѣющій 4 метра глубины при низтояніи воды, получилъ, естественно, епенное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ реходятъ баръ передъ его берегами. альцы, не будучи въ состояніи водвоъ Каликутѣ, приходили нагружать свои въ Кочинъ; въ 1502 году Васко-де-Гавалъ въ этомъ городѣ португальскую ію; въ слѣдующемъ году Альбукеркъ потамъ укрѣпленіе. Тамъ скончался Гаъ же была воздвигнута первая европейэрковь и отпечатана первая книга въ Въ Кочинѣ до сихъ поръ существуетъ іудеевъ, у которыхъ знаніе еврейзыка еще не совершенно утратилось. о и то же время англійскій городъ и медіатизированнаго туземнаго государКочинъ имѣетъ весьма незначительное европейскихъ жителей; климатъ этой береговыхъ лагунъ, гдѣ прѣсныя воемѣшиваются съ солеными, въ высшей опасенъ, и рѣдкій изъ европейцевъ тъ нервныхъ болѣзней, диссентеріи или іазиса, извѣстнаго подъ именемъ «коі ноги». Внутри материка, на разстоякилометровъ отъ морскаго берега, эта ая болѣзнь не дѣлаетъ болѣе жертвъ.

гу отъ Кочина, городъ Алеппи или Алапостроенный на береговомъ кордонѣ, у оконечности самой длинной лагуны этого есть теперь наиболѣе посѣщаемый портъ ласти Малабара. Внутреннія воды лаобщаются съ водами океана посредискусственнаго канала, а части города, женныя на томъ и другомъ берегу, сожелѣзной дорогой съ слоновой тягой. е защищенъ отъ вѣтровъ и зыби нимысомъ, но суда могутъ стоять тамъ пасности, благодаря одному изъ тѣхъ овъ изъ грязи, еще неизслѣдованныхъ испытателями, которыми усѣяны моря, ющія къ индійскимъ берегамъ. Движеходства въ Аллепскомъ рейдѣ въ теченіе наго 1876—1877 года: въ приходѣ и 776 судовъ, общая грузовмѣстимость къ равнялась 163.000 тоннъ; цѣнность хъ оборотовъ простиралась до 4.355.000 ъ. Портъ Квилонъ, лежащій у подошвы аго мыса, менѣе важенъ въ торговомъ іи, нежели Алеппи, но онъ имѣетъ знаакъ главная военная станція Траванласти, обыкновенно называемой браДхармабхами, что значитъ «Страна дія». Это очень древній городъ: имя вляется въ средневѣковыхъ памятникахъ письменности подъ разными формами— Кауламъ, Колламъ, Колонъ, Коламба, Колумбумъ, а знаменитый венеціанскій путешественникъ Марко-Поло называетъ его Койлумъ. Въ прежнія времена Квилонъ былъ однимъ изъ главныхъ портовъ по вывозу перца, имбиря и дерева «бразильетъ», или сапанъ (Caesalpinia sapan), отъ котораго получила свое имя португальская Америка [1]). Эра Траванкора начинается со времени возстановленія этого города въ 1019 году христіанскаго лѣтосчисленія. Квилонъ сообщается съ Тинневелли колесною дорогою, которая пролегаетъ черезъ цѣпь Кардамоновыхъ горъ и которую въ скоромъ времени замѣнитъ рельсовый путь, соединенный вѣтвью съ Тривандрамомъ, столицей Траванкорскаго государства.

Этотъ большой городъ расположенъ не у самаго моря; песчаная равнина, шириною въ 8 километровъ, отдѣляетъ его отъ морскаго берега, о который постоянно ударяются волны зыби; рѣдкіе корабли бросаютъ якорь противъ этого опаснаго берега. Тривандрамъ построенъ частью на низменныхъ земляхъ, окаймленныхъ болотами, частью на латеритовыхъ пригоркахъ, возвышающихся отъ 15 до 60 метровъ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Крѣпость, окруженная старой стѣной, которая теперь служитъ только къ тому, чтобы удалять отъ королевской резиденціи людей низшей касты, находится въ нижнемъ городѣ; она заключаетъ въ себѣ знаменитый храмъ Вишну, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ по необычайному обилію орнаментовъ изъ рѣзьбы на деревѣ. Тривандрамъ имѣетъ многочисленныя учебныя заведенія; кромѣ того, тамъ существуетъ обсерваторія, а также богатый музей строительнаго искусства и естественной исторіи. Окружающія равнины прокармливаютъ значительное населеніе благодаря лѣсамъ арекъ, кокосовыхъ и вѣерныхъ пальмъ, осѣняющихъ своими кронами домики поселянъ. По статистикѣ Траванкора, пальмовые лѣса этой страны содержатъ свыше 22 милліоновъ деревъ. Сотни пальмъ достаточно, чтобы прокормить и содержать двѣ семьи, доставляя имъ все необходимое для жилища, одежды и даже для удовольствій жизни и удовлетворенія потребностей, относящихся къ роскоши; туземцы насчитываютъ 801 способъ утилизированія древесины, волокна, листьевъ, сока или плодовъ растенія borassus flabelliformis, а «дерево это можетъ приносить плоды тысячу лѣтъ», говоритъ мѣстная пословица [2]).

На восточной покатости населеніе сгруппировалось въ значительномъ числѣ лишь въ мѣстностяхъ, хорошо орошаемыхъ, преимущественно въ бассейнѣ рѣки Кавери; жители рѣдко разсѣяны въ областяхъ нагорья, глав-

---

[1]) Yule, „The Book of ser Marco Polo".
[2]) Mateer, „The Land of Charity".

нымъ образомъ по берегамъ рѣки Пеннаръ, а голодъ 1877 года еще болѣе уменьшилъ ихъ число. Городъ Куддапахъ, близъ южнаго берега Пеннара, имѣетъ нѣкоторую важность, какъ промышленный центръ (фабрики хлопчатобумажныхъ издѣлій); но самый многолюдный городъ лежитъ въ аллювіальной равнинѣ, недалеко отъ моря: это древняя Неллора, гдѣ, при раскопкахъ, нашли монеты временъ императоровъ Траяна, Адріана, Фаустина [1]). Городъ этотъ не имѣетъ порта на Коромандельскомъ берегу, онъ не соединенъ рельсовымъ путемъ и съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, но судоходный каналъ, недавно прорытый, связываетъ его съ Мадрасомъ. Неллора считается литературной столицей земель языка телугу.

Мадрасъ, главный городъ обширной провинціи, или президентства, Южной Индіи и третій городъ Англо-индійской имперіи по числу жителей, не изъ тѣхъ необходимыхъ городовъ, положеніе которыхъ было, такъ сказать, напередъ опредѣлено географическими условіями, какъ притягательныхъ центровъ для населенія, группирующагося въ такихъ мѣстахъ сотнями тысячъ. Можетъ быть, рѣка Паларъ нѣкогда изливалась въ море у Мадраса, но теперь она уклоняется отъ него на большое разстояніе къ югу; правильный плоскій берегъ не изгибается въ этомъ мѣстѣ, чтобы образовать бухту, гдѣ могли бы находить пристанище корабли; море тамъ даже гораздо болѣе опасно, чѣмъ у южныхъ береговъ, и циклоны часто развертываютъ тамъ свои грозныя спирали, тогда какъ въ Пондишери они рѣдко даютъ себя чувствовать; во время этихъ воздушныхъ круговоротовъ суда, неуспѣвшія во-время уйти въ открытое море, обречены на неминуемую гибель; такъ, французскій флотъ, подъ начальствомъ Ла-Бурдонне, потерпѣлъ крушеніе отъ урагана три недѣли спустя послѣ сдачи цитадели. Нельзя не пожалѣть, что факторія Армагомъ, основанная англичанами въ 1628 году, въ 68 километрахъ къ сѣверу отъ Мадраса, на песчаной стрѣлкѣ, ограничивающей съ восточной стороны лагуну Пуликатъ, не была сохранена остъ-индской компаніей, какъ главная ея контора, ибо въ этомъ мѣстѣ морскаго берега, называемомъ также «Блеквудовою гаванью» (Blackwood's Harbour), рейдъ, хорошо защищенный песчаною мелью, представляетъ кораблямъ глубины до 10 метровъ (14 аршинъ) у самаго берега [2]); но береговая полоса, слишкомъ узкая, не была бы достаточна для постройки города. Въ мѣстностяхъ, окружающихъ Мадрасъ, не увидишь ни одной изъ тѣхъ естественныхъ достопримѣчательностей, которыя привлекаютъ толпы посѣтителей и служатъ притягательнымъ центромъ населенію промышленному или торговому; Марко-Поло говоритъ о Майлапурѣ, нынѣшнемъ предмѣстьи Мадраса, какъ о «городкѣ, гдѣ очень мало товара и который не легко доступенъ». Мадрасъ обязанъ своимъ счастьемъ выбору правительства, учредившаго въ немъ мѣстопребываніе главнаго управленія провинціи. Сдѣлавшись мѣстомъ соединенія большихъ дорогъ и каналовъ, затѣмъ пунктомъ, гдѣ сходятся желѣзнодорожныя линіи Южной Индіи, онъ восполнилъ недостатокъ естественныхъ выгодъ географическаго положенія тѣми преимуществами, которыя создаются трудомъ человѣка: ему недоставало только искусственнаго порта, чтобы стать соперникомъ Калькутты. Съ половины прошлаго столѣтія суммарныя, далеко не точныя исчисленія приписывали ему милліонное населеніе; но первая правильная перепись, произведенная въ 1871 году, не нашла даже 400 000 жителей въ городѣ и его предмѣстьяхъ; десять лѣтъ спустя это число увеличилось всего только нѣсколькими тысячами.

Если Мадрасъ не можетъ сравниться съ большими городами земнаго шара многочисленностью населенія, то онъ занимаетъ столь же обширное пространство, какъ многіе города, втрое или вчетверо болѣе многолюдные; отъ лимана Адіаръ, составляющаго южную его границу, до сѣверныхъ предмѣстій строенія слѣдуютъ непрерывнымъ рядомъ вдоль берега моря на протяженіи 13 километровъ. Вся площадь Мадраса равна 70 квадрат. километрамъ, но значительная часть этой территоріи состоитъ изъ полей, окружающихъ уединенныя пригородныя деревни или поселки. Самая значительная часть города, которую англичане называютъ Black town, «Чернымъ городомъ», потому что она населена преимущественно туземцами, есть въ то же время средоточіе крупной торговли. На южной сторонѣ, близъ морскаго берега, стоитъ фортъ св. Георгія, окруженный обширными эспланадами и заключающій нѣкоторыя изъ присутственныхъ мѣстъ, но не имѣющій болѣе никакой важности, какъ цитадель. За длиннымъ узкимъ озеромъ, которое называютъ рѣкой Куамъ, хотя она большую часть года бываетъ отдѣлена отъ моря, простирается кварталъ Трипликанъ, затѣмъ слѣдуютъ еще другія лагуны и мѣстечко Сенъ-Томе (прежде Майлапуръ). Внутри материка нѣсколько кварталовъ, населенныхъ каждый особенной кастой, составляютъ какъ бы отдѣльные города, отдѣленные одинъ отъ другаго полями, садами или прудами. Большая часть домовъ ослѣпительной бѣлизны, благодаря *чунаму*, особаго рода штукатуркѣ, которою покрываютъ камень и которая нѣжностью зерна не уступаетъ лучшему мрамору; но замѣчательныхъ памятниковъ архитектуры мало. Городъ имѣетъ музей строительнаго искусства, естественной исторіи и, въ своемъ колледжѣ, дра

---

[1]) Hunter, „Imperial Gazetteer of India".
[2]) Taylor, „The Harbours of India".

гоцѣнную коллекцію Макензи, одно изъ важнѣйшихъ собраній для изученія исторіи и этнографіи Индіи. Обсерваторія, находящаяся за городомъ, съ западной стороны, служитъ начальною точкою тріангуляціи Южной Индіи и регулируетъ часы желѣзнодорожныхъ станцій (точное положеніе ея 13°4'6" с. ш. и 80°17'22" в. д. отъ Гринвича или 77°57'1" отъ Парижа); черезъ эту обсерваторію проходитъ главный меридіанъ Индіи, пересѣкающій Цейлонъ, или «Ланку», какъ и меридіанъ древнихъ индусскихъ астрономовъ.

Несмотря на трудности причаливанія для купеческихъ кораблей, Мадрасъ занимаетъ, по размѣрамъ торговли, какъ и по числу жителей, третье мѣсто между городами Индіи. Въ среднемъ выводѣ годовое движеніе судоходства въ рейдѣ, по приходу и отходу, достигаетъ 3.000 большихъ судовъ, съ грузомъ около полутора милліона тоннъ; главные предметы вывоза составляютъ кофе, сахаръ, индиго, маслянистыя и красильныя вещества, хлопокъ, колоніальные продукты, обмѣниваемые на европейскія мануфактурныя произведенія, преимущественно ткани и металлическія издѣлія. Въ 1877 году голодъ, свирѣпствовавшій во внутреннихъ провинціяхъ, увеличилъ почти на треть общую сумму торговыхъ сдѣлокъ. Обороты внѣшней торговли Мадраса въ 1893 г.: привозъ—на 63.290.000, вывозъ—на 54.712.000 рупій. Извѣстно, что въ прежнее время Мадрасъ принадлежалъ къ числу городовъ, очень неудобныхъ для судоходства по причинѣ затруднительности подступа. Суда бросали якорь на разстояніи отъ 800 до 1.600 метровъ отъ берега, и потому товары и пассажировъ нужно было перевозить на землю черезъ послѣдовательныя волны зыби въ шеллингахъ, или *массулахъ*, большихъ лодкахъ изъ манговаго дерева, всѣ части которыхъ обложены циновками, сшитыми кокосовой ниткой, для того, чтобы лодка сохраняла свою упругость подъ ударами волнъ; когда море бушевало и волны поднимались на нѣсколько метровъ по бокамъ корабля, пассажировъ нужно было привязывать къ креслу, повѣшенному на шестѣ, и такимъ образомъ спускать въ шеллингъ, пляшущій на волнахъ. Туземцы употребляютъ катамаранъ, родъ плота, по которому перекатываются волны, унося иногда и гребцовъ, которыхъ минуту спустя опять видишь карабкающимися на свой утлый челнъ. Теперь построено жете въ 335 метровъ, позволяющее большинству судовъ причаливать къ дамбѣ и высаживать пассажировъ; но зыбь до такой степени сильна, что этотъ молъ уже два раза былъ разрушенъ судами, выброшенными поперегъ плотины. Съ 1874 года работаютъ надъ сооруженіемъ искусственнаго порта, обширнаго прямоугольника, имѣющаго около 1.000 метровъ длины въ каждой сторонѣ, гдѣ самые большіе корабли найдутъ безопасное пристанище въ гавани, глубина которой не менѣе 12 и 13 метровъ; циклоны уже не разъ прерывали работы и разрушили часть начатыхъ моловъ.

Въ 10 и 15 километрахъ къ юго-западу отъ форта св. Георгія, считаемаго оффиціальнымъ центромъ Мадраса, возвышаются два холма, которые извѣстны подъ именемъ «горъ» св. Ѳомы и на которыхъ, по преданію, пустынножительствовалъ апостолъ. Португальская церковь, построенная на «большой горѣ», самой дальней изъ этихъ горокъ, заключаетъ древній крестъ съ надписью на языкѣ пельви, относящейся къ седьмому или восьмому столѣтію; но вѣроятно, что святыня, о которой говоритъ Марко-Поло и которую христіане и «сарацины» посѣщали съ одинаковымъ благоговѣніемъ, стояла на вершинѣ «малой горы» апостола Ѳомы, въ Майлапурѣ [1]). Неподалеку отъ этого холма находится вилла губернатора, замѣчательная своими садами. Но на линіи желѣзной дороги, которая поднимается на западъ, затѣмъ на сѣверо-западъ, къ Майсурскимъ плоскогорьямъ, нѣкоторыя индусскія святыни привлекаютъ гораздо бо̀льшую массу богомольцевъ, чѣмъ часовня апостола Ѳомы. Въ Тирутани, или Тритани, ежегодно болѣе сотни тысячъ пилигримовъ останавливаются на станціи, чтобы помолиться въ храмѣ, посвященномъ богу Сивѣ; въ Тирупати, или Трипати, вѣрующіе стекаются въ еще большемъ числѣ. Храмъ, посвященный одному изъ воплощеній бога Вишну, стоитъ на пикѣ, высотою въ 800 метровъ, голомъ каменномъ конусѣ, окруженномъ другими горными вершинами, тоже безъ всякой растительности; дорога, длиною въ 10 километровъ, слѣдуетъ по склонамъ горы и проходитъ подъ тремя порталами, куда европеецъ былъ допущенъ въ первый разъ только въ 1870 году. Несмотря на приношенія пилигримовъ, храмъ въ Тритани, бѣдный украшеніями, имѣетъ видъ ветхой, полуразвалившейся лачуги. Самые любопытные памятники въ окрестностяхъ Мадраса—это «Семь Пагодъ» и священные гроты Магалипуръ, или «городъ Великаго Бали» (Магамалайпурамъ, Мавалипуръ), которые находятся на берегу моря, километрахъ въ пятидесяти къ югу отъ Мадраса. Въ этомъ мѣстѣ небольшой гранитный массивъ возвышается, на подобіе острова, среди песчаныхъ равнинъ. Утесы скалы изрыты пещерами, изъ которыхъ однѣ грубо изваяны, другія расположены въ формѣ храмовъ, которымъ предшествуютъ портики и колоннады. Посреди моря, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега и среди выступающихъ подводныхъ камней, о которыхъ туземцы говорятъ, что это развалины затонувшаго города, высится пирамидальная пагода, стоящая напротивъ двухъ святилищъ болѣе новаго про-

---

[1]) Yule, „The Book of ser Marco Polo“.

исхожденія, посвященныхъ Сивѣ и Вишну. Наконецъ, тамъ же находится длинная гранитная горка, совершенно изсѣченная снаружи и внутри, такъ что вся каменная масса образуетъ пять отдѣльныхъ храмовъ. Вмѣстѣ съ знаменитымъ Кайласомъ, въ Эллорѣ, это единственные примѣры зодчества этого рода, какіе существуютъ въ Индіи. Монолиты эти принадлежатъ нѣсколькимъ вѣкамъ: обнимая періодъ времени отъ шестаго до четырнадцатаго столѣтія христіанской эры, тутъ слѣдуютъ одинъ за другимъ различные стили — буддійскій, джайнскій, дравидскій, — въ колоннадахъ, скульптурныхъ произведеніяхъ и надписяхъ [1]).

Рѣка Паларъ, изливающаяся въ море на небольшомъ разстояніи къ югу отъ Семи Пагодъ, близъ древняго города Садрасъ, орошаетъ богатую мѣстность. Городъ Веллоръ, крѣпость, прославившаяся въ исторіи войнъ прошлаго столѣтія, не имѣетъ болѣе трехъ рвовъ, которые англичане населили крокодилами [2]): это торговый и цвѣтущій центръ населенія, тогда какъ сосѣдній городъ, Аркотъ, бывшая столица Карнатики, теперь въ упадкѣ: отъ былаго величія въ немъ остались только мечети да надгробные памятники; съ военной точки зрѣнія, европейскій городокъ Ранипетъ, лежащій на лѣвомъ берегу Палара, имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ Веллоръ. Далѣе на востокѣ, тоже въ долинѣ Палара, большой городъ Конджеварамъ, соединенный съ главною желѣзнодорожною линіею Коромандельскаго берега вѣтвью изъ Чинглепута, замѣчателенъ своими огромными пагодами, изъ которыхъ одна, имѣющая 57 метровъ высоты, есть самый высокій храмъ въ Южной Индіи. Въ 1780 году, двадцати-пяти-тысячная армія англичанъ и сипаевъ, расположенная въ оградѣ этого храма, выдерживала осаду противъ войскъ Гайдаръ-Али. Съ вершины узорчатой пирамиды можно, въ ясный день, видѣть гору св. Ѳомы, находящуюся въ разстояніи 64 километровъ къ сѣверо-востоку.

Между Паларомъ и южнымъ Пеннаромъ, или Понсаромъ, самый многолюдный городъ приморья—французскій Пондишери, Понду-черри или Пуль-черри, «Новая деревня», который люди высшей касты называютъ Понду-Нагаръ, что значитъ «Новый замокъ». Это самый важный изъ городовъ, которые Франція сохранила изъ своей прежней колоніальной имперіи въ Индіи. Купленное въ 1693 году комендантомъ Мартеномъ, взамѣнъ города св. Ѳомы, которымъ незадолго передъ тѣмъ овладѣли голландцы, маленькое поселеніе паріевъ быстро разрослось; въ теченіе большей части восемнадцатаго столѣтія Пондишери былъ центромъ значительнаго торговаго движенія. Взятый англичанами, онъ былъ возвращенъ Франціи лишь въ 1816 году; но, въ силу трактатовъ, французскому правительству воспрещено возводить какія бы то ни было укрѣпленія на этомъ владѣніи и содержать тамъ какуюлибо вооруженную силу, исключая полицейской стражи. Кромѣ того, территорія была раздѣлена самымъ страннымъ образомъ и представляетъ крайне запутанную чересполосицу: вездѣ, даже у воротъ Пондишери, энклавы или участки британской почвы врѣзываются клиномъ во французскіе округа, давая англичанамъ возвышенныя позиціи, удобныя для установки батарей; здѣсь дорога принадлежитъ Англіи, тогда какъ рвы, которыми она обведена, стоятъ подъ французскою юрисдикціей; далѣе, прудъ зависитъ отъ мадрасскаго начальства, тогда какъ земли, орошаемыя проведенными изъ него ирригаціонными каналами, подвѣдомственны пондишерійскимъ властямъ; есть даже пространство, находящееся въ нераздѣльномъ владѣніи: это полоса земли вокругъ деревни Вадануръ, гдѣ доля собственности, принадлежащая французскому правительству, составляетъ лишь пять двѣнадцатыхъ. Вся территорія, такъ курьёзно размежеванная, равняется 29.122 гектарамъ, и около двухъ третей ея занимаютъ воздѣланныя земли. Рисовыя поля, плантаціи хлопчатника и индиго, участки, засѣянные бананами, лѣски и рощи пальмъ и другихъ деревъ покрываютъ все пространство, которое не занято подъ дороги, пруды или постройки туземныхъ деревень и европейскихъ поселеній, называемыхъ альдеями [1]).

Когда территорія Пондишери была возвращена Франціи, населеніе ея составляло около 25.000 душъ; теперь оно удвоилось въ самомъ городѣ и ушестерилось въ округѣ; но европейцевъ, не считая метисовъ (помѣсей), называемыхъ *топа*, т. е. «шляпниками» (потому что они носятъ шляпы), едва наберется тысяча душъ. «Бѣлый городъ», образующій неправильный осьмиугольникъ, расположенъ вдоль морскаго берега, и улицы въ немъ пересѣкаются подъ прямымъ угломъ. Дома почти всѣ отдѣлены отъ улицы маленькими дворами, красиво усаженными цвѣтами, и каждый годъ заново покрываются штукатуркой блестящаго бѣлаго, какъ мраморъ, цвѣта или различныхъ цвѣтовъ, желтаго, голубаго, краснаго, золотистожелтаго, алаго. Внѣ полигона «бѣлаго города» тянутся обширные кварталы на сѣверномъ берегу, среди лѣса кокосовыхъ пальмъ, тамариндовъ, акацій, тюльпановыхъ деревьевъ, и дороги, направляющіяся внутрь материка, обставлены по бокамъ «черными городами», на половину затерянными въ зелени. Отъ Губернаторской площади до Вилленура, на протяженіи около 10 верстъ, постоянно идешь меж-

[1]) Fergusson, „Picturesque Illustrations of ancient Architecture in Hindostan".

[2]) Perrin, „Voyage dans l'Indostan".

[1]) Canmain, рукописныя замѣтки.

ду рядами домовъ и фруктовыхъ садовъ. Прекрасные парки и акклиматизаціонный садъ способствуютъ, вмѣстѣ съ лѣсами, ассенизаціи

Типы племени тоддовъ.

атмосферы, но на югѣ рѣка Ганги, или Аріанкупомъ, не имѣющая сообщенія съ моремъ въ сухое время года, разливается въ видѣ нездоровыхъ лагунъ. Прежде жители Пондишери должны были употреблять очень дурную, вредную для здоровья, воду; теперь городъ получаетъ отличную воду изъ семи артезіанскихъ колодцевъ, выкопанныхъ на различныхъ глубинахъ, отъ 24 до 172 метровъ. Немногіе изъ англійскихъ городовъ низменныхъ равнинъ Индіи могутъ сравниться, въ отношеніи чисто-

ты и хорошаго содержанія, со «старою Пондп», какъ ее нѣжно называютъ туземцы. Но по размѣрамъ торговли французскій городъ, окруженный поясомъ таможенъ и располагающій незначительнымъ округомъ, далеко не имѣетъ той важности, какъ англійскіе города, равные ему по количеству народонаселенія. А между тѣмъ, на сторонѣ его то преимущество, что онъ омывается гораздо болѣе спокойнымъ, менѣе волнующимся моремъ, чѣмъ Мадрасъ, и что сосѣднія съ нимъ воды никогда не испытываютъ потрясеній, производимыхъ въ другихъ мѣстахъ циклонами. Чугунное жете, длиною слишкомъ въ 200 метровъ, лучше содержимое, чѣмъ мадрасское, облегчаетъ разгрузку кораблей, и маякъ, первый по времени сооруженія на восточномъ берегу Полуострова, освѣщаетъ, съ 1835 года, проходы якорной стоянки судовъ. Въ 1879 году желѣзная дорога, построенная въ большей части на средства самой колоніи, соединила Пондишери съ сѣтью желѣзныхъ путей англійской Индіи.

Движеніе внѣшней торговли въ Пондишери въ 1892 г.: привозъ—5.000.000 франк., вывозъ—19.300.000 франк.

Главные промыслы города – приготовленіе табачныхъ издѣлій и тканье матерій; одна изъ его прядильныхъ фабрикъ даетъ занятіе 2.000 рабочихъ; 4.000 ткацкихъ станковъ дѣйствуютъ въ его территоріи. Пондишерійскіе туземцы лучше знаютъ и чище говорятъ по-французски, чѣмъ жители большихъ городовъ Индійской имперіи по-англійски [1]).

Гудалуръ или Куддалоръ, «Городъ сліяній», получившій такое названіе отъ двухъ рѣкъ Гуддиламъ и Паравануръ, впадающихъ тамъ въ море (впрочемъ, только въ періодъ дождей), лежитъ на Коромандельскомъ берегу, въ разстояніи всего какихъ-нибудь 25 километровъ къ югу отъ Пондишери. Онъ состоитъ въ дѣйствительности изъ двухъ отдѣльныхъ городовъ— европейскаго и туземнаго; въ пяти километрахъ къ сѣверо-западу видны развалины крѣпости св. Давида, которая впродолженіи шести лѣтъ, съ 1746 по 1752 годъ, была столицей англійскихъ владѣній въ Южной Индіи и которою французы дважды овладѣвали, — въ первый разъ въ 1758, во второй въ 1782 году. Порто-Ново (Новый-Портъ) или Феринги-петъ, «Городъ Франковъ», слѣдующій за Гудалуромъ на Коромандельскомъ берегу, ведетъ лишь незначительную каботажную торговлю, еще въ меньшихъ размѣрахъ, нежели Гудалуръ. Менѣе чѣмъ въ 15 километрахъ къ югу отъ Новаго Порта находятся городъ и знаменитые храмы Чедамбарамъ или Чиламбрамъ. Главный памятникъ, или «Золотое Святилище», посвященное богу Сивѣ, представляетъ обширное собраніе построекъ, окруженное стѣной длиною въ 1.600 метровъ. Четыре восьми-этажные портала, или *гопуры*, ведутъ въ преддверія храма. Одна изъ узорчатыхъ пирамидъ, отражающихся въ зеркальной поверхности священнаго пруда, покоится на цѣломъ лѣсѣ колоннъ-монолитовъ: это «храмъ съ тысячью столбовъ»; но нѣкоторыя изъ колоннъ опрокинуты; осталось только 974. Невольно дивишься при мысли о томъ громадномъ трудѣ, который представляютъ эти колоссальныя зданія, воздвигнутыя изъ глыбъ гранита, имѣющихъ до 13 метровъ длины; а между тѣмъ ближайшія каменоломни находятся оттуда на разстояніи слишкомъ 60 километровъ. Декабрьская ярмарка, на которую стекаются пилигримы и купцы, соединяетъ иногда до 80.000 человѣкъ вокругъ Чедамбарамскихъ храмовъ [1]). Во всемъ мірѣ нѣтъ страны, гдѣ на территоріи относительно не обширной можно было бы встрѣтить такое множество памятниковъ зодчества, поражающихъ своимъ богатствомъ, колоссальностью размѣровъ и въ особенности своею изумительною обшивкою изъ скульптурныхъ украшеній; кажется, что цѣлый народъ движется на ступеняхъ этихъ пирамидальныхъ массъ. Города Майяверамъ и Хумбоконамъ, на танджорской желѣзной дорогѣ, заключаютъ въ себѣ нѣкоторые изъ этихъ великолѣпныхъ храмовъ, славящихся во всей Индіи, какъ одно изъ «семи» чудесъ дравидскаго міра.

Эти многочисленныя пагоды сгруппированы недалеко отъ сѣверной вѣтви Кавери: мы находимся уже въ бассейнѣ этой рѣки, которая беретъ начало въ 500 километрахъ къ западу на восточной отлогости Кургскихъ горъ; одинъ изъ ея верхнихъ притоковъ проходитъ у подошвы холма, на которомъ раскинулась Меркара, столица территоріи и «красивѣйшій городъ южной Индіи» [2]). Знаменитый городъ Серингапатамъ (Сриравгапатамъ), или «Градъ бога Вишну», бывшая столица Майсурскаго государства, расположенъ на островѣ, покрытомъ рисовыми полями и плантаціями сахарнаго тростника. Укрѣпленія, возведенныя султаномъ Типпо-Саибомъ, остались до сихъ поръ въ томъ же состояніи, въ какомъ они находились на другой день штурма, произведеннаго англичанами въ 1799 году; только бреши въ стѣнахъ заросли деревьями и ліанами, которыя придаютъ цѣлому необыкновенно живописный видъ; кое-какіе остатки дворцовъ видны еще посреди ограды. Серингапатамъ не былъ возвращенъ Майсурскому государю побѣдителями; составляя непосредственное владѣніе британскаго правительства, онъ только отданъ во временное пользованіе или въ аренду магараджѣ. По причинѣ своего, очень нездороваго для ев-

---

[1]) Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“.

[1]) Paris „Tour du Monde“, 1867.

[2]) Clements Markham, „Travels in Peru and India“.

ропейцевъ, климата, Серингапатамъ былъ покинутъ, какъ мѣсто расположенія войска на кантониръ-квартирахъ; въ концѣ прошлаго столѣтія, 500 французовъ съ острова св. Маврикія, жившіе при дворѣ султана Типпо-Саиба, почти всѣ сдѣлались жертвой лихорадки; черезъ четыре года оставалось въ живыхъ только 25 человѣкъ. Въ настоящее время населеніе острова, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ меньше той цифры, которой оно достигало въ прошломъ столѣтіи.

Нынѣшняя резиденція — Майсуръ (Майсоръ), построенный на болѣе возвышенной мѣстности, въ 16 километрахъ къ юго-востоку отъ Серингапатама; но администрація края имѣетъ свое пребываніе въ городѣ Бангалорѣ, въ восточной части княжества и вблизи англійской границы. Этотъ городъ, лежащій на высотѣ 924 метровъ, считается самымъ здоровымъ во всемъ Майсорскомъ государствѣ, и потому тамъ поселились тысячи европейцевъ, преимущественно ветераны; одинъ бангалорскій кварталъ, съ его виллами, церквами, музеемъ, паркомъ и садами, имѣетъ видъ совершенно британскаго города. Туземное населеніе, очень трудолюбивое, занимается выдѣлкой ковровъ и тканьемъ матерій, шелковыхъ и бумажныхъ. Торговля Бангалора, особенно по сбыту хлѣбныхъ продуктовъ и хлопка, весьма значительна и должна еще болѣе увеличиться съ проведеніемъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя соединятся въ этомъ городѣ съ сѣтью рельсовыхъ путей Южной Индіи. Одна изъ этихъ линій будетъ проведена на Гасанъ, городъ, лежащій на восточномъ склонѣ Гатскихъ горъ, недалеко отъ перевала, черезъ который пролегаетъ обыкновенная дорога, спускающаяся къ Мангалору. Въ сосѣдствѣ Гасана есть нѣсколько храмовъ, которые принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ религіознымъ памятникамъ Дравидіи по необычайному богатству и разнообразію скульптурныхъ украшеній. Вокругъ стѣнъ святилища Галебидъ, на протяженіи слишкомъ 200 метровъ, развертываются расположенные поясами одинъ надъ другимъ фризы, представляющіе слоновъ, тигровъ, лошадей, быковъ, птицъ, символическихъ животныхъ; цѣлыми тысячами насчитываются фигурки, изваянныя рѣзцомъ съ удивительнымъ совершенствомъ. Колоссальный лежащій быкъ, длиною въ 27 метровъ (12,6 саженъ), охраняетъ сѣверный входъ зданія [1]).

На югъ отъ Майсура лежитъ Утакамундъ, главный городъ Голубыхъ горъ и важнѣйшая санитарная станція южной Индіи, городъ новаго происхожденія; его отели, виллы и дачи разсѣяны на значительномъ пространствѣ, на средней высотѣ 2.200 метровъ; на востокѣ высятся крутые склоны Додабетты. Котагири (Хотагерри) и Коннуръ тоже населены европейцами. Англійскіе города получили большую важность, какъ центры культуры для экзотическихъ растеній; въ Утакамундѣ существуетъ три опытныхъ сада, которые расположены одинъ надъ другимъ на различныхъ высотахъ по отлогостямъ плоскогорья. Первые отсадки хиннаго дерева были привезены изъ Перу въ Индію въ 1860 году, и уже два года спустя 25.000 деревъ отлично произрастали въ окрестностяхъ Утакамунда [1]); теперь обширные лѣса хиннаго дерева замѣнили бо̀льшую часть травяныхъ пространствъ и джунглей плоскогорья и доставляютъ англійскимъ арміямъ обильный запасъ противолихорадочной коры. Однако, главныя плантаціи на Ниль-Гири — кофейныя, и съ 1840 года многочисленные концессіонеры расчистили подъ насажденія кофейнаго дерева склоны горъ между 800 и 1.500 метровъ высоты. Далѣе на сѣверъ, область Вайнадъ даетъ еще болѣе обильные сборы кофе, чѣмъ плантаціи Голубыхъ горъ, и во время кофейнаго сезона дороги, спускающіяся къ морскому прибрежью, бываютъ загромождены вереницами телѣгъ, нагруженныхъ этимъ продуктомъ. Въ послѣднее время Вайнадъ получилъ исключительную важность, благодаря своимъ золотымъ пріискамъ, которые прежде разработывались индусами, но затѣмъ, вслѣдствіе войнъ, были покинуты, несмотря на ихъ богатство. Мѣсторожденія драгоцѣннаго металла вездѣ соединены съ жилами или «рифами» бѣлаго кварца, толщиною отъ 6 до 10 метровъ, которыя выступаютъ наружу изъ массъ гнейса или гранита; туземные рудокопы разбивали этотъ золотоносный кварцъ при помощи огней, зажигаемыхъ въ углубленіяхъ, пробитыхъ въ скалѣ; теперь возлѣ особенно богатыхъ металломъ пластовъ установлены камнедробильныя машины. Главные золотые пріиски находятся въ сосѣдствѣ Девалы, лежащей въ 44 километрахъ къ югу отъ Манантавади, главнаго города области Вайнадъ. Акціонерный капиталъ золотопромышленныхъ компаній Вайнада, въ апрѣлѣ 1881 года, составлялъ 75.000.000 фран.

Городъ Паль-Гатъ, который наблюдаетъ за порогомъ или *гатомъ* того же имени, открывающимся между горными массами Ниль-Гири и Анамалахъ, привлекаетъ путешественниковъ, какъ мѣсто перевала и какъ рынокъ; этотъ нѣкогда важный стратегическій пунктъ сдѣлался торговымъ мѣстомъ съ тѣхъ поръ, какъ въ странѣ воцарился «британскій миръ». Но самый многолюдный городъ этой раздѣльной области — Коимбатуръ, лежащій тоже на большой дорогѣ и при желѣзномъ пути изъ Мадраса въ Бейпуръ: здѣсь сходятся дороги, которыя спускаются съ двухъ горныхъ массивовъ, высящихся другъ противъ друга; сосѣдняя пагода,

[1]) James Fergusson, „History of Architecture".

[1]) Clements Markham, „Travels in Peru and India".

находящаяся въ Перурѣ, есть одна изъ наиболѣе чтимыхъ святынь Индіи, одинъ изъ трехъ единственныхъ индусскихъ храмовъ, которые пощадилъ мусульманскій фанатикъ, султанъ Типпо-Саибъ. На сѣверо-востокѣ, городъ «Скалы», Шеламъ или Селамъ,—имя, которое англичане, по библейскому воспоминанію, передѣлали въ Салемъ,—превзошелъ Коимбатуръ въ важности, благодаря плодородію окружающей равнины, гдѣ ирригаціонная вода, проведенная на поля и плантаціи изъ 200 резервуаровъ, обильно орошаетъ почву, производящую богатые урожаи индиго, хлопка, табаку. Въ окрестныхъ невысокихъ холмахъ добываютъ желѣзную руду, изъ которой выдѣлывается превосходная сталь. Культура кофейнаго дерева также была введена въ долинахъ горъ Шиварай, господствующихъ на сѣверо-востокѣ надъ Салемской равниной, и англичане основали уже тамъ маленькую санитарную деревню, Еркадъ, на высотѣ 1.310 метровъ.

Большой городъ Тричинаполи, самое значительное городское поселеніе къ югу отъ Мадраса и Пондишери, занимаетъ стрѣлку дельты Кавери, центръ расхожденія каналовъ, которые разносятъ плодородіе въ «этотъ садъ полуденной Индіи», столь богатый рисовыми полями, пальмовыми лѣсами, фруктовыми садами, табачными плантаціями. Кварталъ крѣпости, стѣны которой недавно срыты, окружаетъ гнейсовую скалу, возвышающуюся на 82 метра, на верхушкѣ которой стоятъ храмъ Сивы и нѣкоторыя другія строенія; эта горка, гладкія стѣны которой испещрены разноцвѣтными полосами, происходящими отъ стока дождевой воды и порослей лишаевъ, подала поводъ къ разнымъ легендамъ, вслѣдствіе которыхъ городъ и получилъ имя Тричинаполи, означающее «градъ триглавыхъ демоновъ». Это одна изъ позицій, которыя французы и англичане всего энергичнѣе оспаривали другъ у друга во время войнъ прошлаго столѣтія. Съ вершины скалы видъ простирается на западъ до горъ, которыя ограничиваютъ равнину, усѣянную другими глыбами гнейса, совершенно уединенными, такъ же, какъ и горка въ Тричинаполи. На сѣверѣ, на одномъ изъ острововъ рѣки Кавери, стоятъ высокіе порталы пирамидальной формы, или гопуры, прекраснаго Срирангамскаго (Серингамскаго) храма, посвященнаго богу Вишну, храма, который впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ служилъ цитаделью французамъ [1]; если бы этотъ памятникъ религіознаго зодчества, относящійся, по времени сооруженія, къ первымъ годамъ восемнадцатаго столѣтія, былъ оконченъ, онъ имѣлъ бы двадцать гопуръ или порталовъ, изъ которыхъ каждый, по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ, представлялъ бы отдѣльный памятникъ. Другое величественное зданіе, въ сосѣдствѣ съ предыдущимъ, было построено въ честь Сивы; такимъ образомъ, въ Южной Индіи храмы распредѣляются по-парно, такъ что каждая пара посвящена двумъ главнымъ богамъ современнаго пантеона.

Танджоръ или Танджавуръ, къ востоку отъ Тричинаполи и недалеко отъ центра дельты, былъ нѣкогда столицей индусскаго царства Чола или Чора, названіе котораго, по мнѣнію большинства этимологовъ, находится въ имени Коромандель. Танджоръ—промышленный городъ, и его галантерейныя издѣлія славятся не менѣе тѣхъ же издѣлій, фабрикуемыхъ въ Тричинаполи; но красу и гордость его составляетъ знаменитый храмъ четырнадцатаго столѣтія, если не самый обширный, то первый по чистотѣ стиля и красивѣйшій изъ всѣхъ памятниковъ религіознаго зодчества, какіе существуютъ въ дравидійскихъ странахъ. Главная пирамида, или *вимар*, возвышающаяся на 60 метровъ и увѣнчанная куполомъ-монолитомъ, состоитъ изъ тринадцати этажей, поддерживаемыхъ кубическимъ цоколемъ, съ двумя расположенными одинъ надъ другимъ рядами колоннъ; характеристическіе мотивы его архитектуры—это изваянія въ формѣ вѣера, которыя, вѣроятно, напоминаютъ перья павлина, священной птицы. Одна изъ сосѣднихъ пагодъ, посвященная Субраманьѣ, сыну Сивы, еще болѣе замѣчательна изяществомъ формы и совершенствомъ деталей: не будь такого обилія скульптурныхъ украшеній, можно бы было подумать, что видишь передъ собою произведеніе итальянскаго зодчества эпохи возрожденія. На юго-востокѣ, храмъ въ Манаргуди пользуется почти такою же славой, какъ и танджорскій; онъ тоже причисляется къ «семи» знаменитымъ пагодамъ.

Мѣстности столь плодоносныя и столь густо населенныя, какъ равнины по нижнему теченію Кавери, должны бы были имѣть значительный портъ, который служилъ бы имъ посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ заграничными рынками: но берегъ на восточномъ фронтѣ дельты опасенъ для кораблей, и потому почти все движеніе торговаго обмѣна производится черезъ мадрасскій рейдъ. Однако, желѣзная дорога, соединяющая города Тричинаполи и Танджоръ, приноситъ на набережныя Негапатама много произведеній края, которыя лаббаи, арабы смѣшанной расы, захватившіе въ свои руки почти всю мѣстную торговлю, отправляютъ на островъ Цейлонъ, въ Рангунъ, въ Сингапуръ. Средняя годовая цѣнность внѣшней торговли негапатамскаго порта за пятилѣтній періодъ, съ 1875 до 1880 года, составляла 22.820.000 франковъ. Негапатамъ, или «Змѣиный городъ», уже извѣстный древнимъ грекамъ подъ именемъ Нигамосъ, есть одинъ изъ первыхъ городовъ, попавшихъ во власть

---

[1]) Grandidier, „Tour du Monde“, XX, 1869.

европейцевъ. Португальцы, голландцы, англичане послѣдовательно смѣняли другъ друга въ качествѣ чужеземныхъ владѣтелей. Километрахъ въ двадцати къ сѣверу отъ Негапатама, на одномъ изъ рукавовъ рѣки Кавери, находится городъ Карикаль, французская контора, вторая въ Индіи по важности торговыхъ сношеній; суда, вмѣстимостью до 200 тоннъ, привозящія, по большей части, лѣсъ и европейскіе мануфактурные товары, приходятъ туда за грузами риса для Цейлона, Франціи, острова Соединенія. Пространство территоріи Карикаль: 135.2 кв. килом.; народонаселеніе въ 1895 году: 60.376 душъ. Хотя несоединенный съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, Карикаль остался цвѣтущимъ городомъ, тогда какъ Транкебаръ, или Тарагамбади, — по-тамильски «Городъ Волнъ», – пришелъ въ упадокъ. Негапатамская желѣзная дорога отвлекла отъ него всю торговлю. Транкебаръ впродолженіи двухъ слишкомъ столѣтій былъ датской колоніей; затѣмъ, вмѣстѣ съ городомъ Серампуромъ, онъ былъ проданъ Англіи за 500.000 франковъ. Первая протестантская миссія, появившаяся на почвѣ Индіи, была основана въ Транкебарѣ.

На югѣ бассейна Кавери, Мадура долгое время была метрополіей южной Индіи; она была столицей того царства пандіевъ или пандіоновъ (Пандіа мандаламъ), о которомъ говорятъ греческіе географы и которое посылало два посольства въ Римъ; по словамъ лѣтописей, она была основана въ пятомъ столѣтіи до Р. Х. иммигрантами, пришедшими съ сѣвера. Въ началѣ христіанской эры царство это было главнымъ центромъ образованности на Полуостровѣ; въ ту эпоху школьное ученье стало уже обязательнымъ для всѣхъ дѣтей, достигшихъ пятилѣтняго возраста; ихъ вводили въ школу, къ подножію статуи Ганесы, бога мудрости, и съ большою торжественностью вписывали ихъ имена въ публичные реестры. Своимъ названіемъ Мадура, вѣроятно, была обязана священному городу на берегахъ Джамны, Мутрѣ, или Матурѣ; полагаютъ, что и островъ Мадура, близъ Явы, получилъ то же самое наименованіе отъ индусовъ, приходившихъ туда проповѣдывать свой культъ. Древній городъ, частью вновь отстроенный и ассенированный англичанами, сохранилъ нѣкоторые памятники своего прошлаго, между прочимъ, одну пагоду, порталъ которой (недоконченный) и нефъ могутъ сравниться со всѣмъ, что Полуостровъ имѣетъ наиболѣе великолѣпнаго и наиболѣе смѣлаго по замыслу среди своихъ многочисленныхъ памятниковъ религіознаго зодчества [1]). Дворецъ, который по времени постройки относится къ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія, представляетъ образцовое произведеніе гражданской архитектуры въ Южной Индіи: мавританское искусство соединилось въ немъ съ индусскимъ стилемъ и придаетъ ему больше изящества и граціи, облегчивъ его отъ подавляющаго хаоса безчисленныхъ миѳологическихъ изваяній; преданіе гласитъ, что постройка этого дворца производилась подъ руководствомъ какого-то европейскаго мастера.

Мадура соединена желѣзною дорогой, съ одной стороны, съ городомъ Диндигалемъ, съ другой—съ городомъ Тинневелли. Диндигаль былъ нѣкогда очень важнымъ пунктомъ въ стратегическомъ отношеніи, благодаря своему положенію у подошвы укрѣпленнаго пригорка, командующаго дорогами на востокѣ горъ Пальни; Тинневелли – главный городъ конечнаго округа Индіи, между мысомъ Коморинъ и Рыболовнымъ берегомъ. Тинневелли стоитъ при рѣкѣ Тамрапарни и образуетъ два города-близнеца съ Паламкоттаемъ, построеннымъ на противоположномъ берегу той же рѣки, въ 4 километрахъ къ юго-востоку. Титулъ главнаго города принадлежитъ Тинневелли, но мѣстопребываніе окружнаго управленія находится въ Паламкоттаѣ. Европейскіе резиденты обоихъ этихъ городовъ часто отправляются на дачу въ городъ Куталламъ, лежащій на западѣ, близъ водопадовъ верхней Тамрапарни, и въ проломѣ горъ, чрезъ который проходятъ юго-западные вѣтры, освѣжающіе раскаленную удушливую атмосферу надъ равнинами. На востокѣ, вѣтвь желѣзнаго пути соединяетъ Тинневелли съ портомъ Тутикоринъ, или Туттукуди, который расположенъ на безплодномъ песчаномъ берегу, продолжающемся нечувствительною покатостью подъ поверхностью водъ моря. Корабли бросаютъ якорь въ 4 километрахъ отъ берега и сообщаются съ портомъ посредствомъ мелкихъ судовъ, поднимающихъ незначительный грузъ. Бывшая торговая контора португальцевъ, затѣмъ голландцевъ, Тутикоринъ есть единственный въ Индіи городъ (если не считать Гоа), гдѣ около половины населенія состоитъ изъ христіанъ, а въ его окрестностяхъ встрѣчаются цѣлыя деревни, гдѣ нѣтъ ни одного язычника. Эти христіане католики, составляющіе касту параваровъ, занимались прежде ловлей жемчужныхъ раковинъ; но этотъ промыселъ совершенно покинутъ съ того времени, какъ вновь образовавшіяся мели измѣнили направленіе теченій въ рейдѣ. Что касается внѣшней торговли, весьма значительной во времена португальскаго господства, то она пришла-было въ упадокъ и ограничивалась мелкимъ каботажемъ до постройки желѣзной дороги, соединившей Тутикоринъ съ желѣзнодорожною сѣтью Индіи. Съ открытіемъ этого рельсоваго пути торговый обмѣнъ тотчасъ же оживился и принялъ большіе размѣры, благодаря выгодному положенію порта, которое избавляетъ малабарскія суда,

[1]) M. Taylor, „Oriental Historical Manuscripts".

англійскія и туземныя, отъ обхода на востокѣ отъ острова Цейлона. Тутикоринъ отправляетъ за границу хлопокъ, кофе, пряности и снабжаетъ Цейлонъ лошадьми, быками, домашней птицей, зерновымъ хлѣбомъ; отсюда же производится очень дѣятельное пассажирское сообщеніе съ портами острова. Цѣнность торговыхъ оборотовъ Тутикоринскаго порта въ 1875 году простиралась до 32.375.000 франковъ.

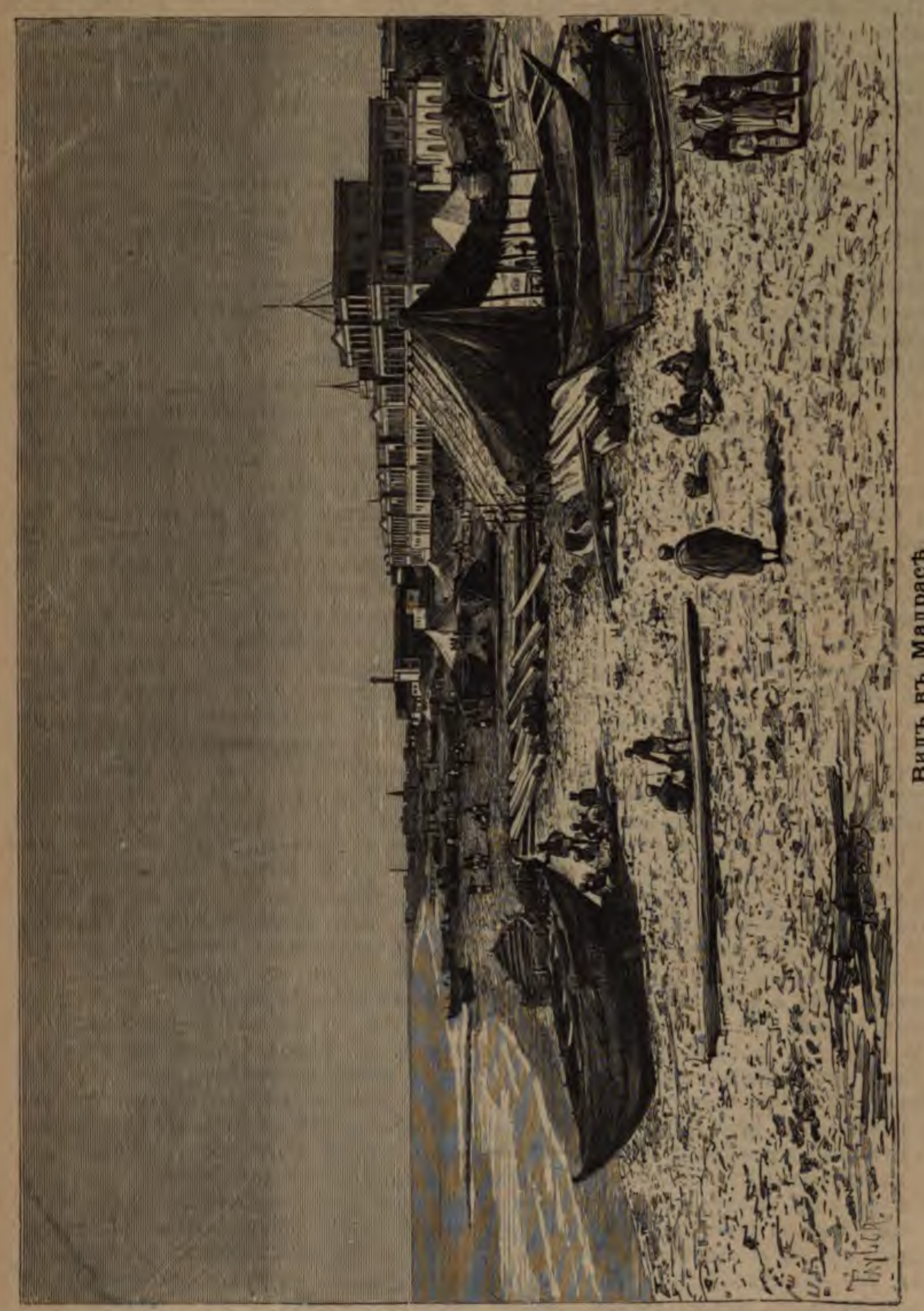
Пространство, описанное главною желѣзною дорогою земли Мадура и ея вѣтвями, негапатамской и тутикоринской, заключаетъ въ себѣ медіатизированное государство Пудукотта, населенное почти исключительно земледѣльцами; но древнее и знаменитое княжество Рамнадъ присоединено къ британскимъ владѣніямъ, какъ *заминдари*, или отданный на откупъ ленъ. Городъ Рамнадъ, или Раманатапурамъ, названный такъ въ честь бога Рамы, лежитъ въ мѣстности, усѣянной искусственными прудами, при основаніи треугольника полуострова, который выдвинулся на востокъ между заливами Манаарскимъ и Палкскимъ и продолжается по направленію къ Цейлону цѣпью островковъ и подводныхъ скалъ. Рамнадскій государь носилъ титулъ Сетупати, т. е. «Властителя моста», и, по сказанію легенды, былъ поставленъ тамъ, какъ охранитель прохода между островомъ Рамесварамъ и континентомъ. Каста «воровъ» малаваръ, которыхъ онъ былъ главою и въ которыхъ многіе писатели видятъ аборигеновъ края, по причинѣ ихъ своеобразныхъ нравовъ, состояла изъ воиновъ-землепашцевъ, обязанныхъ являться по первому его призыву; менѣе чѣмъ въ недѣлю онъ могъ собрать подъ знамена отъ тридцати до сорока тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ каждый приносилъ съ собою запасъ продовольствія для начала похода; оттого «владѣтель моста» былъ грозой сосѣдей, и въ теченіе многихъ столѣтій его власть распространялась на значительную часть Полуострова. Отъ Рамнада зависятъ нѣсколько портовъ: на югѣ «моста»— Мутапетъ (Портъ-Лорнъ), гдѣ можно было бы устроить лучшее пристанище этого побережья [1]), и Килькарай, который, можетъ быть, былъ резиденціей династіи пандіасовъ [2]); на сѣверѣ— Аутанкарре (Аттанкарай) и Девипатнамъ. Моряки и рыболовы этого округа въ большинствѣ лаббаи, магометане и католики.

Полуостровъ Рамнадъ, оканчивающійся остроконечнымъ, въ формѣ копья, мысомъ Раменъ, продолжался еще въ пятнадцатомъ столѣтіи къ острову Рамесварамъ полосой каменныхъ глыбъ, имѣвшей 2.150 метровъ длины. Не только преданіе, но даже архивы Рамесварамской пагоды разсказываютъ, что три раза въ году, въ дни праздниковъ Рамы, статуя этого бога была носима на континентъ, и пилигримы слѣдовали за процессіей по шоссе, теперь разрушенному, содержаніе котораго было ввѣрено «Господину моста». Въ 1480 году сильная буря прорвала эту естественную плотину; нужно было поправлять ее, но вскорѣ послѣ того второе, затѣмъ третье вторженіе моря разрушило произведенныя работы, такъ что пришлось отказаться отъ дальнѣйшаго продолженія борьбы съ волнами. Въ настоящее время то, что еще уцѣлѣло отъ плотины, состоитъ изъ двухъ грядъ неравной высоты, идущихъ параллельно одна другой на разстояніи 130 метровъ. Сѣверная гряда—самая высокая, и почти вездѣ ея каменныя глыбы бываютъ видимы въ періоды отлива, образуя непрерывную цѣпь; камни же южной цѣпи только кое-гдѣ высовываютъ свои верхушки надъ поверхностью воды. Камни плотины, изъ которыхъ иные, по разсказамъ туземцевъ, были привезены съ материка для закладки брешей, отличаются удивительною правильностью формы и вѣсятъ, среднимъ числомъ, отъ 10 до 20 тоннъ; можно подумать, что видишь передъ собою глыбы бетона, положенныя инженерами, на самомъ же дѣлѣ это песчаники, гораздо болѣе крѣпкіе, чѣмъ горныя породы того же рода, находимыя съ той и другой стороны подъ сосѣдними песками. Очевидно, «Большая Плотина», одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ свѣтѣ геологическихъ образованій, есть жила твердой скалы, сохранившаяся среди моря, точно искусственная дамба, тогда какъ всѣ окружавшія ее каменистыя вещества были разрушены волнами, унесены теченіями и отложены въ видѣ песчаныхъ мелей въ сосѣднихъ моряхъ; но и Большая Плотина, въ свою очередь, начинаетъ подаваться. Въ началѣ настоящаго столѣтія, каналъ, образовавшійся на восточной оконечности этого естественнаго жете, представлялъ уже проходъ мелкимъ судамъ Коромандельскаго берега; въ часы прилива они находятъ тамъ два метра воды, въ часы отлива немного болѣе метра. Въ 1838 году, англичане приступили къ углубленію пролива. Подъ ихъ руководствомъ, партіи арестантовъ взрывали скалы и драгировали дно фарватера; въ настоящее время проходъ, длиною въ 1.289, шириною въ 25 метровъ, имѣетъ $4^1/_4$ метра глубины, и пароходы, даже военные корабли свободно переходятъ черезъ порогъ между заливами Палкскимъ и Манаарскимъ. Мѣстечко Памбанъ, занимающее на востокѣ оконечность острова Рамесварамъ, населено моряками, лоцманами, водолазами и посредниками въ торговлѣ между Цейлономъ и твердою землей. Движеніе судоходства черезъ Памбанскій проливъ въ 1879 году: 2.143 судна, общая вмѣстимость ихъ 228.100 тоннъ. На востокѣ, около середины островка Рамесварамъ, стоитъ храмъ того же имени, основанный, какъ гласитъ легенда, самимъ Рамой, но сооруженіе котораго въ дѣйствитель-

[1]) Taylor, „Harbours of India“.
[2]) Clements Markham, „Travels in Peru and India“.

ности относится къ шестнадцатому и семнадцатому столѣтіямъ: это чудный ансамбль строеній, изъ которыхъ иныя могутъ быть поставлены на-ряду съ совершеннѣйшими памятниками дравидійскаго искусства; его корридоры, украшенные рѣзными колоннами съ группами людей и животныхъ наверху, имѣютъ не менѣе 1.200 метровъ длины, но драгоцѣнныя детали покрыты густыми слоями пестрой штукатурки, которые совершенно уничтожаютъ художественный эффектъ.

Островокъ Рамесварамъ, послѣдняя индусская земля, соединяется съ Цейлономъ длиннымъ рядомъ песчаныхъ мелей, остатками дороги, которая, по словамъ легенды, была построена обезьяной Гануманомъ, для прохода воинствъ Рамы. Магометане и христіане, отвергая, какъ нечестивую, миѳологію туземцевъ,



Видъ въ Мадрасѣ.

переименовали этотъ «мостъ Рамы» въ «Адамовъ мостъ».

Главные города Южной Индіи:

Мадрасское президентство. Мадрасъ (1891 г.) — 452.518 жителей; Тричинаполи — 90.610; Танджоръ—54.390; Мадура—87.428; Салемъ (Шеламъ) — 67.710; Негапатамъ — 59.221; Каликутъ — 66.078; Хумбаконамъ — 54.307; Кудалуръ—47.355; Веллоръ— 8.020; Конджеварамъ —35.400; Коимбатуръ—46.383; Пальгатъ—39.481; Неллоръ—29.336; Мангалоръ—40.922; Маяверамъ—22.580; Анамала—22.300; Телличери—20.480; Тутикоринъ—25.107 жит.

Майсуръ. Бангалоръ (1891 г.)—180.366 жит.; Майсуръ (1891 г.)—74.050 жит.

Траванкоръ. Тривандрамъ—27.987 жителей; Алеппи—26.000 жит.

Французскія владѣнія. Пондишери (1895 г.)—49.000 жит.; Карикаль (1895 г.)—19.000 жит.

XV. Цейлонъ.

Большой островъ, на который англичане всегда смотрѣли какъ на отдѣльную землю и который они не соединяютъ непосредственно со своею Индійскою имперіей, наслѣдіемъ бывшей остъ-индской компаніи, составляетъ, съ географической точки зрѣнія, простой придатокъ или продолженіе Полуострова. Нѣсколько метровъ разницы въ уровнѣ сосѣднихъ морей,—и Цейлонъ, выступивъ изъ-подъ воды своею сѣверною оконечностью, соединился бы съ Коромандельскимъ берегомъ, точно такъ же, какъ, при болѣе значительномъ вертикальномъ движеніи почвы въ противоположномъ направленіи, горы Анамалахъ и сосѣдніе массивы образовали бы, съ окружающими ихъ равнинами, другой Цейлонъ. Индусы всегда признавали, что южный островъ есть часть большой земли, и изъ двухъ ихъ эпопей одна разсказываетъ именно о томъ, какъ мостъ, перекинутый богами, соединилъ островъ съ континентомъ. Астрономы, какъ и поэты, считаютъ Цейлонъ индусскою землей, и въ ихъ глазахъ меридіанъ острова есть тѣтъ, который проходитъ черезъ гору Меру; они соединяютъ одною и тою же начальною линіею высочайшую вершину Гималаевъ и священный цикъ островнаго массива. Имена Цейлона тоже всѣ индусскаго происхожденія, за исключеніемъ, можетъ быть, древняго наименованія Ланка, которое, впрочемъ, по мнѣнію Эмерсона Теннента, было дано ему браманами, въ смыслѣ «Блистательнаго». Тамрапарни, или «Блестящій какъ мѣдь» [1], эпитетъ, изъ котораго греки сдѣлали названіе Тапробана, примѣнялся также къ странѣ Мадура, въ южной Индіи, и рѣка, орошающая равнины Тинневелли, сохранила его до нашихъ дней. Наконецъ, слово Цейлонъ или Цейланъ, употребляемое европейцами, и слово Серендибъ, примѣняемое арабами, суть не что иное, какъ древнее названіе Сингала-двипа или просто Сингала, т. е. «островъ Львовъ» или «Львиный». Правда, эти дикіе звѣри не водятся въ Серендибѣ; «львы», которымъ онъ обязанъ своимъ именемъ, были завоеватели, пришедшіе съ сѣвера, которые поработили туземныхъ жителей. Цейлонъ такъ близко связанъ съ полуостровомъ по сю сторону Ганга, что его можно разсматривать какъ уголокъ Индіи, представляющій еще нѣкоторыя фазы древней исторіи индусскаго народа. Населеніе его, въ большей части пришедшее съ сосѣдняго континента, осталось болѣе вѣрнымъ старымъ обычаямъ, чѣмъ обитатели первоначальнаго отечества. Только на Цейлонѣ да въ высокихъ долинахъ Гималайскихъ горъ можно еще найти остатки буддизма, который нѣкогда былъ религіей цивилизованныхъ индусовъ; сингалезская (цейлонская) литература дала ученымъ возможность пополнить многіе пробѣлы браманскихъ книгъ [1].

Онесикритъ, одинъ изъ спутниковъ Неарха во флотѣ Александра Македонскаго, и Мегасѳенъ, посланникъ Селевка, принесли въ Европу первыя свѣдѣнія о Тапробанѣ; но, какъ это почти всегда случалось въ исторіи географическихъ открытій, островъ принялъ въ воображеніи моряковъ размѣры, далеко превосходящіе дѣйствительность; трудности плаванія вокругъ него, необходимость идти искать попутный вѣтеръ на большихъ разстояніяхъ въ эпоху перемѣны направленія муссона, существованіе обширныхъ мелей, простирающихся далеко по обѣ стороны сѣверной оконечности острова, и, вѣроятно, также сбивчивость понятій, благодаря которой Цейлонъ, Ява и Суматра принимались за одну землю,— все это вмѣстѣ было причиной того, что индійскому острову приписывали громадные размѣры: древніе греки дали ему названіе Антихтонъ, или «Противолежащая земля», т. е. смотрѣли на него какъ на особый міръ или отдѣльный материкъ, составляющій въ южныхъ моряхъ какъ бы противовѣсъ сѣверному континенту. Даже Марко-Поло, съ котораго начинается періодъ географическихъ изслѣдованій новаго времени, даетъ Цейлону окружность въ 2.400 миль, почти въ четыре раза превосходящую размѣры его дѣйствительной окружности, длина которой, вмѣстѣ съ сосѣдними островками, равняется 1.100 километрамъ; впрочемъ, онъ прибавляетъ, что окружность острова уменьшилась на цѣлую треть съ древнихъ временъ, «сравнительно съ тѣмъ, какъ показано на всемірной географической картѣ мореплавателей»; онъ приписы-

[1]) Turnour, „Mahawanso".

[1]) Chr. Lassen, „Indische Alterthumskunde".

[2]) Carl Ritter, „Asien", Bd. IV, 2-ter Theil.

валъ страшной силѣ сѣвернаго муссона нашествія моря и частное разрушеніе морскаго прибрежья. Съ другой точки зрѣнія, Цейлонъ тоже былъ сильно возвеличенъ разсказами мореплавателей. Они сдѣлали изъ него страну чудесъ: въ понятіяхъ китайцевъ это былъ по преимуществу «островъ сокровищъ», въ понятіяхъ грековъ — «земля рубиновъ», а арабы, сравнивая тѣнистые берега Серендиба со своими спаленными жгучимъ солнцемъ берегами, разсказывали, что, послѣ изгнанія изъ земнаго рая, первые люди, по милосердію Божію, получили позволеніе жить во второмъ раю, въ томъ, надъ которымъ господствуетъ Адамовъ пикъ [1]). Первые европейскіе мореплаватели, такъ же, какъ магометанскіе путешественники, восторгъ которыхъ такъ живо описанъ въ «Тысячѣ и одной ночи», говорятъ, что прежде чѣмъ взоръ примѣтитъ эту благословенную землю, о близости ея догадываешься по благоуханію, приносимому морскимъ вѣтеркомъ. И точно, Цейлонъ—волшебный уголокъ земли, особенно для тѣхъ, кто только-что покинулъ знойные берега Африки или Аравіи, или болотистыя мѣстности Сандербана, Ориссы, Годавери. Но какъ ни прекрасенъ этотъ уголокъ, онъ, однако, имѣетъ равныхъ себѣ между островами Малайскаго архипелага и Антильскими. Наконецъ, несмотря на плодородіе его полей, богатство его копей и рудниковъ, счастливое его положеніе между двумя морями, Аравійскимъ и Бенгальскимъ, Цейлонъ далеко уступаетъ англійской Индіи въ пропорціональной важности относительно населенности и развитія торговли. Пространство этого острова 63.976 квадр. километр., народонаселеніе 3.235.342 души (въ 1895 году), такъ что, слѣдовательно, среднимъ числомъ, приходится по 50 жителей на одинъ квадр. километръ.

Форму Цейлона часто сравнивали съ формой груши, ножка которой находится на сѣверо-западѣ, по направленію къ дельтѣ Кавери. Гористая область занимаетъ центръ южной части острова, и со всѣхъ сторонъ вокругъ этого ядра изъ кристаллическихъ горныхъ породъ почва правильно понижается къ морскимъ берегамъ; на юго-востокѣ, высокіе массивы всего ближе подходятъ къ морю и мысамъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже выдвинулись въ самое море. Въ цѣломъ, горные хребты Цейлона представляютъ нѣкоторый параллелизмъ въ направленіи отъ юго-востока къ сѣверо-западу, и въ эту же сторону текутъ воды промежуточныхъ долинъ. Представляя сходство съ южно-индійскими горными массами Нильгири и Анамалахомъ по геологическому образованію, массивъ Цейлона походитъ на нихъ также средней высотой своихъ пиковъ. Высшая его точка, гора Педроталлагалла (2.524 метра), лишь немногимъ ниже Додабетты и Анамуди, и многія другія вершины превышаютъ 2.000 метровъ; плоскогорье Нувера-Эліа, со всѣхъ сторонъ окруженное горами, поднимается на среднюю высоту 1.890 метровъ. Педроталлагалла, находящаяся въ центрѣ массива и окруженная другими вершинами, немного уступающими ей по высотѣ, остается скрытою отъ взоровъ обитателей сосѣднихъ равнинъ; оттого она не могла сдѣлаться самою знаменитою горою Цейлона. Горой священной по преимуществу почитается та, которая первая бросалась въ глаза мореплавателямъ, когда они приближались къ западнымъ берегамъ,—Саманала, которую магометане прозвали «Адамовымъ пикомъ». Буддисты дали ей имя Срипада, «Отпечатокъ ноги», въ честь своего учителя, который, будто бы, оставилъ на скалѣ вершины слѣдъ своей ступни,—огромная дыра, увеличенная съ помощью рѣзца и грубо изваянная; въ нѣсколькихъ метрахъ оттуда, на склонѣ горы, изъ скалы бьетъ ключъ, указывающій мѣсто, гдѣ стоялъ святой, опершись на посохъ и созерцая пространство. Пышные рододендроны, достигающіе отъ 10 до 12 метровъ высоты, растутъ по скатамъ, наклоняя свои цвѣтущія вѣтви къ вершинѣ горы, «какъ бы стремясь приблизиться къ священному отпечатку ноги Будды».

Сѣверная половина острова, почти на всемъ ея протяженіи, представляетъ обширную равнину; одинъ только отрогъ отдѣляется отъ центральнаго массива, направляясь на сѣверо-востокъ къ гавани Тринкомали; кромѣ того, нѣсколько горъ высятся по одиночкѣ среди низменныхъ пространствъ. Таковъ пикъ Магинтала, господствующій надъ священнымъ городомъ Анараджапура; тамъ и сямъ, въ сосѣдствѣ морскихъ береговъ, показываются базальтовыя формаціи. Въ гористой части острова господствующая горная порода—гнейсъ; многіе контрфорсы состоятъ изъ одной каменной глыбы, притупленной на углахъ атмосферными дѣятелями; нѣкоторыя изъ этихъ массъ, возвышающіяся на 200 метровъ на обширномъ фундаментѣ въ нѣсколько квадратныхъ километровъ, имѣютъ выгнутый край, въ формѣ полукупола, и цѣлые храмы могли пріютиться подъ этими естественными сводами; благодаря этимъ кривизнамъ поверхности, можно было изсѣкать въ камнѣ плиты въ формѣ бревенъ и досокъ для покрытія пагодъ: неразрушимая скала, такъ сказать, символизировала долговѣчность вѣры. Цейлонскій гнейсъ, такъ же, какъ гнейсъ южной Индіи и какъ деканскій траппъ, вывѣтриваясь, распадается на тонкую красную пыль, которая и покрываетъ почву. Мѣстные жители называютъ *кабукомъ* эти латериты, составляющіе рѣзкій контрастъ своимъ яркимъ цвѣтомъ съ густою зеленью листвы. Путешественникъ, высадившійся на берегъ Цей-

[1]) Emerson Tennent, „Ceylon".

лона, бываетъ прежде всего пораженъ красноватой окраской дорогъ и полей: можетъ быть, этому кабуку «мѣдно-краснаго цвѣта» островъ и обязанъ былъ своимъ древнимъ именемъ Тамрапарни, передѣланнымъ греками въ Тапробану.

Немногіе металлы, за исключеніемъ желѣза, встрѣчаются въ количествахъ, заслуживающихъ разработки, въ горныхъ породахъ Цейлона; мѣсторожденія золота, очень многочисленныя, но бѣдныя металломъ, привлекли лишь небольшое число золотоискателей; жилы графита болѣе производительны, и добываемый минералъ составляетъ одинъ изъ предметовъ отпускной торговли; но нѣтъ страны, болѣе богатой драгоцѣнными камнями. Рѣки южнаго берега, особенно тѣ, которыя орошаютъ окрестности Ратнапуры, «Рубиноваго Города», катятъ въ своихъ пескахъ такое большое количество рубиновъ (красныхъ яхонтовъ), сапфировъ (синихъ яхонтовъ), гранатовъ, что нѣкоторые берега почти сплошь состоятъ изъ этихъ камней; пыль, собираемая гранильщиками, употребляется ими для шлифовки самоцвѣтныхъ камней. Впрочемъ, въ этихъ поверхностныхъ слояхъ рѣчныхъ наносовъ не встрѣчаются хорошіе экземпляры рубиновъ; нужно рыть землю подъ песками и пробурить слои гравія и глины, прежде чѣмъ найдешь кристаллоносный слой, или *неллань*, который, какъ полагаютъ, по времени образованія предшествовалъ базальтовымъ изверженіямъ, пробившимся мѣстами на поверхность. Въ этомъ-то неланѣ искатели самоцвѣтныхъ камней и находятъ цѣнные кристаллы. До прибытія англичанъ природные жители острова никогда не давали себѣ труда добираться до самой скалы, гдѣ встрѣчаются болѣе крупные и отличающіеся лучшимъ блескомъ камни. Гранаты, особенно разновидности, извѣстныя подъ названіемъ «коричныхъ камней», до такой степени обыкновенны, что глыбы гнейса усѣяны ими, точно звѣздами: полосы кристалловъ, наполняющихъ горную породу, походятъ на вѣтви съ сверкающими цвѣтками. Цейлонскіе сапфиры и топазы признаны самыми цѣнными изъ 37 разновидностей драгоцѣнныхъ камней, собранныхъ геологомъ Гигаксомъ; но алмазовъ нигдѣ не находили въ Серендибѣ, хотя о нихъ говорятъ древніе географы и арабскіе разсказчики.

Рѣки спускаются съ центральнаго массива ко всей окружности острова, но лишь очень немногія изъ нихъ имѣютъ пріемный бассейнъ, достаточно обширный для того, чтобы сдѣлаться значительными притоками; по большей части, это—ручьи, страшные въ сезонъ дождей, пересыхающіе въ сухое время года; только нѣкоторые могутъ служить для мелкаго судоходства въ нижней части ихъ теченія, между устьемъ и первыми порогами, находящимися при выходѣ изъ области холмовъ. А между тѣмъ, многія изъ рѣчекъ носятъ громкое имя «Ганга», какъ будто онѣ могутъ быть сравниваемы съ божественною Гангой, спускающейся съ Гималайскихъ горъ. Самая обильная изъ нихъ, Магавелли-ганга, или «большая рѣка Песковъ», одна вѣтвь которой впадаетъ въ Тринкомальскую бухту, имѣетъ всего только 215 километровъ длины и приноситъ въ море лишь воды бассейна въ 10.000 квадр. километровъ, хотя болѣе двухъ третей центральнаго массива заключаются въ предѣлахъ ея покатости; въ сравненіи съ большими рѣками Индіи, этотъ цейлонскій Гангъ есть не болѣе, какъ ручей.

Большинство *г нгъ* и *ойя* заперты при устьѣ береговыми валами, которые отлагаетъ рѣчное теченіе, останавливаемое водами моря. Такъ образуются, подъ защитой этихъ песчаныхъ косъ, большія лагуны, гдѣ собираются воды, спустившіяся съ плоскихъ возвышенностей: одна изъ этихъ лагунъ или, какъ ихъ называютъ англичане, *gobbs*, которая тянется вдоль восточнаго морскаго берега, на сѣверѣ и на югѣ отъ Баттикалоа, имѣетъ не менѣе 50 километровъ въ длину; это огромный прудъ, гдѣ судоходство производится подъ защитою отъ бурь и волненій моря, какъ во внутреннихъ береговыхъ водахъ (backwaters) Малабара. На западномъ берегу такія озера менѣе многочисленны, по причинѣ близости горъ и крутаго ската; однако, и тамъ образовалось нѣсколько лагунъ, къ сѣверу и къ югу отъ Коломбо. Островъ Кальпентинъ можетъ быть разсматриваемъ, въ цѣломъ, какъ длинный береговой валъ или коса; заливъ, отдѣляющій его отъ Цейлона, постепенно суживается къ югу, и на протяженіи около тридцати километровъ представляетъ просто большой прудъ. Наибольшая часть восточнаго берега окаймлена дюнами. Пески приносятся на плоскіе берега береговымъ теченіемъ, которое слѣдуетъ направленію вѣтровъ, поперемѣнно съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ; высохшій во время отлива песокъ подхватывается вѣтромъ и нагромождается въ видѣ дюнъ; но рѣдко бываетъ, чтобы эти горки долгое время оставались подвижными. Травы съ разстилающимися корнями, какова, напримѣръ, *spinifex squarrosus*, или «большая борода Рамы», скрѣпляютъ пески; вскорѣ кусты, деревца, затѣмъ большія деревья выростаютъ на окрѣпшихъ скатахъ; наконецъ, человѣкъ насаждаетъ кокосовыя пальмы, которыя нигдѣ такъ хорошо не произростаютъ, какъ на этой легкой почвѣ, всегда сырой въ глубинѣ и иногда смоченной на поверхности солеными брызгами. Кокосовыя насажденія, покрывающія дюны въ окрестностяхъ города Баттикалоа, на восточномъ берегу острова, продолжаются непрерывнымъ рядомъ

на пространствѣ 70 километровъ въ длину, при различной ширинѣ, мѣняющейся отъ двухъ до пяти километровъ.

Сѣверная часть Цейлона цѣликомъ состоитъ изъ разложившихся кораlловъ; до разстоянія десяти и пятнадцати километровъ отъ моря плугъ выбрасываетъ на поверхность раковины устрицъ и другихъ двустворчатыхъ, равно какъ ракообразныхъ, виды которыхъ живутъ понынѣ въ сосѣднихъ водахъ. Уже арабскіе путешественники знали объ этотъ фактѣ, но они давали ему странное объясненіе: по ихъ мнѣнію, нѣкоторые виды раковъ превращаются въ камень по выходѣ изъ моря [1]). Очевидно, эта область острова постепенно поднялась; здѣсь встрѣчаются, такъ же, какъ и южнѣе, на приморьѣ у Негомбо, туфы изъ известковыхъ обломковъ, смѣшанныхъ съ раковинами и другими остатками, выброшенными моремъ и мало-по-малу превратившимися въ твердый конгломератъ. Манаарскіе туземцы, вырѣзывающіе себѣ кольца и браслеты изъ раковины *turbinella rapa*, ищутъ эту раковину не только на днѣ моря, но собираютъ ее также въ большихъ количествахъ на выступившихъ изъ-подъ воды берегахъ; близъ Джафны нашли, въ 1845 году, якорь такихъ размѣровъ, что онъ, очевидно, долженъ былъ принадлежать большому кораблю, какіе теперь уже не могли бы плавать въ мелководныхъ моряхъ тѣхъ областей. Маленькій архипелагъ, продолжающій на сѣверо-западѣ сѣверную оконечность Цейлона, состоитъ изъ этихъ новыхъ, постепенно приподнятыхъ земель. Точно также, островъ Манааръ выступилъ изъ-подъ воды въ недавнюю геологическую эпоху, хотя со стороны твердой земли Памбанская плотина, уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ, была прорвана напоромъ волнъ. Индусская легенда, сообщаемая поэтами, говоритъ, что Манааръ появился вмѣстѣ съ Ремесварамомъ въ эпоху завоеванія Цейлона Рамой. Богъ-обезьяна Гануманъ, помѣстивъ одну гору на кончикѣ своего хвоста, а другую на головѣ, бросилъ ихъ въ море, чтобы образовать мостъ, по которому и продефилировала обезьянья армія, шедшая въ Ланку; эта плотина и есть мостъ Рамы или Адама.

Островъ Манааръ отдѣленъ отъ Цейлона извилистымъ проливомъ въ 1.600 метровъ ширины, гдѣ суда находятъ не болѣе метра воды въ періоды отлива и который очень трудно было бы преобразовать въ судоходный каналъ для большихъ судовъ; но пески моста Рамы, соединяющіе Манааръ съ Рамесварамомъ въ видѣ береговаго вала или косы, частью выступившей изъ-подъ воды, длиною около 50 километровъ, представляютъ тамъ и сямъ нѣсколько брешей болѣе глубокихъ, чѣмъ Манарскій проливъ, и если англійское правительство рѣшится открыть между Индіей и Цейлономъ каналъ для большаго судоходства, то, вѣроятно, не иначе, какъ прорывъ траншею въ «мостѣ Рамы», между 10-ти-метровыми глубинами, которыя находятся на сѣверѣ и на югѣ отъ песчаной насыпи. Смотря по направленію муссоновъ, песчаныя мели перемѣщаются съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ; когда вѣтеръ дуетъ изъ Бенгальскаго залива, мѣстное теченіе увлекаетъ въ морскихъ проходахъ песокъ и коралловые обломки и отлагаетъ ихъ на берегахъ, обращенныхъ на югъ; въ періодъ юго-восточнаго муссона происходитъ обратное явленіе [1]). Впрочемъ, морскія теченія не отличаются большою силой въ заливахъ Манаарскомъ и Палкскомъ, на западныхъ берегахъ Цейлона. Они идутъ попеременно вдоль береговъ, огибая островъ съ восточной и съ сѣверной стороны, какъ будто бы онъ составлялъ часть Индійскаго полуострова; во время лѣтняго муссона теченія, слѣдующія вдоль Малабарскихъ береговъ, ударяются объ островъ на южномъ его берегу, проникая въ Манаарскій заливъ лишь небольшими боковыми струями; въ періодъ зимняго муссона, зыбь, идущая отъ Коромандельскаго берега, продолжается на восточномъ берегу Цейлона, не заходя въ закоулокъ Палкскаго залива.

На островѣ Рамесварамъ, такъ же, какъ на всѣхъ коралловыхъ берегахъ сѣверной стороны Цейлона, прѣсныя воды наполняютъ обширные подземные резервуары подъ рифами. Копая колодцы сквозь коралловую скалу, встрѣчаютъ во многихъ мѣстахъ глубокія впадины или полости, гдѣ вода всегда держится на уровнѣ сосѣдняго моря, поднимаясь и понижаясь вмѣстѣ съ приливомъ и отливомъ, разность между которыми въ этихъ областяхъ моря отъ 45 до 90 сантиметровъ, отъ самаго низкаго стоянія воды («мертвыя воды») до наивысшаго прилива. Въ этихъ «приливныхъ колодцахъ» (puits à marée), подобныхъ колодцамъ на всѣхъ известковыхъ берегахъ, соленая вода, проникая въ трещины почвы, уравновѣшиваетъ прѣсную воду своимъ боковымъ давленіемъ. Подобно тому, какъ жидкость, содержащаяся въ губкѣ, сохраняется безъ перемѣны въ резервуарѣ, наполненномъ разсоломъ, подземныя скопленія прѣсной воды на известковыхъ морскихъ берегахъ не могутъ быть измѣняемы массой соленыхъ водъ, попеременно поднимающихся и понижающихся въ ближайшихъ къ морю разсѣлинахъ скалы [2]). Въ глубокихъ колодцахъ прѣсная вода залегаетъ на слоѣ солоноватой воды, а нижняя жидкость совершенно соленая. Потурскій колодезь, на сѣверо-востокѣ отъ

---

[1]) Abou-Zeyd; Reynaud, „Voyages faits par les Arabes".

[1]) Sims, „Journal of the Geographical Society of London", 1834.

[2]) Darwin, „Narrative of the Surveying Voyages of the Adventure and Beagle"; R. Thomassy, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 1864.

Джафны, есть одна изъ этихъ скрытыхъ пучинъ или глубокихъ разсѣлинъ, гдѣ чистая вода плаваетъ поверху, тогда какъ нижніе слои представляютъ послѣдовательно всевозможныя степени плотности до солености морской воды, на разстояніи 42 метровъ отъ поверхности. Тѣмъ не менѣе, ирригаціонные насосы не могутъ вычерпать верхнюю водную площадь, постоянно питаемую боковыми притоками [1].

Климатъ Цейлона походитъ на климатъ южной Индіи, съ тою лишь разницей, что онъ представляетъ меньшія уклоненія, благодаря морской атмосферѣ, которая омываетъ островъ со всѣхъ сторонъ, и правильнымъ бризамъ, слѣдующимъ за движеніями солнца. Средняя температура въ городахъ поморья отъ 27 до 28 градусовъ стоградуснаго термометра, и хотя сѣверная оконечность острова на цѣлые 350 до 400 километровъ болѣе удалена отъ экватора, чѣмъ южные берега, но жары тамъ сильнѣе, по причинѣ отдаленности горъ, песчанаго свойства почвы, отражающей солнечные лучи, и сосѣдства Коромандельскихъ береговъ, откуда дуютъ сухіе вѣтры [2]. Ураганы на Цейлонѣ очень рѣдки; почти во всѣ времена года движенія атмосферы совершаются тамъ съ такою правильностью, что ихъ можно предсказать задолго впередъ и съ полною увѣренностью распредѣлить употребленіе своихъ дней. Отъ одного мѣсяца до другаго, какъ и отъ одного сезона до другаго, температура представляетъ лишь весьма незначительныя измѣненія: здѣсь царствуетъ «вѣчная весна», какъ на островахъ Малайскаго архипелага, только распредѣленіе дождей неравномѣрно. Юго-западный муссонъ изливаетъ значительное количество атмосферной влаги на равнины вокругъ Коломбо и на всю юго-западную покатость горъ, тогда какъ на восточныя земли онъ приноситъ недостаточное количество дождей. Въ періодъ сѣверо-восточнаго муссона, который насытился водяными парами, проходя надъ Бенгальскимъ заливомъ, происходитъ обратное явленіе: тогда восточный склонъ обильнѣе орошается атмосферными осадками. Въ среднемъ выводѣ, количество выпадающихъ дождей, наблюдаемое нынѣ болѣе чѣмъ на 100 метеорологическихъ станціяхъ острова, можетъ быть исчисляемо въ два метра (въ Коломбо средній слой дождевой воды за десятилѣтній періодъ оказался равнымъ 2,23 метрамъ); оно постепенно уменьшается съ юга на сѣверъ, отъ области, обращенной къ океану, до области, смотрящей къ твердой землѣ; разность между крайними станціями составляетъ пять съ половиною метровъ: тогда какъ въ Манаарѣ средній слой дождевой воды не достигаетъ одного метра толщины, въ Падуполѣ, на западномъ скатѣ Адамова пика, онъ равняется шести метрамъ [1]). Высоты Нувера-Эліа бываютъ по цѣлымъ недѣлямъ окутаны туманами.

Въ отношеніи флоры, какъ и въ отношеніи климата, Цейлонъ походитъ на сосѣднія континентальныя земли; однако, онъ имѣетъ и особенные растительные виды; ботанику, пріѣхавшему съ Явы, многіе цейлонскіе лѣса напоминаютъ растительность малайскихъ острововъ. Различныя растенія, которыя до сихъ поръ не могли быть акклиматизированы въ южной Индіи, кромѣ какъ въ садахъ, составляютъ теперь часть лѣсной флоры Цейлона: мускатное дерево разведено съ полнымъ успѣхомъ; мангустанъ даетъ здѣсь такіе же превосходные плоды, какъ и въ голландской Индіи; дуріанъ, введенный португальцами съ шестаго столѣтія, сдѣлался однимъ изъ обыкновенныхъ деревъ въ цейлонскихъ садахъ; что касается европейскихъ фруктовыхъ деревъ, то они отлично принялись, но растутъ съ такою силой, что не приносятъ ни цвѣтовъ, ни плодовъ. Въ 1856 году насчитывали 2.670 видовъ явнобрачныхъ растеній на островѣ [2]), но въ дѣйствительности ихъ, вѣроятно, существуетъ, по меньшей мѣрѣ, до 3.000; однако, лѣса замѣчательны гораздо болѣе силой растительности, нежели разнообразіемъ древесныхъ породъ, особенно въ юго-западной части острова, на влажной покатости горъ. Эта область, самая населенная и наиболѣе посѣщаемая, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая прекрасная, самая живописная, благодаря разнообразнымъ породамъ пальмъ (десять или пятнадцать различныхъ видовъ), высоко поднимающимъ свои колѣнчатые стебли и короны въ формѣ вѣеровъ надъ густой чащей другихъ растеній. Египетскій думъ (hyphane thebaica) тоже находится въ числѣ этихъ пальмъ; но какъ онъ разнится отъ дерева, которое мы видимъ въ первоначальномъ отечествѣ! Стволъ вдвое шире и выше, развилины многочисленнѣе и болѣе сближены, а листья, цвѣты, плоды сдѣлались гораздо крупнѣе и красивѣе [3]). Одноствольныя пальмовыя деревья, увѣнчанныя верхушкой въ формѣ зонтика или опахала, составляютъ рѣзкій контрастъ съ этою вилообразною пальмой. Изъ пучка громадныхъ листьевъ, поверхность которыхъ имѣетъ не менѣе 5 или 6 квадр. метровъ, поднимается исполинскій цвѣтокъ зонтичной пальмы, достигающій отъ 10 до 12 метровъ (отъ 14 до 17 аршинъ) высоты и заключающій въ себѣ многіе милліоны маленькихъ цвѣтковъ; въ каждой деревнѣ есть аллеи изъ кокосовыхъ пальмъ, дерева, которое «не можетъ жить вдали отъ звука человѣческаго голоса». Огромные баобабы растутъ на островѣ Манааръ, гдѣ они впервые были насаждены

[1]) Emerson Tennent, „Ceylon".
[2]) Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien".

[1]) Ferguson, „Handbook for Ceylon".
[2]) Emerson Tennent, цитированное сочиненіе.
[3]) Ernst Häckel, „Nature, Weekly Journal of Science", aug. 24, 1882.

португальцами или арабами. Въ дѣвственныхъ лѣсахъ текъ встрѣчается рѣдко; древесныя породы, дающія лучшій строевой лѣсъ,—это чер-

«Гопура»—главнѣйшій храмъ въ Кумбаконамѣ.

ное дерево и *chloroxylon swietenia*. Еще полезнѣе бамбуки и пальмы-тростники, ползущіе по землѣ; нѣкоторыя изъ этихъ ліанъ имѣютъ до 75 метровъ въ длину и только отъ 2 до 3 сантиметровъ въ діаметрѣ, безъ малѣйшей неправильности. Изъ нихъ плетутъ воздушные мосты, которые съ трудомъ различишь отъ другихъ вьющихся растеній и переплетающихся древесныхъ вѣтвей; носильщики, даже нагруженныя лошади проходятъ по этимъ качелямъ, которыя трясутся и качаются при малѣйшемъ

давленіи, потрясая гибкія, упругія вѣтви деревъ, къ которымъ онѣ прикрѣплены.

Животное царство Цейлона не соотвѣтствуетъ богатству его характеристическихъ растеній; числомъ формъ оно далеко уступаетъ фаунамъ сосѣдняго континента, Сондскихъ островоvъ, экваторіальной Африки, Бразиліи [1]). Тѣмъ не менѣе, этотъ островъ имѣетъ нѣкоторые особенные, ему свойственные; виды, такъ что его нельзя считать простымъ зоологическимъ отдѣломъ южной Индіи. Слоны, отнынѣ защищенные отъ охотниковъ строгими законами, стали довольно рѣдки въ области равнинъ, и вывозъ этихъ великановъ животнаго міра на твердую землю въ послѣднее время замѣтно уменьшился; такъ, въ пятилѣтіе съ 1858 по 1862 годъ было отправлено на континентъ 1.600 головъ; въ слѣдующія же восемнадцать лѣтъ, съ 1863 по 1880 годъ, вывезено уже только 1.685 головъ, на сумму 1.300.000 франковъ [2]). Нѣкоторыхъ изъ большихъ млекопитающихъ, свойственныхъ сосѣднему материку, совсѣмъ нѣтъ на Цейлонѣ; тигръ, волкъ и различныя породы антилопъ не водятся въ его лѣсахъ, но зато онъ имѣетъ нѣсколько исключительно ему свойственныхъ животныхъ, между прочимъ, одну летучую мышь, величиной едва превосходящую пчелу. Самое страшное для путешественниковъ животное—это крошечная піявка, одна изъ самыхъ маленькихъ, какія только существуютъ (*hirudo ceylanica*); въ 1815 году, во время экспедиціи противъ Канди, многіе англійскіе солдаты сдѣлались жертвой этихъ безчисленныхъ кровопійцъ; охотники надѣваютъ родъ набедренниковъ, когда отправляются въ лѣса внутренней части острова, гдѣ эти піявки кишатъ миріадами. Между тремя стами птичьихъ породъ болѣе тридцати видовъ не встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ. Спеціальная фауна Цейлона заключаетъ въ себѣ 18 пресмыкающихся, даже три рода, которые не представлены на сосѣднемъ континетѣ [3]); одинъ видъ ящерицы, общій Цейлону и Барманіи, до сихъ поръ еще не былъ открытъ въ промежуточныхъ странахъ. Многія рыбы отличаются особенными нравами: таковы окуни *кавайя* (anabas или *perca scandens*), которые ходятъ на большое разстояніе отъ береговъ по сырой травѣ, и даже, говорятъ, всползаютъ на пальмы-пальмиры, чтобы расположиться тамъ между широкими листьями. Говорятъ, что рыбаки сохраняютъ ихъ живыми по четыре и по пяти дней внѣ воды. Другія рыбы, тоже изъ семейства окуней, зарываются въ грязь прудовъ и лужъ, и живутъ такимъ образомъ безъ воздуха и воды впродолженіи всего сухаго времени года [1]). Раковины не встрѣчаются нигдѣ въ столь многочисленныхъ разновидностяхъ, какъ на плоскихъ берегахъ Манаарскаго залива. Лучшія изъ существующихъ конхиліологическихъ коллекцій состоятъ, въ наибольшей части, изъ экземпляровъ, собранныхъ на Цейлонѣ; первые натуралисты, описывавшіе раковины, чуждыя европейской фаунѣ, не зная мѣста ихъ происхожденія, имѣли передъ глазами исключительно цейлонскіе виды.

Если не по высшимъ животнымъ, то, по крайней мѣрѣ, по рыбамъ и раковинамъ, Цейлонъ можно, кажется, считать скорѣе малайской, нежели индусскою землей. Невозможно иначе объяснить это сходство животныхъ формъ, какъ допустивъ, что нѣкогда существовало какое-нибудь географическое сообщеніе между Цейлономъ и Сондскимъ архипелагомъ, или непосредственно черезъ земли, теперь уже исчезнувшія, или косвенно черезъ морскіе берега, окружающіе Бенгальскій заливъ, и которые тогда находились въ предѣлахъ экваторіальнаго пояса, постепенно сузившагося съ древнихъ временъ [2]). Морская фауна Цейлона тоже походитъ на морскую фауну аравійскаго берега Краснаго моря, съ тою разницей, что первая гораздо богаче видами и разновидностями, хотя однообразнѣе цвѣтами. Безчисленныя животныя, кишащія въ коралловыхъ рощахъ Аравійскаго залива, окрашены въ яркіе цвѣта, красный, оранжевый, желтый, тогда какъ у видовъ Тапробаны общій цвѣтъ—зеленый. Вообще зеленый колоритъ составляетъ, такъ сказать, ливрею этого острова, который еще справедливѣе, чѣмъ Ирландія, прозванъ «Изумруднымъ островомъ»: рыбы, ракообразныя, морскія звѣзды имѣютъ такой же цвѣтъ, какъ большинство ящерицъ, птицъ, насѣкомыхъ; вся низшая животная жизнь приспособилась къ своей зеленѣющей средѣ [3]).

Народонаселеніе Цейлона быстро возрастаетъ, благодаря плодородію почвы и трудолюбію жителей; но невѣроятно, чтобы оно могло сравняться съ массами народа, которыя были скучены на островѣ до эпохи истребительныхъ войнъ, опустошавшихъ Цейлонъ въ средніе вѣка. Углубляясь въ лѣса и джунгли внутренности острова, путешественникъ съ удивленіемъ встрѣчаетъ полуразрушенные резервуары и каналы, изъ которыхъ каждый былъ окаймленъ плантаціями и мѣстечками, нынѣ исчезнувшими; изъ 3.000 прудовъ болѣе 1.500 заброшены, и въ числѣ ихъ есть такіе, которые образуютъ

---

[1]) Ernst Häckel, „Indische Reisebriefe", „Deutsche Rundschau", juin 1882.

[2]) Ferguson, „Handbook for Ceylon".

[3]) Gunther, „Magazine for Natural History", march 1859.

[1]) Abou-Zeyd; Reinaud, „Relations des Voyages faits par les Arabes"; Layard; Buchanan etc.; Emerson Tennent, „Ceylon".

[2]) Alfred R. Wallace, „Geographical Distribution of Animals".

[3]) Ranonnet, „Ceylan"; Ernst Häckel, „Nature", aug. 24, 1882.

болота пространствомъ въ 50 квадр. километровъ [1]). Каловевскій резервуаръ, самое обширное изъ всѣхъ этихъ водохранилищъ, существуетъ еще частью донынѣ, и близъ плотины онъ имѣетъ 20 метровъ глубины; чтобы произвести въ немъ всѣ нужныя поправки и распредѣлить его воды по всему округу Анараджапура, нужно было бы израсходовать около милліона [2]). Различные документы, относящіеся къ четырнадцатому и пятнадцатому столѣтіямъ, говорятъ о существованіи на островѣ около полутора милліона «селеній», или группъ домовъ, построенныхъ, какъ и нынѣшнія деревни, на задерживательныхъ плотинахъ или въ лѣсахъ и рощахъ, растущихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ водохранилищами. Изъ этого нужно заключить, что въ ту эпоху Цейлонъ былъ такъ же густо населенъ, какъ въ наши дни населены аллювіальныя равнины Индіи.

Хотя побоища и голодовки, порожденныя дурнымъ управленіемъ, уменьшили, вѣроятно, на девять десятыхъ прежнее народонаселеніе Цейлона, однако, и теперь еще существуютъ кое-какіе остатки первобытныхъ племенъ (аборигеновъ), нравы которыхъ напоминаютъ времена до-историческія. Ведды, вѣроятные потомки якковъ, населявшіе островъ до прибытія завоевателей, прославляемыхъ въ эпопеѣ Рамайяны, сохранились въ видѣ отдѣльнаго народца только въ юго-восточной части Цейлона, преимущественно въ лѣсахъ вокругъ Бинтена, Бадулы, Нильгалы, у восточнаго основанія горнаго массива. Первые путешественники назначаютъ имъ гораздо болѣе обширную территорію; по ихъ словамъ, нѣкоторыя группы веддовъ жили даже въ сѣверной области, ближайшей къ Коромандельскому берегу, откуда исходилъ потокъ индусскихъ иммигрантовъ. Еще около половины настоящаго столѣтія ихъ насчитывали до восьми тысячъ душъ: теперь это число уменьшилось до нѣсколькихъ сотенъ, и даже можно задать вопросъ, существуютъ ли они въ чистомъ, несмѣшанномъ состояніи; послѣднія переписи показываютъ, что среднее число дѣтей весьма незначительно въ ихъ семействахъ, хотя обычай дѣтоубійства не былъ констатированъ. Ведды—одна изъ тѣхъ народностей, которымъ, кажется, грозитъ близкое поглощеніе и которыя изучаются антропологами съ тѣмъ большимъ интересомъ, что онѣ скоро совсѣмъ исчезнутъ съ лица земли. Впрочемъ, вѣроятно, что прежде преувеличивали численность аборигеновъ: таинственность ихъ жизни дѣлала то, что они казались многочисленнѣе, чѣмъ были въ дѣйствительности; по свидѣтельству путешественниковъ, они никогда не бывали въ непосредственномъ соприкосновеніи съ иноплеменниками, вообще съ чужими: даже для совершенія мѣны, они приходили ночью въ деревни и клали у дверей торговцевъ образчики нужныхъ имъ предметовъ, помѣщая тутъ же рядомъ дикій медъ или продукты своей охоты: нѣсколько времени спустя, они опять являлись въ тотъ же самый часъ ночи, чтобы взять купленныя вещи. Таково, вѣроятно, происхожденіе древней легенды, сообщаемой китайскимъ пилигримомъ Фагіаномъ, по которой цейлонскіе коммерсанты, будто бы, вели мѣновую торговлю съ «змѣями и демонами».

Тѣ изъ веддовъ, которыхъ наблюдали антропологи, всѣ очень низенькаго роста и могли бы быть даже причислены къ карликамъ (средній ростъ веддовъ, жителей Бинтенна: мужчинъ 1,537, женщинъ 1,448 метра) [1]); головы у нихъ тоже очень маленькія: по вмѣстимости черепа, они занимаютъ послѣднее мѣсто между человѣческими породами. Впрочемъ, они довольно проворны и сильны, и хотя ихъ описывали какъ самыхъ безобразныхъ изъ людей, съ выступающими впередъ челюстями, съ приплюснутымъ носомъ, маленькими глазками, оттопыренными и подвижными ушами, однако, ихъ подлинныя фотографическія карточки не походятъ на эти отвратительные портреты; быть можетъ, они немного чернѣе сингалезцевъ (цейлонцевъ), но во всякомъ случаѣ, цвѣтъ кожи у нихъ не такой черный, какъ у негра, и шевелюра ихъ рѣдко бываетъ волнистая. Что касается ихъ цивилизаціи, то она самая первобытная: у нихъ нѣтъ даже глиняной посуды, и хотя они покупаютъ желѣзные дротики и стрѣлы, но не умѣютъ заострять ихъ иначе, какъ посредствомъ ударовъ камнемъ; хижинъ они себѣ не строютъ и живутъ подъ вѣтвями деревъ и въ пещерахъ. Кочующіе звѣроловы, они питаются почти исключительно мясомъ животныхъ, и еще недавно они даже не давали себѣ труда варить его. Бродя группами изъ нѣсколькихъ человѣкъ, иногда даже изъ нѣсколькихъ семей, они не имѣютъ никакой политической организаціи, никакой опредѣленной религіи; они смутно боятся демоновъ, смѣшивая ихъ съ предками; пляски и крики, въ родѣ тѣхъ, какіе практикуются шаманами,—вотъ единственныя ихъ религіозныя церемоніи; они никогда не моются, опасаясь, чтобы вода не лишила ихъ силы. По разсказамъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ авторовъ, впрочемъ, оспариваемымъ, ведды, будто бы, не обладаютъ даже самыми простыми познаніями, безъ которыхъ немыслимо человѣческое существованіе; они не умѣютъ, будто бы, ни считать, ни различать цвѣтовъ, ни указать послѣдовательность времени. Они плачутъ и кричатъ, но ихъ, говорятъ, никогда не видали смѣющимися;

---

[1]) Alb. Gray, „The Backwoods of Ceylan", „Fortnightly Review", 1880.

[2]) W. H. Gregory, „Revue de Géographie", 1880—1881, p. 68.

[1]) R. Virchow „Ueber die Veddas von Ceylon".

если это правда, то въ этомъ отношеніи они были бы единственнымъ примѣромъ между народами [1]). А между тѣмъ, языкъ ихъ мало разнится отъ языка ихъ сосѣдей сингалезцевъ. Въ веддахъ видятъ не первобытныхъ дикарей, но одичавшихъ потомковъ цивилизованнаго народа; несмотря на ихъ жалкое состояніе, на нихъ смотрятъ какъ на принадлежащихъ къ высшей кастѣ: это «царскія дѣти». И дѣйствительно, соблюдаемый ими донынѣ обычай жениться на своей младшей сестрѣ практиковался именно государями страны до прибытія завоевателей индусовъ. Впрочемъ, теперь ведды цивилизуются: изъ двухъ ихъ племенъ только одно держится совершенно особнякомъ отъ сингалезцевъ. Члены другаго народца не боятся болѣе вступать въ непосредственныя сношенія со своими сосѣдями, они высѣкаютъ огонь посредствомъ огнива, прикрываются одеждами изъ тканей, вмѣсто передниковъ изъ листьевъ, покупаютъ наряды и украшенія для своихъ женщинъ; наконецъ, браки между веддами и тамилами преобразовываютъ мало-помалу расу. Большинство туземцевъ, окрещенныхъ миссіонерами въ христіанскую вѣру, нисколько отъ этого не измѣнило свой образъ жизни.

Родіи, т. е. «болотные люди», которые живутъ въ числѣ около тысячи душъ въ западныхъ долинахъ цейлонскаго массива, часто смѣшиваются съ веддами, но они походятъ на этихъ послѣднихъ только дикимъ состояніемъ, въ которомъ еще находятся многіе изъ ихъ клановъ; еще недавно имъ было запрещено переправляться черезъ рѣку на паромѣ, доставать воду изъ источника, входить въ деревню, учиться какому-нибудь ремеслу, пахать землю [2]). Они не могли имѣть сообщенія съ обществомъ иначе, какъ черезъ посредство тюремщика, и этому-то послѣднему изъ сигналезцевъ родійскіе главари должны были бить челомъ [3]). И, однако, родіи находятъ еще въ Цейлонѣ человѣческія существа, которыми они могутъ гнушаться; они считаютъ себя гораздо выше амбаттейевъ и не позволяютъ даже своимъ собакамъ ѣсть пищу, приготовленную этими несчастными. Родіи, по большей части, высокаго роста, и черты лица у нихъ правильнѣе, чѣмъ у веддовъ: между ними встрѣчаются самыя красивыя женщины Цейлона. Поліандрическіе нравы (многомужство) преобладаютъ у этихъ презираемыхъ туземцевъ, но они не женятся на своихъ сестрахъ. Они называютъ себя буддистами; однако, главный ихъ культъ состоитъ въ поклоненіи злому духу, котораго они пытаются умилостивить, принося ему въ даръ плоды, овощи и кровь краснаго пѣтуха. Единственные между жителями Цейлона, они говорятъ оригинальнымъ діалектомъ, который не имѣетъ связи ни съ дравидскими идіомами, ни съ арійскими языками, ни съ старымъ сингалезскимъ нарѣчіемъ [1]).

[1]) Bayley, „Transactions of the Ethnological Society", 1863; Hartshorne, „Fortnightly Review", 1876.

[2]) Valentyn, „Oud en Nieuw Oost-Indien".

[3]) *Emerson Tennent, „Ceylon".*

Главная масса островнаго населенія, сгруппированная въ южной области, кажется, очень мало отличается отъ веддовъ въ физическомъ отношеніи. Большинство сингалезцевъ малорослы; голова у нихъ продолговатая, цвѣтъ кожи смуглый или красноватый, всегда свѣтлѣе, чѣмъ у тамиловъ; характеристическую черту, которою они наиболѣе отличаются отъ дикарей, составляетъ орлиная форма носа. Что всего болѣе поражаетъ путешественниковъ при видѣ сингалезцевъ въ собственномъ смыслѣ—это ихъ женственная наружность; они имѣютъ граціозныя и округлыя формы, улыбающееся лицо, длинную черную шевелюру, тщательно завитую, которую они заплетаютъ въ формѣ шиньона на верхушкѣ головы и поддерживаютъ черепаховымъ гребнемъ; костюмъ ихъ тоже женскій. Они вообще въ высшей степени кротки и ласковы, привѣтливы, гостепріимны, исполнены чувства справедливости, но глубоко чувствуютъ обиды, и хотя привыкшіе оказывать повиновеніе правильной администраціи, они, однако, возмущаются всякимъ произволомъ власти. Въ 1848 году на Цейлонѣ повсемѣстно вспыхнули бунты по случаю натуральныхъ повинностей и добавочныхъ податей, которыми они были обложены; революціонныя движенія Западной Европы отразились на отдаленномъ островѣ Индійскаго океана [2]).

Каковы бы ни были мѣстныя различія, сингалезцы несомнѣнно связаны нечувствительными переходами съ дравидійцами и съ арійцами; трудно было бы указать существенныя разницы чертъ между ними и индусами [3]). Тамъ и сямъ встрѣчаются еще на Цейлонѣ поліандрическія хозяйства, остатокъ семейнаго устройства, нѣкогда общераспространеннаго въ краѣ [4]). Цейлонцы пользуются замѣчательнымъ иммунитетомъ въ отношеніи нѣкоторыхъ болѣзней, поражающихъ чужеземцевъ. Заболѣванія дыхательныхъ путей, бронхиты, коклюши, дифтериты, плевриты, воспаленія легкихъ неизвѣстны у туземцевъ и очень рѣдки у европейцевъ, пребывающихъ на островѣ; страдающіе грудными недугами, пріѣхавъ на о. Цейлонъ, вообще находятъ тамъ улучшеніе въ своемъ состояніи, тогда какъ метисы (помѣси) часто дѣлаются жертвами бу-

[1]) Hartshorne, „Journal offciel de la République française", 11 mars 1881.

[2]) Emerson Tennent, цитированное сочиненіе.

[3]) Davi, „Account of the interior of Ceylon".

[4]) John Phear, „The Aryan Village in India and Ceylon".

горчатки [1]). Дисентерія, гепатитъ (воспаленіе печени), ревматизмъ, нервныя страданія— тоже болѣзни исключительныя у сингалезцевъ; но они часто заболѣваютъ міазматическими лихорадками, и опухоль селезенки составляетъ общій недугъ у взрослыхъ.

Что касается языка, то онъ смѣшаннаго происхожденія; сингалезскій діалектъ приближается къ дравидскимъ идіомамъ по множеству старыхъ словъ, обозначающихъ предметы или относящихся къ понятіямъ первобытной цивилизаціи; но термины религіозной рѣчи онъ заимствовалъ у языка пали, а термины науки и искусства у санскрита; въ этомъ смѣшеніи преобладающее значеніе имѣлъ элементъ арійскій. Сингалезскій окончательно причисленъ учеными къ арійскимъ языкамъ [2]). Его литература, сохранившаяся на листьяхъ зонтичной пальмы, богата нравоучительными книгами, религіозными гимнами, народными балладами. Большая часть сочиненій, даже грамматики и сборники формулъ, написаны въ стихахъ; иная палійская поэма заключаетъ въ себѣ больше полумилліона стансовъ. Самый драгоцѣнный памятникъ этой письменности — *Магавансо*, собраніе хроникъ, содержащее исторію всѣхъ династій, царствовавшихъ между третьимъ вѣкомъ общепринятой эры и половиной восемнадцатаго столѣтія. Тогда какъ индусы твердой земли отлагались отъ буддійской религіи, нѣкогда господствовавшей на Полуостровѣ, цейлонцы оставались вѣрны культу, который былъ принесенъ имъ проповѣдниками «великаго ученія», двѣ тысячи двѣсти лѣтъ тому назадъ. Впрочемъ, ихъ буддизмъ не тождественъ съ буддизмомъ барманцевъ, сіамцевъ и тибетцевъ; отдаленность, соприкосновеніе съ иновѣрческими населеніями имѣли слѣдствіемъ постепенное раздѣленіе религіозныхъ общинъ. Нѣкоторыя сиваитскія и вишнуитскія обрядности сохранились или проникли въ буддійскіе храмы Цейлона. Эмблемы сиваизма встрѣчаются во многихъ святилищахъ, особенно въ Матурѣ, на южномъ берегу, и буддійскіе поклонники ни мало не смущаются этимъ обстоятельствомъ во время своихъ молитвъ [3]). Точно также, съ другой стороны, тысячи туземцевъ, обращенныхъ въ католичество, остались послѣдователями Будды.

По вѣроисповѣданіямъ населеніе Цейлона распредѣлялось въ 1891 г. слѣдующимъ образомъ:

Буддистовъ — 1.698.070; сиваитовъ — 493.630; мусульманъ—197,775; католиковъ— 117.138; протестантовъ—30.839.

[1]) Davy, цитированное сочиненіе; Wernich, „Geographisch-medicinische Studien".

[2]) Max Müller; Caldwell; Lassen; Goldschmidt; Children; R. Cust, „Les religions et les langues de l'Inde".

[3]) „Geographische Gesellschaft in Bern", 4-ter Jahresbericht, 1881—1882.

Вся сѣверная часть острова населена тамильскими переселенцами, пришедшими въ разныя эпохи и ничѣмъ не отличающимися отъ своихъ единоплеменниковъ, живущихъ по другую сторону пролива. Во времена первыхъ нашествій они были вообще обозначаемы подъ именемъ малабарцевъ, хотя это были, главнымъ образомъ, выходцы съ Коромандельскаго берега; число ихъ не перестаетъ возрастать, благодаря мирному переселенію индусскихъ работниковъ, въ настоящее время единственныхъ воздѣлывателей полей, которыя нѣкогда были опустошаемы ихъ предками. Такъ какъ область, въ которой они поселяются, самая плодородная на всемъ Цейлонѣ, хотя и наиболѣе пренебрегаемая, то очень вѣроятно, что они мало-по-малу сдѣлаются господствующимъ элементомъ народонаселенія. Въ 1871 году они представляли не болѣе одной пятой общаго числа жителей; въ настоящее же время они уже составляютъ цѣлую четверть, и ежегодно въ сезонъ сбора кофе прибавляется отъ 60.000 до 160.000 пришлаго рабочаго люда къ подвижному населенію [1]). Такъ называемые «мавры», живущіе въ большомъ числѣ не только въ приморскихъ городахъ, но также и внутри острова, такого же происхожденія, какъ моплахи на Малабарскомъ и лаббаи на Коромадельскомъ берегахъ: это потомки арабовъ, скрестившихся съ туземцами. Что касается португальцевъ и голландцевъ, то ихъ можно встрѣтить теперь только въ видѣ помѣсей, или метисовъ. Въ то время, какъ первые, по большей части, принадлежатъ къ сословію прислуги и чернорабочихъ, правнуки голландцевъ, извѣстные подъ именемъ бургеровъ, составляютъ средній классъ общества въ городахъ, гдѣ они являются лучшей опорой англійскаго владычества [2]); между ними преимущественно выбираются писцы, судебные пристава, адвокаты и судьи. Они уже забыли свой родной языкъ, тогда какъ португальскіе метисы говорятъ еще испорченнымъ нарѣчіемъ лузитанскаго. Кафры, негры, арабы, парсы, малайцы съ Явы и съ другихъ островов Сондскаго архипелага, китайцы тоже находятся въ числѣ иностранныхъ резидентовъ, которыхъ привлекаютъ на этотъ островъ торговля и культура кофейнаго, чайнаго и хиннаго деревъ. Форма судовъ съ боковыми поплавнями (outriggers), которыя употребляются съ незапамятныхъ временъ въ Пойнтъ-де-Галлѣ, какъ и на малайскихъ островахъ, доказываетъ, что Цейлонъ и Малазія находились между собою въ сношеніяхъ уже гораздо ранѣе той эпохи, когда Тапробана стала извѣстна западнымъ народамъ.

Народонаселеніе острова въ 1891 г. состоя-

[1]) Andrew Anderson, рукописныя замѣтки; Ferguson, „Handbook for Ceylon".

[2]) „Calcutta Review", 1876.

ло изъ 3.008.466 душъ (1.594.181 мужск., 1.414.284 женск. пола), въ томъ числѣ было:

Сингалезовъ — 2.000.000 душъ; индусовъ тамиловъ—720.000 душъ; мавровъ—190.000 душъ; евроазійцевъ—20.000 душъ; арабовъ—18.000 душъ; европейцевъ (изъ которыхъ четверть военныхъ)—6.000 душъ; малайцевъ—9.000 душъ.

Джафна или Джафнапатамъ, «Городъ игрока на лирѣ», сѣверная столица Цейлона, лежитъ внѣ острова, на коралловой и песчаной землѣ, которая вдается между Палкскимъ проливомъ и Бенгальскимъ заливомъ. Защищенная обширною пятиугольною цитаделью голландской конструкціи, Джафна походитъ скорѣе на садъ, нежели на городъ; только нѣкоторые высокіе дома съ верандами и террасами виднѣются среди рощъ кокосовыхъ и вѣерныхъ пальмъ; на территоріи Джафны растутъ семь милліоновъ деревъ этой породы. Городъ очень дѣятельный, населенный уже два столѣтія тѣми неутомимыми тамилами, которые эмигрируютъ ко всѣмъ берегамъ Индійскаго океана. Джафнапатамъ ведетъ торговлю съ большой землей Цейлона, но море такъ мелко передъ городомъ, что корабли не могутъ тамъ бросать якорь; они останавливаются на другой сторонѣ острова, у мыса Педро, или километрахъ въ двадцати къ юго-западу, близъ островка Лейденъ.

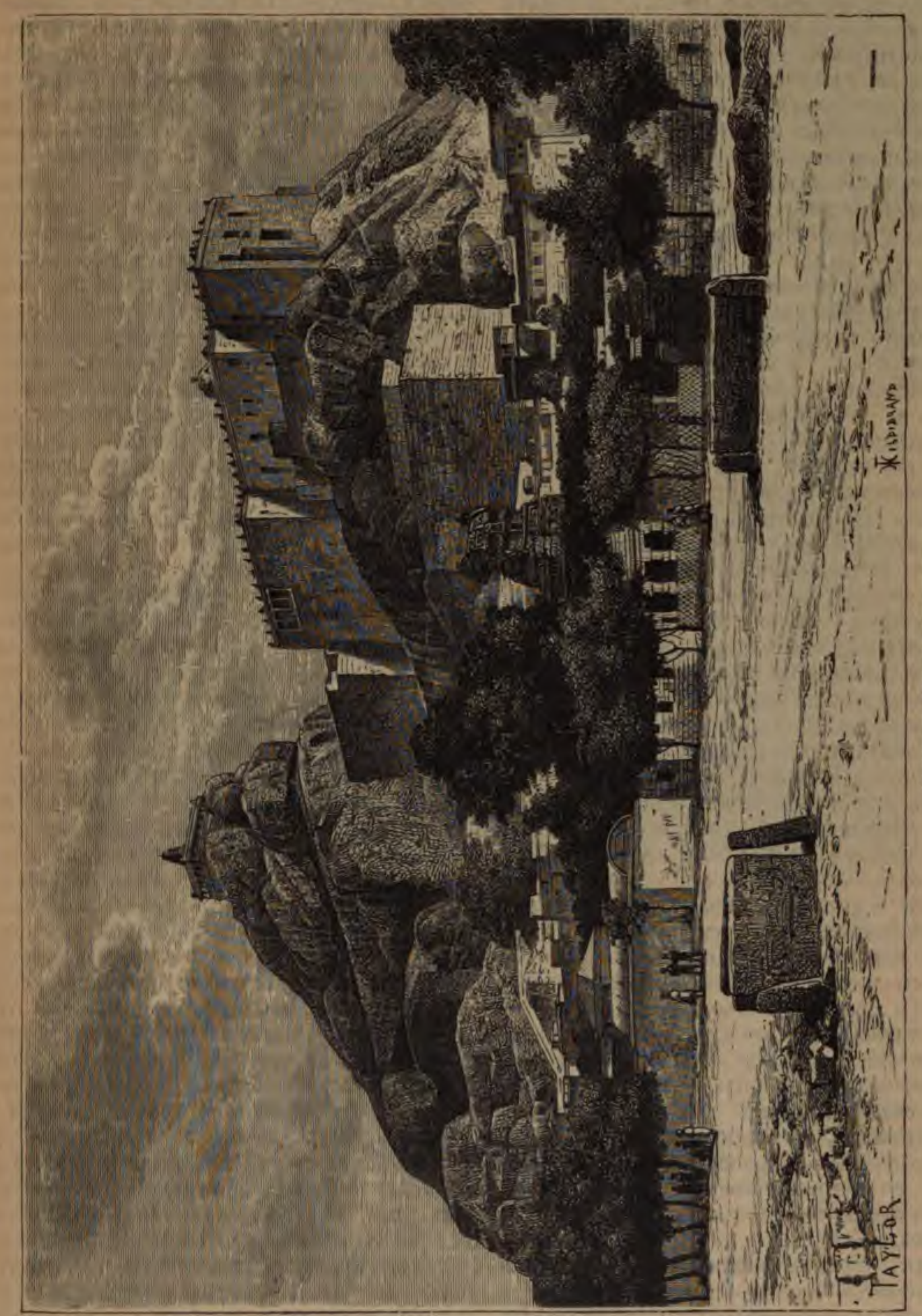
Городъ Мантотъ, лежащій на югѣ, на берегу неглубокаго канала, отдѣляющаго Манааръ отъ Цейлона, есть «садъ», какъ, вѣроятно, показываетъ его имя; впрочемъ, другіе этимологи приписываютъ этому названію смыслъ «Большаго Парома»; по ихъ толкованію, въ этомъ мѣстѣ первоначально существовалъ портъ, принимавшій пассажировъ, которые приходили по мосту Рамы. Недалеко оттуда находится Арипо, главная станція для ловли жемчужныхъ раковинъ; во время сезона это мѣстечко населяется множествомъ пришлаго люда; берегъ бываетъ сплошь покрытъ палатками ловцовъ, а море усѣяно мелкими судами. Но не каждый годъ можно предпринимать сборъ жемчужныхъ раковинъ. Проэксплоатировавъ жемчужныя мели до послѣдней крайности, англійское правительство, присвоившее себѣ монополію этого промысла, запрещаетъ ловъ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока морское дно снова не заселится драгоцѣнными моллюсками. Съ 1833 по 1854 годъ ловцы отдыхали, и первая слѣдовавшая за тѣмъ кампанія дала 7 милліоновъ жемчужныхъ раковинъ. Въ 1863 году ловъ былъ снова пріостановленъ на десятилѣтній срокъ, но по прошествіи этого періода наловили только 2 милліона моллюсковъ. Сезонъ 1880 года былъ самый удачный изъ бывшихъ до сихъ поръ, по количеству выловленныхъ раковинъ, но жемчугъ продается теперь въ десять разъ дешевле, сравнительно съ тѣми цѣнами, какія существовали на него еще въ началѣ настоящаго столѣтія. Уловъ 1880 года далъ 35.238.966 жемчужныхъ раковинъ, цѣнность которыхъ равнялась 500.000 франкамъ [1]). Раковистые слои, толщиною болѣе метра, окаймляютъ морское прибрежье на обширныхъ пространствахъ и позволяютъ судить о громадныхъ количествахъ жемчуга, которыя были добыты изъ этихъ водъ со временъ доисторическихъ. На югѣ отъ Жемчужнаго берега, бухта, отдѣляющая твердую землю отъ острова Каративо и отъ полуострова Кальпентинъ, чрезвычайно богата рыбой, и тамошніе рыболовы посылаютъ значительныя количества рыбы въ Коломбо; они ловятъ также черепахъ и акулъ, плавники которыхъ отправляются на рынки Китая, равно какъ голотуріи (морскія кубышки) и съѣдобныя водоросли, извѣстныя подъ именемъ «кальпентинскаго мха» (chondrus crispus) [2]). Тѣмъ не менѣе, рыбаки, по большей части, народъ очень бѣдный; они не владѣютъ ни лодками, ни сѣтями, которыя употребляютъ для своего промысла, и даже должны платить пошлину владѣльцу берега, на которомъ раскладываютъ, для сушки, добычу лова; на ихъ долю достается только четвертая часть прибыли [3]), да и изъ этой суммы они должны еще удѣлять извѣстную часть на уплату жалованья «заклинателю акулъ», называемому также «укротителемъ моря» [4]). Морскія раковины покрываютъ песокъ своими разбитыми обломками, которыми прибрежные жители пользуются для приготовленія извести. Часовня св. Анны, на полуостровѣ Кальпентинъ, есть главная святыня и главное мѣсто паломничества для цейлонскихъ католиковъ. Иногда тамъ собирается до 25.000 богомольцевъ; даже индусы и магометане глубоко чтутъ эту святую, которую они называютъ Ханна Биби (царица Анна).

Къ востоку отъ полуострова Кальпентинъ, среди лѣсовъ, на берегахъ прудовъ, нынѣ засыпанныхъ и обратившихся въ болота, видны многочисленные остатки древнихъ столицъ Цейлона, гдѣ жители нѣкогда были скучены сотнями тысячъ. Анараджапура, древняя Анурада, которая была избрана царской резиденціей слишкомъ двѣ тысячи триста лѣтъ тому назадъ и о которой Птоломей упоминаетъ подъ именемъ Анурограммонъ (Анурадхаграма), теперь простая деревня, не насчитывающая даже тысячи жителей. По сказанію лѣтописей, городская ограда, заключавшая въ себѣ также поля и парки, имѣла не менѣе 25 километровъ длины въ одной сторонѣ; слѣдовательно, пространство Анараджапуры было вдвое больше

---

[1]) Ferguson, „Handbook for Ceylon".
[2]) Emerson Tennent, „Ceylon".
[3]) „Geographische Gesellschaft in Bern", 4-ter Jahresbericht, 1881—1882.
[4]) H. Yule, „The book of ser Marco Polo".

площади, занимаемой въ настоящее время Лондономъ. Почва вездѣ красная отъ кирпичной пыли; статуи, надгробные памятники, безформенные остатки зданій разсѣяны по джунглю; полуразрушенныя буддійскія ступы, поднимающія свои куполы еще на 60 и 75 метровъ надъ уровнемъ земли, высятся надъ лѣсомъ, какъ пирамиды изъ зелени; сотни каменныхъ колоннъ указываютъ мѣсто, гдѣ находился знаменитый «бронзовый храмъ». Но изъ всѣхъ памятниковъ Анараджапуры самый замѣчательный и наиболѣе прославленный—«священный бо, побѣдоносный господинъ», старѣйшее историческое дерево въ свѣтѣ, потому что оно было посажено въ 288 году до Р. Х., и съ этой эпохи лѣтописи не переставали упоминать о немъ. «Священная дорога», обставленная по сторонамъ надгробными памятниками и другими



Скала Трахинополи.

зданіями, направляется изъ Анараджапуры къ горѣ Мигинтала, возвышающейся въ 12 километрахъ къ юго-востоку. Эта огромная скала обозначаетъ собой мѣсто, гдѣ сошелъ просвѣтитель сингалезовъ; исполинская лѣстница въ тысячу слишкомъ ступеней поднимается отъ основанія горы до вершины, гдѣ стоитъ пагода, которая нѣкогда, по словамъ легенды, была увѣнчана карбункуломъ краснаго цвѣта; иногда по всему пути разстилали дорогія ткани въ видѣ непрерывнаго ковра отъ дворцовъ города до храма на горѣ Мигинтала. Съ паперти этого зданія видишь у себя подъ ногами болѣе половины острова, и взоръ простирается до двухъ морей.

Въ восьмомъ столѣтіи христіанской эры Анараджапура утратила свой рангъ столицы, и Полланаруа наслѣдовала ей въ качествѣ царской резиденціи. Менѣе обширный, чѣмъ его предшественникъ, этотъ городъ простирался, однако, на 50 километровъ въ длину и, среднимъ числомъ, на 6 километровъ въ ширину; теперь это не болѣе, какъ деревня, извѣстная подъ именемъ Топаре. Группы зданій, сохранившихся въ Полланаруа,—самыя красивыя на всемъ Цейлонѣ, и окружающая природа придаетъ имъ особенную прелесть и живописность: деревья, завладѣвая дворами и фасадами дворцовъ, захватили статуи и колоннады и обвиваютъ ихъ своими корнями и вѣтвями; гигантскіе Будды появляются при концѣ широкихъ аллей, высоко поднимая свои головы надъ переплетающимися вѣтвями деревьевъ; тамъ и сямъ громадныя ступы, почти совершенно скрытыя растительностью, показываютъ только колоннады и лѣстницы своего основанія. Строенія въ Полланаруа, какъ и строенія Анараджапуры, представляютъ сумму труда, быть можетъ, не меньшую той, какую потребовало сооруженіе египетскихъ пирамидъ. Одна только изъ анараджапурскихъ ступъ доставила бы столько кирпича, что изъ него можно бы было построить восемь тысячъ обыкновенныхъ лондонскихъ домовъ, или воздвигнуть стѣну въ метръ толщиною и въ три метра вышиною, идущую отъ Парижа до Ламанша. На западѣ отъ Полланаруа другой колоссальный памятникъ свидѣтельствуетъ объ изумительномъ трудѣ древнихъ сингалезовъ: это фортъ Сигири, построенный на вершинѣ скалы въ формѣ столба, на который взбираются по ступенькамъ, изсѣченнымъ въ камнѣ, снаружи и внутри утеса.

На югъ отъ Кальпентинской бухты, идущая вдоль морского берега большая дорога, еще не сопровождаемая рельсовымъ путемъ, проходитъ черезъ города Патламъ, Чилао (по-англійски Chilaw), затѣмъ черезъ Негомбо, городъ, окруженный рощами коричнаго лавра, и въ которомъ метисовъ, голландскихъ и португальскихъ, пропорціонально больше, чѣмъ во всякомъ другомъ городѣ острова. За большою лагуной, называемой озеромъ Негомбо, дорога приводитъ въ нынѣшнюю столицу Цейлона, въ Коломбо, бывшій Каланъ-тотта, или «бродъ на Калани», получившій это названіе отъ рѣки, которая тамъ изливается въ маленькую бухту прибрежья, защищенную отъ южныхъ вѣтровъ косой; прежде Калани-ганга впадала въ море въ 4 километрахъ къ югу отъ бухты. Какъ большая часть городовъ Востока, Коломбо дѣлится на два города—«черный», гдѣ живутъ туземцы, сингалезы, мусульмане и тамилы, и «фортъ», или новый европейскій городъ, населенный преимущественно чиновниками и иностранными коммерсантами; аллеи изъ кетмій (hibiscus) и другихъ деревъ окаймляютъ улицы, и часто шоссе бываетъ усѣяно ихъ цвѣтами, желтыми и красными. Низменныя и песчаныя земли, воды болота, недостатокъ защиты отъ вѣтровъ въ рейдѣ составляли большія неудобства для столицы. Правда, прежде Коломбо находился въ центрѣ садовъ, производящихъ драгоцѣнную кору корицы; но правительство должно было отказаться, въ 1832 году, отъ монопольной культуры этого продукта, которая, вслѣдствіе усилившейся иностранной конкурренціи, сдѣлалась малоприбыльною; теперь резиденты замѣняютъ постепенно свои рощи коричнаго лавра пальмовыми насажденіями. Кофейныя плантаціи, разведенныя въ центрѣ острова, получили въ мѣстной торговлѣ такую же важность, какую прежде имѣла корица, и Коломбо, потерявъ одинъ элементъ торговаго обмѣна, пріобрѣлъ другой, вдесятеро болѣе цѣнный. Мало-по-малу все торговое движеніе края сосредоточилось въ столицѣ, и чтобы удержать это движеніе, искусственно создали гавань, въ которой ей отказала природа: жете, длиною въ 1.280 метровъ, проведенное отъ южной стрѣлки бухты по направленію къ Исаврскимъ скаламъ, захватило у открытаго моря значительное пространство, гдѣ становятся на якорь самые большіе пароходы, защищаемые отъ юго западнаго волненія. Другое жете будетъ ограничивать гавань съ сѣверной стороны. Въ 1892 году въ портѣ Коломбо было въ приходѣ 1.610 пароходовъ, общей вмѣстимостью въ 2.939.261 тонну, и 58 парусныхъ судовъ, въ 72.215 тоннъ вмѣстимости. Цѣнность оборотовъ внѣшней торговли этого города въ томъ же году составляла: по привозу — 63.189.064, по вывозу—59.267.820 рупій.

Въ предвидѣніи близкаго упадка своего города, уже покидаемаго пакетботами, которые предпочитаютъ направлять свои рейсы въ Коломбо, многіе изъ резидентовъ Пойнтъ-де-Галля,—или, короче, просто Галля,—переселяются на постоянное жительство въ столицу. А между тѣмъ, Галль, древній городъ, имѣетъ

естественный портъ, хотя, впрочемъ, небольшой и опасный при входѣ; кромѣ того, онъ занимаетъ великолѣпное положеніе, какъ промежуточная пристань между двумя морями, Аравійскимъ и Бенгальскимъ; невозможно, чтобы онъ не сохранилъ важнаго значенія для проходящихъ мимо судовъ: онъ для Индіи то же самое, что Мысъ Доброй Надежды для Африки (движеніе судоходства въ Пойнтъ-де-Галлѣ въ 1893 году: 451 судно, вмѣстимостью въ 1.008.933 тонны). Оттого главный городъ, опасаясь соперника въ южномъ городѣ, до сихъ поръ отказывалъ ему въ желѣзной дорогѣ [1]), и участокъ рельсоваго пути, выходящій изъ Коломбо, останавливается въ Кальтурѣ. Во всемъ мірѣ нѣтъ такой прекрасной дороги, какъ широкая аллея изъ кокосовыхъ пальмъ, которая идетъ вдоль морскаго берега между Коломбо, Пойнтъ-де-Галлемъ и Матурой, на протяженіи 200 километровъ. По краямъ этой безконечной аллеи, подъ высокими вѣерами исполинскихъ пальмъ, растутъ деревья и кустарники всякаго рода, покрытые, въ свою очередь, сѣтью ліанъ, блистающихъ яркими цвѣтами; съ одной стороны, море развертываетъ безконечный рядъ своихъ лазурныхъ волнъ съ бѣлыми гребнями; съ другой—величественная гора «Адамовъ пикъ» обрисовываетъ профиль своей подернутой фіолетовымъ туманомъ массы надъ черными контрфорсами лѣсовъ, образующихъ неподвижную стѣну на заднемъ планѣ картины, за постоянно мѣняющейся декораціей деревьевъ, окаймляющихъ дорогу.

Канди, бывшій главнымъ городомъ острова послѣ Полланаруа и прежде Коломбо, служитъ еще лѣтней резиденціей для англійскихъ чиновниковъ. Онъ занимаетъ, на высотѣ 518 метровъ, очаровательное мѣстоположеніе, на берегу маленькаго озера, окруженнаго тѣнистыми аллеями, на полуостровѣ, образуемомъ изгибомъ рѣки Магавелли-ганга. Холмы съ пологими скатами, усѣянными виллами и дачами, тянутся амфитеатромъ вокругъ озера, и за этой первой грядой высотъ виднѣются вдали голубоватыя вершины горъ. Построенный въ большой части португальскими колодниками, Канди походитъ своими домами, крытыми черепицей, на старинный европейскій городъ; но къ этому нужно прибавить то, чего не имѣютъ европейскіе города, — роскошную тропическую растительность, пальмовыя рощи, чащи бамбуковъ, тысячи деревьевъ и кустарниковъ, наполняющихъ фруктовые сады. Расположенный въ семи километрахъ къ юго-западу отъ Канди, ботаническій садъ Перадеіа, соединяющійся съ городомъ непрерывнымъ предмѣстьемъ, есть одинъ изъ богатѣйшихъ въ свѣтѣ; въ этомъ огромномъ паркѣ, занимающемъ 60 гектаровъ (55 десятинъ), находишь не толь-

Упаковка корицы.

[1]) Ernst Häckel, „Deutsche Rundschau", aug. 1882.

ко растенія, принадлежащія къ флорѣ острова, но также всѣ экзотическіе виды, введенные на Цейлонѣ и культивируемые преимущественно на склонахъ горъ, возвышающихся на югѣ. Желѣзная дорога, соединяющая Коломбо съ Канди, проходитъ на высотѣ 600 метровъ черезъ перевалъ Кадуганнава.

Кофейное дерево получило большую экономическую важность въ сельско-хозяйственной промышленности этой области. Введенное въ въ 1690 г. голландцами, затѣмъ заброшенное (потому что давало продуктъ качествомъ ниже яванскаго растенія), дерево это воздѣлывается правильно лишь съ 1825 г., но уже черезъ нѣсколько лѣтъ оно сдѣлалось одною изъ главныхъ культуръ; послѣ освобожденія невольниковъ на Ямайкѣ, Санъ-Доминго, въ Гвіанахъ, Цейлонъ остался, въ отношеніи этого производства, безъ соперниковъ между англійскими колоніями; быстрое развитіе культуры кофе началось съ 1856 года. Единственныя мѣстности горъ, гдѣ можно съ успѣхомъ культивировать кофейное дерево, — это лѣсистыя части; пространства же, поросшія высокой травой, такъ называемыя патены (patenas), которыя плантаторамъ не было бы надобности расчищать, даютъ малоцѣнный продуктъ, хотя земля тамъ, повидимому, не отличается отъ почвы сосѣднихъ лѣсовъ. Слишкомъ тысяча двѣсти кофейныхъ плантацій, имѣющихъ общую площадь около 100.000 гектаровъ (91.530 десятинъ), занимаютъ склоны горъ, и въ сезонъ сбора кофе на этихъ плантаціяхъ собирается до 300.000 рабочихъ, тамиловъ, постоянныхъ жителей или приходящихъ на время изъ другихъ мѣстъ. Но, къ сожалѣнію, теперь цейлонскому кофейному дереву угрожаютъ многочисленныя болѣзни, отъ которыхъ иногда сильно страдаетъ урожай; особенно ***hemileja vastatrix*** производитъ большія опустошенія съ 1868 г., и до сихъ поръ еще не нашли средства восторжествовать надъ нимъ; ежегодный убытокъ, причиняемый этимъ грибкомъ, исчисляется въ 50.000.000 франковъ [1]). Въ эти послѣдніе годы ввели кофейное дерево изъ Либеріи, болѣе крѣпкое и растущее на меньшихъ высотахъ; такимъ образомъ получилась возможность расширить поясъ плантацій до самыхъ равнинъ.

Вывозъ кофе съ о. Цейлона: въ 1827 г.—667.885; въ 1847 г.—7.264.500; въ 1857 г.—24.260.925; въ 1878 г.—50.800.000; въ 1882 г. 236.280.000; въ 1893 г.—40.000.000 килограмм.

Но въ цѣломъ поверхность земель, посвященныхъ культурѣ кофейнаго дерева, уменьшилась почти на одну десятую; частью она была замѣнена другими культурами, именно воздѣлываніемъ деревъ хиннаго, каучуковаго, какаоваго, сахарнаго тростника, кардамона, перечника, мускатнаго дерева. Общая площадь хинныхъ лѣсовъ на Цейлонѣ въ 1880 году равнялась 13.428 гектаровъ; деревъ насчитывалось до 50.000.000. Вся получаемая изъ этихъ лѣсовъ хинная кора вывозится въ Англію. Отпускъ этого продукта съ о. Цейлона въ 1872 году составлялъ только 5.173 килограмма, а десять лѣтъ спустя, въ 1882 году, онъ уже простирался до 522.895 килограммовъ [1]). Кромѣ того, на островѣ воздѣлывается чайное дерево, и собираемый чай отправляется частью въ Австралію; въ 1881 году чайныхъ плантацій было 1.546, занимаемая ими площадь равнялась 249.336 гектарамъ, изъ которыхъ 131.721 гектаръ были въ культурѣ [2]). Въ 1893 г. вывозъ чая простирался до 440.000.000 килограмм. Вѣтвь желѣзной дороги, поднимающаяся по возвышенной долинѣ рѣки Магавелли-ганга, къ городамъ Гампола, одной изъ бывшихъ столицъ, и Навалапиттіа, окруженному плантаціями, проникаетъ съ самое сердце кофейной области, и скоро новые рельсовые пути примкнутъ къ главной желѣзнодорожной линіи изъ Коломбо въ Канди. На плато, которое господствуетъ съ южной стороны надъ поясомъ обширныхъ плантацій, сгруппированы отели и виллы санитарной станціи Нувера-Эліа, лежащей на высотѣ около 1.900 метровъ. Уже кандійскіе цари скрылись въ этомъ «Царственномъ градѣ свѣта», чтобы спастись отъ португальскихъ завоевателей, но «царственный градъ» былъ простою деревней, когда англичане «открыли» его въ 1826 году; первый европейскій шале построенъ тамъ въ 1829 г.

На востокѣ отъ города Канди, большая дорога спускается по очаровательной долинѣ рѣки Магавелли къ мѣстечку Бинтенъ, одному изъ древнѣйшихъ городовъ Цейлона. Какъ столица, Бинтенъ, называвшійся тогда Магайянганой, предшествовалъ городу Анараджапурѣ, но теперь въ немъ не сохранилось ни одного памятника старины, кромѣ безформеннаго кургана, остатка буддійской ступы, которая еще въ началѣ семнадцатаго столѣтія была увѣнчана позолоченной пирамидой. Сосѣднія съ Бинтеномъ мѣстности, нѣкогда принадлежавшія къ числу самыхъ населенныхъ областей острова, теперь почти безлюдны, и путешественникъ проѣзжаетъ черезъ обширныя пустыни по дорогѣ, ведущей къ порту Баттикалоа, на восточномъ берегу; тѣмъ не менѣе, реставрація древнихъ прудовъ и оросительныхъ каналовъ позволила вновь завоевать большую часть почвы, чтобы преобразовать ее въ рисовыя поля, и этотъ округъ, еще недавно пустынный, обѣщаетъ сдѣлаться житницей Цейлона. Самый городъ, имя котораго (Мати-

---

[1]) Morris, „Journal of the Linnaean Society", 1880, vol. XVII.

[1]) Andrew Anderson, рукописныя замѣтки.

[2]) Fergusson, „Handbook for Ceylon".

калоа) означаетъ «Грязную лагуну», окруженъ кокосовыми пальмами, замѣчательными тѣмъ, что онѣ даютъ самые крупные и лучшіе кокосовые орѣхи на всемъ островѣ. Береговое озеро Баттикалоа изобилуетъ огромными крокодилами; въ немъ водятся также поющія рыбы, столь обыкновенныя въ Банкокскихъ водахъ.

Тринкомали, единственный естественный портъ Цейлона, гдѣ самые большіе корабли могутъ безопасно стоять на якорѣ подъ защитою отъ всѣхъ вѣтровъ, тѣмъ не менѣе, покинутъ торговлей. Однако, политическіе властители острова поняли важное значеніе этого пункта. Португальцы срыли храмъ «Тысячи Колоннъ» и построили на мѣстѣ его фортъ, гдѣ еще видны, вдѣланныя въ стѣны, надписи и статуи. Голландцы увеличили эти укрѣпленія, которыми овладѣвали французы въ 1672 и въ 1782 годахъ; англичане, въ свою очередь, воздвигли новые верки на островахъ и высокихъ мысахъ, подъ защитою которыхъ стоятъ на якорѣ ихъ военные корабли. Часто предлагали перевести столицу въ Тринкомали; но какъ ни велики выгоды положенія этого порта, ему недостаетъ пояса производительныхъ мѣстностей и сѣти дорогъ, недостаетъ того, чѣмъ обладаетъ Коломбо. Городъ, построенный на возвышенной косѣ, между внѣшнимъ рейдомъ и портомъ, въ дѣйствительности есть лишь мѣстечко, которое даже въ отношеніи своего продовольствія зависитъ отъ городовъ Баттикалоа и Джафны; но зато Тринкомали принадлежитъ къ числу святыхъ мѣстъ Цейлона: пилигримы массами приходятъ созерцать скалу, оторванную отъ горы Меру и перенесенную сюда богами. Если бы въ этомъ портѣ стояли на якорѣ цѣлые флоты и если бы дома тѣснились вокругъ укрѣпленій, Тринкомали не уступалъ бы, по красотѣ мѣстоположенія, Ріо-де-Жанейро: островки, высокіе мысы, береговые холмы, лѣса слѣдуютъ одни за другими вокругъ бухтъ и бухточекъ въ видѣ картинъ безконечнаго разнообразія.

Главные города Цейлона, съ цифрой населенія по переписи 1891 г.:

Коломбо — 127.000; Пойнтъ-де-Галль — 34.000; Джафна—43.000; Канди —20.000; Матура—19.000; Тринкомали — 11.400 жит.

XVI.

Острова Лакедивскіе, Малдивскіе, архипелагъ Чагосъ.

Цоколь, поддерживающій полуостровъ по сю сторону Ганга, продолжается на большое разстояніе подъ поверхностью водъ океана. Если вѣрно, что почти на всей окружности континентовъ обрывистые берега омываются глубокими морями, то этого нельзя сказать о западныхъ берегахъ Индіи. Противъ Конкана и Малабара мели и неглубокія мѣста, которыя можно разсматривать какъ пьедесталъ континента, занимаютъ значительное протяженіе Аравійскаго моря. Все морское пространство, лежащее къ югу отъ полуострова Каттіаваръ до широты Бомбея, заключено въ этомъ поясѣ глубинъ, меньшихъ 100 метровъ, и морское дно тамъ находится, среднимъ числомъ, въ сорока метрахъ отъ поверхности. Обширное подводное плоскогорье, извѣстное подъ именемъ «Низкаго берега въ пятьдесятъ саженъ», ограниченное на востокѣ «Мелью Направленія», указываетъ уже на разстояніи 200 километровъ подходы Бомбейскаго порта. На югѣ этотъ подводный берегъ съуживается и имѣетъ въ среднемъ не болѣе 100 километровъ ширины; на западѣ онъ вдругъ оканчивается крутизной, столь же обрывистой, какъ обрывисты на материкѣ береговые утесы Гатскихъ горъ. Обойдя вокругъ мыса Коморинъ, подводный пьедесталъ приближается къ Цейлону и около южной стороны острова образуетъ уже только узкую окраину изъ рифовъ и мелей. Равнымъ образомъ и на восточной сторонѣ главнаго индійскаго острова мели тянутся вдоль прибрежья; но, по какому-то странному контрасту, низменное побережье Индіи—берега Коромандельскій, Сиркарскій, Орисскій — есть ближайшее къ океанійскимъ пропастямъ; напротивъ, вдоль крутыхъ обрывистыхъ береговъ Малабара и Конкана мели, быть можетъ, остатки бывшихъ, нынѣ затонувшихъ земель, простираются на наибольшее разстояніе отъ моря.

Между 17-мъ и 16-мъ градусами широты, противъ маленькаго порта Раджапуръ, узкая подводная долина, гдѣ лотъ показываетъ глубины отъ 225 до 400 метровъ, отдѣляетъ отъ континентальнаго берега острововидную мель, дно которой отстоитъ не болѣе, какъ на 20 или 25 метровъ отъ поверхности. Это подводное плато, называемое Ангріа, есть сѣверный молъ гряды мелей, рифовъ, острововъ и островковъ, которая продолжается прямо на югъ до середины Индійскаго океана и которую ученые разсматриваютъ какъ принадлежащую къ одной и той же геологической формаціи, хотя всѣ эти островныя цѣпи отдѣлены одна отъ другой широкими и глубокими впадинами или долинами. Острова Лакедивскіе, Миникой, Малдивскіе, Чагосъ составляютъ часть этой меридіональной гряды, которая отъ подводнаго плато Ангріа до подобнаго же плато Центуріона имѣетъ не менѣе 2.600 километровъ въ длину; вмѣстѣ съ подводнымъ цоколемъ Сешельскихъ острововъ, лежащимъ западнѣе, всѣ эти островныя цѣпи совершенно отдѣляютъ Аравійское море отъ свободныхъ пространствъ Индійскаго океана. По мнѣнію многихъ натуралистовъ и геологовъ, пытающихся объяснить

существовавшимъ нѣкогда соединеніемъ земель сходство флоръ и фаунъ между Индіей и Африкой, цѣпь острововъ Лакедивскихъ и Малдивскихъ составляетъ остатокъ хребта исчезнувшаго материка. Они полагаютъ, что еще въ первыя времена третичной эпохи Лемурія, такъ названная по особымъ породамъ обезьянъ, нынѣ представленнымъ преимущественно на Мадагаскарѣ, занимала наибольшую часть пространства, которое простиралось отъ Малазіи до восточныхъ береговъ Африки, и что высокія горы стояли тамъ, гдѣ теперь находятся едва выступающіе изъ-подъ воды коралловые рифы Лакедивскихъ и Малдивскихъ острововъ [1].

Къ югу отъ подводнаго плато Ангріа, промѣры морскаго дна обнаружили другую мель, называемую Адасъ, но самые высокіе ея выступы покрыты слоемъ воды въ 80 метровъ толщины. Мелководныя пространства, достаточно близкія отъ поверхности моря, чтобы образовать прибой волнъ или бурунъ, начинаются лишь южнѣе 14 градуса широты мелью, называемою Кора-дивъ, т. е. «островъ» Кора, хотя ни одинъ изъ ея рифовъ не выступилъ изъ-подъ воды. Банка Сезостриса и мели Педро (Bassas de Pedro, иначе Падуанская банка или Муніалъ-паръ) тоже составляютъ часть этого архипелага отмелей, между которыми извиваются долины на глубинѣ 600 метровъ подъ поверхностью моря. Островки Лакедивской группы, разсѣянные на югъ отъ мелей, окружены еще болѣе глубокими пропастями; во рву, отдѣляющемъ Лакедивскіе острова отъ континентальнаго цоколя, бросали лотъ до глубины 2.360 метровъ, не находя дна.

Лекедивскіе или Лакшадвипа, т. е. «Сто Тысячъ Острововъ», заслуживаютъ это названіе только въ томъ смыслѣ, что туземцы подъ именемъ острововъ понимаютъ безчисленныя, высунувшіяся изъ воды, головы рифовъ или песчаныя полосы, которыя показываются при отливѣ вровень съ поверхностью моря, вокругъ островковъ, выступающихъ во всякое время; кромѣ нѣсколькихъ верхушекъ скалъ, существуетъ всего только двѣнадцать земель въ группѣ Лакедивскихъ острововъ, и только восемь изъ нихъ обитаемы: это Четлатъ, Килтанъ, Кадаматъ, Амини, или Аминдиви, зависящіе непосредственно отъ Индійской имперіи, и Агатъ (Аукутта), Каварати (Каврути), Антротъ, Кальпени, управляемые отъ имени Каннанорской царицы (биби). Лежащіе на пути арабскихъ кораблей, которые направлялись къ горѣ Делли, Каннанору, Каликуту, Кочину, Лакедивскіе острова, конечно, были извѣстны съ первыхъ временъ мореплаванія въ Индійскомъ океанѣ; но ихъ малое возвышеніе надъ поверхностью моря и ошибки мореплавателей въ опредѣленіи ихъ точнаго географическаго положенія породили легенду о блуждающихъ островахъ. Альбируни былъ, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ этихъ идей, когда онъ описывалъ *дивы* (острова) индійскихъ морей. «Одни изъ нихъ,—говоритъ онъ,—только-что народились: они появляются въ формѣ кучекъ песку, которыя растутъ, расширяются и сплочиваются въ твердыя земли, тогда какъ другіе колеблются, распадаются и расплываются мало-по-малу въ морѣ. Когда жители замѣтятъ ненадежность носящей ихъ почвы, они удаляются на какой-нибудь островъ, находящійся въ періодѣ возрастанія; они переносятъ туда свои кокосовыя и другихъ породъ пальмы, свой хлѣбъ и весь домашній скарбъ и основываютъ тамъ свои жилища» [1]. Однако, островитяне, наши современники, не подтверждаютъ этихъ быстрыхъ перемѣнъ въ ихъ архипелагѣ, и никакое мѣстное преданіе не говоритъ о появленіи и исчезновеніи островковъ [2]. Плоскіе берега увеличиваются или уменьшаются въ протяженіи медленно, соотвѣтственно работѣ мадрепоровыхъ коралловъ, наносамъ волны, размывамъ, производимымъ морскими теченіями, поврежденіямъ, причиняемымъ циклонами. Каждый островъ, состоящій изъ песку и размельченнаго каралла, къ которымъ примѣшивается немного чернозема, образующагося отъ гніенія растеній, представляетъ низменную землю, достигающую самое большее 3 или 4 метровъ высоты надъ уровнемъ прилива, который поднимается въ этихъ водахъ на 3 метра. Берега продолжаются съ той и другой стороны, но въ особенности на западѣ, мелями, болѣе возвышенными на краяхъ, чѣмъ въ центральной части; такъ образуются лагуны, сообщающіяся съ моремъ лишь черезъ узкія бреши, гдѣ проходятъ суда при высокой водѣ, чтобы войти во внутреннюю гавань. Многіе изъ Лакедивскихъ острововъ представляютъ, въ совокупности своихъ рифовъ, кольцеобразное расположеніе, напоминающее форму атолловъ Тихаго океана; однако, въ сравненіи съ Малдивскими островами, отличающимися удивительною правильностью образованія, Лакедивскіе, такъ сказать, не болѣе, какъ простые наброски.

На этихъ островахъ нѣтъ ни одного источника, ни одного ключа, бьющаго изъ почвы; однако, воду тамъ находятъ въ изобиліи. Также, какъ на сѣверныхъ берегахъ Цейлона, достаточно пробуравить верхній слой коралла и вынуть слѣдующій непосредственно подъ нимъ пластъ песку, чтобы добраться до скопленія прѣсной воды, поверхность которой, вслѣдствіе боковаго соприкосновенія съ соленой водой, то поднимается, то понижается, сообразно измѣненіямъ уровня моря, зависящимъ отъ прилива и отлива. Земля мало плодородна; однако,

[1] Darwin; Murray; Huxley; Blanford, „Quarterly Journal of the Geological Society", nov. 1875.

[1] Reinaud, „Relations des voyages des Arabes", tome I.

[2] Wood, „Lakeradeevh Archipelago", „Journal of the Geographical Society of London", 1836.

кое-гдѣ видны апельсинныя деревья, дынеплодники (папайя), рисовыя плантаціи, поля, засѣянныя сладкимъ картофелемъ (пататами); но главную отрасль земледѣлія составляетъ культура кокосовыхъ пальмъ: слишкомъ 250.000 деревъ этой породы доставляютъ почти все необходимое туземцамъ и ихъ первую статью торговли, волокно или *коиръ*, которое употребляется на плетеніе канатовъ и для связыванія членовъ кораблей; отсюда и названіе Дивахъ-Камбаръ, или «Нитяные острова», которое арабскіе купцы давали нѣкогда Лакедивскимъ островамъ [1]. Главное занятіе женщинъ состоитъ въ разрѣзываніи скорлупъ кокосовыхъ

Буддійскіе жрецы на Цейлонѣ.

[1]) Reinaud, цитированное сочиненіе.

орѣховъ и въ вымачиваніи ихъ въ соленой водѣ для приготовленія волокна. Цѣнность ежегоднаго вывоза этого продукта съ Лакедивскихъ острововъ простирается до 425.000 франковъ. Самобытная фауна этихъ острововъ заключаетъ въ себѣ только одинъ видъ млекопитающихъ— крысъ, которыя наносятъ большой вредъ плантаціямъ кокосовыхъ пальмъ; быки и коровы, ввезенные туземцами, выродились въ малорослыхъ и слабосильныхъ животныхъ. Жители Лакедивскихъ острововъ, говорящіе малаяламскимъ языкомъ, суть наиры по преданіямъ, моплахи по магометанскому вѣроисповѣданію: на всемъ архипелагѣ нѣтъ ни одного индуса по религіи, но самыя богатыя фамиліи приписываютъ себѣ происхожденіе отъ высшихъ кастъ Полуострова [1]). Какъ иммигранты, принадлежащіе къ различнымъ расамъ, туземцы не имѣютъ между собою достаточной связи, чтобы оказать сопротивленіе агентамъ, приходящимъ собирать налогъ отъ имени англичанъ или малабарскихъ раджей. На сѣверныхъ островахъ, подвластныхъ британскому правительству, передача наслѣдства дѣтямъ мужскаго пола сдѣлалась правиломъ; напротивъ, на южныхъ островахъ, женщины сохранили за собою первенство, даваемое имъ древнимъ учрежденіемъ материнскаго главенства (матріархатъ). Вездѣ онѣ имѣютъ численное превосходство, такъ какъ мужчины эмигрируютъ сотнями въ періодъ юго-западнаго муссона, чтобы искать пристанища для своихъ судовъ въ гаваняхъ Малабарскаго берега. Пространство Лакедивскихъ острововъ, безъ рифовъ и мелей, 52 квадр. километра. Населеніе въ 1891 году 14.440 душъ, такъ что, среднимъ числомъ, на 1 квадр. километръ приходится около 240 жителей.

Уединенный островъ Миникой, или Миникай, поднимается со дна океанскихъ пучинъ между группой Лакедивскихъ и архипелагомъ Малдивскихъ острововъ; два прохода для кораблей, одинъ на сѣверѣ, другой на югѣ острова, обозначаются моряками, по широтѣ, подъ именами «пролива Девятаго градуса» и «пролива Восьмаго градуса». Такъ же, какъ Лакедивскіе острова, Миникой—коралловаго происхожденія: онъ имѣетъ форму полумѣсяца, рога котораго, обращенные на западъ, продолжаются кольцеобразнымъ рифомъ, заключающимъ въ себѣ лагуну; не только мелкія суда, но даже корабли могутъ входить въ этотъ внутренній портъ черезъ каналъ, глубина котораго въ часы прилива достигаетъ 4 метровъ. Островъ въ собственномъ смыслѣ имѣетъ 10 километровъ въ длину, но въ наибольшей части своего протяженія это не что иное какъ плоскій берегъ въ нѣсколько сотъ метровъ ширины [2]); море заливало бы его при каждой бурѣ, если бы онъ не былъ защищенъ на восточномъ берегу естественною насыпью изъ разнаго рода обломковъ, которые были нанесены волнами и затѣмъ укрѣплены островитянами при помощи плотины, вышиной въ 6 метровъ и длиной въ 3 километра. Надъ этимъ оградительнымъ валомъ видны только вѣеры кокосовыхъ пальмъ; онъ не разъ былъ повреждаемъ циклонами; въ 1867 году шестая часть населенія была унесена волнами моря. Такъ же, какъ на сосѣднихъ архипелагахъ, главное богатство Миникоя составляютъ его кокосовыя пальмы, а главный промыселъ—плетеніе канатовъ изъ кокосоваго волокна; кромѣ того, отсюда вывозится кокосовый сахаръ, соленая рыба и раковины ужовки или бѣлыя каури (cypraea moneta), употребляемыя въ Африкѣ въ качествѣ денегъ. Миникойскіе моряки, имѣющіе не только рыболовныя суда, но даже около дюжины большихъ морскихъ судовъ, или *odiccъ*, ведущихъ торговлю съ Малабарскимъ берегомъ, Цейлономъ и Калькуттой, славятся своею отвагою и ловкостью; они въ совершенствѣ знаютъ употребленіе инструментовъ, примѣняемыхъ европейскими мореплавателями, и одинъ изъ нихъ основалъ мореходное училище. Маленькій океанскій пляжъ Миникой представляетъ какъ бы резюме или миніатюру Индіи по распредѣленію своихъ жителей на касты различнаго происхожденія. Пространство этого уединеннаго острова—6 квадр. километровъ; населеніе въ 1871 году 2 800 душъ; слѣдовательно, среднимъ числомъ приходится по 466 жителей на 1 квадр. километровъ. Жители Миникоя дѣлятся на пять родовъ или большихъ семействъ, изъ которыхъ два первыя считаютъ позорнымъ всякій трудъ, хотя имъ принадлежитъ вся земля, съ растущими на ней кокосовыми рощами. Всѣ работы свалены на низшія касты; особенно женщины въ высшей степени трудолюбивы, несмотря на то, что имъ принадлежитъ главенство въ хозяйствѣ; по старинному наирскому обычаю, онѣ сами выбираютъ себѣ супруга, но многія сотни ихъ остаются безъ мужей, вслѣдствіе эмиграціи, увлекающей молодыхъ мужчинъ за море. Многомужество болѣе не практикуется; съ другой стороны, несмотря на господство магометанской религіи, которую исповѣдуютъ всѣ жители острова, Миникой не представляетъ ни одного примѣра многоженства. Слѣдовательно, этотъ островъ, по правамъ и обычаямъ своего населенія, находится на рубежѣ двухъ цивилизацій. Съ политической точки зрѣнія, онъ тоже составляетъ переходную страну: такъ же, какъ южные Лакедивскіе острова, онъ подвластенъ каннанорской царицѣ (биби), но по языку и народнымъ преданіямъ его слѣдуетъ причислить къ Малдивскимъ островамъ. Островокъ, лежащій на южной оконечности Миникойской лагуны, служитъ

[1]) Robinson, „Report on the Laccadive Islands", Madras 1874.

[2]) Basevi, „Journal of the Geographical Society of London", 1872.

госпиталемъ для острова: туда отвозятъ прокаженныхъ и больныхъ, тамъ же хоронятъ покойниковъ [1]).

Этотъ обширный архипелагъ «Малабарскихъ островов», или «Тысячи Островов», или «Островов Мале», т. е. «Скалы»,—таковы различныя значенія, даваемыя этимологами имени Малдивскихъ островов [2])—,тянется на пространствѣ 866 километровъ съ сѣвера на югъ; послѣдніе его рифы находятся уже въ южномъ полушаріи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ширина пояса, занимаемаго атоллами, превышаетъ 80 километровъ, но совокупность земель, выступающихъ изъ-подъ воды въ періодъ отлива на этомъ огромномъ протяженіи, исчисляется всего только въ 5.000 квадр. километровъ; въ часы прилива только шестая часть этого пространства бываетъ покрыта выступающими изъ-подъ воды коралловыми берегами. Оффиціальный титулъ султана Малдивскихъ островов—«Царь тринадцати провинцій и двѣнадцати тысячъ островов». Оуенъ [3]) полагаетъ, что это число 12.000 есть лишь треть или четверть дѣйствительности, но по самымъ подробнымъ морскимъ картамъ, отдѣльныхъ земель въ архипелагѣ, не считая простыхъ рифовъ, оказывается только нѣсколько сотенъ. Птоломей насчитываетъ ихъ 1.378, но не давая какого-либо общаго имени всей совокупности атолловъ. Сто семьдесять пять изъ этихъ островов обитаемы [4]). Пространство Малдивскихъ островов около 300 квадр. километровъ, а населеніе около 30.000 душъ, такъ что на одинъ квадр. километръ приходится 100 жит.

Даже въ Тихомъ океанѣ нѣтъ коралловыхъ островов, которые представляли бы болѣе правильности, чѣмъ Малдивскіе, въ образованіи кольцеобразныхъ береговъ, заключающихъ лагуну въ своей оградѣ. Каждый островъ въ частности есть полумѣсяцъ изъ выступающихъ надъ водой мелей, простой сегментъ кольца рифовъ, показывающихся въ періоды отлива. Острова не разсѣяны случайно по поверхности воды; они группируются въ круги или въ эллипсы такъ, что образуютъ атоллъ, окружающій своею коралловою стѣною, прерываемой тысячью брешей, морское пространство, превращенное во внутреннее озеро. Наконецъ, девятнадцать атолловъ Малдивскихъ островов составляютъ, въ своей совокупности, какъ бы одинъ очень удлиненный атоллъ, заключающій внутри глубокое средиземное море, гдѣ бросаютъ лотъ на сотни метровъ, не находя морскаго дна. Гипотеза, которою Дарвинъ старается объяснить образованіе этихъ кольцеобразныхъ рифовъ, хорошо извѣстна. По его мнѣнію, тамъ, гдѣ въ наши дни находятся едва выступающія изъ-подъ воды земли Малдивскихъ островов, стояли нѣкогда горы неравной высоты, какъ горы всѣхъ континентальныхъ цѣпей, и на всей окружности этой гористой области зоофиты (животнорастенія), строющіе коралловыя скалы на разстояніи нѣсколькихъ метровъ отъ поверхности моря, трудились надъ возведеніемъ своего барьера рифовъ. Но, находясь въ области медленнаго осѣданія почвы, горы проваливались мало-по-малу; внѣшній валъ постепенно понижался, заставляя такимъ образомъ полиповъ-строителей выдѣлять изъ себя новые слои; между коралловыми постройками открывались морскіе рукава или проливы, вслѣдствіе чего эти постройки дѣлились на обособленные острова, вокругъ которыхъ образовались другія кольцеобразныя мели меньшихъ размѣровъ; затѣмъ эти острова, въ свою очередь, подраздѣлялись на островки, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой бордюръ изъ рифовъ: такъ, въ большомъ кольцѣ заключались, какъ вписанные круги, второстепенныя кольца, которыя, въ свою очередь, дробились на многочисленныя третьестепенныя кольца. Когда всѣ горныя цѣпи исчезли подъ водой, строенія коралловъ не переставали удерживаться на поверхности океана, наростая по мѣрѣ того, какъ опускался въ море цоколь ихъ основанія. Происхожденіе центральнаго моря всей системы островов, свободнаго залива каждаго атолла, лагуны каждаго островка объясняется тѣмъ фактомъ, что «строители міровъ» развиваются и преуспѣваютъ подъ ударомъ волнъ; въ спокойныхъ водахъ они умираютъ. Что касается выступленія изъ-подъ воды большей части островковъ на восточномъ сегментѣ рифовъ, то причину этого явленія слѣдуетъ искать въ преобладаніи юго-западныхъ вѣтровъ и морскихъ теченій, слѣдующихъ въ томъ же направленіи; обломки, оторванные отъ рифовъ, увлекаются къ востоку и способствуютъ возвышенію выступовъ ближайшаго къ Индіи края подводной горной массы.

Взятая въ цѣломъ, гипотеза Дарвина лучше, чѣмъ всякая другая, согласуется съ наблюдавшимися явленіями; однако, до сихъ поръ еще не констатированъ точными наблюденіями капитальный фактъ, именно фактъ пониженія почвы Малдивскихъ островов въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, отъ какой-либо причины, работа коралловъ прекратилась. Слѣдовательно, поле остается открыто теоріямъ. Нѣкоторые геологи задавали себѣ вопросъ, не соотвѣтствуютъ ли ряды атолловъ грядамъ подводныхъ вулкановъ. Правда, невозможно допустить, чтобы на пространствѣ, столь обширномъ, какъ площадь, занимаемая «Двѣнадцатью Тысячами Островов», огнедышащія горы поднимались одно-

[1]) Basevi, цитированный мемуаръ.
[2]) Lassen, „Indische Alterthumskunde"; Egli, „Etymologisch-geographisches Lexicon".
[3]) „Journal of the Geographical Society of London", 1832.
[4]) Hunter, „Imperial Gazetter of India".

образно на 20 или 30 метровъ ниже уровня моря, такъ чтобы служить основаніемъ постройкамъ полиповъ. Но если вулканы Малдивскихъ островов походили на огнедышащія горы сосѣдняго Полуострова, которыя извергали изъ себя невообразимо громадное количество шлаковъ, имѣющее мощность въ нѣсколько сотенъ и даже мѣстами въ тысячу метровъ, то легко понять, что несвязные обломки, выброшенные кратерами, были выровнены волнами до однообразной глубины, и рифы полипняковъ замѣнили конусы изъ лавы и пепла, смытые волнами, унесенные теченіями. Едва-ли найдется океанская земля, исторія которой была бы болѣе любопытна для изученія, чѣмъ исторія Малдивскихъ островов; къ сожалѣнію, острова эти были изслѣдуемы лишь рѣдкими путешественниками, ожидавшими съ нетерпѣніемъ перваго попутнаго вѣтра, чтобы вернуться на твердую землю. Еще недавно, то, что знали объ этомъ архипелагѣ, было основано, главнымъ образомъ, на разсказахъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, какъ, напримѣръ, Пираръ-де-Лаваля, который былъ выброшенъ туда бурей въ 1602 году. Въ началѣ настоящаго столѣтія острова были менѣе извѣстны, нежели за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, въ эпоху путешествій знаменитыхъ португальскихъ мореплавателей [1]). А между тѣмъ, Малдивскіе острова лежатъ близъ большаго морскаго пути, такъ что безчисленное множество путешественниковъ проходитъ мимо нихъ и видитъ ихъ издали. Корабли, идущіе отъ Мыса Доброй Надежды къ Цейлону, плывутъ черезъ проливъ, называемый «Полутораградуснымъ», по линіи широты, проходящей въ этомъ мѣстѣ. Какъ ни низки эти острова, поднимающіеся всего только на два метра надъ поверхностью воды, они, тѣмъ не менѣе, видимы до разстоянія 20 километровъ въ морѣ, благодаря зонтикамъ кокосовыхъ пальмъ, которые развертываются на высотѣ 30 метровъ (14 саженъ).

Будучи такого же образованія, какъ Лакедивскіе острова, Миникой и сѣверные берега Цейлона, большинство Малдивскихъ островов тоже имѣютъ въ изобиліи прѣсную воду подъ поверхностными слоями коралла. Растительность этого архипелага богаче растительности сосѣднихъ островныхъ группъ. Кокосовыя пальмы достигаютъ здѣсь большаго роста; кромѣ того, на этихъ островахъ существуютъ настоящіе лѣса хлѣбныхъ деревьевъ, смоковницъ, баніановъ, тамариндовъ. По словамъ Оуена, флора Малдивскаго архипелага заключаетъ въ себѣ также лодоицею Сешельскихъ островов, пальму, которая даетъ морскіе кокосы, тѣ двойные орѣхи, которые такъ долго сохраняются на волнахъ моря и которые въ Индіи, куда ихъ приноситъ теченіе, считаются священными плодами, исцѣляющими всѣ болѣзни. На берегахъ Малдивскихъ островов встрѣчаются во многихъ мѣстахъ горныя породы новаго образованія, похожія на плотный песчаникъ, содержащій большое число раковинъ и коралловъ, находимый на Антильскихъ островахъ и называемый *maçonne-bon-Dieu*; эти породы состоятъ изъ отложеній углекислой извести, заключающихъ въ себѣ морскіе кокосы, съ примѣсью отрывковъ мадрепоровъ и другихъ плавучихъ обломковъ [1]).

Подобно населенію Лакедивскихъ островов и Миникоя, обитатели Малдивскихъ островов живутъ преимущественно продуктами кокосовой пальмы, которые имъ приходится защищать отъ нападеній крысъ и летягъ; послѣднія приходятъ сосать изъ разрѣзовъ на стволѣ дерева, откуда сочится *тодди*, или пальмовое вино. Одну изъ главныхъ статей вывоза составляетъ ужовка каури, которую ловятъ при помощи сѣтей и приманокъ, привязанныхъ къ поплавню изъ листьевъ кокосовой пальмы: собранныя раковины закапываютъ въ песокъ и оставляютъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не сгніетъ мясо, затѣмъ ихъ промываютъ, и монета, гораздо болѣе пріятная на видъ, чѣмъ наши мѣдныя деньги, готова для обмѣна; на самомъ мѣстѣ добыванія ихъ продаютъ двѣнадцать тысячъ штукъ за одну рупію, т. е. около пяти тысячъ штукъ за одинъ франкъ. Малдивскіе моряки вывозятъ также соленую рыбу, именно бонитовъ или макрелей, которыхъ они налавливаютъ отъ двухъ до трехъ милліоновъ штукъ въ годъ. Очень искусные мореходы, они имѣютъ большія суда, вмѣстимостью въ 100 и 200 тоннъ, на которыхъ плаваютъ до острова Суматры; они совершаютъ правильныя плаванія въ Коломбо и въ Калькутту, отправляясь съ юго-западнымъ муссономъ, въ августѣ мѣсяцѣ, и возвращаясь въ декабрѣ съ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ. Каждый годъ жители городка Мале, столицы островов, пускаютъ на море два судна, нагруженныя душистыми смолами, цвѣтами и разными благовонными веществами; это дары умилостивленія, посылаемые богу моря и духу вѣтровъ [2]).

До сихъ поръ еще не было сдѣлано переписи Малдивскаго народонаселенія; приблизительно извѣстно, что около 1.500 жителей сгруппированы въ атоллѣ Мале (Царскій атоллъ, King's atoll), гдѣ имѣетъ пребываніе султанъ, около середины восточной цѣпи островов: это самая многолюдная земля, такъ какъ непосредственная торговля съ заграницей запрещена во всемъ остальномъ архипелагѣ; большинство другихъ населенныхъ земель имѣетъ много-много что нѣсколько сотъ резидентовъ, жи-

[1]) Owen, „Journal of the Geographical Society of London", 1832.

[1]) Moresby, „Journal of the Geographical Society of London", 1832.

[2]) Chr. Lassen, „Indische Alterthumskunde".

вущихъ по большей части въ домахъ, построенныхъ на сваяхъ, для предохраненія отъ крысъ. Въ каждомъ поселеніи архипелага есть свои ремесленники, ткачи, гончары, мастера металлическихъ издѣлій. Не такъ было въ первые годы семнадцатаго столѣтія, судя по разсказамъ упомянутаго Пираръ-де-Лаваля. «Ремесленные люди,—говоритъ этотъ французскій путешественникъ,—собраны на отдѣльныхъ островахъ, какъ-то: ткачи на одномъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера на другомъ, кузнецы, дѣлатели цыновокъ, гончары, токари и столяры на особыхъ островахъ. Ремесла ихъ никогда не смѣшиваются: каждое

Цейлонскій пейзажъ.

имѣетъ свой островъ» [1]). Языкъ *малъ*, *малихъ* или *малки* есть нарѣчіе сингалезскаго, и полагаютъ, что жители архипелага—выходцы съ большаго сосѣдняго острова (Цейлона), смѣшавшіеся съ элементами арабскими и африканскими, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ихъ преданія и различныя слова ихъ діалекта; кромѣ сингалезской азбуки и арабскихъ буквъ, они имѣютъ еще собственныя письмена. Кое-какіе остатки буддизма еще сохранились, хотя уже нѣсколько столѣтій тому назадъ островитяне были обращены въ магометанскую вѣру арабскими миссіонерами. Наслѣдственный султанъ «Двѣнадцати тысячъ островковъ» находится подъ протекторатомъ цейлонскаго губернатора, которому онъ посылаетъ дань, состоящую изъ раковинокъ каури, рыбы и лепешекъ. Визири, изъ которыхъ одинъ носитъ титулъ главнокомандующаго арміей, управляютъ страной отъ имени султана, и на каждомъ островѣ есть начальникъ, соединяющій въ своемъ лицѣ всѣ органы власти: онъ военачальникъ, мулла, судья, сборщикъ податей.

Атоллы группы Чагосъ составляютъ особый архипелагъ, отдѣленный отъ Малдивскихъ островомъ пространствомъ около 500 километровъ, пучины котораго имѣютъ до 5.000 метровъ глубины. Главная мель, кольцо которой развертывается по окружности длиною около 455 километровъ, не считая выступовъ и заливовъ, почти вся лежитъ подъ поверхностью водъ. Дарвинъ видитъ въ ней остатокъ земли, которая такъ быстро осѣла, что полипы-строители не имѣли времени довести свою работу до поверхности воды, возводя слой за слоемъ. Какова бы ни была степень вѣроятности этой гипотезы, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что двѣ стороны атолла, восточная и южная, совершенно погружены подъ жидкою площадью толщиною отъ 8 до 100 метровъ; на сѣверѣ существуетъ только одинъ островъ, покрытый мелкимъ кустарникомъ, — островъ Нельсонъ, и наконецъ, шесть отрывковъ рифовъ, Три Брата, Орлиные острова, островъ Опасности, выступаютъ надъ поверхностью воды на западной стѣнѣ этой мели. Но другія кольца рифовъ, несравненно меньшихъ размѣровъ, имѣютъ гораздо больше выступающихъ надъ водой земель: Соломоновъ атоллъ и атоллъ Перросъ-Баньосъ, лежащіе къ сѣверу отъ архипелага Чагосъ, заключаютъ въ себѣ, соотвѣтственно, 10 и 22 острова на своей кольцеобразной стѣнѣ; группа Эгмонта, къ юго-западу отъ большой мели Чагосъ, состоитъ изъ шести островковъ. Наконецъ, на юго-восточномъ углу, атоллъ Діего-Гарсіа совершенно выступаетъ изъ-подъ воды на семи десятыхъ своей окружности. Этотъ коралловый валъ неправильной и странной формы тянется въ видѣ двухъ узловатыхъ вѣтвей, имѣющихъ вмѣстѣ около 52 километровъ длины и не представляющихъ нигдѣ, кромѣ только сѣверо-западной оконечности, болѣе 1.000 метровъ ширины; три островка запираютъ отчасти сѣверную брешь, открывающуюся между двумя вѣтвями атолла.

Открытые португальцами, острова Чагосъ оставались необитаемыми до конца прошлаго столѣтія, хотя кокосовыя пальмы, осѣняющія эти плоскіе берега, манили иммигрантовъ. Въ 1791 году нѣкоторые плантаторы съ острова Иль-де-Франсъ, или св. Маврикія, первые основали тамъ нѣсколько поселеній для приготовленія кокосоваго масла, и съ той эпохи французы съ того же англійскаго острова постоянно эксплоатировали пальмовыя рощи на Діего-Гарсіа и на другихъ островахъ архипелага Чагосъ. Въ 1880 году съ острова Діего-Гарсіа было вывезено 680.000 литровъ кокосоваго масла. На эту же землю Діего, затерянную среди океана, ссылались прежде прокаженные съ Маскаренскихъ острововъ [1]). Прежде невольники, а теперь наемные работники съ Мадагаскара и съ африканскаго континента населяютъ избушки, сгруппированныя тамъ и сямъ въ поселки на плоскихъ берегахъ. Пространство острововъ Чагосъ 192 квадр. километра; населеніе, въ 1871 году, 689 душъ. На Діего-Гарсіа приходится двѣ трети всего числа жителей архипелага; тѣмъ не менѣе, семейства тамъ рѣдки, такъ какъ плантаторы привезли очень мало женщинъ въ колонію. Трижды въ годъ корабли съ Маврикія посѣщаютъ островъ Діего-Гарсіа, и черезъ каждые два года туда является представитель магистратуры, чтобы совершить судебный объѣздъ. Такимъ образомъ, архипелагъ Чагосъ, геологически принадлежащій къ Индіи, сдѣлался, по своему населенію, такъ же, какъ и въ политическомъ отношеніи, землей, зависящей отъ африканскаго континента. Ввозъ животныхъ и растительныхъ видовъ тоже сдѣлалъ островъ Діего-Гарсіа африканской землей; горлицы и кардиналы, летающіе въ пальмовыхъ рощахъ этого острова, были привезены туда переселенцами съ Маврикія [2]).

Когда-нибудь, быть можетъ, островъ Діего-Гарсіа будетъ приносить другую пользу, кромѣ снабженія европейскихъ заводовъ кокосовымъ масломъ. Лагуна, которую окружаютъ двѣ вѣтви кораллового вала, есть одна изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ гаваней въ свѣтѣ; суда имѣютъ доступъ въ нее черезъ два входа, изъ которыхъ одинъ можетъ давать проходъ кораблямъ самаго большаго водоизмѣщенія; дно лагуны песчаное, а глубина воды отъ 20 до 30 метровъ. На берегахъ этого удобнаго и безопаснаго

---

[1]) „Voyage de François Pyrard“. Paris, 1619.

[1]) Owen, „Journal of the Geographical Society of London“, 1832.

[2]) „Proceedings of the Geographical Society of London“, march 1882.

порта легко было бы устроить магазины, складъ каменнаго угля и морскія мастерскія для снабженія продовольствіемъ и починки кораблей.

Архипелагъ Чагосъ, лежащій къ югу отъ экваторіальной линіи, находится въ поясѣ юго-восточныхъ пассатовъ, но въ окружающихъ его областяхъ моря, вслѣдствіе перемѣны направленія воздушныхъ теченій въ прямо противоположное, потрясенія, совершающіяся въ атмосферѣ, имѣютъ особенно грозный характеръ. Лѣтомъ, когда юго-восточный муссонъ поворачиваетъ къ сѣверо-востоку, переходя черезъ экваторъ, и образуетъ на берегахъ Малабара «муссонъ» по преимуществу, приносящій проливные тропическіе дожди, движенія воздуха довольно правильны; но въ другія времена года, и особенно въ теченіе трехъ первыхъ мѣсяцевъ, по собраннымъ Бро (Brault) наблюденіямъ, вѣтры на островахъ Чагосъ отличаются наибольшимъ непостоянствомъ; они такъ же часто дуютъ съ запада, какъ и съ востока, и дѣлятся на неравные воздушные потоки, кружащіеся въ видѣ циклоновъ. Воздухъ въ эти періоды никогда не бываетъ въ состояніи равновѣсія и внезапно устремляется то въ ту, то въ другую сторону, принося частые дожди.

XVII.

Матеріальная и нравственная статистика Индіи.

По всеобщей переписи, произведенной въ 1881 году, народонаселеніе Индіи по сю сторону Ганга состояло изъ 257 милліоновъ душъ, считая въ томъ числѣ Дардистанъ, Кашмиръ, Непалъ, Бутанъ, Цейлонъ, острова Лакедивскіе и Малдивскіе, независимыя и медіатизированныя государства, французскія и португальскія владѣнія, но исключая индо-китайскіе округа, лежащіе за Брахмапутрой, Андаманскіе, Никобарскіе острова, англійскую Барманію и другія провинціи восточнаго полуострова, составляющія часть *British India* (Британской Индіи). Въ теченіе десятилѣтія, заключающагося между 1871 и 1881 годамя, число жителей увеличилось, приблизительно, на двѣнадцать милліоновъ. По переписи 1891 г., населеніе англійской Индіи (безъ о. Цейлона и колоній Малакскаго пролива, Straits-Settlements), опредѣлилось въ 287.223.431 душъ. Ни въ какомъ періодѣ своей исторіи Индія не была населена такими массами людей.

Вѣроятно, что въ періодъ пятидесяти лѣтъ населеніе Индіи по сю сторону Ганга удвоилось. Въ 1800 году статистики давали Полуострову сотню милліоновъ жителей. Еще въ половинѣ настоящаго столѣтія суммарныя исчисленія опредѣляли въ 150, 180, или 200 милліоновъ число жителей Полуострова. Первая оффиціальная перепись, произведенная въ 1872 году, прибавила пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ къ этимъ огромнымъ толпамъ. По плотности, населеніе Индустана только немногимъ уступаетъ населенію Франціи, но оно возростаетъ въ гораздо болѣе значительной пропорціи, и даже въ самыхъ многолюдныхъ округахъ, гдѣ одна деревня непосредственно прикасается къ другой, число жителей продолжаетъ постоянно увеличиваться. Такъ же, какъ Японія и другія страны Азіи, статистика которыхъ была составлена тщательно, Индія представляетъ контрастъ со всѣми европейскими государствами по численному отношенію половъ. Тогда какъ въ Европѣ число женщинъ вездѣ превышаетъ число мужчинъ, въ Индустанѣ констатировано обратное явленіе; во время переписи 1872 года насчитали въ англійской Индіи немного больше 98 милліоновъ мужчинъ, противъ 92.600.000 женщинъ; разность, слѣдовательно, составляла около пяти съ половиною милліоновъ въ пользу мужскаго пола; въ 1891 г. изъ 287.223.431 жителя, относительно которыхъ можно было собрать болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія, оказалось 146.727.296 лицъ мужскаго и 140.496.135 женскаго пола. Но, можетъ быть, эта значительная разность должна быть приписана отчасти ошибкамъ статистики; по даннымъ ея, наибольшее численное превосходство мужчины имѣютъ въ Пенджабѣ, провинціи, гдѣ магометане особенно многочисленны; производившіе перепись должны были почти вездѣ останавливаться у ревниво охраняемаго порога внутреннихъ покоевъ, или гаремовъ. Что касается дѣтоубійства, благодаря которому еще не такъ давно въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Индіи, именно въ Раджпутанѣ, почти совсѣмъ не было дѣвочекъ, то всѣ оффиціальныя донесенія единогласно говорятъ, что этотъ обычай нынѣ окончательно оставленъ. Согласно англійскимъ уставамъ, всякое селеніе, гдѣ число рождающихся дѣвочекъ составляло только треть общей рождаемости дѣтей, тѣмъ самымъ подпадало подъ строгій надзоръ полиціи. Еще въ 1871 году разность половъ въ Аджмирскомъ округѣ, который, нужно замѣтить, непосредственно подчиненъ англійскому управленію, составляла около одной шестой общаго числа жителей (именно мужчинъ насчитывалось 212.267, тогда какъ женщинъ только 184.064).

Среди несмѣтной толпы индусовъ англійскіе господа и повелители кажутся численно ничтожною горстью. За исключеніемъ пятидесяти тысячъ европейскихъ солдатъ и арміи чиновниковъ, представители господствующей расы, между которыми шотландцы составляютъ огромное относительное большинство, суть по большей части плантаторы (хозяева чайныхъ или кофейныхъ плантацій), владѣльцы пріисковъ и копей, инженеры, механики; сверхъ

того, немногочисленные туристы, очень рѣдкіе въ сравненіи съ огромной массой индусскаго народа, посѣщаютъ большіе города и мѣстности, славящіеся красотами природы или памятниками искусства. Перепись 1872 года насчитывала, кромѣ солдатъ и моряковъ, только 59.000 жителей, родившихся въ Великобританіи. Внѣ городовъ и элегантныхъ кварталовъ, въ массѣ людей, воздѣлывающихъ почву или перерабатывающихъ ея произведенія, есть португальцы смѣшанной крови, но англичанъ нѣтъ. Часто говорятъ объ Индіи какъ о британской «колоніи», и такъ велика тираннія готовыхъ ходячихъ словъ, подставляемыхъ на мѣсто понятій, что на Индію указываютъ какъ на блистательное доказательство «колонизаторскаго генія» англо-саксовъ. Съ гораздо большимъ основаніемъ можно было бы привести Полуостровъ по сю сторону Ганга въ примѣръ противоположнаго факта. На одномъ только островѣ Гваделупѣ больше «малыхъ бѣлыхъ», обработывающихъ землю, чѣмъ сколько наберется англичанъ, прилагающихъ руки къ заступу или плугу въ громадной англо-азіатской имперіи: число лицъ, занимающихся ручнымъ трудомъ, составляетъ только тридцать вторую часть англо-индійскаго населенія. Происходитъ это вовсе не отъ недостатка свободныхъ земель; напротивъ, въ Индіи достаточно мѣстностей, гдѣ англійскіе земледѣльцы могли бы безъ труда поселиться милліонами, подъ благопріятнымъ климатомъ. Конечно, спаленныя солнцемъ равнины Пятирѣчья и верхняго Ганга, болотистыя пространства Бенгаліи, безплодныя плоскогорья Декана не были бы пригодны для европейскихъ колонистовъ; но сколько гималайскихъ долинъ, цирковъ въ Гатскихъ горахъ, плоскихъ возвышенностей въ массивахъ Чота-Нагпоръ, Ниль-Гири, Анамалахъ, гдѣ земледѣльцы могли бы легко акклиматизироваться и приняться за обработку почвы! Поверхность земель, гдѣ англичане могли бы основать новую Англію непосредственной эксплоатаціей почвы, по меньшей мѣрѣ равняется Великобританіи по протяженію, а плодородіе земель тамъ, вообще говоря, гораздо выше. Часто поднимался вопросъ о предоставленіи обширныхъ округовъ на Полуостровѣ по сю сторону Ганга въ распоряженіе европейскихъ колонистовъ, но всѣ подобные проекты были заранѣе обречены на неуспѣхъ Средняя заработная плата чернорабочаго такъ низка, а трудъ англичанина, сравнительно, такъ щедро вознаграждается, что не могла бы установиться конкурренція между туземцами и колонистами. Если ужъ китайцы, которые, какъ извѣстно, продаютъ свой трудъ за очень низкую цѣну, не могутъ оспаривать у индусовъ работу на плантаціяхъ, и по этой причинѣ встрѣчаются только въ городахъ, гдѣ они занимаются торговлей, то англійскіе переселенцы и подавно исключены отъ всякаго соперничества съ индусскими работами: они если и принимаютъ участіе въ эксплоатаціи земель, то принимаютъ только въ качествѣ хозяевъ. При томъ же, англичане, считающіе себя особенной кастой, посмотрѣли бы съ неудовольствіемъ на своихъ соотечественниковъ, компрометтирующихъ ручнымъ трудомъ престижъ ихъ авторитета. Индія—завоеванная страна, а не колонія.

Въ прежнее время, именно до тѣхъ поръ, пока путешествія изъ Лондона въ Бомбей и Калькутту не сдѣлались относительно легкими, позволяя большинству служащихъ въ Индіи англичанъ самимъ ѣздить въ Европу искать себѣ женъ, списокъ пассажировъ, садившихся на корабли, отправлявшіеся въ Индію мимо Мыса Доброй Надежды, заключалъ въ себѣ на добрую часть имена молодыхъ дѣвушекъ, посылаемыхъ на поиски мужа. Въ наши дни чиновники и офицеры не проводятъ полжизни въ Индустанѣ безъ поѣздокъ въ метрополію, и «бѣлые города» столицъ, такъ же, какъ санаторіи или лѣтнія резиденціи, Симла, Дера, Дарджилингъ, Махабалешваръ, Утакамундъ, напоминающіе города родины архитектурнымъ стилемъ зданій, группировкой массивовъ зелени, расположеніемъ садовъ и аллей, представляютъ какъ бы маленькія Англіи, имѣющія каждая свое дворянство и свою буржуазію, снабженныя молодыми дѣвушками въ количествѣ, достаточномъ для браковъ англо-индійцевъ.

Долгое время принимали, какъ неоспоримый фактъ, что англичане не могутъ окончательно акклиматизироваться въ Индіи и что ихъ дѣти должны быть отсылаемы въ раннемъ возрастѣ въ метрополію, чтобы избѣгнуть смерти. Опытъ послѣднихъ десятилѣтій доказалъ неосновательность этого мнѣнія [1]). Конечно, иммигранты, родившіеся подъ холодными широтами Англіи или Шотландіи, подвергаются большей опасности подъ знойнымъ климатомъ Индустана, нежели французы или особенно южные европейцы; въ особенности они должны опасаться диссентеріи и болотныхъ лихорадокъ, преимущественно въ аллювіальныхъ земляхъ и во всемъ бассейнѣ Инда. По суммарнымъ исчисленіямъ, смертность англичанъ доходила, будто бы, до трети новоприбывшихъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ ихъ пребыванія въ тропическомъ поясѣ, а десятилѣтній періодъ переживала только часть, меньшая половины общаго числа новоприбывшихъ. Вѣрны или нѣтъ эти утвержденія, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что значительная смертность европейцевъ, пріѣзжающихъ, однако, въ цвѣтѣ лѣтъ, происходитъ отъ неблагоразумія, съ какимъ они выставляютъ себя дѣйствію новаго климата, не измѣняя образа жизни, къ кото-

[1]) Clements Markham, „Travels in India and Peru“.

рому они привыкли въ сѣверныхъ странахъ [1]). Воспаленія печени—болѣзни, всего чаще поражающія европейцевъ Индіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, какова, напримѣръ, территорія Пондишери [2]),—прямо пропорціональны употребленію спиртныхъ напитковъ: чрезвычайно рѣдкія у туземцевъ, онѣ убиваютъ только иностранцевъ, привыкшихъ къ опьяняющимъ напиткамъ [3]); точно также подагра бываетъ исключительно только у хорошо откормленныхъ господъ страны, щадя воздержныхъ туземцевъ. Съ другой стороны, въ Индіи встрѣчаются многочисленные примѣры англичанъ и шотландцевъ, которые пользуются отличнымъ здоровьемъ въ своемъ новомъ отечествѣ и которые даже, благодаря лучшей пищѣ и болѣе разумной гигіенѣ, менѣе, чѣмъ туземные жители, страдаютъ отъ міазматическихъ лихорадокъ и эпидемій. Таблицы смертности, составленныя для европейскихъ солдатъ, доказываютъ, насколько легче сдѣлались условія акклиматизаціи. Около половины настоящаго столѣтія европейскія войска въ Индіи, хотя уже пользовавшіяся несравненно болѣе заботливымъ уходомъ, нежели во время войнъ прошлаго вѣка, теряли еще каждый годъ одного человѣка на пятнадцать; но съ тѣхъ поръ процентъ смертности постоянно понижался, какъ показываютъ слѣдующія статистическія данныя.

Смертность среди англійскихъ солдатъ въ Индіи, по Френсису Гальтону:

въ 1854 г.—69 на тысячу; въ 1861—1865 г.г.—29,30; въ 1866—1870 г.г.—27,48; въ 1871—1875 г.г.—18,50; въ 1876 г.—15,32; въ 1877 г.—12,71 на тысячу.

Опрятность лагерей, хорошее качество съѣстныхъ припасовъ и воды, чистый горный воздухъ спасали каждый годъ тысячи солдатъ. Въ настоящее время англо-индійская армія теряетъ, пропорціонально, меньше людей, нежели многія изъ европейскихъ армій, хотя ей часто приходится дѣлать утомительные походы въ болотистыхъ мѣстностяхъ или по жгучимъ пескамъ; процентъ смертности у этихъ иностранцевъ почти въ три раза меньше, чѣмъ среди массы туземцевъ. Часть арміи, состоящая изъ индусовъ, о которой, безъ сомнѣнія, менѣе заботятся, также теряетъ большее число людей, чѣмъ европейскія войска (смертность между собственно индусскимъ войскомъ составляла въ 1877 году 13,38 на 1.000 человѣкъ). Восточный фатализмъ тоже, можетъ быть, оказываетъ въ извѣстной мѣрѣ вліяніе на это усиленіе смертности среди туземнаго населенія.

Въ гражданской жизни можно указать многочисленные примѣры англійскихъ семействъ, дѣти которыхъ акклиматизировались безъ того, чтобы ихъ сила и здоровье пострадали при этомъ. Уже многія поколѣнія слѣдовали одно за другимъ въ различныхъ частяхъ Индіи, изъ чего нужно заключить, что англичанинъ, не только какъ индивидуумъ, но и какъ раса, можетъ жить на Полуостровѣ по сю сторону Ганга. Кажется, что индійскій климатъ опасенъ въ особенности для дѣтей; но утверждать этого съ достовѣрностью невозможно, такъ какъ огромное большинство родителей, принадлежащихъ къ классу богатыхъ чиновниковъ, высшихъ офицеровъ и «купцовъ-князей», посылаютъ своихъ сыновей и дочерей въ метрополію съ первыхъ годовъ дѣтства. Что касается бѣдныхъ европейцевъ, женатыхъ на своихъ соотечественницахъ, то число ихъ невелико и, при томъ, они не могутъ давать своимъ дѣтямъ всѣхъ гигіеническихъ заботъ, которыя позволили бы народившемуся поколѣнію совершенно приспособиться къ средѣ. Вотъ почему акклиматизація англійской семьи составляетъ пока еще исключительный фактъ. Не взирая на свое болѣе чѣмъ вѣковое господство, британецъ все еще является иностранцемъ на берегахъ Ганга.

Помѣси или евроазійцы (евро-азіаты), т. е. европейцы по отцу, азіатцы по матери, лишь въ слабой степени способствуютъ укрѣпленію британскаго могущества, ибо они не считаются за англичанъ ни туземцами, ни бѣлыми, пріѣхавшими изъ Европы: они составляютъ отдѣльную касту, и касту не изъ самыхъ почетныхъ. Въ физическомъ отношеніи они вообще не отличаются ни силой англичанина, ни красотой индуса; въ нравственномъ, они, по большей части, имѣютъ наклонность къ хитрости и лжи, что происходитъ, можетъ быть, отъ унизительнаго соціальнаго положенія, въ которомъ они находятся. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, передъ тѣмъ какъ паръ сблизилъ Индію и Англію, они были болѣе уважаемы и болѣе счастливы, нежели въ наши дни. Тогда очень многіе изъ англійскихъ чиновниковъ связывали себя съ туземными женщинами брачными узами, и оставляя своихъ дѣтей при себѣ, заботились объ обезпеченіи ихъ будущности. Въ настоящее же время англичанинъ, который женился бы на индускѣ, тѣмъ самымъ исключилъ бы себя изъ касты своихъ соотечественниковъ. Евроазійцы, почти всѣ непризнаваемые своими отцами, живутъ въ бѣдности и безпомощномъ состояніи. Презираемые бѣлокожими властителями страны, ненавидимые темнокожими подданными, они должны ухищряться, чтобы создать себѣ между тѣми и другими положеніе, которое всегда остается шаткимъ. Тщеславясь, несмотря на все, тѣмъ, что въ жилахъ ихъ течетъ европейская кровь, и очень заботящіеся о томъ, чтобы голова ихъ

---

[1]) Ernst Häckel, „Deutsche Rundschau".
[2]) Huillel; Mahé, „Géographie. Dictionnaire encyclopédique des sciences medicales".
[3]) Wernich, „Geographisch-medicinische Bilder".

была украшена шляпой,—что̀ и подало поводъ дать имъ прозвище «шляпниковъ» (*топасъ* или *топикаренъ*),—они считаютъ унизительнымъ для себя всякій ручной трудъ, и тѣ изъ нихъ, которымъ не посчастливилось занять мѣста писцовъ, приказчиковъ, конторщиковъ или толмачей, и такимъ образомъ пристроиться около касты повелителей страны, впадаютъ часто въ крайнюю нищету или добываютъ себѣ средства къ существованію предосудительными ремеслами. Послѣ возстанія сипаевъ, когда евроазійцы, угрожаемые какъ и англичане, сражались рядомъ съ ними, нѣкоторая солидарность установилась на минуту между бѣлокожими и метисами; но эта дружба продолжалась только до тѣхъ поръ, пока существовала общая опасность, и теперь богатые индусы и парсы имѣютъ гораздо болѣе шансовъ, чѣмъ евроазійцы, быть облагодѣтельствованными судьбой въ распредѣленіи должностей и почестей. Эти полу-соплеменники доставляютъ не мало хлопотъ индійскому правительству; впрочемъ, они составляютъ лишь незначительную часть народонаселенія; общее число метисовъ всякаго происхожденія, англійскаго, португальскаго, французскаго, не превышаетъ полумилліона на всемъ Полуостровѣ по сю сторону Ганга, что̀ не составитъ даже одного на пятьсотъ туземцевъ. Португальскіе евроазійцы, пропорціонально, самые многочисленные между помѣсями, и какъ классъ, существуютъ уже въ теченіе достаточно большаго числа поколѣній, чтобы научиться тяжелымъ опытомъ, что трудъ не позоритъ человѣка; не считая себя призванными къ исполненію профессій, называемыхъ либеральными, они дѣлаются поварами, кучерами, лодочниками. Впрочемъ, лицомъ они такъ же черны, какъ и индусы, и отличаются отъ послѣднихъ только покроемъ платья. Евреи, поселившіеся во многихъ городахъ западнаго берега Индустана за нѣсколько столѣтій до прибытія португальцевъ, лучше сохранили свой типъ, благодаря чистотѣ крови и поддерживанію наслѣдственныхъ профессій.

Такъ какъ большинство англичанъ живутъ въ Индіи лишь временными резидентами, а евроазійцы недостаточно многочисленны, чтобы образовать дѣйствительно важный этническій элементъ, то приращеніе народонаселенія приходится почти всецѣло на долю индусовъ различныхъ расъ, коларійцевъ, арійцевъ или дравидійцевъ. На Полуостровѣ безбрачіе не устраняетъ отъ семьи, какъ у народовъ Запада, болѣе трети народонаселенія; въ Индіи всѣ вступаютъ въ бракъ, и почти всѣ женщины имѣютъ дѣтей, впрочемъ, въ меньшемъ числѣ, чѣмъ сколько могли бы имѣть, если бы браки были болѣе поздніе. Въ большинствѣ случаевъ, брачные союзы заключаются, когда супруги еще не сформировались, въ возрастѣ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ; почти всѣ молодые люди, слушающіе лекціи въ университетахъ въ Калькуттѣ, Лагорѣ, Мадрасѣ, уже отцы семейства. Случаи большой плодовитости рѣдки между индусами; тѣмъ не менѣе, если бы смертность отъ оспы и другихъ болѣзней не свирѣпствовала среди грудныхъ дѣтей, число жителей могло бы удвоиваться въ какія-нибудь двадцать лѣтъ; но крайняя бѣдность двухсотъ милліоновъ индусовъ и дурныя гигіеническія условія обрекаютъ на смерть въ раннемъ возрастѣ болѣе половины каждаго новаго поколѣнія, и приростъ народонаселенія, какъ онъ ни значителенъ повидимому, остается пропорціонально меньше прироста многихъ націй Европы и Америки. Эмиграція тоже уменьшаетъ его до нѣкоторой степени. Индія посылаетъ за границу больше людей, чѣмъ сколько сама получаетъ путемъ иммиграціи; правда, огромное большинство колонистовъ, которыхъ она даетъ отдаленнымъ странамъ, свободны лишь по имени: это куліи, т. е. наемные рабочіе.

Общее число выселившихся индусовъ простирается до полумилліона слишкомъ. Въ періодъ съ 1842 по 1875 годъ англійская Индія дала заатлантическимъ колоніямъ 587.650 куліевъ; въ одномъ только 1858 году островъ св. Мэврикія и другія колоніи получили 46.000 индійскихъ работниковъ; но болѣзни жестоко свирѣпствуютъ среди этихъ несчастныхъ эмигрантовъ, лишенныхъ семьи по большей части, безъ друзей и безъ всякихъ рессуровъ на чужой сторонѣ. Санталы, ораоны, коларійцы изъ области Чота-Нагпоръ, между которыми сначала вербовали толпу куліевъ, гибли на чужбинѣ десятками тысячъ; островъ Маврикія пополучилъ въ теченіе тридцатилѣтняго періода, съ 1842 по 1872 годъ, болѣе 350.000 индусовъ, изъ которыхъ осталось въ живыхъ только двѣ пятыхъ.

Число индусовъ-куліевъ въ европейскихъ колоніяхъ, исключая испанскихъ Антильскихъ острововъ и Мыса Доброй Надежды: 535.406. Изъ этого числа: на о. св. Маврикія—141.309; въ Демерарѣ—53.786; на о. Соединенія—43.193; на о. Тринидадѣ—25.852; въ Наталѣ—17.862; на о. Ямайкѣ—15.134; на о. Гваделупѣ—13.544; на о. Мартиникѣ—10.000; въ Суринамѣ—4.829; въ Кайенѣ—4.272.

Теперь большинство эмигрантовъ состоитъ изъ уроженцевъ области Бехаръ, окрестностей Бенареса и Коромандельскаго берега; благодаря тому, что съ ними лучше обращаются, чѣмъ съ первыми «наемниками», они не гибнутъ на чужбинѣ въ столь большомъ числѣ, и многіе изъ нихъ возвращаются на родину съ маленькимъ сбереженіемъ, которое обезпечиваетъ ихъ отъ нужды. Всего лучше успѣваютъ устроиться на чужой сторонѣ не куліи, отправляющіеся работать на плантаторовъ въ европейскихъ колоніяхъ, а клинги, телугу и тамилы,

эмигрирующіе въ Барманію и другія страны Индо-Китая.

Въ этомъ взаимодѣйствіи демографическихъ явленій: иммиграцій и эмиграцій извнѣ и извнутри, нормальнаго прироста вслѣдствіе избытка рожденій, мѣстныхъ уменьшеній вслѣдствіе избытка смертныхъ случаевъ, одно несомнѣнно—это то, что увеличеніе народонаселенія вездѣ происходитъ въ пользу тѣхъ, которыхъ называютъ арійцами, каковы бы, впрочемъ, ни были ихъ первоначальная раса и исповѣдуемые ими культы. Населенія различныхъ происхожденій, принадлежащія, по сродству своихъ діалектовъ, къ арійскому міру, составляютъ четыре пятыхъ общаго числа жителей, и это численное отношеніе безпрестанно измѣняется въ ихъ пользу, благодаря выгодамъ, которыя имъ обезпечиваютъ почва болѣе плодородная, климатъ болѣе умѣренный и болѣе правильный въ своихъ перемѣнахъ температуры, а также болѣе удобные пути сообщенія. Потомки аборигеновъ Ауда, Бехара, Бенгаліи «индіанизировались» по большей части; точно также туземцы племени бгиль, мгайръ, гондъ, санталъ, бодо изъ Раджпутаны, изъ центральныхъ провинцій, изъ Чота-Нагпора, изъ Качара превращаются постепенно въ индусовъ по нравамъ и языку. Общее число «дикарей» Полуострова, простирающееся еще, по приблизительному исчисленію, до десятка милліоновъ душъ, уменьшается съ каждымъ годомъ, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ округахъ по причинѣ избытка смертности надъ рожденіями, но главнымъ образомъ вслѣдствіе постоянныхъ

Цейлонскія еврейки

захватовъ цивилизованнаго міра въ области міра варварскаго. Что касается населеній, называемыхъ дравидскими по общему происхожденію идіомовъ, которыми они говорятъ, то цѣлая половина занимаемой ими территоріи представляетъ плоскогорье, мало плодородное и недостаточно орошаемое, а въ многолюдной области морскаго прибрежья излишекъ населенія уносится эмиграціей.

Всѣ отличительные признаки расъ представлены въ этихъ массахъ людей, составляющихъ въ совокупности около пятой части всего человѣческаго рода; но господствующимъ типомъ является несомнѣнно тотъ, который всего болѣе знакомъ европейцамъ: гибкіе члены, тонкія, сухопарыя ноги, чисто овальный окладъ лица, правильныя черты, обрамленныя черными, вьющимися волосами, цвѣтъ кожи, варьирующій отъ смуглаго цвѣта итальянца до чернаго цвѣта араба, взглядъ умный, ротъ скромный, ансамбль физіономіи кроткій и недовѣрчивый. У индуса меньше мускульной силы, нежели у европейца, но зато у него больше граціи и ловкости; въ среднемъ, онъ также и красивѣе европейца: есть цѣлыя провинціи, гдѣ всѣ женщины отличаются въ одно и то же время правильностью и прелестью чертъ; только всемогущій обычай заставляетъ ихъ уродовать себя, разрисовывая себѣ лицо, вытягивая уши тяжелыми серьгами, продѣвая себѣ въ ноздрю металлическое кольцо: въ южной Индіи не рѣдкость встрѣтить женщинъ, которыя съ трудомъ ходятъ подъ тяжестью своихъ металлическихъ украшеній, достигающихъ 12 килограммовъ (около 30 фунтовъ) вѣсу. Что касается нравственнаго характера туземцевъ, то весьма естественно, что властители страны упрекаютъ ихъ въ порокахъ, вина за которые должна падать на самихъ завоевателей; они обвиняютъ своихъ подданныхъ въ трусости, лукавствѣ, лживости, т. е. въ такихъ недостаткахъ, которые порождаются рабствомъ и отъ которыхъ излечиваетъ равенство. По крайней мѣрѣ, за индусами все-таки остаются многія хорошія качества: воздержность, терпѣніе, неутомимость въ трудѣ, любовь къ ученью и память о прошломъ, залогъ будущаго подъема.

Большую физическую слабость индусовъ въ сравненіи съ англичанами хотѣли-было объяснить употребленіемъ первыми спеціально растительной пищи; но различія всякаго рода, въ условіяхъ наслѣдственности и въ образѣ жизни, слишкомъ многочисленны между двумя народами, чтобы можно было опредѣлить съ полною достовѣрностью причины контраста въ физическомъ отношеніи. Во-первыхъ, ошибочно было бы видѣть въ послѣдователяхъ индусскихъ религій строгихъ вегетаріанцевъ. Почти всѣ они ѣдятъ молоко и масло; тѣ, которые живутъ на морскомъ прибрежьи и по берегамъ рѣкъ, питаются рыбой. Одинъ только родъ мяса запрещенъ — это говядина. Но, исключая этого закона, всѣми уважаемаго, преобладаютъ самые разнообразные обычаи относительно гигіены. Большинство индусовъ воздерживается отъ употребленія въ пищу свинины и домашней птицы, но они могутъ ѣсть мясо овецъ и козъ; другимъ дозволено употребленіе почти всякаго рода мясной пищи. Въ нѣкоторыхъ округахъ женщины пользуются въ отношеніи пищи тѣми же привилегіями, какъ и мужчины, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ мясо имъ запрещено. Что касается вдовъ, то онѣ всѣ, безъ исключенія, подчинены правиламъ воздержанія отъ мясной пищи. Замѣчено, что по духу противорѣчія, примѣры котораго представляютъ всѣ секты, мусульмане Индіи повинуются, въ отношеніи пищи и внѣшней жизни, законамъ, составляющимъ совершенную противоположность тѣмъ, которымъ подчиняются индусы.

Хлѣбныя растенія, служащія для ежедневнаго питанія, различны по мѣстностямъ: въ области дельты Ганга, въ Бехарѣ и вдоль морскаго прибрежья ѣдятъ преимущественно рисъ, чистый или смѣшанный съ кукурузой; на плоскогорьяхъ—ячмень и различные виды проса, *раги, джовари, баджри*, растущіе на довольно сухой почвѣ; въ сѣверныхъ провинціяхъ—пшеницу; наконецъ, въ Кочинѣ, Траванкорѣ, Мадурѣ есть населенія, питающіяся исключительно продуктами пальмы, отростками, плодами и сокомъ, свѣжимъ или перебродившимъ. По употребленію въ пищу того или другаго рода хлѣба, народонасененіе Индіи дѣлится приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Питающихся рисомъ — 75.000.000; пшеницей — 80.000.000; ячменемъ и просомъ — 100.000.000.

Населеніе главнаго пояса пшеницы, т. е. Пенджаба и верхняго бассейна рѣкъ Ганга и Джамны, представляетъ, сравнительно съ другими частями Полуострова, наиболѣе сильную и выносливую расу, потому ли, что тамъ пища болѣе укрѣпляющая, или, можетъ быть, потому, что тамъ кровь жителей часто обновлялась смѣшеніемъ съ завоевателями, спускавшимися въ равнины съ плоскихъ возвышенностей запада, или, наконецъ, вѣрнѣе всего, потому, что почва, лучше воздѣлываемая и лучше защищенная отъ посягательствъ заминдаровъ, болѣе щедро прокармливаетъ «братства», которыя ею владѣютъ. Статистика обнаружила тотъ капитальный фактъ, что двѣсти милліоновъ индусовъ должны обманывать свой голодъ пищею, совершенно недостаточною. Съѣстные припасы дешевы, но туземцы имѣютъ только нѣсколько сантимовъ въ день, чтобы пріобрѣсти себѣ необходимое, и потому постоянно живутъ впроголодь. Средняя заработная плата индійскаго земледѣльца—60 сантимовъ въ день; крайніе же размѣры ея—10 сан-

тимовъ и 2½ франка [1]). Какъ не быть людямъ слабыми тѣломъ и здоровьемъ при такомъ ничтожномъ размѣрѣ заработка!

Эпидеміи находятъ себѣ обильную жатву

Канди на Цейлонѣ.

среди этихъ истощенныхъ населеній. Холера, которая изъ Индіи иногда устремлялась на остальной міръ, чтобы сдѣлать тамъ такія страшныя опустошенія, постоянно свирѣпствуетъ въ городахъ Полуострова, и англійское правительство вынуждено установлять санитарный кордонъ вокругъ мѣстъ ярмарочнаго торга и пилигримства, чтобы воспрепятствовать распространенію этого ужаснаго бича. Элефантіазисъ (бугорчатая, слоновья проказа), въ различныхъ ея формахъ, очень распространена въ Индіи; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ

[1]) Cl. Markham, „East India Progress and Condition".

двадцатая часть населенія поражена этимъ недугомъ. Ни въ одной странѣ нѣтъ такого множества прокаженныхъ; въ 1872 году ихъ насчитывали слишкомъ 102.000 въ непосредственныхъ владѣніяхъ Великобританіи [1]). Между индусскими населеніями средняя смертность на цѣлую треть превосходитъ смертность жителей Западной Европы (средняя смертность въ Индіи, по Гунтеру, составляетъ 32.57 на 1.000). Но хотя болѣзни эндемическія и эпидемическія каждый годъ уносятъ людей, которые при достаточной пищѣ остались бы въ живыхъ, народное воображеніе поражаютъ въ особенности голодовки, отъ которыхъ иногда въ одной только провинціи погибаетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ четверть или даже треть населенія. «Голодовки составляютъ одно изъ учрежденій Индіи», обыкновенно говорятъ тамошніе администраторы. Съ 1771 г., въ которомъ десять милліоновъ человѣкъ умерли отъ голода въ Бенгаліи и Бехарѣ, насчитываютъ двадцать одну большую голодовку, постигшихъ страну въ разное время, и восемь изъ этихъ народныхъ бѣдствій похищали свои жертвы милліонами. Въ два десятилѣтія съ 1860 по 1880 гг. четыре голодовки опустошили различныя провинціи Полуострова. Въ 1866 г. орисскій край потерялъ болѣе милліона жителей, т. е. четверть своего населенія. Въ 1868 г., по приблизительному исчисленію, въ одномъ Пенджабѣ пало жертвой голода 1.200.000 человѣкъ и втрое больше погибло внѣ собственно англійской территоріи, въ Раджпутанѣ и въ государствахъ нагорья. Въ 1874 году катастрофа разразилась надъ низменной равниной Ганга, а три года спустя надъ Деканомъ. До какой цифры простиралось число умершихъ голодною смертью? До 1.350.000, говорятъ англійскіе документы, но никакая статистика не принимала въ разсчетъ несчастныхъ, павшихъ жертвой голода въ Гайдарабадскомъ царствѣ и въ Майсурѣ: на улицахъ ежедневно подбирали десятками трупы умершихъ отъ голода; нѣкоторые округа, именно тѣ, которые окружаютъ Биджапуръ и Каладжи, были обезлюднены. Общее уменьшеніе народонаселенія въ двухъ президентствахъ: Мадрасскомъ и Бомбейскомъ и въ Майсурѣ простиралось, въ періодъ съ 1872 по 1881 годъ, до 1.682.575 человѣкъ, а между тѣмъ въ самомъ городѣ Бомбеѣ, на всемъ сосѣднемъ прибрежьѣ и въ южныхъ округахъ Мадрасскаго президентства число жителей значительно увеличилось въ этотъ промежутокъ времени. Принимая въ разсчетъ также убыль населенія въ Гайдарабадскомъ королевствѣ, можно заключить съ большою вѣроятностью, что голодъ 1877 года унесъ въ могилу не менѣе четырехъ милліоновъ человѣкъ. И въ то самое время, когда такое множество несчастныхъ погибало отъ недостатка пищи, калькуттскій портъ продолжалъ отправлять хлѣбъ заграницу въ значительныхъ количествахъ; голодавшіе туземцы были слишкомъ бѣдны, чтобы купить себѣ хлѣба, который спасъ бы ихъ отъ смерти [1]). Впрочемъ, къ концу голодовъ 1874 и 1877 годовъ правительство приняло мѣры къ покупкѣ и раздачѣ голодающимъ разнаго рода хлѣба, въ особенности оно озаботилось организаціей общественныхъ работъ, предпринятыхъ въ видахъ оказанія помощи бѣдствующему населенію, каковы: постройка большихъ дорогъ, каналовъ и желѣзныхъ путей; съ 1874 по 1877 годъ расходы на этотъ предметъ простирались до 400 милліоновъ франковъ [2]).

Огромное большинство народонаселенія Индіи по сю сторону Ганга состоитъ изъ земледѣльцевъ. Объ этомъ можно судить по переписи 1872 года, которая пересчисляетъ 1.400 городовъ съ 5.000 жителей и болѣе, имѣющихъ въ совокупности около 18 милліоновъ резидентовъ; эта цифра не составитъ даже десятой части индусовъ, населяющихъ британскія владѣнія. Ни одинъ изъ городовъ Полуострова не насчитываетъ милліона жителей, а числовая разность между полами въ главныхъ городахъ, каковы Бомбей и Калькутта, показываетъ, что треть городскаго населенія состоитъ изъ временныхъ иммигрантовъ.

Численное отношеніе половъ въ Калькуттѣ и въ Бомбеѣ по переписи 1881 года:

Калькутта—100 женщинъ на 165 мужчинъ;
Бомбей—100 женщинъ на 151 мужчинъ.

Слишкомъ 240.000 селеній имѣли менѣе 200 жителей, 200.000 другихъ селъ и деревень отъ 200 до 1.000 душъ и въ 32.130 мѣстечкахъ цифра населенія варьировала между 1.000 и 3.000 душъ. При томъ, между городами и мѣстечками много есть такихъ, гдѣ каждый домъ имѣетъ свой садъ и гдѣ культура земли составляетъ почти исключительное занятіе всѣхъ жителей; многія городскія поселенія суть не что иное, какъ группы деревень, раздѣленныхъ полями. Какъ во всѣхъ торговыхъ странахъ, городскія поселенія Индіи увеличились въ послѣднее время, но это возрастаніе совершалось медленно, и земледѣльческій классъ, по численности, все еще составляетъ огромное большинство народонаселенія. Бенгальское президентство, гдѣ находится столица имперіи, есть въ то же время провинція, въ которой сельское населеніе имѣетъ, сравнительно, наибольшій численный перевѣсъ надъ горожанами. Даже деревенскіе ремесленники могутъ быть разсматриваемы какъ члены земледѣльческаго класса; они работаютъ для поселянъ и непо-

[1]) Mahé, „Géographie, Dictionnaire encyclopedique des sciences medicales".

[1]) Richard Temple, „India as it is".
[2]) „Board of Trade Returns", 1877—1878.

средственно вознаграждаются ими за свой трудъ, какъ служащіе сельской общины.

Изъ опубликованныхъ англійскимъ правительствомъ статистическихъ свѣдѣній, впрочемъ, неполныхъ, видно, что въ настоящее время только около трети пространства Индіи находится въ культурѣ. Безъ сомнѣнія, крутыя скалы Гималайскихъ горъ, нѣкоторыя части «пустыни» Таръ и плоскогорій Декана были бы неудобны для обработки плугомъ; но на двухъ третяхъ почвы, которыя еще остаются необработанными, сколько обширныхъ пространствъ могли бы быть еще завоеваны для земледѣлія, или путемъ искусственнаго орошенія, или посредствомъ осушки болотистыхъ мѣстностей, или, наконецъ, простой расчисткой подъ пашни джунглей! И, однако, во многихъ округахъ земледѣльцу уже мало мѣста: въ иныхъ чрезмѣрно населенныхъ мѣстностяхъ земля раздроблена до безконечности, и участокъ, приходящійся на долю каждаго хлѣбопашца, или въ видѣ собственности, или въ видѣ аренды, недостаточенъ для его прокормленія и для уплаты податей и повинностей. По мѣрѣ того, какъ плодородныя поля дѣлаются болѣе и болѣе рѣдкими для возрастающаго народонаселенія, цѣна земли поднимается, и райотъ платитъ теперь за землю посредственнаго качества дороже, чѣмъ сколько онъ прежде платилъ за отличную почву Такимъ образомъ продолжается и усиливается нужда. Но земледѣльческій трудъ вездѣ производится съ большимъ стараніемъ: крестьянинъ умѣетъ утилизировать землю такъ, что она даетъ ему два или три урожая въ годъ; ему не безъизвѣстно, что слѣдуетъ вести плодоперемѣнное хозяйство, чтобы не истощать полей; онъ знаетъ пользу унавоживанія и вообще искусственнаго удобренія почвы, и очень искусно направляетъ струйки воды на поля, которыя нуждаются въ орошеніи.

Послѣ хлѣбныхъ злаковъ, которые въ урожайные годы увеличиваютъ размѣры отпуска заграницу, первое мѣсто между земледѣльческими произведеніями Индіи, въ торговомъ отношеніи, занимаетъ опіумъ, который, если не по дѣйствительной своей цѣнности, то, по крайней мѣрѣ, по искусственной цѣнѣ, обусловливаемой монополіей, даетъ поводъ къ наиболѣе обширному движенію внѣшней торговли государства. Макъ для опіума сѣютъ преимущественно въ равнинѣ Ганга, вокругъ Бенареса и Патны, и на плоскогорьяхъ Мальвы; въ Раджпутанѣ, въ Пенджабѣ, въ Центральныхъ провинціяхъ еще можно встрѣтить кое-гдѣ поля, засѣянныя макомъ, но во всѣхъ другихъ мѣстахъ воздѣлываніе этого растенія воспрещено; въ округахъ, непосредственно зависящихъ отъ Индійской имперіи, культура эта ведется только на авансы, выдаваемые правительствомъ; что касается мака съ плоскогорій Мальвы, то онъ поступаетъ въ склады лишь по оплатѣ пошлиной въ количествѣ 1.500 франковъ за ящикъ. Торговая цѣна этого зелья, вывозимаго всею массой въ Индо-Китай и въ Китай, простирается до 300 милліоновъ франковъ въ годъ, а чистая прибыль, для казны, составляетъ около 225 милліоновъ, превышая слишкомъ въ два раза ту сумму, которую выручало правительство отъ этой торговли въ ту эпоху, когда оно объявило Китаю «войну изъ-за опіума», чтобы принудить желтолицыхъ сыновъ Срединной имперіи покупать гибельное наркотическое средство.

Сборъ хлопка занимаетъ лишь второе мѣсто по цѣнности экспорта, и годовыя колебанія продажи этого продукта заграницу весьма значительны. Во время междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ вывозъ хлопка изъ Индіи разомъ поднялся въ четыре года съ 75 милліоновъ до громадной суммы 925 милліоновъ франковъ; но послѣ американской войны онъ быстро упалъ и въ настоящее время колеблется между 200 и 300 милліонами въ годъ (въ 1894 г. было вывезено хлопка-сырца на сумму около 133,3 милліоновъ рупій). Подъ культуру этого растенія въ 1894 г. было занято 4.300.000 гектаровъ. Остъ-индскій хлопокъ цѣнится гораздо ниже хлопка изъ Соединенныхъ Штатовъ, потому что онъ короче волокномъ и не такъ чистъ, содержитъ много посторонней примѣси; впрочемъ, теперь уже во многихъ округахъ Бомбейскаго президенства туземное растеніе замѣнено американскими разновидностями. Изъ всѣхъ родовъ почвы наиболѣе благопріятною для культуры хлопчатника считается такъ называемый *регаръ* на плоскогорьяхъ Декана,—черноватая земля, наполняющая углубленія въ формаціи траппа; но ее находятъ также, и при томъ обширными пространствами, въ Карнатикѣ, гдѣ она образовалась вслѣдствіе разложенія гнейса и гранита. Этотъ родъ почвы нигдѣ не встрѣчается въ аллювіальныхъ равнинахъ Ганга или Инда [1]).

Напротивъ, джутъ, прядильное растеніе, наиболѣе утилизируемое изъ всѣхъ техническихъ растеній Индіи послѣ хлопка, всего успѣшнѣе произрастаетъ на намывныхъ земляхъ рѣчныхъ береговъ, и преимущественно на такъ называемыхъ «*чарахъ*», или наносныхъ, образующихся изъ ила, островкахъ новой формаціи: его сѣютъ почти только въ Сѣверной и Восточной Бенгаліи, въ особенности на берегахъ Брахмапутры. Джутъ, воздѣлываніемъ котораго занимаются почти исключительно мелкіе земельные собственники, есть одна изъ культуръ, наиболѣе обогатившихъ производителя (въ 1893 г. подъ эту культуру было занято 872.534 гектара; вывозъ джута-сырца въ 1894 г. – на сумму около 85,2 милліоновъ рупій). Нельзя сказать того же о культурѣ индиговаго дерева,

[1]) H. Blanford, „Physical Geography of India".

Еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія это промышленное растеніе доставляло негоціантамъ Бенгаліи ихъ главную статью экспорта, но рабство, которому плантаторы подчинили крестьянъ, повело къ бунтамъ и даже къ маленькимъ мѣстнымъ войнамъ, которыя разорили самую промышленность; въ сельскихъ мѣстностяхъ нижней Бенгаліи повсюду встрѣчаются развалины разрушенныхъ индиговыхъ заводовъ. Все болѣе и болѣе распространяющееся употребленіе анилиновыхъ красокъ обезкуражило плантаторовъ, но имъ нечего опасаться, что «синтезъ» индиго, открытый Бейеромъ, позволитъ промышленникамъ непосредственно фабриковать красящее вещество. Культура индиго удержалась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, именно въ Бехарѣ и въ Мадрасскомъ президентствѣ; тамъ ею занимаются мелкіе землевладѣльцы, которые воздѣлываютъ растеніе и приготовляютъ кубовую краску. Вывозъ индиго въ 1879—1880 годахъ: 5.083 тонны: цѣнность: 36.685.850 франковъ.

Вмѣсто покинутыхъ индиговыхъ плантацій возникли другія большія плантаціи. Табакъ, культура котораго была введена въ бассейнѣ Ганга въ началѣ семнадцатаго столѣтія, въ царствованіе султана Акбара, получилъ недавно значительную важность въ сельско-хозяйственной промышленности Индіи; табачныя поля занимаютъ на Полуостровѣ пространство свыше 200.000 гектаровъ; лучшій табакъ даютъ слѣдующія мѣстности: Тирхутъ, Коконада и острова рѣки Годавери, окрестности Диндигуля и Тричинаполи. Въ послѣднія тридцать лѣтъ Индія сдѣлалась страной, которая, послѣ Китая, производитъ наибольшее количество чая; Срединная имперія теперь уже не пользуется монополіей этого продукта, и весьма возможно, что въ близкомъ будущемъ Индія даже опередитъ ее по годовой цѣнности вывоза чая. Въ 1870 году Англія получила изъ Индіи количество чая, составлявшее только десятую часть англійскаго годоваго потребленія этого продукта; десять лѣтъ спустя, въ 1880 году, она купила у нея уже треть цифры своего потребленія. Отъ 600 до 2.000 метровъ средней высоты, «чайные сады» покрываютъ склоны Гималая, въ доарахъ Бутана, въ Сиккимѣ, Кангрѣ, Кумаонѣ, Гарвалѣ, и число ихъ все болѣе и болѣе увеличивается въ горахъ Ассама, въ Чота-Нагпорѣ, на Ниль-Гири и горахъ Курга и Вайнада, наконецъ, на островѣ Цейлонѣ и въ англійскихъ владѣніяхъ Индо-Китая. Лучшіе продукты получаются изъ Кангры и по достоинству, говорятъ, не уступаютъ самымъ высокимъ сортамъ китайскаго чая; но наиболѣе обширное развитіе эта отрасль земледѣлія получила въ Ассамѣ, гдѣ были основаны первыя плантаціи: тамошній сборъ чая представляетъ половину всего индійскаго производства. Въ 1882 году сборъ чая въ Индіи простирался до 28.400.000 килограммовъ, цѣнность которыхъ равнялась 100.000.000 франковъ. Въ Южной Индіи и на островѣ Цейлонѣ плантаціи кофейнаго дерева соотвѣтствуютъ плантаціямъ чайнаго деревца въ сѣверныхъ провинціяхъ. Склоны Гатовъ, нѣкоторыя части плоскогорья Майсуръ, Вайнадъ и въ особенности страна Кургъ и островъ Цейлонъ покрыты кофейными плантаціями въ горномъ поясѣ. Кофейное дерево было введено на Полуостровѣ не европейцами, какъ чайное деревцо: оно было привезено въ 1560 году однимъ пилигримомъ, возвращавшимся изъ Мекки; но только англичане дали этой культурѣ ея теперешнюю экономическую важность. Общій сборъ кофе представляетъ, по цѣнности, около 140 милліоновъ франковъ, при чемъ болѣе трехъ четвертей этой суммы приходится на островъ Цейлонъ; но кажется, что тамъ именно, на Цейлонѣ, болѣзни кофейнаго дерева болѣе чѣмъ гдѣ-либо угрожаютъ будущности плантацій. Сборъ кофе въ 1878 году: въ континентальной Индіи—15.020.000; на островѣ Цейлонѣ—50.800.0000, всего 65.820.000 килогр.

Другія культуры мало прибавляютъ къ богатствамъ Индустана; но сколько есть растеній, пищевыхъ и промышленныхъ, по воздѣлыванію которыхъ Индія могла бы соперничать съ другими производящими ихъ странами!

Распашки новыхъ земель во многихъ мѣстахъ совершенно измѣнили видъ страны. Почти во всѣхъ малонаселенныхъ округахъ земледѣльцы ведутъ кочевой образъ жизни: они выжигаютъ лѣсъ или джунгль, бросаютъ зерно въ пепелъ и собираютъ нѣсколько урожаевъ; затѣмъ, когда производительная сила почвы истощилась, отправляются въ другое мѣсто зажигать пустошь. Такимъ образомъ обширныя пространства были совершенно обезлѣсены. Но во многихъ густо населенныхъ областяхъ истребленіе лѣсовъ, болѣе методическое, есть въ то же время болѣе вѣрное: поля вездѣ замѣняютъ лѣсныя поросли. Въ нѣкоторыхъ частяхъ возвышенныхъ равнинъ Ганга и Джамны теперь уже не увидишь ни одного дерева. На Деканскомъ плоскогорьѣ можно путешествовать по цѣлымъ днямъ черезъ сельскія мѣстности, лишенныя всякой тѣни, и тамъ новое разведеніе лѣсовъ было бы очень трудно; разъ срубленныя, деревья плохо принимаются вновь на скалѣ почти голой. Лѣса южной части Гатскихъ горъ, въ Кургѣ, Вайнадѣ, Кочинѣ, Траванкорѣ были выпустошены, къ великому вреду почвы, которая покрылась рытвинами и оврагами подъ дѣйствіемъ дождей. Правильнымъ облѣсеніемъ мѣстностей безъ культуры стали заниматься лишь съ 1860 года; въ эту эпоху лѣсныя страны были поставлены подъ непосредственный надзоръ правительства; варварскій и хищническій способъ земледѣлія посредствомъ выжиганія лѣсныхъ порослей былъ воспрещенъ, и тамъ и сямъ начался трудъ возстановленія безразсудно уничтоженныхъ

лѣсныхъ богатствъ. На склонахъ Гималаевъ, каждый санитарный городъ окружилъ себя фруктовыми садами и парками, гдѣ разведены преимущественно европейскія породы деревъ. Въ Пенджабѣ, по берегамъ Инда и его притоковъ, теперь простираются новыя лѣсныя насажденія, и охотники радуются, что дичь, въ томъ числѣ и тигръ, опять появляется въ странѣ [1]). Въ Сиккимѣ и особенно въ Ниль-Гири и на различныхъ горныхъ массивахъ южной Индіи и острова Цейлона, насажденія состояли преимущественно изъ экзотическихъ деревъ, особенно изъ эвкалипта, изъ боливійскаго хиннаго дерева, изъ разныхъ породъ каучуковаго дерева, происходящихъ съ Сондскаго архипелага, съ острова Мадагаскара, изъ Бразиліи. Въ концѣ 1878 года въ лѣсахъ Индіи насчитывали уже болѣе 4 милліоновъ хинныхъ деревъ, изъ которыхъ три четверти приносили уже полный доходъ [2]).

Индія, въ сравненіи съ Европой, очень бѣдна скотомъ. Рѣдкость пастбищъ и употребленіе народомъ растительной пищи препятствуютъ количественному возростанію рабочихъ и упряжныхъ животныхъ; однако, туземцы имѣютъ нѣкоторыя замѣчательныя породы рогатаго скота, каковы, напримѣръ, быки-рысаки въ центральныхъ провинціяхъ. Лошадиная порода выродилась съ тѣхъ поръ, какъ индусы, побѣжденные, не имѣютъ болѣе надобности содержать конницу; на всемъ громадномъ пространствѣ Мадрасскаго президентства въ 1878 году насчитывали всего только 395 000 лошадей [3]) (по конской переписи 1894 г., во всѣхъ провинціяхъ, кромѣ Бенгаліи, насчитали 1.113.939 лошадей); но въ большей части провинцій употребляютъословъ въ качествѣ вьючныхъ животныхъ, а въ Пенджабѣ, Марварѣ и другихъ раджпутскихъ государствахъ путешественниковъ и товары перевозитъ верблюдъ; наконецъ, въ Ассамѣ, въ Южной Индіи и на островѣ Цейлонѣ употребляютъ нѣсколько тысячъ слоновъ, правда, гораздо больше для того, чтобы увеличить пышность царскихъ празднествъ и охотъ, чѣмъ для того, чтобы помогать трудамъ земледѣлія или промышленности.

Есть нѣкоторыя провинціи, въ которыхъ всякая культура была бы невозможна безъ обильныхъ ирригацій. Таковы равнины, черезъ которыя проходитъ Индъ въ своемъ нижнемъ теченіи; такова же значительная часть Пенджаба и доабовъ Индустана въ собственномъ смыслѣ. Въ южной Индіи туземцы знаютъ искусство задерживать воды въ лежащихъ уступами одинъ надъ другимъ резервуарахъ, откуда вода, выпавшая, въ видѣ дождя, въ періодъ муссона, вытекаетъ ирригаціонными струйками во время засухъ; англичанамъ нужно было только починить старыя плотины и дополнить сѣть оросительной канализаціи, чтобы увеличить нѣсколькими милліонами гектаровъ площадь земель, платящихъ поземельный налогъ. Но въ сѣверныхъ провинціяхъ сила могучихъ потоковъ, спускающихся съ Гамалайскихъ горъ, слишкомъ велика, чтобы прибрежные жители могли удержать ихъ плотинами и превратить въ рядъ расположенныхъ одинъ надъ другимъ прудовъ. Тамъ, для орошенія страны, принуждены были прибѣгнуть къ прорытію каналовъ, боковыхъ рѣкъ, стокъ которыхъ регулируется шлюзами; одинъ изъ этихъ каналовъ, каналъ Ганга, который начинается у Гардварскихъ «воротъ», есть, какъ извѣстно, самое важное сооруженіе этого рода во всемъ свѣтѣ; но и многіе другіе каналы, проведенные изъ Инда, Сетледжа, Рави, Соны, тоже принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ памятникамъ человѣческаго искусства. Для орошеній остается еще утилизировать нѣкоторыя большія рѣки, каковы: Серджу, Гандакъ, Тапти, Нарбада. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Декана и особенно на островѣ Цейлонѣ нужно только реставрировать старыя сооруженія этого рода: водохранилища существуютъ, но они превратились въ болота; ирригаціонные каналы представляютъ теперь непостоянные ручьи или пруды, заросшіе дикой травой. Въ цѣломъ, въ однихъ только англійскихъ владѣніяхъ Передней (по сю сторону Ганга) Индіи совокупность земель, прибавленныхъ къ пахатной почвѣ ирригаціонными каналами, исчисляютъ въ 11.690 000 гектаровъ, что составляетъ, въ сложности, территорію, равную одной пятой всего пространства Франціи. Стоимость канализаціонныхъ работъ, предпринятыхъ въ Индіи съ 1868 по 1878 годъ, простиралась до 261.450.000 франковъ.

Необходимость регулировать сообща распредѣленіе водъ, затоплять разомъ, потомъ осушать обширныя пространства земли въ рисовыхъ плантаціяхъ, сохранила во многихъ мѣстностяхъ общинную форму деревень, — форму, прежде общераспространенную въ Индіи. Насильственныя завоеванія и постепенные скупы земли отдѣльными лицами и цѣлыми кастами, внутренняя эволюція общины, вмѣшательство, прямое или косвенное, законодательства видоизмѣнили до безконечности систему землевладѣнія: отъ чисто общиннаго обладанія землей до частнаго владѣнія съ полнымъ правомъ пользованія и отчужденія, всѣ возможныя формы встрѣчаются на обширномъ пространствѣ Полуострова. На двухъ противоположныхъ концахъ страны, въ Кашмирѣ, такъ же, какъ и на островѣ Цейлонѣ, есть еще земледѣльческія группы, состоящія изъ нѣсколькихъ сотенъ душъ, большія семьи, гдѣ трудъ каждаго приноситъ пользу всѣмъ, гдѣ никто не подвер-

[1]) „Ocean Highways", march 1874.
[2]) Clements Markham, „Official Reports".
[3]) Hunter, „Imperial Gazetteer of India".

гается риску терпѣть недостатокъ въ необходимомъ. Въ другихъ мѣстахъ общинное землевладѣніе существуетъ уже только въ принципѣ; каждая семья получила свой земельный участокъ, весь продуктъ котораго принадлежитъ ей безраздѣльно; но черезъ извѣстные или неопредѣленные промежутки времени производится новый передѣлъ земли, какъ въ великорусскомъ мірѣ, и равенство снова возстановляется между участниками [1]). Даже въ тѣхъ сельскихъ общинахъ, гдѣ уже не ведется болѣе раздѣла и передѣла земли и гдѣ каждый собственникъ, сдѣлавшись хозяиномъ своего поля, можетъ даже продать его, сохранились еще многія учрежденія, напоминающія прежнюю форму общиннаго землевладѣнія и общинной жизни. Такъ, почти вездѣ существуетъ еще *панчайатъ*, или «совѣтъ пяти», иногда состоящій изъ одного только члена. Наконецъ, большинство деревень, особенно на югѣ, имѣютъ своихъ должностныхъ лицъ и людей ремесла, которымъ выдается жалованье изъ доходовъ общины; таковы: плотникъ, кузнецъ, канатчикъ, гончаръ, цирюльникъ, бѣлильщикъ, деревенскій сторожъ, водоносъ, лекарь, школьный учитель, жрецъ, бардъ, астрологъ; богатыя общины содержатъ, сверхъ того, музыкантовъ и баядерокъ для своихъ празднествъ [2]).

Самыя цвѣтущія и благоденствующія области тѣ, гдѣ земельная собственность раздѣлена и гдѣ крестьяне не имѣютъ посредниковъ между собою и правительствомъ; такъ, почти весь Канарскій край и Малаяламъ раздѣлены на мелкія имѣнія, владѣльцы которыхъ, равноправные, независимые, зажиточные по большей части, составляютъ въ то же время одинъ изъ самыхъ образованныхъ классовъ на Полуостровѣ [3]); но самыя плодородныя провинціи, по крайней мѣрѣ въ бассейнахъ Ганга и Брахмапутры, суть въ то же время мѣстности, гдѣ населеніе живетъ въ крайне бѣдственномъ положеніи. *Талукдары* Ауда, *земиндары* Бехара и Бенгаліи, плантаторы Ассама раздѣлили между собою страны, покровительствуемыя англійскимъ правительствомъ, которое и само состоитъ изъ *ландлордовъ*, владѣющихъ громадными помѣстьями; такимъ образомъ, значительная часть Индіи была превращена во вторую «Ирландію». Даже послѣ возмущенія сипаевъ, аудскіе талукдары, огромныя имѣнія которыхъ были конфискованы, снова вступили во владѣніе своихъ леновъ, заключающихъ каждый многія сотни деревень [4]). Оттого классъ богатыхъ землевладѣльцевъ, индусскихъ или мусульманскихъ, считаетъ себя солидарнымъ съ британскими повелителями, которымъ онъ обязанъ своею властью и правильнымъ поступленіемъ своихъ доходовъ [1]). Между этими земиндарами есть баснословные богачи, какъ, напримѣръ, Бардванскій раджа, имѣніе которыхъ приноситъ, въ видѣ арендныхъ денегъ, до 10 милліоновъ франковъ въ годъ; но подъ ними сколько еще главныхъ и второстепенныхъ агентовъ, которымъ надо наживать себѣ состояніе на счетъ труда несчастныхъ райотовъ! И сколько взаимной ненависти между толпой пахарей, рабовъ *de facto*, хотя людей вольныхъ *de jure*, и угнетающими посредниками всякаго рода! «Добрыя слова земиндара,— говоритъ пословица, — все равно, что сладкія рѣчи мусульманина, ласкающаго своихъ цыплятъ: онъ даетъ имъ ѣсть за тѣмъ, чтобы потомъ съѣсть ихъ самихъ» [2]). Въ Бехарѣ и Бенгаліи, въ Джиттатонгѣ,Ориссѣ, средній размѣръ поденной заработной платы не превышаетъ 30 сантимовъ, а дѣти двѣнадцати лѣтъ получаютъ по пяти сантимовъ, или и того менѣе. Большинство семей должно существовать на доходъ отъ 15 до 20 франковъ въ мѣсяцъ, и какъ ни дешевы жизненные припасы, рѣдко бываетъ, чтобы райотъ въ состояніи былъ пріобрѣтать себѣ даже самое необходимое: можно сказать, что въ Орисскомъ краѣ ничтожная разница заработка, равная 5 сантимамъ въ день, отдѣляетъ бѣдность отъ нужды [3]); безъ садика, которымъ окружена каждая хижина и который даетъ кое-какіе овощи и плоды, крестьянину каждый годъ грозилъ бы голодъ. Понятно, какою гибельною властью пользуется ростовщикъ надъ всѣмъ этимъ голодающимъ людомъ. Онъ ссужаетъ зерно для посѣва, даетъ хлѣбъ для прокормленія семьи до будущаго урожая, но зато жатва принадлежитъ всецѣло ему: этими ссудами онъ держитъ райота въ своей власти, въ вѣчной кабалѣ, дѣлаетъ его своимъ слугой на всю жизнь и безъ всякаго жалованья. Не помогли и основанные правительствомъ въ нѣкоторыхъ округахъ банки, выдающіе ссуды за небольшіе проценты. Крестьянинъ слишкомъ боится своего истиннаго господина, ростовщика, чтобы у него хватило смѣлости занимать у другихъ [4]).

Страна спеціально земледѣльческая, Индія не имѣетъ, какъ Англія, муравейниковъ рудокоповъ и обширныхъ фабричныхъ городовъ, населенныхъ рабочими; но ея ремесленники все еще отличаются замѣчательнымъ искусствомъ и тонкостью работы, которыми такъ восхищались первые европейскіе путешественники. Правда, нѣкоторыя промышленности

[1]) John Phear, „The Aryan Village in India and Ceylan";—Summer Maine, „The Village Communities in India".
[2]) Long; Maine; Jacolliot.
[3]) Graul, „Reise nach Ost-Indien".
[4]) Clements Markham, „East-India Progress and Condition".

[1]) Richard Temple, „India as it is".
[2]) H. M. Elliot, „Races of the North-West Provinces".
[3]) W. W. Hunter, „Orissa".
[4]) Florence Nightingal, „Nineteenth Century".

почти совершенно исчезли, а другія сильно сократились или пришли въ упадокъ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Дакка и многіе другіе нѣкогда процвѣтавшіе города не имѣютъ уже многочисленныхъ ткацкихъ станковъ, производившихъ воздушныя кисеи; Кашмиръ фабрикуетъ еще шали, но число мастеровъ безпрестанно уменьшается, да и тѣ, которые остаются, подражаютъ европейскимъ тканямъ или старымъ образцамъ, не умѣя сливать оттѣнки цвѣтовъ съ тою удивительной гармоніей, какою отличаются старинныя ткани, хранящіяся въ музеяхъ. Промышленность предметовъ роскоши не переставала видоизмѣняться въ теченіе вѣковъ, чтобы удовлетворять вкусамъ государей всякаго происхожденія, «монгольскихъ», персидскихъ, афганистанскихъ, раджпутскихъ, маратскихъ, смѣнявшихъ другъ друга на тронахъ Индіи; теперь шали и драгоцѣнныя украшенія нужно продавать европейскимъ иностранцамъ, и сообразно прихотямъ этихъ новыхъ властелиновъ, измѣнился рисунокъ и колоритъ тысячи издѣлій промышленности. Теперь образцы выписываются изъ Англіи, изъ Бирмингама, Лидса, Рочдэля, и копируются или въ тюрьмахъ арестантами, или въ вольныхъ мастерскихъ обѣднѣвшими рабочими; англійскія дамы ввели выдѣлку кружевъ въ школахъ и христіанскихъ конгрегаціяхъ. Народная промышленность, которая всего менѣе измѣняется, производитъ только обыкновенныя глиняныя издѣлія, простыя ткани, недорогія украшенія; но, по крайней мѣрѣ, эти предметы до сихъ поръ сохранили чисто индусскій характеръ и отличаются изяществомъ формы и удачнымъ выборомъ цвѣтовъ. Промышленныя выставки доказываютъ, что есть еще много артистовъ, занимающихся съ любовью рѣзьбой на оружіи, подборомъ эмалей, вышивкой шелковыхъ матерій, обтачиваніемъ металловъ, обдѣлкой слоновой кости, дерева и камня. Многія скульптурныя произведенія новыхъ храмовъ, построенныхъ джайнами въ Западной Индіи, такъ же поражаютъ изяществомъ формы и такъ же искусно изсѣчены, какъ изваянія самыхъ пышныхъ религіозныхъ памятниковъ двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтій. Заработки большинства промышленныхъ рабочихъ крайне скудны, какъ и заработная плата сельскихъ работниковъ. Знаменитыя кашмирскія шали, которыя еще недавно покупались по цѣнѣ отъ семи до десяти тысячъ франковъ за штуку, оплачиваются ихъ производителямъ, ткачамъ, лишь въ размѣрѣ 35 сантимовъ за рабочій день [1]).

Во время борьбы между Франціей и Англіей изъ за господства надъ Индіей, мануфактурная промышленность въ собственномъ смыслѣ была очень дѣятельна въ конторахъ иностранныхъ негоціантовъ. Вокругъ каждаго форта остъ-индскія торговыя компаніи поселили сотни или даже тысячи ткачей, которые и поставляли имъ ткани для вывоза заграницу. Изумительное развитіе ткацкой промышленности въ Ланкаширѣ и Іоркширѣ измѣнило роли, и теперь уже Англія ввозитъ хлопчатобумажные фабрикаты въ Индустанъ, особенно грубыя ткани; количество набивныхъ бумажныхъ тканей или ситцевъ, нѣкогда привозимыхъ въ Европу изъ Индіи, какъ показываетъ и самое названіе ихъ—«индійская матерія» (indienne), которое Полуостровъ покупаетъ теперь у манчестерскихъ фабрикантовъ, составляетъ двѣ пятыхъ всего потребленія Индіи. Но капиталисты, по большей части шотландцы, евреи и парсы, поселившіеся въ Индустанѣ, вздумали воспользоваться двойною выгодой имѣнія подъ рукой сыраго продукта, хлопка, и потребителей, и такимъ образомъ были основаны бумагопрядильни въ окрестностяхъ Бомбея. Хлопчатобумажная промышленность Индіи въ 1894 году: 135 прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ, съ 2.538.577 веретенъ, 29.362 станковъ, 130.570 рабочихъ и производствомъ на 62.425.580 рупій. Точно также Калькутта, соперничая съ Дунди, утилизируетъ волокно джута въ большихъ заводахъ, мрачныхъ зданіяхъ, построенныхъ по такому же образцу, какъ европейскія фабрики, и такъ же, какъ онѣ, населенныхъ женщинами и дѣтьми, которыя работаютъ, слѣдуя за движеніемъ машинъ, въ душной и вонючей атмосферѣ, наполненной тончайшими нитями и пылью (въ 1894 г. въ Индіи было 26 джутопрядильныхъ и ткацкихъ мануфактуръ, съ 189.080 веретенъ, 9.417 станковъ, 67.930 рабочихъ и производствомъ на 34.417.870 рупій). Во многихъ мѣстахъ, именно въ Чота-Нагпорѣ, правительство и частные промышленники основали также металлургическіе заводы, но эти предпріятія идутъ не вполнѣ успѣшно; самые большіе чугунолитейные заводы находятся въ Джамальпурѣ, близъ Монгира. Главное, чего недостаетъ Индіи, чтобы сдѣлаться первоклассною промышленною страною,—это изобилія въ топливѣ; каменный уголь, какъ извѣстно, не встрѣчается на Полуостровѣ въ такихъ пластахъ, которые могли бы сравниться съ громадными залежами Великобританіи. Правда, общая площадь каменноугольныхъ формацій Индустана, включая сюда и англійскую Барманію, составляетъ около 90.000 квадратныхъ километровъ [1]), но большинство бассейновъ содержитъ такъ мало угля, что не стоитъ труда ихъ разработывать, а другіе заключаютъ лишь топливо низкаго качества. Въ 1892 году, на 87 копяхъ, при 34.902 рабочихъ, было добыто около 2 съ половиною мил-

[1]) Andrew Wilson, „The Abode of Snow“.

[1]) Hughes, „Records of the Geological Survery of India“, vol. VI, 1873.

лiоновъ угля. Вообще Полуостровъ по сю сторону Ганга есть еще, между промышленными странами, одна изъ тѣхъ, которыя располагаютъ, сравнительно, наименьшимъ количествомъ минеральнаго топлива.

Другiя минеральныя богатства, алмазы въ Панна, Самбальпурѣ и Карнулѣ, золото въ Вайнадѣ, мѣдь въ Сингбумѣ и въ Гималаяхъ, желѣзо въ Салемѣ и въ Чота-Нагпорѣ, имѣютъ лишь небольшую относительную важность. Изъ минеральныхъ веществъ всего дѣятельнѣе эксплоатируется соль, составляющая въ Индiи монополiю правительства. Что касается жемчужныхъ раковинъ, то, какъ сказано выше, мели «Жемчужнаго берега» на западной сторонѣ Манаарскаго залива заброшены; цейлонскiя же мели эксплоатируются лишь черезъ многолѣтнiе промежутки.

Торговля внутренняя и внѣшняя быстро возростаетъ съ каждымъ десятилѣтiемъ, благодаря скорымъ путямъ сообщенiя, сѣть которыхъ постоянно увеличивается. Открытiе Суэзскаго канала, сокративъ вдругъ на половину разстоянiе, раздѣляющее Индiю и Англiю, повлекло за собою цѣлый переворотъ въ движенiи торговаго обмѣна, тогда какъ желѣзныя дороги, продолжаясь постепенно отъ одного города до другаго черезъ весь Полуостровъ, произвели перемѣны болѣе медленныя, но болѣе значительныя, сближая внутреннiя области съ прибрежными мѣстностями. Первый желѣзный путь Индiи открылся лишь во второй половинѣ текущаго столѣтiя, въ 1853 году, маленькой линiей, которая соединяетъ Бомбейскiй островъ съ островомъ Сальсеттой. Въ томъ же году былъ начертанъ планъ двухъ большихъ рельсовыхъ путей, долженствующихъ соединить три главные города президентствъ, Калькутту, Бомбей и Мадрасъ, но сооруженiе ихъ было окончено лишь восемнадцать лѣтъ спустя, въ 1871 году. Къ этимъ двумъ магистральнымъ линiямъ, построеннымъ финансовыми компанiями которымъ правительство гарантируетъ опредѣленный доходъ, не переставали прибавляться другiе рельсовые пути. Теперь главныя звенья желѣзнодорожной сѣти близки къ окончанiю. Бенгальскiй заливъ соединенъ съ воротами Афганистана непрерывною желѣзною дорогою, параллельно которой—больше чѣмъ на половинѣ ея протяженiя—идетъ другая, второстепенная линiя. Долина Инда имѣетъ свою желѣзную дорогу до Карачи. Бомбей соединенъ съ одной стороны съ Дели, съ другой—съ Тутикориномъ, лежащимъ напротивъ острова Цейлона. Линiи первостепенной важности, которыхъ еще недостаетъ Индiи,—это двѣ береговыя желѣзныя дороги вдоль восточнаго и западнаго берега Полуострова, соединенiе линiи рѣки Инда съ линiей Раджпутаны; наконецъ, по другую сторону Индiи, столица Англо-индiйской имперiи не имѣетъ сообщенiя посредствомъ пара съ берегами Иравадди. Какъ ни обширна индiйская рельсовая сѣть, она, однако, остается изолированною отъ системы желѣзныхъ дорогъ въ остальной части Стараго Свѣта, и одинъ изъ важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, рѣшенiе котораго принадлежитъ близкому будущему, есть вопросъ о томъ, какимъ образомъ соединятся двѣ системы желѣзныхъ путей, система Европы и система Индiи, и какая нацiя возьметъ на себя задачу исполнить это дѣло?

Общая длина сѣти индiйскихъ желѣзныхъ дорогъ къ 31 марта 1897 г.: 20.390 англ. миль; сумма затраченнаго на желѣзныя дороги капитала до конца 1896 г.: 2.730.728.180 рупiй.

Полуостровъ по сю сторону Ганга, или Передняя Индiя, шестая страна въ свѣтѣ, по важности своей желѣзнодорожной сѣти слѣдуетъ за Соединенными Штатами Сѣверной Америки, Германiей, Англiей, Францiей и Россiей, по протяженiю рельсовыхъ путей. Но если принять въ соображенiе громадное пространство ея территорiи, то Индiя оказывается опереженною въ этомъ отношенiи большинствомъ маленькихъ государствъ Европы. Въ сравненiи съ несмѣтною массой народонаселенiя, скученной на Полуостровѣ, система индiйскихъ желѣзныхъ дорогъ тоже представляется очень маловажною. При сооруженiи быстрыхъ путей сообщенiя обыкновенно разсчитываютъ на неизбѣжныя послѣдствiя, которыя будутъ имѣть для людей всякой касты путешествiя по желѣзной дорогѣ; но до сихъ поръ годовое пассажирское движенiе не представляетъ даже половины общаго числа жителей. Число пассажировъ, перевезенныхъ по индiйскимъ желѣзнымъ дорогамъ въ 1894 году: 144.826.387; количество товаровъ, отправленныхъ этимъ путемъ: 32.531.337 тоннъ. Важность желѣзныхъ дорогъ, какъ ни мала она, сравнительно, въ отношенiи перевозки пассажировъ и товаровъ, была, тѣмъ не менѣе, весьма значительна по тому перевороту, который онѣ произвели послѣдовательно во всемъ индусскомъ обществѣ, въ его образѣ жизни, въ его понятiяхъ и предразсудкахъ.

Еще очень недавно желѣзные пути Индустана были дѣломъ исключительно англiйскимъ, предпринятымъ правительствомъ и банкирами Великобританiи; въ 1876 году ихъ считывали, на 56.400 акцiонеровъ, только 800 лицъ, живущихъ на Полуостровѣ, и изъ этого числа только 390 были уроженцы Индiи [1]). Въ настоящее время многiя линiи, каковы линiи Раджпутаны, Бопала и другихъ государствъ, построены или строются по ходатайству туземныхъ государей и въ большой

[1]) Stürmer: K. von Scherzer, „Geographisches Jahrbuch“, 1878.

части на ихъ капиталы. Главное неудобство новыхъ линій то, что онѣ, по большей части, узкоколейныя, всего въ одинъ метръ шириною, тогда какъ старыя линіи имѣютъ 1,67 метровъ ширины.

Утакамундъ на Цейлонѣ.

Постройка обыкновенныхъ большихъ дорогъ не развивалась, сравнительно, такъ же быстро, какъ сооруженіе желѣзныхъ путей; длина содержимыхъ британскимъ правительствомъ дорогъ къ 31 марта 1894 г.—247.050 килом., въ томъ числѣ 54.697 килом. шоссе. Одна изъ этихъ шоссейныхъ дорогъ, на которую до постройки желѣзныхъ путей смотрѣли какъ на замѣчательнѣйшій памятникъ англійскаго могущества въ Индустанѣ, есть главное или магистральное шоссе, направляющееся изъ Калькутты къ Пешаверу, у входа въ горные проходы Афганистана. Къ этой дорогѣ, длиною око-

до 2.500 километровъ, примыкаютъ другіе колесные пути, поднимающіеся на западѣ къ порогамъ хребта Сефидъ-Кохъ, на сѣверѣ къ Кашмиру, къ возвышеннымъ долинамъ Гималаевъ и плоскогорьямъ Тибета. Дарджилингская желѣзная дорога взбирается по горнымъ склонамъ до высоты 2.250 метровъ, а тибетская желѣзная дорога огибаетъ на высотѣ Монъ-Блана крутизны, господствующія надъ верхнимъ Сетледжемъ. Устройство хорошихъ путей сообщенія измѣнило мало-по-малу условія перевозки тяжестей: теперь уже не увидишь—развѣ только гдѣ-нибудь въ глухихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ большихъ дорогъ,—длинныхъ верениць навьюченныхъ быковъ, сопровождаемыхъ цѣлымъ племенемъ кочевниковъ банджари; они замѣнены арбами, и теперь нѣтъ болѣе надобности ввѣрять охраненіе обозовъ спеціальнымъ конвоирамъ, облеченнымъ, какъ банджари, почти священнымъ характеромъ. На всѣхъ важныхъ дорогахъ, посѣщаемыхъ европейцами, этапы обозначены каравансараями, или «бангаловами» (bangalows), построенными на счетъ англо-индійскаго правительства или вассальныхъ государствъ; путешественники бѣлой расы находятъ тамъ приличный пріютъ; туземцы не допускаются туда и располагаются на роздыхъ рядомъ съ бангаловомъ, подъ досчатыми навѣсами. Только въ 1834 году всемогущая остъ-индская компанія сняла запрещеніе проникать во внутрь страны. Поѣздка отъ Калькутты до Миратскихъ кантониръ-квартиръ, по гангской дорогѣ, продолжалась въ то время, среднимъ числомъ, около четырехъ мѣсяцевъ.

Каналы служатъ менѣе для перевозки пассажировъ, нежели для перевозки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и товаровъ: этимъ путямъ внутренняго судоходства Индія обязана, главнымъ образомъ, возможностью способствовать, посредствомъ вывоза своего хлѣба, продовольствованію Великобританіи. Извѣстно, что общая дельта Ганга и Брахмапутры представляетъ баркамъ отличную судоходную сѣть; точно также дельты другихъ большихъ рѣкъ, Инда, Мага-Нади, Годавери, Кистны, Кавери, переполнены мелкими судами, снующими во всѣхъ направленіяхъ. Равнымъ образомъ лагуны Малабарскаго берега, озера Сиркарскаго и Коромандельскаго береговъ перерѣзаны судоходными фарватерами; наконецъ, большіе ирригаціонные каналы доабовъ Ганга и Пенджаба были вырыты такимъ образомъ, чтобы могли принимать грузовыя суда. Совокупность путей внутренняго судоходства, не считая рѣкъ, исчисляется въ 21.000 километровъ и представляетъ сумму издержекъ, превышающую полмилліарда франковъ. По наиболѣе посѣщаемымъ воднымъ путямъ суда проходятъ сотнями тысячъ; но во многихъ рѣчныхъ бассейнахъ орошеніе полей, все болѣе и болѣе истощая потоки, питающіе ирригаціонные каналы, сдѣлало затруднительнымъ судоходство, и перевозка по желѣзнымъ дорогамъ замѣнила менѣе дорогостоющую отправку продуктовъ и товаровъ, которая прежде производилась по судоходнымъ каналамъ. Что касается легкости сообщенія для внѣшней торговли моремъ, то объ этомъ можно судить по состоянію пароваго флота восточной и полуостровной компаніи (Oriental and Peninsular Company), которая располагаетъ полусотнею пароходовъ, поднимающихъ, вмѣстѣ, около 150.000 тоннъ груза, не считая буксирныхъ пароходовъ, лихтеровъ и順 ланшъ.

Общая торговля Индіи менѣе важна, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Безъ сомнѣнія, годовой оборотъ ея достигаетъ почти пяти съ половиною милліардовъ франковъ; но этотъ торговый обмѣнъ представляетъ, въ среднемъ выводѣ, всего только около девятнадцати франковъ на каждаго жителя, т. е. почти въ десять разъ менѣе, нежели во Франціи. Громадная Индія, съ ея 290 милліонами жителей, размѣрами своей внѣшней торговли уступаетъ даже крохотной Бельгіи. Изъ этого видно, что англійскія владѣнія на Востокѣ не составляютъ для Великобританіи неисчерпаемаго источника богатствъ, какой рисуетъ себѣ наше воображеніе, поддерживаемое классическими воспоминаніями. Тѣмъ не менѣе, надо припомнить тотъ фактъ, что въ половинѣ прошлаго столѣтія вывозъ индійскихъ произведеній не превышалъ 25 милліоновъ франковъ[1]). Дѣятельность торговыхъ сношеній Индіи быстро возрастаетъ: въ двадцатилѣтній періодъ, съ 1861 по 1881 годъ, она болѣе чѣмъ удвоилась. Само собою разумѣется, что Англія оставила за собою львиную долю торговаго обмѣна своей Индійской имперіи; покупка хлопка и продажа мануфактурныхъ издѣлій составляютъ уже половину внѣшней торговли Индустана. Отпускъ опіума даетъ Китаю второе мѣсто между покупателями Полуострова по сю сторону Ганга; затѣмъ слѣдуетъ Франція: она ввозитъ изъ англійской Индіи ежегодно на сумму около 150 милліоновъ маслянистыхъ сѣмянъ, индиго, хлопка, шелка, кофе; кромѣ того, она ведетъ съ своими собственными владѣніями на Полуостровѣ непосредственную торговлю, представляющую, по цѣнности оборотовъ, около тридцати милліоновъ въ годъ. Торговля Франціи съ Пондишери и другими ея владѣніями Индіи въ теченіе 1880 года простиралась до 33.416.700 франковъ. Правильныя торговыя сношенія Индіи съ Австраліей увеличиваются съ каждымъ годомъ по вывозу риса, чая, кофе и ввозу мѣди и лошадей. Посылаемое Индіей заграницу количество ея произведеній постоянно превышаетъ ея собственныя покупки на 250 до 400

[1]) Hunter, „The Imperial Gazetteer of India".

милліоновъ франковъ (разность между вывозомъ и привозомъ Индіи за десятилѣтній періодъ, съ 1865 по 1874 годъ, составляла 2.811.273.250 франковъ), и эта разность, оплачиваемая почти исключительно серебряною монетой, способствуетъ поддержанію въ свѣтѣ относительной цѣнности серебра сравнительно съ цѣнностью золота.

Внѣшняя торговля Индіи за годъ, оканчивающійся 31 марта 1897 г.: морская: привозъ—892 милліона, вывозъ—109 милліон. рупій; сухопутная: привозъ—48 милл., вывозъ—43 милліон. рупій.

Но почти всѣ эти барыши Индіи возвращаются, подъ другою формой, въ видѣ окладовъ жалованья и дивидендовъ по акціямъ, въ Великобританію, играющую роль паразита по отношенію къ своимъ колоніальнымъ владѣніямъ.

Пользуясь наибольшею долей торговли Индіи, англичане въ то же время являются и главными посредниками въ ея торговыхъ сношеніяхъ. Имъ принадлежатъ три четверти судовъ, привозящихъ и увозящихъ товары и земледѣльческія произведенія, и благодаря пароходамъ, построеннымъ ими спеціально для прохода чрезъ Суэзскій каналъ, они овладѣли монополіей, какъ товароотправители. Число коммерческихъ судовъ, употребляемыхъ англичанами для судоходства между Великобританіей и портами Индустана, Бомбеемъ, Калькуттой, Мадрасомъ, Рангуномъ, Карачи, уменьшилось въ послѣднія десятилѣтія, но зато вмѣстимость ихъ увеличилась, и рейсы сдѣлались чаще, такъ какъ пароходы въ большей части заняли мѣсто парусныхъ судовъ; хотя гораздо менѣе многочисленные, они представляютъ уже болѣе половины общаго количества тоннъ, составляющаго вмѣстимость судовъ. Движеніе судоходства по внѣшней торговлѣ въ портахъ Индіи въ теченіе фискальнаго 1895—1896 года выразилось слѣдующими цифрами: въ приходѣ—5.226 судовъ въ 4.128.039 тоннъ, въ отходѣ: — 5.071 судно, вмѣстимостью — 4.098.561 тонна; въ 1896—97 г.: пришло — 5.006 судовъ въ 3.883.989 тоннъ, отошло— 4.934 судна въ 3.814.596 тоннъ.

Кромѣ того, около 4.000 мелкихъ морскихъ судовъ управляемыхъ туземцами, плаваютъ вдоль побережья, отъ одного порта до другаго. Это еще не все: торговля восточныхъ береговъ Африки, Сокоторы и Мадагаскара находится почти всецѣло въ рукахъ индійскихъ купцовъ баніаховъ; въ этихъ странахъ путешественники съ удивленіемъ слышатъ звуки индустанскаго языка, какъ на Полуостровѣ Ганга.

Что касается торговли чрезъ континентальныя границы, то дѣйствительную важность имѣетъ только торговля съ королевствомъ Ава, производимая по теченію Иравадди; другія заграничныя страны, по порядку торговой дѣятельности, суть: Непалъ, Кабулъ, Кашмиръ и Кандагаръ.

Торговыя сношенія, хотя постепенно увеличивающіяся и сближающія всѣ провинціи, еще далеко не изгладили кастовыхъ различій, которыя нравами и вѣковыми преданіями возведены на степень важнѣйшаго и наиболѣе строго соблюдаемаго догмата національныхъ религій. Ни въ какой другой странѣ первоначальные контрасты, порожденные между людьми различіемъ происхожденія, богатства, образованія, рода занятій, словомъ, всякими соціальными неравенствами, не сохранились въ такой рѣзкой формѣ, какъ на Полуостровѣ по сю сторону Ганга. Раздѣленные на множество обществъ, не имѣющихъ между собою взаимныхъ сношеній и преслѣдующихъ различные или даже прямо противоположные интересы, индусы не составляютъ одного народа; ни въ одной провинціи, даже тамъ, гдѣ всѣ жители говорятъ однимъ языкомъ, не существуетъ общей связи патріотизма, которая соединяла бы бѣдныхъ и богатыхъ, парій и браминовъ. Это раздѣленіе дѣлаетъ легкою задачу того, кто хочетъ царствовать надъ ними. Какую бы ненависть они ни питали къ властителю, они все-таки благодарны ему за угнетеніе, которому онъ подвергаетъ вмѣстѣ съ ними и другихъ.

Изслѣдованія индіанистовъ установили неопровержимо тотъ фактъ, что такъ называемое первоначальное раздѣленіе населенія Индустана на четыре касты или «четыре цвѣта» (кожи), касту браминовъ, или жрецовъ бѣлаго цвѣта, касту краснокожихъ кшатріевъ, или воиновъ, касту желтолицыхъ вайсіевъ, или купцовъ, и касту черныхъ судрасовъ, или земледѣльцевъ, есть понятіе относительно новое, пущенное въ ходъ комментаторами священныхъ книгъ [1]). Эти правильныя наслоенія индусскаго общества никогда не существовали въ дѣйствительности; во всѣ эпохи, тысячи соціальныхъ контрастовъ, произведенныхъ въ разныхъ областяхъ Индіи различіемъ профессій, ремеслъ, образа жизни, естественно должны были имѣть слѣдствіемъ большое разнообразіе кастъ и дѣлали невозможною ихъ точную классификацію. Греческіе и римскіе писатели говорятъ о семи кастахъ, а не о четырехъ, и однако, они знали только часть сѣверныхъ равнинъ Полуострова. Въ настоящее время можно признать, въ самыхъ общихъ чертахъ, только существованіе четырехъ группъ: браминовъ, сельскихъ жителей, купцовъ и промышленниковъ [2]).

Даже господствующая каста, каста брамановъ, или браминовъ, вышедшая, какъ гласитъ легенда, изъ головы Брамы, состоитъ въ дѣйствительности изъ множества кастъ, не имѣю-

---

[1]) Muir, „Sanscrit Texts on the People of India“.
[2]) Nelson, „Madoura Country“.

щихъ между собою никакого родства по происхожденію, занимающихся различнымъ трудомъ и во многихъ случаяхъ даже отказывающихся вступать въ сношенія другъ съ другомъ. Тѣ изъ нихъ, которые священнодѣйствуютъ, какъ жрецы, составляютъ лишь весьма незначительное меньшинство браминскаго класса, и даже эти брамины рѣдко занимаются теологіей; они интересуются почти только тонкостями ритуала да вопросами о первенствѣ [1]). Благородные брамины Ауда никогда не выдаютъ своихъ дочерей за своихъ, яко бы, собратовъ Бенгаліи и даже ни за что не согласятся ѣсть съ ними за однимъ столомъ. Въ Чамбѣ одинъ классъ пастуховъ, поклоняющихся восходящему солнцу, присвоиваетъ себѣ право носить на плечѣ нить съ четырьмя отпрысками, принадлежащее исключительно сынамъ Брамы; въ горахъ Симлы, другіе брамины заработываютъ себѣ хлѣбъ насущный въ качествѣ землепашцевъ, носильщиковъ, домашней прислуги и даже продаютъ своихъ дочерей въ рабство. Въ Орисскомъ краѣ есть брамины, которыхъ презрительно называютъ «сажателями картофеля», а въ нѣкоторыхъ округахъ центральныхъ провинцій живутъ «джунглевые брамины», бѣдные поселенцы, тяжелымъ трудомъ расчищающіе подъ пашни нетронутую почву джунглей. Въ полуденной Индіи встрѣтишь браминовъ, происходящихъ отъ рыбаковъ, или такихъ, которые занимаются кузнечнымъ ремесломъ; есть даже брамины, не гнушающіеся исполнять унизительную должность полицейскихъ агентовъ. Подобно материку Индіи, островъ Цейлонъ тоже имѣетъ своихъ «браминовъ-крестьянъ». Недавно представители «Пяти Ремеслъ», собравшись въ Салемѣ, подали правительству жалобу, гдѣ протестуютъ противъ наглости метисовъ всякой расы, которые изъявляютъ притязаніе командовать ими съ незаконно присвоеннымъ себѣ титуломъ браминовъ [2]). Многочисленныя легенды, относящіяся къ появленію боговъ, будто бы сходившихъ на землю за тѣмъ, чтобы преобразовать въ «дважды рожденныхъ» людей низшихъ кастъ, очевидно, суть отдаленный отголосокъ историческихъ фактовъ; въ нѣкоторыхъ областяхъ Полуострова судрасы были возводимы въ званіе браминовъ для нуждъ культа; въ другихъ мѣстахъ мѣстныя аристократіи сохранили свое право на дворянство въ виду чистыхъ браминовъ, иммигрировавшихъ въ небольшомъ числѣ, и эти послѣдніе благоразумно купили себѣ сообщничество болѣе сильныхъ, чѣмъ они сами, жалуя имъ священную нить; наконецъ, продолжительная изолированность среди чуждыхъ населеній дала многимъ браминскимъ колоніямъ нравы, совершенно отличные отъ нравовъ, характеризующихъ господствующую касту сѣвера [1]): такъ, напримѣръ, нѣкоторые классы браминовъ извѣстны у своихъ собратій подъ презрительною кличкой «мясныхъ или рыбныхъ браминовъ», по тѣмъ нечистымъ блюдамъ, которыя они не брезгаютъ употреблять въ пищу. Траванкорскіе раджи сдѣлались браминами, «пройдя чрезъ чрево золотой коровы»—новый примѣръ всемогущества богатства.

Расовое различіе еще гораздо значительнѣе для другихъ соціальныхъ дѣленій. Чистые кшатріи не встрѣчаются нигдѣ, хотя раджпуты всѣ поголовно претендуютъ на это происхожденіе: всѣ счастливые предводители, каково бы ни было ихъ происхожденіе, обыкновенно производили свой родъ отъ предковъ, принадлежавшихъ, будто бы, къ лунной или солнечной расѣ; однако, между раджпутами есть такіе, которые хвастаются въ то же время своимъ происхожденіемъ отъ первоначальныхъ жителей страны, или аборигеновъ, какъ, напримѣръ, нагбханси, или «Сыны змѣй». Различныя торговыя корпораціи, баніахи, марвари, банджари,—не говоря уже о джайнахъ, которые не исповѣдуютъ браманской религіи,—считаютъ себя совершенно отличными одна отъ другой, не признавая существованія такъ называемаго класса вайсіевъ. Что касается имени судрасовъ, то оно имѣетъ лишь общее значеніе: такъ называются безчисленныя касты и подкасты, на которыя дѣлится народъ, исключая благородныхъ классовъ и купцовъ. Кажется, что этотъ терминъ судрасы, имѣющій смыслъ «чистые», примѣнялся вначалѣ не къ людямъ низшей касты, но къ массѣ арійской націи; этимъ наименованіемъ она отличалась отъ «нечистой» массы аборигеновъ Дасіу [2]).

Въ провинціяхъ, называемыхъ «сѣверо-западными», насчитываютъ не менѣе 307 различныхъ кастъ, имѣющихъ каждая свое особенное названіе; въ Бенгаліи ихъ существуетъ болѣе тысячи, и если бы мы захотѣли прослѣдить ихъ подробно во всѣхъ ихъ дѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ, то общее число достигло бы нѣсколькихъ тысячъ. Равнымъ образомъ и въ южной Индіи невозможно было бы составить полный списокъ всѣхъ кастъ; народная перепись насчитала ихъ въ одномъ Майсурѣ 413, въ Мадурѣ 94. Каждое ремесло, даже самое маленькое, сдѣлалось особой кастой, точно отграниченной; есть касты, состоящія только изъ двухъ человѣкъ [3]). Даже противозаконныя сообщества, бадхаки и сонорія въ Пенджабѣ и Аудѣ, молунги въ Бенгаліи, рамози въ Бомбеѣ, карачавандлу въ Деканѣ, корвахи на Малабарскомъ берегу, составляютъ особенныя касты, признаваемыя туземцами; каждый членъ преступной шайки, гордящійся своею профес-

[1]) Barth, „Les Religions de l'Inde".
[2]) Craul, „Reise nach Ostindien".

[1]) Hunter, „Orissa"; Eastwik, „Handbook for Madras".
[2]) Tod, „Annals of Rajasthan".
[3]) Nelson, „Madura Country".

сіей, посвящаетъ себя дѣлу воровства и грабежа, обязываемый къ тому какъ преданіями своего племени, такъ и предписаніями своей религіи. Правительство набрало между ними по большей части своихъ полицейскихъ агентовъ, но, не имѣя возможности утилизировать такимъ образомъ цѣлые кланы, оно принуждено было интернировать ихъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ, поставленныхъ подъ строгій надзоръ; переставъ воровать, члены касты, тѣмъ не менѣе, гордятся своимъ титуломъ «воровъ»[1]). Французскій путешественникъ Франсуа Пираръ упоминаетъ о малабарскихъ племенахъ, которыя, мѣняя родъ занятій съ перемѣною временъ года, были попеременно «разбойниками на морѣ» и «прекраснѣйшими людьми на землѣ, самыми гуманными и обходительными». Мало-по-малу, различіе образа жизни создало между кастами нравственные контрасты, на которые указываютъ и мѣстныя пословицы, сложившіяся въ каждой провинціи: «лицемѣренъ, какъ браминъ; фальшивъ, какъ четти; себялюбивъ, какъ веллалахъ; жестокъ, какъ калланъ»—таковы, по словамъ Нельсона, обычныя поговорки, употребляемыя въ Мадурскомъ краѣ.

Вводя новые промыслы и ремесла, европейцы тѣмъ самымъ создали новыя касты, изъ которыхъ иныя носятъ названія англійскаго или португальскаго происхожденія; такъ, напримѣръ, конюхи или стремянные составляютъ касту «кавалеровъ» (cavalere)[1]). Каждая религія, каждая секта, каждая борьба между соперничающими партіями влечетъ за собою обра-

Типы племени банджари.

[1]) „Criminal Tribes Bille"; De Grois, „Revue maritime et coloniale", janvier 1882.

[1]) Louis Jacolliot, „Voyage aux ruines de Golconde".

какъ и во всякой другой странѣ, происхожденіе касты нужно искать въ одно и то же время въ кланѣ и въ ремеслѣ. Тамъ, гдѣ два народца, различающіеся наружнымъ видомъ, нравами, занятіями, приходили во внѣшнее соприкосновеніе между собою, они оставались обособленными, и расовые признаки преобразовались мало-по-малу въ кастовыя черты: въ Сѣверной Индіи можно указать сотнями примѣры отдѣльныхъ, обособленныхъ группъ, состоящихъ изъ клановъ иммигрантовъ и аборигеновъ, еще не слившихся въ одну націю. Но касты возникли въ такой же мѣрѣ изъ ремесла, какъ и изъ расы: когда и профессія, и происхожденіе равно различны, какъ это обыкновенно и бываетъ въ наибольшей части Полуострова, каждая особенная группа изолируется, словно она хочетъ окружить себя неприступною каменною стѣной [1]). Въ Европѣ тоже образовались гильдіи и корпораціи; но чтобы организоваться окончательно въ замкнутыя касты, имъ недоставало продолжительнаго существованія, религіозной санкціи, вѣковой практики одинаковыхъ обычаевъ и соблюденія общеобязательныхъ правилъ относительно пищи и вообще матеріальной жизни. *Джатъ-бхахъ*, «каста—это рисъ», говоритъ одна новая пословица въ Бехарѣ; «мясо составляетъ касту», возражаютъ орисскіе коларійцы [2]). Первоначальныя причины, породившія касту, забыты; ее узнаютъ теперь, главнымъ образомъ, по внѣшнимъ признакамъ, по символамъ, которымъ приписывается первостепенная важность: таковы горизонтальные или вертикальные знаки, нарисованные на челѣ кускомъ сандальнаго дерева. Соціальное состояніе необходимо измѣняется соотвѣтственно измѣненію нравовъ и обычаевъ; чтобы превратить индусовъ въ мусульманъ, магометанскимъ завоевателямъ достаточно было подвергнуть своихъ подданныхъ обряду обрѣзанія, и послѣдніе, несмотря на постигшую ихъ бѣду, принуждены были признавать себя послѣдователями ислама. Разъ вступивъ посредствомъ тѣлеснаго знака въ новую общественную группу, они уже не имѣли болѣе общенія со своими родными и друзьями; они были отвергаемы, какъ существа, навсегда оскверненныя. Если бы миссіонеры католическіе и протестантскіе дѣйствовали на манеръ мусульманскихъ обратителей и заставляли индусовъ ѣсть говяжье сало, ихъ храмы наполнились бы стыдящимися прозелитами, вынужденными общественнымъ презрѣніемъ объявлять себя христіанами. Слушать церковную проповѣдь, хотя бы даже не понимая словъ ея, считается уже вѣроотступничествомъ.

Индусъ не имѣетъ инаго племени, кромѣ касты: онъ не можетъ вступить въ бракъ внѣ этого замкнутаго міра; онъ считаетъ себя солидарнымъ со всѣми тѣми, которые ѣдятъ вмѣстѣ съ нимъ и называютъ себя тѣмъ же именемъ. За нихъ, за общую честь, онъ пойдетъ на встрѣчу всякой опасности; онъ обречетъ себя даже на смерть, если это нужно; каждая деревня дѣлится на столько маленькихъ республиканскихъ группъ, сколько въ ней есть кастъ, и каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свою администрацію и свою полицію [1]); поселянинъ считаетъ своими братьями членовъ соотвѣтственныхъ кастъ другихъ деревень, а не сосѣдей односельчанъ, принадлежащихъ къ другой кастѣ. Каста, большая семья, составляетъ корпорацію, которая установляетъ правила относительно праздниковъ, поддерживаетъ размѣръ заработной платы, а иногда и стачки рабочихъ; на чемъ она порѣшила, тому всѣ повинуются безпрекословно, какъ велѣнію судьбы. Между кастами возникаютъ ссоры, иногда кровопролитныя, изъ-за самыхъ ничтожныхъ причинъ, по поводу какой-нибудь гирлянды цвѣтовъ, вышивки на платьѣ, трубнаго звука, барабаннаго боя, ибо все урегулировано до мельчайшихъ подробностей, и каждый знаетъ въ точности границу, за которую не должны переходить привилегіи соперничающей касты. Тысяча обстоятельствъ можетъ лишить несчастнаго его общинныхъ, т. е. кастовыхъ, правъ; даже болѣзни, проказа, напримѣръ, низводятъ его въ низшую касту. Самое тяжкое преступленіе—это допустить приблизиться къ себѣ человѣку нечистой расы, принять изъ его рукъ сосудъ съ водой или какую-нибудь запрещенную пищу. Адепты христіанства отказываются ѣсть за однимъ столомъ съ священникомъ, который ихъ обратилъ; отецъ, сынъ котораго путешествовалъ въ чужихъ краяхъ, не имѣетъ болѣе права принимать его у себя въ домѣ. Благочестивый браминъ, которому, по той или другой причинѣ, люди, носящіе священную нить, запретили входъ въ свои жилища, не имѣлъ прежде другаго средства смыть съ себя позоръ, кромѣ самоубійства; еще въ началѣ настоящаго столѣтія, богатые индусы должны были по нѣсколько лѣтъ исполнять наложенныя эпитиміи и тратить сотни тысячъ франковъ, въ видѣ приношеній жрецамъ, чтобы возвратить себѣ утраченныя привилегіи своей касты [2]). Обыкновенное искупленіе для людей изъ простонародья состоитъ въ томъ, что провинившійся долженъ впродолженіи извѣстнаго времени пить коровью мочу или питаться зернами, находящимися въ коровьемъ калѣ [3]). Сама природа должна очищать себя отъ оскверненія, причиненнаго ей присутствіемъ чандала. Вода, оскверненная тѣнью

[1]) Elie Reclus, рукописныя замѣтки.
[2]) Tickell, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1840; Stohr, „Mittheilungen von Petermann", 1861, № 10.

[1]) Monier Williams, „Modern India".
[2]) Shib Chunder Bose, „The Hindoos as they are".
[3]) Thévenot, „Voyage aux Indes orientales"; Nelson, „Madura Country".

этого нечистаго существа, вновь становится чистою подъ лучами солнца и луны и отъ дуновенія вѣтра; сосудъ, до котораго дотронулся человѣкъ безкастовый, считается навсегда оскверненнымъ: его нужно разбить.

Но этотъ тяжелый институтъ кастъ, тяготѣющій надъ индусами и никогда не позволявшій имъ соединяться воедино противъ иноземнаго нашествія, преобразовывается мало-по-малу, и правила его становятся менѣе суровыми. Въ сѣверныхъ областяхъ, самыхъ богатыхъ и наиболѣе населенныхъ, мусульманское завоеваніе, отмѣнивъ касты, сильно потрясло индусское общество, и соціальныя дѣленія тамъ уже далеко не такъ рѣзко разграничены, какъ въ южныхъ провинціяхъ, оставшихся подъ неоспоримымъ авторитетомъ древнихъ законовъ. Великая нравственная революція, которая совершилась, когда Будда провозгласилъ равенство людей, оставила по себѣ глубокіе слѣды, и съ того времени подобныя движенія часто имѣли мѣсто въ народныхъ массахъ: такъ, въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, Кабиръ, котораго мусульмане причисляютъ къ своимъ единовѣрцамъ, пытался примирить всѣхъ жителей Индіи, бѣдныхъ и богатыхъ, въ одной вѣрѣ во «внутренняго Бога», въ одно и то же время Аллаха и Раму, который ничего не требуетъ отъ своихъ вѣрныхъ, кромѣ того только, чтобы они любили другъ друга. Въ нѣкоторыхъ округахъ, какъ, напримѣръ, въ дистриктѣ Куддапахъ, въ телугской области, совсѣмъ нѣтъ кастъ; многочисленныя секты, какъ, напримѣръ, лингаиты въ Деканѣ, сатнами въ Чатисгарѣ хумбупаттіа въ Ориссѣ, «святые» въ Раджпутанѣ, возставали противъ общества браминовъ и раджпутовъ, чтобы провозгласить свое право на равенство; въ наиболѣе чтимыхъ святыняхъ, куда стекаются несмѣтныя толпы пилигримовъ со всѣхъ концовъ Индіи, каковъ, напримѣръ, Джагганатскій храмъ, пища раздается одинаково всѣмъ, безъ различія происхожденія или ремесла: существуютъ даже тайныя общества, состоящія изъ людей всякой касты, которые днемъ держатся другъ отъ друга на дистанціяхъ, предписанныхъ общественнымъ мнѣніемъ, но которые ночью собираются пировать вмѣстѣ, браминъ рядомъ съ судрой [1]). Преданія мало-по-малу изглаживаются, и люди высшей касты, всего болѣе заинтересованные въ сохраненіи соціальныхъ перегородокъ, принимаютъ европейское пирожное, ѣдятъ рисъ, приготовленный мусульманскими руками, принимаютъ у себя въ домѣ родственниковъ или друзей, воспитывавшихся въ Европѣ [2]). Что касается богатыхъ негоціантовъ, то у нихъ есть поговорка, что «ихъ каста въ сундукѣ съ деньгами», а народная масса замѣтно преобразуется подъ вліяніемъ образованія и экономическихъ перемѣнъ.

Воздѣйствіе англичанъ двоякое. Подобно тому, какъ они поощряли развитіе крупной земельной собственности въ ущербъ мелкой, такъ точно они укрѣпили власть браминовъ выше всѣхъ другихъ кастъ, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Майсурѣ, браминское первенство было оспориваемо. По примѣру всѣхъ правителей, они старались классифицировать методически, по разрядамъ, соціальную іерархію своихъ подданныхъ. Кромѣ того, и сами они составляютъ надъ націей касту, безпощадно замкнутую для низшихъ индусскихъ классовъ. Съ другой стороны, уничтоженіе рабства, отмѣна крѣпостнаго состоянія, т. е. продажи людей вмѣстѣ съ землей, имѣли то слѣдствіе, что подняли нравственно самыхъ отверженныхъ изъ индусовъ и породили у нихъ правосознаніе; англичане разрушаютъ учрежденіе кастъ новыми идеями, которыя приносятъ ихъ книги, журналы и газеты, изобрѣтенія, тысяча перемѣщеній, производимыхъ торговлей, перемѣны, вводимыя въ обыденной жизни. Паріи теперь уже дерзаютъ домогаться равноправности съ браминами, они требуютъ, чтобы ихъ дѣтей допускали въ общественныя учебныя заведенія и чтобы перестали примѣнять къ нимъ оскорбительные эпитеты. Образованные индусы сами осуждаютъ касту въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ и періодическихъ изданіяхъ; они напоминаютъ о древнихъ временахъ, прославляемыхъ эпопеями, о тѣхъ временахъ, когда «всѣ были браминами», и повторяютъ стихи своихъ поэтовъ, протестовавшихъ противъ соціальныхъ неравенствъ: «Превосходство и низость обнаруживаются нравами. Развѣ дождь падаетъ не на всѣхъ одинаково? Развѣ вѣтеръ не дуетъ равно на каждаго изъ насъ? Развѣ обширная земля говоритъ кому-нибудь: я не хочу носить тебя?» «Безъ величія добродѣтели, рожденіе даетъ ли заслугу глупцамъ?» [1]).

Религіи—за исключеніемъ, однако, тѣхъ, которыя были занесены извнѣ, каковы парсизмъ (огнепоклонство), іудейство, магометанство, христіанство—не создаютъ никакого раздѣльнаго барьера между обитателями Индіи. Всего чаще, но не какъ безусловное правило, онѣ совпадаютъ съ кастами и группами кастъ, и даютъ имъ болѣе точные контуры, догму, ритуалъ, цѣлый аппаратъ эвокацій и заклинаній; но своею сверхъ-естественною стороной онѣ нисколько не противоположны одна другой. Индусъ склоненъ всему вѣрить; никакое чудо не удивляетъ его; еще погруженный въ первоначальный пантеизмъ, онъ во всемъ видитъ бога;

[1]) Aug. Giardon, „Le Radjpoutana“.
[2]) Shib Chunder Bose, цитированное сочиненіе.

[1]) „Agaval de Kapila“, тамильская поэма, переведенная на французскій языкъ Ж. Венсономъ.

поклоняясь своимъ божествамъ, онъ не отрицаетъ и тѣхъ боговъ, которымъ молятся другіе. Всѣ религіозныя формы представлены во всевозможныхъ періодахъ ихъ развитія. Страна Ведъ не только обладаетъ самыми древними и самыми полными священными книгами, относящимися къ натуралистическимъ вѣрованіямъ, нѣкогда общимъ всей арійской семьѣ, она даже сохранила самыя религіи, болѣе или менѣе видоизмѣненныя временемъ, но совершившія самостоятельно свою эволюцію, безъ рѣзкихъ вторженій чуждыхъ элементовъ. Въ одномъ и томъ же городѣ Непала, въ Патанѣ, Батгаонѣ или Катманду, увидишь рядомъ храмы индусскіе, пагоды буддійскія и колонны, увѣнчанныя наверху изображеніями священныхъ животныхъ.

Нѣтъ надобности проникать въ глубь страны къ живущимъ тамъ дикимъ племенамъ, чтобы найти слѣды инстинктивныхъ религій, порожденныхъ чувствомъ удивленія, страха или желанія. Всѣ формы фетишизма и анимизма встрѣчаются у населеній Бенгаліи. Деревья или камни причудливой формы, странные предметы, природа которыхъ непонятна, растенія полезныя или вредныя, животныя домашнія или дикія, души благодѣтелей и наводившихъ страхъ тирановъ, символы всякаго рода, боги извѣстные или неизвѣстные — одинаково составляютъ предметъ обожанія; новыя божества безпрестанно прибавляются къ многочисленному сонму боговъ, населяющихъ туземный пантеонъ. Но самую поразительную черту натуралистической религіи, какою она открывается въ древнихъ священныхъ книгахъ и какою обнаруживаетъ ее изученіе быта сельскихъ населеній, составляетъ почитаніе, оказываемое арійцами небу, гдѣ шествуютъ солнце, луна и армія звѣздъ, гдѣ смѣняются день и ночь, гдѣ носятся облака, гдѣ сверкаетъ молнія и гремитъ громъ [1]: тамъ начало всей ведической космогоніи, отъ которой въ большой части произошли космогонія древнихъ грековъ и классическая миѳологія. Рѣки, или ганги, которыя распространяютъ повсюду жизнь, которыя разносятъ по землѣ воды, упавшія съ неба, почитаются почти наравнѣ съ небомъ, которое образовало ихъ своими дождями. Въ этой тропической странѣ, гдѣ густые, почти непроходимые лѣса покрывали прежде всѣ сырыя мѣстности, деревья тоже не могли не играть значительной роли въ культѣ. Въ южной Индіи названіе *топе*, примѣнявшееся нѣкогда къ буддійскимъ ступамъ, прилагается также къ отдѣльнымъ группамъ деревьевъ или рощамъ. Это такія же святилища, какъ и памятники, воздвигнутые рукой человѣка. Священная смоковница (ficus religiosa) считается настоящимъ храмомъ, и дупла этого колоссальнаго дерева обладаютъ чудодѣйственною силой очищать грѣшника, который пріютится въ нихъ на нѣкоторое время, для того, чтобы «переродиться» [1]. Есть деревья, подъ которыми никто не могъ бы солгать, не совершивъ тѣмъ тяжкаго преступленія, и разсказываютъ, что купцы въ Ульварѣ составили стачку и заперли свои лавки, чтобы воспрепятствовать посадкѣ на базарной площади этихъ священныхъ деревъ, присутствіе которыхъ сдѣлало бы невозможною всякую торговлю. Индусскія религіи, которыя развивались въ плодородной странѣ, изобилующей растительностью, составляютъ, по выбору символовъ, рѣзкій контрастъ съ семитическими религіями, возникшими въ странахъ безплодныхъ и каменистыхъ. На берегахъ Ганга культъ скалы не могъ имѣть религіозной цѣны, какую онъ имѣлъ у семитовъ; но растенія заняли важное мѣсто въ почитаніи вѣрныхъ; таковы, въ особенности, ямбоза, салъ, *толаси*, видъ базилика, дерево котораго употребляется для выдѣлки четокъ въ честь бога Вишну. Особеннымъ обожаніемъ пользовался цвѣтокъ лотоса, который принимали за образъ всего живущаго, всего, что̀ распускается въ прекрасныя правильныя формы. Этотъ культъ лотоса, пропагандированный буддистами, распространился изъ Индіи на островъ Яву, въ Китай, въ Японію; въ другой части свѣта, за каменистыми пустынями и безплодными скалами Западной Азіи, египтяне, живущіе въ плодоносной дельтѣ Нила, тоже взяли лотосъ за символъ вселенной и прославляли его въ своихъ храмахъ.

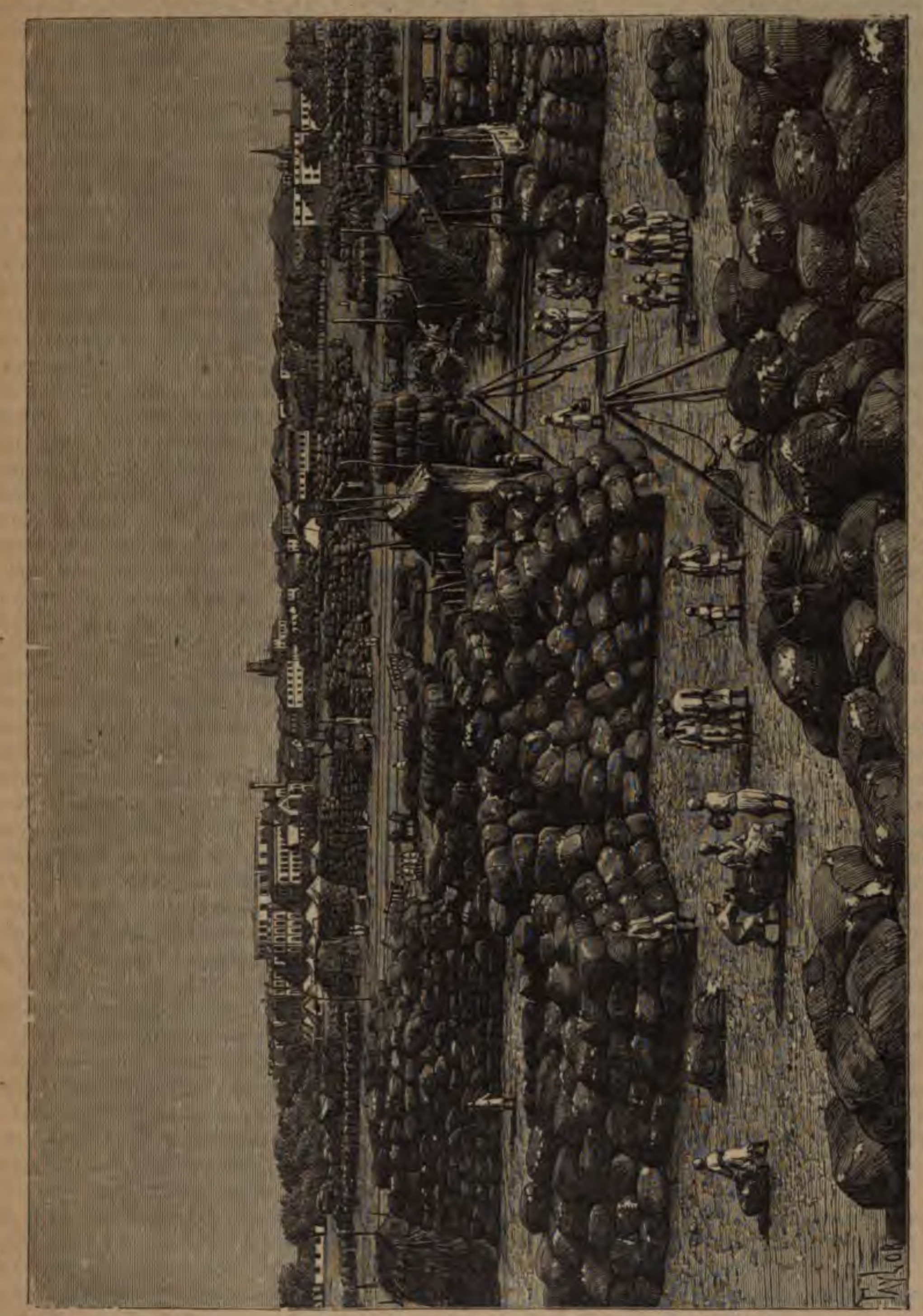
Извѣстно, какъ сильно распространено въ современной Индіи сохранившееся отъ древнихъ временъ обожаніе животныхъ, или любимыхъ, какъ быкъ, или внушающихъ страхъ, какъ тигръ. Въ западной и южной областяхъ Индіи нѣтъ города, гдѣ бы не прогуливались свободно по улицамъ священные быки, отмѣченные на боку знакомъ трезубца Сивы, останавливаясь то у одной, то у другой двери, чтобы попросить подачки у вѣрующихъ; нѣтъ деревни въ джунгляхъ, гдѣ бы не разсказывались легенды про боговъ-змѣй и про людей-тигровъ. Въ Майсурѣ каждое селеніе имѣетъ свой образъ змѣи; во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ еще вѣрующіе падаютъ ницъ передъ живыми змѣями, и тысячи индусовъ съ ужасомъ отвергли бы мысль отъ умерщвленіи одного изъ этихъ божественныхъ существъ; въ Бехарѣ англичане тщетно предлагаютъ преміи за истребленіе волковъ. Все, чего боятся, считается божествомъ. Болѣзни, въ особенности холера и оспа, принадлежатъ къ числу наиболѣе почитаемыхъ боговъ. Умершіе тоже признаются высшими существами, которыхъ нужно умилостивить.

---

[1]) Barth, „Religions de l'Inde"; A. C. Lyall, „Fortnightly Review", 1872; J. Faissac, „Origines de la Religion".

[1]) W. W. Hunter, „Orissa".

дѣлая имъ приношенія, но между милліонами и милліардами духовъ есть, конечно, много такихъ, о которыхъ забываютъ и которые стараются выместить на живущихъ свое неудо-



Хлопковый рынокъ въ Бомбеѣ.

вольствіе за эту забывчивость. Воздухъ, вода, лѣса кишатъ этими страшными геніями, проклятыми ракшасами: они любятъ мракъ и въ потемкахъ летаютъ въ пространствѣ, отправляясь въ поиски за добычей; оттого индусъ путешествуетъ ночью только въ случаѣ крайней необходимости, и то не иначе, какъ истощивъ передъ отправленіемъ въ дорогу весь запасъ заклинательныхъ формулъ, преподанныхъ ему жрецами. Встрѣча съ европейцемъ считается тогда благопріятнымъ шансомъ, ибо духи удаляются отъ тѣхъ, кто не вѣритъ въ ихъ власть [1]).

[1]) Louis Jacolliot, „Voyage aux ruines de Golconde".

*

Умершіе, обратившіеся въ демоновъ, боятся также телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, всѣхъ заморскихъ изобрѣтеній [1]): индусъ вздыхаетъ свободнѣе и успокоивается отъ страховъ передъ сверхъестественнымъ міромъ, когда созерцаетъ эти произведенія человѣческаго искусства, чисто утилитарныя, гдѣ религія не играетъ никакой роли. Видали людей, повергавшихся на землю передъ локомотивами и поклонявшихся имъ, какъ божествамъ. Умирающіе въ краѣ англичане, которые при жизни возбудили къ себѣ въ населеніи любовь или ненависть за свою доброту или жестокость, становятся предметомъ поклоненія, наравнѣ съ туземными покойниками: на ихъ могилу приносятъ цвѣты, разныя яства, водку, сигары. Иная статуя англійскаго генерала, стоящая на городской площади, почитается не менѣе, чѣмъ изображеніе Сивы или Вишну, и женщины съ благоговѣніемъ приносятъ ей въ даръ кокосовые орѣхи. Между новыми религіями, родившимися въ этихъ умахъ, постоянно посѣщаемыхъ галлюцинаціями, многія приняли за божества англійскихъ властителей, и при томъ самыхъ грозныхъ. Такъ, генералъ Никольсонъ, погибшій при штурмѣ Дели во время возстанія сипаевъ, былъ обожаемъ многочисленнымъ братствомъ, имѣвшимъ свой монастырь, свою литургію, свои священные гимны. Что за дѣло, что онъ частенько подвергалъ палочнымъ ударамъ своихъ вѣрныхъ; эти послѣдніе, наказанные по приказанію своего божественнаго повелителя, вставали еще болѣе убѣжденные въ его державномъ могуществѣ. Правительству ничего не было бы легче, какъ пріобрѣсти обожаніе толпы, если бы оно того пожелало. Между индусами очень распространена легенда, будто Сива недавно явился въ одномъ изъ чтимыхъ святилищъ Бенареса съ розовымъ и свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ голубыми глазами и свѣтлорусыми бакенбардами; держа въ рукѣ тросточку, вмѣсто трезубца, онъ преобразился въ англичанина, чтобы возвѣстить своему народу, что британское правительство есть многократное воплощеніе «Великаго Бога» [2]). Во время посѣщенія Индіи принцемъ Валлійскимъ, одинъ санскритскій поэтъ привѣтствовалъ его пріѣздъ такими словами: «Онъ пришелъ, наконецъ, послѣдній изъ *аватаровъ* (превращеній Сивы) и самый великій».

Брама пересталъ существовать для своихъ поклонниковъ, хотя имя его произносится съ благоговѣніемъ, какъ имя главнаго бога, и хотя новѣйшіе комментаторы сдѣлали изъ него первое лицо индусской троицы, о которой народъ ничего не зналъ. Это—бывшее, такъ сказать, отставное божество [3]). Ему посвященъ только один храмъ между безчисленными религіозными зданіями Индустана. Теперь Брама не болѣе, какъ умственное существо или отвлеченное понятіе, давно забытый отецъ, котораго замѣнили его сыны брамины, т. е. «творцы», носящіе въ самихъ себѣ производительную силу [1]). Но съ тѣхъ поръ, какъ Брама исчезъ изъ сонма живущихъ боговъ, сколько народилось другихъ, сколько новыхъ боговъ заняли мѣсто въ этомъ, постоянно мѣняющемся мірѣ различныхъ религій и культовъ, который, подъ именемъ браманизма, простирается отъ самаго грубаго фетишизма до самыхъ утонченныхъ умозрѣній! «Триста тридцать милліоновъ» божествъ допускаются съ одинаковою терпимостью: «лучше слѣдовать своему собственному закону, даже несовершенному, нежели чужому закону, хотя бы даже болѣе совершенному», говоритъ Бхагаватгита [2]). Та или другая историческая или легендарная личность, на которую большинство индусовъ смотритъ какъ на простаго смертнаго, является въ глазахъ другихъ богомъ, и никому изъ вѣрныхъ, принадлежащихъ къ браминскимъ культамъ, не придетъ въ голову оспоривать вѣру въ этого бога. Всѣ герои Магабгараты, побѣдители и побѣжденные, Пандуиды и Каруиды, имѣютъ своихъ поклонниковъ. Въ одномъ только округѣ, въ южномъ Арквтѣ, Драупади, супруга Юдиштиры и его братьевъ, имѣетъ не менѣе 500 храмовъ, гдѣ власть ея призывается вѣрующими подъ различными олицетвореніями. Но кромѣ областныхъ боговъ, капища которыхъ воздвигнуты въ городахъ и на вершинѣ холмовъ, каждая деревня, каждый поселокъ имѣетъ своего спеціальнаго патрона, представляемаго камнемъ или чурбаномъ. Масса народа, въ деревняхъ, не имѣетъ другой религіи, кромѣ заповѣди «дѣлать добро и обожать мѣстнаго бога» [3]). У каждой касты тоже имѣется свой спеціальный покровитель: солдатъ воздаетъ культъ своему оружію, ремесленникъ—своему инструменту.

Изъ всѣхъ персонажей браманскаго пантеона, наибольшее число поклонниковъ имѣетъ Сива или Мага Део, «Великій Богъ», котораго теологи, живущіе внѣ народа, хотѣли-было сдѣлать представителемъ начала Разрушенія въ индусской троицѣ. Въ глазахъ своихъ вѣрныхъ онъ представляетъ, равнымъ образомъ, принципъ Созиданія и Сохраненія: онъ обладаетъ всѣми энергіями, чтобы давать жизнь и смерть; онъ верховный богъ. Его «двадцать тысячъ именъ» выражаютъ весь рядъ качествъ, отъ совершенной кротости до неумолимой жестокости; обыкновенное его имя, Сива, значитъ «Милостивый». Его представляютъ во все-

[1]) Monier Williams, „Modern India“.
[2]) Paris, „Tour du Monde“, 1867.
[3]) J. Baissac, „Origines de la Religion“.

[1]) Martin Haug, „Brahma und die Brahmanen“.
[2]) Переводъ Эмиля Бюрнуфа.
[3]) Albrecht Weber, „Indische Streifen“; Barth, цитированное сочиненіе.

возможныхъ формахъ, но символъ *линга*, подъ которымъ онъ всего чаще изображается, отъ одного конца Полуострова до другаго, есть символъ не разрушенія, а творческой силы. Почти всѣ высокія горы, и Гауризанкаръ первый, посвящены этому богу, потому что съ высокихъ вершинъ спускаются ожпвляющія землю воды. Однако, чувство, преобладающее въ культѣ несчастнаго, вѣчно угнетеннаго народа, есть чувство страха: большинство поклонниковъ Сивы взываетъ къ нему, какъ къ грозному божеству, и въ честь его еще въ началѣ настоящаго столѣтія приносились человѣческія жертвы на устьяхъ Ганга, въ Типперахскихъ горахъ, въ области Чота-Нагпоръ и въ Центральныхъ провинціяхъ. Въ древнія времена, для жертвоприношеній были предназначены слѣдующія пять животныхъ: «человѣкъ, лошадь. быкъ, овца, коза» [1]); сами брамины должны были приноситься въ жертву богамъ въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ. Во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ еще приносятъ козъ и буйволовъ въ жертву богамъ или демонамъ, и жрецы пьютъ кровь жертвъ; почти вездѣ животныя замѣнены теперь, при жертвоприношеніяхъ, растеніями или изображеніями; но вѣрующіе часто предлагаютъ богамъ свою собственную кровь: когда сынъ боленъ, мать открываетъ себѣ вену, чтобы ублаготворить кровожадную богиню Кали. Хроники разсказываютъ о сектѣ капаликовъ, или «людей черепови», поклонниковъ «Сивы Грознаго», которые носили ожерелья изъ человѣческихъ костей и во время обряда всесожженія клали на огонь жертвенника человѣческое мясо, вымазанное саломъ и мозгомъ; что всего больше любилъ ихъ богъ, это—потоки крови, брызжущіе изъ горла, перерѣзаннаго однимъ ударомъ [2]). А туги, таги или паусигары, «люди мертвой петли», кровавые жрецы свирѣпой Кали, женскаго олицетворенія Сивы,—въ чемъ состояло ихъ «царственное призваніе», какъ не въ томъ, чтобы приносить своей богинѣ человѣческія жертвы? Не составляли ли они цѣлой арміи, заключавшей въ своихъ рядахъ шпіоновъ, могильщиковъ, душителей и благословителей? Европейцевъ они щадили, потому что не могли приносить нечистыя жертвы Кали; они убивали только своихъ единоплеменниковъ, послѣдній вздохъ которыхъ съ удовольствіемъ былъ вдыхаемъ царицей небесъ [3]). Теперь, когда страшныя человѣческія жертвоприношенія уничтожены, туги преподносятъ своей богинѣ гирлянды цвѣтовъ и медовыя лепешки. Эта Кали, господствующая надъ смертью, не то ли же самое, что Дурга и Парвати, богиня любви и красоты?

[1]) Monier Williams, „Modern India“; Rajendralala Mitra, „Indo-Aryans“.

[2]) Troyer, „Chroniques de Kachmir“.

[3]) „Rambles and Recollections of an Indian Official“.

Всѣ другіе боги индусскаго пантеона, Кришна, покровитель пастуховъ, Рама, имя котораго напоминаетъ побѣды цивилизаціи надъ дикимъ міромъ, Вишну, котораго браманическія священныя книги помѣщаютъ въ тримуртп (троицѣ) между Брамой и Сивой, тоже представляются съ тысячью различныхъ аттрибутовъ: въ каждомъ изъ нихъ одни вѣрующіе поклоняются богу любви, другіе стараются умилостивить грознаго властителя, бога всемогущаго среди полнаго политеизма. Своими постоянными *аватарами*, т. е. превращеніями или преображеніями, которыя позволяютъ ему появляться подъ всевозможными видами, даже подъ видомъ животнаго и человѣка низшей касты, Вишну, болѣе чѣмъ всякій другой богъ, соотвѣтствуетъ религіи народа, который безпрестанно обновляетъ свои вѣрованія, никогда не порывая связи съ преданіемъ [1]). Культъ Вишну, во всей его совокупности, есть одинъ изъ наиболѣе привлекательныхъ. Въ Джагганатѣ, пилигримы, приходящіе просить у своихъ жрецовъ святой пищи, видятъ въ этомъ богѣ великаго утѣшителя, передъ которымъ всѣ равны, безъ различія кастъ; современникъ Будды, колесо котораго еще красуется на верхушкѣ храмовъ Пури, усвоилъ себѣ его благость и снисходительность; онъ носитъ то же имя, Багаватъ, и однѣ и тѣ же солнечныя легенды примѣняются къ обоимъ [2]).

Но Вишну не довольствуется «почитаніемъ въ духѣ и въ истинѣ»; онъ требуетъ, или, лучше сказать, жрецы требуютъ вмѣсто него, традиціоннаго культа, предписаннаго церемоніала, установленныхъ правилъ: обрядности—вотъ истинные боги. Религія есть не что иное, какъ другая форма волшебства: извѣстныя слова и жесты открываютъ небо. Въ древнихъ книгахъ изложена полная теорія способовъ вызывать экстазъ, средствами для чего служатъ продолжительная неподвижность тѣла, замедленіе дыханія, пристально устремленный на одну точку взоръ, повтореніе священныхъ односложныхъ словъ, и, какъ извѣстно, нѣкоторые факиры достигаютъ того, что могутъ произвольно впадать въ каталептическіе трансы, имѣющіе подобіе смерти. Но такіе люди рѣдки, которые могутъ приближаться къ богамъ строгимъ соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ или экстазомъ; для массы обыкновенныхъ смертныхъ самое похвальное дѣло—это щедрость въ отношеніи «дважды рожденныхъ», или переродившихся, все равно, будутъ ли то жрецы или міряне. Богатые брамины получаютъ земли, а бѣдные кормятся на счетъ низшихъ кастъ.

Между сѣверомъ и югомъ Индіи замѣчается большой контрастъ въ религіозномъ отношеніи. Въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ такъ дол-

[1]) Barth, „Revue de l'Histoire des Religions“, janvier-fevrier 1881.

[2]) Senart, „Essai sur la légende de Buddha“.

го господствовали магометанскіе государи, брамины принуждены были прекратить публичное отправленіе своихъ религіозныхъ церемоній; даже въ мѣстахъ пилигримства, гдѣ вѣрующіе собираются десятками тысячъ, всѣ акты культа сохраняютъ частный, индивидуальный характеръ и совершаются въ пользу главы семейства и его жены [1]; богатый имѣетъ свой особенный алтарь, своего собственнаго брамина; обряды культа никогда не совершаются сообща съ людьми низшихъ кастъ. Напротивъ, въ дравидійскихъ областяхъ всѣ, за исключеніемъ людей, стоящихъ внѣ кастъ, собираются въ одно мѣсто для общихъ религіозныхъ церемоній. Это на югѣ въ особенности храмы населены «баядерками», или *кази*, изъ которыхъ каждая была въ дѣтствѣ съ большою торжественностью повѣнчана съ какимъ-нибудь идоломъ.

Буддизмъ, который изъ Индіи распространился въ сосѣднія страны, даже въ царство «Восходящаго Солнца», почти совершенно исчезъ на Полуостровѣ по сю сторону Ганга, хотя слѣды его встрѣчаются въ смѣнившихъ его культахъ; онъ сохранился подъ своимъ именемъ, какъ самостоятельная религія, только въ долинахъ Гималайскихъ горъ и въ южной части острова Цейлона. Ученіе Шакія-Муни, «Мудреца» по преимуществу, образца несравненнаго, но въ большей части миѳическаго, о доброжелательной справедливости, о преданности и нѣжности къ страдающимъ, представляетъ фазу человѣчества, совершенно отличную отъ той, которая соотвѣтствуетъ аристократическому идеалу браминовъ. Эти послѣдніе заботятся только о томъ, чтобы спастись самимъ; они исключаютъ изъ спасенія судру, который не имѣетъ права читать священныя книги, между тѣмъ какъ Будда, народный учитель, думаетъ одинаково о счастіи всѣхъ людей [2], даже о счастіи чандала, даже о счастіи животнаго. Всѣ люди равно были призваны къ священству; но съ этимъ священствомъ вновь явилась іерархія, касты были востановлены, и сами же буддійскіе миссіонеры занесли кастовый режимъ въ страны, гдѣ онъ до того времени не существовалъ; китайскіе пилигримы упоминаютъ о чандалахъ подъ именемъ «ненавистныхъ» [3]. Какъ революція бѣдныхъ [4], буддизмъ восторжествовалъ; онъ палъ, какъ только сдѣлался религіей богатыхъ: брамины, представители по преимуществу привилегіи, воспользовались имъ, какъ средствомъ снова отобрать у нихъ храмы и прогнать своихъ соперниковъ жрецовъ изъ страны [1]). Кажется, впрочемъ, систематическаго преслѣдованія не было; большинство историческихъ свидѣтельствъ согласно указываютъ на постепенное угасаніе буддизма въ періодъ съ седьмаго по девятое столѣтіе общепринятой эры [2]). Въ гималайскихъ долинахъ онъ уже выродился въ шаманство, и многими чертами сливается съ культомъ Сивы. На островѣ Цейлонѣ онъ менѣе смѣшался съ чуждыми элементами.

Джайны Индіи, живущіе, главнымъ образомъ, въ Гудзератѣ и Марварѣ, очевидно, имѣютъ близкую связь съ буддизмомъ. Основатель ихъ религіи, Джайна (Jina), «Святой», «Побѣдитель порока и добродѣтели», или Магавира, «великій Герой», какъ кажется, жилъ въ той же странѣ, т. е. въ Бехарѣ, и около того же времени, какъ и Будда, и эти двѣ религіи развивались параллельно. Джайны, нѣкогда соперники браминовъ по вліянію, были тогда болѣе могущественны, чѣмъ въ наши дни, и господствовали въ южной Индіи; книги ихъ составляютъ замѣчательнѣйшіе памятники дравидійской литературы. Изъ двухъ главныхъ сектъ, на которыя дѣлится міръ «святыхъ», одна, между прочимъ, запрещала всѣмъ своимъ членамъ употребленіе одежды. Ни одна религіозная община не простирала такъ далеко, какъ дундіи, или «искатели», уваженіе ко всему живущему; между этими-то джайнами встрѣтишь щепетильныхъ людей, которые, чтобы не раздавить нечаянно какихъ-нибудь крошечныхъ животныхъ, тщательно выметаютъ мѣсто, на которое хотятъ сѣсть, которые лишаютъ себя омовеній изъ боязни уничтожить какую-нибудь невидимую инфузорію [3]), пьютъ только фильтрованную воду, дышатъ не иначе, какъ черезъ вуаль, бросаютъ муку на землю, чтобы накормить муравьевъ. Дѣла благотворительности составляютъ главную заповѣдь, «четыре обязанности» джайновъ; но, какъ банкиры и спекулянты, они не пользуются любовью толпы, и это противъ нихъ въ особенности сочиняются деревенскія пѣсни. Въ ихъ рукахъ находится весьма значительная часть богатства страны, хотя они относительно очень малочисленны; но они поддерживаютъ другъ друга и составляютъ въ цѣлой Индіи могущественную ассоціацію. Между всѣми обитателями Полуострова, они выказываютъ наибольшее рвеніе, какъ строители; нѣкоторыя изъ ихъ группъ святилищъ, Палитана въ Катіаварѣ, гора Абу въ Раджпутанѣ, холмъ Сунагаръ въ Бундельхандѣ, гора Параснатъ въ Бенгаліи, принадлежатъ къ самымъ пышнымъ памятникамъ религіознаго зодчества, какія только существуютъ; это настоящіе города храмовъ [4]).

[1]) Barth, „Religions de l'Inde"; L. Jacolliot, „Voyage au pays des Perles".
[2]) Бартъ, цитированное сочиненіе.
[3]) Abel Rémusat, „Foe koue li ou Relation des royaumes bouddhiques", chap. VXI.
[4]) Ernest Renan, „Histoire des origines du Christianisme".

[1]) A. Weber, „Indische Skizzen".
[2]) Monier Williams, „Modern India".
[3]) A. Glardon, „Le Radjpoutana".
[4]) James Fergusson, „History of the Indian and Eastern Architecture".

Лучшія ихъ религіозныя зданія относятся, какъ и пагоды браминовъ, къ эпохѣ одиннадцатаго, двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтій. Это тогда были воздвигнуты тѣ чудные храмы, которые поражаютъ зрителя какъ величественнымъ видомъ цѣлаго и прекраснымъ расположеніемъ массъ, такъ и безконечнымъ разнообразіемъ орнаментовъ, отчетливостью и тонкостью работы. Въ видѣ примѣра этихъ удивительныхъ построекъ, составляющихъ дѣло всего народа, можно указать на храмъ Каджраха, въ Бундельхандѣ [1]). Но въ индусскихъ храмахъ очень рѣдко встрѣтишь истинно прекрасныя изображенія человѣческой фигуры: одни только буддисты, къ которымъ историки Индіи [2]) присоединяютъ греко-бактрійцевъ или явановъ, вырѣзывали на своихъ ступахъ барельефы, изъ которыхъ иные смѣло могли бы занять мѣсто между скульптурными украшеніями какого-нибудь античнаго памятника Греціи или Малой Азіи. Стѣнная живопись тоже встрѣчается почти только въ подземныхъ храмахъ буддистовъ, въ сѣверо-западной части Декана. Одну изъ характеристическихъ особенностей индусскаго храма составляетъ узкость пространства, отведеннаго божку. Какъ бы ни было обширно самое зданіе, съ его дворами, перистилями, прудами, пирамидами порталовъ, святилище въ собственномъ смыслѣ представляетъ тѣсную и темную келью, которая отъ этого становится еще болѣе священною въ глазахъ трепещущаго поклонника, когда онъ очутится лицомъ къ лицу съ грознымъ божествомъ.

Изъ иностранныхъ религій, распространившихся въ Индіи, только одна, исламъ, имѣетъ важное значеніе, по многочисленности своихъ вѣрныхъ Около одной пятой всего числа жителей Полуострова по сю сторону Ганга причисляютъ себя къ послѣдователямъ Магомета; такимъ образомъ Великобританія оказывается «первою мусульманскою державой въ свѣтѣ». Магометане составляютъ большинство населенія только въ Сѣверо-западной Индіи, по обѣ стороны рѣки Инда: эта область, куда такъ часто вторгались иноземные завоеватели, спускавшіеся съ плоскогорій Запада, примыкаетъ по культу къ міру Передней Азіи; индусы принуждены были уступить иммигрантамъ семитической религіи страну «Семи» или «Пяти рѣкъ», которая была колыбелью ихъ вѣры. Къ востоку отъ Пенджаба, мусульмане вездѣ составляютъ меньшинство, исключая нѣкоторыхъ округовъ, гдѣ численность ихъ превышаетъ численность индусовъ; но во многихъ провинціяхъ, и особенно въ Бенгаліи, они довольно многочисленны, чтобы устоять противъ индусскихъ населеній. Въ Южной Индіи они населяютъ преимущественно приморскіе города, и самое большое изъ медіатизированныхъ государствъ, королевство Гайдерабадское, находится подъ властью мусульманскаго государя.

[1]) L. Rousselet, „L'Inde des Rajahs".
[2]) W. W. Hunter, „Orissa".

Чуждые элементы, афганцы и рогиллы, персіяне и турки, довольно сильно представлены между магометанами въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, но въ другихъ частяхъ Индіи исламъ почти не имѣетъ другихъ послѣдователей, кромѣ индусовъ низшихъ кастъ: та же самая народная революція, которая нѣкогда обратила индійское населеніе въ буддизмъ, возобновилась, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, для магометанства: уничтоженіе кастъ естественно должно было привлечь на сторону ученія Магомета всѣхъ, кто хотѣлъ освободиться изъ-подъ желѣзнаго закона, насильно навязаннаго браминами. Но между этими милліонами послѣдователей ислама большинство — мусульмане только по имени. Почти во всѣхъ деревняхъ Бенгальскаго президентства жители обѣихъ религій принимаютъ участіе въ однѣхъ и тѣхъ же религіозныхъ церемоніяхъ, и единственное различіе заключается въ формулахъ молитвъ, произносимыхъ священно-служителями подлежащихъ культовъ. Точно такъ же на территоріи Пондишери различныя вѣроисповѣданія сблизились между собою. Мусульмане переняли отъ индусовъ и христіанъ обычай религіозныхъ процессій, который первоначально былъ имъ незнакомъ [1]). Торжественность и пышность этихъ процессій совершенно одинаковы во всѣхъ трехъ религіяхъ, и члены трехъ вѣроисповѣданій считаютъ долгомъ соблюдать свои праздники сообща и присутствовать съ равнымъ благоговѣніемъ на своихъ взаимныхъ торжествахъ; тѣ же самыя хоругви и знамена служатъ попеременно на праздникахъ индусовъ, мусульманъ и католиковъ [2]). При входѣ или выходѣ изъ порта судохозяева, индусы, магометане и христіане, всѣ одинаково привѣтствуютъ святыню или мавзолей, господствующіе надъ городомъ. Подражая индусамъ, католики прибавили къ своимъ обрядностямъ представленіе нескончаемыхъ духовныхъ драмъ, очевидно скопированныхъ съ шіитскихъ *тазіехъ* и съ браманическихъ мистерій [3]). Однако, можно сказать, что, взятые въ массѣ, мусульмане все болѣе и болѣе обособляются отъ индусовъ, принадлежащихъ къ религіямъ, происшедшимъ изъ Ведъ. Противоположность культовъ имѣетъ слѣдствіемъ различіе пищи, привычекъ, профессій, нравовъ и обычаевъ; такъ, почти всѣ матросы

[1]) Garcin de Tassy, „Mémoires sur les Particularités de la religion musulmane dans l'Inde".
[2]) Julien Vinson, „Les Castes du sud de l'Inde", „Revue „Orientale". 2-e série, № 4.
[3]) De Gobineau, „Les Religions et les Philosophies dans l'Asie centrale".

или *ласкары*—магометане, каково бы ни было ихъ происхожденіе, арабское, афганское или индійское. Въ городахъ, гдѣ двѣ религіи въ силѣ, очень часто вспыхиваютъ ссоры и кровавыя драки; мечети или пагоды опустошаются; индусы и «убійцы коровъ», какъ обыкновенно называютъ мусульманъ, рѣжутъ другъ друга на улицахъ во имя Аллаха или Вишну. Британское правительство часто принуждено бываетъ вмѣшиваться въ эти схватки и разнимать воюющихъ; но ему небезъизвѣстно, что въ случаѣ, если когда-нибудь его могуществу будетъ грозить опасность, то оно можетъ натравить однихъ на другихъ и сохранить свое владычество, поддерживая раздоръ между своими подданными.

Не только число мусульманъ возрастаетъ въ Индіи, но ихъ процентное отношеніе тоже увеличивается; не бывало примѣра, чтобы магометанинъ перешелъ въ христіанскую религію, тогда какъ многочисленныя обращенія, между которыми насчитываютъ нѣсколько случаевъ обращенія англичанъ, соблазненныхъ, будто бы, простотою вѣры и спокойною величавостью культа, постоянно происходятъ въ пользу ислама; его успѣхи теперь даже значительнѣе, чѣмъ въ тѣ времена, когда магометанскіе государи царствовали надъ Индустаномъ [1]). Болѣе девяти десятыхъ послѣдователей Магомета принадлежатъ къ сектѣ суннитовъ, не зная, впрочемъ, что они такимъ образомъ признаютъ румскаго, или константинопольскаго султана «главою правовѣрныхъ». За исключеніемъ Кашмира и Бомбея, гдѣ имѣетъ пребываніе намѣстникъ, или «викарій пророка», шіиты нигдѣ не встрѣчаются въ числѣ, достаточно большомъ для того, чтобы взаимная ненависть сектъ могла ослаблять вліяніе ислама; въ другихъ мѣстахъ, всеобщая вѣротерпимость, господствующая въ Индустанѣ, успокоила религіозную вражду: шіиты и сунниты живутъ обыкновенно въ добромъ согласіи и принимаютъ участіе, за немногими исключеніями, въ однихъ и тѣхъ же празднествахъ [2]). Что касается братства вагабитовъ, которое съ 1830 года возбуждало не мало мѣстныхъ возстаній противъ англичанъ, то оно составляетъ лишь, такъ сказать, авангардъ магометанъ суннитовъ, поставившихъ себѣ задачей хранить вѣру во всей ея чистотѣ и поддерживать связь Индіи съ остальнымъ мусульманскимъ міромъ. Одинъ изъ вопросовъ, которые всего чаще обсуждались вагабитами,—это вопросъ объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи британскаго правительства. Обязаны ли они возмущаться противъ своихъ повелителей? Есть ли Индія «земля войны» или «земля ислама»? [1]). Это они поставляютъ главный контингентъ пилигримовъ, отправляющихся въ Мекку, и многіе окончательно покидаютъ родину, чтобы поселиться навсегда въ святыхъ градахъ Западной Аравіи, обогащаемыхъ ихъ щедростью. Оттого остъ-индское правительство поставило вагабитовъ подъ спеціальный надзоръ полиціи, и тщетно они стараются, чтобы избавиться отъ этого стѣснительнаго сосѣдства, заявлять о своемъ уваженіи къ британскимъ законамъ и о своей преданности къ особѣ императрицы. Англичане допускаютъ гораздо меньше магометанъ, чѣмъ индусовъ, въ число имперскихъ чиновниковъ; они закрыли имъ доступъ въ армію, въ судебныя учрежденія, въ высшую администрацію. Рѣдко бываетъ, чтобы въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ мусульманскія дѣти занимали первое мѣсто [2]); отличаясь вообще умомъ менѣе свободнымъ, понятіями болѣе узкими, они болѣе упрямы, чѣмъ индусскія дѣти, болѣе ослушны въ отношеніи европейскихъ учителей и менѣе воспріимчивы къ ихъ преподаваніямъ. При томъ же, отцы мусульмане, когда у нихъ нѣтъ собственнаго медрессе, съ большой неохотой посылаютъ своихъ сыновей въ школы англичанъ; въ этихъ чужихъ учебныхъ заведеніяхъ языкомъ преподаванія рѣдко бываетъ ихъ родной языкъ, и преподаватели, индусы или евроазійцы, не принадлежатъ къ ихъ религіи. Англичанамъ пришлось прибѣгнуть къ авторитету ученыхъ мусульманскихъ богослововъ и добиться отъ нихъ рѣшенія въ томъ смыслѣ, что молодые магометане могутъ, безъ опасности для спасенія своей души, проходить курсъ ученія въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Христіанство — одна изъ древнихъ религій Индіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ не только непрерывное преданіе относительно проповѣди апостола Ѳомы въ южномъ Индустанѣ, но также кресты, символическія изображенія Троицы, представляемой подъ видомъ старика, молодаго человѣка и птицы [3]), и древнія надписи на языкѣ пельви, найденныя на горѣ св. Ѳомы и въ другихъ мѣстахъ. Когда первые итальянскіе миссіонеры проникли на Полуостровъ по сю сторону Ганга, они, къ немалому удивленію, встрѣтили въ городахъ Малабара единовѣрцевъ, пользующихся великимъ почетомъ наравнѣ съ браминами и занимающихъ высшія должности въ государствѣ; вліяніе христіанъ въ ту отдаленную эпоху было болѣе значительно, чѣмъ обыкновенно думаютъ [4]). Со времени прибытія въ страну португальцевъ

[1]) Garcin de Tassy, „La langue et la littérature hindoustaine en 1879“.
[2]) Garcin de Tassy, „Mémoires sur les particularités de la religion musulmane dans l'Inde“.

[1]) M. W. Hunter, „Our India Musulmans“; Garcin de Tassy.
[2]) Richard Temple, „India as it is“.
[3]) Graul, „Reise nach Ost-Indien“.
[4]) Albrecht Weber, „Indische Skizze“.

начались обращенія туземцевъ въ христіанство массами, при содѣйствіи свѣтской власти; въ 1599 году, на помѣстномъ соборѣ въ Удіамперѣ, близъ Кочина, три четверти «назареевъ» присоединились къ римской церкви и приняли латинскую обрядность; но преслѣдованія, раздоры, расколы повели вскорѣ дѣло распространенія христіанства къ упадку, и многіе изъ обращенныхъ снова вернулись къ индусскимъ религіямъ. Разсказы путешественниковъ и миссіонеровъ единогласно удостовѣряютъ, что христіане прежде составляли гораздо болѣе сплоченныя и болѣе многочисленныя группы или общины, чѣмъ въ наше время. Около половины восемнадцатаго столѣтія, іезуиты имѣли подъ своимъ началомъ слишкомъ 40.000 вѣрныхъ въ Майсурѣ и въ области Мадура: это втрое больше того числа туземныхъ христіанъ, какое существовало столѣтіе спустя. Въ эпоху завоеванія острова Цейлона голландцами, именно въ 1650 году, обрядности національныхъ культовъ совершались уже въ тайнѣ; оффиціально же сингалезы были въ то время христіанами. Перемѣна политическаго режима позволила возродиться старымъ культамъ; царствовавшій въ Кандіи король отправилъ пословъ на континентъ съ порученіемъ привезти буддійскихъ миссіонеровъ, которые снова очистили храмы и возстановили античныя церемоніи, тогда какъ католическіе священники были изгнаны изъ предѣловъ государства, и отправленіе христіанскаго богослуженія было воспрещено. Только въ 1806 году, одиннадцать лѣтъ спустя послѣ завоеванія острова англичанами, католики Цейлона опять получили право публично исповѣдывать свою религію; но въ теченіе полуторавѣковой нетерпимости число ихъ уменьшилось до 66.000 человѣкъ [1]), т. е. до цифры, составляющей не болѣе десятой доли численности прежнихъ христіанскихъ общинъ. На материкѣ Индіи уменьшеніе христіанъ должно быть приписано, главнымъ образомъ, такъ же, какъ въ Китаѣ и Японіи, взаимному соперничеству іезуитовъ и миссіонеровъ другихъ орденовъ, августиновъ и капуциновъ: въ то время, какъ одни старались прилаживаться къ мѣстнымъ обычаямъ, другіе возставали противъ законовъ о кастахъ, рискуя быть самимъ причисленными къ подлой черни [2]). Путешественникъ Веленція жаловался, что паріи, принимая христіанскую вѣру, безчестятъ этимъ религію западныхъ народовъ; но подъ руководствомъ іезуитовъ, католицизмъ приспособился къ соціальнымъ дѣленіямъ индусскаго общества, каста удержалась [3]), обращенный могъ сохранить на лбу отличительный знакъ, причислявшій его къ вишнуитамъ или сиваитамъ, и даже въ церкви образъ Пресвятой Дѣвы имѣлъ такое же одѣяніе и такія же украшенія, какъ идолы богини Бавани. Миссіонеръ, которому было поручено обращеніе браминовъ, даже не кланялся своему собрату, пастырю парій, когда, несомый въ паланкинѣ, встрѣчалъ его на улицѣ шагающаго босыми ногами, въ сопровожденіи своихъ презираемыхъ духовныхъ овецъ; онъ долженъ бы былъ произвести очищеніе своего жилища, если бы ему сдѣлалъ визитъ миссіонеръ бѣдныхъ [1]). Тамъ, гдѣ месса совершалась вмѣстѣ для людей различнаго происхожденія, только лица, пользующіяся кастовыми привилегіями, могли входить въ домъ Божій.

Нынѣшніе миссіонеры, католическіе и протестантскіе, обращаются съ проповѣдью слова Божія, по большей части, къ обездоленнымъ, безправымъ бѣднякамъ да къ дикимъ населеніямъ внутреннихъ частей Полуострова; но усилія ихъ не имѣютъ большаго успѣха. Первые обращенные въ Христову вѣру воображали, что они будутъ приняты въ касту обратителей; но очень скоро выведенные изъ этого заблужденія, убѣдившись, что сдѣлаться христіаниномъ значитъ сдѣлаться паріей [2]), они возвратились, по большей части, къ своимъ старымъ культамъ [3]). Хотя число протестантскихъ миссіонеровъ всякаго наименованія простирается почти до 5.000, ихъ паствы не заключаютъ даже полумилліона вѣрныхъ, и это послѣ столѣтней пропаганды [4]); въ Мадрасской провинціи, гдѣ находится половина ихъ общинъ, эти послѣднія состоятъ почти исключительно изъ потомковъ португальскихъ католиковъ и несторіанъ, обращенныхъ въ религію новыхъ политическихъ властителей [5]). Только шестая часть неофитовъ христіанства во всей Индіи принадлежитъ къ среднимъ и высшимъ кастамъ; большое число обращенныхъ туземцевъ — такъ называемые «рисовые христіане»: это тѣ бѣдняки, которые крестились во время голодовокъ, чтобы имѣть хлѣбъ [6]); коммерсанты портовыхъ городовъ обыкновенно остерегаются брать на службу этихъ выкрестовъ и предпочитаютъ туземцевъ, сохранившихъ религію предковъ. Можно сказать, что пропаганда миссіонеровъ не имѣетъ прямаго воздѣйствія на цивилизованныхъ индусовъ: брамины, раджпуты, баніахи, поклонники Сивы, Вишну, Кришны, Рамы, относятся индифферентно или враждебно къ христіанской религіи. Они видятъ въ ней лишь совокупность чудесъ, которыя, по ихъ мнѣнію, могли бы найти мѣсто и въ ихъ соб-

[1]) „Annales de la Propagation de la Foi“, 1828.
[2]) Monier Williams, „Modern India“.
[3]) „Annales de la Propagation de la Foi“, 1854.

[1]) Perrin, „Voyage dans l'Indostan“; Julien Vinson, „Revue Orientale“, 2-e serie. № 4.
[2]) Graul, „Reise nach Ostindien“.
[3]) Emil Schlagintweit, „Indien in Wort und Bild“.
[4]) Richard Temple, „India as it is“.
[5]) Charbonneau, „Annales de la Propagation de la Foi“ 1853, № 11.
[6]) Christlieb, „L'état actuel des Missions évangeliques“.

ственной миѳологіи, и смотрятъ на Христа какъ на своего Кришну [1]), или какъ на новый *аватаръ* (превращеніе) Вишну. Между ними есть такіе, которымъ эта новая религія приходится по душѣ, но и старая имъ нравится не меньше, а потому они желали бы практиковать ихъ обѣ, сдѣлать изъ нихъ нѣчто въ родѣ того балансернаго шеста, который употребляется ими при плаваніи на баркахъ [2]); они считаютъ безполезнымъ креститься въ христіанскую вѣру, «будучи уже христіанами и даже больше, чѣмъ христіанами». Другіе, ненавидя религію чужеземнаго властителя, не удостоиваютъ вступать въ какія-либо пренія или разсужденія о вѣрѣ съ миссіонеромъ; иногда они опровергаютъ его аргументами, почерпнутыми въ сочиненіяхъ самихъ европейскихъ философовъ.

Но если англичане не могутъ надѣяться обратить индусовъ въ свою вѣру, то, тѣмъ не менѣе, вліяніе, оказываемое европейскими идеями на туземное общество, весьма значительно, и въ нѣдрахъ индусскихъ религій совершается процессъ быстраго разложенія. Мѣста пилигримства съ каждымъ годомъ посѣщаются все меньшимъ и меньшимъ числомъ богомольцевъ; древніе священные города постепенно утрачиваютъ свою важность въ пользу новыхъ городовъ, центровъ промышленности и торговли; храмы, разрушающіеся отъ времени, не отстроиваются вновь; религіозный индифферентизмъ охватываетъ массы, тогда какъ образованные люди, отвергая изъ своего вѣрованія все сверхъестественное и сохраняя лишь правила морали да смутный, неопредѣленный деизмъ, видятъ въ религіи своихъ предковъ не болѣе, какъ простую историческую эволюцію. *Брама-самаджъ*, новая форма индусскаго монотеизма, отличается только названіемъ отъ унитаріанизма англичанъ и американцевъ. Правда, число явныхъ приверженцевъ этого новаго монотеизма еще не велико, но онъ не лишенъ значенія, какъ признакъ общаго движенія идей, соотвѣтствующаго успѣхамъ просвѣщенія и общественной нравственности.

Распредѣленіе подвергнутаго переписи населенія Британской Индіи по религіямъ, въ 1891 г.: индусы — 207.731.727, буддисты— 7.131.361, парсы — 89.904, магометане— 57.321.164, сейхи—1.907.833, язычники и др.—9.280.467, христіане (катол. и протестанты)—2.284.380.

Эти успѣхи образованности и общественной нравственности громадны. Достаточно сравнить состояніе Индіи, каково оно было въ концѣ прошлаго столѣтія и какимъ оно является теперь, чтобы убѣдиться, какая огромная перемѣна совершилась во всѣхъ сферахъ жизни, и насколько востокъ и западъ, какъ ни велико ихъ различіе, сблизились между собою по нравамъ и понятіямъ. Стоитъ припомнить ужасы погребальныхъ церемоній въ эпоху еще очень недавнюю, когда жены знатныхъ людей добровольно сжигали себя на кострѣ изъ сандальнаго дерева, чтобы сопутствовать своему супругу въ загробную жизнь. Въ 1839 году, тринадцать женъ Ранджитъ-синга умерли такою мучительною смертью въ Лагорѣ, рядомъ съ трупомъ мужа, тогда какъ 150 другихъ женщинъ гарема подвергли себя самосожженію въ Рамнагарѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, 22 женщины лишили себя жизни такимъ же способомъ въ Пармандалѣ, въ нижнемъ Кашмирѣ [1]). Въ половинѣ настоящаго столѣтія одинъ раджа въ землѣ хондовъ отправился на тотъ свѣтъ въ сопровожденіи 116 своихъ супругъ; наконецъ, послѣдній случай самосожженія преданной жены на кострѣ умершаго мужа имѣлъ мѣсто не далѣе, какъ въ 1862 году, несмотря на бдительность англійскихъ властей. Въ наши дни понятіе о добрѣ и злѣ до такой степени измѣнилось, что вдовы, даже наиболѣе подавленныя горемъ, не помышляютъ болѣе о томъ, чтобы заслужить себѣ титулъ *сати*, всходя на костеръ своего мужа.

Дѣтоубійство дѣвочекъ, общераспространенное въ нѣкоторыхъ провинціяхъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, сдѣлалось очень рѣдкимъ явленіемъ; человѣческія жертвоприношенія перешли уже для всѣхъ, даже для хондовъ, въ область воспоминаній, возбуждающихъ только ужасъ; новость о вступленіи вдовы въ новый бракъ не производитъ болѣе скандала. Многія странныя формы брака, имѣвшія слѣдствіемъ увеличеніе числа разводовъ и вдовствъ, вышли изъ употребленія. Такъ, напримѣръ, въ Мадурѣ молодыя дѣвушки выдавались замужъ заочно, за деревянныхъ чурбановъ, представлявшихъ отсутствующаго жениха, который, по возвращеніи домой, вдругъ узнавалъ, что ему нашли жену [2]). Въ землѣ Барода супругъ, избираемый нѣкоторыми дѣвицами, былъ не кто иной, какъ букетъ цвѣтовъ, и когда растенія увядали, вдовушки не могли уже болѣе вступать въ законный бракъ. Въ Каттіаварѣ различныя населенія имѣли обычай справлять чрезъ каждыя одиннадцать лѣтъ огульные браки всѣхъ дѣвочекъ, родившихся со времени послѣдняго періода свадебъ: каждая изъ нихъ получала мужа, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ было еще менѣе 40 дней отъ роду [3]). Тогда не рѣдкость было видѣть дѣтей едва начинающихъ ходить и уже носящихъ на шеѣ символъ брака, *тали*, золотое или серебряное ожерелье, представляющее бога Пулеяра, который управляетъ дѣторожденіемъ. Вообще было бы большимъ

[1]) „Calcutta Review“, 1874.

[2]) Emerson Tennent, „Ceylan“, Monier Williams, „Modern India“.

[1]) Drew, „Jummoo and Kashmir“.

[2]) Shortt, „Journal of the Ethnological Society“, VII.

[3]) Burgess, „Visit to Kattyawar“.

прогрессомъ сдѣлать брачные союзы поздними, а то теперь почти въ каждой семьѣ первыя дѣти родятся отъ родителей, которые сами еще дѣти: возможно ли при такихъ условіяхъ, чтобы раса пріобрѣтала физическую крѣпость и силу характера [1]).

Измѣнились также понятія относительно роли, принадлежащей благовоспитанному человѣку. Теперь уже главное достоинство полагается не въ томъ, чтобы знать и практиковать во всѣхъ подробностяхъ великое искусство этикета, «науку садиться и вставать» [2]). Прошли тѣ времена, когда воспитаніе женщинъ считалось дѣломъ не только безполезнымъ, но даже постыднымъ. Европейское вліяніе способствуетъ въ большой мѣрѣ развитію охоты къ ученью и любознательности у женщинъ высшихъ индусскихъ кастъ, и уже многія изъ нихъ, особенно въ Маратской землѣ, благодаря своему знакомству съ санскритскимъ языкомъ и древней литературой, удостоились чести попасть въ число пандитовъ или пундитовъ (ученыхъ); есть журналы, редактируемые женщинами, и нѣкоторыя изъ ученыхъ индусокъ занимаютъ профессорскія каѳедры. Принцесса бопальская занималась всѣми дѣлами, какъ мужчина, не заботясь о традиціонномъ этикетѣ, обрекающемъ женщинъ на затворничество. Индускія женщины воспоминаютъ о славѣ своихъ предшественницъ, гимны которыхъ находятся въ Ведахъ; въ Индіи ученьемъ управляетъ богиня Сарасвати [1]). Даже для парій открываются школы, и отцы уже не боятся, что это нововведеніе будетъ имѣть гибельныя послѣдствія и что дѣти ихъ должны умереть въ томъ же году, когда поступятъ въ училище. Прежде всякая перемѣна считалась дѣломъ опаснымъ, долженствующимъ повлечь за собою какое-нибудь бѣдствіе. Раджа визіанаграмскій, «одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ туземныхъ государей Индіи», ни за что не хотѣлъ допустить выдѣлку кубовой краски въ своихъ владѣніяхъ и не позволилъ употреблять желѣзо при постройкѣ его дворца, все изъ опасенія накликать тѣмъ на свой народъ оспу или какую-нибудь другую повальную болѣзнь [2]).

Бопальскія принцессы.

Дѣти, посѣщающія публичныя учебныя заведенія, составляютъ еще незначительный процентъ юношества, но съ половины текущаго столѣтія и въ этомъ отношеніи совершился быстрый прогрессъ. Въ 1894 г. число учебныхъ заведеній всякаго рода, общественныхъ и частныхъ, составляло 147.590 (7.591 женскихъ), съ 4.082.031 учащихся (378.194 женскаго пола); въ томъ числѣ: 156 колледжей, съ 18.571 учащихся, 5.097 среднихъ училищъ, съ 511.968 учащихся, 97.398 начальныхъ школъ, съ

[1]) Christlieb, „Missions évangeliques“; Monier Williams, „Modern India“.
[2]) Richard Burton, „Sind revisited“; Garcin de Tassy, etc.

[1]) Monier Williams, „Athenaeum“, 10 dec. 1881.
[2]) A. Ball, „Jungle Life in India“.

2.952.575 учащихся, 159 учительскихъ семинарій и пр.

Въ 1875 году, по словамъ Гарсена-де-Тасси, уже одиннадцать милліоновъ индусовъ умѣли читать на томъ или другомъ языкѣ Полуострова. Въ нѣкоторыхъ округахъ одна пятая дѣтей сидитъ на школьныхъ скамьяхъ, и недавно сейхи, или сейки, которые изъ всѣхъ жителей Индустана всегда выказывали наибольшее рвеніе къ образованію, ходатайствовали передъ правительствомъ объ изданіи закона, устанавливающаго обязательное посѣщеніе начальныхъ школъ. Эта просьба не была уважена, но, тѣмъ не менѣе, сейхи являются болѣе передовыми, чѣмъ сами англичане, такъ какъ послѣдніе пока еще не приняли мѣръ къ тому, чтобы всѣ дѣти бѣлаго происхожденія получали, по крайней мѣрѣ, элементарное образованіе; публичныя библіотеки тоже чаще посѣщаются индусами, чѣмъ англичанами. Наибольшая часть суммъ, потребныхъ на содержаніе школъ, оплачивается непосредственно бѣдными туземцами или богатыми частными лицами; нѣтъ индуса, быстро разбогатѣвшаго, который не употребилъ бы тотчасъ же часть своихъ капиталовъ на дѣла общественной пользы. Правительство участвуетъ лишь въ относительно незначительной пропорціи въ расходахъ на народное просвѣщеніе. Расходы на учебное дѣло въ 1894 г. составляли 23.424.148 рупій. Заботливость правительства въ дѣлѣ народнаго образованія направлена преимущественно на среднія и высшія учебныя заведенія, гдѣ молодые люди, одѣтые въ черное клерикальное платье и носящіе головной уборъ въ родѣ тока, приготовляются къ университетскимъ экзаменамъ. Даже медицинскіе студенты дерзнули пренебречь религіознымъ предразсудкомъ, воспрещавшимъ имъ разсѣкать человѣческіе трупы. Недавно правительство нашло нужнымъ сдѣлать доступъ въ эти высшія школы болѣе труднымъ, чтобы уменьшить число кандидатовъ на мѣста, которыми оно располагаетъ. Въ 1892 г. въ пяти университетскихъ округахъ насчитывалось 6.358 студентовъ. Быстрое возростаніе корреспонденціи почтовой и телеграфной служитъ другимъ признакомъ, указывающимъ въ одно и то же время на успѣхи народнаго образованія и на развитіе торговли и промышленности. Въ 1895—96 г. переслано по почвѣ 374.223.042 писемъ и 28.928.622 экземпляровъ періодическихъ изданій; передано по телеграфу 4.766.399 депешъ (длина телеграфныхъ линій въ серединѣ 1896 г.—76.302 километр., не считая 423 километр. кабелей).

Народная литература, по крайней мѣрѣ въ Южной Индіи, состоитъ почти исключительно изъ астрологическихъ альманаховъ и другихъ книжечекъ, не имѣющихъ никакой цѣны; религіозные трактаты, индусскіе, мусульманскіе, христіанскіе, тоже представляютъ значительную часть нѣсколькихъ тысячъ всякаго рода произведеній печати, которыя ежегодно выходятъ въ свѣтъ; однако, издается также не мало важныхъ научныхъ мемуаровъ и работъ; въ то же время классическія произведенія европейскихъ литературъ воспроизводятся въ главныхъ арійскихъ и дравидійскихъ языкахъ Полуострова; лучшіе англійскіе переводы современныхъ французскихъ поэтовъ принадлежатъ индускѣ, г-жѣ Тору-Дутъ [1]). Драма тоже находитъ замѣчательныхъ писателей, и англійское правительство не разъ вмѣшивалось, чтобы запретить представленіе пьесъ, гдѣ оно выставлено въ смѣшномъ видѣ, а иногда даже видно стремленіе возбудить къ нему ненависть въ индусахъ [2]). Какъ во всѣхъ другихъ цивилизованныхъ странахъ, число періодическихъ изданій, газетъ и журналовъ, увеличивается съ каждымъ годомъ, и многія изъ нихъ очень распространены въ народѣ; въ городахъ и мѣстечкахъ толпа собирается вокругъ публичныхъ чтецовъ, чтобы узнать новости.

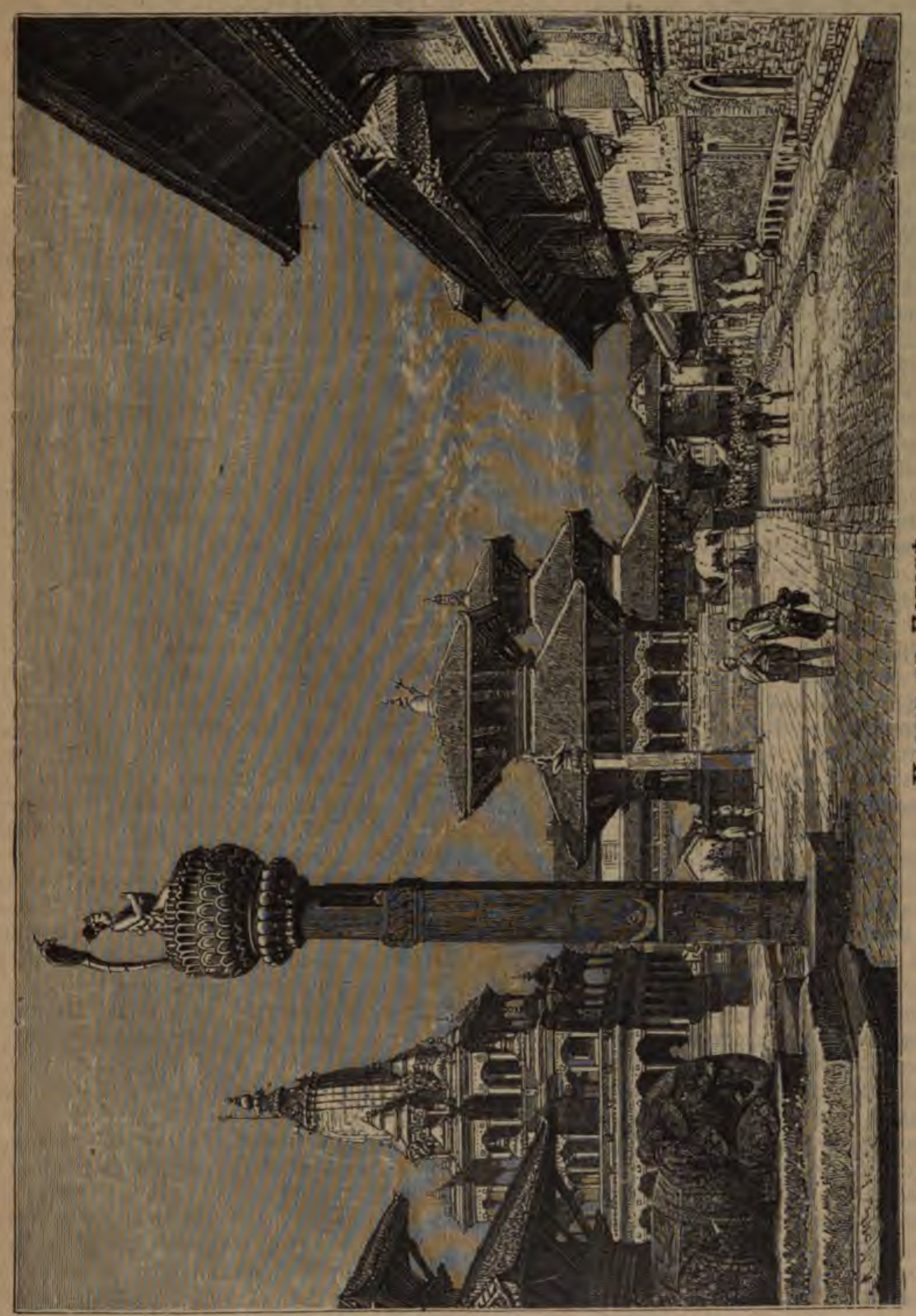
Повременныя изданія въ Индіи: въ 1835 г.—6; въ 1850 г.—28; въ 1879 г.—644; въ 1894 г.—1.180. Изъ числа газетъ 290 выходятъ на англійскомъ, 547 на различныхъ туземныхъ языкахъ, около 60 на двухъ языкахъ: англійскомъ и какомъ-либо изъ туземныхъ.

Правительство уже неоднократно издавало строгія мѣры противъ прессы, которая въ принципѣ пользуется свободой слова, но въ дѣйствительности лишена всякой гарантіи.

Однимъ изъ главныхъ препятствій къ образованію единой индусской націи является разнообразіе діалектовъ, которыми говорятъ жители Полуострова, и алфавитовъ, которые употребляются для различныхъ языковъ. Около шести милліоновъ туземцевъ знаютъ англійскій языкъ и тысячи изъ нихъ говорятъ имъ съ замѣчательнымъ изяществомъ, но они отнюдь не думаютъ сдѣлать изъ этого чуждаго идіома свою національную рѣчь, и сравнивая европейское письмо съ своимъ «божественнымъ» нагари, они называютъ первое не иначе, какъ собраніемъ «червяковъ и муравьевъ» [3]). Преемникъ Великаго Могола, калькуттское правительство поощряетъ употребленіе *урду*, или «ордынскаго» языка, тогда какъ большинство индусовъ патріотовъ, будучи противниками мусульманскаго вліянія, проповѣдуютъ употребленіе діалекта гинди и различныхъ областныхъ нарѣчій, маратскаго, гудзератскаго, бенгальскаго, тамильскаго, телугскаго, и когда они употребляютъ индустанскій діалектъ (гиндустани), то тщательно изгоняютъ изъ него всѣ персидскія слова [4]). Но въ эти послѣдніе

[1]) „A Sheaf gleaned in French fields“ by Toru-Dutt. Bhowanipore, 1876.
[2]) Richard Temple, „India as it is“.
[3]) „Athenaeum“, april 22, 1862.
[4]) Rajendralala Mitra, „Journal of the Asiatic Society“. vol XXI.

годы совершился одинъ важный фактъ: санскритъ, бывшій еще недавно языкомъ мертвымъ, возрождается, какъ письменный языкъ [1]). Магараджа Удейпурскій, представитель солнечной расы, издалъ указъ, чтобы на будущее время всѣ оффиціальные документы, публикуемые въ его владѣніяхъ, были составляемы на санскритскомъ языкѣ. Въ 1878 году въ Индіи вышло въ свѣтъ 4.890 сочиненій (3.064 индусскихъ; 719 на классическихъ языкахъ Индіи, 563 двуязычныхъ, 544 англійскихъ); 709 сочиненій, касающихся религіи, 844 беллетристическихъ произведенія, 766 книгъ научнаго содержанія.



Храмъ въ Патанѣ

[1]) Garcin de Tassy, „La langue et la littérature hindoustanies“, fascicules annuels.

XVIII.

Правительство и администрація Индіи.

Королева Англіи, торжественно провозглашенная «императрицей Индіи» (*Кайсаръ-и-Гиндъ, Гиндъ-ка-Кайсаръ*), въ равнинѣ Дели, 10 января 1877 года, имѣетъ своимъ представителемъ на Полуостровѣ по сю сторону Ганга вице-короля, выбираемаго въ совѣтѣ министровъ; но мѣстопребываніе высшей власти, управляющей этою громадною имперіею, находится въ Лондонѣ. Законодательный актъ 1858 года, положившій конецъ существованію остъ-индской компаніи и передавшій непосредственно коронѣ огромныя колоніальныя владѣнія упраздненнаго торговаго общества, ввѣрилъ непосредственное управленіе двумя стами милліоновъ людей, населяющихъ англійскую Индію, совѣту изъ пятнадцати членовъ (council of India), засѣдающему въ Лондонѣ, подъ предсѣдательствомъ министра по дѣламъ Индіи. Члены этого собранія назначаются высочайшею властью изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу парламента, на десятилѣтній срокъ, который можетъ быть, по соизволенію государыни, продолженъ еще на пять лѣтъ. Въ отсутствіе министра, вице-президентъ, назначаемый верховною властью, руководитъ совѣщаніями и опредѣляетъ порядокъ работы въ различныхъ комитетахъ, между которыми раздѣлено управленіе дѣлами Индійской имперіи. Присутствіе пяти членовъ въ полныхъ засѣданіяхъ совѣта необходимо, чтобы придать совѣщаніямъ законную силу.

При вице-королѣ Индіи, или «генералъ-губернаторѣ», состоитъ совѣтъ главнаго управленія изъ шести непремѣнныхъ членовъ и одного чрезвычайнаго члена,—главнокомандующаго индійской арміи,—которые всѣ назначаются высочайшею властью, такъ же, какъ губернаторы и намѣстники-губернаторы различныхъ провинцій. Дѣла «высшаго управленія» распредѣлены между шестью департаментами—финансовъ, военный, публичныхъ работъ, внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и внѣшнихъ дѣлъ,—и каждымъ департаментомъ управляетъ одинъ изъ членовъ совѣта, имѣя помощникомъ спеціальнаго секретаря. Генералъ-губернаторъ оставляетъ за собою управленіе иностранными дѣлами; онъ завѣдуетъ сношеніями англо-индійскаго государства съ Бутаномъ, Тибетомъ, Непаломъ, Кашмиромъ, Афганистаномъ, Бирманскимъ королевствомъ и передаетъ свои приказанія резидентамъ, поставленнымъ въ качествѣ опекуновъ, при медіатизированныхъ туземныхъ государяхъ; кромѣ того, онъ управляетъ непосредственно, чрезъ подчиненныхъ ему чиновниковъ, всѣми государствами, конфискованными или взятыми временно подъ секвестръ. Представитель императрицы, онъ пользуется также царскими прерогативами, назначая на два года членовъ, англичанъ или туземцевъ, законодательнаго совѣта, въ числѣ, по крайней мѣрѣ, шести и не болѣе двѣнадцати; эти члены придаются въ помощь членамъ совѣта главнаго управленія, чтобы вмѣстѣ съ ними вырабатывать, подъ наблюденіемъ вице-короля, законы, долженствующіе быть примѣненными къ населеніямъ; но никакой важный вопросъ не можетъ быть обсуждаемъ, если не былъ предложенъ генералъ-губернаторомъ, никакая принятая мѣра не можетъ вступить въ силу, не будучи одобренною имъ. Всѣ гарантіи были приняты, чтобы инициатива исходила свыше. И самъ генералъ-губернаторъ не можетъ дѣйствовать полновластно, такъ какъ всѣ его правительственные акты подлежатъ разсмотрѣнію англійскаго министерства. Онъ можетъ обнародовать приказы, имѣющіе силу закона, лишь въ случаяхъ крайней необходимости, и его рѣшенія остаются въ силѣ только впродолженіи шести мѣсяцевъ.

Въ двухъ «президентствахъ», Бомбейскомъ и Мадрасскомъ, и въ провинціи Бенгаліи административный режимъ воспроизводитъ въ своихъ существенныхъ чертахъ общегосударственный порядокъ управленія; при губернаторахъ состоятъ исполнительные совѣты изъ членовъ, назначаемыхъ отъ короны, и губернаторы сами назначаютъ извѣстное число членовъ англійскихъ и туземныхъ для разработки законопроектовъ. Что касается провинцій «неурегулированныхъ», т. е. управляемыхъ не по общему положенію, каковы Пенджабъ, Аудъ, Центральныя провинціи, Ассамъ, то онѣ управляются безъ сложныхъ законодательныхъ формъ; порядокъ управленія тамъ болѣе военный, чѣмъ гражданскій Впрочемъ, каждая страна или область управляется особеннымъ образомъ. Въ то время, какъ начальники Мадрасскаго и Бомбейскаго президентствъ носятъ титулъ губернаторовъ, начальникамъ Бенгаліи, «сѣверо-западныхъ» провинцій, Пятирѣчья присвоено названіе намѣстниковъ-губернаторовъ, а начальники Ауда, центральныхъ провинцій, Ассама, называются главными комиссарами. Административныя дѣленія имперіи не равны по величинѣ и количеству населенія. Такъ же, какъ графства Англіи, индусскія провинціи разграничены до сихъ поръ такъ, какъ ихъ нѣкогда разграничили войны и трактаты; онѣ сохранили свою историческую форму, и, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, очертанія ихъ не были передѣланы сообразно потребностямъ административной централизаціи. Чрезполосныя пространства, энклавы и эксклавы всякихъ размѣровъ, разсѣяны на окраинахъ большихъ провинцій, которыя нѣкогда были имперіями или которыя теперь еще представляютъ медіатизированныя государства; есть области,

какъ Каттіаваръ, Раджпутана, Сиргиндъ, Цис-сетледжъ (страна по сю сторону р. Сетледжъ) и Транссетледжъ (по ту сторону Сетледжа), близъ Симлы, самыя подробныя карты которыхъ не могутъ представить сѣти переплетающихся пограничныхъ линій. Только по мѣстному преданію, чиновники, англійскіе или туземные, знаютъ, какіе жители имъ подвѣдомственны; во многихъ мѣстахъ бываетъ даже такъ, что одно и то же селеніе принадлежитъ къ двумъ различнымъ округамъ; деревни раздроблены на половины, на трети или даже на двѣнадцатыя доли между смежными государствами или провинціями. Островъ Цейлонъ не входитъ въ составъ Англо-индійской имперіи; онъ присоединенъ непосредственно къ коронѣ; но за то различныя другія страны, лежащія внѣ Полуострова по сю сторону Ганга, зависятъ политически отъ вице-короля Индіи, этого государя, который, послѣ китайскаго императора, господствуетъ надъ самой многочисленной массой людей. Такъ, Британская Бирманія и даже острова Андаманскіе и Никобарскіе составляютъ, въ административномъ отношеніи, часть «Бенгаліи»; политическія агентства, учрежденныя въ различныхъ странахъ Передней Азіи, въ Келатѣ, на персидскомъ берегу, въ Маскатѣ, въ Багдадѣ, въ Аденѣ и на африканскомъ побережьи въ Занзибарѣ, также подчинены нынѣ калькуттскому правительству.

Высшій корпусъ должностныхъ лицъ, или такъ называемая «договорная гражданская служба» (covenanted civil service), которому подчиненъ корпусъ 1.250.000 служащихъ всякаго ранга, состоитъ изъ 928 чиновниковъ, изъ которыхъ только семеро индусскаго происхожденія. Они раздѣлены на два класса: на чиновъ администраціи и чиновъ судебнаго вѣдомства. Вступая на поприще государственной службы, молодые люди почти всегда получаютъ порученіе составить докладную записку по какому-либо спеціальному вопросу, для чего имъ, конечно, приходится изучить языкъ и обычаи туземцевъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ этой подготовительной работы, они окончательно зачисляются на службу, или въ администрацію, или въ магистратуру. Бывшая остъ-индская компанія держалась правила, усвоеннаго и нынѣшнимъ правительствомъ, имѣть лишь небольшое число чиновниковъ, но давать имъ крупные оклады, взамѣнъ тяжелой отвѣтственности: они должны сами наблюдать за дѣйствіями своихъ туземныхъ подчиненныхъ, выбираемыхъ, по большей части, изъ людей высшей касты, должны поддерживать общественный порядокъ всѣми средствами, какія признаютъ полезными, и обезпечить правильное поступленіе налоговъ. Многіе округа со стотысячнымъ населеніемъ управляются однимъ англичаниномъ, воля котораго не имѣетъ никакого противовѣса и который не знаетъ другаго судьи, кромѣ своей совѣсти, чтобы примѣнять законы, отличающіеся страшною строгостью. Въ собственномъ Индустанѣ, въ Аудѣ и Бехарѣ, большое число административныхъ дѣленій образуютъ группы изъ 360 деревень: это было традиціонное раздѣленіе страны, сходное съ *hundred*, или «сотней» англо-саксовъ [1]).

Въ послѣднее время были сдѣланы нѣкоторыя попытки, чисто эмпирическія, создать выборныя муниципальныя учрежденія. По закону 1850 года и послѣдующимъ актамъ, городамъ предоставлено право ходатайствовать объ учрежденіи муниципальнаго совѣта для завѣдыванія общественными работами и попеченія о городскомъ имуществѣ. Но эти совѣты не выборные. Правительство назначаетъ ихъ, по представленію, изъ мѣстныхъ чиновниковъ и уполномочиваетъ ихъ взимать налогъ съ каждаго дома на покрытіе расходовъ по содержанію полиціи и общественныхъ городскихъ сооруженій. Вотъ и все. Впрочемъ, правительство оставляетъ за собою право жаловать нотаблямъ городовъ и крупнымъ собственникамъ, мужескаго и женскаго пола, избирательныя привилегіи для назначенія муниципальнаго собранія, въ цѣломъ его составѣ или въ извѣстной части, но это преимущество всегда даровалось только тѣмъ городамъ, гдѣ англійскій элементъ сильно представленъ; оно даже было взято обратно у нѣкоторыхъ городскихъ общинъ, какъ, напримѣръ, у города Дальгузи, гдѣ ни одинъ туземецъ не захотѣлъ пользоваться призрачной привилегіей, не дающей ему никакого участія въ административной автономіи. Одинъ только городъ Пенджаба, Дармсала, имѣетъ муниципальный совѣтъ, всецѣло образованный на основаніи выборнаго начала; четыре другіе города той же страны имѣютъ совѣтъ, гдѣ только часть членовъ выборные. Во всей Индіи муниципальныхъ собраній, составленныхъ изъ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ, насчитывается около 850. Въ 1879 году муниципалитетовъ было: въ Пенджабѣ 197; въ Бенгаліи 191; въ Бомбейскомъ президентствѣ 128; въ Аудѣ и «сѣверо-западныхъ» провинціяхъ 107; въ Майсурѣ 78; въ центральныхъ провинціяхъ 62; въ Мадрасскомъ президентствѣ 48; въ Кургѣ 5; въ Берарѣ 5; въ Аджмирѣ 5. Что касается туземныхъ общинъ, то онѣ терпимы, и правительство даже пользуется ими для цѣлей мѣстной администраціи, но оффиціально существованіе ихъ не признано Избранники народнаго голосованія, обозначаемые подъ именемъ *панчъ*, или «Пятерыхъ»,—каково бы ни было ихъ число, отъ 3 до 100,—пользуются неограниченнымъ довѣріемъ своихъ согражданъ: «самъ Богъ пребываетъ въ Пяти», гласитъ общераспространенная въ Индустанѣ поговорка [2]). Во французской Индіи

[1]) Elliot, „Castes of the North-West provinces".
[2]) Elliot, цитированное сочиненіе.

однако, были приняты всѣ предосторожности, чтобы матеріальное превосходство, происходящее отъ болѣе сплоченной организаціи, принадлежало европейскимъ войскамъ. Во-первыхъ, аудскіе браманы, составлявшіе, до возстанія сипаевъ, одинъ изъ главныхъ элементовъ арміи, теперь допускаются лишь въ небольшомъ числѣ между новобранцами; изъ волонтеровъ всего охотнѣе принимаются на службу пенджабскіе сейхи, патаны и рогиллы изъ верхней равнины Ганга, раджпуты, непальскіе гуркасы. Туземные полки, которымъ благоразумно оставили лишь слабую артиллерію, были раздѣлены на три армейскихъ корпуса, различные по организаціи, по происхожденію и даже по языку большинства солдатъ: эти три арміи бенгальская, бомбейская и мадрасская. Въ первой говорятъ преимущественно индустанскимъ и бенгальскимъ нарѣчіями, во второй—маратскимъ и гудзератскимъ, въ третьей—телугскимъ. Такимъ образомъ, эти три корпуса не имѣютъ между собою никакой связи по національности, языку, любви къ отечеству, и касты, входящія въ ихъ составъ, сгруппированы такимъ образомъ, чтобы онѣ взаимно уравновѣшивались и нейтрализировались въ случаѣ какихъ-либо внутреннихъ раздоровъ. Нынѣ, въ силу закона 1 апрѣля 1895 г., индійская армія дѣлится на четыре корпуса (пенджабскій, бенгальскій, бомбейскій и мадрасскій), изъ которыхъ каждый состоитъ частію изъ англійскихъ, частію изъ туземныхъ войскъ. Туземные солдаты соединены въ одну армію только европейскими офицерами, которые командуютъ ими. Всѣ офицеры изъ индусовъ или магометанъ начинаютъ службу въ рядахъ англійскихъ полковъ, для того, чтобы привыкнуть тамъ къ дисциплинѣ и перенести къ своимъ землякамъ нравы британской арміи. Большинство солдатъ нанимается на продолжительный срокъ или даже на все время силы возраста, послѣ чего они имѣютъ право на пенсію. Почти всѣ люди мадрасской арміи и большая часть людей бомбейской арміи могутъ жениться, и ихъ жены, дѣти, даже родственники сопровождаютъ ихъ въ лагерь. Отъ этого происходитъ то, что кантонементы превращаются въ настоящіе военные города, гдѣ каждый офицерскій домъ окруженъ бараками, занятыми многочисленной прислугой; иной кантонементъ, какъ, напримѣръ, Сикандерабадскій, раскинулся на пространствѣ 50 квадратныхъ километровъ. Со времени сипайской войны комплектованіе арміи становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ; не всегда находятъ достаточное число наемниковъ, удовлетворяющихъ требуемымъ условіямъ, и побѣги солдатъ часты: среднимъ числомъ, насчитываютъ отъ семи до восьми тысячъ случаевъ дезертированія въ годъ.

Индійская армія, какъ ни малочисленна она, могла бы быть еще гораздо болѣе уменьшена, если бы правители не имѣли надобности наблюдать за туземными государствами и имѣть войско, которое уравновѣшивало бы ихъ военныя силы; правда, эти послѣднія содержатся туземными государями почти только для того, чтобы придать болѣе блеска своимъ празднествамъ и чтобы увеличить свой престижъ въ глазахъ толпы, но все-таки нельзя игнорировать ихъ существованія, и если бы онѣ не удерживались въ бездѣйствіи превосходящими ихъ и лучше организованными силами, то тѣ, кто ими командуетъ, легко могли бы поддаться искушенію дать имъ болѣе серьезную роль. Слишкомъ 150 медіатизированныхъ государствъ, не считая Непала, имѣющихъ вмѣстѣ населеніе въ 70 милліоновъ душъ и годовой доходъ въ 400 милліоновъ франковъ, располагаютъ арміями, номинальный составъ которыхъ простирается до 300.000 людей, съ 65.000 лошадей и 5.250 артиллерійскихъ орудій. Одинъ только изъ туземныхъ государей, низамъ Гайдарабадскій, имѣетъ 37.000 пѣхоты, 8.200 кавалеріи, 724 пушки [1]). Оттого англійское правительство рѣшило ограничить на будущее время число солдатъ, содержимыхъ вассальными государями, запретить имъ введеніе въ войскѣ усовершенствованнаго оружія и регулярно инспектировать ихъ пороховые заводы и арсеналы. Оно хотѣло бы сдѣлать изъ этихъ потомковъ государей крупную земельную аристократію, въ родѣ англійскихъ лордовъ, и не пренебрегаетъ никакими заботами, чтобы воспитывать молодыхъ князей, управлять ихъ имѣніями и давать имъ политическое воспитаніе сообразно съ интересами Англіи [2]).

Въ сравненіи съ финансовымъ состояніемъ большинства европейскихъ государствъ, положеніе Индіи относительно хорошо. Одной пятнадцатой дохода достаточно для уплаты годовыхъ интересовъ государственнаго долга, тогда какъ Англія и Франція должны каждая платить по долгамъ цѣлую треть своихъ доходовъ, но, пропорціонально, жители Индіи гораздо бѣднѣе: «одинъ пенни налога,—говоритъ англійскій экономистъ Фаусетъ,—составляетъ для индуса такое же тяжелое бремя, какъ фунтъ стерлинговъ для англичанина». Распредѣленный равномѣрно между всѣми жителями, весь налогъ представляетъ только 8 франковъ, а государственный долгъ только 19 франковъ на душу населенія; но эти суммы, столь ничтожныя сами по себѣ, могутъ быть пріобрѣтаемы милліонами индусовъ лишь недѣлями и мѣсяцами труда, ибо годовая цѣнность производства Индіи, исчисляемая въ 8 или 10 милліардовъ [3]), не достигаетъ даже 40 франковъ на каждаго жителя.

[1]) „Times“ sept. 2, 1878.
[2]) Richard Temple, „India as it is“.
[3]) Hyndman, „Bankruptcy of India“, „Nineteenth Century“, 1878.

Въ индійскомъ долгѣ стоимость подавленія большаго возстанія сипаевъ исчисляется почти въ одинъ милліардъ. Послѣдняя афганская война стоила 540 милліоновъ франковъ.

Главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ служитъ поземельный налогъ, или, лучше сказать,—какъ выражаются теоретики верховнаго права государства,—доля, которую индійское правительство, преемникъ предшествовавшихъ правительствъ, предоставляетъ себѣ брать изъ годоваго дохода съ государственнаго имущества, которое ему благоугодно отдать въ оброчное пользованіе. Смотря по округамъ, эта доля уплачивается казнѣ либо, какъ въ Бенгаліи, генеральными арендаторами (*земиндарами*), которые и являются истинными владѣльцами земли, либо, какъ въ «сѣверо-западныхъ» провинціяхъ, сельскими общинами, связанными круговою порукой всѣхъ своихъ членовъ, либо, наконецъ, непосредственно земледѣльцами; послѣдняя система преобладаетъ въ президентствахъ Мадрасскомъ и Бомбейскомъ. Очень обширныя пространства земель принадлежатъ, освобожденныя отъ всякаго налога, служителямъ храмовъ и мечетей; такъ, правительство учредило косвенно бюджетъ вѣроисповѣданій. Общая сумма поземельнаго налога, «который никогда не долженъ превышать двухъ третей чистаго дохода земледѣлія»,—тогда какъ, по закону Ману, онъ составлялъ только шестую часть дохода,—простирается, среднимъ числомъ, до 550 милліоновъ франковъ, составляя около трети бюджета.

Въ 1895—96 финансовомъ году обыкновенныхъ доходовъ поступило 983.701.670 рупій; израсходовано 968.361.690 рупій. Бюджетъ на 1896—97 годъ: приходъ—976.207.000, расходъ—971.576.000 рупій.

Государственный долгъ къ 31 марта 1896 г.: консолидированный—2.176.926.600, неконсолидированный—146.463.680, всего 2.323.390.280 рупій.

Соляная монополія и налогъ на опіумъ приносятъ казнѣ сотни милліоновъ дохода. Въ 1895—96 г. первая дала 88.618.450, а второй 71.239.220 рупій валоваго дохода. Годовое потребленіе соли въ англійской Индіи превышаетъ милліонъ тоннъ. Продажа опьяняющихъ напитковъ сдается казной на откупъ.

Англо-индійское правительство не слѣдуетъ въ своей финансовой политикѣ тѣмъ же принципамъ, какъ правительство метрополіи; наслѣдникъ остъ-индской компаніи, оно сохранило нѣкоторыя торгашескія привычки послѣдней и дѣлаетъ конкурренцію коммерсантамъ, что подаетъ поводъ къ частымъ нареканіямъ со стороны купечества. Не только казна, благодаря своимъ монополіямъ, является единственнымъ въ имперіи торговцемъ солью и опіумомъ, она въ то же время владѣлица каменно-угольныхъ копей, находящихся въ сосѣдствѣ съ желѣзными дорогами Бенгаліи, и можетъ продавать минеральное топливо по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ частныя компаніи.

Англія поставила себѣ задачей, говорятъ ея государственные люди, цивилизовать индусовъ и постепенно поднять ихъ на степень свободныхъ людей; но пока, въ ожиданіи, когда исполнится это дѣло, богатая Великобританія живетъ на счетъ бѣднаго Индустана: младшіе сыновья англійской аристократіи являются паразитами своихъ подданныхъ, несчастныхъ райотовъ. Не говоря уже о милліонахъ, употребляемыхъ ежегодно на удовлетвореніе въ самой Индіи расходовъ англійскихъ правителей, на содержаніе арміи и нѣсколькихъ военныхъ кораблей, немаленькая сумма, варіирующая отъ 360 до 450 милліоновъ франковъ, посылается еще каждый годъ въ Англію, какъ причитающаяся доля на покрытіе расходовъ британскаго правительства. Съ 1857 по 1882 г. цѣлыхъ девять милліардовъ франковъ были такимъ образомъ взяты съ производства Индіи въ пользу ея завоевателей.

Но эта громадная имперія южной Азіи, обладаніе которою гораздо болѣе важно для личныхъ интересовъ богатыхъ англійскихъ семействъ, чѣмъ для торговаго благоденствія Великобританіи, останется ли политически зависимою отъ націи, относительно малой числомъ, которая живетъ на этомъ тѣсномъ островѣ, въ сѣверо-западномъ углу Европы? Ни одна историческая проблема не имѣетъ болѣе важнаго значенія. Такъ называемый «восточный вопросъ», который уже столько разъ потрясалъ міръ и который стоилъ жизни столькимъ милліонамъ людей, есть не болѣе, какъ прелюдія азіатскаго вопроса; раздѣлъ Турціи—это сущіе пустяки въ сравненіи съ раздѣломъ Стараго Свѣта.

Во-первыхъ, не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что англичане не могутъ разсчитывать, для сохраненія своего владычества, на искреннюю привязанность своихъ индійскихъ подданныхъ къ политическому режиму имперіи. Владѣя Индіей слишкомъ сто лѣтъ, они остались до сихъ поръ такими же чужеземцами, какими были въ первый день завоеванія, хотя желѣзныя дороги и пароходы сократили на девять десятыхъ разстояніе между двумя странами. Соплеменники ли они или нѣтъ, происходятъ ли или нѣтъ отъ однихъ и тѣхъ же арійскихъ предковъ, жившихъ въ Бактріанѣ или въ какой-либо другой странѣ центральной Азіи, индусы и англичане не симпатизируютъ другъ съ другомъ. Человѣческій скотъ, работающій на плантаціяхъ, не любитъ своихъ господъ, да и тѣ обыкновенно не скрываютъ своего презрѣнія къ толпѣ порабощенныхъ *нигеровъ* (чернокожихъ). По народному выраженію, «британецъ и туземецъ соединяются, какъ

масло съ водой». Извѣстно, что въ эпоху великой борьбы между англичанами и французами, послѣдніе были гораздо болѣе любимы индусами, да и теперь еще въ томъ, что осталось отъ французской Индіи, стѣна, раздѣляющая коренныхъ жителей и европейцевъ, далеко не такъ высока, такъ въ британской Индіи. Какая причина этого контраста? По мнѣнію англійскихъ писателей, вѣроятно, несправедливому, она заключается въ томъ, что французы, будто бы, имѣютъ «фатальную наклонность оріентализоваться», т. е. превращаться въ восточныхъ человѣковъ; они, яко бы, унизились до уровня индуса [1]). Какъ бы то ни было, рѣдко бываетъ, чтобы англичане давали себѣ трудъ близко ознакомиться съ толпой, которою они управляютъ съ такой выси; важнѣйшія явленія національной жизни, которая кипитъ подъ ними, часто остаются невѣдомыми или представляются имъ въ ложномъ свѣтѣ заинтересованными брамами [2]). До сихъ поръ еще не знаютъ даже истинной причины возстанія сипаевъ, которое, въ 1857 году, такъ серьезно угрожало сохраненію британскаго господства [3]). Иностранный резидентъ, окруженный своими земляками, создавшій себѣ цѣлую маленькую Англію, видитъ въ формѣ какихъ-то неясныхъ тѣней весь этотъ разноплеменный людъ, который копошится кругомъ него. Онъ не знаетъ, каковы ихъ чувства, ихъ мысли, ихъ страсти. Стоитъ ему привлечь на свою сторону тщеславныхъ *бабу*, нѣсколькихъ бомбейскихъ парсовъ, тоже чужеземцевъ, и раджей, получающихъ щедрую пенсію, и онъ воображаетъ уже, что пріобрѣлъ симпатіи націи. Но въ какомъ изъ своихъ необъятныхъ владѣній завоеватель успѣлъ примирить съ собою жителей, сдѣлать изъ нихъ англичанъ сердцемъ, если не по расѣ? А между тѣмъ, это первое условіе истиннаго политическаго соединенія. Такимъ образомъ, британское господство въ Индіи представляется шаткимъ, не потому, чтобы туземцы могли сплотиться воедино противъ чужеземныхъ завоевателей, если только режимъ кастъ не будетъ ниспровергнутъ революціей, болѣе глубокой, чѣмъ какими были буддизмъ и кабиризмъ. Индусы слишкомъ раздѣлены на непримиримые между собою классы, чтобы они могли вырости до идеи отечества и добиваться общей независимости; деспотизмъ есть режимъ, который «всего менѣе разъединяетъ» индусовъ, но они охотно перемѣнили бы господъ: перейти изъ одного рабства въ другое кажется порабощеннымъ чѣмъ-то въ родѣ свободы.

А затѣмъ, развѣ не имѣетъ каждый народъ нравственныхъ рессурсовъ, невѣдомыхъ ему самому, которые вдругъ обнаруживаются подъ вліяніемъ внѣшнихъ событій? Хотя касты почти всегда живутъ въ совершенной разобщенности, отказываясь отъ всякихъ взаимныхъ сношеній, однако, бывали случаи, когда онѣ соединялись безъ всякаго предварительнаго соглашенія. Въ 1877 году, вслѣдствіе безобразій, которыя полиція позволила себѣ въ отношеніи куліевъ, работа прекратилась точно по мановенію волшебнаго жезла на всѣхъ набережныхъ и въ портѣ Бомбея: кипучая торговая жизнь города вдругъ остановилась. Никогда въ Европѣ не видывали стачки, столь единодушной въ своихъ требованіяхъ, столь быстрой въ своихъ дѣйствіяхъ [1]). Не могутъ ли люди всякой касты, индусы и магометане, въ одинъ прекрасный день примириться и соединиться такимъ же образомъ противъ чужеземца, который господствуетъ надъ ними?

Итакъ, англичане только силой и обаяніемъ своего имени могутъ сохранять обладаніе Индіей; но требуется не только удерживать за собою страну, но еще и оберегать дорогу къ ней отъ всякаго внѣшняго нападенія; единственные опасные враги—не будущіе инсургенты, индусскіе или магометанскіе, а державы, владѣнія которыхъ окаймляютъ путь въ Индію. Въ прежнія времена, когда средства сообщенія сухимъ путемъ были затруднительны и когда все пространство, заключающееся между центральной Европой и Индустаномъ, было непроходимо для армій, даже почти заперто для торговыхъ экспедицій, дорога въ Индію шла вокругъ африканскаго континента, и борьба изъ-за первенства должна была вестись на самомъ Полуостровѣ; такъ, голландцы и португальцы оспаривали другъ у друга Индійскую имперію, а столѣтіе спустя англичане воевали съ французами изъ-за обладанія Бенгаліей и Деканомъ. Эта первая дорога по океану осталась въ рукахъ англичанъ, которые владѣютъ Мысомъ Доброй Надежды, Наталемъ, островомъ св. Маврикія и которые подъ чужимъ именемъ командуютъ въ Занзибарѣ. Но прямой путь по Средиземному морю получилъ болѣе важное значеніе, чѣмъ путь океанскій, и съ конца прошлаго столѣтія снова возгорѣлась борьба между Франціей и Англіей изъ-за покоренія Египта, промежуточнаго этапа между Западной Европой и Полуостровомъ по сю сторону Ганга. Послѣ восьмидесяти лѣтъ перипетій, вопросъ опять рѣшился въ пользу Англіи, и теперь прямой морской путь защищенъ грозными британскими твердынями, Гибралтаромъ, Мальтой, Александріей, Аденомъ.

Но самыя эти завоеванія обязываютъ Великобританію къ новымъ завоеваніямъ. Въ близкомъ будущемъ морскіе пути окажутся недостаточными и значительно утратятъ свою

---

[1]) Henry Morris, „A Descriptive Account of the Godavery district, in the presidency of Madras".

[2]) Nelson, „Prospectus of a Scientific Study of the Hindu Law".

[3]) Braddon, „Life in India".

[1]) Trant, „Fortnightly Review", vol. XXVI, 1879.

важность въ сравненіи съ желѣзными дорогами, которыя направятся по діагонали Стараго Свѣта черезъ Константинополь, Гератъ и Дели. Вотъ почему англичане наиболѣе приблизили свои гарнизоны къ сѣверо-западному углу своей Индійской имперіи, къ тому пункту, гдѣ будетъ оканчиваться этотъ магистральный желѣзный путь – вотъ почему они основали тамъ наибольшее число укрѣпленныхъ лагерей и цитаделей, каковы Фирозпуръ, Лудіана, Джалландаръ, Лагоръ, Аттокъ у перехода черезъ Индъ, Пешаверъ у входа въ дефилеи Кабулистана. Уже много разъ арміи Индіи должны были всходить на плоскогорья запада, чтобы попытаться начертать тамъ «научную границу», и англійскіе дипломаты оспариваютъ Персію у дипломатовъ русскихъ. Грядущія событія отбрасываютъ передъ собой тѣнь, и уже можно видѣть въ перспективѣ будущаго Англію, вынужденную вновь потребовать себѣ тотъ протекторатъ надъ Азіатскою Турціей, который султанъ уже согласился предоставить ей, но воспользоваться которымъ не позволила ревность европейскихъ державъ. Ей уже недостаточно будетъ съ занятаго покà поста на Кипрѣ наблюдать за сосѣднимъ морскимъ берегомъ. Не понадобится ли ей овладѣть также плоскогорьями Анатоліи, сдѣлаться, въ долинѣ Евфрата, непосредственною сосѣдкой Русской Имперіи, которая уже присоединила къ своимъ владѣніямъ истоки великой рѣки? Не поставитъ ли ее это сосѣдство въ необходимость выставить свои передовые гарнизоны внезапнымъ нападеніямъ цѣлыхъ армій, выходящихъ изъ укрѣпленныхъ лагерей Закавказья?

Но если даже Англіи удастся создать себѣ неодолимую границу на протяженіи 3.000 километровъ вдоль русскихъ владѣній, то кому принадлежитъ вся европейская часть діагонали будущихъ сообщеній между Великобританіей, Индіей и Австраліей, какъ не Германіи, Австріи, дунайскимъ наслѣдникамъ Турціи? Чтобы сохранить за собою пользованіе магистральнымъ путемъ, гордый Альбіонъ не будетъ ли вынужденъ искать себѣ опоры въ союзахъ, а союзники могутъ ли быть найдены безъ тяжелыхъ вознагражденій, которыя въ такой же мѣрѣ уменьшатъ его престижъ надъ народами Азіи? Дальновидные англійскіе дипломаты хорошо понимаютъ грозящую опасность и чувствуютъ, какъ тяжело наслѣдство, оставленное имъ остъ-индскою компаніей. «Каждый разъ, когда я слышу, — говоритъ Грантъ Дуффъ, — о кораблѣ, плавающемъ сквозь туманъ въ меляхъ Ньюфаундленда, посреди ледяныхъ горъ, мнѣ невольно приходитъ на мысль наше управленіе Индіей». Для того, чтобы Великобританія могла разсчитывать на будущее, нужно было бы, чтобы ея прогрессъ въ численности народонаселенія, въ богатствѣ, въ могуществѣ провосходилъ прогрессъ соперничающихъ съ нею государствъ, лежащихъ на будущемъ пути въ Индію. Но этого нѣтъ, какъ показала исторія послѣдняго тридцатилѣтія.

Глава III

Индо-Китай.

I.

Занимая пространство, на одну треть меньшее поверхности Передней Индіи, Полуостровъ по ту сторону Ганга, или Индо-Китай, представляетъ относительно страну почти пустынную (пространство Индо-Китая, вмѣстѣ съ Манипуромъ, Джиттагонгомъ и англійскою Барманіей: 2.175.243 квадр. километра; народонаселеніе: 40.000.000 душъ; плотность населенія: 16 жителей на квадратный километръ). Густо населенъ этотъ полуостровъ только въ нѣкоторыхъ областяхъ морскаго побережья, въ британской Барманіи, около устьевъ Менама и близъ китайской границы, въ дельтѣ Красной Рѣки. А между тѣмъ, загангская Индія нисколько не уступаетъ своей сосѣдкѣ въ плодородіи и въ естественныхъ ресcурсахъ; напротивъ, взятая въ цѣломъ, она поставлена въ болѣе благопріятныя условія относительно почвы и климата. Въ ней нѣтъ обширныхъ песчаныхъ пространствъ, представляющихъ во многихъ мѣстахъ всѣ признаки пустыни, какъ степь Таръ въ Раджастанѣ, ни вулканическихъ, покрытыхъ застывшей лавой, плато, продолжающихся на необозримое пространство, какъ нѣкоторыя части Деканскаго нагорья. Почти вездѣ земли Индо-Китая пригодны для культуры и вездѣ дожди достаточно обильны, чтобы питать растительность. Слѣдовательно, нельзя сказать, чтобы жители Индіи по ту сторону Ганга терпѣли недостатокъ въ почвѣ; напротивъ, сотни милліоновъ людей несомнѣнно

жили бы тамъ въ большемъ матеріальномъ довольствѣ, чѣмъ какимъ они пользуются на западномъ полуостровѣ. По минеральнымъ богатствамъ, имѣющимъ, впрочемъ, второстепенную важность въ сравненіи съ богатствами культуры, Индо-Китай тоже занимаетъ первое мѣсто между двумя полуостровами. Въ отношеніи удобствъ торговыхъ сношеній онъ далеко превосходитъ англійскую Индію. Берега его менѣе негостепріимны и заключаютъ, именно на полуостровѣ Малаккѣ и на Аннамскомъ побережьи, нѣсколько превосходныхъ портовъ, которые могутъ сравниться съ лучшими гаванями въ свѣтѣ; счастливое географическое положеніе страны, на углу континента, между Индійскимъ моремъ и Тихимъ океаномъ, дѣлаетъ изъ ея рынковъ естественныя пристани самыхъ оживленныхъ, наиболѣе посѣщаемыхъ морскихъ путей; наконецъ, нѣтъ трудно переходимыхъ границъ между Китаемъ и его южнымъ придаткомъ, полуостровомъ по ту сторону Ганга; по направленію съ сѣвера на югъ, сообщенія прерываются только войнами, хищническими набѣгами да таможенными кордонами. На сѣверѣ Индіи высятся громады Гималаевъ, въ видѣ почти непереходимой стѣны; напротивъ, на сѣверѣ Индо-Китая туземцамъ нужно только предоставить себя на волю теченія рѣкъ, чтобы спуститься изъ Срединной Имперіи до самаго моря.

Какъ же объяснить этотъ удивительный контрастъ, который представляютъ два полуострова Передней и Задней Индіи въ отношеніи числа жителей и важности роли въ цивилизаціи? Независимо отъ причинъ, которыя вытекаютъ изъ эволюціи самихъ населеній и о которыхъ разскажутъ будущіе историки, географическая причина замѣчательной противоположности, представляемой двумя Индіями, заключается въ расположеніи рѣчныхъ бассейновъ. Главныя рѣки Индустана, за исключеніемъ Инда, пересѣкаютъ Полуостровъ по ширинѣ, протекая отъ востока къ западу или отъ запада къ востоку, параллельно горнымъ хребтамъ Гималаевъ, Виндіа, Сатпуры. Въ Индо-Китаѣ на оборотъ: всѣ большія рѣки, Иравадди, Ситтангъ, Салуэнъ, Менамъ, Меконгъ, текутъ съ сѣвера на югъ, по направленію меридіана, и промежуточные выступы горъ и холмовъ тянутся въ томъ же направленіи. Кромѣ того, — и это фактъ капитальной важности,—вся сѣверная часть Индустана, выровненная нѣкогда водами, морскими и рѣчными, разстилается въ видѣ безпредѣльной низменности, имѣющей не менѣе 2.500 километровъ протяженія отъ запада къ востоку. Напротивъ, Индо-Китай не представляетъ въ своихъ географическихъ чертахъ ничего подобнаго этой обширной индусской равнинѣ, служившей естественнымъ театромъ великихъ движеній въ исторіи человѣчества.

До постройки дорогъ, которыя обходятъ или уничтожаютъ преграды и приводятъ въ легкое сообщеніе населенія, жившія прежде разобщенными, народы должны были слѣдовать путями, заранѣе начертанными имъ природой. Благодаря покатости почвы, люди, населяющіе Гангскій полуостровъ, могли легко перемѣщаться, оставаясь всегда подъ тѣмъ же климатомъ, не измѣняя ничего въ своемъ образѣ жизни, воздѣлывая тѣ же самые виды растеній: подвигаясь отъ востока къ западу или отъ запада къ востоку, не покидая берега рѣкъ, они постоянно проходили области, подобныя ихъ роднымъ мѣстамъ; такимъ образомъ, ихъ кругъ дѣйствія могъ постепенно расширяться все далѣе и далѣе. Въ Индо-Китаѣ, напротивъ, покатость почвы, наклоненная съ сѣвера на югъ, отъ области плоскихъ возвышенностей къ области низменностей, усиливаетъ противоположности климатовъ, сближая изотермическія линіи. Отъ высотъ Юннана къ жаркимъ долинамъ Иравадди и Меконга переходъ совершается рѣзко; общій видъ природы, растенія и животныя — все измѣняется на пространствѣ нѣсколькихъ градусовъ широты. Въ этихъ условіяхъ, сѣверныя племена, спускавшіяся вдоль большихъ рѣкъ на поиски новыхъ земель, не чувствовали въ себѣ силы бороться противъ матеріальныхъ препятствій, которыя въ ихъ собственномъ климатѣ никогда не остановили бы ихъ: лѣса, болота, ущелья — все было для нихъ преградой, и самое маленькое дикое населеніе казалось имъ грозной націей. Кромѣ того, самая форма долинъ не позволяла жителямъ развиваться въ сплоченныя группы, обладающія значительной силой расширенія: никакое великое національное единство не могло образоваться въ этихъ узкихъ и тѣсныхъ коридорахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго высокими горными хребтами. Какой контрастъ между этими параллельными бороздами индо-китайскихъ долинъ и обширной равниной Сѣверной Индіи, гдѣ полтораста милліоновъ людей могли найти себѣ достаточно мѣста, не встрѣтивъ никакого естественнаго препятствія, кромѣ лѣсовъ да выступающихъ изъ береговъ водъ, которое помѣшало бы имъ овладѣть почвой! Разъ эта равнина покрылась воздѣланными полями, деревнями и городами, цивилизація населяющихъ ее народовъ необходимо должна была распространяться, даже безъ посредства завоеванія, на всѣ сосѣднія возвышенности, между населеніями самыми разнообразными по языку и происхожденію. На Полуостровѣ по ту сторону Ганга одна только часть страны представляетъ, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, географическія черты, аналогичныя чертамъ большой поперечной равнины Сѣвернаго Индустана: это область Камбоджи, которая тянется параллельно морю, между бассейномъ Менама и бассейномъ Ме-

конга, вокругъ озера Тонле-сапъ и вдоль рѣки, изливающейся въ этотъ резервуаръ. Въ этой-то области и развивалась та хмерская цивилизація, которая имѣла свой блестящій періодъ и которая оставила отъ этой эпохи такіе замѣчательные памятники своего искусства!

Отставая исторически отъ западнаго полуострова, полуостровъ Индо-китайскій находится еще, по степени развитія своихъ цивилизованныхъ націй, въ той религіозной эволюціи, которая уже слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ пройдена индусами. Кромѣ того, весьма значительная часть народонаселенія Индо-Китая, можетъ быть, одна пятая, должна быть еще причисляема къ дикарямъ, и территорія, которую они занимаютъ, многимъ превосходитъ, по пространству, территорію, занимаемую цивилизованными народами морскаго прибрежья. Но основаніе европейскихъ колоній на окружности Полуострова влечетъ за собою быстрое измѣненіе теперешняго равновѣсія населеній, не столько вслѣдствіе введенія чуждыхъ элементовъ, сколько вслѣдствіе преобразованія элементовъ туземныхъ. Число жителей возрастаетъ, воздѣланная территорія увеличивается, живущія во внутренности страны племена мало-по-малу вовлекаются въ круги притяженія, центрами которыхъ служатъ многолюдные города морскаго берега; дороги, поднимающіяся на раздѣльные хребты между параллельными долинами рѣкъ, даютъ странѣ первостепенную выгоду, которой ей прежде недоставало,—выгоду имѣть, по направленію отъ востока къ западу, боковые распространительные пути. Кромѣ того, подготовляется большой переворотъ: съ одной стороны Англія, съ другой—Франція одновременно трудятся надъ проложеніемъ торговыхъ дорогъ отъ морскаго берега къ внутреннему Китаю. Джиттагонгъ и Манипуръ, Рангунъ, Мульмейнъ, Сайгонъ, Гайпонгъ представляютъ собою исходные пункты. откуда протягиваются нити, которыя должны современемъ встрѣтиться на берегахъ Янтсекіанга. До сихъ поръ сообщенія между Срединною имперіей и южнымъ полуостровомъ все еще затруднительны, и торговые люди, странствующіе караванами, переходятъ измѣнчивыя границы, отъ одного племени къ другому, лишь съ опасностью жизни. Но эти преграды не могутъ долго существовать; какъ только Индо-Китай, открытый на сѣверѣ, перестанетъ быть уединенною землей, онъ не преминетъ пріобрѣсти во всемірной исторіи подобающую ему важность.

II. Джиттагонгъ, Арраканъ.

Узкій западный скатъ горъ и холмовъ, раздѣляющихъ Бенгальскій заливъ и бассейнъ Иравадди, причисляется политически къ англійской Индіи и даже зависитъ, въ административномъ отношеніи, частью отъ Бенгальскаго президентства; однако, эта область во всемъ своемъ составѣ находится въ географическихъ предѣлахъ Индо-Китая. Порты Джиттагонгскаго и Арраканскаго побережья обращены, правда, къ Передней Индіи и ведутъ торговыя сношенія, главнымъ образомъ, съ Калькуттой. Лѣсистыя горы, населенныя дикими племенами, крайне затрудняютъ сообщеніе прибрежныхъ мѣстностей съ внутренностью полуострова; но это положеніе дѣлъ постепенно измѣняется къ лучшему, по мѣрѣ того, какъ расширяется поясъ воздѣланныхъ земель, какъ населяются города и дороги подвигаются все далѣе въ глубь горъ. Рано или поздно, хорошіе пути сообщенія соединятъ Акіабъ и Джиттагонгъ (Читтагонгъ) съ городами центральной Барманіи и сдѣлаютъ эти два приморскіе города рынками для произведеній верхняго бассейна Иравадди. Еще слабо населенные, эти округи поморья, между устьемъ рѣки Мегны и мысомъ Негре, принадлежатъ къ числу тѣхъ областей Англо-индійской имперіи, которыя наиболѣе быстро возрастаютъ въ численности народонаселенія и въ богатствѣ.

Индо-китайскіе округи Джиттагонгъ и Арраканъ:

	Пространство. Квадр. килом.	Населеніе въ 1872 г. жителей.	Населеніе километрическое. жителей.
Джиттагонгъ. .	24.294	1.187.099	49
Арраканъ. . .	37.621	484.273	13
Вмѣстѣ .	61.915	1.671.372	27
Вѣроятное населеніе въ 1882 г. .		2.000.000	32

На югѣ отъ массива, откуда вытекаютъ воды, впадающія, черезъ Баракъ, въ Мегну, тянутся, параллельно морскому берегу, невысокія горныя цѣпи, по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Рѣки, раздѣляющія эти горы, указываютъ своею оріентировкой форму промежуточныхъ горныхъ кряжей. Самыя высокія вершины находятся на барманской территоріи, гдѣ проходитъ водораздѣльная возвышенность; одна изъ вершинъ гребня, Мальселай-Монъ, или «Голубая гора», поднимается на 2.164 метра. Но въ англійскомъ округѣ Джиттагонгъ ни одна вершина не достигаетъ 1.000 метровъ; высшая точка, вершина Рангъ-рангъдангъ, имѣетъ только 849 метровъ высоты. Несмотря на небольшую высоту этихъ горъ, дѣвственные лѣса, покрывающіе ихъ склоны, извилистыя рѣки и болота низменностей, джунгли, населенные дикими звѣрями, дѣлаютъ эту страну одною изъ самыхъ недоступныхъ, и проходъ черезъ нее въ высшей степени труденъ. Когда смотришь съ какого-нибудь высокаго выступа горъ, то необозримое зеленѣющее пространство равнинъ и нижнихъ долинъ пред-

ставляется въ видѣ ровнаго поля, и кажется непонятнымъ, какъ могутъ путешественники встрѣчать тамъ столько препятствій. Правительство, оставившее за собою монополію эксплоатаціи этой обширной лѣсной области, извлекаетъ изъ нея, однако, небольшую выгоду; недостатокъ путей сообщенія не позволяетъ ему пользоваться драгоцѣнными лѣсами отдаленныхъ округовъ; главный доходъ доставляетъ ему охота на слоновъ, которыхъ иногда налавливаютъ больше сотни головъ въ одинъ годъ. Затруднительность путешествій помѣшала индусамъ выбрать за священную гору одну изъ вершинъ внутренней части страны. Холмъ Чандранатъ или Ситакундъ (362 метра), куда ходятъ на богомолье и гдѣ иногда собирается до десяти или двадцати тысячъ пилигримовъ, возвышается по сосѣдству съ берегомъ моря, къ сѣверу отъ Джиттагонга: смолистый источникъ, выведенный изъ земли ударомъ трезубца Сивы, придаетъ этому мѣсту особенную святость. Сосѣдніе туземцы, полудикіе буддисты, тоже спускаются съ горъ, чтобы отнести въ Чандранатъ кости своихъ родныхъ и положить ихъ возлѣ того мѣста, гдѣ, какъ гласитъ легенда, стоялъ костеръ «Мудреца».

Къ востоку отъ Арраканскаго округа, водораздѣльная цѣпь извѣстна подъ именемъ Іома, или «Становой хребетъ». Средняя высота вершинъ хребта Арраканъ-Іома превышаетъ 1.000 метровъ, а нѣкоторые изъ его пиковъ достигаютъ, говорятъ, даже 1.500 метровъ; но на югъ отъ Сандовея эта гряда съуживается и понижается; на материкѣ она оканчивается у мыса Негре, продолжаясь въ океанѣ островомъ Препарисъ, далѣе Кокосовыми островами и, наконецъ, двумя архипелагами: Андаманскимъ и Никобарскимъ. Самый важный проходъ этой цѣпи—ущелье Аэнгъ или Анъ (1.421 метръ), очень крутое съ восточной стороны; фортъ, защищавшій перевалъ, былъ взятъ англичанами въ 1853 году. Между горными породами хребта Арраканъ-Іома,— известняками и песчаниками мѣловой эпохи и третичныхъ вѣковъ,—встрѣчаются эруптивныя породы; однако, вулкановъ тамъ до сихъ поръ не найдено. Хотя прежде полагали, что на Арраканскомъ побережьи, и особенно на двухъ островахъ Чедуба и Рамри, существуютъ огнедышащія горы, но это предположеніе оказалось ошибочнымъ. Конусообразныя горы этой области—простыя сопки или грязевые вулканы. Такихъ вулкановъ насчитываютъ около тридцати въ архипелагѣ, окаймляющемъ морской берегъ на югѣ отъ Комбермирской бухты; одинъ только островъ Рамри заключаетъ въ себѣ болѣе половины этого числа, при томъ сопки его—самыя высокія, и взрывы ихъ отличаются наибольшею силой. На сѣверной оконечности острова, близъ города Кіукъ-хпіу, или «Бѣлый Камень», шесть грязевыхъ вулкановъ расположены въ рядъ на возвышеніи почвы и поднимаются метровъ на десять, опоясанные кругомъ казуаринъ, стволъ которыхъ на половину зарытъ въ глинѣ. Во время изверженій грязь выливается черезъ одну изъ трещинъ кратера, смѣшанная съ остроугольными обломками скалъ. Дожди, падающіе на скаты сопки, уносятъ, мало - по - малу, землистыя частицы и увлекаютъ ихъ къ основанію конуса; остаются только каменные обломки, придающіе цѣлому видъ горки изъ трахитовыхъ лавъ. Каждый годъ или черезъ каждые два года изверженія грязи происходятъ съ необыкновенною энергіей; камни выбрасываются изъ жерла на большія разстоянія; иногда воспламеняющіеся газы, вылетающіе изъ кратера вмѣстѣ съ иломъ и каменными обломками, загораются самопроизвольно, освѣщая, словно маякъ, островъ и его подходы; при этомъ землетрясенія колеблютъ страну. По словамъ островитянъ, самые сильные взрывы бываютъ преимущественно во время дождливаго сезона. Несмотря на появленіе пламени при этихъ взрывахъ, кратеры сопокъ на островахъ Рамри и Чедуба никогда не извергаютъ расплавленнаго огненно-жидкаго вещества, которое можно было бы сравнить съ лавой, вытекающей изъ настоящихъ вулкановъ. Правда, выбрасываемая грязь—очень горячая, но колчеданы и куски лигнита (ископаемый бурый уголь) не разлагаются отъ дѣйствія жара, развивающагося въ этихъ вулканахъ; воспламененіе газовъ, надо полагать, происходитъ отъ тренія ударяющихся другъ о друга каменныхъ глыбъ: это, вѣроятно, явленіе, аналогичное явленію молній, которыя разсѣкаютъ столбъ пепла, поднимающійся изъ Везувія [1]). Грязи сопокъ на островахъ Рамри и Чедуба находятся въ связи съ соляными источниками; кромѣ того, ключи каменнаго масла бьютъ изъ земли въ окрестностяхъ или вытекаютъ черезъ отверстія тѣхъ же конусовъ.

На пространствѣ отъ Джиттагонга до мыса Негре, гдѣ тоже встрѣчаются грязевые вулканы, такого же происхожденія, какъ и сопки на о. Рамри, морскіе берега носятъ на себѣ явные слѣды недавняго поднятія почвы. Около 1750 года, Круглый островъ (Round island), лежащій къ востоку отъ о. Чедуба, былъ приподнятъ землетрясеніемъ на нѣсколько метровъ; окружающій его старый берегъ состоитъ изъ коралловыхъ глыбъ, изъ раковинъ и изъ песка: можно подумать, что онъ только-что выступилъ изъ-подъ воды. Туземцы разсказываютъ, что во время этого событія они находили несмѣтное множество рыбы, которая вдругъ очутилась заключенною въ бассейнахъ, образовавшихся между приподнятыми рифами; тогдашній уловъ рыбы сдѣлался легендарнымъ.

---

[1]) R. Mallet, „Records of the Geological Survey of India“, 1878.

Во многихъ мѣстахъ берегъ окаймленъ, въ видѣ карниза, известковымъ песчаникомъ, содержащимъ разломанныя раковины и растительные остатки, приносимые нѣкогда волнами: эти карнизы, цементированные углекислою известью, находятся надъ уровнемъ самыхъ высокихъ приливовъ, потому ли, что какое-либо внезапное движеніе почвы, въ родѣ землетрясенія 1870 года, приподняло ихъ на теперешнюю высоту, или потому, что они постепенно повысились вслѣдствіе медленнаго поднятія почвы. Выступательное движеніе, имѣвшее мѣсто на берегахъ Арракана, опредѣляютъ въ 3 и до 7 метровъ въ отвѣсномъ

Мечеть Кутабъ близъ Дели.

направленіи: островъ Чедуба лежитъ въ центрѣ направленнаго снизу вверхъ вертикальнаго давленія; съ той и другой стороны возвышеніе береговъ надъ ихъ прежнимъ уровнемъ было менѣе значительно [1]). Грязевые вулканы тоже подняли временно свои жерла надъ уровнемъ моря въ сосѣдствѣ о. Чедуба. Въ 1762 году большое землетрясеніе поколебало почву въ окрестностяхъ Джиттагонга, при чемъ сосѣдніе берега погрузились въ море [2]).

Во всей Барманіи, или Бирманѣ, сотрясенія почвы часто повторяются, и говорятъ, что во многихъ мѣстностяхъ, между прочимъ, въ окрестностяхъ города Бамо, на верхней Иравадди, жители не обращаютъ вниманія на дрожаніе земли—до такой степени они привыкли къ этому явленію. Эти внезапныя и быстрыя колебанія почвы, такъ же, какъ медленное поднятіе Арраканскихъ береговъ, имѣютъ, можетъ быть, связь съ явленіями вулканической дѣятельности, слѣды которой находятъ въ различныхъ частяхъ страны. Такъ, во многихъ мѣстахъ, на берегахъ моря, встрѣчаются латериты эруптивнаго происхожденія; торговые города барманскаго побережья построены на почвѣ этого рода, и на мысахъ той же формаціи высится большая часть пагодъ, на которыя молятся, проходя мимо, туземные моряки [3]). Но въ то время, какъ на Полуостровѣ по сю сторону Ганга до сихъ поръ не открыли, на плоской возвышенности, кратеровъ изверженія, откуда были выбрасываемы лава и пепелъ, въ Барманіи существуетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ старый вулканъ, со всѣми характеристическими признаками горъ этого рода: это Пуппа, Паопа или Паппа-дунгъ, возвышающійся на востокѣ отъ Иравадди, на юго-востокѣ отъ Пагана. Путешественники не указываютъ въ бассейнахъ барманскихъ рѣкъ ни одного грязеваго вулкана, подобнаго сопкамъ острововъ Рамри и Чедуба, но источники воспламеняющихся газовъ встрѣчаются во множествѣ; тамъ и сямъ, когда пройдутъ лѣсные пожары джунглей, пламя, или «огни духовъ», какъ его называютъ туземцы, продолжаетъ горѣть надъ какою-нибудь разсѣлиной въ землѣ [4]). Соляные ключи обильно бьютъ изъ почвы у восточнаго основанія хребта Арраканъ-Іома, расположенные, по большей части, на линіи излома третичныхъ горныхъ породъ; наконецъ, во многихъ мѣстахъ рядомъ съ соляными водами существуютъ источники каменнаго масла (нефти); уже многіе вѣка тамошніе нефтяные колодцы доставляютъ туземцамъ освѣтительныя масла, равно какъ ингредіенты, необходимые для приготовленія смазочныхъ маслъ и лаковъ; нѣкоторые изслѣдователи пытались даже, по количеству добываемой нефти, исчислять барманское народонаселеніе [1]). Близъ Іенанъ-Гіунга, или «Зловоннаго Ручья», села въ королевской Барманіи, лежащаго на лѣвомъ берегу Иравадди, ниже Пагана, пробуравлено болѣе пятисотъ нефтяныхъ колодцевъ, имѣющихъ среднею глубины отъ 60 до 75 метровъ; но сокрытое въ нѣдрахъ земли нефтяное озеро подвержено многочисленнымъ колебаніямъ: часто источники изсякаютъ, и тогда бурятъ почву по сосѣдству, чтобы опять напасть на запасъ минеральнаго масла; полезныхъ нефтяныхъ колодцевъ насчитывается около 150. Горное масло, которое бьетъ изъ земли кипящимъ фонтаномъ, черпается ведрами и очищается въ сосѣднихъ сараяхъ; запахъ, распространяющійся въ сосѣдствѣ съ этими источниками, достаточно рѣзокъ, чтобы оправдать прозвище, данное деревнѣ [2]). Керосинъ отправляютъ отсюда даже въ Великобританію; эксплоатація этой драгоцѣнной жидкости, среднюю годовую добычу которой опредѣляютъ въ 12.000 тоннъ, не подвергается опасности быть оставленною, тогда какъ разработка барманской соли заброшена, по невозможности конкуррировать съ солью, привозимою изъ салинъ морскаго прибрежья и изъ соляныхъ копей Англіи.

Берега Джиттагонгскій и Арраканскій, выставленные всей силѣ юго-западнаго муссона, принадлежатъ къ числу мѣстностей, получающихъ наибольшее обиліе дождей: нигдѣ на этихъ берегахъ средній годовой слой выпадающей дождевой воды не бываетъ менѣе 3 метровъ, а во многихъ долинахъ, куда низвергаются облака, онъ достигаетъ или даже превышаетъ 6 метровъ (около 20 футовъ); но на восточномъ склонѣ горъ, обращенныхъ къ Иравадди, количество атмосферныхъ осадковъ гораздо меньше; вѣтры приходятъ туда уже сухіе, потерявъ влагу при проходѣ черезъ горную цѣпь или параллельныя цѣпи Джиттагонга и Арраканъ-Іома. Питаемыя сильными ливнями, рѣки, изливающіяся въ Бенгальскій заливъ, между Карнапули и мысомъ Негре, многочисленны и катятъ огромную массу воды. Благодаря направленію горныхъ хребтовъ, которые идутъ параллельно морскому берегу, нѣкоторые потоки могли получить большое протяженіе, несмотря на незначительную ширину покатости. Во всей своей верхней долинѣ они текутъ отъ сѣверо-запада къ юго-востоку или въ обратную сторону, смотря по направленію оси морскаго берега; усиленные притоками, которые текутъ параллельно имъ въ длинныхъ долинахъ и соединяются съ ними черезъ боковыя ущелья,

[1]) Halsted, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, 1841; Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India“.

[2]) Buist, „Journal of the Bombay Geographical Society“, vol. XI, „Calcutta Review“, 1876.

[3]) A. Bastian, „Ethnologische Bilder“.

[4]) Theobald, „Records of the Geological Survey of India“, vol. VI, 1873.

[1]) Crawford; Carl Ritter, „Asien“.

[2]) H. Yule, „Reports of the Mission to Ava in 1877“; Fytche, „Burma, past and present“.

онп являются уже не рѣчками, а большими рѣками, когда, наконецъ, пробиваютъ послѣднія, встрѣчающіяся на пути ихъ, преграды. Если бы эти рѣки не были отдѣлены отъ моря барами, на которыхъ глубина воды измѣняется отъ 2 до 4 метровъ, смотря по фазамъ луны, онѣ могли бы давать доступъ самымъ большимъ судамъ. Во время дождливаго сезона суда вмѣстимостью до 400 тоннъ поднимаются вверхъ по Куладанѣ (Koladyne) или Акіабской рѣкѣ на 120 километровъ отъ устья, а суда, вмѣщающія не болѣе 40 тоннъ, проникаютъ еще на 80 километровъ выше по теченію. Прибрежныя лагуны и ложныя рѣки, сплетеніе которыхъ мѣняется при каждомъ наводненіи, соединяютъ нѣсколько рѣчныхъ дельтъ, представляя внутреннему судоходству значительную сѣть каналовъ. Но въ открытомъ морѣ берега низменны и усѣяны рифами; рифы, заграждающіе частью входъ въ Комберминскую бухту, заслужили названіе «Страшныхъ».

Тунгты, или «Дѣти горъ», населяющіе возвышенныя долины и террасы горъ Джиттагонга и Арракана, раздѣляются на множество племенъ, изъ которыхъ иныя, какъ лушаи и шенду, независимы; другія, банги и панхо, не платятъ подати англичанамъ, но признаютъ ихъ верховную власть надъ собою; большинство же, типперахи, мрунги, куми, мро,—данники британскаго правительства. Начальники или старшины этихъ инородцевъ должны представлять въ казну подушную подать за всѣхъ членовъ племени; оттого-то они такъ противятся тому, чтобы англійскіе чиновники приступили къ переписи населенія ихъ деревень; они берутъ эту обязанность на себя, изъ чего надо заключить, что дѣйствительное число горцевъ значительно превышаетъ цифру ихъ, значащуюся въ оффиціальныхъ документахъ. Большіе домосѣды, почти никогда не спускающіеся изъ своихъ укрѣпленныхъ становищъ, тунгты сохранили свои старинные нравы и до сихъ поръ продолжаютъ боготворить силы природы, деревья, ручьи, горы. Окруженные уже двѣ тысячи лѣтъ буддійскими населеніями, они заимствовали отъ своихъ сосѣдей лишь практику чародѣйства. Большинство поклоняется священному бамбуку, посаженному передъ селеніемъ, и приносятъ ему кровавыя жертвы; вѣроятно, этотъ религіозный актъ того же происхожденія, какъ и церемоніи, справляемыя племенемъ коль передъ деревомъ салъ (shorea robusta); тѣ и другіе должны просить прощенія у растенія, которое они вырвали и предали пламени, чтобы засѣять свои поля хлѣбомъ [1]. Между типперахами всего дольше держались человѣческія жертвоприношенія; преданія говорятъ о тысячѣ жертвъ, приносимыхъ ежегодно въ честь бога Сивы. Одно изъ племенъ, ку, имѣло привычку подвергать своихъ плѣнниковъ пыткамъ.

[1]) Dalton, „Ethnology of Bengal".

Что касается маговъ или кіунгтовъ, т. е. «Дѣтей рѣки», которые живутъ въ различныхъ долинахъ притоковъ рѣкъ Карнапули и Куладанъ и составляютъ массу населенія Арракана, то они давно уже обращены въ буддійскую вѣру, говорятъ арраканскимъ нарѣчіемъ, и тѣ изъ нихъ, которые умѣютъ писать, употребляютъ барманскій алфавитъ, слегка видоизмѣненный; сами они называютъ себя міамъ-ма, т. е. «барманцами», и никогда не принимаютъ наименованія магъ, эпитета иностраннаго происхожденія. Прямые, мужественные, честные, они очень выгодно отличаются своими сильными нравственными качествами отъ своихъ сосѣдей бенгальцевъ [1]). Большинство маговъ, или міамъ-ма,—земледѣльцы и расчищаютъ почву подъ пашни, предавая лѣса пламени пожара. Очень многіе изъ этихъ горцевъ занимаются торговлей и смѣло пускаются въ открытое море и на заливообразное устье Мегны въ ладьяхъ, остовъ которыхъ связанъ ліанами индійскаго тростника. Сосѣди ихъ, племена чакма, цакъ или такъ въ Джиттагонгѣ, тоже исповѣдуютъ буддійскую вѣру; но, находясь въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ индусами, они мало-по-малу индіанизируются [2]).

Хами, т. е. «люди», называемые обыкновенно барманами оскорбительной кличкой квемьи, или «собачьи хвосты», за ихъ костюмъ, населяютъ, въ числѣ двадцати семи клановъ, верхнія долины Куладана и его притоковъ. Принадлежа къ той же расѣ, какъ и барманцы, и говоря языкомъ того же происхожденія, они, однако, не приняли религіи своихъ сосѣдей, жителей равнинъ, но поклоняются предкамъ, геніямъ горъ и рѣкъ, приносятъ имъ дары; двѣ главныя умилостивительныя церемоніи въ году совершаются въ эпоху посѣва и передъ жатвой. Въ юридическомъ быту хами дѣйствуетъ очень сложная и запутанная совокупность правовыхъ обычаевъ, по которой каждое преступленіе, каждый проступокъ могутъ быть искуплены либо пенями, либо рабствомъ, временнымъ или постояннымъ; по этому кодексу, женщина, разсматриваемая какъ существо безправное, не платитъ протрей и убытковъ, равно какъ и сама не можетъ получать ихъ; простая собственность, такая же, какъ скотъ, она не имѣетъ ничего, кромѣ того, что даетъ ей добрая воля отца, брата или мужа. Хижины, построенныя изъ бамбука, расположены вокругъ площади, деревенскаго форума, центръ котораго занятъ деревяннымъ сараемъ или навѣсомъ, служащимъ въ одно и то же время кузницей и постоялымъ дворомъ для путниковъ.

[1]) Laws; Holdigh; Dalton.

[2]) Lewin, „Hill tracts of Chittagong and the Dwellers therein".

Хами—искусные земледѣльцы и ведутъ дѣятельную торговлю съ населеніями равнины; акіабскій рынокъ отправляетъ заграницу каждый годъ на нѣсколько сотъ тысячъ франковъ табака, хлопка, кунжута и другихъ земледѣльческихъ произведеній, получаемыхъ изъ ихъ края.

Племена хьенгъ (хьенъ, чингъ), живущія къ востоку отъ хами, въ горахъ Арраканъ-Іома, преимущественно на южномъ склонѣ, гораздо менѣе цивилизованы и держатся особнякомъ; они говорятъ особеннымъ языкомъ барманскаго корня, котораго не понимаютъ ихъ сосѣди, хотя онъ содержитъ много хамійскихъ словъ. Эти туземцы—буддисты только въ городахъ; въ своихъ деревняхъ они поклоняются геніямъ деревьевъ, источниковъ и въ особенности духу бури. У нихъ сохранились еще слѣды матріархата или главенства женщины: послѣ свадьбы мужъ всегда идетъ жить къ своей женѣ и покидаетъ домъ тестя, чтобы основать отдѣльное хозяйство, лишь послѣ рожденія перваго или втораго ребенка. Разводъ очень легокъ; достаточно простаго желанія одного изъ супруговъ; иногда разлученіе покупается отдачей вьючнаго вола. Всѣ хьенгскія женщины прежде татуировались до совершеннаго искаженія лица. Съ трудомъ можно было различить черты подъ сѣтью линій, покрывавшихъ лицо; среди черной маски рѣзко выдѣлялся ярко красный цвѣтъ губъ и деснъ, попорченныхъ бетелемъ; по словамъ легенды, отцы и мужья, будто бы, нарочно такъ обезображивали ихъ, чтобы положить конецъ умыканіямъ, которыя нѣкогда лишали націю почти всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, въ пользу одного племени похитителей [1]). Но этотъ обычай быстро исчезаетъ, благодаря тому, что хьенги теперь находятся въ частыхъ сношеніяхъ съ цивилизованными жителями равнины, которымъ они сбываютъ продукты своего звѣроловства, земледѣлія и промышленности, желѣзную руду, медъ, слоновьи бивни и ткани. У другихъ народцевъ водораздѣльныхъ горныхъ цѣпей Джиттагонга и Арракана татуированіе встрѣчается только какъ исключительный случай. Изъ всѣхъ этихъ племенъ наименѣе цивилизованное—племя мро, обитающее на югѣ отъ хами, въ самыхъ недоступныхъ долинахъ. Пугливые, постоянно на-сторожѣ, мро еще недавно жили въ настоящихъ гнѣздахъ на большихъ деревьяхъ. Хами и другіе горцы, которымъ нужно защищать себя только отъ дикихъ звѣрей, ограничиваются тѣмъ, что ставятъ свои хижины на сваяхъ, на высотѣ одного или двухъ метровъ отъ земли; мро же, которые должны были опасаться также нападенія охотниковъ за людьми, чувствовали себя въ безопасности только на высокихъ деревьяхъ; взобравшись въ свою воздушную хижину, они тотчасъ же убирали подставляемую къ дереву бамбуковую лѣстницу.

¹) Dalton, „Ethnology of Bengal"; Ch. Alexander Gordon, „Our Trip to Burmah".

Преданія связываютъ жителей морскаго прибрежья съ населеніями Передней Азіи. Даже до буддійскаго періода индусское вліяніе было преобладающимъ на восточныхъ берегахъ Бенгальскаго залива. Прибрежные жители приняли буддійскую вѣру, затѣмъ нѣкоторое число ихъ вернулось къ браманству, а съ девятаго столѣтія магометане, проникнувъ въ страну, распространили тамъ ученіе своего пророка; однако, большинство послѣдователей ислама въ Джиттагонгѣ и Арраканѣ—потомки невольниковъ, привезенныхъ въ край государями. Такъ же, какъ и другіе жители, они говорятъ арраканскимъ нарѣчіемъ. Въ прошломъ столѣтіи барманцы, перейдя хребетъ Арраканъ-Іома, овладѣли страной, но только для того, чтобы ввести тамъ режимъ угнетенія и хищничества: когда они вынуждены были, въ 1826 году, уйти назадъ за горы и предоставить край англичанамъ, прибрежныя мѣстности представляли почти безлюдныя пустыни. Теперь населеніе быстро возростаетъ; иммигранты изъ Индіи приходятъ толпой, и китайцы поселяются въ городахъ маленькими колоніями. Между индусами вербуются даже служители буддійскихъ храмовъ, такъ какъ арраканцы и барманцы выбираютъ для службы въ пагодахъ предпочтительно людей, исключенныхъ изъ всякой касты, каковы, напримѣръ, члены племени домъ. Скрещеніе расъ дѣлается преимущественно магометанами, которые охотно берутъ себѣ въ жены арраканокъ или дѣвушекъ туземныхъ племенъ, тогда какъ индусы, удерживаемые узами касты, стараются сохранить чистоту крови. Въ цѣломъ, населеніе, въ одно и то же время барманское и индусское по происхожденію, по исторіи и по цивилизаціи, представляетъ смѣсь двухъ типовъ въ чертахъ и въ физіономіи; лица не имѣютъ ни лукавства индуса, ни простодушія барманца.

Городъ Джиттагонгъ (Читтагонгъ), или Сунтаграмъ, Исламабадъ мусульманъ, которые составляютъ большинство населенія, лежитъ не на берегу моря; это—собраніе деревень, верфей, базаровъ, рощицъ и садовъ, которое тянется на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ вдоль праваго берега рѣки Карнапули, осѣненнаго деревьями; европейскіе дома разсѣяны на холмахъ къ сѣверу отъ города. Во времена португальцевъ Джиттагонгъ, носившій тогда имя Порто-Гранде (Большой портъ), велъ значительную торговлю, которая впослѣдствіи перешла къ портамъ рѣки Хугли; но съ половины настоящаго столѣтія онъ снова занимаетъ мѣсто между большими торговыми городами; хотя расположенный внѣ лимана Брахмапутры,

онъ, тѣмъ не менѣе, сдѣлался главнымъ складочнымъ пунктомъ внѣшней торговли для бассейна этой могучей рѣки, съ которымъ его соединяетъ судоходный каналъ; въ скоромъ времени желѣзная дорога должна связать Джиттагонгъ съ сѣтью желѣзныхъ путей Бенгаліи. Движеніе иностранной навигаціи въ джиттагонгскомъ портѣ въ теченіе фискальнаго 1874—1875 года: 435 судовъ, вмѣстимостью въ 170.164 тонны. Тысячи иммигрантовъ постоянно заняты въ верфяхъ и на складахъ; къ несчастью, городъ, окруженный болотами, есть одинъ изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстъ на этомъ берегу, и портъ его загражденъ баромъ, черезъ который большія суда могутъ переходить только въ часы прилива. По склонамъ горъ, возвышающихся къ востоку отъ Джиттагонга, именно въ сосѣдствѣ Бандарбана, тянутся обширныя плантаціи чайнаго деревца. Недавно въ этой странѣ найденъ новый видъ носорога, съ двумя рогами, *lasiotis*, названнаго такъ по причинѣ длинной шерсти, которою опушены его уши.

Къ югу отъ Джиттагонга, другой портъ, носящій англійское[1] имя Коксовъ Базаръ (Cox's Bazar), расположенъ у южнаго входа въ лиманъ, отдѣляющій островъ Маскаль отъ материка. При устьѣ каждой рѣки выстроились торговыя пристани, а важнѣйшій торговый городъ поморья, Акіабъ, занимаетъ мѣсто, къ которому сходятся самые многочисленные судоходные пути. Онъ не только находится при устьѣ большой рѣки Куладанъ, но посредствомъ лагунъ дельты и проливовъ сосѣдняго архипелага сообщается почти со всѣми городами Арракана; когда колесныя дороги пройдутъ черезъ хребетъ Іоми и когда верхняя Барманія не будетъ болѣе изолирована таможеннымъ кордономъ, безъ всякаго сомнѣнія, Акіабъ или какой-либо другой сосѣдній портъ сдѣлается рынкомъ Мандалая и Авы, потому что ниже этихъ столицъ Иравадди слѣдуетъ направленію съ северо-востока на юго-западъ, и когда рѣка поворачиваетъ окончательно къ югу, она отстоитъ отъ западнаго берега залива не болѣе, какъ на 150 километровъ по прямой линіи; черезъ это мѣсто и должны будутъ проходить путешественники и товары, чтобы избѣжать огромнаго обхода въ 1.000 километровъ черезъ дельту Иравадди и мысъ Негре. Главнымъ рынкомъ нижняго Куладана прежде былъ городъ Арраканъ, носящій теперь названіе Мрогунгъ, что значитъ «Старый городъ». Когда англичане овладѣли имъ, въ 1826 году, оставленное ими тамъ войско было почти все истреблено болотными лихорадками. Тогда поспѣшили выбрать другое мѣсто для резиденціи правительства и перевели ее на 80 километровъ ниже по теченію Куладана, близко къ устью, гдѣ уже находилась маленькая рыбачья деревушка племени маговъ. Акіабъ, который почти весь былъ построенъ галерниками, скоро сдѣлался городомъ большой торговли, особенно по экспорту риса; въ то же время онъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для минеральнаго масла, добываемаго на островѣ Рамри. Движеніе судоходства въ Акіабскомъ портѣ въ 1875 году: въ приходѣ и отходѣ 1.170 судовъ, имѣвшихъ общую вмѣстимость 388.950 тоннъ. Цѣнность торговыхъ оборотовъ въ фискальномъ 1876—1877 году 34.583.650 франковъ.

Другіе порты южнаго поморья, Кіукъ-хпіу, на островѣ Рамри, и Сандовей (Тандвай), на континентѣ—маловажныя мѣстечки.

Главные города морскаго берега, между Брахмапутрой и мысомъ Негре:

Джиттагонгъ—24.000 жит.; Акіабъ—34.000; Коксовъ-Базаръ — 4.300; Мрогунгъ (Арраканъ)—3.000 жит.

III. Острова Андаманскіе и Никобарскіе.

Эта длинная цѣпь островов въ формѣ полумѣсяца, начинающаяся островкомъ Препарисъ и оканчивающаяся въ 900 слишкомъ километрахъ къ югу островомъ Большой Никобаръ, составляетъ продолженіе хребта Арраканъ-Іома. Горныя породы островныхъ горъ принадлежатъ къ тѣмъ же формаціямъ, какъ и породы континентальной цѣпи, направленіе хребтовъ то же самое, и подводныя долины, открывающіяся съ правой и съ лѣвой стороны Андаманскихъ и Никобарскихъ островов, ограничиваютъ цоколь, частью погруженный въ море, который поддерживаетъ эти острова, соединяясь съ мысомъ Негре. На сѣверѣ Андаманскихъ островов, порогъ, который раздѣляетъ заливы Бенгальскій и Мартабанскій, достигающіе тотъ и другой слишкомъ 2.000 метровъ глубины, имѣетъ только 275 метровъ въ самомъ впаломъ мѣстѣ, и неглубокія пространства, мели, рифы, островки слѣдуютъ непрерывнымъ рядомъ съ сѣвера на югъ по гребню погруженнаго въ море перешейка. Гряда Андаманскихъ и Никобарскихъ островов составляетъ, очевидно, часть орографической системы всего Индо-Китая. Загибаясь къ юго-востоку, цѣпь Никобарскихъ островов сообразуется съ общимъ расположеніемъ Полуострова по ту сторону Ганга, какъ оно указано направленіемъ горныхъ осей, главныхъ рѣчныхъ долинъ и полуострова Малакки. Островъ Суматра орьентированъ въ параллельномъ направленіи, такъ же, какъ Ніасъ и сосѣднія земли, продолжающія на юго-востокѣ Никобарскій архипелагъ. Андаманскіе и Никобарскіе острова, хотя принадлежащіе географически къ Индо-Китаю, причислены, въ административномъ отношеніи, къ Калькуттѣ, какъ области барманскаго поморья. Впрочемъ, они принадлежатъ къ числу наиме-

нѣе утилизизируемыхъ владѣній Англо-индійской имперіи.

Пространство и населеніе архипелаговъ:

Андаманскій—6.497 кв. кил., 22.000 жит.; Никобарскій—1.772 кв. кил., 7.000 жит.

Андаманскіе острова, вѣроятно, были извѣстны уже древнимъ; по мнѣнію Юля, острова *Агату Даймонось*, или «Добраго Демона», могли быть такъ названы просто благодаря игрѣ словъ, примѣры которой такъ обыкновенны въ номеклатурѣ мѣстъ; что касается имени острововъ Барусскихъ, которымъ Птоломей означаетъ островную группу крайняго Востока, то полагаютъ, что въ немъ можно признать Ланка-балусъ, наименованіе, которое первые арабскіе мореплаватели давали Никобарскимъ островамъ [1]). Арабскіе мореплаватели девятаго столѣтія, разсказы которыхъ были переведены Ренодо и Рено, суть первые, которые упоминаютъ неоспоримо объ Андаманскихъ островахъ и даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ ихъ географическомъ положеніи и обитателяхъ. Марко-Поло упоминаетъ о нихъ подъ именемъ Ангаманайнъ,—арабская форма, которой приписываютъ смыслъ «Два Ангамана». Репутація людоѣдовъ, приписанная туземцамъ, и недостатокъ картъ, которыя могли бы служить путеводителями морякамъ въ этихъ моряхъ, усѣянныхъ рифами и часто посѣщаемыхъ малайскими пиратами, долго заставляли мореплавателей обходить эти острова; изслѣдованіе архипелага началось лишь въ концѣ прошлаго столѣтія, со времени основанія колоніи въ одномъ изъ портовъ восточнаго берега.

Островъ Препарисъ и два островка, называемые Кокосовыми (по-англійски *Coco Islands*), которые составляютъ часть соединительнаго порога между Андаманскимъ архипелагомъ и барманскимъ берегомъ,—не болѣе, какъ скалы, едва выступающія изъ-подъ воды; но совокупность земель, которой иногда даютъ имя Большаго Андамана, представляетъ плоскогорье, длиной слишкомъ въ 250 километровъ, при средней ширинѣ отъ 25 до 30 километровъ; три извилистыхъ и неглубокихъ пролива разрѣзываютъ эту землю на четыре главные отрывка, вокругъ которыхъ группируются нѣсколько островковъ; только двумя изъ этихъ морскихъ каналовъ корабли могутъ проходить изъ Бенгальскаго въ Мартабанскій заливъ. На Большомъ Андаманѣ цѣпь холмовъ тянется отъ одного конца острова до другаго, поднимая свои гребни на нѣсколько сотъ метровъ: одна изъ вершинъ, Сѣдлообразный Пикъ (Saddle-peak), на сѣверномъ островѣ, имѣетъ 900 метровъ высоты; другая, на южной оконечности цѣпи, возвышается на 420 метровъ. Отъ верхушки до основанія холмы сплошь покрыты лѣсами, гдѣ мореплаватели не примѣчаютъ ни одной прогалины. До высоты 50 метровъ деревья и ліаны образуютъ почти непроницаемую массу растительности, куда звѣри такъ же не отваживаются пробраться, какъ и люди; но натуралисты задаютъ себѣ вопросъ, не будучи въ состояніи рѣшить его: почему кокосовыя пальмы, растущія въ такомъ множествѣ въ Никобарскомъ архипелагѣ и на двухъ островкахъ, которымъ онѣ сообщили свои имя, не встрѣчаются нигдѣ въ дикомъ видѣ на берегахъ Андаманскихъ острововъ или на островкѣ Препарисъ? А между тѣмъ, эти деревья съ полнымъ успѣхомъ разведены въ плантаціяхъ около Портъ-Блера [1]).

Животныя формы своею малочисленностью составляютъ рѣзкій контрастъ съ растительными видами. Въ то время, какъ пальмы и бананы, древовидные молочаи, эбеновое и желѣзное дерево и большинство древесныхъ породъ континентальной Индіи тѣснятся въ громадномъ лѣсу Большаго Андамана, единственныя дикія млекопитающія, живущія среди этой могучей растительности,—это, во-первыхъ, одинъ видъ кабана, на котораго охотятся туземцы, затѣмъ летучія мыши, крысы, дикая кошка, бѣлка да еще ихневмоны или мангусты, которые наносятъ большой вредъ плантаціямъ [2]). Пресмыкающіяся гораздо менѣе многочисленны, нежели на сосѣднемъ материкѣ, и рѣдко когда увидишь птицъ, летающихъ надъ лѣсами или въ болотахъ поморья, осѣненныхъ корнепусками. Что касается рыбы, то она во множествѣ населяетъ бухты и бухточки, а въ сосѣдствѣ береговъ образуются коралловыя мели. Нѣсколько атолловъ, впрочемъ, гораздо менѣе правильныхъ, чѣмъ атоллы Малдивскихъ острововъ, поднимаются надъ поверхностью моря на западной сторонѣ Большаго Андамана. Этотъ западный берегъ, о который съ страшною силой разбиваются морскія волны, гонимыя юго-западнымъ муссономъ, опаснѣе восточнаго, и мореплаватели стараются избѣгать его. На восточной сторонѣ находятся два главные порта архипелага: портъ Корнваллисъ, на сѣверномъ островѣ, и портъ Блеръ, на южномъ. Этотъ послѣдній есть одна изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ гаваней Индійскаго океана, и положеніе его между Калькуттой и Сингапуромъ указываетъ на него, какъ на естественное сборное мѣсто флотовъ.

Малый Андаманъ, отдѣленный отъ Большаго порогомъ около 45 километровъ шириною, имѣетъ треугольную форму, менѣе высокъ, чѣмъ сѣверные острова, но состоитъ изъ тѣхъ же горныхъ породъ и покрытъ такою же густою растительностью. Онъ заканчиваетъ собою архипелагъ на югѣ; но на востокѣ два островка,

---

[1]) H. Yule, „Encyclopaedia Britannica"; Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde".

[1]) V. Ball, „Jungle Life in India".

[2]) V. Ball, цитированное сочиненіе.

поднимающіеся изъ морскихъ пучинъ, имѣющихъ нѣсколько сотъ метровъ глубины, могутъ быть разсматриваемы какъ принадлежащіе къ группѣ Андаманскихъ: это два вулкана—о. Наркондамъ и о. Барренъ-Айлендъ, или «Безплодный Островъ». Три конуса Наркондама, изъ которыхъ самый высокій поднимается на 800 метровъ, сплошь покрыты лѣсами; на эти горы еще никто не всходилъ, тогда какъ вулканъ о. Барренъ-Айлендъ, имѣющій около 300 метровъ высоты и не менѣе 10 километровъ въ окружности основанія, былъ часто посѣщаемъ. Кратеръ его, посрединѣ котораго выдвинулся второстепенный конусообразный холмъ, съ отверстіемъ или каналомъ внутри, въ родѣ печной трубы, имѣетъ, съ одной стороны, проломъ, доходящій почти до уровня моря; очевидно, когда-то изверженіе лавы и пепла разломало боковую стѣну вулкана послѣ того, какъ сбросило всю его верхнюю часть. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ настоящаго огнедышащая гора Безплоднаго острова освѣщала, какъ маякъ, вóды залива [1]); теперь она пребываетъ въ состояніи покоя, такъ же, какъ и вулканъ острова Наркондама, изверженія котораго не случалось видѣть ни одному путешественнику. Въ то время, какъ выступившіе изъ-подъ воды плоскіе берега свидѣтельствуютъ о поднятіи Арраканскаго побережья и Никобарскихъ островов, Андаманскіе острова, лежащіе между этими двумя областями повышенія почвы, кажется, составляютъ площадь пониженія, потому что во многихъ мѣстахъ береговой полосы найдены остатки поглощенныхъ моремъ лѣсовъ, состоящихъ изъ корнепусковъ, а также изъ деревъ, растущихъ всегда на земляхъ, совершенно выступившихъ изъ-подъ воды. Но это, можетъ быть, мѣстныя явленія, и на многихъ сосѣднихъ берегахъ размыванія могутъ быть производимы дѣйствіемъ теченій: на западной сторонѣ нѣкоторыя раковинныя мели были, повидимому, приподняты [2]).

Немногочисленные обитатели архипелага, андаманцы или минкопы, раздѣляются на множество дикихъ племенъ, которыя, пользуясь дурной славой жестокости, долгое время отдаляли отъ этой островной группы всѣхъ изслѣдователей. Тѣмъ не менѣе, эти народцы принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые наиболѣе интересуютъ антропологовъ, по причинѣ изолированности, въ которой они жили, и тѣхъ особенностей, которыми они отличаются. Ихъ обыкновенно причисляютъ къ «пеласгійскимъ неграмъ» или «негритосамъ», встрѣчающимся на различныхъ островахъ Малазіи [3]); однако, они ни мало не походятъ на настоящихъ негровъ, исключая цвѣта кожи: лобъ у нихъ широкій и выпуклый, носъ выдающійся или даже орлиный, губы не очень толстыя; по словамъ большинства посѣтившихъ ихъ англійскихъ путешественниковъ, волоса у нихъ не курчавые, а только раздѣлены на маленькія космы; впрочемъ, убѣдиться въ этомъ трудно, такъ какъ большинство андаманцевъ имѣетъ привычку тщательно выбривать себѣ голову съ помощью острыхъ раковинъ или кусковъ стекла; они оставляютъ только косу въ родѣ гребня, всегда подрѣзанную очень низко и занимающую середину черепа, между лбомъ и затылкомъ [1]). Хотя на островитянъ Андаманскаго архипелага иногда указывали, какъ на людей, отличающихся, во всей совокупности своего племени, совершеннымъ тожествомъ типа, однако, они далеко не представляютъ одной и той же формы черепа: одни изъ нихъ принадлежатъ къ длинноголовымъ (долихоцефалы), тогда какъ другіе причисляются къ короткоголовымъ (брахицефалы) [2]); нужно, однако, замѣтить, что по этому вопросу краніологи сдѣлали не мало ошибокъ, благодаря тому обстоятельству, что подъ именемъ череповъ минкоповъ въ Европу нерѣдко присылались черепа уголовныхъ преступниковъ, содержавшихся въ пенитенціарной тюрьмѣ андаманскаго города Портъ-Блеръ [3]). Но всѣ писатели единогласно называютъ андаманцевъ малорослыми; ни одинъ изъ видѣнныхъ путешественниками индивидуумовъ этого племени не былъ выше 1,60 метра (2 аршина 4 вершка); средняя величина роста варьируетъ отъ 1,45 до 1,52 метра [4]); можно встрѣтить даже цѣлыя семейства, въ которыхъ ни одинъ изъ членовъ не достигаетъ 1,40 метра [5]). Впрочемъ, несмотря на свой маленькій ростъ, минкопы хорошо сложены и очень стройны.

По словамъ Мэна и Темпля, нарѣчія андаманскихъ племенъ, до такой степени различающіяся одно отъ другаго, что островитяне сѣвера не понимаютъ островитянъ юга, близко подходятъ по синтаксису къ дравидійскимъ идіомамъ; Латамъ считаетъ ихъ родственными барманскимъ языкамъ. Впрочемъ, эти туземные говоры чрезвычайно бѣдны; они даже не имѣютъ словъ для выраженія чиселъ и уже усвоили себѣ множество терминовъ англійскихъ и изъ діалекта индустани. Часто андаманцы, какъ и большинство дикарей, отвѣчаютъ вопрошающему, повторяя предложенный имъ вопросъ; принимая это повтореніе вопроса за от-

[1]) Blair, „Asiatic Researches“, 1795.

[2]) Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India“.

[3]) Pritchard, „Natural History of Man“; De Quatrefages, „Revue d'Anthropologie“, tome I, 1872; Topinard, „Anthropologie“.

[1]) Fytche, „Transactions of the Ethnological Society“ vol. V.

[2]) Busk, тотъ же сборникъ, томъ IV.

[3]) Francis Day, „Proceedings of the Asiatic Society“. june 1870.

[4]) Mouat; Saint-John; Smith; Dobson; Lane Fox.

[5]) Tytler; Verreaux, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, 1866.

вѣтъ, путешественники нерѣдко впадали въ ошибки, дѣлали невѣрныя заключенія и вслѣдствіе того несправедливо обвиняли своихъ собесѣдниковъ во лжи.

Андаманцы, по крайней мѣрѣ мужчины, носятъ одежду только въ сосѣдствѣ европейскихъ поселеній; во многихъ деревняхъ, колонисты даютъ имъ на время пребыванія костюмъ, который они напяливаютъ на себя, не протестуя, но съ радостью возвращаютъ его при отъѣздѣ; они очень жалѣютъ англичанъ, когда видятъ ихъ входящими въ джунгль въ одеждѣ, въ которую заползаютъ тысячи насѣкомыхъ. Но, хотя и голые, андаманцы очень заботятся о своемъ тѣлѣ. Къ украшеніямъ татуировки они прибавляютъ еще живопись, т. е. разрисовываютъ себя красками; по вечерамъ, они окрашиваютъ себѣ тѣло красноватой охрой, которую извлекаютъ изъ теплыхъ минеральныхъ ключей; они употребляютъ также, для приданія большей красы своей наружности, желтоватую грязь, къ которой примѣшиваютъ какія-нибудь жирныя вещества, напримѣръ, черепашье масло: такъ они защищаютъ себя отъ нападеній москитовъ и другихъ насѣкомыхъ-мучителей; пластыри изъ грязи служатъ также для леченія болѣзней[1]). Подобно нѣкоторымъ дикарямъ Австраліи, минкопы свидѣтельствуютъ о своемъ траурѣ, разрисовывая себѣ физіономію символическими знаками; точно также они и покойнику раскрашиваютъ все лицо, въ знакъ уваженія. Когда мясо похороненнаго трупа сгніетъ, кости вынимаютъ изъ могилы и сохраняютъ на память о покойникѣ. Обыкновенно, вдова носитъ привязанный черезъ плечо черепъ мужа и употребляетъ его какъ ящичекъ, храня въ немъ свои самыя драгоцѣнныя вещи.

Хижины андаманцевъ едва заслуживаютъ этого имени: это простые шалаши изъ пальмовыхъ листьевъ; часто туземцы довольствуются, для своего крова, большими деревьями или углубленіями скалъ. Вокругъ ихъ становищъ мало-по-малу накопляются кости животныхъ, остатки рыбы, раковины; когда вонь дѣлается слишкомъ невыносимою, отправляются искать новаго мѣста; нѣсколько часовъ достаточно, чтобы основать новую деревню. Вообще говоря, минкопы селятся на берегу моря; однако, они бродятъ также во внутреннихъ областяхъ, и даже одному изъ племенъ не дозволяется его болѣе могущественными сосѣдями спускаться къ морскимъ берегамъ. Хотя кочевники, андаманцы очень дорожатъ своими традиціонными правами надъ лѣсами и берегами моря, и та или иная чаща та или иная скала зелени слыветъ у нихъ символомъ собственности. Почти возлѣ каждаго становища выбирается большое дерево, хорошо защищенное отъ вѣтра, какъ «дерево огня»: жаръ, медленно горящій въ дуплѣ ствола и покрывающійся золой, служитъ имъ для поддержанія огня и для варки или печенья кушанья[1]). Андаманцы совершенно незнакомы съ искусствомъ воздѣлыванія почвы, но какъ звѣроловы и рыболовы они отличаются замѣчательнымъ умѣньемъ и ловкостью; ихъ мѣткія стрѣлы всегда безъ промаха попадаютъ въ птицу или въ кабана; маневрируя въ своихъ челнокахъ, они обгоняютъ гички лучшихъ англійскихъ гребцовъ. На *аутригерахъ* (ourtiggers), или суденышкахъ, управляемыхъ съ помощью длиннаго шеста, въ родѣ цейлонскихъ, они смѣло пускаются въ открытое море, верстъ за сто отъ берега.

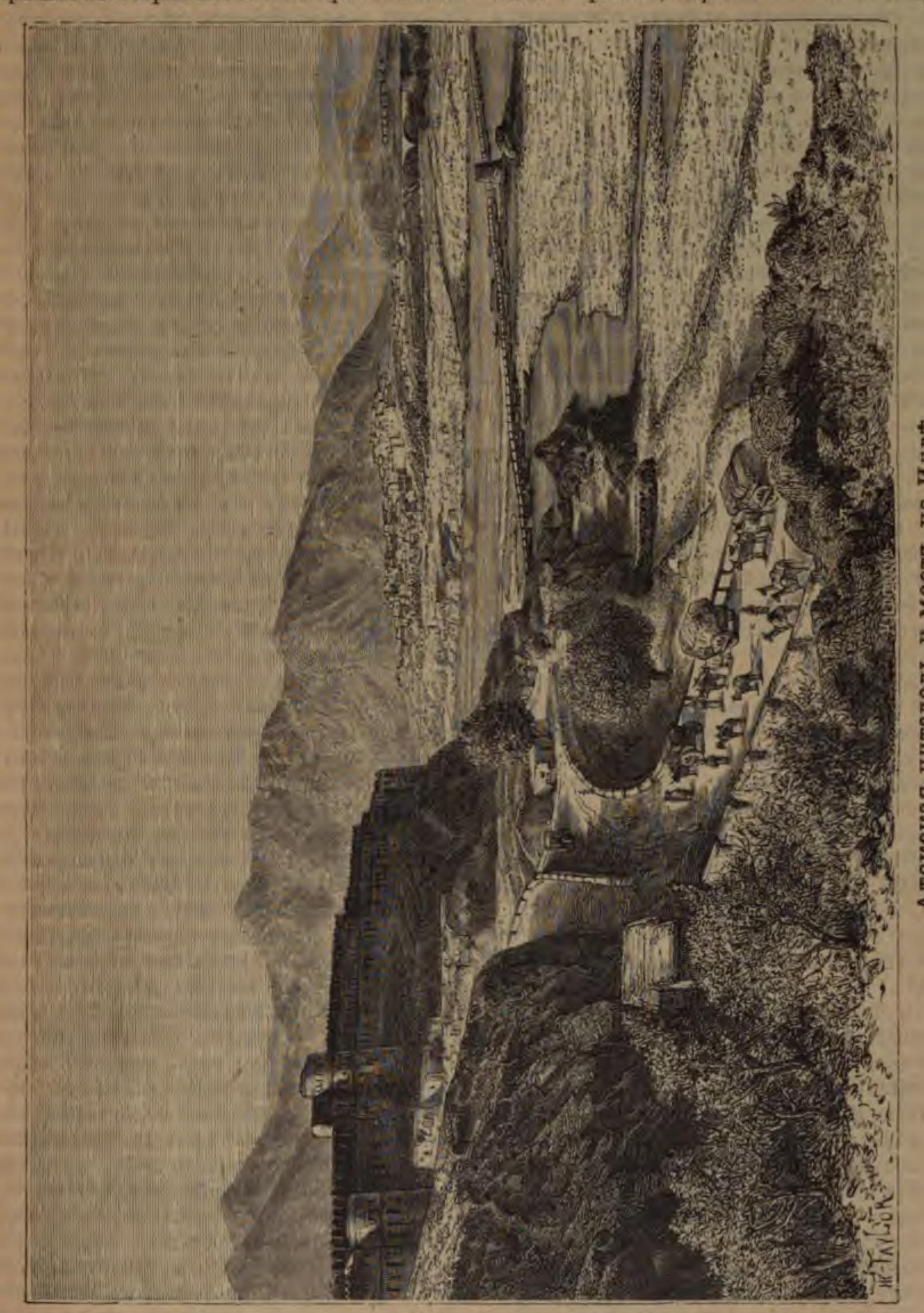
Прежніе мореплаватели ославили андаманцевъ свирѣпыми дикарями и создали имъ дурную репутацію, которой они ни мало не заслуживаютъ. Эти островитяне вовсе не людоѣды, какъ о нихъ разсказывали прежде; но они очень обидчивы, вспыльчивы и мстительны. Точно дѣти, повинующіяся впечатлѣнію минуты, они, подъ вліяніемъ вспышки гнѣва, совершаютъ внезапныя насилія, но очень мало нужно для того, чтобы успокоить ихъ: достаточно добраго слова, чтобы разнять двухъ дерущихся противниковъ, которые готовы были убить другъ друга и которые вскорѣ послѣ того бросаются со слезами въ объятія одинъ другому. Вообще, на всемъ свѣтѣ нѣтъ людей, у которыхъ слёзныя железки были бы болѣе дѣятельны, чѣмъ у андаманцевъ. Когда два племени встрѣчаются, женщины начинаютъ плакать, и вскорѣ мужчины принимаются вторить имъ; иногда этотъ плачъ продолжается по цѣлымъ днямъ; пѣсни и пляски слѣдуютъ лишь за сценами проливанія слезъ[2]); но стоитъ только одному изъ плачущихъ испытать какую-нибудь маленькую непріятность,—и ссора возгорается. Даже именно во избѣжаніе этихъ ссоръ и дракъ, племена подраздѣляются на многочисленныя группы; рѣдко можно встрѣтить въ одномъ становищѣ больше тридцати человѣкъ. Строгіе единобрачники, андаманцы, вообще говоря, очень благоволятъ къ своимъ женамъ и оказываютъ безпредѣльную любовь къ своимъ дѣтямъ: какъ только совершился актъ родовъ,—передъ собравшимися семействами, какъ того требуетъ обычай,—новорожденный переходитъ съ рукъ на руки, и каждый изъ присутствующихъ осыпаетъ его ласками. Дѣтямъ позволяется удовлетворять всѣ свои капризы, но когда, по достиженіи совершеннолѣтія, они приготовляются ко вступленію въ бракъ, ихъ подвергаютъ разнымъ испытаніямъ, въ особенности лишенію любимой пищи, для того, чтобы сфор-

[1]) J. Jagor, „Berliner Zeitschrift für Ethnologie“.

[1]) Mouat, „The Andaman Islanders“.

[2]) Francis Day, „Proceedings of the Asiatic Society“, june 1870.

мировать ихъ характеръ до основанія новой семьи. Съ того времени, какъ туземцы вступили въ сношенія съ европейцами, они, кажется, утратили нѣкоторыя изъ своихъ примитивныхъ качествъ, хотя не научились почти ничему полезному. По свидѣтельству Френсиса Дэ, число ихъ быстро уменьшается; смертность на дѣтяхъ очень велика, и рѣдко увидишь больше двухъ ребятъ въ одной семьѣ; лишь немногіе изъ островитянъ переходятъ за сорокалѣтній возрастъ; болѣзни, отъ которыхъ страдаютъ европейцы подъ сырымъ климатомъ Андаманскихъ острововъ, поражаютъ также и туземцевъ. Всѣ вмѣстѣ, девять племенъ минкоповъ составляютъ не болѣе 5.000 душъ. Главное племя, то, которое владѣетъ почти всѣмъ южнымъ островомъ, называется богингигиди; на этомъ островѣ есть нѣсколько метисовъ, помѣ-



Атокская цитадель и мостъ на Индѣ.

сей различныхъ расъ, представленныхъ въ пенитенціарной тюрьмѣ Портъ-Блера.

Первыя карательныя колоніи были основаны на сѣверномъ островѣ, въ 1791 и 1793 годахъ; эта послѣдняя—на берегу обширнаго и прекраснаго порта Корнваллійскаго; но крайне нездоровый климатъ этой гавани, окаймленной корнепусками на большей части ея окружности, заставилъ покинуть это поселеніе. Новые пенитенціаріи, построенные послѣ подавленія сипайскаго мятежа, находятся на небольшомъ островѣ Россъ, при входѣ въ портъ Блеръ, и на южномъ островѣ, близъ мѣстечка Гоптаунъ. Уголовные преступники, признаваемые наиболѣе опасными, заключены на островѣ Ехидны. Большинство 8.000 ссыльныхъ живутъ на свободѣ и занимаются рыболовствомъ и хлѣбопашествомъ въ окрестностяхъ Портъ-Блера, и на другой сторонѣ острова, около порта Муатъ; что касается осужденныхъ на каторгу, то ихъ употребляютъ на работы по постройкѣ зданій и дорогъ, а также по расчисткѣ джунглей для тропическихъ культуръ. Смертность ссыльныхъ, прежде доходившая до 125 на 1.000 въ годъ, теперь не превышаетъ смертности въ самыхъ здоровыхъ мѣстностяхъ Индіи. Даже въ полной неволѣ, индусы дѣлятся на строго разграниченныя касты и энергически отказываются ѣсть и работать вмѣстѣ.

Никобарскіе острова не представляютъ въ своемъ расположеніи такой правильности, какою отличаются острова Андаманскіе. Направляя свою ось съ сѣверо-запада на юго-востокъ, они дѣлятся на три группы: на сѣверѣ, Каръ-Никобаръ и островъ Батти-Мальве; по серединѣ, архипелагъ, главная земля котораго—островъ Каморта; на югѣ, острова-близнецы Большой и Малый Никобаръ, окруженные островками; всего, не считая рифовъ, около двадцати островковъ выступаютъ изъ глубокихъ водъ; малайцы даютъ имъ названіе «Девяти островковъ». Съ 1711 года два французскіе миссіонера, іезуиты Форъ и Буне, взяли во владѣніе одну изъ земель въ серединѣ архипелага, но вскорѣ послѣ того были умерщвлены. Новая попытка была сдѣлана въ 1755 году. Датская экспедиція, отправившаяся изъ Транкебара, поселилась на южномъ островѣ Сіамбалонгъ, называемомъ теперь Большимъ Никобаромъ. Весь архипелагъ получилъ имя «Новой Даніи»; но менѣе чѣмъ въ три года всѣ датчане, одинъ за другимъ, покинули эту колонію. Затѣмъ нѣмецкіе миссіонеры, принадлежавшіе къ сектѣ моравскихъ братьевъ, пытались, въ свою очередь, присоединить къ европейскому міру населенія архипелага и основали, въ 1768 году, поселеніе на островѣ Нанкаури; оно просуществовало около десяти лѣтъ, до того времени, когда островомъ овладѣла австрійская экспедиція; но построивъ редутъ и выпустивъ привезенный съ собою скотъ на волю въ лѣса, эта экспедиція уѣхала, оставивъ гарнизонъ, состоявшій всего изъ трехъ человѣкъ, которые воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы бѣжать изъ колоніи. Въ 1807 году архипелагъ сдѣлался оффиціально собственностью Великобританіи, но вскорѣ послѣ того опять перешелъ подъ власть Даніи, по рѣшенію вѣнскаго конгресса; однако, никакой новой попытки колонизаціи не было сдѣлано до 1831 года. Но и на этотъ разъ датчане не лучше успѣли, чѣмъ прежде, и въ 1837 году датскій губернаторъ, отказываясь даже отъ правъ собственности, потребовалъ обратно у старшинъ знамена и начальническіе жезлы, которые онъ имъ пожаловалъ. Однако, въ 1845 году возобновили попытки введенія земледѣлія съ помощью нанятыхъ китайскихъ кулiевъ, но произведенныя ими расчистки земель подъ пашни не имѣли другаго результата, кромѣ того, что увеличили рядъ неудачъ; острова снова были покинуты представителями Даніи, и англійское правительство снова овладѣло въ 1869 году Никобарскимъ архипелагомъ, присоединивъ его къ своимъ колоніямъ Андаманскаго архипелага. До этого захвата, нѣмецкіе патріоты тщетно предлагали Пруссіи завладѣть этими островами безъ европейскихъ владѣльцевъ, островами, вредный климатъ которыхъ, порождающій лихорадки, справедливо пугаетъ европейцевъ.

Хотя Никобарскіе острова лежатъ на продолженіи Андаманскихъ, они, однако, составляютъ во многихъ отношеніяхъ контрастъ съ этимъ архипелагомъ. Южные острова принадлежатъ, очевидно, къ области поднятія почвы; тамъ до высоты 60 метровъ ясно видны прежніе, теперь приподнятые, коралловые берега [1]), и бахромы рифовъ, окаймляющія почти все побережье, выдвинуты далеко въ море; во многихъ мѣстахъ онѣ вдругъ оканчиваются отвѣсными стѣнами, естественными вертикальными набережными, вдоль которыхъ могли бы становиться рядами корабли. Лѣсистые холмы имѣютъ почти такую же высоту, какъ и холмы Андаманскихъ островковъ; но, судя по ихъ формѣ, нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, вулканическаго происхожденія; мало найдется горъ, которыя бы такъ походили на вулканъ, какъ конусообразный островъ Бомпока, представляющій на вершинѣ обширный зазубренный кратеръ, весь наполненный зеленью; однако, Баль не видалъ тамъ лавы. Группа двухъ островковъ, маленькаго Бомпока и большаго Терессa, расположеннаго полумѣсяцемъ, удивительно напоминаетъ своею формой острова Санторинъ, въ Эгейскомъ морѣ. Самая высокая вершина архипелага находится въ сѣверной части Большаго Никобара; она достигаетъ 720 метровъ, и съ массива, надъ которымъ она господствуетъ,

1) Rink, „Die Nikobarischen Inseln".

спускается настоящая рѣка, которой дали имя Галатеи, въ память корабля, посланнаго для географическихъ изслѣдованій датскимъ правительствомъ.

Такъ же, какъ Андаманскій архипелахъ, Никобарскіе острова имѣютъ чрезвычайно богатую флору и очень бѣдную фауну; но въ этомъ отношеніи двѣ островныя группы представляли замѣчательные контрасты. До прибытія европейцевъ, земли Большаго Андамана не имѣли ни одного кокосоваго дерева на своихъ берегахъ, тогда какъ эти пальмы образуютъ настоящій поясъ на нѣкоторыхъ изъ Никобарскихъ острововъ. На островѣ Качалъ и на многихъ другихъ земляхъ Никобарскаго архипелага растетъ знаменитая сешельская пальма, плодъ которой извѣстенъ подъ именемъ «морскаго кокоса». Никобарскіе острова имѣютъ также нѣкоторые животные виды, какихъ нѣтъ на Андаманскихъ. Въ лѣсахъ острова Каморта бродятъ буйволъ и вепрь, опасныя животныя, но, вѣроятно, эти звѣри происходятъ отъ тѣхъ, которые были пущены датчанами въ лѣса [1]); на Большомъ Никобарѣ, какъ говорятъ, водится одна порода оленя; на томъ же островѣ есть одичалая собака, преслѣдующая стада. Въ лѣсахъ обитаютъ также бѣлки-летяги и обезьяны, а между пресмыкающимися открыты двѣ ядовитыя змѣи; на Каръ-Никобарѣ существуютъ нѣсколько другихъ ядовитыхъ змѣй, по разсказамъ туземцевъ, которые изъ-за этихъ опасныхъ гадовъ боятся даже ходить въ лѣсныя чащи; два вида большихъ ящерицъ населяютъ прѣсныя воды поморья, но онѣ не нападаютъ на человѣка. Натуралисты констатировали въ этомъ архипелагѣ существованіе около сорока различныхъ видовъ птицъ, въ томъ числѣ ласточки-салангана, которая вьетъ свое, скрѣпленное клейкимъ веществомъ, гнѣздо въ углубленіи скалъ. Огромное ракообразное, *birgus latro*, живетъ въ норѣ у подошвы деревьевъ; говорятъ, оно вползаетъ на кокосовыя пальмы, чтобы подрѣзывать на нихъ орѣхи, которые служатъ ему пищей [2]). Сосѣднія моря не дали естествоиспытателямъ богатой добычи, какой они ожидали [3]).

Никобарцы не имѣютъ никакого расоваго сходства съ минкопами Андаманскихъ острововъ. Роста они выше средняго и далеко не такъ черны, какъ андаманцы: цвѣтъ кожи у нихъ бронзовый. Они вовсе не татуируются и рѣдко раскрашиваютъ себѣ тѣло: вмѣсто того, чтобы обмазываться охрой или глиной, какъ дѣлаютъ ихъ сѣверные сосѣди, они напитываютъ себѣ тѣло кокосовымъ масломъ, которое укрѣпляетъ кожу и отгоняетъ насѣкомыхъ своимъ рѣзкимъ запахомъ. Они имѣютъ вообще челюсти выдающіяся, носъ очень широкій, глаза слегка скошенные; неумѣренное употребленіе листьевъ бетеля, вредное дѣйствіе которыхъ, вѣроятно, еще усиливается какимъ-нибудь спеціальнымъ приготовленіемъ этой жвачки, не только дѣлаетъ черными зубы, но поражаетъ также губы, такъ что на двадцатомъ году туземцы уже съ трудомъ могутъ закрывать ротъ. Матери имѣютъ привычку сплющивать черепъ своимъ дѣтямъ, оттого никобарцы—«плоскоголовые», какъ индѣйцы этого имени въ Сѣверной Америкѣ. Обыкновенно, обитателей Никобарскихъ острововъ причисляютъ къ малайцамъ или къ помѣсямъ индо-китайскихъ націй; имя Малакка, принадлежащее двумъ самымъ большимъ селеніямъ острововъ Каръ-Никобаръ и Нанкаури (Nangkowri), кажется, указываетъ, по крайней мѣрѣ, на близкія отношенія между островитянами и малайцами ближайшаго берега материка, однако, физическія черты и нравы тѣхъ и другихъ несходны. По Репсторфу, они походятъ на бутановъ Формозы больше, чѣмъ на всякую другую народность Азіи [1]). Холодные, ко всему равнодушные съ виду, никобарцы выказываютъ, однако, большое рвеніе къ удовлетворенію своего тщеславія, покупая какую-нибудь принадлежность европейскаго костюма, верхнюю одежду, рубашку или головной уборъ; главный предметъ ихъ желаній составляетъ черная шелковая шляпа, и нѣтъ ничего забавнѣе, какъ видѣть этихъ голыхъ людей, съ презрѣніемъ отвергающихъ всѣ предлагаемыя имъ одежды, чтобы предпочесть головной покровъ англійскаго джентльмена: въ эпоху путешествія австрійскаго фрегата «Новара», въ 1858 году, средняя цѣна черной шляпы была 1.600 кокосовыхъ орѣховъ. Правда, что ношеніе шляпы составляетъ аристократическую привилегію и даетъ счастливому избраннику право называть себя «капитаномъ». Мужчины носятъ длинные волосы, а женщины бреютъ себѣ голову.

Деревни, построенныя на плоскихъ коралловыхъ берегахъ, состоятъ изъ цѣлыхъ круглыхъ, конусообразныхъ хижинъ, поставленныхъ на сваяхъ; приливный потокъ, проходящій подъ этими шалашами, уноситъ кухонные остатки. Жилища содержатся очень опрятно, хотя женщины исполняютъ въ нихъ всѣ свои хозяйственныя работы, между которыми главное мѣсто занимаетъ тяжелый трудъ приготовленія *ларома*, или панданаваго хлѣба. Ширмы, построенныя передъ деревней, жерди, воткнутыя въ землю подлѣ хижинъ, закрываютъ доступъ злымъ духамъ; никобарцы не принимаются ни за какое дѣло, пока не очистятъ воздухъ отъ геніевъ, которыми онъ кишитъ; когда задумано какое-нибудь предпріятіе, то приглашаютъ заклинателя, чтобы онъ заговорилъ

[1]) Latrobe, „Letter on the Nicobar Islands".
[2]) V. Ball, цитированное сочиненіе.
[3]) „Reise der Oesterreichischen Fregatte „Novara", 2-ter Band.

[1]) „Geographical Magazine", february 1, 1875.

*

бѣсовъ (иви). Иногда строятъ лодку-фетиша, затѣмъ, поломавъ всѣ вещи, которыя считаютъ часто посѣщаемыми нечистой силой, сгоняютъ злыхъ духовъ въ лодку криками и притворной битвой; гребцы буксируютъ челнокъ на большое разстояніе отъ берега, бросаютъ его середи моря, а сами удираютъ безъ оглядки. Но если бури или зыбь опять пригонятъ къ берегу, по близости какого-нибудь селенія, лодку-фетишъ съ ея грузомъ злыхъ духовъ, то туземцы, получившіе этотъ опасный подарокъ, объявляютъ войну виновному племени. Рѣдко, впрочемъ, случается, чтобы битвы имѣли фатальный конецъ. Мужчины дерутся только палками, и когда противники слишкомъ разгорячатся, женщины, размахивая обнаженнымя саблями, бросаются между сражающихся; баталія обыкновенно завершается шумной пирушкой. Никобарцы не только не присвоиваютъ себѣ власти надъ своими женщинами, но скорѣе считаютъ ихъ выше себя. Въ семьяхъ, дѣвушки,—сравнительно менѣе многочисленныя, говорятъ, — имѣютъ первенство надъ парнями; онѣ сами выбираютъ себѣ супруга и имъ же принадлежитъ право развода: когда мужъ не нравится, жена отсылаетъ его отъ себя, чтобы взять себѣ другаго, и никто не можетъ противиться ея волѣ. Однако, когда мужъ умираетъ, жена должна выказывать великую скорбь, приличіе требуетъ, чтобы она отрѣзала себѣ суставъ пальца; но многія замѣняютъ эту операцію широкою зарубкой въ одномъ изъ столбовъ, поддерживающихъ хижину. У этихъ племенъ не существуетъ никакого правительства; люди, обязанные своей шляпѣ или любезности европейскихъ мореплавателей титуломъ «капитана», не имѣютъ никакой власти, соотвѣтствующей этому слову, которымъ они такъ гордятся. «Общественная связь туземцевъ — говоритъ одинъ писатель,—состоитъ во взаимности обязанностей; это связь самая простая и лучшая изъ всѣхъ» [1]).

У никобарцевъ есть садики, которые они воздѣлываютъ съ большимъ умѣньемъ, но кокосовыя пальмы, панданы и другія фруктовыя деревья доставляютъ имъ, вмѣстѣ съ звѣриной и рыбною ловлей, пищу слишкомъ изобильную, чтобы они стали много заботиться о культурѣ почвы. Какъ моряки, они не уступаютъ въ ловкости андаманцамъ и кажутся неутомимыми въ плаваніи. Они довольно искусны въ нѣкоторыхъ ремеслахъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ рѣзьба на мебели, въ ихъ хижинахъ, и на ихъ ладьяхъ съ балансерными шестами: на островкѣ Чаура, самомъ населенномъ сравнительно съ пространствомъ, жители, которымъ слишкомъ тѣсно на этомъ маленькомъ клочкѣ земли, занимаются выдѣлкой глиняной посуды, которая раскупается у нихъ во всѣ части архипелага. Они пишутъ также іероглифы на пальмовыхъ листьяхъ, чтобы сохранить память о важныхъ событіяхъ и помнить заключенные договоры; лица, животныя и разные предметы домашняго хозяйства изображены на этихъ семейныхъ архивахъ, на которыхъ развѣшены кокосовые орѣхи и длинныя узкія полосы сушенаго мяса [1]).

Никобарцы охотно обмѣниваютъ свои произведенія, и такъ велика ихъ честность въ этихъ торговыхъ сдѣлкахъ, что иностранные купцы не боятся давать имъ впередъ все, въ чемъ они нуждаются, взамѣнъ простаго обѣщанія уплатить кокосовыми орѣхами изъ будущаго сбора [2]). Въ борьбѣ, которую имъ не разъ приходилось выдерживать противъ европейцевъ или малайцевъ, рѣдко бывало, чтобы они первые подали поводъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. «Мы добрые,—говорилъ одинъ туземецъ австрійцамъ съ фрегата «Новара»,— а въ вашей земли люди, значитъ, злые, если вамъ нужно столько пушекъ и ружей?» Какъ многіе другіе нецивилизованные народцы, никобарцы были деморализованы чужеземными коммерсантами: губительный аракъ, который имъ даютъ, главнымъ образомъ, въ обмѣнъ за орѣхи или кокосовое масло, распространилъ между ними привычку къ пьянству, и, по свидѣтельству путешественниковъ, смертность теперь уже превышаетъ рождаемость у различныхъ племенъ архипелага. Такъ же, какъ на Андаманскихъ островахъ, между никобарцами рѣдко можно встрѣтить человѣка, перешедшаго за сорокъ лѣтъ. Трауры сдѣлались очень часты, а оплакивать покойника — дѣло не шуточное. Впродолженіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ, родственники умершаго воздерживаются отъ всякихъ забавъ, не дотрогиваются ни до одного любимаго кушанья, не терпятъ ни пляски, ни пѣнія въ деревнѣ, и справляютъ отъ времени до времени продолжительныя похоронныя церемоніи; еще на двадцать первомъ году послѣ погребенія семейство ходитъ совершать поминки на могилѣ усопшаго. На дѣтей, завладѣвающихъ частью отцовскаго наслѣдства, смотрятъ какъ на какихъ-то безчувственныхъ выродковъ; все, что служило никобарцу во время его жизни, должно быть сломано, разбито и погребено вмѣстѣ съ нимъ [3]).

По разсказамъ туземцевъ, *бажу*, т. е. «люди», не единственные обитатели Большаго и Малаго Никобара; въ лѣсахъ внутренней части острововъ живутъ, будто бы, еще «лѣсные люди», орангъ-утанги, дикари съ длинными волосами, питающіеся змѣями, жабами и кро-

---

[1]) Hamilton, „Recherches asiatiques", tome II.

[1]) V. Ball, „Jungle Life in India"; „Indian Antiquary", vol. 4, 1875.

[2]) Distant, „London Anthropological Institute"; „Ausland" 1873, № 14.

[3]) Koepstorff, „Geographical Magazine", febr. 1, 1875.

кодилами [1]). Настоящее ихъ имя — шобенгъ; по Репсторфу, лицо у нихъ плоское, какъ у монголовъ; по Беллю, они походятъ на минкоповъ. Къ этимъ представителямъ двухъ раз-

Іенанъ Гіунгъ. Видъ съ Либрауадди.

личныхъ расъ, которые составляютъ немногочисленное населеніе архипелага, теперь прибавились люди всякаго рода и племени, ссылаемые сюда англичанами. Уголовно-исправительное поселеніе, подчиненное андаманскому тюремному управленію, было основано въ 1869 году на островѣ Каморта, на сѣверной сторонѣ пролива Нанкаури, великолѣпнаго порта, имѣющаго на сѣверѣ и на югѣ второстепенныя гавани, которыя сообщаются двумя глубокими каналами съ восточнымъ и запад-

[1]) Birch, „Calcutta Review", july 1878; Rink; von Scherzer, „Novara".

ными морями. Вокругъ этой колоніи почва распахана, плантаціи распространяются постепенно все далѣе и далѣе вглубь острова, и ссыльные индусы поселяются въ прогалинахъ лѣсовъ. Благодаря расчисткѣ и распашкѣ дѣвственныхъ земель, климатъ Никобарскаго архипелага, столь опасный, ассенизируется мало-по-малу. До основанія пенитенціарной колоніи въ Нанкаури, первое мѣсто между островами архипелага, по торговлѣ, занималъ сѣверный островъ, Каръ-Никобаръ; изъ трехъ милліоновъ кокосовыхъ орѣховъ, экспортируемыхъ ежегодно, болѣе двухъ третей вывозились съ этого острова. Туземцы носятъ вообще англійскія имена; очень искусные лингвисты, они свободно объясняются на языкахъ моряковъ, посѣщающихъ ихъ острова, каждый изъ нихъ знаетъ малайскій языкъ, почти всѣ говорятъ по-англійски, по-португальски, по-бармански или по-индустански.

IV. Бассейны Иравадди и Салуэна.

Манипуръ, земли шановъ и какіеновъ, Барманія, Пегу, Мартабанъ.

Область Индо-Китая, простирающаяся на востокъ отъ раздѣльной цѣпи, образуемой горами Хамти, Сингпо, Лушай и хребтомъ Арраканъ-Іома, кажется на первый взглядъ естественною принадлежностью, составною частью странъ, присоединенныхъ къ Китайской имперіи. Легко восходимые уступы или террасы поднимаются съ равнинъ Барманіи къ плоскогорьямъ Юннана. и узкія долины Салуэна и Иравадди даютъ доступъ въ восточныя провинціи Тибета; покатость почвы связываетъ барманскія равнины съ Китаемъ; но, съ другой стороны, поморье сближаетъ ихъ съ полуостровомъ Передней Индіи, и съ этой именно стороны распространялась цивилизація съ первыхъ временъ мореплаванія. Въ то время, какъ населеніе, взятое въ массѣ, походитъ физическими чертами на обитателей странъ Китайской имперіи, сопредѣльныхъ съ Барманіей, и происходитъ, безъ сомнѣнія, въ наибольшей долѣ отъ того же корня,—религіи и идеи распространялись, напротивъ, черезъ приморскіе порты. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо толчекъ извнѣ даетъ себя чувствовать черезъ прибрежье. Хозяева моря, англичане овладѣли всѣмъ приморскимъ поясомъ, изъ котораго они сдѣлали индійскую провинцію, пересѣкаемую большими дорогами. Но на сѣверѣ ничего не измѣнилось; тамъ до сихъ поръ дикія населенія занимаютъ гористыя мѣстности и часто запираютъ торговые пути. Барманія все болѣе и болѣе вовлекается въ кругъ притяженія, центръ котораго находится въ Европѣ, за морями, и великія политическія перемѣны должны совершиться прежде, чѣмъ удобные пути сообщенія, возстановляя географическое равновѣсіе, соединятъ области нижняго теченія Иравадди съ верхними долинами ея бассейна. Въ наши дни большая часть страны почти безлюдна: въ сравненіи съ Бенгаліей, Барманія, представляющая, однако, точно такія же выгоды въ отношеніи почвы и климата, есть страна пустынная; много превосходя Францію пространствомъ, она имѣетъ въ пять разъ меньше жителей; но заселеніе совершается съ замѣчательной быстротой: въ періодъ съ 1872 по 1881 годъ число жителей англійской Барманіи [1]) увеличилось на 34 процента.

Пространство и народонаселеніе странъ по теченію Иравадди, Салуэна и Ситтанга:

Манипуръ—21.500 кв. килом., 221.000 жит., 11 жит. на 1 кв. килом.; Барманія (Бирма), Верхняя—216.186 кв. килом., 2.946.933 жит., 14 жит. на 1 кв. килом.; Барманія (Бирма), Нижняя—227.799 кв. килом., 4.658.627 жит., 20 жит. на 1 кв. килом.; государство Шанъ—200.000 кв. килом., 1.700.000 жит., 8 жит. на 1 кв. килом.

Рѣка Иравадди, принимающая въ свой бассейнъ воды всей Западной Барманіи, является уже могучимъ потокомъ, когда вступаетъ на территорію Индо-Китая. Правда, въ 1826 году изслѣдователи Вилькоксъ и Борльтонъ, проходя горы Брамакунда, достигли береговъ незначительнаго потока, о которомъ имъ сказали, что это верхняя Иравадди, и котораго мѣстное названіе, Мьитъ-Гьи, или «Большая Рѣка», показалось имъ соотвѣтствующимъ главной рѣкѣ Барманіи. Хотя усиленная водами тающаго снѣга, которыя въ то время текли съ горъ Намьеръ, лежащихъ въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу, «Большая Рѣка» не имѣла даже 75 метровъ въ ширину и путешественники могли переходить ее въ бродъ [2]). Вилькоксъ полагалъ, что имъ такимъ образомъ удалось разрѣшить вопросъ объ истокахъ Иравадди; однако, онъ слышалъ отъ туземцевъ о «большой восточной вѣтви» рѣки, которую утомленіе и трудности путешествія помѣшали ему посѣтить. Недавно плантаторъ Лепперъ собралъ у туземцевъ сингпо свѣдѣнія, подтверждающія существованіе этой восточной рѣки [3]). Какая это можетъ быть рѣка, если не Иравадди, широкое теченіе которой было осмотрѣно вдоль береговъ европейскими путешественниками въ 150 километрахъ южнѣе?

---

[1]) Барманія (Бирманія, Бирма, Бурма) состоитъ изъ двухъ частей: Нижней, присоединенной къ англійскимъ владѣніямъ въ 1826 и 1853 г. г. и называвшейся прежде британской, въ отличіе отъ остальной страны, Верхней, составлявшей до 1885 г. независимое королевство, но въ этомъ году тоже завоеванной англичанами, такъ что съ 1-го января 1886 г. вся Барманія, или Бирма, входитъ въ составъ англо-индійской имперіи. Ред.

[2]) „Asiatic Researches“, XVII.

[3]) Robert Gordon, рукописныя замѣтки.

Одинъ барманскій изслѣдователь, извѣстный подъ псевдонимомъ Алага, былъ посланъ, въ 1880 году, вверхъ отъ города Бхамо, съ порученіемъ прослѣдовать вдоль береговъ Иравадди до сліянія двухъ вѣтвей. Онъ поднялся по долинѣ за границу барманскаго государства въ собственномъ смыслѣ, и около 23°43′ достигъ мѣста соединенія двухъ потоковъ, изъ которыхъ одинъ, западный, имѣлъ тогда 500 шаговъ въ ширину, тогда какъ восточный рукавъ, черезъ который онъ переправился на паромѣ, представлялъ только пятую часть этой ширины и катилъ неглубокія воды [1]). Но есть ли это «большая восточная рѣка» Уилькокса и Леппера? Не соединяется ли съ Иравадди сѣвернѣе другой значительный притокъ? Пока еще невозможно отвѣтить положительно на этотъ вопросъ, и мы не имѣемъ точныхъ измѣреній, которыя позволяли бы вычислить въ этомъ мѣстѣ стокъ (объемъ протекающей въ секунду воды) главной барманской рѣки. Европейскій путешественникъ Штреттель, который поднимался, въ 1874 году, вверхъ по Иравадди до мѣста, сосѣдняго съ этимъ сліяніемъ, тоже описываетъ рѣчное теченіе недостаточно подробно, чтобы можно было, на основаніи сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, дать приблизительно мѣру протекающей жидкой массы. Только въ сотнѣ километровъ ниже, у впаденія притока Могунгъ, подъ 25 градусомъ широты, наблюденія, сдѣланныя Ганнеемъ и Гриффитомъ для опредѣленія ширины русла, глубины водъ, скорости теченія, годовой разности полноводья и мелководья, дали возможность вычислить расходъ рѣки во время разлива, и оказалось, что Иравадди катитъ огромную массу воды отъ 25.000 до 28.000 кубич. метровъ въ секунду [2]). Ниже, у Бхамо, потокъ большаго разлива поднимается почти до 34.000 кубич. метровъ въ секунду. Сравнивая объемъ верхней Иравадди съ объемомъ той же рѣки у вершины ея дельты, находимъ, что въ самомъ высокомъ мѣстѣ, гдѣ до сихъ поръ было измѣрено ея теченіе, она имѣетъ уже двѣ трети своего средняго стока и половину стока въ періодъ полноводья: въ этомъ мѣстѣ она уже катитъ 9.000 кубич. метровъ въ секунду, т. е. представляетъ потокъ, равный тройному устью Дуная. Такъ громадна выше Бхамо, въ Сѣверной Барманіи, жидкая масса этой рѣки, которую чертятъ на большей части картъ какъ берущую начало въ горахъ, которыя ограничиваютъ на югѣ бассейнъ Брамакунда!

Этотъ замѣчательный фактъ—узкій бассейнъ, питающій такую широкую рѣку—можно было бы объяснить только чрезмѣрно большимъ выпаденіемъ атмосферной влаги, подобнаго которому до сихъ поръ не наблюдали ни въ какомъ другомъ мѣстѣ земнаго шара: даже годоваго слоя воды толщиною въ 20 метровъ, слѣдовательно, далеко превышающаго слой, выпадающій на полуденные склоны горъ Гаро и Хасіа, было бы недостаточно, чтобы объяснить огромный дебитъ верхней Иравадди, предполагая даже, что эта вода, нисходящая изъ облаковъ, вся стекаетъ въ рѣку. Но все, что извѣстно о гіетометрическомъ порядкѣ этихъ областей, позволяетъ утверждать, что дожди верхняго бассейна Иравадди не равняются въ изобиліи дождямъ странъ, пробѣгаемыхъ Брахмапутрой и ея притоками. Главное дождевое теченіе воздушнаго океана — юго-западный муссонъ, низвергающійся между горными громадами Индіи и возвышенностями Индо-Китая, на сѣверѣ отъ Бенгальскаго залива. Ударяясь о Типперахскіе холмы и горы Ассама, нижняя часть воздушнаго потока проливаетъ на землю свои обильные ливни, и далѣе верхнія облака встрѣчаютъ высокія горы, ограничивающія съ сѣвера бассейны Брамакунда и Дихонга: на этой-то покатости, очевидно, и должны выпадать наиболѣе обильные дожди и снѣга. Бассейнъ же верхней Иравадди находится именно на противоположной покатости; когда облака проходятъ надъ этимъ склономъ горъ, они уже утратили большую часть своей влажности. Такъ, южнѣе, паденіе дождевой воды, превышающее 6 метровъ на берегахъ Читтагонга и Акіаба, не достигаетъ даже трети этого количества на восточномъ скатѣ, въ дельтѣ Иравадди.

Годовой слой дождей на покатости хребта Арраканъ-Іома:

Западный склонъ. Акіабъ (средн. за 33 года)—5,01 метр. Кьюкъ-хпью (за 8 лѣтъ)—4,51 метр.; Сандовей (за 8 лѣтъ)—5.55 метр.

Восточный склонъ. Тайетъ-міо (за 8 лѣтъ)—1,30 метр.; Промъ (за 8 лѣтъ) — 1,43 метр.; Гензада (за 8 лѣтъ)—1,96 метр.; Манипуръ (за 4 года)—1,23 метр.

Если эта рѣка не питается безпримѣрно обильными дождями, то ея бассейнъ долженъ быть гораздо обширнѣе, чѣмъ предполагаетъ большинство англійскихъ географовъ. Или Иравадди есть продолженіе Цангбо, какъ это утверждаютъ, основываясь на сочиненіяхъ китайскихъ географовъ, д'Анвиль, Клапротъ, Фергюсонъ, Гордонъ, или она принимаетъ въ своемъ верхнемъ теченіи другую большую рѣку, спускающуюся съ плоскогорій Восточнаго Тибета.

Ниже впаденія Могунга, Иравадди вступаетъ въ дефилей, или «кьюкдвенъ», противоположные утесы котораго въ иныхъ мѣстахъ отстоятъ другъ отъ друга менѣе, чѣмъ на 50 метровъ, но гдѣ вода такъ глубока, что лотъ не достаетъ дна на 75 метрахъ; въ этомъ узкомъ проходѣ, гдѣ масса рѣки сдавлена между скалъ, потокъ бѣжитъ со скоростью отъ 20 до 25 ки-

[1]) „Proceedings of the Geographical Society of London", may 1882.
[2]) Robert Gordon, „Report on the Irrawaddy River".

лометровъ въ часъ. Другое каменистое ущелье, гдѣ рѣка имѣетъ до 60 метровъ глубины [1]), сжимаетъ воды ниже впаденія Тапенга и города Бхамо; обезьяны прыгаютъ на деревьяхъ, растущихъ на краю обрыва, и на выступахъ утеса, который высится крутой стѣной надъ западнымъ берегомъ рѣки. До этой части теченія поднимаются дельфины, весело играющіе вокругъ барокъ; впрочемъ, они появляются все рѣже и рѣже, хотя барманцы никогда не преслѣдуютъ ихъ [2]). Близъ Мандалая, лѣсистые выступы горъ или мысы образуютъ третью тѣснину, и рѣка, потокъ которой спускается, въ среднемъ направленіи, съ сѣвера на югъ, поворачиваетъ къ западу рядомъ излучинъ. По соединеніи съ водами своего большаго притока, Кьендвена, она слѣдуетъ вдоль основанія боковыхъ отроговъ хребта Арраканъ-Іома, и обогнувъ, противъ города Прома, крутой утесъ, поднимающійся на 100 метровъ надъ уровнемъ водъ, она вступаетъ въ равнины, постепенно выполненныя землистыми частицами, приносимыми ея теченіемъ. Судя по виду почвы и рельефу страны, слой рѣчныхъ наносовъ начинается даже выше Прома: одинъ рукавъ Иравадди, по руслу котораго теперь проведена желѣзная дорога изъ Прома въ Рангунъ, соединялся, вѣроятно, съ рѣкой Мьитъ-ма-ха-чунгъ (Хлайнъ или Рангунская рѣка), которая извивается у подошвы хребта Пегу-Іома, водораздѣльной возвышенности между бассейнами Иравадди и Ситтанга: высоты, поднимающіяся посреди аллювіальной равнины, выше нынѣшней головы или вершины дельты, были нѣкогда островными массивами.

Въ наши дни, бифуркація дельты въ собственномъ смыслѣ, не считая временныхъ потоковъ или рукавовъ, изливающихся на востокѣ въ періодъ дождей, находится въ 220 километрахъ отъ моря по прямой линіи, въ 300 километрахъ вмѣстѣ съ поворотами рѣки. Восточный рукавъ сохраняетъ имя Иравадди или Айравати («Рѣка Слоновъ»), и продолжаетъ слѣдовать въ южномъ направленіи; западный рукавъ, Навунъ, течетъ вдоль основанія хребта Арраканъ-Іома и впадаетъ въ Бассейнскій лиманъ, ограничивающій на югѣ полуостровъ мыса Негре. Этотъ рукавъ уноситъ въ эпоху разлива около десятой части водъ рѣки. Иравадди содержитъ девять-десятыхъ воды, но она вскорѣ дѣлится на второстепенныя вѣтви, и такимъ образомъ вся область дельты разрѣзана на множество острововъ, мѣняющихъ очертанія при каждомъ наводненіи, тамъ, по крайней мѣрѣ, гдѣ берега не укрѣплены плотинами. Соотвѣтственно альтернативамъ полноводья и мелководья, наносовъ и размываній, сѣть рукавовъ измѣняется и устья безпрестанно открываются, запираются, перемѣщаются. Въ настоящее время существуетъ девять главныхъ устьевъ, отъ лимана Бассейнскаго до лимана Рангунскаго. Даже за этимъ послѣднимъ входомъ, аллювіальныя земли, пересѣкаемыя во всѣхъ направленіяхъ развѣтвленіями рукавовъ, примыкаютъ, на сѣверѣ Мартабанскаго залива, къ дельтѣ Ситтанга и къ дельтѣ Салуэна. Не считая этихъ равнинъ, внѣшняя кривая дельты Иравадди развертывается на протяженіи около 300 километровъ. Площадь треугольнаго пространства, орошаемаго рукавами рѣки, исчисляется Гордономъ въ 46.000 квадр. километровъ. Хотя очень плодоносныя, равнины эти не могутъ сравниться въ естественномъ плодородіи съ равнинами Ганга; почва тамъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ древнихъ глинъ, гораздо болѣе трудныхъ для обработки, чѣмъ рыхлыя земли Бенгаліи [1]).

Колебанія количества протекающей воды весьма значительны въ рукавахъ Иравадди, смотря по ходу муссона: въ августѣ мѣсяцѣ, послѣ того, какъ дожди излились въ бассейнъ, средняя мѣра стока въ 17 разъ больше, чѣмъ въ февралѣ, въ періодъ большихъ засухъ. Въ эту эпоху года объемъ катимой рѣкою воды спускается до 2.000 куб. метровъ въ секунду; 5 марта 1877 года онъ даже не превышалъ 1.300 куб. метровъ; Иравадди была тогда меньше Роны и Рейна. Но зато жидкая масса, измѣряемая въ періодъ полноводья, превосходитъ массу рѣки Конго: она превышала 56.000 куб. метровъ 20 августа 1877 года; у города Прома разность уровня между высокими и низкими водами бываетъ болѣе 10 метровъ (14 аршинъ). Средняя мѣра, вычисленная на основаніи правильныхъ измѣреній, производимыхъ съ 1872 года у Сайхты, близъ мѣста бифуркаціи вѣтвей, равна 13.600 куб. метровъ въ секунду, слѣдовательно, почти такая же, какая найдена для Ганга. Едва ли есть рѣки, которыя были бы изучаемы болѣе тщательно, чѣмъ Иравадди около ея устья, и гидравлическій режимъ которыхъ былъ бы лучше описанъ [2]). Впрочемъ, англичане, сдѣлавшись владѣтелями южной Барманіи, необходимо должны были заняться дѣломъ защищенія береговъ рѣки отъ внезапныхъ наводненій и осушкой болотъ, которыя разстилаются во многихъ мѣстностяхъ равнины, къ великому вреду для общественнаго здоровья. Вдоль праваго берега Иравадди, выше дельты, на протяженіи около сотни километровъ, возведена плотина, чтобы отклонить ручьи, спускающіеся съ хребта Арраканъ-Іома, и образовать изъ нихъ рѣку съ правильнымъ теченіемъ, текущую параллельно главной рѣкѣ къ вѣтви Навунъ.

[1]) Anderson, „From Mandalay to Momien“.
[2]) Adolf Bastian, „Die Völker des Oestlichen Asien“.

[1]) Theobald, „Geological Magazine“, VII.
[2]) Robert Gordon, „Report on the Irrawaddy River“, 4 тома съ атласомъ.

Вершина барманской «камарги» (такъ называется дельта Роны) также защищена полукругомъ оградительныхъ земляныхъ насыпей, идущихъ вдоль лѣваго берега Навуна и праваго берега Иравадди. Къ сожалѣнію, дорого стоющія работы обведенія береговъ оградительными плотинами имѣютъ вездѣ одни и тѣ же послѣдствія, именно постепенное возвышеніе рѣчнаго ложа и увеличеніе бѣдствія наводненій, когда исключительно большіе разливы разрываютъ плотины. Въ 1877 году обширное пространство, въ 1.250 квадр. километровъ, къ востоку отъ рукава Нагунъ, превратилось во время разлива въ озеро, и вся дельта была усѣяна другими озерными бассейнами меньшаго протяженія.

Твердыя частицы, приносимыя устьями Иравадди въ море и отлагающіяся на днѣ его, увеличиваютъ изъ года въ годъ поверхность дельты. Конечные выступы или мысы хребтовъ Арраканъ-Іома и Пегу-Іома, внѣшніе столбы бывшаго морскаго залива, давно уже перейдены кривой линіей аллювіальныхъ земель. Къ югу отъ выступающей изъ-подъ воды дельты, въ морѣ тянется на большое разстояніе подводная дельта; еще въ 100 километрахъ отъ берега лотъ достаетъ дно на глубинѣ 75 метровъ, тогда какъ за этими мелями сразу открываются морскія пучины, имѣющія слишкомъ 2.000 метровъ. При томъ же, отложеніе наносовъ облегчается отсутствіемъ теченій у морскихъ береговъ дельты. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Барманскій заливъ можетъ быть разсматриваемъ какъ внутреннее море: съ западной стороны онъ запертъ цѣпью Андаманскихъ и цѣпью Никобарскихъ острововъ, съ южной—островомъ Суматрой, и выступающая изъ-подъ воды гряда острововъ продолжается во многихъ мѣстахъ скрытыми мелями, естественными границами Бенгальскаго залива; этими мелями Арраканскій берегъ продолжается до южной оконечности острова Препарисъ, и подъ защитой этого естественнаго мола и отлагаются наносы Иравадди. Всѣ устья этой рѣки заграждены барами изъ ила и песка, и большіе корабли могутъ проникать въ рѣку лишь съ помощью прилива, который достигаетъ въ тѣхъ водахъ 6 метровъ высоты и который поднимается въ главномъ рукавѣ до города Гензада, отстоящаго на 200 километровъ отъ моря.

Хребетъ Пегу-Іома, ограничивающій на востокѣ нижнее теченіе и дельту Иравадди, есть лишь небольшой выступъ земнаго рельефа, принадлежащій, вѣроятно, къ третичнымъ вѣкамъ и поднимающійся, среднимъ числомъ, отъ 600 до 900 метровъ; тамъ и сямъ нѣкоторыя вершины достигаютъ болѣе значительной высоты, но нигдѣ переходъ черезъ горы не представляетъ серьезныхъ препятствій. Около южной своей оконечности эта цѣпь раздѣляется на второстепенныя отрасли, и каждая долина посылаетъ свою рѣку въ Рангунскій лиманъ; рѣка Пегу, берущая начало на восточномъ склонѣ горъ, огибаетъ всѣ ихъ южныя развѣтвленія, чтобы соединиться тоже черезъ воды Рангунскаго лимана съ Хлайномъ и другими рукавами Иравадди. Ситтангъ (Ситтунгъ, Цитунгъ) или Палунъ, который спускается съ сѣвера на югъ въ длинномъ четыреугольномъ бассейнѣ, образуемомъ цѣпью Пегу-Іома и горами Пунглунгъ на востокѣ, сообщается съ дельтой главной барманской рѣки лишь черезъ низменныя земли и неопредѣленныя рѣки. Съ геологической точки зрѣнія, можно сказать, что Ситтангъ есть истинное продолженіе верхней Иравадди, ибо онъ находится какъ разъ на меридіональной оси этой рѣки между Бхамо и Мандалаемъ. Къ югу отъ столицъ королевской Барманіи, долина верхней Иравадди продолжается долиной, по которой бѣжитъ ея притокъ Панбунгъ, и въ томъ же направленіи, за невысокимъ порогомъ, нарождаются первыя воды Ситтанга, который впадаетъ въ море въ углу Мартабанскаго залива, послѣ теченія длиною 560 километровъ; площадь его бассейна исчисляется въ 56.500 квадр. километровъ. Вода прилива, низвергающаяся въ воронкообразную впадину лимана и поднимающаяся вверхъ по рѣкѣ во всякое время года на сто слишкомъ верстъ отъ устья, образуетъ, вслѣдствіе столкновенія съ рѣчнымъ теченіемъ, страшную для моряковъ бару или маскаретъ; бурливыя волны, поднимающія со дна песокъ, которыя слѣдуютъ за первыми валами бары, не менѣе опасны, и часто опрокидывали и топили небольшія суда. Во время дождливаго муссона, потоки, разливающіеся на востокѣ отъ Ситтанга и развѣтвляющіеся въ цѣлую сѣть лагунъ вдоль морскаго прибрежья, позволяютъ плыть подъ защитой отъ вѣтровъ и теченій до Мульмейна, при устьи Салуэна; благодаря всѣмъ этимъ каналамъ, общая длина которыхъ около 600 километровъ, суда могли бы ходить на нѣкоторомъ разстояніи отъ моря вдоль всего сѣвернаго берега Мартабанскаго залива, отъ Бассейна до Мульмейна. Въ періодъ большихъ дождей, которые иногда превышаютъ 6 метровъ, область поморья совершенно затопляется, равнина превращается въ озеро. Тогда-то тигры бываютъ всего болѣе опасны: они укрываются отъ потопа на тѣхъ же возвышеніяхъ почвы, гдѣ и крестьяне [1]).

Горы, раздѣляющія верхнюю Иравадди и Салуэнъ, были перейдены лишь на небольшомъ числѣ пунктовъ. На сѣверѣ Барманіи, поперечная долина рѣки Тапенгъ, спускающейся съ плоскогорій Юннана, позволила различнымъ путешественникамъ, Куперу, Маргари, Джилю, Сеченьи, Колькгуму, перейти водораздѣль-

[1]) Adolf Bastian, „Die Völker des Oestlichen Asien“.

ную цѣпь, и всѣ путешественники единогласно говорятъ, что выступы почвы расположены въ этой области длинными параллельными кряжами, направляющимися съ сѣвера на югъ и отдѣленными одинъ отъ другаго узкими долинами. Одинъ изъ пиковъ этой страны поднимается на 3.190 метровъ, и самый высокій порогъ дороги перевала лежитъ на высотѣ 2.563 метровъ. Къ югу отъ этого горнаго прохода, горы, холмы и плоскогорья извѣстны подъ общимъ именемъ Шанъ-Іома, или «Высоты Шановъ»; въ цѣломъ, вся эта область образуетъ какъ бы террасу, имѣющую слишкомъ 1.000 метровъ высоты и разрѣзанную многочисленными рѣками, которыя изливаются однѣ въ Иравадди, другія въ Салуэнъ. На юго-востокѣ отъ Мандалая пикъ Натикъ, почти уединенный, высится внѣ цѣпи Шанъ-Іома; путешественники, проѣзжающіе по мѣстностямъ, орошаемымъ рѣкой Панбунгъ, цѣлые дни видятъ стѣну этого пика, которая кажется почти вертикальною и составляетъ яркій контрастъ съ моремъ зелени лѣсовъ и саваннъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ зеленѣющихъ равнинъ трава такъ высока, что даже послѣ сезона дождей, когда она уже клонится къ землѣ и начинаетъ вянуть, слоны исчезаютъ въ ней. На югѣ отъ горы Наттикъ, водораздѣльная возвышенность между Ситтангомъ и Салуэномъ продолжается рядомъ массивовъ, изъ которыхъ многіе превышаютъ 1.000 метровъ. Наттунгъ, или «Гора духовъ», возвышающаяся на востокъ отъ Тунгу, поднимается на 2.400 метровъ; туземцы очень обижаются, когда имъ скажутъ, что эта гора не самая высокая на землѣ. Когда-то давно, говорятъ они, воды потопа, покрывшія всю страну, доходили до самой верхушки пика. Въ сезонъ жаровъ вершина Наттунгъ бываетъ постоянно скрыта въ дымѣ отъ паловъ, зажигаемыхъ туземцами каренами для расчистки почвы подъ посѣвы [1]).

Гораздо менѣе полноводный, чѣмъ Иравадди,—ибо онъ защищенъ отъ дождей юго-западнаго муссона не простымъ валомъ изъ горъ, какъ Иравадди, но двойнымъ, а на югѣ даже тройнымъ рядомъ высотъ,—Салуэнъ принадлежитъ, однако, по длинѣ своего теченія, къ числу большихъ рѣкъ Азіи, и на большей части картъ онъ даже изображенъ рѣкой, имѣющей гораздо большее протяженіе, нежели Иравадди. Салуэнъ беретъ начало на высокихъ плоскогорьяхъ восточнаго Тибета, и подъ именами Ну-кіангъ, Лу-кіангъ, Луце-кіангъ, спускается на югъ, параллельно рѣкамъ Меконгу и Киншанъ-кіангу, одною изъ тѣхъ узкихъ долинъ, которыя открываются въ поверхности материка словно борозды, вырытыя гигантскимъ плугомъ. Но большая часть этой рѣки еще не изслѣдована, и маршруты, начертанные въ сѣверныхъ ущельяхъ, еще не согласованы съ путями, пройденными путешественниками на барманской территоріи. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ его теченіе образуетъ границу между англійской Барманіей и королевствомъ Сіамъ, Салуэнъ течетъ, глубокій и быстрый, между лѣсистыхъ горъ, которыя мало-по-малу сближаются къ низовью и высоко поднимаютъ свои стѣны; близъ впаденія притока Тунгъ-янгъ, русло Салуэна до такой степени съужено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что не имѣетъ даже 30 метровъ въ ширину. Немного ниже слiянія съ этимъ притокомъ, ряды камней идутъ поперегъ рѣки, отъ одного берега до другаго, и о выступы этихъ камней разбиваются древесные стволы, увлекаемые теченіемъ. Другіе пороги и водопады, менѣе сильные, но тоже непереходимые для лодокъ впродолженіи большей части года, прерываютъ теченіе нижняго Салуэна. Рѣка дѣлается тихою только въ области дельты, тамъ, гдѣ боковые вѣтви или рукава соединяютъ ее съ Ситтангомъ и съ лиманами береговъ Танассерима; но она не впадаетъ непосредственно въ море, и воды ея сливаются съ солеными водами, окружающими островъ Белу-гайвонъ; опасныя мели, получившія имя «Годвиновыхъ песковъ» (Godwin sands), какъ мели Кентскаго берега въ Англіи, защищаютъ подходы приморскихъ городовъ Амгерста и Мульмейна. Эти мели часто были причиною крушенія судовъ. Нижній Салуэнъ—одна изъ тѣхъ рѣкъ, подъемъ по которымъ болѣе опасенъ для судовъ, чѣмъ цѣлое морское путешествіе дальняго плаванія [1]); но бара (маскаретъ), столь опасная въ Ситтангѣ, проявляется въ довольно слабой степени въ Нижнемъ Салуэнѣ. Полная вода этой рѣки поднимается, среднимъ числомъ, до 9 или 10 метровъ въ области пороговъ, и измѣренія ширины, глубины и скорости теченія, сообщенныя путешественниками Ричардсономъ, Скономъ, Ватсономъ, О'Рили, дали возможность инженеру Гордону вычислить въ этомъ мѣстѣ расходъ Салуэна въ періодъ разлива, и оказалось, что объемъ протекающей воды составляетъ отъ 17.000 до 20.000 кубич. метровъ въ секунду [2]). Средній стокъ рѣки пока еще не вычисленъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, онъ простирается до нѣсколькихъ тысячъ кубич. метровъ. Англичане заключили съ каренами договоръ о свободномъ судоходствѣ по Салуэну; тѣмъ не менѣе, эта рѣка безполезна для судовщиковъ, развѣ только на пространствѣ длиною около 100 километровъ, въ нижнемъ ея теченіи [3]). Выше ею пользуются только для сплава тека, бревна котораго, срубаемыя въ лѣсахъ по близости береговъ, приволакиваются къ рѣкѣ слонами и отдаются на волю теченія.

[1]) Mac Mahon, „Karens of the Golden Chersonese".

[1]) Pauline Nostitz, „Helfer's Reisen in Vorderasien und Indien".
[2]) „Report of the Irrawaddy River".
[3]) „Records of the Government of India", XLVIII.

которое уноситъ ихъ длинными вереницами. Выше города Мульмейна сплавщики перехватываютъ плывущія бревна и связываютъ ихъ въ плоты.

Деревня Сауи на Никобарскихъ островахъ.

Горы Шанъ, продолженіе горъ Юннана, столь богатыхъ металлами всякаго рода, и массивы, отдѣляющіе Пегу отъ бассейновъ Янзулина и Салуэна, тоже заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ мощныя минеральныя залежи, руды желѣза, свинца, мѣди, олова, серебра; рѣка Хвили, берущая начало на сѣверо-востокѣ отъ города Бхамо, въ Юннанѣ, катитъ въ своихъ водахъ блестки золота; драгоцѣнные камни, особенно рубины и яхонты, собираются для королевской казны въ горахъ, возвышающихся на сѣверо-западѣ отъ Мандалая. Барманія есть

одна изъ рѣдкихъ странъ, гдѣ существуютъ ломки нефрита; центръ эксплоатаціи находится въ округѣ Могунгъ, на сѣверѣ Бхамо.

Сопредѣльные съ Индіей по сю сторону Ганга и отдѣленные отъ долинъ Ассама и Типпераха невысокими горами, лѣса и джунгли Барманіи представляютъ такое же разнообразіе растеній, какъ и западный полуостровъ, и доставляютъ продовольствію и промышленности тѣ же произведенія, зерна, волокна и смолы. Въ ботаническомъ саду, основанномъ въ Рангунѣ, равно какъ на опытныхъ фермахъ, были разведены полезныя растенія тропическаго пояса, которыхъ недоставало туземной флорѣ, и постепенно культура ихъ распространилась по всему краю, даже за предѣлами англійской Барманіи. Кромѣ того, въ области холмовъ были введены различные растительные виды умѣреннаго пояса, въ особенности европейскія овощи. Мало найдется странъ, гдѣ бы, благодаря плодородію почвы и прекрасному климату, человѣкъ пользовался бо̀льшимъ разнообразіемъ произведеній растительнаго царства. Барманія есть одна изъ житницъ Индіи и всего свѣта по производимому ею рису, который каждый годъ вывозится изъ портовъ поморья въ огромныхъ количествахъ. Послѣ этого хлѣбнаго растенія, наиболѣе важное значеніе имѣютъ различные виды плодовыхъ деревъ; во многихъ мѣстахъ, всякая, даже самая маленькая хижина окружена фруктовыми деревьями, каковы: пальма-арека (индійское орѣховое дерево), хлѣбное, манговое, апельсинное, банановое (райская смоковница) деревья. Сахарный тростникъ мало гдѣ воздѣлывается, но одинъ видъ пальмъ, дани, доставляетъ туземцамъ сахаръ въ количествѣ, достаточномъ для удовлетворенія ихъ потребностей; въ одной только британской Барманіи эти деревья занимаютъ 12.000 гектаровъ [1]). Табаководство распространяется, сколько по причинѣ возростанія народонаселенія въ странѣ, гдѣ всѣ курятъ, даже дѣти, столько же благодаря всѣми признанному отличному качеству листа: мульмейнскій табакъ можетъ сравниться съ лучшими индійскими сортами. Чайное, кофейное, хинное деревья разведены на плантаціяхъ, но до сихъ поръ они доставляютъ еще мало продуктовъ. Тропическій характеръ растительности исчезаетъ выше дельты; однако, пальма пальмира раскрываетъ еще свои вѣеры изъ листьевъ вокругъ домовъ даже къ сѣверу отъ Мандалая [2]). Что касается дѣвственныхъ лѣсовъ, которые еще покрываютъ столь обширное пространство, то они могли бы, если бы черезъ нихъ проходили дороги, доставлять промышленности огромныя количества строеваго, столярнаго или красильнаго дерева. Гельферъ вычислилъ, что въ одномъ только Тенассеримскомъ округѣ существуетъ по меньшей мѣрѣ 650 милліоновъ деревъ, принадлежащихъ къ 377 различнымъ породамъ, изъ которыхъ 25 могутъ служить матеріаломъ для постройки судовъ [1]). Текъ не растетъ ни въ сѣверной Барманіи, ни въ южной части Тенассерима, къ югу отъ 18 градуса широты; наиболѣе благопріятныя условія для своего произрастанія онъ находитъ въ горахъ Пегу-Іома и въ сосѣднихъ областяхъ; но уже нѣкоторые тековые лѣса выпустошены, а новыя насажденія сдѣланы еще слишкомъ недавно, чтобы могли дать замѣтные результаты: ежегодная площадь облѣсенія въ англійской Барманіи не превышаетъ 240 гектаровъ. Послѣ тека, наиболѣе цѣнимыя древесныя породы—одинъ видъ акаціи (катеху), съ которой получается смолистый сокъ кашу, лаковое дерево, употребляемое для фабрикаціи коробокъ, и масляное дерево (dipterocarpus laevis). Сосны растутъ до полосы, сосѣдней съ моремъ, на горахъ Пегу-Іома; на высотѣ 100 метровъ появляются первые деревья этой породы. На морскомъ прибрежьи самое замѣчательное древовидное растеніе—амгерстія (amherstia nobilis), отличающаяся красотою вида, стройностью вѣтвей и великолѣпіемъ цвѣтовъ, пурпурныхъ и золотистыхъ [2]).

Слоны, безъ которыхъ эксплоатація первобытныхъ лѣсовъ была бы почти невозможна, болѣе многочисленны въ этой странѣ, чѣмъ во всякой другой мѣстности Восточной Индіи; но они рѣдко покидаютъ дѣвственный лѣсъ; они бѣгутъ отъ человѣка, и иногда достаточно поставить простую хижину вблизи ихъ логовища, чтобы заставить ихъ удалиться изъ этого мѣста; они никогда не дѣлаютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, набѣговъ на поля [3]). Въ силу закона, всѣ слоны, какъ дикіе, такъ и прирученные, принадлежатъ государю. Барманцы и особенно сіамцы очень искусны въ обращеніи этихъ огромныхъ животныхъ въ домашнее состояніе; они успѣваютъ даже воспитывать маленькихъ слоновъ въ неволѣ: во многихъ мѣстахъ каждая семья ходитъ въ сопровожденіи своего питомца [4]). Носороги, которыхъ въ Барманіи извѣстно три вида, иногда приручаются, какъ и въ Ассамѣ, и, по словамъ Гельфера, ихъ употребляютъ даже для перевозки тяжестей; охота на этихъ толстокожихъ предоставлена каренамъ и другимъ дикимъ племенамъ. Барманскія лошадки, такъ же, какъ и лошади, пасущіяся въ Каренскихъ горахъ, высоко цѣнятся, и англичане покупаютъ ихъ для всѣхъ своихъ

[1]) „Report on the Administration of British Burma during the years 1880—1881“.
[2]) Anderson, „From Mandalay to Momien“.

[1]) „Gedruckte und ungedruckte Schriften über die Tenasserim Provinzen“, „Mittheilungen der Geograph. Gesellschaft zu Wien“, 1860.
[2]) Wallich; Mason; Fytche.
[3]) Helfer, цитированный мемуаръ.
[4]) Crawfurd, „Journal of an Embassy to the Court of Ava“; Ch. Al. Gordon, „Our trip to Burmah“; Mouhot, „Travels in Indo-China“.

колоній на крайнемъ Востокѣ. Въ Барманіи крысы составляютъ періодическій бичъ страны: когда настаетъ такое время, что плодовъ въ горахъ Шанскихъ и Каренскихъ имъ недостаточно, онѣ спускаются несмѣтными полчищами въ долины и равнины, чтобы истреблять поля и даже, чтобы осаждать деревни, обитатели которыхъ принуждены тогда покидать свои жилища. Часто видали, какъ полки этихъ грызуновъ переправлялись въ порядкѣ черезъ очень широкія рѣки [1]). Рѣдко бываетъ, чтобы туземцы утилизировали шкуры или кожи животныхъ, носороговъ, буйволовъ или тигровъ; но въ области прибрежья они охотятся на одинъ видъ алкіона, или зимородка, перья котораго, небесно-голубаго цвѣта, идутъ въ Китай, гдѣ ихъ употребляютъ какъ украшеніе на платьяхъ мандариновъ.

Рыболовы, болѣе многочисленные, чѣмъ звѣроловы, живутъ массами на берегахъ Иравадди, Ситтанга и Салуэна; но другіе барманцы смотрятъ на нихъ какъ на «душегубцевъ». Они приготовляютъ родъ тѣста изъ ракообразныхъ и полусгнившей рыбы, такъ называемое *нгапи*, которое служитъ у нихъ приправой ко всѣмъ яствамъ, хотя запахъ этой приправы рѣшительно невыносимъ для европейца. Вокругъ заводовъ толпятся собаки и кружатся птицы, каждая ожидая свою долю угощенія.

Населенія, дикія или цивилизованныя, между которыми раздѣлена барманская территорія, принадлежатъ, по большей части, къ одному и тому же этническому корню, судя по сходству физическихъ чертъ, идіомовъ и преданій. Различія происходятъ, главнымъ образомъ, отъ образа жизни, и само собою разумѣется, горцы всего лучше сохранили первоначальный типъ.

Между сѣверо-западными племенами, одно изъ наиболѣе цивилизованныхъ, племя хамти, живетъ въ долинахъ горъ Паткой, на двухъ покатостяхъ Брахмапутры и Иравадди. Вообще рослые, сильные и хорошо сложенные, они имѣютъ плоское лицо, какъ у китайцевъ, но цвѣтъ кожи у нихъ темнѣе, черты менѣе правильныя; впрочемъ, очень многіе изъ нихъ, смѣшанные черезъ браки съ ассамцами или съ барманцами, почти ничѣмъ не отличаются отъ жителей равнины. Большинство имѣетъ привычку собирать волоса на макушкѣ въ одинъ пучекъ и связывать ихъ въ пышный шиньонъ. Они благопристойно одѣты, какъ ихъ сосѣди барманцы, и постепенно принимаютъ ихъ обычаи; обращенные въ буддійскую вѣру, они даже построили у себя нѣсколько пагодъ; нѣкоторые выучили азбуку и разбираютъ по складамъ священныя книги. Взрослыя дѣвушки живутъ отдѣльно въ большихъ хижинахъ; въ эти-то общежитія и приходятъ молодые люди за своими невѣстами послѣ формальнаго выкупа и постройки супружескаго дома. Хотя оружіе составляетъ ходячую монету края и хотя мандалайское правительство набирало солдатъ въ ихъ деревняхъ, хамтіи—народъ очень миролюбивый и пренебрегаютъ охотой для трудовъ земледѣлія, промышленности и торговли; это, такъ сказать, прирожденные торговцы. Начальники или старшины племенъ, представители каждой общины, оффиціально считаются владѣльцами земли, но всѣ хамтіи, жители одной деревни, составляютъ одно общество, и каждый членъ этого общества получаетъ сполна долю продуктовъ, пропорціональную его труду [1]).

Многочисленные *гаумы*, или кланы, извѣстные въ Ассамѣ подъ названіемъ сингпо или чингпо, т. е. «люди» [2]), а въ Барманіи и въ китайскомъ Юннанѣ подъ названіемъ какіенъ (ха-хіенъ, качинъ, каку), составляютъ важнѣйшую этническую группу въ сѣверной области барманской территоріи; но между ними нѣтъ никакой политической связи, которая соединяла бы ихъ въ одну націю. Въ пограничныхъ съ Ассамомъ мѣстностяхъ, эти туземцы частью цивилизованы хамтіями, на которыхъ они походятъ обычаями, одеждой и оружіемъ; но живущіе въ сосѣдствѣ съ Китаемъ болѣе дики, и путешественники побаиваются ихъ *дао* или *даха*, большаго ножа, которымъ они владѣютъ съ удивительною ловкостью. Почти всѣ какіены татуируются; особенно женщины испещрены узорами, очень красиво начертанными, которые служатъ въ одно и то же время украшеніемъ и магическими письменами, имѣющими силу удалять болѣзни и колдовство [3]). Богачи носятъ въ ушахъ, въ видѣ серегъ, серебряныя палочки, и всѣ, какъ богатые, такъ и бѣдные, украшаютъ себя поясами съ побрякушками или раковинами. Одежда ихъ сшита изъ самодѣльныхъ тканей, приготовляемыхъ женщинами и окрашенныхъ въ кубовую краску; туземцы, очень искусные кузнецы, выдѣлываютъ оружіе, которое находитъ хорошій сбытъ у всѣхъ окрестныхъ народцевъ. Большинство клановъ мало занимаются земледѣліемъ, развѣ только для производства опіума и хлѣбныхъ растеній, и единственное домашнее животное у нихъ—свинья; если иногда и держатъ буйволовъ, то только такихъ, которые украдены ими въ равнинѣ. Изъ различныхъ какіенскихъ племенъ только ближайшіе сосѣди барманцевъ и китайцевъ платятъ подать; тѣ же, которыя живутъ въ долинахъ, удаленныхъ отъ большихъ дорогъ, не признаютъ надъ собою никакой власти, кромѣ власти своихъ старшинъ, или *цобуа*, наслѣдственный титулъ

[1]) Mason, „Natural Production of Burma".

[1]) Cooper, „New Routes for Commerce"; Dalton, „Ethnology of Bengal".
[2]) John Anderson, „From Mandalay to Momien".
[3]) Adolf Bastian, „Geographische und ethnologische Bilder".

которыхъ всегда переходитъ къ младшему сыну, или, за неимѣніемъ прямаго потомства, къ младшему брату [1]); старшій сынъ покидаетъ край, чтобы идти искать счастья на чужбинѣ. Въ нѣкоторыхъ гаумахъ онъ получаетъ извѣстную долю наслѣдства, состоящую обыкновенно изъ недвижимаго имущества; среднимъ же сыновьямъ не завѣщается ничего, кромѣ оружія. Всѣ дѣти, рожденныя отъ законныхъ женъ или отъ купленныхъ наложницъ, пользуются одинаковыми правами. Рабы, очень многочисленные, рѣдко подвергаются побоямъ, каково бы ни было происхожденіе ихъ рабства: похищеніе, захватъ въ плѣнъ на войнѣ или неплатежъ долга. Въ очень многихъ деревняхъ всѣ члены общины, старшины, подданные и рабы, живутъ въ одномъ домѣ; въ другихъ селеніяхъ каждой семьѣ отведено отдѣльное помѣщеніе; наконецъ, въ иныхъ мѣстахъ спальня мужчинъ отдѣлена отъ спальни женщинъ камнемъ очага [2]). На верховьяхъ Иравадди ходячей монетой у какіеновъ служатъ катышки опіума [3]).

Выдавая себя за буддистовъ, когда спускаются со своихъ горъ въ города равнины, какіены въ дѣйствительности не имѣютъ никакой религіи, кромѣ поклоненія духамъ, или *натамъ*, и религіозныя церемоніи ихъ не имѣютъ другой цѣли, кромѣ заклинанія власти этихъ сверхъестественныхъ существъ. Когда заразительная болѣзнь поразитъ кого-нибудь изъ ихъ среды, они никогда не воздаютъ умершему погребальныхъ почестей и даже не кладутъ ему въ ротъ монеты, которою онъ могъ бы заплатить за перевозъ черезъ потокъ смерти; они заботятся только о томъ, чтобы прогнать злыхъ геніевъ, или чтобы убѣжать самимъ. Въ прежнее время, когда женщина умирала въ родахъ, тѣло ея тотчасъ же сжигали на кострѣ, при чемъ и новорожденнаго бросали въ пламя, крича умершей матери: «уноси своего ребенка!» Только чужой человѣкъ имѣлъ право спасти его; родной отецъ долженъ былъ отдать его въ жертву смерти [4]). Нигдѣ всемогущій обычай не регулируетъ такъ строго всѣ акты жизни; нигдѣ не нужно такъ соразмѣрять свои поступки и соблюдать обычаи, если хочешь избѣжать споровъ и обидъ. Родовая месть въ такой силѣ, что изъ-за нея иногда идетъ борьба между цѣлыми деревнями; сынъ пронзаетъ мечемъ воду, чтобы отмстить рѣкѣ, гдѣ утонулъ его отецъ. Какіены обладаютъ неумолимою памятью: они говорятъ, что имъ нѣтъ надобности учиться читать, потому что все уже написано въ ихъ сердцѣ. Языкъ ихъ есть, въ бассейнѣ Иравадди, одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе отличаются отъ барманскаго; это моносиллабическій говоръ, довольно пріятный и гармоническій, много похожій на идіомъ племенъ аборъ и мишми, но оканчивающій каждую фразу протяжнымъ визжаніемъ [1]).

[1]) Bigandet, „Annales de la Propagation de la Foi", 1866; John Anderson, цитированное сочиненіе; „Zeitschrift für Ethnologie", 1872.

[2]) Clement Williams, „Through Burmah to Western China".

[3]) Alaga; Sandeman, „Proceedings of the Geographical Society", may 1882.

[4]) John Anderson, цитированное сочиненіе.

Имя кареновъ (карріанъ), напоминающее имя хіенговъ въ Западной и какіеновъ въ Сѣверной Барманіи, имѣетъ тотъ же смыслъ, что «аборигены», по Кроссу, Мэзону и Гордону, тогда какъ барманцы производятъ его отъ одного слова на языкѣ пали, означающаго «грязные ѣдуны», синонимъ слова «мелкіе люди» [2]). Какъ бы то ни было, карены представляютъ низшую расу только по дикому состоянію, въ которомъ живутъ многія изъ ихъ племенъ; напротивъ, по смѣтливости, мужеству, прямодушію, трудолюбію—это одинъ изъ замѣчательныхъ народовъ Индо-Китая, одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ можно разсчитывать для будущей цивилизаціи острова по ту сторону Ганга; лицевой уголъ у нихъ болѣе открытый, чѣмъ у другихъ дикарей [3]). Въ англійскихъ владѣніяхъ ихъ больше 500.000 душъ, благодаря значительной иммиграціи; всѣхъ же кареновъ насчитываютъ до милліона душъ, разсѣянныхъ на пространствѣ слишкомъ 1.300 километровъ въ длину, отъ горъ, господствующихъ на востокѣ надъ равнинами около Мандалая до горъ южнаго Тенассерима; но они раздѣлены на множество племенъ, которыя, въ свою очередь, дѣлятся на семьи, разсѣянныя въ лѣсахъ; всего болѣе группы ихъ сближены въ высотахъ, сосѣднихъ съ Тонгу, въ долинѣ Салуэна и въ дельтѣ Иравадди. Они извѣстны подъ безчисленными мѣстными именами, но три главныя дѣленія – «бѣлые», «черные» и «красные», называемые такъ не по цвѣту кожи, а по цвѣту одежды. Красные карены, или каренъ-ни, которые бродятъ въ лѣсахъ Нижней Барманіи, лучше другихъ извѣстны и принимаются обыкновенно за типъ всѣхъ кареновъ; различаясь обычаями, они исповѣдуютъ одинъ и тотъ же культъ, поклоненіе демонамъ, смѣшанное съ буддійскими церемоніями [4]), и говорятъ нарѣчіями, происходящими отъ одного корня. Языкъ красныхъ кареновъ, записанный въ первый разъ Уэдомъ, въ 1832 году, принадлежитъ къ моносиллабическимъ идіомамъ, какъ и китайскій, и удареніе, измѣняющее смыслъ слоговъ, тоже играетъ въ немъ главную роль: въ каренскій словарь

[1]) Bigandet, цитированный сборникъ.

[2]) Mac Mahon, „Karens of the Golden Chersonese".

[3]) O'Riley, „Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia". 1859.

[4]) Bigandet, „Annales de la Propagation de la Foi"; 1866; Mason; O'Riley.

вошло большое число барманскихъ словъ [1]). Національныя преданія указываютъ на связь кареновъ съ китайцами; они говорятъ также о переселеніи, которое, будто бы, совершилось въ отдаленную эпоху изъ странъ, лежащихъ за «великою Песчаною рѣкою». Этнологи заключили изъ этого, что карены—монголы, пришедшіе изъ сѣверныхъ степей Гоби или Такла-Маканъ [2]). Въ настоящее время карены походятъ на другіе народцы, населяющіе барманскія горы. Самое красивое и самое сильное изъ каренскихъ племенъ—гайхо, живущее къ западу отъ рѣки Ситтангъ, по обѣ стороны англо-барманской границы; особенно женщины ихъ славятся красотой, и между ними есть такія, у которыхъ цвѣтъ лица не темнѣе, чѣмъ у китаянокъ.

Соединенные группами изъ пяти или шести семействъ, карены живутъ маленькими поселками, и всѣ жители поселка состоятъ между собою въ родствѣ, такъ какъ браки никогда не заключаются внѣ своего клана. Одна или двѣ большія хижины, служащія кровомъ всей общинѣ, составляютъ деревню; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія на одномъ мѣстѣ, семейная группа покидаетъ свои поля, чтобы идти основать новое поселеніе на дѣвственной землѣ лѣса [3]): они бѣгутъ, какъ сами говорятъ, потому, что вокругъ ихъ жилища расплодилось слишкомъ много злыхъ духовъ, и идутъ искать мѣста, гдѣ атмосфера менѣе населена этими врагами человѣка. Когда каренъ благословляетъ своего новорожденнаго младенца, онъ вооружается бамбукомъ, чтобы прогнать послѣдовательно ко всѣмъ странамъ горизонта бѣдность, страданіе, несчастье, слабосиліе, лѣность, всякую скверну. «Бѣды всякаго рода, уходите прочь!» восклицаетъ онъ. Затѣмъ тою же бамковою тросточкою онъ призываетъ добрыхъ геніевъ, но геніевъ добродѣтели прежде, чѣмъ геніевъ счастья; «приди, прямодушіе; приди, честность; приди, богатство; приди, вліяніе; блага всякаго рода, придите!» [4]). Когда карены хотятъ отмстить кому-нибудь тайными вліяніями, они тоже взываютъ къ духамъ, населяющимъ воздушныя пространства: послѣ проклятія, произносимаго надъ врагомъ три дня сряду при закатѣ солнца, они берутъ зажженную вѣтку, которая скоро гаснетъ, гнилое яйцо, нечистые остатки ѣды: «Пусть твоя жизнь угаснетъ, какъ угасла эта вѣтка! Да будешь ты лишенъ потомства, какъ это гнилое яйцо! Пусть конецъ твой походитъ на эти отброски!» Или они наводятъ на него порчу, околдовываютъ въ глиняномъ изображеніи, представляющемъ ненавистнаго человѣка: продежуривъ передъ этимъ изображеніемъ три дня и три ночи безъ сна, безъ пищи и питья, мститель разбиваетъ, наконецъ, глиняную куклу ударомъ камня, который представляетъ руку демона [1]). Между ихъ божествами наиболѣе чтимыя—это камни-фетиши, но они требуютъ крови, и жрецы приносятъ имъ въ жертву куръ и свиней; камни эти по большей части—горные хрустали, яшмы, халцедоны. Въ старину бывали даже человѣческія жертвоприношенія: такъ, рабовъ зарывали живыми въ землю на могилѣ начальниковъ племени; теперь ограничиваются тѣмъ, что привязываютъ ихъ на нѣкоторое время подлѣ могилы. Разсказываютъ, что у нѣкоторыхъ каренскихъ племенъ могущество общественнаго мнѣнія такъ велико, что человѣкъ, обвиненный въ какомъ-либо дурномъ поступкѣ передъ его товарищами, самъ себя обрекаетъ на смерть: онъ отправляется въ какое-нибудь глухое мѣсто, вырываетъ тамъ себѣ могилу и собственноручно задушаетъ себя. Есть еще карены безъ всякой цивилизаціи и не носящіе никакой одежды, кромѣ куска дерева или коры; но масса націй постепенно покидаетъ свои дикія привычки вездѣ, гдѣ она приходитъ въ частое соприкосновеніе съ жителями городовъ. Между туземными племенами Индо-Китая нѣтъ ни одного, которое бы такъ легко приняло христіанство, по крайней мѣрѣ въ наружныхъ его обрядахъ. Правда, что, исповѣдуя одну изъ религій Запада, обращенные карены не покидаютъ и своихъ древнихъ языческихъ вѣрованій. Такъ, многіе туземцы, переставъ татуироваться въ угоду европейскимъ миссіонерамъ, все-таки рисуютъ себѣ на одеждѣ магическія фигуры, которыя они прежде имѣли на кожѣ [2]).

Число христіанъ въ британской (Нижней) Барманіи въ 1880 году:

Кареновъ: 72.000 протестантовъ, 12.220 католиковъ; всего 84.220 христіанъ въ 451 приходѣ.

Барманцевъ—1.200; европейцевъ и евроазійцевъ—11.860; всѣхъ христіанъ въ англійской Барманіи—97.280.

Другая раса, представленная въ Барманіи нѣсколькими сотнями тысячъ душъ,—шаны, которые принадлежатъ къ тому же этническому корню, какъ таи или сіамцы, и которые, впрочемъ, гораздо многочисленнѣе въ предѣлахъ Сіамскаго королевства, на верховьяхъ Менама и въ бассейнѣ Меконга: ихъ встрѣчаютъ разсѣянными племенами до самыхъ границъ Тонкина. Тунгту (лау, пау), которые живутъ въ равнинѣ Ситтанга и которыхъ обыкновенно считаютъ однимъ изъ каренскихъ племенъ,

[1]) Logan, „Journal of the Indian Archipelago", vol. II; Max Muller, „Science of Languages".
[2]) Ch. Alexander Gordon, цитированное сочиненіе
[3]) J W. Helfer, „Gedruckte und ungedruckte Schriften".
[4]) „Journal des Mission évangeliques", 1836.

[1]) Mason, „Journal of the siatic Society of Bengal", 1868.
[2]) Dalton, „Ethnology o Bengal".

принадлежатъ, кажется, къ націи шановъ [1]). Ассамскія народности нага, куки, лушаи встрѣчаются также въ Барманіи на восточной отлогости горъ Ассама, преимущественно въ Манипурскомъ краѣ, которымъ овладѣло англійское правительство и который оно присоединило къ Бенгальскому президентству, хотя эта территорія принадлежитъ географически къ Индо-Китаю. Мало найдется странъ, гдѣ бы можно было наблюдать бо̀льшее разнообразіе нарѣчій, чѣмъ въ этой части Индійской имперіи: во многихъ долинахъ жители сосѣднихъ деревень не понимаютъ другъ друга [2]).

Моны, талайны, или «поморяне», живущіе въ большомъ числѣ по всему прибрежью англійской Барманіи, составляютъ, какъ полагаютъ, населеніе, отличное отъ барманцевъ или мрамма; ихъ первобытный идіомъ очень походитъ на языкъ мундовъ, сингбумскихъ и чотанагпорскихъ коларійцевъ [3]). Потомки древнихъ владѣтелей страны Пегу, они были покорены, въ свою очередь, въ половинѣ прошлаго столѣтія и долгое время терпѣли тяжкое угнетеніе. Оттого они охотно перемѣнили господъ, когда англичане овладѣли Тенассеримомъ и областями Пегу. Эти поморяне мало-по-малу сливаются съ барманцами; въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Мульмейнѣ, гдѣ почти все населеніе талайнскаго происхожденія, господствующій языкъ—барманскій. Дома талайновъ легко узнать по кокосовому орѣху и по краснымъ или желтымъ флюгаркамъ, повѣшеннымъ на одной изъ сторонъ жилища: тамъ имѣетъ резиденцію духъ, покровитель семьи [4]). Земледѣльцы по большей части, талайны подпадаютъ вліянію жрецовъ, торговцевъ, барманскихъ чиновниковъ: «народъ книги», какъ и мандалайскіе буддисты, они признаютъ превосходство тѣхъ, кто имъ далъ, вмѣстѣ съ этою «книгой», соотвѣтственную цивилизацію. Яу и арраканцы западнаго берега тоже «народы книги», и, хотя состоятъ подъ англійскимъ владычествомъ, но всего охотнѣе вступаютъ въ общеніе со своими единовѣрцами, обитающими на берегахъ Иравадди. Священная «книга» проводитъ раздѣльную черту между цивилизованными и народностями, называемыми дикими, каково бы, впрочемъ, ни было дѣйствительное состояніе ихъ культуры.

Барманцы, составляющіе наибольшую часть цивилизованнаго населенія Аше-Пайи, или «Восточной страны», даютъ себѣ имя мьяма или бама, происходящее отъ древняго наименованія мрамма, въ которомъ большинство этимологовъ видятъ имя самого Брамы [5]). Такимъ образомъ, барманцы возводятъ свою родословную до высшаго бога первыхъ индусовъ. Они выдаютъ себя за потомковъ индійскихъ иммигрантовъ, пришедшихъ изъ Айодіа на берегахъ Ганга, и король ихъ, претендующій на происхожденіе по прямой линіи отъ государей солнечной и лунной расъ, носитъ ихъ знаки царскаго достоинства на своемъ тронѣ и въ украшеніяхъ своего дворца [1]). Имена городовъ, Ратнапура, Амарапура, Мангалапура, Сингапура, напоминаютъ своею санскритскою этимологіей вліяніе брамановъ, сопровождавшихъ основателей. Конечно, преданіе справедливо въ извѣстной мѣрѣ: несомнѣнно, что на берегахъ Иравадди поселились колоніи индусскихъ цивилизаторовъ; но послѣдніе, вѣроятно, привели съ собою лишь небольшое число женщинъ, и мало-по-малу мраммы, смѣшавшись съ туземными племенами, кончили тѣмъ, что сдѣлались похожи на нихъ физически. Въ Барманіи рѣдко можно встрѣтить настоящій типъ индуса арійскаго происхожденія; почти вездѣ видишь плоскія лица, съ маленькими скошенными глазами и широкимъ носомъ, но физіономія у барманцевъ болѣе открытая, болѣе веселая, чѣмъ у китайцевъ. Что̀ касается языка, то онъ носитъ на себѣ слѣды смѣшенія, которое совершилось въ странѣ между двумя расами. Первоначальный діалектъ, моносиллабическій, какъ и китайскій, и располагающій тремя ударѣніями или повышеніями голоса, чтобы различать омонимы, обогатился множествомъ индусскихъ словъ, заимствованныхъ изъ священнаго языка; впрочемъ, они вообще выговариваются не отчетливо: употребленіе бетеля сдѣлало барманцевъ народомъ бормотуновъ [2]). Барманское произношеніе невозможно точнымъ образомъ передать на письмѣ при помощи европейскихъ алфавитовъ. Всѣ слова смягчаются въ произношеніи; такъ, самое имя народа мрамма превратилось въ устной рѣчи въ *мьяма*, а названіе рѣки Айравати (Иравадди) измѣнилось въ Ай-я-уа-ди. Барманская азбука произошла изъ санскрита, тогда какъ религіознымъ языкомъ остался пали, которымъ говорили въ пригангской провинціи Бехаръ, буддійскій «Монастырь».

Большинство барманцевъ малорослы, но сильны и проворны; немощные между ними очень рѣдки, и пропорція больныхъ ниже той, которую мы видимъ въ Европѣ. Всемогущій обычай сдѣлалъ роды очень опасными: въ помѣщеніи, гдѣ находятся рожающія женщины, разжигаютъ сильный огонь, можетъ быть, для того, чтобы удалить злыхъ духовъ; но несчастнымъ родильницамъ приходится такъ жутко отъ этого нестерпимаго жара, что «каждые роды стоятъ матери добрыхъ пятнадцати лѣтъ

[1]) Adolf Bastian, „Die Völker des Oestlichen Asien“.
[2]) Mason „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, 1866, № 1.
[3]) Logan; Phayre; Dalton, „Ethnology of Bengal“.
[4]) Shwaye Yoe, „The Burman“.
[5]) Mac Mahon, „Karens of the Golden Chersonese“.

[1]) Phayre, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“. 1864.
[2]) Max Müller; Vivien de Saint-Martin, „Nouveau Dictionnaire de Géographie“; Shway Yoe.

жизни» [1]). Женщины, которыя были избавлены родными отъ этой пытки, едва успѣютъ разрѣшиться отъ бремени, какъ уже выходятъ изъ своей комнаты и снова принимаются за работу. Браки плодовиты и дѣти многочисленны. Если общая цифра народонаселенія обѣихъ Барманій незначительна, то причина тому войны, часто опустошавшія страну, ибо въ періоды мира возростаніе числа жителей идетъ быстро: въ нѣкоторые годы бывало, что простыя мѣстечки превращались въ многолюдные города. Средства къ жизни такъ легко пріобрѣтаются въ этой плодоносной странѣ, что, безъ чрезмѣрнаго труда, почти все населеніе пользуется извѣстнымъ довольствомъ; бѣдныхъ можно встрѣтить только вокругъ пагодъ [1]), и

Либрауадди ниже Прома

[1]) Shway Yoe, „The Burman".

[1]) Albert Fytche, „Burma, past and preset".

то только благодаря тому, что обязательное для монашествующихъ подаяніе милостыни создало въ концѣ концовъ касту нищихъ. Религія, если бы предписанія ея строго соблюдались, запрещаетъ барманцамъ ѣсть мясо, но они употребляютъ въ качествѣ мясниковъ мусульманъ, такъ какъ люди, убивающіе животныхъ для питанія, у нихъ въ большомъ презрѣніи. Одинъ изъ самыхъ всеядныхъ народовъ земнаго шара, барманцы не брезгаютъ даже змѣями, игуанами и ящерицами; но почти всѣ они крайне умѣренны въ пищѣ: они обыкновенно довольствуются небольшимъ количествомъ риса да нѣсколькими бананами.

Барманцы вообще довольно богато одѣты, и матеріи яркихъ цвѣтовъ, которыя они обвертываютъ вокругъ тѣла, всегда изящно драпированы; ткани, носимыя женщинами, ниспадаютъ на колѣни, но открываясь съ боковъ, чтобы дать свободу движеніямъ ноги. Еще почти всѣ мужчины имѣютъ привычку татуировать себѣ бедра до колѣна; въ годы юности они такимъ образомъ трудятся надъ украшеніемъ своей особы при помощи фигуръ животныхъ, символическихъ образовъ, священныхъ словъ, красныхъ и синихъ чертъ, переплетающихся въ волшебномъ порядкѣ, съ тою цѣлью, чтобы «пропитать себѣ тѣло цѣлебнымъ средствомъ» и чтобы сдѣлать его неуязвимымъ [1]). Еще не такъ давно съ тою же цѣлью вводили подъ кожу золотые кружки, серебряныя монеты, долженствовавшія предохранять отъ всякой бѣды того, кто ихъ носитъ [2]); такъ, и теперь еще погонщики муловъ въ Юннанѣ запускаютъ себѣ подъ кожу на шеѣ и на груди до десяти или пятнадцати штукъ золотыхъ монетъ и драгоцѣнныхъ камней, какъ для того, чтобы уберечь ихъ отъ воровъ, такъ и для того, чтобы застраховать свою жизнь отъ злаго рока. Специальная татуировка, начертанная на шеѣ и кистяхъ руки невольника или уголовнаго преступника, изображала оковы и ручныя кандалы: это былъ знакъ принадлежности другому лицу или клеймо позора, наложенное правосудіемъ. «Громовые камни», т. е. кремневые топоры и стрѣлы, случайно вырытые изъ земли сохой, считаются обладающими великой силой и, обмокнутые въ заколдованную жидкость, кладутся въ комнатѣ родильницъ.

Такъ же, какъ въ Китаѣ и въ Индіи, всѣ дѣвушки въ барманской землѣ выходятъ замужъ, но брачные союзы не заключаются тотчасъ же по выходѣ изъ дѣтскаго возраста, какъ на полуостровѣ по сю сторону Ганга. Признаваемыя въ обыденной жизни равными мужчинѣ, женщины принимаютъ участіе въ дѣлахъ семьи, и никакое рѣшеніе не принимается окончательно безъ того, чтобы не посовѣтоваться съ ними. Бракъ не есть ни таинство, ни гражданскій юридическій обрядъ, и жена вольна отказаться отъ сожительства съ мужемъ, когда она не одобряетъ его поведенія; но разводъ составляетъ очень рѣдкое явленіе, особенно послѣ рожденія дѣтей. Разлученіе совершается полюбовно: каждый изъ супруговъ зажигаетъ свѣчку, и та изъ нихъ, которая раньше догоритъ, даетъ хозяину или хозяйкѣ право уйти, унеся изъ дома самыя дорогія вещи. Даже во время продолженія брачнаго союза всякое «благопріобрѣтенное имущество» жены составляетъ ея неотъемлемую собственность [1]). Однако, нѣкоторые обычаи свидѣтельствуютъ объ извѣстной неравноправности женщины въ сравненіи съ мужчиной: такъ, передъ судомъ, она не переходитъ за порогъ судилища, и мужчина почелъ бы себя обезчещеннымъ, если бы женщина ходила на высшемъ уровнѣ; во избѣжаніе этого несчастія, дома всегда строются въ одинъ этажъ [2]). Въ отношеніи погребальныхъ обрядовъ, такъ же, какъ и въ отношеніи свадебныхъ церемоній, барманцы дѣйствуютъ по своей волѣ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны закона. Тѣло умершаго или сжигаютъ на кострѣ, или зарываютъ въ землю, сообразно съ желаніемъ, выраженнымъ самимъ покойнымъ. Обычаи королевской семьи разнятся во многихъ отношеніяхъ отъ обычаевъ, соблюдаемыхъ въ остальной націи. Такъ, принцы женятся на своихъ сводныхъ сестрахъ, а старшая дочь короля обречена на безбрачіе [3]).

Въ большихъ городахъ королевской Барманіи большинство туземцевъ, нравственно испорченные гнетомъ двора, лживы и раболѣпны; но по этимъ людямъ, окружающимъ королевскую власть, не слѣдуетъ судить обо всемъ народѣ. Въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ жители могли убѣгать въ лѣса при проходѣ армій или алчныхъ сборщиковъ податей, можно лучше наблюдать барманцевъ и оцѣнить ихъ счастливый природный характеръ. Они вообще живые и смышленые, веселые, остроумные, великодушные, очень любятъ игры, музыку и удовольствія; случалось видѣть, какъ жители квартала, выгорѣвшаго утромъ, воздвигали вечеромъ, среди развалинъ пожарища, театральныя подмостки, чтобы утѣшить себя нѣсколькими веселыми часами за потерю всего своего имущества [4]). Обладая очень подвижнымъ умомъ, они, тѣмъ не менѣе, постоянны въ своихъ привязанностяхъ; рѣдко случается, чтобы глава

[1]) Bastian, „Siam"; Shway Yoe, „The Burman"; Snodgrass, „Burmese War".

[2]) Yule, „The Book of Marco Polo", II; Anderson, „From Mandalay to Momien".

[1]) Ch. A. Gordon, цитированное сочиненіе; Helfer, цитированные мемуары.

[2]) Mondière, „Dictionnaire des sciences anthropologiques".

[3]) Phayre, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1864, № 4; Yule; Bastian; Shway Yoe.

[4]) Shway Yoe, „The Burman".

семейства дѣлалъ малѣйшую разницу въ обращеніи съ дѣтьми, хотя бы даже одинъ изъ нихъ былъ европейскаго происхожденія. Барманцы очень гостепріимны, радушно принимаютъ иностранца и стараются предупредить его желанія; вдоль дорогъ путешественники находятъ сараи для отдыха и сосуды съ чистой водой для утоленія жажды. Вѣжливость составляетъ національную добродѣтель; въ этомъ отношеніи мраммы и талайны походятъ на японцевъ и стоятъ выше огромнаго большинства европейцевъ. Хотя очень впечатлительные и подвижные, они, однако, не вносятъ въ свои поступки той страстности, которая дѣлаетъ ихъ сосѣдей, малайцевъ, иногда столь опасными; они не мстительны и легко прощаютъ обиды; они очень покорны и позволяютъ себя угнетать безъ сопротивленія, ограничиваясь тѣмъ, что молятъ Будду, чтобы онъ защитилъ ихъ отъ «пяти враговъ»: огня, воды, разбойниковъ, недоброжелателей и правителей [1]). Барманцы нравственными качествами выгодно отличаются отъ индусовъ, которыхъ они называютъ своими братьями; они не признаютъ дѣленія на касты, или, по крайней мѣрѣ, не примѣняютъ его строго на практикѣ; человѣкъ самаго низкаго званія можетъ сдѣлаться равнымъ съ великими міра сего; онъ не встрѣчаетъ ни одного изъ тѣхъ непроходимыхъ сословныхъ барьеровъ, которые дѣлаютъ изъ индуса раба судьбы. Новѣйшая исторія англійской Барманіи доказываетъ, что туземцы умѣютъ пользоваться той свободой, въ которой отказано большинству жителей полуострова по сю сторону Ганга. Однако, рабы, состоящіе при кумирняхъ, сожигатели труповъ, прокаженные, тюремщики и палачи, которыхъ считаютъ существами, виновными въ какомъ-нибудь преступленіи во время предшествующаго ихъ существованія, остаются внѣ всякаго общества; они не имѣютъ даже права учиться въ школѣ; нищій отказывается отъ ихъ милостыни, томимый жаждой прохожій ни за что не согласится принять ни одной капли воды изъ ихъ рукъ.

Въ дѣйствительности, религія, господствующая въ Барманіи, та, которая регулируетъ всѣ акты жизни, есть поклоненіе демонамъ; оффиціальнымъ же культомъ является буддизмъ [2]). Барманцы боготворятъ Гаутаму, воплощеніе Будды; во всѣхъ городахъ, во всѣхъ селахъ и деревняхъ въ честь его воздвигнуты высокія пагоды или скромныя кумирни, и статуя Мудреца, съ кроткимъ, почти женственнымъ лицомъ, стоитъ въ глубинѣ храма. Прежде было въ обычаѣ у богатыхъ людей посвящать избытокъ своего состоянія на сооруженіе этихъ религіозныхъ зданій, и многіе изъ покинутыхъ городовъ, жилища которыхъ были преданы пламени завоевателями, или разрушены временемъ, состоятъ только изъ храмовъ, построенныхъ изъ кирпича, изъ мрамора или изъ тековаго дерева съ красивой рѣзьбой. Въ наши дни религіозное зодчество уже не въ такой чести, какъ было прежде, и щедроты богатыхъ барманцевъ, употреблявшіяся въ былое время на сооруженіе пагодъ, теперь чаще идутъ на сооруженіе театровъ; но жрецы, или *помги*, отличающіеся, впрочемъ, полнѣйшею вѣротерпимостью въ отношеніи чужихъ религій, попрежнему очень многочисленны. Они не составляютъ особаго класса, потому что не даютъ обѣта монашества; каждый помги можетъ во всякое время сложить съ себя духовный санъ и вернуться въ первобытное состояніе. Съ другой стороны, и сдѣлаться жрецомъ можетъ всякій желающій; даже обязательно для молодыхъ людей свѣтскаго общества поступать послушниками въ монастырь на нѣсколько лѣтъ, или на нѣсколько недѣль, и тамъ всѣ равны: царскій сынъ не пользуется бо̀льшимъ почетомъ, чѣмъ сынъ послѣдняго нищаго [1]). Тѣла жрецовъ сжигаются или при помощи ракетъ, которыя пускаютъ издали, чтобы зажечь костеръ, или посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева; когда же дѣло идетъ о простомъ смертномъ, то для зажиганія костра достаточно обыкновенной спички.

Названіе «талапуанъ», которое европейцы даютъ барманскимъ и сіамскимъ жрецамъ, произошло, вѣроятно, отъ *талапатъ* или *талипотъ*, названія вѣерной пальмы (corypha umbraculifera), листъ которой служитъ опахаломъ священнослужителямъ храмовъ, при чемъ на этомъ листѣ вырѣзаны священныя письмена [2]). Главная обязанность жрецовъ состоитъ въ обученіи чтенію и письму мальчиковъ околодка; каждый монастырь есть въ то же время школа. За немногими исключеніями, всѣ барманцы умѣютъ разбирать свои священныя книги, и будучи, по грамотности, гораздо выше большинства западныхъ людей, они всегда носятъ при себѣ таблички для того, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ надобности, поддержать свою бесѣду письменными объясненіями, знаками или вычисленіями. Но начатки образованія, которымъ обучаютъ помги, смѣшаны съ такимъ множествомъ пустыхъ формулъ и церемоній, что въ школахъ англійскаго основанія, даже въ тѣхъ, которыми руководятъ миссіонеры, съ трудомъ объясняющіеся на мѣстномъ языкѣ, число воспитанниковъ увеличивается съ каждымъ годомъ; кромѣ того, дѣвочки, которыя не могли поступать въ монастыри, получаютъ теперь элементарное образованіе въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ британской Барма-

[1]) Shway Yoe, цитированное сочиненіе.
[2]) Shway Yoe, цитированное сочиненіе; Adolf Bastian, „Reisen in Birma".

[1]) Shway Yoe, „The Burman".
[2]) Pallegoix, „Description du royaume Thaï ou Siam".

нiи около двухъ третей школъ, состоящихъ при монастыряхъ, находятся подъ наблюденiемъ англiйскаго правительства. Въ 1880 году монастырей въ англiйской Барманiи было 4.279 съ 6.408 монахами, не считая послушниковъ и аколитовъ. Монастырей, состоящихъ подъ контролемъ правительства, насчитывалось 2.678. Свѣтскихъ начальниковъ школъ было 473; среднихъ учебныхъ заведенiй 36; кромѣ того, въ Рангунѣ есть европейское училище.

Половина барманскаго народонаселенiя, и при томъ самая образованная, самая богатая и самая благоденствующая, если не самая многочисленная, подвластна Англiи; однако, пегуанскiе браманцы все еще видятъ въ королѣ, имѣющемъ свою резиденцiю въ Мандалаѣ, если не государя, то, по крайней мѣрѣ, священную особу, представителя Гаутамы. Несмотря на политическую границу, указываемую линiей 19°30′ сѣв. широты, барманцы королевства Ава и барманцы англiйской территорiи имѣютъ ясное сознанiе своей нацiональности и смотрятъ на себя, какъ на одинъ народъ, раздѣленный на время, но долженствующiй когда-нибудь соединиться въ одно цѣлое. Въ то время, какъ барманцы рѣдко эмигрируютъ въ Сiамъ, Индiю или Малазiю, они охотно переселяются въ земли, населенныя ихъ единоплеменниками. Само собою разумѣется, эмиграцiонное движенiе направляется теперь на югъ, изъ королевства Ава къ англiйской Барманiи Деспотическая власть короля, произвольная система податей и налоговъ, безпорядочность и произволъ администрацiи, недостатокъ торговыхъ удобствъ— все это побуждаетъ подданныхъ самодержавнаго повелителя бѣжать черезъ границы въ страну, которая, хотя и состоитъ подъ владычествомъ чужеземцевъ, но, тѣмъ не менѣе, населена барманцами, и гдѣ каждый можетъ спокойно пользоваться плодами своего труда. Какъ говорилъ англiйскiй уполномоченный, который, безъ всякаго трактата, просто по праву сильнаго, начерталъ границу, въ 1853 году, взявъ у королевской Барманiи провинцiю Пегу, королевство Ава держитъ въ своей рукѣ «какъ бы косточку плода». Страна отдѣлена отъ Бенгалiи и Ассама горами безъ дорогъ, горами, одинъ склонъ которыхъ—а въ Манипурѣ даже оба противоположные склона—принадлежатъ къ Англо-индiйской имперiи; отрѣзанная отъ всякаго сообщенiя съ моремъ, лишенная даже территорiй въ трехъ дельтахъ Иравадди, Ситтанга и Салуэна, имѣющая сношенiя съ Китаемъ и Ассамомъ только черезъ горы и плоскогорья, населенныя полудикими и часто враждебными народами, эта страна какъ бы заперта въ тюрьмѣ; она всецѣло во власти англичанъ. Разстройство, въ которомъ она находится уже нѣсколько лѣтъ, должно быть приписано въ большей части тѣмъ безобразнымъ и противоестественнымъ контурамъ, которые ей насильно приданы этими могущественными сосѣдями. Понятно, что подобное положенiе дѣлъ, столь гибельное для странъ по среднему теченiю Иравадди, не можетъ долго продолжаться; настанетъ моментъ, когда англiйской торговлѣ на низовьяхъ рѣки понадобится установить непосредственныя сообщенiя съ Китайской имперiей черезъ верхнюю Барманiю. Слѣдовательно, столкновенiе, созданное экономическими интересами, сдѣлается неизбѣжнымъ, и въ настоящихъ обстоятельствахъ легко предвидѣть, которая изъ двухъ державъ останется въ выгодѣ: благодаря пару, Иравадди, центральная артерiя такъ называемой «независимой» Барманiи, находится уже, такъ сказать, во власти Англiи. Паровой флотъ нижней Иравадди, буксирующiй шаланды, могъ бы въ пять дней высадить передъ Мандалаемъ 13.600 человѣкъ войска, вмѣстѣ съ провiантомъ и пушками [1]).

Изъ двухъ половинъ барманской нацiи, та, которая населяетъ области, прилегающiя къ морскому прибрежью, все болѣе и болѣе превосходитъ другую половину промышленностью, торговлею и работами всякаго рода. Земледѣлiе, составляющее занятiе огромнаго большинства жителей, получило значительное развитiе, благодаря раздѣленiю земли на мелкiя хозяйства. Англiйское правительство, занявъ мѣсто барманскаго короля, въ качествѣ общаго владѣльца земельной собственности государства, роздало прямо отъ себя земли маленькими участками, въ среднемъ размѣрѣ отъ 3 до 4 гектаровъ, такъ что между крестьяниномъ и казной нѣтъ никакого посредника, въ родѣ земиндара, или крупнаго арендатора удваивающаго налогъ съ земли. Земледѣльцы, поселившiеся на новыхъ, нетронутыхъ плугомъ земляхъ, освобождаются, въ теченiе извѣстнаго числа лѣтъ, отъ всякихъ податей и повинностей; затѣмъ, когда ихъ поля начнутъ приносить полный доходъ, они обязаны платить правительству подать, равноцѣнную пятой долѣ сбора произведенiй,—пропорцiя гораздо ниже размѣра налоговъ, взимаемыхъ въ Индiи по сю сторону Ганга. Тогда какъ средняя норма заработной платы сельскихъ рабочихъ на западномъ полуостровѣ исчисляется менѣе чѣмъ въ 3 франка въ недѣлю, она превышаетъ 9 франк. въ англiйской Барманiи. Немногiе изъ туземцевъ могутъ назвать себя богатыми, но зато тамъ почти нѣтъ и бѣдныхъ, и только очень малая часть недвижныхъ имѣнiй обременена долгами: ростовщики, которыми кишатъ деревни Индустана, еще недавно были почти неизвѣстны въ селенiяхъ на нижней Иравадди; къ несчастью, четскiе закладчики съ Коромандельскаго берега узнали теперь дорогу и въ Барманiю. Золото и серебро, ко-

---

[1]) „Journal officiel de la République française", 10 juin 1879.

тораго ежегодно ввозится въ страну на сумму свыше 30.000.000 франк., употребляется главнымъ образомъ на фабрикацію украшеній для барманскихъ и каренскихъ женщинъ: это сбереженіе, въ видѣ предметовъ роскоши, простирается, вѣроятно, среднимъ числомъ, до 300 франковъ въ годъ на каждое семейство. Къ сожалѣнію, употребленіе опіума, введенное англичанами, дѣлаетъ большія опустошенія среди барманскаго населенія.

Мѣстная торговля громадна: въ каждой деревнѣ торговцы и торговки раскладываютъ свои товары прямо подъ открытымъ небомъ; по всѣмъ дорогамъ идутъ и ѣдутъ разносчики, караваны вьючныхъ животныхъ, обозы запряженныхъ волами телѣгъ или арбъ, которыя еще сохранили форму крытыхъ лодокъ съ навѣсомъ; скрипъ тяжелыхъ сплошныхъ колесъ слышится по ночамъ за нѣсколько верстъ, нагоняя страхъ на пантеръ и другихъ кровожадныхъ звѣрей. Около тридцати пароходовъ и слишкомъ 65.000 простыхъ судовъ разной величины, изъ которыхъ иныя поднимаютъ свыше 150 тоннъ, плаваютъ по Иравадди и ея рукавамъ. Совокупность торговаго обмѣна съ другими странами возростаетъ изъ года въ годъ; уже въ 1820 г. она превышала 550 милліоновъ франковъ, такъ что, пропорціонально пространству и населенію, она почти равняется суммѣ торговыхъ оборотовъ Франціи. Около четырехъ пятыхъ этой торговли производится морскимъ путемъ; однако, торговый обмѣнъ между англійской Барманіей и верхней Барманіей, или королевствомъ Ава, тоже возростаетъ, несмотря на дипломатическую ссору двухъ правительствъ и происходящія отъ того притѣсненія всякаго рода: торговыя монополіи относительно строеваго лѣса, смолы кашу, керосина, драгоцѣнныхъ камней, данныя мандалайскимъ дворомъ китайскимъ откупщикамъ, составляютъ главныя препятствія развитію торговыхъ дѣлъ. Съ Сіамомъ торговыя сношенія англійской Барманіи встрѣчаютъ другія трудности, именно трудности, которыя представляетъ сообщеніе черезъ лежащія между этими странами пустынныя и гористыя области; дороги, которыя теперь пролагаются на востокѣ отъ Мульмейна и которыя перейдутъ черезъ водораздѣльную цѣпь, чтобы спуститься къ Менаму, получатъ важное значеніе, когда торговля будетъ ими пользоваться для перевозки товаровъ между моремъ и рѣкой.

Барманская арба.

Внѣшняя торговля англійской Барманіи въ теченіе фискальнаго 1880—1881 года:

	Моремъ. франк.	Сухимъ путемъ. франк.	Вмѣстѣ. франк.
Вывозъ ...	236.875 000	48 920.000	285.795.000
Привозъ...	220.150.000	50.215.000	270.365.000
Сумма	457.025.000	99.135 000	556.160 000

Цѣнность торговаго обмѣна между обѣими Барманіями въ 1877 году: 68.474.725 франковъ.

Движеніе судоходства по заграничной тор-

говлѣ: 2.438 пароходовъ, вмѣстимостью — 1.668.325 тоннъ; 3.020 парусныхъ судовъ, вмѣстимостью — 862.830 тоннъ; всего 5.458 судовъ, вмѣстимостью — 2.531.155 тоннъ.

Промышленность развилась въ такой же степени, какъ земледѣліе и торговля. Барманцы во всѣ времена были искусными рѣзчиками на деревѣ, ткачами, литейщиками бронзовыхъ издѣлій: огромные колокола ихъ храмовъ свидѣтельствуютъ объ ихъ искусствѣ въ обработкѣ металловъ; ихъ скороходныя шлюпки, съ носомъ въ видѣ полумѣсяца, откуда кормчій дѣлаетъ знакъ тридцати или шестидесяти матросамъ, дружно дѣйствующимъ вызолоченными веслами, мало имѣютъ равныхъ себѣ во всемъ свѣтѣ по быстротѣ движенія, и нельзя достаточно надивиться той ловкости и быстротѣ, съ какою судовщики на Иравадди развертываютъ или переставляютъ свои четыреугольные или вѣерообразные паруса, привязанные къ реѣ въ 40 метровъ длиною. Съ тѣхъ поръ, какъ порты англійской Барманіи стали отправлять заграницу такое огромное количество рису (такъ, напримѣръ, въ теченіе фискальнаго 1881 — 1882 года было вывезено этого продукта 957.200 тоннъ, на сумму около 150.000.000 франковъ), сдираніе шелухи съ рисовыхъ зеренъ сдѣлалось главною мѣстною промышленностью; но эта работа производится въ обширныхъ заводахъ, которые почти всѣ принадлежатъ европейцамъ или китайцамъ; барманцы употребляются на этихъ обширныхъ «мельницахъ» только для надзора за рабочими или для ручнаго труда; до настоящаго времени механики всегда набирались и набираются между иностранцами, особенно между «дѣтьми Гана», которые начинаютъ появляться въ краѣ.

Число ихъ, несомнѣнно, будетъ возростать, когда переселенцы изъ китайскихъ провинцій Фокіена и Куантунга узнаютъ по народной молвѣ объ изумительныхъ естественныхъ источникахъ этихъ богатыхъ странъ, гдѣ воздѣланныя земли не составляютъ еще даже пятнадцатой части территоріи [1]). Въ настоящее время потокъ иммигрантовъ, представляющій седьмую часть общаго числа жителей, состоитъ преимущественно изъ сѣверныхъ барманцевъ, кареновъ, шановъ, клинговъ съ Коромандельскаго берега и бенгальцевъ, пришедшихъ изъ Джиттагонга, подъ управленіемъ своихъ «начальниковъ работъ». Иногда дороги бываютъ покрыты безконечными вереницами этихъ переселенцевъ, которыхъ крупные предприниматели склонны третировать какъ невольниковъ. Женщины сопровождаютъ эти переселенческія партіи лишь въ небольшомъ числѣ, а что касается барманцевъ изъ королевства Ава, то имъ запрещено приводить съ собою семьи; оттого мужское населеніе почти на одну двѣнадцатую превышаетъ женское, и пропорція метисовъ, имѣющихъ въ своихъ жилахъ въ одно и то же время кровь барманскую, индусскую, китайскую, быстро увеличивается.

Этническіе элементы народонаселенія въ англійской Барманіи, считая въ томъ числѣ южный Тенассеримъ:

	Перепись 1872 г. жит.	Перепись 17 февр. 1881 г. жит.	Прирость, процент.
Барманцевъ и талайновъ	2.111.921	2.766.827	31,0
Кареновъ	331.706	518 294	56,2
Хьенговъ	51.117	55.015	7,6
Тунгту	24.923	33.554	42.6
Шановъ	36.029	50.723	65,8
Дикихъ горцевъ	31.242	27.598	—
Индусовъ	137.014	246.289	79,7
Китайцевъ	12.109	12 962	7,0
Европейцевъ и евроазійцевъ	9.177	11.860	29,2
Всего	2.747.148	3 736.771	36,2

Большинство пришельцевъ, за исключеніемъ магометанъ, скоро присоединяется къ рядамъ буддистовъ; поклонники Вишну и Сивы сами собою, безъ всякаго посторонняго принужденія, ходятъ въ буддійскія пагоды совершать свои религіозные обряды.

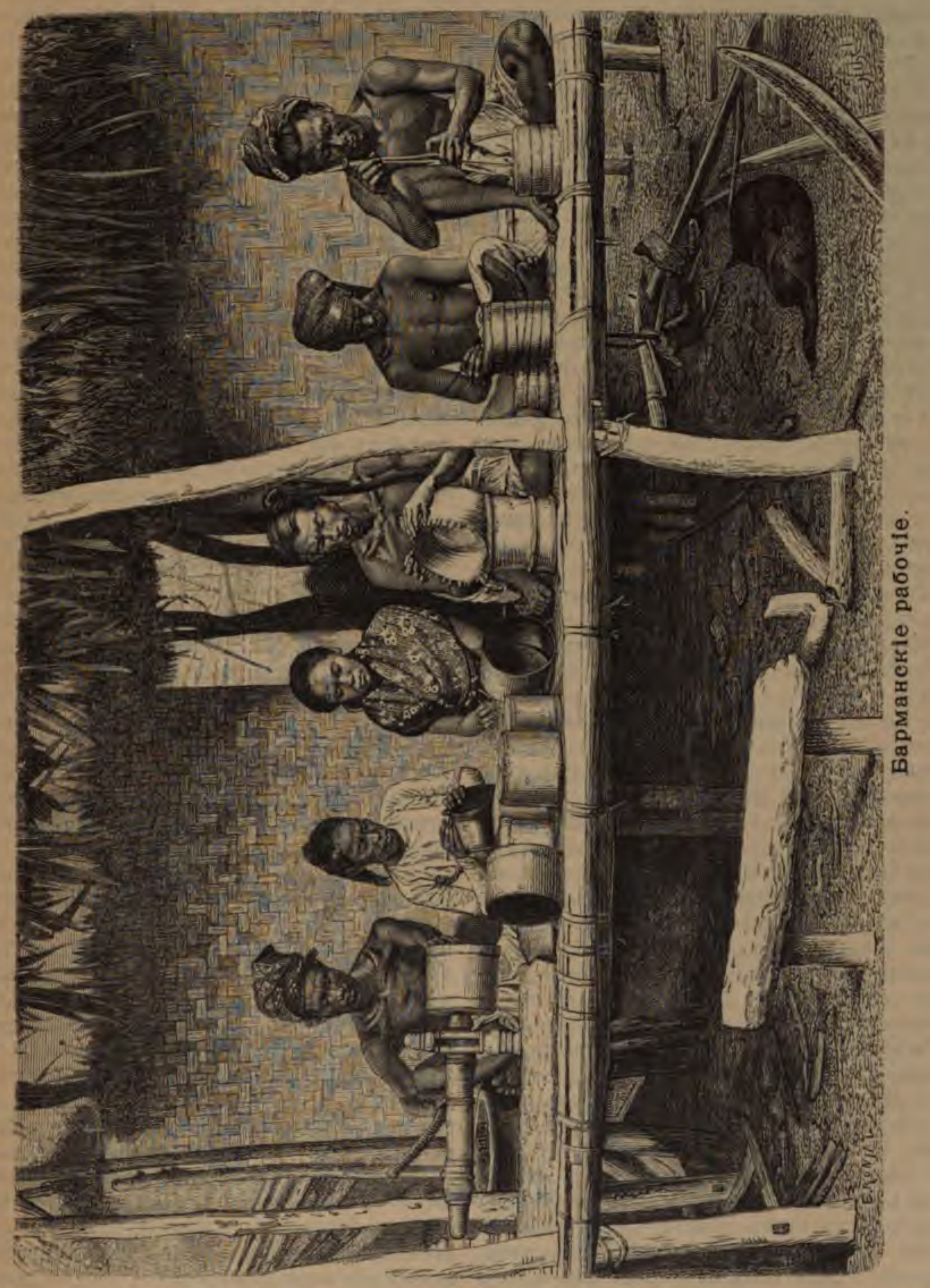
На мало изслѣдованныхъ берегахъ верхней Иравадди, въ землѣ какіеновъ, между Китаемъ и Барманіей, нѣтъ городскихъ поселеній въ собственномъ смыслѣ, а есть лишь остатки городовъ, каковы, напримѣръ, Качо и Айенгдама; теперь это деревни, окруженныя палисадами, которые запираются каждый вечеръ, чтобы быть въ безопасности отъ нападенія какіеновъ; вокругъ наполненныхъ водой рвовъ разстилаются обширныя пространства, гдѣ видны еще слѣды прежнихъ пашень [1]); судовщики, поднимающіеся вверхъ по Иравадди, стоятъ на якорѣ по серединѣ рѣки, во избѣжаніе неожиданныхъ нападеній со стороны дикарей. Городъ Могунгъ, на боковомъ притокѣ Иравадди, лежитъ на самой границѣ барманской территоріи, но находящіяся въ его окрестностяхъ нефритовыя копи принадлежатъ какіенамъ: китайцы и шаны, эксплоатирующіе эти рудники съ большой выгодой, въ мирное время должны платить большую подать старшинамъ дикарей и пошлину королевско-барманскимъ таможнямъ; нефритъ отправляется въ Кантонъ черезъ Мандалай. Къ сѣверу отъ Могунга находится также мѣсторожденія янтаря.

Важнѣйшій городъ верхней Барманіи, на границахъ территоріи какіеновъ и китайской

[1]) „Report on the administration of British Burma during 1880—1881“.

[1]) Sandeman, Proceedings of the Geographical Society“, may 1882.

провинціи Юннанъ, есть Бамо (Бхамо), расположенный на восточномъ высокомъ берегу Иравадди, въ 2 километрахъ ниже впаденія въ нее притока Тапенгъ или Тапингъ. Это наидалѣе выдвинутый военный постъ королевства Ава со стороны Китая; въ то же время это самый значительный его торговый складочный пунктъ. Въ Бамо, какъ въ точкѣ пересѣченія историческихъ путей, необходимо долженъ былъ возникнуть городъ. Рѣка легко судоходна до этого мѣста, находящагося на разстояніи 1.200 километровъ отъ океана, и съ 1868 года пароходы, имѣющіе до одного метра посадки въ водѣ, поднимаются вверхъ по теченію до впаденія Тапенга. Эта послѣдняя рѣка, сама достаточно глубокая для плаванія барокъ на пространствѣ около 40 километровъ, спускается изъ долины, которая даетъ доступъ къ первымъ



Барманскіе рабочіе.

ступенямъ плоскихъ возвышенностей Юннана: тамъ начинается поперечная дорога, представляющая наиболѣе удобный переходъ между Иравадди и Янтсекіангомъ, между Рангуномъ и Шанхаемъ. Это еще не все. Мѣсто сліянія Иравадди и Тапенга, кромѣ того, указывается, какъ долженствующее быть современемъ связаннымъ съ Калькуттой черезъ долину Барака и Манипуръ: дорога Ганга и Брахмапутры соединится съ дорогой «Срединнаго Цвѣтка», при началѣ судоходства по Иравадди. Многіе города слѣдовали одинъ за другимъ въ этой равнинѣ нижняго Тапенга. Къ востоку отъ Бамо видны остатки двухъ городовъ, изъ которыхъ одинъ извѣстенъ подъ именемъ «Стараго Бамо»; на сѣверѣ, на правомъ берегу Тапенга, тоже есть развалины, указывающія мѣсто, гдѣ стоялъ древній городъ Цампенанго,—на языкѣ пали Чампанагаръ,—который былъ столицей одного шанскаго государства и который разрушили сингпои.

О будущей дорогѣ, которая должна соединить непосредственно Индію съ Китаемъ черезъ горы, продолжающія на востокѣ валъ Гималаевъ, написаны сотни статей и цѣлыхъ книгъ, но можно сказать, что эта дорога уже существуетъ; это «золотой и серебряный путь», которымъ китайскія войска спускались до самой равнины въ 1769 году и которымъ всегда слѣдовали посольства между двумя государствами; остается только, гдѣ нужно, сдѣлать выемки въ холмахъ и засыпать долины, для прокладки рельсъ. Несмотря на недоброжелательство королевской Барманіи въ отношеніи англійской торговли, значительная часть товаровъ, посылаемыхъ изъ Рангуна къ верховьямъ Иравадди, направляется въ Китай. Цѣлый кварталъ въ Бамо, или Цинь-гаѣ—какъ его называютъ китайцы,—занятъ торговцами изъ Юннана, пріѣзжающими въ этотъ городъ закупать хлопокъ, нефритъ, разные европейскіе товары, до соли изъ Ливерпуля включительно; въ 1881 году одинъ караванъ, слѣдовавшій этою дорогой, заключалъ въ себѣ слишкомъ 1.500 навьюченныхъ животныхъ [1]). Даже во время возстанія пантаевъ торговое движеніе между Барманіей и Китаемъ, черезъ Бамо, никогда не прерывалось; но тогда этотъ городъ имѣлъ никакъ не болѣе 5.000 жителей: въ 1868 году Андерсонъ исчислялъ населеніе его только въ 2.500 душъ. Бамо, окруженный эстакадой, состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ тековыхъ и бамбуковыхъ домовъ, поддерживаемыхъ столбами на высотѣ нѣсколькихъ футовъ надъ уровнемъ почвы. Промышленности въ немъ нѣтъ почти никакой, кромѣ выдѣлки сабель или *дохъ*, и приготовленія глиняной посуды: отсюда и самое имя его, происшедшее отъ слова Манмо и означающее «городъ гончаровъ».

[1]) „London and China Express", jan. 27, 1882.

Ниже по теченію, на томъ же берегу Иравадди, деревня Кунтугъ, или Кіунгъ-тунгъ, расположенная у входа въ одно ущелье рѣки, была иногда соперницей Бамо по торговлѣ съ Китаемъ; небезопасность дорогъ заставляла караваны видоизмѣнять свой маршрутъ, сообразно превратностямъ войнъ и союзовъ. Внизъ отъ этого дефилея, до нынѣшней столицы Барманіи, нѣтъ значительныхъ городовъ, ни важныхъ рынковъ: наиболѣе посѣщаемыя мѣста—это высокіе мысы, увѣнчанные пагодами, и скалистые острова, гдѣ безчисленныя религіозныя зданія, окруженныя деревьями, высоко поднимаютъ свои позолоченные шпицы надъ густою листвой: такъ, островъ Шве-гу, «Лѣсъ пагодъ», содержитъ, говорятъ, не менѣе 999 святилищъ [1]). Рыбачья деревушка, расположенная на лѣвомъ берегу Иравадди, составляетъ все, что осталось отъ древней столицы Барманіи, Тагунга, основанной въ первыя времена барманской колонизаціи; тридцать пять королей слѣдовали одинъ за другимъ на тагунгскомъ престолѣ, но, вслѣдствіе нашествія варваровъ, царская резиденція была перенесена оттуда немного южнѣе, въ Паганъ, называемый теперь «Старымъ Паганомъ», съ тѣхъ поръ, какъ другой городъ того же имени былъ построенъ въ 350 километрахъ ниже по теченію Иравадди. Остатки этихъ двухъ сосѣднихъ городовъ, Тагунга и Пагана, поросли лѣсомъ, такъ что теперь съ трудомъ можно отыскать тамъ и сямъ развалины пагодъ и статуй Будды. Другая деревня, тоже лежащая на лѣвомъ берегу рѣки, носитъ имя Цампенанго; какъ и городъ, предшествовавшій Бамо при впаденіи Тапенга въ Иравадди,—это бывшая столица шанскаго царства. Въ окрестностяхъ разрабатываютъ, но не очень дѣятельно, нѣсколько каменноугольныхъ копей.

Главное колѣно Иравадди, между Бамо и дельтой, есть важнѣйшее историческое мѣсто современной Барманіи: здѣсь возникли послѣдовательно четыре столицы, Сагайнъ, Ава, Амарапура, Мандалай. Правда, что мало найдется мѣстоположеній, которыя представляли бы больше выгодъ для основанія центральнаго города многолюдной страны. Нѣсколько второстепенныхъ рѣкъ впадаютъ въ этомъ мѣстѣ въ главную рѣку; въ небольшомъ разстояніи оттуда, ниже по теченію, главный притокъ Иравадди, Кьендвенъ, соединяетъ свои воды съ водами главной долины; направленіе, принимаемое главной рѣкой, отъ Мандалая къ Пагану, совершенно совпадаетъ съ направленіемъ Арраканскаго залива, и этотъ путь продолжается удобными для прохода брешами по горамъ; наконецъ, на югѣ, длинная долина открываетъ прямую дорогу къ истокамъ Ситтанга; нѣтъ сомнѣнія, что настанетъ день, когда

[1]) Shway Yoe, „The Burman".

этотъ сгибъ почвы будетъ выбранъ для проложенія желѣзнаго пути, который дастъ Мандалаю быстрыя средства сообщенія съ другими странами.

Ава, древнѣйшій изъ упомянутыхъ четырехъ городовъ, имѣетъ въ то же время наиболѣе живописное мѣстоположеніе. Онъ находится на самомъ берегу Иравадди, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка мѣняетъ направленіе, поворачивая къ западу, и гдѣ притокъ Мійгн соединяется съ главной рѣкой многочисленными извилистыми каналами. На противоположномъ берегу, на скатахъ и на вершинѣ холмовъ, блестятъ позолоченные куполы пагодъ Сагайна, который тоже былъ столицей государства. Четыреугольная городская ограда Авы, около 10 километровъ длиной, еще довольно хорошо сохранилась, а внутренность ея превратилась въ обширный паркъ, аллеи котораго представляютъ бывшія улицы. Нѣсколько уцѣлѣвшихъ еще монастырей даютъ пріютъ монашествующей братіи; среди лѣсныхъ прогалинъ, плодородная почва которыхъ въ изобиліи доставляетъ садовникамъ превосходные плоды, разсѣяны хижины поселянъ; дворецъ представляетъ уже руину, на половину заросшую зеленью; коровы мирно щиплютъ траву между распавшимися камнями этихъ развалинъ и спускаются по королевскимъ лѣстницамъ на водопой къ быстрому потоку, омывающему неровныя ступеньки. Впродолженіи слишкомъ четырехъ столѣтій Ава была столицей Барманіи. Основанная въ 1364 году, она была покинута въ 1783 году, затѣмъ снова служила резиденціей государю съ 1822 по 1837 годъ. Палійское имя, которое ей давали оффиціально, Ратнапура, или «Городъ драгоцѣнныхъ камней», не сохранилось за нею; болѣе древнее народное наименованіе Ава, или Аэнгва, т. е. «Прудъ рыбаковъ», въ концѣ концовъ одержало верхъ и даже стало примѣняться ко всему государству. Въ сосѣднихъ странахъ королевская Барманія извѣстна вообще подъ именемъ королевства Ава [1]).

Амарапура, или «Городъ безсмертія», имѣлъ очень кратковременное существованіе: оно продолжалось всего только семьдесятъ пять лѣтъ, да и то съ перерывомъ, такъ какъ одно время онъ былъ покинутъ дворомъ. Въ 1857 году, когда король далъ приказъ выбираться изъ города, китайцы, которые незадолго передъ тѣмъ построили себѣ новую пагоду, отказались послѣдовать общему исходу и забаррикадировались въ своемъ кварталѣ. Кончилось тѣмъ, что ихъ оставили въ покоѣ, но притягательная сила матеріальныхъ выгодъ оказалась дѣйствительнѣе всякихъ насильственныхъ мѣръ: когда желтолицые «сыны Гана» увидѣли себя изолированными, безъ покупателей для своихъ товаровъ, они добровольно, одинъ за другимъ, покинули свои жилища и перебрались въ Мандалай. Правильный квадратъ, образуемый городской оградой Амарапуры, находится въ семи километрахъ по прямой линіи къ сѣверо-востоку отъ Авы, но онъ отдѣленъ отъ послѣдней прудами, ложными рѣчками, рисовыми полями; на ближайшей половинѣ рѣки разсѣяны многочисленные острова, осѣняемые великолѣпными деревьями; на западной сторонѣ, Иравадди течетъ вдоль подошвы безплодныхъ Сагайнскихъ холмовъ, бока которыхъ испещрены полосами краснаго и коричневаго цвѣта, происходящими отъ присутствія желѣзной руды. Недавно у подножія этихъ береговыхъ скалъ построены большіе чугуннолитейные заводы.

Гавань Амарапуры служитъ въ то же время гаванью для Мандалая, или Мандале, теперешней столицы государства, названной такъ по имени пригорка, который возвышается на сѣверо-восточной сторонѣ города. Современная резиденція находится въ 4 километрахъ отъ рѣки, съ которою ее соединяетъ широкая аллея, обставленная по бокамъ домами, амбарами для склада товаровъ, судостроительными верфями и мастерскими; говорятъ, барманскій король именно потому и построилъ свою столицу среди рисовыхъ полей, вдали отъ тѣнистыхъ береговъ Иравадди, чтобы не слышать ненавистнаго шума англійскихъ пароходовъ [1]). Планъ Мандалая, такъ же, какъ и планъ Амарапуры, представляетъ подраженіе плану китайскихъ городовъ, заключающихъ внутри «городъ варваровъ», т. е. иноплеменныхъ завоевателей. Болѣе правильный, чѣмъ Пекинъ, Мандалай образуетъ совершенный квадратъ, обнесенный кирпичной оградой, съ воротами по серединѣ каждой изъ сторонъ и съ башнями по угламъ, блистающими своими вызолоченными крышами. Въ центрѣ города второй четыреугольный валъ окружаетъ королевскій городъ, заключающій дворцы самого короля, его женъ, министровъ, бѣлаго слона; точная середина, которую занимаетъ тронъ государя, увѣнчана шпицемъ съ семерною спиралью, который служитъ символомъ горы Меру, центральной пирамиды міра [2]). Передъ каждымъ домомъ тянется частоколъ, такъ называемый «царскій палисадъ», за который должны укрываться жители, когда полиція возвѣщаетъ о приближеніи «золотыхъ ногъ» его величества. Новый, построенный по однообразному плану и изъ непрочныхъ матеріаловъ, Мандалай имѣетъ видъ параднаго города, существующаго лишь на одинъ день и долженствующаго исчезнуть, какъ исчезли сосѣдніе города, по королевскому капризу. Предмѣстья, отдѣленныя отъ города судоходнымъ

---

[1]) Yule, „Reports of the Mission to Ava in 1855"; A. Bastian, „Die Völker des Oestlichen Asien".

[1]) Adolf Bastian, цитированное сочиненіе; Anderson, „From Mandalay to Momien".

[2]) Adolf Bastian, цитированное сочиненіе.

рвомъ городской ограды и продолжающіяся на юго-западъ до окрестностей Амарапуры, имѣютъ уже по самой безпорядочности ихъ строеній болѣе оживленную физіономію, чѣмъ окруженный стѣной городъ; береговая насыпь неправильной формы защищаетъ ихъ отъ наводненій во время разлива Иравадди. Нужно сказать, что стѣны Мандалая покоятся на пятидесяти слишкомъ человѣческихъ трупахъ, ибо въ Барманіи, какъ нѣкогда въ Палестинѣ, краеугольный камень каждаго зданія долженъ быть «живой камень», имѣющій силу отгонять духовъ и злыхъ геніевъ [1]). Въ 1880 году, когда что-то приключилось съ резервуаромъ священнаго елея, придворный астрологъ потребовалъ, чтобы были принесены въ жертву сто мужчинъ, сто женщинъ, сто мальчиковъ, сто дѣвочекъ, сто солдатъ и сто иностранцевъ. Начали уже было хватать жертвъ, но объятое ужасомъ населеніе стало убѣгать массами, и назначенное жертвоприношеніе пришлось отмѣнить.

Мандалайская горка увѣнчана маленькою пагодой, статуя которой указываетъ пальцемъ то мѣсто, гдѣ король получилъ свыше повелѣніе построить свой дворецъ; другая статуя, обращенная лицомъ къ востоку, какъ бы для того, чтобы могла созерцать горы Шанъ-Іома, показываетъ, по словамъ туземцевъ, убѣжище, куда король рано или поздно долженъ будетъ удалиться, чтобы уйти отъ англичанъ. На этомъ пригоркѣ содержатся, на средства государя, пѣтушки и другія домашнія животныя, за которыми охотятся стаи дикихъ собакъ. На юго-востокъ отъ холма обширная каменная ограда, въ центрѣ которой стоитъ высокая пагода, окружена и усѣяна внутри красивыми крошечными зданіями: каждое изъ нихъ содержитъ мраморную доску, на которой выгравирована глубоко вырѣзанными буквами часть *Питтагата*, или буддійскаго священнаго писанія. Эти изящные храмики, числомъ болѣе 700, составляютъ священную библіотеку Мандалая. Кромѣ того, есть много другихъ религіозныхъ зданій въ городѣ и его предмѣстьяхъ, но ни одно изъ нихъ не отличается такими громадными размѣрами, какъ недоконченная менгунская пагода, находящаяся на правомъ берегу Иравадди, въ нѣсколькихъ километрахъ выше столицы: огромная масса, которая должна была оканчиваться пирамидой на высотѣ 150 метровъ, походитъ скорѣе на песчаниковую скалу, чѣмъ на человѣческую постройку; землетрясеніе, бывшее въ 1839 году, раскололо колоссальную каменную глыбу и сдвинуло съ мѣста ряды положенныхъ камней; теперь деревья укрѣпляютъ свои корни въ трещинахъ скалы. Къ этой пагодѣ долженъ былъ принадлежать и знаменитый колоколъ, вѣсомъ въ сто тоннъ (слишкомъ 6.000 пудовъ), который еще находится въ сосѣдствѣ храма и отливка котораго производилась, кажется, подъ руководствомъ европейцевъ [1]). Невольно приходишь въ удивленіе при видѣ несмѣтныхъ богатствъ, употребленныхъ на сооруженіе всѣхъ этихъ зданій: золотые листы, которыми покрываютъ статуи и храмы, составляютъ едва-ли не главный предметъ мѣстной торговли.

Въ Мандалаѣ живетъ много иностранцевъ. Переселенцы изъ Манипура, которымъ поручаютъ преимущественно тяжелыя работы, встрѣчаются массами, а китайцы сосредоточили въ своихъ рукахъ управленіе большинствомъ промышленныхъ предпріятій и заведеній. Армяне, которые нѣкогда играли столь значительную коммерческую роль въ Индустанѣ и которыхъ оттуда почти окончательно вытѣснили парсы и баніахи, сохранили свое вліяніе въ Мандалаѣ; наконецъ, есть не мало итальянцевъ, французовъ, грековъ, смѣшиваемыхъ туземцами подъ общимъ именемъ *калъ*, которые пришли искать счастья въ барманской столицѣ; пять подгородныхъ деревень населены католиками, приведенными, въ качествѣ плѣнныхъ, въ прошломъ столѣтіи, во время завоеванія Пегу; теперь они едва отличаются отъ барманцевъ [2]). Прямая дорога, направляющаяся на сѣверо-востокъ чрезъ Тейни и горы Шанъ, проникаетъ въ Юннанъ, но она гораздо труднѣе, нежели дорога на Бамо; по разсказамъ туземцевъ, тропа, длиною около 1.000 километровъ, проходитъ черезъ сорокъ шесть горныхъ переваловъ, черезъ пять большихъ рѣкъ и двадцать четыре меньшихъ потока [3]); караваны, слѣдующіе этимъ путемъ, употребляютъ, среднимъ числомъ, сорокъ дней, чтобы совершить трудный переходъ между Мандалаемъ и Юннанъ-Фу; они перевозятъ, главнымъ образомъ, мѣдь и чай. Къ сѣверо-западу отъ Мандалая, въ гористой области находится городъ Мучобо, мѣсто рожденія царя Аломпра, который сдѣлалъ его столицей и резиденціей своей имперіи въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія.

Внизъ отъ группы столицъ, важнѣйшій по торговлѣ и самый многолюдный городъ королевства Ава въ настоящее время—Мьи-кьянъ, стоящій на лѣвомъ берегу рѣки, которая въ этой части своего теченія развѣтвляется вокругъ многочисленныхъ острововъ, частью обитаемыхъ; въ этомъ мѣстѣ трудно даже признать главный рукавъ, и устья большаго притока Кьенъ-двенъ переплетаются тамъ съ извилинами самой Иравадди въ безконечный лабиринтъ водъ. Дельта Кьенъ-двена имѣетъ не менѣе 35 километровъ въ ширину, и воды ея орошаютъ необычайно плодородныя равнины.

---

[1]) Shwaye Yoe, „The Burman"; A. Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder".

[1]) Bigandet; Yule; Anderson; Shway Yoe.
[2]) Bigandet, „Annales de la Propagation de la Foi", 1864.
[3]) Anderson, „From Mandalay to Momien".

рисовыя поля которыхъ много способствовали тому, что Мьи-кьянъ сдѣлался большимъ рынкомъ отпускной торговли; область Междурѣчья есть Сонарапанта древнихъ писателей, быть можетъ, *Aurea Regio* Птоломея [1]). Кьенъдвенъ не судоходенъ, какъ Иравадди, до основанія высокихъ горъ, въ странѣ золота, нефрита и янтаря; барки могутъ ходить только до города Кендатъ, лежащаго въ 150 километрахъ вверхъ отъ сліянія. Верхнія долины его бассейна и прекрасная равнина, гдѣ находится Манипуръ, главный городъ государства того же имени, присоединеннаго къ Англо-индійской имперіи, сообщаются съ низовьемъ Кьенъ-двена трудно проходимыми дорогами. Жители Манипура эмигрируютъ, какъ оверньяты: ихъ увидишь на всѣхъ большихъ дорогахъ Барманіи гонящими передъ собой своихъ вьючныхъ животныхъ, буйволовъ или лошадей, и продающими красный товаръ и тысячу разныхъ мелкихъ издѣлій своей промышленности. Между переселенцами встрѣчаются также браманы, очень цѣнимые у буддистовъ, какъ астрологи. Всѣ придворные чародѣи—уроженцы Манипура, пришедшіе въ Мандалай въ качествѣ плѣнниковъ или вольныхъ переселенцевъ [2]). Самый знаменитый родъ между манипурскими браманами—родъ «Лягушекъ», получившій такое прозвище за свои частыя омовенія [3]). Игра поло въ такой же чести у обитателей Манипура, какъ и на другой оконечнести Индіи, въ Дардистанѣ.

Городъ Паганъ, стоящій на одномъ мысѣ лѣваго берега Иравадди, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка снова принимаетъ свое нормальное направленіе съ сѣвера на югъ, занимаетъ мѣстоположеніе. соотвѣтствующее положенію четырехъ столицъ — Авы, Сагайна, Амарапуры, Мандалая. Оттого онъ также былъ одною изъ королевскихъ резиденцій, послѣ покинутія Стараго Пагана и прежде основанія Авы. Развалины этой столицы едва упоминаются прежними путешественниками, хотя онѣ занимаютъ пространство около 13 километровъ вдоль берега Иравадди. Эти руины заключаютъ еще, по словамъ англійскаго путешественника Генри Юля, безъ малаго тысячу пагодъ, хорошо сохранившихся; «тьма тьмущая, словно храмовъ въ Паганѣ»—обычная поговорка въ Барманіи. Преданіе гласитъ, что нѣкогда ихъ было счетомъ 9.999,—безъ сомнѣнія, число мистическое, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности; но, во всякомъ случаѣ, ни одинъ городъ въ свѣтѣ не имѣетъ такого множества святилищъ: въ 1284 году, одинъ барманскій король, осажденный китайцами, разрушилъ шесть тысячъ храмовъ, чтобы полученнымъ такимъ образомъ матеріаломъ лучше укрѣпить стѣны своей резиденціи. Безчисленное множество священныхъ зданій, съ статуями, колоннадами, террасами, башенками, съ куполами въ формѣ колокола, пуговицы, яйца или луковицы, утомляетъ взоръ и воображеніе; посѣтитель не имѣетъ ни времени, ни силъ осматривать весь этотъ необозримый хаосъ руинъ. Между этими остатками старины Юлю особенно бросалась въ глаза колоссальная лежачая статуя, длиной слишкомъ 50 метровъ (70 аршинъ). Смѣсь стилей такъ велика въ этомъ громадномъ некрополѣ, что тутъ видишь даже долменъ, воздвигнутый, быть можетъ, иммигрантами хасіа, и—что̀ еще замѣчательнѣе—колонны, напоминающія римскую архитетуру [1]). Между сотнями монашескихъ обителей, разсѣянныхъ въ обширной городской оградѣ, нѣкоторыя еще заняты отшельниками; но всѣ дома, всѣ гражданскіе памятники зодчества и королевскіе дворцы уже исчезли. Немногочисленныя деревянныя избушки, затерянныя среди необозримаго пространства руинъ, имѣютъ обитателями нѣсколькихъ рыбаковъ да ремесленниковъ, выдѣлывающихъ коробки и ларчики: таково единственное населеніе древняго города; одна сосѣдняя деревня, Ньюнгъ-ку, унаслѣдовала одну изъ промышленностей Пагана—приготовленіе лаковыхъ издѣлій. Въ 1826 году англичане одержали подъ Паганомъ рѣшительную побѣду, которая заставила барманцевъ просить мира.

Къ югу отъ Пагана, на лѣвомъ берегу Иравадди, встрѣчаемъ городъ Магве, за которымъ слѣдуетъ городъ Іенанъ-Гіонгъ, славящійся своими источниками каменнаго масла; многочисленныя пагоды, изъ которыхъ иныя построены въ китайскомъ стилѣ, высоко поднимаютъ свои куполы надъ городомъ «Зловоннаго Ручья», свидѣтельствуя о богатствѣ семействъ, обладающихъ нефтяными колодцами. Ниже показывается, на западномъ берегу, Менла, резиденція губернатора барманской границы. Далѣе мы вступаемъ уже на англійскую территорію, передовымъ стражемъ которой прежде былъ Мьедай, стоящій на лѣвомъ берегу; въ настоящее время военный постъ находится ниже по теченію, на противоположномъ берегу, въ «городѣ Манговаго дерева», или Тайетъ-мьо. Истиннымъ центромъ всей сѣверной области дельты Иравадди слѣдуетъ считать Промъ. Расположенный на лѣвомъ берегу, при началѣ аллювіальной долины, направляющейся на юго-востокъ къ Рангунскому лиману, этотъ городъ занимаетъ истинную голову или вершину дельты, по крайней мѣрѣ, съ торговой, если не съ гидрологической, точки зрѣнія. Черезъ Промъ проходитъ желѣзная дорога, изъ Рангуна къ Алманъ-міо, санитарной станціи, лежащей напротивъ «города Ман-

[1]) H. Yule „Reports of the Mission to Ava in 1855".
[2]) Shway Yoe, „The Burman".
[3]) Dalton, „Ethnology of Bengal".

[1]) Oldham; Crawford; Yule; Shway Yoe.

говаго дерева». Благодаря своему счастливому географическому положенію, Промъ есть одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые скоро оправляются послѣ каждаго бѣдствія. По свидѣтельству лѣтописей, начало его восходитъ слишкомъ за двѣ тысячи триста лѣтъ до нашего времени. Основанный подъ именемъ Тарекъ-Гетра или Тій-икиттіа, онъ былъ окруженъ стѣной въ 60 километровъ длины, съ 35 воротами. Разрушенный, затѣмъ вновь отстроенный, онъ принадлежалъ попеременно то талайнамъ, то барманцамъ, этнологическія области которыхъ соприкасаются въ этомъ мѣстѣ. Окрестности Прома и развалины, окаймляющія берегъ Иравадди до Шуэдунга, принадлежатъ къ числу плодороднѣйшихъ мѣстностей и производятъ въ изобиліи рисъ, табакъ, овощи всякаго рода. Тотъ и другой изъ этихъ городовъ украшены великолѣпными пагодами, куда пилигримы приходятъ на поклоненіе десятками тысячъ. Многочисленные соляные источники, находящіеся въ окрестностяхъ, теперь уже почти не эксплоатируются.

Гензада, городъ, ближайшій къ вершинѣ дельты въ собственномъ смыслѣ, стоитъ ниже мѣста бифуркаціи, на главномъ рукавѣ, который сохраняетъ имя Иравадди, но который часто мѣняетъ русло. Этотъ городъ имѣетъ нѣкоторую важность, какъ центръ гидравлическихъ работъ въ области дельты, но торговля въ немъ только мѣстная; порты, гдѣ производится торговый обмѣнъ съ другими странами, лежатъ ближе къ морю. Городъ Бассейнъ, одинъ изъ древнѣйшихъ портовъ, который археологи отождествляютъ съ Безингой Птоломея, занимаетъ очень выгодное положеніе, какъ первая гавань дельты для кораблей, приходящихъ изъ Индустана и изъ Европы, но входъ въ рѣку Бассейнъ, или Навунъ, представляетъ значительныя трудности. Отпускная торговля сводится почти исключительно къ вывозу риса, и набережныя Бассейна бываютъ почти пусты, когда кончился сезонъ отправки этого продукта. Недалеко отъ города, на берегахъ рукава Дагга, находится круглое озеро, питаемое частью глубокими источниками и служащее попеременно водоспускомъ и резервуаромъ для водъ разлива. Рыба заходитъ въ это водовмѣстилище такими массами, что ее ловятъ десятками тысячъ штукъ; въ сезонъ лова на озерѣ собирается отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ, и берега покрываются базарами и заводами для приготовленія нгапи [1]). Близъ устья Навуна деревня Дальгузи служитъ мѣстомъ дачной жизни, куда бассейнскіе негоціанты пріѣзжаютъ подышать свѣжимъ воздухомъ, очищаемымъ бризой.

Торговое движеніе Бассейна въ 1876—1877 фискальномъ году—13.704.000 франк.; цѣнность вывезеннаго риса—12.501.050 франк.; вмѣстимость судовъ при выходѣ—104.520 тон.

Рангунъ, портъ восточнаго лимана Иравадди, былъ выбранъ англичанами за главный городъ своихъ завоеваній въ Барманіи, и уже ранѣе государи королевства Ава сдѣлали его мѣстопребываніемъ вице-короля. Пагода, содержащая волосы Гаутамы и мощи предшествовавшихъ ему «трехъ Буддъ», давно уже, за нѣсколько столѣтій до нашей эпохи, придала священный характеръ мѣсту, гдѣ теперь расположенъ городъ, но движеніе торговаго обмѣна было сосредоточено нѣсколько южнѣе, на берегахъ того же лимана. Деревня Дагунъ, названная такъ по имени пагоды, была возведена на степень города лишь въ 1763 году, когда завоеватель Алунгбгура, или Аломпра, пришелъ туда провозгласить торжественно свою побѣду. Рангунъ—или, вѣрнѣе, Ранкунъ—есть одна изъ многочисленныхъ Никей, или Ниццъ, которыя побѣдители воздвигаютъ въ память своихъ тріумфовъ: это имя напоминаетъ «Конецъ Войны», которую возстановитель барманской монархіи велъ съ пегуанцами. Но, затѣмъ, другія побѣды, именно побѣды англичанъ, придали Рангуну гораздо большую важность, чѣмъ какую онъ имѣлъ во времена барманскаго господства: въ 1853 году, во время втораго входа завоевателей, городское населеніе состояло изъ 25.000 жителей; съ тѣхъ поръ, въ какія-нибудь тридцать лѣтъ оно болѣе чѣмъ упятерилось, а торговля порта увеличилась въ еще болѣе значительной пропорціи.

Рангунъ занимаетъ великолѣпное мѣстоположеніе на послѣднихъ отрогахъ хребта Пегу-Іома, при сліяніи трехъ рѣкъ и многочисленныхъ судоходныхъ рукавовъ, которые даютъ ему удобныя средства сообщенія съ дельтой Иравадди и съ дельтой Ситтанга. Лиманъ, продолжающійся на югъ отъ города, доступенъ для большихъ судовъ, и морской приливъ поднимается на сѣверъ на большое разстояніе вверхъ по рѣкѣ Хлайнъ. Такимъ образомъ, этотъ городъ является главнымъ центромъ и господствующимъ пунктомъ всего торговаго движенія въ двухъ самыхъ многолюдныхъ бассейнахъ Барманіи; желѣзная дорога соединяетъ его съ Промомъ выше дельты Иравадди, и скоро другой рельсовый путь, проникающій въ долину Ситтанга, достигнетъ Тонгу, откуда современемъ будетъ продолженъ до Мандалая. Послѣ Калькутты, Рангунъ самый оживленный и наиболѣе посѣщаемый портъ Бенгальскаго залива. Онъ посылаетъ заграницу текъ и другое строевое и столярное дерево, смолы, пряности, и ни одинъ городъ не можетъ сравниться съ нимъ по вывозу риса; кромѣ того, онъ служитъ главнымъ привознымъ рынкомъ для англійскихъ товаровъ, предназначенныхъ въ Барманію и китайскую провинцію Юннанъ; почти

[1]) O'Riley, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1861, № 1.

двѣ трети всей внѣшней торговли англійской Барманіи сосредочиваются въ Рангунѣ. Этотъ городъ, центръ торговаго обмѣна, есть въ то же время главный пунктъ промышленности, и верфи, мастерскія всякаго рода тянутся непре-

Видъ Мандалая.

рывнымъ рядомъ вдоль берега Рангунской рѣки, или Хлайнъ, на большое разстояніе вверхъ отъ города; нѣтъ ни одного завоеванія современной индустріи, которымъ не обладалъ бы англо-барманскій городъ, наравнѣ съ Лондономъ, Парижемъ и Нью-Іоркомъ.

Торговое движеніе Рангуна въ 1893 г.:

Привозъ—54.449.904; вывозъ—92.007.827 рупій.

Движеніе судоходства (количество судовъ дальняго плаванія):

Пришло въ портъ 942 судна въ 743.215 тоннъ.

Торговый и промышленный центръ страны, Рангунъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и литературная столица англійской Барманіи; въ послѣднее время тамъ основаны различныя ученыя и литературныя общества, между прочимъ, общество, поставившее себѣ задачею изданіе въ свѣтъ классическихъ произведеній національной словесности. Изъ всѣхъ городовъ Англо-индійской имперіи, получившихъ отъ правительства разрѣшеніе ввести у себя муниципальныя учрежденія, Рангунъ выдается тѣмъ, что тамъ избиратели, мужчины и женщины, выказываютъ наибольшее рвеніе въ пользованіи дарованною имъ привилегіей самоуправленія.

Пагода Шуэ-Дагунъ, у подножія которой раскинулся городъ, заключена въ чертѣ англійскихъ военныхъ кантонементовъ; она служитъ, такъ сказать, залогомъ завоеванія. Величественное зданіе, пирамидальной формы, храмъ этотъ стоитъ на террасѣ о трехъ уступахъ, окруженной густыми деревьями; на высотѣ 118 метровъ надъ уровнемъ мостовой высится шпицъ, или *хти*, обшитый толстыми золотыми пластинками и блистающій драгоцѣнными каменьями, который мандалайскій государь, «Господинъ съ золотымъ зонтикомъ», недавно подарилъ своимъ рангунскимъ единовѣрцамъ; но англійскія власти потребовали, чтобы этотъ хти предварительно былъ переданъ имъ, чтобы поступить подъ ихъ непосредственное завѣдываніе. Во время годоваго праздника въ Дагунѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ, передъ храмомъ толпятся тысячи пилигримовъ, пришедшихъ изъ всѣхъ провинцій Барманіи, изъ Сіама, изъ Камбоджи и даже изъ Кореи [1]). Колоколъ, вѣсящій 42 тонны (слишкомъ 2.500 пудовъ), былъ захваченъ англичанами, которые хотѣли-было отвезти его, въ видѣ трофея, въ Калькутту, но при перевозкѣ не приняли надлежащихъ мѣръ предосторожности и увалили его въ рѣку. Вѣрующіе, имѣя въ своемъ распоряженіи лишь самыя примитивныя машины, вытащили колоколъ изъ рѣчнаго ила, и теперь съ торжествомъ показываютъ его чужеземнымъ инженерамъ. Послѣ пагоды, главную достопримѣчательность этой страны составляетъ пришедшій въ упадокъ городъ Сиріамъ, или Танльенгъ, находящійся километрахъ въ двадцати къ востоку отъ Рангуна, на берегу рѣки Пегу. Португальцы овладѣли этимъ городомъ въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, а впослѣдствіи голландцы и англичане основали тамъ торговыя конторы; теперь остались только развалины европейскихъ зданій.

Имя Пегу, которое часто дають британской Барманіи, по крайней мѣрѣ, области морскаго прибрежья, заключенной между мысомъ Негре и устьемъ Салуэна, свидѣтельствуетъ о той важности, какую имѣла нѣкогда метрополія края, называемаго барманцами Паго или Пай-гу. Когда морскія суда были не велики и не глубоко сидѣли въ водѣ, рѣчные порты, открытые внѣшней торговлѣ, были расположены по большей части далѣе внутри материка и приливъ могъ уносить ихъ далеко отъ береговъ моря. Такимъ-то образомъ Пегу могъ прежде играть роль, выпавшую въ наши дни на долю Рангуна; въ настоящее время онъ ведетъ лишь незначительную торговлю; суда поднимаются туда съ приливомъ, спускаются съ отливомъ. Часто подвергавшаяся непріятельскимъ нападеніямъ и осадамъ, столица талайновъ, или пегуанцевъ, была, наконецъ, разрушена до основанія завоевателемъ Аломпра; нынѣшній городъ, простая станція на дорогѣ изъ Рангуна въ Тонгу, существуетъ лишь съ конца прошлаго столѣтія.

Тангу, или Тунгъ-нгу, главный городъ въ бассейнѣ Ситтанга, есть одинъ изъ тѣхъ барманскихъ городовъ, которымъ, повидимому, предстоитъ великая будущность; естественная дорога между Рангуномъ и Мандалаемъ подходитъ въ этомъ мѣстѣ къ самой рѣкѣ; окружающія равнины плодородны и хорошо орошаются, окрестныя долины населены трудолюбивыми каренами, и шаны изъ королевской Барманіи приходятъ туда толпами [1]). Километрахъ въ сорока отъ города основана санитарная деревня на плоскогорьи Чандунгъ-гьи, на высотѣ 1.200 метровъ надъ уровнемъ моря, но эта высота оказалась недостаточною для европейцевъ, такъ какъ въ періодъ юго-западнаго муссона дожди льютъ съ страшною силой на этомъ горномъ плато; весьма вѣроятно, что санаторій будетъ перенесенъ на вершину горы Наттунгъ, поднимающейся на 2.400 метровъ надъ уровнемъ равнины Ситтанга; но отсутствіе дорогъ не позволяетъ еще европейцамъ забираться далеко въ «горы духовъ». По этой же причинѣ и Тонгу не пользуется выгодами своего счастливаго торговаго положенія; на сѣверѣ страна почти совсѣмъ не населена; войны опустошили и обезлюдили этотъ край, гдѣ возникли, послѣ разрушенія Пагана, столичные города Пинлай, Панжа, Мьензайнъ. Одинъ городъ, Ніенгьенъ, основанъ недавно близъ Ситтанга лѣсопромышленниками, эксплоатирующими тековые лѣса [2]).

Рѣка Салуэнъ протекаетъ черезъ наименѣе извѣстныя и наименѣе населенныя области Индо-Китая. По выходѣ изъ ущелій восточнаго Тибета, Луце-Кіангъ, или Салуэнъ, проходитъ по землямъ какіеновъ, шановъ, лаосовъ, кареновъ, отражая въ своихъ водахъ лишь незначительныя мѣстечки, куда дикари изъ сосѣднихъ лѣсовъ приходятъ обмѣнивать продукты

[1]) Shway Yoe, „The Burman".

[1]) Bigandet, „Annales de la Propagation de la Foi".
[2]) A. Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder".

своихъ промысловъ. Два «города» Тейни и Моне, о которыхъ часто говорятъ въ мемуарахъ, относящихся къ торговымъ дорогамъ между барманскимъ прибрежьемъ и Китайскою имперіей, находятся не на берегу Салуэна, но на западѣ, въ областяхъ, еще не изслѣдованныхъ европейскими путешественниками. Послѣдній западный притокъ Салуэна, Янзулинъ, протекаетъ черезъ область тѣснинъ и пороговъ по очень живописной мѣстности, между крутыми горами, усѣянными, на верхнихъ террасахъ, глыбами песчаника причудливыхъ формъ; самыя любопытныя изъ этихъ скалъ, остатковъ разрушившихся горъ, были выбраны жителями для сооруженія на верхушкѣ маленькихъ пагодъ, до двери которыхъ, открывающейся въ пасти дракона, можно добраться лишь посредствомъ опаснаго восхожденія при помощи бамбуковой лѣстницы. Самыя странныя изъ этихъ воздушныхъ святилищъ стоятъ на горахъ Кьихтео, въ 25 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ деревни того же имени [1]).

Теченіе Салуэна было обслѣдовано Спраемъ (Sprye) и другими англичанами на протяженіи около 600 километровъ, отъ устья до земли шановъ. Хотя лишенныя дорогъ къ верхнимъ частямъ рѣки, равнины дельты достаточно богаты, чтобы питать значительную торговлю; уже съ давняго времени, по малой мѣрѣ, тринадцать вѣковъ, въ этомъ мѣстѣ стоитъ столица, но, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ Барманіи, этотъ городъ часто мѣнялъ свое мѣстоположеніе. Древній Мартабанъ, или Мутътама, который нѣкогда велъ такую дѣятельную торговлю, что имя его перешло на сосѣдній заливъ, представляетъ теперь не болѣе, какъ собраніе невзрачныхъ лачугъ. Новый городъ Мольмейнъ, или Мульмейнъ, главный городъ округа, расположенъ напротивъ Мартабана, на восточномъ берегу Салуэна, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка раздѣляется на два рукава вокругъ большаго острова Белу, или Билу-гайвонъ. Населенный людьми всякаго рода и племени, барманцами и пегуанцами, каренами и тунгту, индусами, малайцами и китайцами, европейцами и евроазійцами, Мульмейнъ — городъ почти исключительно торговый и промышленный; онъ отправляетъ заграницу текъ, рисъ, хлопокъ, а верфи его строятъ суда, славящіяся прочностью и чистотою отдѣлки.

Пагода на скалѣ.

[1]) Parish, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, III, 1865; Shway Yoe, „The Burman“.

Внѣшняя торговля Мульмейна въ теченіе фискальнаго 1880—1881 года:

Привозъ—24.475.025 франковъ; вывозъ—37.064.500 фр.; сумма оборотовъ—61.539.525 франковъ.

Движеніе судоходства въ портѣ: въ приходѣ и отходѣ 1.109 судовъ, вмѣстимостью 531.150 тоннъ.

Въ лѣтнее время деревня Амгерстъ, построенная на морскомъ берегу, въ 50 километрахъ къ югу отъ Мульмейна, служитъ убѣжищемъ для негоціантовъ отъ томительныхъ жаровъ, господствующихъ въ городѣ.

Главные города Барманіи:

Мандалай (1891 г.)—188.815 жителей; Мынкьянъ—15.000 (?); Магве (по Юлю)—8.000; Моне—8.000; Бамо—7.000; Мучобо (по Юлю)—5.000; Тейни—3.000; Рангунъ (1891 г.)—180.324; Мульмейнъ (1891 г.)—55.785; Татунгъ (по Бастіану)—30.000 (?); Промъ (1891 г.)—30.000, Бассейнъ—28.000; Гензада—15.300; Шуэдунгъ (1877 г.)—13.600; Тонгу—12.400; Мерги (1891 г.)—10.137; Тайетъмьо (1878 г.)—10.170 жителей.

Въ аллювіальной равнинѣ, усѣянной бывшими островами, которая простирается на сѣверо-западъ, къ устью Ситтанга, стоитъ большой городъ Татунгъ (Татонъ), метрополія туземцевъ тунгту. Тамъ находилась нѣкогда индусская колонія, куда миссіонеры принесли въ первый разъ въ барманскую землю ученіе Будды; татунскіе храмы служили образцомъ для религіозныхъ зданій, которыя впослѣдствіи сооружались въ другихъ мѣстахъ Барманіи [1]).

V. Бассейнъ Менама.

Западный Сіамъ, земли шановъ и лаосовъ.

Въ сравненіи съ другими рѣчными бассейнами полуострова, покатость Индо-Китая, пробѣгаемая Менамомъ, или «Матерью Водъ», не очень обширна, но она занимаетъ центральное положеніе, которое должно было обезпечить ей первостепенную важность въ исторіи Индіи по ту сторону Ганга. Менамъ и многія другія, менѣе значительныя, рѣки, соединяющія свои устья въ одной и той же дельтѣ, изливаются въ море у сѣверной оконечности залива, далеко вдающагося внутрь материка, и окружность котораго имѣетъ не менѣе 1.500 километровъ протяженія. Входъ въ Менамъ образуетъ какъ бы центръ обширнаго круга, къ которому сходятся, съ одной стороны, морскіе пути кораблей, съ другой—дороги рѣчныхъ долинъ. На пространствѣ отъ Бенгальскаго залива до залива Тонкинскаго, сіамское прибрежье составляетъ географическую середину Индо-Китая. Пользуясь исключительными выгодами своего географическаго положенія, нація, которую иностранцы называютъ «сіамскою», но которая даетъ себѣ имя Тай, т. е. «Вольные люди», играла, на восточномъ полуостровѣ двухъ Индій, первенствующую роль и оказывала наибольшее цивилизующее вліяніе на дикія населенія внутренности материка; равнымъ образомъ, въ теченіе своей исторической жизни страна Сіамъ, вообще говоря, владѣла наиболѣе обширнымъ пространствомъ территоріи за чертой естественныхъ границъ бассейна рѣки Менамъ. И теперь еще, хотя стѣсненное съ одной стороны англійскими владѣніями, съ другой—Камбоджей, вассальнымъ государствомъ, подвластнымъ Франціи, Сіамское королевство обнимаетъ, внѣ бассейна Менама, значительную часть Малайскаго полуострова и собираетъ дань съ многочисленныхъ народцевъ, живущихъ въ бассейнѣ Меконга и въ бассейнѣ Салуэна. Но ни дѣйствительные размѣры сіамской территоріи, ни число находящихся на ней жителей неизвѣстны точнымъ образомъ: приблизительно исчисляютъ пространство королевства Сіамъ въ 633.000 квадр. километровъ, а населеніе въ 10.000.000 душъ.

Рѣка Менамъ беретъ свое начало въ землѣ лаосовъ, тамъ, гдѣ остается уже лишь узкій поясъ гористыхъ мѣстностей между двумя параллельными теченіями Салуэна и верхняго Меконга. При вступленіи въ шанское государство Ксіенъ-май, рѣка носитъ уже барки, и во всей сіамской странѣ въ собственномъ смыслѣ она судоходна для небольшихъ судовъ; пароходы поднимаются по рѣкѣ въ нижнемъ ея теченіи, оживляемомъ волною прилива. Растительность такъ густа на берегахъ Менама, что во многихъ мѣстахъ вода не имѣетъ видимыхъ береговъ: чащи ліанъ и листьевъ кажутся выходящими прямо изъ рѣки, и надъ этими чащами высоко поднимаются стройные стволы пальмъ, толстые стебли бамбуковъ и растенія *габби-габбе*. Прежде чѣмъ излиться въ заливъ, рѣка выдѣляетъ изъ себя боковыя развѣтвленія и соединяется съ различными второстепенными рѣками, которыя походятъ на нее своимъ гидрологическимъ режимомъ. Во время годоваго періода разливовъ, т. е. съ іюня до ноября, выступающіе изъ береговъ потоки превращаютъ въ обширное, но неглубокое море наибольшую часть нижнихъ равнинъ. На затопленной почвѣ, по которой рѣки и рѣчки разносятъ свой плодотворный илъ, пышно растетъ рисъ, и по всѣмъ направленіямъ снуютъ барки, проходя надъ рвами и канавами, вырытыми черезъ необозримую шахматную доску рисовыхъ полей. Нѣкоторые изъ потоковъ низменной области не возвращаются вполнѣ въ свое русло, и постоянныя, не просыхающія болота, скрытыя подъ высокой травой, тянутся на далекое пространство. Рѣка

[1]) Shway Yoe, „The Burman“.

Хорайокъ, которая соединяется съ Менамомъ, недалако отъ его устья, посредствомъ искусственнаго канала, есть одинъ изъ этихъ лѣнивыхъ потоковъ, окаймленныхъ болотами. Слоны бродятъ стаями по берегу Менама, вытягивая свои хоботы, чтобы обнюхать издали мимо идущія барки, но они не опасны, благодаря глубинѣ воды [1].

Различныя рѣки равнины, центръ которой занимаетъ городъ Банкокъ, не соединяются въ одинъ потокъ, чтобы излиться въ море; но вся сѣверная часть залива, куда впадаютъ прѣсныя воды, отдѣлена отъ открытаго моря подводной косой въ формѣ полумѣсяца, которая тянется на пространствѣ около сотни километровъ между восточнымъ и западнымъ берегами бухты. Большія суда не могутъ перейти черезъ порогъ и останавливаются километрахъ въ пятнадцати отъ устья; въ часы отлива только плоскодонныя барки отваживаются переходить баръ, суда же, вмѣщающія отъ ста до пятисотъ тоннъ, рискуютъ пускаться между волнами прибоя только при высокомъ стояніи воды. Илъ, приносимый рѣками, отлагается въ ограниченномъ песками бассейнѣ, гдѣ разбиваются волны, набѣгающія съ открытаго моря. Вся низменная равнина, въ сосѣдствѣ моря, состоитъ изъ тонкихъ слоевъ песка и глины, залегающихъ на нижнемъ пластѣ, въ которомъ содержатся морскія раковины [2]. Колодецъ, выкопанный въ городѣ Банкокѣ, на глубинѣ всего только 6 метровъ, уже проходитъ черезъ этотъ пластъ, отложенный моремъ. Такимъ образомъ геологическое свойство почвы представляетъ очевидное доказательство постепеннаго распространенія суши въ область океана.

Страна Сіамъ не имѣетъ другихъ многоводныхъ рѣкъ, кромѣ Менама и сосѣднихъ потоковъ; повсюду въ другихъ мѣстахъ, какъ на востокѣ, по направленію къ Камбоджѣ, такъ и па югѣ, на Малайскомъ полуостровѣ, морская покатость слишкомъ узка, чтобы давать начало значительнымъ рѣкамъ. Вся восточная область Сіамскаго королевства изливаетъ свои воды въ обширный бассейнъ Меконга, главной рѣки Кохинхины. Водораздѣльныя горныя цѣпи, почти сплошь покрытыя лѣсами, были перейдены лишь на небольшомъ числѣ пунктовъ европейскими изслѣдователями: Шомбуркомъ, Макъ-Леодомъ, Спраемъ, О'Рили, Бастіаномъ, Муготомъ. Дорога изъ Мульмейна въ Банкокъ черезъ Рагейнъ, такъ же, какъ дороги изъ Мульмейна въ Кіёнъ-Май, изъ Тонгу въ Моне и въ Кіенъ-Тонгъ, были изслѣдованы европейцами; но нѣкоторыя области, именно около истоковъ Менама, едва извѣстны. На востокѣ, между Менамомъ и Меконгомъ, земля лаосовъ гориста: путешественникъ Муготъ, который прошелъ ее съ юга на сѣверъ, между городомъ Аютіа на Менамѣ и городомъ Люангъ-Прабангомъ на Меконгѣ, говоритъ о величественномъ видѣ горной цѣпи, которая господствуетъ на востокѣ надъ долиной Менама и южная оконечность которой тянется къ востоку до границъ Камбоджи. Съ уединеннаго пригорка Патави, возвышающагося въ 60 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ города Аютія, обширный амфитеатръ этихъ горъ, занимающій весь горизонтъ сѣвера и востока, представляетъ грандіозное зрѣлище.

Впереди этой цѣпи, напротивъ холма Патави, высится Прабатъ, священная гора сіамцевъ, которые ходятъ туда поклониться слѣду, оставленному ногой Самона-Кодома, «святаго пастыря». Вокругъ божественнаго отпечатка, нагроможденныя въ безпорядкѣ скалы носятъ на себѣ другіе знаки, похожіе на шаги тигровъ, слоновъ и другихъ животныхъ; по словамъ сіамской легенды, Будда переходилъ черезъ гору въ сопровожденіи безконечнаго кортежа лѣсныхъ звѣрей [1]; эти слѣды ногъ животныхъ, неизслѣдованные еще ни однимъ геологомъ, глубоки, хорошо моделированы и отчетливы, какъ будто они были сдѣланы въ мягкой глинѣ [2]). На востокѣ, близъ горъ, которыя покрываетъ обширный «лѣсъ Огненнаго короля», Донгъ-Пайа-Пай, поверхность скалъ покрыта, на протяженіи около 15 километровъ по ширинѣ, желѣзной рудой, разбросанной глыбами, похожими на аэролиты. Въ формаціяхъ, окружающихъ холмъ Патави, видны также окаменѣлые стволы деревьевъ, принадлежащихъ къ нынѣ растущимъ въ краѣ породамъ, а самая горка испещрена, отъ дѣйствія теплыхъ минеральныхъ ключей, различно окрашенными полосами, представляющими, въ глазахъ туземцевъ, «тѣни и лучи Будды» [3]. Далѣе на сѣверъ, за Коратскими горами, страна чрезвычайно богата металлоносными залежами, мѣдью, оловомъ, сурьмой, магнитнымъ желѣзнякомъ. Жители разработываютъ почти только эту послѣднюю руду; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они промываютъ песокъ ручьевъ, чтобы собирать содержащійся въ немъ золотой порошокъ.

Область Сіама и Камбоджи, которую озеро Танле и продолженіе его бассейна отдѣляютъ отъ остальнаго Индо-Китая, гориста въ одной части своего протяженія; надъ равнинами возвышаются островидные массивы, которые, при незначительномъ пониженіи уровня почвы, превратились бы въ настоящіе острова; одна гора, къ сѣверу отъ Шантабуна, достигаетъ даже

[1] Schmitt, „Annales de la Propagation de la Foi", 1877.
[2] Pallegoix, „Description du royaume Thaï"; Thomson, „Dix ans de voyages dans la Chine et l'Indo-Chine"; Fr. Garnier, „Bulletin de la Societé de Géographie", 1874.

[1] Henri Mouhot, „Travels in the Central Parts of Indo-China".
[2] Pallegoix, „Description du royaume Thaï".
[3] Ducat, „Annales de la Propagation de la Foi", 1859.

высоты 1 912 метровъ. Другая, менѣе высокая вершина, стоящая непосредственно на востокъ отъ Шантабуна, носитъ названіе Кохъ-Сабапъ, что значитъ «гора драгоцѣнныхъ камней» (637 метровъ); временные ручьи, бороздящіе ея бока, приносятъ въ окружающія земли рубины, яхонты и другіе цѣнные кристаллы, которые плантаторы продаютъ китайскимъ торговцамъ галантерейными товарами.

Климатъ Сіама отличается физически отъ климата Барманіи и Передней Индіи, подъ тѣми же широтами, только мѣстными явленіями, происходящими отъ положенія покатостей относительно странъ свѣта и отъ формы морскихъ береговъ. Во всемъ своемъ составѣ, страна Мюангъ-Тай, на протяженіи 2.000 километровъ, которое ей приписываютъ по направленію съ сѣвера на югъ, находится въ поясѣ попеременныхъ муссоновъ, юго-западнаго, приносящаго дожди и грозы, и сѣверо-восточнаго, возстановляющаго сухую погоду. Въ Банкокской равнинѣ, географическомъ центрѣ страны, годовой круговоротъ вѣтровъ воспроизводитъ, въ большихъ размѣрахъ, явленія вращенія, представляемыя суточной бризой. Дождливый юго-западный муссонъ, начинающійся вообще въ маѣ мѣсяцѣ, поворачиваетъ постепенно къ западу, чтобы уступить мѣсто, въ концѣ сентября, сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ, которые, въ свою очередь, мало-по-малу отклоняются къ юго-востоку и къ югу, прежде чѣмъ воздушные токи возобновятъ свое круговращательное движеніе по циферблату небесъ. Обыкновенныя колебанія термометра въ теченіе дня, въ Банкокѣ, составляютъ отъ 27 до 30 градусовъ Цельсія; въ самые жаркіе дни температура не превышаетъ 35 градусовъ; но въ сухое время года, которое соотвѣтствуетъ зимѣ, термометрическій столбъ ртути иногда опускался до 12 градусовъ по ночамъ. Жара дѣйствительно тягостна только передъ наступленіемъ сезона дождей, въ мартѣ и апрѣлѣ, когда сѣверо-восточный вѣтеръ пересталъ дуть, а дождливый муссонъ еще не установился. Дожди, выпадающіе на Сіамское государство, должны быть менѣе обильны, нежели атмосферные осадки въ Барманіи, такъ какъ между этими двумя странами возвышается горная цѣпь, задерживающая облака при проходѣ; тѣмъ не менѣе, толщину годоваго слоя дождей, выпадающихъ въ бассейнѣ Менама, исчисляютъ, приблизительно, въ полтора метра, слѣдовательно, количество дождевой воды тамъ вдвое больше, чѣмъ во Франціи. Иностранцы акклиматизируются только послѣ того, какъ перенесутъ сильный катарръ; однако, маларія тамъ менѣе опасна, чѣмъ въ Бенгаліи, Барманіи, на Явѣ и Суматрѣ.

Большинство растительныхъ видовъ тѣ же самые, что и въ Барманіи; однако, китайская флора тамъ очень сильно представлена: физіономія растительнаго міра нечувствительными переходами постепенно измѣняется отъ Китая къ Индо-Китаю. То же самое нужно сказать и о животномъ царствѣ. Слоны очень многочисленны въ лѣсахъ Лаоса и въ нѣкоторыхъ частяхъ бассейна Менама; въ окрестностяхъ бывшей столицы Аютіа еще устраиваются большія королевскія охоты, и иногда сотни этихъ животныхъ излавливаются въ одну облаву. Лаосскіе слоны, какъ говорятъ, самые умные во всемъ Индо-Китаѣ, но сіамцы не умѣютъ ихъ такъ искусно дрессировать, какъ индусы. Извѣстно, что тап, такъ же, какъ ихъ сосѣди барманцы, питаютъ особенное почтеніе къ животнымъ альбиносамъ и преимущественно къ слонамъ, называемымъ «бѣлыми», хотя они не всегда имѣютъ право на такое названіе: свѣтлый цвѣтъ глазъ и шерсти на вискахъ считается достаточнымъ для того, чтобы эти животныя могли быть причислены къ священымъ существамъ. Слонъ, у котораго глаза въ точности имѣютъ желаемую окраску, получаетъ титулъ царя; другіе, смотря по степени достигаемаго ими совершенства, принимаютъ почетныя имена, присвоенныя министрамъ, губернаторамъ и другимъ высокопоставленнымъ особамъ; бѣлыя обезьяны тоже пользуются титуломъ «высшихъ чиновъ», и къ ихъ услугамъ сановники государства. Сіамцы—самые ревностные буддисты послѣ тибетцевъ: они не убиваютъ ни одного животнаго, не разбиваютъ ни одного яйца, не ѣдятъ мяса иначе, какъ въ томъ случаѣ, если животное было убито другими, обыкновенно китайцами; но есть множество животныхъ, умерщвленіе которыхъ было бы дѣломъ преступнымъ. Воронъ—одна изъ птицъ, наиболѣе уважаемыхъ сіамцами, которые видятъ въ немъ сверхъестественное существо. На кровлѣ каждой хижины обитаетъ звѣрекъ тукъ-гай, родъ ящерицы игуаны, покрытый красными крапинками, похожими на гноевые прыщики; на него смотрятъ какъ на покровителя дома, который онъ избавляетъ отъ насѣкомыхъ и крысъ; черезъ равные промежутки времени онъ испускаетъ крики или, вѣрнѣе сказать, рѣзкія ноты, въ родѣ звуковъ, издаваемыхъ сверчкомъ: это домашніе часы [1]). Высокіе муравейники термитовъ считаются священными у лаосовъ и даже у сіамскихъ буддистовъ, по причинѣ ихъ сходства съ пагодами, и во многихъ мѣстахъ нарочно ставятъ хижины рядомъ съ этими муравьиными пирамидами, видъ которыхъ приноситъ благополучіе; правда, что это сосѣдство можетъ быть гибельно дому, но когда все дерево избы съѣдено муравьями, то, при тамошнемъ обиліи лѣса, легко построить новыя хижины [2]). Миссіонеръ Брюгьеръ разсказываетъ, что въ его

[1]) Pallegoix, цитированное сочиненіе.

[2]) Adolf Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder".

время талапуаны строили свои библіотеки посреди прудовъ и озеръ, дабы не имѣть надобности воевать съ термитами; они должны были распускать паруса, чтобы идти изучать книжную мудрость [1]). Міръ насѣкомыхъ представленъ въ странѣ Мюангъ-Тай безконечнымъ числомъ видовъ. По вечерамъ свѣтляки кружатся свѣтящимися тучами вокругъ деревьевъ; иногда они какъ будто составляютъ одно существо, и блескъ ихъ попеременно то угасаетъ, то снова вспыхиваетъ; атмосфера помрачается и озаряется черезъ правильные промежутки времени [1]). Воды рѣки, какъ и воды залива, очень населены, и прибрежные жители ходятъ

Видъ на рѣкѣ Салуэнъ.

[1]) „Annales de la Propagation de la Foi", 1831.

[1]) Engelbert Kämpfer, „Histoire du Japon"; Pallegoix, цитированное сочиненіе.

на баркахъ собирать рыбу, которая ловится, какъ въ огромный неводъ, въ сѣти корней ризофоръ или корнепусковъ [1]). Одинъ видъ ската, «луна», или круглянка, *tetraodon*, которая прицѣпляется къ килю кораблей, издаетъ время отъ времени жалобный крикъ. Различныя породы китообразныхъ, маленькіе киты, дельфины, морскія свиньи рѣзвятся стаями вокругъ плывущихъ судовъ; акулы поднимаются, съ приливомъ, по рѣкѣ до самаго Банкока и даже выше этого города. Сіамцы, какъ и барманцы, употребляютъ икру маленькихъ морскихъ раковъ (креветокъ) и рыбу, уже испортившіяся, для приготовленія нгапи, этой неизбѣжной приправы ихъ трапезы.

Жители Сіама почти всѣ принадлежатъ къ одной и той же расѣ: шаны, лаосы, или лаонцы, и сіамцы представляютъ лишь различныя подраздѣленія народа таи, болѣе или менѣе цивилизованныя, и одни изъ нихъ еще независимы, другіе состоятъ подъ властью королевской Барманіи, англійскаго правительства или государя, царствующаго въ Банкокѣ; многія племена Ассама, Манипура и Китая того же происхожденія и приближаются къ сіамцамъ нарѣчіями и физическими чертами. Шаны въ собственномъ смыслѣ очень многочисленны въ области барманскаго верховья Иравадди и ея китайскихъ притоковъ, на берегахъ Салуэна; кромѣ того, они переселились массами въ ту часть бассейна Ситтанга, которая сдѣлалась англійской территоріей. Въ верхней Барманіи шаны называютъ себя тѣмъ же именемъ, какъ и ихъ единоплеменники въ Южномъ Юннанѣ: это пеи, или паи (пайи, паю); на берегахъ Иравадди они до такой степени смѣшались съ барманцами, что ихъ первоначальный типъ и языкъ почти совсѣмъ исчезли; въ сосѣдствѣ съ Китайской имперіей есть также много такихъ, которые походятъ на китайцевъ желтоватымъ цвѣтомъ кожи и тонкими чертами лица; но главная масса сохранила свои отличительныя черты. Нѣкогда они были настолько многочисленны, что образовали значительную имперію, но затѣмъ раздѣлились на нѣсколько мелкихъ государствъ, управляемыхъ патріархально главарями, или цобуа, которые платятъ дань одному изъ сосѣднихъ королевствъ. Пеи, или сѣверные шаны, почти всѣ малорослы, а цвѣтъ кожи у нихъ немного темнѣе, чѣмъ у европейцевъ; скошенность ихъ глазъ почти незамѣтна, но лицо у нихъ широкое, съ большими челюстями и выдающимися скулами, обрамленное черными, гладкими волосами. Выраженіе физіономіи вообще кроткое и задумчивое, почти меланхолическое; однако, они общительны, веселы въ разговорѣ и очень любятъ музыку; они играютъ на струнныхъ и духовыхъ инструментахъ, на гитарахъ, барабанахъ, флейтахъ и трубахъ. Обыкновенный цвѣтъ ихъ одежды— темно-синій, почти черный, извлекаемый изъ дикаго индиговаго дерева; широкій тюрбанъ, длиною около пятнадцати метровъ (21 аршинъ), обвивается вокругъ головы, ниспадая на затылокъ золотыми и шелковыми бахромами. Женщины носятъ различныя серебряныя украшенія, діадемы, серьги, пуговицы, очень тонкой и отчетливой работы, которыя выдѣлываются въ самомъ краѣ. Въ нѣкоторыхъ долинахъ этою деликатною работою занимаются міряне, въ другихъ мѣстахъ духовные; хозяйки почти всѣ занимаются тканьемъ матерій, окраской ихъ и вышиваньемъ, и плетутъ изъ соломы разныя издѣлія съ такимъ же искусствомъ, какъ тосканки. Изъ этого видно, какъ мало заслуживаютъ шаны обиднаго имени «бѣлыхъ варваровъ», которымъ ихъ награждаютъ китайцы: отличные земледѣльцы, они умѣютъ орошать свои поля при помощи каналовъ, остроумно снабженныхъ шлюзами и водоспусками. Въ то же время шаны очень искусные торговцы и пускаются очень далеко изъ своего родимаго края, развозя различные товары. Они имѣютъ собственную азбуку, и между ихъ буддійскими жрецами или ламами число ученыхъ довольно значительно [1]).

Лова, болѣе извѣстные подъ именемъ лаосовъ, или лаонцевъ, родственны шанамъ и живутъ въ сѣверныхъ областяхъ страны Сіамъ, въ особенности между Салуэномъ и Меконгомъ. Болѣе или менѣе смѣшанные съ дикими населеніями, они представляютъ большое разнообразіе типовъ, такъ что во многихъ мѣстахъ путешественникъ лишь съ трудомъ можетъ распознать, среди какой расы онъ находится въ дѣйствительности. Во всѣ времена, полководцы побѣдители имѣли привычку забирать массами всѣхъ жителей покоренной провинціи и уводить ихъ далеко отъ родины, вновь заселяя край плѣнными изъ другихъ опустошенныхъ областей; такимъ образомъ народы распредѣлялись по разнымъ мѣстностямъ въ величайшемъ безпорядкѣ [2]). Земля Лаосъ дѣлится на королевства, начальники которыхъ, вассалы сіамскаго короля, обязаны присылать послѣднему черезъ каждые три года дань, состоящую изъ цвѣтковъ, серебра, золота и различныхъ произведеній своего края. Жители группируются въ три обособленныя разновидности: «бѣлые», которые не татуируются, «черные» и «зеленые», которые употребляютъ эти цвѣта для окраски себѣ лица [3]); ихъ дѣлятъ

[1]) Aug. Décugis, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", juin, juillet 1880

[1]) Anderson, „From Mandalay to Momien"; Kreitner, „Im fernen Osten"; Fr. Garnier, „Voyage d'exploration en Indo-Chine".

[2]) Harmand, „Les Races indo-chinoises", „Memoire de la Société d'Anthropologie".

[3]) Pallegoix, „Annales de la Propagation de la Foi", 1835.

также на «бѣлобрюхихъ» и «чернобрюхихъ»[1]). Эти послѣдніе, которые татуируются, разрисовывая себѣ животъ и бедра цвѣтущими вѣтками, живутъ преимущественно около верховьевъ Менама; это наименѣе цивилизованные, и селенія ихъ очень рѣдко посѣщаются китайскими торговцами. По направленію къ югу замѣчается постепенный переходъ отъ лаонцевъ къ сіамцамъ, но въ округахъ, гдѣ первые сохранили чистоту своей расы, они превосходятъ южныхъ таевъ ростомъ, физической силой, правильностью чертъ лица. Въ долинахъ, спускающихся къ Меконгу, пропорція зобатыхъ весьма значительна; есть деревни, гдѣ всѣ женщины имѣютъ зобъ и даже тщеславятся этимъ. Путешественникъ Муготъ говоритъ, что лаосы болѣе скромны, чѣмъ ихъ сосѣди сіамцы, менѣе докучливы, но зато менѣе вѣжливы и мало расположены оказывать гостепріимство; они охотно предаются торговлѣ, и каждое селеніе обладаетъ большимъ числомъ вьючныхъ слоновъ, до пятидесяти и даже до сотни головъ. Языкъ лаонцевъ, такъ же, какъ и языкъ шановъ, едва разнится отъ сіамскаго діалекта словаремъ, но выговоръ его мягче, такъ что его сравниваютъ съ щебетаньемъ птицъ; письменные знаки отличаются отъ сіамскихъ [1]). Буддійскіе жрецы чрезвычайно многочисленны; въ долинѣ Меконга они, говорятъ, составляютъ восьмую часть населенія [2]).

Кемпферъ разсказываетъ, что въ его время лаонцы хвастались, что они научили сіамцевъ письму и языку священныхъ книгъ; но они сами признаютъ преобладающее вліяніе цивилизаціи, пришедшей изъ центральнаго царства, т. е. изъ Китая [3]). Почти всѣ предметы меблировки, находящіеся въ лаонскихъ домахъ прибрежныхъ деревень Меконга, — китайскаго издѣлія, равно какъ и этикетъ, соблюдаемый придворными мелкихъ государей Лаоса, заимствованъ у китайцевъ; гражданскій порядокъ семейства регулируется законами Срединной имперіи, такъ же, какъ въ наибольшей части Полуострова. Только богатые люди имѣютъ по нѣскольку женъ, изъ которыхъ первая носитъ титулъ законной супруги и командуетъ другими сожительницами своего мужа; знатныя особы придаютъ большую цѣну чистотѣ благородной крови, и дѣти отъ жены низкаго происхожденія не могли бы наслѣдовать главѣ лаонскаго государства. Въ прежнее время, до оффиціальной отмѣны рабства на всемъ пространствѣ Сіама, богатые лаонцы владѣли многочисленными невольниками, военноплѣнными, несостоятельными должниками

[1]) Grandjean, тотъ же сборникъ, янв. 1864 г.; H. Mouhot, „Travels in Indo-China“.
[2]) Pallegoix; Bigandet; Bastian.
[3]) Harmand, цитированный мемуаръ.
[4]) „Histoire du Japon“.

или уголовными преступниками [1]), и употребленіе порабощенныхъ рукъ дѣлало трудъ позорнымъ занятіемъ. На Меконгѣ, тамъ, гдѣ мандарины имѣютъ еще цѣлыя полчища слугъ, съ которыми они, впрочемъ, обращаются хорошо, лѣность составляетъ національный порокъ, тогда какъ во внутреннихъ округахъ, гдѣ каждый трудится для самого себя, населеніе вообще очень дѣятельно и не менѣе шановъ трудолюбиво въ земледѣльческихъ работахъ и различныхъ ремеслахъ [2]). Подобно шанамъ и барманцамъ, лаосы очень искусно дѣлаютъ музыкальные инструменты, и ихъ національныя аріи отличаются трогательною нѣжностью.

Сіамцы въ собственномъ смыслѣ населяютъ область морскаго прибрежья; это самые цивилизованные изъ таевъ, но не самые чистокровные, ибо къ нимъ примѣшались весьма различные этническіе элементы, постоянно привлекаемые въ край торговыми сношеніями; всего болѣе способствовали видоизмѣненію тайскаго типа китайцы, барманцы, малайцы. По этимологіи, предлагаемой въ самой странѣ, имя Саямъ или Сіамъ означаетъ, будто бы, «Три», потому что нѣкогда край былъ населенъ тремя расами, которыя съ теченіемъ времени слились въ одну націю; другіе производятъ это названіе отъ словъ *сая, сама, само*, означающихъ соотвѣтственно: «самобытные», «смуглые», «темнокожіе». Но не существуетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно смысла наименованія таи, которымъ сіамцы всего чаще обозначаютъ себя: слово это значитъ «свободные люди», такъ сказать, «франки» Индо-Китая [3]).

Взятые въ массѣ, сіамцы—средняго роста и пропорціонально сложены, цвѣтъ кожи у нихъ смуглый, желтоватый, глаза черные и широко раскрытые, лицо нѣсколько широкое, но не на столько плоское, чтобы ихъ можно было причислить къ такъ называемому «монгольскому» типу. Мужчины имѣютъ рѣдкую бороду, которую они очень тщательно выщипываютъ, а изъ волосъ сохраняютъ только круглую щетку на вершинѣ головы; женщины тоже сбриваютъ свою шевелюру, оставляя только пучекъ, менѣе широкій и менѣе высокій, чѣмъ у мужчинъ, но закругленный въ видѣ пламени и проткнутый золотою или серебряною булавкой. Большинство дѣтей, съ ихъ живыми глазами, жизнерадостными, улыбающимися лицами, гибкими, свѣжими членами, съ чернымъ пучкомъ волосъ на головѣ, убраннымъ цвѣтами и драгоцѣнными украшеніями, такъ милы и прелестны, что ими просто залюбуешься; но, выростая, они много теряютъ своей граціи и красоты: въ глазахъ европейца, сіамцы—народъ крайне

[1]) Fr. Garnier, „Voyage d'exploration en Indo-Chine“.
[2]) Thomson, „Dix années de voyages“; Pallegoix, и т. д.
[3]) Ad. Bastian, „Reisen in Siam im Jahre 1863“.

непригожій, «обезьяноподобный», и заботливость, съ которою они чернятъ себѣ зубы, еще болѣе усиливаетъ ихъ безобразіе. Что касается костюма, то онъ простъ и красивъ: онъ состоитъ изъ передника лангути и изъ куска матеріи, драпировки, которую мужчины закидываютъ черезъ плечо, а женщины обвиваютъ вокругъ бюста, на манеръ сари, носимаго индусками. Въ цѣломъ, таи гораздо болѣе походятъ на китайцевъ, нежели на индусовъ и малайцевъ, и однако, ихъ физіономія, ихъ нравы и образъ мыслей представляютъ индійскія черты, такъ ясно охарактеризованныя, что сіамская нація оправдываетъ до извѣстной степени свои притязанія на происхожденіе отъ брамановъ [1]). Сіамцы очень мѣтко и справедливо называются «индо-китайцами»: все у нихъ, манеры, обычаи, учрежденія гражданскія и духовныя, носитъ на себѣ этотъ двоякій характеръ. Празднества ихъ—браманическаго происхожденія, тогда какъ образъ правленія и законы, очевидно, составляютъ заимствованія, сдѣланныя когда-то изъ китайскихъ учрежденій. Языкъ, какъ и другіе главные идіомы Индо-Китая, моносиллабическій и не содержитъ многосложныхъ словъ, кромѣ тѣхъ, которыя заимствованы изъ чужихъ говоровъ: оттого рѣчь понимается только посредствомъ пѣнія словъ, произносимыхъ съ различной интонаціей, сообразно ихъ значенію; тоновъ, аналогичныхъ китайскому *шину*, которые употребляются въ разговорѣ, въ сіамскомъ языкѣ пять, включая сюда и прямой тонъ [2]).

Но если этотъ языкъ имѣетъ сродство съ китайскимъ по происхожденію и произношенію, то азбука, гдѣ каждый звукъ, гласный и согласный, изображается соотвѣтственнымъ знакомъ,—несомнѣнно индійскаго происхожденія; правда, эти знаки могутъ разнообразно комбинироваться и представлять всѣ слова, такъ что алфавитъ превращается въ словарь. Но образованному сіамцу недостаточно знать свой собственный языкъ; онъ долженъ также пользоваться выраженіями языка пали (бали) въ возвышенномъ стилѣ, когда онъ обращаетъ свою рѣчь къ талапуанамъ и къ жрецамъ; въ важныхъ обстоятельствахъ онъ старается, такъ сказать, сдѣлаться индусомъ по языку, какъ бы для того, чтобы напомнить о своемъ браманическомъ происхожденіи.

Сіамцы, по большей части, отличаются необыкновенною кротостью и замѣчательнымъ терпѣніемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и недостаткомъ инициативы; они хорошо и регулярно дѣлаютъ привычную работу, но не настолько изобрѣтательны, чтобы придумывать новые пріемы и способы труда. Нѣтъ народа болѣе гостепріимнаго, болѣе человѣколюбиваго, чѣмъ сіамцы; бѣднымъ вездѣ оказывается помощь, а путники находятъ на дорогахъ пристанища, гдѣ они могутъ сварить себѣ кушанье и переночевать; рекомендуемое буддистами правило ставить вдоль дороги сосуды съ свѣжей водой для того, чтобы прохожіе могли утолять жажду, нигдѣ не соблюдается лучше, чѣмъ въ Сіамѣ. Преступленія противъ личности чрезвычайно рѣдки, и ссоры гораздо менѣе часты, нежели въ городахъ Запада; въ этомъ отношеніи истинная цивилизація находится скорѣе въ старой Азіи, чѣмъ въ юной Европѣ; врожденная вѣжливость и любезность, происходящая отъ взаимнаго доброжелательства, составляетъ общую черту сіамцевъ. Къ сожалѣнію, къ естественной учтивости между равными примѣшиваются разныя приторно-вѣжливыя, раболѣпно-льстивыя формулы, предписываемыя режимомъ неограниченной власти; нравы испорчены лживостью, единственнымъ оружіемъ слабыхъ противъ произвола высшихъ. По природѣ склонные къ повиновенію, проникнутые тѣмъ духомъ сыновней любви и почтенія къ родителямъ, который сдѣлался основой китайской морали, сіамцы не чувствуютъ себя солидарными съ угнетаемыми: они преклоняются передъ несправедливостью, передъ кривдою, какъ передъ велѣніемъ неотвратимаго рока. Впрочемъ, большая часть ихъ существованія проходитъ въ празднествахъ; мало найдется странъ, гдѣ бы правильное теченіе обыденныхъ работъ прерывалось болѣе многочисленными общественными увеселеніями. Можетъ быть, единственные между народами земнаго шара, сіамцы имѣютъ спеціальный праздникъ, посвященный заботамъ о чистоплотности: въ этотъ день дѣти обмываютъ своихъ родителей, ученики своихъ учителей, а прохожихъ обливаютъ цѣлыми ведрами воды [1]). Въ Сіамѣ, такъ же, какъ и въ Барманіи, на браманахъ лежитъ обязанность составлять календарь и вычислять дату пятнадцати большихъ годовыхъ праздниковъ. Это единственный остатокъ власти, присвоенной нѣкогда просвѣтителямъ страны.

Сіамъ есть та страна Индо-Китая, гдѣ буддизмъ наименѣе подвергался примѣси чуждыхъ религіозныхъ элементовъ; онъ не выродился тамъ въ грубое шаманство, какъ въ долинахъ Гималаевъ, на плоскогорьяхъ Тибета и особенно въ степяхъ монголовъ и въ лѣсахъ сибирскихъ инородцевъ; равнымъ образомъ онъ держался въ сторонѣ и отъ индусскаго идолопоклонства, по крайней мѣрѣ, въ новѣйшую эпоху, ибо въ изваяніяхъ многихъ храмовъ Лаоса замѣчается, какъ и въ религіозныхъ зданіяхъ Камбоджи, безпорядочное смѣшеніе буддійскихъ и браманическихъ мотивовъ [2]). Въ это послѣднее время сіамскій король даже

[1]) Bastian, цитированное сочиненіе.
[2]) Pallegoix, „Description du royaume Thaï ou Siam".

[1]) Adolf Bastian, „Reisen in Siam im Jahre 1863".
[2]) Adolf Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder".

сталъ придавать серьезное значеніе своей роли «защитника вѣры», и теперь поддерживается постоянная корреспонденція между банкокскимъ дворомъ, другими азіатскими правительствами и историками «Великаго ученія», которые дѣятельно ведутъ свои изслѣдованія, посѣщая для этой цѣли даже европейскія библіотеки. Каждый сынъ семейства долженъ пройти черезъ монашеское состояніе; въ возрастѣ отъ двадцати до двадцати одного года молодые люди поступаютъ въ монастырь, совлекаютъ тамъ съ себя городскую одежду и отрекаются, на время затворничества, отъ своего ранга и достоинствъ. Сами короли подчинены этому правилу и по выходѣ изъ монастыря они должны снова короноваться [1]; но и послѣ того они остаются великими жрецами и должны пещись о благосостояніи монастырей. Сіамская нація расходуетъ ежегодно свыше 100 милліоновъ франковъ на содержаніе жрецовъ и монаховъ; пропорціонально, это бюджетъ вѣроисповѣданій, далеко превосходящій тотъ же бюджетъ Франціи. Такъ называемые *вать-луанъ*, или «королевскіе монастыри», построенные на средства короля, т. е. націи, составляютъ совокупность зданій, высоко поднимающихъ надъ деревьями или домами свой двойной или тройной этажъ пирамидъ и шпицевъ, покрытыхъ изразцами и увѣшанныхъ колокольчиками, которые мѣрно звонятъ, покачиваемые дуновеніемъ бризы; рядомъ съ пагодой, монастыри, дворы, сады, пруды, часовни и поля составляютъ цѣлую область: это *виганъ*, подобный вигарѣ (вигаръ, бигаръ) древней Индіи, священное пространство, мѣсто убѣжища, гдѣ могутъ безопасно укрываться самые тяжкіе преступники; впрочемъ, то же самое допускается въ католическихъ церквахъ [2]. Другіе монастыри, менѣе обширные, - это, во-первыхъ, *вать-хуннанъ*, или дворянскіе монастыри, и *ратсадонъ*, или монастыри для простаго народа, которые сооружаются на средства, собираемыя путемъ добровольной подписки: большинство ихъ меньше размѣрами, но богаче украшеніями, чѣмъ подобныя же зданія въ Барманіи, а въ сравненіи съ мизерными пагодами Китайской имперіи, это великолѣпные памятники религіознаго зодчества; заключающіяся въ нихъ сокровища составляютъ наибольшую долю національнаго сбереженія. Золотыя статуи, блистающія драгоцѣнными каменьями, не рѣдки въ храмахъ, но между скульптурными произведеніями, украшающими внутренность святилищъ и ихъ перистили, есть не мало такихъ, которыя вовсе не имѣютъ религіознаго характера; отличаясь полнѣйшею вѣротерпимостью, буддійскіе монахи дали у себя убѣжище многимъ изображеніямъ чужеземнаго происхожденія. Такъ, Бастіанъ видѣлъ тамъ статую Наполеона рядомъ съ идоломъ Будды, а между гравюрами, развѣшанными по стѣнамъ, попадаются такія, которыя представляютъ европейскіе парады и сраженія [1]).

[1]) Pallegoix; Thomson; Bastian; Beauvoir.

[2]) Bruguière, „Annales de la Propagation de la Foi", 1831.

Правила, которыя обязаны соблюдать сіамскіе монахи, такъ многочисленны, что если бы имъ не помогали монастырскіе служители и послушники, то жизнь ихъ была бы невозможна. Имъ воспрещено копать землю, изъ уваженія къ этой стихіи, и слѣдовательно, они не могутъ ни сажать, ни сѣять. Талапуанъ, варящій рисъ, грѣшитъ, потому что умерщвляетъ сѣмена растенія; равнымъ образомъ ему запрещено ѣсть зерна, которыя могли бы еще пустить ростки; не дозволяется влѣзать на дерево, ибо онъ могъ бы поломать вѣтки. Зажигая огонь, онъ совершаетъ грѣхъ, потому что уничтожаетъ топливо; но и когда гаситъ пламя, тоже грѣшитъ; равнымъ образомъ и ковать желѣзо считается грѣхомъ, такъ какъ при ковкѣ летятъ искры [2]). Главное предписаніе буддійскаго закона — уважать жизнь животныхъ, и эту заповѣдь талапуаны соблюдаютъ съ величайшею скрупулезностью. Даже міряне считаютъ грѣхомъ раздавить муравья или муху; съ ихъ принципами, они не имѣютъ другой защиты противъ паразитовъ, кромѣ частыхъ ваннъ и изысканной чистоплотности. Въ извѣстныя эпохи богатые люди покупаютъ цѣлыя барки, наполненныя рыбой, чтобы сдѣлать доброе дѣло, пуская пойманную рыбу обратно въ рѣку; два раза въ годъ охота и рыбная ловля безусловно воспрещены. Но внѣшнія формы составляютъ почти всю религію. При видѣ храмовъ, такъ богато украшенныхъ, можно подумать, что населеніе проникнуто горячею ревностью къ вѣрѣ; но ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности; индифферентизмъ въ религіозныхъ дѣлахъ составляетъ общее явленіе. Храмы и святыни мало посѣщаются, и если жрецы раздѣляютъ съ царствующими особами эпитетъ *прахъ*, или «великихъ», то это не болѣе, какъ условная общепринятая форма рѣчи; они вообще не пользуются большимъ уваженіемъ; ихъ обвиняютъ въ томъ, что они преступаютъ большую часть статей своего кодекса. Если бы ихъ не считали за чародѣевъ, они потеряли бы всѣхъ своихъ кліентовъ, и ихъ постоянные призывы къ благочестивымъ пожертвованіямъ, призывы, на которые еще недавно всѣ охотно откликались, оставались бы безъ всякаго отвѣта [3]).

Какъ и въ Индіи, молодые люди женятся и выходятъ замужъ очень рано. Съ двѣнадцатилѣтняго возраста дѣвушка считается уже воз-

[1]) Ad. Bastian, „Reisen in Siam im Jahre 1863".

[2]) La Loubere, „Description du royaume de Siam"; „Journal des Missions évangéliques", 1864.

[3]) Pallegoix, „Description du royaume de Thaï ou Siam"

мужалою, и ей ищутъ мужа; въ случаѣ, если таковаго не находится, родители прибѣгаютъ къ простому средству—къ продажѣ дочери тому, кто больше предложитъ. Рѣдко бываетъ, чтобы бракосочетаніе сопровождалось какими-либо религіозными церемоніями; только въ тѣхъ случаяхъ, когда брачные союзы заключаются между лицами, принадлежащими къ богатому обществу, приглашаютъ талапуановъ прочитать извѣстныя молитвы за молодую чету и окропить ее святою водой. Разводы устроиваются такъ же просто, какъ и свадьбы: достаточно, чтобы одинъ изъ супруговъ потребовалъ разлученія. Когда чета имѣетъ дѣтей, ихъ дѣлятъ поровну между разводящимися родителями, но первый выборъ предоставленъ матери; когда отъ брачнаго союза произошелъ только одинъ ребенокъ, мать беретъ его себѣ. Женщины вообще пользуются свободой и почетомъ; онѣ принимаютъ участіе въ управленіи общихъ дѣлъ, выходятъ изъ дому совершенно свободно; какъ европейки, ходятъ на рынокъ и въ гости безъ всякаго надзора со стороны мужа; но недавно тѣ изъ супругъ, которыя, вмѣсто того, чтобы принести за собою приданое, были куплены мужемъ, могли быть перепроданы имъ другому лицу. Каждый годъ такимъ образомъ много женъ попадало въ рабство. Въ половинѣ настоящаго столѣтія число невольниковъ всякаго рода, женъ, проданныхъ мужьями, должниковъ, отданныхъ въ кабалу кредиторамъ, преступниковъ, лишенныхъ свободы за содѣянную вину, было такъ велико, что составляло, приблизительно, около четверти всего населенія. Королевскимъ декретомъ рабство отмѣнено, начиная съ 1872 года. Медленный приростъ народонаселенія, замѣчаемый прежде въ Сіамѣ, происходилъ именно отъ существованія рабства: толпа невольниковъ не могла вступать въ бракъ, а въ полигамическихъ брачныхъ союзахъ мандариновъ большая часть женъ оставались бездѣтными [1]).

Число жителей увеличивается, главнымъ образомъ, вслѣдствіе иммиграціи китайцевъ изъ Фокіена, Куанъ-туна, Сингапура. Точной статистики относительно этихъ пришельцевъ еще не составлено, и различныя приблизительныя исчисленія опредѣляютъ цифру ихъ отъ 400.000 до 1.500.000 душъ; но нужно замѣтить, что вообще склонны преувеличивать численность ихъ колоній, по причинѣ значительной роли, которую играютъ эти переселенцы, какъ купцы, банкиры, концессіонеры монополій, промышленники всякаго рода; нѣкоторыя професcіи совершенно сосредоточены въ ихъ рукахъ. Въ нѣкоторыхъ внутреннихъ областяхъ государства всѣ торговыя сдѣлки совершаются черезъ ихъ посредство, а между жителями многихъ городовъ морскаго прибрежья меньше сіамцевъ, нежели китайцевъ и метисовъ китайскаго происхожденія. Гораздо болѣе дѣятельные и предпріимчивые, чѣмъ туземцы, желтолицые «сыны Гана» употребляютъ въ дѣло громадные естественные источники страны и извлекаютъ наиболѣе выгодъ изъ ихъ эксплоатація; но, съ другой стороны, эти же пришлые обитатели Мюанъ-Тая создаютъ правительству наибольшія затрудненія: среди этихъ переселенцевъ часто вспыхивали мѣстныя возмущенія, и правительству приходилось посылать многочисленныя военныя экспедиціи на берега полуострова Малакки, гдѣ китайскія колоніи отличаются стремленіемъ къ политической независимости. Китайцы вообще гораздо менѣе привязаны къ своей религіи, чѣмъ сіамцы, и между ними миссіонеры, католическіе и протестантскіе, дѣлаютъ всего болѣе обращеній въ христіанскую вѣру; но «сыны Гана» и сами тоже обращаютъ жителей края на свой ладъ: они научили туземцевъ употребленію опіума, и теперь этотъ порокъ сдѣлался общимъ. Что касается японцевъ, прежде многочисленныхъ въ королевствѣ и населявшихъ цѣлыя деревни, то они по большей части слились съ кореннымъ населеніемъ; лучшіе солдаты государей Мюанъ-Тая принадлежали нѣкогда къ этой націи [1]). Колоніи талайновъ, или пегуанцевъ, значительны; эти иммигранты доставляютъ преимущественно плясуновъ для большихъ мѣстныхъ праздниковъ. Сіамскіе актеры считаются лучшими во всемъ Индо-Китаѣ. На ихъ театрахъ женскія роли исполняются лицами женскаго пола, тогда какъ на китайскихъ сценахъ онѣ всегда поручаются молодымъ мальчикамъ [2]).

Между различными народностями, населяющими Сіамскую имперію, слѣдуетъ также упомянуть тѣ, которыя получили общія наименованія ха и хетъ. Имя ха примѣняется сіамцами къ многочисленнымъ дикимъ племенамъ страны за Меконгомъ, къ тѣмъ недисциплинированнымъ народцамъ, которыхъ камбоджане называютъ пномъ или пнонгъ, кохинхинцы—мой, жители Тонкина—мьонъ или мюонгъ. Этотъ терминъ ха, составляющій теперь этническое названіе, первоначально имѣлъ смыслъ «невольника», ибо именно эти племена, живущія въ постоянной войнѣ, снабжаютъ плѣнниками рынки Камбоджи и пополняютъ собою ряды класса рабовъ, которымъ прежде давали также прозвище «собакъ». Однако, имя ха постепенно утрачиваетъ смыслъ обидной клички, съ тѣхъ поръ какъ многіе невольники, уроженцы этихъ племенъ, возвысились до высшихъ должностей въ государствѣ. Что касается бирманцевъ, то они тоже сдѣлали слово «ха» приставкой къ имени многихъ народцевъ, между прочимъ, къ имени народца кьенъ (ха-кьенъ, ка-

[1]) Pallegoix, цитированное сочиненіе.

[1]) Eng. Kämpfer, „Histoire du Japon".
[2]) Adolf Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder".

кьенъ), обитающаго на границѣ Юннана, не въ смыслѣ рабовъ, а въ смыслѣ варваровъ. Въ ихъ глазахъ ха—это люди, происшедшіе не отъ божественнаго Брамы, а родившіеся изъ корней или камней. Имя хекъ, примѣняемое преимущественно къ малайцамъ и особенно къ тѣмъ, которые живутъ въ предѣлахъ Сіамскаго государства, значитъ просто «чужеземцы»; такъ, говорятъ о хекъ-гинду (индусы), хекъ-малаю (малайцы), хекъ-ява, кшава или чвеа, т. е. яванцы. Такъ какъ почти всѣ эти иностранцы—магометане, то исламъ тоже понимается подъ общимъ именемъ хекъ, и тѣ изъ послѣдователей пророка, которые пришли изъ Аравіи или Турціи и которыхъ ихъ ортодоксальность ставитъ въ мнѣніи единовѣрцевъ гораздо выше мусульманъ голландской Индіи, хвастаются своей страной «Румъ» (т. е. Римъ, такъ какъ Константинополь называли «Новымъ Римомъ»). Такимъ образомъ, то же самое имя Римъ, принимаемое въ столькихъ различныхъ значеніяхъ и употребляемое на Западѣ для обозначенія антагонизма съ исламомъ, составляетъ, напротивъ, предметъ гордости для магометанъ крайняго Востока, которые тоже предъявляютъ на него свои права.

Населеніе Сіама, исчисляемое, приблизительно, по расамъ: сіамцы—2.000.000; китайцы—1.500.000; лаосы—1.000.000; малайцы—500.000; камбоджане—300.000; карены, ха и пр.—200.000; пегуанцы—50.000.

«Властелинъ земли» или «властелинъ жизни», какъ величаютъ короля сіамскаго, пользуется неограниченною самодержавною властью; онъ владѣетъ землями своего государства на полномъ правѣ собственности и можетъ во всякое время прогнать съ нихъ жителей; если «вольные люди», какъ называютъ себя сіамцы, пользуются деревьями и растеніями, водой, камнями и всѣмъ, что находится въ предѣлахъ имперіи, то единственно потому, что государь соблаговолилъ дозволить имъ это пользованіе въ день своего вѣнчанія на царство [1]). Онъ располагаетъ также жизнью своихъ подданныхъ, и если ему угодно назначить судей для наложенія наказаній, вмѣсто того, чтобы просто отрубать головы, то это чистая милость, проистекающая изъ его неизреченнаго благодушія. Сумма всѣхъ налоговъ и податей, таможенныхъ сборовъ, пошлинъ на товары, доходовъ отъ монополій или регалій, даней отъ вассальныхъ королевствъ поступаетъ полностью въ королевскую казну, и государь распоряжается ею по своему усмотрѣнію, или для цѣлей общественнаго блага, или для собственнаго удовольствія. Король можетъ назначить себѣ преемника, даже внѣ своей фамиліи; но если онъ не опредѣлилъ порядокъ престолонаслѣдія, то корона переходитъ къ старшему сыну. Всѣ чиновники государственной службы должны присягать ему въ вѣрности, выпивъ клятвенной воды, въ которую былъ обмокнутъ королевскій мечъ и которая должна превратиться въ отраву для того, кто не сдержитъ обѣщанной вѣры и правды. Торжество коронаціи сопровождается многочисленными празднествами, всѣ церемоніи которыхъ символизируютъ вступленіе государя во владѣніе землей, водой и воздухомъ. Особенно процессія принятія во владѣніе водной стихіи представляетъ необыкновенно оригинальное зрѣлище: королевскій кортежъ состоитъ, по малой мѣрѣ, изъ пятидесяти тысячъ человѣкъ, плывущихъ на баркахъ всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ, представляющихъ разныхъ животныхъ, реальныхъ или фантастическихъ. Но какъ ни властенъ самодержавный повелитель Сіамской имперіи, окружающій себя, наравнѣ съ богами, «сонмомъ ангеловъ», власть его, однако, ограничена книгой церемоніала. Такъ же, какъ китайскій императоръ, который служилъ примѣромъ всѣмъ монархамъ крайняго Востока, и которому Сіамъ прежде платилъ дань, король Мюанъ-Тая долженъ согласовать свою жизнь съ предписаніями книги, которая напередъ опредѣляетъ все его поведеніе, указываетъ моментъ каждаго изъ его ежедневныхъ дѣйствій, диктуетъ ему слова, которыя онъ долженъ произносить во время большихъ празднествъ, какъ, напримѣръ, на праздникѣ земледѣлія. Не давая себя ослѣплять блескомъ всего окружающаго его тронъ, самодержецъ долженъ понимать суетность своей власти. Когда его министры вручатъ ему послѣдовательно всѣ знаки царскаго достоинства, онъ встаетъ и произноситъ проповѣдь о смерти и ничтожествѣ всего человѣческаго.

Второй король, всегда близкій родственникъ перваго, пользуется титуломъ и нѣкоторыми аттрибутами королевскаго достоинства, но не властью, и придворные его назначаются истиннымъ государемъ; главная его роль въ правительственномъ организмѣ состоитъ въ томъ, чтобы быть отцомъ королевы, ибо «властелинъ земли» не можетъ вступать въ неравный бракъ съ женщинами не царской крови. Недавно существовало еще третье лицо, носившее также титулъ короля. Эта двойственность или тройственность королевскаго достоинства не есть учрежденіе исключительно сіамское; во многихъ другихъ государствахъ Индо-Китая короли тоже раздѣляли между собою власть и претендовали на господство надъ стихіями: первый властвовалъ надъ огнемъ, второй—надъ водой [1]). Можно бы подумать, что совмѣстное существованіе двухъ королей должно подавать поводъ къ частымъ дворцовымъ революціямъ, но сила преданія такъ велика, такъ непоколе-

[1]) Pallegoix, цитированное сочиненіе.

[1]) Kämpfer; Pallegoix; Bastian; Gréhan.

бима, что уже цѣлые вѣка не бывало примѣра, чтобы миръ былъ нарушенъ между двумя государями. Приняты предосторожности, чтобы первый король не имѣлъ причинъ опасаться своего зятя: дочерямъ его запрещено выходить замужъ; онѣ заключаются въ ограду, сады которой—настоящій «рай земной», представляющій всѣ чудеса и достопримѣчательности внѣшней природы, но, тѣмъ не менѣе, жизнь въ этомъ раю походитъ на жизнь монастыря. Въ случаѣ нарушенія устава затворничества, принцессу зашиваютъ въ кожаный мѣшокъ и бросаютъ въ рѣку. Когда принцы осуждаются на смерть, ихъ убиваютъ палками изъ сандальнаго дерева; уваженіе къ царской крови не позволяетъ проливать ее, какъ кровь простыхъ смертныхъ [1]).

Королевскій совѣтъ состоитъ изъ четырехъ министровъ: внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, военнаго и морскаго; кромѣ того, существуетъ родъ сената, въ которомъ засѣдаютъ десятка два главныхъ мандариновъ. Нѣкоторые изъ принцевъ возводятся на высшія должности въ государствѣ, но большинство, содержимое на средства ихъ родственника государя, ведетъ праздную и разгульную жизнь, нѣкоторые, однако, занимаются торговлей или даже избираютъ себѣ какую-нибудь профессію или ремесло. Вообще, высшія государственныя должности наслѣдственны, но дворянство не наслѣдственно; титулы, жалуемые королемъ, всегда имѣютъ личный характеръ. Оклады жалованья, платимые казной, очень скудны, недостаточны даже въ этой богатой странѣ, гдѣ всѣ продукты такъ дешевы; но мандарины вознаграждаютъ себя кормленьемъ; они, по мѣстному выраженію, имѣютъ привычку «создавать себѣ тучныя нивы на спинѣ народа», обращая въ свою пользу тяжелый барщинный трудъ, налагаемый на подданныхъ. Чиновники могутъ все подволять себѣ въ странѣ, гдѣ подданные клеймятся, какъ домашній скотъ, татуировкой на предплечьи, чтобы установить оффиціально ихъ соціальное состояніе, и гдѣ китайскіе иммигранты носили на кисти руки королевскую печать, замѣнявшую квитанцію въ уплатѣ податей [2]). Недавно было въ обычаѣ въ Сіамскомъ королевствѣ, какъ въ Барманіи, въ Палестинѣ въ эпоху судей и въ Западной Европѣ въ первыя времена среднихъ вѣковъ, класть фундаментъ памятниковъ и особенно городскихъ воротъ на тѣлахъ уголовныхъ преступниковъ или военноплѣнныхъ [3]). Законы примѣняются съ большою строгостью, и принципъ китайской юриспруденціи, возлагающій на семью, деревню, цѣлую часть города, на все населеніе коллективную отвѣтственность за всякій проступокъ, преступленіе или несчастный случай, соблюдается сіамскими мандаринами съ неумолимою суровостью. Сограждане зорко наблюдаютъ другъ за другомъ, изъ опасенія, чтобы изъ-за провинности одного всѣмъ не попасть въ какую-нибудь бѣду.

Такъ какъ всѣ сіамцы, жители королевства, разсматриваются какъ рабы государя, то послѣдній можетъ забирать ихъ по своему произволу въ ряды арміи, какова бы ни была ихъ профессія; однако, и въ этомъ отношеніи установились нѣкоторыя традиціи, въ силу которыхъ воинская повинность падаетъ спеціально на извѣстные классы общества. Такъ, плотники по обязанности идутъ въ военную службу, равно какъ и переселенцы изъ Пегу. Королю требуются, главнымъ образомъ, работники для постройки его дворцовъ и пагодъ, болѣе чѣмъ бойцы, чтобы нести пламя войны въ чужія страны; оттого солдаты набираются между искусными рабочими. Искусные ремесленники всего болѣе подвергаются риску быть призванными въ ряды войска или во главу ротъ, въ качествѣ инструкторовъ; впрочемъ, отпуски даются черезъ каждыя двѣ недѣли или черезъ каждые два мѣсяца. Недавно королевская гвардія состояла изъ «неуязвимыхъ», т. е. изъ солдатъ, которыхъ амулеты и пластинки драгоцѣннаго металла, введенныя подъ верхнюю кожицу, должны были дѣлать невредимыми и предохранять отъ ударовъ сабель и ножей; если одинъ изъ такихъ «неуязвимыхъ» былъ осуждаемъ на смерть, то отдавался приказъ талапуанамъ уничтожить своими заговорами силу предохраняющей чары [1]). Батальонъ женщинъ отправляетъ караульную службу во внутреннихъ аппартаментахъ королевскаго дворца и парадируетъ на большихъ церемоніяхъ. Серьезная армія, состоящая изъ пѣхоты и артиллеріи, организуется въ настоящее время подъ руководствомъ европейскихъ офицеровъ, и цѣлый флотъ вооруженныхъ пароходовъ защищаетъ теперь входъ въ рѣку и подходы къ берегамъ. Большинство иностранцевъ, которыхъ сіамское правительство употребляетъ для управленія своими сухопутными и морскими военными силами, состоитъ изъ англичанъ; британское вліяніе смѣнило вліяніе Китая. Это англичане ввели въ Мюанъ-Таѣ систему монополій, устроивъ ее по образцу системы, господствующей въ Индіи; это они побуждаютъ правительство преобразовывать, къ ихъ выгодѣ, таможенные порядки. По ихъ почину, тяжелыя натуральныя повинности мало-по-малу перелагаются въ денежныя, и благодаря имъ же въ особенности, учрежденіе рабства было оффиціально отмѣнено. Наконецъ, они успѣваютъ даже измѣнять церемоніи вѣжливости, и подъ ихъ вліяніемъ пожатіе руки смѣнило прежній

[1]) Adolf Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder".

[2]) Pallegoix, цитированное сочиненіе.

[3]) Bruguière; Alabaster, „The Wheel of the Law"; A. Bastian, „Reisen in Siam".

[1]) „Nouveau Journal Asiatique", II. XLIV.

обычай повер женія къ стопамъ. Оффиціальная газета, «The Bangkck Recorder», издается на двухъ языкахъ—сіамскомъ и англійскомъ, и рокъ одну провинцію, различныя вассальныя королевства, не считая территорій, занятыхъ дикими племенами, имѣютъ, каждое, свое спе-

Типы и костюмы сіамцевъ.

молодые принцы посылаются, для воспитанія, въ Англію.

Внѣ предѣловъ Сіамскаго королевства въ собственномъ смыслѣ, которое дѣлится на со- ціальное правительство, устроенное по образцу банкокскаго. Въ сѣверной области, платящія дань государства Ксіенъ-Май, Лабонгъ, Лахонъ, Пре, Нанъ, Мюангъ-Ломъ раздѣляютъ

между собою территорію верхнихъ долинъ Менама; Меконгъ протекаетъ черезъ большое государство Люангъ-Прабангъ, а на полуостровѣ Малакка слѣдуютъ одно за другимъ, по направленію съ сѣвера на югъ, королевства Лигоръ, Сонхла, Патани, Калантанъ, Трингану. Королевство Кедахъ прилегаетъ въ западному морю, на сѣверѣ отъ англійской провинціи Уэллеслей.

Городъ Ксіенъ-Май (по-бармански Зимме), столица одноименнаго государства населеніе котораго суммарныя исчисленія опредѣляютъ въ 300.000 душъ, принадлежитъ сіамцамъ лишь съ послѣдней половины восемнадцатаго столѣтія. Хотя онъ находится въ странѣ лаонцевъ, которые слывутъ варварами у своихъ южныхъ сосѣдей, Ксіенъ-Май, или «Новый городъ», имѣетъ видъ настоящаго города, съ правильными широкими улицами, и лавки его наполнены товарами, привозимыми китайцами и банкокскими негоціантами; при каждомъ домѣ есть садъ изъ пальмъ-арекъ и другихъ тропическихъ деревьевъ; несмотря на двойную ограду, нѣкоторые кварталы походятъ на паркъ. Городъ расположенъ среди обширной зеленѣющей равнины, орошаемой водами Мепинга, верхней рѣки Менама, а съ западной стороны надъ нимъ господствуетъ высокая гора, носящая на себѣ, какъ многія другія горы и скалы тѣхъ странъ, отпечатокъ ноги Будды, къ которому пилигримы приходятъ толпами прикладываться. Хотя построенный при рѣкѣ, которая впадаетъ въ Сіамскій заливъ, Ксіенъ-Май имѣетъ болѣе удобное и болѣе быстрое сообщеніе съ моремъ черезъ Мартабанскій заливъ; Мульмейнъ, отстоящій на половину ближе, чѣмъ Банкокъ, есть его естественный портъ, и дорога къ этому порту проходитъ черезъ тековые лѣса, частью эксплоатируемые за счетъ негоціантовъ англійскихъ и китайскихъ. Ксіенъ-Май—одинъ изъ городовъ, о которыхъ всего чаще заходитъ рѣчь въ оффиціальныхъ докладахъ, касающихся будущихъ дорогъ Индіи и Китая; въ самомъ дѣлѣ, прямой путь изъ Рангуна и Мульмейна въ Юннанъ-Фу (главный городъ провинціи Юннанъ) черезъ Семао (Эсмокъ на старыхъ картахъ) проходитъ въ сосѣдствѣ Ксіенъ-Мая, и уже съ незапамятныхъ временъ китайцы пользуются этой дорогой для привоза въ край своихъ произведеній, шелковыхъ тканей и металлическихъ издѣлій, въ обмѣнъ на рисъ, хлопокъ, слоновую кость, лакъ, воскъ и ладонъ; путешествіе всегда продолжается болѣе мѣсяца для разстоянія въ 600 километровъ черезъ лѣса и горы [1]). Лабонгъ, лежащій въ 30 километрахъ къ юго-востоку, въ той же долинѣ, какъ и Ксіенъ-Май,—тоже столица вассальнаго государства, хотя гораздо менѣе важный сравнительно съ предыдущимъ.

[1]) Pallegoix, „Description du royaume Thai ou Siam".

Другой главный городъ подвластнаго Сіаму королевства, Лахонъ, находится въ боковой долинѣ Меванга; эта рѣка соединяется съ Менамомъ, выше Рахейна, торговаго города, верфи котораго каждый годъ спускаютъ въ рѣку большое число барокъ, построенныхъ изъ тековаго дерева [1]).

Къ востоку отъ Лахона, столицы королевствъ Пре и Нанъ, Мюангъ-Пре и Мюангъ-Нанъ, лежатъ та и другая на притокахъ Менама, въ богатыхъ долинахъ, откуда отправляютъ тековое дерево въ сезонъ сплавки лѣса. Эти двѣ рѣки, Пре и Нанъ, соединяются въ предѣлахъ королевства выше Пицанулока или Пицилука (Пицалокъ), который нѣкогда былъ главнымъ городомъ всего Мюангъ-Тая, но который теперь совершенно пришелъ въ упадокъ. Нахонъ-Саванъ, или «Небесный городъ», улицы котораго тянутся вдоль обоихъ береговъ Менама ниже слiянія, получилъ болѣе важное значеніе. Нынѣшній городъ смѣнилъ другой Нахонъ-Саванъ, развалившіяся стѣны котораго до сихъ поръ видны еще въ джунгляхъ внутренности страны. Между Рахейномъ и Нахонъ-Саваномъ, другія развалины, еще непосѣщенныя европейскими путешественниками, принадлежатъ «городу съ алмазными стѣнами», который игралъ нѣкогда, какъ столица Сіама, значительную историческую роль. Новый городъ Кампенгпетъ, построенный у самой рѣки, на лѣвомъ берегу, занялъ мѣсто древней столицы.

Королевскія резиденціи Сіама почти такъ же часто мѣнялись, какъ резиденціи Барманіи. Городъ, который европейцы знали спеціально подъ именемъ Сіама, какъ и все королевство, пересталъ, въ свою очередь, быть мѣстопребываніемъ правительства; онъ остался, впрочемъ, многолюднымъ центромъ населенія. Сіамъ или Аютіа (Си-Айо-Тая), обозначаемый теперь подъ именемъ Крунгъ-Као, былъ столицей въ теченіе четырехъ слишкомъ столѣтій, съ 1350 до 1767 года, эпохи, въ которую барманская армія взяла его приступомъ и опустошила; онъ имѣлъ тогда въ числѣ своихъ жителей около 5.000 христіанъ, которые были уведены въ плѣнъ. Каждая колонія иностранцевъ, китайцевъ, аннамитовъ, малайцевъ, пегуанцевъ, «малабарцевъ», японцевъ, португальцевъ, имѣла свой особенный кварталъ, вокругъ овальнаго острова, заключавшаго собственно сіамскій городъ. Обширныя пространства покрыты развалинами и низкимъ кустарникомъ, надъ которымъ тамъ и сямъ возвышаются стѣны и куполы пагодъ, похожихъ, по архитектурѣ, на индусскіе храмы. Въ окрестностяхъ города, на сѣверной сторонѣ, одно изъ древнѣйшихъ зданій страны, Золотая Гора, еще вздымаетъ свою пирамиду на 120 метровъ надъ равниной; другіе

[1]) Adolf Bastian, цитированное сочиненіе.

памятники, менѣе высокіе, не менѣе прекрасны; цвѣты, обвивающіеся косынками вокругъ статуй, скатерти листвы, ниспадающія каскадами на изваяніяхъ и рѣзьбѣ, ліаны, протягивающія свою сѣть отъ колонны къ колоннѣ, пальмы и бамбуки, соперничающіе высотой съ куполами храмовъ, придаютъ руинамъ необыкновенно живописный и величественный видъ [1]). Раскопки, производимыя во многихъ мѣстахъ искателями кладовъ, перевернули всю почву, изрѣзавъ ее безчисленными рытвинами. Новый городъ, расположенный на берегу рѣки и каналовъ, окружаетъ старую Аютію; но онъ продолжается далеко въ руслѣ Менама плавучими домами и магазинами, между которыми снуютъ суда всякой формы, отъ простой барки до канонирки; даже морскія джонки поднимаются вверхъ по рѣкѣ до береговъ Крунгъ-Као. Король имѣетъ богатые дворцы въ древней резиденціи своихъ предковъ и въ окрестностяхъ. На сѣверѣ простираются джунгли, гдѣ живутъ въ дикомъ состояніи, какъ дикіе быки въ las Marismas или въ Камаргѣ, слоны, на которыхъ охотится самъ король, выѣзжая въ сопровожденіи цѣлой арміи егерей, загоняющихъ этихъ великановъ животнаго царства въ загородь изъ толстыхъ бревенъ, которая дѣлается ихъ временною тюрьмой. Тысячи рыболововъ приходятъ также каждый годъ изъ Банкока бросать свои сѣти въ воды Аютіи. Занимая выгодное мѣстоположеніе при сліяніи Менама и рѣкъ, которыя проходятъ одна мимо Лопбури (Нопбури), другая черезъ Мюангъ-Гомъ, или «королевство вѣтра», и передъ городомъ Петксабунъ, бывшая столица сдѣлалась необходимымъ складочнымъ мѣстомъ произведеній, происходящихъ изъ полуденной области Лаоса. Въ то же время этотъ городъ служитъ главнымъ этапомъ для пилигримовъ, отправляющихся на богомолье въ храмы горы Прабатъ и въ святилища холма Патави. Прабатскій настоятель есть неограниченный владѣтель территоріи, которая простирается вокругъ монастыря на разстояніе четырехъ часовъ ходьбы.

Нынѣшняя столица Сіамскаго королевства существуетъ всего только около ста лѣтъ, и, однако, уже болѣе полумилліона жителей толпятся внутри стѣнъ и каналовъ, образующихъ городскую ограду. Хотя носящій еще то же имя, какое носилъ, какъ рыбачья деревушка, Банкокъ, или «деревня оливковыхъ деревьевъ», есть теперь самый большой городъ Азіи между Калькуттой и Кантономъ на береговомъ протяженіи около 8.000 километровъ; нѣтъ города въ Европѣ, который представлялъ бы такой быстрый ростъ. Унаслѣдовавъ могущество Аютіи, Банкокъ принялъ также и оффиціальное наименованіе бывшей столицы: Си-Аютіамага или «Великій королевскій городъ ангеловъ». Всѣ города Индо-Китая имѣютъ два или нѣсколько именъ, изъ которыхъ одно употребляется профанами, а другое—жрецами и учеными.

Собственно городъ, имѣющій около 14 километровъ въ окружности, расположенъ километрахъ въ тридцати отъ моря, по лѣвому берегу Менама, который въ этомъ мѣстѣ описываетъ дугу, обращенную выпуклою стороной къ западу. Обширныя предмѣстья продолжаютъ столицу выше и ниже по рѣкѣ, и на правомъ берегу острова тоже застроены домами; все это городское поселеніе раскинулось на пространствѣ, по меньшей мѣрѣ, 40 квадр. километровъ. Многочисленные каналы перерѣзываютъ городъ во всѣхъ направленіяхъ, и только въ эти послѣдніе годы были открыты улицы, подобныя улицамъ европейскихъ городовъ, вдоль рѣки и въ сосѣдствѣ; до того времени сообщенія внутри города производились не иначе, какъ на лодкѣ. Издали эта «сіамская Венеція», болѣе обширная и болѣе грандіозная по виду, чѣмъ итальянская, представляетъ чудную картину: надъ водами, безчисленными судами и густыми чащами листвы высоко поднимаются рѣзныя пирамиды пагодъ, сплошь покрытыя мозаиками, блистающими, какъ золото, подъ лучами яркаго солнца. На самой рѣкѣ видъ сіамской столицы не менѣе восхитителенъ: тысячи шаровидныхъ судовъ, или «балоновъ», барокъ, кораблей стоятъ на якорѣ или разсѣкаютъ волны, уносимыя приливомъ, увлекаемыя бризой, приводимыя въ движеніе паромъ или веслами. На обѣихъ сторонахъ Менама крутые берега скрыты за непрерывнымъ рядомъ плотовъ и плавучихъ домовъ: не знаешь, гдѣ начинается твердая земля. Эти живописныя жилища рѣчнаго города, почти всѣ украшенныя рѣзьбой, живописью и золотыми листами, стоятъ на бамбуковыхъ постилкахъ, свободно передвигающихся, при помощи колецъ, по длинѣ четырехъ свай, вбитыхъ въ ложе рѣки; они поднимаются и опускаются, сообразно измѣненію уровня воды во время прилива и отлива. Когда вспыхнетъ пожаръ, каждый спѣшитъ перерѣзать прикрѣпленные къ берегу канаты и перевести свой домъ на приличное разстояніе; когда опасность миновала, рѣчное населеніе возвращается на обычныя мѣста якорной стоянки; въ этой подвижной части города торговыя мѣста отдаются въ наемъ за очень дорогую плату, какъ мѣста этого рода на людныхъ улицахъ въ европейскихъ городахъ [1]).

Кварталы Банкока, находящіеся на твердой землѣ, не представляютъ уже, какъ это было еще въ половинѣ настоящаго столѣтія, кучекъ

[1]) Mouhot, „Travels in the Central Parts of Indo-China“.

[1]) Pallegoix; Lequeux; Thomson; Bastian; Garnier; Decugis; Harmand; Beauvoir.

лачугъ, пріютившихся кругомъ пагодъ; теперь въ сосѣдствѣ порта выстроились дома европейской конструкціи, да и самый дворецъ королевскій—очень красивое зданіе въ итальянскомъ стилѣ, съ галлереей, перистилемъ и попарно стоящими колоннами, не имѣющее въ своей архитектурѣ ничего сіамскаго, кромѣ деталей орнаментаціи да тропическихъ растеній, сгруппированныхъ массивами на террасахъ и балконахъ. Главную достопримѣчательность Банкока все еще составляютъ его богатыя пагоды: одна изъ нихъ, храмъ Ксетюфона, заключаетъ въ себѣ позолоченное изваяніе Будды, которое одно наполняетъ собою внутреннее пространство святилища длиной слишкомъ 50 метровъ (70 аршинъ); въ другой красуется статуя изъ массивнаго золота; третья содержитъ изображеніе Будды изъ нефрита; всѣ храмы имѣютъ свои сокровища, драгоцѣнные каменья, благородные металлы въ издѣліяхъ, тонкія рѣзныя работы. Въ сосѣдствѣ пагодъ находятся погребальницы, изъ которыхъ одна предназначена для тѣлъ покойниковъ, не имѣющихъ друзей, которые приняли бы на себя заботу о ихъ погребеніи; эти трупы выставляются на съѣденіе собакамъ и коршунамъ. Даже богатые сіамцы завѣщаютъ одну руку или ногу животнымъ, во исполненіе правилъ всеобщей любви и благотворительности, проповѣданныхъ «великимъ учителемъ» Буддой.

Почти все движеніе торговаго обмѣна Сіама, обложенное таможенными пошлинами въ размѣрѣ 3 процентовъ со стоимости привозныхъ товаровъ, сосредоточено на банкокскомъ рынкѣ, и китайцы, послѣ короля и принцевъ, владѣльцевъ монополій, извлекаютъ наибольшіе барыши изъ этого обмѣна. Составляя едва ли не половину населенія сіамской столицы, желтолицые «сыны Гана» не имѣютъ себѣ соперниковъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности и торговли; они захватили въ свои руки даже всю розничную и мелочную торговлю. Ихъ лавки и базары всегда снабжены въ изобиліи фаянсовою и фарфоровою посудой, шелковыми матеріями, металлическими издѣліями и всякаго рода китайскимъ и европейскимъ товаромъ, который они скупаютъ по дешевой цѣнѣ на публичныхъ торгахъ въ Гонконгѣ и Сингапурѣ, портахъ, съ которыми почти исключительно ведется внѣшняя торговля Банкока. Рисъ представляетъ, среднимъ числомъ, двѣ трети всего вывоза; въ обыкновенное время производство этого продукта много превышаетъ нужды мѣстнаго потребленія и позволяетъ снабжать имъ рынки Гонконга, Сингапура, Батавіи, даже поставлять часть европейскаго ввоза; многочисленныя паровыя мельницы въ городѣ и его окрестностяхъ очищаютъ зерно, и для перевозки его организована правильная служба судовъ. Банкокъ отправляетъ заграницу также соленую рыбу, особенный родъ роснаго ладана, текъ и другое строевое и столярное дерево, перецъ, кунжутъ, скотъ. Британскій флагъ развѣвается на наибольшемъ числѣ судовъ, плавающихъ по Менаму; затѣмъ слѣдуютъ флаги сіамскій и германскій; непосредственная торговля Франціи съ страной Сіамъ совершенно ничтожна.

Движеніе банкокскаго порта въ 1890 году: въ приходѣ 477 судовъ, вмѣстимостью 380.554 тонны, въ томъ числѣ 425 пароходовъ съ 341.555 тоннъ.

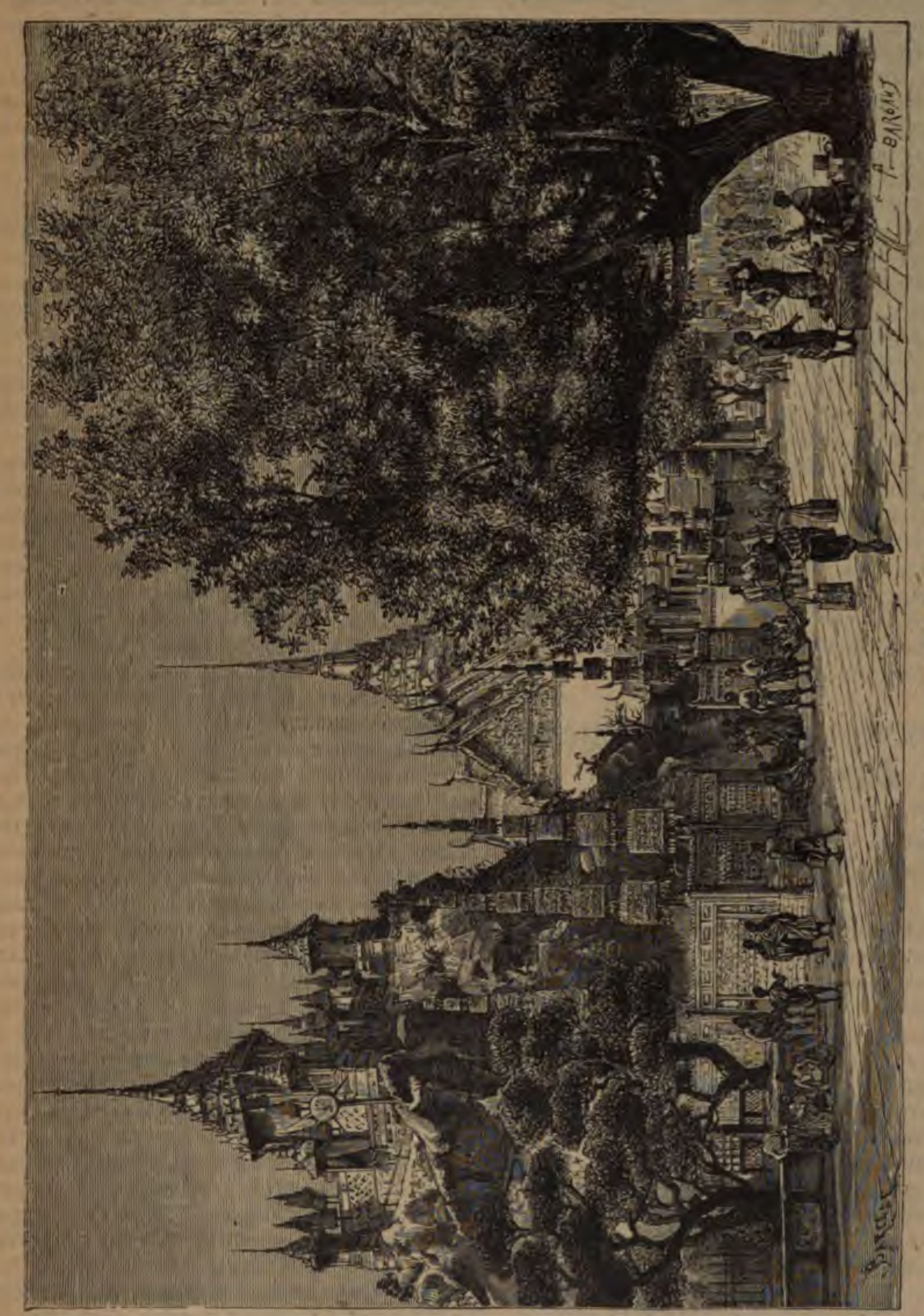
Внѣшняя торговля Банкока въ 1890 году:

Привозъ—на 73.275.500 франк.; вывозъ—на 80.428.000 франк.

Благодаря превосходству торговли Великобританіи, англійскій консулъ въ Банкокѣ не уступаетъ государю въ дѣйствительной власти; онъ считаетъ между подчиненными его вѣдѣнію не только своихъ соотечественниковъ, но также уроженцевъ Индустана и Барманіи, китайцевъ изъ Гонконга и Сингапура, малайцевъ изъ другихъ британскихъ владѣній.

Ниже Банкока по теченію Менама, городъ Паклатъ, населенный, главнымъ образомъ, пегуанцами, и городъ Пакнамъ, гдѣ находится таможня, служатъ аванпортами столицы и командуютъ надъ проходомъ судовъ своими крѣпостями и настильными батареями. Нѣкогда голландцы, владѣвшіе устьемъ рѣки, тоже построили тамъ укрѣпленія, которымъ дали названіе Новаго Амстердама: и теперь еще видны кое-какіе остатки этихъ старинныхъ укрѣпленій, которыя англійскіе моряки окрестили именемъ Dutch Folly, что̀ значитъ «голландская глупость». Посредствомъ судоходныхъ каналовъ входъ Менама сообщается со всѣми портами области дельты, каковы Ташинъ и Меклонгъ. Этотъ послѣдній портъ, лежащій при устьѣ рѣки того же имени, населенъ китайскими купцами и солепромышленниками, огородниками, рыбаками, которые снабжаютъ своими продуктами рынки столицы; выше на той же рѣкѣ городъ Прапри (Рапри, Раджабури), расположенный у подошвы холмовъ, изобилующихъ оловянной рудой, населенъ, главнымъ образомъ, потомками плѣнниковъ, приведенныхъ изъ Камбоджи. На востокѣ дельты, рѣка Хорайокъ, которая также соединена съ Менамомъ каналами естественными и искусственными, орошаетъ, въ своемъ нижнемъ теченіи, близъ города Петріу, плантаціи сахарнаго тростника, воздѣлываемыя китайцами, и впадаетъ въ Сіамскій заливъ, на сѣверѣ отъ города Бангпласой, одного изъ портовъ морскаго прибрежья, гдѣ рыбаки находятъ самый обильный уловъ рыбы. Шантабунъ лежащій близъ границъ Камбоджи, на югъ отъ земли дикарей ксонгъ,—тоже очень оживленный рыболовный портъ; его жители, китайцы, аннамиты, барманцы, отправляютъ заграницу лѣсъ, перецъ, драгоцѣнные камни. Въ 1878 и 1879 годахъ горячка

добыванія драгоцѣнныхъ камней привлекла въ Шантабунскій округъ около 10.000 чужеземцевъ, почти исключительно бармацевъ, которые продавали свои сапфиры (синіе яхонты)



Улица въ городѣ Банкокѣ.

и другіе самоцвѣтные камни негоціантамъ Рангуна, Пинанга, Калькутты; особый пароходъ совершалъ правильные рейсы между Банкокомъ и Шантабуномъ, для перевозки рудокоповъ и продовольствія. Морской берегъ, съ его лѣсистыми островками, горами, бухточками и мысами, есть одинъ изъ самыхъ живописныхъ береговъ Индо-Китая: высокая скала охраняетъ входъ въ Шантабунскую бухту, словно лежащій левъ, болѣе грозный, чѣмъ львы Бастіи и Санъ-Рафаеля въ Средиземномъ морѣ.

Къ востоку отъ Сіамскаго залива, у основанія полуострова Малакки, первый городъ, показывающійся среди плантацій сахарнаго тро-

стника, есть Печибури (Пексабури), лежащій въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега моря, у подошвы холмовъ, имѣющихъ отъ 400 до 600 метровъ высоты: это главный городъ провинціи, перестроенный почти весь однимъ мандариномъ, по планамъ, привезеннымъ изъ Англіи [1]); дома мѣщанъ и ремесленниковъ—чисто англійскіе коттеджи, сплошь покрытые ползучими растеніями, а на сосѣднемъ холмѣ, въ пяти километрахъ отъ города, стоитъ королевскій дворецъ, построенный по образцу Виндзорскаго зàмка. По словамъ Шомбурка, пегуанцы болѣе многочисленны въ этомъ округѣ, чѣмъ во всякой другой части Мюангъ-Тая.

Города континентальнаго Сіама, населеніе которыхъ указано приблизительно путешественниками:

Государства Лаоса: Ксіенъ-Май, по Шомбурку—50.000 жит.; Лахонъ, по Пальгуа—25.000 жит.; Пре, по Пальгуа—15.000 жит.; Лабонгъ, по Пальгуа—12.000 жит.

Собственно Сіамъ: Банкокъ—200.000 жит.; Аютіа (Крунгъ-Као)—50.000 жит.; Нахонъ-Саванъ, по Бастіану—12.000 жит.; Петріу, по Пальгуа—10.000 жит.; Меклонгъ, по Пальгуа—10.000 жит.; Паклатъ, по Пальгуа—7.000 ж.; Пакнамъ, по Пальгуа—7.000 жит.; Коратъ, по Пальгуа—7.000 жит.; Шантабунъ, по Пальгуа—6.000 жит.; Бангпласой, по Пальгуа—6.500 жит.; Прапри (Раджабури)—6.000 жит.; Пицилукъ—5.000 жит.

VI. Восточный Индо-Китай, бассейны Меконга и Сонгъ-Коя.

Восточный Сіамъ, Тонкинъ, Южный Аннамъ, Камбоджа, Французская Кохинхина.

Самый обширный бассейнъ Индо-Китая, бассейнъ Меконга, имѣетъ населеніе, далеко не самое многочисленное. Еще большая часть этой области остается неизслѣдованною, и половина территоріи занята дикими племенами. Только въ сосѣдствѣ морскаго прибрежья, около середины историческаго пути, соединяющаго дельту Менама съ дельтой Меконга, существовавшія тамъ образованныя общества составляли нѣкогда націю въ настоящемъ смыслѣ слова, имѣвшую собственную цивилизацію и оставившую памятники своего могущества. Эта нація хмеровъ, или камбоджанъ, получила, конечно, изъ Индіи апостоловъ и просвѣтителей, которые преподавали ей науки и искусства, такъ же, какъ миѳы и культы индусскаго народа; но теперь съ болѣе дальняго запада приходитъ то чужеземное вліяніе, которое оказываетъ свое дѣйствіе на населенія нижняго Меконга. Французы овладѣли областью дельты и даютъ починъ перемѣнамъ политическимъ, промышленнымъ, соціальнымъ, которыя постепенно совершаются въ странѣ. Эти пришельцы, понятно, должны были основать свой главный городъ по близости моря, очень далеко отъ естественнаго центра страны, и притягательная сила торговли группируетъ въ окружающихъ мѣстностяхъ жителей все болѣе и болѣе скученными массами. Тѣмъ не менѣе, населеніе французской Кохинхины уступаетъ числомъ населенію Аннама, на восточной отлогости горъ, окаймляющихъ берега Тихаго океана. Въ бассейнахъ Меконга и другихъ тонкинскихъ рѣкъ почва утилизируется всего лучше, и города и мѣстечки наиболѣе сближены между собою по взаимному разстоянію; одинъ только Тонкинъ, хотя онъ составляетъ лишь около двадцатой части поверхности Индо-Китая, заключаетъ въ своихъ предѣлахъ, быть можетъ, половину общаго числа жителей.

Недостатокъ достовѣрныхъ свѣдѣній не позволяетъ исчислить населеніе Тонкина даже съ тою степенью приближенія, какая возможна для Барманіи, Сіама, полуострова Малакки: числа, даваемыя миссіонерами и путешественниками, разнятся болѣе, чѣмъ въ четыре раза, варьируя отъ 7 до 30 милліоновъ душъ. Легко понять, какъ при этомъ впадаютъ въ невольныя преувеличенія. Изслѣдователи, проникающіе въ гористыя территоріи внутренности страны, еще нерасчищенныя подъ культуру и почти пустынныя, рѣдки въ сравненіи съ путешественниками, которые посѣщаютъ портовые города морскаго прибрежья, питаемые рыбною ловлей, и аллювіальныя земли, покрытыя рисовыми полями. Въ этой области, которая лишь отчасти отдѣлена естественными границами отъ Китайской имперіи, можно подумать, что находишься въ «Срединномъ цвѣткѣ», при видѣ многолюдныхъ городовъ и деревень, разсѣянныхъ въ равнинахъ на близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Правда, что эта страна часто находилась подъ дѣйствительнымъ господствомъ государей «центральнаго царства», да и въ наши дни еще король аннамскій регулярно посылаетъ пекинскому двору свою вассальную дань. Съ другой стороны, внутри края основались полу-независимыя княжества, а Франція пользуется надъ Аннамомъ фиктивнымъ протекторатомъ, который уже не разъ подавалъ поводъ къ дипломатическимъ complicaціямъ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ близкомъ будущемъ столь неопредѣленный нынѣ политическій режимъ Тонкина приметъ болѣе точную форму. Эта страна слишкомъ важна по численности своего населенія, по своимъ эконо-

[1]) J. Thomson, „Dix ans de voyages dans la Chine et l'Indo-Chine", trad. Talandier et Vattemare.

[1]) Трактатъ отъ 6 іюня 1884 г. окончательно поставилъ королевство Аннамъ подъ протекторатъ Франціи. Ред.

мическимъ рессурсамъ и по пути, который она открываетъ къ внутреннимъ провинціямъ Китая, чтобы она не вошла сама собою въ область европейской торговли; препятствія свободѣ торговыхъ сношеній идутъ лишь со стороны ея правителей [1]).

Пространство и населеніе Аннама и странъ по нижнему теченію Меконга [2]):

	Пространство въ кв. килом.	Населеніе душъ.	Среднее число жителей на 1 кв. килом.
Аннамъ . . .	420.989	7.500.000	18
Камбоджа . .	104.700	814.757	8
Кохинхина .	55.620	2.226.935	40
Тонкинъ . .	314.110	14.000.000	44

На сѣверъ отъ Тонкинскаго залива мысъ Паклунгъ указываетъ мореплавателямъ политическую границу Индо-Китая. Нганнанъ-кіангъ, или «рѣка Тихаго Юга», служитъ въ нижнемъ ея теченіи оффиціальною пограничною чертою между Китайскою имперіею и Аннамскимъ королевствомъ; но менѣе чѣмъ въ пятидесяти километрахъ во внутренности материка начинается область горъ, еще мало изслѣдованныхъ, которая соединяется съ плоскими возвышенностями китайскихъ провинцій Куангси и Юннана. Согласно старинной китайской политикѣ, этотъ поясъ границы составляетъ мархію, если не пустынную, то, по крайней мѣрѣ, запретную для подданныхъ. Имъ запрещено осушать на этой полосѣ болота, расчищать лѣса подъ пашни, пролагать дороги черезъ горы; на пространствѣ около тридцати километровъ, мархія Тонкина не имѣетъ другихъ обитателей, кромѣ дикихъ племенъ, независимость которыхъ уважаютъ подъ условіемъ, чтобы они препятствовали цивилизованнымъ населеніямъ сѣвера и юга вступать въ сношенія между собою. Два главные прохода между Китайскою имперіею и областью дельты, Намъ-куанъ и Бьенъ-кюонгъ, защищены зубчатыми стѣнами и крѣпостцами. Впрочемъ, между двумя правительствами, китайскимъ и аннамскимъ, сюзереномъ и вассаломъ, поддерживаются наилучшія политическія отношенія [3]).

Гористая область провинціи Куангси продолжается второстепенными хребтами на берегахъ сѣвернаго Тонкина, и даже одна изъ этихъ отраслей горъ оканчивается вблизи моря массивомъ, высшая точка котораго достигаетъ 1.400 метровъ высоты. Часть морскаго прибрежья окаймлена обрывистыми утесами и разрѣзана на скалистые острова и островки, которымъ даютъ, и теперь еще совершенно справедливо, имя «Архипелага пиратовъ»; иногда это наименованіе присвоивается спеціально двумъ островамъ Каотао, далѣе выдвинутымъ въ открытое море, чѣмъ другія земли той же группы. Эти островные массивы почти всѣ изрѣзаны съ наружной стороны крутыми береговыми утесами. Во внутренности острововъ открываются цирки или котловины; на первый взглядъ можно принять ихъ за кратеры вулкановъ, но въ дѣйствительности эти воронки образовались вслѣдствіе проваловъ почвы, такъ какъ горная порода тамъ известковая. Нѣкоторые изъ цирковъ имѣютъ сообщеніе съ моремъ и даютъ доступъ баркамъ; на окружности бухтъ открываются гроты, служившіе иногда притономъ морскимъ разбойникамъ. Террасы, господствующія надъ кругообразными бассейнами, покрыты засѣянными полями и плантаціями. Въ началѣ текущаго столѣтія флотъ высадилъ отрядъ войска, который разрушилъ до основанія всѣ дома, срубилъ деревья и увелъ всѣхъ жителей, чтобы положить конецъ морскому разбойничеству; но вскорѣ послѣ этой энергической мѣры сосѣднія моря были такъ же мало безопасны, какъ и прежде [1]).

Возвышенная страна китайской мархіи совершенно опредѣленно ограничена на югѣ пространствомъ аллювіальныхъ земель, гдѣ извиваются рукава Красной рѣки и впадающихъ въ нее притоковъ. Только нѣсколько скалистыхъ пригорковъ, остатки болѣе обширныхъ земель, смытыхъ моремъ, показываются на подобіе островковъ среди океана зелени. Высоты снова появляются на западѣ долины Красной рѣки. Горная цѣпь, примыкающая своею сѣверною оконечностью къ Юннанскому плоскогорью, на высотѣ (средней) 1.500 метровъ, тянется въ юго-восточномъ направленіи, оставляя, вѣроятно, раздѣльную линію между водами, спускающимися, съ одной стороны, къ Сонгъ-кою, съ другой—къ Меконгу; но она почти совсѣмъ неизвѣстна; видѣли только ея отроги, изобилующіе каменноугольными пластами и рудными мѣсторожденіями желѣза, олова, мѣди, золота и серебра; къ югу отъ пути, пройденнаго французской экспедиціей, подъ начальствомъ Дударъ-де-Лагре, до горъ Аннама въ собственномъ смыслѣ, ни одинъ новѣйшій изслѣдователь не переходилъ эту цѣпь. Ряды холмовъ, принадлежащихъ къ этой водораздѣльной возвышенности, поднимаются непосредственно на западѣ отъ рѣки Сонгъ-кой, отдѣленные одинъ отъ другаго долинами притоковъ, изъ которыхъ одна, продолжающаяся на югѣ дельты, составляетъ естественную границу между двумя половинами Аннамской имперіи. Развѣтвленія главной цѣпи выдвигаютъ, черезъ довольно близкіе промежутки, свои конечныя скалы въ море, оставляя между своими

[1]) Тонкинъ съ 1885 г. составляетъ французское владѣніе. Ред.

[2]) Кохинхина, Камбоджа, Аннамъ и Тонкинъ съ 1888 г. образуютъ т. н. французскій Индо-Китай. Ред.

[3]) Dutreuil de-Rhins, рукописныя замѣтки.

[1]) „Excursions et Reconnaissances", VII.

мысами полукруглыя бухточки, бухты и даже, во многихъ мѣстахъ, глубокія гавани, окруженныя амфитеатромъ холмовъ. Несмотря на безчисленныя изсѣченія, морской берегъ представляетъ въ цѣломъ замѣчательно правильную кривую, обращенную выпуклостью къ открытому морю, какъ бы для того, чтобы уравновѣсить вогнутую Тонкинскаго залива. Эта округлость морскаго прибрежья точнымъ образомъ соотвѣтствуетъ округлости, образуемой водораздѣльнымъ хребтомъ Аннама: параллелизмъ береговъ и горъ не менѣе поразителенъ въ этой области Индо-Китая, чѣмъ въ Индіи по сю сторону Ганга, вдоль Конкана и Малабара. По ту сторону горныхъ цѣпей, Меконгъ тоже слѣдуетъ, въ общемъ, направленію, параллельному морскому берегу и горамъ. Поясъ низменныхъ долинъ и невысокихъ холмовъ, раздѣляющій море и хребетъ горъ, имѣетъ незначительную ширину, отъ 15 до 50 километровъ, и поперечные выступы дѣлятъ эту береговую полосу земли на столько же особенныхъ долинъ, сообщающихся одна съ другою лишь черезъ берегъ или черезъ боковыя бреши. Рѣки, спускающіяся по аннамской покатости, текутъ перпендикулярно къ морскому берегу, и въ томъ же направленіи была построена, въ шестнадцатомъ столѣтіи, стѣна, раздѣлявшая нѣкогда два государства: на сѣверѣ — Тонкинъ, «Столицу Востока», или Дангъ-Нгоай, «Внѣшнюю Дорогу», на югѣ—Дангъ-Тронгъ, или «Внутреннюю Дорогу». Имя Аннамъ, подъ которымъ извѣстна болѣе спеціально зона морскаго прибрежья, есть не что иное, какъ слово Нганнанъ, примѣняемое къ пограничной рѣкѣ; оно означаетъ «Тихій Югъ» или «Миръ Юга». Равнымъ образомъ и другія имена указываютъ на положеніе страны относительно Китая, родины цивилизаторовъ: таковы наименованія Намъ-Вьетъ («Нужно пройди полдень»), Вьетъ-Намъ (за Полуднемъ), Натъ-Намъ (за Полуденное Солнце) [1].

Видимые съ моря, нѣкоторые изъ горныхъ гребней внутренности страны являются взорамъ покрытыми лѣсомъ, но большинство, особенно около южной оконечности цѣпи, представляютъ гранитныя массы безъ всякой растительности; періодическіе пожары, зажигаемые съ цѣлью прогнать хищныхъ звѣрей или прибавить новыя земли къ области культуры, истребили лѣса. Французскіе миссіонеры часто переходили хребетъ, или для того, чтобы идти обращать въ христіанскую вѣру дикарей западной покатости, или для того, чтобы избѣгнуть преслѣдованій кохинхинскихъ мандариновъ и, благодаря этимъ путешествіямъ миссіонеровъ, теперь извѣстно, что во многихъ мѣстахъ открываются удобные проходы съ одного склона на другой. Однако, никакой документъ не оправдываетъ часто повторяемаго утвержденія, будто тамъ существуютъ судоходныя рѣки, раздѣляющіяся на двѣ вѣтви, которыя текутъ съ каждой стороны водораздѣльнаго порога. Одинъ только изъ изслѣдователей области горнаго хребта, французъ Гарманъ, издалъ карту путешествія, благополучно доведеннаго до конца, съ одного склона на другой. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ перешелъ гребень, на сѣверо-западѣ отъ Гуэ, столицы Аннама, порогъ имѣетъ всего только 250 метровъ высоты, но выступъ почвы снова поднимается съ той и другой стороны, и мало найдется странъ, которыя представляли бы болѣе рѣзкій контрастъ между двумя покатостями въ отношеніи количества атмосферныхъ осадковъ. Въ то время какъ одинъ изъ склоновъ, именно западный, наводняется проливными дождями, приносимыми юго-западнымъ муссономъ, восточная отлогость находится въ сухомъ воздухѣ подъ вѣчно голубымъ небомъ; эта рѣзкая противоположность тѣмъ поразительнѣе, что съ одной стороны простирается дикая страна, безъ городовъ и деревень, вездѣ покрытая лѣсами, а съ другой — разстилаются безлѣсныя равнины, покрытыя воздѣланными пространствами.

На Аннамскомъ побережьи, къ югу отъ города Гуэ, вырѣзъ берега, наиболѣе извѣстный мореплавателямъ, всего чаще упоминаемый въ политическихъ документахъ, есть бухта Кюаханъ, обозначаемая французами подъ именемъ Туранской (Туронской) бухты. Она окружена на сѣверѣ и на западѣ полукругомъ холмовъ, тогда какъ на юго-востокѣ острововидная скала, соединенная съ материкомъ песчаной косой, загибается впереди бухты и превращаетъ ее въ родъ внутренняго моря; кромѣ того, судоходный каналъ, проведенный въ низменныхъ земляхъ, соединяетъ бухту съ другою вырѣзкой прибрежья, Гой-анъ, бывшимъ портомъ Файфо, лежащимъ къ югу отъ Туранскаго мыса. Большое число другихъ бухтъ, которыя открываются на южномъ берегу Аннама, обращенномъ къ юго-востоку, имѣютъ подобное же образованіе, какъ и Туранская: это тоже бассейны, отдѣленные отъ моря островами, которые соединены съ континентомъ песчаными насыпями или низменными землями. Портъ Куи-ньонъ, или Бинь-динь, порты Кумонгъ, Суангъ-дай, Гонъ-хой, Бинь-хоа, Камъ-рань, слѣдуютъ одинъ за другимъ на этомъ берегу, къ несчастью лишенномъ удобныхъ сообщеній съ внутренностью страны и слишкомъ близкомъ къ границѣ, запертой кордономъ таможень. Большинство острововъ, окаймляющихъ прибрежье, состоитъ изъ простыхъ скалъ, выступающихъ изъ-подъ воды; нѣкоторые островки, лежащіе на продолженіи Аннамскаго берега, но въ 100 и въ 150 километрахъ отъ него,

[1] „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", janvier 1879.

въ открытомъ морѣ, принадлежатъ къ той же формаціи; самый замѣчательный изъ нихъ Пуло-Сесиръ-де-Маръ (т. е. «морской» Пуло-Сесиръ), названный такъ первыми португальскими мореплавателями, въ отличіе отъ острова Пуло-Сесиръ-де-Терра («континентальный» Пуло-Сесиръ), лежащаго очень близко отъ берега. Пуло-Сесиръ-де-Маръ—по-аннамски Кулао (островъ) Ту—ревнино оберегается аннамскимъ правительствомъ, которое присвоило монополію гнѣздъ ласточки салангаы, собираемыхъ на скалахъ, и голотурій (морскихъ кубышекъ), ловимыхъ въ окружающихъ водахъ.

Къ востоку отъ водораздѣльнаго хребта, до Меконга, возвышается нѣсколько независимыхъ массивовъ и развѣтвляются горныя цѣпи, изъ которыхъ иныя превышаютъ 2.000 метровъ. Таковъ, напримѣръ, массивъ Пусунгъ, боковые отроги котораго, господствующіе надъ Меконгомъ, заставляютъ его дѣлать крутые повороты. На югѣ отъ Пусунга обширное плоскогорье, высотой отъ 950 до 1.000 метровъ, занимаетъ кругообразное пространство, ограниченное на западѣ теченіемъ Меконга и окруженное съ сѣвера горами Донъ (Се-Донъ), съ востока и съ юго-востока горами Конгъ (Се-Конгъ). Эти возвышенности, которыя Торель называетъ Сараванскимъ плоскогорьемъ, по имени одного города того края, и которымъ Гарманъ даетъ названіе «плато Боловеновъ», по имени живущихъ тамъ дикарей [1]), отчасти покрыты великолѣпными лѣсами, гдѣ хвойныя деревья, бѣлый букъ, каштанъ и дубъ перемѣшаны съ бамбуками, пальмами, древовидными папоротниками; въ другихъ мѣстахъ простираются болотистые бассейны, напоминающіе своею травяною растительностью луговыя пространства Франціи. Почва плоскогорья состоитъ изъ желѣзистой глины, залегающей на песчаникахъ; но горные потоки, бѣгущіе въ глубокихъ ущельяхъ, обнаружили свойство подпочвы, которая состоитъ изъ площадей лавы, изъ грудъ вулканическаго пепла и шлаковъ. Конусообразные пики, какъ, напримѣръ, пикъ Лагре (по имени изслѣдователя Дударъ-де-Лагре), возвышающіеся въ сосѣдствѣ нагорья, повидимому, были трубами, изъ которыхъ выходили пары этихъ очаговъ изверженія; встрѣчающіеся кое-гдѣ источники теплой воды тоже, кажется, слѣдуетъ признать за остатки вулканической дѣятельности. На западѣ отъ Меконга, горы Бассакъ, высшая вершина которыхъ достигаетъ 1.160 метровъ, могутъ быть разсматриваемы какъ составная часть того же массива, къ которому принадлежатъ и восточныя горы. Къ югу отъ этой области, гдѣ цоколь возвышенной Кохинхины, доминируемый горными цѣпями или уединенными пиками, имѣетъ свою наибольшую ширину, главный хребетъ продолжается въ направленіи меридіана, затѣмъ поворачиваетъ къ юго-западу, параллельно морскому берегу, и оканчивается на границахъ французской Кохинхины крутыми скалистыми мысами. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ массивовъ, или *гномовъ*, около истоковъ рѣки Доннай, извѣстенъ подъ именемъ Тіонлай, и гранитная вершина его достигаетъ 1.000 метровъ высоты [1]). Далѣе, встрѣчаются только островные пригорки, связанные съ твердой землей аллювіальною косой, образовавшейся изъ рѣчныхъ наносовъ. Лѣсистый холмъ мыса св. Іакова (Сенъ-Жакъ), ограничивающій на востокѣ входъ въ рѣку Сайгонъ, есть одна изъ этихъ скалъ, принадлежащихъ къ материку лишь съ недавняго геологическаго періода. Острова, лежащіе въ морѣ, на большомъ разстояніи отъ берега, суть выступы подводнаго хребта, продолжающаго ось горныхъ цѣпей Аннама. Таковъ, напримѣръ, архипелагъ Пуло-Кондоръ, «островъ Тыквъ» или «островъ Пресмыкающихся»: тамъ, въ самомъ дѣлѣ, водятся змѣи нѣсколькихъ видовъ и черепахи.

На западѣ отъ кохинхинской дельты, въ южной Камбоджѣ, находятся неправильные массивы, частью вулканическіе, и разрѣзанные во всѣхъ направленіяхъ рѣками и рѣчками; массивы эти соединяются, посредствомъ хребта Пурсатъ и горы Прабатъ, съ Шантабунскими горными цѣпями и выступаютъ въ видѣ высокихъ крутыхъ мысовъ, продолжающихся въ морѣ скалистыми островами. Слоновая цѣпь, на западѣ отъ Кампота, оканчивается вершиной, имѣющей около 1.000 метровъ высоты; въ ноябрѣ съ этихъ горъ иногда спускается страшный вѣтеръ, въ родѣ французскаго мистраля, до такой степени сильный, что въ мѣстностяхъ, наиболѣе выставленныхъ его дѣйствію, не растетъ ни одного дерева. Жители опустошенной равнины ожидаютъ конца сезона, чтобы снова приняться за постройку своихъ соломенныхъ хижинъ, унесенныхъ вѣтромъ [2]).

На восточномъ берегу страны Аннамъ одна только большая рѣка изливается въ море: это Гонъ-кіанъ (Готи-кіанъ) китайцевъ, Сонгъ-кой (Сонгъ-кай, Сонгъ-ка, Сонгъ-та) аннамцевъ, «Красная» рѣка французскихъ мореплавателей, которые первые изъ европейцевъ изслѣдовали ея теченіе. При выходѣ изъ китайской провинціи Юннана, т. е. въ 600 километрахъ отъ моря, считая по изгибамъ рѣки, Сонгъ-кой, имѣющій уже до 100 метровъ средней ширины, носитъ барки, и даже одинъ французскій негоціантъ, Дюпюи, поднялся вверхъ по теченію, въ 1871 году, до города Маигао,

[1]) „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", sept. 1877.

[1]) Neïs et Septans, „Excursions et Reconnaissances", X, 1881.

[2]) Pavie, „Excursions et Reconnaissances", № 10, 1881.

*

лежащаго въ 100 километрахъ выше. Эта рѣка течетъ прямо на юго-востокъ въ узкой долинѣ, затѣмъ принимаетъ въ себя справа другую рѣку, почти столь же значительную, Сонгъ-бо (Кимъ-тю-ха), верхніе притоки которой находятся тоже въ Китаѣ и по которой мелкія суда поднимаются даже до земли Лаосовъ; это «Черная рѣка» французскихъ негоціантовъ: она, въ самомъ дѣлѣ, черная, по крайней мѣрѣ во всей нижней части своего теченія. Ущелья, открывающіяся въ гранитной массѣ, имѣютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 300 метровъ глубины; это трещины почвы, стѣны которыхъ соотвѣтствуютъ точнымъ образомъ отъ одного берега до другаго, представляя совершенно одинаковое геологическое строеніе и полосы углекислаго желѣза на равныхъ высотахъ. Въ разныхъ мѣстахъ, черезъ извѣстные промежутки, большіе камни, упавшіе съ нависшихъ стѣнъ, образуютъ пороги, гдѣ темная вода покрывается полосами бѣлой пѣны [1]). Почти удвоенный въ объемѣ этимъ притокомъ и сдѣлавшись внушительною рѣкой, но перерѣзанный тамъ и сямъ порогами, трудно проходимыми во время спада водъ, большой потокъ, извѣстный въ этомъ мѣстѣ подъ именемъ Тао, получаетъ свое наименованіе Сонгъ-кой (или, вѣрнѣе, Шонгъ-кай, «Великая рѣка») лишь ниже сліянія его съ рѣкой, называемой Хамъ, Боде, Льеу, Ка, въ разныхъ частяхъ ея долины [2]); по одному изъ ея притоковъ иностранные изслѣдователи часто называютъ ее рѣкой «Прозрачной воды»; благодаря плодородію ея береговъ, она получила большую историческую важность, и нѣкоторые писатели признавали ее за главную рѣку. Но самый видъ водъ, ниже соединенія, доказываетъ, что Сонгъ-кой беретъ верхъ силой теченія; чистая волна Боде теряется въ мутной водѣ сліянія, окрашивается, говоритъ легенда, кровью пораженнаго громомъ дракона [3]).

«Стволъ» рѣки, между вѣтвями-притоками и верхнею извилиной (бифуркаціей) дельты, имѣетъ небольшую длину. Въ 150 километрахъ отъ моря воды раздѣляются: два главные рукава, Сонгъ-кой на сѣверѣ, Сонгъ-гатъ или Дай на югѣ, развѣтвляются, въ свою очередь, на многочисленные второстепенные рукава, и посредствомъ естественныхъ и искусственныхъ каналовъ превращаютъ всю дельту въ лабиринтъ островов, мѣняющій свой видъ соотвѣтственно рѣчнымъ наводненіямъ и морскимъ размываніямъ. Два боковые рукава Сонгъ-коя, «рѣка Шелковичныхъ деревьевъ», или «каналъ Пороговъ», частью вырытый рукой человѣка [4]),

[1]) Courlin et Villeroi d'Augis, „Excursions et Reconnaissances“, XI, 1882.

[2]) Карта Дютрейль-де-Рена.

[3]) Romanet du Caillaud, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, fevrier 1880.

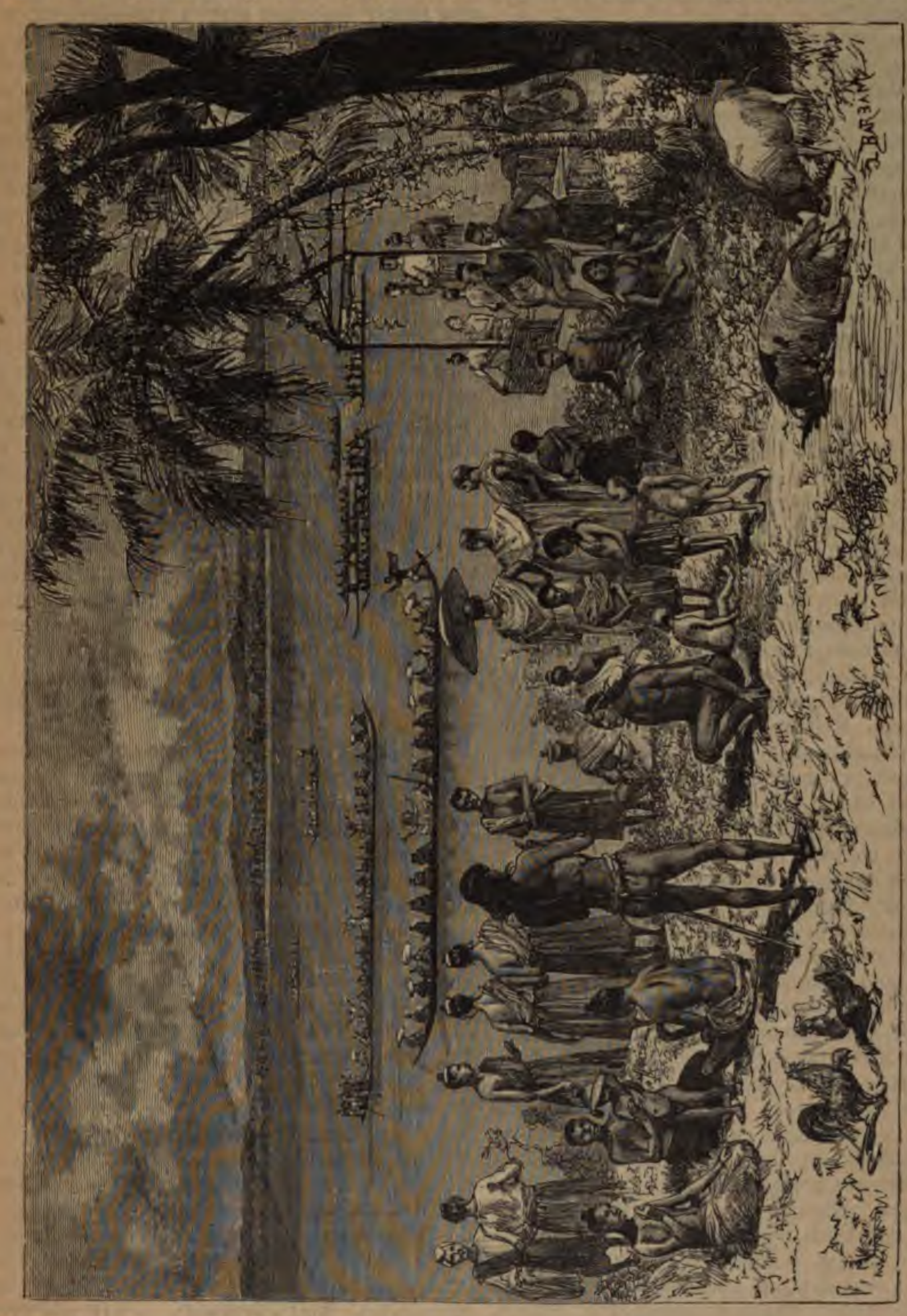
[4]) Abel des Michels, „Discours d'ouverture du cours cochinchinois“, 1869.

и рѣка Кау-лю, соединяются на сѣверѣ съ другою дельтой, еще болѣе развѣтвленной, съ дельтой, образуемой рукавами рѣки Тай-Бинь, вытекающей, подъ именемъ Сонгъ-као, изъ озера Бабе, которое находится въ неизслѣдованной области границы. Фронтъ этой двойной дельты, обнимающій устья Сонгъ-коя и устья Тай-Биня на сѣверѣ, развертываетъ свой неправильный полукругъ далеко за чертой нормальной линіи береговъ, и эта кривая, длиной около 150 километровъ, концентрична другой, гораздо болѣе обширной дугѣ, образуемой рѣчными наносами, которые отлагаются въ морѣ вдоль берега.

Главная рѣка восточнаго Индо-Китая, болѣе извѣстная прежде подъ именемъ Камбоджи, вообще обозначается въ наши дни названіемъ Меконгъ (Мейконгъ, Мехонгъ), которое примѣняется спеціально къ незначительной части ея теченія и которое, кажется, имѣетъ смыслъ «Матери - Рѣки» или «Начальницы Водъ», говоритъ Камоэнсъ («Mecom rio... Que capitao das aguas se interpreta»... т. е. «рѣка Мекомъ, имя которой значитъ: начальникъ водъ»). Еще въ прошломъ столѣтіи на нее смотрѣли какъ на рукавъ Ганга [1]): это была одна изъ священныхъ Гангъ, спускающихся изъ области горы Меру. Меконгъ есть потокъ, который подъ именемъ Ланцанъ-кіанга или Кашлонгъ-кіанга, т. е. «Рѣки Большаго Дракона», беретъ начало въ одной изъ длинныхъ параллельныхъ долинъ восточнаго Тибета, между Кинша-кіангомъ, или Янтсекіангомъ (Янъ-цзы-цзянъ), и Луцекіангомъ, или Салуэномъ. Извѣстно, что Ланцанъ-кіангъ проходитъ въ страшныхъ ущельяхъ, самыхъ удивительныхъ, какія до сихъ поръ видѣли изслѣдователи Китая, и что черезъ него перекинуты во многихъ мѣстахъ летучіе мостики, качающіеся на высотѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ надъ бѣгущимъ по дну ущелья потокомъ. На дорогѣ изъ Бамо въ китайскій городъ Тали-фу, уже много разъ пройденной европейскими путешественниками, черезъ Ланцанъ-кіангъ устроенъ висячій желѣзный мостъ: это, въ предѣлахъ Китая, самый южный пунктъ, гдѣ эту рѣку видѣли новѣйшіе изслѣдователи. Французская экспедиція 1866 года, подъ управленіемъ Дударъ - де - Лагре, встрѣтила Ланцанъ-кіангъ лишь въ 500 километрахъ ниже этого висячаго моста, уже на индо-китайской территоріи, въ Ксіенъ-Хонгѣ. Тамъ Ланцанъ является уже въ видѣ потока шириной отъ трехсотъ до четырехсотъ метровъ, который тихо катитъ свои воды между высокихъ крутыхъ береговъ, окаймленныхъ песчаными отмелями, и уровень котораго повышается, среднимъ числомъ, на 10 метровъ въ эпоху разливовъ; ниже русло его вдругъ съуживается между холмами, господствующими

[1]) Engelbert Käpfer, „Histoire du Japon“.

надъ обоими берегами. Въ этой части своего теченія Меконгъ носитъ только барки рыболововъ; какъ торговый путь, онъ почти безполезенъ. Въ 200 километрахъ ниже, на общей



На берегу рѣки Меконгъ.

границѣ барманскаго Лаоса и Сіама, рѣка врѣзывается между скалъ и спускается быстринами и порогами, которые, въ сезонъ засухи, противополагаютъ судоходству непреодолимое препятствіе; на первомъ порогѣ, называемомъ Тангъ-Хо, извилистый фарватеръ, раздѣленный скалой на два рукава, имѣетъ всего только около тридцати метровъ въ ширину во время низкаго стоянія воды, тогда какъ въ эпоху разливовъ рѣчное русло занимаетъ пространство въ 600 метровъ отъ одного берега до другаго. На второмъ порогѣ, Тангъ-Динъ, всѣ воды соединяются въ одинъ каналъ отъ 40 до 50 метровъ шириной, который судовщики

должны обходить волокомъ. Выше, одинъ изъ притоковъ Меконга—горячій ручей, вода котораго имѣетъ такую высокую температуру, что на берегахъ его не могутъ произростать никакія растенія [1]).

Едва вступивъ на территорію Сіамскаго государства, рѣка, которая въ этомъ мѣстѣ довольно близко подходитъ къ западному Менаму, вдругъ мѣняетъ направленіе: переставая течь на югъ, она дѣлаетъ рѣзкія уклоненія въ сторону между крутыми холмами, затѣмъ, на пространствѣ около 200 километровъ, извивается къ востоку, какъ бы направляясь къ Китайскому морю. Но новый уголъ долины въ изломѣ горъ опять возвращаетъ Меконгъ къ югу и юго-западу. У самаго этого поворота, притокъ, спускающійся съ горъ китайской границы, рѣка Намъ-Гу, смѣшиваетъ свою черную струю съ желтоватыми волнами главнаго потока. Какъ разъ напротивъ этого слiянія, на лѣвомъ берегу Меконга, высится отвѣсный утесъ, изрытый пещерами, у входа въ которыя виднѣются балюстрады буддійской капеллы; вершины сосѣднихъ мысовъ увѣнчаны обелисками, гробницами, статуями Будды. Въ мѣстѣ сліянія, высота главной рѣки надъ уровнемъ моря около 350 метровъ; но затѣмъ послѣдовательный рядъ пороговъ заставляетъ ее спуститься на гораздо болѣе низкій уровень; общее ея направленіе, въ этой части теченія, совпадаетъ съ осью Сіамскаго залива: долина указываетъ Банкокскую дорогу впадиной, въ которой течетъ Менамъ-сакъ, или Сарабури. Долиной этой рѣки и долиной Намъ-Гу современемъ пройдетъ прямая дорога изъ Банкока въ Юннанъ; начальникъ Меконгской экспедиціи думалъ-было проникнуть въ Китай путемъ, идущимъ по рѣкѣ Намъ-Гу.

Новый поворотъ отбрасываетъ Меконгъ въ восточномъ направленіи къ западному основанію Кохинхинскихъ горъ. Съ той и другой стороны высятся холмы, запирая рѣку какъ бы въ ровъ, который въ самыхъ широкихъ мѣстахъ имѣетъ только 600 метровъ разстоянія между берегами; во время низкаго стоянія воды ширина Меконга уменьшается до 100, даже до 40 метровъ, но глубина его превышаетъ 100 метровъ; весь потокъ проходитъ въ этой разсѣлинѣ, и съ каждой стороны ложе наводненія усѣяно валунами, принадлежащими къ разнообразнѣйшимъ формаціямъ и представляющими громадную геологическую коллекцію. Но это еще не послѣднія препятствія. Проходя песчаниковыя скалы, запирающія его воды въ крутыхъ берегахъ, выше впаденія большаго притока Се-Мунъ, Меконгъ спускается рядомъ пороговъ, или *кенъ* (по Гарнье, это синонимъ словъ *тангъ*, употребляемаго въ верхнемъ Лаосѣ, и *танъ*, употребляемаго китайцами), равнаго которому, быть можетъ, нѣтъ ни на какой другой рѣкѣ Стараго или Новаго Свѣта. Повсюду рѣчное ложе представляетъ видъ чего-то недоконченнаго; открытое пространство между берегами вдругъ уменьшается, по ширинѣ, съ 300 до 50 метровъ: въ одномъ мѣстѣ воды, кажется, совсѣмъ прекращаютъ свое теченіе, какъ бы засыпаютъ въ огромномъ бассейнѣ, въ другомъ онѣ шумно низвергаются между скалами; островки, уединенныя каменныя глыбы, разсѣянныя по срединѣ потока, свидѣтельствуютъ о совершенной водою работѣ размыванія. Очевидно, Меконгъ, вошедшій въ эту часть своего русла съ недавняго геологическаго періода—быть можетъ, въ эпоху вулканическихъ изверженій лавы и пепла, которыя образовали на востокѣ Боловенское плоскогорье—еще не имѣлъ времени регулировать свое теченіе, не успѣлъ вырыть себѣ дорогу, соотвѣтствующую объему его жидкой массы. На порогѣ Кенгъ-Каніенъ, воды, вдругъ сжатыя въ каналѣ шириной не болѣе 48 метровъ, то сталкиваются, то раздѣляются, образуя черезъ правильные промежутки времени, черезъ каждыя двѣ или три минуты, воронкообразныя углубленія въ нѣсколько метровъ въ діаметрѣ, которыя то наполняются набѣгающими волнами, то снова опоражниваются [1]). Понятно, какъ плаваніе на плотѣ или въ пирогѣ должно быть трудно и даже опасно по рѣчному руслу, столь неправильному, столь мало урегулированному, какимъ является еще эта часть теченія Меконга.

Хонгскіе катаракты, составляющіе границу средняго теченія рѣки черезъ холмы и горы, образованы запрудой изъ скалистыхъ островковъ и рядовъ камней, которая задерживаетъ воды Меконга и заставляетъ ихъ развѣтвляться на пространствѣ, превышающемъ въ ширину 20 километровъ. Нѣкоторые изъ рукавовъ этого архипелага пересыхаютъ въ сезонъ спада водъ; другіе до такой степени извилисты, что вода можетъ скользить тамъ безъ внезапныхъ паденій; но большинство перерѣзано порогами, изъ которыхъ одинъ имѣетъ 15 метровъ (21 аршинъ) вертикальной высоты. Нѣтъ двухъ водопадовъ, которые были бы похожи одинъ на другой; деревья, погружающія свои корни въ воду, пальмы, окаймляющія берега, скалы, покрытыя растительностью, отдаленные холмы, виднѣющіеся за лѣсами и воздѣланными полями, разнообразятъ до безконечности картину пороговъ и водопадовъ. Ниже соединенія Меконга и рѣки Аттопе, вытекающей изъ Аннамскихъ горъ, главная рѣка имѣетъ пороги въ одномъ изъ своихъ рукавовъ, между городами Стунгъ-Тренгъ и Сомборъ, но пароходы могли бы во всякое время года подниматься и

[1]) Fr. Garnier, „Voyage d'exploration en Indo-Chine".

[1]) Delaporte, „Voyage d'Exploration en Indo-Chine"; L. de Carné „L'Exploration de Mekong", „Revue des Deux Mondes", 15 juillet 1869.

спускаться по Меконгу черезъ восточный рукавъ. Большая часть торговли между низовьемъ главной рѣки и Бассакомъ производится на бамбуковыхъ плотахъ, которые поднимаютъ грузы товаровъ до 20 тоннъ вѣсомъ.

Въ 300 километрахъ отъ моря, тамъ, гдѣ стоитъ городъ Пномъ-пень, нынѣшняя столица Камбоджи, рѣка дѣлится на двѣ вѣтви въ сезонъ разливовъ: съ этого мѣста и начинается дельта; но въ то время, какъ лѣвый рукавъ спускается на юго-западъ къ морю, правый теряется въ озерномъ резервуарѣ Тонле-сапъ, или «Прѣсноводной Рѣкѣ», называемомъ обыкновенно «Большимъ Озеромъ». Двѣ вѣтви дельты, текущія въ противоположномъ одна другой направленіи, извиваются въ пониженіи почвы, которое нѣкогда было морскимъ заливомъ и которое цѣпью Пурсатъ, а также другими горными хребтами меньшей высоты и, на юго-востокѣ, нѣсколькими уединенными массивами, отдѣлено отъ Сіамскаго залива. Параллельно морю, эта водная линія, принадлежащая къ системѣ Меконга, есть не что иное, какъ покинутый морской берегъ. На берегахъ Большаго Озера находятся залежи морской соли, которыя туземцы прежде разработывали, но потомъ забросили, по мѣрѣ того какъ земля утрачивала свою соленость. Воды, наполнявшія нѣкогда впадину залива, были мало-по-малу отдѣлены отъ моря Меконгомъ, который выдвигалъ передъ входомъ свой баръ, образовавшійся изъ осѣдающихъ на дно наносовъ. Кромѣ того, рѣчной разливъ, увлекаемый покатостью почвы въ озерной впадинѣ, превратилъ ее постепенно въ прѣсноводный бассейнъ [1]); однако, многіе морскіе виды и теперь еще живутъ въ этомъ озерѣ, морскія свиньи, скаты, морскіе коньки. По исчисленіямъ Буланжье, которыя, впрочемъ, кажется, сильно грѣшатъ преувеличеніемъ, озеро Тонле-сапъ еще во времена историческія, за восемь или десять вѣковъ до нынѣ живущаго поколѣнія, составляло часть моря, и не далѣе, какъ черезъ два столѣтія оно, будто бы, должно прекратить свое существованіе [2]). Китайскіе историческіе документы, относящіеся къ началу общепринятаго (христіанскаго) лѣтосчисленія, говорятъ о Большомъ Озерѣ, какъ о заливѣ, омывающемъ башни Банона, близъ Баттамбанга [3]).

Смотря по временамъ года, на Тонле-сапъ происходитъ явленіе поперемѣннаго движенія жидкой массы между теченіемъ рѣки и озернымъ резервуаромъ. Въ періодъ наводненія, съ іюня до октября, потокъ, устремляющійся къ озеру и длина котораго около 115 километровъ, уноситъ излишекъ водъ рѣчнаго теченія: этотъ могучій потокъ шириною 500, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже 1.500 метровъ, и настолько глубокій, что по немъ могутъ плавать военные корабли, наполняетъ своими водами озерный резервуаръ; но въ сезонъ засухи имѣетъ мѣсто обратное движеніе жидкой массы: озеро опорожнивается мало-по-малу, и потокъ направляется назадъ къ Меконгу, чтобы спуститься на юго-востокъ черезъ морскую вѣтвь. Наполненное, Большое Озеро простирается, по длинѣ, по меньшей мѣрѣ на 110 километровъ, средняя ширина его около 25 километровъ, а глубина, почти вездѣ одинаковая, отъ 12 до 14 метровъ; во время засухи бассейнъ, почти опорожненный, имѣетъ только нѣсколько дециметровъ воды, полтора метра въ самыхъ впалыхъ мѣстахъ, и берега его временно обсыхаютъ; онъ занимаетъ тогда площадь около 260 квадратныхъ километровъ, составляющую лишь шестую часть поверхности разлива. Можно считать слишкомъ въ 35 милліардовъ кубич. метровъ объемъ, воды, приносимый въ резервуаръ разливомъ рѣки; на столько же уменьшаются размѣры наводненія въ области дельты. Изливаясь въ Тонле-сапъ, Меконгъ увлекаетъ также землистыя частицы, илъ и песокъ, которые постепенно повышаютъ дно и въ концѣ-концовъ возвысятъ его до уровня твердой земли; равнина, то обсыхающая, то болотистая, которая служитъ преддверіемъ озерному бассейну, носитъ у камбоджійцевъ очень вѣрное названіе Веаль-покъ, т. е. «Грязная равнина». Небольшія рѣчки, или *прекъ*, берущія начало на востокѣ отъ Банкока и спускающіяся къ Большому Озеру, соединятся когда-нибудь въ одинъ рѣчной потокъ, паденіе котораго, повышенное осаждающимися наносами, не будетъ болѣе имѣть поперемѣннаго движенія; онъ превратится въ простой притокъ. Это поперемѣнное движеніе потока дѣлаетъ теперь изъ Большаго Озера рыболовное водовмѣстилище. Миріады рыбъ, приносимыхъ разливомъ, остаются въ мелководномъ бассейнѣ послѣ отступленія водъ; цѣлыя тучи птицъ кружатся надъ кишащей массой рыбы; рыболововъ, хотя они собираются въ огромномъ количествѣ, оказывается недостаточно, чтобы эксплоатировать всѣ эти рыбныя банки, откуда сѣть никогда не вынимается пустою [1]): около 30.000 рыбаковъ, аннамцевъ, сіамцевъ, малайцевъ, хмеровъ, населяютъ воды озера во время рыболовнаго сезона, и на берегахъ его основываются временныя деревни китайскихъ рыботорговцевъ. Камбоджане питаются преимущественно рыбой и, кромѣ того, вывозятъ ее въ Нижнюю Кохинхину, въ количествѣ отъ семи до восьми милліоновъ килограмовъ (отъ 420.000 до 480.000 пудовъ [2]).

Ниже города Пномъ-пень, Меконгъ, сопровождаемый ложными рѣками, которыя мѣняютъ

[1]) Ricard, „Excursions et Reconnaissances", V, 1880.
[2]) „Excursions et Reconnaissances", IX, 1881.
[3]) Dutreuil de Rhins, рукописныя замѣтки.

[1]) Aymonier, „Notice sur le Cambodge".
[2]) Buchard, „Excursions et Reconnaissances", V, 1880.

теченіе сообразно наводненіямъ, дѣлится на два рукава: на востокѣ Тьенъ-гіангъ, илъ «Передняя рѣка», на западѣ Ханъ-гіангъ, или «Задняя рѣка», которые текутъ почти параллельно на пространствѣ около 200 километровъ. Ханъ-гіангъ, или рѣка Бассакъ, почти прямолинейная, изливается въ Китайское море двумя *кеа* (*куа*) или протоками, тогда какъ восточная рѣка дѣлится на вѣтви, образующія второстепенную дельту, имѣющую измѣнчивое число устьевъ и соединяющуюся посредствомъ боковыхъ рукавовъ съ различными рѣками, которыя нѣкогда были развѣтвленіями Меконга: западный Вайко и восточный Вайко, соединяющіеся между городами Мито и Сайгономъ, рѣка Сайгонъ и Доннай (Донгъ-най), вытекающій изъ Аннамскихъ горъ, суть, въ своемъ нижнемъ теченіи, эти старые рукава, соединяющіеся съ главной рѣкой лишь посредствомъ сѣти потоковъ и рвовъ, вырытыхъ рукой человѣка. Точно также на западѣ отъ «Задней рѣки» равнина перерѣзана каналами, которые впадаютъ въ Сіамскій заливъ. Вся французская Кохинхина, за исключеніемъ сѣверо-восточныхъ холмовъ и нѣсколькихъ островныхъ пригорковъ, вокругъ которыхъ наносы оттѣснили воды, принадлежитъ къ области дельты. Длинный полуостровъ, оканчивающійся мысомъ Камбоджа (Мюй-ганъ или Онгъ-докъ), былъ весь отложенъ рѣчнымъ теченіемъ, но послѣднее взяло обратно большую часть этихъ отложеній, передѣлывая свои берега; между крайними рукавами дельты разстояніе, вдоль морскаго фронта, не менѣе 600 километровъ; кромѣ того, линія отмелей, продолжающаяся передъ берегами, выдвигается въ море километровъ на пятьдесятъ. На какой изъ этихъ береговъ присталъ знаменитый португальскій поэтъ Камоэнсъ, поддерживаемый доской разбившагося корабля и державшій надъ волнами рукопись своей поэмы «Лузіады»?

Но дельта Меконга во многихъ частяхъ своего протяженія еще не вполнѣ отвоевала у моря занимаемое ею пространство. Какъ всѣ другія рѣки, часто заливающія прибрежныя мѣстности, Меконгъ поднялъ своими наносами уровень своихъ береговъ на значительную высоту надъ поверхностью равнинъ внутренности материка; вдоль рѣчнаго ложа, по краямъ выдѣляющихся изъ него боковыхъ рукавовъ и на окружности острововъ земля всего лучше обсохла, и здѣсь-то, разумѣется, прибрежные жители построили свои жилища, провели борозды въ почвѣ и посѣяли питательныя растенія. На нѣкоторомъ разстояніи отъ береговъ, внутри земель и на островахъ, болотистая почва, усѣянная озерами и прудами, непригодна для большинства культуръ; завоевать эту почву для земледѣлія можно было бы не иначе, какъ посредствомъ искусственной осушки, предпринятой въ большихъ размѣрахъ. Такъ-называемая «Тростниковая равнина», занимающая на сѣверной сторонѣ передней рѣки обширное протяженіе, есть одна изъ этихъ земель, нѣкогда покрытыхъ моремъ, которыя теперь составляютъ часть континентальныхъ пространствъ, но гдѣ площади прѣсной воды, скрытыя подъ лѣсомъ тростника, застаиваются на почвѣ по нѣсколько мѣсяцевъ послѣ періода наводненій; туземцы могли обратить подъ пашню только окраины этихъ болотъ, по берегамъ рѣкъ, быстро утекающихъ во время спада водъ [1]). Даже на земляхъ, повидимому, обсохшихъ, часто бываетъ, что подъ поверхностнымъ слоемъ, отвердѣвшимъ вслѣдствіе испаренія, подпочва остается болотистою. Поверхность поддерживаетъ легкія соломенные шалаши туземцевъ, но болѣе тяжелыя постройки неминуемо исчезли бы: слишкомъ глубокая закладка фундаментовъ пробила бы верхнюю, оказывающую сопротивленіе, кору, и строительные матеріалы увязли бы въ топкомъ болотѣ [2]). Нѣкоторые каналы окаймлены землями до такой степени жидкими, что углубленіе ихъ при помощи землечерпальныхъ снарядовъ оказывается совершенно безполезной работой: вынутый илъ тотчасъ же замѣняется новою грязью, сочащеюся съ береговъ. Равнины перерѣзаны по всѣмъ направленіямъ извилистыми руслами, куда стекаютъ воды разлива Меконга и другихъ рѣкъ дельты. Нынѣшніе властители края оставили за этими потоками имена, данныя имъ первыми португальскими мореплавателями; лучше было бы употреблять французскія слова, какъ «ruisson», «estey», «bayou», которыми пользуются жители Сентонжа, гасконцы, креолы Луизіаны.

Объемъ жидкой массы Меконга еще не былъ измѣренъ съ такою же точностью, какъ объемъ Иравадди, Миссисипи и большихъ рѣкъ Западной Европы. Въ Лахонѣ, въ странѣ Лаосъ, Делапортъ исчислилъ стокъ рѣки, или объемъ протекающей въ секунду воды, въ 1.350 кубич. метровъ, но тогда былъ конецъ сухаго времени года. Въ Бассакѣ, ниже впаденія притока Се-Мунъ, Френсисъ Гарнье нашелъ 9.000 кубическихъ метровъ, 5 декабря, въ то время, когда уровень воды уже понизился на 9 метровъ и средняя скорость теченія не превышала одного метра въ секунду. Вычисленіе дало ему слишкомъ 50.000 кубич. метровъ для расхода воды во время большаго разлива; въ мѣстѣ бифуркаціи дельты дебитъ, будто бы, достигаетъ 60.000 или 70.000 кубич. метровъ [3]); а по Буланжье, и эти огромныя числа еще ниже дѣйствительности [4]). Какъ бы то ни было, средній объемъ протекающей въ секунду

---

[1]) Silvestre, „Guide de l'explorateur dans le bassin du Cambodge".
[2]) Boulangier, „Revue scientifique et littéraire", 1880.
[3]) „Voyage d'exploration en Indo-Chine".
[4]) „Excursions et Reconnaissances" IX, 1881.

воды нужно считать не менѣе 12.000 кубич. метровъ. Такимъ образомъ, Меконгъ, по величинѣ, соперничаетъ съ Иравади, хотя во всей верхней части его теченія цѣпи горъ задерживаютъ двойнымъ или тройнымъ валомъ движеніе дождливаго муссона; въ нижней области бассейна, къ югу отъ страны лаоцевъ, наибольшая часть облаковъ разрѣшается въ дождь на западной отлогости горъ Кохинхины. Вода въ Меконгѣ, мутная въ періодъ мелководья, становится желтою отъ ила въ мѣсяцы наводненія, и до большаго разстоянія въ морѣ потокъ, содержащій землистыя частицы, утратилъ свою прозрачность. При всѣхъ устьяхъ ударъ набѣгающей съ открытаго моря зыби о рѣчное теченіе заставляетъ послѣднее отлагать

Типы племени Мой.

часть своего ила, вслѣдствіе чего при входѣ образуются банки. Обширный треугольный полуостровъ Камао, продолжающійся на юго-западѣ дельты, есть цѣликомъ «даръ рѣки»; медленный потокъ, окаймленный «водяными пальмами», заслоняющими видъ со всѣхъ сторонъ, развѣтвляется на тысячу каналовъ, и болота занимаютъ всѣ промежуточныя пространства: тамъ и сямъ залегаютъ небольшія озера, куда рыба удаляется въ несмѣтномъ множествѣ въ сухое время года. Только при высокомъ приливѣ корабли проникаютъ въ рѣку; самый низкій порогъ, Куа-тіе, можетъ быть переходимъ судами, имѣющими до 5 метровъ посадки въ водѣ. Въ эпоху разливовъ, морской приливъ, отражаемый рѣчнымъ теченіемъ и достигающій, среднимъ числомъ, высоты одного метра, поднимается по рѣкѣ лишь на незначительное разстояніе отъ устья; въ сезонъ мелководья, приливная волна распространяется вверхъ по теченію далеко за «Четыре рукава» у города Пномъ-пень, съ одной стороны до Хонскихъ пороговъ, съ другой—до бассейна Большаго Озера; измѣненіе уровня, производимое приливомъ въ этомъ резервуарѣ, составляетъ около дециметра [1]).

Заключенная на всемъ своемъ протяженіи въ предѣлахъ тропическаго пояса, Кохинхина принадлежитъ къ числу жаркихъ странъ. Въ Тонкинѣ, гдѣ бываютъ сравнительно самые большіе холода, термометрическій столбъ ртути можетъ опускаться въ исключительныхъ случаяхъ до 7,6° Цельзія. Въ Гуэ, столицѣ Аннамскаго королевства, самая низкая температура, какую до сихъ поръ наблюдали, была, по Дютрейль-де-Рену, 17° стоградуснаго термометра, а въ Сайгонѣ она не бываетъ ниже 18 градусовъ; но въ бассейнѣ Меконга, отдѣленномъ отъ моря Кохинхинскими горами, климатъ имѣетъ гораздо болѣе континентальный характеръ. Гарманъ отмѣтилъ тамъ, въ апрѣлѣ, температуру 8,6°, и туземцы увѣряли, что такой холодъ у нихъ не рѣдкость [1]). Зато лѣтнія жары сильнѣе и тягостнѣе во внутренности материка, чѣмъ на морскомъ прибрежьи; онѣ также сильнѣе въ дельтѣ Сонгъ-коя, на сѣверѣ Кохинхины, нежели въ Сайгонѣ, въ нижнемъ бассейнѣ Меконга; разность между крайними температурами становится все значительнѣе, по мѣрѣ того какъ поднимаешься съ юга къ сѣверу: въ то время какъ въ Сайгонѣ амплитуда колебаній температуры составляетъ только отъ 8 до 9 градусовъ, въ Ганоѣ, въ Тонкинѣ, она превышаетъ 28 градусовъ.

Климатъ Тонкина и французской Кохинхины:

	Средняя температура года.	Самый теплый мѣсяцъ.	Самый холодный мѣсяцъ.	Разность.	Средняя дождя.
Ганой, подъ 21° с. ш. (2 года наблюд.)	23,5° Ц.	іюнь, 31,4°	январь, 14,3°	17,1°	1,802 метр.
Гуэ, подъ 16°30' с. ш. (1 годъ наблюд.)	„	іюль, 34°	декабрь, 22,7°	11,3°	„
Сайгонъ, подъ 10°43' с. ш. (7 лѣтъ наблюд.)	27,01°	апрѣль, 29,85°	февраль, 27,0°	2,85°	1,740 метр.

Какъ и въ Индіи по сю сторону Ганга, годъ дѣлится на два времени: сезонъ дождей и сезонъ засухи, но воздухъ всегда влаженъ; обыкновенно считаютъ еще третье время года—періодъ жаровъ, предшествующій юго-западному муссону. Перемѣны временъ года, по крайней мѣрѣ въ восточной Кохинхинѣ и особенно во впадинѣ Тонкинскаго залива, происходятъ не безъ рѣзкихъ воздушныхъ революцій. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда наступаетъ муссонъ, каждый вечеръ образуются тучи, гдѣ гремитъ громъ и откуда льются потоки дождя, смѣшанные иногда съ небольшимъ количествомъ града. «Небо падаетъ», говорятъ тогда туземцы; ливень до такой степени обиленъ и продолжителенъ, «какъ будто цѣлое море льется изъ воздушныхъ пространствъ сквозь громадное рѣшето» [2]). Циклоны, которые иногда кружатся на берегахъ Аннама, при возобновленіи муссона, разражаются преимущественно къ концу года, въ октябрѣ и ноябрѣ. Мѣстное населеніе съ такою увѣренностью ожидаетъ предстоящаго бѣдствія, что когда замѣтитъ признаки, предвѣщающіе скорое появленіе урагана, то внутри домовъ жители спѣшатъ укрѣпить стѣны, подпирая ихъ толстыми бревнами; несмотря, однако, на эти подпорки, часто случается, что циклонъ срываетъ перегородки, и домъ уносится въ вихрѣ. Въ 1867 г. только три церкви остались на мѣстѣ изъ трехсотъ, которыми миссіонеры владѣли въ краѣ [2]).

Въ одно и то же время жаркій и сырой, климатъ нижней Кохинхины есть одинъ изъ самыхъ опасныхъ для европейца; нигдѣ ему не приходится принимать больше предосторожностей, чтобы преодолѣть трудности акклиматизаціи. Накожныя болѣзни, включая сюда проказу, нарывы и болѣзни внутренностей, очень обыкновенны въ области низовья Меконга. «Кохинхинская діаррея», отъ которой погибли тысячи солдатъ и моряковъ, порождается, повидимому, однимъ паразитомъ *anguil-*

[1]) J. Moura, „Le Royaume du Cambodge“.
[2]) Combes, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1855.

[1]) „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, janvier 1879.
[2]) Cezon, тотъ же сборникъ 1868 г.

lula stercoralis, который происходитъ, быть можетъ, изъ прѣсныхъ водъ и развивается сотнями тысячъ въ человѣческомъ тѣлѣ [1]). Даже когда иностранцы, поселившіеся и прожившіе нѣсколько лѣтъ въ Кохинхинѣ, не страдаютъ никакою спеціальною болѣзнью, они дѣлаются анемиками (малокровными), и если не уѣдутъ обратно въ Европу, рискуютъ угаснуть отъ истощенія силъ, даже не кажась больными [2]). Однако, смертность между европейцами стала теперь гораздо менѣе сильна, чѣмъ въ первые годы оккупаціи, благодаря ассенизированію городовъ и болѣе глубокому ознакомленію съ мѣстными болѣзнями и съ гигіеной, которой должно слѣдовать. Впрочемъ, по дѣйствующему уставу, пребываніе европейскихъ чиновниковъ ограничено двухлѣтнимъ срокомъ, такъ какъ третій годъ признанъ по опыту годомъ климатерическимъ, т. е. годомъ наибольшей опасности для жизни европейца [3]). Впрочемъ, тамошній климатъ представляетъ одну немаловажную выгоду: нѣтъ страны, гдѣ бы пораненія всякаго рода заживали быстрѣе и безъ лихорадки. Вообще говоря, климатъ гористыхъ мѣстностей гораздо здоровѣе; однако, большинство лѣсовъ нездорово: внизу господствуетъ болотная лихорадка, выше—лихорадка лѣсная, которая угрожаетъ аннамитамъ равнины столько же, какъ и европейцамъ [4]). До сихъ поръ французы еще не основали санитарныхъ городовъ на какомъ-нибудь горномъ плато; впрочемъ, вершины, достаточно высокія, чтобы можно было пользоваться тамъ укрѣпляющимъ горнымъ воздухомъ, не встрѣчаются въ предѣлахъ ихъ владѣній. Англичане нашли наиболѣе благопріятный поясъ для основанія своихъ санаторій на высотѣ отъ 2.000 до 2.200 метровъ; но въ восточномъ Индо-Китаѣ мало горныхъ вершинъ, которыя достигали бы этой высоты. Торель полагаетъ, что плоскогорье Саравань было бы, въ сосѣдствѣ французскихъ владѣній, наиболѣе удобною мѣстностью для основанія санитарнаго города.

Съ тѣхъ поръ какъ французы утвердились въ нижней Кохинхинѣ, флора этой страны стала извѣстна, и ботаническія изслѣдованія постепенно были распространены на Камбоджу, бассейнъ Меконга и горы Аннама. Слишкомъ 12.000 растительныхъ видовъ были обслѣдованы въ восточномъ Индо-Китаѣ [5]). На берегу моря болотистыя пространства и затопленныя земли покрыты ризофорами (корнепусками), панданами, пальмами каламами, съ длиннымъ и гибкимъ стеблемъ, какъ у тростника. Между этой зоной морскаго прибрежья, флора которой еще не измѣнилась подъ вліяніемъ человѣка, и областью горъ, гдѣ дѣвственные лѣса еще сохранили безконечное разнообразіе своихъ типовъ, простираются рисовыя поля, сады, рощи кокосовыхъ и арековыхъ пальмъ, культивируемые аннамитами; эта область есть, вмѣстѣ съ полуостровомъ Малаккой, самая богатая страна Азіи по разнообразію и обилію плодовъ; въ этомъ отношеніи Индо-Китай далеко превосходитъ полуостровъ по сю сторону Ганга [1]). Равнины нижняго Меконга и восточная покатость водораздѣльной цѣпи Аннама и Тонкина во многихъ мѣстахъ совершенно лишились своей самопроизвольной флоры; употребляемая туземцами система культуры, состоящая въ выжиганіи лѣсовъ въ концѣ сухаго времени года, для того, чтобы бросить зерно въ пепелъ, имѣла слѣдствіемъ опустошеніе нѣкоторыхъ мѣстностей. Выше въ поясѣ горъ Лаоса и земли Мой, заключенномъ между 500 и 1.500 метровъ высоты, тянутся дѣвственные лѣса, гдѣ растенія Гималаевъ, Китая, Японіи перемѣшаны съ индо-китайскими видами и гдѣ встрѣчаешь даже анемоны, фіалки, камнеломки, какъ въ Западной Европѣ. Тамъ растутъ деревья, наиболѣе цѣнимыя для построекъ и столярныхъ издѣлій, какъ-то: текъ, деревья желѣзное, лаковое, орлиное, изъ которыхъ послѣднее издаетъ, при гореніи, восхитительный ароматъ; въ Аннамѣ употребленіе его присвоено исключительно королю и богамъ: его жгутъ только во дворцѣ и въ храмахъ. Равнымъ образомъ одна разновидность корицы принадлежитъ исключительно государю; высоко цѣнимая въ тонкинской фармакопеѣ, она продается контрабандымъ путемъ до сотни франковъ за унцію [2]). Ботаническій садъ въ Сайгонѣ обладаетъ большинствомъ растительныхъ видовъ, найденныхъ во внутреннихъ областяхъ; онъ заключаетъ всѣ лѣсныя породы Индо-Китая и сосѣднихъ странъ. Кромѣ того, промышленныя растенія тропическаго пояса, кофейное дерево, лавръ коричный, гвоздичникъ, мускатное дерево, индигоносница, перечникъ, сахарный тростникъ, деревья гуттаперчевое и каучуковое, хлопокъ, ваниль, джута представлены во всѣхъ ихъ разновидностяхъ; посаженныя въ этомъ саду деревья и растенія считаютъ десятками тысячъ. Несмотря на баснословное богатство ихъ флоры, аннамиты ограничиваются обыкновенно культурой небольшаго числа видовъ; рисъ, котораго здѣсь существуетъ около сорока разновидностей, составляетъ ихъ главное хлѣбное растеніе, а молодые побѣги бамбука замѣняютъ имъ овощи; для выдѣлки циновокъ, рѣшетокъ, веревокъ,

---

[1]) Normand; Wernich, „Geographisch-Medicinische Studien"; Mahé, „Dictionnaire encyclopédique des sciences medicales"; Ollivier, „Observations en Algérie, Chine et Cochinchine".

[2]) Bouillevaux, „L'Annam et le Cambodge".

[3]) Morice, „Revue d'Anthropologie", 1875.

[4]) Thorel; Mahé; Normand etc.

[5]) Pierre, „Flore générale de l'Indo-Chine"; E. Blanchard, „Réunion des Sociétés savantes en 1879".

[1]) Otto Kunze, „Um die Erde".

[2]) Theurel, „Annales de la Propagation de la Foi". 1868.

корзинъ, даже сосудовъ и большинства предметовъ омеблированія, для постройки домовъ и барокъ имъ достаточно бамбука. Недавно во Франціи было много толковъ о кохинхинскомъ дикомъ винограде, какъ могущемъ замѣнить виноградныя лозы, истребленныя филлоксерой; но эта индо-китайская ліана даетъ лишь терпкіе плоды, изъ которыхъ получается отвратительный напитокъ.

Фауна Аннама сходна съ животнымъ царствомъ Передней Индіи. Она заключаетъ въ себѣ слона, носорога, дикаго буйвола, а также одинъ видъ быка, *дзинъ*, который, можетъ быть, есть то же самое, что̀ и животное, извѣстное у племени мишми подъ именемъ минутъ. «Владыка тигръ» рыскаетъ въ лѣсахъ Аннама, какъ и въ лѣсахъ центральной Индіи, гоняясь за оленями и козулями; аннамиты рѣдко нападаютъ на него прямо; они обыкновенно ловятъ его, устроивая западни—прикрытыя сверху вѣтками и хворостомъ глубокія ямы; но во французской Кохинхинѣ начинаютъ охотиться на тигра изъ засады, подстерегая его изъ шалашей, такъ какъ правительство выдаетъ премію за истребленіе кровожадныхъ звѣрей (число опасныхъ дикихъ животныхъ, убитыхъ во французской Кохинхинѣ въ 1880 году: 84 тигра, 22 пантеры, 17 дикихъ буйволовъ). Туземцы смотрятъ на тигра какъ на бога, и носятъ его зубы въ видѣ амулетокъ; чтобы отвратить его гнѣвъ, жители округовъ, часто посѣщаемыхъ страшнымъ звѣремъ, прибиваютъ снаружи своихъ домовъ цвѣтныя бумаги, гдѣ написаны похвалы ему. Аннамиты приручаютъ слона, какъ это дѣлаютъ ихъ сосѣди, жители Камбоджи и Сіама, но употребляютъ его на работу рѣже; больше всего они пользуются для перевозки своихъ произведеній буйволомъ; они утилизируютъ также вола для обозовъ и даже для ѣзды. Лошади аннамскія малорослы и слабосильны, но теперь ихъ замѣняютъ болѣе сильными животными, привозимыми изъ Индіи и Австраліи. Кохинхинская собака—довольно независимое животное, мало заботящееся о своемъ хозяинѣ и рѣдко ласкаемое имъ. Въ сельскихъ мѣстностяхъ Тонкина, Аннама и Камбоджи каждый скотный дворъ заключаетъ въ себѣ не малое количество свиней, а птичьи дворы богаче курами, гусями и утками, чѣмъ большинство европейскихъ фермъ. Рыба тоже входитъ значительной долей въ составъ животной пищи аннамитовъ и камбоджійцевъ. Послѣдніе со страстью занимаются ловлей крокодиловъ, мясо которыхъ, особенно мясо хвоста, кажется имъ очень вкуснымъ. Равнымъ образомъ, гнилая рыба и питающіеся ею червяки, а также сырые кузнечики составляютъ лакомыя блюда у жителей страны [1]).

Населенія, еще дикія, восточнаго Индо-Китая, оттѣсненныя на западѣ сіамцами и лаосцами, на востокѣ и югѣ аннамитами, на юго-западѣ камбоджійцами, живутъ только въ области лѣсовъ, на плоскогорьяхъ и въ долинахъ горъ. Большинство ихъ извѣстно подъ генерическимъ именемъ: это мюонгъ тонкинцевъ, ха сіамцевъ, пномъ камбоджійцевъ, мои аннамитовъ, лоло китайцевъ; на границахъ французской Кохинхины, около истоковъ Донная, они называютъ себя трао [1]). Торель причисляетъ эти дикія племена къ большой семьѣ альфуруcовъ Океаніи. Какъ бы то ни было, эти народцы, разсматриваемые въ ихъ совокупности, живутъ малочисленными группами, изолированными одна отъ другой, и лишь изрѣдка встрѣчаются между собою для торговаго обмѣна или вооруженныхъ столкновеній; національное ихъ оружіе—лукъ, изъ котораго они пускаютъ отравленныя бамбуковыя стрѣлы на разстояніе свыше 190 метровъ; кромѣ того, они употребляютъ въ дѣло и топоры. Всѣ они земледѣльцы, но не имѣютъ другихъ полей, кромѣ прогалинъ, полученныхъ путемъ лѣснаго пожара; всѣ прибавляютъ къ урожаю продукты охоты и сбора плодовъ въ лѣсахъ; но передъ жатвою имъ часто случается терпѣть недостатокъ въ продовольствіи, и тогда они принимаются за пресмыкающихся, разныхъ мелкихъ звѣрковъ, червей и предпринимаютъ воровскія экспедиціи. Вообще, племена восточнаго Индо-Китая, хотя непохожія другъ на друга во многихъ отношеніяхъ, имѣютъ общіе этнографическіе признаки: средній ростъ, смуглый цвѣтъ кожи, болѣе темный, чѣмъ у аннамита, менѣе черный, чѣмъ у индуса, сдавленный черепъ, округлое лицо, менѣе плоское, нежели у монголовъ, прямые и горизонтальные глаза, очень большой ротъ и огромныя челюсти. Борода у моевъ гуще, чѣмъ у аннамитовъ и китайцевъ; кромѣ того, они имѣютъ бакенбарды, и торсъ у нихъ слегка оброcъ волосами. Выраженіе лица у нихъ кроткое, но оно рѣдко озаряется улыбкой: когда они хотятъ выказать радость, они раскрываютъ широко ротъ [2]).

По Комбу, всѣ дикари, которые живутъ въ обширной странѣ, простирающейся между Аннамомъ, Лаосомъ и Камбоджей, принадлежатъ къ одной и той же семьѣ; физіономія, черты, вѣрованія, нравы и обычаи сходны у всѣхъ племенъ, и хотя языки очень разнятся между собою, однако, большая часть словаря во всѣхъ одинакова и синтаксисъ ихъ совершенно тожественъ. Эти нарѣчія нисколько не похожи на діалекты аннамитовъ: они отличаются очень простой конструкціей, плавнымъ и легкимъ произношеніемъ. Очень богатыя выраженіями, относящимися къ предметатъ и явленіямъ при-

[1]) „Journal officiel de la République française", 16 septempre 1875.

[1]) Neïs et Septans, „Excursions et Reconnaissances", X, 1881.

[2]) Thorel, „Voyage d'Exploration en Indo-Chine".

роды, къ земледѣльческимъ работамъ и къ торговлѣ, идіомы этихъ дикарей почти совсѣмъ не имѣютъ словъ, обозначающихъ отвлеченныя понятія; за исключеніемъ говора мюонговъ Черной рѣки и нѣкоторыхъ другихъ племенъ Тонкина [1]), ни одинъ изъ этихъ языковъ не имѣетъ письма; оттого *лабааръ*, или «говорящая бумага», пользуется въ горахъ Аннама мистическимъ вліяніемъ, столь же могущественнымъ, какъ и у негровъ внутренней Африки [2]). Аннамиты и китайцы наперерывъ другъ передъ другомъ злоупотребляютъ простодушіемъ туземцевъ; они знаютъ, что изъ-за удовольствія надѣть себѣ на шею ожерелье изъ зеленыхъ или красныхъ бусъ, дикари не задумаются пожертвовать будущностью женщинъ и дѣтей и заранѣе обрекутъ ихъ на рабство [3]): имя мои, въ Кохинхинѣ, еще недавно было синонимомъ невольника [4]), какъ имя ха въ странѣ Сіамъ. Во многихъ округахъ пояса, окружающаго территорію цивилизованныхъ аннамитовъ, ходятъ на охоту за дѣтьми, все равно, какъ пошли бы охотиться на оленя. Живя въ постоянномъ страхѣ, мои или трао, по большей части, чрезвычайно пугливы, но и имъ иногда случается въ стычкѣ убивать нападающихъ на нихъ людей. Въ этомъ случаѣ обычай племени трао требуетъ, чтобы тѣло убитаго врага было съѣдено сообща всѣми жителями деревни [5]).

Сѣверные дикари, вообще, цивилизованнѣе южныхъ, благодаря, безъ сомнѣнія, сосѣдству Китая, откуда промышленность, науки, искусства распространялись постепенно въ южномъ направленіи. Между этими образованными племенами одно изъ самыхъ замѣчательныхъ— племя до или лава, которые живутъ къ западу отъ Меконга, въ горахъ, сосѣднихъ съ Юнаномъ; отличаясь торговымъ духомъ, они воздѣлываютъ различныя земледѣльческія произведенія для вывоза въ Китай, въ особенности хлопокъ; они регулярно спускаются съ горъ на рынки и, обращенные въ буддійскую вѣру, выказываютъ не меньшую религіозную ревность, чѣмъ лаонцы окрестныхъ мѣстностей. Къ востоку отъ Меконга живутъ тѣ племена, извѣстныя подъ именемъ «Тринадцати Мюонговъ», которыя отличаются знаніемъ письма; они имѣютъ силлабическую азбуку изъ 36 знаковъ, и употребляемая ими система счисленія состоитъ изъ девяти единицъ. Очень промышленныя, они ткутъ шелкъ, хлопокъ и другія прядильныя вещества, знаютъ также искусство крашенія тканей. Семьи ихъ очень многочисленны, но въ сосѣдствѣ равнинъ большинство дѣтей выкрадывается и обращается въ рабство китайскими бандитами [1]). Не къ этимъ ли мюонгамъ слѣдуетъ причислить нагамскихъ мео, которые, по словамъ миссіонера Фіота, насчитываютъ не менѣе 6.000 домовъ въ многочисленныхъ селеніяхъ? Они одѣваются по китайской модѣ и даже говорятъ китайскимъ языкомъ, болѣе или менѣе испорченнымъ; религія ихъ состоитъ изъ культа предковъ. Тщательно избѣгая сношеній съ населеніями другаго корня, они имѣютъ домашнихъ животныхъ различныхъ породъ и воздѣлываютъ даже овощи, которыя не встрѣчаются у ихъ сосѣдей и сѣмена которыхъ они отказываются давать посѣтителямъ.

На югѣ Тонкина различныя племена ха, извѣстныя подъ мѣстными названіями, какъ-то: со, суэ, пу-тай, бру и брао, гой и гай, темепъ, ягунъ, боловенъ, алакъ, те, тсу, прунъ, лове, титай [2]), занимаютъ лѣсныя прогалины и плоскогорья водораздѣльной области. Почти всѣ эти туземцы, столь же пугливые, какъ лѣсные звѣри, убѣгаютъ при приближеніи аннамитовъ, которые, впрочемъ, и сами боятся ихъ, какъ колдуновъ. Разсказываютъ объ одномъ народцѣ ха, что онъ обитаетъ въ двухъ деревняхъ, называемыхъ одна—«Готовое пламя», другая—«Готовая вода», и что этимъ людямъ стоитъ только сдѣлать знакъ, чтобы уничтожить своихъ враговъ пожаромъ или потопомъ. Такъ же, какъ средневѣковые географы, жители Камбоджи представляютъ себѣ обитателей этихъ малоизвѣстныхъ областей какими-то чудовищами, отличными отъ другихъ людей: по ихъ понятію, ха одного племени имѣютъ, будто бы, въ груди отверстіе въ родѣ клапана, который они открываютъ, чтобы чистить себѣ желудокъ съ помощью палки [3]).

Наиболѣе извѣстны изъ племенъ ха тѣ, которыя населяютъ водораздѣльную область между нижнимъ Меконгомъ и аннамитскою провинціей Бинь-динь, какъ-то: чанграй, гіарай, радехъ, банаръ, седангъ, стіенгъ. Между этими дикарями промышленностью особенно славятся гіараи, издѣлія которыхъ отличаются сравнительно наибольшимъ искусствомъ и лучшимъ вкусомъ: выдѣлываемыя ими ткани, очень тонкой работы, украшены прелестными узорами; вещи изъ хорошо закаленнаго желѣза имѣютъ изящную форму; мѣдные инструменты свидѣтельствуютъ о замѣчательномъ промышленномъ развитіи. Что касается седанговъ, то можно сказать, что они составляютъ народъ кузнецовъ; по окончаніи полевыхъ работъ, жители семидесяти деревень принимаются за добываніе руды изъ многочисленныхъ залежей и выковываютъ земледѣльческія и другія орудія

[1]) Courtin et Villeroi d'Augis, „Excursions et Reconnaissances“, XI, 1881.
[2]) Combes, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1855.
[3]) Moty, „Excursions et Reconnaissances“, IV, 1879.
[4]) Silvestre; Henry, тотъ же сборникъ, IV.
[5]) Neïs et Septans, цитированный мемуаръ.

[1]) Courtin et Villeroi d'Augis, цитированная статья.
[2]) См. карту Дютрейль-де-Рена.
[3]) Adolf Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder“.

и оружіе, которыя и продаютъ своимъ сосѣдямъ, въ обмѣнъ на ткани и сельскія произведенія. Такимъ образомъ, между этими населеніями установилось раздѣленіе труда. Галанги собираютъ въ небольшомъ количествѣ блестки золота въ пескѣ своихъ рѣчекъ и продаютъ ихъ лаонцамъ; но главную статью торговли составляютъ невольники, захватываемые въ плѣнъ въ войнахъ между отдѣльными племенами. Обычай родовой мести существуетъ у всѣхъ этихъ народцевъ. «Отмсти за себя! не сегодня, такъ завтра!»—таковъ любимый девизъ дикарей [1]).

Банары, или ба-хнары, родственные по языку своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ, седангамъ, составляютъ, между населеніями страны, одно изъ тѣхъ, которыя всего лучше сохранили древнія преданія; въ то же время между туземцами нѣтъ народца, который былъ бы лучше изученъ европейцами. Миссіонеръ Комбъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ землѣ банаровъ, опредѣляетъ число ихъ въ 25.000 человѣкъ. Посреди ихъ деревень, которыхъ насчитываютъ около сотни, стоитъ большой общій домъ, гдѣ справляются празднества и религіозныя церемоніи и который могъ бы, въ случаѣ надобности, служить крѣпостью, благодаря солидности его постройки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это—«мальчишникъ», гдѣ молодые люди и холостяки проводятъ ночь. Дѣти, разлучаемыя съ матерью со дня отнятія отъ груди, воспитываются въ этихъ общественныхъ «дворцахъ», болѣе обширныхъ и болѣе красивыхъ, чѣмъ большинство подобныхъ зданій у другихъ дикарей Индіи. Молодой человѣкъ признается за мужчину только послѣ того, какъ онъ заключитъ съ товарищемъ договоръ дружбы, опорожнивъ полную чашу ихъ смѣшанной крови [2]). Для ратификаціи мирныхъ трактатовъ соблюдаютъ подобныя же церемоніи; но въ этомъ случаѣ уполномоченными, смѣшивающими свою кровь, являются мужчина съ одной стороны, женщина—съ другой: миръ облекается въ форму брачнаго союза. Духъ общинной солидарности очень силенъ у банаровъ: никогда семья не станетъ пить приготовленное ею пальмовое вино или ѣсть добычу охоты, безъ того, чтобы не пригласить своихъ сосѣдей и не дать имъ такой же доли, какъ ея собственная; даже когда ребенокъ поймаетъ ящерицу или мышь, онъ непремѣнно подождетъ своихъ товарищей, чтобы сварить и съѣсть животное вмѣстѣ съ ними. Каждая деревня составляетъ маленькую республику, гдѣ старики являются естественными совѣтниками; но необходимо общее согласіе для того, чтобы то или другое рѣшеніе могло быть приведено въ исполненіе. Глава семействъ есть въ то же время великій жрецъ, «тотъ, который представляетъ воду демону», но одинъ онъ не довольно могучъ, чтобы заклинать злыхъ духовъ, и долженъ прибѣгать къ содѣйствію чародѣекъ, которыя умѣютъ толковать полетъ и пѣніе птицъ, и главное, разоблачать замыслы и козни колдуній, или *деньг*, которыя, даже во время своего сна, могутъ навлечь всякія напасти на племя [1]); избавляются отъ этихъ колтуній обыкновенно такимъ образомъ, что продаютъ ихъ въ рабство лаонцамъ. Обычай ордалій, или суда божьяго, особенно посредствомъ кипящаго дегтя, расплавленнаго олова, продолжительнаго пребыванія подъ водой, еще въ большомъ ходу у банаровъ. Подобно многимъ другимъ дикимъ народамъ, банары сжигаютъ вокругъ труповъ всѣ вещи, которыми пользовались покойники, дабы умершій не пришелъ безпокоить живущихъ, требуя отъ нихъ своей собственности. Не имѣя рабочаго скота, который позволялъ бы имъ глубоко распахивать землю, банары покидаютъ свои становища черезъ каждые три года, чтобы искать другой годной для культуры почвы, которую они огнемъ освобождаютъ отъ чащи мелкаго кустарника. Сѣмена риса, которыя они приносятъ со старыхъ полей на новыя, хранятся съ благоговѣйною заботливостью, и тотъ, кто вздумалъ бы продать ихъ, былъ бы тотчасъ же пораженъ смертью демонами. Первый рисъ новаго урожая съѣдается втихомолку, и во время этой важной операціи банары съ ужасомъ посмотрѣли бы на чужаго человѣка, проникающаго въ ихъ жилище. Они считаютъ въ году, какъ имѣющіе дѣйствительное существованіе, только восемь мѣсяцевъ земледѣлія; періодъ съ декабря до апрѣля, когда поля отдыхаютъ, считается какъ бы несуществующимъ [2]).

Самая многочисленная раса области, заключающейся между Меконгомъ и восточною покатостью Аннама,—чанграи, укрѣпленныя деревни которыхъ разсѣяны на пространствѣ слишкомъ 400 километровъ къ сѣверу отъ французской Кохинхины. Они говорятъ нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ малайскимъ идіомамъ, что объясняется вѣковыми торговыми сношеніями, которыя туземцы внутренности страны поддерживали нѣкогда съ юго-восточнымъ побережьемъ, очень часто посѣщаемымъ малайцами. Радехи (рде), обитающіе въ той же горной области, гдѣ и чанграи, и на востокѣ и на сѣверѣ, отличаются отъ своихъ сосѣдей бѣлизною лица: черты ихъ напоминаютъ, говорятъ, черты европейцевъ; но, какъ большинство аборигеновъ Китая и Индо-Китая, они имѣютъ привычку вытягивать себѣ уши, такъ чтобы нижняя мочка висѣла надъ плечомъ.

---

[1]) Combes, цитированная статья; Dourisboure, „Les Sauvages Ba-hnars“.

[2]) Mouhot, „Travels in the Central parts of Indo-Chine“.

[1]) Combes, „Annales de la Propagation de la Foi“. 1855; A. Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder“.

[2]) Ad. Bastian, цитированное сочиненіе; „Zeitschrift für Ethnologie“, I.

Они живутъ въ обширныхъ домахъ, гдѣ каждая семья имѣетъ свое отдѣльное пространство или свой квадратъ. Все населеніе деревни соединено въ одномъ строеніи, безъ наружной двери, доступномъ только посредствомъ высокихъ лѣстницъ, приставленныхъ къ стѣнѣ; такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ на оконечности Азіи зданія, похожія на постройки зуньевъ и другихъ народцевъ Новой Мехики и Аризоны. Подобно банарамъ, радехи мѣняютъ становище

Королева Камбоджи.

послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія, чтобы обратить новыя земли въ пашни; но ихъ религіозныя церемоніи отличаются отъ церемоній другихъ племенъ; они приносятъ жертвы тѣнямъ

предковъ, рѣкамъ, священнымъ деревьямъ, и особенно камнямъ различныхъ формъ, воздвигнутымъ въ ихъ домахъ. Иногда нѣкоторые радехи спускаются съ горъ до рынковъ на Меконгѣ, куда они ходятъ обмѣнивать воскъ, слоновую кость и грубо сдѣланные сосуды. Всѣ эти племена искусны въ тканьѣ матерій, въ рѣзьбѣ на деревѣ, въ выдѣлкѣ глиняной посуды; наименѣе искусны изъ нихъ стіенги. Послѣдніе не имѣютъ промышленности въ собственномъ значеніи слова и приносятъ на аннамитскіе или камбоджійскіе рынки, для обмѣна на домашнюю утварь китайскаго производства, на ткани и рисъ, только продукты охоты или сбора плодовъ въ лѣсахъ [1]). Что касается трао, которые живутъ къ востоку отъ біенгоа и баріа, во французской Кохинхинѣ, то имъ, кажется, грозитъ опасность исчезнуть въ скоромъ времени съ лица земли, вслѣдствіе болѣзней и уменьшенія численности дѣтей. Принадлежала къ числу самыхъ маленькихъ между людьми, они едва превосходятъ, по росту, лопарей (ростъ мужчинъ 1,555 метровъ, ростъ женщинъ 1,462 метра; среднее 1,508 метр.) [2]).

Кромѣ названныхъ народцевъ, въ этой странѣ есть племена, составляющія, повидимому, разсѣянные обломки существовавшихъ нѣкогда цивилизованныхъ націй. Такъ, шамы (хіамъ, ціамъ или хой), разсѣянные въ юго-восточной области индо-китайскаго полуострова, преимущественно въ Камбоджѣ и на высокихъ плоскогорьяхъ главной цѣпи, между провинціями Бинь-Туанъ и Нга-Транъ, разсматриваются всѣми писателями какъ потомки ціампойцевъ, или жителей Ціампы, постепенно оттѣсненныхъ аннамитами и китайцами. Государство Ціампа, повидимому, было нѣкогда могущественнѣйшею имперіей Загангскаго полуострова; по словамъ миссіонера Гагелина, этому царству принадлежало все континентальное пространство, заключающееся между теченіемъ Менама и Тонкинскимъ заливомъ; память о могуществѣ ціампойцевъ живетъ еще въ самомъ имени Кохинхина, въ которомъ находятся китайскіе знаки Ко-Ченъ-Чинъ, т. е. «бывшая Ціампа» [3]). Одна изъ первыхъ столицъэтого государства, лежащая близъ границы Тонкина и южной Кохинхины [4]), носила имя Ченъ-Чинъ. Но древнія шамскія надписи, которыя, быть можетъ, раскроютъ исторію націи, еще очень мало извѣстны [5]). По общепринятому мнѣнію, шамы принадлежатъ къ малайской семьѣ; отличаясь отъ другихъ обитателей Индо-Китая, исключая, можетъ быть, чанграевъ, они живутъ особнякомъ въ лѣсахъ и строятъ себѣ, позади чащи бамбуковъ, образующей нѣчто въ родѣ занавѣса, хижины на очень высокихъ сваяхъ, сообщающіяся съ почвой только посредствомъ приставныхъ лѣстницъ, убираемыхъ по вечерамъ. Шамы, вообще говоря, немного выше ростомъ, чѣмъ аннамиты, крѣпче сложены и сильнѣе; скулы у нихъ менѣе выдающіяся, лица менѣе плоскія, глаза болѣе открытые; они отличаются между всѣми азіатцами большою выпуклостью задней части тѣла: въ этомъ отношеніи ихъ женщины почти походятъ на готтентотокъ. Шамскій языкъ состоитъ, почти на треть, изъ малайскихъ словъ, къ которымъ примѣшаны нѣкоторыя аннамитскія и камбоджійскія выраженія; болѣе половины словаря не имѣетъ никакого сходства съ idiомами окружающаго населенія [1]). Хотя малочисленные, шамы дѣлятся на двѣ различныя религіи. Тѣ, которые сохраняютъ свое этническое имя, не ѣдятъ мясо коровы и вообще питаютъ отвращеніе къ этому животному. Умершихъ они сжигаютъ, предварительно продержавъ и «прокормивъ» ихъ два или три мѣсяца, смотря по средствамъ; затѣмъ собираютъ пепелъ въ сосудъ, который зарываютъ въ землю, бѣдные просто подъ деревомъ, богатые въ мавзолеѣ. Классъ шамовъ, называемыхъ бахъ-ни, т. е. «люди религіи», происходитъ отъ прозелитовъ магометанства; бахъ-ни практикуютъ обрѣзаніе, не пьютъ крѣпкихъ напитковъ и съ ужасомъ смотрятъ на свинину, которая составляетъ главную животную пищу китайцевъ и аннамитовъ. Но многіе изъ'ихъ религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ, какъ поклоненіе солнцу и лунѣ, употребленіе магической палочки, кровавыя жертвоприношенія, восходятъ, вѣроятно, къ эпохѣ, предшествовавшей обращенію въ магометанскую вѣру. Женщины класса бахъ-ни строго добродѣтельны, оттого раса остается чистою, безъ примѣси чужой крови; эти шамы сохраняютъ гордость, храбрость, совершенное прямодушіе — качества, которыми они такъ рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей аннамитовъ [2]). Другіе шамы, во многихъ мѣстностяхъ горной страны, живутъ въ добромъ согласіи съ дикарями и частью даже смѣшались съ ними. Неисъ и Септансъ посѣтили деревни, жители которыхъ, шамы и трао, говорили безразлично на обоихъ языкахъ и практиковали одни и тѣ же обычаи [3]). Нѣкоторые шамы живутъ близъ озера Тонле-сапъ, рядомъ съ малайцами, быть можетъ, ихъ единоплеменниками. Малайская или шамская хижина даетъ кровъ цѣлому роду, начиная отцомъ съ

---

[1]) Morice, „Bulletin de la Société d'Anthropologie", 1875.

[2]) Neis, „Excursions et Reconnaissances", VI, 1880.

[3]) Luro, „Le Pays d'Annam".

[4]) Dutreuil de Rhins, рукописныя замѣтки.

[5]) Aymonier, „Académie des Inscriptions et Belles-Lettres", 9 déc. 1881.

[1]) Morice, „Bulletin de la Société d'Anthropologie", 1875.

[2]) Tabard, „Annales de la Propagation de la Foi", 1830; Morice, цитированная статья; Bastian, „Die Völker des Oestlichen Asien".

[3]) „Excursions et Reconnaissances", X, 1881.

матерью и кончая правнуками; иногда такимъ образомъ до двадцати лицъ соединены въ одномъ жилищѣ.

Горы Камбоджи, на сѣверѣ и на югѣ Большаго Озера, населены дикарями, какъ и высоты Аннама. Самре, живущіе въ гористыхъ областяхъ между Тонле-сапъ и Сіамскимъ заливомъ, воздвигаютъ свои хижины на стволахъ деревьевъ, срубленныхъ на высотѣ 2 или 3 метровъ надъ уровнемъ почвы, и не знаютъ другихъ промысловъ, кромѣ звѣроловства и сбора лѣсныхъ плодовъ; они платятъ подати камедью и драгоцѣнными породами дерева. Куи, обитающіе въ сѣверной Камбоджѣ,—всѣ кузнецы, подобно седангамъ: они превращаютъ красный желѣзнякъ, находимый ими въ большомъ количествѣ въ краѣ, въ чугунъ превосходнаго качества, далеко превосходящій металлъ, привозимый изъ Европы и гораздо выше цѣнимый камбоджійцами и аннамитами [1]). Племя пракъ, тоже бродящее въ лѣсахъ Камбоджи и увѣренное, что платимая имъ дань, состоящая изъ воска и камеди, обезпечиваетъ его отъ обращенія въ рабство, отличается отъ сосѣднихъ націй тѣмъ, что у него сохранились еще матріархальные нравы. По смерти родителей, имущество дѣлится поровну между дочерьми; сыновья же не наслѣдуютъ. Праки вообще народъ рослый и хорошо сложенный, но они уродуютъ себя, подрѣзывая верхніе передніе зубы до уровня десенъ и заостривая концы зубовъ нижней челюсти [2]); происхожденіе этого обычая они объясняютъ тѣмъ, что не хотятъ «походить на обезьянъ». Они носятъ также тяжелыя латунныя наручи, обвитыя вокругъ руки отъ локтя до кисти.

Камбоджійцы, или хмеры, какъ шамы,—раса, пришедшая въ упадокъ. Въ наши дни, то, что уцѣлѣло отъ этой націи, раздѣлено между двумя королевствами: на западѣ, округа, которыхъ ручьи и рѣки спускаются къ озеру Тонле-сапъ, присоединены къ Сіаму; на востокѣ, маленькое государство, заключающееся между Сіамскимъ моремъ и теченіемъ Меконга, между Большимъ Озеромъ и французскою Кохинхиной, состоитъ подъ «покровительствомъ» Франціи. Теперь всего только около полутора милліона индивидуумовъ присвоиваютъ себѣ имя камбоджійцевъ, и чужеземцы живутъ въ большомъ числѣ среди нихъ. Но преданія, историческіе документы, зданія свидѣтельствуютъ о политическомъ могуществѣ прежняго государства. Камбоджа имѣла свой періодъ преобладанія въ Индо-Китаѣ и во время своего цвѣтущаго состоянія поддерживала постоянныя сношенія, съ одной стороны, съ полуостровомъ Передней Индіи, съ другой—съ островомъ Явой. Близъ береговъ Большаго Озера находился одинъ изъ центровъ индусской цивилизаціи. Названія столицъ, имена королей Камбоджи и особенно скульптурныя произведенія и архитектурный стиль храмовъ, наконецъ, языкъ, имѣющій близкую связь съ идіомами арійскаго корня [1]), напоминаютъ вліяніе, которое оказывали послѣдовательно браманизмъ и буддизмъ на культуру жителей. Легенда, признаваемая въ Камбоджѣ за историческое сказаніе во всѣхъ ея подробностяхъ, разсказываетъ, что одинъ индусскій государь, уроженецъ Индраспати (прежнее названіе Дели), переселился, за двадцать три столѣтія до нашего времени, въ бассейнъ Большаго Озера, съ десятью милліонами своихъ согражданъ. Нынѣшняя династія претендуетъ, съ своей стороны, на происхожденіе отъ одной фамиліи изъ Бенареса. Но самыя дѣятельныя сношенія, повидимому, существовали между Камбоджей и страной Ланка, или Цейлономъ, островомъ, которому общность религіи придавала, въ глазахъ камбоджійцевъ, почти священный характеръ. Когда хмеръ построитъ себѣ домъ, соблюдая всѣ предписанныя правила, для того, чтобы злой рокъ навсегда былъ устраненъ отъ него, когда онъ впуститъ туда домашняго кота, будущаго хранителя дома, и хочетъ самъ вступить въ свое жилище, то человѣкъ, стоящій на порогѣ двери, останавливаетъ его жестомъ, спрашивая: «откуда ты?»—«Я изъ Ланки,—отвѣчаетъ владѣлецъ,—я переплылъ море, моя барка разбилась, и, очутившись безъ пріюта, я приношу то, что удалось спасти отъ кораблекрушенія; прихожу поселиться въ этомъ необитаемомъ домѣ» [2]). Такимъ образомъ, Ланка и Сѣверная Индія способствовали та и другая начаткамъ камбоджійской цивилизаціи и должны были оказывать, черезъ смѣшеніе посредствомъ брачныхъ союзовъ, значительное вліяніе на самую расу. Имя Камбоджи (Кампучеа, Кампокса) было отожествлено нѣкоторыми историками съ Камбоджей санскритской географіи, но ошибочно: Камбоджа есть «земля камменовъ», сіамская передѣлка имени хмеръ [3]).

Различіе физическихъ чертъ незначительно между камбоджійцами и ихъ сосѣдями сіамцами; отличительный признакъ по преимуществу—это малая величина черепа: у хмерской женщины средняя вмѣстимость костянаго ящика, говорятъ, на цѣлую четверть меньше объема черепа у китаянки [3]). Профиль лица, вообще, очень правильно очерченъ, носъ тонкій, такъ же, какъ и губы, лобъ широкій, взглядъ твердый; часто лица имѣютъ нѣчто повелительное,

[1]) Boulangier, „Excursions et Reconnaissances“, X, 1881.

[2]) Bouilleveaux, „L'Annam et le Cambodge“; Harmand, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“.

[1]) G. Janneau, „Manuel pratique de langue cambodgienne“, Saigon, 1870; Gaultier de Claubry, „Ethnographie de l'Annam“.

[2]) Moura, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Bordeaux“, 17 juillet 1882.

[3]) Aymonier, „Géographie du Cambodge“.

[4]) Mondière; Bordier, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, août 1881.

чего никогда не увидишь у аннамитовъ; кажется, что въ типахъ хмеровъ проглядываетъ слѣдъ индусской крови. Костюмъ, очень простой, какъ и одежда сіамцевъ, состоитъ лишь изъ передника лангути и шарфа, или изъ куртки съ металлическими пуговицами; люди высшаго класса стригутъ себѣ волосы въ формѣ щетки, по сіамской модѣ. Подобно большинству другихъ индо-китаянокъ, камбоджійскія женщины привѣшиваютъ себѣ къ ушамъ куски дерева или слоновой кости. Въ горахъ Пурсатъ, между Большимъ Озеромъ и Сіамскимъ заливомъ, туземныя племена, менѣе цивилизованныя, нежели камбоджійцы, жители равнины, принадлежатъ, какъ полагаютъ, къ той же расѣ; у сіамцевъ они извѣстны подъ именемъ камменъ-донгъ, или хмеровъ-горцевъ. Всѣ путешественники согласно говорятъ, что камбоджійцы медлительны, апатичны, но терпѣливы, выносливы въ трудѣ и въ существѣ гораздо болѣе серьезны, чѣхъ имъ сосѣди, сіамцы или аннамиты; теперешняя приниженность камбоджійцевъ должна быть приписана нравамъ, развившимся у нихъ подъ вліяніемъ рабства [1]). Въ Кохинхинѣ и въ Сіамѣ боятся ихъ мстительнаго нрава и даже часто приписываютъ имъ дурной глазъ [2]). Ихъ религіозные обряды не составляютъ простой формальности, какъ обряды большинства другихъ индо-китайцевъ; бракъ у нихъ пользуется большимъ уваженіемъ, чѣмъ у аннамитовъ: общественное мнѣніе осуждаетъ всякаго мужчину, который, достигнувъ извѣстнаго возраста, не женатъ и не бонза. Женщины вѣрны, но горды и ревнивы. Хотя аннамиты, въ качествѣ завоевателей, выказываютъ презрѣніе къ хмерамъ, но эти послѣдніе, которые еще съ гордостью говорятъ о Мага-Нокоръ, или «Большомъ царствѣ» своихъ предковъ, смотрятъ на кохинхинцевъ какъ на людей, принадлежащихъ къ низшей расѣ, и рѣдко случается, чтобы камбоджійка взяла себѣ мужемъ аннамита; почти всѣ метисы—камбоджійскаго происхожденія только по отцу, по матери же они аннамиты [3]). Хмеры очень любятъ музыку, пѣніе, поэзію: плавая по рѣкѣ, матросы распѣваютъ пѣсни звучнымъ голосомъ; на баркахъ мандариновъ раздаются звуки тамбуриновъ, гармоники, флажолета. Камбоджійцы обнаруживаютъ гораздо болѣе вкуса, чѣмъ аннамиты, въ постройкѣ домовъ и судовъ. На озерѣ Тонле-сапъ съ перваго взгляда узнаешь національность судовщиковъ по внѣшнему виду ихъ барокъ [4]).

Такъ же, какъ въ Сіамскомъ королевствѣ, сыновья богатыхъ воспитываются въ кумирняхъ, подъ руководствомъ талапуановъ; они должны приготовляться къ жизни заучиваніемъ на память молитвъ и благочестивыхъ изреченій; имъ обязательно быть монахами прежде, чѣмъ сдѣлаться людьми. Многоженство существуетъ только у вельможъ; они одни сохранили старинный обычай вступать въ бракъ со своими сведенными сестрами. Богатые имѣютъ также привычку держать умершихъ въ своихъ жилищахъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, прежде чѣмъ предать ихъ сожженію; иные даже погребаютъ временно трупы, чтобы затѣмъ истребить вырытыя изъ могилы кости огнемъ, нѣсколько лѣтъ спустя [1]). Что касается бѣдняковъ, то они сжигаютъ своихъ покойниковъ тотчасъ же послѣ кончины; время храненія мертвыхъ тѣлъ измѣряется степенью богатства семействъ. Буддійскіе монахи, или *люкъ-сани*, строгіе блюстители религіознаго устава, пользуются, вообще, большимъ уваженіемъ, и вліяніе ихъ значительно. Попытки обращенія туземцевъ въ христіанскую вѣру, сдѣланныя католическими миссіонерами, не имѣли до сихъ поръ никакого серьезнаго результата. Хотя хмерское царство состоитъ подъ покровительствомъ французской республики, его политическія учрежденія нисколько не измѣнились. Король по-прежнему является «неограниченнымъ властителемъ жизни и имущества» всѣхъ своихъ подданныхъ. Онъ выбираетъ по своему усмотрѣнію мандариновъ, не заставляя ихъ проходить черезъ рядъ литературныхъ экзаменовъ, и созываетъ ихъ дважды въ годъ для исполненія церемоніи питья клятвенной воды, въ которую погружена священная шпага; стражи, въ одно и то же время воины и жрецы, дежурятъ посмѣнно день и ночь передъ этимъ мечемъ, напѣвая безъ перерыва установленныя молитвы. Правосудіе, отправляемое судьями, которые сами себѣ платятъ жалованье штрафами и повинностями, налагаемыми на тяжущихся и подсудимыхъ, продается тому, кто дороже дастъ; торговля, составляющая королевскую монополію, сдается на аренду алчнымъ китайскимъ откупщикамъ; этимъ и объясняется лѣность, въ которой упрекаютъ хмеровъ королевства. Понятно, что при подобномъ режимѣ камбоджійская раса, несмотря на всѣ ея хорошія природныя качества, должна была придти въ упадокъ. Рабство еще не отмѣнено, но съ 1877 года оно сдѣлалось менѣе тяжелымъ, исключая служителей пагодъ, которыхъ не коснулось это облегченіе; обыкновенно невольники получаютъ поденную плату, которая можетъ помочь ихъ освобожденію; они не считаются болѣе пожизненными рабами и переходятъ въ состояніе «наемниковъ», служителей своихъ заимодавцевъ до полной уплаты

---

[1]) Bouilleveaux. Silvestre etc.

[2]) Morice, „Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris". 1875; Lemire, „Cochinchine française et royaume du Cambodge".

[3]) Mandière, „Monographie de la femme de la Cochinchine".

[4]) Buchard, „Excursions et Reconnaissances", V, 1880.

[1]) Aymonier, „Géographie du Cambodge".

долга. Что касается государственныхъ или казенныхъ невольниковъ, происходящихъ по большей части отъ лицъ, осужденныхъ за политическія преступленія, то они обязаны только служить въ теченіе трехъ мѣсяцевъ королю или мандарину; остальное время года они вольны уходить и уѣзжать куда угодно, воздѣлывать почву и заниматься торговлей въ свою пользу [1]). Въ Камбоджѣ индивидуальная собственность не существуетъ: всѣ земли составляютъ общинное достояніе, которое жители культивируютъ на правахъ земледѣльцевъ-исполовщиковъ [2]).

Господствующая нація на восточной покатости горъ и въ нижней области Меконга—аннамиты. Гіао-ши (гіао-кіи),—таково имя, даваемое господствующей расѣ, — приближаются къ китайцамъ болѣе, чѣмъ всякій другой народъ Загангскаго полуострова; но происхожденіе ихъ не извѣстно. Большинство писателей причисляетъ ихъ къ синическому (китайскому) корню; другіе предполагаютъ сродство аннамитовъ съ малайцами [1]); по Отто Кунце, гіао-ши — единоплеменники японцевъ; по словамъ его, многіе обычаи свидѣтельствуютъ объ общности расы этихъ двухъ народовъ [2]). Согласно преданію и исторіи, аннамиты постепенно распространились вдоль морскаго берега, по направленію съ сѣвера на югъ: долгое время заключенные въ предѣлахъ Тонкина, гдѣ они и теперь еще гораздо многочисленнѣе, чѣмъ во всей остальной Кохинхинѣ, аннамиты мало-по-малу одержали перевѣсъ надъ населеніями юга и оттѣснили ціампойцевъ внутрь страны; только въ половинѣ семнадцатаго столѣтія они отвоевали нижній Меконгъ у хмеровъ. Эта область, составлявшая нѣкогда часть Камбоджи, справедливо обозначается нынѣ подъ име-

Камбоджскій принцъ.

[1]) Fourès, „Organisation politique du Cambodge“, „Excursions et Reconnaissances“, XIII, 1882.
[2]) Willard, „Excursions et Reconnaissances“, vol. XII, 1882

[1]) Harmand, „Archives de médicine navale“.
[2]) „Um die Erde“.

немъ французской Кохинхины, ибо большинство хмеровъ были оттуда прогнаны или истреблены; огромное большинство ея населенія состоитъ теперь изъ кохинхинцевъ; наконецъ, колоніи бѣглыхъ аннамитовъ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ мѣстахъ на западной покатости горъ, въ земляхъ моевъ и лаонцевъ; повсюду, гдѣ они являются уединенными группами, они дѣлаются родоначальниками и въ короткое время образуетъ важный элементъ населенія.

Рядомъ съ камбоджійцами и моями, обладающими сильно развитыми мускулами, аннамиты не отличаются видной осанкой. Они малорослы, но пропорціонально сложены; тучность встрѣчается у нихъ гораздо рѣже, чѣмъ у китайцевъ. Недостатокъ физической силы они выкупаютъ гибкостью членовъ; особенно ноги у нихъ отличаются замѣчательною ловкостью: благодаря удаленію большихъ пальцевъ на ногѣ, указываемому самимъ именемъ гіао-ши, они легко подбираютъ предметы, находящіеся на землѣ или на полу, и поднимаютъ ихъ до высоты руки. Поступь ихъ свободная, непринужденная; но у женщинъ она кажется нѣсколько нескромною, по причинѣ косвеннаго положенія бедеръ и происходящаго отъ того качанія торса [1]). Что касается лица, то оно широкое и плоское, какъ лицо китайцевъ, и приближается больше къ формѣ ромба; вѣко также слегка болѣе скошенное [2]); смотря по воспитанію, мѣсту пребыванія, роду занятій, цвѣтъ кожи различный, измѣняясь отъ грязнобѣлаго до шоколаднаго. Борода появляется поздно, и то только надъ губами и на подбородкѣ. Аннамиты быстро старѣются; въ пятьдесятъ лѣтъ человѣкъ уже выглядитъ совсѣмъ старикомъ [3]). Какъ мужчины, такъ и женщины, вообще менѣе различающіеся между собою, чѣмъ въ другихъ странахъ, чертами лица и голосомъ, носятъ длинные волосы и собираютъ ихъ на верхушкѣ головы, такъ чтобы уши были открыты [4]). Костюмъ состоитъ, у обоихъ половъ, изъ широкихъ панталонъ и платья; мужчины не всегда ходятъ съ голою головой, какъ сіамцы; они носятъ шляпу въ формѣ конуса, тогда какъ женщины надѣваютъ на голову родъ круглаго подноса, очень легкаго, подъ которымъ ихъ маленькое лицо едва видно. Въ то время, какъ хмеры воздвигаютъ свои хижины по большей части на курганахъ и песчаныхъ буграхъ, бывшихъ дюнахъ, кохинхинцы строятъ настоящіе озерные города на берегу воды или даже въ ложѣ рѣкъ [1]).

Аннамитъ кажется холоднымъ и рѣдко позволитъ себѣ унизиться до того, чтобы изъявлять удивленіе чему бы то ни было; онъ склоненъ къ критикѣ, охотно осмѣиваетъ высшихъ; мститъ насмѣшками за вынужденную униженность въ отношеніи великихъ міра сего. Семья составляетъ для него своего рода предметъ культа: онъ почитаетъ родителей, совѣтуется съ женой во всякомъ дѣлѣ и предпріятіи, воспитываетъ дѣтей съ большою заботливостью. Онъ отличается большою природною кротостью и мягкостью характера. «Природа великодушна, мы должны подражать ей»—поговорка, очень употребительная въ аннамитскихъ семействахъ. Никогда онъ не вдастся въ постыдные споры и перебранки въ родѣ тѣхъ, какіе такъ часто вспыхиваютъ въ городахъ Запада. Мужество его не обнаруживается въ нападеніи; у него нѣтъ ни страсти къ приключеніямъ, ни любви къ борьбѣ, и онъ убѣгаетъ безъ стыда, когда не имѣетъ никакой серьезной причины принять битву; но онъ обладаетъ силой сопротивленія, стойкостью и умѣетъ умирать такъ, что ни одинъ мускулъ на лицѣ не дрогнетъ. Онъ любитъ родную землю и покидаетъ ее лишь съ болью въ сердцѣ; однако, онъ отлучается на время, чтобы помочь нуждамъ своей семьи, и, въ качествѣ торговца или судовщика, предпринимаетъ дальнія путешествія. Умъ его живой: аннамитскія дѣти учатся съ удивительною легкостью; очень любознательныя и понятливыя, они охотно пользуются представляющимися имъ случаями къ ученью. Благодаря новымъ школамъ, открытымъ теперь въ деревняхъ французской Кохинхины, едва-ли найдется хоть одинъ туземецъ новаго поколѣнія, который не умѣлъ бы читать и писать латинскими буквами [2]). Буддисты по имени, аннамиты еще менѣе набожны, чѣмъ китайцы, и такъ же, какъ у «сыновъ Гана», мораль Конфуція проповѣдуется у нихъ большинствомъ «ученыхъ» только для того, чтобы скрыть насмѣшливый скептицизмъ подъ прекрасными нравственными правилами, завѣщанными прошлыми вѣками. Какъ и въ Китаѣ, культъ силъ природы, культъ геніевъ и предковъ составляютъ здѣсь истинную религію, ту религію, которая вошла въ самую жизнь народа. Въ Тонкинѣ каждая деревня имѣетъ своего духа-покровителя, каждый духъ имѣетъ свой храмъ, и повсюду религіозные обряды различаются, смотря по качествамъ, приписываемымъ божествамъ, по опасностямъ, которыя надлежитъ устранить, по выгодамъ, которыя нужно получить. Первый католическій миссіонеръ въ Ко-

[1]) Morice; Wernich; Mondière; Dutreuil de Rhins.

[2]) Mondière, „Monographie de la femme de la Cochinchine“.

[3]) Harmand, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, 1863

[4]) Luro, „Le Pays d'Annam“; Richard, „Revue maritime et coloniale“; Pallu, „Expedition de Cochinchine“; *Thorel*, „*Voyage d'Exploration*“.

[1]) Gaultier de Claubry, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, 3 fasc., 1882.

[2]) Morice, „Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris“, mars et mai 1875.

хинхинѣ, доминиканецъ Діего Адварте, высадился на тонкинскій берегъ въ 1596 году, и правильная миссіонерская дѣятельность началась съ слѣдующаго столѣтія: католицизмъ пріобрѣлъ многочисленныхъ прозелитовъ въ народныхъ массахъ, такъ что около 1650 года миссіонеры насчитывали не менѣе 420.000 христіанъ въ Тонкинѣ [1]); но затѣмъ частыя преслѣдованія, вызвавшія даже вмѣшательство Испаніи и Франціи, заставили большинство обращенныхъ отречься отъ своей вѣры. Во французской Кохинхинѣ слишкомъ 50.000 аннамитовъ практикуютъ обряды католическаго вѣроисповѣданія; въ Тонкинѣ насчитывалось въ 1878 году до 71.000 христіанъ.

Иммиграція китайцевъ, которые группируются въ *банги*, или автономныя «конгрегаціи», способствуетъ изъ году въ годъ численному возрастанію аннамитскаго населенія, ибо между этими пришельцами мало такихъ, которые являлись бы въ сопровожденіи женщинъ; они женятся на туземныхъ дѣвушкахъ, и потомки ихъ, извѣстные подъ именемъ минъ-гюонгъ, въ концѣ-концовъ вступаютъ въ материнскую расу: послѣ четвертаго поколѣнія, черты, полученныя ими отъ китайца, изглаживаются; впрочемъ, правительство причисляетъ всѣхъ дѣтей къ аннамитамъ [1]). Съ

Женщины и старшины аннамитской деревни.

[1]) Retord, „Annales de la Propagation de la Foi", 1856.

[1]) Villard, „Excurions et Reconnaissances", XI, 1882.

перваго взгляда легко отличить китайцевъ, недавно переселившихся въ край, отъ ихъ соплеменниковъ-метисовъ: цвѣтъ кожи у нихъ болѣе желтоватый, лицо болѣе плоское, животъ менѣе вздутый. Вообще, мужчины гораздо болѣе уродливы, чѣмъ женщины, въ смѣшанной расѣ. Большія головы съ выдающимися скулами, худощавые члены, узкая грудь на толстомъ животѣ придаютъ имъ видъ довольно неуклюжій, но женщины отличаются изящнымъ бюстомъ [1]). Франко-аннамитскія помѣси, число которыхъ все болѣе и болѣе увеличивается, хорошо выносятъ тамошній климатъ, какъ и аннамо-китайскіе метисы, или мингъ-гюонги; дѣти, очень миловидныя, имѣютъ немного вздернутый носъ, каштановые волосы и цвѣтъ лица нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у туземцевъ [2]).

Какъ аннамиты оттѣсняютъ моевъ, такъ точно китайцы постепенно дѣлаютъ захваты среди аннамскаго населенія. Внутри страны рѣзкій контрастъ, который представляютъ въ отношеніи климата умѣренное нагорье Юннана и тропическія долины индо-китайскихъ горныхъ цѣпей, затрудняетъ иммиграцію «дѣтей Гана». Вторженіе послѣднихъ происходитъ окольнымъ путемъ, черезъ морское прибрежье; при переходѣ съ береговъ Фокіена и Кюантуна къ берегамъ Аннама и Камбоджи акклиматизація легка, и здѣсь-то и совершается постепенно, шагъ за шагомъ, процессъ китайскаго завоеванія. Смѣшеніе китайцевъ и аннамитовъ черезъ браки, происходящее въ полуденной Кохинхинѣ путемъ мирнаго переселенія, продолжается въ сѣверной части Тонкина воинственными нашествіями. Шайки «Черныхъ флаговъ», овладѣвшія долиной рѣки Сонгъ-кой, на границахъ китайскихъ провинцій Юннана и Куангси, банды «Желтыхъ флаговъ», стерегущія тѣснины «Свѣтлой рѣки», состоятъ преимущественно изъ китайцевъ, которые, безъ сомнѣнія, мало-по-малу затеряются въ массѣ туземнаго населенія, какъ это случилось съ множествомъ другихъ шаекъ, которыя имъ предшествовали. Что касается малайцевъ Кохинхины, которые почти всѣ—кучера и извозчики въ Сайгонѣ, земледѣльцы или лодочники въ окружающихъ провинціяхъ, то они гораздо менѣе смѣшиваются съ аннамитами, такъ какъ большинство изъ нихъ приходятъ въ край со своими семьями; на берегахъ Меконга и озера Тонле-сапъ существуютъ многочисленныя малайскія колоніи, которыя основались тутъ, должно быть, въ глубокой древности, такъ какъ поселяне не имѣютъ никакого преданія о времени ихъ прибытія въ край. Индусскіе иммигранты, извѣстные вообще подъ именемъ малабарцевъ—даже тѣ, которые пришли не съ западнаго берега Индустана—тоже держатся особнякомъ отъ кохинхинскаго населенія. Моплахи представлены нѣсколькими семействами торговцевъ [1]).

По языку, такъ же, какъ и по происхожденію, аннамиты сродни китайцамъ. Ученый діалектъ, которымъ говорятъ еще при дворѣ въ Гуэ, есть чистое мандаринское нарѣчіе, и для всѣхъ оффиціальныхъ документовъ пользуются китайскими письменными знаками; въ резиденціи Сайгонѣ употребляютъ одинаково какъ китайскіе знаки, такъ и произведенные отъ нихъ аннамитскіе. Обыкновенный или общенародный кохинхинскій языкъ, подобно кантонскому нарѣчію и фокіенскому говору, состоитъ изъ односложныхъ словъ, которыя различаютъ одно отъ другаго при помощи особеннаго пѣвучаго тона, измѣняемаго сообразно смыслу каждаго слова; въ аннамскомъ языкѣ существуютъ шесть такихъ интонацій—ровная, протяженная, острая, глухая, легкая и тяжелая [2]). Этотъ идіомъ такъ мало отличается отъ другихъ китайскихъ діалектовъ, что колонисты Срединной имперіи, переселившіеся во французскую Кохинхину, оставляютъ свои областныя нарѣчія и говорятъ на сайгонскомъ языкѣ. Однако, въ аннамитскомъ идіомѣ существуетъ нѣкоторое число словъ, не встрѣчающихся въ китайскомъ словарѣ и принадлежащихъ, какъ полагаютъ, къ языку аборигеновъ, покоренныхъ народомъ гіао-пш. Во французской Кохинхинѣ образовался чудовищный «сабиръ» (смѣшанный жаргонъ), состоящій изъ словъ китайскихъ и аннамитскихъ, французскихъ и провансальскихъ, испанскихъ и португальскихъ, англійскихъ, латинскихъ, малайскихъ, соединенныхъ чисто механически, безъ всякой флексіи, и все болѣе и болѣе распространяется въ портахъ морскаго прибрежья. Алфавитъ, принятый во французскихъ школахъ, разнится отъ латинской азбуки лишь акцентами да нѣкоторыми различительными знаками, указывающими тоны. Аннамитская литература состоитъ, главнымъ образомъ, изъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ.

Политическія и соціальныя учрежденія Аннама сложились по китайскому образцу: простая провинція Срединной имперіи въ теченіе слишкомъ тысячи лѣтъ, а теперь вассальное королевство, признающее надъ собою верховную власть богдыхана, страна эта не переставала тяготѣть и обращать взоры къ сѣверному государству, какъ къ идеалу, походить на который считалось достославнымъ. Изъ Китая она получила свое воспитаніе, свою литературу и театръ, свои религіозные обряды,

[1]) Wernich, „Geographisch-medicinishe Studien“.
[2]) Morice, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, février 1875.

[1]) Gaultier de Claubry, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, 3-e fascicule 1882.
[2]) Maratte, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1832; Lemire, „Cochinchine française et royaume du Cambodge“; Le Grand de la Liraye.

законы, искусства и науки: право гражданства принадлежитъ уже заранѣе китайцамъ, которые приходятъ—въ числѣ, ограниченномъ волею государя—поселиться въ аннамской землѣ; въ нихъ видятъ старшихъ братьевъ, которые приходятъ сѣсть за столъ младшихъ братьевъ [1]); ихъ называютъ «господами», и они дѣйствительно держатъ себя въ отношеніи туземцевъ какъ господа: самый мелкій китайскій торгашъ гордо проходитъ передъ самымъ сановнымъ мандариномъ [2]). Аннамитскій глава семейства имѣетъ ту же роль, какъ и китайскій отецъ: политическій и религіозный глава всѣхъ своихъ семействъ, онъ является верховнымъ судьей и вершителемъ всѣхъ споровъ, возникающихъ между родственниками, и представитель судебной власти вмѣшивается только за тѣмъ, чтобы оказать ему свое содѣйствіе [3]). Аннамиты пытаются также подражать китайцамъ въ обрядностяхъ брака, хотя нравы обезпечиваютъ женщинѣ гораздо большую свободу, чѣмъ въ Срединной имперіи: ноги у нея не уродуются, какъ у китаянокъ, и нигдѣ ее не держатъ затворницей въ женскомъ теремѣ [4]). Всѣ жители «Умиротвореннаго юга» считаются равными передъ закономъ, какъ и обитатели «Цвѣтущаго царства», и всѣмъ равно открытъ доступъ къ должностямъ государственной службы: по закону, одна только заслуга, подъ гарантіей публичныхъ экзаменовъ, даетъ право на поступленіе въ сословіе мандариновъ. Литературныя испытанія организованы по тому же образцу: какъ въ той, такъ и въ другой странѣ кандидаты помѣщаются въ отдѣльную ложу для составленія на заданную тему записки, которая должна обезпечить побѣдителямъ, вмѣстѣ съ степенью въ родѣ баккалавра, извѣстныя изъятія, привилегіи и право вступленія на службу въ присутственныя мѣста. Подобныя же, болѣе трудныя испытанія доставляютъ счастливымъ конкуррентамъ степень лиценціата, затѣмъ степень доктора. Послѣдній экзаменъ производится при королевскомъ дворѣ и даетъ избраннымъ важныя мѣста въ администраціи государства; но хотя «правило высшаго образованія», въ силу котораго назначаются мандарины, состоитъ въ томъ, чтобы «обновлять людей и приводить ихъ къ совершенству», сословіе аннамитскихъ чиновниковъ не менѣе испорчено, чѣмъ китайское чиновничество. Не неся никакой отвѣтственности передъ народомъ и имѣя надобность искать только благоволенія повелителя, мандарины заботятся только о томъ, чтобы заручиться милостью «отца и матери десяти тысячъ народовъ», «августѣйшаго и святаго» императора. «Сына неба», и тѣмъ самымъ имъ обезпечены всѣ права, законныя и незаконныя. За исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій, касающихся подробностей, правительство и администрація воспроизводятъ образецъ, представляемый «Великою и чистою имперіей», т. е. Китаемъ. Различныя отрасли государственнаго управленія распредѣлены между министерствами такимъ же образомъ, какъ и въ Китаѣ; мандарины имѣютъ подобныя же функціи, какъ и китайскіе сановники; аннамитскій сводъ законовъ воспроизводитъ почти всѣ постановленія китайскаго кодекса. Общины, или *лангъ*, происхожденіе которыхъ сходно съ происхожденіемъ китайской общины, пользуются, подобно послѣдней, самоуправленіемъ; онѣ управляются совѣтомъ нотаблей, свободны отъ всякой опеки центральной власти, имѣютъ собственную полицію и сами собираютъ налоги, за исправный взносъ которыхъ отвѣтствуютъ всѣ семейства, связанныя круговою порукой. Въ мѣстахъ колонизаціи, новыя группы возникаютъ путемъ частной инициативы; общинники, получившіе въ пользованіе земли, съ обязательствомъ уплачивать налогъ, дѣлятъ между собой почву участками, обращающимися въ личную собственность, совокупность которыхъ составляетъ общину [1]); но муниципальные избиратели, пользующіеся правомъ голоса на выборахъ, начиная съ семнадцатилѣтняго возраста, состоятъ лишь изъ «внесенныхъ въ списки», т. е. изъ владѣльцевъ «очага» или «дыма». Аннамиты очень ревниво охраняютъ это право гражданства; торговые люди иностраннаго происхожденія вносятся въ списки избирателей только въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи.

Китайскому вліянію противодѣйствуетъ теперь другое, вліяніе Франціи, подготовленное въ прошломъ столѣтіи епископомъ Адраномъ и офицерами, построившими цитадели для императора Гіалонга. Владѣя съ 1862 года частью южной Кохинхины, французы удвоили пять лѣтъ спустя пространство этого владѣнія, и, уже будучи «протекторами» короля Камбоджи, они заключили въ 1874 году политическій и торговый трактатъ съ королемъ аннамскимъ, обезпечивавшій имъ большія выгоды. Признавая за этимъ государемъ его «полную независимость въ отношеніи всякой иностранной державы», они обѣщали ему свою поддержку противъ всякаго нападенія; съ своей стороны, король аннамскій обязывался «согласовать свою внѣшнюю политику съ политикою Франціи». Въ то же время онъ открывалъ три морскіе порта королевства иностранной торговлѣ и позволялъ европейскимъ судамъ подни-

[1]) Le Grand de la Liraye, „Notes historiques sur la nation annamite“.
[2]) Dutreuil de Rhins, „Le royaume d'Annam et les Annamites“.
[3]) Villard, „Excursions et Reconnaissances“, XI, 1882.
[4]) Tran-Nuang-Hanh, Annales des l'Extrême Orient“, iuin 1882.

[1]) Landes, „Excursions et Reconnaissances“, V, 1880; Villard, цитированный мемуаръ.

маться по Красной рѣкѣ до границъ Юннана. До сихъ поръ «Черные флаги», «Желтые флаги» и «Пятицвѣтные флаги», утвердившіеся на верховьяхъ этой рѣки, препятствовали судоходству, и движеніе торговаго обмѣна не переходило за черту портовъ морскаго прибрежья. Съ другой стороны, сношенія короля аннамскаго съ китайскимъ императоромъ продолжали сохранять характеръ отношеній вассала къ своему сюзерену. Франція могла дать силу заключенному ею трактату лишь посылкою флотиліи канонирокъ и высадкою войскъ на аннамскій берегъ. Слѣдовательно, было бы совершенно не точно говорить объ Аннамѣ, какъ о французскомъ владѣніи; эта страна могла бы принадлежать Франціи не иначе, какъ по «праву завоеванія»; достигнуть этого, впрочемъ, было бы нетрудно, судя по состоянію аннамитскихъ сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, и по различнымъ экспедиціямъ [1]), во время которыхъ случалось, что нѣсколько сотъ человѣкъ легко овладѣвали тонкинскою дельтой, благодаря политическимъ раздорамъ, старательно поддерживаемымъ китайцами, и дурной администраціи мандариновъ [2]).

Аннамская армія, по Буйльво, состояла изъ 80 полковъ, общей численностью около 40.000 человѣкъ. Флотъ въ 1878 году, по Дютрейль-дю-Рену, состоялъ изъ 4 пароходовъ, данныхъ Франціей, 7 парусныхъ корветовъ и 300 джонокъ, при 16.000 человѣкъ экипажа и 1.400 пушкахъ. Численность войска въ Аннамѣ и Токинѣ въ 1893 г.: 22.875 европейцевъ и 18.330 туземцевъ. Но какъ ни легко могло бы быть завоеваніе страны, которая не защищается, Франція не должна терять изъ виду, что между нею и ея колоніальнымъ владѣніемъ въ Индо-Китаѣ прямая дорога не принадлежитъ ей. Если вспыхнетъ морская война, то сообщенія будутъ прерваны между Марселью и французскими торговыми конторами Аннама, какъ они были бы прерваны также для Испаніи и для Голландіи, между Кадиксомъ и Манильей, между Амстердамомъ и Батавіей.

Хотя французы имѣютъ привычку говорить о Кохинхинѣ какъ о своей «колоніи», но въ дѣйствительности эта страна, какъ и англійская Индія, есть не болѣе, какъ завоеванная земля. Число европейцевъ, живущихъ въ Сайгонѣ и на нижнемъ Меконгѣ, не достигаетъ даже тысячи человѣкъ; французскихъ гражданъ насчитывается около 3.000 только благодаря присоединенію къ нимъ «ассимилированныхъ» (сравненныхъ въ правахъ) туземцевъ.

Населеніе французской Кохинхины, по расамъ, 31 дек. 1889 г. (1.874.689 душъ) распредѣлялось такъ:

Аннамитовъ—1.660.691; камбоджійцевъ—136.910; китайцевъ — 56.988; малайцевъ — 3.152; европейцевъ—2.418 (въ томъ числѣ 2.235 французовъ); остальные — индусы, тагалы и пр.

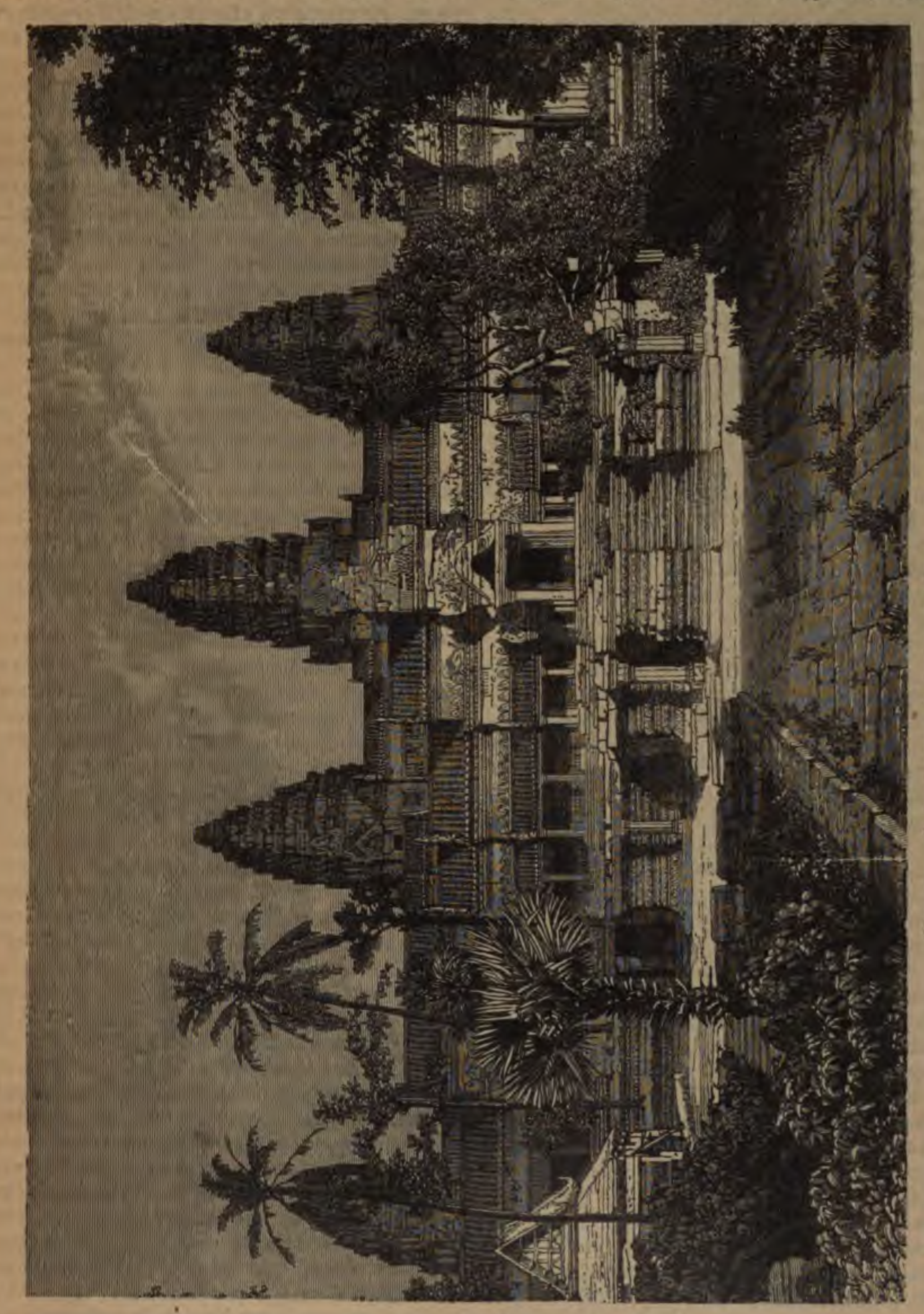
Между иностранцами, пришедшими изъ Европы, французы составляютъ большинство; почти всѣ они чиновники или священники и пріѣзжаютъ въ Индо-Китай лишь на нѣсколько лѣтъ, посылаемые одни французскимъ правительствомъ, другіе—коллегіей Пропаганды. Ни одинъ французъ не занимается культурой почвы, развѣ только въ качествѣ высшаго руководителя на большихъ плантаціяхъ, а торговля находится почти всецѣло въ рукахъ китайцевъ. Такъ же, какъ въ портахъ Китая и Японіи, открытыхъ иностранной торговлѣ, желтолицые «Сыны Гана» служатъ посредниками во всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ. Когда европейскій негоціантъ въ Сайгонѣ получитъ приказъ о покупкѣ товара, онъ отправляется на шолонскую биржу, чтобы адресоваться къ китайскимъ покупщикамъ, безъ посредства которыхъ ни одинъ туземецъ не согласился бы продать своихъ произведеній. И даже между этими европейскими купцами французы составляютъ меньшинство: наибольшая часть торговаго обмѣна французской Кохинхины производится посредствомъ англійскихъ судовъ.

Вассальный народъ долженъ былъ приспособиться къ новымъ законамъ, вступить въ новую политическую организацію, гдѣ французскія учрежденія смѣшались съ учрежденіями китайскаго мандаринства. Тѣмъ не менѣе, начало политической ассимиляціи сдѣлано, такъ какъ тѣ изъ аннамитовъ, которые отказываются отъ своего «личнаго устава», чтобы совершенно перейти подъ управленіе французскихъ законовъ, зачисляются въ разрядъ гражданъ, какъ политическіе избиратели; многія общины, между прочимъ, и городское общество столицы, избираютъ изъ своей среды, посредствомъ всеобщаго и прямаго голосованія, муниципальный совѣтъ, гдѣ, впрочемъ, численное большинство всегда принадлежитъ французамъ, природнымъ или натурализованнымъ. Префекты и су-префекты назначаются властью, а начальники кантоновъ «утверждаются» ею въ должности. Съ 1880 года французскій уголовный кодексъ примѣняется, съ нѣкоторыми измѣненіями, ко всѣмъ туземцамъ. Аннамитскіе батальоны помогаютъ защитѣ колоніи, и волонтеры являются въ большомъ числѣ для несенія военной службы. Наибольшая часть бюджета идетъ на покрытіе расходовъ управленія; менѣе значительная часть употребляется на постройку дорогъ, мостовъ, каналовъ, на устройство телеграфовъ, равно какъ на основаніе и содержаніе школъ. Доходовъ французской Кохинхины не хватаетъ на оплату издержекъ оккупаціи, и излишекъ расходовъ можно счи-

[1]) Jean Dupuis, „Ouverture du Fleuve Rouge au commerce; les événements du Tonkin".

[2]) Тонкинъ съ 1883 г. составляетъ французское владѣніе. Ред.

тать, круглымъ числомъ, около 10.000.000 въ годъ. Установленіемъ монополій на опіумъ, рисовую водку и игры, французское правительство раздѣляетъ съ англичанами отвѣтственность въ отношеніи населеній крайняго Востока.


Главный фасадъ Ангкоръ-Ватскаго храма.

Бюджетъ французской Кохинхины въ 1882 г.:

Колоніальный бюджетъ—4.990.000 франк.; мѣстные бюджеты—16.868.000 франк.; итого—21.858.000 франк.

Главные источники дохода:

Игры и опіумъ—4.280.000 франк.; солеварни—3.428.000 франк.; налоги на деревни—2.273.800 франк.; налоги на иностран. азіатцевъ—1.005.400 франк.

Главные расходы:

Управленіе военное и гражданское — 10.000.000 франк.; публичныя работы — 3.400.000 франк. Бюджетъ 1896 г.: 33.750.000 франк.

Въ бармансекомъ и сіамскомъ Лаосѣ такъ называемые «города» по верхнему теченію Меконга, основанные среди дикихъ или полуцивилизованныхъ населеній, суть не болѣе, какъ торжки, гдѣ нѣсколько хижинъ окружаютъ домъ губернатора и пагоду съ расположенными одна надъ другой соломенными крышами, съ рѣзными колоннами изъ тековаго дерева. Вблизи китайской границы, Ксіенгъ-Гонгъ (по Гарнье, *ксіенгъ*, въ сѣверномъ Лаосѣ, и *мюонгъ*, въ южномъ, означаютъ «главное мѣсто»), стоящій на правомъ берегу рѣки, выше разрушеннаго города, есть одно изъ тѣхъ торговыхъ мѣстечекъ, гдѣ постоянное пребываніе имѣетъ лишь небольшое число жителей; въ 1867 году, во время прохода французской экспедиціи, двѣнадцать провинцій, составляющихъ королевство Ксіенгъ-Гонгъ, были въ одно и то же время данниками Барманіи и Китая. Королевство Ксіенгъ-Гонгъ, болѣе обширное, которое занимаетъ на западѣ часть гористой области, образующей водораздѣльную возвышенность между Меконгомъ и Салуэномъ, платило дань одной лишь Барманіи. Столица этого государства, посѣщенная, въ 1837 году, Макъ-Леодомъ и тридцать лѣтъ спустя Торелемъ и Лагре, представляетъ значительный городъ. Общее протяженіе городской ограды, заключающей внутри нѣсколько холмовъ, около 12 километровъ; четверть этого пространства занята жилищами, и слишкомъ двадцать пагодъ съ позолоченными крышами господствуютъ надъ другими зданіями, построенными изъ дерева, битой глины, плетенаго бамбука [1]). Мюонгъ-Іонгъ, бывшая столица, лежащая ближе къ Меконгу, заключаетъ въ своей оградѣ почти однѣ только руины. То же самое нужно сказать о Ксіенгъ-Сенѣ и Ксіенгъ-Гаѣ, въ сіамскомъ Лаосѣ; эти два города, разрушенные въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія, представляютъ теперь лишь груды развалинъ и мусора; кое-гдѣ, среди дикой травы, виднѣются еще статуи Будды.

Люангъ-Прабангъ, дома и пагоды котораго окаймляютъ восточный берегъ Меконга, близъ одного изъ большихъ колѣнъ этой рѣки, ниже соединенія ея съ притокомъ Намъ-Гу и вмѣстѣ сліянія съ рѣкой Намъ-Канъ, есть главное городское поселеніе Лаоса; городъ съ его предмѣстьями продолжается километровъ на десять, и его рынки, куда являются туземцы изъ всей центральной области Индо-Китая, очень оживленны и многолюдны; сотни судовъ стоятъ привязанныя у подошвы высокаго берега. Дворецъ перваго короля—въ Люангъ-Прабангѣ два государя, какъ и въ Сіамскомъ королевствѣ—самъ по себѣ составляетъ цѣлый городъ, съ особенною оградой, сообщающійся посредствомъ лѣстницы въ нѣсколько сотъ ступенекъ съ пагодой, которая вѣнчаетъ своею пирамидой вершину высокаго холма. Изъ всѣхъ королевствъ Лаоса, государство Люангъ-Прабангъ, бывшая имперія Ланъ-Гіанъ, есть самое могущественное, и вассальная зависимость его, въ отношеніи банкокскаго сюзерена, наименѣе тягостна. До возмущенія магометанъ въ Юннанѣ, это королевство было данникомъ Китая, такъ же, какъ и сіамскаго монарха. Въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ Люангъ-Прабанга скончался, въ 1861 году, изслѣдователь тѣхъ странъ Муготъ; шесть лѣтъ спустя, члены французской экспедиціи поставили ему надгробный памятникъ.

Городъ Ксіенгъ-Кангъ стоитъ близъ большаго изгиба, который дѣлаетъ Меконгъ въ восточномъ направленіи, чтобы описать затѣмъ свою кривую, параллельно морскому берегу Аннама; онъ находится у выхода долины, черезъ которую легко добраться до одного изъ главныхъ восточныхъ притоковъ Менама; въ Ксіенгъ-Кангѣ будетъ, вѣроятно, оканчиваться современемъ прямая грунтовая дорога или желѣзный путь, которые сдѣлаютъ Банкокъ портомъ верхняго Меконга. Слѣдовательно, какъ стратегическій и торговый пунктъ, этотъ городъ имѣетъ очень важное значеніе; онъ находился прежде на лѣвомъ берегу рѣки, но сіамское правительство, желая, чтобы, въ случаѣ возмущенія, лаонцы не могли взять рѣку за линію обороны, принудило жителей переселиться на правый берегъ: отсюда и имя Мюонгъ-Май, или «Новое главное мѣсто», которое даютъ часто этому городу. Ниже по теченію рѣки, всѣ другіе *мюонги* сіамской территоріи тоже должны были выстроиться на берегу, всего болѣе доступномъ банкокскимъ арміямъ. Вьенъ-Шанъ, на языкѣ пали Чандапури, или «Городъ луны», нѣкогда метрополія южнаго Лаоса, есть одинъ изъ этихъ городовъ, которые правительство велѣло разрушить, какъ стоящіе на запретномъ берегу; теперь тамъ видны только остатки королевскаго дворца да кое-какіе фрагменты знаменитой пагоды, откуда извлекли на свѣтъ божій нефритовую статую Будды, составляющую нынѣ предметъ поклоненія въ одномъ святилищѣ Банкока. Въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія «Городъ луны» былъ посѣщенъ въ первый разъ европейцами. Голландецъ Ванъ-Вустгофъ пріѣзжалъ туда посломъ для заключенія союза и разсказывалъ чудеса про націю и государя, которые приняли его съ почетомъ [1]). Вьенъ-Шанъ былъ замѣненъ, какъ главное мѣсто, городомъ Нонгъ-Кай, лежащимъ

[1]) Thorel, „Voyage d'exploration en Indo Chine“.

[1]) Yule; Fr. Garnier; L. de Carné.

километрахъ въ сорока ниже по теченію. Это самый большой прибрежный городъ на Меконгѣ между Люангъ-Прабангомъ и Пномъ-пеньхомъ, и торговля его настолько значительна, что китайцы и пегуанцы имѣютъ тамъ особенные кварталы; они привозятъ англійскіе и китайскіе товары, которые обмѣниваютъ на хлопокъ, шелкъ, табакъ, индиго, свинецъ, золотой песокъ, соль, добываемую изъ сосѣднихъ болотъ, воскъ, слоновую кость, росной ладанъ, корицу, отправляемые дикарями земли Пуонъ, близъ границы Тонкина.

Лахонъ, менѣе населенный, чѣмъ Нонгъ-Кай, имѣлъ нѣкогда значительную важность, которую онъ, по всей вѣроятности, рано или поздно снова пріобрѣтетъ, такъ какъ онъ находится въ томъ мѣстѣ Меконга, гдѣ эта рѣка всего ближе подходитъ къ Китайскому морю; разстояніе между ними всего только около 200 километровъ, и раздѣльные пороги не очень высоки. Путешественникъ Гарманъ уже изслѣдовалъ эту область [1]), гдѣ не малое число аннамитскихъ выходцевъ, пользуясь незначительною шириной гористыхъ округовъ, поселились вдали отъ своихъ мандариновъ. Лахонъ не имѣетъ другихъ промысловъ, кромѣ добыванія и обжиганія извести, доставляемой горами, которыя возвышаются надъ противоположнымъ берегомъ, и въ которыхъ вырыты печи, почти такого же устройства, какъ печи этого рода, какія дѣлаютъ во Франціи [2]). Ниже по теченію слѣдуютъ одинъ за другимъ городки: Пномъ, прославившійся своей пагодой, Банъ-Мукъ, Кемаратъ, Пакмунъ; этотъ послѣдній стоитъ при сліяніи рѣки Мунъ или Се-Мунъ, ниже самыхъ опасныхъ пороговъ Меконга. Бассейнъ Муна не преминетъ сдѣлаться первоклассною торговою областью, благодаря дорогѣ, которую онъ открываетъ къ Банкоку, а также благодаря плодородію его равнинъ и минеральнымъ богатствамъ его горъ. Коратъ, главный этапъ между Банкокомъ и Меконгомъ, имѣетъ видъ настоящаго города; въ немъ есть отдѣльный китайскій кварталъ, населенный нѣсколькими сотнями негоціантовъ, которые снабжаютъ своими товарами весь сѣверъ Индо-Китая. Хмеры распространили свое владычество даже въ эту область Лаоса, ибо въ сосѣдствѣ найдены остатки буддійскаго храма, представляющаго тотъ же архитектурный стиль и тѣ же орнаменты, какъ и храмъ Ангкоръ, близъ Большаго Озера [3]). За «королевствомъ» Коратъ, ниже сліянія рѣки Си, проходящей мимо Шаяпуна и его развалинъ, слѣдуетъ на востокѣ, въ томъ же бассейнѣ Мунъ, «королевство» или, лучше сказать, сіамская провинція Убонъ. Важнѣйшій предметъ торговли главнаго города этой провинціи составляетъ соль, добываемая въ сосѣднихъ равнинахъ. Поселяне попеременно собираютъ то рисъ, то соль на одномъ и томъ же участкѣ земли. Дожди растворяютъ кристаллы соли, увлекаютъ соляныя частицы въ нижніе слои и тѣмъ дѣлаютъ возможною культуру риса на освобожденной отъ соли почвѣ; но тотчасъ же послѣ жатвы земля сильно высыхаетъ отъ дѣйствія жаровъ, и соль снова поднимается на поверхность, гдѣ и отлагается въ видѣ бѣлой пыли или налета; тогда достаточно вымести почву, промыть пыль, чтобы растворить соль и выпарить разсолъ [1]).

Бассакъ, Хонгъ, Стунгъ-Тренгъ, довольно важные торговые города, гдѣ обмѣниваются произведенія долины Аттопе и Боловенскаго нагорья, находятся еще въ предѣлахъ Сіамскаго королевства, отдѣленные отъ Камбоджи кордономъ таможенъ; оттого движеніе торговаго обмѣна, которое естественно должно бы было слѣдовать по главной рѣкѣ, отклоняется въ большей части къ западу черезъ поперечный, пересѣкающій эту рѣку, бассейнъ ея притока Се-Мунъ. Если бы можно было свободно пользоваться торговою дорогой, которую представляетъ Меконгъ до Хонскихъ пороговъ, то городъ Пномъ-пеньхъ, или городъ на «Четырехъ Рукавахъ» (Quatre-Bras), какъ его называютъ французы, сдѣлался бы первоклассным складочнымъ мѣстомъ товаровъ. Выбранный столицей королевства Камбоджи, по причинѣ его превосходнаго стратегическаго положенія при пересѣченіи четырехъ рѣчныхъ путей, Пномъ-пеньхъ, или «Гора изобилія» (Паномпингъ, Каломпе) или Намвамъ, «Пяти золотыхъ устьевъ», занимаетъ одно изъ тѣхъ счастливыхъ мѣстоположеній, гдѣ города должны естественно возникать и возрождаться послѣ постигшаго ихъ бѣдствія или разгрома. Когда Пномъ-пеньхъ былъ преданъ пламени сіамцами, онъ имѣлъ, говорятъ, 50.000 жителей; послѣ этой катастрофы онъ быстро возродился изъ пепла и снова занялъ первое мѣсто, по цифрѣ населенія, между Банкокомъ на западѣ и Сайгономъ на востокѣ. Окрестныя равнины усѣяны многочисленными деревнями, и теченіе рѣчнаго рукава, направляющееся къ Большому Озеру, окаймлено домами и садами вплоть до большаго села Кампонгъ-Ленгъ, лежащаго километрахъ въ шестидесяти къ сѣверу, на восточномъ берегу рѣки. До Пномъ-пеньха столицей Камбоджи былъ городъ Удонгъ, или «Побѣдоносный», построенный въ небольшомъ разстояніи къ сѣверо-западу, на одномъ изъ притоковъ Меконга; онъ былъ покинутъ, какъ очень

[1]) „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", janvier 1879.

[2]) L. de Garné, „Exploration du Mekong", „Revue des Deux Mondes" 15 juillet 1869.

[3]) Mouhot, „Travels in the Central Parts of Indo-China".

[1]) De Lagrée, „Voyage d'exploration en Indo-Chine"; L. de Carné, „Exploration du Mekong".

трудно доступный французскимъ канонеркамъ; король, опасаясь возстанія своего народа, хотѣлъ быть подъ непосредственною защитой иностранныхъ солдатъ [1]). Въ Камбоджѣ, какъ и въ Сіамѣ, королевскія резиденціи часто были перемѣщаемы. Пномъ-пеньхъ уже второй разъ столицей государства. Три города Удонгъ послѣдовательно смѣнились въ сосѣдствѣ одинъ другаго. На сѣверѣ, городъ Ловекъ, который тоже былъ столицей и который человѣческія жертвоприношенія, говоритъ легенда, сдѣлали неодолимымъ, прекратилъ свое существованіе, но и теперь еще видны остатки тройнаго ряда его стѣнъ [2]). Какъ эти, такъ и другіе разрушенные города, находящіеся въ недалекомъ разстояніи отъ вершины дельты, свидѣтельствуютъ о важности, которую имѣла эта область во всѣ времена для торговаго обмѣна, и о войнахъ, которыя здѣсь велись изъ-за обладанія богатыми рынками края. Нѣсколько земледѣльческихъ колоній шамовъ и малайцевъ-магометанъ, происходящихъ отъ плѣнниковъ, разсѣяны въ разныхъ частяхъ страны; христіане, многочисленные среди мѣстнаго населенія, приписываютъ себѣ, по большей части, португальское происхожденіе. Между ними выбираются королевскіе тѣлохранители.

Естественный центръ королевства Камбоджи въ нынѣшнихъ его, незначительныхъ противъ прежняго времени, размѣрахъ составляетъ область Четырехъ Рукавовъ; но когда хмерское государство заключало въ себѣ, вмѣстѣ съ другими провинціями, всю поперечную низменность, соединяющую двѣ рѣки, Менамъ и Меконгъ, посредствомъ бассейна озера Тонлесапъ, естественная средина страны находилась на берегу озера и въ мѣстностяхъ, простирающихся на западъ къ Баттамбангу. Близъ этого внутренняго моря стоялъ городъ Индра, прославленный преданіями и напоминаемый многочисленными руинами, разсѣянными въ лѣсахъ. Тамъ же, близъ нынѣшняго города Сіемърсапъ, находятся замѣчательнѣйшія развалины Камбоджи и всего Индо-Китая, ангкорскіе храмы и дворцы. Эти знаменитые памятники, слава хмерской архитектуры, были уже извѣстны католическимъ миссіонерамъ въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, и съ той эпохи они никогда не были совершенно забыты. Миссіонеръ Буйльво видѣлъ ихъ въ 1850 году, но вниманіе къ нимъ западнаго міра было серьезно возбуждено лишь послѣ путешествія Мугота въ 1861 году; нѣсколько лѣтъ позднѣе ангкорскія руины были долго изслѣдуемы путешественникомъ де-Лагре и его товарищами, и съ тѣхъ поръ многіе другіе путешественники ѣздили изучать эти чудные остатки старины, которыхъ надписи и статуи раскроютъ современемъ

[1]) Fr. Garnier, „Voyage d'Exploration en Indo-Chine".
[2]) Adolf Bastian, „Reise durch Kambodja nach Cochinchina".

страницу за страницей всю исторію Камбоджи. Потомки строителей забыли имена зодчихъ: они говорятъ, что «ангелы» или «гиганты» воздвигли эти стѣны и эти башни; другіе туземцы утверждаютъ, что эти удивительныя зданія «сами собою явились на свѣтъ [1]). Низведенные опять почти въ первобытное дикое состояніе подъ тяготѣющимъ надъ ними продолжительнымъ гнетомъ, который освящается этими великолѣпными храмами, символами слѣпой вѣры и безусловнаго повиновенія, камбоджійцы совершенно утратили художественное преданіе, и европейцы не могутъ достаточно надивиться при видѣ такихъ грандіозныхъ зданій въ мѣстности, гдѣ и не ожидаешь найти ничего, кромѣ деревянныхъ хижинъ и шалашей изъ пальмовыхъ листьевъ [2]).

Ангкорскіе памятники, которые частью восходятъ къ десятому столѣтію и постройка которыхъ была, повидимому, вдругъ прервана въ четырнадцатомъ вѣкѣ, представляютъ собою особенную фазу буддійской религіи, относящуюся къ той эпохѣ, когда, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Индіи и Цейлона, мифы о Брамѣ, Сивѣ, Вишну, Рамѣ смѣшивались съ миѳами «Великаго Ученія»: между статуями и барельефами, украшающими ангкорскіе памятники, есть много изваяній, изображающихъ Браму съ «четырьмя головами», тримурти, лица и сцены изъ индусскихъ эпопей; встрѣчаются тамъ и слѣды культа змѣй: нага о семи головахъ составляетъ одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ мотивовъ тогдашняго религіознаго искусства [3]). Надписи храмовъ долгое время оставались непрочитанными; но, по счастью, многіе изъ этихъ эпиграфическихъ памятниковъ написаны на двухъ языкахъ: санскритъ, священный языкъ, былъ употребляемъ строителями на-ряду съ вульгарнымъ идіомомъ. Благодаря этому обстоятельству, Кернъ въ Европѣ и Эймонье въ Камбоджѣ успѣли перевести различныя надписи, которыя констатируютъ вліяніе индійской цивилизаціи въ эту эпоху исторіи хмерскаго народа; самый древній изъ этихъ письменныхъ памятниковъ относится къ 667 году христіанскаго лѣтосчисленія [4]). Смѣшанныя традиціи индусской архитектуры также встрѣчаются въ храмахъ Камбоджи; но они слились тамъ въ гармоническое цѣлое: хмерское искусство, которое можно оцѣнить во Франціи по фрагментамъ, хранящимся въ музеѣ Делапорта, въ Компьенѣ, имѣетъ отнынѣ свое мѣсто между стилями, создавшими значительныя произведенія. Широкія подъѣздныя

[1]) Mouchot, цитированное сочиненіе.
[2]) De Lagrée, Bastian; Delaporte; Aymonier; De Croizier; Bartet, etc.
[3]) Becker, „Der Schlangenmythus", „Kosmos", III, Juni 1879.
[4]) „Journal officiel de la République française", 14 août 1882.

аллеи, обставленныя по сторонамъ гигантами или фантастическими животными, лѣстницы, охраняемыя львами, террасы и галлереи, населенныя статуями, перестили, поддерживаемые узорчатыми столбами, стрѣльчатые своды, многоэтажныя пирамиды, сплошь убранныя скульптурными работами, расположенными въ формѣ вѣера, слѣдуютъ другъ за другомъ на необозримое пространство: простая дверь, колонна возбуждаютъ удивленіе тонкой отдѣлкой деталей, оригинальностью арабесокъ, и, между тѣмъ, общее расположеніе цѣлаго отличается изумительной простотой; нигдѣ богатство орнаментаціи не переходитъ въ хаотическую путаницу, какъ это мы видимъ во многихъ памятникахъ Передней Индіи. Дикія травы, гирлянды ліанъ, даже цѣлые лѣса, которые овладѣли зданіями, пробиваясь между плитами и ступеньками, или обвиваясь вокругъ колоннъ и статуй, или обхватывая вѣтвями башни, еще болѣе увеличиваютъ красоту и живописность этихъ пустынныхъ храмовъ. Когда входишь по аллеѣ гигантовъ въ ограду собственно города, Ангкора Великаго, и когда увидишь башни, поднимающіяся надъ высокими городскими стѣнами и ихъ тріумфальными воротами, невольно проникаешься уваженіемъ къ хмерскому народу былыхъ временъ и надеждой на будущность его потомковъ.

Другія руины храмовъ, крѣпостей, городовъ встрѣчаются въ тысячѣ мѣстахъ въ области холмовъ, которая наполняетъ треугольное пространство, заключающееся между Меконгомъ и восточнымъ берегомъ Большаго Озера: тамъ каждое «высокое мѣсто» имѣло на вершинѣ свой храмъ, и изслѣдователи Делапортъ, Раттъ, Эймонье видѣли великолѣпные остатки этихъ религіозныхъ зданій. Въ мѣстности, лежащей къ югу отъ озера, открыты другіе остатки старины, принадлежащіе болѣе древней цивилизаціи, различные предметы каменнаго вѣка, глиняныя издѣлія, стрѣлы, орудія изъ металла, смѣшанные съ костями людей и животныхъ [1]). Постепенное обсыханіе страны есть, вѣроятно, главная причина постепеннаго обезлюдненія тѣхъ мѣстъ: воды удалились отъ Ангкора и сосѣднихъ городовъ, морской заливъ превратился въ озеро, а теперь мало-по-малу превращается въ болото [2]). Теперешнія группы жилищъ состоятъ изъ кучекъ хижинъ и озерныхъ городковъ, воздвигнутыхъ на бамбуковыхъ платформахъ и защищенныхъ отъ злыхъ духовъ солнечнымъ зонтикомъ, украшеннымъ цвѣтами и кокосовымъ орѣхомъ [3]).

Ниже Четырехъ Рукавовъ, нѣсколько торговыхъ городовъ или, вѣрнѣе сказать, нѣсколько собраній деревень, слѣдуютъ одно за другимъ по Задней рѣкѣ. Изъ этихъ поселеній, Шаудокъ, во французской Кохинхинѣ, имѣетъ ту выгоду, что находится въ прямомъ сообщеніи съ Сіамскимъ моремъ посредствомъ судоходнаго канала, который проведенъ до Гатіена, окруженнаго перечными плантаціями; но этотъ каналъ, прорытіе котораго стоило жизни огромному числу рабочихъ, можетъ служить лишь баркамъ незначительнаго водоуглубленія, и самый портъ, передъ которымъ аннамиты затопили, около половины текущаго столѣтія, громадныя каменныя глыбы, чтобы запереть проходъ сіамскому флоту [1]), доступенъ судамъ только въ часы прилива. Кампотъ, лежащій на сѣверо-западѣ, на камбоджской территоріи, имѣетъ болѣе глубокую гавань, и мѣсто якорной стоянки тамъ лучше защищено отъ вѣтровъ; оттого этотъ портъ съ незапамятныхъ временъ посѣщается китайскими и малайскими мореплавателями; тамъ оканчивается кратчайшій путь изъ Удонга и Пномъ-пеньха къ Сіамскому заливу. Ниже Шаудока, близъ Лонгъ-Ксюена, естественный потокъ или рукавъ открываетъ другую дорогу къ западному морю, но, какъ и шаудокскій каналъ, онъ доступенъ только мелкимъ судамъ туземцевъ.

Передняя рѣка проходитъ передъ городомъ Садекъ, затѣмъ, въ сосѣдствѣ Винь-Лонга, складочнаго торговаго пункта и укрѣпленнаго мѣста, она развѣтвляется на два рукава, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на другіе рукава, образуя второстепенную дельту. Мито, на сѣверномъ рукавѣ, есть главный городъ этой дельты; положеніе его представляетъ двойную выгоду, такъ какъ онъ стоитъ на берегу большой рѣки и сообщается съ Сайгономъ и дельтой Донная посредствомъ *рачъ*, или судоходнаго рукава, называемаго почтовымъ *арройо*; здѣсь производится торговый обмѣнъ между Сайгономъ и Меконгомъ; это рѣчной портъ главнаго города французской Кохинхины, съ которымъ онъ соединенъ желѣзной дорогой. Какъ большинство торговыхъ городовъ Востока, Мито состоитъ изъ двухъ частей—изъ квартала цитадели, вокругъ которой расположены дома европейцевъ, и изъ квартала туземцевъ и китайцевъ, передъ которымъ стоятъ на якорѣ джонки.

Сайгонъ, столица французскихъ владѣній и главный городъ Индо-Китая между Банкокомъ и Ганоемъ, лежитъ не на рукавѣ Меконга, но, благодаря глубинѣ его фарватера, онъ сдѣлался портомъ этой рѣки: какъ Рангунъ и даже Калькутта, онъ соединенъ съ потокомъ долины, для которой онъ служитъ средоточіемъ торговли, лишь боковыми вѣтвями второстепенной дельты. Сайгонъ, называемый аннамитами Гіадинь, перешелъ во французское владѣніе въ 1859 году, и съ этой эпохи онъ при-

[1]) Moura; Noulet, etc.
[2]) Boulangier, „Excursions et Reconnaissances“, IX, 1881.
[3]) Buchard, тотъ же сборникъ.

[1]) Boulangier, „Excursions et Reconnaissances“, IX, 1881.

нялъ въ нѣкоторыхъ кварталахъ, особенно вокругъ красиваго губернаторскаго дворца, почти европейскую физіономію: плато, господствовавшее надъ городомъ на сѣверной сторонѣ, было частью срыто; болота, окаймлявшія рѣчные рукава, были засыпаны, каналы урегулированы и углублены; лабиринтъ улицъ былъ замѣненъ шахматной доской широкихъ аллей или проспектовъ, пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ; деревья и сады оживляютъ городъ своею зеленью. Центръ французскаго могущества на крайнемъ Востокѣ, Сайгонъ имѣетъ обширный арсеналъ, гдѣ работаютъ нѣсколько сотъ аннамитовъ, и цитадель, которую построили французскіе офицеры въ 1799 году для аннамскаго короля Гіалонга, была значительно увеличена. Какъ торговое мѣсто, этотъ городъ тоже пріобрѣлъ важное значеніе между портами Азіи; онъ ведетъ торговлю, главнымъ образомъ, съ Сингапуромъ. Торговое движеніе Сайгона въ 1877 году: привозъ 61.014.000 франк., вывозъ 60.420.000 франк., вмѣстѣ 121.434.000 франковъ. Общая сумма оборотовъ внѣшней торговли въ 1880 году: 155.105.000 франк.

Движеніе судоходства въ Сайгонѣ въ 1893 г.: въ приходѣ — 575 судовъ, вмѣстимостью въ 701.083 тонны.

Болѣе половины риса, собираемаго во французской Кохинхинѣ, вывозится по Сайгонской рѣкѣ. Площадь рисовыхъ полей въ этой колоніи въ 1878 году: 493.000 гектара. Вывозъ риса въ 1893 г.: 11 милліоновъ пикулей. Большая часть розничной торговли производится въ китайскомъ городскомъ поселеніи Шолонъ, или «Большой рынокъ», находящемся на юго-западѣ, на берегахъ китайскаго рукава (арройо) или Віамъ-бенъ-ге. Ассенизированный, вымощенный, снабженный набережными и мостами, Шолонъ не походитъ больше на предмѣстье Кантона; но во многихъ кварталахъ балаганы и лари, сараи, домики на сваяхъ, суда всевозможной величины и формы, пестрая толпа въ разноцвѣтныхъ костюмахъ, толкающаяся на набережныхъ и въ баркахъ и джонкахъ, представляютъ чрезвычайно оживленную и живописную картину. Новые каналы, проводимые изъ Сайгона и Шолона къ Меконгу черезъ Вайко, позволятъ негоціантамъ получать непосредственно рисъ изъ Камбоджи и верхней Кохинхины. Между Сайгономъ и Шолономъ, на возвышеніяхъ почвы, продолжающихся на сѣверъ, разсѣяно множество мѣстъ погребенія, отъ которыхъ это плоскогорье получило названіе «равнины могилъ».

На сѣверо-востокѣ отъ Сайгона лежатъ городъ и крѣпость Бьенгоа, прикрывающіе французскія владѣнія со стороны горъ; окрестныя каменоломни доставляютъ строительный камень для Сайгона и булыжникъ для дорогъ равнины; на юго-востокѣ, плоскіе берега Баріа, близъ мыса св. Іакова, даютъ бѣлую соль. Нѣсколько маленькихъ портовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ близъ устьевъ Меконга, и Камао обѣщаетъ сдѣлаться однимъ изъ сборныхъ мѣстъ, наиболѣе посѣщаемыхъ барками, когда полуостровъ этого имени покроется пашнями и плантаціями. Маленькій архипелагъ Пуло-Кондоръ тоже имѣетъ свою важность. Главный островъ населенъ освобожденными изъ заключенія преступниками.

Важнѣйшіе города Индо-Китая въ бассейнѣ Меконга:

Лаосъ и Сіамъ: Люангъ-Прабангъ — отъ 15.000 до 20.000 жителей; Нонгъ-Кай—6.000; Коратъ (Муготъ)—6.000 жителей.

Камбоджа: Пномъ-пеньхъ — отъ 30.000 до 35.000 жителей; Сайгонъ—65.000; Шолонъ—15.000; Мито—10.000 жителей.

Самое многолюдное городское поселеніе Аннамскаго королевства не резиденція, а главный городъ Тонкина, называемый въ просторѣчіи Ганой, по имени его провинціи, или иначе Кешо, т. е. «Рынокъ» по преимуществу; оффиціальныя его наименованія Бакъ-тань, «Сѣверная цитадель», по-китайски Донгъ-кинь, «Восточная столица». Расположенный на правомъ берегу Красной рѣки, по которой морскія джонки китайцевъ и пароходы, имѣющіе не болѣе 2 метровъ водоуглубленія, поднимаются во всякое время до его набережныхъ, этотъ городъ находится почти около центра обширной Тонкинской равнины, и уже въ теченіе слишкомъ двухъ тысячъ лѣтъ мѣстныя произведенія и товары, привозимые съ верховьевъ рѣки и ея притоковъ, направляются къ его складамъ. По промышленности, искусствамъ, литературѣ, Ганой тоже первый городъ Аннама; это кохинхинскій «Парижъ»: оттуда и изъ сосѣдней деревни происходятъ рѣзная мебель, лаковыя издѣлія, инкрустаціи на перламутрѣ, напоминающія японскую работу [1]). Большинство домовъ построено изъ кирпича и камня, улицы вымощены мраморными плитами; городъ окруженъ прекрасными бульварами, а также земляным валомъ, защищающимъ его отъ наводненій. Нѣсколько тысячъ китайцевъ, живущихъ въ отдѣльной части города, служатъ посредниками торговаго обмѣна между Ганоемъ и Срединной имперіей; они отправляютъ преимущественно товары европейскаго происхожденія и покупаютъ взамѣнъ олово и опіумъ.

Торговля Ганоя съ Юннаномъ по Красной рѣкѣ въ 1880 году (по свѣдѣніямъ, собраннымъ Кергарадекомъ):

Вывозъ — 1.369.000 франковъ; привозъ — 2.160.000 франк.

Въ 1887 году общая цѣнность ввоза въ Ганой:—1.433.647 франковъ.

Обширная крѣпость Ганоя, ограда которой

[1]) Kergaradec, „Excursions et Reconnaissances", XI 1882.

имѣетъ шесть километровъ въ окружности,— французской конструкціи; она была построена, въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, Оливье и другими офицерами, состоявшими на службѣ у императора Гіалонга. Воздвигнутая французами, она была дважды взята ими, въ 1873 и въ 1882 годахъ; близъ цитадели и рѣки, на землѣ, уступленной Франціи, расположены зданія консульства и казармы немногочисленнаго гарнизона. Въ нѣсколькихъ километрахъ отъ города, Френсисъ Гарнье и Бальни д'Аврикуръ, которые, во главѣ маленькаго отряда, такъ быстро завоевали дельту Тонкина, погибли, каждый отдѣльно, въ засадѣ.

Устье рѣки Сайгонъ.

Такая плодоносная страна должна имѣть большое число городскихъ поселеній, но европейцамъ пока извѣстны только прибрежные города по рѣкѣ Сонгъ-кой и города дельты. Сонгъ-

тай, выше Ганоя по рѣкѣ,—укрѣпленный городъ, окруженный, какъ и главный городъ, береговой плотиной, которая защищаетъ его отъ наводненій. Ниже по теченію, Намъ-динь, на южномъ рукавѣ дельты—очень оживленная пристань. Гайдзюнгъ, къ востоку отъ Ганоя, на рукавѣ Тай-бинь, тоже посѣщается джонками. Крѣпость его—одна изъ лучшихъ по занимаемой позиціи и одна изъ самыхъ сильныхъ въ Тонкинѣ. Бальни д'Аврикуръ и другіе храбрецы овладѣли ею, въ 1873 году, смѣлымъ, неожиданнымъ нападеніемъ. Въ сосѣдствѣ находятся залежи каменнаго угля. Морской портъ, открытый, по трактату 1874 года, иностранной торговлѣ, Гайпонгъ, лежащій у выхода сѣверной вѣтви дельты, доступенъ большимъ судамъ, имѣющимъ до 4 и даже до 5 метровъ водоуглубленія. Годовое движеніе торговаго обмѣна, который производится, съ одной стороны, съ Сайгономъ, съ другой—съ Гонконгомъ, состоитъ почти исключительно изъ товаровъ китайскаго происхожденія или предназначенныхъ въ Срединную имперію; еще недавно почти всѣ европейскіе торговые дома, которые принимали участіе въ этой торговлѣ, представляя около четырехъ-пятыхъ торговаго обмѣна Тонкина съ внѣшнимъ міромъ Гайпонга, состояли подъ управленіемъ англичанъ [1]).

Цѣнность привоза въ Гайпонгъ въ 1887 г. составляла 28.952.812 франк.; въ 1890 году въ этомъ портѣ было въ приходѣ 763 судна въ 111.939 тоннъ.

Въ собственномъ Аннамѣ, къ югу отъ поперечной горной цѣпи, оканчивающейся на мысѣ Вунгъ-Хіуа и увѣнчанной тамъ и сямъ стѣнами или валами старинныхъ укрѣпленій, большинство городовъ состоитъ изъ хижинъ, разсѣянныхъ на берегу рѣкъ и въ лѣсахъ, близъ крѣпости, заключающей въ своей оградѣ присутственныя мѣста и жилища чиновниковъ. Деревни городскаго поселенія соединены лишь тропинками; во многихъ «городахъ», если бы не стоящій по срединѣ обширный навѣсъ, подъ которымъ собирается рынокъ, можно бы подумать, что находишься гдѣ-нибудь среди лѣса [2]). Подобные города часто подвергаются разрушенію; чтобы отстроить ихъ, достаточно возвести новую ограду, и хижины постепенно группируются въ сосѣдствѣ. На сѣверной сторонѣ рѣки Сонгъ-маа, ограничивающей южную часть тонкинской дельты, виднѣется одна изъ этихъ старинныхъ крѣпостей, Тей-Гіай, которая, только-что сооруженная, была покинута, какъ принесшая несчастіе своимъ строителямъ. Немногіе памятники имѣютъ болѣе грандіозный видъ. Правильный квадратъ гранитныхъ стѣнъ заключаетъ внутри пространство, покрытое засѣянными полями; по срединѣ каждаго фаса ограды стоятъ высокія ворота со сводами; снаружи двѣ деревни пріютились у подножія стѣнъ заброшенной твердыни [1]).

Гуэ (Туа-Тіенъ, или Путуа), столица Аннама, походитъ на другіе города страны, отличаясь отъ нихъ только болѣе обширными размѣрами. Съ половины четырнадцатаго столѣтія она упоминается какъ аннамитскій городъ, принадлежавшій ціампамъ. Цитадель, воздвигнутая въ началѣ настоящаго столѣтія, по повелѣнію императора Гіалонга, подъ руководствомъ французскихъ офицеровъ, заключаетъ въ себѣ казармы, артиллерійскіе парки, арсеналы, провіантскіе магазины, тюрьмы; это административный и военный центръ королевства. По срединѣ этого города-крѣпости, въ оградѣ, состоящей изъ простой стѣны, находятся королевскіе дворцы, входъ въ которые воспрещенъ профану. Торговая дѣятельность сосредоточена въ предмѣстьяхъ, гдѣ поселились китайскіе негоціанты, и около порта города, Туанъ-Анъ, защищаемаго нѣсколькими фортами. Сюда приходятъ суда на якорную стоянку; но они никогда не находятъ на барѣ болѣе трехъ съ половиною метровъ воды; въ бурю этотъ порогъ совершенно непереходимъ, да и въ зимнее время рѣдко когда можно перейти черезъ него (по Дютрейль-дю-Рену, приблизительная цѣнность торговли Гуэ около 3.000.000 франковъ). Въ силу трактатовъ, недавно построены въ Гуэ отель и дома для французскаго резидента и нѣсколькихъ чиновниковъ, получившихъ право пребыванія въ аннамской столицѣ. На одномъ изъ холмовъ, возвышающихся къ югу отъ города, блистаютъ позолоченныя крыши дворцовъ, служащихъ усыпальницей для королей, которыхъ хоронятъ вмѣстѣ съ драгоцѣнными вещами, металлами и дорогими камнями; одно изъ этихъ зданій принимаетъ въ себя бездѣтныхъ вдовъ покойнаго короля. Заключенныя въ этомъ дворцѣ, какъ въ монастырѣ, на всю остальную жизнь, онѣ обязаны приготовлять каждый день яства, которыя преподносятся ихъ умершему супругу. Въ окрестностяхъ столицы разведено нѣсколько плантацій кофейнаго дерева [2]).

Единственная большая дорога въ этой провинціи—это дорога изъ Гуэ въ Туранъ: перейдя перевалъ, называемый «Воротами облаковъ», между двумя остроконечными пиками, она спускается на плоскій берегъ бухты, посѣщаемой изрѣдка судами, затѣмъ, за Тураномъ, продолжается худой дорогой, которая то идетъ вдоль моря, то взбирается на высокіе мысы. Почтовая служба организована только изъ Сайгона въ Ганой черезъ Гуэ, и на этомъ трактѣ учреждены почтовыя станціи для перемѣны лоша-

---

[1]) Kergaradec, „Excursions et Reconnaissances", VIII.
[2]) Luro, „Le Pays d'Annam".

[1]) Theurel, „Annales de la Propagation de la Foi" 1868.
[2]) Dutreuil de Rhins, „Le Royaume d'Annam et les Annamites".

дей, на разстояніяхъ отъ 12 до 22 километровъ [1]).

Въ южномъ Аннамѣ одинъ портъ, именно Куиньонъ или Квинонъ (Гіа или Тинъ-хай), открытъ иностранной торговлѣ; онъ отправляетъ преимущественно соль и грубыя шелковыя ткани. Цѣнность торговаго обмѣна въ Куиньонѣ въ 1880 г. простиралась до 1.350.000 франковъ; движеніе порта, по приходу иностранныхъ судовъ, въ томъ же году представляло вмѣстимость 24.000 тоннъ. Имя Куиньонъ принадлежитъ спеціально главному областному городу, означаемому обыкновенно подъ названіемъ Бинь-динь, какъ и самая провинція; онъ находится километрахъ въ двадцати къ западу отъ своего порта. Древній Куиньонъ, бывшій столицей народа ціампа, виденъ еще въ небольшомъ разстояніи отъ нынѣшняго города; въ настоящее время три деревни какъ бы затеряны среди его громадной ограды, имѣющей не менѣе 12 километровъ въ окружности [2]). На юго-западѣ, городъ Аншенъ, сильно укрѣпленный, составляетъ передовой постъ земледѣльческой культуры близъ земли банаровъ; аннамиты не позволяютъ дикарямъ переходить за этотъ городъ внутрь страны [3]). Многочисленныя развалины, свидѣтели исчезнувшей цивилизаціи, разсѣяны въ лѣсахъ древняго царства Ціампэ; тамъ встрѣчаются также долмены и другіе мегалиты, подобные памятникамъ этого рода, находимымъ въ мѣстахъ обитанія древнихъ галловъ [4]).

Важнѣйшіе города Аннама, съ приблизительной цифрой ихъ населенія:

Ганой или Кешо—150.000 жителей; Гуэ—30.000; Намъ-динь (по Буильво) — 50.000; Гайдзуонгъ(по Люро)—50.000; Гакой—10.000; Сонгъ-тай — 12.000; Туранъ (Дютрейль-де-Ренъ)—3.000 жителей.

VII. Полуостровъ Малакка.

Англійскія владѣнія, Полуостровной Сіамъ, Перакъ, Пахангъ, Селангоръ, Негри-Сембиланъ, Джохоръ.

Полуостровъ Малакка, лежащій на югъ отъ Сіама и Барманіи, не есть особая естественная область: по своимъ горамъ и геологическому образованію, онъ составляетъ продолженіе горныхъ цѣпей, раздѣляющихъ бассейны Салуэна и Менама; его растительное и животное царства представляютъ, въ сравненіи съ флорой и фауной континентальнаго Индо-Китая, лишь незначительные контрасты, происходящіе отъ сосѣдства экватора; но населеніе около южной оконечности полуострова принадлежитъ къ расамъ, отличнымъ отъ тѣхъ, которыя доминируютъ въ индо-китайскихъ областяхъ, и положеніе его портовъ, въ самомъ углу азіатскаго материка, на проливѣ, которымъ должны проходить корабли, плавающіе между Индіей и Китаемъ, придали ему первостепенную важность въ исторіи торговыхъ сношеній и географическихъ изслѣдованій. Арабскіе купцы, затѣмъ европейцы, португальцы, голландцы, англичане, послѣдовательно водворялись на краю этого важнаго морскаго пути. Въ настоящее время все западное прибрежье, между устьемъ Салуэна и перешейкомъ Кра, составляетъ часть англійской Барманіи; далѣе на югѣ, три черезполосныя владѣнія на территоріи Малакки тоже присоединены къ громадной колоніальной имперіи Великобританіи; кромѣ того, два острова, Пуло-Пинангъ и Сингапуръ, принадлежащіе англичанамъ, сторожатъ морское прибрежье, и оттуда-то и совершается постепенное завоеваніе внутренности полуострова для земледѣлія и торговли. Еще неизслѣдованная въ цѣломъ объемѣ, страна, тѣмъ не менѣе, уже на половину покорена: весь западный берегъ состоитъ подъ протекторатомъ Англіи, и многіе изъ маленькихъ султановъ, между которыми раздѣлена остальная часть территоріи, обязаны сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ приглашеніями, которыя присылаютъ имъ англійскіе губернаторы приморскаго края. Впрочемъ, если исчисленія, относящіяся къ туземному населенію, имѣютъ какую-нибудь цѣну, въ англійскихъ владѣніяхъ, хотя значительно уступающихъ по пространству независимымъ государствамъ и сіамскимъ провинціямъ, сгруппировано болѣе половины общаго числа жителей.

Пространство и населеніе полуострова Малакки (континентальной Малазіи):

	Пространство. кв. килом.	Населеніе въ 1881 году. жителей.	Километр. населеніе. жит.
Англійскія влад. (Мерги, Тенассеримъ и Straits settlements, или колоніи пролива)	78.093	825.000	11
Сіамскія провинціи	100.000	400.000	4
Независимыя государст	82.099	300.000	3,6
Всего	250.192	1.525.000	6,5

Горы, образующія остовъ полуострова Малакки, не составляютъ одной непрерывной цѣпи; раздѣленныя на неравные отрывки широкими рѣчными долинами, онѣ тянутся по направленію съ сѣвера на югъ или съ сѣверо-запада на юго-востокъ, или въ видѣ изолированныхъ кряжей, или въ видѣ параллельныхъ грядъ. Тамъ

[1]) Dutreuil de Rhins, цитированное сочиненіе.
[2]) Huyn de Verneville, „Excursions et Reconnaissances", XI, 1882.
[3]) Pellerin, „Annales de la Propagation de la Foi", sept. 1850.
[4]) Adolf Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder".

и сямъ, внѣ цѣпей или хребтовъ, высятся уединенныя горы, со всѣхъ сторонъ окруженныя низменными равнинами, и нѣкоторыя изъ этихъ отдѣльно стоящихъ горъ настолько высоки, что плывущіе на корабляхъ могутъ видѣть ихъ съ обоихъ морей. Обширные лѣса покрываютъ почти всю страну своею густою зеленью: поднимаясь по рѣкамъ, подъ сводомъ листвы переплетающихся деревъ, лодочники могутъ плыть по цѣлымъ днямъ, не встрѣчая прогалины, которая открыла бы ихъ взорамъ одну изъ безчисленныхъ горныхъ вершинъ полуострова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, горизонтъ проясняется: воды, разстилающіяся въ видѣ обширныхъ болотъ, не имѣютъ другой растительности, кромѣ тростника или лотосовъ, въ иныхъ мѣстахъ красноватые слои латерита тянутся на необозримое пространство, безъ деревьевъ или усѣянные кое-гдѣ только рѣдкими лѣсками.

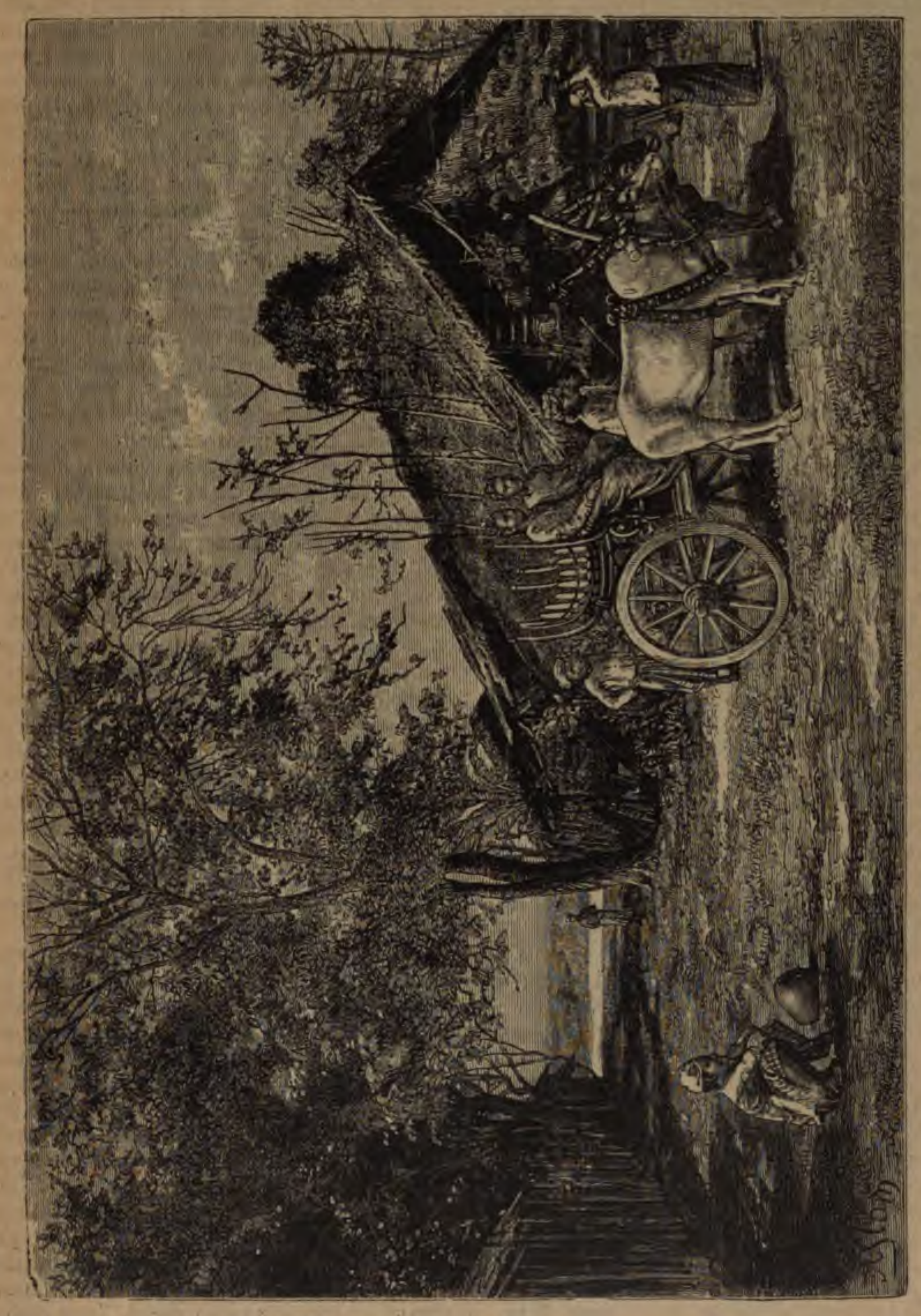
На югѣ отъ города Мульмейна, всѣ рѣки, за исключеніемъ нѣсколькихъ потоковъ, спускающихся прямо въ море, отличаются своимъ удивительнымъ параллелизмомъ съ морскимъ берегомъ и съ горными кряжами, которые продолжаются съ сѣверо-запада на юго-востокъ, образуя становой хребетъ полуострова Малакки. Мало найдется странъ, гдѣ продольныя долины имѣли бы такой замѣчательно правильный характеръ; въ этомъ отношеніи онѣ походятъ на узкія рѣчныя борозды восточнаго Тибета; на разстояніи 1.000 километровъ, складки или повышенія и пониженія почвы представляютъ одно и то же образованіе. Рѣки, заключенныя между параллельными хребтами, получаютъ значительное протяженіе, хотя берутъ начало въ небольшомъ разстояніи отъ моря. Такъ, Мульмейнскій лиманъ принимаетъ въ себя длинную рѣку Аттаранъ, которая извивается съ юга на сѣверъ, идя на встрѣчу Салуэну. Тавойскій заливъ продолжаетъ рѣку того же имени (Тавой), длиною около 200 километровъ, которая течетъ съ сѣвера на югъ, отрѣзывая отъ остальной Барманіи узкій полуостровъ. Большая рѣка Тенассеримъ, еще болѣе любопытная, состоитъ изъ трехъ рѣчныхъ сегментовъ, текущихъ въ противоположныя стороны. Верхній потокъ, Бинъ, начало котораго на уединенной горѣ Міенгъ-Молеткатъ, возвышающейся слишкомъ на 2.000 метровъ надъ уровнемъ океана, сначала извивается къ сѣверо-западу, параллельно Тавойскому лиману, затѣмъ уходитъ на востокъ черезъ ущелье и змѣится въ долинѣ, открывающейся на юго-востокъ и на югъ; въ Тенассеримѣ вторая брешь даетъ ему проходъ, и до впаденія въ море онъ снова принимаетъ сѣверо-западное направленіе. Такимъ образомъ, эта рѣка, которая беретъ начало километрахъ въ тридцати отъ моря, изливается въ него не прежде, какъ описавъ удлиненный овалъ около 500 километровъ. На югѣ отъ рѣки Тенассеримъ, двѣ рѣки, Лайнія и Пакшанъ или Кра, составляющая южную границу англійской Барманіи, текутъ въ направленіи, противоположномъ одна другой, и параллельно горнымъ хребтамъ полуострова и берегу Барманскаго моря. Самыя земли архипелага Мерги, окаймляющаго прибрежья Тенассерима на протяженіи около 400 километровъ, суть не что̀ иное, какъ выступившіе изъ моря отрывки подводныхъ горныхъ хребтовъ, расположенныхъ нѣсколькими грядами, параллельными оси полуострова, и состоящихъ изъ тѣхъ же каменныхъ породъ, гранитовъ, порфировъ, конгломератовъ. Если бы поднятіе почвы выдвинуло ихъ основаніе изъ волнъ Барманскаго моря, то промежуточные проливы превратились бы въ долины, гдѣ возникали бы рѣки, съ теченіемъ, параллельнымъ теченію рѣкъ восточной земли.

Сѣверная кордильера Малаккскаго полуострова составляетъ естественную границу между барманскимъ прибрежьемъ, которымъ теперь владѣетъ Англія, и сіамскими владѣніями. Главное ея минеральное богатство состоитъ въ оловѣ, и китайцы основали тамъ рудники, дѣятельно разработываемые; въ тѣхъ же горахъ, которымъ сіамцы даютъ названіе «Трехсотъ пиковъ», собираютъ блестки золота. На югѣ отъ Тенассерима, горная цѣпь, тамъ и сямъ прерываемая глубокими брешами, продолжается въ видѣ параллельныхъ хребтовъ до самой оконечности полуострова Малакки.

Извѣстно, что одна изъ этихъ брешей цѣпи Трехсотъ пиковъ образована, непосредственно на югѣ отъ англійской границы, рѣкой Пакшанъ или Кра, названной такъ по имени одной деревни на ея берегахъ, и рѣкой Чумпонгъ, притокомъ Сіамскаго залива. Далѣе на югѣ, вторая брешь открывается въ томъ мѣстѣ, гдѣ полуостровъ и выступы его рельефа перемѣняютъ направленіе и круто поворачиваютъ къ юго-востоку: тамъ находится, безъ сомнѣнія, линія излома, которая продолжается далеко въ море, такъ какъ цѣпь Андаманскихъ острововъ и Суматра соотвѣтственно параллельны двумъ половинамъ Малайскаго полуострова. Наконецъ, далѣе на югѣ, въ землѣ Лигоръ, полуостровъ снова суживается между цѣпями острововъ, окаймляющими берегъ въ Малаккскомъ проливѣ, и извилистымъ рукавомъ, отдѣляющимъ островъ, или «пуло», Танталамъ отъ восточнаго прибрежья. Кажется, что въ эпоху наибольшаго развитія буддійской пропаганды путешествія между Южной Индіей и Камбоджей производились черезъ Лигорскій перешеекъ [1]). Но въ теченіе всего новаго періода исторіи перешеекъ Кра, болѣе узкій и болѣе близкій къ устью Менама, былъ гораздо чаще посѣщаемъ для перехода изъ одного моря въ

[1]) James Fergusson, „Royal Asiatic Society“, June 1867.

другое; во многихъ экспедиціяхъ сіамскія войска избирали эту дорогу, чтобы идти сражаться съ барманцами Тенассерима. По прямой линіи считаютъ всего только 45 километровъ отъ



Видъ на Малаккскомъ полуостровѣ.

устья рѣки Чумпонгъ, впадающей въ Сіамское море, до сѣверной оконечности Пакшанскаго лимана, и притомъ проведена хорошая дорога черезъ порогъ, возвышающійся только отъ 25 до 30 метровъ надъ уровнемъ моря. Часто предлагали прорыть черезъ перешеекъ Кра каналъ судоходства, который сократилъ бы на 1.100 километровъ путешествіе изъ Калькутты въ Кантонъ, на 2.200 километровъ—путешествіе изъ Мерги въ Банкокъ. Нѣтъ сомнѣнія, большинство кораблей, которые теперь плывутъ на Сингапуръ или на Батавію, въ своемъ переходѣ изъ Индіи въ Китай, пользовались бы судоходнымъ путемъ черезъ пере-

*

шеекъ Кра, если бы каналъ, открытый между двумя морями, представлялъ достаточную глубину. По первоначальному проекту, принадлежащему Тременгиру, предполагается углубить, съ помощью землечерпальныхъ машинъ, мелководныя части рѣки Пакшанъ до деревни Кра, затѣмъ прорыть на востокѣ русло ручья, чтобы перейти порогъ по туннелю и оттуда спуститься къ Сіамскому заливу черезъ аллювіальныя земли, по которымъ протекаетъ рѣка Чумпонгъ. Шомбуркъ предлагалъ сдѣлать разрѣзъ перешейка гораздо южнѣе: по его проекту, Пакшаномъ можно было бы воспользоваться лишь въ южной части, гдѣ лиманъ вездѣ имѣетъ не менѣе 10 метровъ глубины, а оттуда водный путь направился бы на востокъ рѣкой Чаомъ, черезъ страну, рельефъ которой еще не вполнѣ извѣстенъ. Делонкль, такъ же, какъ Дру, предпочитаетъ промежуточныя трассировки, по которымъ каналъ начинался бы отъ рѣки Пакшанъ, ниже пороговъ, и достигалъ бы восточной покатости въ мѣстечкѣ Тазанъ, на Таюнгѣ или верхнемъ теченіи Чумпонга [1]). Но прежде, чѣмъ можно будетъ приступить къ практическому осуществленію того или другаго изъ этихъ проектовъ, необходимо изучить во всѣхъ подробностяхъ рельефъ и геологію мѣстностей, черезъ которыя придется вести каналъ, и убѣдиться, позволятъ ли глубины восточнаго берега вырыть портъ, доступный для судовъ большаго водоизмѣщенія. Что касается западной оконечности будущаго пути, то она представляетъ всѣ удобства: глубокую якорную стоянку и совершенную защиту отъ вѣтровъ. Каковы бы, впрочемъ, ни были шансы исполненія для канала, несомнѣнно, что естественная трассировка желѣзной дороги большаго движенія между двумя морями проходитъ гораздо сѣвернѣе, у самаго основанія полуострова, между городами Тавой и Банкокъ. На востокѣ англійской провинціи Уэллеслей и государства Send Перакъ, верхняя долина рѣки Перакъ, параллельная морскому берегу, тянется съ сѣвера на югъ, между двухъ небольшихъ цѣпей горъ, превышающихъ 1.000 метровъ нѣкоторыми своими пиками; даже одна изъ вершинъ, или *гунонгъ*, Улу-Тумулангъ, достигаетъ высоты 1.961 метра. Рѣка Канта, притокъ Перака, прерываетъ восточную цѣпь, тогда какъ другой хребетъ, называемый Ларутъ, постепенно понижаясь, пропадаетъ въ сосѣдствѣ моря; но на востокѣ отъ заливообразнаго устья Перака, уединенный массивъ поднимается своею высшею вершиною до высоты 1.982 метровъ: это Гунонгъ-Раджа, или «Царь-гора», которую сосѣднія вершины, по словамъ Дали, превышаютъ слишкомъ на 400 метровъ [2]). Гористая область, еще не вездѣ посѣщенная путешественниками, отдѣляетъ этотъ массивъ отъ другой группы пиковъ, еще неизмѣренныхъ, но которые, по мнѣнію Миклухо-Маклая, слѣдуетъ считать самыми высокими горами на Малайскомъ полуостровѣ. Рѣка Пагангъ, впадающая на востокѣ въ Китайское море, ограничиваетъ эти возвышенности съ южной стороны; далѣе разстилаются болотистыя равнины, занимающія большую часть восточной покатости, тогда какъ вдоль западнаго берега, вплоть до сѣверныхъ окрестностей города Малакки, тянется горная цѣпь, достигающая въ самыхъ высокихъ точкахъ своихъ 1.000 и 2.000 метровъ [1]). Вершина,—которой первые европейскіе мореплаватели, искавшіе повсюду гору, откуда Соломонъ получалъ свое золото, дали имя Офиръ,—возвышается на 1.173 метра въ оси этой цѣпи, но стоитъ совершенно уединенная, подобно вулканическому конусу. Далѣе на югѣ встрѣчаются лишь простые холмы; однако, вершины, которыя виднѣются на сѣверо-западѣ Сингапура и которыя носятъ названіе Гунонгъ, или «гора» по преимуществу, достигаютъ еще высоты 600 метровъ. На востокѣ ряды высотъ продолжаются до самой оконечности континента, до мысовъ Джохоръ и Раменіа (Романія). Островъ Сингапуръ принадлежитъ къ тѣмъ же каменнымъ формаціямъ, какъ и горныя цѣпи полуострова; въ геологическомъ отношеніи онъ составляетъ часть твердой земли; каналъ, отдѣляющій его отъ мыса Джохоръ и который называютъ «Старымъ проливомъ», потому что онъ былъ предпочитаемъ моряками, боявшимися пускаться по волнамъ большаго прохода, имѣетъ скорѣе видъ рѣки, нежели морскаго рукава. Онъ тянется извилинами внутри земель, на пространствѣ около 55 километровъ, при средней ширинѣ отъ 1.000 до 1.500 метровъ: это поперечная долина, пересѣкающая ось полуостровныхъ горъ.

Въ цѣломъ горы Малазіи состоятъ изъ гранитныхъ скалъ и песчаниковъ. Въ мѣстѣ соприкосновенія этихъ породъ съ конгломератами и глинами, которые тянутся вдоль основанія гористой области, поясъ аллювіальныхъ слоевъ, толщиною въ нѣсколько метровъ, прикрываетъ рудныя мѣсторожденія перемѣнной мощности, гдѣ китайскіе рудокопы собираютъ олово; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчные наносы, содержащіе руду, встрѣчали препятствія, потоки образовали водовороты, и вода вырывала въ почвѣ углубленія, или «мѣшки», откуда иногда извлекаютъ цѣлыя груды металла. Почти всѣ ручьи и рѣчки страны катятъ также золото въ своемъ крупномъ пескѣ. Хотя разработка рудныхъ залежей ведется систематически только въ англійскихъ владѣніяхъ, тѣмъ не

[1]) „Revue de Géographie", mars 1882: „Exploration", 9 et 16 mars 1882.

[2]) „Proceedings of the Geographical Society of London" july 1882.

[1]) „Proceedings of the Geographical Society of London", july 1882.

менѣе, годовая добыча олова въ континентальной Малазіи превышаетъ, по цѣнности, 8 милліоновъ франковъ [1]); во многихъ внутреннихъ областяхъ, между прочимъ, въ Пахангѣ, ходячая монета состоитъ изъ оловянныхъ кружковъ, съ оттисненнымъ на нихъ королевскимъ штемпелемъ и съ дыркой по серединѣ, такъ что ихъ можно нанизывать на шнурокъ и носить при себѣ связками, какъ китайскія сапеки. Рѣдкость оловянныхъ рудныхъ мѣсторожденій въ остальныхъ странахъ земнаго шара обезпечиваетъ рудникамъ Малайскаго полуострова исключительную важность. Можетъ быть, именно въ сосѣдствѣ оловянныхъ рудниковъ Малакки и открылся бронзовый вѣкъ, ибо залежи этого металла, безъ котораго невозможно было бы приготовлять сплавъ, называемый бронзой, не существуютъ въ странахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, гдѣ распространилось употребленіе бронзоваго оружія. Всѣ находки, сдѣланныя въ свайныхъ постройкахъ Европы, имѣютъ рукоятки, которыя могутъ годиться лишь для руки индусовъ или ихъ восточныхъ сосѣдей; средняя разность между этими рукоятками и рукоятками французскаго оружія превышаетъ 3 сантиметра. Различныя орудія, находимыя въ Восточной Азіи, и мотивы орнаментаціи, какъ, напримѣръ, знакъ креста, также свидѣтельствуютъ о торговыхъ сношеніяхъ, которыя производились въ первыя времена бронзоваго вѣка между Индіею и Западною Европою [2]).

Дожди, падающіе на склоны горъ Тенассерима и Малазіи, очень обильны, преимущественно на западной покатости, гдѣ скалы, часто размываемыя ливнями и изборожденныя рытвинами, всегда имѣютъ болѣе голый видъ, чѣмъ скалы восточной отлогости. Среднимъ числомъ, слой дождевой воды превышаетъ 3 метра въ годъ; дождь идетъ почти всякій день, съ ноября до мая, да и въ остальное время года нерѣдко случается, что вѣтеръ, съ какой бы стороны ни дулъ, приноситъ влажность; окруженный со всѣхъ сторонъ водами моря, полуостровъ купается своими горами въ атмосферѣ, насыщенной парами; тамъ не бываетъ ни одного дня, который былъ бы совершенно ясный [3]). Оттого и рѣки, спускающіяся съ горъ, очень обильны въ сравненіи съ длиной ихъ теченія, и многія изъ нихъ, доступныя пароходамъ въ той части своего теченія, куда доходитъ морской проливъ, носятъ барки до самаго основанія горъ. Таковы рѣки Перакъ, Бернамъ, Селангоръ, Клангъ, Моаръ, на покатости Малаккскаго пролива, и рѣки Пахангъ и Индау—на покатости Китайскаго моря. Но теченіе всѣхъ этихъ рѣкъ прерывается порогами, переходъ черезъ которые часто бываетъ сопряженъ съ опасностью. Такъ, верхній Перакъ, «Серебряная рѣка», спускается цѣлымъ рядомъ *джерамовъ*, или пороговъ (всѣхъ 55), которые судовщики стараются умилостивить разными приношеніями. Прежде, чѣмъ пуститься черезъ самые опасные проходы, они останавливаются, умоляютъ скалы, объясняютъ имъ въ подробности важность путешествія и бросаютъ имъ бананъ, орѣховъ бетеля, даже сухарь, когда ихъ сопровождаетъ бѣлый человѣкъ [1]).

Ручьи и рѣки Малазіи увлекаютъ въ своемъ илѣ обломки глинъ и латеритовъ и отлагаютъ ихъ на плоскихъ берегахъ въ видѣ болотистыхъ пространствъ, которыми мало-по-малу овладѣваютъ ризофоры (корнепуски), окаймляя прибрежье эшафодажемъ своихъ воздушныхъ корней. Всѣ мутныя воды, стекающія съ континента и съ острововъ и которыя море подбираетъ, чтобы затѣмъ метать ихъ въ видѣ волнъ противъ берега, очищаются въ этомъ лабиринтѣ растительности и постепенно повышаютъ болотистую почву прибрежья, прибавляя къ берегамъ наносъ за наносомъ, какъ слои, годовое наращеніе которыхъ окружаетъ стволы деревъ. Такимъ образомъ, островъ Пуло-Пинангъ все болѣе и болѣе приближается къ твердой землѣ. Изученіе почвы доказываетъ, что проливъ имѣлъ нѣкогда около двадцати километровъ въ ширину; но Прай и другія рѣки, спускающіяся съ Ларутскихъ горъ, выдвинули свои берега въ ущербъ канала, оставивъ ему не болѣе трехъ километровъ въ самомъ узкомъ проходѣ: потокъ, сжатый между островомъ и материкомъ, вырылъ фарватеръ въ 25 метровъ глубины, но на сѣверѣ и на югѣ пролива обширныя отмели продолжаются далеко въ море [2]). На берегахъ Малаккскаго пролива вліяніе острова Суматры, протянувшагося параллельно западному берегу, производитъ обратное явленіе. И тамъ тоже рѣки и ручьи Малазіи приносятъ въ море большія количества грязи, но текучія воды Суматры, которыя катятъ гораздо больше землистыхъ частицъ, берутъ перевѣсъ и образуютъ обширныя дельты впереди своихъ устьевъ. Теченіе пролива, отбрасываемое къ востоку наносами Суматры, задѣваетъ малайскій берегъ, увлекая илъ къ открытому морю: уравновѣшеніе борющихся силъ совершается, съ одной стороны, въ пользу отложенія наносовъ, съ другой—въ пользу размыванія береговъ. Такимъ образомъ, многія пространства малайскаго берега постепенно отступили внутрь материка; повсюду, гдѣ мысы омываютъ свои выступы въ морскихъ водахъ, они подтачиваются и размываются теченіемъ, которое уноситъ далеко ихъ обломки въ какую-нибудь защищенную бухточку. Несмотря на отсту-

1) Barrington d'Almeida, „Journal of the Geographical Society of London“, 1876.
2) Gabriel de Mortillet „Revue d'Anthropologie“, 1875.
3) Wernich, „Geographisch-medicinische Studien“.

1) Daly, цитированный мемуаръ.
2) Logan, „цитированный мемуаръ.

пленіе береговъ въ южной части полуострова, есть много признаковъ поднятія почвы; малайцы показываютъ бывшіе островки на большомъ разстояніи отъ моря внутри материка, и на островѣ Сингапурѣ, на высотѣ 12 метровъ отъ нынѣшняго уровня моря, виденъ поднятый берегъ, заключающій въ себѣ остатки человѣческой промышленности.

Благодаря своему климату, обилію орошающихъ водъ и своимъ портамъ, лежащимъ вдоль океанскаго пути, по которому безпрестанно ходятъ корабли, полуостровъ Малакка обѣщаетъ въ близкомъ будущемъ давать торговлѣ массу самыхъ разнообразныхъ естественныхъ произведеній; путешественники насчитываютъ сотнями предметы торговаго обмѣна. Лѣса полуострова заключаютъ въ себѣ всѣ драгоцѣнныя древесныя породы Индіи и Малайскаго архипелага, а на воздѣлываемыхъ земляхъ, поясъ которыхъ мало-по-малу распространяется все далѣе отъ морскаго прибрежья къ высокимъ долинамъ, живутъ рядомъ другъ съ другомъ всѣ утилизируемыя растенія тропическаго и умѣреннаго поясовъ: рисъ, табакъ, маисъ, корни, дающіе маніоковую муку, деревья кофейное, перечное, чайное, какаовое, хинное, пальмы всякаго рода; континентальная Малазія можетъ сдѣлаться второй Явой по могуществу и правильности производства. Большіе дикіе звѣри, слонъ, носорогъ, вепрь, тигръ отступаютъ въ глубь лѣсовъ, по мѣрѣ того, какъ малайскіе или китайскіе поселенцы проводятъ сѣть своихъ тропинокъ, и быки пасутся тысячами головъ на саваннахъ, отвоеванныхъ у болотъ или лѣсовъ.

Карены и другіе нецивилизованные народцы, живущіе въ горахъ Тенассерима, граничатъ, съ одной стороны, съ барманцами и талайнами западнаго берега, съ другой—съ сіамцами восточнаго. Кромѣ того, существуетъ одно дикое населеніе, рѣдко приходящее въ соприкосновеніе съ цивилизованными обитателями морскаго побережья: это—племя рыболововъ силонгъ или селонгъ, которые въ періодъ юго-западнаго муссона располагаются становищами въ шалашахъ на островахъ Мерги, а въ остальное время года живутъ въ своихъ ладьяхъ или на морскомъ берегу, убѣгая при появленіи всякаго чужаго, хотя бы самаго маленькаго, судна. Они, впрочемъ, очень малочисленны, всего какая-нибудь тысяча душъ, и говорятъ языкомъ, который еще не былъ изученъ [1].

Дикія населенія полуостровной Малазіи представлены племенами, раздѣленными на безчисленное множество клановъ. Эти племена, извѣстныя подъ генерическими именами орангъ-бинуа, «люди почвы», орангъ-утангъ, «люди лѣсовъ», орангъ-букитъ, «люди горъ», орангъ-убу, «люди рѣкъ», орангъ-даратъ-ліаръ, «дикіе люди», или просто орангъ-улонъ, «люди внутренней страны», не носятъ особеннаго названія, отличающаго расу, и наименованія ихъ примѣняются, безъ сомнѣнія, къ народцамъ различныхъ происхожденій, чистыхъ или смѣшанныхъ. Точно также орангъ-слатаръ, или «люди рѣкъ», орангъ-лаутъ, орангъ-тамбура, или «люди моря», далеко не принадлежатъ къ тому же самому этническому корню; случай приключеній, войнъ и союзовъ раздѣлилъ ихъ на группы, совершенно отличныя одна отъ другой.

Ужасъ, внушаемый «людьми земли», или орангъ-бинуа, и еще болѣе жестокости, которымъ ихъ подвергали, породили странныя легенды у малайцевъ морскаго прибрежья. Эти послѣдніе совершенно серьезно повторяли басню о людяхъ съ хвостомъ, утверждая даже, будто орангъ-бинуа обмакивали въ деревянное масло конечный пучекъ этого придатка и зажигали его въ видѣ факела, чтобы истреблять пожаромъ малайскія деревни [1]). Другіе бинуа называемые гаргаси, по росказнямъ ихъ сосѣдей, имѣютъ лицо, вооруженное бивнями или клыками; иные, будто бы, покрыты шерстью, въ видѣ густаго мѣха; жители рѣки Текайнъ обладаютъ, будто бы, огромными ступнями, длиною въ полметра, и стремительно налетаютъ на лѣсную и полевую дичь, чтобы пожирать ее сырьемъ [2]).

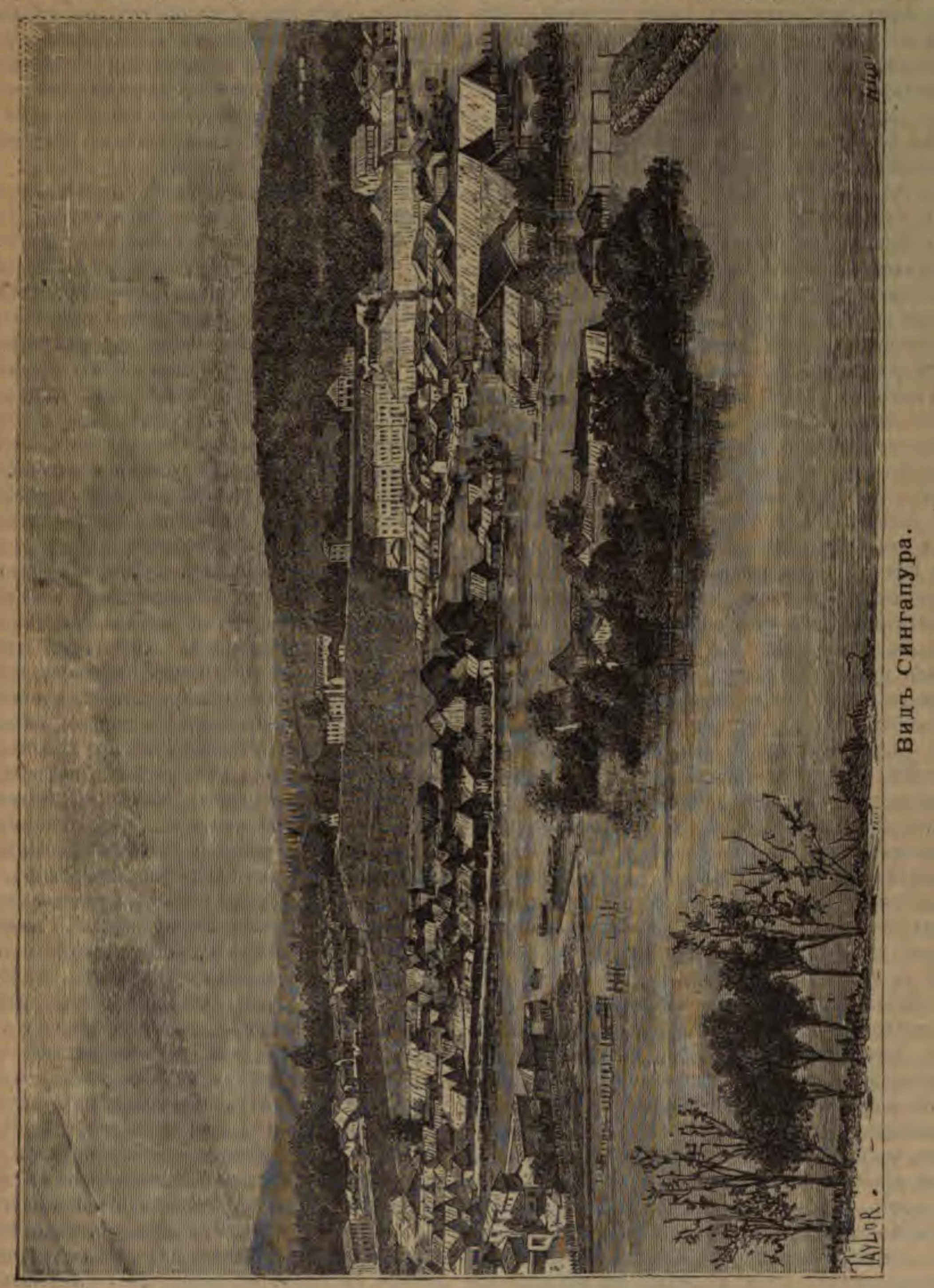
Всего менѣе, повидимому, смѣшались съ малайцами тѣ туземцы внутренней части полуострова, которымъ даютъ спеціально названія самангъ и сакай; первые изъ нихъ живутъ на западной отлогости горъ, вторые во внутреннихъ долинахъ и на восточной покатости. Всѣ путешественники, имѣвшіе случай посѣтить самангов и сакаевъ въ ихъ становищахъ и сравнивать ихъ съ папуасами Новой Гвинеи, не колеблясь признаютъ ихъ принадлежащими къ той же расѣ. Болѣе чернокожіе, чѣмъ малайцы, они имѣютъ толстыя губы, приплюснутый носъ съ широкими ноздрями, курчавые волосы; они отличаются величиной ноги, которой три внѣшніе пальца обращены наружу; почти всѣ эти дикари, ведя существованіе, полное лишеній, малорослы и болѣзненны, и пропорція безплодныхъ женщинъ между ними значительна. Мужчины, весь костюмъ которыхъ состоитъ изъ передника, не носятъ никакихъ украшеній, даже не татуируются; женщины, болѣе кокетливыя, чертятъ себѣ кривую линію и маленькіе знаки на щекѣ, протыкаютъ мочку ушей и продѣваютъ въ перегородку ноздрей иглу дикобраза. Самые дикіе папуасы Малайскаго полуострова не имѣютъ даже жилья; они проводятъ ночь на верхушкѣ деревьевъ,

[1]) Helfer, „Gedruckte und Ungedruckte Schriften".

[1]) Hermann Moll, „The Oriental Islands".

[2]) Миклухо-Маклай, „Straits Branch of the Royal Asiatic Society". № 2, dec. 1878.

и все ихъ имущество состоитъ въ ножѣ; у другихъ есть сарбаканъ, изъ котораго они пускаютъ стрѣлы, отравленныя сокомъ ядовитаго растенія упасъ. Они проскальзываютъ, какъ змѣи, сквозь лѣсную чащу, не ломая ни вѣтвей, ни ліанъ. По словамъ Миклухо-Маклая, нѣкоторыя племена сакаевъ выбираютъ себѣ начальника или царька, который, впрочемъ, по образу жизни, ничѣмъ не отличается отъ другихъ дикарей; когда такой раджа умираетъ, жена его можетъ заставить признать себя царицей. Браки совершаются безъ всякихъ церемоній или обрядовъ; у сакаевъ Пахаига, мужчина долженъ завоевать невѣсту на бѣгѣ; онъ даетъ ей нѣкоторое упрежденіе но если не догонитъ ее по сю сторону цѣли, то ему не дозволяется пытать счастья во второй разъ [1].



Видъ Сингапура.

[1]) Plaisant, „Annales de la Propagation de la Foi", nov. 1848.

По свидѣтельству того же путешественника, нѣкоторыя племена имѣютъ форму общиннаго брака, очень примитивную, предшествующую даже той, которую представляютъ брачные союзы наировъ на Малабарскомъ берегу; каждая женщина принадлежитъ всему племени, хотя она все-таки считается связанною съ своимъ первымъ супругомъ. У этихъ бродячихъ семействъ ребенокъ носитъ имя не матери, а того дерева, подъ которымъ онъ родился [1]).

Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и церемоніяхъ дикарей встрѣчаются слѣды сліянія индусскихъ религій и арабскаго магометанства, но основу ихъ культа составляютъ заклинанія духовъ; ихъ жрецы, или *поянги*, практикуютъ родъ шаманства, какъ жрецы баттановъ и даяковъ на островахъ Суматра и Борнео [2]). Большинство бинуа говорятъ малайскимъ языкомъ; однако, нѣкоторые старики знаютъ лишь идіомъ своихъ предковъ, мало отличающійся отъ нарѣчія жителей Новой Гвинеи. Даже тѣ, которые употребляютъ малайскій языкъ, какъ обычную рѣчь, сохранили въ своемъ словарѣ много словъ папуасскаго происхожденія. По общему вѣрованію, искатели камфоры могутъ разсчитывать на успѣхъ не иначе, какъ подъ условіемъ, если они говорятъ еще древнимъ языкомъ; когда же имъ случится произнести нечаянно малайское слово, то камфорное дерево мгновенно скрывается изъ глазъ, хотя бы оно было на такомъ разстояніи, что его можно было достать рукой. Малайскіе звѣроловы тоже стараются выучиться «камфорному языку» и тѣмъ способствуютъ сохраненію его существованія [3]). Но расѣ угрожаетъ сильная опасность исчезновенія. Въ сосѣдствѣ становищъ дикарей, малайцы устраиваютъ засады, чтобы выкрадывать дѣтей и продавать ихъ въ рабство. Скоро останутся такъ называемые «прирученные» оранги, каковы, напримѣръ, джохорскіе якуны, бинуа, до такой степени измѣнившіеся вслѣдствіе скрещиванія съ китайцами и малайцами, что они уже утратили всѣ характеристическія черты туземца [4]).

Малайцы составляютъ основу населенія, внѣ большихъ городовъ, гдѣ преобладаютъ китайцы. Хотя имя ихъ, по Вету, имѣетъ первоначальный смыслъ «горцевъ», однако, малайцы по большей части—жители равнинъ и морскаго прибрежья; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже всѣ они, безъ исключенія, лодочники или моряки. Гдѣ искать центръ распространенія этихъ народцевъ, представители которыхъ разсѣяны отъ Мадагаскара до Океаніи? Пришли ли они съ азіатскаго континента, или ихъ первые предки, родоначальники, родились въ тѣхъ же архипелагахъ, гдѣ въ наши дни находится главная масса малайской расы? Мнѣнія по этому предмету раздѣлены, и вопросъ остается открытымъ. Какъ бы то ни было, вѣроятно, что первоначальная ихъ родина не полуостровъ Малакка, такъ какъ ихъ собственныя преданія говорятъ, что они пришли изъ другаго мѣста, и оттѣсненныя дикія племена они обозначаютъ именемъ «людей почвы», или «аборигеновъ». Индусское наименованіе «малайцы», повидимому, примѣнялось въ началѣ къ жителямъ западнаго берега Суматры.

Въ физическомъ отношеніи, малайцы полуострова походятъ на малайцевъ острова Борнео. Они средняго роста, гибки и сильны, глаза у нихъ маленькіе, слегка скошенные; лицо широкое, съ выдающимися скулами, волосы жесткіе и черные, борода рѣдкая, физіономія осмысленная, улыбка тонкая, взглядъ гордый. Ихъ повелители, голландцы или англичане, оклеветали ихъ. Они изображали ихъ какъ людей кровожадныхъ и хитрыхъ, а жителей Малаккскаго берега описывали какъ наслѣдственныхъ пиратовъ, живущихъ исключительно контрабандой и грабежемъ. Безъ сомнѣнія, острова морскаго прибрежья часто служили притономъ корсарамъ, особенно когда европейскія державы вооружали туземцевъ однихъ противъ другихъ; но главная масса населенія въ историческія времена всегда состояла изъ мирныхъ земледѣльцевъ. Англичане также часто выставляли малайцевъ пиратами, чтобы извинить предпринятые противъ нихъ походы, или оправдать присоединенія территорій; внутреннія таможни, учрежденныя при входахъ въ лиманы, при сліяніяхъ рѣкъ, на волокахъ и перевалахъ черезъ горы, были представляемы какъ разбойничьи притоны. Но, въ нормальныхъ условіяхъ, малаецъ—самый общежительный, самый миролюбивый изъ азіатцевъ, въ то же время одинъ изъ самыхъ мужественныхъ и самыхъ гордыхъ. Въ деревняхъ, каждый членъ общины самымъ добросовѣстнымъ образомъ уважаетъ права своего сосѣда; нигдѣ не существуетъ болѣе дѣйствительнаго равенства [1]). Нѣтъ человѣка, который лучше умѣлъ бы господствовать надъ своими страстями, спорить съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ своему собесѣднику, противорѣчить, щадя болѣе искусно самолюбіе другаго, высказать ему упрекъ съ большею любезностью и безобидностью, облечь свою откровенность въ болѣе вѣжливую форму. Но онъ имѣетъ право ожидать отъ другихъ того же, что̀ самъ даетъ имъ. Ласковое обращеніе привлекаетъ ихъ сердце, тогда какъ надменное высокомѣріе, которымъ европейцы часто стараются возвеличить себя въ глазахъ туземца, порождаетъ у малайцевъ чувство нена-

[1]) Pupier, Annales de la Propagation de la Foi, 1826.
[2]) Logan, „Journal of the Indian Archipelago", I.
[3]) Миклухо-Маклай, цитированный мемуаръ.
[4]) Logan, цитированный мемуаръ; Müller, Peschel, etc.

[1]) A. R. Wallace, „Malay Archipelago"; Thomson,

висти, смѣшанное съ презрѣніемъ [1]). Однако, и у этихъ людей, умѣющихъ такъ хорошо сдерживать себя въ обыденной жизни, можетъ случиться, что страсти проявляются внезапной вспышкой. Когда малайцемъ овладѣваетъ ярость, ничто не въ состояніи удержать его: онъ бѣгаетъ, какъ безумный, поражая на смерть всякаго, кто попадается на глаза, до тѣхъ поръ, пока его не схватятъ и не убьютъ, какъ дикаго звѣря. Иногда это бѣшеное бѣганье, называемое *амокъ*, составляетъ также погребальную церемонію: предки требуютъ человѣческой крови, которую и проливаютъ, въ честь ихъ, преданные друзья, принося имъ въ жертву какъ свою собственную кровь, такъ и кровь другихъ [2]).

Прежде, чѣмъ сдѣлаться магометанами, малайцы были послѣдователями индусскихъ религій, и до сихъ поръ многія преданія, многія черты нравовъ напоминаютъ времена, когда они еще не вступали въ лоно ислама: у нихъ есть даже не мало суевѣрій, общихъ съ «людьми почвы», которые обожаютъ добрыхъ духовъ и заклинаютъ злыхъ геніемъ. Многоженство встрѣчается у нихъ рѣже, нежели у другихъ магометанскихъ народовъ; оно практикуется только въ тѣхъ случаяхъ, когда мужъ достаточно богатъ, чтобы купить себѣ нѣсколькихъ супругъ. Древніе обычаи матріархата имѣютъ еще силу закона въ большей части семействъ. Молодой человѣкъ не проситъ руки дѣвушки: на матери лежитъ забота сыскать зятя и предложить ему свою дочь; женатый, онъ не имѣетъ никакого права на состояніе своей супруги и даже, если онъ не принесъ въ хозяйство приданаго, равнаго имуществу жены, дѣти принадлежатъ послѣдней, а его собственное достояніе переходитъ къ дѣтямъ его сестеръ. Въ общинной организаціи, достоинство начальника, которое въ принципѣ подлежитъ избранію, слѣдуетъ, вообще говоря, тому же порядку наслѣдованія: оно переходитъ не отъ отца къ сыну, но отъ дяди къ сыну сестры. Глава общины, или *пангулу*, не имѣетъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, какими пользуется староста въ великорусскомъ мірѣ или въ сербской задругѣ: онъ совѣтникъ и примиритель семействъ, или *суку*, которыя обработываютъ земельные участки общины.

Какъ господствующему населенію полуострова, малайцамъ грозитъ опасность. Уже и теперь китайцы составляютъ болѣе трети жителей въ англійскихъ владѣніяхъ и, по всей вѣроятности, они пріобрѣтутъ тамъ численное большинство черезъ нѣсколько лѣтъ; они селятся также въ государствахъ независимыхъ и состоящихъ подъ покровительствомъ; но значительная пропорція этихъ иммигрантовъ, которые почти всѣ уроженцы южнаго Китая, женятся на малайкахъ, и дѣти ихъ, оставаясь китайцами, приспособляются къ нравамъ страны. Рудокопы, ремесленники, земледѣльцы, торговцы, посредники всякаго рода, «сыны Гана» способны на всякія ремесла, и часто англичане опасались, какъ бы власть не перешла въ руки этихъ трудолюбивыхъ колонистовъ. Особенно боятся они тайныхъ китайскихъ обществъ, члены которыхъ даютъ клятву никогда не обращаться къ европейскимъ судьямъ и чиновникамъ и не признавать никакого авторитета, кромѣ авторитета своей ассоціаціи. Политика англичанъ состоитъ въ томъ, чтобы разъединять этихъ опасныхъ подданныхъ, раздѣляя ихъ на группы, враждебныя одна другой, и отчасти они успѣли въ этомъ, благодаря привлеченію на свою сторону богатыхъ китайцевъ, допускаемыхъ подъ разными титулами въ британскую администрацію. Естественная вражда малайцевъ къ китайцамъ служитъ другимъ средствомъ господства для англичанъ [1]). Полицейскія силы, организованныя ими въ горнозаводскихъ округахъ, гдѣ китайцы образуютъ большинство населенія, состоятъ изъ солдатъ сейховъ и гуркасовъ, набранныхъ изъ самыхъ преданныхъ полковъ.

Индусы малайскихъ государствъ и англійскихъ владѣній, называемыхъ *Straits Settlements*, дѣлятся на нѣсколько группъ, смотря по мѣсту ихъ происхожденія. Бенгальцы, которыхъ сразу можно узнать по ихъ красному тюрбану и между которыми выбираютъ красивыхъ *мандуровъ*, нѣчто въ родѣ жандармовъ, шествующихъ впереди бѣлыхъ, въ знакъ уваженія, живутъ въ особыхъ кварталахъ, отдѣльно отъ малабарцевъ южной Индіи. Другіе выходцы изъ Индустана, клингъ, чинліа или телугу изъ Мадраса, присвоившіе монополію разныхъ ремеслъ, между прочимъ, профессію кучеровъ и извозчиковъ, и которые бѣгаютъ безъ устали весь день, вымазанные деревяннымъ масломъ съ головы до ногъ, рядомъ со своими маленькими пони, также населяютъ отдѣльные кварталы. Наконецъ, нѣкоторые индусы обитаютъ въ лагерныхъ баракахъ: это несчастные кулiи, «наемники», санталы, ораоны, коль, которые работаютъ на плантаціяхъ морскаго прибрежья, вольные по тексту ихъ контракта, но въ дѣйствительности рабы или крѣпостные. Арабы, армяне, нѣсколько сотенъ евреевъ, евроазіаты, по большей части португальскаго происхожденія, европейцы или орангъ-пути, т. е. «бѣлые люди», всѣ—негоціанты, чиновники, плантаторы, еще болѣе увеличиваютъ разнообразіе физіономій и костюмовъ въ этомъ космополитическомъ народонаселеніи.

Въ собственно провинціи Straits Settlements въ 1891 году насчитывалось:

---

[1]) Recte; Jukes, „Fly", vol. II; Logan, „Journal of the Indian Archipelago". I.

[2]) Elie Reclus, рукописныя замѣтки.

[1]) Thomson, „Dix ans de Voyages dans la Chine et l'Indo-Chine".

Малайцевъ — 213.000 жит.; китайцевъ— 228.000 жит.; индусовъ 54.000 жит. Въ 1893 г. вновь иммигрировало: китайцевъ—213.545 ж.; индусовъ—18.220 жит.

Несмотря на свое положеніе въ сосѣдствѣ экватора, города англійской Малазіи принадлежатъ къ самымъ здоровымъ въ Индіи, къ тѣмъ городамъ, гдѣ европейскія семейства сохраняются и размножаются, продолжаясь изъ поколѣнія въ поколѣніе[1]). Что касается «португальцевъ» Пуло-Пинанга, Малакки, Сингапура, то они сдѣлались чернѣе малайцевъ, и только очень немногіе изъ нихъ напоминаютъ чертами Магеллановъ, Альбукерковъ, Кастро и Суза, которыхъ они считаютъ себя потомками. Одно племя якуновъ претендуетъ на такое же происхожденіе, и дѣйствительно между нимъ и малакскими португальцами не замѣтно никакой разницы въ отношеніи роста, цвѣта кожи, формы лица [2]).

Порты западнаго берега полуострова, на югѣ отъ города Мульмейна, ведутъ значительную торговлю, но которая, безъ сомнѣнія, быстро возростетъ, какъ только хорошія дороги соединятъ Тавой и Мерги съ берегами Сіамскаго залива и когда недавно основанныя плантаціи сосѣднихъ холмовъ, гдѣ разведены кофейное дерево, чайный кустъ, хинное дерево, пряныя растенія, будутъ давать полный сборъ продуктовъ; земли роздаются участками, величиною отъ 4 до 2.400 гектаровъ.

Внѣшняя торговля г. Тавой въ теченіе фискальнаго 1880—1881 г.—2.061.100 франк.; торговля г. Мерги въ томъ же году—2.450.000 франк.

Тенассеримъ, давшій свое имя одному изъ трехъ административныхъ дѣленій англійской Барманіи, есть простая деревня, которую посѣщаютъ, и то не безъ труда, суда небольшаго водоуглубленія. Прибрежные рыболовы, особенно тавойскіе, держатъ одно домашнее животное, къ которому всѣ другіе люди, кромѣ этихъ туземцевъ, испытывали бы лишь чувство ужаса: это змѣя удавъ или боа. Они кормятъ его рисомъ и яйцами, какъ своихъ дѣтей, собакъ и кошекъ, которыя живутъ въ мирѣ и согласіи рядомъ другъ съ другомъ. Удавъ—неизбѣжный спутникъ рыбаковъ во всякой экспедиціи. Онъ свертывается въ клубокъ на днѣ барки, гдѣ и лежитъ неподвижно по цѣлымъ днямъ; но когда собирается буря, онъ поднимаетъ голову и, проскользнувъ черезъ бортъ, бросается въ море, чтобы плыть къ твердой землѣ; тогда моряки спѣшатъ натянуть паруса и слѣдуютъ за своимъ вожакомъ-змѣемъ [3]).

На югѣ отъ рѣки Пакшанъ, которой, быть можетъ, суждено сдѣлаться современемъ путемъ международнаго торговаго обмѣна, территорія полуострова принадлежитъ Сіамскому королевству или раджамъ данникамъ. Высокіе холмы показываютъ издали «колѣно» полуострова, т. е. то самое мѣсто, гдѣ морской берегъ, протянувшійся съ сѣвера на югъ, мѣняетъ направленіе, поворачивая къ юго-востоку. Большой островъ, Ксалангъ, Салангъ, Цейлонъ или Джонкъ-Цейлонъ, продолжаетъ сѣверный берегъ, прикрывая на востокѣ большое число портовъ, гдѣ цѣлые флоты могли бы безопасно стоять на якорѣ между островками и рифами. Это имя Цейлонъ, кажется, напоминаетъ ошибочное понятіе, которое нѣкогда сложилось въ умѣ неопытныхъ моряковъ, смѣшивавшихъ индійскій островъ Тапробану съ землями Малайскаго архипелага [1]): здѣсь или въ сосѣдствѣ—можетъ быть, въ Панга или въ Кедахѣ—слѣдуетъ искать Калахъ арабскихъ мореплавателей, большой рынокъ, который первые комментаторы искали на островѣ Цейлонѣ, въ Пойнтъ-де-Галлѣ.

На восточномъ берегу, къ сѣверу отъ Сіамскаго залива, сіамскіе или малайскіе города имѣютъ въ настоящее время маловажное торговое значеніе. Населенія внутренности страны слишкомъ малочисленны, чтобы могли питать сколько-нибудь значительную торговлю; оловянные рудники слабо разработываются, залежи каменнаго угля были только обслѣдованы, и на дорогахъ или каналахъ, перерѣзывающихъ полуостровъ отъ моря до моря, не возникли еще города, которые охраняли бы ихъ приморскія оконечности. Города Лигоръ и Патани, на восточномъ берегу полуострова, вели нѣкогда довольно дѣятельную торговлю, пока Батавія, Сингапуръ, Пинангъ не привлекли, въ началѣ семнадцатаго столѣтія, въ свои порты главное движеніе торговаго обмѣна; голландцы основали контору въ Патани, и вскорѣ послѣ того тамъ поселились англичане. Но набѣги дикихъ племенъ изъ внутреннихъ областей заставили европейскихъ негоціантовъ покинуть край съ перваго года слѣдующаго столѣтія.

Пуло-Пинангъ, «Островъ Пальмовый», принадлежитъ британскому правительству уже около ста лѣтъ; данный одному англійскому моряку, который женился на дочери кедахскаго раджи, онъ вошелъ, въ 1786 году, въ составъ колоніальной имперіи Англіи, и вскорѣ его новые владѣтели оцѣнили его какъ санитарную станцію. Покрытая лѣсомъ гора, поднимающаяся въ сѣверной части острова, достигаетъ высоты 830 метровъ, и этой высоты достаточно, чтобы нормальное пониженіе температуры и чистота воздуха, безпрестанно обновляемаго вѣтромъ, образовали климатъ,

---

[1]) A. Clarke, „Proceedings of the Geographical Society of London“, aug. 1882

[2]) Favre, „An account of the wild Tribes inhabiting the Malayan Peninsula“.

[3]) Shwaye Yoe, „The Burman“.

[1]) Yule, „Cathay and the way thither“; „The Book of ser Marco Polo“.

совершенно отличный отъ климата индусскихъ береговъ. Гораздо ранѣе, чѣмъ были построены санитарные города на Гималаяхъ и Ниль-Гири, Пуло-Пинангъ, называемый также островомъ принца Валлійскаго, былъ посѣщаемъ калькуттскими и мадрасскими негоціантами и чиновниками, желавшими возстановить свое разстроенное здоровье. Снизу, когда смотришь на гору, видны послѣдовательныя зоны растительности, расположенныя ярусами по склонамъ надъ поясомъ пальмъ арекъ, который далъ свое имя острову; виллы показываются на выступахъ горы, во всѣхъ долинахъ, и между деревьями проглядываютъ дороги, извивающіяся въ лѣсу. Главный городъ, Танджонгъ малайцевъ, Джорджтаунъ англичанъ, сгруппировалъ свои дома у восточнаго основанія горы, на ближайшемъ къ твердой землѣ мысѣ. Разсказываютъ, что въ 1786 году, когда капитанъ Лайтъ пришелъ взять во владѣніе островъ именемъ Англіи, онъ прибѣгъ къ слѣдующему оригинальному средству, чтобы заставить туземцевъ расчистить джунгль, гдѣ въ настоящее время стоитъ Джорджтаунъ: онъ велѣлъ зарядить свои пушки серебряными монетами и выпалилъ въ самую густую чащу лѣсной поросли, зная очень хорошо, что малайцы постараются расчистить почву до основанія, чтобы отыскать соблазнительные доллары [1]) Портъ, защищенный отъ вѣтровъ открытаго моря всею массой острова, доступенъ большимъ кораблямъ и ведетъ значительную торговлю оловомъ, перцемъ, кокосовымъ масломъ, индійскимъ тростникомъ; когда началась ачинская война, экспортъ Пуло-Пинанга увеличился вывозомъ продуктовъ и товаровъ, предназначенныхъ для голландскихъ войскъ. Годовая цѣнность внѣшней торговли простирается до 150.000.000 франк.

Населеніе малайское, китайское, индусское, которое водворилось на материкѣ напротивъ острова, въ англійской провинціи Уэллеслей, почти все состоитъ изъ земледѣльцевъ и работаетъ на рисовыхъ поляхъ, плантаціяхъ сахарнаго тростника и въ «чайныхъ» и «маніоковыхъ садахъ». Города въ собственномъ смыслѣ встрѣчаются лишь въ государствѣ Перакъ, или «Серебряномъ», заключающемъ въ себѣ почти весь бассейнъ рѣки этого имени, на востокѣ и на югѣ провинціи Уэллеслей. Столица этого государства, состоящаго подъ покровительствомъ Англіи, Квала-Кангса, лежитъ на берегу рѣки, внутри материка; но самое значительное городское поселеніе, гдѣ командуетъ англійскій резидентъ,—это портъ Ларутъ, мѣсто вывоза оловянной руды, собираемой китайцами въ окружающей области. Между Ларутомъ и устьемъ Перака, островъ Диндингъ и отрывокъ территоріи, почти такой же большой, какъ провинція Уэллеслей, были присоединены къ колоніальной имперіи Великобританіи.

Городъ Селангоръ, лежащій при устьѣ рѣки того же имени, былъ недавно столицей государства; его смѣнилъ, въ качествѣ столицы, Клангъ, получившій это названіе отъ рѣки, орошающей его сады, и оставался главнымъ городомъ до 1870 года. Суда, имѣющія 4 метра водоуглубленія, поднимаются по рѣкѣ до самаго Кланга; пароходы меньшихъ размѣровъ проникаютъ на 30 километровъ дальше, до Дамасары, откуда выходитъ отличная колесная дорога, служащая для перевозки руды. Нѣкоторыя изъ горнопромышленныхъ компаній, между прочимъ, ампагнанская, употребляютъ до тысячи рабочихъ въ одномъ рудникѣ и пользуются машинами, привезенными изъ Европы. Капиталисты выхлопотали себѣ во владѣніе обширныя земли въ Селангорѣ, для культуры тропическихъ растеній; одно изъ такихъ крупныхъ имѣній заключаетъ слишкомъ 800 гектаровъ подъ корнями маніока и располагаетъ усовершенствованными паровыми машинами. Центральнымъ рынкомъ для этихъ промышленниковъ служитъ городъ Квала-Лампуръ; выбранный англійскимъ резидентомъ столицею государства, состоящаго подъ покровительствомъ Великобританіи, онъ находился недавно подъ управленіемъ одного китайца [1]). На югѣ, государство Сунгей-Уджонгъ, тоже обогащенное своими оловянными рудниками и кофейными плантаціями, подчинено англійскому протекторату; но группа маленькихъ республикъ, лежащихъ на востокѣ и извѣстныхъ подъ именемъ Негри-Сембиланъ, или «Девяти государствъ», избѣгла до сихъ поръ замаскированнаго присоединенія къ британскимъ владѣніямъ. Англичанамъ даже рѣдко удается проникать въ эту территорію; «куда пройдетъ игла, туда и нитка за нею послѣдуетъ», говорятъ туземцы, въ предвидѣніи ожидающей ихъ въ близкомъ будущемъ участи. Что касается большаго государства Пахангъ, названнаго такъ по имени многоводной рѣки, изливающейся въ Китайское море, то оно старается сохранить свою независимость, признавая двухъ соперничающихъ другъ съ другомъ сюзереновъ. Султанъ или раджа, имѣющій резиденцію на лиманѣ рѣки Пахангъ, въ городѣ Пеканъ, выслушиваетъ съ уваженіемъ совѣты и указанія, даваемые ему англійскимъ правительствомъ, но въ то же время объявляетъ себя вассаломъ короля сіамскаго, которому посылаетъ каждый годъ, какъ и его сосѣди, сѣверные государи, золотую вазу и серебряную розу.

Малакка, столица черезполоснаго владѣнія, состоящаго подъ непосредственнымъ управленіемъ Англіи, есть древнѣйшій городъ полу-

---

[1]) Cameron, „Our Tropical possessions in Malayan India".

[1]) Daly, „Proceedings of the Geographical Society of London", aug. 1882.

острова, которому онъ далъ свое имя. Онъ былъ столицею могущественнаго малайскаго царства, которое предписывало морскіе законы мореплавателямъ восточныхъ морей: «малайскій обычай», обнародованный въ 1276 г., до сихъ поръ еще служитъ закономъ, регулирующимъ отношенія и права моряковъ въ водахъ Малазіи [1]). Завоеванный португальцами въ 1511 г., этотъ городъ принадлежалъ имъ въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ, затѣмъ, какъ бо̀льшая часть другихъ португальскихъ владѣній въ Индіи, перешелъ въ руки голландцевъ, которые удерживали его за собою до 1824 года. Сдѣлавшись англійскимъ городомъ, Малакка сохранилъ свою мирную физіономію; каналъ раздѣляетъ его на двѣ части: въ одной живутъ европейцы и люди, состоящіе у нихъ въ услуженіи, а другая, торговая часть, населена малайцами и китайцами. На пространствѣ нѣсколькихъ километровъ, по берегу моря тянутся непрерывнымъ рядомъ дома̀, окруженные фруктовыми деревьями и садами; городъ сливается своею зеленью съ окружающими полями, обширной равниной, поросшей лѣсомъ кокосовыхъ пальмъ, надъ которыми виднѣются вдали синеватыя вершины горъ, расположенныхъ амфитеатромъ. Какъ городъ научный и литературный, Малакка уже не соперничаетъ болѣе съ Сингапуромъ, но прежде онъ былъ главнымъ центромъ умственнаго движенія въ Малазіи. Тамъ появились первыя англійскія изданія на крайнемъ Востокѣ: уже въ 1826 г. тамъ былъ основанъ журналъ «Malacca Observer and Chinese Chronicle»; тамъ же былъ напечатанъ первый по времени сборникъ въ этихъ странахъ подъ именемъ «Indo - Chinese Gleaner» [2]).

Сингапуръ, который до сихъ поръ сохраняетъ свое санскритское имя «Города львовъ», свидѣтельствующее о существованіи въ этой мѣстности древняго центра индусской цивилизаціи, имѣетъ, однако, какъ городъ, недавнее происхожденіе. Послѣ обратной уступки острова Явы голландцамъ, англійское правительство хотѣло пріобрѣсти, взамѣнъ этой колоніи, пунктъ, въ одно и то же время стратегическій и торговый, который позволилъ бы ему вновь завоевать посредствомъ торговли, по крайней мѣрѣ, часть богатствъ, отошедшихъ обратно къ Голландіи. Островъ, такъ удобно пріютившійся въ бухтѣ континента, на крайнемъ углу полуострова, представлялъ всѣ выгоды, какъ мѣсто пристанища для кораблей. Стамфордъ Рафльсъ, бывшій губернаторъ Явы, снялъ въ аренду, а затѣмъ купилъ эту землю у Джохорскаго султана, и чтобы бороться противъ запретительной торговой системы голландцевъ, онъ открылъ новый портъ судамъ всѣхъ націй на правахъ порто франко. Успѣхъ этой мѣры превзошелъ всѣ ожиданія: городъ быстро выросъ изъ топей прибрежья, и негоціанты стеклись со всѣхъ сторонъ, особенно китайцы, первые по умѣнью вести торговыя дѣла и по духу предпріимчивости.

Въ теченіе долгаго времени Сингапуръ пользовался монополіей торговли между Индіей и крайнимъ Востокомъ. Порты Китая, Кохинхины, Сіама были тогда закрыты мореплавателямъ; портъ Батавіи, не будучи безусловно запрещенъ европейской торговлѣ, былъ свободно открытъ только нидерландскимъ судамъ; равнымъ образомъ и другіе порты, принадлежащіе Голландіи, были закрыты фискальными ограниченіями. Напротивъ, входъ въ англійскій портъ былъ совершенно открытъ; корабли становились тамъ на якорь и выходили оттуда, не платя ни таможенныхъ пошлинъ, ни какихъ-либо другихъ налоговъ или сборовъ; городъ принадлежалъ всѣмъ: китайцы, индусы, малайцы и арабы селились тамъ безпрепятственно, пользуясь большей свободой, чѣмъ у себя на родинѣ. Рисъ, кофе, всѣ произведенія тропическихъ странъ находили въ этомъ городѣ корабли, отправляющіеся въ Европу. Теперь, когда моряки могутъ забирать грузы непосредственно въ портахъ Сіама, Кохинхины и Сондскихъ острововъ, Сингапуръ представляетъ только одну выгоду, но она очень важная—ту выгоду, которая ему обезпечиваетъ, въ отношеніи пересылки корреспонденціи, остановки пассажировъ и склада товаровъ, его несравненное положеніе на крайнемъ углу континента, при проливѣ, черезъ который производится сообщеніе между двумя океанами.

«Городъ львовъ», гдѣ собрано свыше ста шестидесяти тысячъ жителей (по переписи 1891 г.), принадлежащихъ ко всѣмъ расамъ Азіи, раскинулся на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ по берегу рейда и лимана, разрѣзывающаго южный берегъ. Какъ всѣ города Востока, населенные людьми различныхъ кастъ и національностей, Сингапуръ дѣлится на многочисленные кварталы: малайскій, китайскій, клингскій, малабарскій и т. д., которые всѣ различаются между собою родомъ постройки и промыслами жителей. Самый оживленный кварталъ прилегаетъ къ докамъ, огромнымъ бассейнамъ, куда входятъ корабли, имѣющіе болѣе 6 метровъ водоуглубленія; пароходы останавливаются у набережныхъ; въ рейдѣ качаются китайскія джонки, малайскія праго и суда и лодки всевозможныхъ формъ, управляемыя островитянами Сондскаго архипелага. Европейскіе и американскіе товары, индійскія ткани нагромождены въ складахъ и на набережныхъ, вмѣстѣ съ произведеніями острововъ и сосѣдняго полуострова: пряностями всякаго рода, зерновыми хлѣбами, чаемъ, кофе, сахаромъ, маслами и камедями, кассіей,

---

[1]) Th. Benfey, „Encyclopaedie von Ersch und Gruber".
[2]) Henri Cordier, „London and China Express", febr. 3, 1882.

кашу, гутта-перчей. Эта громадная торговля переходитъ мало-по-малу въ руки китайскихъ посредниковъ, банкировъ или мелкихъ ростовщиковъ; они выдаютъ ссуды подъ стоимость грузовъ или туземнымъ морякамъ, или иностраннымъ судовладѣльцамъ, и скоро, въ той или иной формѣ, всѣ барыши отъ продажи попадаютъ въ ихъ карманы. Кругъ ихъ дѣятельности современемъ еще болѣе распространится, благодаря паровому парому, который въ близкомъ будущемъ соединитъ противоположные берега пролива, и джохорской желѣзной дорогѣ, которая, исходя изъ главнаго города вассальнаго государства, достигнетъ, рано или поздно, Малакки и другихъ городовъ западнаго поморья.

Торговое движеніе Сингапура въ 1893 году (не считая ввоза и вывоза драгоцѣнныхъ металловъ):

Цѣнность привоза—108.243.653 доллар.; вывоза—108.456.082 доллар.

Окрестности города усѣяны многочисленными *кампонгами*, малайскими и китайскими, а по бокамъ сосѣдняго холма извиваются аллеи парка, который въ то же время служитъ и ботаническимъ садомъ. Хотя населеніе существуетъ почти исключительно торговлей, островъ, однако, покрытъ плантаціями, которыя жители должны защищать отъ нападенія маленькихъ дикихъ свиней, наносящихъ большой вредъ посѣвамъ и насажденіямъ. Въ первыя времена колонизаціи тигры были очень опасны: чуя человѣчье мясо, они переправлялись черезъ проливъ вплавь и, какъ говорятъ, ежегодно пожирали до трехсотъ человѣческихъ жертвъ[1]), но благодаря большимъ преміямъ, платимымъ колоніальнымъ правительствомъ и негоціантами, и особенно благодаря распространенію земледѣлія, эти страшные сосѣди почти совершенно исчезли. Теперь европейцы могутъ безъ всякаго опасенія строить свои загородные домà въ самыхъ живописныхъ мѣстностяхъ. Склоны холмовъ, возвышающихся только на 100 до 150 метровъ, не поднимаются въ атмосферу, климатъ которой былъ бы чувствительно болѣе умѣренный, чѣмъ климатъ низменныхъ береговъ, но бриза дуетъ тамъ болѣе свободно, и съ высоты вершинъ можно любоваться видомъ моря и архипелаговъ, усѣянныхъ кораблями, которые плывутъ къ порту или удаляются отъ него, образуя на поверхности водъ безконечную сѣть взаимно пересѣкающихся бороздъ. Всѣ торговые пути Индійскаго и Тихаго океановъ сходятся къ этой конечной точкѣ Азіи.

Населеніе главныхъ городовъ полуострова Малакки:

Сингапуръ—160.000 жит.; Джорджтаунъ—40.000; Малакка — 20.000; Тавой — 14.800; Мерги—10.750; Кедахъ или Кведа (по Пальгуа)—8.000; Панга (по Джемсу Лоу)—8.000 ж.

---

[1]) Martens, „Mittheilungen von Petermann", 1864, № 6.

АДМИНИСТРАТИВНЫЯ ДѢЛЕНІЯ ИНДІИ И ИНДО-КИТАЯ.

АНГЛІЙСКАЯ ИНДІЯ.

ПРОСТРАНСТВО И НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ.

По переписи 1872 г., пространство—3 791.106 квадр километровъ. Населеніе - 238.928.971 жит. Километрическое населеніе (среднее число жителей на 1 квадр. километръ)—63. По переписи 1891 года, пространство Англо-Индійской имперіи, со всѣми внѣшними владѣніями – 5.147.340 кв. километровъ. Населеніе – 291.381.000 душъ.

Названіе провинцій.	Квадр. километровъ.	Процентъ.	Народонаселеніе (1872 г.).	Процентъ.
I. ДѢЛЕНІЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ				
A. Президентство Бенгальское	2.118.763	56	152.484.294	64
B. „ Мадрасское	382.758	10	34.507.604	14
C. „ Бомбейское	506.179	14	25.189.309	10
D. Полунезависимыя государства	783 436	20	26.747.764	11
II. ДѢЛЕНІЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ.				
A. Англійская администрація	2.318.429	62	190.840.893	80
B. Вассальныя государства	659.241	18	21.340.314	9
C. Полунезависимыя государства	783 436	20	26.747.764	11

III. РАСПРЕДѢЛЕНІЕ КИЛОМЕТРИЧЕСКАГО НАСЕЛЕНІЯ.

A. Президентство Бенгальское	72	Англійская администрація	81
B „ Мадрасское	90	Вассальныя государства	33
C „ Бомбейское	50		
D Полунезависимыя государства	34	Полунезависимыя государства	34

А. БЕНГАЛЬСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО.

Пространство—2.118.733 квадратн. километровъ. Народонаселеніе—152.484.294 жит. Километрическое населеніе: 72.

I. Нижняя Бенгалія.

6 отдѣловъ, 27 округовъ. Пространство – 204.555 квадр. километровъ. Населеніе – 34.277.342 жит. Километрическое населеніе—167.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имѣющіе свыше 20.000 жителей (1891 г.): Имена.	Населеніе.
1. Отдѣлъ Кучъ-Бехаръ, 2 округа	10.722	513.377	47		
Дарджилингъ	3.196	94.712	30		
Джальпигори	7.526	418.665	56		
2. Отдѣлъ Раджшахи, 7 округовъ	45 825	8.893.738	194	Муршидабадъ	36.000
				Баолеахъ	22.300
Мальдахъ (English-Bazar)	4 695	676.426	144		
Динаджпуръ	10.686	1.501.924	141		
Рангпуръ	9.002	2.149.972	239		
Муршидабадъ	6.677	1.353 626	203		
Раджшахи	5.786	1.310.329	227		
Богра	3.887	689.467	217		
Патна	5.092	1.211.894	238		

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имѣющіе свыше 20.000 жителей.	
				Имена.	Населеніе.
3. Отдѣлъ Бардванъ, 5 округовъ....	32.941	7.286.957	221	Хаурахъ............	117.000
				Хугли-Чинсура.....	33.000
Бирбгумъ или Сури............	3.481	695.921	200	Серампуръ........	36.000
Бардванъ.....................	9.124	2.034.745	223	Бардванъ...........	34.000
Банкура......................	3.486	526.772	153	Хульна.............	27.350
Хугли, съ Хаурахомъ, предмѣстье Калькутты..................	3.688	1.488.556	404	Миднапуръ..........	31.500
Миднапуръ....................	13.162	2.540.963	193	Чандракона.........	21.300
4. Президентство, 5 округовъ......	39 409	6.545.464	166	Калькутта съ пригородами............	811.000
Калькутта....................	21	679.300	—	Сантипуръ..........	28.650
24 Парганы...................	7.221	2.009.348	306	Кишнагаръ..........	26.750
Джессоръ.....................	9.474	2.044.021	219	Бархампуръ.........	30.000
Сандербанъ...................	13.833	Ненаселенъ.	—		
Надія........................	8.860	1.812.795	205		
5. Отдѣлъ Дакка, 4 округа.........	40.456	7.592.932	182	Дакка..............	82.000
Майменсингъ..................	16.298	2.349.917	144		
Дакка........................	7.503	1.852.993	247		
Фаридпуръ....................	3.874	1.012.599	261		
Бакарганджъ..................	12.781	2.377.433	186		
6. Отдѣлъ Джиттагонгъ, 4 округа...	35.202	3.444.874	98	Джиттагонгъ........	24.000
Типперахъ или Кумиллахъ......	6.876	1.533.931	223		
Ноахали или Судгарамъ........	4.032	713.934	187		
Джиттагонгъ..................	6 470	1.127.402	174		
Джиттагонгъ-Гильзъ...........	17.824	69.607	4		

II. Бехаръ.

2 отдѣла, 10 округовъ. Пространство—109.855 квадр. километровъ. Населеніе - 19.736.101 жит. Километрическое населеніе—180.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом	Города, имѣющіе свыше 20.000 жителей.	
				Имена.	Населеніе
1. Патна, 6 округовъ.............	61.463	13.122.743	214	Патна и Банкипуръ..	165.000
				Бехаръ.............	44.295
Чампаранъ или Мотигари........	9.145	1.440.815	158	Гайя...............	80.000
Сарунъ или Чапра..............	6.874	2.063.860	300	Джаханабадъ........	21.020
Тиргутъ или Музаффарпуръ....	16.428	4.384.706	267	Арра...............	43.000
Аррахъ или Шабахадъ..........	11.357	1.723.974	152	Музаффарпуръ.......	38.225
Гайя.........................	12.219	1 919.750	160	Дарбханга..........	74.000
Патна........................	5.441	1.559.638	287	Чапра..............	57.000
				Хаджипуръ..........	22.300
				Сасарамъ...........	21.020
2. Отдѣлъ Багальпуръ, 4 округа...	48.391	6.613.358	137	Багальпуръ.........	69.000
				Монгиръ............	57 000
Монгиръ......................	10.134	1.812 986	175		
Багальпуръ...................	11.206	1.826.290	163		
Пурніахъ.....................	12.838	1.714.795	134		
Санталь-Парганасъ............	14.213	1.259.287	88		

III. Чота-Нагпоръ.

1 отдѣлъ, 4 округа. Пространство—73.766 квадр. километр. Народонаселеніе—3.419.591 жит. Километрическое населеніе—47.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе	Жителей на 1 кв. килом	Главные города.	
				Имена.	Число жителей.
Лохардага или Ранчи	31.193	1.237.123	40	Ранчи	12.100
Хазарибагъ	18.184	771.875	43	Хазарибагъ	11.050
Сингбхумъ или Чайбасса	11.662	415.023	36		
Манбхумъ или Пуруліа	12.727	995.570	78		

IV. Орисса.

1 отдѣлъ, 4 округа. Пространство—22.569 квадратн. километровъ. Населеніе—3.162.490 жит. Километрическое населеніе—140.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имѣющіе свыше 20.000 жителей.	
				Имена.	Населеніе.
Балассоръ	5.351	770 232	144	Каттакъ	47.000
Каттакъ	8.231	1.494.784	182	Пури	29.000
Пури	6.405	769.674	120		
Угулъ и Банки	2.582	127.800	49		

V. Ассамъ.

11 округовъ. Пространство—139.481 квадр. километровъ. Населеніе—4.282.019 жит. Километрическое населеніе—31.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города.	
				Имена.	Число жителей.
Гоальпара	11.481	444.761	39	Сайльгетъ	16.850
Горы Гарро (Garro-Hills)	8.780	80.000	9	Гаошати	11.500
Хасіа и Джайнта	15.780	141.838	9	Гоальпара	6.050
Камрупъ	9.464	561.681	60		
Дорангъ	8.839	236.009	27		
Наугонгъ	9.448	256 390	27		
Сибсагаръ	6.249	296.589	47		
Лахинпуръ	8.245	121.267	15		
Горы Лахинпуръ (L. Hills)	21.608	100.000	—		
Горы Нага (N. Hills)	12.696	68.918	5		
Сайльгетъ	13.941	1.719.539	120		
Качаръ	3.328	205.027	62		
Горы Качаръ	9.622	50.000	5		

VI. „Сѣверо-западныя" провинціи.

7 отдѣловъ, 35 округовъ. Пространство—210.825 квадр. километр. Населеніе—30.781.204 жит. Километрическое населеніе—146.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города.	
				Имена.	Число жителей.
1. Отдѣлъ Миратъ, 6 округовъ	28.829	4.977.173	173	Миратъ	119.000
Дхера-Дунъ	2.644	116.945	44	Сахаранпуръ	63.000
Сахаранпуръ	5.742	884.017	154		

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Число жителей.
Мозаффарнагаръ	4.297	690.107	161		
Миратъ или Мирутъ	6.112	1.276.104	209		
Буланшаръ	4.947	936.667	189		
Алигаръ	5.087	1.073.333	211		
2. Отдѣлъ Рогильхандъ, 6 округовъ	30.574	5.436.314	178	Барели	121.000
				Шахджаханпуръ	79.000
Биджнуръ	4.929	737.153	149	Морадабадъ	73.000
Морадабадъ	5.884	1.122.437	191	Самбгалъ	47.975
Будаонъ	5.193	934.348	180	Амроа	34.900
Барели	7.723	1.507.139	195	Будаонъ	33.680
Шахджаханпуръ	4.462	949.579	213	Пилибгитъ	34.000
Терай или Кашипуръ	2.383	185.658	78	Чандауси	23.500
3. Отдѣлъ Агра, 6 округовъ	26.323	5.040.919	192	Агра	169.000
				Маттра	61.000
Муттра	4.175	887.689	213	Бриндабанъ	20.350
Агра	4.942	1.096.357	222	Фаррахабадъ	78.000
Фаррухабадъ	4.519	918.860	204	Майнпури	21.180
Майнпури	4.392	765.845	175	Этава	35.000
Этавахъ	4.380	668.641	153		
Этахъ	3.915	703.527	180		
4. Отдѣлъ Джанси, 3 округа	13.123	934.934	72	Кальпи	15.850
Джалаунъ	4.022	404.447	100		
Джанси	4.058	317.826	78		
Лалитпуръ	5.043	212.661	42		
5. Отдѣлъ Аллахабадъ, 6 округовъ	34.762	5.468.955	157	Аллахабадъ	175.000
				Каунпоръ	189.000
Каунпоръ	6.053	1.156.055	191	Банда	29.000
Фатехпуръ	4.108	663.877	162	Джаонпуръ	38.325
Банда	7.534	697.684	93		
Аллахабадъ	7.114	1.396.241	196		
Хамирпуръ	5.923	529.137	89		
Джаонпуръ	4.030	1.025.961	255		
6. Отдѣлъ Бенаресъ, 6 округовъ	47.436	8.179.307	173	Бенаресъ	219.000
				Горакпуръ	64.000
Азимгаръ	6.643	1.531.482	231	Мирзапуръ	84.000
Мирзапуръ	13.512	1.015.826	75	Газипуръ	38.864
Бенаресъ	2.579	794.039	308		
Газипуръ	5.615	1.345.570	240		
Горакпуръ	11.859	2.019.361	170		
Басти	7.228	1.473.029	204		
7. Отдѣлъ Кумаонъ, 2 округа	29.778	743.602	25	Альмора	6.250
				Найни-таль	6.000
Кумаонъ или Альмора	15.539	433.314	28		
Гарваль или Сринагаръ	14.239	310.288	22		

VII. А у д ъ.

4 отдѣла, 12 округовъ. Пространство—62.137 квадр. километровъ. Населеніе—11.220.232 жит. (22.137, населеніе непостоянное). Километрическое населеніе—181.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населенія.
1. Отдѣлъ Ситапуръ, 3 округа	19 652	2.598.933	132	Шахабадъ	19.475
Кехри	7.889	737.732	93	Хайрабадъ	15.675
Гардой	5.936	930.977	157		
Ситапуръ	5.827	930.224	159		
2. Отдѣлъ Лукнау, 3 округа	10.590	2.570.950	243	Лукнау	273.000
Уунау	3.494	724.949	207		
Лукнау	3.605	970.625	269		
Барабанки	3.491	875.376	207		
3. Отдѣлъ Файзабадъ, 3 округа	19.868	3.379.262	170	Файзабадъ	79.000
Барайчъ	7 019	774.437	110		
Гонда	6.809	1.167.816	171		
Файзабадъ	6.040	1.437.009	237		
4. Отдѣлъ Рай-Барели, 3 округа	12 027	2.648.950	220	Рай-Барели	11 550
Рай-Барели	3.496	782.874	224		
Султанпуръ	4.066	930.023	229		
Партабгаръ	4.465	936 053	210		

VIII. П е н д ж а б ъ.

10 отдѣловъ, 32 округа. Пространство—263.726 квадр. километр. Населеніе—17.611.503 жит. Километрическое населеніе—67.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
1. Отдѣлъ Пешаверъ, 3 округа	20.116	1.035.789	52	Пешаверъ	84.000
Пешаверъ	4.996	523.152	105	Кантонирь-квартиры.	22.700
Когатъ	7.350	145.419	20		
Хазара или Абботабадъ	7 770	367.218	47		
2. Отдѣлъ Дера-Джатъ, 3 округа	32.542	991.251	31	Дера-Гази-Ханъ	24.000
Дера-Измаилъ-Ханъ	18.380	394.864	22	Дера-Измаилъ-Ханъ	22.000
Дера-Гази-Ханъ	6.006	308.840	51		
Банну	8.156	287.547	55		
3. Отдѣлъ Равальпинди, 4 округа	43.316	2.197.397	51	Равальпинди	20.800
Равальпинди	16.099	711.256	44		
Джиламъ	10 126	509.998	49		
Гуджератъ	4.921	616.347	125		
Шахпуръ	12.170	368.796	30		
4. Отдѣлъ Мультанъ, 4 округа	52.295	1.474.574	28	Мультанъ	75.000
Мультанъ	15.231	471.563	31	Джхангъ	22.225
Джхангъ	14.793	348.027	24		
Монтгомери	14.434	359.437	25		
Музаффагаръ	7.837	295.547	38		

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
5. Отдѣлъ Амрицаръ, 3 округа	13.848	3.743.880	198	Амрицаръ	137.000
Амрицаръ	5.273	1.083.314	205	Батала	28.725
Сіалкотъ	5.102	1.005.004	197	Сіалкотъ	55.000
Гурдаспуръ	3.473	655.362	189		
6. Отдѣлъ Лагоръ, 3 округа	23.239	1.889.485	82	Лагоръ	177.000
Лагоръ	9.386	789.666	84	Гуджранвала	20.360
Фирозпуръ	6.972	549.243	79	Фирозпуръ	50.000
Гуджранвала	6.881	550.576	80		
7. Отдѣлъ Джалландаръ, 3 округа	34.547	2.477.536	97	Джалландаръ	66.000
Джалландаръ	3.452	794.764	230	Гошіарпуръ	21.320
Гошіарпуръ	5.403	938 890	174		
Кангра	22.692	743.882	38		
8. Отдѣлъ Амбала, 3 округа	10.373	1.652.728	159	Амбала	79.300
Амбала	6.806	1.035.488	152	Лудіана	46.000
Лудіана	3.250	583.245	166		
Симла	47	33.995	—		
9. Отдѣлъ Дели, 3 округа	14 490	1.916.428	133	Дели	193.000
Дели	3.178	608.850	192	Ревари	25.250
Гургаонъ	5.221	696.646	134	Карнуль	27.025
Карнуль	6.091	610.927	100	Панипатъ	28.000
10. Отдѣлъ Гиссаръ, 3 округа	21.960	1.232.435	36	Бивани	33.325
Гиссаръ	9.168	484 681	53		
Ротакъ	4.721	536.959	114		
Сирса	8.071	210.795	26		

IX. Центральныя провинціи.

4 отдѣла, 19 округовъ. Пространство—220.045 квадр. километровъ. Населеніе—8.201.519 жит. Километрическое населеніе—37.

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
1. Отдѣлъ Нарвада, 5 округовъ	45.354	1.590.907	35	Бургампуръ	29.300
Нимаръ или Азиргаръ	8.650	211.176	68		
Гошангабадъ	10.935	440.186	40		
Нарсинпуръ	4.962	339.395	68		
Байтулъ	19.665	284.055	27		
Чиндвара	10.142	316.095	31		
2. Отдѣлъ Джавальпуръ, 5 округовъ	49.330	1.946.574	39	Джабальпуръ	35.188
Сагоръ	10.373	527.725	52	Сагоръ (Сагаръ)	45.000
Дамохъ	7.249	269.642	36		
Джабальпуръ	10.147	528.859	52		
Сеони	9.339	407 330	44		
Мандла	12.222	213.018	17		
3. Отдѣлъ Нагпуръ, 5 округовъ	69.971	2.332.201	37	Нагпуръ	117.000
Варда	6.161	354.720	57	Камти, кантонирь-квартиры	43.000
Нагпуръ	9.671	631.109	65		
Вандара	10.158	564.813	55		

*

Названіе провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
Балагатъ или Бурга	6.754	195.008	29		
Чанда	30.227	586.551	19		
Верхній Годавери					
4. Отдѣлъ Читтисгаръ, 3 округа	62.390	2.331.837	37	Райпуръ	20.000
Райпуръ	30.781	1.093.405	36		
Биласпуръ	20.196	715.398	36		
Самбальпуръ	11.414	523.034	46		

X. Британская Барманія.

3 отдѣла, 17 округовъ. Пространство—229.351 квадр. километровъ. Населеніе—2.747.148 жит. Километрическое населеніе—12.

Отдѣлы и округа.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
1. Отдѣлъ Арраканъ, 4 округа	37.621	484.363	13	Акіабъ	34.000
Акіабъ	13.822	276.671	20		
Арраканъ	3.142	8.790	3		
Рамри	11.160	144.177	13		
Сандовей	9.497	54.725	16		
2. Отдѣлъ Пегу, 6 округовъ	70.704	1.662.058	24	Рангунъ	180.000
Тайетъ-Міо	6.208	156.816	25	Бассейнъ	28.000
Промъ	7.477	274.872	37	Промъ	30.000
Міанунгъ	10.748	476.612	44		
Бассейнъ	20.890	322.689	15		
Рангунъ, городъ	117	332 324	300		
Рангунъ, округъ	25.264	99.745	4		
3. Отдѣлъ Тенассеримъ, 7 округовъ	121.026	600.727	5	Мульмейнъ	56.000
Тонгу	16.456	86.166	5	Татунъ	30.000
Шуэ-гьинъ	14.418	129.485	9		
Салуэнъ	12.033	26.117	2		
Амгерстъ	39.348	193.468	6		
Мульмейнъ, городъ	26	46.472			
Тавой	18.647	71.827	4		
Мерги	20.098	47.192	2		

XI. Административныя дѣленія, состоящія подъ непосредственною властью генералъ-губернатора

10 отдѣловъ, 28 округовъ. Пространство—127.090 квадратн. километровъ. Населеніе—7.771.321 жит. Километрическое населеніе—60.

Названія областей или агентствъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе
А. Аджмиръ и Мервара	6.890	316.032	46	Аджмиръ	68.000
В. Бераръ, 6 округовъ	44.892	2.231.565	50	Амравати	23.500
Бераръ западный:				Каранджа	22.800
Акола	8.795	649.134	74	Эллишпуръ	30.300
Мекаръ	7.803	353 436	45		
Бераръ восточный:					
Амравати	6.845	407.276	60		
Вунъ	14.270	477.361	34		
Эллишпуръ	2.906	303 953	105		
Майльгатъ	4.273	40.405	9		

Названія областей или агентствъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
C. Майсуръ, 3 отдѣла, 6 округовъ...	70.126	5.055.412	63	Майсуръ	74.000
1. Отдѣлъ Нагаръ, 3 округа.........	27.354	1.364.261	50		
Шимога..................	9.834	498.976	51		
Кадуръ	5.941	333.925	46		
Читульдругъ	11.579	531.360	46		
2. Отдѣлъ Нандидругъ, 3 округа....	23.560	2.079.547	88	Бангалоръ...........	180.000
Тумкуръ	9.339	632.239	68		
Бангалоръ.................	7.547	828.354	110		
Коларъ....................	6.674	618.954	93		
3. Отдѣлъ Аштаграмъ, 2 округа.....	19.212	1 611.604	84	Майсуръ	74.000
Гасанъ	8.523	668.417	78		
Майсуръ съ Джелландуру........	10.689	943.187	88		
D. Кургъ, 6 округовъ..............	5.180	168 312	32	Меркара	32.132
Меркара	686	32.132	47		
Падинальккадъ	1.222	32.350	25		
Іеденальккадъ	811	31.104	38		
Киггатнадъ	1.205	27.738	23		
Нанджараджпатна.............	857	26.159	31		
Вельсавиршимъ	400	18.829	47		

XII. Вассальныя государства.

Пространство—455.333 квадратныхъ километровъ. Народонаселеніе—9.273.784 жит. Километрическое населеніе—21.

Названія государствъ	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
1. Сиккимъ	6 589	50.000	8		
2. Кочъ-Бехаръ	3.385	532.565	157		
3. Типперахъ-Гильзъ	10.015	74.242	7		
4. Въ Чота-Нагпорѣ...............	39.934	405 980	10		
5. Въ Ориссѣ	39.333	1.155.509	24		
6. Въ „сѣверо-западн.“ провинціяхъ.	13.273	657.013	50	Рампуръ.............	77.000
Техри или Гарваль	10.826	150.000	14		
Рампуръ	2.447	507.013	207		
7. Въ Пенджабѣ: (Кашмиръ и Джамму)	268.127	5.348.765	20	Сринагаръ........... Джамму	119.000 20.000
Наушара	3.900	111.888	29		
Миннаваръ	3.400	193.004	56		
Джамму	2.450	206.827	84		
Сринагаръ	6.600	183.766	28		
Панчъ.	4.000	77.566	19		
Ріаси	2.850	98.035	35		
Удампуръ	19.200	98.196	5		

Названія государствъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
Музафарабадъ	4.500	70.337	15		
Камраджъ	4.800	79.276	16		
Различныя владѣнія	126.795	416.083	3		
Гильгитъ	9.273	25.834	3		
Балтистанъ и др.	33.684	58.030	2		
Ладахъ	73.138	20.621	$^1/_3$		
Чамба	8 329	130.000	15		
Государства по р. Сетледжъ:					
Манди	2 797	135.000	48		
Сукетъ	1.088	45.360	42		
Сирмуръ или Нахумъ	2.590	90.000	35		
Башаръ	6.630	90.000	14		
Различныя владѣнія	8 503	371 342	44		
Государства по р. Сиргиндъ:					
Патіала	12 949	1.536.000	119	Патіала.	
Набха	2.082	227.150	109		
Джиндъ.	2.551	189.475	77		
Различныя владѣнія	3.653	246.170	67		
Капуртала	1.549	253 293	164	Капуртала.	
Багавальпуръ	38.848	500.000	13	Багавальпуръ.	
8. Въ Центральныхъ провинціяхъ	74.677	1.049.710	14		
Хайрагаръ	2.435	122.264	50		
Нандгаонъ	2.341	148.454	63		
Райргаръ-Базгазъ	3.849	63.304	17		
Бамрахъ.	5.149	53.613	10		
Патна	6.213	98.636	16		
Калаганди или Карудъ	9.699	133.483	14		
Бастаръ	38.829	78.856	2		
Различныя владѣнія	11.152	351.100	31		

B. МАДРАССКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО.

Пространство — 382.758 квадр. километровъ. Народонаселеніе — 34.507.604 жит. Километрическое населеніе—90.

A. Земли подъ непосредственнымъ управленіемъ англичанъ.

358.229 квадр. километр.=92%. 31.281.177 жит.=91%. Километрическое населеніе—87.

Названія провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом	Главные города. Имена.	Населеніе.
1. Ганджамъ или Чикаколь / Деревни Малліахъ	21.530	1.366.903 / 153.185	71	Баргампуръ	21.650
2. Визагапатамъ	13.734	1.844.751	134	Визагапатамъ	32.200
Джайпуръ, горныя племена	33.775	314.418	9	Визіанаграмъ	22.600
3. Годавери	16.119	1.592.939	99		
4. Кистна	20.812	1.452.374	70	Масулипатамъ	36.188
5. Неллоръ	21.916	1.376 811	63	Неллоръ	29.000
6. Куддапахъ	21.670	1.351.194	62		
7. Баллари съ Сундуромъ	28.507	1.668.006	59	Баллари / Адони	59.000 / 22.720
8. Карнуль съ Банаганапалли	19.056	959.640	50	Карнуль	25.580
9. Мадрасъ, городъ	70	397.552		Мадрасъ	453.000
10. Ченгальпатъ	7.130	938.184	170		
11. Аркотъ Сѣверный или Читтуръ	18.489	2.015 278	109	Веллоръ	38.020
12. Аркотъ Южный съ Кудаллуромъ	12 621	1.755.817	139	Кудалуръ	47.000
13. Танджоръ	9.464	1.973.731	208	Танджоръ / Кумбаконамъ / Маяверамъ / Негапатамъ	54.000 / 51.000 / 22.580 / 48.525
14. Тричинаполи	9.104	1.200 408	132	Тричинаполи	91.000
15 Мадура	24.609	2.266.615	92	Мадура	87.000

Названія провинцій.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.
16. Тиневелли или Паламкотта......	13.405	1.693.959	126	Тиневелли...........	21.060
17. Коимбатуръ..	19.248	1.763.274	92	Коимбатуръ	46 000
18. Нильгири и Утакамудъ.........	1.940	49.501	25		
19. Салемъ.......................	19.380	1.966.995	102	Салемъ.	68.000
20. Малабаръ или Каликутъ........	15.545	2.261.250	146	Каликутъ..........	66.000
				Каннанорь	31.358
				Пальгатъ...........	39.000
				Теллічери..........	20.480
21. Южная Канара или Мангалоръ..	10.106	918.362	91	Мангалоръ	41.000

B. Вассальныя государства.

24.529 квадр. килом.=8%. 3.226.427 жит.=9%. Километрическое населеніе—131.

	24.529	3.226.427	131		
Пудукота.......................	3.574	316.695	88	Тривандрамъ	28.000
Траванкоръ.....................	17.430	2.311.379	132	Аллеппи.............	26.000
Кочинъ.........................	3.525	598.353	170		

C. БОМБЕЙСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО.

Пространство—506.179 кв. килом. Населеніе—25.189.309 жит. Километрическое населеніе—50.

Отдѣлы и округа.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Населеніе.

A. Области подъ непосредственнымъ управленіемъ англичанъ.

326.800 квадр. километровъ=64%. 16.349.206 жит.=65%. Километрическое населеніе—50.

1. Отдѣлъ Деккáнъ, 9 округовъ.....	136.200	7.966.061	58		
Дарваръ........................	12.600	988 037	79	Дарваръ............	33.000
				Губли..............	53.000
Бельгаомъ......................	11.893	938.750	79	Бельгаомъ..........	41.000
Каладжи	14.752	816.037	55		
Шолапуръ.......................	10.165	662.986	65	Шолапуръ..........	62.000
Сатара	14.800	1.116.050	76	Сатара.............	24.500
Пуна...........................	14.200	907.235	69	Пуна...............	161.000
Ахмеднагаръ	17.215	773.938	45	Ахмеднагаръ	37.000
Назикъ.........................	14.200	734.386	52	Назикъ.............	21.850
Кандешъ (Дулія)................	26.319	1.028.642	39		
2. Отдѣлъ Конканъ, 5 округовъ.....	37.000	3 259.176	88		
Канара.........................	10.968	398 406	36		
Ратнагири......................	11.650	1 019.136	86		
Колаба.........................	3 838	350.405	91		
Бомбей (съ кантониръ-квартирами войскъ)......................	49	644.405	15	Бомбей.............	822.000
Танна..........................	10.494	847.424	81		
3. Отдѣлъ Гудзератъ, 5 округовъ..	25.900	2.930.954	113		
Кантониръ-квартиры военныя и гражданскія................		120.432			
Суратъ.........................	4.800	607.087	127	Суратъ.............	109.000
Баручъ.........................	4.300	350.322	82	Баручъ.............	40.000
Каира..........................	4.043	782.733	193	Наріадъ...........	24.500
Панчъ-Мегалъ...................	4.483	240.743	54		
Ахмедабадъ	8 300	829.637	98	Ахмедабадъ	148.000
				Долка	20.854
4. Отдѣлъ Синдъ, 5 округовъ.......	127 700	2.192.415	17		
Карачи.........................	39 000	423.495	11	Карачи.............	105.000
Гайдерабадъ	23.446	721.947	31	Гайдерабадъ.......	58.000
Таръ-Пакаръ	32 967	180.761	5		
Шикарпуръ	26.400	776.227	30	Шикарпуръ	42.000
Верхній Синдъ	5.950	89.985	15		

Имена государствъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города.	
				Имена.	Населеніе.

B. Вассальныя государства.

179.379 квадр. километр.=36%. 8.840 103 жит.=35%. Километрическое населеніе—50.

Колапуръ	7.195	802.691	112		
Санджели	2.320	223.663	96	Баунагаръ	58.000
Савантъ-вари	2.330	190.814	82	Наванагаръ	34.700
Раджпипла	5.188	120 031	23	Джунагаръ	20.025
Джунагаръ	9.842	380.921	39		
Нованагаръ, Галаръ	9.797	290.847	34		
Ваунагаръ, Гохильваръ	7.210	413.754			
Различныя владѣнія	144.700	7.530.663	56		

D. ПОЛУНЕЗАВИСИМЫЯ ГОСУДАРСТВА.

Пространство—783.436 квадр. килом. Населеніе—26.747.764 жит. Километрическое населеніе 34.

Названія агентствъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города.	
				Имена.	Населеніе.
A. Раджпутана	337.137	9.260.207	27	Джодпуръ	62.000
1. Агентство Марваръ	134.680	2.075 000	15	Палли	50.000
Джайсальмиръ	41.400	75.000	2	Нагаръ	40.000
Марваръ (Джодпуръ, Муллана, Годваръ)	93.240	2.000.000	21		
2 Агентство Джайпуръ	101.650	2.295.000	22	Биканеръ	56.000
Биканеръ	62.150	300.000	5	Джайпуръ	159.000
Джайпуръ	39.500	1.995.000	50		
. Агентство Альваръ	7.832	778.596	99	Альваръ	52 000
4. Агентство Восточн. государствъ	10.250	1.060.611	106	Бартпуръ	68.000
Бартпуръ	4.660	742.710	159		
Дольпуръ	2.330	192.841	83		
Караули	3.260	124.060	39		
5. Агентство Гараоти	34.075	1.361.050	39		
Тонкъ	7.070	320.000	45		
Чапра	1.030	36.000	35		
Кишангаръ	1.875	105 000	56		
Бунди	5.950	224.000	39		
Котахъ	11.650	450.000	39		
Джаллаваръ	6.500	226.000	35		
6. Агентство Мейваръ	40.350	1.635.000	40	Удайпуръ	47.000
Удайпуръ	30.050	1 160.000	39		
Пратабгаръ	3.800	150.000	40		
Дунгарпуръ	2.600	175.000	77		
Бансвара	3.900	150.000	39		
7. Агентство Сироги	8 300	55 000	7		
B. Агентство Центральной Индіи	129 358	4.813.557	37	Гваліоръ	104.000
Гваліоръ	62.150	2 500.000	40		
Индоръ (съ гражданскими кантониръ-квартирами)	20.913	635.450	31		
Девасъ	6.671	121.809	18		
Бопалъ	22.722	1.022.778	50		
Мальва	4 356	241.900	53		
Бопаваръ	9.446	258.600	26		
Маунпуръ	2.600	32.020	13		

Названія агентствъ.	Пространство въ кв. килом	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города.	
				Имена.	Населеніе.
C. Агентство Бундальхандъ	27.366	1.278 000	47		
D. Агентство Багальхандъ	36.900	2.270.000	62		
Ревахъ	33.660	2.035.000	60		
Различныя владѣнія.	2.240	235.000	100		
E. Гайдарабадъ или владѣнія низама (19 округовъ или сиркаръ). . . .	233.000	9.000.000	39	Гайдарабадъ. . . . . Бидаръ	415.000 40 000
F. Манипуръ.	19.675	126.000	7		

НЕЗАВИСИМЫЯ ГОСУДАРСТВА НА СКЛОНѢ ГИМАЛАЕВЪ.

Пространство—234.000 кв. килом. Населеніе—3.215.000 жит. Километрическое населеніе—14.

Названіе странъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города	
				Имена.	Населеніе.
Непалъ.	147.000	3.000.000	20	Катманду. . . . . Патанъ.	70.000 30.000
Бутанъ	35.200	100.000	3	Батгаунъ	50.000
Племена на сѣверѣ Аннама . . .	51.800	115.000	2	Товангъ.	

ПОРТУГАЛЬСКІЯ ВЛАДѢНІЯ ВЪ ИНДІИ.

Пространство—3.658 кв. килом. Населеніе (1887 г.)-572.290 душъ. Среднее число жителей на 1 кв. километръ—156.

Названіе округовъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе въ 1881 г.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города.	
				Имена.	Населеніе.
Гоа, Бардезъ и т д.	3.270	445.449	138	Марганъ . . . . . . Панджимъ.	20.000 8.000
Островъ Діу, и т. д.	5	12.636	266	Діу	11.000
Даманъ и округъ	383	56.084	149	Даманъ	33 350

ФРАНЦУЗСКІЯ ВЛАДѢНІЯ ВЪ ИНДІИ.

Пространство—509 кв. килом. Населеніе (1895 г.)—286.883 душъ. Число жителей на 1 кв. килом.—556.

Названіе округовъ.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города	
				Имена.	Населеніе въ 1895 г.
Пондишерри.	291	188.526	647	Пондишерри.	49.000
Чандернагоръ.	9	24.059	2.673	Чандернагоръ	24 000
Карикаль	135	60.367	447	Карикаль	19.000
Маге	59	8.911	151	Маге	9.000
Янаонъ	14	5.011	358	Янаонъ	5.000

ОСТРОВА, ЗАВИСЯЩІЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИ ОТЪ АНГЛІЙСКОЙ ИНДІИ.

А. Цейлонъ.

7 округовъ. Пространство—63.998 кв. килом. Населеніе (въ 1891 г.)—3.008.466 жит.

Округа.	Пространство въ кв. килом.	Народонаселеніе.	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена.	Главные города. Населеніе въ 1891 г.
Центральный	14.944	606.076	400	Канди	20.000
Сѣверо-Центральный	10.284	58.419	6	Коломбо	127.000
Западный	8.663	837.468	96	Пойнтъ-де-Галь	34.000
Сѣверо-Западный	7.845	279.421	36	Джафна	43.000
Южный	4.991	408.980	82		
Восточный	9.091	123.349	13		
Сѣверный	8.158	291.759	36		
Кокосовые острова	22	400	19		

В. Другіе острова.

Названія.	Пространство въ кв. килом.	Населеніе.	Жителей на 1 кв. килом.
Андаманъ	6.438	13.500	21
Никобаръ	1.878	600	3
Лакедивскіе и Миникой, обитаемое пространство	58	13.495	233
Малдивскіе, обитаемое пространство	900	150	184
Архипелагъ Чагосъ	192	689	3

ИНДО-КИТАЙ.

Бывшая независимая Барманія или Королевство Ава.

Пространство: 457.000 квадр. километр. Народонаселеніе: 4.000.000. Километрическое населеніе: 9.

Собственно королевство было раздѣлено на провинціи или вице-королевства, главные города которыхъ почти такъ же часто мѣнялись, какъ и столица. Генри Юль насчитывалъ 15 „королевствъ", изъ нихъ одно шанское, а остальныя лаонскія.

I. На западъ отъ р. Салуэнъ.

Мобье.
Мокъ-ме.
Моне.
Ніунгъ-шуэ.
Легіа.
Тейни.
Тибо.
Тунгъ-зе.
Момейтъ.

II. На востокъ отъ р. Салуэнъ.

Майнгленгъ-гьи.
Мюангъ-тингъ.
Кайнгъ-ма.
Ліангъ-хунгъ.
Кіангъ-тунгъ.
Кіангъ-хенъ.

Королевство Сіамское.

Пространство: 633.000 квадр. килом. Народонаселеніе: около 10.000.000 душъ.

Административное дѣленіе Сіама.

(Каждая провинція носитъ имя своего главнаго города).

I. Центральныя провинціи.

1. Талатъ-хуанъ (Нутабури).
2. Пакъ-третъ.
3. Самхокъ (Патумматани).
4. Крунгъ-као (Аютіа).
5. Ангъ-тонгъ.
6. Муангъ-промъ.
7. Муангъ-инъ.
8. Ксайнатъ.
9. Нахонъ-саванъ.

II. Сѣверныя провинціи.

1. Сангъ-халокъ.
2. Пицилукъ.
3. Кампенгъ-петъ.
4. Пиксай.
5. Рахейнъ.

III. Восточныя провинціи.

1. Петксабунъ.
2. Буасумъ.
3. Сарабури.
4. Нофабури.
5. Нахонъ-найокъ.
6. Пашимъ.
7. Кабинъ.
8. Сасонгъ.
9. Баттамбангъ.
10. Фанатранихомъ.

IV. Западныя провинціи.

1. Муангъ-свинъ.
2. Супаннабури.
3. Камшанабури (Пакъ-фрекъ).
4. Раджабури (Рапри).
5. Нахонъ-ксайси.
6. Сахонбури (Ташинъ).
7. Самутъ-сонгхрамъ (Меклонгъ).

V. Южныя провинціи.

1. Нахонъ-хуэнъ-ханъ (Паклатъ).
2. Самутапра-хонъ (Пакнамъ).
3. Ксалабури (Бангпласой).
4. Ражонгъ.
5. Шантабунъ.
6. Тунгъ-джай.
7. Печибури (Пипри).
8. Ксумпонъ.
9. Ксайжа.
10. Салангъ.

Каждая провинція управляется губернаторомъ, или *пхажа*, при содѣйствіи *балата* (товарищъ или помощникъ), *жокабата* (второй помощникъ) и двѣнадцати совѣтниковъ, называемыхъ *крома-канами*.

Вассальныя государства
(по Пальгуа).

1. Тринганонъ.
2. Калантанъ.
3. Патани.
4. Кедахъ (Муангъ-сай).
5. Лигоръ (Муангъ-лахонъ или Нахонъ-си-тамаратъ).
6. Хмеръ (Кампхуксра, Камбоджа).
7. Коратъ (Нахонъ-ракса-сема).
8. Ксіенгъ-май.
9. Лабонгъ.
10. Лахонъ.
11. Пре.
12. Нанъ.
13. Люангъ-прабангъ.
14. Муангъ-ломъ.
15. Страна ксонговъ.
16. Страна кареновъ.
17. Страна племени лава.
18. Кромѣ того, существуетъ нѣсколько маленькихъ государствъ лаонскихъ и камбоджійскихъ.

Королевство Аннамъ.

Пространство: 420.980 кв. килом. Населеніе: 7.500.000 душъ. Километрическое населеніе: 18.

Королевство Камбоджа.

Пространство: 104.700 кв. километр. Народонаселеніе: 814.757 душъ. Километрическое населеніе: 8.

57 провинцій, сгруппированныхъ въ 5 дей или земель (по Фуресу).

1. Земля Кампонгъ-свай.
2. Земля Пурсатъ.

3. Земля Треангъ.
4. Земля Тбаунгъ-хмумъ.
5. Земля Вапномъ.

Тонкинъ.

Пространство: 314.110 кв. килом. Населеніе: 14.000.000 душъ. Среднее число жителей на 1 кв. килом.: 44.

Французская Кохинхина.

Пространство: 55.620 кв. килом. Населеніе: 2.226.935 душъ (1894 г.). Километрическое населеніе: 40. 4 области, 19 инспекцій или округовъ.

I. Сайгонъ, 5 округовъ.

1. Сайгонъ.
2. Тайнинь.
3. Туданмотъ.
4. Біенгоа.
5. Баріа.

II. Мито, 4 округа.

1. Мито.
2. Тананъ.
3. Гоконгъ.
4. Шоловъ.

III. Винь-лонгъ, 4 округа.

1. Винь-лонгъ.
2. Бентре.
3. Травинь.
4. Седекъ.

IV. Бассакъ, 6 округовъ.

1. Шодокъ.
2. Гатіенъ.
3. Лонгъ-ксіенъ.
4. Рашгіа.
5. Канто.
6. Соктрангъ.

Англійскія владѣнія на полуостровѣ Малаккѣ (Straits settlements).

Пространство: 4.122 квадр. килом. Населеніе: 550.713 душъ (1895 г.). Километрическое населеніе: 133,6

1. Пуло-пинангъ.
2. Провинція Уэллеслей.
3. Диндингъ.
4. Малакка.
5. Сингапуръ.

Государства, состоящія подъ протекторатомъ, или независимыя.

Пространство: 86.200 квадр. килом. Населеніе: 719.000 душъ. Километрическое населеніе: 7,2.

Перакъ.
Пахангъ.
Селангоръ.
Негри Сембиланъ.
Джохоръ.
Сунгей.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ IX.

Передняя Азія, Афганистанъ, Белуджистанъ, Персія, Азіятская Турція и Аравія.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

дѣйствительнаго члена Императорскаго Географическаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подьяческая, 39.

ПЕРЕДНЯЯ АЗІЯ.

Глава I

Общій взглядъ на переднюю Азію.

Изученіе древнихъ памятниковъ убѣдило европейскихъ историковъ, что, главнымъ образомъ, Передняя Азія и Египетъ служили основнымъ мѣстомъ, гдѣ поселились первыя семейства «арійскія»: въ равнинахъ Бактріаны, въ долинахъ Гинду-Куша, Кавказа или въ степяхъ Скиѳіи. По мѣрѣ того, какъ мы дальше проникаемъ въ глубь вѣковъ, мы видимъ, что мракъ начинаетъ сгущаться надъ странами Запада, нынѣ столь извѣстными, въ то время, какъ свѣтъ показывается на востокѣ Средиземнаго моря, одновременно на берегахъ африканскаго Нила и въ странахъ, пограничныхъ съ Азіей, на прибрежьяхъ и островахъ Іоническихъ, въ равнинахъ сирійскихъ, на берегамъ Евфрата и плоскогорьяхъ Ирана. Наше происхожденіе остается неизвѣстнымъ; но зачатки цивилизаціи, развивавшейся изъ вѣка въ вѣкъ, чтобы сдѣлаться общимъ достояніемъ народовъ Европы и Новаго Свѣта, встрѣчаются уже въ юго-западныхъ странахъ Азіи. Не тамъ ли миѳы эллиновъ предполагаютъ первый олимпъ и даютъ начало своимъ богамъ? Не тамъ ли также, судя по сказаніямъ, собраннымъ евреями, христіанами и мусульманами, процвѣтало древо жизни, подъ тѣнью котораго пробудился первый человѣкъ и прародительница? Именно въ Халдеѣ, на горахъ индійскаго Кавказа, въ оазисахъ Ирана отыскивали земной рай, Мазисъ въ Арменіи, Низиръ въ Курдистанѣ [1]), Демавендъ въ Персіи, или какая-либо другая гора Передней Азіи должна еще заключать въ себѣ обломки ковчега, въ которомъ укрылось семейство, спасшееся отъ потопа. Позднѣе, когда христіане стали подвигаться къ западу, а магометане сдѣлались покровителями востока, число горъ, «свидѣтелей потопа», возросло до безконечности. Онѣ встрѣчаются отъ Пиренеевъ, въ Капсирѣ и Андоррѣ, до Афганистана, въ горѣ Нуръ или Ноя, въ странѣ Сіягъпушей и даже въ «Соломоновомъ тронѣ», возвышающемся надъ равнинами Инда.

Съ возникновенія исторіи въ собственномъ смыслѣ этого слова, первыя точныя свѣдѣнія относятся къ юго-западнымъ странамъ Азіи и къ Египту, разсматриваемому древними, сообенно Геродотомъ [1]) какъ принадлежащій, правымъ берегомъ Нила, къ азіатскому міру. Тамъ группы народовъ начинаютъ обособляться подъ именами Сима, Іафета и Хама; можетъ быть также, по мнѣнію многихъ оріенталистовъ, подъ именами Сумера и Аккада, обособленность эта выражается въ антагонизмѣ персовъ и мидійцевъ, иранцевъ и туранцевъ. Различныя народности плоскогорій центральной Азіи, островов Средиземнаго моря и пустынь Африки— перечисляются по племенамъ, по обычаямъ и по роду промышленности. На разныхъ предметахъ встрѣчаются вавилонскія надписи, которыя служатъ памятниками этнологическими и географическими первостепенной важности. Одно изъ наидревнѣйшихъ преданій разсказываетъ о разсѣяніи народовъ у подошвы Вавилонской башни; но, несмотря на «смѣшеніе» языковъ, халдейская исторія начинаетъ слѣдовать за каждымъ изъ этихъ народовъ по пя-

[1]) Fr. Lenormant, „Le Déluge et l'Epopée babylonienne; Premières Civilisations".

[1]) „Histoires", livre IV, 45.

цевъ почти во всѣхъ произведеніяхъ ума! Милетъ, метрополія многочисленныхъ колоній, былъ уже двадцать пять вѣковъ тому назадъ очагомъ географическихъ изслѣдованій; тамъ были учителями Ѳалесъ и Анаксимандръ, тамъ Гекатъ и Аристагоръ составили первые географическіе атласы. Галикарнасъ, сосѣдній съ Милетомъ городъ, былъ мѣстомъ рожденія Геродота, «отца исторіи и географіи», перваго писателя, занимавшагося сравнительной этнографіей [1], извѣстнаго превосходнаго разсказчика, отличавшагося простотой рѣчи, доходившей до наивности, въ наблюденіяхъ всегда проницательнаго, въ сужденіяхъ справедливаго и точнаго, въ мысляхъ возвышеннаго, достаточно безпристрастнаго, чтобы любить варваровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ превозносящаго грековъ, и особенно аѳинянъ, на недосягаемый пьедесталъ, выше всего въ мірѣ... И сколько еще другихъ именъ, едва-ли менѣе знаменитыхъ, можно назвать въ этой покрытой славой странѣ, къ которой мы возвращаемся, чтобы привѣтствовать зарю нашего возрожденія и откуда доносится до насъ далекое эхо пѣнія Гомеридъ, качавшихъ колыбель народовъ— нашихъ предковъ при зарожденіи ихъ цивилизаціи.

Названіе Азіи или Азіады, кажется, прежде всего принадлежало одной Лидійской провинціи [2]; въ началѣ это названіе распространилось на весь полуостровъ Анатоліи, а затѣмъ на весь материкъ, расширяясь, такъ сказать, подъ ногами путешественниковъ. Постепенно стало извѣстнымъ, насколько эллинскія земли, расположенныя по восточному прибрежью Эгейскаго моря, были малы въ сравненіи съ Большою Азіей. Тѣмъ не менѣе, это названіе Малой Азіи выясняетъ вполнѣ историческую роль полуострова, находившагося между Понтомъ Эвксиномъ и Кипрскимъ моремъ. И въ дѣйствительности, тѣ изъ кочевыхъ народовъ, которые не переходили границы Кавказа, чтобы обогнуть Черное море, направляясь къ западу, достигли крайней оконечности материка, того пространства, которое съ трехъ сторонъ омывалось моремъ. Прижатые другъ къ другу народцы и народы различнаго происхожденія не всѣ сохранили свои отличительныя черты: многіе изъ нихъ смѣшались, или даже слились съ туземцами настолько, что сдѣлалось невозможнымъ узнать съ точностью ихъ языческій элементъ. Но ничто не теряется въ громадной лабораторіи человѣчества: духъ каждой изъ этихъ составныхъ расъ возрождается въ исторіи Малой Азіи и обнаруживается въ ея вліяніи на цивилизацію Европы. Сѣверныя племена, извѣстныя подъ общимъ именемъ «туранскихъ» и часто трактуемыя съ пренебреженіемъ, какъ низшія по развитію въ сравненіи съ народами «арійскими», въ общемъ дѣлѣ развитія, повидимому, играли не меньшую роль въ сравненіи съ прочими расами. Именно они первые научили сосѣднихъ народовъ обработкѣ желѣза и прочихъ металловъ [1]). Несомнѣнно также имъ принадлежитъ слава разведенія большей части домашнихъ животныхъ. Во всякомъ случаѣ, въ странахъ, гдѣ обитали туранцы, по начальнымъ историческимъ даннымъ, зоологи опредѣляютъ эру распространенія животныхъ, сдѣлавшихся неразлучными спутниками человѣка: тамъ, въ долинахъ Тигра и Евфрата, у подошвы Арарата, на вершинахъ Кавказа, на плоскогорьяхъ Ирана – появились впервые дикіе предки собаки, быка, козы, барана, свиньи, быть можетъ также и верблюда [2]). Изъ двухъ первобытныхъ породъ лошадей, первою была лошадь «арійская», второю—лошадь монгольская или «туранская» [3]). По всей вѣроятности, также Передняя Азія была мѣстомъ родины большей части культивированныхъ растеній, наиболѣе полезныхъ, какъ, напримѣръ, оливковаго дерева, сливоваго, миндальнаго, виноградной лозы, можетъ быть даже и персиковаго, льна и люцерны, бобовъ и гороха, и въ особенности овса, ячменя и пшеницы. Если этому вѣрить, то не имѣетъ ли основанія легенда, называющая эту страну колыбелью человѣчества? Чѣмъ было человѣческое существо раньше, чѣмъ оно узнало, какъ воспроизвести изъ земли питательное зерно, это представлено греками въ образѣ богини, дочери Деметра, которая, то мрачная и грозная, царила надъ тѣнями умершихъ, то сіяющая и привѣтливая— появлялась на землю украшать свое чело вѣнками изъ васильковъ на берегахъ рѣкъ.

Сѣверныя расы имѣли также значительную долю вліянія въ умственномъ развитіи народовъ, обитавшихъ на обширномъ четырехъугольникѣ Малой Азіи. Слѣды ихъ развитія остались въ религіозныхъ обрядахъ Востока, особенно въ занятіяхъ магіей, имѣющей много общаго съ шаманствомъ самоѣдовъ и тунгусовъ. Эти расы оставили также другому племени своихъ боговъ, низвергнутыхъ, впрочемъ, греками въ подземелья, какъ предметы поклоненія низшихъ расъ; божества эти представляли уроды о ста рукахъ, безобразныя чудовища, выкапывавшія руду изъ нѣдръ земли и которыя ковали металлъ въ глубинѣ пещеръ, подъ надзоромъ Вулкана, хромоногаго бога-посмѣшища обитателей Олимпа. Равно какъ и халдеяне, астрономическое ученіе которыхъ длит-

[1]) „Oppert, „Société d'Ethnographie, séance du 2 mars 1882".

[2]) Hérodote. „Histoires", IV, 45.

[1]) Rawlinson, „The five great Monarchies";—Fr. Lenormant, „Les premières Civilisations";—Maspero, „Histoire ancienne des peuples d'Orient".

[2]) Sanson, „Comptes rendus de l'Académie des Sciences", 1869: Piétrement, „Chevaux dans la période préhistorique et historique".

[3]) Alphonse de Candolle, „Géographie botannique raisonnée"; „Lieux d'origine des plantes cultivées."

ся уже тридцать вѣковъ, они увѣковѣчиваются въ знакахъ зодіака, въ нашемъ двѣнадцатиричномъ дѣленіи года и нашей семиричной группировкѣ дней въ недѣлю [1]; народы семитскіе или семитическіе Малой Азіи участвовали также двоякимъ образомъ въ развитіи народовъ: и посредствомъ торговыхъ сношеній, и религіознымъ вліяніемъ. Тогда какъ въ греческомъ мірѣ группировка гражданъ носила по преимуществу цивильный характеръ, граждане составляли «конгрегаціи» во Фригіи и въ сосѣднихъ государствахъ, гдѣ священники повелѣвали отъ имени боговъ, и гдѣ священный

Бальбекъ. Развалины двухъ храмовъ.

[1]) Fr. Lenormant, „Les premières Civilisations“;— Oppert, „Anciennes Populations de Mésopotamie, Société d'Ethnographie“, 1883.

храмъ былъ всегда центромъ города [1]),—въ это время восточныя религіи, нерѣдко проникнутыя остроуміемъ, держались главнымъ образомъ на культѣ смерти, отождествлявшейся съ жизнью посредствомъ воскресенія, которое слѣдовало всегда за жертвоприношеніемъ, и грозили уже одержать верхъ надъ веселыми культами Греціи, какъ другая религія—христіанская, возникшая, по словамъ преданія, въ странѣ семитовъ, но проникнутая насквозь иранскимъ духомъ и подготовленная греческой и александрійской философіей, христіанская религія распространилась по всѣмъ странамъ Запада и опрокинула на своемъ пути храмы языческихъ боговъ. Въ этой религіозной революціи Малая Азія играла далеко немаловажную роль. Одинъ еврей, носившій власяницу, по имени Павелъ, сталъ грекомъ по духу и ревностнымъ апостоломъ новаго ученія, привлекъ въ свою аудиторію не только небольшой кругъ дѣтей Израиля, но и огромную толпу язычниковъ. Съ первыхъ временъ проповѣданія христіанскаго ученія, «Семь церквей Азіи» сдѣлались главнымъ очагомъ пропаганды и обращенія въ новую вѣру; а когда, наконецъ, религія Христа опредѣлилась, выяснила свои догматы самымъ точнымъ образомъ, то въ одномъ изъ городовъ Малой Азіи, въ Никеѣ, были провозглашены первыя правила вѣры, повторяемыя впослѣдствіи въ христіанскихъ общинахъ. За волнами, принесшими въ Европу религію Христа, нѣсколько столѣтій позднѣе, нахлынули волны другой религіи, и кровопролитныя битвы, водворившія торжество ислама вокругъ бассейна Чернаго моря, начали происходить на полуостровѣ Анатоліи.

Страны, въ которыхъ совершались всѣ эти великія событія, нынѣ совсѣмъ заглохли, почти омертвѣли. Страна, по словамъ легенды бывшая мѣсторожденіемъ перваго человѣка и колыбелью нашего просвѣщенія, эта священная земля, гдѣ на зарѣ исторіи поэтъ показываетъ намъ людей и боговъ, сражавшихся подъ стѣнами Иліона, эти знаменитые города: Вавилонъ и Ниневія, Экбатана и Суза, Бальбекъ и Пальмира, Антіохія и Дамаскъ, столь блестящіе въ прошломъ,—что они представляютъ теперь, въ сравненіи съ Европой, наводняемой въ то время варварскими племенами, и съ городами Запада, въ которыхъ теперь тѣснятся милліоны людей — побѣдители древнихъ обитателей пустынь? Черезъ промежутокъ трехъ тысячъ лѣтъ какой поразительный контрастъ! Тогда въ долинѣ Ефрата, позднѣе въ долинѣ Нила, находился центръ западной цивилизаціи, а Европа была страной мрака, безъизвѣстное пространство. Теперь свѣточъ просвѣщенія направился къ Западу, а мракъ нависъ надъ Востокомъ. Про Малую Азію можно сказать, что она болѣе живуча своимъ прошедшимъ, въ современной же исторіи роль ея весьма незначительна; даже плавая у стѣнъ Гиллаха, невольно повторяешь имя Вавилона, а въ пустыняхъ, гдѣ рыщетъ бедуинъ, въ мысляхъ неожиданно воскресаютъ исполинскія фигуры Моисея и Магомета, Семирамиды и Александра!

По числу жителей, которое извѣстно только приблизительно, Передняя Азія пала не менѣе, какъ и по отношенію къ культурѣ. Въ общемъ, страны, простирающіяся отъ берега Мекрана до береговъ греческой Анатоліи, занимаютъ поверхность земли, равную тремъ четвертямъ европейскаго материка; но народонаселеніе ихъ, по всей вѣроятности, вдесятеро меньше и далеко до приращенія; напротивъ оно, видимо, уменьшается.

Поверхность и народонаселеніе Передней Азіи, безъ Закавказья, въ приблизительныхъ цифрахъ:

	Поверхность земли кв. килом	Вѣроятное народонасел. жит.	Нар. килом. жит.
Азіатская Турція, Самосъ, Кипръ..	1.899.069	16.360.000	8,6
Аравія, Аденъ..	2.507.400	3.725.000	1,5
Персія	1.648.195	7.655.000	5
Афганистанъ (безъ Туркестана)... ..	638.350	4.200.000	6,6
Белуджистанъ... .	276.515	350.000	1,3
Вмѣстѣ.....	6.969.529	3.290.000	4,6

Гдѣ кроются причины этого уменьшенія населенія, послужившаго такой обильной темой для краснорѣчія историковъ и моралистовъ? Надо ли искать причины только въ междоусобныхъ войнахъ и въ чужеземныхъ вторженіяхъ, такъ часто опустошавшихъ эти страны? Но со временъ Аттилы сколько опустошителей прошли Европу во всѣхъ ея направленіяхъ, и, несмотря на это, страна оправилась отъ разоренія, народы преобразовались и населеніе вновь возродилось послѣ нашествія завоевателей! Тѣмъ не менѣе, должно признать, что въ Передней Азіи полоса территоріи, которой коснулась цивилизація, была сравнительно узка и болѣе открыта для вторженій и опустошеній, нежели европейскія страны, лежащія ближе къ Средиземному морю и Атлантическому океану: между Персіей и Малой Азіей поясъ культуры и населенія составлялъ не болѣе, какъ узкій перешеекъ; то же самое было между Малой Азіей и Египтомъ. Раздираемые внутренней междоусобицей, народы Ирана, Месопотаміи, Сиріи, Малой Азіи, должны были кромѣ того опасаться своихъ сосѣдей на югѣ и на сѣверѣ, съ одной стороны арабовъ, съ другой—алтаеуральскихъ кочевниковъ всѣхъ племенъ и нарѣчій, монголовъ или туркменъ. Эти враги, которыхъ укрывали пустыни, были непобѣдимы потому, что они были недосягаемы; они выжидали благопріятнаго случая, затѣмъ появля-

[1]) M. Ramsay, „Athenaeum", 23 déc. 1882.

лись внезапно, чтобъ разорять города, убивать жителей, или уводить ихъ въ рабство. Уже не разъ, отъ самаго начала исторіи, самородная цивилизація Западной Азіи была періодически скашиваема, какъ трава на лугахъ. Предки турокъ, которые господствуютъ нынѣ въ странахъ Азіи, лежащихъ къ западу отъ Ирана, принадлежали также къ числу этихъ жестокихъ опустошителей. И какъ немногія изъ племенъ нашли въ себѣ достаточно силъ къ возрожденію и къ преобразованію въ независимыя націи! Масса осталась въ постыдномъ рабствѣ, и пороки вошли въ плоть и кровь этихъ порабощенныхъ народовъ, прилипли къ нимъ, какъ проказа.

Чтобъ объяснить убыль населенія Западной Азіи, ссылаются, какъ на одну изъ причинъ этой убыли, на истощеніе земли, снабжавшей населеніе зерновымъ хлѣбомъ, такъ что, въ концѣ концовъ, невольно задаешься вопросомъ: не утратила ли Передняя Азія свою питательную силу для поколѣній, и возродится ли она вновь, какою была до вѣковъ разрушенія? Извѣстно, что мѣстности, лежащія на плоскогорьяхъ и склонахъ горъ, которыя не подвергаются періодическимъ наводненіямъ, подобно полямъ, орошаемымъ Тигромъ и Евфратомъ, кончаютъ тѣмъ, что лишаются своихъ составныхъ химическихъ частей и постепенно становятся непроизводительными: земледѣлецъ, который горячо принимается за воздѣлываніе этой почвы, и нерѣдко для того, чтобъ другіе воспользовались его трудомъ, рано или поздно бываетъ вынужденъ оставить свой неблагодарный трудъ, и голодъ приходитъ періодически продолжать дѣло, начатое войной. Даже произведенія труда, которыя были когда-то самыми полезными, ведутъ подчасъ человѣка къ погибели: разрушенныя постройки покрываютъ землю своими обломками и окрашиваютъ почву пылью своихъ кирпичей, а засоренные каналы разливаютъ свои спящія воды по деревнямъ; тогда какъ, съ одной стороны, пустыня увеличивается отъ упадка культуры, съ другой—обнаруживаются болота, распространяющія повсюду лихорадки и смерть.

Какъ бы ни было велико въ исторіи паденія азіатскихъ народовъ вліяніе этихъ двухъ элементовъ,—опустошительныхъ войнъ и истощенія почвы,—по всей вѣроятности, существуетъ другая причина уменьшенія историческаго значенія ихъ, именно—постепенное высыханіе страны. Хотя и окруженная со всѣхъ сторонъ морями, Передняя Азія имѣетъ все же континентальный климатъ, какъ будто бы она окружена материкомъ. Дѣйствительно, господствующіе вѣтры сѣвернаго полушарія: полярный вѣтеръ, сѣверо-восточный, и противоположный, дующій съ экватора, и тотъ и другой должны пройти цѣлую половину Стараго Свѣта на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ километровъ, прежде, чѣмъ они встрѣтятся на плоскогорьяхъ Ирана и въ равнинахъ Вавилоніи. Въ этой странѣ, оба противоположные вѣтра считаются самыми губительными по своей сухости на всемъ земномъ шарѣ: теченіе ихъ направлено черезъ Азію и Африку по широкому поясу пустынь, отъ Гоби до Сахары. Аравія и Персія, особенно первая, имѣютъ большое пространство каменистыхъ и песчаныхъ пустынь. Если бъ не муссоны, вызываемые съ моря жаромъ почвы и приносящіе небольшое количество воды, частью, впрочемъ, задерживаемой въ прибрежныхъ горахъ,—страны эти были бы совершенно необитаемы. Недостатокъ воды въ Передней Азіи такъ великъ, что Аравія не имѣетъ ни одной постоянной рѣки, и отъ Карачи до Тегерана, на пространствѣ 1.600 километровъ по прямой линіи, путешественникъ можетъ перейти всѣ рѣки и ни въ одной изъ нихъ вода не достигнетъ ему до колѣнъ. Влажность, достаточная для того, чтобъ произвольно, безъ содѣйствія человѣка, воспроизвести какое-либо большое растеніе, существуетъ только на южныхъ берегахъ Каспійскаго и Чернаго морей, гдѣ сѣверные вѣтры должны проходить черезъ морскія пространства раньше, чѣмъ достигнуть берега; повсюду и на берегахъ Средиземнаго моря, гдѣ вѣтры влажные, они дуютъ съ моря къ прибрежью. Весьма вѣроятно, что вся Передняя Азія, въ пятнадцать разъ большая, чѣмъ Франція, катитъ въ море своими рѣчными устьями массу воды, едва превосходящую количествомъ водную массу во французскихъ рѣкахъ.

Какъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, такъ и въ наше время, общія климатическія условія препятствовали Передней Азіи принимать большое количество дождевой воды, и рѣки ея, пропорціонально ихъ бассейну, были менѣе обильны, нежели рѣки Западной Европы; но многочисленныя указанія позволяютъ думать, что эта страна земнаго шара была во время оно лучше орошаема, чѣмъ въ настоящее время. Въ общемъ, описанія, которыя намъ оставили древніе авторы, не даютъ повода думать о слишкомъ большой нуждѣ почвы въ водяныхъ источникахъ. Даже номады, живя среди скалъ и песковъ, на окраинахъ пустыни, не признали бы въ наше время въ землѣ Ханаанской «мѣста, гдѣ текли рѣки млекомъ и медомъ»; когда-то плодородныя земли лишились своей богатой растительности, своихъ полей, своей зеленой муравы и своихъ кустарниковъ [1]). Могли ли торговые города іоническаго прибрежья пріобрѣсти такое огромное значеніе, и мѣстная цивилизація могла ли достигнуть такой степени величія, если бы позади узкаго пояса приморской страны не находились, по-

[1]) O. Fraas, „Aus dem Orient"; Khanikov, „Mémoire sur la partie méridionale de" l'Asie centrale.

добно резервуарамъ жизненной силы, пространства, достаточно орошаемыя, чтобъ питать населеніе, которое не можетъ быть такъ многочисленно въ наше время, какъ было тогда? А города пустыни, Пальмира, Бальбекъ, жители которыхъ собрали столько сокровищъ, чтобъ воздвигнуть пышные храмы, развалины которыхъ приводятъ въ изумленіе еще и теперь,— могли ли бы они возродиться среди пустынь, если бъ эти пустыни не были окружены обширными оазисами, снабжая въ изобиліи необходимыми съѣстными припасами жителей и толпу иностранцевъ? Съ тѣхъ поръ, какъ новѣйшіе путешественники принялись за изслѣдованія Передней Азіи, они отыскали въ Азіатской Турціи, Иранѣ и Белуджистанѣ огромныя пространства, когда-то густо населенныя, а теперь превратившіяся въ пустыни; города, окруженные песками, были ими по частямъ поглощены; слѣды древней культуры еще виднѣются и теперь на скалистыхъ склонахъ, гдѣ не можетъ болѣе рости ни былинки; по судоходнымъ когда-то рѣкамъ не плаваетъ теперь ни одной лодки; на мѣстѣ прежнихъ озеръ теперь видны только топкія болота и пласты соли, или глины [1]).

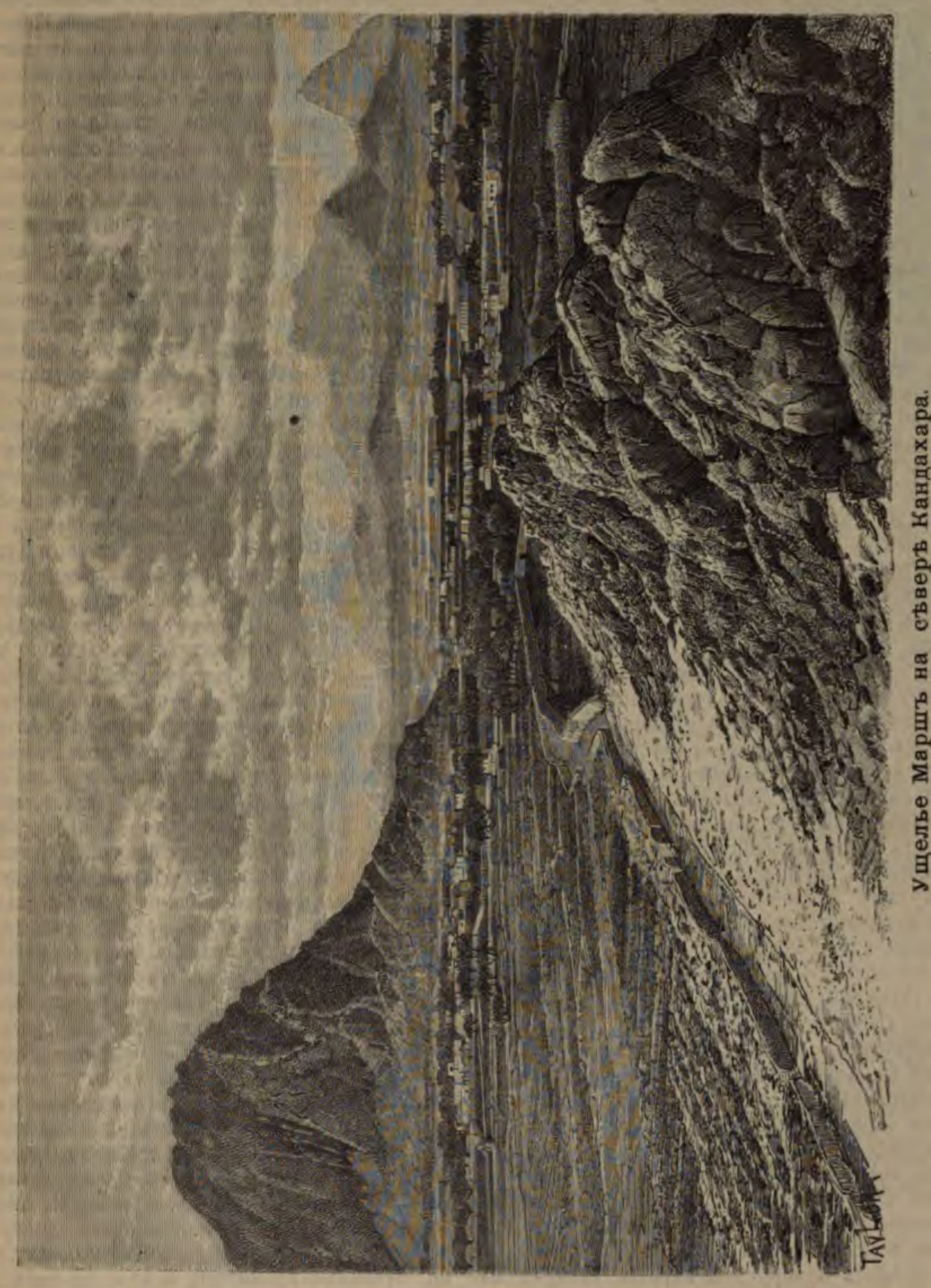
Несмотря на высыханіе почвы въ Передней Азіи, страна эта, несомнѣнно, достигнетъ первостепеннаго значенія. Первенствующая роль ея въ дѣлѣ цивилизаціи и ея историческое значеніе уменьшились именно только съ того времени, когда главные торговые пути направились черезъ океанъ; но прямая линія имѣетъ большое значеніе въ международныхъ сношеніяхъ, и дорога изъ Европы въ Индію все болѣе и болѣе стремится захватить долину Евфрата и плоскогорья Ирана. Западная Азія требуетъ обратно тѣ выгоды, которыя ей предоставляетъ обладаніе географическимъ центромъ Стараго Свѣта. Точная середина неправильной фигуры, изображаемой тремя материками Европы, Азіи и Африки, находится въ недалекомъ разстояніи отъ равнинъ, гдѣ возникли знаменитые города Персіи и Ассиріи; она лежитъ въ юго-западномъ углу Каспійскаго моря. Вавилонская башня, центральная граница племенъ, спустившихся оттуда каждое въ разныя стороны горизонта, стоитъ, по словамъ легенды, на рубежѣ трехъ частей свѣта: на востокѣ громадная Азія, простирающаяся далеко къ океану, гдѣ «рождается солнце»; на югѣ жгучая Аравія даетъ знать о сосѣдствѣ африканскаго материка; на сѣверо-западѣ — Анатолія, которая можетъ быть названа уже преддверіемъ Европы. Передняя Азія, благодаря Суэзскому каналу, который отдѣляетъ ее отъ Египта, вновь стала въ отношеніи морской торговли центромъ тяготѣнія для группы континентовъ; но рано или поздно, когда покроется сѣтью желѣзныхъ дорогъ, Передняя Азія, несомнѣнно, сдѣлается центральнымъ рынкомъ Стараго Свѣта. Что касается до точнаго опредѣленія центральнаго пункта народностей, то этого нельзя указать даже приблизительно, потому что, съ одной стороны, численность африканцевъ, а съ другой—китайцевъ, извѣстна только приблизительно. Приходится ограничиться указаніемъ этого центральнаго пункта только на основаніи общепринятыхъ данныхъ [1]). Согласно имѣющимся документамъ, которые исправляются изъ года въ годъ, центръ народностей Стараго Свѣта приходится на юго-западную часть Тибетскаго плоскогорья, т. е. на страну, почти пустынную; но быстрое приращеніе европейцевъ все болѣе и болѣе передвигаетъ пунктъ равновѣсія въ направленіи къ западу, къ проходамъ Гинду-Куша, имѣющимъ историческое значеніе, какъ пути сообщенія между двумя частями арійскаго міра. Невозможно, чтобы, вслѣдствіе естественной силы тяготѣнія, не послѣдовало движенія къ сосредоточенію народовъ, послѣ ихъ разъединенія, которое произошло вслѣдствіе перехода цивилизаціи на Западъ, такъ какъ центры народностей безпрерывно перемѣщаются, если не сами по себѣ, то по крайней мѣрѣ въ силу ихъ воздѣйствія на самого человѣка, который въ теченіе временъ не перестаетъ обновлять и усиливать въ себѣ духъ примиренія по отношенію ко всему, что его окружаетъ.

Безъ сомнѣнія, присоединеніе Передней Азіи къ культурѣ, торговлѣ и къ промышленной дѣятельности западнаго міра будетъ продолжительно и затруднительно; тѣмъ болѣе нельзя сомнѣваться въ томъ, чтобы матеріальная цивилизація, занесенная съ Запада, не получила отъ народовъ Востока отпечатокъ ихъ ума, повидимому, столь гибкаго и при томъ столь упорнаго. Азіатъ никогда не переиметъ рабски того, чему его научатъ чужеземцы: онъ, такъ сказать, азіатизируетъ все, до чего онъ коснется; греки и римляне испытали въ былое время на самихъ себѣ, чего имъ стоило жить среди этихъ восточныхъ народовъ. Не имъ выпала на долю роль цивилизаторовъ; напротивъ, они сами были покорены обычаями и религіею тѣхъ странъ, въ которыхъ жили, и должны были сдѣлаться распространителями ихъ на Западѣ. Но въ настоящее время, не увлекаются ли азіатскіе греки, армяне, сирійцы, какова бы ни была, въ концѣ концовъ, отличительная черта ихъ національнаго характера, все болѣе и болѣе современнымъ научнымъ движеніемъ? Они присоединяютъ собственный починъ къ иниціативѣ переселенцевъ и иностранныхъ посѣтителей, и такимъ образомъ страна, по-

[1]) Goldschmid; Mac Gregor; Griesbach; O. Fraas; Blanford; H. Rawlinson; R. Burton; Alf. von Kremer, „Culturgeschichte des Orients“.

[1]) Boehm und Wagner, „Bevölkerung der Erde“, Ergänzungsheft, „n° 69 Mitth. von Petermann“.

степенно преобразовываясь, такъ сказать, отъ окружности къ центру ея, входитъ въ сферу европейскаго притяженія. Научныя примѣненія общи для всѣхъ странъ свѣта, и сколько заброшенныхъ средствъ, сколько еще нетронутыхъ сокровищъ хранятъ въ себѣ эти страны! Сколько богатствъ будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи Сидонъ и Тиръ! Хотя страна и терпитъ недостатокъ въ водѣ, и хотя недостатокъ этотъ увеличился съ начала писанной исторіи, но тѣмъ не менѣе множество ручьевъ изсякаетъ въ пустынѣ, или безполезно течетъ въ море и въ Евфратъ, временные потоки



Ущелье Маршъ на сѣверъ Кандахара.

образуются въ горахъ, не будучи направляемы въ ирригаціонные каналы и водопроводы. Плодоносныя страны, опустошенныя войной и обезлюдѣвшія, заселятся вновь подъ мирнымъ режимомъ. Распространеніе цивилизаціи къ во-

стоку, которое присоединило Венгрію, Дунайскія государства, Грецію и Россію къ европейской культурѣ и промышленной дѣятельности, и которое уже успѣло возстановить многочисленные города въ Передней Азіи, сирійскіе или греческіе, проложитъ себѣ путь къ Евфрату и къ Иранскому плоскогорью.

Европейскими народами уже была сдѣлана попытка къ новому покоренію Востока, въ первый разъ послѣ Крестовыхъ походовъ. Въ теченіе почти двухсотъ лѣтъ, съ конца десятаго и до конца двѣнадцатаго вѣка, когда католическіе народы Запада и турки, совращенные въ исламъ, находились еще, такъ сказать, въ самомъ разгарѣ своей вѣры, когда промышленныя богатства Востока: шелкъ, бархатъ, ткани, оружія, металлическія издѣлія, казались изумленнымъ полуварварамъ Запада самыми драгоцѣнными сокровищами,—въ то время военные походы изъ Европы въ Азію сдѣлались почти постоянными; сотни тысячъ людей погибли въ битвахъ, у которыхъ страсть къ завоеваніямъ и алчность добычи были гораздо сильнѣе, чѣмъ ревность къ обращенію въ вѣру. Тысячи воиновъ, плѣнниковъ, рабовъ, пали на полѣ битвы и на дорогахъ; но, тѣмъ не менѣе, послѣ двухвѣковой рѣзни и чумы, крестоносцы вынуждены были покинуть Востокъ, не будучи въ состояніи удержать за собой ни одной крѣпости на материкѣ. Однакожъ, давленіе Западной Европы на восточныя страны имѣло въ результатѣ продолженіе существованія Византійской имперіи, перенеся далеко за Босфоръ театръ борьбы между двумя враждебными другъ другу религіями; кромѣ того, несмотря на полную дезорганизацію европейскихъ армій, давленіе это сблизило, при помощи торговли, народы Средиземнаго моря, крестъ съ полумѣсяцемъ, и итальянскіе купцы узнали всѣ пути въ Переднюю Азію: мало-помалу имъ удалось, посредствомъ мирнаго обмѣна, добыть больше драгоцѣнностей, чѣмъ рыцарямъ-крестоносцамъ съ мечомъ въ рукахъ.

Несомнѣнно, вліяніе европейской политики не замедлило бы быстро возрасти въ восточныхъ государствахъ, несмотря на паденіе Константинополя, если бы кругосвѣтное путешествіе въ Африку и въ особенности открытіе Новаго Свѣта не измѣнили направленія торговыхъ предпріятій и не передали народамъ Иберійскаго полуострова господства въ торговлѣ, которое принадлежало Италіи, подобно тому, какъ прорывъ въ плотинѣ внезапно измѣняетъ направленіе выступившихъ изъ береговъ водъ. Открытія Колумба вынудили Европу сдѣлать поворотъ, а народы Востока выиграли отсрочку на цѣлыхъ триста лѣтъ въ этой наслѣдственной борьбѣ материка съ материкомъ, начатой уже съ баснословныхъ временъ походомъ аргонавтовъ и Троянской войной.

Нынѣ политическое давленіе Запада даетъ себя чувствовать сильнѣе, чѣмъ когда-либо, несмотря на то, что религіозный фанатизмъ, какъ и во времена Петра Пустынника и Готье Нищаго, имѣетъ также важное значеніе въ «Восточномъ вопросѣ»; но онъ былъ не болѣе, какъ предлогомъ. Если бы народы Западной Европы захотѣли отнять Гробъ Господень, то имъ почти достаточно было этого пожелать; единственная трудность заключалась бы въ назначеніи охранителей, и если господство остается въ рукахъ мусульманъ, или вѣрнѣе, Гробъ Господень находится подъ ихъ надзоромъ, такъ это только съ цѣлью поддержанія мира между ревностными протестантами, римско-католиками и греками, которые оспариваютъ другъ у друга владѣніе святыней. Стоя на точкѣ зрѣнія захвата, который столько разъ служилъ прецедентомъ, замедляя истинное сближеніе посредствомъ труда и общихъ интересовъ, европейскія державы слишкомъ заботятся о равновѣсіи, чтобы воспрепятствовать пріобрѣтенію которою-либо изъ нихъ слишкомъ крупной части спорныхъ территорій. Однако, раздѣлъ мусульманскаго міра начался, и не въ одной только Европейской Турціи, но также и во всей Передней Азіи. Россія не удовольствовалась завоеваніемъ закавказскихъ долинъ Ріона и Куры: она захватила самыя грозныя крѣпости въ горахъ Арменіи и удерживаетъ проходы, которые позволяютъ ей двинуть въ желаемую минуту свои войска на Константинополь, Алеппо или Багдадъ. Съ другой стороны Каспійскаго моря, русскіе также завладѣли нѣсколькими позиціями, съ которыхъ они могутъ легко дѣлать набѣги на персидскія владѣнія (vitales), а благодаря обладанію туркменскими оазисами, они находятся у входа по дорогѣ въ Индію, чрезъ долину Гери-руда. Англичане, враги русскихъ изъ-за политической гегемоніи въ Азіи, также заполучили свою долю, утвердившись въ одномъ изъ треугольниковъ восточной части Средиземнаго моря, на островѣ Кипрѣ, который одновременно господствуетъ надъ южными берегами Малой Азіи и Сиріи, близъ главнаго поворота Евфрата и странъ, наиболѣе угрожаемыхъ приближеніемъ русскихъ въ Арменіи. При входѣ въ Аравійскій заливъ, на большомъ мореходномъ пути, они также владѣютъ портомъ Аденъ и благодаря нѣкоторой матеріальной помощи, оказанной ими вождямъ племенъ, почти все прибрежное населеніе признало Англію своимъ сюзереномъ. Но это еще не все; во многихъ провинціальныхъ городахъ Персіи, Анатоліи, въ Иракъ-Араби, британскіе консулы пользуются гораздо большею властью, чѣмъ сами туземные правители, и ихъ указанія не что иное, какъ приказанія. Въ горахъ Сиріи, у друзовъ и маронитовъ, настоящее господство часто приписывалось Франціи и вновь оспаривалось у нея, сообразно политическому колебанію и дипломатическимъ поворотамъ. Точно

также Іерусалимъ находится, судя по посольствамъ, подъ покровительствомъ всѣхъ европейскихъ державъ, изъ которыхъ каждая по очереди имѣетъ преобладающій голосъ, смотря по тому, съ какой стороны дуетъ вѣтеръ въ Золотомъ Рогѣ.

Двѣ религіи, возникшія въ Палестинѣ, іудейство и христіанство, имѣютъ въ настоящее время въ Передней Азіи только свои общины, которыя играютъ относительно весьма незначительную роль. Евреи живутъ большими группами исключительно въ Іерусалимѣ и въ нѣкоторыхъ городахъ окружающей его территоріи. Что касается до христіанъ, они также воздвигаютъ въ Палестинѣ, близъ Гроба Господня и въ другихъ святыхъ мѣстахъ, свои церкви и молельни. Впрочемъ, христіане встрѣчаются только въ греческихъ и армянскихъ областяхъ Малой Азіи и въ горахъ Ливанскихъ. Наибольшая часть жителей Азіатской Турціи, а въ другихъ областяхъ Передней Азіи все народонаселеніе цѣликомъ принадлежитъ къ исламу. Аравія, гдѣ находятся священныя мѣста мусульманъ и откуда распространилась магометанская религія на весь остальной міръ, до сихъ поръ осталась главнымъ центромъ магометанской религіи, и тамъ именно и живутъ самые ревностные ея проповѣдники. Но какъ бы ни была сильна магометанская вѣра въ нѣкоторыхъ странахъ, единство религіи въ этой части материка еще далеко до того, чтобы производить политическую связь между мусульманскими народами: союза панисламизма, о которомъ часто говорятъ, нечего опасаться европейскимъ державамъ, которыя оспариваютъ другъ у друга господство на Востокѣ. Прежде всего, самая ревностная секта вагабитовъ, которая соблюдаетъ самымъ тщательнымъ образомъ все, чему училъ пророкъ, многочисленна только внутри Аравіи, гдѣ она не имѣетъ никакого соприкосновенія съ иностранцами. Большая часть магометанской Азіи, съ одной стороны, Турція, съ другой Персія, раздѣлена между суннитами и шіитами, которые взаимно ненавидятъ другъ друга; въ провинціяхъ, гяура считаютъ существомъ болѣе чистымъ, нежели мусульманина враждебной секты. Въ другихъ магометанскихъ странахъ преобладаетъ религіозный индифферентизмъ; большинство бедуиновъ никогда не имѣли другаго божества, кромѣ своего копья, и даже ихъ не разъ видѣли нападающими на богомольцевъ, возвращавшихся изъ Мекки. Наконецъ, у большинства турокъ религіозныя вѣрованія утратили свою активную силу: они переродились въ тупой фанатизмъ — прелюдію смерти. Правда, обращеніе мусульманъ въ христіанство почти не имѣетъ примѣровъ; но все же это нельзя приписывать силѣ ихъ религіозныхъ убѣжденій, а происходитъ оно вслѣдствіе долголѣтней вражды, даже, вѣрнѣе, традиціонной ненависти между племенами и тысячей контрастовъ, которые представляютъ нравы и привычки мышленія. Мусульмане, относящіеся индифферентно къ своей религіи, въ то же время сильнѣе другихъ возстаютъ противъ попытокъ христіанъ. Какими аргументами должны вооружиться тѣ, чтобы мусульмане отказались отъ вѣры своихъ предковъ! Но мусульманское населеніе Передней Азіи, если бы оно было взято во всей своей цѣлости, со всѣмъ своимъ религіознымъ рвеніемъ и самой тѣсной моральной связью, все же благодаря географическимъ условіямъ территоріи, которую оно занимаетъ, не могло бы выдержать съ успѣхомъ коллективной войны противъ европейскихъ державъ. Обширныя пустыни, безводныя пространства раздѣляютъ эти области Азіи на отдѣльныя страны, не имѣющія путей сообщенія одна съ другой; что касается до внѣшняго морскаго пути, онъ принадлежитъ флотамъ Западной Европы. Глубокія выемки приморской страны отдѣляютъ вдвойнѣ туземныя населенія другъ отъ друга, дозволяя въ то же время европейскимъ кораблямъ проникать внутрь страны; даже посредствомъ ея двухъ главныхъ рѣкъ, Евфрата и Тигра, Передняя Азія находится, такъ сказать, перерѣзанной на двѣ половины съ стратегической точки зрѣнія; въ самомъ началѣ рѣчнаго пути, у русскаго Закавказья, между двумя половинами мусульманской Азіи, существуетъ единственный узкій перешеекъ гористыхъ владѣній.

Въ политическомъ отношеніи панисламизмъ гораздо менѣе опасенъ въ своей колыбели, нежели въ Индіи, гдѣ сорокъ восемь милліоновъ мусульманъ связаны между собой общей религіей, патріотическими интересами, и на африканскомъ материкѣ, гдѣ масса мусульманъ, численность которыхъ еще неизвѣстна, но которые представляютъ силу, вслѣдствіе географической группировки, и эта сила несравненно значительнѣе той, которую послѣдователи Магомета почерпаютъ въ увлеченіи пропагандой.

Глава II

Афганистанъ.

ГОРЫ КАФИРА, КАБУЛЪ, ГЕРАТЪ, КАНДАХАРЪ.

I.

Верхними владѣніями восточнаго Афганистана, которыя граничатъ на сѣверѣ со снѣжными вершинами Гинду-Куша или Индійскаго Кавказа, Передняя Азія прикасается къ этой «Кровлѣ міра», составляющей орологическій центръ материка, съ которой также граничатъ Индія, Китайская имперія и владѣнія обширной Россіи. Въ этой странѣ, менѣе другихъ изслѣдованной на всемъ материкѣ, подножіе плоскогорій, на которомъ возвышаются громадныя вершины, превосходитъ высотою величайшія вершины Пиренеевъ, а между тѣмъ неподалеку къ западу открываются наиболѣе посѣщаемые проходы между равнинами Туркестана и долиною Инда, благодаря чему Афганистанъ сталъ такъ важенъ въ военномъ отношеніи и еще болѣе того сталъ играть роль въ исторіи торговли и переселеній.

Хотя ни преданія, ни легенды не говорятъ ничего о переходахъ по горамъ въ древнія времена арійскихъ предковъ, но тѣмъ не менѣе близкое родство, почти тождество религіи, обрядовъ, молитвъ и сходство языковъ и цивилизаціи на берегахъ «иранскаго Семирѣчья» и «Семирѣчья индійскаго»—не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что горные проходы между двумя склонами были хорошо извѣстны и утилизированы. Походы Александра, затѣмъ владѣнія греческихъ государствъ, простиравшихся отъ Бактріаны до покатостей снѣжныхъ горъ и, можетъ быть, до самаго сердца Индіи, сблизили вновь оба конца арійскаго міра черезъ проходы Гинду-Куша; затѣмъ буддистскіе миссіонеры, а вѣроятно также и вооруженные проповѣдники выбрали эти самые проходы, чтобы поставить Индію въ сношенія съ землями южной Азіи и крайняго Востока. Гигантскія изображенія, высѣченныя съ незапамятныхъ временъ на Баміанскихъ скалахъ, видѣли проходившими передъ ними множество походовъ военныхъ, религіозныхъ, или торговыхъ, которые имѣли весьма важные результаты въ исторіи міра. Монголы, турки, персы проложили эти дороги по азіатскимъ вершинамъ, а теперь русскіе и англичане, одни—расположившись лагеремъ въ равнинахъ Оксуса, а другіе—въ укрѣпленномъ полукружіи, въ которомъ Пешаверъ занимаетъ центръ,—ожидаютъ, въ чемъ сильно убѣждены туземцы, сигнала штурма и сраженій. Въ этомъ мѣстѣ ширина плоскогорья, которое отдѣляетъ долину Инда отъ покатостей, обращенныхъ къ Туркестану, не превышаетъ 300 километровъ. Кабулъ, который англійскія войска завоевывали уже три раза, находится на разстояніи только ста километровъ отъ возвышеннаго порога, гдѣ начинается сѣверный склонъ, которому смѣло можно дать (не грѣша противъ географіи) названіе «русскаго склона»; англійскія пушки и московскіе послы переступили уже за границу Баміана. На сѣверо-западѣ Афганистана, между Мервомъ и Гератомъ, есть пространство, гдѣ верхушка исчезаетъ почти совсѣмъ, гдѣ наступающія арміи не встрѣтили бы ни малѣйшаго препятствія. Достаточно было бы нѣсколькихъ дней работы небольшаго числа рабочихъ, чтобы сдѣлать такую дорогу, по которой можно было бы проѣхать въ каретѣ съ береговъ Каспійскаго моря до Кандахара [1]).

Въ цѣломъ Афганистанъ можетъ быть разсматриваемъ какъ страна проходная: это тотъ гористый Коh, о которомъ упоминали древніе авторы, подразумѣвая страну, находившуюся между Тураномъ, Ираномъ и Индомъ [2]). Составляя восточное продолженіе Иранскаго плоскогорья, онъ раздѣляетъ два очага цивилизаціи: Индію и бассейнъ Евфрата, и главное значеніе его въ томъ, что онъ является дорогою, соединяющею двѣ страны. Возникшіе тамъ города, въ плодородныхъ долинахъ, посреди оазисовъ, при входѣ въ ущелья пріобрѣли историческую важность благодаря ихъ стратегическому значенію и тѣмъ выгодамъ, которыя они представляютъ для арміи на случай обороны отдаленныхъ владѣній. Такимъ образомъ Гератъ, Кандахаръ, Газни, Кабулъ часто называются «ключами Индіи». Съ самой глубокой древности, говоритъ, въ 1602, исторіографъ Акбари, Кабулъ и Кандахаръ считаются дверьми Индустана: черезъ одну изъ нихъ можно войдти въ Туранъ, а черезъ другую въ Иранъ; и если эти мѣстности хорошо охраняемы, тогда об-

---

[1]) Lessar; — H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society", 1883.

[2]) Rawerty, „Notes on Afghanistan and part of Baluchistan".

ширная Индійская имперія защищена отъ чужеземныхъ вторженій [1]).

Однакожъ, несмотря на войны, которыя такъ часто происходили въ странѣ, несмотря на усилія многочисленныхъ изслѣдователей, изъ которыхъ нѣкоторые погибли въ этомъ дѣлѣ, какъ напр., двое Конолли, Лордъ, Форбесъ, Борнсъ, Афганистанъ далеко еще не изслѣдованъ вполнѣ. Многіе маршруты, тщательно изученные офицерами передовыхъ отрядовъ, долго хранились въ величайшей тайнѣ въ канцеляріяхъ, а драгоцѣнныя карты этихъ дорогъ валяются забытыми въ папкахъ; территоріи, не вошедшія въ составъ стратегическихъ путей, такъ и остались неизслѣдованными; большинство путешественниковъ, которымъ удалось проникнуть въ страну, шли по слѣдамъ, оставленнымъ дѣйствующими арміями. Прямая дорога между Кабуломъ и Гератомъ черезъ страну Гезарехъ не была еще пройдена ни однимъ европейцемъ. Тщетно пытался англичанинъ Макъ Грегоръ рискнуть пойти въ этомъ направленіи: отвергнутый своимъ же собственнымъ правительствомъ, онъ вынужденъ былъ вернуться назадъ по оффиціальному приказу эмира [2]). Впрочемъ, чащи лѣсовъ и цѣпи горъ, покрывающія подножіе плоскогорья, превращаютъ многія области въ Афганистанѣ въ лабиринтъ ущелій и долинъ, населенныхъ дикарями, которые доступъ въ эти мѣста дѣлаютъ опаснымъ для жизни. Кромѣ различныхъ дорогъ въ Кабулѣ и Кандахарѣ и нѣкоторыхъ странъ, пограничныхъ съ Индіей, на Сулейманъ-Дагѣ, поверхность страны изображена на картахъ только приблизительно, благодаря маршрутамъ европейскихъ путешественниковъ и пунктамъ, которыми они опредѣлили астрономическое положеніе, главнымъ образомъ вблизи границъ Персіи и Индіи. Что касается до населенія, то оно не можетъ быть исчислено по точнымъ документамъ: единственная перепись семей, которая когда-либо происходила, относится ко временамъ Надиръ-Шаха, который хотѣлъ узнать цѣну своей побѣды при сборѣ податей и при наборѣ рекрутъ. На основаніи этого краткаго перечня, составленнаго полтора столѣтія тому назадъ, опредѣляютъ еще и теперь, несмотря на бывшія войны, на помѣси племенъ, на переселенія, что такое-то, или такое племя состоитъ изъ столькихъ-то сотенъ или тысячъ семей [3]). Нынѣ путешественники расходятся во мнѣніяхъ на цѣлую треть или четверть въ своихъ опредѣленіяхъ: предполагаютъ, что численность афганцевъ простирается отъ 3-хъ до 5-ти милліоновъ, кромѣ жителей Туркестана, находящихся подъ оффиціальнымъ управленіемъ представителей эмира Кабульскаго.

Поверхность Афганистана къ югу отъ Гинду-Куша.	Населеніе вѣроятное.	Плотность населенія.
Квадратн. километ. 638 350.	6.145.000 жит.	9,6 жит.

Афганская территорія независимо отъ неправильностей ея политическихъ границъ, представляетъ собою плоскость, наклонную къ юго-западу, отъ сѣверо-восточнаго угла Кафиристана къ болотистой низменности, въ которую выливаются воды Гильменда. Два возвышенныхъ выступа опредѣляютъ верхнія стороны плато: на сѣверѣ Гинду-Кушъ и его западныя продолженія, называемыя иногда классическимъ именемъ Паропамиза; на востокѣ—различныя цѣпи горъ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ Сулейманъ-Дагъ. Края горъ, виднѣющіеся на плато между хребтами, служащими границей, развѣтвляются, принимая различныя направленія; но по большей части они идутъ по направленію общей наклонности края, т. е. отъ сѣверо-востока къ юго-западу, и въ этомъ направленіи текутъ рѣки промежуточныхъ долинъ.

Изъ всѣхъ горныхъ цѣпей Афганистана, наиболѣе возвышенная и наиболѣе правильная это та, которая служитъ продолженіемъ Каракорума, извиваясь къ юго-западу: это—Гинду-Ко или «гора Индусовъ», болѣе извѣстная подъ названіемъ Гинду-Куша, или «Убійцы Индусовъ», названіемъ, которое является жестокой ироніей на смертность купцовъ, погибающихъ среди ея снѣговъ, подъ ледяными вѣтрами, изъ жажды къ ростовщичеству, которымъ они занимаются среди таджиковъ и узбековъ. Этой же самой царицѣ горъ новѣйшіе писатели дали названіе «Индійскаго Кавказа», тогда какъ греки называли ее просто «Кавказомъ»; они признавали въ ней продолженіе Понто-каспійскихъ горныхъ хребтовъ, и греческіе писатели старались льстить Александру, провозглашая его побѣдителемъ этихъ горъ, черезъ которыя не могъ перейти Геркулесъ [1]). Многіе изъ арабскихъ писателей называютъ Гинду-Кушъ также Билористаномъ (Bilor, Bolor) или «Хрустальной страной», по причинѣ драгоцѣнныхъ камней, которые находятъ тамъ въ значительномъ количествѣ [2]).

Самая возвышенная часть гребня Гинду-Куша это тотъ хребетъ, которымъ онъ присоединяется къ Каракоруму, на сѣверѣ горной долины Язина. Въ этомъ мѣстѣ перерывъ почти полный: поднимаясь по долинѣ Мастуджи, данннику Инда, по Читралю, по Кунару и по рѣкѣ Кабулу, можно безъ особаго труда добраться, черезъ пастбища, прорываемыя нѣсколькими откосами, къ ущелью или, вѣрнѣе, къ широкой зеленой равнинѣ Барогиля, куда прибрежные жители верхняго Оксуса выводятъ свой скотъ.

[1]) Abou'l Fazel, Ayin Akbary.
[2]) „Journey through Khorassan in 1875“.
[3]) Bellew, „Races of Afghanistan“.

[1]) Grigoryev, „Commentaires à la traduction russe de la Géographie de Carl Ritter“.
[2]) Raverty, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, nov. 1864.

По словамъ одного туземнаго изслѣдователя, извѣстнаго подъ именемъ «муллы», который перешелъ чрезъ гребень этого горнаго кряжа въ 1874 г., поперечникъ между двумя бассейнами Инда и Аму-Дарьи имѣетъ только 3.660 метровъ высоты. Англичанинъ Биддульфъ, который также прогуливался по цвѣтущимъ лугамъ Барогиля, говоритъ, что въ этомъ мѣстѣ легко проѣхать въ каретѣ по самой верхушкѣ Азіи [1]). Громадныя вершины находятся не въ этой части цоколя Гинду-Куша, но на югѣ, въ той цѣпи горъ, которая беретъ свое начало на западной оконечности Каракорума и направляется къ юго-западу между долиной Мастуджи и рѣками, которыя спускаются на востокъ къ Гильгишу и Инду. Эта боковая цѣпь горъ, иногда называемая «горами Лагора» по ущелью, которое проходитъ въ самой срединѣ ея развитія, имѣетъ вершины, гораздо болѣе возвышенныя, нежели собственно Гинду-Кушъ. Одинъ изъ ея пиковъ, который тянется на 40 километровъ къ юго-западу отъ Барогильскаго поперечника, имѣетъ 6.836 метровъ въ вышину; другой, къ востоку отъ Читраля, поднимается на 5.760 метровъ и еще болѣе возвышеннымъ хребтомъ присоединяется къ восточному массиву, высшая точка котораго, еще не имѣющая никакого названія, превышаетъ 5.910 метровъ: выше вершины Эльборуса—исполина Кавказа [2]).

Протягиваясь къ западу, затѣмъ къ юго-западу, Гинду-Кушъ выпрямляется мало-помалу и кажется еще болѣе громаднымъ, такъ какъ верхній Оксусъ спускается внизъ болѣе чѣмъ на тысячу метровъ, простираясь вдоль подошвы сѣверной части горнаго хребта. Дивная гора, которая, если смотрѣть съ Мастуджи и Читраля, занимаетъ съ своими лучезарными пирамидами и исполинскими передними горами цѣлую сторону горизонта, поднимается болѣе чѣмъ на 7.500 футовъ надъ южнымъ бугромъ Гинду-Куша: это Тиричъ, соперникъ вершинъ Каракорума [3]). Но даже и тамъ, въ странѣ утесовъ и тумана, человѣкъ умудряется проложить себѣ дорогу въ теченіе короткихъ недѣль лѣта. Иштиракъ и Аграмъ, на сѣверѣ Читраля, постоянно загромождены снѣгами, и вьючныя животныя не могутъ тамъ пройти; но далѣе къ западу, обогнувъ массивъ Тиричъ, онѣ поднимаются по Нуксану или «Pas du Malheur», котораго брешь выше Монблана, и переступаютъ горный хребетъ на высотѣ 5.100 футовъ. Тропинка, поднимающаяся къ ущелью, «прорублена во льду и въ снѣгахъ», т. е. ступени ея приходится прорубать на поверхности ледника. Вѣроятно также къ ледянымъ странствамъ относятся разсказы туземцевъ на озерѣ Тирича, окруженнаго колоннами изъ бѣлаго мрамора. Два другихъ горныхъ прохода еще болѣе на западъ, Картаза и Дора, подобны Нуксану, доступны караванамъ: Дора—наиболѣе удобопроходимый; высота его равняется 4.800 футамъ [1]). По ту сторону вершины горнаго хребта, между рѣками, текущими на югъ въ Кафиристанъ, и тѣми, которыя текутъ на сѣверъ въ Бадакшанъ и Кундузъ, еще не были посѣщаемы европейскими путешественниками; но между тѣмъ извѣстно, что кафиры южнаго склона водятъ свои стада по сѣвернымъ покатостямъ, а это доказываетъ, что эта часть горнаго хребта доступна для изслѣдованія.

Горный хребетъ становится узнаваемымъ въ общихъ чертахъ только къ западу Анджуманскаго ущелья. На пространствѣ болѣе 100 километровъ, горная цѣпь, расположенная полумѣсяцемъ, имѣя выпуклость, обращенную къ сѣверо-западу, перерѣзана десяткомъ-двумя ущелій, высота которыхъ различна, отъ 3.500—4.500 метровъ: нѣкоторыя изъ нихъ доступны даже караванамъ на верблюдахъ. Между этими ущельями нѣкоторыя пользуются исторической извѣстностью: Кавакъ, первый горный проходъ на западѣ Анджумана, можетъ быть—тотъ самый, чрезъ который проходилъ Александръ Македонскій. Пилигримъ Гіуэнъ-Тзуангъ выбралъ его для возвращенія въ Китай, а англичане Уайдъ и Лордъ—для прохода въ Индію. Тамерланъ перешелъ горный хребетъ близъ ущелья Таль. Черезъ Шибрскій проходъ, лежащій на востокъ отъ Баміана, часто проходилъ султанъ Баберъ. Кушанскій проходъ, перерѣзывающій посрединѣ полумѣсяцъ горнаго хребта, представляетъ собою наиболѣе бойкій путь. Гора около 6.000 метровъ высоты, господствующая надъ этимъ проходомъ и которую одинаково хорошо видно какъ изъ Кундуза на сѣверѣ, такъ и изъ Кабула на югѣ, извѣстна подъ спеціальнымъ названіемъ Гинду-Ко или Гинду-Куша; тамъ, по преданію, и хоронится исполинъ легенды, умерщвляющій индусовъ [2]). Нигдѣ горный хребетъ не представляетъ столь величественнаго вида, благодаря четыремъ долинамъ, окружающимъ въ видѣ ромбовъ со всѣхъ сторонъ подошву горъ; на сѣверѣ Сургъ-абъ и Индеръ-абъ, которыя соединяются въ общемъ руслѣ Кундуза или Аксерая; на югѣ Горбандъ и Панджиръ, идущія на встрѣчу другъ другу, чтобы вмѣстѣ ринуться въ рѣку Кабулъ. Южный склонъ имѣетъ почти совершенную правильность: это—наклонная стѣна, черная у подошвы и бѣлая у вершины, пересѣкаемая на различной высотѣ, сообразно съ временами года, горизонтальной

---

[1]) Douglas Forsyth, „Proceedings of the Geographical Society", april. 1879.

[2]) Clements Markham, „Proceedings of the Geographical Society", feb. 1879.

[3]) Biddulph, „Tribes of the Hindoo Koosh".

[1]) Montgomerie, „Havildar's Journey, Proceedings of the Geographical Society", 1872.

[2]) „Asiatic Recherches" IV;—Clements Markham, цитированное сочиненіе.

линіей, служащей гранью снѣгамъ [1]). На югѣ, въ долинѣ и въ горахъ зрѣнію представляется еще болѣе поразительный контрастъ отъ необычайной роскоши флоры, отъ обилія кустарниковъ и травъ на лугахъ: авторъ Аина Абкари разсказываетъ, что тамъ можно встрѣтить до пятидесяти породъ тюльпановъ.

Рѣка Кабулъ въ долинѣ Чандаръ

Обширное треугольное пространство, заключающееся между Гинду-Кушемъ и горной цѣпью Лагора, почти сплошь занято горами, идущими постепенно внизъ къ юго-западу, Хотя европейскимъ путешественникамъ удалось пока проникнуть только въ весьма немногія изъ этихъ земель, но тѣмъ не менѣе они могли издали измѣрить большое число вершинъ, превышающихъ 4.000 и 4.500 метровъ въ

[1]) Wood, „Journey to the River Oxus“.

вышину. На сѣверѣ рѣки Кабулъ, нѣкоторыя вершины, находящіяся только въ 40-а километрахъ отъ долины, имѣютъ болѣе 3.000 метровъ, и ихъ переднія горы, прорываемыя механическимъ способомъ, продолжаются къ югу, чтобъ соединиться съ Сефидъ-Кохомъ; отсюда начинается цѣлый рядъ дефилеевъ и дикихъ ущелій, по которымъ можно спуститься въ равнину Кабула, къ бассейну Пешавера. Наиболѣе западные отроги горъ отдѣляются отъ Гинду-Куша тотчасъ на востокѣ Анджуманскаго ущелья; километрахъ въ ста отъ юго-запада, горная цѣпь перерѣзана на интервалы, соединенные тремя клюзами, откуда вытекаютъ три рѣки: Панджиръ, Парванъ, Горбандъ, которыя изливаются въ рѣку Кабулъ. За этими брешами горы снова начинаютъ возвышаться и образуютъ горную цѣпь Пагмана, которая становится первымъ препятствіемъ для путешественниковъ, желающихъ отправиться прямо изъ афганской столицы къ Баміанскому перевалу. Каменистая дорога, но далеко не тяжелая, по которой надо подняться въ верхъ около 1.500 метровъ, ведетъ отъ Кабула къ неровному входу въ Унахъ или Хонаи, образовавшемуся на пространствѣ почти 8-ми километровъ, отъ гранитныхъ выгибовъ Пагмана; затѣмъ она вновь спускается въ долину Гильменда, чтобъ очутиться на склонахъ Хаджикака или Ирака, въ проходахъ центральнаго Гинду-Куша. Въ 1839 и въ 1840 г. англичане перешли Иракъ безъ особаго труда съ обозами артиллеріи [1]). Выборъ Унахскаго ущелья для прохода каравановъ между Индіей и долиной Оксуса дѣлаетъ понятнымъ, какимъ образомъ настоящая столица, Кабулъ, должна была помѣститься въ узкомъ бассейнѣ, который она занимаетъ: какъ городъ военный и коммерческій, она должна была возникнуть въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ дороги, по которой проходятъ арміи и транспорты съ съѣстными припасами. Когда проѣзжая дорога шла черезъ Горбандъ, столица была построена въ концѣ трехъ долинъ, которыя сходятся у равнины Даманъ-и-Коха или у «Подошвы Горы»; тамъ именно находится главная точка соединенія всѣхъ дорогъ, которыя проходятъ по 18-ти ущельямъ Гинду-Куша: тамъ, безъ сомнѣнія, былъ и городъ, построенный Александромъ, *Alexandria ad Caucasum*, какъ разъ въ мѣстѣ развѣтвленія дорогъ Бактріаны [2]). Ни одинъ городъ не имѣлъ лучшаго положенія съ точки зрѣнія стратегической и коммерческой и не занималъ болѣе завиднаго положенія въ отношеніи плодородія окружающей почвы, обилія водъ, яркости растительности и красоты горизонта. Эта равнина, самая обширная во всей сѣверо-восточной части Афганистана, находится, правда, на средней высотѣ 2.000 метровъ, но подъ одной широтой съ Кипромъ, Критомъ, Ораномъ и Тангеромъ. Растительность тамъ умѣреннаго пояса; чинары окаймляютъ площади; абрикосовыя и другія фруктовыя деревья тѣхъ же породъ, какъ въ южной Европѣ, окружаютъ деревни; тутовыя деревья и виноградники покрываютъ нижніе склоны, расположенные террасами; зелень луговъ, поля, засѣянныя хлѣбомъ и табакомъ, и яркая пестрота садовой растительности представляютъ рѣзкій контрастъ съ темнымъ или желтоватымъ цвѣтомъ каменистыхъ утесовъ и съ ослѣпительной бѣлизной вершинъ дальняго Гинду-Куша и переднихъ горъ. На восточной оконечности амфитеатра Даманъ-и-Коха, у подошвы вершинъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Когистана, или «Страны Горъ», и неподалеку отъ рѣки Панджиръ, находится небольшая пустыня, называемая Рей-Руанъ, или «Сыпучій Песокъ». Въ томъ мѣстѣ, гдѣ кучи кремнистыхъ частицъ приростаютъ къ скаламъ, подъ угломъ около 45-ти градусовъ, песокъ, поднимаемый вѣтромъ, и падающій обратно въ трещины камней, издаетъ звукъ, подобный далекому звуку барабана, аккомпанируемому арійской музыкой, похожей на арфу [1]). Древніе писатели говорятъ, что на этомъ мѣстѣ погребены павшіе воины, и звуки ихъ музыки продолжаютъ раздаваться подъ землей.

Къ западу, гдѣ начинается пониженіе Гинду-Куша и изломъ почвы, который принимаетъ дорога изъ Индіи въ Бактріану черезъ ущелья Ирака, Хаджикака и Баміанскій проходъ, гористая страна, въ которой начинается горный хребетъ, имѣетъ около 200 километровъ въ ширину и состоитъ изъ параллельныхъ горныхъ хребтовъ весьма скалистыхъ, гребни которыхъ идутъ по прямой линіи большею частью по направленію отъ востока къ западу. Эти горы, охраняемыя монгольскими племенами гезарехъ, весьма мало извѣстны; онѣ, такъ сказать, отбрасываются на задній планъ исполинской горой Кохъ-и-Баба, которая стоитъ почти изолированной на сѣверѣ высокой долины Гильменда. Самый высокій пикъ, извѣстный спеціально подъ названіемъ «Отца Горъ», примѣненнымъ къ общему массиву, достигаетъ 5.486 метровъ, и его бѣлая пирамида, лежащая на неправильномъ кубѣ черныхъ утесовъ, господствуетъ непосредственно на западѣ надъ проходомъ Хаджикака. Другая вершина, пирамида которой занимаетъ центръ горной цѣпи, достигаетъ вышины болѣе 5.000 метровъ. Можетъ быть, на западной сторонѣ послѣдній, постоянно покрытый снѣгомъ пикъ различныхъ смѣшанныхъ горныхъ хребтовъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Паропамизада, — возвы-

[1]) Kave, „Proceedings of the Geographical Society“, april 1879.

[2]) A. Cunningham, „Ancient Geography of India“.

[1]) Wood, „Journey to the Source of the river Oxus“;— Masson, „Various Journeys in Balochistan, Afghanistan, the Panjab and Kalat“.

шенность, продолжающаяся отъ востока къ западу между источниками Мургъ-аба и верхняго теченія Гери-руда, носитъ названіе Сефидъ-Коха или «Бѣлой Горы». Феррье, который проходилъ тамъ въ половинѣ іюля, утверждаетъ, что снѣгъ «покрываетъ постоянно высокія вершины» [1]). Долины, въ которыхъ растутъ сосны и дубы, въ перемежку съ барбарисовыми и другими кустарниками, раздѣляютъ переднія горы: съ высоты вершинъ видны серебристыя скатерти рѣкъ, блистающія посреди зелени, луговъ, испещренныя черными точками палатокъ кочевниковъ. На сѣверѣ тянется другая цѣпь горъ, равно восточная въ смыслѣ ея направленія отъ востока къ западу; это Трибандъ-и-Туркестанъ, южный оплотъ равнинъ Оксуса.

Расширяясь къ западу, Сефидъ-Кохъ постепенно понижается: къ сѣверо-востоку Герата, дорога изъ Маймене проходитъ по ущелью Мазретъ-и-Баба (Karrel-i-Baba), гдѣ снѣгъ лежитъ только отъ декабря мѣсяца до конца апрѣля [2]). За Сефидъ-Кохомъ нѣтъ болѣе ни одной горной цѣпи, встрѣчается только холмистая почва; чтобъ пройти изъ равнины Мургъ-аба въ Гератъ чрезъ ущелье Тешмехъ-зебъ или чрезъ ущелье Комбу, придется подняться около 300 метровъ. Отъ этого горнаго хребта, извѣстнаго подъ названіемъ Баркхута, можно спуститься въ долину Гери-руда, не встрѣчая препятствій со стороны почвы [3]). Въ этомъ мѣстѣ высота горельефа увеличивается только на одну треть противъ высоты плато, на которомъ онъ лежитъ. Горная цѣпь, которая присоединяется къ массиву Кохъ-и-Баба, и которая расширяется отъ востока къ западу, параллельно Сефидъ-Коху, отъ котораго ее раздѣляетъ долина Гери-руда,—менѣе высока, нежели «Бѣлая гора» и обязана своимъ названіемъ Зіахъ-Коха, или «Черной горы», темному цвѣту своихъ утесовъ, изрѣдка покрытыхъ снѣгомъ. Но она выдерживаетъ болѣе однообразно свой характеръ горной цѣпи: къ югу отъ Герата она образуетъ раздѣльный горный хребетъ между двумя склонами Азіи, и самая краткая дорога, соединяющая Гератъ съ бассейномъ Гильменда, проходитъ по вершинѣ хребта на высотѣ 2.000 метровъ. Западное продолженіе Зіахъ-Коха соединяется съ горами сѣвернаго Ирана посредствомъ пирамидальной горы Зіангъ-и-Toктеръ, тогда какъ на югѣ страны Гуръ—слово синонимъ Когистана (Kouhistan), Джебеля или страны горъ,—оно перерѣзано рѣками въ безчисленныя развѣтвленія, которыя направляются большею частью къ юго-западу и кончаются въ пустынѣ изрѣзанными мысами, подобно тѣмъ, о которые ударяются морскія волны. Но въ центрѣ этой страны горъ, къ которой еще не направлялись путешественники, высится вершина, по всей вѣроятности вулканическаго происхожденія, судя по формѣ конуса и по множеству горячихъ источниковъ, бьющихъ у ея подошвы, называемая Чалапъ-даланъ, о которой Феррье говоритъ, какъ «о самой высокой горной вершинѣ во всемъ мірѣ». Въ половинѣ іюля путешественникъ видѣлъ эту гору, покрытую снѣгомъ на большомъ пространствѣ, подъ верхушкой пирамиды. Ея громадные отроги, покрытые лѣсами и пастбищами, тянутся по обширной территоріи, усѣянной деревнями и палатками кочевниковъ. Эта страна представляется одною изъ главныхъ провинцій Афганистана по богатству и разнообразію минераловъ: тамъ находятся и золотыя руды, никѣмъ не эксплоатируемыя, и серебро, и мѣдь, и желѣзо, и свинецъ, и сѣра, и уголь, рубины и изумруды [1]).

«Бѣлая Гора» Паропамизада не единственная, которая носитъ это названіе: другой Сефидъ-Кохъ, если не болѣе высокій и не болѣе значительный по своему горельефу, но зато несравненно болѣе извѣстный въ военной исторіи Азіи, находится въ сѣверо-восточной части Афганистана, на югѣ лѣсныхъ просѣкъ, чрезъ которыя рѣка Кабулъ течетъ въ равнины Пенджаба; его афганское названіе — Стенъ-Гуръ, тоже значащее Сефидъ-Кохъ. Собственно Сефидъ-Кохъ, безъ его западныхъ протяженій, тянется отъ востока къ западу на пространствѣ около 200 километровъ, и почти на всемъ этомъ пространствѣ высота его превышаетъ 3.800 метровъ. Самая высокая вершина, сохранившая свое санскритское названіе Сикарамъ, достигаетъ 4.761 метра, а далѣе къ востоку другая вершина Кераира, ея соперникъ по высотѣ и величію формъ. Несмотря на свое названіе, Сефидъ-Кохъ покрытъ снѣгомъ не во всѣ времена года; съ августа по январь бѣлыя полосы виднѣются развѣ только въ нѣсколькихъ оврагахъ, куда не проникаетъ ни солнце, ни вѣтеръ. Но хотя ниже по высотѣ другихъ горныхъ хребтовъ Афганистана, восточный Сефидъ-Кохъ, по всей вѣроятности, наиболѣе важный изъ нихъ по грандіозности представляемыхъ имъ пейзажей, благодаря рытвинамъ почвы, происшедшимъ отъ дождевыхъ потоковъ, которые очистили подошву горъ со стороны востока и позволяютъ любоваться безподобнымъ видомъ нагромоздившихся другъ надъ другомъ вершинъ. Эта часть Афганистана была пройдена во всѣхъ направленіяхъ путешественниками и англійскими офицерами; уже въ 1879 г. они поднялись на шесть пиковъ главнаго хребта, въ томъ числѣ и на господ-

[1]) „Voyage en Perse, dans l'Afghanistan, le Béloutchistan et le Turkestan“.

[2]) Grodekov, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, août 1880.

[3]) Lessar, „Proceedings of the Geographical Society“, jan. 1883.

[1]) Ferrier, цитированное сочиненіе.

ствующую вершину [1]). Сефидъ-Кохъ находится по ту сторону «научной границы», намѣченной недавно англичанами, затѣмъ оставленной афганскимъ племенамъ: мѣста, предназначенныя для лагерей и для санаторій (санитарныхъ станцій), обозначены на картахъ вблизи горныхъ проходовъ, проточныхъ водъ и тѣнистыхъ склоновъ.

На западной оконечности Сефидъ-Кохъ разбрасываетъ къ сѣверу цѣлый вѣеръ холмовъ, которые идутъ навстрѣчу возвышенностямъ, принадлежащимъ къ системѣ Гинду-Куша: клюзы (cluses) рѣки Кабула составляютъ единственный перерывъ между противоположными скалами. Самая возвышенная изъ горъ, отдѣлившихся отъ Сефидъ-Коха,—это горный хребетъ Каркача, верхній массивъ котораго, близъ рѣки Кабула, принимаетъ названіе Зіахъ-Коха или «Черной горы», вслѣдствіе контраста съ снѣжными вершинами большаго хребта. Чрезъ Каркачъ проходитъ ущелье того же названія (2.400 метровъ), а далѣе на сѣверъ чрезъ проходъ или коталъ, менѣе возвышенный, находится Джагдалакское ущелье. Названіе это до сихъ поръ звучитъ похороннымъ звукомъ въ ушахъ англичанъ, потому что тамъ и въ нѣкоторомъ разстояніи на востокъ, близъ Гандамака, были умерщвлены афганцами, въ 1842 г., послѣдніе оставшіеся въ живыхъ англичане гарнизона, бѣжавшаго изъ Кабула [2]). Всѣ горные проходы, находящіеся на западѣ: Латабандъ, Хафтъ Коталъ, проходъ Малаго Кабула или Khourd-Kaboul, равно напоминаютъ о военныхъ подвигахъ, побѣдахъ или пораженіяхъ англичанъ въ продолженіе ихъ троекратныхъ нашествій на Афганистанъ. Дорога, которая идетъ вдоль южнаго хребта Сефидъ-Коха, получила также важное значеніе съ стратегической точки зрѣнія, и во время послѣдней войны названія Пейваръ-Коталъ, открытый проходъ на югѣ Сикарама, и Шутаръ-Горданъ, «Шея верблюда», на юго-западномъ краю «Бѣлой горы», упоминались весьма часто. Наконецъ на востокѣ хребта послѣдніе мысы, которыхъ крутые утесы внѣдряются въ равнинѣ Пешавера, окружены другими ущельями, гдѣ человѣческая кровь часто окрашивала воды маленькихъ водопадовъ.

Самое знаменитое изъ этихъ ущелій—Хайберское, въ 53 килом. длиною; минуя устья рѣки Кабула, оно извивается змѣей на югѣ, затѣмъ на западѣ горы Тартара (2.072 метра), и догоняетъ рѣку противъ Лалпура, въ 65-ти километрахъ отъ верховьевъ равнины. Крѣпости, изъ которыхъ однѣ еще уцѣлѣвшія, а другія въ развалинахъ, высятся на скалахъ, идущихъ вдоль дороги; другіе памятники, *stoupas*, гробницы и обломки зданій, свидѣтельствуютъ, что не одни побѣдители утилизировали этотъ проходъ: буддистскіе миссіонеры шли по этой дорогѣ, а послѣ нихъ также Махмудъ Газневидъ, Баберъ, Акбаръ, Надиръ, Ахмеди-шахъ и англійскіе генералы. Акбари построилъ тамъ дорогу, удобную для повозокъ. Ущелье, взятое Александромъ, по которому, кажется, прошли первые покорители Индіи,—одно изъ тѣхъ, которыя проходятъ на сѣверѣ рѣки Кабула, въ странѣ юзуфзаевъ [1]). Между двумя серіями преградъ, образовавшихся отъ переднихъ горъ Сефидъ-Коха, на востокѣ и на западѣ горнаго хребта,—склоны, которые идутъ отъ гребня горы къ рѣкѣ Кабулу, несравненно правильнѣе и кончаютъ тѣмъ, что теряются въ поляхъ Нангнахара, или «Девяти Рѣкъ» [2]),—по словамъ другихъ этимологовъ, «Девяти Монастырей» [3]). Не много странъ столь богатыхъ и роскошныхъ, какъ этотъ бассейнъ съ сотней деревень, окруженныхъ садами, виноградниками и темной занавѣсью кипарисовъ; тамъ и сямъ виднѣются вершины снѣговаго амфитеатра. Здѣсь, равно какъ и въ испанской Америкѣ, склоны плато раздѣляются туземцами на *tierra caliente* и на *tierra fria*, сообразно ихъ климату и произведеніямъ; точно также бассейнъ Нангнахара называется Жермзиль или «Теплый край», а высокія террасы принадлежатъ къ Сердзилю или къ «Холодному краю» [4]).

Южные отроги Сефидъ-Коха могутъ быть разсматриваемы въ ихъ цѣломъ, какъ внѣшнія ступени афганскаго плато. Каждая изъ послѣдующихъ террасъ отдѣляется отъ предъидущей пограничной горной цѣпью, служащею границей, менѣе возвышенной надъ западной базой, чѣмъ надъ противуположной. Чтобы подняться по берегамъ Инда во внутреннія зеленыя равнины, надо взобраться по нѣсколькимъ отрогамъ, отдѣленнымъ другъ отъ друга террасами неровной ширины. Горная цѣпь, которую, обыкновенно, называютъ западнымъ Сулейманъ-Дагомъ, можетъ считаться самою высокою, по крайней мѣрѣ, по своимъ изолированнымъ пикамъ, которыхъ не измѣрялъ еще ни одинъ путешественникъ. На югѣ отъ прохода Шутаръ-Гарданъ, отдѣляющаго его отъ Сефидъ-Коха, горная цѣпь направляется безъ особенныхъ измѣненій къ Белуджистану и образуетъ наружную стѣну плато; на западѣ тянутся пустыни Katchi-Gandava, древній заливъ, промытый въ глубинѣ горъ. Западный Сулейманъ-Дагъ служитъ раздѣльнымъ гор-

[1]) Gerald Martin, „Proceedings of the Geographical Society", oct. 1879.

[2]) Lady Sale, „A. Journal of the Disasters in Afghanistan", 1841—1842.

[1]) Raverty, „Notes of Afghanistan and some parts of Baluchistan".

[2]) Wood, „Journey to the river Oxus, commenté par Jule".

[3]) Bellew, „Races of Afghanistan".

[4]) Clements Markham, „Proceedings of the Geographical Society", I, 1879.

нымъ хребтомъ между рѣками, изливающимися къ Индъ, и тѣми, которыя текутъ къ внутреннимъ бассейнамъ плато; онъ устанавливаетъ также и политическую границу: племена, живущія на восточной сторонѣ его хребта, не признаютъ, по обыкновенію, совсѣмъ своимъ сюзереномъ Кабульскаго эмира; они кочуютъ по странѣ въ полной независимости, или же платятъ временныя подати, когда переходятъ пограничную черту съ своими стадами. Другая горная цѣпь, центральный Сулейманъ, или «Гора Пукту», на большинствѣ картъ значится, какъ продолженіе отрога, отдѣлявшагося отъ Сефидъ-Коха у его громадной вершины, Сикарама, и который пересѣкаетъ дорогу Пейваръ-Котала; но неизвѣстно достовѣрно, правильно ли онъ продолжается: туземцы, проходившіе по странѣ, видѣли только

Видъ Пайварскаго ущелья.

одно гористое плато, безъ признаковъ хребта[1]). Наконецъ, на востокѣ, различныя гряды горъ, не считая отдѣлившихся массивовъ, идущихъ къ Инду, извѣстны подъ названіемъ восточнаго Сулейманъ-Дага или Михтаръ-Сулеймана; хотя и перерѣзываемыя на множество кряжей Курамомъ, Тохте, Гомуломъ, Зобомъ и другими рѣками, возникшими на западныхъ горахъ, тѣмъ не менѣе они составляютъ орологическую систему, замѣчательную по своему единству. Лѣсистые склоны рѣдки на крутизнахъ скалъ, обращенныхъ къ Индустану; когда скалы освѣщаетъ солнце, онѣ блестятъ, какъ горящіе уголья; въ ихъ страшныхъ ущельяхъ, жаръ, отражаемый бѣлыми, красными, желтоватыми откосами, становится нестерпимымъ. Во многихъ долинахъ, деревни кажутся смѣшавшимися съ окружающими камнями; видны только одни обломки, среди которыхъ тамъ и сямъ растутъ нѣсколько тощихъ терновыхъ кустарниковъ.

Различные боковые горные хребты системы песчаника или известняка почти одинаково параллельны: идутъ по прямой линіи отъ сѣвера къ югу, или отъ сѣверо-востока къ юго-западу, всѣ они имѣютъ покатость, обращенную къ плато, тогда какъ со стороны Индіи скаты утесисты. Во многихъ мѣстахъ нельзя и пытаться взобраться на верхъ: на югѣ Гомульскаго ущелья насчитываютъ до семи подобныхъ параллельно-идущихъ грядъ; еще южнѣе, гдѣ протекаетъ рѣка Сури, число непрерывныхъ горныхъ хребтовъ достигаетъ двѣнадцати, расположенныхъ въ шахматномъ порядкѣ[2]). Западныя гряды горъ, наиболѣе возвышенныя и видимыя изъ равнинъ Инда черезъ другіе кряжи, называются иногда афганцами Кохъ-и-Зіахъ (Зіахъ-Кохъ) или «Черной горой», тогда какъ нижнія гряды той же системы именуются Кохъ-и-Зуркъ (Зуркъ-Кохъ) или «Красная гора». Въ промежуткахъ горные хребты перерѣзаны клюзами или *дарахами* съ вертикальными стѣнами, въ глубинѣ которыхъ во время дождливаго сезона текутъ бурные потоки; расположеніе горъ даетъ ихъ теченію видъ порванной линіи, части которой сходятся подъ прямымъ угломъ[3]). Гора наиболѣе высокая восточнаго Сулейманъ-Дага (3.560 метровъ), Пиргуль или «Голубой святой», господствуетъ надъ массивами, расположенными на сѣверѣ Гомульскаго горнаго прохода. Самая знаменитая горная группа, которой даютъ спеціальное названіе «Соломонова трона»,—Тахтъ-и-Сулейманъ, двойную вершину которой видно изъ равнины, возвышается на двухъ оконечностяхъ горнаго хребта, длиною въ 8 километровъ. Сѣверная вершина, которая и есть самая высокая[1]), принадлежитъ къ числу тѣхъ многочисленныхъ вершинъ, на которой, будто бы, остановился Ноевъ ковчегъ; ниша, находящаяся въ скалѣ, близъ группы камней, которая пользуется уваженіемъ наравнѣ съ храмомъ, и есть тотъ «тронъ», куда садился Соломонъ, чтобы созерцать громадную пучину міра. Въ южной части хребта, Сулейманъ-Дагъ утрачиваетъ свою необыкновенную правильность и представляется на юго-западѣ Сакки-Сарвара не иначе, какъ подъ видомъ плато изъ гравія или красной глины. Затѣмъ горы Сулеймана рѣзко перерѣзываются на югѣ, и цѣлостность системы возстановляется на западѣ, для образованія массива Гандари, который походитъ, съ своими разнородными горами, на громадное окаменѣлое чудовище (стонога)[2]). Эта южная часть Сулейманъ-Дага была недавно изслѣдована англійскими офицерами, и тамъ найдено множество горныхъ долинъ, постепенно спускающихся съ плато къ воднымъ пространствамъ и на полу-возвышенности которыхъ имѣются лѣса, хорошо орошенныя поля, населенныя деревни. Одна изъ этихъ долинъ, Бораи, спускающаяся на востокъ къ устью Инда и Сетледжа, кажется, сдѣлается, въ недалекомъ будущемъ, благодаря удобству своихъ скатовъ, главной дорогой изъ Мультана къ афганскому плато.

На западѣ боковыя равнины горы Соломона, весь уголъ плато, заключающійся между большими сѣверными и восточными горами, занятъ горными кряжами высоты легко достижимой, не превышая ихъ цоколь болѣе шести или восьми сотъ метровъ. Кромѣ главнаго хребта, эти горы однообразно тянутся по одной линіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу и постепенно спускаются внизъ по мѣрѣ удаленія отъ ихъ исходной точки. Главный хребетъ между Гильмендомъ и Тарнакомъ называется Гуль-Кохъ или «Голубая гора», вслѣдствіе множества яркихъ цвѣтовъ, покрывающихъ склоны. На сѣверѣ Газни находится ущелье Чѐръ-Даханъ или «Львиная пасть», черезъ которое можно пройти въ Лагорскую долину и въ Кабулъ. Тамъ горы достигаютъ 2.750 метровъ, тогда какъ надъ Кандахарской равниной вершины не достигаютъ и 2.000 метровъ: большинство изъ нихъ лежатъ выше обыкновеннаго уровня не болѣе какъ на триста или четыреста метровъ. Но отъ этого онѣ ни мало не утрачиваютъ своей красоты, благодаря необыкновенной правильности ихъ профиля, рѣзкой формѣ контуровъ и поразительному контрасту, представляемому зеленой равниной съ ея лучезарными скалами. Нѣкоторые массивы рѣзко очерчиваютъ мысы, поднимаясь гораздо выше надъ окружающими горами: таковъ на сѣверо-вос-

[1]) Raverty, „Notes of Afghanistan and some parts of Baluchistan".
[2]) Raverty, цитированное сочиненіе.
[3]) Walker, „Journal of the Geographical Society", 1862.

[1]) 3.444 метра по Валькору и 3.343 по другимъ.
[2]) Raverty, цитированное сочиненіе.

токѣ Кандахара пикъ Кандъ, почти всегда покрытый снѣгомъ; такой же точно пикъ находится близъ Гиризка, называемый Шахъ-Мансуръ, известковые зубцы котораго превышаютъ три тысячи метровъ. На востокѣ Фараха, юго-западный уголъ всей орологической системы Афганистана образовался чрезъ Кохъ-Панджъ-Ангуштъ или «Гору Пяти Пальцевъ», Пентодактиль («Pento-dactyle»), подобно Тайгету Пелопонезскому.

На югѣ Кандахарской равнины, другіе горные хребты, присоединяясь къ главной вершинѣ западнаго Сулейманъ-Дага, становятся вновь значительно выше и образуютъ со стороны Белуджистана двойной оплотъ границы, которую англичане постарались не покидать: выводя свои войска изъ города Кандахара, они тѣмъ не менѣе оставили свой авангардъ на господствующихъ позиціяхъ. Хребетъ Гваджа-Амранъ, сѣверная стѣна, черные шиферные бока которой представляютъ въ теченіе болѣе полугода полнѣйшій контрастъ съ бѣлизной снѣговъ, покрывающихъ горы,—пересѣкается знаменитымъ Коджакскимъ ущельемъ, вышиной въ 2.286 метровъ: чрезъ него всегда проходили англійскія войска; но планъ будущей желѣзной дороги, проходя по западной сторонѣ хребта, захватываетъ также и ущелье Гваджа, гораздо менѣе возвышенное. По ту сторону, горы теряются въ странѣ Шоравакъ, на западѣ земель, изслѣдованныхъ въ послѣднее время англійскими офицерами [1]). Южныя горы, хотя и менѣе высоки, но проходы въ нихъ удобнѣе. Пикъ Такату съ двойной вершиной, господствующій надъ дорогой съ восточной стороны, превышаетъ 3.650 метровъ. Между двумя стѣнами горъ простирается плодородный бассейнъ Пахангъ, невѣрно называемый Пишинскимъ,—территорія, имѣющая весьма важное военное значеніе, благодаря обильному снабженію провіантомъ, доставляемымъ гарнизонамъ и дѣйствующей арміи: именно тамъ, на берегу Какаръ-Лора съ солоноватой водой, оффиціально начертана граница Белуджистана.

За исключеніемъ рѣкъ, берущихъ начало на склонахъ Гинду-Куша и восточнаго Сефидъ-Коха, всѣ тѣ, которыя протекаютъ по землѣ Афганистана теряются въ закрытыхъ бассейнахъ, или же испаряются въ пескахъ ранѣе достиженія рѣки, которая могла бы привести ихъ къ морю. Рѣка Кабулъ, какъ извѣстно, собираетъ почти всѣ воды гористой страны сѣверо-востока; вѣроятно, она одна катитъ такую же огромную массу воды, какъ всѣ потоки, вмѣстѣ взятые, афганской территоріи. Кофесъ, Кофанъ или Кабулъ, долина котораго служила проходной дорогой для всѣхъ покорителей Индіи, беретъ свое начало у подошвы горъ Пагхманъ; затѣмъ у самаго города, отъ котораго рѣка Кабулъ и получила свое настоящее названіе, она соединяется съ многоводной рѣкой Лагоромъ, частью питаемой потоками, текущими съ горъ Газни. Ниже течетъ Панджиръ, образовавшійся изъ множества водъ отъ снѣговъ Гинду-Куша, изливающихся въ равнину Даманъ-и-Коха. У самаго низовья рѣки, не столь многоводные потоки бѣгутъ съ той и съ другой стороны изъ Нангнахара къ югу, изъ Лакхмана или Ламгхана къ сѣверу для соединенія съ главной рѣкой; затѣмъ, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ низовья Джалалабада, могучій Кунаръ вырывается изъ узкаго ущелья на встрѣчу рѣкѣ Кабулу, котораго онъ, можетъ быть, удвоиваетъ объемъ; прибрежные жители считаютъ его главной рѣкой: это—та же рѣка, которая беретъ начало въ Барогилѣ подъ именемъ Мастуджи и которая затѣмъ принимаетъ названіе Читраля и Камаха. Понятно, что этотъ стремительный потокъ перемѣняетъ названія, потому что въ различныхъ мѣстахъ его теченія путешественники вынуждены, чтобы попасть изъ одного конца долины въ другой, сдѣлать длинный обходъ по горамъ: такъ, чтобы изъ Читраля войти въ деревню Асмаръ, на сѣверѣ которой журчитъ громадный водопадъ, необходимо взобраться на склоны Лагора, пройти ущелье въ 4.200 метровъ, спуститься въ долину Панджкора, затѣмъ достигнуть другаго горнаго прохода въ 3.000 метровъ высотой. Въ этой странѣ горъ, равно какъ въ Кашмирѣ и Гималаяхъ, чрезъ потоки пробираются по мостамъ, сплетеннымъ изъ ліанъ и ивовыхъ побѣговъ; но чтобы перейти чрезъ большія рѣки, каковы Кунаръ и Сватъ, приходится прибѣгать къ другимъ средствамъ, какъ при переходѣ чрезъ рѣки Пенджаба [1]). Послѣдняя рѣка, имѣющая нѣкоторое значеніе, впадающая въ рѣки Кабулъ и Сватъ, образовавшаяся изъ рѣкъ того же имени – Панджкора; ей часто даютъ названіе Ланди-Зиндъ или «Маленькаго Инда», въ отличіе отъ Абу-Зинда или «Большаго Инда». Въ англійской провинціи Пенджабѣ сливаются рѣки Свата и Инда, удаленныя отъ береговъ тысячами ирригаціонныхъ каналовъ. Хотя Кабулъ орошаетъ всю равнину Пешавера, онъ кажется ничуть не меньше Зинда, когда соединяется съ этою рѣкой у верховьевъ Аттока.

На югѣ Сефидъ-Коха, Курамъ, питаемый тающими снѣгами болѣе половины года, есть единственная рѣка, количество воды которой не поглощается пескомъ русла, а достигаетъ Инда; всѣ остальныя рѣки, берущія свое начало въ склонахъ горъ Сулеймана, окончательно высохли или же исчерпаны земледѣльцами раньше, чѣмъ успѣваютъ достигнуть вышеозна-

[1]) Biddulph, „Proceedings of the Geographical Society“, april 1880.

[1]) Masson, „Various Journeys in Balochistan, Afghanistan“, etc.

ченной рѣки. Такъ напр. Гомулъ, бассейнъ котораго, по словамъ Валькера, занимаетъ не менѣе 33.000 квадр. километровъ, и который въ періодъ наводненій изливаетъ иногда въ равнину водяную плоскость въ 16 километровъ шириной,—эта же самая рѣка не имѣетъ ни одной капли воды во время засухи. Въ другой части афганской земли, въ странѣ туркменъ, рѣки Кульмъ, Балкхъ, Сирипуль, Маймене также исчезаютъ по дорогѣ къ Оксусу. Даже Мургъ-абъ, возникшій на сѣверныхъ склонахъ Паропамизада, развѣтвляется, затѣмъ исчезаетъ въ оазисѣ Мерва, окруженный съ трехъ сторонъ громадными пустынями. Гери-Рудъ или «рѣка Герата» отличается большимъ протяженіемъ: беря свое начало между Бѣлой и Черной горами, она течетъ сначала на юго-западъ и западъ, затѣмъ, ударившись о горы Персіи, вновь направляется къ сѣверу, чтобы пробраться въ равнины Туркестана и исчезнуть въ пескахъ подъ именемъ Теджена. Она не достигаетъ болѣе этихъ равнинъ, гдѣ находилось огромное озеро, нынѣ высохшее [1]), почва котораго выше уровня Каспійскаго моря. Туземцы разсказывали Феррье, что ранѣе конца восемнадцатаго столѣтія теченіе нижняго Гери-Руда направлялось гораздо правѣе теченія Мургъ-аба.

Единственный закрытый бассейнъ, находящійся цѣликомъ на территоріи Афганистана, это—бассейнъ Газни: онъ занимаетъ пространство около 17.000 квадр. километровъ, по составленнымъ вкратцѣ картамъ на основаніи данныхъ, доставленныхъ англійскими путешественниками. Главная рѣка бассейна Газни беретъ начало на южной окраинѣ горъ, изливающихъ свои воды въ Индъ, посредствомъ Шинца, Логара и Кабула, увеличиваетъ многочисленные притоки и, управляемая плотиной—Бандъ-и-Султанъ или «Плотина Султана», которую приказалъ устроить Махмудъ Газневидъ,—она направляется къ югу и къ юго-западу, какъ бы для того, чтобы соединиться съ данниками Гильменда. Но, протекая по равнинамъ, гдѣ выпадаютъ дожди, она мало-по-малу ослабѣваетъ и исчезаетъ на 2.150 метрахъ высоты въ озерѣ съ измѣняющимся уровнемъ, который, сообразно съ временами года, возвышается надъ окружающими болотами, или же удаляется совсѣмъ въ центральную впадину плоскогорья. Это озеро—Абъ-Истада или, какъ его называютъ кочевники Гильзаи, «Спящая вода»; глубина его въ центрѣ едва достигаетъ 4-хъ метровъ. Сосредоточеніе частицъ щелочной соли въ бассейнѣ придаетъ необыкновенную горечь водѣ; такъ напр. рыбы, заносимыя прѣсными водами, умираютъ при входѣ въ устье, и берега покрыты сплошь ихъ остатками.

[1]) Lessar;—H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society", jan. 1883.

По разсказамъ туземцевъ, переданнымъ англійскимъ изслѣдователямъ Сулеймана, озеро выливалось въ 1878 г. черезъ плотину на холмы, находящіеся на склонахъ Гильменда. Какъ и во всѣхъ другихъ бассейнахъ, солоноватость воды въ озерѣ приписывается недостаточной быстротѣ теченія.

Бассейнъ Гамоена, который, вмѣстѣ съ половиной Афганистана, занимаетъ значительное пространство Персіи и Белуджистана, воспроизводитъ въ большомъ объемѣ явленія Абъ-Истада. Онъ занимаетъ поверхность около 500.000 квадр. километровъ, приблизительно равную Франціи, и главная рѣка гидрографической системы, Гильмендъ имѣетъ болѣе 1.100 километровъ. Это наиболѣе многоводная рѣка въ Азіи между Индомъ и Тигромъ; Великіе Моголы говорили о ней, что это «былъ ровъ, а Кандахаръ—фортъ, защищавшій ихъ имперію со стороны Запада» [1]). Другія рѣки въ нѣсколько сотенъ километровъ длины изливаются также въ бассейнъ Гамоена; таковы Рудъ-и-Забзаваръ или Харутъ-рудъ, Фарахъ-рудъ, Кашъ-рудъ. Правда, что во время сезона засухъ, эти рѣки почти изсякаютъ въ равнинахъ и узнаются только по крутымъ берегамъ, обсаженнымъ «гребенщиками» (деревья), «не тронь меня» (растеніе) и крошечными пальмовыми деревьями. Въ періодъ дождей онѣ представляютъ широкія и чрезвычайно быстрыя рѣки: иногда караванамъ, остановившимся на берегахъ Фарахъ-руда или Харутъ-руда, приходилось выжидать по цѣлымъ недѣлямъ, пока наконецъ они рѣшались на попытку перейдти по нимъ. Путешественники, прибывшіе вечеромъ въ деревню, которую они предполагали окруженною не иначе, какъ глинистою землей, пробуждались, къ своему изумленію, на островѣ: дожди, лившіе въ продолженіе ночи на этой ровной поверхности почвы, превращали равнину въ озеро безъ видимыхъ границъ, и, чтобы тронуться въ дальнѣйшій путь, необходимо было выжидать, пока водяная плоскость испарится; сама почва останавливаетъ теченіе воды въ пустынѣ, поглощая только весьма незначительное количество влажности [2]).

Гильмендъ (Гельмандъ), берущій свое начало по крайней мѣрѣ километрахъ въ 60-ти на западъ отъ Кабула, между Пагхманомъ и Кохъ-и- Бабой, прежде всего течетъ на высотѣ 3.500 метровъ; историческая дорога изъ Баміана въ Пешаверъ проходитъ километрахъ въ двадцати отъ ея источниковъ. Мало изслѣдованный въ верхнемъ теченіи, Гильмендъ представляетъ могучую рѣку у входа въ равнину, гдѣ онъ огибаетъ зеленые холмы Замин-

[1]) H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society", april 1879.

[2]) Nicolas de Khanikow, „Mémoires sur la partie méridionale de l'Asie Centrale".

давара; здѣсь его берега приходятся на разстояніи 900 метровъ другъ отъ друга. Даже во время средняго уровня воды, ширина рѣки превышаетъ 300 метровъ; всадникамъ, переплывающимъ черезъ нее, вода достигаетъ до стремянъ; пароходы могли бы ходить по Гильменду въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ [1]). Едва войдя въ равнину, на западѣ онъ принимаетъ въ себя во время половодья свой главный притокъ Аргандъ-абъ, образовавшійся, въ свою очередь, изъ четырехъ рѣкъ: верхняго Аргандъ-аба, Тарнака, Аргхезана и Дори, которыя сливаются другъ съ другомъ близъ Кандахара и, благодаря соединенію ихъ долинъ, придаютъ этому городу столь важное торговое значеніе. Но, имѣя на всемъ своемъ протяженіи отводные каналы, эти рѣки не приносятъ значительной прибыли Аргандъ-абу, который останавливается въ 25-ти километрахъ отъ своего сліянія «Плотиной Тамура», которая и распредѣляетъ всю его воду по равнинѣ [2]); собственно самъ Гильмендъ изливаетъ излишекъ своихъ водъ въ прибрежные канальцы. Окруженный съ двухъ сторонъ, на разстояніи отъ 1 до 2-хъ километровъ, поясомъ деревень Жермзиль или «Теплый край», онъ пересѣкается во всѣхъ направленіяхъ каналами, содержащими воду для орошенія: остатки плотинъ свидѣтельствуютъ о той заботливости, съ какою жители края, въ былое время весьма населеннаго, регулировали теченіе рѣки, самое названіе которой на греческомъ языкѣ, Аримантосъ, въ переводѣ значитъ «Запруженная рѣка» [3]). Въ прежнее время пловучіе мосты соединяли оба берега; цитадель Боста, разрушенная Надиръ-шахомъ, господствовала надъ одною изъ этихъ переправъ [4]). Въ настоящее время Гильмендъ обнаруживается сначала на югѣ, а затѣмъ на западѣ, и на сѣверѣ появляется его послѣдній изгибъ въ 450 километровъ, перемѣщая рѣчныя излучины и подмывая его берега. Сколько извѣстно, подмывается главнымъ образомъ крутой правый берегъ, вслѣдствіе песковъ, наносимыхъ южными вѣтрами, которые осаждаются на лѣвомъ берегу, тѣмъ увеличивая пустыню [5]). Преданіе говоритъ, что Гильмендъ, въ древности, имѣлъ теченіе къ юго-западу, по направленію къ Цирреxскому плоскогорью [6]).

Низменная часть Сеистана или Систана, изображаемая на большинствѣ картъ въ видѣ озера или топи, представляетъ, почти на всемъ своемъ пространствѣ, безводную равнину. Она не только не представляетъ никакихъ препятствій для сообщенія, но даже гораздо доступнѣе для прохода, чѣмъ окружащія ее земли, перерѣзанныя ирригаціонными каналами, усѣянныя скалами или покрытыя дюнами; кромѣ того, она доставляетъ превосходный кормъ лошадямъ. Столь легко доступный край можетъ служить лишь чисто-условной границей. Персія завладѣла наиболѣе плодородной частью Сеистана, на востокѣ предполагаемаго озера; наиболѣе посѣщаемыя дороги проходятъ черезъ низменность, и путешественники узнаютъ ее только благодаря зеленѣющей растительности, впрочемъ, прерываемой во многихъ мѣстахъ бѣлыми соляными пластами и сыпучими песками. Только къ сѣверу тянется Наизаръ—море мелкаго тростника, совершенно желтаго во время засухи; когда пастухи разводятъ огонь, сѣрыя облака дыма представляютъ едва замѣтный контрастъ съ тусклымъ цвѣтомъ растительности. Этотъ тростникъ, пока онъ еще не сдѣлался твердымъ, служитъ пищей для скота, а впослѣдствіи изъ него дѣлаютъ цыновки, перегородки въ хижинахъ, различные инструменты и плоты, достаточно удобные для перевозки черезъ болота. Къ югу отъ Наизара, рубежъ древняго озернаго бассейна обозначается тамъ и сямъ глинистыми берегами, въ подножіе которыхъ ударялись воды; нѣкоторыя террасы рѣзко отрѣзаны по всему ихъ протяженію, какъ будто наносный грунтъ былъ внезапно смытъ убылью водъ; онѣ покрыты соляными растеніями, служащими превосходнымъ кормомъ для верблюдовъ и барановъ [1]). Холмъ Кохъ-и-Гваджа или замокъ Рустемъ, который тщетно осаждала армія Надиръ-шаха [2]), высится одиноко среди равнины; но къ сѣверу отъ страны болотъ, близъ горныхъ скатовъ, стоятъ нѣсколько скалистыхъ конусовъ базальтовой формаціи, подобно «замку» Рустему [3]). Къ юго-востоку отъ обширной низменности Сеитана, теперь высохшей, тянется еще другой высохшій бассейнъ Цирехъ (Годъ-и-Цирехъ), покрытый соляною пылью. Всѣ ручьи Белуджистана, которые направляются къ этой низменности, изсякаютъ совершенно при выходѣ изъ горъ. Что сталось съ древнимъ озеромъ, можно судить по случаю, бывшему съ Макъ-Грегоромъ, который бродилъ въ теченіе двухъ съ половиной сутокъ по берегамъ этого озера и только послѣ этого нашелъ отверстіе, изъ котораго просачивалось немножко солоноватой воды [4]). Въ общемъ равнина вы-

---

[1]) Ferrier, „Voyages en Perse, dans l'Afghanistan, le Béloutchsitan et le Turkestan".
[2]) H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society", april 1879.
[3]) Burnouf, „Commentaires sur le Jaçna";—H. Rawlinson, „Journal of the Geogr. Society", 1873.
[4]) Jacout; - Barbier de Meynard, „Dictionnaire de la Perse".
[5]) Grisebach, „Memoirs of the Geological Survey of India".
[6]) Goldsmid, „Eastern Persia".

[1]) Nicolas de Khanikov, цитированный мемуаръ.
[2]) Beresford Lovett, „Eastern Persia"; - Journal of the Geographical Society", 1874.
[3]) Leech, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", february, 1844.
[4]) „Wanderings in Balochistan".

сохшаго озера Сеистана или Рустема тянется на 400 километровъ въ длину, параллельно нижнему теченію Гильменда. Высота ея опредѣляется различно, отъ 370 до 470 метровъ; она—наименѣе возвышенная часть всего Афганистана.

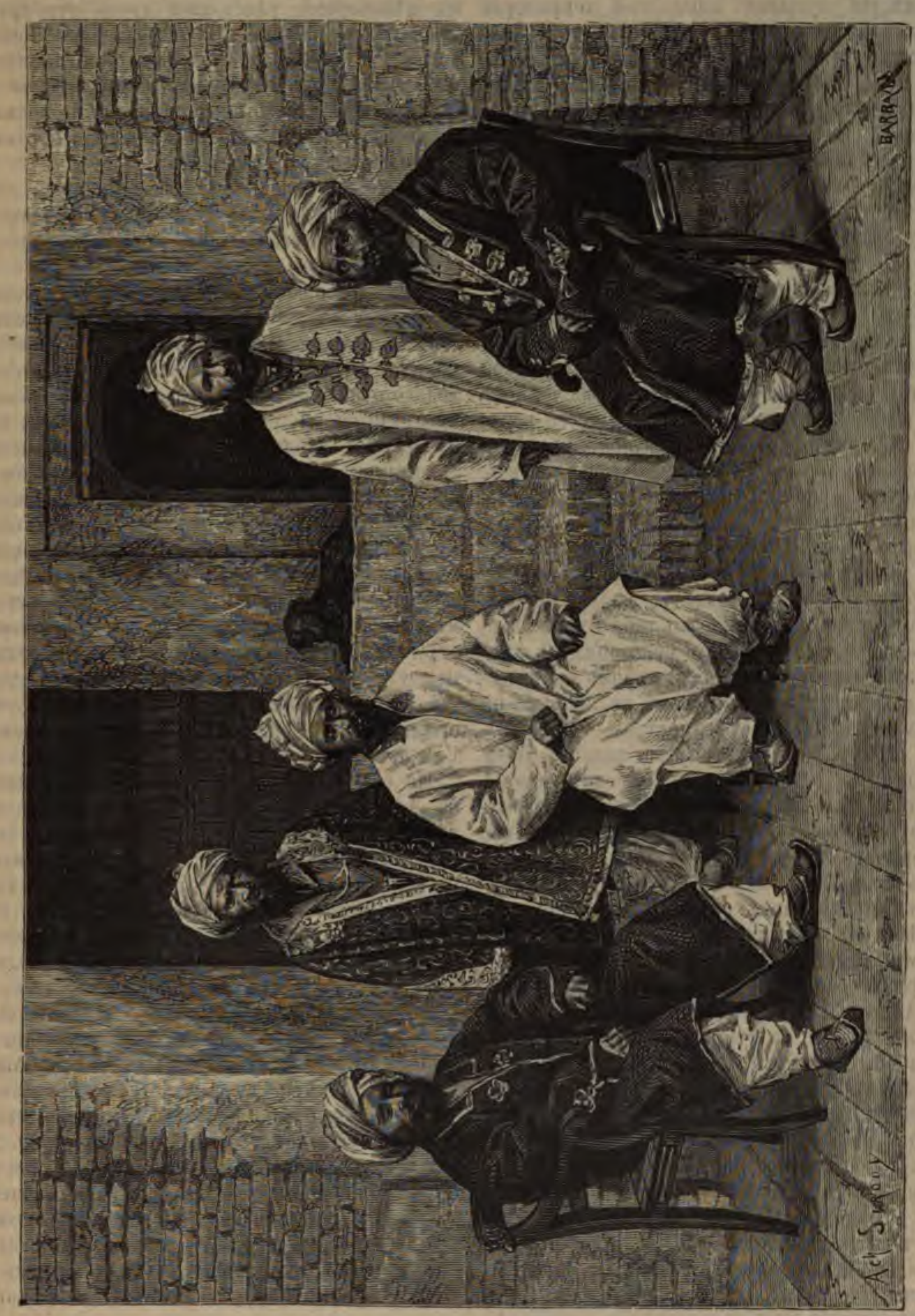
Нынѣшнія озера, извѣстныя у персовъ подъ названіемъ Гамоена, т. е. «пространства»,— не что иное, какъ боковыя изліянія рѣкъ, текущихъ въ странѣ внѣ покатости Сеистана. Послѣдніе путешественники показываютъ намъ на своихъ картахъ два изъ этихъ озеръ: одно— западное, образуемое Харутъ-рудомъ и Фара-рудомъ, и Гамоенъ восточный, въ который изливаются Кашъ-рудъ и Гильмендъ. Впрочемъ, эти обширныя водяныя площади не перестаютъ перемѣнять мѣсто, точно такъ же, какъ нижнія теченія рѣкъ, которыя въ нихъ изливаются. Во время половодья, Гильмендъ и другія рѣки приносятъ въ изобиліи илъ и, осаждая его въ наиболѣе низменныхъ мѣстностяхъ впадины, которая принимаетъ ихъ, распространяютъ еще дальше впередъ свое разлитіе. Въ періодъ засухи, напротивъ, рѣка утрачиваетъ свою силу настолько, что не можетъ достигнуть розлива озера, не можетъ также излиться назадъ, въ переполненный водой бассейнъ, и пользуется малѣйшею брешью въ берегахъ, чтобъ прорваться снова боковыми путями въ равнину. Ирригаціонные каналы, прорытые справа и слѣва главнаго русла, облегчаютъ перемѣну теченій. Подобный же оросительный каналъ сдѣлался главнымъ рукавомъ Гильменда, но также въ свою очередь оставленъ водами и исчезаетъ подъ сплошными рядами дюнъ, тогда какъ совсѣмъ незначительный каналецъ принимаетъ въ себя всю массу теченія. Такъ, судя по разсказамъ историковъ и по описаніямъ путешественниковъ, мѣстная гидрографія не переставала измѣняться со временъ классической древности. Блужданія Гильменда и перемѣщенія Гамоена, которыя являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этихъ блужданій, происходятъ на пространствѣ болѣе 150-ти километровъ въ длину и по крайней мѣрѣ на 80-ти километрахъ въ ширину [1]. Главнымъ образомъ у низовья Бандъ и-Кочека, близъ деревни, лежащей къ востоку отъ Секоха, столицы персидскаго Сеистана, Гильмендъ часто измѣнялъ свое теченіе; всюду по равнинѣ попадались слѣды его прежнихъ руслъ. До 1830 г. онъ имѣлъ теченіе къ западу и образовалъ тогда «гамоенъ» близъ холма Кохъ-и-Гваджа; вслѣдствіе большаго наводненія, онъ оставилъ это русло, чтобъ направиться къ сѣверу и разлиться озеромъ въ ста километрахъ къ сѣверо-западу отъ предъидущаго бассейна [2]. Половодье и наносы ила постоянно вынуждаютъ, такимъ образомъ, земледѣльцевъ искусно управлять сѣтью каналовъ. Въ прежнее время главная плотина Гильменда, находившаяся близъ Рудбара, на южной выпуклости большаго изгиба рѣки, выбрасывала воды въ широкій каналъ, направлявшійся къ западу для орошенія всей части равнины, простирающейся на югъ. Этотъ каналъ уже не существуетъ, и могучіе слои плотины, сложенные изъ громадныхъ кирпичей, почти въ квадратный метръ, сдѣлались безполезными [1]. Города и деревни перемѣстились одновременно съ каналами; мало странъ, гдѣ бы встрѣчалось столько руинъ, при томъ же представляющихъ простыя груды развалинъ, между которыми не находится ни одного обломка замѣчательныхъ памятниковъ. Частое перемѣщеніе рѣкъ и оросительныхъ каналовъ объясняетъ противорѣчія путешественниковъ, разсказывающихъ о Гамоенѣ то какъ о «прѣсноводномъ» озерѣ [2], а то какъ о пространствѣ солоноватой или сильно соленой воды. На самомъ дѣлѣ, подобная водяная площадь, происшедшая отъ недавняго наводненія, заключаетъ въ себѣ еще чистую рѣчную воду, тогда какъ другая часть наводненной равнины, съ давнихъ поръ неимѣющая сообщенія съ проточною водою, постепенно насыщалась солью. Единственная порода рыбы, указанная у Гольдсмита, подъ названіемъ барвѣна, водится въ рѣкахъ Сеистана [3]. Водяныя птицы: гуси, лебеди и утки покрываютъ озеро такими густыми стаями, что вода становится невидной; отъ ихъ множества въ воздухѣ темнѣетъ, когда онѣ летятъ. Ханыковъ видѣлъ одну изъ такихъ стай, образовавшую плотный треугольникъ, болѣе километра въ каждую сторону. Жители Сеистана узнаютъ заранѣе, какъ высока будетъ вода во время половодья, смотря по высотѣ, на какой эти птицы вьютъ гнѣзда надъ поверхностью водъ озера. Часто цѣлыя облака мошекъ наполняютъ воздухъ, и особой породы слѣпни, ужаленіе которыхъ весьма опасно, съ яростью преслѣдуютъ лошадей, и такъ назойливо, что верховыхъ коней всадники вынуждены прятать въ глубинѣ темныхъ конюшенъ [4].

Афганистанъ, взятый въ цѣломъ, весьма слабо орошается и не можетъ сравниваться обиліемъ дождей съ странами Западной Европы. Плато, граничащія на востокѣ съ хребтомъ Сулейманъ-Дага, входятъ, какъ и Индустанъ, въ область пассатныхъ юго-западныхъ вѣтровъ; но воздушныя теченія, которыя задѣваютъ Коканскія и Малабарскія горы и которыя изливаютъ въ ихъ долины такое обиль-

[1]) H. Rawlinson, цитированный мемуаръ.
[2]) Arthur Conolly, „Journal of the Asiatic Society“, № 130.

[1]) Ferrier, „Voyages en Perse, dans l'Afghanistan“ etc.
[2]) Nicolas de Khanikov, „Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale“.
[3]) „Journal of the Geographical Society“, 1873.
[4]) Beresford Lovett, „Journal of the Geographical Society“, 1874.

ное количество дождя, напитываются парами, пройдя на всемъ протяженіи надъ поверхностью Индійскаго океана, тогда какъ белуджистанскіе и афганистанскіе пассаты можно скорѣе



Типы и костюмы афганцевъ племени гезарехъ.

назвать континентальными вѣтрами. Они образуются въ экваторіальныхъ странахъ Африки, къ югу отъ берега Сомали, чтобъ направиться затѣмъ вдоль приморской страны, къ сѣверо-западу океана, и имъ едва приходится перейти черезъ два морскихъ рукава—заливъ Аденъ и заливъ Оманъ. Они приносятъ весьма незначительную дозу влажности, и то только когда морскіе отливы заставляютъ ихъ пройти по всему пространству Индійскаго океана. Вѣтры эти почти исключительно оставляютъ свои снѣга и дожди на высокихъ горахъ сѣвернаго Афганистана, на обоихъ Сефидъ-Кохъ, Кохъ-и-Баба и Гинду-Кушъ.

Итакъ, хотя афганское плато находится неподалеку отъ моря, но лежитъ въ поясѣ континентальнаго климата, на пути вѣтровъ, направляющихся съ Верхняго Нила и изъ Аравіи: многія пустыни афганской территоріи имѣютъ одинаковый видъ съ пустынями Ирана, лежащими также въ области сухихъ вѣтровъ. Какъ и во всѣхъ странахъ съ континентальнымъ климатомъ, крайности температуры представляютъ въ Афганистанѣ большія и быстрыя колебанія. На голыхъ скалахъ и на глинистомъ грунтѣ верхнихъ плато бываетъ попеременно то очень холодно, то очень жарко, и не только во время перехода отъ зимы къ лѣту, но и отъ ночи къ дню. Такъ иногда снѣгъ выпадаетъ въ Кандахарѣ—«Двери Индіи». Въ Хороссанѣ Герата, близъ Кузана, армія Ахмедъ-Шаха потеряла, говорятъ, 18.000 человѣкъ отъ стужи въ одну ночь. Съ другой стороны, хотя Газни находится на высотѣ 2.356 метровъ, температура возвышается тамъ, какъ говорятъ, до 55-ти градусовъ въ тѣни, и такой жаръ тѣмъ болѣе трудно переносить, что ночью бываетъ довольно свѣжо. Такъ, афганскіе города Маскатъ, Аденъ, Буширъ, Дадхаръ, Сиби, Шикарпуръ принадлежатъ къ числу такихъ городовъ, про которые сложилась поговорка: «Разъ ты создалъ, Аллахъ, такую огромную печь, то для чего жъ тебѣ нужно было создавать еще адъ?» Жаръ нестерпимый; иногда даже умираютъ отъ него, именно когда вѣтеръ вздымаетъ пыль и носитъ ее вихремъ по поверхности плато. Афганистанъ—одна изъ тѣхъ странъ, гдѣ эти грозныя явленія были чаще всего наблюдаемы; въ Сеистанѣ горячіе южные вѣтры походили на самумъ, и разсказываютъ про случаи, когда люди задыхались отъ горячаго дуновенія этого вѣтра.

Отъ слишкомъ сильныхъ измѣненій температуры происходитъ усиленіе испаренія, то отъ дѣйствія жара, то отъ испусканія лучей въ чистомъ воздухѣ. Вода, и безъ того составляющая рѣдкое явленіе почти въ большей половинѣ Афганистана, убываетъ такимъ образомъ еще быстрѣе и ее утилизируютъ съ большей экономіей. Афганскіе и персидскіе земледѣльцы весьма искусно строятъ *karez*, *khariz*, *kanat* или подземные водопроводы,—остроумное подражаніе рѣкамъ,—которые текутъ по галлереямъ известковыхъ скалъ и обнаруживаются въ вырытыхъ мѣстами колодцахъ. Во всѣхъ плохо орошенныхъ земляхъ Афганистана встрѣчаются деревни и поселки, которыхъ названія напоминаютъ о существованіи этихъ необходимыхъ работъ. Эти скрытыя рѣки, предохраняемыя такимъ образомъ отъ испаренія, содержатся большею частью съ большою заботливостью, потому что отъ нихъ зависитъ жизнь цѣлыхъ народовъ. Между ними есть такія, какъ напр. Газни, которыя имѣютъ отъ 30 до *40 километровъ въ длину* и которыя принимаютъ въ себя подъ землею многочисленные притоки, имѣя главные свои источники или бассейны въ пятьдесятъ и даже во сто метровъ глубиною. Вертикальные колодцы, вырытые въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, дозволяютъ рабочимъ спускаться въ каналъ, чтобъ его прочищать и укрѣплять его внутреннія стѣны. Вырытая земля, образовавшая бугорки близъ самаго входа въ каналъ, показываетъ издалека по склонамъ холмовъ протяженіе подземныхъ ручьевъ [1]).

Недостатокъ воды, а также и холода́, смѣняющіе томительный зной, и значительная средняя высота мѣстности имѣютъ послѣдствіемъ обѣднѣніе флоры Афганистана.

Даже въ сравненіи съ суровыми скалами Пенджаба скалы многихъ областей Сулейманъ-Дага и плато кажутся еще бѣднѣе растительностью: въ нѣкоторыхъ округахъ виднѣется только одинъ голый камень; немножко зелени встрѣчается въ расщелинахъ, тамъ, гдѣ просачивается сколько-нибудь влажности между грудами скалъ. Крошечныя пальмы, оливковыя и фруктовыя деревца растутъ вокругъ хижинъ, а кипарисы, ивы и тополи растутъ по берегамъ ручьевъ. На пространствѣ, занимающемъ болѣе половины страны, растительность показывается только въ видѣ зеленаго пятна среди мѣстности бѣлесоватой, сѣрой или красноватой отъ глины или скалъ. Контрастъ такъ великъ между голыми скалами горъ и оазисами долины, что разбойничьи кланы видятъ въ этомъ промыслъ Провидѣнія: «у другихъ есть земля, а у насъ сила», говорятъ они [2]).

Но если природа была не особенно щедра къ Афганистану въ отношеніи растительности и богатства зелени, зато она надѣлила тамъ плоды и хлѣбныя зерна какимъ-то особеннымъ вкусомъ: соки плодовъ дистиллируются тѣмъ лучше, чѣмъ больше растительные соки подвержены измѣненіямъ температуры. Хлѣбныя растенія всѣхъ родовъ даютъ превосходные продукты, равно какъ и деревья орѣховыя, абрикосовыя, персиковыя, сливовыя, миндальныя. Гранатовыя деревья, не растущія въ Кабулѣ, отлично процвѣтаютъ въ южномъ Афганистанѣ. «Лучшіе во всемъ свѣтѣ гранаты—произведеніе Кандахара» [3]). Дикій виноградъ даетъ сочныя, пріятныя на вкусъ грозди, растущія на склонахъ Когистана, до высоты болѣе 2.000 метровъ. Орѣшникъ встрѣчается также и въ дикомъ видѣ, и плоды его весьма цѣнятся: ни въ одной странѣ, можетъ быть, это дерево не достигаетъ такихъ размѣровъ; въ верхней долинѣ Курамы попадаются орѣховыя

[1]) Carl Ritter, „West-Asien"; — O'Donovan, „Merv Oasis";—Jane Dieulafoy, „Tour du Monde", 1883.

[2]) Walker, „Journal of the Geographical Society", 1862.

[3]) Ferrier, „Voyages dans la Perse, l'Afghanistan", etc.

деревья, у которыхъ стволъ болѣе 5-ти метровъ въ окружности [1]).

Наиболѣе благопріятными для флоры областями Афганистана являются, несомнѣнно, сѣверо-восточныя, гдѣ воды текутъ въ большемъ обиліи; здѣсь вся растительность пріобрѣтаетъ больше силы и яркости. Въ долинахъ Гинду-Куша и Лагори, равно какъ на склонахъ Сефидъ-Коха, но только на высотѣ болѣе 2.100 или 2.150 метровъ, козы приходятъ объѣдать молодые побѣги. Взобравшись на такую высоту, можно подумать, что находишься въ центрѣ Гималая, среди лѣсовъ Дальгаузи или Симлы. Чинары, растущіе на сосѣднихъ террасахъ Пайварскаго прохода, имѣютъ болѣе 10-ти метровъ въ обхватѣ. Взбираясь на горы, прежде всего встрѣчаешь дубы, затѣмъ деодаръ (*deodar*), тисовыя деревья, можжевельникъ, различныя породы сосенъ и пихтъ: хвойныя деревья растутъ на Сефидъ-Кохѣ на высотѣ 3.350 метровъ. Выше виднѣются только мелкій можжевельникъ и низкорослыя березы, а дальше растутъ однѣ лишь травы и карея (Остъ-Индское растеніе), вплоть до границы нижняго слоя вѣчныхъ снѣговъ, вездѣ, гдѣ почва и воздухъ имѣютъ достаточно влаги, чтобъ поддерживать жизнь растеній. По изслѣдованіи Сулейманъ-Дага оказалось, что древесныя породы его однородны съ древесными породами Гималаевъ, тогда какъ травянистыя растенія принадлежатъ къ растеніямъ западной области [2]). Въ своей совокупности, флора Афганистана и Гималая имѣетъ много общаго съ европейской флорой: въ лѣсахъ ихъ встрѣчаются одни и тѣ же дикія растенія, а въ садахъ тѣ-же культивированныя породы. Сеистанъ—единственная афганская провинція, гдѣ растетъ фиговое дерево. Миртовое дерево встрѣчается болѣе къ сѣверу, въ деревняхъ Анардереха [3]).

Фауна Афганистана также не отличается типами, которые бы только ему были свойственны. Въ низменныхъ долинахъ, наиболѣе близкихъ къ Пенджабу, водятся животныя равнинъ: леопарды, гіены и шакалы; страны Гинду-Куша, равно какъ Каракорума, Гималая и Загималая, надѣленныя соотвѣтствующимъ климатомъ, имѣютъ большею частью фауну Тибета: сернъ и косуль, козъ различныхъ породъ, медвѣдей черныхъ и бурныхъ, волковъ и лисицъ; кабаны живутъ въ тростникахъ Гамоена; тушканчикъ или крыса-кенгуру, подверженная спячкѣ въ своей норѣ съ сентября по апрѣль, встрѣчается во множествѣ на всѣхъ каменистыхъ пространствахъ; наконецъ, въ южныхъ равнинахъ, какъ напр., въ сосѣднихъ пустыняхъ Сеистана и Хороссана, носятся газели, а дикіе ослы цѣлыми табунами пробѣгаютъ черезъ деревни, поднимая за собою столбы пыли. Еще въ семнадцатомъ вѣкѣ носорогъ встрѣчался въ лѣсахъ нижняго Афганистана, у верховья Пешавера: Джехангиръ охотился на нихъ съ своимъ отцомъ Акбаромъ [1]). Эльфинстонъ и Раверти разсказываютъ, что львы также водятся въ южныхъ долинахъ, но никто изъ натуралистовъ ихъ не видѣлъ. Бланфоръ сомнѣвается также и относительно тигра [2]). Двугорбые и другіе верблюды Сеистана прославились своею выносливостью, силой и быстротою въ ходьбѣ. Въ нѣкоторыхъ гористыхъ мѣстностяхъ, именно у чаръ-аймаковъ, гдѣ эти животныя не могутъ служить для перевозки товаровъ, ихъ держатъ единственно изъ-за ихъ шерсти, которая служитъ для выдѣлки ткани на палатки [3]). Овцы Заминдавара и страны аймаковъ доставляютъ, можетъ быть, наилучшую шерсть во всей Азіи. Афганцы почти не употребляютъ для ѣзды другихъ лошадей, кромѣ ломовыхъ—ябу, животное съ короткими ногами и неуклюжее съ виду, но чрезвычайно выносливое. У нѣкоторыхъ племенъ, особенно сосѣднихъ съ Гератомъ, есть прекрасныя лошади, но все же не могущія сравниваться съ превосходными кровными туркменскими скакунами, недавно ввезенными въ Англію черезъ Тегеранъ [4]). Весьма искусные охотники, афганцы-кочевники имѣютъ также превосходныхъ собакъ борзыхъ, гончихъ и лягавыхъ. Подобно туркменамъ и раджпутамъ, они занимаются и соколиной охотой, почти совсѣмъ заброшенной въ европейскихъ государствахъ. Сеистанцы умѣютъ даже дрессировать для охоты гусей и утокъ [5]).

II.

Афганистанъ не есть названіе, которое жители страны сами дали землѣ, лежащей между Индіей и Персіей: они называютъ ее Пуктуенъ-Ква или «Страна Пектанаховъ» [6]), и говорятъ на нарѣчіи пукто или пушту. Въ Индустанѣ пактанахи извѣстны подъ общимъ названіемъ рогилла или «горцевъ», а чаще всего подъ именемъ патановъ, которое, по мнѣнію Ласана и другихъ писателей, произошло отъ ихъ мѣстнаго названія; названіе же «афганцы» происходитъ, можетъ быть, отъ санскритскаго слова асвака (Ass ka), т. е. «всадники»,—на-

[1]) Aitchison, „Proceedings of the Geographical Society“, oct. 1879.

[2]) Stewart, „Journal of the Geographical Society“, 1862.

[3]) N. de Khanikov, „Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie centrale“.

[1]) Raverty, „Notes on Afghanistan and some parts of Balochistan“.

[2]) „Eastern Persia“, vol, II, „Zoology and Geology“.

[3]) Ferrier, цитированное сочиненіе.

[4]) Baker and Gill, „Clouds in the East“.

[5]) Euan Smith, „Eastern Persia“.

[6]) Poukhtoun ou Pouchtoun, — во множественномъ Pakhtanah, Pachtanah,—смотря по нарѣчію.

званіе, вполнѣ заслуженное ими вслѣдствіе воинственныхъ набѣговъ, которые они совершали по равнинамъ [1]). Извѣстно, что по мѣстному преданію, которому первые англійскіе путешественники придавали большее значеніе, чѣмъ оно имѣло на самомъ дѣлѣ, и распространенію котораго они, можетъ быть, даже содѣйствовали,—афганцы считаютъ себя народомъ еврейскаго происхожденія и признаютъ своимъ предкомъ царя Саула изъ племени Веніамина. Но подобныя предположенія, принятыя и другими англійскими писателями, каковы Raverty, Bellew, Talboys, Wheeler, не могутъ имѣть серьезнаго значенія въ странѣ, гдѣ многіе совсѣмъ незначительные князьки возводятъ свою генеалогію до «Двурогаго Скандера», гдѣ цѣлыя племена ведутъ свое происхожденіе отъ баснословнаго Рустема, Джемшида, древняго героя персидскихъ эпопей, или отъ Магомета, пророка Аллаха. Извѣстно, что между афганцами, равно какъ и между таджиками и иранцами, часто встрѣчаются люди съ высокимъ выпуклымъ лбомъ, съ алчнымъ взглядомъ, орлинымъ носомъ, толстыми губами и густой бородой, похожіе на купцовъ-семитовъ; и неудивительно, что это встрѣчается въ странѣ, лежащей на большой дорогѣ военныхъ нашествій между Индіей и Передней Азіей. Въ Афганистанѣ расы постоянно смѣшивались, то вслѣдствіе переселеній, то вслѣдствіе завоеваній, или похищеній женщинъ однимъ племенемъ у другаго. Исторія показываетъ намъ афганцевъ сперва какъ кланы горцевъ, обитающихъ на западныхъ границахъ Индустана, но въ то же время завладѣвшихъ всѣми землями, простирающимися за предѣлы ихъ перваго отечества: съ одной стороны вплоть до бассейна Ганга, съ другой стороны до Сеистана. Эти племена слились съ народами различнаго происхожденія, которыхъ языкъ и названіе они измѣнили [2]). Дорнъ и Ласенъ думаютъ, что имъ удалось открыть народъ пукту въ Пактіисахъ, упоминаемыхъ, по словамъ Скилакса, Геродотомъ и обитавшихъ именно къ юго-востоку отъ персовъ и къ западу отъ бассейна Инда [3]); но собственно названіе Пактіисовъ нигдѣ не встрѣчается у историковъ Александра; многочисленныя названія народцевъ, на которыхъ дѣлится афганская нація, были узнаны въ терминологіи санскритскихъ поэмъ [4]).

Языкъ пушту принадлежитъ къ арійской семьѣ, а семитическія слова, примѣшанныя къ его словарю, перешли къ нему не отъ евреевъ, а отъ арабовъ, со времени совращенія жите-

[1]) „Vivien de Saint-Martin, „Année Géographique", 1863.

[2]) H. Rawlinson, „Journal of the Geographical Society", 1873.

[3]) Dorn, „History of the Afghans";—Lassen, „Indische Alterthumskunde";—Henry, „Etudes Afghanes".

[4]) Vivien de Saint-Martin, „Etude sur la géographie grecque et latine de l'Inde".

лей Пуктуенъ-Ква въ магометанство. Азбука, которую употребляютъ афганцы, также арабская, впрочемъ совершенно неспособная къ передачѣ звуковъ индо-европейскаго языка. Филологи еще не опредѣлили съ точностью мѣсто, которое занимаетъ языкъ пушту между арійскими языками. Произошелъ ли онъ отъ зендскаго языка, или же въ немъ слѣдуетъ видѣть переходное нарѣчіе отъ нарѣчій персидскихъ къ нарѣчіямъ индійской семьи и наиболѣе приближающееся къ этимъ послѣднимъ? [1]). Послѣднее мнѣніе болѣе общепринято; пушту считается языкомъ, отдѣлившимся еще въ глубокой древности отъ общаго корня; онъ, кажется, болѣе близокъ къ персидскому языку, чѣмъ къ индусскому. Жесткій и гортанный, «какъ будто холодный вѣтеръ, спустившійся съ высотъ Гинду-Куша, онъ заставляетъ говорящихъ на немъ людей держать ротъ полуоткрытымъ»; языкъ этотъ слыветъ наименѣе благозвучнымъ на всемъ Востокѣ: по одной поговоркѣ, невѣрно приписываемой Магомету, «это языкъ ада» [2]). Національная афганская литература совсѣмъ не такъ бѣдна, какъ о ней думали еще недавно: она состоитъ изъ героическихъ поэмъ, любовныхъ пѣснопѣній, изъ которыхъ нѣкоторыя были собраны Раверти, нѣсколькихъ сочиненій богословскихъ, юридическихъ, даже грамматическихъ [3]). Науки преподаются на персидскомъ языкѣ, и наиболѣе любимые писатели, несмотря на различіе языковъ,—иранскіе поэты. Пактанахи—большіе любители пѣнія и музыки: больше всѣхъ другихъ предметовъ они покупаютъ флейты въ Индустанѣ [4]).

У большинства племенъ, афганскій типъ отличается крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и сильной мускулатурой; мужчины сильны, стройны, неутомимы въ ходьбѣ и хорошіе работники. Голова у афганцевъ имѣетъ продолговатую форму [5]); они отличаются выдающимися скулами, сильно выступающимъ носомъ; нижняя губа у нихъ по большей части очень толстая, брови густыя, борода и волосы жесткіе, почти всегда черные; типъ свѣтло-русый и темно-русый встрѣчается только у горцевъ Кафиристана иной расы. Западные афганцы, ближайшіе къ Персіи, имѣютъ цвѣтъ кожи болѣе свѣтлый, чѣмъ афганцы, населяющіе восточныя области: цвѣтъ кожи у нихъ оливковый, тогда какъ афганцы, сосѣдніе съ Индустаномъ, схожіе съ своими братьями раджпутами, имѣютъ цвѣтъ кожи коричневый, переходящій въ черный. У всѣхъ у нихъ взглядъ полный энергіи и гор-

[1]) Trumpp, „Grammar of the Pacto".

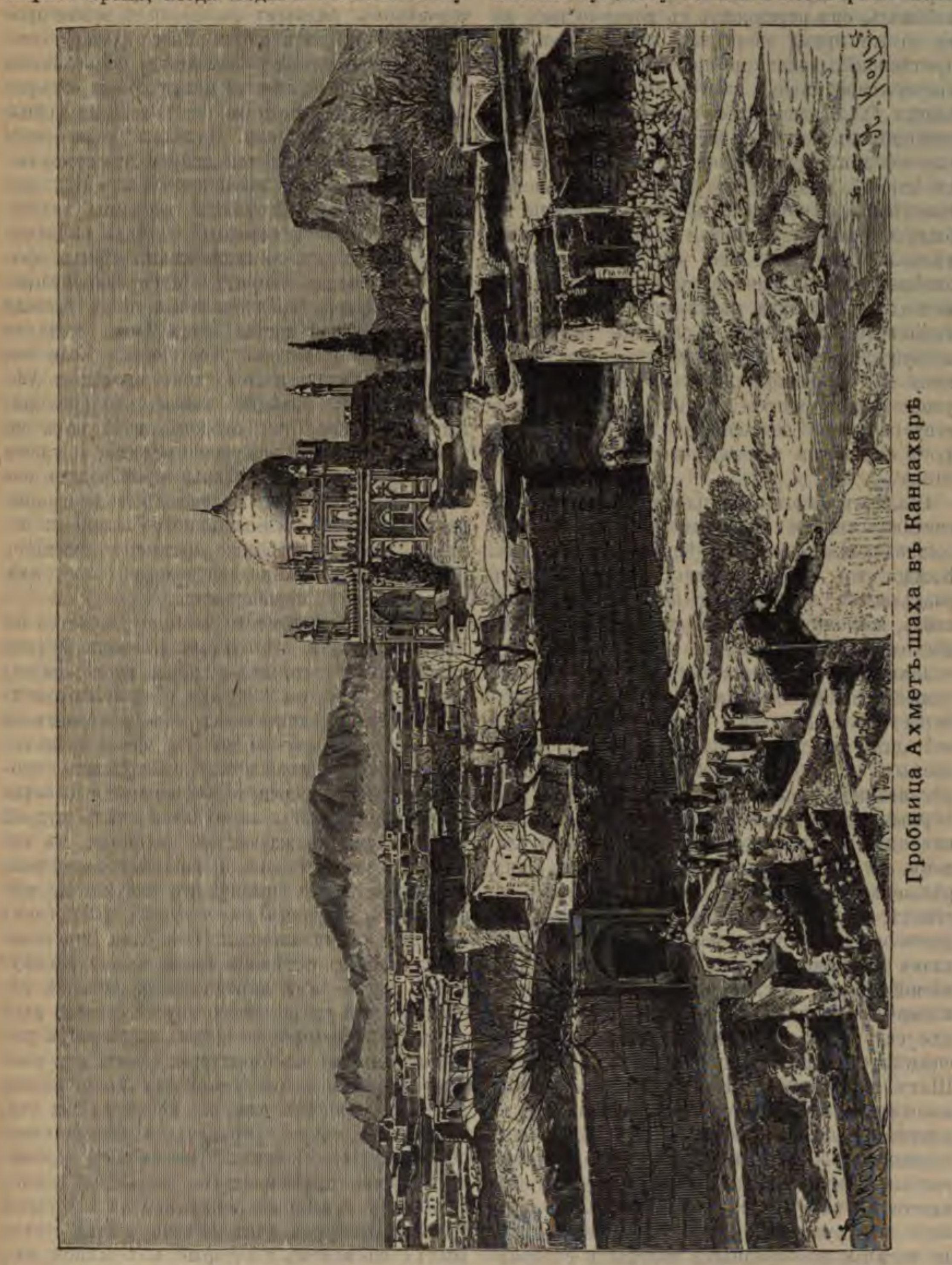
[2]) Lassen, цитированное сочиненіе.

[3]) „Journal of the Asiatic Society of Bengal". 1854, VI.

[4]) Яворскій, „Путешествіе русскаго посольства по Афганистану".

[5]) Головная мѣра: 0,77, по семи измѣреніямъ. (Duhousset, „Etudes sur les populations de la Perse)".

дости—признакъ врожденной храбрости. Въ сравненіи съ персами, они кажутся рѣзкими, даже грубыми, небрежными въ одеждѣ. Въ мирное время, когда людямъ становятся чуждыми дурныя страсти, которыя въ нихъ развиваетъ война: жестокость, мстительность, лукавство и жажда грабежа,—афганецъ гостепріименъ, искрененъ и великодушенъ: «тотъ не афганецъ, кто не откроетъ своей двери чужестранцу», говоритъ пословица. Женщины у афганцевъ въ большомъ почетѣ, и онѣ ведутъ хозяйство съ умѣньемъ и увѣренностью. На Востокѣ существуетъ такая поговорка: «поѣзжай обогащаться въ Индію, веселиться въ Кашмиръ, а жену бери себѣ у афганцевъ» [1]). Воздержанный и скрытный, пылкій въ пред-



Гробница Ахметъ-шаха въ Кандахарѣ.

[1]) A. Conolly. „Journey to the North of India".

пріятіяхъ, афганецъ охотно жертвуетъ удовольствіемъ для труда; но онъ не такъ дешево разстается съ своею независимостью, какъ персъ или индусъ. Несчастія, которыхъ нельзя избѣжать, онъ переноситъ съ покорностью, но въ то же время энергично защищается отъ притѣсненій, только не при дворѣ, гдѣ господствуетъ своенравіе и жестокость деспотической власти [1]). Большинство англійскихъ путешественниковъ жалуются на чрезмѣрное вѣроломство афганцевъ; но европейцы, показывавшіеся въ странѣ, приходили туда большею частью повелѣвать, а потому самое ихъ появленіе не было ли оскорбленіемъ для жителей? Поэтому, нисколько неудивительно, что туземцы, болѣе слабые, чѣмъ англичане, почти во всѣхъ сраженіяхъ прибѣгали къ вѣроломству противъ ненавистныхъ враговъ. Когда въ афганцахъ возбуждена чѣмъ-либо ненависть, они предаются ей съ необычайнымъ ожесточеніемъ и упорствомъ. У магометанскихъ индусовъ существуетъ такая пословица: «Да хранитъ тебя Богъ отъ мести слона, очковой змѣи и афганца!».

Различныя афганскія племена, которыя всѣ считаютъ своимъ предкомъ одного патріарха, составляютъ множество отдѣльныхъ республикъ. Каждое изъ этихъ маленькихъ государствъ раздѣляется на кланы и подкланы, заи или кейль, изъ которыхъ наименьшіе состоятъ изъ нѣсколькихъ семействъ. Всѣ эти группы имѣютъ одинаковое устройство: самый меньшій кланъ, самый низшій кейль имѣетъ своего главу, избираемаго обыкновенно по праву рожденія, а всѣ кланы вмѣстѣ управляются ханомъ, назначаемымъ въ большинствѣ случаевъ эмиромъ афганскимъ; иногда же ханъ избирается выборными отъ племени. Онъ не пользуется неограниченною властью: собраніе начальниковъ клановъ, *джирга*, подъ предсѣдательствомъ хана, рѣшаетъ дѣла во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ; оно одно, руководствуясь обычаями, даетъ санкцію, которая необходима начальнику клана для приведенія въ исполненіе постановленій джирги. Весьма рѣдко случается, чтобы племя не признало постановленія собранія своихъ старшинъ: старинный общинный духъ господствуетъ еще до сихъ поръ. Самъ Ахмедъ-Шахъ, покоритель Индіи, неограниченный властитель милліоновъ людей, кишащихъ въ равнинѣ, былъ въ своей странѣ не болѣе, какъ первый старшина между другими старшинами, равными ему по праву. Однако, равновѣсіе власти измѣняется самымъ страннымъ образомъ въ группахъ афганскихъ семей, слѣдуя за тысячью поочередныхъ частныхъ соперничествъ, мщеній и войнъ, отъ которыхъ почти безпрерывно страдаетъ край. Случается даже такъ, что избирается диктаторъ, которому предоставляется неограниченная власть во время опасности; но по окончаніи смутъ, этотъ властелинъ становится по-прежнему частнымъ человѣкомъ, равнымъ по власти со всѣми прочими выборными племени. Часто также составляются временные союзы между нѣсколькими кейлями, и соединенныя между собою *джирга* заключаютъ договоръ на счетъ веденія войны или заключенія мира. Находясь даже подъ властью эмира, хана или джирги, афганецъ любитъ считать себя независимымъ. «Мы всѣ равны», часто повторяютъ афганцы англійскимъ путешественникамъ; и когда тѣ начинаютъ восхвалять монархическій образъ правленія, афганцы говорятъ: «Мы предпочитаемъ наши раздоры, предпочитаемъ наши боевыя схватки; пускай льется наша кровь, если это надо, но мы не хотимъ властелина!» Если мѣстные безпорядки и часто повторяются въ Афганистанѣ, то извѣстно также, что племена, живущія вдали отъ городовъ, избѣгаютъ не только чрезмѣрно гнетущаго режима, но также и общихъ возстаній, которыя производятъ народы Передней Азіи, подчиненные неограниченной власти [1]). Большинство племенъ не имѣло никогда рабовъ: афганецъ считаетъ преступленіемъ «продавать людей»; онъ ихъ убиваетъ, но не порабощаетъ.

Обычай родовой мести все еще держится въ Афганистанѣ, и нѣкоторыя племена ведутъ между собой постоянныя войны, не изъ-за какого-либо интереса, или ради достиженія какой-либо цѣли, а единственно изъ-за «кроваваго возмездія». Несмотря на это, часто происходятъ посредничества между враждующими сторонами. Нерѣдко джирга вмѣшивается въ борьбу семей, и иногда избирается кейль судьей между двумя враждующими группами; въ такомъ случаѣ, сторона, признанная виновною, присуждается къ выдачѣ въ замужество нѣсколькихъ дѣвушекъ за мужчинъ оскорбленной семьи или племени. Это одна изъ главныхъ причинъ смѣшенія крови между различными афганскими народностями. Обычай гостепріимства также способствуетъ сліянію племенъ: чужеземныя семейства встрѣчаютъ радушный пріемъ на территоріи клана, имъ раздаются земли, и ихъ старшина принимается въ число членовъ джирги; несмотря на это, пришельцы могутъ управляться согласно ихъ обычаямъ. Кромѣ этихъ чужеземцевъ, особенно радушно принимаемыхъ, есть еще другіе, какъ напр. гамзои или «Сосѣди», на которыхъ туземцы смотрятъ, какъ на «покровительствуемыхъ» племенемъ и которые, по обыкновенію, не вступаютъ во владѣніе землями, которыя они обработываютъ; однако, все же рѣдко бываетъ, чтобъ послѣ одного или двухъ поколѣній

[1]) M. Elphinstone, „An account of the Kingdom of Cabul“; — De Gobineau, „Trois ans en Asie“.

[1]) Mountstuart Elphinstone, цитированное сочиненіе.

они не слились съ племенемъ, оказавшимъ имъ гостепріимство. Въ то время, какъ элементы различнаго происхожденія группируются такимъ образомъ въ одну семью, многія племена, въ свою очередь, раздѣляются на враждебныя партіи, вслѣдствіе какого-нибудь частнаго насилія или же политическихъ распрей. Заи или «сынъ» — слово, прибавляемое къ большинству названій племенъ и клановъ,—не указываетъ съ точностью настоящаго происхожденія: часто это не болѣе, какъ только отличительный признакъ, не имѣющій надлежащаго значенія. Такъ, съ самаго начала событій, предшествовавшихъ послѣднему британскому вторженію, кабулистанцы раздѣлились на Каваньяри-заи, благопріятствовавшихъ союзу съ англичанами, представителемъ которыхъ былъ резидентъ Каваньяри, и на Якубъ-заи, враговъ всего чужеземнаго и въ то же время ненавидѣвшихъ эмира Якуба [1]). Часто общіе интересы соединяютъ всѣ племена одной территоріи противъ другихъ племенъ, какой бы они ни были расы: такъ напр. гильзаи и таджики, извѣстные подъ общимъ названіемъ логари, или «людей Логари», ведутъ борьбу съ другими гильзаями и таджиками, обитающими вдоль Лахмана [2]).

Противорѣчивыя свѣдѣнія, доставляемыя путешественниками, происходятъ отъ разнообразія и перемѣны названій племенъ, и препятствуютъ строгой классификаціи кейлей по степени ихъ настоящаго родства. Оффиціальныя таблицы, публикуемыя командируемыми англійскими и русскими офицерами генеральнаго штаба, имѣютъ между собою весьма отдаленное сходство. Тѣмъ не менѣе, попытка общей классификаціи возможна. По отзывамъ всѣхъ ученыхъ, господствующее племя между четырьмя стами кейлями афганцевъ есть племя дурани, къ которому принадлежитъ нынѣ царствующая династія въ странѣ: оно составляетъ почти одну пятую всего населенія Афганистана, къ югу отъ Гинду-Куша. Въ началѣ прошлаго столѣтія, люди этого племени назывались авдали (абдали); но послѣ того какъ Ахмедъ-Шахъ, покоритель Индіи, принялъ титулъ Дура и Дурана или «Жемчужины изъ Жемчужинъ», нація, отъ которой онъ произошелъ, перемѣнила свое имя на имя своего повелителя. Территорія Дурани занимаетъ большую часть южнаго Афганистана, всю среднюю долину Гильменда, между землей гильзаевъ и Сеистаномъ, равнину Кандахара, Заминдавара и гористые массивы окрестностей Фараха. У этого афганскаго племени скотоводы весьма многочисленны, но не составляютъ большинства даже у ализаевъ Заминдавара. Всѣ эти скотоводы—кочевники и имѣютъ по меньшей мѣрѣ по два кочевья: кишлакъ или зимняя стоянка, которая находится въ равнинѣ, и айлакъ или лѣтняя стоянка, расположенная въ горахъ. Пастухи-кочевники говорятъ всегда съ восторгомъ про тотъ день, когда они покинутъ низменную страну и, въ сопровожденіи своихъ игривыхъ стадъ, пойдутъ устраивать свои палатки среди цвѣтущихъ пастбищъ возвышенныхъ долинъ или плато. Гордящіеся своимъ родствомъ съ царствующей династіей, дурани,—между ними особенно кланъ Ахмедъ-Шаха, поползаи, и кланъ нынѣшнихъ повелителей, а также большинство высшихъ сановниковъ, баракзаи,—изъ всѣхъ афганцевъ наименѣе отстаивали свои республиканскія убѣжденія.

Сѣверо-востокъ Кандахара, долины и плато, граничащія на востокѣ съ хребтомъ Сулейманъ-Дага, принадлежатъ большею частью гильзаямъ или гильджи, называемымъ также маттаи и подраздѣляющимся на пятьдесятъ клановъ. Сами они считаютъ себя племенемъ турецкаго происхожденія и пришли съ запада въ десятомъ вѣкѣ [1]): это — кильджи или каладжи у арабскихъ писателей. Они рано совратились въ исламъ, не оставляя въ то же время и нѣкоторыхъ обычаевъ своей прежней религіи. Преданіе говоритъ, что они были христіанами, составлявшими одно цѣлое съ христіанами Грузіи или Арменіи, въ доказательство чего приводятъ фактъ, не имѣющій, впрочемъ, большаго значенія, что ихъ одежды были расшиты крестами и что ихъ женщины складываютъ на груди руки крестомъ передъ тѣмъ, какъ принимаются мѣсить хлѣбъ [2]). Хотя они и держатся отдѣльно отъ афганцевъ, но говорятъ на одномъ съ ними языкѣ, съ виду очень походятъ на афганцевъ и держатся однихъ и тѣхъ же обычаевъ. И дѣйствительно, ихъ слѣдуетъ считать настоящими пактанахами, сдѣлавшимися таковыми чрезъ смѣшеніе, въ какой бы, впрочемъ, оно степени ни отразилось первоначально на побѣдителяхъ-чужеземцахъ; вообще кильджи отличаются благородной осанкой и необыкновенно правильными чертами лица. Гильзаи были когда-то самымъ могущественнымъ племенемъ въ странѣ: они-то и покорили Персію въ началѣ прошлаго столѣтія, и именно истощеніемъ страны, причиненнымъ этими войнами, слѣдуетъ несомнѣнно объяснить переворотъ, поставившій ихъ на второе мѣсто въ ряду прочихъ племенъ; но тѣмъ не менѣе они сохранили гордость своей расы. Республиканскій режимъ удержался у нихъ гораздо лучше, нежели у дурани: каждый кланъ, почти каждая семья управляется вполнѣ независимо и рѣдко вмѣшивается въ управленіе другихъ общинъ: миръ среди племенъ нарушается толь-

[1]) Bellew, „The Races of Afghanistan“.
[2]) Holdich, „Proceedings of the Geographical Society“, febr 1881.

[1]) Bellew, „Afghanistan and the Afghans“; — Masson, etc.
[2]) Masson, „Various Journeys in Balochistan, Afghanistan“, etc.

ко въ эпоху общаго возстанія, въ то время, когда вербуются войска для эмира. Весьма гостепріимные, гильзаи содержатъ въ каждой общинѣ спеціальное должностное лицо, называемое «экзенъ», которому поручено принимать иностранцевъ и удовлетворять всѣмъ ихъ нуждамъ. Самая многочисленная группа гильзаевъ—это Сулейманъ-кейль, которая раздѣляется на многочисленные кланы, блуждающіе по пастбищамъ Соломоновыхъ горъ, а на зиму они спускаются на склоны, обращенные въ сторону Индустана. Пастухи-гильзаи южныхъ округовъ вынуждены ежегодно слѣдовать за своими стадами въ сосѣднія равнины Кандахара и находятся, такимъ образомъ, во время выгона скота въ горы, въ вассальномъ отношеніи къ племени дурани, заселяющему равнину. Что касается до гильзаевъ Кабула, смѣшавшихся съ людьми различныхъ расъ, которыхъ торговля, войны и придворныя козни привлекали въ столицу, — они, по большей части, утратили свой первобытный характеръ. Афганцы, перерѣзавшіе англичанъ въ 1842 году, были въ большинствѣ гильзаи.

Афганскія племена, поселившіяся къ сѣверо-востоку, въ бассейнѣ рѣки Кабула и на ближайшихъ высотахъ, называются иногда общимъ именемъ бердурани, придуманнымъ Ахмедъ-Шахомъ, но неизвѣстнымъ даже между самими кланами. Наибольшую группу составляютъ юзуфзаи или «Сыновья Іосифа», которые живутъ частью въ равнинѣ Пешавера, но въ большемъ числѣ они населяютъ сѣверныя и сѣверо-западныя афганскія долины. По словамъ Эльфинстона, «Сыновья Іосифа» численностью [1]) простираются до 700.000; при этомъ онъ отводилъ имъ слишкомъ большое пространство территоріи, отъ Гинду-Куша до Соляныхъ горъ Банну, и множество племенъ, извѣстныхъ подъ другими названіями, онъ причислилъ къ этой же группѣ. По словамъ Раверти, это племя состоитъ изъ ста тысячъ «вооруженныхъ людей». Юзуфзаи, подобно гильзаямъ, раздѣляются на множество клановъ, но разбойничьи набѣги, которые они часто дѣлали въ богатыя равнины Индіи, ихъ обычай военныхъ передвиженій по найму государей, ихъ постоянныя сношенія съ разноплеменными купцами, проходившими вблизи ихъ кочевьевъ, — все это способствовало къ развращенію ихъ нравовъ. Внутреннія смуты у юзуфзаевъ весьма часты. Такъ, они сами повѣствуютъ о себѣ, что одинъ святой, оставивъ имъ свое благословеніе, сказалъ: «Вы будете всегда свободны, но между вами никогда не будетъ единства!». Подобно древнимъ іудеямъ, которыхъ большинство англійскихъ миссіонеровъ считаютъ предками «Сыновей Іосифа»—впрочемъ, безъ историческихъ доказательствъ, — юзуфзаи и другія сосѣднія племена, каковы магометъ-заи и сваты по прошествіи извѣстнаго періода времени—десяти, двадцати и тридцати лѣтъ,—приступаютъ къ новому раздѣлу земель, при чемъ бросаютъ жребій соломинками между кланами и семьями, и землевладѣлецъ переходитъ на временно присужденный ему участокъ [1]). Тотъ, кто начинаетъ протестовать противъ судьбы или кто заведетъ споръ изъ-за межи полей, изгоняется изъ своего племени и лишается одновременно земли, жены, дѣтей и всѣхъ гражданскихъ правъ. Подобный режимъ собственности, напоминающій древнее общинное владѣніе, не мѣшаетъ, однако, полямъ юзуфзаевъ быть прекрасно воздѣланными и приносить хорошій доходъ [2]); но допущеніе невольничества во многихъ округахъ имѣло послѣдствіемъ сильный упадокъ земледѣлія и промышленности. Различные кланы, захваченные въ плѣнъ, равно и военноплѣнные, приведенные когда-то изъ Индустана, были раздѣлены между племенами юзуфзаевъ и сватовъ, которымъ они помогаютъ въ воздѣлываніи почвы и другихъ работахъ. Эти рабы, извѣстные подъ названіемъ *факировъ*, получаютъ иногда дозволеніе, подобно русскимъ крестьянамъ во время крѣпостнаго права, заниматься въ деревняхъ торговлею или какимъ-либо ремесломъ, но съ обязательствомъ платить оброкъ своему хозяину, сверхъ податей, налагаемыхъ джиргой.

Сваты, получившіе свое названіе отъ рѣки, въ долинѣ которой они живутъ въ многочисленныхъ и населенныхъ деревняхъ, походятъ во многомъ на юзуфзаевъ, но отличаются отъ нихъ нѣкоторыми обычаями. Такъ, наприм., мертвыхъ хоронятъ въ залежахъ, которыя должны быть въ скоромъ времени пущены подъ паръ. Когда земледѣлецъ начинаетъ бороздить плугомъ землю, онъ обращается къ мертвецамъ со словами: «Вставайте! Поднимайтесь! Плугъ приближается!» Но надо, чтобъ сошникъ раздавилъ трупы и выбросилъ бы куски мяса на поверхность земли: «Вотъ хорошо, говоритъ онъ, мертвые уходятъ въ благословенную Мекку» [3]). Къ югу отъ сватовъ живутъ момунды, вдоль береговъ Кабула, неподалеку отъ клановъ афридіевъ, заселяющихъ восточныя долины Сефидъ-Коха и получающихъ субсидію отъ англичанъ за содержаніе и охраненіе горныхъ дорогъ между Пешаверомъ и Когатомъ. На западѣ—Чинвари, менѣе воинственные, чѣмъ афридіи, служатъ посредниками торговли и конвоирами товаровъ по дорогѣ въ Кабулъ. Къ западу и къ юго-западу страны афридіевъ, область, лежащая между параллельными горными хребтами системы Сулеймановыхъ горъ, принадлежитъ независи-

---

[1]) „Nouvelle Géographie universelle", vol. VIII.

[1]) Raverty, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1862, № III.

[2]) Mountstuart, Elphinstone, цитированное сочиненіе.

[3]) Raverty, цитированное сочиненіе.

мымъ племенамъ, или же мѣняющимъ своихъ властителей—эмира Афганистана или англійскую королеву, смотря по превратностямъ войнъ и переселеній. Такъ, бангахи (багахи), обитавшіе въ средней долинѣ Курамы или

Бывшій Афганскій эмиръ Ширъ-Али и главари дуранійцевъ.

Курмаха, спустились къ Когату и находятся теперь почти всѣ подъ властью англичанъ: они поставляютъ многочисленныхъ наемщиковъ для индійскихъ войскъ [1]). Туріи, замѣстившіе бангаховъ на ихъ прежней территоріи, домогаются также покровительства Индійской имперіи, такъ какъ они шіиты и должны опасаться насилій и притѣсненій со стороны ихъ сосѣдей суннитовъ [1]). Но большинство племенъ сбрасываютъ съ себя всякое политическое иго, какъ только иностранные солдаты покинутъ

[1]) Rowney, „The wild Tribes of India".

[1]) Gerald Martin, „Proceedings of the Geographical Society", oct. 1879.

ихъ горы. Одна изъ этихъ націй свободныхъ людей—джаджи, двѣнадцать клановъ которой живутъ въ возвышенныхъ долинахъ Курамы и его притоковъ. Заклятые враги туріевъ, они храбро устояли передъ англичанами во время ихъ послѣдняго нашествія. Все ихъ несчастіе въ томъ, что они разрознены родовымъ мщеніемъ, которое происходитъ у нихъ просто вслѣдствіе перемѣны имени. Почти всегда борьба возгорается между тестемъ и зятемъ: по существующему у нихъ обычаю слѣдуетъ, чтобъ женихъ былъ принятъ въ домъ родителями молодой дѣвушки и прожилъ бы въ ихъ семьѣ четыре или пять лѣтъ, предшествующихъ браку; но въ концѣ съ него требуютъ такой огромный выкупъ, что онъ предпочитаетъ похитить свою жену. Тогда необходимо кровопролитіе: или отецъ убьетъ похитителя, или же онъ самъ будетъ убитъ имъ. Сосѣди джаджи всѣ—турецкаго происхожденія и образуютъ вмѣстѣ буйное «братство» [1]). Мангалы, кости или карларни, шита долины Тотши—также не болѣе ихъ цѣнятъ человѣческую жизнь.

Многочисленные кейли вазирисы кочуютъ на уступахъ Сулейманъ-Дага, къ югу отъ Банну. Они также пользуются вполнѣ политической независимостью, но ихъ можно считать окончательно вошедшими въ сферу англійскаго вліянія, благодаря эмиграціи, которая ежегодно направляетъ большое количество ихъ молодежи въ равнины Инда. Однако, есть еще вазирисы почти дикари, которыхъ, такъ сказать, открыли англичане въ послѣднюю войну: таковы мазуды, отличающіеся силой и мужествомъ и живущіе въ долинѣ Какту, на притокѣ Тотши. Они вооружены короткой шпагой и щитомъ, весьма ловко дѣйствуютъ пращею и съ подобнымъ оружіемъ нападаютъ на англичанъ; съ помощью своихъ усовершенствованныхъ винтовокъ, въ 1874 г. они овладѣли небольшимъ городомъ Танкъ на равнинѣ Дераджата [2]).

Вазирисы чрезвычайно воинственное племя, но тѣмъ не менѣе дозволяетъ проходить чрезъ свою страну караванамъ повиндаховъ или «наѣздниковъ», принадлежащихъ въ большинствѣ къ многочисленному племени логаніевъ, занимающемуся почти исключительно торговлей; между ними есть также много гильзаевъ, каротовъ и назаровъ. Не слишкомъ довѣряя великодушію вазирисовъ, повиндахи, чтобъ быть увѣренными въ безопасности пути, группируются цѣлыми сотнями, даже тысячами, чтобъ быть наготовѣ въ случаѣ надобности проложить себѣ дорогу оружіемъ, въ томъ случаѣ, когда налогъ, уплачиваемый ими старшинамъ племени, покажется недостаточнымъ. Лѣтомъ эти купцы-воины кочуютъ на плато, въ округѣ Газни, затѣмъ осенью они спускаются къ Инду съ своими семействами и стадами чрезъ Гомульскій проходъ или Гвалари, или же чрезъ другія горныя ущелья и возвращаются на мѣсто своихъ кочевій не ранѣе апрѣля [1]): говорятъ, что встрѣчались караваны, численностью отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ. Между торговцами логаніевъ есть такіе, которые путешествуютъ регулярно изъ Бокхары до самаго центра Индіи, то пробиваясь среди снѣжныхъ бурановъ, то передвигаясь по знойной пустынѣ, безпрестанно рискуя быть ограбленными разбойниками или разоренными пошлинами, и заставляя уплачивать себѣ, по прибытіи на мѣсто десятерную или сторичную цѣну противъ прежней стоимости товаровъ; за всѣ перенесенныя ими опасности и вытерпѣнныя муки. Переходя за Индъ, они оставляютъ своихъ женъ, дѣтей и стариковъ въ кочевьяхъ Дераджата, среди стадъ, складываютъ свое оружіе, ненужное во время путешествій по Индустану, и берутся за него снова, когда имъ приходится возвращаться къ своимъ плато; ремни отъ ружей и пики, водруженныя на вершинахъ холмовъ, стоящихъ по сторонамъ дороги, свидѣтельствуютъ о смерти купцовъ-путешественниковъ во время пути. Обороты мѣновой торговли, въ которой служатъ посредниками повиндахи, по разнымъ дорогамъ Афганистана, между Хайберскимъ и Боланскимъ проходами, достигаютъ болѣе 37 милліоновъ франковъ [2]). Около двѣнадцати тысячъ купцовъ, съ обозами верблюдовъ, проходятъ ежегодно чрезъ Гомульскій проходъ. Съ открытіемъ публичныхъ работъ въ Индіи, многочисленные небольшіе отряды повиндаховъ начали работать на верфяхъ.

Къ югу, ближе къ землѣ белуджей, различныя племена принадлежатъ также къ афганской расѣ, хотя они частенько входили въ составъ политическихъ государствъ, чуждыхъ Кабульскому ханству; теперь они частью подпали подъ владычество Англіи, которая удержала свою «научную границу» между Кандагаромъ и Кветой. Такимъ образомъ, пичины и таріи или таримы, обитающіе на югѣ горъ Коджа-Амрамъ, сдѣлались вассалами Индійской имперіи, и главный источникъ доходовъ они получаютъ отъ торговли, которую ведутъ съ англійскими гарнизонами. Бо̀льшая часть населенія этихъ долинъ состоитъ изъ сеидовъ (сейады), называющихъ себя арабами и даже потомками пророковъ, хотя они на самомъ дѣлѣ чистокровные афганцы. Они весьма охотно занимаются торговлей, а въ особенности конскимъ промысломъ, и въ качествѣ лошадиныхъ

---

[1]) Raverty, „Notes on Afghanistan and some parts of Balochistan".

[2]) Joung, „Proceedings of the Geographical Society", sept. 1882.

[1]) Mir Abdoul Kerim Baukhary, „Histoire de l'Asie centrale, publiée par Ch. Schefer";—Andrew, „Our Scientific Frontier".

[2]) „Ocean Highways", febr. 1874.

барышниковъ рыщутъ по всѣмъ провинціямъ полуострова по ту сторону Ганга: обычаи индусовъ весьма распространены въ ихъ странѣ. Какары занимаютъ, главнымъ образомъ въ долинѣ Бораи, территорію, обозначенную на новѣйшихъ картахъ присоединенною къ Индустану; но тѣмъ не менѣе, они остались независимыми, благодаря природѣ страны, въ которой они живутъ, между параллельными хребтами Сулейманъ-Дага: даже самое названіе страны Ягестанъ значитъ «Свободная земля»[1]). Сосѣднія племена описываютъ ихъ разбойниками; но, за исключеніемъ нѣкоторыхъ спорныхъ округовъ, какары—мирные скотоводы, отличающіеся отъ большинства другихъ афганскихъ племенъ своими миролюбивыми нравами. Когда война угрожаетъ ихъ странѣ, они переселяются на другія пастбища и сообщаются со своими сосѣдями только чрезъ посредство рѣдко заѣзжающихъ купцовъ индусовъ и логаніевъ, которые посѣщаютъ ихъ страну и которымъ они оказываютъ самое радушное гостепріимство. Племя назаровъ еще болѣе кочевники, чѣмъ кланы какаровъ; ихъ можно сравнивать съ банджаріями Индустана и съ европейскими цыганами. Племя это не имѣетъ ни опредѣленнаго мѣстопребыванія, ни правильныхъ кочевій зимнихъ и лѣтнихъ: оно блуждаетъ по плоскостямъ и въ низменныхъ долинахъ, сообразно съ перемѣнами временъ года, съ измѣненіями союзовъ, превратностями войнъ и причудами своего неугомоннаго характера. Назары избираютъ себѣ вождя или главу каравана на все время путешествія; но какъ только раскинутся палатки, всякій членъ племени становится по-прежнему свободнымъ [2]).

Хотя афганцы составляютъ наибольшій контингентъ жителей страны, которая носитъ ихъ имя, но большинство путешественниковъ почти не видитъ ихъ, потому что, за исключеніемъ солдатъ и нѣсколькихъ торговцевъ, афганцы совсѣмъ не живутъ въ городахъ: собственники земель, они по преимуществу живутъ во владѣніяхъ, которыя они наслѣдовали отъ побѣдителей-предковъ. Горожане, которыхъ иностранцы встрѣчаютъ въ Кабулѣ, въ Кандахарѣ, въ Газни, въ Гератѣ, и даже сельчане окрестностей этихъ столичныхъ городовъ, большею частью — таджики, и по нимъ неоднократно составлялись сужденія объ афганской расѣ, съ которой у нихъ нѣтъ ничего общаго ни въ языкѣ, ни въ нравахъ. Таджики Афганистана, группы которыхъ разсѣяны по всему краю, за исключеніемъ луговыхъ округовъ, походятъ на тѣхъ, которые живутъ по ту сторону Гинду-Куша, въ Туркестанѣ: поселившись съ давнихъ временъ въ странѣ, они сохранили нѣкоторые старинные обороты словъ, которые не существуютъ въ языкѣ западныхъ иранцевъ [1]). Какъ на одномъ, такъ и на другомъ склонѣ горъ, таджики, т. е. «Коронованные», «Люди съ тіарой» [2]), происходятъ отъ древнихъ политическихъ властителей страны, смѣшавшихся впослѣдствіи съ разными народами, населявшими страну: афганцами и персами, арабами, узбеками и турками. Въ Кабулѣ, такъ же, какъ и въ Бухарѣ, ихъ часто называютъ парзиванами или Парзи-Зебанъ, что́ значитъ «тѣ, которые говорятъ по-персидски»; называютъ ихъ также и сартами, но это названіе употребляется въ дурномъ смыслѣ. Таджики Афганистана учредили тридцать два цеховыхъ ремесленныхъ общества, которыя содержатъ лавки, отправляютъ товары, однимъ словомъ служатъ представителями промышленности и торговой дѣятельности націи. Таджики-горожане составляютъ также и ученое сословіе, удержавшее афганцевъ отъ варварства, въ которое, казалось, ихъ могли вовлечь столько кровопролитныхъ войнъ. Извѣстное число таджиковъ обрабатываетъ землю, особенно въ западномъ Афганистанѣ; но собственники рѣдко встрѣчаются между ними: большинство этихъ земледѣльцевъ находится въ порабощеніи у хозяевъ-афганцевъ. Что касается до когистанцевъ, населяющихъ Даманъ-и-Кохъ и долины, платящія дань Панджиру, то ихъ можно считать отдѣльнымъ сословіемъ особыхъ таджиковъ; они походятъ на нихъ смѣтливостью и любовью къ труду, но не обладаютъ ихъ миролюбивыми нравами и кротостью; ихъ не такъ легко подчинить своей власти, какъ таджиковъ-горожанъ.

Послѣ таджиковъ, главные представители класса буржуазіи въ Афганистанѣ — **хиндки** и **кизильбаши**. Хиндки или индусы почти всѣ поголовно купцы или закладчики, въ рукахъ которыхъ пропадаютъ какъ произведенія труда афганцевъ, такъ равно и награбленное ими имущество. Кизильбаши или «Красныя Головы» происхожденія туркменскаго, равно какъ и ихъ имя. Пришли они изъ Персіи во времена Надиръ-Шаха и держались въ сторонѣ отъ другихъ языческихъ племенъ въ странѣ. Большинство ихъ, особенно въ Кабулѣ, пристраиваются ко двору и занимаютъ высшія должности, въ качествѣ секретарей, интендантовъ и чиновниковъ всѣхъ родовъ. Привыкшіе къ повиновенію, они рабски относятся къ своимъ начальникамъ и въ свою очередь сами не прочь повелѣвать толпой, тѣснящейся у дворцовъ. Они усвоили пороки, являющіеся слѣдствіемъ подобнаго образа жизни: ихъ обвиняютъ въ наглости, роскоши, жестокости, коварствѣ. «Красныя Головы», жи-

[1]) Temple, „Proceedings of the Geographical Society", 1879.

[2]) Mountstuart Elphinstone, цитированное сочиненіе.

[1]) N. de Khanikov, „Notes à la traduction de l'Iran, par Carl Ritter".

[2]) N. de Khanikov, „Mémoire sur l'Ethnographie de la Perse".

вущія въ Гератѣ и въ окрестностяхъ, занимаются, какъ и таджики, торговлей и промышленностью, и нисколько не заслуживаютъ подобныхъ упрековъ: нравы и характеръ ихъ таковы, какіе дала имъ ихъ среда.

Къ сѣверу и къ востоку отъ таджиковъ Когистана, къ западу отъ сватовъ, момундовъ и юзуфзаевъ, къ юго-западу отъ дардовъ Гильгита и верхняго Инда, гористая страна населена туземцами, которыхъ называютъ кафирами или «Невѣрными», потому что большинство изъ нихъ отказываются до сихъ поръ перейти въ магометанство шіитскаго или суннитскаго толка. Чаще ихъ называютъ зіагпуши или «Одѣтые въ черное», потому что въ прежнее время они одѣвались въ шкуры черныхъ козъ [1]); но одинъ изъ клановъ кафировъ, весьма немногочисленный, носитъ бѣлое руно, откуда и происходитъ названіе сефидпушъ [2]). Впрочемъ, привычка носить одежду изъ бѣлой бумажной и разноцвѣтной ткани входитъ все болѣе и болѣе въ общее употребленіе у кафировъ, и если ихъ называютъ «Одѣтые въ черное», то это не больше, какъ заблужденіе. Единственный кланъ кафировъ, у которыхъ женщины сохранили старинный національный головной уборъ, это—бухгали: онѣ носятъ на головѣ уборъ съ двумя рогами, изъ которыхъ каждый имѣетъ болѣе фута въ длину. «Невѣрные», населяющіе долины Гинду-Куша, съумѣли сохранить свою независимость, благодаря трудности доступа въ ихъ край, окруженный съ запада и съ юга историческими проходами изъ Бактріаны въ Индустанъ: неровность дороги въ ущельяхъ, узкость долинъ, и въ особенности непроходимая спутанная растительность въ чащахъ, окаймляющихъ берега рѣкъ,—все это вмѣстѣ взятое защищало кафировъ отъ чужеземнаго вторженія лучше, чѣмъ ихъ природное мужество.

Какъ велико число ихъ? Ихъ насчитываютъ до полумилліона, но въ это число входятъ также всѣ народности, живущія на пространствѣ между Гинду-Кушемъ, рѣкой Кабуломъ и индусской границею: собственно кафировъ не можетъ быть болѣе 150.000. Впрочемъ, еще ни одному изъ новѣйшихъ путешественниковъ не удавалось проникнуть во внутрь ихъ страны. Въ 1840 г., во время посѣщенія Бадакшана, Уайдъ видѣлъ нѣсколько человѣкъ изъ племени зіагпушей и былъ ими приглашенъ посѣтить ихъ родину, гдѣ, по ихъ словамъ, онъ нашелъ бы «столько вина и меду, сколько бы ему захотѣлось». Но англійскій ученый не могъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Однажды человѣкъ сорокъ изъ нихъ, идя потихоньку и играя на волынкѣ, пришли въ англійскій лагерь, чтобъ повидать своихъ «братьевъ», которые оттолкнули ихъ съ презрѣніемъ. Въ 1878 г. два спеціальныхъ посольства, посланныя племенами зіагпушей, обратились къ англичанину Биддульфу, пребывавшему въ то время въ Читралѣ, и убѣдительно просили его отправиться съ ними въ ихъ горы; но возложенная на Биддульфа миссія не дозволила ему удовлетворить просьбу посланныхъ кафировъ. Горцевъ этихъ знаютъ только по тѣмъ изъ нихъ, которые встрѣчались внѣ ихъ страны, какъ торговцевъ или пастуховъ, а чаще всего какъ невольниковъ на рынкахъ Кабула. Одинъ зіагпушъ былъ даже привезенъ Лейтнеромъ въ Европу. Одна экспедиція была отправлена на сѣверъ Джелалабада, въ страну кафировъ: во время войны 1879 г. англійскій офицеръ Теннеръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, проникъ въ Дара-Нуръ и посѣтилъ деревни Чугани-Аре и Шулутъ [1]), взобравшись по ущельямъ Рамканда (гора Рама?), откуда долина, по которой протекаетъ рѣка Кабулъ, кажется пропастью, съ ея городами и деревнями, представляющимися маленькими сѣроватыми пространствами, окруженными зеленью.

Юль и Раулинсонъ предполагаютъ, что кафиры—не кто иные, какъ арійскіе индусы, прогнанные съ давнихъ временъ въ «Страну горъ»; они ихъ называютъ Wamastan [2]). По мнѣнію Трумппа, видѣвшаго нѣсколькихъ зіагпушей, люди этой расы нисколько не отличаются отъ сѣверныхъ индусовъ. Но въ этомъ предположеніи съ нимъ не соглашается ни одинъ изъ ученыхъ, изслѣдовавшихъ эти племена, по мнѣнію которыхъ типъ кафира, по всей Азіи, есть одинъ изъ наиболѣе близко напоминающихъ типовъ черты европейцевъ. Между ними нерѣдко встрѣчаются люди съ бѣлокурыми волосами и голубыми глазами, какъ у англичанъ или сѣверныхъ германцевъ, но у большинства изъ нихъ волосы темные или свѣтлорусые, а глаза сѣрые; цвѣтъ кожи не темнѣе, чѣмъ у половины западныхъ народовъ [3]). Сначала въ зіагпушахъ предполагали потомковъ македонянъ, оставленныхъ въ горахъ Александромъ [4]); но ранѣе, чѣмъ вступить въ сношенія съ европейцами, они не знали имени Искандера и, отъискивая знаменитаго предка, выдавали себя за арабовъ, «потомковъ Магомета» [5]). Въ настоящее время, когда многіе изъ нихъ видѣли англичанъ, они называютъ себя «братьями» покорителей Индіи, а тѣ, въ свою очередь, часто думаютъ, что горцы Кафиристана были почти что ихъ соотечествен-

[1]) W. Bellew, „Kashmir and Kashgar“.

[2]) Biddulph, „Tribes of the Hindoo-Koosh“.

[1]) „Proceedings of the Geographical Society“, march 1881.

[2]) „Journal of the Asiatic Society of London“, 1862.

[3]) Masson, „Various Jourpeys in Balochistan, Afghanistan“, etc.

[4]) Wood, цитированное сочиненіе.

[5]) G. T. Vigne, „Visit, to Ghuzni, Kabul and Afghanistan“.

ники. Неоднократно писатели предлагали англо-британскому правительству взять себѣ въ союзники зіагпушей Гинду-Куша, навербовать армію изъ ихъ племенъ, построить крѣпости въ ихъ странѣ и настроить такимъ образомъ афганскіе народы, чтобы ихъ окончательно убѣдить въ господствѣ Англіи надъ Кабуломъ. Съ другой стороны, русскіе патріоты думаютъ про себя, и совершенно справедливо, что «Одѣтые въ черное» могутъ быть такъ же братьями славянъ, какъ и англо-британцевъ, и присоединяютъ ихъ заранѣе къ «Святой Руси» [1]): они видятъ въ нихъ будущій авангардъ русскихъ по дорогѣ въ Индію.

Будучи совершенно чуждыми замысловъ, которымъ предаются по ихъ поводу въ лагеряхъ двухъ могущественныхъ державъ, оспаривающихъ другъ у друга Азію, зіагпуши составляютъ одну изъ языческихъ группъ, наименѣе политически-однородную: они раздѣляются на восемнадцать клановъ, состоящихъ во враждѣ между собою, за исключеніемъ времени уборки хлѣба, которое бываетъ періодомъ вооруженнаго мира, а во все остальное время война безпрерывно свирѣпствуетъ между деревнями [2]). Кромѣ того, кафиры часто вступаютъ въ борьбу съ сосѣдними мусульманами. Тѣ, въ свою очередь, стараются забрать больше плѣнниковъ, такъ какъ невольникъ-кафиръ считается вообще болѣе стоющимъ, чѣмъ два невольника другой расы; воины-кафиры, напротивъ, никогда не упускаютъ случая убивать плѣнныхъ. У нихъ не существуетъ славы большей, чѣмъ убійство, и чтобъ завоевать себѣ славу *багадура* или *сурумъ-нали*, необходимо отрубить собственноручно не менѣе четырехъ вражескихъ головъ. Обычай не требуетъ ни отъ какого героя множества великихъ подвиговъ, но прославляетъ тѣхъ, кто «для собственнаго удовольствія» не ограничиваются четырьмя жертвами. Эти храбрецы водружаютъ вблизи своихъ домовъ огромные шесты, на верхушкѣ которыхъ находится аляповатое человѣческое изображеніе, въ которомъ они дѣлаютъ столько дыръ, сколько ими убито людей: пустое отверстіе означаетъ жизнь женщины, а отверстіе, въ которое воткнутъ пукъ шерсти, напоминаетъ о смерти мужчины [3]). Женщина, у которой мужъ или отецъ убивалъ мусульманъ, украшаетъ свою голову особымъ головнымъ уборомъ, называемымъ *cavuris*, или надѣваютъ красную ленту на шею. Несчастливцы, которымъ не удалось отрубить ни одной вражьей головы, должны ѣсть отдѣльно, вдали отъ стола героевъ [4]). Чрезвычайно рѣдко бываетъ, чтобъ ссоры возникали между двумя субъектами одного и того же клана; и когда происходитъ между ними борьба, то оба противника должны снять съ себя одежды и затѣмъ, по окончаніи битвы, бросить оружіе и помириться въ присутствіи всѣхъ жителей деревни.

Одна изъ главныхъ причинъ частыхъ войнъ между племенами—это неизбѣжный обычай у зіагпушей добывать себѣ жену внѣ своего племени, бросая окровавленныя стрѣлы въ домъ, гдѣ живетъ та, которая ему нравится [1]); зіагпушъ смотритъ на всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ деревни, какъ на своихъ сестеръ. Въ то время какъ «Невѣрные» отправляются въ далекія страны похищать женъ, магометане проникаютъ въ страну кафировъ, чтобъ тамъ купить или взять силой невольницъ, предназначаемыхъ для гаремовъ сильныхъ міра: женщины зіагпушей—это *черкешенки* Афганистана. Кланъ, подвластный хану Читраля, обязанъ посылать ему каждогодно дань медомъ, масломъ, тканями, драгоцѣнными сосудами и скотомъ; ко всему этому добавляется цѣлый транспортъ молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей обоего пола. Вообще, женщины не въ почетѣ у «братьевъ англичанъ». На нихъ лежатъ всѣ труды по домашнему хозяйству, равно и воздѣлываніе земли: во многихъ мѣстностяхъ онѣ пашутъ землю наравнѣ съ волами, при чемъ ярмо приноровлено къ ихъ плечамъ [2]). У большинства племенъ полигамія допускается, а у нѣкоторыхъ она запрещена. Въ немногихъ странахъ нравы разнятся болѣе, чѣмъ между кланами, сообразно множеству измѣненій, вошедшихъ въ обычай вслѣдствіе войнъ, рабства, религіозныхъ вліяній и смѣшеній. У зіагпушей, видѣнныхъ Биддульфомъ, брачныя узы весьма не крѣпки, тогда какъ у другихъ племенъ примѣры супружеской невѣрности никогда не встрѣчаются. Тамъ достаточно только, чтобъ молодая дѣвушка была заподозрѣна въ незаконной связи, какъ возстанетъ вся деревня: подъ страхомъ смерти виновные должны себя выдать, жилище ихъ предается пламени, и сами они навсегда изгоняются. Дорога, по которой они пускаются въ бѣгство, считается оскверненной, и престарѣлые люди въ деревнѣ предлагаютъ принести очистительныя жертвы на берегу первой рѣки, черезъ которую переправились бѣглецы [3]). У племенъ, проживающихъ внутри страны, собственность уважается наравнѣ съ честью семьи. Вещь, потерянная кафиромъ, будетъ лежать нѣсколько лѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она упала, и никто ни за что ее не подниметъ. Убійца чрезвычайно добросовѣстно отсылаетъ роднымъ всѣ вещи, оставшіеся послѣ его жертвы. Почтари могутъ безбоязненно проѣзжать по ихъ странѣ, лишь

---

[1]) Terentiev; — Biddulph, цитированное сочиненіе.

[2]) Tanner, „Notes on the Dara Nur, Northern Afghanistan, and its Inhabitants".

[3]) Trumpp, „Deutsche Morgenländische Gesellschaft", 1866.

[4]) Raverty, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1859, № IV.

[1]) Theobald, „Journal og the Asiatic Society", 1859.

[2]) Biddulph, цитированное сочиненіе.

[3]) Trumpp, цитированный мемуаръ.

бы они прикрѣпляли свои письма къ концу шеста, украшеннаго цвѣтами [1]).

Нарѣчія различныхъ племенъ или *гали* слишкомъ разнятся одно отъ другаго, чтобы кафиры отдаленныхъ округовъ могли взаимно понимать другъ друга; тѣмъ не менѣе лингвисты признали, что общій корень нарѣчій Кафиристана—чисто арійскій и приближается къ санскритскому. Равно и религіозные культы «Невѣрныхъ» одни и тѣ же, что у племенъ индусскихъ. Нѣкоторыя имена боговъ, какъ напр. Индра, а у иныхъ племенъ Имбра,—напоминаютъ боговъ славы у брамановъ, и ихъ жертвоприношенія похожи на торжественныя всесожженія, происходившія нѣкогда на берегахъ Семирѣчья. Другія сказанія свидѣтельствуютъ о вліяніи, которое оказывала въ прежнее время религія Сивы. Подобно индусамъ, кафиры имѣютъ безпредѣльную любовь къ Верховному Существу, но ихъ поклоненія обращены спеціально къ многочисленнымъ божествамъ, сдѣланнымъ изъ камней, дерева, или же представленнымъ въ образѣ животныхъ и аляповатыхъ изображеній, въ родѣ знаменитаго Вишну изъ Джагганата: этихъ боговъ молятъ о ниспосланіи на землю дождя или вёдра, объ избавленіи отъ болѣзней, голода или войны. Нѣкоторые обычаи кажутся заимствованными у гебровъ: огонь тщательно охраняется, и никакое нечистое дуновеніе не должно до него касаться [2]). Змѣй, о которомъ упоминается во всей миѳологіи, есть одно изъ существъ, наиболѣе чтимыхъ кафирами: они никогда не убиваютъ этого стража подземныхъ сокровищъ, изъ страха навлечь великое бѣдствіе на страну. Если бы какой-нибудь иностранецъ отважился проникнуть въ какое-либо изъ ихъ святилищъ, онъ былъ бы низвергнутъ съ вершины утеса.

Зіагпуши признаютъ братьевъ по происхожденію въ большинствѣ мусульманскихъ племенъ сосѣднихъ долинъ. Они знаютъ, что въ прежнее время земля ихъ была обширнѣе и что они были постепенно вытѣснены изъ равнинъ въ страну снѣговъ, лишившись не только своихъ богатствъ, но утративши также и цивилизацію, «потому что, по ихъ словамъ, предки ихъ умѣли читать и писать, какъ ученые индусовъ». Не только сходство въ наружности и въ языкѣ свидѣтельствуютъ объ общемъ происхожденіи между зіагпушами и многими пограничными племенами, совращенными въ исламъ, но и множество обычаевъ «Невѣрныхъ» также сохранились въ мусульманской странѣ. Такъ, обычай употреблять для сидѣнья скамьи едва-ли менѣе извѣстенъ у мусульманъ, живущихъ въ горахъ, чѣмъ у ихъ братьевъ зіагпушей; они рѣдко садятся «по-турецки», поджавши ноги, и не садятся на корточки «по-персидски»; какъ тѣ, такъ и другіе—большіе охотники до вина; наконецъ, зіагпуши-язычники и зіагпуши-мусульмане, на какомъ бы нарѣчіи они ни говорили, ведутъ счетъ по двадцати, и ихъ единица третьяго разряда, соотвѣтствуя нашей сотнѣ, есть двадцать разъ двадцать [1]). Женщины мусульманскихъ племенъ кафирскаго происхожденія имѣютъ привычку ходить съ открытымъ лицомъ, какъ женщины у «Невѣрныхъ», и принимаютъ участіе во всѣхъ работахъ внѣ дома. Нѣкоторые народцы могутъ считаться какъ бы переходнымъ племенемъ между «Одѣтыми въ черное» и горцами-мусульманами, каковы сафы, т. е. «Чистые». Одно изъ племенъ на половину афганское, это—чуганы, живущіе возлѣ сафовъ въ Дара-Нурѣ или въ «Долинѣ Ноя», а на нижнемъ Кунарѣ, къ сѣверо-востоку отъ Джелалабада, ихъ часто называютъ нимшахами или «Половина Одного и половина Другаго». Черезъ браки, они дѣлаются одновременно афганцами и зіагпушами, и стараются поддерживать дружескія отношенія со всѣми своими сосѣдями. Они и читралы служатъ посредниками вывоза отличнаго скота изъ страны кафировъ: быковъ, охотничьихъ собакъ и овецъ. Благодаря этому сбыту, большинство селеній «Невѣрныхъ» пользуются благосостояніемъ и строятъ себѣ дома въ нѣсколько этажей: вообще постройки ихъ обширны и удобны, украшены красивой деревянной рѣзьбой. Племена эти живутъ группами въ деревняхъ, окруженныхъ высокими и крѣпкими заборами.

Если Афганистанъ населенъ чистокровными арійцами, каковы «Одѣтые въ черное», то также между его народами есть множество племенъ, принадлежащихъ къ монгольской вѣтви. Гезарехи (гезарахи) или «Тысячи», называемые такъ, вѣроятно, по причинѣ ихъ дробленія на множество маленькихъ государствъ,—живутъ въ долинахъ Кохъ-и-Баба и Зіа-Кохъ, въ верхнихъ бассейнахъ Гильменда и Гери-Руда. Занимая почти всю гористую страну, отдѣляющую Кабулъ отъ Герата, они вынуждаютъ войска и караваны дѣлать большой обходъ къ югу чрезъ Кандахаръ и Фарахъ, тогда какъ разстояніе отъ Кабула до Герата по прямой линіи никакъ не болѣе 600 километровъ; дорога, получившая историческую извѣстность, по которой проходили во всѣ времена войска, равно и торговые караваны—на половину длиннѣе. Гезарехи составляютъ одну изъ группъ племенъ, которой всего труднѣе отвести настоящее мѣсто между народами. Они, безспорно, монгольскаго происхожденія, что подтверждается также именемъ могель, которое имъ дано гильзаями: ихъ калмыцкая физіономія,

[1]) Masson, цитированное сочиненіе.
[2]) Raverty;—Théobald, цитированные мемуары.

[1]) Ferrier, „Voyages en Perse, dans l'Afghanistan", etc.

маленькіе и узкіе глаза, выдающіяся скулы, плоское лицо, рѣдкіе и щетинистые волосы на бородѣ свидѣтельствуютъ о ихъ происхожденіи, так какъ ихъ собственныя преданія, точно также и единогласные разсказы восточныхъ писателей, присоединяютъ ихъ по происхожденію къ народамъ «татарскимъ». По словамъ Абуль-Фазиля, исторіографа Акбарскаго, гезарехи пришли въ тринадцатомъ столѣтіи, посланные Мангу-Ханомъ на югъ Гинду-Куша; но какъ это случилось, что эти монгольскіе завоеватели, не вступавшіе въ сношенія съ персами и будучи со всѣхъ сторонъ окружены афганцами и туркменами,—забыли совершенно, за исклю-

Нищій белуджистанецъ.

ченіемъ одного только племени, свой родной языкъ и говорятъ чистымъ иранскимъ нарѣчіемъ, съ небольшой примѣсью нѣсколькихъ словъ турецкихъ, заимствованныхъ у ихъ сосѣдей-туркестанцевъ? [1]). Раулинсонъ предполагаетъ, что преданія эти относятся къ менѣе значительному нашествію, о которомъ не упоминаетъ Абуль-Фазиль; по его мнѣнію, гезарехи поселились въ странѣ въ глубокой древности и находились въ сношеніяхъ съ персами въ эпоху самаго сильнаго цивилизаторскаго вліянія Ирана [2]). Многочисленныя развалины городовъ, которые описываютъ туземцы, свидѣтельствуютъ о состояніи образованности несравненно высшей, чѣмъ та, которая существуетъ въ странѣ въ наше время.

Между гезарехами нѣтъ кейлей-кочевниковъ, развѣ только на сѣверѣ западнаго Сефидъ-Коха [3]). Южные гезарехи живутъ осѣдлыми въ деревняхъ, состоящихъ изъ низенькихъ домиковъ, покрытыхъ соломой и на половину углубленныхъ въ землю; башни съ бойницами возвышаются на холмѣ надъ деревней и могутъ служить убѣжищемъ для жителей на случай внезапнаго нападенія. Избирая постоянныя мѣста для жительства, гезарехи, тѣмъ не менѣе, сохранили многіе обычаи своихъ предковъ-монголовъ: они особенно любятъ скачки и, какъ наѣздники, они не менѣе искусны, чѣмъ калкхи, обитающіе въ степяхъ Гоби. Хотя гезарехи и обладаютъ поэтическимъ даромъ настолько сильнымъ, что ихъ любовныя признанія передаются въ стихотворныхъ импровизаціяхъ [4]), но все же они несравненно ниже по цивилизаціи афганцевъ, и, по обыкновенію, ихъ сосѣди изъ Герата и Кабула подсмѣиваются надъ ними по причинѣ ихъ чрезмѣрной наивности; плутоватые таджики продѣлываютъ надъ ними всевозможныя штуки. Но не всегда таджики насмѣхаются надъ дикарями Зіа-Коха: они ихъ также и побаиваются, какъ колдуновъ, и приписываютъ имъ магическую силу сжигать однимъ взглядомъ печень во внутренности ихъ враговъ; безъ сомнѣнія, у гезареховъ сохранились обычаи, аналогичные съ обычаями шамановъ. Весьма гостепріимные, гезарехи сохранили также во многихъ племенахъ обычай уступать свою жену гостю, на все время его пребыванія [5]). Впрочемъ, женщины пользуются у нихъ большой свободой: на нихъ лежитъ обязанность вести хозяйство и заниматься полевыми работами; когда возгорается война, онѣ принимаютъ участіе въ совѣтѣ, ѣздятъ верхомъ и сражаются наравнѣ съ мужчинами. Въ семейныхъ дѣлахъ ничто не дѣлается безъ ихъ участія и совѣта; никогда не бывало случая или примѣра, чтобы мужчина изъ ихъ племени поднялъ руку на женщину.

Правленіе у племенъ гезареховъ монархическое. Самое богатое племя между ними то, которое присвоиваетъ себѣ титулъ Серъ-Кане или «Главы Дома», и оно въ понятіи всѣхъ прочихъ клановъ составляетъ какъ-бы высшее сословіе. Каждый народецъ повинуется беку или султану, который ихъ судитъ, налагаетъ штрафы, приговариваетъ къ тюремному заключенію и даже къ смертной казни. Часто эти незначительные владѣтели воюютъ между собой; часто также они заключаютъ между собой временный союзъ, или для ограбленія могущественнаго сосѣда, или же для сопротивленія въ уплатѣ податей посланнымъ эмира Кабульскаго; политическая карта страны безпрерывно мѣняется, слѣдуя превратностямъ военнаго счастія, выгодамъ и своенравію властителей. Но по сосѣдству съ афганскими племенами большинство клановъ гезареховъ оставили политическій бытъ чужестраннаго происхожденія и раздѣлились на небольшія республиканскія группы, подобно гильзаямъ. На всемъ пространствѣ страны гезареховъ, смѣшенія во многихъ мѣстахъ значительно измѣнили расу, и поэтому встрѣчается множество монголовъ съ афганской физіономіей, равно какъ и черты лица гильзаевъ походятъ на калмыковъ. Чрезъ посредство народцевъ смѣшанной расы, производится торговля афганцевъ съ гезарехами, заключающаяся, впрочемъ, только во взаимномъ обмѣнѣ произведеній почвы и не имѣющая почти никакого экономическаго значенія. Въ наше время, гезарехи во множествѣ эмигрируютъ въ Индустанъ, гдѣ они работаютъ въ качествѣ гребцовъ на шлюпкахъ, чистильщиковъ колодцевъ и землекоповъ; тысячи изъ нихъ находятся въ рабствѣ у афганскихъ хозяевъ.

Отличіе религіознаго культа, по всей вѣроятности, и есть причина, заставляющая считать аймаковъ отдѣльной націей, разнящейся отъ гезареховъ. Гезарехи—шіиты, какъ персы; аймаки, т. е. «Племена» по преимуществу—ярые сунниты, подобно афганцамъ. Но кланы аймаковъ, по крайней мѣрѣ восточные, нисколько не отличаются происхожденіемъ отъ гезареховъ: подобно послѣднимъ, они также происходятъ отъ монголовъ, и даже множество кейлей,—именно народецъ, обитающій въ горахъ Герата и среди котораго всѣ мужчины, по наслѣдству отъ отца къ сыну, занимаются ремесломъ угольщиковъ,—говорятъ на монгольскомъ нарѣчіи. Аймаки, у которыхъ главное племя носитъ еще до сихъ поръ монгольское названіе кипчаковъ, живутъ на гористыхъ

---

[1]) Mountstuart Elphinstone, „An account of the Kingdom of Caubul";—Leech, H. Jule, „The Book of ser Marco Polo".

[2]) „Journal of the Geographical Society", 1873.

[3]) Ferrier;—Гродековъ.

[4]) Minaiev, „Notice sur les contrées du haut Amou Daria, Exploration", 1831.

[5]) *Mountstuart* Elphinstone, цитированное сочиненіе;—*Ferrier, „Voyages en Perse, dans l'Afghanistan"*, etc.

пастбищахъ Гура, къ югу отъ страны гезареховъ, и въ высокихъ долинахъ амфитеатра горъ, который окружаетъ бассейнъ Герата и южныя покатости Паропомиза на туркменскомъ склонѣ. Кромѣ нихъ, таймуры, одно изъ «Четырехъ Племенъ» или Чахаръ-Аймакъ [1]), поселились на западѣ отъ Герата, въ самомъ центрѣ персидской территоріи. Большинство аймаковъ живутъ еще «ордами», т. е. въ палаткахъ; ихъ *урду*, правильно расположенныя близъ укрѣпленія, въ которомъ живетъ глава племени, состоятъ изъ войлочныхъ юртъ сѣраго цвѣта или обтянутыхъ черными кожами; деревни въ ихъ странѣ населены только таджиками. Столь же воинственные, какъ и гезарехи, и управляемые, подобно послѣднимъ, старшинами, пользующимися неограниченной властью, люди «Четырехъ Племенъ» наводятъ ужасъ своимъ звѣрствомъ. Эльфинстонъ разсказываетъ, что ему случалось видѣть, какъ они по окончаніи битвы, пили кровь своихъ жертвъ и увлажняли этой кровью свои бороды. Феррье утверждаетъ, что у нѣкоторыхъ племенъ дѣвушки не имѣютъ права выйдти замужъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не участвовали въ битвахъ наравнѣ съ мужчинами, во время ихъ воинственныхъ набѣговъ.

Среди хаоса племенъ, изъ которыхъ одни добровольно перемѣщаются, а другихъ вынуждаютъ къ тому силой, и которыя въ теченіе вѣковъ смѣшивались съ различными расами,— трудно опредѣлить настоящее происхожденіе многихъ народцевъ, которымъ, къ тому же, каждый сосѣдъ даетъ различное названіе. Подобныя племена, по словамъ однихъ — монгольскаго происхожденія, а по мнѣнію другихъ—арійскаго. Такъ, джемшиды, изъ которыхъ пять тысячъ семействъ живутъ въ высокой долинѣ Мургъ-Аба, въ шатрахъ, сплетенныхъ изъ тростника [2]), причисляются къ аймакамъ, тогда какъ они чистѣйшіе персы. Если имъ вѣрить, то нѣтъ ни одного племени столь чистой иранской крови, какъ джемшиды, потому что они ведутъ свой родъ отъ баснословнаго Джемшида, героя персидскихъ эпопей. Ихъ языкъ и правильный типъ, встрѣчаемый въ лицахъ большинства изъ нихъ, не допускаютъ сомнѣнія въ ихъ арійскомъ происхожденіи; но постоянныя войны, безпрерывныя переселенія, жизнь въ кочевьяхъ придали имъ нравы и характеръ ихъ сосѣдей-туркменъ: подобно имъ, и джемшиды занимаются грабежомъ и, когда представится случай, дѣлаютъ нападенія на караваны. Кажется, что неудачные походы значительно поубавили число ихъ съ начала нынѣшняго столѣтія [3]). Фирузъ-куги окрестностей Герата—также персидскіе аймаки, изгнанные Тамерланомъ; прежнимъ отечествомъ этихъ изгнанниковъ былъ иранскій округъ Фирузъ-Кугъ, лежащій у подошвы переднихъ южныхъ горъ Демавенда.

Кромѣ главныхъ расъ, раздѣляющихъ между собою территорію Афганистана, сколько еще эмигрантовъ изъ чужихъ земель были привлечены въ эту страну вслѣдствіе войнъ, или по торговымъ дѣламъ, или по призыву правителей! Тутъ встрѣчаются евреи и еще большее число армянъ, которые оспариваютъ туземныхъ заемщиковъ у индусскихъ банкировъ; абиссинцы, калмыки, арабы, лезгины, курды, покупаемые въ качествѣ рабовъ, или пришедшіе какъ искатели приключеній, — встрѣчаются между тѣлохранителями эмира и въ гарнизонахъ. Туркмены, белуджи, брагуи кочуютъ на границахъ и дѣлаютъ частые набѣги внутрь страны. Всѣ народы Западной Азіи имѣютъ своихъ представителей въ этой странѣ, куда европейцы такъ рѣдко проникали, исключая тѣхъ трехъ кампаній, когда англичане прокладывали себѣ путь пушками.

Народы Афганистана, къ югу отъ Гинду-Куша, въ приблизительныхъ цифрахъ:

Афганцы:	Дураны	700.000	жител. 2.100.000
	Гильзаи	400.000	
	Юзуфзаи, сваты и другія сѣверо-восточныя племена	600.000	
	Вазирисы и другія восточныя племена	200.000	
	Какары и другія юго-восточныя племена	200.000	
Иранцы:	Таджики и парзивaны	500.000	800.000
	Когистаны	200.000	
	Сеистаны	50.000	
	Джемшиды и фирузъ-куги (Чахаръ-Аймакъ)	50.000	
Кафиры или сіагпуши			150.000
Чуугани, читралы, дарды, и проч.			300.000
Монголы:	Гезарехи	300.000	600 000
	Таймуры и кипчаки (Чахаръ-Аймакъ)	300.000	
Турки и туркмены			100.000
Хиндки, кизиль-баши, курды и другіе иноземцы			150.000

III.

Весьма не густо населенный, пропорціонально его пространству, Афганистанъ не можетъ имѣть большаго числа городовъ; даже въ нѣкоторыхъ округахъ группы поселеній состоятъ только изъ множества шатровъ, перемѣщаемыхъ, смотря по времени года, слѣдомъ за переходомъ стадъ. По словамъ Эльфинстона, половина западныхъ афганцевъ жили въ шатрахъ—еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Въ странахъ сѣверо-восточныхъ, между долиной Кабула и хребтомъ Гинду-Куша, горцы различныхъ расъ—кафиры, дарды или афганцы—живутъ всѣ въ деревняхъ или городахъ, для постройки которыхъ они обыкновенно вы-

[1]) Carl Ritter, „Asien", vol. VII.
[2]) Nic. de Khanikov, „Ethnographie de la Perse".
[3]) A. Vambery, „Voyages d'un faux derviche".

бираютъ какой-нибудь бассейнъ, изобилующій наносной почвой, или покатость какого-нибудь холма, защищеннаго отъ холодныхъ вѣтровъ и обращеннаго къ югу, къ странѣ жаровъ и дождей. Равно какъ и альпійскіе города, города Гинду-Куша состоятъ большею частью изъ множества поселковъ, которыхъ самый видъ обнаруживаетъ уже издалека еще невидимыя свойства мѣстной топографіи. Единственные памятники, которые придаютъ величественный видъ этимъ бѣднымъ маленькимъ столицамъ горцевъ и дѣлаютъ ихъ хотя немножко похожими на богатые города равнины, это--ихъ грозные замки съ зубчатыми башнями и священные храмы, господствующіе среди множества руинъ. Въ долинѣ Свата до сихъ поръ еще существуетъ подобная постройка, прекрасно сохранившаяся, въ видѣ овальнаго купола, въ 27 метровъ вышиной, окруженнаго десятью этажами кругообразныхъ нишей. Святилище это называется Шанкаръ-Даръ и напоминаетъ о поклоненіи Шанкару, представляющему одно изъ санскритскихъ названій Сивы [1]). Укрѣпленныя деревни долины Свата, Таррнаха и Чагиля заключаютъ каждая по тысячѣ семействъ въ оградѣ своихъ стѣнъ. Другое святилище служило мѣстопребываніемъ Алкхунда, достопочтеннаго старца, хотя и не пользовавшагося политической властью, но котораго общественная молва въ южной Индіи изображала всемогущимъ пророкомъ, угрожавшимъ британскому владычеству, и который могъ возстановить противъ него, когда ему вздумается, десятки тысячъ мятежниковъ-вагабитовъ [2]). Въ высокой долинѣ Панджкора или рѣки «Пяти клановъ», которая соединяется со Сватомъ у начала его входа въ Пенджабъ, разныя мѣстечки, принадлежащія дардскому племени бушкарамъ, гораздо больше населены, нежели Чагиль: въ Талѣ и Калькотѣ живутъ по полуторы тысячи семействъ въ каждомъ. Міанкалаи, лежащій на той же рѣкѣ Панджкорѣ, но въ нижней части бассейна, представляетъ столицу маленькаго афганскаго ханства Джундула. Больше Міанкалаи городъ Диръ, центральная часть котораго защищена крѣпостью и есть начало тропинки, поднимающейся къ ущелью Лагори, затѣмъ вновь спускающейся въ долину Читраля или Казкара, къ Кашгару Гинду-Куша.

Города, имѣющіе относительное значеніе, слѣдуютъ одинъ за другимъ въ Читралѣ, вдоль рѣки Кунара, теченіе котораго схоже съ теченіемъ рѣки Севы, но онъ катитъ большее количество воды. Мастуджъ, на высотѣ 2.300 метровъ, разстилается среди прелестныхъ пастбищъ, на перекресткѣ двухъ дорогъ, идущихъ изъ Язина, чрезъ плато Шандуръ, и отъ верхняго Оксуса, чрезъ Борогильскій порогъ. Читраль или Читлаль, разбросанныя деревни котораго идутъ вдоль рѣки, по обѣимъ сторонамъ долины, есть главный городъ самаго могущественнаго государства въ странѣ горъ. *Митеръ* или *бадшахъ*, имѣющій свое пребываніе въ фортѣ на правомъ берегу рѣки, повелѣваетъ 200.000 дардовъ и кафировъ, раздѣленныхъ на множество племенъ, на различныя сословія, изъ которыхъ одни свободны отъ уплаты податей, а другія находятся въ порабощеніи и обязаны поставлять рабовъ изъ своихъ кровныхъ. Самъ бадшахъ состоитъ данникомъ Кашмирскаго магараджи, которому онъ посылаетъ ежегодно въ подарокъ собакъ, лошадей и соколовъ [1]). Въ нижней части рѣчнаго бассейна слѣдуютъ одна за другой другія столицы: Асмаръ, Чигаръ-Сераи и Кунаръ, давшій названіе нижнему теченію рѣки, по которой сплавляется лѣсъ. Два послѣдніе города управляются афганскими начальниками; нѣкоторые золотопромышленники находятъ здѣсь золотые самородки, приносимые водою и смѣшиваемые съ песками Кунара.

Деревни страны кафировъ, занимающей пространство къ западу отъ Читраля, совсѣмъ неизвѣстны, и въ высокихъ долинахъ Панджира и Горбанда находятся мѣстечки, не имѣющія никакого значенія. Настоящіе города встрѣчаются только на поляхъ Даманъ-и-Коха, въ древней глубокой впадинѣ, гдѣ соединяются воды, изливаемыя снѣжнымъ хребтомъ болѣе, чѣмъ въ 200 километровъ длиной. Тамъ именно и возникъ въ былое время, по словамъ большинства историковъ, городъ Александрія, построенный Македонскимъ для надзора за горными дорогами, сходящимися въ равнинѣ. Новый городъ Чарикаръ, лежащій около 20-и километровъ къ западу отъ соединенія Горбанда и Панджира, у подошвы Пагхмана, и есть, по всей вѣроятности, прямой наслѣдникъ древней Александріи. Сосѣдняя равнина носитъ названіе Баграмской. Названіе это, говорятъ, произошло отъ Виграма или «города столицы», который былъ долгое время главнымъ городомъ Даманъ-и-Коха; городъ этотъ, называемый также, по преданію, Шеръ-Юнанъ или «Греческій городъ», существовалъ еще во времена нашествія монголовъ, и одинъ изъ ученыхъ изслѣдователей, Массонъ, нашелъ въ развалинахъ его около шестидесяти тысячъ бактріанскихъ монетъ, колецъ, амулетовъ и другихъ предметовъ; почти всѣ они были мѣдные [2]). Къ югу отъ Чарикара, другой городъ Даманъ-и-Коха возвышаетъ свои башни и мечети на покатостяхъ холма, вершина котораго увѣнчана зеленью. Этотъ живописный городъ,

[1]) Biddulph, „The tribes of the Hindoo-Koosh".
[2]) „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1862, N. III.

[1]) Biddulph, цитированное сочиненіе.
[2]) Charles Masson, „Various Travels", etc., A. Cunningham, „Ancient Geography of India"; Cl. Markham;—„Proceedings of the Geographical Society", fеb. 1879.

Исталифъ,—самый лучшій во всемъ Афганистанѣ, по мягкости климата, по свѣжести водъ въ рѣкахъ, рѣчкахъ и ручьяхъ, по роскоши чинаровъ и богатству фруктовыхъ садовъ. Въ

Келатъ.

1842 году англичане, вынужденные покинуть край, и предвидя, быть можетъ, будущія свои злоключенія, оставили здѣсь воспоминаніе о своемъ пребываніи, предавъ племени прелестный городъ.

Кабулъ, нынѣшняя столица Афганистана,—весьма древній городъ, «самый древній изъ всѣхъ», говорятъ туземцы. По словамъ мѣстной легенды, которая указываетъ на развращенность туземцевъ, тамъ именно упалъ дьяволъ, когда онъ былъ низвергнутъ съ неба [1]). Жители еще до сихъ поръ съ гордостью пока-

[1]) „Blackwood's Magazine", july 1875.

зываютъ «Гробницу Каина», относя, такимъ образомъ, къ началу міра исторію преступленій, совершившихся въ ихъ краѣ, столь часто обагряемомъ кровью. Извѣстно, что городъ этотъ существовалъ во времена походовъ Александра. Историки упоминаютъ о немъ, сперва подъ названіемъ Ортоспана или «Бѣлаго Лагеря» [1]), а у Птоломея онъ уже встрѣчается подъ названіемъ Кабура. Остатки построекъ, въ которыхъ узнается греческій или греко-бактріанскій типъ, каковы Зуръ-Минаръ или «Красный Минаретъ» и «Александровская колонна», высятся на юго-востокѣ, по дорогѣ въ Индію. Въ концѣ пятнадцатаго вѣка, Баберъ, не находившій во всемъ мірѣ мѣста, подобнаго «раю Кабула», сдѣлалъ его столицей своей громадной имперіи, и теперь еще видна на юго-востокъ отъ города, между садами, ограда изъ бѣлаго мрамора, изрѣзанная арабесками и покрытая надписями, которая была сооружена вокругъ могилы этого императора. Тимуръ, сынъ Ахмедъ-Шаха, также избралъ своей резиденціей Кабулъ, и болѣе вѣка этотъ городъ сохранялъ за собой титулъ столицы ханства. Даже и не имѣя того оффиціальнаго значенія, которое ему придаетъ пребываніе въ немъ эмира, Кабулъ, или подобный ему другой сосѣдній городъ, не могъ бы не привлечь большаго стеченія торговыхъ людей, потому что онъ лежитъ на историческомъ пути изъ Индіи въ Бактріану, въ самомъ центрѣ плодоносныхъ равнинъ, гдѣ могутъ расположиться на отдыхъ караваны послѣ томительнаго пути, пролегающаго на протяженіи около 300 километровъ чрезъ пятиричную гряду горъ, часто загроможденныхъ снѣгами. Другія дороги Гинду-Куша, которыя сходятся у Даманъ-и-Коха, соединяются въ Кабулѣ съ дорогой, сдѣлавшейся главною, и усиливаютъ такимъ образомъ значеніе города, какъ резиденціи и центра мѣновой торговли. Благодаря высотѣ, не много превышающей 1.900 метровъ надъ уровнемъ рѣки, Кабулъ имѣетъ умѣренный климатъ, какъ и всѣ европейскіе города, лежащіе на десять градусовъ болѣе къ сѣверу. Сады его, въ которыхъ можно отдохнуть въ тѣни во время лѣта и гдѣ снѣгъ бываетъ въ теченіе только двухъ мѣсяцевъ, служатъ прекраснымъ мѣстомъ привала для людей, намѣревающихся взобраться на ледяныя вершины Гинду-Куша, или желающихъ спуститься въ знойныя равнины Пенджаба. Фрукты Кабула славятся на всемъ Востокѣ: Баберъ хвалится въ своихъ мемуарахъ тѣмъ, что онъ обогатилъ тремя породами вишенъ фруктовые сады Кабула.

Городъ, построенный внизу ущелья, прикрытаго старинными укрѣпленіями, занимаетъ въ длину около 3-хъ километровъ, на крутомъ южномъ берегу рѣки, которой онъ далъ свое имя и которая соединяется, километрахъ въ пятнадцати ниже, съ болѣе многоводной рѣкой Логаръ. Къ западу, съ другой стороны ущелья, открывается огромная треугольная долина съ хорошо воздѣланными полями, обсаженными тѣнистыми тополями и ивами, но возвышающіяся вокругъ ихъ горы совершенно голыя, лишенныя растительности. Къ востоку, на мысу холмовъ, расположенъ военный кварталъ Бала-Гиссаръ или «Высокая Крѣпость», недавно окруженная чрезвычайно крѣпкой оградой, которую англичане разрушили по частямъ въ 1880 г. Кварталъ Бала-Гиссаръ образуетъ родъ лѣстницы укрѣпленій, высшую ступень которой составляетъ цитадель; внизу находится дворецъ эмира, за стѣнами котораго также зеленѣютъ сады. Самый городъ изборожденъ во всѣхъ направленіяхъ стѣнами, которыя дѣлятъ его на множество частей, на подобіе восковыхъ ячеекъ въ сотахъ улья. Но геометрическою правильностью афганскій городъ совсѣмъ не походитъ на пчелиный улей; промежуточныя стѣны разрушены во многихъ мѣстахъ, и бреши ихъ соединяются съ извилистыми, какъ змѣйки, переулками въ непроходимый лабиринтъ. Землетрясеніе 1874 года, разрушившее тысячи домовъ, увеличило еще болѣе путаницу, загромоздивъ проходы. Въ Кабулѣ представляетъ отчасти правильный порядокъ только его «базаръ» или торговыя улицы, каковы длинная улица Шу и Чахаръ-Чаукъ или «Четыре мѣста»; тамъ живутъ и работаютъ большинство ремесленниковъ — сѣдельниковъ, плотниковъ, кузнецовъ. Множество жителей переселились изъ города въ предмѣстья, которыя тянутся къ сѣверо-западу и къ сѣверу по обѣимъ сторонамъ рѣки. Чтобы господствовать надъ городомъ посредствомъ пушекъ, англичане устроились на сѣверо-востокѣ, на холмѣ Шерпура или Бегмару, на массивѣ конгломерата вышиной въ 240 метровъ, который былъ выбранъ уже Ширъ-Али, какъ мѣсто для крѣпости. Этотъ холмъ имѣетъ то преимущество предъ Бала-Гиссаромъ, что онъ изолированъ и возвышается среди равнинъ и не доминируется окружающими высотами; но луга Вазирабада, часто наводняемые, заражаютъ кругомъ атмосферу зловредными испареніями. Ширъ-Али приписывали намѣреніе перенести столицу на другое мѣсто и вновь построить ее у подошвы холма Шерпура. Городъ, кажется, былъ прежде построенъ на берегахъ Логара. Развалины древняго города, называемыя Баграмъ или Баграми, т. е. «Столица», такъ же, какъ и развалины Кавказской Александріи, находятся въ 12-и километрахъ къ востоку отъ Бала-Гиссара.

По дорогѣ изъ Кабула въ Пешаверъ находится промежуточный городъ Джалалабадъ, обязательное мѣсто остановки для всѣхъ путе-

[1]) H. Rawlinson, „Journal of the Geographical Society“, 1843.

шественниковъ. Горы Сефидъ-Коха, которыя виднѣются на югѣ, подымаясь до самаго верхняго своего гребня, и на сѣверной сторонѣ горные выступы страны кафировъ, напоминаютъ путешественнику что онъ еще находится въ Афганистанѣ; но онъ уже ощущаетъ климатъ Индіи. Джалалабадъ, лежащій на высотѣ только 556 метровъ, внизу ущелій, которыми рѣка Кабулъ проходитъ чрезъ Зіа-Кохъ, занимаетъ центръ бассейна Нангнахара, защищеннаго отъ вѣтровъ со всѣхъ сторонъ. Зной часто нестерпимъ въ этомъ преддверіи Ирана, особенно у подошвъ скалъ, на которыя падаютъ солнечные лучи; но плодородная почва полей во многихъ мѣстахъ находится подъ тѣнью густолиственныхъ деревьевъ. Благодаря плодородію окружающихъ земель, равно какъ и своему мѣстоположенію на историческомъ пути, Джалалабадъ сталъ необходимымъ городомъ. Онъ получитъ со временемъ важное значеніе, когда рѣка Кунаръ, которой устье находится въ его владѣніи, не будетъ протекать, какъ теперь, по странамъ почти пустыннымъ, заселеннымъ дикарями и торговцами невольниковъ. Зимой населеніе Джалалабада болѣе, чѣмъ удвоивается, даже удесятеряется, по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, вслѣдствіе прилива пастуховъ спускающихся съ окрестныхъ пастбищъ. Ниже по берегамъ рѣки Кабула попадаются только деревни и мѣстечки. Болѣе значительное изъ нихъ Лальпура, при входѣ съ афганской стороны въ Хайберскій проходъ, который охраняется съ другаго конца англійскимъ фортомъ Джамрудъ.

Къ югу отъ «Бѣлой Горы», на восточномъ склонѣ Сулейманъ-Дага большинство населенныхъ пунктовъ, каковъ Курамъ, главный городъ долины того же имени, представляютъ изъ себя не болѣе, какъ группы земляныхъ хижинъ, обнесенныхъ стѣной изъ того же матеріала. Въ долинѣ Тотчи старинный городъ, нынѣ находящійся въ упадкѣ, носитъ еще названіе Шера или Шара, что значитъ «Городъ» по преимуществу; оттуда вывозятъ лошадей, замѣчательныхъ по выносливости и силѣ [1]. Канигурамъ, въ странѣ вазприсовъ, городъ кузнецовъ, занимаетъ гребень и покатости узкой скалы, окруженной холмами; дома нагромождены на подмосткахъ изъ пихтоваго дерева; между домами проложена улица, по которой едва могутъ пробраться всадники [2]. Макенъ, къ сѣверу отъ Канигурама, также только многолюдное село.

Къ западу отъ Сулейманъ-Дага, чтобъ отыскать городъ, заслуживающій это названіе, надо перейти раздѣльный горный хребетъ и снова спуститься къ покатости Гильменда. Газни, главный городъ, построенный на военной дорогѣ изъ Кабула въ Кандахаръ, былъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ столицею имперіи, которая простиралась отъ равнинъ Дели до песчаныхъ береговъ Чернаго моря. Но тѣмъ не менѣе городъ этотъ, получившій историческую извѣстность во времена Магомета «Газневида», завоевателя Индіи, повидимому, не пользуется выгодами, подобающими столичному городу. Расположенный на высотѣ 2.356 метровъ, въ странѣ, чрезвычайно жаркой лѣтомъ, чрезмѣрно холодной зимой и подверженной страшнымъ вѣтрамъ,—Газни, кромѣ всего этого, не изобилуетъ также водою и плодородными полями, даже не отличается и красотою горизонта. «Я всегда задавалъ себѣ вопросъ», говоритъ султанъ Баберъ, «какъ могли князья, царствовавшіе въ Индустанѣ и Хоросcанѣ, устроить свою резиденцію въ такой отвратительной странѣ!» Правда, что вскорѣ послѣ того, какъ резиденція была перенесена оттуда, Газни лишился всего своего населенія; но все же городъ этотъ сохранилъ свое значеніе, какъ стратегическій пунктъ между Кабуломъ и Кандахаромъ. Городъ построенъ у подошвы длиннаго гребня гипсовыхъ скалъ, мѣстами покрытаго черноземомъ, и на самомъ высокомъ выступѣ котораго находится цитадель съ неровными стѣнами, прикрытыми съ боковъ бастіонами и увѣнчанными башнями. Этотъ замокъ-фортъ извѣстенъ, какъ и Кабульскій, подъ названіемъ Бала-Гиссара. Хотя Газни не былъ никогда большимъ городомъ, но развалины его простираются къ сѣверу отъ нынѣшняго города на значительное пространство [1]. Тамъ, несомнѣнно, возвышалась «Небесная Невѣста» Махмуда, мечеть изъ мрамора и гранита, которую онъ соорудилъ въ память своихъ побѣдъ. Два минарета, весьма изящные, украшенные куфическими надписями и держащіеся на высокихъ цоколяхъ звѣздообразной формы, принадлежали, по всей вѣроятности, этой мечети. Газни называютъ «второй Мединой», по причинѣ множества гробницъ знаменитыхъ людей, находившихся въ этомъ городѣ. Гробница Газневида видна еще и по сіе время въ древнемъ городѣ, но уже нѣтъ дверей изъ сандальнаго дерева, которыя Махмудъ увезъ въ Сомнатъ, на полуостровѣ Каттіавара; взятыя въ 1842 году англичанами, онѣ были перенесены въ Дели въ видѣ трофея. Но подлежитъ сомнѣнію, чтобъ именно тамъ были эти античныя двери.

Газни населенъ гезарехами и гильзаями; Келатъ-и-Гильзаи или «Замокъ Гильзаевъ», другой стратегическій пунктъ военной дороги изъ Кабула въ Кандахаръ, имѣетъ жителями только людей того племени, по имени котораго онъ называется. Этотъ городъ, лежащій на высотѣ 1.762 метровъ, не есть городъ въ настоящемъ

---

[1]) Raverty, „Notes on Afganistan, and some parts of Balochistan“.

[2]) Walker, „Journal of the Geographical Society“, vol. XXXII, 1862.

[1]) Vigne, „Visit to Ghuzni, Kabul and Afghanistan“.

значенiи слова: это крѣпость, неправильно построенная, заключающая въ себѣ казармы и магазины, возвышающаяся на уединенномъ холмѣ, впереди каменистаго плато, отдѣляя долину Аргандъ-Аба отъ долины Тарнака. У подошвы этого укрѣпленнаго холма ютятся деревни хлѣбопашцевъ и группируются нѣсколько построекъ, которыя могли бы служить зачаткомъ для города, дворца, базара или складочнаго мѣста. Поля, хорошо воздѣланныя, тянутся вдоль обоихъ береговъ Тарнака, равно какъ и ирригацiонные каналы, которые проведены отъ него. Множество развалинъ, разсѣянныхъ по равнинѣ, и груды камней на высотахъ, остатки сигнальныхъ башенъ, небольшiя крѣпостцы или могилы напоминаютъ о важномъ значенiи, какое имѣлъ во всѣ времена городъ Келатъ-и-Гильзаи, какъ мѣсто обороны и снабженiя провiантомъ. Во время послѣдней войны, когда генералъ Робертсъ покинулъ Кабулъ со всею своею армiей, чтобъ направиться къ Кандахару, «Замокъ Гильзаевъ» служилъ опорнымъ пунктомъ его военныхъ операцiй.

Кандъ или Кандахаръ, въ которомъ этимологи видятъ древнюю «Александрiю», тогда какъ другiе производятъ его имя отъ древней Гандары индусовъ,—много разъ перемѣнялъ мѣсто, какъ большинство городовъ Азiи. Городъ Аракозiа, по-санскритски Хараквати, возвышался къ юго-востоку, тамъ, гдѣ находится, среди прибрежныхъ пустынь Аргандъ-Аба, разрушенный военный постъ Оланъ-Робатъ или Шаръ-и-Тогакъ [1]). Этому городу наслѣдовалъ «Древнiй Кандахаръ», который не исчезъ безслѣдно: въ пяти километрахъ отъ новой городской ограды, у подошвы утесистыхъ горныхъ скатовъ, заканчиваясь острымъ угломъ, виднѣются еще до сихъ поръ крѣпкiя стѣны, обломки зданiй и бастiоновъ того Бала-Гиссара, который былъ когда-то однимъ изъ наиболѣе укрѣпленныхъ городовъ въ Афганистанѣ и который сопротивлялся въ продолженiе одиннадцати мѣсяцевъ войскамъ Надиръ-Шаха. Многiя мѣста древняго Кандахара были пущены подъ пашни, и небольшiе ирригацiонные каналы извиваются въ старинныхъ улицахъ. Другой Кандахаръ, Кандахаръ Надира, основанный побѣдителемъ въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, существовалъ нѣсколько лѣтъ; стѣны его, прекрасно сохранившiяся, высятся около 5-и километровъ къ югу отъ нынѣшняго Кандахара, построеннаго Ахмедъ-Шахомъ, основателемъ нынѣшней династiи. Онъ избралъ этотъ городъ столицей своего ханства, и наиболѣе грандiозное изъ всѣхъ зданiй, находящихся въ чертѣ города,—храмъ съ эмальированнымъ куполомъ, простирающимся надъ его гробницей, и въ которомъ гнѣздятся тысячи синихъ голубей. Никто лучше побѣдителя не могъ сообразить и понять чрезвычайной важности Кандахара въ стратегическомъ отношенiи, какъ «ключа Индiи». Находясь на проѣзжей дорогѣ изъ Кабула въ Гератъ, по которой слѣдуютъ караваны и войска, господствуя надъ выходомъ изъ долинъ Аргандъ-Аба и Тарнака, равно какъ и надъ горными проходами, отдѣляющими Индiю отъ равнинъ Гильменда, — онъ имѣетъ еще и то огромное преимущество, что расположенъ въ плодородной странѣ, гдѣ войска могутъ безъ труда запастись провiантомъ. Со стороны юга и юго-запада онъ неприступенъ потому, что обширныя пустыни препятствуютъ въ этомъ направленiи приближенiю непрiятельскихъ силъ.

Четыреугольникъ Кандахара, самыя длинныя стороны котораго вполнѣ совпадаютъ съ направленiемъ меридiана, лежитъ на высотѣ 1.066 метровъ, въ равнинѣ, спускащейся отлогостью къ юго-востоку, къ рѣкѣ Тарнаку. Ирригацiонные каналы, снабжающiе городъ водою и превращающiе окрестныя деревни въ громадный садъ, проведены изъ Аргандъ-Аба и огибаютъ на западѣ крайнiй выступъ горнаго хребта Гулъ-Кола, перерѣзанный глубокой брешью прохода Баба-Вали: тамъ, въ 1880 г., произошла битва, послѣ которой англичане отдали приказъ снять осаду съ Кандахара. Разрушенные фруктовые сады, каналы, обращенные въ болота, напоминаютъ объ этихъ недавнихъ битвахъ. Городская ограда, прикрытая съ боковъ болѣе чѣмъ пятидесятью башнями и опирающаяся на сѣверѣ на цитадель, находится въ довольно плохомъ состоянiи, но внутренность города совершенно противоположна Кабулу въ отношенiи правильности и чистоты улицъ. Двѣ главныя аллеи пересѣкаются подъ прямыми углами посреди города и разъединяютъ его, такимъ образомъ, на четыре равныя части: на сѣверѣ цитадель, а на другихъ наружныхъ сторонахъ трое воротъ ограничиваютъ городскiе кварталы. Второстепенныя улицы въ большинствѣ кривыя; но идущiе по сторонамъ ихъ дома, построенные изъ камня или битой глины, гораздо просторнѣе и лучше содержатся, чѣмъ въ Кабулѣ, и почти всѣ имѣютъ сады. Въ Кандахарѣ нѣтъ недостатка въ развалинахъ: въ 1874 году около четырехсотъ домовъ развалились отъ обрушившейся части городской стѣны; можетъ быть, даже это бѣдствiе повлекло за собой сотрясенiе земли, которое разрушило часть Кабула. Надъ перекресткомъ двухъ главныхъ улицъ Кандахара высится сводъ, который образуетъ центръ базара; тамъ почти всегда тѣснится толпа продавцевъ, покупателей и прохожихъ. Восточная улица, ведущая къ воротамъ Кабула, заселена по преимуществу торговцами разныхъ матерiй, тогда какъ въ улицѣ Герата, направляю-

[1]) H. Rawlinson, „Journal of the Geographical Society", 1843.

щейся къ западу, постоянно раздается стукъ молота кузнецовъ и котельниковъ. Улица гончаровъ, красильщиковъ, продавцовъ фруктовъ—южная, примыкающая къ воротамъ Шикарпура. Въ улицѣ, гдѣ находится цитадель, по обѣимъ сторонамъ идутъ большие магазины, въ которыхъ продаются англійскіе и русскіе товары. Торговцы базара принадлежатъ ко всѣмъ расамъ Передней Азіи, но главную часть Кандахарскаго населенія составляетъ племя дурани: въ этомъ отношеніи древняя столица Ахмедъ-Шаха представляетъ контрастъ съ другими афганскими городами. Золотая руда, которой производство весьма незначительно, эксплоатируется у подошвы высотъ, идущихъ по прямой линіи къ сѣверу равнины.

Извѣстно, что Кандахаръ находится по ту сторону «научныхъ границъ» Индійской имперіи и что онъ былъ отданъ англичанами эмиру Афганистана, долгое время спустя послѣ Кабула. Къ Кандахару должна была примкнуть Шикарпурская желѣзная дорога, первый участокъ дороги изъ Индіи въ Малую Азію. Желѣзный путь еще не взобрался на ступени плато, но онъ направляется по дорогамъ, удобнымъ для артиллеріи, и англичане избрали пограничною военною станціею мѣстечко Чаманъ или «Лугъ», отъ котораго они находятся только на разстояніи трехъ дней перехода отъ Кандахара. Изъ ихъ лагеря, твердо опирающагося о переднія горы Коджа-Амранъ, британскіе генералы наблюдаютъ за восточной оконечностью большой военной дороги, которая проходитъ чрезъ весь Афганистанъ отъ юго-востока къ сѣверо-западу. Но если бъ они должны были двинуться впередъ по кружной дорогѣ афганскихъ плато, то гдѣ же они могли бы остановиться, не дѣлая угрозы русскимъ аванпостамъ, стоящимъ на другомъ концѣ дороги? Не слѣдовало ли бы имъ, по ту сторону Кандахара, достигнуть до Кушкъ-и-Накуда, «Алмаза Пустыни», чтобъ изгладить воспоминаніе о пораженіи, понесенномъ въ 1880 году? Затѣмъ, не слѣдовало ли бы занять крѣпость Гиришкъ, которая господствуетъ надъ проходомъ Гильменда и долинами Заминдавара и вблизи которой виднѣется такое множество разрушенныхъ укрѣпленій, — доказательство важнаго значенія, которое придавалось всегда этому стратегическому пункту? Не слѣдовало ли бы поспѣшить овладѣніемъ Ферраха—укрѣпленія, лежащаго у юго-западнаго угла горъ Афганистана и большой военной дороги, вблизи богатыхъ деревень Сеистана? Не слѣдовало-ли бы также занять Сеистанскую крѣпость Ляшъ или «Утесъ», построенную на холмѣ и окруженную зубчатыми стѣнами, почти неприступную, безъ помощи военныхъ снарядовъ? Наконецъ, городъ Зибзаваръ или Зебзоръ, который держитъ въ повиновеніи племя аймаковъ, возможно ли для побѣдителя оставить безъ вниманія? Этотъ городъ, замѣнившій древній Изфезаръ,—послѣдній стратегическій привалъ на югѣ Герата, и провозвѣстники несчастій предсказываютъ заранѣе, что тамъ произойдетъ битва двухъ армій. На юго-западѣ, окруженная гранатовыми деревьями, таджикская деревня Анардерехъ занимаетъ, близъ персидской границы, подошву горы, расколотой во всю свою ширину трещиной, которая ни въ одномъ мѣстѣ не шире полуметра; это—ударъ меча Али, говоритъ легенда [1]).

Гератъ, «Дверь Индіи», называемый такъ благодаря его стратегической важности, и «Жемчужина Хороссана»—названіе, которымъ онъ обязанъ плодородію своей равнины и богатству своихъ промышленныхъ произведеній,—одинъ изъ наиболѣе древнихъ городовъ въ свѣтѣ, «самый древній», какъ утверждаютъ его жители, и въ извѣстныя эпохи своей исторіи онъ принадлежалъ къ числу наиболѣ населенныхъ метрополій. Въ эпоху Александра, Арія была большимъ городомъ. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, говорятъ персидскіе историки, она была «царицей, прославленной», и заключала въ своихъ стѣнахъ «444.000 жилыхъ домовъ, 12.000 лавокъ, 6.000 общественныхъ купаленъ и каравансараевъ» [2]); въ слѣдующемъ вѣкѣ, т. е. въ тринадцатомъ, Чингисъ-Ханъ овладѣлъ городомъ послѣ шестимѣсячной осады и приказалъ передушить жителей, въ числѣ милліона шести сотъ тысячъ; только сорокъ человѣкъ спаслось отъ руки монголовъ, и въ продолженіе пятнадцати лѣтъ они только и составляли все населеніе, среди груды безчисленныхъ развалинъ. Именно благодаря чрезвычайной важности его положенія, на Гератъ было сдѣлано пятьдесятъ нападеній; онъ былъ разрушенъ пятьдесятъ разъ и пятьдесятъ разъ возставалъ изъ груды развалинъ. Расположенный на границахъ Персіи и Афганистана, онъ не переставалъ оспариваться этими двумя пограничными государствами, и если онъ еще и находится подъ властью эмира Кабульскаго, хотя по языку жителей и по своему географическому положенію онъ долженъ быть въ зависимости отъ Персіи,—то это благодаря Англіи, которая два раза заставляла персовъ снять съ него осаду, или возвратить завоеванное. Въ наше время политическое равновѣсіе измѣнилось: Россія стала могущественной сосѣдкой Герата, и ея инженеры изучаютъ страну, чтобъ проложить тамъ будущія желѣзныя дороги. Долина Гери-Руда образуетъ природный входъ, чрезъ который туркмены и монголы не разъ пробирались на плато. Этимъ же путемъ могутъ туда проникнуть въ будущемъ и русскіе.

---

[1]) N. de Khanikov, „Mémoire sur la partie méridionale de la Perse orientale".

[2]) Barbiet de Meynard, „Dictionnaire de la Perse, par Jakout".

городовъ многочисленны, но гдѣ встрѣчаются теперь только однѣ деревни. Зерни или Гуръ, столичный городъ страны, почти пересталъ существовать: Ферье встрѣтилъ тамъ нѣсколькихъ гебровъ, единственныхъ, которыхъ ему удалось видѣть въ Афганистанѣ; но этотъ фактъ представляется сомнительнымъ большинству историковъ [1]).

Города Афганистана и Дардистана, которыхъ приблизительныя цифры населенія указаны путешественниками:

Афганистанъ: Кабулъ—60.000 жит., Кандахаръ—30.000 жит., Гератъ—30.000 жит., Газни—10.000 жит., Исталифъ—8.000 жит., Чарикаръ—3.000 жит., Канигурамъ—5.000 жит., Макинъ — 4.000 жит., Джелалабадъ—10.000 жит., Зерни—1.200 жит.

Дардистанъ: Талль, по Раверти—7.000 жит., Калькотъ—7.500 жит., Чагилъ—5.000 жит., Таррнахъ, по Раверти—3.000 жит., Читраль, по Биддульфу - 5.000 жит.

IV.

Рѣдкое населеніе, враждебность племенъ и расъ, отсутствіе городовъ, дорогъ и мостовъ имѣютъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ весьма слабую степень развитія Афганистана, въ сравненіи съ другими азіатскими странами въ отношеніи земледѣлія и промышленности. Правда, что нѣкоторыя долины и нѣкоторые оазисы равнинъ тщательно воздѣланы, а подводные каналы, плотины и ирригаціонные желоба свидѣтельствуютъ о трудолюбіи цѣлыхъ народовъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Въ земледѣльческихъ округахъ, гдѣ земля раздѣлена на небольшіе участки и гдѣ каждая семья имѣетъ свой собственный участокъ и обработываетъ его сама, не отдавая въ аренду фермерамъ или мызникамъ и не употребляя рукъ рабовъ,—производительность почвы необыкновенно хороша. Часто жители страны могли, конечно скрѣпя сердце, продовольствовать непріятельскія войска, не особенно истощая хлѣбные запасы своихъ владѣній; но въ обыкновенное время пшеница, главная пища афганцевъ, и другіе продукты земледѣлія достаточны только для мѣстнаго продовольствія жителей. Отпускная торговля ограничивается весьма незначительнымъ сбытомъ колоніальныхъ произведеній относительнаго достоинства: фруктами въ консервахъ, сѣменами и камедью, какъ лечебными предметами. Лежащія надъ знойными равнинами плато, холодныя и съ умѣреннымъ климатомъ долины Афганистана, казалось, должны были бы снабжать въ изобиліи народы индусскіе продуктами ихъ климата; но эта торговля почти ничтожна. Промышленная дѣятельность таджиковъ Кабула и другихъ афганскихъ городовъ также нисколько не увеличиваетъ оборотовъ отпускной торговли; повиндахи или «бѣгуны» продаютъ своимъ соотечественникамъ гораздо больше товаровъ европейскихъ, чѣмъ они имѣютъ афганскихъ колоніальныхъ произведеній для обмѣна съ англичанами и русскими, бухарцами и индусами. Англо-индійское правительство, отказавшись отъ занятія Кабула и Кандахара, отдало приказъ пріостановить одновременно постройку желѣзныхъ дорогъ, которыя должны были соединить эти два города съ сѣтью дорогъ полуострова; обѣ желѣзныя дороги останавливаются: одна у входа въ Хайберское ущелье, а другая у подошвы Боланскихъ горъ; мосты на аркахъ (для желѣзныхъ дорогъ), рвы, устройство плотинъ, туннели—все это было вдругъ пріостановлено, несмотря на то, что сдѣланы для этого затраты въ 13 милліоновъ. Но въ то время, какъ всѣ эти предпріятія были брошены, другая желѣзная дорога приблизилась къ границамъ Афганистана,—дорога, которую построили русскіе и которая идетъ отъ береговъ Каспійскаго моря къ туркменскимъ оазисамъ Даманъ-и-Коха. Съ невольнымъ любопытствомъ задаешь себѣ вопросъ: кто—англичане или русскіе, вынужденные силою обстоятельствъ оспаривать другъ у друга политическое главенство надъ народами Ирана, овладѣютъ съ помощью своихъ локомотивовъ торговлею афганской территоріи? Прежде всего власть будетъ принадлежать тѣмъ, кто поставитъ жителей плоскогорья въ удобное сообщеніе съ прочимъ міромъ.

Весьма мало вѣроятности, чтобы Афганистанъ удержался отдѣльнымъ государствомъ, пользующимся полной независимостью: для этого необходимо, чтобы народы, населяющіе страну, были воодушевлены общимъ патріотизмомъ и вѣрою въ свою судьбу. Но афганцы, гезарехи, таджики, казиль-бачи, кафиры—всѣ враждуютъ другъ съ другомъ, и даже племена преобладающей расы не имѣютъ никакой политической сплоченности. Почти всѣ предъидущія войны велись исключительно въ интересахъ тѣхъ племенъ, которыхъ вожди стремились завоевать себѣ первенство. Гильзаи, какары, вазирисы, юзуфзаи, логаны не считаютъ себя обязанными предъ своимъ повелителемъ и предъ своими главарями баракзаями: они продовольствуютъ иностранцевъ, снабжаютъ ихъ гидами и конвоирами, не думая о томъ, что прослывутъ измѣнниками; у нихъ нѣтъ другаго отечества, исключая пространства, занятаго родомъ клана. Что же касается до центральнаго управленія, то афганцы всѣхъ племенъ и прочіе жители Пуктуенъ-Ква привыкли уже болѣе полувѣка къ той мысли, что господство оспаривается между Калькуттой и Москвой. Какъ только какой-нибудь европейскій путешественникъ проникаетъ въ Афганистанъ,

[1]) Spiegel, „Eranische Alterthumskunde".

его тотчасъ же начинаютъ разспрашивать о соперничествѣ двухъ великихъ державъ-побѣдительницъ и о томъ, которой изъ нихъ болѣе благопріятствуютъ шансы для окончательной побѣды. Та же тема служитъ предметомъ обсужденій на базарахъ, гдѣ разносчики новостей исполняютъ ту же роль, что политическая пресса въ другихъ странахъ [1].

Общественное мнѣніе афганцевъ, по сознанію самихъ англичанъ, высказывается въ пользу Россіи. «Какъ ни непріятно сознаваться, говоритъ Макъ-Грегоръ [1]), но несомнѣнно то, что престижъ на сторонѣ русскихъ, и что въ нихъ видятъ заранѣе покорителей Индіи». Правда, что русскіе еще и ногой не были въ Афганистанѣ; но извѣстно то, что всѣ предпринятыя ими экспедиціи въ центральную Азію оканчивались побѣдой. Въ свою очередь англи-

Демавендъ.

[1]) Javorskiy, цитированное сочиненіе.

[1]) „Journey through the province of Khorassan".

чане въ продолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ три раза вторгались въ Афганистанъ,— но чего имъ это стоило? Въ 1842 году, послѣ трехлѣтняго занятія Кабула и другихъ городовъ англо-индійскими гарнизонами, численностью въ 13.000 человѣкъ, они вынуждены были очистить край: постоянно тревожимые вооруженными шайками афганцевъ и не находя нигдѣ по дорогѣ ни убѣжища, ни пищи, ни мѣста отдыха, несчастные англичане пали жертвой голода, холода, изнеможенія и болѣзней, или же были перерѣзаны по одиночкѣ афганцами. Только три человѣка изъ всего отряда спаслись отъ великаго бѣдствія, которое выпало, какъ еще никогда не было, на долю Англіи. Въ недавнюю войну имъ также пришлось возстановлять свои силы вслѣдствіе большой неудачи, понесенной отъ пораженія при Кишкъ-и-Накудѣ, и хотя на этотъ разъ они оставили страну добровольно и ни одинъ изъ непріятелей не преслѣдовалъ ихъ во время отступленія, тѣмъ не менѣе сложившаяся легенда и передавшаяся отъ одного племени къ другому, изобразила ихъ обратившимися въ бѣгство. Къ положенію англичанъ можетъ быть вполнѣ примѣнимо выраженіе, приписываемое Ахмедъ-Шаху, говорившему о своей странѣ: «Остерегайтесь моего улья: въ немъ есть пчелы, но нѣтъ меду!» Во избѣжаніе дипломатическихъ затрудненій и вмѣшательства со стороны государства, англійское правительство лишь изрѣдка дозволяетъ своимъ подданнымъ путешествовать въ мирное время по афганской территоріи. Вплоть до западнаго Афганистана, по дорогѣ изъ Фараха въ Гератъ, встрѣчаются мѣстами каравансараи, построенные англичанами, но которыми они не смѣютъ больше пользоваться. Съ 1840 г. уже минуло болѣе полувѣка, какъ англійскіе аванпосты стояли на сѣверѣ Баміанскаго прохода, тамъ, гдѣ теперь стоятъ русскіе аванпосты, а пушки ихъ виднѣются еще и теперь на днѣ потоковъ, стремящихся къ Оксусу [1]).

Эмиръ афганскій, прежній гость Россіи, нынѣ живущій на пенсіи у Англіи,— достойный представитель политическаго положенія своей страны, постоянно возбуждаемой двумя соперничающими державами. Владѣнія его гораздо обширнѣе, нежели показываетъ его дѣйствительная власть: обѣ державы-покровительницы начертали границы провинцій, платящихъ дань Кабулу. На сѣверъ отъ Гинду-Куша, Кохъ-и-Бабы, Зіа-Коха, гористыя страны и равнины, простирающіяся до Оксуса, составляютъ естественную границу русскаго Туркестана, и если бъ генералъ-губернаторъ, намѣстникъ Ташкента, наблюдалъ зорко за границами, то агенты, являющіеся за сборомъ податей для эмира Кабульскаго въ Кундузъ и Бадакшанъ, были бы непремѣнно убиты. Равно и на южныхъ окраинахъ Афганистана, многія племена уплачиваютъ налоги только изъ боязни англичанъ, могущественныхъ союзниковъ своего повелителя. Города, враждебные Кабулу—Кандахаръ и Гератъ,—входятъ въ составъ одного и того же государства только лишь въ силу «азіатскаго равновѣсія», временно гарантированнаго обѣими европейскими державами, господствующими въ Азіи.

Подобно другимъ государямъ восточныхъ странъ, эмиръ, шахъ или падишахъ Афганистана считается абсолютнымъ властителемъ, но власть его ограничивается не только *шаріатомъ* или «стезей правовѣрныхъ», т. е. религіозными или гражданскими традиціями ислама, но главнымъ образомъ сдерживается привилегіями сердарей и республиканскихъ племенъ. Неограниченный властитель таджиковъ, главарь дурани и сюзеренъ прочихъ племенъ, онъ приказываетъ, совѣтуетъ или проситъ, смотря по дозѣ власти, какую ему предоставили его подданные. Нѣкоторыя должности наслѣдственны въ семьяхъ, и сердарь не можетъ лишить имѣющихъ на нихъ право, иначе онъ глубоко оскорбитъ этимъ все племя и рискуетъ вызвать бунтъ. Множество клановъ не берутъ ни судей, ни сборщиковъ податей, назначаемыхъ сердаремъ, а управляются сами собою, сами облагаютъ себя налогами, отсылая сюзерену часть, установленную обычаемъ. Ограниченная въ такой степени ханская власть переходитъ отъ отца къ сыну, по праву старшинства въ одномъ и томъ же родѣ. Въ прежнее время сердари или главные вожди назначали правителя, а теперь англійское правительство завладѣло привилегіей назначенія; оно также удержало за собою и право контроля чрезъ назначеніе важнаго сановника резидентомъ при Кабульскомъ дворѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашло болѣе надежнымъ назначать афганца, а не англичанина на этотъ постъ, сопряженный для иностранца съ опасностью.

Когда Пешаверскій округъ и весь восточный Даманъ-и-Кохъ, между Индомъ и Сулейманъ-Дагомъ, входили въ составъ Афганистана, эмиръ былъ богатымъ человѣкомъ: доходы его превышали 50 милліоновъ франковъ; равнина ему доставляла деньги, плоскогорье поставляло ему людей [1]). Въ наше время плоскогорья должны давать все: солдатъ и подати; ежегодный доходъ казны равняется всего только пятнадцати милліонамъ. Дворъ, отличавшійся чрезмѣрной пышностью, вынужденъ былъ уменьшить свои расходы; а высшіе сановники, которые, согласно персидскому церемоніалу, не могли иначе войти во дворецъ, какъ одѣтые въ дорогія великолѣпныя одежды

[1]) Kaye „Proceedings of the Geographical Society“, april 1879.

[1]) Mountstuart Elphinstone, „Kingdom of Caubul“.

и нося оружіе съ инкрустаціями драгоцѣнныхъ камней,—отнынѣ могутъ являться во дворецъ весьма скромно одѣтыми. Податные доходы употребляются исключительно на содержаніе арміи. Хотя большинство солдатъ, командуемые вассалами, не знающими никакой субординаціи по отношенію другъ къ другу, набирается изъ племенъ, обязанныхъ отбывать воинскую повинность взамѣнъ платы податей, и хотя продовольствіе всегда даровое въ мѣстахъ, гдѣ расположены гарнизоны,—но все же военный бюджетъ весьма значителенъ, особенно много тратится на покупку и производство военныхъ снарядовъ. Въ 1879 г., когда возгорѣлась война между Афганистаномъ и Индійской имперіей, въ арсеналахъ эмира находилось 379 орудій (пушекъ) и 50.000 ружей, частью изъ англійскихъ мастерскихъ, частью сфабрикованныхъ афганскими мастерами. Военныя упражненія, руководимыя инструкторами-дезертирами британской арміи, происходятъ подъ команду на англійскомъ языкѣ.

Различныя провинціи управляются *хаукимомъ*—въ гражданскомъ отношеніи, и сердаремъ—въ военномъ. Но часто случается и такъ, что одно и то же лицо, особенно если оно принадлежитъ къ племени дурани, отправляетъ обѣ должности разомъ. Въ округахъ, обитаемыхъ кочевниками, или въ которыхъ есть небольшое число постоянныхъ деревень, губернаторъ показывается только или для сбора податей, или же для того, чтобы положить конецъ возникшимъ спорамъ. *Кази*, который его сопровождаетъ, постановляетъ судебные приговоры и назначаетъ штрафы.

Провинціи собственно Афганистана, разграниченныя главнымъ образомъ возвышенностями почвы, перечислены въ слѣдующей таблицѣ:

Провинціи.	Округа.
I. Кабулъ.	Кабулъ, верхнія долины Кабула и Логара, Даманъ-и-Кохъ.
	Горбандъ, верхнія долины Горбанда и Панджира.
	Лагманъ, прибрежныя земли рѣки Кабула между столицей и Джалалабадомъ
	Сафи и Тагао, долины Гинду-Куша между Даманъ-и-Кохомъ и Кафиристанъ.
	Джалалабадъ, нижняя долина рѣки Кабула.
	Газни, бассейнъ Газни и окрестныя горы.
II. Кандахаръ.	Кандахаръ, страна восточныхъ дурани.
	Келатъ-и-Гильзаи, Тарнака, Гулъ-Кохъ.
	Гиршкъ.
III. Сеистанъ	Фарахъ, бассейнъ Фарахъ-руда.
	Лашъ, Шаканзуръ.
IV. Гератъ.	Гератъ, средній бассейнъ Гери-руда.
	Керрукъ, верхній басейнъ Гери-руда.
	Обехъ.
	Гуріанъ, нижній Гери-рудъ.
	Зибзаваръ, бассейнъ Ардрахана.
	Шахбандъ, страна аймаковъ.
V. Страна гезареховъ.	
VI. Кафиристанъ.	Мастуджъ, Казкаръ или Читраль, Кунаръ, Бушкаръ, Панджкора (Джиундулъ), Диръ, Баджауръ

Кромѣ ханствъ Туркестана, лежащихъ къ югу отъ Оксуса, въ вассальной зависимости отъ Кабула, стоятъ, несмотря на то, что находятся въ той географической области, гдѣ русскій городъ Ташкентъ сдѣлался центромъ,—государства весьма различныя по значенію своему и по населенію, таковы: Вохавъ, Бадакшанъ, Кундузъ, Балкхъ, Андкой, Шибирканъ, Акъ-ча, Сарипуль, Маймене, Гураиванъ, Дарзабъ.

Глава III

Белуджистанъ.

I.

Страна белуджей не имѣетъ, что называется, и тѣни политической независимости. Въ дѣйствительности, она не болѣе, какъ провинція Индійской имперіи, въ настоящее время находящаяся во владѣніи англичанъ. Одна изъ самыхъ плодородныхъ ея провинцій и весьма густо населенная, пропорціонально занимаемому ею пространству, «Качи-Гандава», географически принадлежитъ къ области равнинъ, и давнымъ-давно уже англичане устроили здѣсь свои военныя квартиры. На плато, главная крѣпость Квета также занята британскимъ гарнизономъ, наблюдающимъ по одну сторону за афганскимъ городомъ Кандахаромъ, а по другую—за столицею белуджей, Келатомъ. Къ довершенію всего, въ этомъ городѣ живетъ англійскій резидентъ, дающій правителю белуджей совѣты, исходящіе отъ вице-короля Индіи и которымъ тотъ безусловно повинуется. Небольшіе порты, идущіе вдоль берега, насе-

ленные по преимуществу моряками и купцами и состоящіе подъ непосредственнымъ управленіемъ Англіи, на дѣлѣ — чистѣйшія индусскія колоніи, и трансконтинентальный телеграфъ не перестаетъ охраняться солдатами, которые получаютъ жалованье отъ правительства Калькутты. Многіе изъ англійскихъ офицеровъ, въ числѣ ихъ также и полковникъ Макъ-Грегоръ, были командированы въ Белуджистанъ, для изслѣдованія якорныхъ прибрежныхъ стоянокъ и стратегическихъ дорогъ, идущихъ отъ приморской страны по направленію къ афганскимъ плато. Тѣмъ не менѣе, въ странѣ еще осталось много неизслѣдованныхъ пространствъ, не потому, чтобъ они были недоступны, или строго охраняемы отъ любознательности путешественниковъ свирѣпыми племенами туземцевъ, а потому, что это—однообразныя пустыни, усѣянныя пескомъ, глиной, солончаками и скалами. По всей вѣроятности, долго еще эти области будутъ извѣстны только по разсказамъ туземцевъ, болѣе или менѣе согласнымъ между собою. Такъ, страна, большею частью пустынная, занимающая пространство около 70.000 квадратныхъ километровъ, къ югу отъ рѣки Гильменда до горъ Вашати или Кохъ-и-Забзъ и Зіане-Коха, считается территоріей безъ всякаго значенія и неимѣющей правителя, тогда какъ Гугъ, состоя въ естественной зависимости отъ долины, на которой Гамоенъ занимаетъ самое высшее плоскогорье [1], долженъ потому входить въ составъ Афганистана; большинство картъ изображаютъ его принадлежащимъ хану Келата. Безошибочно эту территорію можно причислить заранѣе къ вассаламъ Англіи, такъ какъ въ этой части Азіи англичане устанавливаютъ границы. Уже оффиціальная карта, набросанная въ 1872 г. на самыхъ берегахъ Гильменда, Гольдсмитомъ, проводитъ общую границу Персіи, Афганистана и Белуджистана къ Кохъ-Малакъ-и-Зіаху или къ «Горѣ Чернаго Короля», къ западу отъ Гильменда, а отъ этого пункта идетъ прямо белуджистанская граница къ большому изгибу Гильменда, ниже Рудбара. Такимъ образомъ поверхность, занимаемая Белуджистаномъ, равняется половинѣ Франціи. Но эта обширная территорія, по самымъ широкимъ вычисленіямъ, имѣетъ населеніе менѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь второстепенномъ городѣ: даже со включеніемъ провинціи Качи-Гандава, принадлежащей по своему этнографическому и географическому положенію къ Индіи, Белуджистанъ не имѣетъ и полу-милліона жителей [2].

Наиболѣе возвышенная часть ханства—та, которая граничитъ съ Афганистаномъ. Туземцы назвали ее Когистаномъ или «Страной Горъ» — названіе, принадлежащее большому числу странъ въ мусульманской Азіи. Можетъ быть, двойная вершина Такату, на границѣ афганской, къ сѣверу отъ Кветы, и есть самый возвышенный пунктъ территоріи, хотя есть вѣроятность, что другія вершины въ горной цѣпи Чигиль-Тана или «Сорока Человѣкъ», къ западу отъ Кветы, немного болѣе возвышенны: на Кохъ-и-Муранѣ или на «Змѣиной Горѣ», которая возвышается болѣе къ югу, между Мастунгомъ и Келатомъ, нѣкоторыя вершины достигаютъ, по словамъ Кука, вышины Такату, т. е. 3.650 метровъ; Калипатъ, на сѣверѣ будущей линіи желѣзной дороги, лежитъ на такой же высотѣ. Въ общемъ всѣ эти горы Брагуи, образующія восточный оплотъ плато предъ равниной Качи-Гандава, идутъ съ удивительной правильностью параллельными стѣнами по прямой линіи, направленіе которой на сѣверѣ—сѣверо-восточное, а на югѣ—юго-западное. Вырѣзанныя неровными уступами, высѣченныя пирамидами, или щетинистыми иглами, эти известковыя горы во многихъ мѣстахъ совершенно лишены растительности: только рѣдкіе лѣса можжевельника примѣшиваютъ свою блѣдную зелень къ синевѣ воздуха и къ розовымъ отблескамъ скалы, освѣщенной солнцемъ. Сообразно съ часами дня и горы мѣняютъ свой цвѣтъ и тѣни, и выступаютъ то какъ будто подъ розовымъ или фіолетовымъ покровомъ, едва замѣтныя, то подъ прозрачнымъ туманомъ, то въ видѣ вулканическихъ конусовъ, сверкающихъ краснымъ блескомъ [1]. Между параллельными хребтами открывается нѣсколько болотныхъ долинъ, когда-то наполненныхъ водами, а нынѣ осушенныхъ. Между этими долинами есть такія, которыхъ зеленѣющія луга и рощи дѣлаютъ похожими издали на чудныя альпійскія долины. Но есть также и такія, которыя, благодаря безплодію почвы, имѣютъ какой-то зловѣщій видъ: это—остатки пустынь, заключенные въ амфитеатрѣ горъ. Такова Дахтъ-и-Бедаулатъ или «Печальная Равнина», которую горы Мардаръ или «Мертваго Человѣка» отдѣляютъ отъ Кветы: дорога изъ Индіи черезъ Боланское ущелье проходитъ по этой страшной равнинѣ, гдѣ завываютъ вѣтры, поднимающіе лѣтомъ столбы пыли, а зимою снѣжные бураны. Часто путешественники погибали отъ этихъ бурь.

Равно какъ и большинство известковыхъ горныхъ хребтовъ, параллельныя гряды горъ Брагуи перерѣзаны въ промежуткахъ поперечными разсѣлинами, на днѣ которыхъ текутъ постоянные или временные потоки, спускаясь изъ долины въ долину. Многія разсѣлины, въ которыхъ текутъ воды, представляютъ рядъ изломанныхъ линій, съ острыми углами, пра-

[1] „The Country of Balochistan“, London, 1877.

[2] Пространство и населеніе Белуджистана по Бему и *Вагнеру: 276.500 квадратн.* километровъ, 350.000 *жителей, 1,3 жит. на квадр.* километръ.

[1] Richard Temple, „Proceedings of the Geographical Society“, sept. 1880.

вильности почти геометрической. Воды, во время сезона дождей, попеременно изливаются сначала въ перпендикулярную долину, а потомъ впадаютъ въ прямолинейную клюзу, при выходѣ изъ которой принимаютъ вновь свое правильное теченіе между двумя параллельными гребнями горъ. Въ этой странѣ, гдѣ недавно еще не было никакихъ искусственныхъ путей, единственными дорогами были такія, которыя слѣдовали за этими потоками, прорывая почву уступами. Но дороги эти были проходимы только во время сезона засухъ или средняго уровня воды, когда потокъ не наполнялъ разсѣлину клюзъ. Одиннадцать подобныхъ дорогъ соединяютъ плато Келата съ равниной Качи-Гандава, но всѣ онѣ еще не были изслѣдованы европейцами. Самая доступная изъ этихъ дорогъ—Милохъ или Мула. Начинаясь у оазиса Гандавы, тропинка эта идетъ вверхъ по постепенной отлогости, гораздо меньшей, чѣмъ бываютъ на многихъ большихъ дорогахъ, и, обогнувъ къ югу цѣпь высокихъ горъ, достигаетъ Джалаванскаго плато; но эта дорога очень длинна и достигаетъ плато только на самомъ югѣ столицы ханства. Дорога горъ Брагуи, повидимому, чаще другихъ посѣщавшаяся въ теченіе всего историческаго періода, есть та самая, которая, по выходѣ изъ Дадарскаго оазиса, на сѣверной оконечности Качи-Гандавы, проникаетъ въ Боланскія ущелья и поднимается по этому длинному ущелью до «Печальной Равнины». Англійскія войска часто занимали этотъ проходъ во время своихъ вторженій въ Афганистанъ, и ихъ инженеры превратили прежнюю выбоистую дорогу, прерываемую то тутъ, то тамъ потоками, въ превосходную, удобную для ѣзды въ экипажахъ дорогу, по которой двигаются артиллерійскіе обозы. Но Боланскій проходъ нынѣ оставленъ большинствомъ путешественниковъ: главный торговый пунктъ, между Шикарпуромъ и Кандахаромъ—тотъ, который примыкаетъ къ желѣзной дорогѣ, уже доведенной до сѣверной стороны Сиби, въ долинѣ Харнаи, на высотѣ около 900 метровъ.

Самая возвышенная часть цоколя плато, по которой тянутся различныя цѣпи горъ Брагуи, это именно та, гдѣ построенъ Келатъ, столица Белуджистана. Такимъ образомъ, какъ указываетъ расхожденіе рѣкъ, текущихъ съ этого хребта въ разныя стороны и затѣмъ исчезающихъ въ пустыняхъ или орошенныхъ поляхъ, приходится спускаться съ плато Келата въ любомъ направленіи: именно это подтвердилъ уже Поттингеръ въ своемъ путешествіи, предпринятомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія [1]). Высота, на которой лежитъ Келатъ, 2.050 метровъ, можетъ сравниваться съ весьма немногими вершинами различныхъ горныхъ хребтовъ, расположенныхъ къ югу отъ горъ Брагуи. Параллельные отроги горъ, которые начинаются за Мульскимъ проходомъ и тянутся, почти безъ уклоненія, въ направленіи отъ сѣвера къ югу, составляютъ, по истинѣ, одну изъ наиболѣе очерченныхъ естественныхъ границъ и раздѣляютъ, подобно стѣнѣ, высокія мѣстности Белуджистана отъ равнинъ Синда. Но онѣ служатъ границею между двумя странами не столько вслѣдствіе своей высоты, сколько по недостатку воды, а слѣдовательно и по своей пустынности. Въ горахъ Киртара или Гала есть только одинъ, измѣренный пикъ, превышающій 2.100 метровъ; большинство же высокихъ вершинъ имѣютъ отъ 1.500 до 1.800 метровъ надъ Индомъ и превышаютъ только на нѣсколько сотенъ метровъ поверхность плато, простирающихся къ западу. Нигдѣ эти горы не представляютъ трудности для прохода. Подобно высотамъ Брагуи, онѣ пересѣкаются лощинами, берущими свое начало на белуджистанскомъ плато. Слѣдуя по руслу потоковъ, можно вполнѣ перейти весь горный хребетъ, не взбираясь ни на одну гору. Такъ точно въ Испаніи спускаются изъ Манча въ долину Гвадалквивира, не поднимаясь на Сіерра-Морену.

Къ западу отъ Киртара плато Белуджистана спускается ступенями къ Аравійскому морю. Выпуклость горъ, отдѣляющихся отъ горнаго хребта Келата и направляющихся къ юго-западу, образуетъ раздѣльную линію между бассейномъ Мешкида и морскимъ склономъ, обращеннымъ къ югу. Многочисленные отроги горъ, идущіе по прямой линіи, большею частью отъ востока къ западу, и всѣ болѣе возвышенные и болѣе скалистые съ южной стороны, чѣмъ съ сѣверной, обозначаютъ ступени громадной лѣстницы. Но если не принимать въ разсчетъ тысячи отдѣльныхъ неправильностей, въ общемъ южное плато состоитъ изъ трехъ ступеней. Самая высшая изъ нихъ имѣетъ 1.200 метровъ средней высоты, вторая—600 метровъ, а третья, идущая вдоль прибрежья, лежитъ лишь на нѣсколько десятковъ метровъ надъ уровнемъ волнъ. Почти всѣ возвышенности, отдѣляющія эти ступени, перерѣзаны клюзами или широкими проходами, такъ что караваны людей и верблюдовъ могутъ проходить по странѣ во всѣхъ направленіяхъ, не имѣя надобности прокладывать дороги.

Морской берегъ Белуджистана, извѣстный подъ названіемъ Мекранскаго, идетъ отъ востока къ западу, параллельно внутреннимъ хребтамъ, но съ многочисленными извилинами. Песчаныя скалы или глинистыя земли прибрежья, изрѣзаннаго ударами волнъ на крутые утесы, отъ 100 до 120 метровъ высотой, которые не перестаютъ отодвигаться передъ волнами,—однообразно слѣдуютъ другъ за другомъ и отдѣляются однѣ отъ другихъ залива-

[1]) „Travels in Belootchistan and Sinde“.

ми съ правильными очертаніями, гдѣ зыбь складываетъ песокъ, унесенный съ сосѣднихъ мысовъ. Мало такихъ береговъ по всей окружности материковъ, гдѣ бы можно было изучать болѣе разительные примѣры островныхъ массивовъ, связанныхъ съ континентомъ песчаными перешейками. Полуостровъ Гвадаръ и полуостровъ Ормарскій, выдвигающіеся въ море въ видѣ молотка, ограниченнаго справа и слѣва водяными поверхностями, представляющими форму правильнаго полукруга,—имѣютъ аналогичный видъ съ полуостровомъ Гіенскимъ и съ другими островами, соединенными съ твердой землей песчаными наносами. Но кажется, что белуджистанское прибрежье значительно поднялось со времени образованія этихъ перешейковъ, которыхъ уровень нынѣ гораздо выше уровня плоскихъ песчаныхъ береговъ. Одно изъ двухъ: или морской берегъ поднялся, что допускаетъ большинство геологовъ, или же море отодвинулось отъ береговъ. Несмотря на эти извилины прибрежья, белуджистанскій морской берегъ совсѣмъ не представляетъ удобныхъ убѣжищъ для большихъ кораблей. По всей непосредственной близости морскаго берега воды не глубоки, и только на разстояніе трехъ-четырехъ километровъ отъ берега могутъ подходить большіе военные корабли. Во все время, когда дуетъ юго-западный муссонъ между мартомъ и сентябремъ, почти невозможно сдѣлать попытки къ высадкѣ войскъ, по причинѣ страшной силы морскаго прибоя. Даже во время ясной погоды, т. е. зимой, грозные буруны препятствуютъ свободному сообщенію съ другими странами [1]). Морское дно, состоящее изъ глины, подобно равнинамъ прибрежья, спускается отлого въ сторону открытаго моря; но въ томъ мѣстѣ, гдѣ лотъ показываетъ глубину воды отъ 40 до 50 метровъ, паденіе становится рѣзкимъ, по направленію къ безднѣ Индійскаго океана: подводныя скалы имѣютъ отъ шести до семи сотъ метровъ въ вышину [2]).

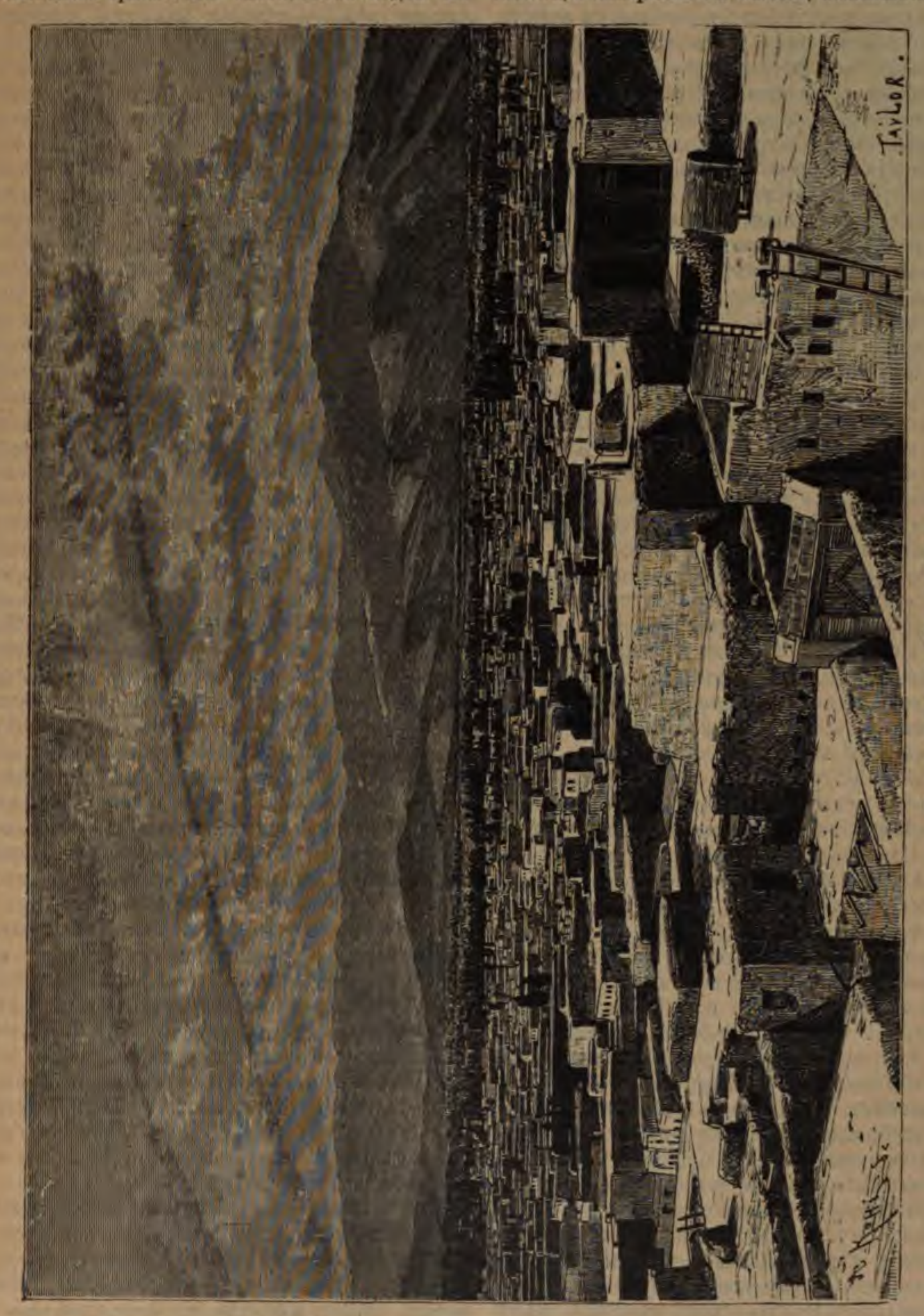
Подобно островамъ Рамри и Чедуба въ англійскомъ Индо-Китаѣ, белуджистанскіе морскіе берега усѣяны подземными горнами, въ которыхъ кипящія воды заставляютъ клокотать глину. По крайней мѣрѣ восемнадцать грязныхъ вулкановъ высятся въ различныхъ частяхъ Мекрана; во многихъ мѣстахъ морскаго прибрежья, они составляютъ главныя черты пейзажа. Въ провинціи Ласа, пограничной съ Индустаномъ, семь подобныхъ конусовъ идутъ параллельно морскому берегу: легенда изображаетъ ихъ остатками богини Дурга, разрѣзанной на куски; индусскіе богомольцы, которые ихъ посѣщаютъ, совершаютъ свои гаданія надъ кипящимъ иломъ [1]). Близъ рѣки Пора или Пури, къ западу отъ порта Суміани, одинъ изъ этихъ вулкановъ съ горячимъ иломъ, стоящій совершенно изолированно среди равнины, имѣетъ болѣе 120 метровъ высоты, а вершина его имѣетъ 150 метровъ въ окружности: это—Раджъ-Рамъ-Чандеръ или Чандеръ-Купъ. Вершины этихъ холмовъ пробуравлены кратерами, изъ которыхъ медленно течетъ илъ, а иногда выбрасываются струи воды, которыя затѣмъ падаютъ на склоны и изрѣзываютъ ихъ въ разнообразныя лощины. Вода, смѣшанная съ грязью, выбрасываемая изъ кратеровъ, всегда соленая. По словамъ туземцевъ, изверженія происходятъ только во время морскихъ приливовъ. Вулканы они называютъ также Дарія-Чамъ «Глаза Моря» [2]). Вулканы, у которыхъ кратеры закрылись, перестали быть въ сообщеніи съ океаномъ. Можетъ быть, и холмы глины, размытые дождями, которые высятся въ разныхъ мѣстахъ морскаго берега,—также остатки древнихъ изверженій.

Белуджистанъ принадлежитъ къ наиболѣе сухимъ странамъ Азіи, хотя юго-западный муссонъ и достигаетъ его, а уступы содѣйствуютъ хорошему орошенію земель. Они слѣдуютъ другъ за другомъ съ юга на сѣверъ, и наиболѣе возвышенная часть страны находится въ сѣверо-восточномъ углу плато, такъ что всѣ облака воздушнаго теченія ниже 2.000 метровъ должны разрываться о шероховатости почвы и изливаться на одну изъ террасъ Белуджистана. Дѣйствительно, во время лѣта, бываютъ сильные ливни, и одинъ изъ проходовъ главной дороги ханства, къ югу отъ Коздара, носитъ названіе «Дождливаго Ущелья». Нѣкоторые изъ закрытыхъ бассейновъ, равно какъ и долины, находящіяся между двумя хребтами параллельныхъ горъ, превращаются, въ періодъ дождей, во временныя озера; но подобныя явленія рѣдки. Муссонъ, достигающій береговъ Белуджистана, постепенно высыхаетъ, переходя въ пустыни южной Аравіи. Онъ приноситъ весьма незначительную часть влаги, недостаточную для питанія рѣкъ и для того, чтобы постоянно поддерживать ихъ теченіе вплоть до моря. Влага эта настолько незначительна, что не можетъ даже обезпечивать постояннаго наполненія большихъ колодцевъ. Земледѣльцы индусской расы, обитающіе въ оазисахъ Белуджистана, по примѣру иранцевъ, вырыли карезы или подземные акведуки въ нѣкоторыхъ наиболѣе плодородныхъ долинахъ, но собственно белуджистанцы не умѣютъ даже и содержать этихъ каналовъ [3]): почти всѣ земледѣльцы пользуются только водами *нуди* или

[1]) Mac Gregor, „Wanderings in Balochistan".
[2]) A. W. Stiffe, „Quarterly Journal of the Geological Society", *1874, vol.* XXX, № 177.

[1]) Goldsmid, „Journal of the Geographical Society", 1863.
[2]) Hilt, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", IX, 1840;—Goldsmid;—Mac Gregor.
[3]) Miles, „Journal of the Geographical Society", 1874.

дождевыми потоками. Въ Белуджистанской странѣ не худо брать съ собою запасъ чистой воды, изъ боязни встрѣтить только лужи, наполненныя грязью или солоноватой водой. Но



Гамаданъ и Ельвендъ.

видъ самой почвы, повидимому, указываетъ на то, что проточныя воды орошали, въ былое время, страну гораздо обильнѣе. Слѣды прежнихъ наводненій, даже береговъ и покинутыхъ руслъ рѣкъ виднѣются въ долинахъ, нынѣ совершенно высохшихъ. Многіе глинистые холмы, прежде омываемые рѣчной водой, сохранили вокругъ своихъ подошвъ вырѣзки, подмытыя потокомъ, и завершаются массой, возвышающеюся надъ этой кругообразной выемкой: можно подумать, что это—исполинскіе грибы [1]). Измѣренія, произведенныя близъ морскаго при-

[1]) Mac Gregor, цитированное сочиненіе.

брежья, доказали, что въ нѣдрахъ земли текутъ водяные потоки [1]).

Белуджистанскія рѣки, спускающіяся прямо къ Аравійскому морю, текутъ большею частью перпендикулярно къ морскому берегу и имѣютъ узкій бассейнъ; даже и въ странѣ дождливой онѣ имѣли бы слабое теченіе. Дахта или «Рѣка Равнины», которая направляется къ прибрежью, въ близкомъ сосѣдствѣ съ персидской границей, имѣетъ большее количество воды, нежели другія прибрежныя рѣки, потому что верхнее ея теченіе слѣдуетъ по одному изъ плоскогорій, открывающихся между двумя уступами, параллельными съ морскимъ берегомъ, вслѣдствіе чего бассейнъ ея значительно увеличивается. Но тѣмъ не менѣе, теченіе ея не достигаетъ моря въ продолженіе цѣлой половины года: путешественники проходятъ по песчаной мели, перерѣзывающей устье рѣки. Рѣка Мешкидъ, принадлежащая къ закрытому сѣверо-западному бассейну Белуджистана, можетъ считаться одною изъ самыхъ обильныхъ водою рѣкъ въ странѣ. Большинство ея верхнихъ притоковъ берутъ свое начало въ Персіи, съ странѣ Сархадъ или «Холода», и текутъ къ юго-востоку, какъ бы для того, чтобъ ринуться въ Аравійское море. Соединившись при входѣ своемъ въ Белуджистанъ, на югѣ Зіанехъ-Коха, эти текущія потоками воды направляются къ востоку, на встрѣчу Ракшану, текущему изъ страны Панджгуръ; затѣмъ снова бросаются назадъ къ сѣверу, чтобъ перейдти клюзы, отдѣляющія Зіанехъ-Кохъ отъ Кохъ-и-Забса, голаго гребня скалъ, ни мало не заслуживающаго своего названія «Зеленой Горы». Весьма опасно проходить по этимъ «тѣснинамъ», гдѣ бушующія воды Мешкида часто прыгаютъ съ утеса на утесъ. Наводненія особенно грозны въ этой странѣ, гдѣ почва состоитъ исключительно изъ твердыхъ известковыхъ камней или непроницаемой глины: тамъ, гдѣ волны, во время половодья, сдавливаются между стѣнами, чрезъ которыя онѣ не могутъ переступить, онѣ внезапно вздуваются отъ всей дождевой воды, приносимой притоками и боковыми лощинами. «Не останавливайся въ руслѣ Мешкида—говоритъ поговорка, которую повторяютъ путешественники, — не останавливайся даже для того, чтобъ завязать ремень твоего сапога». Но въ обыкновенное время Мешкидъ, высасываемый сухимъ воздухомъ долины, перестаетъ даже существовать; при выходѣ клюзъ изъ Кохъ-и-Забса, тамъ, гдѣ русло его принимаетъ направленіе сѣверо-западное, совершенно противоположное направленію верхнихъ притоковъ, только нѣсколько лужъ въ пескѣ свидѣтельствуютъ о недавнемъ теченіи рѣки. Въ 1810 г., когда Поттингеръ посѣтилъ эту страну, онъ спустился въ русло Мешкида и прошелъ пространство въ нѣсколько километровъ. Не будучи знакомъ съ географіей этого края, тогда еще неизслѣдованнаго, онъ разсчитывалъ подняться къ истоку рѣки, — до такой степени легко ошибиться, идя среди песковъ, вздымаемыхъ вѣтромъ. Если бъ деревца изъ породы гребенщиковъ (Tamaris) не шли вдоль береговъ рѣки, во многихъ мѣстахъ нельзя было бы распознать, что находишься посреди рѣчнаго русла.

Мешкидъ никогда не доноситъ своихъ обильныхъ водъ вплоть до плоскогорья Сеистана, какъ это до сихъ поръ изображается на нѣкоторыхъ картахъ, на основаніи разсказовъ первыхъ европейскихъ изслѣдователей страны. Даже высокій горный хребетъ граничитъ на югѣ съ полукруглымъ бассейномъ, занятымъ болотами, травянистыми пространствами и солончаками, замѣнившими прежнее озеро. Хамоенъ или топь, въ которой исчезаютъ воды Мешкида во время половодья, занимаетъ центральную часть Хоранскихъ пустынь, между 28° и 29° широты. Макъ-Грегоръ прошелъ вдоль его восточнаго берега, но не могъ въ точности узнать, было ли лучезарное пространство, видѣнное имъ на западѣ, водяная плоскость или только миражъ. Нигдѣ не встрѣчалъ онъ такого множества тростника, какъ на озерахъ Сеистана; но тамъ и сямъ рощицы гребенщика (Tamaris) обозначаютъ берегъ. Свойство почвы, окружающей Хамоенъ и Мешкидъ, доказываетъ, что тамъ такъ же, какъ и на озерахъ Сеистана, горизонтальность мѣстности имѣетъ слѣдствіемъ частое перемѣщеніе водянаго пространства—прѣсноводнаго бассейна, если онъ образовался отъ недавняго наводненія рѣки, или же резервуара солоноватой или соленой воды, если она долго застоялась на одномъ мѣстѣ. Въ то время, какъ одна часть равнины плодородна, хотя и рѣдко обрабатывается, другія пространства, изъ которыхъ вода совершенно испарилась, покрыты соляными пластами, въ нѣсколько дециметровъ толщиной, которые, проходящими мимо караванами, снимаются для продажи въ сосѣднія страны. Къ западу отъ Хамоена и Мешкида тянется, по словамъ туземцевъ, другая топь Кинди или Талахъ, которая принимаетъ въ себя южныя воды бассейна. Наконецъ, на сѣверо-востокѣ Белуджистана, рѣки Хоравакъ, Лора также теряются въ Хамоенѣ среди пустыни.

По разсказамъ Макъ-Грегора, чрезъ пустыню Харанъ гораздо легче пройти, чѣмъ по многимъ песчанымъ пустынямъ Персіи, или по безводнымъ странамъ Аравіи и Африки. Караванамъ хорошо извѣстно, что на каждой дорогѣ есть свои мѣста для отдыха, заранѣе обозначенныя проводниками; всюду можно разсчитывать, по крайней мѣрѣ, на одинъ колодезь въ день солоноватой воды и на нѣсколько пучковъ растеній для верблюдовъ. Но есть такія мѣста

[1]) Barns, „Journal of the Geographical Society", 1867.

въ пустынѣ, которыхъ путешественники тщательно избѣгаютъ, и гдѣ смерть была бы неизбѣжной для нихъ, если бъ они были застигнуты самумомъ, «ядовитымъ» или «огненнымъ» вѣтромъ. Въ этихъ пустыняхъ, дюны перекатываются подобно волнамъ, и почти невозможно продолжать путь по почвѣ, которая обрушивается подъ ногами, и въ облакѣ пыли, вздымаемомъ вѣтромъ. Иногда воздухъ бываетъ тихъ, но онъ наполненъ песчанымъ туманомъ, который затрудняетъ дыханіе. Это явленіе еще не объяснено, но белуджистанцы говорятъ, что оно происходитъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей на мелкую песчаную пыль. Въ восточной части пустыни, Поттингеру пришлось проходить, въ продолженіе пяти сутокъ, по странѣ дюнъ, поднимавшихся, въ среднемъ, только на высоту отъ 3-хъ до 6-ти метровъ, и всѣ онѣ слѣдовали другъ за другомъ по направленію отъ запада къ востоку, т. е. по направленію господствующаго вѣтра въ этихъ мѣстахъ. Дюны, образовавшіяся не изъ крупнаго песку, бѣлаго или желтоватаго, но изъ мелкой красноватой пыли, изъ осколковъ глины и песчаника, имѣютъ длинную отлогость, обращенную къ западу, откуда дуетъ вѣтеръ; крутизна же обвала, который подвигается впередъ болѣе или менѣе быстро, слѣдуя силѣ атмосферическаго теченія, наклонена къ востоку. Когда верблюдамъ приходится переходить чрезъ это море пыли, на пути изъ Мешкида, они взбираются на западную отлогость дюны и сползаютъ на колѣнахъ съ вершины къ подошвѣ восточнаго обвала [1]). На сѣверѣ Хамоена и Мешкида, Макъ-Грегоръ обогнулъ множество дюнъ различной формаціи, идя, подъ вліяніемъ мѣстнаго вѣтра, въ другомъ направленіи, отъ сѣвера къ югу. Нѣкоторые изъ этихъ пригорковъ достигаютъ до двадцати метровъ надъ уровнемъ равнины, и всѣ они расположены съ удивительной правильностью, въ видѣ полумѣсяца, обращеннаго своею длинною внѣшнею отлогостью къ сѣверу, а крутизною обвала—къ югу; въ полукружіи, защищенномъ двумя выдвинутыми впередъ рогами, могъ бы помѣститься цѣлый полкъ [2]). Наконецъ, на границахъ Афганистана, пески и глинистая пыль изобилуютъ особенно въ направленіи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку [3]). Нельзя ли было бы допустить гипотезу, что на белуджистанскихъ плато, такъ же, какъ и въ равнинахъ Тара индійскаго, форма и расположеніе дюнъ зависятъ, въ нѣкоторой степени, отъ колебаній почвы?

Белуджистанъ, благодаря нагроможденію и расположенію своихъ террасъ, принадлежитъ къ числу такихъ странъ, гдѣ, на небольшомъ сравнительно пространствѣ, мѣстныя климатическія условія представляютъ наиболѣе рѣзкіе контрасты. Въ глинистыхъ или каменистыхъ бассейнахъ приморской страны, равно какъ и въ равнинѣ Качи-Гандавы, у подошвы горъ Брагуи, сколько встрѣчается мѣстностей, вошедшихъ въ пословицу, сравниваемыхъ съ адомъ, по причинѣ нестерпимаго жара, который приходится тамъ выносить! А на плато, лежащихъ на высотѣ болѣе 2.000 метровъ, сколько открытыхъ пространствъ, гдѣ путешественники подвергаются страшной силѣ холодныхъ вѣтровъ и рискуютъ быть заживо погребенными подъ грудами снѣга! Весьма естественно, что растительность представляетъ контрасты, соотвѣтствующіе климату. Какъ въ равнинахъ, такъ и на плато, мало мѣстностей, гдѣ бы виднѣлись настоящіе лѣса. Въ Белуджистанѣ нѣтъ совсѣмъ большихъ деревьевъ: тѣ, которыя превышаютъ 8 или 10 метровъ, считаются гигантами растительнаго царства. На покатостяхъ горъ растутъ нѣкоторыя породы можжевельника и гаппуръ (*zizyphus jujuba*): дерево это весьма цѣнится для построекъ. Въ долинахъ хижины окружены чинарами, тутовыми, тамариндовыми деревьями и синецвѣтнымъ ясенемъ (mélias azédarach); ивы растутъ по берегамъ ручьевъ. Почти всѣ фруктовыя деревья, которыхъ родина Передняя Азія, произрастаютъ въ изобиліи въ Белуджистанѣ, какъ-то: абрикосовыя, персиковыя, грушевыя, яблонныя, сливовыя, гранатовыя, миндальныя, орѣховыя, фиговыя деревья и виноградъ; манговыя и фиговыя деревья, растущія въ равнинахъ, даютъ превосходные плоды. Въ жаркихъ мѣстностяхъ страны чаще всего встрѣчается растеніе pich (chamaerops ritchiana), нѣчто въ родѣ крошечной пальмы, ползучіе корни котораго стелятся на 4—5 метровъ въ землѣ. Это растеніе такъ же полезно белуджистанцамъ, какъ восточный бамбукъ бирманамъ: плоды его и молодые побѣги употребляютъ въ пищу, и кромѣ того изъ него выдѣлываютъ трутъ, веревки, сандаліи и особенно цыновки, которыя въ большомъ употребленіи [1]).

На соотвѣтствующихъ высотахъ фауна Белуджистана, мало извѣстная до изслѣдованій Сенъ-Джона, ничѣмъ не отличается отъ фауны афганскихъ плато, равнинъ Гильменда и Инда. Невѣрно еще недавно распространенное мнѣніе, что левъ, такъ рѣдко попадающійся въ Индіи, водится до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ странахъ Белуджистанскаго края; но леопарды встрѣчаются здѣсь часто, также гіены, волки, кабаны, равно какъ и одинъ видъ чернаго медвѣдя, питающагося корнями деревъ. Серны часто попадаются по сосѣдству пустыни, а та-

[1]) Pottinger; — Carl Ritter, „Asien, Iran“.
[2]) „Wanderings in Balochistan“.
[3]) Griesbach, „Memoirs of the Geological Survey of India“, vol. XVIII, part 1. 1881.

[1]) Mac Gregor, цитированное сочиненіе; — Floyer, „Unexplored Baluchistan“.

буны дикихъ ословъ днемъ скрываются въ пустыняхъ, гдѣ нѣтъ ни воды, ни растительности. Громадный ягнятникъ, похожій на альпійскаго, паритъ высоко надъ плато, но онъ никогда не встрѣчается близъ морскаго берега, или на высотѣ менѣе 1.200 метровъ. Сорока, столь извѣстная въ Европѣ, встрѣчается только въ одной мѣстности Белуджистана, въ Келатѣ. Но есть также нѣсколько породъ птицъ, свойственныхъ только одному Белуджистану: такова прелестная нектаринія, блестящая всѣми цвѣтами радуги [1]). Ящерица *uromastix*, которую издали можно принять за свернувшагося въ комокъ у входа въ свою нору кролика, гнѣздится въ пескѣ. Персы называютъ ее «козьимъ сосуномъ», предполагая, что она блеетъ подобно козленку, чтобы призвать козу и сосать ее. По словамъ Милеса, въ верхнемъ Дахтѣ водятся крокодилы. Заливы Мекрана изобилуютъ рыбой. Сенъ-Джонъ предполагаетъ, что названіе Мекрана произошло отъ словъ Моги-Коранъ, что значитъ «Рыбоѣды». Жители приморскаго берега, по истинѣ, заслуживаютъ названіе рыбоядныхъ, которое имъ дали также и спутники Александра.

II.

Белуджистанцы, которыхъ названіе присвоено ханству Келата, равно какъ и всей юго-восточной Персіи, не составляютъ господствующаго населенія Белуджистана, и, по всей вѣроятности, за предѣлами ханства, въ Персіи, въ индійской провинціи Синда и въ Раджастанѣ, находится наибольшее число представителей этой расы, въ видѣ цѣлыхъ племенъ, или разсѣянныхъ группъ. Белуджистанъ—страна гористая и безплодная, одна изъ такихъ странъ, которая наиболѣе содѣйствуетъ эмиграціонному движенію въ Индію. Обыкновенно белуджистанцевъ причисляютъ къ арійцамъ и дѣлаютъ ихъ братьями персовъ, происшедшихъ отъ туземцевъ, совращенныхъ въ исламъ, въ эпоху Абассидовъ [2]). Весьма вѣроятно, что, по крайней мѣрѣ часть белуджистанцевъ не принадлежитъ къ туземцамъ страны: белуджистанцы съ афганской границы, судя по чертамъ ихъ лица, очевидно, омонголились и чрезвычайно походятъ на киргизовъ [3]). Единогласныя преданія называютъ западную Азію родиной другихъ белуджистанскихъ племенъ, равно какъ и племенъ Брагуи [4]); ихъ считаютъ пришедшими изъ Сиріи или съ Аравійскаго полуострова, во время пророка—по словамъ однихъ, и гораздо позднѣе—по словамъ другихъ. Различныя аравійскія племена окрестностей Дамаска и Алеппо носятъ тѣ же названія, какъ и белуджистанскіе кланы Мекрана и Качи-Гандавы [1]). Впрочемъ, большинство белуджистанцевъ не кажутся пришельцами между арабами. За исключеніемъ развѣ только жителей плато, всѣ они очень смуглы, отличаются проницательнымъ взглядомъ, высокимъ лбомъ, продолговатымъ лицомъ, густыми волосами и бородой. Они худощавы, весьма подвижны, искусны во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ; они могли бы быть превосходными бедуинами въ сирійскихъ пустыняхъ; множество изъ нихъ занимаются разбоемъ. Языкъ белуджистанцевъ имѣетъ большое сходство съ новѣйшимъ персидскимъ языкомъ, но только всѣ слова въ немъ искажены, благодаря странному произношенію, совсѣмъ не похожему на иранское. Выраженія относительно религіи заимствованы у арабовъ, а слова, употребляемыя въ торговлѣ и ремеслахъ, взяты изъ индусскихъ нарѣчій. Нѣсколько пѣсенъ, разсказовъ о военныхъ подвигахъ, повторяемыхъ по памяти бродячими пѣвцами, составляютъ всю ихъ національную литературу. Разговорный языкъ, употребляемый при дворѣ,—ихъ собственный, а письменный—персидскій.

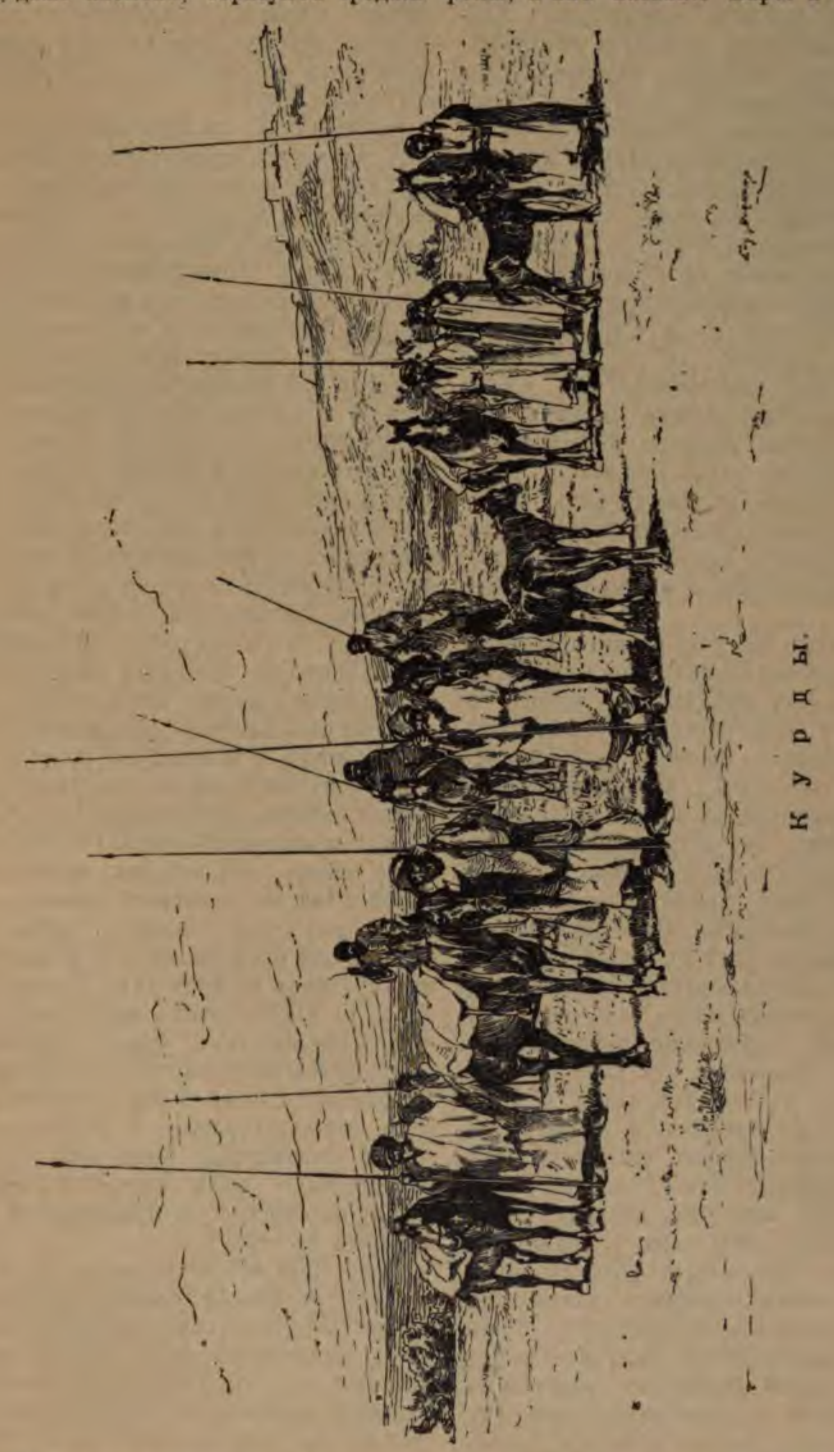
По религіи белуджистанцы—магометане-сунниты; только на персидской границѣ нѣсколько клановъ стали шіитами, и они считаются заклятыми врагами всей націи. Въ прежнее время для перса-шіита было гораздо опаснѣе проходить по Белуджистану, нежели для христіанина [2]). Подобно афганцамъ, белуджистанцы дѣлятся на множества кейлей, которые иногда перемѣняютъ свое названіе, равно какъ и мѣсто жительства: называютъ ихъ или по ихъ предкамъ, или по провинціи, въ которой они живутъ, или же сообразно ихъ нравамъ, или по какой-нибудь выдающейся чертѣ ихъ исторіи. Терминологія племенъ различна почти у всѣхъ путешественниковъ, но крупныя дѣленія племенъ соотвѣтствуютъ географическимъ областямъ. Белуджистанцы гористыхъ земель называются всѣ вообще паруи, а живущіе въ низменной равнинѣ, въ Качи—гандавъ-риндами или «храбрыми», а также магзами или могази; но эти могутъ уже считаться принадлежащими къ отдѣльной націи, вслѣдствіе смѣшеній и отличія въ нравахъ. Они ужь болѣе не говорятъ по-белуджистански, а на нарѣчіи джатки, образовавшемся изъ синдскаго, на которомъ говоритъ огромная масса джатовъ земледѣльцевъ. Между белуджистанцами одни живутъ въ геданахъ, или войлочныхъ юртахъ, а другіе строятъ себѣ хижины, или помѣщаются даже въ землянкахъ изъ битой глины. Во

[1]) Blanford, „Eastern Persia", vol. II, „Zoology and Geology".
[2]) Spiegel, „Eran".
[3]) Nicolas de Khanikov, „Tour du Monde", 1861.
[4]) Hara, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1841.

[1]) Emil Schlagintweit, „Ausland". 1876; — H. Green, „Journal Officiel", 23 fevrier 1877.
[2]) H. Pottinger, „Travels in Beloochistan and Sinde".

многихъ мѣстахъ одна и та же группа семей имѣетъ всѣ три рода жилищъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ плато, браки и смѣшенія перемѣшали расы, и многочисленныя семьи, даже племена, образуютъ средній классъ между белуджистанцами и брагуями. Послѣдніе вполнѣ владѣютъ центральной частью Белуджистана, особенно въ провинціяхъ Саравана и Джалавана. Территорія, заселенная белуджистанцами, разстилается полукругомъ къ западу, къ сѣверу и къ сѣверо-востоку страны, которая могла бы быть смѣло названа «Брагуистаномъ». По изслѣдованіямъ Массона, брагуи проникли въ страну съ западной стороны, и ихъ названіе Барог-и («Пришедшіе изъ пустыни») указываетъ на ихъ западное происхожденіе [1]; наиболѣе чистокровное племя—мирвари, обитающее на границахъ Ка-



Курды.

[1]) „Journey to Kalat“.

ранской пустыни. Но, судя по занимаемой ими центральной части плато, можно думать, что они туземцы, или, по крайней мѣрѣ, племена, гораздо раньше другихъ поселившіяся въ этой области иранскаго плато: они, по всей вѣроятности, потомки гедріевъ, встрѣченныхъ Александромъ. Языкъ ихъ не имѣетъ ничего общаго съ языкомъ сосѣднихъ народовъ, хотя въ него и вошло большое количество словъ персидскихъ и нѣсколько терминовъ индусскаго языка и пукту; но основное нарѣчіе представляетъ такое поразительное сходство съ языкомъ дравидійскихъ народовъ, что ихъ слѣдуетъ причислить къ одной семьѣ. Наиболѣе сильное сходство языкъ брагуевъ имѣетъ съ языкомъ гондовъ, обитающихъ въ гористыхъ странахъ центральной Индіи. Судя по языку, отъ котораго, впрочемъ, не сохранилось ни одного памятника письменности [1], весьма вѣроятно, что брагуи—потомки древнихъ дравидійскихъ народовъ, которые до пришествія арійцевъ занимали весь Гангесскій полуостровъ, часть Ирана и, можетъ быть, соединились съ народами урало-алтайской вѣтви: нашествіе иранскихъ завоевателей отбросило ихъ въ гористыя страны и изолировало другъ отъ друга [2].

Физическій видъ брагуевъ оправдываетъ эту гипотезу филологовъ. Не походя ни на персовъ, ни на арабовъ, они имѣютъ лицо вообще гораздо круглѣе и болѣе плоское, чѣмъ белуджистанцы, тѣлосложеніе плотное, кости гораздо крѣпче и короче, чѣмъ у вышеупомянутыхъ народовъ; особенно смугла у нихъ кожа: между брагуями совсѣмъ не встрѣчаются свѣтлорусые, какъ между белуджистанцами. Не менѣе гостепріимные, чѣмъ другіе народы плато, брагуи гораздо правдивѣе, менѣе склонны къ мщенію, къ жестокости и къ алчности, составляющей одинъ изъ главныхъ пороковъ белуджистанцевъ, имѣющихъ всегда видъ «озабоченный и голодный». Чрезвычайно трудолюбивые, брагуи рѣдко отрываются отъ работъ, чтобъ принять участіе въ войнахъ клана, и когда возгораются распри, они легко позволяютъ уговорить себя своимъ женамъ заключить миръ. Женщины пользуются у нихъ большимъ уваженіемъ, и если бъ хоть одна изъ нихъ была убита въ сраженіи, тогда даже и враждебная партія брагуевъ считала бы это общественнымъ горемъ. Эти племена допускаютъ своихъ сыновей и дочерей выбирать себѣ супругу и супруга, тогда какъ у благородныхъ белуджистанцевъ сынъ, объявленный женихомъ родителями, не пользуется даже правомъ видѣть свою будущую жену. У нихъ простое обѣщаніе, данное взаимно семьями, считается обязательствомъ чести. Въ случаѣ, если женихъ умретъ раньше совершенія свадебнаго обряда, его немедленно замѣняютъ младшимъ братомъ [1]. Въ странѣ брагуевъ, холмы или *tcheda* на гробницахъ умершихъ воздвигаются по сторонамъ дороги, а каменные круги или *tchap* служатъ напоминаніемъ о бракахъ, заключенныхъ у кочевыхъ племенъ: чурбанъ, поставленный посреди круга, указываетъ на мѣсто, гдѣ стоялъ музыкантъ на свадебномъ пиру [2].

Подчиненные въ политическомъ отношеніи белуджистанцамъ и брагуямъ, жители деревень и городовъ, извѣстные подъ обычнымъ названіемъ деваровъ или дехановъ, т. е. «мужиковъ», на самомъ дѣлѣ такіе же таджики, какіе живутъ въ афганскихъ и туркестанскихъ городахъ: они говорятъ по-персидски, и ихъ физическій типъ ничѣмъ не отличается отъ того типа, какой имѣютъ ихъ братья той же расы. Весьма миролюбивые, они никогда не протестуютъ противъ насилій и злоупотребленій властью, которыя имъ приходится терпѣть отъ завоевателей страны; они желаютъ только одного: жить спокойно, мирно заниматься ремеслами, или воздѣлываніемъ почвы. Раса ихъ сохранилась неприкосновенною въ большинствѣ областей потому, что браки между деварами и женщинами изъ племенъ завоевателей строго воспрещались обычаемъ. Въ сосѣдствѣ съ приморской страной, именно въ провинціи Ласа, пограничной съ Синдомъ, нумри или лумри,—племена, родственныя джатамъ Индустана, обработываютъ землю и занимаются промыслами. Подобно белуджистанцамъ, они дѣлятся на множество кейлей, происходящихъ отъ различія занятій и мѣстопребыванія. Но тѣмъ не менѣе легко узнать, что всѣ они принадлежатъ къ одной и той же языческой семьѣ, а нарѣчія, на которыхъ они говорятъ, близки къ языку джатки: они представляютъ переходную группу отъ иранцевъ къ индусамъ. Что касается религіи, то у всѣхъ этихъ націй замѣтны странныя смѣшенія; такъ, между нѣкоторыми племенами Магометъ почитается какъ десятое воплощеніе Вишну. Кромѣ собственно индусовъ, баніяхи Гудзерата и Бомбея, или мультанцы, шикарпурцы, марварицы, составляютъ значительную часть населенія городовъ, и черезъ нихъ посредство производится почти вся торговля въ странѣ.

Нѣкоторыя афганскія пограничныя племена, сосѣднія съ Кветой, арабскія общины по берегамъ Мекрана, группы воинственныхъ курдовъ, привлеченныя сюда жаждой грабежа, за пятьсотъ миль отъ ихъ родины, наконецъ, невольники, вывезенные изъ Моската, и большинство негровъ или метисовъ также могутъ быть причислены къ представителямъ различныхъ расъ, населяющихъ белуджистанскую террито-

---

[1] Bellew, „From the Indus to the Tigris“.
[2] Chr. Lassen, „Indische Alterthumskunde“.

[1] H. Pottinger, цитированное сочиненіе.
[2] Bellew, цитированное сочиненіе.

рію. Но тамъ есть также и настоящіе кочевники, говорящіе на особомъ языкѣ: это—лури, которые не отличаются ни въ чемъ отъ европейскихъ цыганъ придунайскихъ областей. Искусные музыканты, они проходятъ по странѣ и показываютъ пляшущихъ медвѣдей и обезьянъ, выученныхъ разнымъ забавнымъ прыжкамъ. Каждая банда, управляемая «королемъ», имѣетъ своего гадальщика, который воображаетъ себя посвященнымъ въ тайны магіи и предсказываетъ судьбу на основаніи хиромантіи, или по сочетанію чиселъ и по расположенію фигуръ, образуемыхъ пескомъ на приведенной въ сотрясеніе пластинкѣ. Благодаря умѣнью отгадывать, лурямъ удается попадать въ семейные дома, гдѣ они совершаютъ кражи драгоцѣнныхъ вещей, иногда даже и дѣтей. Въ Белуджистанѣ, такъ же, какъ и въ Европѣ, общественное мнѣніе обвиняетъ этихъ кочевниковъ во всевозможныхъ преступленіяхъ, равно и въ порчѣ посредствомъ колдовства [1]).

Что касается до политическихъ распорядителей страны, англичанъ, то они имѣютъ весьма небольшое число своихъ представителей въ землѣ ихъ вассала, хана Келатскаго. Унихъ есть много въ этой странѣ подданныхъ и лицъ, ими покровительствуемыхъ, принадлежащихъ къ различнымъ націямъ; но сами хозяева показываются весьма рѣдко на плато; за предѣлами столицы, или вдали отъ ихъ крѣпостей Кветы и Хоздара. Они встрѣчаются только въ низменностяхъ Качи-Гандавы, въ пунктахъ расквартированія войскъ и желѣзной дороги, также и приморскихъ городахъ, гдѣ есть станціи континентальнаго телеграфа.

III.

Многія изъ провинцій, на которыя дѣлится Белуджистанъ, населены исключительно номадами, и «города» ихъ состоятъ только изъ палатокъ. Деревни и города, въ которыхъ есть настоящіе дома, находятся только въ восточной части Белуджистана и въ южныхъ его округахъ.

Англичане не удостоили построить крѣпость вблизи резиденціи. Увѣренные въ своемъ пенсіонерѣ, ханѣ Келатскомъ, у котораго нѣтъ совсѣмъ войска въ его распоряженіи и который управляетъ только племенами, неимѣющими никакой политической связи, англичане особенно зорко слѣдятъ за афганской границею и за дорогой, ведущей изъ Шикарпура въ Кандахаръ. Городъ Квета (Кветта, Котъ, Шаль, Шаль-Котъ), занятый однимъ отрядомъ индійской арміи, расположенъ въ бассейнѣ, принадлежавшемъ въ прежнее время Афганистану, и находится нынѣ едва въ тридцати километрахъ отъ ручья, составляющаго оффиціальную границу белуджистанской территоріи. Здѣсь, у подошвы цитадели, сходятся обѣ дороги Индіи черезъ Боланскій и Чапарскій проходы, и та, которая идетъ въ Кандахаръ чрезъ Ходжакское ущелье. Кромѣ этихъ дорогъ, удобные пути ведутъ на югъ, къ столицѣ ханства. Весьма естественно, что ханъ Келата, затѣмъ его покровители - англичане выбрали этотъ стратегическій пунктъ, въ землѣ брагуевъ, чтобъ тамъ соорудить *Kot* или Kwatah, т. е. крѣпость; башни, виднѣющіяся тамъ и самъ при входѣ въ ущелья горъ, свидѣтельствуютъ о важности, которую придавали древніе завоеватели края обладанію этимъ округомъ. Городъ, относительно большой, такъ какъ онъ состоитъ болѣе, чѣмъ изъ тысячи домовъ, пріютился подъ защитой форта. Городъ Квета, населенный главнымъ образомъ афганцами, брагуями и индусами, представляетъ для англичанъ особыя выгоды, какъ санитарная станція: расположенный на высотѣ 1.700 метровъ, онъ находится, такъ сказать, въ области умѣреннаго пояса, соотвѣтствующаго Западной Европѣ. На травянистыхъ лугахъ, которые, тянутся на необозримое пространство вокругъ Кветы, солдаты имѣютъ достаточно простора для своихъ атлетическихъ игръ. Мастунгъ, этапный городъ между Кветой и Келатомъ, имѣетъ климатъ одинаковый съ англійской крѣпостью, а ирригаціонные каналы въ Мастунгѣ лучше утилизируются. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ фруктовыми садами и производитъ лучшіе фрукты во всемъ верхнемъ Белуджистанѣ; особенно славится его виноградъ.

Келатъ, т. е. «Замокъ» по преимуществу, благодаря тому, что ханъ выбралъ его столицей, сталъ самымъ населеннымъ городомъ всего Белуджистанскаго края. Дѣйствительно, онъ представляетъ большія выгоды вслѣдствіе своего положенія на склонѣ горной вершины, благодаря которому онъ можетъ господствовать надъ дорогами Индіи, надъ моремъ, надъ персидскими границами и Афганистаномъ. Но зато эти военныя выгоды пріобрѣтаются климатомъ гораздо болѣе суровымъ, въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ пользуются окрестныя долины. Построенный на самомъ краю скалистыхъ горъ, Келатъ предоставленъ всей силѣ сѣверныхъ вѣтровъ, и снѣгъ покрываетъ тамъ землю болѣе двухъ мѣсяцевъ; пшеница и ячмень созрѣваютъ тамъ позднѣе, чѣмъ на Британскихъ островахъ, хотя Келатъ и ближе къ экватору на 25 градусовъ. Въ равнинѣ, открытой къ сѣверо-западу, воды которой текутъ въ Лору Пишина, находится источникъ, весьма обильный чистой водой, который бьетъ близъ подземныхъ ханскихъ кладбищъ, орошаетъ городскіе сады и приводитъ въ движеніе лопасти вододѣйствующихъ колесъ городскихъ мельницъ. По словамъ Поттингера, который съ похвалой отзывается объ этомъ источникѣ Ке-

[1]) H. Pottinger, цитированное сочиненіе.

лата, какъ о наиболѣе обильномъ, какой только ему случалось когда-либо видѣть, вода въ немъ гораздо холоднѣе днемъ, чѣмъ ночью. Въ сосѣдствѣ съ нынѣшней столицей Белуджистана, виднѣются безобразныя развалины еще трехъ большихъ городовъ, служащихъ доказательствомъ, что съ незапамятныхъ временъ эта область плато имѣла всегда важное значеніе.

Къ юго-востоку отъ Келата начинается другая долина, которая сдѣлалась бы данницей Инда, благодаря Мульскому ущелью еслибы въ ней воды текли въ обиліи; развалины бывшаго города, которыя такъ часто встрѣчаются въ ханствѣ, высятся у начала лощины, и на стѣнѣ сосѣдней скалы видна греческая надпись. Новѣйшій городъ Зеръ или Зери, окруженный землянымъ валомъ и построенный, подобно Келату, изъ полуобожженыхъ кирпичей, поддерживаемыхъ бревенчатой рамой, даетъ названіе одной изъ боковыхъ долинъ Мула и племени брагуевъ, которое тамъ живетъ. Это главный городъ, чрезъ который проходятъ путешественники, по дорогѣ въ Индію. При выходѣ изъ ущелья, тамъ, гдѣ воды потока развѣтвляются на ирригаціонные каналы, посреди садовъ, находится Гандава, главный городъ провинціи Качи-Гандавы. Онъ пріобрѣлъ нѣкоторое значеніе, какъ мѣсто стоянки англійскаго гарнизона и какъ зимняя резиденція хана. Въ прежнее время наиболѣе населеннымъ городомъ равнины былъ городъ Багъ или «Садъ», къ сѣверо-востоку отъ Гандавы, въ оазисѣ пальмъ, граничащемъ на востокѣ съ пустыней. Багъ пользовался монополіей сѣрныхъ рудъ, разрабатываемыхъ въ сосѣднихъ горахъ, неподалеку отъ города Хорана. На сѣверѣ равнины находятся Дадаръ и Сиби, конечныя станціи желѣзной дороги отъ Инда къ афганскимъ горамъ.

Благодаря желѣзной дорогѣ, идущей отъ Инда, и вѣтви ея, проведенной въ равнинѣ Качи-Гандавы, Келатъ и весь сѣверный Белуджистанъ сообщаются въ настоящее время съ моремъ посредствомъ порта Курачи. Прямая дорога изъ Келата въ Сонміани оставлена, какъ крайне неудобная и трудная по недостатку воды; на этомъ длинномъ спускѣ, около 550 километровъ, караваны встрѣчаютъ только въ шести мѣстахъ источники, въ которыхъ вода настолько обильна, что караваны не исчерпываютъ ее во время перехода [1]). Хоздаръ, одна изъ тѣхъ станцій, гдѣ англичане содержатъ небольшой гарнизонъ сипаевъ въ видахъ господства надъ спускомъ Мульскаго порога,— не пользуется такимъ климатомъ, какъ мѣстности на плато: будучи расположенъ на высотѣ 1.200 метровъ, Хоздаръ окруженъ садами, въ которыхъ растутъ пальмы и другія растенія, свойственныя приморской странѣ; населеніе, состоящее большею частью изъ индусовъ, также южнаго происхожденія. Руды свинцовыя и антимоніевыя, находящіяся къ западу отъ Хоздара, близъ Секрана, болѣе не разрабатываются. Обширныя руины, груды обломковъ, остатки башенъ *гръ-бастасъ* или «дворецъ невѣрныхъ» [1]), служатъ доказательствомъ того, что страна эта, безъ сомнѣнія, лучше орошаемая въ прежнее время, чѣмъ теперь, была также и значительно населеннѣе, а попадающіеся во множествѣ обломки архитектурнаго искусства свидѣтельствуютъ о цивилизаціи прежнихъ обитателей страны. На сѣверо-западъ отъ Белы, въ провинціи Ласа, одинъ изъ этихъ разрушенныхъ городовъ сохранилъ свое прежнее названіе Шеръ-и-Рогана. Онъ увѣнчиваетъ вершину утеса изъ смѣшанныхъ породъ, у подошвы котораго течетъ одинъ изъ притоковъ Пурали, Арабисъ у греческихъ моряковъ; внизу группируются домики, въ которыхъ живутъ городскіе бѣдняки, а утесъ прорѣзанъ галлереями, служившими складочнымъ мѣстомъ и также жилищами.

Сонміани, портъ провинціи Ласа или «Равнины», въ былое время служилъ таковымъ для всего восточнаго Белуджистана, пользовался нѣкоторымъ значеніемъ, и, можетъ быть, англичане сдѣлали бы изъ него транзитный пунктъ для своей торговли, если бъ Курачи не одержалъ рѣшительный перевѣсъ надъ древнимъ «портомъ Александра», благодаря своему сосѣдству съ дельтой Инда. Неимѣющій искусственнаго прикрытія, портъ Сонміани, гдѣ не могутъ стоять на якорѣ корабли, сидящіе въ водѣ болѣе 5-и метровъ, совершенно открытъ порывамъ юго-западнаго муссона, а вода Пурали, стремящаяся, во время половодья, въ сосѣдній заливъ, оросивши сады Бела, Дре и Лаяри, становится обыкновенно слишкомъ испорченной для того, чтобъ ее могли утилизировать моряки: имъ приходится продовольствоваться водою съ перевозныхъ судовъ изъ Курачи. Жители добываютъ себѣ свѣжую воду, разрывая песокъ выше уровня морскаго прилива; но если опоздаютъ вычерпать ее, то она постепенно становится солоноватой [2]). Состоя въ торговой зависимости отъ Индустана, эта часть ханства имѣетъ также общія съ полуостровомъ происхожденіе и религію среди большей части своего населенія. На горѣ, возвышающейся въ западной части провинціи, близъ рѣки Агора или Хингола, находится знаменитый храмъ Хингладжъ, куда стекаются тысячи индусскихъ богомольцевъ. Тамъ до сихъ поръ еще приносятся животныя въ жертву богинѣ Кали, и стѣны священной пещеры забрызганы кровью этихъ жертвъ. Ревностные богомольцы никогда не покидаютъ храма Хин-

---

[1]) Pottinger;—Carless;—Hughes.

[1]) Mac Gregor, цитированное сочиненіе.

[2]) Mich. Biddulph, „Proceedings of the Geographical Society", april 1880.

гладжа, не посѣтивши островокъ Аштола или Сатадипъ, лежащій близъ морскаго берега между портами Ормара и Пасни: святыня высится на обнаженной скалѣ, «Волшебнаго острова» Неарки.

Небольшіе приморскіе порты, на западъ отъ Сонміани, прежде посѣщаемые съ лечебной цѣлью португальцами, у которыхъ до сихъ поръ существуютъ нѣсколько фортовъ на берегу [1]), состоятъ изъ нѣсколькихъ группъ хижинъ, даже просто изъ жилищъ, устроенныхъ изъ рогожъ, натянутыхъ на колья. Ормара, имѣющій двѣ гавани; Пасни, доминируемый «дворцомъ телеграфа», въ которомъ живутъ англичане,—не больше, какъ незначительныя деревни. Но Гвадаръ, главный городъ белуджистанскаго Мекрана, представляетъ настоящій большой городъ для полудикихъ окрестныхъ племенъ, столицу, славящуюся, болѣе чѣмъ на сто миль въ окружности, великолѣпіемъ своихъ зданій. Построенный въ чрезвычайно живописной мѣстности, на песчаной косѣ, соединяющей скалистый островъ съ твердой землей и съ куполообразными и стрѣльчатыми горами Мехди, городъ группируетъ свои рогожные домики вокругъ четырехугольной крѣпости, у подошвы которой виднѣются полукруги обоихъ заливовъ, съ ихъ барками и судами всевозможныхъ типовъ. Къ белуджистанцамъ, составляющимъ ядро населенія, присоединились люди всѣхъ торговыхъ націй востока: персы, баніяхи изъ Индіи и Занзибара, евреи и малайцы; арабы немногочисленны, но они тутъ главные хозяева. Самая богатая отрасль промышленности Гвадара—рыбная ловля: по свѣдѣніямъ Макъ-Грегора, туземцы имѣютъ сотни лодокъ и около тридцати большихъ судовъ для плаванія въ Маскатъ, Курачи, Бомбей и Малабаръ. Британскіе пакетботы заходятъ два раза въ мѣсяцъ въ Гвадарскій портъ и, такимъ образомъ, ставятъ его въ прямыя торговыя сношенія съ цивилизованнымъ міромъ. Привозные товары состоятъ преимущественно изъ бумажныхъ и другихъ тканей, изъ строительнаго лѣса, риса, сахара, тогда какъ для отпуска за границу караваны доставляютъ въ портъ изнутри страны шерсть, хлопокъ въ сыромъ видѣ, масло изъ долины Кеджъ и превосходные финики изъ Джалка и Панджгура; также вывозятся въ огромномъ количествѣ селеная рыба и плавники отъ акулы, служащіе для китайскихъ гурмановъ лакомымъ блюдомъ. По сторонамъ холма, господствующаго надъ полуостровомъ Гвадаръ, виднѣются остатки бывшаго обширнаго водохранилища португальской постройки [2]).

Часто считаютъ Кеджъ какъ главный городъ белуджистанскаго Мекрана, но на самомъ дѣлѣ такого города нѣтъ: Кеджемъ называются нѣсколько оазисовъ, вмѣстѣ взятые, и каждый изъ нихъ имѣетъ свою отдѣльную деревню [1]). Точно также Танъ, Манъ, Нигоръ, Сами, Дахтъ, Паромъ, Панджгуръ—не больше, какъ конфедерація нѣсколькихъ деревушекъ, разсѣянныхъ посреди оазиса. Сады Панджгура, орошаемые каналами, постройку которыхъ приписываютъ духамъ, производятъ семнадцать сортовъ фиников.

Главные города Белуджистана съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ:

Келатъ, по Белау—14.000 жит.; Зери, по Куу (Cook)—10.000 жит.; Гандава—5.000 жит. Бела, по Карлессу—4.500 жит.; Шаль или Квета, по Белау—4.000 жит.; Мустангъ—4.000 жит.; Багъ—3.000 жит.; Гвадаръ, по Макъ-Грегору—2.500 жит.; Хоздаръ—2.500 жит.; Ормара, по Милю (Miles)—2.000 жит.; Сонміани—1.500 жит.

Ханъ принадлежитъ къ белуджистанскому племени Камбарани, считающему себя арабскаго происхожденія и не выдающему своихъ дочерей въ замужество въ другія племена. Живя попеременно въ Келатѣ и Гандавѣ, ханъ номинально включаетъ въ предѣлы своей имперіи огромное пространство; но между вассалами вице-короля Индіи онъ считается наименѣе могущественнымъ и наименѣе богатымъ: главная статья его дохода заключается въ субсидіи, получаемой имъ отъ его покровителей-англичанъ. Согласно первому трактату 1841 г., когда англійская армія, въ числѣ 1.260 человѣкъ, появилась предъ стѣнами Келата и заставила хана подписать условія, онъ призналъ себя покорнымъ вассаломъ Англіи, далъ клятву навсегда руководствоваться добрыми совѣтами англійскаго военнаго агента, имѣющаго постоянное пребываніе при дворѣ хана, предоставилъ британскому правительству право ставить гарнизоны во всѣхъ городахъ Белуджистана, гдѣ оно признаетъ необходимымъ, и обѣщалъ свое «подчиненное сосѣдствіе» во всѣхъ обстоятельствахъ. Послѣ всего этого ему приходится довольствоваться ежегодною субсидіею, которая низводитъ его на степень обыкновеннаго должностнаго лица сосѣдняго государства. Всякій разъ, какъ происходили безпорядки въ ханствѣ, назначенная сумма задерживалась въ Калькуттѣ; но зато хорошее поведеніе также вознаграждалось англичанами, и содержаніе хана Келата увеличилось съ 125.000 до 250.000 франковъ. Впрочемъ, условія, продиктованныя Англіей, клонились къ укрѣпленію власти хана надъ его собственными вассалами при посредствѣ преобразованія, въ его интересахъ, государственнаго

[1]) Masson, „Various Journeys in Balochistan Afghanistan“, etc.

[2]) Green; - Goldsmid, „Journal of the Geographical Society“, 1863.

[1]) Hajee Abdun Nubee of Kabul translated by Robert Leech, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, № 153.

устройства. Недавно Белуджистанъ, подобно странѣ афганцевъ, управлялся на основаніи феодально-федеральной системы: нѣкоторые кейли, совершенно независимые въ управленіи своими внутренними дѣлами, не присоединялись къ другимъ кланамъ иначе, какъ только въ силу дружбы; другія племена управлялись начальниками или сердарями, которые называли себя равными хану, или же держали себя независимо, заплативши дань и исполнивши должныя почести по отношенію къ хану. Но англійское правительство, высшая государственная власть, игнорируетъ второстепенныхъ начальниковъ: оно входитъ въ сношенія только съ ханомъ; его оно считаетъ отвѣтственнымъ за спокойствіе въ странѣ и, въ случаѣ нужды, оказываетъ ему помощь противъ бунтующихъ вассаловъ или непокорныхъ племенъ. Высшими сановниками въ государствѣ, послѣ хана, всегда бываютъ двое старшинъ брагуи, сердари Джалавана и Саравана. Наслѣдственный визирь хана принадлежитъ къ общинѣ деваровъ или таджиковъ, къ тому племени, которое аккуратной уплатой податей помогаетъ почти исключительно содержанію государства. Что касается до мелкихъ племенъ Мекрана, они дѣйствительно независимы отъ центральной власти, и портъ Гвадаръ, отдаваемый въ наймы имаму Маската, управляется однимъ изъ его офицеровъ. Вооруженная сила, которою располагаетъ ханъ, состоитъ приблизительно изъ 3.000 человѣкъ. Годовой бюджетъ не достигаетъ милліона франковъ.

Политическія подраздѣленія собственно Белуджистана, кромѣ страны пустынь и округовъ, обратно требуемыхъ Персіей, слѣдующія:

Провинціи.	Столицы.	Главные округа.
Шаль.	Кавета (Кета).	
Келатъ.	Келатъ.	
Качи-Гандава.	Гандава.	
Саравапъ.	Саравапъ.	Саравапъ, Нушки, Харанъ, Мушки
Джалаванъ.	Хоздаръ.	Хоздаръ, Зорабъ, Ваддъ, Кольва.
Ласъ.	Бела.	
Мекранъ	Гвадаръ.	Мекранъ, Дахтъ, Кеджъ, Панджгуръ, и проч.

Глава IV

Персія.

I.

Названіе Персіи или Фарсистана присвоивается, въ наше время, даже въ самой странѣ, только одной небольшой провинціи государства. Персы называютъ свое отечество древнимъ названіемъ Ирана, которое, впрочемъ, употребляется и въ географическомъ смыслѣ для всей страны плато, лежащей между бассейномъ Евфрата и Инда. Съ исторической точки зрѣнія, слово Иранъ имѣетъ еще болѣе широкій смыслъ, какъ противоположное слову Туранъ: оно относится ко всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, болѣе или менѣе чистаго иранскаго происхожденія, которые не только на плато, но также и въ равнинахъ Оксуса посвятили себя обработыванію земли и занятіямъ опредѣленными промыслами, среди полудикихъ номадовъ, пришедшихъ съ сѣвера. Въ исторіи Передней Азіи, названіе Ирана олицетворяетъ традиціи труда и интеллектуальной культуры: оно напоминаетъ о долговременной борьбѣ съ варварскими племенами могущественныхъ націй, слѣдовавшихъ другъ за другомъ изъ вѣка въ вѣкъ. Гордясь древностью своего происхожденія и образованностью своей расы, персы относятся съ презрѣніемъ къ окрестнымъ народамъ, менѣе культивированнымъ и позднѣе ихъ занявшимъ мѣсто въ исторіи цивилизаціи. Какъ бы ни были велики успѣхи западныхъ народовъ въ наукахъ, искусствахъ и промышленности, персы, тѣмъ не менѣе, считаютъ свои дворянскіе роды гораздо выше этихъ позднихъ пришельцевъ въ міръ. Весьма вѣроятно, что часть Ирана играла одну изъ самыхъ важныхъ ролей въ общей исторіи человѣчества. Извѣстно, что народы, говорящіе на арійскомъ языкѣ, происхожденіе своихъ нарѣчій должны искать на плато, гдѣ былъ въ употребленіи языкъ зендскій, и что во всѣ времена персидскій языкъ считался сосѣдними народами языкомъ по преимуществу цивилизованнымъ; еще и въ наше время, афганцы и белуджистанцы умышленно говорятъ по-персидски, чтобы пріобрѣсти болѣе уваженія со стороны своихъ слушателей. Даже въ Индустанѣ персидская литература долго боролась противъ вліянія санскритскаго языка и всѣхъ происшедшихъ отъ него языковъ: еще недавно индусскій словарь, столь распространенный по всему полуострову, состоялъ глав-

нымъ образомъ изъ персидскихъ словъ, занесенныхъ покорителями Ирана.

И какое первостепенное вліяніе имѣла страна Зороастра на религіозное развитіе въ Передней Азіи и Европѣ! Въ священныхъ книгахъ древнихъ персовъ борьба двухъ началъ выражена съ наибольшей яркостью и силой, и изъ нихъ-то черпали свои болѣе слабыя вѣрованія въ непрерывную борьбу «Добра» со «Зломъ» послѣдующія религіи, съ ихъ враждебными арміями ангеловъ и демоновъ. Во время первыхъ проблесковъ христіанства, вліяніе Персіи обнаружилось въ появленіи многочисленныхъ сектъ; еще и въ наше время христіанскія доктрины сохранили неизгладимые слѣды этого вліянія. Культъ, извѣстный подъ спе-

Благородный персъ, дервишъ и нищій.

ціальнымъ названіемъ «персидскаго», не имѣетъ болѣе послѣдователей даже въ своемъ отечествѣ; но существуютъ цвѣтущія общины парсовъ въ Индіи, гдѣ онъ еще держится до сихъ поръ. Совратившись въ исламъ, иранцы придали побѣдоносной религіи новую форму: они сдѣлались шіитами, нарушивъ такимъ образомъ единство магометанства. Въ другихъ странахъ почти исключительно преобладаютъ сунниты, какъ-то: на западѣ Азіатской Турціи, на юго-западѣ и на югѣ Аравіи, на востокѣ Афганистана и въ Индіи, и на сѣверѣ у туркменовъ. Съ возникновеніемъ шіизма, религіозное движеніе продолжалось въ Персіи, и современный пантеизмъ западныхъ народовъ приближается гораздо болѣе, нежели обыкновенно думаютъ, къ азіатскимъ идеямъ всеобщаго обоготворенія, которое нигдѣ не находило болѣе горячихъ толкователей, какъ у персидскихъ поэтовъ. Всякая философская идея, всякій новый догматъ находятъ себѣ въ Персіи краснорѣчивыхъ защитниковъ или ревностныхъ проповѣдниковъ. Иранъ можетъ быть смѣло названъ главнымъ центромъ возникновенія религій всѣхъ народовъ.

Эта страна, роль которой была столь значительна въ исторіи Азіи и всего міра, численностью своего населенія представляетъ весьма незначительную частицу человѣчества. Какъ велико число всѣхъ жителей Ирана, считая въ томъ числѣ турокъ, курдовъ, белуджистанцевъ и арабовъ? Никакъ не болѣе десяти милліоновъ. Обыкновенныя исчисленія, сдѣланныя путешественниками, европейскими чиновниками и наиболѣе учеными туземцами, колеблятся между 7 и 8 милліонами жителей [1]). Занимая поверхность земли, превосходящую въ три раза Францію, Персія населена въ пять разъ менѣе ея и въ пятнадцать разъ менѣе пропорціально занимаемой территоріи; даже большая часть страны совершенно безлюдна. Хотя нѣкоторые ученые и говорятъ о пятидесяти милліонахъ персовъ, населявшихъ имперію Дарія, но кажется не совсѣмъ вѣроятнымъ, чтобы даже и въ цвѣтущую эпоху Азіи народы во множествѣ тѣснились къ Ирану: съ одной стороны пески, глинистая почва, солончаковыя пространства, хотя и менѣе обширныя, чѣмъ въ настоящее время, граничили съ просвѣщеннымъ краемъ, а съ другой стороны преграждали доступъ къ нему крутыя скалы горъ. У покоренныхъ народовъ окрестныхъ равнинъ государи Персіи набирали свои прославленныя арміи, состоявшія изъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ человѣкъ, и громадные запасы продовольствія, въ которомъ они нуждались для своихъ походовъ въ Скиѳію, въ Среднюю Азію, во Ѳракію и въ Грецію. Но какъ ни была ничтожна численность персовъ въ древнемъ мірѣ, они пользовались преимуществомъ, которое имъ предоставляло географическое положеніе ихъ страны.

Въ историческомъ отношеніи иранское плато имѣетъ значеніе проходной дороги, на которую попадали народы различныхъ расъ, направляясь съ востока на западъ. Въ этой части Азіи, съ одной стороны — Каспійское море, а съ другой—Персидскій заливъ съуживаютъ материкъ на пространствѣ, меньшемъ 700 километровъ. По исключеніи изъ этого перешейка низменныхъ и нездоровыхъ мѣстностей прибрежья, равно какъ и областей слишкомъ гористыхъ для того, чтобы можно было сдѣлать ихъ болѣе удобными для перехода, остается, для движенія переселенцевъ между двумя половинами соединенныхъ континентовъ, пространство около 500 километровъ. Невѣдомыя степи Скиѳіи, лежащія на сѣверъ отъ Гирканскаго моря, служили мѣстомъ кочевья только для номадовъ-дикарей, которые не входили въ сношенія съ цивилизованными народами. Исторія, въ настоящемъ значеніи этого слова, слѣды которой не изглаживаются изъ памяти народовъ, могла имѣть мѣсто только на узкомъ плато, находящемся между Эльбурсомъ и Сузіанскими горами. Именно тамъ должны были встрѣчаться представители различныхъ расъ, съ ихъ нарѣчіями, съ ихъ цивилизаціей, съ ихъ религіями, и гдѣ, слѣдовательно, должны были развиваться новыя идеи, возникавшія чрезъ сношенія и взаимное проникновеніе этими различными элементами, имѣвшими свое собственное развитіе. Во всѣ историческія эпохи, народы «туранскаго» происхожденія были наросшимъ элементомъ по отношенію къ «арійцамъ» на иранскихъ плато. Въ прежнія времена мидяне и персы, а въ наши дни турки и фарзи, между всѣми языческими элементами, находящимися на-лицо въ странѣ, являются представителями двухъ большихъ расъ Центральной Азіи. Внѣшніе и внутренніе раздоры, областная и мѣстная вражда безпрерывно продолжаются между разноплеменными обитателями, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что эта постоянная борьба содѣйствовала въ сильной степени возникновенію иранскаго ученія, основаннаго на вѣчномъ столкновеніи двухъ началъ. Но, несмотря на то, что всѣ эти враги завѣщали другъ другу изъ вѣка въ вѣкъ безконечную борьбу, не произошло ли, такъ или иначе, между враждовавшими племенами смѣшенія крови и духа, о чемъ именно свидѣтельствуютъ исторія, религія и поэмы? Иранъ, такъ сказать, служилъ лабораторіей, въ которой племена быстро перерабатывались, выходили изъ нея совершенно иными, въ сравненіи съ тѣмъ, какими были при вступленіи.

При выходѣ изъ узкаго корридора иранскихъ плато, эмигрировавшіе народы видѣли передъ

[1]) Пространство и населеніе Персіи: 1.647.070 квадр. километровъ; 7.655.000 жителей; 5 жит. на квадр. километръ. (Houtum Schindler, Behm et Wagner, „Bevö kerung *der Erde*“, VII).

собою болѣе простора. Съ одной стороны они могли спуститься въ долину Евфрата и достигнуть береговъ Сиріи, а чрезъ прибрежье проникнуть въ Египетъ; съ другой стороны, предъ ними открывались на западѣ дороги въ Малую Азію и въ Европу, чрезъ проливы и Эгейское море, или же имъ представлялся еще выборъ между дорогами Закавказья, имѣвшими сообщенія съ сарматскими равнинами чрезъ различные «входы» Кавказа, на востокѣ, въ серединѣ и на западѣ горнаго хребта. Такъ расходятся изъ западной Персіи большія историческія дороги, по направленію къ Египту, въ южную Европу и въ сѣверныя страны.

Въ прежнее время почти недоступная, расположенная въ центрѣ вѣковаго соединенія континентовъ, Персія въ наши дни не находится въ прежнихъ географическихъ условіяхъ. На югѣ море, препятствовавшее въ былое время доступу въ страну, теперь, напротивъ, соблазняетъ иностранцевъ къ попыткамъ. На сѣверѣ Каспійское море ужъ болѣе не теряется въ безъизвѣстныхъ пустыняхъ: оно окружено военными дорогами и цѣпью колоній, и линіи правильныхъ пароходныхъ сообщеній соединяютъ порты и дороги противуположныхъ береговъ. Итакъ, Персіи, которой, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, нечего было опасаться ни съ сѣверной, ни съ южной стороны, теперь угрожаютъ именно съ этихъ двухъ сторонъ двѣ, имѣющія наибольшій вѣсъ въ Азіи, державы, которыхъ столицы находится въ Лондонѣ и въ Петербургѣ. Поставленный между этими соперницами, Иранъ пользуется лишь фиктивной независимостью. Уже въ 1723 году русскіе завладѣли на нѣкоторое время всѣмъ западнымъ берегомъ Каспія; съ 1828 г. они взяли у Персіи всѣ области Закавказья, а новѣйшимъ трактатомъ они измѣнили въ свою пользу границу, еще не такъ давно вызвавшую споръ, которая прилегаетъ къ странѣ туркменовъ; наконецъ островокъ Ашуръаде, который они занимаютъ въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря, служитъ наблюдательнымъ постомъ, откуда казаки, въ случаѣ надобности, могутъ чрезъ нѣсколько дней явиться въ столицу шаха. Въ Персидскомъ заливѣ, сдѣлавшемся «англійскимъ озеромъ», какъ Каспій сталъ «русскимъ озеромъ», главенство безспорно принадлежитъ британскимъ консуламъ. Мало того, гарнизонъ сипаевъ занимаетъ стрѣлку мыса Джаска, при входѣ въ заливъ, и достаточно самой незначительной морской демонстраціи, чтобы отнять у персидскаго правительства грузы всѣхъ его морскихъ таможенъ. По волѣ Англіи, персидскій шахъ долженъ былъ отказаться отъ завоеванія Герата и согласиться «исправить» свои границы въ Сеистанѣ. Внутри страны, русскихъ офицеровъ, равно какъ и англійскихъ, принимаютъ какъ хозяевъ: они могутъ вполнѣ безопасно чертить карты, снимать планы, собирать для стратегическаго изученія страны необходимыя свѣдѣнія, сохраняемыя большею частью въ секретѣ въ военныхъ архивахъ обоихъ государствъ. Хотя со времени Марко Поло, Персія и была довольно часто посѣщаема иностранцами; хотя еще и до сихъ поръ читаются съ живымъ интересомъ путешествія Тевено и Шардена, и хотя въ теченіе этого столѣтія появились весьма цѣнные труды, изданные французскими и нѣмецкими учеными,—но по части картографическихъ документовъ наиболѣе другихъ заслуживаютъ вниманія тѣ, которые составлены англичанами и русскими по обоюдному приказанію ихъ правительствъ. По съемкамъ, произведеннымъ на мѣстѣ двумя генералами: англійскимъ—Вильямсомъ и русскимъ — Чириковымъ, была размежевана турецко-персидская граница въ странѣ курдовъ.

II.

Не имѣя опредѣленныхъ естественныхъ границъ со стороны востока, гдѣ Афганистанъ и Белуджистанъ продолжаютъ плато, равнины и горы Ирана, Персія тремя остальными своими фасами образуетъ совершенно отдѣльное географическое цѣлое. Складки мѣстности надъ поверхностью туркменскихъ оазисовъ и вдоль южныхъ береговъ Каспійскаго моря, другія возвышенности по берегамъ Оманскаго и Персидскаго заливовъ, наконецъ уступы горъ, господствующіе надъ равнинами Месопотаміи,—составляютъ внѣшній оплотъ Персіи. Внутри этой гористой ограды тянутся равнины, направляющіяся къ центру и непредставляющія на большей части своей поверхности ничего, кромѣ песковъ , твердой глины и солончаковъ. Населеніе Ирана устремилось главнымъ образомъ къ окружности страны, на сѣверъ, на западъ и на юго-западъ, въ долины, которыя доставляютъ воду, необходимую для ихъ пашенъ. Нигдѣ не представляя изъ себя плотной массы, населеніе тянется въ видѣ двухъ полосъ, направляющихся одна съ востока на западъ, другая съ юго-востока на сѣверо-западъ, которыя встрѣчаются между Каспійскимъ моремъ и высокой долиной Тигра, въ области Адербейджана. Тамъ-то, въ точкѣ соединенія населенія и культуры обѣихъ полосъ, высится Тавризъ, наиболѣе населенный городъ Персіи; здѣсь устанавливается единство страны. Если не обращать вниманія на неправильности деталей, населенныя мѣстности расположены въ видѣ угла, соотвѣтствующаго углу, какой представляютъ въ ихъ цѣломъ горныя цѣпи, идущія по окраинамъ плато.

На сѣверо-востокѣ, крайній хребетъ горъ, составляющій естественную границу Ирана и Туркестана, въ дѣйствительности, несмотря на отдаленность и промежуточную бездну Каспійскаго моря, есть правильное продолженіе Кавказскихъ горъ. Апшеронскій полуостровъ, под-

водные пороги, мели и островки, которые соединяются съ Красноводскимъ мысомъ, раздѣляя двѣ глубокія пропасти Каспійскаго моря, наконецъ, два массива Большихъ и Малыхъ Балканъ—указываютъ самымъ точнымъ образомъ на существованіе соединительной вѣтви между большимъ Кавказомъ и «Кавказомъ Туркменскимъ», который подъ различными названіями Куранъ-дага, Копетъ-дага, Гулистанскихъ горъ, Кара-дага продолжается до разрыва, въ который проходитъ Гери-рудъ. Далѣе, горы, которыя тянутся сначала въ восточномъ направленіи, а потомъ въ сѣверо-восточномъ, принадлежатъ къ системѣ Парапомиза. Вся эта страна Туркменскаго Кавказа начинаетъ дѣлаться извѣстной въ своихъ топографическихъ подробностяхъ, благодаря изслѣдованіямъ русскихъ топографовъ, которымъ поручено размежеваніе границы. Карта въ $^{1}/_{84\cdot000}$, оконченная нѣсколько лѣтъ тому назадъ для страны нижняго Атрека, продолжаетъ составляться для всего Даманъ-и-Коха или туркменскаго «Піемонта», вплоть до оазисовъ Серакса и Мерва.

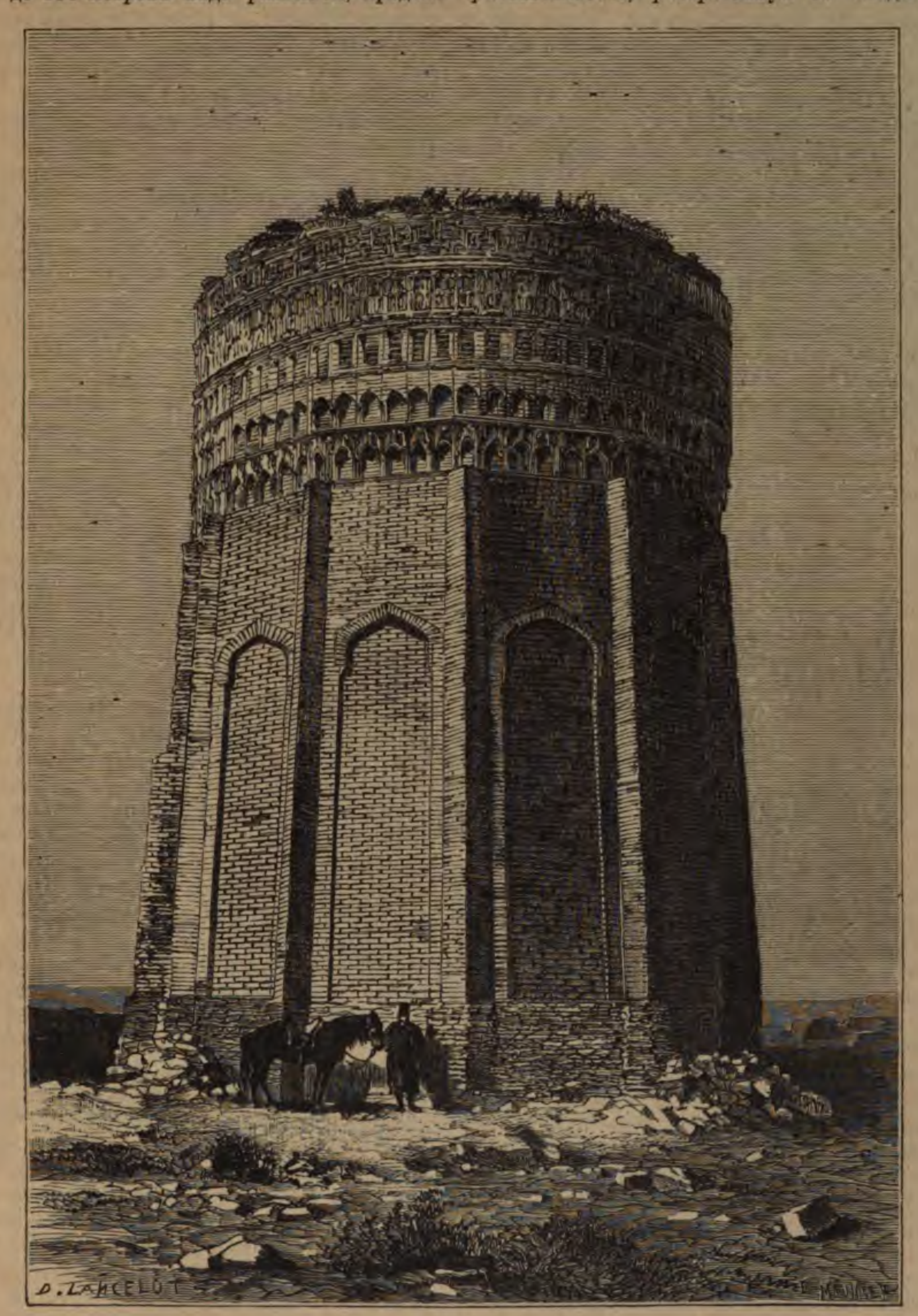
Въ силу пограничнаго трактата, заключеннаго въ 1882 г., богатыя долины, данницы Атрека, съ принадлежащими къ нимъ обширными пастбищами и превосходными дубовыми и кедровыми лѣсами, были отданы Персіи. Но взамѣнъ этого русскіе наслѣдуютъ отъ Ирана, въ силу ихъ притязаній на сюзеренство въ Мервѣ, «ключъ къ Индіи». Они взяли также у Персіи нѣкоторыя долины Копетъ-дага, къ западу отъ Асхабада и къ югу отъ срытой крѣпости Геокъ-тепе, прославленной храброю защитою. Въ этомъ мѣстѣ, которое напоминаетъ о побѣдоносныхъ подвигахъ, русскіе присвоили себѣ весь склонъ горы, вплоть до раздѣльнаго хребта, и распоряжаются по своему усмотрѣнію водами, орошающими поля и сады ихъ подданныхъ туркменъ.

Что придаетъ исключительную важность этому хребту, служащему границей Ирана, это то, что онъ обладаетъ источниками и ручьями, которыхъ воды испаряются вблизи горъ, въ пескахъ равнины. Персы, обитающіе въ гористой мѣстности, — природные собственники источниковъ, которыми они пользуются для орошенія своихъ полей. Но въ этомъ климатѣ, гдѣ небо такъ скупо на дожди и гдѣ лѣтомъ бываетъ такой палящій жаръ, рѣдко вода бываетъ настолько обильна, чтобъ удовлетворить всѣхъ прибрежныхъ жителей; жители верховья и низовья рѣкъ невольно становятся врагами одни другихъ. Когда горцы-земледѣльцы, опираясь на арміи, располагали необходимой силой, они всегда утилизировали до послѣдней капли воду своихъ потоковъ: они слѣдили за ея теченіемъ, устраивая на извѣстномъ разстояніи плотины, рыли каналы на скатахъ горъ, расширяли направо и налѣво раіонъ пашенъ. Во времена персидскаго могущества, вся страна Атока или «Задержанія водъ»,— то-есть Даманъ-и-Кохъ, — была наводнена иранцами: туркмены были отброшены въ пустыню, цѣлый рядъ городовъ и крѣпостей защищалъ отъ ихъ вторженія воздѣланныя земли, въ которыхъ исчезали послѣднія струи влаги [1]). Но зато, когда грозные туркменскіе наѣздники прорвались сквозь ограду укрѣпленій, съ какою мстительною злобой они сжигали города, уводили въ плѣнъ или убивали людей, которые лишали ихъ питавшей воды, свѣжихъ долинъ, зеленѣющихъ полей и луговъ! До прихода русскихъ, война между персами и пограничными туркменами продолжалась безъ перерыва. Послѣдніе, сдѣлавшись болѣе сильными, проникали чрезъ всѣ горныя ущелья, чтобъ опустошать долины, лежащія по ту сторону горъ. Традиціонная вражда, разжигаемая различіемъ расы, религіи и нравовъ, поддерживалась причиной, постоянно усиливающей взаимную ненависть — неравнымъ распредѣленіемъ воды: изъ двухъ народовъ одинъ могъ кормиться произведеніями почвы, другому оставалось существовать грабежомъ. Нынѣ всемогущая воля Россіи начертала границу, давши въ одномъ мѣстѣ туркменамъ источники рѣкъ, а въ другомъ оставивши часть ихъ персамъ, запретивъ имъ увеличивать пространство прибрежныхъ полей, а также увеличивать число или дѣленіе ихъ каналовъ, подъ угрозой «строгаго наказанія». Но могутъ ли они препятствовать засухамъ, и если туркмены, покровительствуемые Россіей, не будутъ по какой-либо причинѣ имѣть воды, на которую разсчитывали, то не обвинятъ ли они въ этомъ своихъ исконныхъ враговъ? Война, перемѣнивъ форму, приметъ, можетъ быть, дипломатическій характеръ между двумя державами; но самая граница, препятствуя способу общей обработки земли къ выгодѣ всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ сторонъ, не становится ли тѣмъ самымъ преградой къ примиренію пограничныхъ народовъ?

Пограничный хребетъ, въ своей восточной части, довольно однообразенъ по высотѣ; горы его, которыхъ верхніе скаты покрыты можжевельникомъ, возвышаются отъ 2.400 до 3.150 метровъ. Нѣсколько выдвинутыхъ впередъ отроговъ и переднія горы отдѣляютъ его высокую вершину отъ равнины; снизу, во многихъ мѣстахъ, ничего не видно, кромѣ вершинъ этихъ второстепенныхъ массивовъ. Одинъ изъ нихъ и есть знаменитая гора въ Азіи, Келатъ-и-Надиръ, названная «фортомъ Надира», потому что знаменитый завоеватель сдѣлалъ изъ нея одну изъ своихъ цитаделей. Это—известковый утесъ продолговатой формы, имѣющій 35 километровъ въ длину, отъ востока къ за-

[1]) H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society", january 1883.

паду, при средней широтѣ въ 10 километровъ. Его откосомъ идущія стѣны возвышаются отъ 300 до 400 метровъ надъ равниной, предста-



Башня Мейманданъ.

вляя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вертикальныя выпрямленія отъ 100 и даже до 200 метровъ въ вышину. Потокъ, берущій свое начало въ южныхъ горахъ, проникаетъ чрезъ разсѣлину внутрь Келатъ-и-Надира и раздѣляется на ирригаціонные каналы, которые оплодотворяютъ растительность, разбросанную во впадинахъ плато. Въ обыкновенное время воды оросительныхъ каналовъ достаточно обильны, чтобы снова войдти въ русло потока и вылиться въ равнины чрезъ клюзу, которая проходитъ по

утесу отъ юга къ сѣверу. Топи, образовавшіяся при выходѣ потока, дѣлаютъ иногда воздухъ страны весьма вреднымъ для здоровья. Оба ущелья, гдѣ проходитъ ручей, равно какъ и три остальныя бреши, открывающіяся въ стѣнахъ массива, укрѣплены весьма тщательно, и на самой возвышенной точкѣ утеса, на западѣ массива, высится цитадель, нынѣ разрушенная, среди которой уцѣлѣла одна деревня. Отъ прежняго укрѣпленнаго дворца Надира видъ распространяется далеко на сѣрыя равнины туркменъ, а на югѣ взорамъ представляется длинный хребетъ Кара-дага или «Черной горы», продолжающійся на западъ Хазаръ-Масджидомъ или «Ста Мечетями». Пикъ наиболѣе возвышенный, который даетъ названіе цѣлому ряду пиковъ, разрѣзывается на множество иголъ, которыя пылкое воображеніе богомольцевъ Мешхеда сравниваетъ съ исполинскими минаретами [1]).

Къ сѣверо-западу отъ «Форта Надира» другіе массивы, находящіеся внѣ южнаго склона хребта, граничатъ съ богатыми и плодоносными бассейнами Дерегеза или «Долины Тамарисовъ», отличающимися наиболѣе яркой растительностью во всей Персіи, послѣ областей Каспійскаго прибрежья, въ Гилянѣ и Мазандеранѣ. У подошвы этихъ выдвинутыхъ впередъ горъ останавливается нынѣ, у станціи Асхабадъ, желѣзная дорога, построенная русскими войсками со времени войны съ туркменами текке и, впослѣдствіи продолженная къ Афганистану, идя вдоль подошвы горъ. Русскіе инженеры предлагали также проложить желѣзный путь, который проходилъ бы чрезъ хребетъ по одной изъ долинъ Дерегеза и спускался бы къ юго-востоку по направленію къ Мешхеду. Въ нѣкоторомъ разстояніи, по ту сторону ущелья Гарм-аба, оба склона главнаго хребта составляютъ часть новыхъ русскихъ владѣній: граница спускается въ долину Замбара, затѣмъ проходитъ чрезъ свой притокъ Чамбиръ, и, идя вдоль раздѣльной линіи между бассейномъ Замбара и Атрека, соединяется съ устьемъ обѣихъ рѣкъ. Въ этой области горы постепенно спускаются къ Каспійскому морю, и на плато Ирана могутъ взобраться безъ труда путешественники, пробирающіеся по многочисленнымъ долинамъ, пролегающимъ между расходящимися развѣтвленіями горныхъ хребтовъ. Туркмены, живущіе грабежомъ, хорошо знаютъ эти дороги, позволявшія имъ еще недавно заходить въ тылъ населенію плато, не имѣя нужды взбираться на восточный хребетъ, поставленный подобно оплоту надъ ихъ степями.

Атрекъ, главный притокъ Каспійскаго моря на азіатскомъ берегу, есть та самая рѣка, которая дала названіе всему бассейну, расположенному между Копетъ-дагомъ и Иранскимъ плато. Поднимаясь по главной долинѣ, длина которой не менѣе 500 километровъ, доходятъ, такимъ образомъ, до Кучана, лежащаго на высотѣ болѣе 1.350 метровъ,—высокой равнины, которая образуетъ раздѣльный порогъ между Каспійскимъ моремъ и Гери-рудомъ. Тутъ представляется весьма разительный примѣръ того факта, что раздѣльныя линіи для стока водъ не всегда совпадаютъ съ таковыми же линіями горныхъ вершинъ. Въ этой области Персіи, горизонтъ кажется закрытымъ со всѣхъ сторонъ высокими хребтами горъ, а на самомъ дѣлѣ это едва замѣтныя выпуклости почвы, которыя отбрасываютъ воды съ одной стороны къ Каспійскому морю, а съ другой—къ рѣкѣ Герата. Какъ и на нѣкоторыя другія рѣки, такъ равно и на верхній Атрекъ, туземцы указываютъ, какъ на настоящій источникъ, т. е. не на такой, котораго теченіе простирается далеко, а на такой, который никогда не перемежается. Этотъ источникъ, извѣстный подъ названіемъ Кара-Казана или «Чернаго Котла», есть бассейнъ, имѣющій около пятидесяти метровъ въ ширину; вода поднимается со двумя тысячами вертикальныхъ струй и разливается по поверхности ключами, которые безпрестанно перемѣщаются, пересѣкаясь своею кольцеобразной рябью. Вода «Чернаго Котла» слегка теплая [1]).

Къ югу отъ продольнаго плоскогорья, въ которомъ происходитъ раздѣленіе водъ, высятся другія горы, въ среднемъ менѣе высокія, но доминируемыя нѣсколькими вершинами, которыя выше огромныхъ вершинъ Туркменскаго Кавказа. Такъ, одна изъ вершинъ, которая виднѣется къ западу отъ Мешхеда, превышаетъ 3.300 метровъ; другая вершина, Шахъ-Джеханъ, доминирующая надъ раздѣльнымъ порогомъ между Атрекомъ и Кашафъ-рудомъ, такой же точно высоты; наконецъ, къ юго-западу и къ западу Буджнура, двѣ горы достигаютъ еще большей высоты: Ала-дагъ или «Пестрая Гора» (3.750 метровъ) и Куркудъ (3.810 метровъ). Всѣ вмѣстѣ взятые, эти различные горные хребты сѣверо-восточной Персіи тянутся параллельно длинному пограничному хребту Копетъ-дага, то-есть отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, но они болѣе неправильны въ своемъ главномъ направленіи и перерѣзаны большимъ числомъ брешей. Тѣмъ не менѣе, они представляютъ болѣе трудности при переходѣ, вслѣдствіе недостатка воды и отсутствія зелени: дожди, приносимые полярными вѣтрами, и тѣ, которые приносятся экваторіальными теченіями, одинаково задерживаются при проходѣ чрезъ пограничныя горы плато; ливни весьма рѣдки на высотахъ, расположенныхъ внутри иранской ограды.

---

[1]) Napier, „Journal of the Geographical Society", 1876; Gill and Baker, „Clouds in the East".

[1]) Gill and Baker, „Clouds in the East".

Въ общемъ, горная полоса, ограничивающая Персію, къ сѣверо-востоку страннымъ образомъ измѣняется въ ширину. Тогда какъ на западѣ толщина стѣны, отдѣляющая равнины Астрабада отъ равнинъ Шахруда,—Каспійскую область отъ пустынныхъ пространствъ центральной Персіи,—едва достигаетъ до сорока километровъ, на востокѣ параллельные хребты присоединяются къ главному гребню горъ, и отъ запада къ востоку они получаютъ все болѣе и болѣе значительную ширину, такъ что развертываются полукругомъ на востокъ отъ большой пустыни. Между Персіей и Афганистаномъ, подъ меридіаномъ Мешхеда, гребни горъ, слѣдующіе другъ за другомъ съ сѣвера на югъ, почти всѣ идутъ, сообразно съ нормальнымъ направленіемъ персидскихъ горъ, отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, въ числѣ двѣнадцати, не считая второстепенныхъ отроговъ: дорога изъ Мешхеда въ Сеистанъ, по которой проходятъ караваны, представляетъ непрерывный рядъ подъемовъ и спусковъ; на нѣкоторые изъ нихъ, благодаря крутизнѣ скатовъ, весьма трудно взбираться; почти повсюду находишься на высотѣ болѣе 1.000 метровъ, а многія бреши горъ превышаютъ 2.000 метровъ. Съ другой стороны, плоскогорья, раздѣляющія параллельные хребты, представляютъ во многихъ мѣстахъ песчаныя и пустынныя пространства. Итакъ, хотя всѣ эти промежуточные проходы составляютъ естественную дорогу, которая ставитъ въ сообщеніе Персію съ Афганистаномъ, но трудности, встрѣчаемыя на дорогахъ, пролегающихъ по пескамъ, или по крутымъ горамъ, побудили сдѣлать изъ этой страны «проѣзжую дорогу» между двумя государствами. Кромѣ того, набѣги туркменъ, которые въ этихъ странахъ, благопріятствующихъ засадамъ, врывались бѣшеными кавалькадами внутрь ихъ равнинъ, болѣе чѣмъ на 500 километровъ, много способствовали тому, чтобы сдѣлать изъ этихъ странъ настоящую границу, гдѣ встрѣчаются персы съ афганцами [1]).

Горы, господствующія своими лѣсистыми скатами надъ южнымъ полукружіемъ береговъ Каспійскаго моря, извѣстны подъ общимъ названіемъ Эльбурса. Впрочемъ, названіе это принадлежитъ только одному изолированному массиву, тому, который высится на сѣверо-западѣ Тегерана; это—древній Альборджъ, «первая гора, отъ которой возникли всѣ прочія», центръ семи «симметрическихъ частей земли, соотвѣтствующихъ семи небесамъ планетъ и семи кругамъ ада», лучезарная вершина, упирающаяся въ небо, источникъ водъ и колыбель человѣчества [2]).

Въ дѣйствительности всѣ эти высоты, находящіяся между русскимъ моремъ и персидскимъ плато, не составляютъ единаго хребта, а отдѣльныя звенья, соединяющіяся одни съ другими посредствомъ второстепенныхъ отроговъ. Первый восточный массивъ и одинъ изъ наиболѣе возвышенныхъ—это Шахъ-Кухъ (Шахъ-Кохъ) [1]) или «Королевская гора». Его изрѣзанный хребетъ, представляющій контрастъ своими пилообразными зубьями съ куполами большинства другихъ горъ Эльбурса, возвышается къ западу отъ луговыхъ вершинъ, имѣющихъ столь важное значеніе съ военной точки зрѣнія, которую раздѣляютъ равнины Астрабада отъ равнинъ Шахруда: именно тамъ и пролегаетъ одна изъ историческихъ дорогъ, наиболѣе часто проходимыхъ между Ираномъ и Тураномъ. Высота порога въ Чалчанліанскомъ ущельи достигаетъ 2.620 метровъ, а наиболѣе возвышенныя иглы Королевской горы господствуютъ надъ проходомъ, высотой около 1.500 метровъ. Груды снѣга наполняютъ круглый годъ южныя впадины, ближайшія къ вершинѣ, къ великому огорченію горцевъ, обязанныхъ платить дань снѣгомъ губернатору Астрабада. Деревня Шахъ-Кухъ-Бала, расположенная на высотѣ приблизительно 2.400 метровъ, на южной покатости горы, считается самымъ возвышеннымъ населеннымъ пунктомъ въ Персіи. Угольныя копи и залежи каменной соли находятся въ известковыхъ и песчаныхъ скалахъ Шахъ-Куха и сосѣднихъ горъ.

Ущелье, посѣщаемое чаще Чалчанліанскаго, потому, что оно сокращаетъ на цѣлыя сутки путь путешественникамъ, отправляющимся изъ Тегерана въ провинцію Астрабадъ,—огибающее на западѣ вершину Шахъ-Куха, называется Шамшербурскимъ или «Ущельемъ, прорубленнымъ мечемъ». Туземцы видятъ въ этомъ подвигъ Али и разсказываютъ, что герой этотъ, прорубивши гору, бросилъ свой мечъ въ Каспійское море; отъ этого происходятъ и всѣ бури, часто волнующія это море. Немного найдется ущелій, похожихъ болѣе на порталъ, сдѣланный рукой человѣка, чѣмъ эта вторая брешь Ролана, но менѣе высокая и менѣе грандіозная, чѣмъ та, которая въ Пиренеяхъ. Верхнее ущелье, длиной въ 135 метровъ и шириной отъ 5 до 6-ти метровъ, доминируется и съ той и съ другой стороны двумя скалами въ видѣ столбовъ, которые совершенно отдѣлены отъ остальной горы и гладкія стѣны которыхъ имѣютъ отъ 6 до 10-ти метровъ въ высоту. По словамъ Непира, мнѣніе котораго не подтверждается подлинниками другихъ авторовъ, этотъ природный входъ и есть то ущелье, которое греки называли «Каспійскими ущельями» [2]). Извѣстно, что Шамшербуръ есть одна

1) Mac Gregor, „Narrative of a Journey through the province of Khorassan“.

2) Boundehech; — Eugène Burnouf; — Michel Bréal, „Mélanges de mythologie et de linguistique“.

1) „Кухъ“—по-персидски, „Кохъ“ по-афганистански—одно и то же иранское слово, обозначающее: горные хребты, массивы, или отдѣльныя вершины.

2) „Journal of the Geographical Society“, 1876.

изъ древнихъ дорогъ Мидіи. Различныя мѣстныя повѣрья свидѣтельствуютъ о святости, въ которую облечена вся эта страна, посѣщаемая людьми всѣхъ странъ. Такъ, скала, находящаяся близъ деревни Астаны, тамъ, гдѣ сходятся нѣсколько дорогъ, на юго-западѣ ущелья, носитъ отпечатокъ ноги. Мѣсто это обнесено рѣшеткой, въ огражденіе отъ назойливаго любопытства вольнодумцевъ, столь многочисленныхъ въ Персіи. Этотъ отпечатокъ ноги приписывался прежде богамъ; нынѣ чтится шіитами, какъ свидѣтельство посѣщенія Али. Вблизи этого мѣста бьетъ сильный источникъ, по всей вѣроятности самый сильный во всей Персіи: это—Чесмехъ-и-Али или «Источникъ Али», дающій, по словамъ Непира, до 3-хъ кубическихъ метровъ въ секунду. Онъ оплодотворяетъ поля Астаны, создавая зеленый оазисъ среди всѣхъ этихъ желтоватыхъ скалъ, наводящихъ уныніе полнымъ отсутствіемъ растительности, какъ почти всѣ скалы южнаго склона Эльбурса. Но источникъ этотъ болѣе цѣнится, благодаря своей таинственной очистительной силѣ, нежели свойствамъ удабриванія: богомольцы, отправляющіеся въ священный городъ Мешхедъ, никогда не забываютъ погрузиться въ его воды. Впрочемъ, кажется, источникъ Али считается цѣлебнымъ для леченія накожныхъ болѣзней.

По ту сторону Шамшербура, главный хребетъ, извѣстный подъ спеціальными названіями Хазаръ-джара и Савадъ-куха, правильно продолжается къ юго-западу, обращая къ Каспійскому морю крутые скаты, покрытые роскошной растительностью, а въ сторону плато, напротивъ, спускаясь послѣдовательными террасами, то каменистыми, то зелеными, и не имѣя растущихъ деревьевъ нигдѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ впадинъ, гдѣ журчатъ воды источниковъ. Самая обильная водою рѣка въ этой части Мазандерана—Тиларъ или Таларъ, которая получаетъ свое первоначальное теченіе не съ сѣвернаго склона горъ, а съ южнаго. Она беретъ свое начало на плато Кингъ, на высотѣ болѣе 2.850 метровъ; затѣмъ, соединивъ множество притоковъ, пробуравливаетъ себѣ выходъ сквозь хребетъ Эльбурса. Дорога, по которой недавно еще такъ часто проѣзжали, до постройки дороги, пролегающей болѣе на западъ,—входитъ въ эту клюзу и спускается къ берегу Каспійскаго моря; она служитъ для каравановъ, доставляющихъ въ столицу дрова, уголь и съѣстные припасы. Высокая гора Незваръ (3.965 метровъ) господствуетъ надъ ущельемъ съ восточной стороны, окруженнымъ почти кольцеобразно притоками Талара. Развалины крѣпостей, приписываемыхъ, какъ и множество другихъ сооруженій въ странѣ, Александру Великому, защищаютъ входы въ ущелье, близъ деревни Фирузъ-Кухъ. Параллельный хребетъ, гораздо менѣе возвышенный и состоящій большею частью изъ конгломерата и каменныхъ обломковъ, отдѣляетъ эту часть Эльбурса отъ лежащихъ внутри пустынныхъ равнинъ. Его называютъ горой Самнанъ, по имени города, наиболѣе имѣющаго значеніе на дорогѣ, идущей вдоль ея южной подошвы. Передняя гора этого хребта, которая выдается далеко въ пустыню, пересѣкая дорогу, по всей вѣроятности, та самая, которой ущелья нынѣ извѣстны подъ названіемъ Сирдара, а прежде назывались «Каспійскими ущельями». Многочисленныя развалины укрѣпленій свидѣтельствуютъ о той важности, какую придавали обладанію этимъ проходомъ, съ помощью котораго можно избѣжать длиннаго обхода по солончаковымъ равнинамъ юга, или по скалистымъ горамъ сѣвера [1]).

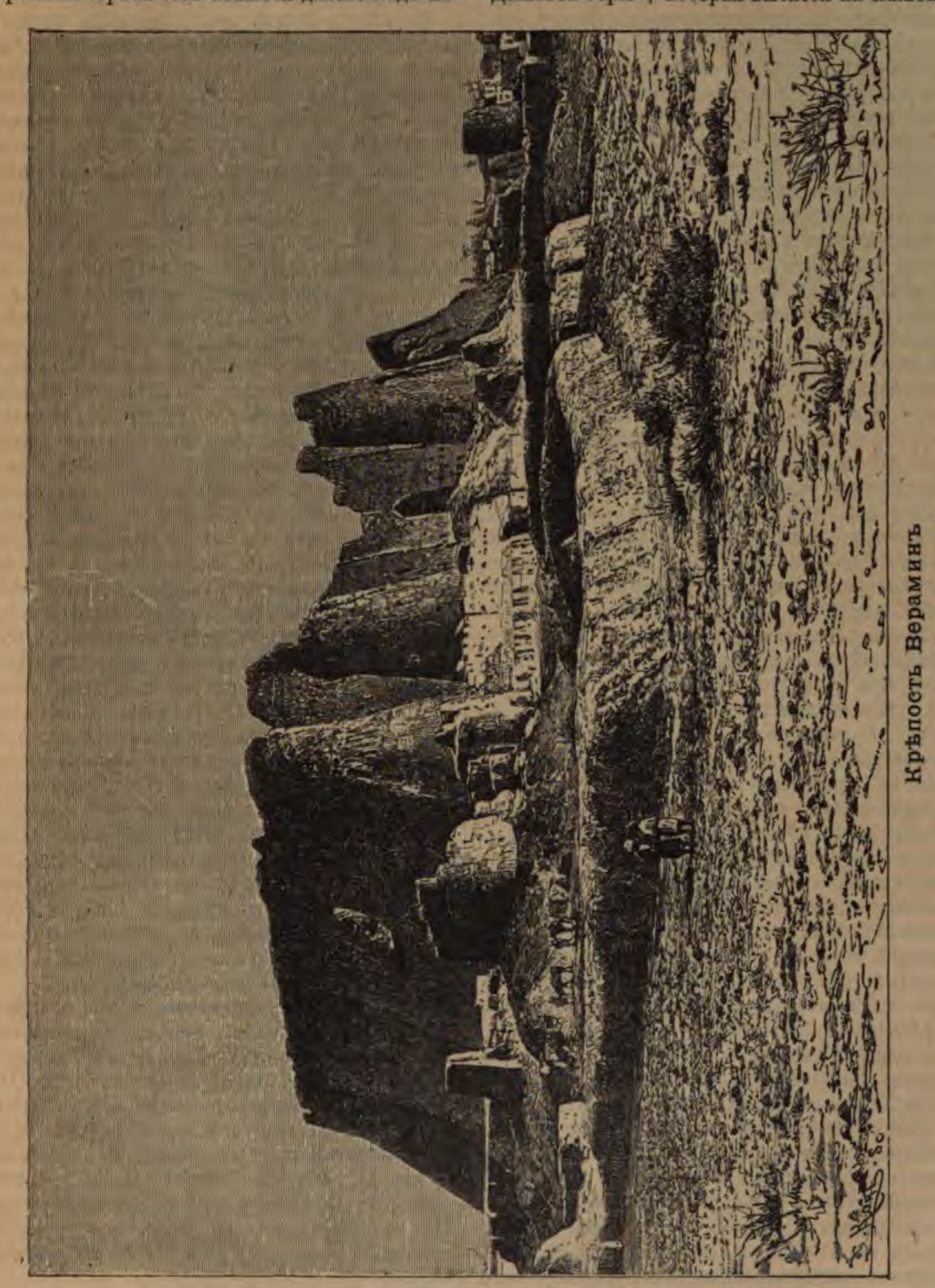
Самая высокая вершина Эльбурса, Демавендъ, котораго пирамида высится на 2.000 метровъ надъ окружающими горами, геологически совсѣмъ не принадлежитъ къ иранской орографической системѣ: это—вулканъ, весь составленный изъ скалъ, смѣшанныхъ съ изверженіями и лавой, тогда какъ всѣ горы, образующія пьедесталъ Демавенда, состоятъ изъ осадочныхъ слоевъ извести и песчаника, слои которыхъ нисколько не разстроились отъ появленія верхняго конуса [2]). Груды шлаковъ были выброшены расщелинами почвы поверхъ передняго возвышенія горъ и плато, и во многихъ мѣстахъ можно видѣть огнезданныя скалы, покрывающія известковые слои. Но на восточной сторонѣ вулкана можно замѣтить громадную расщелину, которая образуетъ почти раздѣльную линію между веществами, выброшенными землей, и осадочными слоями. Центральный конусъ немного наклоненъ къ западу, какъ будто бы его восточная база приподнята; зазубренный полукругъ, остатокъ болѣе древняго кратера, окружаетъ пикъ, какъ другая Сомма окружаетъ Везувій, но бо̀льшихъ размѣровъ [3]). Высота вулкана, наиболѣе возвышеннаго конуса въ Персіи, была высчитана различно: по словамъ Кочи—перваго европейца, достигшаго кратера, послѣ ботаника Ошера Элуа,—высота вулкана достигаетъ только отъ 4.200 до 4.500 метровъ, судя по поясамъ растительности; но Томсонъ, Леммъ и нѣкоторые другіе ученые прибавляютъ къ этому вычисленію еще болѣе 2.000 метровъ. Измѣренія Ивашинцова, которыя онъ дѣлалъ тригонометрическимъ способомъ, доходятъ до 5.628 метровъ. Персидскіе ученые, которые считаютъ Демавендъ самой высокой горой на землѣ, при полномъ непониманіи мѣры, говорятъ, что высота его достигаетъ 30 киломе-

[1]) Ouseley;—Fraser,—Tuilhier;—Morier;—Carl Ritter, „Asien“, vol. VIII.

[2]) E. Tietze, „Verhandlungen der geologischen Reichsanstalt“, 1877, № 2.

[3]) F. di Filippi, „Note di un Viaggio in Persia“.

тровъ [1]). Изъ Тегерана видно его даже ночью господствующимъ надъ горизонтомъ, и когда солнце восходитъ за Эльбурсомъ, то отъ него огромная черная тѣнь ложится далеко надъ па-



Крѣпость Вераминъ

рами равнины; его видно даже отъ подошвы Кашанскихъ горъ, черезъ полосу пустынь. Кажется, съ историческихъ временъ Демавендъ не производилъ изверженій; но столбы пара часто поднимаются изъ трещинъ вершины, и особенно изъ случайнаго конуса Дуди-куха или «Дымовой горы», которая высится на южномъ склонѣ. Эти пары часто растопляли слои снѣга, покрывающіе верхній конусъ, а также маленькіе ледники въ кругообразныхъ лощинахъ, причиняя такимъ образомъ страшный потопъ, уносившій лавины обломковъ на нижнія тер-

[1]) Czarnotta, „Mittheilungen von Petermann", 1859, II.

расы. Теплые источники, весьма обильные, возникшіе на окружности горы и распространяющіе такой же сѣрный запахъ, какъ и дымовыя трещины вершинъ, образовались изъ растаявшихъ снѣговъ, просачивающихся сквозь слои пепла. Ихъ употребляютъ только при леченіи болѣзней; земледѣльцы считаютъ ихъ пагубными для растительности. Кромѣ того, желѣзистые источники и другіе, выбрасывающіе травертиновый туфъ, текутъ въ изобиліи со скатовъ Демавенда. По изслѣдованіямъ де-Филиппи, вулканъ былъ еще въ дѣйствіи и тогда, когда на иранскомъ плато наносы заполнили верхомъ древнія озера.

По сказаніямъ легенды, Демавендъ или Дивбандъ («Жилище Дивъ или Духовъ»), былъ свидѣтелемъ всѣхъ событій, скрытыхъ подъ завѣсой миѳовъ. Тамъ, говорятъ магометане Персіи, остановился Ноевъ ковчегъ; тамъ жили Джемшидъ и Рустемъ, воспѣтые въ эпопеяхъ; тамъ Феридунъ, побѣдитель исполина Зогака, зажегъ торжественный огонь, который напоминаетъ, можетъ быть, о древнихъ изверженіяхъ: тамъ заперто чудовище, а пары, выходящіе изъ горы, это—дымъ изъ его ноздрей; тамъ также пригвожденъ, подобно Прометею, Язидъ-бенъ-Джигадъ, печень котораго, безпрестанно возрождающаяся, пожирается исполинской птицей [1]). Гроты вулкановъ наполнены сокровищами, которыя стерегутъ змѣи. Туземцы идутъ туда только для собиранія сѣры, лежащей въ жерлѣ кратера и въ сосѣднихъ съ нимъ дымовыхъ трещинахъ. Подъемъ на гору трудный, хотя скаты вездѣ правильные и поверхность изъ лавы и пепельные откосы нигдѣ не прерываются пропастями. Въ предохраненіе отъ скорбута, который, благодаря испареніямъ почвы, становится иногда опаснымъ, взбирающіеся на гору имѣютъ обыкновеніе жевать чеснокъ или лукъ. Часто случается, что искатели сѣры погибаютъ отъ внезапныхъ бурь, поднятыхъ одновременно снѣгомъ и пепломъ, смѣшанными съ сѣрнистыми парами, что́ дѣлаетъ атмосферу невозможною для дыханія. Края кратера, котораго впадина превышаетъ 300 метровъ въ окружности, заполнены льдомъ; при входѣ на гору, открывается громадный горизонтъ, болѣе чѣмъ въ 100.000 квадратныхъ километровъ. Но весьма рѣдко случается, что пространство не бываетъ задернуто туманомъ: сквозь сѣрое покрывало изъ пыли и паровъ, едва можно различить у подошвы горы черныя пятна, обозначающія сады Амола и голубую поверхность Каспійскаго моря, обрамленнаго желтоватой линіей берега, изогнутаго въ видѣ полукруга. Со стороны иранскихъ плато скорѣе угадываешь, чѣмъ видишь, города, окруженные садами: надо спуститься на выдвинутыя впередъ террасы, чтобъ имѣть передъ глазами вѣрную картину пространства, испещреннаго оазисами, «подобно кожѣ пантеры» [1]).

На сѣверо-западѣ отъ Демавенда хребетъ Эльбурса принимаетъ сѣверо-западное направленіе, почти параллельное Каспійскому прибрежью, но мало-по-малу приближаясь къ берегу. Точалъ-гора, которой длинная вершина господствуетъ на сѣверѣ надъ равниной Тегерана, достигаетъ высоты 3.900 метровъ, и многія ущелья этой части Эльбурса превышаютъ 2.500 метровъ. Въ нихъ есть убѣжища, мѣстами подземныя, сохраненныя близъ входа для пріюта животныхъ и людей отъ снѣжныхъ бурановъ. На сѣверо-западѣ Тегерана, одна изъ вершинъ, не самая высокая гора Альпъ сѣверной Персіи, есть одна изъ тѣхъ «Соломоновыхъ Троновъ», которыя находятся во всѣхъ мусульманскихъ земляхъ: Тахтъ-и-Сулейманъ Эльбурса достигаетъ высоты не менѣе 4.400 метровъ [2]); въ половинѣ іюля, она еще различаетъ блескъ снѣговъ; но на ней нѣтъ и слѣдовъ ледниковъ, ни нынѣшнихъ, ни прежнихъ [3]): Персія, въ которой столько признаковъ указываютъ на бывшій прежде періодъ дождей и снѣговъ, не имѣла періода льдовъ. Въ недалекомъ лишь разстояніи, къ юго-востоку отъ Трона Соломона, надъ ущельями, къ которымъ доступъ весьма труденъ, высится, доминируемая горой Зіяларъ, крутая скала Аламутъ или «Орлиное гнѣздо», изъ котораго «Старецъ Горы», король-священникъ «Убійцъ», т. е. правовѣрныхъ, опьяненныхъ «гашишемъ», сдѣлалъ свою главную крѣпость и складочное мѣсто для своихъ грабежей. Послѣ долговременной осады крѣпость эта была взята монголами въ 1270 году; остальные сто замковъ секты также вынуждены были сдаться; но религія, называемая Измаили, существуетъ еще и теперь, и прямой потомокъ Старца Горы пребываетъ въ Бомбеѣ, въ качествѣ мирнаго британскаго подданнаго, содержимый добровольными даяніями правовѣрныхъ [4]).

За Тахтъ-и-Сулейманомъ тянутся пастбищныя вершины Самана. Горы спускаются отлогостями, а чрезъ всю толщину хребта протекаетъ обильная водою рѣка Сефидъ-рудъ (Бѣлая рѣка), которая беретъ начало въ горахъ Курдистана и течетъ на пространствѣ около 200 километровъ вдоль южной подошвы Эльбурса, до тѣхъ поръ, пока находитъ брешь, дозволяющую ей ринуться къ Каспійскому морю. На западѣ Гери-руда, Сефидъ-рудъ—единственная рѣка, пробуравливающая мѣстами

---

[1]) Carl Ritter, „Asien". vol. VIII;—Melgounov, „Das südliche Ufer des Kaspischen Meeres".

[1]) Kotschy, „Mittheilungen von Petermann", II, 1859;—Rosenburg, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien", mars 1876.

[2]) Von Godel Lannoy, „Allgemeine Zeitung", oct. 1880.

[3]) De Filippi, цитированное сочиненіе.

[4]) H. Yule, „The Book of ser Marco Polo".

вершины хребта, образуя такимъ образомъ діафрагму западной Азіи. Брешь эта замѣчательна не съ одной только географической точки зрѣнія, но также и въ отношеніи мѣстныхъ климатическихъ явленій. Всѣ путешественники жалуются на страшный сѣверный вѣтеръ, поднимающійся лѣтомъ съ Каспійскаго моря и проникающій въ ущелье Сефидъ-руда. Сначала онъ не особенно силенъ, но постоянно усиливается по мѣрѣ того, какъ дальше проникаетъ въ ущелье и превращается въ ураганъ при выходѣ изъ ущелья, тамъ, гдѣ мостъ Менджгиль перекинутъ чрезъ потокъ. Легкіе пары, приносимые этимъ вѣтромъ съ моря, сгущаются на плато при соприкосновеніи съ болѣе холодными слоями воздуха и уже въ видѣ густыхъ облаковъ клубятся вокругъ горъ. Сейчасъ по наступленіи дня, рискованно проходить по мосту Менджгиля: можно быть унесеннымъ вѣтромъ; даже животныя ни за что туда не идутъ. Легко себѣ объяснить происхожденіе этого атмосферическаго явленія: во время жаркихъ лѣтнихъ дней, долины, защищенныя отъ сѣверныхъ вѣтровъ массивами Эльбурса, наполняются жгучей атмосферой; воздухъ Каспійскаго моря, втянутый въ это горнило, стремится въ воронку Сефидъ-руда и оттуда немедленно проникаетъ въ верхніе слои воздуха плато. Зимой происходитъ противуположное явленіе: холодный воздухъ горныхъ вершинъ вторгается въ ущелье Сефида, притягиваемый менѣе холодною температурой Каспійскаго моря [1]).

Горный хребетъ, снова показывающійся по другую сторону Бѣлой рѣки и огибающій заливъ Ензели, затѣмъ продолжающійся къ сѣверу и выдвинувшій въ море свой мысъ Астара, откуда течетъ потокъ, отмѣчающій границу между Персіей и Россіей,—считается обыкновенно принадлежащимъ къ орографической системѣ, разнородной съ Эльбурсомъ. Этотъ хребетъ есть продолженіе Талышскихъ горъ, первые холмы которыхъ возвышаются въ Закавказьѣ надъ Муганскою степью. Гребень этихъ горъ вытягивается по прямой линіи, километрахъ въ двадцати отъ Каспійскихъ береговъ; во многихъ мѣстахъ кручи представляются въ видѣ вала надъ моремъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя бреши въ хребтѣ дозволяютъ добраться до плато Азербейджана, и двѣ идущія дороги,—одна отъ русскаго военнаго поста Астара, другая отъ небольшаго порта Керганруда,— проходятъ чрезъ гору на высотѣ 1.980 метровъ; идущая южнѣе тропинка, которая огибаетъ сѣверные скаты Ак-дага, – не ниже 2.700 метровъ. Между этими двумя склонами Талыша контрастъ поразительный: съ одной стороны виднѣется море между вѣтвями деревьевъ, растущихъ на обрывистомъ скатѣ; съ другой стороны тянутся слегка волнообразныя покатости плато, почти совсѣмъ лишеннаго растительности [1]).

Узкая прибрежная полоса, образующая между горами и Каспійскимъ моремъ двѣ области, Гилянъ и Мазандеранъ, представляетъ страну, настолько разнящуюся отъ Персіи и своимъ видомъ, и свойствомъ почвы, и климатомъ, и произведеніями, что въ ней гораздо замѣтнѣе географическое вліяніе Кавказа, нежели Ирана, часть котораго она составляетъ и съ которымъ эта территорія связана въ политическомъ отношеніи. Контрастъ столь рѣзокъ между плоскогорьями, простирающимися съ южной стороны Эльбурса, и плодоносными долинами его сѣверной подошвы, что многіе ученые видѣли въ этой противуположности одну изъ главныхъ причинъ дуализма, составляющаго основу древней персидской религіи. Правда, если сравнивать Мазандеранъ съ суровыми пустынями плато, онъ представляется раемъ по обилію своихъ водъ, по силѣ и яркости своей растительности, по богатству своихъ садовъ. Но зато въ другомъ отношеніи онъ невыносимъ, благодаря хищнымъ звѣрямъ, обитающимъ въ его лѣсахъ, несмѣтному количеству комаровъ, тучи которыхъ затемняютъ атмосферу, а также господству болотныхъ лихорадокъ, дѣйствующихъ самымъ разрушительнымъ образомъ на организмъ жителей. Эта прелестная страна была именно той, которую населяли злые духи. «Если хочешь умереть, ступай въ Гилянъ», говоритъ персидская пословица. Другая причина, по которой нижній Мазандеранъ считался проклятой страной, по сравненію съ высокими мѣстностями, заключалась въ томъ, что «герои», т. е. побѣдители, жили на горѣ и на переднихъ холмахъ, тогда какъ въ прибрежныхъ мѣстахъ, не защищенныхъ болотами, работали порабощенные народы или данники, т. е. презрѣнные. Прибрежная полоса, простирающаяся въ длину около 600 километровъ, а въ ширину имѣющая не болѣе 15 или 20 километровъ, не могла, очевидно, сдѣлаться владѣніемъ автономнаго народа: жители возвышенныхъ мѣстностей, внезапно спускаясь съ горъ, становились заранѣе хозяевами этихъ богатыхъ посадовъ, которые они видѣли у своихъ ногъ. Но какъ бы ни былъ разителенъ контрастъ относительно почвы, климата и земледѣлія между иранскими плато и низменными областями Мазандерана, все же онъ представляетъ менѣе рѣзкій переходъ отъ хорошаго къ худшему, нежели какой мы видимъ собственно въ Персіи: тамъ просто поражаетъ внезапный переходъ отъ зыбучихъ песковъ или голыхъ скалъ пустыни къ тѣнистому зеленому оазису, въ ко-

[1]) Aucher Eloy. „Relations de Voyages en Orient";— Houtum Schindler, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin", 1876;—Melgounov, цитированное сочиненіе.

[1]) Thielmann, „Streifzüge im Kaukasus", etc.; — Häntsche, Talysch, „Eine geographische Skizze".

торомъ слышно журчаніе фонтановъ, пѣніе птицъ, и въ чащѣ зелени котораго скрывается многолюдный городъ.

Пары съ Каспійскаго моря и приносимые полярными вѣтрами болѣе, нежели какая-нибудь другая геологическая сила, содѣйствовали тому, что Мазандеранъ обладаетъ такой роскошной растительностью. Количество дождя, падающее на склоны Эльбурса, еще не измѣрено посредствомъ сравнительныхъ наблюденій; но на основаніи приблизительныхъ вычисленій извѣстно, что дождь падаетъ по крайней мѣрѣ въ пять разъ больше на сѣверныхъ скатахъ горы, нежели на противуположныхъ скатахъ, обращенныхъ къ Ирану [1]). Когда дождевыя облака поднимаются съ моря, то почти всегда видно, какъ они останавливаются на самой вершинѣ горъ, рѣзко очерченныя сухимъ воздухомъ, который покоится на плато [2]). Послѣ большихъ ливней, прѣсная вода, которую морской вѣтеръ выбрасываетъ на горы и которую затѣмъ уносятъ обратно потоки, покрываетъ на значительномъ пространствѣ соленыя волны Каспійскаго моря. Преданіе, сообщенное Плутархомъ, говоритъ, что Александръ Великій пилъ эту воду во время своего похода въ Гирканію. Вслѣдствіе дождей, форма возвышенія горъ совершенно различна на двухъ покатостяхъ персидскихъ Альпъ. На югѣ Эльбурсъ высится правильными террасами, слегка надрѣзанными воздушными стихіями, а на сѣверѣ его скаты изрыты по всѣмъ направленіямъ глубокими лощинами, осѣвшія частицы которыхъ тянутся по почвѣ узкой равнины въ видѣ гравія или ила: съ каждаго холма, выдвинутаго впередъ, видны слѣдующіе другъ за другомъ вдоль берега параллельные гребни мысовъ, изъ которыхъ послѣдніе исчезаютъ въ густомъ туманѣ. Каждая изъ этихъ линій обозначаетъ входъ въ долину, съ ея небольшими боковыми лощинами, и цѣлую систему потоковъ, рѣкъ и ирригаціонныхъ каналовъ. Хотя берега Мазандерана распространяются къ сѣверу до 36° широты, тѣмъ не менѣе они обладаютъ если не тропической растительностью, то во всякомъ случаѣ не менѣе богатой, какъ и на югѣ Европы. На сѣверѣ Каспійскаго моря тянутся всюду степи и пустыни, на югѣ всюду виднѣются итальянскія деревни, гдѣ растутъ фиговыя, миндальныя, гранатовыя, лимонныя, апельсинныя деревья. На холмахъ ростутъ кустарники самшитовъ (буксовъ), а кипарисы окружаютъ деревни и замки. Выше лѣса, покрывающіе скаты до 2.000 метровъ высотой, походятъ на лѣса центральной Европы и состоятъ преимущественно изъ ясеневыхъ, буковыхъ и дубовыхъ деревьевъ. Европейцамъ, живущимъ въ Тегеранѣ, стоитъ только перейти чрезъ ущелье Эльбурса, чтобъ почувствовать себя снова съ своемъ отечествѣ. Воздѣланныя поля, лежащія у подошвы горъ, чрезвычайно плодородны: какъ говорилъ Страбонъ, «стоитъ зерну выпасть изъ колоса, чтобъ произвести новую жатву; тамъ деревья служатъ ульями для пчелъ и медъ капаетъ съ ихъ листьевъ».

Мазандеранъ продолжаетъ быть садомъ Персіи, и Тегеранъ пользуется отъ него рисомъ, пшеницей и фруктами, шелкомъ-сырцомъ, равнымъ образомъ лѣсомъ и углемъ изъ его лѣсовъ, и рыбой изъ Каспійскаго моря. Понятно, что государи Персіи заботились о защитѣ этой богатой провинціи отъ вторженія разбойниковъ-туркменъ, рыщущихъ на юго-востокѣ Каспійскаго моря въ долинахъ Атрека и Гюргена. Легко защищаемая съ западной стороны, гдѣ холмы приближаются къ морю настолько, что оставляютъ только узкіе проходы, равнина Мазандерана имѣетъ довольно широкій пролетъ съ восточной стороны, къ Гюргенской долинѣ, къ «Волчьей рѣкѣ», которая дала названіе Гирканіи древнихъ. Надо было, слѣдовательно, перерѣзать этотъ пролетъ стѣнами и башнями, опираясь съ одной стороны на море, а съ другой на горы: такой оплотъ долженъ былъ остановить яджуджей и маджуджей, племена «Гога и Магога», какъ ихъ называли арабскіе ученые среднихъ вѣковъ. Но чрезъ эти стѣны переступали не разъ; поэтому и населеніе Мазандерана состоитъ изъ большаго числа земледѣльцевъ, происшедшихъ отъ туркменъ-номадовъ.

Хотя Каспійское море и очень глубоко вблизи побережья, судя по тому, что лотъ опредѣляетъ глубину морскую въ 750 метровъ на разстояніи всего только 30 километровъ отъ берега,—берегъ Мазандерана тѣмъ не менѣе совершенно не имѣетъ хорошихъ портовъ: наносы, приносимые съ Эльбурса многочисленными потоками, подхватываются морскими волнами и осаждаются вдоль береговъ. Почти повсемѣстно берегъ идетъ прямой линіей или легкими извилинами. Единственный замѣтный выступъ побережья образуется изъ осадочныхъ наносовъ Сефидъ-руда, выдвигаясь по крайней мѣрѣ на 25 километровъ противъ нормальной черты берега. Это осажденіе земель моремъ объясняетъ возникновеніе обширнаго внутренняго залива, въ который текутъ воды западнаго рукава дельты. Волны, захватывая наносы, приносимые Бѣлой рѣкой, образовали изъ нихъ прибрежный валъ, окружившій водяное пространство, которое прежде составляло часть моря: это—Мурдъ-абъ или «Мертвое Море» персовъ. Воды его, хотя и занимаютъ пространство около 400 квадр. километровъ, совсѣмъ не глубоки: суда могутъ плавать тамъ въ небольшомъ числѣ по извилистому фарватеру; протокъ Энзели, соединяющій заливъ съ Каспійскимъ моремъ, дозволяетъ проходить только

---

[1]) Oliver Saint John, „Eastern Persia“.
[2]) G. Radde, „Mittheilungen von Petermann“, 1881.

гребнымъ судамъ, имѣющимъ отъ 50-ти до 60-ти сантиметровъ осадки; мѣста, поросшія камышемъ, распространяя на далекое пространство топи Мертваго моря, дали Гиляну его названіе, означающее «Страну Болотъ». Наиболѣе возвышенныя мѣстности равнины тѣ, которыя идутъ вдоль рѣки, какъ и во всѣхъ дельтахъ. Благодаря своему ежегодному половодью, Сефидъ-рудъ не перестаетъ поднимать свои берега [1]): по старинному преданію, Лангерудъ или «Рѣка якорныхъ стоянокъ», городъ, расположенный въ наше время въ нѣсколькихъ километрахъ отъ моря, былъ когда-то портомъ Каспійскаго моря, и не такъ давно, въ половинѣ прошлаго столѣтія, подъ почвой этого города не разъ находили якоря.

Астрабадскій заливъ, находящійся въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря, походитъ на Мертвое море Гиляна, но онъ глубже, и чрезъ нѣкоторые проходы туда проникаютъ волны открытаго моря; суда съ углубленіемъ болѣе 4-хъ метровъ могутъ входить въ этотъ бассейнъ въ благопріятную погоду. Стрѣлка, которую русскіе назвали Потемкинской, отдѣляетъ заливъ отъ открытаго моря. Она постепенно съуживается отъ запада къ востоку и кончается двумя островами, изъ которыхъ наибольшій, Ашуръ-аде, былъ выбранъ русскимъ правительствомъ для морской станціи; рощи, изобилующія дичью, занимаютъ почти всю окраину прибрежья. Астрабадскій заливъ представляетъ, вмѣстѣ съ своими окрестностями, скорѣе видъ затопленной мѣстности, нежели залива первобытнаго образованія: кажется, будто старый берегъ былъ разрушенъ, и деревни, лежащія за нимъ, были залиты приливами. Явленія погруженія въ воду, которыя были констатированы во многихъ мѣстахъ каспійскаго побережья, именно въ Баку и близъ Ашуръ-аде у «Серебрянаго Холма» или Гумишъ-тепе, дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ это вторженіе моря въ Астрабадскій заливъ. Равнымъ образомъ, замѣчались также слѣды пониженія уровня каспійскихъ водъ во многихъ мѣстахъ прибрежья, у Мазандеранскаго берега; пониженіе морскаго уровня не прекратилось. На различныхъ высотахъ надъ уровнемъ настоящаго берега можно наблюдать линіи, проведенныя ударомъ волнъ въ эпоху, когда внутреннее море соединялось, быть можетъ, съ Понтомъ Эвксинскимъ. Нѣкоторые изъ этихъ оставленныхъ береговъ окаймлены стволами деревьевъ, зарытыхъ волнами наполовину въ илъ. Деревья эти одинаковыхъ породъ съ деревьями сосѣднихъ лѣсовъ, приносимыми потоками къ морю и которыя послѣ сильнаго половодья виднѣются плавающими во множествѣ вдоль береговъ. Раковины, смѣшанныя съ пескомъ старыхъ морскихъ береговъ, всѣ принадлежатъ къ породамъ, живущимъ и въ настоящее время въ сосѣднихъ моряхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ сохранили свѣжесть своихъ красокъ. Но замѣчательно, какъ исключеніе, то, что сердцеобразныя раковины, столь обыкновенныя теперь въ Каспійскомъ морѣ, не встрѣчаются совсѣмъ на покинутомъ прибрежьѣ: въ этомъ видно указаніе на важныя измѣненія въ жизни моря, со времени уменьшенія его водъ. На южныхъ берегахъ его и теперь еще формируются песчаныя скалы: тамъ попадаются не только раковины и обломки дерева, но также и остатки человѣческой производительности, что доказываетъ, что аггломерація этихъ песковъ въ камни есть современное явленіе [1]).

На западѣ Талышскихъ горъ высится почти изолированная гора, коническая форма которой кажется издали вулканомъ: это — Саваланъ, котораго вершина достигаетъ 4.844 метровъ; она почти постоянно покрыта снѣгомъ. Отъ начала историческихъ временъ не упоминается объ изверженіяхъ пепла или лавы, которыя бы потрясали эту гору. Путешественники, всходившіе на нее, видѣли тамъ только слѣды кратера; но обильные теплые источники бьютъ у ея подошвы. На востокѣ, на сѣверѣ и на югѣ Саваланъ совершенно отдѣленъ отъ окружающихъ горъ. Только на западѣ высокій отрогъ соединяетъ его съ Кара-дагомъ или «Черной горой», которой вершина идетъ полукругомъ къ югу отъ ущелій Аракса и соединяется въ Арменіи съ массивомъ Арарата. Черная гора есть гребень, граничащій къ сѣверо-западу съ иранскимъ плато и закрывающій, такимъ образомъ, длинный входъ, открывающійся между Эльбурсомъ и горами Курдистана. Но нельзя сказать, чтобъ эта горная цѣпь, идущая на сѣверѣ вдоль русской границы, служила бы естественной границей. Горы сѣверной Персіи, южнаго Закавказья и турецкой Арменіи составляютъ въ ихъ цѣломъ одну и ту же орографическую систему, соединяя горные хребты Ирана съ хребтами Малой Азіи: это та гористая страна, которой Карлъ Риттеръ далъ названіе Медійскаго перешейка [2]). Въ этой странѣ почва равнинъ весьма возвышенна: наиболѣе глубокая низменность, представляемая впадиной озера Урмія, превышаетъ 1.300 метровъ.

Въ сѣверо-западномъ углу Персіи, наиболѣе высокая гора, одинъ изъ священныхъ пиковъ иранцевъ — Сехендъ (въ 3.546 метровъ высотой), кругообразная подошва котораго, имѣющая 150 километровъ въ окружности, погружена въ бассейнъ озера Урмія; наверху этой природной обсерваторіи Монтеитъ чертилъ карту Азербейджана, который онъ видѣлъ рас-

---

[1]) Melgounow, цитированное сочиненіе.

[1]) Tietze, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien“, 1875.

[2]) „Erdkunde Asien,“ vol. VIII.

простертымъ у своихъ ногъ [1]). Гордый массивъ, образовавшійся изъ трахитовыхъ скалъ, на которыя наслоились известь, сланецъ, песчаникъ, конгломераты,—весьма обиленъ всякаго рода источниками, теплыми и холодными, кисловатыми, желѣзистыми, сѣрными. Источники Сехенда питаютъ водохранилища Тавриза. На западномъ склонѣ, воды, сильно насыщенныя солью, стекаютъ въ Урмійское озеро, увеличивая его солоноватость. Глубокая пещера въ горѣ, Искандеріяхъ или «пещера Александра», выдѣляетъ въ изобиліи угольную кислоту, и животныя, проникшія въ эту расщелину земли, неизбѣжно погибаютъ. Груды костей отъ умершихъ заграждаютъ входъ: по словамъ туземцевъ, въ глубинѣ этой пещеры, оберегаемой такой ядовитой атмосферой, Александръ зарылъ свои сокровища [2]). Скалы восточнаго склона испещрены прожилинами мѣди и серебристаго свинца. Туземцы идутъ разрывать руду съ единственной цѣлью добыть изъ нея свинецъ, посредствомъ разведеннаго у себя дома огня, пренебрегая тѣмъ, что этотъ металлъ имѣетъ большую примѣсь серебра, которую, впрочемъ, они не съумѣли бы извлечь [3]).

На югѣ Савалана, треугольникъ, находящійся между Эльбурсомъ и хребтами горъ, служащими границею западной Персіи, занятъ различными массивами и отрогами горъ, составляющими переходъ между двумя орографическими системами. Наиболѣе величественный изъ этихъ массивовъ, параллельный Эльбурсу и прикасающійся къ нему своею юго-восточной оконечностью, съ остальныхъ трехъ сторонъ превосходно очерчивается длинною дугою, которую описываетъ рѣка Кизиль-узенъ ранѣе своего сліявія съ Шахъ-рудомъ, при входѣ въ Менджгильское ущелье. Массивъ этотъ—знаменитый Кафланъ-кухъ, который служитъ одновременно и метеорологической, и исторической границею. На сѣверѣ страна болѣе влажна: это—страна проточныхъ водъ и пастбищъ; на югѣ воздухъ суше, почва безплоднѣе. По одну сторону населеніе состоитъ главнымъ образомъ изъ турокъ, по другую сторону большинство населенія—персы. Кафланъ-кухъ, несмотря на свою небольшую высоту въ сравненіи съ Эльбурсомъ, горами Курдистана и Арменіи, и несмотря на легкость подъема на него по плохо вымощенной дорогѣ,—считается какъ бы составляющимъ часть средняго раздѣла всего азіятскаго материка [4]). Впрочемъ, онъ дѣйствительно принадлежитъ къ линіи водораздѣла между Каспійскимъ моремъ и персидской пустыней. Было бы болѣе смысла звать его «Пограничной горой», а не Тигровой горой, какъ обыкновенно его называютъ [1]). Кафланъ-кухъ состоитъ изъ мергеля, мѣстами переходящаго въ фарфоръ, вслѣдствіе изверженій порфира [2]). Высокій хребетъ Камзехъ, простирающійся къ югу, отдѣленный отъ Эльбурса долиной Шахъ-руда, подобно Савалану, весьма богатъ металлами: одинъ изъ его отроговъ, по которому приходится переходить изъ Султаніеха въ Казвинъ, весь состоитъ изъ массы желѣзистаго камня, въ которомъ количество металла весьма велико [3]).

Горы Курдистана, поднимая нѣкоторыя изъ своихъ вершинъ на высоту почти столь же значительную, какъ Сехендъ, примыкаютъ къ массиву Тендурека и, подобно этому конусу, который стоитъ прямо противъ двойной вершины Арарата, онѣ частью также вулканическаго происхожденія. Одинъ кратеръ открылся въ этой странѣ горъ, и лава его текла широкой каменистой рѣкой надъ песками и гравіемъ долины Зельмаса, сѣверо-западнаго притока Урмійскаго озера. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка эта течетъ между базальтовыми утесами въ сто метровъ вышиной [4]). Горы водораздѣла состоятъ большею частью изъ трахитовыхъ порфировъ, подобно Сехенду. Онѣ начинаются на турецкой территоріи; только на югъ отъ Урмійскаго озера, персидская граница, впрочемъ чисто условная, направляется къ западу отъ первой вершины, чтобъ затѣмъ спуститься въ равнину и обогнуть подошву горъ. Тамъ не встрѣчается такихъ складокъ почвы, которыя бы въ цѣломъ представляли столь поражающую правильность, какую мы видимъ въ западной Персіи. Горы однообразно направляются отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, наклоняясь къ югу немного болѣе, чѣмъ понто-каспійскій Кавказъ и «Туркменскій Кавказъ». Большинство горныхъ хребтовъ состоитъ изъ известковыхъ и мѣловыхъ скалъ третичной формаціи, тогда какъ предгорія, которыя ближе къ Тигру, состоятъ большею частью изъ нуммулитовъ и свѣжаго песчаника. Между всѣхъ этихъ горъ гранитныя ядра попадаются лишь на небольшомъ пространствѣ, если не считать того участка, который тянется отъ Урмійскаго озера къ Испагани. Боковыя горы иранскаго плато иногда называются общимъ именемъ Загроса: такъ называли ихъ греки. Но это названіе принадлежитъ спеціально горному хребту, который внезапно круто возвышается, подобно валу, надъ равнинами Месопотаміи, и который длинною долиною Керкга отдѣляется отъ восточныхъ хребтовъ Луристана и Кузистана. Горы, служащія границей Пер-

---

[1]) „Journal of the Geographical Society of London", 1833.

[2]) Tavernier;—Ouseley;—Browne;—Monteith;—Carl Ritter, „Asien", vol. VIII.

[3]) Czarnotta, „Geologische Reichsanstalt". 1852, II.

[4]) Chardin, „Voyages en Perse et autres lieux de l'Orient".

[1]) Ouseley, „Travels in the East";—Carl Ritter, „Asien", vol. VIII.

[2]) De Filippi, „Note di un Viaggio in Persia".

[3]) Czarnotta, цитированный мемуаръ.

[4]) Loftus, „Quarterly Journal of the Geographical Society", aug. I. 1855.

сіи, идутъ по прямой линіи, подобно вершинамъ Юры, Аллеганамъ, венгерской Маты, подобно горамъ Босніи, Сулейманъ-дага, и въ большинствѣ онѣ перерѣзаны мѣстами широкими брешами или *тенгами*, открывающимися не въ самой нижней части мѣловыхъ и нуммулитовыхъ хребтовъ, но именно въ самыхъ возвышенныхъ частяхъ каменистыхъ соединеній. Нигдѣ нельзя лучше констатировать, какъ тутъ, что нѣкоторыя горныя ущелья возникли отъ пролома почвы, а не вслѣдствіе медленнаго размытія ея: рѣки входятъ въ нихъ порывистыми изгибами, чтобъ затѣмъ спуститься въ перпендикулярныя долины, лежащія между параллельными хребтами, и снова исчезнуть въ боковой клюзѣ [1]). Стѣны, сотнями громоздящіяся другъ

Тегеранъ.

[1]) Loftus, цитированный мемуаръ; — Blanford, „Eastern Persia“.

надъ другомъ, отъ равнинъ Вавилонскихъ къ иранскимъ плато, между ущельями рѣкъ, принимаютъ росположеніе, подобное тому, которое англичанинъ Раверти, привыкшій къ маневрамъ войскъ, сравниваетъ съ «баталіонами въ ротныхъ колоннахъ». Цоколь каждаго горнаго хребта тѣмъ выше, чѣмъ онъ ближе къ возвышеннымъ мѣстностямъ Ирана. Идя отъ равнины, приходится подниматься по цѣлому ряду ступеней изъ одной клюзы въ другую, благодаря чему и назвали эту страну Тенгзиръ или «Страна Теновъ».

Нѣкоторые изъ хребтовъ западной Персіи такъ же однообразны по своей высотѣ, какъ и въ общемъ направленіи; но между ними есть однако нѣсколько вершинъ очень неровныхъ. Раньше, до того времени, когда англійская коммиссія, назначенная для установленія персидскихъ границъ съ востока на западъ, научно изслѣдовала иранскія горы, ихъ считали менѣе высокими, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности. Непрерывный рядъ подъемовъ и спусковъ сбивалъ съ толку большинство путешественниковъ; поэтому они пытались произвести измѣренія скорѣе относительной высоты горъ, нежели абсолютной, отнесенной къ морскому уровню [1]). Одна изъ этихъ высокихъ вершинъ — знаменитый Эльвендъ, по иранской миѳологіи Ревандъ; эта гора изъ гранита и кварца достигаетъ высоты 3.270 метровъ. Городъ Гамаданъ, надъ которымъ она возвышается съ южной стороны, стоитъ на высотѣ 1.877 метровъ. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ въ году Эльвендъ покрытъ снѣгомъ. На югѣ Испагани, гора Алиджукъ имѣетъ болѣе 4.200 метровъ высоты. Но изъ всѣхъ горныхъ хребтовъ достигаетъ наибольшей высоты Кухъ-Динаръ, который простирается на сѣверъ отъ Шираза, параллельно берегу Персидскаго залива. Его видно съ моря, близъ Бушира, на разстояніи болѣе 200 километровъ, черезъ другіе горные гребни, превышающіе 300 метровъ. По словамъ Оливера Сентъ-Джона, пики Динара выше по крайней мѣрѣ на 1.000 метровъ противъ того, какъ предполагали прежде. Главная вершина его, Кухъ-и-Дена, превышаетъ 5.200 метровъ: во всей Передней Азіи, на западъ отъ Гинду-Куша, гора эта уступаетъ въ высотѣ только одному Демавенду. Нѣкоторыя изъ самыхъ невысокихъ горъ страны Тенгзира представляютъ несравненно болѣе трудностей при взбираніи на нихъ, нежели колоссы плато. Изломы въ скалахъ образовали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вертикальныя стѣны, вышиной въ 500 и 600 метровъ, и образовали такимъ образомъ природныя крѣпости или *дизы*, жителей которыхъ можно покорить только посредствомъ голода. Послѣдній національный государь Персіи, Іездиджердъ, укрывался нѣкоторое время отъ арабовъ въ одной изъ этихъ цитаделей въ скалахъ [1]). Въ южной Персіи горы мало-по-малу понижаются, но расположеніе ихъ иное. Сильныя колебанія почвы, выдвинувшія сѣверные хребты горъ параллельно Персидскому заливу и его прежнему сѣверному протяженію, нынѣ затянутому наносами съ Тигра и Евфрата,—дали также возвышенностямъ Ларистана направленіе, параллельное направленію береговъ Ормузскаго пролива: здѣсь онѣ тянутся большею частью съ запада на востокъ; одна изъ вершинъ, которыя высятся на одномъ изъ этихъ параллельныхъ отроговъ, на сѣверо-востокъ отъ Бендаръ-Аббаси, Джебель-Букунъ, достигаетъ высоты 3.230 метровъ. Большой островъ Кишмъ, окаймляющій побережье къ югу отъ ларистанскихъ горъ, расположенъ въ направленіи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку: въ этомъ мѣстѣ на взглядъ представляется, какъ будто остроконечная стрѣлка южной Аравіи, кончающаяся у Раз-Мазандама, проникла чрезъ глубоко-сидящія скалы въ слои персидскихъ горъ и вытянула ихъ къ сѣверу, какъ будто эти горы состоятъ изъ тягучаго вещества. Другіе острова восточнаго побережья, въ Персидскомъ заливѣ, — не болѣе, какъ простые отрывки береговыхъ горъ, частями погруженные въ воду, сообразно общему расположенію персидскихъ горъ.

Собственно на иранскомъ плато, складки почвы, возвышающіяся надъ узкими долинами пашенъ и пустынными пространствами, идутъ, какъ и пограничные хребты западной Персіи, въ нормальномъ направленіи, отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. На пространствѣ 1.800 километровъ, вдоль береговъ Кизиль-узена—въ Азербейджанѣ, близъ горъ Бампушта—въ Белуджистанѣ, простирается по прямой линіи, безъ другихъ перерывовъ, кромѣ ущелій и клюзъ, и безъ другихъ неправильностей, кромѣ легкихъ наклоновъ оси,—горная цѣпь, которая мѣстами принимаетъ чисто альпійскій характеръ. Гаргишъ, на юго-западѣ Кашана, и Дарбишъ—на юго-востокѣ, имѣютъ, какъ тотъ, такъ и другой, болѣе 3.500 метровъ въ высоту; Ширъ-кухъ къ югу отъ Іезда, также альпійскій массивъ, высотой около 4.000 метровъ, котораго верхній куполъ походитъ съ боку на альпійскій Монъ-Бланъ,—кажется полосатымъ отъ снѣга до конца лѣта, и даже нѣкоторые слои снѣга на немъ совсѣмъ не таютъ [2]). Различныя вершины Джамаль-Бариса или «Холодныхъ горъ», и базальтовый конусъ Кухъ-и-Газаръ, на юго-западѣ и на югѣ Кирмана, по словамъ Оливера Сентъ-Джона, превышаютъ 4.200 метровъ. Кухъ-и-Биргъ, на границѣ Белуджистана, достигаетъ высоты 2.400 метровъ. Судя по нѣкоторымъ названіямъ странъ, еще мало изслѣдован-

[1]) Olivier Saint-John, „Eastern Persia“; „Mittheilungen von Petermann“, № 2.

[1]) Loftus, цитированный мемуаръ.
[2]) Stack, „Six Montus in Persia“.

ныхъ, которыя находятся въ этой части юго-восточной Персіи, горы тамъ довольно высоки. Одна изъ вершинъ извѣстна подъ названіемъ Сефидъ-куха или «Бѣлой горы». и вся область этого Когистана или «Страны горъ» называется одинаково белуджистанцами и персами Сархадомъ или «Холодной землей». Близъ южной оконечности этого главнаго хребта, который проходитъ чрезъ Иранъ, почти по всему его діаметру, и который, между Кирманомъ и Бампуромъ, состоитъ большею частью изъ вулканическихъ скалъ, двухъ вулканическихъ конусовъ Ношадура и Базмана,—въ странѣ Нормаширъ высятся еще другія горы съ менѣе высокими кратерами, близъ окраинъ впадины, которая прежде была внутреннимъ моремъ, а нынѣ завалена песками пустыни [1]). Но слѣдуетъ замѣтить, что продолженіе иранской *оси* Сехендомъ ведетъ къ соединенію на сѣверо-западѣ съ другимъ вулканическимъ массивомъ, съ массивомъ Арарата. Вдоль южнаго берега, на Персидскомъ заливѣ и на Аравійскомъ морѣ, замѣтны слѣды колебаній почвы, которыя имѣютъ, быть можетъ, связь съ вулканическими явленіями. На Персидскомъ Мекранѣ, равно какъ и на Белуджистанскомъ, попадается множество холмовъ, которые прежде были конусами, извергавшими илъ. На отмели порта Джаска показывается изъ глубины моря глиняный холмъ, который, по всей вѣроятности, былъ прежде однимъ изъ грязныхъ вулкановъ [2]).

Маленькія островныя группы, возвышающіяся на плато, среди песковъ и глины пустыни, имѣютъ также общее расположеніе персидскихъ горъ, отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Наиболѣе извѣстный изъ этихъ горныхъ острововъ, Зіахъ-кохъ, который высится на разстояніи около 150 километровъ отъ Тегерана, среди голой пустыни, имѣетъ направленіе отъ запада къ востоку. Этотъ массивъ изъ траппа и трахита вполнѣ заслуживаетъ свое названіе «Черной горы» и представляетъ рѣзкій контрастъ темными красками своихъ верхнихъ скалъ съ мѣловыми слоями подошвы. Хотя самыя возвышенныя его точки не превышаютъ 1.500 метровъ, массивъ имѣетъ тѣмъ не менѣе грандіозный видъ, благодаря своей изолированности надъ равнинами пустыни, которыя въ этой странѣ не выше 600 метровъ. Какъ Эльбурсъ, хотя и въ значительно меньшей степени, Зіахъ-кохъ представляетъ замѣчательную противоположность между своими сѣверными и южными скатами: на югѣ скаты голые, точно выжженные, а на сѣверѣ они поросли кустарникомъ. Въ глазахъ окрестныхъ номадовъ, которые приходятъ сюда запасаться топливомъ, и этотъ хворостинникъ кажется превосходнымъ лѣсомъ [1]).

Обширное пространство треугольной формы, заключающее въ себѣ горы Персіи,—не болѣе, какъ пустыня, состоящая изъ глины, песку, скалъ или соли, по которой кое-гдѣ, изрѣдка разбросаны оазисы. Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ областяхъ Хорассана, наиболѣе населенныхъ, надо вообразить, говоритъ Макъ Грегоръ, «небольшой зеленый кругъ вокругъ каждой деревни, указанной на картѣ, а все остальное покрыть темной краской» [2]). Пустынныя постранства, закрытыя со всѣхъ сторонъ горами, были несомнѣнно внутреннимъ моремъ въ эпоху, когда дымились еще вулканы, которые нынѣ высятся на сѣверѣ равнины. Правильные слои, наблюдаемые Филиппи на берегахъ Агвара, на юго-востокѣ Султаніе, служатъ доказательствомъ, что процессъ наслоенія происходилъ въ эпоху относительно недавнюю. Тамъ слои кремней, песку, глины, покрытые черноземомъ, наложены одинъ на другой на рядѣ камней и обломковъ, въ которыхъ попадаются остатки человѣческой производительности: обточенная кость, глиняная посуда, куски каменнаго угля. На пространствѣ болѣе 70-ти километровъ въ длину можно наблюдать это раздѣленіе слоевъ,—доказательство, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о давнемъ переворотѣ. Такимъ образомъ, нынѣшняя почва этой области иранской впадины не существовала еще въ то время, когда человѣкъ, котораго глиняныя издѣлія были перенесены въ равнину проточными водами, жилъ уже на скатахъ окрестныхъ горъ [3]). Эти обломки, перенесенные, вѣроятно, въ снѣжный періодъ, современный ледяной эпохѣ Альпъ, и засыпали окончательно персидское средиземное море. Отъ каждой окрестной горы спускаются въ равнину скаты съ осколками, изрытые временными потоками водъ, далеко уносившими съ нихъ пыль. Затѣмъ вѣтры продолжали процессъ засыпанія, перенося наиболѣе легкіе матеріалы во впадины плато, изъ вѣка въ вѣкъ все болѣе и болѣе толстыми слоями. На всемъ иранскомъ плато, равно какъ въ Афганистанѣ и Белуджистанѣ, виднѣются огромныя кучи песку и глинистой пыли, которыя походятъ на «желтыя земли» въ Китаѣ, но которыя, по недостатку воды, становятся негодными для растительности [4]). Но какъ бы ни былъ значителенъ процессъ размельчанія скалъ, все же внутреннее иранское море могло исчезнуть только вслѣдствіе чрезмѣрнаго испаренія: обильные дожди помогли

---

[1]) Pottinger, „Travels in Beloochistan and Sinde“.
[2]) A. Stiffe, „Quarterly Journal of the Geological Society“, 1874, vol. XXX.

[1]) Tietze, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien“, 1875.
[2]) Narrative of a Journey through the province of Khorassan.
[3]) De Filippi, „Note di un Viaggio in Persia“.
[4]) Grisebach, „Memoirs of the Geological Survey of India“, vol. XVIII, p. 1.

бы продержаться большому озеру, поднимая его уровень, по мѣрѣ того, какъ наполнялось бы русло, и до тѣхъ поръ, пока озеро нашло бы какой-нибудь выходъ изъ треугольной ограды горъ, чтобъ излить свой избытокъ въ море.

Въ юго-восточныхъ горахъ Персіи господствуютъ пески. Вѣтеръ разметаетъ ихъ въ холмы, которые перемѣщаются при каждой бурѣ, стирая слѣды каравановъ, покрывая иногда пашни вблизи источниковъ и временныхъ ручьевъ, держа въ осадѣ даже деревни и города. Есть стѣны, которымъ треніе песковъ, гонимыхъ вѣтромъ, придало глянецъ мрамора; есть также и такія стѣны, черезъ которыя перебрались дюны и, проникнувъ въ городъ, вынудили жителей эмигрировать [1]). Другія пустыни, гдѣ пески были совершенно сметены ураганами, представляютъ сплошной голый камень. Въ остальныхъ пустыняхъ, пространства, покрытыя гравіемъ, походятъ на высохшія русла потоковъ. Въ теченіе одного и того же дня караванамъ приходится проходить по почвѣ весьма различнаго свойства: слои глины и песковъ соперничаютъ съ кремнями и скалами. Одна изъ этихъ пустынь, на сѣверо-западѣ Сеистана, извѣстна подъ названіемъ Дахтъ-и-Наумеда или «Равнины отчаянія». Для того, чтобъ вести тамъ свои войска и для разъѣзда гонцовъ, Надиръ-шахъ приказалъ воздвигнуть на извѣстныхъ промежуткахъ высокія колонны, которыя бы указывали, какого направленія слѣдовало держаться. На востокѣ этой пустыни, на афганской границѣ, высится изолированная скала, знаменитая музыкой песковъ, которую производитъ въ нихъ вѣтеръ. Скала эта, называемая Рейгъ-Раванъ, походитъ на издающій звуки холмъ въ долинѣ Панджира, въ сѣверо-восточномъ Афганистанѣ, музыка котораго слышна на разстояніи почти двухъ километровъ [2]).

Самая грозная пустыня Персіи извѣстна у народовъ, населяющихъ Хорассанъ, подъ названіемъ Лута или Лота,—слово, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, означаетъ «Пустыня», а по мнѣнію другихъ оно напоминаетъ о существованіи древнихъ исчезнувшихъ городовъ Содома и Гоморры. Лутъ покрытъ почти на всемъ своемъ протяженіи слоемъ песку, скрѣпленнаго солью; болѣе мелкій песокъ, который вздымаетъ вѣтеръ, покрываетъ эту твердую поверхность. Отдѣляя Керманскія горы отъ горъ южнаго Хорассана, пустыня эта совершенно необитаема и имѣетъ только небольшое число колодцевъ: чтобъ пройти по ея наименѣе широкой части, караваны должны употребить не менѣе трехъ дней и четырехъ ночей. Эта «проклятая земля» не имѣетъ равной себѣ по безплодію на всемъ пространствѣ азіатскаго материка, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ Аравіи; Гоби и Казиль-кумъ киргизовъ, въ сравненіи съ Лутомъ—плодородныя земли. Уже въ десятомъ вѣкѣ Истакри говорилъ, что «персидская Сахара», которую онъ не зналъ подъ ея настоящимъ именемъ, была самой мрачной пустыней между всѣми странами, принявшими исламъ. Если на нее смотрѣть съ верху какого нибудь окрестнаго холма, то видно, что она тянется на необозримое пространство, похожее на «массу металла, раскаленнаго до блѣдно-краснаго цвѣта»: ни малѣйшая тѣнь не проходитъ по этому громадному пространству, освѣщенному яркимъ свѣтомъ отъ восхода и до захода солнца. Но все же видъ Лута нѣсколько менѣе печаленъ, нежели многія степи въ русскомъ Туркестанѣ, потому что дуга горизонта нигдѣ не образуетъ абсолютно правильнаго круга; голубыя или фіолетовыя горы, похожія на легкія облака, прерываютъ монотонность пространства и указываютъ путешественникамъ направленіе, котораго они дожны держаться [1]).

Вообще, самыя глубокія части персидскихъ бассейновъ заполнены соляными топями, которыя производятъ контрастъ съ песчаными сахарами. Въ сѣверныхъ областяхъ Ирана ихъ называютъ *кевирами*, а въ южномъ Иранѣ—*кефихами* и *кафахами*. Самый обширный изъ нихъ—тотъ, который простирается въ пустыню на сѣверъ отъ Теббскихъ горъ. Другой кевиръ, который, какъ говорятъ, имѣетъ 75 километровъ въ окружности, виденъ съ верху «Черной горы», по направленію къ Кашану; но обманчивый миражъ, можетъ быть, удвоиваетъ его дѣйствительное пространство, такъ же, какъ близъ Кома миражъ безпрестанно измѣняетъ форму Кухъ-Телизмаха или «Талисмановой горы» [2]): въ разгаръ лѣта прудъ исчезаетъ, его илистыя воды замѣняются красной землей, покрытой бѣлыми полосами соляной плѣсени. Другіе большіе кевиры, остатки озеръ, разсѣяны по долинамъ, параллельнымъ съ областью Кирмана; они принимаютъ, подобно горнымъ вершинамъ, направленіе отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Большая часть соляныхъ грунтовъ представляютъ почву весьма неровную, пробуравленную въ различныхъ мѣстахъ небольшими впадинами, которыя чрезвычайно затрудняютъ движеніе верблюдовъ; но все же трясины рѣдки на всемъ пространствѣ болотъ. Зимой, влажная земля дѣлается черной, шероховатой, какъ будто она изборождена плугомъ, а лѣтомъ она покрывается кожицей кристальной соли, подъ которой долго держится илъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже опасно переходить по этимъ обманчивымъ грун-

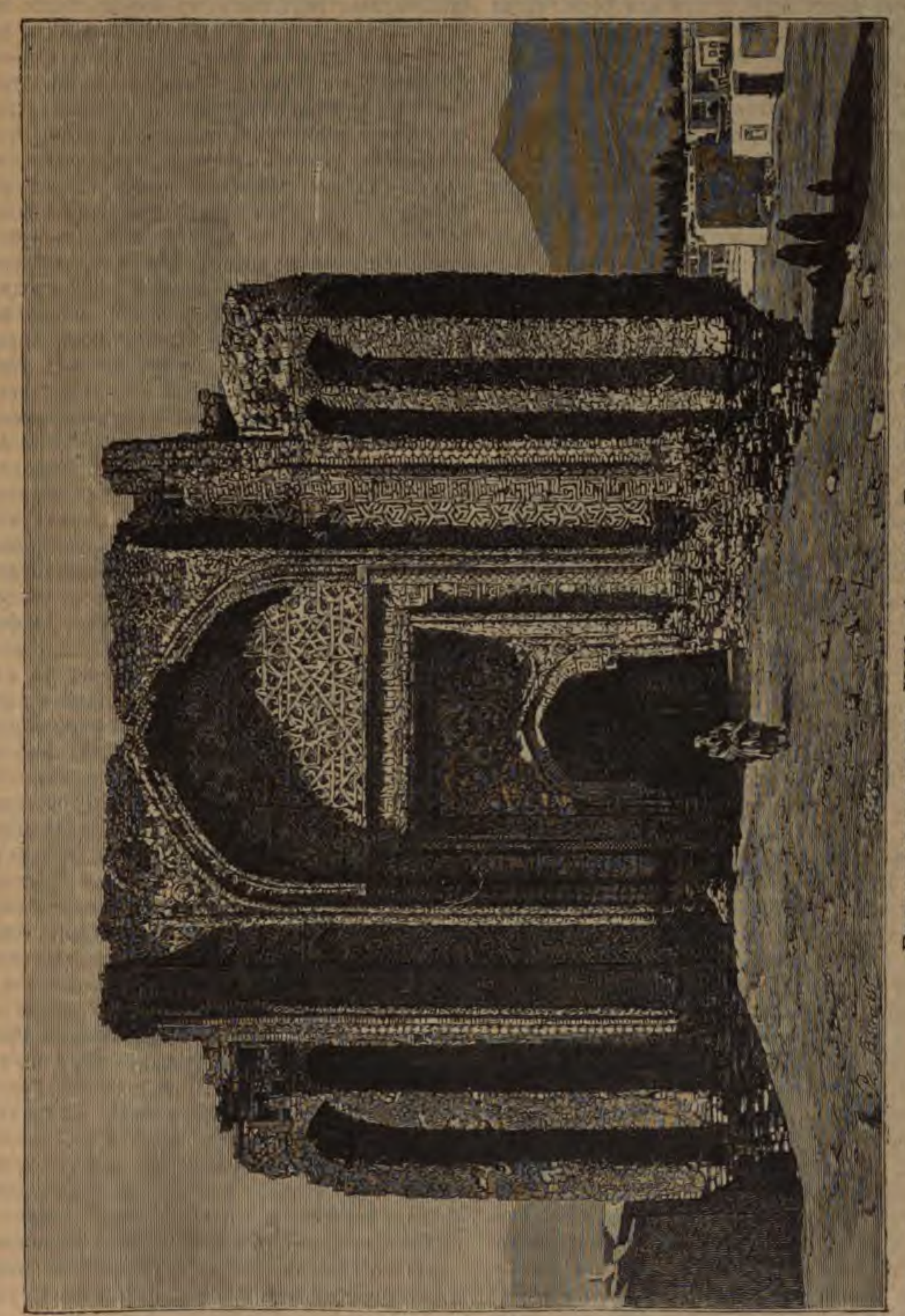
[1]) Mac. Gregor;—Floyer;—Stack, etc.

[2]) Bellew, „From the Indus to the Tigris".

[1]) Dupré;—Nicolas de Khanikov, „Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale".

[2]) Chardin, „Voyage en Perse";—Oliver, „Voyage dans l'Empire Ottoman";—Carl Ritter, „Asien".

тамъ земли. Наиболѣе низменная часть *кевиръ*, на сѣверѣ Іезда, по всей вѣроятности, не превышаетъ 600 метровъ[1]); но далѣе къ юго-востоку, въ сахарѣ Лута, впадина плато становится все глубже и глубже. Въ Дихи-Зеифѣ, на сѣверо-востокѣ Кермана, Ханыковъ нашелъ, что почва выше морскаго уровня только на 380 метровъ: по его мнѣнію, самая низменная точка будетъ, по всей вѣроятности, на абсолютной высотѣ 120 или 150 метровъ.



Развалины мечети XIV вѣка въ Гамананѣ.

Трудно вычислить даже приблизительно, какова относительная величина этихъ бассейновъ безъ водораздѣла между внѣшними покатостями Персіи, которые обращены или на сѣверъ—къ Каспійскому морю, или на югъ—

[1]) Mac. Gregor, „Narrative of a Journey through Khorassan".

*

къ Персидскому заливу, или къ Аравійскому морю. Прежнее пространство дна бассейновъ, несомнѣнно, измѣнилось въ геологическую эпоху: прежняя рѣка, когда она катила значительную массу воды, достигала моря, тогда какъ нынѣ она исчезаетъ во внутреннемъ болотѣ; прежнее озеро, закрытое со всѣхъ сторонъ кругомъ возвышенностей, тогда изливалось на морской склонъ черезъ трещину своей ограды. Подобныя же измѣненія совершаются и въ наше время изъ лѣта въ лѣто: большая часть теченій, достигающихъ моря во время половодья, останавливаются на дорогѣ въ періодъ засухъ; тогда нѣсколько сотенъ метровъ въ секунду представляютъ все количество воды, которое съ этой части материка возвращается къ морю. Но если бы рѣки, служащія періодическими данницами Каспійскаго моря или Индійскаго океана, считались постоянными указателями внѣшней покатости Ирана, тогда пришлось бы отвести подъ эти области теченій немного болѣе одной трети поверхности страны. Другія двѣ трети Персіи состоятъ изъ закрытыхъ бассейновъ, не имѣющихъ сообщенія ни съ Каспійскимъ моремъ, ни съ океаномъ [1]).

Небольшія рѣки, которыя спускаются съ Эльбурса и затѣмъ вливаются въ Каспійское море—единственныя, которыя по сходству бассейна могутъ сравниться съ рѣками западной Европы. Когда Атрекъ и Гюргенъ достигаютъ моря, въ нихъ остаются только медленно текущія и болотистыя воды. Что касается до Сефидъ-руда, который изливаетъ болѣе значительное количество воды, то онъ недостаточно глубокъ, чтобъ служить для настоящаго судоходства, и различныя попытки для перевозки товаровъ этимъ путемъ не имѣли никакого успѣха. Персидскій заливъ не принимаетъ въ себя ни одной рѣки, которая не была бы переходима въ бродъ, во всякое время года, и которая не отдѣлялась бы отъ моря песчаной стрѣлкой во время лѣта. Его главные притоки: Джеррахи, Хиндіанъ или Зорехъ, Шемсъ-и-Арабъ, а южнѣе потокъ, носящій названіе Сефидъ-руда или «Бѣлой рѣки», равно какъ и теченіе Азербейджана,—не болѣе, какъ простые потоки. Но все же Персія имѣетъ рѣку, судоходную вплоть до моря: это—Карунъ или Куранъ, образовавшуюся изъ потоковъ сѣверной Сузіаны и южнаго Луристана. Но эта рѣка изливаетъ только весьма небольшую часть своихъ водъ прямо въ заливъ: искусственный каналъ отвелъ ее къ Шатъ-ель-Арабу, и въ настоящее время она стала только притокомъ большой рѣки, подобно рѣкамъ верховья, Джіалѣ и Керкѣ, берущимъ свое начало въ западной Персіи. Карунъ долженъ былъ бы служить главнымъ путемъ доступа въ плато для перевозки товаровъ, отправляемыхъ чрезъ Персидскій заливъ, такъ какъ онъ имѣетъ болѣе метра глубины во всякое время и пароходы могутъ подниматься по немъ въ 250-ти километрахъ отъ его устья. На всемъ этомъ протяженіи его теченія существуетъ только единственное препятствіе, составляемое порогомъ песчаныхъ скалъ, близъ древняго большаго города Ахваза. Въ этомъ мѣстѣ холмы, или вѣрнѣе глыбы песчаника, достигающіе почти до ста метровъ въ высоту, которые издали можно принять за зданія, воздвигнутыя рукой человѣка,—съуживаютъ долину; рѣка входитъ въ ущелье и спускается порогами между выступами скалъ, идущими въ одну линію параллельными остріями къ оси персидскихъ горъ. Уже болѣе полвѣка прошло съ тѣхъ поръ, когда въ 1836 году, англичанинъ Эсткуръ поднимался по Каруну на пароходѣ вплоть до утесовъ Ахваза; шесть лѣтъ позже, Зельби преодолѣлъ препятствіе и остановился въ 2-хъ километрахъ отъ низовья Шустера [1]). Каналъ Абъ-и-Гаргаръ, къ западу отъ главной рѣки, между Шустеромъ и устьемъ Дизфуля, представляетъ еще болѣе удобствъ для навигаціи, и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ году Дизфуль судоходенъ на всемъ протяженіи, вплоть до города того же имени. Итакъ, цѣлая сѣть рѣчныхъ путей могла бы существовать въ этой области Персіи, особенно если бъ прорыли, какъ предлагали инженеры, каналъ около 2-хъ километровъ длиною, для обхода Ахваза. По мнѣнію Дьелафуа, достаточно было бы исправить плотину и шлюзы Ахваза, чтобъ пароходы вмѣстимостью въ 600 тоннъ и въ 120 лошадиныхъ силъ могли доходить до Шустера.

Воды, текущія къ внутреннимъ бассейнамъ, пропорціонально гораздо менѣе обильны, чѣмъ воды морскихъ склоновъ. Доказательствомъ этого служитъ высыханіе безчисленныхъ плоскогорій плато, влажность котораго испарилась или исчезаетъ въ илѣ соляныхъ болотъ. Русло рѣки, спускающейся съ Кузскихъ горъ, на югѣ входитъ въ пустыню Лута и проходитъ на всемъ протяженіи страну пустынь. Но съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, русло это никогда не было наполнено водою; даже въ дождливые годы теченіе никогда не превышаетъ уровня пашней, а тѣмъ не менѣе русло это глубоко прорыто въ почвѣ долгимъ и постояннымъ дѣйствіемъ древняго теченія. Въ этомъ и заключается одна изъ многочисленныхъ причинъ перемѣннаго климата на иранскомъ плато [2]); по преданію, море громадной пустыни

---

[1]) Склоны Персіи, по Оливеру Сентъ-Джону:
Покатость океана—35.000 кв. кил.; покатость Каспійская—260 000 кв. кил.; бассейнъ Хамоена—105.000 кв. кил.; бассейнъ Урміи—55.000 кв. кил.; другихъ закрытыхъ бассейновъ—850.000 кв. кил.

[1]) „Journal of the Geographical Society of London", 1844.

[2]) N. de Khanikov, „Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale".

изсякло въ одинъ день, какъ родился Магометъ [1]). Нынѣ количество дождя весьма незначительно во всей Персіи, за исключеніемъ сѣверныхъ покатостей Эльбурса, и еще меньшее по количеству въ областяхъ плато; въ среднемъ, количество дождя не превышаетъ, ежегодно, высоты 25-ти сантиметровъ, а въ центральной Персіи, равно какъ на границѣ Белуджистана, оно еще вдвое меньше [2]). Причина такой бѣдности Персіи въ облакахъ и дождяхъ та же, что и въ странахъ, лежащихъ болѣе къ востоку: происхожденіе вѣтровъ чисто континентальное. Тогда какъ оба большіе морскіе бассейна, откуда идутъ ливни, съ одной стороны Индійскій океанъ, съ другой Средиземное море, находятся на юго-западѣ и на западѣ, воздушныя теченія, ведущія борьбу изъ-за равновѣсія и проходящія одни за другими по персидской территоріи, суть вѣтры юго-восточный, который проходитъ по Африкѣ и Аравіи, и сѣверо-восточный, который долженъ пройти по материку, почти во всемъ его діаметрѣ, отъ полярной Сибири къ степямъ Туркестана: это тотъ грозный вѣтеръ, который дуетъ «сто двадцать дней» въ нѣкоторыхъ областяхъ Персіи, именно въ Сеистанѣ, съ такой силой что вырываетъ деревья съ корнями изъ земли [3]): должно быть, въ этой вѣтряной странѣ изобрѣтены и вѣтряныя мельницы [4]). Тотчасъ послѣ уборки хлѣба, крылья изъ камыша и изъ пальмовыхъ листьевъ прикрѣпляются къ концу цилиндра внутри какой-нибудь башни, открытой со стороны сѣверовостока, гдѣ завываетъ вѣтеръ; отъ сильнаго давленія воздуха цилиндръ начинаетъ вертѣться, а вмѣстѣ съ нимъ и основной жерновъ.

Воздухъ, покоющійся на иранскихъ плато, чрезвычайно сухой. Онъ пересѣкается такими же сухими вѣтрами, идущими отъ экватора или отъ полюса. Въ пустынѣ Лутъ Ханыковъ нашелъ, что относительная влажность воздуха была только 1,2 на сто; это—самая сильная степень сухости, которая гдѣ-либо встрѣчалась на всей поверхности земли. Въ Кирманѣ, среди пашней, она еще колеблется отъ 16 до 20-и сотыхъ. Лѣтомъ и осенью воздухъ такъ сухъ, даже въ западной Персіи, что металлическія вещи, оставляемыя на террасахъ во время ночнаго холода, остаются блестящими въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Иногда во время ночныхъ переѣздовъ случается видѣть, какъ лошади, махая хвостомъ, выпускаютъ цѣлые снопы искръ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ случалось видѣть термометръ, показывающій только 13 градусовъ до восхода зари, и поднявшійся до 62 градусовъ на солнцѣ въ восемь часовъ утра [1]). Иногда воздухъ затемняется «сухими туманами», во время которыхъ не осаждается ни пыли, ни росы. Пыльныя бури — почти ежедневное явленіе; обыкновенно онѣ начинаются между девятью и одиннадцатью часами утра, въ зависимости отъ солнечнаго жара, и постоянно увеличиваются и числомъ и объемомъ къ двумъ часамъ по полудни. Иногда образуются также большія облака пыли, граничащія съ горизонтомъ, подобно стѣнѣ. Лѣтній жаръ здѣсь часто такъ силенъ, какъ въ Сахарѣ въ Африкѣ: близъ Мешеда запасы стеарина и сѣрнокислой соли растапливались отъ жара, что̀ допускаетъ предполагать температуру въ 65°,5 внутри ящиковъ, въ которыхъ они были запакованы. Ханыковъ предполагаетъ, что самый горячій центръ пустыни Лута имѣетъ наклонность къ югу изотермическихъ линій всей сѣверной Персіи. Въ русскомъ Туркестанѣ эти линіи весьма пространны; онѣ, такъ сказать, жмутся къ югу горъ, идущихъ вдоль Хорассана, вдоль котораго проходитъ кривая изотермическая 12-и градусная линія. Теплотворное вліяніе Лутскаго плоскогорья чувствуется даже въ Мазандеранѣ, гдѣ растительность, въ сравненіи съ прочими берегами Каспійскаго моря, имѣетъ почти тропическій характеръ. Ядовитый вѣтеръ *бадехъ-самумъ*, совсѣмъ лишенный водяной влаги, дующій иногда со стороны пустыни, главнымъ образомъ близъ прибрежья, въ сосѣдствѣ съ Бендаръ - Аббасомъ, чрезвычайно страшитъ путешественниковъ; они разсказываютъ, что задохнувшіеся отъ него люди быстро синѣютъ и члены ихъ отпадаютъ.

Послѣ всего этого становится понятнымъ, съ какимъ неопреодолимымъ рвеніемъ персидскіе земледѣльцы, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыхъ угнетеніе не отвратило отъ труда, стараются уловить у спуска съ горъ малѣйшую струю воды, чтобъ утилизировать ее въ своихъ поляхъ и садахъ, гдѣ она переходитъ въ сокъ и въ плоды. Подземные водопроводы, извѣстные въ Персіи подъ названіемъ *канатовъ* или *канотовъ*, такъ же, какъ и въ Афганистанѣ, роются съ особеннымъ благоговѣніемъ, и содержатся они съ большою заботливостью, такъ какъ жизнь всего народонаселенія зависитъ отъ нихъ. Когда подземныя воды изсякаютъ вслѣдствіе повсемѣстной засухи въ странѣ, или вслѣдствіе обваловъ, тогда цѣлыя деревни обречены на погибель. Воздѣлываніе земли возможно только въ горныхъ долинахъ, потому что въ Персіи дождей лѣтомъ не бываетъ: тамъ дожди выпадаютъ обыкновенно зимой или весной; цѣлое лѣто проходитъ такъ, что небо ни разу не нахмуривается

[1]) N. de Khanikov;—Stewart, „Proceedings of the Geographical Society“, 1881.
[2]) Oliver Saint-John, „Eastern Persia“; „Mittheilungen von Petermann“, 1877.
[3]) Bellew, „From the Indus to the Tigris“;—Mac Gregor, „Journey through Khorassan“.
[4]) Barbier de Meynard, „Dictionnaire de la Perse, par Yacout“;—Reinaud, „Géographie d'Aboulféda“.

[1]) M. Dieulafoy, рукописныя замѣтки.

грозовыми тучами. Въ лѣтній сезонъ небольшое количество воды можно найти только въ гористыхъ областяхъ, гдѣ таяніе снѣговъ питаетъ подземные ключи; внизу горъ почва вдвое суше, съ одной стороны отъ солнечнаго жара, а съ другой отъ осушки почвы подземными канатами [1]). Какъ мало походитъ эта печальная, голая, сожженная солнцемъ Персія, внѣ ея горныхъ долинъ, на идеальную страну, воспѣтую Гафизомъ и Сади! Надо долго странствовать по плато и спуститься къ плоскогорьямъ Тенгзира, прежде чѣмъ встрѣтятся ароматные лѣса, полные пѣвчихъ птицъ, и свѣжіе ручьи, текущіе подъ кустами розъ. Всѣ эти чудеса—фантазія поэтовъ, искавшихъ въ своемъ воображеніи того, чего имъ не представляла природа. Знаменитый Бандъ-Эмиръ, воспѣтый поэтами Востока и Запада, какъ чудная рѣка, текущая въ прохладной тѣни,—не что иное, какъ каналъ, отведенный плотиной отъ небольшой рѣчки, пересѣкающей равнину Персеполиса. Такъ драгоцѣнны воды въ этой безплодной странѣ, что самое незатѣйливое водохранилище чествуется подобно озеру съ чистой прозрачной водой, окруженному живописными утесами и тѣнистыми покатостями.

На сѣверо-западѣ иранскаго плато, но уже въ странѣ высокихъ армянскихъ земель, находится самое большое водохранилище Персіи, единственное, которое дѣйствительно заслуживаетъ названіе озера: это—Даріатча или «Маленькое море», озеро Урмія, Марага или Арменистанское, надъ которымъ высится на востокѣ большой массивъ Сехендъ. Острова озера, его мысы, гора, которой скалы погружаются въ воду, грандіозный видъ снѣжнаго Арарата, варьируютъ картины до безконечности. Берега, орошаемые болѣе обильными дождями, нежели въ южной Персіи, имѣютъ много лѣсовъ; они также и менѣе пустынны: города, села, замки виднѣются на всемъ пространствѣ береговъ. Но «Маленькое море» далеко не представляетъ такой бездонной глубины, какъ озера центральной Европы: самая глубокая часть бассейна, измѣренная Монтейтомъ, въ сѣверо-западной оконечности, достигаетъ только 14-и метровъ. Въ среднемъ, вѣроятно, высота воды не превышаетъ 5-и метровъ. И такъ, хотя озеро Урмія и занимаетъ пространство около 4.000 квадр. километровъ, все же оно содержитъ воды отъ шести до восьми разъ меньше чѣмъ Леманъ, который занимаетъ весьма небольшое относительно пространство. Слѣдуетъ замѣтить, что у большаго города Урмія озеро опускается отъ западнаго берега къ восточному, слѣдующими другъ за другомъ пятью плато замѣчательной правильности: сначала лотъ показываетъ однообразно одинъ метръ, затѣмъ два съ половиной и послѣдовательно четыре, шесть и семь

[1]) H. Yule, „The Book of ser Marco Polo".

метровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болотистые берега простираются далеко впадинами, едва погруженными въ воду на нѣсколько сантиметровъ. Болѣе пятидесяти острововъ и каменныхъ подводныхъ рифовъ высятся надъ поверхностью воды. Въ числѣ острововъ есть три: Островъ Лошадей, Островъ Барановъ и Островъ Ословъ, которые достаточно велики для того, чтобы прибрежные жители могли утилизировать ихъ земли подъ пашню и подъ пастбища. Вода озера Урмія гораздо солонѣе и богаче іодомъ, нежели вода въ морѣ, и даже чѣмъ вода въ Мертвомъ морѣ; купальщики не могутъ въ нее погружаться: ихъ тѣло тотчасъ же покрывается слоемъ соли, которая блеститъ на солнце, какъ брилліантовая пыль. По мнѣнію Вагнера, ванны изъ этой соленой и іодистой воды могли бы быть единственными по своему цѣлебному свойству при излеченіи нѣкоторыхъ болѣзней. Вода въ океанѣ содержитъ въ себѣ только тридцатую часть солей, тогда какъ вода озера содержитъ въ себѣ пятую часть соли [1]). Какъ только подуетъ вѣтеръ, на поверхности воды образуется пелена изъ соляной пѣны; на илистыхъ берегахъ соль осаждается плитами въ нѣсколько дециметровъ толщиною, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ пять и въ шесть километровъ шириной. Жители страны могли бы сколько имъ угодно запастись солью, какъ въ каменоломнѣ; въ мѣстахъ, гдѣ доступъ къ берегу легокъ, они устроили солеварни, подобно солеварнямъ на берегахъ Средиземнаго моря; но вообще жители предпочитаютъ каменную соль съ сосѣднихъ горъ, легче добываемую и гораздо болѣе чистую. Никакая рыба, никакіе молюски не живутъ въ водахъ озера, но зато въ нихъ виднѣются миріады скорлупняковъ раковидныя животныя) съ тонкимъ хвостомъ, составляющихъ особую породу [2]); они служатъ пищею лебедямъ и другимъ птицамъ, стаями опускающимся надъ озеромъ. Тамъ также встрѣчаются породы насѣкомыхъ, какихъ нигдѣ нѣтъ, и спеціально соляная флора, выросшая на илѣ, окаймляющемъ берега, и которая дѣлаетъ всю окружность озера совершенно недоступной. Эти илистыя массы, черноватыя или темно-зеленыя, имѣющія иногда металлическій отблескъ и распространяющія зловонный запахъ, занимаютъ широкую зону на берегу озера и простираются далеко надъ поверхностью его. Онѣ заключаютъ въ себѣ магнезію, желѣзо, равно какъ и большую дозу органическихъ остатковъ. Маслянистые подонки этого вещества придаютъ такую плотность жидкой поверхности, что даже во время самаго сильнаго морскаго вѣтра, вода, ударяющаяся о берега, не

[1]) Удѣльный вѣсъ воды въ озерѣ Урміи: 1,555. (Hitchcock; - Loftus Quarterly, „Journal of the Geological Society", aug. 1. 1855).

[2]) Moritz Wagner, „Reise nach Persien und dem Lande der Kurden".

вздымается волнами. Зимой эта полузастывшая масса превращается въ какую-то кашу.

Въ многихъ мѣстахъ обильные фонтаны бьютъ со дна озера, пересѣкая соляную массу своими столбами чистой воды; но наиболѣе замѣчательные источники текутъ близъ береговъ, на сѣверо-западной сторонѣ озера, въ сосѣдствѣ съ равниной Зельмасъ, и на юго-востокѣ, неподалеку отъ деревни Дихкерганъ. Эти источники извѣстны подъ названіемъ «мраморныхъ фонтановъ». По общему убѣжденію туземцевъ, которое раздѣляется также большинствомъ европейскихъ путешественниковъ, фонтаны эти дѣйствительно даютъ осадокъ мраморныхъ слоевъ. Несомнѣнно, имъ слѣдуетъ приписать образованіе тѣхъ залежей, которыя разрабатываютъ въ окрестностяхъ Дихкергана, и которыя доставили матеріалъ для великолѣпныхъ дворцовъ Персіи и Передней Азіи. Этотъ «Тавризскій» мраморъ обыкновенно молочно-бѣлаго цвѣта, желтоватый или розоватый и имѣетъ блескъ кварца; часто онъ образуетъ сцѣпленіе частицъ подобно сталактитамъ, и окись, которую онъ въ себѣ содержитъ, оттѣняетъ его чрезвычайно красивыми цвѣтами. Весьма вѣроятно, что мраморъ этотъ сталъ осаждаться въ эпоху, когда фонтаны, настоящая температура которыхъ не превышаетъ 18-ти градусовъ по стоградусному термометру, имѣли температуру, гораздо высшую; нынѣ они выбрасываютъ изъ себя небольшія, очень тонкія водяныя струи бѣлоснѣжнаго цвѣта, впрочемъ совершенно одинаковыя по составу съ сосѣднимъ мраморомъ. Кромѣ того, источники даютъ осадокъ крупнаго туфа, который иногда смѣшивается съ иломъ и сливается въ черноватыя массы. Большинство источниковъ бьетъ изъ травертинскихъ конусовъ, которые они образовали изъ своихъ же осадковъ. Когда отверстіе, чрезъ которое бьютъ источники, засаривается, тогда они открываютъ новый для себя выходъ у подошвъ старинныхъ холмовъ, или же пробиваютъ гдѣ-нибудь, постепенно, еще новые выходы [1].

Уровень озера Урмія подвергался частымъ измѣненіямъ. По существующему туземному преданію, бассейнъ занималъ въ прежнее время гораздо большее пространство; но было также и такое время, когда размѣры его были весьма незначительны: туземцы говорятъ, что страшное чудовище жило на днѣ озера, и что оно то выпивало, то выбрасывало изъ себя назадъ воды Мертваго моря. Что озеро было значительно больше въ прежнее время, это подтверждаетъ самый видъ страны: прежніе берега простираются далеко на значительное разстояніе отъ нынѣшнихъ береговъ, на всемъ протяженіи скалъ, нынѣ отдаленныхъ отъ волнъ. Острова, каковы гора Шахи или вѣрнѣе Шахъ-и-кухъ на сѣверо-западѣ озера, близъ Тавриза, превратились въ полуострова, и эти полуострова со всѣхъ сторонъ примкнули къ материку. Но, съ другой стороны, озеро было въ прежнее время довольно низко, такъ что одинъ государь миѳологическихъ временъ, Рустемъ или Джемшидъ, могъ построить поперегъ южной части бассейна, между озеромъ и противоположнымъ берегомъ, плотину, служившую въ одно и тоже время дорогой для людей и для экипажей. Множество туземцевъ увѣряютъ, что они видѣли слѣды этого шоссе подъ прозрачной водой; въ началѣ столѣтія одинъ афшарскій вождь, не зная другаго способа перейти по озеру, шелъ по этой плотинѣ, и нигдѣ вода не была глубже четырехъ футовъ [1].

Съ тѣхъ поръ какъ европейцы стали посѣщать страну, пониженіе уровня озера стало значительно, что объясняется тѣмъ фактомъ, что пашни расширились, утилизируя, слѣдовательно, ирригаціонныя воды болѣе широкимъ способомъ. Увеличеніе и уменьшеніе воздѣланной территоріи имѣютъ непосредственное вліяніе на вмѣстимость озернаго бассейна, и, по всей вѣроятности, вліяніе это имѣетъ больше значенія, чѣмъ климатическое колебаніе съ постоянными переходами отъ засухи къ дождямъ. Когда береговые скаты покрываются обработанными полями, то воды, удерживаемыя на пути каналами, не достигаютъ озера; когда же эти скаты обезлюжены, то воды, ничѣмъ не задержанныя, снова находятъ свой путь и увеличиваютъ озерной бассейнъ. Такимъ образомъ, измѣненіе береговой линіи указываетъ на колебаніе самой исторіи относительно прибрежныхъ жителей. Это явленіе аналогично съ тѣмъ, какое описали Гумбольдтъ и Буссенго объ озерѣ Тикарагу или Валенсіи; но на берегахъ Азербейджанскаго озера послѣдствія должны быть гораздо значительнѣе. Бассейнъ озера вплоть до водораздѣла, гдѣ берутъ начало всѣ его притоки, превышаетъ 50.000 квадр. километровъ, и масса дождевой воды, выпавшей въ этой странѣ,—если бъ она даже въ среднемъ была не болѣе 25-ти сантиметровъ въ годъ,—представляетъ полную массу, по крайней мѣрѣ въ десять милліардовъ кубическихъ метровъ, почти около половины количества воды, собранной въ центральной впадинѣ. Судя по отношенію воздѣлаемыхъ земель къ массѣ истекающей воды, очертанія озера должны измѣняться тѣмъ быстрѣе, потому что поверхность воды измѣняется при малѣйшей разности. И если поверхность глубокаго Лаго-Маджіоре измѣняется на сорокъ квадр. километровъ между періодомъ засухи и половодья, то можно судить о перемѣнахъ, которыя представляетъ поверх-

[1] Chardin, „Voyages en Perse"; —Moritz Wagner, цитированное сочиненіе.

[1] Carl Ritter, цитированное сочиненіе; — H. Rawlinson, etc.

ность озера Урмія, большая часть котораго не что иное, какъ болото. Очевидно, судоходство не можетъ имѣть значенія на этомъ бассейнѣ, не имѣющемъ глубины; но все же нѣсколько парусныхъ судовъ плаваютъ въ отдаленныхъ мѣстахъ малой глубины; перевозка товаровъ и весьма немногихъ путешественниковъ производится на плотахъ. Въ 1838 году, дядя шаха приказалъ назначить себя главнымъ адмираломъ озера, и, прежде всего, чтобъ удержать за собою монополію судоходства, онъ началъ захватывать и уничтожать всѣ суда, принадлежащія частнымъ лицамъ [1]).

Въ озеро Урмія впадаетъ множество рѣкъ, изъ которыхъ главнѣйшая Джагату, текущая съ южныхъ горъ. Одинъ изъ главныхъ притоковъ, Сарукъ, получаетъ часть своихъ водъ изъ колодца въ 300 шагахъ отъ башни, которая высится на вершинѣ известковаго холма, называемаго, какъ и множество другихъ, Тахтъ-и-Сулейманъ или «Соломоновъ тронъ». Безъ сомнѣнія, эта небольшая гора овальной формы, около 50-ти метровъ высоты, постепенно образовалась отъ самыхъ водъ, которыя осаждали пласты травертина вокругъ своего устья. Колодезь имѣетъ совершенно такую же глубину, какъ и пласты травертина; но источникъ находится совсѣмъ не на днѣ этой бездны: сперва онъ долженъ наполнить обширные водоемы въ горахъ, потому что, какъ бы ни были значительны займы воды, дѣлаемые изъ колодца отъ холма для ирригаціи окрестной равнины, уровень озера остается всегда на одной и той же точкѣ. Груды окаменѣлостей, приносимыхъ въ проходъ каналовъ, отведенныхъ отъ большаго источника, высятся тамъ и сямъ вокругъ Соломонова трона; между этими окаменѣлостями есть одна, имѣющая фигуру дракона, о которой легенда говоритъ, что это было дѣйствительно чудовище, превращенное въ камень сыномъ Давида. На западѣ есть другая подобная гора, называемая Зинданъ-и-Сулейманъ или «Соломонова темница»; она поднимается на высоту болѣе 60-ти метровъ, въ сравненіи съ холмомъ нынѣшняго колодца, но происхожденія съ нимъ одинаковаго. Гора эта также образовалась изъ окаменѣлостей водъ, но посреди ея конуса находится вертикальный колодезь «темница», въ которую Соломонъ запиралъ провинившихся духовъ. Оттуда въ прежнее время била углекислая известковая вода; но нынѣ пучина опустѣла: вода изъ нея вырвалась чрезъ выходъ въ скалахъ. Со всѣхъ сторонъ вокругъ обоихъ колодцевъ бьютъ фонтаны минеральныхъ и теплыхъ водъ, кисловатыхъ, сѣрныхъ и известковыхъ [2]).

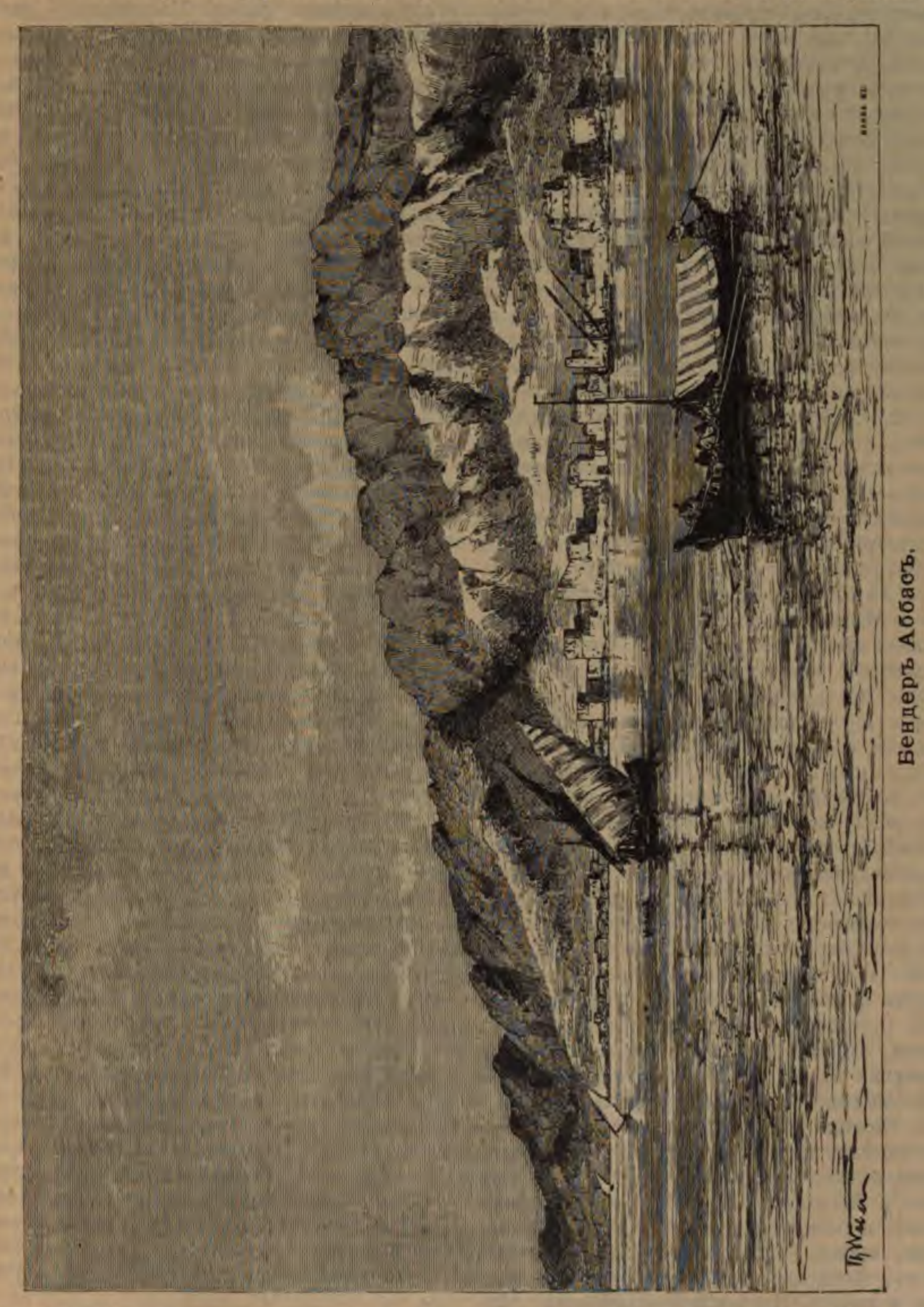
Бассейнъ, въ который изливаются сточныя воды канала Бандъ-Эмира, озера Нириса или Бактегана,— единственный во всей южной Персіи, который могъ бы лучше всѣхъ сравниться съ озеромъ, не по глубинѣ, но по пространству водяной поверхности. Онъ простирается на юго-востокъ отъ древняго Персеполиса, между двумя рядами параллельныхъ горъ, на разстояніи около ста километровъ, перерѣзанный островами и мысами на множество второстепенныхъ бассейновъ, но также развѣтвляясь на извилистые рукава въ боковыхъ равнинахъ и соединяясь, посредствомъ двухъ проливовъ, со вторымъ водохранилищемъ Тахтомъ или Наргисомъ, лежащимъ по другую сторону сѣверныхъ горъ. Илистыя и торфяныя ямы протягиваютъ его на сѣверъ къ Персеполису, въ равнину Мерва. Вода въ немъ соленая, какъ въ маленькомъ озерѣ Деріахъ-и-Немекъ, которое лежитъ параллельно съ нимъ, въ равнинѣ Шираза, и иногда въ концѣ лѣта тамъ можно видѣть плавающими глыбы соли, подобно льдинамъ полярныхъ морей [1]). Известковыя горы, отражающіяся въ синей водѣ, развалины, высящіяся на скалахъ берега, изъ которыхъ одну туземцы считаютъ древнимъ храмомъ огнепоклонниковъ, тамарисы по берегамъ и ивы въ прибрежныхъ долинахъ, фламинго и утки, летающія стаями надъ водой, придаютъ необыкновенную прелесть пейзажамъ Нириса. Но на самомъ дѣлѣ это не что иное, какъ постоянный разливъ; на сотни метровъ отъ берега вода не доходитъ до колѣнъ, а илъ, поднимаемый ногами, распространяетъ удушливый запахъ. Замѣчательный фактъ, что древніе писатели не упоминаютъ объ этомъ озерѣ, находящемся въ одной изъ наиболѣе извѣстныхъ и наиболѣе процвѣтавшихъ въ торговомъ отношеніи странъ древняго міра. Ибнъ-Гокаль первый упоминаетъ объ этомъ озерѣ въ десятомъ вѣкѣ, и съ тѣхъ поръ всѣ географы о немъ упоминали [2]). Весьма вѣроятно, что въ прежнее время, когда страна была богата городами и пашнями, воды, вырывающіяся изъ горныхъ ущелій, утилизировались до послѣдней капли: не оставалось ничего для стоячихъ болотъ въ залитой нынѣ равнинѣ. Когда даже какой-нибудь потокъ извивался въ глубинѣ долины, достаточно было легкаго возвышенія почвы, обвала, или образованія ската изъ наносныхъ земель въ нижней части бассейна, чтобы создать озеро.

Какъ мѣсто перехода между востокомъ Азіи и странами Запада, Персія естественно обладаетъ, по своему географическому положенію, по своей влажности, по спеціальному климату своихъ различныхъ областей,—холодному на плато и жаркому на побережьѣ Индійскаго океана,—растительнымъ и животнымъ царствами, тождественными съ туркменскими зем-

[1]) Rawlinson, „Journal of the Geographical Society“, 1880.
[2]) Rawlinson, тамъ же.

[1]) M. Dieulafoy, рукописныя замѣтки.
[2]) Ouseley, „Travels in the East“;—Carl Ritter, „Asien“, vol. VIII.

лями, съ Афганистаномъ, Аравіей и Кавказомъ. Персія—страна контрастовъ. Лѣса Гиляна и Мазандерана съ ихъ деревьями, окруженными ліанами, и съ цвѣтущимъ дерномъ на ихъ про-


Бендеръ Аббасъ.

галинахъ, кажутся принадлежащими къ другому міру, нежели соляныя плато, гдѣ мѣстами проглядываетъ низкій кустарникъ сѣроватаго цвѣта. Тамъ, даже въ доисторическія времена, не было никакихъ лѣсовъ; земледѣльцу не приходилось обезлѣсивать почву, какъ во многихъ другихъ странахъ; напротивъ, благодаря его искусству, фруктовые сады окружаютъ города своимъ зеленымъ поясомъ [1]). Даже разсматривая только плодородныя области Персіи, увидимъ, что онѣ представляютъ странное различіе по отношенію къ флорѣ, потому что всѣ

[1]) M. Dieulafoy, рукописныя замѣтки.

эти области, отличающіяся плодородіемъ почвы, въ то же время области гористыя, и растительная поверхность видоизмѣняется сообразно съ повышеніемъ почвы и долготою мѣста. Всѣ высоты подобны островамъ, которыхъ вершины обитаемы породами животныхъ холодныхъ странъ. Неровность почвы надѣляетъ страну островной флорой, и опредѣлить границы растительности можно только приблизительно. На сѣверѣ Персіи рожь произрастаетъ до 2.720 метровъ на покатостяхъ горъ; засѣянныя рисомъ поля занимаютъ лощины по сосѣдству съ озеромъ Урмія на высотѣ болѣе 1.250 метровъ. Въ этой части Азербейджана фиговыя деревья рѣдки: они растутъ только въ закрытыхъ мѣстахъ, тогда какъ виноградъ растетъ на скатахъ Эльвенда, на высотѣ 2.278 метровъ; но зато магноліи и камеліи, растущія въ сыромъ климатѣ британскихъ острововъ, совсѣмъ не встрѣчаются въ Персіи при одинаковой температурѣ [1]). Пальмовыя деревья культивируются только въ низменныхъ долинахъ, идущихъ вдоль ихъ горныхъ хребтовъ, и на юго-востокѣ плато вплоть до сѣверной части Теббеса, до границъ пустыни; но они снова встрѣчаются на сѣверѣ, на берегахъ Каспійскаго моря, и главнымъ образомъ въ садахъ Сари. По словамъ мѣстнаго преданія, все каспійское побережье Мазандерана еще недавно покрывалось тѣнью пальмъ, нынѣ замѣненныхъ другими древесными породами. Въ среднемъ, если каспійское побережье считать отдѣльной страной, флора Персіи несравненно бѣднѣе флоры Закавказья и Западной Европы. Будетъ поэтическимъ преувеличеніемъ, если мы будемъ вторить пословицѣ: «Въ Фарзистанѣ нельзя сдѣлать шага, чтобъ не наступить на цвѣты!»

Замѣчательный характеръ единства, какой представляетъ иранское плато, такъ плотно окруженное съ трехъ сторонъ идущими вдоль него горными хребтами, могло бы заставить предполагать, что фауна Персіи рѣзко отличается отъ примыкающихъ къ ней странъ. Ничуть не бывало. Персидская фауна такъ мало отличается отъ фауны пограничныхъ странъ, что можно думать, что она недавно водворена въ Персіи. Несомнѣнно, причиной тому—недавнее обсыханіе страны. Но такъ какъ обсохла только окружность, то оттуда мало-по-малу породы животныхъ стали подвигаться къ центру, по мѣрѣ того, какъ исчезли воды [2]). Въ горахъ, на плато, въ пустыняхъ Ирана, простирающихся на западъ Афганистана, водятся также стада сернъ и дикихъ ословъ, леопардовъ, кабановъ, медвѣдей, волковъ и лисицъ. Иранскій Белуджистанъ походитъ на Келатъ, и, по обѣимъ сторонамъ границы, Мекранъ представляетъ тѣ же породы животныхъ, но въ меньшемъ количествѣ. Западная Персія, на своихъ внѣшнихъ покатостяхъ, имѣетъ фауну Месопотаміи, фауну Курдистана въ своихъ долинахъ, и фауну плато на своихъ скалахъ и въ своихъ кевирахъ. Наконецъ, орошаемыя страны сѣверо-запада, равнины Азербейджана и особенно сѣверныя покатости Эльбурса принадлежатъ, какъ животнымъ царствомъ, ихъ населяющимъ, такъ равно и видомъ своей растительности, къ одному поясу съ Арменіей и нижнимъ Кавказомъ. Вершины изолированныхъ горъ, каковы Сехендъ и Савалан, имѣютъ не только одинаковую съ Кавказомъ флору, но тамъ водится также множество породъ звѣрей, которыя попадаются только за Араксомъ; кромѣ того, тамъ встрѣчаются различныя породы бабочекъ [1]). Существуетъ такого рода легенда, въ основѣ которой, можетъ быть, лежитъ частица правды, что въ прежнее время лѣса Мазандерана были населены слонами, которые были истреблены Рустемомъ [2]). Своимъ климатомъ, своими флорой и фауной, равно какъ и многими обычаями своихъ жителей, эта низменная страна походитъ на одну долину Индіи. Дикіе быки, на которыхъ охотились ассирійскіе государи въ горахъ Курдистана, перестали тамъ водиться [3]); но левъ безъ гривы, менѣе сильный, чѣмъ африканскій левъ, удержался въ долинахъ горъ, идущихъ вдоль иранскаго плато и равнинъ Тигра; онъ часто попадается на западѣ Ширазскихъ горъ, въ дубовыхъ лѣсахъ, гдѣ обиліе желудей способствуетъ размноженію кабановъ [4]). Тигръ также водится въ лѣсахъ Мазандерана. Дикая коза, какъ извѣстно, принадлежитъ къ разряду животныхъ, наиболѣе свойственныхъ гористымъ странамъ; она водится на всемъ пространствѣ, начиная отъ Буширскихъ горъ, на высотѣ 500 метровъ, вплоть до высокихъ гребней Эльбурса, на высотѣ 4.000 метровъ. Изъ мелкихъ животныхъ тщетно предполагали встрѣтить на плато крысу, родиной которой древніе естествоиспытатели считали Персію: она попадается только на берегахъ Каспійскаго моря, куда завезена на корабляхъ. Вообще персидская фауна бѣдна породами; но пресмыкающіяся, особенно ящерицы африканскаго типа, представляются во множествѣ видовъ. Рыбы не могутъ водиться въ большомъ количествѣ, вслѣдствіе ежегоднаго высыханія рѣкъ; только въ подземныхъ теченіяхъ *кэнатовъ* попадается большинство рыбныхъ породъ, изъ которыхъ многія хотя и привыкли къ этимъ

---

[1]) Moritz Wagner, „Reise nach Persien und dem Lande der Kurden"; — N. de Khanikov, „Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale".

[2]) De Filippi, „Note di un Viaggio in Persia"; — O'Donovan, „Road to Merv".

[1]) Moritz Wagner, цитированное сочиненіе.

[2]) Melgounov, „Reise nach dem südlichen Ufer des Kaspischen Meeres".

[3]) Layard, „Monuments of Nineveh"; — G. Perrot et Chipiez, „Histoire de l'Art dans l'Antiquité".

[4]) Aucher Eloy; — Blanford, „Eastern Persia".

темнымъ подземнымъ водамъ, но лишились зрительныхъ органовъ [1]). Улитокъ и другихъ молюсковъ совсѣмъ нѣтъ, несомнѣнно, по причинѣ сухости страны [2]).

Что касается домашнихъ животныхъ, то Персія, по крайней мѣрѣ въ отношеніи лошадей, можетъ быть причислена къ странамъ, обладающимъ самыми красивыми породами. Въ городахъ, смежныхъ съ Туркестаномъ, лошадь арабскаго происхожденія приняла формы, дѣлающія ее удивительно похожей на англійскую скаковую лошадь, но при этомъ обладающей необыкновенной выносливостью [3]). Курдскія лошади ростомъ меньше хорассанскихъ лошадей, но гораздо граціознѣе ихъ и не менѣе горячія: «лошадь самаго бѣднѣйшаго курда была бы замѣчена въ Европѣ королевскими конскими заводами» [4]). Во многихъ конюшняхъ въ Фарсистанѣ существуетъ обычай ставить лошадей вмѣстѣ съ поросятами, и самая тѣсная дружба завязывается между этими животными, столь разнящимися другъ отъ друга [5]). Верблюды Хорассана и Сеистана чрезвычайно цѣнятся, и сильныя животныя этой породы поднимаютъ, не надрываясь, тяжести въ 250 килограммовъ, тогда какъ верблюды въ караванахъ перевозятъ тяжести, вѣсомъ отъ 50 и до 75 килограммовъ. Бараны, какъ и всѣ прочіе изъ нихъ во всѣхъ степныхъ странахъ, принадлежатъ къ породѣ барановъ съ толстыми курдюками; въ нѣкоторыхъ округахъ они достигаютъ огромнаго роста и даютъ шерсть рѣдкую по своей тонкости. Между различными породами собакъ, есть одна очень некрасивая, но отличающаяся замѣчательной неутомимостью, и обязанность которой состоитъ въ сопровожденіи каравановъ. Собаки эти бѣгутъ и возвращаются отъ одной станціи къ другой, безпрестанно мѣняя своихъ спутниковъ и служа имъ всѣмъ съ одинаковою вѣрностью [6]). У персовъ есть также порода борзыхъ *тази*, необыкновенно изящная и превосходящая европейскія породы быстротой бѣга. Мѣстные охотники умѣютъ еще дрессировать различныя породы соколовъ.

Какъ флора и фауна, такъ и народности, весьма различныя по происхожденію, встрѣтились на территоріи Ирана. Однѣ изъ нихъ сохранили свой отличительный характеръ, другія перемѣшались въ новый типъ. Главнѣйшіе этническіе элементы страны суть: собственно иранцы, тюрко-татары, курды и арабы.

Ядро персидскаго населенія обитаетъ въ южной части плато, отъ Кирмана до Керманшаха, и одна изъ провинцій этой области носитъ даже спеціальное названіе Фарса или Фарсистана, т. е. «Страны Фарси» или Персовъ; общее же названіе для цѣлой расы заключается въ словѣ Ирани. Взятые въ массѣ, персы изъ всѣхъ народовъ, населяющихъ земной шаръ, наиболѣе приближаются къ тому типу красоты, какой создали себѣ европейцы. Хорошо сложенные, они изящны и стройны, отличаются благородной осанкой и широкой грудью; у большинства изъ нихъ черты лица правильныя, овалъ лица окаймленъ черными вьющимися волосами; но привычка носить высокіе шерстяные колпаки или мѣховыя шапки дѣлаетъ почти всѣхъ мужчинъ плѣшивыми. Глаза почти всегда черные за исключеніемъ развѣ жителей Фарсистана, большіе и глубоко прорѣзанные; брови дугообразныя, иногда сходятся вмѣстѣ надъ переносьемъ, а у женщинъ кисть помогаетъ природѣ соединить обѣ дуги бровей; рѣсницы длинныя и опущенныя; носъ слегка орлиный, ротъ небольшой, губы средней толщины; подбородокъ рѣдко бываетъ слишкомъ широкимъ, у мужчинъ прячется подъ густой, шелковистой и волнистой бородой. Нѣтъ подобной страны, гдѣ школы представляли бы болѣе восхитительное зрѣлище, какъ въ Персіи: можно залюбоваться этими смуглыми съ черными локонами дѣтьми, сидящими съ поджатыми на коврахъ ногами и слѣдящими за жестами ихъ наставника съ необыкновенной любознательностью, которая свѣтится въ ихъ большихъ черныхъ глазахъ. И сколько выраженія въ игрѣ ихъ подвижной физіономіи!

Формой черепа иранцы занимаютъ средину между семитами и афганцами. Но если считать типомъ настоящихъ персовъ гебровъ Іезда, отъ которыхъ Ханыковъ вывезъ пять череповъ, изслѣдованныхъ Байеромъ, то по размѣру черепнаго вмѣстилища, персы надѣлены большими способностями. Черепъ ихъ принадлежитъ къ разряду долгоголовыхъ [1]); онъ ниже, чѣмъ у семитовъ, но выше, чѣмъ у туранцевъ; верхняя часть черепа приплюснута. Барельефъ Дарабгерда, изображающій тріумфъ Сапора надъ Валеріаномъ въ 260 году по общенародному лѣтосчисленію, изображаетъ персовъ и римлянъ; по тѣмъ, у которыхъ головы голыя, можно констатировать, что черепа персовъ были тогда, какъ и въ наше время, относительно длинные, мало возвышенные и плоскіе въ верхней части [2]). Вообще у иранцевъ адамово яблоко едва выдается, кости тоньше, чѣмъ у большинства европейцевъ, и суставы чрезвычайно тонкіе. Руки и ноги маленькія и гибкія. Трудно встрѣтить людей, лучше персовъ въ ходьбѣ: иностранные инструкторы, назначенные правитель-

[1]) Fraser, „Journey into Khorassan".
[2]) Moritz Wagner, цитированное сочиненіе.
[3]) Ferrier, цитированное сочиненіе; — V. Baker, „Clouds in the East";—Stewart, „Proceedings of the Geographical Society", 1881.
[4]) Moritz Wagner, цитированное сочиненіе.
[5]) Wills, „The Land of the Lion and Sun".
[6]) Brugsch, „Reise der preussischen Gesandtschaft nach Persien 1860 und 1861".

[1]) Головной показатель гебровъ Іезда: 0,70, (Duhousset. Khanikov).
[2]) Flandin;—Khanikov, „Ethnographie de la Perse".

ствомъ для обученія арміи, удивлялись переходамъ, которые могутъ дѣлать персидскія войска безъ видимаго утомленія [1]). Они также были не мало поражены тѣмъ фактомъ, что весьма небольшое число людей не достигаютъ или едва превышаютъ среднюю норму роста, которая составляетъ около 1 м. 50: въ этомъ отношеніи гораздо менѣе разнообразія, чѣмъ въ Европѣ. Между персами чрезвычайно рѣдко встрѣчаются тучные люди. Врачъ Полакъ, много лѣтъ прожившій въ Персіи, видѣлъ только трехъ иранцевъ, которыхъ толщина была бы замѣчена въ Европѣ. Въ прежнее время татуированіе было общераспространено между женщинами: всѣ онѣ разрисовывали себѣ подбородокъ, шею, грудь и животъ. Обычай этотъ исчезъ изъ городовъ и становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ въ деревняхъ западной Персіи, но въ провинціи Кирмана и Белуджистанѣ татуированіе до сихъ поръ еще въ обычаѣ [2]). Другой общепринятый обычай въ нѣкоторыхъ округахъ Персіи, который входитъ иногда въ религіозныя церемоніи, это—употребленіе въ пищу земли. Такъ, неподалеку отъ Реи, древняго Рагеса, находится мечеть, въ которую имѣютъ право входить только однѣ женщины, подъ которой земля состоитъ изъ обломковъ скалъ сѣраго и желтаго цвѣта, и вся она изгрызана зубами правовѣрныхъ. Но этотъ столь распространенный обычай «земляеденія» происходитъ отъ извращеннаго вкуса: почти на всѣхъ базарахъ въ большихъ городахъ продаются шары изъ каолина (фарфоровой глины) или бѣлой глины, не столь крупной, какъ обыкновенная глина, предназначаемой для удовлетворенія подобнаго вкуса [3]). Старинный персидскій обычай, еще сохранившійся въ нѣкоторыхъ деревняхъ,—это кровопусканіе при каждомъ новолуніи: отъ этого такой блѣдно-мертвенный цвѣтъ лица у жителей, который заставлялъ предполагать многихъ путешественниковъ, что страна эта изъ самыхъ зловредныхъ для здоровья [4]).

Самый чистокровный персидскій типъ сохранился, по всей вѣроятности, въ областяхъ восточныхъ и центральныхъ страны и въ горныхъ долинахъ, какъ именно и предполагалось до болѣе подробнаго изученія страны, на основаніи того факта, что иноземныя вторженія, переселенія, миролюбивыя смѣшенія съ другими народностями, происходили главнымъ образомъ въ плодородныхъ западныхъ областяхъ, а жители оазисовъ, охраняемые пустынями, равно какъ и жители верхнихъ долинъ, защищаемые скалами, были рѣже другихъ посѣщаемы чужеземцами. Такъ жители Каруда, въ горахъ, высящихся между Кашаномъ и Испаганомъ, сохранили до сихъ поръ горделивую осанку «спутниковъ Кира» и говорятъ на языкѣ, который считается родственнымъ съ нарѣчіемъ пельви [1]). Въ другихъ, болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ языкъ этотъ, бывшій оффиціальнымъ иранскимъ языкомъ до побѣды арабовъ, также еще удержался. Халдейцы, курды, семиты всегда имѣли большое вліяніе въ этой странѣ чрезъ смѣшеніе съ персидскими народами Запада; при преемникахъ Александра и при Арзасидахъ, греческій или эллинскій элементъ сталъ также проявлять свое вліяніе. Позднѣе, владычество арабовъ имѣло послѣдствіемъ, что кровь семитовъ глубоко проникла во всѣ слои иранскаго народа. Нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ негры чистокровные или смѣшанной расы, абиссинцы, сомали, чрезъ порты проникли въ Персію силой или добровольно, и, можетъ быть, нѣкоторые округа Сузіаны были въ прежнее время владѣніемъ народностей, приближавшихся къ чернокожимъ и цвѣтомъ лица, и происхожденіемъ. Самое названіе персидской провинціи Кузистаномъ напоминаетъ до сихъ поръ о пребываніи тамъ этихъ древнихъ кушитовъ, нынѣ смѣшавшихся съ иранцами [2]). Туркмены и другіе татарскіе народы также принимали участіе въ постепенномъ обновленіи этихъ народностей, которыхъ они такъ часто порабощали. Наконецъ, привозъ тысячей тысячъ грузинскихъ и черкесскихъ невольницъ въ теченіе почти трехсотъ лѣтъ, вплоть до завоеванія Тифлиса русскими, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, несомнѣнно имѣлъ огромное значеніе, по крайней мѣрѣ въ сѣверо-западной части Персіи, на улучшеніе расы. Въ свою очередь персы распространились далеко за предѣлы своего отечества: извѣстно, что подъ именемъ татовъ и талишей они живутъ въ Закавказьѣ въ числѣ почти 120.000, и что въ Хорассанѣ, Афганистанѣ, Транеоксіенѣ они во многихъ мѣстахъ, составляютъ основу осѣдлаго населенія: тамъ они называются сартами, таджиками, парзиванами.

Персы могутъ считаться не только однимъ изъ самыхъ красивыхъ народовъ земнаго шара, но и однимъ изъ наиболѣе интеллигентныхъ. Необыкновенная быстрота пониманія, остроуміе, поэтическій складъ ума, рѣдкая сила памяти, все это приводитъ въ изумленіе европейцевъ; но слишкомъ одаренные отъ природы, персы не считаютъ необходимымъ развивать свой умъ: они обладаютъ, такъ сказать, неустойчивымъ умомъ [3]); они не стараются

[1]) Polak, цитированное сочиненіе;—Baker, „Clouds in the East“.

[2]) Ker Porter, „Travels in Persia“;—Gasteiger, „Von Teheran nach Beludschistan“; Wills, „The Land of the Lion and Sun“.

[3]) Polak, цитированное сочиненіе;—A. Goebel, „Bulletin de l'Académie des Sciences de Pétersbourg“, tome V, 1863;—Tietze, „Verhandlungen der Geologischen Reichsantalt“, 1875, VIII.

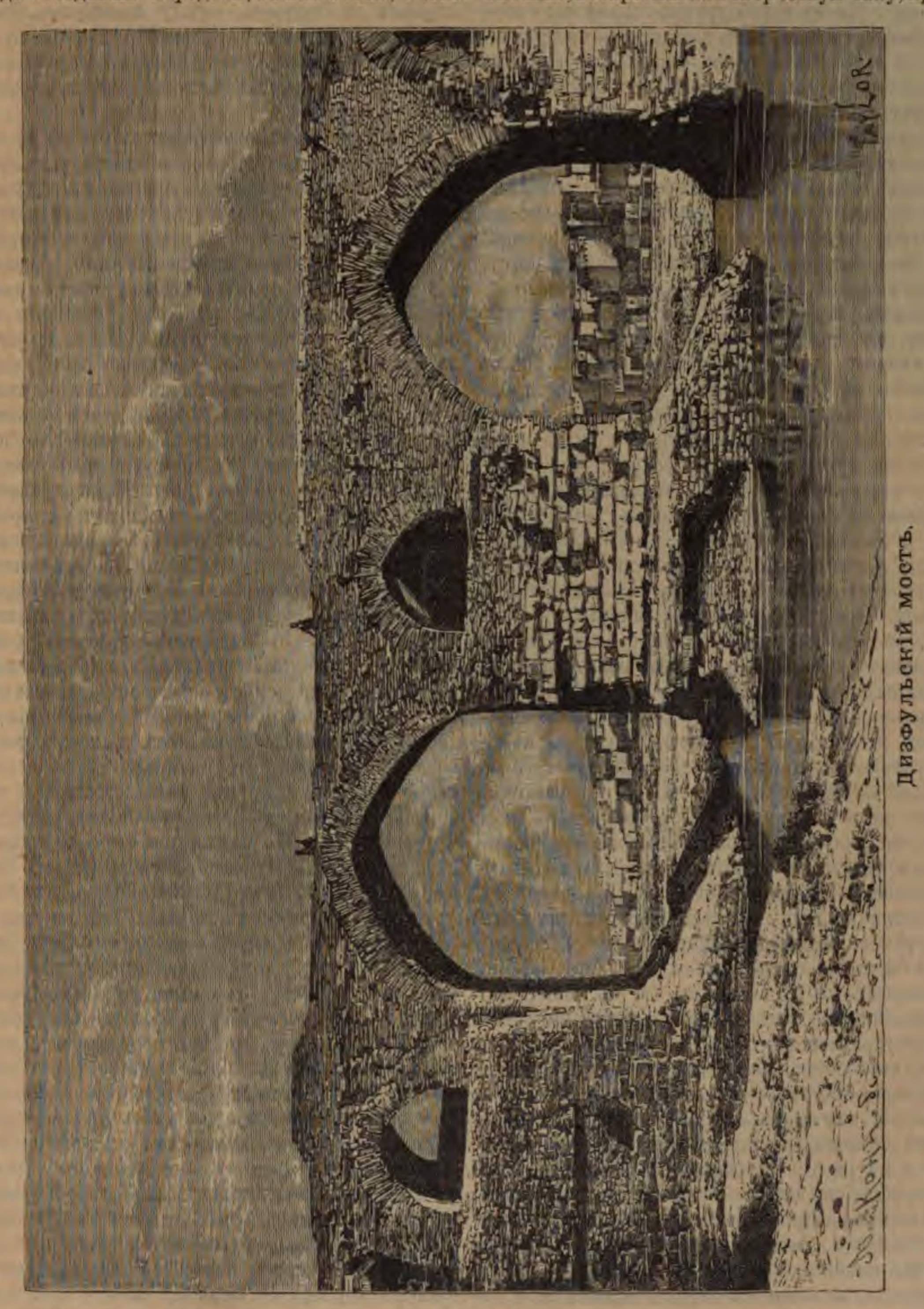
[4]) Khanikov, „Ethnographie de la Perse“.

[1]) Jane Dieulafoy, „Tour du Mond“;—M. Dieulafoy, рукописныя замѣтки.

[2]) G. Perrot et Chipiez, „Histoire de l'Art dans l'Antiquité“, vol. II.

[3]) Gobineau, „Trois ans en Asie Centrale“;—H. Vambery, „Sittenbilder aus dem Morgenlande“.

углубляться въ предметъ, разъ понятый ими. Наслѣдники вѣковой цивилизаціи, персы, вполнѣ сознавая свое интеллектуальное превосходство надъ сосѣдними народами, къ несчастью, стоятъ



Дизфульскій мостъ.

гораздо ниже ихъ въ отношеніи мужества: арабы, кудры, турки и туркмены, афганцы, белуджистанцы всегда одерживали верхъ надъ ними и во время войнъ, и во время мѣстныхъ возстаній, и страна ихъ управляется государемъ иноземнаго происхожденія, наслѣдникомъ другихъ воинственныхъ династій. Лишенные свободы, которая одна могла возродить ихъ цивилизацію, воскресить ихъ творческую силу, иранцы вынуждены жить своимъ прошедшимъ, свято соблюдая старинныя традиціи. Относительно вѣжливости они такъ же щепетильны, какъ японцы и китайцы: въ самой глухой деревушкѣ, если только тому не препятствуютъ

исключительныя обстоятельства, вызванныя религіознымъ фанатизмомъ, какъ напр. приближеніе врага или сборщика податей, населеніе чрезвычайно вѣжливо встрѣчаетъ иностранца. Ни въ какой другой странѣ міра высшее искусство «вставать и садиться» не практикуется съ такою граціею, какъ здѣсь. Искусно наблюдая за малѣйшимъ своимъ движеніемъ, за малѣйшимъ измѣненіемъ въ чертахъ лица, персіянинъ зрѣлыхъ лѣтъ представляетъ рѣзкій контрастъ съ дѣтьми своей расы, въ большинствѣ столь живыми и игривыми. Онъ любитъ говорить, любитъ давать просторъ своимъ мыслямъ, изливать свое природное краснорѣчіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ отлично умѣетъ напускать на себя важность, если это для него представляетъ выгоду; умѣетъ и казаться скромнымъ, умѣетъ различать въ соціальной іерархіи низшихъ, равныхъ себѣ и высшихъ всѣхъ ранговъ: въ умѣньи держать себя съ посторонними, онъ не знаетъ соперниковъ, и передъ властелиномъ готовъ каждую минуту гнуть шею, какъ бы приглашая перерѣзать ее. Въ разговорѣ онъ умѣетъ вставлять пословицы и произведенія поэтовъ, подходящія къ его положенію и къ его интересамъ, и, безъ замѣтнаго усилія, можетъ направить мысли своего собесѣдника на предметъ, котораго онъ желаетъ коснуться. «Съ голубемъ по-голубиному, съ соколомъ по-соколиному», говоритъ персъ, чтобъ объяснить свою манеру вести разговоръ, постоянными увертками, соображаясь съ собесѣдникомъ. Какая разница между нынѣшнимъ парси, пропитаннымъ ложью, благодаря вѣковому рабству, и прежнимъ свободнымъ персомъ, сыномъ «Чистаго Ирана»[1]), который, «считалъ ложь величайшимъ безчестіемъ!» Такъ какъ прямодушіе неизбѣжно выдало бы крестьянина въ руки его притѣснителей, то хитрость и лукавство въ этомъ классѣ людей переходитъ отъ отца къ сыну и часто спасаетъ ихъ отъ разоренія: любая европейская деревня, гдѣ подати были бы такъ велики, какъ въ Персіи, въ первый же годъ погибла бы съ голоду; но иранскій земледѣлецъ, какъ его ни тѣснятъ, все же умудряется кое-какъ кормиться и воздѣлывать свои поля. Ловкіе люди, употребляющіе свои способности не для одной самозащиты, но также и для прокладыванія себѣ дороги въ свѣтѣ, становятся опасными своими ухищреніями, интригами и ложью, направленными почти всегда на служеніе корыстолюбію. Одинъ изъ весьма распространенныхъ типовъ въ Персіи—*фузули*, которые не останавливаются ни передъ какой низостью ради «мамона»: это—субъекты, являющіеся передъ европейцами въ качествѣ прислуги, управляющихъ, курьеровъ или простыхъ совѣтчиковъ, которые своими пороками кладутъ клеймо позора на свою націю[1]). Впрочемъ, какіе поразительные контрасты встрѣчаются въ одномъ и въ другомъ концѣ Ирана, между мужественнымъ и храбрымъ талишемъ и жителемъ Кашана, котораго всѣ презираютъ за подлость, между изящнымъ, благороднымъ ширази, котораго глаза блещутъ умомъ, и грубымъ земледѣльцемъ Мазандерана, котораго называютъ *ябу*, такъ же, какъ ломовую лошадь!

Въ первые вѣка исторіи, южная часть иранскаго плато была обитаема арійцами, а въ другой части жили мидійцы, «аллофилы» туранскіе, говорившіе на своемъ собственномъ языкѣ, хотя они и состояли въ повиновеніи у арійской касты, подобно персидской націи. Страна эта еще и по сіе время раздѣлена между двумя расами[2]), потомками древнихъ народовъ съ большей или меньшей примѣсью, и, по всей вѣроятности, языческое раздѣленіе мало измѣнилось. Группа тюрковъ и туркменъ, идущая вслѣдъ за иранцами по степени своей численности, представляетъ расу побѣдителей, но, подобно манджурамъ въ Китаѣ, подчиняется вліянію покоренной ими расы. Правда, тюрки располагаютъ оффиціально властью, и армія почти вся цѣликомъ вербуется изъ ихъ рядовъ; но персы заявляютъ себя болѣе съ умственной стороны: они завладѣли мануфактурной промышленностью, завѣдуютъ дѣлами, однимъ словомъ, составляютъ цивилизованную часть націи. Въ сравненіи съ иранцами, тюрко-татары Персіи имѣютъ черепъ менѣе продолговатый, лицо менѣе овальное, черты лица менѣе выразительныя, глаза меньше, носъ толще, челюсть болѣе широкую и болѣе твердую. Вообще они выше ростомъ и крѣпче тѣлосложеніемъ; рядомъ съ персами они кажутся неповоротливыми и неуклюжими. Но также они и менѣе хитры; и часто персъ получаетъ обратно то, что они у него раньше отняли силой. Впрочемъ, они презираютъ прежнихъ властителей страны, и въ округахъ исключительно персидскихъ они бы по первому слову начальниковъ предали города огню и мечу. Несмотря на общее происхожденіе, эти тюрки Персіи сражались всегда съ особенной яростью противъ османлисовъ; сектантская ненависть болѣе отдаляетъ ихъ отъ анатолійцевъ, нежели разноплеменность отъ персидскихъ согражданъ-шіитовъ, какъ и они сами. Нарѣчіе ихъ немногимъ отличается отъ языка османлисовъ, только выговоръ у нихъ нѣсколько жестче: тюрки Малой Азіи и тюрки Персіи понимаютъ другъ друга. Между тюрками Малой Азіи мало такихъ, которые не знаютъ персидскаго языка, но рѣдко говорятъ на немъ хорошо. Въ первой половинѣ столѣтія, придворнымъ языкомъ былъ тюркскій, но въ наше время языкъ при дворѣ персидскій.

[1]) Hérodote, I. 138;—Burnof;—Carl Ritter, etc.

[1]) Polak, „Persien und seine Bewohner".

[2]) Jules Oppert, „Le Peuple et la langue des Mèdes".

Тюркское племя, которое нынѣ занимаетъ первое мѣсто въ государствѣ это—племя каджаровъ, защищавшее переходъ черезъ Атрекъ и глава котораго вступилъ въ управленіе государствомъ Ирана. Тѣмъ не менѣе, онъ сохранилъ гордость иноземной расы: на монетахъ шаха персидскаго, въ то же время хана тюркскаго, чеканится до сихъ поръ, вслѣдствіе его происхожденія, его каджарскій титулъ. Афшары, которые обладали въ прежнее время численнымъ превосходствомъ и изъ племени которыхъ родился побѣдоносный вождь Надиръ-шахъ, «Сынъ Меча», остались и теперь наиболѣе многочисленнымъ племенемъ: въ началѣ столѣтія ихъ различныя племена состояли изъ 88.000 семействъ. Карагезлю изъ Гамадана, шахъ-севены изъ Ардебиля принадлежатъ также къ могущественнымъ народцамъ, и послѣдніе имѣютъ преимущество поставлять шаху сто голямовъ или тѣлохранителей. Области, въ которыхъ преобладаетъ тюрко-татарскій элементъ,—разумѣется, сѣверныя и сѣверо-западныя, ближайшія къ мѣсту ихъ родины. Въ Азербейджанѣ почти всѣ сельскіе жители состоятъ изъ тюрко-татаръ, и вплоть до самаго центра Персіи они встрѣчаются многочисленными колоніями. Нѣкоторыя орды туркменовъ, кашкаи, пришедшія въ страну въ эпоху Чингисъ хана, кочуютъ въ окрестностяхъ Шираза, Форга и Таруна, къ юго-западу отъ Ирана и, какъ говорятъ, настолько многочисленны, что могутъ, въ случаѣ надобности, сформировать армію въ тридцать тысячъ всадниковъ. Въ прежнее время эти племена были изъ наиболѣе грозныхъ. Каждый туркменъ считалъ себя въ правѣ проливать кровь человѣка, который былъ ему не по вкусу. Наибольшая дань уваженія, какую онъ могъ выразить своему соотечественнику, заключалась въ томъ, что онъ подносилъ ему пролитую имъ кровь со словами: «Смотри на эту кровь, какъ будто она пролита тобой! Я изливаю ее на твою голову!» [1]).

Въ гористыхъ восточныхъ иранскихъ областяхъ, переселенцы тюркской расы принадлежатъ къ тѣмъ туркменскимъ племенамъ, которыя съ первыхъ временъ писанной исторіи ведутъ постоянныя войны съ жителями плато. Извѣстно, что до изгнанія оттуда текинцевъ и до покоренія ихъ страны русскими, персы и туркмены постоянно враждовали изъ-за пастбищъ на горахъ, идущихъ вдоль ихъ границы, и особенно изъ-заверхняго теченія источниковъ, питавшихъ ирригаціонные каналы. Рѣдко иранцы играли блистательную роль въ этихъ сраженіяхъ. Случалось, что, при видѣ нападающихъ, хорассанскіе персы, потомки парѳянъ, заставлявшихъ дрожать римскіе легіоны, бросали оружіе, позволяли связывать себѣ руки, даже сами связывали своихъ товарищей, хотя и знали, что имъ предстоитъ рабство, болѣе тяжкое, чѣмъ смерть [1]). Въ свою очередь персидскіе правители также захватывали въ плѣнъ, но только тогда, когда они, располагая значительными силами, могли сдѣлать внезапное нападеніе на изолированное туркменское кочевье. Обыкновенно, мирные земледѣльцы плато, за неимѣніемъ другаго убѣжища, прятались въ укрѣпленныхъ башняхъ, которыхъ десятки тысячъ высятся среди полей въ пограничной странѣ. Они давали промчаться, подобно урагану, грознымъ всадникамъ; затѣмъ, выйдя изъ своихъ убѣжищъ, снова отправлялись въ деревни посмотрѣть, что имъ оставили туркмены, и сосчитать число павшихъ. Когда одна изъ такихъ крѣпостей попадала въ руки туркменъ, жители страны непремѣнно разрушали ее, чтобъ взамѣнъ ея построить новую, въ надеждѣ, что она не подвергнется горькой участи своей предшественницы.

Персіянка.

Конечно, грабители, пришедшіе изъ равнины, могли безъ труда поселиться на завоеванныхъ высотахъ; но ихъ бродяжническій образъ жизни, ихъ разбойничьи нравы постоянно тянули ихъ въ низменныя страны, сосѣднія съ пустыней. Все же нѣкоторыя изъ этихъ племенъ удержали за собой завоеванную землю: одни

[1]) Dupré, „Voyages en Perse", tome I

[1]) De Blocqueville,—„Ferrier;—Vambéry;—Mac Gregor, etc.

для того, чтобы продолжать тамъ кочевую жизнь на зимнихъ и лѣтнихъ пастбищахъ, другія— чтобъ основать тамъ осѣдлыя деревни и заняться земледѣліемъ. Въ Мазандеранѣ, на сѣверномъ склонѣ Эльбурса, равно какъ и на югѣ Атрека и въ Хорассанѣ вплоть до границъ пустыни, попадаются кочевья и деревни туркменъ, потомковъ степныхъ всадниковъ. И нынѣ переселеніе продолжается, но въ миролюбивой формѣ: невольничьи рынки и въ Хивѣ и въ Бухарѣ закрыты, война прекратилась на границахъ, охраняемыхъ русскимъ карауломъ, и, сдѣлавшись безполезными, укрѣпленныя башни въ горахъ, идущихъ вдоль границы, превратились въ развалины [1]).

Народы курдскаго племени, населяющіе сѣверо-западъ и западъ персидской территоріи, походятъ на туркменъ храбростью и воинственными нравами, но происхожденіемъ принадлежатъ къ другой расѣ. Занимая въ Персіи, въ русскомъ Закавказьѣ и въ турецкой Арменіи почти всѣ вершины горнаго хребта и разсѣянные вокругъ этого центральнаго массива многочисленные архипелаги и островки, курды совсѣмъ не сплочиваются въ націю; но именно на турецкой территоріи ихъ гораздо больше, и тамъ живутъ ихъ могущественныя племена, вполнѣ сознающія свое политическое значеніе. Курды, живущіе въ горахъ Заба, по берегамъ Тигра и Евфрата, внѣ предѣловъ Персіи, образуютъ точку опоры цѣлой расы, за исключеніемъ тѣхъ племенъ, которыхъ иранское правительство силой водворило близъ Персидскаго залива, въ горахъ, идущихъ вдоль Копетъ-дага, или же среди юго-восточныхъ белуджистанцевъ. Есть также народности, которыя слѣдуетъ считать принадлежащими къ языческой группѣ курдовъ, хотя онѣ и носятъ иное названіе. Таковы луры, по имени которыхъ названа провинція Луристаномъ, заселяющіе долины верхняго бассейна Керки; ихъ именемъ называютъ иногда всѣхъ кочевниковъ Персіи. Языкъ луровъ значительно разнится отъ языка курдовъ и составляетъ самостоятельное нарѣчіе; они считали бы себя очень оскорбленными, если бы ихъ стали смѣшивать съ курдами, которыхъ они чаще всего называютъ леками. Тѣ, какъ аборигены, позднѣе перешли въ магометанство, тогда какъ луры съ самаго возникновенія ислама, приняли вѣру побѣдителей-арабовъ [2]). Ихъ главное племя, которое въ то же время имѣетъ наибольшее значеніе въ цѣлой Персіи, благодаря сплоченности своихъ клановъ — это племя феили, обитающее въ верхнемъ бассейнѣ Каруна, у верховьевъ Шустера и Дизфуля. По словамъ Морье, онъ состоитъ изъ ста тысячъ кибитокъ; политическое устройство его чисто феодальное. Нѣкоторые кланы луровъ носятъ звѣриныя прозвища, подобно племенамъ краснокожихъ: они называютъ себя Воронами, Желтоногими, Волчьими Ногами.

Племена, которыя, одновременно съ курдами и лурами, лучше всѣхъ сохранили свой типъ и свои обычаи, это—бахтіары, т. е. «Счастливые» или «Доблестные» жители Луристана и Сузіаны. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, они-то и есть истинные курды; но языкъ ихъ не походитъ на персидскій. Въ физическомъ отношеніи они также отличаются иными чертами лица. По словамъ Дюгуссе, который командовалъ цѣлымъ полкомъ бахтіаровъ, люди этой расы, изо всѣхъ иранцевъ, имѣютъ форму черепа наиболѣе круглую (*brachycephale*) [1]). Коренастые, сильные, мускулистые, какъ курды, они всѣ вообще смуглолицы, волосы у нихъ черные, волнистые, глаза оттѣняются густыми рѣсницами, носъ толстый и орлиный, опускающійся до губы, подбородокъ четырехугольный, скулы выдающіяся впередъ. Даже несмотря на ихъ пастушескій костюмъ, въ нихъ виднѣются солдаты, и поразительно ихъ сходство съ фигурами, изображенными на сассанидскихъ монетахъ [2]). Бахтіары, какъ и прочія пастушескія племена, лѣтомъ кочуютъ въ кибиткахъ, на пастбищахъ, отведенныхъ имъ обычаемъ, или же захваченныхъ силой; зимой они живутъ въ маленькихъ деревушкахъ равнины или на нижнихъ склонахъ горъ. Бахтіары дѣлятся на двѣ большихъ группы, на хафтъ-ленговъ или «Семиногихъ» и чагаръ-ленговъ или «Четырехногихъ», названныхъ такъ по количеству ихъ налоговъ, подраздѣляясь на кланы или *тиръ*, на группы семейныя, патріархально управляемыя вождями, во главѣ которыхъ состоитъ обыкновенно совѣтъ старцевъ. Нѣкоторыя племена считаются принадлежащими къ дворянству, или вслѣдствіе генеалогіи ихъ вождей, или въ силу ихъ подвиговъ, или же богатствъ; а нѣкоторыя племена у другихъ болѣе могущественныхъ племенъ состоятъ въ вассальномъ отношеніи, и преданіе говоритъ, что они низшаго происхожденія, тюркскаго или персидскаго [3]). Еще недавно бахтіары наводили страхъ своими разбойничьими нападеніями и грабежами каравановъ, и, чтобъ пройти изъ Шираза или Испагана въ нижній бассейнъ Евфрата, путешественники всѣми силами старались миновать ихъ земли. Одинъ изъ новѣйшихъ ученыхъ изслѣдователей, Макензи, не побоялся имъ довѣриться, и не могъ нахвалиться ихъ ласковымъ пріемомъ и ихъ предупредительностью [4]).

---

[1]) Lessar, „Mittheilungen von Petermann", X, 1892.
[2]) Houtum Schindler, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin", 1877.

[1]) Головной показатель бахтіаровъ: 0,91.
[2]) Duhousset, „Etudes sur les populations de la Perse"; — Khanikov, „Ethnographie de la Perse".
[3]) Rich; — Bode; — Rawlinson; — Layard; — Houtum Schindler, etc.
[4]) „Proceedings of the Geographical Society", March 1883.

Что касается до арабовъ и белуджистанцевъ, входящихъ также въ составъ жителей Персіи, то большинство ихъ племенъ заселяетъ земли, пограничныя съ ихъ родиной: арабскіе народцы, считающіе себя уроженцами Неджеда, кочуютъ въ юго-западной части равнины Каруна, которая, благодаря имъ, получила названіе Арабистана. Равно и белуджистанцы Персіи населяютъ въ юго-восточной части государства одну провинцію, которая въ прежнее время составляла часть Белуджистана и сохранила это названіе до сихъ поръ. По словамъ Флойера, племя это вообще выше ростомъ и крѣпче тѣлосложеніемъ, чѣмъ то, которое живетъ въ ханствѣ, и многіе изъ ихъ клановъ принадлежатъ семейству риндовъ или «Храбрыхъ», живущему на границахъ Индіи. Въ нѣкоторыхъ округахъ они наводятъ не менѣе страха, какой

Развалины Пальмиры.

наводили недавно туркмены въ Хорассанѣ: иногда случалось видѣть этихъ разбойниковъ верхомъ на быстрыхъ верблюдахъ, дѣлающихъ до 130-и километровъ въ день, проникавшими въ сосѣдство Кирмана и Іезда; но они не убиваютъ, подобно туркменамъ, своихъ жертвъ: они довольствуются тѣмъ, что только грабятъ [1]). Между странствующими племенами, передвигающимися по плато Персіи и которыя, по исчисленію, составляютъ четверть или даже треть всего населенія [2]), многія выдаютъ себя за потомковъ арабовъ, что болѣе или менѣе подтверждается происхожденіемъ ихъ вождей. Но каково бы ни было ихъ происхожденіе, они уже превратились въ иранцевъ и по языку, и по ихъ внѣшнему виду. Таковы «арабы» Вераминскаго округа, на юго-востокѣ Тегерана: языкъ ихъ персидскій, какимъ говорятъ въ странѣ, а типъ ихъ ничѣмъ не отличается отъ сосѣдей; смѣшенія превратили мало-по малу древнихъ арабскихъ переселенцевъ въ настоящихъ персіянъ.

Тюрки или курды, арабы или белуджистанцы, даже персы,— всѣ кочевники или полу-кочевники Персіи, которыхъ главное богатство заключается въ стадахъ и которые живутъ лѣтомъ въ кибиткахъ на горахъ, чтобъ спуститься зимой въ окрестности городовъ; всѣ они извѣстны подъ родовымъ своимъ названіемъ илятовъ или «Семействъ». Смотря по положенію политическихъ дѣлъ, число ихъ увеличивается или уменьшается. Если, напримѣръ, область терпитъ отъ грабительства губернатора или отъ того, что по ней прошли войска, иляты шеръ-нишини, привыкшіе къ постоянному мѣстожительству и къ воздѣлыванію почвы, покидаютъ свои деревни, чтобъ начать кочевую жизнь, подобно сахаръ-нишини; въ благопріятныя времена племена поселяются на земляхъ, которыя имъ жалуются [3]). Только одни каулы, лулы, или карачи, которые и есть персидскіе цыгане, кочующіе то тутъ, то тамъ у окраинъ городовъ, не измѣняютъ никогда своего образа жизни. Приноравливаясь къ всякой религіи, не исповѣдуя никакой, они искусные гадальщики, кузнецы, лудильщики, мастера разной посуды, ситъ и т. п., барышники и воры; они весьма походятъ на своихъ европейскихъ единоплеменниковъ; между ними шахъ выбираетъ себѣ скороходовъ [4]). Число цыганскихъ семей простирается до пятнадцати тысячъ. Что касается до лутовъ, то это, собственно говоря, шуты и вожатые медвѣдей, фокусники; но подъ этимъ названіемъ обыкновенно смѣшиваютъ людей самыхъ различныхъ племенъ, связанныхъ другъ съ другомъ воровствомъ и разбоемъ.

Армяне, въ прежнее время весьма многочисленные на персидской территоріи, нынѣ встрѣчаются тамъ только небольшими общинами. Большинство изъ населявшихъ сѣверные округа провинціи Азербейджана, отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ, ушли изъ Персіи въ 1828 году, для того, чтобъ поселиться въ русской Арменіи, гдѣ половина изъ нихъ погибла отъ холода и отъ голода; въ странѣ осталось только двѣ тысячи пятьсотъ семействъ. Внѣ предѣловъ Азербейджана персидскіе армяне не болѣе, какъ переселенцы. Въ 1605 году, когда шахъ Аббасъ I вынудилъ ихъ покинуть свое отечество—берега Аракса, разрушивъ каналы, мосты и даже жилища на глазахъ изгнанниковъ, двѣнадцать тысячъ семействъ, переселившись въ Испагань, пережили всѣ муки изгнанія, и въ скоромъ времени, благодаря своему трудолюбію, обогатились. Шарденъ, видѣвшій въ Испагани армянскую колонію въ полномъ благосостояніи, хвалитъ ихъ промышленность и ихъ коммерческія способности; но съ этой эпохи, притѣсненія губернаторовъ довели большинство гайкановъ до нищеты. Въ послѣднее время ихъ стали считать почти русскими подданными, и они пользуются особымъ покровительствомъ посланника могущественной націи, совѣты котораго считаются приказаніемъ. Положеніе ихъ значительно улучшилось, но нѣкоторыя изъ ихъ общинъ далеко еще не въ цвѣтущемъ состояніи и почти вся ихъ молодежь эмигрируетъ, отправляясь искать счастья въ Закавказье, въ Константинополь, въ Индію, вплоть до Явы, и въ Китай. На вопросъ путешественника Полака, патріархъ Испагани, котораго епископство распространяется отъ Гамадана до Батавіи, могъ насчитать только около двадцати тысячъ овецъ своей разсѣянной повсемѣстно паствы. Въ верхнихъ долинахъ, лежащихъ на сѣверо-западѣ Испагани, нѣкоторыя деревни заселены единственно гайканскими земледѣльцами, храбрыми горцами, которые замѣчательно разнятся отъ боязливыхъ городскихъ армянъ и которые умѣютъ защищать свои поля отъ окрестныхъ разбойниковъ-бахтіаровъ [1]).

Евреи еще малочисленнѣе армянъ на персидской территоріи: ихъ не насчитываютъ даже и двадцати тысячъ съ тѣми, которые исповѣдуютъ свою религію втайнѣ, но которые извѣстны за ложно совратившихся въ исламъ. Они находятся въ большомъ презрѣніи и живутъ въ каждомъ городѣ въ *гетто*, подобно тѣмъ, какіе были въ прежнее время въ европейскихъ городахъ, и въ домахъ ихъ такія

[1]) Stewart, „Proceedings of the Geographical Society". Sept. 1881.

[2]) Morier;—Goldsmid;—Lovett;—Oliver Saint John;—Häntsche.

[3]) E. Tietze, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien. 15 Juli 1875".

[4]) Polac, „Persien, Das Land und seine Bewohner".

[1]) Houtum Schindler, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin", 1877.

низкія двери, въ которыя можно войти не иначе, какъ нагнувшись, и которыя легко забаррикадировать. Подобно европейскимъ евреямъ, евреи, населяющіе Персію, представляютъ два весьма различныхъ типа: одни имѣютъ правильное, благородное лицо, черные глаза, большой лобъ; у другихъ широкое лицо съ большимъ носомъ и курчавые волосы. Они говорятъ по-персидски, но примѣшиваютъ къ этому языку слова древне-еврейскія, и вообще говорятъ съ особымъ акцентомъ; обыкновенно, въ разговорѣ сильно жестикулируютъ, за что̀ ихъ презираютъ иранцы, весьма скромные въ движеніяхъ. Какъ и въ Европѣ, евреи любятъ ремесла, въ которыхъ на ихъ долю выпадаетъ обработка дорогихъ тканей и металловъ; большинство изъ нихъ ювелиры, вышивальщики, ткачи шелковыхъ матерій; они также занимаются производствомъ винъ, водокъ, уксуса и умѣютъ сплавливать и отдѣлять металлы. Изъ среды ихъ выходятъ лучшіе врачи въ Персіи, наслѣдовавшіе славу своихъ предковъ во времена калифовъ. Музыканты и пѣвцы почти всѣ безъ исключенія евреи.

Европейская колонія въ Персіи состоитъ изъ небольшаго числа авантюристовъ и купцовъ, не считая персонала посольствъ и спеціалистовъ, профессоровъ, медиковъ, разнаго рода промышленниковъ или военныхъ, призванныхъ въ страну для руководства нѣкоторыми производствами или же для обученія войскъ. На всѣхъ на нихъ смотрятъ какъ на посѣтителей, и народонаселеніе избѣгаетъ ихъ какъ иностранцевъ: почти нѣтъ примѣра, чтобъ иностранцы, не имѣя интимныхъ связей съ персидскими семействами, избрали бы Иранъ своимъ вторымъ отечествомъ: дезертиры русской арміи, почти всѣ поляки, которые въ прежнее время въ большомъ числѣ нашли убѣжище на персидской территоріи, перешли въ исламъ и нынѣ считаются иранцами. Персія не вошла въ кругъ заманчивыхъ для Европы земель, каковы Египетъ и Малая Азія; но климатическія и земельныя условія, равно какъ и политическія событія, позволяютъ утверждать, что въ недалекомъ будущемъ, въ русскихъ переселенцахъ не будетъ недостатка въ городахъ Мазандерана, Гилана и Азербейджана; но тѣмъ не менѣе, ихъ непосредственное вліяніе на цивилизацію страны еще не скоро дастъ себя чувствовать. Иранская раса, сильная своей долголѣтней прошлой культурой, одна изъ самыхъ живучихъ, какія существуютъ, а большинство европейцевъ вмѣсто того, чтобъ вложить свой элементъ въ народъ, съ которымъ они находятся въ сношеніяхъ, сами превращаются въ азіатовъ. Такимъ образомъ, въ былое время, маленькія греческія колоніи центральной Азіи основались на земляхъ окрестныхъ народовъ [1]).

[1]) De Gobineau, „Trois ans en Asie".

Древняя религія Зороастра нынѣ имѣетъ только весьма небольшое число послѣдователей между персами, и въ формѣ весьма различной отъ той религіи, которая должна была одержать верхъ въ тѣ времена, когда были провозглашены доктрины Зенд-Авеста. Извѣстно, что парсы или зардушти имѣютъ свои главныя общины внѣ предѣловъ Ирана, въ Бомбеѣ и сосѣднихъ съ нимъ городахъ; въ самой же Персіи ихъ немного болѣе 8.000, и встрѣчаются они сплоченными группами только въ округѣ Іезда или Іездана, т. е. въ «Городѣ Свѣта» [1]). Еще въ десятомъ вѣкѣ, со временъ путешествія Ибнъ-Гаукаля, въ каждой деревнѣ былъ свой храмъ, свои священники, своя священная книга [2]); но съ того времени «жертвенники огню», прежде воздвигаемые на вершинахъ холмовъ, были всѣ разрушены, за исключеніемъ одного жертвенника Тафта, близъ Іезда; священники не смѣютъ болѣе зажигать тамъ священный огонь, состоявшій изъ двѣнадцати разноцвѣтныхъ огней, изъ коихъ первый былъ зажигаемъ прямо солнцемъ посредствомъ чечевицеобразнаго стекла [3]). Нынѣ жертвенники Іезда не болѣе, какъ простыя жаровни, спрятанныя внутри почернѣвшихъ развалинъ. Впрочемъ, отъ нихъ уцѣлѣли только обломки, на которые указываетъ мѣстное преданіе, и они называются въ странѣ не иначе, какъ своимъ арабскимъ названіемъ *атешъ-гязъ* или *атешъ-каде*; древнее названіе пельви забыто. Но гебры удержали за собою право хоронить своихъ умершихъ по своимъ обрядамъ, и близъ каждаго города, гдѣ находится одна изъ ихъ общинъ, высится на уединенной скалѣ *дакмé* или башня молчанія. Гебровъ гнушаются, какъ идолопоклонниковъ, и они давнымъ давно были бы истреблены, если бы не обладали граматой калифа Али, обѣщавшаго имъ свое покровительство, что̀, впрочемъ, ни мало не избавляетъ ихъ отъ особой подати, требуемой съ невѣрныхъ. Съ недавняго времени число ихъ стало уменьшаться, вслѣдствіе похищенія молодыхъ дѣвушекъ, обращаемыхъ въ магометанство, и которыя, сдѣлавшись членами великой семьи ислама, не возвращались болѣе къ своимъ родителямъ. Еще и нынѣ самые богатые купцы-гебры могутъ ѣздить только на ослахъ и всякій разъ обязаны слѣзать при встрѣчѣ съ мусульманиномъ, а также обязаны носить на одеждѣ особые цвѣтные знаки для того, чтобъ толпа могла ихъ отличить отъ «истинно вѣрующихъ» и могла бы преслѣдовать ихъ оскорбленіями, не рискуя ошибиться [4]). Однако, положеніе огне-

[1]) Народная перепись парсовъ въ 1879 году: Іездъ и окрестныя деревни 6.483; Кирманъ и окрестныя деревни—1.498; Тегеранъ и окрестныя деревни—150. Другіе города и деревни - 57. Вмѣстѣ—8.188.

[2]) Gödel Lannoy, „Allgemeine Zeitung", März 1883.

[3]) H. Petermann, „Reisen in Orient".

[4]) Castеiger, цитированное сочиненіе.

*

поклонниковъ значительно улучшилось съ половины нынѣшняго столѣтія, вслѣдствіе духовной солидарности съ ними индійскихъ парсовъ, которые посылаютъ своимъ единовѣрцамъ деньги для уплаты податей и для содержанія школъ, и которые во многихъ обстоятельствахъ прибѣгали къ совѣтамъ Англіи. Кромѣ того, нѣкоторые немногіе персы, гордящіеся своей исторій, чувствуютъ симпатію къ этимъ людямъ, которые остались вѣрными въ современномъ Иранѣ преданіямъ древней Персіи. Между вновь возникшими сектами есть такія, которыя стараются приблизиться къ древней религіи Зороастра и даже трудятся надъ возстановленіемъ древняго культа [1]). Великая персидская эпопея «Шахъ-наме» Фирдузи чествуетъ культъ предковъ въ выраженіяхъ, будто скрывающихъ нѣкоторую иронію, направленную противъ новой религіи: «Наши отцы также боготворили Бога. Арабы обращаются въ своихъ молитвахъ къ камню, а тѣ обращались къ огню, горѣвшему яркими цвѣтами». Многочисленныя гражданскія церемоніи въ Персіи напоминаютъ древній культъ. Такъ, въ Хорассанѣ, когда депутація поселянъ выходитъ на встрѣчу иностранцамъ, чтобъ оказать имъ почести, делегаты несутъ обыкновенно, и зимой и лѣтомъ, горшокъ, наполненный горящими углями [2]). Во всей Персіи самый большой праздникъ— Неруза, справляемый 20-го марта въ честь весны.

Какъ посредники торговыхъ сношеній съ Индіей, гебры Іезда и Кирмана играютъ довольно значительную роль, и въ торговыхъ дѣлахъ они отличаются отъ персовъ вѣрностью даннаго слова. Въ религіозномъ отношеніи большинство изъ нихъ слѣпо подчиняются своимъ священникамъ или *мобедамъ*, которые произносятъ молитвы и заклинанія на языкѣ пельви, котораго они сами не понимаютъ. Обряды, весьма сложные, сдѣлались цѣлой религіей, и все вниманіе священнослужителей обращено исключительно на то, какія позы слѣдуетъ принимать во время молитвы, какъ произносить слова, въ какомъ порядкѣ должны быть размѣщены священные очаги, священныя вѣтви гома (sarcostema viminalis), чаши, содержащія въ себѣ сокъ божественнаго растенія, курильницы, ступки, въ которыхъ толчется снадобье для традиціонныхъ пироговъ. Посвященіе въ таинство дѣтей мужскаго пола состоитъ только въ томъ, что имъ даютъ рубашку, которая должна предохранять ихъ отъ козней діавола, затѣмъ въ опоясываніи ихъ шарфомъ, который долженъ дать имъ силу и доблесть для добрыхъ дѣлъ. Древняя дуалистическая вѣра постепенно превратилась въ монотеизмъ; кромѣ обрядовъ религія, персидскихъ гебровъ не представляетъ никакого различія съ религіей сосѣднихъ мусульманъ. Чтобы пріобрѣсти ихъ благорасположеніе, огнепоклонники допускаютъ, что Зердуштъ или Зороастръ, авторъ ихъ священной книги, есть одно и то же лицо, котораго евреи, христіане и мусульмане, всѣ «книжники», знаютъ подъ именемъ Авраама; въ каждомъ спорѣ, собесѣдники вѣжливо соглашаются съ ними, что это именно такъ и есть [1]). Между иранскими и бомбейскими парсами произошло нѣчто въ родѣ раскола; но причина этому чисто матеріальная и ничуть не касается вопросовъ о догматахъ: отдѣленные другъ отъ друга въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, эти двѣ группы единовѣрцевъ перестали имѣть общій календарь и различно произносятъ нѣкоторыя слова литургіи [2]). Гебры Ирана и гебры Индіи имѣютъ одинаковые обряды, и какъ тѣ, такъ и другіе, бросаютъ своихъ умершихъ на съѣденіе орламъ и ястребамъ. Почти всѣ браки у нихъ заключаются между близкими родственниками, но никто не замѣчалъ, чтобъ гебры стояли ниже своихъ сосѣдей-магометанъ какъ въ отношеніи чистокровности, такъ и по красотѣ лица. Впрочемъ, почти у всѣхъ персовъ первые браки заключаются почти всегда между двоюродными.

Девять десятыхъ персидскаго населенія принадлежитъ оффиціально къ религіи магометанъ-шіитовъ. Можно сказать, что народъ, побуждаемый патріотизмомъ, принялъ эту религіозную форму съ цѣлью противодѣйствовать арабамъ и тюркамъ. Границы распространенія секты соотвѣтствуютъ вообще границамъ государства, и даже во многихъ мѣстахъ онѣ сходятся совершенно: религіозныя границы такъ же точно обозначены, какъ и государственныя. Навязавъ свой культъ, побѣдители-арабы, «Пожиратели ящерицъ», какъ ихъ презрительно называютъ, совсѣмъ не сдѣлались братьями побѣжденныхъ, которыхъ они заставили принять свою вѣру: не прошло и полстолѣтія со времени вторженія арабовъ въ Персію и со времени паденія династіи Сассанидовъ, какъ началась политическая реакція, но она была только обратнымъ требованіемъ династіи: персы стояли больше самихъ арабовъ за поддержаніе калифата въ семействѣ Магомета. Такъ какъ Али, племянникъ и зять пророка, женилъ своего сына Гуссейна на младшей дочери сассанидскаго короля Іездиджера, кровь пророка и наслѣдныхъ государей Ирана слилась такимъ образомъ въ семьѣ Али. Но когда несчастный калифъ былъ умерщвленъ въ Куфской мечети, когда сыновья его, Гуссейнъ и Гассанъ, были задушены вмѣстѣ съ родственниками и друзьями въ Кербельской равнинѣ, династія Сассанидовъ угасла

[1]) E. Renan, „Mélanges d'histoire et voyages".
[2]) A. de Khanikov, „Mémoires sur l'Ethnographie de la Perse".

[1]) De Gobineau, „Religions et Philosophies dans l'Asie Centrale".
[2]) Martin Haug, „Essays on the Sacred Language", „Writings and Religion of the Parsis".

одновременно съ династіей Магомета. Велика была скорбь мусульманъ Персіи, а ужасныя обстоятельства, какими сопровождалась эта драма, возбуждали еще болѣе состраданія къ Партизаны Али возвели его на одинъ пьедесталъ съ Магометомъ; они провозгласили его «намѣстникомъ», *вали* Аллаха; у большинства шiитовъ Али считается первостепеннымъ бо-

Озеро Ванъ.

погибшей семьѣ. Вскорѣ легенда, изобразивъ эти событія, сдѣлала изъ нихъ предметъ вражды между двумя государствами, между двумя религіями, между двумя силами, навѣки враждебными, какъ древній маздеенскій дуализмъ. жествомъ, преемниковъ Ормузда; особая секта али-аллахи, нозаири или назери, къ которой принадлежатъ не только оони иранцы, но также тюрки и, можетъ быть, даже остатки племенъ еврейскихъ и несторіанскихъ, не дѣлаетъ ни-

какого существеннаго различія между Аллахомъ и наилучшимъ изъ его тысячи и одного земнаго воплощенія, калифомъ Али [1]). Есть также секты, предметомъ боготворенія которыхъ служатъ двѣнадцать имамовъ, потомки калифа, чтимаго святымъ. Съ другой стороны, Омаръ считается чѣмъ-то въ родѣ сатаны, котораго долженъ проклинать каждый правовѣрный. Ежегодно одинъ день въ году посвящается празднованію смерти Омара, и богомольцы направляются толпами къ Кашану, для посѣщенія предполагаемой могилы его убійцы.

Секта шіитовъ, преслѣдуемая въ первое время, постепенно захватила всѣ персидскія народности, но она стала религіей государства не ранѣе начала шестнадцатаго вѣка, съ воцареніемъ династіи Сефвидовъ. Она еще и теперь вербуетъ послѣдователей въ восточномъ Афганистанѣ, на сѣверо-западѣ между татарами Закавказья, наконецъ въ самой Персіи и свидѣтельствуетъ о своей живучести развитіемъ національной литературы, возникшей среди народа внѣ всякаго вліянія духовенства. Въ прежнее время поминовенія, совершаемыя въ честь Али и его сыновей, состояли только изъ молитвъ, воплей, погребальныхъ процессій, сопровождаемыхъ добровольными самоистязаніями, которыя дѣлаютъ изъ обрядовъ шіитовъ потрясающее зрѣлище [2]). Дѣйствующія лица драмы, Али, Гуссейнъ, Гассанъ, дѣти и женщины, умерщвленныя въ Кербелѣ, участвовали въ этихъ представленіяхъ въ качествѣ нѣмыхъ свидѣтелей преступленія; они не говорили и не дѣйствовали, тогда какъ теперь они стали актерами; *тазіе*, подобныя «мистеріямъ» среднихъ вѣковъ, нынѣ стали настоящими пьесами, въ которыхъ авторы большею частью неизвѣстные, ввели монологи, діалоги, неожиданныя перипетіи, осмѣливаясь даже затрогивать легенду, чтобъ придать положенію дѣйствующихъ лицъ болѣе живой интересъ. Труппы актеровъ почти всѣ родомъ изъ Испагани, жители которой славятся между всѣми персами своимъ звучнымъ голосомъ и наилучшимъ акцентомъ, составились, чтобъ давать театральныя представленія въ различныхъ города Ирана, и многіе артисты, особенно тѣ изъ нихъ, которые изображали дѣтей и женщинъ изъ семейства пророка, достигли славы и богатства. На нѣкоторыхъ сценахъ давали и другія мистеріи, кромѣ убійства въ Кербелѣ: такимъ образомъ мало-по-малу устраивается національный театръ [3]). Семейства сеидовъ или *сеіедовъ*, родственныя пророку Магомету, которыя составляютъ по крайней мѣрѣ пятидесятую часть всего персидскаго населенія, принимаютъ спеціальное участіе въ постановкѣ тазіе, какъ бы наиболѣе другихъ заинтересованныя въ чествованіи подвиговъ своихъ мнимыхъ предковъ; но между этими семействами нѣтъ, можетъ быть, ни одного, которое могло бы представить неопровержимое доказательство своего титула. Когда-то сеиды пользовались, такъ сказать, всѣми правами, даже правомъ говорить правду государю!

[1]) Loftus, „Travels and Researches in Chaldaea and Susiana".
[2]) Verechaguine, „Tour du Monde", 1868.
[3]) De Gobineau, „Les Réligions et les Philosophies dans l'Asie Centrale".

Шіиты отличаются отъ суннитовъ не только воспоминаніемъ о политическихъ распряхъ и національной враждой, но главнымъ образомъ значительнымъ измѣненіемъ въ религіи и въ догматахъ вслѣдствіе многолѣтней отчужденности. Въ Персіи древняя каста волхвовъ постепенно преобразовалась, благодаря соединенію врачей въ каждомъ городѣ. Духовная іерархія также измѣнилась у секты персидскихъ шіитовъ гораздо больше, чѣмъ у суннитовъ, а Коранъ у нихъ не подлежитъ свободному истолкованію правовѣрныхъ, какъ это допускается у тюрковъ или арабовъ: у шіитовъ его могутъ читать и комментировать только одни муллы. Различныя изображенія возбуждаютъ чувство гадливости у суннитовъ; у нихъ же истинно вѣрующій не преминетъ ихъ убрать или даже убѣжать въ другое мѣсто, когда онъ совершаетъ молитву, и совершенно иначе относятся къ нимъ шіиты Персіи [1]): почти во всѣхъ домахъ въ Иранѣ имѣется картина, изображающая пророка Али; но такъ какъ художники чувствуютъ себя недостойными воспроизводить черты божественной красоты, какія преданіе приписываетъ зятю Магомета, то его изображаютъ всегда съ лицомъ, закрытымъ покрываломъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, шіизмъ указываетъ на возвращеніе къ религіи, предшествовавшей магометанству, и сунниты имѣютъ нѣкоторое право обвинять ихъ въ принадлежности къ религіи Зороастра; тѣмъ не менѣе есть нѣсколько мѣстъ въ Коранѣ, которымъ шіиты даютъ истолкованіе, болѣе соотвѣтствующее объясненіямъ первыхъ комментаторовъ, нежели то, какое мы встрѣчаемъ у теперешнихъ суннитовъ. Шіиты прикидываются болѣе правовѣрными, чѣмъ арабы, и считаютъ себя поддерживателями порядка законнаго наслѣдованія въ калифатѣ.

Несмотря на оффиціальную принадлежность къ общинѣ шіитовъ, большинство персовъ тайно проповѣдуютъ идеи, весьма различныя съ тѣми, какія преподаетъ Коранъ. Каждый стремится создать себѣ свою собственную вѣру, свои собственныя умовоззрѣнія, что влечетъ за собой странную разницу въ вѣрованіяхъ: одинъ и тотъ же субъектъ соглашается съ цѣлымъ рядомъ различныхъ доктринъ. Спорные вопросы взаимно нейтрализуются, поэтому религіоз-

[1]) A. de Beaumont, „l'Architecture en Perse" („Revue des Deux Mondes", 1-er sept., 15 oct. 1866).

ныя волненія массъ сдѣлались почти невозможными. Хотя духовенство и оставило за собой право истолкованія священныхъ книгъ, каждый персъ воображаетъ себя теологомъ и нисколько не боится затрогивать самые отвлеченные вопросы, хотя бы они даже привели его къ ереси. Впрочемъ, всѣ персы пришли къ тому убѣжденію, что каждый человѣкъ имѣетъ право высказывать свои мысли и наружно исповѣдывать вѣру, которую втайнѣ онъ отвергаетъ; даже шіитъ, странствующій среди суннитовъ, можетъ, не будучи обвиняемъ въ подлости своими единовѣрцами, выдавать себя за сторонника того самаго Омара, котораго онъ ненавидитъ въ глубинѣ своей души. Такого рода религіозное мороченье называется *кетманъ*: никто не остается обманутымъ, но всѣ дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ этому, и надѣются на обоюдность успѣховъ. Сочиненія персидскихъ сектантовъ имѣютъ, какъ и сочиненія многихъ философовъ среднихъ вѣковъ, два совершенно противуположныхъ значенія: одно значеніе оффиціальное и прямое, которое во всѣхъ пунктахъ соотвѣтствуетъ богословію, преподаваемому въ школахъ, а другое скрытное, мистическое, отъ котораго ключъ у его учениковъ и которое истолковывается въ тайныхъ собраніяхъ [1]).

Итакъ, въ Персіи невозможно слѣдить за движеніемъ сектъ: онѣ извѣстны только въ общихъ чертахъ, и было бы напраснымъ трудомъ стараться ихъ перечислить. У илятовъ различныя группы народностей всѣ различно понимаютъ магометанскую религію, и даже «Люди истины», какъ называютъ али-аллаховъ, исповѣдуютъ ее самымъ различнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, одно племя, по словамъ Ферье, боготворитъ великаго святаго истукана Бузурга и игнорируетъ Магомета. Киринди, живущіе близъ Керманшаха, считаютъ богомъ своего предка Дауда, и по ремеслу, какъ и онъ, кузнецы. Белуджи Персіи, которыхъ считаютъ суннитами, большею частью не имѣютъ никакой религіи и ограничиваются тѣмъ, что отрываютъ куски отъ своихъ одеждъ и привязываютъ ихъ къ кустамъ, или же бросаютъ камни на громады, высящіяся по краямъ дорогъ. Въ Мазандеранѣ племя дровосѣковъ также игнорируетъ Магомета, а въ юго-восточныхъ областяхъ Персіи многіе ученые, цитирующіе Гафиза и едва знающіе Коранъ, не прочь возвести поэта Шираза на мѣсто пророка [2]). У образованныхъ персовъ общепринятая доктрина, искаженная, какъ и всѣ прочія, подъ видомъ кетмана, это—доктрина *суфи*. Въ сущности, они не придаютъ никакого значенія мусульманскимъ обрядамъ, которые составляютъ для нихъ одну только внѣшность, ничѣмъ не пробуждая сокровенныя мысли внутренняго міра человѣка. Уже въ четырнадцатомъ вѣкѣ, Шемзеддинъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Гафиза, воспѣвалъ въ превосходныхъ стихахъ человѣческую нравственность внѣ всякаго мистическаго ученія и внѣ всякой надежды на вознагражденіе въ будущей жизни. Повторяя эти стихи и многія другія изреченія своихъ знаменитыхъ писателей, суфи говорятъ, по поводу ихъ религіозной независимости, что у однихъ она выражается въ полномъ скептицизмѣ, а у другихъ въ метафизическомъ созерцаніи. Въ Европѣ большинство суфи были бы признаны пантеистами: они вѣрятъ въ соединеніе всего сокровеннаго въ Богѣ и, слѣдовательно, признавая свою собственную божественность, видятъ съ самихъ себѣ центръ всего. Недоброжелательные священники утверждаютъ, что нѣкоторые доктора-суфисты совѣтуютъ прибѣгать къ опьяненію гашишемъ или опіумомъ, такъ какъ въ состояніи головокруженія и грезъ всѣ представленія въ мозгу перепутываются, всѣ предметы кажутся иными, всѣ образы изглаживаются, и тогда человѣкъ снова погружается въ первопытную безпредѣльность всемірнаго божества. Большинство персовъ имѣютъ большую склонность искать экстаза въ опьяненіи, которое производятъ наркозы или горячіе напитки, вслѣдствіе чего тысячи изъ нихъ преждевременно дряхлѣютъ, пробуя созерцать великое изъ глубины собственнаго безумія [1]).

Секта, которая въ текущемъ столѣтіи сильнѣе всего взволновала персовъ, это—бабисты, потому что она не ограничилась одной религіозной пропагандой, а вліяніе ея отразилось и на политической жизни народа и имѣло послѣдствіемъ кровопролитныя междуусобныя войны. По ихъ теологическимъ концепціямъ, въ которыхъ теорія чиселъ и точекъ играетъ важную роль и считается божественной манифестаціей, — ученики мирзы Али Магомета, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Баба, создали полный идеалъ новаго общества, и этотъ идеалъ они осуществляли въ ихъ собственныхъ группахъ. Между собой они не знали другаго способа управленія, какъ милость, взаимное уваженіе, вѣжливость, и только въ важныхъ случаяхъ допускали обращеніе къ третейскому суду. Они запрещали бить дѣтей и наблюдали за тѣмъ, чтобъ во все время ученья ни смѣхъ, ни игры и «ничто, что могло сдѣлать ихъ счастливыми», не отнималось бы у нихъ. Бабъ осуждаетъ полигамію, разводъ, обычай водить женщинъ подъ покрываломъ; онъ совѣтуетъ правовѣрнымъ заботиться о счастіи ихъ женъ, о доставленіи имъ удовольствій и никогда не

---

[1]) Населеніе Персіи, раздѣленное по религіямъ, по Хутумъ Шиндлеру: Шіиты — 6.860.000; сунниты и другіе сектанты - 700.000; армяне 43.000; несторіанцы—23.000; евреи—19.000; гебры — 8.000.

[2]) Floyer, „Unexplored Baluchistan“.

[1]) Chardin;—De Gobineau;—Fraser;—Polak, цитированное сочиненіе.

отказывать въ нарядахъ, которые идутъ къ ихъ красотѣ. Женщины приняли большое участіе въ пропагандѣ бабизма, и между проповѣдниками секты никто не пріобрѣлъ такой громкой извѣстности своею преданностью, твердостью и даромъ краснорѣчія, какъ прекрасная Церрина Таджъ или «Золотая корона», прозванная «Ея Высочество Непорочная», или Гурретъ-уль-Аинъ, «Утѣха очей». Многіе европейскіе писатели поставили Баба въ разрядъ сектъ коммунистовъ, но это невѣрно: онъ никогда не совѣтовалъ дѣлать собственность общимъ достояніемъ, но увѣщевалъ богатыхъ смотрѣть на себя, какъ на казначеевъ бѣдныхъ, и отдавать свой избытокъ тому, кто нуждался въ необходимомъ [1]). Краснорѣчіе Баба было до такой степени обаятельно, что оно стало легендарнымъ: разсказываютъ, что ему достаточно было дать одинъ финикъ любому изъ слушателей, чтобъ сдѣлать его своимъ послѣдователемъ.

Въ эпоху, когда появилось ихъ ученіе, Бабъ и его послѣдователи ничуть не помышляли захватить въ свои руки власть: ихъ первоначальныя проповѣдыванія были совершенно миролюбиваго свойства; но преслѣдованія со стороны священниковъ, доходамъ которыхъ нарождавшаяся секта наносила большой ущербъ, довели новаторовъ до мятежа. Въ 1848 году, памятномъ народными волненіями и междоусобными войнами какъ на крайнемъ Востокѣ, такъ и въ западной Европѣ, въ Персіи происходили также междоусобныя распри. Послѣ кровопролитныхъ сраженій, всѣ бабисты Мазандерана были переколоты; затѣмъ возставшій городъ Зенджанъ, находящійся на границахъ Азербейджана, былъ преданъ огню и жестокой расправѣ надъ жителями, а самъ Бабъ былъ умерщвленъ. Нѣсколько сектантовъ, избѣгнувшихъ участи своихъ товарищей, попробовали было отомстить шаху, а тотъ отдалъ приказъ истребить всѣхъ оставшихся въ живыхъ послѣдователей ученія Али Магомета. Ужасную мысль возъимѣли верховные совѣтники правителя—раздѣлить плѣнныхъ между высшими сановниками государства, дабы шахъ могъ наглядно судить о преданности своихъ подданныхъ, объ ихъ искренней вѣрности по тѣмъ наказаніямъ, которымъ они будутъ подвергать свои жертвы. Каждый изъ сановниковъ принялъ это къ свѣдѣнію, и начались пытки, отъ которыхъ становится волосъ дыбомъ. Одинъ изъ придворныхъ приказывалъ рѣзать перочиннымъ ножикомъ своихъ плѣнныхъ; другой ихъ медленно душилъ, или разрубалъ на части; третій заковывалъ руки и ноги въ кандалы, а тѣло приказывалъ рвать на куски плетьми. Дѣти и женщины проходили между фалангой палачей, которые жгли имъ тѣло зажженными фитилями. Среди безмолвія обезумѣвшей отъ страха толпы, раздавались только крики мучителей и замиравшіе голоса мучениковъ, пѣвшихъ: «Во истину мы пришли отъ Бога и возвращаемся къ Нему»!

Но, несмотря на эти звѣрскія убійства, не удалось совершенно искоренить бабизмъ. По общему отзыву, секта эта стала многочисленнѣе, чѣмъ когда-либо, и тѣмъ болѣе опасной для правительства, что отнынѣ дѣятельность общины хранится втайнѣ. Въ Персіи у нихъ нѣтъ вождей, но сектанты есть даже и между оффиціальными представителями религіи въ государствѣ [1]), которымъ не трудно входить въ сношенія съ преемникомъ Баба, имѣющимъ пребываніе въ Азіатской Турціи, и котораго посѣщаютъ персидскіе богомольцы, привлекаемые сюда святынями Кербелы и Неджефа. Каково бы ни было его дѣйствительное могущество, но нельзя умолчать о томъ, что Персія переживаетъ въ настоящее время критическій періодъ своей исторіи. Много внутреннихъ перемѣнъ, указывая на своеобразное развитіе народнаго духа, обѣщаетъ совершиться въ этой странѣ, въ ту самую минуту, когда давленіе извнѣ, возростая все болѣе и болѣе, угрожаетъ отнять у Персіи послѣднюю тѣнь политической независимости.

Весьма общежительные и къ тому же вынужденные группироваться по причинѣ небезопасности страны и неоднократныхъ войнъ, опустошившихъ край, персы имѣютъ много городовъ: пропорціонально всему населенію, число городовъ гораздо больше, нежели на полуостровѣ, лежащемъ по сю сторону Ганга. Многіе города совершенно изолированы въ пустынѣ, не имѣютъ ни предмѣстій въ городской чертѣ, ни домовъ, разсѣянныхъ по окрестнымъ деревнямъ. Пространство, занимаемое скученнымъ городскимъ населеніемъ, вообще гораздо больше того, какое приходится въ Европѣ на то же число жителей. Дома низкіе и окружены дворами и различными постройками. Дворцы правителей съ ихъ службами образуютъ настоящіе кварталы, гдѣ иностранецъ можетъ заблудиться въ лабиринтѣ проходовъ и дворовъ. Но какъ ни обширны и ни затѣйливы эти жилища, въ нихъ рѣдко живутъ долгое время: почти всегда новый властелинъ разрушаетъ дворецъ своего предшественника, или вслѣдствіе простой любви къ перемѣнамъ, или же, что̀ бываетъ чаще, для избѣжанія злаго рока, погубившаго его предмѣстника; онъ воздвигаетъ новое зданіе рядомъ съ старымъ, и городъ, такимъ образомъ, увеличивается. Страхъ роковой судьбы заставляетъ также перемѣщать деревни, мѣстечки и цѣлые города: рядомъ съ

[1]) Mirza Kazem-beg, „Journal Asiatique“, 1866; — De Gobineau, „Les Religions et les Philosophies dans l'Asie Centrale“.

[1]) Dieulafoy, рукописныя замѣтки.

новыми городами тянутся на далекое пространство громадныя развалины, которыя произвели добровольно сами жители, чтобъ попытать большаго счастія. Груды обломковъ, покрывающія почву, кучи грязи, размякшей отъ дождей, не могутъ служить доказательствомъ, какъ предполагали многіе изъ путешественниковъ, что страна эта въ прежнее время была болѣе населена [1]).

Но есть такіе города, которые силой обстоятельствъ должны оставаться на своемъ прежнемъ мѣстѣ, или вслѣдствіе своего выгоднаго природнаго мѣстоположенія, или благодаря имѣющимся тамъ фонтанамъ, или же по причинѣ связанныхъ съ тѣми мѣстами религіозныхъ воспоминаній. Таковъ городъ Мешхедъ, нынѣшняя столица Хорассана или «Страна солнца», въ которомъ скученіе городскаго населенія наибольшее во всей сѣверо-восточной Персіи. Онъ обязанъ своимъ значеніемъ находящейся въ немъ могилѣ имама Реза, одного изъ учениковъ Али. До того времени, пока эти смертные останки не привлекали еще массу богомольцевъ, «священный Мешхедъ» былъ не болѣе, какъ простая деревня, хотя легенда новѣйшаго происхожденія приписываетъ его основаніе миѳологическому герою Джемшиду. Да и самое мѣстоположеніе Мешхеда не изъ тѣхъ, которыя, благодаря пересѣченію природныхъ путей, предоставляютъ городу играть важную роль. Лежащій на высотѣ 930 метровъ, въ малоплодородной равнинѣ, которую не орошаетъ даже ни одинъ постоянный источникъ, километрахъ въ десяти къ югу отъ Кашафъ-руда, одного изъ западныхъ рукавовъ рѣки Герата,— Мешхедъ имѣетъ удобное сообщеніе только съ верхнимъ бассейномъ Атрека, который простирается на сѣверо-западъ между двумя параллельными хребтами Копетъ-дага и Ала-дага; надо перейти хребты высокихъ горъ, чтобы попасть во всѣ прочія части Хорассана, на западъ къ Нишапуру и Дагману, на югъ къ Турбатъ-Гайдари, на юго-востокъ къ Турбатъ-Шейкъ-и-Джами и къ Герату, на сѣверо-востокъ къ Сераксу, на сѣверъ къ Келатъ-и-Надиру. Пути, по которымъ ходили богомольцы, стали торговыми путями: сто тысячъ правовѣрныхъ, ежегодно посѣщающихъ гробницу имама, составляютъ въ то же время и покупателей и продавцовъ, которые поддерживаютъ промышленность въ городѣ, и Мешхедъ сдѣлался торговой метрополіей Хорассана, каковою былъ былъ прежде Гератъ. Надиръ-шахъ избралъ Мешхедъ столицею своей обширной имперіи.

Единственный, достойный вниманія, памятникъ въ священномъ городѣ,—мечеть, золоченый куполъ которой украшенъ въ нижней своей части разноцвѣтными фаянсами, голубыми и желтыми на бѣломъ фонѣ, высится надъ священнымъ камнемъ почти въ геометрическомъ центрѣ города. До сихъ поръ ни одинъ европеецъ, не переодѣтый богомольцемъ, не могъ проникнуть въ эту мечеть, которую иначе онъ осквернилъ бы своимъ присутствіемъ [1]); мѣдная цѣпь указываетъ предѣлъ, за который не можетъ переступить невѣрный; всѣ домашнія животныя, заблудившіяся и попавшія за эту преграду, становятся принадлежностью имама, по праву, т. е. пятисотъ священнослужителей, которые питаются отъ приношеній алтаря. Преддверіе мечети служитъ мѣстомъ убѣжища для преступниковъ, и этотъ вѣрный пріютъ содѣйствовалъ въ нѣкоторой степени заселенію города; всѣ богомольцы, приходящіе говѣть у гробницы имама, получаютъ два раза въ день въ теченіе недѣли блюдо изъ пилава на счетъ святаго. Библіотека имама имѣетъ около 3.000 ученыхъ сочиненій; между ними есть нѣкоторыя весьма цѣнныя [2]). Священный храмъ раздѣляетъ на двое центральную аллею или *кіабанъ*, улицу болѣе двухъ съ половиной километровъ въ ширину, которая пересѣкаетъ Мешхедъ отъ запада къ востоку, отъ воротъ Кучана до гератскихъ воротъ. Посреди этой улицы, осѣняемой чинарами и вдоль которой тянутся цѣлые ряды лавокъ, течетъ рѣчка или, вѣрнѣе, водосточный каналъ, чрезъ который живущіе вблизи люди перекинули подвижной мостъ, чтобъ имѣть возможность вечеромъ подышать чистымъ воздухомъ, несмотря на примѣсь къ нему сквернаго запаха отъ гніющей воды. Городская ограда заключаетъ въ себѣ обширныя пространства, занимаемыя кладбищами, на которыя приносятъ за пятьсотъ километровъ въ окружности трупы набожныхъ мусульманъ, желающихъ вознестись на небо вмѣстѣ съ имамомъ Реза. Нѣкоторые сады находятся также въ этой оградѣ, а воздѣланныя поля простираются внѣ ея стѣны; но жители города разсчитываютъ всего болѣе на продовольствіе, которое имъ доставляютъ караваны въ обмѣнъ на ковры, оружіе, металлическія издѣлія и вазы изъ «чернаго камня», въ родѣ жировика [3]), который имъ доставляютъ сосѣднія каменоломни. Между жителями Мешхеда насчитываютъ нѣсколько сотенъ евреевъ, которые вынуждены были, въ 1839 году, цѣною жизни принять исламъ; но они только по названію магометане, а вѣру исповѣдуютъ втайнѣ свою.

На сѣверо-западѣ Мешхеда область равнины, которая принадлежитъ и по сіе время бассейну Гери-руда, усѣяна курдскими деревнями; всѣ онѣ укрѣплены и могутъ выдержать нападеніе туркменскихъ шаекъ. Всего только два города,

[1]) Mac Gregor, „Narrative of a Journey through Khorassan"; —Polak, „Persien und seine Bewohner"; —J. Dieulafoy, „Tour du Monde", 1883.

[1]) O'Donovan, „Merv Oasis".
[2]) N. de Khanikov, „Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale".
[3]) H. W. Bellew, „From the Indus to the Tigris".

какъ тотъ, такъ и другой населенные курдами, находятся въ этой мѣстности, одной изъ житницъ Персіи: Казимабадъ и Радканъ расположенные вблизи болотъ, откуда беретъ свое начало Кашафъ-рудъ. Наилучшія животныя происходятъ отъ скрещиванія бахтріанскаго двухгорбаго верблюда съ дромадеромъ или арабскимъ верблюдомъ; обыкновенный верблюдъ поднимаетъ тяжесть вѣсомъ не болѣе 140 килограммовъ, а эти метисы поднимаютъ тяжести въ 280 и даже до 300 килограммовъ [1]). На сѣверѣ Казимабада развалины города Ту усѣиваютъ деревню, находящуюся близъ потока, текущаго въ Кашафъ-рудъ: въ этомъ-то знаменитомъ городѣ умеръ Гарунъ-аль-Рашидъ. Тамъ также родился въ 940 году, а равно и умеръ Фирдузи, авторъ великой персидской эпопеи «Шахъ-Наме»: въ началѣ столѣтія маленькая часовня указывала мѣсто его погребенія, а нынѣ только одно преданіе гласитъ о мѣстѣ его упокоенія. Знаменитый астрономъ Нассиръ-Эддинъ, основатель обсерваторіи въ Марага, также одинъ изъ родившихся въ Ту. Не осталось ни одного замѣчательнаго обломка отъ зданій этого города, разрушеніе котораго народное преданіе приписываетъ Чингисхану, этому первокласному истребителю человѣчества; но Ту обезлюдѣлъ только въ концѣ восемнадцатаго вѣка [2]).

Города сѣвернаго склона горъ, на сѣверъ отъ Мешхеда, не могли ни увеличиваться, ни процвѣтать, вслѣдствіе частыхъ набѣговъ туркменъ; но благоденствіе ихъ не замедлитъ, какъ только наступитъ мирное время, что́ дозволитъ воздѣлывать плодородные скаты Дерегеза или «Долины тамарисовъ», и когда деревни равнины не будутъ болѣе опустошаемы.

Могаммедабадъ, Лутфабадъ, еще недавно бывшіе незначительными мѣстечками, несомнѣнно, пріобрѣтутъ важное значеніе, когда зерновой хлѣбъ, виноградъ и другіе фрукты, шерстяныя и грубыя ткани туркменскія будутъ обмѣниваться на мануфактурныя персидскія произведенія. Но сколько разрушенныхъ городовъ, какія груды обломковъ попадаются въ этихъ плодородныхъ областяхъ, обработываемыхъ въ прежнее время трудолюбивымъ населеніемъ Маржіаны! Съ мысовъ, выдающихся въ равнину Теджена, можно видѣть, какъ во многихъ мѣстахъ горизонтъ изрѣзанъ зубцами «безчисленныхъ» развалинъ, башенъ и стѣнъ, мерцавшихъ въ миражѣ [3]). Тутъ и тамъ виднѣются цѣлые города съ ихъ улицами, площадями, крѣпостями, городской стѣной, вполнѣ сохранившіеся такими, какими они были въ тотъ день, когда ихъ покинули; нынѣ ихъ единственные жители—леопарды и шакалы. Большой городъ Хивабадъ, который Надиръ-шахъ населилъ плѣнными хивинцами и бухарцами, это—городъ привидѣній, чрезъ который поспѣшно проходятъ путешественники, но гдѣ ни одинъ туземецъ не согласится остаться. Туркмены, воздѣлывающіе поля Хивабада, живутъ во всей равнинѣ Теджена въ 25-и и 30-и километрахъ къ сѣверу, но ни за какія блага они не согласятся раскинуть свои палатки внутри ограды: для защиты отъ нападеній враговъ они скорѣе построятъ новый городъ рядомъ со старымъ. На востокъ отъ Лутфабада «Пребываніе граціи», другой городъ, гораздо большій, Хусру-тепе или «Гора Хозроесъ», избѣгается точно также, и тщетно ханъ Дерегезъ желалъ устроить тамъ туркменскую колонію. Между покинутыми городами есть такіе, которыхъ жители вынуждены были оставить по причинѣ перемѣны теченія рѣкъ. Къ числу таковыхъ принадлежитъ Абивердъ, который значится на всѣхъ картахъ, но въ дѣйствительности пересталъ существовать; онъ замѣненъ большимъ посадомъ Кахка, къ которому нынѣ направляется большая рѣка Лаинъ-су [1]). Различныя развалины, извѣстныя подъ названіемъ *Килишъ, Кализа* или *Кализи*, то-есть церковь—свидѣтельствуютъ о существованіи древнихъ несторіанскихъ общинъ въ этомъ краю, который оспариваютъ другъ у друга шііты иранскіе и сунниты туркменскіе [2]). Искусственные холмы возвышаются мѣстами на границахъ пустыни, изъ Хивабада въ Сераксъ [3]).

Близъ Могаммедабада, нынѣшней столицы Дерегеза и главнаго рынка туркменъ-текке, разрушенная башня указываетъ мѣсто палатки, въ которой родился тотъ свирѣпый тюркъ изъ племени афшаровъ, который впослѣдствіи долженъ былъ носить имя Надиръ-шаха и управлялъ столь жестоко своей обширной имперіей, простиравшейся отъ долинъ Кавказа до береговъ Джумны. Келатъ-и-Надиръ или «крѣпость Надира», расположенная почти на неприступномъ плато, которое командуетъ надъ равнинами Теджена между Могаммедабадомъ и Сераксомъ, осталась главнымъ военнымъ городомъ страны, гдѣ персидское правительство содержитъ сильный гарнизонъ. Но стратегическій пунктъ сѣверо-восточной Персіи, наиболѣе ревниво охраняемый, и за покореніе котораго пролито много крови въ этомъ столѣтіи, это—городъ Сераксъ, построенный на Гери-рудѣ, при входѣ этой рѣки въ равнину туркменовъ. Сераксъ можетъ считаться, еще болѣе, чѣмъ Мервъ, дверью въ Индію: этимъ путемъ всего легче проникали арміи въ долину Герата, лежа-

[1]) Stewart, „Proceedings of the Geographical Society", sept. 1881.

[2]) N. de Khanikov, „Mémoire sur la partie méridional de l'Asie Centrale".

[3]) Edmond O'Donovan, „The Merv Oasis".

[1]) E. O'Donovan, цитированное сочиненіе.

[2]) O'Donovan;—Stewart;—H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society", sept. 1881.

[3]) Wambéry; — Lessar, „Извѣстія Географическаго Общества" 1882.

щую между Персіей и Афганистаномъ. «Сераксъ будетъ когда-нибудь или пунктомъ обороны для Англіи, или пунктомъ нападенія для

Типы богатыхъ курдовъ.

Россіи [1]). Многочисленныя развалины, изолированные форты въ равнинѣ, холмы съ возведенными на нихъ укрѣпленіями,—все свидѣтельствуетъ о кровопролитныхъ сраженіяхъ, происходившихъ изъ-за обладавія этимъ несчастнымъ городомъ. Солдаты, евреи-купцы, нѣсколько туркменскихъ резидентовъ составляютъ населеніе Серакса; окрестныя поля не изобилуютъ воздѣланными пашнями, которыя могли

[1]) Mac Gregor, „Journey through Khorassan".

бы быть превращены въ обширныя поля съ зерновымъ хлѣбомъ, благодаря ирригаціоннымъ каналамъ Теджена и обилію воды, которая течетъ вездѣ, если начать рыть почву на глубинѣ въ пяти или шести метровъ.

На югѣ Мешхеда одинъ только городъ принадлежитъ къ бассейну Гери-руда, это—Турбатъ-Шейкъ-и-Джами, расположенный на берегахъ Джама, неподалеку отъ афганской границы. Другіе города этой гористой области расположены всѣ или въ долинахъ, или же на скатахъ горъ, весьма скудные источники которыхъ исчезаютъ въ пустыняхъ. Къ югу отъ Мешхеда, у подошвы горъ, лежатъ города Турукъ и Шерифабадъ, которые имѣютъ значеніе, какъ перекрестки дорогъ западныхъ, южныхъ и восточныхъ, по которымъ идутъ богомольцы, направляющіеся въ священный городъ. Неподалеку оттуда находится остроконечная вершина Тепе-ис-Саламъ или «Холмъ спасенія», откуда взорамъ пришедшихъ съ плато богомольцевъ въ первый разъ представляются золоченые куполы Мешхеда; завидя ихъ, они падаютъ ницъ, призывая Аллаха. На небольшомъ разстояніи, южнѣе, высятся соляныя горы Кафиръ-Калахъ—«Замокъ невѣрныхъ»—гдѣ снабжаются съѣстными припасами мешхедскіе купцы и всѣ прочіе торговцы окрестной страны. На сѣверо-западѣ отъ ущелья Шерифабада находится другое ущелье Дерудское, которое соединяетъ равнину Мешхеда съ равниною Нишапура. Подъемъ труденъ, а иногда совсѣмъ невозможенъ для вьючныхъ животныхъ, по причинѣ снѣговъ, покрывающихъ тропу въ зимнее время. Но съ этихъ высотъ, достигающихъ, вѣроятно, 3.000 метровъ [1]), спускаешься на юго-западъ въ одну изъ плодоноснѣйшихъ и живописнѣйшихъ мѣстностей Ирана: селенія тамъ словно затеряны среди фруктовыхъ деревьевъ, ручьи журчатъ во всѣхъ долинахъ, каскады блестятъ между разсѣлинами скалъ, дорога вьется змѣйкой по усыпаннымъ цвѣтами лугамъ. Путешественникъ, привыкшій къ дюнамъ, къ песчанымъ пространствамъ, къ скаламъ, къ болотамъ, глинамъ и солончакамъ сахаръ и кевировъ, съ удивленіемъ спрашиваетъ себя: точно ли онъ въ той самой восточной Персіи, гдѣ растительность показывается такими рѣдкими оазисами вокругъ городовъ [2]). Главный городъ этой страны, Нишапуръ (Нисабуръ, Нишауръ), одинъ изъ райскихъ уголковъ Ирана, Нисайя или Низея, благословленная Ормуздомъ, одно изъ тѣхъ таинственныхъ мѣстъ, которымъ греческая легенда приписываетъ честь быть родиной Діонизоса (Вакха), представлялъ бы, конечно, больше выгодъ, чѣмъ Мешхедъ, какъ метрополія восточной Персіи. Ибнъ-Гаукалъ упоминаетъ о немъ на-ряду съ Гератомъ, Мервомъ, Балхомъ, какъ объ одной изъ четырехъ столицъ Хорассана; Ибнъ-Батута называетъ его «маленькимъ Дамаскомъ». Якутъ, исходившій во всѣхъ направленіяхъ магометанскій міръ, говоритъ, что «не видѣлъ города, который бы можно было сравнить съ Нишапуромъ». До монгольскаго нашествія на Иранъ, Нишапуръ былъ самымъ цвѣтущимъ, самымъ богатымъ и самымъ многолюднымъ городомъ во всемъ свѣтѣ, и караваны со всѣхъ концовъ сходились, какъ въ сборномъ пунктѣ, въ этомъ преддверіи Востока [1]). Разгромъ Нишапура былъ «величайшимъ изъ бѣдствій, когда-либо постигшихъ исламъ». Въ наши дни «этотъ царственный градъ Хорассана» не болѣе, какъ незначительный, пришедшій въ упадокъ, городокъ, несмотря на плодородіе окрестныхъ мѣстностей, производящій превосходные фрукты, хлѣба, хлопокъ и другіе продукты. Горы Биналудъ, между Мешхедомъ и Нишапуромъ, очень богаты драгоцѣнными каменными породами и прожилинами металловъ, золота, серебра, мѣди, олова, свинца и желѣза; на сѣверо-западъ отъ города эксплоатируютъ ломки малахита прекрасныхъ разновидностей; въ другихъ мѣстахъ собираютъ селитру, идущую на выдѣлку пороха; въ Шандизѣ, недалеко отъ Мешхеда, каменоломни доставляютъ превосходные мраморы, бѣлые съ желтоватымъ оттѣнкомъ, а близъ Мадена, «Рудника» по преимуществу, находятся пласты каменной соли и мѣсторожденія бирюзы. Эти самоцвѣтные камни, находимые въ порфировой скалѣ и въ конгломератахъ, добываются изъ руды колоніей рудокоповъ, переселенной изъ Бадахшана, страны рубиновъ. Большинство рудокоповъ работаютъ артелями, такъ что продуктъ труда и прибыль дѣлятся между всѣми участниками. Но есть также отдѣльныя семьи, снявшія въ аренду у казны цѣлый рудникъ. Годовой доходъ арендной платы съ 14-ти бирюзовыхъ рудниковъ составлялъ въ 1878 г. 77.000 франковъ [2]). Работники утверждаютъ, что бирюза или «камень счастья» «вызрѣваетъ», то есть что онъ выигрываетъ въ цвѣтѣ, по извлеченіи изъ земли; но одной весны для этого недостаточно: нужно тысячу лѣтъ, чтобы камень пріобрѣлъ весь свой блескъ [3]).

Городъ Себзеваръ, лежащій къ западу отъ Нишапура, на тегеранской дорогѣ, походитъ на большинство другихъ городовъ восточной Персіи безплодіемъ окружающихъ мѣстностей; онъ занимаетъ узкую долину между двумя солончаковыми пустынями. Султанабадъ, обы-

[1]) Beresford Lovett, „Eastern Persia“.

[2]) Ferrier, „Voyage en Perse“, etc.;—Evan Smith, „Eastern Persia“, etc.

[1]) Barbier de Meynard, „Dictionnaire de la Perse, par Yakout“;—Carl Ritter, „Asien“, vol. VIII.

[2]) Гутумъ Шиндлеръ, „Извѣстія Кавказскаго отдѣла Географичес. общества“, 1878 г.

[3]) Фрэзеръ;—А. Ходзько;—Eastwick, „Mittheilungen von Petermann“, 1883.

кновенно обозначаемый подъ именемъ его округа, Туршизъ, отдѣленъ высокими горами отъ бассейна, къ которому принадлежатъ Нишапуръ и Себзеваръ. Очень дѣятельный по торговлѣ, онъ владѣетъ, кромѣ того, хорошо орошаемыми полями и обширными пастбищами, которыя простираются далеко по направленію къ пустынѣ и по которымъ кочуютъ тысячами пастухи-номады белуджиской расы: по Феррье, совокупность становищъ заключаетъ до 8.000 палатокъ. Турбатъ-и-Гайдари, «Куполъ Гайдара» или Льва, называемый также Турбатъ-Изаханъ, испыталъ большія превратности судьбы въ теченіе этого столѣтія. Расположенный на дорогѣ изъ Мешхеда въ Кирманъ, на высотѣ 1.355 метровъ, въ долинѣ, откуда нельзя выйти иначе, какъ переходя черезъ высокіе хребты, онъ тѣмъ не менѣе имѣетъ значеніе, какъ торговый центръ, и базаръ его привлекаетъ много народу. Конолли, въ 1833 г., насчитывалъ тамъ только 800 домовъ; десять лѣтъ спустя, Феррье опредѣлялъ число ихъ въ 3.000; по прошествіи тридцати лѣтъ, въ 1872 г., англійская экспедиція, предводимая Гольдсмитомъ, нашла тамъ уже только 200 семействъ: страшный голодъ предъидущаго года похитилъ семь восьмыхъ городскаго населенія. Въ наши дни Турбатъ снова достигъ цвѣтущаго состоянія. Онъ принадлежитъ народцу татарскаго происхожденія, пришедшему сюда, по словамъ Белью, въ эпоху Тамерлана. На юго-востокѣ, городъ Хафъ, сосѣдній съ афганской границей, важенъ, какъ главное мѣсто аймакскаго племени таймуровъ. Въ окружающихъ горахъ живутъ также гезарехи, съ монгольской физіономіей, какъ и единоплеменники ихъ въ Афганистанѣ, но исповѣдующіе суннитскую вѣру.

Южная часть Хорассана, менѣе богатая ручьями, чѣмъ гористая территорія сѣверо-восточной Персіи, по этому самому гораздо менѣе производительна и менѣе населена. Города тамъ рѣдки; но, будучи расположены въ сторонѣ отъ большой дороги завоевателей, они менѣе терпѣли отъ осадъ и войнъ, чѣмъ сѣверные города; жителямъ ихъ чаще приходилось страдать отъ голодовокъ, чѣмъ отъ вражескихъ нападеній. Баджистанъ, къ югу отъ Султанабада,—одно изъ наиболѣе посѣщаемыхъ промышленныхъ и торговыхъ мѣстъ этого края, и караваны приходятъ туда закупать очень прочныя матеріи изъ грубаго шелку и изъ козьей шерсти. Кахъ, называемый также «Селеніемъ счастья», принадлежитъ къ числу священныхъ городовъ, благодаря находящейся въ немъ могилѣ брата имама Резы, и, какъ и Баджистанъ, славится своими тканями, шерстяными матеріями, вышитыми шелками разныхъ цвѣтовъ и разнообразныхъ рисунковъ. Кахъ—городъ кузнецовъ, а окружающія его сельскія мѣстности производятъ въ большихъ количествахъ опіумъ и хлопокъ. Тунъ, бывшій главный городъ тунскаго и теббесскаго округа, имѣетъ теперь не болѣе значенія, какъ и другіе маленькіе города страны. Онъ совсѣмъ пришелъ въ упадокъ, если только правда, что въ былое время, какъ гласитъ преданіе, въ немъ было «тысяча мечетей и двѣ тысячи цистернъ»; его обширная осьмиугольная цитадель частію занята садами. Нынѣшній главный городъ округа Теббесъ, лежащій гораздо западнѣе, на высотѣ около 600 метровъ, въ одной изъ самыхъ низкихъ частей плоскогорья, почти окруженъ пустыней. Промышленности въ немъ нѣтъ никакой, и населеніе его, одно изъ самыхъ фанатическихъ во всемъ Иранѣ, живетъ очень бѣдно; но, помѣщенный на западной оконечности гористой области Хорассана, онъ является обязательнымъ исходнымъ пунктомъ для каравановъ, которымъ предстоитъ совершить переходъ черезъ равнины въ направленіи къ Іезду или къ Испагани; его можно сравнить съ пристанью на берегу опаснаго моря. Путешественники, измученные утомительнымъ переходомъ черезъ пески пустыни, находятъ въ этомъ городѣ по крайней мѣрѣ чистую воду и тѣнь. Финики, табакъ, опіумъ и асса-фетида, собираемая въ сосѣднихъ пустыняхъ, составляютъ главные продукты, вывозимые караванами изъ Теббеса.

Округъ Каинъ или Кугистанъ, простирающійся къ востоку отъ округа Тунъ и Теббесъ, на границахъ Афганистана, тоже перемѣнилъ свой главный городъ. Каинъ, бывшая столица этого края, лежащая на границахъ «Равнины отчаянія», которая простирается на востокъ къ Фараху, представляетъ теперь почти руину: стѣны ея разорваны широкими проломами, а сады и шафранныя поля заросли дикимъ кустарникомъ; изъ восьми тысячъ домовъ, заключающихся внутри городской ограды, теперь едва-ли наберется и полторы тысячи обитаемыхъ [1]); укрѣпленія, построенныя нѣкогда гебрами на вершинѣ холма, обратились въ груды обломковъ, но еще видны «башни молчанія», куда огнепоклонники клали своихъ покойниковъ. Бирджандъ (прежде Мирджанъ), нынѣшняя столица области,—одинъ изъ самыхъ оживленныхъ городовъ восточной Персіи. Его три тысячи домовъ, съ крышами въ формѣ купола, которыя дѣлаютъ ихъ похожими на пчелиные ульи, лѣпятся по косогорамъ голыхъ холмовъ, у выхода четырехъ подземныхъ водопроводовъ; въ серединѣ лѣта, когда изсякнутъ источники въ окрестностяхъ, сельскіе жители перебираются въ городъ, населеніе котораго отъ этого прилива временно удвоивается. Торговля очень дѣятельна, но знаменитые ковры, которые продаются во всей Персіи, какъ произведенія бирджандской промышленности, выдѣлываются почти исключительно въ

[1]) Bellew, „From the Indus to the Tigris“.

деревнѣ Даракшъ [1]), въ 80-ти километрахъ на сѣверо-востокъ отъ Бирджанда, ткачами, происходящими отъ переселенцевъ изъ Герата [2]). Туземцы разсказывали англійской экспедиціи, посѣтившей край въ 1872 г., объ исполинскомъ чинарѣ, который будто-бы находится въ 35-ти километрахъ на юго-востокъ отъ Бирджанда, въ Гюльфанзѣ, и который имѣетъ не менѣе 62-хъ метровъ (около 29-ти саженъ) въ окружности: дуплистый стволъ служитъ загономъ для овецъ, однако нѣкоторыя вѣтви носятъ еще листья. Не есть-ли этотъ колоссальный платанъ, спрашиваетъ Юль, то знаменитое «Сухое дерево», о которомъ говоритъ средневѣковой итальянскій путешественникъ Марко Поло?

Нихъ, въ сосѣдствѣ Сеистана, замѣчателенъ обиліемъ своихъ теплыхъ водъ, перенимаемыхъ, какъ и холодныя воды, въ подземные водопроводы, и употребляемыхъ для орошенія полей и садовъ. Находящіеся въ сосѣдствѣ рудники, гдѣ добывали мѣдь и свинецъ, теперь заброшены; но, судя по размѣрамъ древнихъ шахтъ, камеръ и галлерей, высѣченныхъ въ скалѣ, равно какъ по совокупности работъ, приступа къ эксплоатаціи, нужно заключить, что населеніе страны въ ту эпоху, когда велись эти предпріятія, стояло на гораздо болѣе высокой степени цивилизаціи, чѣмъ въ наши дни [3]). Точно также памятники, развалины которыхъ видны въ Сеистанѣ, древнемъ Седжестанѣ, на дорогахъ изъ Ниха въ Гильмендъ, свидѣтельствуютъ о болѣе славномъ прошломъ, сравнительно съ настоящимъ: тамъ, въ родной землѣ Рустема, развернулась въ большой части героическая исторія Ирана, и много разъ съ тѣхъ отдаленныхъ временъ сеистанцы играли значительную роль въ судьбахъ Персіи; подъ арабскимъ владычествомъ, въ Сеистанѣ національная партія сдѣлала первыя серьезныя попытки къ возстановленію независимости. Груды развалинъ, столь же многочисленныя на персидской границѣ, какъ и въ афганской части Сеистана, напоминаютъ о первомъ періодѣ цвѣтущаго состоянія края. Нынѣшняя столица Сеистана, Назирабадъ, лежащая почти на половинѣ дороги между низменностью Гамуна и Гильмендомъ, состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ городовъ, стараго и новаго, заключенныхъ каждый въ особенной оградѣ изъ глиняныхъ стѣнъ; населеніе состоитъ преимущественно изъ переселенцевъ изъ Хорассана, выгнанныхъ съ родины голодомъ. Секуха или «Три горы», на югъ отъ Назирабада, имѣлъ прежде титулъ столицы Сеистана: цитадель господствуетъ надъ однимъ изъ трехъ глиняныхъ холмовъ, отъ которыхъ городъ получилъ свое названіе.

[1]) Evan Smith, „Eastern Persia".
[2]) Fr. Forbes, „Journal of the Geographical Society", 1844.
[3]) Гебель; —Ханыковъ, цитирован. статья.

На востокѣ, въ одной изъ плодородныхъ мѣстностей, орошаемой каналами, проведенными изъ Гильменда, другая глинистая горка, скаты которой изрѣзаны пропастями и оврагами, увѣнчана крѣпостью Кала-Нау или «Новый замокъ», представляющей одинъ изъ солиднѣйшихъ и живописнѣйшихъ оборонительныхъ оплотовъ Персіи; у подножія этихъ укрѣпленій пріютился маленькій городокъ.

Города Хорассана и Сеистана, лежащіе въ восточныхъ бассейнахъ, съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ:

Хорассанъ: Мешхедъ (Гольдсмитъ)—70.000 жителей; Бирджандъ (Гольдсмитъ) — 15.000; Себзеваръ (Гольдсмитъ) — 12.000; Теббесъ (Макъ-Грегоръ) — 10.000; Баджистанъ (Белью)—10.000; Нишапуръ (О'Донаванъ)—9.000; Султанабадъ (Стьюартъ)—5.000; Тунъ (Макъ-Грегоръ) — 5.000; Турбатъ-Шейхъ-и-Джами (Феррье)—4.000; Турбатъ-и-Хайдари—4.000; Кахъ (Гольдсмитъ) —4.000; Кахка (Лессаръ)—3.000; Дерудъ (Юанъ-Смитъ)—3.000; Радканъ (Шиндлеръ)—3.000; Хафъ (Клеркъ)—2.500; Каинъ (Макъ-Грегоръ)—2.500 (8.000, по Белью); Серахсъ (Лессаръ)—2.000 жителей.

Сеистанъ: Назирабадъ (Гольдсмитъ) - 6.000 жителей, Секуха (Гольдсмитъ)—5.000; Кала-Нау (Гольдсмитъ)—4.000 жителей.

Сѣверо-западный уголъ Хорассана принадлежитъ къ бассейну Каспійскаго моря. Аллея изъ горъ, въ которой находится Мешхедская равнина, тянется на сѣверо-западъ далеко за истоки Кашафъ-руда и продолжается возвышенной долиной Атрека, и раздѣлъ между двумя покатостями не обозначенъ никакимъ хребтомъ или рядомъ высотъ.

Городъ Кучанъ или Кабушанъ лежитъ недалеко отъ порога, но уже на каспійской покатости, на высотѣ 1.265 метровъ надъ уровнемъ моря. На этой высотѣ климатъ представляетъ среднюю температуру центральной Европы: виноградъ тамъ созрѣваетъ, но не утрачивая вполнѣ своего кислаго вкуса; однако, городъ окруженъ обширнымъ виноградникомъ, имѣющимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько километровъ въ ширину. Кучанъ былъ часто разоряемъ землетрясеніями, и, во избѣжаніе новыхъ бѣдствій этого рода, мѣстные жители отстроили большинство домовъ по новому образцу: столбы, вбитые косвенно въ почву и поддерживающіе на верхней оконечности бревнышко конька, составляютъ весь срубъ; слои глины покрываютъ оба ската этой крыши, поставленной на землю [1]). Хотя издали похожій на груду развалинъ, Кучанъ — торговый городъ. Населенный главнымъ образомъ курдами, болѣе трудолюбивыми, чѣмъ тюрки и персіяне, онъ ведетъ большую торговлю лошадьми,

[1]) Mac Gregor, „Narrative of a Tourney through Khorassan".

шерстью, земледѣльческими произведеніями: вся окружающая равнина, плодородная и хорошо защищенная отъ сѣверныхъ вѣтровъ, могла бы сдѣлаться однимъ необозримымъ садомъ. Какъ стратегическій пунктъ, весьма важный вслѣдствіе его положенія по сосѣдству порога, между Атрекомъ и Кашафъ-рудомъ, Кучанъ служитъ мѣстомъ пребыванія гарнизона и лагерной стоянки; въ двухъ съ половиной километрахъ къ сѣверо-востоку показываютъ холмъ, гдѣ былъ убитъ Надиръ-шахъ во время осады возставшаго противъ него города.

Прелестный городокъ Ширванъ, лежащій ниже въ долинѣ Атрека, стоитъ на половинѣ дороги въ Буджнурдъ, который находится не на берегахъ рѣки, но въ боковомъ бассейнѣ, у подошвы горъ величественнаго вида. Городъ окруженъ тополями, сквозь которые едва проглядываютъ тамъ и сямъ его стѣны и плоскія крыши домовъ. Въ Буджнурдѣ есть кое-какая промышленность: тамъ выдѣлываютъ котлы, а ткачи его приготовляютъ шелковыя матеріи, нисколько не уступающія въ тонкости лучшимъ хорассанскимъ тканямъ. Хотя окруженный тройнымъ рядомъ стѣнъ, Буджнурдъ могъ бы оказать сопротивленіе только непріятелю, не имѣющему пушекъ, каковы были туркменскіе наѣздники, производившіе прежде набѣги на эту страну. До присоединенія русскими территорій, лежащихъ къ сѣверу отъ Атрека, и до постройки желѣзной дороги, идущей вдоль подошвы Копетъ-дага, Буджнурдъ былъ окруженъ кочевниками: это передовой стражъ иранскаго міра въ земляхъ Турана.

На западѣ нѣтъ городовъ въ собственномъ смыслѣ ни въ бассейнѣ Атрека, ни въ верхней долинѣ Гюргена. Эти области пастбищъ принадлежатъ кочевымъ населеніямъ; нужно спуститься до береговъ Каспійскаго моря, чтобы найти значительный городъ. Астрабадъ, «Городъ звѣзды», или Астерабадъ, «Городъ муловъ», хотя онъ никогда не принадлежалъ къ числу большихъ городовъ, есть одно изъ тѣхъ городскихъ поселеній, которыя должны, такъ сказать, выростать изъ земли, въ мѣстѣ естественнаго пересѣченія дорогъ, служащихъ путями переселенія народовъ. Астрабадъ стоитъ близъ юго-восточнаго угла Каспійскаго моря и командуетъ мѣстомъ раздѣленія двухъ дорогъ, изъ которыхъ одна идетъ вдоль южнаго берега, а другая вдоль восточнаго. Кромѣ того, историческіе пути, проложенные въ восточномъ направленіи, сходятся къ Астрабаду, такъ какъ двѣ рѣки, Гюргенъ и Атрекъ, впадаютъ въ Каспійское море въ небольшомъ разстояніи отъ этого города. Наконецъ, діафрагма горъ, отдѣляющая сѣверную Азію отъ Азіи южной, имѣетъ наименьшую толщину на югъ отъ Астрабада; какъ разъ въ этомъ мѣстѣ открываются проломы въ цѣпи возвышенностей, гдѣ во всѣ времена долженъ былъ совершаться переходъ между двумя половинами азіатскаго континента, Ираномъ и Тураномъ. Астрабадъ имѣетъ, сверхъ того, мѣстныя выгоды, представляемыя обиліемъ водъ, плодородіемъ окружающей мѣстности и близостью порта, который, не будучи хорошимъ, все-таки, одинъ изъ наименѣе опасныхъ на Каспійскомъ морѣ. Но Астрабадъ, городъ транзита, долженъ былъ роковымъ образомъ сдѣлаться также военнымъ пунктомъ. Занимая положеніе на границахъ различныхъ расъ, имѣющихъ каждая свой образъ жизни, свои наслѣдственные инстинкты, свои соперничающія честолюбія, становища или мѣстечки этой узкой территоріи, заключенной между Каспійскимъ моремъ, Атрекомъ и Эльбурсомъ, во всѣ времена видѣли дефилировавшія передъ ними арміи, то полчища варваровъ, устремлявшіяся на завоеваніе и грабежъ, то войска цивилизованныхъ народовъ, оттѣсняющія кочевниковъ въ ихъ родныя степи. Какъ бы далеко ни спускаться въ глубь исторіи, мы всегда увидимъ этотъ приливъ и отливъ между націями, и уже ранѣе вѣка Александра Македонскаго, ранѣе царствованія Кира персидскаго, легенды постоянно говорятъ о воителяхъ, проходившихъ въ ту и другую сторону по этому пути побоищъ. Въ наши дни еще одинъ новый элементъ прибавился къ тѣмъ, которые до сихъ поръ были въ борьбѣ: Россія, завоевавъ всю сѣверную Азію, стала на мѣсто туранскихъ населеній, какъ сосѣдка иранцевъ, и городъ Астрабадъ лежитъ въ точкѣ соприкосновенія двухъ государствъ.

Тюркское племя каджаровъ, къ которому принадлежитъ нынѣ царствующая надъ Персіей фамилія, господствуетъ въ Астрабадской равнинѣ. Бывшій дворецъ хановъ, расположенный въ центрѣ города, и теперь еще самое красивое зданіе Астрабада; онъ служитъ мѣстопребываніемъ главныхъ должностныхъ лицъ администраціи. Самый городъ представляетъ группу невзрачныхъ домишекъ, заключенныхъ въ оградѣ, около пяти километровъ въ окружности; но городская стѣна во многихъ мѣстахъ пробита брешами, и дикіе кабаны цѣлыми семьями устраиваютъ себѣ логовища въ кустарникѣ пустопорожнихъ городскихъ земель. Что касается шакаловъ, то они бродятъ ночью по улицамъ, пожирая падаль и смѣшивая свои крики съ воемъ собакъ. Промышленность въ Астрабадѣ незначительна: онъ воздѣлываетъ мыло на кунжутномъ маслѣ и въ особенности войлочные ковры, гдѣ смѣшиваются три рода шерсти: верблюжья, козья и овечья, валяемыя на тростниковыхъ циновкахъ, и которымъ почти нѣтъ сносу [1]). Окружающія равнины, орошаемыя водами Кара-су и Гюргеня, даютъ обильные урожаи, и въ садахъ собираютъ пре-

[1]) Edm. O'Donovan, „The Merv Oasis".

красные мандарины и гранаты. Изъ металлоносныхъ залежей, находящихся въ окрестностяхъ Астрабада, разрабатываются только свинцовые рудники.

Вывознымъ портомъ для вывозимыхъ изъ Астрабада произведеній служитъ Кенаръ-Газъ (Бандаръ-Газъ или просто Газъ), лежащій километрахъ въ сорока къ западу отъ города, на юго-востокъ отъ русскаго острова Ашуръ-Аде, и на берегу «маленькаго моря», называемаго Астрабадской бухтой. Негоціанты, исключительно армяне, отправляютъ за границу большое количество хлопка, самшита (букса), вырубаемаго въ сосѣднихъ горахъ, и, между прочими продуктами, болоны или наросты орѣховаго дерева, очень цѣнимые мебельными фабрикантами въ Парижѣ и Вѣнѣ. Кромѣ этихъ предметовъ вывоза, предназначенныхъ для дальнихъ странъ, Газъ отправляетъ также строевой лѣсъ туркменамъ и русскимъ восточныхъ береговъ Каспійскаго моря. Портъ, несмотря на его небольшую глубину, можетъ смѣло разсчитывать на возростаніе своей торговли, благодаря его счастливому географическому положенію въ углу внутренняго моря и богатству сосѣднихъ странъ произведеніями всякаго рода. Но именно по причинѣ торговой будущности, обѣщаемой этому приморскому мѣстечку его счастливымъ положеніемъ, персидское правительство и отказываетъ его жителямъ въ разрѣшеніи строить гати и улучшать подъѣздные пути: оно боится привлечь вниманіе своего могущественнаго сосѣда на выгоды Газа, какъ морской станціи [1]).

Астрабадская равнина не заключаетъ другихъ памятниковъ, кромѣ оборонительныхъ укрѣпленій, да многочисленныхъ могильныхъ кургановъ, изъ которыхъ иные расположены такимъ образомъ, что преставляютъ три этажа, отступающіе на подобіе ступенекъ лѣстницы. Самыя любопытныя постройки—это древнія сооруженія Гюмишъ-Тепе или «Серебрянаго холма», которыя находятся еще на персидской территоріи, въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ устья Гюргеня и къ югу отъ большой бухты Гассанъ-Кале. Извѣстно, что Гюмишъ-Тепе, названный такъ потому, что искатели сокровищъ часто находили тамъ серебряныя монеты, считается мѣстными жителями дѣломъ Александра Великаго [2]). Какъ бы то ни было, этотъ холмъ составляетъ часть цѣлой обширной системы военныхъ сооруженій: валъ, называемый Кизыль-Аланъ или «Красная стѣна», соединяетъ Гюмишъ-Тепе съ другимъ могучимъ массивомъ изъ кирпича, Карасули, и продолжается до г. Буджнурда тройной извилистой линіей окоповъ, обозначенной рядомъ горокъ, расположенныхъ на водораздѣльной линіи между Гюргенемъ и Атрекомъ. Эти стѣны, защищавшія средневѣковыхъ персовъ отъ нападенія опасныхъ сосѣднихъ населеній, извѣстныхъ подъ именемъ яджуджъ и маджуджъ, имѣютъ общее протяженіе слишкомъ въ 350 километровъ. Онѣ проходятъ близъ древняго города Гюргень и оканчиваются около Каспійскаго моря земляными насыпями или шоссе, по которымъ переѣзжаешь или переходишь болота, не замочивъ ногъ. Деревня Гюмишъ-Тепе, группа кибитокъ, надъ которой господствуетъ «Серебряный холмъ», есть одно изъ рѣдкихъ постоянныхъ становищъ, принадлежащихъ туркменамъ-іомудамъ; жители, почти всѣ рыбаки, имѣютъ сотни барокъ и ловятъ въ устьѣ Гюргеня, въ огромныхъ количествахъ, рыбу, которая служитъ имъ для приготовленія икры, отправляемой въ Россію армянскими негоціантами. Гюмишъ-Тепе, какъ и другія туркменскія становища, отличается отъ персидскихъ селеній отсутствіемъ укрѣпленій. Туркмены разсчитываютъ на мѣткость своей стрѣльбы и на силу своихъ рукъ; персіяне, напротивъ, возлагаютъ надежду только на высоту и крѣпость своихъ стѣнъ.

На западъ отъ Астрабада, нѣсколько городовъ, очень бѣдныхъ въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ должны бы быть земледѣльческіе рынки столь плодороднаго края, слѣдуютъ одинъ за другимъ въ приморской равнинѣ Мазандерана; они соединены лишь плохими тропинками, извивающимися въ кустарникахъ или въ болотистыхъ водахъ. Отъ шоссейной дороги, построенной по повелѣнію Шахъ-Аббаса въ началѣ семнадцатаго столѣтія, остались только разсѣянные камни; погонщики муловъ тщательно избѣгаютъ топей этого бывшаго шоссе. Тотъ же государь построилъ пышные Ашрефскіе дворцы, у подошвы и на первыхъ склонахъ высокаго мыса, откуда видна вся Астрабадская бухта и далѣе, за береговымъ поясомъ Потемкина и Ашуръ-Аде, необозримая гладь Каспійскаго моря. Эти дворцы, отдѣленные одинъ отъ другаго стѣнами и заключенные въ общей оградѣ, пришли въ состояніе полнаго разрушенія; разграбленные понизовой вольницей Стеньки Разина [1]), опустошенные пожаромъ, затѣмъ предоставленные разрушительному дѣйствію времени, эти зданія сохранили лишь небольшое число жилыхъ аппартаментовъ; но сады, которыми они окружены, и которые обратились въ чащи растительности,—единственные въ Персіи по богатству и разнообразію деревъ: съ холма, на вершинѣ котораго Шахъ-Аббасъ велѣлъ построить обсерваторію, открывается чудный видъ на это необозримое море зелени и цвѣтовъ, раздѣленное на отдѣльные массивы ручьями, прудами и развалинами; тамъ и сямъ вокругъ садовъ показываются дома деревни

[1]) Edm. O'Donavan, цитированное сочиненіе.

[2]) „Всеобщая Географія", „Земля и Люди", томъ VI.

[1]) Мельгуновъ, „Южный берегъ Каспійскаго моря".

Ашрефъ, едва проглядывающіе изъ-подъ переплетающихся вѣтвей деревьевъ.

Сари, лежащій западнѣе, въ равнинахъ, орошаемыхъ Тедженомъ и другими рѣчками, очень

Баязедъ и разрушенный кварталъ.

капризными въ своемъ теченіи и измѣненіяхъ уровня воды,—тоже городъ, пришедшій въ упадокъ, какъ и Ашрефъ; еще въ началѣ настоящаго столѣтія онъ имѣлъ, по словамъ Фразера, свыше 30.000 жителей, то-есть вчетверо больше, чѣмъ въ наши дни. Преданіе приписываетъ Сари глубокую древность: это одинъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ, будто-бы, совершились нѣкоторыя изъ баснословныхъ событій, о которыхъ повѣствуютъ персидскія эпопеи. Д'Анвиль и Реннель пытались отожествить Сари съ древнимъ Задра-Карта, самымъ большимъ городомъ Гирканіи, гдѣ армія Александра Македонскаго останавливалась, чтобы сдѣлать жертвоприно-

шеніе богамъ. Въ сосѣдствѣ Сари показываютъ нѣсколько грудъ обломковъ и мусора, которыя, будто-бы, представляютъ остатки доисторическихъ памятниковъ. Феридунъ, легендарный герой Персіи, говорятъ, погребенъ подъ порогомъ мечети, стоявшей на мѣстѣ бывшаго храма огнепоклонниковъ, а развалины башни, будтобы, принадлежали къ гробницѣ двухъ его сыновей [1]). Подобно Ашрефу, Сари окруженъ необозримымъ садомъ, а окрестныя равнины покрыты шелковичными деревьями, хлопчатникомъ, сахарнымъ тростникомъ, рисовыми полями. Онъ имѣетъ портъ на Каспійскомъ морѣ, при устьѣ Теджена: это—селеніе Фарахъ-Акадъ «Жилище радости», обитатели котораго занимаются рыболовствомъ и приготовленіемъ икры. Во время путешествія итальянскаго «пилигрима» Пьетро-делла-Валле, въ 1618 году, Фарахъ-Абадъ (Ферхабадъ), незадолго передъ тѣмъ построенный Шахъ-Аббасомъ, былъ «главнымъ городомъ Мазандерана». Многія его улицы имѣли цѣлую милю въ длину, а пространство, занимаемое городомъ, равнялось, если не превосходило, площади Рима или Константинополя. Многочисленное населеніе, состоявшее изъ магометанъ, христіанъ, евреевъ, людей всякой расы и національности, переселенныхъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ, толпилось въ широкихъ проспектахъ новаго города.

Барфрушъ, Барферушъ или Баръ-Фурутъ, то-есть «Большой рынокъ», не можетъ похвалиться такой древностью основанія, какъ его сосѣдъ Сари: триста лѣтъ тому назадъ онъ былъ простой деревней. Но занимая положеніе мѣстности, менѣе усѣянной болотами, чѣмъ другіе города нижняго Мазандерана и, кромѣ того, пользуясь выгодами болѣе удобнаго сообщенія съ Тегераномъ черезъ горные проходы Эльбурса, Барфрушъ сдѣлался въ теченіе настоящаго столѣтія важнѣйшимъ городомъ Персіи на прибрежьѣ Каспійскаго моря: Фразеръ, въ 1822 году, приписывалъ ему цифру населенія, превосходящую число жителей всякаго другаго города Ирана. Базаръ Барфруша одинъ изъ самыхъ богатыхъ на всемъ Востокѣ, а портъ его, лежащій въ Мешедъ-и-Серъ, при устьѣ рѣки Балуль, впадающей въ Каспійское море, километрахъ въ двадцати къ сѣверу отъ города,—самый оживленный на всемъ этомъ берегу, несмотря на трудность подходовъ. Суда, вмѣщающія 200 тоннъ груза, становятся на якорѣ въ открытомъ морѣ въ 2-хъ слишкомъ километрахъ отъ берега; негоціанты, почти все армяне, приходятъ грузить преимущественно хлопокъ, привозя въ обмѣнъ русскіе мануфактурные товары. Одинъ изъ городовъ этого округа, Али-абадъ, лежащій на юго-востокъ отъ главнаго города, важенъ какъ земледѣльческій

[1]) Ouseley;—D'Arcy Todd;—Carl Ritter, „Asien", vol. VIII.

центръ рисовыхъ полей и плантацій хлопчатника и сахарнаго тростника. На юго-западъ отъ Барфруша, мѣстечко Шейхъ-Табризи, на легко-защитимомъ холмѣ, напоминаетъ возстаніе и избіеніе бабистовъ: изъ тысячъ защитниковъ цитадели ни одинъ не остался въ живыхъ.

Амуль или Амоль, какъ и Сари,—городъ историческій, и преданіе даже возводитъ основаніе его къ вѣкамъ геніевъ и боговъ: во времена Якута онъ былъ «первымъ городомъ Табаристана», какъ называлась тогда провинція поморья. Нынѣшній городъ стоитъ не на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ древній Амоль, но онъ весь построенъ изъ матеріаловъ, найденныхъ въ развалинахъ. Утративъ прежнее могущество и промышленность, Амоль не имѣетъ болѣе хлопчатобумажныхъ и ковровыхъ фабрикъ, которыми славился въ старину; но, подобно другимъ городамъ «персидской Ломбардіи» [1]), онъ обладаетъ богатыми произведеніями необозримаго сада, который занимаетъ весь поясъ, заключающійся между отрогами Эльбурса и моремъ. Въ этомъ же городѣ оканчивается колесная дорога, построенная изъ столицы къ равнинамъ Мазандерана черезъ долину Лара на востокъ отъ горы Демавендъ. На западѣ нѣсколько деревень этого округа обогатились отъ эксплоатаціи рудниковъ желѣзныхъ, мѣдныхъ и свинцовыхъ; но далѣе свободное пространство у подошвы горъ слишкомъ узко, чтобы зачаточное земледѣліе страны могло прокормить многочисленныя населенія: нужно идти вдоль морскаго берега на протяженіи около 250 километровъ, до дельты Сефидъ-руда, прежде, чѣмъ встрѣтить другое деревенское поселеніе. Этотъ Кухистанъ или «Страна горъ» заключаетъ въ себѣ только становища цыганъ и иляТовъ. Около западной оконечности этой области, близъ деревни Сахтезаръ, вытекаютъ изъ земли обильные сѣрные ключи, называемые «Теплыми водами» (Абъ-и-Гермъ), а далѣе горцы собираютъ твердый асфальтъ, изъ котораго они выдѣлываютъ разныя цѣнныя вещицы [2]).

Маленькій Ленгерудъ и болѣе значительный городъ Лахиджанъ—административные центры округовъ Гиляна, лежащихъ къ востоку отъ Сефидъ-руда, тѣхъ округовъ, гдѣ обсохшая почва представляетъ наиболѣе благопріятныя условія для культуры шелковицы и другихъ деревъ, которыя составляютъ, вмѣстѣ съ рисомъ болѣе низменныхъ земель, богатство этого прибрежья. Однако, главный городъ Гиляна стоитъ къ западу отъ рѣки Сефидъ-руда, среди болотъ и грязей, съ которыхъ поднимаются заразительныя испаренія. Потребности торговли вызвали къ жизни этотъ торговый городъ,囗ештъ, на

[1]) Гмелинъ;—Мельгуновъ;—Фразеръ и др.
[2]) Carl Ritter, „Asien" vol. VIII.

дорогѣ, которая съ плоскогорій Ирана ведетъ къ «Мертвому морю» или заливу Энзели, черезъ долину Сефидъ-руда. Тамъ находится главный рынокъ Персіи для шелка-сырца и коконовъ шелковичнаго червя, рынокъ, прежде очень важный, пока появившаяся на червѣ болѣзнь не опустошила шелковичныхъ заведеній въ окрестной мѣстности. Рештъ вывозитъ ковры, составленные изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ, образующихъ мозаику; прибрежные жители залива Энзели посылаютъ ему большое количество икры, камышевыхъ циновокъ, птичьихъ крыльевъ и перьевъ, употребляемыхъ для украшенія женскихъ костюмовъ. Въ одинъ только годъ въ Мурдъ-абѣ наловили свыше двухъ милліоновъ рыбы *lucioperca*, и даже въ одинъ только день сѣти поймали 300.000 карповъ вида *cyprinus cephallus*, которые достигаютъ въ среднемъ 30 сантиметровъ длины [1]). Русскіе, армяне, евреи служатъ посредниками въ торговлѣ Решта, а прежде, еще не такъ давно, повиндахи изъ Афганистана, баніахи изъ Индустана встрѣчались въ этомъ городѣ съ европейскими купцами.

Портъ, одна изъ самыхъ опасныхъ якорныхъ стоянокъ Каспійскаго моря, лежитъ километрахъ въ тридцати къ сѣверо-западу отъ города, передъ Энзелійскимъ баромъ, черезъ который открытое море сообщается съ болотистымъ бассейномъ Мурдъ-аба. Перегружаемые товары, бакинская нефть, русскія мануфактурныя издѣлія ввозятся въ лагуну на мелкихъ плоскодонныхъ судахъ и складываются подъ навѣсами въ Пиръ-и-базарѣ, откуда ихъ затѣмъ опять забираютъ и переплавляютъ черезъ болота въ склады Решта. Трудности перевозки товаровъ и опасности якорной стоянки въ Энзели составляютъ главныя препятствія къ развитію мѣстной торговли, и прорытіе судоходнаго канала, соединяющаго городъ съ искусственнымъ портомъ на морскомъ берегу, безъ сомнѣнія, удесятерило бы размѣры торговаго обмѣна. Но тутъ къ коммерческому вопросу примѣшивается вопросъ политическій: персидское правительство боится дать слишкомъ большое значеніе торговли города, который, силою вещей, становится, въ торговомъ отношеніи, зависящимъ отъ Россійской имперіи, какъ онъ былъ уже таковымъ съ точки зрѣнія административной. Уже много разъ европейскіе капиталисты предлагали постройку желѣзной дороги изъ Решта въ Тегеранъ, и не можетъ быть сомнѣнія, что въ близкомъ будущемъ первый путь быстраго сообщенія между внутренней Персіей и остальнымъ міромъ откроется, въ самомъ дѣлѣ, черезъ брешь Сефидъ-руда и Гилянское прибрежье. Какъ только сѣть желѣзныхъ дорогъ Европейской Россіи соединится съ сѣтью Закавказья, продолженіе рельсовъ въ направленіи Персіи сдѣлается одною изъ настоятельныхъ потребностей международнаго торговаго обмѣна.

[1]) Gustave Radde, „Mittheilungen von Petermann“, 1881.

На западъ и на сѣверъ отъ Решта, къ направленіи Россіи, на персидской территоріи нѣтъ больше городовъ въ собственномъ смыслѣ. Самыя большія поселенія—не болѣе, какъ деревни; таковы: Фюменъ, бывшій административный центръ округа; Мазуль или Мазулле, построенный на крутой скалѣ и населенный главнымъ образомъ кузнецами; Керганрудъ, береговой портъ, куда приходятъ нѣсколько русскихъ судовъ за грузами орѣховаго дерева. На югѣ отъ Решта долина Сефидъ-руда даетъ доступъ на Иранское плоскогорье; но естественная область Гиляна останавливается у дефилеевъ, черезъ которыя воды низвергаются съ верхняго уровня къ бассейну Каспійскаго моря. Впрочемъ, дорога не придерживается теченія рѣки: она поднимается круто поворачивающими зигзагами на высоты, которыя господствуютъ надъ тѣсниной съ западной стороны, и откуда видишь у себя подъ ногами глубокія ущелья, на днѣ которыхъ бѣлѣютъ бѣгущія воды. Городъ Рудбаръ, называемый часто «Масличнымъ Рудбаромъ», тянется, на пространствѣ по меньшей мѣрѣ пяти километровъ, въ равнинѣ, наполненной оливковыми и другими фруктовыми деревьями: маслины,—плодъ, котораго не найдешь ни въ какой другой части Персіи,—употребляются преимущественно для выдѣлки мыла. Выше по рѣкѣ, Менджигильскій мостъ, построенный въ небольшомъ разстояніи ниже слiянія Шахъ-руда и Кизыль-узеня, которые образуютъ «Бѣлую рѣку», принимая за границу между двумя провинціями Гилянъ и Иракъ-Аджеми. Этотъ мостъ, устои котораго, числомъ девять, высѣчены внутри, такъ что служатъ каравансараями, слыветъ у туземцевъ чудомъ архитектурнаго искусства: это тотъ знаменитый мостъ, по которому не отваживаются переходить, когда дуютъ утренніе и вечерніе вѣтры.

Города бассейна Атрека, Мазандерана и Гиляна, съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ:

Хорассанъ: Кучанъ (Стьюартъ)—12.000 жит.; Буджнурдъ — 7.500 жит.; Ширванъ — 2.500 жит.

Мазандеранъ: Барфрушъ — 50.000 жит.; Амолъ—10.000 жит.; Астрабадъ—15.000 жит.; Сари (Мельгуновъ)—8.000 лит.; Гумишъ-Тепе (О'Донаванъ)—3.500 жит.

Гилянъ: Рештъ—41.000 жит.; Лахиджанъ—8.000 жит.; Рудбаръ—5.000 жит.; Ленгерудъ—3.000 жит.; Энзели—2 500 жит.

Шахъ-рудъ, «Царская рѣка»,—такъ называется городъ, который охраняетъ входъ дорогъ черезъ Эльбурсъ, спускающихся по другую сторону горъ въ Астрабадскую равнину. Это положеніе обезпечиваетъ ему нѣкоторое

торговое значеніе, и караваны привозятъ туда рисъ и другія произведенія Мазандерана. До недавняго времени городъ имѣлъ болѣе оживленный видъ, благодаря тому обстоятельству, что пилигримы, отправляющіеся на богомолье въ Мешхедъ, должны были собираться въ Шахъ-рудѣ, чтобы соединиться тамъ въ партіи, способныя оказать сопротивленіе туркменскимъ грабителямъ: до этого этапа, находящагося на полдорогѣ между Тегераномъ и священнымъ городомъ, они могли путешествовать незначительными группами, но далѣе малочисленный караванъ подвергался бы большой опасности. Въ Шахъ-рудѣ существуетъ коекакая промышленность: тамошніе сапожники, самые искусные во всей Персіи, работаютъ обувь для иранскихъ щеголей, побывавшихъ въ Европѣ. Сотни садовъ, которые окружаютъ этотъ городъ, такъ же, какъ и Бостамъ, лежащій въ 6-ти километрахъ сѣвернѣе, походятъ издали на сплошной лѣсъ; абрикосовыя, тутовыя, фиговыя деревья переплетаются вѣтвями въ густую чащу, а стѣны исчезаютъ подъ фестонами винограда. Бостамъ, надъ домами котораго высоко поднимается мечеть съ трясущимся минаретомъ, славится обиліемъ производимыхъ его садами яблокъ; кромѣ того, въ прежнее время воды его слыли во всемъ Иранѣ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для излеченія многихъ болѣзней, въ томъ числѣ даже любви [1]). На пастбищахъ сосѣднихъ горъ пасутся лошади, порода которыхъ считается одною изъ самыхъ красивыхъ конскихъ породъ въ Персіи.

На юго-западъ отъ Шахъ-руда, Дамганъ, другой этапъ на дорогѣ изъ Мешхеда въ Тегеранъ, былъ когда-то большимъ городомъ, и до сихъ поръ еще видны, въ окрестностяхъ, развалины, покрывающія обширное пространство. Путешественники безуспѣшно искали между этими руинами какіе-нибудь остатки древности, ибо въ Дамганѣ или Дамаганѣ большинство ученыхъ помѣщаютъ древнюю столицу парѳянъ, которой греки дали названіе Гекатонпилосъ, «городъ о ста воротахъ» [2]). Дамганъ, въ самомъ дѣлѣ, раздѣляетъ съ Шахъ-рудомъ выгоду, представляемую положеніемъ въ точкѣ схожденія «ста» дорогъ, спускающихся съ Эльбурса, и кромѣ того, тамъ оканчиваются многочисленныя дороги, идущія изъ городовъ персидскаго плоскогорья. Если до сихъ поръ не открыли никакого античнаго зданія въ этомъ мѣстѣ, то по крайней мѣрѣ преданіе говоритъ о «Серебряномъ городѣ», который, будто бы, стоялъ по сосѣдству. На востокъ отъ Дамгана высится круглая башня Мейманданъ, вершина которой украшена арабесками. Своимъ цвѣтущимъ состояніемъ «Стовратный» городъ обязанъ былъ главнымъ образомъ ирригаціоннымъ водамъ, проведеннымъ къ нему съ Эльбурса подземными каналами, и Якутъ отмѣчаетъ въ своемъ путешествіи, какъ «одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ, какіе онъ видѣлъ въ свѣтѣ», резервуаръ, откуда вода распредѣлялась въ Дамганѣ, по ста двадцати деревнямъ и по табачнымъ плантаціямъ окрестностей. Эта вода, позволявшая земледѣльческой культурѣ постепенно подвигаться все далѣе въ пустыню, была та самая, которая бѣжитъ съ горъ близъ прохода Шамшербуръ черезъ источникъ Али.

Семнамъ, лежащій, какъ и Дамганъ, на тегеранской дорогѣ, той самой, по которой шла армія Александра Македонскаго, преслѣдуя Дарія, не имѣлъ прежде такого важнаго стратегическаго значенія, какъ «Стовратный городъ», но онъ не уступаетъ послѣднему въ численности населенія, и его зданія, мечети, каравансараи, общественныя бани лучше содержатся. Улицы, обставленныя по сторонамъ тѣнистыми деревьями, очищаются ручьями проточной воды, спускающимися съ горъ и орошающими въ окрестностяхъ великолѣпные сады, изъ которыхъ каждый, окруженный каменной оградой и защищенный круглой башней, могъ бы выдержать приступъ туркменскихъ хищниковъ. Хотя Семнамъ отстоитъ отъ Тегерана на 250 километровъ, онъ, однако, послѣдній городъ, заслуживающій этого названія, который встрѣчаешь на этомъ пути, прежде чѣмъ достигнуть этой столицы. Многочисленныя оборонительныя башни и искусственныя горки, почти всѣ военнаго происхожденія, которыя слѣдуютъ одна за другой на дорогѣ изъ Семнама въ Тегеранъ, свидѣтельствуютъ о чрезвычайной важности, придаваемой обладанію этимъ путемъ, соединяющимъ двѣ половины Персіи. На верху одного изъ этихъ холмовъ, называемаго Лазгирдъ, стоитъ большая круглая двухъ-этажная башня, опоясанная галлереями страннаго вида, безъ перилъ, которая служитъ жилищемъ цѣлому деревенскому населенію. Въ глазахъ туземцевъ, всѣ тепе страны суть остатки башенъ, воздвигнутыхъ нѣкогда огнепоклонниками: ихъ обыкновенно такъ и называютъ Гебръ-абадъ или «Жилищемъ гвебровъ»; но болѣе вѣроятно, что многіе изъ этихъ бурговъ не что иное, какъ остатки возвышенностей, размытыхъ и подточенныхъ кругомъ со всѣхъ сторонъ во время отступленія водъ [1]); почти всѣ они служили укрѣпленными лагерями и опорными точками селеніямъ. Въ прежнее время огни, зажигаемые на этихъ горкахъ, служили сигналами, и отъ одного холма до другаго новости быстро

[1]) Yakout; — Barbier de Meynard, „Dictionnaire de la Perse“.

[2]) Rennel, „Geographical System of Herodotus“; — Carl Ritter, „Erdkunde, Asien“, vol. VIII.

[1]) F. di Filippi, „Note di un Viaggio in Persia“.

передавались черезъ солончаковую пустыню до самаго Эльбурса [1]).

Древній Вераминъ, имя котораго осталось за всей окружающей страной, пересталъ существовать. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ городъ, смѣнившій Рагесъ, въ качествѣ столицы Персіи и предшествовавшій Тегерану, теперь находятся только развалины сильной крѣпости, уединенные загородные дома и прекрасная мечеть, построенная въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія и украшенная изящными изразцами съ металлическими отливами [2]). Недалеко оттуда, бѣдная деревушка Айванъ-и-Каифъ охраняетъ западный входъ горнаго прохода, считаемаго большинствомъ историковъ тѣмъ переваломъ, который въ древности былъ извѣстенъ подъ именемъ «Каспійскихъ воротъ». Въ этой области главныя городскія поселенія, Демавендъ и Фирузъ-Ку, находятся во внутреннихъ тѣнистыхъ долинахъ, между большими горами Эльбурса и его предгоріями. Прямая дорога изъ Тегерана въ Астрабадъ проходитъ черезъ эти два города и черезъ Шамшербурскій перевалъ, близъ источника Али. Разрушенная крѣпость, которая господствуетъ надъ почти вертикальной скалой Фирузъ-Ку или «Гора побѣды», сплошь изрытой пещерами, была построена, какъ гласитъ легенда, Александромъ Великимъ. На сѣверѣ, часто посѣщаемая дорога пересѣкаетъ цѣпь Эльбурса, пробираясь ущельемъ, очень опаснымъ въ зимнее время, по причинѣ снѣжныхъ булановъ.

Нынѣшняя столица Персіи, Тегеранъ, хотя лежащая на границахъ пустыни, въ равнинѣ, гдѣ можно создать сады только при помощи ирригаціонныхъ каналовъ, занимаетъ въ сущности не такое худое географическое положеніе, какимъ оно кажется съ перваго взгляда. Она находится почти по срединѣ большой дуги, образуемой полумѣсяцемъ горъ на югъ отъ Каспійскаго моря, и, слѣдовательно, можетъ наблюдать одинаково хорошо какъ за восточными, такъ и за западными провинціями государства. Кромѣ того, она прилегаетъ къ массиву Эльбурса, и перевалы, перерѣзывающіе гребень этого массива, позволяютъ спускаться въ ту и другую сторону, на востокъ къ Мазандерану и Астрабаду, на западъ къ Гиляну. Тегеранъ имѣетъ надъ прежними южными столицами, Ширазомъ и Испаганью, то стратегическое преимущество, что онъ обращенъ фронтомъ къ Россіи, то-есть къ наиболѣе угрожающему врагу; онъ лежитъ на равномъ разстояніи отъ границы по Атреку и отъ границы по Араксу. Нынѣ царствующая династія, происходящая изъ племени каджаровъ, живя въ Тегеранѣ, имѣетъ резиденцію, не слишкомъ удаленную отъ ея родины, которая могла бы въ критическихъ обстоятельствахъ сдѣлаться для нея мѣстомъ убѣжища. Наконецъ, Тегеранъ, расположенный на высотѣ 1.161 метра и потому пользующійся умѣреннымъ климатомъ, располагаетъ произведеніями различныхъ поясовъ, благодаря горамъ, которыя возвышаются въ его непосредственномъ сосѣдствѣ, и во время жаровъ дополняется лѣтними виллами и дачами, гдѣ воздухъ свѣжій и здоровый, гдѣ воды струятся въ изобиліи.

Тегеранъ или, вѣрнѣе, Тигранъ, то-есть «Чистый»—городъ новый, наслѣдникъ Рая или Рея арабовъ, который, въ свою очередь, былъ преемникомъ древняго Рагеса. Стѣны Рая, общее протяженіе которыхъ 36 километровъ, видны еще въ равнинѣ, простирающейся на югъ отъ Тегерана; но пространство, заключенное въ этой обширной оградѣ, теперь уже не имѣетъ даже развалинъ, кромѣ двухъ башенъ, которыя были, вѣроятно, гробницами [1]). Теперь Рай представляетъ воздѣланную равнину съ нѣсколькими разсѣянными на ней поселками; почва, взрываемая сохой, иногда даетъ еще старинныя серебряныя и золотыя монеты. Нѣсколько разъ завоеванный и разрушенный, Рай не поднялся послѣ прохода монголовъ въ половинѣ тринадцатаго вѣка, и жизнь перенеслась въ только-что нарождавшійся сѣверный городъ, Тегеранъ, который до того времени считался простымъ пригородомъ столицы. Тѣмъ не менѣе, какъ это почти всегда случается, религіозная святыня осталась въ павшемъ городѣ, который, по словамъ легенды, былъ родиной Зороастра: мѣста поклоненія не перемѣщаются такъ легко, какъ крѣпости и дворцы. Одно бывшее предмѣстіе Рая, гдѣ находится гробница чтимаго мусульманами мученика, шаха Абдулъ-Азима, разрослось въ цѣлый городокъ, подъ покровительствомъ святаго: путешественникъ находитъ тамъ базары, бани, большой каравансарай, прекрасныя улицы, обсаженныя деревьями и расходящіяся въ видѣ радіусовъ вокругъ мечети, заключающей гробницу имама.

Нынѣшняя столица, подобно Раю, окружена оградой, прерываемой во многихъ мѣстахъ проломами. Скопированная съ укрѣпленій Парижа, городская стѣна Тегерана построена изъ матеріаловъ менѣе прочныхъ; во многихъ мѣстахъ, глиняные откосы обрушились во внѣшніе рвы. Не трудно было бы опять привести ее въ такое состояніе, чтобы она могла оказать сопротивленіе возстанію, но, въ случаѣ осады и бомбардировки, она не противопоставила бы никакого серьезнаго препятствія непріятелю. Не очень давно возвели нѣсколько новыхъ стѣнъ, какъ начало второй ограды, которая будетъ охватывать всѣ предмѣстья, удвоивая оффиціальное протяженіе города; однако, пространство,

[1]) Duhousset, „Bulletin de la Société d'Antropologie", 8 janv. 1883.

[2]) Jane Dieulafoy, „Tour du Monde", 1883.

[1]) Duhousset;—Jules Laurens

заключенное внутри первой стѣны, еще далеко не все покрыто строеніями: каменоломни, груды развалинъ, безплодные желтоватые пустыри составляютъ тамъ рѣзкій контрастъ съ густо разросшимися садами. Подъѣзжая къ Тегерану, путешественникъ не видитъ за стѣнами ни башенъ, ни куполовъ, которые бы открывали ему сосѣдство столицы, и, даже вступивъ въ городскую ограду, онъ встрѣчаетъ сначала только убогія землянки. Но городскія ворота по истинѣ прекрасны, съ ихъ большой аркой, колоннами, которыя ихъ обрамляютъ, эмальированными изразцами, которыми они украшены: блескъ и счастливый подборъ цвѣтовъ, изящество и разнообразіе линій и фигуръ доказываютъ, что персіяне, несмотря на свой упадокъ съ точки зрѣнія матеріальной цивилизаціи, сохранили свою художественную оригинальность; въ этомъ отношеніи они нисколько не уступаютъ западнымъ народамъ.

Въ самомъ городѣ идетъ борьба двухъ вліяній—привязанности къ старинѣ, консервативнаго духа съ одной стороны, и маніи подражанія всему европейскому—съ другой. Большой базаръ походитъ на рынки другихъ городовъ Востока: это отдѣльный кварталъ, перерѣзанный маленькими, узкими улицами, изъ которыхъ каждая принадлежитъ ремесленникамъ одного цеха или купцамъ, торгующимъ одинаковымъ товаромъ; но въ сосѣдствѣ шахскаго дворца увидишь уже магазины, устроенные и расположенные на европейскій манеръ. Почти весь городъ представляетъ лабиринтъ неправильныхъ улицъ, загроможденныхъ развалинами и кучами мусора, перерѣзанныхъ топями и болотами, очищаемыхъ только собаками и шакалами; впрочемъ, аристократическіе кварталы имѣютъ свой бульваръ, обсаженный деревьями и освѣщаемый газомъ, гдѣ разъѣзжаютъ элегантные экипажи. Новый Тегеранъ застроенъ домами и зданіями на европейскій образецъ; но главную красу его все еще составляетъ садъ въ восточномъ вкусѣ, окруженный рѣзными ажурными балконами, аркадами, обтянутыми шелковыми занавѣсами; въ этихъ тихихъ убѣжищахъ, гдѣ брызжутъ фонтаны чистой воды, разсыпаясь хрустальными жемчужинами по благоухающимъ цвѣткамъ, чувствуешь себя какъ будто за сотни верстъ отъ города. Окрестности столицы, особенно на сѣверной сторонѣ, куда искусственные каналы приносятъ съ горъ большое обиліе воды, покрыты садами, которые почти всѣ сохранили свой прежній видъ укрѣпленныхъ пріютовъ, хотя жителямъ пригородныхъ поселеній теперь уже нечего опасаться нападенія туркменъ. Замѣчательно, что въ Тегеранѣ и въ окрестныхъ деревняхъ аисты, уважаемые и почти почитаемые народомъ, совершенно отсутствуютъ, тогда какъ въ Вераминѣ на каждомъ домѣ, на каждой руинѣ есть гнѣздо этой почтенной птицы [1]).

Въ началѣ настоящаго столѣтія иностранецъ, который попробовалъ бы остаться на жительство въ Тегеранѣ во время лѣтнихъ жаровъ, неминуемо сдѣлался бы жертвой лихорадокъ или другихъ болѣзней, порождаемыхъ городскими нечистотами. Теперь персидская столица, раскинувшись на болѣе обширномъ пространствѣ, пообчистилась и ассенизировалась; однако и теперь, какъ только наступаетъ лѣто, зажиточное населеніе удаляется на сѣверныя высоты, усѣянныя деревнями и загородными домами, которымъ даютъ собирательное имя шемиранъ или шимранъ, имѣющее, можетъ быть, связь съ легендой о царицѣ Семирамидѣ [2]); кочевые нравы юрковъ, мѣняющихъ свой зимній кишлакъ на лѣтній яйлакъ, по счастію, сохранились до нашихъ дней. По крайней мѣрѣ треть тегеранцевъ выселяется за городъ, на дачи въ одну и ту же недѣлю, и тогда обозы лошадей и вьючныхъ животныхъ, везущихъ мебель, ковры, палатки, провизію, тянутся непрерывной вереницей на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ; насчитываютъ не менѣе 5.000 верблюдовъ, употребляемыхъ для перевозки одного только шахскаго багажа [3]). Поставщики, нищіе, солдаты, полиція слѣдуютъ за дворомъ и посольствами въ ихъ лѣтнія резиденціи, и иная загородная мѣстность, совершенно безлюдная въ зимнее время, вдругъ превращается въ шумное ярмарочное поле. Шахскій дворецъ Ніаверанъ, вокругъ котораго группируется населеніе, скоро опоясывается настоящимъ городомъ бараковъ, почва покрывается кучами сора, кухонныхъ отбросовъ и т. п., и воздухъ заражается міазмами. Тогда дворъ во второй разъ эмигрируетъ и отправляется жить въ палаткахъ, на высотѣ болѣе 2.000 метровъ, на берегу Лара, въ живописныхъ цвѣтущихъ долинахъ, которыя открываются у основанія Демавенда. Аскъ, на склонахъ вулкана, населяется тегеранцами, и его термальные источники (Абъ-и-Гермъ) принимаютъ тысячи посѣтителей. Русское и англійское посольства имѣютъ каждое свою лѣтнюю деревню, гдѣ единственная признаваемая власть есть власть императора всероссійскаго и королевы великобританской; русскій загородный дворецъ находится въ Зергендехѣ, дворецъ англійскаго министра—въ Гульхекѣ; французское посольство основало свою лѣтнюю резиденцію въ Теджришѣ, въ тѣни великолѣпныхъ платановъ, изъ которыхъ одинъ пользовался славой уже двѣсти лѣтъ тому назадъ. Жители Гульхека, освобо-

---

[1]) E. Tietze, „Mittheilungen der Geograpischen Gesellschaft in Wien, 15 Iuli 1885".

[2]) Carl Ritter, „Asien", vol. VIII.

[3]) Emile Duhousset, „Le Tour du Monde", 1860;—J. E. Polak, „Persien, das Land und Seine Bewohner".

жденные отъ всякихъ податей и налоговъ, пользуются большимъ благосостояніемъ, если судить по хорошему содержанію домовъ, по деревьямъ и цвѣтамъ, украшающимъ края дорогъ, по оживленію, царствующему на улицахъ, гдѣ безпрестанно разъѣзжаютъ европейскіе экипажи. Всѣ садовники въ Гульхекѣ—гвебры.

Еще не очень давно Тегеранъ не имѣлъ ни одной колесной дороги, кромѣ той, которая идетъ отъ зимняго дворца къ лѣтнему. Теперь онъ соединенъ съ Касвиномъ (Казбиномъ) дорогою, шириной около 12-ти метровъ, которая будетъ продолжена до Закавказья черезъ Зенджанъ и Тавризъ: телѣги русской конструкціи быстро пробѣгаютъ путь длиной около 150 километровъ, отдѣляющій Тегеранъ отъ Касвина. Этотъ городъ, который тоже былъ нѣкоторое время столицей государства, и гдѣ еще видны многіе обломки его прошлаго величія, снова получилъ нѣкоторую важность со второй половины текущаго столѣтія, благодаря движенію путешественниковъ и товаровъ между Ираномъ и Кавказомъ. Сады его окрестностей, разведенные на почвѣ, отвоеванной у пустыни, принадлежатъ къ числу «райскихъ уголковъ» Персіи; виднѣющіяся сквозь зелень виноградниковъ или плантацій фисташковаго дерева, окаймляющихъ дороги, изразцовыя ворота города, осѣненныя платанами, представляютъ живописную картину.

Султаніе, также одинъ изъ главныхъ этапныхъ пунктовъ на сѣверо-западной дорогѣ, тоже былъ столицей Персіи, до Испагани. Лишившись высокаго ранга, онъ потерялъ свое, прежде многочисленное, населеніе и теперь не болѣе, какъ груда руинъ. Рѣзко выдѣляясь среди этихъ развалинъ и невзрачныхъ домишекъ, огромная мечеть Султаніе, воздвигнутая однимъ монгольскимъ ханомъ, кажется отъ дѣйствія этого контраста еще болѣе величественной; но ея великолѣпный куполъ, окруженный поясомъ разноцвѣтныхъ изразцовъ, потрескался; шесть угловыхъ минаретовъ разрушены или покосились; шестиугольная масса зданія утратила почти всѣ свои наружные орнаменты, и на окружности внутренняго пространства храма арабески и изреченія изъ корана, отдѣляющіяся въ видѣ изразцовъ лазурнаго цвѣта или другихъ оттѣнковъ, повреждены временемъ или замалеваны новѣйшей аляповатой живописью.

Зенджанъ, на сѣверо-западъ отъ Султаніе, также на дорогѣ въ Россію,—тоже городъ, пришедшій въ упадокъ. Разрушенный къ первый разъ монголами, затѣмъ, въ половинѣ настоящаго столѣтія, преданный въ жертву пламени послѣ восьмимѣсячной осады, которую выдержали тамъ бабисты, несчастный городъ не возродился изъ своихъ развалинъ. Со стороны сѣвера это—послѣдній городъ провинціи Иракъ-Аджеми (Иракъ-Адшми); здѣсь еще говорятъ по-персидски, тогда какъ по другую сторону хребта Кафланъ-кухъ, въ Азербейджанѣ, общеупотребительный языкъ между жителями Міане уже турецкій. Этотъ городъ, «самый бѣдный во всей Персіи», стоитъ на горномъ потокѣ, питаемомъ снѣгами хребта Сегендъ и впадающемъ въ Кизылъ-Узенъ, главную вѣтвь Сефидъ-руда. Изъ всѣхъ этапныхъ мѣстъ Міане особенно пугаетъ чужеземцевъ: тамъ больше, чѣмъ во всякомъ другомъ городѣ Персіи [1]), кишитъ страшный «клопъ» *argas persica*, укушеніе котораго не безпокоитъ туземца, но у пріѣзжихъ путешественниковъ причиняло многочисленные случаи серьезной болѣзни и даже смерти. Въ Міане скончался, въ 1667 году, знаменитый путешественникъ Тевено. Въ небольшомъ разстояніи на сѣверозападъ отъ Міане, въ хорошо орошаемой мѣстности, одной изъ «житницъ» Персіи, находится большое село Туркменчай, извѣстное по заключенному тамъ трактату 1828 года, которымъ Россіи были уступлены области Эриванская и Нахичеванская, равно какъ безусловное господство надъ Каспійскимъ моремъ.

Тавризъ (Тебризъ, Таврисъ), столица Азербейджана и еще недавно самый многолюдный городъ Ирана, есть древній Кандсагъ армянъ, основанный въ концѣ четвертаго столѣтія христіанской эры. Онъ лежитъ въ бассейнѣ озера Урмія, и бурая масса его строеній покрываетъ слегка покатую почву, среди равнины, надъ которой господствуютъ съ сѣверо-восточной и съ восточной стороны голыя скалы рѣзкихъ очертаній, тогда какъ на югѣ высится правильный конусъ горы Сехендъ. Тысячи садовъ, орошаемыхъ «девятью стами каналовъ», окружаютъ городъ со всѣхъ сторонъ, составляя своей густой листвой яркій контрастъ съ сосѣдними холмами, лишенными всякой растительности. Когда смотришь съ высотъ, Тавризъ, стѣна котораго имѣетъ не менѣе 18 километровъ въ окружности и который еще выдѣляетъ изъ себя предмѣстья вдоль расходящихся въ разныя стороны дорогъ, кажется однимъ изъ большихъ городовъ земнаго шара; но когда вступишь въ городскую ограду и пройдешься по лабиринту грязныхъ улицъ, безъ труда убѣждаешься, что онъ далеко не могъ бы, какъ во времена Шардена, сравниться съ столичными городами Европы: въ ту эпоху, въ 1673 году, онъ имѣлъ, будто-бы, 300 каравансараевъ, базаръ съ 15.000 лавокъ, 230 мечетей и 550.000 жителей. Тавризъ не только долженъ былъ, какъ большинство другихъ персидскихъ городовъ, переносить бѣдствія осадъ и пожаровъ, онъ, сверхъ того, часто подвергался еще опустошительнымъ землетрясеніямъ: исторія говоритъ о пяти большихъ колебаніяхъ почвы,

---

[1]) Ouseły; — Kotzebue; — Polak; — O'Donavan; — Gasteiger.

которыя разрушили его отчасти, погребая въ то же время тысячи жертвъ; въ 1727 году, говорятъ, до семидесяти тысячъ человѣкъ были поглощены разверзшейся землей или раздавлены обрушившимися зданіями; въ 1780 году число погибшихъ отъ землетрясенія простиралось, будто-бы, до сорока тысячъ. Этимъ и объясняется бѣдность Тавриза замѣчательными зданіями, несмотря на его древность, богатство его купечества, могущество государей и губернаторовъ, имѣвшихъ тамъ свою резиденцію, красоту и прочность матеріаловъ, употребляемыхъ для постройки дворцовъ и храмовъ: лавъ, порфировъ, мраморовъ и разноцвѣтныхъ изразцовъ. Самый горделивый памятникъ—цитадель, четыреугольная масса, высотой около 25 метровъ, которая издали кажется еще нетронутой временемъ, но, подойдя къ ней ближе, видишь, что кронверки ея обвалились, стѣна дала трещины, а рвы засыпаны мусоромъ; во рву этой цитадели былъ преданъ смерти Бабъ въ 1848 году. «Голубая» мечеть, нѣкогда чудо архитектурнаго искусства, которая, вмѣстѣ со многими религіозными зданіями, доставила этому городу прозвище «Купола ислама», обрушилась въ 1780 году: отъ нея остались только столбы да отрывки портала, утилизируемые сосѣдними жителями, какъ каменоломня, откуда они добываютъ матеріалъ для постройки своихъ домишекъ. Изразцовыя мозаики этой мечети, представляющія гирлянды цвѣтовъ, приложены одна къ другой съ такой точностью, что не видно пазовъ [1]).

Торговое значеніе Тавриза и особенно сосѣдство Россіи заставили избрать столицу Азербейджана резиденціей наслѣдника персидскаго престола. Благодаря своему положенію близъ сѣверо-западнаго угла государства, недалеко отъ границъ русскаго Закавказья и отъ Турціи, этотъ городъ сдѣлался обязательнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что онъ оправлялся послѣ каждаго постигавшаго его бѣдствія. Въ Тавризѣ существуетъ цѣлая колонія иностранныхъ негоціантовъ, въ которой преобладаютъ армяне, но гдѣ есть также представители и западныхъ народовъ; уже въ 1832 году общее движеніе торговыхъ дѣлъ между Тавризомъ и заграничными рынками Фразеръ исчислялъ въ 25 милліоновъ франковъ. Базаръ, самъ по себѣ составляющій цѣлый городъ, наполненъ матеріями русскими, англійскими и другими произведеніями европейскихъ мануфактуръ. Земледѣльческіе продукты бассейна озера Урмія, окруженнаго амфитеатромъ горъ, находятъ выгодный рынокъ сбыта только въ этомъ городѣ, лежащемъ на международномъ торговомъ пути. Хотя весьма холодная зимой, страна эта имѣетъ всѣ культуры умѣреннаго пояса, и нѣкоторые изъ ея плодовъ, особенно миндаль и абрикосы, очень цѣнятся. Лѣтомъ всѣ зажиточные жители уѣзжаютъ отдыхать въ тѣнистыя деревни горы Сехендъ, на берега минеральныхъ водъ, вытекающихъ въ изобиліи изъ вулканическихъ горныхъ породъ. Особенно минеральные источники Лала, близъ цвѣтущаго мѣстечка Сирдарудъ, привлекаютъ большое число посѣтителей. Одна изъ сосѣднихъ долинъ принадлежитъ къ числу трехъ «раевъ» Ирана, воспѣтыхъ персидскими поэтами [1]).

Другіе города Азербейджана тоже окружены фруктовыми садами. На сѣверо-востокъ отъ Тавриза, въ долинѣ одного изъ притоковъ Аракса, городъ Агаръ обладаетъ очень богатыми желѣзными рудниками. Ардебиль, также въ бассейнѣ Аракса, близъ сѣверо- западнаго угла территоріи, при выходѣ главныхъ переваловъ, идущихъ черезъ горы Талышъ къ Каспійскому морю, имѣетъ въ окрестностяхъ богатыя мѣсторожденія мѣдной руды, и его базаръ въ изобиліи снабженъ русскими товарами. Главная его мечеть, покрывавшая могилу шейха Сефи, обладала драгоцѣнной библіотекой, которая увезена генераломъ Паскевичемъ въ Петербургъ; но тамъ и теперь еще есть, хотя въ плохомъ состояніи, коллекція фарфоровъ китайскихъ и персидскихъ [2]). Марандъ, лежащій къ сѣверу отъ Ардебедиля, на большой дорогѣ, ведущей въ Россію, посреди становищъ илятовъ племени екенлю,—очень древній городъ, гдѣ мусульмане и армяне показываютъ могилу жены Ноя. Дома его скрыты за занавѣсами изъ тополей и густо разросшихся фруктовыхъ садовъ. Точно также Хой, городъ, находящійся близъ турецкой границы, на высокой гладкой равнинѣ, около шестидесяти километровъ въ окружности, затерянъ въ настоящемъ лѣсу: городъ замѣчаешь только тогда, когда пройдешь его правильныя укрѣпленія, возведенныя генераломъ Гарданомъ. Между всѣми деревьями господствуетъ шелковица, превосходныя ягоды которой нисколько не похожи на безвкусные плоды европейскаго тутоваго дерева [3]). На сѣверо-западъ отъ Хоя, на большой дорогѣ изъ Эрзерума въ Требизондъ, армянскій городъ Маку стоитъ на откосѣ у подошвы утеса, пробитой огромной пещерой: словно раскрылась какая-то чудовищная пасть, чтобы проглотить городъ. Этотъ исполинскій гротъ имѣетъ не менѣе 200 метровъ въ ширину, а длина аркады свода около 400 метровъ; въ началѣ настоящаго столѣтія внутри пещеры стоялъ замокъ, гдѣ жилъ одинъ курдскій шейхъ. Крышу грота образуетъ мощный потокъ лавы, вылившейся на известковую ска-

[1]) Jane Dieulafoy, „Tour du Monde", 1883.

[1]) H. Rawlinson, „Journal of the Geographical Society", 1841.

[2]) Thialmann, „Streifzüge in den Kaukasus".

[3]) Moritz Wagner, „Reise nach Persien und dem Lande der Kurden".

лу. Въ окрестностяхъ видны многочисленные естественные колодцы, сводъ которыхъ просверлила вода горныхъ потоковъ, проходя, подъ твердыми лавами, въ нижней, болѣе хрупкой породѣ [1]).

Большой городъ Урмія (Урмиджъ), построенный у подошвы горъ, въ равнинѣ, спускающейся къ «Маленькому морю», тоже окруженъ садами, которые раздѣляютъ его предмѣстья и проникаютъ между различными кварталами почти до самаго базара; одна сосѣдняя пещера, какъ говоритъ легенда, служила жилищемъ Зороастру. Съ миссіонерской станціи, основанной американскими проповѣдниками христіанства въ 1831 году, видна, какъ на ладо-

Ванъ. Городъ и цитадель.

[1]) Monteith, „Journal of Geographical Society", 1834; — Carl Ritter, „Asien", vol. VIII.

ни, вся великолѣпная лѣсистая долина, съ ея «тремя стами шестьюдесятью» деревень, утопающихъ въ зелени, которую окаймляетъ граціозными кривыми линіями синева озерныхъ водъ. Одна изъ этихъ деревень, Гюжтапа, сплошь населена несторіанами, обращенными въ протестантство. Деревня Ада, отдѣленная отъ селенія Супурганъ рѣкой Мазлу-чай, также присоединилась къ новой вѣрѣ, принесенной изъ-за Атлантическаго океана; другія мѣстечки, населенныя несторіанами и халдеями, сохранили свои старыя обрядности. Хусрава, въ долинѣ рѣки Сельмасъ, на западъ отъ магометанскаго города Дильманъ, есть духовный центръ халдеевъ-католиковъ [1]). Эти пограничныя мѣстечки ведутъ значительную торговлю съ двумя сосѣдними государствами, имперіями Россійской и Оттоманской, но перевозка товаровъ черезъ границы совершается посредствомъ контрабанды.

Въ средніе вѣка, прелестная Марага, расположенная среди виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ на полуденныхъ склонахъ Сехенда, была обязана своей славой существовавшимъ въ ней научнымъ учрежденіямъ: тамъ жилъ, во второй половинѣ тринадцатаго столѣтія, знаменитый астрономъ Нассиръ-Эддинъ. Монгольскій ханъ Хулагу построилъ ему обсерваторію, рядомъ съ замкомъ, гдѣ хранились его сокровища, и цѣлая академія сгруппировалась въ маленькомъ городкѣ, до того времени никому не извѣстномъ. Нассиръ-Эддинъ, опредѣляя положеніе своей обсерваторіи, нашелъ, что она лежитъ подъ 37°20′ сѣверной широты и подъ 82 градусомъ долготы къ востоку отъ Счастливыхъ острововъ (приблизительное положеніе этого мѣста, по нынѣшнимъ картамъ: долгота 46°9′ къ востоку отъ Гринвича, широта 37°22′ къ сѣверу отъ экватора). Очаровательный Бинабъ, очень чистенькій, окруженный богатыми фруктовыми садами и виноградниками,—городъ новый, смѣнившій отчасти Марагу. Турецкое мѣстечко Шерхъ-и-Маяндабъ, въ нижней долинѣ Джагату, пришло въ упадокъ.

Прежде существовалъ очень важный городъ на юго-западѣ около истоковъ главной рѣки Джагату. Развалины его окружаютъ озеро или, вѣрнѣе сказать, колодезь, вытекающій изъ горы Тахтъ-и-Сулейманъ; тамъ отыскали остатки большаго храма Огня, который, вѣроятно, былъ наиболѣе посѣщаемымъ святилищемъ древней провинціи Атропатены. По мнѣнію Раулинсона, это зданіе и окружающія его строенія суть не что иное, какъ руины мидійской Экбатаны [2]). Новѣйшая легенда сдѣлала изъ нихъ «Тронъ Соломона», и на сѣверо-востокѣ показываютъ другой холмъ, покрытый даніями, Тахтъ-и-Балхисъ, гдѣ возсѣдала царица Саба, бесѣдуя черезъ пространство съ своимъ царственнымъ возлюбленнымъ. Древняя дорога изъ Ниневіи въ Рагесъ проходила черезъ этотъ священный городъ; она переходитъ большую пограничную цѣпь очень высокимъ перевалом, черезъ который въ зимнее время не отваживается пускаться ни одинъ путникъ. Порогъ обозначенъ «синимъ столбомъ»,—откуда и произошло названіе Кали-Шинъ, данное этому проходу,—на которомъ есть клинообразная надпись; на другой, болѣе низкой цѣпи, лежащей уже на турецкой территоріи, есть другой «Писанный камень», на который курды смотрятъ, какъ на талисманъ, почти какъ на волшебника, ибо взываютъ къ нему, какъ къ живому существу. Шульцъ снялъ копію съ надписей, но былъ умерщвленъ, и его путевой журналъ не былъ отысканъ; что касается Раулинсона, прогнаннаго снѣжнымъ бураномъ, то онъ могъ только взглянуть на столбы и убѣжать. Самое многолюдное мѣстечко на иранскомъ склонѣ хребта—Суджъ-Булакъ или «Холодный источникъ», главный пунктъ Микри, курдскаго племени, почти совершенно оставившаго свои кочевыя привычки. Въ сосѣдствѣ путешественникъ Монтитъ открылъ жертвенникъ Огня, наилучше сохранившійся изъ всѣхъ памятниковъ этого рода, существующихъ въ древней Атропатенѣ; онъ поддерживается восемью колоннами, высѣченными въ скалѣ.

Города Азербейджана, съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ:

Тавризъ—180.000 жителей; Хой—42.000; Урмія—40.000; Марага—15.000; Ардебиль—12.000; Бинабъ (Раулинсонъ)—7.500; Суджъ-Булакъ (Раулинсонъ)—6.000; Шехръ-и-Маяндабъ (Раулинсонъ)—5.000; Маку—4.000; Марандъ (Дьелафуа)—4.000; Ахаръ—3.500 жит.

Къ югу отъ Азербейджана и бассейна, воды котораго утекаютъ черезъ Кизылъ-Узенъ въ Каспійское море, ручьи, берущіе начало на восточной сторонѣ краевой цѣпи, изсякаютъ въ пустынѣ прежде, чѣмъ успѣютъ образовать общую рѣку; существовавшее нѣкогда рѣчное развѣтвленіе теперь обозначено лишь болотами, да соляными полями. На сѣверѣ пустыни, Тегеранъ, Касвинъ, Султаніе, и на югѣ—Гамаданъ, Кумъ, Кашанъ принадлежатъ къ одной и той же гидрографической области, хотя они раздѣлены теперь песками и твердыми глинами.

Гамаданъ, древняя Агбатана или Экбатана, Хагматана клинообразныхъ надписей, переноситъ нашу мысль къ отдаленнымъ вѣкамъ, предшествующимъ исторіи: она является большимъ городомъ съ самыхъ первыхъ временъ, о которыхъ повѣствуютъ писатели Греціи и Рима. Въ эпоху, когда движенія войны и торговаго обмѣна передвигали къ западу центръ

[1]) Arsenis und Kiepert, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin".

[2]) „Journal of the Geographical Society", 1841.

тяжести Ирана, Экбатана занимала очень счастливое положеніе, какъ столица государства. Расположенная около средины пространства, заключающагося между Каспійскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, какъ разъ на границѣ мидянъ и персовъ, турокъ и иранцевъ, она командуетъ, на востокѣ краевой цѣпи, водораздѣльнымъ порогомъ и входомъ горныхъ проходовъ, которые направляются къ центральной части Месопотаміи, туда, гдѣ нѣкогда стоялъ громадный Вавилонъ и гдѣ въ наши дни находится Багдадъ. Отъ древней Экбатаны остались только груды обломковъ и мусора, въ которыхъ археологи стараются отыскать мѣстоположеніе упоминаемой Геродотомъ семерной стѣны, окрашенной въ семь цвѣтовъ золотой краской и символизировавшей семь извѣстныхъ тогда планетъ, а также мѣстоположеніе цитадели, гдѣ государи хранили свои богатства, и куда побѣдитель Александръ Великій сложилъ свою несмѣтную добычу. Нѣкоторыя имена напоминаютъ древнюю славу Экбатаны: такъ, близъ холма, который вѣнчали центральныя укрѣпленія, одна терраса носитъ названіе Тахтъ-Ардеширъ или «Тронъ Артаксеркса»; недалеко отъ города видны остатки льва изъ звонкаго камня, на котораго жители смотрятъ, какъ на волшебнаго покровителя города противъ холода и голода. Одинъ куполъ, не очень древней конструкціи, похожей на архитектуру магометанскихъ зданій того же рода, въ большой чести у европейскихъ жителей и привлекаетъ многочисленныхъ пилигримовъ: это—предполагаемая гробница Эсѳири и Мардохея, передъ которой евреи разсказываютъ, какъ о событіи, дѣйствительно имѣвшемъ мѣсто, объ избіеніи ихъ предками 70.000 персовъ, на глазахъ снисходительно смотрѣвшаго на эту рѣзню Артаксеркса. Іудейская община болѣе многочисленна въ Гамаданѣ, чѣмъ во всякомъ другомъ персидскомъ городѣ: она состоитъ изъ тысячи семействъ [1]). Знаменитый бухарскій медикъ Авицена (Ибнъ-Сина) былъ похороненъ въ Гамаданѣ.

Расположенный близъ подошвы Эльвенда, вершина котораго почти всегда убѣлена снѣгами, и куда благочестивые дервиши, даже изъ отдаленной Индіи, приходятъ искать лекарственныхъ травъ, городъ перерѣзанъ проточными водами, и въ немъ брызжутъ «тысяча шестьсотъ фонтановъ», изъ которыхъ одинъ льетъ горячую воду. Водостоки, прорытіе которыхъ приписываютъ государямъ миѳическихъ эпохъ, приносятъ воды съ разстоянія отъ 50 до 60 километровъ, а глубина начальныхъ колодцевъ не менѣе 100 метровъ (47 саженъ) [2]). Значительная высота мѣста (около 1.500 метровъ), положеніе горныхъ склоновъ, обращенныхъ къ полярнымъ вѣтрамъ, и близость снѣ-

Гамаданъ.—Звучащій левъ.

[1]) H. Petermann, „Reisen in Orient“.

[2]) M. Dieulafoy, рукописныя замѣтки.

говъ дѣлаютъ зимній климатъ Гамадана довольно тягостнымъ для персіянъ; но зато лѣтомъ, когда здѣсь царствуетъ живительная прохлада, это одно изъ пріятнѣйшихъ мѣстопребываній. Гамаданскіе виноградники даютъ отличныя бѣлыя вина, которыя Белью сравниваетъ съ мозельскими, и красныя, которыя, будто бы, походятъ вкусомъ на обыкновенные сорта бордоскихъ винъ. Въ промышленномъ отношеніи этотъ городъ важенъ только по выдѣлкѣ кожъ, производству сѣделъ и конской сбруи, тканью и окраскѣ ковровъ, но онъ ведетъ значительрую торговлю съ Месопотаміей, и базары его снабжаются въ изобиліи товарами всякаго рода. Гамаданъ можно разсматривать, какъ главный городъ западныхъ туркменъ Персіи, становища которыхъ разсѣяны въ окружающихъ равнинахъ и долинахъ. Къ востоку отъ Гамадана, на одной изъ дорогъ, ведущихъ въ Тегеранъ, стоитъ, на границѣ пустыни, городъ Савехъ, заключающій грандіозные остатки средневѣковой старины.

На востокъ отъ области пастбищъ, по которой кочуютъ туркмены, и на окраинѣ песковъ, городъ Кумъ или Комъ высоко поднимаетъ свой позлащенный куполъ надъ гробницей «Фатимы Непорочной», сестры имама Резы. Женщины приходятъ туда толпами молиться о дарованіи плодовитости, красоты, супружескаго счастія. Вокругъ этого святилища разсѣяны «четыреста сорокъ четыре» гробницы меньшей святости, гдѣ, однако, молитвы также богоугодны. Далѣе, за этими святынями, простирается на нѣсколько километровъ обширное кладбище, гдѣ почиваютъ вѣрующіе, сподобившіеся счастія умереть въ священномъ городѣ или быть перенесенными туда послѣ смерти. Послѣ Мешхеда, Кумъ, который ни гвебры, ни евреи не могутъ осквернять своимъ присутствіемъ, есть наиболѣе чтимое мѣсто пилигримства на иранской территоріи; но, сравнивая теперешнее состояніе города съ тѣмъ, которое намъ описываютъ Шарденъ и другіе путешественники, предшествовавшіе девятнадцатому столѣтію, можно сказать положительно, что благочестіе уменьшилось. Кумъ не имѣетъ теперь двадцати мечетей, какъ имѣлъ въ былое время; онъ потерялъ свою торговлю и промышленность, кромѣ развѣ производства пористыхъ глиняныхъ сосудовъ [1]): теперь это не болѣе, какъ большая руина, похожая скорѣе на обширный некрополь, нежели на городъ. Пустыня, простирающаяся въ необозримую даль, охристые или бѣлые соляные холмы, замыкающіе съ западной стороны горизонтъ, образуютъ печальный ландшафтъ, вполнѣ подходящій къ городу, пришедшему въ упадокъ.

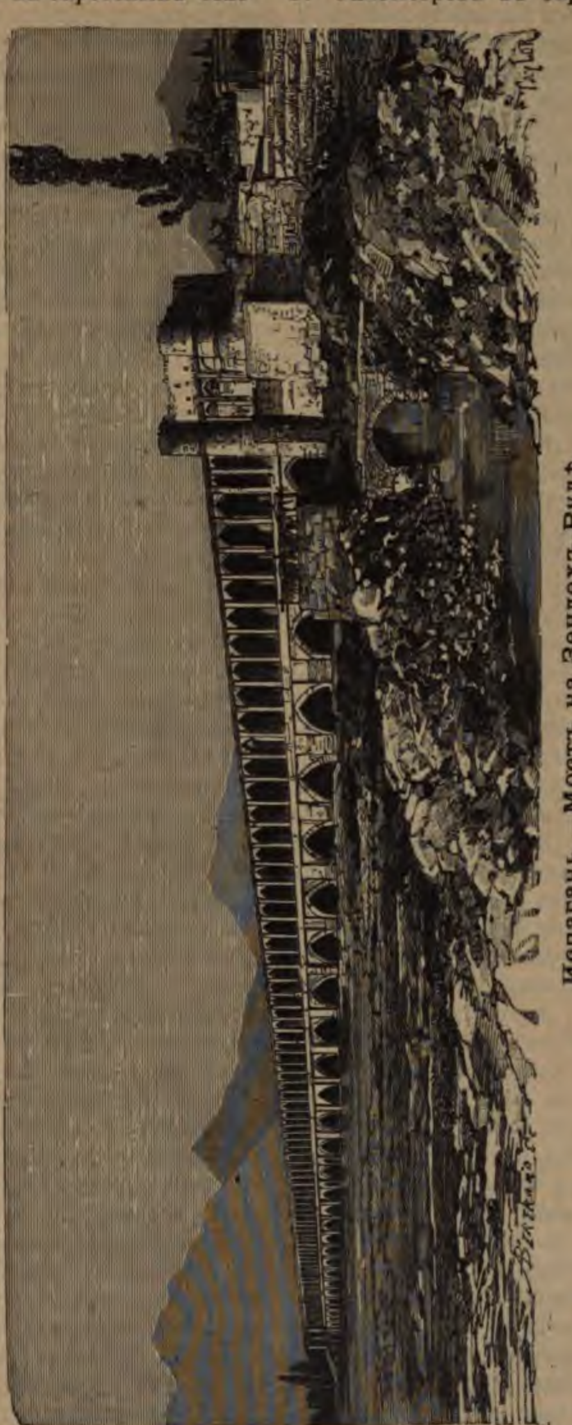
Въ противоположность Гадаману, Кашанъ, центральный городъ провинціи Иракъ-Аджеми, главный этапный пунктъ на дорогѣ изъ Тегерана въ Испагань, находится въ полномъ процвѣтаніи. Расположенный у подошвы горъ, которыя доставляютъ ему воду, хотя и не въ особенно большомъ обиліи, Кашанъ окружилъ себя фруктовыми и обыкновенными садами, виноградниками, дынными и арбузными полями, культурами въ видѣ террасъ, гдѣ умѣютъ утилизировать туки, пренебрегаемые въ сѣверной Персіи. Но особенно какъ промышленный городъ онъ составилъ себѣ громкое имя; въ немъ существуютъ фаянсовыя фабрики, мастерскія для приготовленія ювелирныхъ издѣлій, для тканья золотой и серебряной парчи, красильныя и котельныя заведенія, бархатныя ткацкія мануфактуры, произведенія которыхъ считаются лучшими въ Персіи; здѣсь же сохранилось искусство разрисовывать мозаикой внутреннія стѣны куполовъ и бань. Кашанъ, получившій прозвище «невѣсты между иранскими городами», въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ самыхъ опрятныхъ городовъ въ Персіи, одинъ изъ тѣхъ городовъ, дома которыхъ построены съ наибольшимъ вкусомъ и улицы содержатся въ чистотѣ и порядкѣ съ наибольшей заботливостью. По своему географическому положенію онъ, кажется, предназначенъ сдѣлаться центромъ персидскихъ желѣзныхъ дорогъ. И теперь уже онъ обладаетъ лучшими, послѣ тегеранскихъ, обыкновенными дорогами, и нѣкорые изъ великолѣпныхъ каравансараевъ, находящихся на этапныхъ пунктахъ этихъ путей, заботливо поддерживаются, какъ во времена ихъ строителя, шаха Аббаса. Отъ той же эпохи ведетъ свое начало одно изъ величайшихъ общеполезныхъ сооруженій, какое существуетъ въ Персіи: это Бандъ-и-Кухрудъ или «Плотина горнаго потока», которая видна къ юго-западу отъ Кашана, на испаганской дорогѣ. Стѣна, образующая запруду, выше которой воды разстилаются въ видѣ озера, поднимается на 40 метровъ (почти 19 саженъ) высоты между двухъ утесовъ [1]). Въ Кашанѣ боятся скорпіоновъ почти столько же, какъ персидскихъ клоповъ въ Міане; по счастію, безчисленные аисты помогаютъ освобождать страну отъ этихъ опасныхъ гостей.

Караванная дорога, которая идетъ прямо изъ Гамадана въ Испагань, слѣдуя вдоль восточнаго основанія краевыхъ горъ плоскогорья, гораздо менѣе посѣщается, нежели главная дорога изъ Тегерана въ Кашанъ и Испагань; до недавняго времени купцы должны были опасаться тамъ нападеній бахтіаровъ. Султанабадъ, обнесенный каменной стѣной городъ, который стоитъ почти на полпути изъ Гамадана въ Испагань, и гарнизонъ котораго дол-

[1]) „Journal officiel", 28 juin 1876; — Jane Dieulafoy, „Tour du Monde", 1883.

[1]) H. Brugsch, „Reise der preussischen Gesandschaft nach Persien in 1860 und 1861".

женъ бы былъ отгонять грабителей, представляетъ скопленіе убогихъ домишекъ; но окружающая мѣстность—одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ центровъ ковроваго производства: нѣтъ ни одной избушки въ окрестныхъ селеніяхъ, гдѣ бы женщины не сидѣли за ткацкимъ станкомъ, привязывая шерсть различныхъ цвѣтовъ и пуская челнокъ. Въ окрестныхъ горахъ собираютъ въ изобиліи манну или *гейзигебинъ*, сахаристый налетъ, выступающій на листьяхъ и производимый червякомъ, который живетъ на одномъ видѣ тамариска. На юго-востокъ отъ Султанабада, по направленію къ Испагани, слѣдуютъ одинъ за другимъ: Хюмейнъ, окруженный обширными руинами, полуразвалившійся городъ Гюльпайганъ, питаемый подземнымъ водопроводомъ, который былъ вырытъ по повелѣнію калифа Гарунъ-аль-Рашида; затѣмъ длинная деревня Хонсаръ, дома которой съ окнами, открывающимися на дорогу, напоминаютъ постройки сѣверной Италіи. На пространствѣ около двѣнадцати километровъ идешь между этими прелестными домиками чрезъ рощи, сады и луга. Деревни, черезъ которыя проѣзжаетъ путешественникъ, вступая въ Испаганскую равнину, тоже окружены фруктовыми садами, зеленѣющими чащами деревъ, полями, гдѣ растутъ хлопчатникъ, табакъ, хлѣба. Тигранъ, Неджефабадъ и другія селенія слѣдуютъ одно за другимъ, образуя нескончаемую улицу между стѣнами садовъ; затѣмъ вступаешь въ городъ по великолѣпной аллеѣ платановъ, которая несправедливо слыветъ однимъ изъ чудесъ Ирана.


Испагань. – Мостъ на Зендехъ-Рудѣ.

Испагань (Исфаганъ, Исфагунъ) теперь ужь не «полміра», какъ ее нѣкогда величали ея обитатели, восхваляя блескъ ея зданій, богатство ея промышленности, красоту ея садовъ. Наибольшая часть пространства, заключающагося внутри городской ограды, имѣющей 37 километровъ въ окружности, необитаема; дворцы, мечети и базары, гдѣ въ былыя времена тѣснилась многотысячная толпа, представляютъ теперь груды руинъ; шакалы и лисицы устраиваютъ себѣ логовища среди обломковъ минувшаго величія. Между этими развалинами мысль невольно ищетъ знаменитую пирамиду изъ 70.000 человѣческихъ череповъ, которую велѣлъ воздвигнуть грозный Тамерланъ, чтобы напомнить послѣдующимъ поколѣніямъ о мести, совершенной имъ надъ непокорнымъ городомъ. И, однако, Испагань оправилась послѣ Тамерлановскаго разгрома, и въ царствованіе шаха Аббаса, въ семнадцатомъ столѣтіи, сдѣлалась однимъ изъ большихъ городовъ земнаго шара, заключавшимъ въ своихъ стѣнахъ по малой мѣрѣ полмилліона жителей. Различныя «записки», доставленныя Шардену относительно населенія Испагани и ея предмѣстій, сильно расходились въ своихъ исчисленіяхъ показывая цифру жителей отъ шести сотъ тысячъ до милліона ста тысячъ душъ; число домовъ превышало тридцать двѣ тысячи. Будучи складочнымъ мѣстомъ торговли Центральной Азіи, этотъ городъ сдѣлался сборнымъ пунктомъ негоціантовъ; голландскіе и англійскіе торговые дома имѣли тамъ своихъ представителей; армяне обладали богатыми мастерскими въ пред-

мѣстьѣ, которое носитъ имя Джульфы, въ память сожженнаго города на берегахъ Аракса. Промышленность Испагани не знала соперниковъ въ остальномъ Иранѣ, и можно судить по зданіямъ, сохранившимся отъ той эпохи, какого знанія пріемовъ и способовъ работы и какой вѣрности вкуса достигли ея художники.

Взятіе Испагани афганскими бандами, затѣмъ войны, опустошившія страну, и, наконецъ, перенесеніе столицы государства въ Тегеранъ, слѣдовавшее за воцареніемъ каджарской династіи, совершенно разорили городъ, и съ тѣхъ поръ голодовки много разъ прерывали медленное дѣло реставраціи. Однако, испаганскій базаръ все еще ведетъ очень оживленный торгъ, и многочисленные станки ткутъ еще бумажныя и шелковыя матеріи и выдѣлываютъ ковры. Богатая корпорація живописцевъ не слишкомъ выродилась съ той цвѣтущей эпохи, когда тысячи художниковъ украшали произведеніями своей кисти дворцы шаха Аббаса. Самые эти дворцы, несмотря на состояніе разрушенія и запустѣнія, въ которомъ они теперь находятся, все еще представляютъ замѣчательнѣйшіе памятники зодчества и живописи въ Персіи: въ этихъ павильонахъ, въ коллегіяхъ, въ мечетяхъ, окружающихъ главную площадь или майданъ, иранскій стиль является во всей своей силѣ и оригинальности. Здѣсь онъ всего лучше съумѣлъ утилизировать разнообразные иноземные элементы архитектурнаго искусства, вплоть до китайскихъ крышъ, чтобы скомбинировать ихъ въ одно гармоническое цѣлое [1]; мы видимъ въ этихъ памятникахъ даже большія стѣнныя фрески, которыя производятъ пріятное впечатлѣніе своимъ колоритомъ, не слишкомъ шокируя глазъ рисункомъ и композиціей. Однако, новѣйшее испаганское искусство менѣе чисто, оно уже не отличается въ такой высокой степени изяществомъ и благородствомъ стиля, какъ искусство эпохи сельджукской и монгольской, съ одиннадцатаго по тринадцатое столѣтіе [2]). Большинство садовъ были преобразованы въ поля и огороды, а проточныя воды, прежде распредѣлявшіяся по разнымъ частямъ города въ видѣ фонтановъ, водометовъ, маленькихъ каскадовъ, теперь заключены въ водопроводы среди табачныхъ плантацій и грядокъ овощей; но нѣкоторыя изъ аллей существуютъ еще до сихъ поръ, даже болѣе прекрасныя, чѣмъ были въ старину, благодаря времени и запустѣнію. Широкая аллея, длиной около 4 километровъ, которая ведетъ къ Зендехъ-Руду (Заинда-Рудъ) или «Рѣкѣ жизни», составляетъ славу и гордость Испагани, и достойно оканчивается мостомъ о 34 аркадахъ, покрытымъ изящной рѣзной галлереей. Ниже, черезъ Зендехъ-Рудъ перекинутъ другой мостъ, который также можно назвать чудомъ строительнаго искусства. Онъ продолжается въ сторону низовья вымощенною плитами площадью, подъ которой проходитъ рѣка, чтобы ниже снова выступить наружу, изливаясь пѣнистыми массами, по мраморнымъ ступенямъ. Верхній мостъ соединяетъ съ городомъ большое предмѣстье Джульфу, еще населенное потомками гайкановъ, поселившимися здѣсь въ началѣ семнадцатаго столѣтіи. Въ этомъ религіозномъ центрѣ православныхъ армянъ Персіи, Индіи и Крайняго Востока живетъ не болѣе шести сотъ семействъ гайканской націи; но на сѣверо-западѣ, въ долинѣ Феридунъ, лежащей на высотѣ слишкомъ 2.500 метровъ, на границѣ съ землей бахтіаровъ, многія деревни сплошь населены армянами. Въ нѣкоторыхъ общинахъ, всѣ гайканы, пришедшіе изъ Грузіи, обратились въ исламъ, но говорятъ еще грузинскимъ языкомъ [1]), а женщины, подобно эриванскимъ армянкамъ, носятъ на рту повязку. Покровительствуемые Россіей, къ тому же болѣе образованные и болѣе дѣятельные, чѣмъ большинство окружающихъ ихъ персіянъ, испаганскіе армяне снова пріобрѣли большое вліяніе въ торговыхъ дѣлахъ. Евреи также могутъ смотрѣть на Испагань, какъ на свою столицу въ иранской территоріи: здѣсь община ихъ самая многочисленная, и на базарѣ имъ принадлежатъ сотни лавокъ. Два французскихъ путешественника кончили жизнь въ Испагани—Ошеръ Элуа и Гоммеръ-де-Гелль.

Окружающія Испагань сельскія мѣстности принадлежатъ къ плодоноснѣйшимъ и наилучше орошаемымъ пространствамъ иранскаго плоскогорья: значительная высота равнины, опредѣляемая въ 1.432 метра, даетъ ей умѣренный климатъ, гдѣ преуспѣваютъ растенія субтропическаго пояса: тамъ воздѣлываютъ виноградъ, хлопчатникъ, табакъ, макъ, фрукты и овощи всякаго рода и особенно дыни, которыя считаются лучшими въ Персіи; дикая айва или квитъ даетъ необыкновенно душистые плоды, которые, во время оффиціальныхъ визитовъ, переходятъ изъ рукъ въ руки, чтобы наслаждаться ихъ чуднымъ ароматомъ. Многочисленныя руины, села и деревни, святилища прерываютъ зеленѣющія пространства, и повсюду высятся живописныя голубятни, въ одиночку или цѣлыми группами, обыкновенно гораздо лучше содержимыя, чѣмъ сосѣдніе дома. Это круглыя башни, украшенныя валиками и рубцами изъ кирпичей, имѣющими видъ зубцовъ: на верхней террасѣ закругляется центральный куполъ, окруженный другими меньшими куполами, въ формѣ ульевъ, каждый кирпичъ которыхъ отдѣленъ отъ другаго отверстіемъ; въ нѣсколько мгновеній тучи голубей, кружа-

[1]) De Gobineau, „Trois ans en Asie“.
[2]) Jane Dieulafoy, „Tour du Monde“, 1883; M. Dieulafoy, рукописныя замѣтки.

[1]) Houtum Schindler, „Zeitschrift der Gesellschaft der Erdkunde zu Berlin“, 1877.

щіяся вокругъ купола, исчезаютъ во внутренности башни. Между мечетями окрестностей самая любопытная—мечеть въ Коладунѣ, украшенная минаретами, около 5-ти метровъ высоты, помѣщенными съ правой и съ лѣвой стороны купола. Каждая изъ этихъ башенокъ можетъ быть приведена въ движеніе толчками одного человѣка, и тогда явственно чувствуешь, какъ вибрируетъ другая башня, и дрожитъ все зданіе, точно колеблемое землетрясеніемъ. Это явленіе «дрожащихъ минаретовъ», которое мѣстные вѣрующіе приписываютъ чудодѣйственной силѣ святаго, погребеннаго подъ куполомъ, происходитъ, какъ это констатировалъ Дьелафуа [1]), отъ существованія связей изъ бревенъ или срубовъ, къ которымъ прикрѣплены минареты, башенки очень легкой постройки и легко вертящіяся на внутренней оси. То же самое явленіе качающихся минератовъ можно наблюдать въ одной изъ мечетей Бостама [2]).

Испаганцы и ширазцы завидуютъ другъ другу и охотно перекидываются обидными кличками и насмѣшливыми присловьями: первыхъ обзываютъ жадными, а вторыхъ фальшивыми. Этотъ антагонизмъ происходитъ оттого, что ихъ города, самые важные въ южной Персіи, часто боролись изъ-за гегемоніи торговой и политической, и какъ тотъ, такъ и другой претендуетъ на титулъ метрополіи артистической и литературной. Уступая размѣрами Испагани, Ширазъ имѣетъ надъ ней то преимущество, что онъ—столица Фарсистана, то-есть Персіи по преимуществу, и населеніе его состоитъ почти исключительно изъ иранцевъ. Кромѣ того, онъ—наслѣдникъ столицъ имперіи, которыя смѣняли одна другую въ сосѣдствѣ его мѣстоположенія, и изъ которыхъ одна была могущественный Персеполь. Пользуясь доброй славой за свою смѣтливость, умъ, прекрасный языкъ, ширазцы смотрятъ на себя, какъ на представителей національной цивилизаціи, и нетерпѣливо переносятъ владычество тегеранскихъ каджарцевъ: Бабъ Али-Могамедъ, проповѣди котораго подвергли опасности царствующую династію, былъ уроженецъ Шираза, и въ этомъ же городѣ сгруппировались его первые ученики. Чтобы обуздать населеніе Фарсистана, персидское правительство посылаетъ туда солдатъ-турокъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы расовая ненависть помогала гарнизонному воинству держать жителей въ повиновеніи.

Ширазъ не имѣетъ такихъ великолѣпныхъ тѣнистыхъ садовъ, аллей и рощъ, какъ его соперница, Испагань, но зато растительность тамъ отличается болѣе южнымъ характеромъ. Когда спускаешься въ равнину по персепольской дорогѣ или съ сѣверо-востока, городъ вдругъ открывается при поворотѣ ущелья, и видъ садовъ, кипарисовыхъ аллей, блистающихъ куполовъ и голубоватой равнины, постепенно поднимающейся къ основанію снѣговыхъ горъ, исторгаетъ у путешественника крикъ удивленія и восторга: «великъ Аллахъ!» Таковъ буквальный смыслъ имени «Тенгъ-и-Аллаху-Акбаръ», которое даютъ проходу, откуда взорамъ открывается великолѣпная картина. Ширазъ, «Чрево льва», хотя онъ находится еще на высотѣ 1.350 метровъ, есть уже, относительно городовъ нагорья, южный городъ; тамъ начинается для иранцевъ область «теплыхъ земель»; пальмы, стоящія тамъ и сямъ въ равнинѣ, указываютъ на переходъ отъ одного пояса къ другому. Тогда какъ Испагань лежитъ на восточной сторонѣ системы краевыхъ цѣпей, Ширазъ находится въ Целе-Персидѣ или «Впалой (низменной) Персіи», въ одномъ изъ промежуточныхъ пониженій рельефа, которое раздѣляетъ двѣ параллельныя цѣпи, и воды его стекаютъ въ маленькій замкнутый бассейнъ, родъ Каспійскаго моря въ миніатюрѣ. Хотя Ширазъ лежитъ уже на одномъ изъ внѣшнихъ уступовъ, спускающихся съ плоскогорья къ Персидскому заливу, онъ совершенно защищенъ со стороны моря правильно расположенными по прямой линіи гребнями Тенгсира или «Страны дефилеевъ»; нѣсколькимъ храбрымъ полкамъ легко было бы охранять подходы къ нему. Но поставленный въ такія благопріятныя условія во многихъ отношеніяхъ, городъ имѣетъ также и большія невыгоды. Землетрясенія тамъ часты, и исторія упоминаетъ много катастрофъ этого рода, которыя произвели большія опустошенія: таково, напримѣръ, землетрясеніе 1855 года, которое опрокинуло больше половины домовъ, раздавивъ подъ упавшими стѣнами до десяти тысячъ человѣкъ. Лѣтомъ воздухъ нездоровъ, и лихорадка похищаетъ много жертвъ среди населенія.

Не наполняя даже своей ограды, имѣющей въ окружности только 6 километровъ, Ширазъ походитъ нынѣ на большое село и не заключаетъ никакихъ замѣчательныхъ зданій, кромѣ мечетей. Промышленность его не въ цвѣтущемъ состояніи; однако, еврейская колонія состоитъ изъ искусныхъ ювелировъ: персіане фабрикуютъ превосходныя издѣлія съ накладной работой изъ дерева и слоновой кости, прославленную розовую воду, а армяне, впрочемъ немногочисленные, занимаются торговлей. Здѣшнее вино плохаго качества; этотъ нектаръ поэтовъ получается изъ сельскихъ мѣстностей, отстоящихъ отъ города километровъ на пятьдесятъ: это—хмѣльной и ароматическій напитокъ, вкусъ котораго европеецъ находитъ сначала довольно страннымъ, но къ которому онъ скоро привыкаетъ. Какъ ширазскія розы, которыя не могли бы выдержать сравненія съ розами садовъ западнаго міра, такъ и вино

[1]) Jane Dieulafoy, „Tour du Monde“, 1883.

[2]) Н. Ханыковъ, „Записки о южной части Средней Азіи“.

ширазское обязано своей репутаціей стихамъ, въ которыхъ оно воспѣвалось. Табакъ и другія земледѣльческія произведенія края составляютъ предметъ незначительнаго вывоза; но, какъ транзитная станція, городъ занимаетъ исключительное положеніе, такъ какъ въ немъ оканчиваются дороги изъ портовъ Персидскаго залива. Но дороги эти въ плохомъ состояніи, и трудности перевозки обременяютъ товары такими тяжелыми накладными расходами, что торговля предпочитаетъ другіе пути, именно пути, идущіе въ Керманшахъ и Тавризъ. Уступая въ отношеніи движенія торговаго обмѣна другимъ большимъ городамъ Персіи, Ширазъ, по крайней мѣрѣ, имѣетъ то превосходство, которое ему даетъ умственное развитіе и литературная эрудиція его жителей: онъ снискалъ себѣ лестное имя «Дома знанія». Изъ трехъ знаменитѣйшихъ поэтовъ Ирана: Гафиза, Сади и Фирдуси, два первые были уроженцы Шираза, и каждый персіанинъ, проѣзжая черезъ этотъ городъ, считаетъ священнымъ долгомъ посѣтить ихъ могилы. На мраморной плитѣ, покрывающей уже пять вѣковъ бренные остатки Гафиза, начертаны золотыми буквами двѣ изъ его одъ; недалеко отъ этого камня былъ погребенъ Ричъ, изслѣдователь Курдистана. Надгробный памятникъ Сади, стоящій въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, близъ деревни, называемой Садіе, по имени поэта, не такъ заботливо поддерживается, безъ сомнѣнія, потому, что авторъ Гюлистана не удостоился чести, какъ Гафизъ, быть причисленнымъ къ сонму священныхъ писателей, а между тѣмъ, какъ говоритъ Сади о самомъ себѣ въ своей эпитафіи: «ни одинъ соловей не оглашалъ воздухъ болѣе нѣжными пѣснями въ саду знанія!» Вблизи могилы разверзается пропасть, несомнѣнно искусственнаго происхожденія, глубина которой превышаетъ 200 метровъ [1]).

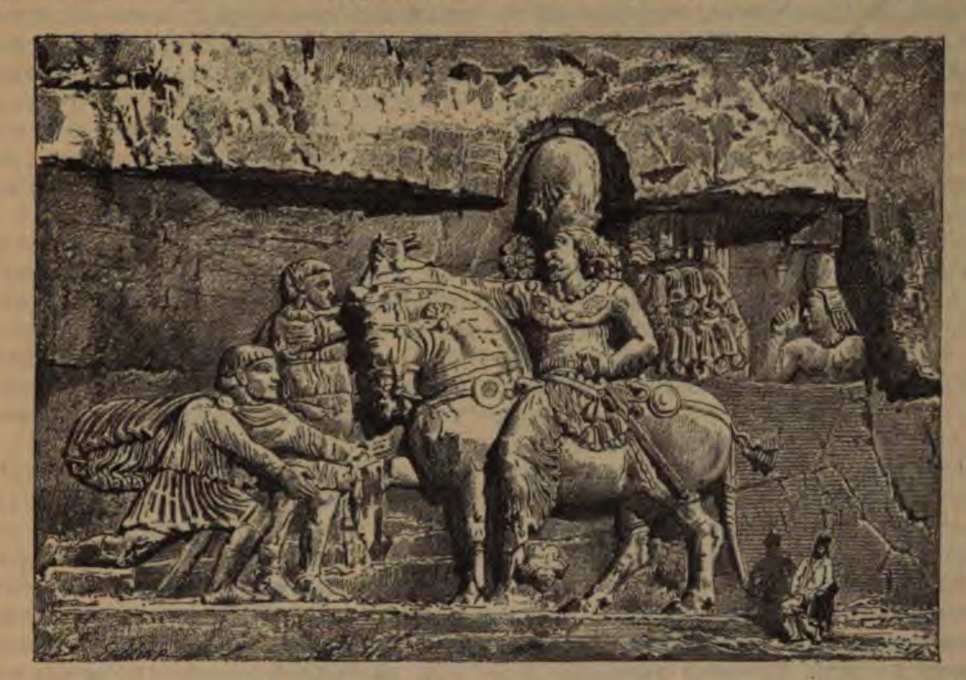
Ученые единогласно указываютъ какъ на мѣстоположеніе древняго Персеполя, «города персовъ», на мѣстность, называемую Истахръ, лежащую километрахъ въ пятидесяти къ сѣверо-востоку отъ Шираза, на испаганской дорогѣ. Въ этомъ мѣстѣ начинается цѣпь холмовъ изъ сѣраго мрамора, которая продолжается въ юго-восточномъ направленіи, господствуя надъ широкой равниной, нынѣ болотистой, Мервъ-Даштъ, въ которой Бандъ-Эміръ, притокъ озера Нерисъ, извивается подъ тѣнью ивъ; запруда, увѣнчанная мостомъ о тринадцати аркахъ, задерживаетъ воды рѣки и заставляетъ ихъ течь обратно въ тысячи каналовъ, которыми изрѣзана эта равнина; три уединенныя скалы горы Истахръ высятся посреди аллювіальныхъ пространствъ. Слегка пологія земли, незамѣтно спускающіяся отъ холмовъ и скалъ къ береговымъ равнинамъ Бандъ-Эмира и къ его притоку Польвару или Пульвару, представляютъ великолѣпное мѣстоположеніе для постройки города, и мысль безъ усилія возстановляетъ развертывавшійся здѣсь нѣкогда амфитеатръ дворцовъ. Впрочемъ, отъ него уцѣлѣли кое-какіе остатки. Эта руина, самая величественная между древностями Персіи, состоитъ изъ стѣнъ и колоннъ, образующихъ одно цѣлое, которое туземцы съ удивленіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ, называютъ «Трономъ Джемшида». Теперь извѣстно, благодаря дешифровкѣ клинообразныхъ знаковъ, начертанныхъ на стѣнахъ памятника, что главный изъ шести дворцовъ былъ дворецъ Ксеркса, «царя царей, сына царя Дарія, Ахеменида»; но, судя по недоконченности скульптурныхъ украшеній и надписей, кажется, что строитель не могъ довести своего дѣла до конца. Если вѣрить преданію, зданіе было истреблено пожаромъ, хотя на мраморѣ не видно никакихъ слѣдовъ огня, и колонны даже сохранили свою полировку, «столь гладкую и столь ясную, говорилъ Гербертъ въ семнадцатомъ столѣтіи, что никакое зеркало изъ стали не можетъ сравниться съ ея блескомъ». Магометане-иконоборцы посбивали головы крылатымъ быкамъ и уничтожили всѣ изображенія человѣческихъ фигуръ. Время также много попортило: повалило стѣны, разрушило колонны, но и въ теперешнемъ его видѣ зданіе представляетъ еще грандіозное цѣлое. Двойная лѣстница изъ чернаго мрамора, по широкимъ ступенямъ которой легко взобрался бы человѣкъ на лошади, ведетъ на квадратную террасу, на которой стоитъ памятникъ. Въ 1765 году Нибуръ насчиталъ семнадцать колоннъ, остатокъ семидесяти двухъ, многочисленность которыхъ подала поводъ дать дворцу названіе «Ста минаретовъ». Въ настоящее время, по прошествіи ста слишкомъ лѣтъ, существуетъ еще двѣнадцать колоннъ, сохранившихъ на верхушкѣ остатки капителей. Далѣе, за этими колоннами, на трехъ послѣдовательныхъ площадкахъ террасы, вымощенной мраморомъ, видны зазубренныя стѣны, двери, столбы, безформенныя развалины, гдѣ, тѣмъ не менѣе, археологи, послѣ тщательнаго изслѣдованія, признали расположеніе публичныхъ залъ и собственныхъ царскихъ аппартаментовъ [1]). Нѣкоторыя скульптурныя работы и многія детали постройки напоминаютъ вліяніе египетскаго стиля, но ансамбль отличается изяществомъ и граціей, которыя свидѣтельствуютъ о «родствѣ», существовавшемъ въ ту эпоху между искусствомъ

[1]) Stack, „Six Months in Persia“; — M. Dieulafoy, рукописныя замѣтки.

[1]) Loftus, „Suza and Persepolis“; — Eugène Flandin et Pascal Coste, „Voyage en Perse“; — M. Dieulafoy, рукописныя замѣтки.

Персіи и искусствомъ Эллады [1]). Зодчіе, строившіе дворецъ Ксеркса, безъ сомнѣнія, видѣли греческіе храмы Іоніи и памятники Лидіи [2]).

Выше Трона Джемшида, на стѣнѣ мраморной горы, довольно близко отъ вершины, обрисовываются три вырубки, сдѣланныя для помѣщенія гробницъ государей. Напротивъ, на горѣ Накшъ-и-Рустемъ, которая высится по другую сторону рѣки Пульваръ, виднѣются отверстія другихъ царскихъ усыпальницъ, о которыхъ въ старину туземцы говорили, что это «темницы вѣтра» [3]). Одна изъ этихъ могилъ заключала бренные остатки Дарія, сына Гистаспа, какъ показываетъ надпись; Ахемениды, его преемники, за исключеніемъ Дарія Кодомана, покоились въ другомъ криптѣ. Эти склепы высѣчены такимъ образомъ, что образуютъ гигантскій крестъ, поперечная часть котораго изображаетъ перистиль храма, тогда какъ верхняя часть показываетъ царя, возсѣдающаго, какъ на тронѣ, на большомъ щитѣ, который несутъ побѣжденные народы. У основанія скалы, цари изъ династіи Сассанидовъ тоже хотѣли оставить памятники своей славы, высѣкая въ камнѣ барельефы, представляющіе различныя событія ихъ царствованія: самое любопытное изъ этихъ изваяній изображаетъ царя Сапора, великодушно простирающаго руку надъ головой императора Валеріана, побѣжденнаго врага [4]).



Барельефъ императорской гробницы въ Накшъ-и-Рустемѣ, близъ Персеполя.

По мнѣнію большинства археологовъ, могила Кира, государя, все еще живущаго въ иранскихъ преданіяхъ, находится въ той же странѣ, недалеко отъ селенія Мешедъ-и-Мургабъ, километрахъ въ шестидесяти на сѣверо-востокъ отъ Персеполя. Тамъ разстилается, окруженная крутыми горами, доступная только черезъ ущелья, гдѣ дорога высѣчена въ скалѣ, обширная равнина, усѣянная развалинами и перерѣзываемая Мургъ-абомъ или «Птичьей водой», той самой рѣкой, которая ниже, подъ именемъ Пульвара, соединяется съ Бандъ-Эмиромъ, близъ Джемшидова Трона. Въ этомъ мѣстѣ несомнѣнно стоялъ большой городъ въ эпоху Кира. Одинъ столбъ носитъ еще образъ обоготвореннаго властелина, котораго прямо называетъ надпись: «Я, Киръ царь, Ахеменидъ!» Одна гробница, которую жители того края называютъ могилой «матери Соломона», и на которой есть арабская надпись, признается большинствомъ путешественниковъ за надгробный памятникъ Кира, и остатки платформы, похожей по конструкціи на площадку Джемшидова Трона, составляли, будто бы, подземное строеніе древняго храма Огня, гдѣ славный царь въ большіе праздники торжественно возжигалъ пламя передъ собравшимся народомъ. Сомнительно однако, чтобы равнина Мешедъ-и-Мургабъ была та самая, гдѣ нахо-

[1]) H. Brugsch, „Reise der preussischen Gesandschaft nach Persien in 1860 und 1861".

[2]) M. Dieulafoy, „Académie des inscriptions"; — „Journal officiel de la République française, 18 septembre 1882".

[3]) Barbier de Meynard, „Dictionnaire de la Perse, par Yakout".

[4]) Flandin et Coste, „Voyage en Perse".

дился древній Пасаргадъ, и съ которою еще недавно всѣ ученые отождествляли ее, ибо тексты древнихъ письменъ помѣщаютъ этотъ священный городъ гораздо восточнѣе, въ области Кирманъ, и при томъ не въ равнинѣ или долинѣ, а на вершинѣ горы [1]). Относительно памятниковъ въ равнинѣ Мешедъ-и-Мургабъ можно сдѣлать то же замѣчаніе, которое высказано выше о памятникахъ истахрскихъ: они, несомнѣнно, были построены зодчими, знакомыми съ эллинскимъ стилемъ; очевидно, эти строители находили въ Лидіи и въ Іоніи свои образцы храмовъ и мавзолеевъ [2]).

Городъ Дарабъ или Дараджердъ, лежащій въ 200 километрахъ къ юго-востоку отъ Шираза, близъ истоковъ рѣчки, воды которой текутъ въ сезонъ дождей къ Персидскому заливу, есть одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые ученые стараются отождествить съ античнымъ Пасаргадомъ; но тамъ не нашли никакихъ памятниковъ, никакихъ развалинъ, которые напоминали бы имя Кира. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что это очень древній городъ: знаменитый поэтъ Фирдуси сдѣлалъ его театромъ многихъ событій своей миѳической эпопеи, и на окружающихъ скалахъ видны многочисленные жертвенники Огня. Самое имя города означаетъ, будто-бы, «Городище Дараба или Дарія» [3]), и одна гладко отшлифованная скала сосѣдней горы украшена барельефомъ, встрѣчающимся во многихъ другихъ мѣстахъ Персіи и изображающимъ колѣнопреклоненіе Валеріана передъ Сапоромъ; изваянія, грандіознаго вида, къ несчастію, сильно попорчены, и на нихъ не видно никакого слѣда надписи. Другой древній памятникъ въ окрестностяхъ Дараба — подземный храмъ, высѣченный въ скалѣ, но представляющій лишь гладкія стѣны, безъ барельефовъ и статуй. Во время нашествія арабовъ, въ этотъ городъ удалился послѣдній Сассанидъ, Ездиджердъ, прежде чѣмъ воздвигнуть пустыню между собой и своими побѣдителями. На сѣверъ отъ Дараба, городъ Нирисъ, давшій свое имя самому значительному озеру Фарсистана, былъ недавно однимъ изъ центровъ бабизма; преслѣдованія обезлюдили эту страну [4]).

Въ сѣверномъ Фарсистанѣ, то-есть на плоскогорьѣ, внѣ области дефилеевъ, существуютъ только два города, имѣющіе нѣкоторую важность: Абадехъ, находящійся на половинѣ дороги между Ширазомъ и Испаганью, и Кумишехъ, лежащій почти на 100 километровъ ближе къ старой столицѣ имперіи. Этотъ городъ, обнесенный высокими стѣнами, вполнѣ заслуживаетъ свое названіе, которое означаетъ «Злачное мѣсто», ибо окружающія равнины, усѣянныя деревьями и тщательно воздѣланныя, очень производительны. Абадехъ имѣетъ одну спеціальную промышленность — рѣзьбу на деревѣ; жители его необыкновенно искусны въ вырѣзываніи изъ грушеваго дерева футляровъ, письменныхъ приборовъ, ложекъ, шкатулокъ, шахматовъ. Даже на сѣверѣ Ирана эти «абадехскія издѣлія» оспариваютъ рынокъ у подобныхъ же произведеній, привозимыхъ изъ Европы. Къ сѣверо западу отъ Абахеда, на дорогѣ въ Кумишехъ, другой укрѣпленный городъ, Ездихастъ, занимаетъ вершину конгломератовой скалы, которая высится уединенно въ широкой разсѣлинѣ плоскогорья, точно подводный камень, поднимающійся со дна моря. Дома и башни кажутся какъ бы продолженіемъ скалы; но внѣ этихъ потрескавшихся построекъ выступаютъ качающіеся деревянные помосты, висящіе надъ пропастью; пестрая толпа женщинъ и дѣтей толкается на этихъ мосткахъ, когда появится караванъ, шествующій внизу скалы. Городъ доступенъ только черезъ старый подъемный мостъ: тамъ и сямъ кое-какіе остатки старинныхъ стѣнъ указываются жителями, какъ жертвенники или замки гвебровъ, и въ самомъ дѣлѣ, имя города (Ездъ-и-Хастъ), сходное съ названіемъ гвебрскаго города Ездъ, повидимому, напоминаетъ о пребываніи тамъ огнепоклонниковъ.

Цѣпь горъ, перерѣзанная широкими проломами, которая тянется съ сѣверо-запада на юговостокъ, по окраинѣ большой пустыни, окаймлена, какъ и хребты Фарсистана, городами и мѣстечками, лежащими у выхода небольшихъ долинъ, тамъ, гдѣ развѣтвляются горные потоки, прежде чѣмъ потеряться въ равнинѣ. Наинъ, на большой дорогѣ изъ Кашана въ Ездъ, почти на половинѣ пути, есть одинъ изъ этихъ сосѣднихъ съ пустыней городовъ, гдѣ вода дѣлится на тысячу водопроводовъ; жители, подобно обитателямъ Кашана и Испагани, умѣютъ цѣнить удобренія и собираютъ ихъ самымъ тщательнымъ образомъ. Мѣстный промыселъ — гончарное производство; но туземные мастера, посланные въ Европу для усовершенствованія въ своемъ искусствѣ, вернувшись домой, увидали, говоритъ Гольдсмитъ, что имъ еще надо многому поучиться у своихъ соотечественниковъ. На югѣ, противоположный склонъ горнаго хребта господствуетъ надъ Купой, однимъ изъ цвѣтущихъ городовъ плоскогорья. Наконецъ въ прекрасной аллеѣ горъ, которая постепенно поднимается въ юго-восточномъ направленіи, слѣдуютъ одинъ за другимъ города Агда, Ардаганъ, Майбутъ. Изъ нихъ Ардаганъ самый многолюдный и самый торговый. Майбутъ обѣднѣлъ, какъ и окрестныя деревни, вслѣдствіе замѣны макомъ почти всѣхъ другихъ культуръ. Въ видахъ быстраго обогащенія путемъ прода-

---

[1]) Oppert, „Académie des Inscriptions, séances du 29 septembre et du 6 octobre 1882“.

[2]) Dieulafoy, цитированный мемуаръ; — W. Oncken, „Weltgeschihte in Einzeldarstellungen“.

[3]) Ousely, „Travels in the East“.

[4]) *Goldsmid*, „Eastern Persia“.

жи опіума, нѣкоторые крупные землевладѣльцы принуждаютъ своихъ арендаторовъ обращать всѣ пахатныя земли въ одно обширное маковое поле: отъ этого съѣстные припасы становятся все болѣе рѣдкими и дорожаютъ, хотя заработная плата не повышается; промышленность останавливается, и жители эмигрируютъ [1]). Можно даже встрѣтить цѣлыя деревни, совершенно покинутыя населеніемъ.

Іездъ, который сообщается съ остальнымъ Ираномъ только посредствомъ караванныхъ дорогъ, пролегающихъ черезъ глинистыя плоскогорья, скалы или песчаныя дюны, уже въ полнымъ смыслѣ городъ пустыни: со всѣхъ сторонъ пустынныя пространства окружаютъ оазисъ шелковичныхъ деревьевъ, гдѣ заперты городъ и подгорныя селенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пустыня начинается у самыхъ воротъ Іезда: песокъ скопляется противъ стѣнъ, и вѣтеръ кружитъ его и переноситъ за городскую ограду [2]); такимъ образомъ цѣлымъ кварталамъ угрожаетъ опасность исчезнуть съ лица земли, какъ исчезъ первый городъ того же имени, называвшійся также Аскизаръ, развалины котораго видны въ 16 километрахъ къ сѣверо-западу, на дорогѣ въ Кашанъ. Понятно, что въ этомъ городѣ, частію осаждаемомъ песками, вода сберегается съ величайшей заботливостью: почти всѣ резервуары или *абъ-амбары* находятся подъ почвой, и въ нихъ спускаются по ступенькамъ, въ родѣ лѣстницъ, ведущихъ къ подземнымъ прудамъ въ Бомбеѣ.

Несмотря на свое изолированное положеніе посреди плоскогорья, недалеко отъ геометрическаго центра Персіи, Іездъ—одинъ изъ цвѣтущихъ городовъ Ирана; онъ имѣетъ прядильни, ткацкія мастерскія, красильныя заведенія, фабрики сахара, леденца. По шелковой промышленности это — «персидскій Манчестеръ»: мануфактуры его очень многочисленны, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ работаютъ по нѣскольку десятковъ станковъ. Такъ какъ коконовъ, доставляемыхъ окружающимъ оазисомъ, недостаточно для потребленія трехсотъ фабрикъ, то купцы привозятъ шелкъ-сырецъ изъ Гиляна, изъ Хорассана, даже изъ Герата. Что касается сбыта производимыхъ этими мануфактурами шелковыхъ тканей, то онѣ вывозятся далеко за предѣлы Персіи до Мекки и другихъ городовъ Аравіи, черезъ Маскатъ. Іездъ поддерживаетъ даже косвенныя торговыя сношенія съ Китаемъ посредствомъ отправки ящиковъ опіума, количество которыхъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Посредниками въ торговыхъ дѣлахъ служатъ почти исключительно члены гвебрской общины, единственной значительной, существующей еще въ Персіи: еще недавно конкурренція мусульманъ воспрещала имъ мануфактурную и торговую дѣятельность; огнепоклонники занимались почти исключительно садоводствомъ и культурой хлопчатника, особенно того вида этого растенія, котораго коричневое волокно употребляется для тканья одежды, обязательной для гвебровъ. Получивъ, наконецъ, право заниматься торговлей, послѣдніе въ нѣсколько лѣтъ завоевали себѣ монополію торговыхъ дѣлъ, и теперь одинъ изъ этихъ негоціантовъ-парсовъ владѣетъ слишкомъ тысячью верблюдовъ [1]). Мѣстное населеніе состоитъ въ большей части изъ ссидовъ, которые претендуютъ на происхожденіе отъ пророка: присутствіе чуждаго религіознаго элемента, естественно, сильно возбудило фанатизмъ. Городъ получилъ прозвище «Града поклоненія, и жители, очень гордящіеся этимъ эпитетомъ, стараются оправдать его крайней нетерпимостью въ дѣлѣ вѣры [2]). Еще недавно убійство гвебра никогда не наказывалось. Километрахъ въ двадцати на юго-западъ большое мѣстечко Тафтъ, гдѣ гвебры наиболѣе пользовались привилегіей возжигать публично священный огонь, сохранило кое-какую промышленность, въ особенности по фабрикаціи войлоковъ и поярка. Сосѣдняя пещера, галлереи которой продолжаются на цѣлыя мили во внутренности горы, заключаетъ въ себѣ очень богатые свинцовые рудники, равно какъ мѣсторожденія бирюзы [3]).

Слѣдуя на юго-востокъ отъ Іезда, по большой караванной дорогѣ, извивающейся въ глинистой равнинѣ, между двухъ параллельныхъ цѣпей горъ, не видишь, на пространствѣ слишкомъ 200 километровъ, ничего, кромѣ одиноко стоящихъ каравансараевъ, да нѣсколькихъ полуразвалившихся домишекъ: оттого путешественникъ пріятно удивленъ, когда, послѣ этого долгаго странствованія въ пустынѣ, онъ примѣчалъ, наконецъ, настоящій городъ, Бахрамабадъ, окруженный маковыми полями, чередующимися съ садами и плантаціями хлопчатника. Благодаря схожденію нѣсколькихъ дорогъ, Бахрамабадъ процвѣтаетъ, и изъ небольшой деревни, какою онъ былъ еще недавно, сдѣлался значительнымъ центромъ населенія. Парсы, даже баніахи изъ Индустана, основали тамъ могущественные торговые дома. На сѣверъ отъ этого города, на сѣверномъ склонѣ горъ Нугата, разработываются очень богатые свинцовые рудники.

Кирманъ или Керманъ, главный городъ одной изъ большихъ провинцій Персіи, сохранилъ имя кармановъ или германовъ, о которыхъ говорятъ древніе писатели, но, какъ и Іездъ, перемѣнилъ мѣстоположеніе: остатки обширнаго древняго города, среди которыхъ

[1]) Gasteiger, „Von Teheran nach Baludschistan".
[2]) Mac Gregor, „Journey through Khorassan".

[1]) Floyer, „Unexplored Baluchistan".
[2]) Ханыковъ, „Записка о южной части Средней Азіи";— Floyer, цитированное сочиненіе.
[3]) Гебель;—Ханыковъ, цитированное сочиненіе.

незамѣтно ни одной башни, ни одной мечети, простираются на югъ отъ нынѣшняго города; на западѣ также видны груды развалинъ; наконецъ, на сѣверѣ предмѣстье гебровъ было почти совершенно разрушено въ концѣ прошлаго столѣтія. Обнесенный стѣной неправильной формы и опирающійся на четыреугольную цитадель, теперешній Кирманъ занимаетъ почти квадратную площадь, по километру въ длину и ширину, у западнаго основанія выступа горы, который увѣнчанъ старинной разрушенной крѣпостью, извѣстной подъ именемъ «Замка дѣвы»; Кирманъ лежитъ на высотѣ около 2.000 метровъ надъ уровнемъ моря; оттого зимняя температура тамъ очень холодна, но лѣтомъ стоитъ жара невыносимая, и дома такъ же, какъ въ Іездѣ, Майбутѣ и другихъ городахъ центральной Персіи, имѣютъ на верху *бадиръ* или вентиляторъ въ формѣ башни, въ которую низвергается воздухъ, чтобы освѣжать нижніе покои. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія двѣнадцать тысячъ семействъ гебровъ-огнепоклонниковъ жили въ Кирманѣ и въ сосѣднихъ селеніяхъ, но преслѣдованія и насильственныя обращенія въ исламъ сократили ихъ общину до незначительной цифры: теперь едва насчитываютъ полторы тысячи семействъ. Со времени посѣщенія знаменитымъ итальянскимъ путешественникомъ Марко Поло, Кирманъ утратилъ процвѣтавшую въ немъ тогда оружейную промышленность, но производимыя имъ вышиванія и ковры все еще высоко цѣнятся; кромѣ того, тамъ выдѣлываютъ дорогія шали, которыя хотя не отличаются такой удивительной нѣжностью на ощупь, какъ кашмирскія, но не уступаютъ имъ въ тонкости ткани и въ изяществѣ рисунка [1]): для приготовленія этихъ тканей, отправляемыхъ потомъ во всѣ части Персіи и даже за границу, черезъ Бандаръ-Аббасъ, употребляется такъ называемый *каркъ*, нѣжный козій пухъ, смѣшанный съ шелкомъ. Кирманъ посылаетъ также этотъ каркъ амрицарскимъ фабрикантамъ, которые смѣшиваютъ его съ тибетскимъ *пашмомъ* [2]). Главная станція дороги изъ Кирмана въ Бандаръ-Аббасъ—промышленный городъ Сайдабадъ или вѣрнѣе, Сеидабадъ, «городъ сеидовъ», окруженный рѣчками, которыя получаютъ воду изъ снѣговыхъ горъ, но изсякаютъ уже въ небольшомъ разстояніи отъ истоковъ: желтый песокъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ богатѣйшей зеленью.

Кирманъ на юго-востокѣ Персіи, во внутреннихъ странахъ Ирана,—послѣдняя станція, куда доходятъ письма и депеши изъ Европы [3]): путешественникъ, пускающійся далѣе, изъ оазиса въ оазисъ, найдетъ опять сообщенія съ цивилизованнымъ міромъ только спустившись къ морскому прибрежью Белуджистана, или достигнувъ на востокѣ долины Инда. Почти все населеніе состоитъ изъ кочевыхъ белуджей, гоняющихъ передъ собой стада верблюдовъ, козъ, овецъ; ихъ города и крѣпости не что иное, какъ притоны для разбойниковъ. А между тѣмъ, нѣтъ недостатка въ плодородныхъ земляхъ въ долинахъ, которыя Марко Поло нашелъ покрытыми городами, деревнями и загородными домами; нѣкоторые склоны горъ даже представляютъ зрѣлище обширныхъ лѣсовъ, очень рѣдкое въ восточной Персіи. Одинъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ того края—мѣстность, окружающая мечеть Маганъ или Магунъ, въ 26 километрахъ къ юго-востоку отъ Кирмана: это прекрасное зданіе, изукрашенное эмальированными изразцами, на которыхъ дрожитъ тѣнь столѣтнихъ платановъ, прикрываетъ бренные останки Ниметъ-уллаха, «персидскаго Нострадамуса». Раинъ или Раюмъ, лежащій далѣе на юго-востокъ, между горой Джупой и Джамаль-Барисомъ,—огромное село съ домами, разсѣянными среди виноградниковъ и орѣховыхъ деревьевъ; каждый садъ окруженъ рядомъ тополей; въ этой живописной, утопающей въ зелени деревнѣ, не увидишь ни одной развалины, этой почти неизбѣжной картины во всякомъ городскомъ поселеніи Персіи. Еще въ половинѣ настоящаго столѣтія всѣ жители Раюма обитали въ обширномъ лѣсу, совершенно сохранившемся, который вѣнчаетъ сосѣднюю гору [1]).

Бамъ, самый многолюдный городъ восточнаго Кирмана, могъ бы быть названъ кочевьемъ, какъ и большинство персидскихъ городовъ. Нѣсколько стѣнъ, безформенныя груды развалинъ, лежащія у подошвы уединенной скалы въ равнинѣ, составляютъ единственные остатки стараго Бама; новый выстроился съ половины нынѣшняго столѣтія, верстой южнѣе. Это одинъ изъ самыхъ чистенькихъ городовъ Ирана и въ то же время одинъ изъ тѣхъ, которые окружены роскошнѣйшими садами. Онъ находится уже въ Гермсирѣ или «Жаркой странѣ»; лимонныя, апельсинныя, пальмовыя деревья придаютъ южную физіономію молодому городу, но почти сейчасъ же за городской чертой опять начинается пустыня. Между станціей Риганъ или «Песчаное море» и городомъ Бампуръ, на пространствѣ около 200 километровъ по прямой линіи, встрѣчаются только развалины, но ни одного обитаемаго дома, и караваны должны запасаться провизіей на весь путь. Самый Бампуръ, главный городъ персидскаго Белуджистана, не что иное, какъ группа около сотни соломенныхъ хижинъ, скученныхъ въ безпорядкѣ у подошвы искусственнаго пригорка, на которомъ стоитъ обрушивающаяся крѣпость. Въ 1881 году во всемъ городѣ существовалъ только

[1]) Yule, „The Book of ser Marco Polo“.
[2]) Yule; — Floyer, „Unexplored Baluchistan“.
[3]) Gasteiger, цитированный трудъ.

[1]) Floyer, „Unexplored Baluchistan“.

одинъ домъ изъ битой глины: всѣ остальныя жилища были просто грязныя лачуги, не защищающія своихъ обитателей ни отъ солнца, ни отъ холода, вѣтра или дождя. Городъ не имѣетъ ни школы, ни мечети, ни публичной бани, даже садовъ очень мало, хотя окружающая равнина очень плодородна, и земледѣльцы имѣютъ въ своемъ распоряженіи обильныя воды, которыя катитъ Бампурскій потокъ. Деревня Пура или Техре, лежащая километрахъ въ двадцати къ сѣверу отъ Бампура, представляетъ гораздо болѣе цвѣтущій видъ, чѣмъ она обязана своему положенію на склонѣ холма надъ лѣсными чащами равнины, относительной здоровости своего климата и въ особенности выгодамъ личной опрятности. Жители обрабатываютъ каждый свой собственный участокъ земли, тогда какъ бампурцы работаютъ въ качествѣ наемниковъ въ казенныхъ имѣніяхъ [1]).

Бампуръ находится еще въ 300 километрахъ отъ поста Мешхидъ, гдѣ проходитъ оффиціальная граница между двумя Белуджистанами, персидскимъ и келатскимъ; но во всей этой обширной территоріи нѣтъ ни одного города: встрѣчаются только маленькіе поселки, становища, да крѣпостцы, еще поддерживаемыя или пришедшія въ состояніе развалинъ. Джалкъ, т. е. «опустѣлый», который изображаютъ на картѣ какъ главный городъ обширнаго округа, въ дѣйствительности есть просто группа маленькихъ крѣпостей, окруженная пашнями и рощицами финиковыхъ пальмъ [2]). Точно также Пипъ, Бинтъ, Ангуранъ—простые оазисы съ разсѣянными по нимъ деревушками. Въ этихъ странахъ, гдѣ бродятъ балучскіе грабители, мы уже собственно не въ Персіи, хотя политическія разграниченія помѣстили эту территорію въ предѣлахъ Ирана. Даже Бампуръ—болѣе индусское, чѣмъ персидское мѣстечко: имя его индустанское; жители почти черные, какъ джаты, исповѣдуютъ магометанство суннитскаго толка, ненавистнаго шіитамъ иранскаго плоскогорья; женщины продѣваютъ себѣ кольца въ носъ и чернятъ зубы, жуя орѣхъ бетеля.

Города плоскогорья и замкнутыхъ бассейновъ Ирана, кромѣ Каспійскаго моря и озера Урмія, съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ:

Иракъ-Аджеми. Тегеранъ (Шиндлеръ) — 200.000 ж., Кашанъ—30.000 ж., Испагань—90.000 ж., Іездъ—40.000 ж.. Касвинъ—40.000, Зенджанъ—20.000 ж., Кумъ (Смитъ)—20.000 ж., Гамаданъ—35.000 ж., Купа (Стакъ)—15.000 ж., Неджефабадъ (Стакъ)—15.000 ж., Хонсаръ—14.000 ж., Дамганъ (Шиндлеръ)—13.000 ж., Семнанъ (Гольдсмидъ)—12.500 ж., Ардаганъ (Стакъ)—10.000 ж.,Шахрудъ (Гольдсмитъ)—8.000 ж., Гульпайганъ (Стакъ)—8.000 ж., Бостамъ (Ханыковъ)—8.000 ж., Наинъ (Стакъ)—5.000 ж., Майбутъ (Флойеръ)—5.000 ж., Тафтъ (Макъ-Грегоръ)—5.000 ж.,

Фарсистанъ: Ширазъ—32.000 ж., Абадехъ—5.000 ж., Кумишехъ—4 000 ж.

Кирманъ: Кирманъ— 5.000 ж., Бахрамабадъ—10.000 ж., Сайдабадъ (Стакъ)—8.000 ж., Раинъ (Смитъ)—6.000 ж., Магунъ—5.000 ж., Бамъ (Сентъ-Джонъ)—2.500 ж.

Персидскій белуджистанъ: Бампуръ (Флойеръ)—1.000 ж.

Берега Мекрана, причисляемые политически къ Персіи, такъ же малолюдны, какъ и восточные берега, зависящіе отъ балучскаго ханства. Нѣсколько оазисовъ, разсѣянныхъ, какъ острова, среди моря, оживляютъ отъ времени до времени безплодныя, пустынныя мѣстности внутренности страны, и маленькіе порты слѣдуютъ одинъ за другимъ вдоль морскаго прибрежья. Хобаръ (Чаубаръ или Чаобаръ), стоящій на оконечности мыса, при входѣ въ бухту, глубоко вдающуюся внутрь материка, и Джаскъ, построенный у основанія мыса, на берегу открытаго рейда, гдѣ волна морскаго прилива умираетъ между корнями ризофоръ,—деревни, гдѣ сосредоточена главная торговля; онѣ имѣютъ также нѣкоторую важность, какъ станціи континентальнаго телеграфа, соединяющаго Лондонъ съ Калькуттой черезъ Кавказъ и Персію. Въ 50 километрахъ къ западу, у Расъ-эль-Кухъ или «Мыса горы», морской берегъ мѣняетъ направленіе и поворачиваетъ на сѣверъ, параллельно арабскому острову мыса Мазандамъ, чтобы образовать соединительный рукавъ между Оманскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ.

Знаменитый портъ, нѣкогда извѣстный подъ именемъ Гамбруна или Комрона, а со времени царствованія шаха Аббаса называемый «портомъ Аббаса», Бандаръ-Аббасъ или Бендеръ-Аббасъ, пересталъ быть гаванью, въ которой прежде сосредоточивалась вся внѣшняя торговля Персіи. Трудность единственныхъ путей сообщенія съ внутренностью страны—тропъ, ведущихъ въ Ширазъ черезъ нѣсколько послѣдовательныхъ грядъ горъ, окаймляющихъ плоскогорье, а также страшная жара тамошняго лѣта и нездоровый климатъ морскаго прибрежья, наконецъ, большое удаленіе отъ центра Персіи,—уменьшили относительную важность этого порта. Ширазъ сообщается теперь съ заграничными рынками черезъ Буширъ; Испагань и Гамаданъ производятъ свой торговый обмѣнъ преимущественно съ Багдадомъ сухимъ путемъ, а весь сѣверъ Ирана ведетъ сношенія съ Европой черезъ Тавризъ или Энзели; такимъ образомъ Бандаръ-Аббасу осталась только торговля Іезда и Кирмана. Хотя носящій имя порта, Бандаръ-Аббасъ на самомъ дѣлѣ только рейдъ, и волны разбиваются пѣнящимися завитками на песчаномъ берегу, но суда обыкновенныхъ размѣровъ могутъ стано-

---

[1]) Gasteiger, цитированное сочиненіе.

[2]) „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1844.

виться на якорь въ 2 километрахъ на глубинѣ 6 метровъ; островъ Кишмъ, далѣе острова Ларекъ и Ормузъ заслоняютъ портъ отъ вѣтровъ открытаго моря. Пароходы регулярно пристаютъ въ Бандаръ-Аббасу, чтобы принять грузы кирманскихъ ковровъ, іездскихъ шелковыхъ матерій, опіума, финиковъ, рыбы; въ толпѣ негоціантовъ, комми, моряковъ, встрѣчаешь людей всякаго племени, азіатцевъ, европейцевъ и негровъ. Всѣ новые дома снабжены на верху башенками-вентиляторами, куда вѣтеръ низвергается, чтобы циркулировать въ жилищѣ и понижать его температуру. Но лучшія охладительныя приспособленія не избавляютъ отъ страшной жары, царствующей въ лѣтніе мѣсяцы, когда воздухъ кажется словно выходящимъ изъ раскаленной печи. Въ эту пору года, всѣ, кому не безусловно необходимо жить въ портѣ, бѣгутъ на дачи. Суру, деревня, лежащая въ 15 километровъ къ западу отъ города, среди финиковыхъ пальмъ,—одно изъ главныхъ дачныхъ мѣстъ; но большой оазисъ, Минао или Минабъ, находится на востокѣ въ разстояніи 87 километровъ, и занимаетъ выходъ долины, надъ которой господствуютъ пики причудливыхъ формъ и нависшія скалы. Подъ тѣнистыми деревьями громаднаго сада нечего больше бояться жгучаго вѣтра, который проносится надъ раскаленной песчаной и солончаковой пустыней, прилегающей къ Бандаръ-Аббасу, ни отраженія отъ голыхъ скалъ массива Джебель-Шиннохъ. Вода, отъ которой Минабъ получилъ свое имя, означающее «воду грязей» или «рѣчные наносы», льется со всѣхъ сторонъ среди фруктовыхъ садовъ, которые производятъ великолѣпные плоды, миндаль, лимоны, апельсины, гуявы, манги и гранаты [1]). Здѣшніе финики славятся своимъ превосходнымъ вкусомъ, и арабскія суда, приходящія въ устье рѣчки, вывозятъ ихъ каждый годъ около 1.500 тоннъ. Въ сезонъ сбора этихъ плодовъ сюда стекаются эмигранты со всѣхъ окрестныхъ мѣстностей за 200 километровъ кругомъ; отсюда и произошло имя Магистанъ, или «Страна финиковъ», данное Минабу [2]). Сборъ хлопка тоже весьма значителенъ, равно какъ сборъ лавзоніи (lawsonia alba), кустарника, красноватые корни котораго даютъ краску для крашенія матерій, а листья употребляются восточными женщинами для окрашиванія себѣ ногтей, ладоней и подошвы ногъ. Минабская лавзонія вывозится въ Бомбей, но наибольшая часть сбора посылается въ Іездъ и въ Кирманъ. Торговое движеніе Бандаръ-Аббаса простиралось въ 1877 году (по Шиндлеру) до 12.850.000 франковъ,

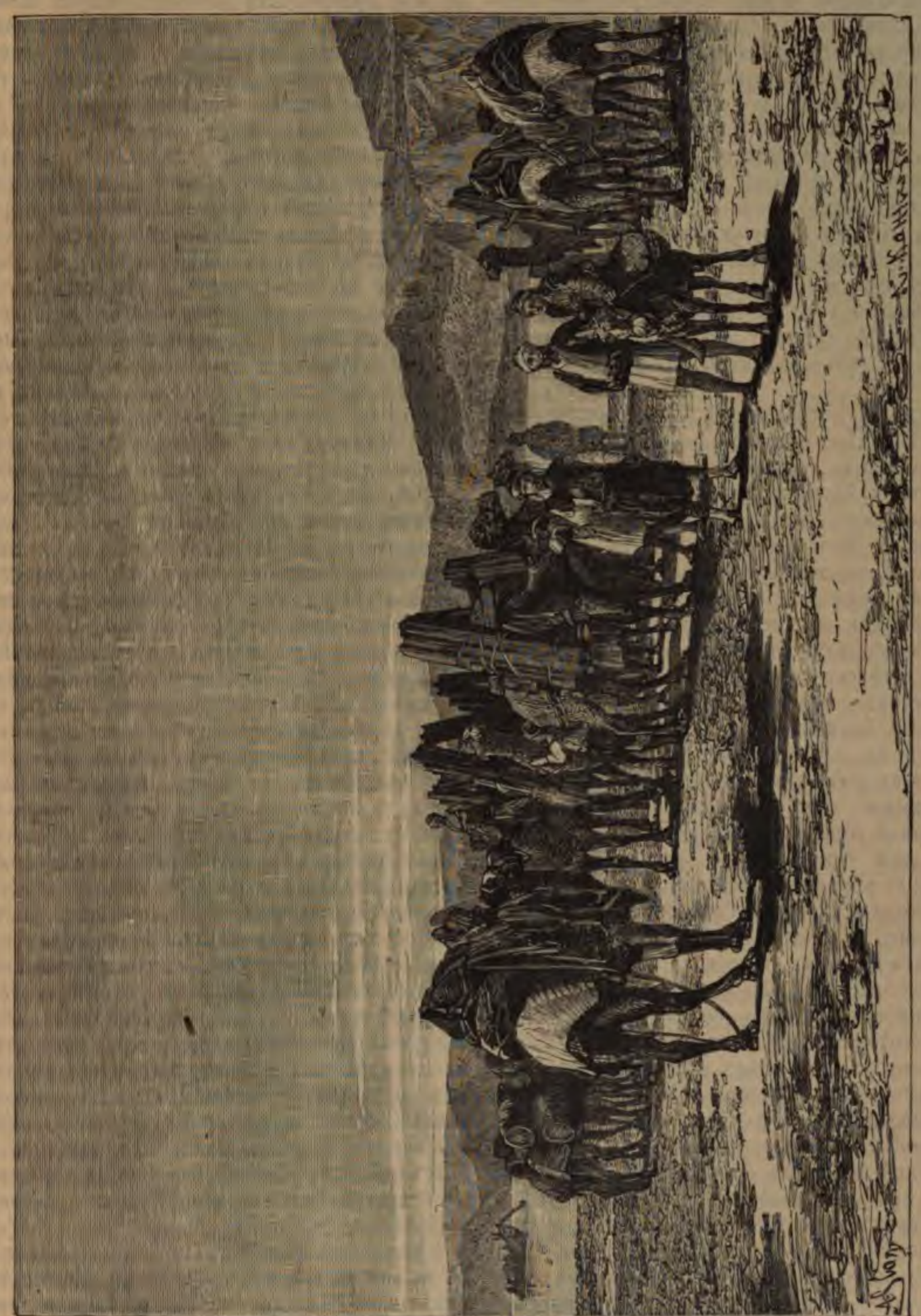
Въ эпоху Марко Поло, на материкѣ находился городъ Гормосъ или Ормузъ, который былъ тогда средоточіемъ «обширнѣйшей» торговли, и куда приходили купцы изъ Индіи съ кораблями, нагруженными пряностями, драгоцѣнными каменьями, жемчугомъ, шелковыми и парчевыми тканями, слоновыми бивнями. Мѣстоположеніе стараго города, частію покрытое развалинами, было отыскано на теченіи Минаба, километрахъ въ десяти къ юго-западу отъ форта, стоящаго въ центрѣ оазиса садовъ [1]). Опустошенный монголами, Ормузъ снова отстроился уже на островѣ, почти круглой формы, лежащемъ въ разстояніи около 6 километровъ отъ материка: это тотъ городъ, которымъ Альбукеркъ овладѣлъ въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, и гдѣ происходилъ къ выгодѣ португальскихъ мореплавателей обмѣнъ драгоцѣннѣйшихъ произведеній Востока и Запада. Городъ былъ расположенъ въ ближайшей къ континенту части острова; тамъ и теперь еще находится деревенька, указываемая издалека минаретомъ и португальской крѣпостью, хорошо сохранившеюся. Дворцы, церкви были разсѣяны въ разныхъ частяхъ острова Ормузъ, и самый высокій холмъ, превышающій 200 метровъ, былъ увѣнчанъ часовней, посвященной пеньянской Божіей Матери (Nostra Senhora de la Penha) и служившей въ то же время маякомъ; глубокія цистерны вырыты въ скалѣ. Завидуя торговлѣ португальцевъ, англійская Остъ-индская компанія заключила союзъ съ Персіей, и, послѣ продолжительной осады, крѣпость должна была отворить ворота; городъ былъ преданъ разграбленію и разрушенъ, строительные матеріалы были увезены и употреблены при постройкѣ зданій Бандаръ-Аббаса [2]). Немногочисленныя ормузскія суда вывозятъ теперь только соленую рыбу, охристую землю, которая употребляется, какъ красящее вещество, и соль, которую собираютъ послѣ дождей въ блистающихъ бѣлизной оврагахъ, которые прорѣзываютъ, внутри острова, холмы, состоящіе изъ каменной соли.

Островъ Кишмъ или Тавилахъ, то-есть «Длинный», который простирается на западъ отъ Ормуза, параллельно берегамъ Ирана,—значительная по величинѣ земля, нѣкогда, кажется, составлявшая часть материка. Онъ отдѣленъ отъ твердой земли лишь узкимъ проливомъ, шириной отъ 2 до 10 километровъ, который извивается вокругъ горныхъ мысовъ и низменныхъ береговъ, покрытыхъ корнепусками. Даже большія парусныя суда, пользуясь морскимъ приливомъ, могутъ пускаться въ плаваніе по этому длинному каналу, протянувшемуся на цѣлую сотню верстъ, потому что на самыхъ высокихъ порогахъ лотъ показываетъ отъ 6 до 7 метровъ глубины. Островъ имѣетъ хорошія якорныя стоянки, лучшая изъ кото-

[1]) Floyer, „Unexplored Baluchistan".
[2]) Carl Ritter, „Asien", vol. VII.

[1]) Pelly; — Yule, „The Book of ser Marco Polo".
[2]) A. W. Stiffe, „The Geographical Magazine", april 1874.

рыхъ—гавань Лефтъ, посрединѣ длины канала. Но, несмотря на свое превосходное положеніе между двухъ морей, напротивъ Аравіи и въ глубокой вогнутости персидскаго прибрежья, эта длинная земля не имѣетъ большихъ складовъ произведеній. Мѣстечко, называемое Кишмъ, какъ и самый островъ, и построенное на юго-восточной оконечности, близъ бывшаго португальскаго форта, напротивъ Ормуза, может предложить купцамъ почти только одни плоды: рѣдкіе оазисы, гдѣ воздѣлываютъ ячмень, дыни, кое-какія фруктовыя деревья, показываются на отлогихъ пространствахъ, покрытыхъ тонкимъ слоемъ растительной земли. Въ цѣломъ, островъ каменистый и лишенный растительности, перерѣзанный холмами, сѣрыми или бѣловатыми, известковыми или соляными, или покрытый сѣрной эффлоресценціей, изобра-



Караванъ на берегу Евфрата.

жаетъ картину запустѣнія. Нѣкоторые путешественники сравниваютъ его съ подводными плато, недавно выступившими изъ волнъ моря; другіе—съ землей, опустошенной огнемъ и представляющей теперь сплошную груду шлаковъ. Англичане основали-было, на западной оконечности острова, военный постъ Басидухъ (Бассадоръ), чтобы командовать входомъ въ Персидскій заливъ, но они должны были покинуть эту колонію, по причинѣ недостатка воды и невыносимой жары. Всѣ съѣстные припасы, твердые и жидкіе, необходимые маленькому гарнизону, нужно было привозить изъ Бомбея. Лѣтомъ даже большинство туземцевъ ищутъ убѣжища на материкѣ, въ рощахъ Минаба; сѣрныя и соляныя копи разрабатываются арабами только въ продолженіе пяти мѣсяцевъ въ году. Однако, одинъ видъ антилопы живетъ на этомъ каменномъ и соляномъ островѣ [1]).

Генджамъ, отдѣленный отъ южной оконечности большаго острова каналомъ въ 2 километра ширины, тоже былъ намѣченъ, какъ будущій постъ британскаго флота; но и отъ этого выбора должны были отказаться по тѣмъ же причинамъ; безъ исключительныхъ предосторожностей, европеецъ не могъ бы провести тамъ лѣта, не подвергая себя опасности лишиться разсудка или жизни. А между тѣмъ, этотъ островъ когда-то былъ очень многолюденъ; тысячи старыхъ каменныхъ домиковъ разсѣяны во впадинахъ, такъ же, какъ многочисленныя цистерны, облицованныя неразрушимымъ цементомъ; на скатахъ высотъ видны остатки пашенъ въ видѣ террасъ; на сѣверной оконечности можно еще распознать развалины значительнаго города, гдѣ стояли двѣ мечети. Въ наши дни единственные жители острова—около 200 арабскихъ семействъ, пришедшихъ изъ Шарджаха, что на Оманскомъ берегу; они поселились на югѣ, чтобы эксплоатировать мели жемчужныхъ раковинъ; скудный источникъ доставляетъ имъ солоноватую воду. Во внутренности острова есть цѣлые массивы скалъ, состоящіе изъ соли, которая отъ примѣси постороннихъ тѣлъ испещрена полосами краснаго, желтаго, зеленаго цвѣта; разсѣлина, открывающаяся въ холмѣ изъ известняка и каменной соли, оканчивается пещерой, наполненной пиритомъ, который блеститъ, какъ золото, при колеблющемся свѣтѣ лампъ [2]).

Линджахъ, первая пароходная пристань на Персидскомъ заливѣ,—большое село, протянувшееся на 3 или 4 километра вдоль низменнаго берега, осѣненнаго финиковыми пальмами, и надъ которымъ господствуетъ съ сѣверной стороны гора, поднимающаяся почти на 1.200 метровъ; якорная стоянка лучше и ближе къ берегу, чѣмъ въ Бандаръ-Аббасѣ: въ этомъ портѣ производится продажа барейнскаго перламутра остъ-индскимъ негоціантамъ [1]). Линджахскіе моряки имѣютъ около 150 судовъ, изъ которыхъ штукъ десять употребляются для ловли жемчужныхъ раковинъ, и строятъ суда изъ лѣса, привозимаго изъ Индіи; недавно изъ здѣшнихъ верфей были спущены барки вмѣстимостью въ 500 и даже въ 800 тоннъ. За Линджахомъ до Бушира, персидскій берегъ, скалистый, изрѣзанный высокими мысами, безъ воды и безъ растительности, обитаемый только нѣсколькими разбойничьими арабскими племенами, не былъ еще пройденъ ни однимъ европейскимъ изслѣдователемъ; но и тамъ есть порты, имѣвшіе нѣкогда значительную торговлю. На оконечности болотистой равнины, простирающейся къ западу отъ Линджаха и отдѣляющей отъ внутреннихъ горныхъ цѣпей нѣсколько массивовъ, нѣкогда островныхъ, находится маленькая деревня Чаракъ, пріютившаяся у подножія крѣпостцы и окруженная рощами финиковыхъ пальмъ. Въ этомъ мѣстѣ стоялъ въ девятомъ столѣтіи нашей эры большой городъ Сирафъ, богатства котораго прославляетъ Ибнъ-Гаукалъ: тамъ обмѣнивались на привозный товаръ алоэ, амбра, камфора, жемчугъ, слоновая кость, черное дерево; даже китайскіе корабли приходили туда за грузами драгоцѣнныхъ произведеній Персіи и Аравіи [2]). Попавъ подъ власть арабскаго шейха, владѣвшаго островомъ Каисъ, Сирафъ утратилъ мало-по-малу свою торговлю въ пользу политическаго центра, лежавшаго въ тѣхъ же водахъ, въ 33 километрахъ къ юго-западу, и Каисъ сдѣлался главнымъ сборнымъ мѣстомъ моряковъ при входѣ въ Персидскій заливъ; затѣмъ, въ началѣ четырнадцатаго столѣтія, эта роль выпала на долю острова Ормузъ, сдѣлавшагося независимымъ отъ шейха. На сѣверномъ берегу острова Каисъ еще видны развалины большаго арабскаго города, близъ котораго англичане основали въ этомъ столѣтіи военный постъ, впослѣдствіи покинутый; сады, поля, пальмовыя рощи придаютъ этому острову веселый, оживленный видъ—чего не имѣютъ другія земли, разсѣянныя въ Персидскомъ заливѣ. Лежащія далѣе, за Чаракомъ, маленькія гавани, Бандаръ-Нахль или «Пальмовый портъ», Бандаръ-Бисайтинъ, Бандаръ-Конгунъ посѣщаются лишь мелкими судами арабскихъ рыболововъ.

Приморская покатость Персіи, понижающаяся въ юго-западномъ направленіи рядомъ уступовъ, извѣстна лишь по маршрутамъ путешественниковъ, которые слѣдовали той или дру-

[1]) Whitelock, „Journal of the Geographical Society“, 1838.

[2]) Floyer, „Unexplored Baluchistan“.

[1]) Lewis Pelly, „Journal of the Geographical Society“, 1864;—Stack, „Six Months in Persia“;—Denis de Rivoyre, „Obocket Bassora“.

[2]) Renaudot;—Ousely;—Von Kremer, „Culturgeschichte des Orients“.

гой дорогой изъ Шираза въ Бендаръ-Аббасъ. Сѣверная дорога, перерѣзывающая верхнія долины и переходящая на большихъ высотахъ гребни поперечныхъ горъ, проходитъ черезъ древній городъ Дарабъ, затѣмъ черезъ Форгъ, окруженный рощами финиковыхъ пальмъ, и черезъ Тарунъ, еще болѣе богатый плодами всякаго рода, но лежащій уже въ низменной мѣстности, подверженной маларіи. Другая дорога идетъ возвышенной долиной Престафа, гдѣ находится большой, пришедшій въ упадокъ городъ Фаза или Феза, обратившійся нынѣ въ группу хорошенькихъ деревень, разсѣянныхъ въ лѣсу финиковыхъ пальмъ. Южная дорога, спускаясь прямо на югъ отъ Шираза по первымъ ступенямъ морской покатости, поворачиваетъ затѣмъ на юго-востокъ, доходитъ до города Джарунъ (Ярунъ), гдѣ кончается культура винограда; затѣмъ переходитъ черезъ нѣсколько цѣпей холмовъ, чтобы достигнуть города Лара: это—бывшая столица Ларистана, царства, которое простиралось нѣкогда по всей прибрежной области, отъ острова Барейнъ, на аравійскомъ берегу, до острова Діу, принадлежащаго къ Индустану [1]). Въ шестнадцатомъ столѣтіи, ларская монета, кусокъ серебра въ формѣ финика, съ вычеканеннымъ на ней именемъ государя Ларистана, была самымъ распространеннымъ во всей Персіи мѣновымъ знакомъ. Овладѣвъ приморскими дорогами, шахъ Аббасъ разрушилъ Ларское царство, и городъ быстро потерялъ свое значеніе; теперь онъ даже не административный центръ провинціи. Впрочемъ, онъ ведетъ довольно значительную торговлю; жители его хвалятся, что ихъ верблюды самые сильные, а финики самые лучшіе въ Персіи. Въ Ларѣ нѣтъ никакихъ древнихъ памятниковъ, но Фирузабадъ, группа деревень, какъ Фаза, лежащій на полдорогѣ изъ Шираза къ морю, въ «области Проходовъ», очень богатъ изваяніями на камнѣ, и изображающими боевыя сцены, и постройками, предшествовавшими исламу; на вершинѣ одного горнаго мыса высится разрушенный храмъ. Эта область Ирана, красоту которой такъ восхваляетъ Страбонъ, есть, въ самомъ дѣлѣ, одна изъ пріятнѣйшихъ странъ Персіи по прозрачности ея водъ, блеску растительности, величавой формѣ горъ; въ то же время это край, гдѣ можно видѣть нѣкоторые изъ памятниковъ чистѣйшаго стиля [2]).

Буширъ или Бандаръ-Буширъ, портъ Персидскаго залива, гдѣ оканчивается наиболѣе посѣщаемая дорога иранскаго плоскогорья,—городъ сравнительно недавняго происхожденія. Надиръ-шахъ, стремившійся къ завоеваніямъ на морѣ, остановилъ свой выборъ на этомъ рейдѣ, ближайшемъ къ Ширазу, чтобы оттуда пустить флотъ, и городъ, который онъ тамъ основалъ, получилъ имя Абу-Шехръ или «Отецъ городовъ», измѣнившееся постепенно въ Буширъ. Этому городу предшествовалъ другой коммерческій центръ, Ришехръ, мѣстоположеніе котораго указывается издали стариннымъ португальскимъ фортомъ; на берегу еще видны нагроможденныя развалины; въ почвѣ нагорнаго берега находятъ во множествѣ сердолики съ рѣзьбой и безъ рѣзьбы, которыми Ришехръ велъ нѣкогда большую торговлю съ Ратнапуромъ, что близъ Камбейскаго залива. По словамъ восточныхъ писателей, до семисотъ семействъ занимались вырѣзываніемъ девизовъ и символическихъ фигуръ на этихъ камняхъ, которые отправлялись отсюда во внутренніе города. Буширъ, гдѣ въ настоящее время сосредоточивается почти вся морская торговля Персіи, не представляетъ, однако, ни одного изъ условій, необходимыхъ для основанія хорошаго порта. Онъ стоитъ на сѣверной оконечности продолговатаго острова, который, вслѣдствіе возвышенія почвы, соединился съ материкомъ. Бывшій проливъ, простирающійся на востокъ къ пустынной равнинѣ, представляетъ собою еще болото съ топкой почвой, тогда какъ на сѣверѣ бухта, вдающаяся въ видѣ полукруга внутрь твердой земли, въ часы отлива бываетъ покрыта слоемъ воды не больше метра толщиной; островки и песчаныя отмели выступаютъ вровень съ поверхностью водъ. Только мелкія суда могутъ, обогнувъ мысъ, становиться на якорь къ востоку отъ города въ ямѣ, имѣющей отъ 4 до 8 метровъ глубины; большія же суда бросаютъ якорь въ открытомъ морѣ въ 7 или 8 километрахъ отъ берега. Негоціанты, между которыми преобладаютъ армяне, отправляютъ вина, табакъ и особенно опіумъ, предназначенный для китайскихъ портовъ; ввозятъ же изъ Батавіи сахаръ въ значительныхъ количествахъ, а англійскіе пакетботы привозятъ имъ тысячи разнообразныхъ предметовъ европейской фабрикаціи. Доходъ буширской таможни въ 1880 году составлялъ 600.000 франк.; приблизительная цѣнность торговаго обмѣна простиралась до 18.000.000 франк. Островная земля Бушира, ограниченная нагорнымъ берегомъ со стороны континента, имѣетъ родники холодной ключевой воды и источники горячей воды, а также рощицы пальмъ, подлѣ которыхъ иностранные купцы основали свои загородные дома; но главныя мѣста дачной жизни находятся внутри материка, на склонахъ горъ Гизаканъ и Хормуджъ, господствующихъ надъ городомъ Бараджанъ и его обширными садами. Возвышенный островъ Харагъ, лежащій въ открытомъ морѣ между Буширомъ и устьями Евфрата, былъ часто занимаемъ пиратами; онъ былъ также, въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія,

---

[1]) Dupré, „Voyage en Perse";—Carl Ritter, „Asien", vol. VIII.

[2]) D'arcy Todd;—Kinneir;—Carl Ritter, „Asien"; Dieulafoy, рукописныя замѣтки.

голландской колоніей, или, вѣрнѣе сказать, гнѣздомъ корсаровъ, подъ командой одного бывшаго нидерландскаго консула; островъ заключалъ тогда нѣсколько тысячъ жителей. Въ 1840 году англичане поставили тамъ свой гарнизонъ.

На дорогѣ, открытой въ теченіе девяти мѣсяцевъ въ году, которая соединяетъ Бандаръ-Буширъ и Барасджанъ съ Ширазомъ черезъ высокіе горные перевалы «Дѣвушки» и «Старухи» (2.209 метровъ), главное этапное мѣсто—городъ Казерунъ, лежащій въ одной изъ тѣхъ складокъ почвы, которыя раздѣляютъ параллельныя цѣпи Тенгсира. Тамъ и начинается Иранъ съ собственномъ смыслѣ, по климату и населенію; ниже, говорятъ персіяне, область морскаго прибрежья, Даштистанъ,—это ужъ Аравія. Казерунъ, бывшій когда-то большимъ городомъ, славившимся своей торговлей и промышленностью, теперь незначительный городокъ, окруженный руинами и имѣющій нѣкоторую важность только по табаководству да по конскимъ торгамъ, куда окрестныя бродячія племена приводятъ на продажу великолѣпныхъ лошадей. Километрахъ въ тридцати къ сѣверу отъ Казеруна, въ другомъ изъ этихъ пониженій, направляющихся однообразно съ сѣверо-запада на юго-востокъ, находятся обширныя развалины Шапура или Сапора, древней резиденціи Сассанидовъ. Мало встрѣтишь долинъ въ Персіи, которыя имѣли бы въ такомъ изобиліи проточныя воды, такія густыя и благоухающія рощи: Шапуръ—это одинъ изъ «земныхъ раевъ» Азіи [1]). Несмотря на то, разрушенный городъ не отстроился; кочевники продолжаютъ пасти свои стада въ оградѣ его дворцовъ. Ни въ какой другой персидской долинѣ не увидишь такого множества высѣченныхъ на скалѣ изваяній. На горкѣ, гдѣ расположенъ акрополь, такъ же, какъ на стѣнахъ скалъ, запирающихъ съ той и другой стороны долину, большіе кессоны, вырѣзанные въ камнѣ, образуютъ какъ бы амфитеатръ изъ барельефовъ, гдѣ сами горы разсказываютъ о подвигахъ Сапора, объ его охотахъ, побѣдахъ, торжественныхъ аудіенціяхъ. Типы и костюмы различныхъ персонажей: римлянъ, арабовъ, персовъ, индусовъ, представленныхъ въ этихъ каменныхъ лѣтописяхъ, придаютъ большой интересъ этой исторіи могущественнаго царя, который, садясь на коня, ставилъ ногу на затылокъ плѣннаго императора. Изваянныя стѣны Шапура, различные фрагменты скульптурныхъ работъ, найденные между руинами, и поваленная колоссальная статуя, заграждавшая входъ въ пещеру, были, очевидно, произведеніемъ рѣзца греческихъ художниковъ, можетъ быть, плѣнниковъ [2]).

[1]) Ouseley, „Travels in the East".
[2]) Eugène Flandin, „Voyage en Perse".

Другіе остатки старины: изсѣченныя скалы, жертвенники огня, цитадели разсѣяны по всей области Тенгсира, на юго-востокъ къ Рамъ-Гормузу и Бабагану или Бебегану, открытому городу, окруженному пальмами; въ сосѣдствѣ, нефтяные источники вытекаютъ изъ гипсовыхъ скалъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крѣпкіе замки, напоминающіе соціальное состояніе, сходное съ феодализмомъ на Западѣ, высятся на вершинѣ каждой скалы: одинъ проводникъ путешественника Оузли исчислялъ въ «пять тысячъ» число этихъ полуразрушенныхъ замковъ, съ которыми по большей части связаны легенды о «Дѣвѣ»,—имя, подъ которымъ сохраняется память о богинѣ Анагидѣ.

Города приморской покатости Персіи, съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ:

Буширъ — 27.000 жит.; Минабъ — 10.000; Бандаръ-Аббасъ—8.000; Ларъ—8.000; Казерунъ (Штакъ)—8.000; Барасджанъ (Макъ-Грегоръ)—6.000; Бабаганъ (Уэльзъ)—4.500; Джарунъ—4.000; Фирузабадъ (Штакъ)—4.000; Фаза—4.000; Тарунъ—3.000; Форгъ—2.000; Хобаръ (Флойеръ)—1.000 жит.

Такъ какъ Персія, если исключить провинцію Шустеръ, владѣетъ только верхними долинами притоковъ Тигра, то города не многочисленны на этой покатости, по которой кочуютъ пастушескія племена; однако, важность дорогъ, которыми производится сообщеніе между иранскимъ плоскогорьемъ и Месопотаміей, вызвала къ жизни нѣсколько городовъ въ долинахъ, лежащихъ на проходѣ этихъ путей. Сѣверная область, гдѣ текутъ первыя воды Малаго Заба и Діалаха, и которая принадлежитъ къ относительно маловажной провинціи Ардиланъ, перерѣзанной горными хребтами, имѣетъ лишь мало посѣщаемыя дороги; оттого тамъ существуютъ только два города: хорошенькая Бана, раскинутая на вершинѣ лѣсистаго холма, между двухъ воздѣланныхъ долинокъ, и новый городъ Сенна (Сигнахъ), мѣстопребываніе вали или генералъ-губернатора иранскихъ курдовъ, расположенное въ плодоносномъ бассейнѣ, окруженномъ становищами кочевниковъ. Сенна—городъ персидскій только въ политическомъ отношеніи: христіане, несторіане и халдеи очень многочисленны въ томъ краю; кочевыя племена состоятъ изъ али-аллаховъ и другихъ «людей истины». Магометанское населеніе месопотамской покатости сплошь суннитское; краевая горная цѣпь раздѣляетъ двѣ религіи—религію Персіи и религію Турціи.

Историческая дорога изъ Экбатаны въ Вавилонъ, изъ Тегерана и Гамадана въ Багдадъ, та, которою слѣдовалъ Александръ Македонскій на обратномъ пути изъ Ирана, и которую послѣ него избирали безчисленныя военныя и торговыя экспедиціи, огибаетъ южные отроги массива Эльвендъ и его скалы, испещренныя вырѣзанными клинообразными надписями, что-

бы спуститься, переходя съ отрога на отрогъ, въ долину рѣки Керхи или Керхера, Кара-су, «Черная вода» турокъ, Хоаспесъ древнихъ географовъ. Конгаверъ или Генджаверъ, одно изъ первыхъ этапныхъ мѣстъ на этомъ пути, расположенъ у подошвы горъ, которыя очень походятъ на горы Аттики отчетливостью профиля и гармоніей формъ; но конгаверская равнина гораздо богаче аѳинской проточными водами и чащами зелени. Маленькій персидскій городъ тоже имѣетъ свой акрополь, гдѣ господствуетъ высоко поднимающееся надъ другими постройками зданіе, которое было въ одно и то же время храмомъ и цитаделью, какъ Парѳенонъ въ столицѣ Эллады. Это то самое святилище, о которомъ Исидоръ, писатель, жившій въ первомъ или второмъ столѣтіи христіанской эры, говоритъ, что оно было посвящено богинѣ Артемидѣ, Анагидѣ персовъ, той «Дѣвѣ», въ честь которой наименованы столько скалъ, горныхъ проходовъ, старыхъ замковъ въ странахъ Ирана. Храмъ, часто служившій крѣпостью шайкамъ разбойниковъ, представляетъ теперь лишь груды развалинъ; однако, тамъ еще видны кое-какіе драгоцѣнные остатки архитектуры: стройныя изящныя колонны, прекрасныя изваянныя капители, изображающія цвѣтки лотоса. Вліяніе греческаго искусства не менѣе замѣтно въ памятникѣ Конгавера, чѣмъ въ памятникѣ Персеполя. Посреди равнины возвышается горка, быть можетъ искусственнаго происхожденія, также покрытая руинами, какъ полагаютъ, развалинами храма Солнца, гдѣ жертвоприношенія и молитвы чередовались съ тѣми, которыя, на другомъ холмѣ, были возносимы къ богинѣ луны Артемидѣ.

Ниже Конгавера, воды, вытекающія съ массива Эльвендъ, соединяются въ рѣку Гамасъ или Гамасъ-абъ, спускающуюся изъ долины, гдѣ находится Негавендъ, «городъ Ноя», прославившійся въ лѣтописяхъ ислама «побѣдой побѣдъ», которую армія калифа Омара одержала надъ Ездиджердомъ, послѣднимъ государемъ изъ національной династіи; пастбища окружающихъ горъ, гдѣ шахъ содержитъ часть своей кавалеріи, считаются лучшими въ Иранѣ. Ниже соединенія потоковъ, рѣка вступаетъ въ ущелье грознаго вида, гдѣ стѣны, громоздясь на стѣны, пропускаютъ лишь ослабленный свѣтъ. Высокая гора, усаженная на гребнѣ остроконечными зубцами скалъ, заканчиваетъ ущелье на сѣверной сторонѣ Гамасъ-аба: это—Бизутумъ, у подошвы котораго пріютилась деревня, пріобрѣвшая большую славу въ исторіи археологіи. Ни одинъ памятникъ древности не имѣлъ больше важности, чѣмъ бизутунскія надписи, для дешифрированія клинообразныхъ письменъ, которыя открыли широкую перспективу къ давно забытымъ временамъ: въ Бизутунѣ, можно сказать, совершился, для изученія древней исторіи, величайшій научный переворотъ нашего вѣка, подобный тому обновленію, которое было внесено въ область религіозныхъ и философскихъ изслѣдованій открытіемъ санскритскаго и зендскаго языковъ [1]).

Скала Бизутунъ или Бегистунъ, названіе которой мало отличается отъ древняго наименованія, существовавшаго въ греческую эпоху—Багистанъ или «Мѣсто садовъ»,—поднимается на 450 метровъ вертикальной высоты надъ лугами, гдѣ пасутся стада. Обильный источникъ прозрачной, какъ хрусталь, воды вытекаетъ у основанія скалы, которая увѣнчана барельефами, почти разрушенными не столько временемъ, сколько завоевателями, которые велѣли вырѣзывать новыя фигуры на старыхъ; точно также греческія надписи частію исчезли подъ арабскими письменами. Другія изваянія, высѣченныя на большой высотѣ скалы, тоже сопровождаются нѣсколькими надписями, которыя трудно разобрать; но знаменитая доска, изучаемая съ такимъ стараніемъ, существуетъ еще почти неповрежденная. На пространствѣ около 45 метровъ въ ширину и 30 метровъ въ высоту скала была выровнена и отшлифована, и въ этой обширной рамкѣ царь Дарій, сынъ Гистаспа, велѣлъ выгравировать тысячу строкъ, разсказывающихъ на трехъ языкахъ, персидскомъ, мидійскомъ и ассирійскомъ, о его побѣдѣ надъ Вавилономъ и обѣтахъ, данныхъ имъ по возвращеніи съ войны. При основаніи этого писаннаго камня видны обломки террасы, по которой посѣтители подходили къ памятнику; но ничего не осталось отъ изваяній Багистана, о которыхъ говоритъ Ктезій, и которыя онъ приписывалъ Семирамидѣ. Полированныя стѣны, гдѣ вырѣзаны надписи, покрыты легкимъ слоемъ кремнекислой соли, который предохранялъ ихъ отъ разрушительнаго дѣйствія непогодъ. Изъ этого видно, что персы уже двадцать четыре вѣка тому назадъ знали искусство придавать крѣпость скалѣ [2]).

Тѣ же самыя кручи, которыя носятъ на своихъ стѣнахъ бизутунскія надписи, продолжаются на западъ и принимаютъ на сѣверовостокѣ отъ города Керманшаха имя Такъ-и-Бостанъ или «Сводъ садовъ», которое напоминаетъ висячіе сады, приписываемые легендарной царицѣ. Непосредственно надъ цвѣтущей равниной и подлѣ обильнаго источника, бьющаго изъ известняковой скалы, находятся двѣ залы, высѣченныя въ скалѣ, въ эпоху Сассанидовъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ стиль культурныхъ украшеній и надписи на языкѣ пельви, разобранныя Сильвестромъ де-Саси. Малый гротъ относится къ четвертому столѣ-

---

[1]) Darmstetter, „Essais orientaux“.
[2]) Rawlinson; - Brugsch, etc.

тію нашей эры; большой, гораздо богаче украшеніями, былъ высѣченъ или, по крайней мѣрѣ, получилъ свои изваянія, какъ полагаютъ, двумя или тремя вѣками позднѣе, наканунѣ завоеванія страны арабами. Охотничьи сцены, которыми украшены стѣны грота, изображены съ такой выразительностью и чистотой рисунка, какихъ другіе древніе памятники Персіи не представляютъ примѣра: онѣ, очевидно, принадлежатъ рѣзцу греческихъ ваятелей, жившихъ при дворѣ Сассанидовъ [1]). Керманшахъ, лежащій въ плодоносной равнинѣ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Такъ-и-Бостанъ, былъ маленькимъ городкомъ въ концѣ прошлаго вѣка; но въ началѣ настоящаго столѣтія онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ городовъ Персіи, какъ столица провинцій Курдистана, изъ которыхъ Али-Мирза, сынъ шаха Фатхъ-Аля, сдѣлалъ настоящее царство: офицеры разныхъ націй, между прочимъ, знаменитый Раулинсонъ, одинъ изъ европейскихъ изслѣдователей, наилучше изучившихъ географію и исторію этой страны, жили тогда въ Керманшахѣ и основали тамъ арсеналы и оружейные заводы; ремесленники стекались туда изъ Персіи, Турціи и Арменистана. Съ той эпохи городъ снова уменьшился въ числѣ жителей и размѣрахъ промышленности. Большинство персидскихъ танцовщицъ принадлежатъ къ племени сусмани, кочующему въ сосѣдствѣ Керманшаха [2]).

За Керманшахомъ большой историческій путь изъ Ирана въ Месопотамію, удаляясь отъ рѣки Хоаспъ, принимающей направленіе сначала на югъ, затѣмъ на юго-востокъ, проходитъ черезъ городъ Кириндъ, главное мѣсто многихъ курдскихъ племенъ, принадлежащихъ къ различнымъ религіознымъ сектамъ, преимущественно къ сектѣ али-аллаховъ. Далѣе дорога проходитъ по гористой странѣ, чтобы затѣмъ постепенно подниматься къ хребту Загросъ или Загршъ, естественной стѣнѣ, которая ограничиваетъ на западѣ плоскогорье Персіи, и откуда спускаешься къ Зогабу и къ равнинамъ Месопотаміи. Раздѣльная линія между климатами, между флорами и фаунами, огибаетъ основаніе горнаго вала; по ту и другую сторону этой грани живутъ разные народы, говорящіе разными языками, и исторія приняла иное теченіе. На отлогости, покатой къ Турціи, замокъ, называемый Такъ-и-Гиррахъ, то-есть «Арка дороги», обозначалъ прежде политическую границу: и теперь еще тамъ стоитъ высокій порталъ изъ бѣлаго мрамора, остатокъ, какъ полагаетъ Керъ-Портеръ «Воротъ Загроса» или Загри-Пиле (Zagri-Pylae), названіе которыхъ (Заргъ-пиль), будто-бы, сохранилось до сихъ поръ въ наименованіи деревни Сарпиль, Сарпуль или Сарипуль. Какъ бы то ни было, мало найдется естественныхъ границъ, лучше начертанныхъ, чѣмъ границы Загроса, и если равнины по теченію Зогаба принадлежатъ къ Персіи, то это единственно по праву завоеванія; съ тѣхъ поръ, какъ этотъ пашалыкъ былъ отнятъ у Турціи, въ началѣ текущаго столѣтія, Порта не переставала требовать обратно владѣнія имъ. Исторически этотъ край совсѣмъ не иранскій: это, напротивъ, одна изъ классическихъ областей Месопотаміи; на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ городкомъ Гольванъ, стоялъ нѣкогда одинъ изъ могущественнѣйшихъ городовъ Ассиріи, который многіе археологи принимали, но ошибочно, за Калашъ, временную столицу имперіи равнинъ.

На югъ отъ Бизутунэ и Керманшаха, рѣка, принимающая ниже названіе Керхи, не омываетъ, до самаго впаденія въ Ефратъ, ни одного значительнаго города. Въ настоящее время на этой рѣкѣ, длиной около 600 километровъ, увидишь только развалины, да кое-гдѣ деревни; во всемъ бассейнѣ, занятомъ почти исключительно курдскими пастухами, изъ племенъ луровъ и бахтіаровъ, существуетъ только одинъ городъ, Хоррамабадъ, лежащій на рѣчкѣ того же имени, восточномъ подпритокѣ Керхи. Мѣстоположеніе Хоррамабада необыкновенно живописно; стѣна скалъ, слѣдующая, какъ и всѣ горныя цѣпи Луристана, нормальному направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ, вдругъ прерывается, чтобы дать проходъ рѣкѣ, затѣмъ снова поднимается за проломомъ, шириной около 1.200 метровъ; но посреди свободнаго пространства остался отрывокъ естественнаго вала, уединенная каменная глыба, круто обрывающаяся со всѣхъ сторонъ и дающая начало близъ вершины очень обильному источнику. Эта скала, окруженная при основаніи двойной искусственной стѣной, есть цитадель Хоррамабада; изящный дворецъ, сады, обширный резервуаръ занимаютъ верхнюю часть горки; внизу раскинулся городъ, продолжаясь предмѣстьями, заключенными между тѣнистыхъ садовъ.

Цѣпь древнихъ, лежащихъ въ развалинахъ, городовъ тянется на западѣ параллельно краевому хребту, отдѣляющему гористую страну отъ равнинъ Месопотаміи. Первый изъ этихъ покинутыхъ городовъ, Сирванъ, расположенъ въ ущельѣ, на берегу западнаго притока Керхи; дома тѣснятся одинъ къ другому, но всѣ окрестные холмы покрыты древними жилищами, среди которыхъ возвышаются тамъ и сямъ маленькіе обелиски, означающіе могилы луровъ. Нѣкоторыя зданія обширнаго города, очень хорошо построенныя изъ тесаннаго камня, совершенно сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ: своды, корридоры, галлереи, подземные лабиринты, вся сассанидская архитектура представляется взорамъ пу-

[1]) Rawlinson, „March from Zohab to Khuzistan“, „Journal of the Geographical Society“, 1839.
[2]) Polak, цитированное сочиненіе.

тешественника въ этомъ городѣ безъ жителей. Лурійскіе разбойники основали свой притонъ въ подземельяхъ дворца Нуширвана, основателя города. Раулинсонъ, который собирался-было посѣтить «талисманный камень», помѣщенный у входа въ склепъ, гдѣ этотъ государь покоится на «ложѣ изъ золота и серебра», долженъ былъ удалиться, не окончивъ предпринятаго изслѣдованія. Рудбаръ, расположенный въ мѣстѣ слиянія Керхи и Кириндa,—тоже большая руина временъ Сассанидовъ; а далѣе на югѣ, въ боковой долинѣ Керхи, Сеймарахъ или городъ Хозроя, Шехръ-и-Хусрау, кажется точнымъ воспроизведеніемъ Сирвана въ отношеніи мѣстоположенія, общаго вида и стиля архитектуры; но онъ еще обширнѣе, и надъ массой его домовъ господствуетъ дворецъ болѣе грандіозныхъ размѣровъ. Этотъ памятникъ—«Тронъ Хозроя», названный такъ по имени врага Ираклія, который сдѣлалъ его своей зимней резиденціей [1]).

Но изъ всѣхъ руинъ страны ни одна не оставила по себѣ болѣе громкаго имени, чѣмъ развалины Сузы или Шузы, по которымъ и весь этотъ край часто называется Сузіаной. Географическое положеніе древней столицы—одно изъ самыхъ счастливыхъ: въ этомъ мѣстѣ рѣка Дизфуль, притокъ Каруна, близко подходитъ къ Керхѣ; два потока, развертывая свои излучины на встрѣчу другъ другу, сближаются такъ, что разстояніе между ними не болѣе 15 километровъ; и равнина, раздѣляющая ихъ, настолько гладка, что можно было прорыть многочисленные ирригаціонные каналы, отведенные изъ обѣихъ рѣкъ. Кромѣ того, выше Сузы образовался естественный каналъ истеченія, Шарупъ или Шахверъ, достаточно широкій и глубокій, чтобы принимать торговыя суда, и спускающійся на юго-востокъ къ рѣкѣ Карунъ, такъ что равнина вокругъ Сузы представляетъ какъ бы маленькую Месопотамію, и почва ея такъ же плодородна, какъ почва береговъ Евфрата. Весной лошади съ трудомъ могутъ пробираться черезъ густую траву, которая покрываетъ поля, орошаемыя Шапуромъ. Руины или, лучше сказать, поросшіе травой пригорки, обозначающіе мѣстоположеніе древняго города, занимаютъ пространство отъ 10 до 12 километровъ въ окружности, и надъ ними господствуетъ квадратная платформа, около километра длиной въ сторонѣ, гдѣ нѣкогда находилась цитадель. Искусственная горка, высотой 50 метровъ, поднимающая свои крутые откосы на сѣверо-западной сторонѣ террасы, указываетъ мѣсто, гдѣ возвышались самыя крѣпкія стѣны акрополя. Никакихъ драгоцѣнныхъ обломковъ не сохранилось отъ этой нѣкогда столь пышной столицы: нѣсколько разбросанныхъ капителей, стволовъ колоннъ, изваянныхъ камней—вотъ все, что осталось отъ блестящаго города; но археологи могли распознать планъ большаго дворца, начатаго Даріемъ и оконченнаго Артаксерсомъ Мненономъ; это зданіе походило на «Тронъ Джемшида» въ Персеполѣ. Предполагаемая гробница Даніила, осѣненная нѣсколькими платанами на берегу Шапура, есть простой кирпичный мавзолей, куда мусульмане изъ окрестныхъ мѣстностей приходятъ на поклоненіе; но они уже не видятъ тамъ камня, на который смотрѣлъ, какъ на талисманъ—покровитель страны: это была плита черноватаго цвѣта, содержавшая надпись на двухъ языкахъ іероглифами и клинообразными знаками. Англичане Монтитъ и Кинниръ тщетно пытались купить эту плиту; Гордонъ получилъ отъ принца Али-Мирзы, правителя Курдистана, разрѣшеніе увезти драгоцѣнный эпиграфическій памятникъ, но жители выкупили это право подаркомъ къ 40.000 франковъ, съ придачей двухъ арабскихъ коней самой дорогой цѣны [1]). Къ несчастію, легенда говорила о несмѣтныхъ богатствахъ, зарытыхъ подъ священнымъ камнемъ: одинъ чужеземецъ взорвалъ его на воздухъ, чтобы открыть кладъ, и какъ нарочно величайшія общественныя бѣдствія: чума, наводненіе, голодъ слѣдовали одно за другимъ послѣ этого уничтоженія спасительнаго талисмана, какъ бы для того, чтобы подтвердить справедливость народныхъ суевѣрій. По словамъ Лофтуса, уцѣлѣло нѣсколько осколковъ священнаго камня, вдѣланныхъ въ столбѣ [2]).

Рѣка Дизфуль, главный притокъ Каруна, получаетъ начало, какъ и Гамасъ-абъ, главная вѣтвь Керки, въ одной изъ высокихъ продольныхъ долинъ, которыя раздѣляютъ параллельныя цѣпи и образуютъ закраину плоскогорья. Но въ то время какъ Гамасъ-абъ течетъ на сѣверо-западъ къ Негавенду, Дизфуль спускается на юго-востокъ къ Буруджирду, славящемуся своими отличными пастбищами, гдѣ пасутся лошади тысячами головъ; затѣмъ, прорѣзывая послѣдовательно каждый изъ скалистыхъ хребтовъ Луристана, вступаетъ у города Дизфуль въ область равнинъ. Невозможно было бы слѣдовать по теченію рѣки черезъ ущелья, гдѣ она пробирается; существуетъ только тропинка изъ Буруджирда въ Дизфуль, и эта дорога, взбирающаяся послѣдовательно на всѣ параллельныя цѣпи скалъ, не вездѣ проходима даже для неустрашимыхъ персидскихъ лошадей. Буруджирдъ, стѣна котораго имѣетъ 10 километровъ въ окружности,—очень промышленный городъ, и со всей окрестной мѣстности, за сто верстъ кругомъ, луры приходятъ туда покупать войлоки и ткани, давая въ обмѣнъ козъ, овецъ, лошадей и муловъ. Дизфуль, лежащій въ сосѣдствѣ древней Сузы, можетъ быть разсма-

[1]) H. Rawlinson, „Journal of the Geogr Society", 1839.

[1]) Ouseły, „Travels in the East".
[2]) Loftus, „Quarterly Journal of the Geological Society", aug. 1855.

триваемъ, какъ наслѣдникъ этого большаго города: мелкія суда поднимаются, но очень нерегулярно, по рѣкѣ до самаго города и грузятъ шерсть, хлопокъ, индиго, хлѣбъ, горную смолу, сѣру, привозимые и приносимые крестьянами окрестныхъ селеній. Мѣстная промышленность очень дѣятельна; болота окрестностей производятъ тростникъ, изъ котораго выдѣлываются лучшія перья, отправлямыя отсюда во всѣ концы Востока, отъ Константинополя до Калькутты [1]). Въ настоящее время Дизфуль, «Манчестеръ» Хузистана, — самый многолюдный городъ Персіи равнинъ. На сѣверо-западъ отъ Дизфуля находится знаменитый Кале-Дизъ или «Замокъ скалы», получившій такое названіе отъ естественной башни, на которую взбираются при помощи приставныхъ лѣстницъ, веревокъ и ступенекъ, высѣченныхъ въ камнѣ: эта естественная крѣпость, совершенно неприступная и неодолимая, служитъ резиденціей одному бахтіарскому шейху, который обработываетъ людьми поля верхняго плоскогорья; онъ владѣетъ тамъ нѣсколькими стадами овецъ, нѣкогда дикихъ, но, по невозможности убѣжать, сдѣлавшихся въ концѣ концовъ прирученными. Рабочихъ животныхъ поднимаютъ и спускаютъ на веревкахъ [2]).

Шустеръ или «Малая Суза», на Карунѣ или Куранѣ, были первымъ городомъ Арабистана до чумы 1832 года; съ этого роковаго года, который оставилъ его почти пустыннымъ, онъ снова выросъ. Какъ и Дизфуль, онъ имѣетъ ту выгоду, что находится у входа въ обширныя и плодоносныя равнины, на рѣкѣ, если не вполнѣ судоходной, то во всякомъ случаѣ доступной судамъ, и, сверхъ того, онъ предназначенъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ дороги, которая рано или поздно направится къ Испагани черезъ землю бахтіаровъ. Гидравлическія работы, которыя превратили бы Шустеръ въ торговую рѣчную пристань, незначительны въ сравненіи съ тѣми сооруженіями, которыя производились въ третьемъ столѣтіи христіанской эры, въ царствованіе Сапора и, быть можетъ, подъ руководствомъ его плѣнника, императора Валеріана; одна изъ этихъ плотинъ до сихъ поръ еще носитъ имя Бандъ-и-Кайсаръ или «Запруда императора». Выше города, у крутаго изгиба рѣки, сдѣлали прорѣзъ въ песчаниковомъ крутоярѣ лѣваго берега и прорыли каналъ, въ которомъ отведенная часть теченія приняла постепенно, подъ именемъ Гергеръ, видъ естественной рѣки, съ ея излучинами, отмелями отложеннаго ила, колебаніями уровня воды. Эти два рукава соединяются верстахъ въ 50 ниже прорѣза, замыкая островъ, который, при помощи ирригаціонныхъ каналовъ, превращенъ въ одинъ обширный садъ. Чтобы располагать достаточнымъ скатомъ въ верхней части этого островнаго пространства, принуждены были прорыть траншею подъ открытымъ небомъ, затѣмъ туннель черезъ скалу, на которой стоитъ замокъ Шустера; другой каналъ, Даріямъ или «ровъ Дарія», былъ вырытъ ниже города между двумя рѣками, съ цѣлью совершенно изолировать мѣсто. Почти всѣ эти обширныя работы канализаціи сохранились въ теченіе пятнадцати вѣковъ и свидѣтельствуетъ о наукѣ, которой мы, вѣроятно, не нашли бы уже у современныхъ персидскихъ инженеровъ, если бы они не довершали своего образованія въ высшихъ европейскихъ школахъ.

У города Бандъ-и-Кира, въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяются Карунъ и Гергеръ, впадаетъ также рѣка Дизфуль или Абъ-и-Дизъ, и главная рѣка, окончательно сформировавшаяся, направляется извилистымъ теченіемъ къ Шатъ-эль-Арабу. Авазъ, расположенный близъ скалъ и остатковъ плотины, которые составляютъ единственное препятствіе судоходству по нижнему Каруну, теперь, подобно другимъ городамъ, лежащимъ на рѣкахъ Джеррахи и Гиндіанъ, не болѣе, какъ бѣдное мѣстечко, дома котораго какъ бы затеряны среди развалинъ и могилъ древняго города. Но ниже по рѣкѣ возникъ новый городъ, Могаммерахъ, построенный на косѣ между Каруномъ и нижнимъ Евфратомъ: это—рѣчной портъ Персіи, занимающій болѣе выгодное положеніе, чѣмъ Бассора, для большой торговли и, однако, много уступающій последнему размѣрами торговаго движенія. Могаммерахъ имѣетъ ту выгоду, что ближе къ Персидскому заливу и, сверхъ того, сообщается съ моремъ устьемъ, всецѣло находящимся на персидской территоріи, устьемъ Бамуширъ, которое было прежде независимымъ устьемъ Каруна, когда эта рѣка не соединялась еще съ Шатъ-эль-Арабомъ: при отливѣ, суда, сидящія почти до 3 метровъ въ водѣ, могутъ свободно входить въ этотъ лиманъ. Однако, Могаммерахъ почти не пользуется преимуществами своего положенія; рѣдко когда какой-нибудь пароходъ поднимается вверхъ по рѣкѣ до авазской запруды. Низменная область Арабистана, политически принадлежащая къ Персіи, въ дѣйствительности отдѣлена отъ нея параллельными цѣпями горъ, черезъ которыя не проложено еще ни одного торговаго пути; отпускная торговля этого персидскаго порта на Шатъ-эль-Арабѣ ограничивается произведеніями, привозимыми изъ Дизфуля и Шустера.

Персидскіе города на покатости Евфрата, съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ:

Ардиланъ: Керманшахъ—35.000 жит.; Сенна (Ричъ) — 8.000 жит., Кириндъ (Флойеръ)—6.000 жит.; Бана (Кастальди)—3.000 жит.

Луристанъ: Хоррамабадъ (Раулинсонъ)—5.000 жит.

[1]) Houtoum Schindler, „Zietschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin", 1879.

[2]) Layard, „Journal of the Geographical Society", 1846.

Иракъ-Аджели: Буруджирдъ (Шиндлеръ)— 20.000 жит.; Негавендъ—5.000 жит.

Хузистанъ или Арабистанъ: Дизфуль—30.000 жит.; Могаммерахъ—10.000 жит.; Шустеръ— 27.000 жит.; Бебеганъ (Уэльзъ)—4.500 жит.

Нѣтъ народа, о которомъ бы можно было сказать, что онъ стоитъ выше персіанъ въ отношеніи понятливости, быстроты и ясности ума, въ отношеніи способности къ всякаго рода умственному труду, такъ же, какъ въ отношеніи искусства во всѣхъ ремеслахъ, а между тѣмъ теперешнее вліяніе Персіи на остальную Азію почти ничтожно: нужно оглянуться далеко назадъ, въ глубь предшествующихъ вѣковъ,

Багдадскіе арабы.

чтобы найти начало тѣхъ экспансивныхъ движеній, которыми персидскія идеи проникли въ религіи и западныя философіи, и которыя доставили языку, литературѣ, искусству и промышленности Ирана такую огромную долю вліянія въ Индіи и во всемъ мусульманскомъ мірѣ.

Прежде всего нужно принять въ соображеніе тотъ важный фактъ, что персіане въ собственномъ смыслѣ уменьшились въ численномъ отношеніи, сравнительно съ другими жителями иранскаго плоскогорья, Индустана и Передней Азіи. Извѣстно, какъ сильно возрасло народонаселеніе Индіи; точно также народонаселеніе Закавказья увеличилось, тогда какъ населеніе Персіи, насколько объ этомъ можно судить при отсутствіи всякой точной статистики, уменьшилось съ начала настоящаго столѣтія, вслѣдствіе чумы, голода и набѣговъ туркменъ, курдовъ и балучей. Въ Персіи число болѣзней менѣе велико, чѣмъ въ западной Европѣ, и нѣкоторые изъ недуговъ, похищающихъ наибольшее количество жертвъ на Западѣ, каковы рахитизмъ, бугорчатка, довольно рѣдки, но эпидемическія болѣзни всегда смертоносны [1]); тамъ, гдѣ онѣ прошли, опустошеніе распространяется на цѣлыя поколѣнія; въ этомъ отношеніи Иранъ представляетъ тѣ же явленія, какъ Европа въ средніе вѣка. Проказа существуетъ еще въ провинціи Хамсе, между Касвиномъ и Тавризомъ; въ Ларистанѣ почти всѣ жители, за исключеніемъ негровъ-невольниковъ, страдаютъ отъ алеппскаго бутона или мединскаго червяка (подкожная глиста); а въ Дардистанѣ по крайней мѣрѣ одинъ изъ трехъ жителей страдаетъ болѣзнью глазъ. Чума часто свирѣпствовала въ Персіи, и даже, кажется, одинъ изъ ея очаговъ изверженія находится въ горахъ курдовъ Азербейджана; въ 1870, въ 1878 годахъ, она появилась въ Суджбулакскомъ округѣ и въ окрестностяхъ города Бана, такого прелестнаго и такого здороваго во всѣхъ другихъ отношеніяхъ [2]). Страшный бичъ поражаетъ сначала кочевыя племена, прежде чѣмъ наброситься на осѣдлыя населенія; затѣмъ изъ курдской земли распространяется на югъ, направляясь постоянно къ устьямъ рѣкъ [3]). Но никакая болѣзнь не страшна такъ въ Иранѣ, какъ эпидемія голода. Нѣтъ сомнѣнія, что во время большихъ голодовокъ смертность поражала въ особенности персіанъ, которые живутъ въ городахъ и въ областяхъ плоскогорья, недостаточно орошаемыхъ; она уносила, пропорціонально, меньше жертвъ между другими расами, тюрками, курдами, лурами, бахтіарами, кашкайцами, живущими въ гористыхъ стра-

[1]) Polak, „Persien, das Land und seine Bewohner".
[2]) Arnaud;—Mahé, „Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales".
[3]) Tholozan, „Histoire de la peste en Perse et en Mesopotamie".

нахъ, на берегу источниковъ и ручьевъ и
ду бродячими племенами, перекочевыва
ми съ пастбища на пастбища со своими
ми. Прежде, чѣмъ вновь завоевывать себѣ
ніе за предѣлами своего государства,
ская нація должна сама снова устроиться
тѣмъ опять приняться за работу ассими
надъ другими этническими элементами

Есть еще другое обстоятельство, болѣе
чительное въ своихъ результатахъ,
должно было уменьшить вліяніе Персія
ціи Передней Азіи: это ея почти полная
рованность съ точки зрѣнія международ
сношеній. Если бы все пространство,
ченное между Тавризомъ и Мешедомъ,
исчезло, число путешественниковъ между
падомъ и востокомъ Азіи едва-ли бы
шилось хотя на одного человѣка. Хотя,
фигураціи континента, иранское плоского
казалось бы, должно быть обязательнымъ
стомъ прохода изъ Индіи въ Европу, и
дѣйствительно, великія переселенія народо
идей совершались нѣкогда чрезъ этотъ
дійскій перешеекъ», съуженный между
номъ Евфрата и Каспійскимъ моремъ,—
движеніе совершенно прекратилось. Поход
завоеванія Надиръ-шаха, затѣмъ отливъ
цевъ и изганіе этихъ чужеземцевъ была
слѣдними столкновеніями, напоминающим
прежней важности этой страны, какъ
ной земли. Въ наши дни Персія, вмѣсто
чтобы служить посредникомъ между Индіей
Западомъ, сама, такъ сказать, заперта
двумя новыми путями: на сѣверѣ—тѣмъ
темъ, который русскія территоріальныя
соединенія открыли черезъ степи киргизск
туркменскія, на югѣ—морской дорогой,
торой совершаютъ правильные рейсы
вые пакетботы. Капитальный вопросъ для
сіи—это, если не сдѣлаться снова большой
ской дорогой, то, по крайней мѣрѣ, связать
бя съ сѣтью путей сообщенія, которыя
жаютъ ея территорію. Но этотъ неизбѣжн
прогрессъ самъ сопровождается серьезн
опасностями для націи слабой и окружен
врагами; она не безнаказанно для себя
чить восхожденіе на свои горы иностранн
арміямъ.

Число персидскихъ земледѣльцевъ
сляютъ приблизительно только въ двѣ
всей цифры народонаселенія, и общее
женіе почвы, которое они обрабатываютъ,
составляетъ, безъ всякаго сомнѣнія, и
десятой доли всей территоріи. Но даже и
незначительная часть поверхности Ирана
надлежитъ почти всецѣло не самимъ
пашцамъ и садоводамъ, а другимъ лицамъ:
ло найдется странъ, гдѣ бы система круп
землевладѣнія была болѣе распространена,
въ Персіи. Обширныя пространства земли
ставляютъ часть шахскихъ доменъ, и

обрабатывающіе ихъ, подчинены режиму, рый мало чѣмъ разнится отъ крѣпостнаго оянія. Другія земли, совокупность кото- ъ еще гораздо болѣе значительна, но ко- я по большей части лежатъ невоздѣлан- и, составляютъ достояніе короны, которая чила ихъ путемъ конфискаціи или завое- я, и обыкновенно жалуются во временное зованіе любимцамъ или кредиторамъ. Ме- , школы, богоугодныя заведенія всякаго принадлежатъ, какъ юридическія лица, къ у крупныхъ землевладѣльцевъ, и имуще- ихъ возрастаютъ изъ году въ годъ, не ко путемъ пожертвованій по духовнымъ щаніямъ и полученія наслѣдствъ, но так- осредствомъ секретныхъ договоровъ чинов- въ—казнокрадовъ и лихоимцевъ, которые, аясь полной конфискаціи ихъ имущества даремъ, отказываютъ свои поля на церковь, бязательствомъ со стороны послѣдней упла- ть имъ пожизненную ренту. Вся страна -было не превратилась въ одинъ громад- *вакуфъ* (вакфъ) или неотчуждаемое цер- ое имѣніе, когда Надиръ-шахъ взялъ об- о у мечетей значительную часть ихъ не- кимыхъ имуществъ; но такъ какъ тепе- нее экономическое положеніе опять сдѣла- такимъ же, какимъ оно было въ эпоху о завоевателя, то является вопросъ: не ставится ли въ близкомъ будущемъ необ- имость снова принять подобную мѣру, въ хъ общественнаго блага. Что касается ныхъ имѣній довольно значительнаго про- енія, то они вообще сдаются въ аренду, чемъ арендатору даютъ ирригаціонную , сѣмена для посѣва и скотъ, въ обмѣнъ вѣ трети или три четверти получаемаго про- а. Случается, что землевладѣльцы отягча- невыносимымъ образомъ условія арендного вора; тогда арендаторы предаютъ пламени хижины, срубаютъ деревья, которыя они дили, навьючиваютъ свои пожитки на жи- ыхъ и отправляются въ дальнія мѣста ть менѣе жестокаго хозяина [1]). По словамъ ка, въ Персіи, будто бы, не существуетъ акого слѣда сельскихъ общинъ, подобныхъ ь, какія мы видимъ въ Индіи, а между тѣмъ ь же онъ говоритъ о деревняхъ, жители рыхъ каждый годъ дѣлятъ прилегающую селенію равнину или *сахру* на столько дольныхъ полосъ, сколько въ общинѣ «сохъ». дой сохѣ, то-есть каждому домохозяину, дится одна изъ этихъ полосъ земли [2]).

остоянный налогъ, которымъ обложена зе- дѣльческая собственность, состоитъ изъ йной десятины; но это взиманіе одной пя- дохода увеличивается еще добавочными рами, которые вымогаютъ сборщики податей, чтобы и самимъ обогатиться, да и ублаготворить высокопоставленныхъ лицъ, которымъ они обязаны своей должностью. Если саранча опустошитъ поля, если засуха выжжетъ посѣвы, крестьянинъ, не будучи въ состояніи уплатить подати, въ конецъ разоренъ; тогда-то и наступаютъ тѣ страшныя голодовки, которыя обезлюживаютъ цѣлыя деревни и обращаютъ въ пустыни цвѣтущіе города. Когда зимній снѣгъ не покрываетъ толстымъ слоемъ вершинъ и склоновъ горъ, можно сказать заранѣе, что будетъ неурожай: горные потоки остановятся, изсякшіе при выходѣ высокихъ долинъ, и подземныя галлереи каналовъ или водопроводовъ останутся безъ воды. Однако, нѣкоторыя области пользуются достаточно благопріятнымъ климатомъ, чтобы можно было воздѣлывать ихъ даже безъ искусственнаго орошенія: таковы сѣверо-западныя провинціи и провинціи каспійскаго прибережья. Орудія, которыми располагаетъ земледѣлецъ — самыя первобытныя: соха состоитъ просто изъ кола съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, а борону часто замѣняетъ пучекъ прутьевъ или соединеніе досокъ, усаженныхъ на нижней поверхности острыми кремнями; но крестьянинъ отлично владѣетъ лопатой, и свою смѣтливость и трудолюбіе онъ доказываетъ именно тщательными культурами садоводства и огородничества, гораздо болѣе, чѣмъ полевыми работами. На югѣ онъ умѣетъ также утилизировать туки и даже фабриковать ихъ для различныхъ видовъ растеній. Какъ въ европейскихъ городахъ, въ Испагани приготовляютъ искусственныя удобренія и очень сильно дѣйствующія гуано, смѣшанныя съ голубинымъ пометомъ, собираемымъ на голубятняхъ [1]). Съ тѣхъ поръ, какъ въ Тегеранѣ существуетъ маленькая колонія европейцевъ, въ странѣ были введены многіе новые виды полезныхъ и декоративныхъ растеній; картофель получилъ повсемѣстное распространеніе въ Азербейджанѣ.

Культура хлѣбныхъ злаковъ производится преимущественно въ западныхъ провинціяхъ, отъ Тавриза до Гамадана и Керманшаха; въ хорошіе годы, нѣкоторое движеніе по вывозу хлѣба направляется къ Буширу, Багдаду и русской границѣ по Араксу, но наибольшая часть избытка урожаевъ остается непроданной, по причинѣ трудности перевозки. Англичанинъ Нэпиръ, во время посѣщенія имъ провинціи Ардиланъ, констатировалъ, что этотъ безполезный излишекъ, для одного только керманшахскаго округа, составлялъ около 80.000 тон. (4.800.000 пудовъ); разность цѣнъ на хлѣбъ была тогда такъ велика, что вьюкъ пшеницы стоилъ въ Тегеранѣ впятеро дороже, чѣмъ въ Керманшахѣ [2]). Еще болѣе значительна раз-

[1]) Polak, „Persien, Das Land und seine Bewohner“.
[2]) „Six Months in Persia“.

[1]) Jane Dieulafoy, „Tour du Monde“, 1883.
[2]) Bateman Champain, „Proceedings of the Geographical Society“, march 1833.

вица цѣнъ для риса, составляющаго главную пищу достаточныхъ классовъ, и который воздѣлывается только въ провинціяхъ каспійскаго прибрежья. Кромѣ пшеницы, риса и одного вида проса, употребляемаго для приготовленія хлѣба низшаго качества, изъ другихъ хлѣбныхъ растеній сѣютъ только ячмень, который идетъ въ кормъ лошадямъ; овса нигдѣ не сѣютъ [1]). Всѣ европейскія овощи извѣстны персіанамъ, и нѣкоторые виды, именно бадиджанъ (армянскіе огурцы), лукъ, огурцы, потребленіе которыхъ громадно—лучше, чѣмъ тѣ же продукты огородничества на Западѣ. Плоды также составляютъ одно изъ главныхъ богатствъ Ирана; тамошніе арбузы и дыни превосходнаго вкуса. Виноградъ, который культивируютъ въ долинахъ, лежащихъ на высотѣ отъ 600 до 1.500 метровъ, даетъ плоды, очень цѣнимые даже за границей, въ Индіи и въ Россіи, и куда ихъ отправляютъ, послѣ высушки, подъ именемъ кишмиша. Въ сѣверныхъ областяхъ нужно закапывать виноградную лозу, чтобы предохранить ее отъ холода; въ южныхъ провинціяхъ ее закрываютъ, чтобы защитить отъ жаровъ; наконецъ, въ нѣкоторыхъ округахъ Хорассана она можетъ произрастать только подъ защитой высокихъ стѣнъ, которыя охраняютъ ее отъ полярныхъ вѣтровъ [2]). Абрикосы и другіе фрукты, сушеные или вареные въ сахарѣ, тоже вывозятся въ Россію, и съ каждымъ годомъ возрастаетъ ихъ торговая важность. Фруктовыя деревья умѣренной сѣверной Европы, яблони, груши, вишни и сливы, растутъ въ низменныхъ областяхъ плоскогорья, рядомъ съ персиками и абрикосами, но ихъ плоды не очень вкусны; только въ горахъ, гдѣ на деревьяхъ, переносящихъ зимніе холода, медленно вызрѣваютъ плоды, эти послѣдніе могутъ сравниться съ хорошими западными сортами. Извѣстно, что иранскіе персики славятся своимъ великолѣпнымъ вкусомъ, и долгое время думали, что ихъ первоначальная родина Персія, имя которой они и носятъ въ западныхъ языкахъ; но изслѣдованія де-Кандолля показали, что персиковое дерево происходитъ изъ Китая [3]).

Земледѣліе заключаетъ въ себѣ также культуру многочисленныхъ промысловыхъ растеній. Тутовое дерево воздѣлывается не исключительно ради его ягодъ, очень цѣнимыхъ въ сельскихъ мѣстностяхъ вокругъ Тегерана: листья его собираютъ для воспитанія шелковичныхъ червей, коконы которыхъ утилизируются на фабрикахъ Тавриза, Кашана, Іезда; кромѣ того, нѣкоторая торговля шелкомъ-сырцомъ производится съ Европой черезъ Закавказье; но болѣзнь шелковичнаго червя, появившаяся въ провинціи Гилянъ въ 1864 году, уменьшила сборъ коконовъ на двѣ трети. Изъ ткацкихъ растеній льна почти нигдѣ не сѣютъ, а конопля служитъ только для приготовленія гашиша; но хлопчатникъ одна изъ обыкновенныхъ культуръ во всей западной Персіи, даже въ холодныхъ областяхъ Азербейджана, вокругъ Хоя и Урміи, гдѣ температура не достаточно высока для американскихъ разновидностей этого растенія. Клещевина доставляетъ почти всѣ освѣтительныя масла, употребляемыя въ краѣ; листья лавзоніи (lawsonia) и испаганская манна вывозятся, измельченныя въ порошокъ, во всѣ страны Востока. Южныя провинціи, особенно Луристанъ, производящія лавзонію, даютъ также лучшій въ Персіи табакъ, хорошо извѣстный во всемъ Востокѣ, и даже за предѣлами мусульманскаго міра со временъ крымской войны; онъ очень крѣпокъ, менѣе ароматиченъ, чѣмъ испаганскій, и употребляется преимущественно курильщиками наргиле: магометане, за исключеніемъ вагабитовъ, курятъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше пьютъ. Изъ наркотическихъ средствъ въ эти послѣдніе годы всего болѣе увеличилась культура мака, употребленіе котораго, въ видѣ опіума, китайцы переняли у иранцевъ [1]). Испаганскій и іездскій опіумъ дѣлаетъ все болѣе и болѣе опасною конкурренцію остъ-индскому продукту на рынкахъ Срединной имперіи; почти всѣ персіане имѣютъ привычку принимать это зелье по крайней мѣрѣ по одной пилюлѣ въ день; они даютъ его даже своимъ лошадямъ. Но очень рѣдко употребленіе опіума доходитъ до злоупотребленія, какъ это часто случается съ гашишемъ, приготовляемымъ изъ конопли: «бѣднякъ, когда онъ приметъ его хотя бы только одну драхму, высоко поднимаетъ голову и гордо смотритъ на эмировъ».

Вывозъ опіума черезъ Персидскій заливъ:

Фискальн. годъ 1871—1872: 870 ящиковъ, цѣнностью 1.522.000 франк.; фискальн. годъ 1880 — 1881: 7.700 ящиковъ, цѣнностью 21.175.000 франк.

Въ то время, какъ маковыя поля расширяются, плантаціи сахарнаго тростника уменьшаются въ протяженіи. Не видно болѣе, на берегахъ Каруна и рѣкъ Фарсистана, тѣхъ лѣсовъ сахарнаго тростника, которые прежде окружали Авазъ, Шапуръ и другіе города. Персія, гдѣ арабскіе врачи изобрѣли въ десятомъ столѣтіи, по всей вѣроятности, искусство рафинировать сахаръ [2]), покупаетъ въ настоящее время этотъ продуктъ у марсельскихъ купцовъ и у голландскихъ негоціантовъ острова Явы.

Кочевыя населенія теперь пропорціонально болѣе многочисленны, чѣмъ въ эпоху, предше-

[1]) Polak, цитированное сочиненіе.
[2]) Goldsmid „Eastern Persia".
[3]) A. de Candolle, „Origine des plantes cultivées".

[1]) Mahé, „Géographie médicale, Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales".
[2]) Carl Ritter, „Asien", vol. VIII;—A. von Kremer, „Kulturgeschichte des Orients".

ствовавшую обращенію иранцевъ въ исламъ. Одинъ только фактъ арабскаго завоеванія ввелъ въ страну сильныя числомъ племена, которыя сохранили на плоскогорьѣ бродячіе нравы, усвоенные ими въ равнинѣ на окраинахъ пустыни. Затѣмъ внутреннія войны, ослабленіе цивилизованныхъ общинъ, обезлюдненіе городовъ привлекли другихъ чужеземцевъ, турокъ и туркменъ, курдовъ и балучей, и территорія, занимаемая этими номадами, увеличилась въ ущербъ земледѣльцамъ. Перемѣщенія цѣлыхъ населеній, переводимыхъ насильственно изъ одной провинціи въ другую, имѣли то слѣдствіе, что въ кочевую жизнь бросилось не малое число семействъ, которыя до того времени, изъ поколѣнія въ поколѣніе, вели осѣдлое существованіе. Наконецъ притѣсненія и вымогательства губернаторовъ и другихъ правителей часто не оставляли поселянамъ инаго исхода, какъ бросать поля и хижины и идти жить ниществомъ, приключеніями и грабежомъ. Взятые въ массѣ, кочевники способствуютъ совокупности національныхъ богатствъ только скотоводствомъ. Они имѣютъ стада овецъ довольно многочисленныя, чтобы удовлетворять потребленію иранцевъ, которые ѣдятъ почти исключительно баранину; у кочующихъ племенъ нѣтъ другой монеты, другаго мѣноваго средства, кромѣ овецъ. Они продаютъ также шерсть, но не давая себѣ труда очищать ее, и ни мало не заботятся объ улучшеніи породы. Козы, которыхъ рѣдко воспитываютъ на мясо, доставляютъ кирманскимъ промышленникамъ ту шерсть или козій пухъ, который служитъ для тканья тончайшихъ шалей. Собираютъ также, для выдѣлки войлоковъ, верблюжью шерсть, которая падаетъ толстыми пучками весной, во время линянія животныхъ. Лошадей у кочевниковъ мало, но за то много ословъ и муловъ, которые употребляются для перевозки запасовъ провизіи и палатокъ. Въ становищахъ мужчины не занимаются никакимъ промышленнымъ трудомъ; женщины, болѣе дѣятельныя, ткутъ для городскихъ рынковъ циновки, грубые ковры, шерстяныя одѣяла.

Со временъ отдаленныхъ вѣковъ персидскіе ремесленники почти нисколько не измѣнили способовъ производства, и тщетны были всѣ попытки основать, въ окрестностяхъ Тегерана и другихъ большихъ городовъ, фабрики, подобныя европейскимъ мануфактурамъ: недостатокъ опытности у рабочихъ, дороговизна топлива, безчестность начальниковъ, высокая цѣна стоимости производства, всегда приводили въ концѣ концовъ къ разоренію этихъ промышленныхъ заведеній, построенныхъ съ большими издержками. Вкусъ къ предметамъ иностранной фабрикаціи, распространяющійся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе въ персидскомъ обществѣ, легко удовлетворяется путемъ торговли; многіе плохіе товары, привозимые изъ Европы, продаются вдвое или втрое дешевле, чѣмъ подобныя же произведенія, обязанныя своимъ происхожденіемъ туземному труду. Наибольшую выгоду отъ этого обмѣна получаютъ русскіе промышленники. Около половины текущаго столѣтія почти всѣ товары, продававшіеся на базарахъ Ирана, происходили изъ Англіи; но конкурренція Россіи, въ началѣ робкая, оспаривала, затѣмъ завоевала сѣверъ Персіи у британскихъ рынковъ, и въ настоящее время этимъ послѣднимъ остался лишь узкій поясъ сбыта вокругъ порта Буширъ. Какъ въ Афганистанѣ и въ Малой Азіи, русское преобладаніе въ Иранѣ въ торговомъ отношеніи, такъ же, какъ и въ политическомъ, становится все болѣе и болѣе очевиднымъ [1]). Географическія условія слишкомъ благопріятны для Россіи, чтобы англійскіе негоціанты могли надѣяться снова завоевать потерянный рынокъ. Черезъ Закавказье, степи Даманъ-и-Кохъ и прибрежье Каспійскаго моря русскія владѣнія соприкасаются съ персидскимъ государствомъ; подходныя дороги, черезъ Тавризъ, Рештъ, Барфрушъ, Астрабадъ, позволяющія русскимъ отправлять свои товары въ города иранскаго плоскогорья и получать въ обмѣнъ произведенія этой страны, гораздо болѣе доступны, чѣмъ пути, открытые англичанамъ черезъ порты Персидскаго залива: на пространствѣ 310 километровъ дикая тропинка, поднимающаяся изъ Бушира въ Ширазъ, имѣетъ не менѣе шести трудно переходныхъ горныхъ переваловъ [2]).

Роковымъ слѣдствіемъ этого наводненія персидскихъ рынковъ произведеніями иностранной фабрикаціи было если не разореніе, то, по крайней мѣрѣ, упадокъ отечественной промышленности. Конечно, Персія не имѣетъ теперь столько искусныхъ рабочихъ, какъ въ ту эпоху, когда Шарденъ посѣтилъ испаганскіе базары; особенно приготовленіе тонкихъ фаянсовыхъ и фарфоровыхъ издѣлій не встрѣчается болѣе въ мануфактурныхъ городахъ. Однако, и теперь еще есть цвѣтущія отрасли промышленности, и ни въ одной изъ нихъ не утратились совершенно традиціи искусства. Персіане—большіе мастера въ искусствѣ дамаскинировать (насѣкать золотомъ или серебромъ) металлы, и ихъ стальныя и мѣдныя издѣлія съ

---

[1]) Изъ общей суммы ввоза въ 1893 г. на долю Россіи приходится болѣе трети. По даннымъ русскихъ таможенъ, общій привозъ изъ Россіи, не считая ввоза изъ Закаспійской области въ Хорассанъ, опредѣленъ въ 1893 г. въ 11.919.887 руб., при чемъ черезъ Кавказскую границу доставлено товаровъ на 10.013.776 р., черезъ Астрахань на 1.824.319 р., черезъ Узунъ-Ада на 111.802 р. Главными предметами ввоза изъ Россіи являются: сахаръ (4.709.000 р.), сахарный песокъ (1.029.000 р.) бумажныя ткани (3.960.000 р.) фарфоровыя и стеклянныя издѣлія (345.000 р.), невыдѣланный металлъ (283.000 р.) и металлическія издѣлія (188.000 р.).

[2]) Bateman Champain, „Proceedings of the Geographical Society“, march 1883.

серебряной насѣчкой и рѣзьбой въ видѣ кружевъ и различныхъ узоровъ по справедливости возбуждаютъ удивленіе иностранцевъ. Въ Хорассанѣ фабрикуютъ сабли великолѣпной закалки, и въ арсеналахъ мастера научились, подъ руководствомъ европейцевъ, дѣлать превосходное огнестрѣльное оружіе [1]). Изобрѣтатели наргиле, арабское названіе котораго происходитъ отъ слова *нарджиль* или кокосовый орѣхъ, потому что прежде употребляли эти орѣхи, какъ резервуары для воды, черезъ которую проходитъ дымъ,—персіане, особенно испаганцы и ширазцы,—все еще лучшіе фабриканты прекрасныхъ кальяновъ, которые они украшаютъ чеканнымъ золотомъ или серебромъ, осыпаннымъ драгоцѣнными каменьями [2]). Хотя почти всѣ бумажныя матеріи, одноцвѣтныя или набивныя, приходятъ изъ Европы, многіе персіане, почитая старину, предпочитаютъ имъ прочный *кербасъ* или *калемкаръ* отечественнаго издѣлія, расписанный цвѣтами и арабесками, отпечатанными ручнымъ способомъ; грубыя шерстяныя ткани туркменъ и курдовъ тоже не вполнѣ еще вытѣснены сукнами, привозимыми изъ Германіи или изъ Польши. Войлоки, украшенные фигурами и надписями, также составляютъ производство, въ которомъ персіане не имѣютъ себѣ соперниковъ. Кашанскіе бархаты и парчи высоко цѣнятся, такъ же, какъ нѣкоторыя шелковыя матеріи, выдѣлываемые въ Іездѣ; кирманскіе ковры извѣстны во всемъ свѣтѣ и пользуются заслуженной славой за прочность и легкость ткани, за прелесть рисунка и гармоническое сочетаніе цвѣтовъ. Въ этой отрасли промышленности, персидскіе рабочіе не имѣютъ надобности дѣлаться подражателями Европы; напротивъ, на Западѣ лучшіе мастера только копируютъ ихъ работу, не достигая, однако, того разнообразія и изящной симметріи фигуръ и узоровъ, какими отличаются персидскіе ковры. Сѣверные персіане и теперь, какъ прежде, покупаютъ исключительно въ Фарсистанѣ свои ковры, цвѣта которыхъ никогда не блекнутъ, какъ это бываетъ съ красками на ковровыхъ издѣліяхъ европейскаго происхожденія. Къ сожалѣнію, тканье матерій производится въ Іездѣ, въ Кашанѣ, въ Кирманѣ въ условіяхъ, особенно неблагопріятныхъ для здоровья рабочихъ. По причинѣ крайней сухости воздуха, ткачи должны работать въ подвалахъ или въ погребахъ, гдѣ бассейны, наполненные водой, поддерживаютъ постоянную влажность, необходимую для того, чтобы нити всегда оставались упругими и гибкими [3]). А между тѣмъ заработная плата самая ничтожная: чтобы соткать шаль цѣной въ тысячу франковъ, которая принесетъ имъ всего только четыреста франковъ, три ткача работаютъ вмѣстѣ въ продолженіе цѣлаго года; тридцать пять сантимовъ въ день—вотъ обыкновенный заработокъ ткача въ Іездѣ и въ Кирманѣ [4]).

[1]) F. de Filippi, „Viaggio in Persia".
[2]) Vambery, „Sittenbilder aus dem Morgenlande".
[3]) Stack, „Six Months in Persia";—Jane Dieulafoy, „Tour du Monde". 1883.

Такъ какъ столица лежитъ въ сосѣдствѣ Каспійскаго моря и получаетъ этимъ путемъ и черезъ Закавказье наибольшую часть нужныхъ ей предметовъ продовольствія и товаровъ, такъ же, какъ и своихъ посѣтителей, то, естественно, проекты новыхъ дорогъ—а они очень многочисленны—почти всѣ относятся къ сѣверо-западной части государства, между Тегераномъ и русской границей. Уже были даже выданы формальныя концессіи на постройку желѣзнодорожныхъ линій, но потомъ взяты обратно и, быть можетъ, отчасти изъ опасенія возможныхъ въ будущемъ непріятельскихъ нашествій. Тѣмъ не менѣе, однако, эти проекты тщетно будутъ устраняемы: все равно, настанетъ день, когда воля могущественнаго сосѣда будетъ высказана рѣшительно и окончательно: когда желѣзныя дороги Закавказья соединятся съ рельсовой сѣтью Европейской Россіи и будутъ продолжены до персидской границы, эта черта не замедлитъ быть перейденной, и локомотивы взберутся по скатамъ иранскаго плоскогорья. Безъ сомнѣнія, матеріальныя препятствія значительны, и чтобы достигнуть Тегерана, высота положенія котораго превосходитъ высоту всѣхъ французскихъ городовъ, за исключеніемъ Монлуи и Бріансона, нужно будетъ перейти черезъ высокіе пороги; но это трудности такого рода, передъ которыми не отступаютъ современные инженеры. Какъ только ровная поверхность плоскогорья будетъ завоевана паровозами, легко будетъ провести отъ магистральной линіи побочныя вѣтви къ важнѣйшимъ городамъ Ирана. Даже не было бы ничего невозможнаго продолжить желѣзную дорогу до англійской Индіи, проведя ее на всемъ протяженіи черезъ населенныя мѣстности: такія значительныя станціи, какъ Шахрудъ, Нишапуръ, Гератъ, Фарахъ, Кандахаръ, обезпечили бы этому рельсовому пути мѣстную торговлю,—выгода, которой будетъ совершенно лишена всякая дорога, проведенная сѣвернѣе, по степямъ и пескамъ русской Азіи.

Была также проектирована постройка другой линіи, открывающей доступъ въ предѣлы Персіи. Отправляясь изъ Багдада, эта линія должна была подниматься по теченію рѣки Діалахъ до Хиникина, послѣдняго турецкаго города, затѣмъ пошла бы долиной Гальвана по древней «царской дорогѣ» Александра Македонскаго; но предстоящія работы по проведенію дороги черезъ краевыя горныя цѣпи и подъему по скатамъ плоскогорья потребовали бы огромныхъ расходовъ, и, вѣроятно, еще

[4]) Gasteiger, „Von Kirman nach Baludchistan".

долго придется отступать передъ осуществленіемъ этого громаднаго предпріятія. Пока самое нужное и безотлагательное дѣло—это замѣнить хорошими колесными дорогами плохія тропинки, поднимающіяся съ равнины и съ береговъ моря къ внутреннимъ плоскогорьямъ. Четыре дороги особенно необходимы: дорога изъ Багдада въ Гамаданъ, по направленію «царскаго пути», затѣмъ дорога изъ Шустера въ Испагань, продолжающая линію судоходства по Каруну [1]), и наконецъ, два подъемныхъ пути изъ Бушира и Бандаръ-Аббаса въ Ширазъ и Кирманъ. Но персіане говорятъ, что «европейцы не имѣли бы дорогъ, если бы у нихъ были такія лошади, какъ наши» [2]), и нисколько не заботятся объ улучшеніи своихъ путей сообщенія. Въ настоящее время единственная колесная дорога, не считая тѣхъ, которыя представляетъ ровная поверхность глинистыхъ или солончаковыхъ пустынь,—это дорога изъ Тегерана въ Касвинъ, по которой ѣздятъ на русскихъ телѣгахъ. Вокругъ большихъ городовъ, какъ Испагань, не увидишь ни одной телѣги, тогда какъ близъ Хонсара онѣ въ общемъ употребленіи [3]).

Вся торговля Ирана производится посредствомъ каравановъ, которые составляются въ городахъ плоскогорья, чтобы отправиться либо до другаго значительнаго города Персіи, либо въ заграничный городъ, какъ Эрзерумъ или Багдадъ. Въ западныхъ областяхъ, гдѣ дороги проложены по бокамъ крутыхъ горъ, товары перевозятся на спинахъ муловъ: верблюдовъ употребляютъ только для дорогъ относительно ровныхъ, плоскогорья и западныхъ провинцій. Часто караванъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотенъ вьючныхъ животныхъ, которыя двигаются нескончаемой вереницей, одно за другимъ, подъ предводительствомъ испытанной лошади, гордящейся своимъ шумнымъ колокольчикомъ, звонъ котораго разносится на далекое пространство въ безмолвіи ночи. Рѣдко случается, чтобы путешествіе совершалось днемъ подъ знойными лучами солнца; обыкновенно переходы отъ этапа до этапа, среднее разстояніе между которыми отъ 30 до 36 километровъ, дѣлаются по ночамъ, при яркомъ свѣтѣ звѣздъ; днемъ отдыхаютъ подлѣ колодцевъ или лужъ, а въ мѣстностяхъ, гдѣ есть проточныя воды и зелень—на тѣнистыхъ берегахъ ручьевъ. На шестнадцати главныхъ дорогахъ, называемыхъ «шахскими», учреждены, на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, станціи для почтовой службы, и путешественники и ихъ животныя находятъ кровъ въ обширныхъ каравансараяхъ. Почти всѣ эти зданія, изъ которыхъ иныя отличаются обширными размѣрами и даже архитектурной пропорціональностью частей, восходятъ, по времени постройки, къ царствованію шаха Аббаса; но съ той эпохи ихъ никогда не ремонтировали, и подходы къ нимъ завалены мусоромъ и обломками. Большинство мостовъ, воздвигнутыхъ по повелѣнію того же государя, сдѣлались дотого опасными, что по нимъ уже не отваживаются проходить; точно также тщательно избѣгаютъ пришедшихъ въ разрушеніе мостовыхъ, разсѣянныхъ среди топей и трясинъ. Правда, что время мало цѣнится въ Персіи, и если дорога трудная, то ничего не стоитъ идти медленно: часто видишь стариковъ, предпринимающихъ, безъ спутника, отдаленныя путешествія въ нѣсколько сотъ миль съ такой беззаботностью, какъ будто они идутъ въ гости въ сосѣднюю деревню [1]). На самой оживленной, наиболѣе посѣщаемой дорогѣ, ведущей изъ Тегерана въ囘Рештъ, употребляютъ семь дней, чтобы пройти весь путь длиной около 300 километровъ. Нужно цѣлый мѣсяцъ, чтобы достигнуть Бушира, сорокъ дней, чтобы добраться до Бандаръ-Аббаса, два мѣсяца—чтобы дойти до белуджистанской границы, лежащей за городомъ Бампуръ.

Совокупность внѣшней торговли Персіи исчисляется приблизительно въ 60 милліоновъ рублей; опредѣленная таможенная пошлина въ размѣрѣ 5 процентовъ взимается со всѣхъ товаровъ при ввозѣ и вывозѣ (цѣнность заграничной торговли въ 1893 г. простиралась до 62 милліоновъ рублей, изъ которыхъ 29 милліоновъ приходились на вывозъ, а 33 милліона на ввозъ; таможенныхъ пошлинъ собрано 1.200.000 рублей). Но къ этому налогу, единственному, который приходится платить иностранцамъ, прибавляется для туземцевъ акцизъ и сборы на заставахъ или внутреннихъ таможняхъ: такимъ образомъ этой странной фискальной системой европейскимъ негоціантамъ оказывается «покровительство» противъ ихъ персидскихъ конкуррентовъ [2]). Внутри государства торговыя сношенія увеличиваются изъ году въ годъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ постоянное возрастаніе числа телеграмъ, посылаемыхъ туземцами. Кромѣ англо-индійскаго телеграфа, захватывающаго персидскую территорію на протяженіи отъ Тавриза до Бушира, иранское правительство соединило сѣтью проволокъ всѣ большіе города имперіи. Въ 1893 году общая длина телеграфныхъ линій

[1]) Dieulafoy, „La Perse ouverte“, „Philosophie positive“, mai—juin 1883.

[2]) Polak, „Persien, das Land und seine Bewohner“.

[3]) Въ 1893 г. колесныхъ дорогъ было гораздо больше: путь изъ Тегерана въ Касвинъ продолженъ до Решта; кромѣ того Мешхедъ соединенъ колесной дорогой съ Асхабадомъ; изъ Тегерана проложена еще дорога въ Султанъ-абадъ черезъ Кумъ. Кромѣ этихъ большихъ дорогъ есть еще нѣсколько колесныхъ дорогъ въ окрестностяхъ Тегерана, Решта и Тавриза. Протяженіе желѣзныхъ дорогъ самое небольшое: всего еще только 17 верстъ.

[1]) A. de Gobineau, „Tour du Monde“, 1860;—Floyer, „Unexplored Baluchistan“.

[2]) Jane Dieulafoy, „Tour du Monde“, 1883.

равнялась 6.000 верстамъ. Большинство начальствующихъ лицъ въ телеграфныхъ бюро— члены царской фамиліи [1]).

Понятно, что общественная нравственность мало развита въ странѣ, гдѣ разводъ практикуется такъ часто, гдѣ временные брачные союзы, заключаемые на двадцатипяти-дневный срокъ или даже на менѣе продолжительный періодъ времени, совершаются формально и освящаются муллами; мало встрѣтишь женщинъ, которыя бы достигли двадцати-четырехъ-лѣдняго возраста, не имѣвъ уже двухъ или трехъ мужей [2]); всего рѣже разводъ постигаетъ тѣхъ супругъ, которыя уже до брака были родственницами супруга: такія командуютъ всѣмъ семействомъ и часто пользуются значительнымъ вліяніемъ, даже внѣ *эндеруна*. Рабство еще существуетъ, и арабы изъ Маската все еще привозятъ въ Иранъ негровъ и сомальцевъ, которыхъ они продаютъ открыто, какъ товаръ, тому, кто предложитъ бо̀льшую цѣну; балучскіе и туркменскіе плѣнники—единственные бѣлой расы, которые обращаются въ рабство [3]). Впрочемъ, съ невольниками вообще обращаются, какъ съ членами семьи, и самое обыкновенное имя, которое имъ даютъ—*бача* или «дѣти». Они могутъ дѣлаться собственниками, хотя по закону, все, что̀ они пріобрѣтаютъ, считается принадлежащимъ ихъ господину [4]).

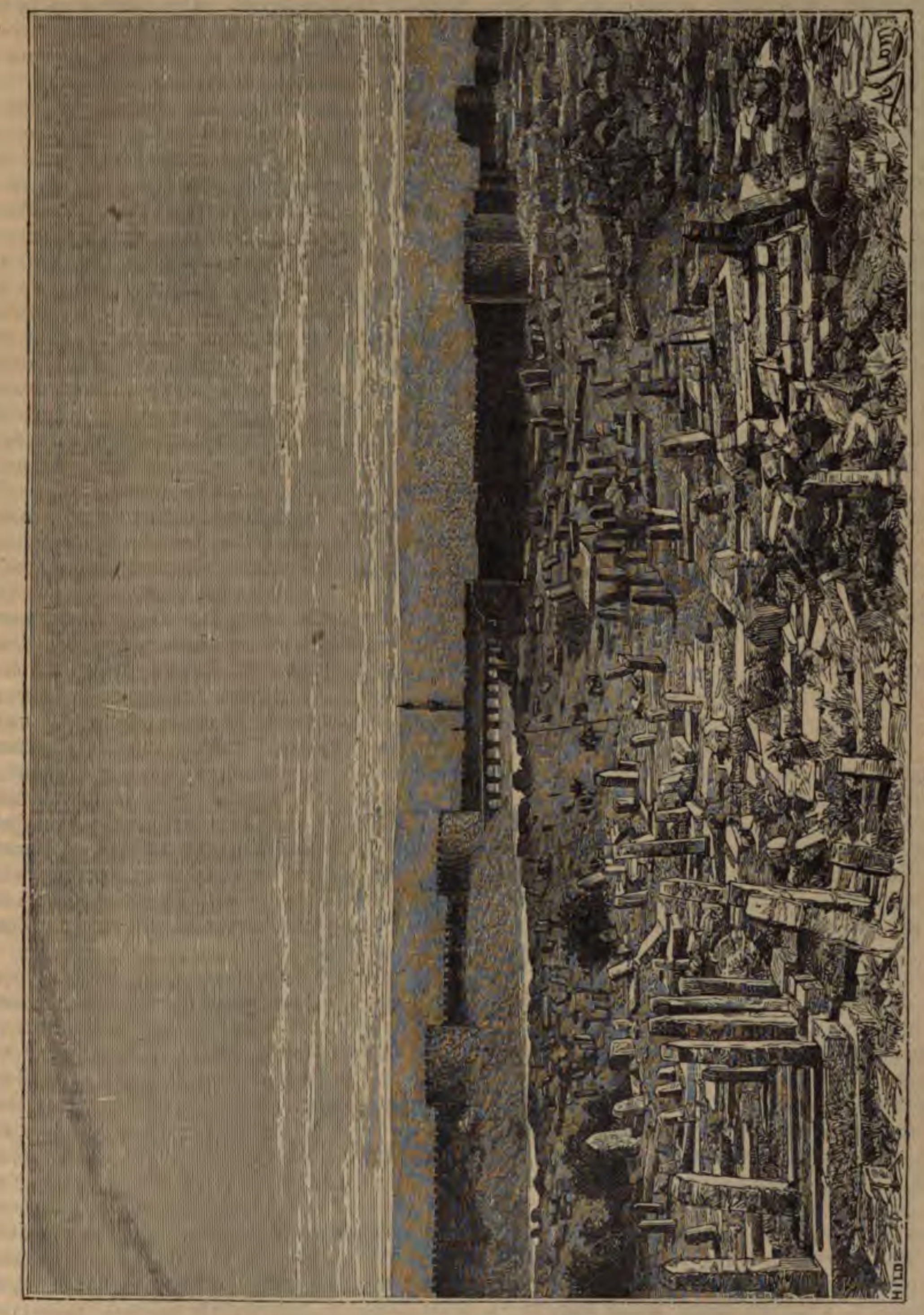
Элементарное образованіе болѣе распространено въ Персіи, чѣмъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Европы. Почти при каждой мечети есть школа или медресе; всѣ дѣти въ городахъ и въ большинствѣ деревень учатся декламировать стихи корана, строфы знаменитыхъ персидскихъ поэтовъ. Ихъ поэтическій вкусъ настолько развитъ, что каждый персіанинъ, на базарахъ, въ лавкахъ, въ становищахъ каравановъ, находитъ удовольствіе въ декламированіи идиллій Гафиза или стихотвореній Фирдуси. Тысячи изъ нихъ и сами большіе мастера слагать стихи, писать сочиненія по какому-нибудь научному вопросу, богословскому догмату или проблемѣ изъ алхиміи. Съ половины настоящаго столѣтія стали переводить на персидскій языкъ, подъ руководствомъ г. де-Гобино, произведенія европейскихъ литературъ, какъ, напримѣръ, «Discours sur la Méthode». Титулъ *мирза*, помѣщаемый, правда, въ началѣ или въ концѣ имени, смотря по смыслу, который ему придаютъ, означаетъ равно «принца, князя» или «грамотѣя, книжника». «Чернила ученыхъ болѣе драгоцѣнны, чѣмъ кровь мучениковъ», повторяютъ персіане вмѣстѣ съ пророкомъ. Однако, книгопечатаніе, введенное въ Тавризѣ съ начала текущаго столѣтія, еще мало утилизируется: рукописи воспроизводятся преимущественно посредствомъ литографіи; какъ красивый почеркъ считается однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній образованія, то естественно оказываютъ предпочтеніе тому способу воспроизведенія, при которомъ наиболѣе сохраняется изящная форма рукописныхъ буквъ. У персіанъ существуетъ также нѣсколько періодическихъ изданій въ Тавризѣ, Тегеранѣ, Испагани; но эти листки, редактируемые подъ наблюденіемъ губернаторовъ, далеко не представляютъ собой, какъ въ европейскихъ странахъ, одной «изъ властей государства».

Персія—царство, пришедшее въ упадокъ, какъ по территоріальному протяженію и численности народонаселенія, такъ и по относительной важности своей торговли и дѣятельности своей промышленности. Но государь этой страны не испыталъ оффиціальнаго умаленія своей власти, и рѣчь, которую онъ держитъ подвластнымъ ему народамъ, не менѣе высокомѣрна, чѣмъ рѣчь Артаксеркса или Дарія, когда они торжествовали и увѣковѣчивали свою славу посредствомъ вырѣзанныхъ на скалѣ надписей, на языкахъ своихъ безчисленныхъ подданныхъ. Что значатъ европейскія «величества», «короли Божіею милостію» въ сравненіи съ этимъ «царемъ царей, превознесеннымъ какъ планета Сатурнъ, Полюсомъ вселенной, Кладеземъ мудрости, Подножіемъ неба, блистательнымъ самодержцемъ, которому солнце служитъ штандартомъ и великолѣпіе котораго подобно великолѣпію небесъ, монархомъ, арміи котораго многочисленны, какъ звѣзды на небесномъ сводѣ?» Между властелинами народовъ есть ли хоть одинъ, болѣе законный чѣмъ это, «Исхожденіе самаго Бога»? Каждый въ Персіи повторяетъ стихи Сади: «Всякій порокъ, одобряемый царемъ, становится добродѣтелью». «Искать мнѣнія, противнаго царскому, значитъ омыть руки въ собственной крови!» Но всемогуществу шаха грозитъ серьезная опасность. Въ глазахъ всѣхъ, шахъ есть не болѣе, какъ государь de facto, но не законный монархъ, ибо онъ не Алидъ, а по неоспоримой доктринѣ, потомки Али, которые въ то же время по женской линіи и потомки Ездиджерда, одни имѣютъ право на тронъ Ирана [1]). Несмотря на грандіозные титулы, которыми обладаетъ ханъ бѣднаго тюркскаго племени каджарцевъ, сдѣлавшійся шахомъ персидскимъ, власть его теперь очень ограничена. Послѣднее его столкновеніе съ европейской державой имѣло мѣсто въ 1857 г., когда англичане высадили маленькую армію въ Бушірѣ и бомбардировали городъ Могаммерахъ. Съ той поры ему не остается ничего болѣе, въ своей внѣш-

[1]) O'Donavan, „The Merv Oasis".
[2]) De Gobineau, „Trois ans en Asie".
[3]) Polak, цитированное сочиненіе.
[4]) Gasteiger, „Von Kirman nach Baluchistan".

[1]) De Gobineau, „Religions et Philosophies dans l'Asie Centrale".

ней политикѣ, какъ сообразоваться съ указаніями, которыя ему даютъ иностранные министры, резидирующіе при его дворѣ. Въ особенности онъ долженъ принимать совѣты русскаго посланника, ибо ему нельзя забывать, что сохраненіе его власти зависитъ единственно отъ воли могущественнаго сосѣда. Въ 1829 году, когда знаменитый писатель Грибоѣдовъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при тегеранскомъ дворѣ, былъ убитъ разъяренной чернью, и императоръ Николай оставилъ это дѣло безъ отмщенія, правительство Персіи поняло, какое было единственное средство получить его прощеніе; съ той эпохи оно сдѣлалось вассаломъ Петербурга. Персидское государство превращается постепенно, но вѣрно въ русскую провинцію: новые господа не несутъ на себѣ ни издержекъ,



Діарбекиръ на Тигрѣ.

ни отвѣтственности завоеванія, но выгоды господства, тѣмъ не менѣе, принадлежатъ имъ.

Даже въ дѣлахъ внутренняго управленія власть шаха ограничена предписаніями корана, обычаемъ, вліяніемъ *муштеида* и другихъ духовныхъ особъ, которыхъ общее уваженіе облекаетъ авторитетомъ; они должны также принимать во вниманіе совѣты и указанія иностранныхъ посольствъ, опасаться даже силы нѣкотораго общественнаго мнѣнія; еще больше боятся они неблагопріятныхъ сужденій европейской печати. Но въ Персіи нѣтъ никакого представительнаго собранія или учрежденія, засѣдающаго у ступеней трона: власть шаха ограничена только духовнымъ закономъ, основаннымъ на Коранѣ. Министры, которыхъ выбираетъ шахъ, и которыхъ онъ опредѣляетъ, по своему усмотрѣнію, число и рангъ, суть не болѣе, какъ царскіе слуги, которыхъ онъ осыпаетъ почестями или велитъ удавить, смотря по капризу. Главные визири—министры иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, военный, богоугодныхъ заведеній. Къ числу наименѣе вліятельныхъ визирей принадлежитъ министръ народнаго просвѣщенія. Одинъ серьезный авторъ разсказываетъ, что какой-то изъ этихъ министровъ былъ обязанъ своимъ назначеніемъ на высшій государственный постъ счастливой идеѣ—посылкѣ депеши, возвѣщавшей о томъ, что дыни благополучно созрѣли.

Административный режимъ — тотъ самый, который господствовалъ въ древнихъ сатрапіяхъ. Провинціи подчинены *хакимамъ* или губернаторамъ, этимъ «столпамъ и опорамъ государства», которые, будучи избираемы по большей части изъ членовъ царской фамиліи и имѣя постоянное мѣстопребываніе въ Тегеранѣ, замѣняются въ провинціяхъ второстепенными визирями. Власть ихъ, исходящая изъ царской власти и безапелляціонная, заключаетъ въ себѣ право жизни, пытки и смерти. «Царь улыбается только для того, чтобы показать свои львиные зубы», говоритъ персидская пословица, передаваемая Шарденомъ. Бывали примѣры, и даже въ недавнее время, что владыка, покрываясь краснымъ плащемъ, «мантіей гнѣва», повелѣвалъ замуровывать человѣка живымъ въ постройки какого-нибудь дворца, засѣкать до смерти ударами кнута или сжигать на медленномъ огнѣ. Тюремное заключеніе, дорого стоющее казнѣ, есть одно изъ наказаній, наименѣе примѣняемыхъ; рѣдко случается, чтобы заточеніе осужденнаго продолжалось цѣлые мѣсяцы: день новаго года раскрываетъ настежь двери всѣхъ тюремъ [1]. Уѣздные начальники — это сущіе царьки въ своемъ округѣ, такъ же, какъ келантеры или начальники полиціи, поставленные во главѣ управленія городовъ. Какъ и въ другихъ мусульманскихъ странахъ, юриспруденція и отправленіе правосудія смѣшивается съ религіей; шейхъ-уль-исламы засѣдаютъ, въ качествѣ судей, въ главныхъ городахъ провинцій и назначаютъ второстепенные трибуналы, судей низшей инстанціи, на обязанности которыхъ лежитъ разбирательство исковыхъ и тяжебныхъ дѣлъ и сужденіе проступковъ, и которые въ своихъ приговорахъ руководствуются, какъ имъ заблагоразсудится, либо рѣшеніями корана, либо прежде бывшими примѣрами, прецедентами, даваемыми обычаемъ. Однако, мы находимъ въ каждомъ городѣ и во многихъ деревняхъ начатки народнаго суда и вмѣстѣ съ тѣмъ народнаго представительства: всѣ купцы соединяются для избранія изъ своей среды старшины, на обязанность котораго возлагается примирять приходящіе въ столкновеніе интересы и защищать общину передъ судьями и губернаторами; но, кромѣ того, этотъ выборный старшина несетъ отвѣтственность за всякій безпорядокъ, могущій произойти въ районѣ его вѣдомства. Въ случаѣ причиненнаго кому-либо убытка, онъ обязанъ вознаградить потерпѣвшаго; оттого полиція, благодаря дѣятельному наблюденію выборнаго представителя, заинтересованнаго въ охраненіи порядка, гораздо лучше устроена въ Персіи, чѣмъ въ Азіатской Турціи [1]; жители деревень не носятъ оружія, и несогласія рѣдко переходятъ у нихъ въ ссоры и драки. Кочевыя населенія имѣютъ свое особое устройство, но, какъ и провинціи, они составляютъ группы строго монархическія. Глава племени или ильхани зависитъ непосредственно отъ шаха или отъ хакима, и, принимая тоже титулъ «столпа государства», есть единственный полновластный господинъ и повелитель народца, повиновеніе котораго онъ гарантируетъ.

Армія состоитъ главнымъ образомъ изъ турокъ и туркменъ, набираемыхъ въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, гдѣ воинственные инстинкты гораздо болѣе развиты, чѣмъ въ областяхъ, обитаемыхъ собственно персіанами; кашкайскіе начальники племени, бахтіарскіе ильханы, шейхи Арабистана поставляютъ банды грозныхъ наѣздниковъ. Каждое большое племя илята должно снарядить на свой счетъ *фуджъ*, то-есть отрядъ изъ 800 конныхъ людей, для исполненія пограничной службы. Христіане и гвебры освобождены отъ несенія воинской повинности, такъ же, какъ и жители Кашана, искони пользующіеся репутаціей трусовъ [2]; солдатъ или *сербазъ*, то-есть «человѣкъ, не дорожащій

[1]) F. de Filippi, „Note di un Viaggio in Persia“;—Wells, „The Land of Lion and Sun“;—Grattan Geary, „Through Asiatic. Turkey“;—De Gobineau, „Religions et Philosophies dans l'Asie Centrale“.

[1]) H. Petermann, „Reisen im Orient“;—De Gobineau, „Trois ans en Asie“.

[2]) De Bode, „Travels in Luristan“;- Polak;—Jane Dieulafoy, цитированныя сочиненія.

«своей головой», берется не иначе, какъ изъ воинственныхъ расъ. Въ цѣломъ, это войско, отличное по происхожденію отъ народа, который оно должно держать въ повиновеніи, слишкомъ склонно третировать жителей въ качествѣ побѣжденныхъ, и нерѣдко само выплачивало себѣ недоплаты жалованья, предавая разграбленію цѣлый округъ. До 1875 года солдаты принадлежали шаху, въ продолженіе всей жизни и возвращались къ домашнему очагу лишь въ качествѣ временно-отпускныхъ; въ настоящее время, если бы мы повѣрили оффиціальнымъ документамъ, срокъ военной службы сокращенъ до двѣнадцати лѣтъ, и наборъ рекрутъ производится посредствомъ вынутія жеребья, съ правомъ представленія замѣстителя; но эти реформы существуютъ пока лишь на бумагѣ. Въ дѣйствительности, старая система остается въ полной силѣ: въ солдаты берутъ того, кто не въ состояніи откупиться отъ этой повинности [1]). Регулярная армія, или *низамъ*, экипирована и дисциплинирована на европейскій манеръ, подъ руководствомъ иностранныхъ инструкторовъ. Съ начала нынѣшняго столѣтія офицеры французскіе, англійскіе, австрійскіе работали надъ организаціей войскъ, постройкой крѣпостей и снабженіемъ арсеналовъ боевыми припасами; въ наши дни военнымъ обученіемъ занимаются преимущественно русскіе и австро-венгерцы; за исключеніемъ нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи, одѣтыхъ по-казацки, персидскіе солдаты облечены въ австрійскій мундиръ. По оффиціальнымъ штатамъ, армія заключаетъ въ себѣ 77 батальоновъ пѣхоты, по 800 человѣкъ, 79 полковъ кавалеріи, 20 полковъ артиллеріи, 1 батальонъ саперовъ. Совокупность арміи превышаетъ, слѣдовательно, 100.000 человѣкъ, при 200 артиллерійскихъ орудіяхъ, но въ среднемъ она не достигаетъ и половины этого личнаго состава: около десяти тысячъ человѣкъ составляютъ спеціальный корпусъ, отправляющій службу жандармеріи и полиціи. Правительство экономно и даже для содержанія арміи не выходитъ изъ предѣловъ своего бюджета, опредѣляемаго въ годъ въ 14.000.000 руб. Что касается военнаго флота, то онъ ограничивается нѣсколькими таможенными барками и шахской яхтой, стоящей на якорѣ въ Энзелійскомъ рейдѣ и командуемой адмираломъ; въ силу трактатовъ, Каспій—исключительно русское море.

Персія—одно изъ рѣдкихъ государствъ, которыя не имѣютъ государственнаго долга и не обогащаютъ европейскихъ капиталистовъ займами, заключаемыми за ростовщическіе проценты. Корона владѣетъ даже собственной казной, гдѣ скопляются благородные металлы, самоцвѣтные камни, драгоцѣнности, представляющіе, говорятъ, цѣнность въ сотню милліоновъ. Быть можетъ, и теперь еще не рѣшаются, какъ это было во времена Шардена, сдѣлать общее исчисленіе цѣнности сокровищъ, изъ опасенія накликать тѣмъ бѣду на шахскую казну. Два главныхъ источника государственныхъ доходовъ—поземельный налогъ, установленный въ размѣрѣ одной пятой получаемыхъ произведеній, не включая сюда добавочныхъ, произвольныхъ налоговъ, и таможенный сборъ, снимаемый у правительства на откупъ за 5 или 6 милліоновъ въ годъ; Бендаръ-Аббасъ, нѣкоторые другіе порты и острова у южныхъ береговъ сдаются въ аренду Маскатскому имаму. Кромѣ того, правительство декретируетъ, когда ему вздумается, дополнительные налоги, либо во всей имперіи, либо въ какомъ-либо отдѣльномъ округѣ, что позволяетъ губернаторамъ предаваться самымъ вопіющимъ вымогательствамъ и влечетъ за собой разореніе населеній на долгіе годы. Пріѣздъ хакима въ городъ, такъ же, какъ и отъѣздъ его, обязываетъ городское общество представить ему уплату за путевые расходы, состоящую изъ червонцевъ, подносимыхъ на золотомъ или серебряномъ блюдѣ, изъ драгоцѣнныхъ кашемировъ, изъ лошадей и муловъ; въ прежнее время совершали закланіе барановъ и даже быковъ при приближеніи губернатора. Каждый чиновникъ прибавляетъ къ своему оффиціальному окладу жалованья продуктъ добровольныхъ приношеній или принудительныхъ поборовъ, которые ложатся тяжелымъ бременемъ на его подчиненныхъ: этотъ дополнительный доходъ извѣстенъ подъ именемъ *мокатель*. Нынѣшній шахъ Музафферъ-Эддинъ, вступившій на престолъ въ 1896 г., проявилъ намѣреніе упорядочить администрацію, искоренивъ подкупы и продажность должностей.

Денежные знаки Персіи, золотыя, серебряныя и мѣдныя монеты, выдѣлываемыя изъ привозимыхъ изъ Россіи слитковъ металла, чеканятся почти во всѣхъ большихъ городахъ, даже въ Сикогахѣ, въ Сеистанѣ; символы царскаго могущества, золотыя и серебряныя монеты, носятъ на себѣ имя шаха, а на нѣкоторыхъ имѣется даже его изображеніе, несмотря на запрещеніе корана. Прежде *томаны* чеканились изъ чистаго золота; теперь же они содержатъ значительную пропорцію лигатуры и по большей части обрѣзаны: купцы принимаютъ ихъ не иначе, какъ на вѣсъ. Оффиціально, монетная система, съ 1879 года, та же, какъ и во Франціи. Томанъ состоитъ изъ десяти *крановъ* или франковъ, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на десять двойныхъ *шаевъ* (*шагисъ*) или децимовъ; другія дѣленія тѣ же самыя, какъ и во французской монетной системѣ.

Нижеслѣдующая таблица даетъ списокъ про-

[1]) Jane Dieulafoy, „Tour du Monde", 1892;—M. Dieulafoy, рукописныя замѣтки.

винцій и губерній съ ихъ главными городами и приблизительной цифрой населенія. Границы губерній, ихъ округовъ или уѣздовъ и *булуковъ* или кантоновъ часто мѣняются, смотря по степени милости, какою пользуются *шахъ-задехи* или царскіе сыновья и другія высокопоставленныя особы, которымъ ввѣрено управленіе краемъ, ибо ихъ доходы возрастаютъ или уменьшаются пропорціонально пространству провинціи.

Провинціи.	Губерніи.	Главные города.	Другіе важные города.	Народонаселеніе.
Азербейджанъ	Азербейджанъ.	Тавризъ.	Урмія, Хой, Марага	1.400.000
Иракъ-Аджеми	Хамсе. Касвинъ. Тегеранъ. Гамаданъ. Кумъ. Кашанъ. Испагань.	Зенджанъ. Касвинъ. Тегеранъ. Гамаданъ. Кумъ. Кашанъ. Испагань.	Дамганъ, Семнанъ, Шахрудъ, Бостамъ, Савехъ, Гульпайганъ, Хонсаръ, Неджефабадъ, Купа, Найнъ, Тафтъ, Ардаганъ, Майбутъ.	1.320.000
Курдистанъ	Ардиланъ. Керманшахъ.	Сенна. Керманшахъ.		260.000
Луристанъ	Буруджирдъ.	Буруджирдъ.	Хорремабадъ.	300.000
Фарсистанъ	Ширазъ.	Ширазъ.	Буширъ, Казерунъ, Фирузабадъ.	1.200.000
Арабистанъ или Хузистанъ	Шустеръ.	Шустеръ.	Диафуль, Бебеханъ.	600.000
Кирманъ	Кирманъ.	Кирманъ.	Бахрамабадъ.	600.000
Малаиръ Турсиканъ	Бампуръ.	Бампуръ.		100.000
Гилянъ	Гилянъ.	Рештъ.	Ленгерудъ, Энзели.	400.000
Мазандеранъ	Мазандеранъ.	Сари.	Барфрушъ, Амоль.	250.000
Астрабадъ	Астрабадъ.	Астрабадъ.		150.000
Хорассанъ	Хорассанъ.	Мешедъ.	Нишапуръ, Кучанъ, Ширванъ.	1.000.000

Глава V

Азіатская Турція.

I.

Точно такъ же, какъ Европейская Турція, та часть Передней Азіи, которою управляетъ константинопольскій султанъ, есть расчлененная политическая область, остатокъ нѣкогда существовавшей имперіи, и многія территоріи принадлежатъ ему только наполовину, какъ бы съ соизволенія великихъ европейскихъ державъ. На сѣверо-востокѣ Россія выправила границу къ своей выгодѣ, овладѣвъ стратегическими пунктами на раздѣльномъ хребтѣ; напередъ указываются тѣ дороги, которыми ея арміи спускаются къ Евфрату, и тѣ армянскіе и курдскіе округи, которые она присоединитъ къ другимъ, уже завоеваннымъ. Англія, не будучи въ состояніи помѣшать этимъ политическимъ перемѣнамъ, такъ какъ она неблагоразумно впуталась въ это дѣло, взявъ на себя протекторатъ надъ турецкими владѣніями въ Азіи, хотѣла получить свою долю добычи и присвоила себѣ островъ Кипръ, откуда она можетъ, по крайней мѣрѣ, наблюдать за событіями. Даже греки морскаго прибрежья, и тѣ, учрежденіемъ маленькаго княжества Самосъ, подъ оффиціальной верховной властью Порты, начали дѣло возстановленія своей независимости отъ господства оттомановъ.

И въ то время, какъ на границахъ и морскихъ берегахъ Турецкой имперіи въ Азіи грозитъ опасность, въ отношеніи ея территоріальной цѣлости, либо со стороны иностранныхъ державъ, либо со стороны собственныхъ подданныхъ, возвращающихъ себѣ свои права, она теряетъ и внутреннее сцѣпленіе, вслѣдствіе столкновеній племенъ и классовъ: разрушается фасадъ, и зданіе даетъ трещины во внутренности. Греки и турки, лазы, курды, армяне, марониты, друзы, ансаріехи волнуются, какъ будто связь, соединяющая ихъ въ одинъ политическій союзъ, должна скоро порваться. Мно-

гія территоріи, показанныя на картахъ принадлежащими падишаху, населены племенами, въ дѣйствительности независимыми. Кромѣ того, различныя провинціи имперіи отдѣлены одна отъ другой областями пустынными или опустошенными, и въ южной части Азіатской Турціи нужно идти многіе дни черезъ пустыни, чтобы изъ воздѣланныхъ долинъ Ливана добраться до береговъ Евфрата. Со временъ римской эпохи необработанныя пространства увеличились въ протяженіи; вокругъ Пальмиры и другихъ древнихъ городовъ теперь увидишь только палатки кочевниковъ; змѣи ползаютъ между распавшимися камнями античныхъ храмовъ. За отсутствіемъ всякой сколько-нибудь точной статистики, нельзя утверждать этого съ достовѣрностью, но большинство путешественниковъ согласно говорятъ, что въ наши дни пробѣлы еще возрастаютъ между группами населенія; сельскія мѣстности отчасти обезлюдѣли съ половины настоящаго столѣтія,—во многихъ округахъ отъ голодовокъ, въ другихъ мѣстахъ отъ выселенія и во всей мусульманской территоріи—отъ частыхъ наборовъ солдатъ, которымъ по большей части не суждено когда-нибудь вновь увидѣть родную почву.

Пространство и народонаселеніе Азіатской Турціи, съ островами Самосомъ и Кипромъ, въ приблизительныхъ числахъ, по Бему и Вагнеру:

Пространство—1.900.000 кв. килом.; вѣроятное населеніе—16.873.000 жит.; километрическое населеніе—9,9 жителей.

Принимая во вниманіе сейчасъ указанную расчлененность турецкихъ владѣній въ Азіи, очевидно, слѣдуетъ разсматривать отдѣльно, какъ особенныя области или края, каковы бы ни были оффиціальныя административныя дѣленія, страны Азіатской Турціи, которыя представляютъ нѣкоторое единство по своимъ географическимъ контурамъ, по своей исторіи или происхожденію населенія. Замкнутый бассейнъ озера Ванъ и горные массивы Курдистана и Арменіи, между Закавказьемъ и верхнимъ Евфратомъ, составляютъ одну изъ естественныхъ областей. Равнина Месопотаміи, гдѣ основались могущественныя царства, и гдѣ находились знаменитые въ древности города—также самостоятельная территорія, имѣвшая свою собственную историческую эволюцію и образующая хорошо ограниченное географическое цѣлое. То же самое можно сказать о полуостровѣ Малой Азіи, прибрежье котораго, окаймленное островами и островками, развертываетъ, въ видѣ исполинской кривой, свой поясъ воздѣланныхъ земель и деревень вокругъ плоскихъ возвышенностей, слабо населенныхъ и занятыхъ частію солончаковыми степями. Равнымъ образомъ островъ Кипръ, входящій теперь въ составъ громадной, всепоглощающей Великобританской имперіи, долженъ быть изучаемъ отдѣльно, тѣмъ болѣе, что уже въ глубокой древности онъ игралъ выдающуюся историческую роль, какъ посредникъ Финикіи и Греціи. Наконецъ, Сирія и Палестина, длинная гористая страна, ограниченная съ одной стороны водами Средиземнаго моря, съ другой песками пустыни, тоже представляетъ совершенно обособленную географическую область; въ исторіи человѣчества жители ея оказали капитальное вліяніе своими открытіями, торговыми сношеніями и передачей идей. Что касается турецкихъ владѣній на прибрежьяхъ Аравіи, то ихъ, понятно, слѣдуетъ изучать въ совокупности со всѣмъ полуостровомъ, часть котораго они составляютъ.

II. Лазистанъ, Арменія и Курдистанъ.

Прибрежье Понта, бассейны озера Ванъ и верхняго Евфрата.

Если нынѣшніе политическіе предѣлы Азіатской Турціи не совпадаютъ съ естественными границами, то по крайней мѣрѣ краеугольный межевой столбъ, раздѣляющій владѣнія русскаго царя, шаха персидскаго и султана османлисовъ, выбранъ какъ нельзя болѣе удачно: это—массивъ Арарата. Разграниченіе трехъ имперій находится на хребтѣ или проходѣ, открывающемся между главнымъ и нижнимъ конусами этого массива. Начиная отъ этого пункта, политическая граница Турціи слѣдуетъ до разстоянія 150 километровъ къ западу отъ линіи водораздѣла, между бассейнами Аракса и Евфрата. Всѣ понимаютъ, что граница эта временная. Между изслѣдователями, которые прошли страну во всѣхъ направленіяхъ, русскіе занимаютъ, по числу, далеко не послѣднее мѣсто; но ихъ карты и планы предназначены по большей части для стратегическихъ этюдовъ генеральнаго штаба, и если судить по воспоминаніямъ предшествовавшихъ войнъ, то можно предвидѣть, что столкновенія кончатся новыми территоріальными присоединеніями. Эльборусъ можетъ повторить Тандуреку, Бингель-дагу, Аргейской горѣ то, что онъ говорилъ нѣкогда Казбеку въ стихотвореніи Лермонтова «Споръ»: «Берегись!

Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!»
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ полный думъ:
Видитъ страшное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,

Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамена,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымяся, какъ предъ боемъ,
Фитили горятъ...

Къ западу отъ горы Араратъ, цѣпь, усаженная вулканическими конусами, небольшаго относительно возвышенія надъ гребнемъ, ограничиваетъ своей крутой стѣной зеленѣющія равнины Эчміадзинскаго бассейна. Нѣкоторыя вершины, Чингилъ, Перли-дагъ и другія, переходятъ за высоту 3.000 метровъ, поднимаясь почти на 1.500 метровъ надъ уровнемъ равнины; но, продолжаясь извилистой линіей въ западномъ направленіи, затѣмъ въ юго-западномъ, цѣпь постепенно понижается, въ то же время, какъ поднимается, у ея сѣвернаго основанія, долина Аракса. Около области истоковъ она опять повышается и образуетъ, вмѣстѣ съ другими сходящимися цѣпями, массивъ Бингельдагъ или «Гору съ тысячью озеръ» (3.752 метра), зимніе и весенніе снѣга которой питаютъ воды, струящіяся со всѣхъ сторонъ: на востокѣ Араксъ, на сѣверѣ и на югѣ двѣ главныя вѣтви Евфрата, Кара-су и Мурадъ, принимаютъ въ себя всѣ эти потоки. За узломъ Бингель-дага, гористая область, главный гребень которой идетъ параллельно прибрежью Чернаго моря, продолжается къ западу на протяженіи 250 километровъ, и, постепенно понижаясь отъ вершины къ вершинѣ, даетъ наконецъ проходъ рѣкѣ «Черной воды» или Кара-су, которая круто поворачиваетъ къ юго-востоку, чтобы соединиться съ другой вѣтвью Евфрата.

Высокій хребетъ, который тянется въ сѣверномъ направленіи, связываетъ массивъ Бингель-дага съ Эрзерумскими горами и образуетъ на востокѣ отъ цирка, гдѣ собираются первыя воды рѣки Кара-су, раздѣльную возвышенность, извилистую и перерѣзанную многочисленными брешами. Тамъ проходитъ большая военная дорога изъ Эрзерума въ Карсъ. Гора Паландекенъ, возвышающаяся непосредственно на югъ отъ Эрзерума, есть самая высокая вершина (3.145 метровъ) обширнаго круга горъ, опоясывающая бассейнъ; но далѣе на западъ боковая отрасль массива Ерли-дагъ, которую огибаетъ первая большая излучина рѣки Кара-су, содержитъ нѣсколько вершинъ, достигающихъ еще болѣе значительной высоты. На сѣверѣ Эрзерумскаго бассейна другой, очень высокій массивъ, Гяуръ-дагъ или «Гора невѣрныхъ», образуетъ узелъ, подобный Бингельдагу, какъ центръ расхожденія водъ. Горный потокъ Тортумъ-су, соединяющійся впослѣдствіи съ Чорукомъ, притокомъ Чернаго моря, спускается съ его сѣверныхъ склоновъ; затѣмъ, усиленный многими другими ручьями, падаетъ въ видѣ великолѣпнаго каскада, «одно изъ красивѣйшихъ въ Старомъ Свѣтѣ», и низвергается въ глубокія ущелья, извивающіяся между крутыхъ стѣнъ изъ лавы, которыя поднимаются до высоты 300 метровъ [1]). На юго-востокѣ, бѣгущіе съ горъ потоки принадлежатъ къ Каспійской покатости черезъ посредство рѣкъ Аракса и Куры. Наконецъ, на югѣ, на скатахъ Думли-дага, отрога «Горы невѣрныхъ», бьетъ изъ земли, на высотѣ 2.570 метровъ, ключъ, дающій начало Евфрату, притоку Персидскаго залива. Почти всѣ истоки большихъ рѣкъ образуются въ галлереяхъ известковыхъ горъ, родникъ же Евфрата беретъ начало въ порфирахъ и трахитахъ [2]). Холодная, почти ледяная вода (3°,3 Ц.) этого родника, выходящая изъ водоема скалы, прославлена въ армянскихъ легендахъ: въ томъ самомъ мѣстѣ, откуда вытекаетъ обильный ключъ, былъ, будто-бы, погребенъ «истинный крестъ», до перенесенія его въ Константинополь; въ тотъ моментъ, когда животворящее дерево было извлечено изъ почвы, появилась жила чистой воды. На окружающемъ лугу бьютъ изъ земли двадцать другихъ источниковъ, присоединяющихъ свои струйки къ водамъ главнаго ручья. Даже турки чтутъ, какъ святыню, истокъ Евфрата, и говорятъ, что вода его смываетъ обыкновенные грѣхи, но убиваетъ тѣхъ, кого преслѣдуетъ гнѣвъ Аллаха [3]). По соединеніи съ другими потоками, изъ которыхъ одинъ, по объему жидкой массы, не уступаетъ Евфрату, святая вода спускается въ Эрзерумскій бассейнъ, гдѣ разстилаются весной, во время таянія снѣговъ, обширныя болота Сазликъ. Равнина, покрытая тростникомъ, населена дикими гусями, утками и другой водяной птицей; по выходѣ изъ этихъ болотъ, темная вода Евфрата, текущая медленно въ тѣнистомъ ложѣ, вполнѣ заслуживаетъ данное ей турками имя Кара-су. Весьма вѣроятно, что болота Сазликъ—остатокъ озера, наполнявшаго нѣкогда весь Эрзерумскій бассейнъ; однако, г. Радде не могъ, несмотря на продолжительныя изысканія, найти тамъ ни одного вида озерныхъ раковинъ [4]): растительные остатки, образовавшіе въ равнинѣ толстый пластъ чернозема, и слои вулканическаго пепла, выброшеннаго огнедышащими горами, сплошь покрыли бывшее ложе водъ.

Горы, окружающія равнину, гдѣ простиралось нѣкогда Эрзерумское озеро,—по большей

[1]) Hamilton, „Researches in Asia Minor".
[2]) Moritz Wagner, „Reise nach dem Ararat und dem Hochlande Armenien".
[3]) Strecker, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde", vol. IV.
[4]) „Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Географическаго Общества", томъ V, 1878 г.

части вулканическаго происхожденія, и тамъ и сямъ видны еще стоящіе на гребняхъ шлаковые конусы, отличающіеся замѣчательной правильностью, но потоки лавы рѣдки; въ этомъ отношеніи эти вулканы не могутъ сравниться съ вулканами восточной Арменіи, съ Араратомъ, съ Тандурекомъ, съ Сейбаномъ, но въ особенности съ Алагезомъ, котораго плащъ изъ лавъ имѣетъ слишкомъ 150 метровъ въ окружности. У самыхъ воротъ Эрзерума, близъ горъ, опоясывающихъ южную часть бассейна, возвышается вулканъ, кратеръ котораго былъ прежде наполненъ водой; давленіе жидкой массы прорвало сѣверную стѣну горы и вырвало оврагъ, открывающійся на сѣверъ, къ болотамъ рѣки Кара-су. Самая высокая изъ этихъ потухшихъ огнедышащихъ горъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самая замѣчательная своей красивой конической формой, напоминающей форму Везувія,—вулканъ Сихчикъ, который высится на сѣверо-западъ отъ Эрзерума, въ цѣпи Гяуръ-дагъ, поднимаясь слишкомъ на 1.100 метровъ надъ уровнемъ окружающей равнины, тогда какъ общая (абсолютная) высота его достигаетъ 3.184 метровъ: почти весь онъ состоитъ изъ рыхлаго пепла, восхожденіе по которому очень затруднительно. По серединѣ кратера, гораздо болѣе обширнаго, чѣмъ кратеръ нынѣшняго Везувія, возвышается шлаковый конусъ, бурая и черная масса, окруженная кольцеобразнымъ лугомъ, который весна убираетъ цвѣтами. Хорошо защищенная отъ сѣверныхъ вѣтровъ, замедляющихъ и уменьшающихъ развитіе растительности на окрестныхъ вершинахъ, небольшая кольцеобразная долина, заключающаяся между внѣшними стѣнами вулкана Сихчикъ и его центральнымъ конусомъ, обладаетъ флорой, самой богатой видами и самой яркой цвѣтами во всей этой области [1]).

Съ сѣверной стороны долину рѣки Кара-су сопровождаютъ горы, расположенныя въ формѣ цѣпи, общее направленіе которыхъ параллельно берегу Чернаго моря, и которыя теряются на западѣ въ плоской возвышенности Сивасъ. Нѣсколько массивовъ, имѣющихъ каждый свое особое названіе, возвышаются на протяженіи этой цѣпи, носившей въ древности названіе Паріадресъ; но общее наименованіе, обыкновенно даваемое ей,—Копъ-дагъ, по имени горы (3.300 метровъ), которую огибаетъ на востокѣ и на сѣверѣ колесная дорога изъ Эрзерума въ Требизондъ. Перевалъ, черезъ который проходитъ эта дорога, самая замѣчательная въ Турціи, какъ произведеніе инженернаго искусства, лежитъ на высотѣ 2.700 метровъ, то-есть почти на высотѣ горы Стельвіо, въ центральныхъ Альпахъ. На сѣверѣ открывается долина Чорука, образующая, вмѣстѣ съ долиной Харшута или рѣки Гумишъ-хане, полукруглую впадину, отличающуюся удивительной правильностью. Отъ порта Батумъ, близъ котораго Чорукъ впадаетъ въ Черное море, до Тиреболи, лежащаго при устьѣ Харшута, можно идти какъ-бы гигантской аллеей, между двухъ рядовъ пиковъ: на всемъ этомъ пространствѣ нужно перейти только одинъ перевалъ въ 1.900 метровъ высоты у деревни Вавугъ, между истоками двухъ рѣкъ. Обширный полумѣсяцъ, описываемый этими потоками, занятъ грядой высокихъ горъ, называемыхъ Понтійскими Альпами, одна вершина которыхъ, Хачкаръ, на юго-востокѣ отъ Ризе, поднимается, говорятъ, выше 3.600 метровъ; одинъ сосѣдній хребетъ имѣетъ, по Коху, 3.268 метровъ высоты. Въ этой области Лазистана тропинки бываютъ завалены снѣгомъ въ продолженіе шести слишкомъ мѣсяцевъ: «даже птицы, говорятъ туземцы, не могутъ летать зимой черезъ гору» [1]). На западъ отъ рѣки Харшута, горы, простирающіяся вдоль морскаго берега, по направленію къ Кизылъ-Ирмаку, менѣе высоки, чѣмъ Понтійскія Альпы; однако, онѣ все еще довольно высоки, чтобы затруднять сообщенія отъ одной горы до другой, и черезъ извѣстные промежутки выдвигаютъ къ морю высокіе мысы между небольшими долинами морскаго прибрежья. Одинъ изъ этихъ естественныхъ рубежей называется Язунъ-бурунъ, что значитъ «мысъ Язона». Скала до сихъ поръ еще носитъ имя легендарнаго мореплавателя, направившаго свой корабль къ таинственной Колхидѣ. Въ верхнихъ долинахъ Понтійскихъ Альпъ видны многочисленные слѣды древнихъ ледниковъ, морены, отшлифованныя и изборожденныя стѣны скалъ. Лавы, порфиры и другія эруптивныя породы, изъ которыхъ состоятъ эти горы, какъ и горы, продолжающіяся на западѣ отъ Харшута къ рѣкѣ Гермили или древнему Ликусу, были исчерчены рѣзцомъ глетчеровъ. Вездѣ въ этой области вулканическая дѣятельность, повидимому, имѣла мѣсто въ эпоху, предшествовавшую ледяному періоду; въ настоящее время единственными признаками существованія подземныхъ очаговъ служатъ частыя землетрясенія и присутствіе горячихъ ключей, бьющихъ изъ земли у основанія горъ и на высотахъ [2]). По Штреккеру, вершина Колатъ-дага (2.900 метровъ), стоящая на гребнѣ большой цѣпи, въ 50 слишкомъ километрахъ къ югу отъ Требизонда, есть гора Θехесъ, откуда «Десять тысячъ греческихъ воиновъ», предводимыхъ Ксенофонтомъ, послѣ долгаго странствованія, увидѣли наконецъ море и привѣтствовали его радостными криками, какъ конецъ своихъ бѣдъ. Но эта вершина не легко доступна для арміи со всѣмъ ея багажомъ и обозами продовольствія, а на сѣверномъ склонѣ спускъ съ Колатъ-

[1]) Moritz Wagner, цитированное сочиненіе.

[1]) Moritz Wagner, цитированное сочиненіе.
[2]) Palgrave, „Essays on Eastern Questions“.

дага положительно невозможенъ. Мѣсто, столь часто упоминаемое древними писателями, откуда греки увидѣли у своихъ ногъ зеленѣющіе берега и безпредѣльное пространство блистающихъ водъ, нужно искать ближе къ морю, и при томъ на порогѣ, черезъ который проходитъ дорога или тропинка. Однако, на югъ отъ Колатъ-дага и даже отъ перевала Вавугъ, очень близко отъ пути, которымъ должны были слѣдовать греки, существуетъ гора, поднимающаяся на 2.400 метровъ, съ которой ясно видно море. На самой высокой вершинѣ ея стоитъ курганъ изъ порфировыхъ глыбъ, около десяти метровъ высотой, окруженный другими грудами камней въ формѣ усѣченныхъ конусовъ. Г. Бріо, открывшій этотъ памятникъ, полагаетъ, что это не что иное, какъ памятный холмъ, воздвигнутый греками, и что, слѣдовательно, вершина, которую онъ вѣнчаетъ, есть именно гора Ѳехесъ [1]).

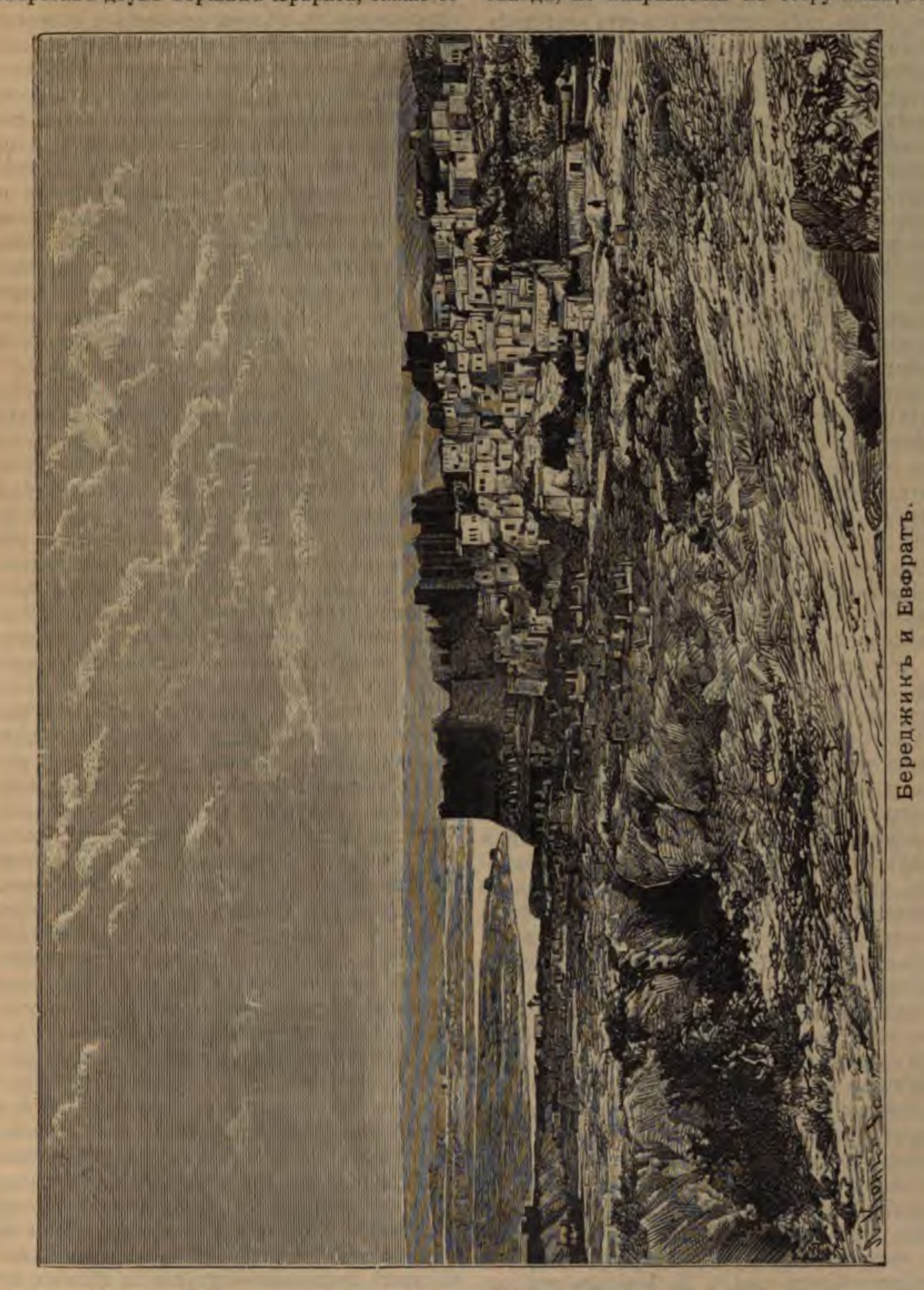
Громадный лабиринтъ Альпъ Арменіи или Анти-Кавказа, занимающій все пространство, заключающееся между бассейномъ закавказской Куры, Чернымъ моремъ и верхнимъ Евфратомъ, обнимаетъ также, на югѣ и юго-западѣ отъ Арарата, обширный бассейнъ озера Ванъ и окружающую его страну до персидской границы. Почва этой области вездѣ очень возвышенная. На югъ массива Перли-дагъ одна впадина плоскогорья заключаетъ озеро Баликъ-гель, или «Рыбное», лежащее на высотѣ 2.237 метровъ надъ уровнемъ моря; вытекающій изъ этого озера ручей уноситъ излишекъ его водъ въ одинъ изъ притоковъ Аракса. Мурадъ или южный Евфратъ, тукущій на югъ отъ этого озернаго бассейна, пробѣгаетъ, на высотѣ 2.000 метровъ, по дикой узкой долинѣ, по обѣимъ сторонамъ которой высятся глыбы лавы, вылившейся нѣкогда изъ кратеровъ и вулканическихъ трещинъ. Голые, лишенные растительности, крутые склоны, разорванныя остроконечныя верхушки горъ, господствующія надъ обвалами и осыпями, придаютъ дикій, почти страшный видъ этимъ каменистымъ пустынямъ. На сѣверѣ высится могучая масса Арарата съ черными скалами, на которыхъ рѣзко выдѣляются бѣлыя полосы снѣга; далѣе тянется менѣе высокая, но страшно крутая цѣпь горъ. Ала-дагъ или «Пестрая гора» (горы этого имени очень многочисленны во всѣхъ странахъ тюркскаго языка; въ формѣ Аллахъ-дагъ оно означаетъ «Божьи горы»), откуда изливаются самые верхніе истоки Евфрата, достигаетъ 3.518 метровъ. Другая, еще болѣе величественная вершина, поднимающаяся непосредственно на востокъ отъ Ала-дага, имѣетъ 3.565 метровъ въ высшей точкѣ своего овальнаго кратера. Изъ всѣхъ армянскихъ вулкановъ Тандурекъ или Тантурлу, то-есть «Жаровня», называемый также Сундерлыкъ-дагъ или «Гора печки», и обозначенная, кромѣ того, на первыхъ русскихъ картахъ подъ именами Хуръ и Хори, сохранилъ наиболѣе многочисленные слѣды прежней дѣятельности. Главный кратеръ, громадная впадина около 2.000 метровъ въ окружности и 350 метровъ глубиной, не извергаетъ теперь ни лавы, ни паровъ, и на днѣ жерла виднѣются воды небольшаго озера; но сотней метровъ ниже изъ разсѣлинъ горы выдѣляются фумароллы. На восточномъ склонѣ находится пещера, откуда вылетаютъ пары, не сѣрнистые, температура которыхъ около 100 градусовъ Цельзія; со дна кратера слышенъ непрерывный ревъ; въ одну изъ закавказскихъ войнъ, русскіе и турки, стоявшіе въ сосѣдствѣ другъ отъ друга, на двухъ противоположныхъ скатахъ одного отрога Тандурека, приняли этотъ шумъ за отдаленную канонаду, и въ обоихъ лагеряхъ была сдѣлана тревога. У сѣверо-западнаго основанія Тандурека,—на продолженіи оси, проходящей черезъ пещеру, главный кратеръ и второй кратеръ изверженія,—бьютъ изъ земли обильные Діядинскіе сѣрнистые ключи, покрывающіе почву своими известковыми инкрустаціями, различныхъ формъ и цвѣтовъ, и образующіе горячій ручей, который бѣжитъ маленькими дымящимися каскадами къ холоднымъ водамъ Мурадъ-чая [1]). Въ 1859 году, главный источникъ находился ниже; отъ сильнаго подземнаго удара, поколебавшаго почву до самаго Эрзерума, онъ изсякъ; но вскорѣ послѣ того воды открыли себѣ новый выходъ. Впрочемъ, въ области истоковъ должны происходить частыя перемѣны отъ дѣйствія слипанія, производимаго минеральными источниками, которое быстро измѣняетъ рельефъ мѣстности. Тэйлоръ видѣлъ множество маленькихъ гейзеровъ, бившихъ фонтаномъ до высоты 2 или 3 метровъ надъ уровнемъ почвы, затѣмъ внезапно исчезавшихъ: издали явленіе представляло словно фантастическую пляску призраковъ [2]). Нѣсколько лѣтъ спустя Абихъ не могъ открыть этихъ перемежающихся водометовъ [3]). Ниже истоковъ Мурадъ исчезаетъ подъ базальтовымъ туннелемъ, который продолжается глубокой траншеей между двухъ вертикальныхъ стѣнъ.

Тандурекъ составляетъ узелъ расходящихся въ разныя стороны небольшихъ цѣпей. На сѣверо-западѣ тянется хребетъ, соединяющійся далѣе съ массивомъ Перли-дагъ, и черезъ который пролегаетъ дорога изъ Эрзерума въ Тавризъ. Хребетъ этотъ, казалось бы, долженъ служить границей между Турціей и Персіей; но высокая восточная долина, въ которой находится озеро Балыкъ, и откуда вытекаетъ

[1]) Briot, рукописныя замѣтки.

[1]) Jaubert, „Voyage en Arménie".
[2]) „Mittheilungen von Petermann", 1869, XI.
[3]) „Записки Кавказскаго Отдѣла Географ. Общества", 1873 г.

ручей того же названія, причисляется къ Оттоманской имперіи. Цѣпь горъ, начинающаяся непосредственно на востокъ отъ Тандурека, напротивъ двухъ вершинъ Арарата, также со-



Береджикъ и Евфратъ.

ставляетъ въ своей совокупности естественную границу, и граница эта, благодаря независимымъ курдамъ, которые занимаютъ оба ея склона, уважается обѣими сопредѣльными имперіями. На восточной покатости, по направленію къ озеру Урмія, эта цѣпь выдѣляетъ изъ себя лишь короткіе отроги, оканчивающіеся крутыми, обрывистыми мысами, тогда какъ на западѣ, по направленію къ озеру Ванъ, отдѣляется нѣсколько вѣтвей, которыя продолжаются далеко и наконецъ сливаются съ плоскогорьемъ, средняя высота котораго около 2.000 метровъ. Сама цѣпь достигаетъ высоты 3.000 метровъ лишь немногими изъ своихъ

пиковъ. Хребетъ горъ Гаккіари, который, повернувъ на югъ, тянется вдоль южнаго берега озера Ванъ, не имѣетъ, кажется, болѣе высокихъ вершинъ, хотя, по словамъ Морица Вагнера и Рича, тамъ существуютъ еще «ледники», то-есть, вѣроятно, поля отвердѣвшаго снѣга, залегающія на днѣ нѣкоторыхъ овраговъ. На сѣверѣ и сѣверо-западѣ другой каменный валъ дополняетъ кругъ горъ и возвышенностей, опоясывающихъ озерную впадину, и на верху стоитъ древній вулканъ. Сейбанъ или Сипанъ, высота котораго, по Феншау Тозеру, около 3.000 метровъ, и который бываетъ покрытъ снѣгомъ въ продолженіе десяти мѣсяцевъ въ году. Благодаря своему уединенному положенію, бѣлому конусу, которымъ онъ оканчивается, синей поверхности водъ, въ которой онъ отражается, этотъ вулканъ кажется больше многихъ другихъ горъ, болѣе высокихъ, но стоящихъ среди массива или въ сосѣдствѣ другихъ вершинъ. Шиль сравнивалъ его съ Демавендомъ и приписывалъ одинаковую высоту обоимъ вулканамъ, которые, однако, разнятся между собой по крайней мѣрѣ на 2.500 метровъ. Въ Сейбанѣ видѣли также соперника горы Араратъ, и легенда разсказываетъ, что когда воды всемірнаго потопа стали сбывать, то Ноевъ ковчегъ былъ сначала брошенъ волнами на гору Сейбанъ; затѣмъ, увлеченный теченіемъ на сѣверъ, остановился окончательно на Араратѣ; еще недавно армяне приносили туда непорочнаго барана для закланія его на краю кратера [1]). Верхняя чаша, глубиной около 150 метровъ, зимой наполненная снѣгомъ, а лѣтомъ усѣянная цвѣтами, иногда же содержащая маленькое озеро, окружена грудами бѣловатыхъ шлаковъ, возвышающимися въ видѣ остроконечныхъ горокъ. Съ вершины этихъ горокъ, составляющихъ какъ-бы ограду кратера, можно созерцать на сѣверѣ обширный горизонтъ горъ Арменіи, развертывающійся въ видѣ кривой линіи, длиной около 300 километровъ, отъ Бингель-дага до Арарата. На югѣ виденъ боковой кратеръ, впадину котораго наполняетъ Агиръ-гель или «Неподвижное озеро»; далѣе простирается бассейнъ озера Ванъ съ его бухточками, заливами, болотами, составляющими какъ бы продолженіе этого обширнаго резервуара, и съ амфитеатромъ горъ, которымъ онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ: у западнаго подножія вулкана разстилается маленькое озеро Назикъ, прѣсноводный бассейнъ, залегающій на водораздѣльной возвышенности между озеромъ Ванъ и Евфратомъ, которымъ онъ посылаетъ по ручью, по крайней мѣрѣ въ дождливое время года [2]). На юго-западной сторонѣ горизонта синеватая дымка сливается съ неопредѣленными очертаніями равнины. Послѣдніе уступы армянскаго плоскогорья оканчиваются надъ месопотамскими равнинами зубчатой линіей утесовъ, изрытой въ видѣ глубокихъ зазубринъ рѣчками и ручьями, но представляющей въ цѣломъ правильное направленіе отъ юго-востока къ сѣверо-западу, на продолженіи краевой цѣпи Луристана. На западной сторонѣ озера, гора Нимрудъ-дагъ, почти цѣликомъ состоящая изъ вулканическаго пепла, склонила къ водамъ свой громадный кратеръ, имѣющій, какъ говорятъ, нѣсколько километровъ въ ширину [1]), а на южномъ берегу открывается эллиптическая бухта, чаша вулкана, частію находящагося подъ водой. Вся возвышенная Арменія—страна вулканическая, часто колеблемая землетрясеніями. Горячіе ключи тамъ болѣе многочисленны, чѣмъ даже въ самыхъ богатыхъ термальными источниками горахъ Запада, каковы Пиренеи и Овернь.

Озеро Ванъ, по-армянски Тоспъ,—откуда имя Ѳосспитисъ или Тосспитисъ, которое ему давали древніе географы,—лежитъ на336 метровъ выше озера Урмія; абсолютная его высота 1.625 метровъ. Площадь озера Ванъ, исчисляемая въ 3.690 квадр. километровъ, немного меньше поверхности Азербейджанскаго моря, но первое имѣетъ значительную глубину [2]); въ 3 километрахъ къ западу отъ города Ванъ лотъ достаетъ дно лишь на глубинѣ слишкомъ 25 метровъ [3]), а въ южной части бассейна ложе еще гораздо болѣе вогнуто, такъ что общая вмѣстимость озера Ванъ, безъ сомнѣнія, превышаетъ объемъ озера Урмія. Что касается сѣверо-восточной бухты, которая вдается внутрь материка на 60 километровъ, то это не что иное, какъ водная площадь, происшедшая отъ наводненія, гдѣ ручьи образуютъ весной обширныя аллювіальныя дельты. По мѣстному преданію, эта бухта нѣкогда была плодоносной равниной, гдѣ извивались двѣ рѣчки, продолжавшіяся на юго-западъ къ Битлису; на бывшемъ мѣстѣ сліянія ихъ, говорятъ, видны остатки моста, покрытаго водами. Свѣдѣнія, собранныя Жоберомъ, армяниномъ Нерсесомъ Саркисіаномъ, Ауріемой, Лофтусомъ и Штреккеромъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія о тносительно значительныхъ измѣненій, которымъ подвергался уровень этого внутренняго моря. Въ періодъ съ 1838 по 1840 годъ онъ поднялся отъ 3 до 4 метровъ. Прибрежные жители разсказывали Лофтусу, что въ началѣ семнадцатаго столѣтія вода поднималась такимъ же образомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, но затѣмъ опять понизилась. Годы исключительной засухи задерживаютъ прибыль и распространеніе водъ, но послѣ временнаго отступленія дѣло захвата возобновляется съ еще большей силой. Многіе

[1]) M. Wagner, цитированное сочиненіе.

[2]) Layard, „Nineveh and Babylon";—Millingen, „Wild Life among the Koords".

[1]) Fanshawe Tozer, „Turkish Armenia and Eastern Asia Minor".

[2]) Monteith, „Journal";—Carl Ritter, „Asien", vol. IX.

[3]) Millingen, цитированное сочиненіе.

острова прибрежья были залиты водой; прежпіе полуострова, теперь отдѣленные отъ материка, превращаются въ островки, постоянно уменьшающіеся въ размѣрахъ. Дорога, пролегающая вдоль сѣвернаго прибрежья, должна быть изъ поколѣнія въ поколѣніе переносима все далѣе внутрь материка; городъ Арджишъ, на берегу сѣверо-восточной бухты, почти совершенно исчезъ, а мѣстечку Адельдживасъ, на сѣверной сторонѣ главнаго бассейна, угрожаетъ опасность наводненія. Точно также на восточномъ берегу окраина озера приближается къ городу Ванъ, который уже смѣнилъ прежнюю, болѣе древнюю береговую полосу резервуара; деревня Искелла частію покинута жителями; лодочники привязываютъ свои барки къ стволамъ деревъ, находящимся теперь далеко отъ берега; колодцы, куда проникли, путемъ просачиванія, воды озера, даютъ лишь солоноватую жидкость: можетъ быть, эти вторженія озера и породили легенды, относящіяся къ большимъ городамъ, погрузившимся на дно водъ. Какая причина этого возрастанія, представляющаго явленіе, обратное тому, какое наблюдается почти во всѣхъ другихъ озерныхъ бассейнахъ Азіи? Если только не существуетъ особеннаго мѣстнаго теченія воздуха, увлекающаго въ эту область больше дождевыхъ облаковъ, чѣмъ прежде, нужно принять объясненіе, которое даютъ сами прибрежные жители: по ихъ мнѣнію, подземныя разсѣлины, откуда выходятъ обильные источники къ верхнимъ притокамъ Тигра, частію засорились отъ обваловъ, и резервуаръ, получая посредствомъ дождя и снѣга больше жидкости, чѣмъ сколько берутъ испареніе и подземные истоки, увеличивается въ объемѣ и протяженіи до тѣхъ поръ, пока не возстановится равновѣсіе, или пока излишекъ воды не выльется на юго-западъ, въ потокъ Битлисъ. Какіе-то кочующіе пастухи, по словамъ туземцевъ, завалили большимъ камнемъ отверстіе одной изъ воронокъ, черезъ которыя уходятъ воды,—воронокъ, подобныхъ катавотрамъ озеръ Греціи, и съ того времени уровень, будто-бы, повышается медленно, но постоянно. Интересно было бы провѣрить непосредственнымъ наблюденіемъ разсказы туземцевъ относительно засоренія воронкообразныхъ углубленій и прежде всего удостовѣриться, дѣйствительно ли источники, указываемые какъ подземные истоки озера, походятъ на него содержаніемъ соляныхъ частицъ. Къ востоку отъ озера Ванъ, другой бассейнъ, Эрчекъ, тоже представляетъ постепенное повышеніе уровня [1]; эта прибыль воды въ двухъ сосѣднихъ озерахъ даетъ нѣкоторую вѣроятность предположенію о совершившейся перемѣнѣ климата. Эрчекъ походитъ на озеро Ванъ также и минеральнымъ содержаніемъ своихъ водъ; только по Миллингену, онъ содержитъ весьма значительную пропорцію мышьяку; поля, затопленныя его разливомъ, дѣлаются безплодными на многіе годы.

Какъ бы то ни было, жидкая масса, заключенная въ бассейнѣ Ванъ, сконцентрировала соль, которую ей приносятъ его притоки, и, не будучи столь соленой, какъ вода озера Урмія, содержитъ, однако, такъ много соли, что ее не могутъ пить ни люди, ни животныя: стада ходятъ на водопой къ устьямъ рѣкъ, а рыбаки возобновляютъ свой запасъ годной для питья воды, черпая изъ ключа, бьющаго со дна и клокочущаго на поверхности. Менѣе соленыя, чѣмъ жидкая масса озера Азербейджанскаго, воды армянскаго внутренняго моря даютъ пріютъ болѣе развитымъ животнымъ видамъ: въ устьяхъ впадающихъ въ него рѣчекъ ловятъ въ значительныхъ количествахъ одну породу рыбъ, которую Жоберъ ошибочно принималъ за совершенно тожественную съ черноморскимъ анчоусомъ, столь обильнымъ въ требизондскомъ рейдѣ; это — уклейка (cyprinus Tarichi), какъ ее опредѣлилъ натуралистъ Дейроль. Однако, эта рыба не живетъ въ соляныхъ частяхъ бассейна [1]; она показывается въ верхнемъ слоѣ только съ марта до начала мая, то-есть въ томъ періодѣ, когда прѣсныя воды, происходящія отъ таянія снѣговъ, разстилаются поверхъ болѣе тяжелыхъ соляныхъ водъ озера; во все остальное время года не увидишь ни одной рыбки; всѣ уклейки, которыя не были пожраны безчисленными бакланами или морскими воронами, удалились въ ручьи, изливающіеся въ озерный бассейнъ. Прежде полагали, что онѣ держатся въ глубинахъ озера [2]). Въ бассейнѣ Назакъ, вода котораго, впрочемъ, прѣсная, наблюдали, говорятъ, точно такое же ежегодное исчезновеніе рыбы [3]). Соляныя частицы, остающіяся, послѣ испаренія воды, на плоскомъ берегу Вана, такъ же, какъ вокругъ бассейна Эрчекъ, состоятъ на половину изъ углекислой и сѣрнокислой соды, которую утилизируютъ для выдѣлки мыла, и которую вывозятъ отсюда даже въ Сирію [4]).

Суда составляютъ рѣдкость на озерѣ Ванъ; однако, англійскій путешественникъ Тозеръ недавно проѣхалъ озеро на рыболовномъ суднѣ, сопровождаемомъ пятью баржами. Американскіе миссіонеры, проживающіе въ Ванѣ, пустили по озеру, въ 1879 году, складной пароходъ, всѣ части котораго были доставлены изъ Константинополя на верблюдахъ, но, кажется, это предпріятіе не имѣло успѣха [5]).

---

[1]) Strecker, „Mittheilungen von Petermann", VII. 1863.

[1]) Ernest Chantre, рукописныя замѣтки.

[2]) A. Jaubert, „Voyage en Arménie et en Perse";— Millingen, цитированное сочиненіе.

[3]) Layard, цитированное сочиненіе.

[4]) Deyrolle, „Tour du Monde", 1-er semestre 1876.

[5]) Fanshawe Tozer, цитированное сочиненіе.

Самое существованіе озеръ Ванъ, Урмія, Гокча въ Закавказьѣ и многочисленныхъ озерныхъ впадинъ на ахалцыхскомъ плоскогорьѣ, между Карсомъ и Тифлисомъ, доказываетъ, что климатъ армянскихъ плоскихъ возвышенностей имѣетъ надъ климатомъ Персіи то преимущество, что онъ гораздо влажнѣе. Дѣйствительно, весь Лазистанъ и гористая страна, получившая въ древности названіе Понта, находятся подъ вліяніемъ Чернаго моря съ метеорологической точки зрѣнія. Господствующіе западные и сѣверо-западные вѣтры приносятъ въ изобиліи дожди во время лѣтнихъ бурь, снѣгъ—въ зимніе мѣсяцы. Количество атмосферныхъ осадковъ тамъ далеко не столь значительно, какъ на южныхъ склонахъ Кавказа, въ Мингреліи и Имеретіи, гдѣ годовой слой дождя превышаетъ 2 метра; но и въ Лазистанѣ есть долины, поставленныя природой въ благопріятныя условія; тамъ облака проливаютъ въ продолженіе года болѣе метра дождевой воды; по словамъ одного американскаго миссіонера, количество снѣга, выпавшее въ Битлисѣ, на южной отлогости горъ, господствующихъ съ юга надъ озеромъ Ванъ, составляло пять съ половиной метровъ въ продолженіе зимы 1858—59 года; это слой снѣга, представляющій слишкомъ 40 сантиметровъ воды. Хотя мы еще не имѣемъ точныхъ наблюденій, которыя позволяли бы сдѣлать несомнѣнный выводъ, можно однако приблизительно принять равнымъ почти полметру среднее количество атмосферной влаги, получаемой возвышенностями Арменіи.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ, каково, напримѣръ, плоскогорье Ольты, загороженное отъ влажныхъ вѣтровъ высокими горами, рѣдко бываетъ дождь, который такъ необходимъ для земледѣльческой культуры; какъ въ мѣстностяхъ Закавказья, лежащихъ на каспійской покатости, тамъ нужно перехватывать ручьи и развѣтвлять ихъ на тысячи канавокъ, перерѣзывающихъ пахатныя земли. Но наибольшая часть южной Арменіи, несмотря на барьеръ, образуемый Понтійскими Альпами, подвергается вліянію дождливыхъ западныхъ вѣтровъ, которые направляются съ моря на плоскогорье Сивасъ, затѣмъ низвергаются въ западныя долины рѣки Карасу, до Эрзерумскаго бассейна, получаетъ вѣтры съ Чернаго моря. Они дуютъ преимущественно зимой и покрываютъ густымъ слоемъ снѣга амфитеатръ горъ, окружающихъ истоки Евфрата; лѣтомъ, сѣверные и восточные вѣтры, составляющіе вѣтвь главнаго полярнаго теченія, которое пересѣкаетъ континентъ Азіи, приносятъ сухой воздухъ, разсѣевающій облака; но случается также. что внезапныя бури, налетающія съ запада, оканчиваются сильными ливнями. Кромѣ того, юго-западные вѣтры, посылаемые Средиземнымъ моремъ, тоже приносятъ свою долю влажности и раздираютъ свои облака о кручи армянскихъ горъ; даже въ хорошую погоду легкій туманъ смягчаетъ рѣзкіе контуры горъ и оттѣняетъ пейзажъ нѣжными красками. На сѣверномъ склонѣ, избытокъ влажности, получаемой армянскими Альпами, образуетъ рѣки, какъ Чорукъ и Харшутъ, водная масса которыхъ весьма значительна въ сравненіи съ размѣрами бассейна, а на южномъ скатѣ онъ питаетъ Тигръ и Евфратъ, воды которыхъ, соединенныя въ Шатъ-Эль-Арабѣ, превосходятъ объемомъ всякій другой потокъ, заключающійся между Индомъ и Дунаемъ, и даже почти въ два раза превышаютъ водную массу Нила. Такимъ образомъ въ атмосферическомъ и рѣчномъ кругооборотѣ Черное море, посредствомъ дождей и черезъ русло Евфрата, непрерывно изливается въ Персидскій заливъ.

На берегу Понта Эвксинскаго города пользуются довольно теплой средней температурой. Въ прибрежныхъ мѣстностяхъ холода рѣдко доходятъ до 6 градусовъ ниже точки замерзанія; съ другой стороны, умѣряющее вліяніе моря не позволяетъ лѣтнимъ жарамъ подниматься выше 25 градусовъ по Цельзію. Такъ напримѣръ, климатъ Требизонда, въ разныя времена года, на основаніи шестилѣтнихъ наблюденій, опредѣляется слѣдующими числовыми данными: средняя температура января 6°,8 Ц., температура августа 24°,3: средняя температура года 15°,5; крайнія температуры самаго теплаго и самаго холоднаго мѣсяцевъ 29°,9 и—2°,6 Ц.; количество выпадающаго въ продолженіе года дождя 566 миллиметровъ [1]). Вдали же отъ моря, которое сближаетъ крайности годоваго климата, населенія турецкой Арменіи страдаютъ поперемѣнно отъ сильныхъ холодовъ и страшныхъ жаровъ. Въ Эрзерумѣ почти не бываетъ весны; зимніе снѣга растаиваютъ тамъ въ нѣсколько дней, превращая вдругъ ручьи въ широкія рѣки; наблюдавшіяся крайности температуры самаго холоднаго и самаго жаркаго дня суть — 25+44 градуса. Впрочемъ, необходимы еще ряды продолжительныхъ наблюденій прежде, чѣмъ можно будетъ въ точности сравнивать этотъ климатъ съ климатомъ европейскихъ и азіатскихъ странъ, которыя уже хорошо извѣстны съ метеорологической точки зрѣнія.

Климатъ Эрзерума въ разныя времена года (высота мѣста 1.987 метровъ).

	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.	Годъ.
По Чихачеву (3 г.)	—10°,8	9°,8	24°,3	10°,3	8°,45 Ц.
„ Маламѣ (3 года)	— 4	10°,8	24°,2	7°,9	9°,72 Ц.

Даже въ одинъ и тотъ же день случалось наблюдать разность температуръ между утренней зарей и полуднемъ, доходившую до 33 граду-

[1]) Hann, „Behm's Jahrbuch", IX, 1882.

совъ [1]). Зимніе холода и весенніе утренники замедляютъ растительность, но лѣтомъ растенія торопятся расти и созрѣвать; природа, такъ сказать, дѣлаетъ вспышку, въ маѣ и іюнѣ. Пшеница проходитъ всѣ фазы своего произрастанія, отъ распусканія листьевъ до созрѣванія колоса, въ двухмѣсячный промежутокъ, но жгучее лѣтнее солнце спалило бы ее въ цвѣту, если бы ирригаціонныя канавки не доставляли ей необходимой влаги. До 1.800 метровъ воздѣлываютъ пшеницу, и даже на высотѣ 2.100 метровъ увидишь еще поля, засѣянныя ячменемъ; но на этихъ высотахъ урожаю хлѣбовъ угрожаютъ ранніе осенніе заморозки. Въ среднемъ, поясъ культуры поднимается менѣе высоко въ армянскихъ Альпахъ, нежели на грузинскихъ склонахъ Кавказа, лежащихъ, однако, подъ болѣе сѣверной широтой. Причиной тому, вѣроятно, форма горъ: въ то время, какъ горныя цѣпи Арменіи пропускаютъ сѣверный вѣтеръ черезъ многочисленныя бреши, однообразный валъ Кавказа защищаетъ растенія, живущія на его южномъ склонѣ. Растительныя области переплетаются своими границами сообразно мѣстнымъ климатамъ. Такъ, въ окрестностяхъ Вана растутъ еще померанцовое и лимонное деревья, но масличное дерево уже не можетъ тамъ жить [1]). Во Франціи, напротивъ, поясъ оливковаго дерева наидалѣе выдвигается къ сѣверу.

Въ сосѣдствѣ Чернаго моря понтійская растительность похожа на флору Мингреліи, съ которой она, однако, не можетъ сравниться въ отношеніи разнообразія видовъ и яркости цвѣтовъ [2]). Арменія есть одна изъ странъ Малой Азіи, гдѣ фруктовыя деревья даютъ самые вкусные плоды, и гдѣ, по мнѣнію ботаниковъ, слѣдуетъ искать первоначальную родину многочисленныхъ видовъ, между прочимъ, винограда и груши. «Лазистанъ» — говорятъ туземцы, — отечество фруктовъ [3]). Въ Азіатской Турціи нѣтъ мѣстности, болѣе богатой растительностью, чѣмъ окрестности Требизонда; отъ основанія до вершины, холмы, покрытые однообразнымъ слоемъ растительной земли, или раздѣленные на террасы посредствомъ подпирающихъ стѣнъ, одѣты сплошной зеленью садовъ, луговъ и лиственныхъ деревьевъ съ постоянной или опадающей листвой. Лимонныя, масличныя деревья окружаютъ города и деревни, раскинувшіеся на берегу, а выше идутъ орѣховыя деревья съ широкими вѣтвями, каштаны, дубы, издали азалеи и рододендроны блестятъ красными скатертями на склонахъ горъ. Цвѣткамъ азалей приписываютъ ядовитое дѣйствіе меда, отъ котораго опьянѣли и обезумѣли воины Ксенофонта. Ботаникъ Кохъ не могъ отыскать этого меда въ кавказскихъ областяхъ, но его продаютъ на всѣхъ рынкахъ понтійскаго берега, между Батумомъ и Орлу; туземцы, чтобы сдѣлать этотъ медъ безвреднымъ, отвариваютъ его и прибавляютъ сахару [4]).

Во внутренности материка горы Арменіи почти всѣ лишены древесной растительности: видишь только скалы, да горныя пастбища. Въ этой странѣ, которая могла бы быть покрыта сплошными лѣсами, многіе округа не имѣютъ другаго топлива, кромѣ коровьяго кала. Птицы здѣсь рѣдки, за исключеніемъ тѣхъ, которыя вьютъ гнѣзда въ углубленіяхъ скалъ. Дикіе звѣри, принадлежащіе къ тѣмъ же видамъ, какъ и живущіе въ горахъ Закавказья, не находятъ себѣ убѣжища на этихъ голыхъ или поросшихъ мелкой травой пространствахъ; почти всѣ горные скаты составляютъ владѣніе пастуховъ и ихъ барановъ съ толстыми хвостами или курдюками, оберегаемыхъ полудикими собаками, часто болѣе опасными, чѣмъ медвѣдь и волкъ. Лошади, пасущіяся въ степяхъ Предкавказья, хорошей породы, но онѣ уступаютъ въ силѣ туркменскимъ лошадямъ, а въ граціи движеній—персидскимъ: хотя полныя огня, онѣ всегда очень смирны. Впрочемъ, курды, какъ и большинство другихъ обитателей Арменіи и Малой Азіи, предпочитаютъ понукать животныхъ голосомъ, чѣмъ кнутомъ. Буйволъ, запряженный въ телѣгу, идетъ только подъ звуки пѣсни; когда проводникъ умолкаетъ, животное останавливается [5]). Пастбища турецкой Арменіи, болѣе травянистыя, нежели пажити Персіи, по причинѣ большей влажности воздуха и обилія источниковъ, прокармливаютъ милліоны головъ скота, мясо котораго служитъ для продовольствія Константинополя и многочисленныхъ городовъ Малой Азіи. Миллингенъ полагаетъ, что число овецъ, разсѣянныхъ на пастбищахъ, заключающихся между Араратомъ и Персидскимъ заливомъ, не менѣе 40 милліоновъ. Въ началѣ текущаго столѣтія, Жоберъ исчислялъ въ полтора милліона количество барановъ, которое Стамбулъ получалъ ежегодно съ горъ Арменіи. Посылаемые стадами, отъ полуторы до двухъ тысячъ головъ, они въ дорогѣ паслись на горахъ, слѣдуя постоянно по области пастбищъ, и достигали Босфора лишь черезъ семнадцать или восемнадцать мѣсяцевъ послѣ отправленія. Алеппо, Дамаскъ, даже Бейрутъ тоже снабжаются мясомъ пастухами Арменіи и Курдистана, и турецкія арміи во время

[1]) Малама, „Эрзерумскій вилайетъ“; — Radde, цитированное сочиненіе.
[2]) Статковскій, „Проблемы климатологіи Кавказа“.
[3]) A. Jaubert; — Carl Ritter, „Asien“, vol. X.
[4]) Koch, „Wanderungen in Orient“; — Carl Ritter, „Asien“, vol. XVIII.

[1]) Hamilton, „Researches in Asia Minor“; — „Zeitschrift der Gesellschaft für allgemeine Erdkunde“, Band IV; — Mahé, „Géographie médicale“, „Dictionnaire encyclopédique des sciences medicales“.
[2]) Millingen, „Wild Life among the Koords“.

походовъ зависятъ въ отношеніи продовольствія отъ жителей верхняго Евфрата [1]).

Жители Понта, турецкой Арменіи и Курдистана, исчисляемые въ два слишкомъ милліона душъ, принадлежатъ въ большей части къ тѣмъ же расамъ, какъ и населенія Закавказья: въ этнологическомъ отношеніи эти двѣ сопредѣльныя страны имѣютъ такое же единство, какъ и съ географической точки зрѣнія.

Населеніе вилайетовъ Требизондскаго, Эрзерумскаго и Ванскаго, въ приблизительныхъ числахъ, по Еризову, Мордтману и другимъ:

Турки и туркмены—800.000 жителей; армяне—600.000; курды—450.000; лазы—100.000; черкесы—50.000; тюрки—50.000; другія національности—20.000 жителей.

По ту и другую сторону Кавказскихъ горъ живутъ, хотя подъ различными именами, грузины; турецкій Эрзерумъ такой же армянскій городъ, какъ и русская Эривань; курдскіе пастухи водятъ свои стада на берега озера Гокча, такъ же, какъ и на берега озера Ванъ: политическая граница не составляетъ естественнаго рубежа между народами. Правда, переселенія, не всегда добровольныя, въ обратномъ направленіи изъ одной территоріи въ другую имѣли мѣсто послѣ всякаго новаго завоеванія Россіи. Такъ, съ 1828 по 1830 годъ, болѣе ста тысячъ армянъ изъ Турціи и Персіи, надѣясь найти свободу въ христіанской странѣ, просили убѣжища у русскаго правительства и получили земли, покинутыя курдскими и татарскими эмигрантами, которые въ свою очередь бѣжали въ магометанскіе края. Точно также со времени войны 1877 года, произошелъ обмѣнъ населенія между турецкой Арменіей и провинціями, присоединенными къ русскому Закавказью. Турки изъ Ардагана и Карса послѣдовали къ Эрзеруму и Сивасу за своими отступавшими арміями, турки изъ Артвина направились къ плоскогорью Ванъ, тогда какъ гайканы съ верховьевъ Чоруха, изъ Эрзерума, изъ Вана заняли, вокругъ русскихъ крѣпостей, оставленныя прежними жителями мѣста. Въ цѣломъ, наиболѣе выиграла при этомъ обмѣнѣ Оттоманская имперія; мусульмане не хотятъ болѣе жить подъ русскимъ господствомъ и уходятъ къ своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ; съ другой стороны, многіе изъ армянъ Турціи не страшатся насилія турецкихъ пашей, и также идутъ подъ власть Порты.

Движеніе переселенія въ территоріи, присоединенной къ русскимъ владѣніямъ, въ періодъ съ 1877 по 1881 годъ:

Эмиграція — 87.760 душъ; иммиграція — 21.890 душъ; потеря—65.870 душъ.

Главнымъ результатомъ русскихъ нашествій было то, что они преобразовали Арменію въ Туркестанъ [1]).

Однако, эти значительныя перемѣны въ равновѣсіи этнографическихъ элементовъ, перемѣны, которыя сопровождались ужасающей смертностью, вызванной голодомъ, лихорадками, тоской по родинѣ,—далеко не произвели этнологическаго разграниченія, совпадающаго съ условнымъ начертаніемъ границы. Понятно, какія выгоды, дипломатическія и военныя, смежность населеній одинаковаго происхожденія даетъ русскому правительству, въ случаѣ столкновенія съ Портой. Во имя своихъ подданныхъ, грузинъ Закавказья, оно можетъ вмѣшиваться въ дѣла грузинъ требизондскихъ; какъ властителю курдскихъ пастуховъ, ему легко было бы присвоить себѣ право надзора за этими кочевниками отъ одной территоріи до другой; но въ особенности какъ покровитель армянъ, какъ покровитель ихъ священнаго города Эчміадзина, оно было бы въ своей политической роли, требуя реформъ и административной автономіи для братьевъ тѣхъ, которые состоятъ подъ его покровительствомъ. Въ Европейской Турціи оно могло возвысить свой могучій голосъ въ пользу болгаръ и заставить дать имъ территорію, простирающуюся до Салоникскаго залива; точно также, когда представится удобный къ тому случай, оно будетъ вооружено предлогомъ для вмѣшательства за армянскія общины, разсѣянныя на пространствѣ отъ Эрзерумской долины до покатости Александретскаго залива, напротивъ острова Кипра, новаго завоеванія Англіи. Что касается Великобританіи, то она не могла бы гарантировать дѣйствительнымъ образомъ нынѣшнія границы Оттоманской имперіи противъ русскихъ; если она понуждала турецкое правительство къ выполненію его обязательства относительно обезпеченія порядка въ его анатолійскихъ провинціяхъ, то это только съ той цѣлью, чтобы имѣть предлогъ взять назадъ свое неблагоразумное обѣщаніе покровительства; она грозитъ потому, что не можетъ болѣе дѣйствовать.

Грустно подумать, что страна, столь богатая, одна изъ прекраснѣйшихъ и плодоноснѣйшихъ областей умѣреннаго пояса,—страна, которая, вѣроятно, дала, относительно своего протяженія, наибольшее число питательныхъ растеній, такъ мало въ наши дни утилизируется человѣкомъ: теперешнее населеніе ея можно считать никакъ не болѣе 6 жителей на квадратный километръ, да и то есть основаніе думать, что оно уменьшается. А между тѣмъ, господствующая раса, турки, или, вѣрнѣе сказать, туркмены—ибо большинство еще живутъ обособленными племенами,—обладаетъ сильными качествами, которыя, казалось бы,

[1]) A. Jaubert, „Voyage en Arménie et en Perse".

[1]) Palgrave, „Notes on Eastern Questions".

должны обезпечивать ей значительную долю въ трудѣ націй. Трудолюбивые, терпѣливые, стойкіе въ начатой работѣ туркмены возобновляютъ, безъ устали, дѣло, прерванное вражескими нашествіями. Сознавая славу своихъ предковъ, кара-куюнли и акъ-куюнли, то-есть «черныхъ» и «бѣлыхъ пастуховъ», они сохранили чувство національной связи, котораго недостаетъ большинству ихъ сосѣдей, и при смѣшеніи расъ это смѣшеніе вообще совершается къ ихъ выгодѣ: лазы, черкесы, курды кончаютъ, во многихъ округахъ, тѣмъ, что соединяются съ ними, особенно тамъ, гдѣ кочевые нравы уступили мѣсто осѣдлой земледѣльческой жизни. Въ этомъ-то сильномъ населеніи туркменовъ, а не въ политическихъ союзахъ, возвратахъ военнаго счастія или содѣйствіи «европейскихъ капиталовъ», Турція должна была бы искать элементовъ своего «возрожденія» [1]).

Лазы морскаго прибрежья и аджары береговыхъ горъ, между Батумомъ и Требизондомъ, суть грузины магометанской религіи, не менѣе красивые, стройные и изящные, чѣмъ ихъ соплеменники въ Грузіи; ихъ языкъ, очень близко подходящій къ нарѣчію, которымъ говорятъ въ сельскихъ мѣстностяхъ Мингреліи, смѣшанъ съ турецкими и греческими словами [2]). Различіе религіи, политическаго режима, и особенно привычки временнаго переселенія, общераспространенныя въ Лазистанѣ, все болѣе и болѣе обособляютъ говоръ грузинъ, подвластныхъ Россіи, и лазовъ турецкаго Гурджистана; въ нѣкоторыхъ округахъ, даже на верхнемъ и среднемъ Чорухѣ, турецкій языкъ сдѣлался общимъ идіомомъ. Лазы трудолюбивы, предпріимчивы, искатели приключеній. Прежде ониохотно предавались морскому разбойничеству, и ихъ маленькія барки смѣло пускались въ бурю преслѣдовать купеческія суда: теперь они занимаются рыбной ловлей и перевозкой товаровъ; тысячи эмигрантовъ лазовъ приходятъ въ Константинополь, гдѣ они занимаются ремесломъ носильщиковъ, грузильщиковъ въ гавани, котельниковъ [3]). Остающіеся дома—пастухи или земледѣльцы, и нужно удивляться, съ какой тщательностью они устраиваютъ террасы пахатной земли на бокахъ горъ. Въ округѣ собственнаго Лазистана, ограниченнаго на западѣ мысомъ Кемеръ (Кемеръ бурну), лазы составляютъ почти все населеніе; за этимъ округомъ, по направленію къ Требизонду, и далѣе до Платаны, они являются отдѣльными общинами, все менѣе и менѣе многочисленными, рѣдко разсѣянными среди турецкихъ и греческихъ резидентовъ. Черкесы, абхазы и другіе выходцы съ Кавказа, переселяющіеся сюда ежегодно въ количествѣ около шести тысячъ душъ, составляютъ, послѣ грузинъ, важнѣйшій этническій элементъ страны. Они охотно соединяются съ туземцами въ одну націю, благодаря красотѣ грузинскихъ дѣвушекъ, съ которыми они предпочтительно вступаютъ въ бракъ [1]). Армяне имѣютъ лишь небольшую группу деревень вокругъ Копи, а греческая колонія сводится къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ семействамъ въ городахъ и мѣстечкахъ морскаго берега. Въ нѣкоторыхъ долинахъ внутренности страны, особенно въ Дживисликѣ, находятся промежуточныя населенія, называемыя по-итальянски «Mezzo-Mezzo», которыхъ невозможно причислять ни къ туркамъ-мусульманамъ, ни къ грекамъ-христіанамъ: утромъ они бесѣдуютъ по-турецки и ходятъ въ мечеть, а вечеромъ говорятъ по-гречески и совершаютъ христіанскія таинства [2]). Потомки эллиновъ, но эллиновъ, смѣшанныхъ съ лазами и обращенныхъ въ исламъ въ семнадцатомъ столѣтіи, эти двуязычные и двоевѣрные поселяне держатъ въ тайнѣ передъ османлисами совершаемые ими христіанскіе обряды, но секретъ ихъ всѣмъ извѣстенъ и презрительно терпимъ. Впрочемъ, ихъ магометанство нельзя считать чистымъ лицемѣріемъ: обрядности обѣихъ религій, въ силу привычки, дѣлаются имъ равно необходимыми. Быть можетъ, въ нихъ слѣдуетъ видѣть потомковъ тѣхъ макроновъ, о которыхъ говоритъ Геродотъ, какъ о людяхъ, практикующихъ обрядъ обрѣзанія: если это такъ, то они, значитъ, были «мусульманами» уже до завоеванія страны воинами ислама [3]).

Нигдѣ, ни въ Турціи, ни въ Закавказскомъ краѣ, гайканы или армяне не живутъ въ видѣ сплоченной національности, но на южномъ склонѣ долины Чоруха, такъ же, какъ въ долинахъ главныхъ вѣтвей верхняго Евфрата, они составляютъ господствующее населеніе. Въ Малой Азіи, въ бассейнѣ Джигуна, они населяютъ исключительно нѣкоторыя возвышенныя долины; тамъ-то, на пространствѣ отъ Чернаго до Средиземнаго моря, всего лучше сохранились преданія Армянскаго царства. Численность гайкановъ неизвѣстна: такъ какъ ихъ политическое положеніе подало поводъ къ оживленнымъ спорамъ, то были допущены преувеличенія въ томъ и другомъ направленіи, сообразно интересамъ участвующихъ въ этой полемикѣ: по словамъ однихъ, въ оставшихся подъ властью Турціи провинціяхъ число армянъ простирается еще отъ двухъ до трехъ милліоновъ; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что ихъ наберется не болѣе пятисотъ тысячъ. Оффиціальныя статистики, составляемыя на

[1]) Palgrave, цитированное сочиненіе.
[2]) Rosen, „Ueber die Sprache der Lazen".
[3]) „Извѣстія Кавказскаго отдѣла Географ. Общества", томъ V, 1877—1878 гг.

[1]) Palgrave, цитированное сочиненіе.
[2]) Hamilton, „Researches in Asia Minor";—Eli Smith,—Flandin;—Palgrave, и другіе.
[3]) De Gobineau, „Trois ans en Asie".

основаніи простыхъ мѣстныхъ исчисленій, не всегда ведутъ правильный счетъ различныхъ національностей; тѣмъ не менѣе, однако, такъ какъ численное отношеніе отдѣльныхъ расъ извѣстно въ общихъ чертахъ по изслѣдованіямъ путешественниковъ, то изъ него можно вывести приблизительное число турецкихъ армянъ: число это, вѣроятно, отъ семисотъ до восьмисотъ тысячъ душъ. Такимъ образомъ, около трети гайканской націи находится на османской территоріи. Въ Эрзерумѣ, такъ же, какъ въ Константинополѣ, армяне отличаются отъ турокъ болѣе открытымъ и болѣе свободнымъ умомъ, большей любовью къ образованію, большей инниціативой въ торговлѣ и промышленности; въ Ванскомъ вилайэтѣ нѣтъ дома, который не былъ бы построенъ ими; нѣтъ туземной матеріи, которая не была бы соткана ихъ руками, нѣтъ почти плода, который не происходилъ бы изъ ихъ садовъ. Они охотно эмигрируютъ, и—не считая тѣхъ, которые покидаютъ родину, чтобы уйти отъ вымогательствъ пашей или отъ набѣговъ курдскихъ грабителей—армянскихъ выходцевъ встрѣтишь тысячами въ Стамбулѣ и въ другихъ городахъ Анатоліи и Европейской Турціи, гдѣ они работаютъ преимущественно въ качествѣ каменщиковъ, чернорабочихъ и носильщиковъ. Въ Константинополѣ имя Ванъэрменизи, «армянинъ изъ Вана», употребляется въ такомъ же смыслѣ, какъ, напримѣръ, слово «оверньятъ» въ большихъ городахъ Франціи. На родинѣ цѣлыя деревни населены однѣми женщинами, оставленными дома ихъ мужьями и братьями, чтобы заниматься хозяйствомъ семьи.

Въ то время, какъ центръ тяжести армянскаго населенія находится на русской территоріи, у подножія горы Арарата, наиболѣе многочисленныя племена курдовъ (въ турецкихъ владѣніяхъ этническое имя произносится *курдъ* или *куртъ*; арабы называютъ эту націю *картъ*, во множественномъ числѣ *экратъ*; сами же они именуютъ себя *картмаиче*) [1]) сосредоточены въ предѣлахъ Оттоманской имперіи: истинное средоточіе ихъ области находится на плоскогорьѣ Ванъ, но область ихъ распространенія громадна. Считая въ числѣ курдовъ луровъ и бахтіаровъ, жителей краевыхъ цѣпей Ирана, и различные народцы, переселенные государями Персіи въ Хорассанъ и на границы Белуджистана, нужно признать, что немногія изъ націй Передней Азіи разсѣяны на болѣе обширной территоріи: поясъ, который они занимаютъ, почти безъ перерыва, отъ мѣстности, сосѣдней съ Гамаданомъ, до Аинтаба, имѣетъ не менѣе 1.000 километровъ въ длину, при средней ширинѣ около 250 килом. Они распредѣлены между тремя имперіями; но курды Россіи, относительно малочисленные, окруженные армянами, грузинами и татарами, не имѣютъ никакой связи съ главными племенами. Большинство племенъ признаютъ верховную ленную власть (сюзеренитетъ) султана; восточныя племена зависятъ отъ Персіи, и, наконецъ, различные народцы наименѣе доступныхъ областей, особенно тѣ, которые населяютъ горы Дерсима, на юго-западъ отъ Эрзерума, живутъ еще маленькими независимыми государствами.

Курдскія населенія, исчисляемыя приблизительно: Турецкій Курдистанъ и другія страны Азіатской Турціи—1.300.000 жител., Персія (не считая луровъ и бахтіаровъ)—500.000 жител., Афганистанъ и Белуджистанъ—5.000 (?) жител., Русское Закавказье—13.000 жител.

Въ долинахъ, гдѣ курды сгруппированы въ сплоченныя племена, особенно въ бассейнѣ «Большаго Заба», они составляютъ національность довольно могущественную для того, чтобы въ виду турокъ и персіанъ стремиться къ образованію особаго государства. Между возмущеніями, которыя вспыхивали съ половины текущаго столѣтія, въ особенности со времени послѣдней войны съ Россіей, многія несомнѣнно имѣли цѣлью завоеваніе политической свободы: были даже попытки основанія «курдской лиги». Рѣдко случается, чтобы возникали раздоры между курдскими племенами: они обыкновенно нападаютъ только на иноплеменниковъ.

Разсѣянные на такомъ огромномъ пространствѣ, курды далеко не вездѣ представляютъ одинъ и тотъ же физическій типъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежатъ къ различнымъ расамъ. Одни изъ нихъ смѣшаны съ туркменами или тюрко-татарами, другіе—съ армянами или съ персіанами. Нѣкоторыя племена, которымъ приписываютъ чисто-армянское происхожденіе, выдаютъ себя за потомковъ древнихъ христіанскихъ общинъ, обращенныхъ въ магометанскую вѣру. Почти всѣ турецкіе солдаты, расквартированные въ горахъ курдовъ, женятся на туземныхъ дѣвушкахъ [1]). Различіе физіономій соотвѣтствуетъ различію происхожденія: иные курды безобразны и неуклюжи, тогда какъ другіе могли бы поспорить силой, стройностью и граціей съ красивѣйшими черкесами. Тѣ, которые живутъ въ бассейнахъ озеръ Урмія и Ванъ, и которыхъ считаютъ потомками кудраховъ, упоминаемыхъ въ надписяхъ древняго Персеполиса, кардуховъ и гордійцевъ, о которыхъ говорятъ греческіе писатели,—средняго роста и крѣпкаго тѣлосложенія, широкоплечи, съ гордыми и выразительными чертами лица; но курды, обитающіе на персидской границѣ, имѣютъ вообще подавшійся назадъ лобъ, широкія и хорошо раздѣленныя брови, длинныя рѣсницы, большой ротъ, выдающійся под-

[1]) Ernest Chantre, рукописныя замѣтки; — Millingen, „Wild Life among the Koords".

[1]) Millingen, „Wild Life among the Koords".

бородокъ, рѣзко-орлиный носъ, заостренный и съ очень мясистыми ноздрями [1]). Въ очень многихъ племенахъ курды, подобно персіанамъ, красятъ свои густыя бороды и волоса на го-

Холмы Бабиль.

ловѣ въ красный или черный цвѣтъ; между ними нерѣдкость встрѣтить такихъ, у которыхъ отъ природы волосы бѣлокурые и глаза голубые, такъ что ихъ можно принять за нѣмцевъ [1]). Пять курдскихъ череповъ, измѣренныхъ г. Дюгуссе, отличаются замѣчательной коротко-головостью (головной указатель у курдовъ 0,06; средній указатель, по Эрнесту Шантру, 0,81) и составляютъ поразительный контрастъ съ

[1]) Duhousset, „Etude sur les populations de la Perse“, „Revue orientale et américaine“, 1863.

[1]) Polak, „Persien, Das Land und seine Bewohner“.

черепами восточныхъ персіанъ, афганцевъ, индусовъ. Однако, большое разнообразіе, представляемое курдами въ физическомъ отношеніи, не позволяетъ видѣть въ этихъ нѣсколькихъ краніологическихъ измѣреніяхъ выраженіе общаго явленія. Американскіе миссіонеры, очень многочисленные въ курдской странѣ, сравниваютъ ея жителей съ краснокожими индѣйцами.

Ансамбль курдской физіономіи напоминаетъ, по выраженію г. Дюгуссе, «обличье плотояднаго животнаго», но онъ не лишенъ красоты. Дѣти прелестны, и въ живописныхъ караванахъ кочевниковъ нѣтъ картины, болѣе граціозной, какъ видъ улыбающихся головокъ, которыя высовываются изъ котомокъ, привязанныхъ къ сѣдлу, на боку лошадей [1]). Курдскія женщины, которыя никогда не закрываютъ лица, имѣютъ вообще черты, отличающіяся строгой правильностью, большіе глаза, орлиный носъ, мощныя формы, длинную, заплетенную въ косы, шевелюру, цвѣтъ которой, черный, какъ смоль, гармонируетъ съ темно-смуглымъ оттѣнкомъ кожи; но, къ сожалѣнію, во многихъ племенахъ онѣ уродуютъ себя, какъ индуски, продѣвая въ ноздрю золотое кольцо. Храбрыя, какъ мужчины, и берущіяся за оружіе въ случаѣ надобности, онѣ любятъ также драгоцѣнныя украшенія и красивыя платья, но имъ рѣдко удается наряжаться въ эти платья, потому что мужья присвоиваютъ себѣ право пользоваться ими. Курдъ любитъ дорогія и пестрыя матеріи, яркіе цвѣта, высокіе головные уборы, обернутые великолѣпными шалями. Къ тяжести своего костюма онъ еще прибавляетъ арсеналъ оружія, заткнутаго за поясомъ,—пистолеты, кинжалы, ятаганы, далѣе ружье, которое онъ носитъ на перевязи, длинное копье, украшенное стрѣлами и лентами, на которое онъ опирается; но для битвы онъ вооружается болѣе легко. Багдадъ поставляетъ въ курдскія горы бамбуковые стволы для пикъ и носороговыя кожи для щитовъ [2]).

Въ своемъ путешествіи черезъ курдскія области нагорья, г. Дюгуссе не замѣтилъ физической разницы между начальниками племени или шейхами и толпой земледѣльцевъ, обрабатывающихъ курдскія поля; но изслѣдователи и миссіонеры, пробывшіе долгое время среди этихъ племенъ, единогласно признаютъ у большинства курдскихъ народцевъ, какъ въ Персіи, такъ и въ Азіатской Турціи, существованіе двухъ, ясно обособленныхъ кастъ, принадлежащихъ, вѣроятно, къ различнымъ этническимъ корнямъ: эти двѣ касты—*кермани* или *ассирета*, то-есть благородные, и *гуранъ* или крестьяне. Послѣдніе, въ четыре или пять разъ болѣе многочисленные, чѣмъ первые, въ южномъ Курдистанѣ считаются—и вѣроятно справедливо—потомками побѣжденной и порабощенной націи [1]): ихъ называютъ, въ Азіатской Турціи, райями, такъ же, какъ и другихъ закрѣпощенныхъ людей. Во многихъ округахъ они дѣйствительно невольники, обязанные обработывать землю для своихъ господъ, которые присвоиваютъ себѣ надъ ними право жизни и смерти. Они никогда, ни при какихъ условіяхъ, не могутъ возвыситься на степень воиновъ; имъ остается только покориться судьбѣ и мѣнять господъ, когда того потребуетъ исходъ битвъ. Съ своей стороны, благородные или воины сочли бы за безчестье предаваться земледѣлію. Единственный мирный трудъ, позволительный этимъ высшимъ людямъ,—это уходъ за стадами; грабежъ и война, либо за свой собственный счетъ, либо въ качествѣ наемниковъ, вотъ единственныя достойныя ихъ занятія, кромѣ пастушескаго ремесла; въ нѣкоторыхъ округахъ они, въ видѣ отличія, носятъ красный плащъ [2]). Вообще менѣе красивые, чѣмъ курды изъ касты гурановъ, они имѣютъ формы болѣе тяжелыя, лица угловатыя, глаза маленькіе и глубоко сидящіе. У гурановъ черты лица болѣе мягкія, болѣе правильныя и приближающіяся къ греческому типу [3]). Кромѣ того, между армянами и курдами живутъ нѣсколько семействъ чингіанеховъ или цыганъ, во всемъ похожихъ на европейскихъ, и терекамехи, которымъ приписываютъ тюркское происхожденіе, по сходству ихъ нарѣчія съ турецкимъ. Тере-камехи населяютъ около сотни деревень близъ персидской границы.

Языкъ такъ же различенъ, какъ и черты лица. Говоры сильно разнятся между отдаленными другъ отъ друга племенами. Курдъ съ горъ Киликіи съ трудомъ понялъ бы курда съ Копетъ-дага. Общее строеніе ихъ діалектовъ существенно иранское. У восточныхъ племенъ словарь обогатился персидскими словами; у западныхъ и у сѣверныхъ онъ изобилуетъ арабскими и тюрко-татарскими терминами; въ нѣкоторыхъ округахъ очень многочисленны сирійскія слова. Въ Закавказскомъ краѣ курды употребляютъ русскія выраженія; нарѣчіе заза, которымъ говорятъ въ Мушѣ и въ Палу, представляетъ нѣкоторое сходство съ идіомомъ кавказскихъ осетинъ. По Лерху, курдскій языкъ дѣлится на пять нарѣчій, изъ которыхъ однимъ, керманджи, говорятъ во всѣхъ племенахъ къ западу отъ Моссула [4]). Всѣ эти нарѣчія грубы, звуки ихъ состоятъ какъ будто изъ ряда взрывовъ, но они менѣе изобилуютъ свистящими и гортанными, чѣмъ большинство языковъ, ко-

[1]) James Creagh, „Armenians, Koords and Turks“.
[2]) Thielmann, „Streifzüge in dem Kaukasus“.

[1]) Moritz Wagner, „Reise nach Persien und dem Lande der Kurden“.
[2]) Millingen, „Wild Life among the Koords“.
[3]) Rich, „Narrative of a Residence in Koordistan“.
[4]) „Forschungen über die Kurden und die Iranischen Nordchaldäer“.

торыми говорятъ сосѣднія націи. Нѣсколько народныхъ пѣсенъ, воспѣвающихъ горы, рѣки, богатырей, безъ длиннаго поэтическаго развитія мысли, но съ глубокимъ чувствомъ, исчерпываютъ собою всю оригинальную литературу курдовъ. Американскіе миссіонеры прибавили къ этому переводъ Библіи и нѣкоторыхъ сочиненій духовнаго содержанія. Не имѣя собственнаго письма, курды пользуются арабскимъ алфавитомъ, видоизмѣненнымъ ихъ сосѣдями персіанами, и тѣ, которые поднимаются надъ уровнемъ массы путемъ образованія, обыкновенно оставляютъ свой собственный языкъ, замѣняя его рѣчью образованныхъ иранцевъ или турокъ. Самое имя ихъ, курды,—персидскаго происхожденія и значитъ «сильные» или «могучіе». Правда, что татары производятъ это слово отъ *гурдъ* или «волкъ», мстя этой иронической этимологіей за жестокую алчность и хищничество народа, отъ котораго имъ часто приходилось терпѣть. Курды охотно претендуютъ на арабское происхожденіе, и можно повѣрить, что дѣйствительно нѣкоторое число ихъ шейховъ принадлежитъ къ этой расѣ завоевателей.

Ни балучи, ни бедуины, ни апачи, ни патагонцы, не превзойдутъ курдовъ воинственныхъ племенъ разбойничьими инстинктами и искусствомъ удовлетворять эти инстинкты. Начальникъ или глава племени, крѣпкій замокъ котораго господствуетъ, словно орлиное гнѣздо, надъ входомъ въ горныя ущелья, содержитъ шайку воровъ, которые рыскаютъ по окрестнымъ дорогамъ и приносятъ ему добычу. Кража вооруженной рукой или открытый грабежъ считается у нихъ особенно почетнымъ и достохвальнымъ дѣломъ, но они презираютъ контрабанду, которую легко было бы практиковать въ этомъ гористомъ краѣ, гдѣ встрѣчаются границы трехъ государствъ. Эта тайная торговля кажется имъ несовмѣстной съ ихъ достоинствомъ. Тѣмъ не менѣе, однако, они пользуются этой смежностью границъ различныхъ государствъ для того, чтобы организовать свои грабительскія экспедиціи то въ одной, то въ другой странѣ, такъ, чтобы свалить отвѣтственность на своихъ сосѣдей и поставить границу между собой и преслѣдующимъ ихъ войскомъ. Особенно когда представляется случай удовлетворить свою племенную и религіозную ненависть къ армянамъ, курды чувствуютъ себя въ своей истинной стихіи и радостно приготовляются къ воровскимъ экспедиціямъ. Желаніе избавиться отъ такихъ опасныхъ сосѣдей и было причиной опустѣнія многихъ армянскихъ округовъ, жители которыхъ массами переселились въ Закавказскій край. Во многихъ мѣстностяхъ нагорья, города и группы армянскихъ деревень держатся какъ бы въ осадѣ этими грабителями; никто не отваживается выходить за ограду садовъ. Страшныя казни, примѣняемыя къ разбойникамъ, даже костеръ и колъ, не устрашаютъ курдскихъ племенъ, и часто даже побуждаютъ ихъ къ ужасному возмездію; подавленная въ одномъ мѣстѣ борьба возобновляется въ другихъ пунктахъ, вынуждая иногда турецкое правительство снаряжать военныя экспедиціи противъ грабителей. По словамъ путешественника Полака, существуетъ одна курдская секта, у которой строго воспрещено грабить живыхъ, но обирать мертвыхъ дозволяется, изъ чего сектанты, будто-бы, выводятъ заключеніе, что они въ правѣ убивать тѣхъ, имуществомъ которыхъ имъ хочется овладѣть. Впрочемъ, въ обыкновенное время курдскіе грабители уважаютъ человѣческую жизнь: они не убиваютъ тѣхъ, кого грабятъ, и даже оставляютъ съѣстные припасы и одежду бѣднымъ въ ограбленныхъ ими деревняхъ. Однако, англійскій консулъ Аботъ, попытавшійся было, при нападеніи на него разбойниковъ, обороняться, былъ убитъ палками и оставленъ голымъ на Діядинской дорогѣ, среди своихъ испуганныхъ служителей [1]. Они проливаютъ кровь только въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно отмстить за личную или наслѣдственную обиду; но, чтобы исполнить эту священную обязанность родовой мести, они не останавливаются ни передъ чѣмъ, нападаютъ другъ на друга и дерутся даже въ мечети. Шейхи, которымъ племена оказываютъ слѣпое повиновеніе, держатъ открытый столъ и возвращаютъ въ видѣ пиршествъ полученные подарки и награбленную добычу; чужеземецъ находитъ очень радушный пріемъ, когда является въ качествѣ гостя.

Взятые въ массѣ, и несмотря на ихъ воинственные нравы, курды болѣе честны и болѣе надежны, чѣмъ ихъ сосѣди другихъ расъ. Вообще, они уважаютъ своихъ женщинъ и предоставляютъ имъ гораздо большую свободу, чѣмъ какой пользуются турчанки и персіанки; но неустанный трудъ дѣлаетъ существованіе курдской женщины въ высшей степени тягостнымъ, и говорятъ, что часто матери, желая избавить своихъ дочерей отъ тяжкой жалкой жизни, какова ихъ собственная, убиваютъ ихъ тотчасъ же послѣ рожденія. Однако, курды, въ противоположность черкесамъ, на которыхъ они походятъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, никогда не продавали своихъ молодыхъ дѣвушекъ поставщикамъ гаремовъ. Несмотря на всѣ ихъ качества, существованію курдовъ, какъ націи, грозитъ опасность во многихъ округахъ Персіи и Турціи; они уменьшаются численно, и тамъ и сямъ сливаются съ окружающими населеніями. Крѣпостные крестьяне, составляющіе главную массу жителей, не имѣютъ никакого интереса поддерживать узы, связывающія ихъ съ военной кастой, и послѣдняя обречена на постоянное самоистощеніе, обречена сво-

[1] James Creagh, цитированное сочиненіе.

имъ образомъ жизни, который есть не что иное, какъ борьба противъ всѣхъ. Съ другой стороны, религіозная ненависть тоже способствуетъ дѣлу истребленія, по крайней мѣрѣ въ Персіи, ибо три четверти курдовъ—ревностные сунниты, и иранцы, въ качествѣ шіитовъ, считаютъ богоугоднымъ дѣломъ всячески притѣснять и даже убивать еретиковъ.

Въ этой переходной странѣ, гдѣ смѣшались обломки столькихъ народовъ, самые разнообразныя вѣрованія и культы оставили свои слѣды. Г. Шантру указывали даже, въ сертскомъ или саэртскомъ санджакѣ, одинъ курдскій народецъ, какъ неимѣющій никакой религіи. Между племенами, населяющими армянскія и курдскія плоскогорья, мы находимъ не только магометанъ и христіанъ всѣхъ вѣроисповѣданій, но еще и безсознательныхъ наслѣдниковъ древняго маздеизма. Кизыльбаши или «Красноголовые»—слово, которое въ Афганистанѣ и въ другихъ странахъ Востока примѣняется къ людямъ персидской расы,—по большей части курды: на 400.000 сектантовъ (впрочемъ, Тэйлоръ полагаетъ, что ихъ не больше 25.000) только 15.000 принадлежатъ къ туркменской расѣ, и два или три племени называютъ себя арабами. Красноголовые, главныя общины которыхъ живутъ въ среднемъ бассейнѣ Евфрата, на берегахъ Гермили и верхняго Кизылъ-Ирмака, причисляются мусульманами къ христіанскимъ сектамъ на томъ основаніи, что они пьютъ вино, совершаютъ обряды крещенія и причащенія, и женщины ихъ не закрываютъ лица [1]). Изъ всѣхъ сектантовъ кизыль-баши всего упорнѣе обвиняются—справедливо или нѣтъ—ихъ сосѣдями въ совершеніи ночныхъ праздниковъ, на которыхъ, будто-бы, царствуетъ самый разнузданный развратъ: отсюда имя Терахъ-Сондеранъ или «Гасители свѣтильниковъ», подъ которымъ они вообще обозначаются [2]). Духовный глава кизыль-башей имѣетъ пребываніе въ Дерсимѣ, близъ рѣки Муратъ [3]).

Другіе внушающіе ужасъ сектанты—тѣ, которые извѣстны у ихъ сосѣдей подъ именемъ «обожателей дьявола». Курды, іезиди или шемсіехъ, хотя очень малочисленные, никакъ не больше пятидесяти тысячъ, разсѣяны на весьма значительномъ пространствѣ: становища ихъ находятся преимущественно въ Синджарскихъ горахъ, на сѣверъ отъ равнинъ Месопотаміи, но существуютъ также на плоскоскогорьяхъ Ванскомъ и Эрзерумскомъ, равно какъ въ Персіи и въ Закавказскомъ краѣ, близъ восточныхъ береговъ озера Гокча [4]); одна изъ ихъ колоній выдвинулась даже до самаго Босфора и расположилась въ виду Константинополя [1]). Ненавидимые, проклинаемые своими сосѣдями всякой религіи и всякой расы, то вынужденные сражаться, то бѣгущіе отъ своихъ преслѣдователей, истребляемые голодомъ и болѣзнями еще болѣе, чѣмъ мечомъ, они успѣли, однако, сохранить изъ вѣка въ вѣкъ свои бѣдныя общины, не имѣя, какъ евреи, прочной точки опоры, которую даютъ кодексы писанныхъ преданій, исторія долгаго прошлаго, когда народъ пользовался независимымъ существованіемъ; у нихъ есть только вѣра да память о вчерашней борьбѣ, для того, чтобы поддерживать въ себѣ мужество къ борьбѣ завтрашней; они утверждаютъ, что будто ихъ главный святой, шейхъ Ади, написалъ поучительную книгу, Асватъ или «Черный», но не существуетъ ни одного историческаго документа, доказывающаго справедливость этого утвержденія, которое, вѣроятно, было придумано ими съ той цѣлью, чтобы заставить мусульманъ относиться къ нимъ съ большимъ уваженіемъ [2]). Нигдѣ они не пользуются независимымъ существованіемъ; синджарскіе іезиди (помѣсь курдовъ съ арабами),которые въ продолженіе цѣлаго ряда поколѣній жили автономными республиками въ своихъ горныхъ цитаделяхъ, образуемыхъ скалами, были большей частію истреблены въ 1838 году; большинство укрылось въ пещерахъ, но ихъ оттуда выкуривали дымомъ; женщины были проданы въ рабство, и жалкіе остатки племенъ принуждены были покориться магометанамъ.

Сравнивая разсказы путешественниковъ, посѣтившихъ курдовъ іезиди въ разныхъ округахъ, гдѣ они разсѣяны, замѣчаешь такія существенныя различія, что ученые должны были допустить различное происхожденіе для сектантовъ, подводимыхъ подъ общее имя «поклонниковъ дьявола». Въ сосѣдствѣ армянъ они, повидимому, примыкаютъ къ тому же этническому корню, какъ и ихъ сосѣди, и точные историческіе документы указываютъ середину девятаго столѣтія и одну деревню Ванскаго округа, какъ эпоху и мѣсто, гдѣ получила начало религія этой секты, бывшая въ первое время простымъ расколомъ армянской догмы. Въ Синджарѣ, напротивъ, курдамъ іезиди приписываютъ арабское происхожденіе, и культъ ихъ производятъ отъ ислама. Въ Персіи на нихъ смотрятъ, какъ на потомковъ гвебровъ или огнепоклонниковъ; однако, самое названіе, подъ которымъ они извѣстны, указываетъ на связь ихъ съ мусульманскимъ міромъ, такъ какъ оно происходитъ отъ имени Езида, проклинаемаго калифа, виновнаго въ убіеніи Гуссейна, внука пророка Магомета. Наконецъ,

[1]) Taylor, „Journal of the Geographical Society", 1868.
[2]) Peter Lerch, цитированный мемуаръ;—A. Vambery, „Allgemeine Zeitung", 27 déc. 1877;—Millingen, „Wild Life among the Koords".
[3]) Ernest Chantre, „Tableau des tribus kurdes".
[4]) Moritz Wagner, „Reise nach Persien und dem Lande der Kurden".

[1]) Van Hammer;—Purgstall;—Carl Ritter, „Asien".
[2]) Frederick Forbes, „Journal of the Geographical Society", 1839.

курдскія племена часто смѣшиваютъ ихъ съ христіанскими сектами нижнихъ равнинъ, и разсказываютъ о тѣхъ и другихъ самыя странныя вещи: нѣтъ такой гнусности, которой бы имъ не приписывали; нѣтъ такой фантазіи, которой бы не выдумывали на ихъ счетъ. Ихъ обрядности разнятся, смотря по мѣстности: нѣкоторые изъ нихъ совершаютъ надъ своими дѣтьми обрядъ крещенія и дѣлаютъ знакъ креста [1]); въ нѣкоторыхъ округахъ они практикуютъ обрѣзаніе, въ другихъ мѣстахъ оно, напротивъ, запрещено; посты строго соблюдаются у іезиди, живущихъ въ сосѣдствѣ съ армянами, тогда какъ другіе «обожатели дьявола» считаютъ себя вольными ѣсть во всякое время; здѣсь господствуетъ многоженство, тамъ—строгое единоженство; прежде большинство были всегда одѣты въ синее платье, теперь они гнушаются этимъ цвѣтомъ и употребляютъ исключительно бѣлый. Впрочемъ, преслѣдуемые сектанты естественно должны были, подобно еретикамъ персидскаго шизма, научиться исполнять для виду церемоніи оффиціальныхъ культовъ: нѣтъ святаго христіанскаго или мусульманскаго, суннитскаго или шіитскаго, котораго бы они не признавали за своего и не почитали съ притворнымъ рвеніемъ.

Общей связью между іезиди различнаго происхожденія и различныхъ культовъ служитъ обожаніе *мелека* Тауса, ихъ царя Павлина или Феникса, Господина Жизни, Святаго Духа, Огня и Свѣта, котораго они представляютъ въ формѣ птицы съ пѣтушиной головой, помѣщенной на подсвѣчникѣ. Первый его министъ—Люциферъ, утренняя звѣзда, котораго они не переставали почитать, несмотря на его паденіе. Сами пребывая въ состояніи грѣхопаденія, говорятъ они, въ правѣ ли мы проклинать падшаго ангела, и если мы ожидаемъ нашего собственнаго спасенія отъ божественной милости, то почему великій низверженный не могъ снова возвыситься на степень вождя небесныхъ воинствъ? Быть можетъ, даже пророки Моисей, Магометъ, Іисусъ Христосъ были его воплощеніемъ; быть можетъ, онъ уже возвращенъ на небо, чтобы снова исполнять, въ качествѣ главнаго служителя Божія, повелѣнія Всевышняго законодателя. Они приходятъ въ ужасъ, когда услышатъ, что мусульмане или христіане богохульствуютъ надъ именемъ архангела, и говорятъ, что у нихъ опредѣлена смертная казнь тому, кто осмѣлился бы произнести имя «Сатаны»; слышавшіе это имя обязаны убить оскорбителя, затѣмъ и самихъ себя лишить жизни [2]). Они избѣгаютъ даже всякаго сочетанія слоговъ, которое могло бы напомнить кощунственное слово. Они свято исполняютъ приказанія своихъ священнослужителей, и многіе изъ нихъ ходятъ въ пилигримство къ святому мѣсту шейха Ади, которое находится на сѣверѣ отъ города Моссула, по дорогѣ изъ Амадіаха: ихъ папа или шейхъ-ханъ имѣетъ пребываніе въ мѣстечкѣ Баадлы, пріютившемся на крутой скалѣ; но самое святилище находится въ другой деревнѣ, Лалехъ, гдѣ жилъ одинъ пророкъ, «Магометъ» іезидіанъ: тамъ совершаются торжественныя религіозныя церемоніи, и священное изображеніе мелека Таусъ выставляется на поклоненіе вѣрующихъ; утромъ, когда солнце поднимается на горизонтѣ, толпа пилигримовъ привѣтствуетъ озаряющій землю свѣтъ троекратнымъ паденіемъ ницъ [1]). Путешественники, даже миссіонеры католическіе и протестантскіе, которые были приняты у іезидіанъ, понятно, должны были содрогаться отъ ужаса при мысли быть въ присутствіи обожателей дьявола, единогласно отзываются отъ нихъ, какъ о людяхъ, стоящихъ нравственно гораздо выше всѣхъ своихъ сосѣдей, несторіанъ или грегоріанъ, суннитовъ или шіитовъ. Эти сектанты отличаются безусловной честностью; опустошители и грабители, когда война объявлена, они въ мирное время относятся самымъ почтительнымъ образомъ ко всему, что принадлежитъ другому. Они выказываютъ безграничную предупредительность къ чужеземцу, доброжелательны другъ къ другу, кротки и вѣрны въ бракѣ, очень прилежны на работѣ. Пѣсни, которыя они поютъ, обработывая пашню или отдыхая вечеромъ отъ дневныхъ трудовъ, состоятъ либо изъ отрывковъ эпопей, прославляющихъ подвиги предковъ, либо изъ строфъ любви, полныхъ чувства, иногда также изъ жалобныхъ воззваній. «Шакалъ откапываетъ только трупы, онъ уважаетъ жизнь; а паша пьетъ только кровь молодыхъ. Онъ разлучаетъ юношу съ его невѣстой. Будь проклятъ тотъ, кто разлучаетъ два любящія сердца! Будь проклятъ сильный, незнающій жалости! Могила не возвратитъ погребенныхъ въ ней; но Высшій Ангелъ услышитъ нашъ вопль!»

Нѣкоторыя христіанскія секты также представлены между населеніями Курдистана. Главная изъ нихъ та, которую обыкновенно обозначаютъ именемъ несторіанъ, хотя, впрочемъ, сами они не принимаютъ этого имени: они называютъ себя «мессіанскими назареями», «сирійскими назареями» или просто назареями, и языкъ ихъ дѣйствительно есть арамейскій діалектъ, происходящій отъ древне-сирійскаго; миссіонерамъ пришла мысль обучать еврейскому языку своихъ несторіанскихъ учениковъ, которые понимаютъ его съ удивительной лег-

[1]) Azahel Grant, „The Nestorians“.

[2]) Taylor, „Journal of the Geographical Society“, 1868.

[1]) Niebuhr;—Gazzoni;—Rich;—Ainsworth;—Rousseau;—Forbes;—Perkins; —Wagner.

костью и, такъ сказать, не учась [1]). Болѣе многочисленные, чѣмъ іезидіане—можетъ быть, около двухсотъ тысячъ [2]), — они распространены, какъ и тѣ, на обширной территоріи, и, вѣроятно, къ ихъ же сектѣ принадлежали китайскіе несторіане, отъ которыхъ теперь осталось только одно воспоминаніе, и сектанты Нассарени-Моплахъ Малабарскаго берега, у которыхъ до сихъ поръ древне-сирійскій языкъ служитъ священнымъ идіомомъ, и которые признаютъ своимъ духовнымъ главой вавилонскаго патріарха, имѣющаго пребываніе въ Моссулѣ. Неизвѣстно, въ какую эпоху и по какому случаю назареи Персіи и турецкаго Курдистана покинули свою сирійскую родину, чтобы поселиться среди населеній, отличныхъ отъ нихъ по расѣ, языку и нравамъ: это событіе, безъ всякаго сомнѣнія, предшествовало гиджрѣ, то-есть началу магометанскаго лѣтосчисленія. Когда мусульмане овладѣли Месопотаміей, они не дали себѣ труда захватить гористую область Джуламеркъ, между двумя озерами Урмія и Ванъ, гдѣ несторіане имѣли крѣпости и важныя общины. Независимые *de facto*, христіане считали себя обезпеченными отъ всякаго нападенія; но въ 1843 году окрестные курды мусульмане, поощряемые турецкими властями, ринулись на несторіанскія селенія: мужчины, оказавшіе сопротивленіе, были перебиты; женщинъ увели въ неволю, а мальчики, подвергнутые обрѣзанію, были насильно обращены въ магометанъ и такимъ образомъ сдѣлались будущими врагами своихъ собственныхъ семействъ. Въ настоящее время Турція не имѣетъ болѣе покорныхъ подданныхъ, чѣмъ христіане Джуламерка. Подобно окружающимъ ихъ курдамъ, они дѣлятся на два класса, дворянъ или *ассирета* и крестьянъ, мало отличающихся отъ невольниковъ. Ими управляетъ цѣлая іерархія духовныхъ лицъ подъ патріаршей властью первосвященника-царя, извѣстнаго подъ именемъ Маръ-Шимунъ или «Господинъ Симонъ». Патріаршій престолъ переходитъ въ порядкѣ наслѣдованія отъ дяди къ племяннику; во время беременности мать будущаго патріарха обязана употреблять исключительно растительную пищу, которая предписана прелатамъ; если надежда ея не оправдается и у нея родится дочь, то она обречена на монашескую жизнь [3]).

Несторіане мало интересуются теологическими тонкостями о человѣческомъ и божескомъ естествѣ Іисуса Христа, которыя имѣли слѣдствіемъ расколъ основателя ихъ секты, Нестора, но различія въ обрядахъ было достаточно, чтобы породить вѣковую вражду между ними и другими религіозными сектами. Халдеи, то-есть христіане Месопотаміи и Загроса, живущіе по большей части въ низменныхъ мѣстностяхъ, вокругъ Діарбекира и на сѣверѣ отъ Багдада, присоединились съ шестнадцатаго столѣтія, по крайней мѣрѣ оффиціально, къ римскому католицизму. Они, однако, сохранили различные обряды своего древняго вѣроисповѣданія, и священники ихъ вступаютъ въ бракъ, за исключеніемъ высшаго духовенства; но пребывающіе среди нихъ католическіе миссіонеры стараются мало-по-малу сблизить халдейскія обрядности съ обрядностями западной церкви. Что касается несторіанъ, оставшихся вѣрными назарейскому культу, возникшему въ Сиріи, то они находятся, съ 1831 года, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ американскихъ протестантскихъ миссіонеровъ, которые содержатъ около шестидесяти миссіонерскихъ станцій въ ихъ странѣ и даютъ денежныя пособія на содержаніе туземнаго духовенства и учебныхъ заведеній; вмѣстѣ съ тѣмъ они неоднократно оказывали дѣйствительную защиту горцамъ-христіанамъ противъ турокъ и курдовъ.

Города относительно немногочисленны въ этихъ населенныхъ армянами и курдами гористыхъ областяхъ, столь часто опустошаемыхъ разбойничьими набѣгами и большими военными экспедиціями. Къ бѣдствіямъ, удручающимъ страну, нерѣдко присоединяются еще голодовки. Когда недостатокъ дождей или какая-нибудь другая неблагопріятная причина лишитъ земледѣльцевъ обычнаго урожая, имъ не остается ничего болѣе, какъ питаться полевыми травами, набивать себѣ желудокъ хлѣбомъ изъ желудей и древесной коры: не имѣя денегъ, они не могутъ купить себѣ хлѣба въ сосѣднихъ провинціяхъ, отъ которыхъ ихъ отдѣляютъ дикія горныя тропинки. Несчастные, не умирающіе съ голоду, ходятъ побираться къ сосѣднимъ племенамъ; путешественникъ проѣзжаетъ тогда черезъ деревни, совершенно покинутыя жителями, и черезъ города, гдѣ развалины занимаютъ больше пространства, чѣмъ дома. Половина населенія ведетъ полукочевую жизнь, между зимними и лѣтними пастбищами, и бѣдныя постройки, возводимыя этимъ пастушескимъ народомъ, такъ непрочны, что время скоро сравниваетъ ихъ съ окружающей почвой. Шатеръ, лѣтнее жилище курдскаго пастуха, представляетъ гораздо болѣе импонирующій видъ, нежели убогая зимняя лачуга: конусъ изъ чернаго войлока, составляющій яркій контрастъ съ зеленѣющимъ пространствомъ луговъ, поднимается на 5 или на 6 метровъ въ вышину, привязанный длинными веревками изъ конскаго волоса къ кругу кольевъ, вбитыхъ въ землю. Съ той стороны, гдѣ открывается болѣе далекій видъ на горизонтъ

[1]) Ernest Renan, „Association scientifique de France", 1878.
[2]) Millingen, „Wild Life among the Koords".
[3]) Eugène Boré, „Mémoires d'un voyageur en Orient";—Millingen, цитированное сочиненіе.

горъ, края палатки приподняты на двойную высоту человѣческаго роста наклонно поставленными столбами, на остроконечной верхушкѣ которыхъ войлокъ образуетъ фестоны, въ видѣ правильныхъ кривыхъ линій, и черезъ это широкое отверстіе видны, занятые каждый своей работой, обитатели внутренности кибитки, то на половину скрытые тѣнью, то выдѣляющіеся свѣтлыми фигурами на черномъ фонѣ кошмы. Зимнія жилища, какъ у армянъ, такъ и у курдовъ, состоятъ по большей части изъ хижинъ, на половину подземныхъ, кровли которыхъ, покрытыя землей, едва отличаются отъ смежной почвы; однѣ и тѣ же травы растутъ на домѣ и на окружающихъ земляхъ, весной и лѣтомъ одни и тѣ же цвѣтки распускаются и тутъ, и тамъ. Если бы не пирамиды высохшаго навоза, возвышающіяся подлѣ каждаго жилья, то можно было бы пройти по деревнѣ, не замѣчая ея существованія. Нѣкоторые могущественные шейхи между курдами обладаютъ большими каменными домами, имѣющими даже мраморные камины, но всегда расположенными такъ, чтобы хозяинъ постоянно имѣлъ передъ глазами лошадей, которыя составляютъ его славу и радость: стѣна, высотой по грудь, отдѣляетъ конюшню отъ большой залы и служитъ основаніемъ колоннамъ, поддерживающимъ крышу [1]).

На западѣ отъ Батума и дельты Чоруха, отдѣленныхъ Россіей отъ турецкихъ владѣній послѣ войны 1877 года, моряки плывутъ вдоль берега на пространствѣ 150 слишкомъ километровъ, не встрѣчая ни одного города, даже ни одного сколько-нибудь значительнаго мѣстечка. Атина, древняя греческая колонія, носившая нѣкогда имя Атене, какъ столица Аттики, состоитъ лишь изъ разбросанныхъ домовъ, и въ сосѣдствѣ ея видны кое-какіе остатки стѣнъ, которымъ турки даютъ названіе Эски-Тирабзонъ или «Старый Требизондъ». Ризе—маленькая пристань, командуемая редутомъ и посѣщаемая покупщиками апельсиновъ, орѣшковъ и плотнаго полотна, называемаго «требизондскимъ», которое ткутъ лазовскія женщины окрестныхъ селеній, Офъ и Сюрмене—группы избушекъ, къ которымъ иногда пристаютъ барки.

Требизондъ, Трапецосъ грековъ, Тирабзонъ османлисовъ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Малой Азіи: прошло уже болѣе двадцати шести столѣтій съ того времени, какъ одна вышедшая изъ Синопа колонія поселилась въ этомъ мѣстѣ. Въ древности онъ былъ столицей Понта, а въ средніе вѣка сдѣлался главнымъ городомъ азіатской имперіи грековъ: извѣстно, что въ началѣ тринадцатаго столѣтія Алексѣй Комненъ основалъ въ Малой Азіи новое царство, отдѣлившееся отъ Византіи, которое въ продолженіе слишкомъ двухъ съ половиною вѣковъ задерживало потокъ магометанскихъ завоевателей, и слава котораго такъ воспѣвалась въ рыцарскихъ романахъ: поэты Запада любили повторять это звучное имя Требизонда. Даже послѣ паденія Константинополя, столица имперіи Комненовъ долго еще оказывала сопротивленіе врагу; съ тѣхъ поръ какъ и она пала въ свою очередь, она снизошла на степень главнаго города турецкой провинціи, но все еще сохранила нѣкоторое значеніе какъ рынокъ Персіи на Черномъ морѣ; во всѣ времена она была портомъ, гдѣ высаживаются пассажиры и выгружаются товары, направляющіеся въ Иранъ, и куда караваны привозятъ произведенія, отправляемыя изъ Персіи въ западныя страны. Правда, этотъ городъ не имѣетъ хорошаго рейда, и въ бурную погоду суда должны становиться на якорь западнѣе, передъ прелестнымъ городкомъ Платаной, утопающимъ въ зелени фруктовыхъ садовъ. Другая невыгода Требизонда та, что онъ лежитъ не у выхода большой долины, далеко проникающей внутрь страны; узкая же Деджерменская долина, прорѣзывающая на юго-западѣ валъ горъ, доставляетъ торговлѣ лишь незначительные рессурсы; дорога, поднимающаяся на югѣ на плоскогорья, пролегаетъ черезъ труднопроходимыя мѣстности, часто заваленныя снѣгами и выставленныя холоднымъ вѣтрамъ. Тѣмъ не менѣе, эта дорога, кратчайшая и удобнѣйшая, которая соединяетъ съ моремъ возвышенности Азербейджана черезъ Баязидскій горный проходъ и черезъ Эрзерумскую равнину, есть историческій путь по преимуществу, главная діагональ Передней Азіи между Индомъ и Понтомъ Эвксинскимъ. Въ наши дни трудно-проходимая горная тропа, соединявшая Требизондъ съ Эрзерумомъ, была замѣнена колесной дорогой (около 340 километровъ длиной), скаты которой нигдѣ не превышаютъ 10 сантиметровъ на метръ, и по которой ходятъ даже артиллерійскіе обозы; но другой, окольный путь, путь желѣзныхъ дорогъ, которыя начинаются у воротъ Батума и Поти, чтобы направиться къ Баку и продолжиться рано или поздно къ Персіи черезъ прибрежье Каспійскаго моря, грозилъ уже отнять у Требизонда наибольшую часть его торговли. Почти весь сахаръ, отправляемый изъ Франціи, чай и ткани, посылаемые Англіей, покинули-было прежній путь на Эрзерумъ и направились черезъ Закавказье; персидскій экспортъ тоже было значительно уменьшился, особенно по причинѣ совершеннаго отсутствія безопасности и плохаго состоянія дорогъ, пролегающихъ черезъ Курдскій край.

Торговое движеніе Требизонда въ 1881 году [1]): Привозъ – 43.329.555 фр., изъ кото-

[1]) Millingen, „Wild Life among the Koords“.

[1]) Querry, „Bulliten consulaire français“, 1882.

рыхъ 16.744.110 фр. въ Персію. Вывозъ—24.932.950 фр., изъ которыхъ 3.793.390 фр. изъ Персіи. Вмѣстѣ—68.262.505 фр., изъ которыхъ 20.537.600 фр., перс. транзита.

Однако, запрещеніе кавказскаго транзита, объявленное русскимъ правительствомъ, должно имѣть слѣдствіемъ возвращеніе прежней дѣятельности Эрзерумской дорогѣ. Иной караванъ, идущій изъ Требизонда въ Персію или обратно, состоитъ изъ полутора тысячъ вьючныхъ животныхъ.

Трапеція городскихъ стѣнъ, отъ которой городъ получилъ свое названіе, существуетъ еще до сихъ поръ. По крайней мѣрѣ, планъ первыхъ валовъ, много разъ вновь отстроенныхъ въ теченіе вѣковъ, сохранился въ старой оградѣ съ башнями, густо обвитыми плющемъ; на вершинѣ мыса, между двумя крѣпостями, высится крѣпость, соединенная хребтомъ въ нѣсколько метровъ ширины съ сосѣдней горой Бозъ-тепе («Сѣрая гора»), состоящей изъ трахита и вулканическаге пепла. Дворецъ Комненовъ, западная стѣна котораго служитъ въ то же время стѣной крѣпости, господствуетъ отвѣсно надъ глубокимъ и зеленѣющимъ ущельемъ, по краю котораго тянется извилистая линія городскаго вала; лежащій въ развалинахъ замокъ завершаетъ укрѣпленія со стороны моря, и его изваянные камни образуютъ скалы среди водъ: это почти все, что осталось отъ античнаго Трапецоса. Турецкій городъ, построенный амфитеатромъ по скату холма, возвышается своими ярко окрашенными домами, минаретами и группами деревьевъ надъ берегомъ моря, усѣяннымъ каиками, и надъ товарными складами набережной, съ колоннадами, на которыхъ натянуты рыболовныя сѣти. Внѣ городскихъ стѣнъ, на вершинѣ холма, командующаго городомъ съ восточной стороны, расположенъ новый кварталъ Гяуръ-Мейданъ или «Площадь невѣрныхъ», населенный армянами, греками и европейскими негоціантами; тамъ останавливаются караваны, приходящіе изъ внутренности страны; иногда на большой площади бываютъ собраны цѣлыя сотни верблюдовъ. Посѣщаемый почти ежедневно пакеботами, городъ измѣняетъ мало-по-малу свою физіономію и принимаетъ видъ другихъ портовъ прибрежья, гдѣ люди, одѣтые по-европейски, постепенно завладѣваютъ главными улицами и площадями, оттѣсняя туземцевъ въ ихъ живописныхъ костюмахъ въ боковыя улицы. Въ смѣшанномъ населеніи Требизонда персидская колонія довольно многочисленна и доставляетъ городу почти всѣхъ его ремесленниковъ, производящихъ предметы искусства: портные — преимущественно армяне: турки, какъ въ большинствѣ другихъ городовъ покоренной ими территоріи, занимаютъ, если не считать мѣстъ чиновниковъ, низшія должности: они метутъ улицы, носятъ тяжести и ходятъ на баркахъ въ море ловить рыбу *хамси* (особый видъ анчоуса), потребляемую въ большомъ количествѣ во всей сѣверной части Анатоліи. Кое-какія грубыя гончарныя издѣлія и фрукты садовъ, окружающихъ городъ зеленѣющимъ поясомъ, — таковы другія мѣстныя произведенія Требизонда. На югѣ, на высокой террасѣ и въ огромномъ гротѣ, открывающемся на боку массива Колатъ-дагъ, восемь или десять тысячъ «греческихъ» богомольцевъ посѣщаютъ каждый годъ знаменитую Сумелійскую Панагію или Миріамъ-ана, «мать Марію». Даже турецкія женщины приходятъ въ большомъ числѣ молиться о ея заступничествѣ противъ лихорадки или неплодія; она можетъ избавить отъ всякихъ бѣдствій, но въ особенности противъ саранчи помощь ея проявляется со всей силой; оттого на всемъ пространствѣ отъ Пафлагоніи до Каппадокіи она извѣстна подъ именемъ «Саранчевой Панагіи» [1]). Этому монастырю принадлежатъ громадныя земельныя имущества на южныхъ берегахъ Чернаго моря, между Требизондомъ и Константинополемъ.

На западъ отъ древняго греческаго города другія названія тоже напоминаютъ, что эллинское вліяніе было нѣкогда преобладающимъ на всемъ прибрежьѣ Понта Эвксинскаго. Тиреболи или Тарабулусъ есть одинъ изъ многочисленныхъ Триполи или «Тройныхъ городовъ», стѣны которыхъ давали убѣжище жителямъ троякаго происхожденія. Этотъ городъ имѣетъ надъ Требизондомъ то преимущество, что онъ стоитъ при устьѣ довольно полноводной рѣки, Харшута; но эта рѣка протекаетъ слишкомъ узкими горными тѣснинами, чтобы можно было проложить по ея берегамъ удобную дорогу, и путь, проникающій внутрь страны черезъ Гумишъ-Хане, еще болѣе гористъ и болѣе труденъ, чѣмъ требизондскій. Далѣе, на морскомъ берегу, показывается маленькій портъ Киресунъ, другая греческая колонія, древній Керасосъ, съ циклопическими стѣнами, откуда Лукуллъ привезъ нѣкогда въ Римъ первые отсадки вишенъ: древнее названіе этого дерева (по-армянски *кerазъ*) доказываетъ, что городъ ему обязанъ своимъ именемъ [2]). Во время путешествія Турнефора Киресунъ былъ окруженъ лѣсами вишневыхъ деревъ; тѣмъ не менѣе однако, главную статью отпускной торговли страны составляютъ грецкіе орѣхи. Въ 1881 году жители продали ихъ 3.500 тоннъ, на сумму около полутора милліона франковъ; треть этихъ закупокъ дѣлается русскими купцами, которые грузятъ орѣхи на парусныя суда.

Между Требизондомъ и Эрзерумомъ главный этапъ—мѣстечко Байбуртъ, лежащее въ бассейнѣ рѣки Чорухъ, на ея верхней восточной

---

[1]) Fallmerayer, „Fragmente aus dem Orient".
[2]) Kiepert; —Carl Ritter, Asien", vol. XVIII.

вѣтви, у подошвы подъема на Копъ-дагъ. Это не болѣе, какъ кучка лачугъ и развалинъ подобная всѣмъ другимъ городамъ въ горахъ турецкой Арменіи, исключая Эрзерума; важный крѣпкій замокъ, сельджукской постройки, господствуетъ надъ мѣстечкомъ, менѣе грозный, однако, чѣмъ одна изъ сосѣднихъ крѣпостей, Геннсъ-Кале или «Генуэзскій замокъ», воздвигнутый нѣкогда итальянскими коммерсантами на дорогѣ въ Мидію [1]). Серебряные рудники въ окрестностяхъ Байбурта не разрабатываются болѣе, такъ же, какъ и рудники городка Гумишъ-Хане или «Серебряный домъ», лежащаго западнѣе, въ верхнемъ бассейнѣ Харшута, на крутомъ холмѣ, который окруженъ циркомъ гранитныхъ горъ. Еще въ половинѣ настоящаго столѣтія эти мѣсторожденія серебряной руды были самыя производительныя во всей Оттоманской имперіи; затѣмъ рудники были частію залиты водой [2]). Гумишъ-Хане былъ главной школой горныхъ наукъ, и горные инженеры изъ Константинополя пріѣзжали туда изучать на практикѣ свою профессію. Километрахъ въ двадцати къ юго-востоку отъ Байбурта, на мѣдныхъ рудникахъ, главная шахта которыхъ спускалась до глубины слишкомъ 400 метровъ, работало около 500 рудокоповъ [3]). Вся долина Чоруха усѣяна развалинами замковъ, церквей и городовъ. Древній Испиръ представляетъ теперь лишь груды обломковъ и мусора; вообще нѣтъ ни одного города въ части долины, оставленной туркамъ русскими, которые овладѣли нижней частью бассейна, гдѣ находится многолюдное городское поселеніе Артвинъ. Вся эта страна могла бы быть превращена въ обширный садъ, какъ поля боковой долины Тортума; городокъ того же имени поставляетъ на эрзерумскій рынокъ плоды и овощи [4]). Въ сосѣдствѣ, на плато, окруженномъ горами, стоятъ церковь и монастырь Эвекъ-Ванкъ, замѣчательнѣйшій памятникъ грузинскаго искусства. Выше своего сліянія съ Чорухомъ долина Тортума заграждена обваломъ, который заставилъ течь обратно воды этого потока, вслѣдствіе чего образовалось озеро глубиной въ 105 «локтей».

Эрзерумъ сохранилъ отчасти свое прежнее важное значеніе, какъ послѣдній оплотъ противъ русскихъ вторженій и какъ мѣсто схожденія торговыхъ каравановъ въ горахъ Арменіи: въ этомъ городѣ встрѣчаются дороги изъ Требизонда и Батума, изъ Сиваса и Діарбекира, изъ Багдада, Тегерана и Тифлиса. Главная транзитная торговля, направляющаяся съ Чернаго моря въ Персію, уменьшилась со времени открытія закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ; съ другой стороны, во время турецкихъ войнъ 1827 и 1877 годовъ самые искусные и самые трудолюбивые армянскіе ремесленники, особенно тѣ, которые занимаются приготовленіемъ металлическихъ издѣлій, покинули городъ и послѣдовали за побѣдителями въ русскіе предѣлы. Лишившійся въ большей части своей торговли и своего промышленнаго труда, угрожаемый, сверхъ того, новыми непріятельскими нашествіями и близкими политическими перемѣнами, Эрзерумъ есть одинъ изъ тѣхъ городовъ турецкой Азіи, которые особенно сильно пострадали, и гдѣ развалины занимаютъ наибольшее пространство. Пребываніе въ немъ пугаетъ иностранцевъ по причинѣ его суровыхъ зимъ, и всѣ, кто только можетъ, спѣшатъ покинуть его и промѣнять на болѣе пріятную резиденцію. Эрзерумъ лежитъ на высотѣ 1.920 метровъ, въ безлѣсной равнинѣ, перерѣзанной болотами, и въ продолженіе слишкомъ полугода улицы его бываютъ завалены снѣгомъ; мятели нагромождаютъ высокіе снѣжные сугробы вокругъ жилищъ, и, чтобы поддерживать сообщеніе отъ дома къ дому, приходится по цѣлымъ недѣлямъ прокладывать дорожки при помощи лопатъ и метелъ. Несчастные, обитающіе въ лачугахъ предмѣстій, построенныхъ изъ камня или изъ битой глины, принуждены плотно запирать единственное отверстіе своего логовища, чтобы не умереть отъ холода. Большинство путешественниковъ, видя Эрзерумъ лѣтомъ, не могутъ представить себѣ, какъ печаленъ и непригляденъ его видъ во время зимнихъ холодовъ; они любуются чуднымъ амфитеатромъ горъ, правильными конусами убѣленныхъ снѣгомъ вулкановъ, украшенными пестрымъ ковромъ цвѣтовъ, склонами холмовъ, покрытыми густой сочной травой, лугами гдѣ пасутся и отдыхаютъ животныя каравановъ. Почва равнины, состоящая изъ вулканическаго пепла, изверженнаго кратеромъ Сицика и смѣшаннаго съ рѣчными и озерными наносами, отличается необычайнымъ плодородіемъ, которое вознаграждаетъ за невыгоды зимняго климата; урожаи вообще очень обильны. По своимъ богатымъ пашнямъ эрзерумскій бассейнъ естественно долженъ былъ сдѣлаться передовымъ постомъ цивилизаціи среди кочевыхъ населеній.

Уединенный холмъ, на которомъ стоитъ уже многіе вѣка Эрзерумская крѣпость, объясняетъ выборъ этого мѣста, какъ стратегическаго центра. Древній армянскій городъ Арзенъ, куда караваны приходили обмѣнивать свои товары, лежитъ восточнѣе. Фортъ Ѳеодосія или Ѳеодосіополисъ, построенный въ началѣ пятаго столѣтія на горѣ надъ городомъ Гаринъ или Каринъ, тоже получилъ впослѣдствіи имя Арзенъ, но это былъ Арзенъ-эръ-Румъ, или Арзенъ «римлянъ», то-есть византійскихъ грековъ. Мало найдется городовъ, которые такъ часто подвергались бы осадамъ и завоеваніямъ, какъ Эрзерумъ; укрѣпленное мѣсто византійцевъ,

[1]) M. Wagner, цитированное сочиненіе.
[2]) Hommaire de Hell, „Voyage en Turquie et en Perse“.
[3]) Hamilton, „Researches in Asia Minor“.
[4]) Deyroll, „Voyage dans le Lazistan et l'Arménie“, „Tour du Monde“, 1-er semestre 1876.

персовъ, сассанидовъ, арабовъ, монголовъ, турокъ, русскихъ, онъ былъ послѣдовательно добычей всѣхъ народовъ, которые встрѣчались на этомъ хребтѣ Передней Азіи. Онъ принадлежалъ поочередно всѣмъ, исключая только той націи, на территоріи которой онъ находится; мало того, до перваго вторженія русскихъ войскъ (въ 1827 году), эрзерумскіе армяне должны были терпѣть всевозможныя униженія со стороны османлисовъ: теперь, напротивъ, тѣ изъ нихъ, которые считаютъ себя имѣющими право на покровительство русскаго консула, безнаказанно бравируютъ надъ турками, но и они не могутъ надѣяться на иную участь, кромѣ перемѣны одного господина на другаго. Смотря по превратностямъ войнъ, численность населенія измѣнялась въ поразительной пропорціи; такъ, до осады 1829 года, Эрзерумъ имѣлъ, говорятъ, 130.000 жителей; въ слѣдующемъ году цифра его населенія спустилась до 15.000 душъ. Часто собаки были единственными обитателями покинутыхъ людьми кварталовъ. Въ настоящее время городъ не имѣетъ уже замѣчательныхъ памятниковъ зодчества, исключая живописной цитадели изъ сѣроватаго базальта и мечети «Двухъ минаретовъ», покрытой эмальированными изразцами въ персидскомъ стилѣ. Мѣстная промышленность заключается почти только въ котельномъ мастерствѣ, да въ выдѣлкѣ кожъ; производство оружія, составлявшее прежде столь важный промыселъ, занимаетъ теперь лишь небольшое число мастеровъ. Рудники не разрабатываются болѣе, а между тѣмъ эта страна, по преданіямъ, была отечествомъ первыхъ кузнецовъ, родиной тѣхъ тибаренцевъ и холибовъ, которые умѣли уже дѣлать оружіе и орудія изъ желѣза и бронзы въ то время, когда ихъ сосѣди употребляли еще неолитовые (каменные) снаряды [1]).

Къ западу отъ Эрзерума дорога спускается, слѣдуя по берегу верхняго Евфрата или Карасу, проходитъ вскорѣ затѣмъ мимо илиджійскихъ термъ, наиболѣе посѣщаемыхъ горячихъ источниковъ Арменіи; затѣмъ пролегаетъ послѣдовательно черезъ нѣсколько многолюдныхъ бассейновъ, чередующихся съ узкими ущельями; но городовъ она не встрѣчаетъ на разстояніи около 200 километровъ, пока не достигнетъ плодоносной равнины, по которой протекаютъ нѣсколько ручьевъ и рѣчекъ, притоковъ Евфрата. Въ этой равнинѣ находится Эрзенджанъ или Эрзинганъ, очень древній городъ. Уже въ до-христіанскую эпоху Эрезъ пользовался большой славой въ Арменіи, какъ святилище богини Анагидъ (Анаитисъ), которую эллины смѣшали съ Артемидой, превратившейся впослѣдствіи въ римскую Діану и, наконецъ, уступившей мѣсто Панагіи христіанъ. Древній храмъ Анагиды былъ преобразованъ въ церковь Пресвятой Дѣвы.

Эрзенджанъ былъ до Эрзерума главнымъ городомъ той области Гайкъ, отъ которой гайканы или армяне получили свое названіе, и въ окрестныхъ возвышенныхъ долинахъ находятся нѣкоторыя изъ «святыхъ горъ», наиболѣе чтимыхъ. Когда извѣстный венеціанскій путешественникъ Марко Поло посѣтилъ Эрзенджанъ, послѣдній былъ большимъ городомъ, гдѣ выдѣлывалась «лучшая въ свѣтѣ матерія букеранъ», вѣроятно, кисея. Кромѣ того, тамъ были въ то время «лучшія минеральныя воды, какія только существуютъ», воды, которыя нынѣ уже неизвѣстны, или по крайней мѣрѣ не эксплоатируются. Впрочемъ, можетъ быть, сотрясенія почвы перенесли ихъ на другое мѣсто, такъ какъ эта область много пострадала отъ землетрясеній; въ 1667 году сильный подземный ударъ ниспровергъ городъ и развершаяся земля поглотила половину его жителей. Лежащій на высотѣ 1.366 метровъ, Эрзенджанъ пользуется значительно болѣе теплымъ климатомъ, и окружающія его плодоносныя равнины производятъ уже культурныя растенія, свойственныя умѣренному поясу: городъ опоясанъ фруктовыми садами, виноградниками, плантаціями дынь и арбузовъ.

Ниже Эрзенджана утесы приближаются къ руслу, и одно изъ ущелій, въ которыя вступаетъ Евфратъ, и куда дорога не можетъ слѣдовать за нимъ, образовано почти вертикальными стѣнами, поднимающимися на высоту отъ трехсотъ до пятисотъ метровъ. На вершинѣ и склонахъ одного изъ мысовъ или выступовъ горы, предшествующихъ ущелью, раскинулся старый городъ Кемахъ, окруженный крѣпкой стѣной, составляющей продолженіе крутыхъ скатовъ скалы. Въ этомъ-то неприступномъ городѣ, до котораго прежде не могъ добраться никакой непріятель, находились, въ началѣ христіанской эры, прекраснѣйшіе храмы армянскихъ царей, ихъ сокровища, ихъ государственная тюрьма и усыпальницы. У подошвы холма, лѣса шелковичнаго дерева, которые тянутся по берегу рѣки, привлекаютъ весной миріады перепеловъ, на внезапное появленіе которыхъ туземцы смотрятъ, какъ на чудо. Контрастъ зеленѣющихъ садовъ и голаго камня горы придаетъ восхитительный видъ древнему Кемаху. Но еще несравненно замѣчательнѣе городъ Эгинъ или Акинъ, расположенный на правомъ берегу Евфрата, Кара-су, внизъ отъ «Глубокой долины», черезъ которую выходитъ притокъ Чалтачай: въ этомъ мѣстѣ рѣка, переставая течь на западъ, какъ бы для того, чтобы направиться къ Александретскому заливу, начинаетъ описывать рядъ кривыхъ, которыми она и выходитъ изъ горъ Арменія. Когда стоишь надъ Эгиномъ, на краю плато, господствующаго надъ нимъ съ западной стороны, и смотришь

[1]) Carl Ritter, „Asien", vol. X;—François Lenormant, „Les Premières Civilisations".

на городъ, пріютившійся на днѣ пропасти глубиною въ 1.000 слишкомъ метровъ, онъ кажется весь лежащимъ въ долинѣ; но когда спустишься на берегъ рѣки, черезъ которую по-

Видъ Босфора передъ Арнаутъ-Кіой.

строенъ деревянный мостъ, городъ представляется поднимающимся по склону афмитеатромъ среди скалъ, изрѣзанныхъ въ формѣ башенъ и шпицевъ. Тополи и чинары окружаютъ основаніе холмовъ; орѣшники съ широко-раскинувшимися вѣтвями, сады, наполненные тутовыми деревьями, плодъ которыхъ даетъ жителямъ значительную долю ихъ продовольствія, покрываютъ откосы осыпи, опирающіеся о бѣлыя стѣны скалы. Эгинъ, о которомъ Мольтке говоритъ, что «это—самое грандіозное и самое прекрасное изъ всего, что онъ видѣлъ въ Азіи», служитъ мѣстопребываніемъ для большаго числа армянъ, нажившихъ себѣ состояніе въ Кон-

стантинополѣ или въ городахъ равнины: оставившіе дѣла или службу банкиры, негоціанты, носильщики поселяются здѣсь на постоянное жительство, чтобы пользоваться своими достатками, пріобрѣтенными правдой или неправдой, или удалиться на покой и жить пенсіей, дорого купленной. Въ побочной долинѣ, гдѣ течетъ притокъ Чалта-чай, находится важный городъ Дивригъ или Дивриги, построенный, какъ полагаютъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ въ древности Никополисъ или «Градъ побѣды», напоминавшій о торжествѣ Помпея надъ Митридатомъ [1]). Зобъ—очень обыкновенный недугъ въ этой области горъ, особенно въ Эгинѣ.

Къ востоку отъ Эрзерума, дорога пролегаетъ черезъ легкопроходимый перевалъ (2.090 метровъ), возвышающійся всего только на 125 метровъ надъ городомъ. Деве-бойну—Верблюжій перевалъ,—который прежде былъ укрѣпленъ, чтобы защитить городъ отъ русскихъ; порогъ раздѣляетъ бассейнъ Евфрата и бассейнъ Аракса. Съ этой стороны проходъ тоже былъ защищенъ крѣпостью, теперь безсильной противъ русскихъ. Гассанъ-Кале или «Замокъ Гассана» въ настоящее время не болѣе, какъ маленькая группа домишекъ, раскинувшаяся у подошвы холма, гдѣ видны остатки форта, постройку котораго единогласное, но ошибочное, преданіе приписываетъ генуэзцамъ [2]). Итальянскіе купцы, если вѣрить этому преданію, обставили крѣпкими замками караванную дорогу между Требизондомъ и Тавризомъ. Въ окрестностяхъ Гассанъ-Кале бьютъ изъ земли горячіе ключи, принадлежащіе къ числу наиболѣе посѣщаемыхъ въ Арменіи, вообще столь богатой минеральными источниками высокой температуры.

Ниже Гассанъ-Кале, близъ закавказской границы, дорога раздвоиется: одинъ путь, направляющійся на сѣверо-востокъ, слѣдуетъ по теченію Аракса до городка Хорассанъ, затѣмъ идетъ черезъ плоскогорья и достигаетъ крѣпости Карсъ, тогда какъ дорога въ Персію, оставаясь на турецкой территоріи, переходитъ рѣку по «Мосту пастуховъ», постройку котораго легенда приписываетъ Дарію, сыну Гистаспа, и многочисленными кругами поднимается на порогъ Дели-Баба или «Глупаго отца», откуда снова спускается въ долину верхняго Мурадъ-чай, то-есть восточнаго Евфрата. Городовъ тамъ нѣтъ. Топра-Кале, нѣкогда одинъ изъ центровъ армянскаго населенія, былъ почти совершенно покинутъ послѣ перваго вторженія русскихъ войскъ, и теперь представляетъ почти однѣ развалины. Учъ-Килисса или «Три церкви», лежащій выше, въ одномъ изъ ущелій восточнаго Евфрата, замѣчателенъ только какъ мѣсто паломничества, куда стекаются армяне со всѣхъ сторонъ, даже изъ глубины Персіи и съ береговъ Дона, чтобы поклониться мощамъ святаго Сургъ-Оаннесъ, то-есть Іоанна Крестителя, которыя, по преданію, передавались отъ мученика къ мученику и дошли, наконецъ, до Григорія Просвѣтителя [1]). Еще выше встрѣчаемъ Діядинъ, построенный у подножія старинной крѣпости, въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяются первые истоки Мурада, выходящіе изъ массива Ала-дагъ. Діядинъ давно уже утратилъ рангъ города и теперь представляетъ лишь незначительное, все въ развалинахъ мѣстечко, гдѣ останавливаются караваны, при входѣ или выходѣ изъ персидской территоріи. Неподалеку оттуда нѣкогда стоялъ большой городъ Зараванъ, который разрушили персы въ половинѣ четвертаго столѣтія, и который, говорятъ, имѣлъ въ ту эпоху около 80.000 жителей, въ томъ числѣ до 50.000 евреевъ.

Баязетъ, лежащій на югъ отъ большой дороги и водораздѣльнаго хребта между бассейномъ Евфрата и бассейномъ озера Урмія, смѣнилъ собою другой, исчезнувшій армянскій городъ, Паkованъ, основанный въ первомъ столѣтіи христіанской эры. Нынѣшній городъ, названный такъ по имени султана Баязида I, его основателя, есть одна изъ живописнѣйшихъ группъ развалинъ въ Передней Азіи. Амфитеатръ строеній покрываетъ круто наклоненные скаты, которые увѣнчаны двойной террасой полуразрушеннаго дворца и изящнымъ минаретомъ мечети. Надъ дворцомъ господствуетъ цитадель, стѣны которой опираются на узкіе карнизы горы. Еще выше, громадная скала краснаго мрамора съ бѣлыми прожилками горделиво вздымаетъ свои крутыя стѣны, изрѣзанныя наверху тысячами причудливыхъ зубцовъ, а за скалой высоко поднимается убѣленная снѣгомъ вершина. Дворецъ Баязида, произведеніе одного персидскаго архитектора, еще недавно былъ прекраснѣйшимъ памятникомъ зодчества во всей Оттоманской имперіи [2]): его портики, колоннады и стѣны сдѣланы цѣликомъ изъ богатаго краснаго мрамора, выломаннаго изъ сосѣдней горы. Скульптурныя работы, составленныя изъ арабесокъ и переплетающихся листьевъ, отличаются удивительнымъ совершенствомъ и отчетливостью отдѣлки; но, обладая болѣе строгимъ вкусомъ, чѣмъ большинство персидскихъ артистовъ, художникъ, украшавшій памятники и дворецъ Баязида, не впалъ въ излишество до такой степени, чтобы испещрить орнаментами всѣ стѣны. Теперь мечеть низведена на степень казармы; сосѣднія зданія, поколебленныя землетрясеніями, дали трещины, часть города обрушилась, но прелестный

[1]) Von Moltke", „Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Turkei".

[2]) Brant, „Journal of the Geographical Society". 1836; —Carl Ritter, „Asien", vol. X.

[1]) Moritz Wagner, „Reise nach Persien und dem Lande der Kurden";—Carl Ritter, „Asien", vol. VIII.

[2]) Brant „Journal of the Geographical Society", 1836.

минаретъ сохранилъ еще свое равновѣсіе [1]). Въ прежнее время изъ Эривани страдавшихъ лихорадкой посылали лечиться въ здоровомъ воздуха Баязета [2]).

Къ югу и юго-западу отъ бассейна, нѣкогда озернаго, въ которомъ соединяются Мурадъ-чай и Шаріанъ-чай, приходящіе съ плоскогорій Пасинъ, между Гассанъ-Кале и Топра-Кале, теченіе восточнаго верхняго Евфрата не было еще изслѣдовано на всемъ его протяженіи, хотя черезъ эту область проходили многіе путешественники: ни одна большая караванная дорога не направляется въ сторону этой возвышенной рѣчной долины, и живущія тамъ курдскія племена болѣе дики и потому болѣе опасны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; даже на подробныхъ картахъ тѣхъ мѣстъ оказываются еще большіе пробѣлы. При томъ же мѣстечки и деревни рѣдки въ этой гористой странѣ, гдѣ населеніе много уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ столько армянъ добровольно выселились изъ своего отечества. Мелезгердъ или Маназгердъ, который находится на берегу «Соляной рѣки» (Тузла-су), южнаго притока Евфрата, снабжаетъ солью большую часть Арменистана. Мушъ, главный городъ пашалыка, орошаемаго Мурадомъ, лежитъ не на рѣкѣ, а въ обширной боковой равнинѣ, при выходѣ ущелья, стѣны котораго состоятъ изъ красныхъ скалъ, и надъ которымъ господствуютъ голыя горы, покрытыя снѣгомъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ году. Благодаря своему болѣе низкому положенію (онъ лежитъ на 500 метровъ ниже Эрзерума), Мушъ пользуется менѣе суровымъ климатомъ, въ садахъ его растутъ фруктовыя деревья, и даже виноградники лѣпятся по откосамъ, опирающимся о скалы. Лежащая въ развалинахъ цитадель была нѣкогда мѣстопребываніемъ тѣхъ мамигонцевъ, которыми управляли князья, пришедшіе изъ Дженасдана, то-есть изъ Китая, въ первые вѣка христіанской эры [1]). Мушскій округъ замѣчателенъ, какъ мѣсто рожденія двухъ армянскихъ знаменитостей: Мезропа, изобрѣтателя гайканской азбуки, и историка Моисея Хоренскаго.

Ванская цитадель.

По принятіи въ себя притока Мушской равнины, одного изъ многочисленныхъ Кара-су («Черная вода»), который тихо изливается изъ «бездоннаго» кратера, открывающагося среди равнины, Мурадъ вступаетъ въ ущелье, куда онъ низвергается каскадомъ: шумъ падающей воды, усиливаемый отраженіемъ звука отъ стѣнъ ущелья, подалъ поводъ дать ближайшей къ водопаду деревнѣ имя Гургуръ или Куркуръ. Рѣка, хотя уже очень полноводная, еще не судоходна: ударяясь о скалы, она кружится въ видѣ длинныхъ водоворотовъ, затѣмъ ниспадаетъ стремнинами черезъ пороги, образуемые камнями ея ложа; горы, пересѣкающія

[1]) Chantre; — Barry, „Mission Scientifique dans la haute Mésopotamie, le Kourdistan et le Caucase“.

[2]) M. Wagner, цитирован. сочиненіе.

[1]) Saint-Martin, „Mémoire sur l'Arménie“.

*

ея теченіе, оставляютъ ей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лишь узкую разсѣлину между двухъ вертикальныхъ стѣнъ или крутыхъ склоновъ, поднимающихся на нѣсколько сотъ метровъ. У селенія Акраклы, Муратъ имѣетъ всего только «двадцать шаговъ въ ширину» [1]). Онъ начинаетъ принимать характеръ рѣки съ правильнымъ русломъ лишь внизъ отъ Палу, но попытки судоходства, сдѣланныя отъ этого города до сліянія двухъ Евфратовъ, Мольтке и Мюльбахомъ, не имѣли успѣха; теченіе рѣки, которая находится еще на высотѣ 868 метровъ передъ Палу, слишкомъ наклонно, чтобы барка могла безопасно пуститься тамъ въ плаваніе; рыбаки употребляютъ *келлекъ*, то-есть тонкія доски, связанныя веревками и поддерживаемыя мѣшками изъ бараньей кожи: шесть такихъ плотовъ держатъ четырехъ человѣкъ на водоворотахъ и стремнинахъ пороговъ. Послѣдній мостъ на рѣкѣ выше Гилле—тотъ, который построенъ въ Палу; надъ рѣкой, на южной террасѣ, расположены дома, надъ которыми господствуетъ живописный замокъ, построенный, какъ гласитъ легенда, геніями, и подлѣ котораго видны на одной скалѣ клинообразныя надписи. Городъ окруженъ виноградниками, которые даютъ лучшее вино въ Арменіи; на юго-востокѣ находятся важные желѣзодѣлательные заводы Сиванъ-Маденъ, основанные среди страны, столь богатой желѣзомъ, что тамъ даже нѣтъ надобности рыть рудники: холмы и долины усѣяны глыбами черной руды, которыхъ хватило бы на цѣлые вѣка для работы обширнаго завода [2]). Близъ Сиванъ-Мадена водораздѣльный порогъ между Тигромъ и Мурадомъ отстоитъ не болѣе, какъ на километръ отъ этой послѣдней рѣки, текущей въ глубокомъ ущельѣ, между высокихъ скалъ. Главный притокъ съ сѣверной стороны—Мезуръ-су, надъ которымъ господствуетъ, близъ мѣста сліянія, вулканическій массивъ Тахтикъ. Жалкая деревушка Мазгердъ, въ названіи которой Тэйлоръ признаетъ иранское имя Гормузъгердъ или «Градъ Ормузда», группируетъ свои хижины въ котловинѣ изъ вулканическаго пепла, у подножія площадки, гдѣ нѣкогда стоялъ жертвенникъ Огня, видимый съ громаднаго разстоянія. Окрестные кизыль-баши и армяне съ благовѣніемъ прикладываются къ обломкамъ священныхъ построекъ [3]).

Ниже сліянія двухъ Евфратовъ, Мурада и Кара-су, рѣка сохраняетъ еще для туземцевъ имя Мурадъ, данное ей, какъ говорятъ, въ честь султана Мурата I, построившаго многочисленные крѣпкіе замки на холмахъ ея береговъ; наименованіе Фратъ, принадлежащее вѣтви Кара-су, дается обыкновенно соединеннымъ водамъ лишь при входѣ ихъ въ равнину. Въ мѣстѣ соединенія двухъ вѣтвей нѣтъ ни одного большаго города: Кьебанъ-Маденъ, находящійся въ небольшомъ разстояніи ниже сліянія, на лѣвомъ берегу, очевидно, обязанъ своимъ происхожденіемъ лишь рудникамъ содержащаго серебро свинца, недавно заброшеннымъ, которое находятся въ окрестныхъ горахъ, такъ какъ онъ построенъ среди скалъ, въ котловинѣ безъ деревьевъ, даже безъ кустарника, въ мѣстности, не представляющей никакихъ естественныхъ преимуществъ. Сближающіеся мѣстами утесы обоихъ береговъ, съуживающіе рѣку, мѣшаютъ также постройкѣ дорогъ, и потому караваны проходятъ выше, по плоскогорьямъ и въ боковыхъ долинахъ, гдѣ находятся и городскія поселенія, съ мечетями и крѣпостями. Въ треугольномъ пространствѣ, ограниченномъ двумя Евфратами, главный городъ—древній Гіераполисъ, Чемешъгадзакъ или «Родина Цимисхія», окруженный съ трехъ сторонъ песчаниковыми скалами, изрытыми пещерами, которыя нѣкогда служили жилищами. На западныхъ плоскогорьяхъ, большой городъ Арабкиръ или «Арабское завоеваніе» (имя это, на языкѣ соотечественниковъ Магомета, распространяется на весь полуостровъ Анатоліи) [1]) занимаетъ, въ 3 километрахъ къ югу отъ «стараго города» или Эски-Шеръ, дно впадины, окруженной крутыми утесами изъ чернаго базальта; но трудолюбіе жителей превратило темную котловину въ цвѣтущій садъ, грозныя стѣны естественной ограды изъ лавы проглядываютъ лишь сквозь зелень большихъ деревьевъ. Арабскіе ткачи, не менѣе дѣятельные, чѣмъ тамошніе садовники, выписываютъ даже изъ Англіи пряжу для своихъ станковъ, приготовляющихъ хлопчатобумажныя матеріи. Надъ полуостровной областью, ограниченной съ сѣвера Мурадомъ, съ запада и юга большимъ колѣномъ, которое образуетъ Евфратъ при выходѣ изъ Таврскихъ горъ, господствуетъ укрѣпленный городъ Харпутъ (Карбердъ), крутой холмъ котораго возвышается надъ плодоносной и хорошо воздѣланной равниной, производящей всѣ плоды умѣреннаго пояса. Посреди этой богатой мѣстности находится городъ Мезере, называемый также «Новымъ Харпутомъ». «Армянская коллегія», основанная въ Харпутѣ американскими миссіонерами, есть главное общественное учебное заведеніе въ этихъ двухъ странахъ—Арменіи и Курдистанѣ. Цѣлыя партіи эмигрантовъ спускаются каждый годъ съ возвышенностей Арабкира и Харпута, чтобы идти искать счастья въ Константинополѣ, Діарбекирѣ, Дамаскѣ, Алеппо и другихъ городахъ малоазійскаго берега; въ Алеппо почти

---

[1]) Mühlbach, „Karte von einem Theile des Euphrates bei Palu“;—Carl Ritter, „Asien“, vol. X.

[2]) Von Moltke, „Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Türkei“.

[3]) Taylor, „Journal of the Geographical Society“, 1868.

[1]) Taylor, „Journal of the Geographical Society“, 1868;—Л. Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

въ каждомъ домѣ найдешь слугъ или работниковъ, выходцевъ изъ Арабкира.

Въ юго-восточной части армянскихъ плоскогорій самый большой городъ далъ свое имя озеру Ванъ. Онъ расположенъ почти въ 3 километрахъ отъ берега озера, въ гладкой равнинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ—сѣверной, восточной и южной—крутыми известковыми склонами безъ всякой растительности. Уединенная скала, совершенно голая, какъ глыба вулканическаго шлака, высоко поднимаетъ надъ домами съ террасами свои ярко-бѣлыя и красныя стѣны, блистающія на солнцѣ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Собственно городъ обведенъ на трехъ сторонахъ равнины широкими рвами и двойной оградой зубчатыхъ стѣнъ съ башнями по бокамъ. Но внѣшній городъ, городъ Багларовъ или «Садовъ», гораздо болѣе значителенъ и раскинулся на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ: мѣстность эта такъ плодородна, что даже сложилась поговорка: «Ванъ въ этомъ свѣтѣ и рай въ томъ!» Протекающіе по равнинѣ ручьи поддерживаютъ богатую растительность, состоящую изъ фруктовыхъ деревьевъ, осинъ и другихъ древесныхъ породъ съ раскидистыми вѣтвями. Лѣтомъ почти все населеніе покидаетъ замкнутый городъ и переселяется въ городъ садовъ, чудеса котораго остаются неизвѣстными проѣзжающему путешественнику; дома и высокія стѣны, окаймляющія дороги и ихъ ивовыя аллеи, заслоняютъ кущи зелени и цвѣтовъ. Вино, получаемое изъ виноградниковъ Вана, легко и очень пріятно на вкусъ. Женщины этого края ткутъ волнистую матерію, родъ объяра, изъ козьей шерсти, непромокаемую и, по справедливости, высоко цѣнимую, даже въ Константинополѣ[1]).

Обнесенный стѣной городъ иногда обозначается именемъ Шеміранъ или Семиранъ подобно многимъ другимъ мѣстамъ Курдистана и Персіи, ихъ деревнямъ, долинамъ или горамъ; исторія, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ намъ, что прежде чѣмъ получить названіе Ванъ, данное по имени одного армянскаго царя, который былъ его вторымъ основателемъ, этотъ городъ обозначался спеціально какъ «Градъ Семирамиды» или Семирамгердъ. Древній армянскій историкъ Моисей Хоренскій, самъ видѣвшій великолѣпные дворцы, основаніе которыхъ предписывали знаменитой царицѣ, разсказываетъ, что она прислала изъ Ассиріи 60 зодчихъ и 42.000 рабочихъ, и что эта армія каменщиковъ и художниковъ трудилась пять лѣтъ надъ постройкой дворца и садовъ, которые сдѣлались однимъ изъ «чудесъ свѣта». Семирамида основала тамъ свою лѣтнюю резиденцію, чтобы пользоваться чистымъ горнымъ воздухомъ. Отъ ассирійскихъ зданій теперь уже не осталось слѣдовъ, но тѣмъ не менѣе скала, на которой стоитъ цитадель Вана, представляетъ неисчерпаемый рудникъ для изысканій археологовъ. Эта громадная масса нуммулитоваго известняка, около 600 метровъ въ длину и поднимающаяся почти на сто метровъ въ своей высшей точкѣ, дѣлится на три главныхъ массива, имѣющихъ каждый галлереи, лѣстницы, подземелья, надписи. На стѣнахъ ея на всѣхъ высотахъ виднѣются линіи клинообразныхъ письменъ. Первый ученый, который ихъ скопировалъ, Шульцъ, вскорѣ послѣ того убитый разбойниками въ Курдскомъ краѣ, долженъ былъ расположиться на минаретѣ, чтобы оттуда изучать ихъ въ телескопъ; впослѣдствіи, другой изслѣдователь, г. Дейроль, только съ помощью веревокъ и лѣстницъ, висящихъ высоко надъ пустымъ пространствомъ, могъ добраться до надписей и взять съ нихъ оттиски. Одна изъ этихъ надписей, сдѣланная на трехъ языкахъ, какъ и надпись въ Бисутунѣ, разсказываетъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ о подвигахъ Ксеркса, сына Дарія; но другія гораздо болѣе древнія письмена долго ускользали отъ разъясненія. Благодаря терпѣливымъ усиліямъ г. Гюйарда и профессора Сэйса, мы теперь имѣемъ цѣлый рядъ чтеній древнѣйшихъ надписей; эти тексты на древне-армянскомъ языкѣ не составляютъ болѣе тайны, и мало-помалу раскроются событія, разсказываемыя мраморными архивами. Въ окрестностяхъ Вана тоже встрѣчаются скалы, испещренныя надписями, изъ которыхъ многія еще ожидаютъ своихъ истолкователей. Въ одной изъ внутреннихъ залъ Ванской скалы сочится изъ камня источникъ горной смолы[1]). На юго-востокъ отъ Вана другая ассирійская крѣпость, Топра-Кале, смѣлая постройка изъ базальтовыхъ глыбъ, поставленная на известняковой скалѣ, была недавно изслѣдована гг. Шантромъ и Барри.

Съ высоты укрѣпленій, которыя образуютъ три главныя группы стѣнъ и башенъ, открывается великолѣпный видъ на обширный амфитеатръ горъ и голубую поверхность озера, въ которой отражается бѣлый конусъ Сейбанъ-дага. По ту сторону армянскаго внутренняго моря стоитъ городокъ Ахлатъ, расположенный на берегу бухты, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога, идущая изъ Муша по Евфрату, поднимается къ порогу, занимаемому водами озера Назикъ. Это не болѣе, какъ незначительный остатокъ нѣкогда многолюднаго города, развалины котораго разсѣяны среди садовъ, и который окруженъ некрополями, вырытыми въ песчаниковыхъ скалахъ окрестностей. Къ востоку отъ Вана, мѣстечко Эрчекъ, вокругъ котораго летаютъ несмѣтными стаями чтимые жителями

[1]) Millingen, цитированное сочиненіе.

[1]) Loftus, „Turko-persian frontier“.

вороны[1]), господствуетъ надъ южнымъ берегомъ озера Эрчекъ или Эртешъ. Далѣе, за этимъ мѣстечкомъ, обрисовывается на горизонтѣ цѣпь горъ, служащая границей между двумя имперіями, и черезъ которую проходитъ «перевалъ Разбойничьяго притона», хорошо извѣстный курдскимъ грабителямъ; на иранскомъ склонѣ находится военный портъ Котуръ, принадлежавшій прежде Турціи и присоединенный къ Персіи по берлинскому трактату, съ территоріей въ тысячу квадр. километровъ. Послѣдняя турецкая долина, которая начинается на южной сторонѣ Баязидскихъ горъ,—это великолѣпная равнина Абага, зеленѣющія поля которой составляютъ рѣзкій контрастъ съ крупными склонами снѣговыхъ горъ.

Къ юго-западу отъ Вана показывается гористый островъ Актамаръ, нѣкогда полуостровъ, который постепенной прибылью въ озерѣ былъ отдѣленъ отъ твердой земли и теперь удаленъ отъ берега на 4 километра. Актамаръ долгое время служилъ мѣстопребываніемъ армянскихъ царей, которымъ обязана своимъ происхожденіемъ стоящая по серединѣ острова древняя церковь, построенная въ десятомъ столѣтіи: это самый красивый и самый богатый храмъ въ турецкой Арменіи; актамарскіе патріархи претендовали на равное достоинство съ эчміадзинскими католикосами. Къ югу отъ Вана, въ одной долинѣ, несущей свои воды въ озеро, находится другой знаменитый монастырь, называемый Едди-Килисса, то-есть «Семь церквей»; молодые армяне изъ богатыхъ семействъ воспитываются тамъ въ коллегіи, соперничающей съ Ванской нормальной школой и организованной, какъ и эта послѣдняя, по образцу наилучшихъ заведеній Запада[2]); въ этихъ глухихъ мѣстностяхъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ большихъ центровъ населенія, образованіе болѣе распространено, чѣмъ можно было бы ожидать; часто европейскій путешественникъ съ удивленіемъ слышитъ отъ гайканскихъ крестьянъ привѣтствіе на французскомъ языкѣ[3]). Армяне, обитатели этой страны, большіе любители путешествій: тысячи изъ нихъ побывали на своемъ вѣку въ Багдадѣ, Алеппо, Константинополѣ, Вѣнѣ, Парижѣ. Деревни южнаго берега озера Ванъ каждый годъ посылаютъ сотни носильщиковъ на набережныя Стамбула и черноморскихъ портовыхъ городовъ; камнетесы, очень искусные въ своемъ ремеслѣ, тоже спускаются цѣлыми группами со своего нагорья. Впрочемъ, совершенно естественно, что горцевъ тянетъ къ богатымъ равнинамъ, которыя разстилаются у подошвы ихъ горъ, и къ которымъ ихъ ведетъ теченіе ручьевъ и рѣчекъ, бѣгущихъ къ Тигру, Евфрату и Понту Эвксинскому [1]). Въ 1837 году насчитывали слишкомъ 30.000 эмигрировавшихъ изъ Ванскаго округа рабочихъ или торговцевъ, а обратное движеніе этой временной эмиграціи простиралось среднимъ числомъ до 3.000 душъ въ годъ.

[1]) Ernest Chantre, „Mission scientifique dans l'Asie occidentale".
[2]) Deyrolle, „Tour du Monde", 1876.
[3]) Fanshawe Tozer, „Turkish Armenia and Eastern Asia Minor".

Главные города Понта и турецкой Арменіи, съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ:

Требизондскій вилайетъ: Требизондъ — 35.000 жит.; Керасундъ, по Геллю—4.000; Тиреболи, по Геллю—3.000; Гумишъ-Хане—5.000; Платана—2.500; Ризе—2.500 жит.

Ванскій вилайетъ: Ванъ—233.269 жителей; Мушъ—338.393 жит.

Эрзерумскій вилайетъ: Эрзерумъ — 39.000 жит.; Эрзенджанъ — 23.000; Байбуртъ — 20.000; Баязидъ—1.000 жит.

Харпутскій вилайетъ: Арабкиръ, по Тэйлору—35.000 жит.; Харпутъ — 20.000; Диврнги—10.000; Эгинъ, по Геллю—8.500; Палу, по Тозеру—7.500; Чемешъ-гадзакъ, по Тэйлору — 4.000; Аргана, по Бранду — 3.500; Кьебанъ-Маденъ, по Брандту—2.500 жит.

III. Бассейны Тигра и Евфрата.

Нижній Курдистанъ, Месопотамія, Иракъ-Араби.

Область Передней Азіи, орошаемая двумя большими рѣками, Тигромъ и Евфратомъ, хотя и лежитъ среди континента, однако, представляетъ собою одну изъ странъ, которыя всего рельефнѣе отличаются отъ окружающихъ земель своими физическими чертами и исторіей своихъ народовъ. Нигдѣ видъ почвы и мѣстности не показываетъ лучше, насколько судьбы націй гармонируютъ съ землей, на которой они живутъ [2]). Безъ Тигра и Евфрата какъ объяснить халдейскую цивилизацію или могущество Ассиріи? Подобно тому, какъ имя Египта вызываетъ представленіе о Нилѣ, заключенномъ между двумя пустынями, затѣмъ развѣтвляющемся въ дельту, такъ точно слова Вавилонъ и Ниневія напоминаютъ о двухъ большихъ рѣкахъ, окружающихъ равнины Месопотаміи своими водами, бѣловатыми или желтыми отъ примѣси твердыхъ частицъ. Населенія равнинъ, заключающихся между Тавромъ и Персидскимъ заливомъ, важностью своей исторической роли обязаны были, очевидно, не по собственному достоинству той или другой расы, ибо націи, которыя организовались въ области этихъ двухъ рѣкъ, имѣютъ многосложное происхожденіе и образовались изъ самыхъ

[1]) Carl Ritter, „Asien", vol. X.
[2]) „Ueber räumliche Anordnungen auf der Aussenseite der Erdballs".

разнородныхъ элементовъ. Именно смѣшеніе этихъ расъ, въ средѣ, благопріятной ихъ сліянію, такъ же, какъ ихъ развитію интеллектуальному и соціальному, и доставило Халдеѣ и Ассиріи продолжительное первенствующее значеніе въ исторіи древняго міра.

Иранское плоскогорье, господствующее съ востока надъ равнинами Тигра, расположено относительно этихъ низменностей какъ поперечная запруда, откуда стекаютъ воды. Месопотамія представляетъ какъ бы водоспускъ для населеній сосѣднихъ возвышенностей, которыя легко могли спускаться черезъ ту или другую изъ долинъ, наклоненныхъ къ Тигру, и акклиматизироваться, останавливаясь на каждомъ изъ лежащихъ на пути уступовъ. Точно также жители армянскихъ горъ и жители Тавра, на сѣверѣ и на сѣверо-западѣ, были естественно привлекаемы къ равнинамъ, орошаемымъ двумя большими рѣками. Наконецъ, горцы прибрежныхъ цѣпей Средиземнаго моря тоже устремляли взоры къ Евфрату черезъ узкую полосу пустыни. Съ трехъ сторонъ, обширный полумѣсяцъ равнинъ, покатыхъ къ Персидскому заливу, окруженъ возвышенностями, жители которыхъ, такъ сказать, чувствовали естественное влеченіе къ низменнымъ полямъ, къ обильнымъ водамъ и плодоноснымъ морскимъ берегамъ. Всѣмъ этимъ переселенцамъ, пришедшимъ съ огромной горной окружности, Месопотамія представляла аналогичныя условія; разнородные элементы были ассимилированы въ одну цивилизованную націю, и изъ всѣхъ этихъ этническихъ контрастовъ образовалось высшее единство.

Какъ историческій путь, долина Евфрата имѣла, вмѣстѣ съ долиной Тигра, капитальную важность въ древнемъ мірѣ. Тамъ проходитъ дорога, соединяющая линіи береговаго судоходства между Индіей и странами Средиземнаго моря Долина, продолжающая черезъ Переднюю Азію поперечную впадину Персидскаго залива, достигаетъ на сѣверо-западѣ прибрежнаго пояса Средиземнаго моря, и черезъ проломъ горъ сообщается съ нижней долиной Оронта: такимъ образомъ естественное пониженіе рельефа почвы продолжается непрерывно отъ одного моря до другаго. Съ тѣхъ поръ какъ люди научились управлять своими судами на волнахъ, Евфратъ естественно долженъ былъ сдѣлаться посредникомъ между Востокомъ и Западомъ и замѣнить труднопроходимыя тропинки Ирана черезъ горы и плоскогорья. Путь по Евфрату представляетъ, хоть въ меньшей степени, выгоды, сходныя съ выгодами, присущими Нилу, и потому движеніе исторіи совершалось параллельно въ той и другой странѣ. Вавилонъ былъ естественнымъ соперникомъ Египта во всемірной торговлѣ; оттого могущественные государи этихъ странъ всегда пытались завоевать соперничающую дорогу, чтобы уничтожить или обратить въ свою пользу ея конкурренцію [1]). По крайней мѣрѣ была эпоха, когда Месопотамія, повидимому, имѣла перевѣсъ, какъ средоточіе торговаго обмѣна. Двадцать пять вѣковъ назадъ, Вавилонъ былъ складочнымъ мѣстомъ богатствъ Индіи, и, чтобы имѣть въ своемъ владѣніи всю транзитную дорогу, царь Навуходоносоръ, уже владѣвшій портомъ Тередонъ, на Персидскомъ заливѣ, овладѣлъ городомъ Тиромъ, на Средиземномъ морѣ. Евфратъ, сдѣлавшійся тогда главнымъ торговымъ путемъ во всемъ свѣтѣ, превосходилъ по важности даже дорогу Краснаго моря и Нила. Персидскіе завоеватели, привыкшіе къ нагорнымъ дорогамъ и неопытные въ морскомъ дѣлѣ, остановили движеніе торговаго обмѣна между Индіей и Месопотаміей; видя въ рѣкахъ оборонительныя линіи, а не дороги, они перерѣзали ихъ теченіе запрудами, съ цѣлью помѣшать судоходству и обезпечить себя отъ попытокъ нападенія. Сдѣлавшись повелителемъ имперіи персовъ, равно какъ странъ по Нилу, Александръ Македонскій, понимавшій цѣну двухъ великихъ торговыхъ путей, перешедшихъ подъ его власть, пытался реставрировать евфратскую дорогу. Онъ разрушилъ запруды, задерживавшія воды, выпрямилъ теченіе обѣихъ рѣкъ, возстановилъ портъ Тередонъ, велѣлъ построить флоты и вырыть въ Вавилонѣ доки, гдѣ могли помѣститься до тысячи судовъ. Эти усилія не были безплодны, и не только во времена греческаго господства, но еще и послѣ Селевкидовъ, теченіе Евфрата оставалось дорогой между Востокомъ и Западомъ. При калифахъ, когда арабы обладали еще той могучей силой перваго порыва, который далъ имъ половину извѣстнаго тогда свѣта, рынки Месопотаміи возобновили свою дѣятельность въ международной торговлѣ. Впослѣдствіи эта область Турецкой имперіи обратилась въ пустыню; но не видимъ ли мы уже предвѣстниковъ возвращенія счастливыхъ дней для Месопотаміи? Отливъ цивилизаціи распространяется къ тѣмъ странамъ, откуда къ намъ пришла ея приливная волна. Аѳины, Смирна и Александрія снова выступили на всемірную сцену; точно также возродится, безъ сомнѣнія, и Вавилонъ.

Взятая во всей совокупности ея исторической жизни, эта область Передней Азіи есть, безспорно, одна изъ тѣхъ странъ, которыя пользовались наиболѣе продолжительной цивилизаціей. Когда мидяне и персы наслѣдовали могущественной ассирійской державѣ, были уже тысячи лѣтъ, какъ династія халдеянъ, эламитовъ, вавилонянъ, ниневійцевъ послѣдовательно смѣняли одна другую въ равнинахъ Месопотаміи, и какъ ихъ учрежденія, культы и языки совершали свою эволюцію. Прибрежные

---

[1]) Fr. Lenormant, „Histoire ancienne de l'Orient".

жители Двухъ Рѣкъ возводили свою миѳическую исторію къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда произошло великое наводненіе, которое подало поводъ къ преданію о потопѣ, сохранившемуся въ ихъ разсказахъ [1]), и ихъ достовѣрныя лѣтописи начинаются слишкомъ за сорокъ одно столѣтіе до нашей эпохи [2]). Но еще ранѣе, до этой, нынѣ несомнѣнно установленной исторической даты, какой длинный культурный періодъ долженъ былъ пройти для того, чтобы различные элементы, представленные скиѳами или туранцами, «древнѣйшими изъ людей» [3]), иранцами, семитами, жителями острова Тильмунъ—можетъ быть, нынѣшняго Барейна—могли смѣшаться и выработать религіи, нравы, политическія учрежденія, запечатлѣнные характеромъ единства! Новѣйшія изслѣдованія не указываютъ ли также на тотъ фактъ, что и наука китайцевъ, которую такъ долго считали совершенно самобытной, самостоятельно возникшей на восточной покатости Стараго Свѣта, имѣетъ въ дѣйствительности халдейское происхожденіе и получила начало на берегахъ Евфрата? [4]). Вавилонское чародѣйство мы находимъ даже у тунгузовъ.

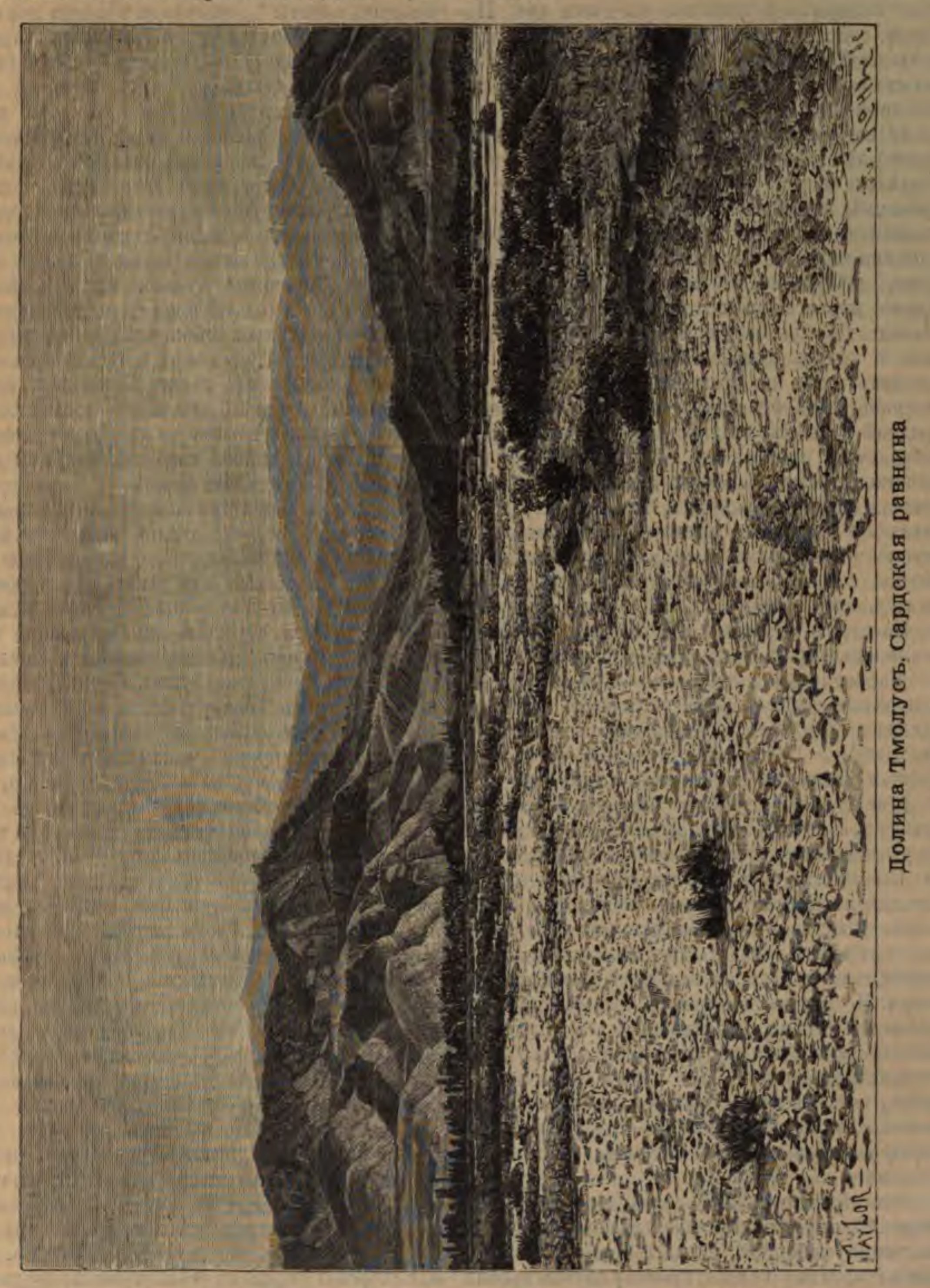
Такъ велико было превосходство и вліяніе цивилизаціи древнихъ халдеевъ, что окрестныя населенія, въ своихъ легендахъ, помѣщали между двумя рѣками Месопотамской низменности то идеальное мѣсто, гдѣ первые люди жили въ невинности и радости. Какъ всѣ народы, обитатели бассейна Евфрата должны были относиться съ особеннымъ благоговѣніемъ къ той странѣ, откуда къ нимъ пришли искусства и науки, и эта страна превращалась въ ихъ глазахъ въ благодатный и счастливый край, въ «рай», въ «Эдемъ»—гдѣ смерть не имѣла власти, куда не пробирался змѣй-искуситель. Иранцы обращали взоры къ долинамъ Эльборджа или Эльбурса; индусы переносились мысленно въ страну «Семи рѣкъ», надъ которой господствуетъ священная гора Меру; точно также евреи, пришедшіе изъ Месопотаміи, устремляли взоры къ области ея рѣкъ, и ихъ рай имѣлъ границами теченія Тигра и Евфрата, а также теченія рѣкъ Пизонъ и Гихонъ, оставшихся неизвѣстными. Матросы, поднимающіеся вверхъ по Шатъ-эль-Арабу, никогда не упускаютъ случая показать путешественникамъ, какъ мѣстоположеніе земнаго рая, старыя деревья, растущія въ Корна, при сліяніи двухъ рѣкъ. Много существуетъ теорій, предложенныхъ археологами и толкователями священнаго писанія, которые пытались съ точностью опредѣлить мѣсто, гдѣ книги евреевъ помѣщали садъ блаженства; но не слѣдуетъ ли видѣть въ немъ просто поясъ воздѣланныхъ земель, орошаемыхъ двумя главными рѣками Месопотаміи и проведенными изъ нихъ ирригаціонными каналами? Въ клинообразныхъ надписяхъ Вавилонское царство всегда изображается именами четырехъ рѣкъ: Тигра, Евфрата, Сумани, Укни,—вѣроятно, тѣхъ самыхъ, о которыхъ говоритъ Книга Бытія. Имя Эдемъ или Ганъ-Эдемъ, какъ полагаютъ, тожественно съ названіемъ Ганъ-Дуни, однимъ изъ наименованій, которыми обозначалась Вавилонская страна, посвященная богу Дуни или Дунія [1]). Со времени открытія литературъ зендской и санскритской, слово «Земной рай», который легенда локализировала въ странѣ Арамъ-Нагарайнъ, то-есть «Сиріи Двухъ Рѣкъ», сдѣлалось неопредѣленнымъ выраженіемъ, примѣняемымъ къ Кашмиру, къ Бактріанѣ или къ какой-либо другой плодоносной области Передней Азіи.

Халдея, куда все еще обращаютъ взоры тѣ изъ людей западнаго міра, которые ищутъ золотаго вѣка въ прошломъ, не могла не оказывать капитальнаго вліянія на религію народовъ, принявшихъ ея цивилизацію. Священныя книги евреевъ, сдѣлавшіяся ветхозавѣтнымъ священнымъ Писаніемъ христіанъ, содержатъ многочисленныя мѣста, переписанныя изъ халдейскихъ книгъ, и даже отрывки, составленные на вавилонскомъ нарѣчіи; сказаніе о жизни патріарховъ, о всемірномъ потопѣ, о вавилонскомъ столпотвореніи и смѣшеніи языковъ совершенно одинаковы [2]); космогонія Книги Бытія мало разнится отъ той космогоніи, которую передаютъ отрывки изъ Бероза. Но Халдея завѣщала западнымъ народамъ также свое научное имущество, знаніе небесныхъ свѣтилъ и ихъ движеній, искусство раздѣленія времени по движенію небесъ; она научила ихъ взвѣшивать и измѣрять предметы съ точностью, и преподала имъ тысячу первоначальныхъ понятій изъ астрономіи и геометріи, слѣды которыхъ до сихъ поръ сохранились въ техническихъ терминахъ. Для торговыхъ сдѣлокъ халдеи употребляли—вѣроятно, первые—обожженные кирпичи, на которыхъ писался порядокъ платежа; изъ Вавилона это изобрѣтеніе перешло въ Персію, откуда арабы распространили его въ Европу [3]). Что касается искусствъ и литературы населеній, жившихъ въ бассейнахъ Тигра и Евфрата, то дѣйствіе ихъ тоже было очень могущественно, но не прямо, а черезъ выработку, которой ихъ подвергли, съ одной

[1]) Fr. Lenormant, различные мемуары; — Haupt, „Sündfluberischt", etc.
[2]) Fritz Hommel, „Die Vorsemitischen Culturen in Aegypten und Babylonien".
[3]) Richard Lepsius;—Wahrmund, „Babylonierthum".
[4]) Lenormant;—Terrien de la Couperie, „On the Shitting of the cardinal Points, as an illustration of the Chaldaen - Babylonian culture borrowed by the early Chinese".

[1]) H. Rawlinson, „Notes on the site of the terrestrial Paradise";—Friedrich Delitzsch, „Wo lag das Paradies?"
[2]) Fr. Lenormant;—Friedrich Delitzsch, „Wo lag das Paradies?"
[3]) Lenormant, „La Monnaie dans l'antiquité".

стороны, евреи и финикіяне, съ другой—гиттиты, кипріоты, фригійцы. Ихъ доля вліянія на ходъ человѣчества была долгое время забыта; но она, такъ сказать, пробудилась въ настоящемъ столѣтіи. Первые изслѣдователи разсказываютъ, какъ они были поражены, во время раскопки развалинъ, когда увидѣли этихъ крылатыхъ быковъ, съ безстрастнымъ и грознымъ лицомъ, которые охраняли входъ въ храмы. Легко понять ужасъ арабовъ, которые, при видѣ этихъ откапываемыхъ священныхъ фигуръ, убѣгали безъ оглядки, или падали на колѣни, полагая, что изъ земли выходитъ божество.



Долина Тмолусъ. Сардская равнина

Ни въ какой странѣ Передней Азіи почва не покрыта болѣе многочисленными руинами, чѣмъ въ Месопотаміи; на обширныхъ пространствахъ земля смѣшана съ осколками глиня-

ныхъ сосудовъ и кирпичей. *Телли* или горки обломковъ и мусора разбросаны сотнями и тысячами по равнинѣ; кое-какіе остатки башенъ и безформенныхъ стѣнъ напоминаютъ города, гдѣ нѣкогда толпились массы людей, и самое имя которыхъ неизвѣстно въ наши дни. Подобно сосѣднимъ націямъ, народы, населявшіе область Двухъ Рѣкъ, пришли въ упадокъ вслѣдствіе поступательнаго движенія, которое постепенно переносило центръ цивилизаціи изъ Азіи на берега Средиземнаго моря и оттуда далѣе въ западную Европу; но состоя изъ земледѣльцевъ и торговцевъ, разсѣянныхъ въ равнинѣ, открытой со всѣхъ сторонъ набѣгамъ варваровъ, эти народы не могли съ успѣхомъ защищаться отъ нападеній дикихъ ордъ, которыя, слѣдуя по стопамъ цивилизованныхъ, также подвигались постепенно съ востока на западъ. Города были срыты, жители истреблены, и теперь едва насчитываютъ пять милліоновъ душъ въ этой области, столь же обширной, какъ Франція, и гораздо болѣе плодородной въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ могутъ развѣтвляться ирригаціонные каналы; болѣе половины обитателей Месопотаміи, и именно обитатели нижнихъ равнинъ, которыя могли бы давать обильнѣйшіе урожаи,—кочевники, живущіе становищами на окраинахъ пустыни и всегда готовые снять свою палатку и перекочевать на другое мѣсто.

Населеніе округовъ Месопотаміи, по Сальнаме или оффиціальному альманаху за 1879 г.:

Діарбекирскій вилайетъ — 818.000 жит.; санджакъ Орфа—56.000; санджакъ Зоръ или Деиръ — 240.000; Багдадскій вилайетъ — 3.210.000; Бассорскій вилайетъ —790.000. Общая цифра населенія—5.114.000 жит.

Естественныя границы Месопотаміи составляютъ горы, образующія на востокѣ и на сѣверѣ первыя ступени краевыхъ цѣпей Персіи и плоскогорій Курдистана; на сѣверо-западѣ предѣломъ служатъ массивы и цѣпи Таврскихъ горъ, общее направленіе которыхъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, и которыя оканчиваются выступами и мысами на берегу Средиземнаго моря. Но внутри обширнаго полумѣсяца, описываемаго этими складками почвы вокругъ Месопотаміи, и даже внутри громаднаго острова, ограниченнаго теченіями двухъ ея главныхъ рѣкъ, есть нѣсколько грядъ высотъ независимыхъ или, по крайней мѣрѣ, отдѣленныхъ отъ предгорій Тавра и Курдистана глубокими проломами.

Массивъ Караджа-дагъ, на югѣ отъ узкаго перешейка изъ скалъ, поднимающагося между истоками западнаго Тигра и крутымъ поворотомъ Евфрата у Телека, протянулъ свои гребни по направленію съ сѣвера на югъ и образуетъ, такъ сказать, стрѣлу громаднаго лука, очерченнаго краевыми горами Армянскаго нагорья; горный проходъ, высотой около 800 метровъ, отдѣляетъ его отъ массива Мерабъ-дагъ, передоваго контрфорса Тавра, занимающаго крайній уголъ междурѣчной области. Караджа-дагъ—могучій массивъ изъ чернаго базальта, вершины котораго, достигающія около 1.900 метровъ высоты [1]), выливали нѣкогда изъ своихъ трещинъ большіе потоки лавы: горные ручьи, бѣгущіе съ Караджи, вырыли свои русла въ этихъ огненныхъ породахъ, которыя высятся по обѣимъ сторонамъ потока въ видѣ вертикальныхъ утесовъ. Такъ, Караджа-чай, ручей Караджа, текущій съ сѣверо-восточныхъ склоновъ къ Тигру, ниже Діарбекира, бѣжитъ по дну глубокаго ущелья, изсѣченнаго въ массѣ лавы, и соединяется, на небольшомъ разстояніи отъ рѣки, съ другимъ горнымъ потокомъ, Кучукъ-чай (Маленькій ручей), надъ правымъ берегомъ котораго господствуетъ перпендикулярная базальтовая стѣна, въ 70 метровъ высоты [2]). Городъ Діарбекиръ построенъ на оконечности одного изъ этихъ застывшихъ потоковъ лавы, которые, очевидно, вылились въ эпоху, предшествовавшую нынѣшнему геологическому періоду, такъ какъ они покрыты легкимъ слоемъ глинистой земли.

На западѣ базальтовыя горы Караджа-дага опираются на боковые отроги, невысокія цѣпи которыхъ развѣтвляются по направленію къ Евфрату; нѣкоторыя изъ этихъ цѣпей достигаютъ до 800 метровъ абсолютной высоты, превышая такимъ образомъ на четыреста или пятьсотъ метровъ уровень нижнихъ равнинъ; эти высоты—къ которымъ принадлежитъ, между прочимъ, Нимрудъ-дагъ, горы Немврода—имѣютъ внушительный видъ только благодаря своимъ крутымъ скалистымъ склонамъ. Но въ большей части своего протяженія, къ западу, эти возвышенности принимаютъ характеръ плоскогорій: такъ, на западъ отъ горъ Немврода, возвышенность Кара-Сека представляетъ плато въ родѣ тѣхъ, какія мы видимъ въ южной Франціи (гдѣ они извѣстны подъ именемъ causses), хотя менѣе правильной формы. Этотъ известковый столъ, имѣющій 720 метровъ средней высоты, прерывается черезъ извѣстные промежутки трещинами, которыя оканчиваются въ кольцеобразныхъ углубленіяхъ, впадинахъ, образовавшихся вслѣдствіе провала почвы, въ которыхъ скопляется немного воды во время дождливаго сезона.

На востокѣ, Караджа-дагъ отдѣленъ отъ горъ Мардинъ широкимъ проломомъ около 800 метровъ абсолютной высоты, представляющимъ легкопроходимую дорогу путешественникамъ, отправляющимся изъ Діарбекира въ степи, огибаемыя теченіемъ рѣки Хабуръ. По обѣ стороны перевала геологическій контрастъ полный: на западѣ высятся базальтовые утесы,

[1]) Cameron, „Our Highway the India“.

[2]) Черникъ и Швейгеръ-Лерхенфельдъ, „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, 44, 45.

на востокѣ простираются пласты известняковъ и мѣла. Высота самыхъ высокихъ вершинъ почти одинакова, около 1.500 метровъ; на тѣхъ и другихъ бываютъ иногда въ концѣ апрѣля полосы снѣга. Горы Мардинъ, Мазіосъ древнихъ географовъ, представляютъ, на высотѣ около 1.000 метровъ, многочисленныя пониженія гребня, черезъ которыя бассейнъ Евфрата сообщается съ бассейномъ Тигра, а съ восточной стороны широкая долина отдѣляетъ ихъ отъ менѣе высокаго доломитоваго массива Туръ-Абдинъ, который продолжается по направленію къ Тигру базальтами Гамка-дага и Элимъ-дага. Вершины Туръ-Абдина почти всѣ безъ деревьевъ; во многихъ мѣстахъ камень нигдѣ не покрытъ даже травкой; только въ долинахъ кое-гдѣ показываются рѣдко стоящіе дубы; но у подошвы южныхъ крутыхъ склоновъ, равнины, орошаемыя горными потоками, развѣтвляющимися на тысячу ирригаціонныхъ каналовъ и канавъ, представляютъ одинъ громадный садъ, гдѣ скучены селенія столь же многочисленныя, какъ въ наилучше обработанныхъ странахъ Европы. Откосы утилизируются жителями до послѣдняго клочка земли, благодаря стѣнамъ въ видѣ лѣстницы, опоясывающимъ каждую террасу; внизу, фруктовыя деревья едва оставляютъ мѣсто, необходимое для дорогъ; тополи окружаютъ пригорки, на которыхъ нѣкогда стояли оборонительныя башни и храмы, деревенскіе акрополи или кремли.

Водораздѣльная возвышенность проходитъ гораздо ближе къ Тигру, чѣмъ къ Евфрату; въ Лелеки-баирѣ, гдѣ воды раздѣляются, при чемъ однѣ текутъ въ Тигръ, а другія образуютъ далѣе притоки Джахджаха и Хабура, раздѣльный хребетъ въ десять разъ болѣе удаленъ отъ Евфрата, чѣмъ отъ восточной рѣки. Онъ продолжается на югъ, чтобы образовать массивы Карачокъ и Бутманъ, которые господствуютъ надъ Тигромъ и заставляютъ его описывать излучины по направленію къ востоку. Съ своей стороны, массивъ Бутманъ примыкаетъ къ восточной оконечности цѣпи, которая выдвигается далеко къ юго-западу въ степи средней Месопотаміи: это—Синджаръ, по-курдски Сингали, хребетъ, хотя не высокій, но, тѣмъ не менѣе, имѣющій величественный видъ, благодаря своему уединенному положенію среди ровныхъ степныхъ пространствъ: съ рѣчныхъ береговъ въ открывающейся взорамъ пустынной области видны только крутизны Синджара и скалъ, продолжающихъ его въ западномъ направленіи, Джебель-Ахдала и Джебель-Азиза, обрисовывающихъ на горизонтѣ свой неравный гребень надъ пыльной поверхностью пустыни, и снова появляющихся по ту сторону Евфрата, чтобы соединиться съ Анти-Ливаномъ черезъ кряжи Джебель-Амуръ и Джебель-Рюакъ [1]). Рѣдко посѣщаемый, хребетъ Синджаръ сдѣлался, однако, центромъ населенія, по причинѣ дождей, орошающихъ его склоны; многочисленные гроты, открывающіеся въ известковыхъ скалахъ, часто служили убѣжищемъ преслѣдуемымъ іезидамъ, обитающимъ въ окрестныхъ селеніяхъ. Равнины, простирающіяся на западъ отъ Синджара, по направленію къ Евфрату, были свидѣтелями великаго научнаго событія, совершившагося въ началѣ девятаго столѣтія: измѣренія градуса меридіана собраніемъ арабскихъ астрономовъ; по ихъ наблюденіямъ, длина одного градуса оказалась равной 56 и двумъ третямъ арабскихъ миль. Но какова была въ ту эпоху точная величина мили? По Беку, погрѣшность, сдѣланная астрономами, посланными калифомъ Аль-Мамуномъ, составляла около одной десятой по плюсу; по Ханыкову же, ошибка ихъ не превышала одной пятидесятой [2]).

Къ югу отъ хребта Синджаръ, въ Месопотамской области встрѣчаются только невысокія горки, почти всѣ искусственныя, да столы изъ скалъ, выгрызенныхъ водой временныхъ потоковъ (уади). На востокъ отъ Тигра, почва вездѣ снова поднимается въ видѣ горныхъ валовъ; но эти скалы, перерѣзываемыя притоками рѣки, принадлежатъ къ иранской системѣ, оріентированной съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и продолжаются параллельно краевымъ цѣпямъ Персіи, снѣговыя вершины которыхъ, блистающія на солнцѣ, ясно видны изъ садовъ Багдада. Къ сѣверо-востоку отъ Моссула, различныя гряды горъ, гораздо болѣе неправильныя, чѣмъ цѣпи Ирана, и соединяющіяся во многихъ мѣстахъ въ высокіе массивы, поднимаются большимъ числомъ вершинъ выше 4.000 метровъ; массивъ Тура-Джелу, на востокѣ отъ Большаго Заба, имѣетъ, по Лейярду, болѣе 4.500 метровъ высоты. Главная цѣпь, которую путешественники переходили перевалами, очень удаленными одинъ отъ другаго, та, которая господствуетъ надъ становищами и селеніями курдовъ гаккари, отъ озеръ, лежащихъ южнѣе озера Ванъ, она продолжается до краевыхъ хребтовъ Персіи, къ которымъ примыкаетъ между истоками двухъ рѣкъ Забъ. Точная граница земли курдовъ или Курдистана на сѣверо-востокѣ Месопотаміи есть въ то же время предѣлъ гористой области: это—песчаниковый валъ, Джебель-Гамринъ, четыреугольная призма геометрической правильности, разрѣзанная водами на узкія поперечныя долины или ущелья, не менѣе правильныя. Персіане даютъ совокупности горъ, господствующихъ надъ равнинами Месопотаміи, общее названіе Пуштъ-и-ку, которое можно встрѣтить на очень многихъ картахъ, но которое на самомъ дѣлѣ не примѣняется ни къ какой особенной цѣпи. Это имя просто значитъ «Горы по ту сторону».

[1]) Anne Blunt, „Amon the Bedouins of the Euphrates".

[2]) Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde".

Тигръ, менѣе длинный изъ двухъ рѣкъ-близнецовъ, изливающихъ свои воды черезъ устья Шатъ-эль-Араба въ Персидскій заливъ, беретъ начало, какъ извѣстно, въ сосѣдствѣ Евфрата. Близъ Сиванскихъ рудниковъ, главные истоки, называемые Учъ-Гель (Три озера), бьютъ изъ земли на разстояніи не болѣе тысячи метровъ отъ глубокаго ущелья, гдѣ течетъ Мурадъ, и образуемый ими ручей направляется на юго-западъ, какъ бы для того, чтобы броситься въ Евфратъ, при выходѣ его изъ горъ. Но другой потокъ, берущій начало также въ нагорной долинѣ, близкой къ Евфрату, идетъ ему на встрѣчу и увлекаетъ его въ юго-западномъ и южномъ направленіи: это—Диджле, который считаютъ главной вѣтвью Тигра, откуда и самое имя Шатъ или «Рѣка» по преимуществу. Онъ течетъ сначала съ полуостровной области, которую ограничиваетъ Евфратъ, описывая длинный рядъ извилинъ на сѣверѣ, потомъ на западѣ и на югѣ отъ возвышенныхъ равнинъ Харпута; вытекая близко (всего только въ нѣсколькихъ километрахъ) отъ крутаго поворота Евфрата, Диджле тотчасъ же начинаетъ искать себѣ выхода изъ громаднаго круга, очерченнаго вокругъ него рѣкой-соперницей. «Маленькое озеро» съ солоноватой водой, Гельджукъ, Гельджикъ или Геленджикъ занимаетъ въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу и 200 метровъ выше, впадину плато, кругообразная закраина котораго посылаетъ ручьи какъ въ Тигръ, такъ и въ Евфратъ [1]). Недавно, послѣ нѣсколькихъ дождливыхъ годовъ, озеро, уровень котораго постепенно повышался, подобно тому, какъ это было съ армянскимъ внутреннимъ моремъ Ванъ, достигло, наконецъ, пролома скалъ у его восточной оконечности, такъ что излишекъ водъ его полился въ Тигръ: пользуясь этимъ обстоятельствомъ, предприняли даже прорытіе траншеи для того, чтобы урегулировать истеченіе озера и сдѣлать его постояннымъ питательнымъ источникомъ рѣки [2]). Такъ сближаются два рѣчныхъ бассейна, сближаются дотого, что сѣти ихъ водъ кажутся переплетающимися, какъ бы подтверждая описанія древнихъ авторовъ. Согласно мѣстной легендѣ, истокъ Тигра былъ посѣщенъ Александромъ Великимъ; оттого этотъ истокъ называютъ «Рѣкой о двухъ рогахъ», по прозвищу, которое получилъ македонскій завоеватель вслѣдствіе обоготворенія его народами Востока.

По вступленіи въ Діарбекирскую равнину, «Рѣка» быстро увеличивается въ объемѣ отъ принятія притоковъ, посылаемыхъ ей сѣверными горами. Батманъ-су, одинъ изъ наиболѣе обильныхъ притоковъ,—второй Тигръ по стремительности его водъ, и бассейнъ этого притока, какъ и бассейнъ Диджле, начинается въ непосредственномъ сосѣдствѣ верхняго Евфрата, на южной сторонѣ Мушскихъ горъ. Затѣмъ слѣдуютъ Арзенъ-су и другой Шатъ, Ботанъ-су, въ который впадаетъ рѣка Битлисъ, получающая начало въ невысокомъ массивѣ, ограничивающемъ съ юго-западной стороны резервуаръ озера Ванъ. Этотъ прекрасный ручей Битлисъ есть, вѣроятно, тотъ самый потокъ, который подалъ поводъ къ баснямъ, повторяемымъ Страбономъ и Плиніемъ, о проходѣ Тигра черезъ озеро, въ которомъ, будто бы, водилась только одна порода рыбы; на воды Битлиса смотрѣли, какъ на подземное истеченіе озера Ванъ, но этотъ потокъ беретъ начало на болѣе высокомъ уровнѣ сравнительно съ уровнемъ озера, и вода его не солена и не содержитъ натра, какъ вода ванскаго замкнутаго резервуара. Очевидно, только по составу воды можно будетъ узнать, существуетъ ли дѣйствительно между притоками верхняго Тигра ручей, вышедшій изъ Армянскаго озера подземными галлереями.

Ниже соединенія двухъ Шатовъ, Диджле, или западнаго Тигра, и Ботана, или восточнаго Тигра, рѣка, которая уже катитъ половину жидкой массы, несомой его нижнимъ теченіемъ въ море, поворачиваетъ на юго-востокъ, чтобы направиться въ ущелья, перерѣзывающія дикія горы. На пространствѣ около 75 километровъ, тропинки оставляютъ берега и взбираются либо на западной, либо на восточной сторонѣ, по крутизнамъ, съуживающимъ теченіе рѣки: тамъ и сямъ, съ высоты мысовъ, видны въ глубинѣ ущелья воды, скользящія у основанія почти отвѣсныхъ известковыхъ стѣнъ или базальтовыхъ колоннадъ. Ниже этого перваго пролома горъ, куда не рѣшились проникнуть «Десять тысячъ воиновъ Ксенофонта», открывается широкая равнина, и рѣка извивается на просторѣ среди аллювіальныхъ земель; но вскорѣ послѣ того потокъ перерѣзываетъ другіе горные валы, и въ этихъ мѣстахъ берега его опять дѣлаются непроходимыми. Утесы и обвалы известняковъ, глинъ, конгломератовъ омываются волной: тропинки, избѣгая рѣки большими обходами, удаляются даже отъ нижней части притоковъ, которые всѣ текутъ на глубинѣ 15 метровъ между двухъ глинистыхъ стѣнъ [1]).

Въ рядѣ тѣснинъ, который начинается при сліяніи притока Ботанъ-су и оканчивается выше города Моссула, рѣка сохраняетъ нормальное направленіе, которому она слѣдуетъ до Евфрата, параллельно краевымъ цѣпямъ иранскаго плоскогорья. Въ этой части своего теченія, какъ и въ области истоковъ, Тигръ полу-

[1]) Mühlbach; - Carl Ritter, „Asien", vol. X;—Haussknecht, „Routen im Orient".

[2]) Fanshawe Tozer, „Turkish Armenia and Eastern Asia Minor".

[1]) Черникъ и Швейгеръ-Лерхенфельдъ, цитированный мемуаръ.

чаетъ большіе притоки только съ лѣвой стороны: покатость праваго берега представляетъ лишь узкую полоску земли, и почти всѣ воды водораздѣльной возвышенности текутъ по направленію къ Евфрату. Дождевыя облака, приходящія съ Средиземнаго моря и съ Индійскаго океана, разрываются на южныхъ скатахъ высотъ Курдистана, и въ то время, какъ дожди, падающіе на предгорья, непосредственно на сѣверъ отъ пустыни, стекаютъ къ Евфрату, влажность, приносимая южными вѣтрами на высокія горы Вана и западной Персіи, возвращается, въ видѣ горныхъ потоковъ, къ Тигру. Нѣкоторые изъ этихъ потоковъ имѣютъ значительный бассейнъ: таковъ Большой Забъ или Зарбъ (Зарбъ-эль-Кебиръ), верхнія рѣки котораго уносятъ воды области, заключенной между двумя озерами Ванъ и Урмія. Малый Забъ (Зарбъ-Сагиръ) тоже катитъ много воды, часть которой онъ получаетъ въ персидской территоріи. Точно также, рѣка Діялахъ, впадающая въ Тигръ, ниже Багдада, получаетъ изъ Персіи большое число ручьевъ, берущихъ начало въ параллельныхъ пониженіяхъ краевыхъ цѣпей. Притоки, какъ и самый Тигръ, должны пройти черезъ параллельные хребты горъ, прежде чѣмъ выйти изъ своихъ древнихъ озерныхъ впадинъ, чтобы вступить въ равнину Месопотаміи. Большой Забъ, вытекающій изъ возвышенныхъ долинъ курдскаго края, ударяется, на востокѣ отъ Моссула, о конгломератовые массивы, которые онъ перерѣзываетъ широкимъ русломъ, имѣющимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не менѣе километра отъ берега до берега. Малый Забъ тоже достигаетъ Тигра, пройдя послѣдовательно рядъ узкихъ поперечныхъ долинъ между горами. На юго-востокъ отъ однихъ изъ «Воротъ Тигра», вырѣзка, вертикальныя стѣны которой имѣютъ отъ 50 до 70 метровъ высоты, открываетъ проходъ водамъ рѣки Діялахъ черезъ пласты краснаго песчаника массива Гамринъ. Въ дождливое время года воды скопляются въ видѣ временнаго озера въ равнинѣ Кизылъ-Робатъ, лежащей выше ущелья. Другой притокъ Тигра, Адгимъ, берущій начало на склонахъ священной горы, Пиръ-Омаръ-Гудрунъ (2.500 метровъ), образуетъ постоянное болото выше «Желѣзныхъ Воротъ» или Демиръ-Капу, отдѣляющихъ его отъ аллювіальныхъ равнинъ Месопотаміи. Ниже всѣхъ рѣкъ-притоковъ, Тигръ во многихъ частяхъ своего теченія выступаетъ изъ береговъ и выдѣляетъ изъ себя на востокъ болотистую вѣтвь, Гаддъ, которая соединяется съ Керхой, рѣкой Луристана. Зимой вся равнина, простирающаяся отъ нижняго Тигра до Персидскихъ предгорій, представляетъ одно внутреннее море, часто называемое въ насмѣшку Уммъ-эль-Бакъ, что̀ значитъ «Мать москитовъ»; лѣтомъ остается сѣть извилистыхъ потоковъ, по которымъ удобно ходятъ мелкія суда, изъ Тигра въ Керху, на разстояніи болѣе 150 километровъ [1]).

При сліяніи съ Евфратомъ, у Корны, Тигръ, вопреки тому, что говоритъ Страбонъ, самая полноводная изъ двухъ соединяющихъ рѣкъ. Среднее количество протекающей въ Тигрѣ воды равно, по Ренни, 4.656 кубич. метровъ въ секунду, тогда какъ въ Евфратѣ, у Гита, по измѣреніямъ того же изслѣдователя, оно составляетъ только 2.065 куб. метровъ. Западная рѣка, то-есть Евфратъ, теряется въ его потокѣ, не увеличивая, повидимому, его объема. Отсюда можетъ быть и названіе «Безводный Тигръ», Диджлатъ-эль-Аура, которое прежде давали соединеннымъ рѣкамъ, какъ бы желая тѣмъ указать на кажущееся исчезновеніе Евфрата [2]). Общая длина Тигра, между истоковъ «Двурогой Рѣки» и мѣстомъ ея вступленія въ Шатъ-эль-Арабъ, около 2.000 километровъ, вдвое менѣе, чѣмъ длина Евфрата, и протяженіе его бассейна тоже далеко уступаетъ пространству бассейна этой послѣдней рѣки; но, вмѣсто того, чтобы извиваться въ пустынѣ, какъ Евфратъ по выходѣ изъ цѣпи Тавра, онъ все время течетъ вдоль основанія горъ, которыя посылаютъ ему свои воды, происходящія отъ снѣга и дождя. Получая начало въ мѣстности, лежащей на нѣсколько сотъ метровъ выше долины Евфрата, и слѣдуя, въ направленіи Персидскаго залива, по менѣе извилистой долинѣ, Тигръ имѣетъ гораздо болѣе наклонное паденіе. Онъ бѣжитъ быстро между крутыхъ береговъ, откуда и произошло его древне-персидское названіе Тигръ или «Стрѣла», замѣнившее ассирійское наименованіе Гиддекель (Идиклатъ) или «Рѣка съ высокими берегами» [3]), которое сохранилось въ армянскомъ имени Дикла и въ арабскомъ Диджле. Благодаря большей скорости теченія, Тигръ теряетъ менѣе воды испареніемъ и менѣе разливается по прибрежнымъ равнинамъ въ видѣ озеръ и болотъ. Пароходы съ неглубокой посадкой подымаются по рѣкѣ до Багдада и могли бы даже достигать Текрита, отстоящаго отъ моря почти на 1.000 километровъ. Выше, до Моссула, ходятъ только барки, а еще выше, между Моссуломъ и Діарбекиромъ, единственное средство плаванія составляетъ келлекъ, то-есть плотъ изъ досокъ, поддерживаемый на водѣ надутыми кожаными мѣшками. Мольтке и Мюльбахъ были первые европейцы, спустившіеся по рѣкѣ этимъ способомъ и усмотрѣвшіе грандіозныя ущелья, которыми Тигръ выходитъ изъ области горъ [4]).

Ниже сліянія двухъ главныхъ вѣтвей—Му-

---

[1]) Layard, „Nineveh and Babylon, Journal of the Geographical Society“, 1844.

[2]) Wüstenfeld, „Zeitschrift der Morgenländischen Gesellschaft“, 1844;—Vivien de Saint-Martin, „Nouveau Dictionnaire de Géographie universelle“.

[3]) Friedrich, Delitzsch, „Wo lag das Paradies?“

[4]) Carl Ritter, „Asien“, vol. X.

рада, наиболѣе полноводнаго изъ нихъ, и Фрата (Кара-су, или «Черная вода»), давшаго названіе всей рѣкѣ,—Евфратъ, то-есть «Рѣка по преимуществу» [1]), несетъ уже большую часть водной массы, которая соединяется съ Тигромъ въ Шатъ-эль-Арабѣ. Русла двухъ Евфратовъ имѣютъ, въ среднемъ, болѣе 100 метровъ ширины, одинъ метръ глубины, и скорость теченія равна 3 метрамъ въ секунду. Въ періодъ разлива, то-есть съ половины марта до конца мая, уровень поднимается обыкновенно отъ 5 до 6 метровъ и даже еще гораздо выше во время исключительно большихъ наводненій [2]). Ущелья, которыми проходитъ потокъ, наполняются отъ утеса до утеса, и тропинки по берегамъ заливаются водой. Прежде, чѣмъ выйти изъ горной области, Евфратъ усиливается еще нѣсколькими притоками, присоединяющимися къ нему какъ разъ у вершины большой дуги, которую онъ описываетъ къ западу отъ послѣднихъ отроговъ Тавра. Въ этомъ мѣстѣ, воды возвышенностей Арменіи нѣкогда скоплялись въ озеро, бывшіе берега котораго видны еще на окружающихъ крутизнахъ, и которое оставило послѣ себя многочисленныя болота въ богатыхъ аллювіальныхъ земляхъ Малатіи, отложенныхъ теченіемъ Евфрата и его притоковъ. Не много найдется странъ въ Передней Азіи, почва которыхъ была бы столь же плодоносна, но и нѣтъ мѣстностей болѣе нездоровыхъ. Между этими рѣками западной покатости, соединяющимися съ Евфратомъ, самая полноводная Токмасу (Меласъ древнихъ географовъ), истоки которой переплетаются на водораздѣльной возвышенности съ истоками Джигуна или Пирама Киликійскаго, притока Кипрскаго моря. Низменная равнина, орошаемая Токмой и Евфратомъ, лежитъ какъ разъ на половинѣ дороги изъ Константинополя въ Багдадъ и составляетъ мѣсто роздыха на этомъ главномъ трактѣ Турецкой имперіи. Кромѣ того, и другіе историческіе пути проходятъ черезъ этотъ бассейнъ, естественный центръ пересѣченія дорогъ между Арменіей и Сиріей, между Малой Азіей и низовьемъ Евфрата. Эта низменность, составляющая на западѣ продолженіе верхней долины Тигра, была дорогой, указанной природными условіями мѣстности караванамъ и арміямъ, отправляющимся изъ Персіи къ берегамъ Іоніи. Клинообразныя надписи, вырѣзанныя на скалѣ, господствующей надъ Евфратомъ въ мѣстѣ прохода, напоминаютъ чужеземцу какой-нибудь забытый военный подвигъ и славу персидскаго завоевателя, имя котораго ученые стараются дешифрировать.

Въ бассейнѣ Малатія, рѣка находится еще на высотѣ 847 метровъ, и валъ Тавра отдѣляетъ ее отъ нижней равнины. Поворачивая сначала на востокъ, чтобы слѣдовать вдоль сѣвернаго основанія горъ, потокъ вскорѣ вступаетъ на юго-востокѣ въ ущелья между скалистыми крутизнами, поднимающимися на 500 слишкомъ метровъ: здѣсь начинаются стремнины или «пороги» Евфрата, которымъ турки даютъ названіе «Сорока дефилей». Эти пороги, въ числѣ около трехсотъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ, на пространствѣ 150 километровъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ такомъ близкомъ разстояніи, что едва минуешь одинъ катарактъ, какъ уже слышишь ревъ воды на слѣдующемъ порогѣ. Иногда, зимой, льдины задерживаются на выступающихъ изъ воды камняхъ и скопляются сплошными массами, по которымъ поселяне переходятъ черезъ рѣку, какъ по мосту. Смотря по высотѣ водъ, пороги бываютъ болѣе или менѣе опасны: то потокъ убѣгаетъ, образуя наклонную плоскость послѣдовательныхъ волнъ, то онъ низвергается каскадами. Водовороты перемѣщаются, и тогда какъ въ одно время года воды кружатся медленно, въ другое онѣ несутся бѣшенымъ потокомъ, вырывая воронку, окруженную пѣной. Справа и слѣва, съ горъ бѣгутъ ручьи, одни спускаясь по дну овраговъ, черезъ которые взоръ поднимается до верхнихъ террасъ, съ ихъ лугами, осѣненными раскидистыми орѣшинами, другіе низвергаясь шумными каскадами или даже падая съ высоты карниза, откуда по временамъ летятъ также, смѣшанные съ водянымъ столбомъ, глыбы и мелкіе камни.

Одинъ изъ самыхъ опасныхъ пороговъ— тотъ, который встрѣчается первый на пути изъ Малатійской равнины: это — «Змѣиный водоворотъ», названный такъ по причинѣ волнообразнаго движенія потока, который въ этомъ мѣстѣ имѣетъ паденіе 5 метровъ на 180. Другіе грозные пороги слѣдуютъ одинъ за другимъ близъ Телека, тамъ, гдѣ Евфратъ, круто поворачивая на югъ, затѣмъ на юго-западъ, проходитъ подъ плоскогорьемъ, на которомъ бьетъ изъ земли, въ 400 метрахъ выше, истокъ западнаго Тигра; сѣрнистыя воды вылетаютъ фонтаномъ изъ разсѣлины скалы, вблизи катарактовъ, и примѣтны издалека своими волютами паровъ: ниже, горный обвалъ съузилъ рѣку, и русло, средняя ширина которой передъ этимъ мѣстомъ превышаетъ 200 метровъ, имѣетъ здѣсь не болѣе тридцати метровъ отъ одного берега до другаго: эта тѣснина извѣстна подъ именемъ Геикъ-Ташъ, что значитъ «Прыжокъ оленя». Одинъ изъ послѣднихъ пороговъ, Гергеръ (Гургуръ или Харкаръ), справедливо прозванный «Ревомъ воды», тоже считается опаснымъ у плотовщиковъ. Однако, находились смѣльчаки, пускавшіеся въ плаваніе черезъ пороги. Въ 1838 и 1839 годахъ офицеръ Мольтке, командированный турецкимъ правительствомъ изучить на мѣстѣ перевозочныя

[1]) Friedrich Delitzsch, цитированное сочиненіе.
[2]) Mühlbach;—Carl Ritter, vol. X.

средства для транспортированія военнаго провіанта, спустился по дефилею на плотѣ келлекъ: въ первый разъ онъ совершилъ переѣздъ благополучно; но во второе плаваніе, предпринятое въ сезонъ разлива, ему лишь съ большимъ трудомъ удалось спастись отъ одного изъ водоворотовъ на порогѣ Телекъ; кожаные мѣшки были разорваны или отвязаны отъ плота силой теченія, и нѣсколько разъ волны увлекали его подъ воду [1]).

По выходѣ изъ ущелій армянскаго Тавра, Евфратъ огибаетъ на востокѣ, потомъ на югѣ, эту цѣпь горъ, которая посылаетъ ему многочисленные горные потоки; выше маленькой деревни Кантары видны еще кое-гдѣ пороги и стремнины. Рѣка еще не вступила въ равнину; утесы и холмы, известковые или мѣловые. высотой около сотни метровъ или даже болѣе, прерываемые въ мѣстахъ впаденія перерѣзывающихъ ихъ рѣчекъ, господствуютъ надъ долиной, преимущественно на правомъ берегу; но съ высоты этихъ береговыхъ кручъ на югѣ виднѣются уже, черезъ холмы, однообразныя пространства Месопотаміи и длинныя извилины рѣки, съ ея островками и песчаными мелями. Въ этой части своего теченія Евфратъ направляется къ Средиземному морю, и при вершинѣ крайней описываемой имъ дуги онъ находится отъ этого моря всего только на разстояніи 155 километровъ. Къ этой излучинѣ, столь важной въ историческомъ отношеніи, сходятся естественные пути между моремъ и рѣкой. Самое имя Румъ-Кале или «Крѣпкій замокъ римлянъ» указываетъ на важное значеніе, которое римляне или византійцы придавали этой части рѣки, называемой древними цейгма или «соединеніемъ», «мѣстомъ переправы», по преимуществу [2]). Выше этого пункта на Евфратѣ были построены мосты въ разныя времена, и Линчъ еще въ 1836 году видѣлъ кое-какіе обломки, въ которыхъ онъ призналъ остатки этихъ древнихъ сооруженій. Ниже, въ Бирѣ или Биреджикѣ, главномъ мѣстѣ прохода каравановъ, иногда скоплялось до пяти тысячъ верблюдовъ, ожидающихъ судовъ для переправы черезъ рѣку [3]). До Балиса, лежащаго на 150 километровъ ниже Румъ-Кале, Евфратъ течетъ почти параллельно берегу Средиземнаго моря, и только съ этого мѣста онъ поворачиваетъ на юго-востокъ, чтобы пересѣчь наискось территорію до Персидскаго залива.

Справа и слѣва долины почва равнинъ довольно ровная; однако, высокіе берега все еще сопровождаютъ рѣку, особенно на правой сторонѣ, гдѣ размывающее дѣйствіе водъ наиболѣе ощутительно. Нѣкоторыя цѣпи холмовъ оканчиваются выступами или высокими мысами надъ потокомъ и даже съуживаютъ его ложе. Такъ, ниже Деира, Джебель-Абіадъ, или «Бѣлая гора» заставляетъ Евфратъ отступать, изгибаясь къ западу до ущелья, черезъ которое рѣка соединяется съ Хабуромъ. Ниже Анахаи до Гита, известковыя скалы, окаймляющія берегъ, такъ близко подходятъ къ рѣкѣ, что не остается даже мѣста для домовъ и нивъ. Нѣкоторыя селенія состоятъ изъ естественныхъ и искусственныхъ гротовъ, вырытыхъ въ стѣнахъ поднимающихся надъ рѣкой утесовъ. Стоя внизу, различаешь жилища арабовъ и сосѣднія пещеры, служащія убѣжищемъ дикимъ голубямъ, только по тучамъ пернатыхъ, кружащихся въ воздухѣ. Нѣкоторыя деревни, какъ, напримѣръ, Гадида (Гадиса), Эль-Узъ, Джеба, построены на скалистыхъ островахъ среди потока, который шумно ударяется о выступающіе надъ поверхностью воды камни. Словно крѣпости, эти селенія поднимаются надъ уровнемъ половодья, который почти на 7 метровъ превышаетъ зимній горизонтъ водъ. Внѣшніе дома походятъ на стѣны цитадели и не имѣютъ ни одного отверстія, черезъ которое вода могла бы проникнуть въ селеніе: во время наводненій деревня превращается такимъ образомъ въ родъ кругообразной шахты, лежащей ниже потока [1]).

Судоходный въ продолженіе части года, по крайней мѣрѣ для пароходовъ небольшаго водоуглубленія, Евфратъ имѣетъ, ниже Биреджика, лишь весьма незначительное среднее паденіе до самаго моря: принимая въ разсчетъ всѣ извилины, наклонъ площади истеченія едва превышаетъ одинъ дециметръ на километръ; оттого вода спускается медленно, особенно въ періодъ мелководья, въ концѣ осени и въ началѣ зимы. Когда глубина составляетъ только полтора метра въ самой впалой части ложа, верблюды могутъ безопасно пускаться черезъ рѣку по крѣпкому дну; даже передъ деревней Гадида поселяне переходятъ въ бродъ. Во всемъ своемъ теченіи по равнинѣ внизъ отъ Биреджика, рѣка Передней Азіи, вѣроятно, уменьшается въ объемѣ, подобно Нилу. Правда, къ ней присоединяются притоки справа и слѣва: такъ, она получаетъ Саджуръ изъ Таврскихъ горъ, Нахръ-Беликъ—съ высотъ Урфа, Хабуръ—вытекающій изъ горъ Туръ-Абдинъ: но, за исключеніемъ этого послѣдняго, горные потоки, впадающіе въ средній Евфратъ, несутъ значительный объемъ воды только въ сезонъ дождей; другіе притоки не болѣе, какъ уади, почти круглый годъ безводные; прибрежные жители спѣшатъ отвести воду на свои поля, какъ только она появится на песчаномъ или глинистомъ днѣ ложа. Многіе изъ этихъ временныхъ

[1]) Von Moltke, „Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Türkei".

[2]) Carl Ritter, „Asien", vol. X.

[3]) Chesney, „Reports on the navigation of the Euphrates", 1833.

[1]) Черникъ;—Швейгеръ-Лирхенфельдъ, цитированный мемуаръ.

потоковъ улетучиваются въ прудахъ или теряются въ болотахъ. Уади Али, начинающійся въ сосѣдствѣ Пальмиры, есть одно изъ этихъ руслъ, почти всегда сухихъ, а между тѣмъ онъ имѣетъ не менѣе 300 километровъ. Уади Гарра, уади Гауранъ тоже имѣютъ, по своимъ высокимъ берегамъ и широкимъ ложамъ, видъ большихъ рѣкъ, хотя лѣтомъ тамъ увидишь лишь лужи стоячей воды [1]). Но эти временные ручьи и рѣчки сирійской пустыни далеко превзойдены русломъ потока Эль-Неджъ или Эръ-Румомъ, который беретъ начало километрахъ въ пятидесяти отъ Мадіанскаго прибрежья, затѣмъ описываетъ большую дугу къ югу во внутренности Аравіи и оканчивается у нижняго Евфрата, пройдя пространство по меньшей мѣрѣ въ 2.000 километровъ. Эта большая «безводная рѣка» свидѣтельствуетъ о значительныхъ климатическихъ перемѣнахъ, которыя совершились съ той эпохи, когда дожди могли размыть такую громадную рытвину на восточной покатости Аравіи. Если бы брать въ разсчетъ всѣ временныя воды, которыя, даже изъ глубины Аравіи, стекаютъ на месопотамскую покатость, то поверхность бассейна Евфрата и Тигра, исчисляемая почти въ 500.000 квадр. километровъ, увеличилась бы на цѣлую треть. Устья временныхъ потоковъ или уади бываютъ иногда опасны для перехода, даже когда въ нихъ совсѣмъ нѣтъ воды и дно кажется совершенно ровнымъ. Дѣло въ томъ, что во время сильныхъ жаровъ почва даетъ широкія и глубокія трещины, которыя первые дожди, увлекая мелкій песокъ, покрываютъ кремнями въ видѣ пленки, тонкой, какъ листъ бумаги. Путешественники должны идти съ величайшей осторожностью, когда они рискуютъ пускаться по этому обманчивому грунту [2]). Между двумя изъ этихъ уади, Кубейса и Мохамедіе, изъ которыхъ послѣдній спускается съ западныхъ степей, непосредственно подъ городомъ Гитъ, простираются обширные слои пропитанной горной смолой почвы, прикрытые гипсомъ и глиной. Безчисленные сѣрые холмики, поднимающіеся надъ поверхностью равнины, словно палатки лагеря, изливаютъ изъ своего основанія горную смолу (асфальтъ), въ видѣ дымящихся источниковъ, средняя температура которыхъ отъ 25 до 30 градусовъ стоградуснаго термометра. Тягучая жидкость течетъ извилистымъ ручьемъ на почернѣвшей землѣ и медленно спускается къ Евфрату.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ западная рѣка наиболѣе приближается къ Тигру, и гдѣ эти два потока спускаются параллельно, на разстояніи одинъ отъ другаго, среднимъ числомъ, около 35 километровъ, лежащая между ними равнина орошается Евфратомъ, который выше восточной рѣки почти на 5 метровъ. Кажется, что въ предшествующую эпоху Евфратъ въ этомъ мѣстѣ соединялся съ Тигромъ, потому что скатъ отъ первой рѣки ко второй однообразенъ, безъ всякаго промежуточнаго порога: вслѣдствіе постояннаго размыванія и подтачиванія своего праваго берега и отложенія наносовъ на лѣвомъ берегу, Евфратъ постепенно удалился отъ Тигра, но онъ и теперь еще посылаетъ ему боковые потоки [1]). Оскудѣвая такимъ образомъ въ пользу багдадскихъ равнинъ и Тигра, получающаго излишекъ водной массы своего близнеца, Евфратъ мало-по-малу уменьшается въ объемѣ; кромѣ того, значительная часть его водъ переходитъ черезъ плотины, худо содержимыя, и разливается по болотамъ равнины, этимъ громаднымъ «тростниковымъ морямъ», которыя продолжаются на необозримое пространство, на протяженіи сотенъ квадр. километровъ [2]). Выше Вавилона, теченіе рѣки не переставало перемѣщаться, то вправо, то влѣво, иногда по собственной волѣ, часто вслѣдствіе труда человѣка, повиновавшагося приказу Нитокриса, Кира или Александра Македонскаго. Еще въ эпоху Селевкидовъ, главное русло проходило къ востоку отъ небольшаго возвышенія почвы, которое поднимается непосредственно на юго-западѣ отъ Багдада, и змѣилось въ равнинахъ, на разстояніи менѣе 25 километровъ отъ Тигра: вдоль этого древняго ложа и расположены почти всѣ груды развалинъ и кучи мусора, оставшіяся отъ прежнихъ городовъ, тогда какъ на берегу нынѣшней рѣки нигдѣ не находили руинъ. Въ 80 километрахъ къ югу отъ мѣста первоначальной бифуркаціи начинается рукавъ, называемый каналомъ Гиндіе и обязанный этимъ именемъ будто-бы работамъ ремонтированія, которыя были предприняты однимъ индійскимъ набабомъ; но, повидимому, онъ существовалъ уже въ предшествовавшую эпоху; были уже сдѣланы многіе прорѣзы, чтобы урегулировать измѣнчивое русло. Каналъ Гиндіе уноситъ теперь около половины водъ главной рѣки и изливается на западѣ въ обширное «море» Неджефъ; воды его очень уменьшаются въ объемѣ отъ испаренія, когда выходятъ изъ этого обширнаго болотистаго резервуара, чтобы вернуться въ главное русло. Вслѣдствіе этихъ развѣтвленій рѣчнаго теченія, произошло то, что рукавъ, за которымъ сохраняется имя Евфрата, перестаетъ быть узнаваемымъ. Среди Ламлунскихъ болотъ онъ имѣетъ не болѣе 74 метровъ отъ берега до берега; фарватеръ въ собственномъ смыслѣ имѣетъ, въ сухое время года, всего только 60 сантиметровъ глубины и отъ 3 до 4 метровъ ширины; спускаясь на баркѣ по теченію рѣки, англичане Кембаль и Бьюшеръ часто принуждены были тащить свое судно въ грязи и про-

[1]) Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.
[2]) Thielmann, „Streitzüge im Kaukasus, im Persien und in der Asiatischen Türkei“.

[1]) Augustin Hausdorf; — Friedrich Delitzsch, „Wo lag das Paradies?“
[2]) Bewsher, цитированный мемуаръ.

лагать себѣ проходъ черезъ камыши, тамъ, гдѣ пароходы Чесни находили за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ отъ 4 до 6 метровъ воды.

Ниже Евфратъ снова принимаетъ свою нормальную ширину, благодаря возвращенію канала Гиндіе и водъ, изливающихся изъ прибрежныхъ каналовъ, а также благодаря водной массѣ, приносимой ему Тигромъ, ибо, по странному явленію, восточная рѣка, послѣ принятія въ себя истеченій Евфрата, дѣлается, въ свою очередь, данникомъ своего соперника: обмѣнъ водъ совершается отъ верховья къ низовью. При томъ, система канализаціи такъ же неудовлетворительна въ прибрежномъ поясѣ Тигра, ва. Восточные притоки Тигра, которые болѣе удобны для канализаціи, чѣмъ главная рѣка, по причинѣ ихъ меньшаго объема и большей наклонности ихъ скатовъ, гораздо лучше утилизируются: это преимущественно водамъ Халиса, отведеннаго изъ рѣки Діялахъ, багдадскія равнины обязаны своей богатой растительностью. На берегахъ того же притока сдѣланы были съ успѣхомъ первыя ирригаціи по методамъ европейскихъ гидротехниковъ.

Во всѣ времена хотѣли установить нѣчто въ родѣ мистическаго контраста между двумя главными рѣками Передней Азіи; въ этомъ брачномъ союзѣ водъ Евфратъ представлялся

Барка на Евфратѣ.

какъ и въ прибрежномъ поясѣ вавилонской рѣки, и многіе каналы, вмѣсто того, чтобы развѣтвляться на второстепенныя канавы и канавки, теряются въ обширныхъ болотахъ, заражая атмосферу. Во время наводненій часто случается, что плотины прорываются выше Багдада, и городъ остается по цѣлымъ мѣсяцамъ отдѣленнымъ отъ восточныхъ возвышенностей необозримой водной площадью, среди которой возвышаются тамъ и сямъ, на подобіе островов, пригорки, служащіе убѣжищемъ для поселянъ, захваченныхъ врасплохъ катастрофой. Потокъ наводненія не облегчается болѣе, какъ было прежде, всѣми этими боковыми каналами, которые сообщались съ водовмѣстилищами, вырытыми во внутренности туннеля, и защищали такимъ образомъ низовыя равнины, сохраняя излишекъ водъ до конца разливоображенію восточныхъ народовъ мужскимъ элементомъ, тогда какъ на Тигръ смотрѣли, какъ на элементъ женскій [1]). Послѣ соединенія Тигра и Евфрата въ общемъ руслѣ Шатъ-эль-Араба, еще на разстояніи нѣсколькихъ километровъ ясно замѣтна разница двухъ потоковъ: менѣе обильный, Евфратъ приноситъ воду болѣе медленную, болѣе теплую, болѣе чистую, болѣе правильную въ своемъ стокѣ; наносы или осадки его отложились уже въ прибрежныхъ болотахъ, тогда какъ «Стрѣла» содержитъ еще муть или твердыя землистыя частицы, увлекаемыя ея теченіемъ. Мысъ Корна, омываемый двумя рѣками при ихъ сліяніи, составляетъ южную оконечность большаго овальнаго полуострова «Междурѣчье» или Ме-

[1]) A. Sprenger, „Ausland", 1876, № 44.

сопотамія, Джезире турокъ, Арамъ-Негарайнъ древнихъ халдеевъ и египтянъ во времена Тутмесовъ и Рамзесовъ [1]). Эта островная область начинается, въ строгомъ смыслѣ слова, у Телекскаго колѣна, тамъ, гдѣ пороги Евфрата отдѣлены отъ истоковъ Тигра лишь узкимъ валомъ скалъ; но съ географической точки зрѣнія, въ отношеніи вида мѣстности, почвы, климата, произведеній, жителей и исторіи, истинная Месопотамія есть просто равнина, въ которой переплетаются ирригаціонныя воды, отведенныя изъ этихъ двухъ рѣкъ. Искусственный валъ, начинающійся на Тигрѣ у Самарской луки и направляющійся на юго-западъ къ западной оконечности канала Саклавіяхъ, ограничиваетъ на сѣверѣ эту плодоносную область Междурѣчья. Эта стѣна, называемая «валомъ Немврода», имѣла отъ 11 до 15 метровъ средней высоты и черезъ каждые 50 метровъ была фланкирована башнями; но теперь во многихъ мѣстахъ отъ этого сооруженія остались только безформенныя развалины [2]).

Евфратъ мало утилизируется для судоходства, хотя съ 1836 года пароходы спускались по рѣкѣ ниже Бирeджика. Въ различныя эпохи, со времени Александра Македонскаго, по этому поперечному пути Передней Азіи ходили цѣлые военные флоты; императоръ Юліанъ собралъ тамъ не менѣе тысячи ста судовъ. Въ мирные періоды, когда судовщики не имѣютъ причины опасаться вымогательствъ со стороны солдатъ или нападеній грабителей, торговое движеніе возобновляется между рѣчными пристанями, по перевозкѣ фруктовъ и другихъ произведеній; плашкоуты, длиной до 12 метровъ, имѣющіе 1 метръ осадки, безопасно плаваютъ по среднему Евфрату въ продолженіе двухъ третей года [3]), съ грузомъ до 15 тоннъ. Съ 1563 года, эпохи, въ которую одинъ венеціанскій купецъ, Чезаре Федериго, спустился по теченію изъ Бирeджика до Фелуджи, багдадской пристани на Евфратѣ, европейскіе путешественники часто избирали рѣчной путь, отправляясь съ прибрежья Средиземнаго моря въ города Месопотаміи. До примѣненія пара къ судоходству, главное препятствіе въ торговыхъ сношеніяхъ происходило отъ трудности проводить барки обратно къ верховью: большая часть плашкоутовъ разбирались по прибытіи на мѣсто назначенія и продавались какъ строительный матеріалъ или на дрова, а судовщики, точно такъ же, какъ это было во времена Геродота, возвращались домой сухимъ путемъ, либо слѣдуя вдоль берега, либо избирая болѣе короткую, но и болѣе трудную дорогу, черезъ пустыню [4]). Рѣдкость лѣса на горахъ Арменіи и на Таврѣ дѣлаетъ лодочное судоходство очень дорогимъ, и на нижнемъ Евфратѣ, внизъ отъ города Гита и его асфальтовыхъ источниковъ, употребляютъ, для плаванія по рѣкѣ, преимущественно большія корзины, сплетенныя изъ вѣтокъ тамариска; промежутки между прутьями затыкаются соломой, и вся корзина внутри и снаружи покрывается слоемъ асфальта, который совершенно не пропускаетъ воды и выдерживаетъ давленіе водной массы. Иногда можно видѣть оригинальное зрѣлище, какъ эти корзины, кружащіяся на водѣ, плывутъ сотнями, нагруженныя товарами, которыхъ ожидаютъ на берегу караваны верблюдовъ. Такимъ образомъ, нынѣшнія суда на Евфратѣ отличаются отъ кожаныхъ корзинъ, описанныхъ у Геродота. Что касается пароходства, то рѣка достаточно извѣстна со времени изслѣдованій Чесни и другихъ англійскихъ офицеровъ, чтобы можно было, во всей нижней части Евфрата, предварительно канализированной въ мѣстахъ прохода черезъ болота, устроить правильное пароходное сообщеніе на все время сезона дождей; но города, смѣнившіе могущественный Вавилонъ, не довольно многолюдны, чтобы поощрять подобныя предпріятія. Отъ времени до времени какое-нибудь турецкое судно появляется выше Гилле до Анаха, но можно судить о теперешней маловажности рѣки, какъ судоходнаго пути, по тому факту, что почти вся торговля послѣдняго изъ только-что названныхъ городовъ съ Багдатомъ производится не по Евфрату, а дорогой черезъ пустыню, направляющейся на востокъ къ Текриту на Тигрѣ [1]).

Извѣстно, какъ велико было плодородіе вавилонской почвы, когда рѣчныя воды были искусно распредѣляемы по прибрежнымъ мѣстностямъ. Геродотъ, который, однако, ранѣе видѣлъ плодоносную дельту Нила, не хотѣлъ описывать растительность на берегахъ Евфрата, изъ опасенія, чтобы его разсказы не показались преувеличенными. Даже послѣ прохода столькихъ завоевателей и разрушенія канализаціонныхъ работъ, сдѣланныхъ ассиріянами, сырая Месопотамія, совершенно непохожая, по физическимъ условіямъ, на сухую Месопотамію, то-есть полосу, обнимающую сѣверныя степи, отличалась баснословнымъ плодородіемъ: первые калифы извлекали изъ этой области громадныя выгоды, когда вымогательства еще не обезлюдили края, послѣдствіемъ чего было постепенное распространеніе пустыни по воздѣланнымъ землямъ. Статистика, составленная по повелѣнію калифа Омара, констатируетъ тотъ фактъ, что производительныя земли черноземной полосы Савадъ, общая площадь которыхъ составляла всего только милліонъ сто тысячъ

[1]) Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.
[2]) Chesney, „Expedition on the Rivers Euphrates and Tigris“;—Spiegel, „Eranische Alterthumskunde“.
[3]) Josef Cernik, цитированный мемуаръ.
[4]) Chesney, „Expedition of the Survey of the Rivers Euphrates and Tigris“.

[1]) Черникъ и Швейгеръ-Лерхенфельдъ, цитированный мемуаръ.

гектаровъ, давали казнѣ доходъ въ 85 милліоновъ франковъ, контролируемый свинцовыми печатями, которыя земледѣльцы носили на шеѣ, послѣ уплаты налога. Въ наши дни земледѣльческое производство далеко не такъ велико, но оно все еще возбуждаетъ удивленіе своимъ обиліемъ, и невольно задаешь себѣ вопросъ: какъ природа соглашается такъ щедро вознаграждать столь примитивный трудъ араба. Тамошній земледѣлецъ ведетъ свое хозяйство слѣдующимъ способомъ: онъ выбираетъ какой-нибудь *хоръ*, то-есть опушку болотистаго пространства, средина котораго занята грязью и тростникомъ; затѣмъ, безъ всякой обработки, или просто поцарапавъ почву закривленной на концѣ палкой, которая менѣе взрываетъ землю, чѣмъ это сдѣлалъ бы зубъ граблей, и даже не давъ себѣ труда вырвать сорныя травы,—бросаетъ сѣмена ячменя въ приготовленное такимъ образомъ поле. Какъ только покажутся листики, выпускаютъ скотъ на хоръ, чтобы дать ему выщипать первые всходы, послѣ чего оставляютъ поле безъ всякаго ухода до дня сбора. Черезъ четыре мѣсяца послѣ посѣва, въ апрѣлѣ, хлѣбъ готовъ для жатвы. До тридцати и сорока колосьевъ родятся изъ каждаго посѣяннаго зерна [1]).

Вода и теперь еще настолько утилизируется въ сельскихъ мѣстностяхъ, хотя и варварскими способами, что рѣка значительно уменьшается въ объемѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ своего теченія. Большинство прибрежныхъ жителей орошаютъ свои поля при помощи привода, который поперемѣнно понижаетъ и поднимаетъ мѣхъ изъ козьей кожи. Въ промышленныхъ округахъ для этой цѣли употребляютъ колеса, приводимыя теченіемъ въ движеніе и къ которымъ привязаны бадьи, выбрасывающія воду въ каменные водопроводы, построенные на вершинѣ высокаго берега. Наконецъ, кое-гдѣ есть каналы, регулируемые при входѣ шлюзомъ, которые берутъ ирригаціонную воду прямо изъ рѣки и развѣтвляются далеко по прибрежнымъ равнинамъ: это лишь слабый остатокъ исполинскихъ гидравлическихъ сооруженій, описанныхъ у Геродота, во времена котораго боковой резервуаръ, откуда получали воду ирригаціонныя канавки, былъ такъ обширенъ, что могъ принимать въ себя въ продолженіе нѣсколькихъ дней, не наполняясь, весь потокъ Евфрата. Каналъ, построеніе котораго приписывалось царю Навуходоносору, и который развѣтвлялся параллельно рѣкѣ, отъ Гита до моря, имѣлъ не менѣе 800 километровъ въ длину; онъ не былъ превзойденъ ни однимъ изъ новѣйшихъ сооруженій этого рода. Древніе каналы, остатки которыхъ видны въ прибрежныхъ равнинахъ, были двоякаго рода: одни, какъ, напримѣръ, каналъ Нахръ-эль-Мелекъ или «потокъ царя», спускавшійся наискось изъ Евфрата и впадавшій въ Тигръ при Селевкіи, были вырыты настолько глубоко, что потокъ проходилъ тамъ во всякое время года и прочищалъ свое русло собственной силой размыванія: это были судоходные пути. Другіе каналы, служившіе исключительно для цѣлей орошенія, получали воду только во время сезона разливовъ, который какъ разъ совпадаетъ съ самымъ дѣятельнымъ періодомъ растительности; но эти ирригаціонныя канавы засоривались, заносились пескомъ, и каждый годъ нужно было вынимать изъ нихъ илъ, который выбрасывали на берега; образовавшіеся отъ этого откосы достигали, наконецъ, высоты отъ 6 до 7 метровъ надъ уровнемъ равнинъ; встрѣчаются даже такіе, которые превышаютъ 10 метровъ. Съ теченіемъ времени земледѣльцы утомлялись поддерживать эти каналы съ двойнымъ боковымъ валомъ; они вырывали рядомъ второй каналъ, затѣмъ третій, боковыя насыпи которыхъ возвышались послѣдовательными рядами поперегъ равнины; во многихъ мѣстахъ существуетъ пять или шесть такихъ старыхъ ирригаціонныхъ каналовъ, окаймляющихъ горизонтъ своими параллельными стѣнами, которыя издали походятъ на линіи ретраншементовъ [1]). Ничего не было бы легче, какъ снова привести эти каналы въ исправное состояніе очисткой отъ засорившаго ихъ ила и песка, тѣмъ болѣе, что въ новѣйшее время уже бывали примѣры подобныхъ реставрацій: такъ, въ іюлѣ 1838 года одинъ пароходъ спустился по каналу Саклавіахъ до Тигра у Багдада. Съ того времени были поправлены и нѣкоторые другіе изъ вавилонскихъ каналовъ; но ирригаціонныя канавы, которыя роютъ въ наши дни, имѣютъ по большей части гораздо болѣе скромные размѣры, нежели подобныя же сооруженія древнихъ; онѣ далеко не достигаютъ такой значительной ширины (отъ 20 до 80 метровъ), какую имѣли древніе каналы, являвшіеся настоящими рѣками, и не снабжены резервуарами-регуляторами, вымощенными и выложенными камнемъ, какъ старыя водохранилища, которыя еще видны тамъ и сямъ, затерянныя во внутренности земель. Запущенныя и заброшенныя уже сотни лѣтъ, эти гидравлическія сооруженія не окружены болѣе мощной растительностью, какъ это было въ старину: теперь кругомъ нихъ во всѣ стороны разстилается на необозримое пространство безплодная равнина, покрытая, точно снѣгомъ, бѣлымъ солянымъ налетомъ. Что касается построенія рѣчныхъ плотинъ, то прибрежные жители, арабы или другіе, умѣютъ еще возводить ихъ съ большимъ искусствомъ: вѣтви тамариска и камышъ служатъ имъ матеріаломъ для приготовленія фашинъ, которыя, по своей

[1]) Baillie Fraser, „Travels in Mesopotamia“.

[1]) Bewsher, „Journal of the Geographical Society“, 1867.

*

гибкости, лучше оказываютъ сопротивленіе, чѣмъ камень; илъ, залегая въ промежутки между прутьями, скрѣпляетъ обшивку береговъ и способствуетъ ихъ прочности.

Въ нѣсколькихъ километрахъ ниже соединенія Тигра и Евфрата, Шатъ-эль-Арабъ принимаетъ въ себя значительный притокъ, Керху, персидскую рѣку, которая спускается съ горъ Луристана. Имѣя полкилометра въ ширину и отъ 6 до 10 метровъ глубины, «Рѣка Арабовъ»—таковъ буквальный смыслъ слова Шатъ-эль-Арабъ — есть одна изъ большихъ рѣкъ Азіи, хотя, однако, ее нельзя сравнивать съ такими могучими потоками, какъ Янъ-цзе-кіангъ, Гангъ и Брамапутра; она даже много уступаетъ объемомъ Дунаю, сопернику Евфрата по длинѣ теченія, но протекающему по странѣ съ болѣе сырымъ климатомъ. Средній стокъ Шатъ-эль-Араба исчисляется Барнсомъ въ 6.696 куб. метровъ въ секунду, что представляетъ истеченіе около 3 дециметровъ для всей поверхности бассейна: такъ какъ средняя глубина Персидскаго залива составляетъ 75 метровъ, то водамъ Шатъ-эль-Араба нужно бы было около семидесяти лѣтъ, чтобы наполнить эту впадину, если бы она была осушена какимъ-нибудь явленіемъ природы. Землистыя частицы, содержащіяся въ водахъ этой рѣки, отлагаются при устьѣ и образуютъ въ морѣ баръ въ формѣ полумѣсяца, представляющій въ часы отлива только отъ 3 до 4 метровъ глубины: суда, имѣющія болѣе значительную осадку, должны выжидать прилива, который въ среднемъ достигаетъ 3 метровъ высоты, или употребить большую паровую силу, чтобы прорѣзать килемъ порогъ изъ грязи, запирающій входъ въ рѣчное устье и покрытый слоемъ воды толщиной отъ 3 до 4 съ половиной метровъ. Рѣчные наносы, постепенно накопляющіеся, выдвигаются все далѣе и далѣе, заставляя море отступать за собой. Въ шестидесятилѣтній періодъ времени, съ 1793 по 1853 годъ, приращеніе дельты составляло, по Раулинсону, 3.200 метровъ, то-есть около 53 метровъ въ годъ, и вычислено, что въ теченіе тридцати послѣднихъ вѣковъ все прибрежье подвинулось къ югу слишкомъ на 150 километровъ [1]). Эти состоящія изъ рѣчныхъ наносовъ пространства продолжаютъ равнины морскаго образованія, которыя можно видѣть даже въ сосѣдствѣ Багдада, и происхожденіе которыхъ обнаруживается миріадами раковинъ, принадлежащихъ къ тѣмъ же видамъ, какъ и раковины Персидскаго залива [2]). Но подвигаясь мало-по-малу въ область морскихъ водъ, рѣка не перестаетъ передвигать свое теченіе то вправо, то влѣво, совершая какъ-бы качанія, въ родѣ качаній маятника: русло перемѣщается изъ вѣка въ вѣкъ и изъ года въ годъ. Было время, когда Тигръ, Евфратъ, Карунъ, даже Керха изливались въ море каждый отдѣльно; «Двѣ Рѣки», соединенныя своимъ среднимъ теченіемъ, были самостоятельны по низовью; онѣ спускались параллельно морю, и русло, гдѣ соединяются воды, раздваивается тамъ и сямъ, какъ будто двѣ рѣки имѣютъ стремленіе опять раздѣлиться. Клинообразныя надписи упоминаютъ о военной экспедиціи Сеннахериба противъ государства Эламъ, во время которой этотъ царь долженъ былъ подвергать себя и свое войско опасностямъ морскаго плаванія, чтобы добраться отъ устья одной рѣки до устья другой. Прежнее независимое русло Евфрата, Паллакопасъ древнихъ грековъ, извѣстное въ наши дни подъ именемъ Джахризадехъ, находится въ километрахъ въ двадцати къ западу отъ Шатъ-эль-Араба, и хотя ему часто даютъ названіе «безводной рѣки», однако, тамъ и теперь еще течетъ вѣтвь Евфрата, въ продолженіе восьми мѣсяцевъ въ году [1]). Морское теченіе, которое идетъ вдоль прибрежья Персидскаго залива, устремляясь къ устью въ направленіи отъ востока къ западу, отъ береговъ Персіи къ берегамъ Аравіи, постепенно засыпало пескомъ входъ Паллакопаса или «устья Абдалаха» [2]). Точно такъ же и нынѣшній лиманъ, частью уже засоренный иломъ, перемѣняетъ мѣсто; со времени построенія первыхъ англійскихъ морскихъ картъ, онъ отодвинулся къ востоку, приближаясь къ старому устью Каруна. Эта персидская рѣка, нѣкогда впадавшая прямо въ море, теперь соединена съ Шатъ-эль-Арабомъ искусственнымъ каналомъ Гаффаръ, вырытымъ въ 40 километрахъ ниже города Бассоры. Первоначальное русло Каруна существуетъ еще подъ именемъ Бамишира, давая такимъ образомъ персіанамъ независимый торговый пунктъ, которымъ они, впрочемъ, не стараются воспользоваться, чтобы не имѣть надобности расчищать и поддерживать проходъ изъ рѣки въ море.

Устья Шатъ-эль-Араба и Бамишира старыя, покинутыя теченіемъ рѣчныя русла, боковые истоки или вѣтви верхнихъ водъ, пруды, наполняющіеся въ періодъ разлива, топкіе илистые берега—все это вмѣстѣ образуетъ неопредѣленное, переходное пространство, которое уже перестало быть моремъ, но еще не успѣло сдѣлаться твердой землей: это—область, которую можно сравнить съ Сандербаномъ Ганга, но растительность ея гораздо менѣе богата: вмѣсто непроницаемой чащи джунглей, гдѣ кусты и деревья переплетаются стволами и

---

[1]) Loftus, „Quarterly Journal of the Geographical Society", aug. 1855;—Ainsworth, „Researches in Assyria", etc.;—Carl Ritter „Asien", vol. X.

[2]) Lyell, „Principles of Geology";—Rud. Credner, „Die Deltas" „Ergänzungsheft zu Peterman's Mittheilungen", № 56;—Loftus, „Chaldaea and Susiana";—Friedrich Delitzsch, „Wo lag das Paradies?"

[1]) Carl Ritter, „Asien", vol. XI.

[2]) Denis de Rivoyre, „Obock, Mascate, Bouchire, Bassorah".

вѣтвями, здѣсь увидишь лишь камыши въ затопленной равнинѣ, и въ часы прилива путешественники, уже прошедшіе баръ и поднимающіеся по рѣчному теченію, могли бы подумать, что находятся еще на морѣ; только на сѣверномъ горизонтѣ, ряды пальмъ, которыхъ видны лишь вѣеры, показываются въ воздухѣ, какъ стаи птицъ. Солончаковыя пространства возвышающіяся надъ уровнемъ наводненія, покрыты солончаковыми растеніями, тогда какъ земля уже твердая, но еще затопляемая періодическими прѣсными водами, поросла особаго рода тростникомъ, mariscus elatus, волокнистые корни котораго переплетаются въ ткань дотого плотную, что почва превращается въ родъ войлока, оказывающаго сопротивленіе самымъ сильнымъ разливамъ; тамъ, гдѣ mariscus овладѣлъ почвой, размыванія уже не бываетъ: вода скользитъ вдоль берега, не подтачивая перепутаннаго до безконечности сплетенія корней [1]). Въ мелкихъ и тинистыхъ водахъ, окаймляющихъ поясъ тростниковъ, живутъ миріадами барвены, которыя роютъ себѣ норы въ илѣ и поднимаютъ его мало-по-малу, облегчая такимъ образомъ захватъ почвы растеніями. Фауна Шатъ-эль-Араба отчасти морская. Акулы поднимаются съ приливомъ до города Бассоры, и даже выше въ Тигрѣ и Евфратѣ, но онѣ заходятъ по большей части въ Карунъ, вода котораго, спускающаяся съ горъ Хузистана, гораздо прохладнѣе; въ нѣсколькихъ сотняхъ метровъ температура воды разнится на 8 градусовъ Цельзія. Въ Карунѣ ладейщики встрѣчаютъ этихъ акулъ во всемъ низовьѣ до запруды Авазъ; ихъ видѣли даже въ сосѣдствѣ Шустера [2]).

На берегахъ обѣихъ рѣкъ, Тигра и Евфрата, и въ степяхъ подошвы Синджара и Мардинскихъ горъ, лѣтнія жары почти невыносимы. Зимніе холода тамъ тоже очень чувствительны, особенно въ открытомъ полѣ; лужи замерзаютъ по ночамъ: когда дуетъ сѣверный вѣтеръ, арабы валятся съ лошадей, какъ безжизненныя массы; верблюды, окоченѣвшіе отъ холода, не въ состояніи двигаться [3]). Месопотамская область обязана исключительно этимъ двумъ главнымъ рѣкамъ своей замѣчательной географической индивидуальностью: по климату она представляетъ переходный поясъ, гдѣ перекрещиваются метеорологическія явленія сосѣднихъ странъ, и гдѣ встрѣчаются флоры и фауны, принадлежащія различнымъ областямъ. Тогда какъ сѣверные округи заняты предгорьями Курдистана и первыми уступами плоскогорья Персіи, обширныя пространства, заключающіяся между двумя рѣками, состоятъ изъ глинистыхъ или каменистыхъ степей, и растительность, окаймляющая правый берегъ Евфрата, ограничена песками пустыни или соляной эффлоресценціей высохшихъ болотъ. Съ одной стороны, скаты горъ убираются весной самыми разнообразными цвѣтами, и стада газелей прячутся въ густой травѣ; съ другой—безплодная почва даетъ только тощій кустарникъ, и дикая фауна представлена лишь хищными звѣрями, бродящими вокругъ палатки бедуина. Отъ Багдада до Мардина не увидишь, можетъ быть, и шести деревъ, развѣ только въ воздѣланныхъ лощинахъ, да на вершинѣ холмовъ. Однако, сѣверныя степи представляютъ также мѣстами пространства очень плодородной земли, гдѣ могли бы жить милліоны людей, если бы они утилизировали воды ручьевъ и отводили въ свою пользу теченія Тигра и Евфрата; весной охотничьи собаки, бѣгающія по степи, возвращались домой всѣ желтыя отъ насѣвшей цвѣтной пыли [1]). Большая равнина, зеленѣющая съ февраля по май, желтая въ остальное время года, принадлежитъ къ русскому поясу по чернобыльникамъ, къ сахарной области по—мимозамъ, къ бассейну Средиземнаго моря—по злакамъ [2]). По мнѣнію большинства ботаниковъ, подтверждающему то, что говорилъ двадцать три столѣтія назадъ Берозъ, равнина Двухъ рѣкъ есть страна по преимуществу хлѣбныхъ злаковъ: тамъ былъ испеченъ первый хлѣбъ; въ началѣ настоящаго столѣтія, въ 1807 году, путешественникъ Оливье открылъ въ одномъ оврагѣ, непригодномъ для культуры, пшеницу, ячмень, полбу въ дикомъ состояніи, и съ того времени многіе ботаники находили эти виды въ области средняго Евфрата [3]). Съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ Месопотамія представляетъ рядъ поясовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго неправильными линіями. Пальмы не переходятъ на сѣверѣ за южное основаніе массива Синджаръ; на Евфратѣ послѣдняя большая пальмовая роща находится въ городѣ Анахъ; въ Текритѣ, на Тигрѣ, находимъ двѣ послѣднія плодовитыя финиковыя пальмы, составляющія какъ-бы авангардъ финиковыхъ лѣсовъ нижней Месопотаміи: онѣ указываютъ естественный предѣлъ арабскаго владычества, а далѣе на сѣверѣ начинается область курдскаго армянскаго масличнаго дерева. Хлопчатникъ растетъ въ Діарбекирскихъ равнинахъ, но далѣе этого предѣла онъ не встрѣчается; выше европейскія плодовыя деревья, которыя, однако, первона-

---

[1]) Ainsworth. „Researches in Assyria".
[2]) Houtum Schindler, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde", 1877,—Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey".
[3]) Loftus, „Susiana and Chaldaea;—Huber, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 1884.

[1]) Layard, „Nineveh and Babylon".
[2]) Grisebach, „Vegétation du Globe", trad. par P. de Tchihatcheff.
[3]) A. de Candolle, „Origine des plantes cultivées";—Helfer, „Reisen in Vorder-Asien";—Anne Blunt, „The Bedouins of the Euphrates";—Menant, „Babylone et Chaldée".

чально были привезены въ нашу часть свѣта изъ Передней Азіи, ихъ настоящей родины,—яблони, груши, абрикосовыя деревья, окружаютъ селенія, но вишни нѣтъ, такъ же, какъ въ сѣверной Арменіи и на понтійскомъ прибрежьѣ.

Въ равнинахъ Междурѣчья левъ бродилъ еще въ половинѣ настоящаго столѣтія, даже въ сосѣдствѣ Мардинскихъ горъ [1]), но онъ исчезъ съ береговъ средняго Тигра выше болотъ Керхи. Слонъ и дикій туръ, на которыхъ охотились ассирійскіе цари въ окрестностяхъ Ниневіи, не встрѣчаются тамъ болѣе, по крайней мѣрѣ уже слишкомъ двадцать пять вѣковъ [2]). Равнымъ образомъ дикій оселъересталъ уже принадлежать къ месопотамской фаунѣ. Пеликану, еще недавно столь обыкновенному въ евфратскихъ лѣсахъ, тоже грозитъ опасность исчезнуть въ очень близкомъ будущемъ, такъ какъ пухъ его идетъ на муфты, очень цѣнимыя, особенно въ Россіи [3]). Въ степи самый обыкновенный звѣрекъ—тушканчикъ или тарбаганъ, разрывающій почву своими норками, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лошадямъ очень опасно бѣжать по такому обманчивому, постоянно проваливающемуся подъ ногами грунту. Евфратъ и его прибрежныя мѣстности сохранили еще кое-какіе остатки флоры и фауны, отличной отъ растительнаго и животнаго царства степей; рѣка имѣетъ собственную растительность, своихъ особенныхъ птицъ и дикихъ животныхъ: на берегахъ ея водятся куропатки, франколины, сороки, гуси, утки и другія пернатыя, которыхъ никогда не встрѣтишь въ 2 километрахъ разстоянія на пустынной равнинѣ [4]). На скалахъ вокругъ Биреджика гнѣздится ибисъ (ibis comata), абиссинская птица; кажется, онъ не имѣетъ колоній въ другихъ мѣстахъ долины Евфрата, и жители охраняютъ эту птицу, видя въ ней какъ бы покровителя ихъ города [5]). Бобры сохранились еще въ средней части теченія рѣки, а въ прибрежныхъ болотахъ обитаетъ особый видъ черепахи, *trionix euphratica*, длиной около метра [6]). Чесни утверждаетъ, что будто въ Евфратѣ, именно въ области ближайшихъ къ Сиріи излучинъ, водятся крокодилы; однако, этотъ фактъ подвергнутъ сомнѣнію нѣкоторыми зоологами [7]).

Во всѣ времена съ самаго начала писанной исторіи, населеніе Месопотаміи было смѣшаннаго происхожденія. Иранцы сѣвера и востока, семиты юга и запада встрѣчались въ равнинахъ Тигра и Евфрата, и въ этой области Междурѣчья образовались новыя націи, непохожія на первоначальныя расы и отличавшіяся особенными качествами, подобно тому, какъ сплавы пріобрѣтаютъ новыя свойства, отличныя отъ свойствъ первоначальныхъ металловъ, изъ которыхъ они составлены. Ассиріяне и халдеи имѣли свой особенный геній, отличный отъ генія ихъ сосѣдей, персовъ и мидянъ, арабовъ, сирійцевъ и евреевъ; но они не сохранили отдѣльнаго существованія, какъ эти сосѣдніе народы. Сдѣлавшись слабѣйшими, они были истреблены или смѣшались со своими побѣдителями, утративъ свое имя, свой языкъ, сознаніе своей національности; однако, и до сихъ поръ существуетъ еще между курдами одно племя, которое носитъ имя Айсоръ и претендуетъ на прямое происхожденіе отъ древнихъ ассиріанъ. Паденіе цивилизацій Вавилона и Ниневіи позволило первоначальнымъ элементамъ снова взять верхъ, и въ наши дни вся Месопотамія раздѣлена, какъ завоеванная земля, между этнологическими областями арабовъ равнины и горскихъ курдовъ и туркменовъ [1]). Въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, когда Оттоманская имперія была въ борьбѣ съ Австріей, арабы племени шаммаръ или шомеръ изъ Неджеда воспользовались удаленіемъ турецкихъ войскъ на театръ войны, овладѣли нѣсколькими городами на берегу Евфрата и прошли побѣдоносно по равнинамъ до Мардинскихъ горъ. Другое племя арабовъ, аназехи, пошли по ихъ слѣдамъ, чтобы имѣть свою долю въ завоеваніи, и послѣ продолжительной и кровопролитной борьбы, вся область, простирающаяся отъ горъ Сиріи до предгорій Ирана, оказалась раздѣленной между двумя названными главными народцами и ихъ союзниками. Аназехи распространили свое владычество въ сѣверо-западныхъ степяхъ до самыхъ воротъ города Алеппо; шаммары стали господствовать въ Месопотаміи. Война въ собственномъ смыслѣ прекратилась между шаммарами и аназехами, но миръ не былъ заключенъ, и набѣги изъ территоріи въ территорію часто повторяются. По свѣдѣніямъ, собраннымъ англійской путешественницей, Анной Блентъ, численность этихъ племенъ опредѣляется приблизительно слѣдующими цифрами:

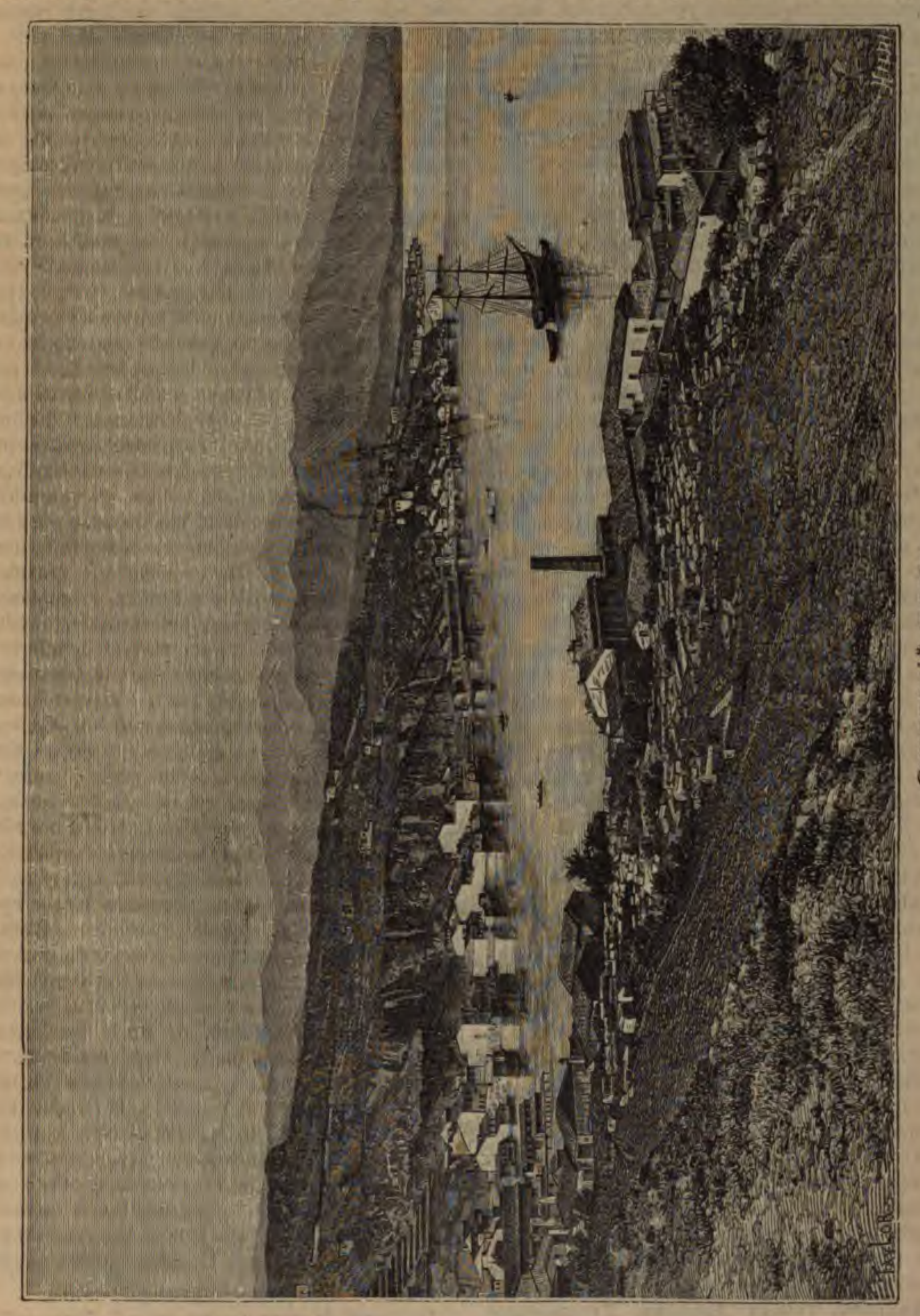
Аназехи и союзныя племена: 30.000 палатокъ или 120.000 душъ; шаммары и союзныя племена: 28.000 палатокъ или 112.000 душъ.

Со времени крымской войны прибрежные города на Евфратѣ были снова завоеваны турками; паши установили военные посты на большихъ дорогахъ, по которымъ ходятъ караваны, и нѣкоторыя племена оставили кочевую

[1]) Von Moltke, „Das nördliche Vorland Kleinasiens“;—Anne Blunt, цитированное сочиненіе.
[2]) Chabas, „Stele d'Amenemheb“;—Francois Lenormant;—Layard.
[3]) Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.
[4]) Anne Blunt, цитированное. сочиненіе.
[5]) Ernest Chantre, рукописныя замѣтки.
[6]) Chesney, „Official Reports“, etc.;—Carl Ritter, „Asien“, vol. X.
[7]) Blanford, „Eastern Persia“.

[1]) Anne Blunt, цитированное сочиненіе.

жизнь, промѣнявъ ее на земледѣльческій трудъ; они не носятъ болѣе копья. Такъ, могущественный народецъ монтефиковъ или «соединенныхъ», численность котораго прежде простиралась по меньшей мѣрѣ до тридцати тысячъ палатокъ, состоитъ теперь изъ феллаховъ, водворенныхъ на нижнемъ Евфратѣ и на Тигрѣ. Племена бенилаамъ, заключающее около четырехъ тысячъ семействъ, баттаръ, зигритъ, абу-могамедъ, шабъ на нижнемъ Карунѣ, которыя, впрочемъ, въ сильной степени смѣшаны съ иранскими элементами [1]), тоже принадлежатъ къ числу арабовъ-земледѣльцевъ, населяющихъ пригородныя деревни, но они повиновались лишь призыву торговли: правительство тщетно пыталось ранѣе дѣйствовать на



Смирнскій заливъ.

[1]) Layard, „Nineveh and Babylon".

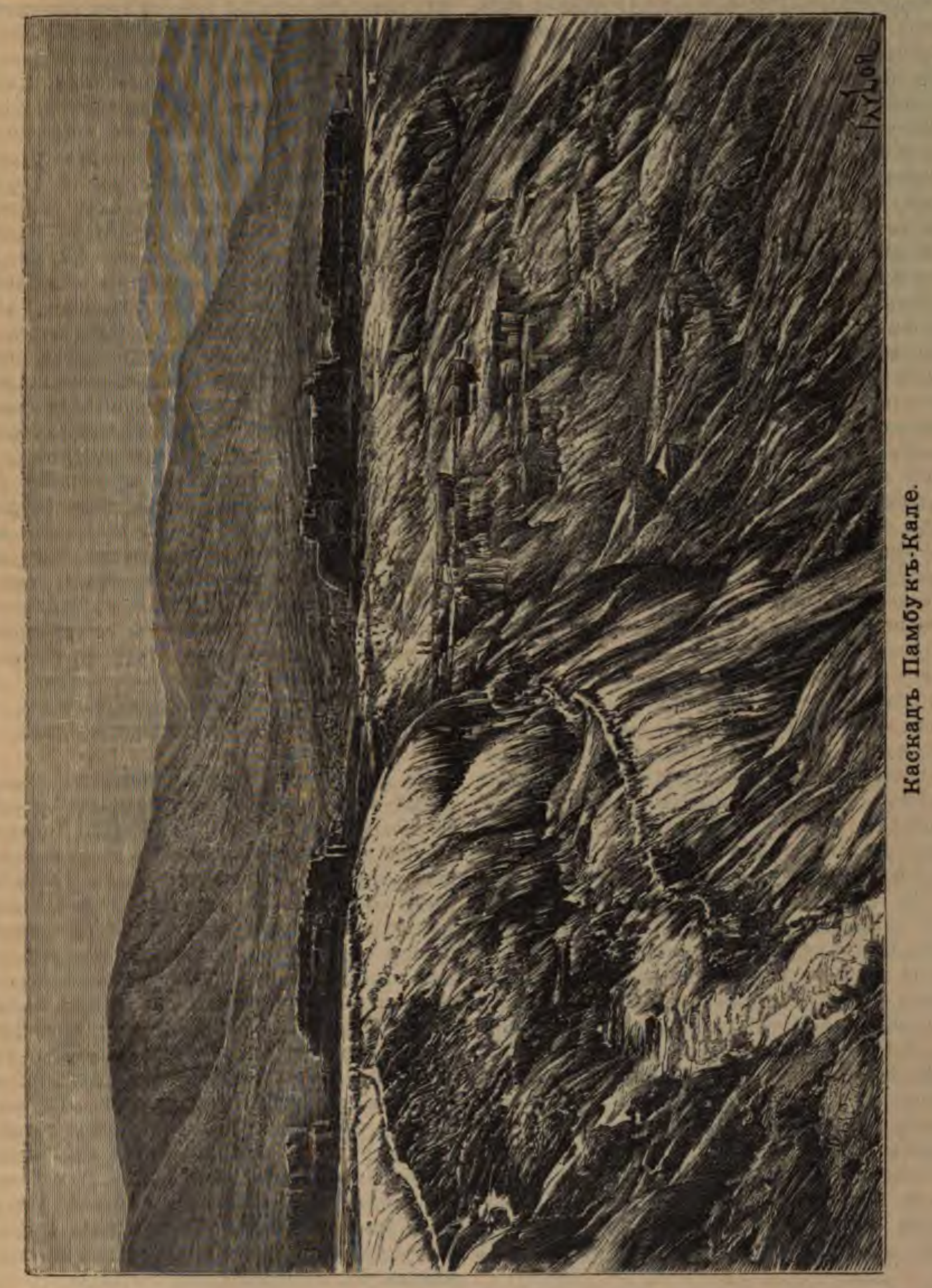
нихъ силой. Различныя племена кочевыхъ бедуиновъ, внезапно окруженныя войсками, получили приказъ построить себѣ избы и обрабатывать сосѣднія земли подъ надзоромъ солдатъ; но какъ только гарнизонъ уходилъ, они снова отправлялись въ свои излюбленныя степи. Всего легче совершается переходъ отъ бродячей жизни къ осѣдлому существованію у тѣхъ народцевъ, которые занимаются скотоводствомъ, то-есть кочуютъ со стадами барановъ и буйволовъ; наѣздники же, привыкшіе владѣть копьемъ, не могутъ принудить себя покинуть пустыню. Нѣкоторыя племена приспособились къ постоянной жизни среди болотъ, гдѣ они обитаютъ въ хижинахъ, сдѣланныхъ изъ тростника: таковы хозаилы и маданы, которыхъ никогда никакіе завоеватели не пытались преслѣдовать въ ихъ топяхъ и трясинахъ [1]). Этимъ болотнымъ жителямъ достаточно прорвать плотины, чтобы оградить себя отъ всякаго внѣшняго нападенія или преслѣдованія. Другіе кланы арабовъ, зобеиры, напримѣръ, состоятъ исключительно изъ лодочниковъ. Во всей Месопотаміи нѣтъ болѣе красивыхъ мужчинъ, чѣмъ эти рослые, сильные матросы: ни одинъ изъ ихъ молодыхъ людей не можетъ думать о женитьбѣ, если онъ не совершилъ по крайней мѣрѣ трехъ плаваній вверхъ по Тигру, изъ Шатъ-эль-Араба до Багдада.

Курды предгорій принадлежатъ, вѣроятно, какъ и курды Персіи и Арменіи, къ различнымъ расамъ, но они походятъ другъ на друга нравами и образомъ жизни. Въ большинствѣ, они магометане, но несторіане тоже представлены между ними значительными группами, особенно въ долинѣ рѣки Большой Забъ, вокругъ Джуламерка; халдеи имѣютъ въ Моссулѣ и въ его окрестностяхъ общины, болѣе богатыя, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ на плоскогорьѣ Урмія; суріяни или христіане-якобиты живутъ въ числѣ около 30.000 душъ въ горахъ Туръ-Абдинскихъ, вокругъ Мидіата и монастыря Деръ-Амеръ; развалины семидесяти обширныхъ монастырей [2]) свидѣтельствуютъ о важности, которую имѣла нѣкогда эта секта: шемсіехи, іезиди или «обожатели діавола», также имѣютъ въ верхней Месопотаміи свои убѣжища на Синджарѣ, гдѣ они долгое время пользовались почти полной независимостью. Нѣкоторыя спеціальныя секты, остатки гонимыхъ гностиковъ, равнымъ образомъ удалились въ уединенные массивы Месопотаміи: разсказываютъ объ одной общинѣ, живущей въ Мардинскихъ горахъ, которая, какъ полагаютъ, происходитъ отъ поклонниковъ солнца, изгнанныхъ изъ Харрана, города Авраама. Угрожаемые смертью, при калифѣ Аль-Мамунѣ, потому что не имѣли священной «Книги» или Библіи, какъ христіане и евреи, эти сектанты принуждены были обратиться оффиціально въ одну изъ терпимыхъ религій: большинство ихъ присоединились для виду къ сектѣ христіанъ-якобитовъ, населяющихъ, вмѣстѣ съ ними, около шестидесяти деревень въ горахъ Мардинъ и Торъ. Съ тѣмъ искусствомъ притворяться, которымъ такъ хорошо владѣютъ вообще восточные люди, они аккуратно исполняютъ религіозные обряды, предписанные патріархомъ; но потихоньку продолжаютъ поклоняться солнцу, лунѣ, всему сонму звѣздъ и регулируютъ свою жизнь по сочетаніямъ планетъ и волшебнымъ заклинаніямъ. На нижнемъ Евфратѣ и въ долинѣ Каруна живутъ другіе христіанскіе гностики, которые, какъ полагаютъ, тоже сохранили нѣкоторыя обрядности культа небесныхъ свѣтилъ: это гараниты или сабейцы (но не сабеяне), названные такъ по имени одного изъ ихъ пророковъ; сами себя они называютъ мандайе, что̀ значитъ «Ученики слова», и вообще католическіе миссіонеры называютъ ихъ «христіанами Іоанна Крестителя», по имени Крестившаго на Іордани, котораго эти сектанты считаютъ основателемъ ихъ религіи. Сабейцы, повидимому, были прежде очень многочисленны. На картѣ Тевенота [1]) обозначено тридцать шесть группъ «Учениковъ слова», обитавшихъ въ Бассорскомъ округѣ, и нѣкоторыя изъ этихъ группъ состояли изъ двухъ тысячъ семействъ; въ 1875 году насчитывали уже не болѣе тысячи сабейцевъ на берегахъ Тигра и около восьми тысячъ во всей Месопотамской области; на Евфратѣ главное мѣсто ихъ—деревня Сукъ-эшъ-Шіокъ, въ землѣ племени монтефиковъ [2]). До половины текущаго столѣтія всѣ сабейскіе священники въ окрестностяхъ Бассоры погибли отъ чумы; смѣнившіе ихъ священнослужители исполняли лишь внѣшніе обряды, между которыми самымъ важнымъ считается частое крещеніе вѣрующихъ—первое условіе прощенія грѣховъ [3]). Сабейцамъ не позволяется жить далеко отъ рѣки или «Іордана»: въ текущей водѣ они совершаютъ большую часть своихъ религіозныхъ церемоній, въ томъ числѣ даже обрядъ бракосочетанія [4]). Они поклоняются кресту, потому что міръ, раздѣленный на четыре части, самъ составляетъ крестъ по преимуществу. Ихъ религія, враждующая сестра іудейства, христіанства, магометанства, основана на гностической идеѣ двухъ началъ, проповѣданной нѣкогда ихъ богословами и философами, ибо сабейцы имѣли также свой періодъ литературной дѣятельности. Подобно христіанамъ,

[1]) Baillie Frazer, „Travels in Mesopotamia“.
[2]) Socin, „Zur Geographie des Tur-Abdin, Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft“, 1881.

[1]) „Recueil de divers voyages curieux“, Paris, 1863.
[2]) Anne Blunt, цитированное сочиненіе.
[3]) H. Petermann, „Reisen in den Orient“;—Euting, „Ausland“, 1876;—Siouffi, „Etudes sur la religion des Soubbas ou Sabéens“.
[4]) Damien de Saint-Joseph, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1873.

евреямъ и мусульманамъ, они—«люди Книги»; они обладаютъ «Сокровищемъ», называемымъ также «Книгой Адама»—хотя она появилась уже послѣ Магомета [1])—и составленной на своеобразномъ семитическомъ языкѣ, какъ подобаетъ идіому особенной религіи. Однако, этотъ языкъ существуетъ лишь въ священныхъ сборникахъ: вѣрующіе говорятъ арабскимъ языкомъ, какъ всѣ жители страны. Многоженство имъ не воспрещено, но они могутъ заключать брачные союзы только въ средѣ своей общины.



Каскадъ Памбукъ-Кале.

Въ обыкновенной жизни они отличаются отъ магометанъ только большей честностью; впрочемъ, иначе и быть не могло бы, такъ какъ они должны завоевать себѣ уваженіе, чтобы пользоваться терпимостью.

[1]) Carl Ritter, „Asien", vol. XI.

Такъ же, какъ христіанство, ученіе Магомета породило множество сектъ въ этой странѣ, гдѣ перемѣшалось столько религіозныхъ преданій. Всѣ секты Востока имѣютъ своихъ представителей въ Месопотаміи. Аравійскіе вагабиты организовали тамъ общины, за которыми учрежденъ строгій надзоръ; персидскіе бабисты держатъ тамъ свои тайныя сходбища; на берегахъ Тигра тысячи мусульманъ называютъ себя учениками ахунда, смиреннаго и бѣднаго проповѣдника изъ долины рѣки Сватъ, въ Афганистанѣ [1]). Существуетъ также, какъ говорятъ, между монтефиками и другими арабами на нижнемъ Евфратѣ и Шатъ-эль-Арабѣ небольшое число послѣдователей религіозной секты или сообщества сенусіа, возникшаго въ Алжиріи, гдѣ оно надѣлало не мало хлопотъ французамъ [2]). Кромѣ преслѣдуемыхъ сектъ, вынужденныхъ явно притворяться исповѣдующими какую-либо дозволенную религію и продолжающихъ въ тайнѣ соблюдать обряды своей собственной вѣры, есть мѣстности, гдѣ два культа въ чести. Такъ, жители Моссула, мусульмане и христіане, имѣютъ одного и того же патрона, Джерджиса или св. Георгія. Во многихъ областяхъ Месопотаміи, между прочимъ, въ Орфѣ, мусульманки дѣлаютъ приношенія Божіей Матери, чтобы имѣть дѣтей; если ихъ желаніе исполнится, онѣ считаютъ долгомъ отправиться въ церковь, чтобы принести благодарственную молитву, и подробно разспрашиваютъ объ обрядахъ, которые нужно исполнить по христіанскому обычаю [3]). Съ другой стороны, есть много бедуиновъ, о которыхъ трудно было бы сказать, къ какой религіи они принадлежатъ: они боятся дурнаго глаза и отстраняютъ его отъ себя жестами, подобно тому, какъ это дѣлаютъ неаполитанцы, но они не принудятъ себя даже прочитать молитвы и считаются магометанами только по имени [4]).

Въ городахъ, арабское населеніе, смѣшанное съ турецкими и халдейскими элементами, исповѣдуетъ суннитскую догму; однако, Вавилонія заключаетъ въ своихъ предѣлахъ святыя мѣста, наиболѣе чтимыя у шіитовъ, послѣ Мекки: таковы Кербела, гдѣ находится могила Гуссейна, и Неджефъ, гдѣ высятся куполы мечети Али. Вѣрнымъ шіитамъ, которымъ посчастливилось жить и умереть въ этихъ святыхъ мѣстахъ, нечего бояться мукъ ада: они даже не будутъ отвѣтствовать за дурныя дѣла, совершенныя на этомъ свѣтѣ. Оттого тысячи персіанъ и сотни богатыхъ индусовъ шіитской секты поселились на постоянное жительство либо въ Багдадѣ или въ Хадимѣ, въ сосѣдствѣ священныхъ могилъ, либо даже въ Неджефѣ или въ Кербелѣ, и очень многіе изъ богатыхъ иранцевъ, которые не имѣли счастья жить на благословенной землѣ, просятъ, умирая, чтобы ихъ смертные останки отвезли туда для погребенія. Перевозка покойниковъ въ Кербелу и въ Неджефъ, хотя иногда запрещаемая, до сихъ поръ составляетъ одну изъ главныхъ статей торговли между Персіей и Азіатской Турціей; по новѣйшимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, среднее число ввозимыхъ персидскихъ труповъ равняется 4.000 въ годъ; но въ 1874 году, послѣ голода и слѣдовавшей за нимъ большой смертности, было зарегистровано 12.202 мертвыхъ тѣла, посланныхъ изъ Персіи въ Месопотамію. Сверхъ того, многія арабскія племена, увлеченныя силой примѣра, взяли привычку отправлять своихъ покойниковъ въ святые города шіитовъ, превратившіеся, вслѣдствіе этого, въ обширныя кладбища. Для длиннаго странствованія, тѣла завертываются просто въ коверъ или циновку, безъ всякихъ антисептическихъ ингредіентовъ, и когда транспортъ приходитъ въ святое мѣсто, покойники представляютъ лишь безформенную массу останковъ; на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ путешественники задыхаются отъ невыносимаго трупнаго запаха, распространяемаго погребальными поѣздами, которые перевозятъ въ одно и то же время мертвыя тѣла и чуму [1]). Иракъ-Араби есть одно изъ гнѣздъ этой страшной болѣзни: изъ сорока послѣднихъ эпидемій двадцать двѣ получили тамъ начало или распространеніе [2]).

Въ верхнемъ бассейнѣ западнаго Тигра самый высокій по положенію городъ—горнозаводскій центръ Хапуръ (Маденъ-Хапуръ), стоящій на высотѣ 1.039 метровъ надъ уровнемъ моря и 250 метровъ надъ уровнемъ рѣки. Сосѣдняя гора, Магаратъ, доставляетъ въ изобиліи мѣдную руду, которую работники греческіе, армянскіе и турецкіе частію переплавляютъ на мѣстѣ, но которой большая часть вывозится въ промышленные города Азіатской Турціи—въ Діарбекиръ, Эрзерумъ, Требизондъ; еще недавно почти всѣ восточные люди, отъ Константинополя до Испагани, запасались мѣдной посудой изъ Маденъ-Хапура. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія годовой вывозъ руды съ верхняго Тигра въ Багдадъ простирался до 400 тоннъ [3]), но съ той эпохи добыча мѣди много уменьшилась; теперь едва эксплоатируютъ мѣсторожденія свинцовой руды, содержащей серебро, и не занимаются болѣе добываніемъ золота и серебра.

---

[1]) Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.
[2]) H. Duveyrier, рукописныя замѣтки.
[3]) De Gobineau, „Les Religions et Philosophies dans l'Asie Centrale“;—Guardiagrele „Annales de la Propagation de la Foi“, 1875.
[4]) Anne Blunt, „Bedouin Tribes of the Euphrates“.

[1]) Léonard Arnaud, „Peste en Mésopotamie“;—Mahé, рукописныя замѣтки.
[2]) Alfr. von Kremer, „Culturgeschichte des Orients“.
[3]) Olivier, „Voyage en Perse fait dans les années 1807, 1808 et 1809“.

Городъ Аргана, лежащій на юго-западѣ отъ Хапура, на выступѣ горы, господствующемъ надъ Тигромъ, обязанъ сосѣдству подземныхъ рудокопныхъ галлерей тѣмъ, что ему тоже дали прозвище Маденъ: Аргана-Маденъ или «Аргана рудниковая».

Діарбекиръ или Діарбекръ, то-есть «земля бекровъ», названный такъ по имени арабскаго клана бекръ, которымъ онъ былъ завоеванъ въ седьмомъ столѣтіи, есть древній Амидъ или Амида, и теперь еще его часто называютъ Кара-Амидъ, «Черный Амидъ», по цвѣту базальта, изъ котораго онъ построенъ. Діарбекиръ занимаетъ чрезвычайно счастливое географическое положеніе. Построенный на высотѣ 626 метровъ надъ уровнемъ моря,—высотѣ, которая, подъ 38 градусомъ сѣверной широты, обезпечиваетъ странѣ климатъ, соотвѣтствующій климату южной Франціи,—этотъ городъ расположенъ близко отъ перешейка, раздѣляющаго двѣ рѣки, Тигръ и Евфратъ; онъ занимаетъ верхнюю оконечность месопотамскаго «острова», гдѣ находится главное пересѣченіе дорогъ между двумя бассейнами. Кромѣ того, онъ обозначаетъ точку соприкосновенія между нѣсколькими этнологическими областями: тамъ встрѣчаются различныя народности—турки, армяне, курды, арабы. Недалеко отъ этого города, немного южнѣе, проходитъ сѣверная граница арабскаго языка, и начинается поясъ турецкаго идіома. Ко всему этому Діарбекиръ имѣетъ еще ту выгоду, что онъ господствуетъ надъ обширной аллювіальной равниной, отличающейся замѣчательнымъ плодородіемъ. Во всѣ времена окрестная мѣстность вокругъ Амида была одною изъ «житницъ» Передней Азіи, и это мѣстное преимущество съ соединеніи съ выгоднымъ географическимъ положеніемъ, давало Діарбекиру первостепенную важность. Онъ заключалъ въ своихъ стѣнахъ, въ мирные годы, сотни тысячъ жителей, и не разъ бывало, что осада дѣлала внутри его больше жертвъ, чѣмъ сколько онъ имѣетъ въ наши дни постоянныхъ обитателей.

Городъ живописно расположенъ на оконечности застывшаго базальтоваго потока, выливпагося изъ древнихъ вулкановъ массива Караджидагъ. Конечный утесъ, господствующій надъ садами праваго или западнаго берега, поднимается на высоту 30 метровъ надъ уровнемъ Тигра, а зубчатыя стѣны, съ круглыми башнями по бокамъ, придаютъ Діарбекиру еще болѣе горделивый видъ. Черная городская ограда, еще хорошо сохранившаяся, развертывается на протяженіи 8 километровъ, примыкая съ одной стороны къ четыреугольной массѣ разрушенной цитадели, съ другой къ мосту о десяти аркахъ, послѣднему сооруженію этого рода, существующему нынѣ на Тигрѣ. Внутри городъ мраченъ, непригляденъ, сыръ и нездоровъ, улицы узки и грязны; главная дорога, базарная, куда направляется все движеніе, имѣетъ всего только 3 или 4 метра въ ширину; мѣстная болѣзнь, называемая діарбекирскимъ «бутономъ», еще болѣе опасна, чѣмъ алеппская [1]). Лавки не менѣе обильно, чѣмъ багдадскія, снабжены произведеніями края и европейскими товарами, и между выставленными на продажу предметами есть много издѣлій мѣстной фабрикаціи, каковы мѣдные сосуды, золотыя и серебряныя украшенія филиграновой работы, трубки, сафьяны, шерстяныя ткани, шелковыя и бумажныя матеріи; число ткацкихъ станковъ, дѣйствующихъ въ этомъ городѣ, простирается до полуторы тысячъ. Толпа, собирающаяся на базарной улицѣ—одна изъ самыхъ пестрыхъ и смѣшанныхъ, какія только можно встрѣтить въ Передней Азіи: населеніе Діарбекира состоитъ изъ курдовъ, армянъ, турокъ и туркменъ, халдеевъ, несторіанъ и якобитовъ, іезидовъ и евреевъ, сирійцевъ и грековъ, къ которымъ въ послѣднее время прибавилось еще большое число болгаръ, высланныхъ изъ Европы турецкимъ правительствомъ [2]). Почти половина жителей – христіане, и мечети не болѣе многочисленны, чѣмъ церкви; одна изъ нихъ стоитъ на мѣстѣ римскаго зданія (третьяго или четвертаго столѣтія), отъ котораго уцѣлѣлъ фасадъ, представляющій въ нижнемъ ярусѣ аркады съ легкимъ сводомъ, а въ верхнемъ изящныя колонны, отличающіяся одна отъ другой арабесками ствола и скульптурными украшеніями капителей.

Вообще верхнія долины Тигра и его притоковъ богаты развалинами, и даже новые городки и мѣстечки построены на мѣстѣ древнихъ городовъ. Самая грандіозная руина древнихъ построекъ—это остатокъ мѣста, разорванныя аркады котораго нависли надъ Тигромъ на высотѣ 25 метровъ, недалеко отъ сліянія этой рѣки съ ея притокомъ Батманъ-су. Громадныя глыбы песчаника, разсѣянныя въ сосѣднемъ ущельѣ, были выдолблены для того, чтобы служить жилищами; на горномъ обвалѣ пріютилась деревня, гдѣ есть даже базаръ [3]). Городъ Майя-Фаркейнъ или просто Фаркейнъ, лежащій на сѣверо-востокъ отъ Діарбекира, на обломкахъ морены [4]), которую огибаетъ притокъ рѣки Батманъ-су, развѣтвляющійся ирригаціонными каналами въ садахъ, есть Мартирополисъ («городъ мучениковъ») византійцевъ, и тамъ до сихъ поръ еще видны величественныя руины искупительнаго памятника, построеннаго въ началѣ пятаго столѣтія

[1]) Ernest Chantre, рукописныя замѣтки.

[2]) Черникъ и Швейгеръ-Лерхенфельдъ, „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen", №№ 44, 45.

[3]) Von Moltke, „Zustände und Begebenheiten in der Türkei;"—Carl Ritter, „Asien".

[4]) Ernest Chantre, рукописныя замѣтки.

на костяхъ нѣсколькихъ тысячъ христіанъ, перебитыхъ Сапоромъ. Далѣе къ востоку, на Батманъ-су, находится персидскій мостъ, аркады котораго возвышаются на 50 метровъ надъ уровнемъ рѣки. Живописный городъ Хузу (Гузу, Хазу), съ домами, расположенными въ видѣ ярусовъ по уступамъ горы, воздвигъ свою новую крѣпость на развалинахъ древняго замка, а въ окрестностяхъ, на днѣ оврага, стоитъ древняя армянская церковь, сооруженіе которой относятъ къ пятому вѣку послѣ Р. Х.: каждый годъ къ этой святынѣ приходятъ толпы богомольцевъ изъ Сиріи, изъ Арменіи, изъ Россіи поклониться хранящемуся тамъ большому куску отъ «истиннаго креста», то-есть креста, на которомъ былъ распятъ Спаситель. Сертъ или Саэртъ, на Ботанъ-су, тоже построенъ на руинахъ, которыя д'Анвиль и другіе историко-географы считаютъ развалинами древняго Тиграноцерта. Клинообразныя надписи, на древне-армянскомъ языкѣ, встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ этого края, вырѣзанныя на гладко-отшлифованныхъ стѣнахъ скалъ. Маленькія башни, стоящія тамъ и сямъ въ окрестностяхъ, среди полей, засѣянныхъ дынями, арбузами и огурцами, придаютъ Серту видъ крѣпости, окруженной фортами. Послѣ Діарбекира, самый большой городъ на верхнемъ Тигрѣ—это прелестный Битлисъ, лежащій на высотѣ около 1.500 метровъ надъ уровнемъ моря, недалеко отъ юго-западнаго угла озера Ванъ. Потоки лавы, красной и коричневой, вылившіеся изъ массива Нимрудъ-дагъ, оканчиваются крутыми мысами, перерѣзанными широкими разсѣлинами, на днѣ которыхъ съ шумомъ бѣгутъ быстрые потоки, частію минеральные и горячіе, образующіе рѣку Битлисъ-су. Старый замокъ или крѣпость господствуетъ надъ сліяніемъ; перекинутыя черезъ рѣку стрѣльчатыя аркады соединяютъ оба высокіе берега, и круглыя башни широкихъ минаретовъ высоко поднимаютъ свои кругообразныя галлереи надъ домами съ террасами, надъ садами и группами деревьевъ [1]). Битлисъ, населеніе котораго состоитъ частію изъ армянъ, занимается выдѣлкой и окраской тканей, и какъ главный этапный пунктъ между долиной Тигра и долиной верхняго Мурада, поддерживаетъ значительное торговое движеніе.

Очень древній городъ Джезире-ибнъ-Омеръ или «Островъ Омарова сына», лежащій ниже пролома Тигра, на островѣ, образуемомъ рѣкой и искусственнымъ каналомъ, былъ часто, вопреки своему имени, средоточіемъ не мусульманскихъ общинъ. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ тамъ находилась большая еврейская колонія, и изъ ея школъ вышло нѣсколько раввиновъ, впослѣдствіи прославившихся. Въ началѣ настоящаго столѣтія, іезиды или «поклонники діавола» сдѣлали изъ этого города одинъ изъ своихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, но не могли защитить его противъ турокъ и почти всѣ были перебиты. Ихъ замѣнили кудры-мусульмане, но не возвратили городу его прежняго важнаго значенія. Крѣпость, построеніе которой туземцы приписываютъ генуэзцамъ, какъ почти всѣхъ старыхъ замковъ, существующихъ въ Малой Азіи [1]), теперь представляетъ лишь руину, впрочемъ очень живописную, съ правильными кордонами изъ бураго базальта и бѣлаго известняка; отъ стариннаго моста, перекинутаго на Тигрѣ, къ востоку отъ Джезире, остался только одинъ столбъ, вокругъ котораго вода образуетъ опасную стремнину [2]). Ниже по теченію, на мѣловой террасѣ, господствующей надъ правымъ берегомъ Тигра, другой городъ, еще болѣе пришедшій въ упадокъ, чѣмъ Джезире-ибнъ-Омеръ, не имѣетъ болѣе даже собственнаго названія: это—Эски-Моссуль или «Старый Моссулъ». Змѣи ползаютъ тысячами въ травѣ и въ потрескавшихся стѣнахъ этого древняго городища. Въ гористой области, окружающей Джезире, растетъ въ изобиліи деревцо, похожее на ракиту, которое иногда покрывается тысячами шелковистыхъ коконовъ: тамошнія женщины утилизируютъ эти коконы и ткутъ изъ нихъ очень прочныя матеріи [3]).

Моссулъ—городъ относительно новый, такъ какъ въ первый разъ имя его упоминается при магометанскомъ владычествѣ. Но не стоитъ ли онъ на мѣстѣ, которое нѣкогда должно было занимать западное предмѣстье Ниневіи, на правомъ берегу рѣки? Такъ же, какъ Биреджикъ на Евфратѣ, Моссулъ находится на Тигрѣ въ поясѣ необходимаго перехода. Естественный путь, ведущій отъ Средиземнаго моря къ Евфрату, обходя пустыню, затѣмъ слѣдующій вдоль южнаго основанія предгорій Курдистана, достигаетъ Тигра у Моссула или въ сосѣдствѣ этого города, откуда направляется къ Загросу, чтобы подняться на иранское плоскогорье такъ называемой «царской дорогой». Точно такъ же караваны, отправляющіеся изъ Багдада въ Алеппо, идутъ на Моссулъ, чтобы избѣгнуть территоріи, занимаемой разбойничьими племенами аназеховъ. Большинство этимологовъ полагаютъ, что арабское названіе Моссулъ означаетъ «переправу». По выраженію одного стариннаго писателя, цитируемаго де-Гинемъ, «Дамаскъ есть дверь Запада, Нишапуръ—дверь Востока, а Моссулъ—переходъ изъ странъ Востока въ страны Запада». Хотя пришедшій въ упадокъ, какъ и другіе города на Тигрѣ, Моссулъ представляетъ еще величественный видъ. Построенный на оконечности

[1]) Hommaire de Hell;—Ainsworth;—Deyrolle;—Chantre;—Barry.

[1]) Carl Ritter, „Asien", vol. XI.
[2]) Von Moltke, цитированное сочиненіе.
[3]) Taylor, „Journal of the Geographical Society", 1865.

отрога цѣпи Синджаръ, называемаго Джебель-Джубилахъ, онъ живописно раскинулъ свои дома съ террасами по скату горы въ видѣ обширнаго амфитеатра, который окруженъ оградой, имѣющей около 10 километровъ въ окружности. На вершинѣ холма дома, принадлежащіе зажиточнымъ гражданамъ, разсѣяны въ садахъ, гдѣ бьютъ фонтаномъ теплыя воды; внизу жилища ремесленниковъ и бѣдняковъ скучены вокругъ базаровъ, бань и мечетей; за стѣной городъ продолжается на югъ предмѣстьемъ или *магалехомъ*, передъ которымъ останавливаются плывущіе по рѣкѣ курды, и гдѣ они разбираютъ на части свои плоты. Публичныя зданія, по большей части постройки безъ всякаго архитектурнаго вкуса, отличаются, однако, красотой самаго матеріала, изъ котораго построены; особенно замѣчателенъ такъ называемый «моссульскій мраморъ», алебастръ, доставляемый каменоломнями Меклубъ-дага, находящимися къ востоку отъ равнины. Вмѣсто того, чтобы снабжать весь свѣтъ своими прекрасными матеріями, какъ это было во времена калифовъ, Моссулъ теперь самъ покупаетъ за границей почти всѣ потребляемыя имъ ткани; вообще въ немъ нѣтъ нынѣ почти никакихъ промысловъ, кромѣ дубленія кожъ, фабрикаціи серебряныхъ и золотыхъ вещей филиграновой работы; но онъ ведетъ торговлю чернильными орѣшками, зерновыми хлѣбами и другими произведеніями, получаемыми изъ курдскихъ долинъ и привозимыми іезидами изъ Телль-Афара и другихъ степныхъ мѣстечекъ.

На Тигрѣ, въ самой узкой его части, устроенъ пловучій мостъ длиной около 170 метровъ, который продолжается въ равнинѣ, затопляемой во время разлива, дамбой, извивающейся между рѣчными рукавами. Въ 2 километрахъ отъ Моссула, когда поднимешься на восточный высокій берегъ, то очутишься на обширной ровной террасѣ, пространствомъ около 10 квадр. километровъ и ограниченной со всѣхъ сторонъ оврагами, заваленными мусоромъ: это и есть плато, на которомъ стояла древняя Ниневія. Долина, по которой протекаетъ Гассеръ-Чай, небольшой притокъ Тигра, разрѣзываетъ это плато, состоящее изъ конгломератовъ, на двѣ половины, имѣющія каждая 9 километровъ въ окружности. Въ сѣверной половинѣ, непосредственно надъ рѣчкой Гассеръ-Чай, поднимается четыреугольный, почти квадратный холмъ, высотой около 18 метровъ, перерѣзанный траншеями и изрытый галлереями во всѣхъ направленіяхъ: это—знаменитая горка Куюнджикъ, содержащая массу кирпича, вѣсъ котораго исчисляютъ въ 14 съ половиной милліоновъ тоннъ. Въ южной части плато, около средины его западнаго крутаго берега, возвышается другой пригорокъ, Юнесъ Пегамберъ или Неби Юнасъ, названный такъ въ память пророка Іоны, который, по общему вѣрованію христіанъ и магометанъ, погребенъ въ этомъ мѣстѣ. Третья груда развалинъ, имѣющая меньшіе размѣры, указываетъ юго-западный уголъ Ниневійской террасы. Вся площадь ассирійской столицы, не считая предмѣстій, которыя, безъ сомнѣнія, тянулись за рвомъ городской ограды, вдоль дорогъ и рѣки, представляетъ восьмую часть Парижа, такъ что трудно понять, какъ могли быть на этомъ пространствѣ скучены такія массы людей, о которыхъ говоритъ сказаніе о пророкѣ Іонѣ [1]).

Уже съ давнихъ поръ знали, что подъ курганами, возвышающимися напротивъ Моссула, на другомъ берегу Тигра, находятся любопытныя развалины, происходящія отъ древней столицы ассиріянъ. Путешественники открывали тамъ остатки строеній и изваяній и привозили оттуда писаные камни, цилиндры и другіе мелкіе предметы. Первыя раскопки были сдѣланы только въ 1843 году, подъ руководствомъ Ботты, французскаго консула въ Моссулѣ: это было начало тѣхъ подземныхъ изысканій, которыя открыли міру цѣлое невѣдомое искусство и породили новую науку, развертывая лѣтописи Ассиріи, представляя церемоніи и празднества ея народа. Но еще остается сдѣлать много дальнѣйшихъ открытій. Даже курганъ Куюнджикъ, на которомъ раскопки производились преимущественно англійскими археологами: Лейярдомъ, Лофтусомъ, Смитомъ, еще не вполнѣ извѣстенъ: мы имѣемъ лишь частные планы двухъ открытыхъ тамъ дворцовъ, въ которыхъ, между прочимъ, найдены величественные колоссы, вѣсомъ отъ тридцати до сорока тоннъ (слишкомъ 2.400 пудовъ), поставленные теперь въ залахъ Британскаго музея въ Лондонѣ, и—еще болѣе драгоцѣнные остатки глубокой древности—цѣлыя библіотеки, состоящія изъ табличекъ обожженной формовой земли, изъ которыхъ каждая была какъ бы листокъ книги. Что касается кургана пророка Іоны, то онъ оставался неизслѣдованнымъ до 1879 года: маленькое зданіе, господствующее надъ нимъ, мусульманскія могилы, покрывающія его скаты, деревенька, пріютившаяся у его основанія,—единственная группа домовъ, находящаяся нынѣ на мѣстѣ пышной столицы Ассирійскаго царства,—были препятствіями, которыя долгое время не позволяли, чтобы это священное мѣсто было «профанировано» руками гяуровъ. Халдеецъ Гормуздъ Рассамъ обслѣдовалъ недавно подъ этимъ бугромъ остатки дворца Сеннахериба.

Между всѣми этими развалинами ассирійскихъ городовъ всего лучше изучена руина Хорсабадъ или Хосъ-робатъ, находящаяся километрахъ въ двадцати къ сѣверо-востоку отъ Моссула, далеко за предѣлами Ниневіи: это

---

[1]) G. Perrot et Ch. Chipiez, „Histoire de l'art dans l'Antiquité", 2-e volume.

былъ, по выраженію г. Перро, «Версаль какого-нибудь ассирійскаго Людовика XIV». Городъ былъ маленькій, не покрывавшій даже 3 квадр. километровъ, но его ограда лучше сохранилась, чѣмъ стѣны другихъ древнихъ городовъ, и дворецъ, изслѣдованный методически французскимъ консуломъ Ботта и продолжателемъ его трудовъ, Пласомъ, извѣстенъ лучше всѣхъ другихъ памятниковъ Месопотаміи въ его деталяхъ. Раскопки остановились лишь на самыхъ границахъ платформы, площадь которой около десяти гектаровъ. Этотъ дворецъ былъ построенъ между годами 705 и 722 до Р. Х., въ царствованіе Саргона, о славѣ и могуществѣ котораго, еще недавно забытыхъ исторіей, напоминаютъ барельефы и надписи, продолжающіеся на протяженіи 2 километровъ. Можно судить о гигантскомъ трудѣ, который представляетъ такая пышная постройка, какъ «городъ Саргона» (Гирсъ-Саргонъ или Дуръ-Сарюкинъ), по тому факту, что наружныя стѣны имѣли не менѣе 24 метровъ въ толщину и 31 метръ съ половиною въ вышину. Рядомъ съ дворцомъ стояла многоэтажная башня или *зигуратъ*, можетъ быть, обсерваторія, напоминающая своей пирамидальной формой гробницы египетскихъ царей. Пласъ откопалъ ея основаніе и распозналъ правильныя массы четырехъ расположенныхъ одинъ надъ другимъ ярусомъ, равно какъ наружную рампу, сохранившую еще коекакіе остатки своего зубчатаго бордюра [1]). Драгоцѣнныя изваянія, найденныя при раскопкахъ въ Хорсабадѣ, не всѣ достигли Лувра: многія изъ нихъ потерялись въ Тигрѣ. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ находокъ Пласа— желѣзная кладовая, заключающая слишкомъ 160 тоннъ всякаго рода орудій: быть можетъ, знаменитые дамасскіе клинки составляютъ наслѣдіе ассирійской промышленности [2]).

Къ группѣ руинъ принадлежатъ также, лежащія на востокъ отъ Куюнджика, горки Карамлисъ и другія деревни «Халдейской равнины», названной такъ по имени христіанъ, которые ее населяютъ. Самый знаменитый изъ этихъ холмовъ, лежащій километрахъ въ тридцати къ югу отъ Моссула, носитъ легендарное имя Нимрудъ, то-есть Немвродъ. Археологи знаютъ теперь, что эта горка возвышается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Калашъ, первая столица Ассирійскаго царства: основаніе этому городу было положено Салманасаромъ I, около тридцати двухъ вѣковъ назадъ [3]); впослѣдствіи, когда Ниневія смѣнила его, въ качествѣ царской резиденціи, онъ все-таки остался большимъ городомъ. Положеніе его было очень выгодное: онъ стоялъ недалеко отъ сліянія Большаго Заба и Тигра, въ мѣстѣ встрѣчи двухъ долинъ, на высокомъ бугрѣ лѣваго берега главной рѣки; у подножія руинъ видно еще старое русло Тигра, который въ наши дни удалился къ западу, какъ это съ нимъ случилось во многихъ другихъ мѣстахъ его теченія [1]). Дворецъ Ассуръ-Назирпала, построенный въ девятомъ столѣтіи до Р. Х., есть главное зданіе, найденное подъ развалинами. Собранныя въ немъ скульптурныя работы могутъ считаться образцовымъ произведеніемъ ассирійскаго искусства, а «черный» обелискъ есть драгоцѣннѣйшій эпиграфическій памятникъ могущественнаго царства. Въ 15 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Калаша, подъ горкой Балаватъ, Гормуздъ Рассамъ открылъ для Британскаго музея бронзовыя пластинки, древнія двери драгоцѣнной работы, которыхъ гравюры и надписи разсказываютъ всѣ подвиги, совершенные Ассуръ-Назирпаломъ, царствовавшимъ за двадцать семь съ половиной вѣковъ до нашего времени.

Много другихъ горокъ ожидаютъ изслѣдователей, чтобы отдать имъ свои каменные архивы: въ равнинѣ нѣтъ города, который не имѣлъ бы своего храма и дворца, а въ долинахъ Хабура, Большаго Заба и ихъ притоковъ находятся многочисленныя развалины, гдѣ, по всей вѣроятности, откроютъ зданія, построенныя государями Ассиріи, которые проводили половину своей жизни въ лѣсной области горъ, гдѣ они охотились на дикихъ звѣрей, и цѣлые города воздвигались вокругъ ихъ охотничьихъ сборныхъ пунктовъ. Нѣкоторыя изъ замѣчательнѣйшихъ изваяній верхней Месопотаміи изсѣчены, близъ Малтая, въ 80 километрахъ къ сѣверу отъ Моссула, на скалѣ, господствующей надъ ручьемъ Дулапъ; колоссальныя фигуры, еще болѣе любопытныя, были изваяны въ рельефѣ Сеннахерибомъ на известняковой стѣнѣ, въ узкой долинѣ Бавіанъ, которую горы Меклубъ отдѣляютъ отъ моссульской равнины. Эта изваянная на скалѣ картина, защищенная отъ непогодъ закраиной ниши въ 9 метровъ высоты, сохранилась бы еще вполнѣ, если бы какіе-то троглодиты, вѣроятно христіанскіе монахи-отшельники, не вздумали вырыть тамъ свои жилища: полукруглыя окна этихъ пещеръ открываются, въ разныхъ частяхъ громадной рамки, прямо на тѣлѣ и головѣ рельефныхъ изображеній человѣческихъ фигуръ.

Въ настоящее время бассейнъ рѣки Большой Забъ есть одна изъ тѣхъ мѣстностей Передней Азіи, путешествіе по которой далеко небезопасно. Это—гористая страна, гдѣ живутъ самые воинственные курды, наименѣе подчинившіеся вліянію мусульманъ, турецкихъ и арабскихъ, поселившихся въ равнинѣ. Тамъ же находились горныя крѣпости, подъ защитой которыхъ несторіанскія племена, привыкшія къ грабежу,

[1]) Place, „Ninive"; — Perrot et Chipiez, цитированное сочиненіе.
[2]) Beulé, „Fouilles et Découvertes".
[3]) Smith, „Assyrian Discoveries.

[1]) Carl Ritter, „Asien", vol. X.

какъ и другіе курды, наиболѣе бравировали передъ турецкими пашами. Исторія не упоминаетъ завоевателей, ассирійскихъ, персидскихъ или греческихъ, которые проходили бы черезъ этотъ опасный край. Всѣ обходили его либо на сѣверѣ, либо на югѣ, чтобы пробраться на плоскогорья Персіи или Мидіи, или спуститься въ равнины Тигра. Первый европейскій путешественникъ, Шульцъ, проникшій въ эту страну въ 1829 году, нашелъ тамъ смерть со всѣми своими спутниками. Курдскіе шейхи, прежде независимые, а нынѣ подвластные Турціи, вслѣдствіе ихъ взаимныхъ раздоровъ, проводятъ часть года въ крѣпостяхъ, окруженныхъ нѣсколькими домами; зимой, когда племена спускаются изъ своихъ лѣтнихъ становищъ на горахъ, эти укрѣпленныя мѣста дѣлаются настоящими городами. Главный изъ такихъ городовъ — Джуламеркъ, столица курдовъ племени гаккари, построенный на выступѣ горы или мысѣ, господствующемъ надъ правымъ берегомъ Большаго Заба. Въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу оттуда показывается деревня Кочъ-Ганнесъ, мѣстопребываніе Маръ-Шимуна или «Господина Симона», патріарха несторіанъ или тіяри. Шейхъ племени гаккари эксплоатируетъ нѣкоторыя мѣсторожденія желѣза и свинца въ сосѣдствѣ Джуламерка, но большія металлическія богатства, приписываемыя миссіонерами окрестнымъ горамъ, еще не разрабатываются.

Къ югу отъ страны курдовъ-гаккари, мѣстечко Амадія, расположенное на косогорѣ, но въ мѣстности легко доступной, близъ водораздѣльнаго порога между долиной Большаго Заба и бассейномъ Хабура, долгое время было торговымъ центромъ, сборнымъ пунктомъ горскихъ курдовъ, приходившихъ туда для мѣны съ месопотамскими купцами; еврейская колонія, составляющая около половины мѣстнаго населенія, напоминаетъ еще этотъ періодъ мѣновой торговли. Евреи Курдистана охотно отдаютъ своихъ дочерей замужъ за турокъ [1]); они постепенно слились съ окружающимъ населеніемъ, такъ что по наружности и нравамъ теперь уже едва отличаются отъ своихъ сосѣдей. Къ югу отъ Амадіи, въ живописной лѣсистой долинѣ, стоитъ скромный храмъ Шейха Ади, у входа въ который изваяно изображеніе змѣя—символъ падшаго ангела; вокругъ храма расположены жертвенники, на которыхъ зажигаются, въ большіе праздники, огни (горитъ нефть и горная смола). Другая духовная столица Эль-Копъ, резиденція халдейскаго патріарха, пріютилась у подошвы холма, сплошь изрытаго пещерами, древними жилищами и гробницами [2]), а на вершинѣ, подъемъ на которую затруднителенъ, находится монастырь Раббанъ Ормузъ, частію изсѣченный въ скалѣ. Теперь Амадія не болѣе, какъ маленькій центръ племени, мѣстечко въ развалинахъ, занятое гарнизономъ, который наблюдаетъ за окрестными курдами. Но Ревандозъ или Ровандизъ, лежащій между глубокими боковыми оврагами Большаго Заба, выше выходнаго ущелья,—настоящій городъ, и жители скучены тамъ какъ въ какомъ-нибудь торговомъ центрѣ, которому тѣсно въ стѣнахъ ограды; въ немъ слишкомъ тысяча домовъ, и въ каждомъ домѣ живетъ два или три семейства, даже больше; въ лѣтніе мѣсяцы все населеніе, мужчины, женщины, дѣти, собаки и домашняя птица, толпится на плоскихъ крышахъ, обставленныхъ зеленью [1]). Моссульскіе купцы посѣщаютъ Ревандозъ, чтобы обмѣнивать тамъ европейскіе мануфактурные товары на чернильные орѣшки. Ревандозскій табакъ, почти всегда смолотый въ порошокъ, отправляется преимущественно въ Персію.

Главный рынокъ курдовъ, живущихъ въ бассейнахъ Большаго и Малаго Заба—городъ Арбиль или Эрбиль, Арбеллы древнихъ грековъ, лежащій на высотѣ 430 метровъ надъ уровнемъ моря, внѣ области горъ, въ живописной волнистой равнинѣ, которая открывается на западъ къ Большому Забу и Тигру, на югъ къ долинѣ Малаго Заба; онъ стоитъ какъ разъ на рубежѣ территоріи арабскаго языка, на этнологической границѣ курдовъ. Какъ ни важенъ еще Арбиль между второстепенными городами Месопотаміи, онъ, очевидно, не болѣе какъ руина, въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ былъ когда-то; еще ясно видны остатки стариннаго, окружавшаго городъ, рва, въ которомъ нынѣшніе дома какъ-бы затеряны. Древній кварталъ построенъ на одномъ изъ тѣхъ искусственныхъ холмовъ, которые разсѣяны въ такомъ большомъ числѣ по всей странѣ; начатыя раскопки уже обнаружили своды и галлереи, которые, вѣроятно, ассирійскаго происхожденія; на западѣ, конгломератовые массивы Дегиръ-дага перерѣзаны древними ирригаціонными каналами, которые спускались къ равнинѣ Шемамлыка, между Эрбилемъ и Большимъ Забомъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка выходитъ изъ своего послѣдняго ущелья, между хребтами Дегиръ-дагъ и Арка-дагъ, происходила, въ Гавгамелѣ, знаменитая битва, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Арбельской, которая открыла македонцамъ дорогу въ Персію [2]). Недалеко оттуда, Акра прячется въ цѣломъ лѣсѣ фруктовыхъ деревьевъ.

Одинъ только городокъ находится въ бассейнѣ Малаго Заба—Алтынъ-Кіопру или «Золотой мостъ»: это—обязательный переходъ каравановъ, которые изъ равнины Арбильской

[1]) Millingen, „Wild Life among the Koords".
[2]) Rich, „Residence in Koordistan".

[1]) Ainsworth, „Journal of the Geographical Society", 1841.
[2]) Ричъ;—Энсвортъ;—Черникъ.

направляются къ долинѣ Адима или къ долинѣ Діялы. Алтынъ-Кіопру, одинъ изъ живописнѣйшихъ городовъ Передней Азіи, построенъ на конгломератовомъ островѣ, который, круто обрываясь вертикальными утесами со стороны верховья, постепенно понижается по направленію къ низовью и оканчивается песчанымъ мысомъ. Мостъ южнаго берега, перекинутый съ утеса на утесъ, развертываетъ свою стрѣльчатую аркаду на большой высотѣ, и съ парапетовъ его открывается видъ на террасы города и на быструю воду, по которой несутся плоты, пускаемые выше ущелій курдами изъ Хойсанджака: въ годы большой торговли до сотни тысячъ навьюченныхъ верблюдовъ проходятъ по «Золотому мосту». Въ небольшомъ разстояніи къ юго-востоку отъ Алтынъ-Кіопру начинается долина рѣки Хаза-Чай, гдѣ находится другой городъ, Керкукъ, самый значительный во всей нижней Курдской области. Расположенный на пути каравановъ, которые слѣдуютъ вдоль основанія большихъ горъ, къ востоку отъ Тигра, Керкукъ состоитъ въ дѣйствительности изъ трехъ отдѣльныхъ городовъ: крѣпости, построенной на искусственной горкѣ высотой 40 метровъ, облицованной камнемъ на всей окружности и содержащей внутри цѣлый лабиринтъ подземныхъ галлерей; нижняго города, расположеннаго полукругомъ вокругъ холмика цитаделей, и предмѣстья или *махале*, дома котораго разсѣяны среди садовъ праваго берега. Въ Керкукѣ имѣетъ мѣстопребываніе шейхъ-дервишъ, духовный глава пятидесяти тысячъ мюридовъ или «учениковъ», живущихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Месопотаміи [1]). Важность этого города происходитъ не единственно отъ пересѣченія въ немъ торговыхъ дорогъ: онъ имѣетъ кромѣ того термы, привлекающія большое число посѣтителей, и обильные соляные источники; въ сосѣднихъ горахъ существуютъ каменоломни алебастра, а въ сосѣдствѣ, на сѣверѣ, находятся, какъ въ Италіи, знаменитыя «флегрейскія поля», гдѣ поклонялись богинѣ Анагитъ: шумъ, исходящій изъ почвы, былъ причиной того, что этой горящей мѣстности дали названіе Баба-Гургуръ, что значитъ «Отецъ ропота»; если воткнуть шпагу въ почву, то изъ земли выходитъ пламя [2]). Керкукская нефть, которую собираютъ въ многочисленныхъ источникахъ, на лужахъ и даже во рвахъ, отправляется въ Багдадъ и во всю восточную Месопотамію. Равнымъ образомъ утилизируютъ источники горной смолы въ Тузъ-Хурматли, бьющіе изъ земли южнѣе, на одномъ боковомъ притокѣ рѣки Адимъ, а также источники въ Кифри или Салахіе,—мѣстечкѣ, лежащемъ въ боковой долинѣ рѣки Діяла, близъ котораго видны остатки заброшеннаго города.

Ниже руинъ Калаша и соединенія двухъ соперничающихъ рѣкъ, Тигра и Большаго Заба, развалины слѣдуютъ однѣ за другими вдоль рѣки, примѣтныя издали по *теллямъ* или буграмъ мусора, заросшимъ травой и мелкимъ кустарникомъ. Одна изъ этихъ грудъ развалинъ, на правомъ берегу, выше устья Малаго Заба, есть самый высокій курганъ, какой существуетъ въ Месопотаміи выше Багдада. Въ сосѣдствѣ находится деревня Кале-Шаргатъ: это—остатокъ древняго города Ассура, который предшествовалъ Нинивіи и далъ свое имя ассирійскому царству. Вдали отъ рѣки, среди пустынь месопотамскихъ степей, пастушеское племя шаммаръ расположило свое становище на развалинахъ города, который тоже былъ столицей, и самое имя котораго, Эль-Хадръ или Хатра, повидимому, означало «царскую резиденцію» или «городъ» по преимуществу. На берегу Тартара, ручья, спускающагося изъ синджарскихъ долинъ, стоитъ кругъ стѣнъ, совершенно правильный, заключающій внутри храмъ Солнца, фасадъ котораго обращенъ къ востоку. Это зданіе, пышно украшенное изваяніями, относится къ эпохѣ Сассанидовъ, но оно покоится на гораздо болѣе древнихъ развалинахъ, и нѣкоторые фрагменты этого фундамента напоминаютъ халдейскіе вѣка [1]).

На Тигрѣ рѣдкія группы домовъ новѣйшей постройки возвѣщаютъ о себѣ уже издали окружающими ихъ оазисами культуръ. Между Мосуломъ и Багдадомъ, только одинъ изъ этихъ поясовъ садовъ, простирающійся вдоль праваго берега, представляетъ довольно густое населеніе: это—оазисъ Текритъ, лежащій ниже фатта или прохода Тигра черезъ проломъ кряжа Хамринъ, гдѣ видны нефтяные источники, бьющіе со дна рѣки чернымъ ключемъ и покрывающіе на далекое пространство желтоватую воду своими радужными пленками [2]). Громадный разрушенный замокъ, гдѣ родился Саладинъ, господствуетъ надъ низкими домами нынѣшняго мѣстечка Текритъ. Одинъ изъ многочисленныхъ Эски-Багдадъ или «Старыхъ Багдадовъ», близъ водоотвода изъ Нарвана, занимаетъ мѣсто какого-то неизвѣстнаго города, можетъ быть Гаруніе, города знаменитаго калифа Гарунъ-аль-Рашида; Самара, находящаяся тоже на лѣвомъ берегу, въ равнинѣ, орошаемой каналами, отведенными изъ Нарвана, теперь лишь незначительная деревня, но въ девятомъ столѣтіи она была столицей имперіи калифовъ. Недалеко оттуда видны остатки земляного вала, который арабы называютъ «стѣной Нимруда». Не есть ли это часть «Мидійской стѣны»—вала, который нѣкогда защищалъ рав-

[1]) Хуршидъ-Эфенди, „Описаніе турецко-персидской границы", переведенное на русскій языкъ Гамазовымъ.
[2]) Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey".

[1]) Ainsworth, „Travels in Asia Minor";—Rich;—Layard, „Nineveh and its Remains".
[2]) Thielmann, „Streifzüge in dem Kaukasus"

нины нижней Месопотаміи отъ набѣговъ сѣверныхъ варваровъ?

Багдадъ, носящій оффиціально имя Даръ-эсъ-Саламъ или «Жилище мира», стоитъ на мѣстѣ древняго города, названіе котораго Оппертъ объясняетъ персидскимъ словомъ Багадата, то-есть Богомъ данный [1]); но отъ этого города оставались только развалины, когда Багдадъ былъ вновь отстроенъ во второй половинѣ восьмаго столѣтія калифомъ Абу-Джаффаръ-Аль-Мансуромъ: онъ находится въ мѣстности, гдѣ пересѣченіе историческихъ путей необходимо должно было вызвать къ жизни большой городъ. Разрушенная на одномъ пунктѣ страны, столица должна была возраждаться на другомъ; одно время центромъ населенія былъ Ктезифонъ, затѣмъ его смѣнила Селевкія: такъ отъ срубленнаго дерева появляются новые отпрыски. Въ этомъ мѣстѣ Тигръ настолько приблизился къ Евфрату, что эти двѣ рѣки, соединенныя проведенными изъ нихъ каналами, составляютъ одну гидрографическую систему. Долина рѣки Діяла примыкаетъ къ долинѣ Тигра и представляетъ лучшія входныя ворота, чтобы подняться къ иранскому плоскогорью и проникнуть туда легчайшимъ переваломъ краевыхъ горъ. Какъ Эрзерумъ для Мидіи, Багдадъ служитъ для Персіи въ собственномъ смыслѣ обязательной исходной точкой каравановъ. Но самая важность его во всѣ времена привлекала завоевателей: мало городовъ, гдѣ бы столько развалинъ покрывали послѣдовательными наслоеніями почву. Раскапывая землю, находятъ еще остатки галлерей, кирпичи которыхъ носятъ имя Навуходоносора [2]), а между тѣмъ до сихъ поръ не знаютъ даже, гдѣ надо искать слѣды дворца, въ которомъ обиталъ пышный калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ, современникъ Карла Великаго. Багдадъ сохранилъ отъ этой эпохи богатства и могущества только развалившіяся стѣны гробницы Зобеиды, любимой жены Гаруна.

Городъ, основанный калифомъ Аль-Мансуромъ, стоялъ на правомъ берегу; но такъ какъ ему было слишкомъ тѣсно въ предѣлахъ ограды, то онъ продолжался на другой сторонѣ рѣки предмѣстьями и садами, которые, въ свою очередь, сдѣлались настоящимъ городомъ; древняя зарѣчная часть города, снизошедшая на степень пригорода или предмѣстья, утратила свое имя; теперь это—мѣстечко Каршіака, населенное преимущественно арабами племени агейль. Два плавучіе моста, длиной около 250 метровъ, соединяютъ оба берега, въ наименѣе широкомъ мѣстѣ рѣки. Распространяясь нѣкогда далеко въ окружающихъ равнинахъ, Багдадъ образовалъ огромное поселеніе, состоявшее изъ сорока городовъ и мѣстечекъ, которые соединялись непрерывными рядами домовъ вдоль дорогъ [1]); въ наши дни онъ даже не наполняетъ четыреугольнаго пространства, заключеннаго въ опоясывающихъ его валахъ; половина этого пространства покрыта развалинами, среди которыхъ шествуютъ караваны, точно въ какомъ-нибудь уголку пустыни. Даже внутри городской ограды виднѣются тамъ и сямъ груды обломковъ и мусора, чередующіяся съ группами пальмъ; многіе кварталы состоятъ изъ скопленія убогихъ хижинъ, такихъ же полуразвалившихся, какъ избушки въ деревняхъ внутреннихъ округовъ; тѣмъ не менѣе, городъ, взятый въ цѣломъ, есть одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ Оттоманской имперіи. Какъ транзитное и складочное мѣсто, онъ получаетъ произведенія и драгоцѣнныя издѣлія изъ всей Передней Азіи, и восемь пароходовъ, турецкихъ и англійскихъ, которые теперь совершаютъ правильные рейсы по рѣкѣ, между Багдадомъ и Бассорой, не поспѣваютъ перевозить товары: шерсть, зерновой хлѣбъ, чернильные орѣшки. Своей собственной промышленностью Багдадъ тоже способствуетъ поддержанію отпускной торговли: его финики, овощи и фрукты его садовъ и огородовъ славятся на всемъ Востокѣ; за багдадскихъ лошадей платятъ высокія цѣны, и особенно за багдадскихъ бѣлыхъ ословъ съ цвѣтными крапинками, производимыми растеніемъ лавзоніей. Въ Багдадѣ существуютъ различныя учрежденія, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ другихъ городахъ Востока: кромѣ мусульманскихъ медрессе и школъ, открытыхъ европейскими миссіонерами, католическими и протестантскими, онъ имѣетъ профессіональную школу, гдѣ обучаютъ различнымъ мастерствамъ по обработкѣ дерева, металловъ, выдѣлкѣ тканей, писчей бумаги, химическихъ продуктовъ; послѣ временнаго закрытія, это училище снова было открыто и продолжаетъ съ успѣхомъ свою полезную дѣятельность. Недавно былъ возбужденъ вопросъ объ основаніи французской школы на востокѣ для преподаванія арабскаго языка [2]). Багдадъ проявляетъ даже—вещь рѣдкая на Востокѣ—нѣкоторую заботливость относительно своей гигіены: на сѣверѣ, на лѣвомъ берегу Тигра, раскинутъ прекрасный «народный садъ», орошаемый обильными ручьями, которые питаются рѣчною водой, накачиваемой паровымъ насосомъ. Самымъ большимъ бѣдствіемъ, постигшимъ Багдадъ въ теченіе настоящаго столѣтія, была чума 1831 года, во время которой, вслѣдствіе смерти или бѣгства, городъ потерялъ три четверти своихъ жителей. Чума 1849, затѣмъ чума 1877 годовъ тоже сдѣлали опустошенія въ столицѣ Месопотаміи, но лучшая организація санитарнаго дѣла, большія удобства перемѣщенія и увеличеніе матеріальнаго благо-

[1]) Jules Oppert, „Expedition scientifque en Mésopotamie".
[2]) Layard, „Discoveries in the ruins of Nineveh and Babylon";—Oppert, цитированное сочиненіе.

[1]) De Slane, „Prolégomènes d'Ibn Khaldoun".
[2]) F. Desjardins, рукописныя замѣтки.

состоянія постепенно уменьшаютъ напряженность бича. Багдадъ лучше, чѣмъ прежде, защищенъ отъ наводненій: стѣна городской ограды окружена высокой насыпью, черезъ которую не могутъ перейти выступившія изъ береговъ воды; при малѣйшей тревогѣ солдаты располагаются лагеремъ на плотинѣ и работаютъ надъ заваливаніемъ промоинъ и надъ укрѣпленіемъ слабыхъ пунктовъ [1]). Особая мѣстная болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ «багдагскаго финика», другая форма «алеппскаго бутона», поражаетъ почти всѣхъ жителей города, туземцевъ или иностранцевъ.

Турки остались чужеземцами въ Багдадѣ: ихъ нація представлена въ Месопотаміи почти только чиновниками, да солдатами. Это — городъ чисто-арабскій по мѣстному патріотизму, равно какъ по діалекту и нравамъ. Евреи составляютъ по меньшей мѣрѣ четверть городскаго населенія; они настолько многочисленны, что сохранили свой языкъ, которымъ говорятъ такъ же хорошо, какъ арабскимъ. Большинство иранцевъ, между которыми особенно многочисленны баби [2]), живутъ за Багдадомъ, въ Гадимѣ, Хатимаймѣ или Имамъ-Муса, лежащемъ въ 5 километрахъ къ сѣверо-западу отъ верхняго моста на Тигрѣ, среди ограды садовъ, окаймляющихъ изгибъ рѣки. Гадимъ, обитаемый болѣе зажиточнымъ населеніемъ, чѣмъ населеніе Багдада, также красивѣе послѣдняго, лучше содержится, и его прекрасные кварталы состоятъ изъ виллъ съ колоннадами, обвитыми гирляндами цвѣтовъ. Надъ городомъ поднимается круглый куполъ, и высятся шесть минаретовъ мечети, прикрывающей гробницу одного шіитскаго мученика, имама Муса Ибнъ-Джаффара. Багдадъ не имѣетъ памятниковъ, которые могли бы сравниться съ этой святыней персидскихъ шіитовъ. Ревностные богомольцы отправляются къ гробу святаго, идя на колѣняхъ, тогда какъ негоціанты, возвращающіеся изъ конторы въ свои загородныя виллы, удобно совершаютъ путешествіе въ вагонахъ американской желѣзной дороги. Противъ Гадима, на лѣвомъ берегу, стоитъ другой священный городъ, Мадимъ, посѣщаемый пилигримами-суннитами.

Маленькій гадимскій желѣзный путь есть скромное начало рельсовой сѣти, которая будетъ имѣть центромъ Багдадъ; но до настоящей минуты турецкое правительство отказывало въ концессіяхъ на постройку желѣзнодорожныхъ линій, которыя соединили бы этотъ городъ съ святыми мѣстами Неджефъ и Кербела, равно какъ на содержаніе пути, не менѣе полезнаго въ торговомъ отношеніи, который направлялся бы на сѣверо-востокъ къ Ханакину или Ханыкину, на персидской границѣ; черезъ этотъ пунктъ каждый годъ проходитъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ персидскихъ пилигримовъ, направляющихся къ Кербелѣ. Изъ всѣхъ побочныхъ долинъ Тигра долина рѣки Діяла самая богатая и самая населенная; равнымъ образомъ и въ стратегическомъ отношеніи она имѣетъ наибольшую цѣну для Турціи, такъ какъ проникаетъ далеко въ область краевыхъ цѣпей Ирана. Сулейманіе, городъ новый, построенный только въ 1788 году, въ самомъ сердцѣ горъ у подошвы снѣговой вершины Авромана, наблюдаетъ за границей и служитъ рынкомъ окрестнымъ курдскимъ племенамъ: добраться туда можно не иначе, какъ проходя черезъ высокіе гребни горъ или пробираясь по страшнымъ ущельямъ. Нѣсколько большихъ деревень слѣдуютъ одна за другой въ долинѣ Діяла; самыя многолюдныя изъ нихъ тѣ, которыя находятся уже въ равнинѣ при выходѣ изъ Гамринскихъ ущелій. Бакуба, лежащая километрахъ въ пятидесяти отъ Багдада, расположена среди обширнаго сплошнаго сада, который простирается вдоль рѣки Діяла, отъ береговъ Тигра до основанія крутыхъ склоновъ массива Гамринъ. Недалеко оттуда видны развалины Дастагерда, другаго Эски-Багдада (Стараго Багдада), которыя еще не были изслѣдованы. Мендели, лежащій на одномъ изъ притоковъ Тигра, есть, какъ Ханакинъ, мѣсто прохода шіитскихъ пилигримовъ и одни изъ торговыхъ воротъ имперіи со стороны Ирана. Послѣ сбора финиковъ, главная его промышленность—эксплоатація нефтяныхъ источниковъ, продукты которыхъ отправляются въ Багдадъ для освѣщенія улицъ города. Мендели имѣетъ также очень обильные источники газа, отравляющіе атмосферу. Арабы всегда располагаютъ свои становища на приличномъ разстояніи и съ навѣтряной стороны отъ этихъ опасныхъ фумароллъ [3]).

Многочисленные *телли* или курганы развалинъ господствуютъ надъ равниной въ окрестностяхъ Багдада. Одна изъ этихъ горокъ, Телль-Магомедъ, вызвышается у самыхъ воротъ города, на юго-западной сторонѣ; другая, въ 30 километрахъ къ западу, носитъ имя Касръ-Нимрудъ или «Дворецъ Немврода»; ее называютъ также Акеркуфъ: это—одинъ изъ самыхъ высокихъ кургановъ древней Халдеи; онъ имѣетъ слишкомъ 40 метровъ въ вышину и походитъ на группу огромныхъ столбовъ, разрытыхъ при основаніи; подобно другимъ теллямъ равнины, онъ состоитъ изъ обожженныхъ на солнцѣ кирпичей, чередующихся съ слоями тростника. Другіе курганы выше Багдада слѣдуютъ одинъ за другимъ вдоль рѣки, на нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣваго берега, какъ военные посты; наконецъ на югъ отъ сліянія р. Діяла съ Тигромъ, груды кирпича и осколковъ глиняныхъ сосудовъ указываютъ мѣсто-

[1]) Floyer, „Unexplored Baluchistan".
[2]) Petermann, „Reisen im Orient".

[3]) Meissner „Petermann's Mittheilungen", IX, 1874.

положеніе предшествовавшихъ столицъ, Мадайновъ, или «Двухъ городовъ», которые расположены одинъ противъ другаго на обоихъ берегахъ Тигра. Селевкія, городъ праваго берега, названный такъ въ честь государя, который построилъ его послѣ паденія Вавилона, не сохранилъ болѣе ни одного памятника: можно распознать только, да и то съ трудомъ, слѣды четыреугольной городской ограды. Часть западнаго города, сирійской столицы, была разрушена размывами рѣки, тогда какъ на лѣвомъ берегу прибавились новыя береговыя полосы земли къ полуострову, на которомъ стоялъ Ктезифонъ, столица парѳянъ. Отъ самаго города остались только кирпичи да черепки, но дворецъ Хосроя Нуширвана, построенный въ половинѣ шестаго вѣка христіанской эры, еще до сихъ поръ раскинулъ надъ равниной свой

Скутарійское кладбище.

*

колоссальный порталъ въ 32 метра высотой. Такъ-и-Кесра или Такъ-Косру, то-есть «Сводъ Хосроя», даетъ входъ въ обширное внутреннее пространство, имѣющее 50 метровъ въ глубину и помѣщенное въ центрѣ многоэтажнаго зданія, раздѣленнаго на аппартаменты небольшихъ размѣровъ. Орнаменты, скульптурныя изваянія исчезли, но величественная аркада, единственный памятникъ доисламитской эпохи, которымъ еще обладаетъ нижняя Месопотамія, тѣмъ болѣе грандіозна въ своей наготѣ. Никакая другая дверь персидскихъ дворцовъ не можетъ сравниться по смѣлости плана съ этимъ порталомъ разрушеннаго памятника. Подъ сводомъ Хосроя арабы, побѣдители въ рѣшительной битвѣ при Кадезіи, нашли тронъ, корону, поясъ и знамя персидскаго царя.

Ниже «городовъ-близнецовъ», по теченію Тигра, многія другія горки напоминаютъ о существованіи исчезнувшихъ городовъ, но обитаемыя селенія попадаются все рѣже и рѣже, и большая часть жилищъ состоитъ изъ палатокъ кочевниковъ. На всемъ протяженіи дороги въ 800 километровъ длиной, которую должны проходить пароходы, совершающіе рейсы между Багдадомъ и Бассорой, существуютъ только четыре мѣста остановки, въ томъ числѣ только одинъ городъ, Кутъ-эль-Амара, основанный въ 1860 году и сдѣлавшійся сборнымъ торговымъ пунктомъ для сотенъ племенъ. Тамъ и сямъ показывается куполъ надъ гробницей какого-либо святаго, которая вездѣ въ другомъ мѣстѣ сдѣлалась бы ядромъ города: таковы, например, могила Исава, которую посѣщаютъ еврейскіе пилигримы, и недалеко отъ сліянія Тигра съ Евфратомъ, могила Эздры, равно чтимая евреями, христіанами и магометанами. Каналъ Шатъ-эль-Гай, отдѣляющійся отъ Тигра у городка Кутъ-эль-Амара и текущій прямо на югъ къ Евфрату, имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ самый Тигръ, по окаймляющему его поясу воздѣланныхъ земель и населенныхъ мѣстъ.

Главные города бассейна Тигра въ Азіатской Турціи, съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ: Багдадъ—145.000 жит., Моссулъ—61.000 жит., Діарбекиръ—34.000 жит., Битлисъ—39.000 жит., Керкукъ, по Чернику—12.000 жит., Сулейманіе, по Ричу—10.000 жит., Ревандозъ—10.000 жит., Кутъ-эль-Амара, по Денн де-Ривуару 10.000 жит., Гадимъ, по Чернику—8.000 жит., Арбиль—6.000 жит., Мендели, по Клеману—6.000 жит., Сертъ, по Шилю и Энсворту—5.000 жит., Тузъ-Хурматли, по Ричу—5.000 жит., Ханакинъ—5.000 жит., Маденъ-Хапуръ—4.000 жит., Хой-Санджакъ—4.000 жит., Кифри, по Клеману—4.500 жит., Джезире—3.500 жит., Телль-Афаръ, по Захау—3.000 жит.. Бакуба, по Клеману—3.000 жит., Аргана—3.000 жит., Акра—8.000 жит., Алтынъ-Кіопру, по Чернику—2.000 жит., Текритъ—2.000 жит.

На берегу канала Шатъ-эль-Рай или отведенныхъ изъ него развѣтвленій, уже въ сосѣдствѣ Евфрата, виднѣются остатки нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ городовъ Халдеи. Тамъ находится, между прочимъ, Телло или Телль-Лохъ, Сиртелла (Сирбурла) археологовъ, вдругъ получившій громкую извѣстность, благодаря раскопкамъ г. де-Сарзека, которыя открыли міру замѣчательный періодъ искусства, предшествовавшій эпохамъ вавилонской и ниневійской. Въ то отдаленное время письмо еще не приняло клинообразнаго вида, какой оно получило впослѣдствіи; каждый письменный знакъ напоминалъ смутно предметъ, который онъ представлялъ подъ своей іероглифической формой [1]). Въ нижней Халдеѣ совсѣмъ нѣтъ камня, и потому привозили изъ очень далекихъ странъ, можетъ быть, изъ Египта, необдѣланные камни для статуй и надписей. Найденные въ Телло памятники были перевезены въ Лувръ.

Евфратъ, менѣе полноводный, чѣмъ Тигръ, болѣе удаленный отъ плодоносныхъ горныхъ долинъ и ограниченный на правомъ берегу песками или глинами пустыни, имѣетъ гораздо менѣе городовъ и мѣстечекъ на своихъ берегахъ, между областью проходовъ и Вавилоніей въ собственномъ смыслѣ: хотя его теченіе образуетъ большую діагональ Передней Азіи между Александретскимъ и Персидскимъ заливами, Евфратъ—рѣка мертвая въ сравненіи съ потокомъ восточной Месопотаміи. Не такъ было въ прежнія времена. Въ исторіи націй установился замѣчательный географическій контрастъ между этими двумя рѣчными артеріями. Отъ выхода ущелій до Сузіаны большіе города были расположены на Тигрѣ, главной рѣкѣ Ассиріи; но въ нижней Месопотаміи, начиная отъ Мидійской стѣны, почти всѣ города слѣдовали одинъ за другимъ по берегамъ или въ сосѣдствѣ Евфрата [2]): контрастъ двухъ царствъ, Ассиріи и Вавилона, соотвѣтствуетъ контрасту двухъ потоковъ.

Ниже сліянія двухъ Евфратовъ и до выхода ущелій Таврскихъ горъ только бѣдныя мѣстечки выстроились на берегахъ главной рѣки; но въ боковомъ бассейнѣ ея притока Токма-су находятся два главныхъ города, Малатія и Азбузу, между которыми еще недавно странствовало пополугодно почти все городское населеніе. Малатія, Мелитена древнихъ римлянъ, была зимнимъ городомъ; но окруженная ирригаціонными каналами и затопленными водой полями, она дѣлается нездоровой съ наступленіемъ

---

[1]) Heuzey et Oppert, „Rapport à l'Académie des Inscriptions";—Perrot et Chipiez, „Histoire de l'Art dans l'Antiquité".

[2]) Ménant, „Babylone et Chaldée";—Hommel, „Vorsemitische Kulturen".

первыхъ жаровъ; жители покидаютъ ее и переселяются въ Азбузу, лѣтній городъ, лежащій на югѣ въ болѣе высокой долинѣ [1]). Но эти періодическія переселенія въ большей части уже прекратились; большинство населенія водворилось на постоянное жительство въ южномъ городѣ, очаровательномъ мѣстопребываніи, гдѣ каждый домъ имѣетъ свой фонтанъ, свой садъ, свою рощу. Два города верхней долины Токма-су, Гурунъ и Дерендахъ, въ лѣтнее время, какъ и Малатія, бываютъ почти совершенно безлюдны: все населеніе переселяется въ загородные дома или дачи окрестностей. Выходцы изъ Гуруна, которыхъ можно встрѣтить во всѣхъ частяхъ Турецкой имперіи, отличаются духомъ предпріимчивости.

Древняя столица Коммагены, Самосатъ, родина Лукіана, нѣкогда столь важная какъ мѣсто прохода и какъ крѣпость римскихъ легіоновъ при выходѣ изъ ущелій Евфрата, теперь не болѣе, какъ незначительное мѣстечко въ развалинахъ, менѣе населенное, чѣмъ маленькій городокъ Суверекъ, лежащій въ боковой долинѣ, на діарбекирской дорогѣ. Въ этихъ двухъ городахъ замѣчательны только огромные искусственные холмы, на которыхъ нѣкогда стояли акрополи; но въ окрестностяхъ, на массивѣ, поднимающемся къ западу отъ рѣки, недавно открыли, почти на высотѣ 1.800 метровъ надъ уровнемъ моря, пышные надгробные памятники древнихъ царей Коммагены [2]), украшенные статуями, изъ которыхъ иныя имѣютъ до 17 метровъ въ вышину. Туземцы предполагали тамъ могилу Немврода, легендарнаго героя Месопотаміи: отсюда имя Нимрудъ-дагъ, которое они дали этимъ горамъ.

Ниже Самосата Евфратъ принимаетъ въ себя ручей, спускающійся изъ узкой лощины, окруженной известняковыми горами, гдѣ находится турецкій городъ Бегесни. Еще ниже по теченію, Румъ-Кала или «Замокъ римлянъ», бывшая резиденція патріарха-католикоса Арменіи, былъ, какъ и Самосатъ, очень посѣщаемымъ мѣстомъ перехода черезъ рѣку; въ настоящее время пунктомъ, гдѣ почти всегда происходитъ переправа каравановъ съ одного берега на другой, служитъ городъ Биръ, Биръ-аль-Биратъ или Бираджикъ: въ этомъ мѣстѣ, какъ гласитъ греческая легенда, Вакхъ перекинулъ первый мостъ на Евфратѣ, чтобы идти на завоеваніе Индіи [3]). Одна уединенная скала лѣваго берега покрыта живописными развалинами обширной крѣпости, которая нѣкогда командовала переходомъ черезъ рѣку и продолжается на югѣ холмами, откуда строенія спускаются амфитеатромъ къ высокому берегу Евфрата; дома съ террасами, надъ которыми возвышаются бѣлые минареты мечетей и темные кипарисы, окаймляютъ рѣку на протяженіи около 2 километровъ. Бираджикъ населенъ преимущественно турками, но въ немъ есть также колонія армянъ, которые занимаются главнымъ образомъ транзитной торговлей, а въ сосѣдствѣ цитадели многочисленныя курдскія семейства живутъ въ развалинахъ и въ пещерахъ известняковыхъ скалъ. Вокругъ Биреджика простираются поля, засѣянныя ячменемъ, гдѣ проходящіе караваны запасаются кормомъ для верблюдовъ. Къ западу, на берегу излучины Евфрата, возвышается курганъ Балкисъ, гдѣ нашли цѣнныя римскія мозаики и произведенія живописи; но всѣ цѣнные предметы были поломаны, и холмъ служитъ каменоломней для жителей Биреджика [1]). Голая равнина, простирающаяся на сѣверъ отъ Биреджика, къ предгорьямъ Тавра, замѣчательна своими безчисленными базальтовыми обломками, усѣянными на песчаниковыхъ скалахъ [2]).

Большая дорога изъ Биреджика въ Александретту, которая (т. е. дорога), безъ сомнѣнія, рано или поздно будетъ замѣнена рельсовымъ путемъ, проходитъ чрезъ маленькій городъ Низибъ и его масличныя плантаціи, гдѣ происходила въ 1839 году битва, открывшая египетскимъ войскамъ Ибрагима-паши дорогу на сѣверъ и вызвавшая вмѣшательство Европы; тамъ же или въ окрестностяхъ, на стратегическомъ пути изъ Малой Азіи и Сиріи къ Евфрату, уже ранѣе встрѣчались многія другія арміи, греческія—византійскія и персидскія. Главный городъ этой области, принадлежащей еще къ бассейну Евфрата,—Аинтабъ, который поднимается амфитеатромъ по сѣвернымъ скатамъ, господствующимъ надъ долиной рѣки Саджуръ, искусственный холмъ, обшитый каменными плитами, какъ большинство кургановъ Сиріи и Месопотаміи, возвышается между рѣкой и городомъ, покрытый развалинами заброшенной крѣпости, вокругъ которой кружатся стаи птицъ. Городъ, населенный преимущественно турками, не имѣетъ другаго промысла, кромѣ мытья шерсти и дубленія кожъ; но, какъ главная станція между Биреджикомъ и моремъ, ведетъ значительную транзитную торговлю. На юго-востокъ отъ Аинтаба рѣка Саджуръ раздѣляется на два рукава; искусственный каналъ, продолжающійся туннелемъ въ 250 метровъ длиной, соединяетъ Саджуръ съ обильными истоками рѣки Гекъ-су, спускающейся на югъ къ алеппскимъ равнинамъ: такимъ образомъ этотъ прорѣзъ почвы, сооруженіе котораго восходитъ къ тринадцатому столѣтію, но который недавно пришлось реставрировать, связываетъ бассейнъ Евфрата съ замкнутой впади-

[1]) Von Moltke, „Das nördliche Vorland Klein-Asiens“;— Karl Ritter „Asien“.

[2]) Sester und Puchstein, Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“, 1882.

[3]) Oppert, „Expédition scientifique en Mésopotamie“.

[1]) Червикъ и Швейгеръ - Лерхенфельдъ, цитированный мемуаръ.

[2]) Von Moltke, „Das nördliche Vorland Klein-Asiens“.

ной, дно которой занимаетъ городъ Алеппо [1]). Римскія развалины многочисленны въ этой области, которая въ теченіе четырехъ столѣтій была границей имперіи: на правомъ берегу Евфрата, недалеко отъ сліянія Саджура, видны на утесѣ, въ Джарабисѣ (или Джераблусѣ) остатки храма, который еще недавно считали храмомъ древней Европы. Новѣйшія раскопки англійскихъ изслѣдователей Гендерсона и Кондера доказали несомнѣнно, что это развалины Каркгемиша, столь долго отыскиваемой столицы таинственнаго народа гиттитовъ; изваянія, высѣченныя на базальтовыхъ и известняковыхъ плитахъ, отличаются стилемъ, напоминающимъ ассирійскій, но который, однако, имѣетъ самобытный характеръ; надписи вырѣзаны іероглифами [2]). На югѣ отъ рѣки Саджуръ, общей границы языковъ арабскаго и турецкаго, есть другой разрушенный временемъ городъ, посѣщаемый археологами, Бамбисъ, по нынѣшнему Мамбиджъ; это—одинъ изъ многочисленныхъ Гіераполисовъ, нѣкогда посвященныхъ солнцу и «великой богинѣ»: ему давали также имя Магога.

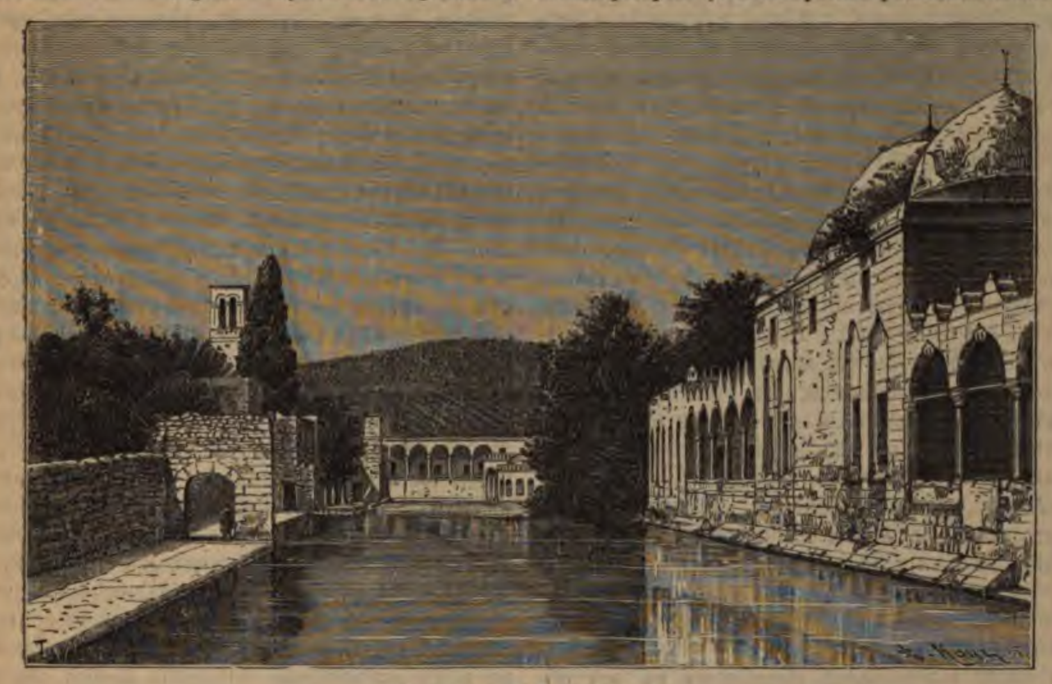
Къ востоку отъ Биреджика, Орфа (Урфа), древній Рогасъ и Эдесса крестоносцевъ, есть первая большая станція каравановъ на моссульской дорогѣ. Этотъ городъ, лежащій на западномъ берегу Кара-чая, притока Евфрата чрезъ Нахръ-Беликъ, опирается на передовые холмы Топъ-дага, извѣстнаго въ средніе вѣка подъ именемъ «Святой горы», по причинѣ многочисленныхъ монастырей, построенныхъ на ея склонахъ. Замокъ Орфа, построенный, какъ и многочисленныя крѣпости на границѣ, императоромъ Юстиніаномъ, однимъ изъ величайшихъ строителей, какіе когда-либо существовали [3]), стоитъ на крутомъ контрфорсѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ рвами, изсѣченными въ живой скалѣ на глубинѣ 12 метровъ [4]); треугольная ограда, съ четыреугольными башнями по бокамъ, примыкаетъ къ укрѣпленіямъ замка и отдѣляетъ городъ отъ зеленѣющихъ рощъ и плодоносныхъ садовъ, среди которыхъ развѣтвляются воды Кара-чая; съ валганга крѣпости виденъ, какъ на ладони, раскинувшійся внизу городъ съ его куполами и минаретами, поясъ фруктовыхъ садовъ и скаты окружающихъ холмовъ, покрытые виноградниками. Источникъ, знаменитый въ древности ключъ Каллироэ, бьетъ изъ земли у основанія замка и наполняетъ священный прудъ, гдѣ плещутся чебаки, равно чтимые евреями, христіанами и мусульманами. Мечеть, посвященная патріарху Аврааму, называемому Халиль или «Другъ Бога», отражаетъ свои стѣны въ зеркальной поверхности пруда, и гранатовыя деревья, кипарисы, чинары осѣняютъ ступени площадки, на которую приходятъ сидѣть пилигримы. Двѣ колонны, которыя приписываютъ отцу евреевъ, высятся близъ цитадели, а подъ скалой крѣпости, такъ же, какъ въ склонахъ окрестностей, открываются по меньшей мѣрѣ до двухсотъ высѣченныхъ въ камнѣ гротовъ, изъ которыхъ иные расположены одинъ надъ другимъ этажами и продолжаются въ видѣ галлерей: это—усыпальницы, превращенныя въ жилища [1]). Въ самомъ городѣ есть остатки средневѣковыхъ строеній, именно нѣсколькихъ частей дворца принцевъ Куртенэ, сюзереновъ Эдессы во времена крестовыхъ походовъ. Зданія Орфы построены изъ камня, известняковъ и базальтовъ, положенныхъ попеременными слоями, что̀ придаетъ имъ очень пріятный видъ; немногіе города въ Передней Азіи могутъ сравниться съ Орфой въ отношеніи опрятности домовъ и улицъ. Промышленность этого города ограничивается производствомъ шерстяныхъ тканей и глиняной посуды, но транзитная торговля его очень дѣятельна. Вывозъ хлѣба достигъ значительныхъ размѣровъ; сотни бедуиновъ и курдовъ, полуосѣдлыхъ, имѣютъ становища въ сосѣдствѣ и обработываютъ для французскаго консула обширное имѣніе Меджери-ханъ; кромѣ хлѣбныхъ растеній, тамъ культивируютъ кунжутъ, коноплю, хлопокъ и рамію [2]).

Всѣ города верхней Месопотаміи имѣютъ имя въ исторіи религій. Къ югу отъ Орфы, города «Друга Божьяго», Харранъ, древній Харре, упоминается въ Книгѣ Бытія, какъ мѣсто, бывшее жилищемъ Авраама, и культъ небесныхъ свѣтилъ держался тамъ долгое время. На востокѣ Мардинъ замѣчателенъ какъ центръ сектантскихъ населеній, оттѣсненныхъ въ горы, сначала православными христіанами, а потомъ мусульманами; около половины его народонаселенія состоитъ изъ христіанъ, принадлежащихъ къ различнымъ сектамъ [3]): въ этомъ городѣ преобладаетъ арабская рѣчь, тогда какъ въ Орфѣ господствующій языкъ—турецкій. Населенный курдами-магометанами, «халдейцами», сирійцами, якобитами, армянами и новообращенными, католиками и протестантами, которые живутъ не въ отдѣльныхъ кварталахъ, Мардинъ есть городъ мечетей, церквей, часовень, медрессе и школъ. Мардинскія женщины славятся красотой. Этотъ живописный городъ построенъ на высотѣ 1.190 метровъ, на известняковой скалѣ, растрескавшейся по всѣмъ направленіямъ и увѣнчанной бѣлой крѣпостью, которую молва называетъ неодолимой. Ста метрами выше, на остроко-

[1]) Rousseau;—Carl Ritter, „Asien", vol. X;—Черникъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Sachau, „Reise in Syrien und Mesopotamien".
[3]) E. Desjardins, рукописныя замѣтки.
[4]) G. Rey, „Les Colonies franques de Syrie au douzième et treizième siècles".

[1]) Olivier, „Voyage dans l'empire Ottoman".
[2]) Ernest Chantre, рукописныя замѣтки.
[3]) Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey".

нечной верхушкѣ скалы, стоитъ еще фортъ, воздвигнутый какъ обсерваціонный пунктъ надъ страной. Расположенный въ сосѣдствѣ перевала, посредствомъ котораго Діарбекиръ сообщается непосредственно съ равнинами Месопотаміи, и чрезъ который проходитъ дорога «почти проѣзжая», Мардинъ имѣетъ важное значеніе въ стратегическомъ отношеніи, но доступъ къ нему слишкомъ труденъ, чтобы городъ могъ сдѣлаться средоточіемъ большой торговли; караванная дорога идетъ вдоль основанія его горъ, откуда направляется на востокъ къ Низибину и Моссулу. Въ 25 километрахъ къ юго-востоку отъ Мардина, она проходитъ мимо выхода изъ ущелья, которое нѣкогда защищалъ византійскій городъ Дара. Зубчатыя башни, ряды ступенекъ, аркады и колоннады, высѣченныя въ живой скалѣ, сохранились неповрежденными. Невольно ищешь глазами толпу, которая должна бы толкаться у дверей храмовъ и на лѣстницахъ большаго подземнаго города, но все нынѣшнее населеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ туркменскихъ семействъ, живущихъ разбросанно въ гротахъ и развалинахъ. На востокѣ, въ горахъ Туръ-Абдинъ, находится городъ Мидіатъ, метрополія якобитовъ. Низибинъ, древняя Низибида, бывшая резиденціей Тиграна, и которую римляне сдѣлали оплотомъ противъ пароянъ, «вторая Антіохія», заключавшая, говорятъ, въ своихъ стѣнахъ сотни тысячъ жителей, занимаетъ незначительную часть пространства, окруженнаго старымъ циркумваллаціоннымъ рвомъ. Колонны храма сохранились еще, такъ же, какъ римскій мостъ, перекинутый черезъ Джаходжахъ, шумную рѣчку, бѣгущую къ рѣкѣ Хабуръ. Въ этомъ же бассейнѣ Хабура, къ юго-западу отъ Мардина, изслѣдователь Захау открылъ, какъ онъ полагаетъ, мѣстоположеніе столь долго розыскиваемой Тиграноцерты: это, будто бы, Телль-Эрменъ или «Армянскій холмъ», близъ деревни Дюнайсиръ; но до сихъ поръ тамъ не замѣтили никакихъ развалинъ. Расъ-эль-Айнъ или «Голова воды», въ равнинѣ, орошаемой Хабуромъ, былъ недавно центромъ колоній кавказскихъ чеченцевъ; но преслѣдуемые арабами окружающихъ племенъ, которые обвиняли ихъ въ конокрадствѣ и похищеніи дѣтей, эти пришельцы были большею частью перебиты или покинули свою новую родину, чтобы поступить на службу въ турецкую жандармерію [1]). Въ глубинѣ равнины, нѣкогда столь многолюдной, а нынѣ почти пустынной, гдѣ извивается Хабуръ, тянется, по направленію отъ востока къ западу, прерывающаяся цѣпь Синджара, главный городъ которой, Синджаръ, Сингали курдовъ, Беледъ арабовъ, есть главный рынокъ іезидовъ или поклонниковъ діавола. Говорятъ, что въ скалахъ Джебель-Азиза, къ востоку отъ Синджара, открывается «бездонная» пропасть, куда іезиды ходятъ каждый годъ дѣлать приношенія діаволу, бросая въ бездну драгоцѣнные камни и золотыя и серебряныя монеты [2]).



Фонтанъ Авраама.

На берегахъ Евфрата, такъ же, какъ въ степяхъ, по которымъ протекаетъ его притокъ Хабуръ, разрушенные города, обозначенные

[1]) Sachau, цитированное сочиненіе;—Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.

[2]) Kinneir, „Voyage en Arménie“, etc.

теллями или буграми, на которыхъ были расположены ихъ акрополи или кремли, болѣе многочисленны, чѣмъ мѣстечки еще обитаемыя, да и эти населенныя мѣста по большей части являются лишь ничтожными остатками нѣкогда существовавшихъ значительныхъ городскихъ поселеній. Балисъ теперь не болѣе, какъ полуразвалившійся замокъ, расположенный на мѣловомъ утесѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, переставъ течь параллельно прибрежью Сиріи, поворачиваетъ на юго-востокъ и направляется къ Персидскому заливу. Древній Тапсакусъ, имя котораго значитъ «Переправа», не существуетъ болѣе. Ракка, въ небольшомъ разстояніи выше впаденія въ Евфратъ Белика, не сохранилъ болѣе ничего, что̀ напоминало бы греческіе города Никефоріонъ, Каллиниконъ, Леонтополисъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ въ этомъ мѣстѣ, и теперь тамъ можно видѣть только жалкіе отрывки дворца, который былъ построенъ по повелѣнію калифа Гарунъ-аль-Рашида, когда Ракка сдѣлалась его столицей. Недалеко оттуда, въ Сеффинскихъ равнинахъ, происходили, между арміями Али и Моавіи, битвы, долженствовавшія рѣшить порядокъ престолонаслѣдія въ калифатѣ. Никогда, можетъ быть, не видано подобнаго ожесточенія: сраженіе было рѣшено лишь послѣ 90 ожесточенныхъ схватокъ, почти по одной въ день, и стоило жизни 70.000 человѣкъ, половинѣ сражавшихся; въ этой странѣ, гдѣ такъ часто сталкивались на полѣ битвы различныя націи, по выраженію одного писателя, «самая почва есть исторія» [1]).

Зелиби, древняя Зенобія, пріютившійся на верху высокой скалы, у подножія которой проходили пальмирскіе караваны, направлявшіеся къ Персіи, сохранилъ лишь разбросанные отрывки своихъ зданій, построенныхъ изъ просвѣчивающаго алебастра [2]). Городъ, господствующій теперь надъ проходомъ въ эту область, есть крѣпость Деиръ (Деръ, Эдъ-Деръ) или «Монастырь», населенный турками, нѣсколькими арабскими поселенцами и черкесскими эмигрантами, которымъ отведенъ для жительства особый кварталъ. Мостъ, снесенный водой во время разлива 1882 года, соединялъ западный высокій берегъ, на которомъ построенъ городъ, съ большимъ островомъ Евфрата, покрытымъ садами, рисовыми полями, плантаціями хлопчатника и табаку. Ниже Бireджика, который находится въ 400 километрахъ по теченію рѣки, Деиръ есть первый центръ земледѣльческой культуры и торговли. Далѣе внизъ по рѣкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Хабуръ и Евфратъ соединяются у подножія крутаго мыса, вся равнина представляетъ одинъ обширный садъ; но древній греческій городъ Киркесіонъ, который недавно считали Каркемишемъ, столицей гиттитовъ, гдѣ сходились на полѣ брани арміи Египта и Ассиріи, уступилъ мѣсто группѣ лачугъ, которая носитъ названіе Бусейрахъ. Ниже по теченію въ равнинѣ, на извилинѣ Евфрата, встрѣчаемъ болѣе значительный городокъ, Маядимъ; его каменные дома почти цѣликомъ построены изъ остатковъ зданій, которыя стояли въ этой странѣ, нѣкогда столь многолюдной. Величественныя руины замка Рахаба, въ которомъ предполагаютъ библейскій Рековоѳъ, расположены на крутой скалѣ, надъ Маядимомъ.

Анахъ, древній Анеѳо — единственный въ своемъ родѣ городъ въ Передней Азіи. Онъ походитъ на тѣ сингалезскіе и малабарскіе городки, которые окаймляютъ берегъ Индійскаго океана, и дома которыхъ тянутся безъ конца вдоль тѣнистыхъ дорогъ подъ рощами кокосовыхъ пальмъ. Замкнутый между утесомъ, которымъ круто обрывается пустынное плато, и извилистымъ берегомъ Евфрата, Анахъ занимаетъ на западной сторонѣ рѣки поясъ около 8 километровъ длиной, чудный оазисъ зелени, который дѣлаетъ понятнымъ восхищеніе Геродота при видѣ цвѣтущихъ равнинъ Месопотаміи. Высокіе дома, стоящіе особнякомъ другъ отъ друга, словно потонули въ пышной растительности; подъ высокими шатрами пальмъ растутъ смоковницы, апельсинныя, гранатовыя деревья, виноградъ обвиваетъ свои кисти вокругъ деревьевъ; сахарный тростникъ чередуется съ хлопчатникомъ; ниже длинной дороги, окаймленной домами и садами, старый каменный мостъ соединяетъ съ берегомъ островной городъ древняго происхожденія, имя котораго сдѣлалось именемъ всего оазиса. Анахъ—столица и главный рынокъ кочевыхъ бедуиновъ, имѣющихъ становища въ равнинахъ между Сиріей и Евфратомъ, и торговля въ немъ значительна. Противъ Анаха, на лѣвомъ берегу, расположено мѣстечко Равахъ, служащее исходнымъ пунктомъ для многочисленныхъ каравановъ, которые достигаютъ Тигра у мѣстечка Текритъ.

Ниже Анаха слѣдуютъ одинъ за другимъ маленькіе островные города Гадигахъ, Эль-Узъ, Джиббахъ, затѣмъ городъ Гитъ, славящійся своими асфальтовыми источниками, доставляющими горную смолу для постройки судовъ: одинъ изъ нефтяныхъ фонтановъ бьетъ неистощимо изъ вершины холма, открытаго въ формѣ котла [1]). Гитъ есть также важная пристань для транзитной торговли между двумя большими рѣками, но главный портъ—это Фелуджа, гдѣ оканчивается кратчайшая дорога изъ Багдада къ Евфрату. Къ западу отъ излучины, описываемой этой рѣкой, простираются плодоносныя равнины Саклавія, гдѣ пасутся

[1]) Walpole, „The Ansayrie“.
[2]) Helfer; --Chesney, „Report on Steam Navigation to India“.

[1]) Grattan Geary, „Through Asiati: Turkey“.

сотнями тысячъ верблюды и арабскія лошади, славящіяся на всемъ Востокѣ. Саклавійскія пастбища продолжаются на югъ до болотъ, окаймляющихъ Евфратъ въ древней Вавилоніи. Мѣстечко Моссеибъ, расположенное на обоихъ берегахъ рѣки, имѣетъ очень оживленный видъ, какъ мѣсто прохода двухсотъ тысячъ пилигримовъ, которые каждый годъ отправляются изъ Багдада въ Кербелу. Въ Моссеибѣ предполагалось, по проектамъ извѣстнаго Мидхада-паши, построить на Евфратѣ путеводъ желѣзной дороги.

«Великій Вавилонъ», именемъ котораго означаютъ еще самые огромные города въ свѣтѣ, гдѣ высятся пышныя зданія, гдѣ поглощаются богатства окружающихъ странъ, представляетъ теперь голую равнину, усѣянную курганами, грудами обрушившихся кирпичей, которые нѣкогда были дворцами и храмами. Пространство въ 24 километра длины по сторонѣ—то-есть въ 576 квадратн. километровъ,—которое обнимали исполинскія стѣны древняго Вавилона, имѣетъ въ наши дни видъ пустыни почти на всемъ своемъ протяженіи. Однако, въ южной части этого громаднаго пространства находится одинъ изъ значительныхъ городовъ нижней Месопотаміи. Осѣненный финиковыми пальмами, окруженный великолѣпными садами, перерѣзанный широкими улицами, болѣе опрятными, чѣмъ улицы Багдада, и имѣющій богатые базары, гдѣ толкается толпа арабовъ, Гиллехъ-этъ-Фейдахъ или «Гиллехъ обширный», окаймляетъ правый берегъ рѣки и сообщается съ предмѣстьемъ противоположнаго берега посредствомъ пловучаго моста длиной около 200 метровъ. Выгоды, представляемыя этой частью рѣки, къ которой сходятся дороги изъ Сиріи и отъ арабскихъ становищъ, были достаточны, чтобы здѣсь возродился городъ, хотя столицы, смѣнившія древній Вавилонъ—Селевкія, Ктезифонъ, Куфа, Багдадъ—лишили его преимуществъ, которыя должны принадлежать всякому центральному городу Месопотаміи.

Ближайшій къ Багдаду вавилонскій курганъ, которому даютъ спеціальное имя Бабилъ, «Врата Божіи», или Муджелибехъ, «Ниспровергнутая», служитъ каменоломней уже въ теченіе двухъ тысячелѣтій. Взятые изъ него кирпичи были употреблены на постройку зданій окружающихъ городовъ. Еще и въ наши дни, цѣлыя семьи, принадлежащія по большей части къ племени бабили, которое считаетъ себя потомками древнихъ вавилонянъ, не имѣютъ другаго ремесла, кромѣ раскапыванія этихъ грудъ античнаго кирпича, съ цѣлью извлекать изъ нихъ строительные матеріалы [1]). Самый высокій курганъ на лѣвомъ берегу Евфрата—Касръ или «Дворецъ» по преимуществу, воздвигнутый царемъ Новуходоносоромъ и имѣющій не менѣе 1.500 метровъ въ окружности. Южнѣе, все на томъ же берегу, стоитъ Амранскій холмъ, вѣроятно, на томъ же мѣстѣ, гдѣ находились знаменитые висячіе сады. Во времена, слѣдовавшія за смертью Александра Македонскаго, эта горка служила некрополемъ, безъ сомнѣнія, по причинѣ выгодъ, которыя представляли, для склада покойниковъ, сводчатыя галлереи, на которыхъ покоились террасы [1]). Далѣе на югѣ, въ оазисѣ пальмъ, гдѣ нынѣ лежитъ деревня Джумджумахъ, находятся развалины вавилонскаго базара, гдѣ отыскали слишкомъ три тысячи писаныхъ табличекъ, которыя раскрываютъ намъ финансовую исторію халдейской столицы [2]). На правомъ берегу, гдѣ находится нынѣшній городъ Гиллехъ, стоящій, по мнѣнію Опперта, на мѣстѣ промышленнаго квартала [3]), курганы рѣдки, и не видно болѣе никакихъ слѣдовъ дворца, который Семирамида воздвигла напротивъ Касра, стоявшаго на противоположномъ берегу. Причина этого совершеннаго исчезновенія памятниковъ западной части древняго Вавилона должна быть приписана размывамъ рѣки, которые происходили преимущественно на правомъ берегу. Обширные куски почвы, постепенно подточенные водами, были унесены теченіемъ, вмѣстѣ съ покрывавшими ихъ грудами кирпичей и обломковъ, и на мѣсто ихъ отложились новыя земли. Однако, одинъ памятникъ существуетъ еще на юго-западѣ, на мѣстѣ древней Борсиппы, близъ болотъ, которыя тянутся на нѣкоторомъ разстояніи отъ праваго берега рѣки, и эта развалина есть именно та руина, которую легенда представляетъ какъ остатокъ древнѣйшаго зданія въ свѣтѣ. Курганъ Бирсъ-Нимрудъ есть, будто-бы, знаменитая «Вавилонская башня», вершина которой должна была «достигнуть неба», и гдѣ совершилось чудо «смѣшенія языковъ». Трещины холма—это, будто-бы, слѣды грома, поразившаго дерзновенныхъ строителей. Однако, эта горка, сплошь состоящая изъ глиняныхъ черепковъ, между которыми не растетъ ни былинки, не дала изслѣдователямъ и искателямъ кладовъ ни одного обломка, предшествовавшаго эпохѣ Навуходоносора. Имя этого государя носятъ кирпичи памятника [4]). По Ричу, точная высота кургана 60 метровъ, но уцѣлѣвшая часть стѣны, господствующая надъ нимъ, увеличиваетъ общую высоту на 11 метровъ; Страбонъ давалъ ей одну стадію, то-есть 185 метровъ (86 съ третью саженъ) высоты. На сколько можно судить по внѣшнему виду, западная сторона Бирсъ-Нимруда, кажется, состояла изъ вертикальной стѣны, тог-

---

[1]) Layard, „Nineveh and Babylon".

[1]) Perrot et Chipiez, „Histoire de l'Art dans l'Antiquité", vol. II.

[2]) George Smith et Hormuzd Rassam, „Weekly Times", sept. 2, 1881.

[3]) „Expédition Scientifique en Mésopotamie".

[4]) Layard, цитированное сочиненіе.

да какъ на восточной сторонѣ слѣдовали одна за другой, черезъ ровные промежутки, террасы въ формѣ ступеней. Что это была за постройка, воздвигнутая Навуходоносоромъ? Теперь извѣстно, что это была «Башня Семи Сферъ», *зигюратъ* или обсерваторія, въ родѣ той, какая существовала въ Хорсабадѣ.

Вѣроятно, ни Вавилонъ, ни другіе исчезнувшіе города нижней Халдеи не откроютъ намъ ни монументальныхъ скульптурныхъ произведеній, ни каменныхъ архивовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе оставили послѣ себя города древней Ассиріи. Страна чисто-аллювіальная, гдѣ не встрѣтишь ни одного камешка, южная Месопотамія не имѣла другихъ строительныхъ матеріаловъ, кромѣ тростника, древесныхъ вѣтвей, асфальта и своихъ грязей, употребляемыхъ въ видѣ битой земли для мазанокъ араба, или формуемой въ кирпичи для построекъ, предназначенныхъ къ продолжительному существованію. Камни, которые служили для изображенія боговъ и царей, приходилось привозить съ предгорій Ирана, съ береговъ Аравіи, или даже съ отдаленнаго Египта. Но если развалины Вавилонскаго царства не обѣщаютъ много статуй и барельефовъ археологамъ, то онѣ сохранили болѣе древніе архивы изъ кирпичей, и, благодаря этимъ архивамъ, историки восходятъ на нѣсколько столѣтій далѣе къ началамъ человѣчества. Къ сѣверу отъ Вавилонской башни, на каналѣ, проведенномъ изъ Евфрата, два города-близнеца, Сиппаръ и Агаде, стояли почти за четыре тысячи лѣтъ до нашего времени, въ ту эпоху, когда народы Сумира и Аккада оспаривали другъ у друга господство надъ страной. Недалеко оттуда, курганы Абу-Губба заключаютъ въ себѣ обломки храма Солнца, гдѣ жилъ Ксизуѳрусъ, царь халдейскій. Къ югу отъ Вавилонской башни, на нижнемъ Евфратѣ, въ мѣстности, которую болота дѣлаютъ неприступной въ продолженіе большей части года, разсѣяны курганы древняго Эреха (Урукъ), Орхеи грековъ, Варки нынѣшнихъ арабовъ. Это — городъ Книгъ: тамъ находилась древнѣйшая библіотека Халдеи, и потому въ этомъ мѣстѣ надѣются найти когда-нибудь полную эпопею Издубаръ, отъ которой теперь имѣются только отрывки [1]). Ниневійскіе кирпичи, гдѣ отыскали разсказъ о всемірномъ потопѣ, были скопированы съ эрехскихъ писаныхъ табличекъ. Судя по обширнымъ некрополямъ, окружающимъ Варку, ни одинъ городъ, можетъ быть, не былъ болѣе священнымъ, какъ мѣсто погребенія. Некрополь раскинулся на пространствѣ нѣсколькихъ миль; безъ сомнѣнія, покойники привозились сюда изъ всѣхъ областей Месопотаміи, какъ они привозятся въ наше время изъ Персіи въ Кербелу. Тѣла умершихъ спускались цѣлыми караванами по водамъ Евфрата, подобно тому, какъ въ средніе вѣка сплавляли трупы по теченію Роны до города Арля, гдѣ благочестивыя руки собирали ихъ, чтобы положить въ склепы кладбища Алисканъ [1]). Далѣе на югѣ въ первые вѣка исторіи Халдеи стояли другіе большіе города: изъ нихъ назовемъ Уръ, который былъ могущественнымъ городомъ слишкомъ за четыре тысячи лѣтъ до нашей эпохи, и отъ котораго не осталось ничего, кромѣ величественнаго кургана, высотой 60 метровъ, который арабы называютъ Мугеиръ, то-есть «Горная смола», по причинѣ нефтянаго цемента, связывающаго слой кирпичей.

Вавилонъ, наслѣдникъ всѣхъ этихъ древнѣйшихъ городовъ, сохранилъ въ глазахъ народовъ обаяніе, которое создается долгимъ прошлымъ, прославленнымъ культурой и могуществомъ. Бедуины приходятъ созерцать Вавилонскую башню; евреи, вспоминая «вавилонскія ивы» (по Гутумъ-Шиндлеру, такъ называемая «плакучая» или «вавилонская ива», *Salix Babylonica*,—скорѣе тополь; арабы называютъ это дерево *гарабъ*, а персіане *бидъ*; оно встрѣчается больше въ Сузіанѣ, чѣмъ въ собственной Вавилоніи), подъ которыми плакали ихъ отцы, видятъ въ этомъ мѣстѣ плѣненія какъ-бы второе отечество. Вавилонъ былъ мѣстопребываніемъ знаменитой школы, откуда вышелъ ученый докторъ Гиллель, правила котораго были въ большей части сохранены Талмудомъ, и Каббала (таинственныя преданія евреевъ) получила тамъ свое начало [2]). Въ двѣнадцатомъ столѣтіи, во время путешествія Веніамина Туделы, двадцать тысячъ евреевъ имѣли постоянное жительство въ чертѣ бывшей городской ограды Вавилона. Всѣ закладчики въ Гиллехѣ—евреи, и имъ принадлежатъ если не окружающія земли, то по крайней мѣрѣ доходы съ земли и домовъ. Деревня Кифиль, на югѣ отъ развалинъ, есть одна изъ ихъ колоній, группирующаяся вокругъ гробницы, которую они считаютъ могилой Езекіиля. Эта святыня береговъ рѣки Гиндіе не менѣе чтится, чѣмъ могила Эздры на берегу Тигра, и на поклоненіе ей стекаются со всѣхъ сторонъ богомольцы; иногда бывало, что до двадцати тысячъ пилигримовъ стояли лагеремъ въ палаткахъ, разбитыхъ на равнинѣ вокругъ мѣстечка.

Воспоминаніе о великомъ Вавилонѣ входитъ, можетъ быть, также отчасти, какъ одна изъ побудительныхъ причинъ, въ религіозную ревность шіитскихъ пилигримовъ, которые изъ глубины Персіи, изъ Индіи, изъ Закавказья, стекаются къ святымъ городамъ Кербелѣ и Неджефу. Первый изъ этихъ городовъ, лежащій къ

[1]) Lenormand;—Ménant;—Hommel;—Delitzsch, etc.

[1]) Loftus, „Chaldaea and Susiana“.
[2]) Munk, „Palestine“;—Delitzsch, „Jesus und Hillel“.

сѣверо-западу отъ Вавилона, къ западу отъ Тюэриджа, на рѣкѣ Гиндіе, окруженъ болотами и прудами, происходящими отъ разливовъ большаго, отведеннаго изъ Евфрата, канала, который изливается въ «Неджефское море», попеременно прѣсноводное и соляное, смотря по степени обилія питающихъ его рѣчныхъ водъ. Шпалеры пальмъ окружаютъ Кербелу и защищаютъ ее отчасти отъ болотныхъ міазмовъ; но въ центрѣ города, называемаго также Мешедъ-Гуссейнъ, находится кладбище; даже дома служатъ гробницами, и земля, которую изъ нихъ вынимаютъ при копаніи могилъ, поступаетъ въ продажу, въ видѣ талисманныхъ лепешекъ, для пилигримовъ. Главный промыселъ жителей, между которыми насчитываютъ нѣсколько тысячъ индусовъ, состоитъ въ погребеніи труповъ, которые привозятся имъ со всѣхъ концовъ шіитскаго міра, даже изъ Бомбея, на англійскихъ пароходахъ; въ смрадномъ некрополѣ живые находятся въ постоянномъ соприкосновеніи съ мертвыми, особенно въ февралѣ мѣсяцѣ, когда пилигримы приходятъ массами оплакивать убіеніе Гуссейна. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ они отправляются въ Неджефъ или Мешедъ-Али, городъ «Мученика Али», гдѣ высокая мечеть, посвященная этому святому, съ куполами, обшитыми золотыми листами, покрываетъ некрополь, священный по преимуществу, громадный склепъ, раздѣленный на три этажа,

Зейбеки.

гдѣ тѣла покойниковъ кладутся по порядку первенства, смотря по цѣнѣ, платимой наслѣдниками за мѣсто. Понятно, какую опасность для общественнаго здравія составляютъ кладбища Кербелы и Неджефа, особенно во время эпидеміи. Изслѣдованія санитарныхъ врачей установили тотъ фактъ, что чума, когда она заносится изъ Курдистана, всегда имѣетъ свой центръ распространенія въ священныхъ городахъ Вавилоніи [1]). Въ 2 километрахъ къ востоку отъ Неджефа группа убогихъ землянокъ указываетъ мѣсто, гдѣ стояла нѣкогда Куфа, бывшая столица калифата, представлявшая, какъ говорятъ, столь же значительный центръ населенія, какъ и Вавилонъ. Этотъ городъ художниковъ и писателей извѣстенъ лишь по прекраснымъ надписямъ «куфическими буквами», которыми украшены дворцы и мечети великой архитектурной эпохи ислама. Пилигримы, отправляющіеся на богомолье въ мечеть Али, обходятъ стороной эту деревню, которую они считаютъ проклятою, такъ какъ тамъ находится мечеть «безъ сводовъ, безъ столбовъ, почти безъ стѣнъ въ настоящее время», въ которой Али былъ пораженъ на смерть. Этотъ ужасъ, питаемый пилигримами къ Куфѣ, объясняетъ тотъ фактъ, что эпидеміи всегда обходятъ ее. Гира, другой большой городъ, оставилъ послѣ себя однѣ развалины. Недалеко отъ Кербелы находится мѣстечко Эль-Каддеръ, древняя Кадесія, гдѣ происходила битва, положившая конецъ существованію національной монархіи персовъ и обратившая ихъ въ магометанскій народъ. Въ 1801 году вагабиты, въ числѣ пятнадцати тысячъ, овладѣли Кербелой, гдѣ имъ досталась громадная добыча.

Ниже Вавилона, берега Евфрата, нѣкогда столь густо населенные, не совсѣмъ пустынны. Маленькій городъ Диваніе, чрезъ который проходитъ одна изъ дорогъ, ведущихъ въ Неджефъ, расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки, вдоль котораго тянутся рисовыя поля; далѣе по теченію, ниже Ламлунскихъ болотъ, гдѣ Евфратъ развѣтвляется на нѣсколько необособленныхъ опредѣленно побочныхъ рукавовъ, теряющихся въ камышахъ, городъ Самава показывается на томъ же берегу, при устьѣ канала Шенафіе, по которому поднимаются барки съ пилигримами, отправляющимися въ Мешедъ-Али. Назріе—городъ новый, построенный подъ руководствомъ одного бельгійскаго инженера, близъ соединенія Евфрата и Шатъ-эль-Гай; онъ населенъ арабами племени монтефиковъ, такъ же, какъ и Сукешъ-Шіохъ или «Рынокъ шейховъ», лежащій ниже, въ сосѣдствѣ болотъ. Это арабское мѣстечко, почти все состоящее изъ тростниковыхъ хижинъ, имѣло нѣкогда весьма важное значеніе, какъ резиденція шейха и главный рынокъ могущественнаго племени монтефиковъ: по Уэльстеду [1]), до 70.000 жителей были собраны въ этомъ мѣстѣ на берегахъ Евфрата. Оттуда вывозятся камышевыя циновки и шерсть шелковистая и гибкая, изъ которой во Франціи выдѣлываютъ ковры [2]). Сукъ-эшъ-Шіокъ есть единственное мѣсто, гдѣ сабейцы имѣютъ церковь.

При сліяніи двухъ рѣкъ, Тигра и Евфрата, стоитъ мѣстечко Корна, которое матросы называютъ путешественникамъ какъ «городъ Рая», гдѣ они показываютъ даже большое раскидистое дерево, какъ древо познанія добра и зла» [3]). Такъ какъ судоходство производится почти единственно на Тигрѣ, то Корна не пользуется тѣми выгодами, которыя она имѣла бы, какъ складочный пунктъ между двумя большими рѣками, которыя тамъ соединяются. Рѣчной рынокъ находится далѣе къ югу на Шатъ-эль-Арабѣ, почти на половинѣ дороги отъ мѣста сліянія до моря, тамъ, гдѣ останавливается морское судоходство и начинается рѣчное. Но этотъ торговый городъ, Бассора или Басра, пришелъ въ упадокъ, какъ и жители Тигра, для которыхъ онъ служилъ портомъ въ эпоху калифовъ. Въ то время, когда Багдадъ былъ однимъ изъ первыхъ городовъ въ свѣтѣ, Бассора, находившаяся западнѣе, на другомъ каналѣ, сообщающемся съ Шатъ-эль-Арабомъ, была самымъ оживленнымъ портомъ на всемъ Востокѣ; жители сотнями тысячъ толпились на ея улицахъ. Бѣдствія, поразившія населенія внутренности страны, постигли также и приморскій городъ: значеніе его дотого умалилось, что исторія забыла о немъ. Какимъ образомъ онъ исчезъ? Вслѣдствіе ли наводненій и бурь, какъ говоритъ мѣстная легенда, или вслѣдствіе постепеннаго засоренія каналовъ, соединявшихъ его съ рѣчнымъ устьемъ [4])? Вопросъ этотъ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ. Отъ древней Бассоры остались только груды кирпича, близъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ, среди песковъ, городокъ Зобейръ; это не болѣе, какъ *телль*, въ родѣ сосѣдняго кургана Джебель-Синанъ, отожествляемаго археологами съ Тередономъ Навуходоносора и Александра Македонскаго [5]). Новая Бассора, основаніе которой восходитъ по крайней мѣрѣ къ шестнадцатому столѣтію, расположена въ 3 километрахъ къ западу отъ «рѣки арабовъ», на каналѣ, который наполняется періодически въ тѣ часы, когда морской приливъ гонитъ назадъ рѣчныя воды; дома, какъ въ Венеціи, погружаются тогда нижней своей частью въ потокъ. Англичане

[1]) Léonard Arnaud, „Rapport officiel sur la peste en Mésopotamie“;—Mahé, рукописныя замѣтки.

[1]) „Travels to the City of the Caliphs“;—Carl Ritter, „Asien“, vol. XI.

[2]) Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.

[3]) Floyer, „Unexplored Baluchistan“.

[4]) Ainsworth, „Researches in Assyria, Babylonia and Chaldaea“.

[5]) Niebuhr;—Carl Ritter, „Asien“, vol. XI.

построили свои склады и верфи при соединеніи канала и рѣки, и теперь тамъ мало-по-малу выростаетъ новый городъ. Турецкій арсеналъ находится въ 5 километрахъ выше по рѣкѣ, близъ маленькаго торговаго города Маагиль[1]).

Вокругъ Бассоры и ея пригородныхъ поселеній пальмы растутъ сотнями милліоновъ въ сырой почвѣ. Корни финиковыхъ пальмъ мокнутъ въ рѣкѣ, которая дважды въ сутки выступаетъ изъ береговъ, и этому-то ежедневному наводненію бассорскіе финики, какъ полагаютъ, и обязаны своимъ несравненнымъ вкусомъ[2]); но дерево менѣе долговѣчно, чѣмъ на болѣе сухой почвѣ: въ двадцать лѣтъ оно уже гнилое, и насажденіе должно быть обновлено. Бассорскій пальмовый лѣсъ тянется вдоль праваго берега Шатъ-эль-Араба, на пространствѣ около шестидесяти километровъ, и ширина его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ составляетъ шестую часть этого разстоянія. На противоположномъ берегу, принадлежащемъ Персіи, видно только нѣсколько рощицъ финиковыхъ пальмъ, дурно содержимыхъ. Обыкновенно этотъ поразительный контрастъ приписываютъ различію администрацій, и отсюда заключаютъ, что турецкій режимъ лучше персидскаго. Но оттоманы ни при чемъ въ преуспѣяніи бассорскихъ пальмовыхъ плантацій: эти насажденія почти всецѣло принадлежатъ арабамъ, жителямъ порта Ковентъ, составляющимъ какъ бы независимую республику. Имъ-то и обязанъ своей красой и пышностью этотъ обширный садъ, гдѣ растутъ семьдесятъ разновидностей финиковой «пальмы», фруктовыя деревья всякаго рода и кусты розъ. Со времени открытія Суэзскаго канала, цѣна шатъ-эль-арабскихъ финиковъ увеличилась въ шесть разъ, а между тѣмъ уже въ половинѣ текущаго столѣтія общая цѣнность вывоза этого продукта простиралась до 2 милліоновъ франковъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки воздѣлываютъ преимущественно хлѣбныя растенія, и урожаи иногда бываютъ такъ обильны, что арабы, чтобы не платить за перевозку, даютъ хлѣбъ въ кормъ скоту или употребляютъ его въ видѣ топлива.

При устьѣ Шатъ-эль-Араба, мѣстечко Фао есть передовой портъ Бассоры, мѣстопребываніе лоцмановъ и служащихъ на маякѣ, на подводномъ телеграфѣ и въ таможняхъ; годовое движеніе, по приходу судовъ, превышаетъ полмилліона тоннъ. Напротивъ Фао, персидскій берегъ лимана имѣетъ пустынный видъ; но выше, при сліяніи Шатъ-эль-Араба и канала, отведеннаго изъ Каруна, на сѣверномъ высокомъ берегу раскинулся городъ новой постройки, Могаммерахъ. Этотъ рѣчной портъ Персіи, лежащій въ области, столь отличной отъ Ирана съ географической точки зрѣнія, почти безполезенъ для жителей нагорья, и уже не разъ обвиняли Англію въ желаніи овладѣть имъ, чтобы извлекать изъ него больше выгоды, чѣмъ нынѣшніе его владѣльцы.

[1]) Denis de Rivoyre, „Obock, Mascate, Bouchire, Bassorah“.

[2]) Grattan Geary, цитированное сочиненіе.

Турецкіе города въ бассейнѣ Евфрата, ниже сліянія Мурада и Карасу, съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ:

Орфа — 55.000 жителей; Аинтабъ — 43.000; Бассора — 40.000; Мардинъ (по Захау) — 20.000; Асбузу (по Гвардіагрелю) — 20.000; Биреджикъ (по Шантру) — 15.000; Гиллехъ (по Арно) — 15.000; Кербела — 65.000; Бегесни — 12.000; Неджефъ (по Гири) — 12.000; Гурунъ (по Бранту) — 9.000; Диваніе (по Арно) — 6.000; Суверекъ (по Опперту) — 6.000; Деиръ (по Захау) — 5.500; Деренда — 5.000; Маядимъ (по Захау) — 5.000; Моссеибъ (по Гири) — 4.500; Анахъ (по Чернику) — 4.000; Назріехъ (по Ривуару) — 4.000; Тюэриджъ (Гиндіе) (по Маге) — 3.500; Мидіатъ (по Захау) — 3.000; Гитъ (по Чернику) — 2.000 жителей.

IV. Малая Азія.

Названія «Малая Азія» и «Анатолія», употребляемыя нынѣ въ тожественномъ смыслѣ, суть термины византійскаго происхожденія, значеніе которыхъ измѣнилось въ теченіе вѣковъ. По мѣрѣ того, какъ наименованіе Азія, принадлежавшее въ началѣ области незначительнаго протяженія на покатости Эгейскаго моря, распространялось на болѣе обширную совокупность земель, постепенно увеличивавшуюся изъ вѣка въ вѣкъ съ открытіями путешественниковъ и походами завоевателей, сдѣлалось необходимо употреблять другіе термины, во избѣжаніе путаницы понятій. Такъ, съ начала пятаго столѣтія христіанской эры, названіе Малая Азія стали примѣнять къ полуострову, заключающемуся между Кипрскимъ заливомъ, Понтомъ Эвксинскимъ и теченіемъ рѣки Галисъ, для отличія отъ всего остальнаго континента, называвшагося «Большой Азіей» или «глубокой», то-есть дальней Азіей. Выраженіе Анатолія, которое употребляли въ Константинополѣ для обозначенія небольшой части азіатскаго полуострова, и которое въ шестнадцатомъ столѣтіи, въ царствованіе Сулеймана Великолѣпнаго, было еще оффиціально названіемъ особой провинціи, получило въ концѣ концовъ общій смыслъ и замѣнило имя Румъ или «Романія», которое обычай давалъ прежде византійскимъ провинціямъ, столь долго оспариваемымъ турками у константинопольскихъ императоровъ. Сами османлисы употребляютъ, въ формѣ Анадоли или Анадолю, это греческое слово Анатолія, синонимъ нашихъ неопредѣленныхъ выраженій «Востокъ» или «Левантъ». Правда, по странному смѣшенію понятій, какого географическая номенклатура

доряне, овладѣли лучшими по положенію и удобствамъ портами, и города, которые они основали, сдѣлались многолюдными и могущественными центрами населенія. Тамъ-то изъ всѣхъ элементовъ, принадлежащихъ различнымъ цивилизаціямъ Египта, Сиріи, Персіи, Индіи, областей Кавказа, вышло то движеніе искусства и науки, которое увлекаетъ насъ и по настоящую минуту; тамъ истинное начало нашей культуры, наша умственная колыбель. Гомериды распѣвали тамъ древнѣйшія пѣснопѣнія нашей средиземной литературы; іонійское искусство достигло тамъ своей высшей степени изящества и блеска; философы высказали тамъ гипотезы о мірозданіи, которыя до сихъ поръ составляютъ предметъ обсужденія. Въ одномъ изъ городовъ Малой Азіи, въ знаменитомъ Милетѣ, Анаксимандръ, Гекатей, Аристагоръ начертали, слишкомъ двадцать четыре вѣка назадъ, первыя географическія карты, на бронзовыхъ доскахъ. А между тѣмъ рѣдко отдаютъ справедливость азіатскимъ эллинамъ, подобно тому, какъ въ теченіе столѣтій видѣли древнюю Грецію сквозь римскій міръ, такъ точно, отъ дѣйствія перспективы, видятъ эллинскую Малую Азію преимущественно какъ бы въ тѣни Греціи; впечатлѣніе ансамбля было бы совершенно иное для азіатскихъ населеній. Открытія археологовъ доказываютъ, что Азіатская Греція стояла не ниже Греціи Европейской въ отношеніи произведеній искусства, и что первая предшествовала послѣдней. «Іонійская цивилизація была весной цивилизаціи греческой, это она дала первые плоды культуры, эпосъ и лирическую поэзію» [1]). Малая Азія—родина Гомера, Ѳалеса, Гераклита, Пиѳагора и Геродота. Только тогда, какъ въ европейской Элладѣ весь умственный свѣтъ, казалось, сосредоточивался въ Аѳинахъ, онъ былъ разсѣянъ въ многочисленныхъ фокусахъ на берегахъ Малой Азіи: въ Пергамѣ, Смирнѣ, Эфесѣ, Милетѣ, Галикарнасѣ.

Конечно, разница велика между античной Іоніей и нынѣшней турецкой территоріей Анадоли. Упадокъ до такой степени очевиденъ, что одно имя Малой Азіи вызываетъ въ умѣ образъ ея славнаго прошлаго, а не образъ печальной современной эпохи. Языкъ почти отказывается называть провинціи и города ихъ нынѣшними наименованіями: мы все еще видимъ ихъ такими, какими они были двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Однако, было бы несправедливо повторять обычныя обвиненія противъ османлисовъ, какъ будто бы они были единственными виновниками контраста, который представляетъ страна въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ она была въ давнія времена. Вѣдь турецкіе завоеватели, какъ замѣчаетъ Чихачевъ, нашли это наслѣдіе древности уже въ состояніи руины. Сколько побоищъ и опустошеній пронеслось надъ этими странами со времени экспедицій римлянъ до Крестовыхъ походовъ и до нашествій монголовъ! При томъ же между происшедшими тамъ перемѣнами нѣтъ ли такихъ, которыя должны быть приписаны природѣ или послѣдствіямъ дурнаго веденія земледѣльческой культуры? Въ настоящее время между странами, которыя могли бы быть въ большей части покрыты лѣсами, Малая Азія одна изъ наиболѣе обезлѣсенныхъ. Множество старинныхъ письменныхъ памятниковъ говорятъ о лѣсахъ, существовавшихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Анатоліи, гдѣ теперь увидишь лишь обнаженную землю или жалкій кустарникъ. Истребленіе лѣсовъ, конечно, увеличило крайности температуръ, разность между зимнимъ холодомъ и лѣтнимъ жаромъ; оно вліяетъ также на экономію проточныхъ водъ, удлинняя засухи и дѣлая разливы болѣе внезапными. Менѣе регулируемыя въ своемъ теченіи, воды образовали обширныя болота, которыя заразили атмосферу и сдѣлали обширныя пространства почти необитаемыми. Въ нѣкоторыхъ низменныхъ равнинахъ деревни, стоящія на мѣстѣ древнихъ многолюдныхъ городовъ, лѣтомъ обязательно должны быть покидаемы жителями подъ страхомъ смерти; въ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе опасныхъ округовъ дѣйствіе чумнаго яда ощущается даже до высоты 1.800 метровъ надъ уровнемъ моря [1]). И не только ухудшеніе климата уменьшило число жителей міазматическими болѣзнями, Малая Азія часто бывала очагомъ эпидемій для западныхъ народовъ: сколько разъ корабли изъ Леванта заносили чуму въ порты Италіи, Испаніи и Франціи!

Но, несмотря на теперешнее печальное состояніе Анатоліи, нѣтъ недостатка въ признакахъ, позволяющихъ надѣяться на близкое возрожденіе страны и на обратное завоеваніе ее цивилизаціей. Капитальное дѣло современнаго поколѣнія состоитъ не въ томъ только, чтобы расширять посредствомъ колонизаціи поверхность обитаемаго міра, изливать, въ Африку и въ Австралію излишекъ европейскихъ населеній, но также и въ томъ, чтобы опять найти Востокъ, снова завоевать культурой эту страну нашей колыбели. Подобно морскому приливу, потокъ котораго распространяется круговыми волнами, западная цивилизація охватываетъ постоянно всѣ окружающія ее страны и не слѣдуетъ исключительно тому направленію съ востока на западъ, которое такъ долго было траекторіей прогресса. Могучая волна, которая перекатила свои воды черезъ Атлантическій океанъ и омыла берега Новаго Свѣта, отливаетъ также въ Средиземное море и достигаетъ береговъ, которые, казалось, на всегда были покинуты культурой.

[1]) G. Perrot, рукописныя замѣтки

[1]) Чихачевъ, цитированное сочиненіе.

Уже работа географическаго изслѣдованія почти вполнѣ окончена въ Малой Азіи для всѣхъ главныхъ линій сѣти, и за этимъ общимъ или суммарнымъ ознакомленіемъ теперь слѣдуютъ мѣстныя изысканія, болѣе подробныя и болѣе точныя. Нѣкоторые города морской окраины принадлежатъ уже къ кругу притяженія Европы, и это движеніе распространяется все далѣе во внутрь материка. Горки развалинъ, могильные курганы, одѣтые газономъ, поломанныя колонны, полуразрушенные замки, города, сливающіеся съ скалами или покрытые наносами рѣкъ и ручьевъ,—всѣ эти руины оставляли бы глубокое впечатлѣніе грусти, если бы не предчувствовалось, что слѣды смерти исчезнутъ подъ новой жизнью. Это обновленіе уже проявляется на дѣлѣ. Когда видишь, съ какимъ рвеніемъ эллины, армяне, евреи занимаются воспитаніемъ своихъ дѣтей, готовъ раздѣлять ихъ вѣру въ будущее. Поколѣніе, которое они приготовляютъ, не ослабѣетъ передъ своей задачей.

Въ цѣломъ прямоугольникъ Малой Азіи представляетъ плоскость, наклоненную къ Черному морю. Въ южной части полуострова, надъ берегами Средиземнаго моря, стоятъ самые высокіе массивы и тянутся главныя горныя цѣпи. Сѣверный скатъ этой средиземной закраины сливается съ плоскогорьями центральной Анатоліи, а эти плоскогорья разрѣзаны во всѣхъ направленіяхъ рѣками, долины которыхъ, постепенно расширяющіяся, выходятъ устьями къ Черному морю. Только на сѣверѣ, тамъ, гдѣ берегъ Малой Азіи выдвигается въ видѣ большой выпуклой кривой въ воды Понта Эвксинскаго, возвышаются независимые и какъ-бы островные массивы между бассейнами рѣкъ Кизылъ-Ирмака и Сакарія, ограничивая на сѣверѣ центральную равнину, впадина которой еще наполнена остатками внутренняго моря. Горы, окаймляющія въ нѣкоторомъ разстояніи южное прибрежье и раздѣляющіяся на массивы и неправильныя цѣпи, имѣютъ въ цѣломъ форму полумѣсяца, выпуклость котораго обращена къ Средиземному морю, соотвѣтствуя такимъ образомъ сѣверной кривой черноморскаго прибрежья. Эти горы южной части Малой Азіи обозначаются подъ общимъ названіемъ Тавра.

Извѣстно, что въ прежнее время это названіе Тавръ было, какъ и наименованіе Кавказъ, одно изъ тѣхъ неопредѣленныхъ выраженій, которыя примѣнялись къ самымъ различнымъ и очень отдаленнымъ одна отъ другой горамъ. На всемъ полуостровѣ встрѣчаются вершины, называемыя Давръ и Даври, которыя представляютъ собой столько же Тавровъ, подъ едва измѣненными именами. По понятіямъ большинства писателей древняго міра, Тавръ есть совокупность всѣхъ линій возвышенностей которыя отъ западныхъ мысовъ Малой Азіи до неизвѣстныхъ береговъ крайняго Востока, образуютъ діафрагму азіатскаго континента. Въ наши дни это имя еще примѣняется вообще къ нѣсколькимъ различнымъ цѣпямъ Передней Азіи, но теперь обыкновенно опредѣляютъ точнѣе каждую область горъ обозначеніемъ провинціи, гдѣ онѣ находятся. Такъ, армянскій Тавръ есть совокупность массивовъ юго-западной Арменіи, которые прорѣзываетъ въ своемъ теченіи Евфратъ, чтобы выбраться къ равнинамъ Месопотаміи. Тавръ киликійскій есть угловой бастіонъ, который возвышается на юго-востокѣ малоазійскаго плоскогорья, надъ долиной рѣки Сейгунъ. Затѣмъ, по направленію съ востока на западъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ Тавры исаврійскій, писидійскій, ликійскій. Мѣстныя турецкія названія, смыслъ которыхъ болѣе опредѣленный, примѣняются къ горнымъ выступамъ, имѣющимъ ясно обозначенную индивидуальность.

Тогда какъ въ Верхней Арменіи и Понтѣ, къ сѣверу отъ Мурада, континентальный остовъ образованъ понтійскими цѣпями, прилегающими къ Черному морю, въ Анатоліи становой хребетъ выступившихъ изъ-подъ воды земель направляется къ Средиземному морю; но поперечный кряжъ соединяетъ эти двѣ системы горъ, слѣдуя направленію всѣхъ чертъ географическаго рельефа въ этой части Малой Азіи, горъ, долинъ и морскихъ береговъ. Первое звено цѣпи, соединяющей Понтійскія Альпы съ системой Альпъ Киликійскихъ,—Карабель-дагъ, вставленный между большимъ изгибомъ Евфрата у Эгина и верхними притоками Кизылъ-Ирмака. Абсолютная высота этого массива значительна, такъ какъ самая высокая вершина достигаетъ 1.764 метровъ; но цоколь возвышенностей, на которомъ онъ стоитъ, поднимается на 1.500 метровъ надъ уровнемъ моря: поэтому, относительно окружающихъ плато онъ представляетъ лишь скромную гряду холмовъ. Это и есть начало горной системы Анти-Тавра, которая тянется къ юго-западу въ видѣ параллельныхъ хребтовъ, кажущихся тѣмъ болѣе высокими, чѣмъ глубже ихъ основаніе подточено Сейгуномъ и его притоками. Впрочемъ, эти стѣны изъ скалъ, прорѣзанныя въ разныхъ мѣстахъ узкими и трудно доступными брешами, дѣйствительно повышаются, подвигаясь впередъ въ южномъ направленіи; до іюля мѣсяца вершины Ханзиръ-дага или «Горы вепрей», Бимбога-дага или «Горы тысячи быковъ» и другихъ цѣпей Анти-Тавра остаются убѣленными снѣгомъ; во многихъ углубленіяхъ между скалами фирновыя поля держатся круглый годъ. Одна изъ вершинъ Козанъ-дага имѣетъ 2.812 метровъ высоты; къ востоку отъ Сейгуна, одна изъ вершинъ Кермезъ-дага, говорятъ, достигаетъ даже 3.200 метровъ. Обильные дожди, получаемые этой южной частью Анти-Тавра,

сравнительно съ волнистыми плоскогорьями сѣвера, даютъ ей также болѣе богатую растительность, обширные лѣса, покрытые газономъ, и усѣянные цвѣтами склоны горъ. Нѣкоторыя изъ долинъ, гдѣ берутъ начало ручьи, текущіе въ Сейгунъ, составляютъ поразительный контрастъ разнообразіемъ своихъ растеній и блескомъ своей зелени съ обѣднѣвшей флорой центральныхъ областей Малой Азіи [1]).

Въ самой странѣ, различные отрывки цѣпей, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, образуя легкую выпуклость со стороны запада, не обозначаются однимъ собирательнымъ именемъ. Названіе Анти-Тавра, даваемое имъ географами, вовсе не оправдывается, ибо вмѣсто того, чтобы возвышаться напротивъ Тавра-Киликійскаго, какъ соперничающій параллельный массивъ, они принадлежатъ къ той же орографической системѣ и составляютъ лишь продолженіе ея, хотя слегка разорванное промежуточной впадиной. Анти-Тавръ продолжаетъ горы Киликіи, подобно тому, какъ въ Пиренеяхъ средиземная цѣпь продолжаетъ цѣпь атлантическую, отъ которой она отдѣлена лишь Аранской долиной. Разрѣзъ между двумя половинами Таврскихъ горъ есть пониженіе почвы, въ которомъ проходитъ рѣка Замантія-су, самый полноводный изъ западныхъ притоковъ Сейгуна; на западѣ тянутся вершины Ала-дага, сѣверной оконечности киликійскаго Тавра; на востокѣ массивы Гединъ-бали и Козанъ-дагъ начинаютъ собою Анти-Тавръ; но нѣсколько грядъ, которыя географы разсматриваютъ какъ принадлежащія къ этой половинѣ Таврской системы, продолжаются на западъ отъ долины рѣки Замантія-су: таковы массивы Кале-дагъ и Ханзиръ-дагъ. На востокѣ массивъ Кермезъ-дагъ соединяется, посредствомъ группы Берута, высотой въ 2.400 метровъ, съ другими параллельными горными валами, не менѣе правильными, чѣмъ Анти-Тавръ, но слѣдующими иному направленію, именно съ запада на востокъ: это—цѣпи армянскаго Тавра, которыя оттѣсняютъ Евфратъ къ востоку, прежде чѣмъ разорваться на ущелья, чтобы дать проходъ водамъ рѣки. На югѣ, отдѣльная цѣпь, точно ограниченная глубокой долиной рѣки Акъ-су, притока Джигуна, составляетъ юго-восточный валъ Малой Азіи: это—Гяуръ-дагъ или «Гора невѣрныхъ», названная такъ по населенію, состоящему изъ армянъ и грековъ, которые обитаютъ въ ея долинахъ. Этотъ массивъ тянется по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ и соединяется посредствомъ поперечнаго кряжа съ сирійскими горами, извѣстными подъ именемъ Амануса. Прерываемый глубокими пониженіями гребня, онъ снова появляется на берегу Александретскаго залива, чтобы образовать два массива: Джебель-Нуръ или «Гора свѣта» и Джебель-Миссисъ. Рѣка Джигунъ огибаетъ эти горы на югѣ, извиваясь въ широкой аллювіальной равнинѣ; но далѣе нѣсколько холмовъ, нѣкогда островныхъ, возвышающихся среди болотъ, продолжаютъ цѣпь и оканчиваются круто обрывающимся высокимъ мысомъ Кара-Ташъ или «Черный камень».

Собственно киликійскій Тавръ начинается величественнымъ массивомъ Ала-дагъ или «Пестрая гора», одна вершина которой, Апишъ-Кардагъ, превышаетъ 3.400 метровъ; но эти горы высовываютъ свои верхушки изъ такого лабиринта другихъ цѣпей, поперечныхъ или параллельныхъ, что нужно находиться въ большомъ разстояніи, или взойти на какой-нибудь отрогъ, чтобы увидѣть весь ансамбль высокаго ряда покрытыхъ снѣгомъ вершинъ. Однако, эта могучая масса, образующая на юго-востокѣ внѣшній валъ плоскогорья Малой Азіи, не составляетъ раздѣльной возвышенности для стока водъ. Двѣ рѣки, берущія начало на внутреннихъ возвышенностяхъ, перерѣзываютъ насквозь массивъ Ала-дагъ, чтобы идти на соединеніе съ Сейгуномъ, который и самъ образуется изъ всѣхъ потоковъ, выходящихъ изъ параллельныхъ долинъ Анти-Тавра. Два ущелья, которыми пробираются эти рѣки, Геклю-су и Чекидъ-су, совершенно недоступны, и отъ одного до другаго склона нужно подниматься на гору по опаснымъ тропинкамъ; одна изъ высокихъ брешей обозначена въ старинныхъ дорожникахъ именемъ Карга-Кермезъ, что значитъ «Непереходимая для вороновъ» [1]). Единственная дорога, которою артиллерійскіе фургоны могутъ проникнуть изъ пояса морскаго прибрежья во внутреннія области Анатоліи, поднимается по рѣкѣ Кинду на сѣверѣ отъ Тарса, затѣмъ вступаетъ въ боковое ущелье Гюлекъ-богазъ, чтобы обойти крутые склоны, господствующіе на западѣ надъ ущельемъ рѣки Чекидъ-су.

Этотъ проходъ «Пилъ» или Киликійскія Ворота, высота которыхъ 966 метровъ [2]), всегда имѣлъ первостепенную стратегическую важность, такъ какъ здѣсь оканчивается діагональная линія Малой Азіи между Босфоромъ и Александретскимъ заливомъ; здѣсь должны проходить арміи, направляющіяся изъ Константинополя къ сирійскому прибрежью или къ большому изгибу Евфрата при входѣ его въ Месопотамію. Нѣтъ пути, болѣе прославленнаго въ военныхъ лѣтописяхъ, чѣмъ этотъ узкій дефилей, гдѣ сходятся дороги полуострова. До Ксеркса и Александра Македонскаго это ущелье уже было пройдено многими завоевателями; точно также и послѣ нихъ тамъ проходили многочисленные воители. Въ 1836 году, Ибрагимъ-

[1]) Чихачевъ, цитированное сочиненіе.

[1]) Ainsworth, „Journal of the Geographical Society". 1840.

[2]) C. Favre et B. Mandrot, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", janv. 1878.

паша, побѣдитель Низиба, сильно укрѣпилъ Гюлекъ-богазъ, чтобы загородить дорогу турецкимъ арміямъ; кромѣ того, всѣ тропы, ведущія черезъ гребень, были сдѣланы непроходимыми; весь киликійскій Тавръ былъ преобразованъ въ неодолимую крѣпость. И теперь еще видны кое-какіе остатки египетскихъ редутовъ, такъ же, какъ крѣпкихъ замковъ, построенныхъ генуэзцами и армянами; эти укрѣпленія слѣдуютъ одно за другимъ на половинѣ склона надъ поясомъ морскаго прибрежья и прежде сносились между собой посредствомъ телеграфическихъ сигналовъ; кое-какіе слѣды сооруженій видны также въ дефилеѣ. Надъ дорогой, проникающей въ Гюлекъ-богазъ, можно совершенно отчетливо различить остатки древней дороги, высѣченной въ скалѣ ассиріянами или персами; въ самой узкой части ущелья видны обломки жертвенника и двухъ обѣтныхъ столовъ, надписи которыхъ стерлись, равно какъ ступени лѣстницъ, надъ которыми были ворота, запиравшіяся въ военное время. Въ наши дни «Киликійскія Ворота» имѣютъ важность только для торговли, несмотря на внутреннія таможни, взимающія пошлину съ каждаго верблюжьяго вьюка. Всѣ ущелья, проходящія черезъ цѣпь Тавра, представляютъ метеорологическое явленіе, аналогичное съ тѣмъ, которое можно наблюдать въ ущельѣ Сефидъ-рудъ: въ нихъ врывается яростный вѣтеръ, дующій попеременно отъ верховья къ низовью и отъ низовья къ верховью, соотвѣтственно суточнымъ колебаніямъ температуры [1]).

Вся западная часть киликійскаго Тавра, ограниченная на востокѣ ущельемъ Чекидъ-су, извѣстна спеціально подъ именемъ Булгаръ-дагъ: это та цѣпь, которую путешественники, плывущіе вдоль морскаго берега, созерцаютъ на сѣверномъ горизонтѣ, и которую имъ называютъ какъ «Тавръ» по преимуществу. Это, въ самомъ дѣлѣ, одна изъ высочайшихъ цѣпей Малой Азіи, одна изъ тѣхъ, которыя смѣлымъ профилемъ своего гребня, изрѣзаннаго на подобіе зубцовъ пилы, и богатствомъ своей растительности, всего болѣе напоминаютъ горы Западной Европы. Массивъ Булгаръ-дагъ походитъ на Пиренеи, съ той только разницей, что его высшіе пики немного выше пиренейскихъ, и что они тянутся параллельно морскому берегу, гдѣ виднѣются бѣлые города, прячущіеся подъ шатрами пальмъ. Самая высокая вершина Булгаръ-дага, поднимающаяся на 3.500 метровъ надъ уровнемъ моря,— на сто метровъ выше, чѣмъ пиренейскій массивъ Маладетта,—извѣстна въ краѣ подъ названіемъ Метдезисъ. Инженеръ Русэггеръ, который первый совершилъ восхожденіе на эту гору, въ 1836 году, далъ ей названіе Аллахъ-Тепесси или «Божія гора», въ память «божественно прекрасной панорамы», которую онъ созерцалъ. Съ этой обсерваторіи, обрѣзанной отвѣсно съ сѣверной стороны страшной пропастью, видны всѣ большіе пики цѣпи, высшую кульминаціонную точку которой занимаетъ зритель. На сѣверо-востокѣ, горизонтъ ограниченъ хаосомъ горъ всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ: однѣ въ видѣ террасъ, другія въ формѣ пирамидъ или шпицевъ, желтыя или красныя, черныя или сѣрыя: это—контрфорсы Булгаръ-дага, гдѣ разрабатываются богатые рудники содержащаго серебро свинца, называемые Булгаръ-Маденъ. Далѣе высятся другія горы, Ала-дагъ и Анти-Тавръ, параллельныя цѣпи которыхъ очерчиваютъ на небѣ пересѣкающіяся линіи своихъ профилей. На сѣверѣ, на плоской возвышенности, неясно отсвѣчиваютъ воды большихъ озеръ и блистаютъ искрами снѣга Арджижа, самой высокой вершины Малой Азіи [1]). На югѣ, взоръ обнимаетъ весь склонъ горъ, съ ихъ передними контрфорсами и валами, которые расходятся въ разныя стороны по почвѣ равнины, какъ корни дуба. За первымъ берегомъ видны еще берега Сиріи до Латакіе, обрисовывающіеся такъ же отчетливо, какъ берега Сициліи, когда смотришь съ вершины Этны; посреди голубой поверхности водъ, неопредѣленные контуры, проглядывающіе сквозь туманъ, указываютъ горы острова Кипра. Хотя расположенная въ южной части Малой Азіи и вполнѣ выставленная солнечнымъ лучамъ, цѣпь Булгаръ-дагъ сохраняетъ снѣжный покровъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году и высокія бреши ея иногда бываютъ совершенно завалены снѣгомъ. На сѣверномъ склонѣ фирны, усѣянные каменными глыбами и мелкими камнями, держатся въ продолженіе цѣлаго года: прежде предполагали существованіе маленькаго ледника на скатахъ Чубанъ-гуйю, одной изъ горъ, сосѣднихъ съ вершиной Метдезисъ; но образованіе этихъ массъ прозрачнаго и голубоватаго льда объясняется присутствіемъ значительнаго источника, который растопляетъ снѣгъ, вскорѣ превращающійся въ ледъ въ холодныя ночи [2]).

Въ то время, какъ съ одной стороны киликійскій Тавръ поднимается во всю свою вышину, такъ какъ основаніе его ограничено моремъ, съ другой стороны его известняковыя стѣны господствуютъ надъ плоскогорьемъ, средняя высота котораго превышаетъ 1.000 метровъ, и на которомъ стоятъ многочисленные массивы, соединяющіеся высокими террасами съ цѣпями Булгаръ-дагъ и Ала-дагъ. Между Тавромъ и группами Гассанъ-дага горы слѣдуютъ одна за другой непрерывнымъ рядомъ, но эти высоты принадлежатъ къ другой геологической систе-

[1]) Th. Kotschy, „Reise in dem cilicischen Taurus".

[1]) Арджижъ возвышается на 2.765 м. надъ Кесарійской равниной, которая сама имѣетъ до 1.230 м. высоты.

[2]) Th. Kotschy, цитированное сочиненіе.

мѣ, къ системѣ вулкановъ, пылавшихъ нѣкогда въ центрѣ полуострова, на берегахъ древняго внутренняго моря. Господствующая вершина высится на сѣверо-восточной оконечности этой вулканической области: это могучій конусъ Арджижа (Арджеха) или Аргейской горы, которая превышаетъ всѣ другія вершины Анатоліи, какъ это было извѣстно уже Страбону, родившемуся въ нѣсколькихъ дняхъ ходьбы къ сѣверу отъ вулкана. По Чихачеву, южный край кратера находится на высотѣ 3.841 метра надъ уровнемъ моря, а нѣкоторые шпицы перпендикулярныхъ или нависшихъ скалъ поднимаются еще на сотню метровъ выше.

Высота Аргейской горы, по Гамильтону—3.962 метра; высота Аргейской горы, по Куперу—3.993 метра; высота Аргейской горы, по Тозеру—4.008 метровъ.

По разсказамъ рѣдкихъ путешественниковъ, которые, во времена Страбона, всходили на эту гору, взоръ, при ясномъ небѣ, открывалъ, будто бы, за-разъ два моря, Понтъ Эвксинскій и «море Иссійское». Ничего этого нѣтъ въ дѣйствительности. Съ вершины, правда, созерцаешь необъятный горизонтъ, но на югѣ могучіе валы Булгаръ-дага и Ала-дага скрываютъ Средиземное море, и на сѣверо-востокѣ едва можно разглядѣть неопредѣленныя очертанія Понтійскихъ горъ.

Аргейская гора стоитъ на очень высокомъ цоколѣ: на сѣверѣ, Кесарійская равнина, самая низкая на всей окружности, имѣетъ слишкомъ 1.000 метровъ абсолютной высоты, тогда какъ на западѣ горный проходъ, отдѣляющій центральный массивъ отъ другой вулканической группы, переходитъ за высоту 1.500 метровъ. Контрфорсы, придаточные конусы, застывшіе потоки расплавленныхъ каменныхъ породъ окружаютъ гору въ собственномъ смыслѣ такъ, что совокупность группы имѣетъ поверхность, превышающую 1.000 квадр. километровъ. Идя вверхъ по южному склону, который выбралъ Гамильтонъ, первый изъ новѣйшихъ путешественниковъ, совершившихъ восхожденіе на Аргейскую гору, поднимаешься послѣдовательно на широкія террасы, расположенныя въ видѣ уступовъ вокругъ главной вершины. Верхній конусъ, имѣющій около 800 метровъ высоты, изрѣзанъ глубокими разсѣлинами, и непогоды вырыли тамъ расходящіеся овраги, которые обрисовываютъ на краю кратера какъ бы косынку изъ бѣлаго снѣга, спускающуюся длинными полосами между красноватыхъ шлаковъ. На этихъ изрытыхъ откосахъ малѣйшей перемѣны температуры во время ночи достаточно, чтобы заставить ихъ скатываться въ снѣга; они сковываются морозомъ, но съ восходомъ солнца теплота освобождаетъ ихъ: увлекаемые собственной тяжестью, они прыгаютъ со скалы на скалу надъ разсѣлинами. Весной, въ періодъ таянія снѣговъ, эта артиллерія очень опасна, и восхожденіе должно быть совершаемо ночью, прежде чѣмъ гора проснется. Лѣтомъ, снѣгъ совершенно исчезаетъ съ южнаго ската Аргейской горы [1]), но въ глубокомъ кратерѣ всегда лежатъ снѣжныя массы, которыя образуютъ тамъ даже настоящіе ледники.

Еще въ эпоху Страбона эта гора проявляла остатки вулканической дѣятельности. Склоны ея были покрыты лѣсами, впослѣдствіи исчезнувшими; но равнина была «снѣдаема внутреннимъ огнемъ», откуда часто выбрасывалось пламя; въ пятомъ столѣтіи христіанскаго лѣтосчисленія Клавдіенъ описываетъ «объятыя огнемъ вершины» Аргейской горы. Чихачевъ говоритъ о древнихъ монетахъ, найденныхъ въ окрестностяхъ города Кайсаріе, на которыхъ (монетахъ) изображена гора въ изверженіи. Въ наши дни никому не случалось наблюдать ни фумароллъ, ни источниковъ угольной кислоты на склонахъ вулкана и окружающихъ его конусахъ огненнаго происхожденія, но повсюду видъ вулканическихъ шлаковъ, потоковъ лавы и кратеровъ такой, какой долженъ былъ бы представлять едва охладившійся очагъ изверженій. Али-дагъ на сѣверо-востокѣ, Севри-дагъ на юго-западѣ и другія горы сотнями, холмы или простые бугры, которые возвышаются въ вулканической области, сохранили свои кратеры. Изъ всѣхъ вулканическихъ вершинъ, принадлежащихъ къ системѣ Аргейской горы, самыя высокія послѣ главнаго вулкана,—вершины Гассанъ-дага, поднимающіяся почти на 3.000 метровъ; на юго-востокѣ, этотъ массивъ примыкаетъ къ другимъ горамъ, почти столь же высокимъ, къ вершинамъ Ешилъ-дага, который оканчивается надъ равнинами крутыми стѣнами и базальтовыми колоннадами; на юго-западѣ, вулканическая цѣпь соединяется съ массивомъ Караджа-дагъ, который продолжается на 200 километровъ отъ Аргейской горы. Одинъ изъ кратеровъ Караджа-дага имѣетъ чрезвычайно любопытную форму, быть можетъ, единственную въ своемъ родѣ. Кругообразный холмъ, который виденъ въ 8 километрахъ къ юго-востоку отъ Карабунара, посреди небольшаго солянаго озера, представляетъ на вершинѣ овальную чашу, край которой постепенно поднимается на восточной сторонѣ и оканчивается нависшимъ выступомъ [2]); по всей вѣроятности, жидкія вещества, извергнутыя кратеромъ, застыли на верху жерла, отчего и образовался на внѣшней сторонѣ конуса выступъ въ видѣ носка амфоры.

Къ западу отъ киликійскаго Тавра, вся передняя область морскаго прибрежья, заключающаяся между заливами Тарсскимъ и Адалій-

[1]) Hamilton, „Researches in Asia Minor"; —P. de Tchihatcheff, цитированное сочиненіе; Tozer, „Turkish Armenia and Eastern Asia Minor".

[2]) Чихачевъ, цитированное сочиненіе; — Ainsworth, „Travels in Asia Minor".

скимъ, занята лабиринтомъ горъ, извѣстнымъ подъ именемъ Тавра Исаврійскаго или Трахейской Киликіи. Географы не могли еще съ достовѣрностью опредѣлить между этими массивами тѣ, которые получили отъ древнихъ названія Крагусъ, Имбарусъ, Андрикусъ. Впрочемъ, эти имена примѣнялись преимущественно къ горамъ, которыя были видны съ берега, какова бы ни была ихъ важность относительно болѣе возвышенныхъ пиковъ, находящихся внутри материка. Главная группа всей области—Гёкъ-ку или «гора Неба», высокія вершины которой достигаютъ 3.000 метровъ; большинство принадлежащихъ къ этой группѣ второстепенныхъ цѣпей тянутся по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ, такъ же, какъ параллельныя цѣпи и восточный берегъ Адалійскаго залива. Внѣ группы Гёкъ-ку мало вершинъ, которыя

Амазія.

поднимались бы выше 1.500 метровъ. Несмотря на незначительную высоту этихъ горъ, поморье Малой Азіи не имѣетъ болѣе крутыхъ береговъ, чѣмъ берега Трахейской или «Круто береговой» Киликіи, названной такъ въ противуположность низменнымъ берегамъ «Полевой» Киликіи, которая простирается у подошвы Булгаръ-дага, по направленію къ Александретскому заливу. Высокіе мысы изъ сланцевъ, конгломератовъ, известняковъ, бѣлаго мрамора слѣдуютъ одинъ за другимъ безъ перерыва на всей окружности кривой линіи берега, обращенной къ острову Кипру, и между этими мысами есть такіе, которые поднимаются вертикальными утесами на 200 слишкомъ метровъ надъ поверхностью морскихъ водъ. Первый мысъ, который мореплаватель огибаетъ, пройдя низменные берега Полевой Киликіи,—величественный полуостровъ Кавалерскаго мыса, Манаватъ османлисовъ, крутые берега котораго состоятъ изъ расположенныхъ разноцвѣтными лентами слоевъ самаго причудливаго вида. Соединенный съ твердой землей плоскимъ берегомъ, перерѣзаннымъ прудами, этотъ полуостровъ образуетъ естественную цитадель, преобразованную въ сильно укрѣпленное мѣсто оборонительными стѣнами и рвами, высѣченными въ живомъ камнѣ; въ нѣсколькихъ километрахъ къ востоку, другая мраморная скала, но совершенно окруженная водой, носящая имя Провансальскаго острова, тоже увѣнчана крѣпостью, и, кромѣ того, тамъ видны еще развалины домовъ и часовень. Эти остатки военныхъ и религіозныхъ сооруженій, равно какъ названія мыса и острова, доселѣ употребляемыя прибрежными моряками, напоминаютъ о пребываніи здѣсь христіанъ: эти двѣ скалы киликійскаго берега были въ числѣ крѣпостей, которыя Левъ, царь армянскій, уступилъ папѣ, въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія, и гдѣ рыцари ордена св. Іоанна Іерусалимскаго основали пріютъ освобожденныхъ христіанскихъ невольниковъ [1]). На западъ отъ Кавалерскаго мыса другіе мысы, менѣе любопытные по историческимъ воспоминаніямъ, столь же живописны: мысъ Кизлиманъ, также соединенный съ твердой землей низменнымъ перешейкомъ, состоитъ изъ пластовъ совершенно правильныхъ и представляющихъ самые разнообразные цвѣта—красный, фіолетовый, коричневый, желтоватый, синій. Далѣе слѣдуетъ мысъ Анамуръ, самая южная оконечность Малой Азіи.

На сѣверѣ отъ горнаго лабиринта Крутобереговой Киликіи возвышается, на подобіе острова, массивъ среди однообразныхъ Коніехскихъ равнинъ. Эта группа, носящая имя Кара-дагъ или «Черная гора», столь обыкновенное въ земляхъ турецкаго языка, лежитъ на продолженіи оси цѣпей, которыя, за городомъ Коніе, продолжаются къ сѣверо-западу, на пространствѣ около двухсотъ километровъ. Восточный валъ, ограничивающій на западѣ центральную низменность Малой Азіи, перерѣзанъ большимъ числомъ брешей, и возвышается, среднимъ числомъ, только на двѣсти или триста метровъ надъ уровнемъ высокой равнины; но на сѣверо-западной своей оконечности онъ оканчивается массивами Эмиръ-дагъ и Кеширъ-дагъ, немного болѣе высокими горами, гдѣ многочисленные пастухи располагаютъ свои становища во время лѣтнихъ жаровъ. Западный валъ, носящій имя Султанъ-дагъ, которымъ онъ обязанъ, можетъ быть, своимъ болѣе значительнымъ возвышеніемъ, представляется въ видѣ настоящей цѣпи съ восточной стороны, надъ поверхностью озеръ и болотъ; но на западѣ и на сѣверѣ онъ сливается во многихъ мѣстахъ съ гористымъ плато, гдѣ рѣки, впадающія въ Эгейское море, Гедизъ-чай, Меандръ и ихъ притоки, начинаютъ вырывать свои долины.

Къ юго-западу отъ краевой цѣпи Султанъ-дага, горы постепенно возвышаются, приближаясь къ морю. Въ Пизидіи, гдѣ Бозъ-Бурунъ или «Сѣдая голова», достигаетъ почти 3.000 метровъ высоты, направленіе цѣпей съ сѣвера на востокъ; въ Ликіи онѣ оріентированы по большей части съ сѣверо-востока на юго-западъ. Одинъ массивъ ликійскаго Тавра, Акъ-дагъ или «Бѣлая гора», достигаетъ 3.080 метровъ; Сузузъ-дагъ, стоящій напротивъ него съ восточной стороны, почти не уступаетъ ему по высотѣ, а Бей-дагъ или «Главенствующая гора», находящаяся на востокѣ отъ Эльмалу, можетъ быть, превосходитъ Бѣлую гору: онъ имѣетъ, говорятъ, 3.150 метровъ. Послѣ Метдезиса, ликійскіе массивы Акъ-дагъ и Бей-дагъ самыя высокія изъ таврскихъ вершинъ, и ихъ большая близость къ морю придаетъ имъ еще болѣе величественный видъ. На склонахъ, обращенныхъ къ сѣверу, массивы ликійскаго Тавра покрыты или испещрены снѣгомъ въ продолженіе цѣлаго года; этой бѣлизнѣ своихъ вершинъ многія горы въ этой части Малой Азіи и обязаны, будто бы, придаваемымъ имъ эпитетомъ *бали*, имѣющимъ большое сходство съ славянскимъ словомъ «бѣлый», которое также употребляется для обозначенія снѣговыхъ вершинъ [1]). Названіе Тавръ тоже сохранилось въ мѣстной номенклатурѣ: цѣпь, которая начинается у южной оконечности озера Эгердиръ и образуетъ стволъ всѣхъ отраслей, направляющихся къ морскимъ берегамъ Ликіи, носитъ имя Даврасъ или Даурасъ [2]).

На восточномъ берегу Ликіи высится, достигая 2.375 метровъ, гора Тахъ-Талу, Солима древнихъ, въ основаніе которой врѣзываются ущелья, а средніе склоны покрыты деревцами и кустарникомъ: на полуденномъ склонѣ этого

[1]) F. Beaufort, „Caramania".

[1]) Чихачевъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Hirschfeld, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde", 1877.

величественнаго пика горитъ день и ночь «Химера», о которой говорятъ греческіе и римскіе географы и которая подала поводъ къ такому множеству сказокъ. Огненный источникъ, Янаръ или Янаръ-ташъ, бьетъ фонтаномъ изъ отверстія глубиной около метра, надъ которымъ возвышаются развалины древняго языческаго храма. Не видно ни малѣйшаго дыма, который сопровождалъ бы пламя; въ нѣсколькихъ метрахъ разстоянія, серпентиновая скала, откуда вылетаетъ таинственный огонь, имѣетъ температуру не выше той, какую показываетъ окружающая почва; въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ огненнымъ фонтаномъ растутъ деревья, и подъ тѣнью ихъ извивается ручей. Часто окрестные пастухи приходятъ готовить себѣ кушанье на пламени Химеры, но она отказывается, говоритъ легенда, варить украденную пищу. Другое отверстіе на скалѣ, подобное отверстію Янара, теперь погасло, и тамъ незамѣтно никакого выдѣленія газа. По временамъ, разсказываютъ мѣстные жители, слышенъ глухой подземный ревъ внутри горы Тахъ-талу [1]). Эта область Ликіи была извѣстна въ древности подъ именемъ горы Фениксъ, и одна изъ деревень той страны до сихъ поръ сохранила названіе Финека. Орлы и коршуны безпрестанно парятъ надъ объятой пламенемъ скалой азіатской Финикіи. Не этому ли факту, спрашиваетъ англійскій путешественникъ Феллозъ [2]), должно приписать происхожденіе легенды о фениксѣ, постоянно возрождающемся изъ своего пепла?

Мысы Ликіи, какъ и мысы Крутобереговой Киликіи, оканчиваются почти всѣ высокими стѣнами изъ бѣловатаго известняка, составляющими рѣзкій контрастъ съ покрывающими ихъ сосновыми лѣсами. Морское побережье, разрѣзанное на многочисленные полуострова, обнаруживаетъ тамъ и сямъ стремленіе образовать острова, какъ бы служащіе предвѣстниками архипелаговъ, прилегающихъ къ западнымъ берегамъ. Имена, данныя греческими и итальянскими мореплавателями, начинаютъ преобладать: такъ, главный береговой островъ, Кастель-Ориццо, вѣроятно, обязанъ этимъ наименованіемъ (Кастель-Россо) красноватымъ оттѣнкамъ своихъ скалъ; мысъ и острова Хелиданъ или Хелидонія, на юго-восточномъ углу Ликіи, получили свое имя отъ ласточекъ, которыя кружатся тучами вокругъ скалъ; далѣе, на восточномъ берегу, открывается Генуэзскій портъ (Дженовезе). Въ Средиземномъ морѣ мало найдется областей, гдѣ морскія теченія отличались бы такой силой, какъ въ проливахъ между Хелиданскими островами. Потокъ, постоянно несущійся отъ береговъ Сиріи къ западу, слѣдуя вдоль прибрежья Анатоліи, ударяется, на югѣ отъ Адаліи, объ утесы, которые выстроились поперегъ его теченія, какъ громадная плотина, и, отброшенный влѣво, быстро уходитъ въ открытое море черезъ проходы, которые ему представляетъ небольшой Хелиданскій архипелагъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скорость теченія доходитъ почти до 5 километровъ въ часъ. Эти острова очень любопытны также въ геологическомъ отношеніи своими естественными рвами, образовавшимися вслѣдствіе проваловъ или осѣданія почвы; три изъ нихъ перерѣзаны отъ одного берега до другаго аллеей, до такой степени правильной, какъ будто траншея была сдѣлана рукой человѣка: можно подумать, что скала подалась книзу, и вмѣстѣ съ тѣмъ налегающіе пласты опустились всей массой до высоты нѣсколькихъ метровъ надъ уровнемъ моря. Другая достопримѣчательность Хелиданскаго архипелага—маленькій прѣсноводный ручей, текущій на островкѣ Грамбуза, который, повидимому, слишкомъ малъ, чтобы дожди могли питать тамъ столь обильный источникъ; вѣроятно, вода происходитъ съ материка и снова выступаетъ на поверхность въ видѣ артезіанскаго колодца, пройдя подъ проливомъ, который имѣетъ не менѣе 52 метровъ глубины.

Западная область плоскогорья Малой Азіи понижается неравномѣрно къ берегамъ Эгейскаго моря. На передней, обращенной къ морю, сторонѣ этого плоскогорья находятся многочисленныя вырѣзки морскаго прибрежья, усложняемыя, кромѣ того, боковыми развѣтвленіями, подобными развѣтвленіямъ норвежскихъ фьордовъ. Возвышенности раздробляются какъ ткань, которая сѣчется. Хребты, расположенные по большей части въ видѣ параллельныхъ линій, понижаются уступами къ морю; затѣмъ другія цѣпи, отдѣленныя отъ первыхъ глубокими брешами, возвышаютъ свои крутые склоны надъ равнинами и, въ свою очередь, прерываются широкими пространствами, какъ бы проливами зелени, которые соединяютъ поля двухъ покатостей; далѣе, гряды высотъ снова появляются, но ихъ наклонное основаніе уже покрыто моремъ; онѣ выдвигаются въ видѣ полуостровов, и послѣдніе ихъ выступы или мысы погружены въ глубокую воду; однако, твердая земля исчезаетъ только для того, чтобы далѣе въ морѣ снова выступить на поверхность въ видѣ гористыхъ островов, которые продолжаются другими, болѣе низменными островами, затѣмъ островками и подводными камнями. Горы континента и островные массивы—одна и та же формація. Если уровень моря поднимется, то на окраинахъ твердой земли появится бахрома изъ новыхъ островов; если, напротивъ, воды понизятся, то архипелагъ морскаго прибрежья превратится въ полуострова.

Гористое развѣтвленіе, которое отдѣляется отъ плоскогорья, чтобы развернуться къ юго-

[1]) Francis Beaufort, „Caramania"; — Spratt and Forbes, „Travels in Lycia".
[2]) Fellows, „Travels and Researches in Asia Minor".

западу отъ полуострова, начинается у горделиваго массива Баба-дагъ, «гора Отецъ», Кадмусъ древнихъ (1.860 метровъ). Этотъ массивъ огибается на востокѣ низменностью, черезъ которую долина Меандра, притока Эгейскаго моря, сообщается съ долиной рѣки Дуламанъ-Чай, впадающей въ Родосское море. На югъ отъ Кадмуса, цѣпь Бозъ-дагъ или «Сѣрой горы» понижается постепенно до 1.000 метровъ, затѣмъ до 600 метровъ и еще менѣе; отрасли, выдвигающіяся далеко въ море на углу полуострова, состоятъ лишь изъ невысокихъ холмовъ, впрочемъ, очень круто обрѣзанныхъ и отличающихся безконечнымъ разнообразіемъ формъ. Горы на островахъ выше, чѣмъ горы сосѣдняго поморья; такъ, гора Аттайросъ, на островѣ Родосѣ, достигаетъ 1.240 метровъ; гора Ластосъ, на о. Карпаѳосѣ, только метровъ на двадцать ниже; съ этой высшей точки совершенно отчетливо видна восточная оконечность острова Крита, которую соединяетъ съ Малой Азіей, между морскими пучинами глубиной слишкомъ 2.000 метровъ, порогъ, покрытый слоемъ воды толщиной отъ 300 до 400 метровъ. На сѣверъ отъ Родоса, другой полуостровъ продолжается островомъ Сими; длинная узловатая вѣтвь, оканчивающаяся на мысѣ Кріо, снова появляется на Низиросѣ, пирамидальная гора котораго поднимается на высоту 692 метровъ. Далѣе, полуостровъ Галикарнасскій едва отдѣленъ отъ острова Коса и архипелага Калимноса и Лероса узкими проходами, загроможденными подводными скалами. Замѣчательно, что гора Низиросъ, единственный еще дѣйствующій вулканъ Малой Азіи, высится какъ разъ на углу полуострова Анатоліи, между Эгейскимъ моремъ и глубокимъ бассейномъ восточной части Средиземнаго моря. Фумароллы, температура которыхъ превышаетъ 100 градусовъ по Цельзію, выходящіе изъ земли столбы пара и образованіе кристалловъ сѣры—таковы въ настоящее время единственныя видимыя явленія вулканической лабораторіи. Дѣятельность подземнаго очага усиливается во время сезона дождей; тогда дно кратера превращается въ сѣрное озеро, имѣющее температуру кипящей воды [1]). Искатели сѣры превратили кратеръ въ заводъ. Одна греческая легенда говорила, что Низиросъ не что иное, какъ отрывокъ острова Коса, брошенный въ море богомъ; но въ дѣйствительности совершенно наоборотъ: окружающія земли образовались изъ обломковъ, которые жерло вулкана Низиросъ выбросило во время своихъ изверженій. Островокъ Яли, лежащій между островами Косомъ и Низиросомъ, есть груда этихъ вулканическихъ туфовъ, чередующихся съ травертинами, которые очень богаты ископаемыми. По Горсе, этотъ островокъ, будто бы, испыталъ рядъ колебаній уровня, которыя продолжаются и въ наши дни, свидѣтельствуя такимъ образомъ о постоянномъ движеніи лавы въ подземномъ очагѣ. Въ этихъ областяхъ Средиземнаго моря приливъ и отливъ очень чувствительны; разность уровня водъ превышаетъ 30 сантиметровъ въ заливѣ Сими [1]).

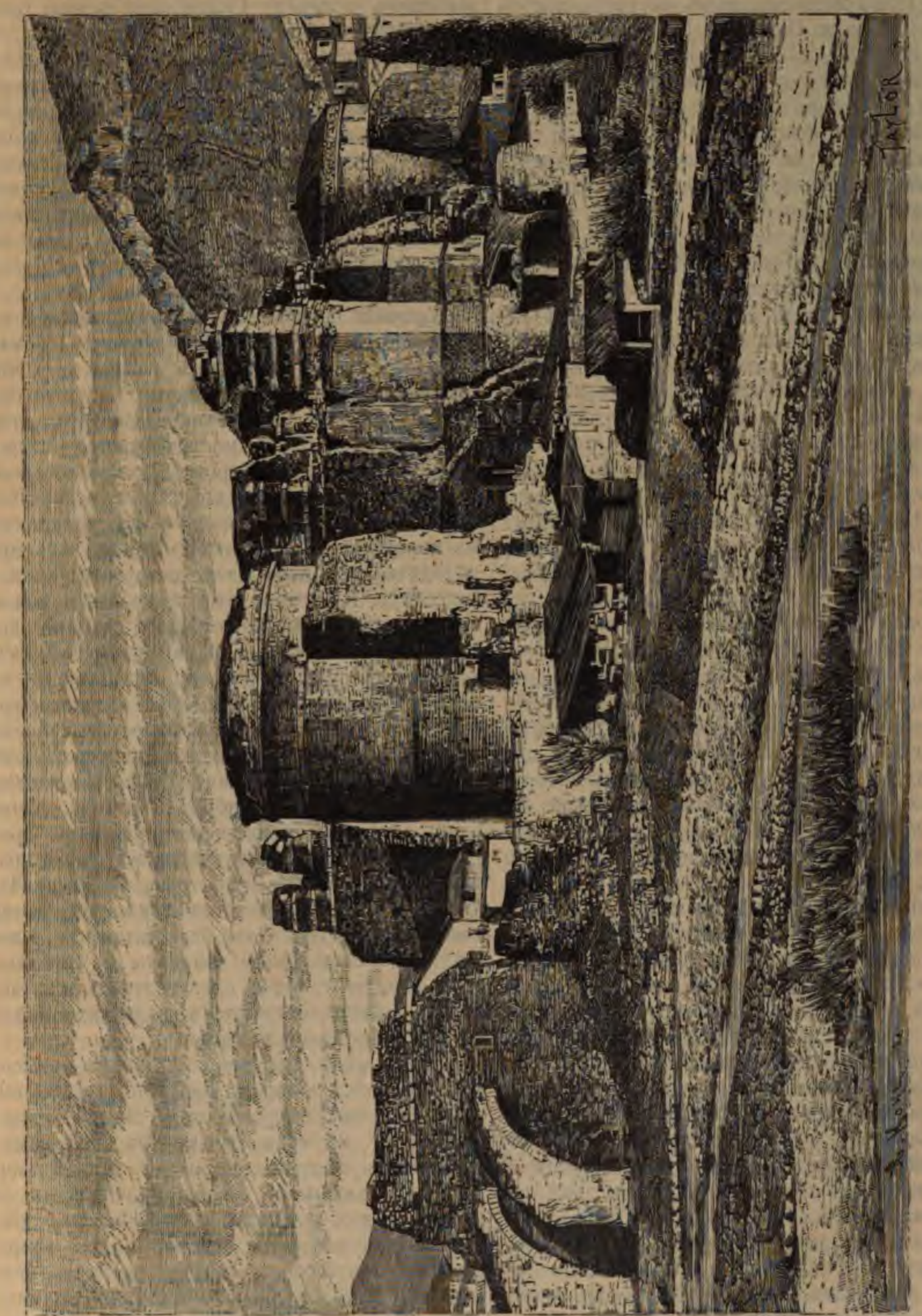
Тотъ же массивъ Баба-дагъ, образующій общій стволъ отраслей на юго-западѣ полуострова, выдѣляетъ изъ себя также къ западу вѣтвь, прерываемую на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой глубокими долинами. Нѣсколько вершинъ, имѣющихъ слишкомъ 1.000 метровъ высоты, показываются надъ гребнями, и около западной оконечности этой гряды массивъ Бешъ-Пармакъ или «Пятипалый» поднимаетъ одну изъ остроконечныхъ вершинъ на 1.371 метръ и примыкаетъ къ «горделивому треугольнику Латмуса, похожему на фронтонъ храма» [2]). На сѣверъ отъ долины Меандра, цѣпь горъ, выступающая внѣ плоскогорья, гораздо правильнѣе, чѣмъ массивъ Баба-дагъ и его продолженія. Эта цѣпь, извѣстная подъ разными мѣстными именами, но вообще обозначаемая греками древнимъ названіемъ Мизогисъ, продолжается безъ перерыва на протяженіи около 140 километровъ, отъ пролома Меандра, близъ Буладана, до мысовъ Скала-Нова, въ Эфесскомъ заливѣ. Средняя высота самыхъ высокихъ вершинъ не превышаетъ 1.000 метровъ; голыя и сѣрыя, онѣ слѣдуютъ одна за другой правильно съ востока на западъ, безъ промежуточныхъ брешей, однако, въ цѣломъ эта цѣпь имѣетъ очень разнообразный видъ, благодаря конгломератовымъ террасамъ, идущимъ вдоль ея основанія на высотѣ 100 и 150 метровъ, и которыя разрѣзаны горными потоками на кубы и пирамиды. Воздѣланныя пространства, расположенныя уступами одно надъ другимъ, и густыя деревья, наполняющія небольшія долины своей зеленью, составляютъ яркій контрастъ съ красными цвѣтами горныхъ обваловъ и осыпей. Всѣ эти земли, которыя обваливаются и покрываются рытвинами, и обломки которыхъ уносятся ручьями, отлагающими ихъ въ видѣ наносовъ въ долинѣ Меандра, суть, очевидно, остатки отложеній, которыя образовались въ предшествующую геологическую эпоху, въ то время, когда берега Анатоліи были глубже погружены въ море.

Около западной своей оконечности, цѣпь Мизогисъ понижается. Порогъ, подъ которымъ проходитъ подземнымъ туннелемъ, на высотѣ 243 метровъ, желѣзная дорога изъ Смирны въ долину Меандра, отдѣляетъ главную цѣпь отъ массива Гумишъ-дагъ или «Серебряной горы», изобилующей залежами наждака и другихъ

[1]) Gorceix, „Archives scientifiques“.

[1]) Hamilton, „Researches in Asia Minor“.
[2]) Olivier Rayet, „Milet et le golfe Latmique“.

рудъ. На югѣ, группы холмовъ окаймляютъ низовье Меандра, напротивъ крутыхъ склоновъ массива Бешъ-Пармакъ; далѣе виднѣется въ профилѣ направляющійся съ востока на западъ зубчатый хребетъ Самсунъ-дагъ, Микале древнихъ. Каменистая пирамида Рапаны, возвышающаяся посреди этой цѣпи, надъ большими сосновыми лѣсами, лавровыми и митровыми рощами, есть самая высокая вершина



Пергамъ, развалины базилики.

азіатскаго прибрежья Эгейскаго моря (1.258 метровъ); непосредственно на западѣ закругляется верхушка другой вершины, немного пониже предъидущей, но считающейся у эллинскихъ моряковъ священной горой; остатокъ часовни, посвященной пророку Иліи, который смѣнилъ въ почитаніи іонійцевъ бога солнца Аполлона-Мелькарта, стоитъ на краю пропасти, откуда открывается чудный видъ на прибрежье

и море съ его заливами, проливами и островами. Напротивъ, какъ бы на разстояніи брошеннаго камня, виденъ островъ Самосъ, оканчивающійся на западѣ массой Керки, еще болѣе высокой (1.750 метровъ), чѣмъ вершины хребта Микале; далѣе, за Самосомъ, показываются вершины Никарія, тоже поднимающіяся выше 1.000 метровъ, а къ юго-западу различные острова, между прочимъ, Патмосъ, выдѣляются на фіолетовомъ фонѣ моря, то въ видѣ черныхъ тѣней, то въ видѣ свѣтлыхъ паровъ. Проливъ, отдѣляющій Самосъ отъ наидалѣе выдвинутаго въ море мыса Микале, имѣетъ всего только 2 километра въ ширину; да и то еще маленькій островокъ, гдѣ отдыхаютъ дезертиры, переправляющіеся черезъ проливъ вплавь, дѣлитъ каналъ на два рукава. Изъ города Самоса населеніе могло видѣть воздвигнутый на противуположномъ берегу материка крестъ, на которомъ былъ распятъ тиранъ Поликратъ «въ своей славѣ». Этотъ крайній выступъ твердой земли сохранилъ свое античное имя Микале, измѣненное перестановкой слоговъ въ Камилла или Камелло.

На сѣверъ отъ цѣпи Мизогисъ тянется другая цѣпь такой же высоты, Тмолусъ древнихъ, которая оканчивается непосредственно на востокъ отъ Смирны громаднымъ моломъ, гдѣ на половинѣ ската пріютилось нѣсколько деревень. Вмѣстѣ обѣ эти цѣпи, Мизогисъ и Тмолусъ, закругляются въ видѣ обширнаго полукруга, обхватывающаго долину Кайстра. На западъ отъ этой долины, горы образуютъ независимые массивы, нѣкогда отдѣлявшіеся отъ внутреннихъ горъ широкими проливами. Массивъ Аламанъ-дагъ, Галлезіонъ древнихъ, сохранилъ свой островной видъ: зелень, окружающая его откосы и проникающая въ его ущелья, ограничиваетъ мысъ такъ же рѣзко, какъ ограничивала бы вода моря; мало найдется горъ, которыя имѣли бы болѣе горделивый видъ, чѣмъ эти скалы, которыхъ пирамиды съ гладко обрѣзанными плоскостями или гранями, опирающіяся на скаты горныхъ обваловъ, поросшихъ травой, отличаются такой правильностью формы, что ихъ можно принять за гигантскіе памятники, воздвигнутые рукой человѣка; каменныя стѣны, идущія вдоль горныхъ хребтовъ, крѣпости, стоящія на краю пропастей, кажутся какъ бы принадлежащими къ архитектурѣ горы. Въ противуположность почти всѣмъ другимъ цѣпямъ азіатской Іоніи, нормальное направленіе которыхъ отъ востока къ западу, Аламанъ-дагъ выстроилъ свои пики въ направленіи съ сѣвера на югъ, точно такъ же, какъ и другая, болѣе западная вѣтвь, которая перерѣзываетъ Смирнскій полуостровъ и примыкаетъ къ вершинамъ-близнецамъ Двухъ-Братьевъ, лѣсистые склоны которыхъ господствуютъ надъ входомъ въ рейдъ. Далѣе, другая цѣпь, превосходящая предъидущія по абсолютной высотѣ, слѣдуетъ тому же направленію съ юга на сѣверъ, отъ мыса Карака до Мимаса или мыса Кара-бурунъ; длинная гряда горъ высится, какъ валъ, на полуостровѣ Эритрейскомъ поперегъ Смирнскаго залива. Ближайшій къ морскому прибрежью островъ Хіосъ оріентированъ такимъ же образомъ и, слѣдовательно, отличается отъ другихъ острововъ азіатскаго архипелага протяженіемъ по направленію меридіана. Названіемъ своимъ этотъ островъ, можетъ быть, обязанъ снѣгу (*χίων*), блистающему на его горахъ въ теченіе нѣсколькихъ зимнихъ дней или нѣсколькихъ недѣль[1]). Самая высокая вершина, гора св. Иліи, возвышающаяся на сѣверной сторонѣ острова, достигаетъ 1.267 метровъ.

Формаціи острова Хіоса принадлежатъ къ различнымъ геологическимъ эпохамъ, и земля продолжаетъ до сихъ поръ работать, чтобы производить новыя образованія. Эруптивныя горныя породы, серпентины, порфиры, трахиты, встрѣчаются во многихъ частяхъ острова, такъ же, какъ и напротивъ, на полуостровѣ Эритрейскомъ: два параллельныхъ массива, которые раздѣлены рукавомъ моря, имѣющимъ на порогѣ всего только 25 метровъ глубины, находятся въ той же площади вулканическаго колебанія. Извѣстно, что эта область Іоніи, одна изъ богатѣйшихъ въ Малой Азіи по термальнымъ источникамъ[2]), есть одна изъ тѣхъ, которыя наиболѣе страдаютъ отъ подземныхъ потрясеній. Въ теченіе второй половины настоящаго столѣтія немногія изъ естественныхъ бѣдствій могутъ сравниться съ страшнымъ землетрясеніемъ, которымъ былъ разрушенъ городъ Хіосъ. Въ октябрѣ 1883 года, почва снова дрожала преимущественно подъ Эритрейской областью, гдѣ виденъ маленькій кратеръ, близъ Чесмы. Земля разверзлась въ Лацатскомъ округѣ. Источники изсякли, тогда какъ новые ключи стали бить изъ земли; многія поселенія и цѣлые кварталы въ городахъ были повалены; болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ должны были жить въ палаткахъ подлѣ своихъ разрушенныхъ домовъ.

Горная цѣпь, которая соединяется невысокимъ порогомъ съ горами Тмолусъ и изгибается къ западу, чтобы ограничить на сѣверѣ Смирнскую бухту, не принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ выпуклостей рельефа Малой Азіи, ни по занимаемому ею пространству, ни по высотѣ своихъ вершинъ, но она имѣетъ громкое имя въ миѳологіи и исторіи. Это—Сипилосъ, гдѣ царствовалъ Танталъ, а самая высокая гора, которая видна напротивъ Смирны, и усѣченный конусъ которой обрисовываетъ свой профиль надъ другими, болѣе близкими вершинами, есть «тронъ Пелопса» гдѣ воз-

[1]) Pauli, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg", 1881—1882.

[2]) G. Lattry, „Congrès médical à Athènes", 1882.

сѣдалъ родоначальникъ, давшій свое имя Пелопоннезу [1]). Древніе писатели говорятъ о страшныхъ землетрясеніяхъ, разрушившихъ многіе города и «поглотившихъ» гору Сипилъ. Теперь непримѣтно никакихъ слѣдовъ этихъ катаклизмовъ, но вся западная часть цѣпи, обозначаемой турецкимъ именемъ Яманларъ-дагъ, образована изъ эруптивныхъ горныхъ породъ. Западная часть Сипила, Манисса-дагъ или «гора Магнезіи» состоитъ изъ мѣловыхъ формацій, которыя круто обрываются, на сѣверномъ склонѣ, грозными стѣнами, разнообразно окрашенными, изрытыми гротами, изрѣзанными трещинами, которыя, повидимому, проходятъ черезъ всю гору насквозь. Такимъ образомъ, въ массѣ горы открываются настоящія траншеи, совершенно правильныя, и проникаютъ далеко внутрь скалъ, между двумя вертикальными стѣнами. На востокъ отъ горы Магнезіи (Манисса-дагъ), Сардская равнина, по которой протекаетъ рѣка Гермусъ или Гермулъ, простирается вдоль сѣвернаго склона цѣпи Тмолусъ, извѣстной въ этомъ мѣстѣ подъ названіемъ Бозъ-дага или «Сѣрой рѣки». Эти скаты, какъ и скаты массива Мизогисъ надъ долиной Меандра, обставлены по бокамъ красноватыми каменными обломками въ формѣ террасъ, которыя разрѣзаны рѣками на отдѣльные массивы, и края которыхъ усажены пирамидами и обелисками, изваянными дѣйствіемъ дождевыхъ водъ. Болѣе высокія, чѣмъ береговыя террасы Меандра, террасы Сардской долины также составляли часть сплошныхъ слоевъ, которые занимали всю ширину равнины, прежде чѣмъ Гермусъ открылъ себѣ ущелье для прохода къ морю, между Сипилосомъ и горами Гассанъ-дага.

Массивы, возвышающіеся противъ цѣпи Тмолусъ, на сѣверъ отъ Алашерской долины,—отчасти вулканическаго образованія, и одна изъ заключающихся между ними равнинъ носитъ названіе «Спаленной страны»: это—Катакекаумене древнихъ грековъ. Одинъ конусъ изверженія, Кара-Девлитъ или «Черная чернилица», поднимающійся приблизительно на 150 метровъ надъ равниной Кула, состоитъ сплошь изъ вулканическаго пепла и черноватыхъ шлаковъ, подающихся подъ ногами. На западъ отъ «Черной чернилицы» два другіе конуса изверженія, съ правильнымъ кратеромъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ на разстояніи 11 километровъ, и такъ же, какъ Кара-Девлитъ, даютъ начало потокамъ лавы, спускающимся съ сѣвера къ Гермусу. Самый западный конусъ, Капланъ-Аланъ или «Пещера тигра», представляетъ наверху чашу, имѣющую около 800 метровъ въ окружности. Въ теченіе неизвѣстнаго числа вѣковъ застывшіе потоки лавы сохранили шероховатость своей поверхности; какъ во времена Страбона, они и теперь вполнѣ заслуживаютъ данное имъ греками имя «Спаленной страны»: безплодныя и черныя, эти каменныя рѣки изъ вулканическихъ шлаковъ составляютъ поразительный контрастъ съ зеленѣющими равнинами, которыя ихъ окаймляютъ. Кромѣ трехъ конусовъ изверженія, откуда изливаются эти лавы, относительно новаго происхожденія, вѣроятно, принадлежащія той же эпохѣ, какъ и вулканы Оверни, есть нѣсколько другихъ, которые можно различить только по ихъ профилю, и которые одѣты такой же точно растительностью, какъ и окрестныя мѣстности; склоны ихъ покрыты виноградниками и воздѣланными полями, какъ и окружающая ихъ равнина; наконецъ, на плоскогорьяхъ, состоящихъ изъ сланца и мрамора, высятся другіе вулканы, относящіеся къ предшествовавшей эпохѣ [1]). На западъ отъ Катакекаумене, маленькій бордюръ изъ горъ, Кара-дагъ, сопровождаетъ съ сѣверной стороны долину Гермуса; поддерживаемое имъ плато осѣло или выгнулось къ центру и заключаетъ какъ въ овальномъ циркѣ озеро Мермере, уровень котораго лишь немного превышаетъ уровень моря [2]).

Массивъ Мурадъ-дагъ, составляющій западное продолженіе хребта Эмиръ-дагъ, можетъ быть разсматриваемъ какъ горной узелъ, откуда расходятся цѣпи, и откуда вытекаютъ главныя рѣки на сѣверо-западѣ полуострова. Тамъ берутъ начало Меандръ; Гермусъ, Ѳимбріусъ. Мурадъ-дагъ, одна изъ высокихъ цѣпей Малой Азіи, поднимающаяся слишкомъ на 2.000 метровъ, продолжается на западъ Акъ-дагомъ или «Бѣлой горой», достигающей высоты 2.440 метровъ. Далѣе продолжаются правильные разрѣзы цѣпи Демирджи-дагъ, выдѣляющей изъ себя на югъ отроги, между прочимъ величественный трахитовый массивъ Каяджикъ, возвышающій свои вертикальныя стѣны надъ тѣнистыми долинами, гдѣ извиваются воды потоковъ. Цѣпь Гассанъ-дагъ, составляющая продолженіе главнаго хребта на востокѣ и на юго-западѣ, загибается къ горѣ Сипилосъ, какъ бы для того, чтобы замкнуть долину Гермуса; желѣзная дорога изъ Смирны въ Магнезію открываетъ себѣ проходъ черезъ эти ущелья, куда прежде проникали только опасныя тропинки. Другіе массивы, которые примыкаютъ къ Демирджи-дагу, и которые превращаютъ въ обширный лабиринтъ всю область, простирающуюся къ Мраморному морю, закругляютъ по большей части свои вершины въ видѣ длинныхъ волнообразныхъ повышеній рельефа: это такъ называемыя *яйлы* или покрытыя пастбищами плато, гдѣ племя юрукъ располагаетъ свои становища въ лѣтніе мѣсяцы. Однако,

[1]) Weber, „Le Sipylos et ses monuments".

[1]) Hamilton, „Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia".

[2]) P. de Tchihatcheff, „Asie Mineure".

нѣкоторыя цѣпи имѣютъ рѣзко-очертанные гребни: таковъ, напротивъ Митилены, массивъ Мадара-дагъ, сіенитовый валъ, образованный въ большей части изъ каменныхъ глыбъ, нагроможденныхъ одна на другую въ видѣ фантастическихъ фигуръ и представляющихъ всевозможныя переходныя степени формацій, отъ твердой скалы до сыпучаго песку; тамъ и сямъ обвалившіяся скалы повисли между двухъ крѣпко стоящихъ столбовъ и служатъ крышей мазанкамъ пастуховъ. Митилена, которую Эдремидскій заливъ отдѣляетъ отъ открытаго моря, тоже окружена горами; одна вершина, носящая имя «Олимпа» и иногда блистающая снѣжнымъ покровомъ, отражается въ водахъ внутренней бухты, называемой Масличнымъ портомъ. Этотъ большой островъ анатолійскаго прибережья принадлежитъ, очевидно, къ двумъ орографическимъ системамъ: западный его берегъ составляетъ продолженіе троянскаго берега, тогда какъ восточный идетъ параллельно берегамъ Мизіи. Этому двоякому образованію островъ и обязанъ своей причудливой конфигураціей, представляющей форму вѣера, протянувшаго свои вѣтви на югъ, гдѣ море проникаетъ внутрь острова въ видѣ кругообразныхъ заливовъ.

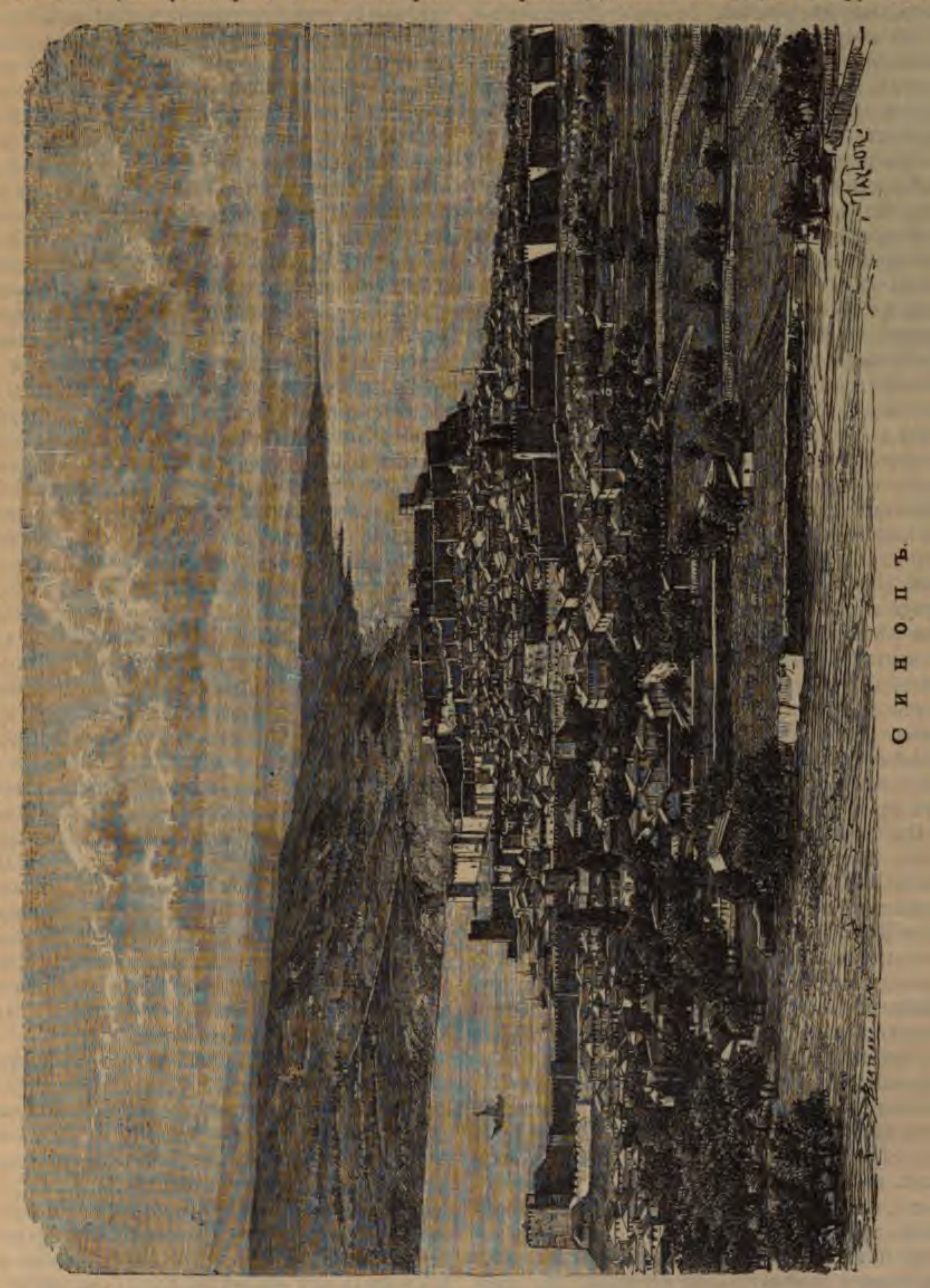
Главный узелъ горъ Троянской области или Троады находится не въ центрѣ территоріи, но на одной изъ ея оконечностей, непосредственно на сѣверъ отъ Эдремидскаго залива. Тамъ возвышаются лѣсистыя кручи массива Казъ-дага, «Гусиной горы», Иды или Гаргары древнихъ; однако, эти два названія должны быть примѣняемы въ ихъ поэтическомъ значеніи къ другимъ, болѣе центральнымъ горамъ Троады, такъ какъ съ высшей вершины Казъ-дага,—достигающей 1.769 метровъ, по Шмидту,—но окруженной другими вершинами, почти столь же высокими, не видно равнины Иліона, и оттуда Зевсъ не могъ бы наблюдать борьбу троянцевъ съ греками на берегахъ Скамандра. Для современныхъ эллиновъ Ида—священная гора, какъ она была священной и для вѣрующихъ предшествовавшихъ религій: близъ вершины видны остатки келій и часовенъ, и наканунѣ Ильина дня поселяне изъ окрестныхъ деревень приходятъ провести ночь на самомъ пикѣ, чтобы привѣтствовать земнымъ поклономъ дневное свѣтило, когда оно появится на горизонтѣ: безъ сомнѣнія, эта церемонія не измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ античные поэты воспѣвали славную вершину, которую солнце освѣщаетъ своими первыми лучами, и которая «распространяетъ по лицу земли божественный свѣтъ» [1]). Ида еще одѣта великолѣпными лѣсами, отъ которыхъ она и получила свое имя; но бо́льшая часть переднихъ горъ, каковы Кара-дагъ или Карали-дагъ, обезлѣсены и покрыты лишь мелкимъ кустарникомъ. Тамъ и сямъ, однако, на горныхъ пастбищахъ сохранились рощи сосенъ, не тѣхъ хвойныхъ деревъ, которыя всѣ походятъ другъ на друга стройностью ствола и формой вѣтвей, какъ деревья европейскихъ лѣсовъ, но сосенъ, которыя всѣ отличаются одна отъ другой положеніемъ ствола и движеніемъ вѣтвей. Большія сосны громаднаго парка, разсѣянныя въ безпорядкѣ по мягкой муравѣ, не группируются въ лѣсъ довольно густой, чтобы задерживать взоръ; становища юруковъ пріютились въ лощинахъ, стада овецъ разсыпаны бѣлыми пятнами по зелени луговъ, по известняковымъ склонамъ и трахитовымъ куполамъ сосѣднихъ горъ. Внизу, на Троянской равнинѣ, змѣится Мендере, за нимъ показывается извилистый Дарданельскій проливъ, а еще далѣе виднѣется сверкающее море, съ его островами, Тенедосомъ, Лемносомъ, Имбросомъ, Самоѳракіей, иногда даже треугольный профиль Аѳонской горы. Послѣдніе холмы системы Иды, заключенные между Безикской бухтой и входомъ въ Дарданеллы, образуютъ вдоль моря островной валъ, ограниченный на югѣ устьемъ ручья, бывшаго нѣкогда рѣкой Скамандромъ, на сѣверѣ дельтой Мендере или Симоиса Гомера. Въ открытомъ морѣ, обнаженная глава Тенедоса, на холмахъ котораго нѣтъ ни одного дерева, и нѣсколько островковъ, менѣе бѣдныхъ зеленью, образуютъ маленькій архипелагъ противъ троянскаго прибрежья.

Южный берегъ Мраморнаго моря также окаймленъ орографической системой въ миніатюрѣ, отдаленной отъ южныхъ горъ наносами и третичными формаціями, которыя указываютъ на проходъ въ этомъ мѣстѣ древняго пролива между морями Чернымъ и Эгейскимъ. Сизикскій полуостровъ, соединенный съ городомъ узкимъ перешейкомъ, тоже заключаетъ импонирующую горную массу, Капу-дагъ, и острова Мраморнаго архипелага, названные такъ по ихъ мраморнымъ скаламъ, суть выступающія изъ-подъ воды горы. На восточной сторонѣ Пропонтиды, полуостровъ, ограниченный линіей, проведенной черезъ заливы Гемликскій и Исмидскій, также имѣетъ свой островной массивъ, главная вершина котораго, Саманлу-дагъ, достигаетъ высоты 830 метровъ и который оканчивается на западѣ грознымъ Бозъ-Бурунъ или «Сѣрымъ мысомъ», изверженіемъ траппа, подобнымъ многимъ другимъ массивамъ изъ горныхъ породъ огненнаго происхожденія, которые возвышаются въ видѣ конусовъ на берегу моря и озеръ, равно какъ въ аллювіальныхъ равнинахъ страны. Полуостровъ Виѳинія, между Исмидскимъ заливомъ и Чернымъ моремъ, тоже заключаетъ вулканическія формаціи, пробивающія другія горныя породы. Плывя вдоль береговъ Понта Эвксинскаго, отъ Босфора до устья Сакарія, видишь на материкѣ слѣдующіе одинъ за другимъ

---
[1]) Euripide;—Le Chevalier, „Voyage dans la Troade".

многочисленные трахитовые мысы, изрытые при основаніи гротами, куда вливаются, какъ въ пропасть, волны моря.

Олимпъ, вершину котораго можно ясно различить изъ Константинополя въ видѣ лазурной линіи, обрисовывающейся на южной сторонѣ горизонта, соединяется лишь неправильными хребтами съ узломъ Мурадъ-дага, во внутреннихъ горахъ. Это почти уединенный массивъ изъ гнейса и гранита, одѣтый на скатахъ діоритомъ и мраморомъ. Онъ больше импонируетъ своей массой, нежели высотой; на него легко взбираться, даже на лошади, и въ Бруссѣ много есть резидентовъ и пріѣзжихъ, которые совершили восхожденіе на эту гору. Однако, абсолютная высота центральной вершины, называемой Кечишъ или Монашеской горой, еще неизвѣстна; она, вѣроятно, немногимъ ме-



Синопъ.

нѣе 2.500 метровъ и даетъ высокочтимой горѣ эллиновъ первое мѣсто между вершинами сѣверной части Малой Азіи.

Высота Олимпа, по картѣ Киперта—1.888 метр.; высота Олимпа, по картѣ Петермана—1.930 метр.; высота Олимпа, по картѣ Стебницкаго—2.494 метр.; высота Олимпа, по барометрич. измѣреніямъ Мармона—2.247 метр.; высота Олимпа по барометрич. измѣреніямъ Фритша—2.120 метр.

Это на западъ отъ галатскаго Олимпа, первый массивъ, получившій имя Олимпа, а между пятнадцатью или двадцатью горами, которыя носятъ это названіе,—означающее «Блистательный» или «Лучезарный»,—онъ сдѣлался въ народномъ воображеніи главнымъ жилищемъ боговъ. Олимпъ виѳинскій по своему сѣверному склону, Олимпъ мизійскій по южному склону, онъ стоитъ на рубежѣ двухъ провинцій, господствуя надъ необъятнымъ горизонтомъ, простирающимся отъ водъ Чернаго моря до острововъ Мраморнаго архипелага и до береговъ Ѳракіи [1]). На юго-востокъ гора Олимпъ продолжается узкимъ и правильнымъ хребтомъ, который далѣе дѣлится на параллельные валы. На востокъ отъ Олимпа, горы «съ многочисленными складками», другія горныя цѣпи, менѣе высокія и изрытыя потоками, тянутся по направленію къ долинѣ Сакарія. Эта рѣка проходитъ узкими дефилеями, между вертикальныхъ стѣнъ или крутыхъ склоновъ, но сосѣднія вершины имѣютъ лишь незначительную высоту надъ уровнемъ плоскогорья. Горы въ собственномъ смыслѣ снова появляются лишь на востокъ отъ рѣки Сакарія и области степей, занимающихъ центральную часть Малой Азіи.

Въ своей совокупности различныя горныя цѣпи, поднимающіяся на плоской возвышенности, между бассейнами Сакарія и Кизылъ-Ирмака, такъ же, какъ между бассейнами Кизылъ-Ирмака и Ешилъ-Ирмака, суть валы незначительной относительной высоты, направляющіеся съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Только небольшое число изъ этихъ цѣпей достигаютъ высоты 2.000 метровъ; многія же изъ нихъ не что иное, какъ удлиненныя возвышенія рельефа, покрытыя пастбищами, *яйлы*, посѣщаемыя только пастухами, но которымъ, вѣроятно, предстоитъ современемъ сдѣлаться мѣстопребываніемъ многочисленныхъ осѣдлыхъ населеній, такъ какъ почва тамъ плодородна, и воздухъ, постоянно обновляемый верхними теченіями атмосферы, которыя проходятъ надъ лощинами и болотистыми степями, отличается замѣчательной чистотой; эти травяныя плато были бы великолѣпными санитарными станціями для жителей Константинополя и городовъ морскаго прибрежья [1]). Между всѣми цѣпями этой области самая высокая—Ала-дагъ, одна изъ тѣхъ многочисленныхъ «Пестрыхъ горъ» или, можетъ быть, «Божественныхъ горъ», которыми изобилуютъ турецкія страны; ея кульминаціонныя точки возвышаются слишкомъ на 2.400 метровъ надъ уровнемъ моря. Массивъ Ала-дагъ состоитъ изъ пяти параллельныхъ валовъ, понижающихся пологими скатами къ окружающимъ плоскимъ возвышенностямъ и заключающимъ прелестныя долины, которыя зеленѣютъ между ихъ стѣнами. Массивы Илькасъ-дагъ, къ югу отъ Кастамуни, Эльма-дагъ или «Яблонная гора», къ югу отъ Ангоры, тоже поднимаются выше 2.000 метровъ; къ западу отъ Сиваса, горная цѣпь, состоящая, какъ и Акъ-дагъ, изъ параллельныхъ стѣнъ, оріентированныхъ по направленію съ юго-запада на сѣверо-востокъ, и отдѣленныхъ травяными плато, заслужила по своимъ зимнимъ снѣгамъ названіе Акъ-дагъ или «Бѣлой горы»; Чихачевъ опредѣляетъ абсолютную высоту самыхъ высокихъ ея скалъ въ 2.200 метровъ. Илдызъ-дагъ или «Гора звѣздъ», составляющая сѣверо-западное продолженіе предъидущихъ массивовъ, имѣетъ только около тысячи метровъ высоты; но далѣе горы снова повышаются, чтобы соединиться съ понтійскими цѣпями. Одинъ высокій хребетъ тянется вдоль побережья, на сѣверъ отъ глубокаго пониженія, по которому протекаетъ рѣка Ликусъ или Гермили. Сіениты, порфиры, покрытые тамъ и сямъ осадочными породами, образуютъ остовъ этихъ горъ, верхніе пласты которыхъ пробиты во многихъ мѣстахъ выступающей наружу застывшей лавой: на сѣверъ отъ Шибинъ-Карагиссаръ, одинъ вулкамъ, Казанъ-Кая или «Каменный котелъ», поднимаетъ свой выемчатый кратеръ слишкомъ на 2.500 метровъ [1]). Эта приморская цѣпь, можетъ быть, самая богатая въ Анатоліи по содержанію рудъ желѣзныхъ, мѣдныхъ, серебряныхъ, и кучи шлаковъ, оставленныя древними халибами, встрѣчаются повсюду среди лѣсныхъ чащей: здѣсь, какъ гласитъ легенда, были изобрѣтены молотъ и наковальня.

Такъ какъ Малая Азія въ цѣломъ имѣетъ форму плоской возвышенности, наклоненной къ сѣверо-западу, то истеченіе водъ необходимо происходитъ главнымъ образомъ въ этомъ направленіи; воды больше, чѣмъ съ половины Анатоліи, текутъ, черезъ бассейны двухъ Ирмаковъ и Сакарія, въ Черное море, но затѣмъ остаются еще въ центральной части полуострова обширныя замкнутыя низменности или котловины, гдѣ дождевыя воды скопляются въ видѣ соляныхъ озеръ. Въ предшествовавшую геологическую эпоху, когда средиземный кли-

[1]) Gebhart, „Revue des Deux Mondes,“ 15 juin 1867;—Dutemple, „En Turquie d'Asie“;—Голинскій, рукописныя замѣтки.

[1]) Чихачевъ, цитированное сочиненіе.
[2]) Briod, рукописныя замѣтки.

матъ былъ влажнѣе, чѣмъ теперь, эти впадины, лучше наполненныя водой, вѣроятно, изливали излишекъ своей жидкой массы въ море, но общее обсыханіе почвы, перевѣсъ испаренія надъ количествомъ получаемыхъ атмосферныхъ осадковъ, мало-по-малу произвели раздѣленіе прѣсноводныхъ озеръ на площади соленой воды.

Самый замѣчательный бассейнъ на сѣверовостокѣ Анатоліи—это бассейнъ древняго Ириса, нынѣшняго Ешилъ-Ирмака, который получаетъ почти всѣ воды съ западныхъ развѣтвленій Анти-Кавказа. Тозанлы-су, разсматриваемый какъ главная рѣка, по причинѣ направленія его долины, вытекаетъ изъ небольшихъ долинъ массива Кесъ-дага, южный склонъ котораго даетъ начало Кизылъ-Ирмаку, самой большой рѣкѣ Малой Азіи. Онъ течетъ сначала на западъ, затѣмъ поворачиваетъ къ сѣверу и сѣверо-востоку, принимая въ Амазіи истокъ озера Ладикъ-гель, которое теперь незначительно, но которое во время Страбона занимало обширное пространство. Древній Ликусъ, называемый турками Келькитъ или Гермили, есть самая полноводная изъ этихъ двухъ потоковъ; онъ беретъ начало гораздо восточнѣе, чѣмъ Тозанлы-су, подъ меридіаномъ Требизонда. Ниже соединенія, рѣка не получаетъ болѣе притоковъ; она прорѣзываетъ ущельемъ послѣднюю цѣпь скалъ, которая нѣкогда преграждала ея теченіе; затѣмъ, вступивъ въ приморскую равнину, разливается въ дельту, наносы которой завоевали у моря пространство въ нѣсколько сотъ квадратн. километровъ. Вода Тозанлы-су, слегка солоноватая, насыщена также известью, и жители Амазіи принуждены часто мѣнять ирригаціонныя водопроводныя трубы, залѣпляемыя известковою накипью. Непосредственно къ востоку отъ Ешилъ-Ирмака, течетъ рѣка, часто трудно переходимая и гораздо болѣе полноводная, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по незначительной поверхности ея бассейна; это Терме, имя которой напоминаетъ греческое названіе Термедонъ; высокая долина, по которой бѣжитъ этотъ горный потокъ, прославилась въ древности связаннымъ съ нею воспоминаніемъ объ амазонкахъ, о которыхъ до сихъ поръ еще говорятъ мѣстныя легенды. Одна изъ скалистыхъ цѣпей, которыя перерѣзываетъ рѣка Терме, продолжается на западъ до Ириса и далѣе подъ именемъ Мизонъ-дагъ или «Горы амазонокъ».

Въ цѣломъ Кизылъ-Ирмакъ или «Красная рѣка» турокъ, Галисъ (Соленый) древнихъ грековъ, описываетъ обширную кривую концентрическую съ Ешилъ-Ирмакомъ или «Зеленой рѣкой»; развернутая длина его теченія, между истоками въ массивѣ Кесъ-дагъ и его дельтой, по меньшей мѣрѣ въ пять разъ превосходитъ прямое разстояніе между этими двумя крайними точками. Въ верхней своей части Красная рѣка иногда совершенно пересыхаетъ лѣтомъ; даже въ среднемъ теченіи и въ сосѣдствѣ дельты она переходима въ бродъ во многихъ мѣстахъ. Такъ какъ потеря вслѣдствіе испаренія превышаетъ прибыль отъ дождевыхъ водъ, то вода въ рѣкѣ имѣетъ солоноватый вкусъ, который оправдываетъ ея греческое имя: въ равнинѣ Сивасъ она проходитъ черезъ пласты каменной соли, откуда жители Арменіи получаютъ свой обычный запасъ соли [1]). Какъ и Ешилъ-дагъ, Красная рѣка дѣлится при устьѣ на большое число вѣтвей или рукавовъ, далеко выдвигающихся своими наносами въ Черное море. Часто древніе географы, слѣдуя примѣру Геродота, принимали Галисъ за предѣлъ Малой Азіи: по ту сторону этой рѣки для нихъ простиралась обширная Трансгализійская Азія. Выборъ этой границы объясняется военной важностью трехъ значительныхъ рѣкъ: Термодона, Ириса, Галиса, слѣдующихъ одна за другой въ небольшомъ разстояніи, какъ рвы крѣпости [2]). Наростаніе аллювіальныхъ образованій въ дельтѣ Кизылъ-Ирмака было значительно: тысячу лѣтъ тому назадъ городъ Павраxе, нынѣшній Бафра, былъ на берегу моря; въ семнадцатомъ столѣтіи онъ еще былъ посѣщаемъ кораблями [3]).

Хотя болѣе длинный, чѣмъ всѣ другія рѣки Малой Азіи, Кизылъ-Ирмакъ катитъ жидкую массу, меньшую, чѣмъ Сакарія (Сагарисъ или Сагаріасъ древнихъ). Эта послѣдняя рѣка очень извилиста, какъ и оба Ирмака восточной Анатоліи; тогда какъ по прямой линіи разстояніе отъ ея истоковъ до устья только 200 километровъ, общее протяженіе ея теченія по крайней мѣрѣ въ три раза больше. Нормальное направленіе горныхъ цѣпей этой области—съ востока на западъ, а потому въ этомъ же направленіи текутъ Сакарія и ея притоки, и чтобы достигнуть моря, они пробираются узкими поперечными долинами или *дербентами* (воротами), перерѣзывающими ряды горъ. Въ низовой равнинѣ Сакарія, быстрая и несущая много землистыхъ частицъ, часто мѣняла русло, и византійскія лѣтописи разсказываютъ о значительныхъ гидравлическихъ работахъ, которыя предпринимались съ цѣлью исправленія ея теченія. Нѣсколько проектовъ канализаціи этой рѣки были также и въ наши дни представлены турецкому правительству: по одному плану, составленному французскими инженерами, предполагалось сдѣлать Сакарію совершенно судоходной во всякое время года до разстоянія 250 километровъ вверхъ отъ устья посредствомъ шлюзованныхъ запрудъ; въ нѣкоторыхъ трудно-проходимыхъ частяхъ теченія должны были быть прорыты боковые обходные каналы, а

[1]) Taylor, „Journal of the Geographical Society“, 1868.
[2]) Spiegel, „Eranische Alterthumskunde“.
[3]) O. Blau, „Petermann's Mittheilungen“, XI, 1865.

баръ рѣки былъ бы избѣгнутъ прорѣзомъ морскаго берега, продолженнымъ до глубокой воды [1]). Эти проекты не были приведены въ исполненіе, и Сакарія служитъ лишь для мелкаго мѣстнаго судоходства и для сплава лѣса и угля, отправляемыхъ въ Константинополь. Проекты постройки желѣзныхъ дорогъ, которые тоже не были осуществлены, отвлекли общественное вниманіе отъ плановъ канализаціи; но сакарійскій путь необходимо долженъ быть улучшенъ, такъ какъ онъ составляетъ часть поперечной линіи Малой Азіи, отрывка кратчайшей дороги между Англіей и Индіей.

Озерная область центральной Анатоліи прежде, кажется, составляла часть бассейна Сакаріи, по крайней мѣрѣ въ большей половинѣ ея протяженія. Тузъ-гель или «Соляное море», называемое также Ходжъ-гиссаръ-гель, по имени сосѣдняго города, лежащаго близъ его восточнаго берега, есть самый обширный озерный бассейнъ во всей Малой Азіи: оно имѣетъ не менѣе сотни километровъ въ длину, по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и нигдѣ менѣе 12 километровъ въ ширину; оно занимаетъ площадь слишкомъ въ тысячу квадратныхъ километровъ, но, вѣроятно, лѣтомъ средняя глубина его не превышаетъ двухъ метровъ. Около середины озера Тузъ-гель видны слѣды плотины длиной около 12 километровъ, которую одинъ султанъ велѣлъ построить для прохода своей арміи, и вода, окаймляющая эту насыпь, не представляетъ ни въ одномъ мѣстѣ болѣе метра толщины. Въ дѣйствительности, это озеро есть не что иное, какъ необозримая площадь разсола. Въ сезонъ засухъ окружность его можно признать лишь по растеніямъ береговъ [2]); твердая соляная плита продолжается на многія мили; но рѣдко случается, чтобы можно было побывать на озерѣ лѣтомъ, по причинѣ недостатка воды и продовольствія. Зимой вода наполняетъ всю озерную впадину, но поверхъ воды простирается соляная кора, имѣющая различную толщину, отъ 5 сантиметровъ до 2 метровъ; эта кора пріобрѣтаетъ вообще довольно крѣпкую консистенцію, такъ что по ней можно ѣхать на лошади; благодаря тому обстоятельству, не разъ совершали переѣздъ отъ одного берега до другаго, какъ по льду замерзшаго озера. Солепромышленники, эксплоатирующіе Соляное озеро, ограничиваются выламываніемъ поверхностной плиты, которую вода отдѣляетъ отъ дна изъ синеватой глины, и вскорѣ на мѣстѣ вынутой образуется новая соль. По анализу Филипса, вода озера Тузъ-гель, болѣе тяжелая и болѣе соленая, чѣмъ вода Мертваго моря, содержитъ слишкомъ 32 части соли на 100 частей воды, и удѣльный вѣсъ ея равенъ 1.240. На востокѣ возвышается нѣсколько холмовъ, зелень которыхъ составляетъ яркій контрастъ съ блестящей бѣлой поверхностью равнины [1]).

На западъ отъ озера Тузъ-гель, равнина усѣяна многочисленными прудами, солоноватыми водными площадями, болотами и ручьями соленой воды, которые лѣтомъ совершенно испаряются и высыхаютъ, а зимой возобновляютъ свое теченіе. Нѣкоторые изъ нихъ отличаются отъ бассейна Тузъ-гель содержаніемъ солей. Такъ, озеро Булукъ-гель, недалеко отъ деревни Эскиль, заключаетъ преимущественно сѣрнокислую магнезію и глауберову соль. Синеватыя глины, составляющія ложи временныхъ озеръ, которыя простираются на югѣ и на западѣ въ громадномъ бассейнѣ степей, тоже пропитаны горькими магнезіевыми солями, безъ примѣси хлористаго натрія: близкое сосѣдство соляныхъ и горько-соленыхъ озеръ, происходящее отъ прохожденія источниковъ черезъ различные по составу слои земной коры, представляетъ довольно обыкновенное явленіе въ замкнутыхъ бассейнахъ; на берегахъ горько-соленаго озера Булукъ-гель одинъ изъ этихъ магнезистыхъ ручьевъ былъ обслѣдованъ отъ источника до устья. Пропитанный магнезіевой солью илъ не имѣетъ такой твердости, какъ илъ, покрывающій эффлоресценціи обыкновенной соли; онъ остается въ вязкомъ тѣстообразномъ состояніи, которое дѣлаетъ ходьбу затруднительной, такъ какъ грунтъ подается при малѣйшемъ давленіи. Самыя сухія пространства степи покрыты травой, которую очень любятъ коровы и которая распространяетъ восхитительный запахъ, когда лошадь раздавитъ ее копытомъ; въ Коніе изъ травы приготовляютъ душистое масло, запахъ котораго показался путешественнику фонъ-Мольтке по меньшей мѣрѣ столь же пріятнымъ, какъ розовая эссенція. Около центра равнины, между озеромъ Тузъ-гель и городомъ Коніе, близъ станціи Обрукли, видна лужа на днѣ ямы глубиной въ 60 метровъ.

Кромѣ озеръ Центральной Анатоліи, которыя находятся въ степяхъ, прилегающихъ къ Большому Соляному озеру, и составляютъ, очевидно, часть древняго, болѣе обширнаго бассейна, вытекавшаго на сѣверъ черезъ рѣку Сакарія, есть другіе резервуары, которые, хотя занимаютъ отдѣльныя долины въ почти замкнутыхъ циркахъ, повидимому, принадлежатъ къ той же покатости Понта Эвксинскаго. Пороги, возвышающіеся надъ бассейнами, ущелья, гдѣ видны слѣды рѣчныхъ теченій, указываютъ во многихъ мѣстахъ слѣды нѣкогда существовавшихъ сообщеній. Пруды, разсѣянные въ низменности, которая раздѣляетъ массивы Эмиръ-дагъ и Султанъ-дагъ, и представляющіе попеременно то водныя площади, напоминающія горныя озера Альпъ, то простыя болота, окруженныя солью, тоже, повидимому, принадле-

[1]) Vidal-Naquet, рукописныя замѣтки.

[2]) Ainsworth, „Journal of the Geographical Society“, 1840.

[1]) Чихачевъ, цитированное сочиненіе.

жали прежде къ приморскому бассейну Центральной Анатоліи: на сѣверѣ посредствомъ пролива равнинъ, который открывается изъ Афіумъ-Кара-Гиссара въ Кютайе, на югѣ посредствомъ широкаго пролома, перерѣзывающаго валъ Эмиръ-дага.

Въ области нижняго теченія рѣка Сакарія принимаетъ въ себя воды, вытекающія изъ одного озера, незначительнаго по величинѣ, но очень любопытнаго, какъ вѣроятный остатокъ образовавшейся путемъ размыванія долины, которую открыли себѣ воды Чернаго моря, прежде, чѣмъ пробить далѣе на западѣ узкій проходъ Босфора. Это—озеро Сабанджа, въ древности Софонъ, поверхность котораго лежитъ на 31 метръ выше уровня моря. Въ сравненіи съ другими озерными бассейнами Плоскогорья, оно очень глубоко, ибо лотъ достаетъ въ немъ дно только на глубинѣ 36 метровъ [1]); однако, оно есть лишь остатокъ существовавшаго нѣкогда обширнаго внутренняго моря, такъ какъ окружающая почва состоитъ изъ размельченныхъ въ порошокъ земель, которыя были отложены водами, и на которыхъ теперь малѣйшій вѣтерокъ поднимаетъ облако пыли. На югѣ, высокіе холмы, покрытые высокимъ лѣсомъ и кустарникомъ, составляютъ рѣзкій контрастъ съ безплодными кручами противуположнаго берега. При первомъ взглядѣ на мѣстность кажется, что озеро Сабанджа указано самой природой, какъ внутренній портъ для судоходнаго пути между Мраморнымъ и Чернымъ морями черезъ Исмидскій заливъ и нижнее теченіе рѣки Сакаріи; глядя съ высотъ, господствующихъ надъ долиной, подумаешь, что достаточно сдѣлать небольшой прокопъ, чтобы соединить эти два моря. Плиній Младшій предлагалъ императору Трояну это дѣло канализаціи, и слѣды, которые были видны въ его время, свидѣтельствовали, что это предпріятіе уже было начато Митридатомъ, Ксерксомъ или какимъ-либо другимъ царемъ древности. Проектъ былъ возобновляемъ въ различныя эпохи, со времени царствованія султана Солимана Великолѣпнаго, и инженеры неоднократно приступали къ дѣлу, но безъ результата. Раздѣльный порогъ слишкомъ высокъ, чтобы въ странѣ, столь мало торговой, какъ Анатолія, стоило труда предпринимать это прорытіе соединительнаго канала или постройку лѣстницы шлюзовъ между Исмидскимъ заливомъ и озеромъ Сабанджа. По приблизительной нивеллировкѣ Гоммеръ-де-Гелля, подтвержденной впослѣдствіи точными изслѣдованіями [2]), порогъ, состоящій изъ моласса, стертаго водами, находится почти на высотѣ 41 метра; линія желѣзной дороги проходитъ немного выше. Слѣдовательно, относительный уровень земли и моря измѣнился по крайней мѣрѣ отъ 40 до 50 метровъ съ тѣхъ поръ, какъ закрылся морской проливъ Сабанджи, то-есть со времени событія, которое, можетъ быть, совпало съ открытіемъ Босфорскаго прохода. Вдоль окраины Понта Эвксинскаго видны еще во многихъ мѣстахъ и на различныхъ высотахъ, до 30 метровъ, покинутые водами берега, покрытые раковинами, которыя и теперь еще принадлежатъ къ черноморской фаунѣ. Нѣтъ области болѣе любопытной, какъ эти измѣнчивые перешейки и проливы между Европой и Азіей, но ихъ новѣйшая геологическая исторія еще не вполнѣ извѣстна. Не знаютъ даже съ достовѣрностью, каковъ порядокъ измѣненій выходнаго теченія и входнаго противотеченія между морями Чернымъ и Мраморнымъ; неизвѣстно даже, не представляетъ ли уровень двухъ морскихъ поверхностей какой-либо разницы. Воды Понта Эвксинскаго, которыя притекаютъ ко входу. въ Босфоръ, слѣдуя вдоль береговъ Турціи, не могутъ всѣ проникнуть въ воронку пролива; образуется нѣчто въ родѣ водоворота или противотеченія, которое уноситъ жидкую массу вдоль береговъ Анатоліи: средняя скорость этого теченія, которое замѣтно до Синопа, отъ 2 до 3 километровъ, даже до 4 километровъ противъ Инеболи. У подножія маяка этого порта были въ первый разъ констатированы правильные приливы и отливы въ Черномъ морѣ: на сосѣднихъ берегахъ Босфора Видаль-Наке нашелъ, что два суточныя колебанія уровня водъ измѣняются отъ 9 до 12 сантиметровъ, смотря по состоянію вѣтра. Проникая въ ручей Инеболи, приливная волна поднимается вверхъ по теченію въ видѣ очень энергичнаго маскарета до 2 километровъ разстоянія отъ устья [1]).

Озеро Исникъ или Никейское есть прѣсноводный бассейнъ, какъ и озеро Сабанджа, и также сообщается съ моремъ посредствомъ истока. На западѣ, Гемликскій заливъ вдается далеко внутрь материка, какъ-бы для того, чтобы соединиться съ озеромъ Исникъ, которое, безъ сомнѣнія, и само было морскимъ заливомъ въ предшествовавшую эпоху; разстояніе отъ моря до озера всего только около 12 километровъ, а разность уровней не превышаетъ 30 метровъ. На юго-западѣ другой озерный бассейнъ, сохранившій свое греческое имя Аполлонія въ формѣ Аболонта или Аболунія, занимаетъ площадь, почти равную площади Никейскаго озера, и такъ же, какъ это послѣднее, имѣлъ, кажется, болѣе обширное протяженіе въ эпоху, относительно недавнюю; берега озера Аполлонія и недавно выступившіе изъ-подъ воды острова усѣяны раковинами столь же яркихъ цвѣтовъ, какъ и раковины,

[1]) Evlya Effendi;—von Hammer,—Чихачевъ.
[2]) Briot, рукописныя замѣтки.

[1]) Vidal Naquet, рукописныя замѣтки.

покрывающія берега сосѣдняго моря. Притокъ этого озернаго бассейна соединяется съ значительной рѣкой Сусурлю-чай, почти напротивъ впаденія другаго ручья, который приноситъ лишнія воды озера Маніясъ, называвшагося въ древности Милетополитесъ или Афанитесъ. Такихъ же размѣровъ, какъ озеро Аполлонія, резервуаръ Маніясъ находится равнымъ образомъ на очень небольшомъ возвышеніи надъ уровнемъ моря [1]). Онъ заканчиваетъ собой на западѣ цѣпь озеръ, которыя слѣдуютъ одно за другимъ параллельно южнымъ берегамъ Мраморнаго моря, и которыя, повидимому, составляютъ остатки древней Пропонтиды между Эгейскимъ моремъ и Понтомъ Эвксинскимъ. Изъ четырехъ большихъ озеръ этой цѣпи, озеро Аполлонія наиболѣе утилизируется для цѣлей судоходства; его прибрежные жители, греческой расы, плаваютъ по водной площади въ торговыхъ баркахъ, переходя изъ одной деревни въ другую [2]).

Къ западу отъ рѣки Сусурлю-чай и озера Маніясъ, маленькій бассейнъ рѣки Коджа-чай, древняго Граника, отчасти питается водами Иды и отдѣляетъ массивы Троянской области отъ остальной Анатоліи. Коджа-чай, такъ же, какъ сосѣднія рѣчки, бываетъ настоящей рѣкой только послѣ сильныхъ дождей или во время таянія снѣговъ, но тогда опасно переправляться черезъ нее, и ея желтоватыя воды распространяются далеко въ Голубое море. Между этими потоками, которые являются попеременно то бѣшеными рѣками, то маленькими ручейками, змѣящимися въ пескахъ, есть одинъ, который поэмы Гомера прославили на вѣчныя времена: это—Мендерехъ; но несмотря на такую славу этого потока, ученые до сихъ поръ еще спорятъ по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли отожествлять его съ Симоисомъ или со Скамандромъ. По мнѣнію большинства историковъ и археологовъ, Мендерехъ есть гомеровскій Симоисъ; напротивъ, Шлиманъ, счастливый изслѣдователь Гиссарликскихъ руинъ, признаетъ въ немъ, согласно этимологіи нынѣшняго имени Ксанѳъ, ту рѣку, «прекрасныя воды которой, запруженныя нагроможденными трупами, не могли болѣе течь до божественнаго моря» [3]). Видъ почвы доказываетъ, что Троянская равнина есть одна изъ областей Малой Азіи, которыя наиболѣе измѣнились съ античныхъ временъ. Остовъ горъ и холмовъ, закругляющихся амфитеатромъ вокругъ равнинъ, по которымъ протекаетъ Мендерехъ, могъ подвергаться лишь незначительнымъ перемѣнамъ вслѣдствіе обваловъ или размываній, но промежуточная равнина, нѣкогда отчасти покрытая прудами, обсохла. Кордонъ дюнъ, красивая дуга котораго соединяетъ холмы Эренькой съ мысомъ Кумъ-кале или «замокъ Песковъ», защищалъ наполненіе, которое производилось въ равнинѣ наносами рѣки Мендереха и другихъ проточныхъ водъ. Извилистые потоки, проходящіе по этому лабиринту болотистыхъ луговъ, не носятъ никакихъ судовъ, и Калафатъ, «мѣстечко конопатчиковъ», гдѣ прежде строились суда, представляетъ теперь собраніе хатъ, населенное земледѣльцами и затерянное среди земель. Въ настоящее время наносы рѣки Мендерехъ, увлекаемые въ море, подхватываются теченіемъ Геллеспонта и уносятся далеко въ Эгейское море; только часть ила отбрасывается на мысъ Кумъ-Кале, крѣпость котораго засыпана пескомъ до самыхъ зубцовъ стѣнъ [1]). Прежде рѣка Бунарбаши, которую, по мнѣнію большинства путешественниковъ, слѣдуетъ считать Скамандромъ Гомера, соединялась съ Мендерехомъ посредствомъ болотистыхъ водныхъ площадей; но въ виду того, что порогъ, раздѣлявшій бассейнъ Бунарбаши и покатость Безикской бухты, имѣлъ всего только нѣсколько метровъ высоты, признали полезнымъ прорыть тамъ водосточный ровъ и такимъ образомъ отбросить воды въ Тенедосское море. Вслѣдствіе этого, маленькая скалистая цѣпь Сигейскаго мыса, увѣнчанная могильными курганами, превратилась въ островъ. Глубокая траншея, открывающаяся около южной оконечности этой цѣпи, но на уровнѣ болѣе высокомъ, чѣмъ уровень нынѣшняго рва, доказываетъ, что уже въ очень древнюю эпоху, быть можетъ, даже въ троянскіе вѣка, занимались урегулированіемъ распредѣленія водъ въ этихъ плодоносныхъ мѣстностяхъ.

Рѣки, изливающіяся съ горы Иды и съ сосѣднихъ массивовъ въ Эгейское море, не имѣютъ достаточно обширнаго бассейна, чтобы давать сколько-нибудь значительный стокъ воды; но между этими потоками Тузла-су или «Соляная рѣка», берущая начало на южномъ склонѣ горы Иды, отличается странной формой своей долины: вырывая себѣ рытвину въ этихъ снѣговыхъ высотахъ, рѣка течетъ параллельно берегу Эдремидскаго залива, чтобы броситься въ Эгейское море сѣвернѣе мыса Баба-Кале. Вмѣсто того, чтобы прямо спуститься къ сосѣднему морю, она остается отдѣленной отъ него стѣной скалъ, вдоль подножія которой она течетъ на протяженіи около 100 километровъ. При выходѣ долины, стѣны горъ, бѣлыя съ синими, красными и желтыми прожилками, вездѣ раздроблены множествомъ ключей соленой воды; изъ почвы равнины повсюду пробиваются струйки, температура которыхъ отъ 78 до 90 градусовъ по Цельзію, и которыя соединяются въ одинъ горячій ручей,

[1]) Чихачевъ, цитированное сочиненіе.

[2]) George Perrot, „Souvenirs d'un voyage en Asie Mineure“.

[3]) „Иліада“, пѣснь XXI, 2.

[1]) Emile Burnouf, „Archives des Missions Scientifiques“, tome VII.

впадающій въ рѣку Тузла-су. Изъ этихъ водъ можно было бы извлекать огромное количество соли, но, по Чихачеву, годовая добыча этого минерала едва достигаетъ тамъ 18 или 20 тоннъ.

Три рѣки, Мадара-чай, Ходжа-чай, Бакиръ-чай, слѣдуютъ одна за другой въ южномъ направленіи; но первая рѣка этой покатости, несущая обильныя воды, есть Гедизъ-чай, древній Гермусъ или Гермосъ, который дѣлаетъ плодоносными лидійскія равнины. Зарождаясь близъ города Гедизъ, который даетъ ей свое имя, эта рѣка уходитъ изъ горъ рядомъ ущелій, затѣмъ извивается длинными излучинами въ Сардской равнинѣ, нѣкогда озерной. Маленькое солоноватое озеро Мермере, наполняющее котловину горъ, на сѣверѣ этой равнины, и которое, вслѣдствіе испаренія, постепенно понизилось до уровня, едва превышающаго морской уровень, есть, можетъ быть, остатокъ внутренняго моря, которое занимало Лидійскую равнину и которое ушло черезъ Менеменскій дефилей между Сипилосомъ и Гассанъ-дагомъ. У выхода этихъ ущелій, Гедизъ-чай, несущая въ своихъ водахъ массу землистыхъ частицъ, не переставала увеличивать материкъ на счетъ залива; все пространство, въ нѣсколько сотъ квадр. километровъ, которое простирается къ югу отъ Менемена, между западными мысами Сипилоса и Фокейскими горами, есть завоеваніе рѣки, представляющей попемѣнно засѣянное хлѣбомъ поле и обширную водную площадь во время разлива. Маленькіе пригорки, бывшіе прежде островами, теперь соединены съ твердой землей. Плиній указываетъ на мысъ Левке, какъ на землю, отвоеванную такимъ образомъ у водъ, и этотъ мысъ, извѣстный у турокъ подъ именемъ Тресъ-Тепе, находится въ наши дни въ 4 слишкомъ километрахъ отъ внѣшняго берега, отдѣленнаго отъ Смирнскаго залива рыболовными лагунами.

Раздѣленный на нѣсколько рукавовъ, Гедизъ-чай продолжаетъ отодвигать море на всей окружности своей дельты, но весьма неравномѣрно, смотря по направленію главныхъ теченій. Прежде онъ изливался главнымъ образомъ въ сторону запада къ холмамъ Фокеи; въ настоящее время устья дельты выдвигаются на югъ, какъ бы для того, чтобы загородить входъ въ Смирнскій портъ. Въ періодъ разливовъ море дѣлается мутно-желтымъ на большое разстояніе отъ устья рѣки. Съ восточной стороны, во всемъ портѣ, вода утратила свою прозрачность; только въ рѣдкихъ случаяхъ, отъ дѣйствія теченій и при благопріятныхъ метеорологическихъ обстоятельствахъ, она принимаетъ такой же видъ, какъ воды въ открытомъ пространствѣ Эгейскаго моря; восточная часть залива приняла видъ озера, и если не будутъ предприняты своевременно работы, для защиты порта отъ рѣчныхъ наносовъ, онъ отдѣлится отъ моря и сдѣлается совершенно обособленной водной площадью. Это лишь вопросъ годовъ, и уже можно вычислить съ точностью эпоху, когда проливъ долженъ закрыться. Передъ главнымъ устьемъ Гедизъ-чая корабли находятъ еще отверстіе въ 2 слишкомъ километра, гдѣ глубина варьируетъ отъ 20 до 40 метровъ, но на востокѣ фарватеръ, съуженный между укрѣпленнымъ мысомъ южнаго берега и песчаной отмелью сѣверныхъ плоскихъ береговъ, имѣетъ всего только 43 метра въ ширину, а глубина его, около 10 метровъ, уменьшается ежегодно отъ 2 до 3 сантиметровъ. Бури иногда вдругъ углубляли проходъ, но послѣ этихъ внезапныхъ углубленій медленный процессъ обмелѣнія возобновляется, и дно снова повышается. По вычисленіямъ инженеровъ, глубина фарватера уменьшится до 12 метровъ къ 2000 году; большое судоходство со Смирнскимъ портомъ сдѣлается очень затруднительнымъ, даже невозможнымъ, если до того времени не возстановятъ на нижнемъ Гермусѣ его прежнее теченіе къ Фокеѣ, такъ, чтобы отбросить рѣчные наносы во внѣшній заливъ [1]).

Южныя рѣки покатости Эгейскаго моря тоже принадлежатъ къ числу потоковъ - «тружениковъ», которые завоевали обширныя пространства у моря, чему помогало, можетъ быть, постепенное поднятіе морскаго прибрежья. Въ то время какъ Гедизъ-чай угрожаетъ только Смирнскому порту, Кайстръ или Кучукъ-Мендерехъ, то-есть «Малый Меандръ», древняя «Лебединая рѣка», давно уже засыпалъ иломъ порты Эфеса, а Большой Меандръ превратилъ во внутреннее озеро Милетскій портъ. Ни въ какой другой части свѣта работа засыпанія рѣчными наносами не совершается съ такой быстротой, если принять во вниманіе незначительный стокъ этихъ рѣчекъ, которыя нельзя сравнивать съ большими рѣками, каковы Нилъ, Рона или По. Такъ, хотя общая длина теченія Малаго Меандра, со всѣми извилинами, не болѣе 125 километровъ, а площадь его бассейна всего только 3.000 квадр. километровъ, хотя годовое количество выпадающей дождевой воды тамъ, въ среднемъ, на одну пятую менѣе, чѣмъ на французской территоріи [2]), однако, эта рѣка наполнила своими наносами порты Эфеса, засыпала иломъ лиманъ, который, по свидѣтельству историка Льва Діакона, существовалъ еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи христіанской эры, и выдвинула берегъ на 8 километровъ въ море. Такія значительныя перемѣны заставляютъ предполагать, что колебанія уровня почвы также участвовали въ перемѣщеніи морскаго прибрежья. Точныя нивеллировки, производимыя въ подземныхъ постройкахъ гидравлическихъ

[1]) Abrami, рукописныя замѣтки.
[2]) Julius Hann, „Handbuch der Klimatologi-“

*

сооруженій древняго Эфеса, позволятъ разрѣшить эту проблему физіографіи.

Буюкъ-Мендерехъ или «Большой Меандръ» есть, въ самомъ дѣлѣ, одна изъ полноводнѣйшихъ рѣкъ Анатоліи; между ея истоками и устьемъ развернутая длина теченія около 380 километровъ, и нѣкоторые изъ притоковъ Меандра имѣютъ не менѣе 100 километровъ протяженія; взятый въ цѣломъ, бассейнъ занимаетъ площадь около 23.900 квадр. километровъ, что даетъ возможность исчислять нормальный стокъ рѣки въ 200 слишкомъ кубич. метровъ въ секунду, на основаніи средняго количества дождей, выпадающихъ въ этой странѣ. Меандръ беретъ начало на плоскогорьѣ, вытекая изъ маленькаго озера Гойрацъ, почти на высотѣ 1.000 метровъ надъ уровнемъ моря. Вскорѣ по выходѣ изъ озернаго бассейна, онъ исчезаетъ въ разсѣлинѣ известняковой скалы, чтобы выйти на поверхность къ востоку отъ Динейра, затѣмъ еще разъ скрывается подъ землей, послѣ чего вторично появляется подлѣ самаго города. У подошвы только-что пройденныхъ имъ скалъ Меандръ вступаетъ въ обширную равнину, бывшую нѣкогда озеромъ, и хотя течетъ на поверхности земли, перестаетъ быть видимымъ, скрываемый чащами камышей, которые окаймляютъ его на разстояніи цѣлыхъ километровъ: эти тростники, среди которыхъ извивается скрытый отъ взоровъ Меандръ, тѣ самые, которые легенда изображаетъ намъ наклоняющимися отъ береговаго вѣтра, чтобы повторять безъ конца свою однообразную пѣсню о позорѣ царя Мидаса. По выходѣ изъ этой равнины, Меандръ, удвоенный въ объемѣ присоединеніемъ къ нему другой рѣки, Банасъ-чай, пробирается узкими горными тѣснинами, затѣмъ вступаетъ въ великолѣпныя равнины, которыя, за исключеніемъ нѣсколькихъ короткихъ каменистыхъ пространствъ, продолжаются до самаго моря; въ этомъ мѣстѣ онъ, кажется, имѣетъ уже весь свой объемъ; въ время разлива, это настоящая большая рѣка, подмывающая свои берега, открывающая себѣ новыя русла, образующая или разрушающая острова. Другая рѣка, повидимому, едва уступающая ему по величинѣ, Чорукъ-су, древній Ликусъ, идетъ ему на встрѣчу и смѣшиваетъ свое теченіе съ его водами; водныя площади, происходящія отъ боковыхъ инфильтрацій, распространяются далеко по равнинѣ и придаютъ рѣкѣ въ иныхъ мѣстахъ видъ обширнаго болота. Инкрустирующіе источники сотнями бьютъ изъ земли на берегахъ Ликуса и вливаютъ въ его русло свою воду молочно-бѣлаго цвѣта. Кажется, что во времена Геродота слѣпки, образуемые на обоихъ берегахъ этими известковыми водами, соединялись такъ, что простирались въ видѣ свода надъ рѣкой; потокъ исчезалъ на пространствѣ пяти стадій, то-есть около километра. Теперь этотъ туннель уже не существуетъ, но и до сихъ поръ можно еще признать нависшія стѣны, припаянныя осадками къ скалѣ. Акъ-су или «Бѣлая вода», облѣпляющая и превращающая въ камень рѣка, которая наиболѣе способствовала образованію свода, перемѣстилась къ верховью, известковый сводъ обвалился, и Ликусъ снова течетъ подъ открытымъ небомъ. Въ короткое время колеса мельницъ, отстроенныхъ на берегу рѣки Акъ-су, исчезаютъ подъ облѣпляющимъ ихъ каменнымъ кругомъ, а деревья, на которыя падаетъ ея вода, скоро превращаются въ скалы [1]).

Гора, господствующая надъ сліяніемъ Меандра и Чорукъ-су, опоясана при основаніи, на протяженіи нѣсколькихъ километровъ, правильной двухъ-этажной террасой, высота которой надъ равниной около 90 километровъ; эта терраса, гдѣ видны, на тридцать километровъ кругомъ, блистающіе на солнцѣ бѣлые потоки, точно молочные каскады, была вся цѣликомъ образована слѣпками окаменяющихся источниковъ: большинство путешественниковъ даютъ ей названіе Памбукъ-Кале (или Памбукъ-Калесси), «Хлопковый замокъ», безъ сомнѣнія, по причинѣ бѣловатыхъ кучъ, отложенныхъ водами; однако, мѣстные жители ясно называютъ его Тамбукъ [2]): это Гіераполисъ (священный городъ) грековъ. Съ верхняго этажа, окаймляющаго гору, въ видѣ площади, шириной отъ пятисотъ до шестисотъ метровъ, бьютъ изъ земли наиболѣе многочисленные и наиболѣе обильные термальные источники; въ однихъ температура воды 60 градусовъ, въ другихъ 50 или даже только 40 или 36; всѣ они имѣютъ вкусъ слегка кисловатый и желѣзистый, всѣ выдѣляютъ угольную кислоту. Почва покрыта слоями бугорчатаго травертина, отложенными этими источниками; повсюду видны слѣды прежнихъ руслъ, покинутыхъ вслѣдствіе перемѣщенія источниковъ, которые, повысивъ свои верхнія закраины и берега своихъ каналовъ истеченія, открыли себѣ выходъ ниже. Горячіе ручейки, которые не могли найти себѣ выхода черезъ какую-нибудь боковую трещину, не переставали подниматься надъ плоскогорьемъ и текутъ въ верхнемъ желобѣ высокой стѣны, которую отложенія очень обильнаго потока окаймили сталактитами. Одна изъ этихъ слѣпленныхъ изъ отложеній известн стѣнъ, пробитая у основанія ручьемъ недавняго происхожденія, сохранила только свой верхній слой, представляющій естественный пролетъ, обшитый, словно бахромой, навѣсами свода, которые походятъ на льдины замерзшихъ каскадовъ. Эти явленія «преобразованія воды въ камень» живо поражали древнихъ. Страбонъ говоритъ, что вода Гіераполиса такъ быстро переходитъ въ твердое состояніе, что

---

[1]) Hamilton, „Researches in Asia Minor“.
[2]) Fellows;—Ernest Renan.

если ее отвести въ каналъ, но этотъ каналъ тотчасъ же превращается въ монолитовую стѣну. По словамъ Витрувія, тамошніе жители этимъ способомъ возводили заборы вокругъ своихъ полей. Во времена Страбона, въ окрестностяхъ Гіераполиса существовала пещера, откуда выдѣлялся углекислый газъ, смертельный для всякаго, кто имъ дышалъ. Новѣйшіе изслѣдователи тщетно искали этой наполненной газомъ пещеры [1]).

Но древніе писатели ничего не говорятъ объ истинномъ чудѣ Тамбука. Вся окружность верхней террасы исчерчена каскадами, и даже тамъ, гдѣ воды уже не льются болѣе скатертью или ракетами, сосѣднія стѣны, образовавшіяся изъ сростковъ извести, которые были отложены другими ручьями въ ихъ бѣгствѣ, кажутся и сами настоящими водопадами: передъ этими массами молочно-бѣлаго цвѣта, ступеньки которыхъ поднимаются одна за другой по склону горы, стоишь точно передъ какимъ-то замерзшимъ потокомъ: кажется, что Ніагара остановилась и застыла. Изъ шести большихъ каменныхъ водопадовъ одинъ въ особенности поражаетъ зрителя своими громадными размѣрами: это южный утесъ, расположенный непосредственно подъ руинами античнаго Гіераполиса. Известковыя инкрустаціи, отложенныя фонтанами Тамбука, принадлежатъ къ числу удивительнѣйшихъ образованій нашей земли; нигдѣ медленная и непрерывная работа капли воды не является въ болѣе грандіозномъ видѣ. Въ котловинѣ верхней террасы, у подножія длинныхъ скатовъ горы, нѣсколько источниковъ соединяются въ небольшой прудъ глубиной слишкомъ 3 метра, усѣянный разбитыми карнизами и колоннами изъ бѣлаго мрамора, обломками обрушившагося портика. Термальный ручей, вытекающій изъ пруда, перерѣзываетъ плато и проникаетъ подъ своды дворца или гимназіи, стѣны которыхъ онъ покрылъ слоемъ известковой накипи толщиной около 5 метровъ, затѣмъ соединяется съ другимъ нормальнымъ ручейкомъ и льется со ступеньки на ступеньку на закраину утеса. Количество ниспадающей воды незначительно, но, глядя снизу, подумаешь, что этотъ каскадъ, скатерти котораго сливаются съ его каменнымъ ложемъ, водопадъ какой-то исполинской рѣчки; зимой, весной и даже лѣтомъ по утрамъ пары, поднимающіеся съ теплой воды и носящіеся въ атмосферѣ, еще болѣе увеличиваютъ иллюзію: сквозь эту легкую дымку пара кажется, что видишь паденіе бурнаго потока. Когда, приближаясь къ утесу, который развертывается обширнымъ кругомъ около полкилометра въ окружности, убѣждаешься, что падаетъ только тонкая прозрачная скатерть воды, невольно сравниваешь тогда бугорчатые пласты ослѣпительной скалы съ обваломъ ледника. Какъ ледъ Альпъ, травертинъ Гіераполиса примѣшиваетъ къ своей бѣлизнѣ прекрасные оттѣнки нѣжно-голубаго цвѣта; кромѣ того, тамъ и сямъ онъ отливаетъ розовымъ и зеленымъ цвѣтами, какъ алебастры и мраморы. Грандіозный въ своихъ размѣрахъ, этотъ амфитеатръ прелестенъ въ деталяхъ своихъ бѣлыхъ или слабо-окрашенныхъ скалъ; ниспадая, вода, постепенно охлаждающаяся, разливается маленькими волнами, изъ которыхъ послѣдняя останавливается, отлагая известковый рубецъ или ободокъ; такимъ образомъ каждый уступъ состоитъ изъ водоемовъ съ круглой верхней закраиной, подъ которыми слѣдуютъ одинъ за другимъ новые бассейны въ формѣ кропильницы. Вода спускается со ступени на ступень, словно по колоссальной «лѣстницѣ Нептуна». Но въ своемъ теченіи она повсюду окаймляетъ и украшаетъ узорами поверхность камня; нѣтъ уголка скалы, который она не изваяла бы причудливыми арабесками.

Ниже ручьевъ, которые приносятъ ему инкрустирующія воды Тамбука и сосѣднихъ высотъ, Меандръ извивается въ своей широкой равнинѣ, образуя тѣ изгибы и повороты, которымъ дали его имя (меандръ значитъ излучина). Правда, что этотъ потокъ спускается «излучинами» до самаго моря и, кажется, много разъ, описавъ дугу, опять возвращается на то же мѣсто; но въ этомъ отношеніи малоазійская рѣка далеко уступаетъ нѣкоторымъ другимъ рѣкамъ: онъ не описываетъ завитковъ, подобныхъ завиткамъ Лота, Сены и Шьера, онъ не имѣетъ бухтъ и бухточекъ, какъ заливы Миссисипи, у котораго дуга низовья приближается къ кривой верховья и наконецъ соединяется съ ней. Въ цѣломъ, теченіе Меандра имѣетъ лишь мѣстныя извилины и вовсе не представляетъ большихъ уклоненій отъ общаго направленія, подобныхъ изгибамъ Кизылъ-Ирмака и Сакаріи, къ которымъ съ гораздо большимъ правомъ можно было бы примѣнить то, что греческіе географы говорили нѣкогда о Меандрѣ, что «онъ течетъ, поднимаясь обратно къ своему собственному истоку».

Особенно замѣчателенъ Меандръ, какъ рѣка-«работница». Геологическая работа, совершенная имъ въ послѣднія двадцать три столѣтія, такъ велика, что въ этомъ отношеніи съ нимъ не можетъ сравниться никакой другой потокъ того же объема, и нѣтъ ничего удивительнаго, что для объясненія этой громадной работы ученые должны были прибѣгнуть къ гипотезѣ поднятія почвы, — гипотезѣ, которая, впрочемъ, до сихъ поръ еще не подтверждена непосредственными наблюденіями. Существовавшій въ древности Латмійскій заливъ, на берегу котораго находился приморскій городъ Милетъ, и который простирался на сѣверъ до подошвы холма, гдѣ стоялъ храмъ богини

[1]) P. de Tchihatcheff, „Asie Mineure“.

Пріены, перестал быть заливомъ; отъ него осталось только озеро, Капикеренъ-Денизи или Акисъ-чай, западный берегъ котораго отстоитъ отъ моря въ 17 километрахъ по прямой линіи [1]). Бывшій островъ Ладе, къ западу отъ Милета и къ сѣверу отъ нынѣшняго теченія Меандра, теперь не болѣе, какъ выступъ материка среди внутреннихъ болотъ. Поверхность пространства, завоеваннаго рѣкой въ теченіе двадцати трехъ вѣковъ, можетъ быть исчислена въ 325 квадр. километровъ; среднимъ числомъ, рѣчной «носъ» выдвигался впередъ на десять метровъ въ годъ. Допуская, что во всей этой области новыхъ отложеній море имѣло глубину только въ 20 метровъ, слѣдовательно, гораздо меньшую, чѣмъ глубина другихъ пространствъ въ заливахъ Малой Азіи, и давая десять метровъ средняго возвышенія наносамъ Меандра,—повышаемымъ каждымъ послѣдовательнымъ наводненіемъ, соразмѣрно удлинненію дельты,—общее количество земель, отложенныхъ рѣкой въ эти двѣ тысячи триста лѣтъ, было бы около десяти милліардовъ кубическихъ метровъ, что составитъ 500 кубич. метровъ въ сутки. Пропорція эта не представляетъ чего-либо чрезвычайнаго, такъ какъ, напримѣръ, Брента, порядокъ теченія которой былъ изученъ съ наибольшей тщательностью, отлагаетъ каждый день въ лагуну Кіоджіа массу грязи въ восемь разъ большую, хотя по количеству катимой воды итальянская рѣка уступаетъ Меандру. Но вѣроятно, что масса, отложенная этой азіатской рѣкой, много превышаетъ предполагаемую толщину въ 30 метровъ, потому что, по Чихачеву, уровень озера Акисъ-чай, постоянно поднимаемый увеличивающимся порогомъ изъ рѣчныхъ наносовъ, находится на 29 метровъ выше уровня моря. Какъ бы то ни было, дельта Меандра есть одна изъ тѣхъ, гдѣ соединились всѣ элементы, чтобы возбуждать удивленіе грандіозностью совершившихся геологическихъ преобразованій: здѣсь мы видимъ заливы, занесенные пескомъ, острова, соединившіеся съ материкомъ, города, погребенные подъ слоемъ ила. Съ высоты вершинъ, господствующихъ надъ равниной, и особенно съ пиковъ Самсунъ-дага, поднимающихся непосредственно на сѣверѣ отъ морскаго прибрежья, можно обозрѣвать разстилающуюся подъ ногами и теряющуюся въ отдаленной перспективѣ всю область дельты, съ извилинами нынѣшняго Меандра, безчисленныя пересѣкающіяся русла ложныхъ рѣкъ или «старыхъ Меандровъ», губы устья, далеко выдвинутыя въ море, окрашенное до самаго горизонта въ желтый цвѣтъ мутными водами рѣки, правильныя кривыя береговыхъ кордоновъ, прерываемыхъ черезъ извѣстные промежутки рыболовными протоками, и, внутри земель, концентрическія дюны прежнихъ береговъ, послѣдовательно покинутыхъ водами моря съ распространеніемъ рѣчныхъ наносовъ. Бѣлая линія у подошвы зеленой горки указываетъ мѣстоположеніе Палатіи, составляющей все, что осталось отъ славнаго города Милета.

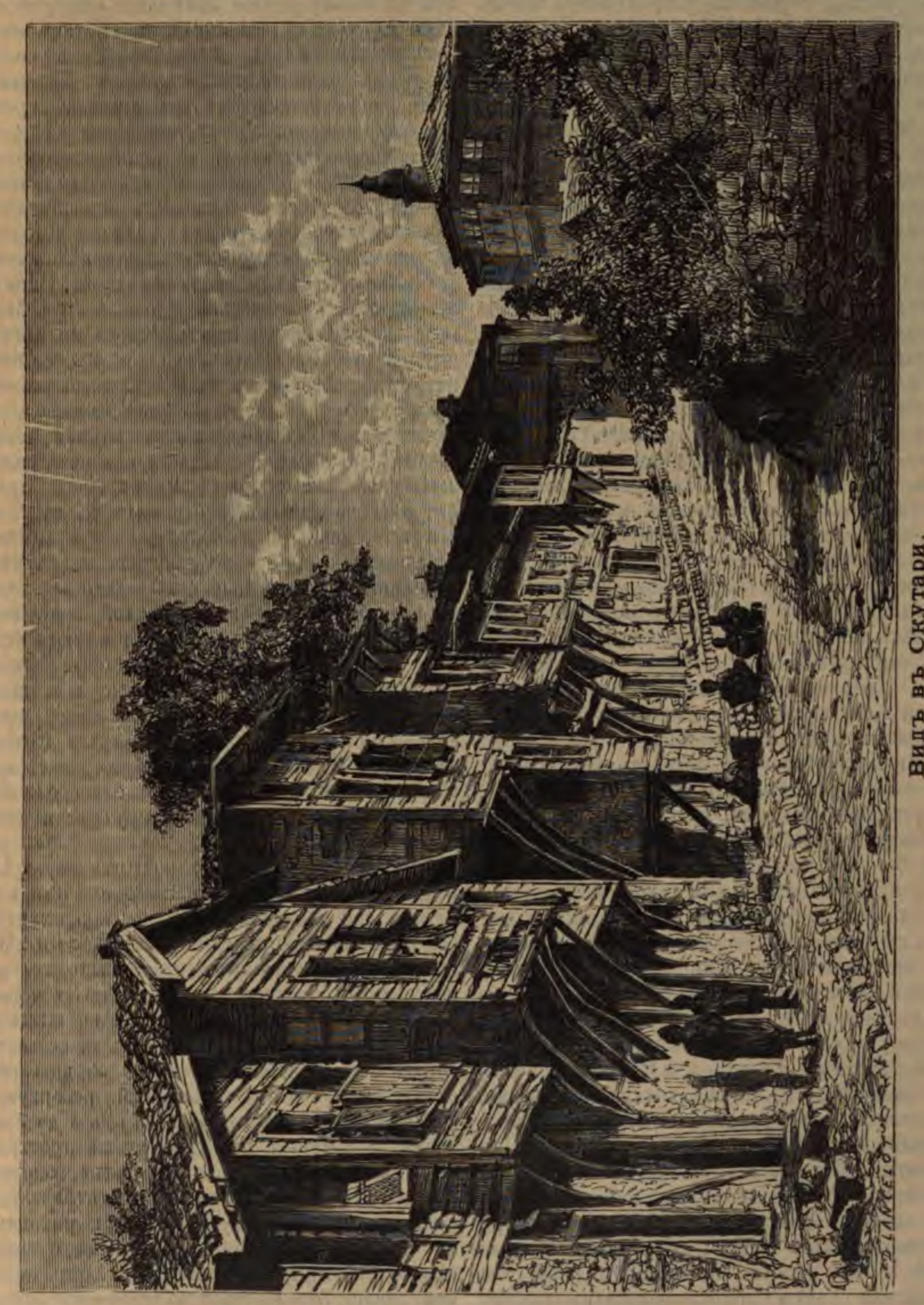
На покатости Малой Азіи, обращенной къ югу, первое озеро, лишнія воды котораго изливаются въ Средиземное море, есть, повидимому, какъ и Акисъ-чай, половина бывшаго морскаго залива, замкнутаго недавними рѣчными наносами и постепенно возвышеннаго порогомъ, который образовался въ низовьѣ: это—Кеджезъ-лиманъ, лежащій теперь, по Чихачеву, на 29 метровъ выше уровня моря. Подобно бассейну Акисъ-чай, озеро Кеджезъ-лиманъ, постепенно обновляемое рѣками, наполнено чуть солоноватой водой. Никакое историческое свидѣтельство не говоритъ объ отдѣленіи лимана Кеджезъ отъ открытаго моря; даже во времена Страбона, Каунусъ занималъ часть порога, ограничивающаго озеро съ южной стороны: слѣдовательно, прошло уже, по крайней мѣрѣ, восемнадцать или девятнадцать вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ бывшій заливъ превратился въ озеро; но очертаніе морскаго прибрежья измѣнилось, такъ какъ городъ, стоявшій тогда на самомъ берегу моря, теперь удаленъ отъ него на 8 километровъ. Недалеко оттуда, близъ Макри, есть очевидное доказательство колебаній почвы прибрежья. Одинъ саркофагъ, построенный на сухомъ берегу, покрытъ серпулами и источенъ морскими животными до трети его высоты: слѣдовательно, онъ когда-то погружался въ воду и теперь опять находится на твердой землѣ. На прибрежьѣ Малой Азіи берега Ликіи — единственные, гдѣ кораллы, принадлежащіе къ виду *cladacora caespitosa*, строятъ обширные рифы; красный кораллъ родится также на днѣ моря, но вѣтви его слишкомъ малы, чтобы стоило труда ловить его [1]).

На юго-западномъ берегу Ликіи портъ Патара тоже сдѣлался озеромъ или, лучше сказать, болотомъ; но гораздо болѣе значительная геологическая перемѣна совершилась въ Памфиліи, на сѣверномъ прибрежьѣ залива Адалія. Тамъ во времена Страбона простиралось «очень обширное» озеро Капрія, замѣщенное теперь сырыми землями, въ иныхъ мѣстахъ болотистыми, въ другихъ поросшими кустарникомъ; лагуны гніющей воды наполняютъ низины, отдѣленныя отъ моря желтымъ песчанымъ берегомъ, осѣненнымъ приморскими соснами. Чихачевъ исчисляетъ въ 400 квадратн. километровъ поверхность озернаго бассейна Пам-

[1]) P. de Tchihatcheff, „Asie Mineure“; — Olivier Rayet, „Milet et le golfe Latmique“.

[1]) Spratt and Forbes, „Travels in Lycia, Milyas and the Cibyratis“.

филіи, составляющаго въ настоящее время часть твердой земли. Но не одни только наносы рѣкъ заполнили древній резервуаръ: безчисленные источники, насыщенные известью, какъ,


Видъ въ Скутари.

напримѣръ, Тамбукскіе ключи, отлагали этотъ минералъ въ видѣ коры на почвѣ такъ быстро, что трава и листья уже окаменѣли, не утративъ своего цвѣта; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода даже вытекаетъ черезъ береговые утесы прямо въ море, и огромные сталактиты висятъ надъ самыми волнами [1]). Близъ Адаліи видно явственно, что фронтъ береговыхъ утесовъ выдвинулся по крайней мѣрѣ на 300 метровъ, благодаря этимъ непрерывнымъ наносамъ. Рѣки, покрывшія страну слоями травертина, безпрестанно мѣняютъ свое теченіе: поднимая

[1]) Beaufort, „Caramania".

мало-по-малу свои каменныя ложа надъ окружающей равниной, онѣ кончаютъ тѣмъ, что текутъ въ высокихъ водопроводахъ; рано или поздно берега подаются въ какомъ-нибудь слабомъ пунктѣ, и потокъ устремляется черезъ боковую брешь, чтобы образовать себѣ другое русло. Въ другихъ мѣстахъ проточныя воды исчезаютъ въ пористой почвѣ, подъ естественными аркадами. Изъ вѣка въ вѣкъ гидрографическое развѣтвленіе совершенно измѣняется: этимъ и объясняется тотъ фактъ, что географы тщетно старались согласить тексты древнихъ авторовъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Катарактесъ, о которомъ Страбонъ говоритъ какъ о большой рѣкѣ, низвергающейся съ шумомъ съ очень высокой скалы [1]), пересталъ существовать и, вѣроятно, раздѣлился на многочисленныя вѣтви, поверхностныя или подземныя. Фонтаны прѣсной воды, которые бьютъ среди моря, явственно видны съ высоты береговаго утеса, благодаря различному преломленію свѣта въ двухъ средахъ [2]).

Акъ-су, то-есть «Бѣлая рѣка», которая служитъ водостокомъ для западныхъ равнинъ каменистаго бассейна, беретъ начало въ горахъ къ западу отъ озера Эгердиръ, которое, быть можетъ, выливаетъ подъ землей свой излишекъ черезъ эту рѣку, чѣмъ можно было бы объяснить тотъ фактъ, что вода въ этомъ бассейнѣ не солена, какъ почти во всѣхъ другихъ замкнутыхъ резервуарахъ. Озеро Эгердиръ, вѣроятно—самое значительное во всей Малой Азіи: хотя оно не занимаетъ столь обширной площади, какъ большое Соляное озеро въ Ликаоніи, но зато превосходитъ послѣднее глубиной. Озерная впадина Эгердиръ, представляющая овалъ, который продолжается съ сѣвера на югъ и дѣлится поперечной цѣпью горъ на двѣ полости, походитъ въ южной своей части на альпійское озеро: крутые горные склоны съ лѣсистыми террасами господствуютъ надъ его берегами; маленькіе острова, гдѣ блестятъ бѣлые домики между группами тополей, весело отражаются въ голубой поверхности водъ; на каждомъ шагу безконечное разнообразіе зубчатаго берега измѣняетъ пейзажъ. Два озера, Бульдуръ и Чурукъ-су, лежащія западнѣе, на слегка волнистомъ плато, отличаются отъ Эгердира. Окруженные низменными берегами, которые попеременно то покрываются водой, то снова открываются, эти бассейны имѣютъ видъ болотъ на большей части своего протяженія. Вода въ Бульдурѣ желтоватая, а въ Чурукъ-су содержитъ въ растворѣ сѣрно-кислую магнезію (горькая или англійская соль) и сѣрнокислый натръ (глауберова соль), въ соединеніи съ морской солью; лѣтомъ, вода сбываетъ, оставляя на берегахъ эти минеральныя вещества, кристаллизующіяся твердыми плитами.

Озеро Бейшехръ-гель, хотя оно находится очень близко отъ скатовъ, наклоненныхъ на югѣ къ заливу Адалія, занимаетъ мѣсто въ числѣ озеръ, принадлежащихъ къ системѣ замкнутыхъ бассейновъ Анатоліи. Этотъ резервуаръ, называемый также озеромъ Керели—имя, едва отличающееся отъ древняго греческаго наименованія Каралитисъ,—гораздо менѣе обширно, чѣмъ большое Соляное озеро; но, быть можетъ, его водная масса болѣе значительна по объему, такъ какъ онъ представляетъ нѣсколько глубокихъ впадинъ у подошвы скалистыхъ откосовъ своего западнаго берега; на югѣ бѣлыя вершины горъ Писидіи отражаются въ голубыхъ водахъ озера. Многочисленные потоки спускаются съ сосѣднихъ высотъ въ Бейшехръ-гель; но большинство источниковъ теряются въ разсѣлинахъ почвы, прежде чѣмъ достигнуть озера; бассейнъ питается главнымъ образомъ родниками, выходящими изъ озерной впадины или изъ разсѣлинъ скалъ, омываемыхъ водами озера: пузыри, поднимающіеся изъ бьющихъ на днѣ ключей черезъ спокойную воду, указываютъ мѣсто истеченія; но прибрежные жители не съумѣли перехватить эти чистыя воды, которыя теряются въ безвкусной и нездоровой водѣ Бейшехръ-геля. Лѣтомъ туземцы не имѣютъ другаго питья, кромѣ воды колодцевъ, вырытыхъ въ сосѣдствѣ берега и очень удаленныхъ одинъ отъ другаго; иногда толпы людей и животныхъ оспариваютъ другъ у друга доступъ къ этимъ колодцамъ, влага которыхъ такъ драгоцѣнна, какъ будто она вытекаетъ среди безводной пустыни, хотя неподалеку простирается цѣлое море прѣсной воды.

Высота Бейшехръ-геля, по Чихачеву, 1.151 метръ надъ уровнемъ моря; но это озеро занимаетъ не самую глубокую часть замкнутаго бассейна южнаго плоскогорья Ликаоніи. Изъ южной оконечности этого плато выходитъ рѣка, которая спускается на юго-востокъ черезъ ущелье между скалъ и теряется во впадинѣ, лежащей метровъ на пятнадцать ниже, и которую еще недавно наполняло значительное озеро, Соглу: этотъ обширный резервуаръ, средняя глубина котораго была отъ 6 до 7 метровъ, и который простирался на пространствѣ около 175 квадр. километровъ, опорожнился около половины настоящаго столѣтія; но почва еще усѣяна двустворчатыми раковинами, и мѣстные жители долго сохраняли запасъ карповъ, который дала имъ послѣдняя обильная ловля. Это быстрое исчезновеніе озера, содержавшаго слишкомъ милліардъ кубич. метровъ, невозможно было бы объяснить перевѣсомъ испаренія надъ притокомъ воды; весьма вѣроятно, что обломки, загромождавшіе подземныя галлереи, были расчищены глубо-

---

[1]) Книга XIV, глава IV.

[2]) Fellows, „Travels in Lycia".

кими водами, и эти послѣднія вылились въ море. Этому-то скрытому, подземному истеченію два названные бассейна, Бейшехръ и Соглу, и были обязаны тѣмъ, что воды ихъ не насытились солью, какъ воды большинства замкнутыхъ озеръ Малой Азіи. Аллювіальныя земли, отложенныя рѣчками и ручьями, были преобразованы земледѣльцами въ плодородныя поля. По Гамильтону, появленіе и исчезновеніе озера Соглу представляютъ періодическія явленія, правильно чередующіяся черезъ промежутки времени отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ. Согласно искони установившемуся обычаю, получившему силу закона, крестьяне дѣлаются собственниками выходящей изъ воды почвы, подъ условіемъ оставленія въ пользу казны половины первой жатвы; въ слѣдующіе же годы они должны платить только десятину, то-есть десятую часть собираемыхъ плодовъ [1]). Небольшія озера Ликіи, въ бассейнѣ Эльмалу и сосѣднихъ равнинахъ, имѣютъ порядокъ истеченія, подобный тому, какой представляетъ Бейшехръ: они также изливаютъ свой излишекъ водъ черезъ подземныя галлереи, вырытыя въ известковыхъ скалахъ. Озеро Авланъ-Оглу, къ югу отъ Эльмалу, принимаетъ въ себя быструю рѣку, имѣющую около десяти метровъ въ ширину и до 2 метровъ глубины, и истокъ его низвергается съ шумомъ въ пещеру. Обильные источники, снова выходящіе на поверхность земли близъ деревни Финека, недалеко отъ морскаго берега, — не что иное, какъ воды Авланъ-Оглу [2]). Естественные водоспуски или «катавотры» этой изобилующей трещинами области извѣстны подъ именемъ *дуденъ*. По существующему въ краѣ преданію, сообщаемому Гамильтономъ, долина, которую нынѣ покрываютъ воды озера Эгердиръ, была совершенно сухая восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, и образованіе озера произошло, будтобы, вслѣдствіе завала подземной галлереи.

Къ востоку отъ пониженія Ликаоніи, нѣкоторые озерные бассейны, теперь замкнутые, кажется, изливались нѣкогда въ Средиземное море. Къ числу этихъ озеръ принадлежатъ Кара-Бунаръ или «Черный фонтанъ», который окруженъ вулканическими конусами и потоками лавы; лѣтомъ крестьяне окрестныхъ селеній ломаютъ соль въ нѣкоторыхъ изъ окаймляющихъ его соляныхъ бассейновъ, и каждую зиму образуется новая кора. Къ югу оттуда, озеро Эрегли есть скорѣе затопленная разливами водная площадь, продолжающаяся на сотню верстъ параллельно сѣверному основанію Булгаръ-дага; это обширное болото усѣяно прудами, изъ которыхъ иные всегда остаются солеными, другіе же зимой наполняются черезъ маленькіе притоки прѣсной водой, но

[1]) Hamilton, „Researches in Asia Minor“.
[2]) Ch. Fellows, „Travels and Researches in Asia Minor“.

лѣтомъ опять дѣлаются немного солоноватыми. Озеро Эрегли еще продолжаетъ быть притокомъ Средиземнаго моря черезъ ручей, который изливается на югѣ въ мраморный бассейнъ, лежащій метровъ на десять ниже озернаго резервуара. Неизвѣстно, гдѣ опять выходитъ наружу этотъ потокъ на противуположной покатости горъ, хотя онъ уноситъ весьма значительную по объему жидкую массу, особенно весной, въ періодъ таянія снѣговъ: тогда два озера, Эрегли и Кара-Бунаръ, такъ же, какъ всѣ болота низменной равнины, превращаются въ обширное внутреннее море, шириной около 150 километровъ, которое простирается на западъ до самыхъ воротъ города Коніе. Между источниками, питающими бассейнъ Эрегли, группа термальныхъ источниковъ примѣтна издали по конусамъ, которые образуетъ вытекающая вода, отлагая вокругъ отверстія содержимыя въ растворѣ минеральныя вещества. Такъ же, какъ въ Тамбукѣ, постоянно наростающій камень въ концѣ концовъ залѣпляетъ выходы, и бьющая изъ земли вода, отыскивая новыя отверстія, воздвигаетъ горку за горкой: плато постепенно возрастаетъ, сохраняя однообразную высоту. Ключи эти, хотя всѣ они, повидимому, принадлежатъ къ одному и тому же подземному озеру, разнятся между собой температурой и составомъ воды: одни изъ нихъ имѣютъ слишкомъ 50 градусовъ по Цельзію, въ другихъ, напротивъ, вода почти холодная. Тогда какъ вода одного бассейна отлагаетъ морскую соль, вода другаго приноситъ сѣру, и большинство окружаютъ свое отверстіе гипсовымъ ободкомъ; одинъ источникъ образуетъ ручеекъ чистой воды. Каменистое вещество, содержащееся въ растворѣ въ водѣ фонтановъ озера Эрегли, такъ обильно, что пузыри газа, приходя въ прикосновеніе съ атмосфернымъ воздухомъ, тотчасъ же превращаются въ раковины безконечно малой тонины, которыя, тѣснясь одна къ другой, постепенно складываются въ компактную массу, имѣющую строеніе оолита (икрянаго камня) [1]).

Въ древнія времена, Кестросъ, по-нынѣшнему Акъ-су (Бѣлая вода) и сосѣдняя рѣка, Кепро-су или Эвримедонъ, были судоходны при устьяхъ; теперь онѣ закрыты для барокъ, тогда какъ Меласъ, называемый нынѣ Манавгатъ, носитъ парусныя суда, хотя греческіе и римскіе писатели не упоминаютъ о немъ, какъ о рѣкѣ, доступной судамъ. Что касается самой полноводной рѣки всего этого прибрежья, на западѣ Полевой Киликіи, Каликадна, по-нынѣшнему Эрмерекъ-су (иначе Гекъ-су), то теченіе ея слишкомъ стремительно, чтобы она могла когда-либо быть судоходной, что бы ни говорилъ Амміанъ Марцелинъ, единственный

[1]) Hamilton, „Researches in Asia Minor“.

изъ древнихъ авторовъ, приписывавшій ей это свойство. Восточнѣе, въ собственной Киликіи, Тарсусъ-чай или «рѣка Тарсъ»—незначительный потокъ, а между тѣмъ это—рѣка, пользовавшаяся большой извѣстностью въ древности подъ именемъ Кидна. Истокъ ея одинъ изъ самыхъ обильныхъ въ Малой Азіи. Со стѣны наклонной скалы, сплошь изрытой трещинами и разсѣлинами, льются безчисленныя струйки, которыя соединяются въ одномъ бассейнѣ, откуда рѣка, уже непроходимая въ бродъ, бѣжитъ бѣшеными прыжками черезъ обвалившіяся каменныя глыбы и затѣмъ исчезаетъ въ глубокомъ ущельѣ. Величественные кедры, имѣющіе по крайней мѣрѣ 7 аршинъ въ обхватѣ, могучіе дубы, платаны, обвитые плющемъ и хмѣлемъ, осѣняютъ истокъ своей густой листвой. Спускаясь красивыми каскадами въ равнину Тарса, «хладноводный» Киднъ орошаетъ поля и сады; затѣмъ, разливаясь въ видѣ болотъ, замѣнившихъ прежнее озеро, впадаетъ въ море на небольшомъ разстояніи къ востоку отъ устья Сейгуна. Подобно многимъ другимъ потокамъ Малой Азіи, Киднъ часто мѣнялъ русло: нѣкогда онъ проходилъ черезъ городъ Тарсъ, съ конца же шестнадцатаго столѣтія течетъ на востокѣ отъ его стѣнъ [1]).

Но блуждающими рѣками по преимуществу можно назвать двѣ рѣки восточной Киликіи, Саръ и Пирамъ, которыя турки и арабы называютъ Сейгунъ (Сигунъ, Сиганъ, Саранъ) и Джигунъ (Джиганъ), или въ память двухъ большихъ рѣкъ того же имени въ Туркестанѣ, болѣе извѣстныхъ нынѣ подъ названіемъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, или намекая на два потока миѳическаго рая. Саръ—самая полноводная и самая длинная изъ этихъ двухъ рѣкъ. Она беретъ начало около середины полуостровнаго основанія, къ сѣверо-востоку отъ Аргейской горы, въ горныхъ цѣпяхъ, господствующихъ съ южной стороны надъ долиной верхняго Кизылъ-Ирмака, и принимаетъ въ себя воды, которыя текутъ въ параллельныхъ пониженіяхъ Анти-Тавра и уходятъ изъ гористой области глубокими ущельями, поражающими своимъ грандіознымъ видомъ; на западѣ другіе потоки спускаются съ центральнаго плоскогорья къ Сару, перейдя передъ тѣмъ Тавръ ущельями, еще болѣе трудно доступными, чѣмъ Киликійскія Ворота. Джигунъ или Пирамъ беретъ начало въ водораздѣльной области, по другую сторону которой течетъ Евфратъ; но до настоящей минуты Страбонъ остается единственнымъ путешественникомъ, который описываетъ истокъ этой рѣки, какъ «глубокую пропасть, откуда вода вдругъ вырывается столь могучимъ потокомъ, что дротикъ лишь съ трудомъ пронзаетъ его». Страбонъ же говоритъ, при томъ въ выраженіяхъ, отличающихся рѣдкой точностью, объ ущельѣ, которымъ Пирамъ выходитъ изъ области горъ: «Выступы одной стѣны какъ разъ соотвѣтствуютъ входящимъ угламъ другой, такъ что, будучи сближены, обѣ стѣны плотно пришлись бы одна къ другой; около середины ущелья разсѣлина дотого съуживается, что собака или заяцъ могли бы перескочить ее однимъ прыжкомъ» [1]). Пирамъ соединяетъ въ своемъ нижнемъ руслѣ потоки всего гористаго округа, простирающагося на востокъ отъ Анти-Тавра; но эти высоты, менѣе выставленныя дождевымъ вѣтрамъ, чѣмъ возвышенности западной Киликіи, получаютъ меньшее количество воды; оттого Джигунъ, хотя бассейнъ его обширнѣе бассейна Сейгуна, много уступаетъ послѣднему по среднему количеству катимой воды. По изслѣдованіямъ инженеровъ, дѣлавшихъ развѣдки для проектированной желѣзной дороги между Мерсиной и Аданой, оказалось, что средній стокъ его составляетъ почти только треть стока Сейгуна. Вотъ точныя числа, относящіяся къ рѣкамъ Киликіи:

	Длина теченія.	Площадь бассейна.	Средній стокъ въ секунду.
	кил.	кв. километр.	куб. метровъ.
Киднъ (Тарсусъ-чай)	130	1.400	20
Саръ (Сейгунъ)	450	22.400	250
Пирамъ (Джигунъ)	450	24.150	95

Однако, Джигунъ судоходенъ въ нижней части своего теченія; по Энсворту, барка могла бы подняться по рѣкѣ слишкомъ на сто километровъ отъ устья.

Съ начала исторической эры эти двѣ рѣки не переставали блуждать въ аллювіальныхъ равнинахъ, образованныхъ ихъ отложеніями на западъ Александретскаго залива. Въ настоящее время устья Сара и Пирама отстоятъ одно отъ другаго по прямой линіи на 72 километра; но изъ старинныхъ документовъ видно, что часто ихъ потоки бывали соединены однимъ общимъ устьемъ. Въ послѣднія двадцать три столѣтія произошло семь большихъ перемѣнъ теченія: три раза рѣки совмѣщались въ одномъ руслѣ и четыре раза раздѣлились [2]); незначительнаго боковаго прорѣза было бы достаточно соединить ихъ опять. Блуждая такимъ образомъ по равнинѣ, онѣ не переставали прибавлять новыя земли къ материку. «Равнина турокъ», Чукуръ-ова, и наибольшая часть пространства, продолжающаяся отъ Тарса до Сиса, у восточнаго основанія Тавра, на разстояніи слишкомъ 100 километровъ, есть ихъ «даръ». Мысъ Кара-Ташъ или «Черный камень», который служитъ южной опорной точ-

[1]) Чихачевъ, цитированное сочиненіе;—Kotschy, „Reise in den Cilicischen Taurus".

[1]) Книга XII, глава 4, изданіе Амедея Тардье.
[2]) Чихачевъ цитированное сочиненіе;—V. Langlois, „Voyage dans la Cilicie".

кой наносимымъ рѣчнымъ осадкамъ, есть бывшій островъ, соединенный нынѣ съ твердой землей; одно предсказаніе, сообщаемое Страбономъ, говоритъ, что «настанетъ день, когда сребророводный Пирамъ достигнетъ священныхъ береговъ Кипра». Покрытыя иломъ пространства, окаймляющія устья обѣихъ рѣкъ, представляютъ еще неопредѣленную область, нѣчто среднее между моремъ и землей; флора и фауна напоминаютъ недавнее пребываніе морской волны; воды наполнены рыбами, безпрестанныя движенія которыхъ обнаруживаются содроганіями жидкой поверхности; миріады разной водяной птицы—пеликановъ, лебедей, гусей и утокъ—покрываютъ песчаныя отмели, и огромныя черепахи медленно двигаются въ илѣ [1]).

Разсматриваемая въ цѣломъ, Малая Азія имѣетъ болѣе холодный климатъ, нежели полуострова Европы подъ той же широтой, и температуры тамъ отличаются большими крайностями. Контрастъ этотъ легко объясняется: въ то время, какъ Испанія, Италія, Ѳракія и Греція защищены отъ полярныхъ вѣтровъ Пиренеями, Альпами, Балканами, Анатолія отчасти выставлена этимъ холоднымъ воздушнымъ токамъ, не встрѣчающимъ никакой преграды при движеніи черезъ равнины Россіи и поверхность Чернаго моря. Та самая часть морскаго прибрежья Малой Азіи, которая омывается водами Понта Эвксинскаго, представляетъ поразительный примѣръ перемѣны, какую защита, оказываемая цѣпью горъ, производитъ въ климатѣ. Такъ, западная зона берега, заключеннаго между Константинополемъ и Синопомъ, выставлена суровымъ зимнимъ холодамъ и сильнымъ лѣтнимъ жарамъ; но на востокѣ «византійскій» климатъ измѣняется, по мѣрѣ того, какъ къ сѣверо-востоку, по ту сторону Чернаго моря, высокій горный валъ Кавказа поднимается непереходимой стѣной между полярными воздушными теченіями и анатолійскимъ прибрежьемъ: разности средней температуры зимы и лѣта уменьшаются; деревья, не могущія расти на негостепріимномъ западномъ прибрежьѣ, съ успѣхомъ произрастаютъ на берегу восточныхъ бухточекъ, въ тепломъ «трапезондскомъ» климатѣ; масличное, затѣмъ померанцевое деревья появляются вокругъ городовъ и деревень, и великолѣпныя южныя сосны или италійскіе кедры (pinus pinea) растутъ въ дикомъ состояніи по склонамъ холмовъ. Долина Чорука, по мнѣнію ботаника Коха, должна считаться родиной этого дерева, характеризующаго средиземную растительную область [2]).

Западные берега Малой Азіи, омываемые водами Эгейскаго моря, пересѣкаются изотермами, немного косвенными къ градусамъ широты: въ среднемъ, на іонійскомъ прибрежьѣ немного холоднѣе, чѣмъ въ портахъ, лежащихъ напротивъ, на берегахъ Греціи. Колебанія климата тамъ также вообще болѣе внезапны и болѣе неравномѣрны, чѣмъ по другую сторону архипелага. Острова, разсѣянные передъ прибрежьемъ, и многочисленныя вырѣзки твердой земли видоизмѣняютъ до безконечности нормальный порядокъ вѣтровъ; мѣстные собирательные фокусы раздѣляютъ атмосферные потоки на тысячи особыхъ струй; каждый мысъ, каждый проливъ имѣетъ свой спеціальный вѣтеръ, внушающій опасеніе морякамъ; при входѣ каждаго залива установляется столкновеніе между воздушными токами различной температуры, спускающимися съ горъ и поднимающимися съ моря. Шквалы, внезапные порывы вѣтра дѣлаютъ нѣкоторыя воды совершенно несудоходными въ зимнее время. Эти неравенства температуры, эти холода, чередующіеся съ жарой, не позволяютъ растительности принять субтропическій характеръ. Пальмы chamaerops, финиковыя деревья не принадлежатъ къ самобытной флорѣ Малой Азіи. Направляясь къ югу вдоль береговъ Анатоліи, первыя группы пальмъ встрѣчаешь на островѣ Патмосѣ, называемомъ по этой причинѣ Пальмозой въ нѣкоторыхъ портуланахъ (описанія морскихъ береговъ и гаваней).

Южный поясъ Малой Азіи, хорошо защищенный различными массивами Тавра, пользуется, конечно, гораздо болѣе теплымъ климатомъ, чѣмъ остальной полуостровъ: при равномъ разстояніи, мало найдется странъ, гдѣ бы разность въ средней температурѣ была такъ велика, какъ между берегомъ Тарса и берегомъ Синопа; между черноморскимъ прибрежьемъ и берегами Кипрскаго моря Анатолія представляетъ ширину около пяти градусовъ широты, но разности годовой температуры достигаютъ тамъ семи градусовъ по Цельзію. Самое пріятное время года на берегахъ Киликіи—это два послѣдніе мѣсяца, ноябрь и декабрь; оно отдѣлено отъ лѣтнихъ жаровъ осеннимъ кризисомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *кассима*, который обыкновенно продолжается около восьми дней; во время этого періода перелома сильныя грозы, сопровождаемыя ливнями и градомъ, очищаютъ атмосферу отъ міазмовъ и пыли, послѣ чего жителямъ, спускающимся съ горъ, изъ своихъ лѣтнихъ становищъ, нечего болѣе бояться пребыванія въ равнинѣ [1]).

Долины внутреннихъ горъ и плоскихъ возвышенностей представляютъ величайшее разнообразіе климатовъ, смотря по высотѣ, положенію относительно странъ свѣта, зелени и обнаженности почвы и тысячѣ противуположностей рельефа. Но общую отличительную черту всей

[1]) Fr. Beaufort, „Caramania“;—Burckhardt, Barker, „Lares and Penates“.

[2]) „Reise nach dem Pontischen Gebirge“.

[1]) Julius Hann, „Handbuch der Klimatologie“.

области Малой Азіи, заключающейся между горными выступами окружности, составляетъ рѣдкость дождей. Облака приносятъ на анатолійскія плоскогорья лишь незначительную пропорцію влажности, и даже морскіе берега получаютъ съ неба меньше воды, чѣмъ западная Европа: хотя поверхность Малой Азіи почти равна пространству Франціи, общій стокъ ея рѣкъ составляетъ не болѣе 2.000 кубич. метровъ въ секунду, то-есть только около трети того количества, которое катятъ французскія рѣки. Въ противуположность понтійской области, гдѣ количество атмосферныхъ осадковъ весьма значительно въ теплое время года, Полуостровъ принадлежитъ къ субтропической области, которая отличается недостаткомъ или рѣдкостью лѣтнихъ дождей; такъ, въ Смирнѣ, гдѣ, однако, морскіе вѣтры приносятъ нѣсколько ливней, паденіе атмосферной влаги въ продолженіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, іюня, іюля и августа, составляютъ только 4 сантиметра, не достигая даже пятнадцатой части годоваго количества дождя; но въ нѣкоторыхъ внутреннихъ округахъ шесть и семь мѣсяцевъ проходятъ подъ-рядъ безъ того, чтобы синева неба хоть разъ оживилась полетомъ облаковъ. Въ то время, какъ климатъ морскаго прибрежья можетъ быть уподобленъ въ цѣломъ климату южной Франціи, на внутреннихъ плоскогорьяхъ находимъ метеорологическій порядокъ, аналогичный порядку, господствующему въ степяхъ Туркестана.

Вѣроятныя среднія температуры Малой Азіи, по Чихачеву:

	Годъ.	Зима	Лѣто.
Византійскій поясъ.......	14° Ц.	6°	24°
Трапезондскій »	14°	7°	22°
Поясъ Пропонтиды.......	14°	7°	22°
Иранскій поясъ....... .	16°	8°	24°
Южный поясъ	21°	14°	29°
Малая Азія въ совокупности	12°	4,°8	22,°6

Климатъ Смирны, по Гавну:

Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Октябрь.
8°,2	14°,6	26°,7	16°,9

Наибольш. холодъ.	Наиб. жара.	Годъ.	Дожди.
—4°,4	39°,6	18°,7	61 миллим.

Анатолія есть одна изъ тѣхъ странъ бассейна Средиземнаго моря, гдѣ маларія особенно страшна: лихорадка—«царица полуострова». Столько рѣкъ перемѣнили русло, усѣевая окружающую мѣстность прудами и лужами, столько болотъ образовалось вслѣдствіе наводненій или отступленія моря, столько озеръ сбсыхаютъ и наполняются попеременно, смѣшивая прѣсныя воды съ солеными, что бо́льшая часть равнины и плоской возвышенности всегда омывается зараженной атмосферой. Нѣтъ сомнѣнія, что съ блаженныхъ временъ іонійской цивилизаціи климатъ Малой Азіи утратилъ свою здоровость: многочисленныя руины городовъ, которые нѣкогда процвѣтали въ странахъ, нынѣ необитаемыхъ, свидѣтельствуетъ объ этихъ перемѣнахъ: когда берега болотъ выступаютъ наружу на знойномъ солнцѣ, видѣть Милетъ значитъ умереть. Было время, когда рѣки сдерживались въ своемъ руслѣ и когда шпалеры деревьевъ задерживали водяные пары на проходѣ; истребленіе лѣсовъ имѣло слѣдствіемъ ухудшеніе климата. Обезлѣсеніе было дотого полное, болѣе, чѣмъ на трехъ четвертяхъ полуострова, что испорченный воздухъ равнины и долинъ приносится вѣтромъ даже на высоты, не встрѣчая на пути ни одного массива растительности, который бы задерживалъ его распространеніе. Туземцы отлично умѣютъ выбирать для своихъ *яйла* или лѣтнихъ становищъ мѣстности на горахъ, защищенныя скалами или вершинами отъ вредныхъ испареній, поднимающихся съ нижнихъ болотъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ деревни равнины совершенно покидаются жителями въ теплое время года; даже администраціи переселяются въ лѣтнія резиденціи; нищіе и воры также слѣдуютъ за поселянами въ горы. Становища обезлѣсенныхъ яйлъ состоятъ изъ палатокъ или мазанокъ, сложенныхъ изъ камня; въ лѣсныхъ же мѣстностяхъ, въ сѣверной Анатоліи, для становищъ строятъ хижины на манеръ русской избы, изъ еловыхъ бревенъ, соединенныхъ въ видѣ сруба. Многія изъ этихъ временныхъ поселеній, построенныхъ по большей части на развалинахъ древнихъ городовъ,— важные рынки для продажи масла, сыра, скота, и негоціанты съ морскаго прибрежья встрѣчаются тамъ съ торговцами изъ внутреннихъ мѣстностей [1]).

Какъ въ отношеніи климата, такъ и въ отношеніи флоры Малая Азія принадлежитъ къ двумъ различнымъ областямъ: «анатолійская подкова» составляетъ часть средиземнаго пояса; внутреннія плоскогорья продолжаютъ собой степи Центральной Азіи [2]). Въ этомъ пространствѣ, окруженномъ возвышенностями, флора относительно бѣдна, и растительность ограничивается кратковременной весенней дѣятельностью. Но какое разнообразіе на окружности, благодаря переходу, который совершается отъ анатолійскаго пояса къ зонамъ сосѣднихъ странъ! Такъ, черноморская флора, чрезвычайно богатая, составляетъ продолженіе флоры Мингреліи; Троада, одинъ изъ «раевъ ботаника», имѣетъ всѣ растенія, свойственныя Македоніи и Ѳракіи, рядомъ съ представителями азіатской флоры [3]); двѣ Іоніи, въ Азіи и въ Европѣ, обмѣнялись своими растительными видами черезъ Эгейское море; на южныхъ берегахъ Анатоліи, Киликія въ ботаническомъ отношеніи продолжаетъ собой сирійское побережье, и даже многія египетскія растенія ак-

[1]) Briot, рукописныя замѣтки.

[2]) Griesebach, „La Végétation du Globe“, trad. par Tchihatcheff.

[3]) Sentenis, рукописныя замѣтки.

климатизировались тамъ. Такимъ образомъ, по исторіи растительныхъ видовъ, какъ и по исторіи людей, Малоазіатскій полуостровъ есть переходная страна между тремя континентами— Европой, Азіей и Африкой. Средиземная флора представлена преимущественно кустарниками, которые получаютъ на склонахъ горъ Анатоліи необычайное развитіе: персидскія деревца, медвѣжьи ягоды (arbutus), лавры принимаютъ тамъ размѣры настоящихъ деревьевъ; стволы миртъ достигаютъ во многихъ мѣстахъ полметра и даже метра [1]). Анатолія—богатѣйшая область въ свѣтѣ по разнообразію породъ дуба: Франція имѣетъ только 12 породъ, тогда какъ между Понтомъ Эвксинскимъ и Кипрскимъ моремъ ихъ насчитываютъ 52, изъ которыхъ 26 не встрѣчаются нигдѣ въ другихъ мѣстахъ [2]).

Самый обширный лѣсъ въ Малой Азіи— Агачъ-денизъ или «море деревьевъ», простирающійся на востокъ отъ рѣки Сакаріи, въ горахъ Боли, гдѣ дѣйствуютъ многочисленные лѣсопильные заводы, не нанося, однако, замѣтнаго ущерба лѣснымъ богатствамъ, такъ что вершины еще не утратили своего покрова изъ зелени. Всѣ сѣверныя покатости горныхъ цѣпей, параллельныхъ Понту Эвксинскому, покрыты богатой лѣсной растительностью; лѣса находятся также въ промежуточныхъ долинахъ и въ ущельяхъ горныхъ потоковъ [3]). «Море деревьевъ» доставляетъ строевой и мачтовый лѣсъ турецкому флоту; но вообще лѣсное хозяйство ведется крайне неумѣло. Во внутреннихъ областяхъ, вдали отъ большихъ дорогъ, лѣсъ можетъ быть утилизируемъ только въ видѣ топлива. Обыкновенно ждутъ, когда дерево будетъ повалено бурей, или само упадетъ отъ старости; тогда отрубаютъ вѣтви, чтобы увезти ихъ на спинѣ муловъ, и выдалбливаютъ желобки на верхней части ствола для того, чтобы задерживать дождевую воду и такимъ образомъ ускорить разложеніе древесной ткани. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, дерево распадается на куски, и тогда остается только дать нѣсколько ударовъ топоромъ, чтобы расколоть его на дрова. Въ Каріи иначе никакъ и не эксплоатируютъ внутренніе лѣса, если только не прибѣгаютъ къ болѣе скорому способу, состоящему въ томъ, что лѣсъ зажигаютъ и затѣмъ собираютъ обугленные остатки [4]).

Послѣдовательное расположеніе поясовъ растительности на скатахъ горъ ни въ какой части Анатоліи не обозначено такъ рѣзко, какъ на южныхъ склонахъ Киликійскаго Тавра. У основанія горной цѣпи группы пальмъ, фруктовые сады, обнесенные живой изгородью изъ столѣтниковъ, указываютъ субтропическую область. Затѣмъ на первыхъ холмахъ показываются большія деревья съ опадающими листьями: выше почвой овладѣваютъ хвойныя: сначала сосны темнаго цвѣта, потомъ многочисленные виды можжевельника, далѣе киликійскія ели и кедры. Ни въ какой части Малой Азіи или Сиріи, ни даже на склонахъ Ливана не встрѣтишь кедровыхъ лѣсовъ, подобныхъ тѣмъ, которые опоясываютъ отлогости Булгаръ-дага до высоты 2.000 метровъ. Многіе милліоны великолѣпныхъ кедровъ растутъ тамъ группами надъ цѣлымъ моремъ сосенъ, елей и можжевельника. Но и туда добираются пожары, зажигаемые пастухами въ низкомъ кустарникѣ, и часто тысячи могучихъ деревьевъ пылаютъ разомъ,—кажется, будто исполинская огненная рѣка лавы льется съ горы. Надъ лѣснымъ поясомъ простирается мелкій кустарникъ, замѣняющій горныя пастбища Европы. Въ Киликійскомъ Таврѣ рѣдко встрѣтишь покрытые муравой склоны, развѣ только по берегамъ источниковъ и ручьевъ: тамъ до самой подошвы голыхъ скалъ вершины и до полосъ снѣга растутъ деревянистыя растенія и деревца съ ярко-зеленой листвой. На такой высотѣ, гдѣ европейскія горы представляютъ лишь однообразно сѣрую поверхность пажитей, на Таврѣ земля усѣяна пучками блестящихъ, ярко окрашенныхъ цвѣтовъ, которые придаютъ этимъ безмолвнымъ мѣстностямъ разнообразіе вида, о какомъ не могутъ дать понятіе пастбища европейскихъ Альпъ [1]). На сѣверо-востокѣ Малой Азіи понтійскія горы представляютъ гораздо больше сходства съ горами центральной Европы, но онѣ богаче растительностью. На многихъ лугахъ можно видѣть до двухсотъ видовъ альпійскихъ растеній. Одна и та же горная вершина можетъ принадлежать одною изъ своихъ покатостей къ черноморской зонѣ, а другою къ степной полосѣ: съ этой стороны растенія разсажены съ нѣкоторыми промежутками и отличаются однообразнымъ типомъ; издали ихъ сѣроватая зелень едва отдѣляется отъ тусклыхъ цвѣтовъ глины или камня [2]).

Ботаники констатировали тотъ фактъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ существовали поселенія эмигрантовъ, встрѣчаются колоніи иностранныхъ растительныхъ видовъ. Такъ, между развалинами крѣпостей, воздвигнутыхъ генуэзцами и рыцарями острова Родоса на нѣкоторыхъ мысахъ и на островкахъ южнаго берега, родятся мылянки и другія европейскія растенія, происходящія отъ посѣянныхъ западными пришельцами шесть или семь столѣтій тому назадъ; эти растенія не цвѣтутъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ зданій, построенныхъ гяурами [3]). Есть также фруктовые сады, насажденіе которыхъ преданіе приписываетъ крестоносцамъ или генуэзцамъ; орѣшникъ, яблони

[1]) Ch. Fellows, „Travels and Researches in Asia Minor".
[2]) Tchihatcheff, „Weekly Times", Sept. 1, 1882.
[3]) G. Perrot, рукописныя замѣтки.
[4]) Ch. Fellows, рукописныя замѣтки.

[1]) Kotschy, „Reise in den Cilicischen Taurus".
[2]) Griesbach, цитированное сочиненіе.
[3]) Kotschy, цитированный трудъ.

и вишни смѣняются однѣ другими въ одной и той же долинѣ, не дѣлая захватовъ на окружающей почвѣ, какъ равно, съ другой стороны, область ихъ распространенія нисколько не уменьшилась со времени исчезновенія невѣрныхъ. Но если Анатолія получила въ послѣдніе вѣка нѣкоторые растительные виды, принесенные европейцами, то сама она гораздо больше дала нашей части свѣта. Въ шестнадцатомъ столѣтіи первые ботаническіе сады Запада были въ дѣйствительности не что иное, какъ школы акклиматизаціи или питомники для левантскихъ растеній; въ эту-то эпоху Пьеръ Белонъ ввелъ во Франціи каменный дубъ, іудино дерево, цѣломудренникъ (agnus castus), кожевенное дерево (сумахъ), восточный можжевельникъ, бѣлую и черную шелковицу, гордъ (viburnum timus), ююбу, курму или псевдолотосъ (diospyros lotus), миртъ и многія другія анатолійскія растенія [1]).

Новыхъ насажденій въ Малой Азіи почти нигдѣ не дѣлается, развѣ только въ области виноградниковъ. Нигдѣ еще не начато столь необходимое дѣло облѣсенія: ограничиваются разведеніемъ вокругъ городовъ и селеній нѣкоторыхъ деревьевъ, сдѣлавшихся, такъ сказать, неразлучными спутниками человѣка: таковъ платанъ или чинаръ, пріобщаемый имъ къ своему отдыху, къ своимъ молитвамъ и играмъ, ко всей своей домашней жизни; таковъ кипарисъ, бодрствующій надъ мертвыми. Нѣтъ страны, гдѣ эти деревья были бы болѣе прекрасны и болѣе любимы и чтимы человѣкомъ, чѣмъ на анатолійскомъ побережьѣ. Платанъ какъ-будто возбуждаетъ веселыя мысли: его подвижная листва, колеблемая малѣйшимъ вѣтеркомъ, освѣжаетъ атмосферу; довольно плотная, чтобы умѣрять солнечный жаръ и пропускать лишь слабый пепельный свѣтъ, она, однако, не настолько густа, чтобы заслонять видъ неба; взоръ простирается далеко между стволами и вѣтвями съ свѣтлой корой, безъ всякой монотонной правильности. Привычка сдѣлала изъ платана дерево почти священное: многіе поселяне, не имѣя средствъ соорудить минаретъ при мечети, устраиваютъ деревянную площадку на горизонтальной вѣтви чинара, откуда муэдзинъ призываетъ правовѣрныхъ на молитву, окруженный голубями, которые весело клюютъ зерна, разсыпанныя у его ногъ. Кипарисъ также получаетъ долю почитанія, оказываемаго предкамъ; но онъ не имѣетъ того мрачнаго суроваго вида, какимъ отличаются его родичи на Западѣ: болѣе высокій и болѣе широкій, онъ имѣетъ станъ менѣе правильный, вѣтви болѣе раскидистыя и образуетъ великолѣпныя массивы зелени; кладбище—это обыкновенно самое красивое, чтó имѣетъ восточный городъ.

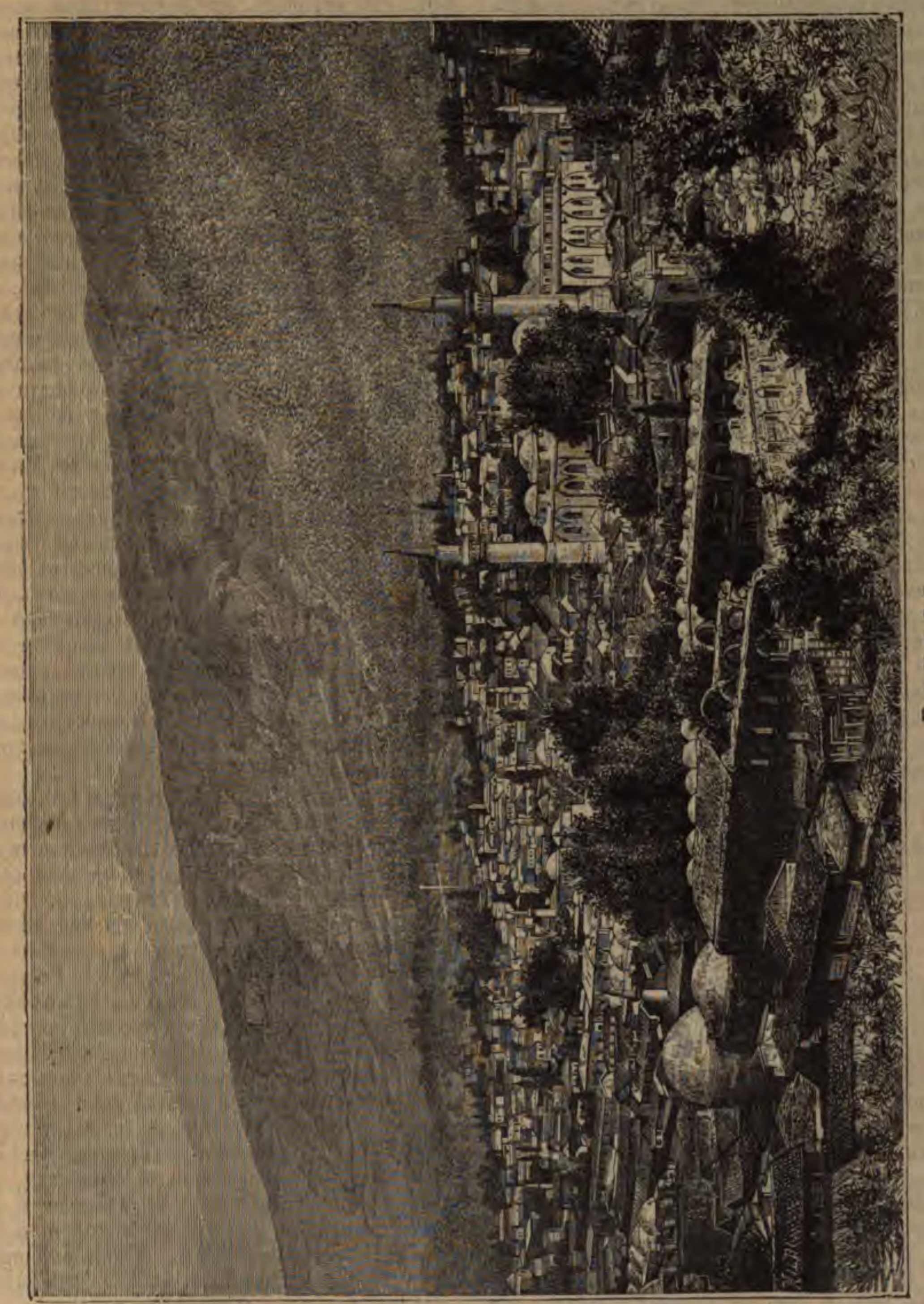
[1]) Lavallée, „Société nationale et centrale d'Horticulture.

Истребленіе лѣсовъ имѣло слѣдствіемъ исчезновеніе большаго числа животныхъ видовъ. Такъ, левъ, который, по свидѣтельству древнихъ писателей, водился во всѣхъ областяхъ полуострова, и котораго видѣли еще во времена крестовыхъ походовъ, не встрѣчается больше, развѣ только, можетъ быть, въ самыхъ глухихъ ущельяхъ Ликійскаго Тавра [1]), гдѣ будто-бы живетъ также одинъ большой звѣрь кошачьей породы, котораго турки называютъ *капланомъ*, и который, какъ полагаютъ, есть не кто иной, какъ леопардъ; можетъ быть, это—пантера, подобная той, которая бродитъ еще въ горахъ Тмолуса [2]). Гіена еще не совсѣмъ истреблена, и по ночамъ вездѣ слышно завываніе шакаловъ, которымъ отвѣчаетъ изъ каждой деревни лай собакъ. Въ восточныхъ областяхъ шакалъ менѣе распространенъ, чѣмъ на іонійскихъ берегахъ и центрѣ полуострова: онъ частью замѣненъ волкомъ, бурымъ и чернымъ; лисица не такъ обыкновенна въ Малой Азіи, какъ въ южной Европѣ: плотоядныя представлены преимущественно различными видами полудикихъ собакъ, которыя бродятъ на улицахъ большихъ городовъ. Извѣстно, что въ Константинополѣ эти голодныя животныя, роющіяся въ кучахъ нечистотъ и собирающіяся цѣлыми стаями, съ вытянутой мордой, съ дрожащими ноздрями, вокругъ костяковъ, висящихъ передъ бойнями, очень рѣдко подвергаются болѣзни, называемой водобоязнью, если даже подвергаются когда-нибудь. Во время своихъ путешествій по всѣмъ частямъ полуострова г. Чихачевъ часто видѣлъ собакъ, называемыхъ «бѣшеными», но никогда укушенныя лица не погибали отъ полученныхъ ими ранъ. Однако, въ окрестностяхъ Смирны бывали, говорятъ, хотя и рѣдко, смертельные случаи, происшедшіе послѣ укушенія прокаженными водобоязнью собаками, волками и шакалами; средство, употребляемое пастухами въ случаѣ укушенія бѣшенымъ животнымъ — отваръ горькихъ корней [3]).

Крупная дичь, которую охотники преслѣдуютъ въ лѣсахъ Европы, водится также и въ Малой Азіи. Дикіе кабаны очень обыкновенны въ областяхъ полуострова, такъ какъ турки не охотятся на нихъ. Большой олень довольно рѣдокъ, но лань и косуля встрѣчаются стадами. Газель, которой не имѣетъ европейская фауна, бродитъ въ равнинахъ Полевой Киликіи, на границахъ Сиріи, и, вѣроятно, другіе виды антилопъ живутъ на плоскогорьяхъ. Эгагръ или дикая коза бѣгаетъ въ горахъ Тавра Киликійскаго и Анти-Тавра, сосѣднихъ съ областями, гдѣ коза появляется, какъ домашнее животное въ древнія времена. Такъ какъ дикая коза имѣетъ такіе же размѣры, наружныя формы и

[1]) Ch. Fellows, Чихачевъ, цитированныя сочиненія.
[2]) G. Perrot, рукописныя замѣтки.
[3]) „Impartial de Smyrne", octobre 1883.

рога, какъ и прирученное животное, то весьма вѣроятно, что отъ нея произошла и домашняя порода козъ. На высокихъ степяхъ и горахъ водятся также дикіе бараны, разновидность муфлона или степнаго барана, котораго считаютъ родоначальникомъ европейскаго барана. Такимъ образомъ Малоазійскій полуостровъ, родина стольнихъ растительныхъ видовъ, далъ человѣчеству два изъ его драгоцѣннѣйшихъ домашнихъ животныхъ. Что касается ангорской козы, столь замѣчательной блескомъ и нѣжностью своей шелковистой, вьющейся шерсти, то натуралисты сомнѣваются, чтобы она была анатолійскаго происхожденія, такъ какъ ни одинъ классическій писатель не говоритъ объ этомъ животномъ, которое, однако, непремѣнно должно было бы обратить на себя вниманіе; и хотя они упоминаютъ всѣхъ барановъ, шерсть



Бруcса.

которыхъ употреблялась для тканья цѣнныхъ матерій, никто не сообщаетъ объ употребленіи козьей шерсти для приготовленія тонкихъ тканей. Введеніе ангорскихъ козъ въ краѣ г. Чихачевъ приписываетъ тюркскимъ племенамъ, пришедшимъ на полуостровъ въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ столѣтіяхъ, и склоненъ думать, что мѣсто происхожденія самихъ переселенцевъ и ихъ стадъ слѣдуетъ искать въ одной изъ долинъ Алтая, именно въ долинѣ Бухтармы, притока Иртыша; эта мѣстность славится во всей Сибири красотой своихъ котовъ, еще болѣе замѣчательныхъ, чѣмъ ангорскіе, и отличающихся, какъ и ангорскія козы, волнистой и шелковистой шерстью, что, повидимому, указываетъ на сходство климатическихъ условій. Какъ бы то ни было, ангорская коза занимаетъ въ настоящее время небольшую территорію, около 40.000 квадр. километровъ, да и въ этой области она съ успѣхомъ разводится только на плоскогорьяхъ и въ долинахъ, высота которыхъ не меньше 600 и не больше 1.600 метровъ. Всѣ козьи стада вмѣстѣ заключаютъ отъ четырехсотъ тысячъ до полмилліона головъ. Акклиматизація этихъ драгоцѣнныхъ животныхъ очень трудна, такъ какъ малѣйшее перемѣщеніе сопровождается ухудшеніемъ качества шерсти; однако, поясъ обитанія ангорской козы и въ это послѣднее время расширился. Что касается овечьей породы, то самая обыкновенная разновидность здѣсь—*караманлы* или бараны съ толстымъ хвостомъ (курдюкомъ),—порода, которая господствуетъ также въ Сиріи, въ области азіатскихъ степей и даже въ южной Россіи. На всѣхъ ровныхъ плоскогорьяхъ и въ равнинахъ увидишь только стада барановъ; исключительную область козы составляютъ склоны и кручи горъ. Въ степяхъ почва вездѣ изрыта подземными галлереями, выкапываемыми табарганомъ или тушканчикомъ.

Во всѣ времена быки были рѣдки въ Малой Азіи, и въ нѣкоторыхъ округахъ даже было бы трудно прокормить ихъ, такъ какъ пастбища представляютъ траву слишкомъ короткую для толстыхъ губъ животнаго. Кажется, что въ юго-западной Анатоліи существуютъ, въ небольшомъ количествѣ, зебу, похожіе на остъ-индскихъ горбомъ на спинѣ и маленькими подвижными рогами. Но самая обыкновенная бычачья порода—буйволъ, который населяетъ берега рѣкъ и болотистыя области на всей окружности полуострова: есть даже мѣстности,—какъ напримѣръ, болота, образованныя блуждающими руслами Сейгуна и Джигуна,—гдѣ буйволъ, говорятъ, живетъ еще въ дикомъ состояніи или снова впалъ въ это состояніе. Единственный видъ верблюда, который водится въ Анатоліи,—одногорбый, употребляемый только для перевозки тяжестей и не пригодный для ѣзды. Тогда какъ въ другихъ мѣстахъ двугорбые верблюды и дромадеры могутъ переходить лишь пески, глинистыя и солончаковыя пространства пустыни, малоазійскіе верблюды постепенно приспособлялись къ хожденію по кручамъ горъ, гдѣ, впрочемъ, они носятъ лишь незначительный вьюкъ, не болѣе 100 килограммовъ (6 пудовъ). Они даже лучше лошади умѣютъ совершать восхожденіе по крутымъ каменистымъ тропамъ, но зато съ какой осторожностью ставятъ они ноги на землю! Они идутъ такъ легко, что не слышно шума ихъ шаговъ. Караванъ даетъ о себѣ знать только звономъ колокольчиковъ, привѣшенныхъ на груди взрослыхъ животныхъ. Обозъ обыкновенно состоитъ изъ семи до девяти животныхъ, привязанныхъ одно къ другому, какъ суда на буксирѣ; во предводительство ввѣрено не высокорослому животному: роль вожака почти всегда исполняетъ маленькій оселъ; человѣкъ, сидящій на немъ верхомъ, держа передъ собой ружье, почти касается земли своими болтающимися ногами, и надъ его головнымъ уборомъ распростерта въ видѣ аркады шея перваго верблюда. Въ Малой Азіи верблюдъ не имѣетъ той антипатіи къ лошади, ослу или мулу, какую онъ обнаруживаетъ въ другихъ мѣстахъ: лошадь, совершенно освоившаяся съ верблюдомъ, пасется рядомъ съ нимъ и позволяетъ привязывать себя къ однимъ яслямъ; г. Эрнестъ Дежарденъ видѣлъ верблюдовъ и ословъ, привязанныхъ къ одному и тому же ярму. Съ двѣнадцатаго столѣтія, эпохи вѣроятнаго введенія верблюда въ качествѣ вьючнаго скота, въ Малой Азіи всѣ животныя, сопровождающія турка-номада, успѣли уже сдружиться между собой.

Иммиграція верблюда въ Анатолію есть одинъ изъ поразительнѣйшихъ признаковъ совершившихся перемѣнъ, территоріальныхъ и политическихъ: онъ, такъ сказать, символизируетъ замѣну культуры средиземныхъ расъ восточной цивилизаціей. Даже нынѣшнія лошади Малой Азіи, кажется, составляютъ по большей части продуктъ скрещенія конскихъ породъ Востока: подобно туркменскимъ лошадямъ, онѣ имѣютъ длинныя ноги и голову немного большую, сравнительно съ размѣрами туловища, и походятъ на персидскія расы видомъ хвоста; очень сильныя и выносливыя, онѣ взбираются по самымъ крутымъ и трудно доступнымъ склонамъ горъ; наибольшей стройностью и красотой формъ онѣ отличаются въ восточныхъ областяхъ, въ провинціяхъ, ближайшихъ къ Арменіи и къ Персіи. Впрочемъ, лошади въ Малой Азіи относительно немногочисленны, и какъ вьючныя, такъ и ѣздовыя животныя, могутъ быть замѣнены верблюдами и ослами. Эти послѣдніе, малорослые, слабосильные, часто покрытые язвами, нисколько не похожи на великолѣпныхъ сирійскихъ или египетскихъ ословъ, ни на онагровъ или дикихъ ословъ, которые, по свидѣтельству древнихъ писателей, бродили во мно-

жествѣ на центральныхъ плоскогорьяхъ, и представители которыхъ, говорятъ, встрѣчаются еще въ небольшомъ числѣ въ лѣсныхъ областяхъ восточной Анатоліи[1]). Жители Малой Азіи употребляютъ также муловъ, которыхъ они цѣнятъ выше лошади и въ качествѣ вьючнаго, и въ качествѣ верховаго животнаго. Преданія, передаваемыя Иліадой, приписываютъ одному народу полуострова первыя попытки разведенія муловъ.

Одинъ изъ самыхъ характеристическихъ представителей животнаго-царства Малой Азіи—аистъ. Трудно вообразить себѣ какой-нибудь анатолійскій пейзажъ безъ этихъ важныхъ птицъ, сидящихъ на кипарисѣ или летающихъ съ вытянутой впередъ шеей и длинными протянутыми ногами. Есть деревни, гдѣ семейства аистовъ болѣе многочисленны, чѣмъ семейства людей. Когда соха переворачиваетъ землю на пашнѣ, эти голенастыя слѣдуютъ шагъ за шагомъ цѣлыми бандами за пахаремъ; во время ежегодныхъ перелетовъ съ лѣтнихъ квартиръ въ Малой Азіи на зимнія въ Египтѣ, иногда увидишь цѣлыя полчища аистовъ, въ двадцать пять или тридцать тысячъ головъ, собравшіяся гдѣ-нибудь на берегу болотъ [2]). Аисты, такъ же, какъ вороны, сороки, ласточки,—драгоцѣнные союзники для земледѣльца, когда грозныя тучи саранчи спускаются на поля; но для здѣшнихъ жителей самый желанный гость изъ пернатыхъ—это *смармаръ* (turdus roseus), розовый дроздъ съ черными крыльями, который яростно преслѣдуетъ саранчу, убивая насѣкомыхъ не только для того, чтобы съѣдать ихъ, но также и просто ради удовольствія истреблять. Одинъ французскій инженеръ, г. Ама, видѣлъ жителей одной деревни, переселившихся въ палатки для того, чтобы предоставить птицамъ-истребителямъ удобнѣе гнѣздиться въ ихъ домахъ.

Обитатели Малой Азіи самаго разнообразнаго происхожденія. Этотъ полуостровъ, западная оконечность передней части континента, былъ естественнымъ мѣстомъ схожденія для воинственныхъ племенъ, кочевыхъ или торговыхъ, пришедшихъ изъ южныхъ странъ Востока или съ сѣверо-востока. Въ южныхъ частяхъ Анатоліи жили семитическіе народы, да и внутри страны ихъ кровь, діалекты, имена, кажется, преобладали у многочисленныхъ населеній; на юго-западѣ они, повидимому, смѣшались съ чернолицыми людьми, можетъ быть, съ кушитами. Въ восточныхъ провинціяхъ главные этническіе элементы были родственны персамъ и говорили языками, близко подходящими къ зендскому; другіе представляли собою пришельцевъ съ сѣвера, понимаемыхъ подъ общимъ именемъ туранцевъ. На Западѣ переселенія происходили въ обратномъ направленіи съ тѣми, которыя спускались съ плоскогорій Арменіи; ѳракійцы находились въ торговыхъ и культурныхъ сношеніяхъ между двумя покатостями Европы и Азіи, наклоненными къ Мраморному морю, и изъ одной части свѣта въ другую греки постоянно были въ движеніи черезъ Эгейское море. Даже изъ самыхъ отдаленныхъ странъ Европы приходили эмигранты въ большомъ числѣ: такъ, галлы поселились въ Азіи и въ теченіе вѣковъ сохраняли свою самобытность среди окружающихъ населеній. Но ни въ какую эпоху полуостровъ не принадлежалъ какой-либо однородной націи, имѣющей одинъ языкъ и одну цивилизацію; никогда гегемонія не выпадала на долю той или другой изъ населявшихъ его расъ. Іонійцы, карійцы, лелеги, фригійцы, пафлагонцы, ликійцы и киликійцы, всѣ эти различные народы старались оберегать свою самостоятельность, и многіе города, успѣвъ сохранить независимость, пріобрѣли въ то же время силу и славу, но единство никогда не установлялось путемъ федераціи городовъ: оно создавалось, по виду, только иностранными завоеваніями, которыя изъ гражданъ дѣлали подданныхъ и рабовъ [1]).

Въ громадномъ горнилѣ Малой Азіи большинство древнихъ націй утратили свое имя и даже самое преданіе о своемъ происхожденіи. Гдѣ теперь халибы, научившіе нѣкогда своихъ сосѣдей искусству плавить металлы и ковать желѣзо? Гдѣ галаты, соплеменники западныхъ галловъ, давшіе свое имя одной изъ большихъ провинцій Азіи? Эти народы и большая часть другихъ, о которыхъ говорятъ древніе, какъ о жителяхъ внутреннихъ областей полуострова, не существуютъ болѣе въ видѣ отдѣльныхъ народностей: они постепенно слились съ окружающими населеніями. Греки на западѣ, армяне и курды на востокѣ единственные народы, которые могутъ прямо возвести свое начало къ первымъ историческимъ временамъ. Да и то, между именующими себя греками есть не мало такихъ, которые, по происхожденію, принадлежатъ къ древнимъ кореннымъ народцамъ края, и которыхъ языкъ и православная вѣра связали съ господствующей національностью морскаго прибрежья.

Внутри страны, между гористой Арменіей и изрѣзанными берегами, омываемыми моремъ Архипелага, огромное большинство жителей—тюркской расы. На этихъ плоскогорьяхъ, усѣянныхъ соляными озерами, выходцы изъ аральскихъ и балкашскихъ степей нашли новое отечество, мало отличающееся отъ стараго, нашли страну, гдѣ они могли вести прежній образъ

[1]) Чихачевъ, цитированный трудъ.
[2]) Чихачевъ, цитированный трудъ.

[1]) E. Renan, „Histoire des langues sémitiques“;—Vivien de Saint-Martin, „Asie Mineure“.

жизни. Между этими чужеземцами, замѣнившими собой первоначальное населеніе, есть много такихъ, нравы которыхъ почти не измѣнились со временъ переселенія, и которые такимъ образомъ являются живыми свидѣтелями соціальнаго состоянія, уже несуществующаго въ странахъ такъ- называемаго цивилизованнаго міра. Такъ, юруки, потомки первыхъ прибывшихъ въ край тюркскихъ племенъ, принадлежавшихъ къ ордѣ «Чернаго барана», въ составъ которой входили также сельджукскіе турки, до сихъ поръ еще ведутъ кочевую жизнь, переселяясь дважды въ годъ, вмѣстѣ со стадами, между зимними и лѣтними становищами. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ настоящіе дома, какъ цивилизованные турки [1]), но большинство живутъ въ черныхъ палаткахъ или кибиткахъ изъ козьей шерсти или въ шалашахъ изъ древесныхъ вѣтвей, куда можно проникнуть не иначе, какъ согнувшись, и гдѣ внутренность почти всегда наполнена дымомъ. Юруки—магометане только по имени. Юрукская женщина не закрываетъ себѣ лица, какъ турчанка, городская жительница, но она не поднимаетъ головы, когда проходитъ чужой мужчина, развѣ что онъ попроситъ воды или молока,—тогда она бросается стремглавъ, чтобы наполнить просимую чашу. Обыкновенно хижины располагаются въ видѣ круга, при чемъ входныя отверстія обращены къ общей площадкѣ, гдѣ исполняются крупныя работы, и гдѣ обсуждаютъ дѣла, касающіяся всего племени. Вокругъ жилищъ бродятъ злыя собаки. Каждое становище есть особый, замкнутый мірокъ, который не приглашаетъ чужаго; но когда онъ придетъ, оказываетъ ему дружелюбный пріемъ. Племена юруковъ, разсѣянныя въ Малой Азіи, исчисляются сотнями; въ одной только Брусской провинціи насчитываютъ больше тридцати племенъ, подраздѣляющихся на группы безъ всякой географической связи. Для обозначенія этихъ классовъ кочевниковъ употребляется обыкновенно генерическое имя «туркменовъ»: это—неопредѣленный терминъ, примѣняемый безразлично къ кочующимъ пастухамъ всякой расы, и который вовсе не указываетъ на тождество происхожденія съ туркменами Центральной Азіи; однако, многіе писатели дѣлаютъ различіе между юруками и туркменами. Первые будто-бы полные номады, жители палатки, не имѣющіе никакого постояннаго мѣстопребыванія, вторые—тѣ, которые уже сдѣлались на половину осѣдлыми, преимущественно на центральномъ плоскогорьѣ и въ горахъ восточной области [2]). Впрочемъ, переходъ отъ одного образа жизни къ другому—явленіе гораздо болѣе обыкновенное, чѣмъ вообще думаютъ: въ Анатоліи, какъ и въ Персіи, увеличеніе или уменьшеніе земледѣльческихъ населеній зависитъ отъ общей безопасности края. Особенно туркмены легко мѣняютъ пастушескій образъ жизни на земледѣльческій: достаточно нѣсколькихъ лѣтъ спокойствія, чтобы становища замѣнились деревнями. Часто цыганы или чинганы,—лошадиные барышники, кузнецы, лудильщики или дѣлатели ситъ, которые кочуютъ въ большомъ числѣ въ Малой Азіи, обыкновенно располагая свои таборы у входовъ въ города, также смѣшиваются съ юруками подъ неопредѣленнымъ наименованіемъ туркменовъ. Въ Ликіи нѣкоторыя цыганскія племена занимаются скотоводствомъ и живутъ въ постоянныхъ селеніяхъ [1]).

Въ одной и той же мѣстности деревни и становища принадлежатъ самымъ разнороднымъ населеніямъ: здѣсь живутъ греки, далѣе черкесы, въ другихъ мѣстахъ турки и юруки. Въ городахъ каждая раса имѣетъ свой особый кварталъ. Никакая общая карта не могла бы дать понятія обо всѣхъ этихъ населеніяхъ, перемѣшанныхъ и однако отличныхъ одно отъ другаго. Даже тамъ, гдѣ жители принадлежатъ къ одной и той же расѣ, они часто раздѣлены на племена или роды, живущіе особнякомъ другъ отъ друга, и иногда третирующіе другъ друга, какъ враговъ: какой-нибудь афшарскій или туркменскій народецъ, бродящій вокругъ турецкихъ деревень, отличается отъ осѣдлыхъ резидентовъ этихъ селеній только образомъ жизни да традиціями независимости; онъ составляетъ особый мірокъ и старается отличиться отъ другихъ оружіемъ и костюмомъ. Наибольшаго успѣха достигли въ этомъ отношеніи зейбеки, живущіе въ горахъ Мизогиса. Эти турки, потомки одной изъ первыхъ дружинъ завоевателей, прибывшихъ въ страну, сохранили полное сознаніе славы своихъ предковъ, и за исключеніемъ стариковъ, носящихъ простой костюмъ турецкихъ крестьянъ, они стараются импонировать блескомъ своей одежды. Почти всѣ рослые и сильные, они хотятъ, кромѣ того, удивлять толпу богатствомъ своей расшитой узорами куртки, широтой и роскошью пояса, высотой головнаго убора, сшитаго изъ разныхъ матерій, размѣрами и богатствомъ оружія. Народное воображеніе совершенно несправедливо видитъ въ нихъ населеніе бандитовъ: это—сыны воиновъ, имѣющіе свои традиціи чести и обычай гостепріимства, но полные гордости: какъ гласитъ ихъ имя, «они сами себѣ князья»; они думаютъ, что свѣтъ имъ принадлежитъ. Тщетно турецкое правительство хотѣло запретить имъ ношеніе оригинальнаго костюма, чтобы ассимилировать ихъ съ остальнымъ населеніемъ: они предпочитали

[1]) G. Perrot, „Souvenirs d'un voyage en Asie Mineure".

[2]) Hamilton, „Researches in Asia Minor"; — de Moustier, „Tour du Monde", 1 semestre 1864;—G. Palgrave, „Essays on Eastern Questions".

[1]) Fellows, „Travels and Researches in Asia Minor".

дѣлаться разбойниками. Тогда прибѣгли къ другому средству, чтобы ихъ дисциплинировать: почти всѣ ихъ молодые люди были взяты въ солдаты, и тысячи изъ нихъ пали на поляхъ битвъ въ Болгаріи.

Подъ «турками» въ обыкновенной рѣчи понимаются всѣ осѣдлые мусульмане Малой Азіи, каково бы ни было ихъ происхожденіе. Многочисленные албанцы, которыхъ военная служба сдѣлала, противъ ихъ воли, обитателями полуострова, считаются турками, хотя по своимъ предкамъ, пелазгамъ, они единоплеменники грековъ; босняки и болгары магометане, которыхъ изгнаніе, добровольное или вынужденное, со времени послѣднихъ войнъ, бросило сотнями тысячъ за Босфоръ, также называются турками, хотя они принадлежатъ къ той же расѣ, какъ сербы, кроаты и русскіе, которые ихъ изгнали. Татары-ногайцы, переселившіеся изъ Крыма, болѣе справедливо носятъ названіе турокъ, на которое они имѣютъ право по своему происхожденію и языку; но турками также называютъ чиновниковъ, сыновей грузинокъ или черкешенокъ, и происходящихъ по своимъ предкамъ отъ всѣхъ націй, плѣнницы которыхъ населяли гаремы. Наконецъ, къ османлисамъ же причисляютъ потомковъ арабовъ и тѣхъ изъ чернокожихъ африканцевъ всякаго происхожденія, которые нѣкогда были привезены въ страну въ качествѣ невольниковъ; во многихъ мало-азійскихъ городахъ значительная часть населенія есть, очевидно, помѣсь негровъ. Въ Джебель-Миссисѣ, близъ Аданы [1]), есть цѣлыя деревни, сплошь населенныя чернокожими. Что касается курдовъ, то хотя они и магометане, но такъ рѣзко отличаются отъ османлисовъ своими нравами и наружностью, что имъ никогда не присвоивали имени турокъ; подобно курдамъ Загроса и верхнихъ бассейновъ Тигра и Евфрата, они, очевидно, по большей части иранскаго происхожденія. Кизыль-баши очень многочисленны между курдами Малой Азіи.

Турки въ собственномъ смыслѣ, то-есть часть націи туркменскаго происхожденія, которая усвоила себѣ нравы осѣдлой жизни, и которая сообразуется съ предписаніями и правилами ислама, являются въ гораздо болѣе выгодномъ свѣтѣ въ Анатоліи, чѣмъ въ Европейской Турціи. Они вообще имѣютъ смуглый цвѣтъ лица, черные глаза, темные волосы, слегка выдающіяся скулы, важную и медленную походку, нѣсколько тяжеловатую вслѣдствіе слишкомъ широкой одежды, обладаютъ большой физической силой, но ловкостью не могутъ похвалиться: у нихъ нѣтъ того изящества и проворства, которыя отличаютъ иранца. Между ними рѣдко встрѣтишь немощныхъ и хилыхъ; вошедшая въ привычку умѣренность и воздержность даетъ имъ очень чистую кровь; большинство имѣетъ голову сплюсную назадъ, что объясняется положеніемъ, которое обыкновенно дается ребенку въ колыбели [1]). На азіатской сторонѣ Босфора, особенно вокругъ Олимпа, гдѣ раса менѣе смѣшана съ иноплеменными элементами, нежели въ другихъ мѣстахъ, османлисы являются еще съ своими природными качествами; здѣсь они чувствуютъ себя болѣе дома, чѣмъ во Ѳракіи, среди столькихъ чуждыхъ населеній — грековъ, болгаръ, албанцевъ. Турокъ, не испорченный употребленіемъ власти, не униженный угнетеніемъ, есть безспорно одинъ изъ людей, которые производятъ наиболѣе пріятное впечатлѣніе совокупностью своихъ нравственныхъ качествъ. Онъ никогда не обманываетъ: честный, прямодушный, правдивый, онъ именно этими качествами вызываетъ насмѣшку или сожалѣніе у своихъ сосѣдей—грека, сирійца, персіанина, армянина. Очень солидарный со своими, онъ охотно дѣлится, но самъ никогда не проситъ; что бы тамъ ни говорили, злоупотребленіе *бакшишемъ* гораздо болѣе велико въ Европѣ, чѣмъ въ восточныхъ странахъ, кромѣ городовъ, гдѣ тѣснится толпа левантинцевъ. Есть ли хоть одинъ путешественникъ, даже между самыми гордыми или самыми недовѣрчивыми, который не былъ бы глубоко тронутъ сердечнымъ и безкорыстнымъ пріемомъ, оказаннымъ ему турецкими поселянами? Завидѣвъ иностранца, глава семейства, на котораго возложена обязанность принять гостя, спѣшитъ ему на встрѣчу, помогаетъ слѣзть съ коня, привѣтствуетъ ласковой улыбкой и привѣтливымъ жестомъ, разстилаетъ на почетномъ мѣстѣ свой самый дорогой коверъ, приглашаетъ пріѣзжаго отдохнуть, и, полный радости, что можетъ быть ему полезнымъ, тотчасъ же принимается за приготовленіе трапезы. Почтительный, но безъ униженія, какъ подобаетъ человѣку, уважающему себя, онъ никогда не дѣлаетъ нескромныхъ вопросовъ; отличаясь безусловной вѣротерпимостью, онъ никогда не затѣваетъ религіозныхъ споровъ, къ чему такъ склоненъ персіанинъ. Ему достаточно своей вѣры, и онъ считаетъ неприличнымъ допрашивать гостя о тайнахъ совѣсти.

Присущія турку доброжелательность и справедливость не измѣняютъ ему и въ семейныхъ отношеніяхъ. Вопреки разрѣшенію, даваемому кораномъ, и несмотря на примѣръ пашей, моногамія (единобрачіе) составляетъ правило у азіатскихъ османлисовъ, и указываютъ даже цѣлые города, какъ, напримѣръ, Фокею, которые не представляютъ ни одного случая многоженства. Въ деревняхъ, правда, турки берутъ себѣ вторую жену, чтобы «имѣть лишнюю слу-

[1]) **Favre et Mandrot**, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 1-er semestre 1878.

[1]) **Richard Battus**, рукописныя замѣтки.

жанку» [1]); точно также въ нѣкоторыхъ промышленныхъ городахъ они увеличиваютъ посредствомъ брака число своихъ работницъ. Но имѣетъ ли онъ одну или нѣсколько женъ, турокъ вообще гораздо больше уважаетъ супружескія узы, чѣмъ западные люди; что бы ни говорили по привычкѣ, семья не менѣе согласна у мусульманъ-османлисовъ, чѣмъ у европейскихъ христіанъ. Полная хозяйка въ домѣ, жена всегда третируется съ доброжелательствомъ; на дѣтей, какъ бы молоды они ни были, смотрятъ уже какъ на равныхъ по праву, и эти младшіе члены семьи безъ хвастовства, съ натуральной серьезностью, которая кажется выше ихъ возраста, принимаютъ участіе въ бесѣдѣ большихъ; но настаетъ часъ игры—они бѣгаютъ, борются, прыгаютъ, кувыркаются и рѣзвятся съ не меньшимъ увлеченіемъ, чѣмъ европейскія дѣти. Природная доброта турокъ почти всегда распространяется и на домашнихъ животныхъ, и во многихъ округахъ ослы пользуются еще правомъ на два дня отпуска въ недѣлю. Птичій дворъ, предсѣдательствуемый «благочестивымъ» аистомъ, важно возсѣдающимъ на вѣткѣ платана или на конькѣ кровли, также представляетъ картину счастливой семьи. Въ деревняхъ, гдѣ живутъ представители двухъ преобладающихъ расъ, турки и греки, нѣтъ надобности входить въ жилища, чтобы узнать національность ихъ обитателей: аистъ всегда избираетъ себѣ мѣстопребываніемъ крышу турка [2]).

Хотя потомки расы завоевателей, въ которой набираются по преимуществу чиновники правительства, турки не менѣе угнетены, чѣмъ другія національности Оттоманской имперіи, если не болѣе, потому что въ посольствахъ никто не заступится за нихъ, никто не ходатайствуетъ въ ихъ пользу. Налоги, сборъ которыхъ обыкновенно сдается на откупъ армянамъ, сдѣлавшимся въ дѣйствительности худшими угнетателями страны, ложатся тяжелымъ бременемъ на бѣдныхъ османлисовъ, отягченныхъ, сверхъ того, многими другими повинностями. Когда проходятъ чиновники или солдаты, поселяне обязаны поставлять все необходимое для удовлетворенія потребностей этихъ посѣтителей, и часто это вынужденное гостепріимство разоряетъ ихъ столько же, сколько разорилъ бы грабежъ настоящихъ разбойниковъ. Когда молва возвѣщаетъ о предстоящемъ проходѣ чиновниковъ или военныхъ, жители деревень покидаютъ свои жилища и уходятъ въ лѣса или ущелья горъ [3]). Отбываніе воинской повинности лежитъ единственно на туркахъ, какъ будто султанъ хочетъ перемѣстить въ ущербъ своей расѣ центръ тяжести населеній имперіи, и для народа, у котораго такъ сильно развиты семейныя чувства, этотъ налогъ крови особенно тяжелъ и ненавистенъ. Во времена своихъ завоеваній турки перемѣщались цѣлыми родами и семьями: старики, жены, дѣти, сестры слѣдовали за воинами по близости отъ поля битвы; побѣдители или побѣжденные, всѣ раздѣляли одинаковую участь. Теперь же конскрипція отнимаетъ молодыхъ людей у семьи, не только на нѣсколько мѣсяцевъ, самое большое на три года или пять лѣтъ, какъ въ странахъ Западной Европы, но на продолжительный періодъ и часто даже на всю жизнь. Турецкіе конскрипты не празднуютъ своего призыва на службу пѣснями или веселыми пирушками; почти всѣ женатые уже два или три года, когда приходятъ сержанты-наборщики завладѣвать ихъ личностью, они должны покидать родителей, женъ, дѣтей; всѣ семейныя связи разомъ порываются. Оттого, какъ бы ни была велика у нихъ сила характера, они удаляются въ безмолвіи, точно пораженные страшнымъ рокомъ. Въ тѣхъ частяхъ западной Анатоліи, куда проникаютъ желѣзныя дороги смирнской сѣти, новобранцевъ перевозятъ сотнями; на каждой станціи поѣздъ останавливается, чтобы принять новый грузъ рекрутъ. Толпа матерей, женъ и сестеръ тѣснится около дверецъ вагоновъ, чтобы имѣть послѣдній поцѣлуй, послѣднее рукопожатіе. Когда поѣздъ тронется, поднимается общій взрывъ криковъ и рыданій, и несчастныя женщины тщетно бѣгутъ вдоль уходящихъ вагоновъ, протягивая цвѣты и масличныя вѣтки къ этимъ любимымъ фигурамъ, которыя скоро принимаютъ неясныя очертанія и, наконецъ, скрываются изъ глазъ.

Ослабленные, угрожаемые въ своемъ національномъ существованіи постоянными правильно повторяющимися изъ году въ годъ рекрутскими наборами, одаренные, сверхъ того, качествомъ, которое, въ ихъ положеніи, составляетъ недостатокъ—покорностью судьбѣ, турки подвергаются крайней опасности, которая происходитъ отъ жизненной конкурренціи съ расой, обладающей болѣе сильной инниціативой. Они не могутъ бороться съ греками, которые, подъ видомъ мирныхъ торговыхъ сдѣлокъ, мстятъ имъ за истребительную войну, слѣды которой еще сохранились въ Кидоніи и на островѣ Хіосѣ. Турки сражаются не равнымъ оружіемъ: по большей части они знаютъ только свой собственный языкъ, тогда какъ грекъ говоритъ на многихъ языкахъ. Они невѣжественны и наивны, имѣя передъ собой ловкихъ и хитрыхъ противниковъ. Не будучи лѣнивымъ, турокъ не любитъ торопиться: «поспѣшеніе отъ дьявола, терпѣніе отъ Бога!»—такова любимая его поговорка. Онъ не могъ бы обойтись безъ своего *кейфа*, во время котораго, погруженный въ неопредѣленныя мечты, онъ живетъ жизнью растеній, не давая себѣ труда ни думать, ни хотѣть. Между тѣмъ его соперникъ, сохраняя свою волю настойчивой и опредѣленной, умѣетъ

[1]) G. Perrot, рукописныя замѣтки.
[2]) Spratt and Forbes, „Travels in Lycia".
[3]) Georges Perrot, цитированный трудъ.

пользоваться даже часами отдыха. Даже хорошія качества турка обращаются во вредъ ему: честный, вѣрный слову, онъ будетъ работать до конца дней своихъ, чтобы расквитаться съ долгомъ, и коммерсантъ пользуется этимъ, чтобы услужливо предлагать долгосрочные кредиты, которые закабалятъ должника навсегда. Господствующій принципъ торговли въ Малой Азіи таковъ: «если хочешь благоденствовать, не дѣлай христіанину кредита больше, какъ на десятую часть его состоянія, съ мусульманиномъ же рискуй до суммы, вдесятеро превосходящей его имущество!» Такъ широко кредитуемый, турокъ не имѣетъ уже ничего, что бы принадлежало ему, какъ полная собственность. Всѣ продукты его труда будутъ отданы ростовщику; его ковры, его земледѣльческія произведенія, его стада, самая земля, наконецъ, все перейдетъ послѣдовательно въ чужія руки. Почти всѣ мѣстные промыслы, за исключеніемъ тканья матерій и сѣдельнаго мастерства, отняты у него. Лишенный всякаго участія въ морской торговлѣ и въ мануфактурномъ трудѣ, онъ постепенно оттѣсненъ съ прибрежья внутрь страны, опять приведенъ къ прежней кочевой жизни; земледѣліе ему оставляютъ только для того, чтобы заставить его обработывать свою собственную почву въ качествѣ батрака. Скоро ему не останется ничего болѣе, какъ только водить караваны или слѣдовать за стадами съ пастбища на пастбище. Турки почти совершенно изгнаны съ острововъ іонійскаго берега; въ большихъ городахъ прибрежья, гдѣ они еще недавно составляли большинство жителей, теперь имъ принадлежитъ лишь второе мѣсто по численности. Въ Смирнѣ, главномъ городѣ ихъ полуостровной имперіи, они кажутся скорѣе терпимыми, чѣмъ хозяевами. Даже въ нѣкоторыхъ внутреннихъ городахъ эллинскій элементъ уже уравновѣшиваетъ турецкое населеніе. Движеніе кажется неудержимымъ и непреодолимымъ, какъ поднимающаяся волна прилива, и османлисы сознаютъ это не менѣе грековъ. Съ давняго времени крикъ «вонъ изъ Европы!» раздавался не только противъ османскихъ правителей, но также противъ массы турецкой націи, и извѣстно, что это жестокосердное желаніе въ большей части уже осуществилось: сотнями тысячъ ушли въ Малую Азію эмигранты изъ греческой Θессаліи, изъ Македоніи, изъ Θракіи, изъ Болгаріи, и эти бѣглецы составляютъ лишь остатокъ несчастныхъ, которые должны были покинуть отеческіе дома. Этотъ исходъ османлисовъ изъ Европы продолжается и не пре-

Турчанка изъ Бруссы.

кратится, безъ сомнѣнія, до тѣхъ поръ, пока вся нижняя Румелія не сдѣлается европейской страной по языку, нравамъ и обычаямъ. Но вотъ и въ самой Азіи туркамъ угрожаетъ та же участь. Поднимается новый зловѣщій крикъ: «въ степи!» и съ ужасомъ спрашиваешь себя: неужели и это слово должно исполниться? Неужели нѣтъ возможнаго примиренія между расами въ борьбѣ, и неужели необходимо, чтобы единство цивилизаціи достигалось принесеніемъ въ жертву цѣлыхъ народностей, да еще такихъ, которыя отличаются самыми высокими нравственными качествами—прямотой, сознаніемъ собственнаго достоинства, мужествомъ, терпимостью.

Греки, эти сыны угнетенной райи, которые уже смотрятъ на себя как на будущихъ хозяевъ полуострова, по всей вѣроятности, въ огромномъ большинствѣ потомки іонійцевъ и другихъ грековъ прибрежья. Однако, они не могутъ, взятые въ массѣ, претендовать на чистоту крови. Разноплеменныя населенія, вошедшія въ кругъ притяженія мелкихъ греческихъ государствъ, и тѣ, которыя впослѣдствіи эллинизировались подъ византійскимъ вліяніемъ, оставили потомство, смѣшанное съ потомствомъ древнихъ грековъ, и сліяніе было полное. Отличительный признакъ греческой національности, какою она сложилась нынѣ въ Малой Азіи, не раса, даже не языкъ, а вѣра въ ея внѣшнихъ обрядностяхъ; предѣлы этой народности, которую можно исчислять въ милліонъ душъ, совпадаютъ съ границами православныхъ общинъ. Подобно тому, какъ на островѣ Хіосѣ и на полуостровѣ Эритрейскомъ многія деревни населены османлисами, потомками выходцевъ изъ Пелопоннеза, которые говорятъ только по-гречески, такъ точно въ очень многихъ греческихъ общинахъ употребительный языкъ турецкій, и грамотеи, которые пишутъ на своемъ древнемъ языкѣ, употребляютъ турецкіе письменные знаки [1]). Таковы, напримѣръ, многія селенія въ долинахъ Гермуса и Кайстра, гдѣ греческій языкъ только теперь начинаетъ входить въ употребленіе, благодаря основанію школъ. Проникая во внутрь страны, встрѣчаешь въ нѣсколькихъ часахъ отъ портовыхъ городовъ многочисленныя греческія населенія, знающія только турецкій языкъ; судя по названіямъ деревень, подумаешь, что попалъ куда-нибудь къ туркменамъ, а между тѣмъ находишься посреди «азіатской Греціи». Съ другой стороны, существуютъ эллинскія населенія, почти неизмѣнившіяся въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ. Таковы островитяне, жители Карпаѳоса, Родоса, сосѣднихъ островковъ и нѣкоторыхъ долинъ Карійскаго побережья, гдѣ древнее дорійское нарѣчіе оставило большое число словъ. На островахъ Архипелага сохранились еще слѣды обычаевъ, предшествующихъ эллинизму: такъ, во внутренности острововъ Коса и Митилены, однѣ только дочери имѣютъ право на наслѣдство послѣ родителей, и предложенія о бракѣ исходятъ отъ женщины. Когда старшая дочь выбрала себѣ мужа, отецъ отдаетъ ей свой домъ [1]).

При основаніи полуострова, на границахъ Арменіи, сохранилось нѣсколько группъ грековъ, которыхъ не коснулось никакое смѣшеніе съ чуждыми элементами, ни съ курдами, ни съ армянами или османлисами, и которые говорятъ старымъ эллинскимъ языкомъ, изобилующимъ архаизмами, исчезнувшими изъ греческаго діалекта, употребляемаго въ области морскаго прибрежья. Такъ, Фарашъ или Фараза, орлиное гнѣздо, господствующее надъ теченіемъ рѣки Замантіасу, на границахъ Каппадокіи и Киликіи, осталась до сихъ поръ чисто греческой, несмотря на то, что она окружена туркменскими народцами. Фаразіоты, гордящіеся тѣмъ, что они говорятъ болѣе чистымъ языкомъ, чѣмъ ромейскій (новогреческій), претендуютъ на происхожденіе изъ Пелопоннеза; можно по крайней мѣрѣ допустить, что эллинскіе колонисты смѣшались съ потомками древнихъ каппадокійцевъ, подчиненныхъ греческой цивилизаціи; но нѣтъ никакихъ народныхъ пѣсенъ, никакихъ древнихъ сказаній, которыя бы пролили свѣтъ на эти вопросы о происхожденіи [2]). Пока фаразіоты оставались какъ бы блокированными въ своей высокой крѣпости разбойничествомъ курдовъ и афшарцевъ, они сохраняли въ цѣлости наслѣдіе своего языка; но вольные отнынѣ ходить по всему краю и эмигрировать въ другія селенія, они разсѣялись по центральной Анатоліи. Если бы школы не возстановляли равновѣсія, греческому языку грозила бы опасность исчезнуть въ этой части полуострова. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, гдѣ прежде раздавалась эллинская рѣчь, теперь греческія пѣсни повторяются только стариками; во многихъ семьяхъ дѣти не говорятъ уже національнымъ языкомъ [3]). Даже въ началѣ текущаго столѣтія, нѣкоторыя греческія общины, потерявъ родную рѣчь, потеряли вмѣстѣ съ тѣмъ и свою религію. Г. Каролидисъ встрѣчалъ во время своего путешествія деревни, нѣкогда эллинскія по вѣрѣ и языку, которыя теперь сдѣлались магометанскими. Вѣроятно, подобныя обращенія происходили и прежде, начиная съ первыхъ временъ турецкаго нашествія. Г. Каролидисъ, кажется, даже склоненъ думать, что каппадокійскіе афшары, рѣзко отличающіеся отъ афшаровъ персидскихъ, въ дѣйствитель-

[1]) Th. Kotschy, „Petermann's Mitheilungen", VI, 1863;—G. Perrot, цитированное сочиненіе.

[1]) Michaud et Poujoulat, „Correspondanse d'Orient".

[2]) Karolidis, „Путешествіе въ Команy" (на новогреческомъ языкѣ).

[3]) Perrot, „Souvenirs d'un voyage dans l'Asie Mineure";—Каролидисъ, ibidem.

ности потомки туземцевъ, нѣкогда эллинизировавшихся. По языку они не отличаются отъ другихъ магометанъ, но нравы ихъ въ безчисленныхъ мелочахъ напоминаютъ нравы древнихъ грековъ. Упадокъ эллинизма въ селеніяхъ внутреннихъ областей, вѣроятно, достигъ своего предѣла, потому что тѣ изъ грековъ, которые сохранили свое имя, сохранили также сознаніе и гордость своего происхожденія, дѣйствительнаго или предполагаемаго, и теперь они находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ со своими единоплеменниками, которые, безъ сомнѣнія, окажутъ имъ поддержку въ борьбѣ за существованіе.

Какъ бы то ни было, успѣхи греческой національности въ областяхъ морскаго прибрежья дотого быстры, что можно было бы вычислить, по правилу пропорцій, во сколько десятилѣтій древняя эллинская Азія будетъ обратно завоевана у турокъ безъ пролитія крови, просто постепенной замѣной одной расы другою. Религіозное наименованіе составляетъ внѣшній кадръ захватывающаго греческаго общества, но не догматическая пропаганда служитъ двигателемъ этого мирнаго завоеванія. Напротивъ, мало-азійскіе греки, недавно обозначаемые подъ общимъ именемъ «христіанъ», рѣдко отличаются ревностью въ своемъ православіи; ихъ священники не пользуются общимъ вліяніемъ, и за исключеніемъ деревень, съ ними почти никогда не совѣтуются о гражданскихъ дѣлахъ общины. Связью эллинскихъ обществъ служитъ патріотизмъ: они чувствуютъ себя солидарными съ другими греками бассейна Средиземнаго моря, независимо отъ условныхъ границъ. Если они обращаютъ взоры къ Аѳинамъ больше, чѣмъ къ Константинополю, то, тѣмъ не менѣе, можно сказать, что они видятъ отечество не въ какомъ-нибудь городѣ, но въ той подвижной волнѣ, которая окружаетъ острова Архипелага и которая, отъ Александріи до Одессы, омываетъ берега столькихъ греческихъ колоній. Всѣ эллины Анатоліи проникнуты «великой идеей» и всѣ знаютъ средство исполнить ее. Ни одинъ народъ не умѣетъ лучше обезпечить свою будущность воспитаніемъ дѣтей. Въ этомъ отношеніи ихъ иниціатива равняется даже иниціативѣ армянъ. Въ каждомъ городѣ школы—главное дѣло. Негоціанты, окончивъ дѣловыя бесѣды о цѣнѣ и отправкѣ товаровъ, переходятъ къ обсужденію педагогическихъ методовъ, оцѣниваютъ достоинство преподавателей, поощряютъ рвеніе воспитанниковъ. Когда ихъ посѣтитъ иностранецъ, они считаютъ непремѣннымъ долгомъ показать ему учебныя заведенія и дѣтскіе пріюты, просятъ его проэкзаменовать дѣтей, высказать свое мнѣніе по всѣмъ вопросамъ, касающимся воспитанія, отъ которыхъ зависитъ будущность ихъ расы. Пунктъ, относительно котораго всѣ согласны—это то, что нужно прежде всего развивать въ юношествѣ любовь къ своей націи и честолюбіе первенства. Всѣ воспитанники учатся древне-греческому языку и читаютъ классиковъ, чтобы познакомиться съ тѣми временами величія и славы, которыя сдѣлали ихъ предковъ воспитателями человѣчества; всѣ изучаютъ новую исторію Греціи и особенно подвиги, которыми ознаменовалась война за независимость. На снисходительныхъ глазахъ управляющаго ими турка они воспламеняются мыслью о томъ, чтобы прогнать его современемъ. Работа обратнаго завоеванія отечества подготовляется на школьныхъ скамьяхъ. Такъ совершается мало-по-малу, мирнымъ путемъ, политическая революція. Чтобы обезпечить содержаніе школъ, этой надежды націи, нѣтъ той жертвы, которой не сдѣлали бы общины. При жизни многія богатыя частныя лица строятъ на свой счетъ училища, и въ духовныхъ завѣщаніяхъ патріотовъ образованіе молодыхъ эллиновъ никогда не забыто.

Въ этомъ движеніи постепеннаго преобразованія греки завладѣли уже, въ ущербъ туркамъ, многочисленными отраслями промышленности и всѣми такъ-называемыми либеральными профессіями. Въ городахъ они дѣлаются медиками, адвокатами, профессорами и учителями; какъ драгоманы и журналисты, они единственные информаторы европейцевъ, и на основаніи сообщаемыхъ ими свѣдѣній складывается общественное мнѣніе Запада. По каждому ремеслу, ихъ націальности принадлежатъ лучшіе мастера, и въ ихъ жилищахъ можно видѣть съ перваго взгляда, что они сохранили отъ своихъ предковъ совершенное чувство вѣры и ритма формъ. Несмотря на вѣка варварства и угнетенія, черезъ которые прошла раса, очень многія произведенія ихъ промышленности могли бы служить образцами подобнымъ предметамъ европейской индустріи. Въ греческихъ домахъ столярныя работы—панели, потолки, паркеты—отличаются удивительной тщательностью отдѣлки и плѣняютъ взоръ скромнымъ подборомъ цвѣтовъ и вкусомъ орнаментовъ. Въ Смирнскомъ портѣ лодка самаго послѣдняго гребца есть своего рода образцовое произведеніе по прочности конструкціи, изяществу формъ, счастливому распредѣленію всего аппарата; уже по манерѣ обвиванія каната вокругъ носа, сразу узнаешь, что лодочникъ принадлежитъ къ народу-художнику. Чего нужно опасаться, такъ это того, чтобы, изъ любви къ перемѣнѣ, къ новизнѣ, подражаніе западнымъ народамъ не увлекло ихъ къ уклоненіямъ отъ хорошаго вкуса и не заставило принимать фабрикуемые за границей предметы, стоящіе гораздо ниже того, чѣмъ они сами обладаютъ. Такъ, въ городахъ Азіи большинство грековъ одѣваются уже «по-французски», въ тотъ банальный и уродливый костюмъ, который фабрикуютъ для вывоза въ европейскихъ мастерскихъ; они стыдятся по-

сить вышитую куртку, шаровары, поясъ, которые, однако, придаютъ походкѣ столько граціи и благородства. Въ прежнее время имъ не дозволялось носить никакой одежды, кромѣ черной.

Благодаря своему болѣе высокому образованію, захвату въ свои руки ремеслъ и свободныхъ профессій, наконецъ, благодаря богатству, которымъ они владѣютъ, греки являются сильно вооруженными для борьбы съ своими бывшими угнетателями. Они угрожаютъ имъ также своимъ вездѣсущіемъ. Мореходъ, путешественникъ, какъ во времена Геродота, нынѣшній эллинъ вездѣ поспѣлъ: по своей дѣятельности онъ стоитъ десятка турокъ-домосѣдовъ, которые покидаютъ родное мѣсто только затѣмъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ горъ въ лѣтнемъ становищѣ или яйлакѣ. Между греками, живущими въ Азіи, есть очень много пріѣзжихъ изъ Пелопоннеза, континентальной Греціи и съ острововъ; взамѣнъ того, множество эллиновъ изъ азіатской Іоніи, съ береговъ Чернаго моря, изъ Каппадокіи отправляются на жительство къ своимъ европейскимъ братьямъ. Благодаря этимъ частымъ путешествіямъ, семейнымъ союзамъ съ одного континента на другой, благодаря также фальсификаціи документовъ, на которую легко склонить турецкихъ чиновниковъ за приличную взятку, не одинъ малоазійскій грекъ безъ труда превращается въ эллинскаго подданнаго. Заручившись этимъ титуломъ, который изъемлетъ его самого и его семейство изъ-подъ непосредственнаго вѣдѣнія турецкой администраціи, онъ возвращается съ высоко поднятымъ челомъ въ свое первоначальное отечество. Такимъ-то образомъ въ Смирнѣ и въ другихъ городахъ азіатскаго поморья греческій консулъ имѣетъ подъ своей юрисдикціей цѣлыя населенія: въ самомъ сердцѣ турецкой территоріи основываются колоніи эллиновъ, обладающихъ, вмѣстѣ съ силой, которую даетъ личная иниціатива, неоцѣнимыми выгодами политической независимости.

Между европейскими эмигрантами Малой Азіи есть большое число выходцевъ, которыхъ религія связываетъ съ греческимъ міромъ, и которые мало-по-малу сливаются съ нимъ. Таковы болгары и валахи; они скоро выучиваются греческому языку, и почти всѣ, во второмъ поколѣніи, сдѣлались эллинами по нравамъ. Къ этимъ новымъ грекамъ примыкаютъ представители расы, которую не ожидаешь встрѣтить въ Анатоліи: это—нѣсколько сотенъ семей казаковъ-рыболововъ, поселившихся одни въ дельтахъ Кизылъ-Ирмака и Ешилъ-Ирмака, другіе близъ озера Маніясъ и на нижнемъ Кайстрѣ, въ сосѣдствѣ Эфеса. Эти казаки, какъ и некрасовцы, поселившіеся на Дунаѣ—староверы, бѣжавшіе въ Турцію отъ преслѣдованій въ царствованіе Екатерины II, въ концѣ прошлаго столѣтія. Но въ послѣднія десятилѣтія главный потокъ эмиграціи составляли черкесы—общее имя, подъ которымъ понимаютъ всѣхъ переселенцевъ кавказскаго происхожденія, и, конечно, эти иностранцы не изъ тѣхъ, сообщество которыхъ греки находятъ пріятнымъ или по крайней мѣрѣ сноснымъ. Естественнѣе всего было бы поселить этихъ горцевъ въ странѣ, мало отличной отъ той, которую они покинули: высокія долины Понтійскихъ горъ, киликійскаго Тавра, ликійскаго Акъ-дага—вотъ тѣ области, которыя были бы для нихъ наиболѣе подходящими по климату и произведеніямъ; тамъ имъ, конечно, жилось бы лучше, чѣмъ въ равнинѣ, и они не надѣлали бы себѣ такъ много враговъ; но турецкое правительство, опасаясь, чтобы они не сдѣлались слишкомъ независимыми, разселило ихъ группами по разнымъ мѣстамъ. Водворенные по большей части на земляхъ, которыя пришлось отрѣзать у ихъ сосѣдей, эллиновъ или турокъ, содержимые даже на счетъ окружающихъ общинъ, черкесы были встрѣчены мѣстнымъ населеніемъ какъ грабители, и очень немногіе постарались заставить простить имъ ихъ непрошенное вступленіе въ чужую семью. Незнакомые съ мѣстными языками, нежелающіе научиться имъ, всегда гордые и молчаливые, новые пришельцы не всѣ отказались отъ своихъ грабительскихъ повадокъ, прибывъ въ страну, которая гостепріимно дала имъ у себя пріютъ. Случаи кражи лошадей, даже похищенія молодыхъ дѣвушекъ совпали съ ихъ приходомъ, и подозрѣнія тотчасъ же направились на этихъ выходцевъ съ Кавказа. «Черкесъ воруетъ даже у бѣдняка!»—таковъ общій голосъ въ Малой Азіи. Всѣ соединились противъ нихъ. Война вспыхнула противъ чужеземцевъ, особенно въ греческихъ деревняхъ, жалобы которыхъ не имѣли тѣхъ же шансовъ быть выслушанными, какъ жалобы турокъ. Во многихъ округахъ законъ крови царствуетъ между смежными общинами. Когда какой-нибудь черкесъ заблудится въ предѣлахъ враждебныхъ земель, онъ исчезаетъ внезапно и безслѣдно, и никто не можетъ или не хочетъ дать о немъ какія-либо объясненія. Эмигранты изъ Кавказа, будучи въ меньшинствѣ, принуждены были во многихъ мѣстахъ отказаться отъ неравной борьбы и искать убѣжища въ менѣе населенной странѣ; въ другихъ мѣстахъ, именно близъ Никомедіи, они, напротивъ, прогнали своихъ сосѣдей. Однако, нѣтъ недостатка и въ такихъ черкесскихъ селеніяхъ, жители которыхъ, достаточно снабженные землями и скотомъ, живутъ въ мирѣ со своими сосѣдями и постепенно приспособляются къ новой средѣ. Въ верхней долинѣ Меандра нѣкоторыя кавказскія колоніи могли бы служить примѣромъ окрестнымъ туркамъ въ отношеніи хорошей обработки полей и содержанія ирригаціонныхъ каналовъ. Изъ

кавказцевъ туземцы всего менѣе имѣютъ причинъ жаловаться на абхазовъ.

Прежде торговля Малой Азіи была въ большей части сосредоточена въ рукахъ иностранцевъ, почти исключительно латинскихъ католиковъ, поселившихся въ Смирнѣ и другихъ портахъ морскаго прибрежья и извѣстныхъ подъ коллективнымъ именемъ левантинцевъ. До пробужденія греческой національности они были единственными посредниками между турками Анатоліи и портами Запада; но возрастающая дѣятельность эллиновъ и облегченія, которыя употребленіе пароходовъ доставило непосредственнымъ торговымъ сношеніямъ, замѣтно уменьшили вліяніе левантинцевъ. Большинство ихъ, поселившееся въ странѣ съ давняго времени и насчитывающее уже нѣсколько поколѣній, представляетъ уже смѣшанную расу; многіе плохо знаютъ языкъ націи, къ которой принадлежатъ по своимъ документамъ о происхожденіи; но они, тѣмъ не менѣе, ставятъ себя подъ покровительство своего консула и пользуются привилегіей быть изъятыми изъ турецкой юрисдикціи; между ними-то почти всегда выбираются консульскіе агенты и служащіе въ канцеляріяхъ иностранныхъ представителей. Безъ всякаго сомнѣнія, левантинцы исчезнутъ рано или поздно какъ особый классъ: одни — чтобы слиться съ населеніемъ края, другіе—чтобы вернуться въ лоно націи, къ которой они принадлежатъ по происхожденію. Гораздо раньше самаго класса исчезнетъ жаргонъ, называемый «франкскимъ языкомъ», жаргонъ, порожденный коммерческими сношеніями левантинцевъ съ туземцами всякой расы въ портахъ Востока. Этотъ жаргонъ, состоящій изъ нѣсколькихъ сотенъ словъ, приставляемыхъ одно къ другому безъ всякой флексіи, былъ преимущественно итальянскій, такъ какъ большинство говорившихъ имъ были уроженцы Италіи; но онъ заключалъ въ себѣ также термины провансальскіе, испанскіе, французскіе, равно какъ мѣстныя названія, греческія и турецкія, предметовъ торговли Можно сказать, что это грубое собраніе словъ, называемое франкскимъ языкомъ, не существуетъ болѣе: оно уже замѣнено итальянскимъ простонароднымъ нарѣчіемъ и французскимъ языкомъ. Другой левантійскій жаргонъ тоже на пути къ исчезновенію: это—испорченный испанскій (spaniole), тотъ діалектъ, который употребляютъ потомки евреевъ, изгнанныхъ изъ Испаніи, смѣшивая его съ еврейскими выраженіями, и который кастильцы поняли бы съ трудомъ. Въ настоящее время воспитаніе мало-помалу замѣняетъ цивилизованными языками всѣ эти уродливые говоры. Французъ, высаживающійся въ Смирнѣ, съ радостнымъ удивленіемъ слышитъ раздающуюся кругомъ него его родную рѣчь, которую образованные туземцы приняли, какъ свой общій языкъ, и слова которой они, при томъ, произносятъ съ замѣчательной чистотой. Это французскій литературный языкъ сдѣлался для армянъ и евреевъ, такъ же, какъ для грековъ и левантинцевъ, «франкскимъ» діалектомъ нашихъ дней.

Самый рельефъ почвы сгруппировалъ на морскомъ прибрежьѣ наиболѣе многочисленныя населенія; по мѣрѣ удаленія отъ береговъ, населенныя мѣста встрѣчаются все рѣже и рѣже, и, наконецъ, путешественникъ вступаетъ въ предѣлы настоящихъ пустынь. Города, многолюдныя села и деревни находятся въ огромномъ большинствѣ въ сосѣдствѣ моря; какъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, съ которымъ Малая Азія имѣетъ такъ много сходства, плотность народонаселенія уменьшается отъ окружности къ срединѣ. Однако, плоскія возвышенности Анатоліи, какъ и нагорья Испаніи, заключаютъ нѣсколько важныхъ городовъ, необходимыхъ этаповъ торговли, которая производится отъ одного прибрежья къ другому. Линія раздѣльнаго хребта между покатостями Чернаго и Кипрскаго морей составляетъ почти точную границу между двумя стилями архитектуры: къ сѣверу отъ этой черты вездѣ увидишь наклонныя крыши, покрытыя черепицей, къ югу — террасы изъ битой глины или мелкаго булыжника, каковы бы, впрочемъ, ни были климатическія условія [1]).

Къ западу отъ мыса Язона, разсматриваемаго, какъ восточный предѣлъ понтійскихъ береговъ Малой Азіи, первый городъ богатаго Джаникскаго края—портъ Уніе, имѣющій нѣкоторую важность по судостроительнымъ верфямъ и по каменоломнямъ, откуда добываютъ красную и бѣлую известняковую плиту, отправляемую въ другіе города побережья. Горныя породы, изъ которыхъ выламываютъ плиту, содержатъ залежи волнистой яшмы, отлично принимающей полировку: здѣсь, какъ думаетъ Гамильтонъ, выдѣлывались тѣ яшмовыя вазы, которыя Митридатъ любилъ показывать своимъ гостямъ. Возвышающіеся внутри этого края известняковые холмы покрыты желтоватой глиной, въ которой находятъ гнѣзда желѣзистаго камня съ довольно слабымъ содержаніемъ металла, и мѣстные жители, можетъ быть, потомки древнихъ халибовъ, плавятъ эту руду въ маленькихъ деревенскихъ заводахъ; впрочемъ, ихъ желѣзо, очищаемое на древесномъ углѣ, превосходнаго качества, такъ что турецкое правительство покупаетъ его для своихъ арсеналовъ. Въ одно и то же время рудокопы, кузнецы и угольщики, уніехскіе «халибы» ведутъ кочевую жизнь, перенося свои хижины и кузницы на новое мѣсто, когда на старомъ залежь руды кажется имъ истощившейся. Вся страна усѣяна рудоплавильными печами въ раз-

---

[1]) Von Moltke, „Das nördliche Vorland Klein-Asiens“.

валинахъ и грудами шлаковъ [1]). На востокѣ, тоже на берегу земли халибовъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько портовъ—Фатиса, Орду; но, служа мѣстами сбыта для короткихъ долинъ, эти порты имѣютъ незначительную торговлю. Въ этой области, защищенной отъ вѣтровъ мысомъ Язономъ, находится лучшая якорная стоянка на всемъ анатолiйскомъ прибрежьѣ Чернаго моря, Воналиманъ, куда нѣкоторыя суда удаляются на зимовку.

Верхняя долина рѣки Гермили, главнаго притока Ешилъ-Ирмака, начинается въ самомъ сердцѣ понтiйскихъ горъ, между травянистыми склонами. Главный городъ этой альпiйской области—одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ Карагиссаровъ или «Черныхъ замковъ», названныхъ такъ отъ разрушенныхъ крѣпостей, прiютившихся на вершинѣ отвѣсныхъ скалъ. Карагиссаръ сѣверо-восточной Анатолiи обозначается спецiально прозвищемъ Шебъ-хане, Шабанахъ или Шабинъ, по причинѣ квасцовыхъ рудниковъ, которые разрабатываются въ сосѣдствѣ, и продукты которыхъ перевозятся черезъ горы Гумбетъ-дагъ въ портъ Керасунъ. Планъ колесной дороги, еще не выполненный, соединяетъ этотъ городъ съ набережными порта Тиреболи. Шабинъ-Кара-гиссаръ, высоко стоящiй на уединенной скалѣ, въ циркѣ горъ, находится на высотѣ слишкомъ 1.600 метровъ. Другой торговый городъ этой долины, Никсаръ, древняя Нео-Кесарея, лежитъ всего только на высотѣ 500 метровъ; онъ отстоитъ не болѣе, какъ на 50 километровъ отъ слiянiя двухъ главныхъ вѣтвей Ириса. Среди его обширнаго лѣса фруктовыхъ деревьевъ видны кое-какiе остатки римскихъ укрѣпленiй Новой Цезареи. Въ этомъ-то городѣ, который у Страбона называется Кабирой, и была, по мнѣнiю Гамильтона, резиденцiя Митридата. Почти все нормальное населенiе окрестностей состоитъ изъ кизыль-башей [2]).

Токатъ, столица верхняго бассейна рѣки Ирисъ или Тосанли-су, есть одинъ изъ большихъ городовъ внутренней Анатолiи и одинъ изъ главныхъ этапныхъ пунктовъ на дорогѣ изъ Константинополя въ верхнюю Месопотамiю. Предмѣстья его продолжаются далеко въ боковыя долины между садами; въ 12 километрахъ вверхъ по рѣкѣ находилась пышная Комана понтiйская [3]), гдѣ еще видны кое-какiе обломки древнихъ храмовъ, вставленные въ византiйскiй мостъ, построенный на Ирисѣ. Токатъ, представляющiй нынѣ скопленiе домишекъ изъ битой глины и кирпича, высушеннаго на солнцѣ, легко могъ бы быть отстроенъ изъ мрамора, такъ какъ онъ расположенъ у подошвы двухъ крутыхъ вершинъ изъ кристаллическаго известняка, доставляющаго великолѣпнѣйшiй с... тельный матерiалъ; слои, на которыхъ ... гаютъ эти мраморы, ломаются широкими ... тами, которыя турки употребляютъ на над... ные памятники. Сѣверная скала увѣнчан... вописными развалинами византiйскаго з... а на одной изъ ея стѣнъ открываются г... естественные и искусственные, которые, ... роятно, служили некрополемъ; порталъ, н... рогѣ котораго виситъ остатокъ лѣстниц... валъ нѣкогда доступъ въ подземныя гал... Сады, хорошо нагрѣваемые теплотой, отра... щейся отъ мраморныхъ скалъ, и ороша... обильными водами, проведенными изъ И... даютъ превосходные плоды; ихъ яблоки и ... ши еще лучше и ароматичнѣе, чѣмъ анго... славящiяся во всей Малой Азiи, даже въ ... стантинополѣ. Токатъ имѣетъ мѣднопла... ный заводъ, куда привозятъ руду, добыва... изъ залежей Кабанъ-Маденъ, за Сива... Выдѣлываемая на этомъ заводѣ посуда о... вляется даже въ Египетъ, въ Персiю и въ ... кестанъ.

Ниже Токата простирается, на бер... Ириса, плодоносная равнина Казъ-ова ... «Гусиная», оконечность которой охра... большимъ мѣстечкомъ Турхалъ; надъ д... и садами этого городка высится совер... уединенная скала, пирамидальной форм... выступами, расположенными косвенно кр... стѣнъ и придающими ей поразительное ... ство съ древне-ассирiйскимъ храмомъ, к... его показываютъ реставрированные план... вершинѣ Турхальской скалы видны разв... крѣпости. Къ юго-западу отъ этой долин... равнинѣ, орошаемой притокомъ Ириса, ... тельный городъ Зиллехъ, древняя Зила, ... ленный почти исключительно турками, ... сгруппировалъ свои дома у подошвы скалы, ... ленной отъ окружающихъ холмовъ и увѣ... ной крѣпостью. На вершинѣ скалы с... храмъ богини Анагитъ, высоко чтимое з... на которое древнiе персидскiе цари, п... вамъ Страбона, смотрѣли, какъ на главн... тилище своихъ божествъ. Вѣроятно, сил... вычки сдѣлала изъ Зиллеха одно изъ на... посѣщаемыхъ ярмарочныхъ мѣстъ Малой ... толпу пилигримовъ, привлекаемыхъ н... святостью храма, смѣнило стеченiе тор... люда. Къ сѣверу отъ Зиллеха, на доро... Амазiю, находится поле битвы, котору... зарь далъ Фарнаку, царю понтiйскому, и ... рую онъ описалъ въ трехъ словахъ: «veni, ... vici!» (пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!) [4]).

Амазiя, гдѣ родился Страбонъ, и гдѣ ... написанъ его великiй трудъ, наполняетъ ... бассейнъ, черезъ который протекаетъ И... (Ешилъ-Ирмакъ), соединяющiйся немно...

[1]) Hamilton, „Researches in Asia Minor".

[2]) Taylor, „Journal of the Geographical Society", 1868.

[3]) Briot, рукописныя замѣтки.

[4]) G. Perrot, „Mémoires d'Archéologie, d'Epigra... d'Histoire".

же города съ притокомъ Терсеканъ-су. Съ восточной и западной стороны высятся огромныя сѣрыя скалы, лишающія городъ лучей солнца въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ дня. Восточные холмы, менѣе крутые, представляютъ нѣсколько террасъ, покрытыхъ виноградниками и усѣянныхъ домиками. Западныя скалы, фланкированныя при основаніи широкимъ цоколемъ, на которомъ стоялъ дворецъ понтійскихъ царей, указываемый еще кое-какими обломками, представляютъ почти вертикальную стѣну, оканчивающуюся острымъ гребнемъ, на которомъ помѣщалась цитадель, описанная Страбономъ. Чтобы взобраться туда, нужно обогнуть скалу и войти на западѣ въ утесистую брешь, откуда крутая тропинка поднимается къ оградѣ бывшаго укрѣпленія. Нынѣшняя крѣпость почти вся византійской и турецкой постройки; но уцѣлѣли еще двѣ эллинскія башни превосходной работы, а также галлереи, высѣченныя въ скалѣ, которыя спускаются къ подземному источнику, затѣмъ выходятъ на поверхность папертью, подобной порталу въ Турхалѣ [1]). На стѣнахъ скалы, господствующихъ надъ древнимъ дворцомъ, виднѣются пять царскихъ могилъ, ясно выдѣляющихся на сѣромъ фонѣ камня, благодаря тѣни высѣченныхъ вокругъ нихъ гротовъ.

Древняя метрополія Понта не сохранила другихъ античныхъ остатковъ, если не считать фрагментовъ изваянныхъ мраморовъ, которые послужили матеріаломъ для постройки быковъ одного изъ ея мостовъ; но она имѣетъ богатую мечеть, прекрасные фонтаны, живописные дома, мельницы, поднимающія ирригаціонную воду большими, медленно вращающимися колесами, группы тутовыхъ деревьевъ въ перемежку съ домами, и почти чистыя улицы. Бѣлые ястребы, гнѣздящіеся въ разсѣлинахъ окрестныхъ скалъ, очищаютъ городъ лучше, чѣмъ это сдѣлали бы отряды турецкихъ рабочихъ. Амазія, насчитывающая между своими жителями большое число армянъ и грековъ, составляющихъ около четверти населенія,—довольно промышленный городъ; многочисленные заводы слѣдуютъ одинъ за другимъ вдоль рѣки и ея каналовъ, мельницы, мастерскія для разматыванія шелка, мануфактуры грубыхъ суконъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ городъ есть также оплотъ турецкаго фанатизма. «Оксфордъ Анатоліи», Амазія даетъ пріютъ двумъ тысячамъ студентовъ, раздѣленныхъ между восемнадцатью медрессе или коллегіями, богоугодными заведеніями, владѣющими полями, домами, лавками, доходы съ которыхъ идутъ на содержаніе профессоровъ и воспитанниковъ. Эти имущества, *вакуфы*, управляемыя спеціальнымъ администраторомъ, который засѣдаетъ въ Константинополѣ въ совѣтѣ министровъ, приносятъ школамъ лишь весьма небольшую часть получаемыхъ съ нихъ дѣйствительныхъ доходовъ [1]).

[1]) Hamilton, „Researches in Asia Minor";—G. Perrot, „Voyage en Asie Mineure".

Амазія и другіе города нижняго бассейна Ираса, Чорумъ и Мерсифунъ (Мерсиванъ), не отправляютъ своихъ произведеній и товаровъ черезъ устье рѣки; суда не поднимаются по теченію, и ближайшее къ морю мѣстечко, Чарамба, въ головѣ дельты, состоитъ лишь изъ домовъ, разсѣянныхъ на обоихъ илистыхъ берегахъ Зеленой рѣки. Къ западу отъ Ешилъ-Ирмака, Самсунъ, новый портъ, служащій посредникомъ въ торговлѣ между бассейнами Ешилъ-Ирмака и Кизылъ-Ирмака, находится почти на полдорогѣ между дельтами этихъ двухъ рѣкъ; онъ смѣнилъ древній Амизусъ грековъ, который лежалъ въ 2 километрахъ сѣвернѣе, и отъ котораго уцѣлѣли еще молы и остатки набережныхъ, окаймляющіе аллювіальныя земли, на которыхъ разведены сады. Нынѣшній городъ, съ грязными кривыми улицами, замѣчателенъ только своимъ рейдомъ, заключеннымъ между двухъ обширныхъ полукруговъ твердой земли, образовавшейся изъ рѣчныхъ наносовъ. Съ половины настоящаго столѣтія торговля его значительно увеличилась, особенно торговля съ Россіей, и въ многочисленныхъ проектахъ инженеровъ Самсунъ обозначенъ, какъ исходный пунктъ будущей желѣзной дороги, которая направится къ Токату, Сивасу и равнинамъ Евфрата. Торговое движеніе въ портѣ Самсунъ въ 1880 году: 310.000 тоннъ.

Сивасъ, главный городъ большой провинціи, лежитъ на правомъ берегу верхняго Кизылъ-Ирмака, въ равнинѣ, постепенно понижающейся съ высоты 1.250 метровъ и доминируемой на западѣ крутыми склонами холма, возвышающимися на 300 метровъ. Внутри городской ограды встрѣчаются пространства, покрытыя развалинами и полуразрушенными зданіями персидской конструкціи; несмотря на то, Сивасъ—одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ внутренней Анатоліи, благодаря тому обстоятельству, что въ немъ сходятся главныя караванныя дороги между Чернымъ моремъ, Евфратомъ и Средиземнымъ моремъ; на югѣ, недалеко отъ мѣстечка Улашъ, находятся очень производительные солончаки, разрабатываемые для казны. Пятая часть населенія состоитъ изъ армянъ, которые имѣютъ въ сосѣдствѣ чтимую церковь, а также богатый монастырь, въ самомъ же городѣ многочисленныя школы.

Кайсаріе, деревня Кесарея, метрополія Каппадокіи, лежитъ не въ долинѣ Кизылъ-Ирмака, какъ Сивасъ: она занимаетъ, къ югу отъ этой рѣки, бассейнъ, нѣкогда озерный, который защищенъ отъ лучей южнаго солнца громадной массой Аргейской горы, и черезъ который протекаетъ небольшой южный притокъ Красной

[1]) G. Perrot, цитированное сочиненіе.

рѣки. Сосѣднее болото, остатокъ бывшаго озера, выливаетъ зимой излишекъ своихъ водъ черезъ рѣку Кара-су (Черная вода), которая принимаетъ въ себя также Кесарійскій ручей; выходное ущелье несомнѣнно то самое, о которомъ Страбонъ говоритъ, что оно было запружено однимъ государемъ Каппадокіи съ цѣлью превратить эту равнину во внутреннее море. Кесарея, древняя Мазака, лежащая ближе къ вулкану, чѣмъ нынѣшній Кайсаріе, оставила послѣ себя лишь безформенные обломки, да и отъ средневѣковаго города, разрушеннаго землетрясеніями, видны однѣ только развалины. Теперешняя Кесарея, гдѣ армяне и греки составляютъ больше трети населенія, довольно торговый городъ, благодаря своему центральному положенію, и караваны безпрестанно ходятъ между Константинополемъ и равниной, надъ которой господствуетъ гора Аргей; тѣмъ не менѣе, правильные рейсы пакетботовъ, ходящихъ отъ пристани до пристани вдоль береговъ Чернаго и Средиземнаго морей, отвлекли къ прибрежью торговое движеніе, и Кайсаріе утратилъ свое значеніе, какъ центральный рынокъ Малой Азіи. Тѣнистыя долины Аргейской горы и сосѣднихъ горъ усѣяны загородными домами, гдѣ богатые негоціанты и чиновники проводятъ лѣто. Эверекъ, расположенный въ лѣсу фруктовыхъ деревьевъ, у южнаго основанія горы Аргей, и населенный исключительно христіанами, армянами и эллинами, есть главное мѣстечко въ окрестностяхъ, откуда отправлялись всѣ путешественники, предпринимавшіе восхожденіе на вулканъ. Много другихъ деревень населены греками, говорящими по большей части только по-турецки[1]).

Къ западу отъ Кайсаріе, большая дорога, ведущая въ Константинополь, не спускается къ Кизылъ-Ирмаку, но слѣдуетъ параллельно его долинѣ въ нѣкоторомъ разстояніи, въ пониженіи, отдѣленномъ отъ рѣки высокими горами. Она проходитъ черезъ города Инджехъ-су, Ургубъ и Немъ-Шехръ (Невъ-Шехръ), изъ которыхъ послѣдній одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ внутренней Анатоліи, одинъ изъ тѣхъ, гдѣ греки наиболѣе многочисленны, такъ что имъ принадлежитъ половина города и почти вся его торговля. Ургубъ и сосѣдняя деревня Учъ-Гиссаръ или «Три замка» расположены въ одной изъ замѣчательнѣйшихъ странъ Малой Азіи по ея достопримѣчательностямъ, естественнымъ и археологическимъ. Въ этой вулканической области верхнія формаціи, состоящія изъ твердаго камня, залегаютъ въ формѣ стола на пластахъ туфа, которые, хотя имѣютъ нѣкоторую консистенцію, но легко разъѣдаются водами. Вѣковая работа вѣтровъ, солнца, дождей образовала въ горной породѣ цѣлую сѣть

[1]) Karolidis, цитированный мемуаръ;—Fanshawe Tozer, „Eastern Asia Minor".

долинъ, овраговъ и барранокъ. Нѣкоторые изъ холмовъ, вырѣзанныхъ такимъ образомъ въ туфѣ, сохранили свою капитель изъ твердаго камня: это—«колонны въ шапкахъ», какъ и глиняные обелиски, которые встрѣчаешь въ эрозивныхъ долинахъ Альпъ. Другіе утратили верхнюю плиту и являются въ формѣ конусовъ неравной высоты, различіе которой зависитъ отъ большаго или меньшаго сопротивленія, оказываемаго горной породой разрушительному дѣйствію атмосферныхъ дѣятелей. Есть такіе, которые возвышаются почти на 100 метровъ, другіе поднимаются только на 50, иные не выше 10 или 20 метровъ; но они разсѣяны по равнинѣ цѣлыми тысячами, представляя видъ громаднаго поля, покрытаго исполинскими палатками, гдѣ спятъ гиганты. Большинство этихъ конусовъ, сѣрыхъ или красноватыхъ и опоясанныхъ зеленью при основаніи, просверлены отверстіями, открывающими входъ во внутренніе полыя пространства, человѣческія жилища, голубятни или могильные склепы. Между этими гротами одни простые прокопы, четыреугольные или полукруглые, другіе имѣютъ спереди изваянные вестибюли и даже колоннады и украшены живописью; цѣлый народъ помѣстился бы въ этихъ подземельяхъ, вырытыхъ со временъ доисторическихъ. Древніе аборигены несомнѣнно обитали въ этихъ подземныхъ галлереяхъ, впрочемъ всегда сухихъ и совершенно здоровыхъ; туда они помѣщали своихъ боговъ и тамъ же хоронили своихъ покойниковъ. Теперешніе дома Ургуба сохранили нѣкоторыя особенности, напоминающія древнія жилища троглодита; они построены на высокихъ аркадахъ, подъ которыми открываются обширные подвалы, высѣченные въ туфѣ. На юго-западъ отъ Аргейской горы, недалеко отъ города Кара-Гиссаръ, скопившійся вулканическій пепелъ, Соанли-дере, представляющійся въ формѣ зубчатыхъ стѣнъ, изрытъ такимъ множествомъ гротовъ, что въ цѣломъ скала имѣетъ видъ громаднаго зданія съ неправильными этажами и неровно расположенными окнами; нѣсколько тысячъ отверстій усѣяли своими черными точками сѣрый фонъ скалы[1]). Соанли заключаетъ въ себѣ церковь, изъ которой можно подняться, переходя изъ галлереи въ галлерею, почти до натуральныхъ зубцовъ гребня.

На сѣверной покатости долины Кизылъ-Ирмака, также, какъ и на южной, города удаляются отъ глубокой впадины, въ которой течетъ рѣка. Маджуръ, Киръ-Шехръ, построены, тотъ и другой, въ боковыхъ долинахъ. Часть страны если не совершенно безлюдна, то по крайней мѣрѣ безъ постоянныхъ жителей: тамъ можно встрѣтить только палатки тур-

[1]) Paul Lucas;—Hamilton, „Researches in Asia Minor";—Ch. Texier, „l'Architecture byzantine en Orient".

меновъ или курдовъ. Что касается постоянныхъ селеній, то они состоятъ изъ домовъ, которые едва отличишь отъ окружающей почвы, изъ домовъ, погребенныхъ на три четверти для того, чтобы ихъ обитатели менѣе страдали отъ лѣтнихъ жаровъ и зимнихъ холодовъ; часто путешественники, не замѣчая улицы, проѣзжаютъ на лошади по террасамъ, рядомъ съ баранами и козами, которые щиплютъ траву на кровляхъ домовъ [1]). Этотъ стиль архитектуры объясняется высотой плоскогорій, поднимающихся, въ среднемъ, слишкомъ на 1.200 метровъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Кизылъ-Ирмакъ, описывая свою большую полукруглую дугу, перестаетъ течь къ сѣверу и принимаетъ окончательное направленіе къ сѣверо-востоку, городокъ Каледжикъ или «Маленькій замокъ», расположенный на лѣвомъ берегу, командуетъ проходомъ, на дорогѣ изъ Ангоры въ Сивасъ черезъ Юзгатъ. Полуразрушенная крѣпость господствуетъ надъ крутымъ остроконечнымъ пикомъ, который опоясанъ рядомъ домовъ. На одномъ изъ рукавовъ рѣки построенъ деревянный мостъ; затѣмъ дорога продолжается черезъ бродъ къ восточному высокому берегу. Юзгатъ, немного значительнѣе Каледжика, лежитъ почти въ геометрическомъ центрѣ кривой, описываемой Кизылъ-Ирмакомъ отъ Сиваса до Чернаго моря. Этотъ городъ, относительно недавняго происхожденія, такъ какъ онъ основанъ въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, находится на высотѣ 1.792 метровъ, то-есть почти на высотѣ Эрзерума, и въ мѣстности, болѣе выставленной леденящему дуновенію полярныхъ вѣтровъ. Юзгатъ, вѣроятно, былъ бы обитаемъ только въ сезонъ жаровъ, да и то лишь пастухами-кочевниками, если бы онъ не былъ избранъ какъ административный и военный центръ. Съ половины текущаго столѣтія этотъ городъ обогатился разведеніемъ ангорской козы, которая прежде водилась только на пастбищахъ, лежащихъ къ западу отъ Кизылъ-Ирмака [2]).

Нѣкогда страна несомнѣнно была болѣе многолюдна, чѣмъ нынѣ, судя по находимымъ тамъ развалинамъ многочисленныхъ городовъ, которые, повидимому, были очень богаты и заключали пышные памятники. Менѣе чѣмъ въ 40 километрахъ къ сѣверо-западу отъ Юзгата, близъ Богазъ-коя или «Деревни ущелья», видны остатки храма великолѣпныхъ размѣровъ. Сосѣднія скалы покрыты барельефами, представляющими торжественныя процессіи, можетъ быть, двухъ государей, заключающихъ мирный договоръ, можетъ быть—бога, идущаго на встрѣчу царю-побѣдителю. Тексье, первый изъ новѣйшихъ изслѣдователей, посѣтившій «писаный камень», полагаетъ, что городъ, находившійся въ этомъ мѣстѣ, былъ Птерія, разрушенная Крезомъ слишкомъ двѣ тысячи четыреста лѣтъ тому назадъ. По мнѣнію Гамильтона, въ этихъ барельефахъ слѣдуетъ видѣть остатки древняго Тавіума, о которомъ Страбонъ говоритъ, какъ о важномъ торговомъ городѣ. Но къ какому городу принадлежали артисты, которые покрыли скалу изваяніями, по виду еще полу-ассирійскими, но уже заставляющими предчувствовать произведенія эллинской скульптуры? Не менѣе замѣчательны руины въ Оюкѣ, находящіяся километрахъ въ сорока сѣвернѣе, на покатости Ешилъ-Ирмака, близъ трахитовой скалы Кара-Гиссаръ, похожей на изолированную пирамиду. Двери древняго дворца охраняются двумя гигантскими животными, имѣющими голову женщины, а туловище и лапы льва; по стилю эти колоссы походятъ на египетскихъ сфинксовъ, тогда какъ другія изваянія, между которыми виднѣется также двуглавый орелъ, воспроизводимый на гербахъ современныхъ имперій, напоминаютъ сцены охоты и битвъ, изображаемыя на памятникахъ Персіи и Ассиріи. Нынѣшняя деревня Оюкъ построена на горкахъ обломковъ, покрывающихъ дворецъ, и для того, чтобы предпринять серьезныя раскопки, нужно начать съ отчужденія и сломки жилыхъ домовъ [1]).

Чангри и Искелибъ, въ плодоносныхъ бассейнахъ притоковъ Красной рѣки—многолюдные города; но на среднемъ теченіи главной рѣки городовъ совсѣмъ нѣтъ, да и въ нижней долинѣ они немногочисленны. Одинъ изъ важнѣйшихъ – Османджикъ, стоящій на правомъ берегу, у оконечности стараго каменнаго моста о пятнадцати аркахъ, гдѣ проходитъ прямая дорога въ Константинополь. Ниже Османджика съ Красной рѣкой соединяется рѣчка, спускающаяся съ высокой Кочъ-гиссарской долины и орошающая сады мѣстечка Тозія; затѣмъ другой, болѣе обильный притокъ приноситъ воды, текущія съ горъ, окружающихъ Кастамуни. Этотъ городъ, кругъ домовъ, кожевенныхъ заводовъ, прядиленъ, красильныхъ заведеній и садовъ, въ центрѣ котораго высится скала, увѣнчанная крѣпостью временъ Комненовъ,—откуда имя его Castra Comneni, передѣланное въ Кастамуни,—есть одинъ изъ главныхъ этапныхъ пунктовъ на дорогѣ, которая идетъ прямо изъ Стамбула въ Самсунъ, не слѣдуя вдоль извилинъ морскаго прибрежья. Ниже, на той же рѣкѣ, Ташъ-Кепри или «Каменный мостъ» замѣнилъ древній Помпеіополь. Къ востоку отъ главной рѣки, городъ Визиръ-Кепри, окруженный кипарисами и тополями, тоже лежитъ внѣ главной долины, на послѣднемъ притокѣ. Наконецъ, Бафра, рынокъ дель-

[1]) G. Perrot, цитированное сочиненіе.

[2]) Fanshawe Tozer, „Turkish Armenia and Eastern Asia Minor".

[1]) G. Perrot, цитированное сочиненіе.

ты, расположенъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ топкаго рѣчнаго ложа и окружающихъ его болотъ, на возвышенномъ мѣстѣ, часто превращаемомъ въ островъ наводненіями: дороги всѣ должны проходить по насыпямъ надъ низменной равниной. Главная культура на этой сырой и плодородной почвѣ—табакъ, который отправляютъ въ Константинополь черезъ маленькій портъ Кунджасъ или Кумжугазъ, лежащій на востокѣ дельты, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ аллювіальныя земли образуютъ выступъ на нормальной линіи морскаго берега.

Прелестный Синопъ, древній ассирійскій городъ, уже колонизированный милезійцами двадцать семь вѣковъ тому назадъ, ведетъ менѣе значительную торговлю съ внутренними областями, чѣмъ Самсунъ. Въ то время, какъ этотъ послѣдній портъ имѣетъ легкое сообщеніе съ Эрзерумомъ, Амазіей, Токатомъ и Сивасомъ, Синопъ отдѣленъ отъ среднихъ долинъ Кизылъ-Ирмака и Сакаріи крутой горной цѣпью Марайдагъ, черезъ которую ведутъ лишь плохія тропинки. Синопъ, лежащій близъ самаго сѣвернаго мыса Малой Азіи и не имѣющій дорогъ, находится какъ бы внѣ континента; на него должно смотрѣть, какъ на родъ острова, который обязанъ своей важностью лишь выгодамъ приморскаго положенія. Группа холмовъ, слегка волнистыхъ, на которые онъ опирается, была въ самомъ дѣлѣ островнымъ массивомъ, состоящимъ изъ известняковыхъ пластовъ, которые прикрыты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трахитами и вулканическими туфами. Узкій перешеекъ, который сѣверо-западные вѣтры посыпаютъ тонкимъ пескомъ, соединяетъ высоты съ твердой землей: съ холмовъ, господствующихъ надъ перешейкомъ Синопа, его строеніями и двумя рейдами, созерцаешь одну изъ восхитительнѣйшихъ картинъ азіатскаго прибрежья. Гармоническіе, волнистые изгибы берега, сравниваемые восточными поэтами съ гибкимъ стройнымъ станомъ юноши, отдѣльныя группы деревьевъ, осѣняющія скаты высотъ, дома, башни, минареты, корабли, глядящіеся въ зеркальную поверхность голубаго моря, контрастъ двухъ портовъ, имѣющихъ каждый свою систему волненій и теченій, свои шквалы и отблески,—все это вмѣстѣ придаетъ городу необыкновенно живописный видъ, такъ что Синопъ по справедливости можно назвать жемчужиной сѣверной Анатоліи. Но внутри городскихъ стѣнъ, установленныхъ по бокамъ потрескавшимися и наклонившимися башнями, не видно болѣе никакихъ остатковъ тѣхъ памятниковъ, которые украшали вольный греческій городъ во времена, когда тамъ родился Діогенъ-циникъ. Зданія, построенныя Митридатомъ, также сыномъ Синопа, не существуютъ болѣе, но въ стѣнахъ византійской эпохи встрѣчаются вставленные фрагменты античныхъ изваяній и надписей. Южный портъ, гораздо болѣе посѣщаемый, чѣмъ сѣверный, не защищенъ никакимъ жете, но суда могутъ совершенно спокойно стоять тамъ, когда дуетъ опасный западный вѣтеръ. Турецкое правительство вновь выстроило въ Синопѣ арсеналъ и кораблестроительную верфь, взамѣнъ тѣхъ, которые были сожжены, вмѣстѣ съ стоящей на рейдѣ маленькой оттоманской эскадрой, русскимъ флотомъ въ началѣ крымской войны, въ 1853 году. Мѣстная торговля имѣетъ нѣкоторое значеніе только по вывозу фруктовъ и лѣса; торговое движеніе Синопскаго порта въ 1880 году выразилось цифрой 113.000 тоннъ. Извѣстно, что пафлагонскій городъ доставлялъ художникамъ ту «синопскую землю», названіе которой передалось въ геральдическомъ языкѣ зеленому цвѣту (sinople) на гербахъ. Оконечность Синопскаго мыса усѣяна пропастями и ямами, образовавшимися вслѣдствіе проваловъ почвы.

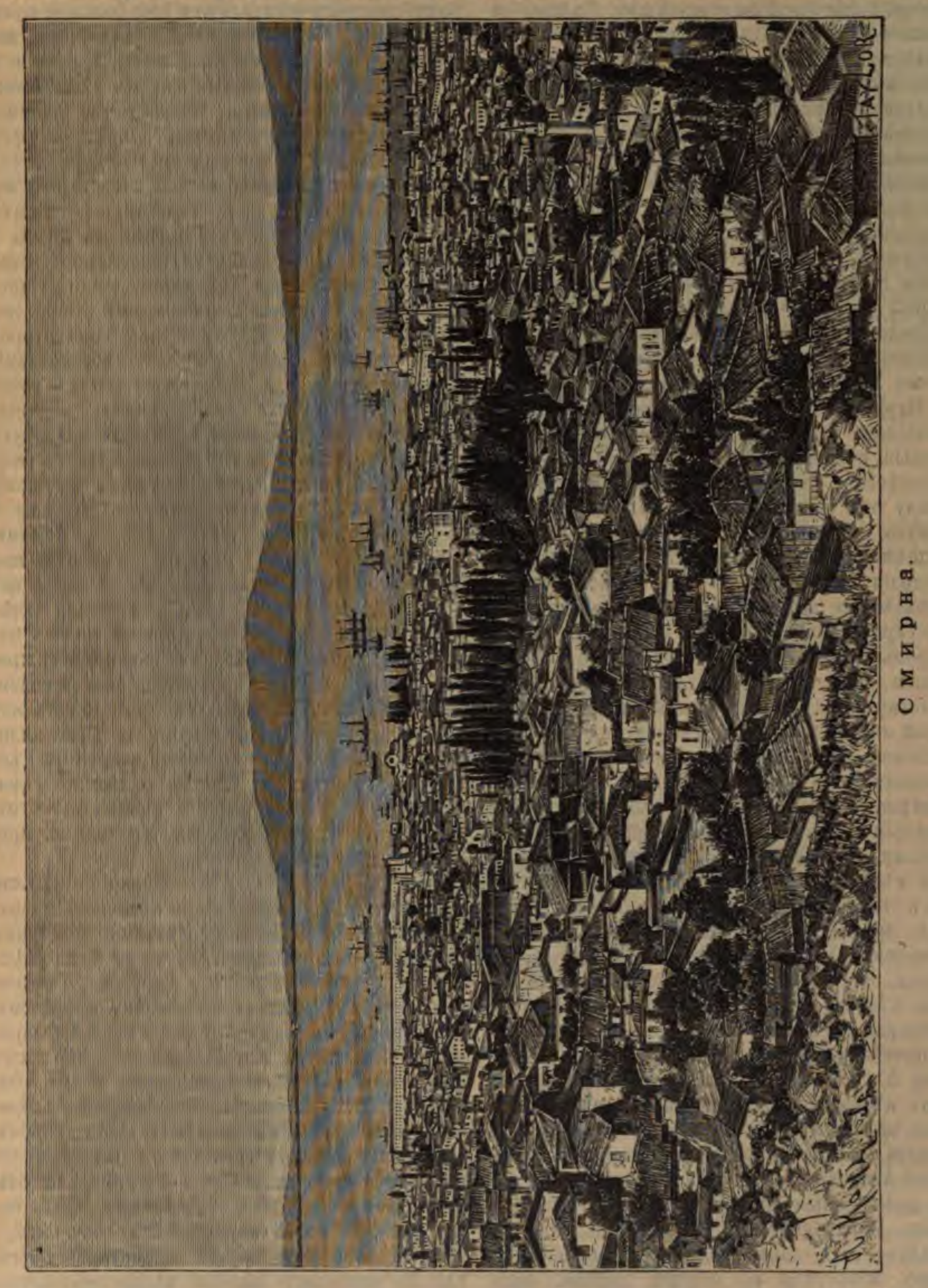
Къ западу отъ мыса Сиріасъ или Инджесъ-Бурунъ, составляющаго западную границу масличнаго дерева, какъ это замѣтилъ еще Ксенофонтъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ маленькіе порты между скалистыми мысиками; такова древняя греческая колонія Инеболи, откуда выходитъ горная дорога, направляющаяся въ Кастамуни, Кочъ-Гиссаръ и Чангри. Далѣе слѣдуетъ Сезаміусъ (Амастрисъ, Амасра), гдѣ видны остатки висячаго сада, поддерживаемаго девятнадцатью колоссальными сводами [1]). Портъ Бартанъ, также греческаго происхожденія, стоитъ не при морѣ, а на рѣкѣ, древней Парѳеніи, которая позволяетъ судамъ, сидящимъ въ водѣ не болѣе 2 метровъ, входъ на цѣлую милю внутрь материка. Рѣка Филіасъ—въ старину Биллеусъ — гораздо болѣе полноводная, чѣмъ Бартанъ или Парѳеній, заперта въ устьѣ баромъ, черезъ который суда не могутъ проходить; но она орошаетъ сады двухъ важныхъ городовъ, называемыхъ, тотъ и другой, Боли. Восточный Боли, обозначаемый спеціально подъ именемъ Зерафанъ-Боли или «Шафранный Боли, лежитъ въ широкомъ бассейнѣ плодородныхъ полей, орошаемыхъ рѣкой Суганли-су, притокомъ Филіаса; шафранъ, украшающій въ октябрѣ мѣсяцѣ своими цвѣтами всю равнину, вывозится главнымъ образомъ въ Сирію и Египетъ. Западный Боли, называемый просто Боли, находится уже въ самомъ сердцѣ горъ, на высотѣ 860 метровъ, на дорогѣ изъ Эрекли въ Ангору: это—древній Виѳиніумъ. Городъ, большой и некрасивый, расположенъ у подошвы высокой скалы, увѣнчанной развалинами крѣпкаго замка; на югѣ обрисовываются длинныя лѣсистыя верхушки Аладага, Галатскаго Олимпа. На западномъ мысѣ, господствующемъ надъ устьемъ рѣки Филіасъ, разсѣяны руины города Тіума—храмы, амфитеатры, водопроводы, ворота, стѣны и гробницы, на половину скрытые

---

[1]) Eug. Boré, „Correspondance".

листвой большихъ деревьевъ и гирляндами плюща. Тіумъ—«жемчужина Эвксина» [1]).

Эрекли, древняя Гераклея, или «портъ Геркулеса», хотя теперь въ упадкѣ—одинъ изъ



Смирна.

красивѣйшихъ городовъ прибрежья. Расположенный при выходѣ зеленѣющей долины, на берегу бухточки, защищенной съ сѣвера высокимъ мысомъ, онъ окруженъ старыми стѣнами, закрытыми тамъ и сямъ густо разросшимися деревьями; наблюдаемые съ моря, всѣ холмы, до крайняго горизонта, покрыты буковымъ лѣсомъ. Эрекли—одинъ изъ портовъ Чернаго моря, которымъ, повидимому, предстоитъ сдѣлаться центрами самой кипучей дѣятельности, когда рессурсы страны будутъ утилизируемы какъ слѣдуетъ. Въ сосѣдствѣ эксплоатируютъ

[1]) Ainsworth, „Travels in Asia Minor“.

въ очень незначительныхъ размѣрахъ каменноугольныя копи, которыя, при болѣе серьезной разработкѣ, тщетно предлагаемой европейскими промышленниками, могли бы быть гораздо болѣе производительными. Залежи каменнаго угля, изслѣдованныя на небольшомъ числѣ пунктовъ, простираются на пространствѣ, имѣющемъ отъ 120 до 130 километровъ въ длину, съ запада на востокъ, и около десяти километровъ въ ширину; мощность одного изъ пластовъ равна 4 метрамъ. Кое-какіе обломки древней Гераклеи видны еще внутри нынѣшней ограды; на сѣверѣ, между скалами сѣвернаго мыса, показываютъ гротъ Ахерусія, гдѣ Геркулесъ спускался въ подземное царство, чтобы привязать на цѣпь Цербера и побѣдить смерть; волшебники вызывали тамъ призраки. Посреди гористой и лѣсной области, простирающейся на югъ къ Галатскому Олимпу, мѣстечко Ускюбъ, древняя Пруза или «Prusias ad Hypium», сохранило интересные остатки греческаго театра, а также длинныя и любопытныя надписи [1].

Извѣстно, что бассейнъ рѣки Сакарія, къ западу отъ горъ Галатеи и долины Кизылъ-Ирмака, соединяется по наклону почвы съ степями и озерными впадинами центральной Анатоліи: несмотря на общее осушеніе почвы и раздѣленіе на замкнутые бассейны страны, простирающейся за истоки Сакарія до южной стороны Большаго Солянаго Озера, можно сказать, что вся эта область принадлежитъ геологически къ черноморской покатости. Акъ-Серай или «Бѣлый дворецъ»—незначительное мѣстечко, сдѣлавшееся главнымъ городомъ безплоднаго и почти пустыннаго края, самая обширная впадина котораго занята Большимъ Солянымъ озеромъ. Населенный единственно турками, Акъ-Серай, въ окрестностяхъ котораго нѣтъ никакихъ поселеній, кромѣ временныхъ становищъ кочевниковъ, не имѣетъ другихъ предметовъ торговли, кромѣ селитры, собираемой на стѣнахъ послѣ дождей; но эта страна, какъ показываютъ остатки старины, была нѣкогда гораздо болѣе богата. На югѣ, предгорья массива Гассанъ-дагъ покрыты циклопическими постройками, акрополями, храмами и гробницами, отъ которыхъ сохранилось нѣсколько великолѣпныхъ обломковъ. Мало найдется странъ въ Малой Азіи, гдѣ бы древнія населенія, предшествовавшія завоеваніямъ Александра Македонскаго, оставили болѣе грандіозныя свидѣтельства своего пребыванія. Виранъ-Шехръ, то есть «Покинутый городъ», есть, какъ полагаютъ, древняя Назіанза, извѣстная въ исторіи церкви, какъ мѣсто рожденія св. Григорія [2].

Озерный бассейнъ, который лежитъ въ низменности, заключающейся между Эмиръ-дагомъ и Султанъ-дагомъ, также долженъ быть разсматриваемъ, какъ находящійся на покатости Чернаго моря. Болѣе узкій, окруженный горами, которыя доставляютъ ему большое количество воды, этотъ бассейнъ гораздо болѣе населенъ, чѣмъ солончаковыя степи Ликаоніи, и заключаетъ болѣе важныя городскія поселенія: Ильгунъ, Акъ-Шехръ, Бульвадинъ, Афіумъ-Кара-Гиссаръ или «Черный замокъ опіума». Этотъ большой и промышленный городъ, гдѣ фабрикуются сафьяны, ковры, шерстяныя матеріи, есть одинъ изъ главныхъ этапныхъ пунктовъ на дорогѣ съ Босфора въ Сирію, и по проектамъ большинства инженеровъ, тамъ должны соединиться двѣ линіи, константинопольская и смирнская, на общемъ стволѣ желѣзной дороги въ Индію. Скала, отъ которой этотъ важный городъ получилъ свое названіе Чернаго замка, есть трахитовый конусъ, который стоитъ одиноко среди равнины, увѣнчанный стѣнами и башнями; на сѣверѣ, полукругъ другихъ трахитовыхъ горокъ составляетъ какъ бы кортежъ центральной скалы; сады окружены полями мака, чередующимися съ хлѣбами и другими культурами. На сѣверѣ, за холмами, простирается узкая равнина, заключающая одинъ городъ, повидимому, очень древняго происхожденія: Эски-Кара-Гиссаръ или «Старый черный замокъ». Тамъ можно видѣть нѣкоторые изъ прекраснѣйшихъ изваянныхъ мраморовъ Малой Азіи, гробницы, бани и колонны, матеріалъ для которыхъ былъ добытъ въ покинутыхъ нынѣ каменоломенъ. Кристаллическіе мраморы, окруженные трахитами, которые видоизмѣнили пласты сплошныхъ известняковъ, представляютъ разнообразіе оттѣнковъ—бѣлый, синеватый, желтый съ прожилками и крапинками [1].

Область истоковъ рѣки Сакаріи, богатая руинами, теперь очень слабо населена. Развалины Герганъ-Кале, покрывающія обширную равнину, представляютъ собою, по мнѣнію Гамильтона, остатки древняго Аморіума, а Тексье призналъ въ фрагментахъ колоннъ и фризовъ, разбросанныхъ вокругъ деревни Бала-Гиссаръ, руины Пессинуса или Пессинонта, гдѣ жили галлы или галаты, воздвигнувшіе храмъ «бабушкѣ» Цибелѣ; теперь эти развалины разрабатываются, какъ каменоломня. Новый городъ, смѣнившій древніе греческіе и галатскіе города, носитъ названіе Севри-Гиссаръ или «Замокъ остроконечныхъ вершинъ». Онъ построенъ на высотѣ слишкомъ 1.000 метровъ, у южнаго основанія крутой гранитной скалы, гдѣ на половинѣ высоты видны развалины замка. Совершенно защищенный отъ сѣверныхъ вѣтровъ и обращенный на югъ, Севри-Гиссаръ занимаетъ счастливое положе-

[1]) G. Perrot, „Souvenirs d'un voyage en Asie Mineure".

[2]) Hamilton, „Researches in Asia Minor".

[1]) Hamilton, цитированное сочиненіе.

ніе во время зимняго сезона; но лѣтомъ, спокойный воздухъ, нагрѣваемый отраженіемъ бѣлыхъ скалъ, кажется раскаленнымъ, словно выходящимъ изъ горящей печи.

Восточная вѣтвь рѣки Сакаріи, Энгури-су, орошаетъ поля, окружающія знаменитую Энгуріе или Ангору, древній галатскій городъ, сдѣлавшійся главнымъ очагомъ западной цивилизаціи во внутренней Анатоліи. Городъ некрасивъ; его сѣрые дома, изъ необожженнаго кирпича, имѣютъ видъ мазанокъ, и окрестные холмы, не высоко поднимающіеся надъ равни-

Остатки древняго храма въ Анцирѣ.

ной, представляютъ монотонный профиль, едва прерываемый нѣсколькими изгибами. Самый живописный элементъ пейзажа—скала черноватаго трапа, на вершинѣ которой пріютилась цитадель, обнесенная тройной стѣной. Ангора, Анкира или Анцира древнихъ грековъ и римлянъ, обладаетъ остатками прекраснаго храма, посвященнаго Августу и Риму, и который заключенъ теперь въ строеніяхъ мечети Гаджи-Бейрами; тамъ находится драгоцѣнный «анкирскій памятникъ», то-есть надпись на двухъ языкахъ, въ которой семидесяти-шестилѣтній Августъ разсказываетъ исторію своего царствованія, перечисляетъ свои дѣянія, свои завоеванія, зданія, которыя онъ построилъ. Только въ 1861 году латинскій текстъ и греческій переводъ надписи были окончательно списаны со всей точностью, какой требовалъ историческій документъ такой важности [1]). Стѣны и ворота Ангоры большею частью построены изъ обломковъ римскихъ зданій, храмовъ, колоннадъ, амфитеатровъ. Левъ прекраснаго стиля вставленъ въ турецкій фонтанъ, почти у самыхъ воротъ Ангоры, на разстояніи однодневнаго перехода къ юго-западу, въ дефилеѣ обширныхъ плоскогорій Гаймане. Гг Перро и Гильомъ открыли драгоцѣнный гиттитскій памятникъ, представляющій двѣ фигуры съ тіарой на головѣ и съ правой рукой, протянутой къ западу. Надъ этими изваяніями высятся циклопическія стѣны крѣпости, называемой туземцами Гяуръ-Кале, то-есть «Крѣпостью невѣрныхъ».

Почти треть населенія Ангоры состоитъ изъ армянъ-уніатовъ, которые забыли родной языкъ

[1]) Perrot, Guillaume et Delbet, „Exploration archéologique de la Galatie".

и всегда говорятъ по-турецки, развѣ только въ семинаріи, тогда какъ на западѣ мѣстечко Истаносъ, стоящее на мѣстѣ того города, гдѣ Александръ Великій разсѣкъ гордіевъ узелъ, сохранило древній идіомъ. Ангорскіе армяне отличаются отъ константинопольскихъ большей сердечностью, болѣе веселымъ и общительнымъ характеромъ, меньшей скрытностью въ сношеніяхъ къ иностранцами. Типъ тоже разнится: въ столицѣ Галатіи большинство армянокъ не имѣютъ того смуглаго цвѣта кожи, тѣхъ грубоватыхъ чертъ, того слишкомъ округлаго лица, которые обыкновенно замѣчаешь у гайканскихъ женщинъ Турціи; большое число галатскихъ армянокъ имѣютъ бѣлокурые волосы, голубые глаза, овальное лицо, физіономію европейцевъ, типъ, который, впрочемъ, часто встрѣчается въ Пафлагоніи [1]. Г. Перро спрашиваетъ: не слѣдуетъ ли видѣть въ ангорскихъ армянахъ смѣшанную расу, происходящую частію отъ галатовъ, «древнихъ французовъ», какъ говорятъ армяне? Точно также мусульмане Галатіи, слывущіе самыми кроткими и общительными между правовѣрными Анатоліи, имѣютъ, какъ говорятъ, небольшую долю галльской крови въ жилахъ [2]. Однако, прошло уже по малой мѣрѣ восемнадцать вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ кельтскій элементъ окончательно распустился въ населеніи Анкиры; часто повторяютъ со словъ св. Іеронима, что въ его время, то-есть въ четвертомъ столѣтіи христіанской эры, языкъ, употребляемый анкирцами, былъ тотъ самый, которымъ говорили треviры; но уже лѣтъ за триста передъ тѣмъ галатскія имена были замѣнены въ краѣ греческими названіями,—доказательство, что галльскій идіомъ уже исчезъ въ ту эпоху; въ галатской территоріи до сихъ поръ не нашли никакой кельтской надписи, никакого памятника, который бы напоминалъ въ какомъ-либо отношеніи отдаленное западное отечество [3]. Ангорскіе армяне почти всѣ занимаются мелочной торговлей. Отпускная торговля принадлежала въ прошломъ столѣтіи иностраннымъ негоціантамъ,—англійскимъ, голландскимъ и французскимъ; затѣмъ мѣсто ихъ было занято греческими коммерсантами, переселившимися изъ Кайсаріе, которые скупаютъ и отправляютъ въ Англію шерсть ангорскихъ козъ, почти столь же тонкую и шелковистую, какъ пашмъ кашмирскихъ козъ. Тщетно турецкое правительство пыталось передать эту торговлю въ руки своихъ единовѣрцевъ, предоставивъ имъ, въ половинѣ текущаго столѣтія, монополію экспорта ангорской шерсти: силой вещей отпускная торговля опять перешла къ грекамъ. Они отправляютъ также и другія произведенія края, особенно воскъ и чекери (rhamnus alaternus), желтую ягоду, окрашивающую матеріи въ прекрасный зеленый цвѣтъ. Дважды въ годъ негоціанты покидаютъ свои конторы и переселяются на жительство въ свои виноградники на склонахъ горъ: въ первый разъ они поднимаются туда въ апрѣлѣ или въ маѣ; затѣмъ во время большихъ жаровъ спускаются обратно въ равнину и снова переѣзжаютъ въ свои загородные дома, когда наступаетъ пора сбора винограда. Нѣтъ такого бѣднаго резидента въ Ангорѣ, который не имѣлъ бы собственной дачки.

Западная вѣтвь Сакаріи, Пурсакъ или Пурсаду, превосходитъ рѣку Ангору длиной теченія, обиліемъ воды, населенностью бассейна. Главный городъ ея верхней долины, Кютайе, соперничаетъ съ Ангорой въ отношеніи числа жителей и пользуется большими торговыми выгодами, благодаря близости Бруссы и Константинополя, а также благодаря своему положенію на главномъ торговомъ трактѣ, перерѣзывающемъ поперегъ Малую Азію. Кютайе лежитъ на высотѣ 930 метровъ, въ плодоносной равнинѣ, которая, повидимому, была нѣкогда дномъ озера, и надъ городомъ, какъ во всѣхъ анатолійскихъ городахъ, господствуетъ высокая крѣпость византійской постройки. Крѣпость эта одна изъ наилучше содержимыхъ и всего болѣе походитъ на современную цитадель; тамъ есть, между прочимъ, такъ называемый «французскій» садъ, сплошь засаженный миндальными деревьями, которыя были посажены плѣнными французами изъ египетской арміи. Отъ древняго Котіеумъ, имя котораго сохранилось подъ турецкой формой Кютайе, не осталось никакихъ руинъ. Подобно странѣ, окружающей Ускюбъ и Невъ-Шеръ, на западѣ отъ Аргейской горы, верхняя долина Пурсака наполнена туфомъ и пемзой, которые размывающимъ дѣйствіемъ водъ разрѣзаны на коническія горки, расположенныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти съ симметрической правильностью: со временъ глубокой древности жители выкопали въ этихъ горкахъ всякаго рода пещеры, могильные склепы, жилища и святилища.

Эски-Шеръ или «Старый городъ» — тоже греческаго происхожденія: это—древній Дорилеумъ, часто упоминаемый въ исторіи, какъ сборное мѣсто византійскихъ армій, выступавшихъ въ походъ противъ турокъ; Готфридъ Бульонскій одержалъ тамъ большую побѣду. Эски-Шеръ имѣетъ термальныя воды, привлекающія большое число посѣтителей; но важность его зависитъ главнымъ образомъ отъ сосѣдства залежей пѣнки, которыя находятся въ нѣсколькихъ часахъ ходьбы къ юго-востоку. До настоящаго времени этотъ городъ

---

[1]) Strabon, книга XI, глава III, 9;—Vivien de Saint-Martin, „Description historique et géographique de l'Asie Mineure".

[2]) Perrot, „Souvenirs d'un voyage en Asie Mineure".

[3]) Perrot, „Revue celtique", 1, p. 179;—„Mémoires d'Archéologie et d'Histoire".

обладалъ монополіей добыванія и продажи этого драгоцѣннаго магнезита: дурное состояніе дорогъ, большіе налоги, взимаемые фискомъ, алчность посредниковъ тормозили эту торговлю, никогда, однако, не прерывая ее, и, вѣроятно, она прекратится только вмѣстѣ съ истощеніемъ пластовъ, которое предвидится въ довольно близкомъ будущемъ. Рудокопы, почти всѣ персіане, подчинены своему консулу и должны платить ему ежегодную ренту; сверхъ того, турецкое правительство взимаетъ двойную пошлину въ размѣрѣ двѣнадцати съ половиной процентовъ съ цѣнности добываемой пѣнки,—пошлину, которую откупщики налоговъ еще увеличиваютъ въ свою пользу [1]). Австрійскіе, армянскіе и турецкіе негоціанты отправляютъ пѣнку преимущественно въ Вѣну, но также въ Рулу, въ Парижъ, въ Нью-Іоркъ, въ Санъ-Франциско, для фабрикаціи трубокъ и портсигаровъ. Успѣхи химіи позволили получать подобные продукты, которые только искусные знатоки могутъ отличить отъ анатолійской пѣнки; тѣмъ не менѣе, вывозъ этого минерала изъ Эски Шера не переставалъ возрастать съ начала нынѣшняго столѣтія: съ 3.000 ящиковъ, вывозившихся около 1850 года, онъ поднялся въ 1881 году до 11.000 ящиковъ, содержащихъ около 2 милліоновъ килограммовъ, цѣнностью отъ 4 до 5 милліоновъ франковъ [2]).

Большихъ городскихъ поселеній нѣтъ въ бассейнѣ нижней Сакаріи, но нѣсколько маленькихъ городовъ разсѣяны по берегу главной рѣки или въ ея боковыхъ долинахъ. Аяшъ или Бей-Базаръ, откуда получаются превосходныя груши, называемыя «ангорскими», затѣмъ Налли-Ханъ слѣдуютъ одинъ за другимъ отъ востока къ западу на дорогѣ изъ Ангоры въ Константинополь; Мудурлу (Модзени) командуетъ горнымъ проходомъ Ала-дага, на дорогѣ изъ Эски-Шера въ Боли; Согудъ (Шугшатъ) или «Ива», обладающій гробницей Отмана, основателя оттоманскаго царства, сгруппировалъ свои дома у подошвы лѣсистыхъ холмовъ, черезъ которые пролегаетъ дорога изъ Бруссы въ Эски-Шеръ; Биледжикъ населенъ армянами, имѣющими около пятнадцати шелкопрядиленъ; Лефке, древняя Левцо, занимаетъ, при сліяніи Гекъ-су и Сакаріи, живописный и плодородный бассейнъ, одинъ изъ наилучше обработанныхъ на всемъ Полуостровѣ; Ада-Базаръ или «Рынокъ острова», цвѣтущее мѣстечко, раскинулъ свои загородные дома среди рощъ, близъ ручья, выходящаго изъ озера Сабанджа и впадающаго въ Сакарію. Одинъ изъ прекрасныхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ по повелѣнію великаго строителя, императора Юстиніана, мостъ длиной 267 метровъ, вполнѣ сохранившійся, проходилъ нѣкогда надъ главнымъ теченіемъ Сакаріи; но такъ какъ рѣка перемѣстилась, то теперь этотъ мостъ стоитъ уже надъ болотистыми лагунами, и грунтъ до такой степени повысился, что начало арочныхъ сводовъ зарыто въ слоѣ аллювія. Мы находимся уже въ предѣлахъ городскаго округа Константинополя, и охотники пріѣзжаютъ изъ столицы стрѣлять дичь въ болотахъ и лѣсахъ окрестностей. Въ 1880 году, около двухъ съ половиной милліоновъ килограммовъ яблокъ и грушъ были отправлены въ столицу садовниками изъ Сабанджи; но большая часть фруктовъ пропадаетъ или идетъ въ кормъ домашнимъ животнымъ.

Главные города Анатоліи на черноморской покатости, съ приблизительной цифрой ихъ населенія:

Требизондскій вилайетъ (Понтъ): Шабинъ-Кара-Гиссаръ, по Бранту—12.500 жит.; Самсунъ—15.000; Бафра, по Гамильтону—5.500; Никсаръ, по Бранту—5.000; Чаршамба, по Чихачеву—3.500 жит.

Вилайетъ Сивасъ (часть Каппадокіи): Сивасъ—43.000 жит.; Токатъ—30.000; Амазія—30.000; Зиллехъ, по Чихачеву—15.000; Мерсиванъ—10.000; Визиръ-Кепри—5.000; Турхалъ, по Гамильтону—3.000 жит.

Вилайетъ Кастамуни (Пафлагонія): Зафаранъ-Боли, по Вронченко—25.000 жит.; Кастамуни — 20.000; Чангри, по Энсворту—19.000; Искелибъ, по Вронченко — 13.000; Боли, по Вронченко – 12.000; Тозія, по Вронченко—10.000; Синопъ – 9.000; Мундурлу—5.000; Ташъ-Кепри, по Энсворту — 4.500; Эрекли (Гераклея), по Перроту—2.000; Инеболи, по Вронченко — 3.000; Бартанъ, по Боре – 2.500 жит.

Вилайетъ Коніе (Ликаонія и часть Каппадокіи): Невъ-Шеръ, по Гамильтону—20.000 жит.; Ургубъ, по Барту — 7.500; Киръ-Шеръ — 3.500; Акъ-Серай, по Гамильтону — 3.300; Маджуръ—3.000 жит.

Ангорскій вилайетъ (Галатія, часть Каппадокіи и Фригіи): Кайсаріе, по Тозеру — 60.000 жит.; Ангора — 28.000; Юзгатъ, по Тозеру – 15.000; Чорумъ—10.000; Инджехъ-су—4.500; Кара-Гиссаръ, по Гамильтону—3.500; Каледжикъ, по Перроту – 3.000 жит.

Вилайетъ Гудавендигіаръ (Фригія и Виѳинія): Афіумъ-Кара-Гиссаръ—42.000 жит.; Кютайе, по Перроту — 37.000; Эски-Шеръ — 13.000; Севри - Гиссаръ, по Гамильтону — 11.500; Ада-Базаръ, по Мутье — 10.000; Биледжикъ, по Барту—10.000 жит.

Азіатскіе города и деревни береговъ Босфора составляютъ въ сущности лишь предмѣстья европейскаго города, который покрылъ своими мечетями и дворцами высокіе берега Золотаго Рога. Съ геологической точки зрѣнія, полуостровъ, на оконечности котораго по-

[1]) Edmond Dutemple, „En Turquie d'Asie".

[2]) „Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Bordeaux", 18 décembre 1882.

*

строенъ Константинополь, принадлежитъ къ Азіи, такъ какъ онъ состоитъ изъ однѣхъ и тѣхъ же горныхъ породъ, которыя въ точности соотвѣтствуютъ другъ другу своими выступами и бухтами; геологическая граница между двумя континентами обозначена километрахъ въ тридцати къ западу отъ Босфора, тамъ, гдѣ девонская формація анатолійской системы оканчивается въ видѣ мыса въ новыхъ образованіяхъ, третичныхъ и четвертичныхъ. Но съ исторической точки зрѣнія, со времени основанія Византіи обладаніе обоими берегами должно быть приписано Европѣ: укрѣпленія, порты, мечети, кладбища, мѣста загородныхъ прогулокъ, рыбацкія деревни, виллы и дачи, даже города составляютъ въ дѣйствительности лишь пригороды или подгородныя селенія сосѣдней обширной столицы, и съ той и другой стороны моря существуетъ почти совершенное соотвѣтствіе какъ между сооруженіями, возведенными рукой человѣка, такъ и между естественными чертами мѣстности. При входѣ въ Босфоръ со стороны Чернаго моря, маякъ въ Анадоли стоитъ какъ разъ напротивъ маяка въ Румели, затѣмъ батареи азіатскаго берега перекрещиваютъ свои огни съ батареями европейскаго берега, чтобы остановить русскіе военные корабли, если бы они попытались проникнуть въ проливъ. Двѣ генуэзскія башни, Анадоли-Кавакъ и Румели-Кавакъ, сторожатъ съ той и другой стороны одинъ изъ самыхъ узкихъ проходовъ морскаго дефилея. Прелестные города Буюкъ-дере и Терапія, съ ихъ домами, наклонившимися надъ водой, съ ихъ мраморными дворцами, тѣнистыми садами, массивами платановъ отражаются, такъ сказать, со стороны Азіи, въ деревняхъ Беикосъ, Инджиръ-кой, Чибуклу, которыхъ бѣлыя колоннады, минареты и куполы ярко блестятъ на зеленѣющемъ фонѣ долинъ. Середина пролива, которую охраняютъ, на европейскомъ прибрежьѣ, громадныя башни укрѣпленія Румели-Гиссаръ, построеннаго Магометомъ II, защищается, на противоположномъ мысу, крѣпкимъ замкомъ Анадоли - Гиссаръ, сооруженнымъ по повелѣнію того же завоевателя. Въ этомъ мѣстѣ съузившіяся воды морскаго потока колышутся, какъ рѣка, и, кажется, ждутъ моста, который Микель Анджело хотѣлъ перекинуть изъ одного замка въ другой между двумя континентами. Но если инженеры должны обезславить Босфоръ какой-нибудь чудовищной желѣзной трубой, подобной столькимъ другимъ уродливымъ сооруженіямъ этого рода, которыя портятъ прекраснѣйшіе виды и картины природы, то можно только пожелать, чтобы ихъ пагубное дѣло замедлилось какъ можно долѣе.

Непосредственно къ югу отъ Анатолійскаго замка открывается маленькая, обросшая мягкой муравой, долина, гдѣ извивается ручей, въ тѣни ясеней, платановъ и сикоморъ: это—«долина Небесной воды», которую иностранцы обыкновенно называютъ «азіатскими Сладкими Водами», по уподобленію европейскимъ Сладкимъ Водамъ, любимому мѣсту загородной прогулки стамбульскихъ дамъ, которыя пріѣзжаютъ туда полежать подъ тѣнистыми деревьями, вокругъ журчащаго фонтана. Азіатскія предмѣстья Константинополя начинаются у мыса, ограничивающаго долину Сладкихъ Водъ. Кандили, Вани-Кой, Кулели, Ченгелькой, Бейлеръ-бей, Иставросъ, Кузъ-Гунджукъ, Скутари (Ускударъ) слѣдуютъ одинъ за другимъ по прямой линіи на пространствѣ десятка верстъ, противополагая городамъ восточнаго берега соотвѣтственный рядъ дворцовъ и мечетей. Болѣе ста тысячъ жителей населяютъ этотъ высокій берегъ, группируясь въ отдѣльные кварталы, смотря по національности,—турки, греки и армяне. Скутари, азіатское предмѣстье Царьграда, мысъ котораго приходится какъ разъ противъ Золотаго Рога, одинъ заключаетъ въ себѣ болѣе половины этого населенія, и турки составляютъ тамъ огромное большинство. Забывая греческое происхожденіе древняго Хризополиса, они видятъ въ Скутари священный городъ: тамъ крайній мысъ ихъ отечества; туда, какъ предсказываютъ ихъ пророчества, они вернутся, когда ихъ прогонятъ изъ Стамбула. Въ вышинѣ, на холмѣ, виднѣются большіе кипарисы, которые осѣняютъ, можетъ быть, нѣсколько милліоновъ ихъ мертвыхъ, погребенныхъ на прахѣ другихъ милліоновъ труповъ, ѳракійскихъ и византійскихъ [1]). До сихъ поръ европейскія нововведенія еще не измѣнили оттоманскаго города. Многочисленныя улицы вполнѣ сохранили свой оригинальный характеръ, ничто въ нихъ не перемѣнилось: ни мраморные фонтаны, покрытые арабесками и защищенные широкой выгнутой крышей, ни лужайки съ рѣшетчатыми окнами, гдѣ нѣсколько могильныхъ камней съ изваянными тюрбанами показываются среди кустарника, ни деревянные дома, два этажа которыхъ выступаютъ навѣсомъ, скрывая всѣ свои отверстія подъ трельяжемъ въ формѣ ромба, ни извилистыя, поднимающіяся въ гору дороги, надъ которыми платаны распростерли свои широкія вѣтви. Гора Бульгурлу, господствующая надъ Скутари, представляетъ прекрасную обсерваторію, откуда можно обозрѣвать грандіознѣйшую панораму Константинополя, Босфора и Мраморнаго моря.

На юго-востокъ отъ Скутари цѣпь предмѣстій продолжается громадными казармами и кладбищами до мыса, гдѣ стоитъ Кади-кой или «Село судьи», древняя Халкедонія. Здѣсь уже началось европейское вторженіе, постепенно преобразующее видъ города: постоянное населеніе состоитъ преимущественно изъ гре-

---

[1]) Ainsworth, „Travels in Asia Minor".

ковъ; сотни константинопольскихъ негоціантовъ, особенно англичанъ, имѣютъ загородные дома въ тѣнистыхъ рощахъ Кади-коя; въ продолженіе дня пароходы безпрестанно ходятъ взадъ и впередъ между столицей и ея азіатскимъ предмѣстьемъ. Лѣсистыя широкія аллеи мыса, который выдвигается на югъ, ограничивая естественный портъ, сосѣдство архипелага Принцевыхъ острововъ, куда каждый праздничный день приводитъ тысячи посѣтителей, великолѣпіе страны, которая развертывается отъ входа въ Босфоръ и отъ стрѣлки сераля до отдаленныхъ береговъ Мраморнаго моря, наконецъ, защита, которую Скутарійскій холмъ представляетъ противъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, — все это способствуетъ возрастанію изъ года въ годъ европейской колоніи. Въ равнинѣ, отдѣляющей Кади-кой отъ главнаго Скутарійскаго кладбища, собирались нѣкогда арміи пади-шаха для его азіатскихъ походовъ; теперь тамъ находится, рядомъ съ «величайшей въ свѣтѣ казармой», станція Гайдеръ-паша, исходный пунктъ желѣзной дороги, которая идетъ на сѣверѣ вдоль Исмидскаго залива и которая должна продолжиться современемъ до Сиріи, Вавилоніи и въ Индію. Она касается маленькихъ портовъ Маль-тепе, Корталь, Пендикъ, откуда отправляютъ плоды перваго сбора въ Константинополь. Напротивъ, на противоположномъ берегу залива, Карамуссаль посылаетъ въ столицу первыя вишни. Желѣзная дорога проходитъ черезъ Габизъ (Гибисса), гдѣ умеръ Аннибалъ: курганъ, осѣненный тремя кипарисами, хранитъ, говорятъ, пепелъ великаго полководца.

Исмидъ или Искимидъ, древняя Никомедія, построенная «сыномъ Нептуна», и которую Діоклетіанъ хотѣлъ сдѣлать столицей имперіи, занимаетъ великолѣпное положеніе на восточной оконечности залива того же имени, на переднихъ террасахъ высокаго холма, обращеннаго на югъ и изрѣзаннаго при основаніи оврагами, гдѣ сквозь листу деревьевъ проглядываютъ группы разноцвѣтныхъ домовъ. Античный акрополь или вышгородъ, съ эллинскими фундаментами прекраснѣйшей работы, поддерживающій римскія и византійскія башни и современный императорскій кіоскъ, господствуетъ надъ городомъ, верфями и портомъ, куда приходятъ мелкія суда грузить лѣсъ и зерновой хлѣбъ. Никомедія можетъ быть разсматриваема географически, какъ истинный портъ рѣки Сакарія, отъ которой она отдѣлена невысокимъ порогомъ. на западѣ озера Сабанджа; удивительно, что городъ, занимающій такое счастливое положеніе, какъ пунктъ скрещенія дорогъ изъ внутреннихъ областей и какъ мѣсто отправки товаровъ морскимъ путемъ, имѣетъ такую незначительную торговлю: никакой фактъ не свидѣтельствуетъ болѣе краснорѣчиво о режимѣ

Прогулка турецкихъ женщинъ въ окрестностяхъ Скутари.

угнетенія, который тяготѣетъ надъ страной и парализуетъ развитіе и эксплоатацію ея экономическихъ рессурсовъ.

Гемликъ занимаетъ положеніе, сходное съ положеніемъ Исмида; расположенный на восточной оконечности залива, который глубоко вдается въ материкъ, и на послѣднихъ склонахъ холмовъ, обращенныхъ къ югу, онъ также окруженъ прекрасными тѣнистыми рощами и находится въ легкомъ сообщеніи съ долиной Сакаріи черезъ низменность, заключающую воды Никейскаго озера. Гемликъ ведетъ, подобно Никомедіи, небольшую розничную торговлю и строитъ мелкія суда незначительной вмѣстимости. Исникъ или Никея, имѣвшій нѣкогда свой «флотъ и адмиралтейство» тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ маленькое греческое мѣстечко Гемликъ, теперь не болѣе, какъ бѣдная деревня, затерянная среди своей двойной римской ограды, и почти совершенно покидаемая жителями въ сезонъ господства лихорадокъ. «Городъ Побѣды», резиденція царей Виѳиніи, мѣсто рожденія Гиппарха, въ настоящее время состоитъ изъ какой-нибудь сотни убогихъ домишекъ, да изъ грудъ обломковъ, на половину скрытыхъ кустарникомъ. Издали, однако, можно подумать, что Никея большой городъ: ея высокія стѣны съ большими башнями по бокамъ довольно хорошо сохранились; но, подойдя ближе, замѣчаешь кучки кустарниковъ, растущихъ между брешами. Мечети сломаны, отъ римскихъ памятниковъ не осталось ничего; единственная достопримѣчательность— это маленькая греческая церковь, заключающая грубо нарисованную картину, изображающую Никейскій соборъ, который провозгласилъ въ 325 году почти всѣ члены вѣры, извѣстные подъ именемъ «Символа Апостоловъ». Кромѣ того, Никея—одинъ изъ городовъ, прославленныхъ въ исторіи крестовыхъ походовъ: въ 1096 году арміи крестоносцевъ оставила болѣе двадцати тысячъ труповъ въ сосѣднихъ ущельяхъ; въ слѣдующемъ году она овладѣла Никеей, блокируя ее при помощи флотиліи, перевезенной по сухому пути въ Исникское озеро.

Столица вилайета Гудавендигіаръ, Брусса,— одинъ изъ большихъ городовъ Анатоліи; вмѣстѣ съ тѣмъ это одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Малой Азіи. Очень обширный и раздѣленный на особые кварталы, отдѣленные одинъ отъ другаго небольшими долинами, осѣненными платанами и орошаемыми живыми водами, городъ господствуетъ надъ плодоносной равниной своими домами съ красными крышами, позолоченными куполами и бѣлыми минаретами; нѣтъ ни одной группы строеній, которая бы не была украшена зеленью: Брусса въ одно и то же время городъ и паркъ. Могучія предгорья Олимпа, исчерченныя сходящимися складками, контрастомъ своей темной зелени дѣлаютъ болѣе яркимъ блескъ зданій; непосредственно надъ городомъ тянется поясъ каштановъ, затѣмъ слѣдуютъ лѣса разнообразныхъ древесныхъ породъ,—лещины, грабины, бука и дуба; еще выше сосны и другія хвойныя опоясываютъ гору чернымъ кругомъ. Равнина, простирающаяся у подошвы террасъ города, представляетъ огромный садъ, гдѣ тропинки и дороги извиваются въ тѣни гигантскихъ орѣшниковъ; жимолость (каприфолій) и жасминъ перемѣшиваются своими гирляндами съ вѣтвями кипариса и фруктовыхъ деревъ.

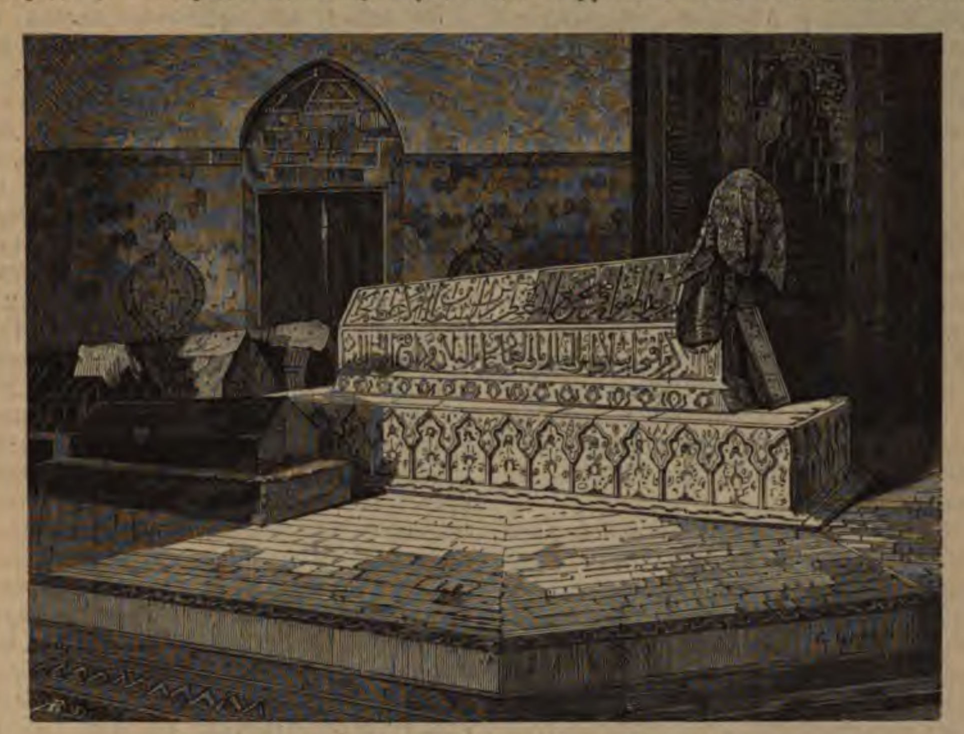
Брусса, сохранившая доселѣ, въ слегка измѣненной формѣ, имя Прузіумъ, которое ей далъ ея основатель, царь виѳинскій Прузіасъ, не имѣетъ уже никакихъ остатковъ римской древности, но въ ней еще уцѣлѣли, несмотря на землетрясенія, низвергнувшія ея зданія и разрушившія или покосившія ея минареты, нѣкоторые драгоцѣнные остатки той эпохи, когда она была столицей Оттоманской имперіи: съ 1328 года она подпала подъ власть османскихъ турокъ, и здѣсь-то Орханъ «Побѣдоносный» получилъ титулъ падишаха османлисовъ. Брусса замѣчательна въ исторіи, какъ городъ, гдѣ оттоманскіе турки достигли сознанія своей силы, гдѣ, по выраженію одного писателя, «племя превратилось въ націю, и гдѣ глава орды сдѣлался главой имперіи» [1]. Наслѣдовавъ своему сосѣду, городу Енишеру, какъ резиденція султановъ, Брусса была замѣнена, въ свою очередь, Адріанополемъ, затѣмъ Константинополемъ, но она до сихъ поръ осталась высокочтимымъ градомъ, и правовѣрные съ благоговѣніемъ посѣщаютъ кенотафъ (пустую гробницу) Османа, равно какъ могилы Магомета II и другихъ первыхъ государей турецкаго царства. Между «тремя стами шестьюдесятью пятью» мечетями Бруссы, которыя почти всѣ потрескались отъ землетрясеній, многія обращаютъ на себя вниманіе богатствомъ и изяществомъ своихъ эмальированныхъ фаянсовъ или изразцовъ; одна изъ нихъ, Ешиль-Джами или «Зеленая мечеть», была реставрирована въ примитивномъ вкусѣ персидскаго искусства однимъ французскимъ художникомъ. Брусса — торговый центръ и даже промышленный городъ, благодаря культурѣ тутоваго дерева, а также мукомольнымъ заводамъ, приготовляющимъ муку для вывоза; но съ 1856 года болѣзни, появившіяся на шелковичномъ червѣ, уменьшили на двѣ трети шелковичное производство Гудавендигіарскаго вилайета; средняя цѣнность сбора шелка, простиравшаяся прежде отъ 28 до 50 милліоновъ франковъ въ годъ, не достигаетъ теперь даже 10 милліоновъ.

Шелковичное производство провинціи въ сезонъ 1880—1881 гг.: 433.040 килограммовъ.

[1] G. Perrot, цитированное сочиненіе.

Шелка-сырца: 928 кипъ, или 83.520 килограмма; цѣнность шелка и остатковъ: 9.049.500 франк. [1]).

Фабрики, числомъ около 15, прядутъ шелкъ почти исключительно для Ліона; вообще торговыя сношенія Брусса поддерживаетъ единственно съ Франціей, черезъ посредство армянскихъ, греческихъ и турецкихъ домовъ. Послѣ разведенія шелковицы самая важная культура въ этомъ округѣ—воздѣлываніе винограда. Производство виноградниковъ въ прибрежной области залива Гемликъ до 40 килограммовъ разстоянія отъ берега: 780.000 килограм. чернаго и 10.600.000 килограм. бѣлаго винограда [2]). Виноградъ идетъ преимущественно на приготовленіе густаго сока или сиропа, употребляемаго для варенья: небольшая часть собираемаго винограда превращается въ вина греческими негоціантами.



Гробница Магомета II въ Бруссѣ.

Европейская колонія Бруссы состоитъ менѣе, чѣмъ изъ сотни лицъ, но она увеличивается временно въ маѣ и въ сентябрѣ, въ мѣсяцы, рекомендуемые для пользованія минеральными водами. Источники Чекирже, желѣзные и сѣрные, необыкновенно обильные, представляютъ величайшее разнообразіе состава и цѣлый рядъ всевозможныхъ температуръ, отъ 35 до 80 градусовъ Цельзія. Въ серединѣ лѣта сезонъ леченія прерывается сильной жарой; зажиточные мѣстные жители и пріѣзжіе посѣтители удаляются въ виллы, разсѣянныя на склонахъ Олимпа, или отправляются на берегъ моря, въ Муданію, въ Арнаутъ-кой и въ другія мѣста. Муданія, мѣсто дачной жизни для обитателей Бруссы, есть въ то же время ихъ главный экспедиціонный рынокъ; но рейдъ открытъ вѣтрамъ съ моря, и во время сѣверо-восточныхъ бурь корабли уходятъ въ портъ Гемликъ, какъ болѣе безопасное мѣсто. Спекулянты предлагали построить искусственный портъ передъ Муданскимъ берегомъ, и даже былъ уже сломанъ, въ сосѣдствѣ, греческій театръ древней Апамеи, для того, чтобы строительные матеріалы этого зданія употребить для сооруженія мола, оставшагося почти безполезнымъ. Болѣе того — желѣзная дорога, длиной въ 42 километра, построенная съ 1875 года между Муданіей и Бруссой, никогда не была открыта для публики; ржавчина испортила машины, рельсы и шпалы растащены крестьянами и дожди размываютъ насыпи. Примѣръ заботливости, какая прилагается въ деспотическихъ странахъ къ развитію общественнаго блага!

Долина рѣки Сусурлю-чай, самаго большаго притока Мраморнаго моря, проникаетъ далеко внутрь материка; равнины, орошаемыя этой рѣкой, принадлежатъ къ плодороднѣйшимъ мѣстностямъ Малой Азіи и производятъ въ изобиліи макъ, табакъ, пеньку; склоны холмовъ покрыты зарослью дубовъ кина, жолуди котораго (собственно ихъ чашечки) Смирна отправляетъ за границу. Въ этой долинѣ есть

[1]) Edmond Dutemple, „En Turquie d'Asie".
[2]) Edmond Dutemple, цитированное сочиненіе.

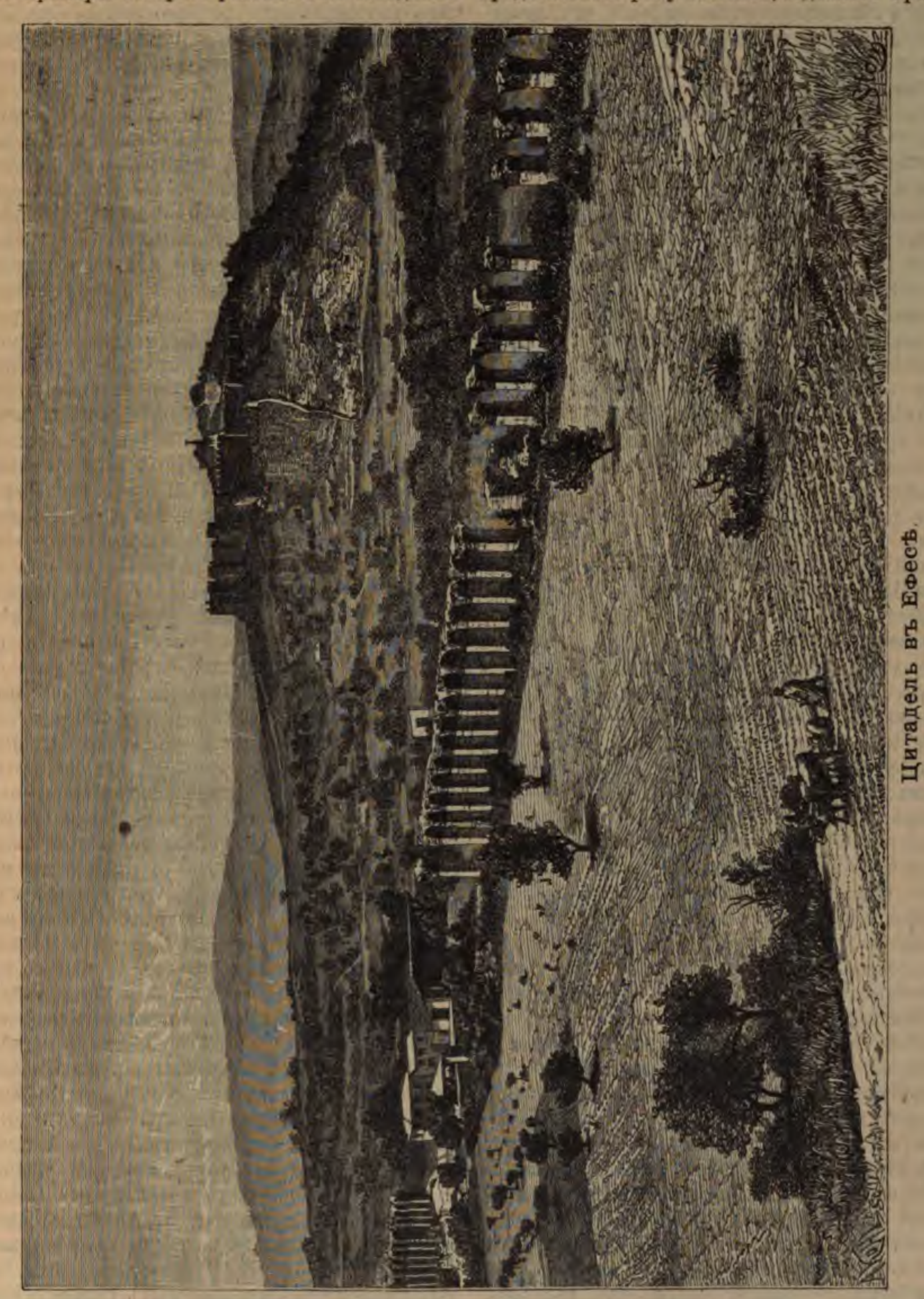
значительныя мѣстечки и даже города. Близъ озера, откуда выходитъ истокъ, уже довольно полноводный, рѣки Сусурлю, находится городъ Симау, въ сосѣдствѣ съ древней Анкирой Фригійской. Ниже, недалеко отъ большой излучины, которую образуетъ рѣка, изгибаясь къ сѣверу и сѣверо-востоку, группируются жилища мѣстечка или кассабы съ славянскимъ именемъ Богадичъ или Богадица; затѣмъ, на западной сторонѣ рѣки, въ широкой равнинѣ, нѣкогда озерной, виднѣется мѣстечко Балакесри или Балакъ-гиссаръ, съ очень оживленными ярмарками; далѣе слѣдуетъ Муаличъ, расположенный на островообразномъ повышеніи почвы, въ низменной мѣстности, гдѣ истоки озеръ Маніасъ и Абулліонъ соединяются съ главной рѣкой Муалисъ—большое мѣстечко, обогащаемое обильными урожаями, которые даетъ его аллювіальная равнина, но имѣющее нездоровый климатъ по причинѣ вредныхъ испареній, поднимающихся съ сосѣднихъ болотъ. Абулліонъ, древняя Аполлонія, совершенно покрываетъ своими живописными домами, тѣсно скученными, островокъ озера, соединенный съ твердой землей качающимся извилистымъ мостомъ, который осѣняютъ переднія вѣтви платановъ. Прежде проходомъ командовалъ византійскій замокъ, построенный частію изъ остатковъ античныхъ зданій. Населеніе этого города рыболововъ и моряковъ состоитъ почти исключительно изъ грековъ [1]). Поселившіеся въ окрестностяхъ казаки тоже эллинизировались.

Отъ пышной Кизики, прославленной древними, остались лишь незначительные обломки, и очищенныя отъ мусора подземныя строенія старинныхъ зданій не отличаются той прекрасной греческой работой, какой мы восхищаемся при раскопкахъ въ Пергамѣ, въ Эфесѣ, въ Милетѣ: турки называютъ эти руины Баль-Кизъ или «Медовая дѣвушка»,—названіе, въ которомъ Гамильтонъ видитъ невольный каламбуръ, происходящій отъ сокращенія греческаго имени Палайя-Кизикосъ или «Старая Кизика». Эллинскій городъ занималъ великолѣпное мѣстоположеніе на южномъ берегу гористаго острова, превратившагося теперь въ полуостровъ, и имѣлъ два хорошо защищенные отъ вѣтровъ порта, открывавшіеся одинъ къ Геллеспонту, другой къ Босфору; проливъ занесло иломъ, и вмѣсто двухъ мостовъ, соединявшихъ, во времена Страбона, островъ съ твердой землей, образовался перешеекъ, шириной болѣе километра. Въ настоящее время восточный портъ Кизики замѣненъ портомъ Пандермоса или Панормоса, маленькаго города, населеннаго турками, греками и армянами, куда регулярно заходятъ пароходы изъ Константинополя. Западному порту наслѣдовалъ портъ Эрдекъ, древняя Артакея, окруженная виноградниками, которые производятъ превосходныя вина, лучшія въ Анатоліи. Напротивъ, на континентальномъ берегу, большое мѣстечко Айдинджикъ показываетъ многочисленныя древнія надписи, найденныя въ развалинахъ Кизики; недалеко оттуда находятся ломки мрамора, откуда добывались плиты, которыми обшивали гранитныя зданія сосѣдняго города. Мусульмане, эмигрировавшіе изъ «Долины розъ», въ Балканахъ, направились въ большомъ числѣ къ Кизикѣ и ея полуострову. Въ окрестностяхъ разработывается очень богатое мѣсторожденіе борацита, залегающаго цѣлыми глыбами.

Къ западу отъ Эрдекскаго залива и отъ группы Мраморныхъ острововъ, на морскомъ берегу, по большей части болотистомъ, попадаются лишь бѣдныя деревни. Единственный городъ, Бига, лежитъ километрахъ въ двадцати отъ берега внутри материка, на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Коджа-Чай или Граникъ выходитъ изъ области горъ, и гдѣ Александръ Македонскій одержалъ свою рѣшительную побѣду при переправѣ черезъ рѣку. Азіатскій берегъ Геллеспонта такъ же мало населенъ. Ламсаки, древняя Лампсака, которую персидскій царь Ксерксъ далъ изгнаннику Ѳемистоклу, чтобы доставлять ему столовое вино—теперь маленькое мѣстечко, затерянное среди масличныхъ рощъ и виноградниковъ; Абидосъ не сохранилъ даже никакихъ руинъ, и путешественникъ видитъ въ немъ только казармы, да батареи, подобныя столькимъ другимъ военнымъ веркамъ, защищающимъ входъ въ проливъ. Дарданельскій замокъ, центральный пунктъ всѣхъ этихъ укрѣпленій, стоитъ на южномъ берегу пролива, подлѣ устья Чинарлика, древняго Родіуса, маленькой рѣки, текущей въ тѣни ивъ и платановъ. Городъ, который населенъ людьми всякой расы—турками, греками, евреями, армянами, черкесами, цыганами,—выстроился на сѣверной сторонѣ крѣпости, между рѣкой и Геллеспонтомъ, и часто экипажи всѣхъ торговыхъ націй Европы еще болѣе увеличиваютъ царствующее здѣсь смѣшеніе языковъ. На большей части домовъ, окаймляющихъ морской берегъ, развѣваются флаги различныхъ государствъ, такъ какъ Кале-Султаніе или «Замокъ султана», какъ оффиціально называютъ городъ Дарданеллы, есть какъ бы входныя ворота Константинополя, и всѣ суда обязаны бросать здѣсь якорь, прежде чѣмъ подниматься къ столицѣ. Этому городу даютъ также названіе Чанакъ-Калесси или «Замокъ гончаровъ», по причинѣ существующихъ тамъ заводовъ, выдѣлывающихъ глазированную глиняную посуду, по большей части причудливыхъ формъ. Окрестныя горы изобилуютъ металлоносными залежами, составляющими въ большей части монополію правительства.

[1]) Гамильтонъ;—Перро и др.

Къ югу отъ Дарданельскаго замка проливъ съуживается; на мысѣ виднѣются правильные откосы акрополя древняго Дардануса, поломанные мраморы котораго разсѣяны по сосѣднимъ



Цитадель въ Ефесѣ.

тропинкамъ. Далѣе, большое село Эренъ-Кой или Итгельмезъ, сплошь населенное греками, несмотря на его турецкія названія, стоитъ на высокой террасѣ, осѣненной дубами и орѣшникомъ, и уже отсюда виднѣются въ отдаленіи Троянская равнина и конусообразные курганы, воздвигнутые на окрестныхъ холмахъ. Долина, гдѣ бѣжитъ ручеекъ, въ которомъ Шлиманъ предполагаетъ рѣку Симоисъ, отдѣляетъ Эренъ-Койскія высоты отъ небольшой цѣпи холмовъ, изъ которыхъ послѣдній, господствующій надъ болотистыми равнинами рѣки Мендере, есть знаменитая терраса Гиссарликъ или «терраса маленькаго замка», отожествляемая большин-

ствомъ археологовъ съ новымъ Иліономъ; напротивъ, сейчасъ названный счастливый раскапыватель древностей видитъ въ этой террасѣ, вопреки свидѣтельству Страбона, Иліонъ Гомера, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, совершивъ такія обширныя работы по очисткѣ мусора и раскопкѣ холма, онъ склоненъ преувеличивать цѣнность своихъ открытій: приближаясь къ Гиссарлику, можно подумать, при видѣ этихъ огромныхъ траншей, этихъ исполинскихъ грудъ обломковъ, что находишься у подножія какой-нибудь крѣпости, изрытой непріятельскими бомбами и гранатами.

Въ этомъ мѣстѣ твердая горная порода прикрыта обломками, общая толщина которыхъ около 16 метровъ (7 съ половиной саженъ), и которые расположены слоями, относящимися къ различнымъ вѣкамъ. Остатки шести слѣдовавшихъ одинъ за другимъ городовъ скучены здѣсь въ одну громадную земляную насыпь. Верхній слой принадлежитъ историческому періоду греческаго міра; ниже лежитъ очень тонкій пластъ, гдѣ найдены вазы лидійскаго происхожденія; затѣмъ слѣдуютъ два слоя, которыхъ дома, невзрачные на видъ, были построены изъ маленькихъ камней и вымазаны внутри глиной. Еще ниже находилась, какъ полагаютъ, Троя Иліады, городъ, истребленный пламенемъ, и пепелъ котораго заключалъ тысячи предметовъ, свидѣтельствующихъ объ эллинскомъ происхожденіи троянцевъ и объ ихъ спеціальномъ культѣ богини Аѳины. Наконецъ, нижній слой указываетъ, по мнѣнію археологовъ, на пребываніе народа, предшествовавшаго даже легендарному періоду исторіи. Судя по формѣ предметовъ, найденныхъ въ этихъ развалинахъ, пожаръ, воспѣтый Иліадой, имѣлъ мѣсто около трехъ тысячъ шестисотъ лѣтъ тому назадъ, въ эпоху чистой мѣди и боговъ съ лицами животныхъ. Однако, Гиссарликская терраса, занимающая около 79 гектаровъ [1]), представляетъ слишкомъ узкое пространство, чтобы городъ, построенный въ этомъ мѣстѣ, могъ быть когда-либо значительнымъ и крѣпко осѣвшимъ; кромѣ того, на ней нѣтъ воды: едва легкое просачиваніе влажности виднѣется у подошвы холма во время дождя. По мнѣнію Лешевалье и Форхгаммера, мѣстоположеніе древняго Иліона слѣдуетъ искать на холмѣ Бунарбаши или «Голова воды», на югѣ аллювіальной равнины: тамъ стоитъ высокій холмъ, сплошь усѣянный разбитыми камнями, который господствуетъ на западѣ надъ теченіемъ рѣки Мендере неодолимыми и неприступными кручами, поднимающимися исполинской стѣной въ 100 метровъ высоты; длинные пологіе скаты, гдѣ разсѣяны домишки нынѣшняго Бунарбаши, спускаются на сѣверъ къ равнинѣ; наконецъ, у основанія скалъ вытекаетъ «сорокъ ключей», соединяющихся сначала въ два ручья, за тѣмъ въ одинъ потокъ, на который Лешевалье и указываетъ, какъ на истинный Скамандръ Иліады. Глубокихъ раскопокъ еще не было сдѣлано въ Бунарбаши, а найденные до сихъ поръ обломки зданій не принадлежатъ къ прото-эллинской древности.

Существуетъ еще третья Троя, та, которую построилъ Александръ Македонскій на одномъ мысѣ Эгейскаго моря, лежащемъ напротивъ сѣраго Тенедоса; на нее также долгое время смотрѣли, какъ на бывшую резиденцію Пріама, и имя, которое она носитъ, Эски-Стамбулъ или «Старый Константинополь», свидѣтельствуетъ объ иллюзіи, заставлявшей искать во всей странѣ большой городъ, существованіе котораго восходитъ къ первымъ временамъ исторіи. Александрія-Троасъ или Александрова Троя представляетъ въ самомъ дѣлѣ импонирующія руины, фрагменты городскихъ стѣнъ, остатки термъ, дворцовъ, храмовъ, водопроводовъ; въ сосѣдствѣ одинъ гранитный холмъ изсѣченъ каменоломнями, гдѣ еще видны колонны, подобныя тѣмъ, которыя были открыты при раскопкахъ въ Бунарбаши и Гиссарликѣ; одна изъ колоннъ-монолитовъ имѣетъ слишкомъ 11 метровъ въ длину. Въ наши дни главные центры населенія Троады или Троянской области образовались на самомъ углу континента, въ островномъ пространствѣ, ограниченномъ съ одной стороны рѣкой Мендере, съ другой каналомъ Безикскимъ. На югѣ большая греческая деревня Нео-Хори, по-турецки Ени-Кей, пріютилась на вершинѣ крутаго утеса; далѣе на сѣверѣ, на оконечности небольшой цѣпи высотъ, лежитъ Ени-Шеръ или «Новый городъ», смѣнившій античную Сигею; наконецъ, у подошвы хребта, указываемаго издали длиннымъ рядомъ вѣтряныхъ мельницъ, выстроенныхъ на гребнѣ, крѣпость и городокъ Кумъ-Кале или «Замокъ песковъ» занимаютъ низменный мысъ, отдѣляющій устье Мондере отъ открытаго моря. Обширныя кладбища разсѣяны въ равнинѣ, и могильные курганы, съ которыми совершенно сходны по виду и нѣкоторые изъ естественныхъ трахитовыхъ конусовъ, нарушаютъ своимъ рѣзкимъ выступомъ однообразіе горныхъ склоновъ и вершинъ. Эти курганы, къ которымъ легенда пріурочиваетъ имена Ахилла, Патрокла, Антилоха, Аякса, Гектора, вѣроятно, не имѣютъ никакого права на эти названія, такъ какъ предметы, открытые въ нихъ раскопками, восходятъ не далѣе, какъ къ македонской эпохѣ или къ императорской эрѣ. Самый высокій изъ искусственныхъ холмовъ, Юджекъ-тепе, горделиво стоящій на плато, которое господствуетъ съ востока надъ Безикской бухтой, былъ нѣкогда посвященъ пророку Иліи, и каждый годъ греки изъ окрестныхъ мѣстъ отправлялись туда на богомолье. Когда Шли-

[1]) Emile Burnouf, „Archives des Missions scientifiques“, tome VII.

манъ пріѣхалъ въ Юджекъ-тепе дѣлать свои раскопки и сталъ взрывать святую землю, велико было негодованіе вѣрующихъ; однако, они не посмѣли остановить археолога; только религіозныя празднества съ той поры прекратились, и теперь никто уже не приходитъ поклониться святому на профанированной почвѣ.

Города покатости проливовъ и Мраморнаго моря съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ:

Скутари и другія константинопольскія предмѣстья на берегахъ Босфора 110.000 жит.

Брусса—76.000 жит.; Бэликерси (Кипертъ)—12.000; Дарданеллы, Кале-Султаніе или Чанакъ-Калесси (Баттусъ)—9.000; Маніасъ (Гамильтонъ)—7.500; Гемликъ (Кипертъ)—6.500; Панормосъ (Перро, Гамильтонъ)—6.000; Эрмидъ, Адрамитти грековъ, лежащій въ аллювіальной равнинѣ, надъ которой господствуютъ съ сѣверной стороны продолженія горы Иды, остался многолюднымъ городомъ, но потерялъ свой портъ, занесенный иломъ горныхъ потоковъ, которые со всѣхъ сторонъ сходятся къ сосѣдней бухтѣ. Важнѣйшій торговый городъ на морскомъ берегу—Кидонія грековъ, Айвали турокъ,—то-есть, на обоихъ языкахъ, «Городъ квитовъ или айвъ»,—построенный на берегу бухты, которую архипелагъ «Ста острововъ» отдѣляетъ отъ Эдремидскаго залива, и соединенный портомъ съ островнымъ городомъ Мосхинизія. Населенный преимущественно греками, этотъ городъ много пострадалъ за національное дѣло во время войны за независимость; въ

Троянскіе холмы. Гиссарликъ.

декъ или Артакія (Перро, Гамильтонъ)—6.000; Бига (Кипертъ)—6.000; Богадичъ (Гамильтонъ)—5.000; Исмидъ или Никомидія—3.000; Абулліонъ (Перро)—2.700; Муданія—2.000; Кумъ-Кале—2.000 жит.

Баба-Кале или «Замокъ отца», на остромъ углу южнаго мыса Троады,—живописный городокъ, расположившій свои сѣрые дома ярусами по крутому голому склону, гдѣ нѣтъ ни одного деревца; въ небольшомъ отъ него разстояніи къ востоку стоитъ, на крутой скалѣ, древній Ассусъ, «совершенный идеалъ греческаго города», какъ выразился изслѣдователь Ликъ, говоря объ афмитеатрѣ его трахитовыхъ стѣнъ, отлично сохранившихся; изъ театра собравшійся народъ любовался чудной картиной разстилающагося внизу моря и высящейся напротивъ громады митиленскихъ горъ. Эдре-

1821 году турки разрушили его и перебили жителей. Долго послѣ того онъ оставался почти пустыннымъ, но, наконецъ, другіе греки вновь отстроили его, и теперь онъ отличается, какъ и въ былое время, между эллинскими городами побережья своей инціативой, любовью къ образованію, торговой дѣятельностью. Нигдѣ въ Малой Азіи не увидишь болѣе поразительнаго контраста между двумя расами, оспаривающими одна у другой преобладаніе. Верстахъ въ пятнадцати къ юго-востоку отъ Айвали, недалеко отъ моря, недавно стоялъ турецкій городъ Айасматъ, жители котораго сдѣлались, въ 1821 году, палачами своихъ сосѣдей айваліотовъ и заняли ихъ мѣсто, какъ владѣльцы виноградниковъ и масличныхъ рощъ. Въ наши дни Айасматъ, пришедшій въ упадокъ, состоитъ изъ какихъ-нибудь двухъ десятковъ лачугъ,

рядомъ съ обширнымъ кладбищемъ, тогда какъ греческіе жители Кидоніи устроили свое населеніе и выкупили свои прежнія имѣнія [1]). Такъ какъ портъ частію обмелѣлъ, то негоціанты прорыли каналъ въ 4 метра глубиной, дающій доступъ кораблямъ, которые приходятъ грузить деревянное масло, вина, изюмъ.

Портъ Митилены, ведущій большую торговлю съ Айвали и другими рынками материка, лежитъ на западномъ берегу Митилены или Лесбоса, знаменитаго острова, гдѣ родились Сафо, Алкей, Терпандръ, Аріонъ. Столица этой земли поэтовъ, этого Золотаго острова, занимаетъ одно изъ пріятнѣйшихъ мѣстоположеній. Невысокій холмъ, бывшій нѣкогда островкомъ, скрываетъ наполовину городъ; гребень его, до половины ската, покрытъ неправильными средневѣковыми укрѣпленіями, которыя построены, кажется, только для того, чтобы веселить взоръ,—такъ счастливо распредѣлены массивы стѣнъ и башенъ, для которыхъ живописнымъ контрастомъ служатъ купы деревьевъ. Позади этого стараго сѣраго замка, вставленнаго въ рамку изъ зелени, виднѣется афмитеатръ города, продолжающій свое основаніе по набережнымъ двухъ портовъ, раздѣленныхъ узкимъ перешейкомъ, нѣкогда «каналомъ, черезъ который были устроены мосты изъ бѣлаго камня» [2]); дома, окрашенные въ нѣжные цвѣта, расположены этажами по склонамъ горы, словно рядъ ступеней; гдѣ прекращаются строенія, начинается оливковый лѣсъ, надъ которымъ господствуютъ кручи отвѣсныхъ скалъ. Митилени или Кастро, какъ его прежде называли по причинѣ его замка (кастро—крѣпость), заключаетъ болѣе трети лесбійскаго населенія; у жителей его, почти исключительно грековъ, сильно развитъ меркантильный духъ, и суда ихъ возятъ въ Константинополь вина, винныя ягоды, деревянное масло, деготь и другіе продукты; кромѣ того, очень дѣятельный каботажъ производится между Митиленой и Смирной. Къ сожалѣнію, большіе корабли должны становиться на якорь на рейдѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега; только суда незначительнаго водоизмѣщенія могутъ подходить къ самой пристани. Правда, островъ имѣетъ двѣ несравненныя гавани, портъ Масличныхъ рощъ и портъ Каллони, настоящія внутреннія моря, сообщающіяся съ открытымъ моремъ лишь узкими проливами, но они находятся не на пути слѣдованія судовъ, ходящихъ между Смирнскимъ и Эдремидскимъ заливами; поэтому торговый портъ Лесбоса долженъ былъ основаться на менѣе удобной бухтѣ западнаго берега. Митилени сохранилъ лишь кое-какіе слѣды античныхъ памятниковъ; лучшая его римская руина — водопроводъ, перекинувшій свои высокія аркады черезъ глубокій оврагъ; но въ различныхъ частяхъ острова видны остатки храмовъ и акрополей.

Между Лесбосомъ и Смирнскимъ заливомъ, заливъ Чандарликъ, опасный для мореплавателей, вдается внутрь материка и принимаетъ въ себя рѣчку Бакиръ, Каикъ древнихъ, образующую при впаденіи маленькую дельту. Ея долина, относительно очень густо населенная, отличается своей промышленностью. Киркагачъ или «Сорокъ деревьевъ», въ бассейнѣ, лежащемъ при началѣ долины, окруженъ полями хлопчатника, которыя даютъ лучшее въ Анатоліи волокно, утилизируемое отчасти въ нѣсколькихъ мѣстныхъ ткацкихъ мастерскихъ. Сома, надъ которой господствуетъ старая византійская крѣпость, тоже значительный городъ, центральный рынокъ долины по хлѣбной торговлѣ. Ниже, но въ боковой небольшой долинѣ, Бергама, гдѣ греческое населеніе имѣетъ уже численный перевѣсъ надъ турецкимъ элементомъ, выдѣлываетъ сафьянъ, и ея многочисленные кожевенные заводы расположены по берегамъ ручья Боклудже, Селинуса древнихъ грековъ.

Бергама — это древній Пергамъ, нѣкогда одинъ изъ могущественнѣйшихъ городовъ азіатской Греціи. Построенный въ миѳическія времена «Пергамосомъ, сыномъ Андромахи», онъ сдѣлался въ македонскую эпоху собственностью Лизимаха и столицей царства, которое династія Атталидовъ завѣщала римлянамъ: храмъ, называемый «базиликой», и другіе памятники, остатки которыхъ до сихъ поръ возбуждаютъ удивленіе, относятся къ этому періоду. На 300 слишкомъ метровъ надъ равниной возвышается холмъ акрополя, очень крутой съ трехъ сторонъ и представляющій доступный скатъ только съ южной стороны, гдѣ извивается тропинка, поднимающаяся между развалинами стѣнъ. Ограниченная съ запада Селинусомъ, съ востока другимъ ручьемъ, скала вышгорода, гдѣ брызжетъ фонтанъ, высѣчена въ видѣ вертикальныхъ стѣнъ, которыя продолжаются крѣпостными стѣнами, соединяющимися въ многочисленную ограду; на южномъ фасѣ холма дворцы и храмы, расположенные рядами одинъ надъ другимъ, въ видѣ афмитеатра, соединяли нижній городъ съ акрополемъ, тоже наполненнымъ памятниками зодчества, обломки которыхъ лежатъ на почвѣ, покрытые землей или обросшіе кустарникомъ. Въ городѣ видны остатки храмовъ, набережныхъ, мостовъ и двойной туннель, длиной около 200 метровъ, въ которомъ проходятъ воды Селинуса. На сѣверовостокѣ, у основанія высотъ, стоящихъ напротивъ вышгорода, ристалище, театръ, амфитеатръ, которые въ старину украшались съ большимъ блескомъ, указываютъ мѣстоположеніе Асклепіона, древняго города ваннъ и увеселеній, славившагося въ греческомъ мірѣ здо-

[1]) Humann, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“, 1877.
[2]) Longus, „Daphnis et Chloé“.

ровостью воздуха и обиліемъ водъ. Наконецъ, Пергамъ обладаетъ также памятниками, предшествующими историческому періоду: это— галлереи, высѣченныя въ скалѣ, которыя служили жилищами и святилищами, и четыре могилки, изъ которыхъ одна состоитъ изъ двухъ рядомъ стоящихъ конусовъ, окруженныхъ широкимъ рвомъ; подъ этими конусами, по преданію, погребены основатель города и его мать Андромаха [1]). Одинъ изъ могильныхъ кургановъ, Маль-тепе или «Холмъ сокровищъ», стоящій на югѣ, близъ дороги въ Дикели, возвышается на 32 метра надъ равниной; раскоп-

Развалины Сардъ.

ки доказали, что эта горка была перекопана, чтобы служить могилой государямъ изъ династіи Атталидовъ.

До 1878 года знали лишь небольшое число древностей, извлеченныхъ изъ Пергамскаго акрополя: замѣтили барельефы, надписи, фрагменты статуй въ византійскихъ валахъ, но не давали себѣ труда вынимать ихъ изъ стѣнъ, гдѣ они были крѣпко вдѣланы, и думали, что почти всѣ разрозненные мраморы были подобраны и снесены въ печи для обжиганія извести, чтобы быть превращенными въ цементъ. Когда же разные признаки открыли инженеру Гуману существованіе античныхъ изваяній, представляющихъ высокій интересъ, германское правительство выхлопотало у Порты разрѣшеніе приступить къ подробному изслѣдованію акрополя, и въ продолженіе четырехъ лѣтъ подъ-рядъ отряды рабочихъ, подъ руководствомъ Конце и другихъ ученыхъ, раскапывали верхнюю террасу: около половины площади, занимающей пространство въ семь съ половиной гектаровъ, было изрыто во всѣхъ направленіяхъ, и планъ зданій, вѣнчавшихъ холмъ вышгорода, извѣстенъ теперь въ подробности. На южной сторонѣ высился колоссальный жертвенникъ, имѣвшій слишкомъ 40 метровъ длины у основанія и окруженный колоннадами; около середины акрополя, на краю западнаго крутаго откоса, стоялъ храмъ Миневры Воительницы, и нѣсколько другихъ храмовъ группировалось вокругъ этого святилища, покровителя города; далѣе, на самой возвышенной части холма, римляне воздвигли Августеумъ, а сѣверный выступъ горы заканчивался храмомъ Юліи. Вокругъ жертвенника и храма Миневры раскопки обнаружили драгоцѣннѣйшіе барельефы, составляющіе теперь, вмѣстѣ съ олимпійскими барельефами, славу и гордость берлинскаго музея; около двухсотъ статуй и изваянныхъ пьедесталовъ лучшаго періода греческаго искусства были извлечены изъ массы развалинъ; найденъ также великолѣпный фризъ длиной около сотни метровъ, представляющій гигантомахію, отчаянную борьбу титановъ съ богами; во всей эллинской скульптурѣ нѣтъ ге-

[1]) Humann;—Ernst Curtius, „Beiträge zur Geschichte und Topographie Kein-Asiens“.

роическаго сюжета, разработаннаго съ бо́льшимъ разнообразіемъ замысла, съ большей силой въ концепціи цѣлаго, съ бо́льшимъ искусствомъ въ исполненіи [1]); эти титаны, какъ полагаютъ, символизировали галловъ, которые были побѣждены близъ Пергама въ 168 году до Р. Х. [2]). Другое открытіе, почти столь же интересное—это находка греческаго дома, построеннаго за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени и еще сохранившаго внутреннее распредѣленіе комнатъ и стѣнную живопись. Отнынѣ имя Пергама будетъ пользоваться въ исторіи искусства такой же славой, какую оно уже пріобрѣло въ исторіи наукъ, благодаря знаменитымъ уроженцамъ этого города, какъ Галіенъ, и драгоцѣннымъ манускриптамъ, написаннымъ на «пергамскихъ кожахъ» (пергаментъ).

Дорога длиной въ 28 километровъ, построенная Гуманомъ, изслѣдователемъ руинъ, ведетъ изъ Пергама въ его новый портъ, Дикели, сдѣлавшійся въ нѣсколько лѣтъ цвѣтущимъ греческимъ городкомъ. Чандарликъ, на сѣверномъ берегу залива того же имени, приходитъ въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ быть отпускнымъ портомъ долины Бакиръ-чай. По другую сторону залива, простая деревушка, Ламуртъ-кой, указываетъ мѣстоположеніе древнихъ Кумъ (Киме), матери другихъ Кумъ, италійскихъ, гдѣ Энеида помѣстила входъ въ адъ. Далѣе, на морскомъ берегу, при рейдѣ, открытомъ сѣвернымъ вѣтрамъ, основалась Енидже-Фокія или «Новая Фокея»; жители ея, большинство которыхъ греки, строятъ молъ для защиты кораблей отъ вѣтровъ.

Караджа-Фокія или просто Фокія, Фуджесъ или Фоглеры, есть знаменитая Фокея, смѣлые выходцы которой основали Марсель и столько другихъ колоній. Старая Фокея, скромный городокъ въ сравненіи съ ея богатой дочерью, не уступаетъ послѣдней по красотѣ мѣстоположенія, а ея естественный портъ гораздо обширнѣе марсельскаго. Группа островов, Перистериды или «Голуби», защищаютъ рейдъ съ сѣверной и сѣверо-западной стороны, оставляя судамъ только два входа: сѣверный, не глубокій, и южный, широкій и доступный самымъ большимъ купеческимъ кораблямъ; мысъ, занятый разрушенной цитаделью, защищалъ нѣкогда входъ въ портъ. Круглый бассейнъ, который кажется запертымъ со всѣхъ сторонъ высотами острова и твердой земли, самъ дѣлится на два второстепенныхъ порта, на сѣверѣ и на югѣ полуострова, на которомъ расположены развалины крѣпости и собственно городъ. Еще недавно эта скала была островомъ; но обломки, падавшіе съ сосѣднихъ стѣнъ, выбрасываемый въ море балластъ кораблей и мусоръ всякаго рода, наносы ручейка, можетъ быть, также, какъ утверждаютъ туземцы, медленное поднятіе почвы осушили проливъ, и теперь стоятъ дома тамъ, гдѣ прежде становились на якорь суда. Новый кварталъ, населенный почти исключительно греками, вытянулся полукругомъ на берегу, вдоль сѣверной бухты. Масличныя рощи, въ перемежку съ кипарисами, занимаютъ овальную равнину, которая составляетъ какъ бы продолженіе залива и окружена со всѣхъ сторонъ голыми каменистыми горами, известковыми на югѣ, вулканическими на сѣверѣ. На юго-востокѣ видны остатки города, бывшаго акрополя Фокеи, господствующіе надъ другой гаванью, которую Смирнскій заливъ выдѣляетъ изъ себя внутрь материка: это—Варія, называемая турками Хаджи-Лиманъ.

Греческое населеніе Фокеи, составляющее большинство жителей, выказываетъ меньше иниціативы и предпріимчивости, чѣмъ ихъ обыкновенно обнаруживаетъ эллинская раса. Причина тому, безъ сомнѣнія, въ условіяхъ труда здѣшнихъ грековъ: почти всѣ они солепромышленники, добывающіе соль изъ соленыхъ болотъ, залегающихъ на берегу моря, къ сѣверу отъ Гермуса, и постоянный надзоръ чиновниковъ фиска держалъ ихъ какъ бы въ состояніи рабства, парализуя всякое проявленіе самодѣятельности. Единственная торговля Фокеи—отправка соли: въ сосѣдствѣ пристани высятся громадныя груды кристалловъ, настоящіе холмы, одного изъ которыхъ достаточно для нагрузки нѣсколькихъ кораблей. А между тѣмъ городъ поставленъ въ очень благопріятныя условія для большой международной торговли, какъ передовой портъ Смирны: расположенный при входѣ въ заливъ, представляющій судамъ превосходную якорную стоянку и совершенную защиту отъ вѣтровъ, онъ имѣетъ лишь то неудобство, что отдѣленъ отъ Гермуса дикими крутыми холмами, а Смирна отказываетъ ему въ проведеніи вѣтви желѣзной дороги, которая отвлекла бы въ пользу Фокеи часть торговаго движенія. Хотя азіатскіе фокейцы и очень гордятся городомъ, основаннымъ ихъ предками на берегу Прованса, однако ихъ вовсе не встрѣчается среди грековъ, эмигрировавшихъ въ Марсель.

Долина Гедиза или Гермуса, наносы которой выдвинуты далеко въ море, непосредственно на югъ отъ Фокейскихъ холмовъ, какъ и долина Каика, очень густо населена относительно своего протяженія. Городъ, давшій ей свое имя, незначителенъ: расположенный въ горномъ циркѣ, надъ которымъ господствуютъ снѣговыя вершины Мурадъ-дага и Акъ-дага, онъ сгруппировалъ свои дома невдалекѣ отъ застывшаго потока базальта, который, вслѣдствіе охлажденія, раскололся на отдѣльныя массы на подобіе колоннъ, и въ которомъ рѣка открыла себѣ проходъ. Съ высоты этихъ

---

[1]) Conze;—Humann;—Bohn, „Ausgrabungen zu Pergamon".

[2]) W. C. Perry, „Fortnightly Review", 1881.

скалъ видишь у себя подъ ногами плоскія кровли домовъ, съ стоящимъ на каждой мраморнымъ свиткомъ, фрагментомъ колонны, который употребляется для утрамбовыванія земли [1]). Гедизъ — можетъ быть, древній греческій городъ Кади, но большія развалины находятся внѣ этого бассейна, въ верхней долинѣ Риндака, притока рѣки Сусурлю-чай; тамъ, близъ нынѣшней деревни Чарду-Гиссаръ, стоялъ эллинскій городъ Айзани, теперь же видны только остатки ристалища и театра. На западѣ, Демирджи, Гердизъ, Акъ-Гиссаръ, черезъ который проложена желѣзная дорога, занимаютъ географическое положеніе, сходное съ положеніемъ Гедиза, въ небольшихъ высокихъ долинахъ, которыя открываются въ южномъ основаніи водораздѣльныхъ горъ, ограничивающихъ съ сѣвера бассейнъ Гермуса или Гедиза. Гердизъ—промышленный городъ: его «смирнскіе ковры» всего болѣе похожи на персидскіе по отчетливости узора и прелести колорита. Ковровое производство Гердиза: 2.000 работницъ, 400 станковъ; общее количество вытканныхъ ковровъ 10.000 квадр. метровъ [2]). Акъ-Гиссаръ, древняя Өіатира, сохранилъ отъ своихъ дворцовъ и храмовъ только остатки скульптурныхъ работъ. Онъ превзойденъ нынѣ городомъ Мермере, построеннымъ на хребтѣ, который господствуетъ на сѣверѣ надъ глубокой котловиной, гдѣ находится озеро того же названія.

Къ югу отъ рѣки Гедизъ-чай, городъ Кула, лежащій среди «Горѣлой» мѣстности, усѣянной «чернилицами» или кратерами изъ черноватаго вулканическаго пепла, отправляетъ въ Смирну такъ называемые «молитвенные ковры», очень умѣренной цѣны, потому что они ткутся изъ шерсти, смѣшанной съ пенькой. Другія матеріи, отличающіяся оригинальнымъ стилемъ и превосходнымъ качествомъ, которыя ткутся лучшими мастерицами, предназначаются для приданаго; въ продажѣ ихъ рѣдко встрѣтишь, по причинѣ ихъ высокой цѣны [3]). Кула—земледѣльческій центръ, откуда отправляютъ опіумъ и другія сельско-хозяйственныя произведенія на желѣзную дорогу Гермуса. Конечная станція этого важнаго пути,—который долженъ современемъ соединиться у Афіумъ-Кара-Гиссара съ будущей магистральной линіей Передней Азіи,—въ настоящее время Алашеръ, извѣстный въ эллинскую и римскую эпохи подъ именемъ Филадельфіи, которымъ онъ былъ обязанъ своему основателю, царю Филадельфу, изъ династіи Атталидовъ. Нѣкогда значительный городъ, Алашеръ занимаетъ въ равнинѣ Когама или Сари-кизъ-чай, притока Гедиза, основаніе предгорья Тмолуса или Бозъ-дага; терраса покрыта садами и тѣнистыми рощами, а равнина представляетъ одно обширное поле, гдѣ развѣтвляются до безконечности ирригаціонные каналы. Филадельфія была «маленькими Аѳинами», по своимъ памятникамъ и празднествамъ; хотя землетрясенія, очень частыя въ этой области Катакекаумены, не разъ опрокидывали и разрушали ея зданія, тамъ и теперь еще видны остатки многихъ храмовъ, ристалища, театра и двухъ каменныхъ оградъ, стѣнъ акрополя и стѣнъ собственно города. Филадельфія была, во времена Іоанна Богослова, одною изъ знаменитыхъ «семи церквей», и имя ея упоминается въ Апокалипсисѣ; но, несмотря на всѣ поиски, до сихъ поръ не найдено никакихъ обломковъ, относящихся къ этому первому періоду христіанства [1]). Филадельфія, послѣдній городъ Малой Азіи, завоеванный оттоманами [2]), палъ лишь въ 1390 году. Въ наши дни онъ быстро возрастаетъ въ торговой дѣятельности; греческая община, состоявшая недавно изъ тысячи душъ, увеличивается вмѣстѣ съ развитіемъ торговли и промышленности.

Сарды или Сартъ, древняя столица Лидіи, въ настоящее время не болѣе, какъ желѣзнодорожная станція, окруженная простыми навѣсами и двумя или тремя хижинами; здѣсь переходишь по доскѣ черезъ знаменитый Пактолъ, узкій ручей, текущій среди луговъ; предгорья, господствующія надъ долиной, сплошь состоятъ изъ конгломерата и красной земли, которые малѣйшій дождикъ бороздитъ рытвинами вездѣ, гдѣ переплетающіеся корни растеній не образуютъ непроницаемаго ковра. Разрѣзанные размывами дождевыхъ водъ, изсѣченные въ формѣ пирамидъ, обелисковъ, крѣпкихъ замковъ, сардскіе холмы имѣютъ причудливый и восхитительный видъ, благодаря контрасту зелени и красноватыхъ скалъ; въ обломкахъ, увлекаемыхъ дождевыми потоками съ этихъ стѣнъ, находятся тѣ частицы золота, изъ которыхъ были вычеканены первыя монеты [3]), и которыя сдѣлали изъ имени Пактола синонимъ неисчерпаемаго сокровища; но въ наши дни нѣтъ болѣе пастуха, турецкаго или греческаго, который далъ бы себѣ трудъ заняться промываніемъ песковъ ручья. Земли, обвалившіяся съ холмовъ или нанесенныя проточными водами, покрыли большую часть античнаго города, расположеннаго между цѣпью Бозъ-дагъ и холмомъ акрополя; однако, тамъ видны еще остатки зданій. Прекраснѣйшая руина, развалина храма Цибелы — быть можетъ, святилища Юпитера Олимпійскаго, воздвигнутаго Александромъ Великимъ, — представляетъ двѣ колоссальныя колонны, высоко поднимающіяся надъ неровной лужайкой;

[1]) Hamilton, „Researches in Asia Minor".
[2]) Edm. Dutemple, „En Turquie d'Asie".
[3]) E. Dutemple, цитированное сочиненіе.

[1]) Humann; — Ernst Curtius, „Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin", 1872.
[2]) Fellows, „Travels and Researches in Asia Minor".
[3]) Andree, „Ethnographische Parallelen".

во время путешествія Чисгулля, въ 1699 году, порталъ, предшествуемый шестью колоннами, съ ихъ архитравами, существовалъ еще; вѣроятно, что систематическія раскопки, предпринятыя въ городѣ Креза, привели бы къ открытію драгоцѣнныхъ изваяній. На сѣверъ отъ Сардъ и равнины Гермуса или Гедиза, недалеко отъ озера Гигесъ—нынѣ озеро Мермере—находятся древнія могилки въ такомъ большомъчислѣ,что образуютъ цѣлый некрополь, называемый Бинъ-Биръ-Тепе или «Тысяча одинъ курганъ». Самый обширный изъ этихъ могильныхъ холмовъ, о которомъ легенда говоритъ, какъ о курганѣ Аліатта, отца Креза, имѣетъ болѣе версты (1.100 метровъ) въ окружности; раскопки, сдѣланныя тамъ недавно, доказали только фактъ посѣщенія прежнихъ изслѣдователей, которые и унесли сокрытыя въ могилахъ сокровища.

Новый городъ Дургутли, лежащій къ западу отъ древней столицы Лидійскаго царства, и болѣе извѣстный подъ именемъ Кассабы, то-есть «Мѣстечка», окруженъ садами, бахчами дынь, полями хлопчатника и хлѣбныхъ растеній, занимая родъ бухты въ широкой долинѣ Гермуса, между предгорьями Бозъ-дага и крутыми горами Манисса-дага. Онъ обязанъ плодородію своей равнины важностью своихъ рынковъ; его торговая дѣятельность зависѣла главнымъ образомъ отъ его положенія относительно Смирны. Здѣсь проходитъ самая легкая дорога, ведущая изъ столицы Іоніи въ долину Гермуса; до постройки желѣзной дороги, которая огибаетъ на западѣ массивъ Сипилосъ, вся торговля, направлявшаяся изъ верхней долины къ морю, производилась черезъ этотъ вырѣзъ горы, порогъ котораго имѣетъ всего только 200 метровъ высоты [1]); тамъ видны еще многочисленные слѣды древней дороги. Недалеко отъ этого перевала, но уже на покатости Гермуса, какіе-то древніе завоеватели вырѣзали въ стѣнѣ изъ сѣраго известняка барельефъ, который Геродотъ описываетъ, какъ фигуру Сезостриса: это—памятникъ въ видѣ четыреугольнаго каменнаго столба, называемый Нимфи или Нимфіо (Нифъ), по имени сосѣдней деревни, гдѣ находился античный нимфеумъ. Дожди попортили камень, и многія детали доспѣховъ и одѣянія неузнаваемы болѣе; однако, кажется, можно сказать съ увѣренностью, что на этомъ барельефѣ не было іероглифической надписи, и стиль скульптуры вовсе не египетскій; въ этомъ замѣчательномъ памятникѣ лидійскаго, или, можетъ быть, гиттитскаго, происхожденія, чувствуется вліяніе ассирійскаго искусства, какъ и въ другихъ до-эллинскихъ барельфахъ Малой Азіи [2]). Въ 1875 году инженеръ Гуманъ открылъ на одной скалѣ той же долины слѣды другаго «столба Сезостриса», о которомъ также говоритъ Геродотъ; но костры, зажигаемые юруками у подножія этого барельефа, сдѣлали его почти неузнаваемымъ.

[1]) G. Weber, „Le Sipylos et ses Monuments".

[2]) Перро;—Ваддингтонъ;—Масперо;—Веберъ.

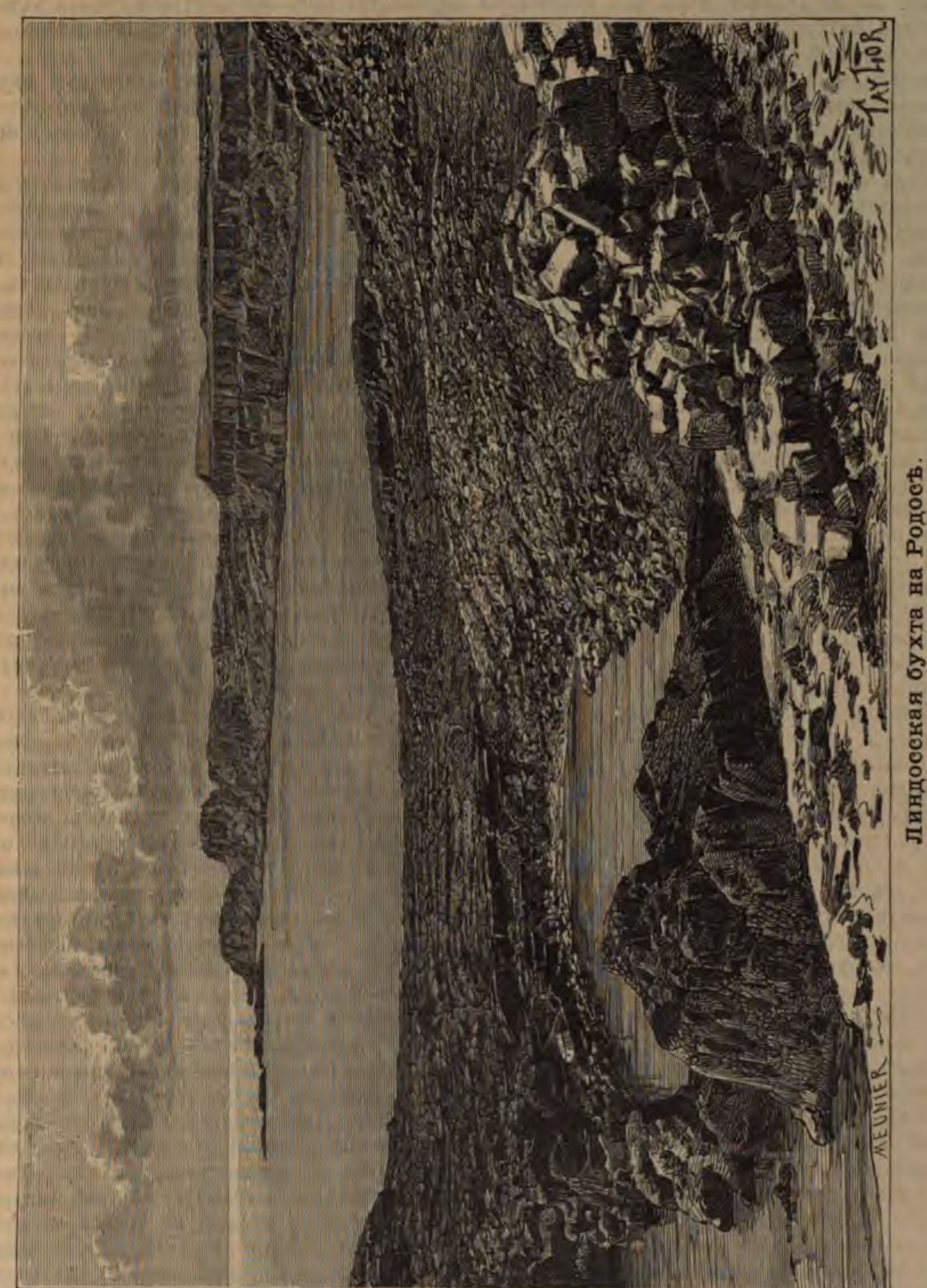
Нынѣшняя Манисса (Мансеръ), бывшая Магнезія на Гермусѣ или при Сипилѣ, занимаетъ грандіозное мѣстоположеніе у основанія крутыхъ горъ, которыя отдѣляютъ ее отъ Смирнскаго залива: бѣлые минареты, рѣзко обрисовывающіеся на сѣромъ или черномъ фонѣ скалы; отдѣльно расположенные кварталы, виднѣющіеся на склонахъ и на террасахъ; чащи зелени, разсѣянныя въ лощинахъ и на кладбищахъ по окраинамъ города,—все это придаетъ Маниссѣ странный, своеобразный характеръ. Внутренность города также производитъ пріятное впечатлѣніе оригинальностью вида;турецкій кварталъ сохранилъ еще свою особенную физіономію: нигдѣ не увидишь лучше, каковъ былъ оттоманскій городъ въ средніе вѣка, съ его лабиринтомъ базаровъ, хановъ, мечетей и медрессе. Но рядомъ съ турецкой Маниссой стоитъ эллинская Магнезія, быстро растущая и долженствующая опередить свою соперницу въ близкомъ будущемъ. Въ 8 километрахъ къ востоку, въ нишѣ одной скалы, стоитъ колоссальная статуя, впрочемъ, очень попорченная и совершенно неразличимая въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла и одежды. Не есть ли это Ніобея Иліады, а глубокіе слѣды, оставленные дождемъ, не борозды ли неизсякаемыхъ слезъ богини? Или, быть можетъ, это изваяніе есть Кодинская скала, о которой говоритъ Павзаній, «статуя Цибелы, матери боговъ, старѣйшей изъ богинь»? Какъ бы то ни было, этотъ безформенный памятникъ, кажется, указываетъ одну изъ первыхъ попытокъ эллинскаго скульптурнаго искусства. Вокругъ ниши Цибелы скала во многихъ мѣстахъ высѣчена въ видѣ гротовъ, служившихъ могильными склепами, гдѣ, безъ сомнѣнія, хоронились тѣ изъ вѣрующихъ, которые хотѣли покоиться вблизи святилища [1]). Научный терминъ «магнетизмъ» произведенъ отъ имени Магнезіи, славившейся въ древности своими горными породами и жилами руды, имѣющей свойство притягивать желѣзо.

Ниже Магнезіи, единственный городъ этой долины—Менеменъ, лежащій при выходѣ изъ ущелій рѣки и при входѣ въ ея аллювіальную равнину. Менеменъ можетъ быть разсматриваемъ уже какъ пригородъ Смирны, которую онъ снабжаетъ огородными овощами и фруктами, и которая посылаетъ ему въ праздничные дни тысячи гуляющихъ.

Смирна, по-турецки Исмиръ, главный торговый городъ Малой Азіи, стоитъ не на берегу открытаго моря; близъ восточной оконечности своего залива, окрашеннаго въ желтый цвѣтъ мутными водами Гермуса, она отдѣлена отъ

[1]) G. Weber, цитированное сочиненіе.

голубыхъ водъ моря узкимъ проходомъ, надъ которымъ господствуютъ бѣлыя стѣны Санджакъ-Кале («Крѣпость знамени»). Городъ занимаетъ широкій поясъ земель съ пологимъ скатомъ, которыя постепенно поднимаются на югъ и къ горѣ Пагусъ, на которой еще сохранились остатки средневѣковыхъ укрѣпленій, построенныхъ на фундаментахъ античнаго акрополя. Въ отношеніи красоты и живописности Смирна уступаетъ большинству городовъ азіатской Іоніи и, повидимому, не заслуживаетъ изреченія оракула: «трикраты и четырекраты счастливъ тотъ, кто обитаетъ на Пагусѣ,



Линдосская бухта на Родосѣ.

за священнымъ Мелесомъ!» Едва нѣсколько высокихъ зданій выступаютъ надъ моремъ домовъ; только когда приблизишься къ городу со стороны южнаго угла, видишь развернувшійся во всемъ объемѣ амфитеатръ турецкаго

квартала, съ его куполами, минаретами и кипарисными рощами, осѣняющими кладбища. Всѣ горы, ограничивающія горизонтъ, безлѣсны и не имѣютъ другой растительности, кромѣ пажитей; но по крайней мѣрѣ онѣ отличаются красотой контуровъ. Массивъ «Двухъ братьевъ», господствующій надъ входомъ въ рейдъ, отдаленный Мимасъ, отдѣляющій заливъ отъ открытаго моря, цѣпь Сипила, поднимающаяся постепенно уступами до пирамидальной массы Пелопсова Трона, могучая вершина хребта Тмолусъ съ деревнями, пріютившимися на его предгорьяхъ,—живописно обрамляютъ этотъ необозримый кругъ, развертывающійся около рейда.

Самый значительный городъ Анатоліи и всей Передней Азіи, Смирна по численности населенія первый городъ эллинскаго міра послѣ Константинополя; по вліянію же она занимаетъ второе мѣсто послѣ Аѳинъ. Турки не безъ основанія дали ей прозвище «Смирны невѣрной»: вступая въ портъ, видишь почти исключительно суда подъ европейскими флагами, и всѣ кварталы вдоль набережныхъ, построенные наземлѣ, которую французская кампанія завоевала у моря, принадлежатъ гяурамъ. Все носитъ на себѣ отпечатокъ западной инициативы: набережныя, вымощенныя лавами Везувія, англійскіе рельсы, вѣнскія коляски и кареты, дома, построенные подъ руководствомъ французскихъ архитекторовъ каменщиками изъ Архипелага, кирпичи, мраморы, желѣзные столбы, сваи и деревянныя рамы, позволяющія строеніямъ выдерживать сотрясенія почвы,—всѣ эти матеріалы были привезены изъ-за моря. Иностранецъ почти не знаетъ другой Смирны, кромѣ Смирны грековъ и франковъ; турки оттѣснены внутрь города, къ склонамъ горы Пагусъ; кварталъ ихъ—это лабиринтъ бѣдныхъ деревянныхъ домовъ, которые никогда бы не ассенизировались, если бы огонь не дѣлалъ иногда среди нихъ широкихъ пробѣловъ. Судя по школамъ, которыя напередъ обезпечиваютъ первенство болѣе образованнымъ, не подлежитъ сомнѣнію, что нравственное превосходство грековъ быстро возрастаетъ; ихъ главная коллегія (высшее учебное заведеніе), которую англійское покровительство охраняло отъ вмѣшательства турецкаго правительства, занимаетъ цѣлый кварталъ и постоянно расширяется прибавленіемъ новыхъ построекъ; при ней есть даже музей древностей, который обогащается изо дня въ день новыми пріобрѣтеніями, благодаря патріотическому рвенію греческой общины, а библіотека ея представляетъ неоцѣнимое сокровище, при входѣ въ обширный міръ безъ книгъ, простирающійся внутрь Азіи. Армяне тоже очень усердно заботятся о своихъ школахъ, и даже евреи, еще недавно составлявшіе одинъ изъ самыхъ презрѣнныхъ классовъ общества, поднимаются мало-по-малу въ общемъ уваженіи за ту энергію, съ которой они занимаются воспитаніемъ своихъ дѣтей. Въ очень многихъ европейскихъ семействахъ французскій языкъ замѣнилъ испорченный испанскій (spaniole), какъ общеупотребительная рѣчь [1].

Населеніе Смирны по «національностямъ» въ приблизительныхъ цифрахъ:

Грековъ райи—96.000; эллинскихъ гражданъ — 30.000; турокъ—40.000; евреевъ — 16.000; армянъ—10.000; левантинцевъ и иностранцевъ—8.000; всего—200.000.

Промышленность Смирны доставляетъ для вывоза лишь небольшое число предметовъ. Ковры, извѣстные подъ именемъ «смирнскихъ», производятъ внутренніе округа—Гердизъ, Кула, Ушакъ; въ городѣ и его окрестностяхъ не выдѣлываютъ другихъ фабрикатовъ, кромѣ ординарныхъ бумажныхъ тканей, тесьмы, лентъ и легкихъ шелковыхъ матерій, затканныхъ золотомъ; главный мѣстный продуктъ—*халва*, родъ тѣста, приготовляемаго изъ кунжутной муки и меду; она очень цѣнится во всѣхъ восточныхъ странахъ, гдѣ населеніе обречено на частые посты; смирнская халва вывозится въ Грецію, въ дунайскія земли и въ Россію. Почти вся отпускная торговля главнаго порта Іоніи состоитъ изъ земледѣльческихъ и промышленныхъ произведеній, доставляемыхъ изъ внутреннихъ долинъ по желѣзнымъ дорогамъ, которыя проникаютъ уже на сотни верстъ внутрь материка (общая длина сѣти смирнскихъ желѣзныхъ дорогъ въ концѣ 1883 года—570 километровъ; доходъ въ 1882 году 3.050.000 франк.). Главные предметы вывоза—виноградъ, винныя ягоды, хлѣбъ, растительныя масла, хлопокъ, табакъ, опіумъ, кожи сырыя и въ дѣлѣ, ковры и цыновки; цѣнность вывозимаго винограда, въ среднемъ выводѣ, 10.000.000 франковъ; сборъ въ 1882 году 34.000 тоннъ. Привозъ состоитъ изъ бумажныхъ и полотняныхъ издѣлій, доставляемыхъ преимущественно изъ Англіи, суконъ изъ Германіи, ліонскихъ шелковыхъ тканей, затканныхъ золотомъ и серебромъ матерій, металловъ, мануфактурныхъ произведеній всякаго рода. Прежде смирнскіе армяне пользовались монополіей фабрикаціи носовыхъ платковъ и покрывалъ, но заводъ ихъ былъ отчужденъ для постройки желѣзнодорожной станціи. Возрастаніе торговаго обмѣна значительно изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, хотя Смирна уже не занимаетъ такого важнаго мѣста относительно остальной Оттоманской имперіи, какое занимала прежде, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія: въ 1816 году, ея внѣшняя торговля съ Европой, около 70 милліоновъ франковъ [2]), представляла по цѣнности половину торговыхъ сношеній всей Турціи, европейской и азіатской. Франція, которая въ про-

[1]) Pariente, рукописныя замѣтки.

[2]) Jurien de la Gravière, „Revue des Deux Mondes". 15 décembre 1872.

шломъ столѣтіи пользовалась почти исключительной монополіей левантской торговли, опережена теперь Англіей въ отношеніи цѣнности торговаго обмѣна, но не уступаетъ своей заламаншской сосѣдкѣ въ отношеніи движенія морскаго судоходства (относительнаго числа судовъ, участвующихъ въ торговлѣ съ смирнскимъ портомъ), и все еще занимаетъ привилегированное положеніе, благодаря приносимому таможнями доходу, приписываемому отчасти французской компаніи, которая расчистила нынѣшній портъ, построила волноразбиватели, молы и набережныя. Въ настоящее время видны только слѣды прежняго порта, который вдавался внутрь материка близъ южной оконечности города. Овальные контуры старыхъ береговъ бассейна еще замѣтны въ строеніяхъ базара, которыя стояли вокругъ водной площади, постепенно съуживавшейся.

Движеніе судоходства въ Смирнѣ въ 1880 году:

Парусныхъ судовъ—1.233, вмѣстимостью—165.650 тоннъ; пароходовъ—1.668, вмѣстимостью—1.787 250 тоннъ; всего—2.901, вмѣстимостью—1.952.900 тоннъ.

Цѣнность привоза въ 1882 г.—116.500.000 франковъ; цѣнность вывоза—95.500.000 франковъ; общая сумма—212.000.000 франковъ.

Доля различныхъ націй во внѣшней торговлѣ Смирны въ 1882 году [1]):

Англія—75.730.000 франковъ; Франція—39.000.000 франковъ; Австро-Венгрія—19.300.000 франковъ; Италія—7.750.000 франковъ.

Доля участія иностранныхъ коммерческихъ флотовъ въ торговлѣ Смирны въ 1880 году:

Франція—21 процентъ; Австро-Венгрія—20 процент.; Англія—17 процент.; Италія—7 процент.; Турція—2 процента; другія государства—33 процента.

Какъ всѣ большіе города, Смирна дополняется предмѣстьями, мѣстами загородныхъ прогулокъ и центрами дачной жизни, куда городскіе жители отправляются искать тѣни, недостающей ихъ площадямъ и проспектамъ. На сѣверо-востокѣ, кладбища представляютъ великолѣпныя группы кипарисовъ; подлѣ этихъ занавѣсовъ зелени смирніоты, сидя безпечно на террасахъ кофеенъ, расположенныхъ вдоль берега, рядомъ съ Караваннымъ мостомъ, созерцаютъ безпрестанно мѣняющееся зрѣлище, представляемое проходомъ верблюдовъ, съ ихъ вожаками, юруками, турками или татарами. Въ своемъ нижнемъ теченіи скромный ручей, обозначаемый, справедливо или нѣтъ, именемъ Мелеса, въ память Гомера, бѣжитъ въ «Райскомъ» оврагѣ, подъ аркадами древнихъ водопроводовъ, сплошь обвитыхъ фестонами растеній. На востокѣ, въ циркѣ, открывающемся на бокахъ массива Тмолусъ, пріютилось мѣстечко Буджа, окруженное прекраснѣйшими чащами зелени, великолѣпными кипарисовыми аллеями. Далѣе, въ томъ же бассейнѣ верхняго Мелеса, Севди-кой или «деревня любви» выглядываетъ своими бѣлыми домиками изъ-за зелени платановъ. Въ равнинѣ, составляющей продолженіе впадины Смирнскаго залива, по направленію къ Нимфейскому перевалу, Бурнабатъ, покрывающій своими садами пространство въ нѣсколько квадр. километровъ, поднимается пологимъ скатомъ у основанія горъ: это—наиболѣе посѣщаемый дачный городокъ въ окрестностяхъ Смирны; населеніе его удвоивается въ періодъ съ марта по ноябрь. Дальше на востокъ показываются Гаджиларъ, окруженный масличными рощами, и Бунаръ-Баши или «Голова воды» (начало, истокъ), который обязанъ своимъ названіемъ находящимся въ сосѣдствѣ его обильнымъ источникамъ; желѣзная дорога, которая въ праздничные дни привозитъ толпу гуляющихъ въ сады Бурнабата, продолжается до подошвы Нимфейскаго прохода. На одной террасѣ хребта Тмолусъ расположено мѣстечко Каклуджа (Куклуджа), откуда можно любоваться панорамой бухты. На другой сторонѣ залива, напротивъ города, быстро разростающееся мѣстечко Корделіо состоитъ изъ виллъ, принадлежащихъ мелкой буржуазіи, и имѣетъ правильное пароходное сообщеніе съ Смирной. Наконецъ мѣстечко Кара-Ташъ, гдѣ находится большой лицей, и Гезъ-тепе, собраніе дачъ, продолжаютъ городъ на юго-западъ, вдоль южнаго берега залива. Скаты холмовъ, еще недавно представлявшіе обширныя пастбища, уже разрѣзаны на правильныя геометрическія фигуры, начерченныя стѣнами оградъ.

Но въ этой Смирнской области, гдѣ возникаютъ новые города вокругъ большаго торговаго центра, на какомъ именно мѣстѣ стояла древне-греческая Смирна? Какая рѣка должна быть признана Мелесомъ, на берегу котораго родился Гомеръ? Вотъ вопросъ, обсуждаемый археологами, и относительно котораго они еще далеко не пришли къ соглашенію. Такъ какъ древнія преданія помѣстили Мелесъ подъ стѣнами Смирны, и такъ какъ этотъ городъ нѣсколько разъ мѣнялъ мѣсто, то названіе рѣки всегда переносилось на тотъ потокъ, при которомъ основывался новый городъ [1]). Большинство путешественниковъ, принимая народное преданіе, видятъ Мелесъ въ ручьѣ, проходящемъ подъ мостомъ Каравановъ, и съ благоговѣніемъ посѣщаютъ близъ древняго водопровода пещеру, которая носитъ названіе «Гомерова грота». Другіе изслѣдователи полагаютъ, что истинный Мелесъ впадаетъ въ сѣверо-восточный уголъ Смирнскаго рейда. Руины,

[1]) Pelissier de Reynaud, „Bulletin consulaire français“, 1883, 3-e fascicule.

[1]) Michaud et Poujoulat, „Correspondance d'Orient“.

*

«гробницы Тантала», могильные склепы, высокій акрополь, вѣнчающій сосѣднія кручи, по ихъ мнѣнію, принадлежали къ древнему городу [1]), и остатки порта видны еще, будто-бы, въ маленькомъ озерѣ и болотахъ, сообщавшихся нѣкогда съ моремъ. Наконецъ, нѣкоторые археологи, созерцая прекрасный источникъ, называемый Кара-Бунаромъ, то-есть «Чернымъ фонтаномъ», или чаще, «купальней Діаны», увѣряютъ, что эта-то чистая вода, разливающаяся скатертью, среди колеблемыхъ вѣтромъ высокихъ травъ и спускающаяся къ морю равномѣрнымъ потокомъ, и есть настоящій Мелесъ, «съ прозрачной водой, обросшей густыми камышами», какъ его описываютъ древніе авторы [2]). Сколько источниковъ величаются такимъ образомъ «рѣками»,—титуломъ, котораго, конечно, болѣе заслуживаетъ вода всегда прозрачная и бѣгущая, чѣмъ потокъ быстрый весной, но изсякающій во время лѣтнихъ жаровъ! Сена, Гаронна, Рона, Дунай, Іорданъ, Евфратъ представляютъ тому замѣчательные примѣры.

Античная Клазомена, родина философа Анаксагора, стоявшая на внѣшнемъ Смирнскомъ заливѣ, внѣ прохода, почти совершенно исчезла, какъ и городъ Гомера; но по крайней мѣрѣ извѣстно, гдѣ она находилась. Она была расположена на островѣ, къ востоку отъ великолѣпнаго рейда, образуемаго полуостровомъ и островными холмами. Колонны и различные остатки скульптурныхъ украшеній были увезены въ Смирну и въ другіе города морскаго прибрежья. Въ наши дни Клазомена сдѣлалась лазаретомъ, и суда, выдерживающія карантинъ, становятся на якорь подъ защитой этого островка. Плотина, разрушенная теперь до уровня воды, была построена по повелѣнію Александра Македонскаго отъ острова Клазомены до твердой земли. Морская пристань Вурлахъ, лежащая на континентальномъ берегу, напротивъ Клазомены, посылаетъ свой виноградъ непосредственно за границу. Прекрасная колесная дорога, длиной 4 километра, соединяетъ этотъ портъ съ городкомъ Вурлахъ, который виднѣется на краю гористаго плато, превращеннаго въ эти послѣдніе годы въ одинъ необозримый виноградникъ; но большая часть воздѣланной территоріи уже монополизирована крупными землевладѣльцами. Тысячи рабочихъ приходятъ изъ другихъ мѣстъ и располагаются лагеремъ въ окрестностяхъ Вурлаха во время полотья и сбора винограда. Эти работники раздѣлены на партіи, какъ невольники. Разставленные въ линію, они полютъ въ тактъ, нагибаясь и выпрямляясь всѣ вмѣстѣ мѣрнымъ движеніемъ; отъ времени до времени коноводъ испускаетъ пронзительный крикъ, и всѣ отвѣчаютъ ему, продолжая его голосъ звукомъ, похожимъ на ржаніе коней. На разстояніи нѣсколькихъ боровдъ, противъ ряда наемниковъ, стоитъ надзиратель, часто вооруженный. Лошадь его, осѣдланная, ждетъ своего господина на сосѣдней тропинкѣ.

По другую сторону полуострова, на южномъ побережьѣ, два города, Севри-Гиссаръ и Сигаджикъ, сдѣлались, подобно Вурлаху, земледѣльческими центрами. Въ 2 километрахъ къ югу отъ этого послѣдняго города, у основанія скалистаго полуострова, находятся величественныя руины Теоса, іонійскаго города, гдѣ родился знаменитый поэтъ Анакреонъ. Ограда изъ каменныхъ стѣнъ имѣетъ 6 километровъ въ окружности, и между развалинами можно различить кое-какіе остатки храмовъ, театръ, откуда открывался обширный видъ, простиравшійся до горъ далекаго Самоса, и святилище Діонизоса, которому городъ былъ посвященъ. Договоры, заключенные со всѣмъ эллинскимъ міромъ, обезпечивали ему право убѣжища. Далѣе на юго-востокъ, на томъ же южномъ берегу, развалины Лебедоса представляютъ лишь безформенныя кучи мусора, а въ направленіи Эфеса, Кларосъ, славившійся своимъ оракуломъ, исчезъ съ лица земли, такъ же, какъ и городъ Колофонъ. Послѣ Чендлера, Арунделя, Тексье, Аристидъ Фонтрье тщательно изучилъ всѣ его обломки и отыскалъ нѣсколько замѣчательныхъ остатковъ древности, между прочимъ фрагменты двухъ гигантскихъ львовъ, относящихся къ великой эпохѣ іонійскаго искусства. Страна, нѣкогда густо населенная и славившаяся коневодствомъ, нынѣ почти пустынна, исключая зимняго времени, когда тамъ бродятъ пастухи-номады со своими стадами. Горы, господствующія надъ этой страной, сохранили еще кое-гдѣ купы сосенъ, послѣдніе остатки большихъ лѣсовъ, о которыхъ говорятъ древніе писатели, какъ о производящихъ колофонскую смолу, названіе которой передѣлано въ «канифоль» [1]).

Въ эпохи эллинскія и римскія, Лебедосъ былъ посѣщаемъ иностранцами, ради существующихъ въ окрестностяхъ его термъ, которыми и теперь еще пользуются. Мало найдется странъ, болѣе богатыхъ горячими источниками, чѣмъ изрѣзанный полуостровъ, заключенный между Смирнскимъ заливомъ и заливомъ Скала-Нова. Уже въ сосѣдствѣ смирнскихъ виллъ, на южномъ берегу залива, бьютъ изъ земли Агамемноновы ключи, возлѣ которыхъ видны остатки римскихъ термъ. Но наибольшее число посѣтителей привлекаетъ Чесменскій курортъ, близъ оконечности полу-

[1]) A. von Prokesch, „Denkwürdigkeiten und Erinnerungen aus dem Orient“; — E. Curtius, „Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin“, 1872; — G. Weber, „Le Sipylos et ses Monuments“.

[2]) Bonaventure Slaars, „Etude sur Smyrne“.

[1]) Аристидъ Фонтрье, „Этюдъ по вопросу объ опредѣленіи положенія различныхъ, упоминаемыхъ древними, мѣстностей въ Іоніи“ (на новогреческомъ языкѣ).

острова, напротивъ Хіоса и недалеко отъ развалинъ Эритреи, гдѣ также текутъ обильныя горячія воды. Чесме, то-есть «Источникъ» по преимуществу, пріобрѣлъ въ исторіи извѣстность морской битвой 1770 года, въ которой русскіе совершенно истребили оттоманскій флотъ, и подвигами греческаго вождя Канариса, который «водрузилъ пламя пожара» на кораблѣ капуданъ-паши. Рядомъ съ торговымъ городомъ, раздѣленнымъ на два квартала, турецкій и греческій, выстроился новый городъ для пріѣзжающихъ изъ Смирны на минеральныя воды. Высокую температуру чесменскихъ источниковъ и вообще всего полуострова приписываютъ вулканической энергіи почвы. Дѣйствительно, земля этой страны часто испытываетъ потрясенія; какъ на одно изъ явленій этого рода, причинившихъ наиболѣе бѣдствій, можно указать на послѣднее землетрясеніе, имѣвшее мѣсто въ октябрѣ 1883 года, когда слишкомъ шесть тысячъ домовъ были разрушены въ Чесме, Лацатѣ, Ритрѣ, Рейсъ-дере. Запасы сушенаго винограда, продукта, составляющаго богатство края, исчезли подъ грудами обвалившихся камней. Еще долгіе годы будутъ чувствоваться послѣдствія общаго обѣднѣнія, произведеннаго этой катастрофой.

Хіосъ послѣ землетрясенія.

Городъ Хіосъ, протянувшійся на нѣсколько километровъ въ длину, на островѣ того же названія, на краю зубчатаго берега, между садами померанцевыхъ деревьевъ и масличныхъ рощъ, наглядно свидѣтельствуетъ своимъ видомъ о бѣдствіяхъ, которыя могутъ быть причинены землетрясеніями. Въ 1881 году онъ былъ почти весь разрушенъ, и слишкомъ 5.000 человѣкъ погибли подъ развалинами зданій. Хотя послѣ того городъ въ большей части опять отстроился (реставрація Хіоса до іюля 1883 г., по свѣдѣніямъ газеты «Impartial de Smyrne»: 1.321 домовъ, церквей и мечетей отстроенныхъ, 1.873 поправленныхъ), однако, и теперь еще увидишь много покрившихся башенъ и потрескавшихся стѣнъ. Но трудолюбіе хіосцевъ такъ велико, что они, безъ сомнѣнія, скоро изгладятъ всѣ слѣды страшной катастрофы, подобно тому, какъ до землетрясенія они уничтожили слѣды еще бо̀льшаго бѣдствія. Въ 1822 году, въ первое время войны за независимость Греціи, турки «прошли здѣсь», и когда дѣло опустошенія было совершено, города и деревни представляли однѣ груды развалинъ. 25.000 хіосцевъ были перебиты и 45.000 уведены, какъ невольники, въ Смирну и Константинополь; 15.000 убѣжали на острова и въ континентальную Грецію; остальные умерли отъ голода или тифа. Изъ всего населенія, превосходившаго 100.000 душъ, только 2.000 пережили турецкій разгромъ. Такъ отомстило оттоманское правительство за пораженія, которыя моряки изъ Псары или Ипсары, маленькаго островка, лежащаго въ сосѣдствѣ

съ Хіосомъ, къ сѣверо-западу отъ послѣдняго, нанесли турецкимъ военнымъ кораблямъ.

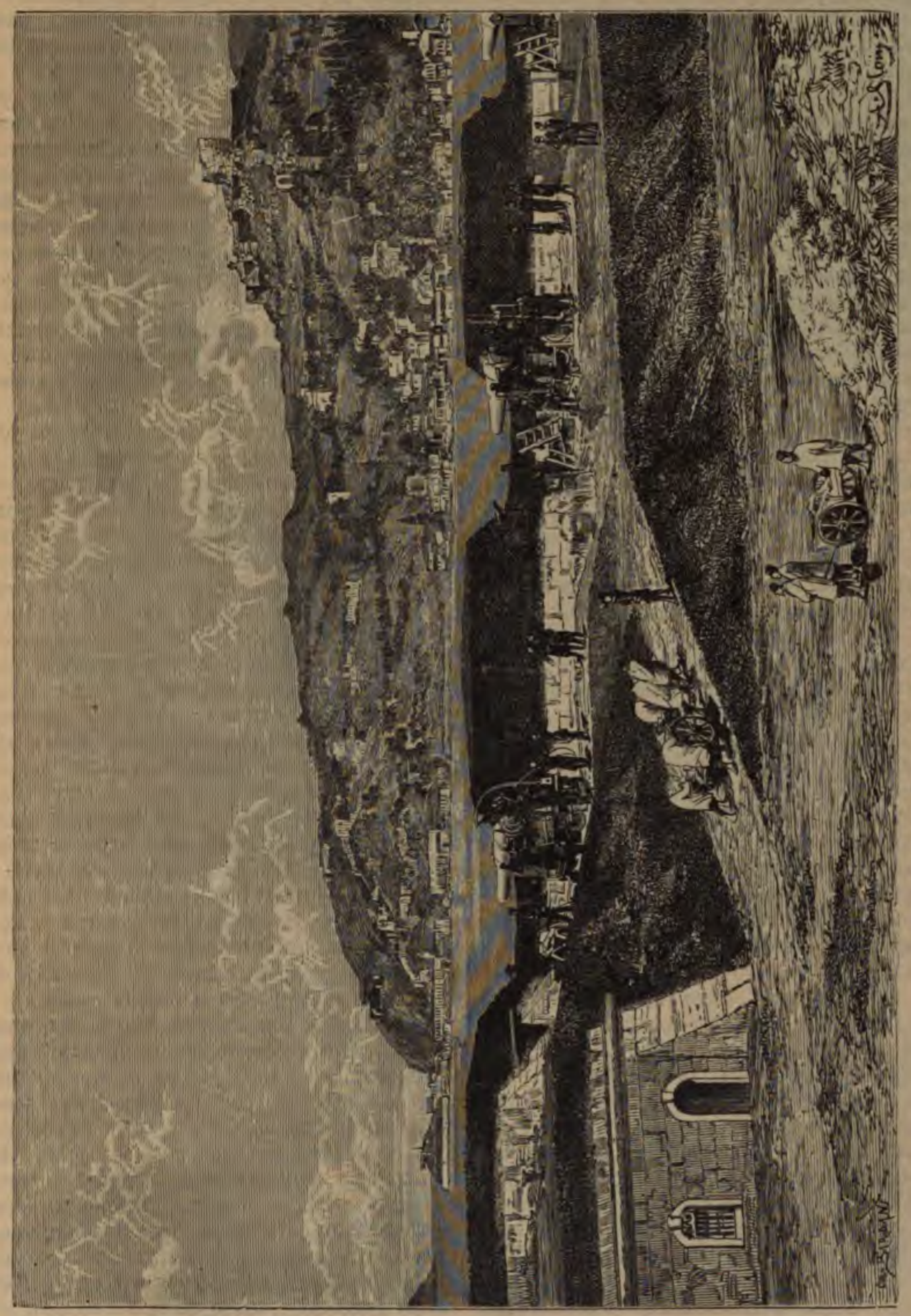
«Рай Архипелага» снова заселился, хотя число его жителей не достигло еще и половины той цифры, какую представляло населеніе острова до войны. Городъ Хіосъ, или Кастро—какъ его называютъ по господствующему надъ нимъ генуэзскому замку,—занимаетъ очень счастливое положеніе, на пути кораблей, плывущихъ вдоль западныхъ береговъ Малой Азіи; это—передовая пристань Смирны на дорогѣ изъ Аѳинъ и изъ западной Европы. На сѣверъ городъ продолжается предмѣстьемъ или, вѣрнѣе сказать, громаднымъ паркомъ Вронтадосъ, населеннымъ преимущественно моряками. Съ южной стороны за городомъ тянутся непрерывнымъ рядомъ тысячи виллъ дачнаго мѣста Кампосъ, куда негоціанты уѣзжаютъ каждый вечеръ, по окончаніи дневныхъ занятій. Во всѣ времена хіосскіе греки отличались меркантильнымъ геніемъ; тѣ изъ нихъ, которые нашли убѣжище за границей во время войны за независимость, воспользовались своимъ изгнаніемъ, чтобы основать торговые дома на Западѣ—въ Лондонѣ, въ Марсели, въ Ливорно, и ихъ-то иниціативѣ торговля острова была обязана тѣмъ, что опять достигла цвѣтущаго состоянія. «Природа, говорятъ, создала ихъ негоціантами и банкирами, и они дѣлаются богатыми безъ усилій». Другіе греки остерегаются этихъ единоплеменниковъ, столь ловкихъ, и часто утверждаютъ, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть потомковъ какой-нибудь еврейской или финикійской колоніи; впрочемъ, хіосцы дѣйствительно имѣютъ кое-что изъ семитическаго типа, особенно женщины, которыя отличаются благородствомъ и правильностью чертъ. Подобно евреямъ, хіосцы избѣгаютъ смѣшенія съ иноплеменниками или съ эллинами другихъ острововъ. Брачные союзы заключаются не иначе, какъ между своими; точно также, когда требуется выбрать торговаго корреспондента, они всегда берутъ члена своей семьи. Такимъ образомъ, съ одного конца свѣта до другаго, дѣла ведутся между родственниками [1]). Пронырливые и вкрадчивые, хіосцы также очень искусны въ пріобрѣтеніи почестей и теплыхъ мѣстечекъ. Число высшихъ чиновниковъ, уроженцевъ острова, весьма значительно при дворѣ и во всѣхъ пашалыкахъ.

Исключая низины, островъ Хіосъ отъ природы не плодороденъ. Камень, состоящій почти вездѣ изъ синеватаго мрамора съ крупными кристаллами, прикрытъ лишь тонкимъ слоемъ растительной земли. Нужно было создать почву и удержать ее на террасахъ, расположенныхъ одна надъ другой въ видѣ ступеней лѣстницы по бокамъ горъ; нужно было также отыскать источники въ нѣдрахъ скалъ, вывести ихъ на поверхность и распредѣлить ихъ воду по ирригаціоннымъ каналамъ: если островъ сдѣлался плодоноснымъ, то только благодаря труду человѣка. Хіосцы—самые искусные садоводы между греками; ихъ берутъ нарасхватъ въ качествѣ садовниковъ въ Константинополѣ, въ Смирнѣ и даже въ Италіи; вошло въ поговорку, что «земля улучшается въ ихъ рукахъ». Благодаря этому неутомимому труду жителей и своему счастливому климату, Хіосъ, очень богатый плодами всякаго рода, вывозитъ каждый годъ отъ 35 до 40 милліоновъ апельсиновъ, отъ 40 до 50 милліоновъ лимоновъ; кромѣ того виноградъ, винныя ягоды и камедь лѣснаго и терпентиннаго фасташковаго или мастиковаго дерева, употребляемую для приготовленія «мастики», которую жуютъ восточные люди, и другой «мастики», составляющей главный крѣпкій напитокъ Леванта (мастиковой камеди ежегодно вывозится отъ 50.000 до 60.000 килограммовъ). Растительность на островѣ Хіосѣ представляетъ ту замѣчательную особенность, что маслина, дерево, по преимуществу свойственное греческому Востоку, приноситъ плоды не каждый годъ, а въ два года разъ. Взамѣнъ того, мастиковое дерево, безплодное или малопроизводительное на другихъ островахъ и на континентѣ, выдѣляетъ въ южныхъ мѣстностяхъ Хіоса ту драгоцѣнную смолу, за которую весь островъ получилъ у турокъ названіе Сакизъ-Адаси. Генуэзцы, владѣвшіе островомъ до перехода его въ руки турокъ, придавали такую важность монополіи знаменитой камеди, что для того, чтобы легче было наблюдать за крестьянами и предупредить всякую контрабанду, они сдѣлали изъ каждой «мастиковой деревни» обширную тюрьму. Еще и въ наши дни мѣстечки въ южной части острова имѣютъ видъ настоящихъ четыреугольныхъ крѣпостей, которыя сообщаются съ окрестными деревнями лишь чрезъ узкія ворота, пробитыя въ каменной оградѣ изъ высокихъ стѣнъ и запираемыя на ночь желѣзной рѣшеткой. Внутри ограды дома тѣсно скучены вокругъ сторожевой башни, на которую можно взойти не иначе, какъ по веревочной лѣстницѣ. Ни городъ Кастро, ни другія населенныя мѣста острова не сохранили никакихъ остатковъ древности, кромѣ находящейся въ 8-ми километрахъ къ сѣверу отъ города скамьи, вырѣзанной въ скалѣ и поддерживаемой грубыми изваяніями, изображающими не то львовъ, не то сфинксовъ: этотъ памятникъ, быть можетъ, принадлежащій до-эллинскому періоду, называется «Гомеровой школой», на основаніи преданія, которое сдѣлало изъ поэта философа и изображаетъ его возсѣдающимъ въ этомъ мѣстѣ среди своихъ учениковъ. Въ новыя времена, какъ и въ древніе вѣка, Хіосъ имѣлъ сыновъ, пріобрѣвшихъ извѣстность въ наукѣ и литературѣ: такъ, эллинистъ Корай, такъ много сдѣ-

---

[1]) Fustel de Coulanges, „Archives Scientifiques“, tome V.

лавшій для возстановленія классическихъ текстовъ, былъ хіосецъ. Турки держатъ гарнизонъ въ цитадели и рѣдко пускаютъ туда христіанъ; но они мало вмѣшиваются во внутреннее управленіе острова. Общественными дѣлами въ Хіосѣ, какъ и въ большей части земель Архипелага, завѣдуетъ патриціатъ, почти автономный.



Турецкая батарея при входѣ въ Босфоръ.

Къ югу отъ смирнскихъ горъ долина рѣки Кайстра или «Малаго Меандра», оканчивающаяся эфесскими болотами, представляетъ страну небольшаго протяженія, которую древніе обозначали спеціально подъ именемъ Азіи, и которая въ наши дни есть одна изъ самыхъ многолюдныхъ и важнѣйшихъ по торговлѣ областей Анатоліи; сотни деревень и три важныхъ города, населеніе которыхъ въ большинствѣ состоитъ еще изъ турокъ, Эдимишъ, Тира или

Тире, Байндиръ, отправляютъ въ Смирну земледѣльческія произведенія окрестныхъ мѣстностей—виноградъ, оливки, винныя ягоды, хлѣбъ. Тира, соединенная съ сѣтью смирнскихъ желѣзныхъ дорогъ, есть одно изъ красивѣйшихъ городскихъ поселеній Малой Азіи. Раздѣленная лѣсистыми оврагами на множество отдѣльныхъ кварталовъ, она представляетъ скорѣе цѣлую группу городовъ, чѣмъ одинъ сплошной городъ; со всѣхъ сторонъ стройные минареты выдвигаются надъ зеленѣющими чащами деревьевъ. Къ западу отъ Тиры находится обширный *чифтликъ* Машатъ, который султанъ подарилъ Ламартину, но которымъ поэтъ не воспользовался для обработки земли и веденія хозяйства.

Древній городъ Эфесъ, охранявшій выходъ долины Кайстра, пересталъ существовать, и въ равнинѣ, гдѣ виднѣются развалины его памятниковъ, единственныя жилища—это избушки бѣдной деревни Айя-Сулукъ, пріютившейся подъ нависшими аркадами римскаго водопровода, на которомъ важно сидятъ аисты; путешественники съ опасностью жизни пускаются лѣтомъ въ болотистую область, гдѣ нѣкогда стояли прекраснѣйшія зданія. Эфесъ, состоявшій по крайней мѣрѣ изъ трехъ, первоначально отдѣльныхъ, городовъ, былъ раскинутъ на значительномъ пространствѣ; на западѣ, близъ моря, онъ покрывалъ крутые склоны горы Корессосъ; другая уединенная гора, Піонъ (Пріонъ), на которой былъ расположенъ второй кварталъ или отдѣльный городъ, тоже заключалась въ городской чертѣ, а далѣе, на восточной сторонѣ, третья скала была увѣнчана эллинскими строеніями, которыя впослѣдствіи смѣнилъ турецкій крѣпкій замокъ, резиденція ай-сулукскихъ султановъ. Въ этомъ обширномъ пространствѣ, около 4 километровъ съ востока на западъ, нѣтъ больше ни одного цѣльнаго памятника, но обломки зданій встрѣчаются на каждомъ шагу, свидѣтельствуя о могуществѣ и великолѣпіи античнаго города. Эфесъ, «глазъ Азіи», какъ извѣстно, былъ, послѣ Аѳинъ, столицею іонійской конфедераціи и, какъ религіозная метрополія, резиденціей жрецовъ-царей, мѣстопребываніемъ грозной богини, — въ одно и то же время Анагиды, Артемиды и Діаны,—которая царствовала надъ Европой, такъ же, какъ и надъ Азіей, «Матери природы» и «Источника всѣхъ вещей». Никакое твореніе рукъ человѣческихъ не могло достойно представить эту богиню; самая священная, наиболѣе чтимая статуя ея былъ буковый чурбанъ, упавшій съ неба. Непрерывныя восьмилѣтнія раскопки подъ руководствомъ англичанина Вуда привели, наконецъ, къ открытію, въ 1871 г., фундаментовъ Артемизіона, погребенныхъ на глубинѣ болѣе шести метровъ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ стоитъ мечеть деревни Айя-Сулукъ, сама построенная на остаткахъ христіанской церкви. Въ своихъ поискахъ этотъ изслѣдователь руководился межами полей, для опредѣленія направленія древнихъ дорогъ: онъ былъ совершенно правъ, ввѣряясь въ этомъ случаѣ консервативному духу крестьянина; древніе памятники разрушены временемъ, но проложенныя къ нимъ тропинки существуютъ и до сихъ поръ.

Колоссальное зданіе, въ четыре раза превосходящее размѣрами аѳинскій Пареенонъ, открылось взорамъ археологовъ, которые могутъ отстроить его мысленно, съ его безконечными рядами желобчатыхъ колоннъ, опирающихся на цоколи, украшенные барельефами, съ его группами статуй и жертвенниками, окруженными тѣнистыми деревьями, сквозь которыя виднѣлись вдали холмы, обрисовывающіе на горизонтѣ свой важный и мягкій профиль. Великолѣпные фрагменты, перевезенные въ Британскій музей въ Лондонѣ, даютъ возможность составить понятіе, каково было это «седьмое чудо свѣта». Развалины храма были частью употреблены какъ матеріалъ для постройки водопровода и впослѣдствіи для сооруженія мечети, которая, впрочемъ, представляетъ оригинальный и любопытный памятникъ турко-персидскаго искусства, украшенный стихами изъ Корана, которые группируются и обвиваются прелестными арабесками. На самыхъ склонахъ горъ Піона и Коресса, откопанные фундаменты зданій, выступающія изъ-подъ земли развалины стѣны также обнаруживаютъ изумительное богатство пышными памятниками, которые украшали городъ эфесцевъ. Какое грандіозное зрѣлище долженъ былъ представлять видъ театра, гдѣ болѣе двадцати пяти тысячъ зрителей собирались на скамьяхъ, поднимающихся уступами, и подъ перистилемъ верхней колоннады [1])! Другіе изслѣдователи исчисляли въ 56.000 число мѣстъ въ театрѣ (Фалькенеръ). Отъ театра до порта храмы, названія которыхъ сохранились на медаляхъ, слѣдовали одинъ за другимъ безъ перерыва: статуи, теперь разломанныя на отдѣльные куски или превращенныя въ цементъ, стояли тысячами по сторонамъ широкихъ аллей; каменоломни на горѣ Піонъ, откуда добывали матеріалы для постройки всѣхъ этихъ зданій, поражаютъ своими громадными размѣрами. Какъ во всѣхъ жреческихъ городахъ, въ Эфесѣ не было ни одного камня, который не имѣлъ бы своей легенды, и въ окружающихъ горахъ каждая мѣстность была прославлена какими-нибудь чудесами; всѣ боги тамъ фигурировали въ какой-нибудь миѳологической сценѣ. Точно также христіане, наслѣдники греческаго міра, видѣли въ Эфесѣ одинъ изъ своихъ святыхъ городовъ; здѣсь «тюрьма апостола Павла», въ другомъ мѣстѣ — могила Маріи Магдалины,

---

[1]) Wood, „Discoveries at Ephesus".

тамъ, пріютившись въ гротѣ, почивали въ теченіе двухсотъ лѣтъ «семь спящихъ отроковъ» съ ихъ вѣрной собакой, тогда какъ вокругъ нихъ смѣнялись поколѣнія, и древнія языческія вѣрованія уступали мѣсто новой религіи; вырѣзанныя на драгоцѣнномъ камнѣ имена этихъ отроковъ сдѣлались какъ для христіанъ, такъ и для магометанъ, вѣрнѣйшимъ талисманомъ. Преданіе указываетъ на Эфесъ, какъ на мѣстопребываніе апостола Іоанна Богослова; отсюда и самое имя мѣстечка, Хагіосъ Ѳеологосъ, превратившееся въ Айя-Сулукъ въ устахъ турокъ [1]). Послѣ Гераклита, знаменитѣйшій изъ грековъ, родившихся въ Эфесѣ, былъ живописецъ Апеллесъ, который; менѣе счастливый, чѣмъ эллинскіе ваятели, не оставилъ ни одного творенія, чтобы оправдать свою славу въ глазахъ потомства.

Двѣ гавани, которыми обладалъ въ древности Эфесъ, не существуютъ болѣе, но можно угадать ихъ мѣстоположеніе. «Священный портъ», названный такъ потому, что онъ находился въ сосѣдствѣ храмовъ, можно узнать только по крутому изгибу, который дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ рѣка Кайстръ. Бассейнъ города, лежавшій дальше отъ моря и сообщавшійся нѣкогда съ большимъ портомъ посредствомъ канала, можетъ быть искусственнаго, теперь не болѣе, какъ болото, окруженное развалинами. Эти обмелѣвшія гавани были замѣнены портомъ «Новаго Эфеса», болѣе извѣстнаго подъ именемъ Скала-Нова или «Новая пристань», которое ему дали итальянскіе мореплаватели. Городъ, носящій то же названіе, имѣетъ видъ большаго города; онъ поднимается амфитеатромъ по сѣверному склону холма, обращеннаго наискось къ морю; древнія стѣны окружаютъ лабиринтъ поднимающихся въ гору улицъ; обширныя кладбища простираются далеко въ равнинѣ, окаймляющей морское прибрежье; гавань глубока, и съ западной стороны островокъ, называемый Птичьимъ, отчасти защищаетъ ее отъ вѣтра, дующаго съ открытаго моря; но сѣверо-западныя бури бываютъ тамъ иногда опасны. Скала-Нова посѣщалась большимъ числомъ судовъ до открытія желѣзной дороги, которая проникаетъ въ долину Меандра и увозитъ теперь всѣ произведенія въ Смирну; но въ наши дни «Новая пристань» почти покинута и, если правительство не разрѣшитъ постройки вѣтви, соединяющей ее со станціей Эфесъ, на магистральной линіи, то изолированное положеніе, въ которомъ она очутилась, грозитъ лишить ее и той небольшой торговли, которую она еще сохранила. Однако, пароходныя компаніи, ведущія борьбу съ «обществомъ смирнскихъ набережныхъ», часто возвращаются къ мысли основанія въ Новомъ Эфесѣ большаго порта со всѣми новѣйшими промышленными приспособленіями, и постройки спеціальнаго пути къ

Эфесъ. Развалины темницы св. Павла.

[1]) A. von Prokesch, „Denkwürdigkeiten aus dem Orient“.

долинѣ Меандра, чтобы отвлечь торговое движеніе къ своей выгодѣ [1]). На западѣ, недалеко отъ пригорка, на которомъ раскинуты руины Неаполиса («Новаго города»), греческое мѣстечко Чангли прячется въ маленькомъ бассейнѣ зелени на берегу ручья, осѣненнаго платанами: это, какъ полагаютъ, древній Паніоніумъ, куда собирались делегаты отъ іонійскихъ городовъ для обсужденія общихъ дѣлъ конфедераціи [2]). За Чангли, на морскомъ берегу, нѣтъ ни одного города, даже ни одной деревушки, и только кое-гдѣ встрѣчаются отдѣльно стоящіе дома.

Древняя столица острова Самоса, отдѣленная проливомъ, въ нѣсколько километровъ, отъ полуострова Микале, исчезла, какъ и Эфесъ, и отъ всѣхъ ея храмовъ сохранилась только одна колонна, остатокъ Гереіона, наиболѣе чтимаго святилища богини Геры во всей азіатской Іоніи. Маленькій городокъ, называемый Тигани или «Сковорода», по причинѣ кругообразной формы его порта, выстроился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился торговый кварталъ въ времена Поликрата; на террасѣ горъ, среди виноградниковъ и расположенныхъ косыми рядами масличныхъ рощъ, другой городъ, съ домами, стоящими одинъ надъ другимъ, и съ кривыми извилистыми улицами, Хора, то-есть «Мѣсто» по преимуществу, занимаетъ мѣстоположеніе одного квартала античнаго Самоса, вѣроятно, той части города, которая носила названіе Пиѳагоровой; остальвая часть равнины, нѣкогда покрытая жилищами, теперь заключаетъ лишь безформенныя развалины, разсѣянныя въ болотахъ и на распаханныхъ земляхъ. Подъ холмомъ акрополя, еще увѣнчаннымъ стѣнами и башнями, недавно открыли двойную подземную галлерею, длинной около 1.200 метровъ, которая приносила городу воды бьющаго изъ земли фонтана; этотъ туннель, долго разыскиваемый, былъ залѣпленъ при входѣ известковыми сростками и прикрытъ осыпавшейся землей; вода, по выходѣ изъ глубокой пропасти, надъ которой раскинутъ куполъ часовни, текла по дну узкаго ущелья и наконецъ терялась въ болотахъ прибрежья. Теперь занимаются очисткой галлерей, и скоро маленькое мѣстечко Тигани, лучше поставленное въ отношеніи водоснабженія, чѣмъ многіе большіе города, будетъ получать въ изобиліи чистыя воды по каналу, вырытому слишкомъ двадцать четыре вѣка тому назадъ.

Вати, нынѣшняя столица Самосскаго княжества, расположена на противуположной покатости острова, на берегу воронкообразнаго залива, открывающагося въ направленіи сѣверо-запада; большіе коробли подходятъ къ новымъ набережнымъ въ глубокой водѣ. Она состоитъ собственно изъ трехъ городовъ: въ зеленѣющемъ, поросшемъ травой циркѣ, на южной сторонѣ крутой горы, куда поднимаются по козьимъ тропинкамъ, видны старинныя строенія Палайо-Кастрона; на половинѣ высоты, на предгорьяхъ, извиваются въ видѣ лѣстницы улицы собственно такъ называемаго города, внизу, новый кварталъ порта тянется вдоль набережныхъ, тамъ, гдѣ еще въ половинѣ настоящаго столѣтія стояли только бѣдныя избушки. Портъ Вати, посѣщаемый регулярно пароходами, поддерживаетъ очень дѣятельную торговлю фруктами, лукомъ, винами, мушкатными орѣхами. Вокругъ города расчистка и запашка земель быстро измѣняютъ видъ мѣстности. Виноградники разводятъ тамъ не только въ равнинахъ и на пологихъ скатахъ горъ, но даже на каменистыхъ пространствахъ, и куски скалы, собранные съ распаханной почвы и сложенные въ кучи, высятся по окраинѣ огородей, въ видѣ стѣнъ и башенъ. Въ нѣсколькихъ километрахъ отъ берега Малой Азіи, почти совершенно пустыннаго, путешественникъ съ удивленіемъ видитъ населеніе, пристрастившееся къ труду и проявляющее кипучую дѣятельность. Самосъ имѣетъ широкую колесную дорогу, между Вати и Тигани; тамъ есть также мосты, набережныя, жете въ двухъ восточныхъ портахъ и на сѣверо-западномъ берегу, въ Карловасси; онъ ведетъ значительную торговлю, въ два раза превосходящую торговлю Франціи, пропорціонально числу жителей. Это цвѣтущее состояніе острова объясняется тѣмъ, что населеніе его пользуется почти полной автономіей, и ему нечего боятся турецкаго гарнизона изъ 156 человѣкъ, параднаго войска, содержимаго для формы отъ имени султана, верховнаго властителя страны. Ежегодная дань въ 47.000 франковъ освобождаетъ самосцевъ отъ всякой другой зависимости; управленіе присвоено извѣстному числу нотаблей или именитыхъ гражданъ, образующихъ совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ князя, назначаемаго Портой. Островитяне имѣютъ собственный флагъ, гордо показываемый въ Архипелагѣ цѣлымъ флотомъ самосскихъ шлюпокъ. Островъ Самосъ пользуется большимъ матеріальнымъ благосостояніемъ; рождаемость обыкновенно въ два раза превышаетъ смертность, и съ каждымъ годомъ возрастаетъ число жителей, которому ведется точная перепись строго примѣняемой статистикой [1]).

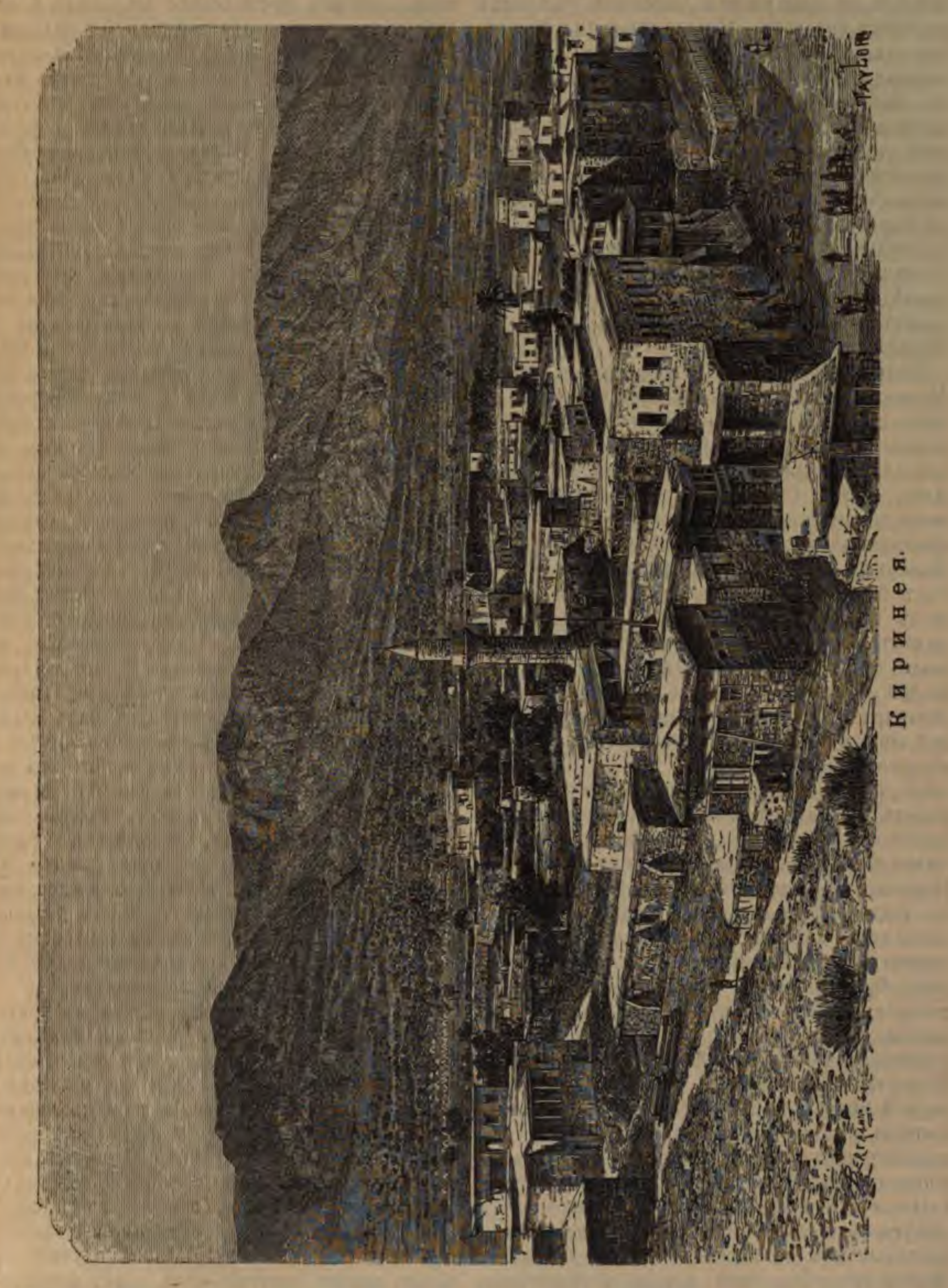
Народонаселеніе Самоса въ 1610 г.—10.000 жит., въ 1828 г.—27.125 жит., въ 1864 г.—33.998 жит., въ 1879 г.—37.701, въ 1881 г.—49.211 жит.

Бюджетъ Самоса въ 1876 г.: доходы—3.033.729 франковъ, расходы — 2.923.429 франковъ.

[1]) Loehnis, „Beiträge zur Kenntniss der Levante".
[2]) Tournefort, „Relations d'un voyage du Levant"; — Chandler, „Voyage dans l'Asie Mineure".

[1]) Эпаминондъ Стаматіадисъ, «Самосскій Ежегодникъ за 1880 годъ».

Роды культуръ на о. Самосѣ въ 1878 г.: пашни—6.676 гектаровъ, масличныя рощи—5.219 гектаровъ, виноградники — 2.927 гектаровъ, фруктовые сады—393 гектара.



Кириния.

Жители Самоса отличаются такой воздержностью и умѣренностью въ пищѣ, что легенда приписываетъ сухому и живительному климату острова особенное свойство, состоящее въ томъ, что тамъ, будто-бы, можно совсѣмъ обходиться безъ хлѣба насущнаго.

Цѣнность внѣшней торговли Самоса въ 1879 году: привозъ—15.701.318 франк., вывозъ—12.305.582 франк., общая сумма—28.006.900 франковъ.

Движеніе морскаго судоходства: 3.459 судовъ, вмѣстимостью 77.014 тоннъ.

Потомки колонистовъ, пришедшихъ со всего Архипелага, съ береговъ континентальной Эллады и изъ Анатоліи послѣ опустошенія острова турецкими завоевателями, самосцы способствуютъ, въ свою очередь, заселенію сосѣднихъ морскихъ береговъ. Цѣлыми тысячами уходятъ они искать счастья въ Смирнѣ и въ другихъ городахъ Іоніи; между ними же слишкомъ часто набираются разбойничьи шайки, разгуливающія по Анатоліи. Тѣ же самые индивидуумы, смирные и кроткіе среди трудолюбивыхъ населеній роднаго острова, дѣлаются наводящими страхъ бандитами на чужой землѣ. Много народу эмигрируетъ также изъ Никаріи и съ вулканической скалы Патмосъ, гдѣ жилъ Іоаннъ Богословъ, авторъ Апокалипсиса. Этотъ послѣдній островъ потерялъ почти половину своихъ жителей съ пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія.

Если бы прекрасная и плодородная долина Меандра была такъ же населена и воздѣлана, какъ гористый островъ Самосъ, она была бы раемъ Анатоліи. Эта долина и теперь уже одна изъ самыхъ промышленныхъ областей Малой Азіи: оттуда Смирна получаетъ наибольшую часть земледѣльческихъ произведеній и мануфактурныхъ издѣлій, питающихъ ея торговлю. Динеиръ, у истоковъ Меандра, составляетъ какъ бы ворота областей плоскогорья и долженъ въ скоромъ времени, какъ конечный пунктъ смирнской дороги, сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ Фригіи и Писидіи. Ушакъ, лежащій на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Меандра и окруженный полями, дающими лучшій опіумъ въ Анатоліи, выпиваетъ такъ называемые «смирнскіе ковры»; около 4.000 ткачихъ, работающихъ подъ открытымъ небомъ, передъ деревянной рамой, въ которой натянута основа, заняты весь день считаньемъ, завязываньемъ узловъ, выравниваньемъ нитей утка. Ковровое производство возрастаетъ изъ году въ годъ и представляетъ среднюю цѣнность около двухъ милліоновъ, оплачиваемыхъ импортерами Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ. Французскіе негоціанты имѣютъ своихъ агентовъ въ Ушакѣ и дѣлаютъ непосредственно авансы предпринимателямъ, которые платятъ работникамъ отъ 4 до 5 франковъ въ недѣлю [1]). Подобнымъ же образомъ, посредствомъ выдаваемой впередъ платы, значительно меньшей противъ рыночной цѣны товара, смирнскіе негоціанты покупаютъ бумажныя матеріи, называемыя *алажасъ*, которыя ткутъ женщины мусульманскаго мѣстечка Кади-Кой, въ бассейнѣ Ликуса, между Сарай Коемъ и Денизли. Тамъ насчитываютъ до тысячи ткацкихъ станковъ. Чтобы увеличить свои доходы посредствомъ умноженія числа работницъ, кадикойскіе турки почти всѣ имѣютъ по четыре законныя жены, то-есть, столько, сколько дозволяетъ коранъ [1]).

Денизли, лежащій у восточнаго основанія Баба-дага, въ равнинѣ, орошаемой живыми водами, состоитъ почти только изъ базара и нѣсколькихъ кожевенныхъ заводовъ; въ половинѣ прошлаго столѣтія, послѣ землетрясенія, опрокинувшаго городъ, почти все населеніе разбрелось по загороднымъ домикамъ окрестной мѣстности, подъ тѣнь вязовъ, дубовъ и фруктовыхъ деревьевъ. Вѣроятно, этотъ городокъ рано или поздно будетъ привлекать много посѣтителей, какъ центральный пунктъ для экскурсій къ живописнымъ мѣстоположеніямъ горы Кадмусъ, къ инкрустирующимъ источникамъ на берегахъ Ликуса и къ руинамъ греко-римскихъ городовъ. На сѣверѣ Лаодикея, одна изъ «семи асійскихъ церквей», очень богатая и очень населенная въ началѣ христіанской эры, оставила импонирующія развалины своего водопровода, своихъ храмовъ и двухъ театровъ, обозначаемыя теперь подъ коллективнымъ именемъ Эски-Гиссаръ или «Старый замокъ»; на востокѣ, мѣстечко Хонасъ сохранило нѣсколько фрагментовъ зданій Колоссовъ; на западѣ, на противуположномъ склонѣ Баба-дага, базаръ Гейры (Гіеры, т. е. священный) окружаютъ руины Афродизіи, главный храмъ которой, преобразованный въ церковь въ византійскую эпоху, до сихъ поръ еще имѣетъ пятнадцать іоническихъ колоннъ, вполнѣ сохранившихся, но самыя грандіозныя развалины — это остатки Гіераполиса («священнаго города»), на травертиновой террасѣ, господствующей надъ аллювіальной равниной, гдѣ соединяются Ликусъ и Меандръ. Со ступеней театра, одного изъ самыхъ пышныхъ и наиболѣе пощаженныхъ временемъ памятниковъ этого рода, которые уцѣлѣли отъ эпохи Адріана, открывается великолѣпнѣйшій видъ на голубыя горы окрестностей и на равнину Меандра, которая сливается вдали съ прозрачными парами горизонта, которые кажутся еще болѣе легкими отъ контраста съ руинами зданій, краснаго или черноватаго тона, стоящими на террасѣ источниковъ.

Буладанъ, на маленькомъ сѣверномъ притокѣ Меандра, и Сарай-кой, на самой рѣкѣ, ниже слiянія ея съ Ликусомъ, такъ же, какъ и Денизли, представляютъ собою оба земледѣльческіе рынки, отправляющіе свои произведенія въ Смирну по айдинской желѣзной дорогѣ. Ниже, на отлогости, обращенной на югъ, виднѣется городокъ Назли, состоящій изъ двухъ отдѣльныхъ мѣстечекъ, изъ которыхъ одно, Верхній Назли, населенное греками и извѣстное спеціально подъ именемъ Базара, получило довольно важное значеніе, какъ одинъ изъ главныхъ рынковъ по торговлѣ винными ягодами, называемыми «смирнскими». Окружающая мѣ-

[1]) Edm. Dutemple, „En Turquie d'Asie".

[1]) Giudici; — Séjourné, рукописныя замѣтки.

стность представляетъ одинъ необозримый садъ смоковницъ, подъ сѣнью которыхъ растутъ ячмень и кукуруза; синія сойки летаютъ повсюду подъ листвой деревъ. Недавно станція Султанъ-Гиссаръ была окружена апельсинными рощами, но только небольшое число этихъ деревьевъ избѣгли болѣзни, отъ которой погибли въ то же время всѣ апельсинныя деревья на островѣ Самосѣ. Римскія руины встрѣчаются почти на каждомъ шагу. На одномъ холмѣ, надъ Султанъ-Гиссаромъ, виднѣются остатки Низы Греческой.

Айдинъ-Гюзель-Гиссаръ или «Прекрасный замокъ Айдина», самый большой городъ области Меандра, далъ свое имя вилайету, главный городъ котораго—Смирна. Протянувшись въ длину на нѣсколько километровъ, Айдинъ раскинулся у основанія и по скатамъ холмовъ изъ красноватаго конгломерата, увѣнчанныхъ нѣсколькими виллами; выкрашенные дома, желтые, зеленые или синіе, крытые черепицей, красный цвѣтъ которой исчезъ подъ слоемъ наросшаго мха, поднимаются афмитеатромъ по склонамъ горъ; куполы, минареты, группы кипарисовъ господствуютъ надъ массой низенькихъ построекъ; посреди города, между двухъ выступовъ горы, открывается глубокая долина, и на берегахъ ручья Айдинъ-Чай надъ журчащей водой свѣсились раскидистые платаны, подъ обширными вѣтвями которыхъ пріютились кофейни; въ окрестностяхъ бьютъ изъ земли обильные минеральные ключи. Айдинъ, названный такъ по имени независимаго эмира, который овладѣлъ долиной Меандра послѣ прохода монголовъ, населенъ преимущественно оттоманами; но греки растутъ въ числѣ, въ богатствѣ, во вліяніи, благодаря своей иниціативѣ, своимъ путешествіямъ и особенно своимъ школамъ, такъ какъ хотя они не составляютъ и пятой части населенія, но цѣлая половина общаго числа учащихся принадлежитъ ихъ національности. Армяне, кварталъ которыхъ, расположенный по склону холма, находится въ сосѣдствѣ съ кварталомъ грековъ, соперничаютъ съ ними по веденію торговыхъ операцій, и менѣе внушая опасеній туркамъ, чѣмъ предпріимчивые эллины, доставляютъ оттоманской администраціи почти всѣхъ ея служащихъ. Испанскіе евреи, живущіе въ нижнемъ предмѣстьѣ, близъ станціи желѣзной дороги,—всѣ коммиссіонеры, мѣнялы, ростовщики, дающіе ссуды подъ закладъ или подъ формальныя росписки. Населеніе Айдина: 23.000 турокъ, 6.500 грековъ, 1.800 евреевъ, 1.000 армянъ. Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ кончается Айдинъ, т. е. на закраинѣ холма, господствующаго на западѣ надъ ущельемъ ручья Айдинъ-Чай, начинался нѣкогда городъ Траллесъ. Терраса, на которой онъ стоялъ, совершенно ограниченная крутыми склонами и соединенная съ горами легко защитимымъ перешейкомъ, составляла естественную крѣпость, пространствомъ отъ 2 до 3 квадр. километровъ, которую каменныя стѣны дѣлали почти неодолимой [1]). Греческій городъ былъ пышенъ и богатъ прекрасными зданіями; но эти зданія были почти всѣ построены изъ кирпича, и уже многіе вѣка жители Айдина не имѣютъ другой каменоломни кромѣ развалинъ античнаго города; рабочіе постоянно раскапываютъ почву, чтобы извлекать оттуда древніе кирпичи, единственные, которые годятся для постройки печей. Среди маслиничныхъ деревьевъ этой террасы видны лишь груды обломковъ да кладбища; только на западной оконечности высится еще громадный фасадъ гимназіи, стѣна толщиной 8 метровъ (безъ малаго 4 сажени), прорѣзанная тремя воротами съ полукруглымъ сводомъ, «Тремя глазами» (Учъ-Гёзъ), черезъ которыя можно обозрѣвать нижнюю долину рѣки. Жалованное помѣстье Θемистокла, Магнезія на Меандрѣ, которая и сама смѣнила другой, еще болѣе древній городъ, исчезла, какъ и Траллесъ, расхищенная вѣковой непрерывной работой камнеломовъ; всѣ каменныя сооруженія на желѣзной дорогѣ между Айдиномъ и Эфесскимъ переваломъ были сдѣланы изъ камней, взятыхъ въ Магнезіи. Близъ безформенныхъ грудъ развалинъ расположена станція Баладжикъ, славящаяся своимъ медомъ и винными ягодами, лучшими въ Анатоліи.

Средній сборъ винныхъ ягодъ въ долинѣ Меандра: 30.000 грузовъ или 6.360.000 килограм.; въ 1878 году 10.000.000 килограммовъ.

Сборъ въ долинѣ Кайстра: 2.120.000 килограммовъ.

За исключеніемъ Сокіи или «Холодной», названной такъ отъ пролома въ горахъ, черезъ который врывается сѣверный вѣтеръ, въ нижней долинѣ нѣтъ городовъ. Сокія, гдѣ греки составляютъ большинство населенія, пріобрѣла важное значеніе, благодаря заводамъ для приготовленія лакрицы, основаннымъ англійскими коммерсантами; они эксплоатируютъ также въ сосѣдствѣ копи лигнита и наждака. Вотъ и вся промышленность страны. Но нѣтъ въ Малой Азіи мѣстности, гдѣ можно было бы видѣть болѣе драгоцѣнные остатки античнаго искусства. Тамъ, гдѣ теперь стоитъ деревня Самсунъ, у подошвы Микале, находилась родина Біаса, Пріена, набережныя которой нѣкогда омывались моремъ, и надъ которой господствовалъ очень высокій акрополь; у подножія скалы, на террасѣ, виднѣются руины храма Миневры Поліады, «образцоваго произведенія іонійской архитектуры въ лучшую ея эпоху», какъ о томъ свидѣтельствуютъ фрагменты, положенные г. Пулланомъ въ Британскій музей, и реставрація ихъ, сдѣланная гг. Рэйетомъ и Томасомъ. Колометрахъ въ двадцати къ югу, на колѣнѣ

[1]) Olivier Rayet et Albert, Thomas „Milet et la golfe Latmique“.

Меандра, бѣдная деревушка Палатія указываетъ мѣстоположеніе славнаго Милета, родины Ѳалеса и Анаксимандра; остатки театра, самаго большаго, какимъ обладала Малая Азія, да груды безформенныхъ развалинъ, поросшихъ кустарникомъ,—вотъ все, что уцѣлѣло отъ могущественнаго города, которому принадлежала гегемонія въ іонійской конфедераціи, и который не побоялся оказать сопротивленіе арміямъ Александра Великаго. Раскопки, исполненныя подъ руководствомъ г. Рэйета, обнаружили планъ пышныхъ зданій и привели къ открытію изваяній, находящихся теперь въ Луврскомъ музеѣ. Міонтъ, на рукавѣ Меандра, къ сѣверо-востоку отъ Милета, исчезъ безслѣдно; но городъ, гдѣ родился знаменитый живописецъ Зевксисъ, Гераклея, лежащая на восточной оконечности бывшаго залива Латмосъ, обратившагося во внутреннее море, вслѣдствіе накопленія рѣчныхъ наносовъ, — сохранилъ свою агору (рынокъ), менѣе поврежденную временемъ, чѣмъ агора всякаго другаго древне-греческаго города, и свою ограду, смѣло взбирающуюся по откосамъ крутыхъ скалъ. Наконецъ, близъ мыса, отдѣляющаго заливъ Меандра отъ залива Менделія, въ Димидѣ, нынѣшней Гіерондѣ, видны руины святилища Аполлона Бранхидеса, самаго обширнаго храма этого бога въ Малой Азіи и одного изъ самыхъ замѣчательныхъ по особенному архитектурному расположенію частей зданія, обусловленному таинствами оракула. Дорога, длиной въ 4 километра, обставленная по бокамъ сидячими статуями, напоминающими египетскій стиль, соединяла этотъ храмъ съ ближайшимъ портомъ. Лувръ и Британскій музей обладаютъ многими фрагментами изваяній, найденныхъ въ Димидѣ и на Священной дорогѣ [1].

Маленькій бассейнъ Сари-чая или «Желтой рѣки», впадающей въ Менделійскій заливъ, также очень богатъ древностями. Недалеко отъ города, давшаго свое имя заливу, и надъ которымъ съ сѣверной стороны господствуютъ крутые склоны Латмуса, на мѣстѣ, гдѣ находился древній Эвромъ, видны остатки прекраснаго коринѳскаго храма; въ Мелассѣ, Миласѣ древнихъ, нѣтъ ни одного дома, который не былъ бы построенъ изъ матеріаловъ, взятыхъ изъ развалинъ храмовъ, дворцовъ или мавзолеевъ; Асынъ-Кале или «деревня замка», къ сѣверу отъ устья рѣки Сари-чай, расположенъ у подошвы полуостровнаго мыса, на которомъ въ древности стоялъ Яссусъ, съ его прекраснымъ театромъ, его гробницами, его пелазгическими стѣнами, утилизированными впослѣдствіи для крѣпости, построенной венеціанцами. Древняя Каріанда, родина Скилакса, находится на противуположномъ берегу Менделійскаго залива. Оттуда остается только перейти горный хребетъ, чтобы спуститься въ городъ Будрунъ, бывшій Галикарнасъ, гдѣ родился Геродотъ. Занимая великолѣпное мѣстоположеніе на берегу глубокой и безопасной бухты, этотъ городъ представляетъ, по выраженію Витрувія, форму амфитеатра, обращеннаго къ морю; съ двухъ сторонъ бухту ограничиваютъ два высокіе мыса, на одномъ изъ которыхъ, на правомъ, стоялъ храмъ Венеры, Афродиты и Гермеса, а лѣвый, оканчивающійся скалистымъ полуостровомъ, былъ увѣнчанъ дворцомъ Мавзолея; въ этомъ обширномъ полукругѣ находились дворцы, храмы и мавзолей, воздвигнутый Артемидой. Это «чудо» древняго міра, надъ которымъ работали Скопа и другіе знаменитѣйшіе ваятели своего времени, былъ въ теченіе восемнадцати вѣковъ уважаемъ всѣми завоевателями, послѣдовательно являвшимися на берегахъ Малой Азіи. Хотя нѣсколько разъ потрясенный землетрясеніями, цоколь имѣлъ еще всѣ свои колоннады и изваянія въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, когда рыцари ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, болѣе дикіе варвары, чѣмъ всѣ ихъ предшественники, набросились на памятникъ и стали дѣлать изъ него камни для построекъ и известь. Подъ руководствомъ архитектора Генриха Шлегехольта, эти вандалы разрушили мавзолей, чтобы воздвигнуть крѣпость, которую они, впрочемъ, не смогли защитить противъ Солимана. Раскопки, сдѣланныя гг. Ньютономъ и Пулланомъ, обнаружили мѣстоположеніе мавзолея и привели къ открытію удивительныхъ фрагментовъ; теперь нужно отправиться въ Лондонъ, чтобы увидѣть эти остатки древнѣйшаго іонійскаго памятника Анатоліи; по мнѣнію г. Рэйета, онъ былъ построенъ въ половинѣ четвертаго столѣтія до Р. Х.

Портъ Будрунъ ведетъ лишь небольшую торговлю винными ягодами. Джова, лежащая на восточной оконечности залива Косъ, есть просто пристань Муглы, которая находится километрахъ въ двадцати отъ берега, внутри материка, окруженная горами: наконецъ, знаменитая Книда, главный городъ дорійскаго Гексаполя (союза шести городовъ), любимый городъ Афродиты, обладавшій статуей богини, изваянной Праксителемъ, оставилъ послѣ себя только руины, гробницы, циклопическія стѣны, обломки которыхъ послужими матеріаломъ для постройки дворцовъ въ Египтѣ для Магомета-Али; до сихъ поръ тамъ не нашли другаго замѣчательнаго фрагмента, кромѣ статуи льва, перевезенной въ Британскій музей. Эврипъ или каналъ, которымъ сообщались два книдскихъ порта, и черезъ который были построены два моста, занесенъ иломъ. Въ настоящее время рынокъ юго-западной части Малой Азіи находится на островѣ Косѣ: изъ города того же названія, лежащаго на закругленномъ, въ видѣ полукруга, берегу, ясно видны на сѣверѣ Бу-

[1]) O. Rayet et A. Thomas, „Milet et le golfe Latmique“.

рунская бухта, на югѣ мысъ Кріо, въ древности Тріопіумъ или Книдскій. Косъ Греческій, одинъ изъ богатѣйшихъ острововъ Архипелага, вывозитъ превосходныя вина, лукъ, кунжутъ; онъ снабжаетъ александрискій рынокъ фруктами, гранатами, миндалемъ, лимонами, виноградомъ. Какъ и въ Будрунѣ, надъ Косомъ господствуетъ крѣпость рыцарей-іоаннитовъ, заключающая барельефы греческаго храма; главная площадь билуетъ термальными источниками и плодородіемъ своихъ равнинъ обязанъ главнымъ образомъ, какъ это доказалъ Горсе, вулканическому пеплу, который былъ выброшенъ изъ кратера Низироса во время какого-нибудь древняго изверженія. На другихъ островныхъ горахъ этихъ областей Архипелага, каковы Калимносъ, Астропалея, Сими,—главное богатство жителей составляютъ губки, растущія на днѣ бухтъ; сим-

Входъ въ Родосскій портъ.

осѣнена платаномъ, имѣющимъ 19 метровъ (около 9 саженъ) въ окружности, боковыя вѣтви котораго подперты мраморными столбами: подъ этимъ-то деревомъ, какъ гласитъ преданіе, Гиппократъ давалъ свои медицинскія консультаціи; ключи, бьющіе изъ земли на юго-западѣ, на бокахъ горы Оромедонъ, извѣстны подъ именемъ «Отца врачебнаго искусства». Островъ Косъ, лежащій въ сосѣдствѣ вулкана Низиросъ, изоскіе моряки употребляютъ для этого лова около дюжины большихъ судовъ и до 150 обыкновенныхъ ладей. Всѣ симіоты искусные водолазы и не боятся нырять въ воды, гдѣ плаваютъ акулы; обычай не дозволяетъ молодому человѣку жениться прежде, чѣмъ онъ не научится собирать губки на глубинѣ двадцати морскихъ сажень (120 англійскихъ фут.) [1]). Сцена, кото-

[1]) Hamilton, „Researches in Asia Minor".

рую описываетъ извѣстная баллада Шиллера, часто происходила на островѣ Сими; тамъ самая красивая дѣвушка обѣщается отцомъ самому отважному молодому человѣку, и толпа собирается на берегу бухты, чтобы присутствовать при состязаніи водолазовъ и рѣшить, кто изъ нихъ достоинъ руки красавицы [1]).

Родосъ, или «Земля Розъ», или вѣрнѣе, «Гранатъ» [2]), какъ о томъ свидѣтельствуютъ древнія монеты, есть одинъ изъ самыхъ большихъ острововъ Архипелага. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ занимаетъ привилегированное положеніе: защищаемый горами Ликіи отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, никогда не подвергающійся сѣверному вѣтру, который, направляясь къ тепловымъ фокусамъ Египта и Сиріи, измѣняется для него въ сѣверо-западный [3]), освѣщаемый лѣтомъ морскими бризами, этотъ островъ пользуется болѣе равномѣрнымъ климатомъ, чѣмъ другіе азіатскіе Спорады, и долины его менѣе плодородны, чѣмъ долины Хіоса и Митилены: къ Родосу болѣе, чѣмъ ко всякому другому острову Архипелага, примѣнимы слова Гиппократа: «Тамъ почти не знаютъ различія тепла и холода; обѣ температуры сливаются одна съ другой». Родосъ—это «супруга солнца», «мѣстопребываніе Геліадъ», потому что здѣсь нѣтъ ни одного дня въ году, когда бы солнечный лучъ не пронизывалъ облаковъ, «деревья здѣсь никогда не бываютъ безъ листвы, а дни безъ солнца». Расположенный въ углу Малоазійскаго полуострова, Родосъ занимаетъ центръ схожденія морскихъ дорогъ, и въ древности, когда корабли рѣдко отваживались пускаться въ открытое море, онъ былъ необходимою пристанью для купеческихъ флотовъ, которые, прибывъ на уголъ континента, должны были мѣнять направленіе пути. Этимъ объясняется важность торговаго обмѣна, происходившаго нѣкогда въ городѣ Родосѣ, «съ которымъ, говоритъ Страбонъ, никакой городъ въ мірѣ не могъ сравниться». Въ третьемъ и во второмъ вѣкѣ до Р. Х. родосцы были «первыми моряками въ свѣтѣ»; наслѣдники финикіянъ, имѣвшихъ колоніи на ихъ островѣ, они, подобно своимъ предшественникамъ, основали факторіи и конторы даже въ отдаленной Иберіи, и имена города Розасъ, горъ Рода до сихъ поръ еще напоминаютъ о посѣщеніи родосскими мореходами пиренейскихъ мысовъ. Родосцы вели обширную торговлю съ Синопомъ, снабжавшимъ ихъ крымскимъ хлѣбомъ, невольниками, рыбой «пеламидой» или стерлядью, и ихъ политика всегда искала дружбы Византіи, чтобы обезпечить себѣ безпрепятственный переходъ черезъ Босфоръ [4]). Положеніе Родоса давало ему также первостепенное стратегическое значеніе, и рыцари ордена св. Іоанна, изгнанные съ материка, выказали большую дальновидность, основавъ свою главную крѣпость на далеко выдающейся въ море оконечности острова, похожей на носъ корабля, ударяющійся о берегъ; тамъ они уравновѣшивали въ продолженіе двухъ слишкомъ вѣковъ могущество турокъ въ моряхъ Леванта, и извѣстно, съ какимъ мужествомъ они сопротивлялись, въ 1522 году, превосходнымъ силамъ Солимана Великолѣпнаго. Нынѣшній городъ, едва занимающій шестнадцатую часть древняго пространства, принадлежитъ еще, однимъ изъ своихъ кварталовъ, къ среднимъ вѣкамъ христіанства: поднимаясь по извѣстной Рыцарской улицѣ, между расписанныхъ гербами воротъ «гостиницъ», путешественникъ легко можетъ вообразить себя перенесеннымъ на четыре столѣтія назадъ въ прошлое. Азіатскій островъ сохранилъ видъ города феодальной Европы; къ несчастію, замѣчательнѣйшіе памятники Родоса рыцарей, церковь св. Іоанна Крестителя и дворецъ гросмейстеровъ ордена были разрушены въ 1856 г. взрывомъ: старинные документы, изученные г. Гереномъ, заставляютъ его предполагать, что боченки съ порохомъ,—причина катастрофы—были тѣ самые, которые спряталъ измѣнникъ Амаралъ, чтобы ускорить сдачу крѣпости въ 1522 году.

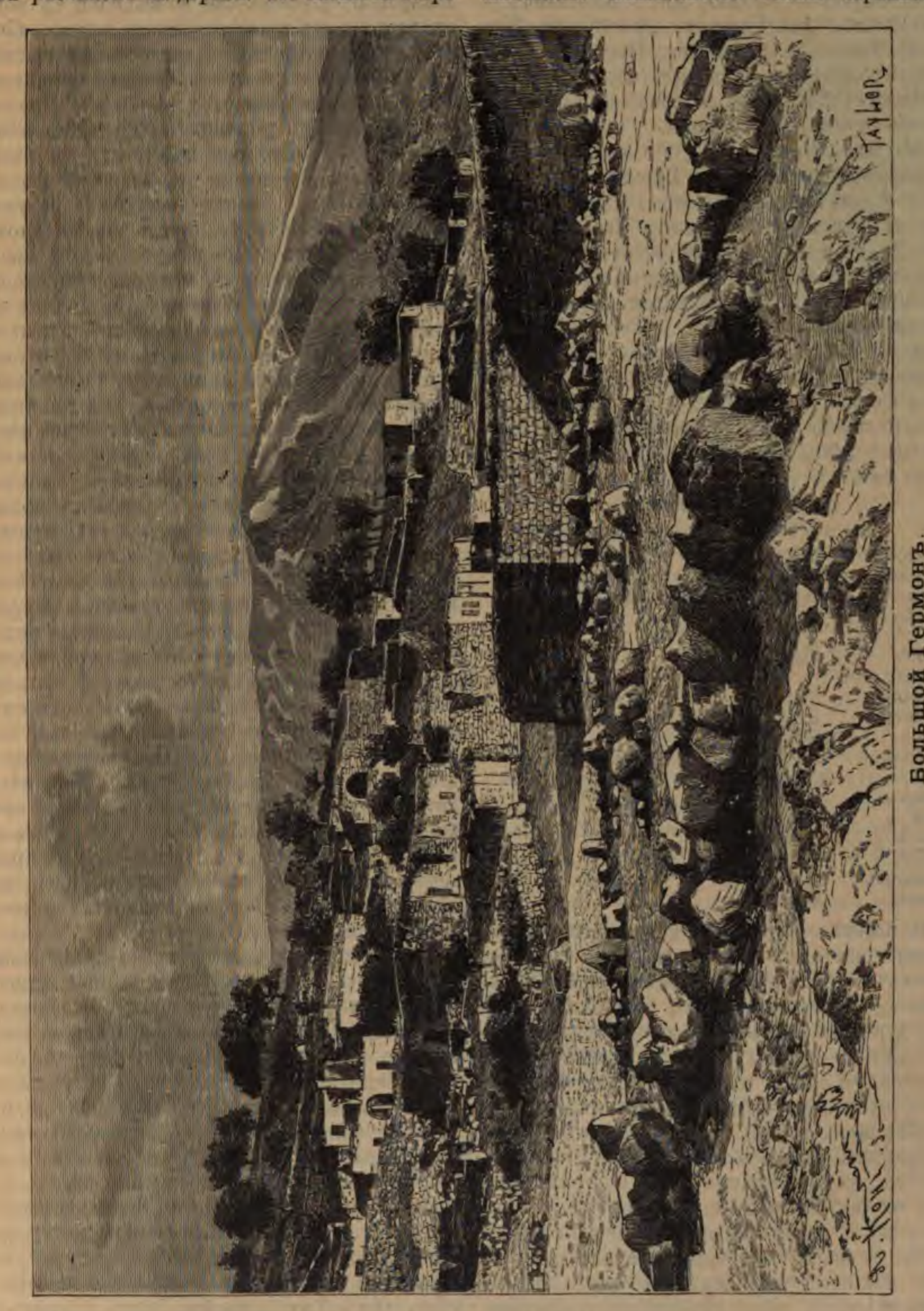
Порты Родоса по большей части засорены: южная гавань, лежащая внѣ городскихъ стѣнъ, не утилизируется болѣе торговлею; сѣверная, въ которой стояли галеры рыцарей-іоаннитовъ, принимаетъ теперь лишь самыя мелкія суда; обыкновенныя суда, т. е. средняго размѣра, могутъ проникать только въ центральный портъ, надъ которымъ поднимается полукругомъ амфитеатръ города. Но и этотъ портъ плохо защищенъ; входъ его, который легко было бы прикрыть волноразбивателемъ, широко открытъ опаснымъ сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ, и часто экипажи должны сниматься съ якоря и направлять паруса въ бухточки континента, особенно въ великолѣпную гавань Мермеридже, бассейнъ съ извилистымъ входомъ, окруженный высокими холмами. Островъ, довольно массивный въ своихъ контурахъ, не имѣетъ болѣе ни одного посѣщаемаго порта къ югу отъ города Рыцарей; суда не заходятъ болѣе въ бухту, надъ которой господствуетъ древній акрополь Линдосъ, около середины восточнаго берега. Недалеко оттуда, къ сѣверу, видны остатки древняго финикійскаго города Камиросъ, некрополь котораго далъ искателямъ тысячи любопытныхъ глиняныхъ издѣлій.

Къ юго-западу отъ Родоса, продолговатый

[1]) Van Egmont and Heyman, „Travels“; Schubert, „Reisen in das Morgenland“.
[2]) V. Guérin, „Ile de Rhodes“.
[3]) Ross, „Reisen in den griechischen Inseln“.

[4]) E. Desjardins, рукописныя замѣтки.

островъ Карпатосъ ведетъ незначительную торговлю, но большинство его жителей уходятъ временно на заработки, въ качествѣ плотниковъ или рѣзчиковъ на деревѣ. Что касается островитянъ, жителей маленькаго Казоса, который продолжаетъ цѣпь островоъв по направленію къ Криту, то они занимаются почти исключительно мореходствомъ, и флагъ ихъ появляется во всѣхъ портахъ Средиземнаго моря.


Большой Гермонъ.

Послѣ смертоносной высадки, которую сдѣлали турки во время войны за независимость Греціи, островъ былъ совершенно покинутъ жителями. Большинство земель Архипелага пользуется полнымъ самоуправленіемъ: съ нихъ спрашиваютъ только налогъ.

Главные города анатолійской покатости Эгейскаго моря и турецкихъ острововъ Архипелага, съ ихъ приблизительнымъ народонаселеніемъ:

На континентѣ: Смирна—200.000 жит., Манисса (Магнезія)—35.000 жит., Кидонія (Айвали), по Гуману—35.000 жит., Айдинъ, по Апостолидесу — 32.000 жит., Киркагачъ — 20.000 жит., Акъ-Гиссаръ—20.000 жит., Чесме, въ 1882 г.—16.285 жит., Пергамъ, по Гуману—16.000 жит., Алашеръ (Филадельфія) — 8.000 жит., Ушакъ, по де Мутье—15.000 жит., Тира—15.000 жит., Лацата. въ 1882 г.— 13.880 жит., Кассаба—12.000 жит., Мугла, по Шерцеру—11.000 жит., Бурнабатъ—10.000 жит., Вурлахъ—10.000 жит., Сома—10.000 жит., Гердизъ—10.000 жит., Назли—10.000 жит., Денизли—10.000 жит., Кула—9.000 жит., Эдремидъ—8.000 жит., Байндиръ—8.000 жит., Эдемишъ—8.000 жит., Буладанъ—8.000 жит., Ениджe-Фокія—8.000 жит., Гедизъ, по де-Мутье—7.500 жит., Фокія (Фокея)—7.000 жит., Менеменъ—7.000 жит., Скала-Нова—7.000 жит., Сокія—7.000 жит., Сигаджикъ—5.000 жит., Севри-Гиссаръ—4.000 жит., Дикели, по Гуману—4.000 жит., Кади-Кой на Меандрѣ — 4.000 жит.

Въ Архипелагѣ:

Острова.			Главные города.	
Тенедосъ	7.000	жит.	3.000	жит.
Митилини	60.000	„	20.000	„
Хіосъ	70.000	„	26.000	„
Ипсара (Псара)	6.000	„	—	
Самосъ	49.000	„	7.000	„
Икарія (Никарія)	7.000	„	1.000	„
Патмосъ	3.000	„	—	
Леросъ	3.000	„	—	
Калимносъ	16.000	„	15.000	„
Косъ	25.000	„	11.000	„
Низиросъ	2.500	„	—	
Сими	7.000	„	7.000	„
Телосъ	1.000	„	600	„
Родосъ	27.000	„	11.000	„
Карпатосъ	5.000	„	—	
Казосъ	5.000	„	—	

На южномъ побережьѣ полуострова, портъ Макри, настолько обширный, что могъ бы вмѣстить всѣ корабли Средиземнаго моря, имѣетъ, однако, на своихъ берегахъ только одну деревню, почти совершенно покидаемую жителями во время лѣтнихъ жаровъ, но очень оживленную зимой, когда она дѣлается торговымъ пунктомъ. Тамъ находился въ древности Тельмесъ, городъ гадателей, отъ котораго сохранились еще важные остатки. Предгорья Крагуса, господствующія надъ портомъ, пробиты на бокахъ гротами, служившими гробницами, изъ которыхъ иныя высѣчены въ формѣ храма, съ папертью, перистилемъ и фронтономъ; при входѣ въ одинъ изъ этихъ могильныхъ склеповъ одна колонна потеряла свою нижнюю часть вслѣдствіе разрыва стѣны, но капитель ея осталась повисшей на скалѣ [1]).

Замѣчательные обломки ликійской архитектуры были найдены въ руинахъ Ксанѳа, города, стоявшаго нѣкогда на уединенномъ холмѣ среди аллювіальной равнины, по которой протекаетъ рѣка Эренъ-чай до впаденія въ море, къ востоку отъ величественнаго массива Семи мысовъ. Драгоцѣннѣйшіе ксанѳскіе фрагменты, собранные англійскимъ путешественникомъ Феллозъ, занимаютъ одну изъ залъ Британскаго музея: это гробницы и барельефы, очень любопытные въ исторіи искусства, такъ какъ эти изваянія, эллинскія по вѣрности формъ, граціи позъ, изяществу одежды и оружія, имѣютъ, тѣмъ не менѣе, оригинальный характеръ, какъ и подобало народу, долгое время независимому, который находился въ сношеніяхъ съ націями внутренней Азіи, такъ же, какъ съ іонійцами и дорійцами побережья; въ руинахъ этихъ гористыхъ областей всѣ скульптурныя произведенія отличаются изяществомъ и чистотой стиля. У термилаевъ или ликійцевъ были свои особенныя письмена, имѣвшія нѣкоторые знаки, общіе съ азбукой кипріотовъ [1]); ихъ надписи начертаны знаками, которые хотя представляютъ много сходства съ архаическимъ эллинскимъ языкомъ и, на нѣкоторыхъ гробницахъ, сопровождаются греческимъ переводомъ, не могли быть, однако, вполнѣ дешифрированы. Въ своихъ изваянныхъ гробницахъ, какъ и въ храмахъ, ликійскіе зодчіе воспроизводили въ точности всѣ детали деревянныхъ (дубовыхъ или сосновыхъ) хатъ, какія крестьяне строили въ ту эпоху и строятъ еще по настоящее время: все тщательно скопировано: бревна сруба, балки, перекладинки и драницы; даже орнаменты на углахъ походятъ на пучки травы по краямъ земляной крыши, плохо выравненной denkomъ [2]). Тѣмъ не менѣе, разнообразіе воспроизведенныхъ архитектурныхъ формъ значительно, и многія изъ ликійскихъ гробницъ оканчиваются стрѣльчатымъ конькомъ.

Эти развалины кажутся тѣмъ болѣе живописными, что горы изрѣзаны дикими ущельями, надъ которыми господствуютъ грандіозныя кручи склоновъ. Такъ, древняя Пинара, нынѣ Минара, окружена вершинами, изъ которыхъ одна высится на нѣсколько сотъ метровъ, въ видѣ громадной башни, прорѣзанной по бокамъ, словно амбразурами, тысячами могильныхъ гротовъ, надъ которыми царятъ орлы. Съ тѣхъ поръ, какъ Феллозъ, такъ сказать, открылъ Ликію, во время своего памятнаго путешествія 1838 года, изслѣдователи десятками насчитываютъ ликійскіе города и мѣстечки, которые они посѣтили въ долинахъ и на берегу моря. Вотъ Тлосъ, на боку горъ, возвышающихся на востокѣ, противъ скалъ Пинары; вотъ Патара, близъ Ксанѳа, съ ея большимъ те-

[1]) Fellows, „Travels and Researches in Asia Minor“.

[1]) Hamilton Lang, „Cyrpus“.

[2]) Fellows;—Spratt;—Forbes;—Hoskyns; —Schönborn, etc.

тромъ, высѣченнымъ въ камнѣ горы, дальше на восточномъ берегу, стояли Феллосъ и Антифеллосъ; другіе города, безъ названій, опоясанные стѣнами, совершенно сохранившимися, заключаютъ внутри ограды только деревья. Между недавно изслѣдованными развалинами самыя замѣчательныя были руины Гіель-баши, открытыя въ 1842 году австрійскимъ путешественникомъ Шенборномъ. Гора, господствующая на западѣ надъ глубокой долиной рѣки Дембра-чай, увѣнчана небольшимъ акрополемъ, окруженнымъ гробницами, и прямоугольнымъ памятникомъ, главный фасадъ котораго и четыре стѣны внутренняго двора были украшены фризами въ барельефѣ, общее протяженіе которыхъ превышало сто метровъ. Въ этихъ изваяніяхъ развертывались, осѣненныя вѣтвями деревьевъ, всѣ важнѣйшія сцены Иліады и Одиссеи, охота Мелеагра, битвы амазонокъ и центавровъ[1]). Эти удивительные фризы изъ Гіель-баши, изваянные со всей эллинской граціей и съ замѣчательнымъ богатствомъ замысла, находятся въ одномъ вѣнскомъ музѣ. Античное названіе лежащаго въ развалинахъ города осталось неизвѣстнымъ.

Раздѣленная на множество бассейновъ, изъ которыхъ иные даже не имѣютъ видимаго истеченія къ морю, Ликія должна была распадаться во всѣ времена на кантоны, имѣвшіе отдѣльное экономическое существованіе; каждая долина, каждый горный массивъ имѣли свой городъ; нигдѣ не было естественнаго торговаго центра для обширной территоріи; политической связью послужило соединеніе городовъ въ союзъ или конфедерацію. Но если Ликія изрѣзана до безконечности со стороны моря, гдѣ процвѣтала эллинская цивилизація, то она представляетъ болѣе правильныя и болѣе доступныя, въ смыслѣ сообщенія, формы рельефа въ своихъ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ она постепенно сливается съ внутренними плоскогорьями, и съ этой-то стороны и проникло турецкое владычество, принесшее съ собой административную централизацію. Относительно значительный городъ, Эльмалу, основался въ замкнутомъ бассейнѣ, который находится почти въ геометрическомъ центрѣ обширнаго полукруга, описываемаго берегами Ликіи, между заливомъ Макри и заливомъ Адалія. Это—городъ цвѣтущій, населенный преимущественно греками и армянами, но имѣющій также турецкій кварталъ, надъ которымъ господствуетъ богатая и прелестно изукрашенная мечеть. Главный промыселъ жителей Эльмалу—выдѣлка кожъ; однако, здѣшніе кожевенные заводы, вмѣсто того, чтобы заражать атмосферу, какъ дѣлаютъ подобные заводы европейскихъ городовъ, распространяютъ пріятный запахъ, происходящій отъ употребленія, для дубленія кожъ, коры козьяго дуба. Смирніоты, греки и левантинцы пріѣзжаютъ сюда дѣлать непосредственно закупки сафьяна, кожъ, фруктовъ, красильныхъ веществъ. Два порта, съ которыми столица Ликіи ведетъ самую значительную торговлю—Макри и Адалія; кромѣ того, она имѣетъ торговыя сношенія съ Феникой, «городъ финиковъ», который вполнѣ оправдываетъ свое названіе Маисъ (Мейсъ, Мегисте) или Кастельорицио, островная пирамида домовъ и разрушенныхъ укрѣпленій, возвышающихся на берегу бухты, имѣетъ нѣкоторую важность только по своей гавани, запущенной отъ вѣтровъ, да по своей торговлѣ съ Александріей: горы Ликіи и Караманіи доставляютъ лѣсъ Египту.

Адалія, столица Памфиліи, признается большинствомъ археологовъ за Атталею, городъ Аттала Филадельфа, отъ котораго она, будто-бы, и получила свое названіе. Расположенная въ формѣ греческаго театра вокругъ кругообразнаго порта, входъ въ который прежде былъ защищенъ двумя крѣпкими замками, она поднимается уступами по отлогому скату холма: снизу однимъ взглядомъ видишь весь городъ, заключенный въ двойной зубчатой оградѣ съ массивными башнями по бокамъ, кое-гдѣ въ городскихъ валахъ и стѣнахъ вставлены римскіе обломки. Окруженная садами и стоящая при выходѣ очень плодородной равнины, Адалія ведетъ нѣкоторую торговлю, особенно съ Египтомъ, и наружность ея жителей такъ же, какъ мѣстный діалектъ, свидѣтельствуютъ о смѣшеніи между туземными турками и арабскими переселенцами; почти всѣ торговыя дѣла монополизированы греческими негоціантами. Античныя руины довольно многочисленны въ этой области Памфиліи: къ востоку отъ Адаліи, на берегу залива, Эски-Адалія или «Старая Адалія», по-гречески Сиде; показываютъ удивительные остатки эллинскаго театра; къ юго-западу, остатки Ольбіи господствуютъ надъ зеленѣющей долиной, гдѣ адалійцы построили свои загородные дома вблизи маленькихъ каскадовъ; къ сѣверо-западу, на уединенномъ плато, находятся развалины Термесса Большаго, покрывающія значительное пространство; какъ почти во всѣхъ греческихъ городахъ, театръ занимаетъ тамъ, на краю утеса, мѣсто, откуда взоръ обнимаетъ обширнѣйшій горизонтъ долинъ и горъ.

Если бы дороги не были такъ рѣдки и такъ дурно содержимы, Адалія была бы очень оживленнымъ портомъ, какъ естественное мѣсто сбыта для произведеній замкнутыхъ бассейновъ, ограниченныхъ съ сѣвера массивомъ Султанъ-дага и горами, гдѣ беретъ начало рѣка Меандръ. Въ этой области основалось нѣсколько промышленныхъ городовъ, произведенія которыхъ отправляются въ Смирну по желѣзной дорогѣ или въ Константинополь по-

[1]) Benndorf, „Vorläufiger Bericht über zwei Oesterreich. Archeolog. Expeditionen nach Kleinasien“.

афіумъ-кара-гиссарской дорогѣ. Бульдуръ, на восточномъ берегу озера того же имени, раскинулся на пространствѣ нѣсколькихъ квадр. километровъ въ узкой равнинѣ: это—-Полидоріонъ грековъ. Этотъ городъ, подобно Эльмалу, имѣетъ кожевенные и сафьянные заводы, ткетъ и бѣлитъ полотно, отправляетъ въ Смирну адрагантовую камедь, получаемую съ одного вида астрагала, похожаго на утесникъ (дикій тернъ). Исбарта, древняя Барида, надъ которой господствуютъ куполы тридцати мечетей, ведетъ еще болѣе значительную торговлю, чѣмъ Бульдуръ, и имѣетъ болѣе удобное сообщеніе съ моремъ; ее сравниваютъ съ Бруссой по красотѣ вида и богатству окрестной мѣстности, покрытой виноградниками, полями мака и другими культурами, составляющими рѣзкій контрастъ съ пемзовыми откосами и трахитовыми склонами горъ; въ этой равнинѣ соединяются многочисленные истоки Акъ-су (Бѣлой рѣки), которая изливается въ море между Адаліей и Эски-Адаліей, пройдя плодоносныя «равнины хлопчатника» (Памбукъ-Овасси). Западный притокъ р. Акъ-су проходитъ у основанія скалъ, на вершинѣ которыхъ лежатъ развалины античнаго Сагаласса; ближайшая турецкая деревня называется Агласанъ,—названіе, очевидно, происшедшее изъ первоначальной формы. Сагалассъ, мужественно оказавшій сопротивленіе арміи Александра Македонскаго, былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ укрѣпленныхъ городовъ Малой Азіи и въ то же время однимъ изъ тѣхъ, гдѣ на тѣсномъ пространствѣ былъ соединенъ прекраснѣйшій ансамбль храмовъ, дворцовъ, портиковъ, театровъ и другихъ общественныхъ зданій, составлявшихъ необходимую принадлежность каждаго греческаго города[1]). Надъ террасой, совершенно ровной, гдѣ стоялъ античный городъ, господствуетъ съ сѣверной стороны вертикальная скала, тогда какъ на югѣ она обрывается крутыми откосами: конусообразная скала, правильная, какъ вулканъ, высится впереди террасы, которая выдвинула къ ней узкій перешеекъ: эта скала, командующая всѣмъ плоскогорьемъ, увѣнчана руинами акрополя; на восточной оконечности площадки, театръ, еще болѣе обширный, чѣмъ театръ Гіераполиса, и не менѣе хорошо сохранившійся, хотя мѣстами орѣховыя деревья просунули свои корни между ступенями,—величественно поднимается надъ другими зданіями, поваленными или обрушивающимися. Къ югу отъ Сагаласса, другая крѣпость писидійцевъ, Кремна, занимала уединенное плато, которое считали неприступнымъ: у подножія этой скалы теперь пріютилась деревня Гирме.

Эгердиръ—изъ греческаго Акротири—лежащій на южной оконечности озера того-же названія, очень красивый городъ; амфитеатръ рыболовныхъ заведеній, домовъ, мечетей, валовъ и башенъ, группы деревьевъ, надъ которыми высятся голыя кручи скалъ, зеркальная площадь голубыхъ водъ, лѣсистые острова, мысы, слѣдующіе одинъ за другимъ на берегахъ бассейна до отдаленныхъ, подернутыхъ фіолетовой дымкой горъ,—все это придаетъ ему чисто итальянскій видъ. Бей-Шехръ или «Городъ бея», тоже построенный на берегу озера, при рѣкѣ, впадающей въ Соглагель, также очень живописный городъ, но безъ большой торговли. Очевидно, страна была гораздо богаче и населеннѣе, когда въ этой области озеръ стояли римскіе города, Апамея (Apamea Cibotus), Аполлонія, Антіохія писидійская, отъ которой сохранились еще величественныя развалины. Высокія аркады водопровода, приносившаго столицѣ Писидіи чистыя воды Султанъ-дага, проходя красивой дугой черезъ плато, гдѣ былъ расположенъ городъ, представляютъ граціозное зрѣлище. Никакой новый городъ не смѣнилъ собою древней Антіохіи. Аполлонія, въ притокѣ Эгердирскаго озера, замѣнена большимъ мѣстечкомъ Улубурлу, получившимъ въ послѣднее время извѣстность, благодаря открытію надписи, подобной той, которая была найдена въ Анкирѣ.

Коніе, древній Иконіумъ, главный городъ провинціи Ликаоніи, затѣмъ столица Сельджукской имперіи, занимаетъ стратегическую позицію на дорогѣ изъ Сиріи въ Константинополь, у основанія горъ, господствующихъ надъ областью равнинъ къ югу отъ Большаго Солянаго озера. Арміи часто сталкивались въ этой части Малой Азіи, въ эпоху крестовыхъ походовъ, затѣмъ во время междоусобныхъ войнъ турокъ; въ 1832 году, египетскія силы, подъ начальствомъ Ибрагима-паши, одержали здѣсь побѣду, которая открыла бы имъ ворота Царьграда, если бы не вмѣшательство европейскихъ державъ. Коніе, городъ, пришедшій въ упадокъ, болѣе любопытенъ своими средневѣковыми памятниками, чѣмъ своей теперешней промышленностью. Его старинныя стѣны и башни сохранили изваянія и надписи, греческія, арабскія, турецкія, напоминающія различныя господства, подъ которыя послѣдовательно подпадалъ Иконіумъ; мечети эпохи Сельджукидовъ, почти всѣ сильно поврежденныя временемъ, — безспорно прекраснѣйшіе мусульманскіе храмы на полуостровѣ по изяществу арабесокъ и разнообразію изразцовъ; «минаретъ, поднимающійся до звѣздъ», есть образцовое произведеніе искусства по нѣжности формъ и колориту украшеній. Оазисъ садовъ, окружающій Коніе, такъ сказать, осаждается пустыней; но въ нѣсколькихъ часахъ къ западу оттуда открываются небольшія тѣнистыя долины, снабжающія городъ овощами и фруктами. Къ сѣверо-западу отъ Коніе, Зил-

[1]) Arundel, „Visit“;—Hamilton, „Researches in Asia Minor“.

ле, гдѣ надъ массой домовъ съ крышами изъ красной земли высятся стѣны трахитовыхъ скалъ, тоже красныхъ—есть цвѣтущее мѣстечко, сплошь населенное греками, которые происходятъ отъ древняго эллинскаго населенія, изгнаннаго изъ Иконіума [1]); въ окрестностяхъ находятся залежи пѣнки. Почтовая служба, то-есть перевозка почты въ Анатоліи, ввѣрена съ назапамятныхъ временъ одному татарскому племени изъ окрестной Коніе, всѣ люди котораго могутъ съ гордостью сказать, что никогда никто изъ нихъ не оказался неоправдавшимъ общественнаго довѣрія. Рѣдкій путешественникъ, даже изъ числа очень хорошихъ наѣздниковъ, могъ поспѣвать за этими курьерами въ ихъ быстрыхъ разъѣздахъ по полуострову [2]). Гамаллы или носильщики въ Константинополѣ и Смирнѣ тоже по большей части уроженцы окрестностей Коніе.

Къ западу отъ этого города, рѣдкія скопленія домовъ или хатъ, которымъ даютъ названіе городовъ, слѣдуютъ одно за другимъ у сѣвернаго основанія Тавра, тамъ, гдѣ ручьи чистой воды еще не изсякли, и гдѣ въ сезонъ лихорадокъ туземцы имѣютъ по близости горныя пастбища для ежегодныхъ переселеній. Караманъ, нѣкогда главный городъ провинціи Карамавіи, находится уже почти въ самомъ сердцѣ горъ, на высотѣ 1.900 метровъ. Эрегли лежитъ на высотѣ не болѣе 1.000 метровъ, но дома его сгруппировались на холмѣ, надъ болотистой мѣстностью. Кара-Бунаръ или «Черный фонтанъ» совершенно покидается населеніемъ въ лѣтнее время; жители его оставляютъ въ эту пору года разрабатываемыя ими соляныя и селитряныя копи и переселяются въ *яйлы* Караджа-дага. Наконецъ, Нигдехъ, у восточной оконечности бассейна, лежитъ на высотѣ около 1.500 метровъ, у подошвы предгорій Ала-дага. Недалеко оттуда, деревня Кизъ-Гиссаръ, «Замокъ дѣвушки», или Килиси-Гиссаръ, «Замокъ церкви», стоитъ на «Семирамидиномъ шоссе», гдѣ была построена деревня Тіана, родина магика Аполлонія. Изслѣдователь Гамильтонъ могъ съ точностью опредѣлить положеніе Тіаны, благодаря открытію бьющаго изъ земли ключа, который древніе авторы описываютъ подъ именемъ Асмабея. Этотъ источникъ, посвященный Юпитеру, образуетъ прудъ холодной, солоноватой, слегка сѣрнистой воды, посрединѣ котораго бьетъ ключъ, поднимающійся почти на полметра надъ поверхностью, при чемъ, однако, бассейнъ никогда не переливается черезъ края. Очевидно, этотъ резервуаръ представляетъ то же явленіе, какъ и наши водометы: жидкость вылетаетъ черезъ центральное отверстіе и уходитъ черезъ трещину дна. Торговая и военная дорога, которою во всѣ времена слѣдовали караваны и войска изъ Иконіума въ Тіану, загибается полукругомъ. чтобы идти вдоль основанія горъ черезъ Ларанду и Кибистру, то-есть черезъ Караманъ и Эрегли; далѣе на сѣверъ солончаковыя болота, недостатокъ продовольствія и чистой воды дѣлаютъ путешествіе слишкомъ утомительнымъ для того, чтобы значительное число людей могло пускаться черезъ эти негостепріимныя пространства. Такимъ образомъ очертанія морскаго берега и параллельные хребты береговыхъ горъ въ точности воспроизводятся кривой, описываемой главной большой дорогой на высокихъ плоскогорьяхъ. Въ этой мѣстности англійскій путешественникъ Девисъ открылъ недавно гиттитскія надписи.

Отдѣленные отъ внутренней Анатоліи высокими горами, берега Крутобереговой Киликіи имѣютъ лишь маленькія гавани, менѣе оживленныя, чѣмъ прежніе порты, судоходство которыхъ поддерживалось торговлей многолюднаго Кипра. Алайя, древній Коракесіонъ, — село, пріютившееся у подошвы островной скалы, соединенной съ материкомъ песчанымъ перешейкомъ; Селинти, Селиносъ древнихъ грековъ,—теперь бѣдная деревушка; Анемуріонъ, на крайнемъ южномъ выступѣ Малой Азіи, представляетъ лишь обширный некрополь, и нынѣшнее мѣстечко Анамуръ расположилось въ нѣкоторомъ разстояніи отъ развалинъ, при устьѣ горнаго потока. Дальше, бухточка Чалиндрехъ, Келендерисъ въ древности, служитъ портомъ для судовъ, отправляющихся на островъ Кипръ. Что касается скалы Провансальскаго порта, нѣкогда укрѣпленной родосскими рыцарями, то теперь тамъ никто не обитаетъ, а древняя Селевкія (Селевко), при устьѣ Гекъ-су (Каликадна), представляетъ лишь группу мазанокъ.

Торговое движеніе должно было перемѣститься къ востоку, на берега сельской Киликіи, гдѣ оканчивается діагональная дорога Малой Азіи, и гдѣ равнины и плодородныя долины представляютъ обширный поясъ культурныхъ земель. Мерсина, коммерческій портъ этой области, была еще въ половинѣ настоящаго столѣтія маленькой группой хатъ, окруженной миртами, откуда и произошло данное ей имя, теперь же это торговый городъ, портъ котораго, слишкомъ открытый вѣтрамъ съ моря, окаймленъ набережными и снабженъ моломъ (движеніе судоходства въ мерсинскомъ портѣ въ 1880 г.: 110.000 тоннъ). Городъ частію построенъ изъ мраморныхъ фрагментовъ, лежавшихъ на землѣ, обломковъ греческаго города. Въ нѣсколькихъ километрахъ къ западу другія развалины указываютъ мѣстоположеніе аргейскаго города Соли, гдѣ говорили тѣмъ неправильнымъ языкомъ, который подалъ поводъ дать невѣрнымъ оборотамъ рѣчи во всякомъ языкѣ названіе «солецизмовъ». Дальше вид-

[1]) Hamilton, „Researches in Asia Minor".
[2]) Ed. Dutemple. „En Turquie d'Asie".

ны римскія колоннады Помпеіополиса, приводившія къ овальному порту, набережныя котораго еще вполнѣ сохранились; но самый бассейнъ заполненъ иломъ, и дюны прибрежья продолжаются поперегъ входа. Памятникъ болѣе любопытный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—это Дерикли-Ташъ или «Стоячій камень», огромный столбъ, воздвигнутый, можетъ быть, во времена доисторическія: по словамъ Ланглуа, эта каменная глыба, потертая у основанія верблюдами, которые чешутся объ нее, имѣетъ 15 метровъ въ высоту, а объемъ ея около 120 кубич. метровъ [1]); она вѣситъ по меньшей мѣрѣ 3.000 тоннъ и можетъ поспорить величиной съ самыми могучими мегалитами Бретани. Не есть ли это менгиръ, или, скорѣе, одинъ изъ тѣхъ столбовъ, которые финикіяне обыкновенно ставили по два у входа въ храмы [2])?

Отличная дорога, новой постройки, соединяетъ Мерсину съ городами Тарсомъ и Аданой. Тарсъ, лежащій близъ праваго берега рѣки Кидна или Тарсусъ-чай, на сливающейся съ равниной покатости одного предгорья массива Булгаръ-дагъ, есть, между прославившимися городами Малой Азіи, одинъ изъ тѣхъ, которые претендуютъ на глубочайшую древность: по одной восточной легендѣ, занимаемое имъ мѣсто есть первая равнина, обсохшая послѣ спада водъ всемірнаго потопа. Пока рѣчные наносы не заполнили порта и когда Киднъ былъ еще судоходной рѣкой, Тарсъ занималъ очень выгодное положеніе, чтобы сдѣлаться торговымъ центромъ, между Сиріей и Малой Азіей, черезъ ворота Киликіи, входъ въ которую онъ охранялъ. И дѣйствительно, во времена Цезаря и Августа онъ былъ соперникомъ Александріи, на которую онъ глядѣлъ черезъ море. Школы его считались лучшими въ свѣтѣ, превосходившими даже аѳинскія, и философы его разносили свѣтъ своего знанія на Западѣ [3]). Городъ сдѣлался очень богатымъ и пышнымъ, Маркъ-Антоній возвелъ его на степень столицы своей азіатской имперіи: здѣсь онъ отпраздновалъ свое бракосочетаніе съ египетской царицей Клеопатрой; императоръ Юліанъ былъ похороненъ въ Тарсѣ. Но затѣмъ войны разорили городъ, протекавшая черезъ него рѣка удалилась къ востоку и перестала носить суда, портъ обмелѣлъ, и Тарсъ очутился посреди материка. Теперь тамъ не видно болѣе никакихъ слѣдовъ его былой славы; изрѣдка только кое-какіе античные фрагменты зазвенятъ подъ ударомъ заступа; самое любопытное зданіе—мечеть, построенная, по преданію, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родился Павелъ, «апостолъ язычниковъ». Недалеко отъ городскихъ стѣнъ

[1]) Victor Langlois, „Voyage dans la Cilicie“.
[2]) G. Perrot, рукописныя замѣтки.
[3]) Heuzy, „Académie des Inscriptions et Belles-Lettres“, 7 juillet 1876.

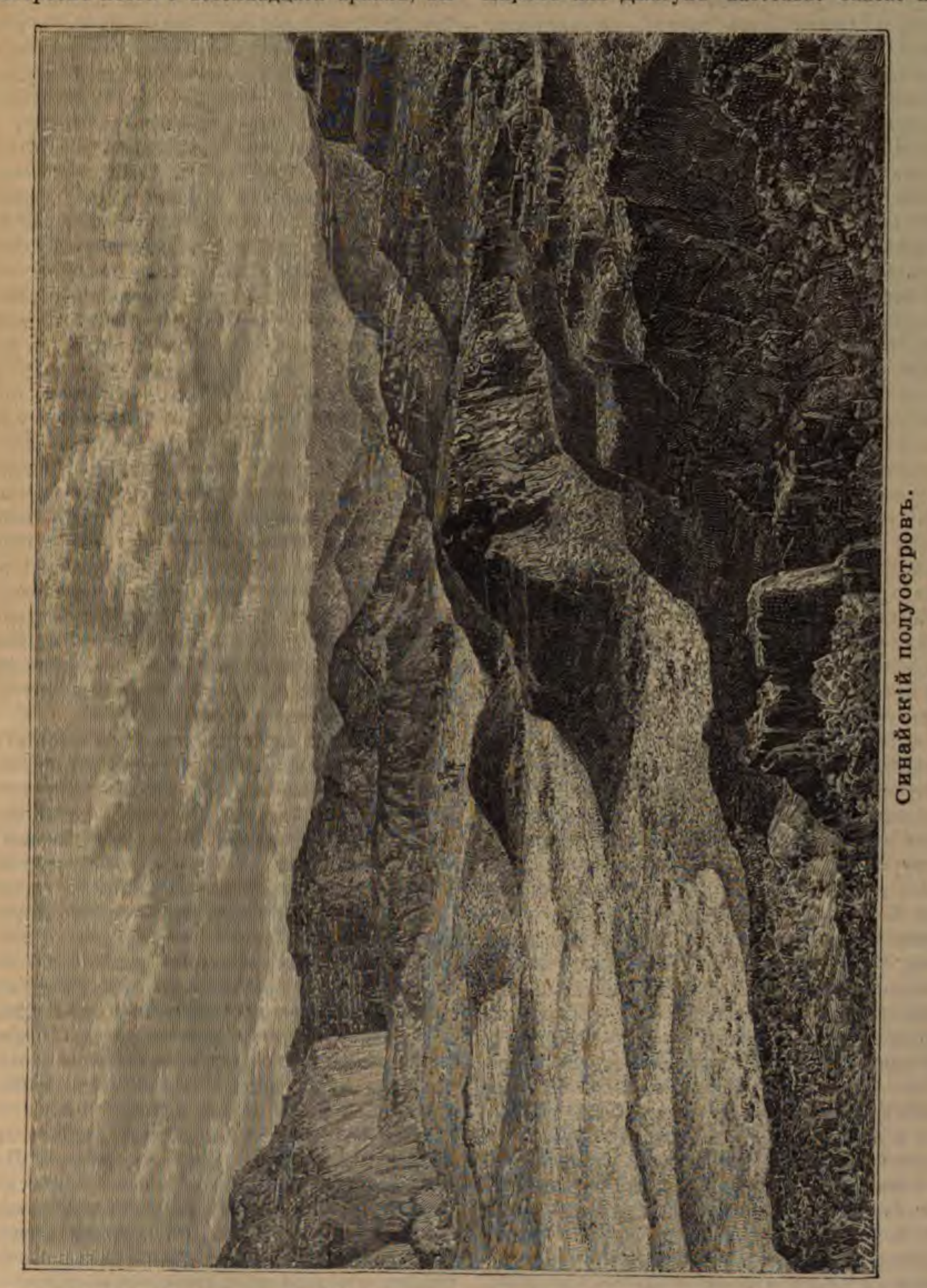
открыли огромный складъ издѣлій изъ терракотты, представлявшихъ преимущественно обѣтныя фигурки: вѣроятно, тутъ находилась фабрика этихъ предметовъ благочестія [1]). Послѣ Мекки и Іерусалима, одно изъ главныхъ мѣстъ пилигримства мусульманъ—это гротъ въ окрестностяхъ Тарса, одна изъ тѣхъ многочисленныхъ пещеръ, гдѣ легенда помѣщаетъ мѣстопребываніе «семи спящихъ отроковъ» [2]).

Лѣтомъ городъ дѣлается нездоровымъ, и зажиточные жители бѣгутъ въ долины Булгаръ-дага, на Ишмехскія минеральныя воды, въ Козне, въ Немрунѣ, въ Гюлекъ-Базарѣ, близъ Киликійскихъ Воротъ. Лучшее украшеніе Тарса составляетъ его обширный садъ, зеленѣющій поясъ, откуда сквозь вѣтви деревьевъ виднѣются поломанныя аркады, пошатнувшіеся столбы, остатки римскаго водопровода; но всѣ эти руины кажутся мизерными, когда, при поворотѣ тѣнистой тропинки, вдругъ очутишься передъ громаднымъ Дюнюкъ-Дашъ или «Упавшимъ камнемъ». Эта обширная четыреугольная каменная масса, пустая внутри, имѣетъ видъ колоссальной глыбы. Если смотрѣть съ береговъ Кидна, сквозь вѣтви кипарисовъ и фруктовыхъ деревьевъ, Дюнюкъ-Ташъ походитъ на песчаниковую скалу: его можно принять за произведеніе природы, въ родѣ тѣхъ причудливыхъ каменныхъ массъ, какія часто встрѣчаются въ странахъ, потрясаемыхъ геологическими дѣятелями. Это странное зданіе, очевидно, очень древнее, имѣетъ 90 метровъ въ длину, не считая придаточныхъ построекъ; ширина его 42 метра, а вышина около 8 метр.; плитки бѣлаго мрамора, которыми были облицованы стѣны, разсѣяны по землѣ. Какъ она изображена на медаляхъ, эта исполинская масса служила пьедесталомъ статуи какого-то царя, державшаго лукъ и колчанъ и стоявшаго на символическомъ животномъ, вооруженномъ рогами. Произведенныя до сихъ поръ раскопки не обнаружили ни времени сооруженія этого памятника, ни его названія. Нѣкоторые ученые видятъ въ немъ мѣсто прорицаній; по мнѣнію археолога Ланглуа, которое опирается на одномъ текстѣ Страбона, это была гробница перваго Сарданапала, удалившагося въ Киликію послѣ потери своего царства: на вершинѣ зданія, безъ сомнѣнія, высилась колоссальная статуя, изображенная на многочисленныхъ монетахъ Тарса [3]).

Адана унаслѣдовала часть торговой важности древняго Тарса. Лежащая, подобно этому послѣднему, въ очень плодородной мѣстности, окруженная садами, полями хлопчатника и плантаціями сахарнаго тростника, она также

[1]) Léon Heuzy;—Burckhardt Barker, „Lares et Penates“.
[2]) V. Langlois, цитированное сочиненіе.
[3]) G. Perrot, „Mémoires d'Archéologie, d'Epigraphie et d'Histoire“.

находится на большой діагональной дорогѣ Малой Азіи; въ этомъ мѣстѣ Сарусъ или Сейгунъ, текущій на востокъ, и чрезъ который построенъ мостъ о восемнадцати аркахъ, выходитъ изъ области холмовъ, чтобы вступить въ обширную аллювіальную равнину, которая увеличивается каждый годъ, впрочемъ, на незначительную ширину по направленію къ Кипру и Сиріи. Верхняя долина этой рѣки, какъ и долины ея притоковъ, составляютъ естественные пути, открывающіеся въ направленіи Кайсаріе и Кизылъ-Ирмака. Кромѣ того, рѣка Пирамъ или Джигунъ настолько близко подходитъ къ Аданѣ, что этотъ городъ сдѣлался естественнымъ мѣстомъ сбыта для произведеній всего бассейна; тамъ оканчивается историческая дорога между верхнимъ бассейномъ Евфрата и побережьемъ Киликіи. Сверхъ того,


Синайскій полуостровъ.

эта рѣка представляетъ, въ сравненіи почти со всѣми другими рѣками Малой Азіи, ту выгоду, что она судоходна въ своемъ нижнемъ теченіи; суда, зафрахтованныя на о. Кипрѣ и въ Сиріи, бросаютъ якорь передъ набережными города. Благодаря плодородію окружающей мѣстности и схожденію дорогъ, Адана сдѣлалась средоточіемъ большой торговли, и теперь приступили къ постройкѣ узкоколейной желѣзной дороги, длиной 60 километровъ, которая соединитъ ее съ портовымъ городомъ Мерсиной черезъ Тарсъ. Хотя вообще болѣе здоровый, чѣмъ этотъ послѣдній, городъ на Сейгунѣ становится, однако, опаснымъ для пребыванія въ періодъ господства лихорадокъ, и тогда деревни окрестныхъ горъ населяются временными эмигрантами.

Въ верхней долинѣ Сейгуна, къ сѣверу отъ армянскаго города Гаджинъ и на границѣ двухъ вилайетовъ, Сивасскаго и Аданскаго, недалеко отъ новаго города Азизіе, маленькій городокъ Саръ или Сартере занимаетъ мѣстоположеніе древней Команы, называвшейся Гіераполисомъ или «Святымъ городомъ». Господствующая надъ развалинами гора называется еще Куменекъ-Тепе, но самое имя Комана до сихъ поръ еще не открыто на памятникахъ. Всѣ зданія, храмы, театры, арены, гимназія, относятся, по времени постройки, къ эллино-римскому періоду; однако, святилища представляютъ—вѣроятно, согласно требованію священныхъ традицій—скорѣе египетскій, чѣмъ греческій характеръ; собственно храмъ не имѣетъ колоннъ, и жилища жрецовъ расположены вокругъ него, не представляя архитектурнаго единства. Многочисленные гроты открываются въ стѣнахъ горъ, господствующихъ надъ городомъ и его богатой равниной, которую во время Страбона обработывали шесть тысячъ рабовъ [1]). Туркменскія княжества Козанъ-оглу и Менеменцъ-оглу, существовавшія въ верхнихъ долинахъ Сара и Пирама, утратили свою независимость; еще въ половинѣ настоящаго столѣтія они были связаны съ Турецкой имперіей лишь вассальными отношеніями къ султану, какъ сюзерену.

Главный городъ въ верхнемъ бассейнѣ Джигуна—Альбистанъ, часто обозначаемый игрой словъ подъ именемъ Эль-Бостанъ или «Садъ»; онъ и въ самомъ дѣлѣ утопаетъ въ зелени; обширная, хорошо орошаемая равнина, гдѣ оканчиваются едва замѣтными волнообразными повышеніями и пониженіями почвы скаты окружающихъ горъ, кажется какъ-бы предназначенной къ основанію большаго города, посредника торговли между верхнимъ Евфратомъ и моремъ. Въ этой равнинѣ соединяются всѣ верхніе притоки Джигуна, которые спускаются отсюда на югъ рядомъ тѣснинъ, завершаемыхъ грознымъ ущельемъ Ахиръ-дага; но въ глазахъ туземцевъ ни одинъ изъ этихъ горныхъ потоковъ не можетъ быть признанъ за настоящую рѣку: съ благоговѣніемъ, какое питаютъ всѣ народы къ постояннымъ источникамъ, они смотрятъ какъ на истинное начало Джигуна, на маленькій бассейнъ, гдѣ бьютъ ключевыя воды, выходящія изъ глубокихъ разсѣлинъ, и вытекаетъ постоянно одинаковый по объему ручей, орошающій сады. Въ Альбистанѣ есть нѣсколько армянскихъ семействъ, но къ юго-западу отъ города, гайканская конфедерація, состоящая изъ шести маленькихъ республиканскихъ общинъ, сохраняла независимое существованіе до недавняго времени въ возвышенной долинѣ, называемой Зейтунъ или «Масличная», хотя маслины не растутъ въ этомъ горномъ бассейнѣ, лежащемъ на высотѣ по крайней мѣрѣ 1.500 метровъ. Въ этомъ армянскомъ мірѣ, состоящемъ почти всецѣло изъ приниженныхъ подданныхъ, это былъ единственный примѣръ существованія общины вольныхъ горцевъ, сохранявшихъ свою независимость въ теченіе вѣковъ. Въ числѣ около десяти тысячъ душъ эти гайканы, всѣ отлично умѣющіе владѣть оружіемъ, оградили свою территорію нѣсколькими укрѣпленіями, воздвигнутыми въ горныхъ дефилеяхъ, и еще недавно не позволяли мусульманамъ проникать въ ихъ селенія; они не платили альбистанскому пашѣ никакихъ налоговъ, кромѣ арендной платы за земли, снятыя ими въ равнинѣ [1]).

Марашъ, гдѣ половина населенія состоитъ изъ армянъ, прислонился къ предгорьямъ Ахиръ-дага, господствующимъ надъ сліяніемъ рѣкъ Акъ-Су и Джигуна, при выходѣ послѣдней изъ ея главнаго ущелья. Этотъ промышленный городъ, женщины котораго ткутъ бумажныя матеріи и вышиваютъ ткани золотомъ и серебромъ, въ лѣтніе мѣсяцы дѣлается временной столицей вилайета; это—*яйла*, куда переселяется паша, когда жары заставляютъ его покинуть аданскій *кишлакъ*. Къ юго-западу отъ Мараша, на западной покатости долины Джигуна, Сисъ—мѣстечко, построенное на бокахъ и у основанія крутой горки, тоже было нѣкогда столицей: цари Арменіи имѣли тамъ пребываніе въ теченіе почти двухъ столѣтій, съ 1182 по 1374 годъ, и до сихъ поръ еще видны остатки *тарбаса* или дворца *такаворовъ*. Переставъ быть царской резиденціей, Сисъ остался духовной метрополіей; въ тамошнемъ монастырѣ царствуетъ патріархъ, котораго турецкое правительство хотѣло-было сдѣлать соперникомъ русскаго подданнаго, эчміадзинскаго патріарха-католикоса. Всѣ окрестные епископы посылаютъ пребывающему въ Сисѣ прелату десятину, платимую ихъ крестьянами. На до-

[1]) Каролидисъ, „Комана и ея руины“ (на ново-греческомъ языкѣ).

[1]) Carl Ritter, „Asien“, vol. XIX.

рогѣ, спускающейся къ Джигуну, одинъ холмъ увѣнчанъ крѣпкимъ замкомъ Аназарбъ (Хайнъ-зарба мусульманъ), который до Сиса былъ резиденціей армянскихъ царей, и имя котораго прославлено сохранившимися тамъ римскими руинами. Два древнихъ водопровода, хотя прерывающіеся тамъ и сямъ и потерявшіе уже свои изваянія и надписи, все еще представляютъ грандіозные памятники античнаго зодчества: они продолжаются одинъ на 12, другой на 20 километровъ, до горъ, господствующихъ надъ равниной съ сѣвера и съ сѣверо-запада [1]): ихъ плодотворныя воды преобразили окружающую пустыню въ необразимый цвѣтущій садъ, такъ что въ двѣнадцатомъ столѣтіи Эдризи могъ сравнить окрестности Аназарба съ дамасскимъ «раемъ».

Къ востоку отъ Аданы, древняя Мопсуэста, Мамистра крестоносцевъ, Миссисъ армянъ и турокъ, охраняетъ переходъ черезъ Пирамъ, на которомъ въ этомъ мѣстѣ построенъ мостъ о девяти аркахъ: мы уже находимся около основанія полуострова, и крутые склоны Джебель-эль-Нура или «Горы свѣта» обозначаютъ естественный рубежъ между двумя странами, Малой Азіей и Сиріей; въ этой пограничной области встрѣчаются группы всякой націи— турки и греки, армяне и курды, арабы, черкесы, ансаріехи, негры и цыгане. Мопсуэста, стоящая на крайней границѣ эллинскаго міра, принадлежала также къ Сиріи и внутренней Азіи по смѣшенію культовъ. Ея Аполлонъ былъ скорѣе восточный Ваалъ, чѣмъ греческое божество; въ ней для всѣхъ боговъ были храмы и поклонники; точно также Эгея (Айясъ, Лаяццо), «городъ волнъ», построенная на сѣверной сторонѣ Александретскаго залива, принимала всѣ религіи бассейна Средиземнаго моря; во время крестовыхъ походовъ, когда итальянскіе мореходы основали здѣсь свой главный складочный пунктъ, Мопсуэста сдѣлалась христіанскимъ городомъ. Смѣнившій ее киликійскій портъ находится въ нѣсколькихъ километрахъ западнѣе, недалеко отъ устья Пирама: это—мѣстечко Юмурталикъ (Чумуръ-Талекъ); теперь поговариваютъ о томъ, чтобы соединить этотъ городокъ съ Аданой желѣзнодорожной вѣтвью, которую нужно будетъ защитить отъ рѣчныхъ наносовъ, отведя теченіе рѣки къ западу [2]). Айясъ и Юмурталикъ суть въ числѣ портовъ, которые предполагаютъ взять за исходные пункты желѣзной дороги отъ Средиземнаго моря къ Персидскому заливу. Путь вышелъ бы длиннѣе, но строители выиграли бы тѣмъ, что при этомъ направленіи можно было бы обойтись безъ подъемныхъ рампъ для перехода черезъ Амanусъ.

На восточномъ скатѣ Джебель-эль-Нура, близъ дуги залива, который наидалѣе къ сѣверу вдается внутрь материка, двѣ сближающіяся скалы, соединенныя прекрасной аркадой изъ чернаго гранита, съуживаютъ дорогу: какъ и ущелье Гюлекъ-богазъ, это тоже «ворота Киликіи», называемыя также «Воротами Тамерлана», иначе »Желѣзными воротами» или «Черными воротами», Кара - Капу. Сколько людей было перебито для завоеванія этого узкаго прохода, открывающаго дороги Азіи! Со временъ доисторическихъ не было ни одного столѣтія, которое бы не видѣло тамъ кровопролитыхъ битвъ.

Города южной покатости Малой Азіи, съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ:

Караманскій вилайетъ: Коніе—40.000 ж., Исбарта—30.000 ж., Адалія, по Спратту—13.000 ж., Бульдуръ, по Гамильтону—12.500 ж., Эльмалу, по Шенборну—10.000 ж. Караманъ, по Гамильтону—7.500 ж., Нигдехъ, по Гамильтону—6.000 ж., Эгердиръ, по Гамильтону—5.000 ж., Эрегли—5.000 ж., Зилле—4.000 ж.

Аданскій вилайетъ: Адана—25.000 ж., Марашъ—52.000 ж., Тарсъ, по Гири—12.000 ж., Хаджинъ—10.000 ж., Мерсина, по Гири—10.000 ж., Сисъ—5.000 ж., Альбистанъ—1.000 жит.

Земля въ одно и то же время азіатская и европейская по своей географіи, исторіи и населенію, Анатолія представляетъ въ своемъ соціальномъ и политическомъ состояніи двойное движеніе упадка и прогресса, прелюдію неизбѣжныхъ переворотовъ. Греки возрастаютъ въ числѣ, а турки уменьшаются; города морскаго прибрежья населяются, а города внутреннихъ областей приходятъ въ упадокъ. Современная промышленность представлена въ Смирнѣ самыми грандіозными изъ ея произведеній, а въ непосредственномъ сосѣдствѣ обитаютъ въ походныхъ палаткахъ кочевыя племена, не менѣе лишенныя всякихъ матеріальныхъ удобствъ жизни, чѣмъ бѣднѣйшіе киргизы Средней Азіи. Нѣкоторые округа поморья воздѣланы такъ же тщательно, какъ сельскія мѣстности западной Европы, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ боязнь разбойниковъ заставляетъ покидать поля и деревни. Иной городъ, даже въ сосѣдствѣ прибрежья, какъ бы осаждается бандитами, и именитые жители не отваживаются выходить за городскую ограду иначе, какъ подъ охраной многочисленныхъ эскортовъ. Основываются огромныя имѣнія, низводя цѣлыя населенія въ замаскированное крѣпостное состояніе. Жестокія голодовки, какъ, напримѣръ, 1874 и 1878 годовъ, разомъ обезлюдниваютъ цѣлые округа. Внутри страны можно ѣхать цѣлые дни, не встрѣчая другихъ слѣдовъ пребыванія человѣка, кромѣ могильныхъ кургановъ, да развалинъ эллинскихъ или римскихъ городовъ. А между тѣмъ торговля, указатель

---

[1]) Texier, „Revue française", 1838; — Carl Ritter, „Asien", XIX.

[2]) Ed. Dutemple, „En Turquie d'Asie".

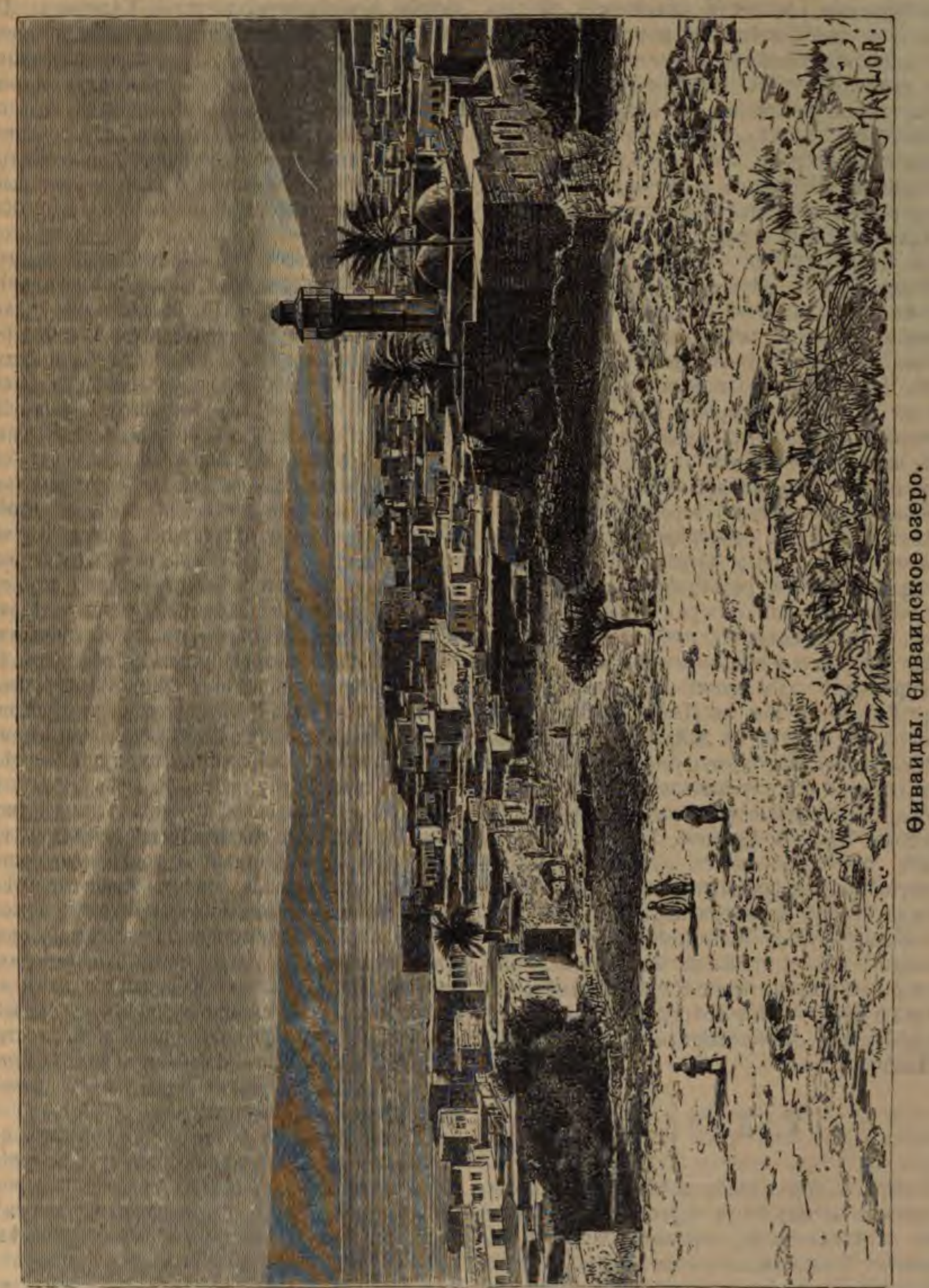
земледѣльческой и промышленной дѣятельности, возрастаетъ изъ года въ годъ. Если Азіатская Турція перестала вывозить марену, если, вслѣдствіе болѣзни, появившейся на коконахъ, въ ней уменьшилось производство шелка-сырца, за то она экспортируетъ теперь больше, чѣмъ прежде, хлопка, опіума, винограду. Одна только Смирна имѣетъ въ настоящее время болѣе значительную внѣшнюю торговлю, чѣмъ какую имѣла вся Анатолія въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Вѣроятно, въ цѣломъ есть прогрессъ: общая равнодѣйствующая всѣхъ элементовъ, находящихся въ столкновеніи, указываетъ, повидимому, на возрастаніе народонаселенія и его благосостоянія.

Сильный контрастъ, замѣченный теперь между двумя половинами Анатоліи — морскимъ прибрежьемъ, которое стремится принять европейскій характеръ, и внутренними плоскогорьями, которыя принадлежатъ еще къ Центральной Азіи,—не можетъ не ослабѣть въ близкомъ будущемъ. Раздѣленный на расходящіеся бассейны, имѣющіе скатъ къ разнымъ морямъ и отдѣленные одинъ отъ другаго впадинами безъ истеченія, полуостровъ Малой Азіи не имѣлъ географическаго единства; но это единство, въ которомъ ему отказала природа, онъ начинаетъ пріобрѣтать, благодаря дѣятельности человѣка. Торговля, облегчаемая путями сообщенія, уравниваетъ первобытныя препятствія, отнимаетъ у раздѣльныхъ возвышенностей, у крутыхъ склоновъ горъ, ихъ вліяніе, нѣкогда рѣшающее, на движенія исторіи, ослабляетъ мало-по-малу узы зависимости, привязывавшія населенія къ родной землѣ. Уже вагоны желѣзныхъ дорогъ начинаютъ конкуррировать въ Малой Азіи съ 160.000 вьючныхъ верблюдовъ, слѣдующихъ караванными путями. Когда внутренняя Анатолія сдѣлается столь же легко доступной, какъ страны Европы и Америки, уже обладающія обширной, далеко развѣтвляющейся сѣтью желѣзныхъ путей, понизится и барьеръ, отдѣляющій однообразное нагорье отъ зубчатой, изрѣзанной бухтами и бухточками, окраины морскихъ береговъ. Мало-по-малу, шагъ за шагомъ, дѣйствіе, идущее извнѣ, почувствуется даже на горныхъ пастбищахъ, гдѣ бродятъ юруки со своими стадами. Самая форма Малой Азіи, такъ сказать, отдаетъ ее заранѣе въ руки предпріимчивыхъ европейцевъ. Съ трехъ сторонъ этотъ островъ омывается моремъ, и отъ Батума, сдѣлавшагося русскимъ владѣніемъ, до Мерсины, лежащей противъ острова, присоединеннаго уже къ Британской имперіи, всѣ порты представляютъ какъ бы пункты атаки. Наконецъ своимъ континентальнымъ фасомъ Анатолія, прежде имѣвшая свободное сообщеніе съ курдскими, тюркскими и туркменскими племенами лидійскихъ горъ, теперь граничитъ съ европейской державой; она, такъ сказать, обойдена въ тылъ, и съ этой стороны тоже сѣть дорогъ будетъ быстро разростаться.

Въ этомъ дѣлѣ постепеннаго преобразованія Малой Азіи инціатива принадлежитъ не Стамбулу, а Смирнѣ «Невѣрной». Естественно, что константинопольскіе оттоманы нехотя занимаются общественными работами, которыя достанутся въ наслѣдство иностранцамъ. Желѣзная дорога, начинающаяся въ Скутари и которую инженеры столько разъ предлагали продолжить до Багдада, не проникаетъ еще даже въ долину р. Сакаріи, которая, въ отношеніи ежедневнаго продовольствованія столицы, почти составляетъ часть округа Босфора. Но главный городъ азіатской Іоніи, гдѣ, несмотря на политическія фикціи, гегемонія принадлежитъ въ дѣйствительности грекамъ и западнымъ европейцамъ, обладаетъ уже цѣлой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, проникающей на востокъ въ долины Гермуса, Кайстра и Меандра, и работы по постройкѣ быстрыхъ путей сообщенія продолжаются въ направленіи къ внутреннимъ плоскогорьямъ, на которыя безъ труда можно будетъ проложить рельсы по легкимъ для подъема скатамъ. Даже въ этихъ высокихъ степяхъ, гдѣ города такъ рѣдки, желѣзные пути найдутъ элементы торговаго движенія въ химическихъ продуктахъ, каковы соль, селитра, бура, которые выработались на берегахъ озеръ Фригіи и Ликаоніи. Однако, эти линіи, очень полезныя для обезпеченія промышленнаго завоеванія внутреннихъ областей страны, будутъ имѣть лишь второстепенную важность для международной торговли: это въ Константинополѣ долженъ пройти большой діагональный путь, соединяющій Европу съ Индіей.

Но какъ бы дѣло ни представлялось на первый взглядъ, въ сущности англичане, обитатели Индустана, не имѣютъ никакого интереса строить эту прямую линію, командуемую батареями пролива, который не въ ихъ сферѣ вліянія. Открытіе этого пути, безъ сомнѣнія, тотчасъ же дало бы націямъ центральной Европы преимущество надъ ними въ отношеніи торговли съ Востокомъ. Владычицѣ морскихъ путей, Великобританіи, выгодно было бы не имѣть другой дороги, кромѣ той, которая идетъ вокругъ мыса Доброй Надежды. Такъ, она противилась открытію Суэзскаго канала, потому что не ей одной можно было пользоваться этимъ новымъ путемъ. Точно такъ же она будетъ противодѣйствовать всякому предпріятію, имѣющему цѣлью постройку желѣзной дороги изъ Константинополя въ Багдадъ: линія, которой она благопріятствуетъ напередъ,—это та, которая пойдетъ отъ какого-нибудь порта Средиземнаго моря, лежащаго противъ острова Кипра, и кончается у Персидскаго залива, замкнутаго моря, гдѣ господствуютъ ея флоты. Она требуетъ также, чтобы проектируемый путь былъ отдѣленъ отъ армянскихъ плоскогорій

теченіемъ Евфрата, такъ какъ военное превосходство обладателей Кавказа и Анти-Кавказа слишкомъ прочно установилось, чтобы османлисы, даже поддерживаемые англичанами, могли впредь пытаться загородить дорогу русскимъ, если бы послѣднимъ заблагоразсудилось прибавить къ своимъ владѣніямъ Тавръ и Анти-Тавръ.



Ѳиваиды. Сиваидское озеро.

Такимъ образомъ промышленное и торговое завоеваніе Малой Азіи должно имѣть важныя послѣдствія для политическаго равновѣсія міра: но сколько перемѣнъ нужно предвидѣть для самыхъ населеній полуострова! Можно сказать, что, съ точки зрѣнія правительства, политическое единство Анатоліи установлено: власть султана тамъ теперь лучше утверждена, чѣмъ въ былое время; повсюду вассальныя или почти независимыя княжества *деребеевъ* или «началь-

никовъ долинъ» были упразднены: уцѣлѣли лишь кое-какіе слѣды автономныхъ республикъ, которыя держались тамъ и сямъ въ высокихъ горныхъ массивахъ. Административное устройство одинаково во всѣхъ вилайетахъ. Но это единство—чисто внѣшнее: анатолійскія «націи» остаются, несмотря на политическое единство, все такъ же разъединенными. Болѣе того: возрастающія удобства сообщеній увеличиваютъ число точекъ соприкосновенія между народностями враждебными или, по крайней мѣрѣ, имѣющими совершенно различные интересы. Предпріимчивые греки побережья уже видятъ сосѣдями не однихъ только античныхъ, покорныхъ судьбѣ турокъ: они встрѣчаютъ также туркменовъ изъ внутренней части страны, еще молодыхъ энергіей, курдовъ, съ ихъ иранскими качествами, смѣтливостью и изворотливостью, армянъ, трудолюбивыхъ и настойчивыхъ. Нѣтъ ни одного города въ Малой Азіи, гдѣ не было бы четырехъ или пяти «національностей», живущихъ смѣшанно. Многіе города насчитываютъ ихъ до двѣнадцати или пятнадцати, и каждая изъ этихъ національностей ищетъ внѣ роднаго города своихъ соотечественниковъ или единовѣрцевъ; жители одного и того же города, сознающіе свое различное происхожденіе, разъединенные традиціонной ненавистью или соперничествомъ, не считаютъ и не называютъ себя согражданами. Какъ совершится присоединеніе всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ въ европейскомъ міру? Безъ сомнѣнія, въ Малой Азіи нѣтъ недостатка въ людяхъ съ широкими взглядами, понимающихъ равноправность восточныхъ національностей и высказывающихъ пожеланія за будущій политическій союзъ или федерацію народовъ Тавра и Арарата; но этотъ историческій переходъ будетъ, конечно, труденъ. Присутствуя при преобразованіи старой Европейской Турціи, можно ли надѣяться, что преобразованіе Турціи Азіатской можетъ совершиться безъ того, чтобы не имѣть также своего кортежа насильственныхъ массовыхъ переселеній и кровавыхъ побоищъ, которыя за послѣднее время составляютъ нерѣдкое явленіе въ Анатоліи.

V. Кипръ.

Островъ Кипръ, поверхность котораго, вычисленная по морскимъ картамъ, превышаетъ 9.500 кв. километровъ, есть самый большой изъ острововъ Средиземнаго моря, послѣ Сициліи и Сардиніи. Географически онъ принадлежитъ къ Малой Азіи, отъ которой отдѣленъ морями, гораздо менѣе глубокими, чѣмъ сирійскія воды, и горы его протянуты какъ разъ въ томъ же направленіи, какое имѣютъ цѣпи противуположнаго берега, въ Крутобереговой Киликіи; если не считать нѣсколькихъ маленькихъ пересѣченій береговой линіи, параллелизмъ полный между его сѣверными берегами, отъ мыса Кормакити до мыса св. Андрея, и киликійскими берегами, отъ Анамура до устья Каликанда. Но если островъ зависитъ отъ Анатоліи по своей географической формѣ, то флорой и фауной онъ больше походитъ на сѣверную Сирію. Изъ этого натуралисты заключаютъ, что къ концу третичной эпохи существовало соединеніе между его сѣверо-восточной оконечностью и континентальной цѣпью Амануса, направленіе которой также параллельно оси Тавра Киликійскаго [1]).

Исторически островъ Кипръ тоже примыкаетъ къ двумъ областямъ, Малой Азіи и Финикіи. Черезъ море и острова Архипелага онъ находится также въ кругѣ притяженія Греціи; религія, промышленность, искусства древнихъ кипріотовъ свидѣтельствуютъ о смѣшеніи, которое они сдѣлали изъ элементовъ финикійскихъ и греческихъ: мы находимъ тамъ, какъ въ центрѣ водоворота, наносы изъ всѣхъ сосѣднихъ земель. Но населеніе было довольно цивилизовано само по себѣ для того, чтобы занесенное изъ другихъ странъ получило у него оригинальный характеръ. Легко доступный мореходамъ Сидона и Крита, Кипръ былъ, однако, слишкомъ изолированъ, чтобы сдѣлаться простой зависимостью одной изъ цивилизованныхъ націй, которыя тамъ встрѣчались. Съ первыхъ временъ исторіи кипріоты являются, какъ народъ, отличный отъ другихъ грековъ: они говорили особымъ эллинскимъ нарѣчіемъ, очень близкимъ къ эолійскому, и даже имѣли собственную азбуку, которая, повидимому, не была заимствована отъ финикіянъ, какъ письмена Греціи: ихъ силлабическій алфавитъ, гдѣ каждая черта представляла согласную, сопровождаемую гласнымъ звукомъ, кажется, имѣлъ сродство съ алфавитомъ гиттитовъ; можетъ быть, онъ былъ заимствованъ изъ клинообразнаго письма [2]). Въ эллинскихъ легендахъ, дальній Кипръ всегда изображается какъ колыбель греческой цивилизаціи; тамъ греки имѣли свой культъ Афродиты паѳійской, сестры Астарты финикіянъ; и тамъ же, можетъ быть, научились они искусству обработывать металлы и дѣлать глиняную посуду.

Съ политической точки зрѣнія, Кипръ часто имѣлъ судьбу, отличную отъ судьбы сосѣднихъ земель, Сиріи и Малой Азіи; этотъ островъ имѣлъ автономное существованіе во многихъ государствахъ, въ составъ которыхъ послѣдовательно входилъ: онъ былъ египетскимъ и персидскимъ владѣніемъ, хотя, впрочемъ, никогда не былъ вполнѣ подчиненъ этимъ большимъ континентальнымъ имперіямъ; затѣмъ,

---

[1]) Unger und Kotschy, „Die Insel Cypern“.
[2]) G. Perrot, рукописныя замѣтки.

при Александрѣ Великомъ, онъ составлялъ часть Македонскаго царства; впослѣдствіи принадлежалъ Риму и Константинополю. Со времени перемѣщенія Византійской имперіи Кипръ сдѣлался отдѣльнымъ королевствомъ, и въ продолженіе двухъ съ половиной столѣтій былъ управляемъ фамиліей Лузиньяновъ, которые къ своей дѣйствительной верховной власти надъ островомъ прибавляли пустой титулъ «королей іерусалимскихъ». Лузиньянамъ наслѣдовали венеціанцы и удерживали за собой Кипръ въ теченіе цѣлаго столѣтія. Они потеряли его въ 1571 году, и съ этого времени островъ принадлежитъ оффиціально Оттоманской имперіи; но въ дѣйствительности онъ повинуется не султану, а другому господину. Въ силу трактата 1878 года, онъ управляется Англіей, которая платитъ за него Портѣ ежегодную аренду, но зато пользуется всѣми правами верховной власти, принадлежащими номинальному владѣльцу. Для націи, обладающей могущественными флотами, положеніе Кипра имѣетъ большую стратегическую важность: расположенный при входѣ въ бухту, какъ корабль, поставленный на шрингъ, онъ командуетъ въ одно и то же время берегами Анатоліи и берегами Сиріи, и носъ его направленъ какъ разъ къ жизненному пункту Передней Азіи, то-есть къ большому колѣну Евфрата, центру схожденія всѣхъ дорогъ между Чернымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, между Араратомъ и Ливаномъ. Но Кипръ еще слишкомъ мало населенъ, слишкомъ бѣденъ матеріальными рессурсами, чтобы быть, съ колоніальной точки зрѣнія, драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ: еще долгіе годы онъ будетъ стоить Великобританіи гораздо больше, чѣмъ сколько приноситъ доходу; все надо заводить или передѣлывать—дороги, порты, верфи, крѣпости, арсеналы. Пространство Кипра 9.180 квадр. километровъ; число жителей въ 1891 году 209.291 (209.291) душъ, такъ что среднимъ числомъ приходится 22 жителя на квадр. километръ.

Главный массивъ, извѣстный въ древности, какъ множество другихъ горъ, подъ именемъ Олимпа и чаще обозначаемый въ наши дни названіемъ Троодосъ, возвышается въ юго-восточной части Кипра. По Гревсу, высшая его вершина немного превышаетъ 2.000 метровъ; снѣга лежатъ тамъ большую часть года, и короли изъ Лузиньянской династіи выкапывали обширные ледники въ нѣсколькихъ хорошо защищенныхъ впадинахъ, всегда наполненныхъ снѣгомъ, даже въ жаркое время года [1]). Къ востоку отъ Троодоса, цѣпь Олимпа, изрѣзанная глубокими оврагами, снова поднимается, чтобы образовать вершины-близнецы Двухъ братьевъ (1.640 метр.), за которыми слѣдуютъ пики Махераса (1.442 метра) и почти уединенный высокій мысъ Ставро-Вуно (700 метр.), названный итальянскими моряками Санта-Кроче (св. Креста). Хотя по высотѣ много уступающая другимъ вершинамъ, Крестовая гора, благодаря своему положенію впереди цѣпи и близъ берега, наиболѣе посѣщаемаго кораблями, долго считалась высочайшимъ пикомъ острова; подобно горѣ Троодосъ, она носила громкое имя «Олимпа», и на верху ея стоялъ знаменитый храмъ Венеры, куда одни только мужчины имѣли право входить, и мѣсто котораго впослѣдствіи занялъ монастырь бенедиктинцевъ [1]); въ пещерахъ этой горы, а не на Венусбергѣ (Венерина гора) Тюрингіи, живетъ, по легендѣ крестовыхъ походовъ, рыцарь Тангейзеръ, ожидая подлѣ башни роковаго гласа послѣдней трубы. На западной оконечности цѣпи, другая вершина, называемая Кихо (1.100 метровъ), тоже слыветъ священнымъ мѣстомъ, и греко-восточные христіане ходятъ туда на богомолье, какъ нѣкогда хаживали поклонники Афродиты.

Горныя породы кипрскаго Олимпа, эруптивнаго происхожденія, приподняли известняки и мергели, третичнаго образованія, которые простираются у ихъ основанія. На линіяхъ соприкасанія нижніе пласты разнообразно видоизмѣнились, и съ той и другой стороны видны залежи металловъ и особенно мѣди, металла «кипрскаго» по преимуществу, такъ какъ въ греческомъ, латинскомъ и въ новыхъ западно-европейскихъ языкахъ онъ носитъ названіе этого острова. Во многихъ мѣстахъ почва покрыта вулканическими шлаками, въ которыхъ осталась лишь весьма значительная пропорція металла, — доказательство, что жители были очень искусны въ своихъ металлургическихъ работахъ [2]). Тамъ и сямъ встрѣчаются также желѣзные рудники, нынѣ совершенно заброшенные. Въ древности, кипріоты раздѣляли съ халибами и тибаренцами славу первыхъ кузнецовъ: они приписывали открытіе мѣдной и желѣзной руды національному герою Кинирасу, который будто бы первый смастерилъ молотъ, клещи, наковальню и выковалъ броню; побѣдоносный мечъ Агамемнона, мечъ Александра Великаго, были подарки кипрскихъ царей [3]).

Сѣверная часть острова, оканчивающаяся на сѣверо-востокѣ длиннымъ полуостровомъ Карпазосъ, который древніе называли «Хвостомъ быка», сплошь занята цѣпью горъ, совершенно отличной отъ массивовъ Олимпа. Въ дѣйствительности, Кипръ состоитъ изъ двухъ острововъ, которые раздѣлялись бы при пониженіи уровня почвы на какую-нибудь сотню метровъ; широкая равнина изъ новыхъ формацій, которая нѣкогда была проливомъ

[1]) L. de Mas-Latrie, „L'Ile de Chypre".

[1]) Adolf Bastian, „Zeitschrift für Ethnologie", 1870.
[2]) Albert Gaudry, „Géologie de l'île de Chypre".
[3]) Unger und Kotschy, „Die Insel Cypern".

между двумя, нынѣ соединенными островами, носитъ имя Месарія или вѣрнѣе Месорея, то-есть «Междугорье», подобно многимъ другимъ равнинамъ такого же происхожденія, находящимся на различныхъ островахъ Эллинскаго Архипелага [1]; это—«Благодатный уголокъ», Макарія древнихъ [2]). Сѣверная цѣпь, болѣе правильная, чѣмъ массивъ Олимпа, тянется въ видѣ полумѣсяца, на пространствѣ 160 километровъ; очень узкая и направляющаяся вдоль берега Анатолійскаго моря, она представляетъ, на большей части своего протяженія, форму зубчатой стѣны, и во времена владычества Лузиньяновъ этотъ естественный валъ дѣйствительно служилъ оплотомъ Никозійской равнинѣ; всѣ бреши, которыя могли бы дать доступъ непріятелю, были тщательно укрѣплены. Самая высокая вершина, посвященная въ наши дни пророку Иліи, наслѣднику солнечнаго бога, возвышается близъ западной оконечности; высота ея превышаетъ 1.000 метровъ. Около середины полумѣсяца господствующая вершина увѣнчана крѣпкимъ замкомъ Буффа-Венто («дуй вѣтеръ»), названнымъ такъ отъ шкваловъ, свистящихъ на высотѣ тысячи метровъ надъ пѣнящимися волнами моря. Пентодактиль, затѣмъ другіе пики слѣдуютъ одинъ за другимъ до полуострова Карпазосъ, которымъ командуетъ при его основаніи вершина горы Кантары (634 метра). За этой горой продолжается маленькая цѣпь, высшій гребень которой тоже былъ Олимпъ, наименѣе высокій изъ трехъ одноименныхъ горъ Кипра. Г. Годри далъ совокупности сѣверныхъ хребтовъ названіе Керинской или Церинской цѣпи по имени города, стоящаго у сѣверной подошвы горъ, при выходѣ единственной колесной дороги, проведенной черезъ эти горы: нѣсколько удальцовъ могли бы защищать противъ цѣлой арміи дорогу, извивающуюся въ ущельѣ [3]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выступы горъ выдвигаются въ видѣ вертикальныхъ утесовъ, омываемыхъ водами моря, но почти вездѣ мысы «Рогатаго» острова окаймлены кордономъ известняковыхъ или песчаныхъ скалъ, имѣющимъ въ среднемъ около километра въ ширину. Эта кругообразная терраса, подобная образованіямъ того же рода, которыя можно видѣть на островѣ Родосѣ, въ Сициліи и на разныхъ побережьяхъ Средиземнаго моря, очевидно, новаго происхожденія, такъ какъ ея раковины принадлежатъ нынѣшней морской фаунѣ: или почва Кипра повысилась, или море отступило [4]). Морская пристань Ларнака построена на одномъ изъ этихъ новыхъ береговъ; внѣ города ясно различаешь очертаніе стараго берега [1]).

Самый значительный потокъ острова беретъ начало въ цѣпи Большаго Олимпа и спускается на сѣверо-востокъ въ поля Междугорья, чтобы излиться въ заливъ Фамагустъ: это—Педіасъ или «Рѣка равнины». Несмотря на свою длину, превышающую 100 километровъ и порядочное число притоковъ, Педіасъ не постоянная рѣка: лѣтомъ русло ея пересыхаетъ и только кое-гдѣ виднѣются лужи стоячей воды у подошвы крутыхъ подточенныхъ береговъ. На островѣ есть нѣсколько озеръ, но все это соленые пруды безъ истеченія къ морю. Большинство этихъ озеръ были лиманами или бухтами, которыя, вслѣдствіе образованія береговыхъ кордоновъ или песчаныхъ косъ, отдѣлились отъ Средиземнаго моря и превратились въ замкнутыя лагуны; таковы солончаки, окаймляющіе побережье къ югу отъ Ларнаки, и солончаки около Лимасоля, которые ограничены двумя низменными берегами, въ видѣ полукруга, соединяющими съ большимъ островомъ маленькую скалистую цѣпь полуострова Акротири. Эти салончаки, откуда каждый годъ добываютъ значительное количество соли, отъ 25 до 30 тоннъ, бываютъ попеременно то выше, то ниже уровня моря. Зимой, временные ручьи наполняютъ впадины и образуютъ настоящія озера, болѣе возвышенныя, чѣмъ морскія воды; лѣтомъ, испареніе мало-по-малу уменьшаетъ пруды, и водная площадь, уровень которой постепенно понижается, опускаясь ниже поверхности моря, въ концѣ концовъ даже совсѣмъ высыхаетъ, оставляя лишь слой соли на днѣ. Каждый годъ соляныя частицы, увлекаемыя проточными водами въ бассейны испаренія, прибавляются въ достаточномъ количествѣ для того, чтобы поддерживать нормальную соленость, и до сихъ поръ еще никогда не замѣчали, чтобы средняя добыча соли уменьшалась; возможно также, какъ это предполагаетъ натуралистъ Унгеръ, что медленное просачиваніе морскихъ водъ черезъ песчаные берега, когда пруды бываютъ почти высохшими, достаточно для возстановленія обычной пропорціи соли. Какъ бы то ни было, земли побережья, даже вдали отъ лагунъ, до такой степени насыщены солью, что посаженныя или посѣянныя тамъ растенія погибаютъ, когда обильные дожди не выщелочили почвы [2]).

Въ земледѣльческой экономіи Кипра постоянные источники, вытекающіе у основанія или въ долинахъ горъ, имѣютъ бо́льшую цѣну, чѣмъ такъ называемыя «рѣки», и многіе города обязаны своимъ основаніемъ сосѣдству этихъ бьющихъ изъ почвы водъ. Пафосъ, конечно не существовалъ бы безъ прекраснаго ключа

---

[1]) Ross, „Reise nach Kos, Halikarnassos, Rhodos und Cyper“.

[2]) G. Perrot, „Revue des Deux Mondes“, 1 décembre 1878.

[3]) L. Mas Latrie, цитированное сочиненіе.

[4]) A. Gaudry, цитированное сочиненіе.

---

[1]) De Cesnola, „Cyprus“; Thomson, „Proceedings of the Geographical Society“, febr. 1879.

[2]) Samuel Baker, „Cyprus“.

который льется изъ скалъ и бѣжитъ между лужайками, подъ переплетающимися вѣтвями деревьевъ. На окраинахъ массива Олимпъ, который, однако, получаетъ наибольшее количество снѣга и дождя, источники немногочисленны и маловодны по большей части. Изъ этого заключаютъ, что падающія изъ атмосферы воды находятъ себѣ выходъ только въ морское ложе. Лучшіе естественные фонтаны находятся въ Церинской цѣпи, и нѣкоторые изъ нихъ, каковы, напримѣръ, «Пять глазъ» въ Киѳокѣ, образуютъ значительные ручьи. Всѣ источники сѣверной цѣпи берутъ начало на высотѣ отъ 150 до 200 метровъ, въ мѣстѣ соприкасанія известняковъ и песчаниковъ; узкій хребетъ, поднимающійся надъ этимъ поясомъ, не представляетъ достаточно обширной пріемной площади, чтобы объяснить въ странѣ, такъ бѣдной

Видъ на Синайскомъ полуостровѣ.

дождями, существованіе столь обильныхъ родниковъ. Откуда же они берутся? Спускаются ли ихъ воды съ Олимпа и проходятъ ли онѣ подъ поверхностными слоями Месореи, чтобы снова выйти на поверхность на скатахъ сѣверной цѣпи? Или, можетъ быть, какъ говорятъ туземцы, и какъ склоненъ думать Унгеръ, мѣсто происхожденія ихъ находится въ горахъ Киликіи, и онѣ проходятъ подъ проливомъ, чтобы опять появиться на южной покатости Церинскаго хребта? [1]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ подземныя воды должны бы были имѣть теченіе длиной по меньшей мѣрѣ 100 километровъ и проходить на глубинѣ слишкомъ 300 метровъ подъ поверхностью Средиземнаго моря. Въ тѣхъ частяхъ острова, гдѣ нѣтъ ключей для орошенія полей и водоснабженія городовъ, туземцы очень искусны въ перехватываніи водъ на линіи ската: они выкапываютъ на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой глубокія ямы, доходящія до непропускающей воду глины, составляющей подпочву, и соединяютъ ихъ подземной галлереей; просачивающаяся вода наполняетъ мало-по-малу эти водопроводныя трубы, подобныя афганскимъ карезамъ и иранскимъ канатамъ, и поднимается до отверстія колодцевъ, гдѣ ее принимаютъ каналы обыкновенныхъ водопроводовъ; такъ питается каналъ въ 15 километровъ, который приноситъ воды съ холмовъ въ городъ Ларнаку.

Кипръ, какъ островъ, заключенный между берегами Киликіи и берегами Сиріи, не имѣетъ морскаго климата: въ отношеніи распредѣленія дождей, такъ же, какъ въ отношеніи измѣненія температуры, онъ представляетъ тѣ же явленія, какъ и сосѣдній материкъ. Зимой, онъ выставленъ холоднымъ вѣтрамъ, которые передъ тѣмъ проносятся надъ высокими плоскогорьями Малой Азіи, снѣгъ падаетъ на горы и даже въ равнины; дожди часты, особенно въ послѣдніе три мѣсяца года, когда рѣки выступаютъ изъ береговъ, и нерѣдко прерываются всякія сообщенія въ Месорейской равнинѣ. Но смѣна зимы лѣтомъ совершается вдругъ, почти безъ переходнаго времени, называемаго весной; въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ небо постоянно безоблачно, воздухъ едва освѣжается легкими морскими бризами; почва выжигается нестерпимой жарой, которую, быть можетъ, и символизируетъ левъ съ разинутой пастью, изображенный на древнихъ монетахъ [2]); лѣтняя температура въ Ларнакѣ выше, чѣмъ въ Каирѣ [3]). Тогда-то въ сосѣдствѣ лагунъ побережья маларія (болотная лихорадка) становится страшнымъ бичемъ; злокачественный туманъ стоитъ надъ равнинами и ползетъ у подошвы горъ.

---

[1]) Ali-bey, „Voyage au Maroc, à Tripoli, Chypre, etc.“; — Unger und Kotschy, „Die Insel Cypern“.

[2]) De Luynes, „Numismatique et Inscriptions cypriotes“.

[3]) Unger und Kotschy, цитированное сочиненіе.

Климатъ Ларнаки, по Фонбланту, Унгеру, Паскотини, Сандвичу (средній выводъ трехлѣтнихъ наблюденій): самый холодный мѣсяцъ, февраль н. ст. 11°,95 Ц.; самый теплый, августъ 31°, 33. Средняя температура года, 20°, 72. Количество дождя 320 миллиметр. [1]). Въ этотъ убійственный сезонъ лѣтнихъ жаровъ пыльная и спаленная солнцемъ равнина крайне непригляднa, и мергельные холмы, голые или покрытые очень скудной растительностью, состоящей лишь изъ колючаго кустарника, да изъ малорослыхъ, кривыхъ и рѣдко стоящихъ сосенъ, представляютъ печальную картину, совершенно непохожую на ту, о которой мечталъ путешественникъ, высаживаясь на островъ Киприды. Прекрасные пейзажи, напоминающіе ландшафты тосканскихъ Апеннинъ, можно увидѣть лишь въ высокихъ долинахъ Олимпа, гдѣ почва всегда сохраняетъ достаточный запасъ влажности: тамъ пріютились монастыри, высоко поднимающіе свои башенки между группами сосенъ. Въ равнинѣ, растенія, лишенныя необходимой влажности, дѣлаются дотого твердыми и жесткими, что ходить по нимъ очень тяжело; животныя пріучаются прыгать, чтобы избѣгать укола травъ, волчецовъ, колючихъ растеній; отъ того высоконогія собаки, какъ напримѣръ борзыя, легче приспособляются къ средѣ, чѣмъ другія породы [2]). Иногда вѣтры переносятъ съ береговъ Азіи, черезъ проливъ, тучи саранчи (stauronatus cruciatus), которыя спускаются на сѣверные берега острова и пожираютъ всѣ посѣвы и плантаціи. Около половины настоящаго столѣтія кипріотамъ приходилось страдать отъ этого бича, среднимъ числомъ, разъ въ каждые два года; тогда они придумали защищать свои поля, окапывая ихъ рвами и окружая послѣдніе изгородью изъ скользкихъ досокъ, на которыя насѣкомыя не могутъ взобраться [3]). Кипрская и киликійская саранча отличается отъ акриды (acridium), опустошающей Сирію и Палестину [4]).

Островная флора, очень богатая, заключаетъ болѣе тысячи явнобрачныхъ видовъ: тамъ встрѣчаются почти всѣ растенія, свойственныя Криту и Архипелагу, равно какъ много другихъ, принадлежащихъ сосѣднему континенту; только четыре вида, въ томъ числѣ дубъ «съ ольховыми листьями», составляютъ спеціальную флору острова. Въ лѣсахъ почти совсѣмъ нѣтъ лиственныхъ деревьевъ; самая обыкновенная порода—это красная карамайская сосна, вѣтви которой превосходятъ высотой вѣтви всѣхъ другихъ хвойныхъ. Кипарисъ, который этому острову обязанъ своимъ име-

---

[1]) E. G. Ravenstein, „Cyprus“.

[2]) Albert Gaurdy, „Revue des Deux Mondes“, sept. 1877.

[3]) „Journal officiel de la République française“, 10 sept. 1875.

[4]) Kotschy, „Die Insel Cypern“.

немъ—такъ же, какъ мѣдь или «кипрскій металлъ» и чебакъ (cyprinus) или «кипрская рыба»—растетъ еще въ дикомъ состояніи въ восточной области, гдѣ онъ образуетъ нѣсколько рощицъ; но ему грозитъ близкое исчезновеніе, благодаря тому, что строители предпочитаютъ его всякому другому дереву, по причинѣ его твердости и превосходнаго запаха: извѣстно, что кипарисовыя рощи Крита доставили строевой лѣсъ для флотовъ Александра Великаго на Тигрѣ и Евфратѣ. По мнѣнію большинства этимологовъ, названіе острова происходитъ отъ наименованія одного растенія, *коферъ*, продукты котораго были прежде предметомъ значительной торговли. Но какое это растеніе? Основываясь на описаніи его, данномъ Плиніемъ, вообще пришли къ тому выводу, что это лавзонія или троэна (бирючина), листья которой, обработанные химически, доставляютъ вещество, извѣстное подъ тѣмъ же именемъ; но это растеніе не природное европейское и никогда не культивировалось иначе, какъ въ садахъ. Кочи полагаетъ, что коферъ былъ *cistus creticus* (ладанникъ критскій), который растетъ въ горахъ, между 600 и 1.500 метровъ высоты; волоски этого растенія выдѣляютъ душистую смолу, которая прилипаетъ къ бородѣ козъ и въ концѣ концовъ превращаетъ ее въ твердую массу: древніе очень цѣнили эту смолу, бальзамъ лауданъ, которую и теперь еще собираютъ для аптекъ [1]).

Дикія животныя почти совсѣмъ исчезли. Кипрскій баранъ, *ovis cyprius*, встрѣчается еще въ каменистыхъ циркахъ горъ; кошки очень многочисленны въ лѣсахъ, а кабаны опустошаютъ поля; ядовитыя змѣи, очень опасныя для жнецовъ, водятся въ разсѣлинахъ почвы. Говорятъ, что около западной оконечности острова, въ области мыса Эпифани, бродятъ лошади, ослы и быки, одичавшіе вслѣдствіе войнъ и эпидемій. Одною изъ первыхъ заботъ англичанъ, послѣ того какъ они взяли въ свои руки управленіе Кипромъ, было оставить за собой дичь, обложивъ право охоты высокой таксой. Вдоль морскихъ береговъ ловятъ обыкновенныя губки.

Какъ растенія въ совокупности кипрской флоры, такъ точно и въ населеніи острова различные этническіе элементы происходятъ изъ всѣхъ прибрежныхъ земель восточной части Средиземнаго моря. Здѣсь встрѣчаются греки и турки, сирійцы, египтяне и арабы, при чемъ невозможно различить ихъ первоначальнаго происхожденія. Островитяне группируются не по расѣ или національности, а по языку и еще болѣе по вѣроисповѣданію. Греки, которые составляютъ четыре пятыхъ населенія, всѣ безъ исключенія кипріоты, говорящіе эллинскимъ нарѣчіемъ острова, довольно отличнымъ отъ ново-греческаго или ромайскаго языка, и соблюдающіе праздники и посты, установленные православной греко-восточной церковью. Всѣ магометане обозначаются общимъ именемъ турокъ, даже тѣ, которые не знаютъ другаго языка, кромѣ кипрскаго греческаго діалекта. Наконецъ, есть промежуточный классъ, который не знаютъ куда причислить, хотя онъ нисколько не отличается расой, наружностью или языкомъ отъ другихъ «грековъ» острова. Это такъ называемые линобамбаки или «ленъ и хлопокъ», которые наружно придерживаются обрядностей ислама, но совершаютъ надъ новорожденными таинство крещенія и называютъ себя христіанами въ своихъ семьяхъ. Въ Кипрѣ, какъ на другихъ островахъ и въ Малой Азіи, починъ принадлежитъ грекамъ; однако, кипрскіе греки считаются гораздо большими рутинерами, чѣмъ ихъ братья въ Архипелагѣ, и къ нимъ и теперь охотно примѣняютъ эпитетъ «быковъ», который имъ дали древніе эллины. Никогда кирпіоты не были увлечены въ патріотическое движеніе другихъ островитянъ, кандіотовъ, напримѣръ; никогда они не приносили никакихъ жертвъ для «великой идеи» [1]). Они живутъ мирно, вѣрные подданные властителей, смѣнявшихъ другъ друга въ теченіе вѣковъ, христіанъ или мусульманъ. По крайней мѣрѣ, между обычаями старины, которые они съ благоговѣніемъ сохраняютъ и соблюдаютъ, есть очень милые, которые, безъ сомнѣнія, восходятъ къ тѣмъ временамъ, когда боготворили Афродиту. Иностранцу, переступающему порогъ, хозяинъ дома передаетъ яблоко, символъ дружбы, и когда гость уходитъ, старшая дочь окуриваетъ его, махая кадиломъ, гдѣ горятъ масличные листья и благовонныя смолы.

Въ прежнее время марониты были довольно многочисленны во всей сѣверной области Кипра. Переселившись на островъ вмѣстѣ съ франкскими рыцарями, когда эти послѣдніе принуждены были покинуть Палестину, они основали нѣсколько деревень на склонахъ Керинскихъ горъ и особенно на длинномъ полуостровѣ Карпазосъ; но, окруженные греками и турками, они въ большинствѣ уступили давленію среды: почти всѣ они, выучившись греческому языку, переняли вмѣстѣ съ тѣмъ православныя обрядности; нѣкоторые вступили въ лоно ислама. Единственныя, нынѣ существующія еще маронитскія общины, заключающія около пятисотъ душъ, занимаютъ мысъ Кормакити, на западной оконечности Керинской цѣпи: тамъ говорятъ еще испорченнымъ арабскимъ языкомъ, но священники, пришедшіе изъ дамасскихъ и алеппскихъ монастырей, принуждены проповѣдывать по-гречески, чтобы быть понц-

[1]) Mariti, „Voyage dans l'île de Chypre, la Syrie et la Palestine".

[1]) G. Perrot, цитированный мемуаръ.

тыми слушателями [1]). Нѣсколько тысячъ негровъ-невольниковъ, привезенныхъ на островъ, оставили свое потомство въ магометанскомъ населеніи. Со времени взятія острова во владѣніе англичанами, къ кипрскому населенію примѣшались въ немаломъ числѣ другіе иммигранты—левантинцы изъ Константинополя и Смирны, армяне, евреи, западно-европейцы всякой націи. Но эти пришельцы по большей части спекулянты, а не колонисты: имъ нужно только захватывать себѣ, въ качествѣ посредниковъ всякаго рода, наибольшую часть денегъ, приносимыхъ «милордами»; такъ, напримѣръ, наканунѣ подписанія Берлинскаго трактата, одинъ банкиръ Перы велѣлъ купить разомъ на милліонъ франковъ часть земель города Ларнаки, которыя онъ потомъ перепродалъ за семерную цѣну правительству и англійскимъ сановникамъ.

Но это нашествіе купцовъ не увеличило богатства острова; земледѣліе и промышленность все еще остаются такими же, какими они были подъ турецкимъ режимомъ, то-есть въ первобытномъ состояніи: едва десятая часть почвы занята культурой. Производительность Кипра много уменьшилась со временъ Лузиньяновъ и венеціанцевъ. Сахарный тростникъ, нѣкогда воздѣлывавшійся на южномъ побережьѣ, теперь увидишь только въ садахъ; бананы, финиковыя пальмы стали рѣдки; хлопчатникъ, доставлявшій прежде для вывоза до 6.000 кипъ ежегодно, теперь даетъ не болѣе тысячи кипъ. Точно такъ же культура винограда значительно уменьшилась со времени изгнанія венеціанцевъ, а между тѣмъ весь островъ могъ бы быть превращенъ въ одинъ громадный виноградникъ до высоты 1.200 метровъ надъ уровнемъ моря, и качество здѣшняго винограда по-прежнему хорошо; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, на земляхъ Командорства, близъ Лимассоля, оно превосходно; извѣстно, что португальцы достали отъ кипріотовъ первыя виноградныя лозы, посаженныя ими на островѣ Мадерѣ [2]). Отъ пятнадцати до двадцати пяти тысячъ гектолитровъ—таково въ настоящее время общее производство Кипра. Въ каждомъ селеніи есть своя масличная роща, плоды которой, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, составляютъ обычную пищу крестьянина въ постные дни. Послѣ зерновыхъ хлѣбовъ, винограда и оливковаго дерева, главную культуру составляетъ сладкій рожокъ (ceratonia siliqua), драгоцѣнное дерево, растущее на самыхъ безплодныхъ склонахъ горъ; рожки, которые прежде вывозились какъ кормъ для скота, и которыхъ Одесса покупаетъ нѣкоторое количество, какъ лакомство для простонародья, употребляются преимущественно на винокуренныхъ заводахъ. Общая цѣнность торговли, для всего острова, отъ двѣнадцати до пятнадцати милліоновъ франковъ.

Столица Кипра, Левкозія или Никозія, занимаетъ очень хорошее мѣстоположеніе на небольшомъ возвышеніи почвы, среди Месорейской равнины, орошаемой рѣкой Педіасъ; каналъ, отведенный изъ этой рѣки, пересѣкаетъ городъ. Расположенная почти на равномъ разстояніи отъ бухты Морфу на западѣ, отъ Фамагосты и Ларнаки на востокѣ, Левкозія есть естественный центръ двухъ приморскихъ поясовъ; кромѣ того, она имѣетъ удобное сообщеніе съ сѣвернымъ побережьемъ черезъ ущелья Керинскихъ горъ. Венеціанская стѣна Никозіи, правильный многоугольникъ около 5 километровъ въ окружности, фланкированный одиннадцатью бастіонами, еще вполнѣ сохранилась, хотя между камнями тамъ и сямъ выросли деревца, а откосы покрыты газономъ, усѣяннымъ цвѣтами; но пространство, заключенное внутри этой каменной ограды, не заполнено уже домами, и рощицы финиковыхъ пальмъ высятся среди обширныхъ садовъ. Англійскій гарнизонъ, наблюдающій за городомъ, стоитъ лагеремъ къ сѣверо-западу отъ Левкозіи, на скатахъ горы Махера, надъ областью лихорадокъ. Лѣтомъ всѣ иностранцы и зажиточные туземцы бѣгутъ изъ города и отправляются дышать болѣе чистымъ воздухомъ въ высокихъ долинахъ.

По близости того мѣста, гдѣ стоялъ загородный дворецъ королей фамиліи Лузиньяновъ, въ пересѣченной равнинѣ, теперь почти совершенно лишенной зелени, деревня Дали указываетъ мѣстоположеніе древняго Идаліума, то-есть «мѣста, посвященнаго богинѣ»—таковъ смыслъ финикійскаго слова. Поля и пригорки, гдѣ нѣкогда зеленѣли «Идалійскія рощи», и земля которыхъ пила кровь охотника Адониса, дали археологамъ драгоцѣнные остатки старины. Г. де-Вогюэ, первый опредѣлившій съ точностью мѣстоположеніе Идаліума, открылъ тамъ кипрскія надписи; оттуда же получена знаменитая бронзовая дощечка, хранящаяся теперь въ парижской публичной библіотекѣ; г. Лангъ нашелъ тамъ одинъ памятникъ съ надписью на двухъ языкахъ, финикійскомъ и кипрскомъ, которая позволила Джорджу Смиту дешифрировать языкъ островитянъ, до него неизвѣстный; наконецъ, г. де-Чеснола раскопалъ болѣе пятнадцати тысячъ могилъ громаднаго некрополя, гдѣ хоронили мертвыхъ изъ всей окрестной мѣстности; любопытнѣйшіе и богатѣйшіе предметы, извлеченные изъ этихъ подземныхъ склеповъ, помѣщены въ метропольный музей Нью-Іорка. Къ западу отъ Дали, Атіено, деревня, населенная погонщиками муловъ, претендующими на происхожденіе отъ королевской фамиліи Лузиньяновъ [3]), дала

[1]) Ross, „Reisen nach Kos, Halikarnassos, Rhodos und Cypern".

[2]) G. Perrot, цитированный мемуаръ.

[3]) Thomson, цитированный мемуаръ.

искателямъ древностей другія археологическія сокровища: тамъ стоялъ храмъ Афродиты Гольгіи, куда стекались со всѣхъ сторонъ пилигримы приносить жертвы по обѣту. Среди этихъ развалинъ найдены колоссальныя фигуры, гіератическаго (священнаго) характера, представляющія жрецовъ, драпированныхъ на манеръ египтянъ или ниневійцевъ, но съ лицами, похожими на лица современныхъ кипріотовъ. Далѣе на сѣверъ, близъ источниковъ Китреи, имя которой напоминаетъ храмъ богини Цитеры, тоже открыты замѣчательные остатки древности.

Къ западу отъ Никозіи, равнины Месореи не имѣютъ болѣе порта; гавань Морфу совершенно обмелѣла, и всѣ произведенія направляются къ сѣверному или восточному берегу. Керинія, Гирне или Церина, городъ, нѣкогда укрѣпленный портъ Никозіи на сѣверномъ берегу острова, имѣетъ теперь, для принятія приходящихъ кораблей, лишь полукруглую бухточку, глубиной отъ 3 до 4 метровъ, надъ которой господствуютъ съ западной стороны высокій мысъ, гдѣ былъ расположенъ греческій акрополь, съ восточной—живописный замокъ Лузиньяновъ. Въ Церинскомъ округѣ, какъ и въ другихъ округахъ, руины представляютъ больше интереса, чѣмъ нынѣшніе города. Непосредственно къ западу отъ акрополя и порта, холмъ пробитъ на бокахъ гротами и могильными склепами; далѣе, близъ древняго Лапеѳоса и современнаго большаго монастыря Актеропериѳи, цѣлыя скалы были высѣчены снаружи и внутри, такъ что образовали гигантскія башни съ внутренними галлереями и расположенными одинъ надъ другимъ дворцами. Прекраснѣйшіе крѣпкіе замки эпохи Лузиньяновъ высятся на вершинѣ сосѣднихъ горъ, крѣпость Илларіона или бога любви, и крѣпость Буффавенто или «Замокъ королевы», башни которыхъ едва отличишь отъ шпицевъ сосѣдняго гребня. Аббатство Лапаисъ или Бель-Паэзе, затерянное въ лѣсу масличныхъ и померанцевыхъ деревьевъ, теперь тоже развалина. Во время оттоманскаго завоеванія всѣ латинскіе монастыри были опустошены и частію разрушены: вѣроятно, что истребителями были не турецкіе солдаты, а греческіе крестьяне, обрадовавшіеся случаю отмстить чужеземнымъ монахамъ, которые низвели ихъ въ крѣпостное состояніе [1]).

Въ эллинскую эпоху главнымъ портомъ восточнаго берега былъ Саламинъ, колонія греческаго острова того же названія, и, подобно своей метрополіи, прославившаяся во время персидскихъ войнъ. Раскопки ничего не открыли археологамъ: камни памятниковъ и набережныхъ были употреблены венеціанцами на сооруженіе грозныхъ стѣнъ Фамагусты, древней Аммахостосъ, Амта-Хадаста или «Святой жены», «Великой богини» ассирійцевъ [1]). Крѣпость, горделиво возвышающаяся въ восьми километрахъ къ югу отъ Саламина, теперь не болѣе, какъ огромная развалина; полуразвалившіяся церкви готическаго стиля, составляющія рѣзкій контрастъ съ плоскокровельными домишками, разсѣяны внутри городской ограды; но сами стѣны, еще нетронутыя всесокрушающей рукой времени, являются въ томъ же видѣ, какой онѣ имѣли въ роковой день 1571 года, когда венеціанцы подписали капитуляцію, такъ жестоко нарушенную побѣдителями. Корабли, увозившіе христіанскія семейства, были потоплены въ рейдѣ, солдаты перебиты, а съ начальника ихъ, Баградино, съ живаго содрана кожа: Венеціанская республика цѣной золота выкупила его бренные останки. Портъ венеціанцевъ совершенно занесенъ иломъ; но къ сѣверу отъ этого бассейна, который могъ бы сдѣлаться мѣстомъ для постройки складочныхъ магазиновъ и новаго города, продолжается рейдъ, длиной около 2 километровъ, защищенный цѣпью подводныхъ скалъ и песчаныхъ мелей, параллельной побережью. Эта якорная стоянка, имѣющая 15 метровъ средней глубины, указана напередъ, какъ портъ, откуда англичане будутъ наблюдать за берегами Малой Азіи и Сиріи: Фамагуста будетъ Мальтой восточной части Средиземнаго моря [2]). Потомки грековъ, изгнанныхъ изъ Фамагусты, живутъ въ нѣсколькихъ пригородныхъ селеніяхъ, обозначаемыхъ общимъ именемъ Варозія; они снабжаютъ овощами и плодами Ларнаку и вообще пользуются бо̀льшимъ благосостояніемъ, чѣмъ турки, запертые въ высокихъ стѣнахъ.

Ларнака, портовый городъ, черезъ который въ настоящее время производится почти вся торговля острова, состоитъ изъ двухъ частей. Длинный и неправильный рядъ домовъ тянется вдоль низменнаго берега новаго образованія: это—морская пристань, растущій городъ; собственно Ларнака находится въ верстѣ отъ берега, на обнаженной равнинѣ, гдѣ только кое-гдѣ виднѣются скудныя пальмовыя рощицы; на югѣ простираются водныя площади, отъ которыхъ онъ получитъ свое турецкое имя Тузла или «Салина» (соляная лагуна). Портъ греческой эпохи совершенно исчезъ, и на подземныхъ основаніяхъ древнихъ набережныхъ теперь стоятъ дома, суда становятся на якорь на рейдѣ, вдали отъ берега. Движеніе судоходства въ портѣ Ларнака въ 1876 году: въ приходѣ и отходѣ 914 судовъ, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 185.852 тоннамъ; цѣнность торговаго обмѣна простиралась до 9.064.250 франк. Торговля всего острова пред-

---

[1]) De Cesnola, цитированное сочиненіе.

[1]) H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society", febr. 1879.

[2]) Evans, „Proceedings of the Geographical Society" 1879.

ставляла въ 1879 году сумму 13.265.625 франковъ. Морская пристань занимаетъ мѣстоположеніе древняго Киттима, финикійскаго города, гдѣ найденъ драгоцѣнный ассирійскій барельефъ, посланный царемъ Саргономъ II, какъ поясняетъ надпись, вырѣзанная клинообразными буквами. Между тысячами гротовъ, могильныхъ или другихъ, отъ которыхъ Ларнака и получила свое имя, означающее «Городъ могилъ», самый любопытный — это подземный склепъ, называемый Фанеромене окрестными поселянами, которые ходятъ туда помолиться Панагіи; на подземельѣ стоитъ финикійское строеніе. Въ теченіе вѣковъ, кипріоты смотрѣли на Киттимъ, извѣстный у эллиновъ подъ именемъ Китіона, какъ на сирійскій городъ; Зенонъ, родившійся въ этомъ городѣ, называется «финикіяниномъ» у Цицерона и другихъ классическихъ авторовъ.

Лимиссо или Лимассоль, на низменномъ берегу полукруглой бухты, ограничиваемой съ юга мысомъ Капъ-Гатто—второй портъ острова по размѣрамъ торговой дѣятельности; какъ и въ Ларнакѣ, корабли бросаютъ якорь въ открытомъ морѣ, на песчаномъ днѣ. Вывозъ состоитъ главнымъ образомъ изъ соли, винограда, свѣжаго и сушенаго, водокъ и винъ, приготовляемыхъ частію въ окрестностяхъ Колосси, деревни, надъ которой господствуетъ «командорство» родосскихъ рыцарей: оттуда-то получается первое кипрское вино, прославившееся съ глубокой древности. Движеніе судоходства въ портѣ Лимассоль въ 1876 году: 68.000 тоннъ; цѣнность внѣшней торговли: 2.770.000 франковъ. Въ 13 километрахъ къ востоку, деревня Палео-Лимиссо или «Старый Лимассоль», расположена на мѣстѣ, гдѣ въ древности стоялъ городъ Амаѳосъ или Амаѳонта, прославленный культомъ Венеры. Амаѳосъ или Гамаѳъ былъ, какъ и Киттимъ, финикійскій городъ; имя его почти тожественно съ именемъ Гамаха, на берегахъ Оронта, и полагаютъ, что онъ былъ колонизованъ выходцами сирійскаго города; на-ряду съ Венерой Астартой, жители Амаѳонты боготворили также тирскаго Геркулеса или Мелькарта (Мелецерта) и, по примѣру континентальныхъ сирійцевъ, долгое время приносили своимъ богамъ человѣческія жертвы. На акрополѣ Амаѳонты видны обломки огромной вазы, высѣченной въ песчаниковой скалѣ и подобной той, которая была перевезена въ Лувръ. Слѣды древняго города и его гробницъ быстро исчезаютъ, благодаря тому, что скала вышгорода эксплоатируется какъ каменоломня для построекъ и набережныхъ Портъ-Саида: инженеры Суэзскаго канала привозятъ съ Кипра часть нужныхъ имъ камней.

На западѣ маленькаго полуострова Акротири, древній городъ Куріумъ, построенный на высѣченной рѣзцомъ скалѣ, господствовалъ надъ полукруглой бухтой, соотвѣтствующей бухтѣ Лимассоля, которая находится на противуположной сторонѣ полуострова. Руины, покрывающія мысъ, оставались неизвѣстными изслѣдователямъ старины до 1870 года, а между тѣмъ произведенныя тамъ раскопки привели къ открытію «царскихъ сокровищъ», заключавшихъ разныя древне-кипрскія украшенія, богатѣйшія по матеріалу, изъ котораго они сдѣланы, и любопытнѣйшія по работѣ; де-Чеснола собралъ тамъ цѣлый музей драгоцѣнностей ассирійскихъ, египетскихъ, финикійскихъ и греческихъ; одни изъ этихъ украшеній были принесены торговцами, другія, очевидно сфабрикованы въ краѣ,ибо подражаніе иногда несовершенно и, въ большинствѣ случаевъ, іероглифы, худо воспроизведенные, не представляютъ никакого смысла [1]).

Пафосскій округъ, гдѣ нѣкогда скоплялись богатства гораздо болѣе значительныя, чѣмъ въ городѣ Куріумѣ, расположенъ вдоль юго-западной части острова, разрѣзанной на расходящіяся долины отрогами Олимпа. Отъ древняго храма Венеры, стоявшаго на высокомъ холмѣ, и который мореходы видѣли съ далекаго разстоянія, когда подплывали къ Кипру, едва уцѣлѣло нѣсколько обломковъ; сдѣланныя тамъ раскопки не привели къ открытію памятниковъ, подобныхъ памятникамъ Идаліи. Безъ сомнѣнія, лучшія статуи Палео-Пафоса (Стараго Пафоса) были перевезены въ Нео-Пафосъ (Новый Пафосъ), когда этотъ городъ, населенный иностранными купцами, смѣнилъ, какъ столица, первоначальный городъ; тамъ, при римскомъ владычествѣ, стояли храмы, дворцы, гимназіи, колоннады изъ египетскаго гранита. На обширномъ пространствѣ видны только изсѣченные камни, остатки стѣнъ, могилы, отверстія подземельевъ; но не осталось ни одного зданія, которое бы еще продолжало стоять. Маленькая деревня, Бафа или Пафо, расположена на мѣстѣ знаменитаго въ древности города, куда со всѣхъ сторонъ стекались вѣрующіе, чтобы войти подъ таинственную тѣнь святыхъ деревьевъ и воздать, въ торжественной процессіи, поклоненіе священному конусу, символу творческой силы, непрестанно обновляющей міръ. Кипрскія женщины и теперь еще отправляются разъ въ годъ на берегъ моря, какъ въ тѣ времена, когда онѣ ходили торжествовать рожденіе богини любви: пѣна морскихъ волнъ уже не посвящается Венерѣ, но кипріоты все еще погружаютъ въ нее благоговѣйно руку: «у насъ есть, говорятъ они, три покровителя превыше всѣхъ другихъ — св. Георгій, св. Лазарь и святое Море».

Въ силу трактата, заключеннаго въ 1878 году, Англія принимаетъ исключительно на себя управленіе островомъ, уплачивая Портѣ еже-

[1]) De Cesnola, цитированное сочиненіе.

годную сумму 11.468.000 турецкихъ піастровъ, цѣнность которыхъ, по нынѣшнему курсу, равняется 2.250.000 франковъ. Годовые доходы

Друзская принцесса и ливанская женщина.

варьируютъ отъ 4 до 5 милліоновъ; расходы въ 1882 году составляли 7 съ половиной милліоновъ. Англійскій коммиссаръ облеченъ полной властью, хотя при немъ состоитъ, въ качествѣ совѣщательнаго органа, совѣтъ изъ восемнадцати членовъ, изъ которыхъ шесть назначаются правительствомъ, а двѣнадцать—девять христіанъ и трое мусульманъ—выбираются посредствомъ ограниченной подачи голосовъ.

Оффиціальныхъ языковъ два—англійскій и греческій. Порта сохраняетъ право собственности на пустопорожнія, не принадлежащія частнымъ лицамъ, земли и на лѣса, то-есть болѣе, чѣмъ на три четверти острова, но англійское правительство имѣетъ право купли на всѣ земли, какія ему понадобятся: оно управляетъ даже имѣніями (вакуфы), принадлежащими мечетямъ и учебнымъ заведеніямъ, при содѣйствіи мусульманскаго резидента, назначаемаго главнымъ управленіемъ вакуфами, находящимся въ Константинополѣ. Наконецъ—какъ бы для того, чтобы примѣшать ироническую ноту къ серьезнымъ конвенціямъ—англійское правительство обязуется спустить свой флагъ и возвратить Кипръ Турціи, когда русскіе очистятъ Карсъ, Батумъ и всѣ свои завоеванія въ Арменіи. Британскій гарнизонъ состоитъ приблизительно изъ 600 человѣкъ.

Архіепископъ кипрской церкви независимъ отъ константинопольскаго патріарха. Это богатая духовная особа; но сельскіе священники по большей части бѣдные крестьяне, принужденные сами себѣ латать одежду и гонять своихъ козъ на пастьбу.

Островъ Кипръ дѣлится на шесть провинцій, которыя подраздѣляются на округи или дистрикты:

Провинціи.	Округи.	Провинціи.	Округи.
Левкозія	Левкозія, Орини и Тилирія, Кипрея.	Пафо	Пафо (Бафа), Авдиму, Килави, Куклія, Хрисоко.
Ларнака	Ларнака.		
Лимиссо	Лимиссо, Эпископи.		
Фамагуста	Фамагуста, Месорея, Карпасо.	Керинія	Керинія, Морфу, Лева.

Главные города Кипра съ ихъ населеніемъ въ 1881 году: Левкозія или Никозія—13.000 жит., Ларнака—8.000; Лимассоль—7.000; Морфу—4.000 жит.

VI. Сирія, Палестина, Синай.

Узкій поясъ обитаемыхъ земель, который тянется вдоль восточнаго берега Средиземнаго моря, между Александретскимъ заливомъ и египетскими берегами, представляетъ собою хорошо ограниченную естественную область. Теченіе Евфрата, въ его большой западной извилинѣ, образуетъ, къ востоку отъ маленькаго Алеппскаго бассейна, точную границу, которую продолжаютъ на югъ камни, лавы, глины и пески пустыни. На востокъ отъ Мертваго моря поднимаются, въ видѣ вала, голыя безплодныя горы, а южная, почти совершенно пустынная, страна оканчивается правильнымъ треугольникомъ между двумя длинными заливами Краснаго моря. Но вся эта область, которая, отъ Амануса до Синая, простирается съ сѣвера на югъ на пространствѣ около 1.000 километровъ, при средней ширинѣ 150 километровъ, сама дѣлится на страны, отличныя одна отъ другой рельефомъ почвы, климатомъ и исторической эволюціей: на сѣверѣ бассейнъ Оронта; въ серединѣ долина Іордана и сопредѣльныя земли; на югѣ Синайскій полуостровъ. Какъ мы видимъ тому много другихъ примѣровъ, чрезвычайно большая длина территоріи сравнительно съ незначительной шириной уменьшила ея силу сцѣпленія; населенія, не имѣющія общаго центра, живущія въ бассейнахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго высокими горами, раздѣлились на особенныя, ничѣмъ не связанныя между собой группы. Періоды независимости всегда совпадали съ дробленіемъ на мелкія монархическія государства или на конфедераціи племенъ. Но жители узкаго пояса морскаго побережья были слишкомъ малочисленны и, главное, слишкомъ разъединены, чтобы могли оказать сопротивленіе нападенію большихъ царствъ, которыя послѣдовательно образовывались въ бассейнѣ Евфрата и Тигра, на плоскогорьяхъ Персіи, въ дельтѣ Нила, въ греко-римскомъ мірѣ. Чужеземное завоеваніе сдѣлало изъ Сиріи и Палестины одну провинцію; онѣ познали единство лишь въ общемъ рабствѣ. Одинъ только Синайскій полуостровъ, защищаемый недостаткомъ воды и безплодіемъ своихъ скалъ, не имѣлъ надъ собой господъ, хотя и онъ имѣлъ свою маленькую долю вліянія въ исторіи, благодаря двумъ заливамъ, омывающимъ его на западѣ и на востокѣ, и которые въ различныя эпохи были посѣщаемы флотами. Но онъ лежитъ въ сторонѣ отъ пути націй, и завоеватели никогда не имѣли никакого интереса уклоняться отъ своей прямой дороги, чтобы углубляться въ опасную степь, въ погонѣ за неуловимыми разбойниками.

Поясъ сирійскаго побережья, съ сопредѣльными землями, простирающимися на востокъ до самой пустыни, имѣлъ большое вліяніе на исторію человѣчества. Черезъ Сирію и Палестину проходитъ естественная дорога, соединяющая египетскій Нилъ съ двумя главными рѣками Халдеи. Очень можетъ быть, что въ эпоху, предшествующую той, о которой повѣствуютъ наши лѣтописи, въ тѣ времена, когда небо было менѣе скупо на дожди, почва была менѣе изсушена, существовали легкія сообщенія непосредственно между побережьемъ Персидскаго залива и дельтой Нила. Но съ самаго начала историческаго періода пространство, заключенное между теченіемъ нижняго Евфрата и заіорданскими горами, является уже пустыней, закругляющейся къ сѣверу въ видѣ обширнаго полукруга: тамъ встрѣчаются только временныя воды, какъ напримѣръ, Гауранъ, спускающійся съ горъ того же названія, и потому на всемъ этомъ пространствѣ нигдѣ не живутъ

земледѣльцы; только кочевники бродятъ тамъ во всѣхъ направленіяхъ, наблюдая за рѣдкими караванными дорогами. Полукругъ городовъ и воздѣланныхъ мѣстностей развертывается вокругъ степей и песковъ, отъ Багдада до Дамаска, и по этой же кривой распространялись великія движенія народовъ. Пути, пересѣкающіе Малую Азію, примыкаютъ также въ Сиріи къ дорогѣ, ведущей въ Египетъ. Памятники всевозможныхъ стилей и всѣхъ вѣковъ указываютъ тамъ распутье націй. На иной стѣнѣ скалъ, близъ Бейрута, читаешь надписи, вырѣзанныя завоевателями, которые слѣдовали одинъ за другимъ въ этой странѣ со временъ Рамзеса; гдѣ столько людей оставили слѣдъ своего прохода, что земля должна сохранить нѣчто изъ ихъ жизни.

Къ важности сирійскаго берега, какъ мѣста сухопутнаго прохода, прибавилось, въ теченіе вѣковъ, превосходство въ торговомъ отношеніи, для международнаго обмѣна морскимъ путемъ. Съ самаго начала писаной исторіи финикіяне являются великими мореплавателями, и, подъ вліяніемъ очень естественной оптической иллюзіи, мы склонны видѣть въ хананеянахъ народъ мореходовъ, предпринимающихъ дальнія плаванія, чтобы искать въ другихъ странахъ тѣ рессурсы и произведенія, въ которыхъ имъ отказывала собственная, слишкомъ скупая почва. Это понятіе, однако, не согласуется съ фактами, которые показываютъ намъ въ первоначальныхъ финикіянахъ народъ по преимуществу земледѣльческій. Равнины морскаго берега и долины, поднимающіяся на востокъ къ Ливану, были той страной Ханаанской, «текущей млекомъ и медомъ», которую часто смѣшивали съ безплодными землями южной Палестины, и даже именно для того, чтобы вывозить за границу излишекъ произведеній своего отечества, тирійцы и сидонцы и сдѣлались мореплавателями [1]). Самые большіе, уцѣлѣвшіе до сихъ поръ остатки ихъ зодчества—это монолитовые тиски или давильни для выжиманія винограда и деревяннаго масла, мельничные жернова, цистерны, чаны, выдолбленные въ камнѣ для храненія воды, растительнаго масла или зерноваго хлѣба. Развалины, позволяющія распознать архитектуру городовъ и публичныхъ памятниковъ, очень рѣдки, что, впрочемъ, должно быть приписано отчасти геологическому свойству горныхъ породъ. Известнякъ сирійскаго берега, съ шероховатой поверхностью, съ неровнымъ сложеніемъ, не поддается такъ хорошо рѣзцу, какъ мраморы Греціи. Жилища первыхъ хананеянъ были просто пещеры, форму которыхъ имитировали и зодчіе, когда они научились воздвигать монолитовые храмы [2]). Но, сдѣлавшись мореходами, финикіяне изобрѣли гидравлическія сооруженія, для которыхъ природа не представляла имъ другихъ образцовъ, кромѣ естественныхъ моловъ изъ скалъ и подводныхъ камней; на своемъ длинномъ, почти прямолинейномъ берегу, не имѣющемъ заливовъ и гаваней, подверженномъ ударамъ страшной зыби, они вырыли или обвели плотинами искусственные порты, отъ которыхъ теперь не осталось никакихъ слѣдовъ: песчаные наносы и, можетъ быть, также измѣненія уровня почвы преобразовали форму побережья. Города, построенные финикіянами на морскомъ берегу — Арадъ, Библосъ, Беритъ, Сидонъ, Тиръ, слѣдуютъ одинъ за другимъ почти въ равномъ разстояніи,—въ разстояніи дневнаго перехода; всѣ они одинаково расположены на далеко выдвинутыхъ въ море выступахъ берега, такъ что суда могутъ, смотря по направленію вѣтра, искать на правой или на лѣвой сторонѣ бухту, представляющую имъ лучшую защиту; островки, подводные камни были утилизируемы для постройки волноразбивателей, а рѣки были отклонены, въ видѣ ирригаціонныхъ каналовъ, на окрестныя сельскія мѣстности. По прошествіи трехъ тысячъ лѣтъ, города, построенные финикіянами, все еще составляютъ торговые центры сирійскаго побережья: несмотря на войны и осады, населеніе всегда возвращалось въ эти мѣста, такъ удачно выбранныя [1]).

Ставъ мореплавателями, финикіяне скоро сдѣлались коммиссіонерами многочисленныхъ народовъ. Прибрежные жители Тигра и Евфрата не могли вести торговлю съ прилегающими къ Средиземному морю странами иначе, какъ отправляя свои товары въ сирійскіе порты черезъ проломы береговыхъ горъ, и самый Египетъ, хотя омываемый моремъ и снабженный рѣчными входами на всей окружности своей дельты, избиралъ финикіянъ въ посредники своихъ торговыхъ сношеній, потому что не имѣлъ собственнаго лѣса для постройки судовъ, и привозъ громоздкихъ строительныхъ матеріаловъ былъ въ то время гораздо затруднительнѣе, чѣмъ въ наши дни. Тирскіе и сидонскіе мореходы ревниво оставляли за собой исключительное право собственности на кедровые лѣса, которые, доставляя самое крѣпкое и наименѣе подверженное порчѣ дерево, обезпечивали имъ монополію большаго мореплаванія. Они тщательно хранили также секретъ своихъ путешествій въ дальнія страны; для нихъ «молчаніе было золото», особенно передъ греками, ихъ соперниками въ смѣлыхъ предпріятіяхъ; никто не зналъ даже, откуда привозились драгоцѣннѣйшіе предметы, благородные металлы, янтарь, слоновая кость, которые они продавали государямъ Востока [2]). Но какъ ни

[1]) Movers, „Die Phönizier“; — Prutz, „Aus Phönizien“.
[2]) E. Renan, „Mission en Phénicie“.

[1]) Prutz, „Aus Phönizien“.
[2]) E. Renan, „Journal officiel de la Republique française“, 20 mars 1877.

скромны были въ этомъ отношеніи финикіяне, они все-таки въ концѣ концовъ сообщили своимъ сосѣдямъ въ Сиріи и Палестинѣ открытія и идеи, привезенныя ими изъ чужихъ дальнихъ странъ, и своими колоніями, разсѣянными по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря, постоянно расширяли кругъ цивилизаціи, центромъ котораго было ихъ отечество, и въ которомъ они распространяли употребленіе азбуки, этого главнаго посредника для передачи мысли. Съ своей стороны, колѣна Израиля, хотя жившія внутри материка и старавшіяся держаться особнякомъ отъ своихъ могущественныхъ сосѣдей, чтобы сохранить свою независимость, также способствовали своими вынужденными переселеніями смѣшенію культуръ въ узкой области сирійскаго побережья. Вышедшіе изъ Египта, странствовавшіе десятки лѣтъ по пустынѣ и въ заіорданскихъ долинахъ, затѣмъ отведенные въ плѣнъ въ Вавилонъ и на склоны иранскихъ плоскогорій, евреи отражаютъ въ своемъ геніи духъ народовъ, среди которыхъ имъ приходилось жить; несмотря на свою ненависть и недовѣріе къ чужеземцу, они въ концѣ концовъ все-таки нѣсколько ассимилируются съ нимъ, усвоиваютъ понятія и смѣшиваютъ ихъ со своими воззрѣніями. Затѣмъ, какъ странствующіе купцы во всѣхъ странахъ средиземнаго свѣта, они получаютъ часть торговаго наслѣдства Тира и Сидона и, подобно этимъ двумъ городамъ, дѣлаютъ изъ своего отечества общій центръ древняго міра. Такъ, греко-римское вліяніе присоединяется къ вліяніямъ Египта, Халдеи, Персіи, Аравіи. Вездѣ населенія, склонныя присвоивать каждое себѣ одному право на названіе людей, преувеличиваютъ размѣры своего отечества и хотятъ видѣть въ немъ средоточіе вселенной; но можно сказать, что въ области, заключающейся между Евфратомъ и Суэзскимъ перешейкомъ, это притязаніе занимать центръ земель до нѣкоторой степени оправдывается. Тамъ не находится, правда, геометрическая середина трехъ континентовъ, Азіи, Африки и Европы; однако, ни одно мѣсто прохода не имѣетъ больше важности, чѣмъ дорога, этапными пунктами которой является Дамаскъ и Іерусалимъ.

Извѣстно, какое громкое имя сдѣлалъ себѣ этотъ послѣдній городъ въ исторіи религій: къ одному близлежащему холму, къ горѣ Голгоѳѣ, устремляютъ взоры христіане, чтобы видѣть тамъ своего распятаго Искупителя. Страна, гдѣ нѣкогда обитали двѣнадцать колѣнъ Израиля, есть ихъ «Святая Земля»; Назаретъ и Виѳлеемъ, Тиверіадское озеро и гора Ѳаворъ, Сихемскій колодезь, Елеонская гора—мѣста священныя по преимуществу; народы отыскиваютъ тамъ начало своей религіи и въ будущемъ видятъ тамъ воздвигнутымъ тотъ «Новый Іерусалимъ», гдѣ не будетъ болѣе ни плача, ни страданія. Однако, христіанская вѣра, оспаривающая у буддизма первое мѣсто по числу послѣдователей, никогда не имѣла большой силы въ странѣ, гдѣ она ищетъ свое происхожденіе. До разрушенія Іерусалима жители Іудеи, обращенные въ новый культъ, оставались рѣдко разсѣянными среди остальнаго населенія. Но уже элленизація края началась: боги Греціи и Рима имѣли свои алтари во всѣхъ храмахъ; политеизмъ восторжествовалъ въ странѣ, гдѣ долго царствовалъ догматъ «Единаго Бога». Христіанство водворилось побѣдоносно въ Сиріи и Палестинѣ лишь въ теченіе короткаго періода между завоеваніемъ политической власти христіанами и внезапнымъ вторженіемъ арабовъ, принесшихъ новую религію [1]). Но даже въ то время, когда всѣ святыя мѣста Іудеи были во власти монаховъ, древнее язычество, разнообразно смѣшанное, видоизмѣненное вліяніемъ вѣрованій и культовъ Греціи, Александріи, Халдеи и Ирана, обнаруживалось безчисленными ересями, преданія которыхъ до сихъ поръ еще встрѣчаются въ гористыхъ областяхъ Передней Азіи. Обращеніе сирійцевъ въ исламъ совершилось быстро, и тщетно крестоносцы въ продолженіе двухсотлѣтнихъ ожесточенныхъ войнъ пытались вновь завоевать ихъ своей вѣрѣ. Въ то время, какъ христіанство распространялось по всей Европѣ, затѣмъ въ Новомъ Свѣтѣ и во всѣхъ европейскихъ колоніяхъ, оно останавливалось на порогѣ первоначальнаго отечества, или водворилось тамъ въ видѣ скромныхъ, малочисленныхъ колоній. Это объясняется тѣмъ, что христіанство выработалось гораздо больше въ арійскомъ мірѣ, чѣмъ въ мірѣ семитическомъ: если оно получило свое имя и права въ странахъ сирійскаго побережья, то передъ тѣмъ оно долго подготовлялось во всѣхъ окружающихъ областяхъ; исполинское дерево простираетъ свои корни съ одной стороны до Ирана и въ Индію, съ другой къ Аѳинамъ и къ Александріи.

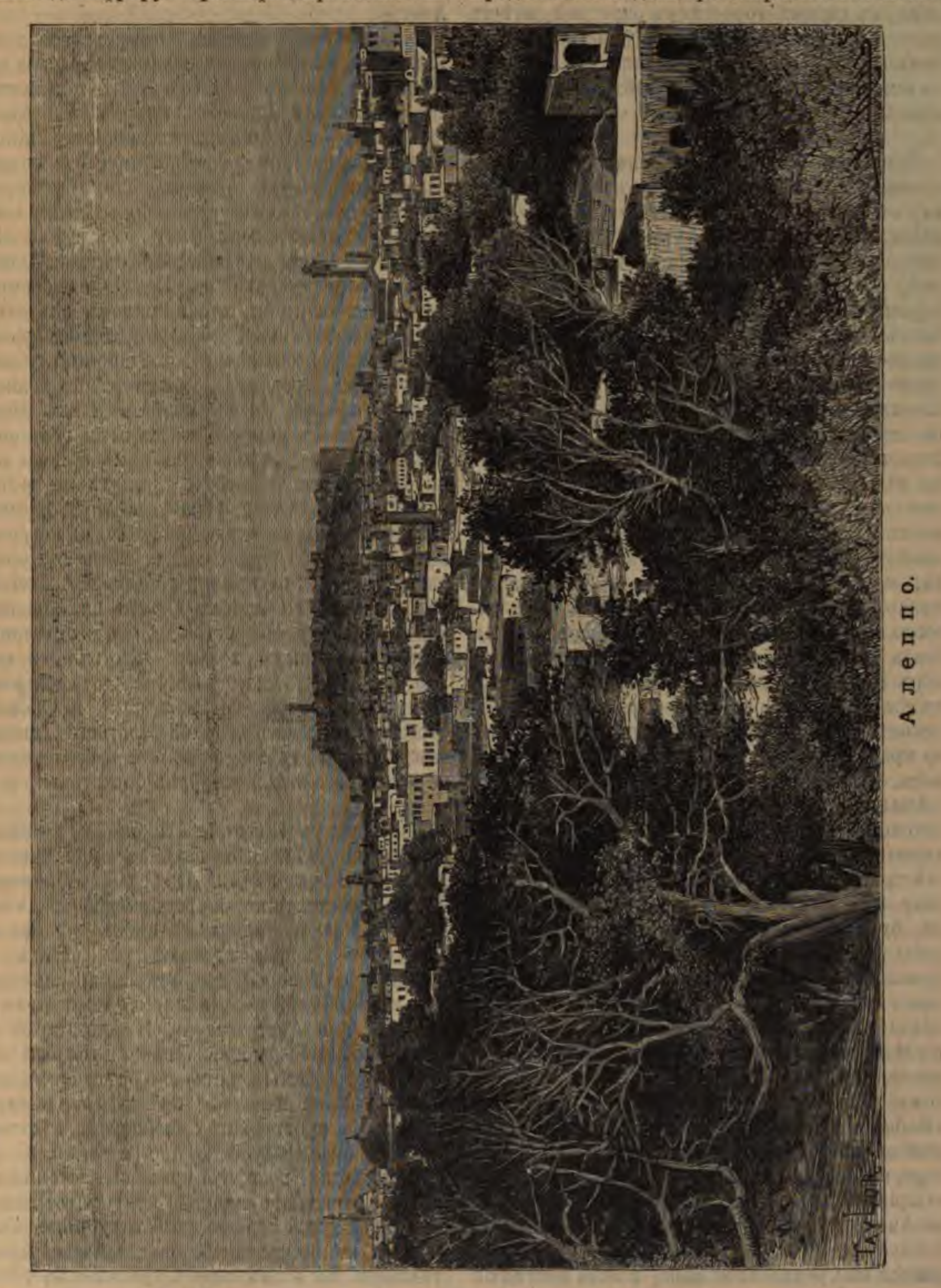
Подобно другимъ провинціямъ Азіатской Турціи, Сирія пришла въ большой упадокъ и покрыта развалинами, подлѣ которыхъ не возникли новые города. Пустыня захватила обширныя пространства обработанныхъ земель, и даже наиболѣе посѣщаемыя дороги проходятъ теперь черезъ многія пустынныя, безлюдныя мѣстности. Но большая часть этой области вполнѣ изслѣдована съ географической точки зрѣнія. Вся Палестина по сю сторону Іордана, на пространствѣ около 15.000 квадр. километровъ, была измѣрена тригонометрически, и работа англійскихъ картографовъ продолжается на востокъ въ землю Моавитскую. Три четверти древнихъ именъ, упоминаемыхъ въ Библіи, у Іосифа и въ Талмудѣ, отожествлены относительно мѣстъ, къ которымъ они относились [2]).

---

[1]) Clermont-Ganneau, „La Palestine inconnue".

[2]) Clermont-Sannean;—Conder;—Wilson;—Tyrwhitt Drake etc.

изслѣдователи старины отыскали даже большую часть ханаанскихъ названій мѣстъ, предшествовавшихъ поселенію евреевъ въ Палестинѣ: дешифрируя іероглифы Карнакскаго пи-



Алеппо.

лона (родъ портала), Маріетъ могъ составить карту земли Ханаанской въ эпоху битвы на равнинѣ Мегиддо, происходившей за тридцать семь вѣковъ до нашего времени. На сѣверѣ Ливанъ также былъ тщательно изученъ офицерами генеральнаго штаба, состоявшими при французской экспедиціи, въ 1860 и 1862 годахъ, и по направленію къ Евфрату съемки продолжаются вдоль проектированныхъ желѣзныхъ путей. За исключеніемъ нѣкоторыхъ долинъ Ливана, ни одна область Сиріи не населена пропорціонально своему плодородію. Общее населеніе страны, простирающейся отъ Киликійскихъ Воротъ до Синайскаго полуострова

и насчитывавшей по малой мѣрѣ десять милліоновъ жителей три тысячи лѣтъ тому назадъ, теперь, какъ кажется, не превышаетъ полутора милліона душъ: одинъ только городъ Лондонъ, съ своимъ городскимъ округомъ, имѣетъ втрое больше жителей. Пространство и народонаселеніе Сиріи и Палестины: 183.000 кв. километр., 1.450.000 жителей; 8 жителей на одинъ квадр. километръ.

Горы Акма-дагъ, Аманъ (Amanus) древнихъ, составляющія первый сирійскій массивъ, къ югу отъ Александретскаго залива, могутъ быть разсматриваемы во многихъ отношеніяхъ, какъ часть орографической системы Малой Азіи: онѣ соединяются съ массивомъ Гяуръ-дагъ горнымъ плато, одна впадина котораго заключаетъ «озеро Невѣрныхъ» или Гяуръ-гёль, и среднее направленіе котораго съ сѣверо-востока на юго-западъ, параллельно цѣпямъ Тавра Киликійскаго и Анти-Тавра. Древніе видѣли въ этихъ горахъ одинъ изъ таврскихъ хребтовъ; по ихъ понятіямъ, Сирія начиналась лишь на рѣкѣ Оронтѣ. Высота Амана едва превышаетъ 2.000 метровъ на нѣсколькихъ пунктахъ [1]); но склоны его очень круты на морской покатости, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога, идущая вдоль побережья, взбирается на предгорья, выступающія въ море въ видѣ высокихъ мысовъ. На сѣверъ отъ Александретты, скала перерѣзана ущельемъ, которое императоръ Юстиніанъ велѣлъ расширить желѣзомъ, чтобы сдѣлать его удобопроѣзжаемымъ для колесницъ: остатки древняго портика изъ бѣлаго мрамора до сихъ поръ еще видны подлѣ прохода, извѣстнаго подъ именемъ «Дверей» или «Аманскихъ воротъ». Имъ даютъ названіе «столбовъ Іоны», такъ какъ мѣстная легенда указываетъ на эти развалины, какъ на мѣсто, гдѣ пророкъ былъ извергнутъ китомъ; по другому преданію, тѣло Александра Великаго было, будто-бы, положено на вершинѣ аркады, дабы всѣ цари и принцы, проходя подъ сводомъ, признавали превосходство надъ собой македонскаго героя. Къ югу отъ Александретты, дорога обходитъ изрѣзанную цѣпь «Красныхъ горъ» и «Моисеевыхъ горъ», составляющихъ продолженіе Амана и оканчивающихся грознымъ мысомъ, называемымъ Расъ-эль-Ханзиръ или «Кабанья голова»; путешественники поднимаются прямо на гребень, чтобы перевалить черезъ хребетъ Амана проходомъ, называемымъ «Сирійскими воротами», и затѣмъ спускаются въ Антіохійскую равнину. Эта обширная низменность, черезъ которую воды Оронта изливаются въ Средиземное море, и есть истинный входъ въ Сирію: географическая граница ясно очерчена рѣкой, Антіохійскимъ озеромъ и его восточными притоками. На востокѣ нѣсколько холмовъ и столбообразныхъ плато, средней высоты 4.000 метровъ, окружаютъ замкнутый бассейнъ, центръ котораго занимаетъ городъ Алеппо.

Самый высокій массивъ Ансаріехскихъ горъ, лежащихъ на югъ отъ Антіохіи, находится непосредственно къ югу отъ устьевъ Оронта: это—Казій или Джебель-Акра, «Лысая гора» (1.769 метровъ), съ пирамидальной вершиной, откуда видны пики острова Кипра и снѣговыя главы Булгаръ-дага, на разстояніи болѣе 200 километровъ къ сѣверо-западу. Казій—одна изъ священныхъ горъ финикіянъ; греки сдѣлали его однимъ изъ многочисленныхъ Олимповъ, мѣстопребываніемъ Зевса, столь высокимъ, говорили они, что на одномъ изъ склоновъ видишь ясный день, тогда какъ другая половина горизонта погружена еще въ глубокій мракъ ночи. Продолжаясь къ югу, Ансаріехскія горы, состоящія въ большей части изъ мѣловыхъ скалъ съ немного волнистыми вершинами, сквозь которыя пробились тамъ и сямъ ді-ритовыя горныя породы [1]), нигдѣ не достигаютъ высоты массива Джебель-Акра; во многихъ мѣстахъ онѣ даже ниже 1.000 метровъ, хотя переходъ черезъ нихъ, тѣмъ не менѣе, очень труденъ, по причинѣ безчисленныхъ овраговъ, разрѣзывающихъ ихъ въ видѣ обширнаго лабиринта. На востокѣ, Оронтъ отдѣляетъ ихъ отъ краевыхъ холмовъ пустыни, а южная оконечность ихъ ограничена долиной рѣки Нахръ-эль-Кебиръ, которая, какъ и Оронтъ, беретъ начало на восточной отлогости Ливана; между этими двумя долинами нужно только перейти небольшой порогъ, образуемый бу-рами.

Къ югу отъ Нахръ-эль-Кебира или «Большой рѣки» начинается высокая цѣпь Ливана, называемая сирійцами Джебель-эль-Либнанъ. Этотъ хребетъ, еще болѣе правильный, чѣмъ морской берегъ, тянется съ сѣверо-востока на юго-западъ, сопровождаемый на востокѣ, и равнинами Келе-Сиріи, другой параллельной цѣпью, извѣстной подъ именемъ Джебель-эшъ-Шаркъ, или Анти-Ливана. Наблюдаемый съ моря, длинный гребень Ливана, голубой лѣтомъ, серебристый, отъ покрывающихъ его снѣговъ, зимой и весной, имѣетъ грандіозный видъ; пары пространства сообщаютъ отдаленнымъ горамъ воздушную прозрачность, но къ этой мягкости колорита примѣшивается сила, которую придаютъ мощные контуры вершинъ и крутые откосы склоновъ. Вблизи горная цѣпь кажется менѣе красивой. Длинный валъ представляетъ, на всемъ своемъ протяженіи, около 150 километровъ, лишь желтоватые массивы безъ деревьевъ, монотонныя долины, однооб-

[1]) Favre et Mandort, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 1878.

[1]) G. Rey, „Archives des missions scientifiques", tome III, 2-me série, 1886.

разно закругленныя вершины. На сѣверной оконечности, преимущественно на склонѣ, обращенномъ къ Келе-Сиріи, видишь только голыя стѣны горъ, господствующія надъ длинными скатами изъ красноватой земли, мореновыми остатками снѣжныхъ лавинъ и ледяныхъ потоковъ. На южной оконечности хребта, долины болѣе плодородны, болѣе богаты зеленью, лучше обработаны; тамъ и сямъ встрѣчаешь живописные пейзажи, особенно весной, когда верхняя часть горъ блеститъ еще бѣлая и розовая, подъ лучами солнца. Подъ мореновыми обломками Нахръ-эдъ-Джоза открыли обдѣланные кремни и кости животныхъ четвертичнаго вѣка, на которыхъ охотились горцы Ливана до распространенія ледниковъ [1]).

Въ цѣломъ эта цѣпь горъ состоитъ изъ доломитовъ, грубыхъ известняковъ, мраморовъ, песчанниковъ и мергелей, пробитыхъ изъ безчисленныхъ пунктовъ базальтами, которые, однако, не сдѣлали никакихъ перемѣщеній въ расположеніи пластовъ. Горныя породы перерѣзаны очень глубокими разсѣлинами, которыя вообще слѣдуютъ въ направленіи съ сѣвера на югъ или съ востока на западъ, и которыя дѣлятъ Ливанъ на особенные массивы, образующіе какъ бы цитадели. Этотъ рельефъ горъ объясняетъ состояніе относительной независимости, въ которой удержались тамошнія населенія: среди мусульманской страны, въ уединенномъ массивѣ, по окраинѣ котораго, вдоль его приморскаго основанія, даже расположены города, гдѣ господствовали арабы и турки, ливанскіе горцы могли сохранить свои религіи, почти не измѣнившіяся въ теченіе вѣковъ. Эти горы Сиріи не имѣли богатыхъ рудныхъ мѣсторожденій, которыя могли бы привлечь колоніи алчущихъ металла завоевателей. Близъ Бейрута есть нѣсколько незначительныхъ залежей каменнаго угля. Тамъ и сямъ текутъ фонтаны горной смолы, имѣющіе большое экономическое значеніе; главные изъ этихъ ключей выходятъ на поверхность невдалекѣ отъ истоковъ Іордана, на сѣверъ отъ низменности, оканчивающейся Асфальтовымъ озеромъ [2]).

Гора Ливанъ, по-еврейски и по-арабски, есть синонимъ «Молочной горы» или «Бѣлой горы». Однако, ни одна изъ ея вершинъ не поднимается до пояса вѣчныхъ снѣговъ. Самая высокая вершина, находящаяся на сѣверной оконечности гребня, не превышаетъ 3.200 метровъ; изъ другихъ вершинъ только три достигаютъ 3.000 метровъ; большая колесная дорога изъ Бейрута въ Дамаскъ, построенная французской компаніей, проходитъ на высотѣ 1.800 метровъ надъ уровнемъ моря. Средняя высота цѣпи немного меньше высоты Пиренеевъ; но гораздо болѣе высокая температура климата объясняетъ относительно небольшое протяженіе снѣжныхъ полей и отсутствіе въ настоящее время ледниковъ на Ливанѣ; однако, какъ говоритъ одинъ арабскій поэтъ, «Саннинъ носитъ зиму на своей головѣ, весну на плечахъ и осень въ своихъ нѣдрахъ, тогда какъ лѣто спитъ у его ногъ» [1]).

Высота главныхъ вершинъ Ливана [2]): Тимарунъ или Тизъ-Марунъ—3.210 метр.; Мускіяхъ—3.080 метр.; Захръ-эль-Казибъ—3.046 метр.; Джебель-Макмаль — 3.040 метр.; Джебель-Саннинъ—2.711 метр.; ливанскіе кедры—2.240 метр.

Известняковыя породы Ливана изрыты на бокахъ гротами, изъ которыхъ иные продолжаются на цѣлыя мили во внутренности горы, и въ которыхъ находятъ остатки животныхъ и слѣды человѣческаго жилья; есть такіе, которые и теперь еще служатъ жилищемъ человѣку, другіе дополнились наружными постройками, висящими на боку горы; такъ, въ долинѣ Кадиша, монастырь Каннобинъ выступилъ наружу изъ своей первоначальной пещеры. Стекая съ вершинъ, ручьи дѣйствіемъ размыванія разрѣзали гору на огромные цирки; замѣчательные примѣры этого явленія можно видѣть къ востоку отъ Бейрута. Но въ другихъ мѣстахъ горные потоки не могли размыть скалъ: они или пробили ихъ такъ, что образовались гигантскія аркады, каковы, напримѣръ, аркады Нахръ-эль-Лебана или «Молочнаго ручья», или исчезаютъ въ трещинахъ почвы; оттого многія долины почти всегда остаются безводными: взамѣнъ того, подземные ручьи бьютъ великолѣпными ключами у подошвы горъ. Два противуположныхъ склона разнятся въ отношеніи обилія воды: покатость, обращенная къ востоку, почти не имѣетъ источниковъ; едва упавъ на землю, снѣгъ испаряется въ чистомъ воздухѣ; на западной отлогости, напротивъ, снѣжные хлопья, падающіе, впрочемъ, въ большомъ количествѣ, увлажняются теплыми парами, поднимающимися съ Средиземнаго моря; они таютъ испаряясь и тотчасъ же образуютъ ручейки [3]). Впрочемъ, даже во многихъ такихъ мѣстахъ, гдѣ почва, повидимому, совершенно безводна и безплодна, горцы, очень искусные земледѣльцы, съ успѣхомъ занимаются культурой; особенно въ южной части, вообще извѣстной подъ названіемъ «горъ Друзовъ», по имени населяющей ихъ націи; жители обрѣзываютъ землю на горныхъ склонахъ въ видѣ террасъ, направляютъ туда ирригаціонные каналы и разводятъ виноградъ и фруктовыя деревья.

На западныхъ скатахъ Ливана поясы климата и растительности обозначаются жителями края спеціальными названіями. Область мор-

---

[1]) Lewis;—L. Lartet;—Oscar Fraas;—Lartet, „La Syrie d'aujourd'hui".
[2]) Oscar Fraas, „Aus dem Orien", 2-er Theil.

[1]) Volney, „Voyage en Egypte et en Syrie".
[2]) R. Burton and Tyrwhitt Drake.
[3]) Lartet, „Tour du Monde", 2-e semestre 1882.

скаго побережья, бывшій Ханаанъ евреевъ, называется Сагиль: это—узкая полоса земли, необычайно плодородная, гдѣ нѣкогда стояли цвѣтущіе торговые города древней Финикіи. Выше простирается средняя область или Вусутъ, немного менѣе населенная, чѣмъ нижній поясъ, но еще усѣянная деревнями: жители поморья воздѣлываютъ тамъ табакъ, зерновые хлѣба, картофель; тамъ же растутъ деревья въ большомъ числѣ; нѣкоторые склоны, покрытые сосновымъ лѣсомъ, принимаютъ зеленѣющій видъ. Верхній предѣлъ Вусута проходитъ на высотѣ около 1.200 метровъ. Третья зона, Джурдъ, въ цѣломъ есть область безплодныхъ пространствъ, бѣшеныхъ вѣтровъ и снѣжныхъ лавинъ; обработанныя земли показываются еще на высотѣ 1.800 и 2.000 метровъ, но только въ защищенныхъ небольшихъ долинахъ, лощинахъ и оврагахъ; тамъ и сямъ встрѣчаются лѣски дубовъ съ кривымъ низкимъ стволомъ, съ огромными желудями, теревинѳовъ (терпентиннаго дерева), кленовъ, дикой груши, можжевельниковъ, изъ которыхъ иные достигаютъ могучихъ размѣровъ. Лѣтомъ стада овецъ и козъ поднимаются съ равнинъ къ Джурду, чтобы пастись тамъ травами и листьями кустарника.

Знаменитые кедры, сильный душистый запахъ которыхъ далъ древнимъ поводъ назвать Ливанъ «Благоухающей горой», растутъ въ верхней области на высотѣ слишкомъ 2.000 метровъ, близъ горнаго прохода, открывающагося на югѣ массива Джебель-Макмаль. Въ сосѣдствѣ вздымаются самыя высокія вершины цѣпи, и хребты и гребни горъ представляютъ въ этомъ мѣстѣ живописныя и грандіозныя линіи. Нѣкогда съ высотъ спускался ледникъ и наполнялъ котловину, при входѣ въ которую теперь растутъ кедры; корни ихъ развѣтвляются между камнями конечной морены. Число деревьевъ колоссальныхъ размѣровъ не переставало уменьшаться. Въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, во время путешествія Белона, ихъ было двадцать пять; теперь кедровъ, поистинѣ заслуживающихъ названія гигантовъ, всего только пять; деревъ среднихъ размѣровъ насчитываютъ нѣсколько сотенъ. Смотря по расположенію духа посѣтителей, ливанскіе кедры, «славнѣйшіе естественные памятники вселенной», возбуждаютъ удивленіе или разочарованіе; такъ, по словамъ Бертона, они не были бы «достойны фигурировать въ паркѣ скромнаго англійскаго джентльмена». Впрочемъ, стволы у нихъ голые, изрѣзанные и обезображенные ножомъ туристовъ; большинство путешественниковъ уносятъ на память куски, отколотые отъ ствола, и считаютъ священнымъ долгомъ вырѣзать на корѣ свое имя и фамилію, или по крайней мѣрѣ ихъ начальныя буквы; наконецъ туземцы въ большіе праздники зажигаютъ костры среди вѣковыхъ деревьевъ. Такъ истребляемые людьми, еще болѣе страдающіе отъ бурь и непогодъ, кедры не могутъ не уменьшаться въ числѣ съ каждымъ годомъ, ибо старыя деревья погибаютъ, а всѣ новые побѣги выщипываются козами вровень съ землей.

На восточной сторонѣ Ливанъ обрывается крутыми склонами къ долинѣ Келе-Сиріи или «Впалой Сиріи», самой правильной части борозды, вырытой самой природой съ сѣвера на югъ страны, отъ Антіохійскаго озера до Мертваго моря и Акабахскаго залива. Келе-Сирія, обозначаемая въ наши дни именемъ Эль-Бекаа или «Долина шелковичныхъ деревъ», есть равнина съ двойнымъ скатомъ, пробѣгаемая на сѣверо-востокѣ водами Оронта, на юго-западѣ водами Леонтеса или Нахръ-эль-Лейтани; порогъ почти нечувствительный, на высотѣ 1.170 метровъ, образуетъ раздѣльную линію между двумя покатостями; средняя высота Келе-Сиріи можетъ быть исчислена въ 1.000 метровъ; съ той и съ другой стороны горы вознимаются до высоты 1.500 метровъ надъ промежуточной впадиной: болота, остатки бывшаго озера, нѣкогда простиравшагося между Ливаномъ и Анти-Ливаномъ, разсѣяны по всей равнинѣ.

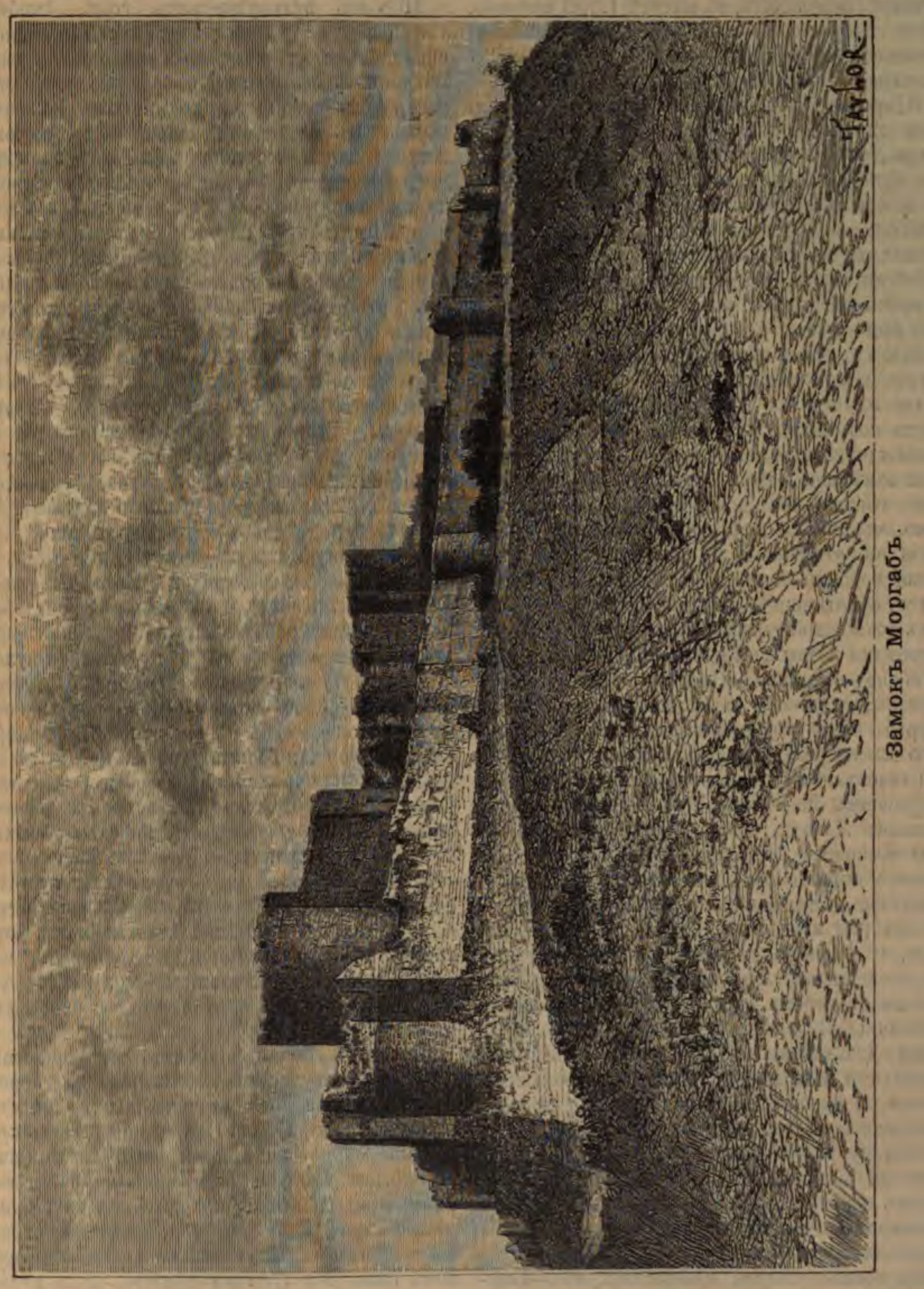
Анти-Ливанъ, Джебель-эшъ-Шаркъ или «Восточныя горы» сирійцевъ, представляетъ въ цѣломъ замѣчательное сходство съ Ливаномъ, который ему параллеленъ. Состоящій изъ тѣхъ же известковыхъ породъ, одѣтый такой же красной землей, глетчернаго происхожденія, Анти-Ливанъ не менѣе безплоденъ и обнаженъ въ своей сѣверной части, и плодородныя долины, какъ и на Ливанѣ, перерѣзываютъ его только около южной оконечности. На западѣ, то-есть со стороны, господствующей надъ Келе-Сиріей, Анти-Ливанъ, какъ и западная цѣпь, изборожденъ безчисленными разсѣлинами, въ которыя убѣгаютъ воды. Наконецъ самая высокая вершина Анти-Ливана, Шейхъ-элъ-Джебель или «Царь-гора», находится какъ разъ напротивъ высшаго массива Ливана.

Высота главныхъ вершинъ Анти-Ливана, по измѣреніямъ Р. Бертона и Теруитта Дрека:

Шейхъ-эль-Джебель (Фатли или Талатъ-Муза) по срединѣ цѣпи—2.670 метр.; Галматъ-эль-Кабу, на сѣверѣ—2.510 метр.; Эль-Ахіаръ, или гора Блуданъ, на югѣ — 2.352 метр.

Уступая, по высотѣ, главной цѣпи (въ среднемъ, отъ трехсотъ до четырехсотъ метровъ), Анти-Ливанъ отличается, однако, болѣе живописными формами, болѣе величественными вершинами, болѣе дикими оврагами, болѣе живыми красками, болѣе поразительными контрастами. На югѣ горные склоны менѣе обезлѣсены; приводящая въ отчаяніе обнаженность скалъ или печальная растительность волчцевъ и ползучихъ можжевельниковъ смѣняется лѣсками, вообще довольно рѣдкими, но мѣстами

принимающими видъ настоящихъ лѣсовъ. Растительность двухъ параллельныхъ цѣпей также представляетъ замѣчательный контрастъ. Въ то время какъ характеристическія древесныя породы Ливана составляютъ сосны, ели, кедры, на Анти-Ливанѣ преобладающимъ деревомъ является тополь. Въ долинахъ Тавра и во всѣхъ долинахъ сѣверной Сиріи, величавые платаны и орѣховыя деревья осѣняютъ селенія; въ Анти-Ливанѣ же вездѣ тополи образуютъ шпалеры вокругъ жилищъ, указывая издали присутствіе деревни [1]). Круто обрываясь со стороны равнины Бекая, какъ и Ливанъ, восточная цѣпь спускается къ востоку длиннымъ пологимъ скатомъ или, вѣрнѣе сказать, параллельными уступами, постепенно по-



Замокъ Моргабъ.

[1]) Barth, „Becken des Mittelmeeres".

нижаясь къ пустынѣ. На югѣ открывается глубокая брешь, по которой протекаетъ рѣка Барада, получающая начало между двухъ высокихъ террасъ цѣпи. Дорога, называемая французской, переходитъ, на высотѣ 1.300 метровъ, узкое плато, образующее раздѣльную возвышенность между покатостью Келе-Сиріи и Дамасскими равнинами.

Широкое отверстіе, которымъ воспользовались для проведенія этой дороги, отдѣляетъ Анти-Ливанъ отъ другой цѣпи, которую можно бы было разсматривать, какъ простое продолженіе сѣверной гряды: это—Гермонъ или Джебель-эшъ-Шейхъ, «гора царя», въ память божествъ, храмы которыхъ высились на вершинѣ ея скалъ. По древнимъ легендамъ, провинившіеся ангелы упали на эту гору, когда они были низвергнуты съ неба. Гермонъ, какъ и Ливанъ,—священная гора, и повсюду тамъ встрѣчаются часовни, стоящія на мѣстѣ древнихъ языческихъ святилищъ; возвышенныя мѣста пользуются тѣмъ же почитаніемъ, какъ и прежде; только св. Георгій, Илья и пророкъ Іона замѣнили Ваала, Адониса или Эліуна [1]). Сама гора почиталась богомъ, и констатировано, что храмы окрестныхъ мѣстностей всѣ были оріентированы въ направленіи главной цѣпи; подобно тому, какъ мусульманинъ молится, обратившись лицомъ къ *кабѣ* Мекки, такъ точно сирійцы взывали къ своимъ богамъ, устремляя взоры къ Гермону [2]). Очень крутая на обоихъ склонахъ, «Царская гора» увѣнчана треглавымъ пикомъ, поднимающимся на 2.827 метровъ надъ уровнемъ моря и на еще бо́льшую высоту надъ глубокой впадиной, въ которой течетъ Іорданъ; съ этой могучей вершины, уступающей по высотѣ только высшимъ верхушкамъ Ливана, взоръ обнимаетъ необозримую панораму, простирающуюся отъ Средиземнаго моря до большой пустыни [3]); образовавшаяся вслѣдствіе провала почвы пропасть, въ которой исчезаютъ дождевыя и снѣговыя воды, открывается подлѣ одной изъ трехъ остроконечныхъ главъ, на которой видны развалины какого-то древняго храма, вѣроятно, святилища Ваала-Гермона. Изъ всѣхъ горъ Сиріи Джебель-эшъ-Шейхъ самая лѣсистая; склоны его покрыты рощами, даже небольшими лѣсами, и европеецъ можетъ имѣть удовольствіе, очень рѣдкое на Востокѣ, слышать подъ ногами шуршаніе опавшихъ листьевъ [4]). Гермонъ въ большей части состоитъ изъ базальтовыхъ скалъ, и около южнаго его основанія простирается болотистая впадина, съ немного приподнятыми краями, въ которой предполагаютъ бывшее жерло изверженія: это—Биркетъ-эръ Рамъ, вѣроятно, озеро Фіала древнихъ, принимаемое нѣкогда за одинъ изъ истоковъ Іордана. На югѣ высится вулканическій конусъ Тель-эль-Ахмаръ.

[1]) Robinson, „Physical Geography of the Holy Land“.
[2]) Jules Soury, „Etudes historiques sur l'Asie Intérieure et la Grèce“.
[3]) R. Burton, „Unexplored Syria“.
[4]) Richard Burton, „Unexplored Syria“.

Массивъ вулканическихъ горъ, Джебель-Гауранъ, господствуетъ надъ пустынными пространствами, въ разстояніи около сотни километровъ къ юго-востоку отъ Гермона, съ которымъ онъ соединенъ холмистымъ плоскогорьемъ. Въ восточной части самая высокая остроконечная вершина подымается на 1.85[illegible] метра, и нѣкоторыя другія верхушки переходятъ за 1.000 метровъ. Всѣ эти скалы изъ лавы и груды вулканическаго пепла высятся въ видѣ красныхъ конусовъ, которые походятъ на огромные кальцинированные камни, вышедшіе изъ обжигальныхъ печей; одна только гора Кулаибъ, около южной оконечности, осѣнена нѣсколькими деревьями на вершинѣ. Горы Гаурана образуютъ массивъ, ось котораго направляется почти съ юга на сѣверъ. Съ этой стороны, Джебель-Гауранъ оканчивается довольно крутыми скатами, надъ которыми подымается закругленная вершина, Телль-Абу-Тумеисъ (1.600 метровъ): можно подумать, что видишь передъ собой цѣпь Овернскихъ горъ, оканчивающуюся куполомъ Пюи-де-Домъ [1]). Четыре боковыхъ конуса, Телль-Шейханъ, Гаррахъ-эль-Кебиръ, Джемаль, Гаррахъ-эль-Кибліехъ, выстроились на линіи, длиной около десяти километровъ въ видѣ «батареи вулкановъ». Оттуда-то вышли огромные потоки, образующіе цѣлое море лавы, Аргобъ евреевъ, простирающееся къ сѣверо-западу, въ направленіи Дамаска. Толщина расплавленныхъ веществъ, разлившихся по глинамъ и известнякамъ, исчисляется въ 200 метровъ; дѣйствіе непогодъ на хрупкія горныя породы, трещины и большія разсѣлины, образовавшіяся вслѣдствіе сжатія лавъ, ямы фумароллъ, пустоты, произведенныя взрывами газа, разрѣзали громадную площадь застывшихъ огненныхъ потоковъ въ цѣлый лабиринтъ дефилеевъ, гдѣ бѣглецы не разъ находили себѣ пріютъ, откуда и произошло новое имя Леджа, которое получила эта страна [2]).

Сафа или «Голая гора» есть другой массивъ потухшихъ вулкановъ, лежащій на берегу бывшаго моря, ограничивавшаго на востокѣ возвышенности Сиріи. Это—совокупность кратеровъ, клокотавшія лавы которыхъ, бившія ключемъ изъ жерла, выливались черными волнами: каждый потокъ походитъ на застывшее ложе расплавленнаго чугуна, усаженное огромными пузырями, вздувшимися вслѣдствіе взрывовъ газа. Эта грозная область, куда рѣдкій путешественникъ отваживался проникать

[1]) G. Rey, рукописныя замѣтки.
[2]) Wetzstein, „Reisebericht über Hauran und die Trachonen“;— R. Burton and Tyrwhitt Drake, „Unexplored Syria“;—G. Rey, „Voyage dans le Haouran“.

вполнѣ заслуживаетъ названія Трахона или «Шероховатой страны», которое ей дали древніе, какъ и Джебель-Гаурану. Сафа и теперь еще является въ томъ же видѣ, какой она имѣла въ эпоху ея образованія. Ея потоки лавы блестятъ, словно отлитые изъ металла; съ боковъ кратеровъ какъ будто текутъ ручьи съ черными и красными волнами; арки, перекинутыя съ одной скалы на другую, кажутся какъ бы застывшими надъ пылающей рѣкой. Южная гряда Сафы представляетъ страшный видъ. Вступая на эти горы, невольно задаешь себѣ вопросъ: не тлѣетъ ли тутъ всегда огонь подъ пепломъ. Края потухшихъ вулкановъ Светая и Абу-Ганима усажены хлопковатыми лавами, похожими на пылающіе факелы и разнообразно наклоненными, какъ будто подъ напоромъ вѣтра; вѣроятно, они отлагались въ формѣ легкихъ деревецъ и нагнулись подъ давленіемъ воздушныхъ токовъ. Светая есть лишь «скелетъ вулкана». Внѣшнія стѣнки кратера частію обрушились, и верхняя труба, поддерживаемая нѣсколькими столбами, осталась повисшей надъ пропастью. Тонкія стеклянныя пластинки, сталактиты изъ лавы, образуютъ бахрому вокругъ поверхности разрыва [1]). Почти всѣ кратеры Сафы открываются не на вершинѣ конусовъ, разсѣянныхъ по черной поверхности плоскогорья, но въ самой толщинѣ лавъ. Повсюду видны круглыя пропасти, подобныя пустотамъ, образуемымъ шлаками въ пузыряхъ газа; но эти пустоты имѣютъ до 300 метровъ ширины и отъ 20 до 50 метровъ глубины. Однѣ изъ этихъ огромныхъ ямъ изолированы; другія соприкасаются или отдѣлены одна отъ другой только узкими стѣнками, простыми перегородками изъ краснаго или черноватаго стекла. Въ другихъ мѣстахъ масса лавъ перерѣзана прямолинейными трещинами, имѣющими нѣсколько сотъ метровъ въ длину. На Сафѣ единственная растительность—бѣловатые лишаи, плотно прилегающіе къ базальту, такъ что издали ихъ можно принять за нераздѣльную часть скалы; однако, г. Вецштейнъ видѣлъ папоротникъ на днѣ разсѣлины. Вода, падающая на шлаки и пепелъ, поглощается порами и вновь появляется только при основаніи лавъ, въ мѣстахъ соприкосновенія съ глинами, тамъ и сямъ преобразованными въ кристаллическія породы жаромъ раскаленныхъ веществъ. Впрочемъ, на сѣверо-западномъ склонѣ Сафы открывается естественный гротъ, частію расширенный человѣкомъ, на днѣ котораго течетъ ручеекъ, хорошо извѣстный бедуинамъ: это—пещера Умъ-Ниранъ или «Матери огня» [2]).

Въ совокупности Сафа занимаетъ пространство около 1.200 квадр. километровъ и поднимаетъ свои конусы на четыреста до шестисотъ метровъ надъ окружающими равнинами, которыя сами возвышаются слишкомъ на 500 метровъ надъ уровнемъ моря. Нѣсколько глинистыхъ пространствъ, гдѣ въ дождливые годы скопляется немного воды, ограничиваютъ основаніе этой вулканической области, на сѣверо-западъ къ Дамаску, на юго-востокъ къ равнинамъ Евфрата; но наибольшая часть окрестностей занята потоками лавы. На юго-западѣ, пустыня Кра или «Каменистая земля», отдѣляющая массивъ Сафа отъ Джебель-Гаурана, есть одно изъ этихъ шлаковыхъ полей, усѣянныхъ второстепенными кратерами и ямами, образовавшимися вслѣдствіе взрывовъ. Далѣе на югъ простирается пустыня Гарра или «Горѣлая мѣстность», которой такъ боятся бедуины. Это—круглая равнина, наполненная тончайшими песками, которые скопились вокругъ высокой черной скалы. Арабы въ одинъ голосъ говорятъ, что, ступая по этой обманчивой почвѣ, животныя—газели, лошади или дромадеры увязаютъ въ ней: песокъ, такъ сказать, сдѣлался жидкимъ вслѣдствіе своей чрезвычайной тонкости, и въ немъ утопаешь, точно въ озерѣ. Послѣ сильныхъ дождей, поверхностный слой слѣпляется въ кору, по которой человѣкъ еще можетъ пускаться, но которая не сдержитъ тяжести верблюда. Это въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ явленіе, аналогичное тому, которое представляютъ нѣкоторыя песчаныя «топи» во французскихъ ландахъ. Мѣстность Гарра составляетъ уже часть пустыни, рѣдко переходимой путешественниками, которая простирается къ устьямъ Евфрата, и которую ограничиваетъ, на югъ отъ Пальмиры, бывшій морской берегъ, состоящій изъ песчаниковъ и известняковъ.

Нижній Леонтесъ, называемый обыкновенно Нахръ-Казиміехъ или «рѣкой раздѣла», ограничиваетъ съ южной стороны цѣпь собственнаго Ливана. Съ орографической точки зрѣнія, эта брешь есть простая неровность почвы, углубленіе рельефа: на югъ, по направленію къ Палестинѣ, горы могутъ быть разсматриваемы, какъ принадлежащія къ системѣ Ливана; но онѣ не отличаются такой же правильностью расположенія и направленія: ихъ массивы, невысокіе и образующіе едва раздѣльныя цѣпи, занимаютъ всю ширину территоріи, заключенной между Средиземнымъ моремъ и низменностью Іордана. Однако, въ этомъ лабиринтѣ галилейскихъ долинъ карты позволяютъ распознать общій порядокъ расположенія возвышенностей. На востокѣ, гряда горъ, нигдѣ не достигающая высоты 1.000 метровъ, тянется въ направленіи оси Ливана, образуя краевой хребетъ продольной впадины, въ которой течетъ верхній Іорданъ. По линіи, перпендикулярной къ направленію этой цѣпи, расположено нѣсколько грядъ, общее оріенти-

[1]) Wetzstein, цитированный мемуаръ.
[2]) R. Burton, „Unexplored Syria";—„Journal of the Geographical Society", 1872.

рованіе которыхъ съ запада на востокъ, и которыя соединены одна съ другой боковыми отраслями; эти различные хребты Галилеи, особенно около своей западной оконечности, сближаются могучими отрогами, составляющими, какъ кажется, отстатки существовавшей нѣкогда краевой цѣпи, параллельной побережью Средиземнаго моря; рѣки, берущія начало внутри страны, разорвали эту цѣпь въ разныхъ мѣстахъ, такъ что остался только скелетъ береговаго горнаго вала. Самая высокая вершина галилейскихъ горъ, Джебель - Джармукъ (1.189 метровъ), поднимается на сѣверо-западѣ отъ Сафеда, на линіи водораздѣла между долиной Іордана и покатостью Средиземнаго моря; но эта высшая вершина, окруженная другими, почти не менѣе высокими вершинами, не позволяющими видѣть ее въ ея истинныхъ размѣрахъ, не есть прославленная гора страны: наиболѣе чтимая вершина—это гора Ѳаворъ, Джеболь-Торъ или «Гора надъ горами» (какъ ее называютъ арабы), которая высится почти уединенно, на югъ отъ Назаретской цѣпи. Поднимаясь всего только на 561 метръ—595 метровъ по Герену, — она едва превышаетъ гребни мѣловыхъ холмовъ, окружающихъ ее въ видѣ амфитеатра; однако, ея положеніе на краю большой Эздраэлонской равнины, по которой протекаютъ рѣка Нахръ-эль-Мукаттахъ и ея притоки, давало ей прежде нѣкоторое стратегическое значеніе, и на широкомъ плато вершины видны еще остатки средневѣковыхъ укрѣпленій, смѣнившихъ укрѣпленія римлянъ и евреевъ. Въ легендѣ, сложившейся въ четвертомъ столѣтіи христіанской эры, Ѳаворъ смѣнилъ Гермонъ, какъ гора Преображенія Господня, и съ шестаго вѣка на террасѣ вершины стояли три церкви и три монастыря, построенные въ память трехъ кущей, которыя Петръ хотѣлъ воздвигнуть для Іисуса, для Моисея и для Иліи. Раскопки обнаружили остатки подземныхъ частей строеній.

Взаимное пересѣченіе горныхъ хребтовъ Галилеи образовало промежуточныя котловины, гдѣ воды скоплялись нѣкогда въ видѣ озерныхъ басейновъ, которые впослѣдствіи опорожнились, вслѣдствіе открытія боковыхъ проломовъ; только нѣсколько болотъ, появляющихся въ дождливое время года, указываютъ мѣсто нахожденія бывшихъ озеръ. Но на югъ отъ галилейскихъ горъ горнстый рельефъ почти совершенно прерывается, отъ Средиземнаго моря до долины Іордана, широкой равниной, которая, повидимому, обязана своимъ происхожденіемъ проходу большихъ водныхъ площадей. Эта равнина, оріентированная съ юго-востока на сѣверо-западъ, усѣяна нѣсколькими буграми или *теллями*, которые остались послѣ размыва жидкими массами почвы окрестностей, но въ цѣломъ мѣстность имѣетъ видъ гладкой равнины, и грунтъ, гдѣ вулканическій пепелъ смѣшанъ съ черноземомъ, отличается необычайнымъ плодородіемъ; обработанныя поля даютъ великолѣпные урожаи хлѣбовъ, а земли, оставленныя подъ паръ, покрываются гигантскими волчцами. Къ югу отъ Назарета, обширная низменность, извѣстная подъ именемъ Мерджъ-ибнъ-Амиръ или «Равнина сына эмира», имѣетъ не менѣе 26 километровъ въ ширину: это—пространство, называвшееся нѣкогда равниной Мешдской, Эздраэлонской или Езраельской. Порогъ, находящійся въ небольшомъ разстояніи къ сѣверо-западу отъ Зерина, древняго Езраеля, лежитъ на высотѣ около 120 метровъ. На покатости, обращенной къ Средиземному морю, скатъ очень пологій, тогда какъ на востокѣ, къ Іордану, почва быстро понижается; съ одной стороны Зерина простирается равнина, на видъ горизонтальная, съ другой скаты круто спускаются, и ручей, текущій у подошвы холмовъ, лежитъ уже ниже уровня Средиземнаго моря. Это черезъ Зеринскій порогъ, по странному проекту англійскихъ промышленниковъ, долженъ бы былъ пройти современемъ каналъ, соединяющій заливъ Сенъ-Жанъ-д'Акра съ заливомъ Акабахскимъ въ Красномъ морѣ, захватывая глубокую долину Іордана и Асфальтоваго озера. Эздраэлонская равнина, разрѣзывающая Палестину на двѣ отдѣльныя половины, и командующая двумя покатостями страны, была во всѣ времена полемъ битвы между племенами и арміями,—откуда и самое имя рѣки, Нахръ-эль-Мукаттахъ, «Вода побоища». Евреи и хананеяне, сарацины и крестоносцы часто сталкивались въ этой мѣстности; во время войнъ первой французской республики генералы Клеберъ и Бонапартъ нанесли тамъ пораженіе турецкой арміи, близъ деревни Эль-Аффулехъ, въ сосѣдствѣ раздѣльнаго порога: это сраженіе извѣстно подъ именемъ «битвы при горѣ Ѳаворѣ». Тамъ же, говорятъ истолкователи Откровенія св. Іоанна (Апокалипсиса), находится Армагеддонское поле, гдѣ произойдетъ послѣдняя борьба на жизнь и смерть, долженствующая обезпечить евреямъ владычество надъ міромъ.

Длинный полу-эллиптическій заливъ Сенъ-Жанъ-д'Акра, образующій очень красивую линію, ограниченъ съ южной стороны высокимъ мысомъ Кармель, оконечностью горы Джебель-Маръ-Эліасъ или «горы св. Иліи». Эта цѣпь, состоящая преимущественно изъ известняковъ, самая правильная во всей Палестинѣ; на югѣ невысокій порогъ отдѣляетъ ее отъ горъ Самаріи; отъ моря до этого перевала цѣпь сохраняетъ направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Восточный склонъ круто обрывается къ равнинѣ Эздраэлонъ, тогда какъ на западѣ горы понижаются, со стороны Средиземнаго моря, длинной отлогостью. Въ среднемъ, высота хребта отъ трехсотъ до четырехсотъ ме-

тровъ; самая высокая вершина, собственно гора Кармель, въ центрѣ цѣпи, достигаетъ 551 метра высоты. Большія деревья, осѣняющія верхніе склоны, кустарникъ, цвѣтущіе газоны доставили этимъ горамъ еврейское названіе Кармель или «Вертоградъ»; но около сѣверной оконечности, единственной части цѣпи, посѣщаемой потокомъ путешественниковъ, скалы, болѣе дикія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лишены зелени, и вся растительность ихъ состоитъ лишь изъ каменныхъ дубовъ и кустовъ, обыкновенныхъ въ восточныхъ лѣсахъ. На скалѣ мыса имѣло пребываніе античное прорицалище, которое посѣтилъ Пиѳагоръ, и куда приходилъ императоръ Веспасіанъ, чтобы просить оракула предсказать ему его судьбу. Въ этомъ мѣстѣ, лежащемъ на границахъ страны ханаанской и земель іудейскихъ, происходила, по еврейскому преданію, та борьба между Иліей и пророками Ваала, которая символизируетъ непрерывныя религіозныя войны Палестины и Сиріи. Надъ «гротомъ Иліи», гдѣ его ученики изрекали прорицанія, стоитъ пышный монастырь недавней постройки.

Къ юго-востоку отъ Эздраэлонской равнины, массивъ холмовъ Гильбоа, называемыхъ арабами Джебель-Факуахъ, начинаетъ собой серединную цѣпь Палестины, которая, за исключеніемъ нѣсколькихъ неправильностей въ деталяхъ, сохраняетъ направленіе, параллельное долинѣ Іордана и Средиземному морю; состоящая главнымъ образомъ изъ мѣловыхъ породъ, которыя мѣстами пробиты выступившими наружу базальтами, эта цѣпь имѣетъ однообразный рельефъ, и видъ горъ не представляетъ ничего живописнаго, но ихъ извилистыя лощины отличаются замѣчательнымъ плодородіемъ. Гребень этихъ горъ, совпадающій съ линіей водораздѣла, какъ и гора Кармель, гораздо круче наклоненъ своими восточными скатами, чѣмъ западными. Въ среднемъ, хребетъ ихъ вдвое болѣе удаленъ отъ Средиземнаго моря, чѣмъ отъ береговъ Іордана: оттого съ этой стороны высоты Іудеи поднимаются въ видѣ настоящихъ горъ, тогда какъ на противоположной покатости онѣ кажутся только холмами; между тѣмъ, въ дѣйствительности онѣ выше на своихъ восточныхъ отлогостяхъ, такъ какъ съ этой стороны открывается глубокая впадина Іордана. Къ востоку отъ историческаго пути морскаго побережья, которымъ слѣдовали почти всѣ завоеватели, массивъ Іудеи составлялъ уединенную горную массу, трудную для нападенія: этимъ объясняется постоянный антагонизмъ между низменной областью Палестины, обитаемой болѣе цивилизованными населеніями, и нагорной страной, гдѣ жили грубые горцы Іудеи. Въ этой верхней странѣ, разрѣзанной по бокамъ глубокими долинами, которыя подраздѣляются на каменистые овраги, самый гребень представляетъ наиболѣе доступную дорогу: это въ сосѣдствѣ самыхъ высокихъ вершинъ извивается историческій путь, которымъ слѣдовали во всѣ времена купцы, воины или пилигримы, и на которомъ выстроились значительнѣйшіе города. Средняя высота вершинъ срединнаго хребта отъ 600 до 800 метровъ. Эвалъ и Гаризимъ двѣ прославленныя горы, господствующія надъ Сихемской равниной, превышаютъ 900 метровъ. Самая высокая гора Іудеи, Телль-Асуръ, къ сѣверу отъ Іерусалима, достигаетъ 1.011 метровъ и господствуетъ надъ центральнымъ узломъ, откуда расходятся, какъ радіусы, во всѣ стороны небольшія цѣпи. На югъ отъ Іерусалима, нѣкоторыя вершины приближаются еще къ 1.000 метровъ, но далѣе холмы мало-по-малу понижаются въ направленіи Синайскаго полуострова, и наконецъ теряются въ изрытой оврагами плоской возвышенности Бадіетъ-этъ-Тихъ, усѣянной буграми и дюнами.

Заіорданскія горы, какъ и горы собственной Палестины, образуютъ изрытое оврагами плоскогорье, высотой отъ 750 до 900 метровъ надъ уровнемъ Средиземнаго моря, только въ рѣдкихъ мѣстахъ представляющее видъ настоящей цѣпи. На западъ отъ верхняго Іордана, плато Джаулана, древней Гауланитиды, даже имѣютъ подобіе горъ только своимъ западнымъ склономъ, спускающимся уступами къ озеру Гуле и Тиверіадскому морю. Потокъ Ярмукъ, вѣтви котораго, уади, простираются на востокъ до массива Джебель-Гауранъ и до краевыхъ хребтовъ Евфратской пустыни, ограничиваетъ Джауланское плоскогорье, какъ широкій ровъ, затѣмъ далѣе снова начинается гористая область. Точно такъ же ручей Жабокъ, и южнѣе, на покатости Мертваго моря, Моджибъ (Арнонъ) и его притоки разрѣзываютъ по всей ихъ толщѣ поясъ заіорданскихъ горъ и такимъ образомъ раздѣляютъ возвышенности на неравные отрывки; кромѣ того, второстепенные уади изрыли глубокими оврагами скалистые массивы и разрѣзали ихъ на выступы или мысы самыхъ разнообразныхъ формъ, но верхушка которыхъ, тамъ и сямъ одѣтая базальтовыми лавами, издали кажется сливающейся въ однообразную ровную площадь, едва превышаемую нѣсколькими пирамидальными вершинами. Къ востоку отъ собственнаго Гора, то-есть долины Іордана, заключающейся между Тиверіадскимъ озеромъ и Мертвымъ моремъ, высоты, извѣстныя подъ общимъ именемъ Джебель-Аджлунъ или Галаадъ, легко доступны: обращенные къ рѣкѣ крутые скаты ихъ дѣлятся на уступы изъ плодородной красной земли, покрытые тамъ и сямъ лѣсками, гдѣ преобладаетъ дубъ; въ дождливые годы низменности даютъ обильные урожаи зерновыхъ хлѣбовъ, очень цѣнимыхъ во всей Сиріи. На восточной сторонѣ Мертваго моря высоты труднѣе для восхожденія; горы высятся крутыми стѣнами, и овраги уади про-

рованіе которыхъ съ запада на востокъ, и которыя соединены одна съ другой боковыми отраслями; эти различные хребты Галилеи, особенно около своей западной оконечности, сближаются могучими отрогами, составляющими, какъ кажется, отстатки существовавшей нѣкогда краевой цѣпи, параллельной побережью Средиземнаго моря; рѣки, берущія начало внутри страны, разорвали эту цѣпь въ разныхъ мѣстахъ, такъ что остался только скелетъ береговаго горнаго вала. Самая высокая вершина галилейскихъ горъ, Джебель - Джармукъ (1.189 метровъ), поднимается на сѣверо-западѣ отъ Сафеда, на линіи водораздѣла между долиной Іордана и покатостью Средиземнаго моря; но эта высшая вершина, окруженная другими, почти не менѣе высокими вершинами, не позволяющими видѣть ее въ ея истинныхъ размѣрахъ, не есть прославленная гора страны: наиболѣе чтимая вершина—это гора Ѳаворъ, Джеболь-Торъ или «Гора надъ горами» (какъ ее называютъ арабы), которая высится почти уединенно, на югъ отъ Назаретской цѣпи. Поднимаясь всего только на 561 метръ—595 метровъ по Герену, — она едва превышаетъ гребни мѣловыхъ холмовъ, окружающихъ ее въ видѣ амфитеатра; однако, ея положеніе на краю большой Эздраэлонской равнины, по которой протекаютъ рѣка Нахръ-эль-Мукаттахъ и ея притоки, давало ей прежде нѣкоторое стратегическое значеніе, и на широкомъ плато вершины видны еще остатки средневѣковыхъ укрѣпленій, смѣнившихъ укрѣпленія римлянъ и евреевъ. Въ легендѣ, сложившейся въ четвертомъ столѣтіи христіанской эры, Ѳаворъ смѣнилъ Гермонъ, какъ гора Преображенія Господня, и съ шестаго вѣка на террасѣ вершины стояли три церкви и три монастыря, построенные въ память трехъ кущей, которыя Петръ хотѣлъ воздвигнуть для Іисуса, для Моисея и для Иліи. Раскопки обнаружили остатки подземныхъ частей строеній.

Взаимное пересѣченіе горныхъ хребтовъ Галилеи образовало промежуточныя котловины, гдѣ воды скоплялись нѣкогда въ видѣ озерныхъ басейновъ, которые впослѣдствіи опорожнились, вслѣдствіе открытія боковыхъ проломовъ; только нѣсколько болотъ, появляющихся въ дождливое время года, указываютъ мѣсто нахожденія бывшихъ озеръ. Но на югъ отъ галилейскихъ горъ гористый рельефъ почти совершенно прерывается, отъ Средиземнаго моря до долины Іордана, широкой равниной, которая, повидимому, обязана своимъ происхожденіемъ проходу большихъ водныхъ площадей. Эта равнина, оріентированная съ юго-востока на сѣверо-западъ, усѣяна нѣсколькими буграми или *теллями*, которые остались послѣ размыва жидкими массами почвы окрестностей, но въ цѣломъ мѣстность имѣетъ видъ гладкой равнины, и грунтъ, гдѣ вулканическій пепелъ смѣшанъ съ черноземомъ, отличается необычайнымъ плодородіемъ; обработанныя поля даютъ великолѣпные урожаи хлѣбовъ, а земли, оставленныя подъ паръ, покрываются гигантскими волчцами. Къ югу отъ Назарета обширная низменность, извѣстная подъ именемъ Мерджъ-ибнъ-Амиръ или «Равнина сына эмира», имѣетъ не менѣе 26 километровъ въ ширину: это—пространство, называвшееся нѣкогда равниной Мешдской, Эздраэлонской или Езраельской. Порогъ, находящійся въ небольшомъ разстояніи къ сѣверо-западу отъ Зерина, древняго Езраеля, лежитъ на высотѣ около 120 метровъ. На покатости, обращенной къ Средиземному морю, скатъ очень пологій, тогда какъ на востокѣ, къ Іордану, почва быстро понижается; съ одной стороны Зерина простирается равнина, на видъ горизонтальная, съ другой скаты круто спускаются, и ручей, текущій у подошвы холмовъ, лежитъ уже ниже уровня Средиземнаго моря. Это черезъ Зеринскій порогъ, по странному проекту англійскихъ промышленниковъ, долженъ бы былъ пройти современемъ каналъ, соединяющій заливъ Сенъ-Жанъ-д'Акра съ заливомъ Акабахскимъ въ Красномъ морѣ, захватывая глубокую впадину Іордана и Асфальтоваго озера. Эздраэлонская равнина, разрѣзывающая Палестину на двѣ отдѣльныя половины, и командующая двумя покатостями страны, была во всѣ времена полемъ битвы между племенами и арміями,—откуда и самое имя рѣки, Нахръ-эль-Мукаттахъ, «Вода побоища». Евреи и хананеяне, сарацины и крестоносцы часто сталкивались въ этой мѣстности; во время войнъ первой французской республики генералы Клеберъ и Бонапартъ нанесли тамъ пораженіе турецкой арміи, близъ деревни Эль-Аффулехъ, въ сосѣдствѣ раздѣльнаго порога: это сраженіе извѣстно подъ именемъ «битвы при горѣ Ѳаворѣ». Тамъ же, говорятъ истолкователи Откровенія св. Іоанна (Апокалипсиса), находится Армагеддонское поле, гдѣ произойдетъ послѣдняя борьба на жизнь и смерть, долженствующая обезпечить евреямъ владычество надъ міромъ.

Длинный полу-эллиптическій заливъ Сенъ-Жанъ-д'Акра, образующій очень красивую линію, ограниченъ съ южной стороны высокимъ мысомъ Кармель, оконечностью горы Джебель-Маръ-Эліасъ или «горы св. Иліи». Эта цѣпь, состоящая преимущественно изъ известняковъ, самая правильная во всей Палестинѣ; на югѣ невысокій порогъ отдѣляетъ ее отъ горъ Самаріи; отъ моря до этого перевала цѣпь сохраняетъ направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Восточный склонъ круто обрывается къ равнинѣ Эздраэлонъ, тогда какъ на западѣ горы понижаются, со стороны Средиземнаго моря, длинной отлогостью. Въ среднемъ, высота хребта отъ трехсотъ до четырехсотъ ме-

тровъ; самая высокая вершина, собственно гора Кармель, въ центрѣ цѣпи, достигаетъ 551 метра высоты. Большія деревья, осѣняющія верхніе склоны, кустарникъ, цвѣтущіе газоны доставили этимъ горамъ еврейское названіе Кармель или «Вертоградъ»; но около сѣверной оконечности, единственной части цѣпи, посѣщаемой потокомъ путешественниковъ, скалы, болѣе дикія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лишены зелени, и вся растительность ихъ состоитъ лишь изъ каменныхъ дубовъ и кустовъ, обыкновенныхъ въ восточныхъ лѣсахъ. На скалѣ мыса имѣло пребываніе античное прорицалище, которое посѣтилъ Пиѳагоръ, и куда приходилъ императоръ Веспасіанъ, чтобы просить оракула предсказать ему его судьбу. Въ этомъ мѣстѣ, лежащемъ на границахъ страны ханаанской и земель іудейскихъ, происходила, по еврейскому преданію, та борьба между Иліей и пророками Ваала, которая символизируетъ непрерывныя религіозныя войны Палестины и Сиріи. Надъ «гротомъ Иліи», гдѣ его ученики изрекали прорицанія, стоитъ пышный монастырь недавней постройки.

Къ юго-востоку отъ Эздраэлонской равнины, массивъ холмовъ Гильбоа, называемыхъ арабами Джебель-Факуахъ, начинаетъ собой серединную цѣпь Палестины, которая, за исключеніемъ нѣсколькихъ неправильностей въ деталяхъ, сохраняетъ направленіе, параллельное долинѣ Іордана и Средиземному морю; состоящая главнымъ образомъ изъ мѣловыхъ породъ, которыя мѣстами пробиты выступившими наружу базальтами, эта цѣпь имѣетъ однообразный рельефъ, и видъ горъ не представляетъ ничего живописнаго, но ихъ извилистыя лощины отличаются замѣчательнымъ плодородіемъ. Гребень этихъ горъ, совпадающій съ линіей водораздѣла, какъ и гора Кармель, гораздо круче наклоненъ своими восточными скатами, чѣмъ западными. Въ среднемъ, хребетъ ихъ вдвое болѣе удаленъ отъ Средиземнаго моря, чѣмъ отъ береговъ Іордана: оттого съ этой стороны высоты Іудеи поднимаются въ видѣ настоящихъ горъ, тогда какъ на противоположной покатости онѣ кажутся только холмами; между тѣмъ, въ дѣйствительности онѣ выше на своихъ восточныхъ отлогостяхъ, такъ какъ съ этой стороны открывается глубокая впадина Іордана. Къ востоку отъ историческаго пути морскаго побережья, которымъ слѣдовали почти всѣ завоеватели, массивъ Іудеи составлялъ уединенную горную массу, трудную для нападенія: этимъ объясняется постоянный антагонизмъ между низменной областью Палестины, обитаемой болѣе цивилизованными населеніями, и нагорной страной, гдѣ жили грубые горцы Іудеи. Въ этой верхней странѣ, разрѣзанной по бокамъ глубокими долинами, которыя подраздѣляются на каменистые овраги, самый гребень представляетъ наиболѣе доступную дорогу: это въ сосѣдствѣ самыхъ высокихъ вершинъ извивается историческій путь, которымъ слѣдовали во всѣ времена купцы, воины или пилигримы, и на которомъ выстроились значительнѣйшіе города. Средняя высота вершинъ срединнаго хребта отъ 600 до 800 метровъ. Эвалъ и Гаризимъ двѣ прославленныя горы, господствующія надъ Сихемской равниной, превышаютъ 900 метровъ. Самая высокая гора Іудеи, Телль-Асуръ, къ сѣверу отъ Іерусалима, достигаетъ 1.011 метровъ и господствуетъ надъ центральнымъ узломъ, откуда расходятся, какъ радіусы, во всѣ стороны небольшія цѣпи. На югъ отъ Іерусалима, нѣкоторыя вершины приближаются еще къ 1.000 метровъ, но далѣе холмы мало-по-малу понижаются въ направленіи Синайскаго полуострова, и наконецъ теряются въ изрытой оврагами плоской возвышенности Бадіетъ-этъ-Тихъ, усѣянной буграми и дюнами.

Заіорданскія горы, какъ и горы собственной Палестины, образуютъ изрытое оврагами плоскогорье, высотой отъ 750 до 900 метровъ надъ уровнемъ Средиземнаго моря, только въ рѣдкихъ мѣстахъ представляющее видъ настоящей цѣпи. На западъ отъ верхняго Іордана, плато Джаулана, древней Гауланитиды, даже имѣютъ подобіе горъ только своимъ западнымъ склономъ, спускающимся уступами къ озеру Гуле и Тиверіадскому морю. Потокъ Ярмукъ, вѣтви котораго, уади, простираются на востокъ до массива Джебель-Гауранъ и до краевыхъ хребтовъ Евфратской пустыни, ограничиваетъ Джауланское плоскогорье, какъ широкій ровъ, затѣмъ далѣе снова начинается гористая область. Точно такъ же ручей Жабокъ, и южнѣе, на покатости Мертваго моря, Моджибъ (Арнонъ) и его притоки разрѣзываютъ по всей ихъ толщѣ поясъ заіорданскихъ горъ и такимъ образомъ раздѣляютъ возвышенности на неравные отрывки; кромѣ того, второстепенные уади изрыли глубокими оврагами скалистые массивы и разрѣзали ихъ на выступы или мысы самыхъ разнообразныхъ формъ, но верхушка которыхъ, тамъ и сямъ одѣтая базальтовыми лавами, издали кажется сливающейся въ однообразную ровную площадь, едва превышаемую нѣсколькими пирамидальными вершинами. Къ востоку отъ собственнаго Гора, то-есть долины Іордана, заключающейся между Тиверіадскимъ озеромъ и Мертвымъ моремъ, высоты, извѣстныя подъ общимъ именемъ Джебель-Аджлунъ или Галаадъ, легко доступны: обращенные къ рѣкѣ крутые скаты ихъ дѣлятся на уступы изъ плодородной красной земли, покрытые тамъ и сямъ лѣсками, гдѣ преобладаетъ дубъ; въ дождливые годы низменности даютъ обильные урожаи зерновыхъ хлѣбовъ, очень цѣнимыхъ во всей Сиріи. На восточной сторонѣ Мертваго моря высоты труднѣе для восхожденія; горы высятся крутыми стѣнами, и овраги уади про-

никаютъ внутрь горной массы, какъ узкія улицы между двухъ отвѣсныхъ стѣнъ. Растительность рѣдка на скатахъ и на плоскогорьяхъ этой области Эль-Белька, чаще обозначаемой именами обитавшихъ тамъ древнихъ народовъ Аммонъ и Моавъ [1]). Однако, голый видъ этихъ горъ нельзя сравнивать съ видомъ известковаго массива Іудеи, на западѣ Мертваго моря: не только хорошо орошаемыя впадины, лощины и овраги наполнены зеленѣющими чащами, но даже лѣски дуба, терпентиннаго дерева, лавра растутъ на террасахъ, обращенныхъ къ влажнымъ вѣтрамъ Средиземнаго моря. Въ среднемъ заіорданскія горы выше горъ Палестины. Массивъ Джебель-Оша, лежащій почти напротивъ Телль-Асура, имѣетъ 1.058 метровъ высоты; одна вершина Моава достигаетъ 1.170 метровъ, и южнѣе, горы, окаймляющія съ восточной стороны Уедъ-Арабахъ и соединяющіяся съ Мадіанскими горами, превышаютъ 1.200 метровъ. Между всѣми этими пиками Заіорданья или Переи самый знаменитый, но не самый высокій, Джебель-Неба, на который преданіе указываетъ какъ на гору Нево, откуда Моисей созерцалъ, по ту сторону Іордана, землю, обѣтованную его народу, но ему запрещенную.

Горы синайской системы очень ясно отдѣлены отъ массивовъ Палестины. Аравія Пѣтра, называемая также Петрея (Petrea), въ смыслѣ «Каменистой», въ самомъ дѣлѣ усѣяна скалами и неправильными холмами, высотой отъ 400 до 600 метровъ, которые широкими оврагами раздѣлены на особенные массивы. Въ цѣломъ область, ограниченная съ запада и съ востока Суэзскимъ каналомъ и Арабахской низменностью, образуетъ площадь, слегка покатую къ Средиземному морю и рѣзко ограниченную съ юга краевой цѣпью Джебель-этъ-Тихъ, которая состоитъ изъ двухъ грядъ, встрѣчающихся подъ прямымъ угломъ; этотъ уголъ горъ обращенъ къ югу, въ ту же сторону, какъ и остроугольная оконечность полуострова, оканчивающаяся длиннымъ узкимъ мысомъ Разъ-Могамедъ. Такимъ образомъ, окружность области Синая состоитъ изъ линій, имѣющихъ почти геометрическую правильность, въ видѣ наконечника стрѣлы. Къ югу отъ краевыхъ горъ цѣпи Джебель-этъ-Тихъ, гдѣ нѣкоторыя вершины достигаютъ почти 1.000 метровъ высоты, широкіе уади, идущіе вдоль скалъ, какъ рвы, выкопанные у подножія крѣпостнаго вала, тоже способствуютъ точному разграниченію синайскихъ массивовъ отъ плоскогорья Каменистой Аравіи. На востокѣ, Уэдъ-эль-Айнъ съ его тысячью развѣтвленіями, оврагъ Айнъ-эль-Гудерахъ, Уадъ-Несбъ покаты къ Акабахскому заливу; на западѣ, другія русла временныхъ потоковъ, почти всегда сухія, соединяются въ песчаномъ поясѣ, называемомъ Деббетъ-эръ-Рамлехъ, который сообщается съ побережьемъ Краснаго моря узкой поперечной долиной. Южнѣе, другой уади, первыя развѣтвленія котораго начинаются также въ сосѣдствѣ массива Джебель-этъ-Тихъ, равнымъ образомъ извивается на сѣверѣ Синайскихъ горъ; террасы изъ желтоватой глины, которыя съ обѣихъ сторонъ этого ручья опираются о скалы, до высоты 30 метровъ, вѣроятно, образовались изъ наносовъ озернаго происхожденія, отложившихся въ предшествующій геологическій періодъ, когда Фейранъ еще не сообщался съ Суэзскимъ заливомъ [1]).

Холмы побережья Краснаго моря, къ западу отъ массива Джебель-этъ-Тихъ, состоятъ изъ мѣловыхъ пластовъ; это бѣлыя и правильныя массы монотоннаго вида, возвышающіяся на нѣсколько сотъ метровъ. Но первыя горы, принадлежащія къ Синайской группѣ и стоящія на югъ отъ краевой цѣпи, отъ Суэзскаго залива до Акабахскаго, образованы изъ песчаниковъ съ причудливымъ профилемъ и разнообразнымъ колоритомъ, группирующихся въ живописные пейзажи. Южнѣе поднимаются граниты, гнейсы и порфиры. Однообразныя по составу своихъ каменныхъ породъ, горы Синая не менѣе однообразны безплодіемъ своей поверхности; онѣ поражаютъ своей страшной наготой; ихъ профиль обрисовывается на голубомъ фонѣ неба съ отчетливостью черты, проведенной рѣзцомъ на мѣди. Такимъ образомъ красота Синая, не имѣющая никакихъ внѣшнихъ украшеній, есть красота самой скалы: кирпично-красный цвѣтъ порфира, нѣжно-розовый оттѣнокъ полеваго шпата, свѣтло и темносѣрые цвѣта гнейса и сіенита, бѣлый цвѣтъ кварца, зеленый различныхъ кристалловъ придаютъ горамъ нѣкоторое разнообразіе, еще увеличиваемое синевой дали, черными тѣнями и игрой свѣта, блистающаго на кристаллическихъ граняхъ. Жалкая растительность, показывающаяся тамъ и сямъ въ оврагахъ и на вывѣтрившемся гнейсѣ склоновъ, своимъ контрастомъ еще болѣе возвышаетъ величавость формъ и блескъ колорита, представляемые голыми кручами; на краяхъ временныхъ водъ въ уади, кое-гдѣ растущіе дроки, акаціи, тамариски, маленькія группы пальмъ не могутъ скрыть величавой простоты камня. Эта мощная природа, столь отличная отъ той, которою мы восхищаемся въ влажныхъ странахъ западной Европы, сильно дѣйствуетъ на умы. Всѣ путешественники бываютъ поражены при видѣ открывающейся ихъ взорамъ грандіозной картины; бедуины, рожденные у подножія горъ Синая, любятъ ихъ страстно и чахнутъ отъ тоски по родинѣ вдали отъ своихъ скалъ. Странное существованіе анахоре-

[1]) Tristram, „The Land of Moab".

[1]) Lepsius, „Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien".

товъ, проводившихъ свою созерцательную жизнь въ пещерахъ полуострова, объясняется, можетъ быть, также красотой окружавшихъ ихъ горъ, съ которыми они не въ силахъ были разстаться [1]).

Песчаниковыя скалы сѣвернаго Синая, опирающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на граниты и порфиры, очень богаты рудами желѣза, мѣди и мѣсторожденіями бирюзы, разработывать которыя затруднительно по недостатку топлива и перевозочныхъ средствъ; англичанинъ Макдональдъ горячо принялся-было за это дѣло и потратилъ на него нѣсколько лѣтъ, но предпріятіе его не увѣнчалось успѣхомъ. Однако, есть одна долина, именно долина Магарахъ, куда бедуины приходятъ иногда раскапывать жилы мѣдной руды, чтобы искать вкрапленные въ нихъ кристаллы бирюзы, которые «устраняютъ дурныя вліянія, укрѣпляютъ зрѣніе, доставляютъ милость властвующихъ, обезпечиваютъ побѣду, разгоняютъ дурные сны, напоминаютъ сладости любви и обѣщаютъ возобновленіе ихъ» [2]). Съ первыхъ вѣковъ историческаго періода египтяне запасались изъ Магарахской долины мѣдью и красильными минеральными веществами [3]): тамъ до сихъ поръ еще видны глубокія каменоломни, длинныя галлереи, груды обломковъ, свидѣтельствующія о прежней важности этихъ рудокопныхъ работъ; замѣтны даже остатки плавильныхъ печей и даже формы, въ которыя выливали расплавленную мѣдь. Но самые драгоцѣнные слѣды глубокой старины—это іероглифическія надписи, отчетливо сохранившіяся, которыя находятся на отшлифованныхъ стѣнахъ порфира, и которыя считаютъ древнѣйшими письменными памятниками египетскаго Востока и даже всего земнаго шара. На этихъ каменныхъ архивахъ, Снефру, первый фараонъ, представленъ наносящимъ ударъ туземцу съ головой, украшенной птичьимъ перомъ. Далѣе, въ ряду египетскихъ царей, фигурируютъ также Шуфу (Хеопсъ), строитель большой пирамиды, и Рамзесъ II, отецъ Менефты, въ царствованіе котораго израильтяне ушли изъ Египетской земли: писаная исторія этихъ фараоновъ обнимаетъ періодъ времени болѣе пятнадцати вѣковъ [4]). Близъ Магараха, между высокихъ стѣнъ, поднимающихся на 200 метровъ, открывается широкая долина потока Уэдъ-Мокаттабъ или «Долина Писанія», прославившаяся своими graffiti и рисунками всякаго рода, которые почти всѣ выгравированы мало-опытными рѣзцами; безчисленные обдѣланные кремни, валяющіеся у основанія скалъ, повидимому, служили инструментомъ для шлифовки изваяній [1]). Большая часть надписей составлены, кажется, на арамейскомъ нарѣчіи, съ примѣсью арабскихъ словъ, и полагаютъ, что дата ихъ можетъ быть отнесена къ послѣднему столѣтію стараго лѣтосчисленія и къ первымъ временамъ христіанской эры [2]); Пальмеръ высказываетъ предположеніе, что ярмарочное поле, гдѣ собирались племена полуострова, существовало нѣкогда въ «Долинѣ Писанія». Съ той эпохи множество путешественниковъ, мусульманъ и христіанъ, тоже хотѣли увѣковѣчить свою память, вырѣзывая свое имя на полированныхъ стѣнахъ долины Уэдъ-Мокаттабъ; только почти всѣ надписи находятся на тѣневой сторонѣ: пилигримы желаютъ раздѣлить безсмертіе Сезостриса, не выставляя себя ослѣпительному свѣту и тропическому жару, которые отражаются стѣной, обращенной на югъ.

До изслѣдованій новѣйшихъ путешественниковъ, обошедшихъ полуостровъ по всѣмъ направленіямъ и открывшихъ истинную форму его рельефа, Синай представляли себѣ въ видѣ пирамидальной горы, совершенно уединенной и возвышающейся среди обширной равнины, гдѣ могли бы расположиться лагеремъ цѣлые народы. Можетъ быть, это представленіе вѣрно относительно Синая евреевъ, ибо не доказано несомнѣнно, что гора «Закона» находится въ южной области пустыни, и географы ищутъ эту гору въ пустынныхъ пространствахъ Эль-Аришъ, въ Идумеѣ или даже въ Аравіи [3]): не существуетъ никакого еврейскаго непрерывнаго преданія, относящагося къ горамъ южнаго полуострова, и израильтяне никогда не имѣли къ нимъ особеннаго почтенія. Какъ бы то ни было, массивъ, называемый нынѣ Синаемъ, представляетъ, въ цѣломъ, группу горъ, стоящихъ близко одна отъ другой и поднимающихся безъ видимаго порядка надъ переплетающейся сѣтью безчисленныхъ уади; разсматриваемая съ одной изъ вершинъ, эта область имѣетъ видъ волнующагося моря, волны котораго разнообразно сталкиваются и пересѣкаются подъ вліяніемъ противуположныхъ и кружащихся вѣтровъ. Самая возвышенная часть, которую можно разсматривать, какъ центральный узелъ, занимаетъ почти геометрическую середину полуострова: это—массивъ Джебель-Катеринъ, гдѣ видны слѣды древнихъ ледниковъ [4]). Одна гряда горъ отдѣляется отъ узла къ сѣверо-западу, чтобы образовать массивъ Сербалъ, ограниченный долиной Уади-Фейранъ; на югѣ, другая горная группа поднимаетъ свою главу почти вровень съ массивомъ Джебель-Катеринъ; далѣе тянутся другія горы,

[1]) Oscar Fraas, „Aus dem Orient".
[2]) Vambery, „Sittenbilder aus dem Morgenlande".
[3]) Geogr Ebers, „Von Gozen zu Sinai".
[4]) Lepsius, „Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien"; — De Laborde et Linant, „Voyage dans l'Arabie Petrée".

[1]) Bauermann;—Palmer, „The desert of the Exodus".
[2]) Georg Ebers, цитированное сочиненіе.
[3]) R. Burton, „Journal of the Geographical Society;"— Beke, „Sinai in Arabia".
[4]) Oscar Fraas, „Aus dem Orient".

постепенно понижающіяся къ мысу Расъ-Могамедъ. Вся восточная покатость занята лабиринтомъ высотъ, надъ которымъ господствуютъ группы, называемыя Джебель-Фарани и Абу-Месуль. Только на юго-западѣ горы являются въ формѣ правильной сіерры надъ каменистымъ, усѣяннымъ мелкимъ булыжникомъ, пространствомъ, называемымъ по преимуществу Эль-Гаахъ то-есть «Равнина». Полагаютъ, что это бывшее морское дно, постепенно приподнятое; имѣя около 300 метровъ высоты у основанія горъ, эта равнина понижается ровнымъ скатомъ къ нынѣшнему берегу моря, и покатость продолжается подъ водами Суэзскаго залива, средняя глубина котораго по срединѣ фарватера 75 метровъ. Нѣсколько островидныхъ бугровъ, какъ напримѣръ, «Рога козла», высятся тамъ и сямъ въ равнинѣ, и, слѣдуя вдоль побережья, параллельные хребты цѣпи Джебель-Габеліехъ выдвигаются въ видѣ полуострова на западѣ сѣвернаго залива, образуемаго нѣкогда бассейномъ Эль-Гаахъ.

Какой между различными пиками Синайскихъ горъ долженъ быть признанъ той вершиной, которая первая была почитаема христіанами, какъ священная гора, откуда снизошли на землю слова Закона, среди блеска молній и ударовъ грома? Въ разногласіи съ монахами, построившими свою обитель въ центрѣ массива, подлѣ самой высокой горы, большинство изслѣдователей приняли гипотезу Лепсіуса, который считаетъ истиннымъ Синаемъ Сербалъ или «Вершину Ваала» (2.046 метровъ)[1]. Впрочемъ, развалины церквей и монастырей, виднѣющіяся у сѣверной подошвы горы, остатки города Фаранъ-Фоиниконъ или «Пальмовый Фаранъ», тысячи надписей, оставленныхъ пилигримами на сосѣднихъ скалахъ въ долинѣ «Писаныхъ камней», свидѣтельствуютъ о святости, которую нѣкогда приписывали этой мѣстности. Преданіе измѣнилось только послѣ Юстиніана, когда онъ велѣлъ построить крѣпость близъ горы Джебель-Катеринъ, и когда въ сосѣдствѣ основался новый монастырь. Въ прежнія времена арабы ходили туда совершать закланіе овецъ и приносить пучки травы—самое драгоцѣнное, что̀ имъ даетъ природа[2],—но у нихъ нѣтъ никакого преданія, которое дѣлало бы изъ Сербала «Престолъ Аллаха» или «Сѣдалище Моисея»; ихъ почитаніе направлено на небольшую вершину, лежащую на сѣверо-востокѣ, Джебель-Моннейджа или «гора Бесѣды», которую они считаютъ той вершиной, гдѣ Моисей бесѣдовалъ съ Господомъ[3]). Окруженный долинами уади, лежащими ниже временныхъ потоковъ массива Джебель-Катеринъ, Сербалъ имѣетъ болѣе значительную относительную высоту, и арабы во всѣ времена видѣли въ немъ гиганта полуострова. Во всякомъ случаѣ, это—самая грандіозная гора: надъ предгорьями высоко поднимаются его голыя стѣны, перерѣзанныя пропастями и оканчивающіяся наверху гребнемъ, съ виду неприступнымъ и недосягаемымъ, разрѣзаннымъ на остроконечные шпицы и пирамиды. Однако, на него можно взобраться, и со времени Бурхардта многіе европейцы совершили восхожденіе на эту вершину. Вслѣдствіе минералогическаго явленія, довольно рѣдкаго въ гранитѣ, нѣкоторыя части Сербала изрыты естественными гротами. Кристаллы полеваго шпата расположились въ горной породѣ въ видѣ расходящихся лучей или радіусовъ, и, будучи первые подвержены разрушительному дѣйствію времени, они, вывѣтриваясь, оставляютъ послѣ себя глубокія впадины, которыми и воспользовались отшельники, чтобы сдѣлать изъ нихъ себѣ жилища. Обыкновенно вѣрующіе смотрятъ на эти пещеры, какъ на дѣло рукъ самихъ пустынниковъ, но въ дѣйствительности почти вся работа исполнена тутъ природой. Человѣку оставалось только дополнить внутреннее устройство естественныхъ пещеръ нужными ему приспособленіями, высѣкая въ камнѣ грубыя скамейки и алтари[1]).

На склонахъ Сербала часто случается слышать сильные звуки, издаваемые кристаллическими песками, находящимися въ движеніи. Одинъ узкій проходъ этой горы, наклоненный въ направленіи къ западу и имѣющій около 15 метровъ въ ширину, наполненъ измельченными обломками кварцевыхъ стѣнъ. Туземцы называютъ этотъ корридоръ Джебель-Накусъ или «Колокольной горой», потому что такъ слышенъ, говорятъ бедуины, звонъ колоколовъ монастыря — призрака, разгуливающаго во внутренности Сербала. Путешественникъ слышитъ чарующіе звуки, то слабые, какъ будто отдаленная игра на флейтѣ, то сильнѣе, словно звуки близкаго органа. Смотря по степени солнечнаго зноя, влажности воздуха и земли, количеству отдѣляющагося отъ скалы песка, силѣ бризы, ускоряющей или замедляющей распространеніе звуковъ, музыка кажется гармоническимъ вздохомъ или ревущимъ голосомъ горы[2]). Другой Джебель-Накусъ (Нагусъ) находится въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Тора, на южной оконечности цѣпи Джебель-Габеліяхъ: это—тоже монастырь, гласитъ легенда, и колоколъ его регулярно каждый день звонитъ къ вечернѣ[3]).

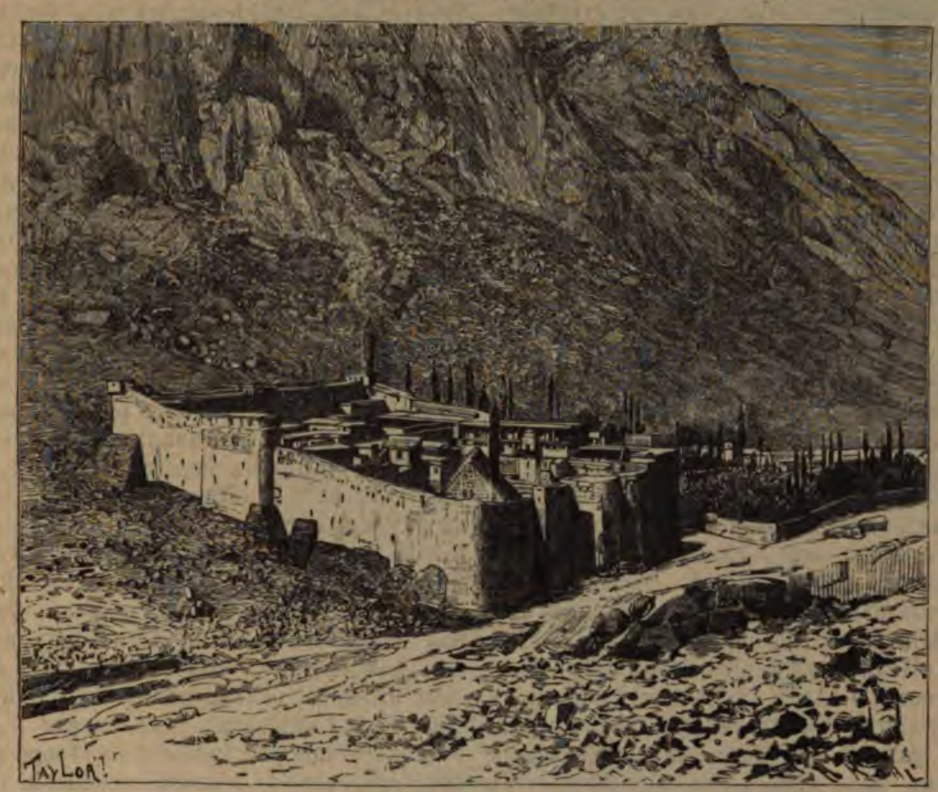
Джебель-Катеринъ, высочайшая вершина Синайской группы (2.599 метровъ), поднимаетъ уже свою гранитную макушку въ область зимнихъ изморозей; въ декабрѣ путе-

---

[1]) Oscar Fraas, цитированное сочиненіе.
[2]) Burckhardt, „Travels in Syria".
[3]) Georg Ebers, цитированное сочиненіе.

[1]) Oscar Fraas, цитированное сочиненіе.
[2]) Holland; — Holinski, рукописныя замѣтки.
[3]) Charles Didier, „Visite au Grand Ghérief de la Mecque; — Palmer, „The Desert of the Exodus".

шественникъ Пальмеръ спалъ тамъ на снѣгу. Съ этой высокой обсерваторіи видишь у себя подъ ногами безконечную дорогу, начертанную узкими долинами временныхъ потоковъ или уади полуострова, и берега двухъ заливовъ; вдали показываются даже горы Африки. На востокѣ Умъ-Алови, «Мать вершинъ», высится почти уединенно: не есть ли это древняя Джебель-Элохимъ или «Божія гора» [1])? На югѣ, Умъ-Шомеръ или «Мать укропа» всего только на нѣсколько метровъ ниже горы Джебель-Катеринъ; гора Тхебтъ, километрахъ въ тридцати дальше къ оконечности полуострова, есть также одна изъ высокихъ вершинъ синайской группы; но другія вершины гораздо ниже. Джебель-Муса или «Моисеева гора», которую монахи сосѣдняго монастыря считаютъ той самой вершиной, гдѣ былъ данъ Законъ евреямъ, поднимается только на 2.243 метра. Этотъ пикъ и его близнецъ — вершина Расъ-Сафсафе или «Гора ивы», возвышающаяся сѣвернѣе, господствуютъ надъ узкой долиной, притокомъ долины Уади-эдъ-Дейръ, на краю которой группируются строенія монастыря св. великомученицы Екатерины (1.530 метровъ), окруженныя высокой каменной стѣной; еще недавно внутрь монастырской ограды можно было проникнуть не иначе, какъ въ корзинѣ, поднимаемой на веревкахъ. Община, защищаемая мнимымъ фирманомъ Магомета, могла держаться въ теченіе вѣковъ подъ магометанскимъ владычествомъ только подъ условіемъ, чтобы была построена мечеть рядомъ съ церковью [1]). Монастырь этотъ очень богатъ: его пальмовыя рощи разсѣяны въ разныхъ оазисахъ полуострова, и даже на островахъ Критѣ и Кипрѣ онъ владѣетъ значительными недвижимыми имуществами. Монахи обладали нѣсколькими драгоцѣнными рукописями, которыя теперь находятся въ Петербургѣ [2]). По мнѣнію туземцевъ бедуиновъ, эти иноки держатъ въ своихъ рукахъ дождь и вёдро посредствомъ книги Торы; священныя письмена открываютъ или запираютъ водяныя врата въ тверди небесной [3]). Мѣсто священное для христіанъ и магометанъ, Моисеева гора есть средоточіе цикла легендъ, относящихся не только къ законодателю евреевъ и къ странствованіямъ двѣнадцати колѣнъ израилевыхъ въ пустынѣ, но также ко всѣмъ патріархамъ, святымъ и пророкамъ.



Синайскій монастырь.

Параллельныя складки горъ Сиріи, возвышаясь къ серединѣ своего протяженія въ видѣ двухъ симметрическихъ валовъ, Ливана и Ан-

[1]) Holland, „On the Peninsula of Sinaï“.

[1]) Oscar Fraas, „Aus dem Orient“;—Lenoir, „Le Fayoum, le Sinaï et Petra“.

[2]) Lenoir, цитированное сочиненіе.

[3]) Burckhardt, „Travels in Syria“; — Georg Ebers, „Durch Gozen zum Sinaï“.

ти-Ливана, придали соотвѣтственную форму рѣкамъ промежуточныхъ бороздъ. Длинное пониженіе почвы, ограничиваемое краевыми горами запада, дѣлится на двѣ покатости, изъ которыхъ одна наклонена къ сѣверу, а другая къ югу; съ одной стороны текутъ воды Оронта, которыя соединяются съ водами Александретскаго залива; съ другой, изливается Іорданъ, проходящій послѣдовательно черезъ два озера, прежде чѣмъ потеряться въ Мертвомъ морѣ. Вправо и влѣво отъ этой срединной впадины, параллельной берегу Средиземнаго моря, постоянныя рѣки и временные потоки или уади не имѣютъ достаточнаго пространства, чтобы соединиться въ бассейны значительнаго протяженія. Рѣки западной покатости впадаютъ въ Средиземное море тотчасъ же по выходѣ изъ своихъ дефилеевъ; потоки восточной покатости изсякаютъ при входѣ въ пустыню. Высота Ливана и Анти-Ливана, позволяющая имъ задерживать на проходѣ влажные морскіе вѣтры, и пещеристое свойство ихъ горныхъ породъ, въ которыхъ вода циркулируетъ въ подземныхъ водопроводахъ, объясняютъ наибольшее обиліе рѣкъ, текущихъ съ этихъ хребтовъ, съ одной стороны къ Средиземному морю, съ другой къ пустыннымъ равнинамъ. Между сирійскими притоками моря самый значительный послѣ Оронта,—Лейтани; съ другой стороны, изъ всѣхъ уади наибольшее количество воды катитъ къ восточнымъ степямъ рѣка Барада. Но обѣ эти рѣки, Лейтани и Барада, получаютъ начало въ той же области, какъ Оронтъ и Іорданъ. Общія черты сирійской гидрографіи представляютъ образъ креста: Оронтъ и Іорданъ составляютъ стволъ его, а Лейтани и Барада—вѣтви. Невысокіе пороги равнины Эль-Бекая или «Низменной Сиріи (Келе-Сиріи), между Ливаномъ и Анти-Ливаномъ, образуютъ общій хребетъ страны, центръ расхожденія водъ въ разныя стороны. Близъ пересѣченія бассейновъ находится, на сѣверо-западныхъ скатахъ Гермона, маленькій замкнутый бассейнъ Кефръ-кука. По мнѣнію туземцевъ, скопляющаяся въ этомъ бассейнѣ вода даетъ начало одному изъ источниковъ Іордана [1]).

Оронтъ извѣстенъ у сирійцевъ подъ именемъ Нахръ-эль-Аси или «Непокорной рѣки», даннымъ ему либо потому, что его «нечестивый» потокъ бѣжитъ въ сторону, противуположную Меккѣ, либо по причинѣ его крутыхъ поворотовъ, либо, какъ говоритъ Абульфеда, потому, что онъ течетъ между высокихъ береговъ, въ глубокомъ руслѣ, гдѣ трудно черпать воду для орошенія полей и садовъ. Онъ беретъ начало на западномъ склонѣ Анти-Ливана, въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ Бальбека; но первыя его воды, доставляемыя таяніемъ снѣговъ, неправильны въ своемъ стокѣ; туземцы видятъ истинный истокъ рѣки въ бассейнѣ постоянной воды, находящемся въ 35 километрахъ ниже первыхъ овраговъ. Въ этомъ мѣстѣ скала открывается въ формѣ воронки, и изъ отверстія камня, окруженнаго мелкимъ кустарникомъ, вытекаетъ значительный ручей, къ которому тотчасъ же присоединяется верхній потокъ; стѣны скалы, господствующія надъ источникомъ съ южной стороны, изрыты пещерами, гдѣ будто бы жилъ Маронъ, легендарный основатель маронитской секты; оттого и самый родникъ получилъ названіе Магхаратъ-эръ-Рахибъ или «Вертепъ отшельника». Ниже, Нахръ-эль-Аси встрѣчаетъ много препятствій, замедляющихъ его теченіе и заставляющихъ воды разливаться по сторонамъ въ видѣ озеръ и болотъ. Выше Гомса, онъ образуетъ обширное озеро, простирающееся, въ среднемъ, на пространствѣ слишкомъ 50 квадр. километровъ, благодаря римской плотинѣ [1]), поднимающей уровень болѣе, чѣмъ на 3 метра; ниже, подъ Гамахомъ, онъ тоже разливается въ прибрежныя болота, остатокъ другаго озера, образующагося отъ запруды, построенной близъ Апамеи, нынѣ Калатъ-эль-Медикъ; наконецъ, онъ огибаетъ предгорья массива Казій и омываетъ стѣны Антіохіи; но прежде чѣмъ излиться въ Средиземное море, онъ спускается быстринами по подводнымъ камнямъ, остаткамъ порога изъ скалъ, который нѣкогда заставлялъ воды течь обратно кверху и задерживалъ ихъ въ видѣ большаго озера. На мѣстѣ древняго внутренняго моря теперь простирается обширная затопленная равнина, высотой около 40 метровъ, центральная впадина которой извѣстна подъ именемъ Акъ-Денизъ или «Бѣлое море». Эта болотистая площадь, окаймленная камышами, гдѣ скрываются миріадами утки, чирки и другая водяная птица, разстилается на сѣверо-востокъ отъ Антіохіи, у южнаго основанія хребта Аманъ. Она получаетъ нѣсколько ручьевъ, изъ которыхъ важнѣйшіе суть Нахръ- Афринъ и лѣнивый потокъ, называемый Кара-су, «Черная вода», какъ многіе другіе истоки болотистыхъ бассейновъ. Амку, какъ называется равнина Антіохійскаго озера, грозитъ опасность скоро превратиться въ огромное болото, такъ какъ водосливъ озера загражденъ и приподнятъ на 4 метра двумя запрудами, построенными для ловли угрей [2]). Устье Оронта во всѣ времена считалось сѣверной границей Сиріи: глубокая впадина, составляющая географическую границу, есть въ то же время и граница расъ: ни курды, ни туркмены не переходятъ ее; она же образуетъ приблизительно раздѣль-

---

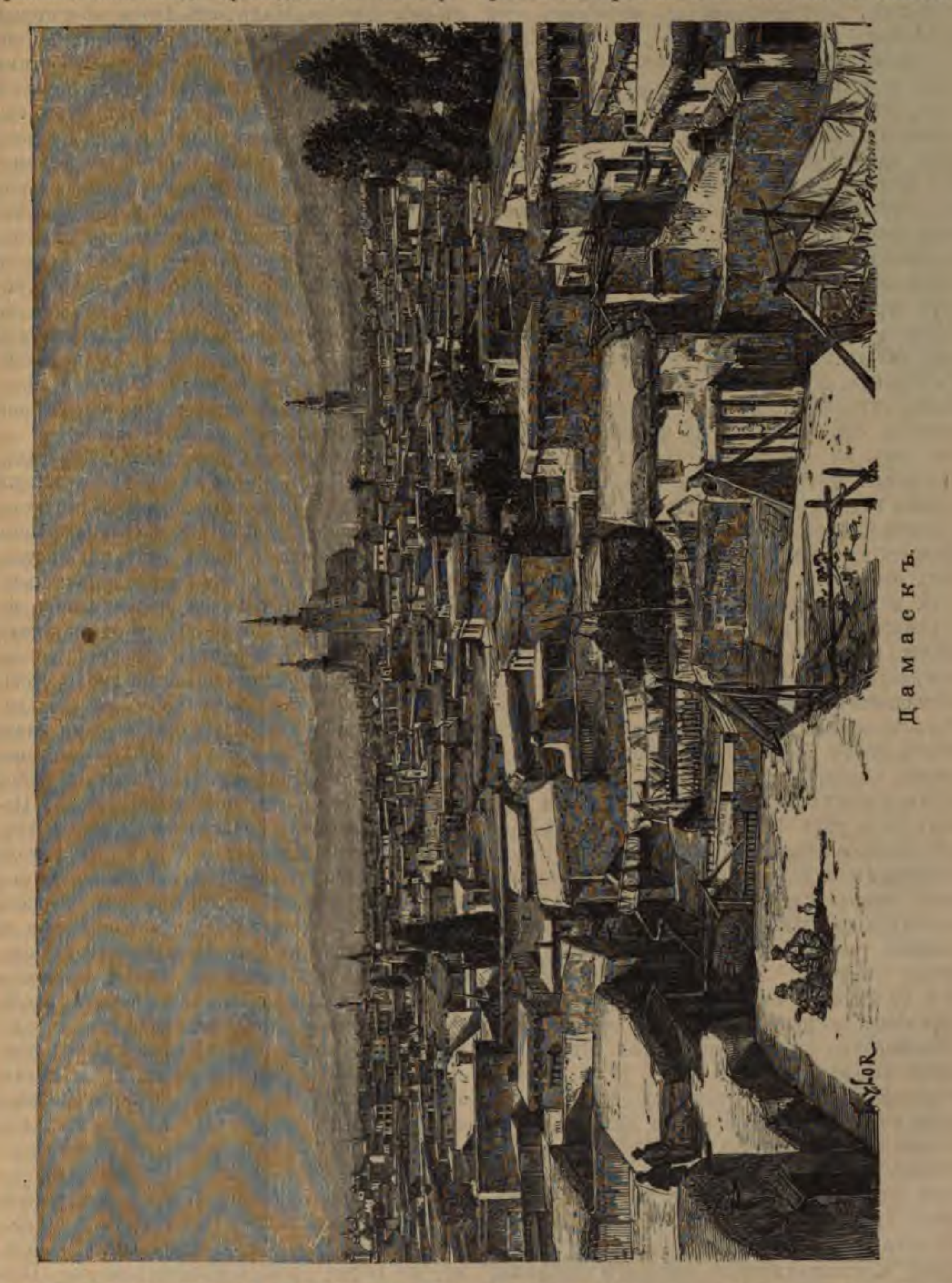
[1]) Michaud et Poujoulat, „Correspondance d'Orient"; — G. Rey, рукописныя замѣтки.

[1]) Conder, „Palestine Exploration fund", july 1881; — Ernest Chantre, рукописныя замѣтки.

[2]) G. Rey; — Sejourné; Chantre, рукописныя замѣтки.

ный поясъ между двумя языками, арабскимъ и турецкимъ.

На востокъ отъ Оронта, всѣ потоки, до евфратской покатости, принадлежатъ замкнутымъ бассейнамъ. Таковы рѣка Ковеикъ (Куаикъ), берущая начало близъ Аинтаба и текущая съ сѣвера на югъ, теряясь, наконецъ, за Алеппо въ болотѣ, размѣры котораго измѣняются, смотря по обилію дождей и орошенію, и Нахръ-эль-Дахабъ, рѣка параллельная Ковеику и питающая большую *с бх ι* Джабуль, соляное озеро, берега котораго окаймлены бахрамой изъ кристаллическихъ плитъ. Возможно, что эти рѣки съ замкнутымъ бассейномъ были нѣкогда притоками Евфрата; цѣпь болотъ есть, можетъ быть, остатокъ древняго рѣчнаго русла, которое изгибалось къ востоку, у основанія небольшой цѣпи скалъ, соединялось съ



Дамаскъ.

главной рѣкой въ сосѣдствѣ Балиса. Въ наши дни, наоборотъ,—одинъ притокъ Евфрата сдѣлался данникомъ Алеппской рѣки: подземная галлерея, прорытая въ тринадцатомъ столѣтіи и недавно реставрированная, приноситъ этой рѣкѣ часть водъ Саджура [1]).

Дамасская рѣка, въ древности Хризороасъ или «Золотая рѣка», тоже теряется въ болотахъ, какъ и Алеппская. Образуясь изъ двухъ главныхъ притоковъ, изъ которыхъ одинъ беретъ начало на восточной, а другой на западной сторонѣ Джебель-Зебдани, высокаго гребня Анти-Ливана, эта рѣка вытекаетъ изъ древняго озера и проходитъ эти горы глубокими вырѣзами, гдѣ слышенъ ревъ водъ, часто невидимыхъ между высокихъ стѣнъ. Но въ глазахъ сирійцевъ этотъ дикій потокъ, спускающійся съ Анти-Ливана, есть не болѣе, какъ притокъ тихаго и при томъ болѣе обильнаго ручья, выходящаго изъ наполненной голубой водой пропасти, глубина которой еще не измѣрена. Это родникъ Эль-Фиджехъ, на восточной отлогости горъ: въ народной географіи постоянный источникъ всегда считается «головой или началомъ воды»; тамъ воздвигались нимфеумы, и совершались религіозныя празднества. Водопроводъ принималъ ручей Фиджехъ и приносилъ его прямо въ Дамаскъ: въ наши дни чистая вода смѣшивается съ молочной волной верхняго потока и изъ ущелья въ ущелье спускается вмѣстѣ съ ней къ равнинѣ. Выше садовъ, она раздѣляется на ирригаціонные каналы, развѣтвляющіеся среди воздѣланныхъ земель; затѣмъ сточныя воды снова собираются въ болотистыхъ лугахъ. Когда нѣсколько годовъ подъ рядъ стоитъ сырое, дождливое лѣто, вода Барады и отведенныхъ изъ нея каналовъ, такъ же, какъ воды рѣки Фарфаръ или Нахръ-эль-Аруадъ, спускающейся съ Гермона, разливаются обширными площадями, обозначаемыми даже именемъ «озеръ» или «морей»; но эти такъ называемыя озера, которыя доставили восточнымъ поэтамъ такія блестящія сравненія, эти «голубые сапфиры, обрамленные изумрудами», суть не что иное, какъ печальныя равнины, попеременно то покрытыя водой, то обсохшія. Обыкновенно бываетъ послѣднее. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ путешественникъ не находитъ тамъ другой воды, кромѣ воды колодцевъ, выкопанныхъ арабами. Тамъ и сямъ маленькія болота показываются въ ложбинахъ и чащахъ тростника, гдѣ устраиваютъ свои логовища дикія свиньи; въ другихъ мѣстахъ бывшій берегъ обозначенъ только линіями тамарисковъ. Соляной налетъ покрываетъ почву и, смѣшенный съ пескомъ и обломками раковинъ, разносится вѣтромъ далеко по равнинѣ [2]).

[1]) См. выше.
[2]) Richard Burton, «Unexplored Syria».

На западной отлогости Ливана рѣки часто регулируются подземными водами, текущими подъ известковыми пластами горъ. Такъ, Нахръ-эль-Кебиръ или «Великая рѣка» принимаетъ въ себя притокъ, Нахръ-эль-Арусъ, въ который впадаетъ перемежающійся ручей, Нахръ-Себти или «Рѣка седьмаго дня»: это—«Субботная рѣка» Іосифа. По преданію, несогласному съ дѣйствительностью, этотъ источникъ, будто бы, изсякаетъ въ продолженіе шести дней и течетъ только въ седьмой день, въ пятницу—по вѣрованію мусульманъ, въ субботу—по вѣрованію евреевъ. Въ дѣйствительности, перемежки менѣе правильны, и продолжительность ихъ измѣняется, смотря по влажности или сухости года; обыкновенно теченіе ручья Нахръ-Себти возобновляется черезъ каждые два дня на третій [1]). Къ югу оттуда, «Нахръ-Кадиша» или «Святая рѣка» получаетъ воды съ высочайшихъ вершинъ Ливана, съ Тимаруна и Махмала: это «Райская рѣка», и одно изъ селеній въ ея бассейнѣ носитъ названіе Эдема.

Другая полноводная рѣка, Нахръ-Ибрагимъ, въ большей части своего теченія—подземный потокъ. Она беретъ начало на восточномъ склонѣ Ливана и течетъ въ разсѣлинахъ подъ горой, чтобы снова появиться въ видѣ источника на покатости Средиземнаго моря: явленіе, подобное тому, какое представляетъ западная Гаронна, которая образуется изъ тающихъ снѣговъ Маладетты и низвергается въ пропасть, называемую «Воловьей ямой», чтобы выступить затѣмъ на поверхность, нѣсколькими километрами сѣвернѣе и 600 метрами ниже, въ видѣ бьющаго изъ земли ключа, называемаго «Goueil de Djouéou». Но верхній ручей Нахръ-Ибрагима не постоянный потокъ. Пещера истока, находящаяся близъ деревни Ямуне, пересыхаетъ къ концу лѣта и въ началѣ осени; теченіе его перемежающееся; когда онъ появляется, что̀ бываетъ почти всегда около 8 марта, вода выбрасывается изъ отверстія въ видѣ «изверженія»; онъ образуетъ тогда большой ручей, выходящій изъ скалы шумнымъ каскадомъ и бѣгущій въ каменистомъ руслѣ, къ глубокой воронкѣ, называемой «пропастью» или *балау*. Весной, когда таяніе снѣговъ увеличиваетъ объемъ жидкой массы, скрытыя галлереи оказываются недостаточно широкими, чтобы вмѣстить всю низвергающуюся въ нихъ воду: воронка при селеніи Ямуне быстро выходитъ изъ береговъ, и вся окружающая котловина наполняется водой: на мѣстѣ каменистой, покрытой булыжникомъ, равнины видишь озеро, имѣющее отъ 3 до 4 километровъ въ длину, по Борте—даже 6 километровъ, по Бертону и Теруитту Дреку—и 1.800 метровъ въ ширину. Павелъ Лукасъ говоритъ, что озеро было недавняго образованія, во время его пу-

[1]) Robinson, «Physical Geography of the Holy Land».

тешествія, въ семнадцатомъ столѣтіи: на днѣ виднѣлись еще остатки поглощеннаго водами города; купаясь, онъ отдыхалъ на террасѣ потопленнаго дома и могъ изслѣдовать развалины города, который, по его словамъ, былъ «красивъ и хорошо построенъ». До 1870 года, озеро Ямуне, хотя подвергавшееся большимъ колебаніямъ уровня, никогда, говорятъ, не исчезало совершенно, благодаря толстымъ слоямъ грязи, покрывавшимъ дно впадины и залѣплявшимъ всѣ его щели. Когда же прибрежные жители, убравъ этотъ илъ, открыли такимъ образомъ подземные шлюзы, озеро вдругъ понизилось и, наконецъ, совсѣмъ исчезло [1]); съ тѣхъ поръ оно имѣетъ временное существованіе. Къ югу отъ Ямуне, другое озеро, Легмія, тоже безъ видимаго истока, вѣроятно, также имѣетъ скрытые истоки, вода которыхъ вновь появляется въ видѣ ключей на западной покатости Ливана. Подземныя воды населены очень маленькой рыбкой, *phoxinillus Libani*, которая выливается изъ воронки Ямуне вмѣстѣ съ выходящей изъ береговъ жидкой массой [2]).

Средняя высота озера Ямуне исчисляется въ 1.375 метровъ, а воды, вновь появляющіяся на поверхности на западѣ, по другую сторону массива Джебель-Мнеитри, вытекаютъ въ мѣстѣ, лежащемъ на 150 слишкомъ метровъ ниже воронки, черезъ которую онѣ уходятъ. Одинъ изъ источниковъ, называемый Акурой, бьетъ ключемъ на днѣ обширнаго цирка, открывающагося непосредственно на западѣ отъ озера Ямуне; самый обильный, извѣстный спеціально подъ именемъ Мара или «Пещера», беретъ начало гораздо южнѣе, въ высокой долинѣ Афка, у западнаго основанія хребта, господствующаго надъ озеромъ Легмія. Ливанскій Воклюзъ—одно изъ грандіозныхъ мѣстоположеній Сиріи. Вокругъ источника развертывается обширный амфитеатръ скалъ въ шестьсотъ или семьсотъ метровъ высоты; мѣловыя стѣны, почти вертикальныя, представляютъ лишь скудную растительность кустарниковъ, выходящихъ изъ разсѣлинъ пучками, но мѣстами скала разрѣзана въ видѣ ступеней, на которыхъ растутъ сосны и можжевельникъ: бѣлая стѣна опоясана до самой вершины полукругами зелени. При основаніи восточной стѣны открывается пещера, почти четыреугольная, около 60 метровъ въ ширину и вышину, откуда вытекаетъ прозрачная, какъ хрусталь, вода, спускающаяся шумящими каскадами. Ниже стараго моста, потокъ снова низвергается тремя водопадами, до такой степени правильными, что можно подумать, будто пласты скалъ высѣчены рукой человѣка [3]). Большія деревья свѣсились надъ чистой водой, гдѣ отражалась фигура Адониса, когда Венера, говоритъ легенда, влюбилась въ молодаго охотника. Рѣка, вытекающая изъ пещеры Афка и впадающая въ Средиземное море въ 6 километрахъ къ югу отъ Джебайла, древняго Библоса, такъ и называлась у финикіянъ и грековъ Адонисомъ; магометане и евреи, отвергая языческое преданіе, дали священной рѣкѣ имя своего патріарха Авраама. Адонисъ превратился въ Нахръ-Ибрагима, храмъ Венеры, стоявшій на мысѣ надъ источникомъ, разрушенъ, но окрестные поселяне и теперь еще, въ годовщины древнихъ празднествъ, привязываютъ лоскутки къ кустамъ, растущимъ между камней. Каждый годъ, послѣ сезона дождей, воды Нахръ-Ибрагима, насыщенныя иломъ, принимаютъ красноватый цвѣтъ, и море окрашивается на далекое пространство. Эта глина была кровь Адониса, растерзаннаго зубомъ вепря. Нахръ-эль-Кельбъ или «рѣка собаки», называемая древними Ликусъ или «рѣка волка», изливается въ море къ сѣверу отъ Бейрута и питаетъ этотъ большой городъ своими водами; очень замѣчательный, какъ и Адонисъ, гротами, аркадами, воронкообразными впадинами своего бассейна, онъ вытекаетъ изъ глубокой пещеры, гдѣ слышенъ ревъ водъ: отсюда, можетъ быть, и самое имя рѣки. Англійскіе инженеры, перехватившіе этотъ потокъ, чтобы провести его въ Бейрутъ, проникли до разстоянія 1.200 метровъ въ подземной галлереѣ, оглашаемой шумомъ каскадовъ.

Леонтесъ, большая рѣка, въ сравненіи съ Адонисомъ, зарождается на сѣверъ отъ Бальбека, въ нѣсколькихъ стахъ метровъ отъ первыхъ горныхъ ручьевъ, спускающихся къ Оронту; но, какъ и для всѣхъ другихъ сирійскихъ рѣкъ, происхожденіе этой рѣки ищутъ не въ верхнихъ ручьяхъ, часто безводныхъ, но въ главномъ источникѣ верхняго бассейна. Главный ключъ, перемежающійся водометъ, который считаютъ истиннымъ Леонтесомъ, или Нахръ-эль-Лейтани, бьетъ изъ земли въ одномъ ущельѣ Анти-Ливана, верстахъ въ 25 къ югу отъ Бальбека; въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ ручей соединяется съ ручьемъ равнины, онъ гораздо полноводнѣе послѣдняго. Усиливаемый тысячью источниковъ, ручьевъ и ручейковъ, которые съ Ливана и Анти-Ливана посылаютъ ему свои струи, Лейтани, который катитъ, среднимъ числомъ, 143 кубическ. метровъ въ минуту [1]), казалось бы, долженъ продолжать свое теченіе въ означенномъ направленіи, слѣдуя вдоль основанія Анти-Ливана и его продолженія, Гермона. Вѣроятно, когда-то въ давнія времена южныя воды Келе-Сиріи въ самомъ дѣлѣ изливались въ долину, по которой теперь протекаетъ Іорданъ; но разсѣлина въ горахъ

[1]) Burton and Turwhitt Drake, цитированное сочиненіе.
[2]) Lortet, „Tour du Monde“, 2-e semestre 1882.
[3]) Lortet, „La Syrie d'aujourd'hui“;—de Vogüé, „Revue des Deux Mondes“, 15 janvier.

[1]) Messedaglia, „Esploratore», 1880, № 3.

позволила Леонтесу перейти Ливанъ и направиться къ Средиземному морю. Долина дѣлается глубже и превращается въ ущелье; справа и слѣва высятся стѣны горъ. Подъ террасой, на которой расположена деревня Ягмуръ, пропасти, между которыми скользитъ пѣнящаяся рѣка, имѣютъ слишкомъ 300 метровъ въ глубину; каменныя глыбы, упавшія съ карнизовъ утеса, остановились на выступахъ стѣнъ, надъ бѣгущимъ внизу потокомъ, и образуютъ естественный мостъ, обросшій кустарникомъ [1]). За ягмурской тѣнистой слѣдуетъ рядъ другихъ ущелій; ничто не указываетъ трещины, гдѣ течетъ ручей—такъ хорошо соотвѣтствуютъ волнообразныя повышенія и пониженія почвы того и другаго склона; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ щель такъ узка, что деревья, растущія на двухъ противуположныхъ берегахъ, переплетаются своими вѣтвями; смѣльчакъ могъ бы пройти потокъ по этому воздушному мосту. Грозный средневѣковой замокъ, Бофоръ (Beaufort) или Касгатъ-эшъ-Шукифъ, вновь отстроенный во второй половинѣ двѣнадцатаго столѣтія однимъ сеньоромъ изъ Саглетты [2]), высится на вершинѣ гребня западнаго утеса. Въ 3-хъ километрахъ ниже этой разрушенной крѣпости, крутой поворотъ рѣки указываетъ конецъ ущелья, перерѣзывающаго Ливанъ. Нахръ-эль-Лейтани, извѣстный съ этихъ поръ подъ именемъ Нахръ-Касиміе или «рѣка раздѣла», течетъ прямо на западъ и изливается въ море въ семи или восьми километрахъ къ сѣверу отъ Тирскаго полуострова.

Выше этой пограничной рѣки, въ Галилеѣ и Палестинѣ есть лишь небольшіе потоки: самый значительный изъ нихъ, не по длинѣ теченія, но по обилію водной массы—Ауджеххъ, который беретъ начало въ одномъ болотѣ равнины, и послѣ пятнадцативерстнаго теченія достигаетъ моря на сѣверѣ отъ города Яффы; онъ переходимъ въ бродъ только на небольшомъ числѣ пунктовъ. Нѣкоторые подземные потоки изливаются въ Средиземное море уже за чертой берега, какъ напримѣръ, Арадскіе источники, которые бьютъ ключемъ на днѣ въ портѣ, и которые позволяли островитянамъ насмѣхаться надъ усиліями враговъ, надѣявшихся принудить ихъ къ сдачѣ недостаткомъ воды [3]). Большинство рѣкъ Палестины, спускающихся къ Средиземному морю, задерживается въ устьяхъ песками, которые дѣйствіемъ морскихъ волнъ накопляются въ видѣ дюнъ вдоль берега. Гонимый вѣтромъ, почти постоянно дующимъ съ запада, песокъ подвигается мало-по-малу къ внутренности материка. На берегахъ собственно такъ называемой «Филистимэской земли», между Яффой и Газой, онъ подвигается впередъ, среднимъ числомъ, на одинъ метръ въ годъ [1]). На югѣ, на границѣ съ Египтомъ, пески, отбрасываемые морской зыбью и омываемые береговымъ теченіемъ, образовали прибрежный кордонъ, который отдѣляетъ отъ открытаго моря обширную лагуну, называемую Себха-Бердауйль. Это—древнее озеро Сербонисъ, часто почти высыхающее, гдѣ, по мнѣнію Бругша, совершился переходъ евреевъ, преслѣдуемыхъ фараономъ [2]). Іорданъ, то-есть, на древнееврейскомъ языкѣ, «Потокъ» или «Рѣка» по преимуществу,—единственная въ свѣтѣ рѣка по глубинѣ своей долины относительно уровня моря. Почти на всемъ протяженіи, между болотистымъ бассейномъ «Меромскихъ водъ» и Мертвымъ моремъ, онъ течетъ по дну глубокой впадины Гхоръ или Хоръ, лежащей ниже поверхности Средиземнаго моря, и въ южной части долины разность уровней не многимъ менѣе 400 метровъ. Низменность Хоръ составляетъ продолженіе борозды Бекаа, между Ливаномъ и Анти-Ливаномъ; но въ точкѣ соединенія, обозначенной складками почвы на западѣ отъ Гермона, длинная продольная долина мѣняетъ направленіе: тогда какъ Лейтани течетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, параллельно Ливану и побережью Средиземнаго моря, впадина Хоръ продолжается прямо на югъ, удаляясь все болѣе и болѣе отъ береговъ Палестины, которые, описывая большую правильную кривую, соединяются съ берегами Египта.

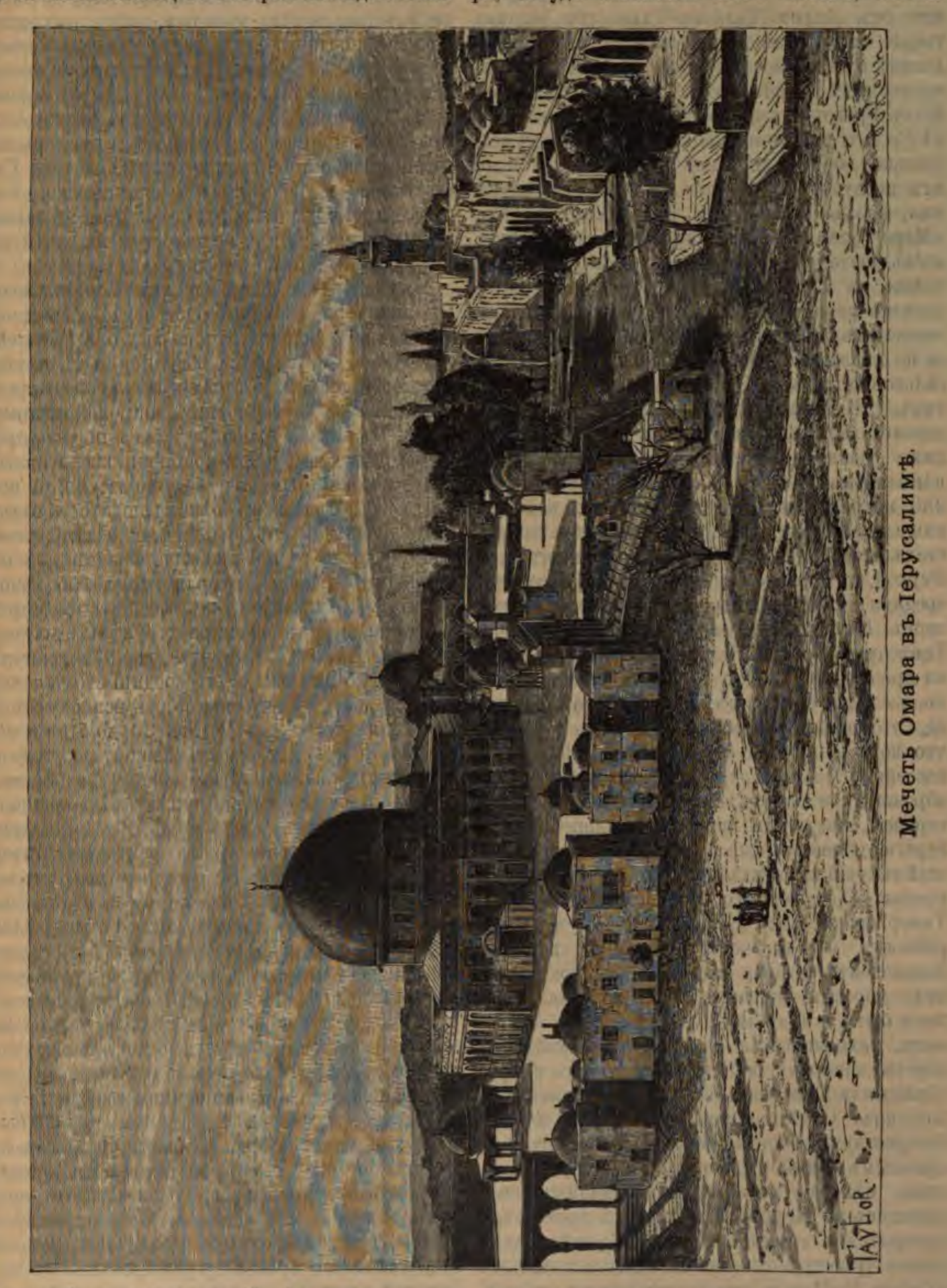
Подобно другимъ потокамъ Сиріи: Оронту Леонтесу и Дамасской рѣкѣ, Іорданъ считается получающимъ начало тамъ, гдѣ обильные родники даютъ ему постоянное теченіе. Верхніе ручьи, иногда катящіе значительную массу воды, но часто пересыхающіе, которые зарождаются въ сѣверныхъ долинахъ Уади-этъ-Тейма, передовой террасы Гермона, не признаются за Іорданъ; рѣка начинается только близъ Газбеи могучимъ ключомъ, задерживаемымъ плотиною на прудѣ. Вытекающій изъ пруда ручей, Нахръ-эль-Гасбани, спускается на югъ, вырывая себѣ узкое и глубокое ущелье чрезъ потокъ лавы: это—западный Іорданъ.

Бугоръ, лежащій въ 25 километрахъ южнѣе, въ мѣстѣ соприкасанія известняковъ и базальтовъ Тель-эль-Кади, даетъ начало одному изъ величайшихъ въ свѣтѣ ключей [3]), который разливается сначала въ пещерѣ, затѣмъ спускается водопадами чрезъ большіе камни, нагроможденные у входа. Другой родникъ, менѣе обильный, зарождается въ верхней котловинѣ и приводитъ въ движеніе колеса нѣсколькихъ мельницъ; эти два источника суть истоки центральнаго Іорда-

[1]) E. Robinson, „Physical Geography of the Holy Land“;—„Biblical Researches“.
[2]) G. Rey, „Architecture militaire des Croisés“.
[3]) Fellows, „Travels in Lycia“;—Gaillardot;—Renan, „*Mission en Phénicie*“.

[1]) Volney, „Voyage en Syrie et en Egypte“;—Conder, „Tent-work in Palestine;—Warren „Palestine Exploration fund“, april 1874.
[2]) G. Ebers, „Durch Gozen zum Sinai“.
[3]) Robinson, цитированное сочиненіе.

на или Нахръ-эль-Леддана и въ то же время первыя текучія воды собственно Палестины, такъ какъ холмъ Тель-эль-Кади, кажется, именно та самая высота, на которой нѣкогда стоялъ



Мечеть Омара въ Іерусалимѣ.

городъ Данъ, составлявшій сѣверную границу Обѣтованной Земли; имя Ледданъ, данное среднему Іордану, образовалось, безъ сомнѣнія, изъ слова Эдъ-Данъ или рѣка «Дана». Наконецъ, третій Іорданъ, самый знаменитый, но не самый полноводный, беретъ начало на востокѣ въ ущельѣ Баніасъ, у подошвы крутыхъ скалъ, возвышающихся почти на 40 метровъ. Пещера, откуда изливался этотъ потокъ, частью обрушилась, и обломки обвала раздѣляютъ водную массу на тысячу пѣнящихся водометовъ, которые соединяются въ ручьи между береговъ, окаймленныхъ олеандрами и усѣянныхъ античными развалинами. Часовня св. Георгія смѣ-

нила, послѣ пещеры Іордана, храмъ Августа, которому предшествовало другое, болѣе древнее языческое святилище.

По соединеніи въ 8 или 10 километрахъ къ югу отъ холма Тель-эль-Кади, три Іордана текутъ извилистой линіей на югъ въ широкой долинѣ и скоро исчезаютъ въ цѣломъ лѣсѣ папирусовыхъ тростниковъ, гдѣ изслѣдователь Макъ-Грегоръ открылъ себѣ проходъ на баркѣ [1]. Эти тростники занимаютъ поясъ въ нѣсколько верстъ шириной и продолжаются на югъ неглубокимъ озеромъ «Меромскими водами», называемыми нынѣ Бахръ-эль-Гуле или «Море Гуле». По нивеллировкамъ англійскихъ изслѣдователей, поверхность этого бассейна только на 2 метра выше поверхности Средиземнаго моря. По выходѣ изъ озера, Іорданъ течетъ сначала медленно, затѣмъ быстро катится по наклонной плоскости долины, между базальтовыхъ стѣнъ. Въ 40 километрахъ къ югу, тамъ, гдѣ онъ изливается въ бассейнъ Тиверіадскаго озера, онъ уже лежитъ на 208 метровъ ниже уровня Средиземнаго моря, и впадина, наполняемая этимъ озеромъ, залегаетъ еще на 250 метровъ ниже: такова глубина, которую нашелъ г. Лорте, драгируя ложе озера въ мѣстахъ, сосѣднихъ съ Уади-эсъ-Семакомъ или Феркой, въ сѣверо-западной части бассейна; средняя толщина жидкаго слоя около 40 метровъ. Тиверіадское озеро, въ древности море Генисаретское или Галилейское, простирается на пространствѣ около 1.750 кв. километровъ; но, изслѣдуя его берега, безъ труда убѣждаешься, что прежде уровень озера былъ выше, и что воды занимали гораздо болѣе обширный бассейнъ. По всей окружности холмовъ, однообразныхъ и голыхъ, слѣдуютъ одна за другой террасы, покрытыя валунами, бывшіе плоскіе берега, образованные отступленіемъ водъ. Самый высокій изъ этихъ береговъ соотвѣтствуетъ уровню Средиземнаго моря. Вѣроятно, что Тиверіадское озеро нѣкогда сообщалось съ Сирійскимъ моремъ черезъ большую равнину Эздраэлонъ, которая и теперь еще сохранила видъ морскаго пролива; поднятіе почвы и можетъ быть, потоки лавы, вышедшіе изъ вулкановъ, находившихся какъ разъ въ сосѣдствѣ порога, заперли узкій входный каналъ и преобразовали Тиверіадскій заливъ въ замкнутый бассейнъ. Отдѣлившись отъ соленаго моря и безпрестанно обновляя свою водную массу прозрачнымъ потокомъ Гермона и резервуаромъ воды, нѣкогда морской, изливающимъ свой излишекъ въ Мертвое море, заливъ постепенно превратился въ прѣсноводный бассейнъ: вода только чуть-чуть отзывается еще солоноватымъ вкусомъ [2]. Между животными видами, собранными въ Тиверіадскомъ озерѣ, многіе представляютъ переходную фауну между фауной соленыхъ и фауной прѣсныхъ водъ. Одна изъ рыбъ, свойственныхъ этому озеру — кривобочка (chromis paterfamilias), мечущая икру во впадинѣ устья, откуда молодыя рыбки выходятъ стаями, иногда въ числѣ двухсотъ, какъ только подростутъ настолько, что въ состояніи вести самостоятельную жизнь. Какъ въ то время, когда Іисусъ изъ Назарета ходилъ искать своихъ апостоловъ между генисаретскими рыбарями, такъ и теперь прибрежные жители Галилейскаго моря собираютъ еще въ свои сѣти миріады рыбы; но барки стали рѣже: бывало, что путешественники не находили ни одной; въ 1880 году ихъ было всего только три.

Регулируемыя Тиверіадскимъ озеромъ, воды Іордана, черезъ который построенъ всего одинъ мостъ, въ 10 километрахъ къ югу отъ Галилейскаго моря, спускаются извилинами къ крутоберeговой долинѣ, которая и сама составляетъ углубленіе въ другой долинѣ, широкой впадинѣ Хоръ. Въ двухъ только мѣстахъ пороги прерываютъ теченіе рѣки; но барки изслѣдователей, тащимыя отрядами бедуиновъ, могли перейти ихъ. Въ цѣломъ, рѣчная покатость отличается большой правильностью; скатъ, около 200 метровъ, распредѣляется равномѣрно по всей длинѣ теченія, которая равна 105 километрамъ. Но прежде, чѣмъ вступить въ Мертвое море, потокъ расширяется и замедляется на отмеляхъ; онъ не имѣетъ даже 1 метра глубины на 75 ширины, а его средній стокъ исчисляется различно, при томъ безъ всякой точности въ исчисленіяхъ [1], отъ 30 до 70 кубич. метровъ въ секунду. Въ небольшомъ разстояніи вверхъ отъ рѣчнаго устья, паломники переходятъ въ бродъ Іорданъ и купаются въ его священныхъ водахъ, гдѣ Іоаннъ Предтеча крестилъ новообращенныхъ; но преданіе разнится для грековъ и латинянъ: они погружаются въ воду не въ одномъ и томъ же мѣстѣ. По преданію, воды Іордана, какъ и воды Ганга, слыли «нетлѣнными»; чтобы исцѣлиться, прокаженные бросались семь разъ въ его воды. Какъ преобразилась бы Палестина, если бы теченіе этой рѣки, которая теперь теряется безъ пользы въ озерѣ, не имѣющемъ истока, было перехвачено выше Генисаретскаго моря и развѣтвлялось на ирригаціонные каналы по низменности Хоръ!

Мертвое море, названное такъ въ первые вѣка христіанской эры, вѣроятно, намекомъ на города, поглощенные въ его глубинахъ, вполнѣ заслуживаетъ это имя по безплодію его береговъ, почти совершенному отсутствію животной жизни, тяжеловѣсности его волнъ, съ трудомъ поднимаемыхъ бризой, угрюмымъ видомъ обширной площади его водъ, надъ которой часто виситъ густой туманъ. Тѣмъ не менѣе, ансамбль

[1]) „The Rob-Roy on the Jordan".
[2]) Lortet, „Académie des Sciences", 13 sept. 1880.

[1]) См. Eugenio Falcucci, „Il mar Morto e la Pentapoli del Giordano".

пейзажа, который созерцаешь въ его берегахъ, не имѣетъ того зловѣщаго вида, который приписываетъ ему воображеніе. Крутые склоны, выступающіе отвѣсно изъ голубой воды, поднимаясь послѣдовательными уступами, смѣлая форма гребней, рѣзко обрисовывающихъ свой профиль въ небѣ на высотѣ 1.000 или 1.200 метровъ надъ поверхностью озера, разнообразіе колорита, которое представляютъ скалы, отъ темно-краснаго цвѣта до ослѣпительной бѣлизны, придаютъ картинѣ грандіозный характеръ, смягчаемый тамъ и сямъ контрастомъ небольшихъ массивовъ зелени, ивъ, акацій, тамарисковъ, тѣсно скученныхъ вокругъ источниковъ.

Поверхность озера, измѣняющаяся, смотря по обилію приносимой Іорданомъ воды, можетъ быть исчислена, въ среднемъ, въ 926 квадр. километровъ, а высота его положенія колеблется между 392 и 395 метрами ниже уровня Средиземнаго моря. Съ половины настоящаго столѣтія уровень озера повысился: островокъ Риджмъ-эль-Бахръ, близъ сѣвернаго берега, недавно былъ мысомъ; дорога, соединявшая его съ берегомъ, теперь подъ водой [1]). Наибольшая глубина Мертваго моря, недалеко отъ устья ручья Зерка-Майнъ, близъ сѣверо-восточнаго берега, 399 метровъ [2]) (по Молине, глубина въ этомъ мѣстѣ 411 метровъ); средняя толщина жидкаго слоя около 330 метровъ въ части бассейна, ограниченной съ юга полуостровомъ Лизанъ, небольшой скалистой цѣпью, соединенной песчанымъ перешейкомъ съ Моавитскимъ берегомъ. Когда воды очень низки, можно перейти въ бродъ съ полуострова на западный берегъ; нигдѣ круглый заливъ, образующій южную оконечность озера, не имѣетъ больше 4 метровъ глубины: это просто площадь наводненія, продолжающая на югъ впадину, которая одна только заслуживаетъ названія моря по своимъ глубинамъ, по движенію волнъ и даже теченій, направляющихся съ сѣвера на югъ, слѣдуя по серединѣ бассейна, и по своимъ встрѣчнымъ теченіямъ, идущимъ обратно съ правой и лѣвой стороны параллельно побережью [3]). На югѣ, низменность Хоръ продолжается большими затопленными мелями, частію покрытыми чащами тростника; у западнаго основанія Хоръ простирается лѣсъ изъ тонкоствольныхъ деревъ, тѣсно скученныхъ, переплетающихся и взаимно обвивающихся своими колючими вѣтвями; въ прогалинахъ сырая и жирная земля приноситъ обильные урожаи хлѣбовъ [4]).

Общая вмѣстимость озерной котловины можетъ быть исчисляема приблизительно въ 130 милліардовъ кубич. метровъ, слѣдовательно, въ два раза превышаетъ объемъ Женевскаго озера—бассейна, съ которымъ большинство путешественниковъ сравниваютъ замкнутое море Палестины. Подобно Тиверіадскому озеру, резервуаръ, питаемый Іорданомъ, поднимался прежде на гораздо болѣе высокій уровень. На всей окружности Асфальтоваго озера продолжаются, на разныхъ высотахъ, *сидды* или покрытыя галькой террасы, очевидно, бывшіе берега, заключающіе раковины видовъ, понынѣ живущихъ въ Средиземномъ морѣ; на западныхъ склонахъ насчитываютъ не менѣе девяти послѣдовательныхъ береговъ, изъ которыхъ главный, состоящій частію изъ смолистыхъ пластовъ, составляетъ продолженіе равнины Хоръ; самый высокій изъ древнихъ береговъ въ точности соотвѣтствуетъ уровню Средиземнаго моря. При видѣ этихъ высокихъ береговъ естественно является мысль, что Мертвое море образовало нѣкогда, вмѣстѣ съ Тиверіадскимъ озеромъ и всей низменностью Хоръ, заливъ, соединявшійся съ Средиземнымъ моремъ Эздраэлонскимъ проливомъ. Отдѣляясь съ моря, озерный резервуаръ, быстро уменьшившійся вслѣдствіе испаренія, вѣроятно, занималъ послѣдовательно уровни, указываемые террасообразными берегами: затѣмъ, Тиверіадское озеро, оставшееся въ верхней впадинѣ, постепенно утратило соленость образованіемъ себѣ истока, тогда какъ соляныя вещества сосредоточились въ съуженномъ бассейнѣ, занимающемъ самую глубокую часть равнины Хоръ. Что касается южной низменности, продолжающей на югъ бассейнъ Мертваго моря, то невѣроятно, чтобы она была когда-нибудь проливомъ, черезъ который внутреннія воды Палестины сообщались съ Акабахскимъ заливомъ: измѣренія высоты мѣстъ, произведенныя г. Винемъ, установили тотъ фактъ, что раздѣльный порогъ поднимается на 240 метровъ надъ уровнемъ Краснаго моря, слѣдовательно, въ два раза превышаетъ высоту Зеринскаго порога надъ поверхностью бухты Гайфа.

Если правда, что главное озеро Палестины составляло нѣкогда часть Средиземнаго моря, то составъ его водъ значительно измѣнился со времени раздѣленія. Гораздо болѣе плотная, чѣмъ морская вода, жидкость, почерпнутая на поверхности Мертваго моря, даже въ сосѣдствѣ Іордана, среднимъ числомъ на одну шестую тяжелѣе прѣсной воды.

Удѣльный вѣсъ морской воды вообще—1.207; Средиземнаго моря—1.029; Краснаго моря—1.033; Мертваго моря на поверхности—1.162; на глубинѣ 338 метр.—1.227; на плоскихъ берегахъ, гдѣ сильное испареніе—1.256 [1]).

Человѣческое тѣло не погружается въ волны Мертваго моря, брызги ихъ оставляютъ на всѣхъ предметахъ легкій слой соли; не безопасно под-

[1]) Conder, „Tent-work in Palestine“.
[2]) Lynch, „Expedition to the Dead Sea“.
[3]) Vignes, „Voyage d'exploration à la mer Morte“.
[4]) De Saulcy, „Voyage en Terre Sainte“.

[1]) Lynch, цитированное сочиненіе;—Lartet, „Exploration géologique“.

вергаться продолжительному дѣйствію этой соленой жидкости на кожу. Вода очень близка къ точкѣ насыщенія; она отлагаетъ соленые кристаллы на берегахъ и едва растворяетъ основаніе утеса изъ каменной соли, окаймляющаго юго-восточный берегъ. Но пропорція минеральныхъ веществъ здѣсь иная, чѣмъ въ сосѣднихъ моряхъ: Мертвое море отличается не большимъ обиліемъ морской соли, но чрезвычайнымъ богатствомъ хлористаго и бромистаго магнія. Г. Ларте приписываетъ обилію этихъ солей почти полное отсутствіе въ бассейнѣ рыбъ и другихъ животныхъ, обитающихъ въ притокахъ. Ракообразныя и насѣкомыя, такъ же, какъ рыбы, приносимыя теченіемъ Іордана, погибаютъ, какъ только вступятъ въ озеро. Одна лагуна западнаго берега, питаемая термальнымъ источникомъ, соленость котораго почти такъ же сильна, какъ и соленость большаго бассейна, заключаетъ въ себѣ множество маленькихъ рыбокъ зуботерокъ (cyprinodon), которыхъ убиваетъ погруженіе на нѣсколько минутъ въ воду озера. Таковы причины, заставившія многихъ геологовъ допустить, несмотря на существованіе высокихъ береговъ, что Мертвое море никогда не сообщалось съ Средиземнымъ, и что оно образовалось независимо, паденіемъ дождей, смѣшанныхъ съ минеральными веществами, которыя растворяются термальными водами. Если пропорція брома очень велика, то іода, кажется, совсѣмъ нѣтъ; точно также до сихъ поръ не обнаружено присутствія фосфора, серебра, цезія, рубидія и литія. Съ другой стороны, г. Дьёлафе, анализируя воды Мертваго моря, пришелъ къ тому выводу, что по общему характеру содержащихся минеральныхъ веществъ и особенно по одновременному присутствію литины и борной кислоты, бассейнъ Палестины представляетъ полнѣйшую аналогію съ маточнымъ разсоломъ нашихъ солончаковъ или соляныхъ болотъ, на которыхъ вывариваютъ соль. Такимъ образомъ вопросъ остается еще открытымъ, но, вѣроятно, онъ будетъ въ скоромъ времени рѣшенъ, ибо химическія вещества, содержащіяся въ Мертвомъ морѣ, имѣютъ высокую промышленную цѣну, и основательныя изслѣдованія не заставятъ себя долго ждать въ этой обширной лабораторіи равнины Хоръ [1]).

Въ числѣ естественныхъ продуктовъ, собираемыхъ въ бассейнѣ Мертваго моря, находятся также смолистыя вещества, отъ которыхъ онъ получилъ названіе «Асфальтоваго озера». Древніе разсказываютъ, что большія плиты горной смолы плавали на поверхности, но это явленіе рѣдко замѣчается въ наши дни; оно было наблюдаемо только въ 1834 и 1837 годахъ, во время землетрясеній, которыя, безъ сомнѣнія, отдѣляли эти плиты отъ глубокихъ пластовъ [2]). На западномъ берегу древніе наносы тоже содержатъ большую пропорцію асфальта въ видѣ толстыхъ слоевъ, а къ сѣверо-западу озера находятся пласты известняка, смѣшаннаго съ горной смолой; это такъ называемый «Моисеевъ камень», изъ котораго вырѣзываютъ разные религіозные предметы. Нефтяные источники, существующіе, вѣроятно, въ глубинахъ, указываютъ, повидимому, на геологическія формаціи, подобныя образованіямъ пластовъ западной Персіи и Месопотаміи, и изъ этихъ-то формацій и просачиваются смолистыя вещества. Вулканическія горныя породы представлены въ бассейнѣ и на окружности только въ заіорданскихъ горахъ; но нигдѣ не замѣчено слѣдовъ недавней вулканической дѣятельности; никакой признакъ не оправдываетъ гипотезы, еще защищаемой нѣкоторыми учеными авторами [1]), объ изверженіи, поглотившемъ, будто бы, четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, Содомъ, Гоморру и три другіе города страны. Ни слоевъ пепла, ни потоковъ лавы, подъ которыми можно было бы искать развалинъ городовъ, не видно вокругъ озера. Впрочемъ, до сихъ поръ тщетно искали «проклятыхъ городовъ»: мѣстности, обозначаемыя арабами какъ поглощенные землей города и показанныя гг. Сольси и Делессеру и другимъ путешественникамъ, заключаютъ лишь незначительные обломки. Джебель-Усдомъ или «Содомская гора», длинный и узкій холмъ, около сотни метровъ высотой, поднимается, совершенно уединенный въ равнинѣ прибрежья, около юго-западной части озера; онъ сплошь состоитъ изъ каменной соли, тамъ и сямъ окрашенной въ зеленый и красный цвѣтъ, и одѣтой на вершинѣ слоемъ грязно-бѣлой глины [2]). Шпицы, которыми усаженъ гребень, представляютъ нѣкоторое сходство съ драпированными статуями: арабы называютъ одну изъ нихъ «женой Лота», обращенной въ соляной столбъ, когда она оглянулась, чтобы посмотрѣть на объятые пламенемъ «города геенны». Между видами мѣстной флоры показываютъ также проклятыя растенія, которыя приносятъ плоды, имѣющіе лишь ѣдкую пыль подъ заманчивой оболочкой. Таковъ низкій дубъ (ilex), плоды котораго походятъ на спѣлыя сливы; таковъ въ особенности ластовень (asclepias), приносящій великолѣпныя яблоки, которыя лопаются съ трескомъ, точно пузыри. Эти растенія встрѣчаются однако и въ другихъ странахъ, кромѣ нижней долины Іордана: низкій дубъ принадлежитъ флорѣ Троянской области и различныхъ провинцій въ Малой Азіи; ластовень же растетъ также въ Іеменѣ и въ Нубіи [3]).

---

[1]) Laurence Oliphant, «The Land of Gilead».

[2]) Robinson, цитированное сочиненіе.

[1]) Eugenio Falcucci, „Il mar Morto e la Pentapoli di Giordano".

[2]) De Saulcy, „Voyage autour de la mer Morte";— Tristram, „The Land of Moab".

[3]) Seetzen, „Reisen"; —E. Robinson, цитированное сочиненіе.

Треугольное пространство, заключенное на югѣ отъ Палестины, между двумя заливами Краснаго моря, Суэзскимъ и Акабахскимъ, не имѣетъ постоянныхъ потоковъ: гидрографическій режимъ представленъ тамъ лишь ключами, да извилистыми руслами уади или временныхъ ручьевъ. Эль-Аришъ, нижнее теченіе котораго появляется только изрѣдка, послѣ сильныхъ грозъ съ ливнемъ. Глядя на эти русла высохшихъ потоковъ, съ удивленіемъ задаешь себѣ вопросъ: какъ могли воды исполнить трудъ размыва, о которомъ свидѣтельствуетъ природа, выровнять широкія долины, засыпать равнины своими наносами; но когда уади наполняется,

Остатки крѣпости Антонія въ Іерусалимѣ.

образуетъ границу между турецкой провинціей Сиріей и вице-королевствомъ Египтомъ, кажется, при взглядѣ на карту, значительной рѣкой, принимающей въ себя воды бассейна величиной около 25.000 квадр. километровъ; на самомъ же дѣлѣ это не болѣе, какъ развѣтвленіе рѣчныхъ ложъ, гдѣ можно хорошо прослѣдить теченіе бывшихъ рѣкъ и ручьевъ, но гдѣ вода онъ является непреодолимымъ потокомъ, который стремительно несется, какъ снѣжная лавина, вырывая съ корнемъ тамариски и пальмы, унося шатры бедуиновъ, убѣгающихъ на высокіе скалистые берега [1]). Для человѣка, пускающагося въ путь черезъ пустыню, струйка

[1]) Holland, „Journal of the Geographical Society", 1868.

чистой воды, бьющая изъ скалы, имѣетъ больше цѣны, чѣмъ всѣ эти рѣчные бассейны безъ постояннаго потока, несмотря на ихъ громадную геологическую работу, излучины, ущелья, слiянiя и дельты. Какъ показываетъ исторiя израильтянъ, странствовавшихъ по Синайскому полуострову въ поискахъ за родниками, «живая» вода есть безспорно самый источникъ жизни въ пустынѣ; вокругъ нея выростаютъ деревья, группируются животныя и люди: это по преимуществу собственность племени: бросать въ родникъ камни равнозначительно объявленію войны [1]). Тѣ, кого оживляетъ чистая влага, торжествуютъ появленіе ея, какъ своего рода чудо: это «волшебный жезлъ» неби (пророка) расколол камень и извелъ воду изъ нѣдръ земли.

Самые знаменитые источники Каменистой Аравіи—родники, называемые «Моисеевыми», по-арабски Аинъ-Муса, вытекающіе недалеко отъ залива, въ двадцати верстахъ отъ Суэца. Воды, бывшія прежде, по сказанію легенды, горькими, но которыя пророкъ превратилъ въ прѣсныя, погрузивъ въ нихъ вѣтку, бьютъ ключемъ изъ вершины глинистыхъ горокъ, которыя онѣ сами же и образовали своими послѣдовательными отложеніями; другіе бугры, изъ которыхъ самые большіе возвышаются на 30 метровъ надъ равниной, покинуты водой, которая, не имѣя достаточнаго давленія, чтобы подняться до этой высоты, должна была искать себѣ новыхъ выходовъ. Нѣмецкій путешественникъ Фраасъ [2]) приписываетъ работѣ инфузорій постепенное наростаніе этихъ кургановъ; по его объясненію, микроскопическія животныя своими безчисленными известковыми отложеніями превращаютъ мало-по-малу песокъ въ твердую кору, которую вода должна пробивать съ усиліемъ, разбрасывая песчинки вокругъ отверстія; эта двойная работа постройки и ломки продолжается въ теченіе вѣковъ, и такимъ-то образомъ мало-по-малу вздымаются горки. Источники Моисея, слегка термальные (отъ 27 до 29 градусовъ по Цельзію), поддерживаютъ богатую растительность въ окружающихъ ихъ садахъ, которые издали примѣтны мореплавателямъ по высокимъ группамъ пальмъ. Горки расположены по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ, параллельно берегу, и какъ разъ на продолженіи этой линіи бьютъ изъ земли, на Синайскомъ полуостровѣ, горячіе сѣрные ключи Фараона, и далѣе ключи Тора [3]). По преданію, мѣсто, гдѣ бьетъ ключемъ Фараонова вода, указываетъ тотъ пунктъ, гдѣ первый израильтянинъ коснулся ногою берега послѣ перехода черезъ Чермное море, и гдѣ исчезъ въ волнахъ вождь преслѣдовавшихъ полчищъ: призракъ поглощеннаго моремъ египетскаго царя бьется еще въ глубинахъ, отчего и происходятъ постоянныя перемѣщенія восходящаго столба жидкости. Указываемая издали клубами пара, горячая вода (73 градуса по Цельзію) вылетаетъ фонтаномъ изъ морскаго песка непосредственно подъ наносомъ открытаго моря [1]).

Въ Сиріи и Палестинѣ климатическія явленія значительно разнятся, по причинѣ продолговатой формы страны, протянувшейся съ сѣвера на югъ на пространствѣ девяти градусовъ широты, и большихъ неровностей рельефа, поднимающагося на 3.000 метровъ надъ поверхностью Средиземнаго моря, вершинами Ливана, и опускающагося почти на 400 метровъ ниже уровня этого моря глубокой впадиной равнины Хоръ. Въ то время, какъ Сирійская пустыня и Синайскій полуостровъ подходятъ на Сахару своими крайностями температуры, и особенно своими жарами, нѣкоторыя долины, хорошо защищенныя отъ сѣверныхъ и южныхъ вѣтровъ и покатыя къ Средиземному морю, имѣютъ морской климатъ съ слабыми мѣсячными варіаціями.

Средняя температура въ Бейрутѣ и въ Іерусалимѣ [2]):

Бейрутъ: 12°,9 Ц. (самый холодн. мѣсяцъ, январь); 27°,8 Ц. (самый тепл. мѣсяцъ, іюль); 20°,6 (годъ).

Іерусалимъ: 8°,5 Ц. (самый холодн. мѣсяцъ, январь); 24°,5 Ц. (самый тепл. мѣсяцъ, іюль); 17°,2 (годъ).

Изотермическія линіи далеко не имѣютъ нормальнаго направленія съ запада на востокъ, какъ градусы широты; онѣ, напротивъ, направлены такимъ образомъ, что огибаютъ цѣпи горъ, которыя тянутся въ обратномъ направленіи, параллельно берегу Средиземнаго моря. Въ низменности Хоръ линіи равной температуры расположены въ видѣ концентрическихъ оваловъ, слѣдующихъ по окружности горныхъ склоновъ; въ среднемъ выводѣ, температура 6-ью градусами выше на берегахъ Мертваго моря, чѣмъ на Іерусалимскомъ плато.

Въ Сиріи только два времени года — лѣто и зима, которая есть въ одно и то же время періодъ холодовъ и дождей. Въ продолженіе всего теплаго сезона небо всегда ясно и безоблачно, дожди падаютъ только съ конца октября или съ начала ноября до апрѣля мѣсяца. Рѣдко случается, чтобы это суровое время года приносило снѣгъ; но указываютъ, однако, нѣкоторые исключительные годы. Такъ въ 1753 году снѣга покрывали бо̀льшую часть Палестины, и холодъ былъ такъ силенъ, что люди замерзали въ сосѣдствѣ Назарета; въ февралѣ 1797 года холмы Іерусалима оставались совершенно бѣ-

[1]) Hepworth Dixon, „The Holy Land“.
[2]) „Aus dem Orient“.
[3]) Steudner, „Mittheilungen von Petermann“, XI, 1861.

[1]) Holland, „Journal of the Geographical Society“, 1858
[2]) Hann, „Handbuch der Climatologie“.

лыми въ продолженіе двѣнадцати или тринадцати дней; даже въ половинѣ апрѣля, именно въ 1844 году, видѣли падавшіе хлопья снѣга. Дождь почти всегда приносится западнымъ и юго-западнымъ вѣтрами. Другія воздушныя теченія сопровождаются засухой: особенно боятся южнаго и юго-восточнаго вѣтровъ, сирокко или шуркайе—т. е. восточный,—вѣтеръ пустыни, сжигающій и изсушающій растительность. Видъ природы измѣняется съ дождями: весною, когда земля получила много воды, она покрывается зеленью и цвѣтами; въ странѣ Моавійской иногда увидишь до семидесяти цвѣтущихъ растительныхъ видовъ въ одной и той же долинѣ; пески исчезаютъ подъ разноцвѣтнымъ ковромъ; но нѣсколько недѣль спустя не примѣтишь больше ни одной зеленой былинки [1]). Несмотря на обиліе зимнихъ дождей, равнины и долины имѣютъ сѣрый цвѣтъ съ первыхъ же недѣль лѣта; нигдѣ не увидишь зеленѣющихъ луговъ, ни другой самопроизвольной растительности, кромѣ колючихъ кустарниковъ и деревьевъ. Впрочемъ, чернозема, собственно такъ называемой растительной земли, совсѣмъ нѣтъ въ Палестинѣ; почва даже самая плодородная, есть не что иное, какъ песокъ или глина съ примѣсью известковыхъ обломковъ [2]). Метеорологи задаютъ себѣ вопросъ: не измѣнился ли нѣсколько климатъ сирійскаго побережья и Палестины съ той эпохи, когда страна была вдвое или втрое гуще населена, чѣмъ въ наши дни? Безъ всякаго сомнѣнія, средняя температура осталась почти та же, такъ какъ сѣверный предѣлъ пояса, гдѣ созрѣваютъ финики, и южная граница винограда совпадаютъ еще на берегахъ Іордана [3]); слѣдовательно, въ низменности Хоръ температура отъ 21 до 21 съ половиной градусовъ по Цельзію сохранилась въ теченіе двадцати пяти вѣковъ. Однако, въ странѣ съ такимъ неровнымъ рельефомъ возможно, что предѣлы растительныхъ областей или поясовъ немного перемѣстились въ высоту, хотя лѣтописи и не даютъ никакихъ указаній на этотъ фактъ; достаточно самаго незначительнаго измѣненія высоты, чтобы произвести перемѣну въ характерѣ растительности, такъ какъ 200 метровъ повышенія соотвѣтствуютъ увеличенію широты на одинъ градусъ. Въ прежнія времена, какъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи, рѣчныя воды были часто недостаточны для орошенія воздѣланныхъ земель; устройство водопроводовъ и цистернъ для водоснабженія городовъ и ирригаціи полей составляло самую необходимую изъ общественныхъ работъ; служились одновременно молебны о ниспосланіи дождя, въ октябрѣ, когда обыкновенно выпадаютъ первые

[1]) Tristram, „The Land of Moab“;—Conder, „Palestine Exploration fund“, jan. 1872.
[2]) Oscar Fraas, „Aus dem Orient“.
[3]) Gay Lussac et Arago, „Annales des Longitudes“, 1834.

ливни, и въ апрѣлѣ, когда ждутъ весеннихъ дождей [1]); но какъ ни жаждали жители обильныхъ дождей, которые принесли бы плодородіе ихъ нивамъ и садамъ, самый видъ края, кажется, доказываетъ, что эти страны, «текущія млекомъ и медомъ», имѣли нѣкогда болѣе сырой климатъ. Древніе писатели согласно говорятъ, что Палестина была покрыта лѣсами на большей части своего протяженія; теперь эти лѣса совершенно исчезли, развѣ только въ сосѣдствѣ моря, да на нѣкоторыхъ горныхъ склонахъ, хорошо выставленныхъ дуновенію влажныхъ вѣтровъ; единственные остатки ихъ, находимые въ другихъ мѣстахъ—это корни, которые туземцы вырываютъ, чтобы обратить ихъ въ уголь или въ дрова. Обработанныя земли простирались прежде гораздо далѣе нынѣшнихъ предѣловъ; даже въ полной пустынѣ, гдѣ теперь не нашлось бы воды, необходимой для орошенія, видны слѣды древнихъ плантацій. Вся Палестина, нынѣ столь безводная и каменистая во всей южной области, была покрыта растительностью: горы были обрѣзаны въ видѣ террасъ, подобныхъ тѣмъ, какія мы видимъ въ Провансѣ и Лигуріи; отъ Дана до Берсебаха, даже на Синайскомъ полуостровѣ [2]), встрѣчаешь на всей окружности холмовъ развалины каменныхъ стѣнъ, которыя поддерживали землю виноградниковъ. Если климатъ Сиріи и Палестины измѣнился, если атмосфера сдѣлалась тамъ, какъ и во всей Передней Азіи, менѣе влажной, то по крайней мѣрѣ общая здоровость климата сохранилась тамъ до сихъ поръ; покатое положеніе земель облегчаетъ стокъ водъ и болота не обширны. Тамъ же, гдѣ онъ занимаютъ значительное пространство, какъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Антіохіи, страна, опасная для жительства даже зимой, совершенно пустѣетъ на лѣтнее время.

Нѣкоторыя перемѣны, соотвѣтствующія измѣненію климата, произошли и въ Сирійской флорѣ. Если финики и растутъ еще въ Іерихонѣ, то въ самомъ незначительномъ количествѣ; г. Кондеръ нашелъ только двѣ финиковыя пальмы во всемъ оазисѣ. Бананъ (райская смоковница), который воздѣлывали еще въ концѣ шестнадцатаго столѣтія на берегахъ Генисаретскаго озера, не встрѣчается тамъ больше [3]). Извѣстно, что кедръ, нѣкогда дерево, по преимуществу свойственное Ливану, представлено теперь тамъ только рѣдкими рощицами; порода, замѣнившая ихъ въ Сирійскихъ горахъ, pinus bruittia, довольствуется меньшей влажностью въ атмосферѣ, климатъ западной Европы имъ болѣе благопріятенъ [4]). Растительность лѣсовъ сохранила свой первобытный видъ только въ нѣкоторыхъ частяхъ

[1]) Conder, „Tent-work in Palestine“.
[2]) Holland, „Journal of the Geographical Society“, 1868.
[3]) Ritter, „Asien“;—Delitzsch, „Wolag das Paradies?“
[4]) Oscar Fraas, „Aus dem Orient“.

массива Аманъ, которыя походятъ на Тавръ Киликійскій своими высокоствольными лѣсами дубовъ и буковъ, кедровъ и сосенъ, изъ которыхъ иные достигаютъ 50 метровъ (слишкомъ 23 сажени) въ вышину. Фауна Сиріи и Палестины тоже измѣнилась: большинство домашнихъ животныхъ гораздо ниже ростомъ, чѣмъ ихъ сородичи на Западѣ или въ Малой Азіи. Кабаны водятся еще въ чащахъ, и шакалы бродятъ вокругъ деревень, но левъ уже исчезъ; пантеры и барсы, обыкновенные въ горахъ Амануса, стали рѣдки на Ливанѣ и Анти-Ливанѣ. Медвѣдь шатается только въ пустынныхъ мѣстахъ хребта Дже-бель-эшъ-Шейхъ и другихъ горъ Сиріи. Впрочемъ, сирійскій медвѣдь добрый малый, менѣе опасный для стадъ, чѣмъ для виноградниковъ и полей, засѣянныхъ горохомъ. Сирійцы вѣрятъ даже, что существуетъ видъ медвѣдя исключительно плодояднаго, никогда не трогающаго пасущихся въ полѣ овецъ и ягнятъ. Въ сезонъ сбора винограда туземцы защищаютъ свои виноградники, ударяя въ металлическіе сосуды, чтобы запугать медвѣдя и его кумовей—шакала и лисицу: этотъ заунывный звонъ раздается тогда на всѣхъ культивируемыхъ скатахъ горъ и холмовъ [1]).

Долгое время сомнѣвались относительно существованія въ палестинской фаунѣ крокодила, но положительное свидѣтельство нѣкоторыхъ путешественниковъ, между прочимъ г. Герена, и недавняя присылка г. Зифросомъ въ лондонскій и кенигсбергскій музеи чучелъ животнаго рѣшили вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Нахръ-Зерка, на югѣ отъ горы Кармель, вполнѣ заслуживаетъ названіе Flumen Crocodilum (рѣка крокодиловъ), данное ей Плиніемъ; и другія ящерицы того же вида водятся также въ Нахръ-эль-Фалекѣ, на берегахъ Самаріи. Только эти земноводныя, не имѣя такой рѣки, какъ Нилъ, гдѣ бы имъ можно было развиться на просторѣ, не походятъ на египетскихъ чудовищъ: это маленькіе крокодилы, длиной въ полтора метра. Въ мартѣ они выходятъ изъ воды класть яйца, и говорятъ, что тогда они опасны для стадъ. Рѣчная и озерная фауна Палестины представляетъ гораздо болѣе египетскій, чѣмъ азіатскій характеръ. Изучая рыбъ Іордана и Тиверіадскаго озера, натуралистъ Тристрамъ задавалъ себѣ вопросъ: не принадлежала ли рѣка Іудеи къ бассейну Нила? Сирійскія воды имѣютъ также нѣсколько видовъ, не встрѣчающихся въ другихъ мѣстахъ. Такъ, рѣка Ковеикъ, текущая въ замкнутой Алеппской долинѣ, заключаетъ, между семнадцатью различными формами рыбъ, населяющихъ ея воды, три вида, свойственныхъ ей одной. Низменность Хоръ, имѣющая африканскій климатъ, походитъ также на Африку и своей фауной: изъ 122 видовъ птицъ, извѣстныхъ до сихъ поръ въ Палестинѣ, насчитываютъ 58 общихъ Іудеѣ и сѣверо-западной Африкѣ, и эти виды водятся почти исключительно въ равнинѣ Хоръ и на окружности Мертваго моря. Особенно замѣчательны прелестныя маленькія розовыя горлицы, сидящія на высокихъ вѣтвяхъ деревьевъ.

Такъ называемое «арабское» населеніе Сиріи и Палестины заслуживаетъ это наименованіе только по языку: оно происходитъ отъ древнихъ обитателей страны. Завоеватели, пришедшіе изъ Аравіи, не истребили туземцевъ; они оставили имъ поля и жилища, довольствуясь полученіемъ дани и даже не требуя отъ нихъ обращенія въ исламъ. Большинство сирійцевъ поспѣшили сдѣлаться магометанами, подобно тому, какъ они сдѣлались христіанами подъ владычествомъ Византіи; но обращеніе въ вѣру Магомета не было болѣе глубоко, чѣмъ совершившійся за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ переходъ изъ язычества въ христіанство. Прежде всего нужно было сохранить почву, удержать за собой землю, а новыя внѣшнія формы религіи тѣмъ менѣе стѣсняли феллаховъ, что основа античныхъ культовъ, предшествовавшихъ даже іудейству, оставалась имъ по-прежнему. Какъ въ тѣ времена, когда еврейскіе пророки изрекали проклятія на обожателей высокихъ мѣстъ, феллахи и теперь еще поклоняются, какъ фетишамъ, большимъ деревьямъ и горкамъ, увѣнчаннымъ высокими скалами; только имъ пришлось замаскировать языческій культъ подъ формами строго-мусульманскими: святыя мѣста, обозначаемыя именемъ «остановокъ для поклоненія» или *макамъ*—едва отличающимся отъ названія *макомъ*, проклятаго закономъ Моисея,—украшены маленькими бѣлыми куполами, прикрывающими, говорятъ, могилы начальниковъ племени или пророковъ. Но эти шейхи и неби, носящіе по большей части имя самаго мѣста, не то ли же самое, что древнія мѣстныя божества, хотя многія изъ нихъ имѣютъ новыя имена, иногда даже христіанскаго происхожденія, какъ-то Петръ, Павелъ, Матѳей? Эти мнимые мусульманскіе святые часто соединяются попарно, какъ соединились финикійскія божества: чтобы приспособить ихъ къ новой религіозной средѣ, достаточно было переименовать супругъ въ сестеръ. Обряды обожанія тѣ же самые, какіе существовали три тысячи лѣтъ тому назадъ: и теперь еще совершается закланіе ягнятъ передъ гробницами святыхъ, священная скала или верхній камень двери, при входѣ въ гробницу, и теперь еще помазывается лавзоніей; старшіе въ деревнѣ исполняютъ передъ макамомъ свои торжественныя пляски, къ растущимъ кругомъ могилы кустамъ привязываютъ лоскутки матеріи, какъ даръ по

[1]) Richard Burton et Tyrwhitt Drake, „Unexplored Syria“.

обѣту; каждая вѣточка, упавшая съ осѣняющаго гробницу священнаго дерева, благоговѣйно подбирается вѣрующими; въ макамахъ зажигаютъ лампадки, и на всѣхъ окружающихъ холмахъ верхушка, откуда видно святое мѣсто, обозначена маленькой пирамидой. Въ предѣлахъ священной ограды гостепріимство ненарушимо, даже для невѣрнаго. Имя мѣстнаго божества никогда не произносится такъ легкомысленно, какъ имя Аллаха; ничто такъ не рѣдко, какъ лжеприсяга, принесенная на мѣстной святынѣ: смерть была бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ для клятвопреступника [1]).

Древнія ханаанскія религіи воздвигали также дольмены, менгиры, круги изъ камней. Но этого рода памятниковъ не находятъ болѣе въ Іудеѣ, гдѣ строгіе блюстители закона, вѣроятно, разрушили ихъ, забывая, что Моисей и Іисусъ Навинъ сами сооружали подобные памятники. Въ Самаріи же, какъ полагаютъ, отыскали слѣды одного изъ этихъ первобытныхъ памятниковъ. Англійскіе изслѣдователи указали нѣсколько штукъ ихъ въ Галилеѣ, «землѣ язычниковъ»; одинъ видѣли близъ Тира, а въ заіорданскихъ горахъ [2]) и на Синайскомъ полуостровѣ ихъ открыли цѣлыми сотнями; въ одинъ только 1881 годъ обслѣдовано слишкомъ семьсотъ памятниковъ этого рода въ странѣ Моавійской. Каждая вершина холма имѣла свой храмъ или по крайней мѣрѣ груду сложенныхъ каменныхъ глыбъ. Большинство памятниковъ состоятъ изъ грубыхъ неотесаныхъ камней; однако, есть и такіе, которыхъ коснулось желѣзо. Арабы смотрятъ еще на дольмены, какъ на жертвенники, и приходятъ туда привѣтствовать восходъ солнца. Вокругъ этихъ мегалитовъ собрали нѣсколько наконечниковъ стрѣлъ и множество обдѣланныхъ кремней [3]).

Населеніе Палестины и Заіорданья, какъ и населеніе Малой Азіи, состоитъ изъ двухъ элементовъ совершенно различныхъ, хотя живущихъ бокъ-о-бокъ во всей странѣ: изъ бродячихъ бедуиновъ и изъ феллаховъ, жителей деревень и городскихъ окрестностей. Въ нѣкоторыхъ городахъ, представляющихъ скорѣе группы базаровъ и садовъ, какъ, напримѣръ, Газа, увидишь стоящіе одинъ подлѣ другаго домъ горожанина, баракъ феллаха и шатеръ араба. Бедуины уменьшаются въ числѣ въ странѣ по сю сторону Іордана: теперь едва встрѣтишь нѣсколькихъ «сыновъ пустыни» въ прибрежной Саронской равнинѣ; но старожилы еще помнятъ то время, когда разбойники переходили Іорданъ, чтобы грабить селенія Эздраэлонской равнины. На плоскогорьяхъ Заіорданья главныя бедуинскія племена—адваны,

[1]) Clermont Ganneau, „Palestine inconnue"; - Condor, „Tent-work in Palestine".
[2]) Conder, „Exploration of Palestine";—Wilson;—Holland, etc.
[3]) E. Cartailhac, „L'âge de la pierre en Asie".

въ числѣ около 11.000 душъ, и бени-сахры или «сыны скалъ», менѣе многочисленные на одну треть, но болѣе сильные; они называютъ себя переселенцами изъ центральной Аравіи, родственными гиміарамъ, отъ которыхъ они еще сохранили нѣсколько словъ въ своемъ языкѣ [1]). Бедуины Синайскаго полуострова, извѣстные подъ общимъ именемъ тowараховъ или «торскихъ арабовъ», говорятъ, можетъ быть, съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, что ихъ около 8.000 душъ; ихъ считаютъ потомками амалекитянъ, которыхъ евреи, по выходѣ изъ Египта, побѣдили въ Рафидимѣ, у подошвы горы Сербалъ. Очень привязанные къ родному мѣсту, тоwарахи всегда возвращаются на одни и тѣ же зимнія и лѣтнія становища. Женщины ихъ, какъ и адванки, татуируютъ себѣ въ синюю краску нижнюю губу и испещряютъ лицо нѣсколькими геометрическими чертами [2]). По словамъ Елисѣева, племена бедуиновъ очень различнаго происхожденія: есть такія, которыя походятъ на сѣверныхъ европейцевъ бѣлокурыми волосами и голубыми глазами. Между бедуинами Палестины встрѣтишь также алжирцевъ, удалившихся на Востокъ, чтобы избѣгнуть французскаго господства; однако, они смотрятъ на французскихъ путешественниковъ почти какъ на своихъ соотечественниковъ, и представляются имъ, какъ люди, имѣющіе право на ихъ милостыню [3]). Цыгане, извѣстные подъ именемъ наури, тоже кочуютъ среди бедуиновъ.

Феллахи Палестины, вообще называемые *куфарами* или «деревенскими жителями», презираются арабомъ за ихъ неправильный языкъ и еще гораздо болѣе за ихъ раболѣпіе, составляющее, впрочемъ, необходимое слѣдствіе ихъ образа жизни; браки между молодыми людьми этихъ двухъ группъ населенія—очень рѣдкое явленіе. А между тѣмъ, феллахи по большей части хорошо сложены и имѣютъ пріятныя черты лица; назаретскія и виѳлеемскія женщины даже славятся своей красотой, что объясняютъ, справедливо или нѣтъ, смѣшеніемъ крови съ европейскими этническими элементами. Въ деревняхъ Сиріи и Палестины очень рѣдко увидишь изуродованныхъ или безобразныхъ людей, но проказа еще свирѣпствуетъ между феллахами, и въ каждомъ большомъ городѣ есть особое предмѣстье для несчастныхъ, пожираемыхъ этой страшной болѣзнью. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Палестины жены, уличенныя въ прелюбодѣяніи, побиваются камнями, какъ было двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, и показываютъ пропасти, куда еще недавно несчастныя были сбрасываемы старѣйшинами деревни [4]).

[1]) Conder, „Heth and Moab".
[2]) Palmer, „The Desert of the Exodus".
[3]) Lortet, „La Syrie d'aujourd'hui".
[4]) Conder, „Tent-work in Palestine".

Если въ сельскихъ мѣстностяхъ населеніе мало измѣнилось, то нельзя того же сказать о городахъ, гдѣ водворились арабскіе завоеватели, потомъ тѣ, которыхъ обыкновенно называютъ турками и которые на самомъ дѣлѣ суть курды, армяне или черкесы; рабство, еще не отмѣненное—ибо въ Дамаскѣ все еще существуютъ невольничій рынокъ, гдѣ продаются африканцы—способствуетъ скрещенію населенія. Раса очень смѣшанная, однако, она отличается характеристическими чертами. Сирійцы имѣютъ вообще лицо правильное, но нѣсколько широковатое, носъ хорошо очерченный, хотя безъ тонкости, губы слегка оттопыренныя; глаза, разрѣзанные въ формѣ миндалины, всегда красивы, и физіономія чрезвычайно подвижная. Всѣ путешественники согласно говорятъ, что сирійцы, истинно достойные своихъ финикійскихъ предковъ, народъ очень смышленый и интеллигентный; англичанинъ Бертонъ отзывается о нихъ, какъ о «самой даровитой расѣ, какая только существуетъ». Несмотря на долгіе вѣка тяготѣвшаго надъ ними рабства, они отличаются удивительной иниціативой, самодѣятельностью и предпріимчивостью, такъ же, какъ необычайной понятливостью и смышленостью. Ихъ способности естественно направлены на торговлю, и уже немалое число сирійскихъ негоціантовъ поселились и основали свои конторы въ Марсели, въ Ливерпулѣ, въ Манчестерѣ; ихъ встрѣтишь даже въ Америкѣ и въ Скандинавіи. Прирожденные коммерсанты, они почти не ведутъ разговора, который бы не вертѣлся на деньгахъ. Кромѣ того, почти всѣхъ сирійскихъ «арабовъ» упрекаютъ въ недостаткѣ правдолюбія. «Обманъ—соль человѣка!» говоритъ одна изъ пословицъ [1]), оправдывая порокъ плутни и надувательства, столь обыкновенный у людей угнетенныхъ. Другой капитальный недостатокъ сирійцевъ—это ихъ нестерпимое тщеславіе: они такъ гордятся своимъ знаніемъ, что у нихъ нѣтъ охоты учиться больше; самодовольные, они останавливаются на полдорогѣ, гордясь тѣмъ, что ушли такъ далеко. Впрочемъ, каждый городъ отличается специальными признаками, нравственными особенностями своихъ жителей, зависящими отъ разнообразія скрещеній и среды. Мѣстныя поговорки характеризуютъ эти различія, преувеличивая ихъ: «Халеби, челеби! Шами, шуми! Алеппинцы—негодя! Дамаскинцы—плуты!» Таковы эпитеты, которыми жители одного города честятъ жителей другаго. Дамаскинцы изъ всѣхъ сирійцевъ наиболѣе представляютъ арабскій типъ, что объясняется ихъ постоянными торговыми сношеніями съ Меккой. Арабскій діалектъ, которымъ говорятъ въ Дамаскѣ, болѣе чистый, чѣмъ нарѣчіе, употребляемое въ остальной Сиріи; но древній сирійскій языкъ сохранился еще въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ мѣстечкахъ. Алеппо находится въ сосѣдствѣ странъ турецкаго языка, а городъ Антіохія составляетъ часть глоссологической области Малой Азіи.

Вдоль сѣвернаго берега Сиріи, отъ Александретскаго залива до Нахръ-эль-Кебира, большинство жителей принадлежатъ къ народцамъ носаири (малые христіане) [1]) или ансаріехъ, численность которыхъ опредѣляютъ различно, въ 120.000 или въ 180.000 душъ; они пастухи въ горахъ, отличные землепашцы въ равнинѣ; но живущіе въ открытыхъ мѣстностяхъ держатся особнякомъ отъ сосѣдей и не роднятся съ ними черезъ браки; однако, они говорятъ арабскимъ языкомъ; между ними очень много блондиновъ, съ бѣлокурыми волосами и голубыми глазами [2]). Городскіе ансаріехи называютъ себя магометанами, чтобы избѣжать преслѣдованія; они обрѣзаютъ своихъ дѣтей и исполняютъ на-показъ обряды оффиціальнаго культа, совершая всѣ предписанныя омовенія и соблюдая посты. Но у нихъ есть свой особенный культъ, смѣсь сабеизма (поклоненіе солнцу, звѣздамъ и огню) и христіанства, черезъ которое они примыкаютъ къ манихеянамъ: секретъ, составляющій основу ихъ религіи и открываемый устно послѣдователямъ, называется «тайной двухъ» [3]). Впрочемъ, различныя племена или *ашаиры* не исповѣдуютъ въ точности одни и тѣ же догматы, и писатели значительно расходятся въ своихъ разсказахъ, смотря по группамъ ансаріеховъ, съ которыми имъ приходилось имѣть сношеніе. Говорятъ, что большинство поклоняются Богу въ пяти лицахъ; они повергаются передъ деревьями и особенно передъ солнцемъ и луной, двумя «князьями пчелъ», то-есть звѣздъ. По ихъ понятіямъ, женщина есть существо поганое. «Богъ, говорятъ они, сотворилъ діаволовъ съ грѣхами человѣка, а жену съ грѣхами діаволовъ». Болѣе низкая, чѣмъ демонъ, женщина не имѣетъ даже права молиться. Впрочемъ, она такъ мало уважаема другими сирійцами, что приличіе требуетъ извиниться, когда въ разговорѣ упомянешь имя одной изъ этихъ нечистыхъ тварей. Обычай уродовать голову дѣтей бандажемъ очень распространенъ у ансаріеховъ [4]).

Друзы, число которыхъ опредѣляютъ различно, отъ 80.000 до 130.000 душъ, обитаютъ въ долинахъ южнаго Ливана и на Гермонѣ и смѣшиваются съ другими общинами въ равнинахъ, окружающихъ ихъ гористыя крѣпости. Друзское населеніе передвигается постепенно въ направленіи востока; во многихъ округахъ Ливана, гдѣ прежде они были очень многочисленны, теперь увидишь только отдѣльныя се-

¹) Conder, „Tent-work in Palestine".

¹) Ernest Renan, „Mission de Phénicie".
²) Blanche; —Condor, „Heth and Moab".
³) Victor Langlois, „La Cilicie".
⁴) Ernest Chantre, „Rapport sur une Mission scientifique dans l'Asie occidentale".

мейства, тогда какъ Джебель-Гауранъ постепенно захватывается ими; ихъ поселенія граничатъ съ степями, гдѣ они смѣшались съ аназехами и шаммарами [1]). Лѣтъ полтораста тому назадъ этотъ вулканическій массивъ служилъ убѣжищемъ только бедуинамъ, нынѣ же онъ населенъ большею частію друзами. Въ этой глуши, гордые горцы, еще подвластные номинально Турціи, снова находятъ независимость, которая имъ дорога: у нихъ есть пастбища, плодородныя земли, вода въ изобиліи, здоровый климатъ, а древніе покинутые города доставляютъ имъ сколько угодно камня для постройки хатъ. Подобно ансеріехамъ, они называютъ себя мусульманами, но справедливо исключаются изъ лона ислама другими магометанами, ибо ихъ вѣроученіе не согласуется съ кораномъ. Эдъ-дерузы, или послѣдователи пророка Могамеда Эдъ-Дерази, исповѣдуютъ религію, которую большинство не въ силахъ было бы даже изучить—такъ запутана ея теологія, такъ много примѣшивали ея основатели, изощрившіеся во всѣхъ тонкостяхъ метафизики, къ своимъ шіитскимъ доктринамъ позаимствованій изъ ученія гностиковъ и маздеянъ. Одинъ персидскій магъ основалъ эту секту въ концѣ третьяго столѣтія геджры; другой иранскій магъ, Гамза, резюмировалъ и видоизмѣнилъ систему вѣроученія. Друзы называютъ себя «унитаріями» или единоипостасниками, и дѣйствительно, ихъ первый догматъ есть единоличность Бога, но этотъ Богъ, по ихъ ученію, многократно являлъ себя въ человѣческомъ образѣ. Али былъ однимъ изъ этихъ явленій, также и грозный калифъ Хакимъ, безуміе и жестокость котораго до сихъ поръ еще слывутъ легендарными у мусульманъ. Гамза, «центръ круга», есть послѣднее изъ этихъ божескихъ воплощеній; онъ былъ свѣтъ, а Магометъ тѣнь его, и на каждаго ученика зла родился ученикъ добра. Между этими двумя началами, добра и зла, идетъ вѣчная борьба, война безъ конца, въ которой друзы и безчисленная толпа «Гога и Магога», въ глубинѣ дальняго Китая, представляютъ Божіе воинство. Такъ какъ число душъ опредѣлено отъ вѣчности, то онѣ переходятъ безконечно изъ тѣла въ тѣло, возобновляя битву въ каждомъ новомъ бытіи: «душа подобна жидкости, переливаемой изъ сосуда въ сосудъ»; судьба ея напередъ написана, и завѣтъ избранныхъ съ Богомъ хранится въ одной изъ египетскихъ пирамидъ: въ послѣдній день, Хакимъ вручилъ свой мечъ Гамзѣ, для того, чтобы онъ доставилъ торжество истинной вѣрѣ и распредѣлилъ наказанія и награды. Большая часть вѣроученія облечена тайной и закрыта для незнающихъ формулами, знаками и числами, ключемъ которыхъ обладаютъ одни только посвященные или *оккалы*. Смертная казнь угрожаетъ тому, кто разгласилъ бы таинственныя церемоніи, совершаемыя на «высокихъ мѣстахъ» (холмахъ), передъ священнымъ тельцомъ.

Первыя нравственныя правила, внушаемыя съ дѣтства друзамъ—правдивость и солидарность: они должны въ отношеніи другъ друга всегда быть искренними и доброжелательными въ словахъ и поступкахъ. Въ отношеніи иноплеменниковъ имъ не предписывается такой же обязанности: они могутъ даже убивать ихъ безнаказанно, если смерть ихъ необходима для національнаго дѣла. Однако, друзы отличаются вообще отъ всѣхъ своихъ сосѣдей большимъ прямодушіемъ, большимъ достоинствомъ въ манерахъ, болѣе прочной сердечностью, болѣе простой и откровенной рѣчью. Они вообще очень воздержны, одѣваются со вкусомъ, но безъ тщеславнаго щегольства, скромны въ разговорѣ и почтительно величаютъ другъ друга титуломъ шейховъ: они считаютъ долгомъ быть лучшими, такъ какъ они избранные. Нигдѣ у восточныхъ народовъ женщины не пользуются такимъ уваженіемъ, какъ у друзовъ; права ихъ въ бракѣ и по владѣнію имуществомъ дѣлаютъ ихъ равными мужчинамъ; по образованію же онѣ вообще стоятъ выше мужчинъ, такъ какъ почти всѣ умѣютъ по меньшей мѣрѣ читать и писать и составляютъ часть класса «ученыхъ» или посвященныхъ. Семейства, строго моногамическія, ограничиваются извѣстнымъ числомъ дѣтей: обычай не позволяетъ богатому человѣку имѣть болѣе четырехъ дочерей, бѣдному болѣе двухъ; домашнія заботы не должны мѣшать женщинѣ заниматься своими гражданскими обязанностями и молитвами. Политическое вліяніе друзовъ переходитъ далеко за предѣлы племени; эмиры «унитаріевъ» имѣютъ между своими подданными крестьянъ различныхъ сектъ, съ которыми они, впрочемъ, обращаются съ большой умѣренностью. Очень храбрые, друзы не имѣютъ передъ собой, при равномъ числѣ, враговъ, относительно борьбы съ которыми они не могли бы быть заранѣе увѣрены въ побѣдѣ [1]).

Между нехристіанскими сектами Сиріи, метуалы, живущіе въ Тирѣ, въ Сидонѣ, въ равнинѣ Келе-Сиріи и въ окрестныхъ боковыхъ долинахъ, заняли отдѣльное мѣсто своей нетерпимостью. Это—шіиты, оказывающіе, подобно иранскимъ мусульманамъ, особенное почитаніе калифу Али, котораго они ставятъ на одну степень съ Пророкомъ, или даже выше его; повсюду, куда бы ни шли, они носятъ съ собой горсть персидской земли [2]). Они сочли бы себя оскверненными прикосновеніемъ еретика,

---

[1]) Conder, „Fortnightly Review", aug. 1863.

[1]) Silvestre de Sacy, „Exposé de la religion des Druses";—Guys, „La nation druse, son histoire et sa religion";—H. Petermann, „Reisen in Orient"; —Wolf, „Die Drusen und ihre Vorläufer".

[2]) Conder, „Fortnightly Review", aug. 1883.

суннита или христіанина, и разбиваютъ сосудъ, который употреблялъ иновѣрецъ. Сѣвернѣе, въ горахъ, отдѣляющихъ Гомсъ отъ Триполи, другая секта, батеніяне или измаильтяне, сохранила преданія хашишимовъ или «убійцъ», сеидовъ «Нагорнаго старика», возсѣдающаго на престолѣ въ своей крѣпости Аламутъ, въ центрѣ Эльбурса. Сирійскія горы, какъ и горы Курдистана и Арменіи, были убѣжищемъ всѣмъ преслѣдуемымъ религіямъ. На болѣе или менѣе ровныхъ пространствахъ равнины и плоской возвышенности господствуетъ единство вѣры; напротивъ, въ гористыхъ мѣстностяхъ неровности рельефа защищали и поддерживали разнообразіе культовъ.

Марониты, входящіе нынѣ въ составъ латинской церкви, несмотря на первоначальное различіе ихъ догматовъ и обрядностей, принадлежатъ къ числу христіанъ, которыхъ кручи горъ предохранили отъ истребленія. Крѣпко сплоченные въ одну націю, они обитаютъ преимущественно на западной покатости Ливана, между Нахръ-эль-Кельбъ, или «Собачьей рѣкой», впадающей въ море немного сѣвернѣе Бейрута, и Нахръ-эль-Баридъ или «Холодной рѣкой», текущей съ сѣверныхъ предгорій Ливана; нѣсколько группъ маронитовъ живутъ также въ странѣ ансаріеховъ и въ городахъ равнины, гдѣ они находятъ для себя точку опоры въ католическихъ общинахъ; наконецъ, на островѣ Кипрѣ существуютъ еще слабые остатки ихъ древнихъ колоній. Названные такъ по имени патріарха Марона, устроившаго ихъ церковь въ седьмомъ столѣтіи послѣ Р. Х., марониты сдѣлались во времена крестовыхъ походовъ естественными союзниками западныхъ европейцевъ противъ магометанъ и мало-помалу видоизмѣнили свое вѣроученіе, чтобы привести его въ согласіе съ ученіемъ иноземцевъ, которыхъ они сопровождали на поляхъ битвъ; въ 1215 году они признали авторитетъ папы, и съ этой поры на нихъ смотрятъ, какъ на состоящихъ подъ спеціальнымъ покровительствомъ католикомъ Запада; нѣкоторыя семейства горцевъ носятъ даже европейскія фамиліи, что́ даетъ поводъ думать, что въ эпоху крестовыхъ походовъ бывали случаи смѣшиванія франковъ съ этимъ ливанскимъ народцемъ [1]). Марониты съ гордостью показываютъ двѣ граматы Людовика XIV и Людовика XV, которые обѣщаютъ имъ постоянную поддержку Франціи, и въ теченіе настоящаго столѣтія на нихъ всегда смотрѣли, какъ на «ливанскихъ французовъ». Отсюда чрезвычайная важность, которую получилъ вопросъ о маронитахъ въ борьбѣ дипломатическихъ вліяній на Востокѣ. Въ силу трактатовъ, ливанскій паша долженъ исповѣдывать христіанскую религію—религію большинства горцевъ. Такъ какъ Франція покровительствуетъ маронитамъ, то Англія взяла подъ свой патронатъ друзовъ, и мѣстная рознь, разжигаемая иностранными резидентами и самими мусульманскими пашами, счастливыми тѣмъ, что могутъ сѣять раздоръ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе властвовать, перешла, наконецъ, въ открытую войну и рѣзню. Въ 1860 году тринадцать тысячъ христіанъ были перебиты въ Ливанѣ и въ сосѣднихъ странахъ. Обвиняли друзовъ въ этихъ поголовныхъ истребленіяхъ, но они принимали въ нихъ лишь слабое участіе; главные виновники были турецкіе солдаты, регулярные и иррегулярные [1]). Хотя многочисленные и защищенные крутыми откосами своихъ естественныхъ крѣпостей, марониты не дерзали сопротивляться, и спокойствіе было возстановлено только послѣ посылки французской экспедиціи. Привлекаемые на мѣста побоища грудами труповъ, худо погребенныхъ, дикіе звѣри, барсы, гіены и волки снова овладѣли страной, и еще долгое время послѣ кровавой сѣчи опасно было путешествовать безъ эскорта [2]).

Духовенство въ большой силѣ въ маронитской землѣ: болѣе четверти страны принадлежитъ церкви; по меньшей мѣрѣ двѣсти монастырей, обыкновенно расположенныхъ попарно, мужской рядомъ съ женскимъ, разсѣяны въ долинахъ Ливана, окруженные орѣшниками и другими развѣсистыми деревьями, господствующими надъ террасами виноградниковъ и плодородными равнинами. Священники женятся, но, овдовѣвъ, уже не могутъ вступать во второй бракъ; они выбираются монахами, такъ же, какъ и епископы, которые, въ свою очередь, назначаютъ изъ своей среды патріарха или *батрака*, подъ условіемъ утвержденія выбора папой. Богослуженіе совершается на древне-сирійскомъ языкѣ, непонятномъ ни вѣрующимъ, ни самимъ священнослужителямъ. Между маронитами очень многіе выучиваются французскому языку и свободно говорятъ на немъ, но рѣдко изучаютъ литературу этого языка, такъ какъ ихъ честолюбіе обыкновенно не заходитъ дальше должности драгомана или конторщика. Тѣ изъ нихъ, которые занимаются торговлей, вообще ведутъ дѣло безъ духа предпріимчивости и ограничиваются мелочнымъ торгомъ. Масса населенія осталась вѣрна наслѣдственному и рутинному труду воздѣлыванія виноградныхъ полей и фруктовыхъ садовъ: ему недостаетъ инициативы. Иностранные мастера и художники, по большей части греки, строятъ и украшаютъ его зданія; построенное маронитомъ обыкновенно тяжеловѣсно и некрасиво. Костюмъ его менѣе щеголеватъ и нарядевъ, чѣмъ костюмъ его сосѣдей, арабовъ и друзовъ [3]). Однако, средневѣковое маронитское искусство

[1]) Michaud et Poujoulat, „Correspondance d'Orient".

[1]) Lortet, „La Syrie d'aujourd'hui".
[2]) Van Lennep, „Bible Lands".
[3]) G. Palgrave, „Essays on Eastern Questions".

оставило нѣсколько зданій оригинальнаго стиля, украшенныхъ живописью и фресками. Маронитскіе ткачи въ Зукъ-Микаилѣ выдѣлываютъ прекрасные штофные обои, а золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера того края, сохранившіе способы финикійскаго и греческаго искусства, дѣлаютъ очень цѣнимыя украшенія изъ золота и серебра, отличающіяся большимъ художественнымъ достоинствомъ [1]).

Другіе католики-уніаты живутъ въ сосѣдствѣ пустыни, къ югу и къ западу отъ Дамаска, и эти христіане чистой арабской расы. Переселившіеся изъ Іемена задолго до начала христіанской эры и усиленные впослѣдствіи колонистами изъ Геджаса и Неджеда, эти «арабы-арабы», какъ они называютъ себя, чтобы тѣмъ засвидѣтельствовать свое незапятнанное происхожденіе, обратились въ христіанство около четвертаго столѣтія, и съ принятіемъ новаго культа получили имя «грековъ»; послѣ арабскаго завоеванія, нѣкоторое число ихъ сохранили свою религію, но господство православныхъ въ концѣ-концовъ показалось имъ тягостнымъ, и тогда, изъ любви къ независимости, они подчинились отдаленному владыкѣ, папѣ римскому, который позволилъ имъ имѣть свою собственную іерархію и замѣнить въ богослуженіи греческій языкъ арабскимъ; ихъ называютъ греко-уніатами, хотя они не связаны съ эллинами ни происхожденіемъ, ни вѣроисповѣданіемъ. Они называются также мелькитами или «царственными»; ихъ духовный глава, имѣющій пребываніе въ Дамаскѣ, принимаетъ титулъ патріарха антіохійскаго, александрійскаго и іерусалимскаго. Изъ всѣхъ христіанъ Азіи, латинянъ и грековъ, арабы-мелькиты пользуются наибольшимъ уваженіемъ; храбрость ихъ выше всякаго испытанія; ихъ природный умъ развитъ образованіемъ; они превосходно знаютъ свой языкъ, и даже тѣ, которые не изучали его литературы, говорятъ изящнымъ и чистымъ арабскимъ діалектомъ. Исполненные совершенно справедливой самоувѣренности, они не отступаютъ ни передъ какимъ предпріятіемъ, и нельзя не удивляться, какое огромное участіе такой маленькій народъ, численность котораго навѣрное не достигаетъ и 100.000 душъ, принимаетъ въ веденіи большихъ дѣлъ [2]).

Евреи—чужеземцы въ странѣ, которая принадлежала ихъ предкамъ, и которую они считаютъ своимъ отечествомъ; только въ Дамаскѣ они составляютъ общину, которая, кажется, происходитъ по прямой линіи отъ древней колоніи; изъ 6 милліоновъ евреевъ едва 40.000, слѣдовательно, около ста пятидесятой части націи, имѣютъ пребываніе въ своей первоначальной родинѣ: теперь средоточіемъ еврейства сдѣлались Польша и Галиція. Недавно палестинскіе іудеи всѣ были мограбины или «спаніолы», потомки сыновъ Израиля, изгнанныхъ изъ Испаніи инквизиціей: это сефардимъ или «люди книги». Караимы также живутъ въ небольшомъ числѣ въ Палестинѣ. Но съ половины настоящаго столѣтія еврейскіе переселенцы толпой направляются къ «Обѣтованной землѣ», и эти выходцы принадлежатъ почти всѣ къ другой группѣ ашкиназимъ или восточно-европейскихъ жидовъ. Въ сороковыхъ годахъ насчитывали уже ежегодно около сотни евреевъ, которые, чувствуя приближеніе смерти, покидали Россію, чтобы идти угасать въ Палестинѣ. Въ то время было общераспространенное вѣрованіе, что въ день страшнаго суда мертвые, погребенные въ «Святой землѣ», немедленно воскреснутъ, тогда какъ всѣ другіе должны будутъ прорывать себѣ, какъ кроты, подземный проходъ до священнаго мѣста, гдѣ ихъ вызоветъ трубный гласъ [1]). По талмудическому преданію, принимаемому евреями нѣмецкими, польскими, русскими и румынскими, Мессія, по пришествіи на землю, установитъ свой престолъ въ Сафедѣ: это и было причиной, побудившей главную еврейскую колонію поселиться у основанія древняго вулкана [2]). Тиверіада, гдѣ возродится Мессія, тоже получила многочисленныхъ колонистовъ, которые «всегда держатъ свой свѣтильникъ зажженнымъ», и тысячи поселенцевъ сгруппировались вокругъ храма іерусалимскаго. Недавнія преслѣдованія, которымъ подверглись евреи въ восточной Европѣ, ускорили эмиграціонное движеніе къ Іудеѣ, и многія земледѣльческія колоніи были основаны въ странѣ, особенно у подошвы горы Кармель, въ равнинѣ Эздраэлонъ; англійскіе филантропы также принимали живое участіе въ этомъ дѣлѣ и добились того, что имъ были уступлены для еврейскихъ колонистовъ великолѣпныя земли страны Галаадъ или Гилаадъ, въ Заіорданьѣ [3]). Дебюты этихъ колонизаціонныхъ предпріятій были плачевны: голодъ, нужда, болѣзни унесли въ могилу болѣе, чѣмъ десятаго изъ несчастныхъ бѣглецовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они принуждены были разбрестись въ разныя стороны, чтобы прошеніемъ милостыни поддерживать свое жалкое существованіе; нѣсколько партій этихъ горемыкъ были посажены обратно на суда, по приказанію турецкаго правительства. Тѣмъ не менѣе, массовая иммиграція, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть слѣдствіемъ увеличеніе важности еврейскаго элемента въ Палестинѣ. Сефардимы, которымъ до недавняго времени обязательно было носить черный тюрбанъ, отличаются благородствомъ осанки, кра-

[1]) G. Rey, рукописныя замѣтки.
[2]) G. Palgrave, цитированное сочиненіе.

[1]) J. G. Kohl, „Reisen in Süd-Russland“;—См. также „Voyages“ de Chardin.
[2]) De Vogüé, „Revue des Deux Mondes“, février 1875.
[3]) Laurence Oliphant, „The Land of Gilaad“.

сотой и правильностью чертъ лица; но болѣе рутинные, менѣе дѣятельные, менѣе образованные, чѣмъ ашкиназимы, они обречены на участь пролетаріевъ еврейской націи.

Арена борьбы между различными христіанскими вѣроисповѣданіями, оспаривающими другъ у друга право обладанія Гробомъ Господнимъ, земля древнихъ израильтянъ получила не только многочисленныхъ миссіонеровъ, но также колоніи европейскихъ земледѣльцевъ. Самыя богатыя—это колоніи швабскихъ протестантовъ, поселившихся близъ Яффы и въ Хаифѣ, у подошвы горы Кармель; эти колонисты принадлежатъ къ сектѣ «храмовниковъ», которая ожидаетъ пришествія Мессіи и хочетъ первой отвѣтить на его призывъ въ день страшнаго суда. Послѣ различныхъ перипетій, ихъ поселенія, поддерживаемыя добровольными вспомоществованіями, присылаемыми изъ метрополіи, получили нѣкоторую важность, какъ промышленные и торговые центры, откуда дороги расходятся въ разныя стороны къ окрестнымъ мѣстностямъ; эти поселенія утрачиваютъ мало-по-малу свой религіозный характеръ, чтобы превратиться въ экономическія предпріятія, и многіе колонисты работаютъ для самихъ себя внѣ общины. Спекулянты, греки и европейцы, завладѣваютъ, въ формѣ концессій, обширными территоріями въ самыхъ плодородныхъ мѣстностяхъ; одинъ купецъ получилъ на свою долю половину равнины Эздраэлонъ, съ двадцатью деревнями; земельная собственность переходитъ изъ рукъ въ руки, къ великому ущербу феллаховъ; старыя общины, въ которыхъ каждый имѣлъ по крайней мѣрѣ дѣйствительное право на владѣніе землей, и гдѣ *штора* (участокъ) неспособнаго къ работѣ обработывался его однообщественниками [1]), перестали существовать. Нужда увеличивается въ сельскихъ округахъ; деревни обезлюдниваются, число туземцевъ въ нихъ уменьшается, тогда какъ въ городахъ иностранныя колоніи возрастаютъ. Голодовки часто опустошаютъ страну. Сколько разъ крестьяне, за недостаткомъ хлѣба, принуждены были питаться зернами мальвы, сваренными въ деревянномъ маслѣ или въ молокѣ!

Народонаселеніе Сиріи и Палестины по вѣроисповѣданіямъ, въ приблизительныхъ числахъ:

Мусульманъ: суннитовъ—650.000; метуаловъ — 40.000; друзовъ — 120.000; ансаріеховъ — 150.000; грековъ православныхъ — 100.000.

Римско-католиковъ: маронитовъ—200.000; мелькитовъ — 80.000; сирійцевъ-уніатовъ и другихъ – 40.000; армянъ—20.000; евреевъ и самаритянъ—40.000; протестантовъ разныхъ сектъ—10.000.

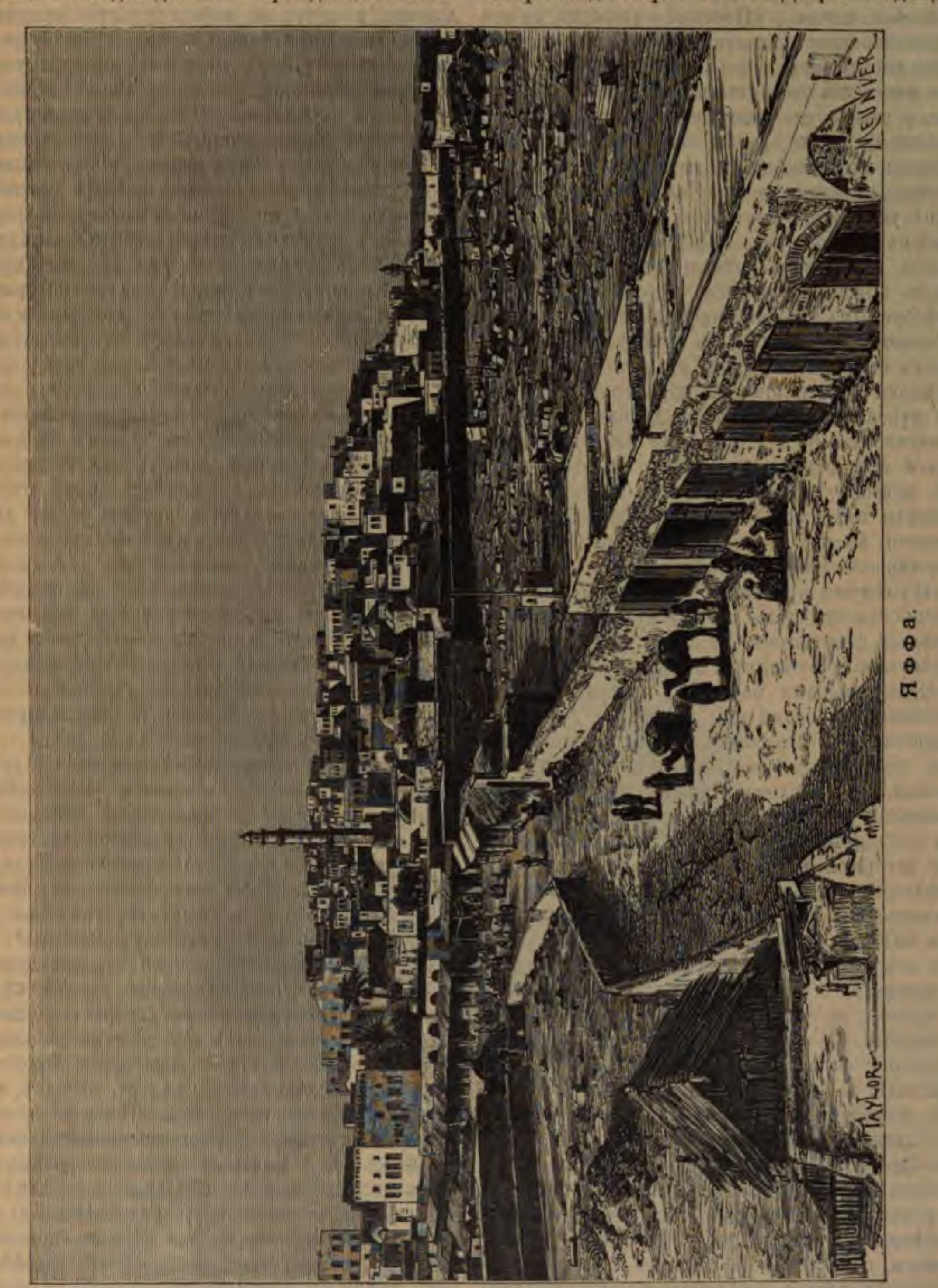
[1]) Conder, „Tent-work in Palestine".

Страна горной цѣпи Аманъ есть та область побережья Средиземнаго моря, между Малой Азіей и Египтомъ, въ которой сравнительно всего больше убавилось народонаселенія, и гдѣ городскія поселенія наиболѣе удалены одно отъ другаго. Древній городъ Иссъ (Issus), гдѣ Александръ Македонскій одержалъ побѣду, не существуетъ болѣе, и даже не знаютъ, которыя между многочисленными руинами слѣдуетъ признать за развалины греческаго города. Искандерумъ или Александретта, «Малая Александрія», частію покидается жителями за лѣтнее время: болота, которыми онъ окруженъ и міазмы которыхъ пытались задержать шпалерами тополей [1]), заражаютъ атмосферу и дѣлаютъ ее убійственной для европейцевъ: когда настаетъ сезонъ жаровъ, европейскіе резиденты удаляются въ живописный городъ Бейланъ, построенный на высотѣ 500 метровъ, на полускатѣ горы, огибаемой прелестной долиной, черезъ которую проходитъ водопроводъ съ двумя рядами аркадъ. Необходимо было бы ассенизировать александретскій портъ, занимающій самое благопріятное положеніе для того, чтобы сдѣлаться исходной точкой желѣзной дороги, соединяющей Евфратъ съ Кипрскимъ моремъ; вѣтры, спускающіеся съ сосѣднихъ горъ, иногда съ яростью низвергаются въ рейдъ; при всемъ томъ онъ представляетъ наименѣе опасное пристанище для судовъ на сирійскомъ берегу, и негоціанты выбрали его предпочтительно передъ другими гаванями для отправки хлѣба, получаемаго изъ плодородныхъ сельскихъ округовъ, заключающихся между Тавромъ, Евфратомъ и Оронтомъ: десять тысячъ верблюдовъ постоянно ходятъ навьюченные, взадъ и впередъ между Алеппо и Александреттой (цѣнность отпускной торговли александретскаго порта въ 1882 году 31.250.000 франковъ; движеніе судоходства: 130.000 тоннъ). Правда, что горный валъ Амана отдѣляетъ александретскій берегъ отъ равнинъ по теченію Оронта, но желѣзная дорога изъ Алеппо, проходя туннелемъ подъ Бейланскимъ переваломъ (выс. 686 метр.), имѣла бы надъ селевкійской линіей то преимущество, что она была бы короче. Одинъ изъ желѣзнодорожныхъ мостовъ проектированнаго пути проходилъ бы черезъ «Чортовъ оврагъ», на высотѣ 167 метровъ надъ бѣгущимъ по дну ущелья потокомъ. Въ равнинѣ Амка этотъ путь долженъ бы былъ раздвоиться, и одна вѣтвь его пошла бы къ Аинтабу черезъ городъ Килисъ, окруженный масличными рощами.

Алеппо или Халебъ, промежуточная станція каравановъ между Александретскимъ заливомъ и Евфратомъ, есть одинъ изъ большихъ городовъ турецкой Азіи, благодаря своему положенію въ центрѣ соединенія дорогъ; сверхъ того,

[1]) Kotschy, „Petermann's Mittheilungen", 1865, № 11

онъ пользуется той привилегіей, что имѣетъ проточныя воды; широкій поясъ воздѣланныхъ земель окаймляетъ оба берега рѣки Ковеикъ; алеппскіе садоводы имѣли прежде почти монополію вывоза фисташекъ [1]). Алеппо, древняя Берея, сама смѣнившая еще болѣе древній городъ, названіе котораго, Халебонъ или Халебо, возродилось въ Алеппо, во всѣ времена имѣлъ важное значеніе, какъ складочное мѣсто товаровъ: до открытія мыса Доброй Надежды



Яффа.

и морскаго пути въ Индію, онъ былъ въ числѣ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ земнаго шара. Еще очень многолюдный въ началѣ настоящаго столѣтія, онъ потерялъ въ одинъ день, во время землетрясенія 1822 года, боль-

[1]) Olivier, „Voyage dans l'Empire Ottoman"; — Volney, „Voyage en Egypte et en Syrie".

ше половины жителей. Съ этой роковой эпохи городъ не оправился вполнѣ; онъ даже сталъ склоняться къ упадку послѣ открытія Суэзскаго канала, который отвлекъ къ себѣ часть его торговли. Алеппо, «Пестрый» (намекъ на его разношерстное населеніе), принялъ эмигрантовъ всѣхъ расъ и всѣхъ религій: двѣ трети его населенія состоятъ изъ мусульманъ арабскаго языка, но христіане, армяне и другіе, евреи, ансаріехи, друзы тамъ очень многочисленны, особенно въ предмѣстьяхъ; сотни черкесовъ, изгнанныхъ изъ Болгаріи, тоже нашли тамъ убѣжище. Собственно городъ, заключенный въ оградѣ, около 6 километровъ въ окружности, перерѣзанъ узкими улицами, изъ которыхъ иныя совершенно прикрыты сводомъ, образуемымъ сходящимися выступами противоположныхъ домовъ. Въ центрѣ всѣхъ городскихъ строеній, базаровъ, караван-сараевъ для купцовъ и погонщиковъ верблюдовъ, мечетей съ куполами и минаретами, домовъ съ рѣшетчатыми окнами и нависшими выступами, высится искусственный холмикъ, высотой около 60 метровъ, откосы котораго, очень крутые, обшиты правильной пастилкой изъ большихъ камней; на этомъ холмѣ стоитъ крѣпость, выдержавшая осаду крестоносцевъ въ 1124 году. Разрушенная временемъ и землетрясеніями, алеппская цитадель не представляетъ теперь никакой стратегической цѣли, но она все еще имѣетъ величественный видъ, съ ея широкими четыреугольными башнями, потернами (подземными выходами изъ крѣпости), угловыми башенками и бастіонами. Укрѣпленныя казармы, построенныя за городомъ Ибрагимомъ-пашей, побѣдителемъ Низибаскимъ, замѣнили алеппскій замокъ, какъ оборонительный веркъ: въ нихъ можно помѣстить до 10.000 человѣкъ. Въ исторіи медицины сирійскій городъ хорошо извѣстенъ накожной болѣзнью, называемой «алеппскимъ бутономъ» (прыщи). Впрочемъ, эта болѣзнь, которой избѣгаютъ только немногіе изъ жителей, какъ туземцевъ, такъ и иностранцевъ, и которая поражаетъ даже собакъ и кошекъ, не есть недугъ, исключительно свойственный городу, отъ котораго онъ получилъ названіе: мы находимъ его также въ Орфѣ, въ Багдадѣ, во многихъ другихъ городахъ Востока, и особенно въ южной Персіи.

Главный городъ въ верхнемъ бассейнѣ Оронта—древній Эмессъ, названіе котораго измѣнилось теперь въ Гомсъ. Какъ и Алеппо, этотъ городъ созданъ торговлей; въ этомъ мѣстѣ пересѣкаются естественные торговые пути,—дорога, слѣдующая по теченію Оронта, и поперечная дорога, соединяющая Средиземное море съ Пальмирскимъ оазисомъ и съ Евфратомъ черезъ долину рѣки Нахръ-эль-Кебиръ; брешь, образующая долину этой рѣки между массивами Амана и цѣпью Ливана, указываетъ направленіе будущей желѣзной дороги между портомъ Триполи и бассейномъ Евфрата [1]. Въ осенній мѣсяцъ, послѣ сбора плодовъ, слишкомъ 10.000 верблюдовъ приходитъ по триполійской дорогѣ [2]). Въ Гомсѣ, какъ въ Алеппо, и почти во всѣхъ другихъ городахъ Сиріи, лежащихъ между горами и Евфратомъ, надъ массой городскихъ строеній господствуетъ искусственный холмъ, на которомъ высятся старинныя укрѣпленія, почти совершенно развалившіяся. Расположенный въ 4 километрахъ къ востоку отъ рѣки Оронта, городъ заключаетъ лишь незначительные остатки средневѣковыхъ зданій; отъ временъ языческой древности онъ сохранилъ только отрывки колоннъ и не имѣетъ ни одного обломка пышнаго храма, посвященнаго Солнцу, жрецы котораго были въ то же время цари, и которые восходили вмѣстѣ съ Геліогабаломъ на императорскій тронъ. Гомсъ былъ маленькимъ городкомъ въ началѣ настоящаго столѣтія; но въ послѣднее время онъ получилъ нѣкоторую важность, какъ промышленный городъ [3]); тамъ выдѣлываютъ, какъ и прежде, прекрасныя шелковыя матеріи, затканныя золотомъ; кромѣ того, ткутъ бумажныя и другія грубыя ткани, для потребленія Сиріи и бедуиновъ; шелкъ-сырецъ, ввозимый прежде исключительно изъ горъ Джебель-Ансаріехъ, теперь уже оказывается недостаточнымъ для удовлетворенія потребностей производства, и потому гомскіе ткачи выписываютъ этотъ матеріалъ изъ болѣе отдаленныхъ странъ; произведенія же мѣстной шелковой промышленности почти всѣ отправляются въ Египетъ, въ Аравію, въ Малую Азію.

Промышленное населеніе Гомса въ 1883 г.—12.000 лицъ; ткацкихъ станковъ—4.000; цѣнность произведеній во франкахъ—9.000.000. Лежащій на границахъ Сирійской пустыни, Гомсъ наводняется бедуинами въ базарные дни, ни одинъ городъ Сиріи не представляетъ большаго интереса для наблюдателя, чѣмъ Гомсъ, собраніемъ множества людей разныхъ расъ и религій. Къ арабскимъ племенамъ, живущимъ въ палаткахъ въ сосѣдствѣ города, недавно прибавились переселившіеся сюда черкесскіе кланы. Къ юго-западу отъ Гомса и выше озера Кадесъ, черезъ которое протекаетъ Оронтъ, англійскій изслѣдователь Кондеръ открылъ, на островообразномъ бугрѣ Телль-Неби-Мендехъ, обширныя руины, которыя онъ отожествляетъ съ Кадешемъ, «Святымъ городомъ» древнихъ гиттитовъ, гдѣ Рамзесъ II одержалъ, въ 1361 г. до Р. Х., большую побѣду, представленную въ ѳиванскомъ Рамессеумѣ; имя Кадешъ еще примѣняется къ мельницѣ, построенной въ сосѣдствѣ пригорка. Мраморы античныхъ храмовъ и саркофаговъ были недавно разбиты и упо-

---

[1]) V. Lovett Cameron, „Our futur Highway“.

[2]) Savoye, „Bulletin consulaire français“, 8-e fascicule, 1883.

[3]) Seetzen, „Reisen durch Syrien, Palästina“, etc.

треблены какъ матеріалъ для постройки сахароваренного завода [1]). Неподалеку оттуда находится пропасть, изъ которой бьетъ ключъ: по мусульманскому преданію, отсюда хлынули воды всемірнаго потопа; на одинъ четырехсторонній курганъ, возвышающійся на берегу озера, указываютъ какъ на Ноевъ ковчегъ [2]).

Гамахъ, построенный въ 46 километрахъ къ сѣверу отъ Гомса, на обоихъ берегахъ Оронта,— тоже городъ древняго происхожденія; нынѣшнее его названіе едва разнится отъ того, которое онъ носилъ четыре тысячи лѣтъ назадъ, въ ту эпоху, когда израильтяне вступили въ Обѣтованную землю. Это очень красивый городъ; наблюдаемый съ высотъ, онъ кажется раздѣленнымъ на нѣсколько городковъ садами и рощами фруктовыхъ деревьевъ, извивающимися въ видѣ зеленѣющихъ проливовъ между рядами бѣлыхъ домовъ; съ береговъ Оронта онъ имѣетъ еще болѣе живописный видъ, благодаря усѣяннымъ цвѣтами террасамъ берега и огромнымъ колесамъ водоподъемныхъ машинъ (норія), изъ которыхъ иныя имѣютъ 68 метровъ въ окружности; такъ какъ Нахръ-эль-Ази (Оронтъ) течетъ между высокихъ береговъ, то надо было прибѣгнуть къ этимъ громоздкимъ машинамъ, чтобы поднимать воду «Непокорной рѣки» до уровня садовъ. Вверхъ и внизъ по теченію средняя высота береговъ надъ рѣчнымъ ложемъ отъ 60 до 70 метровъ; оттого искусственное орошеніе очень затруднительно, и прибрежные жители по большей части ограничиваются обработкой *зоровъ* или «узкихъ полосъ», то-есть поясовъ низкой почвы, которые тянутся вдоль рѣки подъ береговыми утесами, и которые имѣютъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, до полверсты въ ширину. Эти наносныя земли, необычайно плодородныя, производятъ овощи всякаго рода, особенно лукъ, хлопчатникъ, кунжутъ; поля верхней долины, до самыхъ предѣловъ пустыни, засѣваются пшеницей и ячменемъ, и собираемый хлѣбъ, превосходнаго качества, разбирается нарасхватъ экспортерами. Промышленность Гамаха, уступающая размѣрами промышленности Гомса, состоитъ главнымъ образомъ въ выдѣлкѣ шелковыхъ и бумажныхъ матерій; около 3.000

Древняя гробница въ Данѣ.

[1]) Tawnsley, „Palestine Exploration Fund", april 1881.
[2]) Кондеръ, „Heth and Moab".

ткачей занимаются этимъ производствомъ, которое представляетъ годовую цѣнность около милліона франковъ [1]). Гамахъ прославился въ исторіи эпиграфіи надписями, которыя открылъ Бурхардтъ въ 1812 году на глыбахъ базальта, вставленныхъ въ стѣнахъ базара; теперь онѣ находятся въ константинопольскомъ музеѣ. Послѣдующія находки, сдѣланныя въ разныхъ частяхъ Сиріи и Малой Азіи, привели къ убѣжденію, что эти іероглифическія надписи, еще не разобранныя, принадлежали народу гиттитовъ, святой городъ которыхъ, Кадешъ, находился южнѣе, близъ озера Кадесъ [2]). Два городка, прежде укрѣпленные, Массіадъ и Кадмусъ, стоящіе на выступахъ или мысахъ Ансаріехскихъ горъ, къ юго-западу отъ Гамаха, замѣчательны какъ религіозные центры секты «убійцъ».

На сѣверъ отъ Гамаха населеніе становится все рѣже и рѣже въ долинѣ, гдѣ нездоровыя болота чередуются съ трудно доступными ущельями. Дороги изъ Алеппо проходятъ къ востоку отъ краевыхъ горъ Оронта, по неровному, немного бугроватому плоскогорью, средняя высота котораго отъ 350 до 400 метровъ; мѣстечки, окруженныя полями, засѣянными зерновыми хлѣбами, возникли въ этапныхъ пунктахъ. Марахъ-энъ-Ноаманъ, Серминъ, Риха заслуживаютъ даже названія городовъ; Эдлипъ или Идлибъ – цвѣтущій городъ, окруженный богатыми плантаціями, нивами и садами и имѣющій большіе мыловаренные заводы и ткацкія мастерскія. Эта область Сиріи одна изъ замѣчательнѣйшихъ своими остатками христіанскаго зодчества первыхъ вѣковъ нашей эры. Эль-Барахъ, лежащій въ самомъ сердцѣ горъ, къ юго-востоку отъ Рихи, можно назвать азіатской Помпеей: такъ хорошо сохранились его зданія, церкви, виллы и гробницы; нѣкоторые изъ частныхъ домовъ имѣютъ еще комнаты, окна, потолки и крыши, и надписи видны совершенно отчетливо; двери сдѣланы изъ цѣльныхъ плитъ, вращающихся на каменныхъ петляхъ [3]). Дана, на дорогѣ изъ Алеппо въ Антіохію, сохранила красивѣйшую гробницу, какая завѣщана римлянами Сиріи; г. де-Вогюэ успѣлъ разобрать время ея сооруженія: она была воздвигнута въ 324 году новой эры. Въ обширномъ треугольникѣ, заключенномъ между Алеппо, Гамахомъ и Антіохіей видны если не «триста шестьдесятъ пять городовъ», какъ говорятъ арабы, то по крайней мѣрѣ больше сотни христіанскихъ городовъ эпохи отъ четвертаго до седьмаго столѣтія, почти вполнѣ уцѣлѣвшихъ; если бы не землетрясенія, отъ которыхъ кое-гдѣ потрескались стѣны и обрушились своды, то зданіямъ недоставало бы только срубовъ драгоцѣннаго наслѣдія, которымъ не преминули воспользоваться строители новыхъ городовъ. Другіе матеріалы очень твердые базальты, которые легко найти въ каменоломняхъ страны, слишкомъ дорого стоило бы разбирать и перевозить.

Ниже большаго пролома Оронта и его поворота на сѣверѣ отъ массива Джебель-Коссеиръ, могущественный городъ охранялъ нѣкогда ворота внутренней Сиріи: Антіохія «прекрасная», «третій городъ въ свѣтѣ», уступавшій только Риму и Александріи. Мѣстоположеніе было выбрано какъ нельзя болѣе удачно для основанія большой столицы. Неподалеку оттуда, въ сѣверо-восточномъ углу Средиземнаго моря, Киликійскій заливъ наидалѣе вдается внутрь материка; тамъ именно находится то мѣсто, гдѣ соединяются три историческихъ пути. Одинъ направляется къ Константинополю, пересѣкая наискось полуостровъ Малой Азіи; другой достигаетъ Египта и Аравіи побережьемъ Сиріи и Палестины; третій, наконецъ, проникаетъ въ Месопотамію долиной Евфрата, которая напротивъ Антіохіи описываетъ огромный кругъ со стороны Средиземнаго моря. Сама природа указывала въ этомъ мѣстѣ положеніе большаго торговаго центра. Антіохія, въ самомъ дѣлѣ, была въ двѣ различныя эпохи однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ городовъ по движенію торговаго обмѣна, въ первые вѣка христіанской эры и во время господства крестоносцевъ: тогда караваны приносили туда драгоцѣнныя произведенія Индіи, и тысячи мастеровъ выдѣлывали тамъ дорогія ткани, извѣстныя на Западѣ подъ именемъ антіохійскаго сукна; итальянскіе купцы поселились тамъ цѣлыми колоніями. Но почва тамъ часто колеблется: ни одинъ городъ не страдалъ больше Антіохіи отъ землетрясеній. Въ 115 г. послѣ Р. Х. число людей, раздавленныхъ паденіемъ зданій, простиралось, говорятъ, до 200.000; это, вѣроятно, самая смертоносная катастрофа этого рода, какой человѣчество когда-либо подвергалось. Въ 585 году другое землетрясеніе опрокинуло городъ, и оставшіеся въ живыхъ антіохійцы тщетно пытались распознать мѣсто своихъ жилищъ среди грудъ развалинъ. Еще относительно недавно, въ 1822 и 1872 гг., внезапные подземные удары повалили половину домовъ. Осады, между прочимъ, осада 1098 года, отдавшая Антіохію во власть Боэмунда, тоже способствовали, съ своей стороны, измѣненію вида города. Оттого столица селевкидовъ сохранила очень мало остатковъ предшествовавшихъ періодовъ своего существованія: уцѣлѣла почти только одна ограда, воздвигнутая крестоносцами—итальянскими норманнами, да и та была частію разрушена египетскими солдатами Ибрагима-паши, которые выламывали изъ нея камень, чтобы добыть

[1]) Savoye, цитированный мемуаръ.
[2]) Richard Burton and Tyrwhitt Drake, „Unexplored Syria“.
[3]) D Vogüé et Waddington, „Syrie centrale“, „Architecture civile et religieuse“;—Selah Merill, „East of the Jordan“.

матеріалъ для постройки себѣ казармъ. Городская стѣна, нѣкогда обставленная по бокамъ ста тридцатью башнями, тянется по краю лѣваго берега Оронта, затѣмъ поднимается на югѣ по первымъ скатамъ горъ, гдѣ стояла сильная цитадель; громадный четыреугольникъ стѣнъ представляетъ собою «пустой гробъ; это могила Антіохіи: все, что заключалъ въ себѣ могущественный и цвѣтущій городъ, обратилось въ прахъ» [1]). Башни городской ограды донынѣ обозначаются своими старыми именами временъ Крестовыхъ походовъ, напоминающими о той значительной роли, которую играла Антіохія въ исторіи христіанства: здѣсь новая вѣра окрѣпла и окончательно сложилась въ самостоятельную религію. Въ Антіохіи родился Іоаннъ Златоустъ; одинъ изъ четырехъ великихъ патріарховъ грековосточной церкви имѣетъ пребываніе въ этомъ городѣ.

Городъ Антакіе, расположенный въ сѣверозападномъ углу древней антіохійской ограды, словно затерянъ среди садовъ и группъ фруктовыхъ деревьевъ: когда смотришь съ высоты холмовъ, господствующихъ надъ массой строеній съ сѣверной и южной стороны, видъ города напоминаетъ одно изъ тѣхъ обширныхъ кладбищъ Востока, гдѣ каждая могила имѣетъ свой кипарисъ, какъ здѣсь при каждомъ домѣ есть шелковичное дерево, смоковница или платанъ. Антакіе снова пріобрѣтаетъ постепенно нѣкоторую важность, благодаря своей довольно значительной отпускной торговлѣ и мыловаренному производству; основались компаніи для сельско-хозяйственной эксплоатаціи окружающихъ сельскихъ мѣстностей. Замѣчательнѣйшій памятникъ въ окрестностяхъ древней Антіохіи—запруда, которую Юстиніанъ велѣлъ построить на западѣ отъ крѣпости черезъ глубокій оврагъ Онопніетеса: эта плотина сохранилась еще почти въ цѣлости. Къ западу отъ Антіохіи, долина Оронта, то широко раздвигающаяся, то съуживающаяся и принимающая видъ тѣснины, необыкновенно живописна; боковыя долинки, откуда выходятъ текучія воды, покрыты сплошь зеленью; группа домовъ, Бейтъ-эль-Ма, указываетъ мѣстоположеніе древней Дафны, гдѣ стояли храмы Аполлона и другихъ языческихъ божествъ. Горы, замыкающія долину съ сѣверной стороны, извѣстны подъ именемъ Джебель-Семанъ или «горъ св. Симеона». Память знаменитаго столпника, «христіанскаго факира», какъ его называютъ туземные мусульмане, сохранилась во всей странѣ. Столпъ въ 30 локтей вышины, на которомъ онъ скончался, находился къ сѣверу отъ Антіохіи, близъ развалинъ Калатъ-Семанъ или «замка Симеона».

Нынѣшняя гавань города Антакіе—хорошенькая деревня Суэдіе, расположенная на южныхъ скатахъ и у основанія холма, огибаемаго на югѣ устьемъ Оронта; арабскія суда пристаютъ къ берегу верстахъ въ десяти къ югу отъ засореннаго порта Селевкіи. Рейдъ, на югѣ отъ Расъ-эль-Ханзира, имѣетъ ту выгоду, что онъ находится въ сосѣдствѣ Оронта; онъ былъ бы естественнымъ мѣстомъ отпускной торговли для всей богатой рѣчной долины, если бы морской берегъ представлялъ тамъ достаточную защиту отъ вѣтровъ. У основанія известковаго мыса, ограничивающаго съ сѣвера низменную равнину Оронта, древніе вырыли бассейнъ въ селевкійскомъ берегу, и до сихъ поръ еще видны разрозненные камни мола [1]); можно было бы расчистить этотъ маленькій портъ, очень недостаточный для нынѣшней торговли; но для большихъ судовъ, какія строятъ въ наши дни, надо бы было продолжить жете на цѣлую версту, и подходы къ нему все-таки были бы опасны. Проектированный портъ долженъ быть построенъ напротивъ деревни Суэдіе, близъ рѣчнаго устья, и соединенъ съ Антіохіей желѣзной дорогой, на которую давно уже выдана концессія. Селевкійскій холмъ изрытъ могильными склепами, и одна изъ дорогъ, направляющихся внутрь страны, пересѣкаетъ скалу рядомъ траншей и туннелей: это одно изъ величайшихъ сооруженій этого рода, оставленныхъ намъ древними.

Въ ту эпоху, когда въ стѣнахъ Антіохіи были скучены сотни тысячъ жителей, самымъ дѣятельнымъ портомъ этого города былъ не бассейнъ Селевкійскій, подходы къ которому были слишкомъ опасны: суда направлялись тогда большей частію къ Лаодикеѣ, лежащей, однако, въ сотнѣ километровъ къ югу, при небольшомъ заливѣ, который по берегамъ весь изрѣзанъ бухточками: одна изъ этихъ бухточекъ, съ тѣхъ поръ частію обмелѣвшая, была довольно вмѣстительна и довольно глубока, чтобы принимать многочисленныя суда, и со стороны открытаго моря молы и подводныя скалы защищали ее отъ волнъ. Несмотря на затруднительность сообщеній съ внутренними областями, черезъ Ансаріехскія горы, древняя Лаодикея, нынѣ называемая Латакіе, есть одна изъ морскихъ пристаней Алеппо, и тамъ поселилась маленькая европейская колонія. Городъ построенъ на террасѣ, въ верстѣ отъ пристани, дома которой расположены полукругомъ вдоль морскаго берега. Латакіе ведетъ большую торговлю очень крѣпкимъ табакомъ, производимымъ окружающими сельскими мѣстностями; табакъ этотъ отличается отъ другихъ чернымъ цвѣтомъ и особеннымъ запахомъ, происходящимъ отъ окуриваній на жаровняхъ изъ кедроваго дерева [2]). Городъ вывозитъ также фрукты, растительныя масла, зерновые хлѣба

[1]) Michaud et Poujoulat, „Correspondance d'Orient".

[1]) Ernest Renan, „Origines du Christianisme, Saint Paul".

[2]) Левъ Мечниковъ, рукописныя замѣтки.

и хлопокъ. Латакіе—одинъ изъ портовъ побережья, которые были предложены какъ исходные пункты евфратской желѣзной дороги. Проектированный рельсовый путь перешелъ бы на высотѣ около 500 метровъ порогъ хребта Аманъ и пересѣкъ бы Оронтъ передъ богатымъ мѣстечкомъ Эшъ-Шугръ.

Почти на половинѣ дороги изъ Латакіе въ Триполи, въ открытомъ морѣ напротивъ Ансаріехскаго берега, возвышается подводная скала въ 800 метровъ длины и 500 метровъ ширины, гдѣ тѣсно скучены дома. Это—островокъ Руадъ, древній Арадъ или Арвадъ, который командовалъ, четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, цѣлымъ царствомъ, простиравшимся за горы до долины Оронта. Тогда какъ столько другихъ столицъ исчезли съ лица земли, Арадъ существуетъ еще до-сихъ поръ, едва ли менѣе многолюдный, чѣмъ во времена его славы, но теперь единственная его промышленность—ловля губокъ; памятниковъ старины не сохранилось никакихъ, кромѣ развалинъ финикійскихъ стѣнъ, состоящихъ изъ огромныхъ камней, положенныхъ на обтесанныя скалы [1]). Въ древности городъ, которому было слишкомъ тѣсно на своей скалѣ, долженъ былъ продолжить свои кварталы далеко на морскомъ берегу, и до сихъ поръ еще видны руины этихъ «дщерей Арада» на непрерывномъ пространствѣ пятнадцати слишкомъ километровъ. Сѣверный кварталъ получилъ названіе Антарадъ (Antaradus) или «Противъ Арада»: это городъ, прославившійся въ средніе вѣка именемъ Тортозы, крѣпость, которая побѣдоносно оказала сопротивленіе Саладину въ 1188 году, и которая была послѣднимъ укрѣпленнымъ пунктомъ азіатскаго континента, очищеннымъ крестоносцами въ 1291 году, когда они удалились на островъ Кипръ. Сильная крѣпость и городскія стѣны Тортозы построены изъ большихъ камней, безъ сомнѣнія, принадлежавшихъ финикійскимъ памятникамъ. Но не всѣ остатки арадскаго зодчества исчезли. Въ одномъ изъ южныхъ кварталовъ континентальнаго Руада, называвшемся Маратъ, нынѣ Амридъ, находится памятникъ, какъ полагаютъ, самый древній во всей землѣ Ханаанской и единственный еще легко узнаваемый семитическій храмъ: жители края справедливо называютъ его Эль-Маабедъ, то-есть «Святилище». Этотъ храмъ возвышается въ формѣ куба на четыреугольномъ дворѣ, высѣченномъ въ скалѣ и нѣкогда частію наполненномъ водами священнаго пруда, гдѣ плавалъ «кивотъ», подобный кивоту завѣта евреевъ.

Главные города сѣверной Сиріи, съ ихъ приблизительнымъ народонаселеніемъ:

Алеппо—127.000 жит.; Гамахъ (по Савуа)—39.600; Гомсъ (по Савуа)—35.000; Антакіе или Антіохія—24.000; Эдлипъ (по Камерону)—

[1]) E. Renan, „Mission en Phénicie“.

20.000; Латакіе (по Лорте)—10.000; Александретта—3.500; Киллисъ—5.200; Риха—1.600 Руадъ (по Реанну)—1.300 жит.

Въ арадской равнинѣ видны также и другіе остатки финикійской старины. Такъ, на высотахъ дорогами командуютъ горделивыя цитадели, какова, напримѣръ, Сафита или Кастель-Бланко, которую оспаривали другъ у друга крестоносцы и сарацины. Одна изъ террасъ этой горной страны носитъ гигантскія развалины Хоснъ-Солимана, священной ограды, наилучше сохранившейся изъ всѣхъ памятниковъ этого рода, существующихъ въ Сиріи: это былъ *гарамъ*, подобный оградѣ іерусалимскаго «святилища»; храмъ, который онъ заключалъ, былъ посвященъ Юпитеру Баотекейскому [1]). Сильная крѣпость Калатъ-эль-Хоснъ, называемая檔 Кракъ историками крестовыхъ походовъ, командовала проходами рѣки Нахръ-эль-Кебиръ, къ западу отъ Гомса. На сѣверѣ отъ Тортозы береговой дорогой командуетъ замокъ Маргатъ, нынѣ Маргабъ, который принадлежалъ франкамъ съ 1140 по 1285 годъ. Всѣ эти замки были въ большей части построены европейскими каменщиками; мѣтки на камняхъ для подбора ихъ при кладкѣ почти всѣ сдѣланы латинскими буквами [2]).

Тарабулусъ или Триполи, одинъ изъ многихъ «тройныхъ городовъ», существовавшихъ въ разныхъ частяхъ древняго міра, есть портъ сѣвернаго Ливана и въ то же время пристань Гомса и Гамаха на верхнемъ Оронтѣ. Въ финикійскую эпоху онъ былъ общей конторой трехъ городовъ Тира, Сидона и Арада: отсюда и самое имя его, которое онъ нынѣ заслуживаетъ по другой причинѣ. Городъ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей: замка Синджиль или св. Эгидія (Saint Gilles) [3]), бывшаго дворца графовъ триполійскихъ, стоящаго на холмѣ надъ извилистой и зеленѣющей долиной потока Нахръ-Кадиша; верхняго города, или «горы богомольцевъ» (такъ его называли крестоносцы), занимающаго, на лѣвомъ берегу рѣчки передовую террасу предгорій Ливана, и «морской пристани» или «Эль-Мина», построенной въ 2 километрахъ къ сѣверо-западу, на узкомъ полуостровѣ, гдѣ еще видны остатки средневѣковыхъ укрѣпленій. Нѣсколько подводныхъ камней, въ полверстѣ отъ морскаго берега, составляютъ обломки мола Бакаръ, нѣкогда защищавшаго портъ отъ страшныхъ западныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ: разорванный на многихъ пунктахъ, этотъ волноразбиватель не защищаетъ болѣе мѣста якорной стоянки судовъ, и въ рейдѣ часто случались кораблекрушенія.

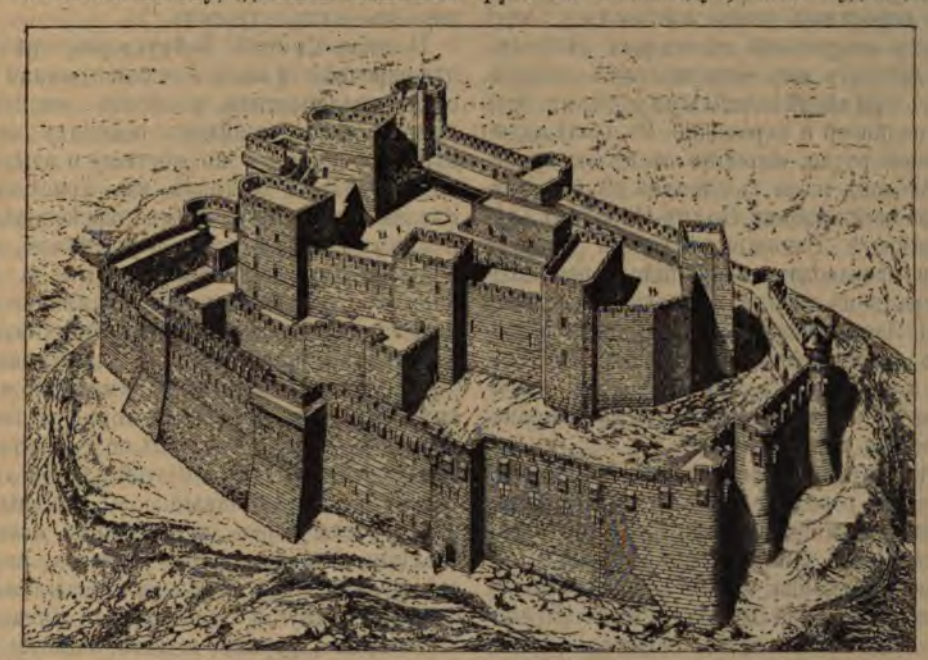
[1]) G. Rey, „Essai géographique sur le nord de la Syrie, Notes manuscrites“.

[2]) G. Rey, „Monuments de l'architecture militaire des Croisés“.

[3]) G. Rey, „Les Colonies francques de Syrie au douzième et treizième siècles“.

когда дуетъ аквилонъ. Во времена крестовыхъ походовъ, Триполи, который занимали лангедокцы и провансальцы, былъ главнымъ центромъ торговли Запада на сирійскимъ берегахъ; четыре тысячи ткацкихъ станковъ производили тамъ шелковыя матеріи и камлоты или ткани изъ верблюжьей шерсти; кромѣ того тамъ отливали стекло; въ то же время городъ служилъ складочнымъ мѣстомъ драгоцѣнныхъ товаровъ, сдѣлавшихъ имя Востока синонимомъ «страны сокровищъ»; изъ этого же города сахарный тростникъ былъ впервые привезенъ въ Сицилію, откуда онъ распространился въ Андалузіи и въ Новомъ Свѣтѣ. Триполи, ученый городъ, гдѣ крестоносцы, по прибытіи въ край, первымъ дѣломъ сожгли библіотеку, сдѣлался главнымъ разсадникомъ науки для западныхъ народовъ; арабы, несторіане, іаковиты преподавали тамъ философію, исторію, медицину. Въ наши дни сирійскій городъ не имѣетъ болѣе университета, но, какъ торговый центръ, онъ быстро возрастаетъ. Избранный конечнымъ пунктомъ будущей желѣзной дороги, которая перейдетъ раздѣльный гребень на высотѣ 335 метровъ и направится въ Алеппо черезъ Гомсъ и Гамахъ, Триполи получаетъ уже изъ этихъ двухъ городовъ караванами болѣе двадцати тысячъ тоннъ товаровъ [1]). Онъ вывозитъ шелкъ-сырецъ и грубыя ткани, великолѣпные апельсины, табакъ, отличныя вина, получаемыя изъ сельскихъ мѣстностей Эль-Марджъ, между двумя названными городами, и фабрикуетъ мыло, отправляемое главнымъ образомъ въ Малую Азію и на островъ Кипръ. Жители Триполи и маленькаго сосѣдняго порта Батрунъ, лежащаго къ юго-западу, занимаются также ловлей губокъ, которыя считаются лучшими на всемъ сирійскомъ побережьѣ и ловля которыхъ съ каждымъ годомъ принимаетъ все болѣе и болѣе обширные размѣры. Инціаторами этого новаго промысла были греки съ Архипелага, но число ихъ уменьшилось теперь до нѣсколькихъ экипажей; сирійскіе ловцы стали такъ же искусны, какъ и ихъ учители, и имѣютъ надъ ними то преимущество, что живутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ мѣстомъ ловли.

Губковый промыселъ въ Триполи и въ Батрунѣ въ 1874 году [1]): 300 судовъ; цѣнность улова: 600.000 франковъ. Цѣнность губокъ, привезенныхъ въ Бейрутъ въ 1880 г.: 2.000.000 франковъ.



Калатъ-эль-гознъ.

Положеніе Триполи по близости «Святой долины», маронитскихъ городковъ Эдена и Бшарреха и Кедроваго плоскогорья, также способствуетъ увеличенію движенія иностранныхъ путешественниковъ. Прежде послѣдніе быстро проѣзжали равнину садовъ, отдѣляющую морскую пристань отъ «Горы пилигримовъ», опасаясь болотныхъ міазмовъ; но произведенное въ послѣднее время лучшее распредѣленіе водъ сдѣлало эту мѣстность менѣе опасной въ санитарномъ отношеніи.

Древній Ботрисъ, нынѣ эль-Батрунъ, представляетъ теперь бѣдное рыболовное мѣстечко. Джебайль, Гевалъ евреевъ и Библосъ грековъ,

[1]) Savoye, „Recueil consulaire français", 8-e fascicule, 1883.

[1]) Lortet, „La Syrie d'aujourd'hui".

тоже совершенно пришелъ въ упадокъ и занимаетъ лишь небольшую часть городской ограды, которая была построена крестоносцами. Библосъ, «Святой городъ», гдѣ поклонялись башнѣ Ваалатъ, то-есть «Дамѣ», и гдѣ родился богъ Таммузъ, «Сынъ жизни», Адонисъ грековъ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ; онъ предшествовалъ Тиру и Сидону, и самая древность дала ему право на святость. Маленькая гавань, пространствомъ не больше гектара, разстилается полукругомъ передъ городомъ, защищенная отъ вѣтровъ и волненія полуразрушеннымъ моломъ. Джебайль, всѣ античные памятники котораго были систематически разрушены христіанами, заключаетъ въ своихъ стѣнахъ только средневѣковыя развалины; но окрестныя скалы высѣчены въ видѣ обширныхъ некрополей; нѣкоторыя мѣста погребенія состоятъ изъ естественныхъ пещеръ, запертыхъ при входѣ каменными плитами, безъ всякихъ надписей и украшеній. Въ скалѣ видно еще древнее русло, вырытое съ цѣлью провести въ Библосъ воды священной рѣки Адониса, называемой арабами Нахръ-Ибрагимъ (рѣка Авраама) [1]). Сельскія мѣстности вокругъ Джебайля производятъ славящійся превосходнымъ качествомъ табакъ, который посылается отсюда въ Латакію или Лаодикею, гдѣ его подвергаютъ окончательной обработкѣ. На югѣ, богатыя маронитскія долины Кесруана отправляютъ часть своихъ земледѣльческихъ произведеній черезъ бухту Джуни.

Бейрутъ, важнѣйшій по торговлѣ и самый многолюдный городъ сирійскаго побережья и одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ по своей чудной панорамѣ, которую, по выраженію одного путешественника, «смѣло можно поставить на-ряду съ панорамой Неаполя и Константинополя [2]),—тоже ведетъ свое начало со временъ глубокой древности: это—Беритъ финикіянъ, основанный богомъ Эль въ одинъ день съ Библосомъ. «Онъ былъ первый городъ, который Время, сотворенное одновременно съ нимъ, увидѣло появившимся на землѣ; это корень жизни, колыбель городовъ, первоначальная царица міра [3]). Финикійско-римскій городъ находился восточнѣе, при рѣкѣ, называемой нынѣ Нахръ-Бейрутъ; онъ постепенно передвинулся къ западу, по направленію къ мысу, образующему самый острый выступъ прибережья на сѣверѣ отъ горы Кармель или Кармилъ. Однако, морской берегъ плохо защищенъ въ этихъ водахъ, и судамъ, стоящимъ на якорѣ въ рейдѣ, часто приходится страдать отъ бурь и непогодъ. Городъ, не обнесенный стѣнами, тянется по берегу моря на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ, а задніе кварталы его продолжаются внутрь материка на первыхъ скатахъ холмовъ; далѣе виллы сотнями разсѣяны на высотахъ среди садовъ и пальмовыхъ рощъ. Съ западной стороны, дюны изъ краснаго песку постепенно засыпаютъ сады; движеніе песчаныхъ горокъ совершенно останавливается на югѣ тамъ, гдѣ тѣсно скучены огромныя сосны и ели, шумящія при морскомъ вѣтрѣ: этотъ боръ «sapinoie», какъ его называетъ Гильомъ Тирскій, историкъ крестовыхъ походовъ, составляетъ славу Бейрута, который отъ него, вѣроятно, и получилъ это имя. Среди круга домовъ и засѣянныхъ полей, опоясывающихъ лѣсъ, можно подумать, что находишься гдѣ-нибудь въ пустынѣ: городской шумъ смѣшивается съ шумомъ отдаленной зыби моря. Вѣроятно, нѣкогда весь Бейрутскій массивъ, къ югу отъ песковъ, былъ островомъ [1]).

[1]) Renan, „Mission en Phénicie“.
[2]) Fr. Lenormant, „Exploration“, 15 juin 1883.
[3]) Nonnos, „Dyonisiaques“, пѣснь 41.

Подобно Смирнѣ, Бейрутъ уже принялъ почти европейскій видъ. Его иностранная колонія очень малочисленна, и тысячи левантинцевъ, грековъ, даже сирійцевъ походятъ на западныхъ европейцевъ по костюму и языку; половина населенія состоитъ изъ христіанъ, принадлежащихъ къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ и сектамъ—маронитовъ и латинянъ, армянъ уніатовъ, грековъ православныхъ и католиковъ, протестантовъ всякаго наименованія. На улицахъ щегольскіе экипажи сталкиваются съ вереницами навьюченныхъ верблюдовъ; на «французской» дорогѣ, поднимающейся по легкимъ всходамъ на склоны горъ, ѣздятъ дилижансы и фуры, тогда какъ по тропинкамъ, извивающимся рядомъ съ этой дорогой, тянутся вереницей навьюченные ослы и мулы. Населеніе учетверилось съ половины настоящаго столѣтія. Бейрутъ, портъ Дамаска, получаетъ всѣ произведенія деревень, расположенныхъ одна надъ другой на террасахъ Ливана; «золотое вино», фрукты, шерсть, а также коконы и шелкъ-сырецъ, какіе болѣзнь шелковичнаго червя оставляетъ еще горнымъ шелководамъ (производство шелководства въ Сиріи въ 1877 году: 1.925.000 килограммовъ коконовъ, 140.000 килограммовъ шелка-сырца). Ввозъ иностранныхъ товаровъ неперестаетъ возрастать.

Цѣнность торговаго обмѣна въ Бейрутѣ въ 1878 году: привозъ—24.250.000 франковъ, вывозъ—32.500.000 франковъ.

Движеніе судоходства въ портѣ въ 1879 г.: 392 парохода, вмѣстимостью—291.420 тоннъ; 2.300 парусныхъ судовъ, вмѣстимостью—62.000 тоннъ. Всего 2.692 судна, вмѣстимостью—353.420 тоннъ.

Во внѣшней торговлѣ почти равная доля по количеству грузовъ принадлежитъ коммерческимъ флотамъ трехъ государствъ: Англіи, Франціи и Австро-Венгріи. Увеличеніе торговли не позволяетъ болѣе морякамъ довольствоваться открытымъ рейдомъ, гдѣ становятся на якорь

[1]) Prutz, „Aus Phenizien“.

и женщины, запертыя въ гаремѣ, имѣютъ цвѣтъ лица не болѣе смуглый, чѣмъ у итальянокъ, тогда какъ въ городахъ Техамы лица у жителей почти черныя. Впрочемъ, очень большое число негровъ и другихъ чернокожихъ африканцевъ были привезены на полуостровъ, въ качествѣ невольниковъ или солдатъ, и акклиматизировались въ странѣ, скрещиваясь съ кореннымъ ея населеніемъ; но на плоскогорьѣ центральной Аравіи, въ Хейбарѣ, г. Гюберъ встрѣтилъ чисто-негритянское населеніе. То же самое мы видимъ на восточномъ берегу Аравіи: въ нѣкоторыхъ округахъ области Хаза можно подумать, что находишься гдѣ-нибудь на берегахъ Мозамбикскаго поморья. Ввозъ черныхъ невольниковъ и теперь продолжается; по Малькольму, въ 1878 году въ Іеменѣ было ввезено по крайней мѣрѣ 2.000 негровъ.

Всѣ арабы называютъ себя магометанами и всѣ строятъ свои дома, оріентируя къ *киблѣ*. Послѣднія племена, сохранившія древніе, предшествовавшіе исламу, культы, были истреблены въ началѣ настоящаго столѣтія оружіемъ вагабитовъ: это были народцы Ассира, которыхъ ихъ естественныя твердыни, горы, хорошо защищали отъ обратителей въ новую вѣру. Древняя политеистическая религія состояла главнымъ образомъ въ поклоненіи звѣздамъ, представленнымъ на землѣ идолами; но у аравійскихъ сабеянъ не было ученой теологіи въ родѣ той, какую вавилонскіе жрецы выдумали, чтобы объяснить всѣ таинственныя явленія на землѣ и на небѣ. Культъ ихъ былъ очень простъ: обожаніе чернаго камня Мекки и трехсотъ шестидесяти окружавшихъ его идоловъ, молитвы, колѣнопреклоненія передъ священными предметами—вотъ все, къ чему сводилась религія арабовъ до Магомета. Священная книга мусульманъ тоже отличается простотой содержащагося въ ней ученія. Разсказы, чудеса и святые іудейства и христіанства допущены въ Каранъ въ томъ видѣ, какъ они были воспроизводимы или изображаемы мѣстнымъ преданіемъ; остальное состоитъ изъ нравственныхъ правилъ, часто противорѣчивыхъ. Основу ученія составляетъ единство Бога, строжайшій монотеизмъ, представляемый древнимъ мѣстнымъ богомъ Аллатомъ или Аллахомъ, восторжествовавшимъ надъ всѣми сосѣдними богами, подобно тому, какъ восторжествовалъ Іегова въ Палестинѣ надъ Вааломъ, Камошемъ и другими покровителями племенъ, воевавшихъ съ израильтянами. Поклоненіе Единому Богу и, для вѣрующаго, право «ходить по головамъ своихъ враговъ», порабощать и даже истреблять ихъ, наложеніе руки на богатства земли, увѣренность получить на томъ свѣтѣ богатства рая—въ этомъ заключается вся вѣра мусульманина. Неожиданные тріумфы учениковъ Магомета, громадная добыча, которую они завоевали въ первые годы, и которая доставила каждому ребенку побѣдителей годовой доходъ въ двѣсти *дирхемовъ* серебра [1]), казалось, оправдывали ихъ въ глазахъ свѣта и доставили имъ необыкновенный престижъ у сосѣднихъ населеній. Со всѣхъ сторонъ стекались обращенные въ исламъ; сирійцы, египтяне, принадлежавшіе къ христіанству лишь для формы и всегда сохранявшіе, подъ внѣшностью православія, свой древній политеистическій культъ, безъ труда перемѣнили вѣру. Благодаря простотѣ своего ученія, понятнаго всякому, магометанство поддерживаетъ у своихъ послѣдователей большую силу сцѣпленія, и пропаганда его продолжается въ Африкѣ, въ Индіи, даже въ Китаѣ. Тогда какъ обращеніе магометанина въ христіанство—фактъ почти неслыханный, несмотря на сотни христіанскихъ миссіонеровъ, проповѣдующихъ на Востокѣ, случается довольно часто, что христіане, по убѣжденію или изъ личныхъ выгодъ, переходятъ въ лоно ислама.

Однако, религіозное рвеніе, ознаменовавшее первые вѣка ислама, теперь существуетъ лишь у небольшаго числа правовѣрующихъ, и большинство мусульманъ могутъ считаться таковыми лишь по рутинному исполненію обычныхъ обрядностей и повторенію освященныхъ формулъ или молитвъ. Оттого отъ времени до времени въ средѣ магометанства появлялись реформаторы, призывавшіе его къ ревности, отличавшей старую вѣру, и къ строгому соблюденію правилъ и обрядовъ религіи. Послѣднимъ по времени и, быть можетъ, важнѣйшимъ изъ этихъ пробужденій была попытка реформы, сдѣланная однимъ арабомъ изъ Неджеда, Могамедомъ-Ибнъ-Абдъ-эль-Вагабомъ, по имени котораго его послѣдователи получили названіе вагабитовъ. Онъ родился, вѣроятно, въ послѣднихъ годахъ восемнадцатаго столѣтія и началъ свою проповѣдь, кажется, между 1740 и 1750 гг., послѣ изученія мусульманскаго богословія въ Дамаскѣ, въ Бассорѣ и въ Багдадѣ. Преслѣдуемый своими земляками въ Неджедѣ, по причинѣ религіозныхъ споровъ и распрей, порожденныхъ имъ среди населенія, онъ удалился къ шейху Сауду, главѣ племени аназеховъ, и соединился съ нимъ, какъ братъ: одинъ былъ слово, другой мечъ «новаго ислама». Однако, они не имѣли въ виду основать какую-либо новую секту; стремленія ихъ были направлены лишь къ тому, чтобы вернуть мусульманъ къ первоначальной простотѣ вѣры и чистотѣ жизни. Эти «янсенисты» ислама порицали пышность религіозныхъ обрядовъ, роскошь мечетей, употребленіе дорогихъ тканей, «пустую и неопрятную» привычку курить табакъ; они не признавали никакой привилегіи за духовенствомъ, отвергали, какъ богопротив-

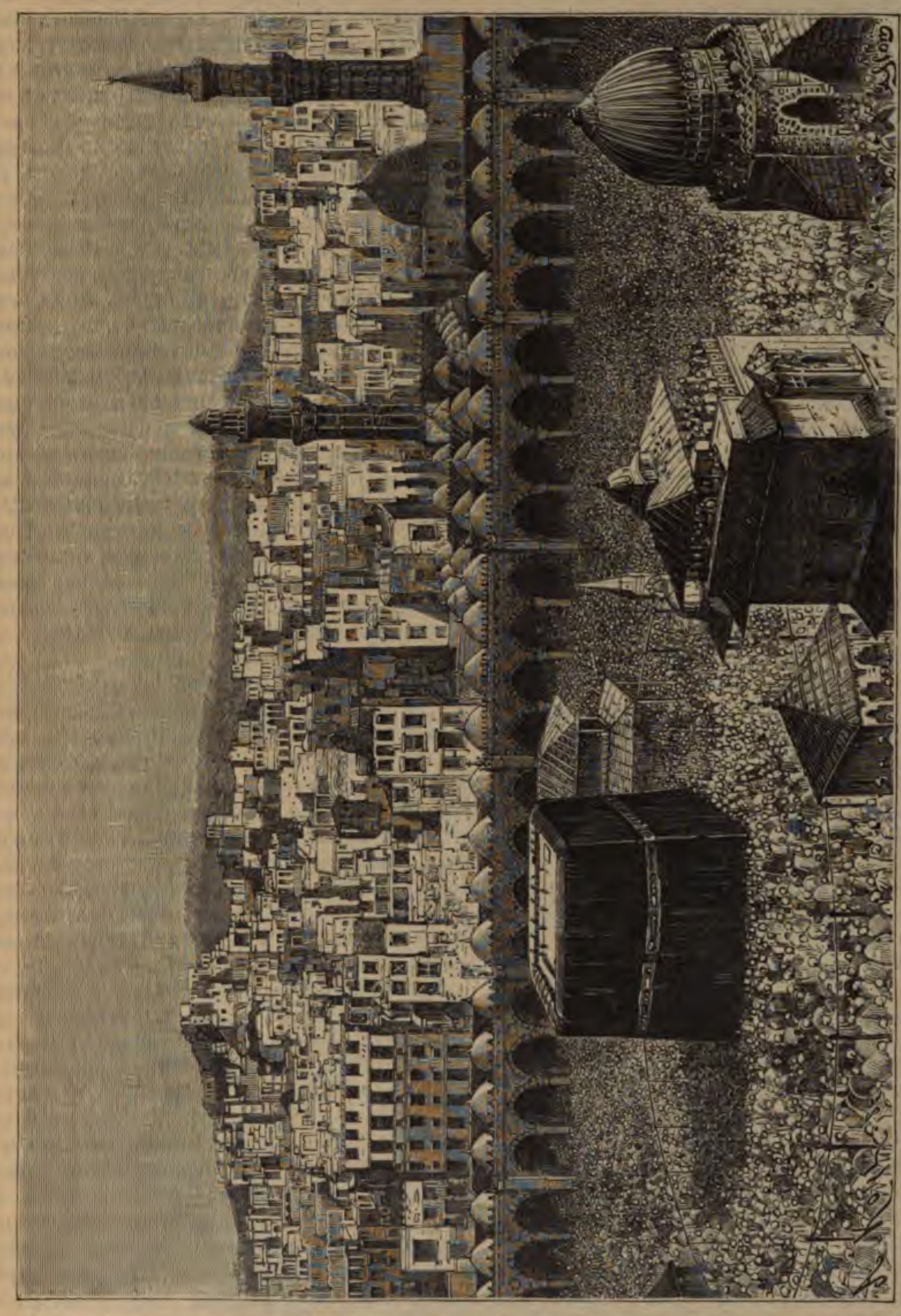
[1]) Sprenger, „Mohamme"; — Alfred von Kremer, „Kulturgese chichtliche Streifzüge".

ную, всякую молитву, вознесенную къ престолу Всевышняго черезъ посредниковъ, не исключая и Пророка, и обязывались возобновить войну противъ всѣхъ невѣрныхъ; они одни, вѣрные исполнители закона, имѣли право называться мусульманами; всѣ другіе были нечистые кафиры, *мушкирины* или политеисты. Религіозная реформа осложнилась соціальной революціей. Массы бѣдняковъ арабовъ, бѣглыхъ или оттѣсненныхъ могущественными племенами въ безплодныя пустыни, присоединились къ новой сектѣ, чтобы снова завоевать себѣ мѣсто на солнцѣ, опять найти разомъ земли, стада и гордость расы. Съ половины восемнадцатаго столѣтія почти весь Неджедъ, вокругъ главнаго города Эль-Деррейе, былъ обращенъ мечомъ къ ученіямъ вагабитовъ; затѣмъ кругъ завоеваній постепенно расширялся за предѣлы центральнаго нагорья. Въ 1783 г., въ послѣдніе годы жизни Вагаба, сектанты простерли свою дерзость до того, что, къ ужасу всего мусульманскаго міра, стали нападать на караваны хаджей, направлявшіеся къ Меккѣ; въ 1799 году они были настолько могущественны, что сами совершили пилигримство къ Каабѣ, подъ предводительствомъ Сауда, внука шейха Сауда, товарища Вагаба, и вскорѣ послѣ того, въ 1801 году, вагабиты, въ числѣ двадцати тысячъ человѣкъ, разграбили шіитскую мечеть въ Кербелѣ, гдѣ со временъ Надиръшаха накопились несмѣтныя сокровища, образовавшіяся изъ приношеній персіянъ. Наконецъ, въ 1803 г. послѣдователи Вагаба овладѣли самой Каабой, а въ слѣдующемъ году вступили въ Медину; четыре дороги пилигримовъ, дороги изъ Египта, изъ Дамаска, изъ Персіи и изъ Іемена были перерѣзаны ими, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ хаджи могли посѣщать священный камень не иначе, какъ высаживаясь съ кораблей въ Джеддѣ, которою вагабиты не успѣли овладѣть. Въ ту эпоху новое государство представляло народы Аравіи предъ лицомъ турокъ и персіянъ: власть Сауда распространялась на большую часть полуострова, и дружины его подвигались въ сирійскую пустыню до Евфрата и до окрестностей Алеппо и Дамаска. Однако, Оманъ, Гадрамаутъ оставались внѣ предѣловъ «новаго ислама», а Іеменъ подвергался лишь быстрымъ набѣгамъ. Впрочемъ, преобладаніе вагабитовъ продолжалось не долго, всего около десятка лѣтъ; другіе мусульмане не могли сносить исключенія ихъ изъ святыхъ городовъ, и съ своей стороны, султанъ, наслѣдникъ калифовъ, долженъ былъ опасаться потерять престижъ своего титула, если бы ему не удалось возстановить свой авторитетъ въ Меккѣ и Мединѣ. Въ 1812 и 1813 годахъ египетская армія завоевала обратно побережье Геджаса, затѣмъ проникла во внутренность страны, гдѣ сражалась съ перемѣннымъ счастьемъ, и, наконецъ, въ 1817 г. Эль-Деррейе, столица новой имперіи, была взята Ибрагимомъ-пашей. Храбрый Саудъ, «Отецъ усовъ», умеръ за три года до катастрофы.

Со времени пораженія вагабитовъ царство ихъ вновь организовалось, но оно уже не самое могущественное въ центральной Аравіи; государство Джебель-Шаммаръ, главный городъ котораго Гайль, пріобрѣло первенство, и нравы въ этой странѣ чужды того фанатизма, какимъ проникнуты ея сосѣди; персіяне-шіиты пользуются тамъ полной вѣротерпимостью, и туда призываютъ даже евреевъ изъ Іемена, этихъ презираемыхъ потомковъ нѣкогда могущественныхъ іудейскихъ колоній, которые издавна поселились въ западной Аравіи, и вліяніе которыхъ такъ замѣтно отразилось въ разсказахъ и предписаніяхъ Корана. Пропаганда вагабитизма продолжается за предѣлами Аравіи, особенно въ Индіи, и даже, быть можетъ, число мусульманъ «реформатовъ» въ настоящее время болѣе значительно, чѣмъ въ эпоху побѣдъ Сауда; но теперь движеніе имѣетъ преимущественно религіозный характеръ, и до сихъ поръ предосторожности, принятыя англичанами въ видахъ предупрежденія возстаній, увѣнчались успѣхомъ: опасность пришла не отъ магометанскихъ подданныхъ Великобританіи.

Въ самой Аравіи бо̀льшая часть населенія, называемаго мусульманскимъ, осталась совершенно въ сторонѣ отъ религіозныхъ войнъ, возбужденныхъ новымъ исламомъ. Бедуины-кочевники не дали себя увлечь въ вагабитское движеніе, къ которому они примыкали только, что̀ случалось не разъ, чтобы сопровождать вагабитовъ въ грабительскихъ экспедиціяхъ. Магометанство ихъ состоитъ просто въ томъ, что они говорятъ: «Аллахъ есть Аллахъ», и призываютъ его въ свидѣтели въ своихъ утвержденіяхъ; но не молятся ему и не воздаютъ благодареній. Изъ всѣхъ «благородныхъ» степныхъ племенъ одно только, шаммары, имѣютъ муллу, состоящаго на жалованьѣ у шейха, который усвоилъ привычки горожанъ. Полу-касты феллаховъ, обработывающихъ поля на берегахъ рѣкъ, презираются бедуинами, не только по причинѣ ихъ осѣдлаго образа жизни и угнетенія, которое они переносятъ, но также по причинѣ ихъ религіозныхъ обрядовъ, на которые «сыны пустыни» смотрятъ, какъ на признакъ униженія. Вѣроятно, слѣды древняго сабеизма еще имѣютъ у бедуиновъ перевѣсъ надъ магометанскимъ вліяніемъ, такъ какъ, по свидѣтельству многихъ путешественниковъ, различныя племена сохранили обычай привѣтствовать поклономъ восходящее солнце; одинъ народецъ, зедіехи, въ сѣверныхъ равнинахъ, говорятъ, молится также падшему ангелу, подобно іезидамъ; но это поклоненіе «діаволу» ни мало не скандализируетъ ихъ сосѣдей; боль-

ше удивляются тому, что зедіехи носятъ рубашки съ вырѣзками въ формѣ квадратиковъ вокругъ шеи [1]). Если бедуины принадлежатъ къ числу народовъ, наименѣе интересующихся религіозными догматами, то они вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ тѣхъ народовъ, жизнь которыхъ всего менѣе управляется суевѣрными примѣтами и обычаями; нѣкоторые изъ нихъ носятъ амулеты, но не охотно признаются въ этомъ; они не занимаются опредѣленіемъ мистическаго значенія чиселъ и цвѣтовъ, не совѣтуются съ полетомъ птицъ и бѣгомъ дикихъ звѣрей, не тратятъ времени на истолкованіе сновъ. Идея безсмертія души чужда обитателю аравійскихъ степей; однако онъ имѣетъ смутную идею переселенія душъ, и по этой причинѣ


Мекка. Дворъ Каабы.

[1]) Anne Blunt, „Among the Bedouins of the Euphrates“.

подбираетъ бродячихъ собакъ [1]). Его кочевая жизнь, проходящая въ постоянныхъ разъѣздахъ и безпрерывной дѣятельности, не оставляетъ ему досуга, необходимаго для метафизическихъ умозрѣній, при томъ же немногіе изъ бедуиновъ имѣли случай находиться одинъ или нѣсколько разъ въ жизни, какъ большинство европейцевъ, «при смерти». Первая ихъ болѣзнь есть въ то же время и послѣдняя, уносящая ихъ въ могилу; ихъ молодость, ихъ зрѣлый возрастъ суть періоды постояннаго здоровья, во время которыхъ воображеніе ихъ не имѣетъ повода страшиться «царя ужаса» [2]). Бедуинъ не ищетъ санкціи для морали, для правилъ нравственности въ наградахъ и наказаніяхъ будущей жизни: ему достаточно сообразоваться съ общепринятымъ въ его племени понятіемъ о добрѣ и злѣ. Но это понятіе гораздо строже, чѣмъ то, какое существуетъ въ европейскихъ обществахъ: злоупотребленіе довѣріемъ, мелкіе обманы, постыдное воровство, столь обыкновенные на Западѣ, неизвѣстны у номадовъ, такъ несправедливо презираемыхъ: мы тщетно стали бы искать между бедуинами безчестнаго человѣка, способнаго отпереться отъ полученія вещи, отданной ему другомъ на сохраненіе; вообще строгая честность въ дѣлахъ составляетъ неизмѣнное правило у народовъ пустыни, даже у тѣхъ, которые при случаѣ практикуютъ разбой вооруженной рукой.

Часто повторяютъ, что въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ арабы не измѣнились. Безъ сомнѣнія, что касается кочевыхъ племенъ пустыни, перемѣны, если онѣ произошли, весьма незначительны: условія среды таковы, что образъ жизни почти не можетъ видоизмѣняться. Но не такъ въ городахъ и обработываемыхъ сельскихъ мѣстностяхъ: тамъ даже и для бедуиновъ движенія исторіи не прошли безслѣдно, не совершились безъ того, чтобы не оказать видоизмѣняющаго вліянія на ходъ идей. Форма правленія значительно разнится у осѣдлыхъ арабовъ, сообразно безконечному разнообразію мѣстныхъ условій, зависящихъ отъ степени цивилизаціи, отъ образа жизни и отъ историческихъ преданій. Большое число народцевъ сохранили политическую организацію кочевыхъ племенъ: они состоятъ изъ равноправныхъ членовъ, выбирающихъ изъ своей среды судью, во всякое время могущаго быть смѣненнымъ который разбираетъ возникающіе между членами общины споры и постановляетъ приговоры. Другія группы семей образовали изъ себя олигархіи; иныя представляютъ монархіи, ограниченныя или самодержавныя; наконецъ, Мекка, священный городъ, состоитъ подъ теократическимъ режимомъ. Большинство государствъ, состоящихъ изъ небольшаго числа племенъ, имѣютъ незначительное протяженіе, иногда одинъ оазисъ, одна долина, одинъ массивъ холмовъ составляютъ всю территорію самостоятельнаго политическаго тѣла; народцы суть первоначальные элементы, и установившіяся между ними отношенія недостаточны, чтобы соединить ихъ въ одну группу, имѣющую общаго шейха и общіе законы. Значительныя государства, какъ, напримѣръ, Оманъ, не походятъ на большіе централизованные общественные союзы западныхъ націй; они состоятъ изъ отдѣльныхъ племенъ, имѣющихъ каждое свою особенную организацію и связанныхъ съ сюзереннымъ правительствомъ лишь платежемъ десятины. Общій патріотизмъ не соединяетъ болѣе между собой различные народцы: оттого политическія группировки безпрестанно измѣняются; малѣйшаго случая достаточно, чтобы измѣнить сѣть границъ. Если бы исторія Аравіи была достаточно извѣстна, такъ чтобы можно было начертить на картѣ измѣнчивое сплетеніе границъ, то эти взаимно пересѣкающіяся линіи представляли бы каждый годъ различный видъ. Только въ сосѣдствѣ Адена и на берегахъ Персидскаго залива, гдѣ господствуетъ англійское вліяніе, политическія перемѣны рѣдки; вассаламъ могущественной имперіи нечего бояться своихъ подданныхъ, ни своихъ сосѣдей.

VII.

Сѣверная часть морскаго берега Аравіи, продолжающагося на югъ отъ Месопотаміи, принадлежала недавно къ царству вагабитовъ; теперь она турецкая провинція, по крайней мѣрѣ номинально, и зависитъ отъ Багдада или отъ Бассоры; по имени одного изъ своихъ округовъ, она называется Эль-Газа: это—страна, заключающаяся между краевой цѣпью плоскогорій Неджеда и западнымъ берегомъ Персидскаго залива, между устьями Шатъ-эль-Араба и Барейнскимъ архипелагомъ.

Самый оживленный портъ этого побережья, на берегу большой бухты, открывающейся на юго-западѣ отъ Шатъ-эль-Араба, — Ковейтъ, который слѣдуетъ считать приморской гаванью евфратскаго бассейна; мѣстечко Фао, при устьѣ рѣки, есть его передовой портъ. Этотъ арабскій городъ занимаетъ положеніе, аналогичное положенію Александріи, Венеціи, Марсели: подобно этимъ большимъ городамъ, онъ стоитъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, прибрежные жители которой посылаютъ ему свои произведенія. Но такъ какъ устье Шатъ-эль-Араба болѣе доступно кораблямъ, чѣмъ устья Нила, По и Роны, то боковой портъ, черезъ который производится торговля бассейна арабской рѣки, имѣетъ относительно меньшую важность. Однако, торговое движеніе возрастаетъ тамъ изъ году въ годъ, и обыкновенно на этотъ

[1]) Rampendahl, „Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik", 5-ter Jahrbang, 10.

[2]) Anne Blun, цитированное сочиненіе.

портъ, ведущій торговлю съ Бомбеемъ и Малабарскимъ берегомъ, инженеры указываютъ, какъ на конечный пунктъ желѣзной дороги отъ Средиземнаго моря къ Персидскому заливу. По Пелли, средняя годовая цѣнность внѣшней торговли Ковента простирается до 1.600.000 франк. Но въ глазахъ англичанъ этотъ портъ представляетъ то важное неудобство, что онъ находится къ западу отъ Шатъ-эль-Араба, что помѣшаетъ выбрать его, какъ станцію будущей желѣзнодорожной линіи въ Индію. Безъ помощи ковентскихъ арабовъ, турки, неимѣющіе флота въ Персидскомъ заливѣ, не могли бы завоевать побережья Эль-Хаза. Торговая республика одолжила имъ корабли для перевозки войскъ, провіанта и пушекъ, взамѣнъ чего Турція уступила имъ поясъ пальмовыхъ рощъ, вдоль праваго берега Шатъ-эль-Араба, которыя жители Ковента культивируютъ съ такимъ стараніемъ [1]). Населеніе республики—одно изъ самыхъ свободныхъ въ свѣтѣ; въ то же время оно, по словамъ Пелли, одно изъ тѣхъ, гдѣ люди пользуются наиболѣе крѣпкимъ матеріальнымъ здоровьемъ.

Эль-Катифъ, портъ довольно близкій къ Барейнскимъ островамъ, былъ нѣкогда столицей царства кармаѳеянъ, шіитовъ, поддерживаемыхъ персидскимъ вліяніемъ, которые въ девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ оспаривали у магометанъ - суннитовъ обладаніе полуостровомъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія этотъ городъ былъ также военнымъ арсеналомъ вагабитовъ, и флотиліи пиратовъ вооружались тамъ во славу новаго ислама; вмѣстѣ съ группирующимися вокругъ него деревнями онъ составляетъ значительное городское поселеніе. Сдѣлавшись турецкимъ городомъ, Эль-Катифъ теперь не болѣе, какъ коммерческій портъ, но онъ доступенъ лишь небольшимъ судамъ, такъ какъ часть рейда занесена иломъ. Далѣе на югѣ другой портъ, Акиръ (Океиръ, Агиръ) есть морская пристань Гофгофа (Гофгуфа), главнаго города области Эль-Хаза, лежащаго въ сотнѣ километровъ отъ морскаго берега, у подошвы краевой цѣпи; тысячи его жилищъ съ плоскими крышами группируются вокругъ старинной кармаѳейской крѣпости. Гофгофскій оазисъ, обозначаемый нѣкоторыми писателями подъ именемъ Гаджръ, есть одинъ изъ значительнѣйшихъ въ странѣ Газа и производитъ, говорятъ, лучшіе въ всей Аравіи финики (въ Газѣ насчитываютъ [2]) около 2.000.000, въ Эль-Катифѣ около 1.200.000 финиковыхъ деревъ); большая часть населенія разсѣяна тамъ поселками, утопающими въ зелени. Бѣлые дома Мубарреза, города почти такого же большаго, какъ и Гофгофъ, расположены въ пяти километрахъ къ сѣверу отъ столицы. Вокругъ обоихъ городовъ, въ тѣни пальмъ, бьютъ изъ земли обильные горячіе ключи.

[1]) Grattan Geary; —Wilfrid Blunt.

[2]) Destrées, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", sept. 1874.

Менама, столица Барейна, стоитъ на сѣверной оконечности острова, напротивъ другаго города, Могарека, построеннаго на берегу сосѣдняго островка. Въ сезонъ ловли жемчужныхъ раковинъ, Менама, центръ торговли жемчугомъ и перламутромъ, посѣщается большимъ числомъ иностранныхъ купцовъ, между которыми самые богатые — индусы-баніахи. Слишкомъ полторы тысячи судовъ принадлежатъ этому порту, который, кромѣ того, служитъ сборнымъ мѣстомъ тремъ или четыремъ тысячамъ иногородныхъ судовъ. Средняя цѣнность добываемаго въ Персидскомъ заливѣ жемчуга и перламутра 12.500.000 франк. Шестнадцать клановъ племени аттаби, составляющихъ населеніе около 50.000 душъ—искусные земледѣльцы, и, благодаря ихъ трудолюбію, островъ превратился въ одинъ обширный садъ, гдѣ пшеница, люцерна, лукъ и разнаго рода овощи отлично произрастаютъ подъ тѣнью финиковыхъ пальмъ. Барейнскій шейхъ—одинъ изъ богатыхъ потентатовъ Востока; каждый водолазъ, занимающійся ловлей жемчужныхъ раковинъ, каждый купецъ, торгующій жемчугомъ, долженъ платить ему налогъ. Прежде султанъ маскатскій, падишахъ константинопольскій и шахъ персидскій оспаривали другъ у друга выгоду имѣть этого богатаго князя своимъ вассаломъ, но протекторатъ принадлежитъ теперь Англіи. Британская флотилія поддерживаетъ порядокъ въ роѣ ловцовъ жемчуга, и послѣдніе, въ случаѣ какихъ-либо споровъ между собой, подлежатъ суду анлійскаго консула въ Буширѣ [1]).

Маскатъ, столица Омана, открывается взорамъ мореплавателей лишь при поворотѣ крутаго мыса, на верху котораго стоитъ крѣпость. Голыя красныя скалы, древнія лавы, на видъ какъ будто едва остывшія, высятся полукругомъ надъ городомъ; стѣны съ башнями по угламъ взбираются по крутымъ откосамъ и оканчиваются на обѣихъ оконечностяхъ города крѣпкими замками грознаго вида; одинъ изъ нихъ, замокъ Мирани, вѣнчающій на западѣ скалу высотой въ 120 метровъ, сохранилъ кое-какіе остатки португальской архитектуры; городъ имѣетъ только двѣ мечети, построенныя на развалинахъ Августинскаго монастыря. Заключенный въ слишкомъ тѣсной оградѣ, городъ состоитъ изъ высокихъ домовъ, раздѣленныхъ узенькими улицами, на которыхъ съ трудомъ могутъ разойтись два пѣшехода, идущіе на встрѣчу другъ другу; но внѣ городской ограды продолжаются предмѣстья, построенныя изъ кольевъ, обтянутыхъ рогожами, гдѣ живутъ люди всякой расы и преимущественно балуджи изъ Мекрана. Хотя улицы похожи

[1]) Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey".

скорѣе на рвы, чѣмъ на проспекты, однако, онѣ содержатся въ замѣчательной чистотѣ; но идешь въ нихъ словно въ какомъ-нибудь подземномъ корридорѣ: черезъ улицу, отъ одного дома до другаго, протянуты циновки, покрытыя сверху слоемъ глины въ нѣсколько сантиметровъ толщиной, чтобы воспрепятствовать проходу солнечнаго зноя; только на извѣстномъ разстояніи одно отъ другаго продѣланы отверстія въ этомъ навѣсѣ, черезъ которыя врываются ослѣпительные снопы свѣта. Жители спятъ на террасахъ домовъ, чтобы избѣгнуть страшной жары и духоты, царствующей въ комнатахъ, а когда дуетъ раскаленный вѣтеръ пустыни, они поливаютъ другъ друга, точно растенія, чтобы восполнить убыль воды, теряющейся отъ сильной транспираціи. Оттого ревматизмъ — одна изъ самыхъ обыкновенныхъ болѣзней въ Маскатѣ. Климатъ слишкомъ разслабляющій для европейцевъ; только двое или трое живутъ тамъ постоянно, другіе останавливаются лишь проѣздомъ. Въ сосѣднихъ горахъ нѣкоторыя мѣстечки, напримѣръ Ростакъ, выбраны городскими негоціантами, какъ санитарныя станціи.

Населеніе Маската, привлекаемое торговлей, принадлежитъ къ разнообразнѣйшимъ расамъ и національностямъ. Къ арабамъ прибрежья и внутренней части полуострова, составляющимъ главную массу городскаго населенія, примѣшиваются остъ-индскіе баніахи, балуджи, персіяне, абиссинцы, сомалійцы и негры со всего африканскаго берега,—люди, поражающіе своимъ исполинскимъ ростомъ и геркулесовской мускулатурой. Портъ, доставившій этому пункту прибрежья выгоду быть выбраннымъ какъ сборное мѣсто мореплавателей Индійскаго океана, очень глубокъ, отъ 20 до 50 метровъ, и корабли находятъ тамъ хорошую якорную стоянку, исключая то время, когда дуютъ сѣверо-западные вѣтры: тогда суда, подвергаясь опасности быть выброшенными на берегъ, должны уходить въ открытое море или искать другаго, болѣе безопаснаго пристанища. Движеніе внѣшняго торговаго обмѣна весьма значительно, особенно по отпуску: маскатскіе коммерсанты отправляютъ за границу рыбу, финики и другіе фрукты, халву, превосходящую качествомъ смирнскую и константинопольскую, и даже кое-какія бумажныя матеріи.

Торговое движеніе Маската въ 1878 году [1]): привозъ — 7.500.000 франк.; вывозъ — 27.500.000 франк. Общая сумма—35.000.000 франк.

Въ двухъ километрахъ къ западу отъ Маската находится небольшая гавань Маттра или Халбу, арабскій пригородъ международнаго порта, отдѣленный отъ него высокимъ, труднымъ для подъема, мысомъ: въ Маттра ост
навливаются караваны бедуиновъ, приходящ
изъ внутренней Аравіи; они оставляютъ та
верблюдовъ и ословъ и перевозятъ товары в
Маскатъ въ маленькихъ лодкахъ; цѣлыя сот
такихъ лодокъ постоянно ходятъ взадъ и по
редъ длинными вереницами между двумя гор
дами.

Подобно Іемену, страна Оманъ имѣла сво
собственную исторію, почти независимую о
исторіи другихъ земель Аравіи. Отдѣленная о
остальнаго полуострова пустыней, эта облас
соединена моремъ съ берегами Персіи и И
діи: черезъ океанъ, гораздо больше, чѣмъ ч
резъ твердую землю, установились сноше
ея племенъ съ окружающими націями. Араб
посѣщавшіе, въ средніе вѣка, порты Зондских
островов и Китая, были оманскіе мореход
Народъ, у котораго португальцы оспарива
господство на Индійскомъ океанѣ, были тѣ ж
арабы восточнаго побережья. Съ ними же дол
ны были вести борьбу, въ прошломъ столѣт
арміи Надиръ-шаха, когда повелитель Ира
хотѣлъ завоевать владычество на морѣ. (
времени удаленія иранскихъ гарнизоновъ,
Оманскомъ берегу образовалось отдѣльное ца
ство; но эти владѣнія, управляемыя маск
скимъ султаномъ, обнимаютъ только берегов
области. Въ самой Аравіи они простираю
вдоль морскаго побережья на протяженіи сли
комъ 3.000 километровъ, отъ полуострова К
таръ, въ Персидскомъ заливѣ, до Мирбатск
бухты, на Индійскомъ океанѣ; но внутрен
племена, даже живущія въ разстояніи нѣско
кихъ километровъ отъ морскаго берега, не п
тятъ уже налога и не признаютъ себя подд
ными султана. Во время своего цвѣтущаго с
стоянія, до половины настоящаго столѣт
Оманская имперія владѣла также острова
Персидскаго залива на иранскомъ берегу, ра
но какъ портами Белуджистана и портами а
риканскаго побережья до Занзибара. Фло
Маската былъ самый могущественный въ И
дійскомъ океанѣ; ни одно судно не могло во
ти въ заливъ, не заплативъ тамошнимъ вл
стямъ положенной дани. Европейскіе госуд
добивались дружбы султана. Однако, посл
нему нерѣдко приходилось вести борьбу п
тивъ собственныхъ подданныхъ, соединявш
ся въ ассоціаціи корсаровъ. Ихъ флотиліи ст
ли въ засадѣ на западной сторонѣ полуостро
оканчивающагося мысомъ Расъ-Мазандамъ
оттуда подстерегали суда, шедшія въ зал
Горе тѣмъ, которыя не были сопровожда
военными кораблями! Товары захватывал
экипажъ погибалъ подъ ударами пиратовъ, ж
щины и дѣти увозились въ неволю. Три р
въ 1809, въ 1819, въ 1821 годахъ, Остъ-и
ская компанія должна была посылать экспе
цію противъ оманскихъ корсаровъ; въ 181
англичане захватили, на «Разбойничьемъ

---
[1]) Grattan Geary.

регу», слишкомъ 200 пиратскихъ судовъ или *дау*, средняго водоизмѣщенія отъ 200 до 350 тоннъ, принадлежавшихъ по большей части страшному племени джевасини [1]). Государь Омана продалъ свои корветы, бриги и фрегатъ; у него осталось лишь небольшое число вооруженныхъ шлюпокъ. Доходы его исчисляются въ 600.000 франковъ, въ томъ числѣ 150.000 франк., платимыхъ ему англо-индійскимъ правительствомъ, истиннымъ властителемъ Маската [2]).

Резиденція султана не единственный многолюдный городъ Омана или Амана, «царства благополучія». Къ западу отъ Маската, берегъ Батна (Эль-Батина), равнина въ видѣ полумѣсяца, надъ которой господствуютъ голубыя вершины Джебель-Ахдара, похожія на Апеннины, представляетъ одинъ обширный садъ, длиной въ 200 километровъ; идя по берегу моря, видишь непрерывный рядъ садовъ, плантацій, засѣянныхъ полей и жилищъ, на половину скрытыхъ за густой листвой деревъ: слишкомъ сто городовъ, говорятъ оманиты, слѣдуютъ одинъ за другимъ на этомъ счастливомъ побережьѣ, и въ числѣ ихъ есть значительные, какъ-то: Барка, Совеидъ, Сохаръ, Лова, Шиназъ, Фаджрахъ. Сохаръ, лежащій какъ разъ въ серединѣ вогнутой кривой, образуемой Батнахскимъ берегомъ, есть столица этой богатой провинціи, и видъ его напоминаетъ англичанамъ видъ одного изъ городовъ Гудзерата или Конкана: вступая въ Сохаръ, можно подумать, что находишься скорѣе въ Индустанѣ, чѣмъ на арабскомъ полуостровѣ. Обсаженная тѣнистыми деревьями площадь простирается отъ морскаго берега до замковой горы, окруженной тройнымъ рядомъ стѣнъ; губернаторскій дворецъ украшенъ балконами, башенками, колоннами и аркадами, которые дѣлаютъ его похожимъ на индусское зданіе: дома снаружи оштукатурены чунамомъ, прекрасной индійской штукатуркой, похожей на бѣлый мраморъ; встрѣчающіеся на улицахъ парсы доказываютъ, что эта часть Омана ведетъ торговыя сношенія съ Бомбеемъ. Сохарскіе ремесленники: ткачи, кузнецы, котельники, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, самые искусные на всемъ полуостровѣ, не уступаютъ, по достоинству своихъ издѣлій, ремесленникамъ Индустана. Морская торговля Сохара гораздо менѣе значительна, чѣмъ торговля Маската. Городъ не имѣетъ порта, но только открытый рейдъ, гдѣ суда становятся на якорь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега; однако, тамошнія воды, изобилующія рыбой, усѣяны рыболовными судами. Къ внутренности материка сады простираются на необозримое пространство до сосѣднихъ деревень, утопающихъ въ зелени группъ хижинъ изъ древесныхъ вѣтвей. Одна изъ этихъ деревень, Мава, имѣетъ болѣе жителей, чѣмъ многіе обнесенные стѣнами города.

[1]) Frazer;—Wellsted;—Carl Ritter, „Asien", vol. XII.
[2]) Edward Stack, „Six Months in Persia".

На западномъ берегу полуострова, замыкающемъ на половину входъ въ Персидскій заливъ, городъ Шарджахъ—или Шаркахъ, то-есть «Восточный»—соперничаетъ съ Сохаромъ по числу жителей и превосходитъ его по размѣрамъ торговли. Лежащій на «берегу пиратовъ», Шарджахъ ведетъ теперь лишь мирную торговлю съ портами Персіи и Индіи. Въ городѣ много иностранныхъ купцовъ, торгующихъ шалями, оружіемъ, мануфактурными произведеніями Бенгаліи; но есть также собственная промышленность, изъ отраслей которой особенно замѣчательно плетеніе вокругъ драгоцѣнныхъ вещей золотыхъ и серебряныхъ филиграновыхъ украшеній, отличающихся удивительной тонкостью и нѣжностью работы; тамошніе ткачи выдѣлываютъ красные плащи, въ которые любятъ наряжаться оманцы, бумажныя туники, любимое верхнее одѣяніе жителей Неджеда, и ковры, высоко цѣнимые на всемъ побережьѣ залива. Шарджахъ и южнѣе городъ Добей, портъ котораго, похожій на озеро, соединенъ съ моремъ протокомъ, прорѣзывающимъ бѣлый песчаный берегъ, куда волна приноситъ иногда зерно янтаря, находятся почти на западной границѣ пояса жемчужныхъ раковинъ, и флотиліи ихъ принимаютъ участіе въ ловлѣ жемчуга, на меляхъ «Дѣвичьяго моря», за портомъ Абу-Деби. Маленькій портъ Расъ-эль-Хейма, бывшее гнѣздо пиратовъ изъ племени джевани, теперь мирный городокъ, занимающійся ловлей жемчуга и торговлей. На западѣ, на Катарскомъ полуостровѣ, два небольшіе города Вокра и Бедая тоже имѣютъ порты, постоянно наполненные черными барками, обшивка которыхъ исполосована бороздами, вырытыми въ деревѣ веревкой водолазовъ, ныряющихъ за жемчужными раковинами.

Нѣсколько важныхъ городовъ находятся также во внутренней части Омана, но только немногіе изъ нихъ были посѣщены европейскими путешественниками. Берейма, главный городъ земли Дахира, на дорогѣ изъ Сохара въ Абу-Деби,—очень дѣятельный земледѣльческій рынокъ; Несва, на южной покатости массива Джебель-Ахдаръ, — промышленное мѣстечко, гдѣ фабрикуютъ мѣдныя издѣлія изъ руды, добываемой въ сосѣднихъ горахъ; Минна окружена воздѣланными полями и плантаціями, богатство которыхъ удивило англійскаго путешественника Уэльстеда, привыкшаго видѣть въ Аравіи лишь пустынныя пространства [1]). На юго-востокѣ, въ Джайланскомъ округѣ, городъ Бени-Абу-Али, населенный однимъ племенемъ арабовъ-вагабитовъ, напоминаетъ по-

[1]) „Travels in the province of Oman".

раженіе, понесенное маленькимъ англійскимъ отрядомъ, за которое отмстила трехтысячная армія, въ 1821 году. Суръ, портъ этой области, лежитъ въ небольшомъ разстояніи къ западу отъ крайняго мыса юго-восточной Аравіи, Расъ-эль-Гадда; говорятъ, что названіе Суръ происходитъ отъ сирійцевъ, нѣкогда поселившихся въ Оманѣ; въ наши дни мѣстная торговля находится въ рукахъ баніаховъ изъ Индустана.

На южномъ берегу Аравіи, портъ Мирбатъ, морская пристань долины Уади-Доанъ, почти напротивъ острова Сокоторы, принадлежитъ еще къ Оману: это пристань древняго города Дафара или Дофара, имѣвшаго нѣкогда значительное населеніе; арабскій писатель Ибнъ-Батута описываетъ его, въ четырнадцатомъ столѣтіи, какъ городъ торговый и очень промышленный [1]): развалины стараго города все еще извѣстны у окрестныхъ племенъ подъ именемъ Эль-Баладъ, что̀ значитъ «городъ» по преимуществу. Ладанное дерево, алоэ, драконова кровь растутъ въ изобиліи въ сосѣднихъ горахъ; но продукты ихъ, столь высоко цѣнимые прежде, утратили теперь цѣну, и торговля удалилась изъ этихъ водъ. Маленькія деревеньки на морскомъ берегу, между Суромъ и Мирбатомъ, населены лишь рыболовами, изъ которыхъ большинство не имѣютъ даже лодокъ. Десятка два̀ жителей острова Гулланіе имѣютъ только удочки и корзины [2]). Арабы племени дженнаби пускаются въ море на плотахъ, сплетенныхъ изъ вѣтокъ и поддерживаемыхъ на водѣ надутыми кожаными мѣшками: это келлеки, въ родѣ тѣхъ, какія употребляютъ прибрежные жители на Тигрѣ и Евфратѣ.

Торговое движеніе направилось далѣе на западъ къ берегамъ Махраха и Гадрамаута, за грозный мысъ Расъ-Фартакъ. Шехръ или «Городъ», лежащій на берегу океана, почти безлюденъ; но внутри материка основался значительный рынокъ Сукъ-Эль-Базиръ, городъ очень оживленный, хотя и неимѣющій порта; неустрашимые моряки Махраха имѣютъ десятковъ шесть небольшихъ судовъ, на которыхъ они отправляются въ море при первомъ дуновеніи сѣвернаго муссона и ведутъ торговлю вдоль береговъ; до половины настоящаго столѣтія эти суда употреблялись преимущественно для ввоза невольниковъ. Къ западу отъ Шехра, Макалла, стоящій на берегу глубокой и хорошо защищенной отъ вѣтровъ бухты, уступаетъ размѣрами торговаго движенія только англійскому городу Адену. Расположенный у подножія крутыхъ красноватыхъ склоновъ и стѣны изъ ослѣпительно бѣлаго известняка, возвышающейся на 400 метровъ, онъ смотритъ на Сомальскій берегъ черезъ Аденскій заливъ, и, дѣйствительно, торговля его ведется главнымъ образомъ съ африканскимъ континентомъ; предмѣстья его населены самальцами, абиссинцами, неграми, занзибарскими жителями такъ же, какъ индусами; камедь, кожа, александрійскій листъ, кунжутъ, ладанъ, табакъ, плавники акулъ—таковы главные предметы отпускной торговля этого города. Макалла служитъ приморскимъ рынкомъ очень богатымъ долинамъ, гдѣ, по словамъ Вреде, единственнаго путешественника, посѣтившаго до сихъ поръ тѣ мѣста, города болѣе многочисленны, чѣмъ во всякой другой части полуострова: тамъ насчитываются десятками городскія поселенія, имѣющія по шести тысячъ жителей и больше; въ нѣкоторыхъ долинахъ сады и улицы тянутся непрерывнымъ рядомъ на пространствѣ нѣсколькихъ дней ходьбы. Даже прибавляя къ жителямъ городовъ и мѣстечекъ жителей ближайшихъ окрестностей и всѣхъ подгородныхъ деревень, удивляешься чрезвычайной плотности, которую имѣетъ, по разсказамъ этого путешественника, населеніе Гадрамаута: населенность этой части Аравіи можно сравнить съ населенностью западной Европы. Теримъ, одна изъ столицъ этого края, лежитъ въ 200 слишкомъ километрахъ къ сѣверу отъ Макаллы, при сліяніи временныхъ потоковъ Рашіехъ и Касръ, образующихъ Уади-Моссилехъ. Другая столица, Шибамъ, километрахъ въ сорока къ юго-западу отъ Терима, находится въ бассейнѣ Уади-Касра, и другіе многолюдные города, какъ-то Гаура, Беда, Амидъ, расположены выше, на вѣтвяхъ того же рѣчнаго развѣтвленія; невдалекѣ отъ Гауры, близъ Мешедъ-Али, стоятъ «сорокъ гробницъ»—усыпальницы, испещренныя гиміарскими или сабейскими надписями. Путешественнику Вреде не удалось посѣтить этихъ знаменитыхъ могилъ, по той причинѣ, что проводникъ его клялся «хлѣбомъ насущнымъ», что онъ ни за что на свѣтѣ не поведетъ туда иностранца. Въ западномъ Гадрамаутѣ, на границахъ Іемена, важнѣйшіе города, Габбанъ, Іешбумъ, Низабъ, славящійся своими копями каменной соли, тоже остались въ сторонѣ отъ пути, пройденнаго нѣмецкимъ изслѣдователемъ. Два порта, Биръ-Али и Мегдеха, въ землѣ вагидовъ, страннымъ образомъ дополняютъ другъ друга. Расположенные на двухъ оконечностяхъ большой бухты, открывающейся на югъ, эти два города представляютъ, тотъ и другой, убѣжище судамъ только во время одного опредѣленнаго муссона. Мегдеха, лежащая на востокѣ, даетъ пристанище судамъ зимой, когда дуютъ сѣверо-восточные вѣтры; Биръ-Али, находящійся на западномъ концѣ залива, служитъ избранной гаванью въ періодъ южнаго муссона; все населеніе перемѣщается вмѣстѣ съ барками мореходовъ; смотря по времени года, оно странствуетъ

[1]) Carter, „Journal of the Geographical Society", 1846.

[2]) Hulton, „Journal of the Geographical Society", 1841.

изъ одной столицы въ другую [1]). На западѣ Шугра тоже очень посѣщаемая морская пристань. Арабы, жители этого прибрежья, эмигрируютъ въ большомъ числѣ въ Индустанъ, гдѣ они нанимаются солдатами въ войска раджей.

Англійскій городъ Аденъ, самый многолюдный во всей Аравіи, построенъ на островѣ, соединенномъ узкой песчаной косой съ твердой землей: его великолѣпное положеніе, у подошвы легко обороняемой естественной крѣпости изъ скалъ, при двухъ естественныхъ портахъ, глубокихъ и хорошо защищенныхъ отъ вѣтровъ и волненія, было оцѣнено англичанами уже во время съемки ими на карту аравійскаго побережья, и въ 1839 году они пріобрѣли Аденскій полуостровъ за пенсію въ нѣсколько сотенъ золотыхъ съ изображеніемъ Маріи-Терезіи, уплачиваемую Лагеджскому султану. Маленькая деревня опять сдѣлалась городомъ, какъ была Адана во времена финикійскихъ мореплавателей и затѣмъ до открытія морскаго пути въ Индію: теперь Аденъ состоитъ даже изъ двухъ различныхъ городовъ: «Морской пристани» или Steamer-Point (Пароходный мысъ), расположенной при западномъ портѣ, гдѣ пристаютъ пароходы, и гдѣ цѣлые флоты свободно могли бы производить свои эволюціи, и изъ собственнаго города, который со склоновъ потухшаго вулкана господствуетъ надъ восточнымъ портомъ, защищеннымъ островкомъ Сирахъ, который теперь соединенъ съ твердой землей. Сильныя укрѣпленія, напоминающія твердыни Гибралтара, построены англичанами въ самомъ кратерѣ вулкана Джебель-Шамшанъ. Замѣчательнѣйшіе памятники Адена—обширныя цистерны, выкопанныя въ боку горы, какъ средство для восполненія слишкомъ скуднаго запаса воды, доставляемой водопроводомъ съ холмовъ континента; вырытые въ горѣ бассейны могутъ вмѣщать слишкомъ 40.000 тоннъ воды, но часто бываютъ пусты, такъ что нужно прибѣгать къ дистиллированію морской воды для водоснабженія города. Арабы, прежніе хозяева страны, составляютъ меньшинство въ Аденѣ: главный элементъ населенія доставляется индусами, какъ баніахами, такъ и мусульманами, и сомаліями, выходцами съ противуположнаго, африканскаго берега: зимой около десяти тысячъ этихъ африканцевъ живутъ въ англійскомъ городѣ, куда они привозятъ овецъ, сало, коровье масло, строевой лѣсъ, и гдѣ они покупаютъ, взамѣнъ того, мануфактурныя издѣлія и табакъ.

Торговое движеніе Адена въ 1880 году: Привозъ — 40.000.000 франк.; вывозъ — 15.000.000 франк.

Евреи, нѣсколько персовъ, наконецъ европейцы, не считая гарнизона, составляютъ остальное населеніе этого города, который въ административномъ отношеніи причисляется, и не безъ основанія, къ Индустану. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ не простая пристань на морской дорогѣ изъ Лондона въ Бомбей? Вмѣстѣ съ зависящей отъ этого британскаго владѣнія территоріей арабскихъ царьковъ, Аденъ для англичанъ есть не что иное, какъ одно изъ звеньевъ громадной цѣпи, протянутой ими вокругъ земнаго шара. Территорія, присоединенная оффиціально къ колоніи, заключаетъ, на сѣверѣ отъ полуострова, небольшой оазисъ Шейхъ-Отманъ. Непосредственно у входа въ Красное море, защищаемаго скалистымъ мысомъ Бабъ-эль-Мандебъ, открывается, напротивъ Перима, почти кругообразная бухточка Шейхъ-Саидъ, которую предлагали избрать, какъ карантинную станцію для пилигримовъ, направляющихся въ Мекку. Марсельскіе негоціанты одно время составили-было проекты устроить портъ въ этой бухтѣ.

Сана, столица турецкаго вилайета, обнимающаго большую часть Іемена,—значительный городъ, одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ въ Аравіи; а между тѣмъ онъ лежитъ на высотѣ 2.130 метровъ надъ уровнемъ моря, слѣдовательно, на высотѣ большей, чѣмъ самый высокій городъ Европы. Очень чистый и опрятный, перерѣзанный широкими улицами, усѣянный садами общественными и частными, открытыми всѣмъ и каждому, Сана своимъ прекраснымъ внѣшнимъ видомъ смѣло можетъ поспорить съ богатѣйшими городами Востока, и нѣкоторыя изъ его зданій отличаются очень красивой архитектурой, напоминающей въ одно и то же время памятники Раджпутаны стилемъ изваяній и памятники Флоренціи величавостью контуровъ. Изъ-за переплетающихся вѣтвей деревьевъ выступаютъ огромныя каменныя массы дворцовъ, состоящихъ изъ корпусовъ, пристроенныхъ уступами одинъ къ другому и различающихся высотой, орнаментаціей, формой и размѣрами отверстій, рисункомъ и цвѣтомъ арабесокъ. Большинство оконъ полукруглыя, другія продолговатыя или готической формы; одни широко открытыя, другія рѣшетчатыя или съ прорѣзами, расположенными косыми рядами, въ родѣ оконъ голубятней; кордоны, раздѣляющіе этажи и закраины верхнихъ террасъ, изукрашены переплетающимися вычурными узорами. Нѣкоторыя изъ пятидесяти мечетей Саны поражаютъ грандіозностью своихъ размѣровъ; одна изъ нихъ слыветъ соперницей меккской Каабы по святости, даже у правовѣрныхъ мусульманъ Іемена. Живописныя руины встрѣчаются въ различныхъ частяхъ городской ограды; цементъ, который доставляетъ известь изъ сосѣднихъ каменоломень, такъ крѣпокъ, что нависшіе фрагменты древнихъ зданій держатся несокрушимо въ теченіе столѣтій.

[1]) „Petermann's Mittheilungen", 1872.

Городъ дѣлится на три квартала, совершенно отдѣльные, заключенные въ одной общей оградѣ, частію разрушенной, но имѣющіе каждый свою особенную стѣну. Внѣ ограды, общая длина которой около 7 километровъ, расположены обширныя казармы, командующія городомъ лучше, чѣмъ старая, нынѣ полуразвалившаяся крѣпость [1]). На востокѣ раскинулся собственно такъ-называемый городъ, оканчивающійся замкомъ Эль-Гассеръ, и въ центрѣ котораго группируются лавки базара. Центральный кварталъ, отдѣленный отъ города бульваромъ, носитъ названіе Мутюакиль; тамъ особенно замѣчателенъ военный госпиталь, большое зданіе, устроенное по образцу европейскихъ заведеній этого рода: путешественникъ не безъ удивленія встрѣчаетъ въ странѣ гиміаровъ госпиталь, такъ хорошо содержимый, имѣющій медицинскій персоналъ, получившій образованіе въ высшихъ медицинскихъ школахъ западной Европы, имѣющій химическую лабораторію и анатомическія залы. Въ Санскомъ госпиталѣ за оффиціальный языкъ принятъ французскій, для корреспонденціи, статистики и счетоводства. Къ востоку отъ центральнаго квартала тянется, между садовъ, прекрасная улица Биръ-эль-Азебъ, гдѣ живутъ преимущественно турецкіе чиновники; затѣмъ, на западной оконечности города, скучены домики «жидовскаго квартала», Гаэ-эль-Яхудъ, прежде окруженнаго стѣной, за которую жителямъ дозволялось переступать лишь въ извѣстные часы дня. До обращенія іеменскихъ арабовъ въ исламъ, цѣлыя племена придерживались іудейской религіи, но при этомъ, кажется, не было смѣшенія расъ; по крайней мѣрѣ въ настоящее время арабы и яхуды составляютъ два класса населенія, совершенно отличные по наружности. Евреи теперь почти въ такомъ же презрѣніи у арабовъ, какъ ахдамы и шумры, паріи, которые походятъ на европейскихъ цыганъ и не допускаются даже къ общественнымъ молитвамъ [2]).

Городъ Сана, лежащій въ самой возвышенной мѣстности горъ Іемена, представляетъ стратегическій пунктъ, очень удачно выбранный, какъ позиція, откуда можно господствовать въ военномъ отношеніи надъ всей юго-западной областью Аравіи, какъ надъ восточной покатостью, постепенно спускающейся къ пустынѣ, такъ и надъ южной и западной отлогостями, обращенными къ Аденскому заливу и къ Красному морю; хорошо проложенныя дороги соединяютъ столицу Іемена съ нѣкоторыми изъ приморскихъ портовъ. Въ отношеніи легкости сообщеній и военнаго надзора, производимаго центральнымъ правительствомъ, Сана поставлена въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ бы-

[1]) Renzo Manzoni, „Esploratore“, vol. II, 1879.
[2]) Maltzan, „Petermann's Mittheilungen“, 1878.

ла древняя «метрополія сабеянъ», Маребъ
Маріаба, античная Саба, которую такъ до
розыскивали изслѣдователи. Арно напалъ
слѣды ея, наконецъ, въ 1843 году, и по
того археологъ Галеви также видѣлъ ее во в
мя своего памятнаго путешествія, предпри
таго съ цѣлью отыскать гиміарскія надп
Маребъ находился въ долинѣ Джофа, на
воды котораго утекаютъ къ Гадрамауту;
древней столицы уцѣлѣли только круглая
родская ограда и развалины зданія, извѣст
въ краѣ подъ именемъ «дворца Балкиды»
этомъ-то дворцѣ, по сказанію легенды, и
тала царица Саба, союзница Соломона. Къ
паду отъ Мареба открывается между дв
скалъ, возвышающихся на 400 метровъ,
лакское ущелье, гдѣ виднѣются остатки за
ды, построенные изъ огромныхъ глыбъ ка
съ замѣчательнымъ искусствомъ и представл
щіе еще желоба шлюзныхъ воротъ. Около
ловины втораго столѣтія христіанской эры
великолѣпное сооруженіе, имѣющее 175
говъ толщины при основаніи, уступило, одн
напору водъ «семидесяти» потоковъ, соеди
ныхъ въ резервуарѣ, а съ этого момента и
рія края вдругъ измѣнилась: пришлось по
нуть воздѣланныя земли, городъ опустѣлъ,
литическое равновѣсіе страны измѣнилось;
теченіе долгихъ вѣковъ въ Іеменѣ вели л
счисленіе, принимая за начальную дату
прорыва Маребской запруды [1]). Многочислен
надписи, найденныя во дворцѣ Сабы и нед
ко оттуда въ руинахъ Мединетъ-Энъ-Неб
или «Бронзоваго города», дали возможно
возстановить отчасти сабейскую исторію и
ѳологію. Г. Галеви пробрался далѣе на сѣв
черезъ страну древнихъ минеянъ до Неджра
жители котораго, по большей части шіиты,
мыкаютъ, по своимъ религіознымъ вѣрованія
къ большой кармаѳейской школѣ, вслѣдс
чего вагабиты клеймятъ ихъ прозвищемъ
вѣрныхъ [2]). Къ югу отъ Саны и Дамара,
дорогѣ, которая переходитъ послѣдовател
черезъ нѣсколько горныхъ цѣпей, чтобы
ститься къ Аденскому порту, въ древн
стоялъ другой знаменитый городъ, назы
шійся Дафаръ, подобно городу, лежащему
южномъ берегу Омана; это былъ Сефаръ К
ги Бытія, о которомъ греческіе и римскіе
сатели упоминаютъ, какъ о метрополіи и
ской резиденціи гомеритовъ (гиміаровъ):
него остались лишь развалины, разсѣян
близъ нынѣшняго города Джеримъ, почти
половинѣ дороги изъ Саны въ Аденъ. На
верѣ, на плоскогорьяхъ, главный городъ—
ранъ, недалеко отъ сильной крѣпости Ка
банъ, которая въ 1872 году въ теченіе
мѣсяцевъ оказывала сопротивленіе осажда

[1]) Palgrave, цитированное сочиненіе.
[2]) Jomard, „Etudes géographiques et historique
l'Arabie“.

му ее турецкому войску. Города этой страны по большей части группы крѣпкихъ замковъ, съ башнями, террасами и зубчатыми стѣнами, которые грозно высятся среди хижинъ, сдѣланныхъ изъ древесныхъ вѣтвей.

Кофе изъ южнаго Іемена вывозится преимущественно черезъ Аденскій портъ; Мокка, на берегу Аравійскаго залива, не пользуется болѣе монополіей экспорта этого продукта. Этотъ городъ, нѣкогда очень торговый, который далъ свое имя лучшимъ сортамъ кофе, утратилъ свою внѣшнюю торговлю, и его ограда изъ каменныхъ стѣнъ заключаетъ теперь больше развалинъ, чѣмъ обитаемыхъ домовъ; но онъ еще отправляетъ за границу произведенія Уддейнскихъ кофейныхъ плантацій, пользующихся наибольшей славой во всей Аравіи. Взамѣнъ того, другіе порты побережья Краснаго моря достигли цвѣтущаго состоянія: въ то время, какъ Мокка приходила въ упадокъ, Годейдахъ, лежащій по близости отъ Беитъ-эль-Факиха и Зебида, которые въ прошломъ столѣтіи были самыми дѣятельными рынками по кофейной торговлѣ, сдѣлался важнымъ городомъ и теперь служитъ приморской гаванью для Саны, Манаши и другихъ многолюдныхъ городовъ верхняго Іемена. Въ Годейдахѣ есть турецкая колонія, среди которой господствуетъ сильная смертность, такъ что ежегодно умираетъ болѣе, чѣмъ одинъ изъ десяти отъ лихорадокъ, диссентерій, болѣзней печени [1]). Галефка, Логейяхъ—тоже оживленные порты. Островъ Камаранъ, между Годейдахомъ и Логейдахомъ, былъ выбранъ международной санитарной коммиссіей, какъ наиболѣе удобное мѣсто для устройства карантиннаго лазарета, гдѣ пилигримы, направляющіеся въ Мекку, задерживаются на срокъ отъ десяти до пятнадцати дней для освидѣтельствованія ихъ санитарнаго состоянія оттоманскими врачами [2]). На очень многихъ картахъ Камаранъ ошибочно обозначенъ какъ англійскій островъ: онъ принадлежитъ Турціи. Около сѣверной границы Іемена главный рынокъ—городъ Абу-Аришъ.

Въ землѣ Ассиръ городскія поселенія рѣдки и малолюдны. Бывшій главный городъ этой страны, Мигайль, почти покинутъ жителями, по причинѣ нездороваго климата той мѣстности; турецкіе чиновники избрали административнымъ центромъ области другое мѣстечко, Эфа, лежащее на высотѣ 800 метровъ, на передней террасѣ большихъ горъ; но самое значительное городское поселеніе находится восточнѣе, на высотѣ около 2.000 метровъ, близъ раздѣльнаго хребта между побережьемъ Краснаго моря и пустыней: это Намюзъ, главный городъ территоріи, занимаемой племенемъ бени-шейръ. Главный портъ Ассира — городъ Конфудахъ; далѣе на сѣверъ, городъ Литъ ведетъ торговыя сношенія съ Меккой сухимъ путемъ. Деревни Ассира походятъ во многихъ мѣстахъ на селенія Курдистана: онѣ состоятъ изъ логовищъ, вырытыхъ въ землѣ, имѣющихъ только одно отверстіе для пропуска воздуха и свѣта и прикрытыхъ сверху дерномъ и хворостомъ; въ этихъ-то подземельяхъ и обитаютъ туземцы со своими стадами. Крѣпкіе замки шейховъ имѣютъ форму усѣченныхъ четырехсторонних пирамидъ въ два или три этажа; внизу помѣщаются конюшни и хлѣвы, но лѣстница, очень пологая, позволяетъ животнымъ всходить на террасу, гдѣ и держатъ скотъ, въ случаѣ нападенія непріятеля; стѣны, толщиной въ два слишкомъ метра, не боятся турецкихъ пуль и бомбъ. Въ сосѣдствѣ *кабилетовъ* или племенъ разбойничьихъ бедуиновъ жилища поселянъ состоятъ изъ большихъ башенъ, двери которыхъ сдѣланы очень высоко, и доступъ въ которыя возможенъ не иначе, какъ по приставной лѣстницѣ, убираемой внутрь дома, въ случаѣ опасности [1]).

Жители Ассира—вагабиты, но они до сихъ поръ сохранили многіе обычаи, напоминающіе языческія времена и соблюдавшіеся еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Прежде кабилеты (разбойничьи племена) имѣли обыкновеніе продавать своихъ дочерей съ молотка: ни одинъ бракъ не былъ заключаемъ безъ того, чтобы ему не предшествовала формальная продажа невѣсты на публичномъ торжищѣ, въ присутствіи толпы [2]). Такъ же, какъ въ Афганистанѣ, у нѣкоторыхъ племенъ гезареховъ, жители Ассира простирали гостепріимство до того, что уступали своихъ женъ чужеземцу на время его пребыванія въ ихъ домѣ. Земля Ассиръ, казалось бы, должна быть одной изъ самыхъ здоровыхъ областей Аравіи, а между тѣмъ это одинъ изъ главныхъ очаговъ желвачной заразы; въ 1874, въ 1879 и въ 1880 годахъ, эта болѣзнь, которую въ краѣ называютъ «старшей», быть можетъ, по причинѣ ея исконныхъ опустошеній, похитила почти четверть населенія Намюзскаго округа [3]).

Мекка, городъ «священный» для ста пятидесяти или двухсотъ милліоновъ людей, городъ, къ которому устремляются, въ часъ молитвы, взоры и руки мусульманъ всѣхъ сектъ и всѣхъ націй—индусовъ или персіанъ, арабовъ, берберовъ или негровъ,—не есть большее скопленіе жителей, какъ большинство столицъ государства: это городъ далеко не обширный, гдѣ бываетъ большое стеченіе народа только въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ пилигримства, послѣ рамадана; а между тѣмъ Мекка или Бекка, какъ ее называли туземныя племена въ домагометанскую эпоху, слыветъ у мусульманъ «ма-

[1]) Mahé, рукописныя замѣтки.
[2]) Mahé, рукописныя замѣтки.

[1]) Zitterer,—Millingen;—Mahé, рукописныя замѣтки.
[2]) Burckhardt, „Travels in Arabia“.
[3]) Mahé, рукописныя замѣтки.

терью городовъ», и составлена цѣлая книга изъ титуловъ и названій, даваемыхъ ей вѣрующими; она обязана единственно своему священному камню тѣмъ, что сдѣлалась, несмотря на неудобства своего географическаго положенія, метрополіей Аравіи, сборнымъ мѣстомъ народовъ, городомъ прекраснаго языка. Она лежитъ между голыхъ холмовъ и песчаныхъ пространствъ, въ долинѣ или вѣрнѣе на обсохшемъ ложѣ уади, имѣющаго очень пологій скатъ съ сѣвера на югъ, и воды котораго, текущія рѣдко, теряются въ пескахъ, не достигая моря; иногда онѣ несутся настоящимъ потопомъ, наполняя всю долину, и дома, размытые при основаніи, обрушиваются въ широко разлившійся потокъ; въ 1861 году цѣлая треть города была повалена наводненіемъ; прежде отъ этихъ внезапныхъ разливовъ защищала плотина, построенная выше города. Совокупность кварталовъ тянется по направленію уади и продолжается становищами, кучками хижинъ, гдѣ живутъ, между прочимъ, и корейшиты, обѣднѣвшіе потомки народца, нѣкогда могущественнаго, къ которому принадлежалъ основатель ислама. На горѣ расположена цитадель, господствующая надъ Меккой. Улицы святаго города, болѣе широкія, чѣмъ улицы большинства арабскихъ городовъ, чтобы давать проходъ огромной толпѣ пилигримовъ, всѣ сходятся къ центральной площади, занимаемый четыреугольной массой святой мечети, Месджидъ-эль-Гарамъ.

Это зданіе — памятникъ, не отличающійся архитектурной красотой, который къ тому же часто приходилось починять и даже перестраивать вслѣдствіе поврежденій, производимыхъ наводненіями — представляетъ собраніе низкихъ построекъ съ куполами и минаретами, образующими колоннаду со стороны обширнаго внутренняго двора. Ученики группируются подъ аркадами вокругъ своихъ наставниковъ; проповѣдники говорятъ тамъ проповѣди, и во время праздниковъ пилигримства многочисленная толпа богомольцевъ движется въ оградѣ перекрещивающимися потоками. Въ центрѣ двора высится Кааба или «Кубъ», четыреугольная масса, вышиной метровъ въ двѣнадцать, запертая серебряной дверью, которая отпирается три раза въ годъ для пилигримовъ. Въ наружной стѣнѣ, близъ двери, вдѣланъ знаменитый черный камень, аэролитъ, отколовшіеся куски котораго придерживаются серебрянымъ обручемъ. Это священный камень, врученный ангеломъ Божіимъ Измаилу, родоначальнику арабовъ, и который въ день страшнаго суда заговоритъ, чтобы свидѣтельствовать въ пользу тѣхъ, которые цѣловали его чистыми устами. Надъ зданіемъ, поэтически уподобляемымъ невѣстѣ [1]), развѣвается длинными складками навѣсъ изъ черной шелковой матеріи, подарокъ

падишаха константинопольскаго; это колых
матеріи, говорятъ пилигримы, происходитъ
движенія крыльевъ ангеловъ, летающихъ
кругъ священнаго Куба, и которые когда-
будь унесутъ его на небо и поставятъ пер
престоломъ Аллаха. Четыре молельни возд
нуты по угламъ четырестороннней башни; это
сто молитвы четырехъ правовѣрныхъ сектъ
гометанъ-суннитовъ: шафитовъ, которые жив
главнымъ образомъ въ Сиріи и въ Месоп
міи, между Тигромъ и Евфратомъ; ганафито
состоящихъ по большей части изъ бухарце
белуджистанцевъ, афганцевъ и турокъ; ма
китовъ, почти исключительно африканцев
ганбалитовъ, огромное большинство котор
арабскаго происхожденія. Въ одной изъ ч
вень бьетъ изъ земли обильный источн
Земземъ, святая вода, брызнувшая изъ зе
для Агари и Измаила, когда они блужд
томимые жаждой, въ пустынѣ. Эта вода, н
чемъ, немного соленая, считается всеисцѣл
щимъ средствомъ отъ всѣхъ недуговъ, и въ
родахъ Востока богатые мусульмане добыва
ее за большія деньги: между тѣмъ химикъ Фр
клендъ, анализировавшій ее, говоритъ, что
«никогда не видывалъ воды до такой степ
загрязненной органическими веществами»
Но прежде она не смѣшивалась, какъ въ н
дни, съ водами изъ водосточныхъ канавъ.
сезонъ пилигримства число хаджей, мужч
и женщинъ, которые толпятся передъ Каа
и священнымъ источникомъ, доходитъ ино
до шести или восьми тысячъ человѣкъ. Ко
всѣ пилигримы разомъ дѣлаютъ поклонъ, сл
но наклоняемые силой вѣтра во время бу
ударяя себя въ грудь и читая съ бѣше
яростью молитвы,—эта пестрая многотысяч
толпа, гдѣ встрѣчаются люди, пришедшіе
всѣхъ сторонъ мусульманскаго міра,—съ ост
вовъ Индіи, изъ Китая, изъ сибирскихъ сте
съ береговъ Нила и Нигера,—представля
единственное въ своемъ родѣ зрѣлище;
правовѣрнаго нѣтъ впечатлѣнія болѣе сильн
и случалось, иные впадали въ такой религі
ный экстазъ, что призывали смерть для то
чтобы райское блаженство продолжало бе
ственную радость, наполняющую все ихъ
щество; другіе выкалывали себѣ глаза, что
взоръ ихъ не былъ оскверняемъ другимъ
домъ, кромѣ вида святаго мѣста. При вх
пилигримовъ въ ограду мечети Месджидъ-
Гарамъ, одна изъ ихъ первыхъ церемоній
стоитъ въ томъ, чтобы обѣжать семь р
вокругъ Каабы, кружась справа налѣво и п
касаясь каждый разъ къ черному камню:
называется «сдѣлать туафъ». Въ до-ислам
скія времена вѣрующіе бѣгали кругомъ Ка
въ состояніи совершенной наготы: считал
что они вмѣстѣ съ одеждой сбрасывали съ с

[1]) Burckhardt, „Travels in Arabia“.

[1]) Mahé, рукописныя замѣтки.

и свои грѣхи. Магометъ подтвердилъ церемонію туафа, но отмѣнилъ обязанность раздѣваться до-нага; тѣмъ не менѣе, и теперь пилигримы, прибывъ на послѣднюю станцію передъ Меккой, считаютъ долгомъ скинуть съ себя свое обычное одѣяніе, чтобы прикрыть наготу одной только рубашкой, *ирамъ* или *морамъ*, и въ этомъ-то простомъ нарядѣ они должны переносить ночной холодъ и дневной зной, до тѣхъ поръ, пока не будутъ исполнены всѣ церемоніи посѣщенія святыни [1]).

Число пилигримовъ значительно разнится отъ одного года до другаго, смотря по политическому состоянію полуострова и окружающихъ его государствъ. Въ первыя времена магометанскаго религіознаго пыла, когда обязанность совершать хожденіе въ Мекку, по крайней мѣрѣ разъ въ жизни, считалась священной, и когда свидѣтельства о посѣщеніи святаго мѣста не покупались цѣной денегъ, чужеземцы стекались сотнями тысячъ въ духовный центръ мусульманства. Калифы велѣли выстроить города, для того, чтобы пилигримы находили удобныя мѣста для остановокъ въ пустынѣ, и милліонами раздавали золотыя монеты жителямъ Мекки и Медины. Въ тринадцатомъ столѣтіи, караванъ послѣдняго изъ Абассидовъ состоялъ изъ 120.000 верблюдовъ и изъ цѣлой арміи солдатъ, служителей и торговцевъ. Подъ турецкимъ владычествомъ государи никогда не подавали примѣра такого усердія къ вѣрѣ: ни одинъ изъ падишаховъ константинопольскихъ не совершилъ путешествія въ Мекку. Они ограничиваются посылкой подарковъ и отправляютъ какого-нибудь придворнаго сановника въ качествѣ представителя своей особы передъ священнымъ чернымъ камнемъ. Во время войнъ между турками и вагабитами хожденіе мусульманъ къ святымъ мѣстамъ почти совершенно пріостановилось; со времени возстановленія мира средній наплывъ богомольцевъ ежегодно превышаетъ сто тысячъ человѣкъ, которые почти всѣ столько же ревнуютъ о своихъ меркантильныхъ интересахъ, сколько и о спасеніи души; во время ихъ пребыванія святой городъ превращается въ громадный базаръ; торговля завладѣваетъ даже дворомъ и колоннадами храма. Но введеніе пароходства на Красномъ морѣ и открытіе Суэзскаго канала имѣли слѣдствіемъ радикальное измѣненіе условій путешествія для пилигримовъ и заставили покинуть нѣкоторыя дороги, прежде очень посѣщаемыя ихъ караванами. Египетскіе хаджи, направляющіеся черезъ Синайскій полуостровъ, чтобы затѣмъ обогнуть Акабахскій заливъ и слѣдовать вдоль Мадіанскаго побережья и Геджаса, немногочисленны; дамасскій караванъ, представлявшій, бывало, цѣлый народъ, странствующій по пустынямъ, не наполняетъ болѣе долинъ своими безчисленными шатрами и не вычерпываетъ до дна лежащихъ на пути источниковъ и колодцевъ; іеменскій караванъ, идущій вдоль южнаго берега, тоже уменьшился; изъ Маската караванъ больше не ходитъ; только поперечная дорога, направляющаяся изъ Месопотаміи къ Меккѣ черезъ Неджедъ, сохранила свою относительную важность, по той причинѣ, что плаваніе кругомъ полуострова стоило бы слишкомъ дорого большинству пилигримовъ. Женщины тоже приглашаются совершать хожденіе къ святымъ мѣстамъ, и обычай позволяетъ вдовамъ заключать временные браки съ жителями Мекки на срокъ ихъ пребыванія тамъ. Что касается не-мусульманъ, то входъ въ Каабу и даже вообще въ священный городъ имъ безусловно воспрещенъ, и только при исключительныхъ обстоятельствахъ иновѣрцамъ удавалось проникать туда, или во время войны противъ вагабитовъ, въ свитѣ Мегемета-Али и его офицеровъ, или подъ видомъ хаджей; такимъ-то способомъ Бадія или Али-бей, Бурхардъ, Мальцанъ, Бертонъ, Кипъ принимали участіе въ церемоніяхъ туафа. Но если европейцы не допускаются въ святилище ислама, то тѣмъ не менѣе вліяніе ихъ проявляется преобладающимъ образомъ въ отношеніи сборищъ пилигримовъ: черезъ посредство международной санитарной коммиссіи они имѣютъ надзоръ за скопленіями богомольцевъ, регулируютъ ходъ каравановъ, наблюдаютъ за поддержаніемъ порядка и соблюденіемъ требованій гигіены въ пилигримскихъ станахъ. Благодаря этому вмѣшательству европейцевъ, пилигримовъ теперь не сопровождаютъ всегда, какъ бывало прежде, холера, чума или тифъ.

Церемоніи пилигримства не считаются вполнѣ законченными, и посѣтители чернаго камня не имѣютъ права принять титулъ хаджи, если они не сходятъ также помолиться Аллаху на склонахъ святой горы Арафатъ, находящейся въ семи или восьми часахъ ходьбы къ сѣверо-востоку отъ Мекки. Это гранитный хребетъ, возвышающійся всего только на 60 метровъ надъ уровнемъ окружающей равнины, но имѣющій нѣсколько километровъ въ окружности при основаніи; своей традиціонной святостью въ глазахъ арабовъ онъ обязанъ, можетъ быть, обильному источнику, бьющему изъ разсѣлины скалы, и который султанша Зобеида велѣла перехватить, чтобы провести его воду въ Мекку посредствомъ водопровода, частію подземнаго; но каналъ, худо поправляемый, позволяетъ просачиваться водѣ изъ резервуаровъ, устроенныхъ на его протяженіи, и потому городъ получаетъ нынѣ лишь незначительную часть ея. Въ день, когда многочисленная толпа пилигримовъ, увеличенная жителями и гарнизономъ Мекки, направляется къ горѣ Арафатъ, долина ручья Уади-Муна, по кото-

[1]) Burckhardt, „Travels in Arabia;—B. Burton, „Pilgrimage to Mecca";—Maltzan, „Wall fahrt nach Mekka";—Keane, „Six months in Mecca".

рой поднимается дорога, бываетъ слишкомъ узка, чтобы вмѣстить эти массы народа, и въ тѣснинахъ происходитъ такая давка, что требуется нѣсколько часовъ для того, чтобы весь людской потокъ могъ пройти тѣсное мѣсто. Въ 1816 году, во время посѣщенія страны путешественникомъ Бурхартомъ, и въ 1882 году, по отчету международной санитарной коммиссіи, около 70.000 пилигримовъ толпились, вмѣстѣ со своими верблюдами и лошадьми, вокругъ святой горы, и равнина была сплошь усѣяна бедуинами, преимущественно жителями Ассира, пригнавшими съ собой стада барановъ, чтобы продавать ягнятъ богомольцамъ, какъ жертвы для закланія. Но какъ бы ни было велико число вѣрующихъ, пришедшихъ помолиться отъ чистаго сердца на горѣ Арафатъ, гдѣ, по преданію, общій прародитель Адамъ въ первый разъ научился отъ ангеловъ взывать къ имени Божію, всѣ находятъ тамъ мѣсто: гора вздувается неограниченно, говоритъ легенда, чтобы вмѣстить толпу поклоняющихся Господу. Нищіе уже расположились тамъ сотнями и тысячами, когда являются вѣрующіе; сидя на карнизахъ и выступахъ скалъ, они протягиваютъ свои платки для того, чтобы проходящіе бросали туда подаянія. «Подумай о твоемъ долгѣ, пилигримъ!» говорятъ они ему, требуя то, что, какъ они убѣждены, принадлежитъ имъ по праву. Когда церемонія начинается, всѣ тѣснятся на склонахъ такъ, чтобы, если не слышать, то по крайней мѣрѣ видѣть кади Мекки, говорящаго и жестикулирующаго съ высоты своего верблюда; даже караваны хаджей представлены на вершинѣ горы махмалами или священными верблюдами каравана, на которыхъ нагромождены высокіе деревянные балдахины, обтянутые пышными драпировками. Какъ только проповѣдникъ воздѣнетъ руки къ небу, чтобы призвать благословеніе Всевышняго на собравшуюся толпу вѣрующихъ, тысячи голосовъ испускаютъ вмѣстѣ одинъ и тотъ же крикъ: «лебеикъ Алла хума лебеикъ»!—«Мы твои слуги, Боже»! Затѣмъ всѣ устремляются внизъ, къ подошвѣ горы. Издали эту несмѣтную толпу людей въ бѣлыхъ рубахахъ, бѣгущихъ съ уступа на уступъ, можно принять за пѣнящійся водопадъ, низвергающійся съ горы. На слѣдующій день, послѣ шумной ночи, совершается на разсвѣтѣ вторая общая молитва, послѣ чего толпа богомольцевъ направляется въ обратный путь къ Меккѣ. Во время перехода черезъ одно ущелье есть обычай бросать камни въ основанію стѣны скалъ, чѣмъ изображается будущее побіеніе камнями діавола. Огромныя груды камней скопились въ этомъ мѣстѣ, гдѣ, безъ сомнѣнія, уже тысячи лѣтъ совершается эта церемонія, прообразующая истребленіе Эблиса, духа тьмы. Далѣе дѣлаются жертвоприношенія, при чемъ каждый пилигримъ, смотря по состоянію, закалываетъ одно или нѣсколькихъ животныхъ; кровь льется потоками на песокъ, и тучи коршуновъ налетаютъ на падаль, не дожидаясь, когда послѣдніе богомольцы удалятся съ поля кровавой сѣчи.

Мекка занимаетъ центръ священной территоріи, называемой Гудудъ-эль-Гарамъ. Она дополняется на востокѣ укрѣпленнымъ городомъ Таифъ, расположеннымъ на закраинѣ центральнаго плоскогорья, въ небольшой долинѣ, наполненной зеленью фруктовыхъ деревьевъ: это перекрестокъ всѣхъ дорогъ, направляющихся къ внутренности Аравіи. На западѣ другое передовое мѣсто Мекки—приморскій городъ Джедда, построенный на побережьѣ Краснаго моря, на бывшемъ плоскомъ берегу, гдѣ еще видны слѣды пребыванія водъ; оттого, хотя дома хорошо построены, и хотя воздухъ свободно циркулируетъ на улицахъ, Джедда имѣетъ нездоровый климатъ; даже морская бриза приноситъ ей нечистыя испаренія лужъ, оставляемыхъ отливомъ среди коралловыхъ построекъ. Гнѣздо заразы, откуда пилигримы часто заносили холеру на берега Средиземнаго моря, Джедда избрана главной станціей международной санитарной коммиссіи, и всѣ высаживающіеся въ этомъ портѣ пилигримы должны содѣйствовать уплатой небольшаго налога, въ размѣрѣ около 2 франковъ, примѣненію мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ охраненія общественнаго здравія. Джедда—самый богатый городъ на берегахъ Краснаго моря: число пилигримовъ, высадившихся въ ея портѣ, въ фискальномъ 1880—1881 году, было 59.659, а въ 1881—1882 году 37.785 [1]). Торговля Джедды, весьма значительная (общая цѣнность торговаго движенія, въ среднемъ, простирается до 120.000.000 франковъ), возрастаетъ или уменьшается, смотря по большему или меньшему наплыву богомольцевъ. Городское населеніе, состоящее въ значительной части изъ пилигримовъ, оставшихся въ краѣ, представляетъ существенно космополитическій характеръ; такрури — имя, которымъ обыкновенно обозначаютъ большинство африканцевъ изъ Нубіи—занимаютъ нѣсколько кварталовъ; кромѣ того, въ Джеддѣ живутъ около 2.000 индусовъ; далѣе тамъ встрѣтишь даже китайцевъ, малайцевъ, дайяковъ съ острова Борнео; весь этотъ пришлый людъ привлекается столько же ревностью къ вѣрѣ, сколько страстью къ наживѣ; болѣе четверти жителей состоитъ изъ невольниковъ [2]). Живя на счетъ благочестія хаджей, обитатели приморскаго порта Мекки отличаются въ большинствѣ сильнымъ фанатизмомъ; въ 1858 году европейскія державы должны были мстить за смерть консуловъ Франціи и Англіи, умерщвленныхъ фана-

[1]) Mahé, рукописныя замѣтки.
[2]) G. Rohlfs, „Voyage en Abyssinie".

тической чернью. Такъ же, какъ Мекка, Джедда имѣетъ въ окрестностяхъ нѣсколько мѣстъ священныхъ по преданію: таковъ, къ востоку отъ города, на дорогѣ изъ Гадда, бугоръ длиной около 60 метровъ, который называютъ могилой Евы, «матери всѣхъ живущихъ». По вѣрованію пилигримовъ, тѣло прародительницы много превосходило пространство, обозначаемое выступомъ почвы: голова Евы покоилась въ Мединѣ, тогда какъ ноги достигали Африки. Въ честь Евы портъ Мекки и получилъ свое названіе Мединетъ-эль-Джедда или «городъ Праматери» [1]).

Мединетъ-энъ-Неби, то-есть«ГородъПророка», или просто Медина, «Городъ» по преимуществу, уступаетъ въ святости, въ мусульманскомъ мірѣ, одной только Меккѣ. Она не сообщаетъ титула хаджи тѣмъ, кто ее посѣщаетъ, и строгіе мусульмане не обязаны совершить туда хожденіе по крайней мѣрѣ разъ въ жизни, какъ въ Мекку; но «молитва, вознесенная къ престолу Всевышняго въ мединской мечети, стоитъ тысячи молитвъ, сотворенныхъ въ другихъ мѣстахъ»; сотня именъ, которыми замѣнено старое названіе Ятребъ, признаваемое зловѣщимъ, свидѣтельствуетъ о высокомъ достоинствѣ Медины между другими городами магометанскаго міра. Такъ же, какъ Мекка, «Городъ Пророка» занимаетъ центръ священной территоріи, Гудутъ-эль-Гарамъ, пространства около 300 квадр. километровъ, гдѣ «грѣхи воспрещены», гдѣ, «не позволяется охотиться, ни убивать другихъ животныхъ, кромѣ невѣрныхъ». Большинство пилигримовъ, посѣщающихъ Медину, состоитъ изъ мограбиновъ, то-есть изъ западныхъ жителей Африки, приходящихъ поклониться не только гробу пророка, но также и могилѣ имама Малекъ-ибнъ-Анеса, основателя секты малекитовъ, къ которой они принадлежатъ почти всѣ. Въ Мединѣ высказывается больше нетерпимости въ отношеніи лицъ женскаго пола, чѣмъ въ Меккѣ: доступъ въ главную мечеть женщинамъ не воспрещенъ; но еще недавно онѣ могли приходить туда только ночью.

Городъ лежитъ на восточной сторонѣ краевыхъ горъ, отдѣляющихъ область Техамы отъ центральнаго плоскогорья; въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу останавливаются потоки пористой лавы, вышедшей изъ кратера Охода, знаменитой горы, которая должна быть когда-нибудь перенесена въ рай, какъ театръ побѣды, одержанной Магометомъ надъ его врагами; на востокѣ и на западѣ тоже возвышаются нѣсколько горныхъ вершинъ, между прочимъ, гора Айра, гдѣ пророкъ едва не погибъ отъ жажды, и которая за это будетъ ввержена въ адъ. Къ югу тянется на необозримое пространство сѣроватая равнина, гдѣ глинистая почва чередуется съ песками и мѣломъ. Группы пальмъ оживляютъ окрестности Медины вездѣ, гдѣ вода колодцевъ достаточна для орошенія земли; однако холода очень чувствительны на этой высотѣ, вѣроятно, близкой къ 1.000 метровъ; какъ гласитъ поговорка, приписываемая самому Магомету, «человѣкъ, переносящій терпѣливо холодъ Медины и зной Мекки, заслуживаетъ награды въ раю». Собственно городъ, гораздо менѣе обширный, чѣмъ Мекка, имѣетъ форму овала, окруженнаго стѣнами, которыя оканчиваются на сѣверо-западѣ крѣпкимъ замкомъ; на западѣ и на югѣ широкій бульваръ отдѣляетъ городъ отъ предмѣстій, болѣе обширныхъ, перемѣшанныхъ съ садами и ограничиваемыхъ со стороны окрестныхъ сельскихъ мѣстностей жалкимъ землянымъ валомъ. Уади, внезапныя наводненія котораго часто опустошали Медину, перерѣзываетъ предмѣстья и теряется далеко въ равнинѣ; кромѣ того, подземный каналъ, подобный афганскимъ карезамъ, приноситъ городу воду, немного жесткую, которая, однако, употребляется мединцами для питья, такъ же, какъ и для орошенія садовъ. Мединской водѣ часто приписываютъ происхожденіе подкожной глисты, называемой струнецъ мединскій (filaria medinensis), столь обыкновенной въ нѣкоторыхъ областяхъ Аравіи; но, по словамъ Бертона, она рѣдко встрѣчается у жителей города Пророка [1]). Этотъ городъ, видомъ своихъ домовъ напоминающій города Сиріи, не имѣетъ замѣчательныхъ зданій, и даже знаменитая мечеть Эль-Харамъ—самое ординарное, ничѣмъ особеннымъ не отличающееся строеніе; въ этомъ храмѣ находится гробница пророка Магомета, окруженная рѣшоткой, за которую даже важнѣйшіе сановники рѣдко могутъ переступать. Но всѣ пилигримы удостовѣряютъ, что извѣстная, обще-распространенная легенда, по которой священный гробъ, будто-бы, виситъ на воздухѣ, ничѣмъ не поддерживаемый, лишена основанія. Кромѣ того, въ главной мечети Медины покоятся смертные останки калифовъ Абу-Бекра, Омара и нѣкоторыхъ другихъ знаменитѣйшихъ святыхъ ислама; случалось, что пилигримы изъ шіитовъ оскверняли эти гробницы, бросая на нихъ нечистоты, завернутыя въ дорогія ткани: эти акты фанатизма обыкновенно сопровождались избіеніемъ всѣхъ проживающихъ въ Мединѣ персіанъ.

«Воротами» Медины на Красномъ морѣ служитъ городъ Ямбо, лежащій на разстояніи слишкомъ 200 километровъ по прямой линіи къ юго-западу отъ родины Пророка: его обыкновенно называютъ Янбуа-эль-Бахръ или «Приморскій Ямбо», въ отличіе отъ Янбуа-эль-Нахль или «Ямбо съ пальмовыми рощами», который находится внутри материка въ оазисѣ,

[1]) Ramidien; — Burton; — Gobineau, etc.

[1]) „Pilgrimage to El-Medinah and Meccah“.

отстоящемъ слишкомъ на 30 километровъ отъ морскаго берега. Если смотрѣть съ моря, Ямбо является на сѣромъ фонѣ пустыни, въ видѣ бѣлой линіи между лазурью волнъ и синевой неба. Впрочемъ, городъ не имѣетъ замѣчательныхъ зданій; что̀ всего лучше запечатлѣваетъ воспоминаніе о немъ въ умѣ путешественниковъ, такъ это чистая и прохладная вода источниковъ—сокровище неизвѣстное почти во всѣхъ другихъ городахъ прибрежья.

Ямбо—послѣднее городское поселеніе на берегахъ Краснаго моря. На сѣверѣ единственный приморскій портъ, посѣщаемый судами—Эль-Веджъ, лежащій уже на египетской территоріи. Международная санитарная коммиссія выбрала эту глубокую и хорошо защищенную бухту для учрежденія карантинной станціи на дорогѣ изъ Суэца въ Джедду; но мограбинскіе (западно-африканскіе) пилигримы останавливаются, для медицинскаго осмотра, въ Торѣ, какъ хаджи, направляющіеся съ юга, задерживаются на островѣ Камаранѣ. Мѣстечко Эль-Веджъ расположено на твердой землѣ, но оно такъ же уединено, какъ если бы находилось посреди моря; вокругъ бухточки видны только пески и скалы; тамъ и сямъ кое-какія развалины городовъ, построенныхъ фараонами или римлянами, прерываютъ однообразіе пустынь. Города древнихъ ниватеянъ, которые англичанинъ Бертонъ предлагаетъ возстановить въ Мадіанской странѣ для разработки золотыхъ рудниковъ, все еще пребываютъ въ состояніи безформенныхъ развалинъ, сливающихся съ камнями пустыни.

Весь Гамадъ, къ югу отъ Пальмиры, между долиной Евфрата и горными цѣпями Гаурана, принадлежитъ бродячимъ племенамъ: аназехъ, шаммаръ, роала, моали, гаддадинъ, бени-сахръ и шераратъ. Города или, лучше сказать, группы деревень, расположенныхъ въ одномъ и томъ же пальмовомъ лѣсѣ, встрѣчаются только въ южной части Гамада, вблизи береговыхъ горъ западной Аравіи и массива Джебель-Шаммаръ. На сѣверо-западѣ отъ большаго Нефуда одна изъ впадинъ, составляющихъ часть долины Уади-Сиргана, Джофскій бассейнъ, остатокъ бывшаго моря, извивавшагося между степями Гамада и пустыней, заключаетъ въ себѣ два многолюдныхъ города. Обсохшее ложе озера, гдѣ находится Джофскій оазисъ, лежитъ на средней высотѣ 560 метровъ: колодцы, вырытые въ самой глубокой части бассейна, доставляютъ достаточно воды для орошенія оазиса величиной въ 3 квадр. километра, посреди котораго группируются нѣсколько сотенъ домовъ, окруженныхъ зубчатой стѣной и шпалерами пальмъ. Нѣсколько домиковъ разсѣяны внѣ ограды, а все окружающее пространство представляетъ солончаковую степь, блистающую бѣлизной, гдѣ тамъ и сямъ, вокругъ колодцевъ, растутъ группы пальмъ, составляющія темныя пятна на бѣлоснѣжномъ фонѣ равнины. Два крѣпкихъ замка господствуютъ на
лабиринтомъ узкихъ кривыхъ улицъ и пло
дей городка. На сѣверо-востокѣ, другой гор
Мескакехъ, немного болѣе многолюдный, чѣ
Джофъ, занимаетъ дно другой впадины, нѣк
бывшей озеромъ, менѣе правильной и бо
изрѣзанной оврагами; и здѣсь тоже надъ го
домъ возвышается живописный замокъ съ кр
ными башнями по бокамъ; вся орошаемая з
ля, до послѣдняго комка, занята садами; д
очень опрятны и содержатся въ совершен
чистотѣ и порядкѣ. Города Джофъ и Мескак
населеніе которыхъ почти такое же смѣшан
какъ и населеніе бассейна Евфрата, въ по
тическомъ отношеніи зависятъ отъ Недж
Турки занимали временно оазисы Джофа,
неджинскій государь платилъ ежегодно небо
шую дань мединскому шерифу, въ знакъ в
сальной зависимости по этимъ внѣшнимъ в
дѣніямъ [1]). Путешественнику Гюберу гово
ли, что въ Джофскомъ оазисѣ вода уменьша
ся; соразмѣрно тому убываетъ и число жи
телей. Изъ деревень этой части полуостр
посылаютъ каждую ночь за двадцать вер
искать воды, чистой или грязной, кото
должна служить для дневнаго водоснабже
населенія.

Къ западу отъ цѣпи необширныхъ оазисо
которая тянется съ юго-востока на сѣверо-
падъ, вдоль долины Уади-Сирганъ, другая
нія становищъ и деревень слѣдуетъ въ то
же направленіи на восточной сторонѣ кр
выхъ горъ: она пересѣкается большой доро
пилигримовъ изъ Дамаска въ Мекку. Тей
древняя Тайма, окруженная фруктовыми
ревьями, есть одна изъ важнѣйшихъ стан
на этомъ пути; она славится во всей Ара
своимъ большимъ резервуаромъ (въ фор
квадрата, сторона котораго равна 20 метрам
наполненнымъ слегка термальной водой,
черпаютъ 75 водоподъемныхъ гидравлическ
машинъ, и который, однако, всегда держит
на одномъ и томъ же уровнѣ. Въ окрестност
Теймы г. Гюберъ открылъ, въ Тумѣ, надп
на нѣсколькихъ языкахъ на гробницахъ,
развалины зданій какого-то древняго горо
построеннаго изъ базальта въ томъ же сти
какъ города и области Джебель-Гауранъ.
лѣе на югѣ, путешественники Даути и Гюбе
посѣтили другой городъ троглодитовъ, А
Гиджръ, некрополи котораго, изваянные
камня, походятъ на некрополи Пѐтры. Од
сосѣдній оазисъ, Эль-Ала, и около запад
оконечности массива Джебель-Аджа, стар
городъ Хейбаръ, группирующій свои дома
кругъ форта, построеннаго на базальтовой
лѣ, славятся своими лѣсами финиковыхъ пал
въ центральной Аравіи существуетъ послов
«носить финики въ Хейбаръ», равнозначит

[1]) Anne Blunt, „Voyage en Arabie", trad. par. Der

позволили бы переместить частію самый городъ, запертый нынѣ въ слишкомъ тѣсной оградѣ. Внѣшняя торговля Яффы находится исключительно въ рукахъ христіанъ, туземцевъ и иностранцевъ; она состоитъ главнымъ образомъ въ отпускѣ зерновыхъ хлѣбовъ, апельсиновъ, лимоновъ и другихъ естественныхъ произведеній (движеніе торговаго обмѣна въ Яффѣ въ 1878 году: 22.500.000 франк.: вывозъ 15.000.000 франк.; привозъ: 7.500.000 франк.). Торговля эта могла бы безъ труда удвоиться, если бы обильныя воды рѣки Нахръ-эль-Аудже, текущія въ 6 километрахъ къ сѣверу отъ города, были отклонены посредствомъ водопровода и употреблены на орошеніе равнины, теперь безплодной, которая простирается на сѣверъ отъ садовъ. Можно бы было такимъ образомъ вновь завоевать для земледѣлія все Саронское побережье, славившееся въ библейской древности своими «розами», которыя, какъ полагаютъ, были нарциссы, покрывавшіе сѣрый песокъ своими бѣлыми звѣздами [1]). Виртембергская колонія Сарона, состоящая изъ 250 душъ, поселилась въ этой мѣстности и, благодаря искусственному орошенію, создала тамъ новый оазисъ. Всемірный еврейскій союзъ (l'alliance israélite universelle) основалъ въ окрестностяхъ Яффы земледѣльческое училище, гдѣ сотни жидовскихъ дѣтей учатся садоводству и огородничеству. Близъ города нѣсколько большихъ масличныхъ деревъ, разставленныхъ симметрически, принадлежали нѣкогда сельско-хозяйственной школѣ, съ образцовой фермой, основанной Кольберомъ [1]).

Мазадская скала.

На югѣ отъ Яффы большинство укрѣпленныхъ городовъ филистимлянъ замѣнены теперь бѣдными селеніями. Аскалонъ, «невѣста Сиріи», который, несмотря на многочисленныя превратности войнъ и осадъ, продолжалъ быть большимъ городомъ до эпохи крестовыхъ походовъ, въ наши дни совершенно покинутъ и пришелъ въ запустѣніе; отъ него остались лишь безформенныя развалины, да полукругъ его вала, который оканчивается на сѣверѣ и на югѣ крутыми откосами береговаго утеса, господствующаго надъ водами Средиземнаго моря; ограда занята вся огородами, гдѣ жители сосѣдней деревни Джуры сѣютъ еще особый видъ чеснока, который обязанъ древнему Аскалону своимъ латинскимъ названіемъ *askalonium* (по-французски *échalote*, шарлотъ, мелкій чеснокъ). На югѣ страны филистимлянъ, и уже въ сосѣдствѣ пустыни, Газа (Газзе), южный городъ Пентаполя (Пятиградской области), о которомъ египетскія лѣтописи упоминаютъ почти четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, остался большимъ городомъ, благодаря своему счастливому географическому положенію, которое сдѣлало его посредникомъ торговыхъ сношеній между Египтомъ и Палести-

[1]) Conder, „Palestine Exploration Fund", janv. 1878.

[1]) E. Mélchior de Vogüé, „Syrie et mont Athos".

ной, между Африкой и Азіей. Въ первыя времена Византійской имперіи онъ славился своими школами, и арабы приходили туда изъ очень далекихъ мѣстъ, чтобы познакомиться съ эллинскимъ міромъ и его идеями [1]). Газа—не городъ въ собственномъ смыслѣ слова, а скорѣе совокупность деревень и садовъ, расположенныхъ въ видѣ неправильнаго круга вокругъ холма съ широкой плоской террасой, повидимому состоящей частію изъ обломковъ древнихъ строеній; это такъ называемый кварталъ Лѣстницъ, гдѣ находятся сераль губернатора и главная мечеть, бывшая церковь двѣнадцатаго столѣтія. Городъ часто перемѣщался, подвигаясь къ востоку передъ наступающими съ берега дюнами; вообще между земледѣльцемъ и песками идетъ постоянная борьба; приходится отгребать песокъ вокругъ каждаго фруктоваго дерева, растущаго какъ бы на днѣ кратера [2]); но часто подвижныя дюны, имѣющія въ среднемъ отъ 10 до 15 метровъ высоты, засыпали сады и жилища; во многихъ мѣстахъ, къ западу отъ города, отыскали подъ песками отрывки зданій, кучи черепковъ глиняной посуды, римскія статуи прекрасной работы. Древняя «морская пристань» тоже почти совершенно занесена тонкимъ пескомъ плоскаго берега; едва нѣсколько судовъ рѣшаются приставать въ этомъ мѣстѣ, гдѣ они подвергаются сильному прибою волнъ, ударяющихся о берегъ, почти прямолинейный. Все движеніе торговаго обмѣна производится сухимъ путемъ, по египетскому тракту: Газа стоитъ на половинѣ дороги отъ границы до Яффы и Іерусалима.

Города Палестины и верхней долины Іордана, съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ: Іерусалимъ—41.000 жит.; Газа, по Кондеру—18.000 жит.; Хевронъ (Эль-Халиль), по Кондеру—17.600 жит., Наплуза (Сихемъ)—13.000 жит.; Яффа—12.000 жит.; Назаретъ (Энъ-Назира)—8.000 жит.; Сафедъ, по Герену—8.000 жит.; Хаифа—6.000 жит.; Виѳлеемъ—5.500 жит.; Акка—8.000 жит.; Хасвея—4.000 жит.; Луддъ—4.000 жит.; Тиверіада—3.500 жит.; Рамлехъ—3.500 жит.; Дженинъ—3.000 жит.; Рашея—3.000 жит.

На Синайскомъ полуостровѣ нѣтъ городовъ. Суэцъ, портъ западнаго залива Краснаго моря, находится на африканскомъ берегу морскаго залива. Нахль или «Пальмовая роща» въ пустынѣ Тихъ имѣетъ значеніе преимущественно какъ военная станція и сборное мѣсто карavановъ. Въ Синайской пустынѣ, Фаранъ «Финиковыхъ пальмъ» замѣненъ теперь становищемъ бедуиновъ. Другой Фаранъ, при устьѣ Уади-Фейрана, не существуетъ болѣе. Портомъ полуострова на западномъ заливѣ слу-
житъ городокъ Торъ, который, когда плыве
на пароходѣ, вдругъ показывается при по
ротѣ одного мыса, полузакрытый групп
пальмъ; международная санитарная комми
выбрала его какъ карантинную станцію
судовъ съ мусульманскими пилигримами, в
вращающимися изъ Джедды. Акабахъ, на о
нечности восточнаго залива, ограничивающ
треугольникъ Синайскаго полуострова,—кр
кій замокъ, господствующій надъ нѣскольк
палатками арабовъ-рыбаковъ и групп
пальмы думъ съ раздвоенными стволами.
далеко оттуда нѣкогда стоялъ торговый гор
Елаѳъ, существовавшій еще въ эпоху крес
выхъ походовъ, и который былъ въ продол
ніе пятидесяти лѣтъ во власти христіанск
королей іерусалимскихъ. Портомъ его, три
сячи лѣтъ тому назадъ, былъ городъ Эціо
Геберъ (Гаверъ), пристань, куда финикі
привозили для Соломона золото, драгоцѣн
ткани и богатыя произведенія Индіи. В
слѣдствіи, когда пышный городъ Пётра
рылъ свои зданія въ горахъ Идумеи, и ко
возникли города Декаполя (Десятиградск
области) въ странахъ Моава и Заіордан
Акабахскій заливъ тоже привлекалъ торгов
флоты, и скалистый островокъ Гурія, лежа
у оконечности залива, имѣлъ важное воен
значеніе для защиты рейда. Воды его оп
оживятся, если долина Іордана вновь заселит
и продолжитъ свои дороги на югъ въ Араба
скую низменность.

VI. Административныя дѣленія Азіа
ской Турціи.

Обширныя азіатскія владѣнія султана
лятся, какъ и владѣнія Европейской Турці
на *вилайеты* или провинціи, подраздѣляющіе
на *санджаки*, то-есть «знамена» или «полк
Нѣкоторые административные округи, ме
обширные, чѣмъ вилайеты, но имѣющіе о
бенное значеніе въ стратегическомъ от
шеніи или вслѣдствіе дипломатическаго вмѣш
тельства европейскихъ державъ, образу
отдѣльныя по управленію области, называем
мутасерифликъ. Очертанія губерній Аз
ской Турціи и ихъ уѣздовъ часто мѣнял
смотря по превратностямъ внѣшнихъ войн
дворцовыхъ революцій: размѣры областей у
личиваются или уменьшаются, смотря по с
пени милости, которою пользуются паши у
сударя. При томъ, административныя дѣле
не совпадаютъ съ естественными областя
Острова Архипелага, сосѣдніе съ побережье
Азіи, составляютъ часть того же вилайе
какъ и острова европейскихъ водъ; Багдадс
вилайетъ захватываетъ, на западномъ бер
Персидскаго залива, обширную полосу по

[1]) Starck, „Gaza und die philistäische Küsste".
[2]) Warren, „Palestine Exploration Fund", april 1871.

острова Аравіи, и весь Синайскій полуостровъ, причисляемый политически къ Египту, хотя онъ составляетъ продолженіе сирійскаго побережья, ограниченъ прямой линіей, проведенной геометрически черезъ уади, равнины и скалы.

Слѣдующая таблица даетъ списокъ административныхъ дѣленій Азіатской Турціи (исключая острововъ Самоса и Кипра), съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ и главными городами:

Естественныя области.	Вилайеты и мутасерифлики.	Санджаки.	Приблизит. населеніе.	Главные города.
I. Арменія и Понтъ.	Требизондскій (Трапезунтскій).	Требизондъ.	250.000	Требизондъ.
		Джаникъ.	260.000	Самсунъ, Бафра.
		Гюмишъ-хане.	80.000	Гюмишъ-хане.
		Лазистанъ.	200.000	Ризе.
	Эрзерумскій.	Эрзерумъ.	260.000	Эрзерумъ.
		Эрзинджанъ.	120.000	Эрзинджанъ.
		Баязидъ.	30.000	Баязидъ.
		Байбуртъ.	50.000	Байбуртъ.
	Ванскій.	Ванъ.	25.000	Ванъ
		Мушъ.	15.000	Мушъ.
		Гаккари.	80.000	Джуламеркъ, Ревандозъ.
	Харпутскій.	Мамуретъ-эль-Азизъ.	220.000	Харпутъ.
		Аргана.	80.000	
II. Верхній Тигръ, Месопотамія.		Діарбекиръ.	65.000	Діарбекиръ.
		Мардинъ.	25.000	Мардинъ, Низибинъ.
		Сертъ.	15.000	
		Малатія.	45.000	Азбузу.
		Моссулъ.	290.000	Моссулъ.
		Шехръ-зоръ.	250.000	
		Сулейманіе.	250.000	Сулейманіе.
	Багдадскій.	Багдадъ.	460 000	Багдадъ.
		Амара.		Кербела, Неджедъ.
		Кербела.	140.000	
		Гиллехъ.		Гиллехъ.
	Бассорскій.	Бассора.	13.000	Бассора.
		Монтефикъ.	660.000	Сукъ-эшъ-Шіокъ.
		Неджедъ (Хаза).	65.000	Гофгофъ, Эль-Катифъ.
III. Малая Азія.	Сивасскій.	Сивасъ.	420.000	Сивасъ, Токатъ.
		Амазія.	210 000	Амазія, Мерсиванъ.
		Шебинъ-Кара-Гиссаръ.	190 000	Кара-Гиссаръ.
	Кастамунійскій.	Кастамуни.	330.000	Кастамуни, Тозія.
		Боли.	260.000	Зарафанъ-Боли.
		Синопъ.	110.000	Синопъ.
		Чангри.	140.000	Чангри.
	Ангорскій.	Ангора (Энгуріе).	200.000	Ангора.
		Юзгатъ.	190.000	Юзгатъ.
		Кайсаріе.	130 000	Кайсаріе.
		Киръ-шехръ	45 000	Киръ-шехръ.
	Гудавендигіарскій.	Бруса.	270.000	Бруса, Гемликъ
		Карасси.	210 000	Баликесри
		Афіумъ Кара-Гиссаръ.	200.000	Кара-Гиссаръ.
		Кіутайе.	250.000	Кіутайте, Ушакъ.
	Айдинскій.	Измиръ (Смирна).	310.000	Смирна.
		Айдинъ.	250.000	Айдинъ, Тира.
		Саруханъ.	230.000	Киркагачъ, Пергамъ.
		Ментешъ.	80.000	Мугла.
	Акъ-Денисъ (Бѣлое море).	Митилени.	90.000	Кастро.
		Хіосъ (Сакизъ).	40.000	Кастро.
		Косъ (Истанкой).	45.000	Косъ.
		Родосъ.	130.000	Родосъ.
	Конійскій.	Коніе.	290.000	Коніе, Караманъ.
		Текке.	170.000	Адалія, Эльмалу.
		Гамидъ.	100 000	Избарта, Эгердиръ.
		Нигдехъ.	200.000	Нигдехъ.
		Бульдуръ.	80.000	Бульдуръ.
	Аданскій.	Адана.	140.000	Адана, Тарсъ.
		Козанъ.	65.000	
		Ичилъ.	90.000	
		Байясъ.	20.000	

*

Естественныя области.	Вилайеты и мутасерифлики.	Санджаки.	Приблизит. населеніе.	Главные города.
IV. Сирія.	Алепскій.	Алеппо.	260.000	Алеппо.
		Марашъ.	150.000	Марашъ.
		Орфа.	80.000	Орфа.
		Зоръ	140 000	Биреджикъ, Деиръ.
	Сирійскій.	Дамаскъ.		Дамаскъ.
		Бейрутъ.		Бейрутъ.
		Гамахъ.		Гамахъ.
		Акка (Сенъ-Жанъ-д'Акръ).		
		Белькая.		
		Гауранъ.		
		Тараблусъ (Триполи).		Триполи.
	Джебель-и-Ливанъ.		220.000	
	Кудсъ (Эль-Кодсъ).	Іерусалимъ.	240.000	Іерусалимъ, Наплуза.
V. Аравія.	Геджазъ.	Эмаретъ-Мекка.	65.000	Мекка.
		Мушейхатъ-Медина.		Медина
	Іеменъ.	Сана.	190.000	Сана.
		Годейдахъ.	130.000	Годейдахъ
		Ассиръ (Эбхе).	160.000	Конфудахъ
		Таизъ.	50 000	Таизъ

Глава VI

Аравія.

I.

Этотъ массивный полуостровъ, по величинѣ равный трети Европы, лежитъ въ самомъ центрѣ Стараго Свѣта. Привѣшенный, такъ сказать, къ континентальной массѣ горными хребтами, соединяющими Синай съ Тавромъ, онъ принадлежитъ въ одно и то же время, какъ переходная страна, къ Азіи и къ Африкѣ. По контурамъ, по направленію горъ, по климатическимъ условіямъ,—это преимущественно африканская земля; по скату своихъ временныхъ потоковъ или уади, по смежности, на протяженіи слишкомъ 1.000 километровъ, съ бассейномъ Евфрата—это, напротивъ, одна изъ странъ Азіи. Но, хотя связанная такимъ образомъ съ двумя материками, Аравія составляетъ, однако, отдѣльный міръ: историческіе пути не пролегаютъ черезъ нее; напротивъ, они обходятъ ее. Главный путь сообщенія между Азіей и Африкой, гдѣ во всѣ времена происходилъ приливъ и отливъ людей, торговцевъ или воиновъ, слѣдуетъ вдоль сирійскаго побережья и проходитъ на сѣверѣ Синайскаго полуострова. Огибаемый съ одной стороны этой дорогой передвиженія народовъ, омываемый съ трехъ другихъ сторонъ водами Индійскаго океана и его заливовъ, полуостровъ Аравійскій справедливо называется Джезире-эль-Арабъ, то-есть «Островъ арабовъ». Несмотря на внѣшнія чер[...] большинство настоящихъ островововъ болѣе, чѣ[...] Аравія, зависятъ отъ сосѣднихъ материковъ[...]

Почти замкнутая для остальнаго человѣ[...]ства, Аравія была извѣстна древнимъ только [...] сосѣдствѣ морскаго побережья. Завоевател[...] которыхъ упоминаетъ исторія, никогда не п[...]никали въ эту страну; Римъ посылалъ т[...] только одну военную экспедицію, въ 22 году [...] Р. Х., и его легіоны, подъ начальствомъ Э[...] Галла, подвинулись на нѣкоторое разстоя[...] внутрь полуострова только въ юго-западной [...]ласти, относительно населенной, которую П[...]ломей обозначаетъ подъ именемъ «Счастли[...] Аравіи»; александрійскій географъ зналъ то[...]ко по разсказамъ каравановъ торговыя дор[...] и станціи, удаленныя отъ морскаго берега. [...] времени установленія геджры (магометанск[...] лѣтосчисленія) и до половины прошлаго [...]лѣтія единственныя свѣдѣнія, доходившія [...] Европу о центральной Аравіи, приноси[...] мусульманскими пилигримами, посѣщавш[...] святые города ислама. Турки, хотя ихъ п[...]литель носитъ титулъ «главы правовѣрны[...] всегда занимали лишь узкую полосу ара[...]скаго побережья, на западѣ—вдоль Крас[...] моря, на востокѣ—по окраинамъ Персидс[...] залива. Болѣе счастливыя египетскія ар[...] предводительствуемыя, правда, вассаломъ Т[...]

ціи, успѣли, съ 1810 по 1820 годъ, проникнуть побѣдоносно до самаго центра полуострова, въ землю вагабитовъ; но на югѣ ни одна мѣстность не была посѣщена ими. Нѣтъ страны, гдѣ бы завоевательные походы оставили меньше слѣдовъ, чѣмъ въ Аравіи. Сотни обитающихъ тамъ народцевъ никогда не слыхали стука копытъ чужой лошади вблизи своихъ шатровъ.

Если арабы отлично защищены окружающими безводными и пустынными пространствами, то они все-таки не совершенно разобщены съ остальнымъ міромъ. Имъ, какъ привыкшимъ къ ходьбѣ и ѣздѣ въ пескахъ, хорошо знающимъ дороги и колодцы пустыни, понятно, легче выйти изъ своихъ владѣній, чѣмъ сосѣдямъ войти туда. Древняя исторія разсказываетъ намъ о побѣдоносныхъ вторженіяхъ гиксовъ въ Нильскую дельту. Извѣстно, съ какой неудержимой силой расширенія явили себя арабы, потомки этихъ воинственныхъ пастуховъ, другимъ народамъ, въ качествѣ обратителей въ свою вѣру и завоевателей. Энергія, накоплявшаяся изъ вѣка въ вѣкъ въ безвѣстныхъ племенахъ, обнаружилась вдругъ съ напряженностью, превосходившей даже воинственный пылъ грековъ, когда они, подъ предводительствомъ Александра Македонскаго, хлынули завоевательнымъ потокомъ на Азію. Это былъ взрывъ, подобный расцвѣту запыленнаго столѣтника, который пропускаютъ мимо себя цѣлыя поколѣнія людей прежде, чѣмъ распуститься, но пышный вѣнчикъ котораго, появляющійся такъ внезапно, восхищаетъ насъ своимъ блескомъ. Египетъ, Сирія, Вавилонія, Персія, Малая Азія, сѣверная Африка, Сицилія, Испанія, берега Индійскаго океана сдѣлались арабскими землями, и всѣ покоренныя страны получили, вмѣстѣ съ завоевателями, обновленную цивилизацію. Пылъ религіозной вѣры, могучая сила самоотверженія сами по себѣ еще недостаточны, чтобы объяснить изумительные колоссальные успѣхи аравитянъ; причиной ихъ былъ также хорошій пріемъ со стороны самихъ населеній; во многихъ странахъ эти завоеватели явились не для того, чтобы угнетать, а для того, чтобы освободить отъ существовавшаго гнета. Болѣе справедливые, чѣмъ прежніе властители, болѣе вѣротерпимые, несмотря на строгости ихъ рвенія, они привлекли къ себѣ милліоны людей: менѣе, чѣмъ въ сто лѣтъ, число называвшихъ себя арабами, отъ береговъ Гвадалквивира до островъ Сондскаго архипелага, вѣроятно, удесятерилось. Носители науки и искусствъ, драгоцѣннаго наслѣдія классической древности, которому византійцы дали придти въ упадокъ, аравитяне оживили его, напротивъ, и сдѣлали плодотворнымъ: они раздули новое пламя изъ тѣхъ тлѣющихъ искръ, которыя медленно угасали подъ пепломъ восточныхъ монастырей. Такимъ образомъ арабы, несмотря на изолированное положеніе ихъ отечества, имѣли, тѣмъ не менѣе, значительную долю участія въ коллективномъ дѣлѣ человѣчества, и потому совершенно несправедливо нѣкоторые писатели, гордящіеся своимъ «арійскимъ» происхожденіемъ, отрицаютъ или игнорируютъ огромную услугу, которую оказали «семиты», сокращая для Европы длинную ночь среднихъ вѣковъ.

Въ ту эпоху, когда аравитяне были господствующей націей въ Передней Азіи и въ бассейнѣ Средиземнаго моря, ихъ географы интересовались больше новыми странами, покоренными арміями ислама, чѣмъ областями полуострова, откуда ученики Магомета устремились на завоеваніе міра. Тѣмъ не менѣе, они описали дороги, которыми слѣдовали пилигримы, направлявшіеся къ Меккѣ и Мединѣ, относительно остальной Аравіи прибавили много драгоцѣнныхъ свѣдѣній къ тѣмъ, которыя намъ оставили Птоломей и другіе писатели древняго міра; изученіе ихъ трудовъ, безъ сомнѣнія, откроетъ еще множество фактовъ, доселѣ неизвѣстныхъ. Географическое изслѣдованіе страны европейцами началось лишь въ 1762 году, со времени путешествія Карстена Нибура въ Іеменъ. Зетценъ, Бурхардтъ, Али-бей, Шедюфо, Тимизье, Ферре и Галинье посѣтили священные города или сосѣдніе округи и проникли внутрь края. Садліеръ, въ 1819 году, прошелъ полуостровъ по всей его ширинѣ, отъ Персидскаго залива до Краснаго моря; Фюльжансъ Френель и Арно изучили въ своихъ путешествіяхъ особенно западные берега и югъ Аравіи, тогда какъ Вреде проникалъ въ Гадрамаутъ, куда еще ни одинъ путешественникъ не ходилъ по его слѣдамъ. Уэльстедъ изучилъ внутренность Омана, а Валлинъ, подобно Садліеру, совершилъ путешествіе черезъ всю Аравію, пройдя въ самомъ центрѣ полуострова въ Джебель-Шаммарѣ. Слѣдуя по діагональной линіи, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, Пальгревъ отправился, въ 1862 году, съ береговъ Средиземнаго моря къ Персидскому заливу, посѣтивъ внутренность Неджеда. Въ 1864 году Гуармани прошелъ путь изъ Іерусалима въ Касимъ. Англичанинъ Даути тоже странствовалъ въ пустыняхъ сѣвера. Супруги Блентъ недавно совершили путешествіе по сѣверной Аравіи изъ Дамаска въ Багдадъ черезъ Джебель-Шаммаръ, а полтора года спустя тѣмъ же путемъ прослѣдовалъ г. Гюберъ, который произвелъ также успѣшныя изслѣдованія въ пустыняхъ сѣверной и западной полосы и доходилъ до Касима. Сѣть пройденныхъ различными путешественниками дорогъ пересѣкаетъ своими линіями всю сѣверную область Аравіи; но юго-восточныя части полуострова все еще terra incognita. Всего лучше изучены провинціи, сосѣднія съ приморскими портовыми городами, и особенно территоріи Счастливой Ара-

віи, сопредѣльныя съ Аденомъ, Моккой, Годейдахомъ: это страна, въ которую проникалъ г. Галеви, чтобы спуститься на востокѣ на покатость пустыни, списывая по дорогѣ сотнями гиміаритскія надписи, вырѣзанныя на скалахъ и памятникахъ.

Внѣшніе контуры Аравійскаго полуострова представляютъ массивныя формы, отличающіяся почти геометрической правильностью. Рядомъ съ тяжеловѣсной, неуклюжей Африкой, Аравія кажется еще неуклюжѣе. Западный берегъ, отъ Акабахскаго залива до мыса Бабъ-эль-Мандебскаго, почти прямолинейный; юго-восточный, обращенный къ землѣ сомаловъ и къ Индійскому океану, такъ же мало изрѣзанъ; только онъ представляетъ черезъ извѣстные промежутки нѣсколько удлиненныхъ кривыхъ, и въ цѣломъ развертывается въ видѣ слегка выпуклой линіи, обращенной къ открытому морю. За крутымъ выступомъ материка, образующимъ мысъ Расъ-эль-Гаддъ, морской берегъ направляется на сѣверо-западъ, какъ бы для того, чтобы идти параллельно оси Краснаго моря и придать Аравіи форму обширнаго четыреугольника; но у мыса Мазандамъ побережье вдругъ прерывается: запруда изъ островов и островковъ ограничиваетъ Оманскій заливъ, образуя цѣпь земель, которую можно принять за истинное прибрежье материка. Собственно Персидскій заливъ—неглубокій бассейнъ, прерывающій своими бухтами и бухточками правильность полуостровныхъ контуровъ. Въ древнія времена, когда земли Месопотаміи еще не были отложены рѣками, море, почти замкнутое, въ которое изливаются Тигръ и Евфратъ, раздѣляло Иранъ и Аравію на пространствѣ по крайней мѣрѣ вдвое большемъ по протяженію, чѣмъ нынѣ. Заливъ омывалъ своими водами Сирійскія горы, и со стороны Малой Азіи, такъ же, какъ и со стороны Египта, полуостровъ Аравійскій соединялся съ континентомъ лишь узкимъ перешейкомъ.

Разсматриваемая въ совокупности, Аравія представляетъ рельефъ почти столь же правильный, какъ и ея внѣшнія очертанія. Краевая горная цѣпь и параллельные кряжи, продолжающіе горы Моава и Идумеи, слѣдуютъ вдоль побережья Краснаго и Чернаго моря и образуютъ общій хребетъ страны, обративъ свой длинный скатъ къ Евфрату и Персидскому заливу. По южному побережью тоже тянется краевая цѣпь, выступы которой выдвинулись, въ видѣ мысовъ, за нормальную линію береговъ. На востокѣ, отъ мыса Расъ-эль-Гаддъ до мыса Мазандамъ, берегъ также окаймленъ высокими горными цѣпями. Такимъ образомъ со стороны моря весь полуостровъ какъ бы замкнутъ въ правильномъ валѣ, превосходящемъ во многихъ мѣстахъ высоту 2.000 метровъ. Центръ этой обширной ограды занимаетъ сплошная возвышенность, соединенная нѣсколькими хребтами съ западной стѣной: это—Неджедъ или «Высокая страна». На сѣверѣ этого центральнаго плоскогорья земли имѣютъ скатъ къ равнинамъ Евфрата; на югѣ другія, менѣе возвышенныя пространства, пустынныя почти на всемъ ихъ протяженіи, отдѣляютъ Неджедъ отъ южныхъ горъ. Внѣ краевыхъ хребтовъ, узкій поясъ земли, образуемый холмами и плоскими морскими берегами, называется Тегама или «Жаркая страна»: это область, подобная персидскому Гемсиру или мехиканской Тьерра-Каліенте («жаркая земля»). Специально это названіе Тегама примѣняется къ побережью Краснаго моря между Мадіанскими горами и Іеменомъ.

Поверхность полуострова можетъ быть исчислена лишь приблизительно, на основаніи съемки береговъ, которую сдѣлали мореплаватели, при чемъ остались еще тамъ и сямъ неизслѣдованныя пространства. На сѣверѣ Аравія не имѣетъ естественныхъ границъ, развѣ поясъ воздѣланныхъ земель, окаймляющій теченіе Евфрата; степи, гдѣ кочуютъ бедуины, простираются до области проходовъ, по которой слѣдуетъ историческій путь изъ Антіохіи въ Вавилонъ. Съ этой стороны тоже не можетъ быть никакого политическаго разграниченія, такъ какъ номады переносятъ свои шатры въ Гимадъ или Бадіетъ-эль-Арабъ, смотря по обилію или недостатку воды, тучности или скудости пастбищъ, дружественнымъ или непріязненнымъ отношеніямъ между племенами. Наконецъ, Синайскій полуостровъ и Мадіанскую землю обыкновенно считаютъ принадлежащими къ Аравіи; но эти страны, причисляемыя политически къ Египту, включаются также, въ многочисленныхъ статистикахъ, въ составъ африканскаго вице-королевства, какъ его нераздѣльныя части. Изъ этого видно, что смыслъ или объемъ географическаго термина «Аравія» у разныхъ писателей различенъ; отсюда эти разницы въ нѣсколько сотъ тысячъ квадр. километровъ, которыя представляютъ различныя исчисленія общаго пространства полуострова. Въ то время, какъ Бемъ и Вагнеръ даютъ Аравіи, за исключеніемъ территорій, подвластныхъ Турціи, площадь немного болѣе двухъ съ половиной милліоновъ квадр. километровъ, мы находимъ для всего полуострова, ограничиваемаго Акабахскимъ заливомъ, горными массивами Идумеи, хребтами Заіорданья и долиной Евфрата, поверхность около 3.100.000 кв. километровъ (по Энгельгардту, исчисленіе котораго воспроизведено у Бема и Вагнера: 3.156.558 кв. километр., считая въ томъ числѣ Синайскій полуостровъ[1]).

На этомъ громадномъ пространствѣ разсѣяно рѣдкое населеніе: суммарныя оцѣнки путешественниковъ, контролируемыя однѣ другими,

[1]) „Die Bevölkerung der Erde", 1874.

не позволяютъ опредѣлять больше чѣмъ въ шесть милліоновъ душъ общую цифру народонаселенія Аравіи. Плотность населенія въ сорокъ разъ меньше, чѣмъ во Франціи.

II.

Горы Идумеи, надъ которыми господствуетъ вершина горы Оръ, гдѣ находится могила Аарона, продолжаются къ югу, окаймляя восточный берегъ Акабахскаго залива, затѣмъ Красное море, но не образуя правильнаго хребта. Многочисленные массивы, изъ которыхъ иные просто большія скалы, тогда какъ другіе — настоящія горы, слѣдуютъ одинъ за другимъ въ сосѣдствѣ морскаго берега, одни совершенно изолированные широкими уади, имѣющими сотни метровъ разстоянія отъ берега до берега, другіе соединяясь скалистыми кряжами съ внутренними горами, образующими хребетъ страны, которыя тянутся почти параллельно берегу на разстояніи отъ 50 до 100 километровъ: этотъ внутренній хребетъ, составляющій восточную границу египетскихъ владѣній, извѣстенъ подъ именемъ Джебель-эль-Шафахъ или «Гора губы» [1]). Естественная граница всей Мадіанской области, на сѣверъ отъ Геджаса, обозначена низменностью, въ которой проходитъ дорога сирійскихъ пилигримовъ между Дамаскомъ и Меккой. Этотъ путь, отмѣченный линіей колодцевъ, отдѣляетъ Гарру и ея мощные вулканическіе потоки отъ песчаниковъ Гисмаха, образующихъ закраину плоскогорья, и отъ гранитныхъ и порфировыхъ горъ, господствующихъ надъ Мадіанскимъ побережьемъ. Другая дорога, которою слѣдуютъ египетскіе пилигримы, проходитъ по западной покатости горъ, приближаясь къ морю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но при переходѣ черезъ высокіе мысы, отступая на довольно большое разстояніе внутрь материка. На восточной сторонѣ Акабахскаго залива она удаляется отъ морскаго берега верстъ на пятьдесятъ, чтобы обойти гористый полуостровъ, выступающій при входѣ въ заливъ, въ видѣ гигантской долины, и продолжающійся въ море многочисленными островками, окруженными коралловыми рифами; большой островъ Тиранъ, принадлежащій къ этому архипелагу, виденъ издалека по его высокой трехглавой горѣ.

Высоты, которыя тянутся отдѣльными массивами или цѣпями, близъ Мадіанскаго побережья, носятъ спеціальное названіе Джебель-эль-Техама. Эти «горы жаркихъ земель» ясно отличаются отъ параллельнаго хребта Джебель-эль-Шафахъ, который Бертонъ называетъ индусскимъ именемъ «Гатъ», и достигаютъ болѣе значительнаго возвышенія: гора Арнубъ, оканчивающаяся на востокѣ вертикальной стѣной въ 300 метровъ высоты и увѣнчанная естественными обелисками, имѣетъ 1.929 метровъ, по картѣ англійскаго адмиралтейства; южнѣе, двѣ вершины, Гарбъ и Диббагъ, переходятъ, говорятъ, за 2.000 метровъ. Огромная гранитная масса горы Шаръ, около тридцати километровъ длиной, окруженная со всѣхъ сторонъ песчаными уади, обозначена на морской картѣ какъ гора, имѣющая слишкомъ 2.700 метровъ; но по Уэльстеду и Бертону она не достигаетъ даже 2.000 метровъ. Очень неравные по формѣ и возвышенію, пики Джебель-Техамы различаются между собой также геологическимъ составомъ и цвѣтомъ скалъ. Нѣкоторыя остроконечныя вершины, вулканическаго происхожденія, повидимому, соединяются посредствомъ трещинъ изверженія съ вулканами области Гарра, стоящими по другую сторону краевой цѣпи. Большинство горныхъ вершинъ Джебель-Техамы состоятъ изъ гранита или порфира; но, кромѣ того, тамъ представленъ цѣлый рядъ второстепенныхъ каменныхъ породъ, въ томъ числѣ даже современныя постройки коралловъ, которые не перестаютъ окаймлять бахрамой рифовъ морское побережье, заграждая старые порты и образуя новые. Жилы бѣлаго кварца, выступающія изъ крутыхъ откосовъ, вывѣтрившихся отъ дѣйствія метеоровъ, исполосовали горы либо параллельными линіями, либо геометрическими сѣтками, и своимъ яркимъ блескомъ составляютъ рѣзкій контрастъ съ розовыми, желтыми, голубыми, сѣрыми или черноватыми цвѣтами другихъ горныхъ породъ. Мадіанскія горы тоже имѣютъ свои музыкальные пески, какъ Синайскій полуостровъ и Афганистанъ. Недалеко отъ горы Арнубъ, такъ же, какъ у основанія одного отрога массива Шаръ, вдоль старой дороги пилигримовъ, идетъ рядъ Гозъ-эль-Ганнанъ или «Жалобныхъ бугровъ». Когда правовѣрные приближаются къ этимъ песчанымъ горкамъ, до нихъ доносятся нѣжные звуки музыки, подобные тѣмъ, какіе извлекаетъ вѣтеръ изъ струнъ арфы. Съ незапамятныхъ временъ арабы ходятъ приносить въ жертву агнцевъ у подошвы этихъ гармоническихъ холмовъ [1]).

Разнообразію горныхъ породъ Мадіана соотвѣтствуетъ разнообразіе рудныхъ мѣсторожденій. Вообще эта страна одна изъ богатѣйшихъ во всемъ свѣтѣ минералами всякаго рода, и груды шлаковъ, встрѣчающіяся тамъ и сямъ, доказываютъ, что древніе обитатели ея производили въ обширныхъ размѣрахъ разработку этихъ ископаемыхъ сокровищъ. Англійскій путешественникъ Бертонъ и его спутники открыли три сѣрныхъ холма, представляющіе пласты сѣры въ чистомъ состояніи. Многія горы наполнены желѣзной рудой, легко

[1]) Richard Burton, „Journal of the Geographical Society", 1879.

[1]) Burton, цитированный мемуаръ.

узнаваемой издали по цвѣту горной породы; почва почти всѣхъ уади усѣяна слоями зеренъ металла, отложенными водами. Въ сѣверномъ Мадіанѣ большинство металлоносныхъ жилъ заключаютъ мѣдь и серебро; въ южномъ Мадіанѣ онѣ содержатъ серебро и золото. Планы для возобновленія рудокопныхъ работъ уже готовы, желѣзныя дороги и амбаркадеры проектированы; остается только образовать компаніи для эксплоатаціи минеральныхъ богатствъ края, что̀, быть можетъ, облегчитъ взятіе Мадіана, египетской земли, Великобританіей въ свое владѣніе. Главное препятствіе этимъ предпріятіямъ—недостатокъ ключевой воды, и, по всей вѣроятности, придется прибѣгнуть, какъ это сдѣлано на перувіанскомъ берегу, къ машинамъ для опрѣсненія морской воды.

Временный потокъ или уади въ нѣсколько верстъ шириной, Гамсъ, берущій начало на Хейбарскомъ плоскогорьѣ, и черезъ который путешественникъ Гюберъ перешелъ недалеко отъ его истока, отдѣляетъ въ своемъ нижнемъ теченіи владѣнія египетскія или, вѣрнѣе сказать, англійскія отъ турецкой провинціи Геджасъ. Это названіе, какъ имена Техама и Неджедъ, не имѣетъ точнаго географическаго значенія, и писатели, какъ арабскіе, такъ и европейскіе, примѣняли его къ совершенно различнымъ областямъ. Геджасъ собственно значитъ «Страна раздѣла»; онъ получилъ такое названіе или потому, что его горы отдѣляютъ приморскую область отъ внутреннихъ плоскогорій, или потому, что онъ лежитъ между Сиріей и Іеменомъ, или, наконецъ, потому, что поверхность его разрѣзана массивами и отрогами горныхъ цѣпей на множество отдѣльныхъ долинъ [1]). Въ настоящее время наименованіе Геджасъ, совпадая съ политическими дѣленіями, употребляется для всей западной области Аравіи, заключающейся между Мадіанской землей и Іеменомъ, отъ береговъ Краснаго моря до неопредѣленныхъ границъ внутренности полуострова, гдѣ прекращается юрисдикція великаго шерифа Мекки. Впрочемъ, горный рельефъ представляетъ тотъ же видъ въ Геджасѣ, какъ и въ Мадіанской странѣ. Тамъ также отдѣльные массивы высятся надъ поясомъ Техамы, параллельно становому хребту, прерываемому многочисленными брешами; но ни одна изъ вершинъ Геджаса не достигаетъ высоты 2.000 метровъ; самая высокая гора, Родва, имѣетъ только около 1.800 метровъ, по картѣ англійскаго адмиралтейства. Въ Геджасѣ, какъ и въ Мадіанѣ, гранитныя формаціи и горныя породы вторичнаго происхожденія прерываются потоками лавы. Тамъ слышна также «музыка песковъ», какъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ пустыни: проходя мимо одной изъ этихъ поющихъ горокъ, бедуины разсказывали Фюльжансу Френелю, что таинственный голосъ принадлежитъ душамъ невѣрныхъ, заточеннымъ до дня страшнаго суда.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ Геджаса скаты плоскогорья очень пологи, и рельефъ почвы не представляетъ вида горъ: такъ, поднимаясь изъ Ямбо въ Медину, путешественнику не приходится переходить гребень въ собственномъ смыслѣ. Подъемъ къ Меккѣ еще легче, но она находится на покатости Краснаго моря, въ равнинѣ, наклоняющейся къ порту Джедда. Становой хребетъ полуострова, извѣстный въ этомъ мѣстѣ подъ именемъ Джебель-Кора, проходитъ на востокѣ отъ священнаго города; онъ состоитъ изъ гранита, порфира и другихъ древнихъ породъ, а предгорья его, со стороны моря, образованы изъ осадочныхъ пластовъ, имѣющихъ отъ 500 до 1.000 метровъ высоты. Порогъ или перевалъ Коры, на который нужно взбираться по крутой тропинкѣ, чтобы попасть изъ Мекки въ укрѣпленный городъ Таифъ, на восточномъ склонѣ горъ, лежитъ, по измѣреніямъ ботаника Шимпера, на высотѣ 1.600 метровъ: на сѣверѣ цѣпь мало-по-малу понижается, но къ югу она опять повышается, и высокая гора Гурнедъ или Бени-Суфіанъ, которая виднѣется на юго-востокѣ, имѣетъ, говорятъ, не менѣе 2.500 метровъ [1]). На этихъ высокихъ горахъ воображаешь себя перенесеннымъ въ Европу, на Апеннины или Балканы. Текущія воды весело журчатъ на днѣ овраговъ, пробираясь между глыбами гранита; свѣжій газонъ, усѣянный пестрой эмалью цвѣтовъ, одѣваетъ зеленымъ ковромъ поверхность скалъ; фруктовыя деревья простираютъ свою тѣнь надъ домиками поселянъ: съ удивленіемъ смотришь на проходящихъ запыленныхъ верблюдовъ и запыхавшихся бедуиновъ среди этихъ очаровательныхъ пейзажей, которые, кажется, природа создала для пастуховъ и стадъ счастливой Аркадіи.

Южная часть Геджаса, побережье которой извѣстно спеціально подъ именемъ Техамы, обозначается въ гористой области названіемъ Ассиръ. И тамъ также горный хребетъ представляетъ гранитный выступъ, на которомъ залегаютъ песчаники и известняки, мѣстами встрѣчаются вылившіеся базальтовые потоки [2]). Взятый въ цѣломъ, этотъ хребетъ составляетъ продолженіе длинной береговой цѣпи, но онъ, повидимому, выше хребта сѣвернаго Геджаса: зимой тамъ не рѣдкость увидѣть снѣга, и даже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ медикъ Шедюфо, сопровождавшій египетскую армію, видѣлъ, на высокихъ склонахъ ручьи, окаймленные у береговъ льдинами. Только два перевала оказались настолько

[1]) Carl Ritter, „Asien“, XII.

[1]) Schimper; — Burckhardt; — Carl Ritter, „Asien“, vol. XIII.

[2]) Millnigen Zitterer; — Mahé, рукописныя замѣтки.

доступными, что египтяне Мехмета-Али могли воспользоваться ими въ своихъ походахъ: черезъ другія бреши горы ходятъ только племена обоихъ склоновъ, привыкшія взбираться на кручи. Область Ассира, защищенная, съ южной части, самыми крутыми скалами, населена племенами того же имени, еще недавно независимыми; высокія долины, которыя она занимаетъ, составляютъ лишь весьма незначительную часть территоріи, означаемой по ихъ имени на картахъ Аравіи.

Іеменъ, разсматриваемый въ общихъ чертахъ, есть территорія треугольной формы, оканчивающая Аравію на юго-западѣ и ограниченная на западѣ Краснымъ моремъ, на югѣ Аденскимъ заливомъ, на сѣверо-востокѣ горными склонами, покатыми къ пустынѣ. Это обширное пространство, соотвѣтствующее Счастливой Аравіи древнихъ географовъ, почти сплошь занято гористымъ плоскогорьемъ, на которомъ стоятъ отдѣльныя цѣпи, расположенныя по большей части параллельно Аравійскому заливу и составляющія такимъ образомъ продолженіе горъ Геджаса. Эти гребни изъ гранита, трахита и другихъ каменныхъ породъ достигаютъ значительныхъ высотъ, но невозможно еще съ достовѣрностью указать самую высокую вершину. Въ своемъ путешествіи изъ Адена въ Сану, Ренцо Манцони прошелъ послѣдовательно нѣсколько переваловъ на высотѣ слишкомъ 2.000 метровъ; перевалъ Накиль-эль-Гадда, между городами Каттаба и Седда, находится на высотѣ 2.225 метровъ; Накиль-Лессель, къ югу отъ Саны, столицы Іемена, прорѣзываетъ гребень на 335 метровъ выше. Главный торговый трактъ Іемена проходитъ, слѣдовательно, на высотѣ большей, чѣмъ Сенъ-Бернаръ и чѣмъ бо́льшая часть колесныхъ дорогъ въ Альпахъ. Еврей Шапира, посѣтившій, какъ и Галеви, своихъ іеменскихъ единовѣрцевъ, даетъ горамъ Каукебана, на сѣверѣ отъ Саны, высоту 3.050 метровъ. Многіе города Іемена лежатъ на высотѣ болѣе 2.000 метровъ; Сана, самый многолюдный городъ, находится на высотѣ 2.130 метровъ, то-есть на высотѣ, до какой не поднимаются шале ни одной альпійской деревни въ Европѣ. Горы Іемена, какъ и горы Ассира, проникаютъ въ поясъ климата, совершенно отличнаго отъ климата равнинъ, и многія высокія плато, одѣтыя зеленѣющимъ газономъ, осѣненныя деревьями, напоминаютъ пейзажи Италіи. Въ сотняхъ долинъ склоны обработаны террасами, образуя необозримые амфитеатры зелени. Въ этой гористой странѣ самыя условія почвы и климата дѣлали кочевой образъ жизни почти невозможнымъ. Населенная осѣдлыми жителями, находящими средства пропитанія въ продуктахъ земледѣлія и воздѣлывающими нѣкоторыя изъ драгоцѣннѣйшихъ произведеній Азіи, «Счастливая» Аравія была тѣмъ самымъ обречена на посягательства и нападенія со стороны потентатовъ. Раздѣленіе страны на множество маленькихъ государствъ, часто воевавшихъ между собой, облегчало вторженіе чужеземцевъ, и въ то время, какъ жители нижнихъ равнинъ сохраняли свою дикую независимость, обитатели верхней твердыни горъ становились слугами завоевателей. Во время принципата Августа, слишкомъ девятнадцать столѣтій тому назадъ, римскіе легіоны прошли этотъ край отъ покатости Краснаго моря до Гадрамаута, лежащаго на отлогости, обращенной къ Индійскому океану. Въ настоящее время Іеменъ—турецкая провинція, занятая сильными гарнизонами, и съ 1839 года англичане овладѣли Аденомъ, лучшимъ портомъ побережья, чѣмъ обезпечили себѣ выгоды торговли со всѣмъ Іеменомъ, не имѣя надобности преодолѣвать трудности завоеванія. Многіе мелкіе султаны внутренней части страны сохранили титулъ, церемоніалъ, внѣшній видъ независимости; но, состоя на пенсіи у Великобританіи, они въ дѣйствительности не что иное, какъ ея покорные вассалы.

Хотя Аравійскій полуостровъ не имѣетъ болѣе ни одного дѣйствующаго кратера, онъ, однако, принадлежитъ къ числу странъ, гдѣ очаги вулканической дѣятельности наиболѣе многочисленны. Внѣ горныхъ массивовъ Іемена, въ Техамѣ, окаймляющей Красное море, такъ же, какъ въ Техамѣ аденскаго прибрежья, высятся многочисленныя вершины, сплошь состоящія изъ породъ огненнаго происхожденія. Даже именно разрыву почвы въ непосредственномъ сосѣдствѣ побережья континентъ и обязанъ образованіемъ своихъ самыхъ крутыхъ, рѣзко очерченныхъ мысовъ и самыхъ глубокихъ вырѣзокъ морскаго берега. Гора Джебель-Шамшанъ (351 метръ), защищающая городъ Аденъ и соединенная съ материкомъ узенькимъ перешейкомъ, есть одинъ изъ этихъ вулкановъ, вылившихся изъ трещинъ морскаго берега: то же самое на западѣ, гора Джебель-Гассанъ, которая также выдвигается за линію твердой земли, и которую можно примѣтить издалека по двумъ ея шпицамъ, извѣстнымъ у моряковъ подъ названіемъ «Ослиныхъ ушей». Джебель-Хау поднимаетъ высоко надъ мысомъ свою верхушку въ формѣ сѣдла, а далѣе появляется, отдѣленный отъ моря песчаными мелями, могучій массивъ Джебель-Харазъ (845 метровъ). Полуостровная скала, образующая крайнюю оконечность Аравіи, между Краснымъ моремъ и Индійскимъ океаномъ и огибающая проливъ Бабъ-эль-Мандебскій, тоже вулканическаго происхожденія; наконецъ, островъ Перимъ, откуда англичане командуютъ входомъ въ Красное море, есть не что иное, какъ груда красныхъ вулканическихъ шлаковъ, расположенныхъ въ видѣ полукруга вокругъ кратера изверженія.

Южная часть Аравіи однообразна по виду

и рельефу. Поясъ морскаго побережья почти вездѣ довольно низменъ; усѣянный вулканическими горками, онъ постепенно поднимается террасами до известковыхъ горъ, имѣющихъ приблизительно около 1.000 метровъ высоты. Съ другой стороны этой цѣпи, отстоящей среднимъ числомъ на 150 километровъ отъ берега моря, почва понижается къ большой центральной равнинѣ, извѣстной подъ названіемъ Джофъ. Однако, нѣсколько высокихъ массивовъ прерываютъ однообразіе этихъ странъ. Горы Яфія, оканчивающія на югѣ орографическую систему Іемена, тянутся на востокъ, параллельно побережью, и продолжаются другими цѣпями. Одна изъ вершинъ массива Джебель-Фадли, въ 125 километрахъ къ сѣверо-востову отъ Адена, поднимается на 1.659 метровъ надъ уровнемъ моря. Далѣе, массивы Джебель-Коры и, во внутренности материка, Джебель-Кернъ и Джебель-Аулаки, поставленные на плоскогорьѣ, средняя высота котораго около 1.000 метровъ, превосходятъ, вѣроятно, своими вершинами ближайшіе къ побережью хребты; Цахура и Кауръ-Сейбанъ, на сѣверо-западѣ отъ Макаллы, достигаютъ 2.400 метровъ [1]. Глубокая долина, гдѣ бѣжитъ, послѣ рѣдкихъ ливней, потокъ уади Хаджара или Моссиле, беретъ начало на восточной покатости Іемена и пересѣкаетъ черезъ всю ширину южную гористую область, впадая въ море близъ мыса Расъ-эль-Кельбъ, въ разстояніи слишкомъ 400 километровъ отъ Адена. Массивы, которые огибаетъ на востокѣ долина этого уади, принадлежатъ двумъ различнымъ формаціямъ. Западныя горы, съ закругленными или конусообразными вершинами и почти вездѣ легко доступныя для восхожденія, состоятъ изъ кварца, гнейса, сланцевыхъ породъ, одѣтыхъ во многихъ мѣстахъ травянистой растительностью и кустарникомъ. Восточныя высоты, образованныя изъ известняковъ и песчаниковъ, расположенныхъ правильными пластами, имѣютъ совершенно иной видъ. Вдоль временныхъ потоковъ, спускающихся къ морю равномѣрнымъ скатомъ (1 метръ на 80), стоятъ горки высотой отъ 100 до 150 метровъ, вытянутыя въ прямую линію, какъ палатки въ лагерѣ. За этимъ первымъ рядомъ высотъ слѣдуетъ второй, въ четыре или въ пять разъ выше, каждая горка или *амабсъ* котораго имѣетъ видъ усѣченнаго конуса; отъ вершины до вершины всѣ террасы соотвѣтствуютъ одна другой: очевидно, онѣ составляли нѣкогда поверхность сплошнаго плоскогорья, которую воды ливней разрѣзали на отдѣльныя башни. Этотъ процессъ дезагрегаціи (раздѣленія на части) продолжается изъ года въ годъ; песчаники вывѣтриваются, распадаются отъ дѣйствія метеоровъ; остаются только скелеты скалъ, на которыхъ не растетъ ни одна былинка [1]. Одна изъ этихъ цѣпей состоитъ изъ двадцати двухъ горъ, столь правильно разрѣзанныхъ и такъ мало отличающихся одна отъ другой, что Мильзъ и Мунцингеръ дали имъ прозвище «Двадцати двухъ братьевъ». Въ этой области единственныя годныя для культуры земли—наносы, отложенные у подошвы холмовъ, вдоль временныхъ потоковъ: эти продольные оазисы прерываются черезъ извѣстные промежутки каменистыми полями, покрытыми мелкими камешками, скатившимися или перенесенными изъ боковыхъ овраговъ. Нѣкоторыя долины Нижнихъ Альпъ имѣютъ подобные пейзажи.

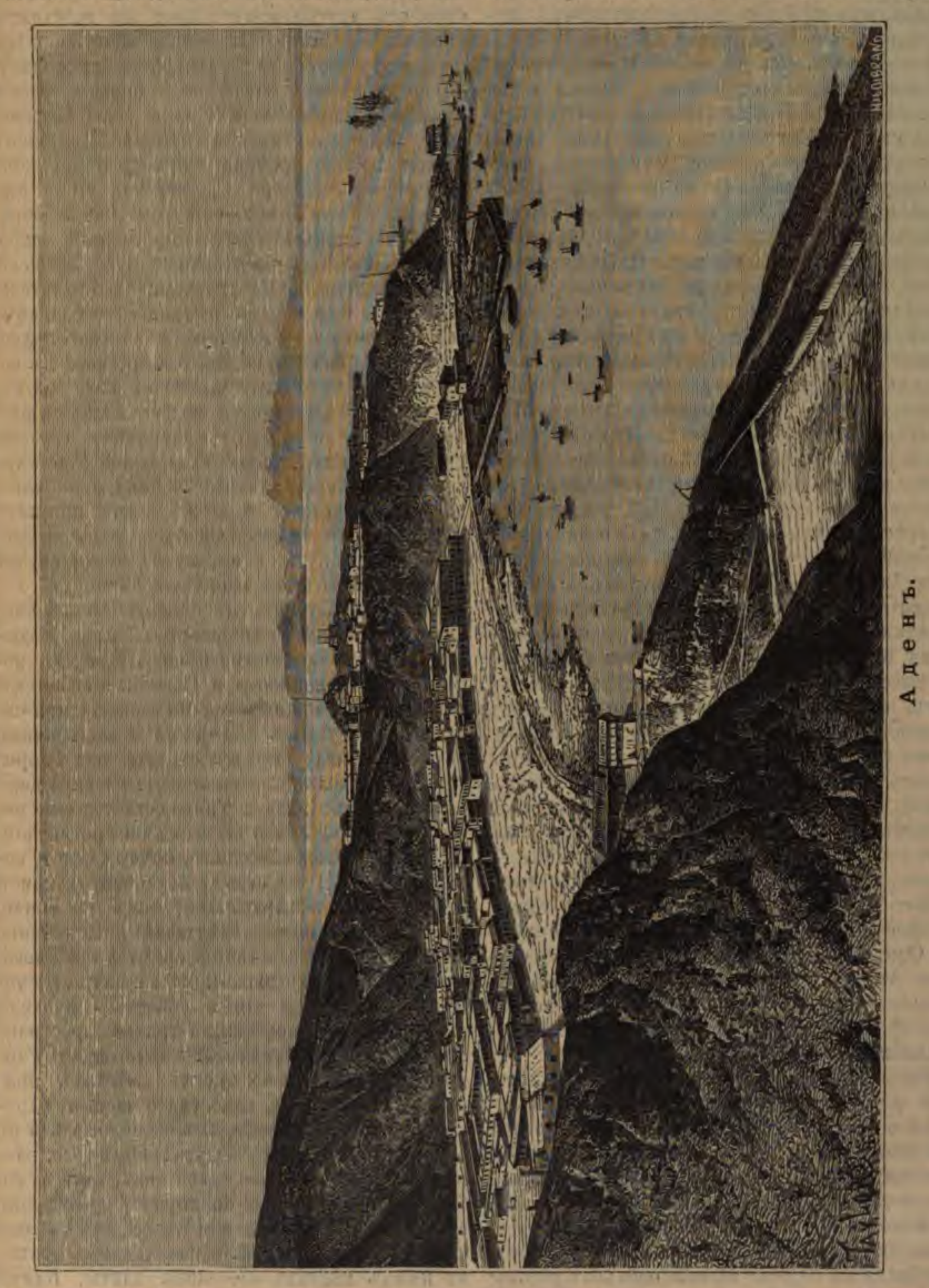
За мысомъ Расъ-Фартакъ, лежащимъ напротивъ африканскаго мыса Гвардафуй или Расъ-Азиръ, и грозный утесъ котораго господствуетъ надъ входомъ въ Аденскій заливъ, аравійскій берегъ, разрѣзанный на нѣсколько большихъ полукруглыхъ бухтъ, постепенно понижается. Двѣ приморскія цѣпи, Джебель-Камаръ и Джебель-Сабханъ поднимаютъ еще свои голыя скалы до тысячи слишкомъ метровъ высоты; но между грядами береговыхъ горъ открываются широкія бреши, черезъ которыя песчаныя пустыни внутренности страны сливаются съ плоскими берегами моря. Какъ это обыкновенно бываетъ передъ низменными берегами, морское ложе медленно понижается противъ этихъ пустынныхъ равнинъ. Тогда какъ у основанія цѣпи Джебель-Сабханъ лотъ уже въ 6 или 7 километрахъ отъ берега находитъ глубины 2.000 метровъ, бухта Курьянъ-Мурьянъ не имѣетъ даже 100 километровъ отъ побережья. Три островка, скалы, подводные камни и гранитный островъ Гулланія, расположенные на одной линіи, по направленію съ запада на востокъ, передъ этой бухтой, и составляютъ настоящій берегъ. На югъ отъ этого берега, морское ложе быстро понижается; въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу отъ острова Гулланія, надъ которымъ господствуетъ остроконечная вершина въ 302 метра высоты, лотъ достигаетъ дна лишь на глубинахъ, превышающихъ 3.000 метровъ. На юго-востокѣ большой островъ Мазира (Мозера), который тянется параллельно побережью на пространствѣ около 70 километровъ, едва отличается отъ сосѣдняго материка; только легкія плоскодонныя суда могутъ пускаться въ усѣянный песчаными мелями проливъ, отдѣляющій этотъ длинный островъ отъ твердой земли.

Большія горы снова появляются у Расъ-эль-Гадда, восточнаго мыса полуострова, гдѣ морской берегъ вдругъ поворачиваетъ къ сѣверо-западу. Тамъ высится массивъ Омана, соотвѣтствующій массиву Іемена: уступая послѣднему протяженіемъ, онъ поднимается на равную съ

[1] Adolf von Wrede, „Reise in Hadramaut“.

[1] Munzinger, „Journal of the Geographical Society“, 1871.

нимъ высоту; здѣсь-то, можетъ быть, будущія измѣренія геодезистовъ и найдутъ кульминаціонную точку Аравійскаго полуострова. Отъ мыса Расъ-эль-Гаддъ до мыса Расъ-Мазандамъ, конечнаго столба Аравіи, господствующаго надъ входомъ въ Персидскій заливъ, горы высятся почти вездѣ крутыми откосами надъ глубокими водами моря; у основанія большинства горъ нѣтъ береговой равнины, подобной Техамѣ,


Аденъ.

развѣ на западѣ отъ Маската, гдѣ поля Батна или эль-Батина окаймляютъ вогнутость обширной бухты. Скалы Омана составляютъ рѣзкій контрастъ со скалами Іемена своимъ страшнымъ голымъ видомъ, такъ же, какъ крутизной своихъ склоновъ. Въ сравненіи съ Маскатскими горами, бѣдныя растительностью горы Синайскаго полуострова кажутся настоящимъ «садомъ» говоритъ ботаникъ Оше Элуа. Ка-

менныя стѣны, сѣрыя, коричневыя, красныя и зеленыя, известковыя, шиферныя и серпентиновыя, являются во всей ихъ наготѣ съ выступами и впадинами, со всѣми мельчайшими деталями ихъ пластовъ и сводообразныхъ пустотъ различныхъ формъ и цвѣтовъ.

Разсматриваемыя въ общемъ видѣ, возвышенности Омана состоятъ изъ первой цѣпи, идущей вдоль морскаго берега отъ мыса Расъ-эль-Гаддъ до Маската, изъ поперечной гряды горъ, которая отъ высотъ Маскатскихъ продолжается въ западномъ направленіи, и изъ третьей цѣпи, которая изгибается къ сѣверо-западу и къ сѣверу, оканчиваясь у базальтовыхъ мысовъ Расъ-Мазандама. Въ дѣйствительности, эти три цѣпи составляютъ часть одной и той же орографической системы, изгибы которой, выпуклые и вогнутые, притомъ усложняемые детальными неправильностями, зависящими отъ существованія боковыхъ массивовъ и отроговъ, развертываются параллельно побережью Индійскаго океана. На югѣ отъ Маската средняя высота горъ около тысячи метровъ; но одна изъ вершинъ, находящаяся къ югу отъ Маската, въ узлѣ, гдѣ соединяется поперечная цѣпь, достигаетъ, какъ означено на морской картѣ, высоты 1.920 метровъ: это—гора Джебель-Фатлатъ или Каріатъ. На западѣ центральная гряда поднимаетъ свои верхушки слишкомъ на 2.000 метровъ; а одна вершина, видимая съ моря, даже достигаетъ будто бы высоты 3.017 метровъ: это самый высокій пикъ изъ всѣхъ, указанныхъ до сихъ поръ путешественниками въ Оманской области. Одинъ городъ, Ширази, у южной подошвы горъ, лежитъ на высотѣ 1.885 метровъ [1]). Часто, зимой, эти горы Омана бываютъ покрыты снѣгомъ; но что всего болѣе поражаетъ арабовъ,—это не временная бѣлизна вершинъ, а зелень, разсѣянная на склонахъ: отсюда и названіе Джебель-Ахдаръ или «Зеленая гора», которое имъ дали, какъ самой высокой верхушкѣ. Однако, видъ, обнимаемый взоромъ съ круповъ Ахдара, представляетъ лишь весьма небольшое число пятенъ на скатахъ, если исключить тѣ мѣста, гдѣ ирригаціонные каналы развѣтляются на воздѣланныхъ террасахъ.

Узкій полуостровъ Расъ-Мазандамъ, который, у входа въ Персидскій заливъ, выдвинулся остроконечнымъ мысомъ къ персидскому побережью и который, вслѣдствіе давленія ниже лежащихъ слоевъ, кажется, согнулъ ихъ горныя породы, величественно завершаетъ собою горы восточной Аравіи. Оконечность полуострова, состоящая изъ базальтовъ и фонолитовъ, разрѣзана на подобіе вѣтвей оленьихъ роговъ; глубокія бухточки развѣтляются цѣлымъ лабиринтомъ между скалами; наидалѣе выдвинутый въ море мысъ, Расъ-Мазандамъ, тоже разрѣзанъ на двое огромной разсѣлиной, темной аллеей, гдѣ могутъ плавать большіе корабли, между двухъ ве ртикальныхъ стѣнъ, поднимающихся на 300 метровъ высоты и отстоящихъ одна отъ другой всего только на разстояніе брошеннаго камня. Въ морѣ, противъ полуострова, другія скалы поднимаются перпендикулярно изъ волнъ. Этотъ высокій мысъ, раздѣляющій защищенныя отъ бурь воды Персидскаго залива и страшныя пучины Индійскаго океана, во всѣ времена считался у моряковъ священнымъ мѣстомъ. Передовой утесъ Мазандама—это «Камень спасенія» или «Добраго пріема», надъ которымъ парятъ геніи-покровители. Пускаясь въ открытое море, арабскій мореплаватель приноситъ жертву благодѣтельной скалѣ; возвращаясь изъ дальняго плаванія, онъ воздаетъ ей благодареніе за благополучно совершенный путь. Индусъ бросаетъ въ воду цвѣты и кокосовые орѣхи въ даръ богамъ, или спускаетъ на волны модель ладьи съ разноцвѣтными парусами и маленькимъ грузомъ риса. Если миніатюрное суденышко счастливо достигнетъ берега, то это предвѣщаетъ благополучное плаваніе; если же волны потопятъ корабликъ, то нужно опасаться всякихъ злоключеній въ пути, и потому въ этомъ случаѣ благоразумнѣе всего вернуться въ портъ.

Горы, образующія въ центрѣ Аравійскаго полуострова различные массивы Неджеда, соединяются съ береговыми цѣпями Краснаго моря и съ возвышенностями Идумеи. Можно сказать, что онѣ начинаются на западѣ при-евфратскихъ пустынь кратерами и застывшими потоками лавы «Горѣлой страны» или Гарры, которая продолжается на югъ отъ массива Джебель-Гауранъ. Область Гарра остается еще неизслѣдованной почти на всемъ ея протяженіи, по причинѣ покрывающихъ почву камней, которые дѣлаютъ эту страну неудобопроходимой для верховыхъ животныхъ; тѣмъ не менѣе, нѣсколько тропинокъ, слѣдующихъ по теченію извилистыхъ уади, змѣятся среди этого хаоса; очевидно, пастухи должны были нѣкогда расчищать эти дорожки, чтобы облегчить проходъ стадамъ между поросшими травой пространствами. Камни, покрывающіе поверхность Гарры, распредѣлены во многихъ мѣстахъ правильнымъ образомъ, какъ будто частыя содраганія почвы заставили ихъ расположиться въ видѣ геометрическихъ фигуръ; кромѣ того, расположеніе ихъ имѣетъ такой видъ, какъ будто они были раскиданы по порядку размѣровъ и контуровъ: тутъ большія глыбы, тамъ мелкіе камни, далѣе земли, разсыпающіяся въ прахъ, въ иныхъ мѣстахъ блестящія плиты. Камни не нагромождены кучами; они покрываютъ землю простымъ слоемъ плотно прилегающихъ одинъ къ другому кусковъ, какъ будто огромный каменный пластъ былъ разбитъ на осколки разной величины. Тамъ и сямъ простираются-

[1]) Wellsted, „Travels in Arabia“.

ся также *ка*, то-есть голыя пространства, твердая почва которыхъ, словно спаленная солнцемъ, разрѣзана на пятиугольники и шестиугольники, какъ колончатые базальты. Ни одна былинка не пробивается между черными плитами; но щебень, нанесенный вѣтромъ, наполняетъ промежутки этой геометрической сѣтки, точно покрывало изъ тюля, накинутое на лицо пустыни [1]). Въ нѣкоторыхъ частяхъ этого каменистаго пространства контрастъ цвѣтовъ придаетъ разбросаннымъ по землѣ камнямъ замѣчательную правильность: въ то время, какъ полуденная оконечность каменныхъ глыбъ, обращенная къ жгучему солнцу, остается полированной, сѣверная сторона, выставленная дѣйствію сѣверныхъ вѣтровъ, покрылась сѣроватымъ лишаемъ: путешественникъ, ѣдущій изъ Дамаска, видитъ передъ собой только сѣрые камни, а на обратномъ пути только камни съ блестящей поверхностью, такъ что нѣтъ легче, какъ оріентироваться въ пустыняхъ этой Гарры [2]).

На востокъ отъ Мадіанской земли простирается другая Гарра, тоже вулканическая, извѣстная только арабамъ: изъ этой пустыни вывозятся базальтовые ступки и жернова, употребляемые туземцами сосѣдняго морскаго берега. Географическій словарь Якута указываетъ не менѣе двадцати восьми различныхъ «Гарръ» между Джебель-Гаураномъ и Бабъ-эль-Мандебомъ. Единственная «горѣлая область», о которой упоминаютъ какъ о проявлявшей вулканическую дѣятельность въ теченіе историческаго періода, есть такъ называемая «Огненная Гарра», возвышающаяся на сѣверо-востокѣ отъ Медины, близъ города Хейбара. Преданіе говоритъ, что она была въ изверженіи за шесть столѣтій до Магомета, и что она извергала еще лаву въ царствованіе калифа Омара; священная гора Огодъ принадлежитъ къ этому массиву вулкановъ. Англійскій изслѣдователь Беке, задавшійся цѣлью отыскать гору Синай, гдѣ евреи получили скрижали заповѣдей, думаетъ, что нашелъ ее между вулканическими горами какой-либо Аравійской Гарры: такъ онъ объясняетъ столпъ, днемъ облачный (столбъ дыма или паровъ), ночью огненный, который указывалъ израильтянамъ путь въ пустынѣ [3]). Большинство кратеровъ изверженія, которые въ другомъ климатѣ обратились бы въ озерные бассейны, представляютъ иногда на днѣ грязныя лужи, скоро испаряющіяся, послѣ чего отъ нихъ остаются слои скользкой и вязкой глины, ходить по которой очень трудно. Дороги, бороздящія «Горѣлую» область, узнаются лишь по легкому отблеску, произведенному на поверхности камней проходомъ каравановъ въ теченіе сотенъ и тысячъ лѣтъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скала до такой степени тверда, что вѣковые шаги не могли сообщить ей ни малѣйшей шлифовки; дорога, по которой нужно слѣдовать, обозначена только верблюжьимъ каломъ, который арабы проходя растаптываютъ ногами, чтобы приклеить его къ камню. Округъ Хабиръ, черезъ который проходилъ путешественникъ Гюберъ, походитъ на Сирійскую Сафу своимъ видомъ, напоминающимъ поверхность расплавленнаго вещества: словно видишь передъ собой массу клокочущаго желѣза, покрытую огромными пузырями, изъ которыхъ одни еще цѣльные, другіе уже лопнувшіе и представляющіе на окружности острыя ребра въ родѣ излома стекла [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ лавы расположены кругообразными полосами, можно подумать, что онѣ выходили круговращательнымъ потокомъ изъ подземныхъ котловъ [2]).

Къ тому же горному узлу, гдѣ находится «Огненная Гарра», примыкаетъ самая сѣверная цѣпь Неджеда, Джебель-Аджа. Равнина, на которой стоятъ гряды горъ Неджеда, поднимается уже на 1.000 до 1.200 метровъ надъ уровнемъ моря, но относительная высота гребней не болѣе 500 или 600 метровъ; по словамъ мистера Блента [3]), самыя высокія вершины едва переходятъ за 1.800 метровъ надъ уровнемъ моря. Предгорья состоятъ изъ песчаниковыхъ пластовъ, красныхъ или желтыхъ, но чернѣющихъ отъ вліянія атмосферныхъ дѣятелей: многія стѣны, когда на нихъ смотришь съ равнины, кажутся совершенно черными; на нихъ нельзя уже различить надписей, арамейскихъ и арабскихъ, и изображеній верблюдовъ, дикихъ козъ и другихъ животныхъ, вырѣзанныхъ древними путешественниками. Къ югу отъ этихъ переднихъ горъ обрисовывается профиль главнаго гребня, собственно Джебель-Шаммаръ (Шомеръ), скалы котораго, состоящія изъ розоваго гранита, сохраняютъ свой блескъ, сливаясь вечеромъ съ отблесками заходящаго солнца; у арабовъ есть повѣрье, что жилы ярко-краснаго цвѣта, выдѣляющіяся на розовомъ фонѣ стѣнъ—это кровь братоубійцы Каина, текущая съ чела горы. Надъ оазисомъ Гайль гранитная гора вдругъ обрывается, и далѣе на востокъ не продолжается никакой другой цѣпью; но по направленію къ югу высится параллельная гряда, Джебель-Сельма, къ которой съ южной стороны примыкаетъ Касимское плоскогорье. Г. Гюберъ констатировалъ существованіе древнихъ кратеровъ въ цѣпи Сельма; одинъ

---

[1]) Wetzstein, „Reisebericht über Hauran und die Trachonen".
[2]) Anne Blunt, „Voyage en Arabie", trad. par Derome.
[3]) Beke, „Mount Sinais Volcano";—„Sinai in Arabia".

[1]) Huber, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 1884.
[2]) Buckingham, „Travels in Mesopotamia".
[3]) „Proceedings of the Geographical Society", febr. 1880.

изъ массивовъ, очень трудный для перехода, извѣстенъ подъ именемъ «Геенны» или «Ада».

Низменность или долина, частію наполненная песками, и абсолютная высота которой варьируетъ отъ 1.200 до 1.500 метровъ (по мистеру Бленту), ограничиваетъ сѣверный массивъ Неджеда и отдѣляетъ его отъ другой группы горъ, Джебель-Товенкъ, которой болѣе спеціально присвоено названіе Неджедъ [1]). Товенкъ или «Гирлянда» вѣроятно обязана этимъ наименованіемъ своей формѣ, напоминающей форму полумѣсяца. Онъ развертывается въ видѣ обширнаго полукруга, сѣверная оконечность котораго параллельна берегу Персидскаго залива; затѣмъ изгибается къ югу и юго-западу, чтобы слиться съ плоской возвышенностью, на востокѣ отъ Мекскихъ горъ. Пальгревъ опредѣляетъ среднюю высоту Джебель-Товенка всего только въ 300 до 600 метровъ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ; тѣмъ не менѣе, эти горы представляютъ на окружности грандіозное зрѣлище, такъ какъ онѣ оканчиваются со всѣхъ сторонъ крутыми утесами, отвѣсно поднимающимися надъ пустыней. Въ безконечномъ лабиринтѣ долинъ и ущелій откосы скалъ также высятся вертикальными стѣнами: почти сплошь состоящій изъ известковыхъ пластовъ, Товенкъ представляется въ видѣ множества пирамидъ, изъ которыхъ каждая составлена изъ двухъ или трехъ ступеней; верхняя терраса имѣетъ ровную поверхность, за исключеніемъ двухъ или трехъ мѣстъ, гдѣ гранитные стержни высовываются изъ известковой породы; весной верхніе столы и еще болѣе ступени на окружности пирамиды покрываются ковромъ зелени; тамъ и сямъ, въ наиболѣе влажныхъ мѣстностяхъ плоскогорья, показываются деревья, а сѣверная провинція Неджеда, Седеиръ или Сидръ, даже обязана своимъ именемъ одной древесной породѣ, вѣтви которой походятъ на вѣтви дуба. На востокѣ песчаная терраса, образующая пьедесталъ Неджеда, оканчивается со стороны Персидскаго залива, надъ береговыми равнинами, крутыми откосами, которые можно бы было назвать континентальнымъ яромъ.

Область въ полмилліона слишкомъ квадр. километровъ, занимающая все основаніе полуострова, между горами Заіорданья, горами Идумеи и «Горѣлыхъ земель» или Гарра на западѣ, массивомъ Джебель-Шаммаръ на югѣ, равнинами Евфрата на востокѣ и на сѣверо-востокѣ, образуетъ Гамадъ, называемый также Бадіетъ-эль-Арабъ, «Аравійское пространство», или Бадіетъ-эшъ-Шамъ, «Сирійское пространство». Это страшный Шоль, на который прибрежные жители Евфрата, взбираясь на высокіе откосы долины, приходятъ иногда посмотрѣть, но въ который они не отваживаются проникать. А между тѣмъ большая часть эт
страны есть не что иное, какъ степь, гдѣ к
чующіе бедуины находятъ въ изобиліи тра
для своихъ стадъ; но есть также мѣстнос
въ Гамадѣ,—даже внѣ вулканическихъ, за
тыхъ потоками лавы, округовъ, — котор
сплошь покрыты камнями различной форм
величины: въ одномъ мѣстѣ поверхность усты
на мелкими камешками, въ родѣ тѣхъ, ка
мы видимъ на морскомъ берегу; въ друго
почва вымощена плитами, кусками грані
песчаника, кремня, известняка, спаянны
какъ бы чѣмъ-то въ родѣ цемента; въ ины
мѣстахъ пески развертываются длинными во
нами, раздѣленными узкими долинами, покр
тыми галькой; наконецъ, нѣкоторыя части пл
скогорья представляютъ правильные стол
увѣнчанные конусами и призмами, остатка
верхняго плато, постепенно разрушеннаго а
мосферными дѣятелями: это такъ называем
гамады, въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаются
мавританской Сахарѣ [1]). Эти пустынныя пр
странства, черезъ которыя теперь проѣзжаю
изъ Багдада въ Дамаскъ, слѣдуя по ли
источниковъ и колодцевъ, курьеры англійска
консульства и турецкаго правительства, и е
та страшная страна, которую, въ первые го
войнъ ислама, прошелъ Халедъ во главѣ
вятитысячнаго отряда. Никогда подобный п
ходъ не былъ совершенъ ни ранѣе, ни пос
того. Пройдя по долинѣ Уади-Сирхана, Хале
бросился въ пустыню, чтобы обойти облас
Гаурана, охраняемую византійской арміей,
пошелъ прямо на Тадморъ (Пальмиру); въ т
ченіе пяти дней люди и лошади не имѣли д
гаго питья, кромѣ небольшаго количества в
блюжьяго молока и воды, содержащейся
желудкѣ зарѣзанныхъ верблюдовъ. Отрядъ пр
былъ, однако, въ Тадморскій оазисъ, и вско
послѣ того его силы, соединенныя съ сир
скимъ войскомъ, опрокинули полчища визан
скихъ солдатъ [2]).

На сѣверъ, на востокъ, на югъ отъ Дж
бель-Шаммара и Неджеда простираются
стыни, и даже между двумя массивами пр
должается песчаная коса, какъ бы прол
между двумя островами. Эти песчаныя п
странства, идущія вдоль горъ и не насто
широкія, чтобы нельзя было рискнуть про
ихъ, изъ оазиса въ оазисъ, извѣстны въ к
подъ именемъ Нефудовъ; они составля
вѣтви большой пустыни, простирающейся
юго-востокъ, между Неджедомъ, Гадрамаут
и Оманомъ, и занимающей почти четв
полуострова: подобно заливамъ, бухтамъ и р
вѣтвляющимся корридорамъ фьордовъ, неф
врѣзываются межъ горныхъ массивовъ сво
песчаными ложами (изъ краснаго или бѣл

---

[1]) Gifford Palgrave, „Central and Eastern Arabia“.

[1]) William Muir, „Annals of the Early Caliphate“.
[2]) William Muir, цитированное сочиненіе.

песку), составляющими бывшее морское дно, постепенно приподнятое. Наиболѣе извѣстный изъ Нефудовъ тотъ, черезъ который проходили Пальгревъ, Пелли, Гуармани, Даути, караваны Вильфрида Блента и Гюбера; тѣмъ не менѣе, описанія путешественниковъ, посѣтившихъ эту мѣстность, значительно разнятся, что́, безъ сомнѣнія, происходитъ въ большей части оттого, что переходы черезъ пустыню совершались въ различныя эпохи года. Пальгревъ прошелъ ее въ два дня, въ концѣ іюля, въ жаркое время года; супруги Блентъ путешествовали въ половинѣ января, съ болѣе обильными запасами провизіи и воды, и ихъ остановки были на половину менѣе продолжительны: однако, и они едва не погибли въ послѣдній день пути. Гюберъ прошелъ Нефудъ безопасно.

Сѣверная окраина пустыни представляетъ каменистое пространство, подобное покинутому водами берегу, и нѣсколько дюнъ изъ бѣлаго песку тянутся вдоль побережья бывшаго моря, другія пространства, у подошвы горъ Неджеда, состоятъ изъ гранитнаго гравія, извѣстнаго подъ именемъ бата [1]); но собственно Нефудъ состоитъ единственно изъ крупнаго песку, краснаго цвѣта, почти малиноваго послѣ дождей съ грозой или по утрамъ, подъ влажностью росы: при полномъ свѣтѣ солнца, когда путешественникъ чувствуетъ уже пробѣгающую по тѣлу дрожь лихорадки, и когда его глаза, на половину ослѣпленные, тщетно ищутъ точки въ пространствѣ, на которую они могли бы смотрѣть безъ страданія, ему кажется, что онъ идетъ по кровавому или огненному морю: это—«пламенныя волны», сталкивающіяся и переплетающіяся отъ дѣйствія вѣтра. Волнообразныя возвышенія песку, которыя слѣдуютъ одно за другимъ на поверхности Нефуда, достигая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высоты 100 метровъ, показались мистеру Бленту неимѣющими никакого опредѣленнаго направленія и разсѣянными въ безпорядкѣ. Пальгревъ сравниваетъ ихъ съ длинными морскими волнами, подобными тѣмъ длиннымъ правильнымъ складкамъ, которыя образуются подъ дуновеніемъ пассатныхъ вѣтровъ: по его словамъ, нормальное ихъ направленіе съ сѣвера на югъ. Онъ даже пытается объяснить происхожденіе этихъ параллельныхъ песчаныхъ волнъ не дѣйствіемъ атмосферныхъ теченій, но вращательнымъ движеніемъ земнаго шара: перемѣщаясь съ запада на востокъ, твердая поверхность нашей планеты, по его мнѣнію, испытываетъ нѣкоторое сопротивленіе со стороны лежащихъ на ней подвижныхъ слоевъ песку, подобно тому, какъ въ экваторіальномъ поясѣ вода океановъ отстаетъ отъ движенія земли и даетъ такимъ образомъ первый толчокъ морскимъ теченіямъ; такъ же точно въ пустыняхъ Аравіи пески, отставая отъ земнаго вращенія, перемѣщаются постепенно отъ востока къ западу, хотя и чрезвычайно медленно.

Физики, которые будутъ странствовать въ пустыняхъ Аравійскаго полуострова послѣ Пальгрева, Блента и Гюбера, должны будутъ еще объяснить образованіе *фульджей* или воронкообразныхъ пропастей, встрѣчающихся въ большомъ числѣ въ Нефудѣ, которыя спускаются до твердой почвы камня, глины или даже растительной земли, черезъ всю толщину песчаныхъ массъ. Пальгревъ говоритъ о воронкахъ, которыя будто бы имѣютъ около 240 метровъ глубины; мистеръ Блентъ нашелъ только 70 метровъ для вертикальной высоты самаго глубокаго изъ фульджей, въ которые онъ спускался; Гюберъ видѣлъ одинъ въ 80 метровъ глубины, на днѣ котораго выкопаны три колодца. По ширинѣ размѣры этихъ пропастей такъ же различны, какъ и по глубинѣ: однѣ имѣютъ нѣсколько десятковъ, другія нѣсколько сотъ метровъ. Ихъ нормальная форма — неправильныйциркъ или котловина съ равномѣрно покатыми стѣнками; всѣ онѣ скорѣе походятъ на слѣды, какіе оставило бы копыто гигантской лошади; всѣ обращены выпуклостью къ западу или сѣверо-западу, съ восточной же стороны во всѣхъ есть оврагъ, вырытый потоками дождевой воды, образующимися во время ливней. Наклонъ скатовъ неравный: скаты, обращенные на югъ, вообще круче, чѣмъ скаты восточнаго фаса. Дюна въ формѣ полумѣсяца, навѣваемая вѣтромъ съ боку фульджа, поднимается отъ трехъ до десяти метровъ надъ краемъ пропасти, обращенная пологимъ скатомъ къ пустынѣ, а крутымъ къ воронкѣ; отъ времени до времени песчаныя частицы осыпаются, и естественно является вопросъ: почему всѣ фульджи не были постепенно засыпаны этимъ паденіемъ песковъ; однако, большинство имѣютъ еще свободное пространство на днѣ, а на скатахъ растетъ кустарникъ, свидѣтельствующій о медленности, съ которою измѣняются ихъ контуры. Съ вершины одной каменистой горки, которая высится словно пирамида среди необозримаго пространства песковъ, Блентъ могъ обнять взоромъ цѣлый рядъ фульджей, и ему показалось, что ихъ нормальное направленіе съ востока на западъ, но что оно образуетъ извилистую кривую временныхъ потоковъ или уади. Быть можетъ, они и въ самомъ дѣлѣ обязаны своимъ происхожденіемъ движенію водъ въ глубинахъ: ручьи дождевой воды, низвергаясь въ эти пропасти, исчезаютъ подъ землей, увлекая съ собой песокъ въ разсѣлины почвы. Есть также впадины, гдѣ еще видны слѣды бывшихъ озеръ: такова котловина, пространствомъ около 40 квадр. километровъ, въ которой находится деревня Джобба, на южной окраинѣ Нефуда, неда-

---

[1]) Huper, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1884.

леко отъ первыхъ предгорій Джебель-Шаммара; глубина его по меньшей мѣрѣ 60 метровъ ниже уровня равнины (120 метровъ по Пальгреву.) Впрочемъ, г. Гюберъ видитъ въ «концентрическихъ берегахъ» этого бассейна лишь выемки или ступени, вырытыя атмосферными дѣятелями въ наиболѣе хрупкихъ и разрушающихся слояхъ песчаника [1]).

Сѣверный Нефудъ не совершенно лишенъ растительности и животной жизни. Одно растеніе изъ семейства молочайныхъ, *гда*, унизываетъ почву въ видѣ кустовъ, вокругъ которыхъ обвиваетъ свои лозы *ierma*, ліана, похожая на виноградъ; въ пескѣ ростутъ сочныя травы, по большей части группами, съ исключеніемъ всякаго другаго вида; весной кочевники могутъ гонять свои стада на паству въ пустыню; они живутъ тамъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ, не имѣя другаго питья, кромѣ верблюжьяго молока. Правда, что кости людей и животныхъ, разсѣянныя на слѣдахъ, оставленныхъ проходомъ каравановъ между оазисами, свидѣтельствуютъ объ опасностяхъ, съ которыми сопряженъ переходъ черезъ пески; но тѣмъ не менѣе, арабы страстно любятъ жизнь въ пустынѣ: тамъ они чувствуютъ себя счастливыми и свободными; тамъ человѣкъ достигаетъ глубочайшаго сосредоточенія своего существа, полнѣйшаго обладанія своими нравственными силами; неудивительно поэтому, что большинство религій Востока были открыты ихъ основателямъ въ пустынѣ [2]). «Чѣмъ пустыннѣе земля, тѣмъ больше человѣкъ сосредоточивается въ самомъ себѣ, погружается въ самосозерцаніе», говоритъ одинъ древній писатель. На европейскихъ путешественниковъ пустынная природа производитъ, какъ и на арабовъ, глубокое впечатлѣніе. По возвращеніи въ мѣстности, раздѣленныя на тысячи клѣтковъ загородями частныхъ владѣній и стѣнами городовъ, они, подобно бедуинамъ, испытываютъ чувство стѣсненія и грусти по широкому раздолью безпредѣльной пустыни [3]).

Но никто не отваживается пускаться въ такъ называемую «красную пустыню» Даны, простирающуюся на югъ отъ Неджеда къ побережью Гадрамаута. Въ этой области карты показываютъ еще пространство, не имѣющее никакого географическаго имени. Можетъ быть, будущія изслѣдованія откроютъ какіе-нибудь оазисы на окраинахъ этого океана дюнъ. Тамъ, гдѣ путешественникъ Вреде приставалъ къ нему, на сѣверѣ Гадрамаута, пустыня, называемая въ этомъ мѣстѣ Эль-Ахафъ, не имѣетъ ни одного деревца, ни одной былинки; съ высоты плато (высотой около 300 метровъ), господствующаго надъ песчанымъ пространствомъ,

[1]) „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", цитированный мемуаръ.
[2]) Georg Ebers, „Aegypten".
[3]) Ali-bey, „Voyage en Tripoli", etc.

видишь только волну за волной на необъятн
морѣ песковъ: нигдѣ не замѣтно ни малѣй
го слѣда растительности; ни одна птица не
таетъ надъ безмолвной, безжизненной рав
ной. Въ этомъ океанѣ дюнъ мѣстами отк
ваются страшныя бездны, называемыя Ба
эль-Сафи или «Море Сафи» по имени ц
вѣроятно легендарнаго, который будто бы б
поглощенъ песками со всѣмъ своимъ во
ствомъ. Бедуины говорятъ, что на днѣ эт
пропастей лежатъ несмѣтныя сокровища, п
охраной геніевъ, но сыны пустыни не пыта
ся овладѣть этими богатствами, и въ сво
экскурсіяхъ по опушкѣ Даны тщательно и
гаютъ этихъ песчаныхъ «топей», легко у
ваемыхъ по ослѣпительной бѣлизнѣ песк
которые составляютъ рѣзкій контрастъ съ ж
товатымъ пескомъ окружающихъ дюнъ. В
де долженъ былъ одинъ идти къ «морю Саф
Вооруженный длинной палкой, чтобы зо
ровать почву на каждомъ шагу, онъ подо
къ каменистому краю пропасти: палка с
ушла въ бѣлую пыль, словно въ воду; ка
фунта въ три вѣсомъ, привязанный къ бе
кѣ длиной около 110 метровъ, тотчасъ же
чезъ; пять минутъ спустя, конецъ вере
увлеченный грузомъ, то же исчезъ, въ с
очередь. Бедуины, блѣдные какъ смерть,
ужасомъ смотрѣли издали на бесѣду путе
ственника съ духами [1]). Жидкое состояніе
сковъ можно объяснить только существо
ніемъ подъ ними потоковъ или бассейновъ
ды или другихъ жидкихъ тѣлъ, какова, нап
мѣръ, нефть. Источники горнаго масла, те
щіе на бокахъ сосѣднихъ скалъ, быть може
образуютъ подземныя озера въ глубокихъ в
динахъ, однако, болѣе вѣроятно, что п
слоемъ песковъ проходятъ ручьи, обнару
ваемые, черезъ извѣстные промежутки, ко
цами, гдѣ скопляется тонкая пыль, приноси
вѣтромъ; по разсказамъ бедуиновъ, изв
стая цѣпь пропастей продолжается будто бы
протяженіи восьми дней ходьбы по окра
пустыни.

III.

Аравійскій полуостровъ лежитъ въ по
юго-западныхъ муссоновъ. Всѣ получаемые
дожди, если исключить область, прилегаю
къ Средиземному морю, приносятся ему э
воздушнымъ теченіемъ; но муссонъ пер
тѣмъ проходитъ черезъ африканскій контине
или по крайней мѣрѣ вдоль его восточн
береговъ, и влажность, которою онъ насы
ся въ экваторіальныхъ моряхъ, уже снова вы
лась, въ большей части, на горы, которыя
омывалъ въ своемъ движеніи. Ливни, оста
щіеся затѣмъ на долю Аравіи, недостаточ

[1]) Adolf von Wrede, „Reise in Hadhramaut".

чтобы покрыть ее растительностью: только горные массивы, поднимающіеся въ высшіе слои атмосферы, задерживаютъ облака на проходѣ и получаютъ нѣкоторое количество воды, которое изливается въ видѣ временныхъ потоковъ или даже въ видѣ постоянныхъ источниковъ и ручьевъ: внизу, въ равнинахъ, граница воздѣланныхъ земель обозначена послѣдними струйками воды, которыя питаются дождями или снѣгами, выпадающими на горахъ. Иногда первое дуновеніе муссона, въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, приноситъ нѣсколько ливней, очень желательныхъ земледѣльцамъ; но обыкновенно большіе дожди совпадаютъ съ періодомъ сильныхъ жаровъ. Нормальный сезонъ грозъ и ливней значительно разнится въ различныхъ областяхъ полуострова, смотря по географической широтѣ, рельефу земной поверхности, близости того или другаго моря, уклоненіямъ и крутоворотамъ, происходящимъ въ перемѣщеніи воздушныхъ массъ. Въ горахъ Іемена сильные дожди выпадаютъ обыкновенно въ эпоху нормальную для климата тропиковъ, то-есть въ концѣ іюня и въ іюлѣ мѣсяцѣ. Иногда въ эту пору года Аденская скала получаетъ отъ 16 до 18 сантиметровъ дождевой воды [1]); но случается также, что ливней совсѣмъ не бываетъ: въ три года, съ 1869 по 1872, цистерны Адена были наполнены только одинъ разъ [2]). Въ Геджасѣ дожди ждутъ преимущественно въ декабрѣ; въ Маскатѣ и въ массивахъ Омана наибольшее паденіе атмосферныхъ осадковъ замѣчается въ декабрѣ и январѣ. Въ среднемъ, паденіе дождевой воды довольно обильно въ обитаемыхъ областяхъ южной Аравіи до шестнадцатаго градуса широты: оттого молитвы о ниспосланіи дождя, занимающія такое широкое мѣсто въ обычномъ культѣ сѣверныхъ племенъ полуострова, не встрѣчаются въ ритуалѣ южныхъ народцевъ [3]). Но обильны ли дожди или нѣтъ, во всякомъ случаѣ гористый поясъ, получающій ихъ, недостаточно широкъ, чтобы избытокъ влажности спускался до моря, по крайней мѣрѣ поверхностными потоками. На западной покатости нѣтъ ни одной рѣки, которая бы круглый годъ протекала черезъ весь поясъ Техамы, чтобы достигнуть Краснаго моря: всѣ существующія тамъ рѣки и рѣчки—исчезающія, по-арабски *мазіаль* (*мазиль*, *мэзилахъ*), подобныя итальянскимъ *fiumare*, индійскимъ *наллахамъ*. Вода изсякаетъ по дорогѣ въ прибрежныхъ воздѣланныхъ земляхъ, и сколько разъ она бываетъ недостаточна для орошенія полей! Часто населенія ждутъ по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ живительной воды; то и дѣло смотрятъ на небо, вопрошаютъ вѣтеръ и всѣ явленія атмосферы; обычныя дѣла прерываются; даже война пріостанавливается между племенами. Всѣ жители деревни, отъ мала до велика, собираются гдѣ-нибудь на открытомъ мѣстѣ, чтобы внимательно слѣдить за облакомъ, образующимся на горизонтѣ, и когда оно разрѣшится дождемъ, когда вода заструится въ оврагахъ и песчаное ложе уади наполнится быстрымъ потокомъ, собравшаяся толпа привѣтствуетъ это событіе пѣснями и радостными криками. Народъ бѣжитъ въ перегонку съ наводненіемъ, образуя кортежъ, сопровождающій давно желанный потокъ, точно какое-нибудь божество.

Но при выходѣ изъ горъ земледѣльцы располагаютъ лишь частью выпавшей съ неба воды. Гдѣ начинаются пески и каменистыя пространства пустыни, тамъ потоки исчезаютъ. Нѣкоторые изъ нихъ снова выходятъ на поверхность въ низинахъ или лощинахъ и образуютъ оазисы, когда вода не насытилась солью въ нѣдрахъ земли; есть и такіе, которые скопляются въ озера, постоянныя или временныя, въ глинистыхъ впадинахъ. Когда вода въ этихъ бассейнахъ испарится, одни изъ нихъ являются бѣлыми отъ покрывающаго ихъ солянаго налета; другіе, которые были наполнены прѣсной водой, представляютъ лишь бурую поверхность опорожненнаго водовмѣстилища, изборожденную правильными трещинами; но съ небольшаго разстоянія виденъ еще свѣтъ, отражающійся какъ бы отъ жидкой площади; нигдѣ миражъ воды не является чаще и не производитъ болѣе полной иллюзіи, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ естественно нужно было разсчитывать найти воду, то есть въ бассейнахъ высохшихъ озеръ: можно сказать, что, испаряясь, озерная поверхность оставляетъ по крайней мѣрѣ свой образъ [1]). Не менѣе драгоцѣнная въ Аравіи, чѣмъ въ Персіи и въ Афганистанѣ, вода не сберегается тамъ съ такой же заботливостью, какъ въ этихъ двухъ странахъ: на полуостровѣ, исключая нѣсколькихъ долинъ Омана, нѣкоторыхъ частей Неджеда и области священныхъ городовъ, незнакомы съ искусствомъ перехватывать ручьи при выходѣ ихъ изъ горъ и проводить ихъ воду на требующія орошенія земли посредствомъ подземныхъ каналовъ, пробуравленныхъ колодцами на равныхъ одинъ отъ другаго разстояніяхъ. Но почти во всѣхъ странахъ Аравіи устроили *биркеты* или выложенные камнемъ резервуары, и вырыли глубокіе колодцы. Самые замѣчательные колодцы—тѣ, которые Зобеида, супруга калифа Гарунъ-аль-Рашида, велѣла высѣчь въ скалѣ, на дорогѣ пилигримовъ изъ Мекки въ Багдадъ; нѣкоторые изъ этихъ колодцевъ имѣютъ до 70 метровъ глубины, но большинство безъ

[1]) Grisebach, „La végétation du Globe“, trad. par Tchihatcheff.

[2]) W. Kropp, „Annales hydrographiques“.

[3]) Von Maltzan;—Hann, „Handbuch der Meteorologie“.

[1]) Anne Blunt „Voyage en Arabie“, trad. Derome.

воды или содержитъ лишь немного грязи на днѣ [1]).

Въ Оманѣ *феледжи*, подобные *канатамъ* персіянъ или вырытые, вѣроятно, подъ ихъ руководствомъ, въ прошломъ столѣтіи, позволяютъ распространять предѣлы оазисовъ въ долины: оттого эти водопроводы, составляющіе вообще общественную собственность, поддерживаются общинами съ величайшей заботливостью, и въ мѣстностяхъ, подвергающихся набѣгамъ разбойничьихъ племенъ, ихъ защищаютъ правильными укрѣпленіями: тамъ каждый источникъ охраняется крѣпостцей [2]); гораздо важнѣе защищать воду, чѣмъ самую деревню, такъ какъ отъ воды зависитъ жизнь населенія. Прорытіе феледжей во всей Аравіи, безъ сомнѣнія, удвоило бы осѣдлое населеніе страны; по берегамъ временныхъ потоковъ или уади, гдѣ теряются «дикія воды», появились бы обработанныя поля и города; русла бывшихъ рѣкъ, изъ которыхъ иныя, какъ напримѣръ, Уэдъ-Эрмекъ или Румма, притокъ Евфрата, пересѣкаютъ полуостровъ во всю его ширину, были бы частію возстановлены прибрежными культурами. Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣки Аравіи, получающія начало въ горахъ Неджеда, текутъ подъ землей до Персидскаго залива. По всему западному побережью этого моря прѣсноводные ключи бьютъ со дна подъ слоемъ соленой воды: островъ Барейнъ въ большей части обязанъ своимъ растительнымъ нарядомъ и, слѣдовательно, своимъ населеніемъ обильнымъ источникамъ, которые тамъ выходятъ наружу, и первое начало которыхъ нужно искать на твердой землѣ. Во многихъ мѣстахъ водолазы спускаются на дно неглубокаго пролива, отдѣляющаго островъ Барейнъ отъ материка, чтобы наполнить тамъ свои кожаные мѣхи у прѣсноводнаго фонтана, вылетающаго изъ разсѣлинъ скалы. На островкѣ Могарекъ женщины и молодыя дѣвушки, неся на головѣ фаянсовый кувшинъ, переходятъ въ бродъ маленькій проливъ, чтобы идти метровъ за пятьдесятъ въ море черпать воду изъ прозрачнаго снопа, который льется изъ острововидной скалы [3]). На побережьѣ континента почти всѣ источники горячіе, и между ними очень мало сѣрныхъ, что̀ Пальгревъ приписываетъ остатку вулканической дѣятельности; во многихъ мѣстахъ дымящаяся вода бьетъ ключомъ изъ пепла или лавы. Подлѣ большинства источниковъ возвышаются холмики, образовавшіеся, вѣроятно, изъ песковъ, которые вода выбрасывала изъ нѣдръ земли [4]).

Аравія одна изъ «знойныхъ» странъ земного шара: термометрическій экваторъ, изгибаемый къ сѣверному полушарію дѣйствіемъ тепловаго фокуса, образуемаго песками пустыни Дана, идетъ вдоль южныхъ береговъ полуострова: Аденъ, Макалла, Маскатъ принадлежатъ къ числу тѣхъ «пеклъ», о которыхъ упоминаютъ сложившіяся у моряковъ поговорки, и извѣстно не мало случаевъ, когда европейцы, не побоявшіеся идти подъ палящими лучами солнца между бѣлыхъ стѣнъ, отражающихъ падающій на нихъ жаръ, были поражены смертельнымъ солнечнымъ ударомъ. На островѣ Аденѣ средняя температура зимы превышаетъ среднюю температуру европейскаго лѣта. Температура въ 40 градусовъ по Цельзію въ тѣни не рѣдкость въ Маскатѣ, даже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и при совершенно тихой погодѣ [1]); въ Ассирской Техамѣ термометръ часто поднимается до 42 градусовъ [2]); но среди лѣта и когда вѣтеръ дуетъ изъ пустыни, жара становится гораздо сильнѣе: тогда она превышаетъ 50 градусовъ, и европейцы, несмотря на всѣ предосторожности, рискуютъ пасть жертвой этого знойнаго климата.

Средняя температура въ Джеддѣ, выведенная путешественникомъ Стенли изъ пятилѣтнихъ наблюденій: температура дня 30°,92, температура ночи 28°,28. Часто зной солнца такъ силенъ, что камни трескаются и распадаются [3]). Въ равнинахъ центральной Аравіи средняя температура источниковъ, которая не можетъ чувственно разниться отъ температуры воздуха, отъ 28 до 29 градусовъ по Цельзію [4]). Даже туземцы много страдаютъ отъ жгучей атмосферы въ Аравіи: болѣзни такъ же обыкновенны на аравійскомъ побережьѣ, какъ и на иранской покатости Персидскаго залива; ревматизмъ, немощи всякаго рода, особенно слѣпота поражаютъ населеніе прибрежья. На каждые десять жителей Оманскаго берега, говоритъ Кеппель, приходится, по крайней мѣрѣ, одинъ кривой или одинъ слѣпой. Но, съ другой стороны, нѣкоторыя области во внутренней Аравіи принадлежатъ къ самымъ здоровымъ мѣстностямъ земнаго шара. Таковы плоскогорья Неджеда. Благодаря значительной абсолютной высотѣ почвы, жары тамъ не такъ сильны, какъ въ пустынѣ и въ поясѣ Техамы; открытые всѣмъ вѣтрамъ, высокіе гранитные или песчаниковые хребты подвержены вліянію воздушныхъ токовъ, идущихъ отъ полюса; чередованіе температуры дня и ночи, лѣта и зимы, столь полезныя для полнаго развитія физическихъ силъ, слѣдуютъ одно за другимъ въ правильномъ порядкѣ; воздухъ всегда чистый, безъ сырой влажности, царствующей на морскомъ прибрежьѣ. Населеніе Неджеда состоитъ изъ

---

[1]) Huber, „Bulletin de la Société de Géographie", 1884.
[2]) Wellsted, „Travels in Arabia".
[3]) Gifford Palgrave, цитированное сочиненіе.
[4]) Palgrave, цитированное сочиненіе; Carl Ritter, „Asien".

[1]) Wellsted, цитированное сочиненіе.
[2]) Millingen;—Mahé, рукописныя замѣтки.
[3]) Wetzstein, цитированный мемуаръ.
[4]) Huber, цитированный мемуаръ.

сильныхъ людей, съ смуглымъ цвѣтомъ лица, съ яснымъ и твердымъ взоромъ. На соотвѣтственной высотѣ и при равной температурѣ, города Іемена имѣютъ гораздо менѣе здоровый климатъ, чѣмъ города Неджеда: воздухъ, насыщенный морскими парами, перемѣщается менѣе свободно, нежели на центральныхъ плоскогорьяхъ; задерживаемый съ одной стороны горами Абиссиніи, съ другой горами Аравіи, онъ кружится надъ моремъ въ Аденскомъ заливѣ и Бабъ-эль-Мандебскомъ проливѣ: лихорадки очень обыкновенны въ Іеменѣ, какъ на горахъ, такъ и въ низменномъ поясѣ прибрежья.

Арабскія женщины.

Хотя Аравія заключена въ метеорологической области юго-западныхъ муссоновъ, вѣтры, однако, представляютъ тамъ большія неправильности, производимыя главнымъ образомъ

кольцомъ морей, которыя окружаютъ полуостровъ и заставляютъ правильныя атмосферныя теченія уклоняться отъ ихъ нормальнаго направленія. На югѣ и юго-востокѣ, Аденскій заливъ и Сокоторское море, на западѣ Красное море, на востокѣ и сѣверо-востокѣ Оманское море и Персидскій заливъ, наконецъ, на сѣверо-западѣ Средиземное море составляютъ какъ бы лабораторіи для образованія второстепенныхъ вѣтровъ, видоизмѣняющихъ первоначальныя теченія пассатовъ и контръ-пассатовъ. Сообразно перемѣщенію тепловыхъ фокусовъ, которые находятся то на твердой землѣ, то на морѣ, мѣстныя бризы безпрестанно мѣняютъ свое направленіе вдоль морскихъ береговъ, при чемъ либо прибавляютъ свою силу къ силѣ общихъ атмосферныхъ теченій, либо замедляютъ ихъ, нейтрализуютъ или замѣняютъ ихъ ходъ. Воздушные токи, различные по происхожденію, пріобрѣтаютъ аналогичныя свойства, проходя черезъ однѣ и тѣ же области: тогда какъ въ однѣхъ мѣстностяхъ влажность приноситъ южный вѣтеръ, въ другихъ дожди даетъ сѣверный вѣтеръ; изсушающій симунъ, ядовитый шелукъ приходитъ съ востока для жителей Іемена; для обитателей же Багдада онъ дуетъ съ запада. Въ Нефудахъ господствующія атмосферныя теченія – западные вѣтры; направленіе ихъ легко узнать по формѣ песчаныхъ бугровъ и по положенію всѣхъ растеній, наклоненныхъ къ востоку [1]).

Но самый важный фактъ въ циркуляціи воздушныхъ массъ надъ Аравійскимъ полуостровомъ составляетъ отклоненіе юго-западнаго муссона къ юго-востоку. Двѣ аллеи горъ, между которыми заключены два боковыхъ моря Аравіи, Персидскій и Аравійскіе заливы, представляютъ естественныя дороги, начертанныя для движенія воздушныхъ токовъ. Проникая въ проливы Оманскій и Бабъ-эль-Мандебскій, нормальный вѣтеръ изгибается, чтобы подняться въ двухъ названныхъ заливахъ по направленію ихъ большой оси; точно такъ же воздушныя теченія, спускающіяся съ плоскогорій Ирана и съ горныхъ цѣпей Моава или Мадіана, низвергаются въ широкіе рвы, открывающіеся передъ ними, и слѣдуютъ вдоль ихъ до входа. Такъ происходитъ правильное чередованіе восходящихъ и нисходящихъ вѣтровъ, которое очень облегчило торговыя сношенія; дуновеніе вѣтровъ напередъ указывало арабамъ морскіе пути. Но имъ, тѣмъ не менѣе, нужна была изумительная отвага, чтобы пуститься за «ворота» на море, волнуемое бурями, и теченія котораго, быстрыя и неправильныя, повидимому, не подчиняются никакому точному закону [2]). Мореходы Омана, Гадрамаута, Іемена нашли въ
себѣ это мужество, и отъ Мозамбикскаго бере
до острововъ Зондскаго архипелага они бы
нѣкогда носителями товаровъ для всѣхъ пр
брежныхъ населеній Индійскаго океана; дол
время они также оспаривали владычество
его водахъ у португальцевъ. Въ первыя врем
на ислама арабы имѣли даже большую до
участія въ торговлѣ Средиземнаго моря. Кр
меръ отыскалъ много семитическихъ словъ
языкѣ европейскихъ моряковъ.

IV.

Два моря, прилегающія къ Аравійскому п
луострову, Персидскій и Аравійскій зали
сходствуютъ между собой порядкомъ вѣтров
возвышенной температурой своихъ водъ,
въ другихъ отношеніяхъ они много разли
Персидскій заливъ имѣетъ право на назва
моря только по своему большому протяжен
исчисляемому въ 248.000 квадр. километр
но онъ не глубокъ: въ среднемъ, веревки п
мѣрочнаго снаряда касаются дна, будучи с
таны съ блока на 40 и до 80 метровъ, и мож
бы было, предполагая, что уровень и геог
фическія условія не измѣнятся, вычисл
приблизительно эпоху, когда твердыя части
приносимыя теченіемъ Шатъ-эль-Араба,
полнятъ морской бассейнъ, какъ онѣ уже
полнили сѣверную половину залива, кото
превратилась въ твердую землю, извѣстну
подъ именемъ Месопотаміи или Междурѣч
Жидкая масса Персидскаго залива слишк
незначительна, чтобы общія теченія Инд
скаго океана могли въ немъ распространять
При входѣ въ заливъ, въ Оманскомъ мо
движенія водъ соотвѣтствуютъ движеніямъ в
духа; восходящее теченіе проникаетъ въ Орм
скій проливъ съ мая по сентябрь, то-есть
періодъ южнаго муссона; въ остальное вре
года, соотвѣтствующее сезону сѣверныхъ
тровъ, изъ пролива выходитъ нисходящее
ченіе, направляющееся къ открытому морю
внутри залива не могли обнаружить ника
правильности въ колебаніи теченій: всѣ
совершенно поверхностныя, и каждая бр
каждый шквалъ измѣняетъ ихъ ходъ. Остр
выступаютъ въ большомъ числѣ надъ пове
ностью неглубокихъ водъ, но они имѣютъ
одинаковый видъ на томъ и другомъ бер
въ то время, какъ острова персидскаго по
режья, лежащіе близъ крутаго берега, с
представляютъ гористыя земли, возвыш
щіяся уединенно въ чистомъ морѣ, свободн
отъ подводныхъ камней,—острова арабск
берега, лежащіе близъ низменнаго пояса,
высоки и окружены цѣлыми архипелагами
чаныхъ мелей. Обширная полукруглая бу
заключенная между полуостровомъ Расъ-
зандомъ и Катарскимъ мысомъ, усѣяна эт
низменными островами, отъ которыхъ

[1]) Huber, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 1884.

[2]) Welisted, „Journal of the Geographical Society", 1806

воды, можетъ быть, и получили названіе Бахръ-эль-Бенатъ или «Дѣвичьяго моря». Къ западу отъ Катара Барейнскій заливъ тоже наполненъ островами, островками, песками, лежащими вровень съ водой. Одна изъ этихъ земель, самый большой арабскій островъ въ Персидскомъ бассейнѣ, извѣстенъ спеціально подъ именемъ Барейнъ или Бахрейнъ, то-есть «Два моря», безъ сомнѣнія, принадлежавшимъ нѣкогда двумъ большимъ бухтамъ, которыя омываютъ на востокѣ и на западѣ Катарскій полуостровъ. По Опперту, Барейнъ есть Тилосъ или Тильвунъ древнихъ, одно изъ священныхъ мѣстъ, гдѣ халдейская цивилизація, во времена, предшествовавшія писанной исторіи, получила свое начало: Тилосъ былъ мѣстомъ происхожденія того «бога-рыбы», который будто бы водилъ ковчегъ человѣчества по водамъ всемірнаго потопа.

Персидскій заливъ и Оманское море принадлежатъ къ числу морскихъ водъ, самыхъ богатыхъ животной жизнью. Тысячи арабскихъ рыболовныхъ судовъ, плавающихъ среди оживленныхъ, кишащихъ рыбой банокъ, дѣлаютъ въ этихъ несмѣтныхъ массахъ животныхъ лишь незначительные пробѣлы, скоро пополняющіеся: закидываютъ до двухсотъ саженъ глубины огромныя сѣти, которыя вытаскиваютъ всегда полныя, отъ тридцати до сорока человѣкъ. Рыба, которую сушатъ на солнцѣ и которая въ нѣсколько часовъ принимаетъ видъ кусковъ дерева, служитъ, вмѣстѣ съ печеньемъ изъ финиковъ, средствомъ продовольствія всѣхъ арабовъ побережья и, кромѣ того, отправляется далеко во внутреннія области полуострова, въ Индустанъ, въ Занзибаръ, на берега восточной Африки. Что касается мелюзги, которую трудно было бы экспортировать, то ее бросаютъ обратно въ море или употребляютъ, въ видѣ удобренія, въ садахъ Маската и въ сельскихъ мѣстностяхъ Батины. По словамъ Неарха, киты тоже, должно быть, были очень обыкновенны въ Оманскомъ морѣ, такъ какъ въ тѣ времена «ихтіофаги» (рыбоѣды) Мекранскаго берега строили свои дома изъ китовыхъ костей; теперь эти животныя стали рѣдки, но моряки встрѣчаютъ еще въ этихъ водахъ индійскаго кита (balaenoptera indica), морское чудовище едва ли не самыхъ громадныхъ размѣровъ: онъ достигаетъ 27 метровъ (почти 13 саженъ) въ длину [1]). Безконечно малые организмы кишатъ миріадами, довольно многочисленные иногда, чтобы измѣнить цвѣтъ моря на пространствѣ тысячъ квадр. километровъ и превратить его въ «молоко» или въ «кровь». Ночью все море объято «пламенемъ»; плывущія суда проводятъ на водѣ огненную борозду, и съ обѣихъ сторонъ весла оставляютъ фосфорическія струи, словно какіе-то огненные драконы гонятся за судномъ. Медузы, подобныя раскаленнымъ головнямъ, плаваютъ подъ волнами длинными полосами свѣта, которыя отражаются на парусахъ [1]). Вагабиты видятъ въ этой морской иллюминаціи отблескъ ада [2]). Большинство моряковъ говорятъ, что это самоцвѣтные камни, блистающіе въ волосахъ сиренъ; но медузы свѣтятся только на днѣ моря; на воздухѣ онѣ тускнѣютъ и испаряются [3]).

Въ водахъ Барейна, такъ же, какъ въ «Дѣвичьемъ морѣ» и почти на всемъ арабскомъ берегу Персидскаго залива, главное занятіе прибрежныхъ жителей, съ мая по октябрь, составляетъ ловля жемчуга. Сростки жемчужныхъ раковинъ не такъ бѣлы въ моряхъ Аравіи, какъ въ моряхъ Цейлона и Японіи, но они крупнѣе и болѣе правильной формы; кромѣ того, они болѣе сохраняютъ свою золотистую воду, тогда какъ бѣлый цейлонскій жемчугъ быстро теряетъ свой блескъ, особенно въ жаркихъ странахъ. Барейнскій жемчугъ цѣнится дороже всѣхъ другихъ сортовъ, даже съ медицинской точки зрѣнія, такъ какъ арабы и персіане приписываютъ большую цѣлебную силу толченымъ обломкамъ самоцвѣтныхъ камней. Жемчужный промыселъ не уменьшился въ Персидскомъ заливѣ, какъ во многихъ другихъ водахъ. Въ одномъ только Барейнскомъ архипелагѣ около пятидесяти тысячъ моряковъ занимаются одновременно ловлей жемчужныхъ раковинъ, и на всемъ побережьѣ, заключающемся между Ковентомъ, близъ устьевъ Шатъ-эль-Араба, и берегомъ Пиратовъ, недалеко отъ входа въ заливъ основаны второстепенныя станціи въ сосѣдствѣ жемчужныхъ мелей. Въ силу обычаевъ, составляющихъ основу права, жемчугъ принадлежитъ всѣмъ жителямъ прибрежья; они одни могутъ собирать жемчужныя раковины на днѣ морскомъ, и всякій чужой водолазъ былъ бы прогнанъ съ позоромъ; однако, почти всѣ выгоды ловли принадлежатъ заранѣе закладчикамъ, индусамъ или арабамъ, которые путемъ ссудъ подъ ростовщичьи проценты сдѣлали изъ экипажа ловцовъ жемчуга толпу невольниковъ. Доли выручки точно распредѣлены: столько-то хозяину барки, столько-то водолазамъ и рабочимъ; но всѣ эти доли уже прежде ихъ раздачи участникамъ лова забираются ростовщикомъ; ежедневный заработокъ собирателя драгоцѣннаго камня самый мизерный. Среднее число занимающихся ловлей жемчуга опредѣляютъ въ 70.000 человѣкъ, при 6.000 барокъ; общая цѣнность добываемаго жемчуга около 12.500.000 франк., такъ что, въ среднемъ, приходится только 178 франковъ на человѣка [4]). Способъ эксплоатаціи жемчужныхъ мелей еще самый

[1]) Blyth, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1859;—Blanford, „Eastern Persia".

[1]) Denis de Rivoyre, „Aden, Obock et Mascate".
[2]) Gifford Palgrave, цитированное сочиненіе.
[3]) R. Burton, „Pilgrimage to Mekka".
[4]) Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey".

первобытный: ныряльщики, привязавъ, для увеличенія тяжести тѣла, камень къ ногамъ, заперевъ ноздри роговыми затычками, залѣпивъ уши воскомъ, спускаются на дно на глубинахъ 10, 20 или даже 30 метровъ; затѣмъ послѣ поисковъ, продолжающихся 50 или 60 секундъ, снова поднимаются на поверхность съ добычей въ рукахъ; восемь или десять разъ они возобновляютъ это опасное путешествіе, подвергаясь нападеніямъ акулы и меча-рыбы, которыя каждый годъ похищаютъ около тридцати жертвъ между ловцами жемчужныхъ раковинъ. Лучшіе перлы и самый блестящій перламутръ находятъ преимущественно въ сосѣдствѣ ключей, бьющихъ со дна моря; арабы даже приписываютъ происхожденіе жемчужныхъ сростковъ веществамъ, приносимымъ прѣсной водой: большіе дожди всегда порождаютъ у нихъ надежду на обильный уловъ.

Красное или Чермное море, отдѣляющее Аравію отъ Абиссиніи и Египта на протяженіи 2.200 километровъ, считая по прямой линіи отъ Суэзскаго рейда до «Воротъ умирающихъ» (Бабъ-эль-Мандебскаго пролива), вполнѣ заслуживаетъ названія «моря» своими значительными глубинами. Представляя собою огромную разсѣлину между двумя материковыми массами, это море въ средней своей части имѣетъ непрерывную впадину, глубиной въ тысячу метровъ и болѣе, а въ двухъ мѣстахъ, подъ 23 и подъ 20 градусами широты, лотъ опускается слишкомъ до 2.000 метровъ: противъ Лита дно достали лишь на глубинѣ 2.271 метра. Изъ двухъ заливовъ, заканчивающихъ Красное море съ правой и съ лѣвой стороны Синайскаго полуострова, Суэзскій, лежащій на оси моря, не составляетъ его продолженія формой своего ложа: нигдѣ его глубина не превышаетъ 67 метровъ; въ среднемъ, лотъ достаетъ дно на разстояніи 50 метровъ отъ поверхности; заливъ этотъ не болѣе, какъ боковой ровъ, размытый водами. Истинное продолженіе Краснаго моря составляетъ Акабахскій заливъ, гдѣ уже вблизи береговъ глубина достигаетъ нѣсколькихъ сотъ метровъ; по серединѣ впадины, Моресби, производившій промѣры въ 1833 году, доставалъ илъ лишь съ глубины, превышавшей 500 метровъ. Очевидно, Красное море, Акабахскій заливъ, долина Хоръ, гдѣ течетъ Іорданъ, и гдѣ образовалось Асфальтовое озеро, имѣютъ одинаковое геологическое происхожденіе: это продольныя трещины, открывающіяся въ бороздѣ, которая тянется на пространствѣ 3.000 километровъ. Если бы порогъ Акабахскаго залива и порогъ Бабъ-эль-Мандебскаго пролива поднялись надъ поверхностью водъ, какъ Арабахскій порогъ въ Идумеѣ, то внутренніе бассейны тотчасъ же превратились бы въ «мертвыя моря». На югѣ, длинная «Эритрейская» разсѣлина оканчивается, недалеко отъ Мокки, архипелагомъ Ганишъ и Джебель-Зукуромъ, который образуетъ баръ, имѣющій менѣе 100 метровъ воды въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ. Въ большомъ проходѣ Бабъ-эль-Мандебскаго пролива русло, расчищенное теченіями Индійскаго океана, имѣетъ не менѣе 200 метровъ при входѣ.

Такъ же, какъ въ Персидскомъ заливѣ, морскія теченія въ Аравійскомъ заливѣ соотвѣтствуютъ движеніямъ атмосферы. Когда дуетъ правильный муссонъ, то-есть лѣтомъ, воды проникаютъ въ проливъ изъ Индійскаго океана; когда же сѣверные вѣтры снова пріобрѣтаютъ перевѣсъ, то-есть зимой, теченія направляются къ югу, и Красное море становится морскимъ притокомъ Аденскаго залива: разность морскаго уровня у береговъ Аравіи и Абиссиніи составляетъ около 60 сантиметровъ, смотря по направленію муссона [1]). Но кромѣ этихъ общихъ движеній и поверхностныхъ волненій жидкой массы, производимыхъ мѣстными бризами, происходитъ общее перемѣщеніе водъ по направленію съ юга на сѣверъ. Аравійскій заливъ, получающій лишь весьма незначительное количество воды, такъ какъ онъ не имѣетъ ни одного постояннаго притока, можетъ быть разсматриваемъ, какъ громадный бассейнъ испаренія. Распредѣленный равномѣрно по всей его поверхности, жидкій слой, приносимый дождями и временными потоками или уади, имѣетъ безконечно малую толщину, тогда какъ масса воды, превращающейся въ паръ, была бы достаточно велика, чтобы чувствительно понижать изъ мѣсяца въ мѣсяцъ уровень Краснаго моря, если бы Индійскій океанъ не посылалъ теченія, которое пополняетъ убыль, происходящую отъ испаренія. Мори въ своей «Географіи моря» исчислялъ въ 7 метровъ жидкій слой, испаряющійся ежегодно на поверхности Краснаго моря: извѣстно, со времени опытовъ, произведенныхъ г. Саль на обширныхъ бассейнахъ, что это исчисленіе американскаго гидрографа слишкомъ грѣшило преувеличеніемъ; но если бы даже годовая убыль воды въ Аравійскомъ заливѣ не превышала слоя толщиной въ одинъ метръ, то и тогда прибрежные жители увидѣли бы этотъ огромный бассейнъ опорожненнымъ въ періодъ жизни нѣсколькихъ поколѣній. Допуская, что въ цѣломъ впадина имѣетъ 400 метровъ средней глубины, достаточно было бы четырехъ столѣтій, чтобы обратить въ паръ всю заключающуюся въ ней воду, и уже задолго до этого времени то, что̀ оставалось бы отъ соленой жидкой массы, достигшей точки насыщенія, было бы окаймлено кристаллическимъ яромъ или высокимъ берегомъ. Нужно, слѣдовательно, предположить, что воды Аденскаго залива, увлекаемыя въ два прохода Бабъ-эль-Мандебскаго пролива, пополняютъ годовую убыль

[1]) Wellstedt, цитированный мемуаръ.

Краснаго моря: объемъ по меньшей мѣрѣ около тысячи милліардовъ куб. метровъ долженъ такимъ образомъ проникать каждый годъ въ проливъ; это потокъ, равный потоку такой рѣки, какъ Гангъ. Мало того: такъ какъ сѣверные вѣтры въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ году гонятъ поверхностныя воды Аравійскаго залива къ океану, то нужно предположить, что пополненіе убыли отъ испаренія достигается увеличеніемъ подводнаго теченія, несущагося къ Красному морю. Но какова бы ни была скорость этого потока, направляющагося отъ Бабъ-эль-Мандебскаго пролива къ заливамъ Суэзскому и Акабахскому, часть жидкости испаряется по дорогѣ, вслѣдствіе чего соленость кую массу канала колебаніями прилива и отлива. Въ часъ прилива, нечувствительнаго въ рейдѣ Портъ-Саида, уровень Краснаго моря въ Суэцѣ на одинъ метръ выше, чѣмъ уровень Средиземнаго моря на другой оконечности канала: въ среднемъ разность высоты уровней составляетъ 80 сантиметровъ въ пользу Суэзскаго залива. Въ Акабахскомъ заливѣ морской приливъ гораздо менѣе чувствителенъ.

Европейскихъ путешественниковъ, отправляющихся въ Индію по Суэзскому каналу и Красному морю, сильно пугаетъ высокая температура этого залива въ лѣтніе мѣсяцы. Подъ палящими лучами солнца, когда въ воздухѣ тихо, и еще болѣе, когда дуетъ вѣтеръ изъ пу-

Островъ Гуріахъ.

воды возрастаетъ. Отъ Адена до Суэца пропорція соли, содержащаяся въ морской водѣ, постепенно увеличивается: въ Аденѣ она составляетъ немного болѣе 39 частей на 1000, а въ заливахъ сѣверной оконечности поднимается до 41 и даже до 43 на 1000. Съ тѣхъ поръ, какъ Портъ-Саидскій каналъ привелъ Красное море въ сообщеніе съ Средиземнымъ, обмѣнъ водъ происходитъ также между Суэзскимъ заливомъ и бассейномъ Горькихъ озеръ. Красное море начало съ того, что наполнило этотъ бассейнъ, изъ котораго передъ тѣмъ вода уже почти совсѣмъ испарилась; оно влило туда 900 милліоновъ кубич. метровъ воды, распространяя въ то же время свою флору и фауну; затѣмъ оно непрестанно обновляетъ жидстыни, нѣсколько дней плаванія въ аллеѣ залива очень томительны для европейца. Между различными гипотезами, которыя были предложены для объясненія происхожденія имени «Краснаго» моря, одна изъ наиболѣе правдоподобныхъ та, которая придаетъ этому названію смыслъ «Жаркаго». «Эритрейское» море древнихъ было гораздо болѣе обширно, чѣмъ нынѣшній Аравійскій заливъ; оно обнимало также всѣ морскія пространства, въ которыя выдвигаются южные полуострова Азіи; это было наше Индійское море, совокупность водъ тропической области. Багровый цвѣтъ неба, отражающійся въ морѣ, ослѣпительный блескъ господствующихъ надъ нимъ горъ и скалъ, раскаленный воздухъ, которымъ дышешь въ

этихъ знойныхъ водахъ,—таковы, будто бы, причины, заставившія дать названіе «Краснаго моря» Индійскому океану и болѣе спеціально Аравійскому заливу [1]). Но, по толкованію большинства новѣйшихъ комментаторовъ, происхожденіе этого наименованія должно быть приписано пунтамъ, «краснымъ» людямъ, которые жили на двухъ противоположныхъ берегахъ залива, въ Африкѣ и въ Аравіи, и потомки которыхъ, переселившіеся на сѣверъ, на побережье Средиземнаго моря, сдѣлались пунами или финикіянами [2]). Впрочемъ, никакое явленіе, свойственное исключительно Красному морю, не могло бы объяснить происхожденіе имени, которое это море носитъ со временъ глубокой древности.

Многочисленные острова поднимаются со дна Краснаго моря и окаймляютъ въ видѣ архипелаговъ оба берега, аравійскій и африканскій. Между островами азіатскаго берега нѣкоторые, представляющіе вершины горъ съ находящимся подъ водой основаніемъ, принадлежатъ къ материку: таковы острова Хасани, на сѣверѣ отъ Ямбо, Дизанъ, Караманъ, въ архипелагѣ Логейя; но есть также такіе, которые поднялись вдали отъ берега, выступая съ большой глубины. Такъ, островъ Джебель-Тейръ, лежащій къ западу отъ Логейскаго архипелага, какъ разъ въ центрѣ средней впадины Краснаго моря, есть конусъ изъ лавы и вулканическаго пепла, основаніе котораго находится подъ водою на глубинѣ 200 и 250 метровъ, тогда какъ вершина выступаетъ на 275 метровъ надъ поверхностью моря. Джебель-Тейръ — единственный вулканъ въ моряхъ Аравіи, который еще дымится; въ 1883 году на этомъ островѣ было сильное изверженіе паровъ, и моряки, плавающіе вдоль его берега, ожидали увидѣть тамъ второй Стромболи. Островные вулканы, возвышающіеся въ южной части залива, Джебель-Зебаиръ, Джебель-Зукуръ (603 метра), Малый и Большой Ганишъ, кратеръ Перимъ, между двумя проходами Бабъ-Эль-Мандебскаго пролива, суть остывшія груды красной и черной лавы.

Высокіе острова, вулканическаго или осадочнаго происхожденія, рѣдки въ Красномъ морѣ, сравнительно съ низменными скалами, созданными трудомъ коралловъ. Около трети залива загромождено этими островками или подводными камнями новаго образованія, примѣтными издалека по бѣлой линіи прибоя волнъ. Вдоль арабскаго берега коралловыя мели образуютъ почти сплошную цѣпь отъ Логейской бухты до входа въ Акабахскій заливъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ рядъ рифовъ прерывается глубокими бухтами, открывающимися противъ устья уади; потокъ прѣсной воды и, быть можетъ, нечистоты, приносимыя изъ внутренности материка этими эфемерными ручьями и рѣчками, препятствуютъ возрастанію полипняковъ, работающихъ надъ постройкой подводныхъ скалъ [1]). На африканскомъ берегу *шебъ*, то-есть бахрама изъ коралловыхъ рифовъ, не образуетъ такой непрерывной линіи, какъ на противуположномъ берегу, но зато въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она дальше выдвинута въ открытое море; противъ Массуа коралловыя банки занимаютъ болѣе половины моря: дорога кораблей между этими подводными скалами сводится къ фарватеру около сотни верстъ шириной. Плаваніе очень опасно посреди шеба, въ этомъ безконечномъ лабиринтѣ проливовъ и морскихъ улицъ. Пароходы плывутъ по глубокимъ водамъ средней впадины; но арабскія суда, слѣдующія вдоль побережья, должны бросать якорь на ночь; при всей своей опытности и осторожности, лучшіе кормчіе могутъ сбиться съ пути въ этомъ лабиринтѣ рифовъ, который мѣняется изъ году въ годъ: тотъ или другой проходъ, которымъ они свободно пробирались въ предъидущее плаваніе, оказывается теперь загражденнымъ новыми постройками коралловъ, заставляющими ихъ дѣлать длинные обходы. Немногія моря представляютъ зрѣлище, подобное тому, которое созерцаешь съ корабля на днѣ Краснаго моря, сквозь прозрачную какъ хрусталь воду, на 20, 25 и даже 28 метрахъ ниже поверхности. Подводные «луга» зоофитовъ являются взорамъ во всей своей красѣ, съ милліардами вѣтвей, ремней, почекъ и цвѣтовъ, одни неправильные, другіе геометрическихъ формъ, и всѣ сіяющіе чуднымъ блескомъ, какъ брилліанты, рубины и сапфиры: это—безконечный міръ разнообразнѣйшихъ формъ и цвѣтовъ. Посреди животно-растеній качаются водоросли и сотни другихъ растительныхъ видовъ [2]). Никакой прибой волнъ не указываетъ присутствія рифовъ, по причинѣ безчисленныхъ углубленій и пещеръ въ коралловой массѣ и цѣлыхъ лѣсовъ травы, въ которыхъ волна распространяется, замирая мало-по-малу и теряя свою силу [3]).

Въ эпоху перемѣны направленія муссона, преимущественно въ октябрѣ или ноябрѣ, милліарды мертвой рыбы всякаго рода выбрасываются волнами на берега Перима и Адена. Чтобы предупредить зараженіе воздуха, всѣ жители должны приниматься за работу вырыванія глубокихъ ямъ, для закапыванія въ землю этихъ грудъ гніющаго мяса. Какая причина этой повальной смертности рыбъ? Туземцы приписываютъ ее ядовитымъ молокамъ, тогда какъ Кингъ видитъ тутъ дѣйствіе электриче-

[1]) Carl Ritter, „Asien", vol. XIII.
[2]) Lepsius, „Nubo-Sprache";—Hommel, „Vorsemitische Kulturen".

[1]) „Proceedings of the Géographical Society", 1883.
[2]) Fulgence Fresnel;—Botta;—Decaisne, — Carl Ritter, „Asien", vol. XIII.
[3]) Wellsted, „Journal of the Geographical Society", 1836.

скихъ явленій, производимыхъ перемѣной временъ года [1]). Миріады организмовъ, погибающихъ подъ непрерывно обновляющимися слоями послѣдующихъ организмовъ, достаточны во многихъ мѣстахъ, чтобы питать источники маслянистыхъ веществъ, просачивающихся на краю морскихъ береговъ [2]). По всей вѣроятности, существуетъ медленное поднятіе почвы отъ давленія подземныхъ силъ, такъ какъ уровень тысячъ коралловыхъ острововъ превышаетъ нынѣ на нѣсколько метровъ уровень моря. Въ этомъ отношеніи свидѣтельство путешественниковъ, начиная съ Нибура, единогласно. Всѣ они наблюдали бывшія коралловыя мели и солончаковыя пространства морскаго дна, соединенныя теперь съ твердой землей; нѣкоторыя бухты сдѣлались лужами, запертыми для судовъ, и многіе бывшіе островки превратились въ мысы [3]). На восточномъ берегу Аравіи, близъ Ормузскаго пролива, повидимому, имѣетъ мѣсто обратное явленіе — медленное осѣданіе почвы [4]).

V.

Если морская флора Аравіи отличается необычайнымъ богатствомъ, то сухопутная ея растительность сравнительно менѣе разнообразна. По области, отдѣляющей Идумею отъ Евфрата, сѣверная Аравія принадлежитъ къ поясу степей. Деревьевъ тамъ почти совсѣмъ нѣтъ, а растительность травъ и низкихъ деревянистыхъ растеній продолжается только въ весенніе мѣсяцы; съ конца мая природа принимаетъ свой угрюмый видъ общей засухи: за исключеніемъ чернобыльниковъ и мимозъ, всѣ растенія блекнутъ и принимаютъ окраску окружающей почвы [5]). Къ югу отъ сирійскихъ степей, центральная Аравія составляетъ часть пояса пустыни, тоже бѣднаго растительными видами; однако, деревья тамъ небезъизвѣстны: въ оазисахъ растутъ финиковыя пальмы въ многочисленныхъ разновидностяхъ; даже въ Нефудѣ есть деревья, какъ-то: гада, съ бѣлымъ стволомъ, съ сѣроватой листвой; таль, съ круглыми листьями, разсѣянными на колючихъ вѣтвяхъ; небая, съ блестящей зеленью; сидръ, особый видъ акаціи, каждая вѣтка котораго походитъ на крыло изъ тонкихъ перьевъ. Итель, лиственница, встрѣчающаяся только въ Аравіи, растетъ въ небольшихъ долинахъ и на песчаныхъ равнинахъ. Въ пескѣ Гамада образуется въ изобиліи родъ трюфеля, *чема*. Нѣкоторыя области пустыни представляютъ совершенно голыя пространства, безъ кустарника и безъ травы; только лишаи разстилаются ковромъ по скаламъ—простыя пленки, прилегающія къ камню. Даже въ Техамѣ, на морскомъ побережьѣ, флора чрезвычайно бѣдна; на Аденскомъ полуостровѣ до сихъ поръ найдено только девяносто пять видовъ, изъ которыхъ около трети свойственныхъ исключительно Аравіи. Въ цѣломъ растительность представляетъ самый сахарскій характеръ; но различныя растенія указываютъ переходъ отъ флоры Сахары къ флорѣ Судана и Индіи.

Изъ всѣхъ областей Аравіи наиболѣе приближается къ Судану по своимъ растительнымъ видамъ гористая закраина, ограничивающая пустыни на трехъ фасахъ Краснаго моря, Индійскаго океана и Оманскаго залива. Возвышенности Ассира, Іемена и Гадрамаута могутъ быть разсматриваемы какъ принадлежащія къ тому же поясу, къ которому принадлежатъ противуположныя горы въ Абиссиніи и на Сомальскомъ берегу; по характеру растительнаго и животнаго царствъ, такъ же, какъ по жителямъ и исторіи, Іеменъ скорѣе африканская, чѣмъ азіатская земля: истинную границу составляетъ не вырѣзка пролива, а окраина большой пустыни. Лѣса юго-западныхъ горъ Аравіи состоятъ главнымъ образомъ изъ различныхъ породъ акацій, все почти болѣе или менѣе камедоносныхъ; молочайныя и жирныя растенія тамъ тоже очень обыкновенны; между видами, до того времени неизвѣстными, ботаникъ Гильдебрандтъ, указываетъ промежуточный типъ между самшитомъ (буксъ) балеарскимъ и мадагаскарскимъ. Одно изъ растеній, особенно цѣнимыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ жителей Іемена—катъ, *catha* или *celastrus edulis*, кустъ, котораго почки и распускающіеся листья оказываютъ болѣе возбуждающее дѣйствіе, чѣмъ чай, на нервную систему; говорятъ, онъ даже обладаетъ, хотя и въ меньшей степени, опьяняющими свойствами хашиша [1]). Горы южной Аравіи славились въ древности, какъ страна лекарственныхъ зелій и благовонныхъ растительныхъ веществъ: оттуда привозились особенно кассія и сенна, еще и теперь хорошо извѣстная въ торговлѣ подъ названіемъ «александрійскаго листа». Мирра, смола, сочащаяся изъ коры бальзамнаго дерева или *balsamodendron*,—тоже одно изъ произведеній Аравіи и Сомальскаго берега Африки, перечисляемыхъ нѣкогда на-ряду съ жемчугомъ и ладаномъ между сокровищами, за которыми финикіяне ѣздили на берега Эритрейскаго моря; теперь этотъ продуктъ отправляется черезъ Бомбей. Дерево, производящее ладанъ или *olibanum*, также растетъ въ горахъ Гадрамаутскаго побережья; но первоначальная родина его, говорятъ, на африканскихъ холмахъ, на другой покатости Аденскаго залива; камедь, выдѣляе-

[1]) „Geographical Magazine", 1877.
[2]) Oscar Fraas, „Aus dem Orient".
[3]) Niebuhr;—Tamisier; —Valentia;—Lejean.
[4]) Blanford, „Records of the Geological Survey", 1872.
[5]) Grisebach, „La Végétation du Globe", trad. par P. de Tchihatcheff.

[1]) Rochet d'Héricourt;—Maltzan;—Renzo Manzoni etc.

мая арабскимъ ладоннымъ деревомъ, качествомъ ниже подобнаго же продукта Африки. Арабы не даютъ себѣ труда собирать ее; этимъ промысломъ занимаются сомали, пріѣзжающіе съ противуположнаго побережья, которые продаютъ собираемый ладанъ въ Макаллу и въ другіе приморскіе порты.

На плоскогорьяхъ и горахъ Аравіи воздѣлываютъ растенія умѣреннаго пояса: пшеницу, кукурузу, ячмень, просо, чечевицу, виноградъ и европейскія плодовыя деревья, равно какъ различные красильные виды. Въ числѣ промышленныхъ растеній, культивируемыхъ въ Аравіи, находимъ также хлопчатникъ и табакъ; но сахарный тростникъ, составлявшій прежде одну изъ главныхъ культуръ на югѣ полуострова, теперь можно встрѣтить только въ садахъ. Въ низменной области пищевое дерево—финиковая пальма, которой, говорятъ, насчитываютъ до ста тридцати разновидностей въ Геджасѣ, по словамъ одного арабскаго писателя, цитируемаго Бурхардтомъ: «чтите финиковое дерево — говорилъ Магометъ — ибо это ваша мать!» Можетъ быть, Аравію даже слѣдуетъ считать первоначальной родиной феникса или финика (phoenix) [1]), дерева, которое финикіяне привезли съ собой въ Сирію, въ эпоху своего переселенія къ сѣверу, и которое они затѣмъ распространили въ средиземноморскомъ мірѣ. Но растеніе арабское по преимуществу—кофейное дерево—происходитъ изъ Эѳіопіи: до пятнадцатаго столѣтія христіанской эры ни одинъ писатель, ни арабскій, ни иностранный, не упоминаетъ объ ароматическомъ бобѣ, при перечисленіи произведеній Аравіи; бобъ этотъ появляется впервые въ торговлѣ полуострова и во всемірной торговлѣ только со времени португальскихъ экспедицій въ Индійское море; но онъ появляется тогда, какъ драгоцѣннѣйшая ягода «Счастливой» Аравіи, и единогласное мнѣніе приписывало это растеніе окрестностямъ Мокки, города, откуда кофе вывозился въ Европу. Однако, изслѣдованія ботаниковъ установили тотъ фактъ, что кофейное дерево не встрѣчается въ Аравіи въ дикомъ состояніи, и что первоначальная родина его—африканская земля Каффа, имя которой оно носитъ и до сихъ поръ; но по крайней мѣрѣ на полуостровѣ началась промышленная эксплоатація этого растенія, которое получило такое важное значеніе въ торговлѣ міра, въ его экономической исторіи и даже, говорятъ панегиристы кофе, въ умственномъ и нравственномъ развитіи человѣчества. Чтобы расширить и распространить насажденія кофейнаго дерева, предпринимались европейскія войны, были завоеваны обширныя территоріи въ Новомъ Свѣтѣ, въ Африкѣ, на Сондскихъ островахъ; милліоны рабовъ были взяты въ неволю и перевезены въ новыя плантаціи [2]); совершилась цѣлая революція, повлекшая за собой послѣ ствія, неисчислимыя по ихъ сложности и за танности, гдѣ зло перемѣшано съ добромъ, г обманы, войны, порабощеніе цѣлыхъ насел ній, поголовныя истребленія сопровожда увеличеніе и распространеніе торговаго об на, возрастаніе знаній, сближеніе контин товъ и народовъ.

Въ настоящее время Аравія имѣетъ ли весьма незначительную долю въ этой торгов которой она дала первый толчокъ; едва о двухсотая часть общаго количества кофе, п требляемаго во всемъ свѣтѣ, происходитъ и этихъ горъ Іемена.

Производство кофе въ различныхъ частя свѣта, по Нейманъ-Спалларту, въ метри скихъ центнерахъ (метрич. центнеръ раве 100 килограммамъ или 6 пудамъ 4 фунт.).

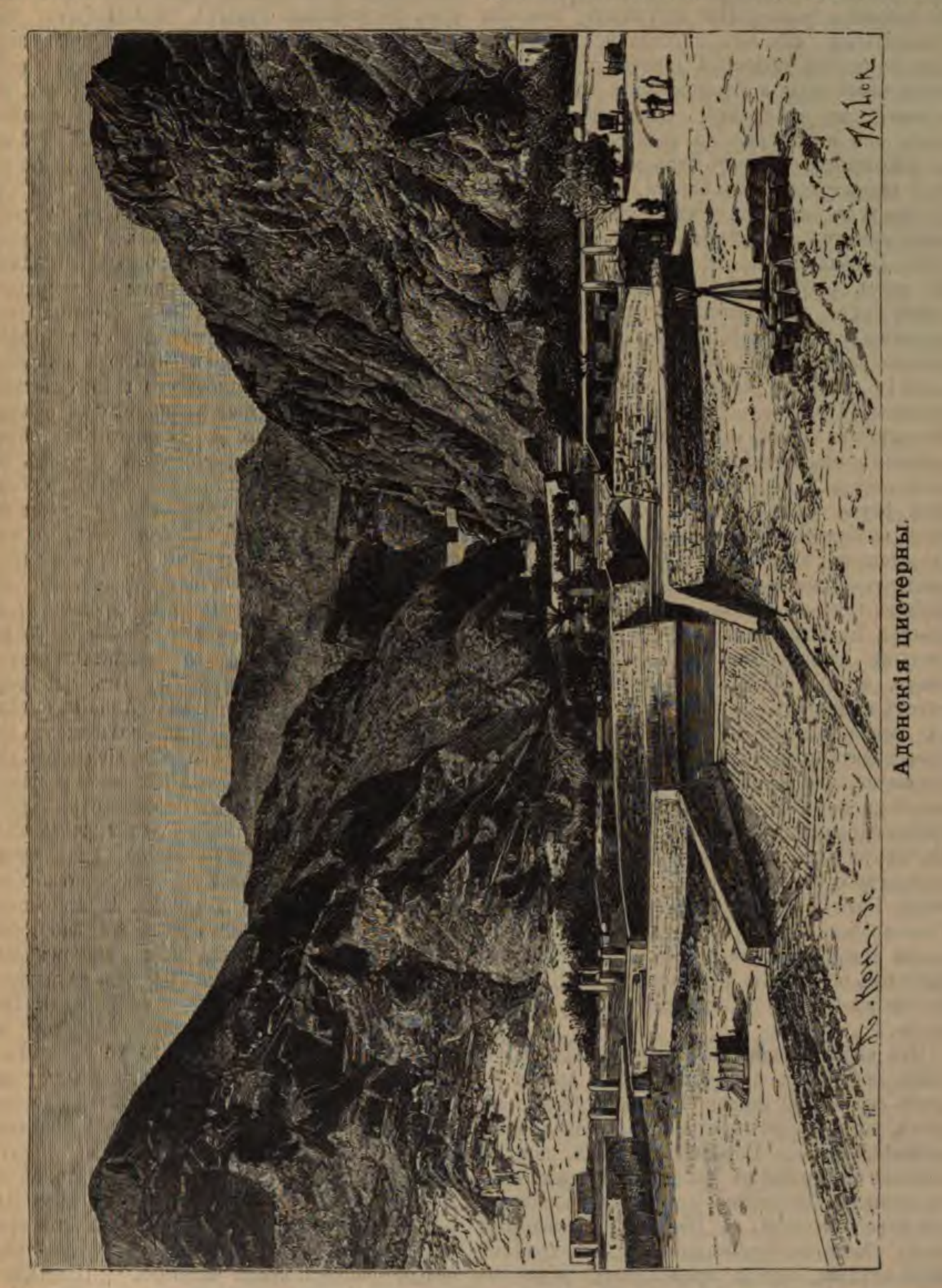
	Метр. цент
Бразилія, въ 1880 г.	2.600
Ява, въ 1879 г.	1.228
Цейлонъ, въ 1880 г.	330
Венецуэла, въ 1879 г.	276
Гаити, въ 1879 г.	232
Другіе Антильск. острова, въ 1879 г.	332
Др. страны Новаго Свѣта, въ 1879 г.	250
Аравія	30

На востокѣ Аравіи кофейное дерево не р тетъ въ Гадрамаутѣ, за Джебель-Яфія. Но іеме скій кофе, который арабы пьютъ въ видѣ отвар а не въ видѣ настоя, какъ европейцы, все е считается въ числѣ лучшихъ сортовъ это продукта и, быть можетъ, уступаетъ аромат только кофе изъ области Юнгасъ въ Боли Кофейныя плантаціи въ Аравіи содержатся большой заботливостью: онѣ расположены ј жами, между высотами отъ 400 до 1.300 м тровъ [1]), на боку холмовъ въ видѣ широк террасъ, и на каждой террасѣ есть прудъ, от да ирригаціонная вода развѣтвляется без сленными каналами, омывающими корни коф ныхъ деревъ. Эти послѣднія поднимаются десять или двѣнадцать метровъ, защищая о палящихъ лучей солнца молодыя деревца, пр назначенныя замѣнить старыя деревья, п изводительность которыхъ истощается по двадцатипятилѣтняго урожая. Всегда въ ц тахъ, всегда въ плодахъ, эти кофейные са ласкаютъ взоръ блескомъ и разнообразі красокъ; колеблемые легкимъ вѣтеркомъ, лис смѣшиваютъ нѣжно-зеленый цвѣтъ своей вн ней поверхности съ темно-зеленой окрас лицевой стороны; бѣлые, какъ снѣгъ, цвѣ алые, какъ кораллъ, ягоды ярко блестятъ ср постоянно мѣняющихся оттѣнковъ земли; тыльки, падкіе на медъ, носятся разноцвѣтн тучами вокругъ листвы; блестящія птицы, п влекаемыя прохладой тѣни, весело порха съ вѣтки на вѣтку. Трудно описать это вос

[1]) Burckhardt, „Travels in Arabia“.
[2]) Carl Ritter, „Asien“, vol XIII.

[1]) Botta; — Halévy; — Maltzan; — Mazuchelli, „Explo re“, septembre 1882.

тительное зрѣлище, составляющее своимъ веселымъ, оживленнымъ характеромъ пріятный контрастъ съ неумолимой монотонностью синяго неба.



Аденскія цистерны.

Бѣдная растительными плодами, Аравія есть вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ странъ Азіи, наименѣе богатыхъ животными формами. Гдѣ нѣтъ растеній, тамъ нѣтъ и животныхъ, и на границахъ пустыни дикіе звѣри не находятъ себѣ убѣжища среди этихъ обширныхъ открытыхъ пространствъ, по которымъ быстроногіе арабскіе кони могутъ легко скакать, во всѣхъ направленіяхъ. Однако, на полуостровѣ все-таки есть львы, пантеры, леопарды, гіены, лисицы, и такъ же, какъ и въ Азіатской Турціи, шакалы бродятъ вокругъ становищъ кочевниковъ. Каменный баранъ и козерогъ живутъ въ песчаныхъ и каменистыхъ мѣстностяхъ; большія

антилопы, называемыя «дикими коровами», бродятъ въ горахъ Неджеда и сурки *вебберъ* лазятъ тамъ на деревья [1]). Газели очень многочисленны въ пустынныхъ мѣстахъ, даже въ настоящихъ безводныхъ пустыняхъ; туземцы утверждаютъ, что онѣ никогда не пьютъ [2]). Еще въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія дикіе ослы и страусы жили въ Гамадѣ, а южнѣе, въ равнинахъ, окружающихъ Неджедъ, они и теперь еще водятся [3]). Іеменъ, флора котораго сходна съ флорою африканскихъ горъ противуположнаго берега, имѣетъ и фауну такую же, какъ въ этихъ горахъ, и многіе виды обезьянъ встрѣчаются тамъ даже въ массивѣ Джебель-Кора, къ востоку отъ Мекки. На всемъ протяженіи береговъ и богатыхъ рыбой бухтъ, хищныя птицы: орлы, соколы и коршуны, очень многочисленны, а въ лѣсныхъ чащахъ внутреннихъ областей сидятъ на деревьяхъ искусно дѣлающіе гнѣзда ткачи [4]), горлицы, куры, фазаны: нѣкоторые острова Персидскаго залива, гдѣ живутъ птицы въ несмѣтномъ множествѣ, покрыты слоями гуано, какъ островки перувіанскаго берега. Аравійская фауна заключаетъ въ себѣ также змѣй, какъ, напримѣръ, кобра-капелла, ящерицъ, скорпіоновъ, ядовитыхъ пауковъ, и по общераспространенному въ Персіи и Вавилоніи мнѣнію, тамъ же, именно въ Оманской территоріи и на границахъ Нефудовъ и Красной пустыни, нарождаются тѣ несчетные рои саранчи, этого «воинства Господня», которые вѣтеръ приноситъ въ сосѣднія страны. Саранча, появляющаяся въ иранскомъ Гермсирѣ, происходитъ изъ Аравійской Техамы. Иногда случается, что канаты кораблей, стоящихъ на якорѣ въ портѣ Буширъ, бываютъ сплошь покрыты саранчей, увлекаемой южнымъ вѣтромъ. Въ Ормузскомъ проливѣ плывшее подъ парусомъ судно, на которомъ ѣхалъ путешественникъ Брюсъ, вдругъ подверглось нападенію тучи арабской саранчи, которая въ короткое время сгрызла паруса и кабельтовы, такъ что пришлось остановить ходъ корабля [5]). Бедуины охотно употребляютъ въ пищу этихъ насѣкомыхъ.

Что касается домашнихъ животныхъ, вьючныхъ, верховыхъ и упряжныхъ, то Аравія въ этомъ отношеніи безспорно первая страна въ свѣтѣ, хотя она не имѣетъ слона и очень мало рабочихъ воловъ. Верблюдъ до сихъ поръ не найденъ въ Аравіи въ дикомъ состояніи, какъ въ степяхъ Туркестана; но если первоначальная порода исчезла, то Неджедъ, называемый часто «Матерью верблюдовъ», есть по крайней мѣрѣ страна, откуда происходятъ наиболѣе многочисленныя разновидности этого полезнаго домашняго животнаго, неразлучнаго спутника человѣка. Оманская земля—родина самыхъ быстрыхъ дромадеровъ; горы Гадрамаута слывутъ отечествомъ самыхъ смышленыхъ; каждая провинція имѣетъ свою особую породу верблюдовъ, которой качества и добродѣтели восхваляются мѣстными жителями. Арабская легенда говоритъ, что верблюдъ и финиковая пальма были сотворены Аллахомъ изъ той же земли, какъ и Адамъ; они были въ земномъ раю вмѣстѣ съ первымъ человѣкомъ, она будутъ сопровождать его также и въ будущій міръ, какъ это символизировалъ древній обычай, требовавшій, чтобы верблюда оставляли умирать съ голоду подлѣ могилы его умершаго хозяина. Этотъ жестокій обычай не соблюдается болѣе со временъ Магомета; но если арабъ теперь уже не пріобщаетъ верблюда къ своей смерти, то онъ заставляетъ его дѣлить съ нимъ его существованіе, допускаетъ его къ своимъ празднествамъ и даже къ религіознымъ обрядамъ: пророкъ Магометъ, сидя верхомъ на верблюдѣ, провозглашалъ свои законы; и когда толпа пилигримовъ собирается у подошвы священной горы Арафатъ, опять-таки съ высоты верблюда раздаются поученія проповѣдника. Первая мечеть была построена на томъ мѣстѣ, гдѣ легла на ночлегъ верблюдица Пророка, послѣ бѣгства его изъ Мекки въ Медину—событія, отъ котораго магометане ведутъ свое лѣтосчисленіе (геджру); тамъ, гдѣ верблюдъ, на которомъ ѣздилъ Али, положилъ трупъ своего господина, былъ воздвигнутъ куполъ храма Меджедъ-Али или Неджефа; наконецъ, со спины верблюда Магометъ вознесся на небо. Новорожденнаго верблюженка арабъ носитъ на рукахъ: «у насъ родился ребенокъ!» радостно кричатъ члены семьи, какъ будто дѣло идетъ о появленіи на свѣтъ новаго сочлена, человѣческаго младенца. И въ самомъ дѣлѣ, за верблюженкомъ такъ же заботливо ухаживаютъ, какъ за роднымъ сыномъ или дочерью; ему навѣшиваютъ на шею амулетовъ, чтобы отвратить отъ него дурной глазъ. Никогда арабъ не ударитъ своего верблюда; на ходу онъ подбодряетъ его только голосомъ и пѣніемъ; онъ говоритъ съ нимъ, какъ съ товарищемъ, и разсказываетъ ему длинныя исторіи и сказки [1]); онъ никогда не позволяетъ оскорбить его и смотритъ, какъ на личную обиду, на всякое бранное слово, сказанное его любимой скотинѣ. Какъ братъ въ семьѣ или кланѣ, вѣрное животное можетъ сдѣлаться причиной ведетты или родовой мести: кровь верблюда требуетъ крови человѣка [1]). Шестьсотъ именъ и эпитетовъ, по Бохарту,—тысяча по Шардену,—обозначаютъ и прославляютъ верблюда. Арабъ пустыни платитъ свой долгъ пре-

[1]) Anne Blunt, цитированное сочиненіе.
[2]) Palgrave, цитированное сочиненіе.
[3]) Chesney, „Expedition to the Euphratus".
[4]) Tamisier, „Voyage en Arabie", I, p. 379
[5]) Carl Ritter, „Asien"

[1]) Tamisier. „Voyage en Arabie".

знательности животному, безъ котораго онъ не могъ бы бѣжать въ пустынныя пространства и сохранить свою гордую независимость. Если бы у него не было верблюда, онъ тоже подпалъ бы подъ иго завоевателей; безъ верблюда, и онъ былъ бы приниженъ до уровня тѣхъ презрѣнныхъ феллаховъ, которые пашутъ землю на берегахъ Нила или Оронта.

Арабъ довольствуется малымъ, говорятъ; но все, что онъ имѣетъ, превосходно: его финики, его благовонія, его кофе—«лучшіе», какіе есть въ свѣтѣ; точно также его домашнія животныя лучшія во всемъ мірѣ, самыя статныя и красивыя, и нигдѣ они такъ не привязаны къ человѣку. Собаки, какъ и верблюды, принадлежатъ племени, роду или клану, семейству, и дѣлятъ ихъ судьбу, ихъ радости и горе съ безграничной преданностью. Оселъ въ Аравіи, особенно въ области Хаза,—тоже благородное животное, и имя его не составляетъ тамъ бранного слова, какъ въ странахъ Запада, гдѣ выродившееся животное хотя и сохранило свою удивительную воздержность и неприхотливость въ пищѣ, свое терпѣніе и упрямство, не имѣетъ болѣе ни того роста и статности, ни той гордости аллюровъ, которые отличаютъ его на Аравійскомъ полуостровѣ. Но верховое животное по преимуществу — лошадь, и въ отношеніи этого животнаго превосходство Аравіи надъ всѣми другими странами признано съ давнихъ временъ. Между различными областями Аравіи первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ Нефуды и степи, сосѣднія съ Сиріей и Евфратомъ, гдѣ увидишь лучшихъ скакуновъ самыхъ красивыхъ и стройныхъ, самыхъ живыхъ и горячихъ на ходу, самыхъ гордыхъ съ виду и въ то же время самыхъ смирныхъ и послушныхъ рукѣ или голосу всадника. Но этихъ великолѣпныхъ коней не встрѣтишь въ большей части Аравіи, такъ какъ имъ нужны сочныя пастбища и обильныя воды. Въ Неджедѣ и въ южной Аравіи они хотя и сохраняютъ чистоту своей расы, благодаря изолированности, въ которой находятся, но уже вырождаются мало-по-малу; въ области Хаза это уже маленькія лошадки, почти пони по росту; но по пылкости—это «маленькіе львы». Истинное ихъ отечество—область травяныхъ степей въ сѣверной Аравіи; въ этихъ обширныхъ равнинахъ, подобныхъ пампасамъ Аргентинской республики, гдѣ конская раса такъ великолѣпно развилась съ первыхъ временъ колонизаціи, лошади находятъ наиболѣе подходящіе климатъ и пищу; въ то же время онѣ имѣютъ тамъ безпредѣльное пространство, полный просторъ и приволье. Правда, что въ этой области, близко лежащей отъ великихъ историческихъ путей, раса подвергается многочисленнымъ скрещиваніямъ. Древніе барельефы на памятникахъ Халдеи показываютъ намъ лошадей, можетъ быть «туранской» породы, которыя значительно разнились отъ арабскихъ коней, и которыя, кажется, были преимущественно упряжныя животныя: это—предки тѣхъ неуклюжихъ подсѣдельныхъ лошадей, которыхъ встрѣчаешь въ полукругѣ горъ, опоясывающихъ Месопотамію, и которыя, въ глазахъ бедуиновъ, не заслуживаютъ даже названія лошади. Въ Сѣверной Аравіи большинство племенъ наблюдаютъ съ величайшей заботливостью за чистотой крови своихъ коней; только монтефики и другіе народцы нижней Месопотаміи, увлеченные страстью къ наживѣ, стали скрещивать свою конскую расу съ породами Персіи и Туркестана, чтобы получить болѣе крупныхъ животныхъ, которыхъ они продаютъ за очень дорогую цѣну индусскимъ купцамъ. Чистокровный арабскій конь, какого увидишь особенно у аназеховъ, ростомъ гораздо меньше англійской лошади; голова у него больше, губы тоньше, глаза больше и взглядъ болѣе кроткій, спина короче, мускулы болѣе выдающіеся, ноги тоньше: одинъ изъ характеристическихъ признаковъ расы - держаніе хвоста, который всегда имѣетъ горизонтальное положеніе во время бѣга. Конечно, эти арабскіе кони были бы опережены на гипподромѣ европейскими скакунами; но, при равенствѣ размѣровъ, они всегда вышли бы побѣдителями изъ состязанія, а для дальняго путешествія они тотчасъ же снова берутъ перевѣсъ надъ всякимъ соперникомъ, благодаря своей необыкновенной выносливости и умѣренности въ пищѣ и питьѣ: они «живутъ воздухомъ» говоритъ поэтъ. Арабскія лошади, воспитанныя въ семьѣ, товарищи дѣтей, которыя играютъ между ихъ ногъ, никогда не видали отъ своихъ хозяевъ ничего, кромѣ ласки и добраго слова; оттого не было случая, чтобы арабскій конь лягался или становился на дыбы, чтобы сбросилъ всадника на земь; полный довѣрія къ тому, кто имъ управляетъ, онъ не пугается ничего и радостно бросается въ опасность [1]).

Къ несчастію, этой великолѣпной конской расѣ грозитъ опасность исчезновенія; лошади безъ порока становятся все болѣе и болѣе рѣдкими; у нѣкоторыхъ племенъ уже не найдешь ни одного такого коня. Главная причина тому—безпрестанныя войны, раздѣляющія народцы Аравіи и оканчивающіяся обыкновенно облавами и поспѣшной продажей захваченнаго у непріятеля скота; но и предразсудки относительно чистоты крови тоже въ значительной степени способствуютъ постепенному вырожденію лошадиной породы. Чистокровное происхожденіе, такъ сказать, гербъ лошади имѣетъ въ глазахъ араба бо̀льшую цѣну, чѣмъ ея сила или красота. Арабы заботятся прежде всего о поддержаніи въ конскихъ заводахъ

[1]) Anne Blunt, „The Bedouins of the Euphrates“; — „Voyage en Arabie“, trad. par Derome.

славной генеалогіи. Цѣнный конь долженъ принадлежать къ *хамсъ*, то-есть къ одной изъ пяти породъ *кехиланъ*, происшедшихъ, по преданію, отъ пяти любимыхъ кобылицъ, на которыхъ ѣздилъ Пророкъ; шестнадцать другихъ второстепенныхъ расъ, стоящихъ рангомъ ниже высшей лошадиной аристократіи, имѣютъ въ своихъ жилахъ достаточно благородную кровь, чтобы гражданское состояніе каждаго жеребенка, то-есть принадлежность къ привилегированному сословію, была формальнымъ образомъ удостовѣрена передъ свидѣтелями, и чтобы животное носило на шеѣ, въ мѣшечкѣ, подлинныя доказательства его происхожденія: по этому вопросу какой-либо обманъ или надувательство—дѣло неслыханное въ Аравіи; генеалогія лошади—это такая святая вещь, что самый отъявленный обманщикъ никогда не осмѣлился бы фальсифицировать относящіеся къ ней документы. Кромѣ пяти главныхъ и шестнадцати меньшихъ расъ, всѣ другія лошади называются *кадишъ*, то-есть «неизвѣстнаго рода»: какъ бы ни были онѣ красивы, ихъ не цѣнятъ, и никогда арабъ, вѣрный преданіямъ, не согласится унизить породу скрещеніемъ кровныхъ аристократовъ съ этими неровнями, неимѣющими родословной. Слѣдствіемъ этого является то, что чистая раса истощается, вымираетъ, и теперь даже самые могущественные шейхи лишь съ большимъ трудомъ успѣваютъ поддерживать заводы чистокровныхъ лошадей. Во время путешествія Пальгрева, въ 1862 году, отборные кони находились въ Ріадѣ, у Ибнъ-Саудовъ, владѣтелей Неджеда; въ 1878 году, когда супруги Блентъ посѣтили центръ полуострова, эмиры Гайля, въ Джебель-Шаммерѣ, сдѣлались богатѣйшими лошадиными собственниками во всей Аравіи.

VI.

Арабъ, житель степей, Нефудовъ и Неджеда, высоко цѣнитъ чистоту своей расы, какъ и чистоту породы своего коня. Очень простой въ нравахъ и въ языкѣ, онъ тѣмъ не менѣе аристократъ по высокому мнѣнію о своемъ происхожденіи, гордящійся «голубой кровью», которая течетъ въ его жилахъ со временъ, предшествующихъ исторіи. Никогда онъ не носилъ ярма неволи, какъ другіе народы; въ отношеніи незапамятнаго, идущаго споконъвѣка, пользованія свободой онъ не имѣетъ равныхъ себѣ между націями земнаго шара. Въ теченіе тысячъ и тысячъ лѣтъ его предки разъѣзжали по пустынямъ, какъ разъѣзжаетъ онъ самъ; имъ всегда было знакомо, какъ и ему, чувство опьяненія отъ быстрой скачки въ безпредѣльномъ пространствѣ равнины. Могутъ ли люди палатки «народъ парусины или войлока», какъ они себя называютъ, не презирать боязливыхъ обитателей городовъ, печальный «народъ глины»? Къ туркамъ же, которые претендуютъ на господство и хотятъ заставить ихъ платить налогъ, арабы питаютъ ненависть. Оттоманъ—это ихъ врагъ.

Прозвище «бедуины», которое европейцы принимаютъ обыкновенно въ дурную сторону, примѣняя его преимущественно къ метисамъ (помѣсямъ) различныхъ расъ, бродящимъ въ сосѣдствѣ приморскихъ городовъ и живущимъ грабежемъ и нищенствомъ, принадлежитъ тѣмъ благороднымъ расамъ пастуховъ, которое считаютъ себя первородными изъ людей. Бедуины—это арабы по преимуществу, «люди равнины», «сарацины», если вѣрно, что это названіе первоначально означало «жителей Сахары» или пустыни [1]). Истинные бедуины по большей части средняго роста и хорошо сложены, поразительно худощавы, что объясняется ихъ образомъ жизни, но очень проворны и обладаютъ гораздо большей физической силой, чѣмъ можно бы было думать, глядя на ихъ тощіе, сухопарые члены. Почти черные или пепельно-сѣрые, они имѣютъ правильныя черты, лицо красивой овальной формы, черепъ часто неправильный и остроконечный, лобъ высокій, глаза черные и пронизывающіе; но привычка хмурить брови и щурить глаза, чтобы защититься отъ солнца, смотря вдаль къ горизонту, придаетъ безпокойный блескъ ихъ зрачку: часто говорятъ, что у нихъ, какъ у краснокожихъ, взглядъ волка, и многіе склонны приписывать имъ свирѣпость, которой вовсе нѣтъ въ ихъ характерѣ. Бракъ между двоюродными братьями и сестрами, вообще между родственниками, составляетъ обыкновенное явленіе у арабовъ, какъ и у персіянъ, и въ вѣжливомъ разговорѣ имя «кузина» значитъ то же, что супруга [2]). Бедуины быстро старѣются: кожа ихъ дѣлается грубой и морщинистой отъ постояннаго пребыванія на открытомъ воздухѣ; въ сорокъ лѣтъ борода у нихъ сѣдѣетъ; въ пятьдесятъ лѣтъ—это уже старики; очень немногіе изъ нихъ достигаютъ шестидесятилѣтняго возраста. Но по крайней мѣрѣ ихъ короткая жизнь не прерывается болѣзнью: самые воздержные изъ людей, бедуины вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются наиболѣе крѣпкимъ здоровьемъ, голова у нихъ всегда свободна, духъ ясенъ и бодръ. Съ самаго дѣтства они привыкли спать на жесткой постели, переносить южный зной, обходиться безъ долгаго сна и обильной пищи; они не употребляютъ крѣпкихъ напитковъ, развѣ *леббенъ* или кислое молоко, которое только дѣйствуетъ слегка возбуждающимъ образомъ, никогда не приводя въ состояніе опьяненія; ѣдятъ они всего одинъ разъ въ день, и сумма принимаемыхъ ими питательныхъ веществъ гораздо меньше въ сравненіи

[1]) Reinaud;—Carl Ritter, „Asien“.
[2]) Richard Burton, „Pilgrimage to Mekka“.

съ ежедневними трапезами западнаго человѣка; по исчисленію Вольнея, въ среднемъ ежедневная пища бедуина, въ видѣ мяса, плодовъ или зерноваго хлѣба, составляетъ всего только шесть унцій или около 170 граммовъ. Арабъ даже сложилъ пѣсни, прославляющія его побѣду надъ голодомъ, какъ у большинства другихъ народовъ есть пѣсни, воспѣвающія ихъ гастрономическія наслажденія или опьяненіе отъ вина и пива [1]).

«Я сынъ терпѣнія», говоритъ одна героическая поэма Аравіи, и такова, въ самомъ дѣлѣ, главная добродѣтель бедуина; но это терпѣніе онъ отдаетъ на служеніе своей страсти или своему энтузіазму. Онъ долженъ переносить голодъ и жажду, холодъ и жаръ, крайнее утомленіе во время длинныхъ переходовъ, и рѣдко случается услышать отъ него жалобу. Больной или раненый, онъ удаляется куда-нибудь въ уголокъ, какъ животное, и терпитъ боль молча, одинаково приготовленный къ выздоровленію или смерти. Очень кроткій и ласковый въ отношеніи женщинъ и дѣтей, онъ приходитъ въ гнѣвъ только противъ сильныхъ; но рѣдко бываетъ, чтобы, въ набѣгахъ или войнахъ, его можно было обвинить въ жестокости. По международному праву, признаваемому въ области степей съ незапамятныхъ временъ, каждое племя можетъ «поднять руку» противъ сосѣднихъ племенъ и стараться отнять у нихъ стада; но обычай требуетъ, чтобы эти грабежи вооруженной рукой дѣлались, если возможно, безъ кровопролитія; даже когда кровь пролита въ бою, она должна быть оплачена рано или поздно *таромъ* или вендеттой и порождаетъ на цѣлые вѣка войны, которыя ведутся при помощи хитрости и засадъ: самые смѣлые отступаютъ передъ этой страшной обязанностью за убійство, передъ громадной *діехъ* или «цѣной крови», налагаемой закономъ возмездія. Главный порокъ бедуина —алчность: онъ любитъ до страсти блестящія и звонкія монеты, серебро еще больше, чѣмъ золото; но онъ любитъ ихъ какъ дитя, чтобы восхищаться ихъ блескомъ. Впрочемъ, степной арабъ, какъ онъ ни жаденъ къ деньгамъ, всегда ставитъ долгъ гостепріимства выше любостяжанія; «потерянныя деньги найдутся, потерянная честь—никогда», говоритъ арабская пословица [2]). Бедуинъ, житель Гамада, предоставляетъ полу-кастамъ Сиріи постыдный обычай торговаться съ иностранцемъ, когда тотъ приходитъ просить крова и пищи. Гость—священная особа въ становищѣ араба; даже врагъ находитъ радушный пріемъ, когда берется за веревку палатки.

Бедуинъ не имѣетъ надъ собой никакого господина, не знаетъ никакой власти; онъ не зависитъ даже отъ клана или племени. Если онъ и соединяется со своими единоплеменниками, то только потому, что находитъ въ этомъ свое удовольствіе, свою выгоду или, наконецъ, свою честь: рѣдко случается, чтобы въ одномъ и томъ же кланѣ или родѣ всѣ входящіе въ составъ его не признавали себя солидарными: хотя большинство членовъ семьи Магомета не раздѣляли его ученія, однако, они не покинули своего родича, и за исключеніемъ одного, всѣ подвергли себя, вмѣстѣ съ пророкомъ, добровольному изгнанію, продолжавшемуся два года [1]). Но если арабу вздумается отдѣлиться отъ своихъ товарищей и жить особнякомъ въ пустынѣ, на свой рискъ и страхъ, никто не оспариваетъ его права. Когда совокупность племени не приходитъ къ соглашенію относительно предлагаемой военной экспедиціи, заключенія мирнаго договора съ другимъ племенемъ или выбора новаго становища, то большинство и меньшинство расходятся полюбовно, и такимъ образомъ народцы дѣлятся до безконечности, чтобы группироваться сообразно своимъ новымъ сродствамъ: коллективное отечество, составляемое общностью или ассоціацей интересовъ, безпрестанно перемѣщается вмѣстѣ съ группами палатокъ; племена переплетаются, перемѣшиваются, какъ волны на морѣ; тотъ или другой кланъ, жившій прежде въ одной изъ долинъ Неджеда, теперь стоитъ лагеремъ на верховьяхъ Евфрата или въ оврагахъ Синджара; нерѣдко сотни, тысяча верстъ раздѣляютъ двѣ группы одного и того же рода или семьи. Каждое племя имѣетъ своего шейха, и вообще эта особа принадлежитъ къ какой-нибудь фамиліи, прославленной длиннымъ рядомъ предковъ, или же она обязана, въ силу своихъ богатствъ, исполнять, отъ имени всей общины, долгъ гостепріимства. Но шейхъ не обладаетъ никакими правами наслѣдственности; онъ избирается себѣ равными и не есть виртуально старшій надъ ними; его смѣщаютъ, когда онъ пересталъ нравиться. Спеціальная его функція, кромѣ чествованія гостей, — судить споры вмѣстѣ со старѣйшинами: это примиритель и третейскій судья, но рѣшенія его не имѣютъ силы закона; рѣшеніямъ этимъ, вообще опирающимся на обычное право и поддерживаемымъ общественнымъ мнѣніемъ племени, обыкновенно подчиняются, но никакая уголовная санкція не связана съ его вердиктомъ, и осужденный можетъ избавиться отъ наказанія, либо покидая племя, либо бравируя общественное порицаніе; онъ дѣлается тогда *баукъ*, человѣкъ «безъ чести». Нѣкоторые *шейхи*, имѣющіе за собой знатность рода и богатство пользующіеся поддержкой могущественныхъ союзниковъ, успѣваютъ пріобрѣсти значительную власть, когда умѣютъ отождествить свои

[1]) Silvestre de Sacy, „Chrestomatie arabe".
[2]) Hassan-ibn-Tabit; — Alf von Kremer, „Kulturgeschichte des Orients".

[1]) Stanley Lane Pool, „Le Koran, sa poésie et ses lois"

интересы съ интересами племени; но послѣднее никогда не забываетъ своего первоначальнаго права, и часто представляется случай привести его въ дѣйствіе. Нерѣдко случается, что шейхъ избирается только на мирное время: это мужъ совѣта и мудрости. Для войны нужно прибѣгнуть къ человѣку хитрости и отваги; тогда племя выбираетъ себѣ агида, вожака или вождя—откуда, вѣроятно, и произошло слово гидъ, проводникъ, въ западно-европейскихъ языкахъ,—который ведетъ своихъ равныхъ ему одноплеменниковъ въ бой, предводительствуетъ при грабежѣ или прикрываетъ отступленіе. Его временныя полномочія оканчиваются съ заключеніемъ мирнаго договора [1]).

Осѣдлые арабы, занимающіе громадную окружность полуострова и степей Месопотаміи, естественно, очень разнятся между собой происхожденіемъ и различными посторонними элементами, которые къ нимъ примѣшались съ теченіемъ времени: употребленіе одного общаго языка группируетъ ихъ въ одно цѣлое, въ которомъ уже трудно замѣтить всѣ первоначальныя отличія; но не подлежитъ сомнѣнію, что на востокѣ Аравіи персіане и индусы, на югѣ и на западѣ сомали, абиссинцы и различные негритянскіе народцы въ значительной степени способствовали видоизмѣненію первоначальныхъ элементовъ; даже важныя особы, шерифы и другіе, женятся исключительно на негритянкахъ-невольницахъ, какъ бы желая показать тѣмъ, что между ихъ арабскими соотечественниками никто не достоинъ выдать за нихъ свою дочь [2]). Наиболѣе чистокровнымъ считается населеніе верхняго Іемена и Гадрамаута: тамъ живутъ «арабъ-ариба», то-есть чистые, коренные арабы, тогда какъ другіе жители полуострова, отличающіеся отъ предъидущихъ кровью, родственными союзами, такъ же, какъ древней культурой извѣстны подъ именемъ арабовъ мустаариба или «объарабившихся арабовъ» [3]). Мѣстныя преданія и исторія согласно признаютъ въ юго-западной Аравіи существованіе этническаго корня, отличнаго отъ кочевниковъ внутренней части полуострова. Обозначаемый подъ разными именами въ легендахъ и миѳическихъ генеалогіяхъ, этотъ корень получилъ въ наши дни генерическое названіе гиміарской расы: это нація «красныхъ» — гомериты древнихъ грековъ—которую считаютъ тожественной съ націей пунтъ или пуна, предками финикіянъ. Въ первыя времена исторіи гиміары или сабеяне, жители Счастливой Аравіи, были въ числѣ цивилизованныхъ народовъ, и, можетъ быть, именно славѣ, которою пользова-

лась ихъ культура, а также красотѣ ихъ от
чества и высокой цѣнности ихъ произведе
страна и обязана прозвищемъ «Счастлив
которое за ней осталось въ географической н
менклатурѣ. Съ незапамятныхъ временъ гр
ные, народъ цивилизованный, находившій
въ сношеніяхъ съ аббиссинцами и индусами
знали искусство письма. Скалы Іемена и Г
рамаута носятъ на себѣ надписи, относящ
ся къ вѣкамъ, предшествующимъ христіанск
му періоду, и, чтобы собрать эти разбросанн
отрывки гиміарскихъ лѣтописей, европейск
ученые Арно, Мальцанъ, Галеви предпри
мали утомительныя и опасныя путешествія
Іеменъ, до восточной покатости горъ, нахо
щейся въ сосѣдствѣ пустыни. Благодаря эти
смѣлымъ изслѣдователямъ, возникла нов
наука, и перспектива исторіи отодвинулась
нѣсколько вѣковъ далѣе въ глубь време
Теперь не существуетъ болѣе гиміарской н
ціи; цивилизація ея смѣшалась съ цивилиза
арабскихъ мусульманъ; но есть еще въ Гад
маутѣ племена, каковы, напримѣръ, деайб
или «волки», которыя говорятъ о себѣ, ч
они принадлежатъ къ этой античной расѣ,
происхожденіе которыхъ удостовѣряется вс
ихъ сосѣдями [2]). Въ южномъ Іеменѣ, недале
отъ города Сана, одна длинная долина нос
имя Уади-Гиміаръ [3]). Сабейскій языкъ то
не совсѣмъ исчезъ: онъ продолжаетъ сущест
вать до сихъ поръ въ одномъ діалектѣ обла
Махра, составляющемъ середину между ар
скимъ и эѳіопскимъ [4]); но тогда какъ гиміар
по Мальцану, были темно-смуглаго цвѣта, п
реходящаго въ черный, Лангеръ говоритъ, ч
жители уади, носящаго ихъ имя, имѣютъ п
чти бѣлый цвѣтъ кожи.

Физическій типъ юго-западныхъ арабо
которыхъ считаютъ потомками гиміаровъ,
настолько разнится отъ типа кочевнико
внутренней Аравіи, чтобы можно было съ т
ностью указать ихъ отличительные призна
или лучше сказать—различія нравовъ жил
климата, образа жизни сами по себѣ доста
ны, чтобы объяснить контрасты, замѣчае
между осѣдлыми и бродячими племенами. Б
дунны центральной Аравіи представляютъ бо
шее единство типа, что объясняется тѣмъ,
они наименѣе подвергались смѣшенію, а та
тѣмъ, что они въ своихъ постоянныхъ пере
чевкахъ ведутъ, однако, наиболѣе однообр
ный образъ жизни. Арабы морскаго побереж
болѣе различающіеся другъ отъ друга проф
сіями и промыслами, разнятся также бол
и физическимъ видомъ. Въ среднемъ, бѣл
кожи соотвѣтствуетъ высотѣ мѣста: на гор
Іемена цвѣтъ кожи вообще довольно свѣтл

---

[1]) Burckhardt;—Anne Blunt;—Sachau.
[2]) Richard Burton, цитированное сочиненіе.
[3]) Huber;—Henri Duveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 2-e semestre 1883.

[1]) Lassen;—Renan, „Histoire des Langues Sémitiq
[2]) Fulgence Fresnel;—von Maltzan.
[3]) Siegfried Langer, „Deise nach Sanaa".
[4]) Von Maltzan, „Petermann's Mittheilungen", 1

и женщины, запертыя въ гаремѣ, имѣютъ цвѣтъ лица не болѣе смуглый, чѣмъ у итальянокъ, тогда какъ въ городахъ Техамы лица у жителей почти черныя. Впрочемъ, очень большое число негровъ и другихъ чернокожихъ африканцевъ были привезены на полуостровъ, въ качествѣ невольниковъ или солдатъ, и акклиматизировались въ странѣ, скрещиваясь съ кореннымъ ея населеніемъ; но на плоскогорьѣ центральной Аравіи, въ Хейбарѣ, г. Гюберъ встрѣтилъ чисто-негритянское населеніе. То же самое мы видимъ на восточномъ берегу Аравіи: въ нѣкоторыхъ округахъ области Хаза можно подумать, что находишься гдѣ-нибудь на берегахъ Мозамбикскаго поморья. Ввозъ черныхъ невольниковъ и теперь продолжается; по Малькольму, въ 1878 году въ Іеменъ было ввезено по крайней мѣрѣ 2.000 негровъ.

Всѣ арабы называютъ себя магометанами и всѣ строятъ свои дома, оріентируя къ *киблѣ*. Послѣднія племена, сохранившія древніе, предшествовавшіе исламу, культы, были истреблены въ началѣ настоящаго столѣтія оружіемъ вагабитовъ: это были народцы Ассира, которыхъ ихъ естественныя твердыни, горы, хорошо защищали отъ обратителей въ новую вѣру. Древняя политеистическая религія состояла главнымъ образомъ въ поклоненіи звѣздамъ, представленнымъ на землѣ идолами; но у аравійскихъ сабеянъ не было ученой теологіи въ родѣ той, какую вавилонскіе жрецы выдумали, чтобы объяснить всѣ таинственныя явленія на землѣ и на небѣ. Культъ ихъ былъ очень простъ: обожаніе чернаго камня Мекки и трехсотъ шестидесяти окружавшихъ его идоловъ, молитвы, колѣнопреклоненія передъ священными предметами—вотъ все, къ чему сводилась религія арабовъ до Магомета. Священная книга мусульманъ тоже отличается простотой содержащагося въ ней ученія. Разсказы, чудеса и святые іудейства и христіанства допущены въ Каранъ въ томъ видѣ, какъ они были воспроизводимы или изображаемы мѣстнымъ преданіемъ; остальное состоитъ изъ нравственныхъ правилъ, часто противорѣчивыхъ. Основу ученія составляетъ единство Бога, строжайшій монотеизмъ, представляемый древнимъ мѣстнымъ богомъ Аллатомъ или Аллахомъ, восторжествовавшимъ надъ всѣми сосѣдними богами, подобно тому, какъ восторжествовалъ Іегова въ Палестинѣ надъ Вааломъ, Камошемъ и другими покровителями племенъ, воевавшихъ съ израильтянами. Поклоненіе Единому Богу и, для вѣрующаго, право «ходить по головамъ своихъ враговъ», порабощать и даже истреблять ихъ, наложеніе руки на богатства земли, увѣренность получить на томъ свѣтѣ богатства рая—въ этомъ заключается вся вѣра мусульманина. Неожиданные тріумфы учениковъ Магомета, громадная добыча, которую они завоевали въ первые годы, и которая доставила каждому ребенку побѣдителей годовой доходъ въ двѣсти *дирхемовъ* серебра [1], казалось, оправдывали ихъ въ глазахъ свѣта и доставили имъ необыкновенный престижъ у сосѣднихъ населеній. Со всѣхъ сторонъ стекались обращенные въ исламъ; сирійцы, египтяне, принадлежавшіе къ христіанству лишь для формы и всегда сохранявшіе, подъ внѣшностью православія, свой древній политеистическій культъ, безъ труда перемѣнили вѣру. Благодаря простотѣ своего ученія, понятнаго всякому, магометанство поддерживаетъ у своихъ послѣдователей большую силу сцѣпленія, и пропаганда его продолжается въ Африкѣ, въ Индіи, даже въ Китаѣ. Тогда какъ обращеніе магометанина въ христіанство—фактъ почти неслыханный, несмотря на сотни христіанскихъ миссіонеровъ, проповѣдующихъ на Востокѣ, случается довольно часто, что христіане, по убѣжденію или изъ личныхъ выгодъ, переходятъ въ лоно ислама.

Однако, религіозное рвеніе, ознаменовавшее первые вѣка ислама, теперь существуетъ лишь у небольшаго числа правовѣрующихъ, и большинство мусульманъ могутъ считаться таковыми лишь по рутинному исполненію обычныхъ обрядностей и повторенію освященныхъ формулъ или молитвъ. Оттого отъ времени до времени въ средѣ магометанства появлялись реформаторы, призывавшіе его къ ревности, отличавшей старую вѣру, и къ строгому соблюденію правилъ и обрядовъ религіи. Послѣднимъ по времени и, быть можетъ, важнѣйшимъ изъ этихъ пробужденій была попытка реформы, сдѣланная однимъ арабомъ изъ Неджеда, Могамедомъ-Ибнъ-Абдъ-эль-Вагабомъ, по имени котораго его послѣдователи получили названіе вагабитовъ. Онъ родился, вѣроятно, въ послѣднихъ годахъ восемнадцатаго столѣтія и началъ свою проповѣдь, кажется, между 1740 и 1750 гг., послѣ изученія мусульманскаго богословія въ Дамаскѣ, въ Бассорѣ и въ Багдадѣ. Преслѣдуемый своими земляками въ Неджедѣ, по причинѣ религіозныхъ споровъ и распрей, порожденныхъ имъ среди населенія, онъ удалился къ шейху Сауду, главѣ племени аназеховъ, и соединился съ нимъ, какъ братъ: одинъ былъ слово, другой мечъ «новаго ислама». Однако, они не имѣли въ виду основать какую-либо новую секту; стремленія ихъ были направлены лишь къ тому, чтобы вернуть мусульманъ къ первоначальной простотѣ вѣры и чистотѣ жизни. Эти «янсенисты» ислама порицали пышность религіозныхъ обрядовъ, роскошь мечетей, употребленіе дорогихъ тканей, «пустую и неопрятную» привычку курить табакъ; они не признавали никакой привилегіи за духовенствомъ, отвергали, какъ богопротив-

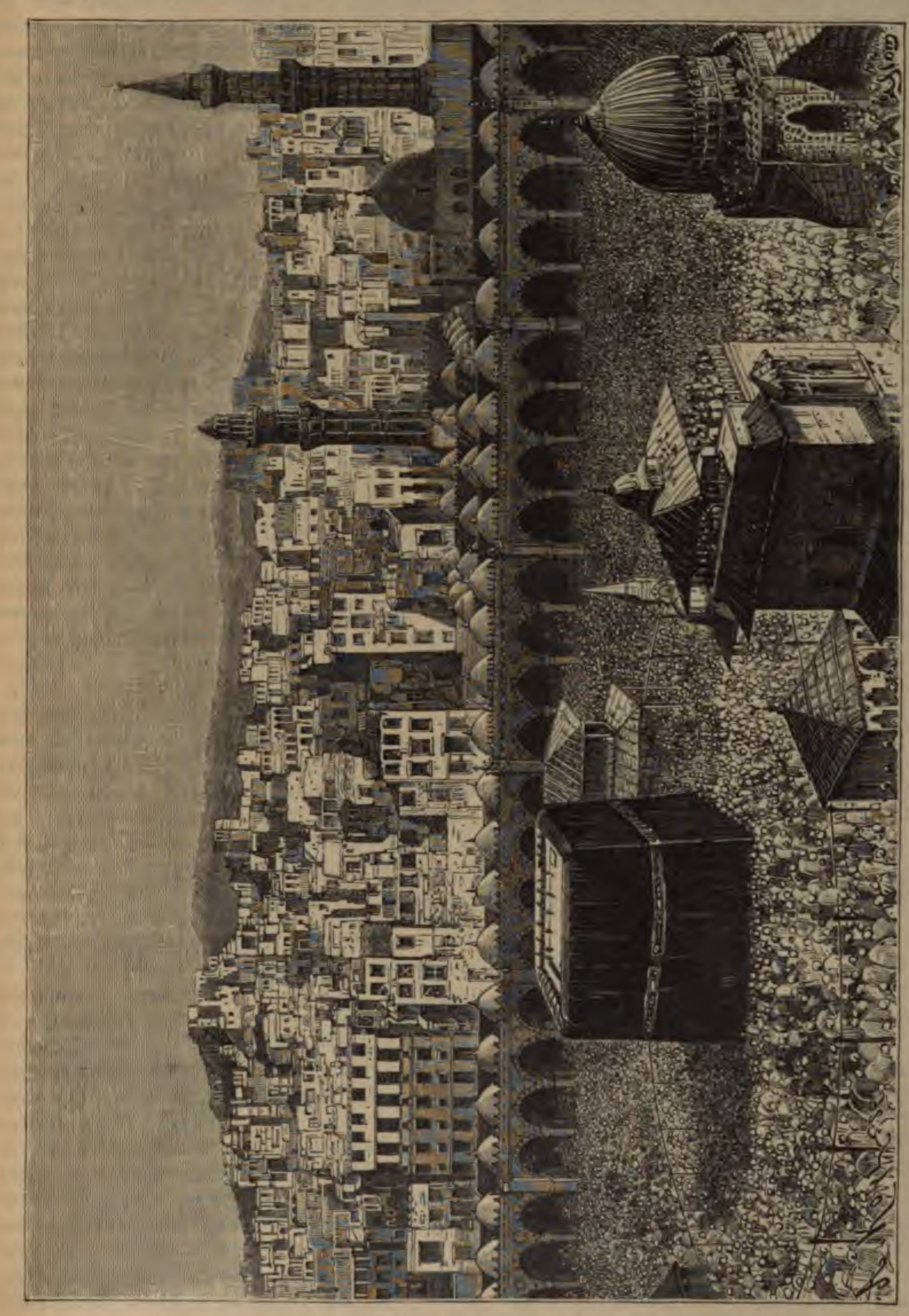
[1]) Sprenger, „Mohamme"; — Alfred von Kremer, „Kulturgese chichtliche Streifzüge".

ную, всякую молитву, вознесенную къ престолу Всевышняго черезъ посредниковъ, не исключая и Пророка, и обязывались возобновить войну противъ всѣхъ невѣрныхъ; они одни, вѣрные исполнители закона, имѣли право называться мусульманами; всѣ другіе были нечистые кафиры, *мушкирины* или политеисты. Религіозная реформа осложнилась соціальной революціей. Массы бѣдняковъ арабовъ, бѣглыхъ или оттѣсненныхъ могущественными племенами въ безплодныя пустыни, присоединились къ новой сектѣ, чтобы снова завоевать себѣ мѣсто на солнцѣ, опять найти разомъ земли, стада и гордость расы. Съ половины восемнадцатаго столѣтія почти весь Неджедъ, вокругъ главнаго города Эль-Деррейе, былъ обращенъ мечомъ къ ученіямъ вагабитовъ; затѣмъ кругъ завоеваній постепенно расширялся за предѣлы центральнаго нагорья. Въ 1783 г., въ послѣдніе годы жизни Вагаба, сектанты простерли свою дерзость до того, что, къ ужасу всего мусульманскаго міра, стали нападать на караваны хаджей, направлявшіеся къ Меккѣ; въ 1799 году они были настолько могущественны, что сами совершили пилигримство къ Каабѣ, подъ предводительствомъ Сауда, внука шейха Сауда, товарища Вагаба, и вскорѣ послѣ того, въ 1801 году, вагабиты, въ числѣ двадцати тысячъ человѣкъ, разграбили шіитскую мечеть въ Кербелѣ, гдѣ со временъ Надиръ-шаха накопились несмѣтныя сокровища, образовавшіяся изъ приношеній персіянъ. Наконецъ, въ 1803 г. послѣдователи Вагаба овладѣли самой Каабой, а въ слѣдующемъ году вступили въ Медину; четыре дороги пилигримовъ, дороги изъ Египта, изъ Дамаска, изъ Персіи и изъ Іемена были перерѣзаны ими, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ хаджи могли посѣщать священный камень не иначе, какъ высаживаясь съ кораблей въ Джеддѣ, которою вагабиты не успѣли овладѣть. Въ ту эпоху новое государство представляло народы Аравіи предъ лицомъ турокъ и персіянъ: власть Сауда распространялась на большую часть полуострова, и дружины его подвигались въ сирійскую пустыню до Евфрата и до окрестностей Алеппо и Дамаска. Однако, Оманъ, Гадрамаутъ оставались внѣ предѣловъ «новаго ислама», а Іеменъ подвергался лишь быстрымъ набѣгамъ. Впрочемъ, преобладаніе вагабитовъ продолжалось не долго, всего около десятка лѣтъ; другіе мусульмане не могли сносить исключенія ихъ изъ святыхъ городовъ, и съ своей стороны, султанъ, наслѣдникъ калифовъ, долженъ былъ опасаться потерять престижъ своего титула, если бы ему не удалось возстановить свой авторитетъ въ Меккѣ и Мединѣ. Въ 1812 и 1813 годахъ египетская армія завоевала обратно побережье Геджаса, затѣмъ проникла во внутренность страны, гдѣ сражалась съ перемѣннымъ счастьемъ, и, наконецъ, въ 1817 г. Эль-Деррейе, столица новой имперіи, была взята Ибрагимомъ-пашей. Храбрый Саудъ, «Отецъ усовъ», умеръ за три года до катастрофы.

Со времени пораженія вагабитовъ царство ихъ вновь организовалось, но оно уже не самое могущественное въ центральной Аравіи; государство Джебель-Шаммаръ, главный городъ котораго Гайль, пріобрѣло первенство, и нравы въ этой странѣ чужды того фанатизма, какимъ проникнуты ея сосѣди; персіяне-шіиты пользуются тамъ полной вѣротерпимостью, и туда призываютъ даже евреевъ изъ Іемена, этихъ презираемыхъ потомковъ нѣкогда могущественныхъ іудейскихъ колоній, которые издавна поселились въ западной Аравіи, и вліяніе которыхъ такъ замѣтно отразилось въ разсказахъ и предписаніяхъ Корана. Пропаганда вагабитизма продолжается за предѣлами Аравіи, особенно въ Индіи, и даже, быть можетъ, число мусульманъ «реформатовъ» въ настоящее время болѣе значительно, чѣмъ въ эпоху побѣдъ Сауда; но теперь движеніе имѣетъ преимущественно религіозный характеръ, и до сихъ поръ предосторожности, принятыя англичанами въ видахъ предупрежденія возстаній, увѣнчались успѣхомъ: опасность пришла не отъ магометанскихъ подданныхъ Великобританіи.

Въ самой Аравіи бо̀льшая часть населенія, называемаго мусульманскимъ, осталась совершенно въ сторонѣ отъ религіозныхъ войнъ, возбужденныхъ новымъ исламомъ. Бедуины-кочевники не дали себя увлечь въ вагабитское движеніе, къ которому они примыкали только, что̀ случалось не разъ, чтобы сопровождать вагабитовъ въ грабительскихъ экспедиціяхъ. Магометанство ихъ состоитъ просто въ томъ, что они говорятъ: «Аллахъ есть Аллахъ», и призываютъ его въ свидѣтели въ своихъ утвержденіяхъ; но не молятся ему и не воздаютъ благодареній. Изъ всѣхъ «благородныхъ» степныхъ племенъ одно только, шаммары, имѣютъ муллу, состоящаго на жалованьѣ у шейха, который усвоилъ привычки горожанъ. Полу-касты феллаховъ, обработывающихъ поля на берегахъ рѣкъ, презираются бедуинами, не только по причинѣ ихъ осѣдлаго образа жизни и угнетенія, которое они переносятъ, но также по причинѣ ихъ религіозныхъ обрядовъ, на которые «сыны пустыни» смотрятъ, какъ на признакъ униженія. Вѣроятно, слѣды древняго сабеизма еще имѣютъ у бедуиновъ перевѣсъ надъ магометанскимъ вліяніемъ, такъ какъ, по свидѣтельству многихъ путешественниковъ, различныя племена сохранили обычай привѣтствовать поклономъ восходящее солнце; одинъ народецъ, зедіехи, въ сѣверныхъ равнинахъ, говорятъ, молится также падшему ангелу, подобно іезидамъ; но это поклоненіе «діаволу» ни мало не скандализируетъ ихъ сосѣдей; боль-

ше удивляются тому, что зедіехи носятъ рубашки съ вырѣзками въ формѣ квадратиковъ вокругъ шеи [1]). Если бедуины принадлежатъ къ числу народовъ, наименѣе интересующихся религіозными догматами, то они вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ тѣхъ народовъ, жизнь которыхъ всего менѣе управляется суевѣрными примѣтами и обычаями; нѣкоторые изъ нихъ носятъ амулеты, но не охотно признаются въ этомъ; они не занимаются опредѣленіемъ мистическаго значенія чиселъ и цвѣтовъ, не совѣтуются съ полетомъ птицъ и бѣгомъ дикихъ звѣрей, не тратятъ времени на истолкованіе сновъ. Идея безсмертія души чужда обитателю аравійскихъ степей; однако онъ имѣетъ смутную идею переселенія душъ, и по этой причинѣ



Мекка. Дворъ Каабы.

[1]) Anne Blunt, „Among the Bedouins of the Euphrates“.

подбираетъ бродячихъ собакъ [1]). Его кочевая жизнь, проходящая въ постоянныхъ разъѣздахъ и безпрерывной дѣятельности, не оставляетъ ему досуга, необходимаго для метафизическихъ умозрѣній, при томъ же немногіе изъ бедуиновъ имѣли случай находиться одинъ или нѣсколько разъ въ жизни, какъ большинство европейцевъ, «при смерти». Первая ихъ болѣзнь есть въ то же время и послѣдняя, уносящая ихъ въ могилу; ихъ молодость, ихъ зрѣлый возрастъ суть періоды постояннаго здоровья, во время которыхъ воображеніе ихъ не имѣетъ повода страшиться «царя ужаса» [2]). Бедуинъ не ищетъ санкціи для морали, для правилъ нравственности въ наградахъ и наказаніяхъ будущей жизни: ему достаточно сообразоваться съ общепринятымъ въ его племени понятіемъ о добрѣ и злѣ. Но это понятіе гораздо строже, чѣмъ то, какое существуетъ въ европейскихъ обществахъ: злоупотребленіе довѣріемъ, мелкіе обманы, постыдное воровство, столь обыкновенные на Западѣ, неизвѣстны у номадовъ, такъ несправедливо презираемыхъ: мы тщетно стали бы искать между бедуинами безчестнаго человѣка, способнаго отпереться отъ полученія вещи, отданной ему другомъ на сохраненіе; вообще строгая честность въ дѣлахъ составляетъ неизмѣнное правило у народовъ пустыни, даже у тѣхъ, которые при случаѣ практикуютъ разбой вооруженной рукой.

Часто повторяютъ, что въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ арабы не измѣнились. Безъ сомнѣнія, что касается кочевыхъ племенъ пустыни, перемѣны, если онѣ произошли, весьма незначительны: условія среды таковы, что образъ жизни почти не можетъ видоизмѣняться. Но не такъ въ городахъ и обработываемыхъ сельскихъ мѣстностяхъ: тамъ даже и для бедуиновъ движенія исторіи не прошли безслѣдно, не совершились безъ того, чтобы не оказать видоизмѣняющаго вліянія на ходъ идей. Форма правленія значительно разнится у осѣдлыхъ арабовъ, сообразно безконечному разнообразію мѣстныхъ условій, зависящихъ отъ степени цивилизаціи, отъ образа жизни и отъ историческихъ преданій. Большое число народцевъ сохранили политическую организацію кочевыхъ племенъ: они состоятъ изъ равноправныхъ членовъ, выбирающихъ изъ своей среды судью, во всякое время могущаго быть смѣненнымъ который разбираетъ возникающіе между членами общины споры и постановляетъ приговоры. Другія группы семей образовали изъ себя олигархіи; иныя представляютъ монархіи, ограниченныя или самодержавныя; наконецъ, Мекка, священный городъ, состоитъ подъ теократическимъ режимомъ. Большинство государствъ, состоящихъ изъ небольшаго числа племенъ, имѣютъ незначительное протяженіе, иногда одинъ оазисъ, одна долина, одинъ массивъ холмовъ составляютъ всю территорію самостоятельнаго политическаго тѣла; народцы суть первоначальные элементы, и установившіяся между ними отношенія недостаточны, чтобы соединить ихъ въ одну группу, имѣющую общаго шейха и общіе законы. Значительныя государства, какъ, напримѣръ, Оманъ, не походятъ на большіе централизованные общественные союзы западныхъ націй; они состоятъ изъ отдѣльныхъ племенъ, имѣющихъ каждое свою особенную организацію и связанныхъ съ сюзереннымъ правительствомъ лишь платежемъ десятины. Общій патріотизмъ не соединяетъ болѣе между собой различные народцы: оттого политическія группировки безпрестанно измѣняются; малѣйшаго случая достаточно, чтобы измѣнить сѣть границъ. Если бы исторія Аравіи была достаточно извѣстна, такъ чтобы можно было начертить на картѣ измѣнчивое сплетеніе границъ, то эти взаимно пересѣкающіяся линіи представляли бы каждый годъ различный видъ. Только въ сосѣдствѣ Адена и на берегахъ Персидскаго залива, гдѣ господствуетъ англійское вліяніе, политическія перемѣны рѣдки; вассаламъ могущественной имперіи нечего бояться своихъ подданныхъ, ни своихъ сосѣдей.

VII.

Сѣверная часть морскаго берега Аравіи, продолжающагося на югъ отъ Месопотаміи, принадлежала недавно къ царству вагабитовъ; теперь она турецкая провинція, по крайней мѣрѣ номинально, и зависитъ отъ Багдада или отъ Бассоры; по имени одного изъ своихъ округовъ, она называется Эль-Газа: это—страна, заключающаяся между краевой цѣпью плоскогорій Неджеда и западнымъ берегомъ Персидскаго залива, между устьями Шатъ-эль-Араба и Барейнскимъ архипелагомъ.

Самый оживленный портъ этого побережья, на берегу большой бухты, открывающейся на юго-западѣ отъ Шатъ-эль-Араба, — Ковейтъ, который слѣдуетъ считать приморской гаванью евфратскаго бассейна; мѣстечко Фао, при устьѣ рѣки, есть его передовой портъ. Этотъ арабскій городъ занимаетъ положеніе, аналогичное положенію Александріи, Венеціи, Марсели: подобно этимъ большимъ городамъ, онъ стоитъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, прибрежные жители которой посылаютъ ему свои произведенія. Но такъ какъ устье Шатъ-эль-Араба болѣе доступно кораблямъ, чѣмъ устья Нила, По и Роны, то боковой портъ, черезъ который производится торговля бассейна арабской рѣки, имѣетъ относительно меньшую важность. Однако, торговое движеніе возрастаетъ тамъ изъ году въ годъ, и обыкновенно на этотъ

[1]) Rampendahl, „Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik“, 5-ter Jahrbang, 10.

[2]) *Anne Blun*, цитированное сочиненіе.

портъ, ведущій торговлю съ Бомбеемъ и Малабарскимъ берегомъ, инженеры указываютъ, какъ на конечный пунктъ желѣзной дороги отъ Средиземнаго моря къ Персидскому заливу. По Пелли, средняя годовая цѣнность внѣшней торговли Ковента простирается до 1.600.000 франк. Но въ глазахъ англичанъ этотъ портъ представляетъ то важное неудобство, что онъ находится къ западу отъ Шатъ-эль-Араба, что помѣшаетъ выбрать его, какъ станцію будущей желѣзнодорожной линіи въ Индію. Безъ помощи ковентскихъ арабовъ, турки, неимѣющіе флота въ Персидскомъ заливѣ, не могли бы завоевать побережья Эль-Хаза. Торговая республика одолжила имъ корабли для перевозки войскъ, провіанта и пушекъ, взамѣнъ чего Турція уступила имъ поясъ пальмовыхъ рощъ, вдоль праваго берега Шатъ-эль-Араба, которыя жители Ковента культивируютъ съ такимъ стараніемъ [1]). Населеніе республики—одно изъ самыхъ свободныхъ въ свѣтѣ; въ то же время оно, по словамъ Пелли, одно изъ тѣхъ, гдѣ люди пользуются наиболѣе крѣпкимъ матеріальнымъ здоровьемъ.

Эль-Катифъ, портъ довольно близкій къ Барейнскимъ островамъ, былъ нѣкогда столицей царства кармаѳеянъ, шіитовъ, поддерживаемыхъ персидскимъ вліяніемъ, которые въ девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ оспаривали у магометанъ-суннитовъ обладаніе полуостровомъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія этотъ городъ былъ также военнымъ арсеналомъ вагабитовъ, и флотиліи пиратовъ вооружались тамъ во славу новаго ислама; вмѣстѣ съ группирующимися вокругъ него деревнями онъ составляетъ значительное городское поселеніе. Сдѣлавшись турецкимъ городомъ, Эль-Катифъ теперь не болѣе, какъ коммерческій портъ, но онъ доступенъ лишь небольшимъ судамъ, такъ какъ часть рейда занесена иломъ. Далѣе на югѣ другой портъ, Акиръ (Океиръ, Агиръ) есть морская пристань Гофгофа (Гофгуфа), главнаго города области Эль-Хаза, лежащаго въ сотнѣ километровъ отъ морскаго берега, у подошвы краевой цѣпи; тысячи его жилищъ съ плоскими крышами группируются вокругъ старинной кармаѳейской крѣпости. Гофгофскій оазисъ, обозначаемый нѣкоторыми писателями подъ именемъ Гаджръ, есть одинъ изъ значительнѣйшихъ въ странѣ Газа и производитъ, говорятъ, лучшіе въ всей Аравіи финики (въ Газѣ насчитываютъ [2]) около 2.000.000, въ Эль-Катифѣ около 1.200.000 финиковыхъ деревъ); большая часть населенія разсѣяна тамъ поселками, утопающими въ зелени. Бѣлые дома Мубарреза, города почти такого же большаго, какъ и Гофгофъ, расположены въ пяти километрахъ къ сѣверу отъ столицы. Вокругъ обоихъ городовъ, въ тѣни пальмъ, бьютъ изъ земли обильные горячіе ключи.

[1]) Grattan Geary; — Wilfrid Blunt.

[2]) Destrées, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, sept. 1874.

Менама, столица Барейна, стоитъ на сѣверной оконечности острова, напротивъ другаго города, Могарека, построеннаго на берегу сосѣдняго островка. Въ сезонъ ловли жемчужныхъ раковинъ, Менама, центръ торговли жемчугомъ и перламутромъ, посѣщается большимъ числомъ иностранныхъ купцовъ, между которыми самые богатые — индусы-баніахи. Слишкомъ полторы тысячи судовъ принадлежатъ этому порту, который, кромѣ того, служитъ сборнымъ мѣстомъ тремъ или четыремъ тысячамъ иногородныхъ судовъ. Средняя цѣнность добываемаго въ Персидскомъ заливѣ жемчуга и перламутра 12.500.000 франк. Шестнадцать клановъ племени аттаби, составляющихъ населеніе около 50.000 душъ— искусные земледѣльцы, и, благодаря ихъ трудолюбію, островъ превратился въ одинъ обширный садъ, гдѣ пшеница, люцерна, лукъ и разнаго рода овощи отлично произрастаютъ подъ тѣнью финиковыхъ пальмъ. Барейнскій шейхъ—одинъ изъ богатыхъ потентатовъ Востока; каждый водолазъ, занимающійся ловлей жемчужныхъ раковинъ, каждый купецъ, торгующій жемчугомъ, долженъ платить ему налогъ. Прежде султанъ маскатскій, падишахъ константинопольскій и шахъ персидскій оспаривали другъ у друга выгоду имѣть этого богатаго князя своимъ вассаломъ, но протекторатъ принадлежитъ теперь Англіи. Британская флотилія поддерживаетъ порядокъ въ роѣ ловцовъ жемчуга, и послѣдніе, въ случаѣ какихъ-либо споровъ между собой, подлежатъ суду анлійскаго консула въ Буширѣ [1]).

Маскатъ, столица Омана, открывается взорамъ мореплавателей лишь при поворотѣ крутаго мыса, на верху котораго стоитъ крѣпость. Голыя красныя скалы, древнія лавы, на видъ какъ будто едва остывшія, высятся полукругомъ надъ городомъ; стѣны съ башнями по угламъ взбираются по крутымъ откосамъ и оканчиваются на обѣихъ оконечностяхъ города крѣпкими замками грознаго вида; одинъ изъ нихъ, замокъ Мирани, вѣнчающій на западѣ скалу высотой въ 120 метровъ, сохранилъ кое-какіе остатки португальской архитектуры; городъ имѣетъ только двѣ мечети, построенныя на развалинахъ Августинскаго монастыря. Заключенный въ слишкомъ тѣсной оградѣ, городъ состоитъ изъ высокихъ домовъ, раздѣленныхъ узенькими улицами, на которыхъ съ трудомъ могутъ разойтись два пѣшехода, идущіе на встрѣчу другъ другу; но внѣ городской ограды продолжаются предмѣстья, построенныя изъ кольевъ, обтянутыхъ рогожами, гдѣ живутъ люди всякой расы и преимущественно балуджи изъ Мекрана. Хотя улицы похожи

[1]) Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.

скорѣе на рвы, чѣмъ на проспекты, однако, онѣ содержатся въ замѣчательной чистотѣ; но идешь въ нихъ словно въ какомъ-нибудь подземномъ корридорѣ: черезъ улицу, отъ одного дома до другаго, протянуты циновки, покрытыя сверху слоемъ глины въ нѣсколько сантиметровъ толщиной, чтобы воспрепятствовать проходу солнечнаго зноя; только на извѣстномъ разстояніи одно отъ другаго продѣланы отверстія въ этомъ навѣсѣ, черезъ которыя врываются ослѣпительные снопы свѣта. Жители спятъ на террасахъ домовъ, чтобы избѣгнуть страшной жары и духоты, царствующей въ комнатахъ, а когда дуетъ раскаленный вѣтеръ пустыни, они поливаютъ другъ друга, точно растенія, чтобы восполнить убыль воды, теряющейся отъ сильной транспираціи. Оттого ревматизмъ — одна изъ самыхъ обыкновенныхъ болѣзней въ Маскатѣ. Климатъ слишкомъ разслабляющій для европейцевъ; только двое или трое живутъ тамъ постоянно, другіе останавливаются лишь проѣздомъ. Въ сосѣднихъ горахъ нѣкоторыя мѣстечки, напримѣръ Ростакъ, выбраны городскими негоціантами, какъ санитарныя станціи.

Населеніе Маската, привлекаемое торговлей, принадлежитъ къ разнообразнѣйшимъ расамъ и національностямъ. Къ арабамъ прибрежья и внутренней части полуострова, составляющимъ главную массу городскаго населенія, примѣшиваются остъ-индскіе баніахи, балуджи, персіяне, абиссинцы, сомалійцы и негры со всего африканскаго берега,—люди, поражающіе своимъ исполинскимъ ростомъ и геркулесовской мускулатурой. Портъ, доставившій этому пункту прибрежья выгоду быть выбраннымъ какъ сборное мѣсто мореплавателей Индійскаго океана, очень глубокъ, отъ 20 до 50 метровъ, и корабли находятъ тамъ хорошую якорную стоянку, исключая то время, когда дуютъ сѣверо-западные вѣтры: тогда суда, подвергаясь опасности быть выброшенными на берегъ, должны уходить въ открытое море или искать другаго, болѣе безопаснаго пристанища. Движеніе внѣшняго торговаго обмѣна весьма значительно, особенно по отпуску: маскатскіе коммерсанты отправляютъ за границу рыбу, финики и другіе фрукты, халву, превосходящую качествомъ смирнскую и константинопольскую, и даже кое-какія бумажныя матеріи.

Торговое движеніе Маската въ 1878 году [1]): привозъ — 7.500.000 франк.; вывозъ — 27.500.000 франк. Общая сумма—35.000.000 франк.

Въ двухъ километрахъ къ западу отъ Маската находится небольшая гавань Маттра или Халбу, арабскій пригородъ международнаго порта, отдѣленный отъ него высокимъ, труднымъ для подъема, мысомъ: въ Маттра останавливаются караваны бедуиновъ, приходящіе изъ внутренней Аравіи; они оставляютъ тамъ верблюдовъ и ословъ и перевозятъ товары въ Маскатъ въ маленькихъ лодкахъ; цѣлыя сотни такихъ лодокъ постоянно ходятъ взадъ и впередъ длинными вереницами между двумя городами.

Подобно Іемену, страна Оманъ имѣла свою собственную исторію, почти независимую отъ исторіи другихъ земель Аравіи. Отдѣленная отъ остальнаго полуострсва пустыней, эта область соединена моремъ съ берегами Персіи и Индіи: черезъ океанъ, гораздо больше, чѣмъ черезъ твердую землю, установились сношенія ея племенъ съ окружающими націями. Арабы, посѣщавшіе, въ средніе вѣка, порты Зондскихъ острововъ и Китая, были оманскіе мореходы. Народъ, у котораго португальцы оспаривали господство на Индійскомъ океанѣ, были тѣ же арабы восточнаго побережья. Съ ними же должны были вести борьбу, въ прошломъ столѣтіи, арміи Надиръ-шаха, когда повелитель Ирана хотѣлъ завоевать владычество на морѣ. Со времени удаленія иранскихъ гарнизоновъ, на Оманскомъ берегу образовалось отдѣльное царство; но эти владѣнія, управляемыя маскатскимъ султаномъ, обнимаютъ только береговыя области. Въ самой Аравіи они простираются вдоль морскаго побережья на протяженіи слишкомъ 3.000 километровъ, отъ полуострова Катаръ, въ Персидскомъ заливѣ, до Мирбатской бухты, на Индійскомъ океанѣ; но внутреннія племена, даже живущія въ разстояніи нѣсколькихъ километровъ отъ морскаго берега, не платятъ уже налога и не признаютъ себя подданными султана. Во время своего цвѣтущаго состоянія, до половины настоящаго столѣтія, Оманская имперія владѣла также островами Персидскаго залива на иранскомъ берегу, равно какъ портами Белуджистана и портами африканскаго побережья до Занзибара. Флотъ Маската былъ самый могущественный въ Индійскомъ океанѣ; ни одно судно не могло войти въ заливъ, не заплативъ таможнимъ властямъ положенной дани. Европейскіе государи добивались дружбы султана. Однако, послѣднему нерѣдко приходилось вести борьбу противъ собственныхъ подданныхъ, соединявшихся въ ассоціаціи корсаровъ. Ихъ флотиліи стояли въ засадѣ на западной сторонѣ полуострова, оканчивающагося мысомъ Расъ-Мазандамъ, и оттуда подстерегали суда, шедшія въ заливъ. Горе тѣмъ, которыя не были сопровождаемы военными кораблями! Товары захватывались, экипажъ погибалъ подъ ударами пиратовъ, женщины и дѣти увозились въ неволю. Три раза, въ 1809, въ 1819, въ 1821 годахъ, Остъ-индская компанія должна была посылать экспедицію противъ оманскихъ корсаровъ; въ 1819 г. англичане захватили, на «Разбойничьемъ бе-

[1]) Grattan Geary.

регу», слишкомъ 200 пиратскихъ судовъ или *дау*, средняго водоизмѣщенія отъ 200 до 350 тоннъ, принадлежавшихъ по большей части страшному племени джевасини [1]). Государь Омана продалъ свои корветы, бриги и фрегатъ; у него осталось лишь небольшое число вооруженныхъ шлюпокъ. Доходы его исчисляются въ 600.000 франковъ, въ томъ числѣ 150.000 франк., платимыхъ ему англо-индійскимъ правительствомъ, истиннымъ властителемъ Маската [2]).

Резиденція султана не единственный многолюдный городъ Омана или Амана, «царства благополучія». Къ западу отъ Маската, берегъ Батна (Эль-Батина), равнина въ видѣ полумѣсяца, надъ которой господствуютъ голубыя вершины Джебель-Ахдара, похожія на Апеннины, представляетъ одинъ обширный садъ, длиной въ 200 километровъ; идя по берегу моря, видишь непрерывный рядъ садовъ, плантацій, засѣянныхъ полей и жилищъ, на половину скрытыхъ за густой листвой деревъ: слишкомъ сто городовъ, говорятъ оманиты, слѣдуютъ одинъ за другимъ на этомъ счастливомъ побережьѣ, и въ числѣ ихъ есть значительные, какъ-то: Барка, Совеидъ, Сохаръ, Лова, Шиназъ, Фаджрахъ. Сохаръ, лежащій какъ разъ въ серединѣ вогнутой кривой, образуемой Батнахскимъ берегомъ, есть столица этой богатой провинціи, и видъ его напоминаетъ англичанамъ видъ одного изъ городовъ Гудзерата или Конкана: вступая въ Сохаръ, можно подумать, что находишься скорѣе въ Индустанѣ, чѣмъ на арабскомъ полуостровѣ. Обсаженная тѣнистыми деревьями площадь простирается отъ морскаго берега до замковой горы, окруженной тройнымъ рядомъ стѣнъ; губернаторскій дворецъ украшенъ балконами, башенками, колоннами и аркадами, которые дѣлаютъ его похожимъ на индусское зданіе: дома снаружи оштукатурены чунамомъ, прекрасной индійской штукатуркой, похожей на бѣлый мраморъ; встрѣчающіеся на улицахъ парсы доказываютъ, что эта часть Омана ведетъ торговыя сношенія съ Бомбеемъ. Сохарскіе ремесленники: ткачи, кузнецы, котельники, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, самые искусные на всемъ полуостровѣ, не уступаютъ, по достоинству своихъ издѣлій, ремесленникамъ Индустана. Морская торговля Сохара гораздо менѣе значительна, чѣмъ торговля Маската. Городъ не имѣетъ порта, но только открытый рейдъ, гдѣ суда становятся на якорь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега; однако, тамошнія воды, изобилующія рыбой, усѣяны рыболовными судами. Къ внутренности материка сады простираются на необозримое пространство до сосѣднихъ деревень, утопающихъ въ зелени группъ хижинъ изъ древесныхъ вѣтвей. Одна изъ этихъ деревень, Мава, имѣетъ болѣе жителей, чѣмъ многіе обнесенные стѣнами города.

На западномъ берегу полуострова, замыкающемъ на половину входъ въ Персидскій заливъ, городъ Шарджахъ—или Шаркахъ, то-есть «Восточный»—соперничаетъ съ Сохаромъ по числу жителей и превосходитъ его по размѣрамъ торговли. Лежащій на «берегу пиратовъ», Шарджахъ ведетъ теперь лишь мирную торговлю съ портами Персіи и Индіи. Въ городѣ много иностранныхъ купцовъ, торгующихъ шалями, оружіемъ, мануфактурными произведеніями Бенгаліи; но есть также собственная промышленность, изъ отраслей которой особенно замѣчательно плетеніе вокругъ драгоцѣнныхъ вещей золотыхъ и серебряныхъ филиграновыхъ украшеній, отличающихся удивительной тонкостью и нѣжностью работы; тамошніе ткачи выдѣлываютъ красные плащи, въ которые любятъ наряжаться оманцы, бумажныя туники, любимое верхнее одѣяніе жителей Неджеда, и ковры, высоко цѣнимые на всемъ побережьѣ залива. Шарджахъ и южнѣе городъ Добей, портъ котораго, похожій на озеро, соединенъ съ моремъ протокомъ, прорѣзывающимъ бѣлый песчаный берегъ, куда волна приноситъ иногда зерно янтаря, находятся почти на западной границѣ пояса жемчужныхъ раковинъ, и флотиліи ихъ принимаютъ участіе въ ловлѣ жемчуга, на меляхъ «Дѣвичьяго моря», за портомъ Абу-Деби. Маленькій портъ Расъ-эль-Хейма, бывшее гнѣздо пиратовъ изъ племени джевани, теперь мирный городокъ, занимающійся ловлей жемчуга и торговлей. На западѣ, на Катарскомъ полуостровѣ, два небольшіе города Вокра и Бедая тоже имѣютъ порты, постоянно наполненные черными барками, обшивка которыхъ исполосована бороздами, вырытыми въ деревѣ веревкой водолазовъ, ныряющихъ за жемчужными раковинами.

Нѣсколько важныхъ городовъ находятся также во внутренней части Омана, но только немногіе изъ нихъ были посѣщены европейскими путешественниками. Бирейма, главный городъ земли Дахира, на дорогѣ изъ Сохара въ Абу-Деби,—очень дѣятельный земледѣльческій рынокъ; Несва, на южной покатости массива Джебель-Ахдаръ,—промышленное мѣстечко, гдѣ фабрикуютъ мѣдныя издѣлія изъ руды, добываемой въ сосѣднихъ горахъ; Минна окружена воздѣланными полями и плантаціями, богатство которыхъ удивило англійскаго путешественника Уэльстеда, привыкшаго видѣть въ Аравіи лишь пустынныя пространства [1]). На юго-востокѣ, въ Джайланскомъ округѣ, городъ Бени-Абу-Али, населенный однимъ племенемъ арабовъ-вагабитовъ, напоминаетъ по-

[1]) Frazer;—Wellsted;—Carl Ritter, „Asien“, vol. XII.
[2]) Edward Stack, „Six Months in Persia“.

[1]) „Travels in the province of Oman“.

раженіе, понесенное маленькимъ англійскимъ отрядомъ, за которое отмстила трехтысячная армія, въ 1821 году. Суръ, портъ этой области, лежитъ въ небольшомъ разстояніи къ западу отъ крайняго мыса юго-восточной Аравіи, Расъ-эль-Гадда; говорятъ, что названіе Суръ происходитъ отъ сирійцевъ, нѣкогда поселившихся въ Оманѣ; въ наши дни мѣстная торговля находится въ рукахъ баніаховъ изъ Индустана.

На южномъ берегу Аравіи, портъ Мирбатъ, морская пристань долины Уади-Доанъ, почти напротивъ острова Сокоторы, принадлежитъ еще къ Оману: это пристань древняго города Дафара или Дофара, имѣвшаго нѣкогда значительное населеніе; арабскій писатель Ибнъ-Батута описываетъ его, въ четырнадцатомъ столѣтіи, какъ городъ торговый и очень промышленный [1]): развалины стараго города все еще извѣстны у окрестныхъ племенъ подъ именемъ Эль-Баладъ, что значитъ «городъ» по преимуществу. Ладанное дерево, алоэ, драконова кровь растутъ въ изобиліи въ сосѣднихъ горахъ; но продукты ихъ, столь высоко цѣнимые прежде, утратили теперь цѣну, и торговля удалилась изъ этихъ водъ. Маленькія деревеньки на морскомъ берегу, между Суромъ и Мирбатомъ, населены лишь рыболовами, изъ которыхъ большинство не имѣютъ даже лодокъ. Десятка два жителей острова Гулланіе имѣютъ только удочки и корзины [2]). Арабы племени дженнаби пускаются въ море на плотахъ, сплетенныхъ изъ вѣтокъ и поддерживаемыхъ на водѣ надутыми кожаными мѣшками: это келлеки, въ родѣ тѣхъ, какія употребляютъ прибрежные жители на Тигрѣ и Евфратѣ.

Торговое движеніе направилось далѣе на западъ къ берегамъ Махраха и Гадрамаута, за грозный мысъ Расъ-Фартакъ. Шехръ или «Городъ», лежащій на берегу океана, почти безлюденъ; но внутри материка основался значительный рынокъ Сукъ-Эль-Базиръ, городъ очень оживленный, хотя и неимѣющій порта; неустрашимые моряки Махраха имѣютъ десятковъ шесть небольшихъ судовъ, на которыхъ они отправляются въ море при первомъ дуновеніи сѣвернаго муссона и ведутъ торговлю вдоль береговъ; до половины настоящаго столѣтія эти суда употреблялись преимущественно для ввоза невольниковъ. Къ западу отъ Шехра, Макалла, стоящій на берегу глубокой и хорошо защищенной отъ вѣтровъ бухты, уступаетъ размѣрами торговаго движенія только англійскому городу Адену. Расположенный у подножія крутыхъ красноватыхъ склоновъ и стѣны изъ ослѣпительно бѣлаго известняка, возвышающейся на 400 метровъ, онъ смотритъ на Сомальскій берегъ черезъ Аденскій заливъ, и, дѣйствительно, торговля его ведется главнымъ образомъ съ африканскимъ континентомъ; предмѣстья его населены самальцами, абиссинцами, неграми, занзибарскими жителями такъ же, какъ индусами; камедь, кожи, александрійскій листъ, кунжутъ, ладанъ, табакъ, плавники акулъ—таковы главные предметы отпускной торговля этого города. Макалла служитъ приморскимъ рынкомъ очень богатымъ долинамъ, гдѣ, по словамъ Вреде, единственнаго путешественника, посѣтившаго до сихъ поръ тѣ мѣста, города болѣе многочисленны, чѣмъ во всякой другой части полуострова: тамъ насчитываются десятками городскія поселенія, имѣющія по шести тысячъ жителей и больше; въ нѣкоторыхъ долинахъ сады и улицы тянутся непрерывнымъ рядомъ на пространствѣ нѣсколькихъ дней ходьбы. Даже прибавляя къ жителямъ городовъ и мѣстечекъ жителей ближайшихъ окрестностей и всѣхъ подгородныхъ деревень, удивляешься чрезвычайной плотности, которую имѣетъ, по разсказамъ этого путешественника, населеніе Гадрамаута: населенность этой части Аравіи можно сравнить съ населенностью западной Европы. Теримъ, одна изъ столицъ этого края, лежитъ въ 200 слишкомъ километрахъ къ сѣверу отъ Макаллы, при сліяніи временныхъ потоковъ Рашіехъ и Касръ, образующихъ Уади-Моссилехъ. Другая столица, Шибамъ, километрахъ въ сорока къ юго-западу отъ Терима, находится въ бассейнѣ Уади-Касра, и другіе многолюдные города, какъ-то Гаура, Беда, Амидъ, расположены выше, на вѣтвяхъ того же рѣчнаго развѣтвленія; невдалекѣ отъ Гауры, близъ Мешедъ-Али, стоятъ «сорокъ гробницъ»—усыпальницы, испещренныя гиміарскими или сабейскими надписями. Путешественнику Вреде не удалось посѣтить этихъ знаменитыхъ могилъ, по той причинѣ, что проводникъ его клялся «хлѣбомъ насущнымъ», что онъ ни за что на свѣтѣ не поведетъ туда иностранца. Въ западномъ Гадрамаутѣ, на границахъ Іемена, важнѣйшіе города, Габбанъ, Іешбумъ, Низабъ, славящійся своими копями каменной соли, тоже остались въ сторонѣ отъ пути, пройденнаго нѣмецкимъ изслѣдователемъ. Два порта, Биръ-Али и Мегдеха, въ землѣ вагидовъ, страннымъ образомъ дополняютъ другъ друга. Расположенные на двухъ оконечностяхъ большой бухты, открывающейся на югъ, эти два города представляютъ, тотъ и другой, убѣжище судамъ только во время одного опредѣленнаго муссона. Мегдеха, лежащая на востокѣ, даетъ пристанище судамъ зимой, когда дуютъ сѣверо-восточные вѣтры; Биръ-Али, находящійся на западномъ концѣ залива, служитъ избранной гаванью въ періодъ южнаго муссона; все населеніе перемѣщается вмѣстѣ съ барками мореходовъ; смотря по времени года, оно странствуетъ

[1]) Carter, „Journal of the Geographical Society", 1846.
[2]) Hulton, „Journal of the Geographical Society", 1841.

изъ одной столицы въ другую [1]). На западѣ Шугра тоже очень посѣщаемая морская пристань. Арабы, жители этого прибрежья, эмигрируютъ въ большомъ числѣ въ Индустанъ, гдѣ они нанимаются солдатами въ войска раджей.

Англійскій городъ Аденъ, самый многолюдный во всей Аравіи, построенъ на островѣ, соединенномъ узкой песчаной косой съ твердой землей: его великолѣпное положеніе, у подошвы легко обороняемой естественной крѣпости изъ скалъ, при двухъ естественныхъ портахъ, глубокихъ и хорошо защищенныхъ отъ вѣтровъ и волненія, было оцѣнено англичанами уже во время съемки ими на карту аравійскаго побережья, и въ 1839 году они пріобрѣли Аденскій полуостровъ за пенсію въ нѣсколько сотенъ золотыхъ съ изображеніемъ Маріи-Терезіи, уплачиваемую Лагеджскому султану. Маленькая деревня опять сдѣлалась городомъ, какъ была Адана во времена финикійскихъ мореплавателей и затѣмъ до открытія морскаго пути въ Индію: теперь Аденъ состоитъ даже изъ двухъ различныхъ городовъ: «Морской пристани» или Steamer-Point (Пароходный мысъ), расположенной при западномъ портѣ, гдѣ пристаютъ пароходы, и гдѣ цѣлые флоты свободно могли бы производить свои эволюціи, и изъ собственнаго города, который со склоновъ потухшаго вулкана господствуетъ надъ восточнымъ портомъ, защищеннымъ островкомъ Сирахъ, который теперь соединенъ съ твердой землей. Сильныя укрѣпленія, напоминающія твердыни Гибралтара, построены англичанами въ самомъ кратерѣ вулкана Джебель-Шамшанъ. Замѣчательнѣйшіе памятники Адена—обширныя цистерны, выкопанныя въ боку горы, какъ средство для восполненія слишкомъ скуднаго запаса воды, доставляемой водопроводомъ съ холмовъ континента; вырытые въ горѣ бассейны могутъ вмѣщать слишкомъ 40.000 тоннъ воды, но часто бываютъ пусты, такъ что нужно прибѣгать къ дистиллированію морской воды для водоснабженія города. Арабы, прежніе хозяева страны, составляютъ меньшинство въ Аденѣ: главный элементъ населенія доставляется индусами, какъ баніахами, такъ и мусульманами, и сомаліями, выходцами съ противуположнаго, африканскаго берега: зимой около десяти тысячъ этихъ африканцевъ живутъ въ англійскомъ городѣ, куда они привозятъ овецъ, сало, коровье масло, строевой лѣсъ, и гдѣ они покупаютъ, взамѣнъ того, мануфактурныя издѣлія и табакъ.

Торговое движеніе Адена въ 1880 году: Привозъ — 40.000.000 франк.; вывозъ — 15.000.000 франк.

Евреи, нѣсколько персовъ, наконецъ европейцы, не считая гарнизона, составляютъ остальное населеніе этого города, который въ административномъ отношеніи причисляется, и не безъ основанія, къ Индустану. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ не простая пристань на морской дорогѣ изъ Лондона въ Бомбей? Вмѣстѣ съ зависящей отъ этого британскаго владѣнія территоріей арабскихъ царьковъ, Аденъ для англичанъ есть не что иное, какъ одно изъ звеньевъ громадной цѣпи, протянутой ими вокругъ земнаго шара. Территорія, присоединенная оффиціально къ колоніи, заключаетъ, на сѣверѣ отъ полуострова, небольшой оазисъ Шейхъ-Отманъ. Непосредственно у входа въ Красное море, защищаемаго скалистымъ мысомъ Бабъ-эль-Мандебъ, открывается, напротивъ Перима, почти кругообразная бухточка Шейхъ-Саидъ, которую предлагали избрать, какъ карантинную станцію для пилигримовъ, направляющихся въ Мекку. Марсельскіе негоціанты одно время составили-было проекты устроить портъ въ этой бухтѣ.

Сана, столица турецкаго вилайета, обнимающаго большую часть Іемена,—значительный городъ, одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ въ Аравіи; а между тѣмъ онъ лежитъ на высотѣ 2.130 метровъ надъ уровнемъ моря, слѣдовательно, на высотѣ большей, чѣмъ самый высокій городъ Европы. Очень чистый и опрятный, перерѣзанный широкими улицами, усѣянный садами общественными и частными, открытыми всѣмъ и каждому, Сана своимъ прекраснымъ внѣшнимъ видомъ смѣло можетъ поспорить съ богатѣйшими городами Востока, и нѣкоторыя изъ его зданій отличаются очень красивой архитектурой, напоминающей въ одно и то же время памятники Раджпутаны стилемъ изваяній и памятники Флоренціи величавостью контуровъ. Изъ-за переплетающихся вѣтвей деревьевъ выступаютъ огромныя каменныя массы дворцовъ, состоящихъ изъ корпусовъ, пристроенныхъ уступами одинъ къ другому и различающихся высотой, орнаментаціей, формой и размѣрами отверстій, рисункомъ и цвѣтомъ арабесокъ. Большинство оконъ полукруглыя, другія продолговатыя или готической формы; одни широко открытыя, другія рѣшетчатыя или съ прорѣзами, расположенными косыми рядами, въ родѣ оконъ голубятней; кордоны, раздѣляющіе этажи и закраины верхнихъ террасъ, изукрашены переплетающимися вычурными узорами. Нѣкоторыя изъ пятидесяти мечетей Саны поражаютъ грандіозностью своихъ размѣровъ; одна изъ нихъ слыветъ соперницей меккской Каабы по святости, даже у правовѣрныхъ мусульманъ Іемена. Живописныя руины встрѣчаются въ различныхъ частяхъ городской ограды; цементъ, который доставляетъ известь изъ сосѣднихъ каменоломень, такъ крѣпокъ, что нависшіе фрагменты древнихъ зданій держатся несокрушимо въ теченіе столѣтій.

[1]) „Petermann's Mittheilungen“, 1872.

Городъ дѣлится на три квартала, совершенно отдѣльные, заключенные въ одной общей оградѣ, частію разрушенной, но имѣющіе каждый свою особенную стѣну. Внѣ ограды, общая длина которой около 7 километровъ, расположены обширныя казармы, командующія городомъ лучше, чѣмъ старая, нынѣ полуразвалившаяся крѣпость [1]). На востокѣ раскинулся собственно такъ-называемый городъ, оканчивающійся замкомъ Эль-Гассеръ, и въ центрѣ котораго группируются лавки базара. Центральный кварталъ, отдѣленный отъ города бульваромъ, носитъ названіе Мутюакиль; тамъ особенно замѣчателенъ военный госпиталь, большое зданіе, устроенное по образцу европейскихъ заведеній этого рода: путешественникъ не безъ удивленія встрѣчаетъ въ странѣ гиміаровъ госпиталь, такъ хорошо содержимый, имѣющій медицинскій персоналъ, получившій образованіе въ высшихъ медицинскихъ школахъ западной Европы, имѣющій химическую лабораторію и анатомическія залы. Въ Санскомъ госпиталѣ за оффиціальный языкъ принятъ французскій, для корреспонденціи, статистики и счетоводства. Къ востоку отъ центральнаго квартала тянется, между садовъ, прекрасная улица Биръ-эль-Азебъ, гдѣ живутъ преимущественно турецкіе чиновники; затѣмъ, на западной оконечности города, скучены домики «жидовскаго квартала», Гаэ-эль-Яхудъ, прежде окруженнаго стѣной, за которую жителямъ дозволялось переступать лишь въ извѣстные часы дня. До обращенія іеменскихъ арабовъ въ исламъ, цѣлыя племена придерживались іудейской религіи, но при этомъ, кажется, не было смѣшенія расъ; по крайней мѣрѣ въ настоящее время арабы и яхуды составляютъ два класса населенія, совершенно отличные по наружности. Евреи теперь почти въ такомъ же презрѣніи у арабовъ, какъ ахдамы и шумры, паріи, которые походятъ на европейскихъ цыганъ и не допускаются даже къ общественнымъ молитвамъ [2]).

Городъ Сана, лежащій въ самой возвышенной мѣстности горъ Іемена, представляетъ стратегическій пунктъ, очень удачно выбранный, какъ позиція, откуда можно господствовать въ военномъ отношеніи надъ всей юго-западной областью Аравіи, какъ надъ восточной покатостью, постепенно спускающейся къ пустынѣ, такъ и надъ южной и западной отлогостями, обращенными къ Аденскому заливу и къ Красному морю; хорошо проложенныя дороги соединяютъ столицу Іемена съ нѣкоторыми изъ приморскихъ портовъ. Въ отношеніи легкости сообщеній и военнаго надзора, производимаго центральнымъ правительствомъ, Сана поставлена въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ бы-

ла древняя «метрополія сабеянъ», Маребъ и
Маріаба, античная Саба, которую такъ до
розыскивали изслѣдователи. Арно напалъ
слѣды ея, наконецъ, въ 1843 году, и по
того археологъ Галеви также видѣлъ ее во в
мя своего памятнаго путешествія, предпри
таго съ цѣлью отыскать гиміарскія надп
Маребъ находился въ долинѣ Джофа, на
воды котораго утекаютъ къ Гадрамауту; о
древней столицы уцѣлѣли только круглая
родская ограда и развалины зданія, извѣст
въ краѣ подъ именемъ «дворца Балкиды»:
этомъ-то дворцѣ, по сказанію легенды, и об
тала царица Саба, союзница Соломона. Къ
паду отъ Мареба открывается между дву
скалъ, возвышающихся на 400 метровъ, Б
лакское ущелье, гдѣ виднѣются остатки запр
ды, построенные изъ огромныхъ глыбъ кам
съ замѣчательнымъ искусствомъ и представля
щіе еще желоба шлюзныхъ воротъ. Около
ловины втораго столѣтія христіанской эры
великолѣпное сооруженіе, имѣющее 175 ш
говъ толщины при основаніи, уступило, одна
напору водъ «семидесяти» потоковъ, соедин
ныхъ въ резервуарѣ, а съ этого момента ис
рія края вдругъ измѣнилась: пришлось по
нуть воздѣланныя земли, городъ опустѣлъ, п
литическое равновѣсіе страны измѣнилось;
теченіе долгихъ вѣковъ въ Іеменѣ вели лѣт
счисленіе, принимая за начальную дату го
прорыва Маребской запруды [1]). Многочисленн
надписи, найденныя во дворцѣ Сабы и неда
ко оттуда въ руинахъ Мединетъ-Энъ-Неба
или «Бронзоваго города», дали возможнос
возстановить отчасти сабейскую исторію и м
ѳологію. Г. Галеви пробрался далѣе на сѣве
черезъ страну древнихъ минеянъ до Неджра
жители котораго, по большей части шіиты, пр
мыкаютъ, по своимъ религіознымъ вѣровані
къ большой кармаѳейской школѣ, вслѣдст
чего вагабиты клеймятъ ихъ прозвищемъ
вѣрныхъ [2]). Къ югу отъ Саны и Дамара,
дорогѣ, которая переходитъ послѣдователь
черезъ нѣсколько горныхъ цѣпей, чтобы с
ститься къ Аденскому порту, въ древнос
стоялъ другой знаменитый городъ, назыв
шійся Дафаръ, подобно городу, лежащему
южномъ берегу Омана; это былъ Сефаръ К
ги Бытія, о которомъ греческіе и римскіе
сатели упоминаютъ, какъ о метрополіи и
ской резиденціи гомеритовъ (гиміаровъ):
него остались лишь развалины, разсѣян
близъ нынѣшняго города Джеримъ, почти
половинѣ дороги изъ Саны въ Аденъ. На
верѣ, на плоскогорьяхъ, главный городъ—
ранъ, недалеко отъ сильной крѣпости Клу
банъ, которая въ 1872 году въ теченіе с
мѣсяцевъ оказывала сопротивленіе осаждав

[1]) Renzo Manzoni, „Esploratore“, vol. II, 1879.
[2]) Maltzan, „Petermann's Mittheilungen“, 1878.

[1]) Palgrave, цитированное сочиненіе.
[2]) Jomard, „Etudes géographiques et historique
l'Arabie“.

му ее турецкому войску. Города этой страны по большей части группы крѣпкихъ замковъ, съ башнями, террасами и зубчатыми стѣнами, которые грозно высятся среди хижинъ, сдѣланныхъ изъ древесныхъ вѣтвей.

Кофе изъ южнаго Іемена вывозится преимущественно черезъ Аденскій портъ; Мокка, на берегу Аравійскаго залива, не пользуется болѣе монополіей экспорта этого продукта. Этотъ городъ, нѣкогда очень торговый, который далъ свое имя лучшимъ сортамъ кофе, утратилъ свою внѣшнюю торговлю, и его ограда изъ каменныхъ стѣнъ заключаетъ теперь больше развалинъ, чѣмъ обитаемыхъ домовъ; но онъ еще отправляетъ за границу произведенія Уддейнскихъ кофейныхъ плантацій, пользующихся наибольшей славой во всей Аравіи. Взамѣнъ того, другіе порты побережья Краснаго моря достигли цвѣтущаго состоянія: въ то время, какъ Мокка приходила въ упадокъ, Годейдахъ, лежащій по близости отъ Бентъ-эль-Факиха и Зебида, которые въ прошломъ столѣтіи были самыми дѣятельными рынками по кофейной торговлѣ, сдѣлался важнымъ городомъ и теперь служитъ приморской гаванью для Саны, Манаши и другихъ многолюдныхъ городовъ верхняго Іемена. Въ Годейдахѣ есть турецкая колонія, среди которой господствуетъ сильная смертность, такъ что ежегодно умираетъ болѣе, чѣмъ одинъ изъ десяти отъ лихорадокъ, дисентерій, болѣзней печени [1]). Галефка, Логейяхъ—тоже оживленные порты. Островъ Камаранъ, между Годейдахомъ и Логейдахомъ, былъ выбранъ международной санитарной коммиссіей, какъ наиболѣе удобное мѣсто для устройства карантиннаго лазарета, гдѣ пилигримы, направляющіеся въ Мекку, задерживаются на срокъ отъ десяти до пятнадцати дней для освидѣтельствованія ихъ санитарнаго состоянія оттоманскими врачами [2]). На очень многихъ картахъ Камаранъ ошибочно обозначенъ какъ англійскій островъ: онъ принадлежитъ Турціи. Около сѣверной границы Іемена главный рынокъ—городъ Абу-Аришъ.

Въ землѣ Ассиръ городскія поселенія рѣдки и малолюдны. Бывшій главный городъ этой страны, Мигайль, почти покинутъ жителями, по причинѣ нездороваго климата той мѣстности; турецкіе чиновники избрали административнымъ центромъ области другое мѣстечко, Эфа, лежащее на высотѣ 800 метровъ, на передней террасѣ большихъ горъ; но самое значительное городское поселеніе находится восточнѣе, на высотѣ около 2.000 метровъ, близъ раздѣльнаго хребта между побережьемъ Краснаго моря и пустыней: это Намюзъ, главный городъ территоріи, занимаемой племенемъ бени-шейръ. Главный портъ Ассира — городъ Конфудахъ; далѣе на сѣверъ, городъ Литъ ведетъ торговыя сношенія съ Меккой сухимъ путемъ. Деревни Ассира походятъ во многихъ мѣстахъ на селенія Курдистана: онѣ состоятъ изъ логовищъ, вырытыхъ въ землѣ, имѣющихъ только одно отверстіе для пропуска воздуха и свѣта и прикрытыхъ сверху дерномъ и хворостомъ; въ этихъ-то подземельяхъ и обитаютъ туземцы со своими стадами. Крѣпкіе замки шейховъ имѣютъ форму усѣченныхъ четырехсторонних пирамидъ въ два или три этажа; внизу помѣщаются конюшни и хлѣвы, но лѣстница, очень пологая, позволяетъ животнымъ всходить на террасу, гдѣ и держатъ скотъ, въ случаѣ нападенія непріятеля; стѣны, толщиной въ два слишкомъ метра, не боятся турецкихъ пуль и бомбъ. Въ сосѣдствѣ *кабилетовъ* или племенъ разбойничьихъ бедуиновъ жилища поселянъ состоятъ изъ большихъ башенъ, двери которыхъ сдѣланы очень высоко, и доступъ въ которыя возможенъ не иначе, какъ по приставной лѣстницѣ, убираемой внутрь дома, въ случаѣ опасности [1]).

Жители Ассира—вагабиты, но они до сихъ поръ сохранили многіе обычаи, напоминающіе языческія времена и соблюдавшіеся еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Прежде кабилеты (разбойничьи племена) имѣли обыкновеніе продавать своихъ дочерей съ молотка: ни одинъ бракъ не былъ заключаемъ безъ того, чтобы ему не предшествовала формальная продажа невѣсты на публичномъ торжищѣ, въ присутствіи толпы [2]). Такъ же, какъ въ Афганистанѣ, у нѣкоторыхъ племенъ гезареховъ, жители Ассира простирали гостепріимство до того, что уступали своихъ женъ чужеземцу на время его пребыванія въ ихъ домѣ. Земля Ассиръ, казалось бы, должна быть одной изъ самыхъ здоровыхъ областей Аравіи, а между тѣмъ это одинъ изъ главныхъ очаговъ желвачной заразы; въ 1874, въ 1879 и въ 1880 годахъ, эта болѣзнь, которую въ краѣ называютъ «старшей», быть можетъ, по причинѣ ея исконныхъ опустошеній, похитила почти четверть населенія Намюзскаго округа [3]).

Мекка, городъ «священный» для ста пятидесяти или двухсотъ милліоновъ людей, городъ, къ которому устремляются, въ часъ молитвы, взоры и руки мусульманъ всѣхъ сектъ и всѣхъ націй—индусовъ или персіанъ, арабовъ, берберовъ или негровъ,—не есть большее скопленіе жителей, какъ большинство столицъ государства: это городъ далеко не обширный, гдѣ бываетъ большое стеченіе народа только въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ пилигримства, послѣ рамадана; а между тѣмъ Мекка или Бекка, какъ ее называли туземныя племена въ домагометанскую эпоху, слыветъ у мусульманъ «ма-

[1]) Mahé, рукописныя замѣтки.
[2]) Mahé, рукописныя замѣтки.

[1]) Zitterer.—Millingen;—Mahé, рукописныя замѣтки.
[2]) Burckhardt, „Travels in Arabia“.
[3]) Mahé, рукописныя замѣтки.

терью городовъ», и составлена цѣлая книга изъ титуловъ и названій, даваемыхъ ей вѣрующими; она обязана единственно своему священному камню тѣмъ, что сдѣлалась, несмотря на неудобства своего географическаго положенія, метрополіей Аравіи, сборнымъ мѣстомъ народовъ, городомъ прекраснаго языка. Она лежитъ между голыхъ холмовъ и песчаныхъ пространствъ, въ долинѣ или вѣрнѣе на обсохшемъ ложѣ уади, имѣющаго очень пологій скатъ съ сѣвера на югъ, и воды котораго, текущія рѣдко, теряются въ пескахъ, не достигая моря; иногда онѣ несутся настоящимъ потопомъ, наполняя всю долину, и дома, размытые при основаніи, обрушиваются въ широко разлившійся потокъ; въ 1861 году цѣлая треть города была повалена наводненіемъ; прежде отъ этихъ внезапныхъ разливовъ защищала плотина, построенная выше города. Совокупность кварталовъ тянется по направленію уади и продолжается становищами, кучками хижинъ, гдѣ живутъ, между прочимъ, и корейшиты, обѣднѣвшіе потомки народца, нѣкогда могущественнаго, къ которому принадлежалъ основатель ислама. На горѣ расположена цитадель, господствующая надъ Меккой. Улицы святаго города, болѣе широкія, чѣмъ улицы большинства арабскихъ городовъ, чтобы давать проходъ огромной толпѣ пилигримовъ, всѣ сходятся къ центральной площади, занимаемый четыреугольной массой святой мечети, Месджидъ-эль-Гарамъ.

Это зданіе — памятникъ, не отличающійся архитектурной красотой, который къ тому же часто приходилось починять и даже перестраивать вслѣдствіе поврежденій, производимыхъ наводненіями — представляетъ собраніе низкихъ построекъ съ куполами и минаретами, образующими колоннаду со стороны обширнаго внутренняго двора. Ученики группируются подъ аркадами вокругъ своихъ наставниковъ; проповѣдники говорятъ тамъ проповѣди, и во время праздниковъ пилигримства многочисленная толпа богомольцевъ движется въ оградѣ перекрещивающимися потоками. Въ центрѣ двора высится Кааба или «Кубъ», четыреугольная масса, вышиной метровъ въ двѣнадцать, запертая серебряной дверью, которая отпирается три раза въ годъ для пилигримовъ. Въ наружной стѣнѣ, близъ двери, вдѣланъ знаменитый черный камень, аэролитъ, отколовшіеся куски котораго придерживаются серебрянымъ обручемъ. Это священный камень, врученный ангеломъ Божіимъ Измаилу, родоначальнику арабовъ, и который въ день страшнаго суда заговоритъ, чтобы свидѣтельствовать въ пользу тѣхъ, которые цѣловали его чистыми устами. Надъ зданіемъ, поэтически уподобляемымъ невѣстѣ [1]), развѣвается длинными складками навѣсъ изъ черной шелковой матеріи, подарокъ

[1]) Burckhardt, „Travels in Arabia".

падишаха константинопольскаго; это колых
матеріи, говорятъ пилигримы, происходитъ о
движенія крыльевъ ангеловъ, летающихъ в
кругъ священнаго Куба, и которые когда-н
будь унесутъ его на небо и поставятъ перед
престоломъ Аллаха. Четыре молельни возд
нуты по угламъ четырехсторонней башни; это м
сто молитвы четырехъ правовѣрныхъ сектъ м
гометанъ-суннитовъ: шафитовъ, которые живу
главнымъ образомъ въ Сиріи и въ Месопот
міи, между Тигромъ и Евфратомъ; ганафитов
состоящихъ по большей части изъ бухарцев
белуджистанцевъ, афганцевъ и турокъ; ма
китовъ, почти исключительно африканцевъ,
ганбалитовъ, огромное большинство которы
арабскаго происхожденія. Въ одной изъ ча
вень бьетъ изъ земли обильный источни
Земземъ, святая вода, брызнувшая изъ зем
для Агари и Измаила, когда они блужда
томимые жаждой, въ пустынѣ. Эта вода, пр
чемъ, немного соленая, считается всеисцѣл
щимъ средствомъ отъ всѣхъ недуговъ, и въ г
родахъ Востока богатые мусульмане добываю
ее за большія деньги: между тѣмъ химикъ Фр
клендъ, анализировавшій ее, говоритъ, что о
«никогда не видывалъ воды до такой степе
загрязненной органическими веществами» [1]
Но прежде она не смѣшивалась, какъ въ на
дни, съ водами изъ водосточныхъ канавъ. В
сезонъ пилигримства число хаджей, мужчи
и женщинъ, которые толпятся передъ Кааб
и священнымъ источникомъ, доходитъ иног
до шести или восьми тысячъ человѣкъ. Ког
всѣ пилигримы разомъ дѣлаютъ поклонъ, сл
но наклоняемые силой вѣтра во время бу
ударяя себя въ грудь и читая съ бѣше
яростью молитвы,—эта пестрая многотысяч
толпа, гдѣ встрѣчаются люди, пришедшіе
всѣхъ сторонъ мусульманскаго міра,—съ ост
вовъ Индіи, изъ Китая, изъ сибирскихъ степе
съ береговъ Нила и Нигера,—представля
единственное въ своемъ родѣ зрѣлище; д
правовѣрнаго нѣтъ впечатлѣнія болѣе сильн
и случалось, иные впадали въ такой религіо
ный экстазъ, что призывали смерть для то
чтобы райское блаженство продолжало бож
ственную радость, наполняющую все ихъ с
щество; другіе выкалывали себѣ глаза, что
взоръ ихъ не былъ оскверняемъ другимъ в
домъ, кромѣ вида святаго мѣста. При вхо
пилигримовъ въ ограду мечети Месджидъ-э
Гарамъ, одна изъ ихъ первыхъ церемоній с
стоитъ въ томъ, чтобы обѣжать семь ра
вокругъ Каабы, кружась справа налѣво и пр
касаясь каждый разъ къ черному камню: э
называется «сдѣлать туафъ». Въ до-ислам
скія времена вѣрующіе бѣгали кругомъ Каа
въ состояніи совершенной наготы: считало
что они вмѣстѣ съ одеждой сбрасывали съ се

[1]) Mahé, рукописныя замѣтки.

и свои грѣхи. Магометъ подтвердилъ церемонію туафа, но отмѣнилъ обязанность раздѣваться до-нага; тѣмъ не менѣе, и теперь пилигримы, прибывъ на послѣднюю станцію передъ Меккой, считаютъ долгомъ скинуть съ себя свое обычное одѣяніе, чтобы прикрыть наготу одной только рубашкой, *ирамъ* или *морамъ*, и въ этомъ-то простомъ нарядѣ они должны переносить ночной холодъ и дневной зной, до тѣхъ поръ, пока не будутъ исполнены всѣ церемоніи посѣщенія святыни [1]).

Число пилигримовъ значительно разнится отъ одного года до другаго, смотря по политическому состоянію полуострова и окружающихъ его государствъ. Въ первыя времена магометанскаго религіознаго пыла, когда обязанность совершать хожденіе въ Мекку, по крайней мѣрѣ разъ въ жизни, считалась священной, и когда свидѣтельства о посѣщеніи святаго мѣста не покупались цѣной денегъ, чужеземцы стекались сотнями тысячъ въ духовный центръ мусульманства. Калифы велѣли выстроить города, для того, чтобы пилигримы находили удобныя мѣста для остановокъ въ пустынѣ, и милліонами раздавали золотыя монеты жителямъ Мекки и Медины. Въ тринадцатомъ столѣтіи, караванъ послѣдняго изъ Абассидовъ состоялъ изъ 120.000 верблюдовъ и изъ цѣлой арміи солдатъ, служителей и торговцевъ. Подъ турецкимъ владычествомъ государи никогда не подавали примѣра такого усердія къ вѣрѣ: ни одинъ изъ падишаховъ константинопольскихъ не совершилъ путешествія въ Мекку. Они ограничиваются посылкой подарковъ и отправляютъ какого-нибудь придворнаго сановника въ качествѣ представителя своей особы передъ священнымъ чернымъ камнемъ. Во время войнъ между турками и вагабитами хожденіе мусульманъ къ святымъ мѣстамъ почти совершенно пріостановилось; со времени возстановленія мира средній наплывъ богомольцевъ ежегодно превышаетъ сто тысячъ человѣкъ, которые почти всѣ столько же ревнуютъ о своихъ меркантильныхъ интересахъ, сколько и о спасеніи души; во время ихъ пребыванія святой городъ превращается въ громадный базаръ; торговля завладѣваетъ даже дворомъ и колоннадами храма. Но введеніе пароходства на Красномъ морѣ и открытіе Суэзскаго канала имѣли слѣдствіемъ радикальное измѣненіе условій путешествія для пилигримовъ и заставили покинуть нѣкоторыя дороги, прежде очень посѣщаемыя ихъ караванами. Египетскіе хаджи, направляющіеся черезъ Синайскій полуостровъ, чтобы затѣмъ обогнуть Акабахскій заливъ и слѣдовать вдоль Мадіанскаго побережья и Геджаса, немногочисленны; дамасскій караванъ, представлявшій, бывало, цѣлый народъ, странствующій по пустынямъ, не наполняетъ болѣе долинъ своими безчисленными шатрами и не вычерпываетъ до дна лежащихъ на пути источниковъ и колодцевъ; іеменскій караванъ, идущій вдоль южнаго берега, тоже уменьшился; изъ Маската караванъ больше не ходитъ; только поперечная дорога, направляющаяся изъ Месопотаміи къ Меккѣ черезъ Неджедъ, сохранила свою относительную важность, по той причинѣ, что плаваніе кругомъ полуострова стоило бы слишкомъ дорого большинству пилигримовъ. Женщины тоже приглашаются совершать хожденіе къ святымъ мѣстамъ, и обычай позволяетъ вдовамъ заключать временные браки съ жителями Мекки на срокъ ихъ пребыванія тамъ. Что касается не-мусульманъ, то входъ въ Каабу и даже вообще въ священный городъ имъ безусловно воспрещенъ, и только при исключительныхъ обстоятельствахъ иновѣрцамъ удавалось проникать туда, или во время войны противъ вагабитовъ, въ свитѣ Мегемета-Али и его офицеровъ, или подъ видомъ хаджей; такимъ-то способомъ Бадія или Али-бей, Бурхардъ, Мальцанъ, Бертонъ, Кинъ принимали участіе въ церемоніяхъ туафа. Но если европейцы не допускаются въ святилище ислама, то тѣмъ не менѣе вліяніе ихъ проявляется преобладающимъ образомъ въ отношеніи сборищъ пилигримовъ: черезъ посредство международной санитарной коммиссіи они имѣютъ надзоръ за скопленіями богомольцевъ, регулируютъ ходъ каравановъ, наблюдаютъ за поддержаніемъ порядка и соблюденіемъ требованій гигіены въ пилигримскихъ станахъ. Благодаря этому вмѣшательству европейцевъ, пилигримовъ теперь не сопровождаютъ всегда, какъ бывало прежде, холера, чума или тифъ.

Церемоніи пилигримства не считаются вполнѣ законченными, и посѣтители чернаго камня не имѣютъ права принять титулъ хаджи, если они не сходятъ также помолиться Аллаху на склонахъ святой горы Арафатъ, находящейся въ семи или восьми часахъ ходьбы къ сѣверо-востоку отъ Мекки. Это гранитный хребетъ, возвышающійся всего только на 60 метровъ надъ уровнемъ окружающей равнины, но имѣющій нѣсколько километровъ въ окружности при основаніи; своей традиціонной святостью въ глазахъ арабовъ онъ обязанъ, можетъ быть, обильному источнику, бьющему изъ разсѣлины скалы, и который султанша Зобеида велѣла перехватить, чтобы провести его воду въ Мекку посредствомъ водопровода, частію подземнаго; но каналъ, худо поправляемый, позволяетъ просачиваться водѣ изъ резервуаровъ, устроенныхъ на его протяженіи, и потому городъ получаетъ нынѣ лишь незначительную часть ея. Въ день, когда многочисленная толпа пилигримовъ, увеличенная жителями и гарнизономъ Мекки, направляется къ горѣ Арафатъ, долина ручья Уади-Муна, по кото-

[1]) Burckhardt, „Travels in Arabia;—B. Burton, „Pilgrimage to Mecca";—Maltzan, „Wall fahrt nach Mekka";—Keane, „Six months in Mecca".

рой поднимается дорога, бываетъ слишкомъ узка, чтобы вмѣстить эти массы народа, и въ тѣснинахъ происходитъ такая давка, что требуется нѣсколько часовъ для того, чтобы весь людской потокъ могъ пройти тѣсное мѣсто. Въ 1816 году, во время посѣщенія страны путешественникомъ Бурхартомъ, и въ 1882 году, по отчету международной санитарной коммиссіи, около 70.000 пилигримовъ толпились, вмѣстѣ со своими верблюдами и лошадьми, вокругъ святой горы, и равнина была сплошь усѣяна бедуинами, преимущественно жителями Ассира, пригнавшими съ собой стада барановъ, чтобы продавать ягнятъ богомольцамъ, какъ жертвы для закланія. Но какъ бы ни было велико число вѣрующихъ, пришедшихъ помолиться отъ чистаго сердца на горѣ Арафатъ, гдѣ, по преданію, общій прародитель Адамъ въ первый разъ научился отъ ангеловъ взывать къ имени Божію, всѣ находятъ тамъ мѣсто: гора вздувается неограниченно, говоритъ легенда, чтобы вмѣстить толпу поклоняющихся Господу. Нищіе уже расположились тамъ сотнями и тысячами, когда являются вѣрующіе; сидя на карнизахъ и выступахъ скалъ, они протягиваютъ свои платки для того, чтобы проходящіе бросали туда подаянія. «Подумай о твоемъ долгѣ, пилигримъ!» говорятъ они ему, требуя то, что, какъ они убѣждены, принадлежитъ имъ по праву. Когда церемонія начинается, всѣ тѣснятся на склонахъ такъ, чтобы, если не слышать, то по крайней мѣрѣ видѣть кади Мекки, говорящаго и жестикулирующаго съ высоты своего верблюда; даже караваны хаджей представлены на вершинѣ горы махмалами или священными верблюдами каравана, на которыхъ нагромождены высокіе деревянные балдахины, обтянутые пышными драпировками. Какъ только проповѣдникъ воздѣнетъ руки къ небу, чтобы призвать благословеніе Всевышняго на собравшуюся толпу вѣрующихъ, тысячи голосовъ испускаютъ вмѣстѣ одинъ и тотъ же крикъ: «лебеикъ Алла хума лебеикъ»!—«Мы твои слуги, Боже»! Затѣмъ всѣ устремляются внизъ, къ подошвѣ горы. Издали эту несмѣтную толпу людей въ бѣлыхъ рубахахъ, бѣгущихъ съ уступа на уступъ, можно принять за пѣнящійся водопадъ, низвергающійся съ горы. На слѣдующій день, послѣ шумной ночи, совершается на разсвѣтѣ вторая общая молитва, послѣ чего толпа богомольцевъ направляется въ обратный путь къ Меккѣ. Во время перехода черезъ одно ущелье есть обычай бросать камни въ основанію стѣны скалъ, чѣмъ изображается будущее побіеніе камнями діавола. Огромныя груды камней скопились въ этомъ мѣстѣ, гдѣ, безъ сомнѣнія, уже тысячи лѣтъ совершается эта церемонія, прообразующая истребленіе Эблиса, духа тьмы. Далѣе дѣлаются жертвоприношенія, при чемъ каждый пилигримъ, смотря по состоянію, закалываетъ одно или нѣсколькихъ животныхъ; кровь льется потоками на песокъ, и тучи коршуновъ налетаютъ на падаль, не дожидаясь, когда послѣдніе богомольцы удалятся съ поля кровавой сѣчи.

Мекка занимаетъ центръ священной территоріи, называемой Гудудъ-эль-Гарамъ. Она дополняется на востокѣ укрѣпленнымъ городомъ Таифъ, расположеннымъ на закраинѣ центральнаго плоскогорья, въ небольшой долинѣ, наполненной зеленью фруктовыхъ деревьевъ: это перекрестокъ всѣхъ дорогъ, направляющихся къ внутренности Аравіи. На западѣ другое передовое мѣсто Мекки—приморскій городъ Джедда, построенный на побережьѣ Краснаго моря, на бывшемъ плоскомъ берегу, гдѣ еще видны слѣды пребыванія водъ; оттого, хотя дома хорошо построены, и хотя воздухъ свободно циркулируетъ на улицахъ, Джедда имѣетъ нездоровый климатъ; даже морскія бриза приноситъ ей нечистыя испаренія лужъ, оставляемыхъ отливомъ среди коралловыхъ построекъ. Гнѣздо заразы, откуда пилигримы часто заносили холеру на берега Средиземнаго моря, Джедда избрана главной станціей международной санитарной коммиссіи, и всѣ высаживающіеся въ этомъ портѣ пилигримы должны содѣйствовать уплатой небольшаго налога, въ размѣрѣ около 2 франковъ, примѣненію мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ охраненія общественнаго здравія. Джедда—самый богатый городъ на берегахъ Краснаго моря: число пилигримовъ, высадившихся въ ея портѣ, въ фискальномъ 1880—1881 году, было 59.659, а въ 1881—1882 году 37.785 [1]). Торговля Джедды, весьма значительная (общая цѣнность торговаго движенія, въ среднемъ, простирается до 120.000.000 франковъ), возрастаетъ или уменьшается, смотря по большему или меньшему наплыву богомольцевъ. Городское населеніе, состоящее въ значительной части изъ пилигримовъ, оставшихся въ краѣ, представляетъ существенно космополитическій характеръ; такрури — имя, которымъ обыкновенно обозначаютъ большинство африканцевъ изъ Нубіи—занимаютъ нѣсколько кварталовъ; кромѣ того, въ Джеддѣ живутъ около 2.000 индусовъ; далѣе тамъ встрѣтишь даже китайцевъ, малайцевъ, дайяковъ съ острова Борнео; весь этотъ пришлый людъ привлекается столько же ревностью къ вѣрѣ, сколько страстью къ наживѣ; болѣе четверти жителей состоитъ изъ невольниковъ [2]). Живя на счетъ благочестія хаджей, обитатели приморскаго порта Мекки отличаются въ большинствѣ сильнымъ фанатизмомъ; въ 1858 году европейскія державы должны были мстить за смерть консуловъ Франціи и Англіи, умерщвленныхъ фана-

---

[1]) Mahé, рукописныя замѣтки.

[2]) G. Rohlfs, „Voyage en Abyssinie“

тической чернью. Такъ же, какъ Мекка, Джедда имѣетъ въ окрестностяхъ нѣсколько мѣстъ священныхъ по преданію: таковъ, къ востоку отъ города, на дорогѣ изъ Гадда, бугоръ длиной около 60 метровъ, который называютъ могилой Евы, «матери всѣхъ живущихъ». По вѣрованію пилигримовъ, тѣло прародительницы много превосходило пространство, обозначаемое выступомъ почвы: голова Евы покоилась въ Мединѣ, тогда какъ ноги достигали Африки. Въ честь Евы портъ Мекки и получилъ свое названіе Мединетъ-эль-Джедда или «городъ Праматери» [1]).

Мединетъ-энъ-Неби, то-есть «ГородъПророка», или просто Медина, «Городъ» по преимуществу, уступаетъ въ святости, въ мусульманскомъ мірѣ, одной только Меккѣ. Она не сообщаетъ титула хаджи тѣмъ, кто ее посѣщаетъ, и строгіе мусульмане не обязаны совершить туда хожденіе по крайней мѣрѣ разъ въ жизни, какъ въ Мекку; но «молитва, вознесенная къ престолу Всевышняго въ мединской мечети, стоитъ тысячи молитвъ, сотворенныхъ въ другихъ мѣстахъ»; сотня именъ, которыми замѣнено старое названіе Ятребъ, признаваемое зловѣщимъ, свидѣтельствуетъ о высокомъ достоинствѣ Медины между другими городами магометанскаго міра. Такъ же, какъ Мекка, «Городъ Пророка» занимаетъ центръ священной территоріи, Гудутъ-эль-Гарамъ, пространства около 300 квадр. километровъ, гдѣ «грѣхи воспрещены», гдѣ, «не позволяется охотиться, ни убивать другихъ животныхъ, кромѣ невѣрныхъ». Большинство пилигримовъ, посѣщающихъ Медину, состоитъ изъ мограбиновъ, то-есть изъ западныхъ жителей Африки, приходящихъ поклониться не только гробу пророка, но также и могилѣ имама Малекъ-ибнъ-Анеса, основателя секты малекитовъ, къ которой они принадлежатъ почти всѣ. Въ Мединѣ высказывается больше нетерпимости въ отношеніи лицъ женскаго пола, чѣмъ въ Меккѣ: доступъ въ главную мечеть женщинамъ не воспрещенъ; но еще недавно онѣ могли приходить туда только ночью.

Городъ лежитъ на восточной сторонѣ краевыхъ горъ, отдѣляющихъ область Техамы отъ центральнаго плоскогорья; въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу останавливаются потоки пористой лавы, вышедшей изъ кратера Охода, знаменитой горы, которая должна быть когда-нибудь перенесена въ рай, какъ театръ побѣды, одержанной Магометомъ надъ его врагами; на востокѣ и на западѣ тоже возвышаются нѣсколько горныхъ вершинъ, между прочимъ, гора Аира, гдѣ пророкъ едва не погибъ отъ жажды, и которая за это будетъ ввержена въ адъ. Къ югу тянется на необозримое пространство сѣроватая равнина, гдѣ глинистая почва чередуется съ песками и мѣломъ. Группы пальмъ оживляютъ окрестности Медины вездѣ, гдѣ вода колодцевъ достаточна для орошенія земли; однако холода очень чувствительны на этой высотѣ, вѣроятно, близкой къ 1.000 метровъ; какъ гласитъ поговорка, приписываемая самому Магомету, «человѣкъ, переносящій терпѣливо холодъ Медины и зной Мекки, заслуживаетъ награды въ раю». Собственно городъ, гораздо менѣе обширный, чѣмъ Мекка, имѣетъ форму овала, окруженнаго стѣнами, которыя оканчиваются на сѣверо-западѣ крѣпкимъ замкомъ; на западѣ и на югѣ широкій бульваръ отдѣляетъ городъ отъ предмѣстій, болѣе обширныхъ, перемѣшанныхъ съ садами и ограничиваемыхъ со стороны окрестныхъ сельскихъ мѣстностей жалкимъ землянымъ валомъ. Уади, внезапныя наводненія котораго часто опустошали Медину, перерѣзываетъ предмѣстья и теряется далеко въ равнинѣ; кромѣ того, подземный каналъ, подобный афганскимъ карезамъ, приноситъ городу воду, немного жесткую, которая, однако, употребляется мединцами для питья, такъ же, какъ и для орошенія садовъ. Мединской водѣ часто приписываютъ происхожденіе подкожной глисты, называемой струнецъ мединскій (filaria medinensis), столь обыкновенной въ нѣкоторыхъ областяхъ Аравіи; но, по словамъ Бертона, она рѣдко встрѣчается у жителей города Пророка [1]). Этотъ городъ, видомъ своихъ домовъ напоминающій города Сиріи, не имѣетъ замѣчательныхъ зданій, и даже знаменитая мечеть Эль-Харамъ—самое ординарное, ничѣмъ особеннымъ не отличающееся строеніе; въ этомъ храмѣ находится гробница пророка Магомета, окруженная рѣшоткой, за которую даже важнѣйшіе сановники рѣдко могутъ переступать. Но всѣ пилигримы удостовѣряютъ, что извѣстная, обще-распространенная легенда, по которой священный гробъ, будто-бы, виситъ на воздухѣ, ничѣмъ не поддерживаемый, лишена основанія. Кромѣ того, въ главной мечети Медины покоятся смертные останки калифовъ Абу-Бекра, Омара и нѣкоторыхъ другихъ знаменитѣйшихъ святыхъ ислама; случалось, что пилигримы изъ шіитовъ оскверняли эти гробницы, бросая на нихъ нечистоты, завернутыя въ дорогія ткани: эти акты фанатизма обыкновенно сопровождались избіеніемъ всѣхъ проживающихъ въ Мединѣ персіанъ.

«Воротами» Медины на Красномъ морѣ служитъ городъ Ямбо, лежащій на разстояніи слишкомъ 200 километровъ по прямой линіи къ юго-западу отъ родины Пророка: его обыкновенно называютъ Янбуа-эль-Бахръ или «Приморскій Ямбо», въ отличіе отъ Янбуа-эль-Нахль или «Ямбо съ пальмовыми рощами», который находится внутри материка въ оазисѣ,

[1]) Ramidien; — Burton; — Gobineau, etc.

[1]) „Pilgrimage to El-Medinah and Meccah“.

отстоящемъ слишкомъ на 30 километровъ отъ морскаго берега. Если смотрѣть съ моря, Ямбо является на сѣромъ фонѣ пустыни, въ видѣ бѣлой линіи между лазурью волнъ и синевой неба. Впрочемъ, городъ не имѣетъ замѣчательныхъ зданій; что́ всего лучше запечатлѣваетъ воспоминаніе о немъ въ умѣ путешественниковъ, такъ это чистая и прохладная вода источниковъ—сокровище неизвѣстное почти во всѣхъ другихъ городахъ прибрежья.

Ямбо—послѣднее городское поселеніе на берегахъ Краснаго моря. На сѣверѣ единственный приморскій портъ, посѣщаемый судами—Эль-Веджъ, лежащій уже на египетской территоріи. Международная санитарная коммиссія выбрала эту глубокую и хорошо защищенную бухту для учрежденія карантинной станціи на дорогѣ изъ Суэца въ Джедду; но мограбинскіе (западно-африканскіе) пилигримы останавливаются, для медицинскаго осмотра, въ Торѣ, какъ хаджи, направляющіеся съ юга, задерживаются на островѣ Камаранѣ. Мѣстечко Эль-Веджъ расположено на твердой землѣ, но оно такъ же уединено, какъ если бы находилось посреди моря; вокругъ бухточки видны только пески и скалы; тамъ и сямъ кое-какія развалины городовъ, построенныхъ фараонами или римлянами, прерываютъ однообразіе пустынь. Города древнихъ набатеянъ, которые англичанинъ Бертонъ предлагаетъ возстановить въ Мадіанской странѣ для разработки золотыхъ рудниковъ, все еще пребываютъ въ состояніи безформенныхъ развалинъ, сливающихся съ камнями пустыни.

Весь Гамадъ, къ югу отъ Пальмиры, между долиной Евфрата и горными цѣпями Гаурана, принадлежитъ бродячимъ племенамъ: аназехъ, шаммаръ, роала, моали, гаддадинъ, бени-сахръ и шераратъ. Города или, лучше сказать, группы деревень, расположенныхъ въ одномъ и томъ же пальмовомъ лѣсѣ, встрѣчаются только въ южной части Гамада, вблизи береговыхъ горъ западной Аравіи и массива Джебель-Шаммаръ. На сѣверо-западѣ отъ большаго Нефуда одна изъ впадинъ, составляющихъ часть долины Уади-Сиргана, Джофскій бассейнъ, остатокъ бывшаго моря, извивавшагося между степями Гамада и пустыней, заключаетъ въ себѣ два многолюдныхъ города. Обсохшее ложе озера, гдѣ находится Джофскій оазисъ, лежитъ на средней высотѣ 560 метровъ: колодцы, вырытые въ самой глубокой части бассейна, доставляютъ достаточно воды для орошенія оазиса величиной въ 3 квадр. километра, посреди котораго группируются нѣсколько сотенъ домовъ, окруженныхъ зубчатой стѣной и шпалерами пальмъ. Нѣсколько домиковъ разсѣяны внѣ ограды, а все окружающее пространство представляетъ солончаковую степь, блистающую бѣлизной, гдѣ тамъ и сямъ, вокругъ колодцевъ, растутъ группы пальмъ, составляющія темныя пятна на бѣлоснѣжномъ фонѣ равнины. Два крѣпкихъ замка господствуютъ надъ лабиринтомъ узкихъ кривыхъ улицъ и площадей городка. На сѣверо-востокѣ, другой городъ, Мескакехъ, немного болѣе многолюдный, чѣмъ Джофъ, занимаетъ дно другой впадины, нѣкогда бывшей озеромъ, менѣе правильной и болѣе изрѣзанной оврагами; и здѣсь тоже надъ городомъ возвышается живописный замокъ съ крупными башнями по бокамъ; вся орошаемая земля, до послѣдняго комка, занята садами; дома очень опрятны и содержатся въ совершенной чистотѣ и порядкѣ. Города Джофъ и Мескакехъ, населеніе которыхъ почти такое же смѣшанное, какъ и населеніе бассейна Евфрата, въ политическомъ отношеніи зависятъ отъ Неджда. Турки занимали временно оазисы Джофа, и неджинскій государь платилъ ежегодно небольшую дань мединскому шерифу, въ знакъ вассальной зависимости по этимъ внѣшнимъ владѣніямъ [1]). Путешественнику Гюберу говорили, что въ Джофскомъ оазисѣ вода уменьшается; соразмѣрно тому убываетъ и число жителей. Изъ деревень этой части полуострова посылаютъ каждую ночь за двадцать верстъ искать воды, чистой или грязной, которая должна служить для дневнаго водоснабженія населенія.

Къ западу отъ цѣпи необширныхъ оазисовъ, которая тянется съ юго-востока на сѣверо-западъ, вдоль долины Уади-Сирганъ, другая линія становищъ и деревень слѣдуетъ въ томъ же направленіи на восточной сторонѣ краевыхъ горъ: она пересѣкается большой дорогой пилигримовъ изъ Дамаска въ Мекку. Тейма, древняя Тайма, окруженная фруктовыми деревьями, есть одна изъ важнѣйшихъ станцій на этомъ пути; она славится во всей Аравіи своимъ большимъ резервуаромъ (въ формѣ квадрата, сторона котораго равна 20 метрамъ), наполненнымъ слегка термальной водой, (и) черпаютъ 75 водоподъемныхъ гидравлическихъ машинъ, и который, однако, всегда держится на одномъ и томъ же уровнѣ. Въ окрестностяхъ Теймы г. Гюберъ открылъ, въ Тумѣ, надписи на нѣсколькихъ языкахъ на гробницахъ, и развалины зданій какого-то древняго города, построеннаго изъ базальта въ томъ же стилѣ, какъ города и области Джебель-Гауранъ. Далѣе на югѣ, путешественники Даути и Гюберъ посѣтили другой городъ троглодитовъ, Ал-Гиджръ, некрополи котораго, изваянные изъ камня, походятъ на некрополи Пѐтры. Одинъ сосѣдній оазисъ, Эль-Ала, и около западной оконечности массива Джебель-Аджа, старый городъ Хейбаръ, группирующій свои дома вокругъ форта, построеннаго на базальтовой скалѣ, славятся своими лѣсами финиковыхъ пальмъ; въ центральной Аравіи существуетъ пословица «носить финики въ Хейбаръ», равнозначитель-

[1]) Anne Blunt, „Voyage en Arabie“, trad. par. Doren

ная пословицѣ западныхъ народовъ «носить воду въ рѣку». Но Хейбарскіе финики вкусомъ и содержаніемъ сахара много уступаютъ джофскимъ. Хейбаръ и Эль-Ала нѣкогда были европейскими городами, да и теперешнее ихъ населеніе, кажется, іудейскаго происхожденія, но съ сильной примѣсью негритянскихъ элементовъ [1]). Благодаря защитѣ, представляемой сосѣдними холмами, послѣдній изъ этихъ городовъ не знаетъ зимы: тамъ никогда не бываетъ холодной температуры.

Гайль, резиденція эмира сѣвернаго Неджеда, лежитъ на высотѣ слишкомъ 1.000 метровъ, въ долинѣ, надъ которой съ сѣверной стороны господствуютъ «Яхонтовыя горы», Джебель-Аджа. Это городъ, окруженный каменными стѣнами и заключающій внутри обширный укрѣпленный дворецъ, который самъ составляетъ цѣлый городъ. Улицы его содержатся въ удивительной чистотѣ. Гайль — главное этапное мѣсто персидскихъ пилигримовъ, на половинѣ дороги между двумя святыми городами, Неджефомъ и Меккой: благодаря этому обстоятельству, онъ ведетъ довольно значительную торговлю; кромѣ того, въ немъ существуетъ кое-какая промышленность: жители его фабрикуютъ ткани, оружіе, драгоцѣнныя украшенія. Къ западу отъ Гайля, мѣстечко Агдахъ, лежащее въ небольшой гранитной долинѣ, куда можно проникнуть не иначе, какъ черезъ ущелье, запертое каменными стѣнами, считается у шаммаровъ неприступной крѣпостью, могущей дать безопасное убѣжище въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Пальмы въ этомъ городкѣ, растущія на грунтѣ изъ гранитнаго гравія, съ постоянно сырой подпочвой, никогда не орошаются [2]).

По словамъ Пальгрева, исчисленія котораго, впрочемъ, вѣроятно преувеличенныя, превышаютъ исчисленія всѣхъ другихъ путешественниковъ,—различныя провинція Неджеда, будто-бы, изъ всѣхъ частей Аравіи самыя богатыя большими городскими поселеніями. Кефаръ, въ горахъ верхняго Касима — многолюдное мѣстечко, бывшее, до Гайля, столицей эмирства; Рассъ, южнѣе, въ нижнемъ Касимѣ, Айгунъ и Берейдахъ—города; но послѣдній изъ нихъ, такъ сказать, подвижной городъ; угрожаемый песками, онъ долженъ отъ времени до времени перемѣщаться къ востоку, и нѣкоторыя пальмовыя рощи въ окрестностяхъ высоко поднимаютъ надъ дюной верхушки своихъ стволовъ, лишенныхъ листвы [3]). Онейзахъ, почти независимый—настоящій городъ, особенно въ сезонъ сбора финиковъ, когда всѣ лавки на базарѣ открыты и тысячи палатокъ раскинуты безконечными рядами вокругъ города. Вообще на всемъ Аравійскомъ полуостровѣ, по численности населенія Онейзахъ, будто-бы, уступаетъ только тремъ городамъ: Меккѣ, Адену, Маскату; на половинѣ дороги, между Краснымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, онъ является главнымъ центромъ встрѣчи для каравановъ, въ той большой долинѣ Уэдъ-эль-Эрмекъ, которая дѣлитъ Аравію на двѣ равныя половины; Шакра, столица области Вошемъ—тоже большой городъ, такъ же, какъ, въ провинціи Зедеиръ, торговые пункты Зальфахъ, Меджмагъ и главный областной городъ Товеимъ. На югѣ, страна Аридъ и весь Неджедъ имѣли, въ началѣ настоящаго столѣтія, большой городъ, превосходившій числомъ жителей всѣ другія городскія поселенія полуострова: это была Дерія или Деррейехъ, столица вагабитовъ, взятая въ 1817 году египетской арміей. Тамъ еще видны остатки стѣнъ и башенъ, покинутыя казармы и кое-гдѣ дома, почти сохранившіеся въ цѣлости; сѣть улицъ можно еще хорошо узнать, какъ на геометрическомъ планѣ. Во время проѣзда Пальгрева, неджедцы, слишкомъ гордые для того, чтобы обитать въ городѣ, разрушенномъ чужеземцемъ, не имѣли ни одного жилища въ городской оградѣ; но сады содержатся въ отличномъ состояніи, и кругъ развалинъ опоясанъ кольцомъ селеній; новая деревня, построенная внутри стѣнъ, мало-по-малу разростается; вѣроятно, рано или поздно городъ возродится.

Ріадъ или «Сады», нынѣшняя столица провинціи Аридъ, смѣнилъ Дерію, какъ резиденція государей южнаго Неджеда. Съ высоты холмовъ, опоясывающихъ долину, этотъ городъ представляетъ видъ, напоминающій видъ Дамаска; такъ же, какъ въ сирійскомъ городѣ, стѣны и башни Ріада выступаютъ среди зеленѣющаго рая садовъ и пальмовыхъ рощъ. Высокія горы Іеманахскія, сравниваемыя однимъ арабскимъ поэтомъ съ мечами, поднятыми къ небу, ограничиваютъ горизонтъ на югѣ; другія горы, менѣе высокія, скрываютъ со всѣхъ сторонъ видъ пустыни [1]). Ріадъ, который былъ укрѣпленъ послѣ взятія египетскими войсками Деріи, есть одна изъ наилучше защищенныхъ крѣпостей Аравіи; онъ окруженъ толстой стѣной съ высокими башнями по бокамъ; самый дворецъ представляетъ обширную цитадель и снаружи походитъ скорѣе на огромную тюрьму, чѣмъ на княжескую резиденцію. Главная мечеть Ріада, настолько обширная, что можетъ вмѣщать до четырехъ тысячъ человѣкъ, представляетъ простой нефъ, лишенный вагабитской суровостью всякихъ украшеній, не имѣющій даже ковровъ и увѣнчанный только платформой, откуда всѣ жители сосѣднихъ домовъ называются поименно, для того, чтобы испол-

[1]) Huber, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 1884.

[2]) Huber, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 1874.

[3]) Huber, цитированный мемуаръ.

[1]) Palgrave, „Central and Eastern Arabia".

неніе ихъ религіозныхъ обязанностей было должнымъ образомъ удостовѣрено: таково правило у послѣдователей ислама. Великолѣпнаго конскаго завода, который видѣлъ Пальгревъ въ южно-неджедской метрополіи, уже не существуетъ [1]).

Къ югу отъ Ріада и на разстояніи всего только нѣсколькихъ километровъ находится городъ Манфуга, также окруженный садами и пальмовыми лѣсами и почти столь же многолюдный, какъ и столица; но города другихъ провинцій далеко не такъ важны, какъ два сейчасъ названные. Гугахъ, главный городъ провинціи Гарикъ, нѣкогда былъ соперникомъ Ріада; но поясъ плодородной территоріи, занимаемой имъ между двумя пустынями, изъ которыхъ одна есть необозримая песчаная равнина южной Аравіи, слишкомъ незначителенъ, чтобы этотъ городъ могъ когда-либо сдѣлаться очень многолюднымъ центромъ населенія. Харфахъ, главный городъ области Афладжъ, къ юго-западу отъ Ріада, есть небольшое городское поселеніе, жители котораго на половину состоятъ изъ африканскихъ негровъ, носящихъ передникъ, вмѣсто арабской туники [2]). За Харфахомъ, по направленію къ Меккѣ, находится Уади-Довасиръ, длинная песчаная долина, заключающая лишь бѣдныя деревушки, а слѣдующія далѣе страна Кора и территоріи племенъ бени-гарбъ и бени-кахтанъ ожидаютъ еще изслѣдователей, которые обозначатъ положеніе тамошнихъ оазисовъ и опредѣлятъ число ихъ жителей. Говорятъ, что главный городъ этой области, Калатъ-эль-Биша, лежащій на восточной сторонѣ горныхъ цѣпей Ассира—значительное городское поселеніе. Городъ Солейель, на границахъ большой пустыни, далеко не такъ многолюденъ, какъ предъидущій.

[1]) Anne Blunt, „Voyage en Arabie", trad. par Derome.

[2]) G. Palgrave, цитированное сочиненіе.

За Гадрамаутомъ и Мадрахомъ простираются еще никѣмъ не пройденные пески Данаха. На берегу этого моря песковъ оканчивается страна, которая, вмѣстѣ съ областью побережья Краснаго моря, и составляетъ настоящую Аравію. Раздѣленная на множество отдѣльныхъ государствъ, затронутая завоеваніемъ на всемъ протяженіи ея окружности, эта страна не имѣетъ теперь единства, даже того единства, которое придавали ей, до появленія магометанства, національныя игры, состязанія въ стихотворствѣ, на которыя сходились представители всѣхъ племенъ [1]). Но нѣтъ страны, гдѣ бы нынѣшнее равновѣсіе было болѣе неустойчиво, какъ эта область Передней Азіи; развѣ только ненависть къ иноземному угнетателю, быть можетъ, примиритъ и соединитъ жителей полуострова, «арабовъ» или «объарабившихся». Однихъ преданій о прежней независимости еще недостаточно: нужно, кромѣ того, чтобы племена научились оказывать другъ другу помощь и поддержку.

VIII.

На Аравійскомъ полуостровѣ большинство политическихъ и административныхъ дѣленій имѣютъ лишь фиктивное значеніе: границы тамъ подвижны, какъ и племена, и какимъ образомъ провести раздѣльныя линіи черезъ обширныя пустынныя пространства, на которыя нѣсколько владѣтелей одновременно предъявляютъ притязанія, и которыми никто не владѣетъ въ дѣйствительности? Только въ самыхъ общихъ чертахъ можно перечислить государства и провинціи Аравіи завоеванной и Аравіи независимой, не пытаясь, впрочемъ, дать хотя бы приблизительныя числа, опредѣляющія пространство ихъ измѣнчивой территоріи.

[1]) Fulgence Fresnel;—Kremet;—Sprenger, etc.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И АДМИНИСТРАТИВНЫЯ ДѢЛЕНІЯ АРАВІИ.

Государства или области.	Племена или провинціи.	Вѣроятное населеніе.	Главные города съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ.
НЕЗАВИСИМАЯ АРАВІЯ.			
Эль-Гамадъ или Бадіехъ-эшъ-Шамъ Сирійская пустыня	Аназехъ	120.000	
	Роала	300.000	
	Шаммаръ	112.000	
	Другія группы	100.000	
Джебель-Шаммаръ.	Уэдъ-Джофъ	12.000	Джофъ, Мескакехъ.
	Хейбаръ	25.000	Хейбаръ, 2.500 ж. (Гуармани).
	Тейма	12.000	Тейма, 1.500 ж.
	Джебель-Шаммаръ	162.000	Гайль, 15.000 жит. (Гюберъ); Кефаръ 8.000 жит. (Гюберъ).
	Верхній Касимъ	35.000	

Государства или области.	Племена или провинціи.	Вѣроятное населеніе.	Главные города съ ихъ приблизительнымъ населеніемъ.
Неджедъ	Нижній Касимъ	30.000	Онейзахъ, 20.000 ж. (Гюберъ); Берейдахъ, 15.000 ж. (Гуармани); Рассъ, 3.000 жит. (Гюберъ); Генакіахъ.
	Вошемъ	30.000	Шакра, 15.000 ж. (Ш).
	Седеиръ	50.000	Товеимъ, 14.000 ж. (П.); Меджма, 12.000 ж. (П.); Зальфахъ.
	Аредъ	15.000	Ріадъ, 25.000 ж. (П.); Манфуга, 20.000 ж. (П.), 12.000 ж. (Садліеръ).
	Афладжъ	25.000	Харфахъ, 8.000 ж. (Пальгревъ).
	Гарикъ	20.000	Гутахъ.
	Уэдъ-Довасиръ	20.000	
	Кора	5.000	Калатъ-Биша; Солейель.
Ковентъ	Ковентъ	30.000	Конветъ, 20.000 жит.
Оманъ	Катаръ	100.000	Ведая; Вокра.
	Шарджахъ	80.000	Шарджахъ, Добей.
	Русъ-эль-Джебель-Калхатъ	25.000	
	Дагирахъ	30.000	Береймахъ.
	Батнахъ	65.000	Сохаръ; Шиназъ; Лова; Согамъ; Совейкъ, Барка; Мальва.
	Джебель-Ахдаръ	400.000	Незвахъ.
	Маскатъ	100.000	Маскатъ, 30.000 ж.; Маттрахъ, 10.000 ж
	Суръ	70.000	Суръ.
	Джайланъ	90.000	
	Южный берегъ	10.000	Мирбатъ.
Гадрамаутъ	Махра	40.000	
	Гадрамаутъ	300.000	Теримъ, 20.000 жит. (Вреде); Шибамъ; 20.000 жит. (Вреде); Гаура, 8.000 жит. (Вреде).
	Беледъ-Бени-Исса	150.000	Цаги; Кадунъ; Санфъ; Макалла, 7.000 ж. (Уэльстедъ).
	Беледъ-эль-Хаджаръ	100.000	Габбанъ, 3.000 ж. (Мильвъ).
	Беледъ-эль-Джофъ	60.000	Маримъ.
	Беледъ-Яфія	100.000	Іешбумъ, 10.000 ж. (Вр.); Низабъ, 2.000 ж. (Мальцанъ); Сугра.
	Неджранъ	50.000	Махлафъ.

ТУРЕЦКАЯ АРАВІЯ

Эль-Газа	250.000	Гофгофъ, 25.000 ж.; Мубаррезъ, 15.000 ж.; Эль-Катифъ, 6 000 ж.
Барейнъ	75.000	Менама, 40.000 ж.; Мобарекъ, 10.000 ж.
Іеменъ	380.000	Сана, 28 500 жит. (Манцони); Амранъ. 10.000 ж.; (Шапира); Мокка, 5.000 ж.; Менаша, 8.000 жит. (Галеви); Таизъ; Годейдахъ, 25.000 ж.; Логейя, 10.000 ж.; Абу-Аришъ.
Ассиръ	165 000	Эфа; Намюзъ; Мигайлъ; Конфудахъ; Литъ
Геджасъ	240.000	Мекка, 45.000 ж. (Коль); Джедда, 17.000 ж.; Таифъ, 8.000 ж. (Коль); Медина, 16.000 ж. (Бертонъ); Ямбо, 7.500 жит.

ЕГИПЕТСКАЯ АРАВІЯ.

Мадіанъ	20.000	Эль-Веджъ.

АНГЛІЙСКАЯ АРАВІЯ.

Аденъ		Аденъ, 35.200 жит.
Государства, получающія субсидію отъ Англіи	35.000	Лагеджъ, 5.000 жит.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Томъ восьмой.

Индія и Индо-Китай.

А.

Б.

В.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Б.

В.

Г.

*

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Ю.

Я.

Ѳ.

Stanford University Libraries
3 6105 001 715 262